

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ГОДЪ ШЕСТНАДЦАТЫЙ

ТОМЪ LXII

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ТОМЪ LXII

1895

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІА А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

1895

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЬ.

ГОДЪ ШЕСТНАДЦАТЫЙ

ОКТАБРЬ, 1895.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОКТАВРЬ, 1895 г.

	стр.
I. Въ поѣскахъ истины. Часть II-я. V—VIII. (Продолженіе). Н. И. Мердеръ	5
II. Воспоминанія А. В. Эвальда. V—VII. (Продолженіе)	43
III. Конецъ «Голубятни». I—III. М. Басанина	86
IV. Въ переходѣ вѣка. (Отрывки изъ старой записной книжки). I. Гардемарины. II. Б. Мартынова	126
V. Среди пилигримовъ. (Путевыя впечатлѣнія во время «Троицкаго похода»). X—XIV. (Окончаніе). М. В. Шевлякова	149
VI. Замѣчательныя русскія женщины. Анна Петровна Бунина. А. П. Чехова	164
VII. Бружокъ шестнадцати. Н. Викторова	174
VIII. Дѣтская книга—ея прошлое, настоящее и желательное. Н. Н. Познякова	183
IX. Русская церковь, построенная на англійскія деньги. А. Н. Бремлева	198
Иллюстрація: Церковь Воскресенія Христова въ Костромѣ.	
X. Русскій социалистъ XVII вѣка. С. А. Адрианова	204
Иллюстраціи: 1) Стенька Разинъ въ восточномъ костюмѣ. Съ лубочнаго портрета, изданнаго въ концѣ XVII вѣка въ Аугсбургѣ.—2) Стенька Разинъ въ восточномъ костюмѣ. Съ гравюры XVII вѣка.—3) Стенька Разинъ въ казацкомъ костюмѣ. Съ лубка, изданнаго въ Аугсбургѣ въ концѣ XVII вѣка.—4) Стенька Разинъ въ казацкомъ костюмѣ. Съ лубка, изданнаго въ Аугсбургѣ въ концѣ XVII вѣка.—5) Взятіе Астрахани Стенькой Разиннымъ. Съ рисунка, приложеннаго къ «Путешествію» Стрюйса 1676 года.—6) Стенька Разинъ бросаетъ въ Волгу персидскую князю. Съ рисунка, приложеннаго къ «Путешествію» Стрюйса 1676 года.—7) Плоть съ казенными разбойниками на Волгѣ. Съ англійской гравюры XVIII вѣка.	
XI. Шведская могила. И. Ф. Павловскаго	231
Иллюстраціи: 1) Памятникъ на Шведской могилѣ.—2) Храмъ на Шведской могилѣ.	
XII. Заброшенный край. Б. В. Глинскаго	239
XIII. Брѣтика и библиографія	
1) Я. Д. Лазаревъ. Причины бѣдствія ариянъ въ Турціи и отвѣтственность за разореніе Сасуана. Тифлисъ. 1895. П. Ш.—2) Князь А. В. Лобановъ-Ростовскій. Русская родословная книга. Изданіе 2-е. Спб. 1895. 2 тома. В.—3) Историческія свѣдѣнія о родѣ дворянъ Рахманиновыхъ съ приложеніемъ герба и родословныхъ таблицъ. Кіевъ. 1895. Б. В. Н.—4) Давидъ Рикардо. Начала политической экономіи. Переводъ Н. В. Фабриканта. Москва. 1895.—Т. Р. Мальтусъ. Опытъ закона о народонаселеніи. Переводъ И. А. Вернера. Москва. 1895.—Джонъ Стюартъ Милль. Основанія политической экономіи съ нѣкоторыми изъ ихъ приложений къ общественной философіи. Переводъ Александра Миклашевскаго. Москва. 1895. Б. Никольскаго.—5) Сочиненія А. Скабичевскаго. Критическіе этюды, публицистическіе очерки, литературныя характеристики. 2 тома. Изданіе второе. Спб. 1895. Б. Г.—снлаго.—6) Вологжанинъ. Литературно-научный сборникъ. Изд. П. Дилакторскаго. Вологда. 1895. А. Круглова.—7) Ю. Липпертъ. Исторія культуры Перевели съ нѣмецкаго А. Островскій и П. Струве. Спб. 1895. П. А.—8) Т. Циглеръ. Что такое нравственность? Переводъ со 2-го нѣмецкаго изданія А. Острогорскаго. Спб. 1895. Б. В. Н.	

См. слѣд. стран.

XIV. Заграничныя историческія новости и мелочи	СТР. 787
1) Научныя открытія настоящаго и будущаго.—2) Легенда о Маріи Магдалинѣ.—3) Новое о Шекспирѣ и Гёте.—4) Сестра Ренана.—5) Теоретическое и практическое изученіе исторіи въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ.—6) Невѣдомый Наполеонъ.—7) Екатерина II, какъ литераторъ и драматургъ.—8) Письма о крымской компаніи французскаго маршала и англійскаго офицера.—9) Иоаннъ Грозный и послѣдняя русско-турецкая война черезъ англійскія очки.—10) Седанскій юбилей.—11) Будущій австрійскій императоръ.	

XV Смѣсь	806
1) Первое сентября въ народной памяти. — 2) Пятисотлѣтіе перенесенія въ Москву чудотворной Владимірской иконы Божіей Матери.—3) Столѣтіе со дня кончины Н. И. Бецкаго.—4) Пятидесятилѣтіе со дня кончины графа Е. Ф. Канкринна.—5) Пятидесятилѣтіе со дня кончины Н. И. Хмельницкаго.—6) Семидесятипятилѣтіе лица въ Нѣжинѣ.—7) Двадцатипятилѣтіе существованія Демидовскаго юридическаго лица въ Ярославлѣ.—8) 25-тилѣтіе гимназій при Императорскомъ С.-Петербургскомъ историко-филологическомъ институтѣ.—9) Двадцатипятилѣтіе Императорской Николаевской гимназій.—10) Открытіе памятника императору Александру II въ Казани.—11) Открытіе памятника императору Александру III.—12) Некрологи: Ѡ. А. Гиляровъ; Н. А. Бѣлоголовый; С. Ѡ. Рыскинъ; А. Р. фонъ-Вокъ; Ѡ. П. Корниловъ.	

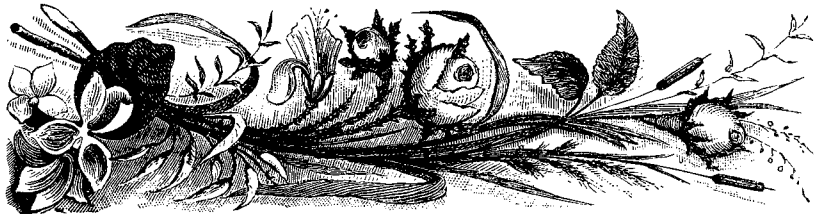
ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ А. П. Буниной.—2) Паденіе Царьграда (The Prince of India or why Constantinople fell). Историческій романъ Люиса Воллеса, автора «Во время оно». Переводъ съ англійскаго. Часть V. Гл. VIII—X. Часть VI. Гл. I. (Продолженіе).—3) Объявленіе книжныхъ магазиновъ «Новаго Времени» А. С. Суворина.

АННА ПЕТРОВНА БУНИНА

ДОВЗ. ЦЕНЗ. СВ., 25 СЕНТЯБРЯ 1895 Г.

ВЪ ПОИСКАХЪ ИСТИНЫ ¹⁾.

V.

ЕСНОЙ 1801 ГОДА, въ городъ Z. пріѣхалъ отставной гвардіи поручикъ Курлятевъ вводится въ наслѣдство, доставшееся ему послѣ матери, которая умерла съ годъ тому назадъ. У него былъ домъ и по близости имѣніе. Въ домѣ этомъ онъ родился и росъ до семи лѣтъ, и съ той поры, какъ увезли его въ Петербургъ, сюда не возвращался. Но здѣсь съ незапамятныхъ временъ жили и родители его, и дѣды, и прадѣды; здѣсь привыкли смотрѣть на Курлятевыхъ, какъ на своихъ, и тѣ двадцать лѣтъ, что въ жизни молодого человѣка составляли цѣлую эпоху, для здѣшнихъ старожилонъ казались такимъ короткимъ временемъ, что старый инвалидъ, обитавшій въ домикѣ при заставѣ, гдѣ долженъ былъ прописаться Курлятевъ, въѣзжая въ городъ, съ любопытствомъ вглядываясь въ лицо пріѣзжаго, нашелъ въ чертахъ его ожидаемое сходство съ отцомъ и дѣдомъ, и сталъ обращаться съ нимъ, какъ съ короткимъ знакомымъ.

— А гдѣ, ваша милость, изволите пристать?—спросилъ онъ у него, добродушно посмѣиваясь.— Въ Курлятевскомъ домѣ давно ужъ господа не жили. Печи-то, поди чай, всё развалились, а полы сгнили,—продолжалъ онъ, ободренный пріятливой улыбкой пріѣзжаго.

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», томъ LXI, стр. 545.

— А ты мой домъ знаешь?

— Вона! Не то, что домъ твой, его всякъ въ городѣ знаетъ, а я и родителя твоего, и дѣдушку знавалъ. Господа были добрые. Никогда, бывало, не проѣдутъ, чтобъ безногому солдатику гривны не пожаловать на табачекъ. Такихъ-то господъ, какъ Курлятьевскіе, ужъ таперича мало осталось, вотъ что я тебѣ скажу.

— И я тебѣ пожалую гривну, а ты за это укажи моимъ холопамъ, гдѣ тутъ у васъ можно проѣзжимъ людямъ пристать. Есть, что ли, у васъ постоянные дворы или гостинницы, какъ въ Москвѣ и въ Петербургѣ?—спросилъ Курлятьевъ.

— Гостинницъ у насъ нѣтъ. Завель было одну нѣмецъ, Шванецъ, да прогорѣлъ, а на постояломъ дворѣ вашей милости покойно будетъ. А вы вотъ что, прямо къ Стамиловскимъ, Евграфу Никитичу съ Варварой Петровной, ѡзжайте. Они вамъ нарочито будутъ рады, вѣдь все ихъ богатство отъ Туренинскихъ господъ пошло. ѡзжайте къ нимъ, безъ сумлѣнія, дорогими гостями васъ примутъ.

Но тутъ вошелъ въ сторожку камердинеръ съ прописанной по дорожной въ рукахъ и вмѣшался въ разговоръ барина съ безногимъ солдатомъ.

— Да вѣдь насъ, сударь, у Грибковыхъ ждутъ,—замѣтилъ онъ.

— Ты думаешь?

— Безпремѣнно ждутъ-съ, какъ же иначе? Самъ я имъ по вашему приказанію отписалъ, что ваша милость по веснѣ изволите сюда пріѣхать, какъ же имъ насъ не ждать? Прямо къ нимъ во дворъ и вѣдемъ. Подьячаго Грибкова домъ гдѣ тутъ у васъ находитесь?—обратился онъ къ инвалиду.

— Грибкова домъ? Это Карпа Михалыча?

— Да, его Карпомъ Михалычемъ звать.

— Такъ, такъ. На Гусевой старшей падчерицѣ женать, такъ, такъ... У Ильи Пророка у нихъ домъ...

На улицѣ, въ двухъ шагахъ отъ сторожки, раздался серебристый смѣхъ. Молодой баринъ обернулся и увидалъ молоденькую бабенку, повязанную алымъ платочкомъ, которую бубенцы и колокольцы подѣхавшаго къ заставѣ дорожнаго экипажа заставили спрыгнуть съ постели, накинуть на себя что первое попало подъ руку и выскочить на крылечко, чтобъ поглазѣть на проѣзжихъ. Все время, что баринъ разговаривалъ съ безногимъ солдатомъ у сторожки, она не спускала съ него глазъ, любясь его пригожимъ лицомъ, статностью и щегольской дорожной бекешей изъ зеленого сукна съ серебряными, круглыми пуговками.

— Не слушай его, бояринъ, это они прежде у Ильи Пророка жили, какъ еще сына не женили, а таперича домъ-то у Ильи Пророка молодымъ уступили, а сами во флигелекъ, къ пѣшему базару переѣхали,—выпала она скороговоркой, не спуская смѣю-

щихся глазъ съ молодого человѣка.—Всякъ тебѣ тамъ укажетъ, всѣ у насъ Грибковыхъ знаютъ, ѣзжайте себѣ безъ сумлѣнія.

Подаривъ и бабѣ гривну на пряники за указаніе, Курлятьевъ сѣлъ въ коляску, камердинеръ влѣзъ на широкія козлы рядомъ съ кучеромъ, поваръ взгромоздился въ кибиточку на запяткахъ, кучеръ закричалъ «пошелъ!», фореиторъ взмахнулъ поводьями, и лошади понеслись вскачь по пыльнымъ и пустымъ улицамъ, мимо домовъ съ запертými ставнями.

Однако городъ уже начиналъ просыпаться, кое-гдѣ со скрипомъ растворялись ворота, чтобъ пропустить корову, которая присоединялась къ стаду, выгоняемому на пастбище, и пока пріѣзжихъ задерживали у заставы, нѣсколько воевъ съ живностью и овощами успѣли проѣхать на базарную площадь.

Утро было прелестное.

Тамъ, откуда ѣхалъ Курлятьевъ, весна еще не наступала, шли дожди и дули холодные вѣтры, почки на деревьяхъ не распустились, люди еще кутались въ шубы, а въ домахъ топили печи,—здѣсь же небо было синее и прозрачное; по немъ скользили легкія облачка, окрашенныя пурпуромъ занимавшейся зари, въ деревьяхъ, покрытыхъ нѣжною зеленью и цвѣтами черешень, яблонь и акацій, весело чирикали птицы, свивая себѣ гнѣзда. Пахло душистой травой и цвѣтами, а лучи восходящаго солнца грѣли, какъ лѣтомъ.

Въ ту самую минуту, когда дорожный экипажъ пріѣзжихъ приближался къ соборной площади, съ колокольни раздался первый протяжный ударъ колокола, призывающаго къ ранней обѣднѣ. Все вдругъ оживилось. Заскрипѣли калитки и ворота, высыпали на улицу водовозы съ пустыми бочками, женщины съ кулками и корзинами; распахнулись и окна подъ нетерпѣливой рукой любопытныхъ, спѣшившихъ высунуться на улицу, чтобъ поглазѣть на дорожный экипажъ, мчавшійся мимо нихъ, и проводить его взглядомъ до слѣдующаго переулка, гдѣ ждали его та же встрѣча и проводы.

Наконецъ, показалась и базарная площадь. Тутъ ужъ жизнь кипѣла вовсю. У воевъ съ живностью и зеленью, передъ кудхтающими курами съ цыплятами въ рѣшетахъ, связанными парно индѣйками, гусями, утками и поросятами, толпились съ визгливыми возгласами, хохотомъ и бранью, запасливыя хозяйки. Возбужденный гулъ человѣческаго говора сливался съ визгомъ, хрюканьемъ, мычаніемъ и лаемъ животныхъ. Тутъ всѣ такъ были заняты дѣломъ, что даже на приближающійся экипажъ съ незнакомыми путешественниками обратили вниманіе тогда только, когда онъ, врѣзавшись въ толпу, остановился, и кучеръ сталъ спрашивать: гдѣ тутъ найти домъ приказнаго Грибкова?

Оказалось, что баба у ваставы сказала правду: всѣ здѣсь знали Грибковыхъ, и среди гула голосовъ, повторявшихъ имя, произне-

сенное кучеромъ, нѣсколько десятковъ рукъ вытянулось по направленію къ флигелю, сверкавшему чисто промытыми стеклами пяти оконъ, на площадь.

Самъ хозяинъ этого дома, приказный Грибковъ, вышедшій въ домашнемъ дезабилье на базаръ раньше всѣхъ, чтобъ изъ первыхъ рукъ перехватить себѣ запасъ провизіи на недѣлю, залпримѣтивъ еще издали дорожный дормезъ, съ выглядывавшимъ изъ-подъ поднятаго кузова молодымъ бариномъ, тотчасъ же догадался, кто этотъ баринъ, и, бросивъ бабѣ, у которой торговалъ индюшку, пригоршню мѣдныхъ денегъ, зажалъ подъ мышку трепещущую птицу и со всѣхъ ногъ пустился бѣжать закоулками домой, подобравъ одной рукой разлетающіяся полы халата, а другой поправляя на ходу ночной колпакъ, готовый слетѣть съ его лысой головы.

И такъ быстро успѣлъ онъ добѣжать, что когда дормезъ завернулъ въ ворота его дома, онъ уже стоялъ на крыльцѣ, одѣтый въ праздничный нарядъ, въ то время, какъ жена его накрывала столъ чистою скатертью и уставляла его съѣстнымъ, вынутымъ изъ кладовой и подвала.

— Это вашей милости правду сказали, что даже и одного дня въ вашемъ домѣ невозможно прожить, — замѣтилъ приказный, когда гость передалъ ему про свою бесѣду съ сторожемъ у заставы. — Сколько разъ отписывалъ я покойной Аннѣ Федоровнѣ про то, что домъ ихъ отъ запустѣнія совсѣмъ разваливается, и что поправка ему нужна, но матушка ваша, царство имъ небесное, только гнѣваться на меня за это изволили и тратиться на домъ отнюдь не желали.

Разговоръ этотъ происходилъ въ гостиной, чистенько обставленной тяжелой мебелью изъ краснаго дерева, прибрѣтенной, вѣроятно, изъ барскаго дома отъ котораго нибудь изъ многочисленныхъ кліентовъ Грибкова, а можетъ быть, и въ подарокъ полученной за какую нибудь важную услугу.

Приѣзжій успѣлъ ужъ привести себя въ порядокъ послѣ дороги, помыться, побриться, переодѣться и закусить. Теперь онъ сидѣлъ въ свѣжемъ, душистомъ бѣльѣ и щегольскомъ халатѣ, на почетномъ мѣстѣ, на длинномъ диванѣ съ прямой, деревянной спинкой, покрытомъ полотнянымъ чехломъ, и курилъ трубку съ длиннымъ бисернымъ чубукомъ. На овальномъ столѣ передъ нимъ наставлены были всевозможныя сласти на тарелочкахъ, и лежалъ кисеть съ табакомъ. Кисеть былъ вышитъ по розовому атласу синелью и шелками, тѣми же самыми хорошенькими ручками, которыя смастерили и бисерный чехолъ на трубку.

На кончикѣ кресла, направо него, въ почтительной позѣ, лѣпился хозяинъ дома, а поодаль, на стульцѣ, скромно приютилась хозяйка, худощавая женщина лѣтъ подъ сорокъ, съ острыми гла-

зами и длиннымъ носомъ, въ шали, накинутаю въ честь прїѣзжаго на платьѣ изъ синяго, домашняго холста, и въ ярко желтомъ шелковомъ платкѣ на головѣ.

Еще кушая чай съ домашнимъ печеньемъ, въ маленькомъ зальцѣ, служившемъ столовой, Курлятьевъ спросилъ: нельзя ли отпустить его скорѣе отсюда? Дольше недѣли ему не хотѣлось бы здѣсь оставаться. Передъ отъѣздомъ онъ долженъ еще заѣхать погостить къ знакомому своему, князю Дульскому, и тамъ его навѣрно задержать на нѣсколько дней.

Грибковъ отвѣчалъ на это уклончиво. Все отъ него зависящее онъ сдѣлаетъ, разумѣется. Боярамъ Курлятьевымъ не въ первый разъ испытывать его преданность. Съ младыхъ ногтей былъ онъ имъ вѣрный слуга, и если только дѣло не затормозятъ въ палатѣ да въ губернскомъ правленіи...

— Смажьте тамъ всѣ колеса, чтобъ катились безъ зацѣпки, денегъ я не пожалѣю,—прервалъ его молодой человекъ.

Хитрое лицо приказнаго прояснилось.

— Да ужъ безъ денежной молитвы нельзя-сь, на томъ стоять-сь. А все же, дерзну я вашей милости посовѣтовать, къ г-ну предсѣдателю казенной палаты не мѣшаетъ вашей милости самимъ съѣздить. Да и г-ну губернатору тоже слѣдуетъ вниманіе оказать, въ нихъ вѣдь вся сила-то. А къ князю Артемію Владиміровичу еще успѣете. Они васъ во всякомъ случаѣ раньше дня ихъ ангела не отпустятъ. У нихъ завсегда въ этотъ день весь уѣздъ пируетъ,—продолжалъ Грибковъ съ самодовольствомъ старожилы, желающаго поразить прїѣзжаго своими познаніями относительно житія-бытїа всѣхъ жителей края.

Курлятьевъ поморщился. Перспектива оставаться здѣсь долѣе мѣсяца была ему непрїятна, и, мысленно давъ себѣ слово употребить всѣ силы, чтобъ ускорить ходъ дѣла, онъ снова заговорилъ про старый домъ.

— Никто, значить, въ немъ не живетъ? А я надѣялся найти тамъ кого нибудь изъ стариковъ,—сказалъ онъ.

— Да кого же, помилуйте! Маменька ваша всѣхъ дворовыхъ изволила на оброкъ отпустить. Черезъ меня и приказаніе это имъ вышло. И всѣ почти по губерніи распозались. Притѣсненіе они здѣсь большое терпѣли послѣ того, какъ надъ ихъ старымъ бояриномъ бѣда стряслась. Самого-то Ивана Васильевича, какъ разсудка лишенаго, допрашивать не стали, такъ за холоповъ схватились,—за кого же больше? Самые ближніе къ боярину люди, извѣстное дѣло. Ну, и оробѣли, въ бѣга пустились. Однакожъ, въ скорости опомнившись, за умъ взялись и, обострожившись въ чужихъ мѣстахъ, стали въ акуратѣ оброкъ платить. Я и про это въ свое время боярынѣ, вашей маменькѣ, не преминулъ написать и такую революцію отъ нихъ получилъ: «блюсти главнѣйшимъ обра-

вомъ, чтобъ оброкъ исправно платили». Такъ я по ихъ приказу и поступалъ.

— А няня наша, Григорьевна,—спросилъ Курлятьевъ,—не наплась?

Вскорѣ послѣ катастрофы съ отцемъ, когда то и дѣло отсюда прѣвзжали къ нимъ въ Петербургъ гонцы съ страшными вѣстями, о которыхъ прислуга съ испугомъ перешептывалась между собою, а мать запрещала ему и спрашивать, онъ, тѣмъ не менѣе, узналъ, что со старой няней его что-то такое приключилось,—исчезла куда-то, и съ тѣхъ поръ о ней ни слуху ни духу.

Здѣсь тоже ничего про нее не знали.

— Умерла вѣрно съ холоду да съ голоду въ лѣсу, либо въ полѣ. Человѣкъ старый, много ли ему надо,—сказала Грибчиха.

А мужъ ея къ этому прибавилъ, что въ былое время бѣглые холопы находили себѣ пріютъ въ оврагѣ, что у острога. Тамъ они въ землянкахъ ютились съ нищими и тому подобнымъ сбродомъ. Принкулинской усадьбой это мѣсто звали. Но лѣтъ пять тому назадъ убѣжище это было вверхъ дномъ перевернуто солдатами, посланными на поимку разбойниковъ. Разбойниковъ тамъ солдаты не нашли, повылѣли всё оттуда заблаговременно, но гнѣва разорили и при этомъ, говорятъ, много разнаго добра тамъ нашли.

— Помѣщицы Хариной десять серебряныхъ ложекъ, что еще у матери ейной дѣвка украла,—напомнила Грибчиха,—да табакерка золотая, да кувшинъ серебряный... Тамъ и авва Симеоній, говорятъ, скрывался, какъ на раскольниковъ гоненіе поднялось...

Она оборвала свою рѣчь на полусловѣ, взглянувъ на мужа, который кивалъ ей на гостя.

Съ минуту времени тишина, воцарившаяся въ комнатѣ, ничѣмъ не нарушалась. Курлятьевъ понялъ, что Грибковъ заставилъ молчать свою жену, потому что она, забывшись, коснулась человѣка, имѣвшаго большое вліяніе на его отца и бывшаго, можетъ быть, причиной его гибели, и ему стало не по себѣ.

— При домѣ старикъ Андрейчъ съ внучкой живетъ,—возвысила вдругъ голосъ жена Грибкова.

Курлятьевъ улыбнулся. Онъ отлично помнилъ этого Андрейча. Ужъ и тогда старикъ лѣтъ семидесяти, онъ жилъ на покоѣ у сына, садовника, кажется.

— Ему теперь около ста лѣтъ, должно быть?

— Какъ же, какъ же! Сынъ его давно умеръ и дочку оставилъ, ту самую Варварку, что теперь съ старикомъ живетъ.

— Да и Варварка-то совсѣмъ ужъ старуха,—вставила Грибчиха.

— И въ параличѣ къ тому же,—подхватилъ ея мужъ.

— Они въ домѣ живутъ?—спросилъ Курлятьевъ.

— Нѣтъ, гдѣ тамъ въ домѣ! Въ банькѣ пріютились. Люди древніе, имъ нарочито тепло нужно, а въ домѣ-то, я вашей милости

докладывалъ, стекла повыбиты, печки потрескались, полы прогнили, а трубы-то, поди чай, и не прочистить отъ гнѣздъ, что въ нихъ воронами да галками свиты. Въ банькѣ имъ тепло и покойно. Живутъ себѣ да смерти ждутъ безъ заботъ. Добрые люди ихъ не оставляютъ.

— Тетенька ваша, боярыня Софья Ѳедоровна, имъ предлагали къ нимъ въ людскую перебраться, не захотѣли,—объявила Грибкова.

— А Бахтерины развѣ здѣсь живутъ?—спросилъ Курлятьевъ.

Прежде чѣмъ отвѣчать на этотъ вопросъ, супруги Грибковы опять переглянулись. Они ждали его съ большимъ нетерпѣнiемъ, если судить по тому, какъ засверкали ихъ глаза, и какъ они оба оживились, когда онъ, наконецъ, былъ произнесенъ.

— А то гдѣ же? Здѣсь. По лѣтамъ въ деревню уѣзжаютъ, но въ этомъ году запоздали что-то и, говорятъ, раньше какъ послѣ Троицы не тронутся. Подолгу онѣ тамъ, въ деревнѣ-то, живутъ, съ Пасхи до Рождества. Да вѣдь и то сказать, имѣнiе у нихъ рай земной, ужъ такъ устроено, поцарски, можно сказать,—началь распространяться старикъ, видимо напавъ на излюбленную тему.— Одинъ лѣсъ чего стоитъ! Дерево къ дереву, ровный, мачтовый лѣсъ. Про Бахтеринскiй лѣсъ, надо такъ полагать, что и въ столицѣ извѣстно. Да, такого имѣнiя по всей губернiи не найдите. Луга заливные, рѣка судоходная, пристань у самаго господскаго сада. Хлѣбъ и возить никуда не надо, съ гумна прямо на судно ссыпай. А постройки-то какiя! Изрядный хозяинъ былъ вашъ дяденька, покойный Иванъ Васильевичъ, на всю округу этимъ славился. Какъ скончался, не у кого стало молодымъ боярамъ учиться. Издалека, бывало, къ нему за совѣтомъ ѣздили, даже изъ-за Кiева. Прямо мастакъ былъ помѣстьемъ править и благородной души бояринъ, у кого угодно спросите, всякъ вамъ это скажетъ.

— Боярышня Магдалина Ивановна тоже хозяйка изрядная,—замѣтила Грибкова.

— Умственная дѣвица,—подхватилъ ея мужъ,—а все же дѣло ихъ женское, доколѣ по налаженной покойникомъ дорожкѣ идутъ, ну, и хорошо, а если, Боже храни, зацѣпка какая случится, бѣда тогда!

— Понятно, какое ужъ безъ мужчины въ домѣ хозяйство,—подтвердила его жена.

Отнесись Курлятьевъ хоть крошечку повнимательнѣе къ своимъ собесѣдникамъ, онъ понялъ бы затаенный смыслъ ихъ словъ, ужъ по одному любопытству, съ которымъ они слѣдили за выраженiемъ его лица, переглядываясь между собой и точно поощряя другъ друга къ дальнѣйшей болтовнѣ. Но онъ былъ слишкомъ поглощенъ возникшими въ его воображенiи представленiями, чтобъ обращать на это вниманiе. Цѣлый рой заглохшихъ воспоминанiй ожилъ въ его мозгу. Захотѣлось скорѣе взглянуть на ста-

рый домъ и собственными глазами убѣдиться, все ли тамъ такъ, какъ было, когда онъ оттуда выѣхалъ. Захотѣлось одному, безъ посторонней помощи, все припомнить и снова пережить давно забытое.

Онъ объявилъ, что ему хочется пройтись по городу, и чтобъ его не ждали къ обѣду, потому что онъ, можетъ быть, замѣшкается, а на предложеніе хозяина ему сопутствовать отвѣчалъ такимъ рѣшительнымъ отказомъ, что этотъ и не настаивалъ.

Очутившись одинъ на улицѣ, Курлятьевъ обрадовался, какъ школьникъ, вырвавшійся на свободу. Все его забавляло, и любопытство прохожихъ, и то, что въ первую минуту онъ не зналъ, куда ему повернуть—вправо или влево. Но вспомнивъ, что ихъ садъ спускался къ рѣкѣ, онъ сообразилъ, что надо перейти базарную площадь, найти берегъ и ужъ тамъ искать старое гнѣздо.

И онъ нашелъ его, а когда проникъ въ заросшія сорными травами дворъ и поднялся по каменной лѣстницѣ, съ распатавшимися ступенями, что вела отъ крыльца въ барскіе покои, воспоминая такой могучей и ласковой волной нахлынули ему на душу, что онъ со слезами умиленія на глазахъ останавливался то передъ потертымъ рабочимъ столикомъ, у котораго сживали его старшія сестры за рукодѣльемъ, то передъ ихъ простенькими, деревянными кроватками, забытыми на прежнемъ мѣстѣ, въ горницѣ съ низкимъ потолкомъ на антресоляхъ и съ оконцами, выходившими на пустырекъ, заросшія высокой травой и одуванчиками.

Долго простоялъ онъ, погруженный въ грезы о прошломъ, передъ клавирами на тоненькихъ ножкахъ, вызывая изъ далекаго прошлаго граціозный образъ двухъ стройныхъ дѣвушекъ въ бѣлыхъ, простенькихъ платьяхъ, съ милыми, кроткими личиками и грустными глазками, которыхъ онъ называлъ сестрицами.

Третья сестра являлась ему въ другомъ видѣ. Онъ иначе не могъ ее себѣ представить, какъ либо рѣзвящейся съ нимъ въ саду или въ большой залѣ съ хорами, либо обряжающейся къ вѣнцу, передъ трюмо въ спальнѣ матери, празднично разубранной для торжества.

Когда онъ увидѣлъ это трюмо съ зеркаломъ, затянутымъ, какъ флеромъ, пылью и паутиной, сцена эта, какъ живая, всплыла ему на память.

Съ меньшей сестрой онъ особенно былъ друженъ и, не взирая на разницу лѣтъ, не много отсталъ отъ нея въ умственномъ развитіи. Веселая хохотушка и шалунья, она любила съ нимъ рѣзвиться. Онъ очень о ней скучалъ и отъ всей души ненавидѣлъ злаго старика, похитившаго ее изъ роднаго гнѣзда. Даже и въ Петербургѣ, куда его повезли очень скоро послѣ ея отъѣзда, не могъ онъ вспоминать про нее безъ слезъ. Первое время имя ея

упоминалось въ домѣ очень часто. Мать съ особеннымъ удовольствіемъ разсказывала про богатство, знатность и красоту своей меньшей дочери, графини Поланецкой. Она увѣряла, что получаетъ отъ нея письма, и вначалѣ этому вѣрили, но мало-по-малу начали догадываться, что она лжетъ, и, понявъ по двусмысленнымъ улыбка-камъ, съ которыми ее слушали, что дальше продолжать мистификацію трудно, она перестала говорить про Клавдію.

Что же касается старшихъ сестеръ, братъ ихъ не сомнѣвался въ томъ, что обѣ онѣ умерли вскорѣ послѣ поступленія въ монастырь. Но когда мать его скончалась, и онъ поѣхалъ на родину, чтобъ принять доставшееся ему послѣ нея наслѣдство, онъ тамъ узналъ такія подробности объ исчезнувшихъ безслѣдно сестрахъ, что не могъ ими не заинтересоваться и сталъ розыскивать старожиловъ изъ дворовыхъ, которые могли бы навести его на ихъ слѣдъ. Прежде всего онъ, разумѣется, обратился къ дѣдкѣ Андреичу, котораго нашель съ внучкой, тоже ужъ старухой, въ хибаркѣ, приткнутой къ барскому дому. Онъ былъ очень дряхль и давно выжилъ изъ ума. Отъ неправдоподобныхъ ужасовъ, которые онъ, въ безсвязныхъ выраженіяхъ, наболталъ молодому барину, этотъ послѣдній весь остальной день опомниться не могъ, а ночью грезились ему разбойники, сумасшедшіе съ обритыми головами и въ цѣпяхъ, пытки, пожары, кровь и стоны. Если даже десятая часть изъ того, что говорилъ Андреичъ, правда, то было бы съ чего затосковать до болѣзни при мысли о томъ, какимъ неистовствамъ подвергались такіе близкіе ему люди, какъ родной отецъ и сестры. Курлятьевъ рѣшилъ, что старикъ бредитъ. Однако къ Грибкову за поясненіями онъ не обратился, а въ тотъ же день поѣхалъ въ Воскресенскій монастырь, чтобъ помолиться на могилѣ сестеръ. Тамъ настоятельница была новая, но старицы, помнившія боярышень Курлятьевыхъ, сознались ему, что дѣйствительно дѣвицы тѣ покинули тайкомъ обитель. Соблазнили ихъ нечистый черезъ черничекъ раскольничьяго скита, отреклись онѣ отъ истинной вѣры, и отшатнулся отъ нихъ Господь. Съ тѣхъ поръ о нихъ ни слуху, ни духу. Погибли вѣрно обѣ, во время гоненія, воздвигнутаго на раскольниковъ, вскорѣ послѣ ихъ исчезновенія изъ монастыря. Всѣ лѣса тогда въ окружности перешарили. Добрались и до того поселка, Чирками звать, что въ горахъ ютился, и гдѣ такъ богато вольные люди жили; весь онъ теперь дотла разрушенъ. Жгли тамъ и рѣзали христоклюбивые войны отступниковъ отъ истинной вѣры, безъ малаго съ недѣлю, пока ни души не осталось. Многихъ въ рѣкѣ потопили, многихъ, заковавъ въ кандалы, повезли въ городъ вмѣстѣ съ добромъ, найденнымъ въ сундукахъ и скрыняхъ, запряганныхъ въ подвалахъ и другихъ тайникахъ.

И оказалось тутъ несомнѣннымъ, что чирковцы не только укры-

вали разбойниковъ, ютившихся въ лѣсахъ, но также вмѣстѣ съ ними и на кровавый промыселъ хаживали.

Нѣкоторымъ изъ нихъ посчастливилось спастись, но эти ушли далеко отсюда, одни за Донъ, къ Каспійскому морю, а другіе черезъ границу, въ чужія земли перевалили.

Переночевавъ въ монастырѣ и оставивъ на поминавленіе успешныхъ родственниковъ крупную сумму, Курлятьевъ распростился съ гостепріимными монахинями и вернулся въ городъ, ничего въ достовѣрности про сестеръ не узнавъ.

Въ одномъ только нельзя было сомнѣваться,—это въ томъ, что ихъ ужъ давно нѣтъ въ живыхъ. Проявились бы какъ нибудь, дали бы о себѣ вѣсточку, еслибъ было иначе. Вѣдь двадцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ.

У Грибковыхъ знали, куда онъ ѣздилъ. На постояломъ дворѣ, гдѣ Ѳедоръ Николаевичъ нанялъ телѣжку съ ямщикомъ и парой лошадей, всѣмъ рассказывали, что молодой Курлятьевскій баринъ не успѣлъ пріѣхать въ родной городъ, какъ ужъ отправился на богомолье въ Воскресенскій монастырь. Карпъ Михайловичъ съ супругой ждали, что какъ пріѣдетъ назадъ ихъ гость, начнетъ ихъ спрашивать про родителя и про сестеръ. Много поразказали бы они ему. Но расчетъ ихъ оказался невѣренъ. Курлятьеву претило опускаться глубже въ кровавую грязь минувшаго. Оно перешло въ область преданія, и слава Богу! Ему здѣсь не жить, а если дѣтямъ его ввдумается поселиться въ родовомъ гнѣздѣ, они построятъ новый домъ, и самое воспоминаніе о безумномъ фанатикѣ дѣдѣ и о его несчастныхъ дочеряхъ, вмѣстѣ съ старыми стѣнами, сотрется съ лица земли.

Съ Грибковымъ, кромѣ какъ о вводѣ во владѣніе, да о томъ, какъ бы такъ сдѣлать, чтобъ это дѣло скорѣе кончить, онъ ни о чемъ не говорилъ, но къ дѣдкѣ Андреичу его потянуло тотчасъ по возвращеніи изъ монастыря.

Какъ ни жутко ему было совлекать съ прошлаго туманный покровъ, но рѣчь старика чарующимъ образомъ дѣйствовала ему на душу. Любо ему было слушать, какъ Андреичъ толкуеть о покойникахъ.

Серьезнымъ тономъ стараго дядьки спросилъ онъ у молодого боярина: оказалъ ли онъ почтеніе дяденькѣ Ивану Васильевичу, былъ ли у него съ визитомъ?

— Да вѣдь дяденька Иванъ Васильевичъ давно умеръ,—возразилъ съ улыбкой молодой человекъ.

Старикъ усмѣхнулся загадочной усмѣшкой и, понизивъ таинственно голосъ, объявилъ, что это неправда. Никто не умиралъ, всѣ живы, и сестры, боярышни Катерина Николаевна съ Марьей Николаевной. Да и старый бояринъ, Николай Семеновичъ, здравствуетъ. Не надо только этого никому говорить, потому что злыхъ

людей много, и опять, чего добраго, свяжутъ его да въ Кіевъ, въ сумасшедшій домъ отправятъ. А здѣсь, въ старомъ домѣ, выдать его некому.

— Видишь эти два окошечка надъ землей, что на пустырекѣ-то глядятъ, — продолжалъ онъ шепотомъ, указывая по направленію къ дому, темной, молчаливой массой возвышавшейся въ двухъ шагахъ отъ крылечка старой баньки, на которое Андреичъ вышелъ провожать своего посѣтителя, — частехонько старый бояринъ изъ этихъ окошекъ выглядываетъ. Мы съ Варваркой хоть и видимъ ихъ, да виду не подаемъ. Никто имъ тутъ теперь не мѣшаетъ Богу молиться да книжки божественныя читать, не то, что прежде, когда супруга ихъ тиранила.

Невольно устремилъ Ѳеодоръ Николаевичъ глаза на окна, выглядывающія надъ пустыремъ вровень съ изумрудной травой, усѣянной одуванчиками, и замѣтивъ, что въ нихъ уцѣлѣли стекла, весело [сверкавшія подъ лучами полдневнаго солнца, онъ захотѣлъ непременно осмотрѣть и эту часть дома. Лѣстница, что вела наверхъ, показалась ему такъ ветха, что онъ не рѣшился по ней подняться при своемъ первомъ посѣщеніи, но теперь онъ непременно и туда пойдетъ. Очень можетъ быть, что онъ найдетъ тамъ вещи, принадлежавшія его отцу. Никакой цѣнности для постороннихъ эти вещи не представляютъ, можетъ быть, ихъ не тронули. И вспомнилась ему вдругъ одна изъ послѣднихъ сценъ, разыгравшихся у нихъ въ домѣ, не задолго до отъѣзда изъ него, какъ папенька гнѣвно грозилъ кому-то, благословляя сестрицу Клавдиньку передъ вѣнцомъ.

Какъ всѣ перепугались тогда! Маменька поблѣднѣла, Клавдинька съ воплемъ, какъ снапъ, повалилась отцу въ ноги. Его нянька увела поспѣшно изъ залы и посадила въ карету, куда вскорѣ и невѣста съ матерью сѣли. Послѣ этого онъ отца почти вовсе не видѣлъ.

— А сестрица Клавдинька тоже, потвоему, жива?—спросилъ онъ у старика съ улыбкой.

Старикъ къ нему пригнулся и, лукаво подмигивая, прошепталъ ему на ухо:

— Ты только никому не выдавай меня, бояринъ, я ужъ такъ и быть тебѣ скажу: позапрошлой зимой, въ самый Николинъ день, въ день ангела папеньки, сестрица твоя Марья Николаевна здѣсь была. По хоромамъ я ее водилъ, про тебя спрашивала и про обѣихъ сестрицъ сказывала, что живы. Червонецъ намъ съ Варваркой изволила пожаловать.

Разумѣется, слова эти были не что иное, какъ бредъ выжившаго изъ ума старца, но онъ произносилъ ихъ такимъ убѣжденнымъ тономъ, что слушателю его стало жутко и захотѣлось уйти подальше изъ смраднаго угла, гдѣ смѣшивали мертвецовъ съ живыми.

Но не успѣлъ онъ подняться съ мѣста, какъ изъ-за перегородки выползла Варварка и стала жаловаться на нужду и болѣзни.

— Чтой-то Господь насъ не прибереть! Давно бы съ голоду да съ холоду покоѣбли, кабы не Бахтеринская барышня, Магдалина Ивановна. Дай ей Богъ здоровья и всякаго благополучія, жениха хорошаго, дѣтокъ добрыхъ...

Второй разъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ былъ здѣсь, слышалъ Курлятьевъ имя Магдалиночки, и оба раза странное впечатлѣніе производило на него это имя. Не хотѣлось какъ-то вѣрить, что дѣвушка эта дѣйствительно существуетъ, а не есть плодъ одной только фантазіи, какъ героини вымышленныхъ романовъ.

Было время въ ранней его юности, когда онъ страстно ею интересовался, этой пріемной дочерью дяденьки и тетеньки Бахтеринныхъ. Слышалъ онъ про нее и отъ матери, которая иначе, какъ со злобой, про нее не упоминала, а также и отъ прислуги. Когда онъ былъ маленькій, для него не было больше удовольствія, какъ слушать разсказъ про то, какъ дяденька Иванъ Васильевичъ напелъ въ лѣсу маленькую дѣвочку и взялъ ее себѣ въ дочки. А въ юношескихъ годахъ исторія эта стала занимать его еще больше. Въ его пылкомъ воображеніи, развитомъ на романахъ Радклифа, Скюдери и тому подобныхъ авторовъ, которыми тогда было въ модѣ зачитываться, таинственная Магдалиночка занимала первое мѣсто рядомъ съ самыми интересными героинями. Онъ гордился тѣмъ, что особа эта принадлежитъ къ ихъ семьѣ. Всѣ его товарищи, сначала по пансіону, а потомъ по полку, знали эту исторію наизусть, такъ часто и такъ охотно разсказывалъ онъ ее. Но потомъ, по мѣрѣ того, какъ онъ погружался въ настоящую жизнь, фантастическія героини начали мало-по-малу утрачивать въ его глазахъ свою прелесть, и онъ сталъ предпочитать имъ красавицъ, доставлявшихъ ему утѣхи болѣе реальнаго свойства. Взглядъ его и на Магдалиночку измѣнился. Воспитанная въ глухомъ русскомъ городѣ, среди русскихъ, въ ней, вѣроятно, отъ иностраннаго происхожденія не осталось и слѣда. Связей съ родиной у нея никакихъ не сохранилось, это уже по тому видно, что втеченіе двадцати лѣтъ никто объ ней не вспомнилъ въ той странѣ, изъ которой пріѣхали въ Россію ея родители. Очень можетъ быть, что тамъ даже обрадовались исчезновенію владѣтелей богатаго имѣнія. Наслѣдники воспользовались своими правами на него. Люди-то вездѣ, должно быть, одинаковыхъ свойствъ.

Съ особеннымъ удовольствіемъ останавливался онъ на этомъ предположеніи.

Давно понялъ онъ причину ненависти матери къ Магдалиночкѣ. У Бахтеринныхъ своихъ дѣтей не было, и все ихъ состояніе должно было бы достаться племяннику, т. е. ему, если-бъ они не взяли въ дочери найденыша. Молодому человѣку и досадно, и прискорбно

было видѣть, что алчность доводитъ его мать до гнуснаго пристрастія, и онъ невольно искалъ ей оправданіе.

Вообще, по мѣрѣ того, какъ онъ росъ и входилъ въ разумъ, отношенія между нимъ и матерью со дня на день становились натянутѣе. Онъ подозрѣвалъ въ прошломъ ихъ семьи тайны, углублялся въ которыя ему было и жутко и горько. Невольно припоминались подробности изъ далекаго дѣтства, отъ которыхъ вѣяло преступленіемъ, кровью, коварствомъ, насиліемъ. Объ отцѣ онъ старался не думать и успокоиться на мысли, что онъ подъ конецъ совсѣмъ спятилъ съ ума, и что иначе, какъ запереть его въ домъ для умалишенныхъ, съ нимъ нельзя было поступить.

Впрочемъ, про отца ему въ Петербургѣ никто не напоминалъ, Николая Семеновича тамъ не знали; это не то, что дядю Бахтерина, у котораго остались въ столицѣ друзья, помнившіе его до сихъ поръ, и когда къ Курлятьеву обращались съ разспросами про него, осыпая похвалами его умъ и ученость, благородство мыслей и добродѣтель, молодому человѣку становилось досадно на мать за то, что, благодаря какой-то глупой ссорѣ съ сестрой, она лишила его нравственной поддержки такой свѣтлой личности.

Какъ пригодились бы ему его совѣты при выборѣ карьеры! Да и вообще, не разъ доводилось ему чувствовать себя одинокимъ и беспомощнымъ въ обществѣ и сознавать, что если и принимаютъ его всюду любезно и ищутъ съ нимъ знакомства, то потому только, что онъ богатъ, молодъ и красивъ. Не было ни одного дома во всей столицѣ, гдѣ смотрѣли бы на него, какъ на своего человѣка, всюду былъ онъ только гостемъ. Тѣмъ не менѣе онъ понималъ, что мать его хорошо сдѣлала, переѣхавъ сюда на житье; въ провинціи, послѣ катастрофы съ сестрами и съ отцемъ, неудобно было бы оставаться. Впрочемъ, съ такимъ веселымъ нравомъ, какимъ одарила природа сына Николая Семеновича Курлятьева, долго хандрить и предаваться печальнымъ размышленіямъ было бы трудно, и одиночество среди шумнаго и разбѣянаго общества не мѣшало ему наслаждаться удовольствіями жизни.

Года три тому назадъ узналъ онъ случайно про смерть дяди Бахтерина, но куда дѣлась его семья, онъ и не пытался разузнавать.

Независть его матери къ сестрѣ и ея пріемной дочери, съ лѣтами до того усилилась, что превратилась въ манию: она слышать не могла про нихъ равнодушно, и еслибъ даже онѣ жили на одной съ ними улицѣ, то и тогда ему нельзя было бы возобновить съ ними знакомство.

Теперь мать его умерла, но захочетъ ли тетка отнестись родственному къ сыну сестры, которая отравляла ей жизнь завистью и клеветами?

VI.

Погода стояла чудесная, когда онъ вышелъ на улицу изъ тѣснаго убѣжища старика Андреича, но на душѣ у него было смутно. Не то жалость, не то досада за нелѣпое зло, творившееся въ родномъ гнѣздѣ, когда онъ былъ еще такъ юнъ, что ничего не понималъ и ничему не могъ помѣшать, тѣснили ему, какъ клещами, грудь. Глаза застигались туманомъ, сквозь который представленія изъ давно минувшаго пробивались беспорядочнымъ хаосомъ и въ такомъ множествѣ, что настоящее заволакивалось ими все больше и больше, пока, наконецъ, совсѣмъ не исчезло.

Онъ шелъ какъ во снѣ, на каждомъ шагу открывая старыхъ знакомыхъ между домами и людьми, тамъ, гдѣ ужъ давнымъ давно ни людей этихъ, ни домовъ не было. Андреичъ правъ, никто не умиралъ, и ничто не измѣнилось. Вонъ будочникъ на углу, тотъ самый, которымъ страдала его няня, когда онъ, вопреки ея увѣщаніямъ, норовилъ во время прогулки залѣзть въ лужу или въ сугробъ. И толстая баба съ кренделями на церковной паперти та самая, у которой ему покупали крендели. А вотъ и домъ губернатора, куда его иногда возили играть съ маленькимъ сыномъ начальника края, разодрѣвши попраздничному, въ новый шелковый кафтанчикъ съ галунами, и густо намасливъ волосы душистой московской помадой. Какъ славно играла тамъ музыка на хорахъ большой, свѣтлой залы! Дальше домъ старой боярыни, — имя ея онъ забылъ, но за то, какъ хорошо помнилъ онъ ея обезьяну! А въ той улицѣ должна быть гауптвахта, гдѣ каждый вечеръ, въ девять часовъ, бьютъ солдаты зорю въ барабанъ и читаютъ вслухъ молитву.

Онъ повернулъ въ эту улицу и увидалъ гауптвахту. Она стояла на томъ же мѣстѣ и ни крошечки не измѣнилась.

И садъ передъ нею, съ липовыми аллеями, былъ тотъ же.

Сколько разъ игрывалъ онъ подъ этими липами!

Ноги сами, безъ всякаго участія воли, понесли его въ этотъ садъ, къ деревьямъ, покрытымъ нѣжными, липкими листочками, съ гроздьями блѣдно-желтоватыхъ завязей цвѣтковъ. Какъ здѣсь хорошо!

Останавливаясь на каждомъ шагу, чтобъ вдохнуть душистый, весенній воздухъ, онъ медленными шагами перерѣзалъ наискось, изъ конца въ конецъ садъ, прошелъ еще улицу и очутился передъ каменной оградой, съ высокими чугунными воротами, за которыми виднѣлся бѣлый домъ съ колоннами.

Онъ тотчасъ же узналъ этотъ домъ. Когда, гуляя пѣшкомъ или катаясь въ санкахъ съ няней, они проѣзжали мимо него, она никогда не забывала сказать: «а вотъ и тетеньки Софьи Ѳеодоровны домъ». И всегда, бывало, глубоко вздохнетъ при этомъ и прошепчетъ: «Господи, милостивъ буди къ намъ грѣшнымъ!»

Теперь онъ понималъ значеніе этого вздоха и возгласа.

Что сказала бы ему старая няня, еслибъ онъ еще засталъ ее въ живыхъ?

То же самое, что и старикъ Андрейчъ, безъ сомнѣнія. Она спросила бы у него: оказалъ ли онъ почтеніе единственной, оставшейся у него въ живыхъ роднѣ, тетенькѣ Софьѣ Ѳедоровнѣ?

Всѣ старики на одинъ покрой. Потому ли, что, будучи ближе къ разгадкѣ вѣчной тайны, они прозрѣваютъ то, чего молодые сознать еще не могутъ, но то, что послѣднимъ кажется важнымъ и необходимымъ, они считаютъ ненужными пустяками, а на что внуки ихъ не обращаютъ вниманія, они съ благоговѣніемъ молятся, какъ святынь.

Размышляя такимъ образомъ, онъ съ любопытствомъ всматривался въ залитый солнцемъ фасадъ дома съ кое-гдѣ растворенными окнами.

Въ окна эти видѣлись люстры, какъ въ саваны, закутанныя бѣлой кисеей, спинки высокихъ, рѣзныхъ стульевъ, да кое-гдѣ сверкали широкія рамы съ темными картинами. И чѣмъ-то удивительно близкимъ и знакомымъ вѣяло на Курлятьева отъ всѣхъ этихъ предметовъ. Воспоминанія ранняго дѣтства, пробуждаясь одно за другимъ въ его мозгу, безконечной панорамой проходили передъ его духовными очами, одно другого неожиданнѣе и любопытнѣе.

Къ воспоминаніямъ изъ дальнихъ лѣтъ примѣшивались впечатлѣнія послѣднихъ дней. Какъ настойчиво описывалъ ему старый приказный достоинства пріемной дочери покойнаго дѣда! Точно ему заплатили за то, чтобъ онъ перевозносилъ ея умъ, красоту, благородіе, дѣловитость. Если даже половина этихъ похвалъ справедлива, то дѣвушка эта феноменъ своего рода. Интересно съ нею познакомиться... И почему же не сдѣлать этого сегодня, сейчасъ? Вѣдь все равно, неловко же выѣхать изъ города, не побывавши у тетки... Еще подумаютъ, пожалуй, что онъ ненавидитъ ее за то, что ему нельзя ждать отъ нея наслѣдства...

Онъ вспыхнулъ отъ этой мысли. Неудержимо захотѣлось доказать, что онъ никогда не раздѣлялъ чувствъ матери къ родственникамъ, и онъ безъ малѣйшаго колебанія растворилъ калитку у воротъ, перешагнувъ черезъ порогъ и очутился на обширномъ дворѣ, обсаженномъ деревьями, съ клумбой цвѣтовъ посреди, противъ высокаго крыльца съ крутыми, каменными ступенями.

Онъ здѣсь бывалъ; ему здѣсь все знакомо. Вотъ и чугунные львы, по обѣимъ сторонамъ крыльца, приводившіе его въ восхищеніе двадцать лѣтъ тому назадъ, да и не его одного. Украшеніе это, давно извѣстное въ обѣихъ столицахъ, считалось здѣсь еще тогда диковинкой, и когда Бахтеринъ выписалъ этихъ львовъ и поставилъ ихъ у своего новаго дома, весь городъ про это говорилъ; пріѣзжали изъ уѣзда любоваться ими.

На крыльцѣ стояла стройная, женская фигура, въ бѣломъ платьѣ и черномъ кружевномъ шарфѣ, небрежно накинутомъ на густыя, черныя кудри. Въ одной рукѣ она держала книгу въ кожаномъ переплетѣ, другую подняла къ глазамъ, чтобъ оградить ихъ отъ солнечныхъ лучей, заливавшихъ весь дворъ, крыльцо и ее самое, а также молодаго незнакомца, такъ дерзко проникнувшаго въ это мирное обиталище. Въ удивленіи она остановилась на верхней ступенькѣ, чтобъ разглядѣть непрошеннаго посѣтителя, при чемъ сдвинула брови.

Курлятьевъ, со свойственною ему свѣтскою развязностью, снялъ шляпу, быстрыми шагами перешелъ пространство, отдѣлявшее его отъ крыльца, и съ низкимъ поклономъ представился кузинѣ Магдалинѣ Ивановнѣ Бахтериной.

Она съ улыбкой протянула ему руку, которую онъ поднесъ къ губамъ, слегка смущенный и взволнованный пытливымъ взглядомъ ея глубокихъ, черныхъ глазъ.

Вотъ она какая, эта дѣвушка, увлекавшая его воображеніе съ юныхъ лѣтъ, наравнѣ съ интереснѣйшими героинями перечитанныхъ имъ романовъ.

Ее можно было сдѣлать русской и умомъ и сердцемъ, но весь складъ ея стройной фигуры, продолговатое лицо съ тонкой, смугловатой кожей, прямой носъ съ подвижными ноздрями и огненные, южные глаза—этого ужъ передѣлать нельзя было, и все это осталось такимъ, какимъ было создано природой и унаслѣдовано отъ предковъ.

И въ движеніяхъ ея, въ привычкѣ шурить глаза, надменно выпячивать нижнюю губку и передергивать лѣвымъ плечомъ въ минуты сильнаго волненія, проглядывало ея иновозное происхожденіе. А когда она заговорила, Курлятьева поразилъ ея выговоръ, безъ акцента, разумѣется, не даромъ первыя слова, произнесенныя ею, были русскія, но со свойственнымъ всѣмъ парижанамъ произношеніемъ буквы *p*.

Они встрѣтились, какъ старые знакомые. Какъ онъ ее узналъ, раньше никогда ея не видавъ, такъ и она его.

— Мы васъ давно ждали, *mon cousin*, — говорила она, проходя черезъ длинную прихожую въ большую, свѣтлую залу, съ апельсиновыми и лимонными кадками и птицами въ клѣткахъ у оконъ. — Съ тѣхъ поръ какъ вы здѣсь, дня не проходитъ, чтобъ татап у меня не спросила: «отчего это Одея къ намъ не ѣдетъ?»...

— А вы что на это отвѣчали, кузина?—полюбопытствовалъ онъ, любясь ея граціозной головкой, казавшейся еще миниатюрнѣе отъ длинныхъ, вьющихся волосъ, беспорядочно закинутыхъ назадъ и спускавшихся ниже пояса, ея гибкимъ станомъ и легкой походкой.

Она остановилась и, повернувъ къ нему блѣдное лицо, проговорила, смѣло глядя ему въ глаза:

— Я была увѣрена, что вы не уѣдете отсюда, не побывавъ у насъ.

— Почему? — продолжалъ онъ допрашивать, глядя на нее съ улыбкой.

— У васъ нѣтъ родственниковъ ближе насъ, — спокойно проговорила она.

— Правда, кухня, — съ чувствомъ произнесъ онъ.

Она опять протянула ему руку, а когда онъ поднесъ ее къ губамъ, пригнулась къ нему и поцѣловала его въ високъ.

И никогда еще ни одинъ женскій поцѣлуй не доставилъ ему столько удовольствія, сколько этотъ.

Съ перваго же взгляда дѣвушка эта пришлась ему по душѣ, и чѣмъ больше онъ на нее смотрѣлъ, тѣмъ больше все въ ней ему нравилось: и красота ея, и изящность, и умная, живая рѣчь.

Все ее интересовало, ко всему относилась она съ восторженною любознательностью. Съ перваго же часа ихъ знакомства Курлятьевъ могъ убѣдиться, какъ она хорошо воспитана, какъ много читала и какъ страстно стремится къ пріобрѣтенію новыхъ познаній по всѣмъ отраслямъ науки и искусства. Безпрестанно приводила она его въ смущеніе вопросами, на которые онъ затруднялся отвѣчать, и, чтобъ отвлечь ее отъ философіи, политики и литературы, онъ началъ распространяться про то, въ чемъ былъ болѣе свѣдуецъ, чѣмъ она, а именно про послѣднія столичныя новости. Онъ разсказалъ, таинственно понижая голосъ, про странности покойнаго императора, про неровность его характера и про возмущавшее въ то время столичное общество недовѣріе его къ супругѣ и къ старшимъ сыновьямъ; про ангельскую кротость его преемника, съ которой онъ при жизни отца раздѣлялъ печальную участь многочисленныхъ жертвъ строгаго царскаго нрава и переносилъ направленные на него самого нападки. Столичнаго гостя слушали съ величайшимъ интересомъ. Софья Федоровна Бахтерина, добродушная и ласковая боярыня, до сихъ поръ еще красивая, не смотря на то, что ей уже перешло за пятьдесятъ, напоминала сестру только высокімъ ростомъ, статностью сложенія да плавностью походки, во всемъ остальномъ она представляла съ нею полнѣйшій контрастъ. На сколько покойная мать Федора Курлятьева была надменна, чванна, зла и скупа, на столько сестра ея была добра, отзывчива на чужое горе, щедра и скромна. Милая душа ея сквозила и въ улыбкѣ ея, и въ глазахъ, и въ каждомъ словѣ. Не было человѣка между ея знакомыми, который не любилъ бы ея. Ни въ чемъ не могла она никому отказать; зло приводило ее въ смущеніе; негодовать она не умѣла и все извиняла, не будучи въ состояніи понять существованіе злой воли. Близко знавшіе ее люди увѣряли, что весь свой вѣкъ она умѣла только слѣпо любить и покоряться, сначала родителямъ, потомъ мужу, а теперь пріемной дочери.

При разскажѣ племянника у Софьи Ѳедоровны нѣсколько разъ слезы жалости навертывались на глазахъ, и тяжелые вздохи вырывались изъ груди; дочь же ея упорно молчала, сдвинувъ брови и устремивъ пристальный взглядъ въ пространство, съ такимъ сосредоточеннымъ вниманіемъ, точно она тамъ видитъ воочию совершающимся то, что описывалъ ихъ гость.

И вдругъ, очнувшись отъ грёзъ, она проговорила вполголоса и какъ бы про себя:

— Однако, покойный царь, по собственному побужденію, освободилъ Николая Ивановича Новикова изъ заточенія.

Замѣчаніе, сорвавшееся помимо воли съ ея губъ, заставило ее вспыхнуть отъ смущенія, а Курлятьевъ, прервавъ рѣчь, съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на нее.

— Покойный Иванъ Васильевичъ очень любилъ и уважалъ Николая Ивановича,—поспѣшила пояснить Софья Ѳедоровна.

— Это тотъ Новиковъ, который колдовствомъ занимался?—спросилъ съ иронической усмѣшкой Курлятьевъ.

У Магдалины гнѣвомъ загорѣлись глаза.

— Никогда онъ колдовствомъ не занимался! Стыдно вамъ повторять клеветы гонителей добродѣтели!

— Магдалиночка!—укоризненно покачивая головой, пыталась остановить ее мать. Но это было невозможно, волненіе душило ее, ей надо было высказаться во что бы то ни стало, и рѣчь ея полилась потокомъ.

— Могу ли я молчать, когда при мнѣ клеветуютъ на человѣка, котораго я привыкла любить и уважать съ тѣхъ поръ, какъ себя помню, лучшаго друга моего отца и благодѣтеля! Да это была бы низость съ моей стороны! Хуже того—предательство! Это все равно, что бѣжать прочь, заткнувъ себѣ уши, когда несчастный, терзаемый злодѣями, взываетъ о помощи! На это я неспособна. Да и вы тоже, маменька, зачѣмъ же вы меня удерживаете? Дайте же мнѣ высказать этому молодому человѣку все, что у меня на душѣ! Мы, по всей вѣроятности, встрѣчаемся съ нимъ въ первый и въ послѣдній разъ въ жизни, наши пути различны, дайте же мнѣ попытаться открыть ему глаза на мрачную пропасть, къ которой онъ идетъ быстрыми шагами, дайте мнѣ попытаться его спасти, пока не поздно! Пусть онъ оглянется назадъ, пусть поищетъ путь, отъ котораго отворачивался до сихъ поръ...

«Кого она мнѣ напоминаетъ, кого?»—съ тоскливой досадою спрашивалъ себя Курлятьевъ.

Онъ задалъ себѣ вопросъ этотъ при первомъ взглядѣ на нее. Ужъ съ этой минуты образъ, неизгладимо запечатлѣвшійся въ его душѣ, воскресъ передъ нимъ, и онъ ужъ не могъ не напрягать памяти въ мучительномъ усилии уловить видѣніе, дразнившее его смутнымъ, неуловимымъ сходствомъ съ Магдалиной.

А эта послѣдняя, между тѣмъ, съ возрастающею восторженностью, преслѣдуя свою мысль, продолжала:

— Какъ дѣти въ причтѣ Христовой, которыя сидятъ на улицѣ, кличуть другъ друга и говорятъ: «мы пѣли вамъ плачевныя пѣсни, и вы не плакали»...

Туманъ, окутывавшій призракъ, упорно носившійся въ воображеніи Курлятьева, разсѣялся. Чтобъ овладѣть имъ, онъ напрягъ всѣ силы памяти и закрылъ глаза, но набѣжала новая туча и скрыла его еще глубже въ безднѣ забвенія. На мгновеніе мысли его спутались, а когда онъ очнулся, голосъ Магдалины доносился точно издалека, точно не она говоритъ, а улетавшій все дальше и дальше призракъ.

— Устами челоуѣка, котораго вы обзываете именовъ колдуна, говорить самъ Богъ, а вы издѣваетесь надъ нимъ. Вы глухи и слѣпы. Неужели вамъ не хочется прозрѣть? Узрѣть истину...

Онъ прозрѣлъ. Это слово «истина» разорвало завѣсу, застилавшую его духовныя очи, и образъ загадочной женщины, съ которой судьба свела его четыре мѣсяца тому назадъ, въ домикѣ, занесенномъ снѣгомъ, въ глухомъ московскомъ предмѣстьѣ, властно стала передъ Магдалиной и такъ тѣсно слился съ нею, что онъ ужъ не въ силахъ былъ отдѣлать ихъ одну отъ другой.

— О, какое блаженство приблизиться къ истинѣ! какимъ чуднымъ пламенемъ согрѣваетъ она душу,—говорила «просвѣтленная» устами той, которую онъ называлъ кузиной.—Какъ ничтожны и мерзки кажутся всѣ мірскія утѣхи не только въ сравненіи съ этимъ блаженствомъ, но даже и съ предвкушеніемъ его!

Лицо ея пылало, въ глазахъ сверкали слезы умиленія и восторга, голосъ звенѣлъ отъ душевнаго волненія, а Курлятьевъ чувствовалъ то, что ощущалъ въ присутствіи «просвѣтленной», безконечное блаженство и стремленіе ближе и глубже проникнуть въ мерцающую передъ нимъ, сквозь густой туманъ, область свѣта.

Но очарованіе разсѣялось, какъ дымъ, отъ вмѣшательства Софьи Федоровны.

— Магдалиночка!—умоляюще вымолвила она, опуская руку на плечо дочери и тревожно заглядывая ей въ лицо.—Успокойся, дитя мое, тебѣ вредно такъ волноваться, успокойся, ради Бога!

— Я не могу, маменька, не могу молчать!—вскричала съ тоскою Магдалина, прижимая руки матери къ своей груди.—Николай Ивановичъ былъ другъ моего незабвеннаго благодѣтеля... Помните только, какъ онъ былъ опечаленъ, когда узналъ о постигшемъ его несчастіи! Помните, развѣ онъ побоялся выражать свое горе и негодованіе? Развѣ онъ пересталъ превозносить добродѣтель друга, потому что другъ подвергся опалѣ, мукамъ и заточенію? И вы требуете, чтобъ я молчала, чтобъ я не слѣдовала примѣру, завѣщанному мнѣ отцомъ на смертномъ одрѣ!..

Курлятьеву было тяжело. Онъ молчалъ, не зная, какими словами успокоить своихъ родственницъ. Никогда еще не случалось ему вести разговоры на подобныя темы. Ровно ничего не понималъ онъ въ нихъ. Онѣ, можетъ быть, и правы, очень можетъ быть, что человѣкъ, изъ-за котораго волнуется его прекрасная кухня, дѣйствительно человѣкъ добродѣтельный и все, что на него взводятъ, не что иное, какъ ложь и клевета. Легкомысленно повторять эту клевету, какъ онъ сейчасъ сдѣлалъ, разумѣется, не похвально, но стоитъ ли приходить изъ-за этого въ такое изступленіе? Что такое этотъ масонъ для Магдалины? Во всякомъ случаѣ не мужъ, не любовникъ и даже не братъ.

Чувство, похожее на ревность, зашевелилось въ его сердцѣ. «Изъ-за меня она такъ волноваться бы не стала,—подумалъ онъ,—я ей кажусь глупъ и пустъ, въ сравненіи съ этимъ человѣкомъ».

И чтобъ скрыть досаду, онъ извинился за нечаянно причиненную ей непріятность.

— Я право въ отчаяніи, кухня, но поймите, пожалуйста, что я не могъ знать, какъ дорогъ вамъ этотъ господинъ.

— Она вообще не можетъ слышать, когда про людей судятъ, не зная ихъ,—поспѣшила вставить Софья Федоровна.

Ее съ раздраженіемъ прервали.

— Ахъ, маменька, совсѣмъ не то! Мнѣ прискорбно, я въ отчаяніи, что онъ, именно онъ, такимъ оказался дурнымъ!

И, обернувшись къ Курлятьеву, она отрывисто продолжала, пристально глядя ему въ глаза:

— Я не хочу, чтобъ вы были слѣпы! Пожалуйста, не отвертывайтесь отъ свѣта истины! Дайте ему проникнуть вамъ въ душу и освѣтить ее.

— Безконечно былъ бы счастливъ на все смотрѣть вашими глазами, кухня, но, къ сожалѣнію, врядъ ли это возможно,—возразилъ онъ съ улыбкой.

— Почему невозможно?—порывисто спросила она.

— О, причинъ на то много! И самая главная изъ нихъ та, что я вашего міросозерцанія не знаю, а узнать его мнѣ, увы, даже и времени не хватаетъ, я скоро уѣзжаю отсюда.

— Но вамъ стоитъ только захотѣть, и вы всюду найдете людей, которые могутъ указать вамъ путь ко спасенію.

По привычкѣ ко всему относиться легко, онъ сталъ отшучиваться.

— О, кухня! Путь этотъ соблазняетъ меня только съ такой наставницей, какъ вы!—вскричалъ онъ.

— Да вѣдь я сама еще ученица,—объявила она серьезнымъ тономъ, представлявшимъ курьезный контрастъ съ его попыткой свернуть разговоръ на волокитство. Но, попавъ разъ въ излюбленную колею, идти вспять ему было трудно, и онъ продолжалъ, напуская

на себя, все больше и больше, тонъ свѣтскаго петиметра, которымъ приобрѣлъ себѣ лестную извѣстность въ салонахъ обихихъ столицъ.

— Объ этомъ позвольте ужъ другимъ судить, прелестная кухня. Правда, у васъ есть зеркало, но развѣ оно въ состояніи передать даже сотую долю тѣхъ прелестей, которыми васъ такъ щедро одарила природа на радость чувствительныхъ сердець, плѣненныхъ вами!

Эффектъ этого цвѣтистаго комплимента вышелъ совершенно неожиданный. Чѣмъ бы краснѣя и съ улыбкой потупить глазки, странная дѣвушка сдвинула брови и вымолвила сурово:

— Зачѣмъ вы со мною такъ говорите? Мнѣ это больно и обидно. Неужели вы съ перваго взгляда на меня не поняли, что со мною нельзя обращаться такъ, какъ вы привыкли обращаться съ другими? Я васъ считала проникательнѣе и... лучше, чѣмъ вы есть, чище сердцемъ, выше умомъ.

Она запнулась передъ послѣдними словами, но на одно только мгновеніе и точно для того, чтобъ наказать себя за колебаніе, произнесла ихъ съ особенною рѣзкостью, а на вопросъ его, чѣмъ заслужилъ онъ лестное мнѣніе о себѣ, объявила задыхающимся отъ волненія голосомъ:

— Вашъ отецъ былъ святой человѣкъ. Ваши сестры пошли по его стопамъ, а вы...

— Магдалина!

Восклицаніе это, тоскливымъ стономъ вырвавшееся у ея матери, заставило ее опомниться, наконецъ.

Не кончивъ фразы, она, точно ужаленная, сорвалась съ мѣста и выбѣжала изъ комнаты.

Софья Федоровна тихо заплакала.

— Вотъ, племянничекъ, наше горе! — заговорила она, вытирая со вздохомъ слезы, катившіяся по ея щекамъ. — Ты свой, отъ тебя тайтыся не стану, да и само собой такъ вышло, что тайна наша тебѣ открылась. Была дѣвица здоровая, разумная, нрава хоть и не веселаго, а спокойнаго и кроткаго. Красавица, самъ видишь какая, и хозяйка, и рукодѣльница, на клавикордахъ какъ играла! романсы какъ пѣла! Знаменитые музыканты наслушаться не могли. И рисовала изрядно; ко всему талантъ однимъ словомъ. Радовались мы на нее съ покойникомъ да Бога благодарили. И вдругъ!.. Слава Богу, что хоть онъ-то, нашъ голубчикъ, не видитъ нашей печали! Сглазилъ ли ее кто, или ужъ такъ, захотѣлъ Господь насъ покарать, а только стала все задумываться да задумываться и, наконецъ, совсѣмъ точно безумная сдѣбалась. Какъ ты ее сегодня видѣлъ, это еще ничего, теперь она слава Богу, а что раньше было, даже вспомнить страшно!

Она всхлипнула, отерла слезы и продолжала:

— Началось это съ нею съ того дня, какъ узнала про то, что она намъ не родная дочь...

— Это случилось недавно?—спросилъ Курлятьевъ.

Его очень занималъ разсказъ тетки; все, что касалось Магдалины, ему было интересно, такое сильное произвела она на него впечатлѣнне своей красотой и оригинальностью.

— Недавно, голубчикъ, недавно, всего только три года тому назадъ. Покойникъ Иванъ Васильевичъ былъ еще живъ. Ну, да это долго разсказывать!.. вышелъ такой случай, все узнала, и такъ это ее разстроило, что мы ее вояжировать повезли, чтобъ развлечь... Да неужели никто тебѣ про это здѣсь не разсказывалъ?—спросила она, пытливо глядя ему въ глаза.

— Никто. Да я здѣсь ни у кого и не былъ,—отвѣчалъ онъ.

— И чудесно, и не ѣзди, какая нужда,—подхватила она, точно чему-то обрадовавшись. — Мы съ Магдалиночкой тоже нигдѣ не бываемъ и къ себѣ никого не зовемъ. Къ чему? На сплетни да на пересуды? Намъ и безъ нихъ тошно.

И снова на глаза ея выступили слезы.

Кого оплакиваетъ она такъ горько? Неужели мужа? Но вѣдь ужъ три года прошло съ тѣхъ поръ, какъ онъ умеръ. Скорѣе можно думать, что печалится она о дочери. Да развѣ Магдалина ужъ такъ больна, что нѣтъ надежды на ея выздоровленіе?

У него сжалось сердце при этой мысли.

— Не сокрушайтесь, тетенька, сестрица выздоровѣетъ. Она такъ еще молода и на видъ вовсе на больную не похожа,—проговорилъ онъ съ участіемъ.

— Конечно, конечно, никто, какъ Богъ,—поспѣшила она согласиться.—Спасибо тебѣ, родной, за ласковое слово. Точно покойнаго брата Николая Семеновича слышу. Да ты и лицомъ-то весь въ него уродился. Какъ вошелъ, я чуть не вскрикнула, ну, стоитъ передо мной братецъ Николай Семеновичъ, да и все тутъ! Красавецъ вѣдь былъ, какъ женился, и совсѣмъ молоденькій, до двадцати-то лѣтъ трехъ мѣсяцевъ на хватило. Тоже вотъ, какъ ты, всякаго, бывало, лаской да совѣтомъ утѣшить.

Она его обняла и нѣжно поцѣловала. А затѣмъ вернулась къ занимавшему ее предмету, т. е. къ дочери.

— Такъ ты въ ней ничего особеннаго не замѣтилъ? Она здоровою тебѣ показалась?

— Красавица она у васъ и большая умница,—отвѣчалъ онъ. А въ то же время думалъ про себя: «Что за тайна здѣсь кроется? Что у нихъ за скрытое горе такое?»

— А сердце-то у нея какое! Золотое! Ты думаешь, она за одного Николая Ивановича такъ стоитъ горой? Нѣтъ, мой милый, она за всякаго распинаться готова. Да вотъ вчера изъ-за тебя какъ она на меня накинулась! Я говорю: «не заглянеть къ намъ вѣрно. Въ

маменьку, поди чай, гордый да жестокий» (ужь ты меня извини, такъ и сказала, съ досады, что третій день прїѣхалъ, а къ намъ глазъ не кажешь), а она какъ вспыхнетъ вся! «Не говорите про него такъ, маменька! Грѣхъ судить про человѣка, не зная его. Я увѣрена, братецъ не уѣдетъ, у насъ не побывавъ». И вѣдь правду сказала, ты про насъ вспомнилъ.

— Сестрица добрѣ васъ, тетенька,—замѣтилъ онъ съ улыбкой, цѣлуя руку старушки.

— Что говорить! Доброты у нея хоть отбавляй. Вотъ и во мнѣ злости нѣтъ, но это я спроста, легче, вѣдь, доброй-то быть, чѣмъ строгой, да выскательной; ни сердиться, ни ехидничать я не умѣю, и хотѣлось бы иногда, да не умѣю, а она вѣдь у насъ разумница и насквозь человѣка видитъ, чего онъ стоитъ. Сколько книжекъ перечитала, страсть! И съ кѣмъ угодно можетъ разговаривать. Намеднись даже съ архіереемъ спѣшила, ей Богу, право! И такъ она его изреченіями изъ священнаго писанія загоняла, что онъ и спорить больше не сталъ, а все только улыбался, и цвѣтовъ ей изъ оранжереи своей прислалъ.

— И я бы то же самое сдѣлалъ на его мѣстѣ,—сказалъ Курлятевъ.

Софья Ѳедоровна просіяла.

— Такъ нравится она тебѣ? — спросила она, ласково дотрогиваясь до его руки.

— Кому же можетъ Магдалина Ивановна не нравиться!

— Нѣтъ, ты скажи, тебѣ-то, тебѣ-то нравится ли наша Магдалиночка?—настаивала она съ такимъ страннымъ оживленіемъ, что онъ смутился немножко.

— Нравится!—вымолвилъ онъ краснѣя.

«Ужъ не сватать ли она ее за меня хочеть?»—мелькнуло у него въ головѣ. И нельзя сказать, чтобъ предположеніе это ему было противно. Но онъ ошибся, она только попросила его отложить отъѣздъ хотя бы на нѣсколько деньковъ, чтобъ дать Магдалиночкѣ время оправиться отъ неловкой вспышки и познакомиться съ нимъ покороче.

— Ужъ я ее знаю,—продолжала она, понижая голосъ и бояливо оглядываясь по сторонамъ, точно опасаясь, чтобъ ее не подслушали,—смерть будетъ каяться, что показала себя передъ тобой, для перваго знакомства, въ такомъ неавантажѣ, а особливо потому, что мнится ей, что ей теперь и поправиться передъ тобой нельзя. Она всегда такъ, къ вѣщшему своему настроенію, набурлитъ въ запальчивости, а потомъ и мучится, терзаетъ себя сумлѣніемъ: «зачѣмъ я такъ! не надо было!.. Богъ знаетъ, что про меня подумаютъ, за сумасбродку прослыву...». А вспышки эти у нея отъ болѣзни. И доктора, къ которымъ мы ее возили, тоже говорятъ, что отъ болѣзни. Покой бы ей только да время, и совсѣмъ здоровая будетъ.

Чѣмъ дальше, тѣмъ любопытнѣе становилось Курлятьеву слушать тетку. Не столько слова ея, сколько душевное смятеніе, просвѣчивающее и въ выраженіи ея лица, и въ голосѣ, и въ торопливости, съ которой она спѣшила высказаться, укрѣпляло его въ убѣжденіи, что въ домѣ этомъ что-то неладно. Какой-то таинственный гнетъ давить этихъ двухъ женщинъ, гнетъ, подъ которымъ онѣ безпомощно стонуть, не смѣя никому довѣриться.

VII.

Что это за тайна?

Ему такъ страстно захотѣлось ее узнать, что онъ отложилъ свой отъѣздъ и цѣлый мѣсяцъ посвятилъ знакомству съ родственницами, проводя у нихъ всѣ дни, съ утра до вечера, но изъ этого вышло только то, что онъ окончательно подпалъ подъ обаяніе Магдалиночки, т. е., попросту сказать, безъ ума въ нее влюбился. Что же касается тайны, заинтриговавшей его при первомъ посѣщеніи, онъ и думать про нее пересталъ. Никакой тайны нѣтъ, а есть только прелестная дѣвушка, экзальтированная и впечатлительная до чрезвычайности; на нее пагубно вліяетъ темная среда, въ которой она вращается; ее безотчетно тянетъ къ свѣту, къ блестящему обществу, къ той сферѣ, гдѣ она будетъ на своемъ мѣстѣ и по красотѣ, и по уму, и по состоянію,— и это такъ естественно, что иначе и быть не можетъ.

Вотъ и разгадка неровности ея характера, вспышекъ негодованія изъ-за пустяковъ, а также смущенія ея матери и страха, чтобы о любимой дочери посторонніе не заключили чего нибудь худого.

Разумѣется, будь тетенька Софья Федоровна похитрѣе, она болѣе разумно проявляла бы свою любовь и опасенія, но умомъ она никогда не отличалась, нечего, стало быть, и винить ее.

Однако, нѣсколько дней спустя, благодаря случайности, заснувшія было сомнѣнія съ новой силой пробудились въ его душѣ.

Въ этотъ день онъ тотчасъ послѣ обѣда вышелъ изъ дома тетки. Погода испортилась, дождь лилъ ливнемъ, небо заволочлось тучами, и къ довершенію досады, Магдалинѣ такъ занедужилось, что она изъ комнаты своей даже къ столу не вышла. А его въ тотъ день особенно къ ней тянуло. И на него тоже ненастье навѣяло легкую меланхолію, хотѣлось ласки и участія, хотѣлось, можетъ быть, бѣльшаго... Тетку онъ нашелъ озабоченной и расвѣянной, разговоръ съ нею либо принималъ неудобный для него оборотъ, либо совсѣмъ не клеился. Безпрестанно возвращалась она къ исчисленію богатства, которое должно было достаться Магдалиночкѣ послѣ ея смерти (по ея убѣжденію, очень близкой), да про то, какъ бы ей хотѣлось пристроить ее при жизни за извѣстнаго и хорошаго человѣка. Намеки эти сегодня какъ-то особенно волновали Курлятьева. Потому, можетъ быть, что въ нихъ прогля-

дывала рѣшимость окончательно высказаться, а онъ этого пуще всего боялся.

Наконецъ, когда, прервавъ ее на полусловѣ, подъ предлогомъ, что ему непременно надо сейчасъ идти домой, молодой человѣкъ поднялся съ мѣста, она стала его просить непременно зайти вечеромъ.

— Магдалиночка будетъ въ отчаяніи, если сегодня не увидитъ тебя; ей ужъ и теперь полегче стало, а черезъ часочекъ она со-всѣмъ оправится, пожалуйста, приди. Вѣдь ужъ недолго тебѣ съ нами быть...

И съ робкой улыбкой она прибавила, запинаясь отъ смущенія:

— Не хотѣлось бы мнѣ тебя отпускать, не открывъ тебѣ всю мою душу, да вотъ робость одолѣла. Ужъ такъ-то мнѣ хочется, чтобъ это случилось, такъ хочется, что даже страшно и помыслить о неудачѣ... Сжался ты надо мной, глупой старухой, самъ догадайся...

Онъ ужъ давно догадался, про что она ему хочетъ сказать, и всю эту недѣлю думалъ объ этомъ. Когда онъ былъ одинъ, ему казалось, что нѣтъ ничего легче, какъ сказать тѣ слова, которыя отъ него ждуть, но когда наступала рѣшительная минута, на него нападала такая трусость, что онъ готовъ былъ бѣжать на край свѣта, лишь бы только не произнести рокового признанія.

Вотъ и теперь, чѣмъ бы успокоить тетку, сказать ей, что его самое пламенное желаніе жениться на Магдалиночкѣ, онъ притворился, что не понялъ ея послѣднихъ словъ и, обѣщавъ непременно зайти въ тотъ же день вечеромъ, удалился такъ поспѣшно, точно боялся погони. Мысленно онъ упрекалъ себя въ недостойной муж-чины трусости. Ну, чего ему еще надо? Счастье само лѣзетъ въ руки, а онъ ломается, не пользуется стеченіемъ обстоятельствъ, благодаря которымъ ему представляется возможность сдѣлать блестящую партію, назвать женой такую прелестную дѣвушку, равной которой онъ не знаетъ на свѣтѣ.

Вѣдь ни одна изъ тѣхъ женщинъ, которыхъ онъ любилъ, не выдерживаетъ съ нею сравненія. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ знаетъ Магдалину, и послѣдняя его страсть, княгиня Дульская, утратила для него всякую прелесть. Ему непріятно про нее вспоминать, и кажется, что онъ никогда ея не любилъ.

Магдалинѣ стоило бы только показаться въ Москвѣ или въ Петербургѣ, чтобъ привлечь жениховъ, но онъ понимаетъ, почему Софьѣ Ѳедоровнѣ желательно, чтобъ сокровище это досталось именно ему. Ей хочется вознаграждать его за потерянное наслѣдство. Изъ намековъ ея онъ могъ себѣ уяснить, что это было желаніе покойнаго дяди, чтобъ состояніе, взятое имъ за женой, не выходило изъ рода Турениныхъ, а онъ единственный представитель этого рода. Ему даже иногда кажется, что и Магдалина привыкла отно-

ситься съ сочувствіемъ къ этой комбинаціи и тоже желаетъ скорѣйшаго ея осуществленія. Но полюбитъ ли она его когда нибудь— это ужъ другой вопросъ, и отвѣчать на него не такъ-то легко.

О, еслибъ онъ былъ въ этомъ увѣренъ, съ какимъ легкимъ сердцемъ кончилъ бы онъ это дѣло!

А кончить, такъ или иначе, его надо. И не дальше, какъ сегодня вечеромъ, чтобъ либо сдѣлаться ея женихомъ, либо скорѣе уѣхать отсюда, чтобъ забыть про нее. Онъ старался увѣрить себя, что это возможно!

VIII.

Отъ экипажа, предложеннаго теткой, онъ отказался; не взирая на дурную погоду, ему захотѣлось пройтись пѣшкомъ. Онъ шелъ по пустымъ улицамъ, подъ проливнымъ дождемъ, нахлобучивъ шляпу на лобъ и высоко поднявъ воротникъ шинели, и такъ углубился въ свои думы, что, самъ не понимая какимъ образомъ, очутился въ городскомъ саду.

Правда, что онъ иногда проходилъ черезъ этотъ садъ изъ дома Грибкова въ домъ тетки въ хорошую погоду, и когда ему являлась фантазія щегольнуть моднымъ костюмомъ столичнаго щеголя передъ хорошенькими провинціалками, восхищавшимися имъ, но сегодня въ саду не было живой души, всѣ сидѣли по домамъ, и несравненно было бы благоразумнѣе сократить путь переулками. Сообразилъ онъ все это тогда только, когда прошелъ цѣлую аллею, увязая въ мокромъ пескѣ, и когда возвращаться назадъ было уже не для чего.

Однако дождь пересталъ. Кругомъ было тихо, пустынно и мрачно. Начинало темнѣть отъ черныхъ тучъ, сгущавшихъ, особенно подъ деревьями, наступавшія сумерки. Небо не прояснилось, и поднимался рѣзкій, холодный вѣтеръ. Чтобъ укрыться отъ него, Курлятьевъ свернулъ съ главныхъ, широкихъ аллей, въ боковыя дорожки и вдругъ услышалъ по близости шорохъ, который онъ сначала принялъ за шелестъ вдыхаемыхъ вѣтромъ листьевъ, но, прислушавшись, понялъ, что это кто-то осторожно пробирается сквозь кустарникъ, которымъ были обсажены пространства между аллеями. Онъ оглянулся и увидѣлъ двѣ человѣческія фигуры, мужчину и женщину, торопливо удалявшихся въ противоположную отъ него сторону. Не давая себѣ яснаго отчета въ томъ, что дѣлаетъ, онъ повернулъ за ними и почти тотчасъ же нагналъ ихъ такъ близко, что въ женщинѣ узналъ Магдалину.

Лицо ея на одно только мгновение промелькнуло передъ его глазами, когда она обернулась къ нему, но этого было достаточно, чтобъ онъ ее узналъ.

Онъ узналъ и ея плащъ, съ поднятымъ на голову капюшономъ, темнокрасный на бѣлой атласной подкладкѣ. Не дальше,

какъ наканунѣ, закутывалъ онъ ее въ этотъ плащъ, чтобъ предохранить отъ вечерней свѣжести на балконѣ.¹

Съ кѣмъ это она?

Увы! Когда вопросъ этотъ мелькнулъ у него въ умѣ, они были ужъ такъ далеко, что разсмотрѣть лицо ея спутника не было никакой возможности. Для этого надо было бы за ними бѣжать и остановить ихъ, а онъ и подумать не смѣлъ объ этомъ.

Не такая была дѣвушка, чтобъ допустить надъ собой какое бы то ни было насиліе. Никогда не простила бы она ему такое грубое вторженіе въ ея интимную жизнь. Но какъ же назвать ее своей супругой въ такомъ случаѣ? Долженъ же онъ знать всѣ ея тайны прежде, чѣмъ связать съ нею судьбу свою на вѣки.

Кто этотъ человѣкъ, для котораго она притворяется больной и всѣмъ лжетъ? Вѣдь и мать ея убѣждена, что она лежитъ въ своей комнатѣ съ головной болью, а у нея rendez-vous въ публичномъ саду съ какимъ-то...

Къ вящей своей досадѣ Курлятьевъ не зналъ даже, какъ и обоввать своего соперника. И въ чемъ именно онъ ему соперникъ? У нея такіа странныя фантазіи!

Вернувшись домой, въ ту комнату, лучшую въ домѣ, которую ему уступили Грибковы, и перечитывая дѣловыя бумаги, ожидавшія его на столѣ, онъ не переставалъ думать все о томъ же и разсѣянно выслушивалъ докладъ Прошки о случившемся во время его отсутствія. Приходилъ писарь изъ палаты съ готовымъ актомъ къ Грибкову, заѣзжалъ вице-губернаторъ съ приглашеніемъ завтра откушать, присылали отъ помѣщицы Пустошкиной просить на чашку чая, принесли отъ прачки кружевное жабо; вычистила порядочно, но, разумѣется, не такъ, какъ въ Москвѣ или въ Петербургѣ. Являлся кузнецъ осматривать карету и напелъ, что починки много, раньше, какъ въ десять дней, не справить.

— А ты ему, канальѣ, сказалъ, что мы послѣзавтра ѣдемъ?— вскричалъ Курлятьевъ.

— Никакъ не возможно, Федоръ Николаевичъ, — возразилъ Прошка, нимало не смущаясь окрикомъ барина, котораго онъ зналъ съ дѣтства, когда еще казачкомъ былъ къ нему приставленъ. — Намъ раньше, какъ черезъ недѣлю, не тронуться. Князь Артемій Владимировичъ сами изволили сегодня заѣзжать, просятъ васъ непремѣнно къ нимъ пожаловать на именины.

При имени князя Дульскаго Курлятьевъ поморщился.

— Да развѣ князь здѣсь?—спросилъ онъ.

— Какъ же-съ. Изволили пріѣхать утромъ. Остановились въ своемъ домѣ. Вечеромъ уѣзжаютъ. Приказали вашей милости напомнить, что вы изволили обѣщать непремѣнно побывать у нихъ въ деревнѣ,

когда пожелаете сюда. Изволили сказать: скажи твоему барину, что онъ меня обидитъ, если не пожелуетъ ко мнѣ къ 29-му.

— Да вѣдь 29-е послѣзавтра?

— Точно такъ-съ. Я имъ про нашу карету доложилъ, что она у кузнеца, они сказали: «это вздоръ, я за нимъ завтра экипажъ пришлю». Они еще сказали, письмо изъ Петербурга отъ княгини ждутъ...

— Ну, хорошо, хорошо, ступай, — съ раздраженіемъ прервалъ его баринъ, раздосадованный неожиданнымъ приглашеніемъ и невозможностью отказать отъ него.

Ни о чемъ такъ не претило ему вспоминать въ эту минуту, какъ о семьѣ князя Дульскаго. Многое хотѣлось бы ему изгладить изъ своего прошлаго, но особенно дорого далъ бы онъ тому, кто увѣрилъ бы его, что связь его съ княгиней Вѣрой существовала только въ его воображеніи, но, къ несчастію, это было невозможно.

Разумѣется, то, что онъ къ ней чувствовалъ, нисколько не похоже на то, что онъ теперь чувствуетъ къ Магдалинѣ; это была любовная интрига изъ такихъ, что заводятъ всѣ молодые люди въ его лѣта и въ его положеніи. Княгиня Вѣра служила ему пріятнымъ времяпрепровожденіемъ, ничѣмъ больше. Не съ нею, такъ съ другою свѣтской дамой сошелся бы онъ. Безъ метрессъ нельзя. Чувство это занимало такъ мало мѣста въ его сердцѣ, что не мѣшало ему одновременно баловаться съ красавицами и другого сорта, на которыхъ онъ послѣ смерти матери въ одинъ мѣсяць спустил весь свой годовой доходъ, да еще сдѣлалъ крупный долгъ въ придачу. Развѣ это можно назвать любовью? Вотъ то, что онъ чувствуетъ къ Магдалинѣ—дѣло другое.

Ему иногда кажется, что она начала властвовать надъ его сердцемъ раньше, чѣмъ онъ ее увидѣлъ. Душа его давно жаждала встрѣчи съ нею. Давно ужъ женщины перестали занимать выдающуюся роль въ его жизни. Княгиня Вѣра была его послѣднимъ, серьезнымъ увлеченіемъ. А ужъ послѣ знакомства съ «просвѣтленной» въ Москвѣ онъ ни на одну красавицу даже хорошенько и не взглянулъ. Всѣ ему какъ-то вдругъ опротивѣли. Сердце точно готовилось и очищалось для новаго чувства...

Онъ сталъ припоминать свою жизнь за послѣдніе четыре мѣсяца и долженъ былъ сознаться, что, благодаря неизвѣстному вліянію, какъ во внутреннемъ его мірѣ, такъ и во внѣшнемъ, произошелъ важный переворотъ. Начать съ послѣдняго свиданія съ княгиней Вѣрой, на балѣ, въ ночь послѣ того дня, какъ Коморцевъ познакомилъ его съ «просвѣтленной». О, какъ ему памятенъ этотъ день и эта ночь! Да ужъ одна метаморфоза княгини Вѣры чего стоитъ! Изъ злобствующей, мнящей себя жестоко оскорбленной женщины, мечтающей только о мести, она превратилась вдругъ въ спокойную, любезную свѣтскую даму, съ привѣтливой улыбкой на

исхудаломъ лицѣ, съ яснымъ взглядомъ большихъ впалыхъ глазъ. Съ нимъ она разговаривала, какъ со всѣми, весело и беззаботно, о прїѣзжей актрисѣ, приводившей весь Петербургъ въ восторгъ, о новомъ романѣ мадамъ Сталь и тому подобныхъ пустякахъ. Если своимъ равнодушїемъ она и напоминала ему о прошломъ, то для того только, чтобъ убѣдить его, что она считаетъ это прошлое навсегда забытымъ. Какъ онъ былъ этому радъ! Ни одна любовная интрига не тяготила его такъ, какъ эта. Князь Артемій такой почтенный и великодушный человекъ! Онъ такъ довѣрчивъ! И какъ нарочно, всегда осыпалъ Курлятьева ласками и вниманїемъ.

Съ легкимъ сердцемъ уѣхалъ Ѳедоръ Николаевичъ, послѣ этой послѣдней встрѣчи съ бывшей возлюбленной, въ Петербургъ, гдѣ ожидали его новыя удачи.

Не успѣлъ онъ выразить желанїе поступить на гражданскую службу (изъ полка, въ которомъ онъ числился съ дѣтства, Курлятьевъ вмѣстѣ со многими вышелъ вскорѣ послѣ восшествїя новаго императора на престолъ), какъ за нимъ прислалъ одинъ изъ важнѣйшихъ въ то время сановниковъ и милостиво предложилъ ему озаботиться о его судьбѣ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Изумленный такимъ неожиданнымъ и незаслуженнымъ вниманїемъ, Курлятьевъ напрасно ломалъ себѣ голову надъ вопросомъ, кому онъ этимъ обязанъ. Но на всѣ попытки это узнать новый покровитель отвѣчалъ только совѣтомъ держать себя скромнѣе, предаваться больше благочестивымъ размышленїямъ, уповать на Бога и прилежанїемъ и степенностью оправдать довѣріе своихъ таинственныхъ покровителей.

Кто эти покровители и за что они на него обратили вниманїе? Ему ужъ 25 лѣтъ, но до сихъ поръ если онъ отличался отъ другихъ свѣтскихъ шалопаевъ, то однѣми только шалостями, на которыя надо было отдать ему справедливость, онъ былъ замѣчательно изобрѣтателенъ, да искусствомъ остроумнѣе прочихъ прожигать жизнь, — вотъ и все, а за такого рода заслуги, сколько ему было извѣстно, не принято было награждать мѣстами на государственной службѣ даже и въ минувшее, блестящее царствованїе, а ужъ въ нынѣшнемъ!..

Впрочемъ, ломать себѣ голову надъ этой загадкой помѣшало ему важное событіе, перевернувшее вверхъ дномъ судьбу множества людей въ Россїи.

Не успѣлъ онъ дать окончательнаго отвѣта на лестное предложенїе, которымъ его почтили, какъ разнеслась вѣсть о скоропостижной смерти императора.

И въ одно мгновенїе свершилась обычная при такихъ случаяхъ перемѣна декораціи: послѣдніе стали первыми, а первые послѣдними. Подвергся общей участи и покровитель его. Ждать отъ него больше нечего было, а у замѣстителя его свои найдутся protégés.

Особенно сокрушались измѣной фортуны Курлятьевъ не сталъ. Торопиться службой онъ не видѣлъ для себя никакой надобности. У него еще дѣла, послѣ смерти матери, не были приведены въ порядокъ. Кредиторы надѣдали. Надо было узнать, сколько ему можно тратить въ годъ, прежде чѣмъ дѣлать новые долги. Онъ рѣшилъ все бросить и ѣхать въ ту губернію, гдѣ у него былъ домъ и имѣніе, а тамъ видно будетъ.

Выѣхавъ онъ изъ Петербурга съ мѣсяцъ тому назадъ, и вотъ ужъ шесть недѣль, какъ здѣсь проживаетъ. Завтра онъ поѣдетъ къ князю Артемію и, отпраздновавъ тамъ дня три, вернется опять сюда за категорическимъ отвѣтомъ на вопросъ, который онъ предложитъ своей названной кузинѣ сегодня, черезъ часъ, непременно. Онъ былъ почему-то увѣренъ, что на предложеніе его она отвѣтитъ уклончиво. Мысль объ отказѣ онъ настойчиво гналъ отъ себя прочь и льстил себя надеждой тронуть ее своей любовью даже и въ такомъ случаѣ, еслибъ она была къ нему вполне равнодушна, а у него были данныя предполагать противное. Правда, послѣдніе три-четыре дня она измѣнилась въ обращеніи съ нимъ и стала даже, какъ будто, избѣгать его, но, можетъ быть, это потому, что она опасается выдать свое чувство?

Тѣмъ не менѣе, ему было жутко, и какъ ни увѣрялъ онъ себя, что лучше знать, чѣмъ не знать, и что нѣтъ ничего хуже, непріятнѣе, раздражительнонѣе неизвѣстности, внутренній голосъ назойливо твердилъ другое, сердце болѣзненно сжималось при мысли, что, можетъ быть, предстоящее свиданіе съ Магдалиной будетъ послѣднимъ, и слезы выступали у него на глазахъ при этой мысли.

Да, это будетъ для него страшное, непоправимое несчастье, такое несчастье, какого онъ никогда еще не испытывалъ, твердилъ этотъ голосъ тѣмъ громче, чѣмъ упорнѣе старался онъ его въ себѣ заглушить.

Такого тоскливаго настроенія ему никогда еще не доводилось переносить. Хотѣлось скорѣе узнать рѣшеніе судьбы, и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ страшно было передъ этимъ рѣшеніемъ, что невольно откладывалъ онъ съ часу на часъ роковую минуту. Но когда, взглянувъ на часы, онъ увидѣлъ, что скоро восемь, ему вдругъ вскочило въ голову, что, медля дальше, онъ рискуетъ опоздать. Пожалуй, его не примутъ, придется до слѣдующаго дня откладывать объясненіе, и мысль провести всю ночь въ неизвѣстности такъ его испугала, что онъ, какъ ужаленный, сорвался съ мѣста и выбѣжалъ на улицу.

Но тревоги его были напрасны; у Бахтериныхъ его ждали. Когда Магдалина сошла внизъ изъ своей комнаты, съ полчаса послѣ ухода Курлятьева, Софья Федоровна сказала ей, что онъ обѣщалъ непременно прийти къ нимъ вечеромъ.

— Онъ былъ въ отчаяніи, что не видалъ тебя сегодня, и очень беспокоится о твоёмъ здоровьѣ,—прибавила она, робко заглядывая въ лицо дѣвушки, которая сидѣла отъ нея въ полъ-оборота, низко пригнувшись къ работѣ. Она вышивала по атласу разноцвѣтными шелками пелену въ церковь.

— Тебѣ вѣдь теперь лучше? Ты съ нами напьешься чаю?—продолжала г-жа Бахтерина, тревожась молчаніемъ и сосредоточеннымъ видомъ дочери, а также и тѣмъ, что она избѣгаетъ встрѣчаться съ нею взглядомъ.

— Я останусь внизу до десяти часовъ, — отвѣчала дѣвушка, еще ниже пригибаясь къ работѣ.

— Одея предобрый молодой человекъ,—снова заговорила Софья Федоровна, помолчавъ немного и откинувъ въ сторону свое вязанье.—А лицомъ онъ вылитый отецъ...

— Лицомъ! — тихо вымолвила Магдалина, и саркастическая усмѣшка скривила ея губы.

— Мать онъ ничѣмъ не напоминаетъ,—продолжала Софья Федоровна, не разслышавъ или притворяясь, что она не разслышала сорвавшагося съ устъ дочери слова.—Мнѣ онъ очень жалокъ, такъ одинокъ...

— Это въ свѣтѣ-то онъ одинокъ, повашему?—рѣзко возразила дѣвушка.—Въ свѣтѣ, для котораго онъ созданъ и который существуетъ только для такихъ, какъ онъ?! Полноте, маменька! Поберегите ваше состраданіе для другихъ. Истинно несчастныхъ людей много! Мы нужны Федору Николаевичу только въ данную минуту, на тѣ нѣсколько дней, что ему остается здѣсь прожить. Не успѣетъ онъ отсюда отѣхать за десять верстъ, какъ ужъ забудетъ про насъ,—проговорила она съ лихорадочною поспѣшностью, точно торопясь освободиться отъ душившихъ ее мыслей.

— Никогда онъ тебя не забудетъ, потому что всѣмъ сердцемъ тебя полюбилъ. Такъ полюбилъ, какъ любятъ одинъ только разъ въ жизни,—вскричала съ волненіемъ Софья Федоровна.

Магдалина вспыхнула.

— Вамъ это кажется,—вымолвила она дрогнувшимъ голосомъ.

— Нѣтъ, не кажется. Ты меня умнѣе, начитаннѣе и способнѣе ко всему, но я тебя опытнѣе. Я знаю, что такое любовь, а ты не знаешь. Я многого не могу понять, но въ томъ, что касается сердца, у меня чутье, которое никогда меня не обманываетъ. Онъ въ свою семью уродился. Курлятьевы въ любви вѣрны. Когда Катенька полюбила Алешку выѣзднаго, я сказала твоему отцу: кончена ея жизнь, за другаго не выйдетъ. Такъ и случилось. И сестра ея тоже. Бочаговъ-то, съ тѣхъ поръ какъ съ ума по ней сходилъ, ужъ два раза успѣлъ жениться, дѣтей куча, внуки, а Маша...

Она со вздохомъ смолкла, не кончивъ фразы. Магдалина тожэ

молчала, но сдвинутыя брови и стиснутыя губы выдавали глухую борьбу, происходившую въ ея душѣ.

— И вѣдь первое время онъ тебѣ нравился, — продолжала черезъ минуту Софья Федоровна. — Я радовалась, благодарила Бога. Вспомни, какъ этого желалъ папенька! Налюбоваться я на васъ не могла. И вдругъ, точно что на тебя нашло, ты стала избѣгать оставаться съ нимъ вдвоемъ, злобно относиться къ каждому его слову и движенію, тяготиться его присутствіемъ... Что такое случилось? Почему такая перемѣна? Онъ все тотъ же, съ тою только разницей, что съ каждымъ днемъ любить тебя все больше и больше... Наговорилъ тебѣ, что ли, на него ктонибудь? Такъ ты мнѣ скажи, я и сама за дурнаго человѣка тебя не отдамъ... А если ты ничего про него не слышала, то чѣмъ же онъ могъ тебѣ опротивѣть?

— Перестаньте, маменька, меня мучить!

Слова эти болѣзненнымъ стономъ вырвались изъ груди дѣвушки, и, закрывъ лицо руками, она послѣшно вышла изъ комнаты. Съ тяжелымъ вздохомъ и полными слезъ глазами смотрѣла ей вслѣдъ мать.

Чѣмъ она терзается? Чѣмъ ее утѣшить? Какъ проникнуть въ эту замкнутую душу, недоступную ни ласкамъ, ни просьбамъ, ни упрекамъ? — спрашивала себя съ тоской Софья Федоровна.

Она стала припоминать событія послѣднихъ дней. Все было по-прежнему, и ничего новаго не случилось, ничего такого, что можно было бы замѣтить и запомнить. Кромѣ Курлятьева, никто у нихъ не былъ. Магдалина выходила только въ садъ, да на террасу. Если она видѣлась съ кѣмънибудь изъ постороннихъ, то развѣ только черезъ рѣшетку, выходившую на глухой пореулокъ. Но, можетъ быть, она опять была у старика Андреича? Горничная Фрося, ровесница и довѣренное лицо барыни, донесла ей третьяго дня, что барышня чуть свѣтъ куда-то ходила и вернулась назадъ послѣ ранней обѣдни. Вотъ они, послѣдствія этой утренней прогулки, и оказались теперь! Перемѣну въ ея обращеніи съ Курлятьевымъ Софья Федоровна замѣтила со вчерашняго дня. Кого видѣла она въ старомъ домѣ? Кто съ нею тамъ говорилъ? Кто смутилъ ей душу? Жизнь бы отдала съ радостью Бахтерина, чтобъ это узнать! Но какъ, черезъ кого? Шпионить за дочерью, посылать слѣдить за нею людей ей претило, и когда, вотъ какъ третьяго дня, къ ней являлись съ доносомъ, первымъ ея движеніемъ было отвернуться отъ черезчуръ услужливыхъ приспѣшниковъ и приспѣшницъ. Она знала, что у дочери ея какая-то своя жизнь, въ которой она не допускаетъ ее принимать участія, и это ей было такъ тяжело, что по временамъ она не выдерживала и обращалась къ ней съ разспросами, но ничего изъ этого не выходило. Магдалина, либо какъ сегодня, убѣгала въ свою комнату и запиралась тамъ, либо зажимала ей ротъ мольбой не предлагать ей вопросовъ, на которые она отвѣчать не можетъ.

А почему не можетъ—это такъ и оставалось для Софьи Ѳедоровны тайной. Молча и скрѣпя сердце, обречена она была на совѣстную жизнь съ дорогимъ существомъ, физически и нравственно изнемогающимъ подъ какимъ-то страшнымъ, тяжелымъ гнетомъ, не имѣя возможности ни въ чемъ ему помочь. И чего только не передумала Софья Ѳедоровна, сокрушаясь за дочь! Когда съ годъ тому назадъ она узнала, что Магдалина иногда и по ночамъ куда-то выходитъ изъ дому, покрывшись платкомъ, чтобъ никто не узналъ въ бѣдно одѣтой женщинѣ, торопливо пробирающейся глухими переулками, Бахтеринскую боярышню, богатѣйшую невѣсту въ губерніи, первую ея мыслью было, что она ходитъ на свиданіе съ какимъ нибудь, недостойнымъ ея любви, человѣкомъ. Какъ ни ужасна ей была эта мысль, но она слишкомъ любила дочь, чтобъ не пожертвовать самолюбіемъ для ея счастья, и съ цѣлью облегчить ей признаніе, рассказала злополучный романъ племянницы Катерины Курлятьевой съ крѣпостнымъ Алешкой, торопясь прибавить къ этому, что на мѣстѣ сестры Анны Ѳедоровны она совершенно иначе отнеслась бы къ влюбленнымъ. Лучше видѣть дочь замужемъ за послѣднимъ человѣкомъ на свѣтѣ, чѣмъ въ гробу.

— Я, маменька, ни въ кого не влюблена, — замѣтила на это съ улыбкой Магдалина.

У Софьи Ѳедоровны на минуту отлегло отъ сердца. Дочь ея лгать не умѣетъ, и если она нашла нужнымъ, не медля ни минуты, вывести ее изъ заблужденія, ей надо вѣрить и не оскорблять ея несправедливыми подозрѣніями. Значитъ, тутъ что нибудь другое. Но что такое? Какія мысли роятся у нея въ мозгу, и куда, въ какія далекія пространства, по временамъ, улетаетъ ея душа? Когда къ ней обращаются, она вздрагиваетъ, смотритъ испуганнымъ, недоумѣвающимъ взглядомъ, точно ее силой оторвали отъ невидимаго міра, въ которомъ она витала. Проходитъ иногда цѣлая минута прежде, чѣмъ ей удастся совладать съ собой, отрезвиться отъ опьяняющихъ видѣній, узнать, кто передъ нею, и отвѣтить на предложенный вопросъ.

Такое состояніе находитъ на нее періодически. Доктора называютъ это расположеніемъ къ меланхоліи и приписываютъ нравственному потрясенію, испытанному ею, когда она внезапно узнала про тайну своего рожденія. Но вѣдь потомъ она начала оправляться и какъ будто забывать. И вдругъ опять на нее нашло, съ тѣхъ поръ, какъ она стала ходить въ старый Курлятьевскій домъ. Поправилось ей тамъ бесѣдовать съ старикомъ Андреичемъ и слушать его рассказы про старину. Одно время дня не проходило, чтобъ она у него не побывала, и возвращалась домой такая странная, задумчивая. Софья Ѳедоровна очень была рада, когда общество полоумнаго старика, наконецъ, прискучило ея дочери, и она прекратила свои посѣщенія къ нему. Магдалина ожила и повесе-

лѣла, съ нею можно было обо всемъ разговаривать; румянецъ заигралъ на ея щекахъ. Какое прелестное лѣто провели онѣ тогда въ деревнѣ! Она занималась музыкой, увлекалась садоводствомъ. Мистическія книжки были заброшены; она не отходила отъ матери и даже помѣстилась въ одной съ нею комнатѣ. Можно было думать, что она совсѣмъ оправилась отъ своего нравственнаго недуга. Все шло хорошо первое время и въ городѣ, куда онѣ вернулись позднею осенью. А зимой опять! Въ Николинъ день, послѣ панихиды по дядѣ Николаѣ Семеновичѣ, никому не говоря ни слова, Магдалина ушла въ Курлятевскій домъ, пробыла тамъ до самыхъ сумерекъ и вернулась назадъ такая блѣдная и взволнованная, что Софья Ѳедоровна похолодѣла отъ ужаса. Опять на нее нашло! Весь день пролежала она на постели, отвернувшись къ стѣнѣ и на всѣ разпросы отвѣчая просьбой оставить ее въ покоѣ, а ночь провела въ молитвѣ. Разъ десять подходила ея мать на цыпочкахъ къ ея двери и, приложившись къ ней ухомъ, слышала ея вздохи и прерываемые рыданіями, молитвенные возгласы. На этотъ разъ припадокъ меланхоліи длился съ недѣлю, а затѣмъ очень долго не возобновлялся. Прошелъ январь, февраль, мартъ, наступилъ апрѣль, и до прошлой недѣли все было благополучно. Первымъ признакомъ возвращенія болѣзни было внезапное и ни на чемъ не основанное отчужденіе, которое она выказала Курлятеву. До сихъ поръ ея матери казалось, что онъ ей нравится, и что она согласится выйти за него замужъ, ну, а теперь...

Совсѣмъ стемнѣло. Лакей внесъ зажженные свѣчи и спросилъ, подавать ли самоваръ.

— Да развѣ ужъ такъ поздно? — вымолвила, не трогаясь съ мѣста, боярыня. И она хотѣла прибавить къ этому, что Ѳедоръ Николаевичъ общалъ быть къ чаю, но воздержалась. Ей казалось, что всему дому извѣстны ея надежды и опасенія, а ей стыдно было ихъ проявлять.

— Девятый часъ, — отвѣчалъ лакей и, съ трудомъ сдерживая улыбку, позволилъ себѣ прибавить съ почитательною фамиллярностью стараго слуги:

— Боярышня ужъ съ койхъ поръ на балконѣ сидятъ съ Ѳедоромъ Николаевичемъ; Лизавета имъ туда шаль вынесла, посвѣжѣло къ вечеру-то.

— Какъ? Ѳеда здѣсь? — вскричала боярыня, внѣ себя отъ радостнаго изумленія. — Что-жъ вы мнѣ не доложите?

— Не велѣли-съ. Вопли въ залу и приказали одну только боярышню вызвать...

— И что-жъ она?

— Той же минутой изволили сбѣжать внизъ и пошли съ Ѳе-

дворомъ Николаевичемъ на балконъ. Тамъ они и теперь разговариваютъ,—объяснилъ слуга, смѣющимся взглядомъ слѣдя за выраженіемъ лица боярыни. Изъ задумчиваго и печальнаго оно сдѣлалось вдругъ такое радостное, что весело было на нее смотрѣть.

— Ну, хорошо, оставьте ихъ въ покоѣ, а съ самоваромъ подождать. Когда придутъ въ столовую, доложить мнѣ.

Съ этими словами, забывъ ревматизмы и одышку, на которую она постоянно жаловалась, старушка, съ живостью молоденькой дѣвушки, соскочила съ глубокаго вольтеровскаго кресла и легкой походкой направилась въ свою спальню.

Тутъ она упала на колѣни передъ кѣтомъ и со слезами сладостнаго умиленія благодарила Бога и молила Его о благополучномъ исходѣ дорогаго ея сердцу дѣла. При этомъ мелькали въ умѣ самыя утѣшительныя предположенія: не вызвалъ бы онъ ее, еслибъ не считалъ себя вправѣ это сдѣлать, и не сбѣжала бы она къ нему такъ охотно, еслибъ онъ не былъ ей милъ, и еслибъ она хотѣла огорчить его отказомъ... Теперь все пойдетъ хорошо. Передъ смертью Иванъ Васильевичъ нѣсколько разъ выражалъ желаніе, чтобъ Магдалина вышла замужъ за племянника. Его, какъ будто, мучила мысль, что онъ лишилъ его родоваго имѣнія изъ-за чужаго ребенка. Наслѣдственнымъ состояніемъ покойный Бахтеринъ считалъ себя вправѣ распоряжаться, какъ неотъемлемой собственностью, и будь только сестрица Анна Ѳедоровна крошечку податливѣе, не такъ дерзка, заносчива и жестока, очень можетъ быть, что Иванъ Васильевичъ не завѣщалъ бы всего состоянія Магдалинѣ, а отдѣлилъ бы отъ него часть для Ѳедора.

Всѣ эти соображенія стали мучить Софью Ѳедоровну, особенно съ тѣхъ поръ, какъ мужъ ея умеръ. Теперь она считала себя еще больше обязанной, чѣмъ раньше, исполнить его волю. Припоминались такія его слова: что ни за что не позволить онъ выйти замужъ Магдалиночкѣ за иностранца, а также его разпросы про молодаго Курлятьева. Онъ имъ интересовался, возобновилъ переписку съ старыми друзьями въ Петербургѣ, чтобъ узнать, что за человекъ выходитъ изъ его племянника...

Прошло еще съ полчаса, и тишина, продолжавшая царить въ домѣ, начала удивлять Софью Ѳедоровну. Неужели дочь ея съ Ѳедей до сихъ поръ на балконѣ? Пора бы кончить бесѣду. Много ли надо времени, чтобы признаться другъ другу въ любви! Пора, наконецъ, и объ ней подумать, обрадовать ее и успокоить.

Подождавъ еще немного, она рѣшилась сама къ нимъ пойти, но не успѣла переступить порогъ спальни, какъ увидала, что на встрѣчу къ ней идетъ Магдалина.

— Что же вы, маменька, не идете чай кушать?—сказала дѣвушка.

Самыя обыкновенныя слова, но Софья Ѳедоровна похолодѣла

отъ нихъ. Странно звучаль голосъ дочери. Она не узнала бы его, еслибъ услышала изъ другой комнаты. Въ проходной, гдѣ онѣ встрѣтились, было темно, и отъ свѣта, пронизывавшагося сюда черезъ полурастворенную дверь въ сосѣдную комнату, лица Магдалины нельзя было разглядѣть, она видѣла только ея окутанную въ шаль фигуру и протянутую неестественнымъ движеніемъ руку.

Софья Ѳедоровна взяла эту руку; она была холодна, какъ ледъ, и слегка дрожала.

— Что съ тобой, дитя мое? Тебѣ нездоровится?—спросила старушка.

— Вовсе нѣтъ. Я долго сидѣла на балконѣ и немножко озябла,—возразила Магдалина, выдергивая руку изъ пальцевъ матери и повертываясь къ двери.

Софья Ѳедоровна послѣдовала за нею въ столовую. Тутъ никого не было; онѣ вдвоемъ сѣли за столъ съ самоваромъ, и Магдалина принялась дѣлать чай.

При свѣтѣ восковыхъ свѣчей, зажженныхъ въ бронзовомъ канделябрѣ, Софья Ѳедоровна украдкой взглянула на дочь. На Магдалинѣ, какъ говорится, лица не было. Черты ея такъ осунулись, глаза такъ впали, и она была такъ мертвенно блѣдна, точно вышла изъ застѣнка, гдѣ ее подвергали мучительной пыткѣ. Вся она какъ-то съѣжилась, сдѣлалась меньше и тоньше за эти два часа. Волосы беспорядочными прядями выбивались изъ-подъ кружевнаго чернаго шарфа; всегда стройный и прямой станъ точно надломился; и она сидѣла сторбившись, какъ старуха, съ приподнятыми плечами и посинѣлыми губами, постарѣвшая лѣтъ на двадцать, неузнаваемая.

«Что съ нею случилось? Господи! Что случилось?»—мысленно повторяла Софья Ѳедоровна.

Ничего не могла она сообразить. Все, чѣмъ она радовалась и утѣшалась нѣсколько минутъ передъ тѣмъ, испарилось, какъ дымъ, изъ ея головы; мертвящимъ ужасомъ охватывало ей душу, спирая въ груди дыханіе и сжимая, какъ клещами, сердце.

— Вы чаю не хотите, маменька?—все тѣмъ же беззвучнымъ, чужимъ голосомъ спросила Магдалина, указывая на налитую чашку, до которой мать ея не притрогивалась.

— Гдѣ Ѳедя?—съ усиленіемъ вымолвила Бахтерина, не отвѣчая на вопросъ.

— Ушелъ домой. Извиняется, что не зашелъ съ вами проститься.

И помолчавъ немножко, она продолжала все также отрывисто, не поднимая глазъ на мать:

— Не огорчайтесь, маменька, онъ мнѣ сдѣлалъ предложеніе...

— Ты ему отказала?

Дѣвушка еще ниже опустила голову.

— Я никогда не выйду замужъ,—вымолвила она съ усиленіемъ. Рушились мечты Софьи Ѳедоровны, не захотѣлъ утѣшить ее Господь!

Но странное дѣло, потому ли, что она ждала худшаго, или потому, что свершившаяся бѣда всегда на время успокаиваетъ истерзанное злыми предчувствіями сердце, такъ или иначе, но печальное извѣстіе было ею принято съ покорностью, и первую ея мыслью было: неужели это все?

— Я знаю, что огорчила васъ, маменька,—снова начала, съ усиленіемъ произнося слова, дѣвушка,—и мнѣ надо вамъ сказать, чтобъ вы на меня не гнѣвались и простили бы меня, и любили попрежнему... Мнѣ теперь больше прежняго нужна ваша ласка и, чтобъ вы не считали меня ни злой, ни неблагодарной... Вотъ и съ нимъ тоже, я долго бесѣдовала... старалась изо всѣхъ силъ его утѣшить и... успокоить... не моя вина, если онъ... если я не успѣла въ этомъ...

Голосъ ея оборвался на полусловѣ, щеки залило густымъ румянцемъ и, закрывъ лицо руками, она громко и болѣзненно зарыдала.

Софья Ѳедоровна сорвалась съ мѣста, чтобъ къ ней кинуться и обнять ее.

— Дитя мое ненаглядное, сокровище мое! Довѣрься мнѣ! Открой мнѣ твою душу! Тебѣ легче будетъ... Никто такъ тебя не любитъ, какъ я, скажи мнѣ все, все, безъ утайки,—повторяла она, прижимая къ себѣ трепещущую въ истерическомъ припадкѣ дѣвушку.

— Я люблю его,—прерывающимся отъ рыданій голосомъ говорила Магдалина, пряча лицо на груди матери.—Люблю его,—повторила она съ тоской,—больше жизни люблю... и никогда, никогда его больше не увижу! Въ послѣдній разъ смотрѣла я въ его милые глаза, въ послѣдній разъ слышала его голосъ! О, какъ я страдаю! Я не могла себѣ представить, чтобъ можно было такъ страдать! Какъ желѣзными когтями, рветъ мнѣ сердце мысль о немъ! Не могу я безъ него жить, не могу! Пошли мнѣ смерть, Господи! Пошли скорѣе! А онъ-то, онъ-то какъ мучится изъ-за меня! Онъ плакалъ, клялся, что жизнь потеряла для него всякій смыслъ, умолялъ, чтобъ я оставила ему хоть искорку надежды, чтобъ не впасть ему въ полное отчаяніе, не свершить незамолимаго грѣха! Слова любви и утѣшенія рвались у меня изъ души, сердце трепетало въ мучительномъ къ нему порывѣ... О, какихъ усилій стоило сдержаться! Камень бы сжалился надъ его муками и мольбами, а я, я, для которой онъ дороже жизни, дороже всѣхъ людей на свѣтѣ, я должна была его оттолкнуть, должна была нанести послѣдній и рѣшительный ударъ всѣмъ его мечтамъ и надеждамъ, убить то, чѣмъ жила его душа! О, какъ мнѣ больно! Какъ больно! Любите меня, маменька! У меня, кромѣ васъ, никого нѣтъ!

Она была очень несчастна. И несчастье переродило ее. Еслибъ Софья Ѳедоровнѣ ктонибудь сказалъ, что Магдалина будетъ умолять ее о любви и сознаваться въ своей безпомощности передъ ударомъ судьбы, она не повѣрила бы этому, такъ горда и скрытна всегда была эта дѣвушка, такъ отдалялась отъ сочувствія и презирала слабость во всѣхъ ея проявленіяхъ. Какъ глубоко должно быть горе, сломившее въ ней волю и силу на борьбу! Какъ могуче новое чувство, овладѣвшее всѣмъ ея существомъ!

Кто могъ отъ нея требовать, чтобъ она пожертвовала этимъ чувствомъ? И ради чего?

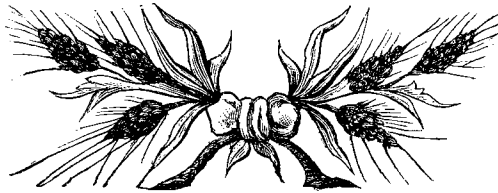
— Кому обѣщалась ты не выходить замужъ за Ѳедю?—невольно сорвался у Софьи Ѳедоровны вопросъ.

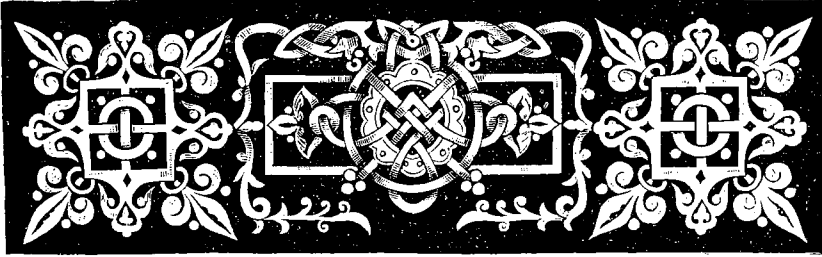
— Маменька, родная моя!—вскричала Магдалина,—не спрашивайте меня объ этомъ! Никогда не спрашивайте! Я уйду отъ васъ, если вы не пощадите меня, и вы никогда меня больше не увидите!

Она была точно въ изступленіи, глаза ея горѣли безумнымъ блескомъ и, какъ травленный звѣрь, оглядывалась она по сторонамъ, дрожа всѣмъ тѣломъ.

Н. И. Мердеръ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ВОСПОМИНАНІЯ А. В. ЭВАЛЬДА ¹⁾.

V.

Нарва и Иванъ-городъ.—Первыя знакомства.—Представленіе въ водѣ.—Осмотръ Иванъ-города.—Чуть было не погибель.—Находка въ церкви.—Устройство подводныхъ минъ.—Пріѣздъ начальника штаба.—Смотръ стрѣльбы изъ крѣпостныхъ ружей.—Хитрость капитана Одинцова.—Постройка невозможной батареи.—Неимѣніе въ крѣпости ея вѣрнаго плана.—Повѣрка стараго плана.—Приходъ англійской эскадры.—Вооруженіе Иванъ-города.—Срытіе дачъ передъ нимъ.—Устройство амбразуръ въ ветхой стѣнѣ.—Бой на устьѣ.—Заключеніе.

В 1855 ГОДУ я былъ назначенъ въ крѣпость Нарву, точно также какъ и въ прошлое лѣто въ Ревель, для производства инженерныхъ работъ.

Нарва, какъ извѣстно, лежитъ на лѣвомъ берегу рѣки Наровы, въ двѣнадцати верстахъ отъ впаденія ея въ море. Это была (теперь она уже скрыта) небольшая старинная шведская крѣпость, бастионной системы, прославленная подвигами Петра Великаго, во время борьбы его съ Карломъ XII, но въ наше время не могла уже имѣть никакого военнаго значенія, и надо было удивляться, что во время Крымской войны ее рѣшили вооружать, опасаясь англійскаго десанта.

Въ старину Нарва играла большую роль въ русской исторіи, когда принадлежала ливонскимъ рыцарямъ, съ которыми Новго-

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXI, стр. 573.

родъ, а потомъ Москва вели безпощадныя войны. Слѣды этой борьбы сохранились до нашихъ дней, въ видѣ каменной крѣпости Иванъ-городъ, выстроенной русскими по сю сторону рѣки Наровы, какъ разъ противъ Нарвы, такъ что только рѣка раздѣляла эти враждебныя крѣпости.

Иванъ-городская крѣпость, вѣроятно, древнѣе Нарвской, такъ какъ выстроена въ формѣ высокыхъ каменныхъ стѣнъ, съ зубцами и круглыми башнями, какъ строились всѣ древнія крѣпости до изобрѣтенія пороха и въ первое время по изобрѣтеніи его, когда еще стрѣлы и луки спорили съ фитильными ружьями, а баллисты и катапульты¹⁾ во многомъ превосходили дѣйствіе пушекъ, стрѣлявшихъ каменными ядрами.

Ясно, что такая крѣпость еще менѣе Нарвы была способна къ чему нибудь пригодиться, но и ее также приказано было привести въ оборонительное состояніе.

На другой день по пріѣздѣ я представился коменданту, генералу Ярмерштедту, невысокаго роста, сѣдому старику, который буквальное исполненіе приказаній высшаго начальства ставилъ выше всего на свѣтѣ. Такой узкій взглядъ на служебныя обязанности почтеннаго генерала, какъ увидимъ ниже, иногда очень дорого обходился казнѣ и приводилъ къ крайне печальнымъ результатамъ. Принялъ меня онъ привѣтливо и объявилъ, что назначаетъ инженеромъ въ Иванъ-городъ, подъ команду полковника Зиновьева, командира батальона петербургскаго ополченія, расположеннаго въ этой крѣпости.

Воротившись отъ коменданта въ отведенную мнѣ квартиру у какихъ-то двухъ старыхъ дѣвъ шведскаго происхожденія, я только что началъ снимать мундиръ, какъ въ комнату мою вошелъ незнакомый офицеръ, въ формѣ кавказскихъ саперъ.

— Здравствуйте! — сказалъ онъ прямо. — Я — капитанъ Иванъ Николаевичъ Одинцовъ и желаю съ вами познакомиться. Васъ какъ зовутъ?

Я назвалъ, прапорщикъ такой-то.

— Очень радъ (чему онъ былъ радъ?). Вы отъ коменданта?

— Да.

— Ну, что онъ вамъ сказалъ хорошаго?

— Назначилъ меня въ Иванъ-городъ.

— А! Къ Зиновьеву. Что-жь, это хорошо, вы будете тамъ совершенно самостоятельны, какъ единственный инженеръ. Зиновьевъ отличнѣйшій человекъ; онъ вѣдь состоитъ комендантомъ Иванъ-города, въ случаѣ осады, конечно. Напрасно вы снимаете мундиръ.

— Отчего?

¹⁾ Метательныя орудія древнихъ, бросавшія большіе камни и стрѣлы изъ цѣлыхъ бревенъ, при посредствѣ скрученныхъ канатовъ.

— Да я бы васъ сейчасъ же свелъ къ Зиновьеву, познакомить съ нимъ. Пойдемте!

— Съ большимъ удовольствіемъ.

Я снова одѣлся, и мы вышли. Солнце сильно пекло, а такъ какъ намъ пришлось идти берегомъ рѣки, то Одинцовъ, завидя купальню, предложилъ выкупаться. Въ купальнѣ было двое какихъ-то военныхъ. Они уже плавали, когда мы пришли. Раздѣвшись мы вошли также въ воду. Одинцовъ, купаясь, разговаривалъ съ ними. Потомъ онъ вдругъ спохватился и подозвалъ меня. Я подплылъ.

— Экая башка у меня разсѣянная,—сказалъ онъ.—Андрей Васильичъ,—обратился онъ къ одному изъ собесѣдниковъ,—позвольте вамъ представить только что назначеннаго къ вамъ инженера. Онъ именно къ вамъ шелъ представиться. Это—полковникъ Зиновьевъ,—прибавилъ Одинцовъ, обратясь ко мнѣ.

Положеніе было въ высшей степени комическое и затруднительное. Какъ было представляться начальнику въ костюмѣ Адама и въ водѣ? Военный артикулъ не предвидѣлъ подобнаго случая и потому не указалъ для него какогонибудь порядка. Я приложилъ было руку ко лбу, потомъ опустилъ ее, покраснѣлъ и рѣшительно не зналъ, что мнѣ дѣлать. Видя мое замѣшательство, Зиновьевъ расхохотался и дружески протянулъ мнѣ руку.

— Что за представленія ко мнѣ, да еще въ мундирѣ,—сказалъ онъ.—Вы, Иванъ Николаевичъ, просто привели бы его ко мнѣ обѣдать. Пожалуйста, придя домой, снимите вашъ мундиръ и приходите ко мнѣ. Я обѣдаю часа въ четыре.

Затѣмъ мы продолжали купаться очень весело, такъ какъ случай такого необычайнаго представленія начальству подалъ поводъ ко всякаго рода шуткамъ и остроуміямъ.

Къ четыремъ часамъ я пріѣхалъ къ Зиновьеву. Это былъ красивый мужчина, лѣтъ сорока, не болѣе, съ умными и выразительными глазами, съ мужественнымъ лицомъ, котораго красный боевой рубецъ на щекѣ не только не портилъ, но еще придавалъ ему оттѣнокъ удалства. Въ концѣ зала была стойка съ батальоннымъ знаменемъ, облокотясь на которую стоялъ Зиновьевъ, разговаривая съ нѣкоторыми изъ своихъ офицеровъ въ то время, какъ я вошелъ. Онъ тотчасъ же подошелъ ко мнѣ на встрѣчу, взялъ за руку и, подведя къ группѣ товарищей, назвалъ сначала меня, а потомъ началъ перечислять другихъ:

— Графъ Шуваловъ, графъ Бобринскій, свѣтлѣйшій князь Салтыковъ, Семевскій, графъ Сиверсъ, князь Трубецкой, Голубцевъ, Карамзинъ, князь Мещерскій, Зееле...

Съ каждымъ я раскланивался, пожимая руки. Все это были наши петербургскіе дворяне, которыхъ патриотическое чувство побудило оставить свои богатые хоромы и, надѣвъ сѣрый ополченскій ярмякъ, добровольно принять тяготу гарнизонной и походной службы. Та-

на которой сидѣлъ, я хотѣлъ приподняться, но почувствовалъ, что отъ этого усилія ступень подо мною крошится и обламывается. Меня даже въ холодный потъ ударило при мысли о возможности провалиться чортъ знаетъ куда! Какъ можно осторожнѣе достала я спичечницу, чиркнулъ огонь и кое-какъ осмотрѣлся: дѣйствительно я сидѣлъ на послѣдней ступени, которая отъ сырости вывѣтрилась, и меня поддерживалъ очень тонкій слой хрупкаго известняка... При малѣйшемъ неосторожномъ движеніи, моя подпора могла треснуть и тогда—аминь будущему защитнику Иванъ-города...

— Андрей Васильевич!—позвалъ я Зиновьева.

— Что?—глухо послышался его голосъ на верху.

— Спускайтесь осторожнѣе ко мнѣ. Надо помочь. Идите съ огнемъ.

Послышались его медленные шаги и непрерывное чирканье спичекъ. Всѣ ступени были завалены болѣе или менѣе мусоромъ, и надо было соблюдать большую осторожность, чтобъ не поскользнуться. Когда онъ подошелъ ступеней за пять до меня, я просилъ его остановиться, чтобы объяснить свое положеніе.

— Тутъ очень опасно, Андрей Васильевичъ. Я чуть было не провалился куда-то и сижу на очень тонкой ступени, которая трещитъ подо мною. Когда вы спуститесь до меня ступени за двѣ, то упритесь хорошенько о стѣну и дайте мнѣ руку; иначе я не могу подняться.

— А если мы оба полетимъ туда?—спросилъ онъ.

— Такъ лучше не подходите, а пришлите челоуѣкъ трехъ вашихъ ополченцевъ съ веревкой, я тутъ подожду.

— Ну, Богъ милуетъ,—сказалъ Зиновьевъ,—попробую и одинъ.

Онъ спустился ко мнѣ при свѣтѣ спичекъ и съ трудомъ оглядѣвъ положеніе, устроился попрочнѣе и подаль мнѣ руку. Со всею осторожностью я повернулся немного, прилегъ грудью на верхнюю ступень, приподнялъ ноги и, наконецъ, всталъ на болѣе прочную ступень.

— Слава Богу!—сказали мы оба.

— Что же тутъ такое?—спросилъ Зиновьевъ.

— А Богъ знаетъ! Лѣстницы дальше нѣтъ.

— Да куда же она дѣлась?

— Или вывѣтрилась, или ея и не было дальше. Вотъ попробуемъ.

Я подобралъ нѣсколько камней и началъ кидать внизъ: всѣ они летѣли довольно долго и булькали въ воду.

— Очевидно, тутъ никогда и не было лѣстницы,—сказалъ я.

— А эти-то верхнія ступени зачѣмъ?

— Это трудно сказать. Можетъ быть, онѣ кончались площадкой, и вся эта башня служила колодезцемъ для добыванія воды; а, можетъ быть, сюда кидали осужденныхъ, своихъ или плѣнныхъ. Мало ли что дѣлалось въ старину!

Мы поднялись на верхъ, и какъ я обрадовался, увидѣвъ опять этотъ свѣтъ, это солнце, съ которыми чуть было не расстался навсегда!

— Что вы тамъ нашли?—спросилъ ожидавшій насъ комендантъ.

Я рассказалъ ему, въ чемъ дѣло.

— Это очень хорошо,—сказалъ онъ.—Въ случаѣ осады вы будете знать, гдѣ добыть воду. Только надо разслѣдовать, какая тамъ вода, колодезная или рѣчная.

— Слушаю, ваше пр—ство, я разслѣдую.

Окончивъ обходъ знаменитой крѣпости, комендантъ поручилъ мнѣ составить свои соображенія о ея оборонѣ и представить ему проектъ. Затѣмъ, раскланявшись съ нами, онъ ушелъ, а Зиновьевъ мигнулъ мнѣ, чтобы я остался.

— Ну, что скажете, другъ мой?—спросилъ онъ, взявъ меня подъ руку и направляясь къ баракамъ ополченцевъ.

— Откровенно скажу вамъ, полковникъ, что если сюда явятся англичане (въ возможность чего, впрочемъ, я не вѣрю), то десятка ихъ выстрѣловъ будетъ достаточно, чтобы подъ развалинами этихъ стѣнъ похоронить весь вашъ батальонъ.

Зиновьевъ нахмурился.

— Хотя я въ инженерномъ дѣлѣ и ничего не понимаю,—сказалъ онъ,—но это самое и мнѣ кажется. Что же вы думаете дѣлать?

— Рѣшительно не знаю. Комендантъ хочетъ, какъ вы слышали, укрѣпить и вооружить эту развалину, а помоему отсюда надо вывести вашъ батальонъ и предоставить эти стѣны англичанамъ, еслибъ они ухитрились какъ нибудь сюда забраться: тогда нѣсколькими выстрѣлами изъ Нарвы мы засыплемъ ихъ камнями. Да впрочемъ едва ли они будутъ такъ глупы, чтобы засѣсть въ эту вѣрную могилу.

Говоря такимъ образомъ, мы подошли къ развалинамъ церкви. Это очень небольшой храмъ, сохранившійся немного лучше крѣпостныхъ стѣнъ. Ни дверей, ни оконъ, конечно, не было, только отверстія для нихъ. Внутри я замѣтилъ въ одной стѣнѣ вывалившійся камень и всунулъ туда руку: оказалось, тамъ пустота, шедшая вдоль стѣны. Засунувъ руку какъ можно дальше, я нащупалъ человѣческія кости и вытащилъ сначала черепъ, а потомъ кусокъ плечевой кости. Черепъ былъ старый, съ тремя всего зубами и съ трехугольнымъ проломомъ въ темени, какъ бы отъ удара трехграннымъ оружіемъ. Кому онъ принадлежалъ? Кто былъ замуравленъ въ этой церковной стѣнѣ? Вотъ любопытные вопросы, на которые негдѣ было найти отвѣта. Всего вѣроятнѣе, однако, предположить, что это былъ какой нибудь воевода, защитникъ крѣпости, или вообще знатное и почетное лицо, убитое въ одной изъ битвъ съ ливонцами, котораго благодарные современники похоронили въ церкви. Меня удивило только то, что никто изъ нарв-

ских жителей (между которыми были же люди образованные) не исследовалъ этого отверстія въ стѣнѣ раньше меня... Найденный черепъ долго хранился у меня, но потомъ, чрезъ нѣсколько лѣтъ, я подарилъ его одному любителю рѣдкостей, который впоследствии застрѣлился, и о дальнѣйшей судьбѣ этого черепа я не знаю.

На другой день я отправился къ коменданту и вмѣсто всякихъ проектовъ объ укрѣпленіи Иванъ-города высказалъ ему то же, что Зиновьеву, полагая, что онъ благоразумно согласится со мною. Но онъ не только не согласился, а еще разсердился за то, что я не исполнилъ его приказанія.

— Какъ вы можете такъ говорить?—почти кричалъ онъ на меня.—Какъ можно передъ самой крѣпостью, въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ нея, оставить для непріятеля такое прикрытіе, какъ толстыя каменные стѣны Иванъ-города?

— Но, ваше превосходительство, эти стѣны развалятся отъ нѣсколькихъ выстрѣловъ...—пробовалъ я возразить.

— Какъ развалятся? Отчего развалятся? Никогда не развалятся! Столько вѣковъ простояли, а теперь вдругъ развалятся!

— Въ старину не было такихъ орудій, какія у насъ... Иванъ-городъ представляетъ большую цѣль, въ которую можно бить изъ-за пяти верстъ...

— Что вы мнѣ говорите! Тутъ надо подвезти осадныя орудія, а откуда ихъ возьмутъ англичане? Во всякомъ случаѣ не ваше дѣло разсуждать, а исполнять то, что приказываютъ.

— Извольте, я составлю проектъ, какъ укрѣпить стѣны, чтобы онѣ не развалились, но это будетъ очень дорого стоить...

— Когда дѣло идетъ о защитѣ отечества, то о расходахъ не говорятъ.

Что могъ я болѣе возразить?

Для вѣщаго охраненія Нарвы и Иванъ-города отъ вторженія непріятеля водою, комендантъ поручилъ Одинцову, завѣдывавшему гальванической командой, расположить поперегъ рѣки подводныя мины (фугасы). Эти мины должны были состоять просто изъ деревянныхъ осмоленныхъ ящиковъ, начиненныхъ порохомъ. Не смотря на представленія Одинцова, что такого рода мины не годятся для воды, комендантъ приказалъ приготовить одну и бросить въ воду недѣли на двѣ для опыта. Приказаніе было исполнено, и къ брошенной минѣ былъ привязанъ поплавокъ, для отысканія ея. Но какой нибудь шутникъ или человѣкъ, польстившійся на казенный порохъ, укралъ мину. Однажды Одинцовъ пришелъ ко мнѣ сообщить объ этой пропажѣ и посоветоваться, что дѣлать. Мы взяли съ нимъ челнокъ и длинный багоръ, выѣхали на рѣку, на то мѣсто, гдѣ приблизительно была брошена мина, шарили по

дну во всѣхъ направленіяхъ, но мины и слѣдъ простылъ. А между тѣмъ, наавтра комендантъ назначилъ произвести опытъ взорванія мины и на этотъ очень красивый спектакль пригласилъ чуть не весь городъ. Что было дѣлать? Какъ ему сказать, что мина исчезла? Надо было схитрить. Пообѣщавъ своимъ гальванерамъ хорошую на водку и пироговъ, Одинцовъ посадилъ ихъ за работу, и вотъ за ночь новая мина была готова. Въ четвертомъ часу утра, чуть забрезжило солнце, мы съ нимъ выѣхали на рѣку, приладили проводники, бросили мину въ воду и благополучно вернулись домой, а на берегу оставили патруль караулить поплавокъ.

Около полудня комендантъ, съ большою свитою приглашенныхъ офицеровъ и дамъ, явился на бастіонъ, гдѣ приготовлена была гальваническая батарея. Всѣ военные очень интересовались этимъ опытомъ, и дамы съ нетерпѣніемъ ожидали появленія фонтана.

Одной изъ нихъ комендантъ любезно предложилъ соединить проволоки. Едва она исполнила это, какъ изъ рѣки поднялся гигантскій столпъ воды, дыма и брызгъ, что при сильномъ солнечномъ свѣтѣ произвело красивое впечатлѣніе. Всѣ такъ и ахнули отъ восторга... кромѣ Одинцова, конечно.

— Ну, что, Иванъ Николаичъ, — обратился къ нему комендантъ, — вотъ вы со мною спорили противъ этихъ минъ, а теперь сами видите, какъ онѣ дѣйствуютъ.

— Вижу, ваше превосходительство, — угрюмо отвѣчалъ Одинцовъ.

— То-то же и есть! А вы еще специалистъ, гальванеръ, хе-хе-хе! Молодые люди всегда любятъ спорить съ нами, стариками, — обратился комендантъ къ окружавшимъ его. — Сколько времени эта мина лежала въ водѣ? Недѣли двѣ, кажется.

— Поменьше того, — уклончиво отвѣчалъ Одинцовъ.

— Ну, немного менѣе, немного болѣе, это разницы особой не сдѣлаетъ. Такъ вотъ, Иванъ Николаичъ, вы заготовьте теперь такихъ минъ побольше, десятка три или четыре. Въ минуту надобности мы и расположимъ ихъ въ рѣкѣ въ шахматномъ порядкѣ, понимаете?

— Понимаю, ваше превосходительство.

— Посмотримъ тогда, какъ пройдутъ къ намъ англичане, хе-хе-хе!

И комендантъ ушелъ со своими дамами, очень довольный успѣхомъ будущаго истребленія англичанъ подводными минами.

Въ срединѣ лѣта въ Нарву пріѣхалъ начальникъ штаба инженернаго корпуса, генералъ-лейтенантъ фонъ-Цурмиленъ, почтенный воинъ временъ начала царствованія императора Николая. Вмѣстѣ съ комендантомъ и свитой офицеровъ всѣхъ родовъ ору-

жя онъ обходилъ всю крѣпость, осматривалъ ея вооруженіе, давалъ совѣты и указанія, гдѣ и что нужно еще сдѣлать. Между прочимъ, увидя на одномъ изъ бастіоновъ крѣпостныя ружья, онъ захотѣлъ посмотрѣть стрѣльбу изъ нихъ.

— Практиковались ли солдаты въ этой стрѣльбѣ? — спросилъ онъ гарнизоннаго офицера, завѣдывавшаго мѣстной командой.

— Точно такъ, ваше превосходительство! — смѣло отвѣтилъ тотъ

— Покажите мнѣ ихъ завтра, такъ — часовъ въ двѣнадцать.

— Слушаю-съ, ваше превосходительство!

Я очень удивился увѣреніямъ этого офицера, такъ какъ въ теченіе уже двухъ мѣсяцевъ, что былъ въ Нарвѣ, ни разу не слышалъ ни одного выстрѣла изъ крѣпостныхъ ружей и даже не видалъ ихъ нигдѣ. Поэтому меня очень заинтересовалъ предстоявшій смотръ стрѣльбы.

Въ назначенный часъ, на другой день, начальникъ штаба, комендантъ, плацъ-маіоръ, плацъ-адъютантъ и множество офицеровъ всѣхъ войскъ собрались на бастіонъ, съ котораго назначена была стрѣльба. Впереди бастіона, на полѣ, видны были три новенькія мишени.

— Начинайте, — приказалъ Цурмиленъ.

Первый вызванный солдатъ выстрѣлилъ; всѣ взглянули на мишень, изъ-за которой выскочилъ махальный и краснымъ флагомъ сдѣлалъ три оборота.

— Каково! — воскликнулъ Цурмиленъ: — въ третій кругъ угодила. Отлично. Ну-ка, слѣдующій...

Выстрѣлилъ другой солдатикъ. Опять у мишени выскочилъ махальный и обозначалъ пятый кругъ. Выстрѣлилъ третій солдатъ и попалъ во второй кругъ. Одинъ за однимъ они стрѣляли и одинъ лучше другаго. Я просто диву дался!

Нужно сказать, что богатые офицеры батальона Зиновьева выписали на свой счетъ для всего батальона бельгійскія ружья и каждый день, не жалѣя патроновъ, усердно обучали стрѣльбѣ ополченцевъ, но и тамъ далеко не достигли такого успѣха. А эти гарнизонныя крысы (какъ мы ихъ называли), все лѣто не сдѣлавшія ни одного выстрѣла, такъ и садили пулю за пулей около центра мишени. «Неужели изъ крѣпостныхъ ружей на столько легче стрѣлять?» — думалъ я. — «Положимъ, они держатся не на рукѣ, а лежатъ на твердой опорѣ, что очень облегчаетъ прицѣливаніе, но все-таки... Надо будетъ потомъ попробовать самому».

Начальникъ штаба былъ очень доволенъ стрѣльбой и очень благодарилъ коменданта и всю гарнизонную команду. По уходѣ начальства я отовзвалъ въ сторону Одинцова.

— Скажите, пожалуйста, Иванъ Николаичъ, откуда тутъ явились такіе стрѣлки?

— А, ха-ха-ха! — разсмѣялся онъ. — Что, вы очень удивились?

— Еще бы.

— Пойдемте къ мишенямъ, и я вамъ покажу секретъ. Вотъ видите, въ чемъ дѣло,—говорилъ онъ мнѣ дорогою,—наша исторія съ подводной миной получила нѣкоторую огласку между офицерами. Поэтому вчера командиръ гарнизонной команды пришелъ ко мнѣ и просилъ какъ нибудь выручить его. Сначала я было думалъ отыскать нѣсколькихъ хорошихъ стрѣлковъ въ другихъ частяхъ войскъ, одѣть ихъ въ гарнизонные мундиры и представить на смотръ. Но потомъ передумалъ, такъ какъ для этого пришлось бы входить въ соглашеніе со многими лицами, изъ которыхъ кто нибудь могъ бы выдать секретъ. Я нашелъ лучшее средство. Взявши своихъ двухъ гальванеровъ съ однимъ крѣпостнымъ ружьемъ, я отправился къ мишенямъ и съ разстоянія двухъ шаговъ они разстрѣляли всѣ три мишени самымъ наилучшимъ образомъ. Вы слышали вчера выстрѣлы?

— Слышалъ. Но я думалъ, что это гарнизонные практикуются наканунѣ смотра.

— Вѣроятно, то же самое думали и Цурмиленъ съ комендантомъ, если они слышали мою стрѣльбу. Ну-съ, надѣлавши порядочное количество дыръ, я велѣлъ настрогать деревянныхъ затычекъ по величинѣ отверстій, и когда это было готово, затычки вставлены въ дыры, и мишени какъ слѣдуетъ покрашены. Затѣмъ махальщиками я поставилъ тѣхъ же двухъ своихъ гальванеровъ, такъ какъ они уже посвящены были въ секретъ. Вы понимаете теперь, что гарнизонные стрѣляли зря, а махальный при осмотрѣ мишени выталкивалъ пальцемъ одну изъ моихъ затычекъ и давалъ надлежащій знакъ флагомъ.

Тутъ я въ свою очередь расхохотался.

— Господи, какъ это просто!

— Просто-то, просто, да придумать надо было.

— Зачѣмъ же мы идемъ къ мишенямъ? Мнѣ теперь уже не зачѣмъ ихъ смотрѣть.

— Нѣтъ, пойдемте. Мнѣ любопытно узнать, попала ли хоть случайно одна гарнизонная пуля въ мишень.

Мы подошли къ мишенямъ. Два ловкіе гальванера, лукаво улыбаясь, встрѣтили насъ.

— Ну, что, ребята, хорошо стрѣляли гарнизонныя крысы?—спросилъ Одинцовъ.

— Чудесно, ваше благородіе!—улыбаясь отвѣтилъ одинъ солдатъ.

— Безъ промаха били,—поддакнулъ второй.

— Въ самомъ дѣлѣ неужели ни одна ихъ шальная пуля не попала?

— Ни одна, ваше благородіе; какъ есть—чисто.

Одинцовъ внимательно осмотрѣлъ мишень и дѣйствительно не нашелъ ни одного отверстія, кромѣ сдѣланныхъ наканунѣ имъ самимъ.

— Спасибо, други!—сказалъ онъ солдатамъ.—Вотъ вамъ по три рубля, только смотрите: никому и ни гу-гу!

— Будьте покойны, ваше благородіе. Покорнѣйше васъ благодаримъ.

Понятно, что начальникъ гарнизонной команды не зналъ, какъ и благодарить Одинцова, такъ какъ безъ этой его помощи нажилъ бы себѣ очень крупныя непріятности. По правдѣ сказать, только Одинцовъ и могъ продѣлывать подобныя штуки, и только ему одному онѣ могли сходить съ рукъ. Онъ принадлежалъ къ числу очень немногихъ офицеровъ, которые умѣютъ обходиться съ солдатамъ; онъ не былъ педантомъ, говорилъ просто, толково, ничего лишняго не требовалъ, не пользовался какими либо солдатскими деньгами (что очень водилось въ то время среди начальниковъ отдѣльныхъ частей), за всякую личную услугу платилъ и вообще обходился съ солдатами патріархально, сердечно. Случалось, и разсердится и собственноручно поучить солдата, но безъ злости, и какъ только пройдетъ горячка, то сейчасъ же чѣмъ нибудь загладитъ свою вспышку. Солдаты его и боялись и любили, вѣрили и его уму и его честности и ни въ какомъ случаѣ не выдали бы его.

По отъѣздѣ начальника штаба, комендантъ прислалъ за мною, чтобы показать новую предстоящую работу. Дѣло въ томъ, что Цурмиленъ нашель нужнымъ построить на правомъ берегу Нарвы батарею на шесть орудій, которую, на случай взятія ея англичанами, можно было бы обстрѣливать съ бастионовъ Нарвы и изъ Иванъ-города. Для достиженія послѣдней цѣли, надо было въ Иванъ-городской стѣнѣ пробить амбразуры для пушекъ, а передъ Иванъ-городомъ срыть нѣсколько дачъ, чтобы очистить мѣсто для выстрѣловъ.

Когда мы приѣхали къ тому мѣсту, гдѣ предполагена была будущая батарея, я увидѣлъ пять высокихъ колебъ (вѣхъ).

— Вотъ,—сказалъ комендантъ,—тутъ должна стоять батарея. Самъ начальникъ штаба поставилъ эти вѣхи, обозначающія ея углы. Пожалуйста, немедленно приступите къ работѣ. Составьте чертежъ сегодня же и завтра утромъ покажите мнѣ. Батарея должна быть сомкнутая, барбетная ¹⁾ и вся минирована.

— Понимаю, ваше превосходительство.

— Всѣ эти дачи, закрывающія отсюда Иванъ-городъ, вы сроете и въ стѣнѣ пробьете двѣ амбразуры. Я потомъ самъ покажу вамъ мѣста для нихъ.

— Слушаю, ваше превосходительство.

¹⁾ Барбетомъ называется насыпь, дѣлаемая для того, чтобы орудіе стояло выше.

Взявъ нѣсколькихъ своихъ саперъ, я смѣрилъ разстояніе между вѣхами, углы, образованные ими, и вернулся домой, чтобы составить чертежъ. Вышла у меня какая-то нелѣпость: оказалось, что если выстроить батарею въ томъ размѣрѣ, какъ она обозначена вѣхами на мѣстѣ, то въ нее нельзя будетъ поставить не только шесть, но даже и двухъ орудій. «Не сдѣлалъ ли я ошибки при измѣреніи?»—мелькнуло у меня въ головѣ.

Въ виду спѣшности дѣла я не полѣнился и тотчасъ же поѣхалъ на тотъ берегъ провѣрить себя. Нѣтъ, слава Богу, промѣрено совершенно вѣрно. Тогда я понялъ, что начальникъ штаба поставилъ вѣхи только для того, чтобы обозначить направленіе фасовъ батареи, предоставляя, конечно, инженеру, расширить предѣлы насколько нужно, чтобы помѣстить шесть орудій. Однако, имѣя уже хорошее понятіе о взглядахъ коменданта, я нашелъ нужнымъ спросить его, прежде чѣмъ составлять подробный проектъ.

Являюсь къ нему и рассказываю, въ чемъ дѣло.

— Что вы, что вы?—даже испуганно закричалъ онъ.—Какое право мы имѣемъ передвигать вѣхи, поставленные собственноручно самимъ начальникомъ штаба?

— Но, ваше превосходительство, вѣдь тогда шесть орудій не помѣстятся тамъ.

— Помѣстятся, будьте покойны. Неужели вы думаете, что генералъ Цурмиленъ, такой опытный военный инженеръ, могъ сдѣлать подобную ошибку?

— Я не считаю этого ошибкой, ваше превосходительство, а полагаю, что опредѣлить размѣры батареи онъ предоставилъ строителю...

— Онъ ничего мнѣ не говорилъ объ этомъ, а прямо приказалъ выстроить батарею по поставленнымъ вѣхамъ.

— Нельзя ли, ваше превосходительство, обождать дня три-четыре и спросить объ этомъ начальника штаба письмомъ?—попробовалъ я предложить.

Комендантъ окончательно вышелъ изъ себя.

— Что вы все думаете учить меня!—крикнулъ онъ.—Дѣлайте, что вамъ приказано, и помните, что чѣмъ менѣе вы будете разсуждать, тѣмъ будетъ лучше. Ступайте!

Нечего было дѣлать, вернувшись домой, я засѣлъ за составленіе проекта. Вечеромъ засталъ меня за этой работой Одинцовъ, которому я рассказаль о своемъ смѣшномъ и глупомъ положеніи — составлять проектъ невозможной батареи.

— Это чепуха!—воскликнулъ онъ.—Вы, вѣроятно, не умѣете говорить съ комендантомъ и, очевидно, онъ васъ не понялъ. Подождите полъ-часа, я схожу къ нему и объяснюсь.

Черезъ часъ времени Одинцовъ вернулся обратно, хмурый и взбѣшенный такъ, какъ я его рѣдко видалъ.

— Это чортъ знаетъ, что такое!—кричалъ онъ, швырнувъ свою фуражку и ходя по комнатѣ, какъ тигръ въ клеткѣ.—Можно же быть такимъ педантомъ, такимъ слѣпымъ исполнителемъ приказаній!

— Что же онъ вамъ сказалъ?

— Да то же, что и вамъ! И слушать не хочетъ никакихъ разсужденій. Я ему доказывалъ, что если въ батарею влѣзутъ только два орудія вмѣсто шести, то вѣдь тогда приказаніе начальника штаба не будетъ выполнено, такъ какъ онъ ясно сказалъ о шести орудіяхъ. Но Ярмерштедтъ ничего не слушаетъ и только твердитъ о томъ, что начальникъ штаба собственноручно поставилъ вѣхи, и никто не имѣетъ права перемѣщать ихъ.

— Какъ же быть теперь, Иванъ Николаевичъ?

— Да какъ быть? Стройте, какъ онъ велитъ... противъ рожна не переть. Одно я вамъ посоветую: не начинайте работы, пока онъ своей подписью не утвердитъ проекта. Такъ ему и заявите завтра.

— Правда ваша.

На другое утро я отправился съ чертежами къ коменданту.

— Готово?—спросилъ онъ.

— Готово, ваше превосходительство.

— По вѣхамъ, поставленнымъ начальника штаба?

— Математически точно, ваше превосходительство.

Комендантъ осмотрѣлъ чертежи и остался ими очень доволенъ.

— Вотъ такъ-то лучше,—сказалъ онъ совершенно ласковымъ тономъ.—Знайте, молодой человѣкъ, и крѣпко запомните навсегда, что въ военной службѣ вообще, а въ особенности во время войны, все основано только на строжайшей точности исполненія приказаній. Отъ этого зависитъ успѣхъ всякаго предпріятія. Если каждый офицеръ будетъ позволять себѣ разсужденія, то вся армія расплывется по швамъ, какъ старый, никуда негодный кафтанъ. Вчера тутъ капитанъ Одинцовъ также приходилъ ко мнѣ толковать объ этой батарее...

— Да, я знаю, ваше превосходительство.

— Удивляюсь ему, удивляюсь! — говорилъ комендантъ. — Что можетъ быть простительно еще вамъ, какъ едва сошедшему со школьной скамейки, то уже совсѣмъ непростительно старому капитану. Я былъ поставленъ въ непріятное положеніе прочесть ему нотацію о дисциплинѣ. Хотя я очень люблю и уважаю Ивана Николаевича, но все-таки не могу позволить и ему разсуждать о приказаніяхъ начальства. Вы видите: я такой же генераль-лейтенантъ, какъ и начальникъ штаба, но я развѣ разсуждаю о его приказаніяхъ? Нѣтъ! Я только исполняю ихъ въ точности. Тѣмъ болѣе не могу позволить разсуждать офицерамъ, далеко младшимъ меня и возрастомъ и чиномъ. Не правда ли?

Я молча поклонился.

— Ну, да будетъ объ этомъ. Я надѣюсь, что впередъ вы не заставите меня говорить съ вами иначе, какъ любящій отецъ говорить съ сыномъ. Ступайте же на работу и исполните ее съ успѣхомъ. Я уже отдалъ приказаніе о выдачѣ вамъ всѣхъ необходимыхъ матеріаловъ и инструментовъ.

Началь я строить эту чудодѣйственную батарею. Не буду рассказывать о мало интересномъ производствѣ саперныхъ работъ; довольно сказать, что недѣли черезъ двѣ батарея была готова, со всѣми минными подъ нею галлереями, и я доложилъ коменданту объ окончаніи постройки.

На другой же день онъ приказалъ пріѣхать полевой батареей, назначенной для защиты возведеннаго мною укрѣпленія. Благополучно вкатили первое орудіе; затѣмъ двинули второе... но, увы, хоботъ перваго орудія мѣшалъ вѣхать второму. Кое-какъ, приподнявъ хоботъ втораго орудія, вкатили и его. О постановкѣ третьяго—нечего было и думать, да и первыя два, при откатахъ отъ выстрѣловъ, должны были мѣшать другъ другу.

— Что же это значитъ? Какъ же это такъ? — горячился комендантъ.

— Вамъ докладывали, ваше превосходительство, — вмѣшался бывшій тутъ Одинцовъ, — что размѣры батареи не годятся...

— Какъ не годятся, когда самъ начальникъ штаба ставилъ вѣхи!

— Да вѣдь онъ, вѣроятно, думалъ только опредѣлить...

— Что онъ думалъ, этого никто не знаетъ и не имѣетъ права о томъ разсуждать! — перебилъ комендантъ. — Вы, вѣроятно, сами измѣнили размѣры? — обратился онъ ко мнѣ.

— Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство. Вотъ извольте взглянуть на чертежъ.

Я подаль планъ батареи, подписанный имъ самимъ. Комендантъ осмотрѣлъ его, приказалъ веревочкой смѣрить размѣры въ натурѣ—все оказалось въ порядкѣ.

— Тутъ, должно быть, произошла непостижимая ошибка, — говорилъ онъ, покачивая головою. — Ну, что же дѣлать, поставимъ только два орудія.

Но противъ этого возсталъ батарейный командиръ.

— Я не могу оставить здѣсь два орудія, тѣмъ болѣе безъ всякаго прикрытія, — сказалъ онъ.

— Какъ безъ всякаго прикрытія? — возразилъ комендантъ. — Эта батарея будетъ обстрѣливаться съ бастионовъ крѣпости и изъ Иванъ-города.

— Это не составляетъ прикрытія, ваше превосходительство. Въ случаѣ атаки на батарею нужна будетъ пѣхота для защиты ея. А я тутъ не вижу даже простого ложементъ для пѣхоты...

Комендантъ совсѣмъ смутился.

— Ну, да, хорошо,—говорилъ онъ. — Мы все это потомъ обсудимъ и устроимъ. А вы, — обратился онъ ко мнѣ, — нанесите это укрѣпленіе на общій планъ крѣпости.

Исполняя приказаніе коменданта, взялъ я топографическіе инструменты, произвелъ съемку и отправился въ инженерное управленіе начертить свою постройку на общемъ планѣ крѣпости. Отмѣриваю тамъ циркулемъ и своимъ глазамъ не вѣрю: батарея моя приходится на планѣ совсѣмъ не тамъ, гдѣ она стоитъ въ натурѣ! Что за чертовщина! Навраль, должно быть, при съемкѣ. Взявъ снова инструменты, пошелъ еще разъ на мѣсто, произвелъ новую съемку и притомъ, для большей вѣрности, двумя разными способами. Наносу опять на планъ, и опять выходитъ то же: батарея моя ложится на старое мѣсто, но никакъ не на то, гдѣ ей быть надлежить.

На третій разъ позвалъ я въ помощь своего пріятеля и покровителя Одинцова. Произвели мы съ нимъ съемку сызнова, по всѣмъ правиламъ искусства, но когда прикинули на планѣ — получилось то же самое.

— Не врутъ ли инструменты? — замѣтилъ Одинцовъ. — Повѣримъ-ка сначала ихъ.

Вывѣрили всѣ инструменты, сдѣлали новую съемку, но получилось опять то же: батарея ложится на планѣ всякій разъ на одно мѣсто (значить, всѣ съемки произведены были вѣрно), но никакъ не туда, гдѣ ей надо быть по натурѣ.

Думали мы, думали, ничего не могли придумать. Планъ крѣпости былъ официальный, утвержденный, притомъ на немъ имѣлась надпись, что весною этого года онъ былъ, по приказанію коменданта, провѣренъ съ натурою поручикомъ Алопеусомъ.

— Бѣльше ничего не можетъ быть,—сказалъ Одинцовъ,—какъ то, что планъ не вѣренъ.

— Возможное ли это дѣло? — возразилъ я. — Какъ же можетъ быть не вѣренъ планъ крѣпости, на основаніи котораго производятся всѣ оборонительныя работы? Вѣдь это официальный планъ; притомъ же, какъ видите, тутъ еще надпись о томъ, что недавно онъ былъ провѣренъ...

— Да, конечно,—сказалъ Одинцовъ,—странно было бы, еслибъ въ крѣпости у коменданта былъ ея планъ невѣрный. Невозможно это допустить. Сдѣлаемъ еще разъ съемку...

— И пригласимъ еще кого нибудь.

— Хорошо.

Мы пригласили одного инженера, произвели съемку втроемъ, но когда нанесли на планъ крѣпости, получился все тотъ же результатъ!

— Ну, теперь очевидно, планъ невѣренъ!—воскликнулъ Одинцовъ.— Подождите тутъ немного, я сейчасъ доложу объ этомъ коменданту.

Комендантъ, также какъ и мы, не хотѣлъ вѣрить подобной нелѣпности и обозвалъ всѣхъ насъ троихъ невѣждами въ азбукѣ инженернаго дѣла, сказавъ, что завтра самъ пойдетъ показать намъ, какъ дѣлаются съемки. Дѣйствительно онъ произвелъ съемку самъ, со всевозможной тщательностью, но когда началъ наносить на планъ, то у него батарея очутилась на томъ же не подлежащемъ ей мѣстѣ, какъ и у насъ.

— Позвать поручика Алопеуса!—приказалъ онъ, сильно смущенный оказавшимся фактомъ.

Черезъ полчаса Алопеусъ явился. Это былъ уже старый офицеръ, полусѣдой, полулысый, одинъ изъ тѣхъ многихъ неудачниковъ по службѣ, о существованіи которыхъ судьба какъ будто совсѣмъ забываетъ.

— Вы провѣряли планъ крѣпости?—грозно спросилъ его комендантъ, указывая рукою на его подпись на планѣ.

— Виновать, ваше превосходительство... — пробормоталъ Алопеусъ, догадавшись по тону коменданта и по присутствію трехъ инженеровъ, что съ планомъ случилось что нибудь не ладное.

— Что это значитъ—виновать? То-есть вы не провѣряли его?

— Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство... я не смѣлъ думать, чтобы въ комендантскомъ управленіи крѣпости могъ найдти ея невѣрный планъ, и потому...

— И потому,—перебилъ комендантъ,—не исполнили моего приказанія? Да вѣдь оно для чего же нибудь было отдано? Какъ вы думаете? Или, я такъ, зря, по глупости своей, отдаю приказанія? А? Вы, конечно, умнѣе меня, вы разсуждаете, а старый генераль, комендантъ, не умѣетъ разсуждать! Такъ ли я долженъ понять ваше неповиновеніе?

— Ваше превосходительство...

— Безъ отговорокъ! Ни отговорокъ, ни оправданій тутъ не можетъ быть! Я долженъ буду отдать васъ подъ судъ! А пока, прямо отсюда ступайте на гауптвахту!

— Ваше превосходительство...

— Ни слова болѣе! На гауптвахту!

Несчастный Алопеусъ, убитый горемъ, повернулся и вышелъ. Комендантъ долго не могъ успокоиться отъ волненія и ходилъ по комнатѣ, то разговаривая самъ съ собою, то обращаясь къ намъ съ отрывистыми вопросами и замѣчаніями.

Онъ поручилъ провѣрку плана другимъ офицерамъ, причѣмъ оказалось, что старый планъ ровно ни къ чему не годился. Все на немъ было не вѣрно, не только какія нибудь мелочи, но даже цѣлыя бастіоны, размѣры, положеніе и формы которыхъ были со-

всѣмъ другіе, чѣмъ въ натурѣ. Кто и когда составлялъ этотъ планъ, я не знаю, но онъ существовалъ въ комендантскомъ управленіи, какъ неоспоримый документъ, на основаніи котораго дѣлались всѣ соображенія и расчеты по оборонѣ крѣпости!

Я навѣстилъ старика Алопеуса на гауптвахтѣ и, между прочимъ, разспрашивалъ его о планѣ. Онъ мнѣ говорилъ, что хотя и виноватъ въ томъ, что не исполнилъ приказанія коменданта, но сдѣлалъ это именно въ силу тѣхъ соображеній, что не допускалъ возможности существованія въ крѣпости невѣрнаго и почти фантастическаго ея плана, отчего не сдѣлалъ повѣрки, а только написалъ его.

— Вѣроятно, такія возможности существуютъ у насъ, въ Россіи,—замѣтилъ я,—и надо думать, что нашъ комендантъ, втеченіе своей долгой службы, встрѣчалъ подобные случаи, оттого и поручилъ вамъ сдѣлать повѣрку. Вы сдѣлали огромную ошибку, не исполнивъ его порученія.

— Да, ужъ я знаю, что виноватъ, но что прикажете дѣлать... довѣрился официальному документу... Видно, суждено мнѣ пропасть ни за грошъ...

Жаль было бѣднаго старика, имѣвшаго при томъ не малое семейство. Черезъ нѣсколько дней, когда комендантъ немного успокоился, всѣ инженерные офицеры явились къ нему просить за Алопеуса. Онъ сначала долго противился, но наконецъ его доброе сердце восторжествовало надъ служебными требованіями, и Алопеусъ отдѣлался только двухнедѣльнымъ арестомъ на гауптвахтѣ. Новый планъ былъ составленъ съ натуры и представленъ коменданту.

Помимо вооруженія самой Нарвы и Иванъ-города, комендантъ озаботился также укрѣпить устье рѣки Наровы, построивъ на обоихъ берегахъ ея батареи. Работы производилъ поручикъ Зигернъ-Корнъ, а орудіями командовалъ поручикъ Рустейко.

Въ одинъ прекрасный вечеръ съ этихъ батарей на устьѣ Наровы пришло извѣстіе, что на горизонтѣ показались три неприятельскія суда. Пошелъ переполохъ по всей Нарвѣ. Комендантъ тотчасъ же распорядился запереть всѣ крѣпостныя ворота, безъ пароля не пропускать, всѣмъ быть на своихъ мѣстахъ, зарядить орудія, зажечь фитили и т. д.

Я долженъ былъ отправиться по мѣсту своего служенія въ Иванъ-городъ, гдѣ нашелъ все начеку. На башняхъ стояли часовые, ворота были заперты. Батальонъ ополченцевъ выстроился передъ бараками, и Зиновьевъ обходилъ его, осматривая аммуницію и вооруженіе.

— Вотъ и инженеръ нашъ,—сказалъ онъ, подавая мнѣ руку.— Ну, какъ-то мы съ вами будемъ отсиживаться тутъ?

— Да такъ себѣ, Андрей Васильевичъ; посидимъ, покуримъ, поьемъ чайку. Что-жъ тутъ больше дѣлать, въ этомъ картонномъ укрѣпленіи?

— А если англичане придутъ и начнутъ ядрами катать?

— Будемъ отстрѣливаться... а не то, всего лучше, чтобы намъ не погибнуть отъ разрушающихся стѣнъ, какъ только появятся англичане, прикажите развернуть знамя, да съ барабаннымъ боемъ и выйдемъ, вылазкой на нихъ.

Я шутилъ, а Зиновьевъ серьезно задумался.

— А знаете ли, господа,—обратился онъ ко всѣмъ офицерамъ:—вѣдь вылазка будетъ дѣйствительно единственнымъ исходомъ; въ чистомъ полѣ мы все-таки будемъ безопаснѣе, чѣмъ тутъ.

— А разрѣшить ли вылазку комендантъ?—спросилъ кто-то.

— Вы забыли, что здѣсь—комендантомъ я!—отвѣтилъ Зиновьевъ.

Распустивъ ратниковъ по баракамъ, Зиновьевъ пригласилъ офицеровъ въ свой шатеръ на чай, во время котораго отъ коменданта прибѣжала вѣстовой, съ приглашеніемъ Зиновьева и меня на совѣщаніе. Комендантъ только что вернулся съ устья, куда онъ ѣздилъ для осмотра расположенія непріятеля. У него мы застали плацъ-маіора, плацъ-адъютанта и Одинцова. Они сидѣли по кресламъ, а комендантъ ходилъ изъ угла въ уголь.

— Что хорошаго, ваше превосходительство, на устьѣ?—спросилъ Зиновьевъ, когда мы раскланались со всѣми.

— Три судна пришли,—отвѣтилъ комендантъ.—Расположеніе ихъ показываетъ, что они думаютъ обстрѣливать наши батареи и, можетъ быть, начнутъ это раннимъ утромъ. Если имъ удастся сбить батареи, то мы будемъ совершенно открыты, возможны будутъ десантъ и осада Нарвы. Я оттого и послалъ за вами. Вотъ что, Андрей Васильевичъ...

Комендантъ взялъ Зиновьева за руку, подвелъ къ плану, разостланному на столѣ, и сдѣлалъ мнѣ головою знакъ тоже подойти.

— Вотъ что,—говорилъ онъ, указывая карандашемъ на планѣ,—въ этомъ мѣстѣ надо будетъ поставить два орудія... больше мнѣ нельзя вамъ дать. Мы поставимъ ихъ тутъ, чтобъ обстрѣливать рѣку внизъ по теченію. Вы понимаете, какъ ихъ тутъ поставить?—обратился онъ ко мнѣ.

— Понимаю, ваше превосходительство. Но только, мнѣ кажется, тутъ нельзя ихъ поставить.

— Отчего?

— Какъ разъ передъ ними находятся дачи... одна даже баварскаго консула.

— Вы ихъ сроеете... все, что есть передъ Иванъ-городомъ, все должно быть снято, чтобы не мѣшало обстрѣлу. Кстати,—обернулся онъ къ плацъ-маіору, полковнику Гноспеліусу,—немедля увѣдомьте владѣльцевъ дачъ и жильцевъ ихъ о нашемъ рѣшеніи. Имъ бу-

дети заплочено, что слѣдуетъ, но чтобы завтра всѣ живущіе тамъ перебрались въ городъ.

Плацъ-маіоръ поклонился. Комендантъ снова обратился ко мнѣ.

— Сейчасъ, прямо отъ меня, вы пройдете къ поручику Деревнину, завѣдующему матеріальной частью,—вы знаете его?

— Знаю, ваше превосходительство.

— Спросите у него всѣ инструменты и матеріалы, какіе вамъ понадобятся, возьмите саперъ и ополченцевъ сколько нужно и завтра, пораньше утромъ, приступите къ работѣ. Все это должно быть сдѣлано въ однѣ сутки, не болѣе.

— Едва ли успѣемъ такъ скоро, ваше превосходительство.

— Надо успѣть!

— Амбразуры, надѣюсь, пробить не долго, но разобрать дома, хотя деревянные, но довольно прочные, будетъ мѣшкотно.

— Если не успѣете разобрать, то сожгите ихъ!

— Не будетъ ли опасно жечь?—вмѣшался Одинцовъ.—Вѣдь Нарова не широка: угли и даже головни можетъ перебросить на бастионы и даже въ городъ... у насъ много пороху.

Комендантъ взглянулъ на Одинцова и подумалъ немного.

— Да, вы правы,—сказалъ онъ.

— Если позволите,—продолжалъ Одинцовъ,—то я помогу. Эвальдъ займется пробивкою амбразуръ и установкою орудій въ Иванъ-городъ, а я буду разрушать дачи, а то ему одному никакъ не справиться.

— Да, да, отчего же? А у васъ все готово?

— Все рѣшительно.

— Ну, хорошо, хорошо. Такъ вотъ, господа, такъ и распорядитесь; я надѣюсь на ваше стараніе. Идите же, вамъ надо торопиться,—сказалъ онъ мнѣ.

Отъ коменданта я отправился къ поручику Деревнину. Это былъ старый служака, чуть ли не изъ писарей дослужившійся до офицерскаго чина, но такой хорошій малый, что его всѣ любили. Небольшого роста, широкоплечій, съ огромной лысой головой, всегда веселый, гостепріимный и не дуракъ выпить въ доброй компаніи. Не проходило вечера, чтобы у него не пировали то тѣ, то другіе офицеры. Такъ какъ онъ завѣдывалъ матеріальною частью и всѣмъ хозяйствомъ крѣпости, то водку ему не приходилось покупать: казенной было запасено сколько угодно, и Деревнинъ распорядился ею, какъ собственной. Въ тѣ времена на это смотрѣли снисходительно. Какъ всегда, такъ и на этотъ разъ я засталъ у Деревнина цѣлую компанію пирующихъ.

— Ура!—закричалъ онъ, увидавъ меня.—Нашего полку пришло, господа! Садись сюда, душенька, и догоняй. Мы уже по седьмой прошли.

— По шестой,—замѣтилъ кто-то.

— По шестой или по седьмой, не все ли равно! Катай, душенька, поскорѣй.

Говоря это, онъ выставилъ передо мною шесть рюмокъ и налилъ ихъ водкою.

— Постойте,—сказалъ я,—какая тутъ водка, когда я къ вамъ пришелъ по дѣлу.

— Дѣло не волкъ, въ лѣсъ не убѣжить, а водка можетъ усохнуть, ха-ха-ха! Вали!

— Да не могу, чортъ васъ возьми! Меня комендантъ послалъ къ вамъ.

— Что ему, старому, нужно? Водки? Такъ это я могу: хоть цѣлый боченокъ пошлю.

— Инструменты нужны и лѣсъ въ Иванъ-городъ.

— Городъ городить? Ха-ха-ха! Теперь-то, ночью?

— Если не ночью, то очень рано утромъ.

— Ну, тогда и приходи, а теперь пей! Можетъ быть, послѣдній разъ передъ смертью. Вспомнишь меня, какъ будешь лежать въ могилкѣ, да ау! туда ужъ Деревнинъ не принесетъ тебѣ чарочки. А теперь вотъ цѣлая шестерка передъ тобой стоитъ. Ты, душенька, присядь тутъ честнымъ манеромъ, да одну за другой и пропусти ихъ, такъ, ласточками.

— Право же не могу, голубчикъ, Иванъ Ильичъ. Завтра, съ утра, у меня слѣшная работа: надо въ одинъ день вооружить Иванъ-городъ...

— Еще что выдумалъ! Да весь Иванъ-городъ отъ одного собственнаго выстрѣла развалится. Когда я тамъ хожу, то чихнуть боюсь, а не то, чтобы... Англичане тебя не убьютъ, а что ты будешь раздавленъ стѣнами, это вѣрно. Господа!—обратился Деревнинъ къ гостямъ:—простимся съ нимъ на вѣки вѣковъ. Аминь ему! Хорошій былъ человекъ и погибъ во цвѣтъ юности! Бери, братъ, рюмку и чокайся со всѣми передъ смертью; не видать намъ тебя, какъ ушей своихъ...

Онъ такъ уморительно грустно проговорилъ эту мнѣ эпитафію, что я невольно разсмѣялся и выпилъ одну рюмку, но отъ другихъ наотрѣзъ отказался и, подтвердивъ ему, что завтра рано утромъ явлюсь къ нему съ командой за матеріалами, ушелъ.

Въ четыре часа утра, на другой день, я отцавился на матеріальный дворъ, нѣсколько опасаясь, что не найду тамъ Деревнина, и уже заранѣе рѣшилъ въ такомъ случаѣ обойтись безъ него: пригласить двухъ-трехъ офицеровъ, открыть склады и составить протоколъ. Но къ моей великой радости ничего такого не пришлось дѣлать: ворота двора были открыты, и самъ Деревнинъ уже распоряжался тамъ.

— Ай да Иванъ Ильичъ! — сказалъ я. — Вотъ ужъ не ожидалъ васъ встрѣтить здѣсь, да еще такимъ молодцомъ! Какими это судьбами?

— А ты что думалъ? Что Иванъ Ильичъ лыка теперь не вяжетъ, ха-ха-ха? Нѣтъ, братъ, мы не таковскіе! Въ три часа я вскочилъ и сейчасъ же пошелъ на рѣку выкупаться. Ахъ, братъ, какъ хорошо было: ужъ и плавать-то я, и нырять, и все такое: весь хмель въ рѣкѣ оставилъ, какъ рукой все сняло! А ужъ урѣзали же вчера муху, здорово! Жаль, что ты не присталъ къ нашей компаніи.

— Оборони Богъ! У меня ни отъ какого купанья хмель не проходитъ, и я въ цѣлыя сутки не оправился бы. Но, однако, некогда разговаривать. Давайте-ка мнѣ товару.

— Да тебѣ что нужно?

— Брусевъ, досокъ, ломовъ, гвоздей, топоровъ, мало ли чего еще. Эй, ребята! — крикнулъ я своимъ своимъ солдатамъ. — Идите сюда!

— Да нельзя же, братъ, такъ. Надо все записывать.

— Ну, вы и записывайте, что мы будемъ брать. Ребята! Тащи сначала вотъ эти брусья. По четыре человекъ на штуку. На доски подвое, живо! Саперы, бери ломы и гвозди, пилы прихватите, да топоры, — въ хозяйствѣ все пригодится. Вѣгомъ!

Саперы и ополченцы начали быстро поднимать на плечи бревна и доски, такъ что Иванъ Ильичъ едва успѣвалъ отмѣчать, и черезъ четверть часа длинная процессія потянулась къ Иванъ-городу. Когда послѣдніе вышли за ворота, я взялъ извозчика и, обогнавъ ихъ, поѣхалъ впередъ.

Въ Иванъ-городѣ все было уже на ногахъ. Зиновьевъ лично провѣрялъ караульные посты. Передъ Иванъ-городомъ Одинцовъ съ командою саперъ и ополченцевъ усердно разрушалъ хорошенькія дачи, въ то время, какъ жильцы ихъ еще укладывали свои пожитки на возы. Особенно жалко было смотрѣть на бесполезное разрушеніе щегольской дачи баварскаго консула.

Когда явилась моя команда съ матеріалами, я велѣлъ пробивать амбразуры ломами, но черезъ пять минутъ долженъ былъ остановить эту работу, такъ какъ при каждомъ ударѣ лома сверху сыпались куски камня и извести такой величины, что могли пришибить рабочихъ. Надо было сначала выстроить прочный блиндажъ (навѣсъ или крышу) надъ мѣстомъ будущихъ амбразуръ. Пустили въ дѣло плотниковъ и застучали топоры.

Не буду описывать здѣсь всѣхъ подробностей работы; скажу только, что къ полудню блиндажи были готовы, и когда, подъ ихъ прикрытіемъ начали снова пробивать въ стѣнѣ амбразуры, то эту работу постоянно сопровождалъ дождь камней, сыпавшихся сверху и грохотавшихъ по деревянной крышѣ.

Но такъ или иначе, а провозившись цѣлый день за этой рабо-

той, къ шести часамъ вечера мы окончили ее, и двѣ амбразуры были готовы, съ платформами для орудій.

Уходя, чтобы доложить коменданту объ исполненіи его порученія, я зашелъ на работу Одинцова и на мѣстѣ нѣсколькихъ дачъ нашель только однѣ жалкія развалины, груды мусора, бревень и досокъ.

— Экое безобразіе мы съ вами сотворили сегодня! — сказалъ онъ мнѣ, указывая на жалкіе остатки дачъ, еще утромъ такъ щеголевато глядѣвшихся въ волны Наровы. — Вы къ коменданту идете?

— Да.

— Узнайте тамъ, чѣмъ кончилось дѣло на устьѣ. Я слышалъ канонаду почти до полудня, потомъ она вдругъ прекратилась. Любопытно знать, цѣлы ли наши батареи.

— Хорошо, разузнаю, что можно. До свиданія.

Коменданта я нашель дома. Онъ только что вернулся съ устья, куда ѣздилъ по окончаніи канонады, и обѣдалъ; но когда ему доложили о моемъ приходѣ, то онъ пригласилъ меня въ столовую. По первому взгляду на него я увидѣлъ, что онъ чѣмъ-то очень доволенъ.

— Что скажете? — спросилъ онъ, приказавъ денщику подать мнѣ стулъ подлѣ себя.

— Амбразуры съ платформами и блиндажами готовы, ваше превосходительство, — сказалъ я, садясь. — Капитанъ Одинцовъ дачи уже снялъ и теперь занятъ уборкою мусора. Гласисъ¹⁾ можно будетъ сдѣлать завтра.

— Прекрасно, прекрасно. Завтра утромъ я пришлю вамъ два орудія. Благодарю васъ, что сдѣлали такъ скоро.

— Ваше превосходительство были на устьѣ? — рѣшился я спросить.

— Да, да, я сейчасъ оттуда. Мы одержали маленькую побѣду. Чуть было не утопили одинъ непріятельскій фрегатъ, но крайней мѣрѣ на столько повредили его, что другой фрегатъ долженъ былъ взять его на буксиръ и отвезти.

— А раненыхъ и убитыхъ у насъ нѣтъ?

— Есть, къ сожалѣнію; два солдата убиты и, представьте себѣ, какая странность: убиты они не непріятельскимъ снарядомъ, а винградомъ²⁾ отъ нашей же пушки.

— Какъ же это такъ?

¹⁾ Гласисъ — покатая, отлогая насыпь, устраиваемая передъ укрѣпленіями, для того, чтобы подходящій непріятель былъ въ сферѣ выстрѣловъ.

²⁾ У прежнихъ орудій, заряжавшихся съ дула, свади была шипка, называвшаяся винградомъ и служившая для удобства маневровъ съ орудіемъ, при установкѣ его на лафетъ.

— Ядро отбило винградъ; само-то пролетѣло далѣе, никого не задѣвъ, а винградъ отскочилъ въ сторону и убилъ двухъ солдатъ.

— Это дѣйствительно странный случай. Болѣе никакого вреда не было, ваше превосходительство?

— Особеннаго ничего. Разбили два-три домика, не болѣе. Сами же англичане, должно быть, пострадали сильно, такъ какъ взятіе фрегата на буксиръ показываетъ, что онъ получилъ порядочную пробоину и, вѣроятно, долженъ будетъ уйти домой.

— Съ этимъ можно поздравить, ваше превосходительство.

— Да, да, благодарю васъ.

Старый комендантъ такъ добродушно принялъ мое поздравленіе, точно онъ самъ всадилъ въ англійскій фрегатъ то ядро, которое заставило его выйти изъ фронта.

Отъ коменданта я зашелъ къ плацъ-адъютанту, который ѣздилъ съ нимъ на устье. Онъ разсказалъ мнѣ слѣдующее: такъ какъ комендантъ думалъ, что съ моря англичане могутъ стрѣлять только во фронтъ, то наши двѣ батареи были выстроены безъ фланговъ¹⁾. Но англійскія суда, имѣвшія, какъ видно, хорошія свѣдѣнія о нашихъ дѣлахъ, стали именно во флангъ батареямъ. Инженерный поручикъ Зигернъ-Корнъ, строившій батареи, долженъ былъ, подъ сильнымъ огнемъ непріятели, насыпать фланги, чтобы прикрыть батареи, чтò ему и удалось исполнить во время канонады.

Затѣмъ онъ передалъ мнѣ слѣдующіе два случая. Денщикъ Зигернъ-Корна такъ перепугался, что забился въ уголъ подъ образами и долго тамъ сидѣлъ. Но, наконецъ, ему сдѣлалось невыносимо страшно одному, и онъ предпочелъ пойти на батарею къ своему барину. Не успѣлъ онъ сдѣлать нѣсколькихъ шаговъ отъ дома, какъ англійское ядро врѣзалось именно въ тотъ самый уголъ дома, гдѣ за минуту передъ тѣмъ сидѣлъ денщикъ и, разумѣется, разбило его въ дербезги! Говорите послѣ того, что не бываетъ предчувствій...

Въ селеніи на устьѣ былъ небольшой трактиръ. Хозяинъ его съ перепугу забился въ кровать, подъ перину, и все время канонады пролежалъ тамъ. А жена его, наоборотъ, пекла блины или пироги и сама подъ выстрѣлами носила ихъ на батарею угощать солдатъ! О мужественной и великодушной женщинѣ было сообщено при донесеніи, и она получила награду, не помню только какую.

Съ этими вѣстями я вернулся въ Иванъ-городъ, гдѣ Одинцовъ уже окончилъ свою разрушительную работу и сидѣлъ, вмѣстѣ со всѣми офицерами ополченія, въ шатрѣ Зиновьева. Громкое «ура» заключило мой разсказъ о подбитіи непріятельскаго фрегата, и на радостяхъ Зиновьевъ приказалъ выкатить ополченцамъ нѣсколько боченковъ водки.

¹⁾ То-есть безъ насыпей, защищающихъ отъ боковыхъ выстрѣловъ.

Недѣли черезъ двѣ изъ Петербурга были присланы награды защитникамъ Нарвы. Поручикъ Рустейко, за подбитіе фрегата, получилъ Георгіевскій крестъ. Зигернъ-Корнъ, за работы подъ огнемъ, получилъ Владимира въ петлицу. Нѣсколько георгіевскихъ крестовъ было прислано для солдатъ батареи и саперъ.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ я уѣхалъ изъ Нарвы и... странное дѣло, съ тѣхъ поръ ни разу не встрѣтился ни съ кѣмъ изъ участниковъ этой эпопеи, кромѣ поручика Зигернъ-Корна. Онъ сообщил мнѣ, между прочимъ, что Рустейко вскорѣ по моему отъѣздѣ зарѣзался, подъ влияніемъ маніи величія. Легко доставшійся Георгіевскій крестъ погубилъ его.

VI.

Мой первый литературный опытъ.—Выходъ въ отставку и поѣздка за границу.—Затруднительное положеніе.—Рѣшеніе мое поступить въ войска Гарibaldi.—Неожиданная перемѣна.—Мои корреспонденціи изъ Италіи въ «С.-Петербургскія Вѣдомости».—Основаніе газеты «Голосъ».—Старикъ Очкинъ.—Мое предложеніе Очкину издавать дешевую газету.—Основаніе газеты «Очерки».—Вѣжательство книгопродавца Кожанчикова.—Мое объясненіе съ однимъ изъ сотрудниковъ «Современника» Г. З. Елисеѣвымъ.—Обстоятельство, вынудившее меня устраниваться отъ изданія «Очерковъ».—Гибель этой газеты.

Я пробылъ въ военной службѣ недолго и въ скоромъ времени, послѣ Крымской войны, промѣнялъ мечъ на перо. Произошло это, однако, не вслѣдствіе какихъ либо серьезныхъ соображеній или расчетовъ, а совершенно случайно.

Еще бывши въ офицерскихъ классахъ инженернаго училища, я посѣщалъ семейство одного моего товарища Будкина, за сестрою котораго, Прасковей Николаевной, немного ухаживалъ. Однажды, прійдя къ нимъ, я засталъ ее за чтеніемъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», издававшихся тогда Очкинымъ. Мы разговорились о печати, и она, между прочимъ, думая поддразнить меня, сказала:

— Вотъ зачѣмъ вы не писатель? Тогда бы я читала здѣсь ваши сочиненія.

Не помню, что я отвѣтилъ на это, но только мое самолюбіе было задѣто, и я рѣшился приготовить ей сюрпризъ. Написавъ небольшую фельетонную статью, подъ названіемъ: «Союзники у Ревеля», я отправилъ ее по почтѣ въ редакцію «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» и ждалъ результата. Противъ моего ожиданія, статья эта была напечатана, о чемъ мнѣ объявила та же самая Прасковья Николаевна, пріятно пораженная, встрѣтивъ мою подпись въ печати. Доказавъ ей, что и я могу печататься, если захочу, я не придалъ этому случаю большаго значенія и далѣе не продолжалъ писать нѣсколько лѣтъ.

Въ 1860 году одно мое знакомое семейство провело лѣто за границей и по возвращеніи много рассказывало о тамошней жизни. Эти рассказы меня живо заинтересовали, и я рѣшился во что бы то ни стало съѣздить туда же. Но исполнить это было очень трудно, такъ какъ средствъ я никакихъ не имѣлъ, а на казенное офицерское содержаніе, не превышавшее трехсотъ рублей въ годъ, далеко не уѣдешь. Тогда я вспомнилъ о своей статьѣ въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» и рѣшился попытаться счастья въ этомъ направленіи.

Собравшись съ духомъ, я поѣхалъ къ Краевскому, бывшему компаньономъ Очкина по изданію «С.Петербургскихъ Вѣдомостей», и, объявивъ ему, что хочу ѣхать въ Италію, предложилъ свои услуги, какъ корреспондента. Такъ какъ это было въ самый разгаръ гарибальдійскаго движенія, то Краевскій очень обрадовался случаю имѣть тамъ корреспондента и охотно принялъ мое предложеніе. Но никакого матеріальнаго содѣйствія для поѣздки онъ мнѣ не оказалъ, а пообѣщавъ только платить по пяти копѣекъ за напечатанную строчку, и то при условіи, если мои письма будутъ интересны и пригодны для печати. Понятно, что такое обѣщаніе равнялось нулю, и никто на моемъ мѣстѣ на него не польстился бы. Но я былъ молодъ, желаніе побывать за границею охватило меня страстно, и я вполнѣ предался увлекшему меня желанію, нимало не думая о томъ, чѣмъ рисковалъ.

Сообщивъ о своемъ рѣшеніи отцу, я просилъ его снабдить меня на дорогу деньгами, сколько можетъ, и въ отвѣтъ получилъ отъ него семьсотъ рублей. Большую часть этихъ денегъ пришлось оставить въ С.-Петербургѣ, частью на уплату накопившихся долговъ, частью для того, чтобы шить себѣ статское платье и бѣлье. Выѣхавъ я изъ Петербурга, въ февралѣ мѣсяцѣ, имѣя въ карманѣ всего сто пятьдесятъ рублей.

Со мною поѣхалъ одинъ пріятель дѣтства, архитекторъ Пироговъ, направлявшійся во Францію, по какимъ-то семейнымъ дѣламъ.

Прокатали мы съ нимъ черезъ Берлинъ по Германіи, завернули въ Женеву, оттуда въ Ліонъ, потомъ въ Марсель, черезъ Тулонъ въ Ниццу, въ Геную и, наконецъ, добрались до Флоренціи. Тутъ мое путешествіе волей-неволей должно было прекратиться, такъ какъ у меня осталось денегъ всего пять рублей.

Пироговъ, пробывъ дня два во Флоренціи, уѣхалъ въ Парижъ, и я остался совершенно одинъ въ чужой странѣ, о языкѣ которой не имѣлъ никакого понятія, а главное безъ денегъ.

Оставаться въ гостинницѣ, по дороговизнѣ, не было никакой возможности, и я первымъ дѣломъ пошелъ по городу отыскивать себѣ болѣе дешевый, удобный пріютъ.

У меня былъ съ собою какой-то гидъ, съ небольшими діалогами въ концѣ, для самыхъ необходимыхъ потребностей. Находя

на домахъ наклеенные билеты объ отдачѣ мебелированныхъ комнатъ, я заходилъ туда и при помощи гида пробовалъ кое-какъ объясняться, но, увы, совершенно безуспѣшно. И меня не понимали, и я не понималъ. Доведенный почти до отчаянія, я зашелъ еще по одному адресу и, стоя у дверей, слышалъ громкій смѣхъ многихъ голосовъ. Звонилъ, звонилъ, нѣсколько разъ, пока среди смѣха слабый звонокъ былъ слышанъ. Дверь, наконецъ, съ шумомъ отворилась, и на меня чуть не наткнулась съ разбѣга молодая и красивая итальянка, одѣтая въ бѣлой юбкѣ и кофтѣ и продолжавшая хохотать. Замѣтивъ совершенно незнакомое лицо, она оторопѣла и спросила посвоему: что мнѣ нужно?

Я открылъ свой гидъ и началъ ей показывать пальцами нужные мнѣ вопросы.

— Да вы не говорите ли пофранцузски? — спросила она на этомъ языкѣ.

Господи, какъ я обрадовался знакомымъ мнѣ звукамъ!

— Говорю, конечно! — быстро отвѣтилъ я. — Ради Бога помогите мнѣ тутъ объясниться.

При ея содѣйствіи я могъ, наконецъ, вступить въ переговоры и нанялъ большую угловую комнату въ три окна, съ завтракомъ, обѣдомъ и ужиномъ, за двадцать пять рублей въ мѣсяцъ, при условіи, что могу платить по окончаніи мѣсяца, что для меня было важнѣе всего.

Хозяйка квартиры, небольшого роста и крайне безобразная женщина, оказалась добрѣйшимъ въ мірѣ существомъ; цѣлый годъ почти, что я прожилъ у нея, она ухаживала за мною самымъ предупредительнымъ образомъ, совершенно въ противность нашимъ петербургскимъ аферисткамъ, отдающимъ мебелированныя комнаты и старающимся содрать съ жильца какъ можно больше и дать ему какъ можно меньше удобствъ.

Въ комнатѣ рядомъ со мною помѣщался молодой скульпторъ Эрнесто Ардзени, со своей женой Джуліей Бини, той самой, которая отворила мнѣ дверь и помогла водвориться.

Далѣе жилъ одинъ нѣмецъ, живописецъ-копіистъ, и, наконецъ, одинъ гарибальдіецъ Джокондо.

Устроившись такимъ образомъ, я началъ каждый день ходить въ почтамы, справляться, нѣтъ ли на мое имя писемъ. Но прошла недѣля, другая, третья, а мнѣ все повторяли одно и то же, что писемъ нѣтъ.

Трудно передать, какъ меня это удивляло и огорчало. Что нѣтъ извѣстія отъ Краевского, я еще могъ допустить, по той причинѣ, что письма могли не понравиться ему или вообще не были пригодны для печати. Но вѣдь, кромѣ Краевского, я ожидалъ писемъ отъ родныхъ, знакомыхъ, и вдругъ ни отъ кого! Неужели

съ моимъ отъѣздомъ всѣ меня забыли? Но отецъ мой или мать? Не могли же и они забыть и бросить меня?!

Между тѣмъ мѣсяцъ подходилъ къ концу, и надо было подумать о томъ, какъ расчитаться съ хозяйкой. Когда человѣкъ находится въ большомъ горѣ или въ сильной радости, то у него является желаніе подѣлиться съ кѣмъ нибудь причиною своего возбужденія. Въ силу этого закона человѣческой природы, я разсказалъ гарибальдійцу Джокондо о своемъ трагическомъ положеніи, хотя и ужаснымъ еще итальянскимъ языкомъ, но онъ все-таки меня понялъ.

— Ничего синьоръ,—утѣшалъ онъ меня:—бываетъ и хуже. Хозяйка наша—женщина очень хорошая; она подождетъ и никакихъ неприятностей вамъ не сдѣлаетъ. Что касается до вашихъ опасеній за будущее, если ваши письма не будутъ печататься, то и этому горю можно пособить.

— Какъ такъ?

— А очень просто: запишитесь къ намъ въ отрядъ волонтеровъ. Вы, какъ инженерный офицеръ, можете быть очень полезны, и Гарибальди съ охотою васъ приметъ. Онъ меня знаетъ лично и немного дѣлать. Если хотите, я напишу ему, а не то и безъ него можете записаться: во Флоренціи есть гарибальдійскій комитетъ, собирающій волонтеровъ. Пойдемте туда.

— Но какая же мнѣ польза отъ этого будетъ?

— Небольшая, это правда, но все-таки съ голоду не умрете, до отккрытія военныхъ дѣйствій вы будете получать отъ комитета по одному франку въ день.

Поблагодаривъ Джокондо за добрый совѣтъ, я просилъ его, однако, обождать съ этимъ рѣшеніемъ до конца мѣсяца. Каждый день съ лихорадочнымъ волненіемъ подходилъ я къ почтамту, но постоянно продолжалъ получать одинъ и тотъ же отрицательный отвѣтъ. Наступилъ, наконецъ, послѣдній день назначеннаго мною срока, и на этотъ разъ со мною отправился Джокондо. Писемъ опять таки не было, и мы пошли съ нимъ въ гарибальдійскій комитетъ.

Этотъ комитетъ собирался въ задней комнатѣ одного ресторана.

За большимъ столомъ сидѣли тамъ три гарибальдійца въ историческихъ красныхъ рубашкахъ. Передъ ними лежали книги и бумаги. Джокондо объяснилъ имъ цѣль моего прибытія, и всѣ эти герои радостно привѣтствовали меня, дружески пожимая руку. Меня тотчасъ же записали и спросили паспортъ. Но у меня его съ собой не было, и я обѣщалъ принести на другой день.

Наступила, наконецъ, роковая минута. Чтобы понять ея значеніе, нужно знать, что въ то время наше правительство относилось къ похищеніямъ Гарибальди далеко не сочувственно, какъ къ революціонеру, разрушавшему итальянскіе троны. Понятно,

что если бы я, какъ русскій офицеръ, поступилъ въ его войско, то подвергся бы, при возвращеніи на родину, строгому взысканію, можетъ быть, военному суду, или долженъ былъ бы остаться навсегда за границей. Тутъ было о чемъ подумать.

Поэтому, отправляясь на другой день въ гарибальдійскій комитетъ, чтобы передать свой паспортъ, я просилъ Джокондо зайти по дорогѣ еще разъ въ почтамтъ, питая уже слабую надежду на какое нибудь спасеніе. Но... писемъ не было, и я, повѣсивъ голову, отправился за Джокондо.

Но когда мы переходили площадь della Signoria, на которой помѣщался почтамтъ, вдругъ свѣтлая мысль оварила мою голову, и я остановилъ Джокондо.

— Что такое?—спросилъ онъ.

— Вернемтесь еще къ почтамту!—сказалъ я, въ сильнѣйшемъ волненіи.

— Зачѣмъ? Вѣдь писемъ все равно нѣтъ.

— Можетъ быть, и есть; пойдете скорѣе!

И, не ожидая его отвѣта, я почти побѣжалъ назадъ.

Дѣло въ томъ, что во Флоренціи письма *poste restante* выдавались изъ оконъ почтамта прямо на улицу, надъ которыми были обозначены литеры.

Я подходилъ всегда къ окну съ литерой E, а тутъ мнѣ неожиданно пришло въ голову, что не сортируются ли мои письма подъ букву A, начальную моего имени. Подбѣжавъ къ окну съ литерой A, я спросилъ, нѣтъ ли писемъ на имя: Arcadi Ewald.

— Цѣлая куча и многія уже давно лежатъ,—отвѣтилъ мнѣ чиновникъ.—Отчего вы такъ долго не приходили?

И онъ передалъ мнѣ дѣйствительно штукъ двадцать накопившихся за мѣсяць писемъ. Схвативъ ихъ въ неописанномъ восторгѣ, я быстро пересмотрѣлъ конверты и прежде всего распечаталъ два или три письма отъ Краевского, въ одномъ изъ которыхъ нашелъ переводный вексель.

Ура! Краевскій мнѣ пишетъ, что статьи мои интересуютъ читателей, просить продолжать въ такомъ же родѣ и высылаетъ деньги за первое напечатанное мое письмо! Слава Богу! Я теперь спасенъ и обезпеченъ! Оказалось, что изъ-за собственной своей недогадливости я напрасно перестрадалъ такъ много, цѣлый мѣсяць.

Такимъ-то образомъ я вступилъ на печальный и тернистый путь русскаго журналиста...

Описывать свое пребываніе въ Италіи я здѣсь не буду, такъ какъ всѣ свои впечатлѣнія уже описывалъ въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» и надѣюсь издать ихъ когда нибудь особой книгой, а прямо перейду ко времени своего возвращенія въ С.-Петербургъ.

Вернулся я въ декабрѣ 1861 года, пробывъ за границею одиннадцать мѣсяцевъ. Краевскій и Очкинъ встрѣтили меня съ рас-

простертыми объятіями и разсказывали, что мои письма читались съ большимъ интересомъ. Вслѣдствіе этого Краевскій предложилъ мнѣ замѣнить въ «Отечественныхъ Запискахъ» Розентейма, и я началъ тамъ писать рядъ фельетоновъ, подъ общимъ заглавіемъ: «Все и ничего».

Къ 1-му января 1862 года кончился срокъ аренды «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей». Краевскій и Очкинъ рѣшили больше не возобновлять контракта съ Академіей Наукъ, такъ какъ Краевскій чувствовалъ себя въ силахъ и находилъ болѣе выгоднымъ предпринять частное изданіе, на собственный страхъ и рискъ. По этому поводу у него происходили совѣщанія съ главными сотрудниками и между прочимъ по поводу названія самой газеты. Изъ множества проектированныхъ названій Краевскому почему-то понравилось болѣе всѣхъ названіе «Голосъ». Я возражалъ противъ этого, говоря, что слово «Голосъ» непременно требуетъ дополненія: голосъ кого, голосъ чего, а само по себѣ не имѣетъ никакого смысла. Другіе представляли ему, что это слово дастъ большую пищу для всякаго рода остротъ и шутокъ сатирической журналистики. На это Краевскій отвѣчалъ: тѣмъ лучше; чѣмъ больше будутъ остричь и шутить надъ «Голосомъ», тѣмъ больше будутъ его рекламировать. Такъ онъ и остался при этомъ названіи.

О составѣ редакціи много нечего было заботиться, такъ какъ всѣ участвовавшіе въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» почти цѣликомъ перешли въ «Голосъ».

Очкинъ очень часто пріѣзжалъ къ Краевскому и присутствовалъ при совѣщаніяхъ. Я обратилъ вниманіе на то, что онъ потерялъ свою прежнюю живость, молча слушалъ, не вмѣшивался въ разговоры и вообще сидѣлъ, какъ ошпаренная курица.

Однажды я подошелъ къ нему и спросилъ у него о причинѣ такого угнетеннаго состоянія духа. Онъ мнѣ отвѣтилъ, что его угнетаетъ полная бездѣятельность, послѣ многолѣтней привычки работать безъ отдыха съ утра до ночи.

— Я каждый день просыпаюсь теперь съ ужасомъ, думая о томъ, какъ убить восемнадцать часовъ времени, — говорилъ онъ мнѣ. — Иногда мысли до того начинаютъ путаться, что, кажется, я начинаю съ ума сходить. Да это и случится, если я не найду себѣ подходящаго занятія.

Мнѣ стало жаль почтеннаго старика, и я обѣщалъ ему придумать какое нибудь дѣло.

Пробовалъ я поговорить объ немъ съ Краевскимъ, не найдеть ли онъ возможность принять Очкина въ компанію по изданію «Голоса». Но Краевскій нашелъ это неудобнымъ по многимъ очень уважительнымъ причинамъ, съ которыми я совершенно согласился.

Черезъ нѣсколько времени послѣ того я все-таки додумался до дѣла, пригоднаго для Очкина, и тотчасъ поѣхалъ къ нему сообщить

свой проектъ. Дѣло это состояло въ томъ, чтобы онъ предпринялъ изданіе небольшой и недорогой литературно-политической газеты; я доказывалъ необходимость ея существованія тѣмъ, что на такія газеты, какъ «Голосъ», могутъ подписываться только люди состоятельные, а между тѣмъ наибольшая масса читающей публики состоитъ изъ людей бѣдныхъ, которымъ каждый лишній рубль составляетъ большой расчетъ.

Выслушавъ всѣ мои доводы и доказательства, Очкинъ пришелъ въ восторгъ, не зная, какъ меня благодарить за эту мысль, и тутъ же пригласилъ быть его товарищемъ по изданію, отчего я, конечно, не отказался. Сообщили мы этотъ проектъ Краевскому. Онъ былъ противъ такого изданія, говоря, что въ маленькой газетѣ невозможно умѣстить всего потребнаго матеріала, что даже и въ «Голосѣ» онъ постоянно затрудняется недостаткомъ мѣста. Но его возраженія не поколебали Очкина, и онъ твердо рѣшился начать это предпріятіе.

Между тѣмъ, онъ долженъ былъ уѣхать на лѣто въ Парижъ и на время своего отсутствія просилъ меня готовить понемногу дѣло, т. е. подобрать составъ сотрудниковъ, составить программу изданія, сговориться съ какимъ нибудь книжнымъ магазиномъ о содержаніи конторы и прочее. По этому поводу между мною и Очкинымъ шла все лѣто дѣятельная переписка. Онъ принялъ почти безъ перемѣны составленную мною программу и изъ нѣсколькихъ предложенныхъ мною названій выбралъ «Очерки».

Отъ 20-го іюля онъ прислалъ мнѣ изъ Парижа слѣдующую коротенькую записочку:

«Посылаю вамъ прошеніе и программу, потрудитесь подписать то и другое и подайте въ цензурный комитетъ. Завтра я отправлю письмо къ Цез, Тройницкому и Потапову, съ просьбою о скорѣйшемъ рѣшеніи дѣла. Всѣ они люди мнѣ давно знакомые».

Исполнивъ это его порученіе, я, по совѣту Краевского, для устройства конторы обратился къ книжному торговцу Кожанчикову. Онъ охотно взялся за это дѣло и... погубилъ его.

Дѣло въ томъ, что Кожанчиковъ занимался торговлей не только ради одного барыша, но еще съ цѣлью пропаганды. Онъ былъ въ большой дружбѣ съ Елисеѣвымъ, Антоновичемъ и другими либералами того времени и хлопоталъ пристроить ихъ къ какому нибудь періодическому изданію. Предпринимаемое Очкинымъ изданіе представлялось ему очень подходящимъ для того случая, чѣмъ онъ и рѣшился воспользоваться, рассчитывая на безхарактерность и деликатность Очкина.

2-го сентября я получилъ отъ Очкина по городской почтѣ такого рода записку:

«Имѣю честь донести, что я благополучно возвратился въ С.-Петербургъ и готовъ приняться за наше дѣло; но прежде всего

желалъ бы узнать, въ какомъ положеніи оно находится. Не потрудитесь ли вы пожаловать ко мнѣ хоть завтра?

Я, разумѣется, поѣхалъ къ нему и передалъ подробно о всемъ, что мною сдѣлано. Онъ очень благодарилъ меня за все, но замѣтилъ, что составъ сотрудниковъ надо будетъ измѣнить.

— Вы поймете хорошо, — говорилъ онъ, — что, начиная новую газету, надо чѣмъ нибудь привлечь къ ней публику. Теперь въ большой модѣ такіе писатели, какъ Елисеѣвъ, Антоновичъ, Чернышевскій и другіе. Наша публика, въ особенности молодежь, зачитывается ими. Безъ нихъ мы будемъ только лапти плести, а съ ними, наоборотъ, можно рассчитывать на блестящій успѣхъ. Вчера вечеромъ у меня былъ Кожанчиковъ и особенно настаивалъ на этомъ, а онъ, какъ вы знаете, старый и опытный человѣкъ въ дѣлѣ изданій.

Слушая это, я вытаращилъ глаза, совершенно не понимая, что сдѣбалось съ Очкинымъ.

— Какъ это такъ, Амплій Николаичъ, — спросилъ я: — вы хотите пригласить сотрудниками Елисеѣва, Антоновича, Чернышевскаго? Да какую же газету вы хотите издавать? Нѣчто въ родѣ «Колокола»?

— Что вы, что вы? — замахалъ онъ руками.

— Какъ же иначе? Развѣ вы не знаете, какого направленія держатся эти писатели?

— Эхъ! Что тутъ направленіе! — воскликнулъ онъ. — Вѣдь и я, и вы будемъ прочитывать ихъ статьи и не пропустимъ чего нибудь опаснаго. Намъ нужны только имена ихъ, для привлеченія публики, а въ редакціонномъ отношеніи, повѣрьте, уладимся съ ними. Кожанчиковъ хорошо ихъ знаетъ и увѣрялъ меня вчера, что объ этомъ беспокоиться нечего.

— Да что Кожанчиковъ, — возразилъ я: — вѣдь не онъ будетъ издавать, а мы съ вами. Но я рѣшительно не нахожу возможнымъ какъ бы то ни было сойтись съ представителями этой партіи.

— Да вы только попробуйте поговорить съ ними; можетъ быть, и сойдется на чемъ нибудь. Не даромъ же говорится: не такъ страшенъ чортъ, какъ его малюютъ. Я напишу сейчасъ Кожанчикову, чтобы онъ познакомилъ васъ съ ними. Попробуйте переговорить; вѣдь отъ этого ничего вамъ не сдѣлается худаго. Попытка — не пытка, спрось — не бѣда.

Чтобы успокоить его, я согласился, и дня черезъ два, по моему приглашенію, сдѣланному черезъ Кожанчикова, Елисеѣвъ пріѣхалъ ко мнѣ. По первому взгляду на него, я убѣдился, что никакое соглашеніе между нами не будетъ возможно, да, вѣроятно, къ тому же убѣжденію пришелъ и Елисеѣвъ. Не желая вилать и бесполезно тануть разговоръ, я поставилъ вопросъ прямо ребромъ.

— Вы знаете, конечно, отъ Кожанчикова о причинѣ нашего свиданія,—сказалъ я.

— Знаю и удивляюсь этому,—отвѣтилъ Елисеѣвъ.

— То-есть чему именно?

— Тому, что вы хотите сдѣлать попытку сойтись со мною.

— Я такого желанія вовсе не имѣю, г. Елисеѣвъ, вы ошибаетесь. Сегодня я говорю съ вами только по просьбѣ Очкина, который желаетъ, чтобы вы участвовали въ редакціи его газеты.

— Но Кожанчиковъ мнѣ говорилъ, что вы состоите компаньономъ Очкина?

— Да, пока. Но, я думаю, вы поймете, что если желаніе Очкина состоится, то только при условіи, что я оставлю его.

— А! Это другое дѣло...

— Иначе и быть не можетъ. Очкинъ смотритъ на это дѣло только съ коммерческой точки зрѣнія: ему все равно, кто бы ни руководилъ его газетой, какое бы направленіе она ни имѣла, лишь бы давала хорошій доходъ. Хотя онъ и старый издатель, но уже изъ того, что онъ почелъ возможнымъ соединить меня съ вами, вы можете убѣдиться, какъ онъ мало свѣдуещъ въ настоящемъ положеніи журналистики.

Легкая насмѣшливая улыбка пробѣжала по лицу Елисеѣва.

— А вы сами,—сказалъ онъ —считаете невозможнымъ сойтись со мною?

— Совершенно, какъ двумъ концамъ магнитной стрѣлки. Вы исповѣдуете разрушеніе, а я созиданіе.

— Одно безъ другого немислимо,—замѣтилъ Елисеѣвъ, нахмуривъ брови.—Нашъ храмъ обветшалъ; надо построить новый; а какъ же это сдѣлать, не разрушая стараго? Мы съ вами новаго не успѣемъ создать, это будетъ дѣломъ грядущихъ поколѣній; довольно будетъ на нашъ вѣкъ, если мы уничтожимъ ветхія развалины и подготовимъ почву для новаго зданія.

— Объ этихъ вопросахъ можно спорить безконечно,—возразилъ я,—и мы все-таки ни къ чему не придемъ. Скажу вамъ коротко: въ Европѣ есть народъ, который вѣчно создаетъ новое, никогда не разрушая ничего стараго. Это, какъ вамъ извѣстно, англичане. Изъ ихъ примѣра я вывожу, что такимъ путемъ можно идти впередъ, безъ тѣхъ скачковъ то впередъ, то назадъ, которые вѣчно совершаются у насъ, въ Россіи, не приводя ровно ни къ чему.

— Катковщина,—презрительно замѣтилъ Елисеѣвъ ¹⁾.

— Называйте, какъ хотите. Я привелъ этотъ примѣръ только къ тому, чтобы показать, какъ мало общаго между мною и вами, и какъ невозможно какое либо соглашеніе между нами. Поэтому,

¹⁾ Въ то время Катковъ усердно пропагандировалъ англійскіе порядки.

возвращаясь къ предмету нашего свиданія, прошу васъ прямо сказать: принимаете ли вы предложеніе Очкина, или нѣтъ?

Елисеѣвъ немного подумалъ.

— Это какъ же понимать его предложеніе? — сказалъ онъ, немного погодя. — Попросто сказать, мы ему нужны, какъ вывѣска, какъ рѣдкіе звѣри, которыхъ онъ будетъ показывать въ своей газетѣ, для приманки публики.

— Что-то въ этомъ родѣ, — сказалъ я, засмѣявшись такому сравненію.

Елисеѣвъ пожалъ плечами.

— Хорошо, — сказалъ онъ, вставая. — Я переговорю кое съ кѣмъ и дамъ отвѣтъ дня черезъ два. Къ вамъ, что ли, написать?

— Нѣтъ, это будетъ лишнее: напишите прямо Очкину.

— Какъ угодно. До свиданія.

Такъ мы разстались. Черезъ нѣсколько дней Очкинъ пригласилъ меня къ себѣ и съ восторгомъ объявилъ, что Елисеѣвъ изъяснилъ согласіе.

— Правда, онъ выставилъ крайне тяжелыя условія, напримѣръ, чтобы я совершенно не вмѣшивался въ редакцію, ну, да это не бѣда. Зато онъ теперь въ модѣ, и я надѣюсь, что газета пойдетъ отлично. Ну, а какъ вы? сговорились съ нимъ?

— Сговорились, Амплій Николаевичъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? Вотъ и чудесно! А я, по правдѣ, побаивался, чтобы между вами не вышло разногласія.

— Нѣтъ, мы совершенно согласились въ томъ, что въ одной газетѣ работать не можемъ.

Очкинъ вскочилъ даже съ кресла.

— Какъ? Такъ вы оставляете меня?

— Да развѣ иначе это можетъ быть, Амплій Николаевичъ?

— Но, помилуйте, какъ же мнѣ-то теперь быть? Вѣдь вы мой компаньонъ, у насъ съ вами договоръ заключенъ, вы уже поработали надъ этимъ дѣломъ, вы даже создали его...

— Все это ничего не значить, Амплій Николаевичъ, — отвѣтилъ я: — нашъ договоръ мы разорвемъ, съ Елисеѣвымъ вы заключили новый и больше ничего.

— Нѣтъ, я съ нимъ никакихъ договоровъ заключать не буду; я не беру его въ компаньоны, а только въ сотрудники.

— Это ваше дѣло.

— Но какъ же съ вами-то? Позвольте хоть заплатить вамъ за то, что вы до сихъ поръ сдѣлали для меня...

По молодости и по глупости я отказался отъ всякаго вознагражденія, и съ тѣмъ мы разстались. Когда я рассказалъ Краевскому объ этомъ, онъ засмѣялся, покачалъ головою и сказалъ:

— Никакъ я не ожидалъ, чтобы Очкинъ подъ старость лѣтъ выкинулъ такую штуку! Вотъ увидите, что онъ за это жестоко поплатится.

Пророчество Краевского сбылось скорѣе, чѣмъ можно было ожидать. Газета «Очерки» просуществовала не болѣе двухъ мѣсяцевъ и закрылась. Встрѣтивъ Очкина послѣ того на Невскомъ, я спросилъ его о причинѣ этого закрытія.

— Помилуйте!—воскликнулъ онъ.—Это ужасные люди! На эдакую газету они заставили меня израсходовать менѣе чѣмъ въ два мѣсяца восемнадцать тысячъ! Всего моего состоянія не хватило бы, чтобы дотянуть дѣло до конца года. Я и рѣшился лучше потерять эти восемнадцать тысячъ и сохранить остальное, что имѣю, лишь бы развязаться съ ними.

— Но, Амплій Николаевичъ, приглашая ихъ, вы рассчитывали на блистательную подписку...

— Какая тамъ подписка! Ничего не было, самые пустяки! Это просто Кожанчиковъ подвелъ меня, желая доставить имъ хорошій заработокъ.

Бѣдный старикъ долгое время не могъ опомниться отъ этого потрясенія, и я готовъ думать, что оно не мало содѣйствовало сокращенію его жизни.

VII.

Характеристика А. А. Краевского.—Моя поѣздка въ Новгородъ на открытіе памятника тысячелѣтія Россіи.—Необычайная дороговизна.—Содѣйствіе министра Головина.—Мое неожиданное появленіе въ роли Хлестакова.—Шефъ жандармовъ князь Долгоруковъ.—Объясненіе съ нимъ.—Министры Милютинъ и Червинскій.—Мое свиданіе съ шефомъ жандармовъ.

Краевскій, у котораго я работалъ въ первые годы своего журнальнаго поприща, представлялъ изъ себя типъ издателя, какихъ желательно было бы имѣть побольше. При жизни онъ имѣлъ много враговъ, которые не стѣснялись сочинять про него самыя невѣроятныя легенды, какъ, на примѣръ, о томъ, что онъ будто бы заморилъ на работѣ Бѣлинскаго. Вращаясь всю жизнь въ журнальной средѣ, я могу сказать по собственному опыту, что никакой издатель, если бы даже хотѣлъ этого злонамѣренно, не можетъ заморить на работѣ сотрудника. Тѣмъ болѣе не могъ этого сдѣлать Краевскій, какъ человекъ просто благоразумный, умѣвшій цѣнить пользу, приносимую ему каждымъ сотрудникомъ. Всѣмъ лицамъ, работавшимъ вмѣстѣ со мною у Краевского, было далеко до Бѣлинскаго, однако я не знаю ни одного случая, чтобы Краевскій когонибудь обидѣлъ, притѣснялъ, прижималъ или требовалъ непосильной работы. Тѣмъ болѣе онъ не могъ заморить или даже держать въ черномъ тѣлѣ такого выдающагося и потому крайне выгоднаго для издателя сотрудника, какимъ былъ Бѣлинскій. Я занимаю въ литературѣ очень скромное мѣсто, но и мои неболь-

шія способности Краевскій цѣнилъ всегда, можетъ быть, болѣе, чѣмъ онѣ того заслуживали, и всегда старался дѣлать мнѣ угодное. Я никогда не забуду того восторга, съ какимъ Краевскій отнесся къ рассказамъ Генслера «Гаванскіе чиновники». Онъ мнѣ говорилъ тогда, что въ Генслерѣ предвидитъ новаго Гоголя, и ухаживалъ за нимъ, какъ за восходящимъ свѣтиломъ литературы. Могъ ли же онъ притѣснять Бѣлинскаго, составлявшаго, такъ сказать, казовый товаръ его изданія, главную привлекательную силу?

Теперь Краевскаго нѣтъ, и я думаю, настало время отнестись къ его дѣятельности болѣе безпристрастно.

Самъ Краевскій не былъ литераторомъ; онъ никогда и ничего не писалъ въ своихъ изданіяхъ. Онъ былъ только издатель, то есть торговецъ умственнымъ товаромъ. Этимъ его всегда укоряли его журнальные враги и поэтому называли эксплуататоромъ.

Все это совершенно вѣрно. Но издательское дѣло, какъ и всякое торговое, непременно основано на эксплуатаціи. Катковъ, на примѣръ, былъ умный, ученый и талантливый писатель, но въ качествѣ издателя газеты и журнала развѣ не являлся онъ такимъ же эксплуататоромъ, какъ Краевскій и всѣ другіе издатели? Во всякомъ случаѣ такіе издатели, какими были Катковъ, Краевскій и нѣкоторые другіе, къ сожалѣнію, очень немногіе люди образованные и гуманные, въ тысячу разъ лучше, чѣмъ та орава издателей, которая появилась на сценѣ журналистики въ послѣдніе годы,—орава, состоящая изъ людей необразованныхъ, темныхъ, грубыхъ, часто не знающихъ даже русскаго языка и не умѣющихъ подписать своей фамиліи.

Другой упрекъ, который всегда кидали Краевскому въ лицо, состоялъ въ томъ, что онъ не принадлежалъ ни къ какой партіи, не имѣлъ никакихъ твердыхъ политическихъ принциповъ и мѣнялъ направленіе своихъ изданій, какъ флюгеръ по вѣтру.

Съ этимъ я согласенъ и въ этомъ оправдывать его не буду. Но причина этого совершенно понятна: Краевскій занимался изданіями не въ цѣляхъ пропаганды какой либо политической теоріи, а единственно ради наживы. Какъ я опредѣлилъ его выше, онъ былъ просто торговецъ умственнымъ трудомъ и выпускалъ изъ своей лавки тотъ товаръ, какой въ данную минуту больше требовался, или какой онъ находилъ болѣе выгоднымъ сбывать. То же самое дѣлалъ и Катковъ и дѣлаетъ всякій другой издатель. Чтобы издавать журналъ ради пропаганды какой нибудь идеи, надо обладать большимъ капиталомъ и уже не разсчитывать на выгоды, а наоборотъ жертвовать убытками ради идеи.

Но вотъ что въ Краевскомъ было хорошо: онъ никогда не относился враждебно къ тѣмъ, которые не только не соглашались съ нимъ, но даже нападали на него. Я прекратилъ у него работу тогда, когда онъ настолько перемѣнилъ направленіе «Голоса», что

я никакъ не могъ съ нимъ согласиться. Въ другихъ изданіяхъ мнѣ случалось нападать на него, изобличать въ противорѣчіяхъ и т. п., и не смотря на это, когда я приходилъ къ нему, онъ все-таки встрѣчалъ меня привѣтливо и всегда готовъ былъ оказать всякую услугу. Такого мягкосердечія или такого всепрощающаго характера я не встрѣчалъ въ жизни ни у кого болѣе.

Краевскій пользовался большимъ уваженіемъ у многихъ высокопоставленныхъ лицъ и умѣлъ этимъ пользоваться для своихъ изданій. Вотъ случай со мною, который можетъ объяснить, что я хочу сказать.

Когда въ Новгородѣ готовились торжества по случаю открытія памятника тысячелѣтію Россіи, Краевскій хотѣлъ послать кого нибудь туда корреспондентомъ. Въ Петербургѣ носились въ это время странные слухи о томъ, что будто бы подъ памятникъ сдѣланъ подкопъ, и онъ будетъ взорванъ въ самую минуту открытія. Поэтому два-три лица, которымъ Краевскій предлагалъ ѣхать туда, отказались. Тогда онъ обратился ко мнѣ, откровенно сказавъ объ опасности, которой его напугали.

— Все это глупости, Андрей Александровичъ,—сказалъ я.

— Развѣ вы не вѣрите въ возможность подобной катастрофы?—спросилъ онъ.

— Разумѣется, не вѣрю! Во-первыхъ, я жилъ въ Новгородѣ и знаю мѣсто, гдѣ ставится памятникъ; во-вторыхъ, я знаю, какъ устраиваются фундаменты подъ такія тяжести, и могу васъ увѣрить, что никакой тайный подкопъ тутъ не возможенъ.

— Такъ вы согласны поѣхать туда?

— Сдѣлайте одолженіе, сколько угодно.

Тогда онъ попросилъ меня съѣздить въ Новгородъ предварительно, чтобы собрать заранѣе необходимыя справки и составить приблизительный расчетъ о томъ, какая сумма потребуется мнѣ на расходы. Оказалось, что всѣ гостинницы и лучшіе частные дома были уже законтрактованы придворнымъ вѣдомствомъ, для помѣщенія свиты, придворныхъ и многихъ приглашенныхъ лицъ. Цѣны на квартиры возвысились до такой степени, что за крошечную каморку, въ которой едва можно было поставить кровать и столъ, требовали на время торжествъ по двадцати рублей въ сутки! Въ одномъ домѣ за помѣщеніе изъ двухъ комнатъ съ меня спросили пятьдесятъ рублей въ сутки... Извозчики за конецъ въ двугривенный не трогались съ мѣста меньше рубля.

— Мы этого дня тысячу лѣтъ ждали! — говорили мнѣ новгородцы, когда я возмущался противъ непомерной ихъ жадности.

Узнавъ все это, Краевскій обратился къ министру народнаго просвѣщенія, Головнину, съ которымъ былъ въ очень хорошихъ отношеніяхъ, и просилъ его содѣйствія. Головнинъ распорядился приказать директору новгородской гимназіи, чтобы для меня было

отведено помѣщеніе въ зданіи гимназіи. Сверхъ того, содѣйствіе Головнина выразилось въ томъ, что онъ снабдилъ меня рекомендательными письмами къ шефу жандармовъ, а также министрамъ: военному, двора и путей сообщенія.

Въ Новгородѣ я пріѣхалъ вечеромъ и тотчасъ же направился къ зданію гимназіи, заплативъ извозчику отъ пароходной пристани за разстояніе около двухсотъ сажень два рубля. По этому образчику можно судить о другихъ цѣнахъ, существовавшихъ тогда въ Новгородѣ.

У подѣзда гимназіи меня ждалъ сторожъ, принявшій мой чемоданъ и проводившій въ особое зданіе, оказавшееся лазаретомъ. По лѣстницѣ, устланной ковромъ, я поднялся во второй этажъ, гдѣ былъ немало изумленъ представившейся картиной: вмѣсто лазарета, съ его обычной обстановкой, я увидѣлъ двѣ большіихъ комнаты, вполне и хорошо меблированныхъ, со всѣми мелочами для комфортабельнаго проживанія.

— Вчера и сегодня мы много работали здѣсь, — пояснилъ мнѣ сторожъ, сладко улыбаясь. — Выносили всѣ кровати, столы и шкафы, а изъ директорской квартиры переносили вотъ эту мебель, чтобы вашему благородію было удобно и покойно. Господинъ директоръ приказалъ узнать, не угодно ли вамъ будетъ поужинать или чаю напитокъ, а также, когда они могутъ къ вамъ прійти.

Изумленный такимъ вниманіемъ, я просилъ передать, что сегодня ничего мнѣ не нужно, а завтра утромъ я самъ зайду къ директору, поблагодарить его за хлопоты, которыя невольно причинилъ.

На другой день я отправился къ директору и былъ встрѣченъ такъ официально и такъ торжественно, какъ встрѣчаютъ только какое нибудь высшее начальство. Всѣ воспитанники, оставшіеся въ гимназіи, были выстроены въ одномъ изъ залъ въ новыхъ мундирахъ; тутъ же присутствовали нѣкоторые наставники. Директоръ, почтительно идя около меня, предложилъ осмотрѣть всю гимназію...

Я сразу увидѣлъ изъ всего этого, что меня принимаютъ не за того, кто я есть, и что мнѣ навязываютъ, такъ сказать, роль Хлестакова. Совершенно сконфуженный, я остановился въ первой же комнатѣ и объявилъ директору, что зашелъ повидать только его лично, чтобы поблагодарить за устройство мнѣ квартиры, съ такою роскошью, въ какой я вовсе не нуждался, что я очень занятъ своими обязанностями корреспондента, долженъ ѣхать сейчасъ же съ нѣкоторыми визитами и не имѣю ни одной свободной минуты для осмотра гимназіи или чего бы то ни было.

У меня въ Новгородѣ былъ знакомый, отставной полковникъ Саханскій, который, какъ я зналъ, въ свою очередь вель знакомство съ директоромъ гимназіи. Поэтому въ тотъ же день я поѣхалъ къ нему, объяснилъ, въ чемъ дѣло, и просилъ сообщить о моемъ

смѣшномъ положеніи, въ которое поставилъ меня директоръ. На другой день Саханскій заѣхалъ ко мнѣ и со смѣхомъ передалъ, что въ гимназіи дѣйствительно приняли меня за лицо, близкое къ министру и присланное имъ для обозрѣнія ея инкогнито. Но этого мало. Саханскій прибавилъ, что, не смотря на его разъясненія и доказательства, директоръ все-таки остался при своемъ убѣжденіи, что главная цѣль моего приѣзда—тайная ревизія гимназіи, и что я только прикидываюсь корреспондентомъ «Голоса». Иначе онъ никакъ не могъ себѣ объяснить распоряженія министра объ отводѣ мнѣ квартиры.

Подчиняясь, однако, моему воображаемому желанію сохранить строжайшее инкогнито, директоръ болѣе не беспокоилъ меня своими заискиваніями.

Послѣ визита къ нему я отправился съ рекомендательными письмами Головнина къ другимъ министрамъ и прежде всего къ шефу жандармовъ, князю Долгорукову.

Это былъ человѣкъ средняго роста, съ нѣсколько вытянутою впередъ нижнею частью лица, съ подстриженными щеткой усами, и слегка уже сутоловатый отъ старости. Прочтя письмо Головнина, онъ вперилъ въ меня свои сѣрые глаза, какъ бы желая прочесть на самомъ днѣ моей души, и вдругъ огорошилъ совершенно неожиданнымъ вопросомъ:

— Кто съ вами приѣхалъ?

— Никого, ваше сіятельство,—отвѣтилъ я.

— Извините, мнѣ извѣстно, что вы привезли съ собою одного молодого человѣка,—сказалъ онъ строго и увѣренно, не сводя съ меня своихъ пытливыхъ глазъ.

Я совершенно озадачился, про какого такого человѣка онъ можетъ говорить! Желая, вѣроятно, помочь моей памяти, онъ прибавилъ:

— Молодой, лѣтъ двадцати пяти, бѣлокурый, обстриженный подъ гребенку.

Тутъ я вспомнилъ и понялъ, въ чемъ дѣло. На пароходѣ со мною ѣхало много петербургскихъ и новгородскихъ дворянъ. Съ однимъ изъ нихъ, фамилію котораго теперь не помню, именно такимъ, какъ его описалъ князь Долгоруковъ, я всю дорогу разговаривалъ и вмѣстѣ съ нимъ завтракалъ и обѣдалъ на пароходѣ. Изъ этого агенты III отдѣленія вывели заключеніе, что молодой человѣкъ составляетъ какую-то мою принадлежность. Разумѣется, я сейчасъ же объяснилъ князю ошибку полиціи и назвалъ фамилію моего спутника. Князь подошелъ къ письменному столу и что-то отмѣтилъ карандашомъ на одномъ изъ листовъ бумаги. Тогда только онъ предложилъ мнѣ сѣсть и обратился ко мнѣ уже со всѣмъ другимъ тономъ.

— Вы желаете, конечно, вездѣ присутствовать?—спросилъ онъ.

— Точно такъ, ваше сіятельство; для того я сюда и присланъ редакціей.

— Но вотъ въ чемъ дѣло, — замѣтилъ онъ, оглядывая меня. — Вы бороду носите: это очень будетъ неудобно. Государь не любитъ бородъ. Я бы просилъ васъ обриться.

— Это совершенно невозможно, князь: я никогда въ жизни не брился.

— Да вѣдь только на это время. Потомъ никто не мѣшаетъ вамъ отроснуть ее.

— Понимаю, ваше сіятельство; но я въ этомъ отношеніи такой старовѣръ, что лучше соглашусь чтонибудь пропустить изъ зрѣлищъ, если иначе нельзя, чѣмъ обриться хоть на одинъ день.

Долгоруковъ покачалъ головой съ видомъ сожалѣнія.

— А есть ли у васъ какойнибудь мундиръ? — снова спросилъ онъ, оглядывая мой фракъ.

— Нѣтъ, ваше сіятельство, никакого! Я отставной офицеръ.

— Но вы — дворянинъ?

— Дворянинъ, Петербургской губерніи.

— Такъ надѣвайте хоть дворянскій мундиръ.

— Это очень трудно сдѣлать, князь. Раньше я не былъ объ этомъ предупрежденъ, а теперь здѣсь, въ Новгородѣ, рѣшительно негдѣ достать мундира. Позвольте ужъ мнѣ остаться во фракѣ.

— Да мнѣ-то все равно, — замѣтилъ онъ съ досадою, — въ чемъ бы вы ни были. Но государь не любитъ ни бородъ, ни фраковъ. По крайней мѣрѣ, я буду васъ просить, не показывайтесь ему на глаза. Становитесь вездѣ такъ, чтобы онъ васъ не видѣлъ. Иначе онъ непременно спроситъ меня объ васъ, а это мнѣ будетъ не-пріятно.

— Извольте, ваше сіятельство, это я могу обѣщать.

Тогда князь вынулъ изъ коробочки свою визитную карточку и написалъ на ея оборотѣ:

«Предъявителю, г-ну А. В. Эвальдъ, чинить вездѣ свободный пропускъ».

— Вотъ, — сказалъ онъ, подавая ее мнѣ, — съ этой карточкой вы можете быть вездѣ.

— И во дворцѣ даже?

— Я сказалъ — вездѣ!

Поблагодаривъ князя за любезность, я откланялся ему и поѣхалъ къ военному министру, Милютину. Собственно говоря, имѣя въ рукахъ волшебную карточку Долгорукова, мнѣ уже не было надобности ни въ комъ; но такъ какъ у меня были письма Головина, то я считалъ неловкимъ передъ нимъ не передать ихъ по назначенію.

Милютинъ принялъ меня очень любезно, долго и подробно разспрашивалъ о моей военной службѣ, очень интересовался дома-

шними подробностями журнальной дѣятельности и въ заключеніе сказалъ, чтобы я обращался прямо къ нему, если понадобится.

— Впрочемъ,—прибавилъ онъ съ улыбкою,—имѣя карточку шефа жандармовъ, вы едва ли встрѣтите во мнѣ надобность.

Точно также радушно и привѣтливо принялъ меня министръ путей сообщенія, Чевкинъ. Онъ подарилъ мнѣ брошюру, излагавшую исторію созданія памятника и нѣкоторыя официальные подробности его сооружеія, затѣмъ также предложилъ, въ случаѣ чего, прямо обращаться къ нему.

Окончивъ эти визиты, я занялся своими корреспондентскими дѣлами и цѣлый день провелъ въ развѣздахъ, чтобы прослѣдить за окончивавшимися приготовленіями къ торжеству. Описывать его, конечно, здѣсь не мѣсто, такъ какъ все, что можно было о немъ сказать, было въ свое время напечатано мною въ «Голосѣ». Упомяну здѣсь только о томъ, что я тогда не могъ сказать.

Новгородское дворянство устроило балъ въ аданіи своихъ собраний. Во время этого бала военный министръ встрѣтился какъ-то со мною въ одной изъ залъ и вступилъ въ разговоръ, разспрашивая о впечатлѣніяхъ, которыя произвели на меня празднества. Разговаривая съ нимъ, я заинтересовался какимъ-то иностраннымъ орденомъ на его груди и, взявъ въ руки, перевернулъ, чтобы взглянуть на обратную сторону. Понятно, что я сдѣлалъ это въ разсѣянности, совершенно не замѣчая неловкости своего поступка. Д. А. Милютинъ ни слова мнѣ не сказалъ, но началъ улыбаться, хотя разговоръ нашъ въ эту минуту вовсе не вызывалъ улыбки. Я, наконецъ, спохватился и, сильно покраснѣвъ, началъ передъ нимъ извиняться.

— Ничего, пожалуйста, не беспокойтесь, — сказалъ онъ,—если вамъ нравится, то можете пересмотрѣть также всѣ другіе мои ордена.

Затѣмъ онъ, вѣроятно, чтобы ободрить меня, взялъ подъ руки и прошелся въ буфетную, гдѣ предложилъ выпить прохладительнаго.

Немного спустя послѣ того, я увидѣлъ сидѣвшаго въ гостинной Чевкина. Онъ подозвалъ меня и, усадивъ рядомъ, также началъ разспрашивать о томъ, что я видѣлъ.

— А какъ вамъ нравится памятникъ?—спросилъ онъ, между прочимъ.

Хотя памятникъ мнѣ вовсе не нравился, но, зная изъ брошюры, которую онъ мнѣ далъ, что онъ принималъ въ его сооружеіи дѣятельное участіе, я отвѣтилъ, что нахожу памятникъ очень хорошимъ.

— Онъ былъ далеко не такой въ проектѣ Микѣшина,—замѣтилъ Чевкинъ. — Мнѣ приходилось настаивать на очень многихъ измѣненіяхъ. Напримѣръ, въ первомъ проектѣ Микѣшина историческіе барельефы были расположены отдѣльными сценами, въ рамкахъ.

Я настоялъ на томъ, чтобы барельефъ былъ сплошной, цѣльный, такъ, чтобы всѣ историческія событія, изображенныя на немъ, шли одно за другимъ безъ перерывовъ, какъ шла сама наша исторія. Не правда ли, что моя мысль гораздо вѣрнѣе?

— Совершенно, ваше высокопревосходительство.

— Кромѣ того, мною сдѣлано много другихъ перемѣнъ. Вѣдь художники очень мало знакомы съ исторіей. Такъ и у Микѣшина, было сдѣлано много фигуръ, не имѣвшихъ никакого значенія, и, наоборотъ, пропущено много лицъ, оставившихъ глубокой слѣдъ въ исторіи. Я и на себя одного не полагался, а совѣщался съ профессорами, съ историками. Да,—прибавилъ онъ въ заключеніе,—много я поработалъ надъ этимъ памятникомъ, и право, трудно сказать, кому изъ насъ больше принадлежитъ честь его созданія—Микѣшину или мнѣ.

Онъ засмѣялся при этомъ и фамиллярно похлопалъ меня по колену. Впослѣдствіи, познакомившись съ Микѣшинымъ, я передалъ ему этотъ эпизодъ, и Микѣшинъ подтвердилъ сказанное Чевкинымъ, только, понятно само собою, онъ на это вмѣшательство администраціи въ художественное дѣло смотрѣлъ совершенно иными глазами, нежели Чевкинъ, и жаловался мнѣ, что идея его памятника совершенно испорчена сдѣланными казенными поправками.

Около часу ночи меня отыскалъ какой-то офицеръ и сказалъ, что князь Долгоруковъ желаетъ меня видѣть. Идя за нимъ, я нашелъ Долгорукова на верхней площадкѣ лѣстницы.

— Извините, что побезпокоилъ, — сказалъ онъ. — Я ухожу домой, такъ какъ очень усталъ, и мнѣ надо отдохнуть, чтобы собраться съ силами на завтра. Старость свое беретъ. Вы еще остаетесь здѣсь?

— Моя обязанность быть тутъ до конца, ваше сіятельство.

— Ну да, ну да! Я хотѣлъ вамъ только сказать, что если государь будетъ что нибудь говорить дворянамъ, то вы не посылайте о томъ корреспонденцію, не показавши ея предварительно мнѣ.

— Но, ваше сіятельство, какъ же это сдѣлать? Я отсюда отправлюсь прямо на телеграфную станцію...

Долгоруковъ подумалъ немного.

— Ну, нечего дѣлать, — сказалъ онъ, — отсюда вы прямо зайдите ко мнѣ и, если я буду спать, велите меня разбудить, но ни въ какомъ случаѣ безъ меня не телеграфируйте. Это очень важно.

Государь, уѣзжая съ бала, дѣйствительно сказалъ дворянамъ небольшую рѣчь, которую я тутъ же записалъ, и отправился къ шефу жандармовъ. Онъ жилъ какъ разъ противъ зданія дворянскихъ собраній, такъ что мнѣ пришлось сдѣлать только нѣсколько шаговъ черезъ улицу. Но такъ какъ онъ не предупредилъ своей прислуги, то мнѣ стоило большихъ хлопотъ доставить ему рѣчь государя. Во-первыхъ, часовой у подъѣзда ни за что не хотѣлъ

мнѣ позволить звонить, такъ что во время спора съ нимъ я долженъ былъ схитрить и, незамѣтно подвигаясь къ звонку, сильно дернулъ его нѣсколько разъ, какъ только успѣлъ схватиться за ручку. Часовой схватилъ меня за руку и далъ свистокъ. Но пока успѣлъ прибѣжать ближайшій городской, швейцаръ отворилъ дверь, появившись въ ней въ одномъ бѣльѣ. Я обратился къ швейцару, объясняя ему, что князь самъ приказалъ мнѣ разбудить его по дѣлу большой важности. Швейцаръ, придерживая дверь, началъ объяснять мнѣ, въ свою очередь, что князь, вернувшись съ бала, строго приказалъ никого къ себѣ не впускать.

— Да вы грамотей?—спросилъ я.

— Грамотей.

— Такъ читайте это.

И, зажегши спичку, я сунулъ ему къ самому носу волшебную карточку Долгорукова. Она подѣйствовала, и тутъ, какъ вездѣ; швейцаръ смутился и началъ чесываться.

— Какъ же быть-то?—бормоталъ онъ въ недоумѣніи.—А вѣдь онъ насторого приказалъ никого къ себѣ не впускать...

— Да, всѣхъ, кромѣ меня. Чѣмъ терять время, лучше идите и доложите князю, что я пришелъ.

— Да я не могу къ нему идти. Надо сказать камердинеру.

— Ну, скажите тамъ кому хотите, только поскорѣе. Мнѣ тоже нѣтъ времени терять тутъ въ разговорахъ съ вами.

Дѣйствительно я страшно былъ утомленъ за цѣлыя сутки и спѣшилъ отправить депешу, чтобы также отдохнуть хоть немного, такъ какъ завтра надо было встать спозаранку. Швейцаръ впустилъ меня наконецъ и, накинувъ шинель, пошелъ будить камердинера. Съ тѣмъ опять пошли разговоры да переговоры, такъ что я совершенно началъ терять всякое терпѣніе. Наконецъ, и камердинеръ убѣдился моей настойчивостью и отправился будить князя. Я слышалъ изъ-за двери, какъ старый князь кряхтѣлъ, зѣвалъ, ворчалъ, спрашивалъ камердинера, кто пришелъ, да зачѣмъ, да почему, очевидно совершенно забывъ о данномъ мнѣ порученіи или потерявъ соображеніе отъ глубокаго сна. Мое положеніе было въ высшей степени неловкое и непріятное, но какъ же было поступить иначе?

— А-а! это вы!—сказалъ онъ, — а я понять не могъ, кто это требуетъ меня.

— Простите, ваше сіятельство, за такое безпокойство, но вы сами приказали...—началъ было я извиняться.

— Да, да, да!—перебилъ онъ меня.—Ну, что вы принесли?

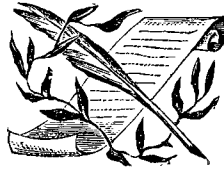
— Небольшую рѣчь государя, которую позвольте вамъ прочесть,—сказалъ я, вынимая записную книжку.

Князь кивнулъ головою и наклонилъ голову немного набокъ, прислушалъ мое чтеніе по каракулямъ, кивая головою.

- Очень хорошо,—замѣтилъ онъ, когда я кончилъ.
 - Могу я теперь телеграфировать?
 - Можете. Больше ничего особеннаго на балу не случилось?
 - Ничего, ваше сіятельство.
 - Такъ, до свиданія, покойной ночи. Вотъ-съ какова моя служба, — прибавилъ онъ, протягивая мнѣ руку, — ни днемъ, ни ночью не могу имѣть покоя.
- Отправивъ депешу, я вернулся наконецъ въ свой лазаретъ и скоро заснулъ, какъ убитый.

А. В. Эвальдъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

КОНЕЦЪ «ГОЛУБЯТНИ».

I.

О ТЕМНОМУ корридору торопливо и крадучись пробирался молодой человекъ, стараясь неслышно проскользнуть мимо двери хозяйки. Всѣ его мысли, всѣ желанія были устремлены на одно: уйти незамѣченнымъ и хоть на сегодня, или хоть только до вечера, избѣжать упрековъ, приставаній и навойливыхъ совѣтовъ, которые за послѣднее время отравляли ему его и безъ того несладкое существованіе.

Въ глубинѣ его сознанія, однако, копошилось тягостное предчувствіе, что наврядъ ли ему это удастся, и онъ съ тоской взглянулъ на закрытую дверь, точно моля ее не открываться. Въ этомъ взглядѣ было написано отчаяніе и смутная надежда на невозможное. Это былъ взглядъ кролика, обращенный на змѣю, которая уже подняла голову, раскрыла пасть и зашевелила своимъ острымъ, стрѣловиднымъ языкомъ, готовясь кинуться на беззащитную жертву. Но то, что должно случиться, неминуемо случается. Онъ уже почти миновалъ дверь, когда она вдругъ съ шумомъ распахнулась, и на порогѣ появилась разгнѣванная хозяйка.

— Кюзель! — крикнула она постояльцу въ догонку.

Тотъ не откликнулся и только съежился и ускорилъ шаги, уже не стараясь заглушать ихъ, мечтая спастись бѣгствомъ, увѣренный, что въ темнотѣ хозяйка не разглядитъ его и подумаетъ, что ошиблась.

— Кюзель! — крикнула она вторично еще громче, съ раздраженіемъ истерической женщины, которая, во что бы то ни стало, хочетъ поставить на своемъ.

Кюзель затаилъ дыханіе.

— Вотъ подлець! — съ негодованіемъ воскликнула хозяйка, — вѣдь вижу, что вы. Идетъ и не откликается! Слышите, Кюзель? вамъ я говорю!

Въ голосѣ ея послышались гнѣвливыя ноты.

Кюзель былъ въ двухъ шагахъ отъ выхода. Еще мгновенье, и онъ былъ бы на улицѣ, и хозяйка могла бы говорить, что угодно: онъ все равно не услышитъ.

Но самообладанія у него не хватило. Онъ отлично сознавалъ, что слѣдуетъ идти впередъ и выдержать характеръ до конца, но, сознавая это, онъ вдругъ повернулъ назадъ и, растерянный, смущенный, съ виноватымъ видомъ школьника, который ожидаетъ, что его выдерутъ за уши, предсталъ передъ хозяйкой.

Наружность ея не представляла, однако, ничего ужаснаго. Это была невысокаго роста, полная, еще молодая женщина. Лицо у нея было отекшее, распухшее, какъ у людей, злоупотребляющихъ пивомъ и тому подобными «здоровыми» напитками, кожа на немъ за-грубѣла и покраснѣла, а носъ у нея былъ, по извѣстному выраженію, картофелиной, но живые, веселые каріе глаза подъ красиво изогнутыми, темными бровями, румяныя, пухлыя губы, изъ-за которыхъ бѣлѣли ровные, блестящіе зубы, растрепанные и распущенные по плечамъ пышные, бѣлокурые волосы и нѣжная, розовая шея говорили о ея бывшей привлекательности. На ней была надѣта широкая, розовая ситцевая блуза, которая дѣлала ее еще полнѣе. Она стояла спиной къ окну, отчего лицо ея было въ тѣни, закинувъ голову назадъ, лѣвой рукой подперевъ бокъ, держа въ правой папиросу, а волосы ея такъ и сверкали золотомъ подъ лучами ослѣпительно-яркаго морознаго солнца, заливавшего ея комнату.

Кюзель растерянно мялъ въ рукахъ свою котиковую шапку, которую онъ, самъ не зная зачѣмъ, вдругъ сдернулъ съ головы, щурясь подъ потоками свѣта, падавшими прямо на него. Ему было двадцать лѣтъ. Онъ еще не сложился, былъ жидокъ, тонокъ, отчего казался очень высокимъ, хотя ростъ его былъ едва выше средняго, съ угловатыми, узкими плечами и длинными руками съ костлявыми пальцами. Коротко остриженные, бѣлокурые волосы его были тщательно причесаны и приглажены, но у косога пробора отдѣлялся непослушный вихоръ, который норовилъ торчать вверхъ и въ сторону. У него былъ большой, очень выпуклый лобъ, — такіе лбы встрѣчаются у мечтателей, но у умныхъ людей никогда, — и голубые нѣмецкіе глаза съ едва замѣтными рыжеватыми бровями. Маленькое, бѣлобрысое, худое и острое лицо его напоминало лисью

морду и представляло треугольникъ, вершиной котораго являлся подбородокъ, а основаніемъ линія лба. Все оно было покрыто рыжеватымъ пушкомъ, который подъ носомъ превращался въ нѣкоторое подобіе усовъ.

Нѣсколько секундъ длилось молчаніе, впродолженіе котораго хозяйка не сводила съ Кюзеля уничтожающаго, презрительнаго взгляда.

— Ну-съ? — насмѣшливо протянула она, — что скажете?

— Евгенія Михайловна... — пролепеталъ Кюзель.

Но она вдругъ вышла изъ себя.

— Нѣтъ, это чортъ знаетъ, что такое! — закричала она. — Вѣдь слышу, крадется по корридору. Ну, думаю, это Кюзель. Отворяю дверь, вижу, такъ и есть. Зову, — вы ни гу-гу. Да что это такое? Должны, за квартиру не платите, да еще дерзнчаете.

— Евгенія Михайловна, — повторилъ Кюзель, ужасно страдая отъ мысли, что всю эту сцену могутъ слышать жильцы изъ сосѣднихъ комнатъ.

— Ну, что такое Евгенія Михайловна? Я знаю, что я Евгенія Михайловна. Вы мнѣ лучше скажите, когда за квартиру заплатите?

На лицѣ Кюзеля выступили багровыя пятна.

— Я объяснялъ вамъ, Евгенія Михайловна, — заикаясь, заговорилъ онъ, окончательно сконфуженный, — я объяснялъ вамъ, что маменька высылала мнѣ тридцать рублей въ мѣсяцъ, а вотъ теперь она умерла, и я...

— Ну, слышала, слышала! — нетерпѣливо оборвала Евгенія Михайловна. — Скажите, пожалуйста, какой маменькинъ сынокъ напелся. Даже смѣшно! Студентъ, взрослый молодой человекъ, и хнычетъ по маменькѣ. Искали бы уроковъ.

— Искаль, — вздохнулъ Кюзель: — вы сами знаете, половина сезона, какіе теперь уроки.

— Ну, переводами попробовали бы заняться: вы знаете нѣмецкій языкъ.

— Пробовалъ, все пробовалъ, Евгенія Михайловна, — безнадежно прошепталъ въ отвѣтъ Кюзель: — невозможно достать переводовъ.

— Ну, наконецъ, переписку бы достали! Какъ же другіе-то живутъ?

— Переписку, вы знаете, я имѣю, но плата такъ ничтожна...

— Да мнѣ-то что за дѣло! — съ сердцемъ вскричала Евгенія Михайловна. — Вотъ надоѣлъ человекъ! Не умѣете ничего дѣлать, просите стипендіи. Вамъ стипендію дадутъ: вы круглый сирота и на третьемъ курсѣ.

— Стипендіи не даются въ половинѣ года, вы сами знаете.

— Ахъ, ну, чортъ съ вами тогда! Я-то чѣмъ виновата. Меня-то избавьте, пожалуйста, отъ участія въ вашихъ бѣдствіяхъ. Не можете

платить—съѣзжайте, вотъ и все. Только мои тридцать рублей мнѣ отдайте.

— Евгенія Михайловна, я непременно заплачу, не теперь... можетъ быть, не такъ скоро...—началь Кюзель.

— Долженъ—не спору, отдамъ не скоро, покорнѣйше васъ благодарю,—насмѣшливо перебила Евгенія Михайловна и отвѣсила жильцу церемонный поклонъ.

— Честное слово, отдамъ,—переставъ вдругъ шептать, горячо увѣрялъ Кюзель,—но только дайте мнѣ найти какойнибудь... какойнибудь... исходъ. Ей-Богу, я отдамъ.

— Это я уже слышала. Но, чудной вы человекъ, я-то вѣдь деньги не на землѣ нахожу, поймите. Нѣтъ, ужъ вы все-таки съѣзжайте: я лучше другого жильца пушу.

— Евгенія Михайловна, войдите въ мое положеніе,—умоляющимъ тономъ заговорилъ Кюзель, болѣе всего боявшійся, что его выгнать на улицу,—подумайте, куда я дѣнусь безъ денегъ. Вы сами женщина интеллигентная, развитая, были на курсахъ, вы не можете не почувствовать моему несчастію.

Кюзель рассчитывалъ тронуть Евгенію Михайловну обращеніемъ къ ея интеллигентности и развитости и отважился на этотъ маневръ въ чаяніи умилостивить её. Но, къ своему изумленію и горю, онъ увидѣлъ, что лесть его произвела на Евгенію Михайловну какъ разъ обратное дѣйствіе.

— Что, что такое?—съ гнѣвомъ вскричала она,—этого еще не доставало! Я такъ и знала, что до этого дойдемъ. Это извѣстная пѣсня. Курсистка—значить дура: ради принципа всѣмъ пожертвуетъ, за идею, на что угодно пойдетъ. Да, да! На это вы рассчитывали? Да говорите же, на это?

Кюзель не зналъ, что сказать.

Впрочемъ Евгенія Михайловна и не дала бы ему говорить. Въ ней готовился одинъ изъ тѣхъ взрывовъ, какимъ она была подвержена. Эта женщина, спокойная, веселая и добродушная по натурѣ, занятая самыми будничными интересами, поглощенная копеечными расчетами и мелкими заботами, вдругъ иногда изъ-за самаго ничтожнаго пустяка выходила изъ себя, теряла всякую мѣрку и тогда способна была на какой угодно скандалъ. Всѣ тѣ маленькія огорченія, дешевыя разочарованія, повседневныя столкновенія съ нуждой, съ житейскими дразгами, семейныя неудовольствія, непріятности съ жильцами, которыя недѣлями, иногда мѣсяцами, копились въ тайникахъ ея души, незримыя и ею самою неподозрѣваемыя,—вдругъ въ такіе моменты всплывали наверхъ, необыкновенно живо напоминали о себѣ и въ одно мгновеніе превращали Евгенію Михайловну въ фурію. Тогда у нея являлась потребность накричать, нашумѣть, натопать ногами, разбить попавшуюся на глаза чашку, швырнуть не въ добрый часъ подвернувшуюся подъ руку тарелку,

запустить въ кого придется чѣмъ попало, но главное найти виноватаго, сорвать на комъ нибудь сердце. Жильцы говорили про нее въ такихъ случаяхъ, что она «соскочила съ рельсъ».

Знали это свойство за ней и Кюзель, но не только не позволялъ себѣ смѣяться надъ ея вспышками, но какъ человѣкъ робкій и особенно какъ человѣкъ порядочный той мелкой порядочностью, которая сторонится всего выходящаго за предѣлы извѣстнаго шаблона, ставить выше всего покой и ненавидитъ все, что хоть издали намекаетъ на протестъ, на бунтъ, на нарушеніе тишины и благоустройства,—очень побаивался ея въ такія минуты и старался не попадаться ей на глаза, хотя бы у нея и не было причинъ быть недовольной именно имъ.

— Евгенія Михайловна,—попробовалъ оправдаться Кюзель:—я и не думалъ этого. Ну, право же, совѣмъ не думалъ...

— Молчите! Не платите—сѣзжайте. Что у меня богадѣльна что ли, страннопріимный домъ? Вы вѣдь знаете, что у меня на шеѣ своихъ четыре рта висятъ, а вы въ пятые лѣжете. Ишь благодѣтельница какую нашли! За квартиру и за обѣды не заплачено больше чѣмъ за мѣсяць, да мало того—еще тридцать рублей я, дура, ему взаймы дала... безъ отдачи...

— Евгенія Михайловна...

— А что? Отдадите, небойсь? Отдашь одинъ такой-то! Изъ чего вамъ отдать-то? Вы скажите, съ какими вы глазами у меня ихъ брали? Вѣдь знали, что не можете отдать. Безсовѣстный вы человѣкъ.

Кюзель наконецъ понялъ, что оправдываться бесполезно, и стоялъ, молча, рѣшившись дослушать ужъ все до конца и уйти при первой возможности.

Но Евгенія Михайловна внезапно умолкла. Еще разъ окинула она жильца уничтожающимъ взглядомъ, потомъ безнадежно махнула рукой, повернулась къ нему спиной и, хлопнувъ дверью, такъ же быстро скрылась за нею, какъ и появилась.

Корридоръ снова потонулъ во мракѣ. Кюзель поспѣшилъ надѣть шапку и на этотъ разъ безпрепятственно вышелъ на улицу.

II.

Онъ, однако, очень ошибался, если считалъ себя единственной причиной гнѣва Евгеніи Михайловны.

Она была разстроена, или, по ея собственному выраженію, «въ нервѣхъ», уже нѣсколько дней.

Собственно Кюзель занималъ ее очень мало, не смотря на то, что она и кричала на него, и упрекала его, и называла безсовѣстнымъ.

Даже тридцать рублей, которые она ему такъ неосмотрительно дала взаймы, очень мало безпокоили ее.

Въ данномъ случаѣ Кюзель являлся только предметомъ, на которомъ Евгенія Михайловна пробовала свои силы, чтобы разойтись, дать ходу своему негодванію и тогда уже со всей доступной ей энергіей обрушиться на своего супруга Лонгина Семеновича Антифонова, который служилъ для нея вѣчнымъ, неистощимымъ поводомъ къ раздраженію, гнѣву и проявленію всякихъ болѣе или мѣнѣ бурныхъ свойствъ ея характера.

Этихъ вспышекъ Лонгинъ Семеновичъ боялся, какъ огня, главное въ виду полной своей беззащитности. Последняя, независимо отъ его натуры, слабой и чрезвычайно уступчивой, являлась, кромѣ того, слѣдствіемъ внутренняго сознанія, что Евгенія Михайловна въ иныхъ своихъ требованіяхъ дѣйствительно права, и что такимъ образомъ нападки ея иногда имѣютъ за собой основаніе.

Справедливость требуетъ сознаться, что Евгенія Михайловна далеко не была такъ одностороння, чтобы питать къ Лонгину Семеновичу только враждебныя чувства. Въ душѣ ея страннымъ образомъ уживались по отношенію къ супругу два, казалось бы, совершенно несовмѣстимыхъ культа. Одинъ былъ культъ ненависти: самой беспощадной, мелочно-жестокой, иронически превзрительной, торжествующей, язвительной, подсматривающей, какой-то надрывающейся, болѣзненной ненависти. Другой былъ культъ преклоненія, почитанія почти религіознаго, восхваленія, прославленія, неустаннаго кажденія и ревниваго обереганія особы Лонгина Семеновича отъ всего, что такъ, или иначе могло посягать на его славу.

Въ первомъ случаѣ Евгенія Михайловна видѣла въ Лонгинѣ Семеновичѣ только мужа. Какъ мужа, она третировала его свысока. Она презирала его всѣми силами души, какъ только можетъ женщина молодая, здоровая, сильная и красивая презирать немолодого, некрасиваго, слабаго волей и тѣломъ мужчину. Но главное она презирала его за то, что онъ бѣденъ. Женщина, въ качествѣ прирожденной, исконной рабы, естественно предпочитаетъ богатаго и знатнаго господина бѣдному и неважному. Въ этомъ случаѣ она во многомъ напоминаетъ прислугу, которая любитъ похвастаться тѣмъ, что баринъ—генераль, а у барыни—безъ счету шелковыхъ платьевъ, которыя она такъ же часто заказываетъ, какъ и бросаетъ. Въ глазахъ женщины мужчина тѣмъ достойнѣе, чѣмъ лучше онъ ее можетъ содержать, и, на женскій взглядъ, умъ и способности мужчины измѣряются количествомъ доставаемыхъ имъ рублей.

Евгенія Михайловна не была исключеніемъ изъ общаго правила и поэтому никогда не могла простить своему супругу того, что онъ мало зарабатываетъ. Но она не только признавала въ Лонгинѣ Семеновичѣ и умъ, и способности, она считала его прямо гениемъ, ставила его очень высоко, гордилась имъ, носилась съ нимъ, какъ дитя съ любимой игрушкой. Тутъ ужъ кончался Лонгинъ Семено-

вичъ Антифоновъ—супругъ, и являлся на сцену Лонгинъ Семеновичъ Антифоновъ—писатель.

Писательскій геній Лонгина Семеновича для Евгеніи Михайловны былъ внѣ спора, внѣ сомнѣнія и внѣ сравненія. Эта увѣренность поддерживалась въ Евгеніи Михайловнѣ кучкой немногочисленныхъ, но рьяныхъ почитателей Антифопова.

Евгенія Михайловна только въ этой кучкѣ и вращалась. Должно замѣтить, что писательская слава Антифопова страннымъ образомъ виждилась не на тѣхъ его произведеніяхъ, которыя были напечатаны—ихъ было немного, и даже друзья его соглашались, что они незначительны,—а на тѣхъ, которыя слѣдовало бы издать, но которыя въ виду цензуры нечего было и думать напечатать.

Такимъ образомъ цензура являлась виновницей того грустнаго обстоятельства, что геніальныя и полезныя мысли Антифопова остались неизвѣстными міру, и ужъ, конечно, менѣе всего виновать былъ въ томъ самъ Антифоновъ: нельзя же было упрекать его за то, что онъ не умѣлъ или не желалъ выражать свои мысли такъ, чтобы цензура не имѣла къ чему придраться. Впрочемъ, послѣднія пять-шесть лѣтъ онъ ничего и не написалъ, если не считать мелкихъ статейекъ, время отъ времени появлявшихся въ либеральномъ «Московскомъ прогрессѣ».

Статейки эти касались всего понемногу: школьнаго дѣла въ Россіи, народнаго образованія въ Сибири, положенія интеллигентнаго труженика въ глухой провинціи и т. п. достаточно надобныхъ всѣмъ темъ. Но мало-по-малу и такія статейки становились рѣдкостью. Если теперь принять въ соображеніе, что Лонгинъ Семеновичъ нигдѣ не служилъ и гордился тѣмъ, что онъ живетъ только литературой, то легко можно себя представить, до чего ничтожны были его доходы. Эта ничтожность матеріальныхъ благъ рядомъ съ грандіозностью духовныхъ преимуществъ Лонгина Семеновича была невыносима для Евгеніи Михайловны.

Его бездѣйствіе выводило ее изъ себя. Лонгинъ Семеновичъ зналъ это и старался не раздражать своей супруги. По цѣлымъ днямъ онъ или сидѣлъ, забившись гдѣ нибудь въ углу со свѣжей книжкой «Отечественныхъ Записокъ», или, уставъ сидѣть, начиналъ ходить по комнатѣ, разговаривая вполголоса съ самимъ собой.

Евгенія Михайловна не препятствовала этому хожденію, даже поощряла его, боясь спугнуть вдохновеніе, которое, по ея мнѣнію, должно было посѣщать Лонгина Семеновича въ такія минуты. Но вдохновеніе приходило и уходило, не принося никакихъ существенныхъ плодовъ. Къ счастью Антифопова «Общество цѣнителей россійскаго слова и науки» со свойственной этому учрежденію прозорливостью еще по первымъ его произведеніямъ угадало въ немъ даровитаго писателя, который непременно скажетъ «свое

слово», и въ видахъ поощренія уже нѣсколько лѣтъ сряду высылало ему пенсію въ размѣрѣ сорока рублей въ мѣсяць.

Но на сорокъ рублей невозможно было существовать семьѣ въ пять человѣкъ, и Евгенія Михайловна понемногу завела меблированныя комнаты и домашніе обѣды. Лонгинъ Семеновичъ не мѣшалъ ей устраиваться, какъ знаетъ. Про себя онъ говорилъ, что онъ, какъ всѣ даровитые люди, лишень практической смѣтки.

Евгенія Михайловна соглашалась съ этимъ выводомъ и только прибавляла, находя выраженія Лонгина Семеновича слишкомъ мягкими, что вообще всѣ гениальные люди—трутни, тунеядцы и бездѣльники.

Въ непреложности этой истины она не сомнѣвалась, подобно большинству человѣчества, которое любитъ утѣшать себя въ отсутствіи исключительныхъ способностей тѣмъ, что будто бы послѣднія неразлучны съ безуміемъ или безпутствомъ. Жалкое утѣшеніе! Но оно примиряетъ людей съ собственнымъ ничтожествомъ.

Евгенія Михайловна несла на своихъ плечахъ всѣ заботы о семьѣ и объ ея матеріальномъ благополучіи. Она покупала провизію, помогала Дарьѣ на кухнѣ готовить обѣдъ, договаривалась съ жильцами, воспитывала, какъ умѣла, трехъ дочерей — Варю, Люду и Женю, изъ которыхъ старшей было восемь лѣтъ, обшивала ихъ, одѣвала.

Все это она дѣлала съ свойственной ей быстротой, стремительностью и энергіей и вмѣстѣ съ тѣмъ съ неохотой, изнывая подъ тяжестью взваленныхъ на нее заботъ, негодуя на Лонгина Семеновича за его лѣность, тяготясь дѣтьми, возмущаясь тѣмъ, что женщина съ ея умомъ и способностями, образованная, развитая, передовая, принуждена довольствоваться такой жалкой долей, влачить такое незамѣтное, мелкое, будничное существованіе.

Единственнымъ ея вознагражденіемъ было сознаніе, что ея печенія необходимы для сохраненія драгоцѣнной жизни Лонгина Семеновича, единственной поддержкой—надежда, что Лонгинъ Семеновичъ наконецъ создастъ достойное себя произведеніе, которое сразу поставитъ его на должную высоту и покажетъ всей Россіи,—непремѣнно всей Россіи,—какой онъ человѣкъ.

А пока она всячески заботилась объ его популярности, о томъ, чтобы какъ нибудь за давностью не позабыли его заслугъ.

Время отъ времени, однако, энергія Евгеніи Михайловны ослабѣвала, радужныя надежды тускнѣли, вѣра въ гениальность Лонгина Семеновича, подточенная обманутыми ожиданіями и жестокими испытаніями, теряла свою горячность и убѣжденность, и тогда въ семьѣ Антифоновыхъ все становилось вверхъ дномъ.

Въ такіе дни Лонгинъ Семеновичъ лишался утромъ чая, если имѣлъ неосторожность встать поздно, дѣти завтракали кускомъ чернаго хлѣба съ солью, жильцы не могли добиться обѣда, Дарья

плакала и ворчала, огорченная тѣмъ, что Евгенія Михайловна, ни за что, ни про что накричавъ на нее, предлагала ей получить «паспортъ въ зубы и убираться ко всѣмъ чертямъ», сама Евгенія Михайловна ходила съ утра нечесанная, съ распущенными волосами, неумытая, въ наскоро накинутаю блузѣ, иногда даже незастегнутой, и усиленно курила папиросу за папиросою, оставляя за собой цѣлыя кучи окурковъ.

Количество окурковъ и раскупоренныхъ и нераскупоренныхъ бутылокъ пива, которыми Евгенія Михайловна на ходу промачивала пересохшее отъ волненія и крика горло, служило вѣрнымъ показателемъ того, какъ велико было ея волненіе.

Дѣвочкамъ въ это время тоже сильно доставалось, и онѣ старались забиться куда нибудь въ уголь, уходили въ кухню къ Дарьѣ и усаживались на ея сундукъ, заваленномъ всякимъ хламомъ, а чаще залѣзали подъ столъ и сидѣли тихо, какъ мыши. Лонгинъ Семеновичъ бралъ книжку «Отечественныхъ Записокъ» и съ головой погружался въ чтеніе. Онъ могъ бы, конечно, уйти изъ дому и такимъ простымъ способомъ избавить себя отъ домашнихъ неприятностей, но Лонгинъ Семеновичъ былъ человѣкъ со странностями. Онъ боялся улицы и выходилъ только въ крайнихъ случаяхъ. Онъ не любилъ переходить черезъ улицу—чего добраго найдеть извозчикъ,—онъ съ неудовольствіемъ приближался къ углу, гдѣ всегда можно рассчитывать на встрѣчу съ городовымъ, которому, того и гляди, что нибудь покажется въ васъ подозрительнымъ, и онъ еще, пожалуй, сведетъ въ участокъ. Лонгинъ Семеновичъ принадлежалъ къ тому поколѣнію, которое жандармовъ называло «голубыми», городовыхъ — «сбирами» и считало и тѣхъ и другихъ созданными для того, чтобы во всякое время дня и ночи быть готовыми напасть на мирнаго обывателя и засадить его въ кутузку за вольный образъ мыслей. Многолюдныхъ улицъ Лонгинъ Семеновичъ не терпѣлъ, потому что на нихъ затолкаютъ, пустынныхъ—избѣгалъ, потому что могутъ ограбить. Поэтому Лонгинъ Семеновичъ предпочиталъ лучше перенести какую угодно домашнюю бурю, чѣмъ двинуться изъ дому.

Пока Евгенія Михайловна разговаривала съ Кювелемъ, Лонгинъ Семеновичъ сидѣлъ на продавленномъ диванѣ и упорно глядѣлъ въ «Записки». Раза два онъ, не поднимая головы, отрывался отъ книги, и тогда взглядъ его падалъ на длинныя, худыя ноги Вари, въ старыхъ дырявыхъ туфляхъ, торчавшія изъ-подъ стола, подъ которымъ жались всѣ три дѣвочки, тихонько перешептываясь.

Лонгинъ Семеновичъ попробовалъ прислушаться къ ихъ разговору.

— Мама жильца бранить,—объясняла сестрамъ Варя.—Такъ его и надо: онъ у мамы деньги взялъ.

— Злая мамка, — сказала Люда: — а папка добрый, я папку люблю, а мамку не люблю.

— Бяка—папка, а мама—пай,—рѣшительно высказалась трехлѣтняя Женя.

Въ это время стукнула дверь, и Евгенія Михайловна остановилась посреди комнаты, задыхаясь отъ негодованія, бурная волна котораго готова была каждую минуту хлынуть черезъ край и потопить все окружающее.

Варя тихонько выбралась изъ-подъ стола и пробралась въ уголъ къ окну. Лонгинъ Семеновичъ уткнулся въ книгу.

— Слышите?—крикнула, обращаясь къ нему, Евгенія Михайловна.

Лонгинъ Семеновичъ поднялъ голову и поглядѣлъ на супругу съ выраженіемъ зайца, заслышавшаго лай гончей.

— Какъ вамъ это нравится?—продолжала Евгенія Михайловна:—Кювель отказывается платить. Двѣ комнаты стоятъ пустыя, сгоню его, будетъ три. А управляющій присылалъ вчера за деньгами. Вотъ и извольте тутъ.

Лонгинъ Семеновичъ понялъ, что молчать долѣе невозможно, не рискуя еще болѣе раздражить Евгенію Михайловну, и поспѣшилъ отдѣлаться первымъ попавшимся на языкъ замѣчаніемъ:

— Да, неприятно,—буркнулъ онъ:—но, можетъ быть, заплатитъ.

— Изъ чего?—крикнула Евгенія Михайловна.—Сегодня же выгоню его, пусть убирается. У меня не богадѣльня: свои дармоѣды одолѣли.

И Евгенія Михайловна обвела негодующимъ, ненавистнымъ взглядомъ комнату. Видъ этой, такъ хорошо знакомой ей комнаты, единственной, въ которой по необходимости ютилась вся семья, по временамъ былъ ей невыносимъ. Она съ тоской переводила сверкающей взглядъ съ оклеенныхъ рваными обоями, висѣвшими въ иныхъ мѣстахъ клочьями, стѣнъ на грязный, покрытый пятнами полъ, съ середины котораго почти совсѣмъ сошла краска и только оставалась по угламъ да подъ мебелью. Она съ омерзѣніемъ глядѣла и на миткалевыя, Богъ знаетъ когда мытыя, шторы, криво повѣшенныя на двухъ окнахъ, выходявшихъ на узкій, заваленный свѣжными сугробами дворъ, и на всю обстановку, бѣдную, некачественную, жалкую.

Въ комнатѣ стояло три старыхъ разнокалиберныхъ дивана, на которыхъ спали Евгенія Михайловна, Лонгинъ Семеновичъ и Варя. Люда и Женя спали вдвоемъ въ желѣзной кровати. Эти диваны были приобретены Евгеніей Михайловной въ видахъ благоприличія, когда она только еще переѣхала въ эту квартиру и старалась устроиться получше и поудобнѣе. Но съ теченіемъ времени диваны обтрепались, дешевая обивка ихъ разлѣзлась и прорѣдилась, и они только увеличивали впечатлѣніе безпорядка, постепенно, незамѣтно, но твердо

и неуклонно вѣдрявшася въ жилищѣ Антифонова и наконецъ побѣдоносно, во всемъ своемъ безалаберномъ величїи воцарившася въ немъ. По обѣимъ сторонамъ двери, на стѣнахъ и въ углахъ были во множествѣ набиты гвозди, а на нихъ висѣли платья, пальто, кофты и иные предметы туалета, не находившіе себѣ мѣста ни въ комодѣ, ни въ платяномъ шкафу, которые, вѣроятно, ради симетріи, помѣщались одинъ противъ другого и, казалось, въ молчаливомъ сознаніи своего достоинства, полные невозмутимаго покоя, степенно посматривали другъ на друга.

Нѣсколько желтыхъ вѣнскихъ стульевъ приткнулись, гдѣ было свободное мѣстечко. Къ простѣнку придвинутъ былъ обѣденный столъ, на которомъ теперь стояли стаканъ съ мутной жидкостью на днѣ и двѣ бутылки. Одна изъ нихъ была еще нераскупорена, а изъ другой медленно выползала бѣлая пѣна, спускалась по ней внизъ на столъ и, превратившись въ тонкую струйку, стекала по ножкѣ стола на полъ, образуя маленькую лужу. Сидѣвшая подъ столомъ Женя съ любопытствомъ слѣдила за этой процедурой.

Время отъ времени она обмакивала въ лужу пальчикъ и съ наслажденіемъ обсасывала его. Люда съ завистью посматривала на сестру, не смѣя принять участія въ этой забавѣ. Она отлично знала, что то, что сходить съ рукъ Женѣ, не всегда сойдетъ у нея съ Варей. Крѣпко прижавшись спиной къ стѣнѣ, упершись ладонями въ полъ и разставивъ ноги, она сидѣла, не шевелясь, напряженно ожидая, что будетъ дальше.

Евгенія Михайловна бросилась въ изнеможеніи на стулъ, налила пива, залпомъ опорожнила стаканъ и тихимъ голосомъ, въ которомъ слышался ропотъ приближающейся бури, спросила:

— Лонгинъ Семеновичъ, о чемъ вы думаете?

— Я, Женичка?—переспросилъ Лонгинъ Семеновичъ, ни о чемъ опредѣленномъ не думавшій и застигнутый супругой врасплохъ.

— Да, вы. Что за фамиллярность такая! Я для васъ такая же Евгенія Михайловна, какъ и для всѣхъ остальныхъ.

— Но, Женичка...

— Вы меня слышали?—глухо и грозно произнесла Евгенія Михайловна.

— Ну, хорошо, Евгенія Михайловна. Не все ли равно,—поплѣшилъ выказать покорность Лонгинъ Семеновичъ.

— Я васъ спрашиваю, о чемъ вы думаете?—настойчиво повторила Евгенія Михайловна и налила себѣ еще стаканъ пива, чтобы подкрѣпиться къ предстоящему бою.

— Право же, Женичка... Евгенія Михайловна, ни о чемъ особенномъ... такъ себѣ,—умиротворяющимъ тономъ отвѣтилъ Лонгинъ Семеновичъ.

— Но, однако, думаете же о чемъ нибудь? Вѣдь нельзя же пред-

положить, чтобъ человѣкъ сидѣлъ вотъ такъ надъ книгой и ровно таки ничего не думалъ.

— Да, конечно... Вотъ тутъ,—Лонгинъ Семеновичъ указалъ на книгу:—одна мысль меня очень заняла... одинъ вопросъ... весьма интересный вопросъ.

— Какой? — полюбопытствовала Евгенія Михайловна, которая вообще не могла равнодушно относиться къ инымъ вопросамъ.

— Соціальный... соціальный вопросъ,—отвѣтилъ Лонгинъ Семеновичъ.—Я даже, Женичка, хочу статью по поводу этого вопроса написать,—поспѣшилъ прибавить онъ въ смутной надеждѣ сразу смягчить гнѣвъ Евгеніи Михайловны своимъ похвальнымъ намѣреніемъ.

Евгенія Михайловна сдвинула брови.

— Статью?—переспросила она.

— Ну, да, большую статью,—торопился Лонгинъ Семеновичъ,—обширную... Чтобы, такъ сказать, освѣтить... гм... предметъ со всѣхъ сторонъ... разъяснить...

— Освѣтить? — перебила Евгенія Михайловна съ какимъ-то даже высокоуміемъ и нахмурилась еще больше.

— Но я, право, не понимаю, Женичка, т. е. Евгенія Михайловна, чѣмъ ты недовольна,—попробовалъ возразить Лонгинъ Семеновичъ.

— Чѣмъ я недовольна! — воскликнула Евгенія Михайловна.— Онъ не понимаетъ, чѣмъ я недовольна. Но вѣдь я, Лонгинъ Семеновичъ, вотъ ужъ нѣсколько лѣтъ,—нѣсколько лѣтъ!—слышу отъ васъ объ этой статьѣ. Только слышу, замѣйте!

— Да не объ этой,—оправдывался Лонгинъ Семеновичъ,—объ этой я только сейчасъ...

— Все равно!—рѣзко оборвала Евгенія Михайловна:—я васъ спрашиваю, когда же, наконецъ, будутъ написаны эти статьи, которыя вы только собираетесь писать? Вотъ что я хочу знать!

— Но, Женичка, я непремѣнно... Вотъ завтра же примусь. Сегодня обдумаю, а завтра примусь,—лепеталъ Лонгинъ Семеновичъ, стараясь умиловить Евгенію Михайловну.

Но лицо Евгеніи Михайловны становилось все мрачнѣе и мрачнѣе.

— Несчастный вы, погибшій вы человѣкъ!—начала она, переходя изъ угрожающаго тона въ патетическій.—Подумайте, что вы дѣлаете съ собой, съ своимъ талантомъ! Я ужъ не говорю о томъ, что мы всѣ умерли бы съ голоду, еслибъ рассчитывали на васъ.

— Но, Евгенія Михайловна, вѣдь вдохновенію не прикажешь. Вдохновеніе—рѣдкій гость,—объяснялъ Лонгинъ Семеновичъ.

— Молчите! Все вадоръ! Я вамъ говорила, чтобъ вы по поводу безпорядковъ въ Казанскомъ университетѣ написали статью о положеніи высшаго образованія въ Россіи. Вы согласились. Гдѣ же эта статья? Отчего вы ея не написали? Отчего вы ея не пи-ше-те?

— Да вопросъ-то такой серьезный... и щекотливый,—оправдывался Лонгинъ Семеновичъ:—я право не знаю, удобно ли. Пожалуй, и цензура... какъ тутъ будешь говорить.

— Ахъ, вы подцензурный невольникъ!—съ негодованіемъ вскричала Евгенія Михайловна.—Да кто же, кто будетъ говорить, если Антифоновъ будетъ молчать?—наступала она на мужа.—Кто образумитъ Россію, кто раскроетъ глаза правительству? Отвѣчайте: кто?

Лонгинъ Семеновичъ затруднялся отвѣтить.

— Ну, назовите мнѣ, назовите мнѣ когонибудь,—кипятилась Евгенія Михайловна, очень довольная замѣшательствомъ Лонгина Семеновича.

— Да вотъ хоть Пугавинъ,—обрадовался Лонгинъ Семеновичъ:—онъ даже отдѣломъ образованія завѣдуетъ въ «Московскомъ прогрессѣ».

— Пугавинъ!—съ глубочайшимъ презрѣніемъ протянула Евгенія Михайловна.—Много вашъ Пугавинъ смыслить.

— Человѣкъ компетентный!—вставилъ Лонгинъ Семеновичъ.

— И вамъ не стыдно,—воскликнула Евгенія Михайловна:—вамъ не стыдно унижать себя предъ такимъ ничтожествомъ? Но вы ничего не понимаете, несчастный вы человѣкъ! Поймите, что вы обязаны писать, обязаны говорить, вы не имѣете права молчать и бездѣльничать, какъ какойнибудь обыкновенный человѣкъ. Вамъ дано столько, что вашъ долгъ—дѣлиться съ остальнымъ міромъ, учить людей. А вы?

— Я и дѣлюсь,—сказалъ Лонгинъ Семеновичъ,—не все же мнѣ рассказывать, что я думаю.

— Нѣтъ, все, все!—возражала Евгенія Михайловна.—Сидите и записывайте каждую вашу мысль. Пусть девять изъ нихъ будутъ обыкновенны, не важны, даже пошлы, десятая будетъ геніальна. А главное помните, что это вашъ долгъ. Это дастъ вамъ силы работать, побѣдитъ вашу проклятую лѣнь. Боже мой! Я прихожу въ ужасъ, когда подумаю, сколько вы могли бы написать, и какъ мало написано. Это ужасъ, ужасъ!

— Но я напишу, Женичка, я еще напишу, —увѣрялъ Антифоновъ.

— Увидимъ, какъ вы напишете. И я-то дура! Я-то изъ чего хлопочу, вожусь со всей этой дрянью, живу въ такой труппѣ! Посмотрите, что дѣлается вокругъ васъ! Вѣдь это срамъ, срамъ! Кто войдетъ съ улицы, подумаетъ, что здѣсь не писатель живетъ, а... а... сапожникъ. Поглядите, до чего вы доводите свою семью. У дѣтей башмаковъ нѣтъ. Я по вашей милости въ кухарку обратилась.

— Женичка, вѣдь и я не на розахъ,—вставилъ свое слово Лонгинъ Семеновичъ.

— Вы? Нѣтъ, вы на розахъ! Вы на розахъ! Вамъ что? Вы вѣчно носитесь въ эмпирахъ. Вамъ все должны подать, пригото-

вить, а какъ, на какія деньги,—вамъ горя мало. Вспомните, когда вы въ послѣдній разъ получили изъ «Московского прогресса» деньги.

— Но, Евгенія Михайловна, ты забыла, что мы каждый мѣсяць имѣемъ сорокъ рублей. Ужъ эти-то сорокъ рублей мои, я думаю,—возразилъ Антифоновъ.

— Ха, ха, ха, ха! — задилась истерическимъ смѣхомъ Евгенія Михайловна.—Да что ваши сорокъ рублей? Пожалуйста, возьмите ваши сорокъ рублей и попробуйте платить за квартиру, обѣдать, завтракать, пить чай—много изъ вашихъ сорока рублей останется? Всѣ они на васъ уходятъ. Я и дѣти не пользуемся изъ нихъ ни копейкой, слышите, ни копейкой? Сорокъ рублей!

Евгенія Михайловна презрительно фыркнула.

Лонгинъ Семеновичъ, уничтоженный этимъ аргументомъ, не рѣшился возражать.

Въ продолженіе всей этой сцены дѣти были предоставлены самимъ себѣ. Варя попрежнему сидѣла въ углу. Люда, убѣдившись, что никто не обращаетъ на нее ни малѣйшаго вниманія, рѣшилась подползти къ Женѣ.

Лужа подъ столомъ значительно увеличилась, благодаря тому, что Евгенія Михайловна въ пылу битвы не замѣтила, что почти все пиво ушло изъ ея стакана. Это обстоятельство надоумило Люду предложить Женѣ интересную игру.

Дѣвочки сняли каждая по туфлѣ и поставили въ лужу. Людина туфля должна была изображать корабль, Женина лодку. Но такъ какъ море, т.-е. лужа, было очень невелико, то неудивительно что скоро между кораблемъ и лодкой произошло столкновение. Оно было причиной того, что между капитаномъ корабля — Людой, и лодочникомъ — Женей, возникли серьезныя недоразумѣнія, перешедшія наконецъ въ открытую ссору.

Дѣти завовились подъ столомъ.

Евгенія Михайловна протянула, не глядя, руку подъ столъ, поймала за платье Женю и вытащила ее.

— Боже мой! въ какомъ ты видѣ!—воскликнула она, съ ужасомъ смотря на затертое и замоченное платье Жени и на ея ноги, изъ которыхъ одна была безъ башмака, — дѣвочка держала его въ рукѣ:—сколько разъ тебѣ было говорено, дрянная дѣвочка, не залѣзай подъ столъ.

Люда сидѣла, притаясь, въ надеждѣ, что мать про нее не вспомнитъ. Но Евгенія Михайловна, надѣвая Женѣ туфлю, заглянула подъ столъ и открыла ея убѣжище.

— Это что же значить, Людмила?—сердито закричала она,—ты слышишь, мать запрещаетъ сидѣть подъ столомъ, и не двигаешься съ мѣста? Поди-ка сюда.

Она схватила Люду за ухо и вытащила ее.

Люда разразилась громкимъ плачемъ.

— Ну, молчать! — гнѣвно прикрикнула Евгенія Михайловна:— Что ты орешь на весь домъ? Посмотри на Женьку: она маленькая, крошка, и то не плачетъ, а ты шестилѣтняя дура, ревешь, словно тебя рѣжутъ,—убѣждала она, забывая, что Женѣ не сдѣлала больно, а Люду отодрала за ухо.

Евгенія Михайловна открыто предпочитала Женю другимъ дочерямъ. И дѣйствительно Женя была прелестный ребенокъ. Баловство матери не оказывало дурного вліянія на ея хорошую натуру. Она не злоупотребляла своимъ положеніемъ баловня семьи и очень любила сестеръ, которыя платили ей тѣмъ же. Даже Лонгинъ Семеновичъ, обыкновенно молчаливый и угрюмый, почти не обращавшій вниманія на дѣтей, невольно поддавался очарованію и иногда подолгу забавлялъ Женю, рассказывая ей сказки, или дѣлая пѣтушковъ изъ бумаги, хотя онъ отлично зналъ, что не имѣетъ никакихъ отцовскихъ правъ на этого бойкаго, живого ребенка, съ шапкой курчавыхъ, какъ смоль, волосъ на головѣ, съ горящими румянцемъ щеками и большими, темными, какъ ночь, глазками, остѣненными стрѣльчатами, великолѣпными рѣсницами. Отъ матери она унаслѣдовала только нѣжность кожи да сложеніе, тоже коренастое и плотное.

— Вся въ отца! — съ гордостью говорила иногда Евгенія Михайловна, любуясь Женей и перебирая ея шелковистые кудри.

Она совсѣмъ не была расположена скрывать отъ Лонгина Семеновича, что Женя была плодомъ ея кратковременнаго, но сильнаго увлеченія красивымъ, виднымъ студентомъ-кужаниномъ, Юрченко, который одно время снималъ комнату у Антифоновыхъ и былъ ревностнымъ адептомъ Лонгина Семеновича, восторгался всѣми его теоріями и раздѣлялъ всѣ его взгляды.

Напротивъ Евгенія Михайловна и этимъ обстоятельствомъ умѣла при случаѣ воспользоваться, какъ оружіемъ въ своихъ стычкахъ съ супругомъ.

Такъ поступила она и на этотъ разъ.

— Люблю Женьку! — воскликнула она. — Сейчасъ видно, что сдѣлана изъ мяса и крови, а не изъ какого-то кисло-сладкаго тѣста, какъ Варя съ Людой. Лонгинъ Семеновичъ! Посмотрите-ка на нее. Ишь глазенки-то такъ и горятъ. Настоящій орленокъ! Не то, что тѣ двѣ... галки! Хотя бы, по крайней мѣрѣ, на меня были похожи, все были бы покрасивѣе, а то угодили всѣ въ васъ.

— Но, Женичка,—съ достоинствомъ возразилъ Лонгинъ Семеновичъ:—человѣкъ не животное, и въ немъ цѣнится не одна красота, но и другіе... высшіе... дары...

— Ну, не болтайте вздора! — крикнула Евгенія Михайловна:— когда красота мѣшала высшимъ дарамъ? Да я не про то и говорю. Я только хочу сказать, что нечего соваться въ отцы уродамъ. Тутъ

ужь никакіе высшіе дары не вывезутъ: у больныхъ и безобразныхъ родителей и дѣти будутъ больныя и безобразныя.

— Но, можетъ, умныя, можетъ быть, благородныя сердцемъ и, если слабыя здоровьемъ, то, быть можетъ, сильныя волей,—попробоваль отпарировать Лонгинъ Семеновичъ, задѣтый, наконецъ, за живое.

— Ахъ, не повторяйте пошлостей! Все, что вы на этотъ счетъ скажете, я слышала тысячу разъ, и все это не выдерживаетъ ни малѣйшей критики, а только доказываетъ, что люди всегда будутъ стараться оправдывать всѣ свои недостатки какими угодно софизмами, тогда какъ было бы умнѣе и честнѣе просто постараться исправиться отъ нихъ.

— Назначеніе человѣка несравненно выше, — докторальнымъ тономъ продолжалъ Лонгинъ Семеновичъ: — цѣль существованія каждаго отдѣльнаго индивидуума гораздо шире и дальше, чѣмъ произведеніе себѣ подобныхъ. Я не ошибусь, если скажу, что каждый человѣкъ носить въ себѣ зерно извѣстной идеи, есть, такъ сказать, ея олицетвореніе...

— Желала бы я знать, какую идею вы олицетворяете? — презрительно отозвалась Евгенія Михайловна.

— Тебѣ извѣстны мои убѣжденія, — уклончиво отвѣчалъ Лонгинъ Семеновичъ.

— На мой взглядъ вы съ успѣхомъ олицетворяете ничегонедѣланіе, — насмѣшливо возразила Евгенія Михайловна.

Лонгинъ Семеновичъ разсудилъ не продолжать спора и попробовать обезоружить Евгенію Михайловну покорнымъ молчаніемъ. Но это было не такъ-то легко.

Евгенія Михайловна тоже помолчала и дала Лонгину Семеновичу маленькую передышку, но только для того, чтобы снова напасть на него и уже съ бѣльшимъ ожесточеніемъ.

— Лонгинъ Семеновичъ, не можете ли вы мнѣ сказать, чѣмъ мы заплатимъ въ этомъ мѣсяцѣ за квартиру? — спросила она тономъ, не предвѣщавшимъ ничего добраго.

Лонгинъ Семеновичъ поморгалъ глазами, сраженный трудностью предложенной ему задачи.

— Не знаете? — саркастически освѣдомилась Евгенія Михайловна.

— Право, Женичка... Занять развѣ гдѣнибудь, — предположилъ Лонгинъ Семеновичъ, отлично зная, что занять не у кого.

— Гдѣ это?

— У Пугавина, на примѣръ, — отвѣтилъ Лонгинъ Семеновичъ, хотя и чувствовалъ, что отвѣтъ этотъ подольетъ масла въ огонь.

— У Пугавина? — взвизгнула Евгенія Михайловна. — Да вы что съ ума сошли что ли? Развѣ у этого тунеядца бываютъ когданибудь деньги? У него своя семья сидитъ голодная! Да вы нарочно что ли?

— Ну, ужъ тогда, право, не знаю, Женичка,—безнадежно вымолвилъ Лонгинъ Семеновичъ.— Вотъ жильцы развѣ заплатятъ.

— Жильцы! У васъ только и свѣта въ окошкѣ, что жильцы. Жильцы! Но поймите же, Лонгинъ Семеновичъ, что такъ жить нельзя!—съ негодованіемъ восклицала Евгенія Михайловна.— Я никогда не оправдываю женщинъ, которыя живутъ за спиной у мужа и бьютъ баклуши! Вы знаете мои убѣжденія на этотъ счетъ. Помоему, жена должна быть помощницей мужу во всемъ, и въ заработкѣ. Такъ вѣдь помощницей, а не тащить на себѣ всю семью. Что я двужильная что ли?

Лонгинъ Семеновичъ въ замѣшательствѣ перелистывалъ «Записки», точно онъ былъ увѣренъ, что въ нихъ, на какойнибудь страницѣ написано вѣрное средство разомъ разрѣшить всѣ недоумѣнія Евгеніи Михайловны и успокоить её.

— Ну, что-жъ вы молчите?.. Что вы молчите?—выходила изъ себя Евгенія Михайловна.— Нѣтъ, вы не человекъ! Съ вами нельзя говорить! Вы дѣйствительно идея! Мертвая идея! Ходячая идея! Червякъ, сосущій мое сердце!

Лонгинъ Семеновичъ въ этотъ моментъ и въ самомъ дѣлѣ напоминалъ червяка, да еще такого, на котораго наступили, до того жалкій, пришибленный и униженный у него былъ видъ. Впрочемъ, Лонгинъ Семеновичъ вообще не могъ похвастаться вѣшностью. Ростъ его былъ ниже средняго; вся фигура, тощая и костлявая до того, что плечи торчали острыми углами, и платье надѣто было на нихъ, какъ на вѣшалкѣ, была до крайности мизерна и нескладна.

Можно было подумать, что онъ или кривобокъ, или горбать, и однако онъ не былъ ни кривобокъ, ни горбать. Лицо его нездороваго, багроваго цвѣта, иногда смѣнявшагося смертельной блѣдностью, не отличалось ни красотой, ни выразительностью. Въ немъ не было жизни, не было игры. Оно было сѣро, уныло, ординарно и не оставляло впечатлѣнія. Тощіе усы и борода были какого-то сиваго цвѣта, глаза безцвѣтные и тусклые смотрѣли рыбимъ, равнодушнымъ и неопредѣленнымъ взглядомъ куда-то въ сторону, мимо предмета, но и тамъ, казалось, ничего не видѣли.

Тяжелый, четырехугольный, нависшій, чрезвычайно большой лобъ былъ особенно неприятенъ. Но Антифоновъ гордился своимъ лбомъ и его размѣрами, правда, не совсѣмъ обыкновенными, а также и своей куафюрой, ниспадавшей, по модѣ его времени, на плечи и дѣлавшей его похожимъ на пономаря.

Услышавъ про червяка, Лонгинъ Семеновичъ съежился, скорчился и еще больше сталъ походить на горбатаго. Онъ хорошо зналъ, что, когда дѣло доходило до червяка, можно было ожидать всего. Это значило, что машина летитъ на всѣхъ парахъ и не миновать крушенія. Пока Евгенія Михайловна ограничивалась

только криками, она еще ничего не разбила, не разорвала, ничѣмъ не запустила въ побѣдную голову Лонгина Семеновича. Но послѣдній зналъ, что этимъ кончится, и заранѣе трепеталъ.

На его счастье постучали въ дверь, и въ комнату вошло новое лицо.

— Ахъ, это вы, Юрченко!—обрадовался Лонгинъ Семеновичъ.

— Здравствуй, Лёвущка!—привѣтствовала его Евгенія Михайловна.

— Здравствуйте, господа!—сказалъ гость, пожимая имъ руки.— Что пишутъ новенькаго въ «Отечественныхъ Запискахъ», Лонгинъ Семеновичъ?

И веселая, ласковая улыбка раздвинула его румяныя губы подъ пушистыми усами и обнаружила рядъ бѣлыхъ зубовъ.

Онъ, не спѣша, мягко ступая по полу, перешелъ комнату, опустился на стулъ, вытянулъ длинныя ноги, вздохнулъ и проговорилъ:

— Эхъ, господа! А вѣдь я опять... того... возвращаюсь къ своимъ пенатамъ. Женька, пошли-ка за папиросами,— обратился онъ къ Евгеніи Михайловнѣ.

Та пошарила у себя въ карманѣ, нашла серебряную монету и позвала Варю.

— Варя, поди, вели Дарьѣ купить «Поцѣлуй». Слышишь, «Поцѣлуй»!

Варя кивнула головой и убѣжала.

— Про какихъ это пенатовъ ты говоришь?— полюбопытствовала Евгенія Михайловна.

— А все про тѣхъ же. Вѣдь я, господа, водворился въ «Голубятнѣ». Опять въ голубя превращаюсь, буду сидѣть подъ стрѣхой и ждать, пока ктонибудь не поманить: гуль-гуль-гуль, голубокъ!

— Какъ тебѣ не стыдно!—сказала Евгенія Михайловна.—Что-жъ твоя купчиха?

— Купчиха моя на меня разсердилась. Сначала все шло хорошо, а потомъ она меня исправлять вздумала, а я тутъ какъ разъ и закути. Вышло дѣло дрянъ. Купчиха-то моя мнѣ говорить: я, говорить, хотѣла васъ извлечь изъ бездны паденія, но вы неисправимы,—и велѣла у меня все отобрать.

Варя принесла папиросы. Юрченко взялъ у нея коробку, опять ласково и весело улыбнулся присутствующимъ и закурилъ.

Женя, издали разсматривавшая его серьезнымъ дѣтскимъ взглядомъ, приложивъ къ губамъ пальчикъ, вдругъ подошла къ нему и полѣзла на колѣни. Онъ помогъ ей.

Она все съ тѣмъ же серьезнымъ видомъ продолжала его разглядывать, трогая его курчавые, такіе же, какъ у нея, волосы, густыя брови, черную бороду и, наконецъ, ткнула его пальчикомъ прямо въ глазъ.

Юрченко засмѣялся, засмѣялась и Женя. Черезъ минуту въ комнатѣ поднялась страшная возня, въ которой приняла участіе и Люда. Юрченко бѣгалъ по комнатѣ, залѣзалъ подъ столъ, вскакивалъ на стулья. Дѣвочки ловили его, дергали за платье, визжали, хохотали.

— Будеть вамъ!—остановила Евгенія Михайловна.—И ты хорошъ, Левка! Точно маленькій. Посмотрите, пыль такъ столбомъ и ходитъ по комнатѣ.

— Ну, довольно, дѣвочки!—крикнулъ Юрченко, садясь опять на свой стулъ.—Дома! Не поймали!

Онъ отеръ лобъ платкомъ и тяжело перевелъ духъ.

— Вотъ я и согрѣлся,—съ улыбкой обратился онъ къ Евгеніи Михайловнѣ.—Сегодня морозъ ухъ какой, а на мнѣ,—онъ указалъ на свое пальто:—вотъ только это одѣяніе. Купчиха моя подарила мнѣ енотовую шубу, но я ее уже заложилъ. Да къ «Голубятнѣ» шуба какъ-то и не пристала.

Онъ закурилъ новую папироску. Дѣвочки не отходили отъ него. Даже Варя подошла поближе.

Дѣти вообще любили Юрченко. Въ его натурѣ было много искренности, добродушія и кротости. Эти качества рядомъ съ красивой наружностью и мягкими, ласковыми манерами необыкновенно подкупали въ его пользу.*

Благодаря имъ, у Юрченко всегда находились благодѣтели, а чаще благодѣтельницы, которыя, заинтересовавшись имъ, снабжали его бѣльемъ, платьемъ и начинали хлопотать объ устройствѣ его карьеры. Чаще всего это были барыни-филантропки, любительницы молодежи, либералки и прогрессистки, преимущественно изъ купческаго званія.

Но Юрченко, обыкновенно скромный, ничего почти не пившій и не подымавшій скандаловъ, вдругъ, именно при такой благоприятной перемѣнѣ въ своемъ положеніи не выдерживалъ. Сначала онъ былъ всѣмъ очень доволенъ, потомъ начиналъ скучать, инстинкты бездомнаго бродяги, отверженца общества, вдругъ начинали говорить въ немъ съ такой силой, что онъ совершенно оказывался въ ихъ власти. Въ одинъ прекрасный день онъ исчезалъ изъ дома, пріютившаго его. Проходили дни, ночи. Наконецъ, его обрѣтали въ какомъ нибудь кабакѣ полураздѣтымъ, спустившимъ все, что можно спустить, а главное совсѣмъ не расположеннымъ къ покорности. Тщетно старались его образумить. Онъ бунтовалъ, возмущался, бранилъ своихъ благодѣтелей, которые, наконецъ, рѣшились махнуть рукой на него.

Всѣ такія попытки благодѣтельствовавшихъ ему лицъ Юрченко называлъ «извлеченіями изъ бездны».

И всегда отъ этихъ извлеченій, какъ укоръ и напоминаніе, оставались ему жалкія вещественныя доказательства, свидѣтельство-

вашия о томъ, какъ много было ему дано, и какъ мало онъ сохранилъ.

Это были то какія нибудь желтыя модныя escarpins съ необыкновенно острыми носками, то шелковый цилиндръ, то великолѣпный галстухъ. Всѣ эти сувениры Юрченко тщательно сохранялъ, а иногда и щеголялъ въ нихъ. Благодарительницы его, движимыя художественнымъ чувствомъ, одѣвали его, какъ модную картинку, и онъ скоро приобрѣлъ въ Москвѣ популярность.

Его многіе знали. Въ дни счастья его видали на общественныхъ гуляньяхъ, въ концертныхъ залахъ, въ увеселительныхъ мѣстахъ. Иногда какая нибудь замоскворѣцкая филантропка вывозила его на рысакахъ въ коляскѣ въ Сокольники или въ Паркъ на катанье, и тогда онъ дѣйствительно производилъ эффектъ въ модномъ свѣтлѣ пальто и шляпѣ съ своей черной, какъ смоль, бородой.

Юрченко принималъ всѣ оказываемыя ему милости, какъ должное, не чувствуя особенной благодарности и не испытывая ни малѣйшей неловкости. Это происходило отчасти отъ свойствъ его характера мягкаго, податливаго, уступчиваго, легко примѣняющагося ко всѣмъ обстоятельствамъ, а главное безпечнаго до ребячества, отчасти же здѣсь сказывалось и вліяніе Антифоновыхъ, не мало потрудившихся надъ его развитіемъ. Это было тогда, когда онъ увлекался Евгеніей Михайловной, и та съ помощью Лонгина Семеновича довершала его «гражданское воспитаніе», обогащала его умъ социальными теоріями и, наконецъ, таки добилась того, что Юрченко усвоилъ ихъ себѣ и сдѣлался ихъ рьянымъ проповѣдникомъ.

Но, какъ во всемъ, и тутъ онъ недолго оставался вѣренъ себѣ. У него была пылкая, увлекающаяся натура, легко подчиняющаяся всякому постороннему вліянію. Поэтому за послѣднее время убѣжденія его, не провѣряемыя Евгеніей Михайловной, утратили свою стойкость.

Это огорчало Евгенію Михайловну, но вообще она находила поведеніе Юрченко естественнымъ и даже поощряла его въ тѣхъ случаяхъ, когда черезъ него ей удавалось выхлопотать для какого нибудь интеллигентнаго бѣдняка денежное пособіе или стипендію. Тѣмъ не менѣе водвореніе Юрченко въ «Голубятнѣ» ее всегда радовало, такъ какъ она находила, что пребываніе въ ней полезно для его ума и нравственности. И теперь она съ удовольствіемъ услышала, что онъ поселился снова въ «Голубятнѣ».

— Это отлично, Левка!—одобрила она:—по крайней мѣрѣ вы опять станете человѣкомъ, попадете въ общество мыслящихъ людей. Что ни говорите, «Голубятня» все-таки была и останется умственнымъ центромъ.

Евгенія Михайловна, вмѣстѣ съ очень многими, весьма неглупыми, но въ нѣкоторыхъ вещахъ совершенно слѣпыми людьми,

была убѣждена, что «Голубятня» стоитъ на высокой степени развитія.

— Центръ-то, центръ,—вздыхнулъ Юрченко,—только они всё тамъ, знаете ли, ужъ слишкомъ... того...

— Что ты хочешь этимъ сказать?—нахмурилась Евгенія Михайловна.

— Да то, что слишкомъ ужъ они.. закусили удила. Это все не то,—объяснялъ Юрченко.—Я тутъ познакомился съ однимъ квартальнымъ,—кумъ моей купчихѣ доводится,—тонкая бестія и отлично всё эти дѣла понимаетъ. Такъ вотъ онъ мнѣ и доказывалъ, что все это вздоръ, и пожалуй, что такъ оно и есть.

Евгенія Михайловна всплеснула руками.

— Юрченко, опомнись!—воскликнула она.—Боже, до чего ты опустился! Съ квартальными ведешь знакомство, говоришь съ ними о судьбахъ Россіи! Чему, чему можешь научить тебя квартальный?!

Даже Лонгинъ Семеновичъ выразилъ на лицѣ своемъ недоумѣніе и неодобрительно взглянулъ на Юрченко.

— Всякій человѣкъ, господа, можетъ научить чемунибудь другого человѣка,—философски возразилъ Юрченко, не смущаясь эффектомъ, который произвели его слова на слушателей:—а квартальный этотъ, Женичка, хорошій человѣкъ...

— Квартальный—хорошій человѣкъ!—перебила Евгенія Михайловна тономъ, выражавшимъ величайшее сомнѣніе.

— Да, хорошій. Что же такое? Я хорошаго человѣка вездѣ люблю,—продолжалъ болтать Юрченко.—И молодецъ водку пить,—обратился онъ къ Лонгину Семеновичу, котораго, быть можетъ, не безъ основанія считалъ въ этомъ случаѣ компетентнымъ.—Мы съ нимъ у купчихи все вмѣстѣ закусывали. Возьметъ рюмку водки, а сверху положить груздь и опрокинетъ въ ротъ. Это «прокидонтъ» у него называется. Такъ сразу и водку, и груздь проглотить.

— Какъ глупо!—воскликнула Евгенія Михайловна.—И какой же это груздь, когда можно положить въ рюмку?

— Маленькій,—отвѣтилъ Юрченко.—У купчихи грузди мелкіе, а рюмки большія.

— Я не понимаю, что-жъ тутъ... такого... остроумнаго, — рѣшился замѣтить Лонгинъ Семеновичъ.

— Да не остроуміе! Вотъ люди! Всюду хотятъ остроумія. Къ чорту его! Просто вкусно!—вскричалъ Юрченко.

— И вкусно не можетъ быть,—продолжалъ сомнѣваться Лонгинъ Семеновичъ.

— Я самъ прежде такъ думалъ,—серьезно возразилъ Юрченко:—а онъ меня научилъ, и дѣйствительно вкусно: точно глотаешь устрицу.

— Я устрицъ не глотала,—вставила Евгенія Михайловна.

— А я глоталъ,—сказалъ Юрченко и вдругъ тяжело вздохнулъ.—

И шампанское пилъ,—задумчиво прибавилъ онъ, и лицо его затуманилось.

— Ты опустился, Левка! Опустился!—съ ужасомъ воскликнула Евгенія Михайловна.—А купчиха твоя—старовѣрка и ретроградка!

— Старовѣрка она, это правда,—согласился Юрченко:—а только не ретроградка. Какая она ретроградка? Она хочетъ въ Лозанну ѣхать на медицинскіе курсы.

— Развѣ въ Лозаннѣ есть медицинскіе курсы? — заинтересовался Лонгинъ Семеновичъ.

— Должно быть, есть. Тамъ вездѣ есть,—отвѣтилъ Юрченко.— Нѣтъ, она славная,—продолжалъ онъ хвалить купчиху.—Я съ ней Ушкину познакомилъ, право, познакомилъ. Та ее теперь обдѣлываетъ. Вы знаете, Ушкина вѣдь затѣваетъ удивительное предпріятіе. Только у нея денегъ нѣтъ, такъ вотъ купчиха моя ей и должна дать.

— Какое же предпріятіе?—спросила Евгенія Михайловна.

— Образцовую коммуу. Впрочемъ нѣтъ. Я путаю. Не образцовую, а примѣрную. Да, примѣрная коммуна. Будетъ устроена такая примѣрная коммуна, кто хочетъ, приходи и учись, и самъ также устраивайся.

— Это блестящая мысль! — вскричалъ Лонгинъ Семеновичъ.— Объ этомъ давно слѣдовало подумать.

— Только бы удалось первую устроить,—сказала Евгенія Михайловна, — остальные потомъ возникнутъ. Но вѣдь ты, чего добраго, это совралъ, Левка?

— Зачѣмъ? У нихъ тамъ ужъ все готово, и планъ, и все. Ушкина говоритъ, что меньше, какъ съ двумястами тысячь, не обойдется.

— Двѣсти тысячь!—воскликнулъ Лонгинъ Семеновичъ.—Вѣдь это цѣлый капиталъ.

— А вы что думали?—съ торжествомъ возразилъ Юрченко.— Потомъ, не беспокойтесь, милліоны будутъ жертвовать. Ушкина такъ и говоритъ: къ намъ потекутъ милліоны.

— Ушкина гениальная женщина!—крикнула восхищенная Евгенія Михайловна.

И вдругъ, замѣтивъ Варю, которая давно уже внимательно и жадно наблюдала взрослыхъ, спросила:

— Варя, ты знаешь Вѣру Трофимовну?

— Знаю, мамаша,—робко отвѣчала Варя.

— Ну, такъ запомни, что это одна изъ величайшихъ героинь, одна изъ тѣхъ женщинъ, которымъ потомство воздвигаетъ памятники.

Варя выслушала съ недоумѣніемъ.

— А знаешь ли ты, Варя, что такое коммуна?—обратился Лонгинъ Семеновичъ къ дѣвчкѣ, желая повидимому показать Евгеніи Михайловнѣ, что и онъ можетъ имѣть развивающее вліяніе на дѣтей.

— Не знаю, папаша.

— Коммуна, — заговорилъ Лонгинъ Семеновичъ, и тусклый взглядъ его оживился, — коммуна значить община. Это величайшее, благодѣлительнѣйшее учрежденіе, до какого только додумался человѣческій умъ, движимый состраданіемъ къ человѣчеству. Въ коммунѣ все общее, все братски дѣлятъ между собою, всѣ живутъ въ согласіи и въ мирѣ, — голосъ Лонгина Семеновича задрожалъ и пресѣкся, — никто не завидуетъ другъ другу, нѣтъ ни брани, ни ссоръ, ни вражды, ни попрековъ. Понимаешь, Варя?

— Понимаю, — отвѣтила дѣвочка. — Не нужно ссориться.

— Ну, довольно! — оборвала Евгенія Михайловна, которой рѣчь Лонгина Семеновича показалась нѣсколько длинной и запутанной.

— Однимъ словомъ, у насъ нѣтъ ничего похожего на коммуны! А главное, нѣтъ правильнаго раздѣленія труда. Объ этомъ вы, Лонгинъ Семеновичъ, забыли? А это самое важное. Правильное раздѣленіе труда.

— Ну, да, и правильное раздѣленіе труда, — согласился тотъ.

— Постойте! — вскричала Юрченко. — Что же это я? Я и забылъ совсѣмъ, зачѣмъ пришелъ. Меня вѣдь къ вамъ отрядили изъ «Голубятни» посломъ, Лонгинъ Семеновичъ. Видите ли, устраивается литературный вечеръ, разумѣется, съ музыкой и съ пѣніемъ. Такъ вотъ просятъ васъ читать.

— Это удивительно, Левка! — разсердилась Евгенія Михайловна: — болталъ цѣлый часъ разный вздоръ и не сказалъ самаго важнаго. Это, наконецъ, неуваженіе къ Лонгину Семеновичу, къ его литературнымъ заслугамъ.

— Какое тамъ неуваженіе, — поспѣшилъ оправдаться Юрченко, — просто забылъ.

— Вечеръ въ пользу кого? — спросила Евгенія Михайловна.

— Въ пользу недостаточныхъ студентокъ.

— А! Разумѣется, Лонгинъ Семеновичъ согласится, — сказала Евгенія Михайловна. — Цѣль такая симпатичная.

— Чья инициатива? — освѣдомился Лонгинъ Семеновичъ.

— Да все Ушкиной же. Ну, и наши всѣ участвуютъ, только не у всѣхъ платѣе есть. Да имъ достануть. Мы было прежде хотѣли подъ сурдинку сдѣлать вечеръ, да раздумали. Пусть ужъ все будетъ, какъ слѣдуетъ. Залъ беремъ въ «Кредиткѣ», билеты ужъ заказаны, вотъ только за программой дѣло. Приглашать надо исполнителей. Такъ вы согласны читать, Лонгинъ Семеновичъ?

— Передайте любимой мною молодежи, — торжественно произнесъ Лонгинъ Семеновичъ, прикладывая руку къ груди, — что я всегда готовъ сдѣлать для нея все, что въ моихъ силахъ. Я буду читать.

— Отлично! Мы васъ на первое мѣсто. У меня и черновикъ программы есть.

Юрченко вытащилъ изъ кармана карандашъ и измятый листокъ и разгладилъ его на столѣ.

— Вотъ видите: литературное отдѣленіе... Здѣсь мы васъ и впишемъ.

Онъ написалъ сбоку: Антифоновъ прочтеть...

— Что вы будете читать? Свое, конечно?

— Я думаю, изъ ненапечатаннаго чтонибудь,—предложилъ Лонгинъ Семеновичъ.

— Э, нѣтъ! Никакъ нельзя! Непремѣнно изъ того, что было въ печати. Вѣдь программа пойдетъ къ полицеймейстеру.

— Ну, вотъ видите!—недовольнымъ тономъ сказала Евгенія Михайловна,—точно нельзя было обойтись безъ полиціи. Наставятъ всюду околоточныхъ, и выйдетъ не вечеръ, а Богъ знаетъ что!

— Погоди, Женька! Говорите же, Лонгинъ Семеновичъ, что писать?

— Развѣ прочесть «Пять лѣтъ на сѣверномъ побережѣ», то-есть не все, разумѣется, отрывокъ?—размышлялъ Лонгинъ Семеновичъ.

— Все равно,—сказалъ Юрченко,—только, чтобъ не слишкомъ длинно, и не мѣшало бы, знаете, все-таки отыскать мѣстечко съ какойнибудь загвоздкой, съ тонкимъ намекомъ на толстыя обстоятельства. Мнѣ и инструкціи такія даны: чтобъ непременно съ загвоздкой и съ намекомъ.

— Прочти лучше «Бѣднаго студента»,—посоветовала Евгенія Михайловна:—это и не длинно, и полно захватывающаго интереса.

— Да ужъ это я сто разъ читалъ.

— Тѣмъ лучше, — сказалъ Юрченко. — Значить безъ обмана. Записано: Антифоновъ прочтеть рассказъ «Бѣдный студентъ».

— Пугавина приглашали?—спросила Евгенія Михайловна.

— Нѣтъ еще. Его завтра. Тутъ у насъ на его счетъ одна идеяка есть. Впрочемъ это секретъ. Ну, да ужъ куда ни шло. Вы вѣдь не разболтаете. Вотъ видите ли, мы все-таки непременно рѣшили выкинуть на вечеръ одинъ фортель, чтобъ утереть полицейскимъ носъ. Только надо подговорить исполнителей. Да согласятся. Пугавинъ навѣрно согласится.

— Въ чемъ же, наконецъ, дѣло?—нетерпѣливо спросила Евгенія Михайловна.

— А вотъ сейчасъ расскажу. Представьте себѣ, въ программѣ, на примѣръ, стоитъ: такой-то,—ну, положимъ, хоть Пугавинъ,—прочтесть повѣсть Тургенева «Живыя мощи». Кажется, просто. Но въ этомъ-то и штука. Онъ будетъ читать не «Живыя мощи», а по поводу,—понимаете?—по поводу «Живыхъ мощей». А по поводу мало ли чего можно наговорить. Только, разумѣется, приготовиться надо.

— Не знаю, удастся ли вамъ это,—сказала Евгенія Михайловна:—а сама по себѣ мысль не дурна.

— А насчетъ стихотвореній ужъ рѣшено. Или совсѣмъ не читать программныхъ, прямо замѣнять другими, или на бисъ читать дѣйствительно хорошіе стихи, а не дребедень. Ушкина, напримеръ, сама сочинить стихи и сама прочтетъ.

— Я непремѣнно хочу ее слышать!—воскликнула Евгенія Михайловна.

— Лонгинъ Семеновичъ,—обратился Юрченко къ Антифонову,—вѣдь и вы, если угодно, можете прочесть ваше не напечатанное, только въ программѣ-то объ этомъ нечего говорить.

— Нѣтъ, ужъ я лучше «Бѣднаго студента». Это отличная вещь.

— Ну, «Бѣдный студентъ»—такъ «Бѣдный студентъ». Забылъ еще вамъ одну штуку сказать: будетъ устроена «мертвецкая». Это ужъ всенепремѣнно. Наши иначе не согласны.

— Вотъ это хорошо!—одобрила Евгенія Михайловна:—это дѣйствительно постуденчески. Только, пожалуй, другіе устроители не согласятся.

— Такъ ихъ и спросили, какъ же! Прощайте однако: пойду теперь въ «Голубятню». Коробку эту я беру съ собой, Женька,—обратился онъ къ Евгеніи Михайловнѣ, пряча папиросы въ карманъ:—да не одолжишь ли ты мнѣ хоть другривеннаго?

— Вотъ тебѣ два пятіалтынныхъ. Пожалуйста, если увидишь Ушкину, передай ей, что я глубоко ее уважаю, а «голубятникамъ» вланияйся.

— Непремѣнно. До свиданія, мои благородные друзья. Прощайте, куклы!—крикнулъ онъ дѣвочкамъ.

Тѣ побѣжали за нимъ въ корридоръ.

— Лѣвка!—вдругъ вспомнила Евгенія Михайловна и кинулась за Юрченко.

Тотъ вернулся.

— Что еще?

— Устрой ты мнѣ, пожалуйста, Кювеля въ «Голубятню». Онъ мнѣ денегъ не платитъ, не на улицу же мнѣ его гнать.

— Пусть приходитъ, мѣсто есть.

— Нѣтъ, ужъ ты лучше самъ зайди за нимъ сегодня вечеромъ, а то этотъ человѣкъ—такая мямля, что просто противно смотрѣть. Я увѣрена, что онъ теперь бродитъ себѣ по улицамъ, а путнаго ничего не придумаетъ. Маменькинъ сыночекъ, нѣженка!

— Ну, такихъ у насъ, ты знаешь, не очень-то долюбиваютъ. Пусть бы шелъ въ «казенку».

— Нѣтъ, ужъ, пожалуйста, успокой меня. Тамъ еще формальности, это длинная исторія. Я бы и билетикъ велѣла Дарьѣ сейчасъ же налѣпить. Можетъ быть, жилецъ бы навернулся. Зайдешь?

— Ладно, вечеромъ заверну.

Юрченко распрощался.

Евгенія Михайловна вернулась въ комнату, тотчасъ же написала билетикъ и послала Дарью повѣсить его у воротъ.

Настроеніе ея круто измѣнилось. У нея былъ довольный и сіяющій видъ. Мысль о томъ, что Лонгина Семеновича уважаетъ и цѣнитъ молодежь, что вотъ вспомнили же о немъ и просятъ его читать, и что на вечерѣ ждуть его оваціи, поздравленія, аплодисменты, наполняла ее гордостью.

Въ настоящій моментъ она была расположена снисходительно смотрѣть на недостатки Лонгина Семеновича и способна была ему многое простить. вмѣстѣ съ тѣмъ у нея мигомъ явилась потребность къ порядку, къ благоустройству. Она стерла со стола, убрала бутылки и стаканъ, переодѣла Женю въ чистое платье, пригладила волосы Вари, надѣла фартучекъ на Люду и, умиrotворенная, снова полная готовности на всякія жертвы и воспрянувшая духомъ, отправилась на кухню къ Дарьѣ совѣщаться насчетъ обѣда, при чемъ приняты были въ соображеніе вкусы Лонгина Семеновича, и даже отдано было распоряженіе къ столу подать водку, что разрѣшалось только по праздникамъ.

III.

Въ тотъ же вечеръ Кюзель перебрался въ «Голубятню». Евгенія Михайловна была права, говоря, что самъ онъ не рѣшится туда пойти и вообще безъ чужой помощи ничего не придумаетъ. Онъ дѣйствительно вдругъ какъ-то отупѣлъ и ослабъ. Всѣ его усилія выбраться изъ бѣды разбились о жестокія неудачи, встрѣчавшіяся ему на каждомъ шагу, и онъ почувствовалъ, что не въ силахъ бороться. Тупая, безнадежная тоска щемила ему сердце.

Машинально, не возражая и не размышляя, полный того мрачнаго спокойствія, какое приносить съ собой отчаяніе, онъ собралъ свои вещи и вышелъ съ Юрченко, который любезно предложилъ ему донести чемоданъ, отвергнувъ мысль объ извозчикѣ, какъ ни съ чѣмъ несообразную и совершенно ненужную.

И когда было Кюзель слабо возразилъ, что все-таки лучше бы извозчика, потому что вещей много, то Юрченко воскликнулъ:

— Говорять вамъ, вздоръ! Берите свой узелъ. Остальное понесу я. А коли ужъ вамъ такъ пятнадцатый истратить захотѣлось, то дайте его лучше мнѣ. По крайней мѣрѣ, окажете услугу своему брату интеллигентному пролетарію.

Кюзель не рѣшилъ настаивать.

Какъ во снѣ помнилъ онъ, что Евгенія Михайловна вышла провожать его, много говорила о прекрасныхъ качествахъ «Голубятни» и даже, кажется, поздравляла его съ тѣмъ, что онъ, наконецъ, узнаетъ настоящихъ людей. Даже Лонгинъ Семеновичъ выглянулъ

за порогъ своей комнаты, чтобы проститься съ нимъ, и тоже промямлилъ, что «Голубятня» — отличная школа для молодыхъ людей, что не будь «Голубятни», не было бы и его, Антифонова, по крайней мѣрѣ, такого, каковъ онъ теперь, и что, слава Богу, что «Голубятни» не избѣгнулъ и онъ, Кюзель.

Но послѣднему было не до того. Только очутившись на улицѣ, онъ нѣсколько пришелъ въ себя, точно очнулся отъ забытья, и получилъ способность соображать.

Юрченко, замѣтивъ его убитый видъ, попробовалъ ободрить его.

— Послушайте, Кюзель, — началъ онъ, — вы не того... вообще не трусьте. Честное слово, не трусьте! Велика важность, денегъ нѣтъ! Къ чорту ихъ. Порядочный человѣкъ и безъ денегъ проживетъ. Берите примѣръ съ меня. А въ «Голубятнѣ», честное, благородное слово, вамъ понравится, ей-Богу же, понравится. Порядочному человѣку не можетъ не понравиться.

Кюзель шель, молча, сосредоточенно и тупо думая о своемъ безвыходномъ положеніи. Его аккуратная нѣмецкая натура возмущалась тѣмъ безпорядкомъ, который вдругъ, неожиданно, властно ворвался въ его размѣренный, ровный, какъ заведенные часы, обиходъ и перевернулъ въ немъ все вверхъ дномъ.

Кюзель былъ сирота. Отецъ его умеръ, когда онъ былъ еще ребенкомъ, такъ что Кюзель и не помнилъ его. Мать его поступила въ гувернантки и все, что зарабатывала, употребляла на то, чтобы дать сыну хорошее образованіе. Она души не чаяла въ немъ, и радости ея не было предѣловъ, когда онъ, наконецъ, кончилъ гимназію и перешелъ въ университетъ. Она уже нѣсколько лѣтъ жила все на одномъ мѣстѣ и получала сорокъ рублей въ мѣсяцъ. Тридцать изъ нихъ она ежемѣсячно пунктуальнѣйшимъ образомъ высылала сыну, оставляя себѣ только десять. Но и этихъ десяти не трогала и, скопивъ рублей пятьдесятъ-шестьдесятъ, тратила ихъ опять таки на сына, на учебныя пособія ему, на платье, на бѣлье.

Кюзель жилъ припѣваючи. Мать онъ любилъ и очень уважалъ, но понималъ все значеніе ея для себя только теперь, въ самое послѣднее время.

Она простудилась и захворала воспаленіемъ легкихъ, о чемъ сама и написала ему, увѣренная, что скоро поправится. Потомъ цѣлый мѣсяцъ отъ нея не было извѣстій, и въ первый разъ за все свое пребываніе въ университетѣ онъ не получилъ въ срокъ денегъ. Онъ сталъ беспокоиться, написалъ письмо, потомъ другое. Наконецъ, ему отвѣтили. Мать его умерла. Послѣ нея осталось двадцать рублей, которые и пошли ей на похороны, и кое-какое имущество, состоящее изъ бѣлья и платья, которое, — писали ему, — буде онъ пожелаетъ, ему вышлютъ. Но онъ не пожелалъ. Онъ глубоко и живо почувствовалъ утрату и первое время искренно и всецѣло предался своей печали. Но это не могло продолжаться долго. Горе

его поневоля ступевалось, отошло на второй планъ и, наконецъ, робко спряталось гдѣ-то въ тайникахъ его души передъ страшнымъ, неумолимымъ и безпощаднымъ призракомъ нужды, неожиданно явившимся ему во всемъ своемъ грозномъ величїи.

Кюзель сразу очутился въ ея власти. Всѣ его попытки противостать ей были слабы и несерьезны, — онъ самъ зналъ это, — были заранѣе обречены на гибель ужъ потому одному, что всегда сопровождались недоверїемъ къ самому себѣ. Въ нихъ не было главнаго, не было души, не было той энергіи, той неуклонной рѣшимости, которая побѣждаетъ и завоевываетъ жизнь, которая самая, повидимому, неблагопрїятныя обстоятельства заставляеть служить себѣ и своимъ цѣлямъ.

По временамъ онъ принимался горько упрекать себя за безхарактерность, за слабость воли, за неумѣнье жить. Иногда эти же упреки онъ переносилъ и на мать.

Зачѣмъ она такъ оберегала его, зачѣмъ избаловала его своими заботами, зачѣмъ вмѣсто того, чтобы прїучить его къ труду и лишениямъ, она окружала его избыткомъ и обезпеченностью? Пусть бы, — думалось ему, — она время отъ времени присылала ему денегъ, выручала бы его въ трудныя минуты, но предоставила бы ему самому зарабатывать нужную ему сумму. Развѣ онъ не могъ давать уроки, какъ многіе изъ товарищей, вмѣсто того, чтобы ежемѣсячно получать отъ матери тридцать рублей? Это, конечно, не Богъ знаетъ, какое богатство, но при умѣренности, при извѣстномъ порядкѣ, при опредѣленныхъ привычкахъ — этихъ денегъ ему хватало съ излишкомъ.

Кюзель никогда и ни въ чемъ не терпѣлъ недостатка. Но съ недостаткомъ онъ бы еще помирился. Его угнетало униженіе, какое приходилось испытывать ему, благодаря нуждѣ.

Мысль о «Голубятнѣ» его ужасала. Раньше онъ ее презрительно игнорировалъ, не смотря на лестные отзывы о ней Евгениі Михайловны и ея супруга. Въ его глазахъ «Голубятня» являлась послѣднимъ этапомъ передъ ночлежнымъ домомъ. И вотъ теперъ онъ самъ будетъ жить въ ней.

Это было такъ ужасно, что холодъ пробѣгалъ у него по спинѣ, и онъ трясъ головой, чтобы не думать объ этомъ.

Юрченко замѣтилъ его волненіе и опять началъ ораторствовать.

— Да бросьте вы! Э, чортъ! Что вы, какъ береста на огнѣ. Сказано вамъ: отличные ребята, кучка геніальныхъ русскихъ людей, а вы морщитесь. Женька правду говорить, что вы въ ихъ обществѣ равняетесь и прїобрѣтете убѣжденїя. Это она вѣрно! Что вы? Ни рыба, ни мясо. Такъ, чортъ знаетъ что! А они изъ васъ человѣка сдѣлають, гражданина. Водку пьете?

Кюзель несразу сообразилъ, о чемъ его спрашиваютъ, и, занятый своими собственными мыслями, недоумѣло взглянулъ на своего спутника.

— Водку, говорю, пьете?—повторилъ Юрченко.

— Кто? Я? Не пью.

— Ну, и глупо! Тамъ всѣ пьютъ. Научитесь. Полно вамъ теперь тарлатановой барышней быть. Жестяной чайникъ есть у васъ?

— Зачѣмъ? Какой чайникъ?

— Чай заваривать. Нѣту? Необходимо имѣть. А то не съ чѣмъ будетъ за кипяткомъ ходить. Тамъ у всѣхъ есть. Вы мнѣ это поручите. За четвертакъ я вамъ отличный подъ Сухаревкой куплю. Денегъ сколько у васъ?

— Мало, почти ничего нѣтъ. Я думаю, пожалуй, рубля не наберется,—уныло отвѣтилъ Кюзель.

— Рубль? Такъ чего-жъ вы носъ-то на квинту вѣшаете? Я думалъ, у васъ и въ самомъ дѣлѣ по части финансовъ слабо. Рубль—капиталь.

— Долго ли рубль прожить,—возразилъ Кюзель.—А потомъ что?

— Какъ что? Тамъ покажутъ обстоятельства. Да наконецъ у васъ, я вижу, добра много. Ну, зачѣмъ вамъ вся эта дрянь?—Онъ указалъ на чемоданъ и на узелъ Кюзеля. — Заложите все это, непременно заложите. Вотъ вамъ опять деньги.

— Я и такъ много вещей заложилъ, — сообщилъ Кюзель, на котораго Юрченко все-таки успѣлъ произвести благопріятное впечатлѣніе, что нѣсколько ободрило его:—боюсь, пропадутъ.

— Чортъ съ ними! Туда имъ и дорога! Знаете что? зайдите-ка вотъ сейчасъ въ ссудную кассу,—я знаю тутъ одну, отличная ссудная касса, хоть пять лѣтъ вещь держите, право! никакихъ тамъ этихъ у нихъ просрочекъ нѣтъ,—заложите всю эту дрянь. Ну, на что вамъ? А?

— Нѣтъ, пожалуйста, не надо, — возразилъ Кюзель: — лучше потомъ, когда заставить необходимость.

— А тогда хуже, вотъ увидите, хуже. Ужъ повѣрьте мнѣ—я на это дока. Сколько у меня въ закладѣ вещей пропадаетъ, такъ даже невѣроятно. Ну, да какъ хотите. Только тащить надоѣло.

— Я вѣдь предлагалъ вамъ взять извозчика.

— Опять вы за свое! Насъ тамъ съ извозчикомъ на смѣхъ подымутъ. Вотъ скажутъ, какіе рантеры: на извозчикѣ пріѣхали. У насъ никто не пріѣзжаетъ.

— А если много вещей?

— Откуда у порядочнаго человѣка будетъ много вещей? То есть, вообще говоря,—осѣлся Юрченко, — при существующихъ социальныхъ порядкахъ. У насъ вещей немного. Я вотъ пять лѣтъ валандаюсь съ «Голубятней» и за все это время зналъ тамъ одного только человѣка, который свое имущество въ «Голубятню» не перенесъ, а перевезъ. Да и то не на извозчикѣ. Просто взялъ у дворника салазки, сложилъ на нихъ свое добро,—дѣло было зимой,—да самъ и перевезъ на себѣ. Изюмовъ его звали. Вотъ былъ малый! Въ

ту же зиму и умеръ тогда отъ голоднаго тифа въ больницѣ. Геніальная была голова! Не умри онъ, ужъ навѣрное имя его сохранилось бы въ лѣтописяхъ прогресса.

— Гдѣ?—переспросилъ Кюзель.

— Въ лѣтописяхъ прогресса. Каково выраженьице-то? Это Ушкина придумала, ея слова. Тоже баба съ мозгомъ. Да вотъ вы познакомитесь. Такихъ людей узнаете! Ужъ повѣрьте мнѣ. Что другое, а ужъ люди въ «Голубятнѣ»—первый сортъ. Только знаете что, Кюзель,—нѣсколько понизивъ голосъ, прибавилъ вдругъ Юрченко,—ухо держать надо востро. Народъ аховый!

— Я васъ не совсѣмъ понимаю,—сказалъ Кюзель.

— Чего тутъ не понимать! Я вамъ отъ души говорю. Видите ли, я хочу вамъ дать нѣсколько практическихъ совѣтовъ, а то вамъ на первыхъ порахъ солоно придется, потому что «Голубятня» не чтонибудь другое... «Голубятня»—центръ, умственный центръ,—понимаете?—вамъ еще до нихъ дорости, доразвиться нужно, а пока все будете нацыпочки подыматься, ну, а это не легко. Вы вотъ, напримѣръ, что дѣлали? Ходили себѣ аккуратненько на лекціи, почитывали да пописывали, и жили себѣ въ ладу съ своей совѣстью. Ну, а «голубятники»—народъ зрѣлый, воспитавшій въ себѣ гражданскія чувства. Плевать они хотѣли на ваши лекціи. Они заняты мыслями куда поважнѣе. Поэтому вы ужъ лучше не лѣзьте къ нимъ, сидите себѣ въ углу да помалкивайте и главное не затѣвайте споровъ, а то еще за шпиона сочтутъ.

— Я и не собирался спорить,—возразилъ Кюзель:—и почему непременно надо спорить? Изъ-за чего?

— Изъ-за чего бы то ни было. Вы, напримѣръ, какихъ убѣжденій?

— Если вы говорите про политическія убѣжденія, то самыхъ умѣренныхъ.

— Ну, вотъ видите. Какъ же съ вами послѣ того не разругаться? Самые умѣренныхъ! Этого у насъ терпѣть не могутъ. Сразу въ чушки попадете?

— Въ какія чушки?

— А такъ у насъ называютъ сомнительныхъ, которые, чего добраго, и донесутъ. Они и меня теперь подозрѣваютъ! Я, видите ли, прежде у нихъ тоже изъ запѣвалъ былъ, а они меня въ барашки разжаловали. Только я барашкомъ быть не согласенъ. Чушкой я никогда не буду, но и барашкомъ быть не хочу, благодарю покорно.

— Вы забываете, что я вѣдь совсѣмъ не знаю, какой смыслъ имѣютъ эти названія,—вставилъ Кюзель.

— Запѣвалы это, видите ли, тѣ, которые управляютъ всѣмъ дѣломъ, вожаки, а барашки—это пассивные, но до того преданные извѣстнымъ идеаламъ и покорные запѣваламъ, что пойдутъ на что

угодно по ихъ слову. Согласитесь, что это ужъ и глупо. Я, напримѣръ, чрезвычайно цѣню ихъ и идеалы эти ужасно высоко ставлю, но не лѣзтъ же мнѣ изъ-за нихъ въ петлю. Да, наконецъ, если всѣ полѣзутъ въ петлю, кто же останется? Я имъ такъ и сказалъ. Теперь они на меня дуются и за спиной у меня перешептываются. И вообще за послѣднее время всѣ они тамъ ужасно стали подозрительны. Поэтому я и говорю вамъ: держите ухо востро.

— Благодарю васъ,—сказалъ Кюзель, котораго отъ разговоровъ Юрченко начала брать оторопь,—но я, право, думаю, ужъ идти ли мнѣ туда.

— Разумѣется, идите. Не на улицѣ же вамъ быть? Это развѣ. А второе вы войдете въ соприкосновеніе съ лучшими силами Россіи, приобретете убѣжденія. Я вамъ говорю, это удивительные люди. Есть у нихъ и свои странности, конечно. Но у кого же ихъ нѣтъ?

— Скажите, пожалуйста, — спросилъ Кюзель, котораго мучили главнымъ образомъ матеріальныя соображенія,—у меня тамъ сейчасъ же потребуютъ плату?

— Съ какой стати? Только я вамъ совѣтую вотъ что сдѣлать: вы сами сегодня же вручите Михайлычу, ну, хоть полтинникъ. Значить, за десять дней, во-первыхъ, заплатите, а, во-вторыхъ, вы этимъ расположите къ себѣ Михайлыча: онъ увидитъ, что вы человекъ аккуратный, платить собираетесь, какъ слѣдуетъ, на шаромыжку жить не хотите, потому что есть и такіе, что на шаромыжку. Кувичинскаго остерегайтесь. Эта подлиза все Прокимнову переноситъ. Прокимновъ, запомните, въ «Голубятнѣ» первое лицо. Малый отличный, убѣжденій непоколебимыхъ, и потому я его, не смотря ни на что, глубоко уважаю. Это настоящій Святогоръ земли Русской. Мы его прежде Исавомъ звали, а теперь Святогоромъ, потому что онъ дѣйствительно похожъ на Святогора... Это тоже Ушкина недавно придумала. Геніальный бабецъ эта Ушкина! Прокимновъ дѣйствительно силища и не только нравственная, но и физическая. Я вамъ потому и совѣтую съ нимъ не ссориться. Онъ, знаете ли, горячъ и на руку тяжелъ. Кого приложить, тому не повдоровится.

— Какъ это приложить?

— Очень просто. Какъ прикладываютъ? Дастъ хорошаго развѣ, благодарите Бога, если живы останетесь. Онъ изъ стола уголь вышибаетъ.

— Все, что вы рассказываете, меня поражаетъ,—сказалъ Кюзель.—Я право не знаю, что и думать. Этотъ вашъ Прокимновъ, напримѣръ, не полѣзетъ же онъ со мной драться ни съ того, ни съ сего?

— Ни съ того, ни съ сего, разумѣется, не полѣзетъ. Но, однако, если вы сегодня скажете, что умѣренныхъ убѣжденій, зав-

тра это повторите, послѣзавтра еще какуюнибудь штуку въ этомъ родѣ отмотите, то вѣдь согласитесь, что за это не грѣхъ и въ морду дать? Это и я бы даже далъ иному, прйдись къ случаю, хоть я и допускаю свободу собственнаго мнѣнія.

— Но, позвольте, нельзя же бить человѣка за то, что онъ думаетъ такъ, а не иначе?—попробоваль было возразить Кюзель.

Но Юрченко даже руками на него замахаль.

— Какъ это нельзя? Даже слѣдуетъ. Въ чужой монастырь со своимъ уставомъ не ходять. А «Голубятни» — монастырь, да еще какой монастырь-то? Тамъ насчетъ всего этого строго. Вотъ этой всей лишней дряннн тоже не любятъ, — онъ кивнулъ на пожитки Кюзеля.—Чемоданъ, напимѣрь. Зачѣмъ чемоданъ?

— Не понимаю, что вамъ дался мой чемоданъ,—уже съ раздраженіемъ сказалъ Кюзель: — вѣдь надо же во что нибудь сложить вещи. Ну, вы, напимѣрь, въ чемъ перевезли ваши вещи въ «Голубятню»?

— Въ чемъ? Въ картонкѣ отъ шляпы.

— Что же вы могли положить въ картонку?—усомнился Кюзель.

— Да тамъ у меня и лежала только шляпа, галстухъ, да еще свѣтлая желтая перчатка, одна, съ лѣвой руки. Другую-то я въ Казанскомъ соборѣ потерялъ. Меня тогда моя купчиха потащила съ собой въ Казанскій соборъ къ обѣднѣ и перчатки эти велѣла мнѣ надѣть. А въ соборѣ вдругъ говорить:—Снимите перчатку съ правой руки, непременно снимите и креститесь. Ну, я сдернулъ поскорѣе перчатку, да тутъ же перекрестился и, должно быть, и обронилъ ее. Нагнулся было поискать ее, а купчиха меня толкаетъ подъ локоть.—Что вы,—говорить,—какъ опустили голову, такъ и стойте? Теперь голову поднять можно.—Да, я,—говорю,—перчатку ищу. А она меня ужъ за рукавъ за собой впередъ тащить прикладываться. Такъ и пропала перчатка. А съ купчихой моею у меня съ того же вечера врозь. Послѣ обѣда,—а обѣдали-то въ семь часовъ, когда самъ ужъ изъ города пріѣхаль,—вынимаетъ она пятьдесятъ рублей и говорить:—Поѣзжайте къ Заглухинскому, это портной есть такой Заглухинскій, — возьмите у него платье, что для васъ заказано. Только примѣрьте, смотрите и, если что не хорошо, денегъ не платите и велите передѣлать. Ну, я сѣлъ, да и былъ таковъ. Пріѣхаль къ Заглухинскому, помѣрили все на меня, сидеть отлично. А я денегъ имъ все-таки не отдалъ.—Сдѣлайте,—говорю,—чтобъ еще лучше сидѣло. А самъ на лихача да къ Яру. И вотъ, честное вамъ даю слово, Кюзель, и въ умѣ у меня не было эти пятьдесятъ рублей тамъ прокутить. Я такъ думаю, истрачу рублей пять не больше, а какъ платить буду, пошлю двѣ двадцатипяти-рублевыхъ размѣнять,—она мнѣ двѣ двадцатипяти-рублевки дала,—пусть видать, что деньги есть. Понимаете, для

форсу? Ну, пришелъ къ столику, сѣлъ, спросилъ себѣ чаю съ лимономъ и коньяку. Принесли рюмочку съ наперстокъ и сахару кусочками на блюдечкѣ. Фокусы тамъ у нихъ, знаете, такіе, ничего просто не подадутъ. Огурецъ, кажется, спроси, и тотъ какъ нибудь особенно разрѣжутъ, право.

— Сижу себѣ скромненько, пью. А пѣвички по залѣ разгуливаютъ. Смотрю, одна розовенькая все въ меня глазами стрѣляетъ, все стрѣляетъ. Я и мигни ей. А она ужъ тутъ, какъ тутъ. Присѣла къ столику. Такая душечка — шикъ! — Скучаете, — говоритъ, — въ одиночествѣ? — Да вотъ, — отвѣчаю, — сдѣлайте компанію. — Чаю не угодно ли? — Ахъ, — говоритъ, — я пить ужасно хочу. Ну, тутъ я совсѣмъ забылъ про то, что деньги-то Полупудихи, а не мои. Звоню лакея. — Чаю, — говорю, — еще давай. — Ахъ, — говоритъ пѣвичка, — я чаю совсѣмъ не пью; отъ него голосъ портится. — Ну, такъ чего же вамъ? Фруктовой воды не прикажете ли? — Нѣтъ. А вотъ, если позволите, шампанскаго. Я, кромѣ шампанскаго, ничего не пью. Оно грудь мягчитъ. — Ну, — говорю, — давай шампанскаго. Подали бутылку. Заглянулъ я въ прейсъ-курантъ. Батюшки — свѣты! Бутылка шампанскаго стоитъ шесть рублей. Ну, думаю, вотъ тебѣ и зарокъ не тратить больше пяти рублей! Но тутъ мы съ пѣвичкой чокнулись, выпили. Въ головѣ у меня сразу зашумѣло. Коньякъ-то вѣрно далъ себя знать. Махнулъ я на все рукой: эхъ, моль, была не была! плакали, видно, Полупудихины денежки! — и отдался минутѣ.

— И съ этого момента ничего, какъ есть, не помню. И что мы съ пѣвичкой спрашивали, что ѣли, что пили, и какъ расплачивался, тоже не помню, и какъ меня потомъ выставили, потому что они меня подъ конецъ все-таки мошенники выставили, это ужъ я знаю: затылокъ у меня сильно былъ намятъ, и что потомъ происходило, — не вѣдаю. Очнулся я на другой день. Гляжу: никакъ я у купчихи? Такъ и есть. Ахъ, чортъ возьми! Вотъ такъ штука, думаю.

— Смотрю, бѣлье на мнѣ чистое, умыли меня, одѣли, причесали. Завтракать зовутъ. Я не иду. Сама купчиха пришла. Ну, я и разругался съ ней. Она сначала было уговаривать меня стала, а потомъ, какъ взбеленится. — Гоните, кричить, его въ шею изъ моего дома! Я говорю: я и самъ дорогу знаю. Взялъ съ окна картонку, и чортъ ее знаетъ, зачѣмъ взялъ, самъ не знаю, такъ подъ руку сунулась, да бѣжать. Въ «Голубятню» и пришелъ. Смотрю, въ картонкѣ шляпа, что мнѣ купчиха недавно подарила, да галстухъ, да перчатки. Вотъ и все.

Кюзель слушалъ съ недоумѣніемъ, близкимъ къ отчаянію. Юрченко остановился, шумно перевелъ духъ и веселыми, блестящими глазами оглядѣлъ Кюзеля.

Тотъ былъ удрученъ. Будь онъ рѣшительнѣе, онъ взялъ бы у

Юрченко чемоданъ и пошелъ бы назадъ, куда глаза глядятъ, только не въ «Голубятню».

Но они уже пришли. Огромный каменный домъ занималъ пол-переулка и, казалось, лѣвъ на проходящихъ людей и грозилъ задавить ихъ. По узенькому тротуару едва могло пройти двое въ рядъ.

Юрченко скользнулъ подъ ворота.

— Идите за мной, — сказалъ онъ Кюзелю. — Здѣсь ничего, а тамъ, — онъ указалъ на чернѣвшій въ глубинѣ второй дворъ, — будьте осторожны, по мосткамъ ступайте, а то увязнете.

Кюзель, неувѣренно ступая и спотыкаясь на мокрыхъ и неровныхъ мосткахъ, едва поспѣвалъ за своимъ проводникомъ, который шелъ скоро и не глядя подъ ноги.

— Подымайтесь, — сказалъ Юрченко, когда они почти уперлись въ лѣстницу, и пошелъ впередъ.

Кюзель нерѣшительно поставилъ ногу на первую ступеньку, которая издала протяжный, молящій пискъ, мучительно отозвавшійся въ его сердцѣ.

На одно мгновеніе онъ поколебался. Но раздумывать было некогда. Юрченко, шагавшій черезъ двѣ-три ступеньки, уже былъ наверху и грозилъ совсѣмъ исчезнуть.

Кюзель сталъ быстро подниматься, крѣпко держась одной рукой за перила. Раза два онъ поскользнулся и едва не слетѣлъ.

Наконецъ восхожденіе кончилось. Наверху было такъ темно, что Кюзель шелъ ощупью. Юрченко онъ уже не видѣлъ, но слышалъ его шаги и, наконецъ, столкнулся съ нимъ въ углу. Юрченко пошарилъ рукой, отыскалъ скобку, рванулъ ее и отворилъ дверь.

— Нагнитесь, — посоветовалъ онъ Кюзелю, и очень кстати, такъ какъ тотъ едва не приложился лбомъ къ дверному косяку, но, получивъ во время предостереженіе, испуганно шарахнулся въ сторону и, согнувшись въ три погибели, переступилъ порогъ.

Тамъ, гдѣ они очутились, въ первый моментъ тоже невозможно было ничего разглядѣть.

Только на полу виднѣлась тусклая полоса свѣта, пробивавшаяся изъ-подъ двери напротивъ. Юрченко распахнулъ ее и объявилъ:

— Вотъ вамъ «аудиторія».

Лампа подъ желѣзнымъ зонтомъ немилосердно коптила надъ огромнымъ, выкрашеннымъ въ черную краску столомъ, за которымъ въ настоящую минуту не было ни души.

Направо была еще плотно притворенная дверь.

Юрченко поставилъ чемоданъ на полъ и постучалъ въ нее.

За стѣной кто-то зашевелился, щелкнула задвижка, и показался приземистый, тучный старикъ въ тулупѣ, накинутомъ поверхъ ситцевой рубахи, съ длинными, жесткими, сѣдыми усами и короткими и частыми, какъ щетка, волосами на круглой головѣ. Лицо его обрюзглое и все въ морщинахъ, дышало лукавствомъ, но не ли-

шено было добродушія, которое сквозило и въ сѣрыхъ, любопытныхъ и хитрыхъ глазахъ его. Въ рукѣ его былъ ночникъ. Онъ высоко поднялъ его и молча сталъ разглядывать Кюзеля.

— Иванъ Михайлычъ,—сказалъ Юрченко,—это вотъ тотъ жилецъ, про котораго я вамъ говорилъ.

— Ну, что-жь?—флегматично произнесъ старикъ и, замѣтивъ пожитки Кюзеля, прибавилъ:—у нихъ, однако, и добро съ собой есть.

— Чемоданъ-то его вы, Михайлычъ, къ себѣ бы поставили,—заговорилъ Юрченко.—Гдѣ ему тамъ держать? Да и не любятъ наши, вы знаете.

— Не любятъ, это точно,—согласился Михайлычъ,—только и мнѣ тоже какъ, не знаю,—мялся онъ.— Не вышло бы чего... сумнительнаго... опасуюсь я.

И онъ исподлобья взглянулъ на Кюзеля.

Тотъ рѣшилъ положиться на Юрченко и, думая, что имущество его, пожалуй, и вправду будетъ въ меньшей опасности у Михайлыча, сказалъ:

— Да, лучше поставьте у себя. Тамъ у меня не такъ нужныя вещи.

— Такъ-то такъ,—мямлилъ Михайлычъ,—я вотъ только на счетъ того, не вышло бы чего...

— Ну, чему выйти!—нетерпѣливо оборвалъ Юрченко.— При томъ, чемоданъ запертъ, замокъ хорошій, нѣмецкій замокъ,—убѣждалъ Юрченко, получившій вдругъ непреложную увѣренность въ нѣмецкомъ происхожденіи Кюзелевскаго замка и тѣмъ изумившій самого Кюзеля,—а деньги онъ вамъ хоть сейчасъ за недѣлю впередъ отдастъ.

— Это хорошо,—сказалъ Михайлычъ,—чемоданчикъ у себя поставимъ, ништо. Эхъ, Анюсы-то нѣтъ! Съ Машей ко всеобщей ушли, а то она устроила бы васъ.

— Сами устроимся,—сказалъ Юрченко.

— Ну, живите,—промолвилъ Михайлычъ,—три койки пустыхъ: кака въглянется, ту и берите.

И онъ повернулся къ прибывшимъ спиной, собираясь уходить. Но вдругъ голова его высунулась снова изъ-за двери, и онъ спросилъ.

— Ужинать-то будете? Поѣсть, чай, захотите.

Кюзель замоталъ головой.

Но Юрченко не далъ ему сказать слова.

— Разумѣется, будетъ,—рѣшилъ онъ,—непремѣнно будетъ. А сами не захотите, ктонибудь за васъ съѣстъ,—успокоилъ онъ пытавшагося возражать Кюзеля и шагнулъ въ «аудиторію».

Въ нее выходило нѣсколько узенькихъ досчатыхъ дверецъ. Онѣ всѣ были наглухо закрыты и, казалось, за ними тоже никого не было. Юрченко отворилъ одну изъ нихъ.

— Помѣщайтесь-ка здѣсь, — посовѣтоваль онъ.

Кюзель бросилъ на козлы свой узелъ и съ любопытствомъ, смѣшаннымъ съ чувствомъ гадливости, оглядѣлъ каморку, которая слабо освѣщалась проникавшимъ въ нее свѣтомъ отъ лампы, горѣвшей въ аудиторіи. Юрченко подошелъ къ лампѣ, убавилъ огонь и, пройдя взадъ и впередъ по комнатѣ, произнесъ:

— Да что это они сегодня! Десятый часъ, и ни души!

Кюзель, кое-какъ разобравъ свои вещи, тоже вышелъ въ большую комнату.

— Никого нѣтъ!—сказаль Юрченко.—Ну, вотъ вы и на новосельѣ. Чѣмъ же плохо?

Кюзель пожалъ плечами. Юрченко насмѣшливо посмотрѣлъ на него и проговорилъ:

— Не нравится? Вы, голубчикъ, еще хорошо попали. Видите,—миръ и тишина: разбрелись голубятники. А то еще неизвѣстно, какъ бы они васъ приняли. Инымъ новичкамъ задавали мы здѣсь такую баню, что ухъ!

Но въ это время одна изъ дверей отворилась. Кюзель невольно обернулся на ея скрипъ и увидѣлъ прежде всего огромную голову, покрытую гривой косматыхъ, рыжихъ, длинныхъ волосъ, и красное, свирѣпое лицо. Обладатель головы былъ въ одномъ нижнемъ бѣльѣ съ накинутымъ на спину одѣяломъ, которое онъ придерживалъ на обнаженной, волосатой груди руками, и въ опоркахъ на босу ногу.

Кюзель, еще незнакомый съ порядками «Голубятни», подумаль, что онъ вскочилъ прямо съ постели.

— Чортъ бы васъ подраль, Юрченко! — грубо и съ сердцемъ загремѣлъ тотъ голосомъ, отъ котораго у Кюзеля душа ушла въ пятки,—нашли время приводить чужихъ людей. И на своихъ-то не на всѣхъ можно надѣяться.

— Ну, ужъ вы, Прокимновъ,—возразилъ Юрченко,—всѣхъ готовы подозрѣвать. За этого я вамъ ручаюсь,—онъ указаль глазами на Кюзеля.—Если онъ и не изъ самыхъ убѣжденныхъ, то ужъ и чужкой все-таки не будетъ.

— Слыхали мы!—недовѣрчиво произнесъ Прокимновъ.—Кто не съ нами, тотъ противъ насъ, извѣстно ли вамъ это? Не мѣшало бы это кое-кому зарубить себѣ на носу.

И, помолчавъ, онъ прибавилъ:

— А вы гдѣ сегодня цѣлый день плялись?

— А что?—спросилъ Юрченко.

— А то, что, когда люди нужны, ихъ съ собаками не сыщешь. Вѣдь знаете, что сегодня рѣшено собраться въ «Голубятнѣ», и ни одинъ дьяволъ глазъ не кажетъ. Кой-кому разосланы и повѣстки. Ушкина общала быть. Петровцы, говорили, пришлютъ депутатовъ, и до сихъ поръ никого. Я наконецъ спать хочу.

— Ну, и отлично,—сказаль Юрченко,—ложитесь себѣ. Когда соберутся, разбудимъ.

— А постороннимъ лицамъ,—прибавиль Прокимновъ,—я совѣту сидѣть въ своемъ углу и не совать къ намъ носа.

И, хлопнувъ съ остервенѣніемъ дверью, онъ скрылся въ глубинѣ своей каморки.

Кюзель не заставиль повторить себѣ это предостереженіе два раза и посѣвшиль удалиться въ свое новое помѣщеніе. Тамъ онъ стряхнулъ лежавшій на козлахъ промасленный, какъ блинъ, жидкій войлокъ, недоумѣвая, оставить ли его лежать здѣсь, какъ прежде, или бросить вмѣсто половика подъ ноги. Но уваженіе къ чужой собственности не позволило ему дать войлоку это новое назначеніе. Притомъ же у него не было матраца, и онъ поневолѣ рѣшилъ пока не пренебрегать и имъ.

Юрченко, посвистывая, прохаживался по аудиторіи.

— Ну, что устроились?—спросиль онъ, заглядывая къ Кюзелю.

— Да вотъ не знаю, какъ быть, — отвѣтилъ тотъ, — надо бы матрасъ.

— Ну, батюшка, матрасовъ здѣсь ни у кого не водится. Впрочемъ, ужъ если вы такой нѣженка, то за пятнадцать копеекъ мамаша соорудить вамъ сѣнникъ, напрокатъ, разумѣтся.

И, замѣтивъ что лицо Кюзеля выразило недоумѣніе, Юрченко въ видѣ поясненія прибавиль:

— Набьютъ вамъ сѣномъ или соломой холщевой мѣшокъ, и вся недолга. И спать мягко и гигиенично, чортъ возьми!

Кюзель, наконецъ, рѣшилъ покрыть войлокъ простыней. Съ видомъ сожалѣнія бережно положиль онъ на нее кашемировое, ватное одѣяло, стеганое руками его покойной матери.

— Вотъ бѣлье, не знаю, куда дѣвать, — пожаловался онъ Юрченко:—въ чемоданѣ держать неудобно, а здѣсь негдѣ.

— Дрянъ вы человекъ, посмотрю я!—энергично произнесъ Юрченко. — Что вы,—баба, что ли? Надѣли одну рубашку на себя, а другую положили подъ подушку. Вотъ вамъ и все. Я говорилъ вамъ заложить лишнія вещи, такъ не послушали, а было бы гораздо умнѣе. У насъ у всѣхъ такой порядокъ.

— Но, однако, нельзя же совсѣмъ безъ бѣлья, — возразиль Кюзель.

— Совсѣмъ безъ бѣлья, разумѣтся, неудобно,—согласился Юрченко,—хотя порядочный человекъ можетъ обойтись и безъ бѣлья. Зачѣмъ вамъ такая куча совершенно ненужной дряни? У Прокимова, на примѣръ, всего одна рубашка.

— Да вѣдь стирается же она когданибудь?—сказаль Кюзель.— Какъ онъ тогда?

— Э, да вы чудакъ! — усмѣхнулся Юрченко. — Что вы, точно малый ребенокъ, рассуждаете? У насъ мамаша скоро стираетъ, ру-

башка живо готова, а пока можно и безъ нея посидѣть. Впрочемъ, это отчасти хорошо, что у васъ много бѣдья. Вотъ жаль только, что вы фигурой жидковаты, а то бы могли подѣлиться съ Прокимновымъ и съ Троглодитомъ.

— Съ какой же стати мнѣ съ ними дѣлиться?—съ неудовольствіемъ возразилъ Кюзель.

— Эге, батюшка! Да вы, я вижу, ретроградъ и упорный собственникъ. За это вамъ у насъ влетитъ. Въ «Голубятнѣ» этого не любятъ. Знаете священный принципъ социализма: «мое—твое, твое—мое».

— Но, однако,—пытался защищаться Кюзель, начиная серьезно думать, что ему не сдобровать среди новыхъ знакомыхъ,— такъ, пожалуй, всякій имѣетъ право посягнуть на чужую собственность. Хорошо говорить «мое-твое» тому, у кого ничего нѣтъ. Послѣ этого всякій нищій будетъ стоять за этотъ принципъ: ему терять нечего, а вы-то давайте ему, что у васъ есть.

— Ха-ха-ха!—закатился Юрченко:—да вѣдь мы же къ этому и стремимся. Вѣдь это же и есть главная цѣль социальной пропаганды. Мы именно стоимъ за уничтоженіе богатства отдѣльныхъ лицъ. Согласитесь, что вѣдь это только справедливо.

— Ничего тутъ нѣтъ справедливаго,—съ раздраженіемъ отвѣтилъ Кюзель.—Съ какой стати мнѣ отдавать вамъ то, что принадлежитъ мнѣ?

— А это, по вашему, справедливо,—возразилъ, уже начиная горячиться, Юрченко,—что у васъ, напримѣръ, дюжина рубашекъ, а у меня ни одной?

— Да ужъ это не моя вина,—сказалъ Кюзель.

— Нѣтъ-съ, извините, ваша и всѣхъ тѣхъ, которые думаютъ такъ, какъ вы. Если бы вы подѣлились излишкомъ съ немущими, у всѣхъ было бы поровну.

— Но позвольте...—возразилъ Кюзель.

Но въ это время въ аудиторіи послышалось шарканье стоптаныхъ башмаковъ, и женскій, молодой, нѣсколько визгливый голосъ крикнулъ:

— Поѣсть-то кто просилъ?

— Мое почтеніе, мамаша!—вскричалъ Юрченко, выходя въ аудиторію.

Тамъ, у стола стояла невысокаго роста, худая, съ морщинистымъ и темнымъ, какъ печеное яблоко, лицомъ, живая и суетливая старуха. Хлопотливость такъ и сквозила во всѣхъ ея движеніяхъ, во взглядахъ, которые она кидала во всѣ стороны, въ ея торопливой походкѣ и въ ея звучавшій отъѣнкомъ дѣловитости рѣчи.

— Кюзель, идите ужинать!—сказалъ Юрченко, и, когда Кюзель показался изъ каморки, онъ прибавилъ, указывая на него старухѣ:

— Вотъ новаго жильца вамъ привелъ. А это наша мамаша, Анеиса Дмитріевна,—прибавилъ онъ, обращаясь къ Кюзелю.

— Ну, что-жъ,—сказала Анеиса,—однимъ названнымъ сыномъ больше,—и, окинувъ Кюзеля быстрымъ, пронизательнымъ взглядомъ съ ногъ до головы, она видимо осталась довольна произведеннымъ имъ впечатлѣніемъ и ласково прибавила:

— Садись, сынокъ, покушай.

Кюзелю показалось лишнимъ это фамиллярное обращеніе, и онъ, молча, заглянулъ въ стоявшую на столѣ глиняную муравленную миску. Она была по самые края наполнена густой клеобразной желтой массой, поверхъ которой тамъ и сямъ виднѣлись тонкіе, прозрачные кусочки всплывшей кожицы.

— Что это такое?—брезгливо спросилъ Кюзель и покосился на стоявшій рядомъ деревянный кружокъ съ нарѣзанными толстыми ломтями чернаго хлѣба.

— Горохъ, батюшка, горохъ,—добродушно отвѣтила Анеиса.— За обѣдомъ-то какой важный былъ. Такой нонѣ горохъ попался, что чудо! крупный, желтый, ядреный! За обѣдомъ-то зернышко къ зернышку былъ, а теперь къ вечеру-то раскисъ въ печкѣ, да и остылъ. Ну, да и то сказать, голодное брюхо неразборчиво.

И съ этими словами она ушла къ себѣ.

— Я не хочу,—сказалъ Кюзель, съ отвращеніемъ глядя на предложенное ему кушанье.

— Ну?—удивлялся Юрченко,—развѣ вы сегодня обѣдали хорошо?

— Не только не хорошо, а даже совсѣмъ не обѣдалъ,—отвѣтилъ Кюзель: но этой гадости я не стану есть.

— Вотъ нѣжности!—протянулъ Юрченко.—Этакъ вы, голубчикъ, въ «Голубятнѣ» съ голоду помрете! И чортъ васъ знаетъ, что вы за дурацкое воспитаніе получили. Я, напримѣръ, такіе фрикассе въ своей жизни ѣдалъ, что вы, бьюсь объ закладъ, ихъ и не нюхивали. Вина какія пиваль,—рублей по восьми бутылочка!—А все, что угодно, ѣмъ: горохъ—такъ горохъ, пустыя щи—такъ пустыя щи, и отечественной сивухѣ отдаю предпочтеніе передъ всякими шампанеями. Да, порядочный человекъ такъ и долженъ поступать: онъ долженъ умѣть примѣняться ко всякимъ обстоятельствамъ. Куда намъ такихъ кисляевъ, какъ вы? Вотъ какъ подойдетъ рѣшительная минута,—мы начнемъ рушить старое зданіе и возводить новое, вы и спрячетесь подъ столъ, потому что ни за себя, ни за идею постоять не сумѣете...

— Совершенно не понимаю, къ чему это все вы говорите,—невольно впадая въ грубый тонъ своего собесѣдника, сказалъ Кюзель.— Если вы хотите ѣсть,—ѣшьте, пожалуйста, потому что я все равно не буду.

— Разумѣется, хочу и буду: не пропадать же добру даромъ. Вѣдь вы все равно деньги заплатите.

И, не дожидаясь отвѣта, Юрченко подвинулъ къ столу табуретку, усѣлся передъ миской, вооружился деревянной ложкой, взялъ одинъ изъ кусковъ чернаго хлѣба и принялся ѣсть съ такимъ видомъ, который, какъ нельзя лучше, показывалъ, что онъ рѣшился уничтожить все безъ остатка.

Кюзель, молча, разглядывалъ своего недавняго знакома. Его подавляло и обиліе возраженій Юрченко, и та энергія, съ которою онъ уничтожалъ стоявшую передъ нимъ пищу, и то отношеніе къ нему свысока, которое, онъ предчувствовалъ, есть отношеніе всей «Голубятни» вообще ко всему тому, что ей чуждо.

— Уйти бы хоть, что ли, куда?—мелькало у нея въ головѣ.

Но уйти было некуда. Притомъ, онъ уже успѣлъ находиться впродолженіе дня и чувствовалъ себя больнымъ и усталымъ. Онъ рѣшилъ лечь спать и ушелъ въ каморку.

Но заснуть онъ долго не могъ сначала потому, что былъ взволнованъ, а потомъ—стали собираться «голубятники», и поднялся такой шумъ, который могъ бы разбудить и мертвого.

Кюзель не старался вслушиваться въ бесѣду «голубятниковъ», но отдѣльныя слова и фразы назойливо лѣзли ему въ уши и заставляли его вздрагивать.

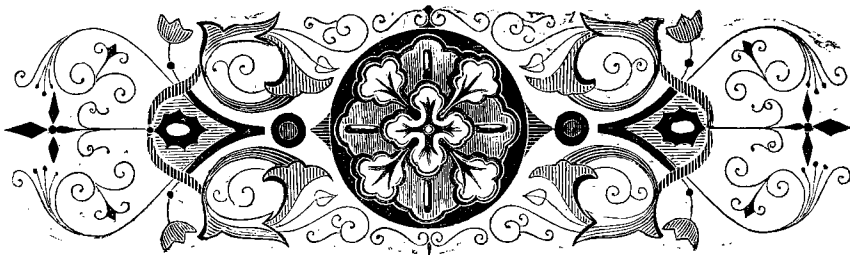
Онъ понялъ, что рѣчь идетъ о какомъ-то вечерѣ, и что обсуждается программа этого вечера. Кричали и спорили съ такимъ азартомъ, что Кюзелю казалось, что собесѣдники вотъ-вотъ подерутся. Крупная брань такъ и висѣла въ воздухѣ. Но никто на нее не обижался, или, вѣрнѣе, просто ее не замѣчали.

Усталость наконецъ взяла свое, и Кюзель сталъ засыпать. Сквозь дремоту онъ слышалъ, что «голубятники» собираются кому-то «побить морду», но кому и за что—онъ не могъ разобрать. Тяжелый сонъ оковалъ его.

Маркъ Басанинъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ВЪ ПЕРЕЛОМЪ ВѢКА.

(Отрывки изъ старой записной книжки).

I. Гардемарины.

ВЪ ОКТЯБРѢ 1849 года, въ жизни морскаго кадетскаго корпуса совершилось одно изъ тѣхъ грустныхъ событій, воспоминанія о которыхъ, не смотря на давность прошедшаго времени, все еще тяжелы и болѣзненны.

Въ одинъ изъ холодныхъ, осеннихъ, ненастныхъ дней, утромъ часовъ въ 11-ть (точная дата числа неизвѣстна), въ квартирѣ директора корпуса, вице-адмирала Казина, были собраны содержавшіеся подъ арестомъ въ различныхъ укромныхъ уголкахъ корпуса, какъ-то: карцерѣ, цейхгаузѣ, бакѣ, мертвецкомъ покоѣ и другихъ мѣстахъ, по одиночкѣ, семь старшихъ гардемариновъ, кончавшихъ въ томъ году курсъ и только что въ сентябрѣ мѣсяцѣ возвратившихся изъ послѣдняго практическаго плаванія въ Балтійскомъ морѣ¹⁾; а именно: Александръ Лихаревъ, Семень Левшинъ, князь Михаилъ Хованскій, баронъ Вильгельмъ фонъ-Геллесемъ, Михаилъ Коссаговскій, Павелъ Брылкинъ и Арсеній Калугинъ, каждый въ сопровожденіи особо назначеннаго для того оберъ-офицера.

¹⁾ Гардемарины въ 1849 году плавали на судахъ 2-й флотской дивизіи: Полтавѣ, Выборгѣ, Волѣ, Георгіѣ Побѣдоносцѣ, Феръ-Шемпенуазѣ и Константинѣ.

Причины ареста молодыхъ людей, состоявшася, впрочемъ, одновременно, но въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, были слѣдующія: а) первые трое—Лихаревъ, Левшинъ и князь Хованскій, арестованы за то, что заявили во время ужина неудовольствіе на дурную пищу. Неудовольствіе это было заявлено всей гардемаринской ротой, но арестованы только трое, какъ зачинщики; б) баронъ фонъ-Геллесемъ подвергнутъ аресту за рѣчь, сказанную въ дортуарѣ, по поводу несправедливыхъ притязаній начальства, что признано было за возбужденіе товарищей къ протесту; в) Коссаговскій привлеченъ къ отвѣтственности за отвѣтъ въ дортуарѣ, гдѣ онъ приготовлялъ урокъ, офицеру, приказавшему ему застегнуться на всѣ пуговицы: «что онъ не на службѣ, а при занятіяхъ», что признано было грубостью и дерзостью; г) Брылкинъ—за то, что, идя въ праздничный день съ обѣда, не исполнилъ приказанія дежурнаго офицера—идти въ ногу и равняться, и когда послѣдній хотѣлъ взять его за руку, устранилъ это движеніе, что признано было неповиновеніемъ начальству, и д) Калугинъ—за то, что, желая пожаловаться ротному командиру на одного изъ дежурныхъ офицеровъ, приказавшаго никого не выпускать изъ помѣщенія роты, оттолкнулъ отъ дверей служителя и вышелъ, поддержанный въ этомъ нѣкоторыми товарищами, что признано было чуть ли не воззваніемъ къ бунту.

Гардемариновъ привели въ старыхъ курткахъ и выстроили въ рядъ въ пріемной директора. Это все были молодые люди 17—20 лѣтъ отъ роду, прошедшіе почти весь курсъ обученія и ждавшіе чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ производства въ офицеры. Неожиданная строгость, выказанная по отношенію къ нимъ со стороны корпуснаго начальства, не могла, конечно, не волновать юношей, и въ ряду ихъ проносились возгласы: «смотрите-жь, духомъ не падать»!.. или: «отвѣчать, братцы, смѣлѣй!»... Когда же имъ сдѣлалось извѣстнымъ, что пріѣхалъ въ корпусъ его императорское высочество, молодой генераль-адмиралъ, великій князь Константинъ Николаевичъ, незадолго передъ тѣмъ назначенный шефомъ морского кадетскаго корпуса и имѣвшій его въ непосредственномъ своемъ командованіи, для личнаго разбирательства ихъ дѣла, раздался крикъ: «тѣмъ лучше!», и гардемарины повели между собой тихій разговоръ шепотомъ.

Но вотъ раздалась команда: «смирно!», пріемный залъ наполнился служебнымъ персоналомъ корпуса, и изъ отворившихся внутреннихъ дверей директорскихъ апартаментовъ вышелъ августѣйшій шефъ корпуса въ скюртукѣ съ эполетами и аксельбантомъ. За его высочествомъ слѣдовали директоръ корпуса и адъютантъ государя великаго князя Константина Николаевича, капитанъ 2 ранга князь Голицынъ. Быстро окинувъ взглядомъ собравшихся и отвѣтя поклономъ на привѣтствіе чиновъ корпуса, его высочество гене-

раль-адмиралъ изволилъ пройти по фронту арестованныхъ, и остановился передъ правофланговымъ гардемаринномъ Коссаговскимъ. Внимательно посматрѣвъ на него, великій князь задалъ арестованному два, одинъ вслѣдъ за другимъ, вопроса, скороговоркой: «какъ твоя фамилія?» и «на какомъ кораблѣ плаваешь?». Получивъ надлежащій отвѣтъ, молодой генераль-адмиралъ перешелъ къ слѣдующему гардемарину и задалъ ему тѣ же вопросы. Отвѣтъ получился удовлетворительный, и великій князь пошелъ по фронту, останавливаясь передъ каждымъ воспитанникомъ и продолжая тѣмъ же порядкомъ начатой допросъ. Дойдя до нумера шестого, подъ которымъ стоялъ Брылкинъ, его высочество спросилъ:

- Какъ твоя фамилія?
- Брылкинъ,—отвѣчалъ угрюмо гардемаринъ.
- Какъ?
- Брылкинъ.
- Съ кѣмъ ты говоришь?
- Съ его императорскимъ высочествомъ генераль-адмираломъ.
- А титулъ прибавлять развѣ не нужно при отвѣтахъ?

Гардемаринъ молчалъ.

- На какомъ кораблѣ ходилъ?
- На Полтавѣ.
- На какомъ?
- На Полтавѣ.

— Вотъ какъ!—воскликнулъ великій князь, обращаясь въ полуоборотъ къ сопровождавшимъ его лицамъ, и затѣмъ быстро, повернувшись къ Брылкину, потрепалъ его по плечу и прибавилъ: — прекрасный апшеронецъ будешь!

Долго и внимательно сматрѣлъ его высочество въ лицо гардемарина и, отступя на шагъ или на два назадъ, тихо спросилъ своего адъютанта:

- Брылкинъ!.. Брылкинъ!.. а какой это Брылкинъ?
- Это братъ того, ваше императорское высочество,—отвѣчалъ такъ же тихо князь Голицынъ:—который имѣлъ счастье вмѣстѣ съ вами проходить курсъ ученія.
- И такой сорви-голова!.. жалъ!—отозвался, смягчившись, молодой генераль-адмиралъ и пошелъ далѣе.

Послѣдніе вопросы получилъ фонъ-Геллесемъ и отвѣтилъ на нихъ, какъ слѣдуетъ.

Послѣ этого государь великій князь Константинъ Николаевичъ, отойдя отъ фронта на нѣсколько шаговъ, громко и повелительно сказалъ гардемаринамъ, что государь императоръ Николай Павловичъ очень огорченъ ихъ проступками и поручилъ ему произвести дознаніе о виновности каждого и немедленно доложить его величеству, что и будетъ исполнено.

На вопросъ директора: «что съ ними теперь дѣлать?» августѣйшій шефъ корпуса отвѣтилъ: «это—дѣло твое!.. полагаю, что ты ихъ помѣстишь, гдѣ они были, впредь до воспослѣдованія монаршей воли».

Сказавъ это, его высочество простился съ чинами корпуса и удалился во внутренніе директорскіе покои.

Начальство хлынуло изъ пріемной толпою, сторонясь, какъ зачумленныхъ, кучки несчастныхъ молодыхъ людей, которыхъ тотчасъ же сопровождавшіе ихъ офицеры и отравили въ тѣ же углы и чуланы, гдѣ они сидѣли прежде.

Нѣтъ сомнѣнія, что молодежь, обучавшаяся въ военно-учебныхъ и другихъ привилегированныхъ заведеніяхъ въ то время, не знавала, что правительство вынуждено было усилить школьную дисциплину въ интересахъ самихъ же учащихся, шла на проломъ и бравировала въ виду непонятныхъ ей строгостей, стѣснявшихъ ея прежнюю свободу. Но нельзя не замѣтить при этомъ, что и само начальство сказанныхъ заведеній, въ особенности въ концѣ сороковыхъ годовъ, мало обращало вниманія на основы воспитанія прежнихъ лѣтъ, пустившія глубокіе корни въ сердцахъ вѣранныхъ его попеченію юношей, не хотѣло знать ихъ умственныхъ и нравственныхъ потребностей, и вводя новую систему воспитанія, требовало только отъ нихъ одного—безусловной покорности, страха и исполнительности ¹⁾. Помѣщаемые ниже отрывки изъ разсказа одного изъ участниковъ вышеприведенной несчастной исторіи въ жизни морского кадетскаго корпуса могутъ дать намъ нѣкоторыя указанія на это.

¹⁾ Приведемъ нѣсколько фактовъ. Такъ: а) въ 1843 году воспитанники института путей сообщенія, возмущенные наущничествомъ на нихъ одного изъ ихъ товарищей, приступили къ обычной въ тѣ времена ручной съ нимъ расправѣ. Произошелъ шумъ, вслѣдствіе котораго явился дежурный офицеръ. Воспитанники встрѣтили его свистомъ и пригрозили: «вышвырнуть его въ окошко». Офицеръ пожаловался директору института. Возникло дѣло, и простая шалость молодыхъ людей въ глазахъ графа Клейнмихеля была уже проявленіемъ духа строптивости и доказательствомъ отсутствія надлежащей дисциплины въ заведеніи. Въ такомъ смыслѣ былъ представленъ имъ докладъ государю императору Николаю Павловичу, и пятеро воспитанниковъ, признанныхъ виновными, разжалованы въ рядовые, и, сверхъ того, троихъ изъ нихъ велѣно наказать розгами въ присутствіи всѣхъ воспитанниковъ института («Русская Старина», 1880 годъ, № 8); б) выпускные кадеты московскаго и 2-го кадетскаго корпусовъ, въ числѣ 14 человекъ, отправились въ 1843 году погулять въ Петергофскій садъ и Александрию, но въ одной изъ бесѣдокъ сада пили водку и имѣли столкновеніе съ лейбъ-казакомъ. По жалобѣ послѣдняго, 13 кадетъ были выписаны въ армию юнкерами, а одинъ, наиболѣе виновный, сосланъ рядовымъ въ одинъ изъ сибирскихъ линейныхъ батальоновъ («Историческій Вѣстникъ», 1886 года, № 6-й); в) зимой 1848—1849 годовъ, воспитанникъ старшаго класса училища правовѣдѣнія Бѣ—скій, заочувственное отношеніе къ освобожденію Польши, разжалованъ въ рядовые, съ назначеніемъ въ Орскій линейный батальонъ («Русская Старина», 1880 г., № 9-й).

Арестованные гардемарины были всё старые кадеты. Они чуть ли не всё прошли режимъ управленія трехъ директоровъ: по 1842 годъ—адмирала Ивана Ѳеодоровича Крузенштерна, съ 1842 по 1848 годъ—вице-адмирала Николая Петровича Римскаго-Корсакова и съ 1848 года — вице-адмирала Николая Глѣбовича Казина. Перваго кадеты звали: «отцомъ роднымъ», второго—«матерью крестной», а третьяго—«дѣдушкой водянымъ».

Изъ «Очерка исторіи Морского кадетскаго корпуса» Ѳ. Ѳ. Веселаго, мы видимъ, что съ 1826 года этотъ корпусъ имѣлъ счастье находиться подъ непосредственнымъ надзоромъ государя императора Николая Павловича. Всѣ мельчайшія заботы по воспитанію его величество изволилъ принять на себя. Не было такого уголка въ зданіи корпуса, въ который бы не взглянулъ государь императоръ и не приказалъ привести его въ должный порядокъ. Въ каждый пріѣздъ его величество изволилъ обходить весь корпусъ. Въ лазаретѣ не было больного, о которомъ бы государь императоръ не собралъ подробныхъ свѣдѣній и не утѣшилъ его милостивымъ словомъ; къ трудно больнымъ, даже только сомнительнымъ, немедленно являлся придворный медикъ. Въ ротахъ его величество изволилъ осматривать постели воспитанниковъ, ихъ платье и бѣлье; пріѣзжая во время кадетскаго стола, изволилъ пробовать кушанье, присутствовалъ въ классахъ и на фронтowychъ ученьяхъ; освѣдомлялся о хорошихъ воспитанникахъ и шалунахъ, прилежныхъ и лѣнливыхъ. Нерѣдко изволилъ спрашивать: хорошъ ли тотъ, лучше ли учится другой? При новомъ распредѣленіи ротъ многіе унтеръ-офицеры были выбраны лично государемъ императоромъ, и каждый изъ произведенныхъ въ офицеры и изъ вновь поступившихъ воспитанниковъ представлялись его величеству. Особенно нѣжнымъ попеченіемъ державнаго воспитателя пользовалась малолѣтняя рота, состоявшая изъ дѣтей отъ 10-ти до 12-ти лѣтъ. Ея императорское величество государыня императрица Александра Ѳеодоровна, ихъ императорскія высочества государь наследникъ цесаревичъ Александръ Николаевичъ и великій князь Михаилъ Павловичъ нерѣдко вмѣстѣ съ государемъ императоромъ посѣщали корпусъ. Всякаго августѣйшаго гостя, посѣтившаго С.-Петербургъ, его величество привозилъ «любоваться Морскимъ корпусомъ».

Нужно ли послѣ того удивляться, что Морской корпусъ далъ Россіи: Невельскихъ, Головинныхъ, Лесовскихъ, Шестаковыхъ, Кремеровъ, Скрыдловыхъ, Дубасовыхъ, Тыртовыхъ, Басаргинныхъ, Авеллановъ и другихъ достойнѣйшихъ моряковъ нашего флота!

Но за всѣмъ тѣмъ печальное событіе 1849 года не могло не набросить тѣни на ближайшую администрацію корпуса. Взглянемъ на причины этого событія съ точки зрѣнія одного изъ участниковъ событія.

Первый въ началѣ сороковыхъ годовъ директоръ корпуса, адми-

раль Иванъ Ѳедоровичъ Крузенштернъ, былъ извѣстный мореплавателъ и ученый. На склонѣ лѣтъ онъ получилъ назначеніе—стать подготовителемъ и воспитателемъ нашихъ будущихъ моряковъ, и выборъ былъ болѣе, чѣмъ удаченъ. Никто изъ директоровъ корпуса, въ теченіе столѣтняго слишкомъ его существованія, не пользовался такой любовью и преданностью воспитанниковъ, какъ этотъ дѣйствительный «отецъ кадетъ». По наружности это былъ преклонныхъ лѣтъ, высокаго роста, худой, съ небольшими прядями сѣдыхъ волосъ и безцвѣтнымъ высохшимъ лицомъ, согбенный старецъ, носившій старый, длинный и широчайшій сюртукъ, съ громаднымъ воротникомъ, въ которомъ голова его какъ будто утопала. Но онъ былъ еще весьма энергиченъ и все дѣло воспитанія и образованія въ корпусѣ велъ лично, предоставивъ только строевую часть на отвѣтственность батальоннаго командира. Нравственная его личность была велика: это былъ честный, прямой и всѣмъ доступный человекъ. Каждый кадетъ, даже самый маленькій, имѣлъ къ нему доступъ, выслушивался и всегда находилъ защиту или удовлетвореніе. Даже шалости, если онѣ были рассказаны Ивану Ѳедоровичу самимъ напавшимъ, прощались. Строгихъ мѣръ, карцера и розогъ, старый адмиралъ не признавалъ. Если же когда нибудь выпадала необходимость наказать виновнаго, онъ глубокомысленно и методично обводилъ указательнымъ пальцемъ правой руки свой носъ и медленно произносилъ:

— Ну-съ!.. стыдно вамъ-съ!.. За это я взыщу съ васъ строго-съ... и, обратясь къ ротному командиру или дежурному офицеру, говорилъ:—ну-съ!.. наказать его примѣрно-съ!.. Оставить его безъ пи-рожнаго!..

Въ помѣщеніяхъ ротъ онъ показывался рѣдко, но строевое ученіе и классы навѣщаль исправно. На ученьяхъ Иванъ Ѳедоровичъ иногда подходилъ къ наиболѣе изнуреннымъ или слабымъ на видъ воспитанникамъ и обращался къ нимъ съ вопросами:

— Ну-съ!.. какъ вамъ, милый-съ?.. тяжело-съ вамъ учиться маршировать и пріемамъ-съ?

— Да, ваше высокопревосходительство,—отвѣчалъ обыкновенно плаксиво кадетъ,—очень тяжело.

— Ну-съ!.. что же вы, милый-съ, больны?.. и что же у васъ болитъ-съ?

— Я страдаю грудью, ваше высокопревосходительство.

Тогда адмиралъ обращался къ командиру баталіона и говорилъ ему:

— Ну-съ!.. освободить его!.. ребенку-съ очень тяжело... нельзя-съ утомлять его!..

Затѣмъ онъ подходилъ къ другому, къ третьему и такъ далѣе, задавалъ такіе же вопросы и, получая почти такіе же отвѣты, старикъ волновался, приказывалъ распустить воспитанниковъ и уходилъ огорченный.

То же повторялось иногда и въ классахъ, которыми руководилъ контръ-адмиралъ (впослѣдствіи вице-адмиралъ) Маркъ Филипповичъ Горковенко, личность въ высшей степени типичная, но исполнѣ добрая и преданная дѣлу образованія. На заявленіе воспитанника объ утомленіи или нездоровьи Иванъ Ѳеодоровичъ обращался къ классному начальству и приказывалъ:

— Ну-съ!.. разстегните-съ ему куртку!.. пошлите-съ за докторомъ!..

— Ваше высокопревосходительство, мы отправимъ его въ лазаретъ,—заявило однажды начальство.

— Зачѣмъ-съ?—возразилъ строго и серьезно адмиралъ:—въ лазаретъ не надо-съ!.. мальчикъ можетъ испугаться лазарета и заболѣть серьезно-съ!.. я вамъ-съ говорю: позвать доктора-съ!

Но были, хотя рѣдко, случаи, когда по жалобамъ нѣсколькихъ воспитанниковъ сердобольный директоръ отмѣнялъ и классы.

— Ну-съ!..—говорилъ онъ Марку Филипповичу:—дайте-съ имъ отдохнуть!.. я вамъ-съ пришлю сказать, когда начать-съ!..

При посѣщеніи воспитанниковъ внѣ занятій, кадеты окружали любимаго директора толпой, а нѣкоторые даже цѣловали ему руки.

— Не надо-съ!.. не надо-съ!—лепеталъ умиленный старецъ:—пропустите-съ меня!..—и наклонясь надъ какимъ нибудь близъ стоящимъ мальчуганомъ, бралъ его за щеки и съ улыбкой задавалъ ему вопросы:—Ну-съ!.. что у васъ, мальчикъ-съ?.. здоровы-съ?.. веселы-съ?..

Въ случаѣ проказъ или какихъ либо недоразумѣній, всякій воспитанникъ старался укрыться подъ защиту Ивана Ѳеодоровича. Онъ бѣжалъ стремглавъ къ «отцу родному», вбѣгалъ прямо въ кабинетъ безъ доклада, бросался передъ изумленнымъ старикомъ на колѣни и со слезами просилъ его защиты. Выслушавъ его рассказъ, «отецъ» старался успокоить виноватаго, бралъ его за голову и старался поднять съ пола, гладилъ руками по головѣ и лицу и говорилъ:

— Ну-съ!.. я вамъ-съ говорю, успокойтесь!.. встаньте-съ!.. я никому не позволю васъ наказывать-съ!..

Если же вслѣдъ за напавшимъ появлялся и жалобщикъ, Иванъ Ѳеодоровичъ встрѣчалъ его такими словами:

— Хорошо-съ!.. я знаю все-съ!.. я разберу-съ!..

И тѣмъ дѣло и кончалось.

Былъ даже такой случай. Батальоннаго командира, вслѣдствіе какихъ-то съ его стороны неумѣстныхъ требованій или придиричivosti, одинъ изъ воспитанниковъ, встрѣтя какъ-то въ корридорѣ, оскорбилъ и, не теряя ни минуты, тотчасъ же явился съ повинной къ директору корпуса. Тотъ его разспросилъ, выслушалъ его объясненія и отпустилъ въ роту. Когда же явился потерпѣвшій съ рапортомъ, Иванъ Ѳеодоровичъ твердо и настойчиво отвѣчалъ:

— Ну-съ!.. я васъ прошу, оставьте-съ!.. я даль слово-съ, что наказанія не будетъ, и слово мое сдержу-съ!.. Я доложу моему государю, что я слово даль-съ!.. пусть взыскиваетъ съ меня-съ!.. а вы ужъ оставьте-съ!.. я васъ прошу-съ!..

Вотъ традиціи, на которыхъ было основано и зиждилось умственное и нравственное развитіе кадетъ морскаго корпуса въ началѣ сороковыхъ годовъ. Оно, конечно, съ теченіемъ времени подверглось измѣненію, но традиціи жили въ сердцахъ воспитанниковъ корпуса еще долго послѣ оставленія адмираломъ Крузенштерномъ своей высокогуманной и благодѣтельной миссіи воспитанія и приготовленія къ службѣ будущихъ вождей русскаго флота.

Государь императоръ Николай Павловичъ съ особеннымъ уваженіемъ относился къ разумной и полезной дѣятельности Ивана Ѳедоровича на поприщѣ морской педагогич. Онъ любилъ его, какъ точнаго и энергичнаго проводника его идей и инструкцій, и извинялъ ему многое, чего не терпѣлъ въ другихъ. Онъ не требовалъ даже, чтобы старикъ тотчасъ являлся по его приѣздѣ въ корпусъ. Однажды его величество приѣхалъ во время обѣда воспитанниковъ и прошелъ прямо въ столовую. Иванъ Ѳедоровичъ, узнавъ объ этомъ, заторопился и бросился, какъ былъ, туда, гдѣ находился государь. Онъ бѣжалъ, на сколько позволяли ему дряхлыя ноги, и на ходу застегивалъ пуговицы. Но руки у старика дрожали, и пуговицы его не слушались. Увидя комичное положеніе немогущаго сладить съ костюмомъ директора въ двери столовой, державный гость самъ поспѣшилъ къ нему на встрѣчу и, взявъ его за руки, милостиво улыбнулся:

— Не надо, Иванъ Ѳедоровичъ, не застегивай, оставь такъ!.. и, повернувшись, пошелъ съ нимъ мимо столовъ воспитанниковъ.

Въ другой разъ, государь увезъ любимца адмирала въ своей коляскѣ во дворецъ, гдѣ онъ и имѣлъ счастье быть приглашеннымъ къ императорскому столу, въ интимномъ кружкѣ августѣйшей фамилии.

Второй директоръ корпуса, вице-адмиралъ Николай Петровичъ Римскій-Корсаковъ, былъ блестящій представитель русскихъ моряковъ того времени. Извѣстный при дворѣ, вращавшійся въ лучшемъ петербургскомъ обществѣ, онъ сумѣлъ снискать себѣ всеобщую любовь и уваженіе, не только въ морской сферѣ, но и внѣ ея. Небольшаго роста, худощавый, подвижный и нервный человекъ, лѣтъ 45 съ небольшимъ отъ роду, съ овальнымъ выразительнымъ лицомъ, большими смѣющимися навывкатъ глазами, съ громкою, живою, порывистою рѣчью, скорой походкой и быстрыми тѣлодвиженіями, онъ представлялъ собою типъ свѣтскаго джентльмена. Вся его фигура дышала самоувѣренностью и самодовольствомъ. Онъ былъ женатъ на красавицѣ, урожденной Чернышевой-Кругликовой, любилъ общество и удовольствія и жилъ, какъ баринъ, открыто.

По своимъ идеямъ и убѣжденіямъ, Николай Петровичъ принадлежалъ къ кружку людей, по тому времени считавшихся либеральными и гуманными, но строго держался взгляда практической необходимости. Въ обращеніи его съ чинами корпуса, съ кадетами и служителями преобладала вѣжливость и мягкость, но онъ держался съ большимъ достоинствомъ и никакихъ короткостей въ обращеніи съ людьми не допускалъ. У него былъ свой стимулъ для доступа къ человѣческому сердцу. Онъ задался цѣлю—развить въ гардемаринахъ и кадетахъ сознаніе человѣческаго достоинства, чувства патріотизма и долга чести, и для достиженія этой цѣли употреблялъ всевозможныя по тому времени средства.

Въ теченіе шестилѣтняго директорства, вице-адмиралъ Римскій-Корсаковъ, какъ человѣкъ сообразительный и практичный, принялъ и ввелъ много полезныхъ и пѣлесообразныхъ мѣръ. Такъ, укажемъ, онъ, съ цѣлю поощренія прилежныхъ и наказанія лѣнившихся воспитанниковъ, издалъ правила о веденіи записи этихъ воспитанниковъ на красныя и черныя доски; ввелъ различные сроки домашнихъ отпусковъ и предоставилъ кадетамъ право ходить въ отпуски безъ провожатыхъ. Онъ дозволилъ кадетамъ заниматься, внѣ уроковъ и занятій, чтеніемъ всѣхъ разрѣшенныхъ цензурою книгъ и положилъ основаніе кадетской библіотекѣ. Кромѣ того, имъ было обращено особенное вниманіе на физическое и эстетическое развитіе воспитанниковъ: онъ требовалъ не только знанія гимнастики и фехтованія, но и граціи движеній. Съ этой цѣлю имъ поощрялись занятія танцами, а также музыкой и пѣніемъ. Желающіе могли обучаться игрѣ на разныхъ инструментахъ, для чего имъ предоставлено было право приглашать особыхъ частныхъ учителей. Лучшихъ изъ кадетъ по образованію и свѣтскимъ приемамъ онъ удостоивалъ приема у себя, приглашая ихъ въ извѣстные дни на вечера и собранія. Но самой существенной стороной его увлеченій былъ фронтъ и доведеніе кадетъ по фронтовому образованію до высшей степени совершенства. Николай Петровичъ занимался съ кадетами фронтомъ даже болѣе, чѣмъ бы слѣдовало, и, какъ справедливо протестовалъ Маркъ Филипповичъ Горковенко, въ ущербъ даже класныхъ занятій. Но за то посылаемые отъ Морского корпуса, въ воскресные и праздничные дни, на разводы ординарцы и вѣстовые постоянно обращали на себя вниманіе государя императора Николая Павловича и такого знатока военнаго дѣла, какъ великій князь Михаилъ Павловичъ, а выходявшія на смотры и парады роты воспитанниковъ Морскаго корпуса всегда отличались знаніемъ фронта и получали царское спасибо.

Инспекторомъ классовъ, какъ мы говорили выше, состоялъ контръ-адмиралъ Маркъ Филипповичъ Горковенко; это былъ человѣкъ—«не отъ міра сего». Старикъ преклонныхъ лѣтъ, прослужившій въ Морскомъ корпусѣ чуть ли не полвѣка, онъ олицетво-

рять въ себѣ всю науку корпуса. Согбенный лѣтами, а не падениемъ умственныхъ силъ, всегда задумчивый и серьезный, онъ отдавался дѣлу воспитанія кадетъ со всей любовью, какая только можетъ существовать въ сердцѣ фанатика науки. Зимой и лѣтомъ въ одномъ и томъ же костюмѣ—въ длинномъ суконномъ на ватѣ сюртукѣ до пятъ и суконныхъ же сапогахъ на войлочныхъ подошвахъ, онъ вставалъ ранѣе всѣхъ и маленькими старческими шагами, автоматически, двигался по корридорамъ корпуса, входилъ въ классы и осматривалъ, все ли находится въ порядкѣ. Затѣмъ уходилъ и являлся опять, когда начинались занятія. Подходя къ классной комнатѣ, Маркъ Филипповичъ какъ будто преображался. Онъ поднималъ голову, входилъ твердой поступью, держа въ правой рукѣ старую съ огромнымъ козырькомъ фуражку, а въ лѣвой—серебряную жалованную табакерку, и привѣтствовалъ кадетъ стереотипной фразой: «Ну, здравствуйте!».

Кадеты шумно поднимались съ своихъ мѣстъ и, зная слабость старика, громко отвѣчали:

— Здравія желаемъ, ваше превосходительство!

«Вѣчный контръ-адмиралъ», какъ звали его въ шутку кадеты, махалъ руками и говорилъ раздраженнымъ голосомъ:

— Болваны!.. чего разорались?.. небось уроковъ не знаете, а орать—охота!.. Садитесь, свинопасы, садитесь! (Клички: болваны, свинопасы и др. имъ подобныя, имѣли смыслъ не брани, а сочувствія).

Затѣмъ онъ пробирался къ первой скамейкѣ, потѣснялъ воспитанниковъ и садился съ краю.

— О чемъ идетъ рѣчь?—спрашивалъ обычнымъ порядкомъ Маркъ Филипповичъ учителя и, получивъ отвѣтъ, говорилъ:—продолжай!

Посидѣвъ немного и сдѣлавъ одно или нѣсколько замѣчаній лектору, онъ поднимался и переходилъ въ слѣдующій классъ. Тамъ повторялась та же исторія, и старикъ, продѣлавъ все, что считалъ нужнымъ, шелъ далѣе. Такимъ образомъ онъ успѣвалъ посѣтить отъ пяти до десяти классовъ въ день.

До какой степени Маркъ Филипповичъ былъ преданъ наукѣ, приведемъ слѣдующіе два разсказа о немъ.

Однажды, исправляя временно должность директора корпуса, онъ посѣтилъ лазаретъ и, подойдя къ кровати перваго лежавшаго больного воспитанника, спросилъ его:

— Котораго ты класса?

Воспитанникъ былъ очень боленъ, и отвѣтъ за него далъ дежурный.

— Слѣдишь ли ты за лекціями и повторяешь ли зады? — задалъ воспитаннику второй вопросъ суровый адмиралъ, на который больной только отрицательно покачалъ головою.

— Ну, какой ты глупый! — отоввался доброду но Маркъ Филипповичъ:—вѣдь ты будешь осломъ, отстанешь отъ товарищей, и трудно тебѣ будетъ догнать ихъ. Возьми записки и книжки, и не все тебѣ спать! почитай, поучись, а на ночь положи ихъ подъ подушку: заспишь—и все упрочится въ памяти.

Но больному было не до науки: на утро онъ умеръ.

Выше мы сказали, что Маркъ Филипповичъ не одобрялъ увлеченій новаго директора строевымъ образованіемъ. Вотъ въ какую своеобразную форму вылилось подобное неодобреніе.

Однажды баталіонъ кадетъ корпуса былъ выстроенъ на плацу для ученія. Николай Петровичъ, торопясь на ученье, бѣжалъ черезъ музеумъ на плацъ. Его встрѣтилъ Горковенко почти у самаго выхода и какъ будто нечаянно спросилъ его:

— У тебя опять ученье ¹⁾?

— Отстаньте, Маркъ Филипповичъ, — отрѣзалъ круто директоръ, — не мѣшайте! Вотъ кончатся смотры и парады, тогда и ученія прекратятся.

— А на что тебѣ это? — возвысилъ въ свою очередь голосъ Горковенко:—кого ты готовишь?.. Ословъ. Родители ихъ, отпуская къ намъ дѣтей, говорили: воспитайте ихъ, сдѣлайте ихъ умными людьми, учеными и полезными для службы. А мы съ тобой ихъ учимъ ноги вытягивать. Ужъ извини, это не резонъ. За это намъ съ тобой спасибо не скажутъ.

— Маркъ Филипповичъ, да и насъ съ тобой тоже учили, и съ насъ тоже требовали!

— Учили!.. учили!..—вспылилъ старикъ.—А я тебѣ, Николай Петровичъ, скажу правду-матку! ужъ ты не сердись на меня: коли бы я тебя въ свое время училъ, да поролъ бы, такъ и толкъ изъ тебя былъ бы не тотъ!

— Что дѣлать! — размѣялся директоръ: — теперь уже поздно, пороть уже нельзя.

— Поздно!.. Поздно!.. а, можетъ, и не поздно!.. Ну, да Богъ съ тобой!.. ты—начальникъ, воля твоя, а все-таки помни: Богу отвѣтъ давать будешь!

И старикъ покорно склонилъ голову и смиренно удалился.

Не останавливаясь на личностяхъ баталіонныхъ командировъ Морского корпуса: сперва Я. М. Юхарина, а потомъ П. Я. Терентьева, которые въ жизни корпуса выдающейся роли не играли, мы коснемся только командира гардемариной роты, капитана 2 ранга барона Александра Александровича де-Риделя, вліяніе котораго на воспитаніе и пробужденіе въ кадетахъ чувствъ самосознанія долга

¹⁾ Н. П. Римскій-Корсаковъ въ юности своей былъ кадетомъ въ ротѣ Марка Филипповича и потомъ сдѣлался его начальникомъ. Въ виду подобныхъ отношеній онъ говорилъ ему попрежнему: «ты» и читалъ иногда нотации.

было бесспорно. Это былъ мужчина громаднаго роста, весьма тучный и неуклюжій собою. Какъ всѣ крупные люди, онъ плохо распорядился всѣми членами своего тѣла и, будучи близорукимъ, казался вообще неловкимъ человѣкомъ. Но это не мѣшало ему имѣть прекрасное сердце, хладнокровный, разсудительный и невозмутимый характеръ. Какъ начальникъ, онъ отличался безпристрастіемъ, справедливостью и гуманнымъ отношеніемъ къ кадетамъ. Всѣ его дѣйствія были направлены къ тому, чтобы поднять въ нихъ духъ самосознанія и личнаго достоинства. Неосновательныхъ жалобъ и наговоровъ онъ не слушалъ и никакихъ придирокъ по службѣ не допускалъ. Всякія недоразумѣнія, происходившія между офицерами и воспитанниками, онъ разбиралъ и устранялъ лично, и жалобничковъ на его разбирательство никогда не было. Какъ человѣкъ, это былъ доброе и безобидное существо. Оставаясь до старости холостякомъ, онъ жилъ исключительно интересами вѣранныхъ ему по службѣ дѣтей и посвящалъ свои досуги домашнему хозяйству, среди котораго не малую роль играли его любимыя животныя — кошки.

Чтобы вполнѣ охарактеризовать этого непосредственнаго блюстителя жизни и будущности кончавшихъ курсъ кадетъ, мы приведемъ слѣдующій случай.

Въ горячее время приготовленія къ экзаменамъ, одинъ изъ старшихъ гардемариновъ, во избѣжаніе шума, всегда царившаго въ дортуарахъ, всталъ какъ-то утромъ ранѣе обыкновеннаго и направился для занятій въ классъ, который въ то время былъ еще запертъ. Въ дверяхъ его встрѣтилъ сторожъ и войти въ классъ не допустилъ, говоря, что начальство открывать классы ранѣе назначеннаго времени не приказываетъ. Воспитанникъ въ горячности выбранился, о чемъ въ то же время и было доведено до свѣдѣнія барона де-Риделя, состоявшаго въ тотъ день дежурнымъ по корпусу. Воспитанникъ ждалъ грозы, но проходитъ день и два — его къ отвѣту не зовутъ. На третій день, отправившись съ ротой въ церковь (шелъ великій постъ, и кадеты говѣли), онъ встрѣтилъ близъ дежурной комнаты барона де-Риделя, который вызвалъ его изъ фронта и увелъ съ собой въ дежурную.

— Позвольте васъ спросить, — обратился баронъ къ кадету съ вопросомъ: — на какомъ основаніи вы позволяете себѣ бранить начальство?

— Какое начальство, г. баронъ, объясните Бога ради?

— Хотя бы меня.

— Да когда же, г. баронъ?

— А вотъ, когда вы хотѣли войти въ классъ, а сторожъ васъ не пустилъ.

— Дѣйствительно, г. баронъ, я тогда выругалъ сторожа, но при чемъ вы тутъ, я не понимаю.

— Какъ причесть?.. вѣдь я былъ дежурнымъ, и я отдалъ приказаніе никого не пускать въ классъ раньше времени.

— Простите, г. баронъ, выразивъ неудовольствіе на распоряженіе начальства, я не имѣлъ въ виду ничьей личности, тѣмъ болѣе вашей.

— Но вы не отрицаете, что вы позволили себѣ выбраться?

— Не смѣю отказываться, г. баронъ, но даю вамъ слово, что никого изъ начальствующихъ лицъ я не имѣлъ тогда въ виду. Что же касается васъ лично, то я никогда не позволилъ бы себѣ этого сдѣлать.

— А я вамъ скажу: я и самъ не позволю!.. я и самъ могу съ вами расчитаться!.. но я не буду васъ наказывать и жаловаться на васъ начальству не пойду: за оскорбленіе моей чести я потребу отъ васъ сатисфакціи.

— Благодарю васъ, г. баронъ, за честь, которую вы мнѣ дѣлаете; но не могу принять на себя вины въ оскорбленіи васъ.

— Ну- если это такъ, то забудемте объ этомъ!.. но помните, что Ридель за свою честь постоять. А теперь идите въ церковь и помолитесь.

Когда воспитанникъ пошелъ, онъ вернулъ его, пожалъ ему крѣпко руку и сказалъ:

— А все-таки спасибо вамъ, что вы не стали отпираться, я— грѣшный человѣкъ: трусовъ и лгуновъ не люблю!.. Помните, что все вабыто, и ступайте!

Вотъ лица, въ рукахъ которыхъ находилось до конца сороковыхъ годовъ научное и нравственное развитіе будущихъ представителей нашего флота. Но изъ приведенныхъ нами выше характеристикъ ихъ мы не будемъ дѣлать общихъ выводовъ, такъ какъ они всякому образованному читателю сами по себѣ должны казаться рельефными и вполне понятными. Подчеркнемъ только тотъ фактъ, существенно знаменательной для того времени, что начальство не считало невозможнымъ обратиться къ кадету съ требованіемъ сатисфакціи. Намъ могутъ замѣтить, что это уже болѣе, чѣмъ экзальтація. Но при сужденіи о проступкахъ кадетъ, когда наступили инныя времена, инныя требованія, слѣдовало бы все это принять во вниманіе.

Но возвратимся къ кадетской жизни того времени.

Обыденная, будничная, замкнутая жизнь кадетъ въ стѣнахъ корпуса—общезвѣстна, о ней уже и прежде писали много и подробно. Касаться ея всесторонне мы не будемъ, тѣмъ болѣе, что она сама по себѣ особаго интереса и не представляетъ. Но мы отмѣтимъ тѣ изъ канувшихъ въ Лету явленій, которыя въ свое время имѣли значеніе въ кадетской жизни, интересовали кадета или воспитывали его въ извѣстномъ строѣ мысли.

Начнемъ съ распоряженія Н. П. Римскаго-Корсакова объ уволь-

неніи воспитанниковъ въ домашніе отпуска безъ провожатыхъ. Изстари въ Морскомъ корпусѣ существовалъ порядокъ, чтобы кадетъ, желающій воспользоваться отпускомъ, заявлялъ начальству, что такіе-то его родные или знакомые желаютъ взять его къ себѣ домой на извѣстные дни; но воспитанникъ отпускался не иначе, какъ по личной явкѣ за нимъ въ корпусъ кого либо изъ родныхъ или знакомыхъ, или же по присылкѣ за нимъ провожатаго. Процедура увольненія въ отпуска сама-по-себѣ настолько была оригинальна, что о ней стоитъ сказать нѣсколько словъ. Въ субботу или наканунѣ праздника, послѣ утреннихъ классовъ, часовъ въ 12 дня, кадеты, желавшіе воспользоваться отпускомъ, заявляли о томъ ротнымъ командирамъ и, получивъ разрѣшеніе, собирались въ рекреационномъ залѣ, въ шинеляхъ, портупеляхъ и киверахъ. Когда же всѣ были въ сборѣ, начинался осмотръ. «Такой-то, — вызывалъ ротный командиръ, — снимите шинель!» (если она была въ накидку). И затѣмъ осматривалъ обмундированіе и снаряженіе кадета спереди. Если все оказывалось исправнымъ, слѣдовала команда: «налѣво кругомъ!» — и кадетъ осматривался сзади. Далѣе командовалось: «поднимите руки!» или: «отставьте такую-то ногу!» — и осматривалось, нѣтъ ли дыръ подъ мышками или прорѣхъ на штанахъ. Обмундированіе, конечно, надѣвалось при увольненіи въ отпускъ новое, а у нѣкоторыхъ наиболѣе состоятельныхъ кадетъ, съ разрѣшенія новаго директора, имѣлось особое свое отпускное платье изъ тонкаго сукна; поэтому вся эта процедура была только излишней формалистикой и тяготила воспитанниковъ, жаждавшихъ съ нетерпѣніемъ скорѣйшаго увольненія. Нужно ли говорить, какъ быстро и отчетливо исполнялись послѣднія команды: «налѣво кругомъ!..», «надѣньте шинель!..». «застегните по формѣ!..», «надѣньте киверъ!..», «застегните чешую!..» (Всякое неудовлетворительное исполненіе команды вызывало замѣчаніе и могло повести даже къ оставленію безъ отпуска). Исполнивъ все, какъ слѣдуетъ, воспитанникъ ждалъ заключительнаго вопроса: «а кто вашъ провожатый?..» и, получивъ его, бросался стремглавъ и приводилъ провожатаго. Если это оказывался родственникъ или лицо, начальству уже извѣстное, то воспитанникъ тотчасъ получалъ билетъ и, счастливый, уходилъ. Если же была прислана прислуга, то она подвергалась опросу: отъ кого она и за кѣмъ прислана? По полученіи удовлетворительнаго отвѣта, прислуга получала наказъ: «воспитанника одного дорогою никуда не отпускать, но доставить въ квартиру того лица, отъ кого она прислана», — и затѣмъ только кадету выдавался билетъ.

Мѣра эта, конечно, имѣла мѣсто по отношенію малолѣтнихъ кадетъ, которымъ провожатый въ Петербургъ дѣйствительно могъ быть необходимъ. Но въ отношеніи примѣненія къ великовозрастнымъ юношамъ, какъ, на примѣръ, гардемаринамъ, находившимся

въ корпусѣ, но считавшимся уже на дѣйствительной службѣ, она казалась уже аномаліей и подавала поводъ къ курьезнымъ ненормальнымъ эпизодамъ. Само начальство имѣло весьма смутное понятіе о значеніи провожатаго: ни возраста, ни солидности, ни разумности отъ провожатыхъ не требовалось; кого бы ни прислали родные или знакомые за воспитанникомъ, съ тѣмъ онъ и отпущался. Поэтому сплошь и рядомъ можно было видѣть, что вслѣдъ за молодцомъ-гардемариномъ, быстро шагавшимъ по тротуару, бѣжала въ припрыжку маленькая дворовая дѣвочка лѣтъ 10—12-ти, въ валенкахъ и материнской кацавейкѣ, или босоногій казачекъ, или же плелась, поминутно окликающая воспитанника, старая-престарая старушенція-нянюшка. Бывали случаи, что кадеты, по выходѣ изъ корпуса, прогоняли отъ себя присланныхъ за ними провожатыхъ и шли или ѣхали домой одни. Начальство корпуса, встрѣчая иногда такихъ кадетъ, дѣлало видъ, какъ будто оно не замѣчаетъ, имѣются ли при нихъ провожатые, и отступление отъ существовавшаго порядка взысканій не влекло. Снисходительность начальства, въ отношеніи свободы увольненія въ отпуски, шла даже далѣе, чѣмъ, казалось бы, слѣдовало. Такъ, кадеты братья Бол—скіе брались изъ корпуса ежесубботно приѣзжавшими за ними двумя молодыми дѣвками, съ которыми они обрѣтались въ дружественныхъ отношеніяхъ, и начальству не было до того никакого дѣла.

Толчекъ къ отмінѣ правилъ объ отпускѣ кадетъ къ роднымъ не иначе, какъ съ провожатыми, далъ слѣдующій случай. Однажды правофланговый воспитанникъ гардемаринской роты Полубояриновъ, дѣтина ростомъ чуть не въ три аршина (государь императоръ Николай Павловичъ не разъ обращалъ на него вниманіе и, хлопая его по плечу, говорилъ: «молодецъ! переросъ меня!»), получая отпускной билетъ, былъ спрошенъ ротнымъ командиромъ: «а гдѣ же вашъ провожатый?». Не долго думая, кадетъ отправился въ швейцарскую, гдѣ ожидалъ его присланный за нимъ маленькій мальчикъ-казачекъ, взялъ его сзади подъ мышки, принесъ въ зало и, поднявъ предъ ротнымъ командиромъ наравнѣ съ собою, доложилъ ему: «вотъ мой провожатый!». Начальство растерялось, никакого замѣчанія не сдѣлало и только, замахавъ руками, торопливо повторяло: — Поставьте его!.. поставьте его!.. что вы дѣлаете?.. Вѣдь вы уроните мальчика и ушибете его!..

Высшее корпусное начальство, до свѣдѣнія котораго была доведена эта выходка, много смѣялось и, говорятъ, даже докладывало объ этомъ государю императору, который и приказалъ отмінить непрактичный порядокъ. Съ этихъ поръ изъ кадетъ старшихъ классовъ стали увольняться въ отпуски только тѣ, которые имѣли хорошія классныя отмінки (не менѣе 10 по всѣмъ предметамъ), и у нихъ въ билетахъ обозначалось, что они уволены безъ провожатаго.

Не безынтересно также распоряженіе объ экипажахъ. Въ одну

изъ зимъ наиболѣе холодныхъ Н. П. Римскій-Корсаковъ приказалъ, чтобы въ морозъ болѣе 15 градусовъ воспитанники увольнялись въ отпускъ не иначе, какъ въ закрытыхъ экипажахъ. Мѣра эта оказалась для многихъ стѣснительной. За немногими изъ кадетъ могли прїѣзжать собственные экипажи, а большинство должно было нанимать извозчицы кареты. Но такъ какъ нѣкоторымъ и это было не по средствамъ, а въ отпускъ идти хотѣлось, то кадеты придумали слѣдующую комбинацію. Нѣсколько человѣкъ нанимали одну карету, которая и должна была ожидать ихъ у подъѣзда. Выходили человѣкъ 5—6, садились, отъѣзжали до первой улицы, сворачивали въ нее, выходили изъ кареты и шли домой пѣшкомъ, а карета снова возвращалась въ корпусъ и брала слѣдующій контингентъ уволенныхъ кадетъ, которые, въ свою очередь, продѣлывали то же, что и первые. Такимъ образомъ, карета возвращалась въ корпусъ два-три раза, и послѣдними уѣзжали въ ней тѣ, которымъ дѣйствительно нужно было ѣхать за Неву или куданибудь далѣе. Подобныя выходы являлись дѣломъ вполне цѣлесообразнымъ и естественнымъ, такъ какъ начальство корпуса не считало нужнымъ слѣдить за исполненіемъ своихъ распоряженій. Единственнымъ активнымъ наблюдателемъ за правильнымъ примѣненіемъ сказанной мѣры являлся швейцарь, которому было вмѣнено въ обязанность слѣдить, чтобы воспитанники отправлялись въ отпускъ не иначе, какъ въ закрытыхъ экипажахъ, и о неисполняющихъ сего—докладывать начальству. А такъ какъ всѣ воспитанники уѣзжали изъ корпуса въ каретахъ, то и жаловаться было не на кого.

Двѣ дѣвицы, похищавшія ежесубботно изъ корпуса кадетъ братьевъ Бол—скихъ, жили въ Коломнѣ. Зимой и лѣтомъ черезъ Неву это было близко, а осенью и весной въ объѣздѣ—далеко. Но посѣщенія не прекращались. Дѣвицы эти нанимали особую небольшую квартирку, гдѣ кружокъ знакомыхъ съ ними гардемариновъ иногда собирался и дѣлалъ въ складчину скромныя товарищескія пирушки. Отсюда молодежь по вечерамъ уѣзжала потанцовать въ какоенибудь танцевальное заведеніе, гдѣ встрѣчала воспитанниковъ другихъ заведеній, какъ-то: гвардейскихъ подпрапорщиковъ и юнкеровъ, лиценстовъ, правовѣдovъ и пажей, знакомилась съ ними и веселилась, какъ могла. Однажды въ одномъ изъ подобныхъ заведеній у гардемариновъ произошелъ споръ, а потомъ и бой съ юнкерами дворянскаго полка. За моряковъ стали ихъ новые знакомые, въ числѣ которыхъ находились извѣстные въ то время юноши шалуны А. и Н. Жем—вы, одинъ пажъ, другой—юнкеръ гвардейской школы, и побѣда, первая побѣда осталась за моряками. Когда рѣшено было отпраздновать ее съ триумфомъ, братья Жем—вы распорядились пиршествomъ посвоему: они взяли десять извозчиковъ (дѣло было зимнею порой) въ саняхъ, велѣли связать ихъ по-

парно рядомъ полостями, насажали барышень и кадетъ и большой процессіей отправились на Петербургскую сторону къ извѣстной въ то время m-me Аданъ.

Къ слову сказать, братья Жем—вы были весьма оригинальные и смѣлые проказники. По ихъ словамъ, вотъ какую штуку они продѣлали однажды. Возвращаясь съ какой-то веселой пирушки домой поздней порою, «братцы» (такъ ихъ звали въ шутку моряки) ѣхали по Конногвардейскому бульвару въ закрытомъ экипажѣ. Когда они поровнялись съ домомъ, гдѣ жилъ въ то время извѣстный военный писатель, генераль Михайловскій-Данилевскій, одному изъ нихъ пришла въ голову мысль подшутить надъ старикомъ (генераль былъ хорошій знакомый ихъ отца, извѣстнаго сенатора и важной особы, и часто бывалъ у нихъ въ домѣ). Задумано—сдѣлано. Экипажъ остановился у подъѣзда, и одинъ изъ «братцевъ» рѣзко позвонилъ у дверей. Была уже глухая ночь, прислуга вся спала, но на повторившіеся одинъ вслѣдъ за другимъ нѣсколько звонковъ въ домѣ пробудились, и у подъѣзда показался швейцаръ.

— Дома его превосходительство? — спросилъ швейцара сѣвшій снова въ экипажъ «братецъ».

— Дома-съ... что прикажете?

— Я изъ дворца, мнѣ нужно передать генералу приказаніе.

— Въ такомъ случаѣ не угодно ли будетъ вамъ подняться на верхъ и сообщить, что нужно, камердинеру генерала.

— Зачѣмъ?.. Пошли его сюда!

Явился камердинеръ, и ему «братцы» передали, чтобы онъ завтра утромъ доложилъ генералу, что государю угодно, чтобы онъ завтра же къ утреннему выходу представилъ экземпляръ написанной имъ «Исторіи Отечественной войны».

Былъ ли генераль на утро во дворцѣ—неизвѣстно, но «братцы» говорили, что былъ, и что имъ за эту шутку досталось.

Случались у молодежи и столкновенья съ полиціей, кончавшіяся иногда весьма курьезно. Приведемъ слѣдующій фактъ.

На Васильевскомъ островѣ проживалъ иностранецъ, коммерсантъ Роопъ, имѣвшій у себя во дворѣ нѣсколько паръ собакъ-водолазовъ. Щенковъ стъ этихъ собакъ онъ дарилъ сосѣдямъ и нѣкоторымъ изъ своихъ знакомыхъ, вслѣдствіе чего водолазовъ развелось въ окрестностяхъ много. Два-три обывателя принесли полиціи жалобу, что эти большія собаки бросаются на людей и пугаютъ ихъ. Оберъ-полициейстеръ, генераль Галаховъ, отдалъ приказъ, чтобы полиція забирала собакъ, если хозяева не будутъ держать ихъ на привязи. Однажды вечеромъ, въ глубокую осеннюю пору, вблизи казармъ Финляндскаго полка проходила компанія молодыхъ людей, состоявшая изъ офицера этого полка Д—ра, двухъ гардемариновъ Вол—го и Бр—на, студента горнаго корпуса А—ка и еще двухъ-трехъ другихъ лицъ. Впереди компаніи бѣжалъ громадный водо-

лазь, принадлежавшій офицеру Д—ру. Будочникъ увидя, что собака была не на привязи, накинулъ на нее петлю и хотѣлъ стащить ее въ кварталъ. Компанія протестовала, будочникъ настаивалъ на своемъ правѣ взять собаку. Произошелъ споръ, кончившійся тѣмъ, что будочникъ, невзрачный замухрышка, былъ связанъ тою же веревкой, которую онъ накинулъ на собаку, положенъ на спину водолаза и привязанъ къ нему. Затѣмъ подвели собаку къ Невѣ, одинъ изъ компаніи отыскалъ палку, плюнулъ на нее, показалъ ее собакѣ и, бросивъ въ рѣку, крикнулъ: пиль! Водолазь, не стѣсняясь ношею, бросился въ воду, выкупалъ оравшаго блангимъ матомъ бутыря и, поймавъ палку, вернулся къ хозяину. Тогда полицейскаго стража освободили, и компанія съ хохотомъ пошла своей дорогой.

Попадала молодежь и туда, гдѣ ей быть, казалось бы, не слѣдовало. Мы разумѣемъ квартиру извѣстнаго агитатора Михаила Васильевича Петрашевскаго-Буташевскаго. По разсказу участника событія, вотъ какъ это случилось съ ними. Въ зиму 1848—1849 годовъ, ротмистръ, свѣтлѣйшій князь В—нъ, чуть ли тогда уже не флигель-адъютантъ, ухаживалъ за одной изъ сестеръ гардемарина Бр—на. Пригласивъ однажды его и его сотоварища, князя Х—го, прокатиться съ нимъ въ его экипажѣ, онъ предложилъ имъ дорогой заѣхать въ общество избранныхъ молодыхъ людей, извѣстныхъ высшимъ просвѣщеніемъ и либеральнымъ образомъ мыслей, гдѣ можно весело провести время и сдѣлать хорошее знакомство, которое имѣтъ никому и никогда не мѣшаетъ. Конечно, молодые люди приняли предложеніе съ восхищеніемъ и, сдѣлавъ прогулку и отобѣдавъ у князя, они поѣхали по приглашенію. Въ квартирѣ Петрашевскаго, довольно хорошо меблированной и освѣщенной, они встрѣтили человекъ 10—15 гостей. Князь В. представилъ кадетъ хозяину дома, и затѣмъ они прошли въ кабинетъ, а кадеты остались въ залѣ. Посреди зала стоялъ большой, раздвинутый и накрытый бѣлой скатертью, столъ, на столѣ кипѣлъ самоваръ, стоялъ чайный приборъ, вино въ граненыхъ графинахъ и разныя закуски. Гости пили, ѣли, сидѣли и стояли кучками, говорили тихо, прохаживались и уходили. Всякій распоряжался самъ, что кому нужно было, то и бралъ. Большинство собравшагося общества по наружности принадлежало къ интеллигентному классу, но былъ какъ будто и лавочникъ. Военный элементъ представляли два молодыхъ безусыхъ офицера, а прочіе присутствовавшіе были въ штатскомъ платьѣ. Появленіе кадетскихъ курточекъ привлекло общее вниманіе, ихъ приняли очень ласково, закидали вопросами и старались угостить на славу. Но взаимныхъ представленій никакихъ не состоялось, всѣ говорили, какъ старые знакомые, и расходились, не прощаясь, такъ что гардемарины возвратились домой, не зная, съ кѣмъ провели вечеръ.

Второй визитъ къ агитатору состоялся, спустя недѣли двѣ или три. Кадетъ Лит — въ, встрѣтись случайно на улицѣ съ Бр — мъ, спросилъ его: не хочетъ ли онъ познакомиться съ Петрашевскимъ?

— Да я уже знакомъ съ нимъ,—отвѣчалъ Бр—нъ.

— Какъ такъ?

— Да такъ. Я у него былъ съ В.

— Ну, такъ поѣдемъ къ нему?

— Пожалуй.

И они поѣхали. Дѣло было днемъ, въ какой-то праздникъ, часовъ въ 12 утра. Петрашевскаго дома они не застали, но въ его квартирѣ сидѣло нѣсколько лицъ: кто завтракалъ, кто пилъ кофе. И такъ какъ моряки никого изъ нихъ не знали, то, посидѣвъ немного, скоро ушли домой.

На этомъ, кажется, посѣщенія дома агитатора и кончились, ибо участникъ событія ничего болѣе о нихъ не говорилъ. Практическаго значенія, по всей вѣроятности, они не имѣли, а потому и остались безъ послѣдствій.

Во все время директорства въ корпусѣ вице-адмирала Римскаго-Корсакова, государь императоръ Николай Павловичъ продолжалъ бывать въ корпусѣ обычнымъ порядкомъ. Его величество пріѣзжалъ большей частью отъ 1 до 3 часовъ дня, входилъ съ параднаго подъѣзда съ Невы и, если воспитанники обѣдали, поднимался по лѣстницѣ до второго этажа и шель черезъ рекреационное зало и музеумъ въ столовую, гдѣ встрѣчало его дежурное начальство и куда, спустя нѣсколько времени, являлся директоръ и прочій служебный персоналъ корпуса. Августѣйшій посѣтитель проходилъ по столовой залѣ, останавливался у приборовъ нѣкоторыхъ кадетъ для пробы пици или разспроса воспитанниковъ. Особой пробы, приносимой съ кухни, государь никогда не пробовалъ, говоря: «я попробую у дѣтей». И подойдя къ кому нибудь изъ воспитанниковъ, преимущественно малолѣтней роты, обращался къ нему съ вопросомъ: «а ну, дай мнѣ твою ложку» (или вилку, смотря по тому, какое было блюдо), и если замѣчалъ на лицѣ мальчика изумленіе, шутливо прибавлялъ: «ты не бойся, я всего не съѣмъ». Затѣмъ, отвѣдавъ пицу, его величество одобрительно кивалъ головою и говорилъ: «да, хорошо, кушайте, дѣти, на здоровье!»

Изъ залы государь проходилъ въ лазаретъ, осматривалъ вещи, подходилъ къ больнымъ, разспрашивалъ доктора о болѣзни и разговаривалъ съ больными, ободря ихъ своимъ милостивымъ вниманіемъ и словами. При этомъ иногда разрѣшалъ допустить къ больному для свиданія родителей или родственниковъ его.

Изъ лазарета Николай Павловичъ проходилъ въ роты, но всѣхъ чаще посѣщалъ малолѣтнюю, гдѣ онъ иногда обращался къ воспитанникамъ съ возгласомъ: «дѣти ко мнѣ!.. дружнѣй валите меня!». Дѣти бросались къ его ногамъ, повисали на его рукахъ, лѣзли на

спину и на плечи и старались взобраться какъ можно выше. Чадолубивый монархъ стоялъ непоколебимо, смѣялся и подбодрялъ малютокъ. Но возня эта никогда не обходилась безъ ущерба для царской одежды: въ концѣ концовъ она оказывалась вся изорванной и ошипавной. Прекращалась игра словами государя: «дѣтки, я сдаюсь!.. будетъ!.. я усталъ!..» и кадеты отступали съ сожалѣніемъ. Финаломъ же такой возни бывало повелѣніе: «отпустить кадетъ по домамъ на три дня!». А разъ, какъ-то, кадеты были отпущены и на пять дней.

Въ одно изъ таковыхъ посѣщеній его величество привезъ съ собою въ корпусъ генераль-фельдмаршала князя Варшавскаго, графа Паскевича-Эриванскаго. Время выпало послѣобѣденное. Воспитанники находились въ ротахъ. Войдя въ помещеніе 2-й роты и проходя мимо воспитанниковъ, стоявшихъ у своихъ кроватей, Николай Павловичъ обратился къ привезенному имъ гостю съ словами.

— Что же ты, Иванъ Ѳедоровичъ, ничего не спросишь моихъ моряковъ?

— Я, ваше величество, и безъ того знаю, что они—умницы,—возразилъ почтительно генераль-фельдмаршалъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! спроси,—настаивалъ государь и, указавъ на висѣвшую на стѣнѣ карту Россійской имперіи, прибавилъ:—а вотъ встаетъ и карта!

Князь Варшавскій бросилъ взглядъ на одного изъ воспитанниковъ, близъ его стоявшихъ (Греве), и, кивнувъ ему головою, подошелъ къ картѣ, прикрылъ ладонью руки часть карты и спросилъ его:

— А что у меня подъ рукою?

— Кавказъ, ваша свѣтлость,—бойко отвѣтилъ воспитанникъ.

— Ну, Кавказъ, Кавказъ, какой Кавказъ?

— Восточное побережье Чернаго моря, ваша свѣтлость.

Фельдмаршалъ улыбнулся, снялъ руку и, оставя на картѣ указательный палецъ, закрылъ имъ одинъ пунктъ и спросилъ:

— Ну, а что у меня подъ пальцемъ?

— Эривань, ваша свѣтлость,—отвѣчалъ безъ запинки воспитанникъ.

— Молодецъ!—похвалилъ мальчика государь и, обратясь къ генераль-фельдмаршалу, прибавилъ:—каковъ?

— Русскіе моряки, ваше величество, всегда отличаются,—отозвался князь Варшавскій,—не даромъ же ихъ и учать!

Государь разсмѣялся и прослѣдовалъ далѣе.

Такимъ образомъ, реноме воспитанниковъ морского корпуса—«умницы», составилось и съ каждымъ годомъ поднималось и росло.

Въ октябрѣ 1848 года, умеръ Николай Петровичъ Римскій-Корсаковъ, и на его мѣсто директоромъ морского кадетскаго кор-

пуса назначенъ вице-адмиралъ Николай Глѣбовичъ Казинъ. Во главѣ науки остался Маркъ Филипповичъ Горковенко, но въ общей системѣ управленія произошли большія перемѣны. Новый директоръ былъ человѣкъ совершенно иного закала, чѣмъ его предшественники. Онъ явился въ корпусъ съ предвзятой идеей необходимости подтянуть его, такъ какъ всѣ части управленія, по его мнѣнью, были распущены. Карьеру свою ему удалось сдѣлать строевой службой; онъ, говорятъ, былъ хорошимъ командиромъ гвардейскаго экипажа, но воспитаніе и приготовленіе юношей къ высокому призванію—стать современемъ во главѣ русскаго флота, очевидно, ему было не подъ силу. Въ его глазахъ солдатъ (т. е. матросъ) и кадетъ составляли одно и то же понятіе. И тотъ и другой, по его воззрѣніямъ, должны были быть не чѣмъ инымъ, какъ только манекенами, нѣмыми, безсловесными исполнителями воли начальства. Развитіе, мышленіе и знанія онъ хотѣлъ поставить подъ эгиду дисциплины, если не совсѣмъ замѣнить ихъ ею. Быть можетъ, это и было нужно по тому времени, но онъ не понималъ одного, что всякую новую систему необходимо вводить не съ плеча, а постепенно и разумно. Онъ повелъ дѣло перевоспитанія кадетъ посолдатски—прямо, грубо и безъ всякихъ снисхожденій къ прошлому, и въ скорости достигъ самыхъ плачевныхъ результатовъ.

На видъ, это былъ уже не молодой, лѣтъ за 50 слишкомъ, средняго роста, тучный и обрюзглый мужчина, съ большой лысиной, мутными стеклянными глазами и краснымъ носомъ, вполне похожій, какъ остроумно замѣтилъ одинъ изъ офицеровъ корпуса, на «мясника въ мундирѣ». Отличительными чертами его личности являлись: напускная важность, косноязычность и брызганье во время разговора, когда онъ начиналъ горячиться, слюнями. Первое появленіе его, въ качествѣ директора корпуса, произвело на всѣхъ непріятное впечатлѣніе. Онъ вышелъ въ большую столовую залу, гдѣ кадеты стояли во фронтѣ, и привѣтствовалъ ихъ посолдатски: «здорово, ребята!».

На послѣдовавшій, вслѣдствіе того, слабый откликъ: «здравія желаемъ, ваше превосходительство», онъ возвысилъ голосъ и прокрипѣлъ строго:

— Государь императоръ меня назначилъ директоромъ вашего корпуса, приказавъ мнѣ поднять его значеніе до настоящаго уровня, чтѣ я и исполню свято и неуклонно. Что у васъ дѣлалось, то для меня не обязательно, а я васъ поведу по указанному мнѣ пути. Надѣюсь, что гг. офицеры будутъ мнѣ въ этомъ надежными и усердными помощниками.

И новые порядки начались.

Командиръ гардемаринской роты, баронъ де-Ридель, былъ вскорѣ удаленъ, и на его мѣсто назначенъ капитанъ 2-го ранга Транковскій. Это тоже былъ человѣкъ уже въ лѣтахъ, довольно высокій,

плотный и солидный, въ парикѣ, съ постной, какъ у монаха, физиономіей, желтымъ выпцвѣтшимъ лицомъ и черными красивыми усами. Тихій, мягкій и вкрадчивый, какъ іезуитъ, и безсердечный, какъ тюремщикъ, онъ сразу усвоилъ идеи новаго начальника и сталъ примѣнять ихъ съ беззабѣчивостью безпринципнаго чело-вѣка. Всѣ средства для достиженія предположенной цѣли казались ему хорошими, и въ выборѣ ихъ онъ не стѣснялся. Въ дѣлѣ утѣсненія личности кадета онъ шелъ, говорили, даже далѣе своего прямолинейнаго начальника. Но, не смотря на строгость, доводимую силою и рядомъ до грубости и насилія, не смотря на ежедневную мелочную ко всему придирчивость и стѣсненія во всемъ, гардемарины вели себя попрежнему чинно и съ достоинствомъ. Всю зиму 1848—1849 годовъ никакихъ серьезныхъ столкновеній не было. Лѣто 1849 года они провели въ практическомъ плаваніи на судахъ Балтійскаго флота и, только возвратясь въ корпусъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ, не устояли подъ давленіемъ новой системы: въ октябрѣ новымъ начальствомъ была принесена ей первая жертва—это тѣ семь юношей, которые, какъ мы сказали въ началѣ статьи, были арестованы и ждали съ безпокойствомъ рѣшенія своей участи.

Но возвратимся къ этимъ несчастнымъ дѣтямъ...

Черезъ нѣсколько дней послѣ описаннаго нами посѣщенія корпуса его императорскимъ высочествомъ, генераль-адмираломъ, арестованные гардемарины были собраны вновь въ рекреационномъ залѣ, а рядомъ, въ сосѣдней комнатѣ музеума, стояла во фронтѣ вся гардемаринская рота. Часа въ три дня пріѣхалъ въ корпусъ исправлявшій въ то время временно должность морского министра, графъ Левъ Алексѣевичъ Перовскій. Поздоровавшись съ гардемаринской ротой, онъ подошелъ къ арестованнымъ и объявилъ имъ высочайшую конфирмацію въ слѣдующихъ выраженіяхъ.

— Я просилъ у государя императора разрѣшенія всѣхъ васъ перепоротъ и этимъ ограничить взысканіе. Но на это высочайшаго соизволенія не послѣдовало. Въ примѣръ всему заведенію, дабы это было памятно и внушительно для всѣхъ, повелѣно: старшихъ гардемариновъ: Михаила Коссаговскаго, Александра Лихарева, Семена Левшина, Арсенія Калугина, князя Михаила Хованскаго, Павла Брылкина и барона Вильгельма фонъ-Геллесема, разжаловать въ рядовые, съ назначеніемъ: перваго въ оренбургскіе, а остальныхъ шести—въ сибирскіе линейные баталіоны, срокомъ: первыхъ пятерыхъ—на два, а послѣднихъ двухъ—на четыре года.

За симъ всѣмъ прочимъ старшимъ гардемаринамъ, находившимся во фронтѣ въ сосѣдней комнатѣ музеума, графъ Перовскій объявилъ, что государь императоръ, оставаясь недовольнымъ и ими, высочайше повелѣтъ соизволилъ: лишить ихъ всѣхъ права носить погоны съ якорями впредь до отличной выслуги и выпуска изъ корпуса.

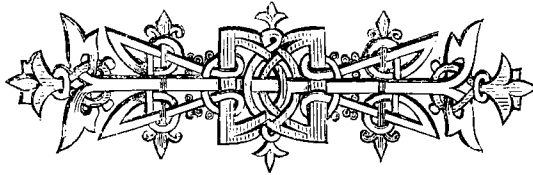
Разжалованныхъ тотчасъ барабанщики остригли посолдатски,

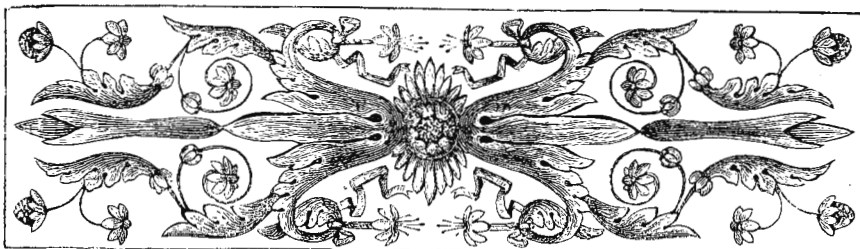
сняли съ ихъ куртокъ погоны съ якорями и надѣли на нихъ сѣ-
рые солдатскія шинели. Имъ не дали даже проститься съ товари-
щами и отправили ихъ въ Аракчеевскія казармы, откуда они
черезъ нѣсколько дней и отбыли къ новымъ мѣстамъ служенія.

Такъ погибло семь молодыхъ жизней, которыя, если бы не
были сломаны въ корнѣ, можетъ быть, принесли бы своей специ-
альной службою много пользы отечеству. Мы не будемъ вдаваться
въ оцѣнку введенной вице-адмираломъ Казиннымъ системы, такъ
какъ это вывело бы насъ за границы предпринятаго нами очерка.
Замѣтимъ только, что система эта, вѣроятно, не нашла потомъ
одобренія и въ высшихъ сферахъ: «адмиралъ-мясникъ» былъ уво-
ленъ отъ должности директора морского кадетскаго корпуса, 8-го
апрѣля 1851 года. Всей дѣятельности его было только: два лѣта,
четыре мѣсяца и семь дней.

Петръ Мартыновъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

СРЕДИ ПИЛИГРИМОВЪ ¹⁾.

(Путевыя впечатлѣнія во время «Троицкаго похода»).

Х.

Странникъ Антоній.

ГО НАЗЫВАЛИ «нашъ юродивенькій» и приписывали ему даръ прозорливости. Теперь же, какъ извѣстно, юродства въ немъ не замѣчается, и о прозорливости не слышно...

Какъ на дорогѣ, такъ и на ночевкѣ его окружала группа народа, человекъ въ двѣсти-триста. Все это его поклонники и почитатели. У странниковъ, чѣмъ либо обращающихъ на себя вниманіе, всегда ихъ много...

Антоній пѣлъ акаеисты преподобному Сергію, почитатели подпѣвали. Выходило очень стройно и хорошо. Пѣніе было почти неумолчное...

Однако, прежде чѣмъ познакомиться съ Антоніемъ, я разговаривалъ съ однимъ изъ почитателей его, московскимъ мѣщаниномъ.

— **Замѣчательный человекъ!**— сказалъ мнѣ собесѣдникъ, глубоко вздыхая и закатывая подъ лобъ глаза. — Насквозь всякаго видеть... И ничего не значить, что юродивый, а такой умственный, что просто ужаси! Однимъ словомъ праведникъ!

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», томъ LXI, стр. 599.

— Давно вы его знаете?
 — Я-то не особенно, а другіе по много лѣтъ... и всѣ одобряютъ...
 — Чѣмъ же онъ замѣчательнѣе?
 — Всѣмъ! Во-первыхъ — вериги носить, во-вторыхъ — безъ сапогъ ходить, въ-третьихъ — молится много, въ-четвертыхъ — свѣтлыя очи имѣеть...

— Свѣтлыя очи? Что это значитъ?
 — Все видитъ духомъ и можетъ говорить откровенія.
 — Что же онъ видитъ духомъ, и какія вы слышали отъ него откровенія?

— Всякія!.. Да вотъ, напримѣръ, какъ только вышелъ онъ изъ Москвы, сталъ оглядывать всю толпу. Потомъ сокрушенно вздохнулъ и молвилъ: «Ай-ай-ай! Какая срамота! Такой великій крестный ходъ, а всего только четверо за нимъ идетъ».

Собесѣдникъ побѣдоносно взглянулъ на меня и торжествующе прибавилъ:

— Ну-съ? Каково это вамъ покажется?
 — Въ чемъ же тутъ заключается откровеніе?
 — Какъ въ чемъ?—изумился повѣствователь.—Помилуйте! Мы всѣ разомъ поняли, что Антоній духовными очами своими увидаль истину. Намъ ясно стало, что за процессіей только четверо идетъ искренно вѣрующихъ, достойныхъ называться «богомольцами»... А потомъ, когда у Талиць снова примыкаль народъ, Антоній опять оглядѣль толпу и сказалъ: «Ну, слава Богу, вотъ и пятый богомолецъ подошелъ!»...

Затѣмъ рассказчикъ на минуту призадумался и, какъ бы отвѣчая на свои мысли, сквозъ зубы процѣдилъ:

— Что говорить: праведникъ—такъ праведникъ и есть!.. И со-всѣмъ напрасно въ немъ сомнѣваются. Сами подумайте: развѣ кто вибудь другой могъ бы такъ сказать? Не каждому дана благодать прозрѣнія. Вотъ я грѣшникъ—такъ грѣшникъ и есть. Какъ ни смотрѣль на толпу, а помоему все выходило такъ, что всѣ идутъ съ вѣрой и благочестіемъ...

Къ намъ подошла женщина въ платкѣ и, слыша только окончаніе разговора, спросила:

— Это вы про юродиваго?
 — Да!
 — Весьма чудодѣйственный! Всю твою жизнь можетъ рассказать, какъ по книгѣ... Такъ все и угадываетъ! Я у него много разовъ была на акаеистѣ.

— У него на акаеистѣ?—переспросилъ я богомолку.
 — Да... У него на квартирѣ изо дня въ день служба происходитъ. Къ вечеру собираются въ его молельнѣ вѣрующіе, а онъ читаетъ акаеисты и выѣстѣ со всѣми молится... Многимъ помогаетъ! Сколькихъ отъ запоя вылѣчилъ, сколькимъ истинный путь спасе-

нія указаль... Онъ все знаетъ! Да и то сказать: какъ же ему не знать, если онъ всю Рассею пѣшкомъ исходилъ, во всѣхъ монастыряхъ перебивалъ и много всякаго народа перевидаль...

Въ эту же ночь я собралъ о немъ болѣе подробныя свѣдѣнія. По происхожденію онъ сибирскій купецъ. Былъ богатъ, имѣлъ семью, но послѣ какой-то тяжелой болѣзни, согласно данному обѣту, покинулъ домъ, жену, дѣтей и пошелъ по святымъ мѣстамъ замаливать грѣхи. Убѣдясь, послѣ продолжительнаго испытанія, въ крѣпости вѣры своей, надѣлъ тяжелыя, двухпудовыя вериги и далъ зарокъ никогда не носить обуви. Послѣднее надо отнести къ одному изъ способовъ умерщвленія плоти. Странствуетъ по монастырямъ около тридцати лѣтъ, причѣмъ всегда пѣшкомъ, не обращая вниманія ни на время года, ни на удобство путей сообщенія. Затѣмъ мнѣ было сообщено, что за послѣднее время онъ приобрѣлъ очень обширный кругъ почитателей, въ особенности среди московскаго купечества и мѣщанства; нѣкоторые за «босоножіе» считаютъ его юродивымъ, другіе чтутъ за праведника. Почитатели дѣлаютъ ему щедрыя приношенія, изъ которыхъ въ общемъ составляютъ весьма крупныя цифры, достигающія въ годъ чуть ли не десятковъ тысячъ рублей. Эти деньги онъ расходуетъ на постройку и украшеніе храмовъ, на устройство школъ и приютовъ, и на прочее въ этомъ же родѣ...

Когда я подходилъ къ страннику Антонію, какая-то баба ловила его руку для лобызанія, что ей и удалось весьма успѣшно.

Антоній словоохотливъ, говоритъ внушительно и ни малѣйшимъ образомъ не производитъ впечатлѣнія юродиваго.

Между прочимъ онъ говорилъ:

— Меня упрекаютъ за то, что я хожу босымъ. Говорятъ, что я это дѣлаю нарочно для того, чтобъ выдѣляться, чтобъ обращать на себя вниманіе. Я не разубѣждаю никого. Дѣйствительно, должно быть, мой обликъ не внушаетъ довѣрія, но я этого довѣрія не ищу. Даннаго мною обѣта я никогда не нарушу, потому что въ немъ моя жизнь и сила. Никакія богатства не могли мнѣ дать того душевнаго спокойствія, которымъ я пользуюсь теперь, будучи нищимъ. Я позналъ счастье жизни именно съ того времени, когда порвалъ связь со всѣмъ суетнымъ и мятежнымъ; когда сложилъ съ души все то, что тяготило мое существованіе, что служило соблазномъ и вводило во искушеніе. Я не утверждаю, что отъ всего этого я отрѣшился окончательно, не утверждаю также и того, что надѣюсь искупить свое прошлое молитвою и постомъ, но я стремлюсь къ этому и по другому выражать свое покаяніе не умѣю...

Кто распускаетъ слухъ, что странникъ Антоній обладаетъ даромъ пророчливости? Конечно, тѣ, которые являются къ нему за словомъ утѣшенія, сомнѣнія которыхъ онъ пытается разсѣять пра-

воученіемъ, которые безсознательно искажаютъ факты подъ впечатлѣніемъ мистическаго настроенія.

Мнѣ случайно пришлось подслушать его разговоры съ нѣкоторыми простодушными его почитателями. Подходить, на примѣръ, къ Антонію какой-то приниженный человѣкъ и подобострастно заглядываетъ въ его открытые, пытливые глаза. Выдерживаетъ долгую паузу и, наконецъ, рѣшается спросить:

— Долго-ль мнѣ мучиться?

Странникъ оглядываетъ его съ ногъ до головы и, составивъ о немъ по наружному виду опредѣленное понятіе, строго замѣчаетъ:

— Надо терпѣть... Данъ крестъ—неси...

— Оно точно, но только все-же...

— Пьешь?

— Грѣшенъ!

— Вотъ то-то и оно. За дѣло, значить, и терпишь муки... Брось, перестань пить и снова заживешь попрежнему ладно, хорошо... Поди, и жену измучилъ?

— Конечное дѣло, баба плачетъ...

— Ребятъ истязаетъ!

— Попадаетъ и имъ...

— Исправься, исправься! Пока пить не перестанешь, страданія семьи твоей не прекратятся... Брось пить, послушай голоса совѣсти...

— Попробую!

— И пробовать не надо! Прямо вырви изъ нутра своего эту пагубную страсть.

Приниженный человѣкъ пообѣщавъ исправиться и отошелъ въ сторону, а потомъ рассказывалъ любопытнымъ:

— Ахъ, какая прозорливость! Удивительно даже! Точно по писанному всю мою жизнь рассказалъ... Сразу узналъ, что я запою пью, а потомъ сказалъ, что у меня есть жена и дѣти.

— Да ужъ праведникъ! Что говорить!

Другой подходилъ къ страннику Антонію испрашивать совѣта:

— Хочу хозяйствовать... Обзавестись домомъ... Слава Богу, долго послужилъ въ работникахъ...

— Дѣло доброе! Обзаводись домомъ, хозяйствуй, только смотри: когда богатѣть станешь — не забывай Бога, не отказывай въ помощи неимущимъ, не предавайся сребролюбію и тщеславію, живи по закону...

«Будущій хозяинъ» отошелъ отъ Антонія торжествующій и родостный.

— Что онъ? Что тебѣ предсказалъ?—набросились на него съ вопросами любопытствующіе.

— Богатъ буду!.. Разбогатѣю, говорить...

— Ахъ, какъ хорошо!

Нѣкоторые равнодушные взгляды обратились въ завистливые. Не хватало только поздравленій по адресу будущаго милліонера.

Русскій человекъ всюду сказывается. Онъ тебя къ лику святыхъ причислитъ, только хоть слегка окружи себя таинственностью. Скажи что нибудь близкое къ истинѣ на угадъ—и вотъ тебѣ проворливецъ!.. Это настолько же относится къ страннику Антонію, какъ и ко всѣмъ другимъ, поглощающимъ вниманіе впечатлительныхъ натуръ, вѣчно выискивающихъ чего-то необыкновеннаго у обыкновенныхъ людей...

XI.

Райская птица.

Маленькое, приземистое, тщедушное существо. Лицо морщинистое, загорѣлое, темно-коричневаго цвѣта. Растительность жалкая: исключенная русая бороденка, именно бороденка, а не борода,—и жидкіе кустики волосъ на черепѣ. Но глаза живые, свѣтящіеся и зоркіе. Одеженка очень ветхая: выцвѣтшая, заплатанная ряса и продырявившіеся сапоги. Голова повязана клѣтчатымъ носовымъ платкомъ не первой свѣжести. За плечами крохотная котомка.

Существо весьма воодушевленное, подвижное и энергичное.

— Кто это?—спросилъ я того «бывалаго» богомольца, который снабжалъ меня свѣдѣніями о типичнѣйшихъ паломникахъ.

— Отставной кievскій послушникъ!

Приблизились къ нему.

Послушникъ съ увлеченіемъ дирижировалъ хоромъ добровольныхъ пѣвчихъ, образовавшимся такъ же, какъ и у странника Антонія, изъ его многочисленныхъ поклонниковъ. Онъ плавно отсчитывалъ тактъ рукою, какъ искусный регентъ, характерно поводитъ головою, какъ бы выражая громадное удовольствіе, и, когда доходилъ до особенно чувствительныхъ нотъ, въ восторгѣ закрывалъ глаза.

«Бывалый» богомольецъ поддался его увлеченію и, когда тотъ замеръ, выводя *fermato*, онъ воскликнулъ:

— Молодецъ! Дѣйствительно молодецъ! Не даромъ райской птицей зовется!

— Почему райской птицей?

— А то какъ же? Слышите, какъ заливается-то... Онъ вѣдь всѣ напѣвы знаетъ: и кievскій, и почаевскій, и аеонскій, и разные другіе... Онъ всякую молитву на разныя манеры можетъ пѣть... Поэтому-то его вездѣ и въ монастыряхъ любятъ. Куда ни придетъ, сейчасъ же отъ него перенимаютъ пѣніе даже монахи...

— Давно онъ странствуетъ?

— Давно... Спервоначала-то онъ на послушаніе поступилъ въ Кіевскую лавру, но не ужился тамъ. Душа его алкала ходить по

святымъ мѣстамъ и разносить пѣніе. Онъ совѣмъ какъ птица... какъ голубь чистый... восхваляетъ Всевышняго, презираетъ мірскую суету и не предается заботамъ о завтрашнемъ днѣ... Никто даже не знаетъ, чѣмъ онъ питается... Хорошій странникъ! Его всѣ знаютъ и почитаютъ... Правда, прозорливости въ немъ нѣтъ, и разговорить чужую печаль не можетъ, но молится за другихъ хорошо... Многимъ онъ своей молитвой пособлялъ...

Улучивъ удобную минуту, я разговорился съ отставнымъ кievскимъ послушникомъ; хотя онъ и не многословенъ, и недовѣрчивъ, однако } кое-что изъ своей жизни пересказалъ.

— Я неудачный! Мнѣ ничего не давалось: ни ученье, ни работа, ни любовь къ дому... И приневолить себя не могъ... Съ малолѣтства къ странствованію тянуло... Даже въ монастырь на послушаніе опредѣлился и все-таки страсти въ себѣ не заглушилъ... Такое ужь призваніе, чтобъ всю жизнь не знать ни покоя, ни дома, ни устали... я всегда въ дорогѣ...

— Продолжительнаго пребыванія нигдѣ не бываетъ?

— Нигдѣ... Я безъ остановки хожу... То-есть дѣлаю передышки въ монастыряхъ или пустыняхъ, но только и тамъ все время держусь на ногахъ... Я этого не люблю, чтобъ распустить себя, да и ноги затоскуютъ...

— Вы вотъ хорошо поете, учились этому?

— Нѣтъ... Такой ужь у меня слухъ памятливыи... Ахъ, что это я!—вдругъ спохватился послушникъ: — Заговорился... Прости, Господи!..

Онъ энергично махнулъ рукой и запѣлъ. Тотчасъ же присталь къ нему хоръ, и плавные звуки понеслись въ даль...

Отставной послушникъ ночевалъ постоянно подъ открытымъ небомъ, даже и тамъ, гдѣ можно было бы укрыться отъ непогоды и холода. На мѣстѣ стоянки крестнаго хода онъ первый разводилъ костеръ и до полночи поддерживалъ въ немъ огонь. Его всегда окружалъ народъ, который вмѣстѣ съ нимъ раздѣлялъ отдыхъ на голой землѣ.

XII.

Регентша и звонарь.

«Регентшей» называли старуху, древнюю странницу, превосходно управлявшую громаднымъ хоромъ женскихъ голосовъ. Подвижная и бодрая, она, повидимому, не знала отдыха. Днемъ шла впереди процессіи, выдѣляясь своимъ звонкимъ голосомъ, покрывавшимъ весь хоръ; вечеръ и ночь проводила у костра, среди богомолкъ, и тоже не переставала давать тонъ «почаевскаго напѣва». Правой рукою, высоко занесенною надъ головою, она дирижировала, и, какъ видно, не въ первый разъ.

— Кто она? Тоже изъ популярныхъ?

— Тоже...

— А зовуть ее какъ?

— Такъ и зовуть «регентшей»...

Регентша одѣта была въ теплую свитку, въ мужскіе, съ голенищами, сапоги и въ большой байковый платокъ; за спиной традиционная котомка, въ лѣвой рукѣ посохъ и плетеная корзинка съ запасомъ хлѣба, который она раздавала наиболѣе въ немъ нуждавшимся...

— У тебя, бабушка, много силы?—сказаль я ей, когда ея хоръ на минуту замолкъ.—Другая бы на твоёмъ мѣстѣ давно устала.

— Это все отъ привычки... Я вѣдь съ малыхъ лѣтъ живу промежъ божьяго, т.е. по вашему ежели, промежъ страннаго народа... Всю жизнь такъ-то пою...

— Какъ это такъ съ малыхъ лѣтъ?

— Мать тоже странницей была... Какъ ейный мужъ, а мой отецъ, значить, сгорѣлъ отъ вина, она зарокъ дала отмаливать его грѣхи по монастырямъ и отмаливала... Я всегда съ ней... Спервоначалу она меня на рукахъ таскала, а потомъ я пошла и на собственныхъ ногахъ, да такъ вотъ седьмой десятокъ и хожу... Сперва за отца мы молились, а потомъ, какъ мать въ дорогѣ, въ лѣсу, померла, одна я осталась модельщицей и за ея душу, и за отцову, царство имъ небесное!

— Такъ-таки всю жизнь и странствуешь?

— Умирая мать приказала молиться... Не велѣла она мнѣ покидать большой дороги и божьихъ храмовъ, потому что въ городахъ одинъ только порокъ царить, только грѣхомъ люди наслаждаются и проклиняютъ свою жизнь... Она это знала—она долго въ суетѣ жила, много страдала и отъ слезъ чуть не сошла съ ума... Мнѣ въ городѣ не вмоготу...

— Кто былъ отецъ? Чѣмъ занимался?

— Сперва онъ былъ чиновникъ...

— А потомъ?

— Потомъ—самоубійца: душу свою утопилъ въ винѣ...

Регентша перекрестилась, смахнула съ рѣсницъ набѣжавшую слезу и отвернулась. Я отошелъ. Минуту спустя, предводительствуемый ею хоръ уже пѣлъ: «Святый Боже, святый крѣпкій, святый безсмертный, помилуй насъ!»

Отъ регентши я перешелъ къ «Звонарю». Такъ называли какого-то браваго человѣка, одѣтаго въ солдатскую шинель. Въ движеніяхъ его была замѣтна военная выправка. Физиономія свирѣпая; брови нависшія; борода, усы и голова—щетиныстыя... Это старый солдатъ, весьма мягкій и привѣтливый, не смотря на свой мрачный и угрюмый внѣшній видъ. Звонаремъ его прозвали за то, что онъ очень искусно умѣлъ передавать языкомъ всяческія

«звоны, перезвоны и трезвоны». Дѣйствительно онъ хорошо подражалъ «малымъ, среднимъ и большимъ» колоколамъ. Музыкально, интересно. Я самъ слышалъ, какъ онъ представлялъ великопостный колокольный призывъ ко всеобщей, обычный звонъ Кіево-Печерской лавры, гулъ московскихъ сорока-сороковъ и глухой, дребезжащій звукъ разбитаго колокола бѣдной сельской церкви.

У него тоже имѣлись почитатели, раздѣлявшіе съ нимъ дорожныя невзгоды и неудобства. Около его костра ютились и малые, и старые. Особенно облюбовали его первые, должно быть, за дарованіе «звонаря».

Онъ тоже руководилъ хоромъ, подгѣвая надтреснутымъ теноркомъ. Въ отличіе отъ другихъ запѣвалъ, онъ не отбивалъ такта рукою, а какъ-то ужъ очень понятно поводилъ глазами. Молитвы, особенно удавшіяся въ исполненіи его и его хора, онъ повторялъ по нѣсколько разъ, наслаждаясь собственнымъ успѣхомъ. Воодушевляясь, онъ поминутно говорилъ окружающимъ, поощряя и подбадривая ихъ на дальнѣйшее пѣснопѣніе:

— Bravo, соловьи!.. Хорошо!.. Молодцы!.. Райское выходитъ пѣніе... Въ лаврѣ мы на соборномъ клиросѣ пѣть будемъ, заслушается народъ моихъ соловьевъ... Ну-ко, кенори, еще разокъ! Ну-ка...

И кенори снова заливались, съ большимъ удовольствіемъ выводя верхнія ноты. Коченѣвшія оконечности чуть не въ самый огонь совали, а лицо собирали въ торжествующую улыбку...

Конечно, этими личностями не исчерпываются типы паломнической массы, было еще не мало любопытныхъ, съ которыми не удалось познакомиться по недостатку времени и потому, что трудно ихъ было извлечь изъ толпы. Многіе проскальзывали незамѣченными, теряясь въ безконечной вереницѣ богомольцевъ, а особенность иныхъ умалаялась при сравненіи съ наиболее выдающимися... Однако, это цѣлая галерея типовъ,— галерея, которую врядъ ли придется видѣть въ другой разъ.

ХІІІ.

Праздникъ въ посадѣ.

Съ прибытіемъ крестнаго хода въ лавру, въ Сергіевомъ посадѣ начался трех-дневный праздникъ.

Настоящій праздникъ: улицы переполнены народомъ, лица у встрѣчныхъ радостныя, звонъ всѣхъ посадскихъ и лаврскихъ колоколовъ не прерывенъ. У лаврскихъ стѣнъ выстроился большой базаръ, всѣ обывательскіе дома украсились флагами, а въ толпѣ смѣшались обдерганные странники съ расфранченными жителями

посада и прїѣзжей публикой. И не смотря на громадное стеченіе народа, все было тихо, покойно, ничто и никто не нарушалъ порядка и благоговѣнія, наполнявшаго толпу. Въ предупрежденіе безобразій, продажа водки была запрещена на все время праздника, и никто объ этомъ не сожалѣлъ. Даже куреніе табака на улицѣ не разрѣшалось. Съ утра до ночи всѣ мѣстные трактиры были переполнены алчущими и жаждущими, и всюду было преспокойно на столько, что даже женщины безбоязненно посѣщали эти заведенія.

Вечеромъ посадъ принялъ сказочную окраску. Онъ утопалъ въ морѣ огня. Кругомъ все свѣтилось и блистало. Лаврскія зданія были залиты яркимъ электрическимъ свѣтомъ, превращавшимъ посадъ въ какой-то фантастическій уголокъ, съ необозримою массою копошившагося въ немъ люда. Всѣ улицы и закоулки, гостинницы и скромные домики были иллюминированы. На всѣхъ посадскихъ колокольняхъ горѣли плошки и шкалики. Словомъ все дышало торжествомъ, все говорило о чемъ-то необыкновенномъ, видно было, что не простого праздника дождались обыватели посада.

Я любовался на посадъ съ высоты древней лаврской стѣны, на которую провелъ меня молодой послушникъ Геосиманскаго скита. Мнѣ пришлось случайно познакомиться съ нимъ вечеромъ же въ лаврскомъ саду, гдѣ я какимъ-то образомъ заблудился. Онъ взялся вывести меня на площадь и, разговорясь по дорогѣ, предложилъ взглянуть на утопавшій въ огнѣ посадъ, отъ картиннаго вида котораго онъ былъ въ восторгѣ.

— Смотрите туда... туда... направо!—говорилъ онъ, задыхаясь и жадно всматриваясь въ красивую даль. — Поѣздъ... какъ онъ чудовищенъ и вмѣстѣ съ тѣмъ эффектенъ... Смотрите, смотрите... точно врѣзывается въ нашъ посадъ... Ахъ, какъ хорошо!

Въ мрачномъ черномъ подрясникѣ чувствовался живой человекъ, не охладѣвшій къ природѣ, не переставшій понимать красоту, не успѣвшій убить въ себѣ позывы и увлеченія, эти дорогія основы здоровой молодости. Изъ-подъ скуфейки выглядывало жизнерадостное, доброе, привѣтливое лицо, по временамъ, однако, принимавше грустное, сосредоточенное выраженіе, точно по заказу.

Я порывался разспросить его объ обстоятельствахъ, приведшихъ его къ монастырскому заточенію, но долго не рѣшался на это, опасаясь воскрешать его воспоминанія, быть можетъ, далеко не гармоничныя съ тѣмъ впечатлѣніемъ, которое онъ испытывалъ въ то время. Но онъ понялъ меня и, предупреждая мои догадки, заговорилъ самъ о себѣ.

— Васъ, вѣроятно, удивляетъ мое настроеніе, какъ-то не вяжущееся съ монашескимъ одѣяніемъ?

— Нѣтъ, отчего же...

— Разумѣется, удивляетъ... Должно удивлять, потому что я

самъ себѣ удивляюсь... Вотъ я ужъ третій разъ взбираюсь на стѣну и все не могу наглядѣться на эту суету... Мнѣ кажется, что я тамъ, внизу, въ толпѣ—да, да, душой я тамъ.. И не потому меня тянетъ туда, къ суетнымъ людямъ, что имъ весело, а потому, что мнѣ у себя въ кельѣ стало страшно, мнѣ показался нынче, что я въ могилѣ... Вы никогда не испытывали подобныхъ ощущеній?

— Никогда! Богъ миловалъ!

— И я тоже никогда, а сегодня вдругъ помрачился рассудокъ, и точно напали какія-то сомнѣнія... Впрочемъ, виноваты! я говорю вздоръ! Сомнѣній никакихъ, а такъ какъ-то стало тяжело, душно,—захотѣлось простора, воздуха, свѣта... И все это, какъ видите, я нашель: просторъ, воздухъ и свѣтъ! И какой свѣтъ! Невиданный въ нашемъ краю...

Немного помолчавъ, послушникъ сказалъ мнѣ:

— А знаете ли, что изъ-за этого простора, воздуха и свѣта я ушелъ изъ скита крадучись, безъ спроса?

— Зачѣмъ же? Развѣ бы васъ не пустили?

— Вѣроятно, пустили бы, но у меня былъ такой подъемъ духа, что мнѣ хотѣлось уйти именно не спросясь, точно отъ этого зависѣло количество удовольствія... Я и самъ не знаю, зачѣмъ такъ поступилъ, но этого требовалъ порывъ, т. е. то, чего у меня не должно быть... Ахъ, если-бъ вы знали, какъ я радъ встрѣчѣ съ вами! Для меня не было бы полнымъ сегодняшнее удовольствіе, еслибъ я не имѣлъ возможности кому нибудь передать то, что занимаетъ мои мысли, мое воображеніе... Ну, просто-напросто мнѣ хочется сегодня разговаривать...

— Мнѣ очень пріятно васъ слушать! Въ васъ столько жизни, такъ много чувствительности...

— Вотъ въ этомъ-то и бѣда! перебилъ меня собесѣдникъ,—это-то и смущаетъ меня.. Мнѣ кажется, что у меня никогда не было такого позова къ интересамъ этой площади (онъ указалъ на толпу), какъ теперь. Я знаю этихъ людей: они духомъ нищи, душой убоги, сердцемъ зачерствѣли, но уйти отъ нихъ я не имѣлъ права—я ихъ сынъ. Спасаться въ сущности-то надо между ними, хотя это и невозможно...

Молодой послушникъ говорилъ нервно, возбужденно. Видно было, что это—натура неустоявшаяся, горячая, увлекающаяся. Онъ и въ монастырь, должно быть, попалъ по увлеченію мистицизмомъ. Такъ и есть!

— Я надѣлъ подрясникъ по убѣжденію!—сказалъ онъ послѣ небольшого раздумья.—Бросилъ университетъ, покинулъ родныхъ, порвалъ связи со всѣмъ близкимъ сердцу, т. е. купилъ эту жизнь такую дорогою цѣной, что разстаться съ нею было бы безуміемъ. Но заморить въ себѣ живаго человѣка такъ трудно... такъ трудно... такъ трудно...

— Давно вы тутъ?—поспѣшилъ я прервать его, готового зашлать.

— Третій годъ... Я ужъ до нѣкоторой степени привыкъ, смирился... Жилъ хорошо, но сегодняшній день поднялъ во мнѣ бурю... Понимаете, бурю?.. Я встрепенулся, задрожалъ и пугаюсь самого себя... хотя увѣренъ, что завтра этотъ припадокъ неаглошихъ силъ пройдетъ, я успокоюсь и войду въ свою колею... Огонь иллюминаціи рѣдѣеть, и мнѣ становится легче. Вотъ сейчасъ и весь посадъ погрузится въ мракъ, тогда я совершенно успокоюсь... Однако, пойдете! Пора!

Мы сошли со стѣны и направились къ выходу. Выйдя на площадь, послушникъ крѣпко пожалъ мнѣ руку и сказалъ:

— Фу! отдышался!.. Благодарю васъ! Прощайте!

Онъ повернулъ налѣво, по направленію къ Геосиманскому скиту, я—направо, къ дому. Но не успѣлъ я сдѣлать и десяти шаговъ, какъ послушникъ нагналъ меня и убѣдительною голосомъ сказалъ:

— Пожалуйста, не придавайте значенія тому, что я говорилъ... Я разсуждалъ подъ впечатлѣніемъ минуты... Оттуда, сверху, все казалось въ обольстительныхъ краскахъ, раздражавшихъ нервы... Вѣдь и на васъ, конечно, огоньки посада произвели впечатлѣніе,— поэтому мои несообразности вы сумѣете оправдать... Прощайте! Можетъ быть, еще когда нибудь увидимся! Прощайте!

Дѣйствительно, я вынесъ сильное впечатлѣніе, но не отъ огоньковъ посадской иллюминаціи. До сихъ поръ не изглаживается въ памяти этотъ странный человекъ, жаждущій жизни и убѣгающій отъ нея... Напрасно на другой и третій день я выискивалъ его въ лаврѣ и въ скитѣ,— встрѣтиться съ нимъ еще разъ мнѣ не пришлось.

XIV.

Отецъ Варнава.

Каждый посѣщающій Троице-Сергіевскую Лавру считаетъ своимъ долгомъ побывать въ Геосиманскомъ скиту, отстоящемъ въ четырехъ верстахъ отъ посада, гдѣ живетъ іеромонахъ Варнава, пользующійся большимъ уваженіемъ среди паломничающаго люда. Имя его извѣстно далеко за предѣлами Московской губерніи и давно приковываетъ къ себѣ вниманіе вѣрующихъ. Къ нему стекаются всѣ ищущіе совѣта, утѣшенія и исцѣленія. Онъ доступенъ для всѣхъ, дверь его кельи никогда не закрывается...

Я отправился къ нему на второй день праздника и засталъ такую громадную толпу, тѣснившуюся во дворѣ скита и передъ скитомъ, что отчаявался проникнуть въ знакомую келью старца. Присѣвъ, въ ожиданіи очереди, на ступени великолѣпнаго храма

Черниговской Богоматери, построеннаго отцомъ Варнавой, я припомнилъ свое первое съ нимъ свиданіе, происходившее лѣтъ за пять передъ тѣмъ.

На первой недѣлѣ великаго поста, проѣздомъ изъ Ярославля въ Москву, я остановился на короткій срокъ въ Сергіевскомъ посадѣ, гдѣ встрѣтился съ юной провинціальной актрисой А., которая вмѣстѣ съ матерью своей, тоже актрисой, отличалась большою набожностью. Мы всѣ вмѣстѣ отправились къ о. Варнавѣ, о которомъ были много слышаны. Передъ кельей его, какъ и всегда, толпилось множество немощныхъ и убогихъ. Мы стояли въ отдаленіи и разговаривали о предстоящей встрѣчѣ съ мудрымъ старцемъ, одареннымъ прозорливостью и чудодѣйственной силою молитвы. Юная А. полагала, что прозорливость выражается исключительно въ предсказываніи грядущаго, и поэтому немало волновалась, приготавливаясь выслушать ту неизвѣстность, быть можетъ, очень заманчивую, которая, будучи загадкой, заставляетъ сильнѣе биться сердце и примиряетъ съ жизнью...

Какая-то женщина съ больнымъ ребенкомъ на рукахъ вышла изъ завѣтной кельи и утирала рукавомъ слезы, обильно струившіяся по ея истомленному, исхудалому лицу. Вслѣдъ за ней на крыльцѣ появился привѣтливо улыбающійся старичекъ въ рясѣ, съ непокрытою головою. Всѣ низко поклонились ему, мужчины стояли передъ нимъ безъ шапокъ. Онъ быстро оглянулъ толпу и выразительнымъ жестомъ пригласилъ насъ къ нему приблизиться. А мы не трогались съ мѣста, не ожидая такой скорой аудіенціи. Однако сосѣди насъ вывели изъ замѣшательства:

— Это васъ... идите, идите...

Съ младшей А. я отправился къ призывающему насъ о. Варнавію, а старшая осталась ожидать нашего возвращенія.

— Вы ко мнѣ?—спросилъ насъ старецъ и, не ожидая нашего отвѣта, ласково прибавилъ:—Спасибо, дѣтки...

Затѣмъ онъ взялъ насъ за руки и повелъ къ себѣ въ келью. Моя спутница запротестовала:

— Батюшка, только не вмѣстѣ... по очереди примите насъ...

— Зачѣмъ же, умница?

— Мы другъ другу чужіе.

— Чужихъ нѣтъ... всѣ свои, всѣ близкіе, всѣ родные...

А. принуждена была покориться, хотя трепетала опасаясь, какъ бы завѣтныя ея тайны не стали достояніемъ посторонняго человѣка.

Пріемная о. Варнавы маленькая, съ обыкновенной монастырской обстановкой: клеенчатый диванъ, кресло, нѣсколько жесткихъ стульевъ. Черезъ открытую дверь была видна слѣдующая комната, полутемная, полумрачная; свѣтъ лампы, теплившейся передъ образомъ, очень немного и блѣдно озарялъ уголь...

О. Варнава привѣтливый, ласковый, добрый; говоритъ просто, понятно, не осложняя своей рѣчи замысловатости и иптатами; нраву чуждъ не читаетъ, въ страхѣ никого не держитъ, но такъ умѣетъ всякаго «разговорить», утѣшить, ободрить, что каждый уходитъ отъ него съ большимъ запасомъ силъ и энергіи. Удрученные почерпаютъ у него радость, немощные—надежду, страдающіе—исцѣленіе. Объ этомъ мнѣ говорили многіе, но удостовѣрился въ этомъ я только тогда, когда самъ увидалъ почтеннаго іеромонаха, всегда окруженнаго уваженіемъ и любовью всѣхъ его знающихъ...

О. Варнава взялъ меня за голову и долго всматривался въ мое лицо, не переставая улыбаться и говорить:

— Ты молодой, радостный, а молодость скоро пройдетъ... Другіе о ней сожалеютъ, но напрасно... Хорошее ли сдѣлалъ изъ нея человекъ употребленіе, дурное ли—все равно сожалѣть не надо... Зрѣлый возрастъ, умудренный опытомъ, лучше... Старость еще лучше... Тебя какъ зовутъ?

Я сказалъ.

— Михаилъ? Отлично. Тебѣ покровительствуетъ Архангелъ? Да? Вѣдь въ ноябрѣ именинникомъ бываешь?!

О. Варнава обнялъ меня за шею и прислонилъ мою голову къ своей груди.

— Ахъ, Миша, Миша! И я вотъ былъ такимъ молодымъ, курчавымъ, а теперь взгляни, какимъ старикомъ сталъ! Но ничего—люблю свою старость, живу и работаю... И ты тоже работай... Жениться задумаешь—женись. А если ужъ держишь женитьбу въ мысляхъ, то не откладывай ее, не отсрочивай...

А. внимательно прислушивалась къ словамъ о. Варнавы, который, встрѣтя ея пристальный взглядъ, ласково погрозилъ ей пальцемъ и спросилъ:

— А ты, бойкоглазая, замужъ хочешь?

— Нѣтъ!—отвѣтила она рѣшительно.

— У, какая несговорчивая!

О. Варнава другой рукой взялъ ее за голову и тоже приблизилъ къ себѣ. Что-то родное, отеческое чувствовалось въ обращеніи этого симпатичнаго старца; около него было хорошо, легко дышалось...

— Милыя дѣтки!—шептала надъ нами о. Варнава.—Благословляйте свою жизнь! Любите ее. Это лучший даръ Всевышняго... Вами, милые дѣтки, держится міръ, для васъ уготовлены всякія благополучія... Люблю я васъ, дѣтки! Всегда молюсь за васъ...

О. Варнава поцѣловалъ меня и А. въ голову. Затѣмъ вышелъ въ слѣдующую комнату и сейчасъ же вернулся изъ нея съ крестомъ и образкомъ. Первымъ благословилъ меня, вторымъ—А., предварительно приказавъ намъ встать на колѣни.

— А теперь прощайте! Много еще дѣтокъ меня ожидаетъ...

Мы направились къ выходу, но о. Варнава насъ окликнулъ:

— Да вотъ еще, чуть не забылъ сказать: мѣсяца мая не бойтесь... Хорошій мѣсяць... Глупые говорятъ, что май—это значитъ маяться... Неправда!.. Даже подъ вѣнецъ идти можете въ маѣ...

Мы поклонились и вышли. Глаза моей спутницы были влажны.

— Это хорошо, что вы плачете!—воскликнулъ я.—Значить, вы прочувствовали все, что говорилъ этотъ хорошій, добрый старикъ!

Барышня разнервничалась. Свиданіе съ о. Варнавой на нее подействовало сильно. Да и я цѣлыя сутки находился подъ впечатлѣніемъ этой встрѣчи... Въ томъ же году я женился. Не знаю, какъ для моей спутницы, но для меня (съ того времени я сталъ примѣчать) мѣсяць май былъ удаченъ во многихъ отношеніяхъ...

Мнѣ живо припомнилась давняя встрѣча съ инокомъ, и я горѣлъ нетерпѣніемъ поскорѣе переступить порогъ его уютной кельи.

Кругомъ меня странники и странницы съ благоговѣніемъ рассказывали другъ другу о чудесахъ, явленныхъ различными здравствовавшими подвижниками, прозорливцами, схимниками, юродивыми и пр., но я къ нимъ не прислушивался, хотя со стороны бытовой они весьма не безынтересны.

Услужливый смитскій послушникъ взялся меня провести къ о. Варнавѣ въ очереди.

— Вы, вѣроятно, не располагаете временемъ,—сказалъ онъ любовно,—пойдемте со мной, тогда не задержитесь...

Вскорѣ я уже стоялъ передъ о. Варнавой... Такой же подвижный, бодрый, тотъ же юношескій блескъ въ глазахъ, та же ласковая улыбка, только какъ будто онъ болѣе похудалъ.

— Что скажешь?—спросилъ онъ меня усталымъ голосомъ. Въ немъ было замѣтно утомленіе.

Я напомнилъ о своемъ первомъ посѣщеніи его. Онъ точно обрадовался:

— Не забылъ старика? Спасибо! Молодецъ, что заглянулъ... И опять пріѣзжай!.. Живешь-то какъ? Не хворая? Хорошо?.. Ну, слава Богу!

Я освѣдомился объ его здоровьи.

— Плохое оно у меня,—отвѣтилъ о. Варнава,—сталъ уставать... иной день съ большимъ трудомъ перемогаюсь... Впрочемъ, и не мудрено: дѣло къ старости идетъ...

— Я слышалъ, что вы не особенно себя бережете: не считаетесь съ погодой, пренебрегаете теплой одеждой во время отлучекъ въ свою обитель ¹⁾.

¹⁾ О. Варнава строитель женскаго монастыря въ Нижегородской губ.

— Не то, не то... Начинаю чувствовать тягость, слабость появляется,—вотъ что... Слабость—общій удѣлъ, и ничѣмъ отъ нея не убережешься...

— Однако, не смѣю васъ задерживать... Очень много желающихъ васъ видѣть...

— Да, да, кажется, тамъ много дѣтокъ.

Дѣтки! ласковое, знакомое слово! Поддаваясь настроенію, я сдѣлалъ движеніе въ сторону о. Варнавы. Онъ словно понялъ меня: такъ же, какъ и пять лѣтъ тому назадъ, обнялъ меня, погладилъ по головѣ, поцѣловалъ и перекрестилъ.

— Не даромъ васъ всѣ любятъ!—вырвалось у меня.

— Да вѣдь и я всѣхъ люблю!—сказалъ, улыбаясь, о. Варнава.

Я вышелъ отъ него, уступая другому посѣтителю ласковую улыбку, добрый взглядъ этого необыкновеннаго инокъ, и былъ очень доволенъ обстоятельствомъ, давшимъ возможность еще разъ видѣть о. Варнаву и засвидѣтельствовать ему свое почтеніе.

На этомъ я заканчиваю свои путевыя впечатлѣнія. Геромонахъ Варнава личность настолько крупная, что послѣ него едва ли что нибудь могло представлять хотя бы нѣкоторый интересъ.

М. Шевляковъ.

ЗАМЪЧАТЕЛЬНЫЯ РУССКІЯ ЖЕНЩИНЫ.

Анна Петровна Бунина.

Б ЧИСЛѢ портретовъ, принадлежащихъ Императорской Академіи Наукъ, сохранился, помѣщаемый въ настоящей книжкѣ «Историческаго Вѣстника» и доселѣ нигдѣ еще не изданный, портретъ почти забытой уже нынѣ повѣстессы конца XVIII и начала XIX столѣтій, Анны Петровны Буниной. Теперь ея имя встрѣчается только въ руководствахъ по исторіи русской словесности, но въ свое время оно было очень извѣстно, и стихотворныя произведенія ея читались образованной публикой съ большою охотой. Отдѣльныя изданія ея сочиненій расходились очень скоро. Тогдашніе критики съ большою похвалою отзывались о ея талантѣ, а издававшійся тогда «Дамскій Журналъ» говорилъ о ней слѣдующее: «При разсмотрѣніи ея стихотвореній истинно не знаешь, которому изъ нихъ отдать преимущество. Все хорошо». А. П. Бунина написала довольно много. Ея сафическіе стихи, если не имѣли достоинства подлинника, то по крайней мѣрѣ вызывали одобреніе многихъ литераторовъ. В. С. Раевскій при первомъ же свиданіи съ Буниной сказалъ экспромтъ:

Я вижу Бунину—и Сафо нашихъ дней
Я вижу въ ней.

К. Н. Батюшковъ посвятилъ ей эпиграмму:

Ты—Сафо, я—Фаонъ, объ этомъ я не спорю,
Но къ моему ты горю
Пути не знаешь къ морю.

Пользовавшійся большою извѣстностью въ то время писатель М. В. Милоновъ написалъ въ журналѣ «Цвѣтникъ» посланіе къ

ней «О приличіи стихотворства прекрасному полу», которое заканчиваетъ такъ:

Свой разумъ расширяя наукою пространной,
Столь тѣсно съ тайнствомъ поетовъ сочетанной;
Будь душѣ отрадою, владычицей сердець,
По чувствамъ—женщина, по знанію—мудрецъ.

Ив. Ив. Дмитріевъ былъ лучшимъ ея другомъ до самой смерти; баснописецъ И. А. Крыловъ читалъ публично ея стихотворенія; Г. Р. Державинъ отзывался о ея произведеніяхъ съ похвалою; Гречъ говорилъ, что она «занимаетъ отличное мѣсто въ числѣ современныхъ ему писателей и первое между писательницами Россіи»; Н. М. Карамзинъ писалъ: «Ни одна женщина не писала у насъ такъ сильно, какъ Бунина». Императрица Елизавета Алексѣевна за сочиненія пожаловала ей золотую лиру, осыпанную брилліантами для ношенія въ торжественныхъ случаяхъ¹⁾, императоръ Александръ Благословенный назначилъ ей крупную пенсію, и бывший тогда еще великимъ княземъ Николай I дарилъ ее своимъ вниманіемъ и оказывалъ ей денежное пособіе. Она была далеко не дюжинной натурой, обладала несомнѣннымъ поэтическимъ талантомъ и пользовалась по своему времени вполне заслуженною славою. О Буниной упоминаетъ въ своей «Семейной хроникѣ» Аксаковъ, какъ о постоянной гостьѣ у Шишковыхъ, и довольно лестную для нея характеристику далъ Бѣлинскій въ слѣдующемъ отзывѣ: «Въ доброе классическое время нашей литературы бездарныхъ писакъ такъ же, какъ и теперь, было больше, чѣмъ даровитыхъ писателей; но тогда не было между пишущимъ народомъ людей безграмотныхъ; тогда всѣ старались писать въ тонѣ порядочнаго общества и не воспѣвали въ стихахъ «русскаго сиволдая» и «кабакъ»... Къ чести русскихъ женщинъ-писательницъ надо сказать, что между ними примѣры подобнаго романтизма, или безграмотности, составляютъ исключенія изъ общаго правила,—исключенія, которыя остаются за немногими тѣми, которыя, соблазнившись нѣкоторыми журналами, пустились «гугорить» въ нихъ народное (т. е. огородническою рѣчью)... Всѣ другія, обладая большимъ или меньшимъ талантомъ, все-таки отличаются большею или меньшею грамотностью, уваженіемъ, къ приличію и отвращеніемъ къ площадной и харчевенной народности. Между тѣмъ въ ихъ послѣдовательномъ явленіи одна за другою есть нѣчто въ родѣ прогресса,—и Анна Бунина и Зенеида Р—ва (Бѣлинскій попутно разбираетъ сочиненія З. Р—вой) представляютъ двѣ совершенныя противоположности не по одному таланту, но и по направленію и духу ихъ произведеній. Здѣсь мы считаемъ кстати сдѣлать корот-

¹⁾ Изображеніе этой лиры было потомъ выгравировано на печати А. П. Буниной. Печать эта составляетъ фамилію собственность Буниныхъ.

кое обзорѣніе литературной дѣятельности русскихъ женщинъ (Бѣлинскій перечисляетъ имена и сочиненія ихъ). Но что всѣ эти писательницы передъ знаменитою въ свое время г-жею Анною Буниною? Она писала въ журналахъ и потомъ отдѣльно издавала труды свои, писала и переводила, въ стихахъ и прозѣ, занимаясь не только поэзію, но и теоріею поэзіи. Знаменитѣйшее произведеніе г-жи Буниной была нравственная поэма ея «Фазетонъ». Она, кажется, перевела также и «Науку о стихотворствѣ» Буало, и вообще не уступала графу Дмитрію Ивановичу Хвостову ни въ талантѣ, ни въ трудолюбіи, ни въ выборѣ предметовъ для своихъ пѣснопѣній. Собраніе стихотвореній г-жи Анны Буниной было издано Россійскою Академіею».

Анна Петровна Бунина происходила изъ очень древняго рода, считавшаго начало свое съ XV вѣка. Родоначальникъ фамиліи Буниныхъ, Семенъ Буниковскій, эмигрировалъ въ этомъ вѣкѣ въ Россію изъ Польши, и съ той поры его потомки числились русскими дворянами. Правнукъ Буниковаго, Александръ Лаврентьевичъ, былъ убитъ въ 1552 г. при взятіи Казани, другой правнукъ, Иванъ, служилъ стрѣleckимъ головою и въ 1634 году отразилъ нападеніе на Курскъ. Прапрадѣдъ А. П. Буниной, Леонтій Клементьевичъ, служилъ стольникомъ у царя Алексѣя Михайловича и былъ извѣстнымъ и искуснымъ въ свое время граверомъ¹⁾. При царѣ Федорѣ Алексѣевичѣ служилъ стольникомъ же прадѣдъ Анны Петровны, Кузьма Бунинъ, сынъ гравера. Отецъ ея былъ прапорщикъ, Петръ Максимовичъ Бунинъ. Онъ былъ женатъ на Аннѣ Ивановнѣ Лодыгиной и былъ помѣщикомъ и владѣльцемъ села Урусова Рязанской губерніи, Рязскаго уѣзда. Помѣстье это изстари принадлежало Бунинымъ и было ихъ родовымъ имѣніемъ. Въ немъ и родилась 7-го января 1774 года Анна Петровна Бунина. Петръ Максимовичъ, по обычаю тѣхъ временъ, женился рано, когда ему было всего только шестнадцать лѣтъ (въ январѣ 1760 г.). На семнадцатомъ году онъ былъ уже отцомъ. Съ своею женою Анной Ивановной онъ прожилъ двѣнадцать лѣтъ и овдовѣлъ въ самую цвѣтущую пору, когда ему шелъ всего только тридцать третій годъ. Анна Ивановна умерла, оставивъ послѣ себя троихъ сыновей и трехъ дочерей. Изъ нихъ Анна Петровна была послѣдней по рожденію, и ей въ день смерти матери шелъ только четырнадцатый мѣсяць, такъ что матери она не знала совсѣмъ и воспитывалась у родныхъ. Подъ отцовскимъ кровомъ она не жила совсѣмъ и не пользовалась ни его ласками, ни вліяніемъ. Строгая мораль того времени запрещала незамужнимъ дочерямъ жить и воспитываться подъ кровомъ вдоваго отца. Анну Петровну тотчасъ же послѣ похоронъ

¹⁾ Въ Публичной библиотекѣ хранится синодикъ съ гравированными листами, на которыхъ помѣчено: «знаменилъ и рѣзалъ Леонтій Буининъ».

Анны Ивановны взяла къ себѣ одна изъ ея тетокъ, но прожила она у послѣдней недолго. Двѣ старшія сестры ея воспитывались у другой тетки, Усовой. Петръ Максимовичъ, вѣроятно, не желая равлчать сестеръ, настоялъ на томъ, чтобы и Анна Петровна перешла къ Усовой же, что и было исполнено. Здѣсь она и получила свое первоначальное и далеко незамысловатое образованіе: она знала только русскую грамоту и четыре правила ариметики. Образованіе для дѣвицъ считалось тогда роскошью, и поэтому все ученіе закончилось только этими предметами. Зато руководѣльямъ отводилось довольно почетное мѣсто, и Анна Петровна умѣла прекрасно шить, плести кружева и вышивать. Будучи уже писательницей, она вышила Ив. Ив. Дмитріеву фигуру генія, и писатель этотъ воспѣлъ и это вышиванье и Бунину въ стихахъ.

Объ обученіи иностраннымъ языкамъ, музыкѣ, пѣнію и танцамъ не могло быть и рѣчи. Эти предметы считались такою роскошью, что обучиться имъ можно было или въ столицахъ, или же въ нѣкоторыхъ губернскихъ городахъ.

Способности у Букиной были прекрасныя, и она прошла весь курсъ ученія такъ быстро и легко, что родные только удивлялись. Дѣтство свое до 1798 года Анна Петровна проводила то у тетки, то у своей старшей сестры, Варвары Петровны, которая вышла замужъ и овдовѣла. Затѣмъ вскорѣ женился ея братъ Василій, и это нѣсколько измѣнило однообразный строй ея деревенской жизни, а затѣмъ и сильно повліяло на ея дальнѣйшую судьбу. О своемъ воспитаніи она вспоминала потомъ съ горечью и незадолго до смерти писала своему другу и двоюродному племяннику Дмитрію Максимовичу Бунину: «Къ несчастію мнѣ, можно сказать, не дано никакого воспитанія. Я была отпущена ловить дурные и хорошіе примѣры безъ указателя»...

Братъ ея, Василій Петровичъ, женившись, часто ѣздилъ въ Москву и нерѣдко бралъ съ собою туда и Анну Петровну. Букины были люди со средствами, могли жить открыто, и потому въ знакомыхъ у нихъ недостатка не было. Въ Москвѣ у Василя Петровича бывали часто гости, и здѣсь Аннѣ Петровнѣ пришлось познакомиться съ стихотворной литературой и съ самими тогдашними литераторами. Результатомъ этихъ знакомствъ явилось то, что она полюбила поэзію и принялась писать стихи. Ея сверстниками и впоследствии хорошими знакомыми были Ал. Ѡ. Мерзляковъ, Ѡ. Ѡ. Кокшквинъ, Ѡ. Ѡ. Ивановъ, В. А. Жуковский, кн. Ал. Ал. Шаховской и Ал. Ѡ. Воейковъ. Первые трое были въ эту пору студентами Московскаго университета, а остальные—учениками благороднаго пансіона при этомъ университетѣ. Затѣмъ въ пору еще цвѣтущей юности Букиной были уже въ полномъ разгарѣ своей литературной дѣятельности (или уже заканчивали ее) Д. И. Фонвизинъ, авторъ «Россіады» М. М. Херасковъ, тогда кураторъ

Московского университета; В. С. Подшиваловъ, бывшій журналистомъ, литераторомъ и переводчикомъ и хлопотавшій объ изяществѣ вкуса и чистотѣ слога; П. А. Плавильщиковъ, написавшій нѣсколько пьесъ для театра; орловскій помѣщикъ и сочинитель одъ В. П. Петровъ, жившій каждую зиму въ Москвѣ; дядя А. С. Пушкина, тоже поэтъ, В. Льв. Пушкинъ; лирикъ Н. М. Шатровъ, князь Гр. Хованскій; авторъ трагедіи «Сорена» Н. П. Николевъ (онъ былъ слѣпъ и пользовался любовью Павла I, который звалъ его aveugle clairvoyant); баснописцы Ал. Измайловъ и В. Левшинъ; выдававшійся въ свое время въ Москвѣ стихотворецъ Панкр. Сумароковъ (бывшій издатель журнала «Иртышъ»); А. Даниловъ, котораго очень любила публика, Городчаниновъ и много другихъ, нынѣ давно позабытыхъ и никѣмъ не читаемыхъ, но въ свое извѣстныхъ писателей.

Въ послѣдующее время на развитіе ея таланта имѣли большое вліяніе Н. И. Новиковъ и затѣмъ Н. М. Карамзинъ. Правильнымъ и изящнымъ языкомъ своихъ произведеній она обязана послѣднему. Она зачитывалась «Московскимъ Журналомъ», выходившимъ подъ его издательствомъ съ 1791 по 1792 годъ. Она встрѣчалась съ Карамзинымъ въ послѣдствіи въ обществѣ, носившемъ названіе «Бесѣды любителей русскаго слова». Общество это организовалось въ Петербургѣ въ 1811 году. Въ немъ было 24 дѣйствительныхъ и 33 почетныхъ члена. А. П. Бунина была въ это время извѣстна своими произведеніями настолько, что ее избрали въ почетные члены. Кромѣ нея, почетными же членами были еще двѣ женщины-писательницы: кн. Е. С. Урусова и А. А. Волкова. Основателемъ «Бесѣды» былъ А. С. Шишковъ и членами ея состояли: И. А. Крыловъ, Г. Р. Державинъ, кн. А. А. Шаховской, В. И. Капнистъ, В. А. Озеровъ, Ю. А. Нелединскій-Мелецкій, Н. П. Николевъ, М. М. Сперанскій (министръ), Н. Н. Бантышъ-Каменскій, архіепископъ Евгений (вологодскій), актеръ Дмитревскій, учитель Буниной П. И. Соколовъ и др. Общество это было основано для противодѣйствія тѣмъ нововведеніямъ, которыя вносили въ русскій языкъ Н. М. Карамзинъ, и «отличительнымъ характеромъ его было подражаніе образцамъ славянскаго языка и преслѣдованіе карамзинскаго направленія». Курьезно то, что самъ преслѣдуемый Н. М. Карамзинъ, противъ котораго воздвигалось принципиальное гоненіе, былъ членомъ этого кружка. Здѣсь, между прочимъ, баснописецъ И. А. Крыловъ, отличавшійся умѣньемъ хорошо читать, прочелъ публично поэмѣ Буниной «Падающій Фаэтонъ» и прочелъ такъ мастерски, что поэтесса тутъ же написала къ нему посланіе, заканчивавшееся словами:

Когда-бъ не ты ее (т.-е. поэмѣ) читалъ,
Быть можетъ, Фаэтонъ вторично бы упалъ...

На дальнѣйшую судьбу Анны Петровны повліяла смерть отца. Она переѣхала жить къ своей другой сестрѣ Марьѣ Петровнѣ Семеновой. Этотъ переѣздъ совершился въ 1801 году.

У Анны Петровны были средства, доставшіяся ей отъ отца и дававшія ей 600 рублей дохода. Она была теперь свободна и могла жить, не обявываясь никому. У сестры она, впрочемъ, прожила очень недолго. Въ слѣдующемъ же 1802 году, зять ея, Семеновъ, долженъ былъ ѣхать въ Петербургъ для того, чтобы опредѣлить своего подроставшаго сына въ военно-учебное заведеніе. Буніна упросила его взять ее вмѣстѣ съ собою и, разъ попавъ въ сѣверную столицу, отказалась возвращаться назадъ въ деревню. Зять ея былъ крайне удивленъ этой неожиданностью, уговаривалъ ее вернуться, но она объявила рѣшительно, что намѣрена остаться въ Петербургѣ. Для того, чтобы настоять на своемъ, она должна была вынести не мало борьбы. Въ Петербургъ она поѣхала будто бы только для того, чтобы повидаться съ своимъ братомъ—морскимъ офицеромъ, который тогда только что возвратился въ Россію изъ похода. Когда она рѣшилась поселиться въ столицѣ, ей пришлось испытать двойной натискъ: ее уговаривали вернуться и братъ и зять. Семеновъ уѣхалъ въ деревню одинъ, братъ ея вскорѣ своа отправился въ походъ, и она оказалась въ столицѣ одна. Это ее нисколько не смутило. Обоихъ ея родныхъ приводило въ смущеніе то обстоятельство, что она упорно скрывала отъ нихъ, почему именно она хочетъ остаться. По ея настояніямъ, для нея была пріискана на Васильевскомъ островѣ квартира, и она поселилась въ ней, взявъ къ себѣ для услугъ «степенную» женщину.

Добившись своего, она дѣятельно и съ изумительной энергіей принялась за самообразованіе, не смотря на то, что въ это время ей шель уже двадцать-восьмой годъ. Она стала учиться французскому, нѣмецкому и англійскому языкамъ, физикѣ, математикѣ и главнымъ образомъ россійской словесности. Первымъ учителемъ ея и преподавателемъ этого предмета былъ, занимавшій впослѣдствіи постъ непремѣннаго секретаря Россійской Академіи, П. И. Соколовъ. Успѣхи были быстрые. Возвратившійся изъ второго похода братъ ея, морякъ, былъ удивленъ массою пріобрѣтенныхъ ею познаній, и тутъ только она открыла ему, что цѣль ея усиленнаго самообразованія—сдѣлаться писательницей-поэтомъ. Но это обученіе, обогативъ ея умъ, вмѣстѣ съ тѣмъ и обошлось ей очень дорого. Живя въ Петербургѣ, она въ полтора года истратила весь свой капиталъ, приносившій ей скромные 600 рублей дохода. Положеніе ея становилось довольно неприятнымъ, и она принуждена была войти въ долги. Но вскорѣ муза ея помогла ей. Братъ успѣшилъ познакомить Анну Петровну съ плеядою петербургскихъ литераторовъ, которымъ она показала свои первыя, робкія произведенія. Литераторы одобрили ея стихи и помогли ей печататься. Первое стихотвореніе ея «Съ

приморскаго берега» появилось въ печати въ 1806 году, и за этимъ произведеніемъ слѣдовалъ въ тогдашнихъ журналахъ цѣлый рядъ новыхъ. Читающей публикѣ стихи Буниной понравились настолько, что она вскорѣ собрала ихъ и рискнула выпустить отдѣльнымъ изданіемъ, которое вышло въ свѣтъ подъ общимъ заглавіемъ «Неопытная Муза». Изданіе это было поднесено императрицѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ и вызвало пожалованіе автору ежегодной пенсіи въ 400 рублей. Пенсія эта значительно поправила денежныя дѣла Буниной и вывела ее изъ затруднительнаго положенія. «Неопытная Муза» была быстро раскуплена и, конечно, улучшила состояніе ея кассы.

Съ этого времени начинается ея слава, и произведенія ея быстро слѣдуютъ одно за другимъ. Уже составившіе себѣ имя писатели и поэты пишутъ ей посланія, и она пишетъ имъ. По ея собственнымъ словамъ, первыми руководителями ея на поприщѣ стихотворства были родной ея племянникъ, В. К. Бланкъ, недюжинный въ свое время стихотворецъ, и князь Петръ Ив. Шаликовъ. Въ то же время она усердно слѣдила и за тогдашней литературой, много читала и составила себѣ хорошую бібліотеку.

Еще ранѣе Буниной въ спискѣ литературныхъ именъ значились имена женщинъ-писательницъ — М. Сушковой, автора «Ироидъ, музамъ посвященныхъ», Анны Вельяшевой-Волынцевой, напечатавшей переводъ съ французскаго «О графѣ Оксфордскомъ и Милодіи Герби», княжны Е. К. Урусовой, княжны Е. А. Меншиковой, Е. Демидовой и цѣлой плеяды другихъ, когда-то извѣстныхъ писательницъ. Бунина, выступая въ свѣтъ съ своими произведеніями, не была первой пионеркой, но шла по дорогѣ, уже проложенной ея предшественницами, хотя, по общимъ отзывамъ тогдашней критики, она далеко превосходила ихъ талантомъ.

Въ 1811 году она выпустила новый томъ своихъ стихотвореній подъ общимъ заглавіемъ «Сельскіе вечера». Изданіе это было посвящено брату ея П. П. Бунину. Разошлось оно быстро. Вскорѣ затѣмъ она напечатала свою «Неопытную Музу» вторымъ изданіемъ въ двухъ томахъ. И это изданіе имѣло большой успѣхъ и было распродано скоро. Нѣсколько ранѣе она перевела въ сокращеніи «Правила поэзіи французскаго аббата Батте». Большимъ успѣхомъ пользовались ея «Сафическія стихотворенія» и особенно «Подражаніе Лесбосской стихотворицѣ».

Наступилъ 1812 годъ — годъ Отечественной войны. Вся Россія была одушевлена общимъ желаніемъ борьбы съ французами и «двунадесятью языктъ». Въ литературѣ появились воинственные патріотическіе гимны и оды русскому оружію. Бунина также откликнулась и въ звучныхъ по тому времени стихахъ оплакала смерть бородинскихъ героевъ и затѣмъ, по окончаніи войны въ 1814 году, поднесла императору гимнъ: «Пѣснь Александру Ве-

ликому, побѣдителю Наполеона и возстановителю царствъ». Это произведеніе снискало ей монаршее благоволеніе и рядъ милостей, но, какъ кажется, было и послѣдней ея пѣснью. Она заболѣла и болѣе не писала стиховъ. У нея открылся ракъ, который всю остальную жизнь ея превратилъ въ непрерывную цѣпь страданій и, наконецъ, свелъ ее въ могилу.

Извѣстіе о ея болѣзни было встрѣчено всеобщимъ сожалѣніемъ. Въ журналахъ и газетахъ стали появляться одинъ за другимъ лестные критическіе отзывы о ея произведеніяхъ. Издававшійся тогда «Цвѣтникъ» хвалилъ ея басни и обратилъ особенное вниманіе на стихотворенія: «Циклопъ», «Молитва Линдалы», «Добрый человекъ и золото», «На выступленіе Россійско-Императорскихъ войскъ», «Философія бабочки» и др.

Какъ человекъ, А. П. Бунина пользовалась всеобщю любовью и уваженіемъ: она обладала прекраснымъ, добрымъ сердцемъ и уживчивымъ характеромъ. Любила ли она, были ли у нея ея собственные жизненные романы, объ этомъ свѣдѣній до насъ не дошло, хотя намеки въ нѣкоторыхъ письмахъ Г. Р. Державина даютъ основаніе предполагать, что она питала нѣкоторую склонность къ поэту И. И. Дмитріеву, и одно время даже шли будто бы разговоры о свадьбѣ ея съ нимъ. Но опредѣленнаго по этому предмету неизвѣстно ничего. Анна Петровна умерла дѣвицей. Очень возможно, что болѣзнь, носившая неизлѣчимый характеръ, исключала всякую мысль о бракѣ.

Какъ только у нея обнаружился ракъ, къ ней были приглашены всѣ лучшія свѣтила медицины. Государь лично распоряжался о томъ, чтобы лѣченіе ея было обставлено какъ можно лучше и комфортабельнѣе: для нея нанимались дачи, отпускались бесплатно лѣкарства изъ главной аптеки, и бесплатно же посѣщали ее придворные медики. Болѣзнь не поддавалась никакому лѣченію. Рѣшено было прибѣгнуть къ послѣднему средству, въ которое тогда вѣрили: къ поѣздкѣ въ Англію, славившуюся въ то время своими искусными врачами. Путевыя издержки принялъ на себя государь, и Бунина уѣхала въ Англію изъ Кронштадта морскимъ путемъ въ 1815 году. Провожали ее съ большимъ триумфомъ, и при прощаніи ей была прочитана масса напутственныхъ стихотвореній.

Батскія воды и лѣченіе воздухомъ въ Англіи также не помогли. Она пребыла за границей два года и возвратилась оттуда такою же неизлѣчимо больною, какъ и уѣхала. Пребываніе ея въ Англіи совпало съ путешествіемъ туда же Николая I. Къ нему Анна Петровна обращалась за вспомошествованіемъ. Это подтверждается записью расходовъ Николая Павловича, въ которой есть строка, помѣченная 26-мъ февраля 1817 года: «По приказанію его императорскаго высочества дано вспомошествованіе дѣвицѣ Буниной 50 фун-

товъ стерлинговъ». О ея путешествіи сохранились, какъ говорятъ, записки, но онѣ не были изданы и составляютъ собственность ея родныхъ и знакомыхъ.

Возвратившись въ Россію, она писала уже очень мало. Въ 1821 году она выпустила полное собраніе своихъ сочиненій въ трехъ книгахъ и поднесла ихъ государю; за это ей была пожалована пожизненная пенсія въ двѣ тысячи рублей, которой она, впрочемъ, пользовалась не долго и которая послѣ ея смерти перешла къ ея племянницамъ, получавшимъ ее до замужества.

Скоро послѣ пріѣзда изъ Англіи она покинула Петербургъ и уѣхала жить къ роднымъ. Она, повидимому, не находила себѣ нигдѣ покоя и переѣзжала съ мѣста на мѣсто, проживая то въ рязской деревнѣ у двоюроднаго брата Д. М. Бунина, то въ Усмани у брата П. П. Бунина, то въ Скопинѣ у зятя своего Семенова. Въ 1826 году она ѣздила на воды въ Липецкъ, но облегченія не получила. Между тѣмъ болѣзнь не переставала беспокоить ее и, по совѣту врачей, она провела на кавказскихъ водахъ два лѣта — 1826 и 1827 года. На Кавказъ ее сопровождалъ съ своей женой двоюродный братъ ея, Д. М. Бунинъ, относившійся къ ней съ замѣчательной любовью. Она провела у него въ деревнѣ и частью въ Москвѣ послѣднія пять лѣтъ своей жизни. Какъ довелъ свое разрушительное дѣло уже до того, что она не могла лежать и проводила большую часть времени въ единственной наиболѣе удобной позѣ — на колѣняхъ. Къ этому послѣднему году относится ея стихотвореніе: «Къ ближнимъ»:

Любить меня и нѣтъ, жалѣть и не жалѣть
Теперь, о ближніе! вы можете по волѣ.
Едва изъ тѣла духъ успѣетъ излетѣть,
Намъ жалость и любовь не нужны болѣ.

Послѣдніе дни свои она провела за переводомъ проповѣдей Блѣра и успѣла перевести ихъ двадцать. Переводъ этотъ, какъ говорятъ, былъ сдѣланъ по желанію императрицы Елизаветы Алексѣевны и затѣмъ изданъ въ Москвѣ. Предчувствуя свою близкую кончину, она усердно читала книги священнаго писанія, что отразилось затѣмъ на языкѣ ея духовнаго завѣщанія, испещреннаго цитатами. Скончалась она 4-го декабря 1829 года въ селѣ Денисовкѣ Рязанской губерніи. Тѣло ея погребено въ селѣ Урусовѣ, принадлежащемъ теперь князьямъ Крапоткинымъ.

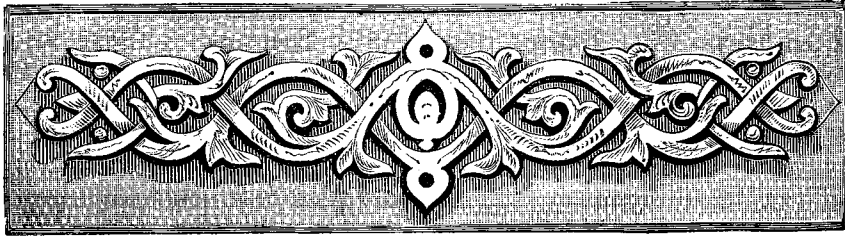
Недавно въ «Русской Старинѣ» были напечатаны воспоминанія г. Эразма Стогова, который отводитъ нѣсколько страницъ и А. П. Буниной. Воспоминанія эти въ очень многихъ мѣстахъ грѣшатъ передъ истиной и требуютъ поправки. Сохранилось, между прочимъ, одно письмо Нелединскаго-Мелецкаго къ Нелидовой, изъ Твери, гдѣ онъ познакомился съ Буниной. Въ письмѣ говорится

о томъ, какъ Анна Петровна смотрѣла на денежные подарки высочайшихъ особъ за преподносимыя имъ сочиненія. Подарки эти ставили ее въ неловкое положеніе.

Кромѣ помѣщаемого портрета Буниной, существуетъ еще другой, также писанный масляными красками и нигдѣ не изданный, находящійся нынѣ въ одной изъ залъ зданія министерства народнаго просвѣщенія.

Александръ Чеховъ.

КРУЖОКЪ ШЕСТНАДЦАТИ.

ВЪ РЕДАКЦИИ провинціальной газеты мнѣ какъ-то пришлось быть свидѣтелемъ такой сценки.

Въ рукописи одного сотрудника была приведена цитата изъ сочиненій очень извѣстнаго русскаго писателя, но нѣсколько строкъ рукописи, какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ было написано имя этого писателя, случайно вырвали при распечатаніи пакета. Хотя приведенная цитата хорошо была всѣмъ бывшимъ въ редакціи извѣстна, однако, какъ ни бились, имя автора никому не могло прійти въ голову. Рукопись была спѣшная, и ничего не оставалось дѣлать, какъ выбросить изъ нея двѣ-три страницы, но великъ Богъ проворнаго редактора! Какъ человѣкъ опытный въ своемъ дѣлѣ, редакторъ нашелся, — онъ вставилъ въ рукопись послѣ цитаты такую фразу: «какъ выражался извѣстный русскій писатель, имя котораго нечего намъ напоминать, такъ какъ кому изъ нашихъ читателей оно не придетъ въ голову при чтеніи приведенной цитаты, обратившейся въ пословицу».

Очень вѣроятно, немало читателей такъ же бесплодно старались разгадать имя таинственнаго писателя, но никому, конечно, и въ голову не могло прійти, что не одинъ редакторъ не могъ разгадать эту шараду, а шарада осталась шарадой и для всѣхъ членовъ редакціи послѣ долгихъ дебатовъ и бесплодныхъ поисковъ по справочнымъ книгамъ.

Нѣчто подобное мнѣ приходитъ всегда въ голову, когда я встрѣчаю въ литературѣ подобныя фразы: «Валуевъ принадлежалъ къ

извѣстному аристократическому кружку шестнадцати, существовавшему въ концѣ 40-хъ годовъ».

Никакихъ свѣдѣній объ этомъ кружкѣ шестнадцати въ русской литературѣ, если не ошибаюсь, не появлялось, и думаю, что мнѣ будетъ позволительно усомниться, чтобы кружокъ шестнадцати былъ дѣйствительно извѣстенъ большинству тѣхъ, кто съ такимъ апломбомъ величаютъ его «извѣстнымъ».

Я, впрочемъ, оговорюсь въ началѣ же своей статьи, что и самъ не претендую на обстоятельное знакомство съ судьбой и задачами этого кружка, о которомъ идетъ рѣчь, а имѣю въ виду лишь дать мало извѣстный для русскихъ читателей, или даже вовсе неизвѣстный, отрывокъ изъ воспоминаній одного изъ членовъ кружка шестнадцати, а именно графа Браницкаго, и привести нѣкоторыя свѣдѣнія о такой любопытной личности, какою былъ, несомнѣнно, самъ Браницкій.

Графъ Ксаверій Браницкій принадлежалъ къ очень извѣстной, вліятельной и богатѣйшей польской фамиліи.

Браницкіе существовали еще въ XII вѣкѣ.

Въ концѣ прошлаго столѣтія видную роль игралъ, не всегда, впрочемъ, завидную и почтенную, сначала въ Польшѣ, а потомъ въ Россіи, Ксаверій Петровичъ Браницкій. Его политической карьерѣ помогло прежде всего обстоятельство, съ политикой вообще мало имѣющее общаго: онъ явился посредникомъ между Екатериной и Понятовскимъ¹⁾ и старался устроить ихъ взаимныя отношенія. Послѣ этой удачно выполненной миссіи Браницкій быстро пошелъ въ гору. Потомъ онъ былъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ того знаменитаго въ польской исторіи сейма, который выработалъ конституцію 3 мая 1791 года.

Послѣ введенія этой конституціи, Браницкій сдѣлался военнымъ министромъ и всячески боролся противъ ограниченія власти шляхты. Въ 1793 году, Браницкій участвовалъ въ Гродненскомъ сеймѣ, на которомъ была отмѣнена конституція 3-го мая, и признанъ второй раздѣлъ Польши.

Если такой своей политикой Браницкій много выигралъ въ Петербургѣ, то, благодаря ей же, онъ въ Польшѣ потерялъ все. Сеймъ объявилъ его въ 1794 г. предателемъ своей родины, и Браницкій долженъ былъ бѣжать изъ Польши. Въ послѣдующее время онъ никогда болѣе не игралъ видной роли въ политической жизни ни въ Польшѣ, ни въ Россіи, удалился въ свои помѣстья въ Кіевской губерніи, гдѣ и умеръ въ 1819 г.

За заслуги отца милости посыпались, какъ изъ рога изобилія, на его дѣтей и внучатъ. Сынъ Ксаверія Браницкаго служилъ при

¹⁾ Переписка Понятовскаго съ Браницкимъ по этому поводу была опубликована за границей въ 1872 г.

дворѣ и былъ однимъ изъ наиболѣе вліятельныхъ лицъ при цесаревичѣ Константинѣ Павловичѣ. Его внукъ, тоже Ксаверій Браницкій, о которомъ я главнымъ образомъ и говорю въ этой статьѣ, началъ свою службу съ того, что былъ сдѣланъ флигель-адъютантомъ императора Николая, словомъ—быть бы и этому Браницкому большимъ человѣкомъ, еслибъ лукавый его не попуталъ, и онъ самъ не испортилъ бы своей блестящей карьеры.

Въ 1839 году, слѣдовательно, когда К. Браницкому было лѣтъ 27 (онъ родился въ 1812 г.), онъ вступилъ въ кружокъ Лермонтова, Валугева и др. На собраніяхъ этого кружка, по словамъ Браницкаго, часто касались политическихъ темъ, вполне надѣясь на скромность присутствующихъ, трактовали о политикѣ такимъ образомъ, какъ будто и не существовало въ Петербургѣ ни Петропавловской крѣпости, ни зданія у Цѣпнаго моста, про которое графъ Алексѣй Толстой сказалъ:

«На видъ весьма красивый домъ,
«Своимъ извѣстный праведнымъ судомъ».

И благо Валугеву, что тогдашнихъ его рѣчей не слыхалъ Леонтій Васильевичъ Дубельтъ, а то, пожалуй, онъ и не смогъ бы впослѣдствіи сдѣлаться предсѣдателемъ комитета министровъ, а изучалъ бы какую нибудь Вятскую губернію... Да и Браницкому не легко было, не повертываясь спиной къ Лермонтову и его друзьямъ, носить флигель-адъютантскій мундиръ, особенно въ такіе годы, какими были 1848, 1849.

Вотъ отрывокъ изъ воспоминаній Браницкаго, гдѣ онъ даетъ нѣсколько свѣдѣній о составѣ и направленіи этого своего кружка. Воспоминанія были написаны и изданы Браницкимъ не задолго передъ его смертію въ книгѣ: «Les nationalités slaves (Lettres au révérend P. Gagarin s. — j.)». Какъ видно изъ названія, книга эта написана въ видѣ писемъ къ Гагарину, бывшему товарищу по кружку шестнадцати.

«Въ 1839 году въ Петербургѣ существовало общество молодыхъ людей, которое называли, по числу его членовъ, кружкомъ шестнадцати. Это общество составилось частью изъ университетской молодежи, частью изъ кавказскихъ офицеровъ. Каждую ночь, возвращаясь изъ театра или бала, они собирались то у одного, то у другого. Тамъ, послѣ скромнаго ужина, куря свои сигары, они разсказывали другъ другу о событіяхъ дня, болтали обо всемъ и все обсуждали съ полнѣйшей непринужденностью и свободой, какъ будто бы III-го Отдѣленія собственной его императорскаго величества канцеляріи вовсе и не существовало: до того они были увѣрены въ скромности всѣхъ членовъ общества.

«Мы оба съ вами ¹⁾ принадлежали къ этому свободному, весе-

¹⁾ Это обращеніе Браницкаго къ Гагарину.

лему кружку — и вы, мой уважаемый отецъ, бывший тогда секретаремъ посольства, и я, носившій мундиръ гусарскаго поручика императорской гвардіи.

«Какъ мало изъ этихъ друзей, тогда молодыхъ, полныхъ жизни, осталось на этой землѣ, гдѣ, казалось, долгая и счастливая жизнь ожидала всѣхъ ихъ!

«Лермонтовъ, сосланный на Кавказъ за удивительные стихи, написанные имъ по поводу смерти Пушкина, погибъ въ 1841 году на дуэли, подобно великому поэту, котораго онъ воспѣлъ.

«Вскорѣ такимъ же образомъ умеръ А. Долгорукій. Не менѣе трагическій конецъ — отъ пули дагестанскихъ горцевъ — ожидалъ Жерве и Фредрикаса. Еще болѣе горькую утрату мы понесли въ преждевременной смерти Монго¹⁾ Столыпина и Сергѣя Долгорукаго, которыхъ свела въ могилу болѣзнь. Такая же судьба позднѣе ожидала и Андрея Шувалова.

«Изъ оставшихся въ живыхъ нѣкоторые оказали замѣтное вліяніе на современную политику. Но лишь одинъ занимаетъ видное мѣсто еще понынѣ²⁾. Это — Валуевъ, принадлежавшій къ министерству, при которомъ совершилось освобожденіе крѣпостныхъ и про котораго говорятъ въ послѣднее время, что ему предстоитъ получить наслѣдство князя Горчакова³⁾.

«Что касается насъ обоихъ, то мы, согласно съ нашими убѣжденіями, пошли другимъ путемъ — совершенно отличнымъ отъ пути нашихъ товарищей.

«Вы сами сознательно испортили себѣ блестящую дипломатическую карьеру, которая могла поднять васъ на вершину почестей, принявъ сначала римско-католическую вѣру и сдѣлавшись потомъ членомъ общества іезуитовъ. Люди, подобные вамъ, не умѣютъ остановиться на подорожѣ. Ничто не помѣшало вамъ повиноваться голосу вашей совѣсти — ни то, что вамъ приходилось пожертвовать для этого громаднымъ наслѣдствомъ, ни вѣчное изгнаніе, ни даже упреки въ ренегатствѣ, брошенные въ лице большинствомъ вашихъ соотечественниковъ».

Одинъ перечень приведенныхъ у Браницкаго именъ участниковъ кружка шестнадцати не можетъ не остановить на себѣ вниманія: Лермонтовъ, Валуевъ, Гагаринъ, Браницкій... Другія имена, какъ Столыпинъ, А. Долгорукій, Фредериксъ, Жерве, Серг. Долгорукій, Андрей Шуваловъ, ничѣмъ особеннымъ не отмѣчены въ исто-

¹⁾ Такъ Лермонтовъ называлъ Столыпина, близкаго своего пріятеля, къ которому обращены Лермонтовымъ многія изъ его стихотвореній. Н. В.

²⁾ Это было написано въ 1879 г. Н. В.

³⁾ Валуевъ не былъ сдѣланъ ни министромъ иностранныхъ дѣлъ, ни канцлеромъ, а былъ назначенъ въ этомъ году предѣдателемъ комитета министровъ.

«истор. вѣстн.», октябрь, 1895 г., т. LXII.

риі русскаго общества, но для своего кружка они, очевидно, были одинаково съ Валуевымъ и Браницкимъ дорогими членами, близкими товарищами, жившими одной жизнію съ такими людьми, какъ Лермонтовъ въ лучшую пору его жизни и наиболѣе плодотворную въ литературномъ отношеніи.

Если бы въ кружкѣ шестнадцати не было Лермонтова, и жизнь кружка не отражалась бы въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ на дѣятельности этого поэта, то и тогда слѣдовало бы внимательнѣе заглянуть во внутреннюю жизнь кружка и для характеристики нѣкоторыхъ слоевъ тогдашняго русскаго общества, да и для того, чтобы понять лучше такія во всякомъ случаѣ изъ ряду вонъ выходящія фигуры, какими были безспорно Валуевъ, Гагаринъ, Браницкій.

Въ кружкѣ шестнадцати большинство была молодежь: Лермонтову было 22 года (род. въ 1815), Гагарину—23 (род. въ 1814), Валуеву—22 (род. въ 1815), Браницкому—27 (род. въ 1812). Имя Лермонтова уже гремѣло въ литературѣ, Бѣлинскій восторгался имъ, на него смотрѣли, какъ на преемника Пушкина.

По біографическимъ свѣдѣніямъ о Лермонтовѣ, Гагаринѣ, по такого рода событіямъ, какъ исторія съ стихотвореніемъ Лермонтова на смерть Пушкина, и по отношенію къ этой исторіи друзей Лермонтова, наконецъ по дальнѣйшей жизни въ 40-хъ годахъ Гагарина, Браницкаго,—мы можемъ безошибочно заключить, не дожидаясь новыхъ свѣдѣній о кружкѣ шестнадцати, что ему не чужды были политическіе вопросы. Если когда нибудь будутъ опубликованы тогдашнія письма, дневники, записки лицъ, знавшихъ близко такихъ членовъ кружка шестнадцати, какъ Столыпинъ, Браницкій, мы узнаемъ много новаго о тѣхъ вліяніяхъ, подъ которыми развивался и писалъ Лермонтовъ. Принадлежность къ кружку шестнадцати не была для Лермонтова малозначающимъ эпизодомъ въ его жизни, а опредѣляла его отношенія ко многимъ общественнымъ и политическимъ вопросамъ. Поэтому не можетъ не казаться довольно страннымъ то, что біографы Лермонтова, трактуя очень много о той или другой сердечной привязанности поэта, совершенно игнорируютъ его участіе въ кружкѣ шестнадцати даровитыхъ молодыхъ людей изъ аристократическихъ слоевъ, имѣвшемъ несомнѣнно общественно-политическій характеръ.

О судьбѣ членовъ кружка шестнадцати, кромѣ одного Браницкаго, я распространяться подробно не буду. Дальнѣйшія біографіи однихъ хорошо извѣстны, а о другихъ я самъ имѣю мало свѣдѣній.

Лермонтовъ былъ въ 1840 г. сосланъ на Кавказъ за дуэль съ Барантомъ и тамъ погибъ въ новой дуэли съ Мартыновымъ въ 1841 г. За Лермонтовымъ на Кавказъ уѣхали Жерве, Фредериксъ, и погибли въ битвахъ съ горцами. Тамъ же побывалъ и Браницкій. В тѣ годы Кавказъ и Одесса, благодаря гуманному, либеральному,

умному управленію графа М. Воронцева, представляли убѣжище для всего молодого и самостоятельнаго отъ гнетущей духоты столицѣ того времени.

Гагаринъ 19 апрѣля 1832 г. перешель въ католицизмъ и впоследствии сдѣлался іезуитскимъ священникомъ. Ему принадлежить въ иностранной литературѣ громадное количество газетныхъ и журнальныхъ статей и отдѣльныхъ сочиненій, написанныхъ главнымъ образомъ на французскомъ языкѣ въ защиту католицизма. Гагаринъ умеръ въ Парижѣ 19 іюня 1882 г. Онъ до самой своей смерти пользовался глубокимъ уваженіемъ людей различныхъ лагерей¹⁾. Вотъ что, напримѣръ, было сказано въ одномъ изъ некрологовъ Гагарина.

«Онъ сынъ князя Сергѣя Гагарина, бывшаго пензенскимъ вице-губернаторомъ. Его младшій братъ, Михаилъ, умеръ малолѣтнимъ; изъ трехъ сестеръ, двѣ княжны, обѣ Натальи, младшая и старшая, скончались, не достигши совершеннолѣтія, и только княжна Марія была замужемъ за С. П. Бутурлинымъ. Князь И. С. Гагаринъ получилъ прекрасное образованіе; природа щедро надѣлила его своими дарами; рожденіе предоставило ему полную возможность занять въ мѣрѣ видное положеніе. Онъ отказался отъ всего мірскаго и предпочель сосредоточить стремленіе своего созерцательнаго ума въ уютномъ помѣщеніи іезуитскаго дома. Ставъ іезуитомъ, Гагаринъ не переставалъ быть русскимъ: онъ интересовался судьбами родины, много читалъ о Россіи и съ удовольствіемъ выслушивалъ извѣстія, сообщавшіяся ему русскими людьми, изрѣдка его навѣщавшими. Онъ не разрывалъ связей и со своими московскими соотечественниками и, не смотря на разницу въ религіозныхъ и политическихъ мнѣніяхъ, интересовался судьбою и сочиненіями Герцена и не прекращалъ съ нимъ сношеній; а когда Самаринъ написалъ свою книгу о іезуитахъ въ Россіи, издалъ обширное опроверженіе на французскомъ языкѣ многихъ мнѣній русскаго писателя, казавшихся ему ошибочными» (Историческій Вѣстникъ, 1882 г., 9 т., стр. 679).

Биографія Валуева хорошо извѣстна русскимъ читателямъ.

Въ половинѣ 40-хъ годовъ онъ покинулъ Петербургъ и служилъ въ Остзейскомъ краѣ до 1858 г. главнымъ образомъ въ руководствомъ князя Суворова. Съ первыхъ дней новаго царствованія въ 1855 году Валуевъ сталъ дѣятельно вмѣшиваться въ политическіе вопросы, подавалъ записки (напримѣръ, вспомнимъ его «Думу»

¹⁾ См. ст. Лѣскова въ «Историческомъ Вѣстникѣ», августъ, 1886 г., т. XXV, стр. 269, «Іезуитъ Гагаринъ въ дѣлѣ Пушкина»: «Подчеркну здѣсь принадлежность Гагарина въ 1839 и слѣдующихъ годахъ къ кружку Лермонтова, автора стихотворенія на смерть Пушкина, въ виду тѣхъ обвиненій, которыя безчеловѣчно сыпали легкомысленные люди на Гагарина и на его друга и, кажется, тоже члена кружка 16-ти, Петра Владиміровича Долгорукого, въ размылкѣ безыменныхъ пасквилей, бывшихъ причиною дуэли Пушкина».

1855 года); для своего времени онъ былъ очень передовымъ человѣкомъ,— и въ его тогдашнихъ либеральныхъ запискахъ сказалась, мнѣ кажется, заковка, которую онъ получилъ въ кружкѣ шестнадцати. Въ 1861 году Валуевъ сдѣлался министромъ внутреннихъ дѣлъ и оставался имъ до 1867 года. Въ 1870-хъ годахъ мы его видимъ предсѣдателемъ комитета министровъ (до 1881 г.). Умеръ онъ въ отставку въ 1890 г.

Валуевъ и до и послѣ отставки не оставался чуждымъ литературѣ, хотя, правда, его сочиненія и изданія стояли всегда ниже средняго литературнаго уровня и не доказывали въ авторѣ ни правильной точки зрѣнія на вопросы, ни литературнаго таланта.

Нѣсколько подробнѣе я остановлюсь на біографіи Браницкаго, хотя бы потому, что она при всемъ ея интересѣ совершенно неизвѣстна русскимъ читателямъ. Кстати замѣчу здѣсь, что, напримѣръ, въ энциклопедическомъ словарѣ Андреевскаго, гдѣ помѣщена скомканная, курьезная по точкѣ зрѣнія ея автора біографія дѣда Браницкаго, о которомъ мы уже говорили раньше, Ксаверій Браницкій совсѣмъ даже не упоминается.

Въ 1840 г. 18 февраля, состоялась, какъ извѣстно, дуэль Лермонтова съ барономъ де-Барантомъ, вслѣдствіе ссоры съ нимъ на балу графини Лаваль, на которомъ было много личныхъ друзей Лермонтова по кружку шестнадцати: Столыпинъ, Браницкій и др.

Лермонтова за эту дуэль арестовали и предали военному суду¹⁾.

Во время суда, сидя на гауптвахтѣ, Лермонтовъ услышалъ, что Барантъ распространяетъ слухи, неблагоприятные для него. Браницкій устроилъ свиданіе Лермонтова съ Барантомъ на гауптвахтѣ для объясненій по этому поводу. Лермонтовъ снова вызвалъ на дуэль Баранта, но тотъ отъ нея отказался.

Военный судъ постановилъ: «лишить Лермонтова чиновъ и дворянскаго достоинства и разжаловать въ рядовые». Дѣло о Столыпинѣ и Браницкомъ, какъ участникахъ дуэли, было передано въ гражданскій судъ.

Императоръ Николай Павловичъ на рѣшеніи генераль-аудиториата надписалъ слѣдующую конфирмацію: «Поручика Лермонтова перевести въ Тенгинскій пѣхотный полкъ тѣмъ же чиномъ, поручика же Столыпина и графа Браницкаго освободить отъ надлежащей отвѣтственности, объявивъ первому, что въ его званіи и лѣтахъ полезно служить, а не быть празднымъ. Въ прочемъ быть по сему. Николай. Санктпетербургъ, 1840 г., апрѣля 13 дня».

Браницкій не былъ ни заговорщикомъ, ни крайнимъ по своимъ теоретическимъ убѣжденіямъ, но и ему тяжело жилось въ Николаевское время.

¹⁾ Любавскій: «Русскіе уголовные процессы», Спб., 1-й т.; Скабичевскій: «Біографія Лермонтова», изд. Павленкова.

Подъ предлогомъ болѣзни онъ уѣхалъ за границу въ 1848 г.

Въ Парижѣ онъ близко сошелся съ польскими эмигрантами, посѣщалъ ихъ собранія, провозносилъ рѣчи, направленные противъ русскаго правительства. Браницкій далъ средства Мицкевичу основать для защиты польскихъ интересовъ и борьбы съ политической императора Николая газету «La Tribune des peuples», прекращенную французскимъ правительствомъ въ 1849 г.

По этому поводу Герценъ въ своихъ воспоминаніяхъ (т. 8, стр. 253), говоритъ слѣдующее: «Графъ Ксаверій Браницкій далъ 70,000 фр. на основаніе журнала (La Tribune des peuples), который занимался бы преимущественно иностранной политикой, другими народами и въ особенности польскимъ вопросомъ. Польза и своевременность такого журнала были очевидны. Французскія газеты занимаются очень мало и плохо тѣмъ, что дѣлается внѣ Франціи; во время республики онѣ думали, что достаточно подчасъ одобрить всѣ языки словомъ *solidarité des peuples*, обѣщаніемъ, какъ только дома обдосужатся, завести всемірную республику, основанную на всеобщемъ братствѣ. При средствахъ, которыя имѣлъ новый журналъ, названный «Народной Трибуной», изъ него можно было сдѣлать международный монитѣрь движенія и прогресса. Но, видно, всѣмъ добрымъ начинаніямъ 1848 г. было на роду написано родиться на седьмомъ мѣсяцѣ и умирать прежде перваго зуба. Журналъ пошелъ плохо, вяло и умеръ при избіеніи невинныхъ листовъ послѣ 14 іюня 1849 года». Въ тѣхъ же воспоминаніяхъ Герценъ даетъ остроумнѣйшее описаніе ужина съ рѣчами, даннаго Мицкевичемъ, Хоецкимъ и др. по случаю основанія Tribune des peuples.

Все это не могло остаться тайной въ Петербургѣ.

Браницкій былъ приглашенъ въ русское посольство въ Парижѣ, и ему объявили личный приказъ императора Николая вернуться немедленно въ Россію. Браницкій счелъ за лучшее послѣдовать примѣру Бакунина, Ив. Головина, Герцена, Сафонова,—онъ отказался вернуться въ Россію и сдѣлался такимъ образомъ эмигрантомъ.

Императоръ Николай повелѣлъ лишить Браницкаго титула дворянства, военнаго званія, наградъ и приговорилъ къ ссылке навсегда въ каторжныя работы въ Сибирь, къ конфискаціи имущества, которое доходило у Браницкаго до 15 милліоновъ франковъ.

Послѣ этого главной заботой Браницкаго сдѣлалась явная, дѣятельная поддержка революціонной борьбы польскихъ эмигрантовъ съ русскимъ правительствомъ. Съ тѣхъ поръ Браницкій сталъ самъ однимъ изъ наиболѣе дѣятельныхъ и вліятельныхъ польскихъ эмигрантовъ.

Въ 1854 г. Браницкій вмѣстѣ съ другими поляками устраивалъ въ Константинополѣ на свои средства, оставшіяся послѣ конфискаціи, особый польскій легіонъ для борьбы съ русскими войсками. Въ 1863 году на средства Браницкаго была организована извѣстная

морская экспедиція поляковъ къ Балтійскимъ берегамъ, въ которой участвовали Бакунинъ, Герценъ сынъ и др. Герценъ рассказываетъ въ своихъ посмертныхъ сочиненіяхъ о посѣщеніи его Браницкимъ во время польскаго возстанія съ революціонными цѣлями. Браницкій при этомъ посѣщеніи Герцена не только одобрялъ его политику, но и горячо благодарилъ Герцена за нее.

Въ 1854 году, Браницкій принялъ французское подданство и сталъ принимать дѣятельное участіе въ французской общественной жизни. Благодаря ему, основанъ былъ *Credit foncier*. Послѣ франко-прусской войны Браницкій пожертвовалъ $\frac{1}{2}$ милліона франковъ черезъ министра внутреннихъ дѣлъ на облегченіе участи разоренныхъ французскихъ семействъ. Въ 1876 г. этотъ русскій каторжникъ едва не сдѣлался французскимъ сенаторомъ. Въ 1879 году во время своей поѣздки въ Египеть, предпринятой для поправленія здоровья, Браницкій неожиданно умеръ.

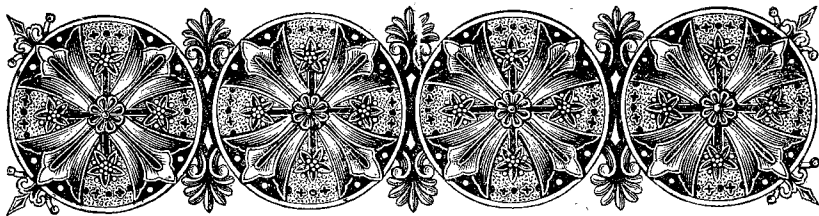
Браницкимъ было издано нѣсколько сочиненій, изъ нихъ нѣкоторыя не могутъ не обратить на себя вниманія даже и въ настоящее время; въ этомъ отношеніи прежде всего слѣдуетъ указать на сочиненіе, уже мною упомянутое—«*Les nationalités slaves*», вышедшее не задолго до смерти автора.

Въ этой книгѣ можно встрѣтить любопытныя страницы о декабристахъ, о смерти Александра I-го, о неудовольствіи Константина Павловича на брата за опубликованіе его письма къ императору Александру I, носящаго совершенно частный, интимный характеръ, объ отреченіи отъ престола и о попыткѣ по этому поводу Константина Павловича предъявить свои права на престолъ. Всѣ эти свѣдѣнія основаны Браницкимъ ссылкой—трудно, впрочемъ, сказать, въ какой мѣрѣ достоверно—на очень авторитетныя имена лицъ, бывшихъ свидѣтелями упомянутыхъ событій.

Есть ли въ настоящее время въ живыхъ ктонибудь изъ кружка шестнадцати, не знаю, но свѣдѣній объ немъ несомнѣнно сохранилось много—въ современныхъ письмахъ, дневникахъ и запискахъ.

Было бы очень желательно, чтобы ктонибудь отвѣтилъ на поставленный мною вопросъ о кружкѣ шестнадцати опубликованіемъ новыхъ матеріаловъ. Очень вѣроятно, что въ послѣдствіи къ изученію затронутаго въ этой статьѣ вопроса обратятся не одни только тѣ, кто будетъ изучать специально біографіи Лермонтова, Валугева, Браницкаго, Гагарина, а вообще всѣ изучающіе русскую жизнь за 30-е и 40-е годы,—и мы узнаемъ много новаго и интереснаго для біографіи этихъ лицъ и той среды, въ которой они жили и дѣйствовали.

Н. Виктор овъ.

ДѢТСКАЯ КНИГА — ЕЯ ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ И ЖЕЛАТЕЛЬНОЕ.

I.

ОПРОСЪ, который я затрогиваю теперь,—вопросъ, конечно, не новый, но все же юный и свѣжій, такъ какъ въ наше время, когда, по выраженію Бѣлинскаго, «книга есть жизнь нашего общества», она также является и несомнѣннымъ, вѣрнымъ спутникомъ и факторомъ воспитанія уже съ раннихъ лѣтъ человѣка—сначала при помощи картинокъ, которыя производятъ непосредственное впечатлѣніе на глазъ ребенка, а тамъ и самымъ смысломъ своимъ—идеей и содержаніемъ. Съ первой, съ дѣтской книги начинается чтеніе человѣка; хорошо чтеніе въ началѣ его грамотности—направится его вкусъ, привьется любовь къ хорошей книгѣ и на дальнѣйшее время, на всю жизнь. Вотъ почему, несмотря на сравнительную скромность книгоиздательства въ области дѣтскаго чтенія, умѣстно выдвигать этотъ вопросъ при всякомъ удобномъ случаѣ. Да, кромѣ того, надо же, наконецъ, хоть когда нибудь высказаться открыто въ пользу затрогиваемаго мною вопроса; пора выдвинуть и его, замолвить за него слово и указать, что дѣтское чтеніе далеко еще не такая глухая область, а съ нимъ и дѣтская книга далеко еще не такое незначительное произведеніе печати, какъ полагаютъ и смотрятъ на нихъ многіе. Но предупреждаю: я отнюдь не претендую дать здѣсь изслѣдованіе о нашей воспитательной литературѣ: для моихъ цѣлей достаточно сдѣлать только справку въ ея исторіи, намѣтить наиболѣе яркіе и

выразительные моменты въ ея развитіи—и то лишь постольку, поскольку они представляются пригодными для сравненія ихъ съ явленіями современной дѣтской литературы.

II.

Основателемъ дѣтскаго чтенія на Руси справедливо считаютъ Н. И. Новикова. Сѣтуя о томъ, что «въ отечествѣ нашемъ дѣтямъ читать нечего», и считая это однимъ изъ «главныхъ неудобствъ воспитанія», онъ началъ въ 1785 г., «жертвуя самъ убытками для пользы обществу», выпускать по субботамъ бесплатныя прибавленія къ издававшимся имъ «Московскимъ Вѣдомостямъ» подъ названіемъ «Дѣтское чтеніе для сердца и разума», состоявшія изъ «историческихъ, до натуральной исторіи касающихся, моральныхъ и другихъ піесъ, которыя, писаны будучи соразмѣрнымъ дѣтскому пониманію слогомъ, доставляли бы малолѣтнимъ читателямъ полезное и купно пріятное упражненіе». Итакъ, прививать ребенку лучшіе духовные идеалы, расширяя вмѣстѣ съ тѣмъ его знанія, его кругозоръ,—вотъ что имѣлъ въ виду этотъ «дѣдушка дѣтскаго чтенія», какъ его принято называть. Все—принципы, отъ которыхъ не уйдешь, какъ ни гляди вдаль,—принципы, которыхъ поневолѣ и въ наше время долженъ держаться каждый авторъ, каждый издатель дѣтскихъ книгъ и журналовъ,—принципы высокіе, вѣчные, святыя.

Дѣйствительно, дѣтская книга должна быть нравственна, умна, идейна, доступна малому возрасту по содержанію и языку и притомъ хороша по внѣшности, чтобы у ребенка развивались любовь и уваженіе не только къ содержанію и смыслу читаемаго, но и къ самой книгѣ, какъ предмету, несущему свѣтъ его головѣ и тепло его сердцу. Такъ оно и было въ началѣ, при первыхъ піонерахъ дѣтскаго чтенія. Кто же они были? Н. И. Новиковъ, одинъ изъ величайшихъ русскихъ сатириковъ и мыслителей въ области религиозно-нравственной мысли, и Н. М. Карамзинъ, сначала помогавшій ему, а потомъ и самъ продолжавшій его «Дѣтское чтеніе для сердца и разума»,—Карамзинъ, первый русскій историографъ, первый русскій литераторъ въ обширнѣйшемъ значеніи этого понятія. Вотъ, между прочимъ, указаніе на то, что для того, чтобы быть дѣтскимъ писателемъ, вовсе не надо быть какимъ-то специалистомъ этого дѣла. Надо прежде всего имѣть «душу живу», талантъ, любовь къ молодости, вѣру въ ея будущее, пониманіе дѣтской натуры,—нужно, какъ выразился Вѣлинскій, «родиться, а не сдѣлаться дѣтскимъ писателемъ». Да и лучшіе авторы наши, подарившіе юношеству прекраснѣйшія произведенія, самыя образовательныя и воспитательныя,—развѣ они специально-дѣтскіе писатели? Гоголь, Пушкинъ, Аксаковъ, Толстые, Тургеневъ, Май-

ковъ, Григоровичъ, Плещеевъ, Максимовъ, Полонскій, Погоскій, Потѣхинъ, — развѣ это все дѣтскіе только писатели? и развѣ въ ихъ томахъ нѣтъ «Старосвѣтскихъ помѣщиковъ», «Мѣднаго Всадника», Степана Михайловича, Карла Ивановича, Лукерьи, «Перепелки», «Василія Шибанова», «Рыбной ловли», «Пахаря», «Сибирь-летки», «Куля хлѣба», «Крестьянскихъ дѣтей», которые каждому ребенку и прочитать, и даже изучить обязательно?

Такъ зачалась у насъ дѣтская литература, и доброе сѣмя, положенное въ новое дѣло просвѣщеннымъ человѣкомъ, продолжало возвращаться многіе годы,— правда, не въ количественномъ отношеніи, а въ смыслѣ хорошаго, добраго, честнаго направленія. «Звѣздочка» Ишимовой, «Библиотека для воспитанія» Рѣдкина, «Подснѣжникъ» Майкова, «Журналъ для дѣтей» Чистякова, хотъ и устарѣли, но навсегда останутся вѣрнымъ свидѣтельствомъ истиннаго пониманія педагогическихъ задачъ и добросовѣстнаго отношенія своихъ предпринимателей къ молодымъ поколѣніямъ. Сентиментальный тонъ, излишняя выразительность въ передачѣ чувства, вредящее художественности подчеркиваніе его, доходящее просто до навязчивости,— все это отжило свой вѣкъ, но все это было естественнымъ результатомъ своего времени, цѣлой литературной школы и прекраснаго направленія въ развитіи русскаго просвѣщенія. Вотъ почему со всѣмъ этимъ нельзя не считаться, какъ съ явленіемъ чисто-историческимъ, и несправедливо было бы не послать тому времени и его проявленіямъ дани благоговѣнія.

III.

Но съ тѣхъ поръ, какъ дѣтская литература сдѣлалась какою-то почти исключительною областью дѣятельности разныхъ бездарностей, которыя, не зная или, можетъ быть, не желая помнить словъ Тургенева, что для дѣтей писать всего труднѣе, водворились въ этой области только потому, что имъ закрыты двери въ общую литературу,— съ тѣхъ поръ, какъ они обратили дѣтскую книгу въ какое-то произведеніе ремесла, прекрасная задача дѣдушки дѣтскаго чтенія, Н. И. Новикова, сдѣлать «главнымъ предметомъ сихъ листовъ пользу читателей», приходила все болѣе и болѣе въ пренебреженіе...

Было время,— и оно еще такъ близко, какія нибудь лѣтъ 15 тому назадъ,— когда появленіе хорошей дѣтской книги, на примѣръ, «Крестьянскихъ дѣтей» А. А. Потѣхина, производило шумъ главнымъ образомъ потому, что казалось веселымъ оазисомъ среди томительной скуки отъ всяческой бездарности и спекуляціи. Разные «Степки-Растрепки», «Гоши долгія руки», лучшіе выразители афферы и подыгрыванія подъ неразвитые вкусы массы,— не только заняли себѣ право гражданства, но и вытѣснили то, что могло бы

служить на пользу подростящему поколѣнію. Въ обществѣ установился нелѣпый, роняющій дѣтскую книгу обычай дѣлать ее какою-то привилегированною принадлежностью праздниковъ. На подарочномъ столѣ, въ сочельникъ, при блескѣ елки, рядомъ съ размалеванной куклой или игрой въ какой-нибудь гусекъ, стала красоваться раззолоченная, расцвѣченная книга—и непременно расцвѣченная, безъ которой будто бы неосуществимы всѣ радости подарка и отъ которой даже пахнетъ невысохшими еще красками. Книга стала какою-то роскошью, доступною дѣтямъ только въ праздникъ, и будь она хоть выше самой премудрости да только издана просто, безъ золота и всяческихъ выкрутасовъ, не попасть ей въ дѣтскую бібліотеку!

И долго не было никого, кто указалъ бы на это паденіе. Я позволяю себѣ думать, что не буду нескроменъ, если, въ интересахъ истины, приведу здѣсь изъ своихъ литературныхъ воспоминаній одну маленькую реплику. Уже давно, еще въ началѣ моей литературной дѣятельности, я обратился къ одному видному и вліятельному литератору съ просьбой дать печатный отзывъ объ одной, понравившейся мнѣ дѣтской книгѣ, и вотъ что мнѣ было написано въ отвѣтъ: «охота вамъ, батюшка, заниматься разными благодушными измышленіями разныхъ благодушныхъ педагоговъ?!» Странное мнѣніе! А Бѣлинскій—нашъ великій, всеобъемлющій Бѣлинскій, развѣ онъ гнушался этими «благодушными измышленіями»? развѣ мало у него глубоко продуманныхъ и пережитыхъ страницъ, посвященныхъ дѣтскому чтенію вообще, а также и частнымъ явленіямъ дѣтской литературы?

Нѣтъ, будучи убѣжденъ, что вопросъ воспитанія и связанный съ нимъ неразрывно вопросъ дѣтскаго чтенія всегда остаются жгучими вопросами и не могутъ утратить своей жгучести, пока существуетъ человѣчество, подлежащее воспитанію,—я во многихъ своихъ статьяхъ («Непочатый уголь», «Чувствительный пробѣлъ въ нашей журналистикѣ» въ «Странѣ» Л. А. Полонскаго и въ другихъ изданіяхъ) продолжалъ настаивать на необходимости строгаго, беспощаднаго контроля надъ областью дѣтскаго чтенія, и все-таки остаюсь при той мысли, что не былъ маниакомъ этого вопроса.

IV.

По крайней мѣрѣ, есть и доказательства тому, что дѣтская книга многимъ стала представляться не одними только «благодушными измышленіями благодушныхъ педагоговъ». А именно. Въ 60-хъ годахъ преобладали среди дѣтскихъ книгъ разные «Степки Растрепки», и былъ одинъ только указатель книгъ для дѣтскаго чтенія «Наша дѣтская литература» Толя, а въ 80-хъ годахъ дѣло начинаетъ двигаться быстрою и широкою волною и въ смыслѣ

улучшенія книгоиздательства по этой части, и въ смыслѣ расширенія необходимаго контроля надъ нимъ. Въ 1880 году С.-Петербургское Фрѣбелевское Общество учреждаетъ конкурсъ съ преміями, главнымъ образомъ съ цѣлью упорядоченія дѣтскаго чтенія и привлеченія людей достойныхъ къ этой благородной дѣятельности; въ 1882 году С.-Петербургскій комитетъ грамотности предпринимаетъ изданіе цѣлаго ряда образцовыхъ произведеній русскихъ писателей въ дешевыхъ сравнительно выпускахъ; въ 1885 году начинается такую же дѣятельность, но въ еще болѣшихъ размѣрахъ, извѣстная фирма «Посредникъ» и ведетъ ее сначала въ Петербургѣ, а съ 1890 года по настоящее время въ Москвѣ; въ 1884 году появляется прекрасная, надѣлавшая много шуму книга харьковскихъ учительницъ, составленная подъ руководствомъ Х. Д. Алчевской, подъ заглавіемъ «Что читать народу», а въ 1888 г. выходитъ въ свѣтъ второй ея томъ, и оба они обнимаютъ рѣшительно все, что есть въ нашей народной и дѣтской литературѣ; также выходитъ въ свѣтъ рядъ критическихъ статей и указателей дѣтской литературы, составленныхъ разными лицами и учрежденіями,—книги г-жи Валуевой-Мунтъ, гг. Соболева, Словинскаго, Теокистова, Ричардсона, петербургскихъ учительницъ подъ редакціей покойныхъ Гаршина и Гердта, Кирилло-Меодіевскаго склада въ Одессѣ подъ редакціей профессора А. И. Кирпичникова, библиографическаго кружка при редакціи «Дѣтскаго Чтенія», «Ежегодникъ» Московскаго комитета грамотности, «Систематическій обзоръ русской народно-учебной литературы» С.-Петербургскаго комитета грамотности. Даже наши политическіе журналы и газеты—«Русская Мысль», «Сѣверный Вѣстникъ», «Новое Время», «Русскія Вѣдомости», «Новости»—и тѣ удѣляютъ библиографіи дѣтскихъ книгъ нѣкоторое вниманіе. И этотъ, возникшій такъ кстати, контроль быстро дѣлаетъ свое хорошее дѣло.

И въ самомъ дѣлѣ, кто знаетъ наше современное книгоиздательство, тотъ легко припомнить, что въ короткое время у насъ какъ изъ земли выросли серьезные, полезные дѣятели, давшіе много хорошаго и для дѣтскаго чтенія. Это—гг. Девріенъ, Павленковъ, Ледерле, Гранстремъ, Фену, Марксъ, Клюкинъ, бар. Икскуль, Муринова, Моревъ, «Посредникъ», С.-Петербургскій комитетъ грамотности, Гатцукъ, Тихомировъ, Мартыновъ, Ступинъ, Сытинъ, Суворинъ. Благодаря этимъ лицамъ и учрежденіямъ, дѣтская литература наша оживилась, облагородилась; они произвели въ ней такой толчекъ къ лучшему, что теперь уже можно видѣть въ ней залогъ хорошаго будущаго. Замѣтно, что ихъ вниманіе устремлено (если не полностью, то въ значительной мѣрѣ) на изданіе авторовъ; на примѣръ, сочиненія Пушкина и Лермонтова изданы съ самою похвальною тщательностью и съ полною доступностью для любого покупателя; есть Аксаковъ, есть Григоровичъ, Кры-

ловъ, Короленко, Гаршинъ въ дешевыхъ изданіяхъ, множество лучшихъ, избранныхъ сочиненій иностранныхъ писателей, а также сочиненія специально-научныя въ популярномъ изложеніи— по географіи, исторіи; есть наконецъ цѣлая серія полутора-копеечныхъ изданій, исполненныхъ для этой цѣли прекрасно, со строгимъ выборомъ авторовъ и ихъ сочиненій, даже иллюстрированныхъ, не смотря на свою дешевизну. Это ли не шагъ впередъ? это ли не добрый, благородный починъ?

V.

Дѣйствительно, если бросить взглядъ на наличность современной нашей дѣтской литературы и попробовать сдѣлать подборъ книгъ, годныхъ для дѣтскаго чтенія, то окажется библиотечка не маленькая. Но я не задаюсь здѣсь цѣлью составить цѣлую библиотеку для дѣтей: я ограничусь лишь тѣмъ, чѣмъ дѣйствительно эта «хата богата». Не стану указывать, въ родѣ сэра Джона Лѣббока, непременно сто лучшихъ книгъ, во-первыхъ, потому, что такая цифра подогнанная, искусственная (почему непременно 100, а не 75 или не 300?), а, во-вторыхъ, потому, что самое ограниченіе это весьма сомнительно: сэру Лѣббоку могло казаться «лучшимъ», да и казалось далеко не все дѣйствительно лучшее (не потому ли и не включилъ онъ въ свой списокъ ни одной русской книги, тогда какъ самъ онъ отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ могъ бы поучиться кое-чему?). Не даромъ его знаменитый списокъ вызвалъ столько возраженій, изъ коихъ многія носятъ характеръ даже рѣзкій.

Указанія наличности дѣтскихъ книгъ, конечно, должны быть начаты съ образцовыхъ авторовъ, благо теперь многое изъ ихъ произведеній имѣется въ отдѣльныхъ дешевыхъ изданіяхъ гг. Суворина, Павленкова, Мартынова, Маркса, С.-Петербургскаго комитета грамотности и другихъ. Есть они и въ сборникахъ, составленныхъ гг. Острогорскимъ («Родные поэты»), Чудиновымъ («Русская классная библиотека»), Вейнбергомъ («Русская исторія въ русской поэзіи»), Авенаріусомъ («Образцовыя сказки русскихъ писателей»), Венгеровымъ («Русская поэзія»). Но если не ограничиваться одними отечественными писателями, то изъ иностранныхъ слѣдуетъ указать Диккенса («Домби и сынъ», «Оливеръ Твистъ», «Давидъ Копперфильдъ»), Сервантеса («Донъ-Кихотъ»), Вальтеръ-Скотта (историческіе романы), Гюго («Бюгъ-Жаргаль»), Бичеръ-Стоу («Хижина дяди Тома»), Марка Твена («Принцъ и нищій»), Гольдсмита («Вѣкфильдскій священникъ»), Курреръ Белль («Дженни Эйръ»), Френсиса Бернета («Исторія маленькаго лорда»), де-Амичиса («Дневникъ школьника»), Конссіанса («Слѣпая роза»), Коломба («Дѣдушкина внучка»), Уоллеса («Во дни оны»), Сильвіо Пеллико («Обязанности человѣка»), Эберса («Дочь египетскаго царя»).

Обращаясь къ собственно дѣтской литературѣ, могу распредѣлить книги по группамъ.

1) Сказки и басни: а) народныя въ изданіи г-жи Залѣсской и въ передачѣ г-жи Роговой; б) русскихъ писателей—Пушкина, Жуковского, кн. Одоевскаго (дѣдушки Ирины), С. Аксакова, Ершова, гр. Л. Толстого; в) иностранныхъ писателей: Андерсена—въ изданіяхъ гг. Павленкова, Луковникова и Ганзена, братьевъ Гриммъ въ изданіяхъ гг. Маркса, Гатцука и Сытина, сказки Густафсона, Карменъ Сильвы, Топелиуса, Уйда, Лонгфелло, «Сказки дѣда-всѣвѣда» г. Гарвея, японскія сказки въ переводѣ г. Крона, китайскія сказки въ переводѣ г. Зелинскаго, басни Крылова, басни Эзопа.

2) Былевой эпосъ: «Книга былинъ» г. Авенариуса, «Русскія былины» г. Поливанова, «Калевала» и «Фритиофъ» г. Борисова, «Наль и Дамаянти» въ переводѣ Жуковского, «Иліада» и «Одиссея» (конечно, въ сокращеніяхъ), «Рамайана» Чистякова.

3) Беллетристика современныхъ авторовъ: книги гг. Авенариуса («Васильки и колосья», «Листики изъ дѣтскихъ воспоминаній», «Во львиной пасти», «Отроческіе годы Пушкина» и «Юношескіе годы Пушкина»), Анненской («Братъ и сестра», «Своимъ путемъ», «Зимніе вечера»), Баранцевича («На волю!»), Вучетича («Разказы для дѣтей»), Желиховской («Князь Илико» и др.), Засодимскаго («Задушевные разказы» и др.), Круглова («Счастье», «Вечерніе досуги» и «Всякому гвоздю свое мѣсто»), Куроленко («Старый звонарь» и «Слѣпой музыкантъ»), Немировича-Данченко («Скромные подвиги» и «Ѳедька-рудокопъ»), Огаркова («Къ свѣту»), Потѣхина («Крестыанскія дѣти»), Самойловичъ («9 разказовъ» и др.), Сливицкаго («Разоренное гнѣздо» и «Дядька Квасовъ»), Смирнова («Родное»), Евгени Туръ («Сергѣй Боръ-Раменскій», «Княжна Дубровина» и «Катакомбы»), гр. Салиаса («Волчекъ-доносчикъ»), Полевого («Корень зла»), Абазы («Казаки» и «Героическіе разказы»), Роговой («Богданъ Хмельницкій»), Сысоевой («Исторія маленькой дѣвочки» и «Актеа»), Незванова («Дѣтскіе разказы»), Бажиной («Блуждающіе огоньки»), Максимова («Куль хлѣба»).

3) Историческое чтеніе, которому слѣдуетъ отвести особенно почетное мѣсто въ дѣлѣ развитія ребенка, какъ зарождающему въ немъ гражданское чувство, сближающему его съ людьми дѣйствительной жизни и дающему юношѣ высокіе примѣры любви къ родинѣ, доходящей до самопожертвованія,—не можетъ быть исчерпано тѣми историческими повѣстями и романами, которые указаны выше среди беллетристическихъ произведеній. Правда, помимо беллетристики, тутъ можно указать очень мало книгъ, но зато тѣ, которыя имѣются, слѣдуетъ признать образцовыми. Это — «Родная Старина» В. Д. Сиповскаго, большой и талантливый пересказ русской исторіи до Петра I-го, и составленная по ней книга г. Тихоми-

рова «Изъ исторіи родной земли» (для дѣтей младшаго возраста), а также рассказы изъ русской исторіи г. Петрушевскаго.

Если къ историческому чтенію присоединить біографіи, то здѣсь на первомъ мѣстѣ станутъ: біографія Ломоносова, написанная Кс. Полевымъ, двѣ біографическія повѣсти г. Авенаріуса о П. Пушкинѣ, «Вѣчный труженикъ башмачникъ-натуралистъ» Самуила Смайлса, «Мученики науки» Тиссандье и три біографическія бібліотеки, издаваемыя порознь гг. Ледерле, Павленковымъ и Суворинымъ.

4) Географія и естествовѣдѣніе, столь смежныя другъ съ другомъ, такъ же не должны быть обойдены, потому что нельзя держать ребенка исключительно въ сферѣ идеаловъ и отвлеченной мысли; чѣмъ ближе къ жизни, къ окружающему его міру, будетъ онъ воспитанъ, тѣмъ обширнѣе и прочнѣе привьется его мысль къ дѣйствительности, тѣмъ лучше будетъ удовлетворена его столь естественная въ этомъ возрастѣ любознательность, тѣмъ основательнѣе будетъ его подготовка къ работѣ на аренѣ дѣйствительной жизни. По счастью, хорошихъ книгъ этого рода у насъ можно насчитать довольно значительное количество. На первомъ мѣстѣ ставлю «Робинзона» де-Фоз, этого родоначальника всѣхъ путешествій, одну изъ самыхъ воспитательныхъ и образовательныхъ книгъ, какія я только знаю; а за нею идетъ цѣлый рядъ путешествій и географическо-этнографическихъ очерковъ (конечно, не въ духѣ Майнъ-Рида и Густава Эмара, распалюющихъ безцѣльно дѣтское воображеніе). Таковы: «Годъ на Сѣверѣ» и «На Востокѣ» г. Максимова, «Россія» г. Меча, «По русской землѣ» г. Сахарова, «Соловки» и «На краю свѣта» г. Немировича-Данченко, «Вдоль полярныхъ окраинъ Россіи» (путешествіе Норденшельда) г. Гранстрема, «Путешествія Н. М. Пржевальскаго» г-жи Лялиной, «Русскіе мореплаватели» ея же, «Путешествіе Чарльза Дарвина» ея же, «Путешествіе В. В. Юнкера» г. Петри, «За морскимъ горизонтомъ» г. Фаусека, «Востокъ» г. Стенина, «Палестина» г. Суворина, «Рассказы про дикаго человѣка» г. Коропчевскаго, «Природа и люди Австраліи» г-жи Полковой, «Два героя», «Столѣтіе открытій» и «Въ лѣсахъ Флориды» г. Гранстрема, «Исторія открытія Америки» Ламе-Флѣри и «Открытіе Америки» г. Циммермана, «Елена Робинзонъ» г. Гранстрема.

По естествовѣдѣнію можно указать такъ же не мало прекрасныхъ книгъ: «Мірскіе захребетники» и «Изъ русской жизни и природы» покойнаго профессора М. Н. Богданова, «Изъ великой книги — природы» г. Бетгера, «Бесѣды о русскомъ лѣсѣ» и рядъ другихъ книжекъ г. Кайгородова, «Рассказы о землѣ и о небѣ» г. Иванова, «Прогулка въ страну чудесъ» и другія книжки г. Кирпотенка, «Среди природы» и другія книги г. А. Острогорскаго, «Бесѣды о природѣ» г. Зобова, «Бесѣды съ дѣтьми о природѣ» Берклей.

5) Книгъ для дѣтей младшаго возраста, не смотря на ихъ большое количество, можно выбрать, однако, чрезвычайно мало. Видно, не легко нашимъ писателямъ приноровиться къ этому возрасту; не могутъ они никакъ опроститься до такой степени, чтобы приблизиться къ ребятишкамъ и по содержанію своей мысли и по доступности формы. И получаются въ большинствѣ крайне безсодержательные рассказы, изложенные какимъ-то сюсюкающимъ языкомъ, какъ будто съ дѣтьми нельзя затрогивать сколько нибудь серьезныхъ вопросовъ, а надо непременно толковать имъ о барашкахъ, да козочкахъ, да куколкахъ и всякихъ болванчикахъ, да при томъ еще и излагать это неестественнымъ, поддѣланнымъ подъ дѣтскій лепетъ языкомъ... Итакъ, изъ такого рода книгъ только и возможно указать рассказы гг. Авенаріуса, Шмидтъ, Лукашевичъ, Сливицкаго, Куликовой, Смирнова, Вучетича, Мамина, Сергіевской, Ахшарумовой, премированные Фрѣбелевскимъ обществомъ, да еще на отдѣльные сборники: «Подружка» г-жи Востромъ, «Стихи и проза для дѣтей» Я. К. Грота, «Какъ я была маленькой» и «Мое отрочество» г-жи Желиховской, «Котофей Котофеичъ» и «Большакъ» г. Круглова, «Первые рассказы изъ естественной исторіи» г-жи Быковой.

Если дѣтямъ перечитать всю эту, только что указанную, бібліотеку избранныхъ, лучшихъ изъ всей дѣтской литературы книгъ, то—можно смѣло предсказать—ихъ умственный и нравственный запасъ будетъ достаточенъ, и вкусъ ихъ будетъ уже направленъ, чтобы, вступая въ юношескій возрастъ, имъ вѣзаться за хорошую, серьезную книгу съ охотою и пользою для себя.

VI.

Однако, не скрою: есть (не у этихъ, выше перечисленныхъ, а вообще у многихъ издателей)—есть ошибки и несовершенства, вольныя и невольныя. И справедливость требуетъ, чтобы онѣ были указаны, хотя бы безъ упоминанія лицъ, ихъ производящихъ. *Nomina sunt odiosa!* и не для того пишу я это, чтобы указывать на лица, а для того, чтобы говорить про самое дѣло, его постановку и желательныя улучшенія въ немъ.

Вотъ эти недостатки по пунктамъ:

1) Замѣчается явленіе, непростительное въ такомъ отвѣтственномъ дѣлѣ, какъ воспитаніе. Ради наживы не думаютъ о тѣхъ, для кого печатаются дѣтскія книги, не думаютъ и о томъ, какой великій грѣхъ беретъ себѣ на душу каждый, кто посѣетъ вредное сѣмя въ молодую душу; чѣмъ-то спекулятивнымъ, рыночнымъ отзываются многія книги. Есть такія книги, которыя вѣрнѣе назвать игрушками—разныя панорамы да картинки для наклеиванія, съ безграмотными подписями. Дѣлать слово какимъ-то орудіемъ,

сопровождающимъ забаву, дошло до того, что родился у насъ престранный видъ, если можно такъ выразиться, шоколадной литературы: даже на шоколадѣ появляются стихи, заманивающіе, впрочемъ, не собою, а тѣмъ, что въ нихъ завернуто; и къ журналу привлекаютъ не содержаніемъ его, а приманкою—преміями, разжигая въ ребенкѣ крайне нежелательные инстинкты корысти и стяжанія. Чтобы не упустить возможности сдѣлать лишній разъ объявленіе обо всѣхъ своихъ изданіяхъ, издатель прилагаетъ къ дѣтской книгѣ объявленія съ содержаніемъ, для дѣтей неудобнымъ, могущимъ вызвать отъ ребенка преждевременные для него вопросы и заронить ему мысли прямо вредныя. Въ журналѣ помѣщаютъ дѣтскія письма, разжигая въ ребятишкахъ пустое тщеславіе и давая имъ возможность уподобиться Бобчинскому, чрезвычайно желавшему заявить чрезъ Хлестакова въ Петербургѣ о своемъ существованіи на бѣломъ свѣтѣ. Одну и ту же книгу издають подъ разными заглавіями (какъ это и было въ прошломъ году со сборникомъ одного дѣтскаго писателя), и такимъ образомъ даютъ родителямъ возможность потратиться два раза на покупку одного и того же. Словомъ, книга избрана крайне непригляднымъ орудіемъ наживы, а «малыхъ сихъ», благодаря ихъ безответности, прямо портятъ, безбожно калѣчатъ. Какъ особенно вредныя книги, должны быть немедленно же указаны здѣсь все болѣе распространяющіяся подражанія нѣмецкимъ стихотворнымъ вицамъ, родоначальникомъ которыхъ состоитъ знаменитый въ своемъ родѣ «Степка-Растрепка», а продолжателями «Вороненокъ», «Два проказника», «Маша-Разиня», «Иванъ-Ротовѣй» и др. Тутъ грубый рисунокъ, преимущественно по способу нѣмецкаго рисовальщика Буша, соединяется съ грубымъ же текстомъ, рублеными виршами, и сердце кровью обливается при мысли, какую пагубу несутъ они мягкой, гибкой, податливой дѣтской душѣ, прививая ребенку любовь къ карикатурѣ, развивая въ немъ водевильные вкусы, приучая смѣяться глупо и пошло, вмѣсто того, чтобы прививать ему съ малыхъ лѣтъ любовь къ искусству.

2) Сюда же, къ спекулятивному направленію дѣтскихъ книгъ, слѣдуетъ отнести и замѣчающуюся въ довольно обширныхъ размѣрахъ систему заказовъ, которая видимо отражается и на достоинствѣ книгъ, зачастую понижающемся ниже всякой, даже самой снисходительной критики. Есть авторы, сразу выпускающіе по пяти, по шести книгъ, напоминающихъ своею аляповатою работою рыночныя издѣлія. Есть издатели, которые усердно фабрикують книжки по особому, недавно еще изобрѣтенному и очень характерному способу: покупаются за границей готовые клише рисунковъ и къ нимъ заказываются разсказы и стихи, вслѣдствіе чего получается ложь на каждой страницѣ и въ каждой строкѣ: разсказъ про Матрешу и Дуняшу, а на картинкѣ чистѣйшія нѣ-

мецкіе ребятишки, въ шляпкахъ, чулочкахъ и пр. Не говоря уже о томъ, что у насъ хорошая оригинальная книга въ дѣтской литературѣ вообще явленіе не частое, а все болѣе появляются переводы и компиляціи (часто, впрочемъ, весьма удачныя и полезныя), не говоря о томъ, что «передѣлывать» у насъ дерзають даже Шекспира и Шиллера,—указываю на то, что такое заимствованіе рисунковъ, такая ремесленность со стороны гг. авторовъ и такая беззащитность со стороны гг. издателей, опять-таки скажу, прямо вредны для ближайшихъ потребителей всей этой стряпни. Не лучше ли вмѣсто того, чтобы стараться издать «числомъ побольше, цѣною»... подороже,—не лучше ли быть какъ можно осторожнѣе и разборчивѣе какъ въ выборѣ авторовъ, такъ и въ выборѣ сочиненій для печатанія? Я предвижу здѣсь возможность возраженія: мнѣ скажутъ—авторовъ мало. Да, но у меня есть примѣръ весьма выразительный,—примѣръ того, какъ можно привлечь авторовъ, вызывать ихъ къ дѣятельности: дѣтскій журналъ «Родникъ» далъ у себя широкое мѣсто статьямъ по естественной исторіи; явились и авторы—профессоры Кайгородовъ и Богдановъ, и все, что они помѣстили въ «Родникѣ», вышло потомъ отдѣльными книгами, составляющими собою поистинѣ украшеніе нашей воспитательной литературы.

3) Чрезвычайно важною въ педагогическомъ отношеніи принадлежностью дѣтской книги является иллюстрація, на что указывалъ еще Бѣлинскій, умѣвшій ничего не упустить изъ виду въ своемъ чуткомъ словѣ. Душа ребенка, еще не умѣющая работать въ области отвлеченной мысли, естественно воспринимаетъ легче непосредственныя впечатлѣнія, жаждетъ образовъ, а не сентенцій, и что же другое, какъ не картинка, можетъ дать ему такія впечатлѣнія? Картинка нужна, но что это въ половинѣ случаевъ за рисунки! За ними гонятся, ихъ стараются дать побольше, но и получается только количество... Неясно, невѣрно, слѣшно, грубо... какія-то точки, либо нѣчто, напоминающее отпечатокъ закопченаго пятака, отношенія къ тексту никакого, въ текстѣ говорится о господинѣ съ бородой, а на рисункѣ безусый юнецъ, рисунки замѣняются (вѣроятно, для счета) типографскими заставками, не имѣющими для ребенка-зрителя ни малѣйшаго значенія... и мало ли еще что! Немудрено, что, увидѣвъ въ одномъ изъ недавнихъ изданій сочиненій Лермонтова Бѣлу, привязанную къ коню, несущуюся съ распущенными волосами, одинъ южный читатель спросилъ: «Что то видѣма?».

4) Нельзя не обратить вниманія и на крайнюю дороговизну дѣтскихъ книгъ, которая не можетъ не оказывать вліянія на ихъ распространеніе, особенно въ недостаточныхъ семьяхъ и школахъ. По копейкѣ за страницу—это очень частое явленіе; есть, напримѣръ, и такія книги, которыя содержатъ всего 19 страницъ, а стоятъ

по 50 копеекъ, то-есть по 2¹/₂ копейки со страницы. Думаю, что эти примѣры достаточно сами собой указываютъ на невозможность для книгъ идти въ массу широкою и вольною волной, какъ бы имъ собственно слѣдовало идти. Тѣмъ болѣе такая дороговизна при-скорбна по отношенію къ сочиненіямъ крупнѣйшихъ писателей, подлежащихъ усиленному распространенію. Не могу не указать кстати, что недавно появилось новое изданіе отдѣльныхъ рассказовъ И. С. Тургенева, вмѣсто прежнихъ 4 копеекъ, по 10 копеекъ за экземпляръ, причѣмъ издатель почему-то (быть можетъ, въ видахъ ироніи?) этому новому, удороженному изданію не прибравъ названія лучше, какъ «Доступная бібліотека»...

VII.

Итакъ, что же желательно? что нужно, чтобы указанная не-совершенство сгладились, и чтобы дѣтскія книги представляли собою дѣйствительно полезное и цѣлесообразное явленіе?

И тутъ отвѣчу по пунктамъ.

1) Дѣтская книга нужна, даже болѣе—необходима; но не та книга, которая является продуктомъ афферы и спекуляціи, а та, которая несетъ знаніе молодому уму и добрый нравъ юному сердцу. Начиная съ Евангелія и кончая сочинителями позднѣйшихъ дней, книга въ доступной формѣ даетъ дѣтямъ то, что доступно имъ по содержанію. Все, что видитъ ребенокъ и о чемъ онъ слышитъ, можетъ и должно быть неизмѣннымъ предметомъ его чтенія.

2) Дѣтскихъ, специально-дѣтскихъ авторовъ не нужно: нужны таланты—таланты и дадутъ дѣтскую книгу наравнѣ съ общею. А издателямъ и слѣдуетъ искать талантовъ, печатать авторовъ, а не размножать макулатуру, заказывая множество печатной бумаги лицамъ, не имѣющимъ никакихъ данныхъ для писательства. Къ этому слѣдуетъ добавить, что необходимо сдѣлать съ воспитательными цѣлями выборъ изъ сочиненій всѣхъ крупнѣйшихъ писателей, въ родѣ того, какъ уже есть изданія сочиненій Пушкина, Григоровича, Достоевскаго въ выборѣ для ранняго возраста.

3) Необходимо больше самостоятельности и поменьше заимствованій. Она и явится, если авторы не станутъ гнущаться этой скромной, маленькой области, если издатели пригласятъ ихъ на смѣну ремесленникамъ по литературной части. Что же касается передѣлокъ, то онѣ только дискредитируютъ знаменитыхъ писателей предъ молодежью. При такомъ условіи сама собой станетъ исчезать и ремесленность, а съ нею навѣрно упорядочится и дѣтская литература, что должно неизбѣжно отразиться на развитіи юношества. Исчезнетъ ремесленность и тогда, когда господа издатели отрѣшатся, наконецъ, отъ системы заказовъ, противъ которой я настойчиво ратую, какъ противъ прямо вредной, изгоняющей изъ лите-

ратурнаго произведенія всякіе признаки творчества,—системы, которая портитъ, обезцвѣчиваетъ, сушитъ книгу...

4) Слѣдуетъ обратить серьезное вниманіе на иллюстраціи, сдѣлать ихъ дѣйствительными иллюстраціями, а не просто пятнами въ книжкѣ, хотя, быть можетъ, и красивыми, но къ дѣлу не идущими. Можетъ представиться вопросъ: какую же книгу давать дѣтямъ предпочтительнѣе—роскошно изданную или простую? И ту, и другую—вотъ отвѣтъ. Но, во-первыхъ, каждая дѣтская книга непременно должна быть четко отпечатана, чтобы сберечь зрѣніе дѣтямъ, на крѣпкой, плотной бумагѣ, такъ какъ дѣти еще не умѣютъ обращаться съ книгой и рвутъ ее легко, и вообще въ гигиеническомъ отношеніи ей необходимо быть вполне безопасной, чтобы, напримѣръ, краски и пр. были совершенно безвредны для здоровья. Во-вторыхъ, рисунки въ книгѣ нужны: они вполне соотвѣтствуютъ дѣтскому запросу. Но они должны непременно имѣть прямое отношеніе къ тексту, быть въ полномъ смыслѣ иллюстраціей текста, какъ это и есть въ «Родныхъ отголоскахъ», иллюстрированныхъ покойнымъ Пановымъ. Лучше, если это рисунки крупные, а не пустынькія виньетки, ничего не говорящія ребенку. Какъ на образецъ предлагаемыхъ мною, могу указать на рисунки художника Т. И. Никитина, отлично иллюстрировавшаго въ послѣднее время много книгъ, и барона Клодта къ «9 рассказамъ» Самойловичъ. Въ-третьихъ, держать ребенка исключительно на роскошныхъ изданіяхъ не слѣдуетъ, чтобы не избаловать его вкуса: привыкнетъ онъ къ золоту и блеску и, пожалуй, не захочетъ ознакомиться съ просто изданной книгой только потому, что ея внѣшность не нравится ему, тогда какъ книга, быть можетъ, по содержанію-то и вполне ему подходитъ. О томъ же, что нужно издавать дѣтскія книги по возможности изящнѣе и не давать дѣтямъ исключительно простые изданія, я уже сказалъ раньше.

5) Что же касается указанныхъ выше, такъ сказать, иллюстрацій къ иллюстраціямъ, т. е. рассказовъ, пишущихся по заказу къ готовымъ уже картинкамъ, да еще заграничнаго производства, потомъ премій, шоколадныхъ стиховъ, дѣтскихъ писемъ съ обращеніемъ къ «милый» редакціи и прочихъ порожденій рынка, то, полагаю, объ этомъ и распространяться нечего: ясно само собой, что ото всего этого надо держать дѣтей на разстояніи пушечнаго выстрѣла.

6) Удешевить дѣтскія книги необходимо.

VIII.

Наконецъ, есть еще обстоятельство, частью указанное выше, частью же еще подлежащее указанію. На дѣтей смотрѣть-то надо не такъ, какъ у насъ обыкновенно смотрять. Эти маленькіе пу-

зыри вовсе не такъ уже глупы, чтобы ихъ обращать въ предметъ забавы для взрослыхъ — и только забавы. Нельзя забывать, что это все маленькіе люди, которыхъ надо воспитывать съ любовью, знаніемъ, заботой, уваженіемъ къ нимъ. Если уже указано, что критика способна гнущаться вопросовъ воспитанія и дѣтскаго чтенія, и какія послѣдствія отъ этого получаются, а также, наоборотъ, какія послѣдствія влечетъ за собой забота серьезной критики о дѣтской литературѣ, — то не умѣстно ли указать здѣсь и на тѣ благотворныя послѣдствія, какія могли бы быть оказаны на молодое поколѣніе болѣе внимательными заботами самого общества, самихъ родителей о дѣтяхъ? Въ самомъ дѣлѣ, приглянемся къ существующимъ нынѣ отношеніямъ въ семьѣ — и что же увидимъ? Картина получится далеко не отрадная. Служба и винтъ отнимаютъ у многихъ все время, которое могло бы быть посвящено въ значительной долѣ и семьѣ; безопасность большинства склоняетъ къ соблазну ввѣрять дѣтей своихъ попеченію наемниковъ, и, забывая про крыловскую кукушку, они предпочитаютъ собственный покой пользѣ семьи; недостатокъ образованія, отсутствіе живыхъ интересовъ, любви къ книгамъ вообще, неумѣніе дѣлать выборъ для собственнаго чтенія — не даютъ родителямъ въ большей части нашего общества заняться своими дѣтьми, даже при желаніи внимательнѣе отнестись къ своему дѣду. Общество наше до такой степени, по выраженію Гоголя, «беззаботно насчетъ литературы», что примѣровъ его наивности можно бы припомнить множество. Ограничусь немногими, но такими, которые, надѣюсь, подтвердятъ мою мысль вполне своею поражающею нелѣпостью.

Среди безчисленныхъ, обрацаемыхъ ко мнѣ, запросовъ о томъ, что выбрать для чтенія дѣтямъ, есть такіе, что руками разведешь. Спрашиваютъ, напримѣръ, нѣтъ ли книги, которая вся состояла бы изъ односложныхъ, много-много двусложныхъ словъ; спрашиваютъ совѣта, не выписать ли малолѣтнему сыну «Русскую Мысль». Вотъ и еще примѣръ, по моему мнѣнію, весьма типичный. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ одной изъ саратовскихъ газетъ появилось письмо какого-то возмущеннаго родителя. Дѣло въ томъ, что, доставъ для ребенка своего книжку изъ библіотеки и не просмотрѣвъ ея раньше самъ, онъ услышалъ, какъ дочка декламировала въ сосѣдней комнатѣ стихотвореніе подъ заглавіемъ: «Лошадиныя объясненія», начинавшееся такъ:

«Буропѣгая кобылка!
 «Какъ тебя я полюбилъ!
 «Кровь во мнѣ играетъ пылко...
 «Конь ретивый говорилъ.

И вотъ ретивый родитель обрушился и на автора, написавшаго книжку, и на библіотеку, выдавшую ее. Забылъ онъ только обрушиться на самого себя: самъ-то онъ виноватъ прежде всего и

больше всѣхъ. Слабые и вредные авторы и книги существуютъ не въ одной дѣтской литературѣ, а въ любой, какую ни взять — хоть историческую, хоть народную, хоть художественную, и саратовскій родитель, открывъ «Лошадиныя объясненія», во всякомъ случаѣ Америки не открылъ. Библіотека же не причесть: она выдаетъ любую книгу, какую бы у нея ни спросили, и могла ли бы существовать какая либо библіотека, если бы она выдавала абонентамъ книги по своему усмотрѣнію? Да и что за фантазія возводитъ библіотечныхъ приказчиковъ въ какихъ-то общественныхъ воспитателей, руководителей общественной нравственности? Странно и то обстоятельство, что многія газеты, какъ бы обрадовавшись открытію саратовскаго Колумба, вмѣстѣ съ нимъ обрушились на автора книжки и на библіотеку, но никому не пришло мысли указать отцу на то, что самъ онъ поступилъ до крайности неосторожно и неостроумно.

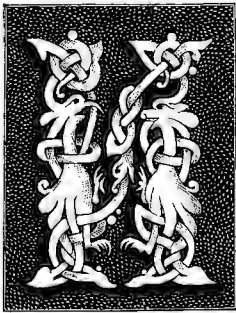
Таковы примѣры, взятые изъ самой дѣйствительности и характеризующіе ее далеко неприглядно. Смѣю увѣрить читателей, — да впрочемъ, врядъ ли эти увѣренія и нужны, — что если бы поменьше было подобныхъ Колумбовъ, то у насъ не въ одномъ только дѣлѣ воспитанія было бы замѣтно гораздо больше оживленія и движенія. Но пока рѣчь идетъ только о воспитаніи, пожелаемъ же, чтобы побольше душевности и активности было приложено къ этому дѣлу, чтобы наемникамъ предоставлялось поменьше работы, а сами родители занялись бы серьезно чтеніемъ, стали бы работать надъ собой, надъ своимъ развитіемъ, самообразованіемъ, слѣдили бы сами за своими дѣтьми. Тогда дружными усиліями лицъ, работающихъ для дѣтскаго чтенія, и родителей, слѣдящихъ за нимъ, можно достигъ того, чтобы дѣтская книга стала дѣйствительно цѣлесообразнымъ орудіемъ воспитанія. А главное — любви, любви больше къ молодежи, для коей мы работаемъ! Болѣе серьезный взглядъ на нее, вѣра въ ея будущее! Работа не только для данной минуты, а для грядущихъ поколѣній, чтобы не ждать отъ нашей работы вознагражденія въ ближайшемъ будущемъ, но и нравственнаго удовлетворенія и успокоенія въ сознаніи исполненнаго долга. Отвѣтственность наша предъ ними велика, и горе будетъ нашимъ тѣнямъ, когда, возросши и понявъ, оцѣнивъ наши ошибки, нашу безпечность, наше прохожденіе «надъ міромъ безъ шума и слѣда»,

- Прахъ нашъ съ строгостью судьи и гражданина
- Потомокъ оскорбитъ презрительнымъ стихомъ,
- Насмѣшкой горькою обманутаго сына
- Надъ промотавшимся отцомъ»...

Н. Позняковъ.

РУССКАЯ ЦЕРКОВЬ, ПОСТРОЕННАЯ НА АНГЛІЙСКІЯ ДЕНЬГИ.

ЗЪ ВСѢХЪ существующихъ въ настоящее время націй, можетъ быть, не найдется еще двухъ, взаимныя отношенія которыхъ были бы такъ странно основаны въ теченіе долгаго періода времени на цѣломъ рядѣ недоразумѣній, какъ это было относительно Россіи и Англіи. Цѣпь самыхъ разнообразныхъ политическихъ событій и движеній на сценѣ международнаго театра постоянно вела къ тому, что Англія и Россія, во-первыхъ, не знали другъ друга близко, вторыхъ, постоянно подозрѣвали другъ въ другѣ исключительно враждебныя намѣренія. Какъ обоюдные друзья Бенедикта и Беатриче въ шекспировской комедіи вселили въ нихъ увѣренность, что они другъ друга любятъ, такъ обоюдные враги Англіи и Россіи постоянно старались вселить въ нихъ увѣренность, что они другъ друга ненавидятъ. Но пока все это совершалось въ области международной политики, русскій и англійскій народы всегда умѣли другъ друга понимать и цѣнить въ области частныхъ и общественныхъ отношеній. Вопросъ этотъ настолько интересенъ и настолько въ то же время обширенъ, что не мѣшало бы его освѣтить надлежащимъ образомъ, безпристрастно и искренно.

Я не беру на себя въ настоящее время такой задачи и, ограничиваясь указаніемъ на нее, расскажу интересный эпизодъ, бывшій въ 1652 г. въ мирѣ торговыхъ отношеній между англійскими и русскими купцами.

Въ это время, въ царствованіе второго царя изъ династіи Романовыхъ, Алексѣя Михайловича, жилъ въ г. Костромѣ московскій

купецъ Кирилль Григорьевичъ Исаковъ. Предметомъ его торговли были краски, и краски эти онъ покупалъ въ Англіи. Преданіе не сохранило ни имени города, откуда получались краски, ни имени англійскаго купца, который ихъ высылалъ Исакову. И то, и другое, разумѣется, крайне жалко, потому что, при посылкѣ одного изъ транспортовъ съ красками, случилось происшествіе, которое бываетъ не со всякимъ городомъ и не со всякимъ купцомъ. А случилось слѣдующее. Купецъ Исаковъ, распечатавъ одинъ изъ транспортовъ, былъ очень удивленъ вѣсомъ одного боченка съ красками и, раскрывъ его, удивился еще болѣе, потому что вмѣсто красокъ въ боченкѣ находились слитки чистаго золота. Или люди были въ то время честнѣе, или некуда было дѣваться съ такимъ боченкомъ, Исаковъ написалъ обо всемъ своему англійскому купцу и въ отвѣтъ на это получилъ отъ него порученіе—употребить золото на богоугодное дѣло. Должно быть, въ XVII вѣкѣ богоугодное дѣло понималось только въ одномъ смыслѣ—въ смыслѣ построенія церкви: по крайней мѣрѣ порученіе англійскаго купца было понято именно такъ. Такъ Исаковъ и сдѣлалъ.

Была въ это время въ Костромѣ старинная церковь, построенная въ память Воскресенія Христа. Эта церковь была построена въ концѣ XIV или въ началѣ XV вѣка и находилась на «нижней дебрѣ» (нижній боръ или лѣсъ). Письменное указаніе на нее встрѣчается не ранѣе 1628 г. и не говоритъ, кто и когда ее построилъ; устное же преданіе приписываетъ ея постройку князю Василию Ярославичу Костромскому, который, по словамъ этого же преданія, часто охотился въ «нижней дебрѣ» на дикихъ звѣрей, содержалъ тамъ даже своихъ придворныхъ охотниковъ и по неизвѣстной причинѣ вздумалъ тамъ воздвигнуть храмъ¹⁾. Храмъ этотъ былъ деревянный. Хотя деревянные церкви строились въ то время изъ такихъ прочныхъ матеріаловъ, какъ дубъ или красная сосна, и существовали по 200—300 лѣтъ, но все-таки время дѣлало свое дѣло, и къ 1652 году церковь на «нижней дебрѣ» уже совсѣмъ обветшала. На мѣстѣ этой-то старой церкви и по ея образцу вздумалъ Исаковъ построить церковь на англійское золото. Къ тому времени «нижняя дебря» порядочно порѣдѣла, вмѣсто густаго лѣса съ дикими звѣрьми осталась только тѣнистая роща, и среди этой рощи явилась новая каменная церковь, которая, по мнѣнію русскихъ археологовъ, является однимъ изъ замѣчательныхъ памятниковъ русской архитектуры XVII вѣка. Преданіе и надпись на церкви (на восточной стѣнѣ юго-западнаго столпа) свидѣтельствуютъ, что Исаковъ не ограничился англійскимъ золотомъ; онъ открылъ еще сборъ пожертвованій отъ костромичей, и такимъ образомъ по-

¹⁾ См. статью Н. Б. въ «Костромскихъ Епарх. Вѣдомостяхъ», 15 апрѣля 1892 г., № 8—«Воскресенская церковь, что на Дебрѣ, въ г. Костромѣ».

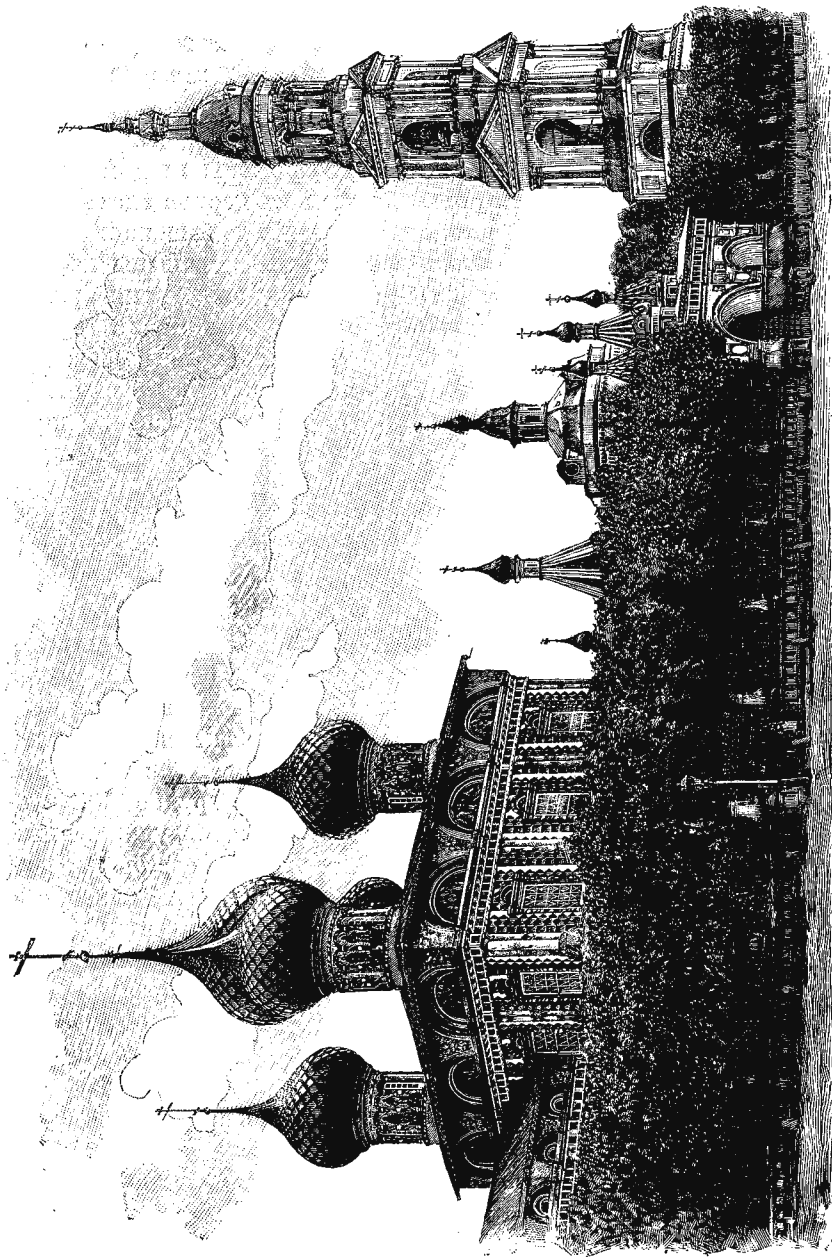
стройка церкви явилась результатомъ соединенія денежныхъ средствъ Костромы и Англии.

Описываемая церковь считается также построенною въ честь Воскресенія Христа, существуетъ донынѣ, тщательно поддерживаемая, и носить печать того времени и тѣхъ обстоятельствъ, при которыхъ была выстроена: 1) во-первыхъ, она находится на улицѣ, которая называется до сихъ поръ «Нижняя Дебря»; разумѣется, теперь здѣсь нѣтъ уже не только дикаго лѣса, но даже тѣнистой рощи, и «дебря» превратилась въ заселенную, застроенную домами улицу, а отъ рощи сохранилось только воспоминаніе въ видѣ нѣсколькихъ старыхъ окружающихъ церковь деревьевъ; 2) во-вторыхъ, церковь выстроена въ строго выдержанномъ стилѣ русской архитектуры XVII вѣка и, 3) въ-третьихъ, вмѣстѣ съ другими орнаментами на стѣнахъ церкви и входныхъ портиковъ красуются «англійскіе гербы» ¹⁾.

Внѣшній видъ церкви необыкновенно красивъ. Прилагаемый рисунокъ не можетъ, конечно, даже въ половину дать представленіе объ этой красотѣ какъ по слишкомъ малымъ размѣрамъ, такъ и по отсутствію красокъ, которыя и составляютъ вмѣстѣ съ орнаментами всю оригинальность внѣшняго вида церкви. Впечатлѣніе его такъ своеобразно и сильно, что было бы очень интересно воспроизвести изображеніе средствами живописи.

Прилагаемый рисунокъ изображаетъ общій видъ церкви и часть улицы «Нижняя Дебря». Влѣво виденъ уголъ дома, между которымъ и церковью влѣво идетъ улица, а отъ улицы церковь отдѣляется оградой—на свѣтло-коричневомъ каменномъ фундаментѣ зеленая желѣзная рѣшетка, раздѣленная столбиками въ видѣ вазъ съ гранями, въ которыхъ чередуются зеленый и розовый цвѣта. Вышина церкви, считая отъ основанія до верхней конечности креста на средней главѣ — $149\frac{1}{3}$ футовъ, длина около 153 футовъ, а ширина $141\frac{1}{2}$ футъ. Зданіе увѣнчано пятью чешуйчатыми главами зеленого цвѣта. Всѣхъ главъ на зданіяхъ церкви 12. Все зданіе снаружи украшено розетками, переплетенными лентами, окаймляющими двуглавыхъ орловъ изъ известковаго камня, квадратами въ видѣ шахматныхъ полей, вазами и кувшинами. Среди кирпичныхъ косоновъ сдѣланы розетки съ изображеніями звѣрей и птицъ. Краски необыкновенно пестры и въ оригинальныхъ сочетаніяхъ. Зданіе церкви построено въ два этажа: въ нижнемъ этажѣ склепы, въ которыхъ похороненъ и строитель церкви Исаковъ, а во второмъ этажѣ самый храмъ.

¹⁾ Собственно говоря, никакихъ англійскихъ гербовъ нѣтъ—есть только изображенія различныхъ звѣрей, и въ числѣ ихъ очень рельефныя изображенія львовъ; тѣмъ не менѣ эти изображенія считаются всѣми за изображенія англійскихъ гербовъ, и такое мнѣніе не оставляетъ никакихъ сомнѣній въ дѣйствительномъ источникѣ столь долго и точно сохранившагося народнаго преданія.

Церковь Воскресения Христа въ Костромѣ.

Церковь съ трехъ сторонъ окружена крытой галлереей, папертиями и тремя входными портиками оригинальной формы—въ видѣ шатровъ. Углы и стѣны церкви украшены гладкими колоннами. Въ правой части рисунка изображена колокольня церкви—ярко бѣлаго цвѣта съ чуть замѣтнымъ голубымъ отсвѣтомъ, завершающаяся темно-синимъ куполомъ (колокольня выстроена сравнительно очень недавно).

Внизу около колокольни на рисункѣ изображены входныя, такъ называемыя «святыя ворота», отъ которыхъ къ церкви идетъ крытый корридоръ. Вышина воротъ отъ основанія до башенокъ— $18\frac{2}{3}$ фута, а ширина около 33 футовъ. Ворота также украшены изображениями въ розеткахъ звѣрей и птицъ; внизу между двумя арками изображенъ фениксъ, а вправо отъ второй арки—«англійскій гербъ». На воротахъ находятся три башни чрезвычайно своеобразнаго стиля: пьедесталъ ихъ состоитъ изъ 8-ми квадратовъ въ рамкахъ, середина — изъ двойнаго карниза, а верхъ изъ 8-ми арокъ; надъ этими арками на каждой башнѣ конусъ, оканчивающійся глухимъ фонаремъ, а на фонарѣ въ формѣ груши глава, увѣнчанная вызолоченнымъ мѣднымъ крестомъ. Ворота арки и куполы обращаютъ на себя вниманіе, какъ и церковь, крайне оригинальнымъ сочетаніемъ зеленаго, розоваго и синяго цвѣтовъ.

Внутренній видъ церкви еще болѣе оригиналенъ; но такъ какъ описаніе его заняло бы слишкомъ много мѣста и безъ нагляднаго изображенія было бы не совсѣмъ ясно, я ограничусь указаніемъ нѣсколькихъ достопримѣчательностей внутренней части церкви. Среди этихъ достопримѣчательностей несомнѣнно первое мѣсто занимаютъ царскія врата въ лѣвомъ придѣлѣ церкви: врата эти очень старинныя (XII—XIV вѣка), чрезвычайно трудной и искусной работы, деревянныя, въ два створа, рѣзныя, украшенныя тонкимъ, чеканнымъ, листовымъ, вызолоченнымъ серебромъ; каждый створъ состоитъ изъ 4-хъ неправильныхъ, помѣщающихся одинъ надъ другимъ, квадратовъ, въ каждомъ квадратѣ рѣзное клеймо въ видѣ пятиглавой церкви, а въ среднемъ клеймѣ образа, изъ которыхъ особенно обращаетъ на себя вниманіе образъ св. Маріи, изображенной прядущею ленъ, съ веретеномъ въ рукахъ (такое изображеніе есть въ Россіи еще въ двухъ церквахъ въ Москвѣ: въ Успенскомъ соборѣ и въ храмѣ Христа Спасителя). Затѣмъ изъ произведеній живописи особенно интересны въ церкви: 1) написанный въ XVI вѣкѣ образъ «Воскресенія Христа» и 2) пожертвованный строителемъ церкви Исаковымъ въ XVII вѣкѣ образъ Ѳеодоровской Божіей Матери; а изъ другихъ предметовъ—два восьмиконечныхъ на престольныхъ серебряныхъ вызолоченныхъ креста, унизанныхъ жемчугомъ, одинъ съ надписью: «лѣто 7190 декемвриа», а другой, украшенный 4-мя камнями, съ надписью: «лѣто

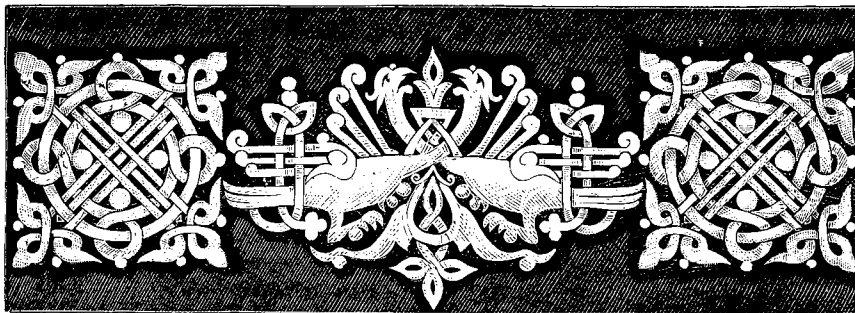
7153 мѣсяца іюля въ 24-й день», и Евангеліе in-quarto, напечатанное въ Кутейнѣ въ 1651 году.

Церковь возбуждаетъ постоянно большой интересъ въ археологахъ и ежегодно привлекаетъ цѣлый рядъ туристовъ, прїѣзжающихъ ее осматривать. Среди другихъ церквей Костромы и даже Россіи она является одною изъ выдающихся по своеобразной красотѣ и оригинальности, а «англійскіе гербы» дѣлаютъ ее совершенно исключительной.

Сохранившись съ XVII вѣка, она является какъ бы живымъ памятникомъ тѣхъ добрыхъ торговыхъ отношеній между англійскими и русскими купцами, которыя существовали въ доброе старое время, когда и Англія была, по словамъ англичанъ, «old werry England», и мнѣ хочется вѣрить, что недолго уже этому памятнику прошлаго дожидаться того времени, когда и настоящія отношенія между двумя великими націями сдѣлаются такими же дружественными, какими были въ тѣ времена отношенія англійскихъ и русскихъ торговыхъ людей. Мнѣ хочется вѣрить, что великія слова, повторенныя въ Чикаго на всемірномъ конгрессѣ религій президентомъ Бонне — «Слава въ вышнихъ Богу, и на землѣ миръ, въ чловѣкахъ благоволеніе», — будутъ съ облегченнымъ сердцемъ и глубокимъ чувствомъ любви повторены всѣми націями земного шара. И да будетъ это какъ можно скорѣе!

Анатолій Кремлевъ.

РУССКІЙ СОЦІАЛИСТЪ XVII ВѢКА.

ОСПРОИЗВОДИМЫЕ въ настоящей книжкѣ «Историческаго Вѣстника» портреты Стеньки Разина сняты съ заграничныхъ лубочныхъ изображеній Стеньки, находящихся въ извѣстномъ собраніи старинныхъ гравюръ П. Я. Дашкова. Всѣ эти лубки изданы были въ Аугсбургѣ, въ эпоху, очень близкую ко времени казни Разина, т.-е. въ послѣднюю четверть XVII вѣка. Такимъ образомъ, мы имѣемъ дѣло съ портретами почти современными. Конечно, аугсбургскіе издатели дѣлали свои лубки не съ портрета, писаннаго съ натуры, а основываясь на разказахъ людей, пріѣзжавшихъ изъ Россіи, или же пускали въ оборотъ изображенія совершенно фантастическаго характера. Вслѣдствіе этого мы не имѣемъ никакого ручательства за то, что аугсбургскіе лубки хотя бы приблизительно вѣрно передаютъ намъ фязіономію русскаго соціалиста XVII вѣка. Однако, воспроизводимые здѣсь портреты не лишены интереса, и вотъ въ какомъ отношеніи. Мы имѣемъ 4 портрета, которые, очевидно, представляютъ переработку двухъ первоначальныхъ типовъ: одинъ типъ изображаетъ Стеньку съ бородой и въ восточномъ костюмѣ, другой—безъ бороды и въ кафтанѣ. Который изъ типовъ ближе къ истинѣ, определить трудно, за неизмѣнимъ хорошаго современнаго описанія наружности Стеньки; но замѣтимъ, что восточное одѣяніе перваго типа не должно насъ приводить къ заключенію о полной несообразности этого портрета съ дѣйствительностью: мы знаемъ, что, возвратясь изъ персидскаго

похода, Разинъ дѣйствительно ходилъ въ персидской одеждѣ. Въ собраніи П. Я. Дашкова имѣется 4 различныхъ изданія портретовъ перваго типа. Эти изданія легко отличаются одно отъ другого разницей въ надписяхъ на нихъ. Но П. Я. Дашковъ, кромѣ того, видѣлъ еще 2 особыхъ изданія того же типа въ берлинскомъ музеѣ, 2—въ британскомъ и 4 въ разныхъ частныхъ коллекціяхъ гравюръ. Такимъ образомъ, намъ извѣстно 12 изданій портретовъ перваго типа. Надо принять во вниманіе, что лубокъ свободно выдерживаетъ 800 оттисковъ, между тѣмъ встрѣчаются оттиски очень неясные, то-есть сдѣланные съ совершенно стертыхъ лубковъ. Слѣдовательно, смѣло можно утверждать, что портретовъ перваго типа разошлось не менѣе 10.000 экземпляровъ. Если же принять во вниманіе, что извѣстны далеко не всѣ изданія, то эта цифра должна быть еще значительно возвышена. Подобныхъ свѣдѣній о второмъ типѣ мы не имѣемъ, но, конечно, и онъ выдержалъ не одно изданіе. Кромѣ того, въ собраніи П. Я. Дашкова есть портретъ Стеньки, гравированный на мѣди Павломъ Фюрстомъ, при-мыкающій къ первому типу. Мѣдная доска, разумѣется, должна была выдержать несравненно большее количество оттисковъ, чѣмъ лубокъ. Если ко всему сказанному прибавить, что лубочные портреты Стеньки продавались приблизительно по 50 коп. за экземпляръ на наши деньги, а гравюра на мѣди—по 10 рублей, то мы по истинѣ должны будемъ изумиться, до какой степени интересовались Стенькой за границей, если, несмотря на такую, довольно высокую, цѣну, его портреты разошлись въ такомъ громадномъ количествѣ экземпляровъ. Притомъ замѣтимъ, что интеллигенція покупала, надо полагать, дорогой портретъ работы Фюрста, а аляповатые лубки расходились среди народной массы.

Въ послѣдующемъ изложеніи мы напомнимъ вкратцѣ исторію бунта Стеньки Разина и постараемся выяснитъ, какое значеніе имѣло появленіе на исторической аренѣ этой личности, возбудившей къ себѣ такой интересъ въ современной западной Европѣ.

I.

Баре и мужики.

«Народъ, единокровный нашъ народъ разрозненъ съ нами и навѣки! Если бы какимъ нибудь случаемъ сюда занесенъ былъ иностранецъ, который бы не зналъ русской исторіи за цѣлое столѣтіе, онъ, конечно, бы заключилъ, что у насъ господа и крестьяне происходятъ отъ двухъ различныхъ племенъ».

Грибоводовъ.

Въ 1876 году произошла интересная полемика между Ѡ. М. Достоевскимъ и г. Авсѣнкомъ. Достоевскій въ февральскомъ номерѣ «Дневника Писателя» высказалъ мысль, что мы, то-есть интелли-

генція, должны преклониться передъ народомъ и ждать отъ него всего: и мысли, и образа, преклониться передъ правдой народной и признать ее за правду. Противъ этой мысли возсталъ г. Авсе́нко въ мартовской книжкѣ «Русскаго Вѣстника». Онъ соглашался, что народъ имѣеть нѣкоторыя прекрасныя качества, что на плечахъ его, на его терпѣннн и самопожертвованіи, на его живучей силѣ, горячей вѣрѣ и великодушномъ презрѣннн къ собственнымъ интересамъ—создалась независимость Россіи, ея сила и способность къ историческому призванію и т. д., но интеллигенту нечему учиться у мужика, потому что всѣ добродѣтели народныя носятъ характеръ стихійности и пассивности, а какъ только выдѣляется изъ народа дѣятельная и энергическая личность, такъ она и отливається въ форму кулака, міроѣда и самодура. Глубоко возмущенный такимъ воззрѣніемъ на народъ Достоевскій сдѣлалъ г. Авсе́нко горячую отповѣдь. Объ указалъ на противорѣчіе, скрывающееся въ словахъ его противника. Если народъ вынесъ на своихъ плечахъ Россію, а всѣ дѣятельныя личности изъ народа были кулаками, то выходитъ, что кулаки-то и создали Россію. «Значить, всѣ наши святые митрополиты,—воскликаетъ Достоевскій,—всѣ благочестивые князья наши, всѣ бояре и земскіе люди, имена которыхъ благоговѣнно сохранила исторія,—все это были только міроѣды, кулаки и самодуры. Можетъ быть, г. Авсе́нко не про тогдашнихъ говоритъ, а про теперешнихъ. Но въ такомъ случаѣ выходитъ, что нашъ народъ переродился? И про какой же теперешній народъ говоритъ г. Авсе́нко? Откуда онъ его начинаетъ? Съ реформы Петра? Съ культурнаго періода? Съ окончательнаго закрѣпощенія? Но въ такомъ случаѣ культурный г. Авсе́нко самъ себя выдаетъ; всякій скажетъ ему тогда: стоило васъ культурить, чтобы взаи́мнъ того развратить народъ и обратить его въ однихъ кулаковъ и мошенниковъ? Неужели-жъ народъ нашъ, закрѣпощенный ради вашей же культуры, послѣ двухсотлѣтняго рабства своего заслужилъ отъ окултурившагося челоуѣка, вмѣсто благодарности или даже радости, лишь одинъ только этотъ высококо́брный плевокъ про кулаковъ и мошенниковъ. За васъ же былъ онъ двѣсти лѣтъ связанъ по рукамъ и по ногамъ, чтобы вамъ ума изъ Европы прибыло, и вотъ вы, избоченившись предъ связаннымъ и оглядывая его съ культурной высоты своей, вдругъ заключаете о немъ, что «плохъ и пассивенъ и мало выказалъ дѣятельности (это связанный-то), а проявилъ лишь нѣкоторыя пассивныя добродѣтели, которые въ сущности не стоили мѣднаго гроша, потому что чуть только народъ начнетъ дѣйствовать, какъ тотчасъ же является кулакомъ и мошенникомъ».

Эта полемика задѣваетъ вопросъ первостепенной важности: вопросъ объ отношеніяхъ между русской интеллигенціей и народомъ, двумя силами, которыя не только чужды и непонятны, но

Стенька Разинъ въ восточномъ костюмѣ.
Съ лубочнаго портрета, изданнаго въ концѣ XVII вѣка въ Аугсбургѣ.

даже почти враждебны одна другой, хотя и находятся въ тѣсной и необходимой взаимной связи. Мужикъ и баринъ—люди двухъ совершенно различныхъ міровъ; у нихъ гораздо меньше общаго, чѣмъ, напримѣръ, у французскаго и русскаго интеллигента. Разумѣется, такое положеніе вещей въ высшей степени неестественно, и когда нибудь да должны же эти двѣ силы понять другъ друга и примириться. Мы твердо вѣримъ, что рано ли, поздно ли это примиреніе состоится, но при современномъ положеніи дѣлъ нѣтъ возможности указать ни времени, когда это произойдетъ, ни почвы, на которой сойдутся обѣ стороны. Но во всякомъ случаѣ мужикъ и баринъ поймутъ другъ друга и примирятся только тогда, когда будутъ уничтожены тѣ причины, которыя породили эту разнь. Этихъ причинъ двѣ. Первая причина имѣетъ характеръ чисто культурный.

Нѣтъ сомнѣнія, что мужикъ всегда былъ тѣмъ могучимъ корнемъ, который невидимо, зарывшись въ землю, добывалъ жизненные соки, питавшіе наше государство и интеллигенцію. Вѣдь на терпѣливыхъ мужицкихъ плечахъ Русь вознеслась на такую высоту, вѣдь мужицкій горбъ доставлялъ нашей интеллигенціи средства для расширенія ея кругозора. И занятый этой тяжелой, черной работой мужикъ, конечно, не имѣетъ времени заботиться о своемъ образованіи и просвѣщеніи. Въ то время, какъ высшіе классы нашего общества, сдвинутые съ мѣста петровской реформой, пошли учиться уму-разуму у Западной Европы и подъ ея вліяніемъ вырабатывали новое міросозерцаніе, совершенно несходное съ прежнимъ русскимъ, мужикъ остался при старомъ, а, можетъ быть, закрѣпощенный и униженный, онъ позабылъ много хорошаго и изъ завѣтовъ старины. Во всякомъ случаѣ, между мужикомъ и баринкомъ легла культурная бездна, а изъ нея легко вытекли обоюдное непониманіе и вражда.

Въ настоящее время эта причина уже вполнѣ сознана, и сдѣланы, хотя и небольшіе, но все же кое-какіе шаги къ ея уничтоженію. Съ одной стороны у насъ очень много и небезплодно заботятся о народномъ образованіи, а съ другой стороны баринъ сталъ повнимательнѣе приглядываться къ мужику, искренно желая понять его, не отказываясь позаимствовать отъ него то, что окажется годнымъ. Въ то же время лучшіе наши историки углубляются въ изученіе допетровской Руси, чтобы уяснить тѣ начала, коими двигалась наша исторія въ теченіе 800 лѣтъ, тѣ идеалы, которые она успѣла за это время выработать. И опять таки эти чисто-русскія начала и чисто-русскіе идеалы добываются для того, чтобы сообразно съ ними переработать западно-европейскія идеи. Все идетъ къ тому, чтобы пресѣчь слѣпое подражаніе западу, а позаимствовать отсюда только то, что не противорѣчитъ русскому духу, и что можетъ быть полезнымъ для насъ. Невольно припоминаются по этому поводу

слова, сказанныя однимъ весьма уважаемымъ и почтеннымъ московскимъ профессоромъ. Заканчивая свой курсъ въ университетѣ, онъ обратился къ своимъ слушателямъ съ такими словами: «умственная работа современной интеллигенціи должна прежде всего на-

Стенька Разинъ въ восточномъ костюмѣ.

Съ гравюры XVII вѣка.

правиться на провѣрку усвоенныхъ нами чужихъ идей и на внимательное изученіе русской дѣйствительности. Поколѣніе, которое воспиталось подъ вліяніемъ реформъ минувшаго царствованія, до боли чувствовало настоятельность разрѣшенія той и другой задачи. Надо признаться, что это поколѣніе, къ которому принадлежитъ и

«истор. вѣстн.», октябрь, 1895 г., т. LXII.

говорящій, доселѣ плохо разрѣшало свои задачи, и надо думать, что оно сойдетъ съ поприща, не разрѣшивши ихъ. Но оно сойдетъ съ увѣренностью, что вы и тѣ, которыхъ вы будете воспитывать, разрѣшите ихъ лучше насъ». Вотъ поистинѣ прекрасный завѣтъ, котораго никогда не слѣдуетъ забывать.

Другая причина розни между народомъ и интеллигенціей гораздо древнѣе первой. Петровская реформа только подлила масла въ огонь, а рознь между различными классами русскаго общества пустила свои корни еще во время созиданія Московскаго государства. Это созиданіе потребовало громадныхъ жертвъ отъ русскихъ людей, которыя ложились тяжкимъ бременемъ на всѣ классы вообще и на народъ въ особенности. И крестьяне обѣднѣли и попали въ зависимость отъ служилаго класса, который стремился закрѣпить за собой рабочія руки посредствомъ долговыхъ обязательствъ. Затѣмъ появилось крѣпостное право, окончательно лишившее крестьянъ свободы. Тяжело приходилось обнищавшему и терявшему свободу народу, и среди него начался протестъ, который первоначально выразился въ пассивной формѣ: всякіе людишки побрели разное, то-есть стали уходить изъ владѣній московскаго государя и селиться въ вольныхъ степяхъ по Дону и его притокамъ. Но вотъ наступила смута. На Руси не стало царя, единственной силы, которая своимъ авторитетомъ сдерживала активный протестъ всѣхъ недовольныхъ московскими порядками. Всѣ классы русскаго общества заводновались и выступили со своими требованиями. Поднялся и черный народъ, представителями котораго явились именно казаки изъ вольныхъ степей, казаки, бывшіе плотью отъ плоти и костью отъ кости народа, не забывавшіе своей связи съ народомъ. И пошли казаки противъ бояръ и всѣхъ, кто превратилъ вольнаго хлѣбопашца въ кабальнаго холопа, лишеннаго свободы; пошли они освободить изъ кабалы своихъ братьевъ, хотя бы для этого и пришлось разрушить весь государственный строй. Но на Руси оказалось все же гораздо больше приверженцевъ государственнаго порядка, хотя бы и неудовлетворительнаго, чѣмъ казацкой анархіи; и казаки потерпѣли полную неудачу. Однако путь казацкимъ шайкамъ къ Москвѣ былъ уже показанъ, и донская гольтыба никогда о немъ не забывала. Надежда сломить государство не потухла на Дону, и достаточно было появиться среди казаковъ энергичной и могучей личности, чтобы мятежъ загорѣлся съ новой силой. Такая личность недолго заставила себя ждать. Явился Стенька Разинъ, кликнулъ кличъ гольтыбѣ и холопамъ—и мужики опять поднялись на баръ.

II.

Донъ въ XVII вѣкѣ.

Ко времени Стеньки Разина тихій Донъ былъ уже давно не тѣмъ, чѣмъ онъ былъ лѣтъ за 100 раньше. Тогда всякій пришедшій на Донъ становился сразу и безъ всякихъ формальностей полноправнымъ членомъ вольной общины, которая жила набѣгами на сосѣднихъ иновѣрцевъ—турокъ, татаръ и калмыковъ. Всѣ члены общины имѣли совершенно равныя права, и казаки ни отъ кого не зависѣли. Ко второй половинѣ XVII вѣка все это перемѣнилось. Всякій новый пришелецъ становился казакомъ только тогда, когда это позволялъ кругъ, то-есть казацкое вѣче, а до тѣхъ поръ онъ оставался простымъ бурлакомъ и служилъ въ наймитахъ у настоящихъ казаковъ. Общее количество полноправныхъ казаковъ было невелико и въ ту эпоху едва ли простиралось за 6.000; все остальное, довольно многочисленное населеніе Дона состояло именно изъ такихъ бурлаковъ, которые лично были безусловно свободны, но въ сущности во всемъ зависѣли отъ казаковъ. Затѣмъ среди казачества появилось раздѣленіе на двѣ группы по имуществу: были казаки домовитые и были голутвенные. «Первые были люди важиточные, много испытывшіе на своемъ вѣку, ходившіе во многіе походы, стяжавшіе себѣ уваженіе. Эта часть казаковъ, имѣя извѣстный достатокъ, была наиболѣе устойчива, не поддавалась искушенію грабежей». Наоборотъ, голутвенные, «не имѣя чѣмъ прокормиться, искали себѣ пропитанія въ грабежѣ. Благодаря отсутствію у нихъ имущества, имъ терять было нечего, а потому они всегда были готовы принять участіе въ походѣ, или въ какой либо воровской шайкѣ, идущей добывать себѣ зипуны грабежемъ, разбивая идущія по Волгѣ суда или нападая на калмыковъ и азовцевъ. Такой способъ прокормленія представлялся для голытьбы единственнымъ, потому что хлѣбопашество въ землѣ Донскихъ казаковъ было запрещено подъ угрозой разоренія и смертной казни»¹⁾.

Въ то же время исчезала мало-по-малу и независимость казачества. Еще при Иванѣ Грозномъ московскій посоль уговаривалъ казаковъ вступить на службу великаго государя и подстергать крымскихъ людей, когда они пойдутъ на московскія украины, или будутъ возвращаться съ полономъ, и тогда промыслятъ надъ ними. За такую службу казакамъ предлагалось жалованье: селитра и свинець. Казаки согласились, и съ тѣхъ поръ московское жалованье, постоянно увеличиваясь, къ срединѣ XVII вѣка дошло до 2.000

¹⁾ «Расколъ на Дону въ концѣ XVII вѣка», послѣдованіе В. Г. Дружинина, стр. 15—16.

рублей деньгами, 2.000 четвертей хлѣба, значительнаго количества сукна, пороха и свинца. Но это жалованье, дѣлившееся между казаками, налагало на нихъ одно обязательство, почти не выполнимое: именно, они должны были прекратить нападенія на сосѣдніе народы, съ которыми московскій государь былъ въ мирѣ. Казаки очень плохо исполняли это условіе, и турки, и крымцы постоянно жаловались въ Москву на казацкіе грабежи, обвиняя царя въ подстрекательствѣ донцовъ. Въ Москвѣ всегда отговаривались тѣмъ, что на Дону живутъ воры, бѣглецы люди, безъ государева вѣдома; однако же не переставали посылать этимъ ворами жалованье, послали даже имъ знамя, даровали право безпошлинной торговли въ украинныхъ городахъ. А когда слухи объ этомъ доходили до турокъ и татаръ, то изъ Москвы заявляли, что все это неправда, что это кто-то сказалъ, чтобы поссорить русскихъ съ сосѣдями, что, хотя бы казаковъ и всѣхъ побили, то Москвѣ стоять за нихъ не за что. Тѣмъ не менѣе на Донъ постоянно посылались увѣщанія о прекращеніи набѣговъ, и чѣмъ дальше, тѣмъ настойчивѣе и требовательнѣе становился тонъ этихъ увѣщаній; подъ конецъ даже прямо стали грозить, что отнимутъ у казаковъ всѣ привиллегіи и прекратятъ жалованье за такое непослушаніе. Домовитые казаки безпрекословно подчинялись этому требованію, такъ какъ московское жалованье въ соединеніи съ ихъ собственными доходами давало имъ возможность существовать вполне безбѣдно. Другое дѣло были люди голутвенные, бурлаки—имъ жалованья не доставалось, своихъ достатковъ у нихъ не было, и кромѣ какъ грабежемъ жить имъ было нечѣмъ. Такимъ образомъ въ этомъ пунктѣ непримиримѣйшимъ образомъ столкнулись интересы стараго, кореннаго казачества и новоприбывшей голытьбы. Домовитые тянули къ Москвѣ, голытьба была противъ Москвы. Помимо заботы о хлѣбѣ насущномъ, голытьбу удерживало отъ подчиненія Москвѣ свѣжее воспоминаніе о тѣхъ бѣдствіяхъ, которыя заставили голутвенныхъ людей бѣжать съ земель великаго государя и которыя успѣли совершенно изгладиться въ памяти домовитыхъ казаковъ.

Итакъ, ко времени Стеньки Разина на Дону было незначительное количество полноправныхъ и зажиточныхъ казаковъ, которые были склонны подчиняться всѣмъ распоряженіямъ, шедшимъ изъ Москвы, а рядомъ съ ними жила громадная масса голытьбы и бурлаковъ, которая постоянно пополнялась новыми бѣглецами изъ Московскаго государства, масса, склонная постоянно къ грабежу и разбою и въ то же время находившаяся въ тѣснѣйшей связи съ московскими крестьянами, изъ среды коихъ она вышла, и о которыхъ забыло домовитое казачество. Уходя изъ Московскаго государства, голытьба уносила въ своемъ сердцѣ ненависть къ этому государству, вынуждавшему тяглое населеніе къ тяжелымъ, часто непосильнымъ жертвамъ, ненависть къ правящему классу, своими

Степѣнъ Разинъ въ казацкомъ костюмѣ.
Съ лубка, издавнаго въ Аугсбургѣ въ концѣ XVII вѣка.

злоупотребленіями разорявшему многихъ, ненависть къ воеводамъ, приказчикамъ и помѣщикамъ. Только отсутствіе сплоченности между голутвенными людьми да противодѣйствіе домовитыхъ казаковъ и мѣшало этому люду предаться мести своимъ обидчикамъ и заняться грабежемъ.

III.

Степѣнъ Разинъ.

«Это былъ человекъ чрезвычайно крѣпкаго сложенія, предпримчивой природы, гигантской воли, порывчатой дѣятельности. Своенравный, столько же непостоянный въ своихъ движеніяхъ,

сколько упорный въ предпринятомъ разѣ намѣреніи, то мрачный и суровый, то разгульный до бѣшенства, то преданный пьянству и кутежу, то готовый съ нечеловѣческимъ терпѣніемъ переносить всякія лишенія. Въ его рѣчахъ было что-то обаятельное; дикое мужество отражалось въ грубыхъ чертахъ лица его, слегка рябоватаго; въ его взглядѣ было что-то повелительное; толпа чувствовала въ немъ присутствіе какой-то сверхъестественной силы, противъ которой невозможно было устоять, и называла его колдуномъ. Въ его душѣ была дѣйствительно какая-то страшная мистическая тѣма. Жестокій и кровожадный, онъ, казалось, не имѣлъ сердца ни для другихъ, ни даже для самого себя; чужія страданія забавляли его, свои собственныя онъ презиралъ. Онъ былъ ненавистникъ всего, что стояло выше его. Законъ, общество, церковь— все, что связываетъ личныя побужденія чловѣка, все попирала его неустрашимая воля. Для него не существовало состраданія. Честь и великодушіе были ему незнакомы». Вотъ характеристика Стеньки Разина, сдѣланная Н. И. Костомаровымъ. Краски наложены нѣсколько густо, но въ общемъ получается довольно вѣрное изображеніе натуры этого демагога послѣ 1665 года. До этого времени Стенька былъ не таковъ: мы знаемъ, что въ 1661 году весной войско Донское посылало его къ калмыкамъ уговаривать ихъ быть заодно съ казаками, служить государю на крымскаго хана. И Стенька успѣшно выполнилъ это порученіе. Очевидно, что партія домовитыхъ казаковъ считала Разина своимъ приверженцемъ и сторонникомъ московскаго вліянія на Дону, того вліянія, противъ котораго впослѣдствіи такъ вооружился Стенька. Осенью того же года будущій поиратель всѣхъ законовъ божескихъ и чловѣческихъ ходилъ на богомолье въ Соловецкій монастырь. Еще черезъ 4 года мы видимъ Стеньку съ двумя братьями въ рядахъ казаковъ, посланныхъ на помощь московскому государю, воевавшему съ Польшей. Но тутъ-то и произошелъ фактъ, отторгнувшій Разина отъ домовитой партіи, заставившій его проклясть московскіе порядки и возбудившій въ немъ неутолимую жажду мести.

Вспомогательный казацкій отрядъ былъ присоединенъ къ арміи князя Юрія Долгорукаго. Когда приблизилась осень, казаки стали проситься домой. Князь не отпустилъ ихъ. Но казаки считали себя вольными людьми: они думали, что не по долгу, а по доброй волѣ служатъ они бѣлому царю и проливаютъ кровь за его государское здоровье. Поэтому одинъ изъ атамановъ, вопреки приказанію князя, уговорилъ своихъ уйти. Долгорукій догналъ ихъ и немедленно велѣлъ повѣсить своевольнаго атамана. Этотъ атаманъ былъ Разинъ, братъ Стеньки. Самъ Стенька присутствовалъ на казни, видѣлъ, какъ московскій палачъ затянулъ петлю на шею его брата, видѣлъ позорную смерть казака, дерзнувшаго на дѣлъ показать свою вольность. Понятно, что такая картина должна

была поднять въ душѣ Стеньки все, что было тамъ мрачно, сдѣлала для него ненавистнымъ самое имя Москвы и крѣпко ввѣдрила въ душу его пламеннѣйшее желаніе мести, мести, во что бы то ни стало.

Обстоятельства благопріятствовали Стенькѣ. Какъ разъ около этого времени во многіе донскіе городки пришли съ Украйны

Стенька Разинъ въ казацкомъ костюмѣ.
Съ лубка, изданнаго въ Лутсбургѣ въ концѣ XVII вѣка.

бѣглецы боярскіе люди и крестьяне, съ женами и дѣтьми, и оттого появился на Дону голодъ большой. Страшная сила скрывалась въ этой нищѣ, голодной, оборванной массѣ, готовой на все ради куска хлѣба насущнаго. Разинъ понялъ это и сталъ во главѣ голытѣбы. Евреи, насыщенные чудесно Христомъ, готовы были признать Его царемъ своимъ; покорность и обожаніе гулящаго

люда ждали того, кто сумѣетъ добыть имъ зипуны. И Стенька взялся показать имъ путь къ чужому добру, порвавъ всѣ свои связи съ домовитымъ казачествомъ и дѣликомъ перешедши на сторону голытьбы.

«У насъ-то было, братцы, на тихомъ Дону,
 «Породился удалъ добрый молодецъ,
 «По имени Стенька Разинъ Тимоеевичъ;
 «Во казачій кругъ Степанушка не хаживаль,
 «Онъ съ нами, казаками, думу не думываль;
 «Ходиль-гуляль Степанушка во царевъ кабакъ;
 «Онъ думаль крѣпку думушку съ голытьбою!
 — «Сударь мой, братцы, голь кабацкая!
 «Поѣдемъ мы, братцы, въ сине море гулять,
 «Равобьемъ, братцы, басурмански корабли;
 «Возьмемъ мы казны, сколько надобно!»

IV.

Р а з б о й.

Собравъ шайку въ 800 человѣкъ, Стенька попробоваль было прорваться въ море Дономъ, чтобы пограбить Крымскіе берега; но казаки были въ мирѣ съ татарами и заставили Разина вернуться. Сознвая слабость своего отряда, Стенька повернулъ назадъ и поднялся вверхъ по Дону до того мѣста, гдѣ эта рѣка сближается съ Волгой. Тутъ, близъ Паншинскаго городка, на высокихъ буграхъ, окруженныхъ со всѣхъ сторонъ полой водою (была весна), Стенька разбилъ свой станъ. Это мѣсто и прежде служило опорнымъ пунктомъ для воровскихъ казачьихъ шаекъ, которыя на весь Донъ напрасное оглашенство наводили, учиняя разбой на Волгѣ. Стенька также надѣялся достать зипуны своей шайкѣ, пограбивъ волжскіе караваны. Вѣсти о сборахъ Разина скоро достигли до царицынскаго воеводы Андрея Уньковскаго. Встревожился воевода и, видя невозможность справиться съ казаками при помощи слабаго царицынскаго гарнизона, послалъ въ Москву, Саратовъ, Черный Яръ и Астрахань грамоты съ просьбами о присылкѣ подкрѣпленій. Но изъ Москвы прислали наказъ, чтобъ воеводы жили съ великимъ береженьемъ, а гдѣ объявятся воровскіе казаки, посылали бы на нихъ для промысла служилыхъ людей — и только: подкрѣпленій не дали. Въ другихъ же поволжскихъ городахъ гарнизоны такъ же были невелики, такъ что Уньковскому пришлось остаться при прежнихъ ничтожныхъ силахъ, съ которыми онъ, конечно, не могъ предпринять противъ казаковъ никакихъ серьезныхъ мѣръ.

А Стенька тѣмъ временемъ не дремалъ. Шайка его значительно увеличилась вслѣдствіе наплыва охотниковъ до чужого добра. Въ

Взятие Астрахани Стенькой Разиньцъ.
(Ъ рисунокъ, приложеннаго къ «Путешествію» Стрѣйса 1676 года.

концѣ мая онъ переволокъ свои суда на Волгу и напалъ на караванъ съ хлѣбомъ, шедшій въ Астрахань. Казаки, ограбивъ всѣ суда, перебили либо перевѣшали на мачтахъ начальныхъ людей, а нѣкоторыхъ пустили на всѣ четыре стороны, отрубивъ имъ сначала руки. На одномъ суднѣ везли ссыльныхъ; казаки расковали и освободили преступниковъ, и они съ радостью присоединились къ своимъ избавителямъ. «Тѣ ссыльные всякимъ людямъ чинятъ разоренье, мучать и грабятъ пуще прямыхъ донскихъ казаковъ», писали впослѣдствіи воеводы въ Москву.

Послѣ этого подвига Стенька спустился по Волгѣ, минуя Астрахань, по протоку Бузуку вышелъ въ Каспійское море и направился къ Яицкому городку. При помощи хитрости овладѣлъ Разинъ этимъ городомъ и губилъ въ немъ всѣхъ, кто не хотѣлъ присоединиться къ его шайкѣ. Астраханскіе воеводы не знали, что имъ дѣлать со Стенькой: посылали они къ нему увѣщанія отстать отъ воровства, но посланные либо возвращались ни съ чѣмъ, либо и вовсе не возвращались, погибая отъ руки воровского атамана. Пробовали воеводы силой прократить разбои Разина, но отряды стрѣлцкіе одинъ за другимъ терпѣли пораженія отъ казаковъ. А тѣмъ временемъ подвиги Стеньки не прекращались: онъ то грабилъ инородцевъ, кочевавшихъ между Волгой и Ураломъ, то выходилъ въ море и опустошалъ сѣверные берега Каспія. Слухи о богатой добычѣ и непобѣдимости Разина разнеслись по всему казацкому міру, и гулящій людъ отовсюду потянулся примкнуть къ удалцу, умѣющему обогатить своихъ сподвижниковъ. Въ апрѣлѣ проплылъ мимо Царицына Сережка Кривой съ семьєю сотнями голутвенныхъ. Попробовалъ было письменный голова Григорій Авксентьевъ заслонить ему дорогу, да неудачно: казаки разбили его на голову, и сто человѣкъ изъ его отряда добровольно примкнули къ Сережкѣ. Терскіе воеводы доносили, что на соединеніе съ Разинымъ идетъ какой-то Алешка Каторжный съ двумя тысячами конницы, а за нимъ запорожець Баба съ четырьмястами украинскихъ казаковъ— о Разинѣ заговорили уже и въ Запорожьѣ.

Но всѣ эти отряды встрѣтились съ Стенькой не въ Яицкомъ городкѣ: удалому атаману тѣсно показалось на Яикѣ, мало тамошней добычи, и вотъ онъ пустился по Каспійскому морю къ богатымъ персидскимъ берегамъ съ двумя тысячами казаковъ. Разоривъ окрестности Дербента и Баку, Стенька напалъ на Рештѣ, но увидавъ, что тутъ силой взять нельзя, такъ какъ жители приготовились къ оборонѣ, пустился на хитрости. Онъ убѣдилъ рештскихъ властей въ томъ, что онъ прибылъ въ Персію не для грабежа, а желая вступить въ подданство шаха, о мудрости и справедливости котораго идетъ молва во всей землѣ. Для переговоровъ отправилось пять казаковъ въ Испагань. Пока шло обсужденіе вопроса въ столицѣ, казаки, лакомые до вина, разграбили въ Рештѣ какую-

то виноторговлю и напились пьяными. Жители, которымъ пришлось, вѣроятно, терпѣть немало обидъ отъ буйной ватаги Разина, воспользовались этимъ удобнымъ случаемъ для мести и напали на пьяныхъ казаковъ. До 400 человекъ потерялъ тутъ Стенька и поспѣшилъ оставить негостепріимный городъ. Но Разина нельзя было обидѣть безнаказанно: безсильный противъ Решта, онъ выместилъ свою злобу на Ферработъ, который казаки взяли, сожгли до основанія, имущество все разграбили, а жителей частью избили, частью взяли въ плѣнъ. Затѣмъ казаки двинулись дальше вдоль берега, разграбляя и уничтожая все на пути. Понятно, что послѣ этого у персидскихъ властей должны были открыться глаза на истинную цѣль казацкаго похода, и персы дѣятельно стали готовиться къ борьбѣ съ опаснымъ и жестокимъ врагомъ. Построенъ былъ большой флотъ, на него посажено было до 4,000 войска, и эта армада, подъ начальствомъ Менеды-хана астаранскаго, двинулась противъ Разина. Битва произошла возлѣ Свиного острова, и персы были на голову разбиты: только три судна спаслись отъ погрома. Побѣдителямъ досталась большая добыча, и въ томъ числѣ красавица дочь Менеды-хана, которую Стенька взялъ себѣ въ наложницы. Послѣ этой побѣды слава Разина достигла апогея, богатства его были также изумительны. Пора было и уходить отъ персидскихъ береговъ, ибо то, чего ждалъ Стенька отъ этого похода, было достигнуто. Богатство и слава не были конечной цѣлью удалого атамана—нѣтъ, онѣ были для него средствомъ для достиженія другой, дерзкой и необычайной цѣли.

Какой пріемъ ждалъ Стеньку въ Россіи? Нельзя сказать, чтобы особенно немилостивый. Да и не за что было, собственно говоря, карать его. Разгромъ персидскихъ береговъ не представлялся для современниковъ преступленіемъ противъ Россіи: подобные набѣги случались довольно часто, каждый разъ, какъ казакамъ надобно было добыть шипуны. Съ другой стороны, и персидскіе подданные неоднократно обирали русскихъ, такъ что Разинъ, пожалуй, даже мстилъ персамъ за ихъ обиды. Вотъ грабежи на Волгѣ и уничтоженіе московскихъ отрядовъ были виной посерьезнѣе; но и это не было какой нибудь новинкой: непервой донцы побивали стрѣльцовъ, и московское правительство охотно прощало такую вину, если казаки приносили раскаяніе. Что дѣлать! Повинную голову и мечъ не сѣчетъ, да къ тому же казачество было силой, которую уже давно хотѣла Москва забрать въ свои руки, и вовсе не въ видахъ, да отчасти, пожалуй, и не въ силахъ правительство было обуздывать и карать крутыми казаковъ мѣрами. Ясно, значитъ, что и Стенькѣ нечего было опасаться особенно грознаго пріема. И, дѣйствительно, Разинъ еще не вернулся, а у астраханскихъ воеводъ была уже ми-

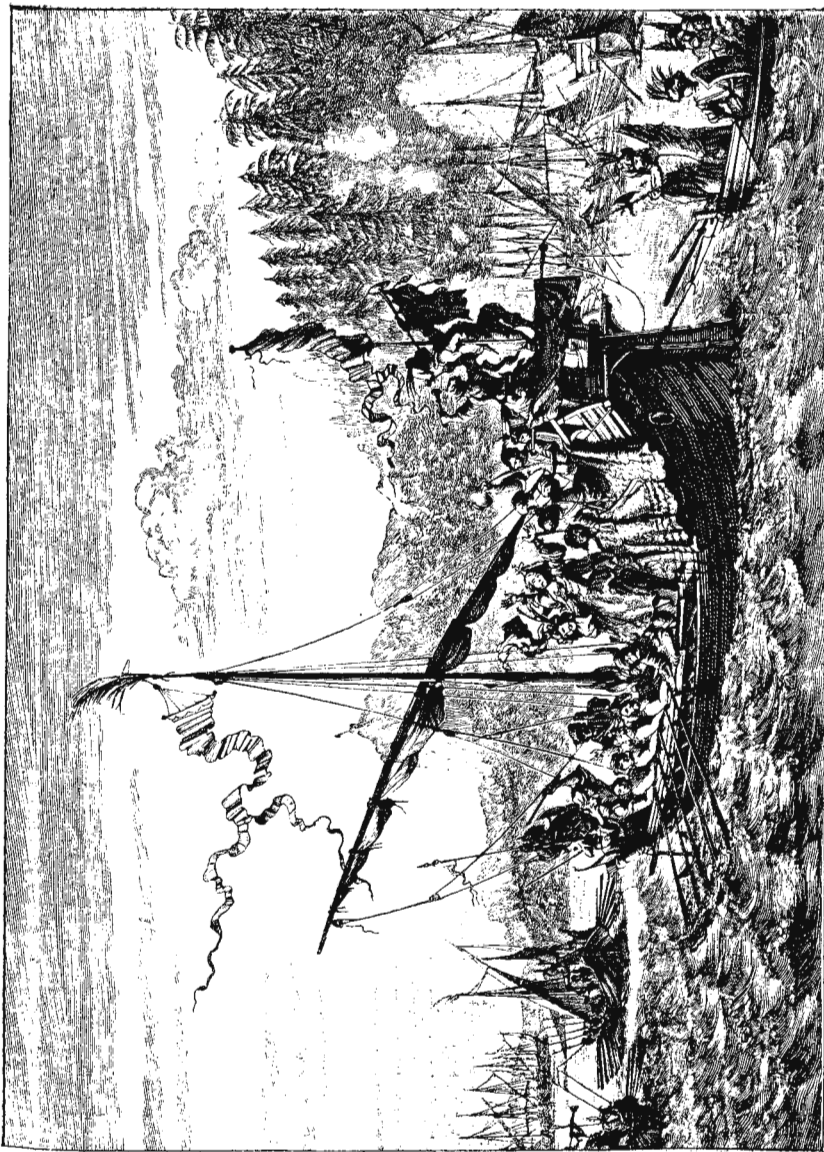
достивая грамота царя Алексѣя, которая прощала Стенькѣ всѣ вины, если онъ отстанетъ отъ воровства и станетъ служить великому государю.

V.

Возвращеніе.

Въ началѣ августа 1669 года прибѣжали въ Астрахань начальные люди и работники съ Учуга Басаги, принадлежавшаго астраханскому митрополиту, и сказали, что на Учугѣ былъ Стенька и взялъ тамъ съѣстныхъ запасовъ да рыболовныя снасти. Вслѣдъ за ними явился къ воеводамъ персидскій купецъ Мухаммедъ-Кулибекъ и съ ужасомъ сообщилъ имъ, что шелъ онъ по Каспійскому морю на бусѣ и везъ въ Астрахань для торгу персидскіе товары; въ устьяхъ Волги, возлѣ урочища Четырехъ Бугровъ напали на него воровскіе казаки, Стенька Разинъ съ товарищи, бусу взяли, всѣ товары разграбили, сына его Сехамбета полонили, а самъ онъ, Мухаммедъ-Кулибекъ, еле живъ отъ нихъ спасся. Получивъ такія вѣсти, воевода астраханскій Прозоровскій немедленно отправилъ противъ Стеньки своего товарища князя Семена Львова съ 4,000 вооруженныхъ стрѣльцовъ на 36 стругахъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ далъ ему и милостивую царскую грамоту.

Увидавъ грозную силу, идущую противъ нихъ, казаки пустились наутекъ, да такъ быстро, что князь Львовъ никакъ не могъ ихъ догнать. Тогда онъ послалъ имъ милостивую грамоту. Казаки, сильно уставшіе, изнуренные болѣзнями, нуждавшіеся въ съѣстныхъ припасахъ, съ радостью приняли грамоту и охотно послѣдовали за Львовымъ въ Астрахань. Казацкій флотъ остановился въ Болдинскомъ устьѣ, а самъ Стенька съ блестящей свитой явился въ приказную избу, и тамъ, въ знакъ покорности, положилъ передъ воеводой свой бунчукъ. Но эта покорность была только кажущаяся. Когда воеводы потребовали, чтобы Стенька выдалъ персидскихъ плѣнниковъ, пушки и струги, возвратилъ награбленное добро и позволилъ произвести перепись своимъ казакамъ, то онъ для виду отдалъ часть плѣнныхъ и орудія, но большую часть удержалъ, добычу возвратить отказался, потому де что она уже подѣлена между его удалцами, а переписи дѣлать не позволилъ, потому что «этого на Дону изстари не повелось». На настойчивыя увѣщанія воеводъ онъ отвѣчалъ дерзостями и вообще ясно показывалъ, что ни въ грошъ ихъ не ставитъ. И воеводы ничего не могли подѣлать съ буйнымъ атаманомъ: онъ сумѣлъ привлечь на свою сторону симпатіи всей астраханской черни и даже стрѣльцовъ, такъ что, если бы воеводы попробовали смирить его открытой силой, то имъ же самимъ пришлось бы плохо: и на-

Стенька Разинъ бросаеъ въ Волгу персидскую княжну.
Съ рисунка, приложеннаго къ «Путешествію» Огюста 1876 года.

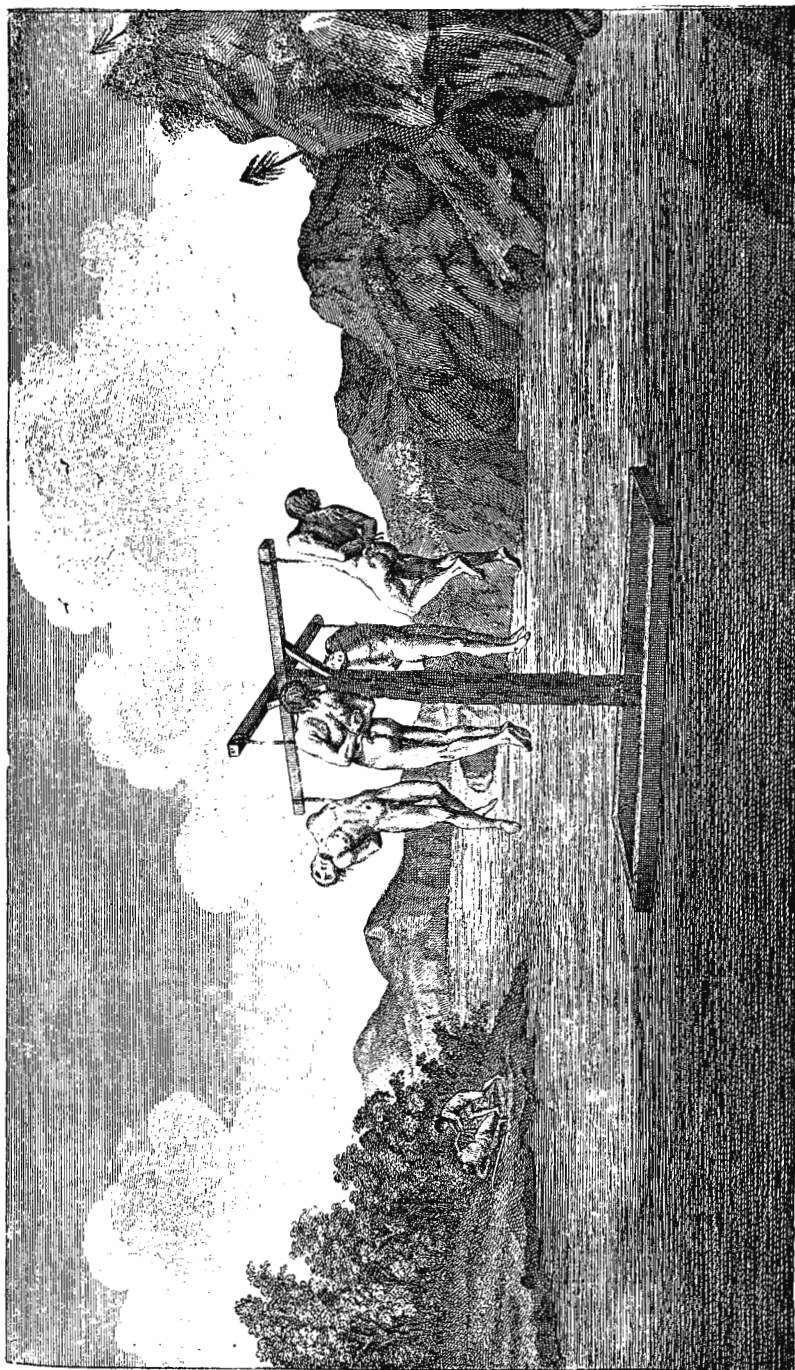
родъ, и стрѣльцы перешли бы на сторону Разина, а воеводы остались бы безъ рати. И дѣйствительно все поведеніе Стеньки было таково, что должно было сильно подѣйствовать на народное воображеніе. Только что онъ пріѣхалъ въ Астрахань, какъ всякій людъ цѣлыми толпами сталъ стекаться къ его стану, любуясь на его суда, на которыхъ «веревки и канаты всѣ шелковые и паруса также всѣ изъ персидской матеріи шелковые учинены». Стенька сразу представился имъ такимъ богачемъ, «что и невѣроятно быть мнится». А извѣстно, что роскошь и внѣшній блескъ сильно дѣйствуетъ на толпу. Приходя въ городъ, Разинъ сорилъ деньгами и безъ счету давалъ ихъ каждому, кто только ни попроситъ; его казаки за безцѣнокъ продавали товары и щеголяли въ одеждахъ изъ драгоцѣннѣйшихъ персидскихъ тканей, а въ своемъ станѣ постоянно пировали съ атаманомъ, который и самъ-то постоянно былъ пьянъ. Всѣ видѣли, какъ весело, привольно и роскошно жили разинцы, и всѣмъ, конечно, хотѣлось пожить также. А такое житье, по всеобщему убѣжденію, могъ доставить одинъ только Стенька — вотъ причина, заставлявшая и чернь, и стрѣльцовъ сочувствовать воровскому атаману и вселявшая въ ихъ умы «шатость».

Иностранецъ, бывшій тогда въ Астрахани, такъ рассказываетъ про поведеніе Стеньки: «однажды капитанъ Бутлеръ приказалъ изготовить шлюпку, чтобы ѣхать въ станъ къ Стенькѣ Разину. Онъ взялъ съ собою 2 бутылки вина и подарилъ ихъ Разину и его ближнимъ товарищамъ-сорванцамъ. Они приняли бутылки съ благодарностью. Разинъ велѣлъ насъ спросить, кто мы такіе. Мы отвѣчали, что мы иностранцы, служимъ его величеству царскому на кораблѣ, который будетъ ходить по Каспійскому морю, пришли ему поклониться и привезли двѣ бутылки вина. Онъ посадилъ насъ и пилъ за царское здоровье». Но далеко не всегда бывалъ Стенька такъ благодушенъ: «когда воевода отправилъ къ нему капитана Видероса требовать русскихъ плѣнныхъ, то Разинъ едва не убилъ его.

— «Какъ ты осмѣливаешься являться ко мнѣ съ такимъ предложеніемъ,—говорилъ онъ,—чтобы я выдалъ моихъ друзей, которые со мною охотно пошли, и грозить мнѣ опалою царскою? Скажи воеводѣ, что я скоро приду опять, и тогда увидимъ, кто будетъ повелѣвать».

Проводя все время въ буйномъ разгулѣ, Стенька иногда допивался до безмысленнѣйшихъ жестокостей. «Разъ онъ прогуливался по рѣкѣ, пилъ и буйствовалъ со своими казаками. Съ нимъ находилась и плѣнная персіянка, которую онъ держалъ при себѣ, какъ наложницу. Когда значительно подпилъ, онъ схватилъ ее на руки и говорилъ:

— «Волга, ты, славная рѣка! Ты доставила мнѣ много богатствъ, злата и серебра, ты отецъ и мать моей славы, а я до

Плоть съ казненными разбойниками на Волгѣ.
Съ английской гравюры XVIII вѣка. Подлинникъ находится въ собраніи П. Я. Дашкова.

сихъ поръ ничѣмъ не отдалить тебя. Не останусь болѣе неблагодарнымъ.

«Съ этими словами онъ взялъ персянку одною рукою за горло, другою за ноги и бросилъ въ Волгу. Она была въ дорогихъ одеждахъ, украшена золотомъ и дорогими камнями, молода и прекрасна».

Наконецъ, четвертаго сентября воеводы отправили казаковъ на Донъ, сдѣлавъ имъ сначала надлежащее внушеніе, чтобы они на пути не подговаривали съ собою никого на Донъ и не принимали тѣхъ, кто станетъ къ нимъ приставать. Стенька внушеніе выслушалъ, но послѣ его отъѣзда воевода не досчитался кое-кого въ своей стрѣлечкой рати—за Разинымъ ушли. Плывя по Волгѣ, Стенька встрѣчалъ отдѣльныя партіи стрѣльцовъ и подговаривалъ ихъ пристать къ его шайкѣ, и подговоры не оставались безрезультатными. Попробовалъ было приставъ Леонтій Плохово указать Стенькѣ, что непригоже это онъ дѣлаетъ, что надо выдать перебѣжчиковъ, но Разинъ отрѣзалъ ему, что того у казаковъ не повелось, чтобъ бѣглыхъ людей выдавать,— и продолжалъ поступать попрежнему.

1-го октября Разинъ былъ уже въ Царицынѣ и оставался тутъ пять дней... Въ Царицынѣ произошло нѣчто такое, что уже вышло за предѣлы простого разбоя и послужило какъ бы предвѣщаніемъ будущихъ ужасныхъ событій. Боясь, чтобы казаки не перепились и въ пьяномъ видѣ не учинили какой бѣды, воевода Уньковскій приказалъ продавать имъ вино вдвое дороже, чѣмъ слѣдовало. Узналъ про это Разинъ и освирѣпѣлъ; съ толпой казаковъ двинулся онъ на воеводскій дворъ. Не ожидая отъ такихъ гостей ничего добраго, воевода заперся въ приказной избѣ. Но не выстояли крѣпкія двери подъ ударами толстаго бревна, и разъяренная толпа ринулась въ домъ. Воевода выпрыгнулъ въ страхѣ изъ окна и больно зашибъ ногу. Но одинъ изъ казаковъ отыскалъ таки его, потомъ въ приказной палатѣ изругалъ всячески передъ всѣмъ народомъ, да еще и за бороду потрепалъ. Узнавъ про это, и Стенька пошелъ туда же, хвастаясь, что не быть воеводѣ живу, но воевода опять успѣлъ куда-то скрыться отъ грознаго атамана. Тогда удалецъ разгромилъ дверь у тюрьмы и выпустилъ на волю всѣхъ колодниковъ. Такъ Стенька отважился на открытое возмущеніе противъ представителя власти. Этого мало. Казаки ограбили нѣсколько судовъ, проходившихъ мимо Царицына, а на одномъ изъ нихъ поймали сотника Сницова, который везъ въ Астрахань царскія грамоты. Эти грамоты были отняты и брошены въ воду. Такой поступокъ уже ясно показывалъ, что казаки ни во что не ставятъ не однихъ воеводъ.

Прогулявъ пять дней въ Царицынѣ, Стенька переправился на Донъ и по этой рѣкѣ спустился до Кагальницкой станицы, близъ

которой, на островкѣ, онъ устроилъ для своей рати земляной городокъ Кагальникъ. Повсюду разнеслась молва о Стенькиной славѣ. «Со всѣхъ сторонъ посыпала къ нему голытьба; бѣжали къ нему и съ Хопра казаки верховыхъ станицъ, и съ Волги гулящіе люди; откликнулась его слава и въ Украинѣ: приходили къ нему и братья-сѣчевики. Когда онъ пришелъ изъ Царицына, войско его состояло изъ полуторы тысячи, а черезъ мѣсяць у него было 2,700 человекъ. Онъ былъ для всѣхъ щедръ и привѣтливъ, раздѣлялъ съ пришельцами свою добычу, одѣлялъ бѣдныхъ и голодныхъ, которые, не зная, куда дѣться, искали у него пріюта и ласки. Его называли батюшкой, считали его чудодѣемъ, вѣрили въ его умъ, его силу, его счастье. Старый домовитый казакъ, если ему удавалось обогатиться, старался зажить хорошенько, не заботился о голи, становился высокомѣренъ съ нею. Стенька былъ не таковъ: не отличался онъ отъ прочихъ братьевъ казаковъ ни пышностью, ни роскошью; жилъ онъ, какъ всѣ другіе, въ земляной избѣ, одѣвался, хотя богато, но не лучше другихъ; все, что собралъ въ Персидской землѣ, раздавалъ неимущимъ. Стенька будто жилъ для другихъ, а не для себя»¹⁾). Такимъ путемъ онъ приобрѣлъ популярность, какой не пользовался еще ни одинъ изъ казацкихъ вождей; силы его возрасли до такихъ размѣровъ, что онъ уже могъ отважиться на тотъ подвигъ, который давно уже лелѣялъ онъ въ своихъ мысляхъ — сокрушить Москву, уничтожить московскіе порядки и всю Русь крещеную превратить въ вольную казацкую общину.

VI.

Б у н т ь.

Всѣми своими дѣянiями Стенька даль уже почувствовать московскому правительству свою силу и дерзость, а также показалъ, какъ онъ относится къ этому правительству. Въ Москвѣ чужали, что Разинъ не ограничится одними разбоями, что отъ него можно ждать всего, что недаромъ онъ скопляетъ вокругъ себя грозную силу, но ничего точнаго о дальнѣйшихъ планахъ Стеньки не знали. И вотъ въ началѣ марта рѣшили послать на Донъ Герасима Евдокимова, чтобы объявить благоволеніе царя атаману войска донского Корнилѣ Яковлеву, главѣ домовитой партіи, которая была противъ Разина и всячески старалась препятствовать его замысламъ. Евдокимову было также поручено подъ рукой развѣдать о дѣйствіяхъ и намѣреніяхъ Разина. Въ маѣ 1670 года Евдокимовъ прибылъ въ Черкасскъ и былъ радушно и честно принятъ домовитымъ ка-

¹⁾ Н. И. Костомаровъ. Бунтъ Стеньки Разина, изд. 2-е. Спб., 1859 года, стр. 101—102.

«истор. вѣстн.», октябрь, 1895 г., т. LII.

зачествомъ. Но на другой день явился въ Черкасскъ Стенька со всею своею шайкой. Когда казаки собрали кругъ, чтобы отпустить въ Москву Евдокимова и вмѣстѣ съ нимъ отправить станицу чело-
мъ бить великому государю, Стенька вошелъ въ кругъ и спросилъ:

— Куда наряжаете станицу?

Получивъ отвѣтъ, онъ позвалъ Евдокимова и задалъ ему во-
просъ:

— Кто тебя послалъ на Донъ—государь или бояре?

— Я пріѣхалъ съ царскою грамотой, — отвѣчалъ посоль.

— Ты не грамоту привезъ,—вскричалъ Разинъ,—ты пріѣхалъ лазутчикомъ за мною подсматривать!

И велѣлъ Стенька своимъ казакамъ убить посла и бросить въ Донъ. Корнило Яковлевъ безсиленъ былъ помѣшать этому престу-
пленію. Вся голытьба, а она составляла громадное большинство донского населенія, была за Стеньку, и домовитой партіи пришлось безмолвствовать. А Стенька мучилъ казаковъ, заявляя, что царь окруженъ боярами-измѣнниками, которые и губятъ народъ, что надо избавить государя отъ этихъ бояръ, что, если перебить всѣхъ бояръ и приказныхъ, то народъ станетъ вольнымъ, никто его обидѣть не посмѣетъ, и заживетъ онъ богато, не хуже, чѣмъ теперь живутъ его утѣснители. Велика была вѣра голытьбы въ Стеньку; не разсуждая пошла бы она за нимъ, куда только онъ прикажетъ, но тутъ Разинъ, кромѣ того, задѣлъ еще самое больное мѣсто обездо-
ленного люда, напомнилъ ему про обиды высшихъ классовъ, по-
сулилъ ему скорую расправу съ утѣснителями. И поднялась го-
лытьба, какъ одинъ человѣкъ, и пошла за Стенькой. «За царя и противъ бояръ!»—вотъ что было лозунгомъ этой рати, шедшей уже не просто на грабежъ, а проникнутой извѣстной идеей.

Стенька поплылъ вверхъ по Дону, а впереди его поскакали во
всѣ концы великаго Московскаго государства гонцы съ возмути-
тельными письмами подбивать народъ противъ высшихъ классовъ. Всю Русь извѣздили гонцы: побывали они и въ Ижорѣ, и въ Кар-
елѣ, доѣхали и до далекой Соловецкой обители.

А Стенька подступилъ къ Царицыну. Вмѣсто прежняго воеводы Уньковского въ Царицынѣ былъ уже новый, Тимоеей Васильевичъ Тургеневъ. Невеликъ былъ царицынскій гарнизонъ, но близка уже была помощь, шедшая изъ Москвы—1.000 стрѣльцовъ; царицынцы могли бы, пожалуй, выдержать осаду и дожидаться помощи, но пере-
бѣжчики изъ Разинскаго войска, подсланные нарочно самимъ ата-
маномъ, взволновали жителей этого города, въ стѣнахъ его появи-
лась измѣна, и Царицынъ добровольно отворилъ ворота передъ уда-
лымъ воромъ. Воеводу, оставшагося вѣрнымъ своему долгу, казаки долго мучили, ругались надъ нимъ, кололи копьями и наконецъ утопили. Но приближались къ городу московскіе стрѣльцы, кото-
рые еще не знали о сдачѣ Царицына. Всего семь верстъ остава-

лось доплыть имъ до мѣста назначенія, какъ вдругъ со всѣхъ сторонъ посыпались на нихъ пули: то воровскіе казаки поражали ихъ и съ нагорнаго берега, и со струговъ, плившихъ вдоль луговой стороны. Изъ всѣхъ силъ работали стрѣльцы веслами, стараясь добраться до Царицына и укрыться подъ его укрѣпленіями. Но едва царевы струги поравнялись съ городомъ, какъ оттуда грянулъ въ нихъ губительный залпъ изъ пушекъ. Паника овладѣла стрѣльцами; до 500 человѣкъ пало подъ выстрѣлами; остальные, видя, что спасенія нѣтъ, передались Стенькѣ. Начальникъ отряда и всѣ офицеры подверглись мучительной казни, а остальные стрѣльцы были присоединены къ войску Разина.

Около мѣсяца пробылъ Стенька въ Царицынѣ и ввелъ въ го, родѣ казачье устройство: раздѣлили жителей на сотни и десятки, а вмѣсто воеводы назначилъ городского атамана. Царицынцы величали Стеньку, какъ освободителя. Тѣмъ временемъ отрядъ разинцевъ хитростью захватилъ Камышинъ, гдѣ учинено было то же, что и въ Царицынѣ: воевода и приказные были утоплены, а въ городѣ введено казачье устройство. Извѣстіе о взятіи Камышина застало Стеньку уже подъ Чернымъ Яромъ, который измѣна также передала въ руки казаковъ. Подъ этимъ же городомъ произошла встрѣча Разина съ правительственными войсками, которыя подъ начальствомъ князя Львова, въ количествѣ 3.100 человѣкъ были посланы изъ Астрахани противъ мятежниковъ. Войско это состояло изъ стрѣльцовъ, но стрѣльцы уже давно видѣли, что служить Стенькѣ выгоднѣе, чѣмъ царю, да, кромѣ того, и воеводы съ приказными не пользовались особеннымъ расположеніемъ стрѣлцакаго войска. Неудивительно поѣтому, что рать князя Львова легко поддавалась увѣщаніямъ стенькиныхъ эмиссаровъ: при первомъ появленіи казаковъ стрѣльцы взволновались, и большая часть ихъ перешла на сторону бунтовщиковъ, разбила на голову вѣрное своему долгу меньшинство и перебила всѣхъ начальныхъ людей. Одинъ только стрѣлецъ, Данило Тарлыковъ, спасся изъ этой битвы и принесъ страшную вѣсть въ Астрахань. Крѣпко задумался тогда воевода Проворовскій; Стенька прямо шель на Астрахань, чтобы боярина (то-есть Проворовскаго), и воеводъ, и приказныхъ, и иныхъ чиновъ добрыхъ людей побить, а защитить этихъ добрыхъ людей было некому: стрѣльцы уже подъ Чернымъ Яромъ показали, насколько можно на нихъ положиться, а вся астраханская чернь и не думала скрывать своего расположенія къ воровскому атаману. Однако воевода рѣшилъ, ни на что не обращая вниманія, дѣятельно приготовляться къ осадѣ. Онъ осмотрѣлъ и привелъ въ порядокъ всѣ укрѣпленія, а стрѣльцамъ роздалъ денегъ, занявъ ихъ у митрополита и Троицкаго монастыря, да, кромѣ того, прибѣгъ и къ духовному средству, чтобы вселить въ ихъ сердца вѣрность царю: растолковывалъ имъ, что Стенька врагъ и вѣры, и государя,

что павшихъ въ бою съ нимъ ждуть на небесахъ пресвѣтлыя мученическія вѣнцы, а на землѣ усердныя молитвы православныя каеологическія церкви. Но попрежнему оставались угрюмы загорѣлыя подъ южнымъ астраханскимъ солнцемъ лица стрѣльцовъ, попрежнему проглядывала ихъ ненависть къ воеводѣ.

Скоро Стенька съ 8,000 войска подступилъ къ Астрахани и 21-го іюля 1670 года, вечеромъ, пошелъ на приступъ. Опасенія воеводы сбылись: пока онъ самъ защищалъ Вознесенскія ворота, казаки подъ покровомъ мрака пробрались къ другой части города, гдѣ не стали стрѣлять въ нихъ изъ пищалей, не метали камней, не обливали варомъ: тамъ сами защитники города подавали имъ руки и помогали перебраться черезъ стѣну въ городъ. Только что замелькали по астраханскимъ улицамъ казацкія шапки, какъ сразу вся чернь поднялась и пошла избивать дворянъ, дѣтей боярскихъ пушкарей, приказныхъ и прочихъ достаточныхъ людей. Стрѣльцы примкнули къ Разину. Рѣкой потекла кровь. 442 человекъ погибло поворной и мучительной смертью въ этотъ день. «До 20-го числа слѣдующаго мѣсяца оставался Стенька въ Астрахани. Ежедневно онъ былъ пьянъ, ѣздилъ по городу и билъ, и рубилъ всякаго, кто чѣмъ либо ему не нравился, бросалъ въ воду, или, отрубивъ обѣ руки, отпускалъ. Казаки слѣдовали примѣру атамана, собирались въ круги, палками убивали лучшихъ гражданъ, или топили и рубили. Послѣ взятія города первымъ дѣломъ Стеньки было захватить всю казну въ приказной на Сарѣ, ограбить дома воеводъ и служилыхъ людей, гостиные дворы: русскій, гиланскій, индѣйскій и бухарскій и, наконецъ, самые храмы. Жены оставшихся служилыхъ людей также не были пощажены неистовыми казаками: они ихъ преслѣдовали постоянно, называя измѣнничьими женами. Дѣла во всѣхъ приказахъ были сожжены по повелѣнію Разина, который хвалился, что пожжетъ дѣла въ Москвѣ вверху, т. е. во дворцѣ у царя»¹⁾. Ужасенъ былъ этотъ взрывъ негодованія черни: народъ долго терпѣлъ всякія тяготы и теперь, мстя за прежнія обиды, совершенно потерялъ обликъ человѣческой и доходилъ до звѣрствъ, которыя заставляютъ волосъ становиться дыбомъ.

Наконецъ, Стенька, оставивъ начальствовать въ Астрахани Ваську Уса и Ѳедьку Шелудяка, съ 3,200 человекъ двинулся Волгою вверхъ. Самара и Саратовъ сдались ему безъ бою. Ограбивъ казенное имущество, перебивъ воеводъ и лучшихъ людей, Разинъ отправился далѣе, къ Симбирску, въ которомъ заперся бояринъ Иванъ Богдановичъ Милославскій и упорно защищалъ городъ отъ мятежниковъ. Осада затянулась.

Тѣмъ временемъ агенты Разина дѣйствовали весьма успѣшно. Они разносили вѣсть, что Стенька идетъ истреблять бояръ, дво-

¹⁾ Исторія возмущенія Стеньки Разина, сочиненіе А. Попова, стр. 77—78.

рянъ, приказныхъ людей, искоренить всякое чиновначаліе и власть, установить во всей Руси казачество и учинить такъ, чтобъ всякъ всякому былъ равенъ.

— Я не хочу быть царемъ,—говорилъ онъ,—хочу жить съ вами, какъ братъ.

Всѣ партіи, всѣ вѣрованія, всѣ страсти затрагивалъ Стенька, лишь бы только произвести смуту и беспорядокъ: въ одномъ мѣстѣ агенты его проповѣдывали казацкое равенство, въ другомъ возбуждали толпу именемъ царевича Алексѣя, яко бы бѣжавшаго къ Рязину отъ суровости отца; здѣсь смущали православныхъ за гонимаго патріарха Никона, тамъ подушали старообрядцевъ враждою противъ нововведеній, въ которыхъ обвиняли того же патріарха. Въ то же время они вооружали инородцевъ, обитавшихъ въ бассейнѣ средней Волги, раздували въ нихъ непріязнь къ русскимъ, а татаръ разгорячали фанатизмомъ магометанства. И вотъ дѣйствительно холопъ вооружался на господина, служилый на своего начальника, язычникъ и магометанинъ противъ христіанина, православный противъ старовѣра, старовѣръ противъ православнаго. Стенька пытался даже призвать на Русь крымскаго хана и персидскаго шаха. Послѣднее ему не удалось, но за то все пространство между Окою и Волгою до саратовскихъ степей сдѣлалось ареной бунта. Возмутители бродили партіями и поднимали народъ. Мужики помѣщичьи и вотчинные, мужики монастырскіе, дворцовые и тяглые умерщвляли своихъ господъ, приказчиковъ и начальныхъ людей, называли себя казаками, составляли шайки и шли распространять бунтъ дальше. Сдавались города; не было пощады воеводамъ и приказнымъ; гибель постигала того, кто не шелъ съ бунтовщиками. Какъ всегда бываетъ при народныхъ возстаніяхъ, и этотъ бунтъ отличался изобрѣтательностью въ жестокостяхъ. Преданіе говоритъ, что бунтовщики начиняли женщинъ порохомъ, зажигали и тѣшились такими оригинальными минами. Имя батюшки Степана Тимошеевича несло все далѣе и далѣе, возжигая отвагу и дерзость, и уже въ самой Москвѣ поговаривали, что Стенька вовсе не воръ ¹⁾).

И вдругъ все это сразу рухнуло.

На помощь запертому въ Самарѣ Милославскому двинулся изъ Кавани Борятинскій съ войскомъ, въ которомъ было много солдатъ, обученныхъ западноевропейскому строю. Передъ этой новой силой—регулярной арміей, не устояли нестройныя полчища мятежниковъ, и Стенька былъ на голову разбитъ. Онъ бѣжалъ изъ-подъ

¹⁾ Мы ограничились только общей картиной народнаго возстанія, составленной на основаніи труда Н. И. Костомарова, цитированнаго выше. Желающихъ ознакомиться съ этимъ движеніемъ подробнѣе отсылаемъ къ этому прекрасному произведенію извѣстнаго профессора.

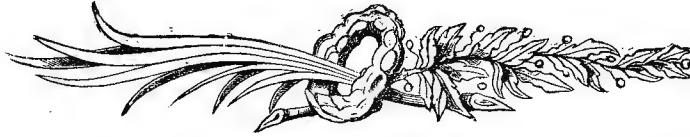
Симбирска съ «прямыми» казаками, тайкомъ отъ прочихъ своихъ сообщниковъ, оставивъ на гибель несчастныя толпы приставшихъ къ нему крестьянъ и инородцевъ. Тяжко пришлось бунтарямъ. Изъ края въ край по всѣмъ направленіямъ изрѣзали московскіе отряды охваченную бунтомъ мѣстность и кнутомъ, и кровью усмирили мятежь.

А Стенька? Стенька бѣжалъ на Донъ, въ свой Кагальникъ и тамъ пытался снова поднять казаковъ противъ Москвы. Но было уже поздно: симбирское поражение разрушило все его обаяніе, всѣ отъ него отвернулись, и онъ самъ погибъ: домовитые казаки взяли на Дону перевѣсъ, осадили Стеньку, завладѣли Кагальникомъ, скрутили атаману рученьки его могучія, посадили на телѣгу позорную и отправили его въ Москву ненавистную. На высококомъ лобномъ мѣстѣ топоръ палача 6-го іюня 1671 года обуздаль непреклонную волю этого человѣка, прекративъ самое его существованіе.

Но движеніе, которое носить имя Стеньки Разина, не было его личнымъ дѣломъ, а потому гибель главы возставшихъ и подавленіе возстанія крутыми репрессаліями не уничтожили возможности подобныхъ движеній на будущее время. Причины Разинскаго бунта скрывались глубоко во всемъ строѣ тогдашняго Московскаго государства и въ жалкомъ, обездоленномъ положеніи низшихъ классовъ населенія. Очевидно, что самыя крутыя репрессивныя мѣры могли только на время придавить броженіе, которое при первомъ же удобномъ случаѣ снова должно было дать знать о себѣ страшнымъ взрывомъ. Такъ оно и было: вспомнимъ бунтъ Булавина, движеніе Емельяна Пугачева, постоянные мелкіе безпорядки среди помѣщичьихъ крестьянъ въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка. Подобныя народныя движенія со всѣми ихъ ужасами и жестокостями знаетъ и западно-европейская исторія, пожалуй, даже въ сильнѣйшей мѣрѣ, чѣмъ русская. Но исторія же учитъ насъ и тому, что такое броженіе совершенно прекращается, когда низшіе классы признаются полноправными членами общества, когда повышается ихъ умственный уровень и увеличивается матеріальное благосостояніе.

С. Адриановъ.

ШВЕДСКАЯ МОГИЛА.

РИ ПОКОЙНОМЪ императоръ Александръ II, въ 1862 году, былъ сдѣланъ пересмотръ празднованія дней побѣдъ русскаго оружія, и оставлено только празднованіе дня Полтавской битвы. Такимъ образомъ, съ высоты трона было признано ея значеніе. Немного бываетъ въ жизни народовъ столь важныхъ, по своимъ послѣдствіямъ, событій. День 27-го іюня, когда произошла битва, рѣшилъ участь Швеціи, игравшей на сѣверѣ первенствующую роль, которая перешла къ Россіи. Полтавская битва является гранью между Русью старою, Московскою, и новою. На поляхъ полтавскихъ такимъ образомъ образовалась новая Россія. Здѣсь, скажемъ словами нашего знаменитаго историка Соловьева, при громѣ Полтавской побѣды родился для Европы, для общей европейской жизни, новый, великій народъ, но и не одинъ народъ; при громѣ этой побѣды родилось цѣлое, новое племя, племя славянское, нашедшее для себя достойнаго представителя, при помощи котораго могло подняться для сильной и славной исторической жизни. Современникъ Петра, ученый Лейбницъ называетъ Полтавскую битву достопамятнымъ событіемъ въ исторіи и полезнымъ урокомъ для позднѣйшихъ поколѣній. Вольтеръ еще ярче обрисовалъ значеніе боя. Онъ говоритъ, что въ новое время «это единственное сраженіе, слѣдствіемъ котораго было не разрушеніе, а счастье человѣчества». Россія, послѣ этого, вошла въ систему европейскихъ государствъ, съ ней ищутъ союзовъ, сближеній, не исключая и столь гордаго, какъ Людовикъ XIV.

«Здѣсь былъ смѣлый жребій кинуть,
 «Здѣсь рѣшень вѣковъ вопросъ,
 «И въ составъ Европы вдвинуть
 «Новый сѣверный колоссъ...

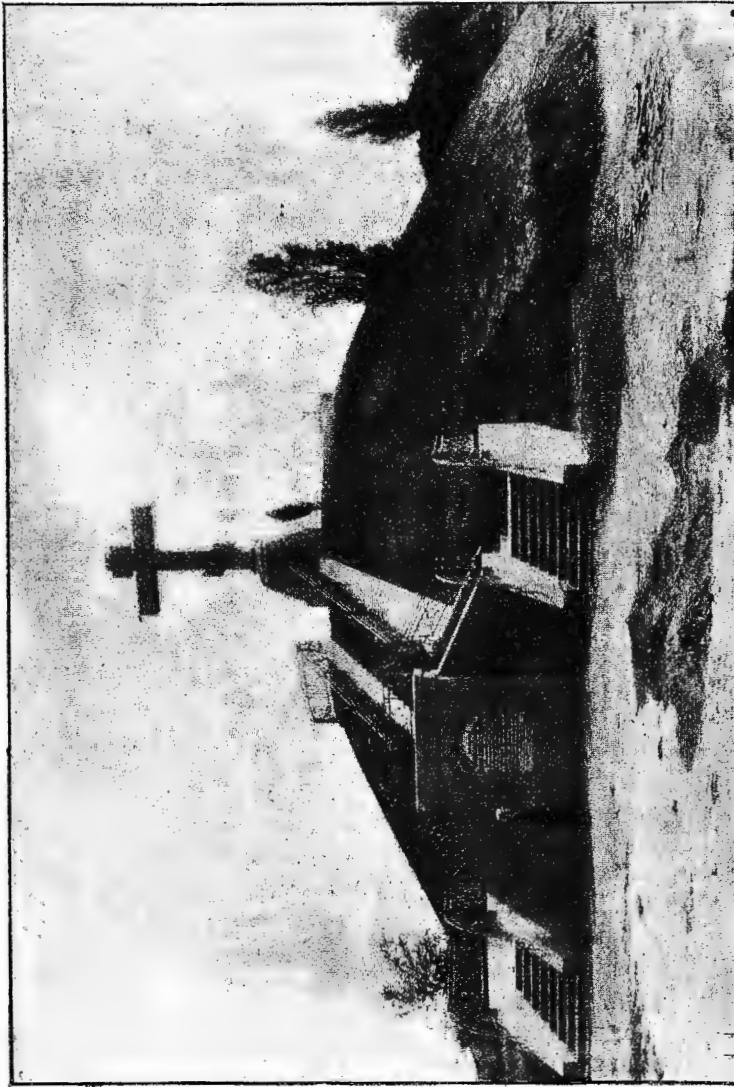
Долгая борьба съ Швеціей заставляла Петра постоянно заботиться о войскѣ, изыскивать средства на его содержаніе. Отсюда — масса фабрикъ, заводовъ, поднятіе торговли и промышленности вообще, а также преобразование многихъ правительственныхъ учрежденій. Помимо этого, Полтавская побѣда показала народу, не понимавшему всѣхъ реформъ Петра, на сколько благотѣльны были труды его на пользу народную. Таковы слѣдствія «преславной викторіи», какъ любилъ Петръ называть Полтавскую побѣду. И въ память такого событія, только къ концу втораго вѣка со дня битвы, мы будемъ имѣть памятникъ на могилѣ павшихъ воиновъ.

28-го іюня 1709 года, на другой день послѣ битвы, Петръ, рано утромъ, явился къ мѣсту погребенія павшихъ воиновъ. Были вырыты двѣ могилы; въ одну положены тѣла офицеровъ, а въ другую — унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ. Самъ царь пѣлъ вмѣстѣ съ пѣвчими, и пѣніе его нерѣдко прерывалось слезами. По окончаніи отпѣванія, Петръ обратился съ слѣдующею рѣчью къ павшимъ героямъ: «Храбрые воины, за благочестіе, отечество и родъ свой души положившіе, вѣмъ, яко вѣнцами вы увѣнчались и у праведнаго подвижника Господа дерзновеніе имате: спослѣшествуйте мнѣ въ праведномъ оружіи моемъ противъ враговъ отечества и благочестія, молитвами вашими да возможемъ въ мірѣ прославлять Бога и ваши подвиги».

Затѣмъ могилу засыпали землею; образовался большой курганъ, на которомъ самъ государь водрузилъ крестъ, съ надписью: «Воины благочестивіи, за благочестіе кровью вѣнчавшіеся въ лѣто отъ воплощенія Слова 1700 года іюня 27 дня». Курганъ этотъ до сей поры извѣстенъ подъ именемъ «Шведской могилы» и находится въ 5 верстахъ отъ Полтавы, на полѣ, гдѣ происходило сраженіе. Павшіе же шведы погребены недалеко отъ этого мѣста, въ двухъ могилахъ, которыхъ теперь нѣтъ и слѣда; рука времени и плугъ пахаря сгладили все...

Вѣнценосный побѣдитель, сознавая значеніе Полтавскаго боя, спустя мѣсяць, далъ указъ сенату, въ которомъ высказалъ желаніе увѣковѣчить Полтавскую викторію. Государь желалъ «въ знакъ и вѣчное напоминаніе той преславной викторіи на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ тотъ бой былъ, а именно, неподалеку отъ Полтавы, построить монастырь мужескій и въ немъ церковь каменную, во имя св. апостоловъ Петра и Павла, да нижнюю преподобнаго Сампсона Страннопріимца, на котораго память та преславная викторія получена; а предъ церковью сдѣлать пирамиду

каменную, съ изображеніемъ на ней персоны его государевой въ совершенномъ возрастѣ на конѣ, вылитую изъ мѣди желтой, а подъ ней бой самымъ добрымъ художествомъ, а по сторонамъ той пирамиды, на доскахъ мѣдныхъ же, учинить подпись со объявле-

Памятникъ на Шведской могилѣ.

ніемъ всѣхъ дѣйствій отъ вступленія въ Украину короля шведскаго и т. д.»... Вотъ памятникъ, какой желалъ Петръ Великій! Ему, какъ передаетъ Голиковъ, были представляемы проекты храма, но они не нравились государю, чѣмъ и можно объяснить изданіе новаго указа, въ 1723 году. Государь, будучи въ сенатѣ,

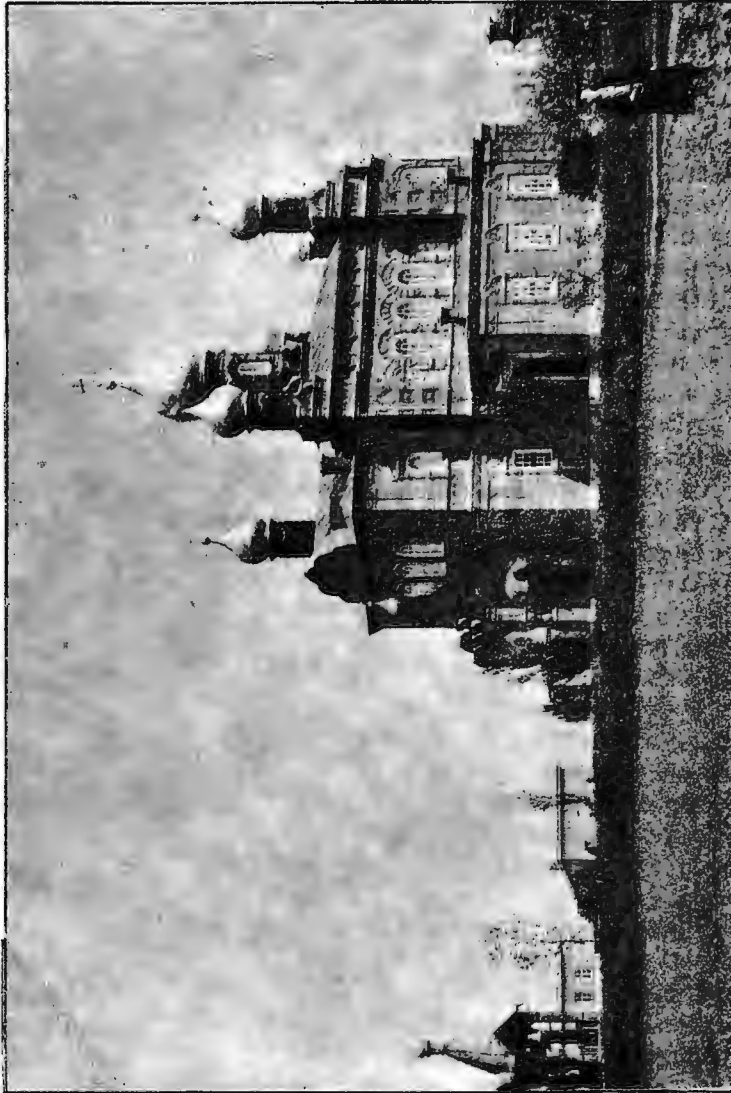
указалъ: «въ память на полтавскихъ поляхъ надъ свейскими войсками полученной викторіи, въ пристойномъ мѣстѣ, гдѣ та баталія была, сдѣлать пирамидъ каменный изъ доходовъ малороссійской коллегіи и т. д.». Не прошло послѣ этого и двухъ лѣтъ, какъ не стало Великаго Петра. Но мысль его устроить на полтавскомъ полѣ памятникъ была осуществлена частнымъ лицомъ, оставшимся неизвѣстнымъ. На полѣ былъ поставленъ каменный столбъ, и на немъ прибита доска, на которой вырѣзано изображеніе Петра, верхомъ на конѣ. Около Петра генералы Меншиковъ, Шереметевъ и Голицынъ. Нѣсколько шведскихъ генераловъ, стоя на колѣняхъ передъ Петромъ, подаютъ ему свои мечи, умоляя о пощадѣ. На доскѣ, внизу, была слѣдующая надпись:

- На сихъ поляхъ имѣлъ сраженіе съ Карломъ Петръ
- И шведовъ разметалъ, какъ прахъ бурливый вѣтръ,
- Вселенну устрашилъ Россійскою державою
- И шельъ отселѣ въспять съ побѣдой и славой.

Объ этомъ памятникѣ не сохранилось никакихъ данныхъ, не сохранилось даже преданія о его существованіи. О немъ упоминаютъ только два писателя¹⁾, конца прошлаго вѣка, Феодози и Бѣляевъ. Возможно, однако, допустить, что онъ существовалъ. Вѣдь устроилъ же еще въ прошломъ столѣтіи Руденко, при томъ на свой счетъ, памятникъ въ Полтавѣ?. Находились же въ то время пѣнты, сочинявшіе вирши о Полтавскомъ боѣ, какъ, напримѣръ, на иконѣ, обращенной шведами въ шахматную доску (нынѣ еще хранится въ селѣ Жукахъ, около Полтавы), или на картинахъ, хранящихся въ Крестовоздвиженскомъ монастырѣ, въ Полтавѣ. Значить, интересовались и понимали значеніе Полтавской битвы. Могъ найтись и усердный патріотъ, соорудившій памятникъ, который, простоявъ десятокъ, другой лѣтъ, разрушился. А «Шведская могила» болѣе вѣка стояла одиноко, среди громадной равнины, изрѣдка посѣщаемая людьми... И въ такомъ видѣ холмъ этотъ производилъ впечатлѣніе... Съ 1804 года, по инициативѣ малороссійскаго генераль-губернатора князя Куракина, введена ежегодная панихида, въ день битвы. Но памятника не было; крестъ перемѣняли, а въ 1828 году, по приказанію генераль-губернатора князя Рѣпина, перемѣнена и надпись; вмѣсто начертанной самимъ Петромъ, взяли слова изъ рѣчи Петра передъ боемъ: «А о Петрѣ вѣдайте, что жизнь ему не дорога, лишь бы жила Россія»... О завѣтѣ Петра вспомнили только въ сороковыхъ годахъ нынѣшняго вѣка, что было дѣломъ малороссійскаго генераль-губернатора Кокоскина (1847—1856 г.). Толчекъ этому былъ даѣ крупнымъ пожертвованіемъ Судіенка. Въ 1809 г. торжественно праздновалось столѣтіе

¹⁾ Феодози, Славныя дѣла государя Петра Великаго, 1772 года, ч. 1, стр. 399—400. Бѣляевъ, Кабинетъ Петра Великаго, ч. II, 73—74, 1793 года.

Полтавской битвы, и былъ сооруженъ памятникъ въ Полтавѣ. Празднованіе это невольно воскресило давноминувшее, и вотъ черниговскій помѣщикъ, І. С. Судіенко, тайный совѣтникъ, служившій по почтаму при Екатеринѣ II, жертвуетъ 100 тыс. асс.

Храмъ на Шведской могилѣ.

въ Черниговскій и Полтавскій приказы общественнаго призрѣнія. Хотя духовнаго завѣщанія нѣтъ, и оно не отыскано, но извѣстно желаніе Судіенка построить, какъ это желалъ и самъ Петръ, монастырь, а также богадѣльню для престарѣлыхъ и увѣчныхъ

воиновъ Черниговской и Полтавской губерній. Кокочкинъ, имѣя въ виду это пожертвованіе Судіенка, и возбудилъ вопросъ объ основаніи на Шведской могилѣ Петро-Павловскаго монастыря. Началась долгая переписка, окончившаяся тѣмъ, что, по высочайшему повелѣнію, было рѣшено на могилѣ построить храмъ, причисливъ его къ Крестовоздвиженскому полтавскому монастырю, причтъ котораго и долженъ былъ совершать здѣсь богослуженіе по праздничнымъ и воскреснымъ днямъ. Изъ капитала Судіенко на содержаніе монаха и двухъ послушниковъ отпускалось монастырю до 1875 года по 475 р. с., а послѣ этого, по ходатайству покойнаго архіепископа полтавскаго Іоанна, означенная сумма была увеличена до 1.000 р. с. На составленіе проекта храма былъ объявленъ конкурсъ. Изъ многихъ проектовъ утвержденъ проектъ Шарлеманя I. Храмъ былъ небольшой, въ византійскомъ стилѣ, съ 5 главами. Постройка его обошлась до 30.000 рублей.

Храмъ былъ освященъ въ 1856 году. Около него выстроено два небольшихъ каменныхъ домика, гдѣ жили іеромонахъ и два послушника. А на самой могилѣ стоялъ тотъ же крестъ, только уже обитый бѣлою жестью. Капиталь же Судіенко остался неприкосновеннымъ и къ 1880-мъ годамъ возросъ до 200 тысячъ слишкомъ. Къ этому же времени относятся ходатайства нѣкоторыхъ учреждений о передачѣ этого капитала въ ихъ вѣдѣніе; такъ совѣтъ «общества попеченія о бѣдныхъ армейскаго и флотскаго духовенства» подалъ въ этомъ смыслѣ записку г. оберъ-прокурору святѣйшаго синода. Такое же ходатайство было возбуждено и полтавскимъ губернскимъ земствомъ. Вопросъ рѣшился иначе: 27-го января 1890 года, послѣдовало высочайшее повелѣніе о передачѣ капитала Судіенко въ вѣдѣніе святѣйшаго синода. Капиталь переданъ на слѣдующихъ основаніяхъ: капиталъ остается неприкосновеннымъ, а проценты употреблять на поддержаніе храма, памятника и прочихъ строеній, находящихся при церкви. При томъ, рѣшено безотлагательно отпустить 6.414 рублей для увеличенія числа священно-церковнослужителей и на учрежденіе двухклассной церковно-приходской школы. Съ этого времени Шведская могила принимаетъ иной видъ. Надо сказать, что еще въ ноябрѣ 1887 года зародилась школа, что было дѣломъ іеромонаха Харитона, собиравшаго мальчиковъ изъ сосѣднихъ деревень. Обученіе было не хитрое, всякій приносилъ книжку, какую имѣлъ или могъ достать, и по ней монахъ училъ его грамотѣ. На это обратилъ вниманіе преосвященный Иларіонъ, епископъ полтавскій, и школа была

1) Интересны подробности: устройство колодца обошлось 4,552 рубля 44 коп., сумма, на которую, при современныхъ цѣнахъ, можно устроить 60 колодцевъ, а на обзаведеніе, на церковные сосуды, облаченія, книги, люстры и проч. 505 рублей 5 коп. См. нашу работу «Полтавская битва и ея памятники», 150 стр., съ рисунками, планами.

обращена въ школу грамоты, а въ слѣдующемъ году въ церковно-приходскую. Было выстроено зданіе для школы на средства преосвященнаго, затѣмъ еще зданіе, гдѣ могли жить мальчики въ зимнее время; появился, такимъ образомъ, интернатъ. Богослуженіе начали совершать ежедневно, что привлекло не мало молящихся; самая же школа была сочувственно встрѣчена окрестнымъ населеніемъ. Но самый храмъ былъ очень тѣсенъ, да и требовалъ большаго ремонта. На другой годъ послѣ его освященія, въ 1857 году, строительная комиссія доносила, что «малый вѣтеръ поднималъ крыши въ церкви и на флигелѣ и грозилъ снесеніемъ ихъ, а болѣе сильный вѣтеръ могъ легко сорвать и снести ихъ...». Понятно, что столь прочно устроенный храмъ, спустя слишкомъ 30 лѣтъ, потребовалъ капитальнаго ремонта. Проектъ переустройства существующаго храма въ новый, былъ составленъ архитекторомъ при святѣйшемъ синодѣ Никоновымъ. Храмъ оконченъ еще въ прошломъ году и освященъ 1-го октября. Одновременно былъ составленъ тѣмъ же архитекторомъ и проектъ памятника на Шведской могилѣ, который открытъ 11 сентября этого года. У подножія холма, что противъ алтаря, вдѣлана большая гранитная плита, на которой высѣчена слѣдующая надпись: «Сооруженъ въ 1894 году при державѣ благочестивѣйшаго государя императора Александра III, распоряженіемъ святѣйшаго синода, при святительствѣ преосвященнаго Иларіона, епископа полтавскаго и переяславскаго, иждивеніемъ тайнаго совѣтника Іосифа Степановича Судіенко, оставившаго денежный капиталъ на увѣковѣченіе великаго событія спасительной Полтавской побѣды. Исполненъ въ С.-Петербургѣ, по проекту и наблюденіемъ архитектора Никонова, мастеромъ Бароновымъ». Съ боковъ этой плиты идутъ лѣстницы, которыя соединяются далѣе въ одну, ведущую на вершину холма. Всѣ лѣстницы и плита высѣчены изъ финляндскаго гранита. На верху холма изящно возвышается 9-ти аршинный, восьмиконечный крестъ изъ превосходнаго сѣраго, сердобольскаго гранита. Крестъ этотъ, вѣсомъ до 1.000 пудовъ, поставленъ на пьедесталѣ изъ того же гранита. Вокругъ памятника, на вершинѣ холма устроена гранитная площадка, окруженная изящною кованого желѣза рѣшеткой. У подножія холма окруженъ гранитнымъ цоколемъ, на которомъ установлены симметрично гранитныя тумбы, соединенныя цѣпами. На крестѣ, на сторонѣ противъ алтаря церкви, высѣчена надпись: «Воины благочестивіи за благочестіе кровію вѣнчавшіеся лѣта отъ воплощенія Бога Слова 1709 г. 27 іюня». Немного ниже этой надписи: «а о Петрѣ вѣдайте, что ему жизнь не дорога, только бы жила Россія». На другой же сторонѣ креста: «Погребены: бригадиръ Феленгеймъ, полковники Нецаевъ и Ловъ, подполковникъ Козловъ, маіоры Кропотовъ, Эрнстъ и Гельтъ. Оберъ-офицеровъ сорокъ пять, капра-

ловъ и рядовыхъ тысяча двѣсти девяносто три, всего погребено 1.345 человекъ».

Памятникъ въ общемъ очень красивъ и производитъ впечатлѣніе. Такимъ образомъ, хотя и не исполненъ завѣтъ Петра Великаго и не выполнено завѣщаніе Судіенко, но все-таки нельзя не порадоваться, что столь священный для всякаго русскаго холмъ, гдѣ погребены славно павшіе войны, имѣетъ уже хорошій памятникъ.

Память вѣчная вамъ, братья,
 Русь младая вамъ обѣтѣя
 Простираетъ въ глубь земли:
 Нашу Русь вы намъ спасли.

Въ виду значенія Полтавской битвы, желательно видѣть на Шведской могилѣ устройство историческаго музея, гдѣ хранилось бы все, что прямо или косвенно относится къ этому столь знаменательному событію въ жизни русскаго народа. Возможно собрать литературу о предметѣ, картины боя, планы военныхъ дѣйствій, модели памятниковъ, образцы орудій, обмундированія, портреты военачальниковъ, принимавшихъ участіе въ битвѣ, и т. д.

Ив. Фр. Павловскій.

ЗАБРОШЕННЫЙ КРАЙ.

«Пока Россія не приобрететъ собственнаго морскаго значенія, она не можетъ считать свое всемірное положеніе упроченнымъ и чувствовать себя въ обладаніи всѣми необходимыми условіями внутренняго развитія и просвѣщенія».

(Изъ депеши г. Кемпбеля, посланника Сѣверо-Американскихъ штатовъ при Стокгольмскомъ дворѣ).

I.

АНО ЛИ, поздно ли, Европѣ придется вынести новую войну—войну «сѣверную»—изъ-за обладанія сѣверными морями, которыя только надняхъ «открыты», подобно тому, какъ когда-то Венелинъ открылъ славянъ-болгаръ, о существованіи коихъ не подозрѣвала Европа, и изъ-за коихъ теперь пролито столько «дешевой человѣческой крови»,—такъ пророчествовалъ нѣкогда г. Мордовцевъ въ своихъ извѣстныхъ «Афоризмахъ». Прошло съ тѣхъ поръ болѣе десятка лѣтъ, однако предсказаніе почтеннаго романиста не осуществилось, и нѣтъ достаточнаго основанія въ настоящее время предполагать, чтобы въ ближайшемъ будущемъ такое бѣдствіе могло постигнуть народы сѣвера. Не то, чтобы воздухъ, которымъ дышитъ человѣчество, былъ свободенъ отъ пороховыхъ газовъ, и чтобы политическіе горизонты отличались чистотою лазури — нѣтъ, такъ далеко не дерзаетъ парить мысль писателя. Къ прискорбію, въ современномъ политическомъ положеніи ве-

щей можно отмѣтить немало такихъ сторонъ, которыя явно указываютъ, что вѣкъ «всеобщаго братства» еще очень далекъ отъ насъ. Если одни имѣютъ право именовать наше время вѣкомъ «пара и электричества», то другіе съ неменьшимъ основаніемъ даютъ ему кличку — вѣка «крупповскихъ пушекъ и стальныхъ мониторовъ», и, пожалуй, послѣдніе будутъ имѣть на своей сторонѣ болшую долю истины. Пусть будетъ такъ, и тѣмъ не менѣе трудно себѣ представить, чтобы въ своей враждѣ человѣчество сдѣлало ареной борьбы пустынные берега далекаго сѣвера и омывающія его холодныя воды. Временно, конечно, громъ пушекъ и свистъ ядеръ наполнить собою и это глухое пространство, но во всякомъ случаѣ видѣть здѣсь увель будущихъ сложныхъ отношеній рискованно. Невѣроятнѣе ли, если ужъ пытаться дѣлать прорицанія, перенести, согласно исторической рутинѣ и опыту, гадательный центръ неминусовой бѣды на средне-европейскую равнину или на Востокъ— это вѣчное яблоко раздора народовъ и племенъ. Для предположеній послѣдней категоріи существуетъ больше оснований, нежели для первой. Не допуская возможности спеціально «сѣверной войны», нельзя, однако, не отмѣтить, что «Сѣверу» послѣ вѣковъ историческаго забвенія выпадаетъ на долю въ настоящее время немало вниманія и указаній именно съ точки зрѣнія возможныхъ будущихъ военныхъ дѣйствій. Печально, что эту обширную полосу земного шара вспомнили и на нее обратили вниманіе по причинамъ, составляющимъ далеко не свѣтлую сторону жизни человѣческой, но какъ бы то ни было Сѣверъ выведенъ на историческую арену, и съ нимъ приходится считаться и какъ съ частью земной территоріи и какъ съ виднымъ факторомъ въ нашей соціальной жизни. Лучше ли ему будетъ отъ того? трудно, конечно, утверждать заранѣе, но фактъ остается фактомъ: своего рода «доисторическій» его періодъ миновать, и надъ нимъ занимается заря новой жизни. Какъ комбинируются элементы его будущаго существованія, покажетъ время; теперь же необходимо ознакомиться съ его прошлымъ и настоящимъ, указать на его культурныя задачи и прослѣдить историческій путь его развитія. Въ этомъ отношеніи, къ величайшему нашему стыду, сдѣлано очень мало, и русскіе люди сплошь и рядомъ гораздо болѣе освѣдомлены объ областяхъ центральной Африки и Азіи, нежели своей родной окраины. А вмѣстѣ съ тѣмъ знаніе сѣвера, его исторіи и его нуждъ должно являться для насъ насущною необходимостью, такъ какъ болшая его часть состоитъ въ нашемъ владѣніи съ незапамятныхъ уже временъ, и только меньшая часть является собственностью Швеціи и Норвегіи. Вотъ почему, когда говорится о «сѣверныхъ моряхъ» или «сѣверной войнѣ», имѣется въ виду именно наше отечество и его историко-культурныя задачи, такъ какъ Россія болше всѣхъ заинтересована въ томъ, чтобы враждебное ей иноземное вниманіе какъ можно меньше было обращено къ

странѣ «вѣчныхъ льдовъ». Я нарочно употребляю здѣсь слово «враждебное», такъ какъ, къ сожалѣнію, въ послѣдніе два десятка лѣтъ оно преобладаетъ надъ всякими другими эпитетами, прилагаемыми къ нему, и оно-то, какъ сказано выше, и послужило толчкомъ къ открытію этой новой Америки. Да, какъ ни грустно звучитъ это слово—«открытие», но это такъ. Одинъ публицистъ назвалъ какъ-то «новымъ» все то, что «хорошо забыто»; въ этомъ смыслѣ и сѣверный край и омывающія его воды для насъ новы, такъ какъ мы ихъ ужъ «слишкомъ» хорошо забыли, не только со временъ «Новгородскихъ вольностей», но даже со временъ Петра и Екатерины. Историческая память у русскихъ людей вообще очень коротка, и мы вдругъ узнаемъ о чемъ нибудь, провозглашаемъ его новымъ и носимся съ нимъ, именно какъ съ новинкой, когда вмѣстѣ съ тѣмъ на немъ лежитъ пыль очень сѣдой старины, и оно является лишь укоризненнымъ напоминаніемъ былого. Стоитъ лишь вспомнить для примѣра хотя бы нѣкоторые факты изъ нашей общественной и политической жизни: франко-русскій союзъ, необходимость для Россіи реальной системы образованія, исконный, земскій строй нашей жизни, просвѣтительныя задачи Петра и Екатерины, пагубность централизаціи и многое другое, что нами случайно или нарочито забыто, о чемъ мы вспоминаемъ только въ наши дни или что стараемся до времени, въ разрѣзъ съ здравымъ смысломъ и наперекоръ опыту, затушевать иными перспективами. Сѣверъ, его исторія и его задачи принадлежать къ той же группѣ забытыхъ историческихъ словъ, о которыхъ мы вспомнили серьезно только въ очень недавнее время. Сюда въ наши дни направилось вниманіе специалистовъ военнаго и морского дѣла, о Сѣверѣ заговорила публицистика, здѣсь проектированъ рядъ экономическихъ предпріятій, и эту же обширную окраину подарилъ своимъ посѣщеніемъ въ прошломъ году г. министръ финансовъ, пожелавшій фактически и воочію убѣдиться на мѣстѣ, чѣмъ можетъ быть Сѣверъ для Россіи и въ чемъ заключаются потребности заброшенной области. Я лично склоненъ отдать этой поѣздкѣ С. Ю. Витте значеніе большее, чѣмъ всѣмъ поѣздкамъ, предпринимаемымъ за послѣднее время остальными лицами нашего административнаго механизма, и жду отъ нея благихъ результатовъ. Своему оптимизму я нахожу основаніе въ слѣдующихъ соображеніяхъ. Центръ, югъ Россіи, ея европейскія, восточныя и западныя окраины болѣе или менѣе изслѣдованы, жизнь здѣсь идетъ сравнительно полнымъ ходомъ, можетъ быть, подчасъ и неровнымъ, но во всякомъ случаѣ бевостановочнымъ; Сѣверъ же представляетъ въ этомъ отношеніи полнѣйшій контрастъ—целена невѣдѣнія плотно окутала его территорію и населеніе. Во всѣхъ остальныхъ областяхъ наслоилась масса вопросовъ, нити жизни переплелись донельзя, и за общимъ гуломъ и шумомъ повседневныхъ золь и нуждъ часто трудно разобраться

въ единичныхъ явленіяхъ; всякое начинаніе здѣсь осложняется и порою требуетъ немалого времени для сужденія о его цѣлесообразности. Не то на Сѣверѣ—здѣсь, можно сказать, своего рода *tabula rasa*, по которой умѣлая, опытная государственная рука всегда сможетъ провести рельефныя и независимыя черты, тутъ по отсутствію сложности взаимодействующихъ факторовъ, по дѣвственности, такъ сказать, нивы легче предвидѣть результаты, а также способы осуществленія задуманнаго. Въ этомъ отношеніи забытый край находится въ счастливыхъ условіяхъ — онъ можетъ обосновать свое будущее благосостояніе на опытѣ центра и юга. Рядомъ съ этимъ и личность самого министра финансовъ, хорошаго практика жизни, можетъ достаточно гарантировать, что, при обсужденіи нуждъ Сѣвера и его задачъ фантастическому элементу не будетъ дано мѣста, и эксперименты, а также политика «наощупь», будутъ упряднены. Но нельзя не отмѣтить, что для призванія искусственно-усыпленнаго края къ жизни личнаго опыта и знакомства съ нимъ министра финансовъ далеко недостаточно; въ наше время исключительно даровитостью, сноровкою и практичностью ничего не подѣлаешь: требуется точное знаніе и значительная сумма факторовъ, на которые оно должно опираться. А это-то точное знаніе, когда дѣло идетъ о Сѣверѣ, положительно отсутствуетъ, за неимѣніемъ всесторонне изслѣдованныхъ и воедино собранныхъ факторовъ. Данныя физической географіи, этнографіи, лингвистическія, статистическія, даже административныя, не говоря уже про многія иныя, менѣе значительныя, чрезвычайно скудны, когда заходить рѣчь о губерніяхъ—Олонецкой, Вологодской и Архангельской, представляющихъ собою «заброшенный край». Помимо скудости, эти данныя отличаются еще крайней путанностью и сбивчивостью—что ни источникъ, то или противорѣчіе или пробѣлъ. Мнѣ, напримеръ, говорили лица, получавшія спеціальныя командировки по дѣламъ службы на Сѣверъ, о томъ затруднительномъ положеніи, въ которое имъ приходилось становиться, когда они желали маломальски обстоятельно ознакомиться съ условіями жизни (территориальными, населенности, экономического состоянія) тѣхъ мѣстностей, куда слѣдоваль ихъ путь. Начиная съ вопроса о размежеваніи волостей и даже уѣздовъ и кончая вопросами экономическими (обложенія, задолженности и надѣловъ), все представляетъ собою какой-то хаосъ и путаницу. При отправленіи на Сѣверъ, для предварительнаго теоретическаго съ нимъ ознакомленія, приходится перелистать кучу изданій и статей, гдѣ безъ всякой системы и правильной группировки разбросаны отрывочныя и неполныя свѣдѣнія. Берите эти свѣдѣнія пока на вѣру, а пріѣхавъ на мѣсто, убѣдитесь изъ личнаго опыта, что вѣра ваша была достаточно наивна, и что истинное положеніе вещей совсѣмъ иное, нежели вы его успѣли создать себѣ въ умѣ изъ книжекъ и на

основаніи официальныхъ рапортовъ, составляемыхъ пресловутыми, сдѣлавшимися въ своемъ родѣ историческими, волостными писарями. Вотъ этотъ-то безпорядокъ точныхъ знаній и требуетъ своего восполненія. Министерство финансовъ, въ виду строящейся Сибирской желѣзной дороги и для полученія во всякое время необходимыхъ свѣдѣній объ одной изъ мѣстностей, по которой долженъ пройти великій рельсовый путь, издало прекрасный трудъ— «Описаніе Амурской области»¹⁾, гдѣ собранъ богатѣйшій статистическій матеріалъ. Подобнаго-то рода работу и слѣдовало бы вѣдомству финансовъ, однажды оно задалось серьезными задачами въ отношеніи нашего Сѣвера, поручить специалистамъ для обстоятельнаго описанія Архангельской, Вологодской и Олонецкой губерній. Программа такого изданія могла бы быть заимствована хотя бы изъ «Описанія Амурской области» съ необходимыми примѣнительно къ случаю измѣненіями и поправками. Затратъ такое предпріятіе потребуетъ не Богъ вѣсть какихъ, а плодотворные результаты его въ будущемъ внѣ всякаго сомнѣнія. Вотъ при такихъ-то благоприятныхъ условіяхъ — личномъ опытѣ г. министра финансовъ, вынесенномъ имъ изъ путешествія лѣтомъ 1894 г., и наличности фактическаго научнаго и статистическаго матеріала, легко будетъ ориентироваться въ проектахъ и начинаніяхъ, касающихся Сѣвера. Изъ такого рода постановки вопроса неминуемо вытекаетъ средство избѣгнуть многихъ возможныхъ ошибокъ, что сторицею вознаградитъ нашу казну за расходы по описанію края.

Обращаясь къ литературѣ предмета²⁾ о «Сѣверѣ», мы невольно поражаемся ея скудостью. Наши беллетристы, за весьма немногими исключеніями, почти совсѣмъ не брали этого обширнаго района, какъ матеріалъ для своего творчества. Только въ произведеніяхъ г.г. Засодимскаго, Круглова, Носилова, отчасти Мамина-Сибиряка (въ его описаніяхъ Урала и Приуралья, граничащихъ съ Вологодской губерніей) и главнымъ образомъ В. И. Немировича-Данченко еще встрѣчаются нѣкоторыя бытовые черты изъ жизни заброшенной окраины, картинки ея богатѣйшей природы. Въ болѣе счастливомъ положеніи обрѣтается литература описательная—«путешествія». Тутъ на первомъ планѣ должны быть поставлены два произведенія, по всей справедливости пріобрѣвшія себѣ наименованіе образцовыхъ — С. Максимова «Годъ на Сѣверѣ» и В. Немировича-Данченко «Соловки»; далѣе слѣдуютъ очерки того же Немировича, Н. Максимова, А. Молчанова и, какъ послѣднее слово въ этой области, «По студеному морю» Русскаго Странника и «Сѣ-

¹⁾ О немъ см. «Историческій Вѣстникъ» 1894 г., ноябрь.

²⁾ Отмѣчаю на мой взглядъ только выдающееся, при чемъ исключаю чисто историческія изслѣдованія.

веро-Двинскій край» Пospѣлова-Шахматова; сюда же должны быть отнесены описаніе путешествій Миддендорфа и Литке. Научныя сочиненія съ характеромъ всесторонняго изслѣдованія предмета не занимаютъ выдающагося положенія и болѣе относятся къ тѣмъ или инымъ отдѣльнымъ частямъ предмета. Большая часть такихъ научныхъ статей напечатана въ «Запискахъ Русскаго географическаго общества», въ «Трудахъ общества содѣйствія мореходству», въ «Морскомъ Сборникѣ», а также въ мѣстныхъ изданіяхъ, каковы «Архангельскій», «Вологодскій» сборники, «Олонекія» и «Архангельскія губернскія вѣдомости». На долю публицистики выпала преимущественно честь поработать въ отношеніи разработки «сѣвернаго вопроса». Г.г. Сидоровъ, Подгоецкій, Дергачевъ, Шавровъ, Н. Максимовъ, «Бѣломоръ» и «Черноморецъ» освѣтили своими журнальными и газетными статьями многія темныя стороны жизни края и выдвинули къ разрѣшенію правительственной власти немало острыхъ и жгучихъ вопросовъ. Группируя названныхъ писателей по задачамъ ихъ работъ, мы должны поставить наиболѣе видныхъ изъ нихъ въ слѣдующей послѣдовательности. Сидоровъ, извѣстный практическій дѣятель Сѣвера, и Н. Максимовъ обращаютъ на себя главнымъ образомъ вниманіе, какъ изслѣдователи экономической стороны жизни края; «Бѣломоръ»,—какъ лицо не мало содѣйствовавшее разработкѣ вопроса о будущемъ военномъ портѣ; сюда же отчасти примыкаютъ «Черноморецъ» и Евгений Львовъ («Русскій Странникъ»), причемъ оба послѣднихъ занимаютъ опять-таки обособленные мѣста: г. Львовъ даетъ прекрасное и интересное описаніе кружнаго пути на пароходѣ отъ Петербурга до Архангельска, по Студеному морю, по Ледовитому океану, черезъ Норвегію и Швецію и обратно, причемъ мимоходомъ поднимаетъ разные вопросы въ связи съ предстоящими мѣропріятіями относительно края. Что же касается «Морскихъ писемъ» Черноморца, въ свое время появившихся на страницахъ «Русскаго Обзорнія» и нынѣ вышедшихъ отдѣльнымъ изданіемъ, то таковыя могутъ быть рекомендованы, какъ краткое, но очень содержательное обзорніе исторіи и современнаго состоянія вопроса «о Сѣверѣ». Существеннымъ, однако, недостаткомъ работы г. Черноморца служитъ ея излишній полемическій и узко-національный характеръ, принимающій подчасъ черезчуръ острую форму. Не будь этой дефектной стороны дѣла, портящей впечатлѣніе и не располагающей читателя къ автору, «Морскія письма» могли бы считаться лучшей и, пожалуй, единственной работой, обнимающей собою вопросъ въ достаточной полнотѣ, не исключая и литературы предмета.

Что же касается статистическихъ свѣдѣній о трехъ губерніяхъ, обнимающихъ сѣверную область, то таковыя въ наибольшей полнотѣ представлены въ капитальномъ изданіи А. С. Суворина «Вся

Россія», а также въ словарѣ «Брокгауза и Ефрона» (губерніи Архангельская и Вологодская).

Не задаваясь широкой задачей всесторонне ознакомить читателей съ одною изъ обширнѣйшихъ областей нашего отечества, постараюсь указать на наиболѣе существенные вопросы, выдвинутые въ послѣднее время сѣверною жизнью и ея дѣятельными адвокатами изъ числа журналистовъ. Разбирать мнѣнія противниковъ и недоброжелателей Сѣвера я не имѣю ни времени, ни мѣста, ни охоты, да это въ достаточной степени и бесполезно, такъ какъ подобный разборъ представилъ бы собою исключительно интересъ историко-литературный: современность ясно и непроложно свидѣтельствуетъ, что всякія брювжанія и глумленія въ этой области полнѣйшій анахронизмъ и служатъ лишь доказательствомъ узкости взглядовъ и крайней односторонности представителей такого направленія. «Теперь уже никто не спорить, — справедливо замѣчаетъ «Русскій Странникъ», — что такому обширному государству, какова Россія, для его правильнаго, успѣшнаго роста и процвѣтанія, для его военнаго и торговаго флота необходимо открытое море, хорошіе порты, въ которыхъ мы не можемъ быть ни заперты льдами, ни заперты непріателемъ. Такіе порты есть у насъ несомнѣнно и первый изъ нихъ Владивостокъ, а другіе могутъ быть, если только Россія оглянется на свою недавнюю исторію и въ данномъ случаѣ пойдетъ по стопамъ великаго Петра къ Ледовитому океану, такъ какъ сѣверо-западная часть Мурманскаго берега изрѣзана бухтами, подчасъ весьма удобными для стоянокъ цѣлаго флота и, благодаря гольфстрему, отчасти совсѣмъ не замерзающими. Повторяю, что все это въ послѣднее время сознается русскимъ обществомъ, вслѣдствіе чего сооруженіе желѣзнаго пояса, имѣющаго соединить центральную Россію съ Владивостокомъ, горячо привѣтствуется русскими людьми, какъ одно изъ величайшихъ дѣяній, увы, уже минувшаго царствованія. Но и этотъ гигантскій шагъ оказывается только первымъ, за коимъ имѣютъ послѣдовать и другіе въ томъ же направленіи. Вскорѣ послѣ заключенія русско-германскаго договора у насъ стало извѣстно, что высшее правительство серьезно намѣрено обратить вниманіе на нашъ сѣверъ, что не только проведеніе желѣзной дороги отъ Вологды на Архангельскъ вопросъ окончательно рѣшенный, но что и вмѣстѣ съ тѣмъ верховное правительство озабочено проведеніемъ другихъ желѣзныхъ дорогъ и изысканіемъ удобной незамерзающей бухты на Мурманѣ, куда тоже будетъ проведена желѣзная дорога».

II.

«Сѣверный край» можетъ искони считаться коренной русской областью. Многочисленные вещественные памятники, преданія и образцы народнаго творчества, дошедшіе до насъ и еще понынѣ нами открываемые, ясно доказываютъ, что, несмотря на наличность въ сѣверныхъ областяхъ инородческихъ племенъ, русское вліяніе издавна укрѣпилось здѣсь и является органически связаннымъ съ краемъ и его населеніемъ. XI, XII и XIII вѣка представляютъ собою постепенное и безостановочное движеніе русскихъ людей въ глубь сѣвера, несущихъ съ собою инородцамъ-язычникамъ начала просвѣщенія и государственной ассимиляціи. Ко временамъ Ивана Грознаго мы уже стоимъ твердой ногой на берегахъ Бѣлаго моря, и антагонизмъ, главнымъ образомъ торгово-промышленный, начинаетъ явно обнаруживаться между царствомъ Московскимъ и королевствомъ Шведскимъ. Основанный преподобнымъ Трифономъ, просвѣтителемъ лопарей, Печенгскій монастырь, расположенный на берегу Варенгерскаго побережья и пользовавшійся особымъ расположеніемъ дальновиднаго Ивана Васильевича, имѣлъ не малое культурное вліяніе на весь сѣверный край — здѣсь сосредоточился торговый и политическій центръ. Развиваясь и обогащаясь постепенно, онъ обратился въ своего рода порто-франко, куда сходились купцы со всего свѣта. «Тутъ же были: одна изъ важнѣйшихъ верфей нашего сѣвера, соляныя варницы, мельницы, разныя мастерскія и цѣлая слобода морскихъ звѣробоевъ, — говоритъ «Черноморецъ» въ своихъ «Морскихъ письмахъ». Монастырь съ своимъ торгомъ и флотомъ былъ очень серьезнымъ конкурентомъ даже такой сильной компаніи, какова англійская регулированная компанія (regulated companies), которая со временъ Ченслера обогащалась на счетъ нашего сѣвера». Петръ Великій, подобно своимъ предшественникамъ — Грозному и Михаилу Феодоровичу, высоко ставилъ значеніе сѣвера для внутренней и внѣшней политики государства и употреблялъ не мало усилий, чтобъ укрѣпить здѣсь русское вліяніе. Помимо ряда привилегій архангельской отпускнуой торговлѣ, помимо попытокъ создать сѣверный флотъ, онъ замышлялъ даже постройку военнаго порта на Новой Землѣ, какъ «постоянномъ пунктѣ, гдѣ сосредоточивались бы военныя силы, какъ для защиты русскихъ промышленниковъ, такъ и для охраненія интересовъ Русскаго государства отъ иностранцевъ». Такимъ образомъ, великій преобразователь Россіи два вѣка тому назадъ ясно сознавалъ необходимость осуществленія той идеи, которая послѣ многихъ мытарствъ только въ наши дни проходитъ въ сознаніе общественное и правительственное. Петръ, прозрѣвавшій своимъ геніаль-

нымъ умомъ значеніе для Россіи сѣвернаго побережья, какъ величины политической и экономической, не могъ, однако, вполнѣ осуществить своихъ грандіозныхъ замысловъ: ему приходилось силою вещей дѣлать свои симпатіи между Балтикой и Поморьемъ и ради соображеній государственной необходимости принести послѣднее въ жертву первому. Такъ, кое-что изъ привилегій Архангельска было со временемъ сокращено, дабы торговля этого города не поглотила собою экономического роста молодой столицы. Екатерина II, въ значительной степени почерпавшая начала своихъ административныхъ мѣропріятій изъ богатаго государственнаго и политическаго наслѣдства Петра, не оставляла также своимъ вниманіемъ цѣнной окраины. При ней уже ясно высказывается мысль, что, принявъ исходною точку омывающія нашъ сѣверъ моря и его побережье, можно проплыть по свободному въ извѣстное время года отъ льда пути черезъ Беринговъ проливъ до Остъ-Индіи. Мысль эта была высказана Ломоносовымъ, этимъ архангельскимъ мужикомъ, и легла въ основаніе извѣстной научной экспедиціи Чичагова. Подобныя экспедиціи (напримѣръ, Литке) предпринимались и впослѣдствіи, но при Екатеринѣ въ этомъ вопросѣ о сѣверномъ пути наибольшаго вниманія заслуживаетъ то выяснившееся тогда обстоятельство, что мѣстные природные жители какъ бы инстинктивно уже признавали его существованіе, дѣлали попытки, и довольно удачныя, проникнуть отсюда къ болѣе восточнымъ берегамъ Сибири, плавали вокругъ Новой Земли и оставили здѣсь явные слѣды своего пребыванія и своихъ жилищъ. Вообще необходимо замѣтить, что вплоть до начала нынѣшняго столѣтія вліяніе Россіи и ея прочное положеніе во всѣхъ вопросахъ, касающихся сѣвера, были внѣ сомнѣнія, и лучшіе русскіе люди—Петръ, Екатерина, Ломоносовъ, преисполнены лучшихъ стремленій въ отношеніи окраины, ясно сознавая все ея значеніе для нашей исторической жизни. Иной оборотъ принимаетъ вопросъ съ начала нынѣшняго столѣтія: мы отступаемъ по всѣмъ пунктамъ передъ иностранцами, теряемъ здѣсь не только вліяніе, но даже огромнѣйшую территорію и, точно на зло государственнымъ завѣтамъ великихъ предковъ, создаемъ себѣ здѣсь поворное положеніе. Въ теченіе болѣе полувѣка съ нашей стороны было сдѣлано все для самоуниженія и отдачи въ руки смѣтливыхъ и безцеремонныхъ сосѣдей того, что принадлежитъ намъ искони, какъ родовое наслѣдство отъ предковъ. Русскіе люди приносятся безъ всякой разумной необходимости въ жертву иностранцамъ, и лѣтопись сѣверныхъ береговъ нашей отчины переполняется страницами мрака и скорби. Борьба интересовъ развертывается здѣсь широко: норвежцы преимущественно, а за ними и другіе иностранцы, ведутъ энергично натискъ на Бѣлое море и прилегающія къ нему земли, русская государственная власть остается равнодушною зрительницею этого натиска, и

страдающимъ элементомъ, несущимъ всѣ тяготы такого ненормальнаго хода вещей, являются наши же соотечественники-поморы, которые тщетно вопіють о помощи и поддержкѣ своихъ могущественныхъ родичей.

Исторія нашихъ русскихъ и норвежско-шведскихъ взаимоотношеній настолько любопытна, что считаю необходимымъ остановиться на ней подольше, почерпая свѣдѣнія по этому предмету изъ очерковъ г. Н. Максимова, «Русскаго Странника» и «Черноморца».

Центръ тяжести сѣвернаго вопроса лежитъ въ Мурманскомъ побережьи, которое является сопредѣльнымъ Россіи и Норвегіи. Мурманъ уже въ XI вѣкѣ, при Ярославѣ Мудромъ, числился пятиной Новгорода, и русская граница доходила тогда до Люгенъ-фіорда; въ послѣдующее время обстоятельства не благоприятствовали намъ, мы потеряли часть территоріи, и нашъ морской рубежъ передвинулся къ Варангерскому заливу; тѣмъ не менѣе еще въ XVI столѣтіи вся Лапландія принадлежитъ намъ, не исключая нынѣ отошедшихъ отъ насъ провинцій—Остеръ-Ботнической и Варенгской. При Карлѣ XI, во время междоусобствія, Россія вновь потеряла часть территоріи, и граница ея стала считаться по рѣкѣ Массельгѣ, при чемъ и эта граница постоянно нарушается, такъ что Алексѣй Михайловичъ вынужденъ выслать на защиту Кольскаго полуострова и Поморья вообще стрѣлечье войско.

Иновѣнные пираты, а также шведскіе граждане продолжаютъ, однако, свой натискъ на русскія земли, вслѣдствіе чего Петръ укрѣпляетъ на полуостровѣ Кольскую крѣпость, какъ оплотъ противъ вражескихъ дѣйствій. Кольская крѣпость просуществовала до Екатерины II, которая перенесла отсюда въ Екатерининскую гавань арсеналь и боевые припасы, въ намѣреніи создать на новомъ мѣстѣ военный портъ, каковая мысль, однако, не успѣла при ней осуществиться, а при ея преемникахъ была совсѣмъ заброшена. Уже послѣ присоединенія Финляндіи, когда въ 1826 году было рѣшено урегулировать нашу границу съ сосѣдями, то таковая стараніями полковника Голямина была проведена по Чалмъ-озеру и рѣкамъ Варьемѣ и Пазѣ до Улеаборгской губерніи, благодаря чему обширная территорія въ 800 квадр. верстъ отошла задаромъ и безъ всякаго разумнаго основанія къ норвежцамъ.

«... Полковникъ Голяминъ...,—говоритъ Евг. Львовъ,—отдалъ бы и больше, да мѣсто, на которомъ была Печенгская обитель, облитая русскою мученическою кровью, и церковь святителя Трифона на Пазрѣкѣ столь явно свидѣтельствовали о своемъ русскомъ происхожденіи, что уступать ихъ было рискованно; но и здѣсь Голяминъ не поцеремонился, отдавъ губу Пазо почти со всѣмъ погостомъ, но только безъ церкви, а также и наши большіе погосты Нявденскій, Ровденскій и весь Варангерскій заливъ». По этому поводу «Чер-

номорець» въ своихъ «Морскихъ письмахъ» справедливо замѣчаетъ: «Чего не могли сдѣлать норвежцы силою, даже во времена русскаго лихолѣтя, то сдѣлали русскіе чиновники изъ нѣмцевъ, которые, во времена Нессельроде, ухитрились доставить Швеціи эту мирную побѣду надъ Россіей послѣ того, какъ она побѣдила въ открытомъ бою свою исконную соперницу и присоединила къ себѣ навсегда всю Финляндію».

Этой мирной, вредной нашимъ интересамъ уступкой мы какъ нельзя болѣе пошли на встрѣчу вождедѣніямъ иностранцевъ, которые во имя экономической и политической конкуренціи уже при Петрѣ Великомъ громко начали проповѣдовать необходимость ограниченія Россіи на сѣверѣ.

«Если Россія возьметъ себѣ въ образецъ Данію, учредить, одобрить и поддержать торговыя товарищества, то наша и голландская торговля въ состояніи ли будутъ устоять отъ этого положенія?—спрашивалъ англійскій министръ Вальполь.—Если держава, которая не знаетъ, куда и какъ употребить своихъ людей, примется за умноженіе своихъ морскихъ силъ и купеческихъ кораблей, тогда пропадутъ Голландія и Англія. Возможность, какую имѣетъ Россія къ построенію судовъ, оправдываетъ мое безпокойство». А министръ Гускидсонъ еще болѣе категорично формулировалъ задачи иностранцевъ относительно нашего отечества, откровенно заявивъ въ парламентѣ: «Нужно употребить всѣ зависящія отъ насъ мѣры, чтобъ остановить въ Россіи развитіе флота».

Заботиться объ «остановкѣ развитія» сынамъ «туманнаго Альбіона», однако, не особенно приходилось, такъ какъ сама Россія не проявляла никакихъ стремленій къ созданію сѣвернаго военнаго и коммерческаго флота, бросала совершенно на произволь иностранцамъ своихъ сѣверныхъ вѣрноподанныхъ и съ спокойной совѣстью взирала на всякія стѣсненія и обиды, которымъ послѣдніе подвергаются. Отечественная политика въ этомъ отношеніи донелъзя поворна и является темнымъ пятномъ нашей исторіи. Равнодушіемъ, уступками и небрежностью мы достигли поразительныхъ результатовъ.

Вотъ какъ изображаетъ положеніе вещей въ своемъ докладѣ «Обществу содѣйствія русскому мореходству» ¹⁾ покойный Сидоровъ, дѣлецъ и публицистъ, немало поработавшій на пользу своей обиженной родины: «... Не только не производится промѣровъ устьевъ сѣверныхъ рѣкъ, въ которыя входятъ корабли, но засыпаются и существующіе фарватеры балластомъ, чтобы входъ къ портовымъ городамъ, если не прекратить, то затруднить. Дошло до того, что и остальные коренные русскіе судовладѣльцы сѣвера, производящіе внѣшнюю торговлю, начали обращаться къ начальству съ

¹⁾ «Морскія письма», стр. 42—48, откуда и заимствую цитаты изъ доклада.

просьбами о сравненіи ихъ, хотя на половину, или еще меньше, въ правахъ на сѣверѣ Россіи по мореходству съ норвежскими выходцами и пиратами... Имъ и въ этой просьбѣ отказывается, и затѣмъ закрывается нынѣ ближайшій къ Новой Землѣ Печорскій портъ, открытый, послѣ громадныхъ усилій и пожертвованій частныхъ лицъ, безо всякаго содѣйствія правительства и иностранцевъ. Съ нынѣшняго года прекращаются ежегодныя плаванія изъ Печоры въ Кронштадтъ, продолжавшіяся шестнадцать лѣтъ. Уничтожаются на русскихъ картахъ даже древнія русскія названія мѣстъ, озера и рѣкъ, замѣняются норвежскими и финскими... Швеція, организовавъ и усиливъ сѣверный Финмаркенъ, вытѣснила уже всѣхъ русскихъ изъ пяти тамошнихъ гаваней, на которыя они имѣютъ право по договорамъ; она заселяетъ не только три тамошніе незамерзающіе залива, но и всѣ мѣстности, принадлежащія Россіи до города Колы. Она начала уже помышлять не только о приобрѣтеніи всѣхъ земель отъ новой своей границы до Колы и по рѣкѣ Колѣ до города Ояъги, но и о возвращеніи себѣ прежняго своего достоянія—Ладожскаго озера». Къ настоящей иллюстраціи, фактически никѣмъ не опровергнутой, не приходится дѣлать комментаріевъ; не приходится также бросать гнѣвные перуны и въ политику практической сосѣдки, которая, движимая началами «борьбы за существованіе», беретъ и домогается того, что плохо лежитъ. Вся отвѣтственность въ данномъ случаѣ должна лечь на нашу близорукость и полное неумѣніе отстаивать свои интересы.

Тутъ вопросъ идетъ не о томъ, «отколь грозитъ мы будемъ шведу», а исключительно о томъ, чтобъ не дать природнымъ русскимъ людямъ лишиться благоприобрѣтенныхъ имущества и правъ на своей родинѣ, а также, чтобъ не терпѣть матеріальнаго изъяна въ пользу чужой народности, которая взамѣнъ ничего не хочетъ, не можетъ и не должна намъ представлять. Политика скандинавовъ далеко не пассивная и понынѣ: шведскіе офицеры, ученые, непрестанно продолжаютъ обслѣдовать наши воды и земли, а по ихъ примѣру обратила вниманіе свое на русское добро и Германія, приславшая даже для обслѣдованія русско-норвежской границы своего инженеръ-генерала Швейница. Все это факты весьма недавняго проплаго, а если вспомнить присылку въ Бѣлое море англійской эскадры во время Крымской войны, то становится вполне понятнымъ, какой лакомый кусокъ для иностранцевъ представляетъ собою нашъ сѣверъ и какое значеніе — экономическое и стратегическое, онъ имѣетъ для отечественной жизни.

Наши административныя и политическія прорухи создали на Мурманѣ, да и по всему Студеному морю, крайне ненормальное положеніе вещей, и нужно только удивляться стойкости и выносливости русскаго человѣка, продолжающаго безъ всякой поддержки и содѣйствія крѣпко держаться за дѣдовскую отчину, сохраняя

такимъ образомъ для своей родины твердый оплотъ противъ дальнѣйшихъ посягательствъ на нее чужихъ людей. Поморы, по словамъ С. Ю. Витте, представляющіе собою «сталь Русской земли», со временемъ, когда удастся, наконецъ, оградить ихъ существованіе и интересы отъ всякихъ давленій и тисненій извнѣ, конечно, заслужатъ себѣ въ исторіи Россіи неизгладимый памятникъ, освященный горячими лучами національной признательности. Но это дѣло будущаго, а пока небезъинтересно остановиться на томъ пути, слѣдуя которому враждебные элементы успѣли создать для нихъ воистину невыносимыя условія существованія.

Вотъ въ общихъ чертахъ печальная картина «поморскаго» вопроса, нарисованная Сидоровымъ въ его докладѣ: Печорцы, — говоритъ онъ, — промышленяющіе морскихъ звѣрей на островѣ Вайгачѣ, просили управляющаго дѣлами печорской компании, г. Никитина, при отъѣздѣ его нынѣ изъ Печорскаго залива въ Петербургъ, ходатайствовать о защитѣ ихъ противъ произвола и господства иностранцевъ на островѣ Вайгачѣ и вообще Карскомъ морѣ¹⁾. Въ «Архангельскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ» была напечатана статья, въ которой высказывались на иностранцевъ жалобы промышленниковъ и другихъ уѣздовъ Архангельской губерніи, производящихъ промыслы при берегахъ острова Новой Земли. Въ ней было объяснено, что въ то время, когда наши гавани еще замкнуты льдами, иностранцы приходятъ иногда тремя мѣсяцами раньше русскихъ промышленниковъ къ нашимъ островамъ: Новой Землѣ, Вайгачу и другимъ, и выбиваютъ у береговъ этихъ острововъ и на нашихъ морскихъ побережьяхъ моржей, тюленей и другихъ морскихъ звѣрей. Отъ такой несвоевременной охоты морскіе звѣриные промыслы очень скоро не будутъ приносить значительныхъ выгодъ, а впослѣдствіи совсѣмъ прекратятся, потому что иностранцы истребляютъ матокъ во время ихъ беременности или тогда, когда дѣтеныши ихъ не могутъ еще жить безъ матки. Отъ этого много теряютъ русскіе промышленники: бывали случаи, что у нихъ увозили оставленную добычу. Если подобныя жалобы русскихъ поморовъ, которые ловятъ рыбу около Мурманскихъ бережій, гдѣ постоянно находятся наши исправники и становые, найдены были справедливыми въ 1870 году, когда плавали тамъ наши военные пароходы, то можно себѣ представить участь русскихъ промышленниковъ на нашихъ необитаемыхъ островахъ! У нашихъ промышленниковъ небольшія суда, на которыхъ по нѣ-

¹⁾ Бывшій въ засѣданіи Никитинъ сообщилъ, что, по рассказамъ сѣверныхъ промышленниковъ, иностранцы вымѣниваютъ у сѣверныхъ инородцевъ земліе промыслы на ромъ. Такимъ образомъ, иностранный ромъ идетъ далеко внутрь страны, между тѣмъ какъ русскимъ запрещено закономъ возить водку и даже выѣзжать въ тундры къ инородцамъ. (Прим. Черноморца).

сколько человекъ рабочихъ, между тѣмъ какъ иностранцы управляютъ въ Сѣверный океанъ болѣе значительныя суда. И потому сопротивленіе нашихъ промышленниковъ иностраннымъ невозможно, и послѣдніе обращаются съ ними, какъ съ завѣжими людьми въ чужія страны. Сколько плаваютъ судовъ и пароходовъ иностранныхъ около Новой Земли и вообще въ Карскомъ морѣ, имѣемъ свѣдѣнія изъ шестой и девятой книжекъ «Географическихъ Извѣстій» доктора Петермана. Онъ, между прочимъ, пишетъ: «Въ 1870 году вышли изъ южной Норвегіи на сѣверъ къ Новой Землѣ на звѣриныя промыслы восемнадцать судовъ, и добыли они на 247.505 спеціевъ-талеровъ, то-есть почти на 400.000 рублей; чистаго барыша получено на каждое судно болѣе 8.000 рублей. Въ 1871 году изъ одного небольшого города, Гаммерфеста, вышли въ Ледовитое море шестьдесятъ два судна, въ 887 коммерческихъ ластовъ, съ командою изъ 480 человекъ; чистаго барыша получено на каждый вложенный въ дѣло рубль по 84⁰/₁₀₀. Въ нынѣшнемъ году строится много новыхъ пароходовъ для тѣхъ же предпріятій, такъ что въ будущемъ 1872 году предполагается изъ одного города Тенеберга (въ южной Норвегіи) выслать новыхъ девятнадцать парусныхъ и десять паровыхъ судовъ. Такое беззащитное, можно сказать, плачевное положеніе нашего сѣвера и самой главной промышленности тамъ коренныхъ русскихъ отнимаетъ у нихъ послѣднюю возможность къ заработкамъ и, слѣдовательно, къ исправному платежу государственныхъ повинностей. По необходимости наши поморы мало-по-малу перестаютъ плавать въ Карское море и къ Новой Землѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ годъ отъ году слабѣетъ наше морское звѣроловство, и падаетъ сѣверное мореходство!.. Осмѣливаюсь обратить вниманіе на нашъ сѣверъ, откуда иностранцы добываютъ громадныя богатства,—не десятки и сотни рублей, а тысячи и даже сотни тысячъ! Наживаютъ въ два мѣсяца на употребленный капиталъ почти рубль на рубль, между тѣмъ какъ внутри нашего отечества мы не пренебрегаемъ и такими промыслами, которые доставляютъ только 10⁰/₁₀₀. Отчего мы не пользуемся богатствами нашихъ сѣверныхъ морей? Отъ неправильнаго взгляда нашихъ ученыхъ и мѣстныхъ администраторовъ, можетъ быть, и отъ излишней заботливости объ участи морскихъ промышленниковъ, а главное—отъ недостатка покровительства и капиталистовъ, которые рѣшились бы затратить свои капиталы на морскіе промыслы на сѣверѣ».

Въ этой любопытной тирадѣ Сидорова, кромѣ всего прочаго, заслуживаетъ особеннаго вниманія одно мѣсто, которое при поверхностномъ чтеніи можетъ легко ускользнуть, а именно то, гдѣ ораторъ упоминаетъ о «неправильности взгляда нашихъ ученыхъ». Что это значитъ? А значитъ это то, что исконныя русскія земли, открытыя русскими, ими занятыя, съ голоса иностран-

ныхъ ученыхъ провозглашаются и нашими домашними мудрецами, какъ территоріи нейтральныя или открытыя чужеземцами». До сихъ поръ, кажется, никто изъ русскихъ ученыхъ и географовъ не заявилъ никакого протеста противъ мнѣнія нашего академика А. Ф. Миддендорфа, что Новая Земля открыта голландцами, говоритъ авторъ доклада. Путешествіе Миддендорфомъ совершено и описаніе его издано на счетъ русской казны и одобрено Академіей и другими учеными обществами, и потому, вѣроятно, нѣмцы, имѣя въ виду это сочиненіе, начали дѣйствовать смѣлѣе: они уже, не испрашивая согласія Россіи, отправляются на русскія земли воздвигать нѣмецкіе памятники и приготовляются извлекать изъ Новой Земли минеральныя и другія богатства. Вотъ до чего дошли мы! Можемъ ли мы защитить права свои на Новую Землю? Русскимъ подданнымъ не позволяется добывать даже и каменный уголь на Новой Землѣ прежде представленія обезпеченія въ успѣхъ предприятия, между тѣмъ какъ иностранцы отправляются туда, и не думая спрашивать позволенія нашего правительства. Они, уничтоживъ всѣ русскіе памятники на Новой Землѣ, теперь будутъ ставить свои, нѣмецкіе, и мы не въ силахъ удержать за собою земли, которыя были открыты русскими промышленниками, и въ которыхъ въ прежнее время были русскія поселенія. Русскіе не могутъ воспользоваться трудами своихъ предковъ, которые передали имъ права на владѣніе землями, гдѣ они промыслили и имѣли свои жилища».

Дальше Сидоровъ говоритъ: «Послѣ того, какъ Шпицбергенскій архипелагъ объявленъ нейтральнымъ, норвежцы стали смотрѣть и на Новую Землю также, какъ на нейтральную: норвежскіе промышленники принялись истреблять памятники русскихъ — кресты — и жечь русскія избы. Наконецъ, австрійцы вздумали учредить тамъ метеорологическую станцію... Иностранцы считаютъ Новую Землю не принадлежащею Россіи: голландцы отправляютъ экспедицію для постройки памятниковъ на ней, а подъ руководствомъ германскихъ ученыхъ предпринимается поѣздка для изслѣдованія минеральныхъ ея произведеній, съ цѣлью ихъ эксплуатаціи». Это мѣсто доклада Сидорова сопровождается слѣдующими краснорѣчивыми комментаріями автора «Морскихъ писемъ». «Не забудемъ, — говоритъ онъ, — что вслѣдствіе климатическихъ условій иностранцы могутъ за два-три мѣсяца ранѣе русскихъ начинать промыслы на нашихъ сѣверныхъ островахъ и, когда наши промысловыя суда пробьются, наконецъ, сквозь льды у береговъ, — иностранцы уже перебыютъ всего звѣря и распугаютъ всю рыбу. Такимъ образомъ, «нейтралитетъ» и въ этомъ случаѣ служитъ только иностранцамъ». Не лучше обстоитъ дѣло и на самой сѣверной территоріи, гдѣ русская администрація и различные органы правительственной власти по личному почину сдѣлали все, чтобы

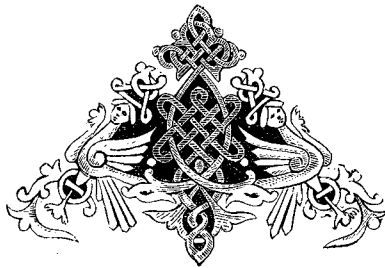
обезличить край въ ущербъ интересамъ Россіи и къ выщей выгодѣ нашихъ конкурентовъ по мореходству, торговлѣ и промышленности. Эти знаменательныя дѣянія, которыя должно вписать отчетливыми буквами на страницахъ сѣверной лѣтописи въ назиданіе потомству, суммированы въ томъ же докладѣ Сидорова слѣдующимъ образомъ: «На этомъ сѣверномъ морѣ, гдѣ должна господствовать Россія, мѣстное начальство ничего само не устраивало, не заселяло его береговъ русскими, не извлекало изъ безчисленныхъ его богатствъ никакихъ выгодъ, но даже, находя, должно быть, побережья его, по климатическимъ условіямъ, вредными и для тѣхъ жителей, которые тамъ еще остаются, прибѣгало къ разнымъ средствамъ, чтобы и остальное русское населеніе оттуда выселилось. По представленію мѣстнаго начальства, правительство упразднило единственный важнѣйшій для сѣвера городъ—Колу. Во времена Ломоносова посѣщало Поморье до 10,000 промышленниковъ, а нынѣ, несмотря на увеличеніе въ теченіе 100 лѣтъ народонаселенія, ходятъ въ Поморье только 1,000 человекъ. Въ Архангельскѣ прекращена постройка военныхъ кораблей, продаютъ за баснословно дешевую цѣну эллинги иностранцамъ на дрова, упразднена Новодвинская крѣпость, закрыты всѣ казенные механическіе заводы, и выведенъ изъ крѣпости гарнизонъ. Мѣстное начальство не приняло мѣръ, чтобы русскіе торговые дѣятели могли заниматься постройкой торговыхъ кораблей, и они были принуждены уничтожить свои корабельныя верфи; оно допустило до того, что русскіе купцы закрыли всѣ свои торговыя конторы, биржу, заводы, изъ которыхъ 44 саловаренныхъ; оно не позаботилось спасти отъ общаго банкротства сѣверное русское купечество. Распоряженія мѣстнаго начальства уничтожили приморское судоходство и звѣроловство; преслѣдовали въ особенности всѣхъ тѣхъ, кто рѣшался создать въ странѣ какую либо новую отрасль промышленности или кто задумывалъ о возобновленіи кораблестроенія. Не только не принималось никакихъ мѣръ къ обученію народа, но и почти въ единственной, при девяти тысячномъ населеніи, школѣ (въ главномъ морскомъ селеніи Керста), возобновленной черезъ 14 лѣтъ по особому случаю и по настоянію С.-Петербургскаго комитета грамотности, позволялось чиновникамъ истязать дѣтей, чтобы они въ школу не ходили и сами отказывались отъ грамоты. Всѣ русскіе дѣятели, которые осмѣливались развивать отечественную промышленность и противодѣйствовать иностранному вліянію, разорились отъ разныхъ стѣсненій; народъ томился голодомъ и доходилъ до людоѣдства».

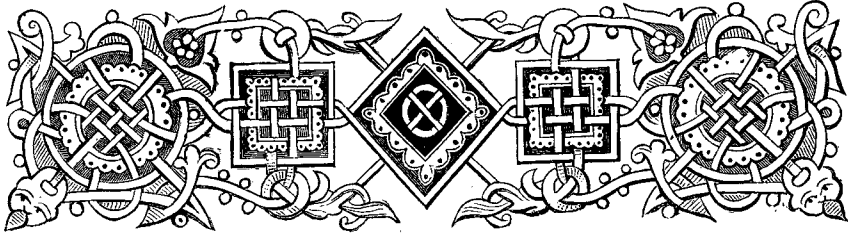
Какъ нравится вамъ, читатели, эта картина, и когда сердце сильнѣе сжимается болью: тогда ли, когда мы слышимъ о подвигахъ нашихъ иностранныхъ конкурентовъ, или когда знакомимся съ доблестными дѣяніями отечественной администраціи? Съ своей

стороны нахожу, что какъ бы скверно ни приходилось жителямъ сѣвера отъ разныхъ хищническихъ «нейтралитетовъ» и явныхъ промышленныхъ грабежей, однако они во сто кратъ уступаютъ домашнему самоѣдству; самоѣдству, говорю я, такъ какъ никакимъ инымъ словомъ не могу назвать того, что изображаетъ въ своемъ докладѣ 1871 г. Сидоровъ и что нынѣ повторяется, какъ дѣйствительные факты, «Черноморцемъ». Понятно, что подъ давленіемъ такихъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ современное состояніе края и его культурное развитіе не представляютъ собою явленія утѣшительнаго, и всѣ свидѣтельства, имѣющіяся у меня подъ руками, только доказываютъ, какъ плохо мы сумѣли распорядиться богатымъ сѣвернымъ имуществомъ. Довольные узкимъ и тусклымъ окномъ въ Европу у Финскаго залива, разукрашеннымъ только красивыми орнаментами на новый ладъ, мы постарались наглухо заколотить старинное широкое окно, срубленное хоть грубо, но прочно, обративъ свое исконное жилище на Сѣверѣ, у береговъ «Студенаго моря», въ храмъ заустѣнія. Бросимъ же бѣглый взглядъ на «заброшенную окраину» и ознакомимся хоть въ краткихъ чертахъ съ областью, щедро одаренною природою, но руками человѣческими доведенною до значительнаго экономическаго упадка.

Б. Глинскій.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Я. Д. Лазаревъ. Причины бѣдствія армянъ въ Турціи и отвѣтственность за разореніе Сасуна. Тифлисъ. 1895.

ОДЪ ЭТИМЪ заглавіемъ только-что появилась въ Тифлисѣ брошюра, принадлежащая перу извѣстнаго знатока армянской исторіи и автора многихъ сочиненій, посвященныхъ этому предмету, Я. Д. Лазарева. Брошюра заключаетъ въ себѣ весьма интересныя и мало извѣстныя свѣдѣнія о порядкахъ, господствовавшихъ въ Турецкой Арменіи въ періодъ времени 1847—1895 годовъ, постепенно подготовлявшихъ политическій кризисъ, выразившійся въ возстаніи армянъ въ Сасунскомъ и другихъ округахъ и истребленіи ихъ курдскими иррегулярными войсками гамидіе.

Г. Лазаревъ даетъ въ своей брошюрѣ весьма цѣнныя свѣдѣнія о политическомъ состояніи Турецкой Арменіи въ періодъ времени съ 1845—1895 годъ, о дѣйствіяхъ турецкой администраціи и о податной системѣ, введенной турецкимъ правительствомъ относительно своихъ подданныхъ армянъ послѣ войны 1877—1878 годовъ, когда Влстательная Порта, нуждаясь въ деньгахъ и убѣдившись на дѣлѣ, что удержавшіеся въ пунктахъ своей коренной осѣлости остатки армянскаго народа составляли и могутъ составить въ будущемъ весьма серьезное затрудненіе при столкновеніяхъ ея съ Россіей на азиатскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій, — рѣшилась, по словамъ автора брошюры, путемъ крайняго политическаго угнетенія и экономическаго разоренія, принудить армянъ къ постепенному выселенію изъ предѣловъ Турецкой имперіи, причѣмъ оставленныя ими земли предполагалось заселить курдами, татарами, черкесами и другими мусульманами-выходцами съ нашего

Сѣвернаго и Средняго Кавказа и Закавказья. Изъ этихъ новыхъ переселенцевъ, въ соединеніи съ турецко-подданными курдами, предполагалось образовать рядъ военныхъ поселеній или ордъ, съ организаціей на манеръ русскихъ казачьихъ войскъ, долженствовавшихъ, вмѣстѣ съ полками гамидіе, служить оплотомъ отъ вторженія въ предѣлы Турціи русскихъ войскъ со стороны кавкаской границы.

Брошюра заключаетъ въ себѣ подробное исчисленіе налоговъ, возложенныхъ турецкимъ правительствомъ на армянъ послѣ войны 1877—1878 годовъ, съ объясненіемъ значенія каждаго изъ этихъ налоговъ. Просмотрѣвъ длинный списокъ этихъ поборовъ, читатель, безъ сомнѣнія, будетъ поставленъ въ затрудненіе, чему болѣе слѣдуетъ дивиться: ненасытной ли алчности и фискальной изобрѣтательности турецкихъ властей, учреждавшихъ налоги, или выносливости и экономическимъ силамъ населенія, находившаго возможность, втеченіе долгаго періода времени, выдерживать эту систему политическаго насилія и экономической эксплуатаціи. Среди разнаго рода этихъ налоговъ особенно выдающимися являются налоги: «нуфусъ» — подушный, взимаемый безъ различія со всѣхъ армянъ мужского пола со дня рожденія по день смерти, если даже отбывающій повинность ослѣпнетъ или, по другимъ причинамъ, сдѣлается неспособнымъ къ труду; «ивтихаль» — налогъ на наслѣдства, размѣръ котораго достигаетъ 30—40%, и «томадо» — налогъ за право женитьбы.

На ряду съ этимъ, брошюра заключаетъ въ себѣ описаніе звѣрствъ, произведенныхъ мѣстной администраціей и курдами въ Сасунѣ, Варданисѣ, Авзутѣ и другихъ мѣстностяхъ Турецкой Арменіи, напоминаетъ статью 61-ю Берлинскаго трактата, коей Россіи и другимъ великимъ державамъ предоставлено право покровительства восточнымъ христіанамъ, подданнымъ Турціи, и указываетъ на аномалію существованія въ настоящее время на рубежѣ Европы организованныхъ турецкимъ правительствомъ полчищъ башибузукъ подъ именемъ гамидіе или иррегулярныхъ войскъ.

Руководящая идея книги г. Лазарева такова, что если учрежденная турецкимъ правительствомъ система непомѣрныхъ налоговъ въ Турецкой Арменіи не будетъ упразднена и великія державы не настоятъ на подконтрольномъ приведеніи въ исполненіе проектированныхъ реформъ по управленію турецко-подданными армянами, то это неминуемо вызоветъ въ будущемъ новые безпорядки, убійства и насилія, а въ результатѣ повлечетъ за собой окончательное уничтоженіе христіанскаго элемента въ Малой Азіи.

П. Ш.

Князь А. Б. Лобановъ-Ростовскій. Русская родословная книга.
2 тома. Изданіе 2-е. Спб. 1895.

Генеалогія, т.-е. наука родословія, имѣетъ весьма важное значеніе среди вспомогательныхъ историческихъ наукъ, какъ для археографа, археолога и біографа, такъ и вообще для изслѣдователя историческихъ событій; цѣль ея—выяснить исторію, происхожденіе и родственныя отношенія родовъ и дать возможно точныя и полныя даты о времени жизни и дѣятельности происшедшихъ изъ этихъ родовъ лицъ.

Важное значеніе этой науки хорошо оцѣнено и понято въ Западной Европѣ и граничащихъ съ нею нашихъ окраинахъ. Тамъ постоянно по-

является множество исследований по истории и генеалогии отдельных родов или целых групп родов. Кроме того, во всех почти странах Европы и даже в Соединенных Штатах Северной Америки существуют генеалогические общества, насчитывающія многія сотни членовъ и выпускающія повременныя изданія, верѣдко весьма цѣнныя по содержанию. Изъ обществъ этихъ наиболее известны: *Herold* въ Берлинѣ и *Adler* въ Вѣнѣ. Такое же общество существуетъ у насъ въ Митавѣ; оно основано въ 1893 году и издало два весьма интересныхъ ежегодника (конечно, на нѣмецкомъ языкѣ).

Въ нашихъ столицахъ не существуетъ ни генеалогическихъ обществъ, ни повременныхъ изданій по этой части. Литература русскаго родословія сравнительно весьма не богата¹⁾. Только въ послѣднія сорокъ лѣтъ наука русскаго родословія двинулась нѣсколько впередъ. Толчекъ этому движенію далъ князь П. В. Долгоруковъ своею «Руссiйскою родословною книгою» (Спб., 1855—1857 г., 4 тома), которая, при строго-систематическомъ расположеніи матеріала, включаетъ въ себѣ свѣдѣнія о множествѣ титулованныхъ и дворянскихъ родовъ; несмотря на попадающіяся въ этомъ изданіи ошибки, иногда даже довольно серьезныя, оно понинѣ не утратило значенія и служитъ настольною справочною книгою для всѣхъ, занимающихся исторіею и родословіемъ русскаго дворянства.

Послѣдователями князя Долгорукова являются князь Лобановъ-Ростовскій, выустившій въ 1873—1876 г. (безъ имени автора), при посредствѣ редакціи журнала «Русская Старина» два тома своей «Русской родословной книги», и В. В. Руммель, изавшій въ 1886—1887 г., при нѣкоторомъ участіи г. Голубцова, два тома «Родословнаго сборника русскихъ дворянскихъ фамилій».

Первое изданіе книги князя Лобанова давно уже разошлось и сдѣлалось библиографическою рѣдкостью. Какъ это обстоятельство, такъ и несомнѣнное зарожденіе въ обществѣ интереса къ историко-генеалогическимъ исследованиямъ, а равно и накопившееся у составителя въ теченіе двадцати лѣтъ весьма значительное количество дополненій и поправокъ къ родословнымъ росписямъ перваго изданія, побудили князя Лобанова выустать свой трудъ вторымъ изданіемъ, на этотъ разъ съ именемъ автора.

Изданіе это настолько переработано, исправлено и дополнено, что его, по справедливости, слѣдуетъ признать не «вторымъ изданіемъ», а новымъ, самостоятельнымъ, весьма цѣннымъ трудомъ; въ сказанномъ нами легко убѣдиться при сравненіи обоихъ изданій по ихъ объему; въ обоихъ томахъ перваго изданія всего 39 печатныхъ листовъ, а во второмъ изданіи ихъ 69, то-есть на 30 листовъ или на 480 страницъ болѣе.

При ближайшемъ ознакомленіи съ содержаніемъ книги, нельзя не обратить вниманія на статью о родѣ Мининыхъ (сообщенную князю Лобанову маститымъ генеалогомъ Г. И. Студенкинымъ), въ которой тщательнымъ подборомъ данныхъ вполне установлено, что нынѣшніе дворяне Минины (Тульской губ.) не происходятъ отъ знаменитаго Кузьмы Минина (родъ котораго пресѣкъ на его сынѣ), а составляютъ совершенно особый родъ, происходящій, быть можетъ, отъ одного изъ братьевъ знаменитаго нижегородца.

¹⁾ По литературѣ русскаго родословія см. «Опытъ библиографическаго указателя по исторіи и генеалогіи русскаго дворянства», Д. М. Савелова, Москва, 1893.

Очень хорошо родословіе князей Мстиславскихъ, значительно пополненное данными, сообщенными А. П. Барсуковымъ, еще до выхода въ свѣтъ его книги о Юхотской волости.

Росписи князей Вишневецкихъ, Збаражскихъ, Острожскихъ и Заславскихъ переработаны кореннымъ образомъ, причемъ авторъ пользовался исслѣдованіями новѣйшихъ польскихъ генеалоговъ Бонецкаго и I. Вольфа, основанными преимущественно на актахъ такъ называемой Литовской метрики.

Такимъ образомъ вмѣсто фантастическаго вывода князей Вишневецкихъ и Збаражскихъ отъ Гедимина, мы находимъ фактическія указанія на происхожденіе ихъ отъ князей Несвицкихъ (на Волыни).

Заслуживаютъ упоминанія, совершенно заново составленные и значительно дополненныя, родословія: князей Пожарскихъ, Муравьевыхъ, графовъ Капнистовъ, Палицынскихъ, Колокольцевыхъ, графовъ и дворянъ Соллогубъ, Кашкиныхъ, Чертковыхъ, Энгельгардтовъ, Свѣчинскихъ и мн. др.

Взамѣнъ 10-ти родословій, помѣщенныхъ въ болѣе полномъ видѣ въ «Сборникъ» Руммеля и росписи князей Абамелекъ, помѣщенной въ изданіи Эрмерина «*Annuaire de la noblesse russe*», авторъ включилъ 23 новыхъ росписи, изъ которыхъ 14 не появлялись дониндѣ въ печати, а остальные были напечатаны въ очень неполномъ видѣ; изъ этихъ родословій наиболѣе интересны статьи о родѣ Перовскихъ и Альбрехтовъ.

При расположеніи матеріала авторъ придерживался азбучнаго порядка, что, равно какъ и приложенные къ каждому тому азбучные указатели упоминаемыхъ въ книгѣ фамилій, представляетъ значительное удобство при наведеніи справокъ.

При всѣхъ своихъ выдающихся качествахъ книга князя Лобанова не лишена, однако, нѣкоторыхъ недостатковъ; такъ, напримѣръ, при составленіи росписи Бироновъ авторъ не воспользовался интересными свѣдѣніями объ этомъ родѣ, помѣщенными въ «Ежегодникахъ курляндскаго генеалогическаго общества», вслѣдствіе чего указанія о предкахъ печальной памяти герцога Курляндскаго являются не полными и не вполне вѣрными; въ очень неполной росписи Донцовъ-Зихаржевскихъ пропущено одно поколѣніе (пятое), вслѣдствіе чего является невѣрный счетъ колѣнъ; роспись Косинскихъ перепечатана безъ всякихъ измѣненій и даетъ одинъ лишь перечень именъ безъ какихъ либо генеалогическихъ датъ и т. п.

Не смотря на эти и нѣкоторые другіе недочеты, книга князя А. Б. Лобанова должна быть признана весьма цѣннымъ вкладомъ въ науку, и мы отъ души желаемъ второму изданію «Русской родословной книги» того же успѣха, какой вынאלъ на долю перваго. В.

Историческія свѣдѣнія о родѣ дворянъ Рахманиновыхъ съ приложеніемъ герба и родословныхъ таблицъ. Кіевъ. 1895.

Настоящая книга, какъ значится въ ея предисловіи, издана, къ сожалѣнію, не для публики, а только для находящихся въ живыхъ представителей рода дворянъ Рахманиновыхъ. Между тѣмъ, по количеству положеннаго на нее труда и обилію собранныхъ матеріаловъ, она могла бы представить и нѣкоторый научный интересъ, какъ часто генеалогическій, такъ и историко-литературный, а въ особенности, какъ собраніе любопытныхъ

данныхъ для характеристики быта стариннаго провинціального дворянства. Свѣдѣнія, обработанныя составителямъ настоящей книги, г. Василенко, первоначально были собраны Ф. И. Рахманиновымъ, по смерти котораго братъ его, проф. И. И. Рахманиновъ, взялся за продолженіе начатаго труда, причемъ поручилъ работу бібліотекарю московскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ И. Ф. Токмакову, который дополнилъ и привелъ въ окончательный порядокъ собранныя данныя. Впрочемъ сами составители признаютъ свои матеріалы еще далеко не достаточными, а источники не вполне исчерпанными, и потому просятъ въ предисловіи о доставленіи лицами, обладающими какими либо свѣдѣніями и въ особенности документами о родѣ дворянъ Рахманиновыхъ, этихъ свѣдѣній на имя проф. И. И. Рахманинова въ Кіевъ.

Родъ дворянъ Рахманиновыхъ, записанный въ 6-ю часть родословныхъ дворянскихъ книгъ, ведетъ свое начало отъ молдавскихъ господарей Драгошей, правившихъ Молдавіей съ 1350 по 1552 годъ. На это указываетъ родословная столбика Перфилья Ѳеодорова Рахманинова, поданная имъ въ разрядъ въ концѣ XVII вѣка, когда правительство, съ уничтоженіемъ мѣстничества, приняло на себя веденіе дворянскихъ родословныхъ книгъ. Эта родословная является однимъ изъ важнѣйшихъ и притомъ древнѣйшимъ фамилінымъ документомъ. Хотя подлинникъ ея не разысканъ, однако достоверность ея показаній подтверждается ихъ совпаденіями со свѣдѣтельствами другихъ источниковъ, въ частности боярскихъ книгъ, и правильностью хронологическихъ данныхъ. Съ именемъ Драгоша связывается начало Молдавскаго господарства, возникшаго изъ переселившихся въ Молдавію подъ предводительствомъ воеводы Драгоша трансильванскихъ румынъ. Изъ его потомковъ особенно замѣчательнъ Стефанъ IV Великій (1458—1504), долготнее царствованіе котораго составило блестящую страницу молдавской исторіи. Дочь его Елена была замужемъ за рано умершимъ старшимъ сыномъ великаго князя московскаго Ивана III Иваномъ Младымъ, а младшій сынъ Иванъ Вечинъ переселился въ Россію, причемъ прямо попалъ въ опалу и былъ сосланъ въ Угличъ за пріѣздъ въ Россію, «не обоблавшись къ великому князю», т. е. не испросивъ его разрѣшенія. Потомству Ивана Вечина были жалованы въ Углицкомъ уѣздѣ помѣстья; отъ сына его Василія, по прозвищу Рахманина, и ведетъ свое родословіе фамилія Рахманиновыхъ.

Не смотря на высокое происхожденіе и родство съ великокняжескимъ домомъ, родъ Рахманиновыхъ никогда не игралъ видной роли ни въ Москвѣ, ни въ Петербургѣ, ни въ провинціи. Впервые имя ихъ встрѣчается намъ въ крупномъ историческомъ событіи въ началѣ XVIII вѣка, а именно при восшествіи на престолъ императрицы Елизаветы Петровны: въ числѣ лейбъ-кампанцевъ, принимавшихъ участіе въ переворотѣ, находились вице-капраналъ Герасимъ и рядовой Ѳеодоръ Іевлевичи Рахманиновы. Оба были жалованы крестьянами и землями, а, кромѣ того, подтверждены въ своемъ дворянскомъ достоинствѣ высочайшими грамотами. Изъ сыновей Герасима Іевлевича наиболѣе замѣчательнъ Иванъ Герасимовичъ, основатель типографіи въ с. Казинкѣ, Тамбовской губерніи, и переводчикъ и издатель цѣлаго ряда книгъ. Онъ былъ ревностнымъ вольтеріанцемъ и по своему времени замѣчательнымъ литераторомъ; Крыловъ издавалъ вмѣстѣ съ нимъ журналъ «Почта Духовъ». По поводу изданнаго имъ собранія сочиненій Вольтера

въ русскомъ переводѣ на него былъ сдѣланъ доносъ, и его типографія опечатана; впрочемъ онъ искусно защищался и затянулъ дѣло до слѣдующаго царствованія. Однако въ 1797 г. его типографія со всѣми книгами сгорѣла, а удѣлѣвшія изданія повелѣно было въ 1800 г. собрать и «безъ изыятія сжечь». Двоюродная внучка этого Рахманинова, Варвара Ивановна, вышла впоследствии за Н. Н. Терпигорева, отъ котораго имѣла сына Сергѣя, недавно скончавшагося писателя, работавшаго подъ псевдонимомъ Сергѣя Атавы. Изъ двухъ ея братьевъ, которые были первыми дворянами Коаловскаго уѣзда, Тамбовской губерніи, получившими университетское образованіе, одинъ, Фѣдоръ Ивановичъ, былъ цензоромъ, сперва въ Петербургѣ (въ 1860 г.), а потомъ съ 1862 г. въ Москвѣ; другой же, Иванъ Ивановичъ, — известный математикъ, профессоръ и ректоръ Кіевскаго университета св. Владиміра. Такимъ образомъ наиболѣе видные представители рода Рахманиновыхъ почти безъ изыятія выдвинулись на поприщѣ культурной дѣятельности. Впрочемъ и о другихъ членахъ этой фамиліи въ разбираемой книгѣ собрано не мало интересныхъ свѣдѣній и анекдотовъ.

Б. В. Н.

Давидъ Рикардо. Начала политической экономіи. Переводъ Н. В. Фабриканта. Москва 1895.—Т. Р. Мальтусъ. Опытъ закона о народонаселеніи. Переводъ И. А. Вернера. Москва. 1895.—Джонъ Стюартъ Милль. Основанія политической экономіи съ нѣкоторыми изъ ихъ приложений къ общественной философіи. Переводъ Александра Миклашевскаго. Москва. 1895.

Въ августовской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» данъ былъ отзывъ о первомъ выпускѣ издаваемой К. Т. Солдатенковымъ «Библіотеки экономистовъ», которой дальнѣйшими тремя выпусками являются только что названныя книги. Имѣя ихъ передъ глазами, можно въ настоящее время съ большею, чѣмъ прежде, опредѣленностью высказаться о характерѣ и достоинствахъ всего предпріятія. «Библіотека экономистовъ» предназначается для лицъ, стремящихся къ самообразованію путемъ систематическаго чтенія, и предполагаетъ дать имъ въ этихъ видахъ избранные труды главнѣйшихъ экономистовъ въ «сокращенномъ изложеніи». Нельзя не признать этой мысли совершенно не удачною и отнюдь не удовлетворяющею своей цѣли. Лицо, стремящееся къ самообразованію, нуждается въ тройкаго рода пособіяхъ, смотря по его намѣреніямъ. Для выясненія самому себѣ значенія какой либо отрасли знанія въ дѣлѣ выработки сознательнаго міросозерцанія такой читатель нуждается въ сжатомъ, связномъ и общедоступномъ изложеніи основныхъ понятій и началъ данной отрасли; для основательнаго ознакомленія съ какою нибудь избранною для спеціальнаго изученія отраслью онъ нуждается въ изданіи справочнаго характера, дающемъ возможность въ каждую данную минуту ознакомиться какъ въ общихъ чертахъ, такъ и въ совершенной подробности съ каждою частностью данной науки и получить библиографическія указанія для дальнѣйшихъ деталей; такую роль въ дѣлѣ самообразованія съ величайшимъ успѣхомъ могли бы играть энциклопедическіе словари, если бы къ помѣщеннымъ въ нихъ въ алфавитномъ порядкѣ статьямъ составлялись систематическіе указатели съ надлежащимъ введеніемъ и связующимъ отрывочныя статьи въ одно цѣлое текстомъ, ибо безъ

таких указателей лицо, незнакомое съ данной наукой и ея терминами, все равно не въ состояніи пользоваться справочнымъ словаремъ для самообразования; наконецъ для лицъ, обладающихъ уже извѣстною подготовкой, но желающихъ возможно цѣлесообразнѣе обогатиться дальнѣйшими научными свѣдѣніями, необходима критическая библиографія избраннаго ими предмета, съ краткимъ изложеніемъ существующихъ по частнымъ вопросамъ разногласій и съ указаніемъ наилучше излагающихъ каждое мнѣніе монографій. «Библиотека экономистовъ» не подходитъ ни подъ одинъ изъ этихъ трехъ основныхъ типовъ и потому именно къ самообразованію то и не можетъ служить пособіемъ. Даже для лицъ, университетски знакомыхъ съ политической экономіей, она совершенно бесполезна. Дѣло въ томъ, что всякое произведеніе крупнаго ученаго, вообще выдающагося писателя, всегда отличается особой внутренней цѣльностью и стройностью, взаимнымъ соотвѣтствіемъ и равномерностью частей, вообще своей архитектурической законченностью, служащей больше всего точною и полною выясненію мысли автора. Этой какъ бы художественностью выполненія и внутреннимъ единствомъ и объясняется способность даже устарѣлыхъ научныхъ произведеній, принадлежащихъ перу великихъ авторовъ, возбуждать неоскудѣвающій интересъ къ себѣ даже въ позднѣйшихъ поколѣніяхъ. Такія «устарѣлыя» произведенія нерѣдко полнѣе посвящаютъ читателя въ духъ науки, глубже вводятъ въ ея сущность и значеніе, сильнѣе возбуждаютъ любовь къ дѣлу и научную пытливость, чѣмъ самыя современныя произведенія посредственностей и бездарностей. Вообще сила каждаго писателя не въ количествѣ установленныхъ или открытыхъ имъ истинъ, а въ глубинѣ и ширинѣ его научнаго воззрѣнія, въ его умѣннѣ изнутри освѣтить данныя своей науки одною мыслью, однимъ свѣтломъ правительнаго къ нимъ отношенія. Между тѣмъ произведенія, входящія въ составъ «Библиотеки экономистовъ», именно этой цѣлности то и лишены, такъ какъ редакторы изданія преподносятъ читателямъ вмѣсто переводовъ только рядъ неумѣло выбранныхъ и кое-какъ склеенныхъ произвольнымъ единствомъ обрывковъ. Такъ, напримѣръ, изъ 32 главъ «Началь политической экономіи» Давида Рикардо гг. Вернеръ и Щепкинъ избрали только четырнадцать главъ, которыя притомъ перемѣстили въ томъ порядкѣ, въ какомъ, по мнѣнію составителей программъ комиссіи по организаціи домашняго чтенія, надлежитъ читать одну главу за другой. Въ «Исслѣдованіи о богатствѣ народовъ» Адама Смита «ничего не заимствовано» изъ послѣдней части этого сочиненія по той уважительной причинѣ, что «изложенныя въ этой части воззрѣнія окончательнѣе восторжествовали во мнѣніи всѣхъ просвѣщенныхъ людей». Можно себѣ представить, во что превращаются произведенія великихъ экономистовъ послѣ такой «переработки»! Нельзя не подивиться въ виду этого, что компіляціи «Библиотеки экономистовъ» вездѣ наваны на обложкахъ переводамъ: такое названіе представляется намъ совершенно непозволительною неточностью, благодаря которой многіе неосторожныя покупатели могутъ оказаться введенными въ непродуманныя затраты на бесполезныя для нихъ книги. Вообще «сокращать» великихъ писателей такой же вандализмъ, какъ вырѣзать отдѣльныя фигуры изъ картинъ великихъ мастеровъ, какъ выламывать горельефы изъ великихъ созданий архитектуры. Подобнаго варварства, на которое изъ цивилизованныхъ націй позволяютъ себѣ отваживаться—и то не къ чести ихъ—одни французы, никогда не должны допускать уважающіе науку и ея представителей издатели, предоставляя себѣ

содѣйствовать популярности великихъ умовъ не уродованіемъ ихъ произведеній, а дешевой ихъ изданію. Основательное изученіе одного Адама Смита или одного Рикардо въ подлинникѣ неизмѣримо полезнѣе чтенія всѣхъ вышедшихъ и впредь имѣющихъ выйти по такому же плану томиковъ «Библиотеки экономистовъ», которую мы въ виду сказаннаго затрудиаемся рекомендовать кому бы то ни было изъ нашихъ читателей.

Б. Никольскій.

Сочиненія А. Скабичевского. Критическіе этюды, публицистическіе очерки, литературныя характеристики. 2 тома. Изданіе второе. Спб. 1895.

Прошло всего четыре года, какъ собраніе сочиненій г. Скабичевского потребовало уже втораго изданія; въ еще меньшій срокъ разошлось и первое изданіе его «Исторіи новѣйшей литературы», такъ что оно было въ прошломъ году также повторено. Такой усиленный спросъ на писателя доказываетъ, что въ его произведеніяхъ заключается нѣчто, что привлекаетъ къ нему вниманіе читателей, что выдѣляетъ его изъ ряда ему подобныхъ литературныхъ работниковъ. И дѣйствительно, знакомясь внимательно съ писательскою дѣятельностью г. Скабичевского, мы должны признать, что почтенный критикъ и публицистъ представляетъ собою чрезвычайно выдержанный литературный типъ. Про него безъ всякаго преувеличенія можно сказать, что онъ является рѣзко очерченнымъ представителемъ цѣлой эпохи, что онъ не опустилъ своего знамени даже среди самыхъ равнообразныхъ вѣяній времени, подъ давленіемъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ. Онъ сумѣлъ сохранить въ чистотѣ свое міросозерцаніе, выработанное въ дни оживленія русской жизни въ 1860 гг. Вотъ этотъ-то благородный консерватизмъ убѣжденій и дѣлаетъ имя г. Скабичевского особенно симпатичнымъ для известнаго круга читателей. Кто не знаетъ, какъ разнообразны были теченія нашей общественной жизни, сколько новыхъ кумировъ появлялось и вновь исчезало въ пучинѣ времени, и, однако, люди шестидесятыхъ годовъ до сихъ поръ, въ теченіе болѣе трехъ десятковъ лѣтъ, еще не нашли себѣ замѣстителей въ исторіи русской культуры, какъ въ качественномъ отношеніи, такъ и въ отношеніи широты круга служенія родной землѣ. Г. Скабичевскій получилъ отъ литературы 1860-хъ годовъ хорошее наслѣдство, не разбросалъ его попусту на жизненномъ пути и сумѣлъ просуществовать до нашихъ дней насчетъ процентовъ съ этого наслѣдственнаго капитала. Вѣрность традиціямъ прошлаго заставляетъ невольно признать за нимъ право на почетное положеніе въ нашей журналистикѣ и сливаетъ его имя съ эпохой, которая навсегда останется дорогою русскимъ людямъ. По этой причинѣ читатель всегда съ интересомъ справляется, какъ относится къ тому или другому современному явленію дѣятель минувшей эпохи, ищетъ въ его былыхъ произведеніяхъ критерія настоящему и охотно проводитъ параллель между его мнѣніемъ и мнѣніями повдвѣйшихъ представителей общественной жизни. Отсюда и является большой спросъ на произведенія могиканъ былого памятнаго времени—отсюда и успѣхъ сочиненій г. Скабичевского. Многіе и читатели и критики въ наши дни находятъ его устарѣлымъ, не проврѣвающимъ новыхъ наростовъ и запросовъ русской современной дѣйствительности, но врядъ ли кто скажетъ, что почтенный критикъ покривилъ въ угоду вре-

мени и толпы своими завѣтными, вынесенными изъ молодости убѣжденіями. Съ нимъ можно не соглашаться, но его нельзя не уважать, и часто, очень часто въ нападкахъ его противниковъ слышится лишь голосъ равнинченнаго нервами времени, какой-то смутный порывъ, какое-то неустановившееся, беспочвенное исканіе новизны. Когда вы бесѣдуете съ г. Скабичевскимъ, вамъ ясно, съ кѣмъ вы имѣете дѣло, и его заповѣдныя убѣжденія для васъ не туманные привраки и не блѣдныя, колеблющіяся тѣни; а развѣ можно то же самое сказать про его оппонентовъ, про его яко бы принципиальныхъ противниковъ? Конечно, нѣтъ. Онъ яркій представитель цѣлой эпохи съ ея строго выработаннымъ общественнымъ направленіемъ, они — герои безвременья съ расплывчатыми убѣжденіями, съ неопредѣлившимися вкусами.

На страницахъ «Историческаго Вѣстника» въ свое время были сдѣланы отзывы о первомъ изданіи сочиненій г. Скабичевского. Настоящее изданіе нѣсколько разнится отъ перваго тѣмъ, что въ немъ опущены нѣкоторыя главы, не имѣющія особаго значенія для характеристики писателя, и замѣнены новыми, дающими намъ болѣе крѣпкую руководящую нить къ оцѣнкѣ его литературно-общественныхъ взглядовъ. Изъ числа этихъ главъ останавливаютъ на себѣ особенное вниманіе очерки: «Кое-что изъ моихъ личныхъ воспоминаній»; очерки, посвященные этимъ воспоминаніямъ, носятъ на себѣ автобіографическій характеръ и рисуютъ намъ первые шаги г. Скабичевского на литературномъ поприщѣ. Просто и безыскусственно повѣствуетъ читателямъ авторъ о дняхъ своей юности, объ учебныхъ годахъ о первыхъ попыткахъ писательства еще на школьной скамьѣ, о томъ университетскомъ кружкѣ, подъ вліяніемъ котораго развилось и окрѣпло его литературное дарованіе, о попыткахъ его примѣнить свои молодыя силы къ педагогическому поприщу. Отношеніе повѣствователя къ окружающей его жизни, ко встрѣчнымъ лицамъ, чрезвычайно симпатичное, подчасъ добродушно ироническое, подчасъ трогательное, задушевное. Этотъ молодой человекъ, вступающій въ жизнь съ ровными надеждами и широкими мечтаніями, становится вамъ близкимъ и милымъ съ самаго начала, и теплое чувство это не покидаетъ читателя и тогда, когда онъ встрѣчается съ нимъ уже въ зрѣломъ возрастѣ, какъ съ критикомъ современныхъ произведеній словесности, хотя бы, напр., въ статьѣ: «Есть ли у г. А. Чехова идеалы?» Эта статья тоже новинка втораго изданія сочиненій г. Скабичевского и служить прекрасной характеристикой талантливаго беллетриста нашихъ дней. Гораздо меньшее значеніе имѣетъ глава, посвященная «замѣткамъ о текущей литературѣ». Среди критическихъ очерковъ г. Скабичевского можно бы отмѣтить нѣкоторые болѣе удачныя, которые, будучи внесены въ полное собраніе сочиненій, могли бы сослужить читающей публикѣ лучшую службу. Онъ касался своими разборами почти всѣхъ нынѣ дѣйствующихъ литературныхъ работниковъ и было бы чрезвычайно полезно, если бы онъ въ своемъ собраніи сочиненій удѣлилъ этимъ разборамъ нѣкоторое мѣсто. По всей вѣроятности, этимъ бы онъ помогъ читателямъ разобраться въ современныхъ литературныхъ теченіяхъ, которыя не отличаются особенной ясностью и опредѣленностью. Можно надѣяться, что ко времени выпуска 3-го изданія «сочиненій» такихъ разборовъ у него наберется большее количество, и тогда онъ не преминетъ вставить новую главу, гдѣ именно обрисуетъ современное состояніе изящной литературы и ея главныхъ представителей.

Б. Г.—скій.

Вологжанинъ. Литературно-научный сборникъ. Изд. П. Дилакторскаго. Вологда. 1895.

Нельзя не признать большого значенія за провинціальною печатью и не желать ей роста и развитія. Провинціи есть что сказать о себѣ; въ провинціи не только играютъ въ карты (хотя и сильно играютъ), но въ ней и мыслятъ, работаютъ, наблюдаютъ. Многія наблюденія не доходятъ до центра, многія работы, достойныя вниманія, не попадаютъ на страницы столичныхъ изданій. Провинціальные сборники, въ родѣ того, заглавіе котораго выписано выше, въ принципѣ очень желательны, потому что полезны. Они даютъ возможность высказываться мѣстнымъ людямъ, имѣющимъ что сказать. Въ концѣ сборника, издавнаго П. Дилакторскимъ, помѣщенъ очеркъ Н. А. Иванецкаго—«Слуги». Это очень интересный очеркъ. Когда-то Рѣшетникова упрекали за «Подлиповцевъ». Говорили, что это шаржъ, что такихъ «дикихъ» людей нѣтъ. Но вотъ г. Иванецкій, не беллетристъ, а безпритязательный рассказчикъ, человекъ серьезнаго знанія, выводитъ въ своемъ этюдѣ слугу Лавра, который не уступитъ Пилѣ Рѣшетникова. Это не вымышленное лицо, не созданное фантазіей нувелиста. Лавръ жилъ у Иванецкаго, и этотъ даетъ намъ фотографію живого человека. И что это за субъектъ—видно изъ слѣдующей сценки.

«Когда самоваръ поставили на столъ, я сказалъ:

«Садись, Лаврикъ, я тебя научу, какъ чай заваривать и разливать, ты ужъ потомъ самъ это дѣлай, а я вотъ возьму книжку и читаю.—У тебя много книгъ, ты продаешь ихъ?—Нѣтъ, зачѣмъ же, я не торговецъ.—Неужто же ты всѣ эти прочиталъ?—Всѣ прочиталъ.—А это какая же у тебя книжка?—Евангеліе.—Это чего?—Евангеліе.—Развѣ ты не знаешь Евангелія?—Нѣтъ,—отвѣтилъ онъ, смягчая по обыкновенію послѣднюю согласную, и замоталъ головой.—Неужто не слыхалъ, что есть такая книга: Евангеліе? А въ церкви діаконъ говоритъ: святаго Евангелія чтеніе?—Нѣтъ,—твердилъ онъ.—Да ты шутишь, Лаврикъ, ты бывалъ вѣдь въ церкви?—Бывалъ, да рѣдко.—Но все-таки бывалъ, и что же тамъ видѣлъ?—Онъ молчалъ.—Что же дѣлаютъ попъ да діаконъ?—Поютъ.—А люди, прихожане?—Молятча.—Ну, а развѣ ты не видѣлъ, что діаконъ выносить книгу и читаетъ?—Видѣлъ, что выносить, да не книгу.—А что же?—Вотъ книга,—отвѣтилъ онъ, указывая на маленькій томикъ, который я держалъ въ рукахъ,—а то не книга.—А что же?—Не знаю.—Развѣ попы не бываютъ у васъ въ деревнѣ? не читаютъ по книжкѣ молитвы?—Нѣтъ, попы къ намъ заѣдутъ, петровшину или ишшо другое соберутъ и дальше ѣдутъ.—Неужто же они никогда не говорятъ съ вами о Богѣ, объ Іисусѣ Христѣ?—Попы-то? По што?—Да что ты, Лаврикъ! Мнѣ сдается, что ты просто морочишь меня.—Ето цеве?—Да ты знаешь, кто былъ Іисусъ Христосъ?—Нѣтъ.—Посмотри-ка на меня, Лаврикъ—Ну?—спросилъ онъ и взглянулъ на меня яснымъ, спокойнымъ взглядомъ.—Повтори-ка эти слова: Іисусъ Христосъ... Онъ повторилъ съ трудомъ, какъ повторяютъ люди незнакомыя имъ иностранныя слова. Вотъ такъ казусъ! подумалъ я. Я досталъ изъ книжнаго шкафа Новый Завѣтъ, на переплетѣ котораго былъ вытисненъ золотой крестъ, и показалъ Лаврику.—Это что такое?—Онъ молчалъ.—Что это за фигура, за знакъ, для чего онъ?.. Онъ думалъ, очевидно затрудняясь отвѣтомъ, и сказалъ наконецъ: гля басы (т. е. для украшенія).—А ты умѣешь креститься, Лаврикъ? Ну-ка, перекрестись... Онъ перекрестился всей

ладонью, немного согнутой.—А ты молишься Богу?—Молюсь.—О чем?—Чтобъ Богъ далъ здоровьца тятѣ.—Ну, а о себѣ?—Чтобы и мнѣ Богъ далъ здоровьца и ума.—Ну, а за христіанъ, за ближнихъ своихъ?—За хресьянъ?—переспросилъ онъ, не зная слова христіанинъ и думая, что я спрашиваю про крестьянъ:—нѣтъ, всякъ хрестьянинъ самъ за себя молитча.—Кто же тебя выучилъ молиться?—Тятя.—А молитвъ не знаешь: Отче нашъ, Богородице?—Нѣтъ... Оказывалось на повѣрку, что Лаврикъ былъ чистый язычникъ. Изъ послѣдующихъ бесѣдъ выяснилось, что, не имѣя понятія о Спасителѣ, Лаврикъ и о Богѣ имѣлъ понятія самыя смутныя, вѣрнѣ никакыхъ.

Прочитавъ эти строки, невольно задаешь себѣ вопросъ: гдѣ нужны миссіонеры? Не нужны ли они болѣе всего тамъ, гдѣ живутъ язычники-христіане? Что же дѣлаетъ школа, въ чемъ же проявляется дѣятельность духовенства? Весь очеркъ наводитъ на грустныя размышленія.

Если бы и остальная беллетристика отличалась такой же содержательностью, какъ прекрасный очеркъ Иванецкаго, то этотъ отдѣлъ сборника прідалъ бы ему серьезное значеніе. Къ сожалѣнію, нельзя похвалить ни разсказа г. Чернобаева «Простокъ», ни сценъ К. Четырухина «Грѣхъ по невѣдѣнію». Сценамъ предпослана замѣтка о покойномъ К. А. Четырухинѣ, помѣщавшемъ свои произведенія въ «Недѣлѣ», «Колосьяхъ», «Сынѣ Отечества» и др. К. А. Четырухинъ обладалъ болѣе чѣмъ скромнымъ дарованіемъ, но честно служилъ своимъ перомъ и отличался, какъ человѣкъ, тѣми качествами, которыя дѣлали его симпатичнымъ и снискали ему любовь всѣхъ, знавшихъ его. Составитель замѣтки, видимо, придаетъ покойному слишкомъ большое значеніе. Въ виду общаго недуга—полупрезрительно и часто глумливо относиться къ людямъ средняго и маленькаго таланта, отношеніе автора очерка къ покойному Четырухину пріятно и даже трогательно.

Было бы гораздо лучше, если бы статьи научнаго содержанія отличались болѣею отдѣланностью и были чужды той сухости, которая оттолкнетъ отъ нихъ многихъ читателей. Таковы статьи: «Обозрѣніе событій, относящихся къ исторіи Вологодской губерніи» И. Н. Суворова, «Землевладѣніе и промыслы крестьянъ Яренскаго уѣзда»—А. А. Карелина, «Дѣятельность Вологодскаго губернскаго земства по народному образованію»—Х. Пахолкова и «Охотничій промыселъ въ Кадниковскомъ уѣздѣ»—П. Кторскаго. Конечно, ничего особеннаго эти статьи собой не представляютъ, но все-таки ихъ можно было бы прочесть не безъ пользы. Лучше другихъ по формѣ и болѣе всего заинтересуетъ обыкновеннаго читателя «Очеркъ суевѣрія о домовомъ въ средѣ простонародья Кадниковскаго уѣзда»—С. Дилакторскаго, но зато этотъ очеркъ чрезвычайно поверхностенъ. Самую слабую сторону сборника составляютъ стихи. Это та ложка дегтя, которая могла бы испортить и бочку меда; она тѣмъ болѣе ощутительна, что вообще въ сборникѣ меда не много.

А. Кругловъ.

**Ю. Липпертъ. Исторія культуры. Перевели съ нѣмецкаго
А. Острогорскій и П. Струве. Спб. 1895.**

Предметъ книги Липперта собственно первобытная культура, то-есть та культура, изученіе которой основывается главнымъ образомъ на данныхъ доисторической археологіи и сравнительнаго языковѣдѣнія; что касается собственно исторической, новѣйшей культуры, то она затронута въ сочине-

ни Циццера лишь вскользь; такихъ культурныхъ явленій, какъ литература, или такихъ культурныхъ фактовъ, какъ изобрѣтеніе книгопечатанія или новѣйшіе успѣхи техники, оно совсѣмъ не касается. Это обстоятельство нечуть, однако, не мѣшаетъ автору понимать культуру въ самомъ широкомъ смыслѣ, подводя подъ это понятіе, на ряду съ явленіями матеріальной (пища, одежда, жилище) и духовной культуры (языкъ, мнѣлогія, религія), также и ту категорію явленій, которую принято называть общественностью или цивилизаціей въ узкомъ смыслѣ, то-есть формы общественной организаціи (семья, родъ, государство, собственность, сословія).

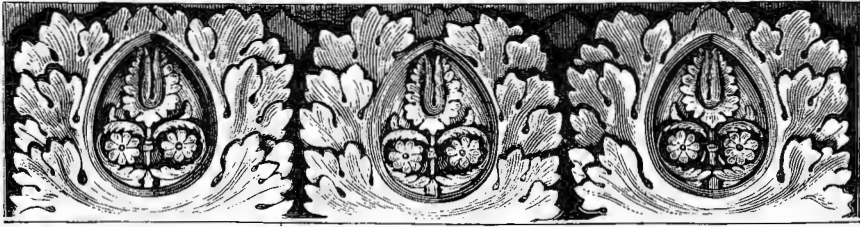
Авторъ очень удачно справился съ своей задачей, сгруппировавъ съ большимъ искусствомъ массу фактовъ и наблюденій въ одно стройное и законченное цѣлое. Благодаря тщательному выбору данныхъ и сжатому изложенію ихъ, ему удалось всесторонне охватить столь обширный и сложный предметъ въ очень небольшой сравнительно книгѣ. Содержаніе ея распадается на три приблизительно равныхъ отдѣла, посвященные: первый—матеріальной культурѣ, второй—общественности и третій—духовной культурѣ. Книга снабжена многочисленными и довольно сносными рисунками въ текстѣ, и вообще вся внѣшность изданія производитъ очень пріятное впечатлѣніе. Языкъ перевода сохранилъ нѣсколько тяжеловатость нѣмецкаго подлинника, но въ общемъ переводъ сдѣланъ вполне добросовѣстно. П. А.

Т. Циццера. Что такое нравственность? Переводъ со 2-го нѣмецкаго изданія А. Острогорскаго. Спб. 1895.

Какъ и всѣ популярныя сочиненія о философскихъ предметахъ, брошюра Циццера должна быть признана совершенно бесполезнымъ, къ счастью, не объемистымъ и не тяжелымъ, балластомъ для книжнаго рынка. Исходя изъ давно избитыхъ положеній утилитарной этики, авторъ только въ тысячный разъ повторяетъ всѣмъ и безъ него извѣстныя и ни для кого не убѣдительныя выводы изъ нихъ. Лица, дѣйствительно интересующіяся вопросомъ: «что такое нравственность?», обратятся за его разрѣшеніемъ ужъ никакъ не къ бессодержательной и очень плохо переведенной брошюрѣ Циццера; тѣ же, которые къ ней обратятся, разумѣется, не найдутъ того чего искали—можемъ заранее предупредить ихъ объ этомъ.

Б. В. Н.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

АУЧНЫЯ ОТКРЫТІЯ НАСТОЯЩАГО И БУДУЩАГО. Знаменитый оxfordскій профессоръ, Макс Мюллеръ, въ статьѣ, подъ заглавіемъ Кутто-До, въ сентябрьской книжкѣ «Nineteenth Century» ¹⁾ рассказываетъ объ удивительной находкѣ буддистской библіи, начертанной на бѣломъ мраморѣ. Этотъ буддистскій памятникъ находится близъ Мандалея, въ Бирманской имперіи, и состоитъ изъ семисотъ, стоящихъ другъ подле друга, храмовъ, съ бѣлыми мраморными досками, на которыхъ написана вся буддистская библія, въ восемь миллионъ слоговъ. Буквы при этомъ употреблены бирманскія, а языкъ, — тотъ самый Пали, которымъ по предположенію ученыхъ говорилъ Будда. Конечно, буддисты могутъ кичиться тѣмъ, что подобной библіи на бѣломъ мраморѣ нѣтъ во всемъ свѣтѣ; но этотъ любопытный памятникъ еще замѣчательнѣе тѣмъ, что онъ не древняго происхожденія, а сооруженъ въ 1857 году Миндономъ-Миномъ, предшественникомъ Тибо, послѣдняго короля бирманскаго. Повидимому, еще никто не описывалъ этой диковины, и Макс Мюллеръ, рисуя ея картину съ полученныхъ имъ фотографій, прямо сознается, что если бы не получилъ ихъ отъ человѣка вѣрнаго, то не повѣрилъ бы существованію такого необыкновеннаго памятника буддистской религіозности и буддистскаго безумія. Тотъ же ученый въ одной изъ послѣднихъ книжекъ Deutsche Rundschau ²⁾, отвѣчая на сдѣланный ему вопросъ, какое было бы всего желательнѣе сдѣлать въ нынѣшнемъ году открытіе, — отвѣчалъ: найти первобытный текстъ сочиненія Цельвія Sermo Verus, или Logos Alethes. Для объясненія же, кто былъ этотъ Цельвій, и въ чемъ заключалось его потерянное

¹⁾ The Kutho—Daw, by professor Ma Müller, —Nineteenth Century, September.

²⁾ Celsus, von prof. Max Müller, Deutsche Rundschau, July.

сочиненіе, Максъ Мюллеръ посвятилъ свою статью въ нѣмецкомъ журналѣ характеристикѣ, насколько она теперь возможна, какъ забытаго древняго писателя, такъ и его исчезнушаго труда. Цельзіій былъ греческій философъ II столѣтія, а его сочиненіе *Sermo Verus* было первымъ опытомъ научной полемики противъ христіанства. Хотя о немъ очень мало извѣстно, и только предполагаютъ, что онъ былъ другомъ Лукана, но нѣтъ сомнѣній, что онъ принадлежалъ къ эпикурейской школѣ и писалъ противъ христіанства, что побудило Оригена отвѣчать ему. Въ этомъ отвѣтѣ Оригена только и сохранились отрывки изъ его сочиненія. Собственно говоря, Цельзіій былъ врагомъ объективной стороны христіанства, а сочувствовалъ той теоріи, служившей мостомъ между греческой философіей и христіанствомъ, которая выражалась словами св. писанія: «въ началѣ бѣ слово» и т. д. Онъ только, какъ членъ древней классической культуры и сторонникъ эпикурейской школы, отвергалъ материализацію этой возвышенной теоріи, о тождествѣ Бога и Слова, а потому, теоретически признавая эту основу христіанской системы, не могъ исповѣдывать всѣхъ христіанскихъ догматовъ. Естественно, что онъ съ своей точки зрѣнія считалъ необходимымъ опровергать въ своихъ трудахъ то, что онъ находилъ въ христіанствѣ несоотвѣтственнымъ съ философіей, а съ другой стороны Оригенъ полагалъ полезнымъ не только оспаривать, но и подробно цитировать мнѣніе членовъ, который не только зналъ главнѣйшія философскія системы древности, но основательно изучилъ различныя религіи древняго міра. Такъ, изъ словъ Оригена видно, что Цельзіій писалъ о вѣрованіяхъ египтянъ, ассиріянъ, евреевъ, персовъ и другихъ народовъ, имѣвшихъ опредѣленные религіозныя, или философскія системы, причѣмъ онъ ясно выражалъ убѣжденіе, что между всѣми ними заключается тѣсная связь. Выяснивъ, значеніе этого замѣчательнаго философа II вѣка и смыслъ его потеряннаго сочиненія, Максъ Мюллеръ выражаетъ надежду, что послѣднее еще можетъ найтись. Если многіе письменныя греческія памятники нашлись въ послѣднее время въ Египтѣ въ саркофагахъ, то, по его мнѣнію, нѣтъ ничего невозможнаго и въ томъ предположеніи, что трудъ Цельзіія будетъ отысканъ въ какомъ нибудь саркофагѣ, гдѣ онъ, свернутый въ трубку, служилъ изголовьемъ для муміи.

Гораздо болѣе удивительное научное открытіе обнаружено впервые въ сентябрьскомъ номерѣ *Review of Reviews*¹⁾ въ статьѣ англійскаго вице-консула въ Пембѣ, въ центральной Америкѣ, Д. О'Суливана, который, на основаніи рукописнаго сочиненія «Памятники майевъ и ихъ историческое значеніе» доктора Ле-Плонжона, описываетъ сдѣланныя этимъ ученымъ и его женой удивительныя открытія древнихъ памятниковъ въ Юкатанѣ. Печатавъ эту любопытную статью, редакторъ англійскаго журнала слагаетъ съ себя всякую отвѣтственность за достовѣрность сообщаемыхъ въ ней свѣдѣній, но указываетъ на официальный авторитетъ О'Суливана и на его свидѣтельство, что Ле-Плонжонъ и его жена, энергичные изслѣдователи старины, работали неустанно двѣнадцать лѣтъ въ лѣсахъ Юкатана, разыскивая памятники первобытной американской цивилизаціи, снимая съ нихъ фотографіи и слѣпки, такъ что подлинность и добросовѣстность ихъ трудовъ не подлежитъ сомнѣнію, хотя, быть можетъ, они и увлекаются въ своихъ научныхъ выводахъ. Дѣло въ томъ, что если только фактически подтвердится все то, что описы-

¹⁾ *Discovery of the Lost Atlantis, by D. O'Sullivan. Review of Reviews, September.*

ваетъ О'Суливанъ, на основаніи рукописи Ле-Планжона, то придется перечислять всю исторію человечества и перенести его колыбель въ Юкатанъ, гдѣ между прочимъ теперь найдена могила Авеля, и гдѣ, повидимому, находилась та таинственная Атлантида, которая, по словамъ Платона, была уничтожена въ океанѣ разсвирѣпѣвшей стихіей. Эти новые историческіе факты, по увѣренію Ле-Планжона, ясно вытекаютъ изъ открытыхъ имъ памятниковъ первобытныхъ племенъ центральной Америки. Тамъ одиннадцать тысячъ лѣтъ тому назадъ существовали города съ такими зданіями, развалины которыхъ напоминаютъ памятники Египта и Индіи; тамъ жила обширная раса, носившая имя майевъ, и ея языкъ былъ самый древнѣйшій изъ всѣхъ извѣстныхъ языковъ. Оттуда распространилась первобытная древняя культура по Египту и Азіи, что доказывается сходствомъ въ языкахъ этихъ странъ и ихъ древнихъ памятниковъ. Когда наступилъ великій потопъ, о которомъ говорится въ легендахъ всѣхъ древнихъ народовъ, то исчезла изъ вида остального міра таинственная Атлантида, также извѣстная у грековъ подъ названіемъ Му, и только спустя много вѣковъ она снова появилась на свѣтъ, уже какъ Америка. Въ подтвержденіе того, что Юкатанъ, или страна майевъ была колыбелью древняго міра, Ле-Планжонъ приводитъ, на основаніи надписей на открытыхъ имъ памятникахъ и нѣкоторыхъ рукописей на пергаментѣ изъ оленьей шкуры, которыя сохранились послѣ испанскаго завоеванія Америки и находятся въ настоящее время въ Британскомъ музеѣ,—существованіе у майевъ многихъ общихъ чертъ съ народами Египта и Азіи. Именно онъ указываетъ на то, что у нихъ были сфинксы, что они поклонялись словамъ и змѣямъ, что у нихъ существовали такіе же мистеріи, какъ и въ Египтѣ, Индіи и Елевзисѣ, что между ихъ народными легендами видное мѣсто занимаетъ исторія Каина и Авеля и т. д. Исторія Каина и Авеля въ Юкатанѣ Ле-Планжонъ придаетъ тѣмъ большее значеніе, что онъ нашелъ не только эту исторію, написанную въ скульптурныхъ украшеніяхъ нѣкоторыхъ зданій, среди развалинъ древняго города Чичинъ-Итцы, но и отыскалъ самую гробницу Авеля, въ которой находилась урна съ его пепломъ. Если вѣрить этому смѣлому изслѣдователю старины, то юкатанскіе Каинъ и Абель назывались Аакъ и Кохъ; они были родные братья, а ихъ отецъ былъ царемъ Юкатана, и его звали Канъ. Всѣ эти имена имѣютъ значеніе: такъ Канъ на языкѣ майевъ означалъ змѣю, Кохъ—леопарда и Аакъ—черепаху. По смерти Кана царство его раздѣлилось между его двумя сыновьями, но большая его часть досталась младшему сыну Коху, который, по обычаю майевъ, былъ женатъ на своей старшей сестрѣ. Его братъ Аакъ не только ненавидѣлъ Коха за то, что онъ получилъ большее наслѣдство, но и за то, что онъ былъ женатъ на красавицѣ Му, которую онъ самъ любилъ, а потому и убилъ его. Вся исторія доподлинно изображена на юкатанскихъ памятникахъ, съ которыхъ сняты фотографіи Ле-Планжоновъ, и описана на пергаментныхъ рукописяхъ Британскаго музея. Что же касается до историческаго значенія этой легенды, то достаточно сравнить ее съ библейскимъ рассказомъ и съ исторіей Вальмики въ Рамаанѣ.

— Легенда о Маріи Магдалинѣ.—Извѣстная испанская романистка, Эмилія Пардо-Базанъ, помѣстила въ Мадридскихъ журналахъ и въ переводѣ въ первомъ сентябрьскомъ номерѣ *Revue des Revues* ¹⁾ чрезвычайно поэти-

¹⁾ *La Soif des Christ*, par M-me Emilia Pardo-Bazan — *Revue des Revues*, 1 sept.

ческую легенду о Маріи Магдалинѣ, которая будто бы найдена въ бумагахъ одного раввина, перешедшаго въ христіанство. По словамъ автора, пересказывая эту легенду, она вовсе не имѣла въ виду поднимать богословскую полемику, а просто ее плѣнила поэтичность и художественная сторона легенды. Когда, по ея словамъ, Христосъ на крестѣ сказалъ: «жажду», то Марія Магдалина, которая, обезумѣвъ отъ горя, рыдала у подножія креста, вскочила и пошла искать воды, чтобы утолить жажду Спасителя. Она вспомнила, что близъ Лобнаго мѣста въ горахъ находился источникъ чистой, хрустальной воды, и, взявъ глиняный сосудъ у одного изъ людей, стоявшихъ вокругъ креста, быстро направилась къ источнику. Легко отыскавъ его въ горномъ ущельи, она наполнила сосудъ водой и, чтобы убѣдиться, хороша ли она, прильнула губами къ водѣ. Дѣйствительно это была чудная, студеная вода, и Марія Магдалина съ удовольствіемъ поспѣшила назадъ, радуясь, что Божественный Страдалецъ, быть можетъ, хоть на минуту забудетъ свои мученія. Вернувшись къ кресту, она упростила стражей дозволить ей валѣть на камень и подать Распятому принесенную воду. Но Иисусъ Христосъ не прикоснулся къ сосуду, а, покачавъ головой, едва слышно повторилъ: «жажду». Тогда Марія Магдалина поняла, съ инстинктомъ преданной женщины, что Распятый желалъ другого, лучшаго напитка, чѣмъ вода, и рѣшилась добыть его во что бы то ни стало. Она быстро направилась въ Иерусалимъ къ управляющему дворцомъ Ирода, который за годъ передъ тѣмъ, когда она была еще грѣшницей, находился съ ней въ близкихъ отношеніяхъ и повелъ ее старымъ фалернскимъ виномъ, пламеннымъ, какъ огонь, и сладкимъ, какъ медъ. Этотъ чудный нектаръ долженъ былъ воскресить даже мертваго. Послѣ долгой мольбы, ей удалось выпросить амфору съ драгоценнымъ виномъ, и, спрятавъ ее подъ свою одежду, она торопливо вернулась ко кресту. Но снова Божественный Страдалецъ отвернулся отъ поданнаго ему напитка и еще болѣе слабымъ голосомъ произнесъ: «жажду». Въ своемъ отчаяніи, что не удастся ей усилія уменьшить страданія Распятаго, Марія Магдалина начала припоминать болѣе подробно о своемъ грѣховномъ прошедшемъ, надѣясь, что нападетъ на мысль о какомъ либо напиткѣ, который былъ по вкусу Христу. Ей пришло въ голову, что одинъ римскій патрицій, отличившійся эпикурействомъ, рассказывалъ ей когда-то объ олимпійскихъ банкетахъ, на которыхъ распивали нектаръ боговъ, придававшій живянь самому ветхому старику. Не успѣла она подумать объ этомъ нектарѣ, какъ почувствовала, что поднялась на воздухъ и полетѣла черезъ поля и доли. Наконецъ она опустилась на землю среди роскошныхъ цвѣтниковъ, полныхъ розъ и миртъ. Передъ ней возвышался бѣлый мраморный храмъ, а изъ него вышелъ юноша съ блестящими глазами и предложилъ ей взять священной амбровіи изъ прозрачнаго, розоватаго источника. Она быстро наполнила золотой кубокъ и въ какомъ-то восторженномъ энтузіазмѣ вернулась ко кресту. Но едва прикоснулась чаша къ поспѣвшимъ губамъ Распятаго, какъ онъ съ отвращеніемъ оттолкнулъ ее, такъ что нектаръ боговъ разлился по землѣ. Тогда Марія Магдалина, все болѣе и болѣе вспоминая о своемъ грѣшномъ прошедшемъ, вздумала, что, быть можетъ, жажду Распятаго можно утолить если не амбровіей боговъ, то кровью Его враговъ. Она подошла къ тому изъ воиновъ, который выставилъ на крестѣ ироническую надпись: «Иисусъ Назорей, Царь Ідейскій», и вызывающей улыбкой помазала его къ себѣ, а когда онъ послѣдовалъ за ней въ

удиненное мѣсто, то она вонзала въ него его собственный мечъ и, напичавъ губку въ его крови, вернулась снова ко кресту. Распятый попрежнему отвернулся отъ протянутой ему губки и громко еще разъ произвнесъ: «жажду». Марія Магдалина упала къ подножію креста и въ мрачномъ отчаяніи; рвала на себѣ волосы. Невозможность утолить жажду Христа доводила ее до безумія, и она стала горько укорять себя за свое поворное прошедшее, которое мѣшало ей теперь вкусить плодовъ своего раскаянія. Поэтому, вѣроятно, небо и отказывало ей въ счастіи утолить жажду Христа, которую она, по своей грѣховной природѣ, думала утолить виномъ, амброзіей и кровью. При этихъ мысляхъ сердце грѣшницы смягчилось, и слезы раскаянія потекли по ея щекамъ. Она плакала, плакала безъ конца, и на душѣ у нея становилось легче, а когда она подняла голову, то увидѣла, что Божественный Страдалецъ смотритъ на нее съ небеснымъ милосердіемъ. Она набрала своихъ слезъ въ ладонь и поднесла къ губамъ Христа. Тогда Онъ не произвнесъ: «я жажду», а тихо исполнилъ этихъ слезъ раскаянія, и радостно просіяло Его чело:

— Новое о Шекспирѣ и Гёте. О творцахъ Гамлета и Фауста никогда не устанутъ писать, и какъ это ни странно, но не смотря на громадную литературу, предметомъ которой служатъ эти гениіи человѣческой мысли, постоянно находятъ сказать о нихъ что нибудь новое, оригинальное и любопытное. На родинѣ Шекспира вышелъ надняхъ третій томъ обширнаго труда Генри Морлея: «Шекспиръ и его время»¹⁾, который остался за смертью автора неоконченнымъ, не смотря на редактированіе этого тома другимъ почтеннымъ изслѣдователемъ англійской литературы, Вильямомъ Гриффиномъ, но, конечно, этимъ онъ удовольствуется и не доведетъ до конца сочиненія, задуманнаго въ очень широкихъ рамкахъ. Какъ бы то ни было, вышедшіе тома составляютъ цѣнный вкладъ въ литературу о Шекспирѣ, такъ какъ въ нихъ собрано съ удивительной акуратностью все, что извѣстно не только о самомъ Шекспирѣ, но и о современникахъ, съ которыми онъ имѣлъ отношенія. Насколько полезно для вѣрнаго пониманія Шекспира основательно знать и тѣхъ людей, съ которыми онъ приходилъ въ столкновеніе, доказываетъ любопытный очеркъ нѣмецкаго публициста Германа Конрада въ *Preussische Jahrbücher*²⁾ о сходствѣ, существующемъ между дѣйствительной личностью молодого лорда Роберта Эссекса, любимца королевы Елизаветы, и бессмертнымъ типомъ Гамлета. Красивый, храбрый и высокообразованный Эссексъ имѣлъ, какъ оказывается, столько общаго по обстоятельствамъ своей судьбы и нравственнымъ чертамъ съ фантастическимъ принцемъ Датскимъ, что это поразительное сходство можно только объяснить, какъ это и дѣлаетъ нѣмецкій публицистъ, дружкой съ нимъ Шекспира. Такимъ образомъ, если вѣрить Конраду, а представленная имъ параллель между Эссексомъ и Гамлетомъ чрезвычайно обстоятельна,—бессмертный поэтъ только идеализировалъ въ величайшемъ типѣ всего его театра живого человѣка. Такое же изслѣдованіе относительно Фальстафа представляетъ извѣстный критикъ Брандесъ, въ новомъ своемъ очеркѣ о Шекспирѣ въ одной изъ послѣднихъ книжекъ *Zukunft*³⁾.

¹⁾ Shakespeare and his time: under James I, by Henri Morley and W. Griffin. Vol. London. 1895.

²⁾ Lord Robert Essex, von Herman Conrad, Preussische Jahrbücher. July.

³⁾ Sir John Falstaff, von Georg Brandes. Zukunft, August.

Находя, что Фальстафъ по силѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ приличію своей веселости представляетъ высшій комическій типъ во всемъ древнемъ и новомъ театрѣ, Брандесъ старается найти его прототипъ. По его словамъ, Фальстафъ отчасти напоминаетъ греческаго Силена и отчасти Видушака, героя индусскаго театра, а также совмѣщаетъ въ себѣ два комическія типа первобытной римской сцены: паразита и фанфарона-солдата; но если кто нибудь можетъ считаться его прототипомъ, то это одинъ Панургъ у Рабле. Но сравнивая Рабле и Шекспира, датскій критикъ очень мѣтко указываетъ и ихъ различіе: «Рабле,—говоритъ онъ,—въ отношеніи Шекспира то же, чѣмъ были титаны въ отношеніи боговъ Олимпа; Рабле былъ титанъ коллоссальный, необыкновенный, но уродливый, а Шекспиръ—олимпийскій богъ, меньшаго размѣра и менѣе внушительный съ перваго взгляда, но представляющій вдохновеніе и художественную красоту въ апогеѣ». Далѣе Брандесъ замѣчаетъ, что именно, какъ поэтъ и художникъ, Шекспиръ далеко превосходитъ Рабле, и при этомъ мимоходомъ указываетъ на необыкновенное изобиліе словъ, которыми пользовался Шекспиръ, въ чемъ ни одинъ писатель на свѣтѣ не можетъ съ нимъ поспорить. Какъ извѣстно, образованные англичане въ обыкновенномъ разговорѣ употребляютъ отъ трехъ до четырехъ тысячъ словъ; великіе мыслители и ораторы Англій доходятъ до десяти тысячъ словъ, въ англійскомъ переводѣ Ветхаго Заветъ находится ровно пять тысячъ шестьсотъ сорокъ два различныхъ слова, а у Шекспира акуратно подсчитано какъ въ его пьесахъ, такъ и въ повѣи пятнадцать тысячъ различныхъ словъ. Полагая, что Шекспиръ былъ знакомъ съ указанными драматическими и литературными типами, сложими съ его Фальстафомъ, и доказывая это между прочимъ относительно Рабле ссылкой Селіи въ комедіи Шекспира «Какъ вамъ угодно» на громадный ротъ Гаргантуй,—Брандесъ указываетъ и на то обстоятельство, что творецъ Фальстафа долженъ былъ лично знать шута Четля, который отличался громаднымъ ростомъ, неизмѣримымъ животомъ и юмористической шутливостью, такъ что, по всей вѣроятности, онъ и послужилъ образцомъ для бессмертнаго шекспировскаго типа. Что касается до того факта, что первоначально въ «Генрихъ IV» Фальстафъ назывался серомъ Джономъ Ольдкастлемъ, и что о немъ говорится, какъ о бывшемъ пажѣ герцога Норфолькскаго, чѣмъ дѣйствительно Ольдкастль и былъ, то Брандесъ основательно выясняетъ кажущуюся странность тѣмъ, что, во первыхъ, Ольдкастль не былъ только веселымъ шутникомъ и кутилой, а заплатилъ смертью за свою ревность къ реформаціи, а, во вторыхъ, случайно названъ своего героя этимъ именемъ, Шекспиръ тотчасъ его измѣнилъ, какъ только родственники мученика за вѣру протестовали противъ оскорбленія его памяти, и прямо сказалъ въ эпилогѣ второй части «Генриха IV», что «онъ будетъ продолжать исторію сэра Джона Фальстафа, съ которымъ ничего не имѣетъ общаго Ольдкастль, умершій мученикомъ». Если нѣмецкій и датскій писатели доискиваются строгимъ историческимъ путемъ до опредѣленія живыхъ прототиповъ великихъ образовъ, созданныхъ Шекспиромъ, то Леонъ Доде, сынъ знаменитаго романиста Альфонса Доде, набрелъ на остроумную мысль написать романъ изъ жизни Шекспира, въ которомъ хотя и въ фантастической, но вѣроятной формѣ были выведены тѣ личности и тѣ событія, которыя могли возбудить въ его творческомъ умѣ идею объ его бессмертныхъ произведеніяхъ и ихъ герояхъ. Это оригинальное, беллетристическое произ-

ведение подъ заглавіемъ: «Путешествіе Шекспира»¹⁾, началось печатаніемъ со второй сентябрьской книжкѣ Nouvelle Revue. Въ вышедшей до сихъ поръ одной главѣ описывается бурный переѣздъ изъ Дувра въ Роттердамъ двадцатилѣтняго юноши по имени Вилліама Шекспира въ 1584 году, на суднѣ Тритонъ, капитанъ котораго Блакнавъ—настоящій Фальстафъ, а одинъ изъ матросовъ напоминаетъ Калибана. Конечно, въ числѣ многочисленныхъ, постоянно появляющихся статей о Шекспирѣ, не можетъ не находиться оригинальныхъ выходовъ и даже злобныхъ нападеній на божественнаго Вилліама. Такъ въ июльскомъ номерѣ итальянскаго журнала Rassegna Nazionale помѣщенъ длинный трактатъ, что Шекспиръ былъ всю жизнь и умеръ католикомъ, а глубокомысленный нѣмецъ Прейеръ, въ июльской книжкѣ Deutsche Revue, доказываетъ, на основаніи подписи Шекспира на его завѣщаніи: «къ сему руку приложилъ», что великій драматургъ былъ не грамотный, такъ какъ онъ не подписывалъ завѣщанія, а только приложилъ къ нему руку. Конечно, ученый нѣмецъ торжественно на многихъ страницахъ развиваетъ свое необыкновенное открытіе и поддерживаетъ теорію, что не Шекспиръ, а Бэконъ писалъ шекспировскія пьесы, причеиъ обѣщаетъ, что въ сентябрьскомъ выпускѣ особаго изданія Бэконовскаго общества «Baconiana» мистрисъ Генри-Потъ окончательно докажетъ всему міру, что Вилліамъ Шекспиръ былъ презрѣннымъ обманщикомъ.

Подобныхъ нелѣпостей никогда не писали и не напишутъ о великомъ творцѣ Фауста, и если нѣкоторые новѣйшіе критики относятся къ нему довольно строго, то все-таки соблюдаютъ всѣ правила приличія и, возставая противъ чрезмѣрнаго его культа въ Германіи, все-таки не отрицаютъ въ немъ безспорнаго генія. Къ подобнымъ критикамъ присоединился недавно новый, именно французско-швейцарскій романистъ, Эдуардъ Родъ. Онъ началъ помѣщать съ первой июльской книжкѣ Revue des Deux Mondes²⁾ обстоятельный трудъ о Гете, котораго вышли еще только три главы, и въ нихъ онъ старается доказать, что Гете нельзя сравнивать съ Данте, какъ это дѣлаютъ его поклонники, что его Вертеръ далеко не такое великое произведеніе, какимъ его принято считать, что мемуары Гете развѣнчиваютъ его лучше всякаго критика, и что вообще пора отрезвить поклонниковъ гетевского культа. Но такъ какъ этотъ новый критикъ еще не коснулся Фауста, то нельзя вывести никакого окончательнаго заключенія объ его взглядѣ на Гете. Въ только что вышедшемъ новомъ томѣ литературныхъ очерковъ³⁾ англійскаго профессора Эдуарда Даудена, извѣстнаго изслѣдователя Шекспира, наибольшій интересъ сосредоточивается на цѣломъ рядѣ очерковъ о Гете, въ которыхъ описывается дружба Гете съ Шиллеромъ, его путешествіе по Италіи, его отношенія къ французской революціи и связь, существующая между жизнью Гете и его Вилгельмомъ Мейстеромъ. Всѣ эти блестящія критическія и историческія страницы служатъ очень полезнымъ пособіемъ къ настоящему познанію Гете и, конечно, прочтутся съ интересомъ каждымъ любознательнымъ читателемъ, тогда какъ такія книги, какъ недавно напечатанный Гетевскій Ежегодникъ за 1894 годъ⁴⁾,

¹⁾ Voyage de Shakespeare, par Leon Daudet. Nouvelle Revue, 15 sept.

²⁾ Essais sur Goethe, par Edouard Rod, Revue des Deux Mondes, 1 juillet, 1 août, 1 sept.

³⁾ New Studies in Literature. By Edward Dowden. London. 1895.

⁴⁾ Goethe-Jahrbuch, XV Band. Frankfurt. 1894.

представляют, хотя и богатый материал для специальных исследователей Гете, но не могут интересовать всех и каждого, по исключительности предметов его статей и тяжеловѣсности их изложения. Впрочем нельзя не указать на заслуживающий общаго вниманія доклад Миллера о разговорах Наполеона съ Гете, на переписку Фихте съ Гете и на статью Гарнака о взглядах Гете на искусство въ сравненіи съ современными теоріями. Ни для кого не тайна, что Гете обладалъ всеобъемлющемъ гениемъ, но все-таки нельзя безъ увлеченія читать статью только что умершаго профессора Карла фонъ-Барделебена: «Гете — анатомъ», въ июльской книжкѣ Nord und Sud. Оказывается, что семнадцатилѣтнимъ юношей великій поэтъ предчувствовалъ уже науку о сравнительной анатоміи, когда еще анатомія была смиреннымъ слугою медицины, составилъ теорію позвоночныхъ, выразилъ мнѣнія, сходныя съ идеями Ламарка, и самъ сдѣлалъ нѣсколько самостоятельныхъ анатомическихъ открытій. Въ августовской книжкѣ американскаго журнала Forum другой нѣмецкій ученый, берлинскій профессоръ Эрикъ Шмидтъ¹⁾, сообщаетъ въ небольшомъ очеркѣ «Гетевскій архивъ» любопытныя свѣдѣнія о томъ громадномъ трудѣ, котораго стоило изданіе многочисленныхъ сочиненій Гете, по свѣренному и окончательно опредѣленному тексту. По его словамъ, читатели, введенные въ заблужденіе известной статуей Рауха, на которой поэтъ изображенъ гуляющимъ по комнатѣ и свободно диктующимъ свои вдохновенныя произведенія, полагаютъ, что онъ дѣйствительно диктовалъ сразу и ничего не измѣнялъ въ диктовкѣ. Но въ сущности онъ самъ набрасывалъ на бумагу всякое свое сочиненіе, даже каждое письмо, и только, послѣ тщательныхъ поправокъ, его рукопись поступала для переписки, къ секретарю. Онъ никогда не былъ доволенъ тѣмъ, что писалъ, и постоянно передѣлывалъ многія фразы и строфы, такъ, запечатывъ передъ смертью, на подобіе завѣщанія, Фауста, онъ нѣсколько разъ распечатывалъ его и поправлялъ то одинъ стихъ, то другой. Но самымъ цѣннымъ вкладомъ въ гетевскую литературу за послѣднее время служить открытіе неизданнаго сборника юношескихъ стихотвореній поэта. Эта рукопись куплена въ прошедшемъ году Обществомъ Гетевского и Шиллеровскаго архивовъ у наследниковъ г-жи фонъ-Гохгаузенъ, бывшей фрейлины герцогини Анны Амаліи; она составляетъ маленькій переплетенный томикъ, написана собственноручно Гете и озаглавлена «Книга Аннетты»; подъ заглавіемъ помѣчено: «Лейпцигъ, 1767». Въ настоящее время всѣ исследователи Гете заняты оцѣнкой этой драгоценной находки и объ ней появились отзывы во всѣхъ иностранныхъ журналахъ и газетахъ; въ особенности же интересны свѣдѣнія, сообщаемыя о ней въ Deutsche Rundschau и въ Revue Bleue. Несомнѣнно, что эту книжку Гете написалъ, будучи студентомъ въ Лейпцигѣ, въ честь тогдашняго предмета своей любви, прелестной и легкомысленной Анны Шенкопфъ. Но несмотря на то, что въ посвященіи юный поэтъ говорить: «моя Аннетта и моя муза—синонимы», его любовь къ ней продолжалась недолго, и Аннетта была такъ переменчива, что когда окончился трудъ, то уже не стоило его подносить, и рукопись осталась въ рукахъ Гете, который уже впоследствии передалъ ее г-жѣ фонъ-Гахгаузенъ, какъ любопытную память о своей молодости. Въ сущности въ одиннадцати поэмахъ и шести эпиграммахъ, составляющихъ этотъ сборникъ, нѣтъ ничего особенно замѣча-

¹⁾ The Goethe Archives. By Eric Schmidt, Forum, August.

тельного, и если бы онъ не были написаны авторомъ Фауста, то никто бы не обратилъ на нихъ вниманія.

— Сестра Ренана. Весьмъ¹⁾ извѣстно вліяніе, которое имѣла на умственное развитіе Ренана его сестра, но до сихъ поръ свѣдѣнія объ этой интересной личности были очень скудны. Хотя послѣ ея смерти Ренанъ написалъ блестящій о ней очеркъ, но онъ не былъ пущенъ въ продажу, а только предназначался для тѣснаго круга друзей. Только теперь, согласно его завѣщанію, сдѣланы доступными для всѣхъ эти немногія, но дышущія неподдѣльнымъ чувствомъ и художественнымъ стилемъ страницы изъ личныхъ воспоминаній великаго писателя¹⁾. Имъ придана чрезвычайно изящная форма и, составляя маленькую, прекрасно напечатанную брошюру, они снабжены артистически исполненными портретами самого Ренана, его сестры, а также видами его родного города Трегье и того дома въ Сиріи, гдѣ умерла Генріета Ренанъ. Такимъ образомъ личность этой малоизвѣстной, но выдающейся женщины нашего времени, впервые выступаетъ предъ читателями подъ перомъ ея брата и, кромѣ того, въ послѣднихъ трехъ книжкахъ *Revue de Paris*²⁾ напечатана переписка между ними во время ея пребыванія въ Польшѣ, въ сороковыхъ годахъ. Этой перепискѣ Ренанъ придавалъ громадное значеніе, такъ какъ письма сестры главнымъ образомъ содѣйствовали его рѣшимости отказаться отъ духовной карьеры, къ которой онъ готовился, и развили въ немъ задатки философскаго настроенія, придавшаго извѣстный характеръ всей его жизни. Онъ самъ всегда собирався сдѣлать выборъ изъ этихъ писемъ сестры, но умеръ, не исполнивъ своего намѣренія. Теперь, съ появленіемъ въ свѣтъ этой переписки, представляется возможнымъ провѣрить восторженные отзывы Ренана объ его сестрѣ, и надо отдать справедливость, что дѣйствительно въ напечатанныхъ письмахъ Генріета Ренанъ является той необыкновенной, высокообразованной, философски развитой и человѣчной женщиной, о которой такъ краснорѣчиво говоритъ ея братъ въ своемъ очеркѣ «Моя сестра Генріета». Собственно фактическая сторона ея жизни немногосложна: она родилась въ Трегье, 22-го іюля 1811 года, и, по словамъ ея брата, все ея существованіе заключалось въ исполненіи тяжелаго долга. Наслѣдовавъ отъ отца меланхолическій характеръ и не имѣя ни малѣйшаго сходства съ веселой живой матерью, она съ дѣтства избѣгала свѣта со всѣми его удовольствіями. Стремленіе къ внутренней, созерцательной жизни развилось въ ней очень рано, благодаря съ одной стороны вліянію старыхъ монахинь и почтенной воспитательницы, а съ другой семейнымъ горестямъ, которыя увѣнчались роковой катастрофой, именно неожиданной смертью отца, погибшаго въ морѣ. Тутъ вся семья впадала въ бѣдность, и Генріета, тогда семнадцатилѣтняя молодая дѣвушка, приняла на себя рѣшимость не только доставить всей семьѣ средства къ жизни, но и заплатить долги отца. Она сдѣлалась учительницей, самое тяжелое ремесло для впечатлительной натуры, особенно въ провинціальномъ городкѣ и въ тридцатыхъ годахъ настоящаго столѣтія. Правда, явился одинъ богатый и образованный челоѣкъ, который сумѣлъ оцѣнить некрасивую, но достойную молодую дѣвушку, и предложилъ ей

¹⁾ *Ma soeur Henriette*, par p. Renan. Paris. 1895.

²⁾ Ernest Renan et Henriette Renan: correspondance intime. *Revue de Paris*, 15 août, 1 sept. et 15 sept.

свою руку съ тѣмъ условіемъ, чтобы она разсталась съ семьей, на которую она, по его мнѣнію, достаточно поработала. Хотя она пыталась къ нему значительное сочувствіе, но не согласилась пожертвовать семьей для своего личнаго счастья, и когда пребываніе въ Трегье стало уже ей невыносимо, то она приняла мѣсто помощницы учительницы въ одномъ маленькомъ женскомъ пансіонѣ въ Парижѣ. Ея существованіе въ столицѣ, гдѣ она рѣшительно никого не знала, было самое тягостное, но мало-по-малу ее оцѣнили въ педагогическихъ кружкахъ и поручили ей завѣдываніе женской школой, но для этого ей пришлось выдержать экзаменъ, почему она вынуждена была заниматься болѣе шестнадцати часовъ въ день. Эти занятія развили въ ней вкусъ къ наукѣ, въ особенности къ исторіи. Около этого времени она перевела въ Парижъ своего брата, который воспитывался въ мѣстной семинаріи въ Трегье, и доставила ему стипендію въ маленькой парижской семинаріи, которой завѣдывалъ впоследствии знаменитый Дюпанлу. Въ 1841 году Генріета поступила гувернанткой въ семью графа Андрея Замойскаго и провела десять лѣтъ въ его Клеменсовскомъ замкѣ, на берегахъ Буга, за исключеніемъ путешествія вмѣстѣ съ этой семьей по Германіи и Италіи. Чрезвычайно цѣнимая почтенной семьей и имѣя возможность въ свободное время заниматься своимъ умственнымъ развитіемъ, Генріета Ренанъ достигла мало-по-малу рѣдкой въ женщинѣ научной и философской культуры. Напечатанныя теперь письма ея къ брату, который оставался въ Парижѣ, сначала въ своей маленькой семинаріи, а потомъ въ Сенъ-Сюльписѣ, дышатъ трогательной любовью къ дорогому Эрнесту, заботами о его будущности и любопытными, хотя очень краткими, отзывами о той странѣ, въ которой ей приходилось жить.

Но наибольшій интересъ этой переписки представляетъ подробная исторія нравственнаго и умственнаго переворота, побудившаго Ренана бросить духовную карьеру, къ которой онъ приготовлялся съ дѣтства, и сдѣлаться ученымъ. Мало-по-малу развилось въ немъ нежеланіе быть пасторомъ, и въ его письмахъ къ сестрѣ мы можемъ прослѣдить шагъ за шагомъ, какъ его колебанія и сомнѣнія перешли въ твердую рѣшимость, а ея письма обнаруживаютъ, какую громадную роль въ эту критическую эпоху его жизни играла Генріета. Сначала она съ большимъ чувствомъ и сдержанностью предоставляла ему самому выбратся на новый путь, отказываясь отъ всякаго на него давленія, но когда она увидѣла, что онъ серьезно вступилъ на этотъ путь, то уже всячески и съ пламенной энергіей поддерживала, поощряла, помогала ему покончить съ прошедшимъ, разорвать поскорѣе всѣ связи съ сковывавшими его свободу отношеніями къ семинаріи и устроить свою новую жизнь. Въ первое время по выходѣ изъ семинаріи онъ имѣлъ скромное мѣсто школьнаго репетитора и только существовалъ благодаря высылаемымъ сестрой деньгамъ, а потомъ, окончивъ образованіе своей воспитанницы, Генріета возвратилась въ Парижъ и поселилась съ нимъ. Трудно себѣ представить чтонибудь болѣе трогательное и поэтическое, чѣмъ тѣ страницы его брошюры, на которыхъ Ренанъ описываетъ его жизнь съ сестрой въ Парижѣ. Она не только была лучшимъ его товарищемъ, но помогала ему во всѣхъ его научныхъ трудахъ, списывала всѣ его сочиненія, читала ихъ корректуру и, по его признанію, онъ былъ многимъ обязанъ ей относительно усовершенствованія стили. Уже нечего говорить, что въ философскомъ отношеніи они думали и чувствовали одинаково. Когда Ренанъ

задумалъ жениться, то между нимъ и сестрой наступили нѣкоторыя недоразумѣнія. Ей трудно было уступить его другой женщинѣ; но и тутъ она принесла себя въ жертву и, оставшись образцовой сестрой, сумѣла выработать въ себѣ нѣжную золовку и любвеобильную тетку. Во время финикійской экспедиціи Ренана, Генріета сопровождала его повсюду, въ Сиріи и Палестинѣ, гдѣ онъ началъ писать при ея содѣйствіи свою знаменитую «Жизнь Іисуса», но по несчастію они оба схватили мѣстную лихорадку, и бѣдная Генріета, за отсутствіемъ своевременнаго медицинскаго пособія, умерла въ Амшитѣ, даже не имѣя утѣшенія видѣть въ послѣднія минуты своего брата, который самъ находился въ безчувственномъ состояніи отъ припадка той же болѣзни. Ея бренныя останки покоятся до сихъ поръ подъ пальмами Амшита, въ землѣ античныхъ тайнъ, близъ святого Ваблоса, хотя, по словамъ ея брата, онъ часто хотѣлъ перевезти ея прахъ въ Европу, но всякій разъ его останавливала мысль о мрачныхъ европейскихъ кладбищахъ, которыя такъ ее ужасали. «Конечно,—говоритъ онъ въ концѣ своего блестящаго очерка, многія изъ страницъ котораго, по единогласному приговору французскихъ критиковъ, будутъ жить столько же, сколько и французскій языкъ:—она могла быть счастливѣе. Я мечталъ о наградахъ для нея за все ея самопожертвованіа; я придумывалъ тысячи химеръ, которыя, я зналъ, будутъ по ея вкусу. Я видѣлъ ея старой, уважаемой всѣми, какъ общую мать, гордящуюся мною и, наконецъ, отдыхающую въ безоблачномъ мірѣ. Я надѣялся, что это доброе, благородное сердце, столько страдавшее ради другихъ, найдетъ, наконецъ, смѣю сказать, эгоистичное спокойствіе; но Богу не угодно было, чтобы она знала что либо другое, кромѣ великаго, суроваго исполненія долга. Она умерла, почти не зная, что такое награда. Чась, когда собираютъ похѣнное, когда отдыхаютъ, вспоминая о прошедшихъ тягостяхъ, не наступилъ для нея. По правдѣ сказать, она никогда и не думала о наградахъ. Никакой личный расчетъ, такъ часто подтачивающій нѣкоторыя религіозныя стремленія, не былъ знакомъ ея ввышенной душѣ. Добродѣтель была въ ней не плодомъ теоріи, а результатомъ внутренняго, природнаго инстинкта. Она дѣлала добро для добра, а не для собственнаго спасенія. Она любила все прекрасное, все хорошее, она служила правдѣ и истинѣ безъ всякаго расчета, который побуждаетъ нѣкоторыхъ набожныхъ душъ говорить Богу: «если бы не было рая и ада, то мы Тебѣ не поклонялись бы».

— Теоретическое и практическое изученіе исторіи въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ. Сентябрьская книжка американскаго журнала Century отличается двумя интересными статьями, которыя знакомятъ насъ съ тѣмъ, какъ съ одной стороны образованные янки смотрятъ на задачу историка и на историческіе методы, а съ другой, какъ они практически и наглядно обучаютъ народъ своей національной исторіи. Въ первой изъ этихъ статей, подъ заглавіемъ: «Какъ писать исторію, со взглядомъ на методы Маколея, Гиббона, Карлайля и Грина»¹⁾,—Вудро Вильсонъ чрезвычайно кратко, но разумно и блестяще опредѣляетъ, въ чемъ заключается идеальная исторія, и въ чемъ грѣшатъ относительно этого идеала такіе великіе историки, какъ Маколей, Гиббонъ, Карлайль и Гринъ. По его словамъ, въ на-

¹⁾ On The Writing of History. With a Glance at the methods of Macaulay, Gibbon, Carlyle and Green, by Woodrow Wilson. Century. September.

стоящее время отъ историка требуютъ, повидимому, одного—фактовъ, фактовъ и ничего болѣе, кромѣ фактовъ, но очень легко убѣдиться, что однихъ фактовъ мало, такъ какъ факты, уже не говоря о томъ, что ихъ можно подбирать и недобирать, недостаточны для правдиваго восстановленія прошедшаго, что составляетъ задачу исторіи. Одни факты, не освященные идеей, мертвы и не составляютъ сами по себѣ правды. Если существуетъ искусство лгать, то, по мѣткому замѣчанію Вильсона, есть еще другое болѣе трудное искусство—говорить правду. Но если недостаточно для историка собрать одни факты, какъ нѣкогда дѣлали лѣтописцы, то какой формы историческаго искусства ему слѣдуетъ придерживаться, чтобы достигнуть желаемой правды? Подражать ли ему Маколею, который своимъ драматическимъ, художественнымъ рассказомъ приковываетъ къ себѣ читателя болѣе, чѣмъ любой романистъ? Нѣтъ, это великій разсказчикъ, но не историкъ, такъ какъ всѣ историческіе факты онъ сводилъ къ одному—къ торжеству своихъ личныхъ, политическихъ, вигскихъ идей. Если не Маколей, то образцомъ не можетъ ли служить Карлайль, съ его пламеннымъ изображеніемъ трагическихъ сценъ и сильныхъ, крупныхъ, историческихъ личностей? Но и его нельзя признать историкомъ въ высшемъ значеніи этого слова, такъ какъ человѣческая жизнь, осмысленнымъ изображеніемъ которой во всѣхъ ея проявленіяхъ должна быть исторія, не состоитъ только изъ патетическихъ сценъ и подвиговъ того или другого героя, а потому историкъ обязанъ освѣщать, не какъ Карлайль, вспышками магнія, тотъ или другой эффектный эпизодъ, ту или другую эффектную фигуру, а все прошедшее, во всемъ его цѣломъ, чистымъ, яснымъ солнечнымъ свѣтомъ разума, правды и гуманности. Наконецъ Карлайль, также какъ Маколей, слишкомъ пристрастенъ, чтобы быть идеальнымъ историкомъ, а потому естественно въ поискахъ образца для историка, отъ нихъ перейти къ Гиббону, такъ какъ его, конечно, нельзя упрекнуть въ пристрастіи; но за то его холодное безпристрастіе слишкомъ монументально, и его книга составляетъ замѣчательный памятникъ трудолюбія человѣческаго ума; но это не живая правда о прошедшемъ, чѣмъ должна быть исторія. Если такимъ образомъ съ одной стороны нельзя назвать историкомъ лѣтописца, а съ другой—такихъ блестящихъ разсказчиковъ, какъ Маколей, Карлайля и Гиббона, то не подойдетъ ли подъ идеаль историка Джонъ-Ричардъ Гринъ, который соединяетъ въ своей краткой исторіи англійскаго народа и кропотливаго изслѣдователя, и блестящаго художника, и безпристрастнаго, гуманнаго возстановителя прошедшаго, какъ бы живого настоящаго. Но и въ этомъ, почти образцовомъ, историкѣ, совершенно пересоздавшемъ исторію своего народа, Вильсонъ находитъ большой недостатокъ, именно его методъ слишкомъ узокъ для такой бевпредѣльной задачи, какъ исторія. Онъ придерживается всегда одного порядка и одной манеры въ каждой главѣ, въ каждомъ параграфѣ своего труда, а жизнь, которую изображать и освѣщать берется историкъ, такъ разнообразна, что ея нельзя подвести подъ одиѣ рамки, хотя бы самыя блестящія и художественныя. По всѣмъ этимъ причинамъ, Вильсонъ, въ своей краткой, но оригинальной и мастерски написанной статьѣ, приходитъ къ тому заключенію, что образцовымъ, идеальнымъ историкомъ могъ бы быть одинъ Шекспиръ и то при современной научной подготовкѣ. Но если трудно, а, быть можетъ, и совершенно невозможно, быть идеальнымъ историкомъ, то это не мѣшаетъ стремиться къ достиженію въ историческихъ трудахъ этого идеала. По мнѣнію Вильсона, прежде всего историкъ дол-

женъ помнить, что онъ не только научный изслѣдователь, но и выразитель того впечатлѣнія, которое воссозданное имъ прошедшее производитъ на его умъ, а чрезъ его умъ и на его читателей. А чтобы передать свое впечатлѣніе, историкъ обязанъ такъ живо, такъ сознательно и такъ человѣчно воскресать старину, чтобы въ рисуемой имъ картинѣ историческая правда являлась во всемъ своемъ ореолѣ интеллектуальной, художественной и человѣчной правды. Если хоть отчасти эта цѣль достигнута, то уже, по мнѣнію Вильсона, историкъ исполнилъ, по мѣрѣ возможности, свою задачу.

Но если американцы додумались, въ лицѣ Вильсона, до идеальнаго представленія объ обязанностяхъ историка, то, какъ практическіе люди, они представляютъ всему свѣту и примѣръ того, какъ слѣдуетъ на практикѣ и наглядно учить народъ его національной исторіи. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ открытъ, съ необыкновеннымъ официальнымъ торжествомъ, первый не только въ Америкѣ, но и на всемъ земномъ шарѣ, историческій паркъ. Этотъ паркъ, носящій названіе «Національнаго Военнаго Парка Чикагоги и Чатануги», находится въ той мѣстности, гдѣ происходили, во время войны Сѣвера и Юга, знаменитыя битвы подъ этими названіями, и на купленной конгрессомъ землѣ устроено наглядное воспроизведеніе обоихъ сраженій, при чемъ воздвигнуты укрѣпленія и ретраншаменты въ томъ видѣ, какъ они были во время войны, а орудія, въ числѣ четырехъ сотъ, поставлены тѣ самыя, которыми пользовались обѣ арміи. Съ помощью, расставленныхъ въ различныхъ мѣстахъ парка, пирамидъ и памятниковъ съ надписями, каждый посѣтитель можетъ познакомиться воочію со всеми эпизодами обѣихъ битвъ, а взобравшись на восемь высокихъ башенъ, расположенныхъ въ главныхъ пунктахъ сраженій, онъ въ состояніи обнять однимъ общимъ взглядомъ весь театръ военныхъ дѣйствій. На это чисто національное дѣло конгрессъ назначилъ семьсотъ двадцать пять тысячъ долларовъ, а штаты прибавили отъ себя еще четыреста тысячъ; для точнаго же воспроизведенія каждаго эпизода обѣихъ битвъ двадцать пять штатовъ назначили особыя коммисіи изъ людей, вполне компетентныхъ, которые точно и опредѣлили положеніе каждаго военнаго отряда какъ Сѣверной, такъ и Южной арміи. Описаніе этого новаго историческаго парка Генри Бойнтономъ составляетъ тотъ практическій урокъ исторіи, который преподноситъ своимъ читателямъ Century¹⁾ рядомъ съ теоретической статьей Вильсона. Но, не довольствуясь этимъ, редакція американскаго журнала еще посвящаетъ въ своемъ постоянномъ отдѣлѣ «Вопросовъ Нашего Времени» небольшую статью о томъ, что желательно было бы обратить большее вниманіе на художественную сторону національнаго историческаго парка, чѣмъ это сдѣлано въ Чикагогѣ и Чатанугѣ, а такъ какъ конгрессъ уже купилъ мѣстности другихъ двухъ битвъ въ Антиетамѣ и Шилохѣ, то редакція и развиваетъ программу желаемыхъ художественныхъ улучшеній въ этой новой идеѣ, для осуществленія которыхъ она совѣтуетъ образовать особую коммисію изъ художниковъ и скульпторовъ.

— Невѣдомый Наполеонъ. Подъ этимъ заглавіемъ²⁾ Фредерикъ Массонъ и Гвидо Биаджи издали, наконецъ, сочиненія Наполеона, его письма и

¹⁾ The National Military Park, by H. Boynton, Century, September.

²⁾ Napoléon inconnu, papiers inédits (1786—1793). Publiés par Frederic Masson et Guido Biagi. Accompagnés de Notes sur la jeunesse de Napoléon (1769—1791), par Frederic Masson. Paris, 1895, 2 vol.

вообще всѣ документы, входящіе въ составъ знаменитой коллекціи Либри. Исторія этой коллекціи хорошо извѣстна. Въ концѣ ста дней Наполеонъ запечаталъ большую картонку съ различными бумагами, съ надписью: «Отдать одному кардиналу Фешу». Такъ и было сдѣлано, но кардиналъ не обратилъ вниманія на это наслѣдство своего племянника, и оно перешло послѣ его смерти къ аббату Ліона, а этотъ продалъ бумаги извѣстному бібліотекару Либри, который прославился кражей рѣдкихъ книгъ, рукописей, автографовъ, за что и былъ преданъ суду, но раньше этого ему удалось перепродать за громадную цѣну наполеоновскія бумаги, извѣстныя съ того времени подъ названіемъ коллекціи Либри, лорду Амбургаму, бібліотека котораго считалась одной изъ первыхъ въ свѣтѣ. Когда наслѣдникъ этого богатаго лорда вздумалъ распродавать рѣдія диковины, собранныя отцомъ, то итальянское правительство купило коллекцію Либри въ 1884 году за 675.000 франковъ и помѣстило ее въ Медиче-Лаврентинской бібліотекѣ, во Флоренціи. Бібліотекаръ этого замѣчательнаго книгохранилища, Гвидо Біаджи, съ помощію знатока наполеоновской литературы и автора многихъ сочиненій о Наполеонѣ, Фредерика Массона, уже десять лѣтъ подготавливалъ изданіе документовъ и бумагъ, входившихъ въ коллекцію Либри. Только въ настоящее время этотъ, давно ожидаемый и чрезвычайно важный въ историческомъ отношеніи, трудъ появился въ свѣтѣ. Онъ состоитъ изъ двухъ объемистыхъ томовъ и подраздѣленъ на два отдѣла, напечатанныя параллельно, въ хронологическомъ порядкѣ. Въ одномъ изъ нихъ помѣщены неизданныя доселѣ сочиненія Наполеона I, а въ другомъ рассказъ Массона о юности Наполеона, основанный на различныхъ документахъ, бумагахъ и письмахъ, какъ входящихъ въ составъ коллекціи Либри, такъ и найденныхъ авторомъ въ частныхъ архивахъ Корсики, преимущественно у родственниковъ Наполеона. Такъ какъ впервые напечатанныя сочиненія Наполеона относятся къ эпохѣ его молодости, отъ 1786—1793 года, то трудъ Массона служитъ прекраснымъ комментариемъ къ нимъ, а вмѣстѣ то и другое дѣйствительно знакомитъ насъ съ невѣдомымъ доселѣ Наполеономъ. Въ сущности американскій историкъ, профессоръ Слоанъ, который помѣщаетъ съ прошлаго года въ журналѣ «Century» подробную біографію Наполеона, уже извѣстную читателямъ «Историческаго Вѣстника» по статьямъ «Новый Наполеонъ»,—уже заранѣе воспользовался всѣми матеріалами Біаджи и Массона, такъ что теперь оказывается, что всѣ новыя свѣдѣнія, сообщенныя въ его біографіи о юномъ Наполеонѣ, въ качествѣ пламеннаго корсиканскаго патріота и рьянаго французскаго якобинца, почерпнуты имъ изъ матеріаловъ Массона и Біаджи. Конечно, нельзя сказать, пользовался ли онъ ихъ трудомъ до выхода его въ свѣтъ, или самостоятельно работалъ въ Флорентинской бібліотекѣ и въ Корсики по подлиннымъ рукописямъ, но во всякомъ случаѣ теперь, когда источникъ его біографіи открытъ, она приобретаетъ большее значеніе въ историческомъ смыслѣ, но нельзя не сказать, что американскій профессоръ поступилъ бы деликатнѣе, чтобы не сказать добросовѣстнѣе, если бы прямо указалъ на свой источникъ. Кромѣ труда Слоана, нѣкоторые французскіе и американскіе журналы въ послѣдніе мѣсяцы обнародовали часть драгоцѣнныхъ документовъ, вошедшихъ въ составъ «Невѣдомаго Наполеона»; но это нисколько не уменьшаетъ значенія любопытной книги Біаджи и Массона, безъ которой не будетъ въ состояніи обойтись уже ни одинъ будущій историкъ Наполеона. Самыя сочиненія Наполеона, впервые теперь напечатанныя

за исключеніемъ чисто военныхъ трактатовъ, преимущественно по артиллеріи, можно также раздѣлить на два отдѣла: къ первому относятся всѣ мелкія и крупныя сочиненія, имѣющія интересъ по своему содержанию, именно рассказы: Пророкъ въ маскѣ, Графъ Эссексъ и Корсиканская повѣсть; цѣлый рядъ трактатовъ и очерковъ о Корсикѣ; размышленія о различныхъ предметахъ: о самоубійствѣ, о любви, о томъ, что лучше, республика или монархія и т. д.; рѣчь, написанная на тему, заданную Ліонской академіей, о томъ, какія истины и чувства слѣдуетъ внушать людямъ для ихъ счастья, Бокерскій ужинъ и т. д. Ко второму же отдѣлу принадлежатъ конспекты, сдѣланные Наполеономъ изъ цѣлаго ряда книгъ, при чемъ интересны не самыя конспекты, имѣющіе характеръ простого ученическаго труда, а предметъ этихъ извлеченій, такъ какъ этимъ путемъ всего лучше опредѣляется умственная подготовка юноши Наполеона къ его будущей, удивившей весь свѣтъ, дѣятельности. Дѣйствительно нельзя не признать очень замѣчательнымъ и совершенно необыкновеннымъ тотъ фактъ, что никому невѣдомый, бѣдный офицеръ провинціального французскаго гарнизона, въ эпоху до революціи, посвящаетъ свое свободное время на составленіе основательныхъ и вѣрныхъ извлеченій изъ такихъ книгъ, какъ Древняя исторія Ролена, Исторія Англіи Барро, Неизвѣстная исторія Фридриха II, Мемуары барона де Тота о Турціи, книга аббата Рейналя о торговлѣ европейцевъ въ обѣихъ Индіяхъ, Естественная исторія Бюффона, Исторія Аравіи аббата Мариньи, Исторія Франціи Мабля, Исторія Венеціи Амело-де-ла-Гусса, Географія Лакруа и т. д. Въ очень рѣдкихъ изъ этихъ извлеченій попадаются собственныя замѣчанія Наполеона, которыя чрезвычайно характерны; такъ, извлеченію изъ Исторіи Ролена о системѣ управленія въ Аѳинахъ юный Наполеонъ предпосылаетъ слѣдующія строчки: «Первый государь всегда первый человѣкъ въ своей странѣ. Причина, по которой онъ вознесенъ надъ всеми своими соотечественниками, обезпечиваетъ ему власть, и эта власть отличается обыкновенно болѣе абсолютнымъ характеромъ, чѣмъ власть его преемниковъ, такъ какъ, съ теченіемъ времени, люди забываютъ чувства своего достоинства и основную причину учрежденія всякаго правительства. Тогда деспотизмъ поднимаетъ свою чудовищную голову, и развращенный человѣкъ, теряя любовь къ свободѣ и энергію, ощущаетъ только низкія чувства. Ничто уже не удерживаетъ потока, и рядомъ живутъ люди безъ куска хлѣба и личности, пожирающія такія суммы, которыхъ бы хватило на существованіе тысячи семействъ. Калигула, Клавдій, Неронъ могутъ управлять людьми, потому что тотъ классъ, въ интересъ котораго поддерживаютъ правительство, сумѣлъ лишить своихъ несчастныхъ жертвъ даже желанія освободиться. Но какъ Творецъ міра позволяетъ уродовать то, что Онъ создалъ!». Какъ въ этихъ немногочисленныхъ фразахъ, такъ и во всѣхъ сочиненіяхъ юнаго Наполеона, имѣющихъ политическій характеръ, обнаруживаются пламенный патріотизмъ корсиканца и крайній радикализмъ французскаго якобинца. Такъ, первая изъ сохранившихся его рукописей, озаглавленная «О Корсикѣ» и написанная 26-го апрѣля 1786 года, краснорѣчиво выставляетъ на видъ право корсиканцевъ свергнуть иго Генуи и Франціи, при чемъ онъ мотивируетъ это право такимъ образомъ: «Голосъ предразсудка ясно говоритъ: народы всегда не правы, если встаютъ противъ своихъ властителей. Это воспрещается божественными законами. Что общаго между божественными законами и дѣломъ чисто человеческимъ. При этомъ, если

бы действительно божественные законы воспрещали всякое возстаніе, то вѣдь въ этомъ направленіи можно было бы дойти до такой нелѣпости, что нельзя было бы свергнуть его даже узурпатора. Такимъ образомъ, если бы ловкій убійца, умертвивъ законнаго государя, овладѣлъ престоломъ, то онъ тотчасъ очутился бы подъ защитой божественныхъ законовъ, тогда какъ, въ случаѣ неудачи, его казнили бы, какъ преступника. Не говорите мнѣ, что при успѣхѣ онъ потерпѣлъ бы кару на томъ свѣтѣ, вѣдь то же можно сказать и обо всѣхъ обыкновенныхъ преступникахъ, поэтому можно было бы прийти къ заключенію, что не слѣдуетъ наказывать никого и ни за какое преступленіе. Напротивъ, законъ не принимаетъ на видъ успѣха того преступленія, которое караетъ». Въ небольшомъ отрывкѣ, подъ заглавіемъ «Республика и Монархія», написанномъ въ 1791 году, онъ находитъ, что если бы публицистъ безъ всякихъ предразсудковъ могъ имѣть сомнѣніе на счетъ того, чему отдать предпочтеніе—республикѣ или монархіи, то уже давно всѣ подобныя сомнѣнія должны бы уничтожиться, такъ какъ противники республики говорятъ только, что она невозможна потому, что невозможна, а защитники монархіи не приводятъ въ пользу ея никакихъ вѣскихъ доказательствъ. Еще ранѣе, въ 1788 году, Наполеонъ задумалъ написать диссертацию о королевской власти и по сохранившейся отдѣльной страничкѣ, на которой изложенъ планъ этой диссертации, видно, что «это сочиненіе начнется изложеніемъ общихъ идей о происхожденіи и развитіи въ человѣческихъ умахъ понятій о королѣ, власти котораго соответствуетъ военный режимъ; затѣмъ будутъ изложены всѣ злоупотребленія этой властью въ королевствахъ Европы, гдѣ очень мало королей, которые не заслужили бы сверженія съ престола». Всѣ подобныя мысли, излагаемыя юнымъ Наполеономъ совершенно искренно, подъ впечатлѣніемъ царствовавшихъ тогда либеральныхъ идей, а въ особенности теорій Руссо,—приобрѣтаютъ особый интересъ, когда вспомнишь, что ихъ авторъ черезъ нѣсколько лѣтъ является практическимъ примѣнителемъ совершенно противоположныхъ системъ и становится сначала мечемъ реакціи, а потомъ установителемъ въ свою пользу новой монархіи. Только близкое изученіе исторіи юности Наполеона и его юношескихъ сочиненій, что сдѣлалось возможнымъ лишь послѣ изданія труда Массона и Виаджи, дозволяетъ составить вѣрный и безпристрастный взглядъ на историческій характеръ этой колоссальной личности, которая уже сто лѣтъ возбуждаетъ всеобщій интересъ и служитъ предметомъ безчисленныхъ, все болѣе и болѣе увеличивающихся, историческихъ трудовъ. Вся европейская печать, въ особенности французская, единогласно признаетъ важное значеніе книги Массона и Виаджи, но до сихъ поръ еще только одинъ *Revue des deux Mondes* въ большой статьѣ Вальбера¹⁾ представляетъ на основаніи новыхъ матеріаловъ, сообщенныхъ этой книгой, рельефную характеристику юнаго Наполеона.

— Екатерина II какъ, литераторъ и драматургъ. Извѣстный французскій изслѣдователь русской исторіи Альфредъ Рамбо, въ *Journal des Debats* отъ 17-го сентября²⁾, рисуетъ мастерской портретъ Екатерины II въ качествѣ писательницы и драматурга. По его словамъ, Екатерина II—

¹⁾ Le Napoleon inconnu de M. Fred. Masson, par G. Valbert. R. de D. M., 1 août.

²⁾ Catherine II, homme de lettres et dramaturge, par Alfred Rambaud. *Journal des Debats*, 17 septembre, soir.

не первый государь, составивший себѣ имя въ литературѣ своихъ подданныхъ, но ей нельзя не поставить въ заслугу совершенно оригинальную черту, именно, что она, родившись вѣткой и получивъ французское воспитаніе, сдѣлалась русскимъ писателемъ. Въ этомъ отношеніи между нею и ея великимъ современникомъ Фридрихомъ II существуетъ громадное различіе, именно онъ писалъ много пофранцузски, но вѣткою литературѣ не далъ ни одной страницы; а Екатерина, хотя и писала пофранцузски и понѣмецки,¹ занимаетъ мѣсто въ исторіи литературы только, какъ русскій писатель. Рамбо приходитъ въ удивленіе отъ многочисленности ея сочиненій, передъ чѣмъ блѣднѣетъ и плодовитый Фридрихъ II: она писала всю свою жизнь до старости, сама говорила, что «не писавши и дня прожить нельзя», и считала удовлетвореніемъ этой страсти только собственноручное писаніе, такъ какъ говорила Гримму: «мнѣ часто совѣтовали диктовать, но я не умѣю разсуждать съ чужимъ перомъ, и если бы я говорила другому то, что просится на мое перо, то онъ часто не написалъ бы именно того, что мнѣ хотѣлось». Каждый день въ 6 часовъ утра, когда все еще спало во дворцѣ, императрица сама зажигала себѣ лампу, растопляла каминъ и садилась за письменную работу; только, когда уже было исписано нѣсколько десятковъ листовъ бумаги, она удостоивалась превратиться изъ писателя въ государя. Кратко упомянувъ о длинномъ рядѣ самыхъ разнообразныхъ сочиненій Екатерины, которая была въ одно и то же время моралистомъ, педагогомъ, журналистомъ и драматургомъ, Рамбо подробнѣе всего останавливается на ея драматическихъ сочиненіяхъ и приводитъ изъ главнѣйшихъ ея комедій значительныя отрывки. По его мнѣнію, тѣ изъ нихъ наиболѣе интересны, которые имѣютъ бытовой характеръ и обнаруживаютъ въ Екатеринѣ, если не крупный талантъ, то все-таки замѣчательную наблюдательность. Кромѣ того, онъ полагаетъ, что нѣтъ основаній приписывать, какъ дѣлаютъ нѣкоторые критики, исключительное вліяніе на Екатерину, какъ писательницу и драматурга,—знаменитому Новикову, хотя дѣйствительно она начала писать свои лучшія комедіи послѣ примиренія съ Новиковымъ, и уже не писала ничего подобнаго послѣ окончательнаго разрыва съ нимъ. Въ глазахъ француза—это только любопытное совпаденіе, и больше ничего.

— Письма о крымской кампаніи французскаго маршала и англійскаго офицера. Переписка маршала Сентъ-Арно съ его женой уже давно напечатана, но въ ней пропущены были многія письма цѣлкомъ, или частями, въ которыхъ, по мнѣнію издателя, не было достаточнаго интереса для читателей; но теперь оказывается, что эти пропущенныя мѣста въ перепискѣ были самыя интересныя и живыя, по крайней мѣрѣ относительно крымской кампаніи. Поэтому Эрнестъ Лавясъ вполне правъ, напечатать эти невѣдомыя доселѣ письма и отрывки изъ писемъ Сентъ-Арно въ первой августовской книжкѣ *Revue de Paris*¹). Бесѣдуя въ своихъ письмахъ ежедневно и даже по нѣскольку разъ съ женой, главнокомандующей французскою арміею, находившейся лѣтомъ 1854 года передъ крымскою кампаніею въ Варнѣ, искренно и откровенно объясняетъ то странное, нерѣшительное положеніе, въ которомъ находились союзныя войска, посланныя противъ

¹) *Lettres à la maréchale, par le marechal de Saint-Arnaud. La Revue de Paris, 1 août.*

Россія безъ опредѣленнаго плана войны. Сначала предполагалось, что театромъ военныхъ дѣйствій будетъ Дунай, но, когда русскіе сняли осаду Силистріи и отступили за Прутъ, начались безконечные переговоры между союзниками, а главное — между главнокомандующими и ихъ кабинетами о томъ, что было далѣе дѣлать. Больной, но предприимчивый Сентъ-Арно кипятился отъ бездѣйствія и постоянныхъ проволочекъ; сначала онъ облюбовалъ планъ высадки французовъ въ Анапъ, на Кавказѣ, и о совокупномъ дѣйствіи съ Шамилемъ, а когда этотъ проектъ оказался неудобноисполнимымъ, то онъ всячески старался выдвинуть впередъ экспедицію противъ Севастополя, который онъ полагалъ возможнымъ взять разомъ. Но дипломатія представляла ему на каждомъ шагу препону, и старый служака очень безцеремонно отзывался своей женой объ оффиціальномъ кавардакѣ во Франціи, о нерѣшительности совѣтниковъ императора, о каверзахъ Австріи, и о своихъ опасеніяхъ, что дипломаты прервутъ еще не начавшуюся войну какой нибудь бессмысленной сдѣлкой. «А какъ бы то ни было,—писалъ онъ отъ 28-го іюля: — надо сдѣлать въ этомъ году что нибудь хорошее и громкое, а то насъ сочтутъ во Франціи никуда негодными, и война потеряетъ свою популярность». Тѣмъ болѣе рвался Сентъ-Арно куда нибудь изъ Варны, что французская армія сильно страдала отъ тяжелыхъ мѣстныхъ болѣзней, имѣвшихъ характеръ грозной эпидеміи. Самъ маршалъ, больной еще и до войны, все болѣе и болѣе подвергался тяжелымъ припадкамъ, отказываясь лѣчиться и говоря: «когда я возьму Севастополь, то тогда успѣю слезъ въ постель». Наконецъ, крымская кампанія была одобрена Наполеономъ III и его союзниками, хотя послѣдніе очень неохотно на это согласились, и Сентъ-Арно не разъ въ своихъ письмахъ говоритъ: «я насильно заставляю колеблющихся англичанъ пойти со мною въ Крымъ». Но если дѣло и было рѣшено, то исполненіе его представлялось очень рискованнымъ, и французскій маршалъ откровенно замѣчаетъ въ письмѣ отъ 27-го августа: «главное не надо осрамиться передъ всею Европой и если придется отложить завоеваніе Крыма до весны, то все-таки необходимо оставить тамъ русскимъ такую страшную визитную карточку, чтобы они долго ее помнили. Но никогда такая важная экспедиція не предпринималась при столь неблагоприятныхъ условіяхъ. Наши союзники только источникъ слабости, а не силы, такъ что я готовъ бы былъ съ удовольствіемъ бросить ихъ всѣхъ къ чорту, а сдѣлать дѣло одинъ»... Даже отправляясь уже въ море со своей арміей и союзниками, Сентъ-Арно не зналъ опредѣленно, куда онъ пошелъ, и писалъ между прочимъ женѣ: «главное — высадиться, а тамъ Севастополь будетъ мой; по всей вѣроятности, высадка произойдетъ между Качей и Бальбекомъ, а, можетъ быть, чтобы обмануть русскихъ, я перенесу ее выше къ Альмѣ и Евпаторіи»... Послѣднія два письма изъ этой интересной переписки помѣчены 12-го сентября въ морѣ и 13-го сентября въ Каламитской бухтѣ, въ двухъ часахъ отъ Евпаторіи. Въ первомъ онъ пишетъ, что рѣшительно будетъ просить императора передать командованіе другому лицу послѣ перваго успѣха и вернется во Францію съ женой, которая тогда находилась въ Константинополѣ; а во второмъ онъ выражается очень характеристично: «сегодня вечеромъ наше знамя будетъ развѣваться въ Евпаторіи, завтра утромъ сдѣлаемъ высадку въ старомъ фортѣ, и начнется пляска. Мое здоровье поддерживается, не смотря на мучительные припадки, и силы возвращаются. Земля и пушечная пальба принесутъ мнѣ пользу, такъ что я надѣюсь

дойти до Севастополя, но не дальше»... Однако, какъ извѣстно, ему не удалось этого сдѣлать, и на бивакѣ въ Бальбекской долинѣ 24-го сентября у него открылась холера, которая окончателно сломила его послѣднія силы; сдавъ командованіе генералу Канроберу, онъ отправился 29-го сентября въ Константинополь, но по дорогѣ въ открытомъ морѣ умеръ.

Въ одно время съ перепиской Сентъ-Арно о крымской кампаніи, вышли въ Лондонѣ письма о томъ же предметѣ англійскаго офицера, сэра Антони Стерлинга ¹⁾. Хотя эта книга носитъ названіе «Исторія Шотландской бригады въ Крыму», но въ сущности это только рядъ писемъ, въ которыхъ авторъ безъ всякой системы рассказываетъ все, что онъ видѣлъ и слышалъ во время Крымской кампаніи, отъ самаго начала и до конца ея. Что касается до событій войны, то о нихъ онъ не говоритъ ничего новаго, а относительно англійскаго военнаго начальства въ Крыму онъ одинаково бранитъ всѣхъ, за исключеніемъ только своего родственника, сэра Колина Камбеля. Онъ не только рѣзко относится къ неумѣлости англійскихъ генераловъ подъ Севастополемъ и къ недостаткамъ военной администраціи, отъ которой такъ страдала въ Крыму англійская армія, но и самымъ недоброжелательнымъ образомъ отзывается о газетныхъ корреспондентахъ, которые, по его мнѣнію, никогда не должны допускаться ни въ какую армію, такъ какъ они, намѣренно или ненамѣренно служатъ лазутчиками для непріятеля, предувѣдомляя его о дѣйствіяхъ той арміи, при которой они состоятъ.

— Иоаннъ Грозный и послѣдняя русско-турецкая война чрезъ англійскія очки. Передъ нами двѣ англійскія книги по русской исторіи, но совершенно различнаго характера. Авторъ одной изъ нихъ Остенъ Пемберъ ²⁾ рассказываетъ исторію Іоанна IV очень важнымъ, серьезнымъ тономъ и съ высоты своего нравственнаго величія осуждаетъ всѣ дѣйствія перваго русскаго царя, какъ дикаго и жестокаго тирана, относясь при этомъ презрительно и враждебно ко всему русскому. Но если взглянуть близко на его курьезный трудъ, то окажется, что въ немъ нѣтъ ничего серьезнаго, а это простая компиляція на основаніи французскаго перевода Карамзина, при чемъ на каждой страницѣ, почти въ каждой фразѣ, встрѣчаются самыя нелѣпыя ошибки. Напримѣръ, онъ торжественно описываетъ русскій праздникъ Ноель, не понимая, что если французъ такъ называетъ Рождество, то не потому, чтобы это было русское названіе этого праздника, а по той простой причинѣ, что такъ называютъ его французы. Что же касается до презрительнаго тона, съ которымъ этотъ, болѣе чѣмъ странный, авторъ относится ко всей Россіи за то, что въ ней былъ Іоаннъ Грозный, то критикъ Athenaeum очень остроумно замѣчаетъ: «вѣроятно, Пемберъ забылъ, что у англичанъ былъ такой дикій тиранъ, какъ Генрихъ VIII, благодаря которому, однако, никто не думалъ еще презрительно относиться ко всей Англіи».

Другая книга о Россіи, напротивъ, легкій рассказъ, въ романической формѣ, о приключеніяхъ одного шотландскаго юноши во время русско-турецкой войны 1877—1878 г.г., но такъ какъ этотъ рассказъ, носящій назва-

¹⁾ The Story of the Highland Brigade in the Crimea. Founded on lettres written during the years 1854, 1855 and 1856, by Lieut.-Col. Anthony Sterling. London, 1895.

²⁾ Jvan the Terrible: his Life and Times, by Austen Pember. London, 1895.

ніе «Царь и Султанъ»¹⁾, написанъ талантливымъ военнымъ корреспондентомъ, Арчибальдомъ Форбесомъ, лично присутствовавшимъ при главнѣйшихъ эпизодахъ этой войны, то онъ получаетъ значеніе живой картины тогдашнихъ событій. Форбесъ относится къ русской арміи очень сочувственно, но безпристрастно говоритъ о недостаткахъ, оказавшихся въ ея высшемъ управленіи и о мужествѣ турокъ, а также критически относится къ неумѣлымъ дѣйствіямъ тѣхъ русскихъ генераловъ, благодаря которымъ такъ долго затянулась осада Плевны. Но за то онъ съ восторгомъ описываетъ подвиги Скобелева и Радецкаго, при которыхъ онъ лично присутствовалъ, и такія страницы, какъ описаніе выручки русскихъ ихъ подрѣзками на Шипкѣ и скобелевскаго боя на Зеленыхъ Горахъ, составляютъ художественную картину этихъ патетическихъ эпизодовъ современной исторіи. Романическая форма разсказа Форбеса придана имъ, вѣроятно, для большаго интереса и живости, а также для большей свободы въ описаніи какъ событій, такъ и личностей, но отъ этого общая правдивость его воспоминаній о русско-турецкой войнѣ нисколько не страдаетъ, и всякій мыслящій читатель легко отличитъ вѣрную фактическую сторону разсказа отъ его романическихъ наслоеній. Впрочемъ этихъ наслоеній очень мало, и всѣ они сводятся главнымъ образомъ къ тому, что разсказъ ведется отъ имени молодого шотландца, Джона Карнеджи, который былъ приказчикомъ въ коммерческой конторѣ своего отца въ Рущуѣ при началѣ войны, а когда открылись военныя дѣйствія, повнакомился съ извѣстнымъ военнымъ корреспондентомъ англійской газеты Daily-News, Макъ-Гаханомъ и, по его предложенію, совершилъ всю кампанію вмѣстѣ съ нимъ. Похожденія этого юноши и участіе его во всѣхъ выдающихся эпизодахъ войны, какъ зрителя и курьера иностранныхъ корреспондентовъ, составляетъ канву, по которой авторъ рисуетъ узоры, заимствованные имъ прямо изъ своихъ личныхъ воспоминаній. Самого Карнеджи авторъ рѣдко заставляетъ играть выдающуюся роль, и только однажды онъ является дѣйствительнымъ героемъ, когда онъ первый привозитъ въ русскую императорскую квартиру извѣстіе о томъ что дѣлалось на Шипкѣ въ критическую минуту. Сцена свиданія курьера иностранныхъ военныхъ корреспондентовъ съ русскимъ императоромъ представляетъ яркій примѣръ, какъ ловко сочетаетъ Форбесъ въ своемъ разсказѣ фактическую сторону съ романической, но совершенно вѣроятной. Карнеджи разсказываетъ, что, прибывъ въ Горный Студень, онъ случайно встрѣтилъ генерала Игнатьева, и тотъ, узнавъ, что этотъ юный шотландецъ перегналъ всѣхъ русскихъ курьеровъ, заявилъ прямо, что ему необходимо тотчасъ представиться императору. «Я былъ,—прибавляетъ вымышленный герой:—далеко не въ такомъ положеніи, чтобы явиться императору, но Игнатьевъ настоялъ на своемъ, говоря, что Его Величество не обратитъ вниманія ни на какой этикетъ. Онъ прямо пошелъ въ домъ своего государя, не смотря на то, что была ночь, и императоръ спалъ. Черезъ нѣсколько минутъ меня провели чрезъ казацкую караульную въ небольшую комнату съ балкономъ, завѣшанную простымъ полотномъ. Это, повидимому, была пріемная комната императора въ занимаемомъ имъ плохомъ турецкомъ домѣ. Тутъ не было даже простого ковра, а, когда дверь отворилась, и вошелъ государь, то я увидалъ, что сосѣдняя комната, спальня

¹⁾ Czar and Sultan, the adventures of a british lad in the Russo-Turkish war of 1877—1878, by Archibald Forbes. London, 1895.

императора, была еще проще, и что въ ней, на обнаженномъ каменномъ полу, стояла небольшая походная кровать. Его величество принялъ меня съ глазу-на-глазъ очень любезно, пожалъ мнѣ руку и поздравилъ съ быстротой, съ которой я исполнялъ свои обязанности. На взглядъ онъ казался очень утомленнымъ и истощеннымъ; голосъ его нервно дрожалъ, и онъ часто кашлялъ отъ душившей его астмы. Онъ закидалъ меня вопросами обо всемъ случившемся на Шипкѣ, и я, чтобы придать большую ясность своему разсказу, попросилъ кусокъ бумаги и карандашъ. Императоръ позвалъ Игнатъева и приказалъ ему принести то и другое. Когда Игнатъевъ вернулся, то я набросалъ, какъ умѣлъ, планъ Шипки и не только разсказалъ все, что самъ видѣлъ, но и прочелъ съ разрѣшенія императора замѣтки Вильерса (другаго газетнаго корреспондента), набросанныя имъ во время шипкинскаго дѣла. Императоръ слушалъ меня очень терпѣливо и съ большимъ вниманіемъ. Онъ заботливо разспрашивалъ меня о понесенныхъ русскими потеряхъ и, когда я сталъ называть убитыхъ, то онъ набожно крестился, а когда я повторилъ слова Радецкаго: «съ помощью Божіей я останусь здѣсь, пока мнѣ не велеть уйти», — императоръ съ глубокимъ чувствомъ воскликнулъ: «храбрый старикъ!». Затѣмъ онъ поблагодарилъ меня за доставленные свѣдѣнія, удостоилъ меня пожалованіемъ ордена св. Станислава и приказалъ Игнатъеву отвести меня къ главнокомандующему, чтобы и ему сообщить обо всемъ. Передъ моимъ уходомъ онъ еще разъ пожалъ мнѣ руку и выразилъ свою благодарность». Всего болѣе Форбесъ, отъ имени Карнеджи, распространяется о Скобелевѣ, подробно разсказываетъ его подвиги, рисуетъ его портреты фѣшкою и верхомъ, приводитъ его разговоры о различныхъ предметахъ, преимущественно его отзывы о военныхъ дѣйствіяхъ и въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ прославляетъ его, какъ легендарнаго героя.

Седанскій юбилей. Официальная Германія шумно, скандально отпраздновала первое двадцатипятилѣтіе своихъ пресловутыхъ побѣдъ надъ Франціей: открытіе готовыхъ памятниковъ и закладка новыхъ, освященіе церкви въ Берлинѣ въ память Вильгельма I, торжественныя посѣщенія полей битвъ въ Мотарингн и Альвасѣ, парады, банкеты и громкія самовосхваленія, начиная отъ неизбѣжныхъ цвѣтистыхъ рѣчей императора до безстыднаго краснорѣчія пресмыкающихся офицеровъ—всего этого было черезъ край. До пресмыченія и тошноты официальные нѣмцы и на словахъ и въ печати ликовали, превознося себя и унижая своихъ вѣковыхъ враговъ. Но къ славѣ и чести нѣмецкаго народа, не исключая даже пруссаковъ, надо сказать, что эти шумные праздники не были національными, народными. Не смотря на то, что на всѣхъ казенныхъ фабрикахъ и заводахъ въ эти три торжественные дня рабочіе были отпущены съ выдачей заработной платы, почти никто изъ нихъ не принялъ участія въ официальномъ ликованіи, и не смотря на всѣ старанія властей даже берлинскія улицы представляли будничныи характеръ, конечно, кромѣ рѣзавшихъ глаза военныхъ демонстрацій. Столичное населеніе своимъ холоднымъ безучастнымъ отношеніемъ выравало свою солидарность съ муниципалитетомъ, который отказалъ выдать сверхсмытные 200,000 маровъ на окончаніе церкви въ память Вильгельма I. Не только многочисленная социалистская партія, громко протестовавшая въ своихъ органахъ противъ седанскихъ праздниковъ, видя въ нихъ лишь прославленіе милитаризма, отъ котораго такъ жестоко страдаетъ германскій народъ, но и самые скромные умѣренные богобоязненные нѣмцы, искренно, а не побисмарковски желаю-

щие мира, воспользовались этимъ случаемъ, чтобъ выразить краснорѣчивымъ образомъ свою ненависть къ войнѣ, культъ которой только подерживается подобными юбилеями. Такъ, баварскіе ветераны войны 1870—1871 отпразднели большою процессіей на Мюнхенское кладбище и возложили лавровый вѣнокъ на могилы похороненныхъ тамъ французскихъ плѣнныхъ, и при этомъ въ одной изъ произнесенныхъ рѣчей почтенный нѣмецкій воинъ буквально сказалъ: «мы кладемъ этотъ вѣнокъ на могилу французскихъ солдатъ, потому что они также умерли, защищая свою родину; конечно, они были наши враги, но послѣ смерти нѣтъ ни друзей ни враговъ; мы безмолвно молимся за нихъ». Не менѣе характерно письмо какого-то неизвѣстнаго нѣмца, также ветерана войны съ «Reinische Zeitung»; протестуя противъ войны и культа ея, онъ указываетъ на всѣ несчастія, которыя навлечены войной, хотя и побѣдоносной на его родину, причѣмъ указываетъ, что эти несчастія, вѣроятно, посланы нѣмцамъ въ наказаніе за бѣдствія, причиненныя ими Франціи. «Въ долгія бессонныя ночи мнѣ, говорилъ онъ, часто вспоминаются бѣдняки, ломавшіе себѣ руки, умоляя насъ не выпускать вина изъ бочекъ и не мыть виномъ ногъ нашихъ лошадей и или не ломать художественной мебели на растопку печей». Въ виду подобныхъ искреннихъ протестовъ противъ седанскаго юбилея съ его прославленіемъ войны,—протестовъ, которыхъ, конечно, нельзя заподозрѣть ни въ радикализмѣ, ни въ социализмѣ, ни въ отсутствіи разумнаго патриотизма, странно читать трескучія проклятія, которыми Вильгельмъ II клеймилъ всѣхъ враговъ божественнаго порядка на свѣтѣ, которые осмѣливались дерзко поднимать голову въ эти дни національнаго энтузіазма и клеветать противъ памяти великаго императора. Подъ такой клеветой онъ, вѣроятно, разумѣетъ и статьи, напечатанныя въ берлинскомъ журналѣ «Die Kritik» по случаю юбилейныхъ торжествъ и въ которыхъ Карлъ Влейбтрей, сынъ батальнаго живописца Вильгельма I, доказываетъ фактически, что Мольтке далеко не былъ такимъ великимъ, безошибочнымъ стратегомъ, какъ его принято считать, и что источникъ славы нѣмцевъ въ 1870 и 1871 г. не гений ихъ главнокомандующихъ и доблесть армій, а прежде всего и главнымъ образомъ случай, ошибки и слабость врага, благодаря измѣнѣ военачальниковъ и внутреннему неустройству. Въ двухъ параллельныхъ статьяхъ подъ заглавіемъ: «Мецкая легенда» и «Что могъ бы сдѣлать Базенъ», этотъ талантливый и безпристрастный военный критикъ развѣнчиваетъ Мольтке и неопровержимыми аргументами подтверждаетъ свои тезисы, что Мольтке не замкнулъ въ Мецѣ Базена, что онъ напротивъ хотѣлъ его отвлечь отсюда, что онъ въ длинномъ рядѣ сраженій вокругъ Меца надѣлалъ тѣмъ ошибокъ, что у него не было никакого опредѣленнаго плана, а онъ дѣйствовалъ на удачу, что Наполеонъ на его мѣстѣ уничтожилъ бы Базена и что напротивъ Базенъ, не будь онъ измѣнникомъ, могъ разбить на голову нѣмцевъ. Конечно, эти статьи произвели въ Германіи и во Франціи громадное впечатлѣніе, тѣмъ болѣе, что онѣ являются какъ бы подтвержденіемъ статей о Мецѣ полковника Патри, о которыхъ мы уже говорили.

Вообще къ чести французовъ надо сказать, что они вели себя относительно седанскаго юбилея очень прилично, сдержанно и съ большимъ достоинствомъ. Даже нѣкоторые органы печати шли слишкомъ далеко, такъ Вогюэ въ «Revue des Deux Mondes» замѣчаетъ, что нечего претендовать французамъ на нѣмцевъ за горделивое прославленіе своихъ побѣдъ, такъ какъ французы

на их мѣстѣ, быть можетъ, вели бы себя еще надменнѣе и шумнѣе. На это неловкое выраженіе «Revue Bleue» отвѣчало очень остроумно, что французы никогда даже во времена второй имперіи не праздновали юбилеевъ Иены и Аустерлица. Если французскіе журналы и помѣстили въ послѣднее время много статей о послѣдней войнѣ, какъ, напримѣръ, «Revue de Paris» воспоминаніе Бенедетти объ его миссіи въ Емсѣ ¹⁾, «La Chronique Medicale» ²⁾, а за ней «Revue des Revues» о безобразіяхъ нѣмецкихъ военныхъ докторовъ во Франціи во время похода, «Journal des Débats» — объ осадѣ Туля и т. д., то всѣ онѣ отличаются серьезнымъ, историческимъ характеромъ; а если газетные хроникеры иногда издѣвались надъ ликующими нѣмцами, называя ихъ «высочками побѣды» и тѣмъ объясняя всѣ ихъ неловкія выходки, а французскій генералъ Менье, быть можетъ, бестактно припоминалъ на столбцахъ «Figaro» о грабежахъ, совершенныхъ во Франціи во время войны нѣмецкими офицерами и солдатами, то, конечно, нѣмцамъ не слѣдуетъ этому обижаться, тѣмъ болѣе, что они сами дѣйствовали самымъ вызывающимъ образомъ. Впрочемъ французскіе органы печати старательно отъѣняли официальный характеръ юбилейныхъ празднествъ, сочувственно выставляя, что собственно германскій народъ въ нихъ блисталъ своимъ отсутствіемъ.

— Будущій австрійскій императоръ. Миссъ Едитта Селлерсъ знакома читателямъ «Temple Bar» въ сентябрьской книгѣ этого англійскаго журнала ⁴⁾ съ малоизвѣстной личностью наследника австрійскаго престола, эрцгерцога Карла-Людвига, брата нынѣ царствующаго императора Франца-Иосифа. Онъ родился въ Шёнбрунѣ, въ 1833 году, и отецъ его, эрцгерцогъ Францъ-Карлъ, ярый клерикалъ, отдалъ его съ дѣтства на попеченіе иезуитовъ, которые создали изъ него такого фанатика, что онъ изъ угожденія католической церкви готовъ предпринять самый фантастичный крестовый походъ, или подвергнуть всю имперію кровавой междоусобной рѣзнѣ. Поэтому въ разношерстной державѣ Габсбурговъ, особливо въ Венгріи и Вѣнѣ, съ большими опасеніями ждутъ того дня, когда этотъ шестидесятидвухлѣтній наследникъ, всегда окруженный патерами и представляющійся живымъ анахронизмомъ въ наше время, вступитъ на престолъ. Впрочемъ, кромѣ своего клерикализма, эрцгерцогъ Карлъ-Людвигъ обладаетъ способностями, необходимыми въ правителѣ, и, пробывъ долгое время намѣстникомъ Тироля, онъ снискалъ общую любовь населенія своей энергіей, неусыпной дѣятельностью и гуманностью. Онъ былъ женатъ три раза и, лишившись первой жены, Саксонской принцессы Маргариты, черезъ недѣлю послѣ свадьбы, пришелъ въ такое отчаяніе, что еслибъ вскорѣ не вспыхнула война съ Италіей, то онъ непремѣнно пошелъ бы въ монахи. Однако съ теченіемъ времени онъ подчинился династическимъ требованіямъ и женился во второй разъ на неаполитанской принцессѣ Анунціатѣ, бракъ съ которой былъ очень счастливый. Новая эрцгерцогиня дѣлила съ нимъ всѣ его заботы по многочисленнымъ филантропическимъ учрежденіямъ, которыя онъ создалъ

¹⁾ Ma mission à Ems, par le comte Benedetti, Revue de Paris, 1895, 15 septembre.

²⁾ Les medecins allemands pendant la guerre 1870—1871. — La Chronique Medicale, septembre.

³⁾ Souvenirs de 1870: le siege et la prise de Toul. Journal de Debats, 23 septembre.

⁴⁾ The future Emperor King, by miss Edith Sellers. «Temple Bar», september.

во всѣхъ частяхъ Австріи, такъ какъ, обладая громаднымъ состояніемъ, унаслѣдованнымъ отъ итальянской вѣтви своей семьи, эрцгерцогъ Карлъ-Людвигъ не только щедро помогаетъ бѣднымъ, но и всячески старается разумными благотворными мѣрами предупредить распространеніе пауперизма. Въ 1871 году снова постигло его горе, и эрцгерцогиня Анунціата неожиданно умерла, но спустя два года, къ общему изумленію, онъ женился въ третій разъ и теперь уже самъ выбралъ себѣ невѣсту, Марію-Терезію дочь, донна Мигуэля, претендента на португальскій престолъ. Это была прелестная семнадцатилѣтняя дѣвушка, соединявшая въ себѣ, по словамъ авторши статьи въ «Temple Bar», дѣтскую простоту съ царственнымъ величіемъ и блестящимъ умомъ. Всѣ въ Вѣнѣ уже давно съ восторгомъ привѣтствуютъ въ этой очаровательной женщинѣ свою будущую императрицу, хотя сомнительно покачиваютъ головой, когда рѣчь заходитъ о будущемъ императорѣ, и жалѣютъ, что Марія-Терезія отговорила его отказаться отъ своихъ правъ на престолъ въ пользу своего сына, какъ онъ намѣревался сдѣлать по смерти эрцгерцога Рудольфа.

СМѢСЬ.

ЯТИСОТЛѢТІЕ перенесенія въ Москву чудотворной Владимірской иконы Божіей Матери, исполнившееся 26 августа, было торжественно отпраздновано церковными церемоніями. Чудотворная икона получила свое названіе отъ города Владиміра, гдѣ она пребывала до перенесенія въ Москву. О первоначальной судьбѣ иконы преданіе гласитъ, что, написанная св. евангелистомъ Лукою, она до половины пятого столѣтія находилась въ Іерусалимѣ; затѣмъ, при императорѣ Θεодосіи Младшемъ, перенесена въ Константинополь и пребывала тамъ весьма долгое время, пока, въ половинѣ двѣнадцатаго столѣтія, не была привезена въ Кіевъ, откуда сынъ Юрія Долгорукаго, князь Андрей Боголюбскій въ 1160 году перенесъ ее во Владиміръ и поставилъ тамъ въ устроенномъ имъ же Успенскомъ соборѣ, украсивъ окладомъ изъ чистаго золота (вѣсомъ до 30 фунтовъ), усыпаннымъ драгоценными камнями и жемчугомъ. Этотъ окладъ сохранялся на иконѣ до 1237 года, когда былъ похищенъ съ нея татарами, взявшими въ томъ году и разграбившими Владиміръ. Впрочемъ вскорѣ великимъ княземъ Георгіемъ Ярославичемъ былъ устроенъ новый драгоценный окладъ. Кѣмъ устроенъ теперешній окладъ на иконѣ, неизвѣстно, но онъ стоитъ громадныхъ денегъ — до 200,000 рублей: весь изъ чистаго золота, украшенъ драгоценными камнями, среди которыхъ есть такія рѣдкости, какъ, напримѣръ, изумрудъ въ 80,000 рублей. Пробывъ во Владимірѣ 235 лѣтъ, икона 26 августа 1395 года была перенесена въ Москву по повелѣнію в. к. Василія Дмитріевича во время нашествія Тамерлана и поставлена въ Успенскомъ соборѣ. Сохранилась легенда о томъ, что въ этотъ же день Тамерланъ со всѣмъ своимъ войскомъ, простоявъ предъ тѣмъ 15 дней на берегахъ Оки, не начиная военныхъ дѣйствій, снялся съ лагерья и ушелъ въ Орду вслѣдствіе бывшаго ему во снѣ видѣнія предводившей немѣтнмымъ воинствомъ Богоматери, окруженной множествомъ христіанскихъ

святителей. Въ память такого чудеснаго избавленія установлено было 26 августа ежегодно торжественно праздновать Божіей Матери, срѣтенію чудотворной иконы ея—Владимірской. На мѣстѣ срѣтенія устроенъ былъ храмъ и монастырь, куда и положено было совершать на будущее время въ день 26 августа крестный ходъ къ Успенскаго собора. Новоустроенный монастырь получилъ названіе Срѣтенскаго. Въ 1480 году установленъ былъ другой крестный ходъ сюда и новое празднество въ честь Владимірской Божіей Матери—23 іюня. Поводомъ къ установленію этого хода и празднества было опять чудесное избавленіе Москвы отъ татарскаго хана Ахмата. Въ 1514 году по случаю поновленія чудотворной иконы былъ установленъ третій крестный ходъ въ Срѣтенскій монастырь—21 мая, въ 1521 году этотъ послѣдній и празднество получили еще большее значеніе, такъ какъ съ ними стало соединяться воспоминаніе опять таки чудеснаго, помощью Богоматери, избавленія въ этомъ году отъ татаръ Казанскихъ, Крымскихъ и Ногайскихъ, предводимыхъ ханомъ Махмедъ-Гиреемъ. Всѣ эти три хода существуютъ и теперь, только послѣдній—21 мая—съ 1695 совершается не въ Срѣтенскій монастырь, а во Владимірскую церковь, у Никольскихъ воротъ, построенную царицею Натальей Кирилловной Нарышкиной. До 1812 года чудотворная Владимірская икона пребывала безъисходно въ Москвѣ. Въ этомъ году она была по высочайшему повелѣнію предъ вступленіемъ въ столицу непріятеля увезена преосвященнымъ Августинимъ во Владиміръ, а затѣмъ въ Муромъ. 20 октября, по изгнаніи изъ Москвы французовъ, преосвященный возвратился сюда съ чудотворной иконой, которая, такъ какъ разоренный французами Успенскій соборъ еще не былъ очищенъ и освященъ, на время была поставлена въ Срѣтенскомъ монастырѣ. Въ слѣдующемъ 1813 г. она была по освященіи Успенскаго собора перенесена туда и тамъ доселѣ пребываетъ на лѣвой сторонѣ отъ царскихъ вратъ. Размѣры иконы невелики: 7 вершковъ вышины и 5³/₄ вершка ширины. Какъ написанная св. евангелистомъ Лукою и окруженная славою многихъ чудотвореній, св. икона Владимірская всегда была предметомъ особаго благоговѣнія Москвы.

Столѣтіе со дня кончины И. И. Бецкаго исполнилось 31-го августа. Периодическая печать оказалась весьма внимательною къ памяти почившаго и какъ календари, такъ и газеты и журналы заблаговременно напомнили о ней читателямъ, помѣстивъ на своихъ страницахъ біографическіе очерки знаменитаго дѣятеля.

Пятидесятилѣтіе со дня кончины графа Е. Ф. Канкринна исполнилось 9-го сентября. Въ настоящее время истекло авторское право на сочиненія покойнаго, и русская читающая публика могла бы надѣяться на изданіе полного ихъ собранія, по возможности въ русскомъ переводѣ, а не въ нѣмецкомъ подлинникѣ.

Пятидесятилѣтіе со дня кончины Н. И. Хмельницкаго исполнилось 8-го сентября. Считаемо не лишнимъ напомнить въ краткихъ чертахъ біографію этого замѣчательнаго писателя, вліяніе котораго на Грибоѣдова еще не достаточно оцѣнено нашей критикой. Прямой потомокъ знаменитаго малороссійскаго гетмана, Зиновія-Богдана Хмельницкаго, и сынъ доктора философіи Кенигсбергскаго университета, Николай Ивановичъ Хмельницкій родился въ Петербургѣ 11-го августа 1789 года. Послѣ блестящаго домашняго образованія и воспитанія, онъ поступилъ въ горный корпусъ, гдѣ съ полнымъ успѣхомъ окончилъ курсъ наукъ. Обладая врожденною страстью къ литературѣ, онъ не отдался ей всецѣло; по обычаю того времени, онъ поступилъ на службу, состоялъ въ рядахъ арміи во время войны 1812 года, занималъ различныя должности въ иностранной коллегіи, министерствахъ юстиціи и внутреннихъ дѣлъ, при графѣ Милорадовичѣ, и самостоятельный постъ губернатора смоленскаго и архангельскаго, и вездѣ обращалъ на себя вниманіе, какъ человекъ, вносящій во всякое дѣло серьезный трудъ

и безпристрастіе. Въ особенности Смоленскъ многимъ обязанъ Н. И. Хмельницкому. Благодаря его неуныннымъ трудамъ и заботамъ, разоренный городъ доведенъ былъ до возможнаго благоустройства: сооружена церковь, открыта публичная бібліотека, разведены сады, приведены въ порядокъ полиція и пожарная команда; тамъ же устроена и первая провинціальная выставка мануфактурныхъ и промышленныхъ издѣлій. Еще болѣе плодотворною представляется дѣятельность Хмельницкаго на поприщѣ литературы. На это послѣднее онъ выступилъ еще въ юношескомъ возрастѣ, переведя трагедію Белоя «Зельмира». Попытка оказалась неудачною. Послѣ продолжительнаго перерыва, напавъ, наконецъ, на свойственный его таланту путь, Н. И. Хмельницкій появился впервые передъ публикой въ 1817 году съ комедіей «Говоруны». Написанная прекрасными, живыми стихами, исполненная игривой, безобидной шутливости, пьеса эта сразу приобрѣла себѣ громкій успѣхъ. Осенью того же года появляется другая его пьеса «Шалости влюбленныхъ»; въ началѣ слѣдующаго года онъ сочиняетъ сцену для комедіи князя Шаховскаго и Грибоѣдова «Своя семья», а среди лѣта издаетъ уже «Воздушные замки», окончательно устанавливающіе репутацію и популярность Хмельницкаго. Поставленный вскорѣ водевиль «Новыя шалости, или театральное сраженіе» имѣлъ такой необычайный успѣхъ, подобнаго которому никто изъ зрителей не помнилъ. Съ каждою новою пьесой, появляшеюся ежегодно на сценѣ, успѣхъ и слава автора быстро и неудержимо поднимались въ гору. Всѣ комедіи и водевиль Хмельницкаго вышли отдѣльнымъ изданіемъ въ 1829 году; посмертное полное собраніе его сочиненій появилось въ 1849 году. Здѣсь добрую и лучшую половину всего занимаютъ переводы и передѣлки съ французскаго. Однако этими мелкими, оригинальными и переводными пьесками Хмельницкаго далеко еще не исчерпываются заслуги его предъ нашею литературой и обществомъ. Онъ перевелъ два лучшихъ созданія Мольеровскаго генія — «Тартюфа» и «Школу женщинъ», которыми въ теченіе полулѣтня цѣлѣня поколѣнія русскихъ людей восхищались со сцены. Наконецъ, Хмельницкій имѣетъ право на признательность потомковъ еще за одну заслугу — за разработку нашего языка. Посвятивъ этому немало времени и труда, онъ достигъ блестящихъ результатовъ. Тяжеловѣсный шестистопный ямб приобрѣлъ у Хмельницкаго легкость и непринужденность чисто разговорную; стихъ его движется бойко, живо, онъ гибокъ, податливъ, всегда мѣтокъ и изященъ. Поэтому можно смѣло сказать, что знаменитый волевилисть, счастливо разрѣшивъ задачи стихотворной формы, тѣмъ самымъ значительно облегчилъ путь въ этомъ направленіи для своихъ послѣдователей, въ томъ числѣ и Грибоѣдова, легкости, свободы и живости стиха котораго мы такъ удивляемся и по настоящій день. Здоровье Хмельницкаго, и смолоду не особенно крѣпкое, совсѣмъ разстроилось вслѣдствіе частыхъ переѣздовъ и непосильнаго труда. Лѣченіе на мѣстѣ и даже за границей не принесло желанныхъ результатовъ, и 8-го сентября 1845 года Хмельницкій скончался, занявъ одну изъ видныхъ страницъ въ исторіи русской литературы и театра.

Семидесятипятилѣтіе [лицея въ Нѣжинѣ. 4 сентября исполнилось семьдесятъ пять лѣтъ со дня открытія въ городѣ Нѣжинѣ учебнаго заведенія, сначала названнаго «гимназіей высшихъ наукъ», а потомъ переименованнаго въ «лицей князя Безбородко». На долю этого учебнаго заведенія, несмотря на сравнительно недолгое его существованіе, выпала любопытная исторія. Подобно П. Г. Демидову, основателю «училища высшихъ наукъ въ Ярославлѣ», графъ Илья Андреевичъ Безбородко 19 іюля 1805 г. подалъ императору Александру I всеподданнѣйшую записку, въ которой объяснялъ, что, желая исполнить предсмертную волю покойнаго брата, свѣтлѣйшаго князя А. А. Безбородко, назначившаго доходы со своихъ имѣній «въ пользу бого-

угодныхъ заведеній», онъ проситъ высочайшаго соизволенія «устроить въ Малороссіи на счетъ сего пожертвованія училище высшихъ наукъ», причемъ прибавилъ: «я полагаю отъ себя дать подъ означенное училище навсегда мѣсто съ садомъ, принадлежащее мнѣ въ городѣ Нѣжинѣ». Эта просьба скоро удостоилась высочайшаго одобренія. Но постройка зданія, специально предназначеннаго для училища, а затѣмъ долгое разсмотрѣніе устава для новаго учебнаго заведенія отсрочили его открытіе на нѣсколько лѣтъ. Только 19 апрѣля 1820 г. послѣдовалъ высочайшій рескриптъ объ учрежденіи въ Нѣжинѣ «гимназіи высшихъ наукъ», вслѣдствіе чего она и была открыта 4 сентября того же года. Въ теченіе двѣнадцати лѣтъ со дня своего открытія это учебное заведеніе могло назваться «энциклопедическою гимназіей». Въ ея программу, при девятилѣтнемъ курсѣ, были включены равнообразныя науки: филологическія, математическія, юридическія и философскія. Съ такою смѣшанною программой она существовала до 1832 года, а затѣмъ послѣдовательно становилась то однимъ, то другимъ специальнымъ учебнымъ заведеніемъ. Такъ, съ 7 октября 1832 года «нѣжинская гимназія высшихъ наукъ» была преобразована въ «лицей князя Вевородко», въ видѣ физико-математическаго факультета, съ постепеннымъ закрытіемъ гимназическихъ классовъ. Но, спустя восемь лѣтъ, этому заведенію пришлось испытать новую реформу: 24 апрѣля 1840 года, по высочайшему указу, лицеемъ князя Вевородко указана главная цѣль—«распространеніе основательныхъ свѣдѣній по части отечественнаго законодательства»,—и онъ сдѣлался провинціальнымъ рассадникомъ юридическаго образованія, причемъ снова была восстановлена гимназія, «какъ пріуготовительное къ поступленію въ лицей заведеніе». Въ такомъ двойственномъ видѣ нѣжинскому лицееу суждено было пережить наиболѣе долгій періодъ и, наконецъ, встрѣтить послѣднее преобразование: 14 сентября 1875 года на мѣстѣ юридическаго лица открытъ уже «историко-филологическій институтъ», который и до сихъ поръ существуетъ въ Нѣжинѣ, имѣя задачу—готовить своихъ питомцевъ къ педагогической дѣятельности. Изъ прежнихъ воспитанниковъ лица можно указать на Н. В. Гербея и А. С. Аванасьева (Чужбинскаго).

Двадцатипятилѣтіе существованія Демидовскаго юридическаго лица въ Ярославлѣ исполнилось 30 августа. Юридическій лицей образовался въ «Ярославскаго Демидовскаго высшихъ наукъ училища», возникшаго въ 1805 г. на средства П. Г. Демидова, пожертвовавшаго на учрежденіе въ Ярославлѣ высшаго учебнаго заведенія для немущихъ мѣстныхъ дворянъ 3,578 душъ въ Ярославской губерніи и сто тысячъ рублей.

25-тилѣтіе гимназіи при Императорскомъ С.-Петербургскомъ историко-филологическомъ институтѣ исполнилось 26-го августа. На юбилейномъ празднествѣ присутствовали: министръ народнаго просвѣщенія графъ И. Д. Деляновъ, директоръ института, преподаватели и учащіеся гимназіи, съ завѣдующимъ гимназіей М. И. Аквилоновымъ во главѣ, бывшіе воспитанники и мн. др. Въ 1 часъ дня всѣ собрались въ актовомъ залѣ гимназіи. Сперва была прочитана историческая записка о гимназіи а затѣмъ благодарственными гимназіи совершено было благодарственное молебствіе. Вечеромъ, въ одномъ изъ ресторановъ, состоялся товарищескій обѣдъ, во время котораго старѣйшимъ преподавателямъ гимназіи, состоящимъ въ ней на службѣ съ открытія ея, протоіерею І. Я. Образцову, преподавателю нѣмецкаго языка Р. К. Зоммеру и преподавателю математики А. В. Фортунатову,—товарищи поднесли альбомы съ фотографіями. Предположеніе объ учрежденіи гимназіи собственно относится еще къ 1867 г., т. е. ко времени основанія историко-филологическаго института, § 25 устава коего предусматривалъ открытіе при институтѣ классической гимназіи съ двумя древними языками для проходящихъ учениковъ, которая служила бы практическою школою въ преподаваніи для студентовъ института; и дѣйствительно 7 апрѣля

1870 г. состоялось высочайшее повелѣніе объ учрежденіи гимназій вмѣстѣ съ положеніемъ о ней. Относительно организаціи учебной части гимназій подчиняется общему порядку, но въ виду тѣсной связи ея съ институтомъ, съ которымъ она должна составлять одно учебно-воспитательное заведеніе, гимназія съ самаго начала была изъята изъ вѣдѣнія учебнаго округа и, находясь въ завѣдываніи одного изъ наставниковъ-руководителей, подчинена въ административномъ отношеніи директору института, а въ дѣлахъ, касающихся учебной и воспитательной части, конференціи института. Назначеніе гимназій—доставлять практическія занятія педагогическаго свойства студентамъ института четвертаго курса, которымъ поручается преподаваніе въ гимназій тѣхъ предметовъ гимназическаго обученія, которые входятъ въ составъ спеціальныхъ ихъ занятій въ институтѣ и въ преподаванію которыхъ они преимущественно предназначаются въ будущемъ. Это преподаваніе состоитъ въ пробныхъ урокахъ, примыкающихъ къ непосредственно предшествовавшимъ урокамъ наставниковъ-руководителей, такъ что ими не производится никакого перерыва или нарушенія правильнаго хода гимназическихъ занятій. На ряду съ этимъ гимназія никогда не имѣла цѣлью готовить будущихъ студентовъ для института, предоставляя своимъ воспитанникамъ свободный выборъ высшихъ учебныхъ заведеній для продолженія образованія: такъ, изъ 227 воспитанниковъ гимназій, окончившихъ въ ней до нынѣшняго года курсъ, въ институтъ поступило только 8. Открытіе гимназій состоялось 26 августа 1870 г. въ составѣ приготовительнаго и первыхъ двухъ классовъ, при наличности 83 учениковъ и 13 лицъ учебно-воспитательнаго персонала, къ началу 1875—1876 учебнаго года она уже имѣла 7-миклассный составъ, а въ 1879—1880 учебномъ году и 8-миклассный. Къ этому времени было расширено помѣщеніе гимназій, которая въ настоящее время занимаетъ 9 отдѣльныхъ классныхъ комнатъ, рекреационный залъ и комнату для преподавателей съ кабинетомъ завѣдующаго гимназіею; кромѣ того, имѣются отдѣльные помѣщенія для бібліотеки и физическаго кабинета. Помѣщенія гимназій не отличаются обширными размѣрами и въ силу этого, а равно и спеціальнаго назначенія гимназій, норма числа учащихся опредѣлена для каждаго класса въ 32 человѣка. Учебныя пособія гимназій въ настоящее время доведены до слѣдующаго состоянія: 1) бібліотека гимназій содержитъ въ себѣ а) фундаментальная—2,368 названій въ 5,169 томахъ и б) ученическая—354 названія въ 498 томахъ; 2) физическій кабинетъ содержитъ 245 экземпляровъ различныхъ, частію весьма цѣнныхъ, приборовъ. Число учащихся при полномъ составѣ гимназій колебалось между 175 и 230, рѣдко переходя въ отдѣльныхъ классахъ назначенную норму. Въ минувшемъ учебномъ году въ гимназій состояло 185 учащихся.

Двадцатипятилѣтіе Императорской Николаевской гимназій. 8-го сентября Императорская Николаевская гимназія въ Царскомъ Селѣ праздновала двадцатипятилѣтіе своего существованія и своей храмовой правдникъ Рождества Богородицы. Въ церкви гимназій была совершена торжественная литургія, за которой пѣлъ хоръ гимназистовъ. Служилъ старѣйшій изъ законоучителей въ Царскомъ Селѣ протоіерей Павловскій съ 6-ю священниками. Къ обѣдѣ прибылъ е. и. в. великій князь Владиміръ Александровичъ. Въ церкви находился весь персоналъ гимназій и ученики во главѣ съ директоромъ Л. А. Георгіевскимъ. Изъ Петербурга пріѣхали на праздникъ: членъ совѣта министерства народнаго просвѣщенія т. с. Георгіевскій, директоръ департамента того же министерства т. с. Аничковъ, попечитель Сиб. учебн. округа т. с. Капустинъ, его помощникъ д. с. с. Лаврентьевъ, окружной инспекторъ д. с. с. Муромцевъ, начальницы женской гимназій и духовнаго училища; изъ неучебнаго міра въ числѣ почетныхъ гостей были лейбъ-медикъ д. т. с. Эдекауеръ, сенаторъ Якобій и баронъ Розенъ, д. с. с. Соловьевъ, камергеръ Случевскій и все военное и городское начальство Царскаго Села и уѣздный

предводитель дворянства д. с. с. Ростовцевъ. Послѣ окончанія богослуженія произведена была раздача наградъ. Великій князь собственноручно вручалъ отличившимся похвальные листы и книги. Въ старшемъ классѣ окончилъ курсъ 19 человекъ, изъ нихъ 3 съ золотыми и 4 съ серебряными медалями. Въ числѣ привѣтствій были прочтены адреса отъ царскосельскаго духовнаго и царскосельскаго городского училищъ. Ученикъ 8-го класса Боролевскій привѣтствовалъ гимназію стихотвореніемъ, а затѣмъ была исполнена музыкальная пьеса, написанная ученикомъ гимназіи Остенъ-Сакеномъ; въ заключеніе оркестръ воспитанниковъ, совмѣстно съ гимназическимъ хоромъ пѣвчихъ, исполнилъ гимнъ, встрѣченный восторженнымъ «ура». Присутствовавшимъ на торжествѣ гостямъ былъ предложенъ обѣденный завтракъ, на которомъ были провозглашены тосты за здоровье Государя Императора, Государыни Императрицы, Наслѣдника Цесаревича, великаго князя Владиміра Александровича и августѣйшаго семейства его императорскаго высочества и много другихъ. Изъ составленнаго ко дню юбилея историческаго очерка заимствуемъ слѣдующія свѣдѣнія. Гимназія была открыта 8-го сентября 1869 года въ высочайшемъ присутствіи императора Александра II, наследника цесаревича и великихъ князей, въ томъ числѣ и присутствовавшаго нынѣ великаго князя Владиміра. Наслѣдникъ цесаревичъ, впоследствии императоръ Александръ III, собственноручнымъ рескриптомъ уведомилъ генераль-адъютанта Гогеля о принятіи съ высочайшаго разрѣшенія гимназіи подъ свое покровительство. Рескриптъ этотъ, вмѣстѣ съ другимъ рескриптомъ о высочайшемъ разрѣшеніи носить гимназістамъ шапки съ вензелевымъ изображеніемъ именъ императора Николая I и цесаревича Николая Александровича, хранится въ витринѣ подъ портретомъ покойнаго государя, который, въ бытность свою покровителемъ гимназіи, постоянно оказывалъ ей свое вниманіе, приславъ 29-го октября 1872 года въ даръ церкви гимназіи двѣ иконы: Спасителя, благословляющаго дѣтей, и Входъ Господень въ Иерусалимъ, подаривъ гимназіи одну изъ коллекцій естественныхъ наукъ, по которой самъ ѣкогда учился, и, по вступленіи на престолъ, оставивъ гимназію подъ своимъ покровительствомъ, повелѣвъ ей притомъ именоваться Императорской Николаевской. Почившій монархъ бывалъ неоднократно въ стѣнахъ гимназіи, а 6-го ноября 1888 года принималъ во дворцѣ всю въ полномъ составѣ учащихся и учащихъ, гимназію, которая поднесла его величеству икону. Съ 15-го апрѣля 1895 года гимназія принята подъ высочайшее покровительство нынѣ царствующаго Государя Императора. Общее число всѣхъ учившихся въ гимназіи за 25 лѣтъ было 1.323. Въ числѣ учителей гимназіи трое праздновали 25-лѣтіе своей службы въ ней: гг. Смирновъ, Алексѣевъ и Захаровъ; съ самаго основанія должности состоятъ въ ней инспекторомъ г. Фамилъантъ. Гимназія имѣетъ бібліотеку слишкомъ въ 6.000 томовъ и кабинетъ физическій и естественный.

Открытіе памятника Императору Александру II въ Казани. 30-го августа въ Казани торжественно освященъ и открытъ памятникъ императору Александру II. Памятникъ поставленъ на Ивановской площади предъ зданіемъ городской думы. Фигура императора, имѣющая въ высоту 4 арш. 9 вер., отлита изъ бронзы и оксидирована въ темно-зеленоватый цвѣтъ. Императоръ, лицомъ обращенный къ Казанской крѣпости и городскимъ святынямъ: каедральному собору, Казанскому Богородицкому монастырю, Спасской башнѣ и пр., изображенъ съ открытою головою, въ обще-генеральскомъ мундирѣ, съ порфирой на плечахъ. Правая рука приложена къ сердцу, а лѣвая покоится на скипетрѣ и коронѣ. Пьедесталь сдѣланъ изъ финляндскаго гранита, съ четырехъ сторонъ сторонъ его вѣданы мраморныя доски, съ золотыми надписями: на лицевой сторонѣ, обращенной къ Спасской башнѣ Казанскаго кремля: «Александру II Царю Освободителю», далѣе «Царю Законодателю», «Царю Преобразователю» и «Царю Просвѣтителю».

Подъ послѣднею надписью стоитъ годъ, мѣсяць, число открытія памятника и къмъ и на какія средства онъ сооруженъ. Сверху каждой доски помѣщены короны, и по бокамъ на углахъ пьедестала вѣнки; въ нижней его части по угламъ поставлены драконы (составляющіе гербъ Казани) съ вѣнками, соединенными между собою гирляндами. Нижний постаментъ памятника, ступени, сдѣланъ изъ камня каменоломень Сентиглеевскаго уѣзда, Симбирской губерніи. Весь памятникъ имѣетъ въ вышину около 10 аршинъ и поставленный на открытомъ мѣстѣ имѣетъ величественный видъ. Средства на памятникъ собраны путемъ подписки между частными лицами и общественными и земскими учреждениями; изъ послѣднихъ наибольшія суммы подписаны: городскою думою 10,000 руб. и губернскимъ земствомъ 5,500 рублей. Всего собрано 44,105 руб. 21 коп. и израсходовано 43,856 руб. 31 коп. Мысль объ увѣковѣченіи памяти монарха явилась у казанцевъ тотчасъ вслѣдъ за мученической кончиной императора Александра II. Въ апрѣлѣ 1881 года, съ надлежащаго разрѣшенія, по Казанской губерніи была объявлена подписка на сооруженіе памятника; вмѣстѣ съ тѣмъ, на улицахъ Казани были помѣщены кружки для сбора безымянныхъ пожертвованій. Такимъ путемъ черезъ нѣсколько лѣтъ составила вышеозначенная денежная сумма. Вслѣдъ за тѣмъ былъ составленъ комитетъ по сооруженію памятника и объявленъ конкурсъ для представленія проектовъ. На призывъ комитета откликнулось 13 художниковъ, и въ январѣ мѣсяцѣ 1890 года представленны ими проекты были выставлены для обозрѣнія въ домѣ городской думы. При этомъ посѣтителемъ предлагалось высказать свое мнѣніе, для чего около каждого проекта находилась кружка, куда всякій могъ опустить билетикъ съ надписью: «одобряю». Большинство такихъ билетиковъ получилъ проектъ подъ девизомъ «Великому». Проектъ этотъ оказался принадлежащимъ академику В. О. Шервуду, по мысли котораго былъ сооруженъ памятникъ Александру II въ Самарѣ. Комитетъ по сооруженію памятника въ свою очередь тоже остановился на вышеозначенномъ проектѣ, который въ скоромъ времени послѣ этого удостоился высочайшаго утвержденія. Къ концу 1893 года памятникъ былъ готовъ и черезъ нѣсколько времени послѣ этого привезенъ въ Казань. Приведеніе въ порядокъ Ивановской площади, установка памятника заняли нѣсколько мѣсяцевъ, и только въ концѣ осени 1894 года можно было приступить къ открытію, которое съ высочайшаго соизволенія было назначено на 22-е октября 1894 года; но внезапная кончина императора Александра III заставила отложить предположенное торжество до 30-го августа текущаго года. Почти за двѣ недѣли до открытія начались въ Казани приготовления. Въ городской управѣ была для нихъ открыта особая канцелярія. Начали съѣзжаться приглашенные гости, депутаты отъ разныхъ общественныхъ и частныхъ учреждений. Имѣя въ виду тѣсноту Ивановской площади и предполагаемое скопленіе народа въ день открытія, была установлена выдача билетовъ для входа на площадь. Въ одинъ день было роздано ихъ нѣсколько тысячъ, такъ что потребовалось новое печатаніе; и все-таки въ концѣ-концовъ билетовъ не хватило на всѣхъ желающихъ. 30-го августа съ ранняго утра весь городъ украсился флагами, и громадныя толпы народа, несмотря на холодную съ вѣтромъ погоду, со всѣхъ сторонъ города устремились на Ивановскую площадь. Для публики были отведены особыя мѣста, выстроены трибуны, куда пропускъ былъ только по билетамъ, которыхъ роздано было до 3,000. Начальствующія лица и депутаты спѣшили въ кафедральный соборъ на литургію, которую совершалъ казанскій архіепископъ Владиміръ въ сослуженіи епископовъ Анастасія — Чебоксарскаго и Алексія — Балахнинскаго и высшаго городского духовенства. Въ то же время воспитанники высшихъ, среднихъ и нѣкоторыхъ низшихъ учебныхъ заведеній, а также войска прибывали на Ивановскую площадь и разставлялись въ стройномъ порядкѣ на видныхъ мѣстахъ

вокругъ памятника. Окружающія площадь зданія были всё завѣшаны флагами и зеленью. Особенно красиво рѣяли въ воздухѣ развѣшанные во множествѣ мелкіе флаги на протянутыхъ черезъ всю площадь съ городскихъ зданій на Спасскую башню веревкахъ. Въ 12-ть часовъ, по окончаніи литургіи, процессія вышла изъ кафедральнаго собора, протянулась по крыльцу, выходя на Ивановскую площадь — впереди конные полицейскіе, за ними фонарь и двѣ хоругви, несомыя членами общества хоругвеносцевъ, далѣе—представители ремесленнаго общества со значками, а ремесленный голова съ жезломъ, за ними разныя депутаціи отъ духовно-учебныхъ заведеній, затѣмъ опять хоругви, иконы, потомъ депутаціи отъ крестьянскихъ обществъ, дума въ полномъ составѣ, депутаціи отъ различныхъ обществъ, учреждений и сословій съ вѣнками въ рукахъ, духовенство, дворянство, высшія начальствующія лица и въ концѣ полурота солдатъ. Вся процессія растянулась едва не на полверсты. Въ это же время изъ Казанскаго дѣвичьяго монастыря приблизилась другая процессія съ иконой Божіей Матери, и обѣ процессіи соединились въ виду памятника. По занятіи участвующими въ процессіи назначенныхъ имъ мѣстъ было приступлено къ совершенію молебствія съ провозглашеніемъ многолѣтія государю императору Николаю Александровичу и всему царствующему дому. По совершеніи молебствія была отслужена панихида по въ Божѣ почивающемъ императорѣ Александрѣ Николаевичѣ и, когда протодіаконъ провозгласилъ вѣчную память императору Александру II, городской голова, поклонившись въ землю, дернулъ за особую веревку: полотно, закрывавшее памятникъ, спало, и глазамъ зрителей открылась величественная фигура памятника. Грянулъ пушечный выстрѣлъ, раздались звонъ колоколовъ, заиграла музыка, и вырвалось мощное, несущееся волной, «ура» тридцатитысячной толпы народа. Начали подходить депутаціи и возлагать вѣнки къ подножію памятника; всего возложено вокругъ памятника до 80 вѣнковъ — серебряныхъ, металлическихъ и изъ живыхъ цвѣтовъ. Особенно выдѣлялись изяществомъ и цѣнностью вѣнки отъ судебного вѣдомства, Казанскаго университета, отъ дворовыхъ людей и пр. Вниманіе всѣхъ обратили на себя неожиданно явившіеся убѣленные сѣдинами старики-крестьяне въ простыхъ кафтанахъ и лаптяхъ, возложившіе съ благоговѣніемъ простой вѣнокъ изъ колосьевъ ржи, овса и ячменя, навѣтый на обыкновенный тальниковый кругъ. По окончаніи церемоніи возложенія вѣнковъ къ памятнику подходили и кланялись воспитанники учебныхъ заведеній, церемоніальнымъ маршемъ съ музыкой проходили войска, и допущенъ былъ къ памятнику народъ. Хоръ изъ 500 мальчиковъ начальныхъ училищъ нѣсколько разъ пропѣлъ «Славься, славься русской царь». Площадь весь день до 11-ти часовъ ночи, когда кончилась иллюминація, была запружена народомъ, которому во множествѣ раздавались брошюры, посвященныя памяти покойнаго императора. Бѣднякамъ отпускались изъ всѣхъ городскихъ столовыхъ и чайныхъ бесплатныя обѣды и чай. Во многихъ мѣстахъ происходили бесплатныя народныя чтенія. Вечеромъ городъ былъ иллюминированъ. Въ 8½ часовъ вечера состоялось экстренное засѣданіе думы, открытое рѣчью городского головы С. В. Дьяченко, посвященною памяти покойнаго императора, длившаяся около часа и завершившаяся пѣніемъ хоромъ архіерейскихъ пѣвчихъ народнаго гимна. Затѣмъ были прочитаны присланныя изъ разныхъ городовъ привѣтственные телеграммы и адреса думъ явившимися депутаціями иногородними и городскими отъ различныхъ обществъ и учреждений. Засѣданіе думы закрыто при выраженіяхъ горячей благодарности думы и присутствующей публики городскому головѣ г. Дьяченко за энергичное веденіе дѣла сооруженія памятника. Послѣ засѣданія въ залахъ думы былъ раутъ, на который было разослано приглашеніе до 500 лицамъ. Учащіеся всѣхъ учебныхъ заведеній, не исключая и университета, освобождены отъ занятій на три дня.

Открытіе памятника императору Александру III. 30-го августа, въ день празднованія св. благовѣрнаго великаго князя Александра Невскаго и тезоименитства въ Бовѣ почившаго государя императора Александра III, 145-й пѣхотный новочеркасскій имени его величества императора Александра III полкъ праздновалъ свой полковой праздникъ и открытіе памятника своему въ Бовѣ почившему шефу, сооруженнаго чинами полка. Утромъ, по случаю праздника, чины полка присутствовали на литургіи въ полковой церкви, и затѣмъ полкъ направился на полковой дворъ, гдѣ на площадкѣ между казармами построился со всѣми четырьмя знаменами въ батальонныхъ колоннахъ 3-мя фасадами. Среди площадки разбитъ круглый цвѣтникъ, окруженный барьеромъ, соединеннымъ цѣпами. Посреди цвѣтника возвышался сооруженный памятникъ, покрытый пеленой. По совершеніи полковымъ священникомъ молебствія, когда діаконъ возгласилъ многолѣтіе государю императору и царствующему дому, а затѣмъ вѣчную память императору Александру III, и пѣніе огласило площадку, полкъ опустился на колѣни, съ памятника упала бѣлая пелена, и глазамъ присутствовавшихъ предсталъ брововый бюстъ почившаго шефа на изящномъ сѣромъ гранитномъ постаментѣ, на которомъ можно было прочесть золотыми буквами «Августѣйшій шефъ полка императоръ Александръ III». Передъ памятникомъ новочеркасцы прошли попоудутно церемониальнымъ маршемъ. Затѣмъ былъ поданъ пробный столъ, командиръ полка, полковникъ Вороновъ, прочиталъ передъ полкомъ пріѣтственную телеграмму главнокомандующаго войсками с.-петербургскаго округа великаго князя Владиміра Александровича и, по вѣятіи полкомъ на караулъ, принявъ чарку, пилъ здоровье государя императора, государыни императрицы, наследника цесаревича, августѣйшаго главнокомандующаго войсками великаго князя Владиміра Александровича и всего царствующаго дома. Восторженное, долго несомолкавшее «ура!» и звуки гимна, а затѣмъ марши покрывали тосты. Затѣмъ слѣдовали тосты за здоровье командира корпуса, другихъ начальствующихъ лицъ и за здоровье полка, который по случаю своего праздника получилъ массу похвальныхъ телеграммъ съ разныхъ окраинъ Россіи. По окончаніи парада офицеры отбыли въ Александро-Невскую лавру, гдѣ присутствовали на торжественномъ богослуженіи. Въ 2½ часа состоялся въ офицерскомъ собраніи завтракъ, на которомъ провозглашали тѣ же тосты при громкомъ «ура» офицеровъ, читались полученные похвальные телеграммы, а одинъ изъ офицеровъ, поручикъ Шмитъ, прочиталъ свое стихотвореніе къ этому празднику. Нижніе чины полка получили праздничный обѣдъ, между тѣмъ какъ народъ осматривалъ памятникъ.

† О. А. Гиляровъ. 4-го августа, въ четыре часа утра, послѣ тяжелой и довольно продолжительной болѣзни, на 55-мъ году жизни скончался на своей дачѣ въ Химкахъ подъ Москвою Федоръ Александровичъ Гиляровъ. Сынъ священника Новодѣвичьяго монастыря, покойный получилъ первоначальное образованіе въ Московской семинаріи, по выходѣ изъ которой поступилъ на словесный факультетъ Московскаго университета, гдѣ и окончилъ въ 1866 году курсъ однимъ изъ первыхъ. Прямо съ университетской скамьи онъ выступилъ на поприще педагогической дѣятельности. Уроки въ частныхъ домахъ и пансіонахъ быстро пріобрѣли ему извѣстность въ Москвѣ, и вскорѣ ему предложено было занять мѣсто преподавателя русской словесности въ Александровскомъ военномъ училищѣ. Тогдашній недостатокъ въ учебникахъ русской грамматики заставлялъ покойнаго и его со товарищей по предмету прибѣгать къ составленію собственныхъ записокъ по этимологіи и синтаксису русскаго языка; записки эти улучшались соотвѣтственно съ практикой, и постепенно изъ нихъ вырабатывались настоящіе учебники, вполне отвѣчающіе всей сложности предъявляемыхъ къ нимъ требованій. Такимъ путемъ возникъ и составленный покойнымъ въ

семидесятихъ годахъ совмѣстно съ А. И. Кирпичниковымъ учебникъ русской этимологіи, сразу сдѣлавшійся однимъ изъ наиболее распространенныхъ и популярныхъ, а также и «Русская хрестоматія для нѣвскихъ классовъ гимназій». Кроме того, покойнымъ составлены и изданы: «Сборникъ для чтенія и письменныхъ упражненій», «Историческія и повѣстическія сказанія о Русской землѣ въ хронологическомъ порядкѣ событій», «Этимологія церковно-славянскаго языка», «Преданія русской начальной лѣтописи», очеркъ «Царство сербское» и азбука подъ заглавіемъ «Школа родного языка». Состоя нѣкоторое время членомъ общества любителей россійской словесности, Ѳ. А. не мало содѣйствовалъ его дѣятельности въ разработкѣ вопроса о древне-русскихъ лѣтописяхъ и изслѣдованіяхъ церковно-славянскаго языка. Съ конца семидесятихъ годовъ покойный выступилъ на публицистическое поприще, работая въ «Современныхъ Извѣстіяхъ», издававшихся его дядею Н. П. Гиляровымъ-Платоновымъ, въ которыхъ былъ также въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ соредакторомъ, а затѣмъ сотрудничая въ нѣсколькихъ періодическихъ изданіяхъ, гдѣ печаталъ преимущественно описанія выдающихся историческими достопримѣчательностями мѣстностей и обзоры историческихъ журналовъ (въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ»). Въ 1888 году покойный предпринялъ свое собственное изданіе, извѣстное подъ названіемъ «Вѣстникъ литературный, политическій, научный, художественный съ афишами». Это изданіе не имѣло того успѣха и распространенія, которыхъ можно бы было ожидать при его обширной программѣ и большой опытности издателя. Оно сдѣлалось специально театральнымъ листкомъ, въ полномъ значеніи слова афишей, которая, кроме перечисленія именъ дѣйствующихъ лицъ и артистовъ, давала еще краткое содержаніе пьесъ, идущихъ въ тотъ день на сценахъ московскихъ театровъ. Платныхъ подписчиковъ у газеты было очень мало, но розничная продажа шла довольно хорошо, и ежедневный выпускъ «Вѣстника» никогда не былъ ниже 3—4 тысячъ экземпляровъ, такъ что изданіе приносило даже нѣкоторый доходъ. Во всякомъ случаѣ наибольшее значеніе имѣетъ первоначальная эпоха публицистической дѣятельности покойнаго, когда онъ писалъ и редакторствовалъ въ «Современныхъ Извѣстіяхъ». Это было время герцеговинскаго возстанія и послѣдовавшей за нимъ сербской и нашей войны съ турками за освобоженіе славянъ. Ѳ. А. Гиляровъ принималъ участіе во всѣхъ перипетіяхъ этого движенія русскаго общества и какъ публицистъ и какъ секретарь славянскаго благотворительнаго комитета, руководимаго И. С. Аксаковымъ. Вслѣдъ затѣмъ покойный посвятилъ себя вѣсестороннему изученію особенно усилившагося тогда нигилистическаго движенія, поскольку оно обнаруживало въ многочисленныхъ судебныхъ процессахъ, протоколы которыхъ, появляясь въ печати, давали ему обильный матеріалъ для такого изученія. Плодомъ этихъ занятій явился рядъ статей Ѳ. А. подъ заглавіемъ «Десять лѣтъ крамолы» (съ 1871—1881). Эти статьи авторъ предполагалъ впоследствии издать отдѣльно, дополнивъ ихъ тѣми свѣдѣніями о нигилистическомъ движеніи, которыя появились въ печати послѣ 1881 года. Эта работа уже произведена была покойнымъ, и только смерть помѣшала ей появиться въ свѣтъ. Сначала текущаго года покойный началъ писать свои воспоминанія, крайне интересныя, какъ въ бытовомъ, такъ и въ историческомъ значеніи, пользуясь дневниками, которые велъ со школьной скамьи. Покойнаго свела въ могилу инфлуэнца, осложнившаяся скоротечнымъ воспаленіемъ легкихъ, закончившимся разрывомъ сердца. Погребеніе тѣла Ѳ. А. состоялось 7-го августа на Пятницкомъ кладбищѣ въ Москвѣ, гдѣ погребены родственники покойнаго. Многочисленные некрологи, появившіеся въ изданіяхъ обѣихъ столицъ, отдають единодушную дань уваженія какъ ученымъ и публицистическимъ заслугамъ, такъ и высокимъ личнымъ качествамъ покойнаго.

† Н. А. Бѣлоголовый. 6-го сентября въ Москвѣ скончался докторъ меди-

щины Николай Андреевичъ Бѣлоголовый, пользовавшійся репутаціей опытнаго врача-практика, хорошо свѣдущаго какъ въ постановкѣ діагноза, такъ и въ лѣченіи преимущественно внутреннихъ болѣзней. Сынъ иркутскаго купца, онъ родился въ г. Иркутскѣ 4-го октября 1834 г. и получилъ первоначальное воспитаніе въ Сибири подъ руководствомъ декабристовъ, изъ которыхъ съ нѣкоторыми поддерживалъ дружескія отношенія и впоследствии. Въ 1846 г. Н. А. были привезены въ Москву и отданы въ пансіонъ Эннеса, гдѣ сблизился съ Боткинымъ, впоследствии знаменитымъ профессоромъ, и съ этихъ поръ завязалась между ними тѣсная дружба, продолжавшаяся до самой кончины Боткина. Въ 1850 г. Бѣлоголовый вмѣстѣ съ Боткинымъ поступилъ въ университетъ. Они избрали первоначально словесный факультетъ, но такъ какъ существовавшій въ то время комплектъ въ 300 студентовъ былъ исчерпанъ, оба рѣшились посвятить себя медицинѣ. Окончивъ курсъ въ 1855 г. со званіемъ лѣкаря, Н. А. отправился на родину, гдѣ получилъ мѣсто городского врача, затѣмъ врача окружнаго и наконецъ старшаго врача въ мѣстной больницѣ. Въ концѣ 50-хъ годовъ Н. А. пріѣхалъ держать экзаменъ на доктора медицины въ Москву. Въ это время дѣла отца его разстроились. Съ очень ограниченными средствами Н. А. поѣхалъ послѣ экзамена за границу писать диссертацию. Онъ писалъ ее два года. Выбирая для жизни самое дешевое мѣсто, онъ остановился на о. Рюгенѣ на Балтійскомъ морѣ, гдѣ нанялъ уголь въ лавкѣ мелочнаго торговца и, занимаясь составленіемъ диссертации, въ отсутствіе хозяина иногда долженъ былъ принимать покупателей. Въ 1862 г. появилась его диссертация въ Москвѣ подъ заглавіемъ «О васыиваніи солей кожею». По окончаніи этой работы, Н. А. намѣревался вернуться на родину, но не имѣлъ средствъ для поѣздки. Когда ему было предложено сопровождать герцога Лейхтенбергскаго въ Сибирь, онъ съ удовольствіемъ принялъ это предложеніе. Но на пути герцогъ заболѣлъ, и Н. А. возвратился обратно въ Петербургъ, гдѣ поселился, выйдя въ отставку, и оставался съ половины 60-хъ годовъ до 1881 г., выѣзжая впрочемъ за границу на нѣсколько мѣсяцевъ. Съ самаго начала Н. А. занялъ въ Петербургѣ одно изъ первыхъ мѣстъ въ медицинскомъ мірѣ, получилъ обширный кругъ пациентовъ и имѣлъ огромный въ немъ успѣхъ. Всегда живо интересуясь литературно-общественными вопросами, онъ сталъ въ близкія отношенія къ либеральнымъ литературнымъ кружкамъ Петербурга и особенно къ «Отечественнымъ Запискамъ» временъ Некрасова, Салтыкова и Елисѣева, которыхъ всѣхъ онъ постоянно пользовался, какъ врачъ, а Некрасова лѣчилъ во время послѣдней его болѣзни, которую описалъ въ особой статьѣ, напечатанной въ № 10-мъ «Отечественныхъ Записокъ» за 1878 г.; о болѣзни М. Е. Салтыкова онъ писалъ въ прошломъ году въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ». По разстроенному здоровью Н. А. въ 1881 г. покинулъ съ женою Петербургъ и поселился за границею, вслѣдствіе ограниченнаго средствъ живя большею частью въ Швейцаріи, въ Веве, извѣстномъ своею дешевиною. Въ это время онъ сблизился съ графомъ М. Т. Лорисъ-Меликовымъ и послѣ его смерти напечаталъ весьма интересныя воспоминанія о немъ въ «Русской Старинѣ» 1889 года. Въ 1883 г. Н. А. пользовалъ Тургеневу и одинъ поставилъ вѣрный діагнозъ его болѣзни, подтвержденный вскрытіемъ. Въ 1889 г. онъ былъ приглашенъ въ Ментону къ умирающему своему другу С. П. Боткину, по его настоятельной просьбѣ, и послѣ смерти его написалъ лучшую біографію знаменитаго ученаго, появившуюся въ сборникѣ Павленкова «Жизнь замѣчательныхъ людей». Въ 90-хъ годахъ зиму онъ проводилъ въ Ниццѣ; здѣсь, во время народнаго бѣдствія, по инициативѣ Н. А. была собрана довольно крупная сумма въ пользу голодающихъ. Въ августѣ 1894 г., не смотря на опасность для здоровья, Н. А. переѣхалъ на жительство въ Москву. Уже вскорѣ послѣ переѣзда Н. А. чувствовалъ недомоганіе, а съ февраля 1895 г. слегъ въ постель. Послѣ инфлюэнцы у него появилась грудная жаба, а затѣмъ—воспаленіе въ лег-

кихъ, сведшее его въ могилу. Кромѣ упомянутыхъ выше работъ покойнаго, имъ составлены весьма обстоятельныя очерки положенія врачей въ Пруссіи и состоянія французскихъ тюремъ и колоній для малолѣтнихъ преступниковъ въ 60-хъ годахъ, а также подробный отчетъ о «Гигіенѣ и демографіи на международномъ конгрессѣ въ Женевѣ» («Вѣстникъ Европы»; 1882 г.).

† С. Ф. Рыскинъ. 10-го августа въ Москвѣ скончался 36 лѣтъ отъ роду авторъ нѣсколькихъ романовъ, стихотвореній и статей, Сергій Федоровичъ Рыскинъ. Литературная дѣятельность покойнаго началась въ «Русскомъ Сатирическомъ Листкѣ» Полушина; затѣмъ онъ работалъ въ «Московской Газетѣ» Погодина, въ «Московскомъ Листкѣ» и журналѣ «Развлеченіе», а послѣдніе годы (съ 1892) въ «Русскомъ Листкѣ». Въ 1888 году появилось отдѣльнымъ изданіемъ собраніе стихотвореній Рыскина подъ заглавіемъ «Первый шагъ». Нѣсколько своихъ крупныхъ произведеній покойный посвятилъ раскольничьему быту. Похороны тѣла скончавшагося писателя происходили 12 августа на кладбищѣ Спасо-Андрониковскаго монастыря въ Москвѣ. На отпѣваніи присутствовали сотрудники газеты «Русскій Листокъ» во главѣ со своимъ редакторомъ, а также сотрудники «Московского Листка» и нѣкоторыхъ другихъ газетъ. На могилу были возложены вѣнки отъ родственниковъ, отъ редактора и сотрудниковъ «Русскаго Листка» и отъ редакціи журнала «Развлеченіе».

† А. Р. фонъ-Бокъ. 17-го августа скончался бывшій профессоръ скульптуры императорской академіи художествъ Александръ Романовичъ фонъ-Бокъ. Покойный родился близъ Юрьева въ 1829 г. и поступилъ въ 1850 г. въ академію художествъ, гдѣ работалъ подъ руководствомъ барона П. К. Клодта. Во время занятій въ академіи покойный получилъ за успѣхи всѣ первыя академическія отличія: большую серебряную медаль за лѣпку съ натуры, малую золотую (въ 1855 г.) за конкурсный барельефъ «Милосердіе самарянина» и большую золотую—за конкурсный барельефъ «Распятіе Господа», который находился на академической выставкѣ 1857 г. Въ 1858 году А. Р. былъ посланъ за границу пенсіонеромъ академіи на шесть лѣтъ. Поселившись въ Римѣ, онъ совершилъ оттуда художественныя поѣздки въ Мюнхенъ и Вѣну и изучалъ скульптурныя творенія знаменитыхъ мастеровъ итальянскихъ и нѣмецкихъ школъ. Результатомъ приобрѣтенныхъ имъ званій и оказанныхъ успѣховъ явились двѣ статуи: «Психея въ отчаяніи» и «Амуръ, отпускающій мотылька». Обѣ онѣ украсили академическую выставку 1864 года. Представляя эти статуи совѣту академіи художествъ, покойный художникъ просилъ званіе академика, но совѣтъ призналъ его достойнымъ званія профессора скульптуры и въ 1865 году предложилъ ему занять мѣсто профессора-преподавателя, освободившееся за смертью профессора скульптуры Н. С. Пименова. Въ первое же время профессорства фонъ-Бока ему было поручено выполнить статуя фельдмаршала князя Паскевича-Эриванскаго для памятника въ Варшавѣ и барельефы, украшающіе подножіе этой статуи. Исполнивъ порученіе, покойный создалъ барельефъ—«Судъ царя Соломона», помѣщаемойся на фасадѣ с.-петербургской судебной палаты. Кромѣ исполненія художественныхъ заказовъ, А. Р. принималъ участіе въ наиболѣе выдававшихся конкурсахъ и всегда съ успѣхомъ. На второмъ конкурсѣ памятника Пушкину онъ былъ удостоенъ въ 1874 году третьей преміи за свой эскизъ, въ 1875 г. его композиція статуи Минервы была признана наилучшею и съ 1883 года украшаетъ куполь на зданіи академіи художествъ. Въ 1877 г. покойный получилъ первую премію за конкурсную модель фонтана «Похищеніе Европы Юпитеромъ» въ Петергофскій верхній садъ. Изъ его главнѣйшихъ произведеній послѣднихъ лѣтъ назовемъ слѣдующія скульптурныя работы: статуя Христа, «Психея», «Амуръ въ капканѣ», «Фавнъ», «Венера съ Амуромъ» (двѣ послѣднія приобрѣтены въ собственность академіи художествъ). Творчеству покойнаго принадлежатъ также нѣсколько

бюстовъ: М. И. Глинка, академика К. М. Бэра, Т. Неффа, барона П. К. Клодта и др. Слѣпокъ съ колоссальнаго бюста Екатерины II, воспроизведенный А. Р., приобретенъ академіей наукъ.

† **Ө. П. Корниловъ.** 24-го августа, на пути въ Крымъ, близъ Харькова въ вагонѣ скончался скоропостижно членъ государственнаго совѣта, статсъ-секретарь, д. т. с. **Өеодоръ Петровичъ Корниловъ.** Покойный родился въ 1809 г., кончилъ курсъ въ Царкосельскомъ благородномъ пансіонѣ съ серебряною медалью и съ правомъ производства въ офицеры старой гвардіи. Свою служебную дѣятельность **Ө. П.** началъ въ канцеляріи комитета министровъ, затѣмъ служилъ въ департаментѣ разныхъ податей и сборовъ и въ 1838 г. былъ опредѣленъ непремѣннымъ членомъ въ тамбовскій приказъ общественаго приарѣнія. Живя въ Тамбовѣ, онъ участвовалъ въ занятіяхъ попечительнаго совѣта мѣстнаго училища для дѣтей канцелярскихъ служителей. Черезъ семь лѣтъ переѣхалъ въ Петербургъ и причислился къ министерству внутреннихъ дѣлъ, занявъ вскорѣ должность начальника департамента общихъ дѣлъ. Съ 1848 года по 1861 годъ **Ө. П.** трудился въ Москвѣ сперва въ качествѣ правителя канцеляріи московскаго военнаго генераль-губернатора, затѣмъ въ качествѣ московскаго гражданскаго губернатора и вице-президента московскаго губернскаго комитета попечительнаго общества о тюрьмахъ. Въ это время онъ принялъ, между прочимъ, дѣятельное участіе въ устройствѣ быта помѣщичьихъ крестьянъ, освобожденныхъ отъ крѣпостной зависимости. Назначенный въ 1861 году управляющимъ дѣлами комитета министровъ и занимая эту отвѣтственную должность до 1875 г., покойный за отлично усердную, ревностную службу и также за исполненіе особо возложенныхъ на него по высочайшему повелѣнію порученій удостоился получить нѣсколько монаршихъ благодарностей и былъ награжденъ орденами св. Владиміра 2 ст., Вѣлаго Ордена и св. Александра Невскаго. Членомъ государственнаго совѣта **Ө. П.** былъ съ 1875 года, одновременно состоялъ членомъ комитета приарѣнія гражданскихъ чиновниковъ и съ 1889 года вице-предсѣдателемъ Императорскаго православнаго палестинскаго общества.

чался. Мнѣ нечего описывать дворца въ Терапіи, такъ какъ мой повелитель самъ бывалъ въ немъ. Къ большому моему сожалѣнію, княжна Ирина осталась тамъ, и я уже начиналъ отчаиваться насчетъ возможности сообщить тебѣ свѣдѣнія о ней, какъ она пригласила меня посѣщать ее въ Терапіи».

«Но все-таки очень радъ для моего повелителя, что октябрьскіе вѣтры, дующіе съ Чернаго моря, вынудили княжну возвратиться въ свой городской домъ, гдѣ она будетъ жить до лѣта. Я видѣлъ ее сегодня. Благодаря жизни на чистомъ воздухѣ, ея щеки зацвѣли, какъ розы, ея губы пунцовыя, словно она жевала гранаты, ея глаза ясны, какъ у ребенка, ея грудь бѣла, какъ у горлицы, а ея походка напоминаетъ колебаніе лилии на стеблѣ. О, если бы я только могъ сказать ей хоть слово о моемъ повелителѣ!»

«Всѣ на востокѣ слышали о византійскомъ ипподромѣ; я съ любопытствомъ посѣтилъ его на прошедшей недѣлѣ и сегодня. Впродолженіе долгихъ вѣковъ византійское самолюбіе кичилось этимъ великолѣпнымъ зданіемъ, но теперь отъ него осталось не многое. На сѣверномъ концѣ арены, имѣющей около семидесяти шаговъ въ ширину и четыреста въ длину, находится полуразрушенное зданіе, низъ котораго былъ обращенъ въ арсеналь, а верхъ въ мѣста для публики. Надъ этими мѣстами возвышается павильонъ императора, изъ котораго онъ смотрѣлъ на бѣга колесницъ и борьбу голубыхъ и зеленыхъ. На всей аренѣ валяется столько мраморныхъ и каменныхъ обломковъ, что можно было бы выстроить изъ нихъ тотъ дворецъ, о которомъ ты мечтаешь, мой повелитель. По срединѣ арены находятся три замѣчательныхъ предмета: высокая четырехугольная колонна, въ четыреста футъ, теперь обнаженная, но нѣкогда покрытая мѣдными листами; обелискъ изъ Египта и узкая витая колонна, изображающая три перевившіяся между собою змѣи, поднимающія свои головы кверху. Нынѣшній императоръ не оказываетъ этимъ руинамъ чести своимъ посѣщеніемъ, но византійцы часто ходятъ туда и любуются, какъ офицеры и солдаты ѣздятъ верхомъ по аренѣ. Моему повелителю должно быть извѣстно, что въ этомъ городѣ живетъ сынъ нѣкоего Орхана, который называетъ себя законнымъ наслѣдникомъ блаженной памяти Солимана; этотъ сынъ Орхана содержится греками какъ будто въ заточеніи, но въ сущности они только получаютъ субсидію отъ султана для этого вымышленнаго заточенія и даже въ послѣднее время стали требовать увеличенія означенной суммы. Претендентъ на султанскій престолъ, какъ истый турокъ, хвалится своими воинскими доблестями и искусствомъ наѣздника. Онъ даже, говорятъ, намѣренъ пойти войной на тебя, мой повелитель, когда помереть его отецъ, старый Орханъ. Посѣтивъ ипподромъ на прошедшей недѣлѣ, я увидаль, что при многочисленныхъ зрителяхъ, молодой Орханъ высказывалъ свою прыть, какъ

наѣздникъ. Многіе очень хвалили его ловкость, а я замѣтилъ, что видывалъ на востокѣ и лучшихъ наѣздниковъ. Тогда меня спросили, хорошо ли я самъ ѣзжу. Я отвѣтилъ: не хочу хвастаться, но у меня былъ учителемъ самъ Іорданскій шейхъ. Тутъ меня окружили и стали требовать, чтобы я показалъ свою удалъ. Я наконецъ согласился подѣ тѣмъ условіемъ, чтобы турокъ вступилъ со мною въ поединокъ верхомъ, въ мусульманскомъ вооруженіи и съ какимъ ему угодно оружіемъ: копьемъ, сѣкирой или лукомъ. Всѣ очень удивились, но тотчасъ передали ему мой вызовъ. Прости меня, мой повелитель, но я тутъ не выдержалъ своей роли, хотя до сихъ поръ играю ее очень прилично. Ты самъ былъ бы доволенъ мною, если бы увидалъ меня, напимѣръ, надняхъ на обѣдѣ во дворцѣ: я былъ настоящимъ венеціанцемъ, въ красной мантии, шляпѣ съ краснымъ перомъ и т. д. Но надо же было наконецъ показать грекамъ мою доблесть, къ тому же старикъ Орханъ скоро умретъ, а этотъ щенокъ можетъ подумать, что онъ дѣйствительно твой соперникъ, мой повелитель. Сынъ претендента, узнавъ, что я итальянецъ, заявилъ согласіе помѣряться силами со мной и, въ случаѣ, если я окажусь достойнымъ соперникомъ, вступить со мною въ бой. Вчера было назначено наше состязаніе. Громадная толпа собралась на любопытное зрѣлище и въ томъ числѣ самъ императоръ, на подаренномъ ему мною сѣромъ конѣ. Мы начали съ верховой ѣзды, и я легко побилъ Орхана въ вольтахъ, полувольтахъ, прыжкахъ и т. д., затѣмъ мы стрѣляли на скаку въ цѣль. Онъ попалъ въ мишень двумя стрѣлами изъ двѣнадцати, а я всадилъ въ центръ мишени всѣ двѣнадцать стрѣлъ. Наконецъ очередь дошла до борьбы копьемъ и сѣкирой. Я предложилъ ему выбрать любое изъ этихъ оружій. Онъ взялъ копье, но при первомъ же нападеніи я перерубилъ его копье сѣкирой. Всѣ зрители громко мнѣ рукоплескали, а Орханъ, выйдя изъ себя отъ гнѣва, заявилъ, что это была простая случайность, и потребовалъ продолжать борьбу, но императоръ вступился и приказалъ намъ обоимъ драться на копьяхъ или на сѣкирахъ. Мой противникъ бросился на меня съ остервенѣніемъ, но я, отпарировавъ его ударъ, сбиль его съ сѣдла своимъ питомъ. Онъ упалъ на землю, обливаясь кровью. Его подняли и унесли съ арены, а императоръ пригласилъ меня съ собою во дворецъ. Я очень сожалѣлъ, что мнѣ не удалось убить этого наглеца, но во всякомъ случаѣ моя репутація въ Константинополѣ обезпечена, и меня считаютъ за храбраго бойца».

«Его величество формально довѣрилъ мнѣ охрану городскихъ воротъ, находящихся противъ моего жилища. Благодаря этому, я могу всегда находиться въ сношеніяхъ съ тобою, мой повелитель, и въ сущности ключи Царьграда въ моихъ рукахъ. Однако, я буду покупать рыбу у Али. Она самая свѣжая на городскомъ рынкѣ».

«Княжна Ирина здорова, и щеки ея пылають зарей въ честь тебя, мой повелитель, но я нашелъ ее вчера въ большомъ смущеніи. Во дворцѣ получено неблагопріятное извѣстіе отъ византійскаго посла въ Адрианополѣ. Султанъ далъ наконецъ отвѣтъ по вопросу объ орханской субсидіи, при чемъ не только было отказано въ увеличеніи этой суммы, но прекращена вовсе ея уплата. Я рассчиталъ по днямъ, что этотъ отвѣтъ долженъ совпасть съ полученіемъ моего письма на счетъ поединка съ молодымъ Орханомъ, а потому очень счастливъ, что могъ оказать хотя эту небольшую услугу моему повелителю. Узнавъ о полученномъ изъ Адрианополя извѣстии, я отправился прямо отъ княжны въ Блахернскій дворецъ. Тамъ засѣдалъ большой совѣтъ, но меня все-таки допустили до императора. Самъ Константинъ настоящій человѣкъ, настоящій воинъ, но его окружають все старыя бабы, приходящія въ ужасъ отъ всего. Въ ту минуту, какъ я вошелъ въ залу совѣта, началось обсужденіе отвѣта, полученнаго изъ Адрианополя. Его величество выразилъ мнѣніе, что этотъ отвѣтъ и прекращеніе субсидіи были признакомъ воинственныхъ намѣреній султана, а потому считалъ необходимымъ готовиться къ войнѣ. Франза полагалъ, что дипломатія еще не сказала своего послѣдняго слова, Нотарій спросилъ, какія приготовленія къ войнѣ намѣренъ былъ сдѣлать императоръ. Его величество отвѣчалъ что онъ былъ намѣренъ купить орудія и порохъ, снабдить магазины продовольствіемъ на случай долгой осады, увеличить флотъ, укрѣпить городскія стѣны и очистить рвы. Онъ также хотѣлъ отправить чрезвычайное посольство къ Папѣ, чтобы чрезъ него просить о помощи у христіанскихъ державъ Европы какъ деньгами, такъ и людьми. На это Нотарій отвѣчалъ: я предпочитаю видѣть въ Константинополѣ турка въ чалмѣ, чѣмъ папскаго легата. Всѣ члены совѣта подняли ужасный шумъ и разошлись въ смятеніи. Я пожалѣлъ бѣднаго императора. Онъ выказываетъ столько мужества и вмѣстѣ столько слабости. Его столица и остатки нѣкогда могучей имперіи могутъ быть спасены, только если Италія окажетъ ему помощь. Но для этого святой отецъ потребуеть возвращенія восточной церкви въ его паству, а въ случаѣ отказа предоставитъ Византію своей судьбѣ. Если бы ты, мой повелитель, рѣшился завтра постучать въ ворота Константинополя, то Нотарій отворилъ бы одни изъ нихъ, а я другія. Но императоръ все-таки будетъ сражаться: у него душа героя».

«Княжна Ирина безутѣшна. Какъ истая патріотка, близко слѣдящая за политикой, она ясно видитъ, въ какомъ печальномъ положеніи находится имперія, она проводитъ цѣлыя ночи въ слезахъ, и въ глазахъ ея видны слѣды постоянной бессонницы. Нельзя не сочувствовать несчастью этой достойной во всѣхъ отношеніяхъ

красавицы; но я надѣюсь, что, когда наступитъ для нея самая печальная эпоха, то мой повелитель сумѣетъ еѣ утѣшить».

«Я не писалъ тебѣ, мой повелитель, уже болѣе недѣли. Али былъ боленъ и говорить, что выздоровѣетъ только, когда перестанетъ дуть изъ Константинополя христіанскій вѣтеръ. Онъ умоляетъ тебя, мой повелитель, прибыть сюда и водворить порядокъ въ стихіи. Дипломатическая неудача императора усилила политическія распри. Сторонники латинцевъ повторяютъ слова Нотарія, сказанныя на большомъ совѣтѣ, и обвиняютъ Константина въ измѣнѣ Богу и отечеству. Въ сущности его мнѣніе служить вѣрнымъ отголоскомъ того, что думаетъ вся греческая церковь; но все-таки эта церковь его плохо поддерживаетъ. Княжнѣ Иринѣ въ послѣднее время что-то нездоровится: она очень поблѣднѣла и недождется весны, когда будетъ въ состояніи вернуться въ Терапію. Она объявила мнѣ, что завтра будетъ особая служба въ св. Софіи. Тамъ будутъ присутствовать представители всѣхъ монашескихъ обителей Константинополя и его окрестностей. Она надѣется, что въ результатѣ будетъ примиреніе всѣхъ партій».

Приведенные отрывки изъ писемъ графа Корти знакомятъ читателей съ тѣмъ, что дѣлалось въ то время въ Константинополѣ, а съ тѣмъ вмѣстѣ обнаруживаютъ, какую роль игралъ Корти.

Онъ самъ вполне сознавалъ свою двуличность и понималъ, что, служа султану, онъ измѣнялъ императору. Сколько разъ, сидя по ночамъ за своими письмами, онъ вскакивалъ изъ-за стола подъ вліяніемъ укоровъ совѣсти. Не лучше ли было ему бѣжать въ горы, или на море, чѣмъ строить въ тайнѣ ковы противъ человѣка, слѣпо ему довѣрившагося. Но, увы, онъ былъ скованъ теперь узами, болѣе могучими, чѣмъ преданность своему повелителю. Онъ могъ покинуть Магомета, но не княжну Ирину. Опасность, грозившая съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе Царьграду, грозила и княжнѣ. Предупреждать ее объ этомъ было излишне, такъ какъ она никогда не оставила бы своей столицы, и мысль о силѣ ея воли въ сравненіи съ его собственнымъ слабымъ характеромъ причиняла ему не выразимыя страданія. Писать о ней въ поэтическомъ духѣ было для него не трудно, потому что онъ пламенно любилъ ее, но мысль о томъ, что онъ хлопоталъ о соединеніи ея судьбы съ судьбой своего повелителя, наполняла его сердце адской мукой. Поэтому бѣгство для него было безцѣльно, онъ всюду унесъ бы съ собой память о ней. Нѣтъ, лучше смерть. Но къ чему было торопиться, смерть никогда не уйдетъ, а, можетъ быть, его выручитъ какой нибудь счастливый случай.

Такимъ образомъ недѣли шли за недѣлями, мѣсяцы за мѣсяцами, и онъ надѣялся вопреки разума, измѣнялъ, вѣроломствовалъ и все болѣе и болѣе впадалъ въ мрачное отчаяніе.

VIII.

Христова вѣра.

Въ назначенный день для особаго торжественнаго богослуженія въ св. Софіи, этотъ древній храмъ былъ переполненъ массою монаховъ какъ столичныхъ, такъ и провинціальныхъ, а также схимниковъ изъ горъ, на азіатскомъ берегу Мраморнаго моря. На хорахъ виднѣлось не мало женщинъ, въ томъ числѣ княжна Ирина. Для нея было приготовлено мѣсто на возвышеніи, такъ что она могла видѣть чрезъ балюстраду все, что происходило внизу, гдѣ съ одной стороны сидѣлъ на тронѣ императоръ во всѣхъ своихъ регаліяхъ, а по другую—находился на своемъ престолѣ патріархъ.

Между алтаремъ и мѣдной рѣшеткой, отдѣлявшей мѣста императора и патріарха отъ остальной церкви, находился бѣлый шелковый балдахинъ, поддерживаемый серебряными колоннами, а подъ этимъ балдахиномъ помѣщался золотой сосудъ со Святыми Дарами.

За рѣшеткой толпились, какъ нѣкогда въ Блахернскомъ саду во время ночного бдѣнія, монахи всѣхъ братствъ и обителей, со своими хоругвями и значками, а за ними виднѣлась масса статскихъ и военныхъ, явившихся сюда простыми зрителями.

Вся церковная служба совершалась патріархомъ, и она началась съ его облаченія, при пѣніи: Святъ, Святъ, Святъ! Господь Богъ Саваоѣ! Облачившись, патріархъ прошелъ въ алтарь, помолился тамъ и, вернувшись назадъ, подошелъ къ чашѣ со Святыми Дарами. Всѣ въ церкви, не исключая императора, преклонили колѣна. Патріархъ приблизился къ Константину и причастилъ его, а затѣмъ отворили рѣшетку, и должно было начаться приобщеніе всѣхъ вѣрующихъ, но никто изъ присутствующихъ не двинулся впередъ, а въ толпѣ раздался голосъ:

— Мы приглашены сюда, святой отецъ, для причастія, но многіе изъ насъ считаютъ грѣхомъ приобщаться опрѣсноками.

Патріархъ ничего не отвѣчалъ, а громко произнесъ:

— Со страхомъ Божиимъ и вѣрою приступите!

Въ эту минуту въ церкви поднялся страшный шумъ, и вся толпа, стоявшая на колѣнахъ, внезапно поднялась, наполняя своды громкимъ ропотомъ.

Несмотря на свою старость и слабость, патріархъ отличался силой воли. Онъ не дрогнулъ, спокойно посмотрѣлъ вокругъ себя и вернулся на свое мѣсто. Потомъ онъ послалъ въ алтарь одного изъ церковныхъ слугъ, и когда тотъ принесъ простую рясу, то онъ надѣлъ ее сверхъ своего золотого облаченія. Въ этомъ видѣ онъ подошелъ къ открытой рѣшеткѣ и обвелъ взглядомъ всѣхъ присутствующихъ; ясно было, что онъ считалъ перерывъ службы свя-

тотатствомъ, а потому хоть вѣшнымъ знакомъ хотѣлъ удалить отъ себя всякое участіе въ этомъ грѣхѣ.

— Я слышалъ, что сказалъ монахъ, осмѣлившійся поднять голосъ въ церкви,—произнесъ онъ твердо, рѣшительно:—и, съ Божьей помощью, отвѣчу ему. Но прежде всего я замѣчу, что хотя насъ раздѣляютъ нѣкоторые догматы и обряды, но въ основахъ нашей вѣры мы не расходимся. Одной изъ этихъ основъ служить вѣра въ пресуществленіе хлѣба и вина въ Пречистое Тѣло и Кровь Спасителя. Противъ этого вѣдь никто не спорить?

Патріархъ умолялъ, но никто ему не возражалъ.

— Я знаю, что всѣ въ этомъ согласны,—продолжалъ онъ:—а потому, если кто либо изъ насъ ощущаетъ теперь нечестивое желаніе нарушить святость храма Божія спорами и распрями, то пусть помнитъ одно, что среди насъ—Христосъ, Спаситель въ плоти и крови.

Говоря это, старецъ торжественно указалъ на чашу съ святыми дарами.

Во многихъ мѣстахъ церкви послышались громкіе возгласы:

— Слава Тебѣ, Господи, слава Тебѣ!

— Теперь,—произнесъ снова патріархъ:—я отвѣчу на замѣчаніе монаха. Да, въ этой чашѣ опрѣснокъ, но развѣ онъ не пресуществился въ пречистое Тѣло Господне?

— Да, да! — послышалось въ толпѣ, но тотчасъ эти крики были заглушены болѣе многочисленными:

— Нѣтъ! Нѣтъ!

Смятеніе все увеличивалось, и тогда императоръ, подойдя къ патріарху, шепотомъ сказалъ ему:

— Дѣло дойдетъ до драки, святой отецъ.

— Не бойся, сынъ мой, Господь сумѣетъ отдѣлать пшеницу отъ плевель.

— Но кровь неповинныхъ ляжетъ на мою совѣсть. Не вынести ли панагію?

— Нѣтъ, рано,—отвѣчалъ упорный старецъ:—не забывай, что это греки, и надо дать имъ время поспорить и покричать. Еще рано, и они всегда успѣютъ раскаяться въ своемъ заблужденіи.

Константинъ вернулся на свое мѣсто и сталъ оттуда слѣдить за всѣмъ, что происходило въ церкви.

Шумъ и гвалтъ дошли до того, что всѣ присутствующіе казались пьяными. Они раздѣлились на два лагеря: одни укоряли нарушителей священнаго обряда, а другіе призывали анаѹему на желавшихъ пріобщить православную паству католическими опрѣсноками. Всѣ одинаково кричали, махали руками и сжимали кулаки, однимъ словомъ эта сцена была чисто византійская, немислимая ни для какого другого народа.

Мало-по-малу волненіе перешло и на хоры, но женщины ока-

зались исключительно сторонниками греческой партіи, и онѣ во все горло стали кричать, забывая всякое приличіе:

— Аземить! Аземить!..

Княжна Ирина была огорчена взрывомъ фанатизма и смиренно сидѣла на своемъ мѣстѣ, но когда смятеніе достигло своего апогея, то она облокотилась на балюстраду и стала со страхомъ смотрѣть внизъ.

Случайно ея глаза остановились на высокой фигурѣ Сергія, стоявшаго у самой рѣшетки передъ алтаремъ. Слова патріарха напомнили ей все, чему училъ ее когда-то стець Иларіонъ, а главное различіе, существовавшее, по мнѣнію этого святого человѣка, между истинной Христовой вѣрой и обрядами. Ее оскорбляло до глубины души святотатство толпы, которая въ присутствіи Господа Іисуса Христа во плоти и крови дозволила себѣ неистовствовать въ церкви. Могла ли быть поэтому болѣе удобная минута для проповѣди истинной, первобытной христіанской вѣры, а кто могъ явиться лучшимъ ея проповѣдникомъ, чѣмъ Сергій, на котораго она смотрѣла, какъ на вѣрнаго глашатая своихъ идей? Вотъ почему, случайно остановившись глазами на русскомъ монахѣ, она сосредоточила на немъ все свое вниманіе и какъ бы ожидала, что онъ пойметъ ея тайное желаніе.

Наконецъ патріархъ уступилъ, и по знаку императора сначала раздалось громкое пѣніе: «Святъ! Святъ! Святъ! Господь Богъ Саваоѣ!», а затѣмъ изъ алтаря появилась неожиданная процессія. Впереди шли мальчики съ зажженными свѣчами, а затѣмъ церковнослужители въ бѣлыхъ одеждахъ, съ кадилами въ рукахъ; повади же двое монаховъ несли широкую хоругвь на золотой палкѣ, съ золотой бахромой и многочисленными вѣнками изъ цвѣтовъ.

При видѣ этой хоругви, на которой, не смотря на ея ветхость, ясно виднѣлся ликъ Богородицы, императоръ, патріархъ и всѣ находившіеся за рѣшеткой упали на колѣна. Лица, несшія хоругвь, остановились у входа за рѣшетку и водрузили ее тамъ.

Во всей церкви раздались крики:

— Панагія! Панагія!.. Пресвятая дѣва! Покровительница Константинополя! Среди насъ не только Господь Іисусъ Христосъ, но и Пресвятая Богородица. Достойно есть, яко воистину, блажити Тя, Богородицу!

Вся толпа, забывъ свои распри, бросилась къ рѣшеткѣ и наконецъ преклонила колѣна, если не побѣжденная, то, во всякомъ случаѣ, приведенная въ смущеніе.

Когда Панагію водрузили у входа въ рѣшетку, то Сергій случайно оказался подъ самыми ея кистями и невольно сосредоточилъ на себѣ вниманіе всей колѣнопреклоненной толпы, тѣмъ болѣе, что голова его была обнажена, волоса ниспадали широкой волной на его плечи, а лицо вдохновенно сіяло подъ лучами солнца.

Неожиданно подъ сводами церкви раздался шепотъ, быстро перебѣжавшій съ одного конца на другой.

— Это Христось! это Господь!

Дѣйствительно, между чертами молодого монаха и ликомъ Христа, какъ его обыкновенно изображали на византійскихъ иконахъ, было большое сходство.

Въ эту минуту Сергій взглянулъ на княжну Ирину; она, какъ бы наэлектризованная, поднялась со своего мѣста и махнула ему рукой.

Онъ понялъ этотъ знакъ. Давно желанная, давно ожидаемая минута настала. Онъ долженъ былъ всенародно исповѣдать истинную Христову вѣру. Кровь прилила къ его сердцу, и онъ поблѣднѣлъ, какъ мертвецъ. Быстро закрылъ онъ обѣими руками глаза и вознесъ къ небу безмолвную молитву. Въ объявшемъ его мракѣ лучезарно сверкали слова, составлявшія символъ вѣры отца Иларіона и княжны Ирины:

— Я вѣрю въ Бога и Его Предвѣчнаго Сына, Исуса Христа.

На эту тему ему слѣдовало проповѣдывать.

Тихо отнялъ онъ руки отъ своего лица, поднялъ голову и, выпрямившись во весь ростъ, сдѣлалъ рукою знакъ, что хочетъ говорить.

Подъ вліяніемъ ли суевѣрнаго страха, изумленія или тайнаго предчувствія, но толпа замерла; всѣ глаза устремились на него, всѣ жадно стали прислушиваться къ его голосу.

— Братья,—началъ онъ:—не знаю, откуда я набрался храбрости и по чьему велѣнію я рѣшаюсь говорить, если мною не руководитъ Исусъ Христось, присутствующій среди насъ во плоти и крови.

— Такъ ты не Христось!—воскликнулъ старый схимникъ, стоявшій на колѣняхъ противъ него.

— Нѣтъ, — отвѣчалъ Сергій:— я только такой же слуга Его, какъ ты, но я не покинулъ бы Его въ Геесиманскомъ саду утолилъ бы Его жажду на крестѣ, и караулилъ бы Его гробницу до той минуты, какъ Ангелъ навѣялъ бы на меня сонъ. Я слуга Его и, служа Ему, не боюсь смерти, которая поразитъ меня, если я не исполняю Его волю, не передамъ Его словъ!

Голосъ юнаго монаха смиренно дрожалъ, и во всей его вышности не было видно и слѣда надменной гордости. Лицо его сіяло красотой, и многотысячная толпа, смотря на него съ изумленіемъ, не знала, востать ли противъ него, какъ противъ дерзкаго смѣльчака, или привѣтствовать въ немъ глашатая благой вѣсти.

— Братья, — продолжалъ онъ болѣе твердымъ голосомъ:— вы теперь раскаиваетесь въ своемъ святотатственномъ поступкѣ, но утѣштесь, раскаіеніе покрываетъ всякую вину. Вѣдь Господь простилъ тѣхъ, которые издѣвались надъ Нимъ, плевали Ему въ лицо,

распяли Его и пронзили копьемъ. Если Онъ простилъ этихъ злодѣевъ, кичившихся своимъ нечестіемъ, то неужели Онъ будетъ менѣе милосердъ къ намъ, раскаявшимся грѣшникамъ.

Молодой проповѣдникъ поднялъ голову выше прежняго и сталъ говорить уже совершенно спокойно, увѣренно.

— Дозвольте мнѣ, братья, говорить съ вами совершенно откровенно, потому что человѣкъ не можетъ вполне искренно раскаяться, пока онъ ясно не сознаетъ совершеннаго имъ грѣха. Господь нашъ Іисусъ Христосъ оставилъ намъ все свое ученіе въ ясныхъ, простыхъ, понятныхъ дѣтямъ, словахъ. Эти слова, составляющія символъ вѣры Христовой, переданы самимъ Господомъ Его ученикамъ, а ими завѣщаны намъ: «Истинно, истинно говорю вамъ, что слушающій слово Мое и вѣрующій въ пославшаго Меня имѣетъ жизнь вѣчную». Это первый членъ символа вѣры Христовой, говорящій о вѣрѣ въ Бога. «Истинно, истинно говорю вамъ, вѣрующій въ Меня имѣетъ жизнь вѣчную». Это второй членъ символа Христовой вѣры, говорящій о вѣрѣ въ Сына Божія. Такимъ образомъ вѣра въ Бога и въ Его Сына достаточна, по словамъ Самого Господа, для того, чтобы унаслѣдовать вѣчную жизнь, а если эти оба члена символа Христовой вѣры слить въ одинъ, то получится одинъ законъ и завѣтъ, данный намъ Господомъ: я вѣрую въ Бога и въ Іисуса Христа, Его предвѣчнаго Сына. Нашъ Господь Іисусъ Христосъ пришелъ на землю для того, чтобы исполнить волю пославшаго Его Бога Отца, а въ чемъ же состояла эта воля пославшаго Его Отца? Въ спасеніи людей, въ указаніи имъ пути къ этому спасенію. Самъ Господь сказалъ: Я путь, и вы можете идти за мной къ тому мѣсту, которое Я вамъ уготовлю, если будете вѣрить въ Бога и Меня.

Тутъ старый схимникъ, стоявшій противъ проповѣдника, задрожалъ всѣмъ тѣломъ, и изъ груди его вырвался пронзительный стонъ. Многіе изъ стоявшихъ противъ него бросились къ нему на помощь, но Сергій громко воскликнулъ:

— Оставьте его, онъ изнемогъ подъ крестомъ, на которомъ сдѣлано столько чуждыхъ наслоеній, что нести его никому не подъ силу; но теперь онъ видитъ, что для своего спасенія ему надо только вѣровать въ Бога и въ Сына Божія Іисуса Христа. Эта истина воскреситъ его, а не убьетъ.

Когда волненіе, произведенное припадкомъ схимника, нѣсколько стихло, Сергій продолжалъ:

— Я теперь, братья, перейду къ причинѣ всѣхъ вашихъ бѣдствій, я покажу вамъ, почему вы возстаете другъ противъ друга и прибѣгаете къ насилію, словно насиліемъ можно разрѣшить богословскій споръ. Я покажу вамъ, что ваши распри не основаны на словахъ Господа, послѣдняя мольба Котораго къ Богу Отцу заключалась въ томъ, чтобы всѣ вѣрующіе въ Него были, какъ

одинъ человѣкъ. Вамъ извѣстно, что Исусъ Христосъ, во время своей земной жизни, не основалъ церкви, а уполномочилъ на это своихъ апостоловъ. Вамъ также извѣстно, что апостолы основали не церковь, а общину, о которой говорится: «всѣ же вѣрующіе были имѣстѣ и имѣли все общее. И продавали имѣніе, и всякую собственность и раздѣляли всѣмъ, смотря по нуждамъ cadaго». Далѣе упоминается: «у множества же увѣровавшихъ было одно сердце и одна душа; и никто ничего изъ имѣнія своего не называлъ своимъ, но все у нихъ было общее... не было между ними никого нуждающагося; ибо всѣ, которые владѣли землями, или домами, продавая ихъ, приносили цѣну проданнаго и полагали къ ногамъ апостоловъ; и каждому давалось, кто въ чемъ имѣлъ нужду». Но со временемъ эта община сдѣлалась церковью, въ основѣ которой лежали только опредѣленіе вѣры, данное Самимъ Господомъ въ Его символъ вѣры, и два церковныхъ учрежденія: крещеніе и причастіе. Но прошло три поколѣнія, и церковь, виждившаяся на такомъ простомъ вѣроученіи, стала могучей силой отъ Александріи до Лондинума. Не смотря на всѣ преслѣдованія ея со стороны земныхъ царей, на истязанія и пролитую кровь вѣрующихъ, церковь все росла, потому что она сохраняла Христову вѣру, а христіанская община не была раздираема внутренними распрями, завистью, соперничествомъ и спорами о мало-важныхъ предметахъ относительно догматовъ и обрядовъ, потому что отцы церкви проповѣдывали не изъ-за денегъ, не оказывали предпочтенія богатымъ передъ бѣдными, не строили великолѣпныхъ храмовъ изъ личнаго честолюбія, не подыскивали текстовъ Св. Писанія, чтобы прикрыть старыя языческіе обычаи. Христова вѣра была слишкомъ проста и ясна, чтобы возбуждать споры, а церковь не знала другой цѣли, какъ прославлять Бога вѣрнымъ исполненіемъ Его завѣта. Отъ этого происходило полное единство вѣры и дѣлъ, а первобытная церковь апостоловъ походила на того апокалипсическаго воина, который скакалъ на бѣломъ конѣ, съ лукомъ въ рукахъ и которому былъ данъ вѣнецъ — символъ завоеванія всего міра.

Безмолвно слушавшая до сихъ поръ толпа теперь взволновалась: одни плакали, закрывъ лицо руками, а другіе радостно славили Бога. Только въ одномъ углу игумень братства св. Іакова собралъ вокругъ себя всѣхъ монаховъ этой обители и, насупивъ брови, что-то говорилъ имъ шепотомъ.

— Вы всѣ знаете, братья, что я вѣрно изобразилъ первобытную церковь, но если кто нибудь изъ васъ полагаетъ, что распри, ссоры и насиліе, въ которыхъ вы только-что раскаивались, основываны на томъ или другомъ словѣ Спасителя, то пусть онъ заявитъ объ этомъ, пока еще среди насъ присутствуетъ Исусъ Христосъ въ плоти и крови. Вы всѣ молчите, такъ я еще задамъ вамъ

вопросъ: можетъ ли кто изъ васъ сказать, положи руку на сердце и призвавъ Господа въ свидѣтели, что церковь, къ которой онъ теперь принадлежитъ, та самая церковь, которую создали апостолы? Выходи и говори, кто осмѣлится!

Ни одинъ голосъ не нарушилъ безмолвной тишины, царившей въ соборѣ.

— Вы хорошо дѣлаете, братья, что молчите,—произнесъ снова Сергій:—если бы кто нибудь изъ васъ сказалъ, что его церковь та самая, которую создали апостолы, то я указалъ бы ему, что здѣсь двѣ партіи, изъ которыхъ каждая считаетъ свою церковь истинной. Если бъ же вы признали, что обѣ эти церкви составляютъ одну апостольскую церковь, то зачѣмъ же вы отказались отъ принятія святыхъ тайнъ? Нѣтъ, братья, не думайте, что вы принадлежите къ апостольской церкви. Въ вашей церкви не сохранилось первобытной христіанской общины, въ ней нѣтъ того единства, о которомъ молилъ Бога Іисусъ Христосъ, а вмѣсто единства царятъ: ненависть, зависть, распри, насиліе. Ваша вѣра не Христова, а человѣческая! И если вы прикрываетесь именемъ Христа, то это только обманъ и больше ничего.

Въ эту минуту игумень братства св. Іакова проложилъ себѣ дорогу къ рѣшеткѣ и, остановившись передъ ней, громко воскликнулъ, обращаясь къ патріарху:

— Святой отецъ, этотъ проповѣдникъ—еретикъ, я уличаю его...

Тутъ слова его покрылись страшнымъ шумомъ и крикомъ всей толпы, поднявшейся на ноги. На хорахъ было не меньшее смятеніе, а княжна Ирина, блѣдная какъ смерть, дрожала всѣмъ тѣломъ. Побудивъ Сергія знакомъ къ произнесенію его смѣлой проповѣди, она не думала, что подвергаетъ его опасности. Теперь же онъ, стоя спокойно передъ своимъ обвинителемъ, невольно напоминалъ Христа у Пилата, и она вознесла безмолвную молитву къ небу объ его спасеніи.

Наконецъ патріархъ махнулъ рукой и тихо произнесъ:

— Братья, можетъ быть, Сергій дѣйствительно, какъ онъ говорить, получилъ свыше наитіе, побуждающее его къ проповѣди. Будемъ терпѣливы и дослушаемъ его до конца.

И, повернувшись къ Сергію, онъ просилъ его продолжать.

— Триста епископовъ и священниковъ, которые дали вамъ, братья, вашъ символъ вѣры, — произнесъ русскій монахъ:—занимствовали два члена изъ символа вѣры Іисуса Христа и прибавили много своихъ. Господь сказалъ: «Я путь», а эти триста священнослужителей говорятъ вамъ: «Мы путь, и если вы хотите спастись, то пятайте къ намъ такую же вѣру, какъ въ Бога и Его предвѣчнаго Сына Іисуса Христа».

Вся толпа и даже игумень, выразившіе такую ярость за минуту передъ тѣмъ, притихли и смотрѣли съ какимъ-то страхомъ

на проповѣдника, который отличался столь страннымъ сходствомъ съ обычными изображеніями Христа и съ висѣвшимъ теперь надъ нимъ святымъ ликомъ Богородицы.

— Святой Духъ, наитіемъ котораго я говорю, — продолжалъ Сергій, — предупреждаетъ меня, что моя задача почти окончена. Мнѣ казалось, что въ ту минуту, когда вы совершили такое святотатственное преступленіе въ присутствіи Господа нашего Иисуса Христа въ плоти и крови, — было болѣе чѣмъ кстати напомнить вамъ о настоящемъ символѣ Христовой вѣры. Вы теперь раскаиваетесь въ своемъ святотатствѣ и можете спокойно обсудить свои слова. Если дѣйствительно Господь Иисусъ Христосъ оставилъ намъ символъ вѣры, въ которомъ заключается все, что необходимо для спасенія человѣка, то вѣдь слѣдуетъ заключить, что этотъ символъ вѣры долженъ остаться и до Его второго, славнаго пришествія. А если это такъ, то не грозитъ ли опасностью для нашей души вѣрить не только въ данный Имъ символъ, но еще и въ многочисленныя дополненія, сдѣланныя людьми. Не ясно ли, въ виду терзающихъ насъ распрей, что Господь нарочно далъ намъ такой простой и опредѣленный символъ вѣры, чтобы мы не имѣли причины сомнѣваться въ его значеніи, спорить и препираться между собой насчетъ логическихъ тонкостей. Если существуетъ такое различіе между первобытной христіанской церковью, гдѣ царило единство, гдѣ все было общее, и теперешней церковью, раздираемой спорами, то не ясно ли, что причиной такого явленія — различіе между символами вѣры той и этой церкви. Подумайте только, къ чему все это приведетъ, если церковь христіанская будетъ все подраздѣляться и враждовать между собой, — вѣдь вся земля покроется враждебными церквами, къ разоренію бѣдныхъ и къ радости тѣхъ безумцевъ, которые говорятъ, что нѣтъ Бога. Подумайте, какъ могущественна можетъ быть одна церковь въ борьбѣ съ торжествующимъ грѣхомъ, а какъ безпомощны для этого сто церквей, враждующихъ между собой. Святой Іоаннъ въ концѣ своего откровенія говоритъ: «И я также свидѣтельствую всякому слышащему слова пророчества книги сей: если кто приложитъ что къ нимъ, на того наложитъ Богъ язвы, о которыхъ написано въ книгѣ сей». Я не вижу, братья, почему болѣе преступно прибавить что нибудь къ откровенію, чѣмъ къ символу Христовой вѣры, и я полагаю, что болѣе всего надо бояться указанныхъ апостоломъ язвъ тому священнослужителю, или проповѣднику, который изъ самолюбія, или личнаго интереса станетъ мѣшать возвращенію нашей церкви къ единству апостольскихъ временъ! Подумайте обо всемъ этомъ, братья, а теперь — миръ вамъ!

Схимникъ, стоявшій передъ проповѣдникомъ, опустился на колѣна и поцѣловалъ его руку, обливаясь слезами. Всѣ присутствующіе смотрѣли другъ на друга съ какимъ-то страннымъ сомнѣніемъ.

Игуменъ видѣлъ, что настала минута дѣйствовать, и, выступивъ впередъ, громко сказалъ:

— Святой отецъ, по законамъ нашего братства этотъ человѣкъ принадлежитъ намъ. Въ твоихъ глазахъ онъ святотатственно поднялъ руку на символъ вѣры, который святыми отцами положенъ въ основу нашей церкви. Онъ даже осмѣлился выразить свой собственный символъ вѣры, совѣтуя принять этотъ символъ не только намъ всѣмъ, но тебѣ, святой отецъ, и его величеству, единственному христіанскому императору на свѣтѣ. Поэтому, а тѣмъ болѣе, что въ исторіи нашего древняго братства никогда не упоминается о подобномъ еретикѣ, мы требуемъ, чтобы ты, святой отецъ, отдалъ его намъ для суда.

Патріархъ вздрогнулъ и поднялъ руки къ небу, словно прося его помощи. Его колебаніе было видимо для всѣхъ, и присутствующіе съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ждали, на что онъ рѣшится. Княжна Ирина вскочила съ своего мѣста и жадно искала глазами взгляда императора; но онъ, также какъ всѣ, сосредоточилъ свое вниманіе на патріархѣ.

Неожиданно раздался голосъ Сергія.

— Не смущайся, святой отецъ,—сказалъ онъ,—отдай меня моему братству. Если я говорилъ неправду, то заслуживаю смерти; если же я говорилъ то, что мнѣ внушаетъ Духъ Святой, то Богъ въ своемъ всемогуществѣ спасетъ меня. Я не боюсь человѣческаго суда.

Патріархъ пристально посмотрѣлъ на молодого монаха; по морщинистымъ щекамъ его потекли слезы, и онъ все-таки колебался.

— Я не хочу, чтобы совѣсть когда нибудь упрекала тебя, святой отецъ, относительно меня,—прибавилъ Сергій, — а потому не отдавай меня моему братству, а я самъ свободно и по собственному почину отдамся ихъ суду. Довольно,—сказалъ онъ еще громче, обращаясь къ игумену:—идемъ, я слѣдую за вами.

Игуменъ отдалъ Сергія двумъ братьямъ, а самъ со всѣми остальными составилъ какъ бы почетный эскортъ своему узнику.

Выходя изъ церкви, окруженный своими врагами, Сергій поднялъ руки къ небу и громко воскликнулъ:

— Будьте свидѣтелями, святой отецъ и ты, императоръ, моихъ послѣднихъ словъ! Люди не могутъ судить меня, какъ еретика, за то, что я вѣрю въ Бога и Его предвѣчнаго Сына Іисуса Христа.

Многіе изъ толпы остались въ соборѣ и приняли святыя дары, но большинство хлынуло къ дверямъ.

IX.

Отрывокъ изъ письма графа Корти къ Магомету.

«Нѣтъ Бога, кромѣ Бога, и Магометъ пророкъ Его! Да хранятъ они моего повелителя въ здравіи и да осуществятъ всѣ его надежды. Вотъ уже три дня, какъ я не вижу княжны Ирины, хотя постоянно являлся въ ея домъ. Но слуги мнѣ всегда говорили одно: «княжна молится въ часовнѣ; она очень опечалена и извиняется, что не можетъ тебя принять». Но ты, мой повелитель, не смущайся этимъ извѣстіемъ, и я тебѣ объясню причину, почему горюетъ княжна. Ты, конечно, не забылъ моего описанія торжественной службы въ церкви св. Софіи, гдѣ патріархъ хотѣлъ торжественнымъ причащеніемъ всего народа примирить враждующія партіи. Но результатъ оказался совершенно иной, и греческія партіи никогда не выказывали такого пламеннаго фанатизма, какъ теперь. Нотарій, вѣроятно, по наущенію Геннадія распустилъ въ народѣ слухъ, что императоръ и патріархъ приняли участіе въ подготовкѣ той удивительной проповѣди монаха Сергія, о которой я писалъ тебѣ, мой повелитель, а вчера ночью братство св. Іакова призвало этого смѣлаго проповѣдника къ своему суду. Онъ самъ защищалъ себя и вынудилъ своихъ судей согласиться съ тѣмъ, что ихъ церковь не первобытная церковь апостоловъ, и что ихъ символъ вѣры не тотъ символъ вѣры, который данъ своимъ ученикамъ Іисусомъ Христомъ. Но все-таки они признали его опаснымъ еретикомъ и приговорили отдать его на съѣденіе старому льву въ Синегіонѣ, Тамерлану, который извѣстенъ тѣмъ, что поглотилъ много человѣческихъ жертвъ».

«Я считаю нужнымъ довести до свѣдѣнія твоего, мой повелитель, что, по городскимъ слухамъ, символъ вѣры, проповѣдываемый Сергіемъ и заключающійся въ словахъ: «Вѣрую въ Бога и Его предвѣчнаго Сына Іисуса Христа», принадлежитъ княжнѣ Иринѣ. Ея дѣйствія придаютъ вѣроятность этимъ слухамъ. По выходѣ изъ церкви Св. Софіи, послѣ проповѣди Сергія, она прямо отправилась во дворецъ и умоляла императора спасти молодого монаха отъ суда его братства. Константинъ желалъ, конечно, исполнить ея просьбу, потому что онъ питаетъ къ ней чувства болѣе нѣжныя, чѣмъ родственная дружба. Говорятъ, что онъ даже однажды предлагалъ ей свою руку. Во всякомъ случаѣ легко понять, что слезы красавицы подействовали на этого добраго, слишкомъ добраго для его положенія, человѣка. По несчастью, политическія обстоятельства держатъ его въ тискахъ. Почти вся церковь противъ него, и его единственную поддержку составляло до сихъ поръ братство св. Іакова. Что ему было дѣлать? Если бы онъ спасъ смѣлаго проповѣдника, то

погубилъ бы себя. Поэтому онъ былъ вынужденъ объявить княжнѣ Иринѣ, что не можетъ вмѣшаться въ судъ надъ Сергіемъ. Вотъ почему, надѣясь только на Бога, она проводитъ все время въ молитвѣ. Бѣдная красавица! Правда, мой повелитель, пора тебѣ явиться сюда и утѣшить ее во славу Аллаха!»

«Я не отправилъ вчерашняго своего письма по причинѣ непопутнаго вѣтра, а потому прибавлю еще нѣсколько словъ. Сегодня утромъ я, по обыкновенію, отправился къ княжнѣ Иринѣ и получилъ обычный отвѣтъ, что она не можетъ меня принять. Всѣ эти дни и ночи меня мучила мысль, что если я не могу ее увидѣть, то неужели не найду средства оказать ей помощь въ эту критическую минуту. Къ чему жѣ вся моя сила и ловкость, какъ война, если я не могу посвятить ихъ на службу той, которая дороже всего на свѣтѣ моему повелителю. По дорогѣ къ княжнѣ я узналъ, что завтра будетъ исполненъ приговоръ надъ несчастнымъ Сергіемъ и, возвращаясь домой, мнѣ пришло въ голову посѣтить Синегіонъ, гдѣ публично произойдетъ эта казнь. Я все-таки надѣялся, что, быть можетъ, я найду способъ оказать помощь бѣдной княжнѣ. Вѣдь если бы я отказался пойти въ бой со львомъ, смерть котораго осушила бы слезы княжны, то мой повелитель никогда не простилъ бы мнѣ этого.

«Вотъ вѣрное описаніе Синегіона: сѣверная городская стѣна опускается съ Блахернской вершины внизъ къ Золотому Рогу и тамъ, при пересѣченіи ея съ другой городской стѣной, идущей съ востока, находятся небольшія, низенькія ворота, у которыхъ всегда стоитъ караулъ. Пройдя эти ворота, я очутился въ пустомъ пространствѣ, окруженномъ съ востока городской стѣной, съ юга—горами, а съ сѣвера—гаванью. Какого именно размѣра эта гладкая, покрытая травой, поляна, я не могу сказать, но въ поперечникѣ до гавани не меньше полчетверти, или три четверти мили. По всѣмъ направленіямъ идутъ тутъ дорожки и дороги, а мѣстами виднѣются кусты и дубы. Небольшіе домики, въ родѣ кіосковъ, съ крышами и безъ оныхъ, разбросаны тамъ и сямъ. При ближайшемъ осмотрѣ, я убѣдился, что эти домики предназначены звѣрямъ и птицамъ. Въ одномъ изъ нихъ была также коллекція рыбъ, а въ другомъ — пресмыкающихся. Но самая большая постройка, называемая Галлереей, удивила меня тѣмъ, что внутренность ея представляетъ настоящій греческій театръ, только совершенно круглый и безъ сцены. Арена, усыпанная пескомъ, имѣетъ въ діаметрѣ пятьдесятъ шаговъ, а вокругъ нея, надъ каменной стѣной, въ двадцать футовъ вышины, расположены скамьи для зрителей, а для императора устроена парадная ложа на восточной сторонѣ. Въ стѣнѣ арены виднѣется нѣсколько дверей, съ тяжелыми засовами, которыя ведутъ въ клѣтѣ, гдѣ въ былыя времена содержались дикіе звѣри, а теперь содержатся серьезные преступники.

Кромѣ того, въ стѣнѣ находятся четверо воротъ: подѣ императорской ложей, на сѣверѣ, югѣ и на западѣ. По этому описанію мой повелитель можетъ набросать себѣ на бумагѣ планъ Синегіона, или звѣринца, на аренѣ котораго завтра бѣдный монахъ искупить свою ересь. Въ былыя времена здѣсь происходилъ бой дикихъ звѣрей, а теперѣ единственное кровавое зрѣлище, которое дозволяютъ себѣ византіяцы, заключается въ томъ, что они отъ времени до времени любятъ, какъ левъ пожираетъ еретика. Въ этихъ случаяхъ, говорятъ, всѣ скамьи для зрителей переполнены до невозможности.

«Я надѣюсь, что мой повелитель не найдетъ этого описанія скучнымъ, такъ какъ, во-первыхъ, я хотѣлъ дать ему понятіе о томъ мѣстѣ, гдѣ произойдетъ завтра казнь монаха, а, во-вторыхъ, когда совершится то событіе, о которомъ ты жаждешь знать, мой повелитель, то тебѣ придется взглянуть на эту мѣстность съ военной точки зрѣнія».

«Только-что явился Али. Какъ я полагаю, его задержали противные вѣтры, но онъ принесъ мнѣ удивительную рыбу, и я сожалѣю, что не могу послать тебѣ часть ея для завтрака. Но теперѣ тебѣ уже недолго ждать. Скоро все, что здѣсь, и земля, и вода, со всѣмъ находящимся въ нихъ, будетъ принадлежать тебѣ. Избранному любимцу судьбы нечего обнаруживать нетерпѣніе: его судьба совершится въ часъ, назначенный Провидѣніемъ».

Х.

Борьба со львомъ.

На другой день, послѣ отправки письма графомъ Корти Магомету, въ десять часовъ утра на пристань св. Петра явилась женщина и потребовала лодку въ Синегіонъ.

На ней было густое покрывало и длинная, широкая одежда, покрывавшая ее съ головы до ногъ. На рукахъ у нея были грубая перчатки, а на ногахъ—еще болѣе грубая обувь. Вообще она походила на женщину средняго класса, бѣдную, но приличную.

На пристани было много народа, и всѣ торопились переѣхать въ звѣринецъ. Хотя лодочниковъ было не мало, но они сильно торговались съ пассажирами и громко перебранивались между собой.

Женщинѣ пришлось два раза повторить свое требованіе, прежде чѣмъ на нее обратили вниманіе.

— А сколько васъ?—спросилъ одинъ изъ лодочниковъ.

— Я одна.

— И ты хочешь ѣхать одна?

— Да.

— Я не согласенъ. У меня лодка на нѣсколько мѣсть, а жена приказала какъ можно болѣе выручить сегодня денегъ. Теперь рѣдко бываетъ подобный праздникъ, и уже давно не видали, какъ Тамерланъ обѣдаетъ.

— Я заплачу тебѣ за всѣ мѣста.

— За всѣ пять?

— Да.

— Впередъ?

— Да.

— Прыгай въ лодку и считай деньги: пятьдесятъ пять нумій, а я продвину лодку мимо этихъ собакъ.

Женщина молча усѣлась на скамью и, когда лодочникъ отвалилъ отъ пристани, загроможденной всякаго рода судами, она протянула ему золотую монету.

Лодочникъ взглянулъ на золото, насушилъ брови и поднялъ весла.

— У меня нѣтъ сдачи, — сказалъ онъ, — и такими деньгами тебѣ со мной не разсчитаться; давай другихъ, а то я вернусь.

— Другъ мой, — произнесла спокойно женщина, — доставь меня скорѣе къ первымъ воротамъ Синегіона, и монета твоя.

— Клянусь Пресвятой Богородицей, что моя лодка полетитъ, какъ птица, ты только сядь на середину... Вотъ такъ... Хорошо.

Лодочникъ былъ здоровенный, искусный въ своемъ ремеслѣ, молодецъ, и дѣйствительно его лодка полетѣла съ неимоверной быстротой, какъ на гонкѣ.

Въ бухтѣ было замѣтно два теченія лодокъ: однѣ шли съ пассажирами вверхъ, а другія, пустыя — внизъ. Повидимому, гдѣ-то вблизи былъ праздникъ, на который торопились всѣ жители Византіи и Галаты. Но женщина въ быстро летѣвшей лодкѣ не обращала никакого вниманія на движеніе, царившее вокругъ нея. Она сидѣла, поникнувъ головой и закрывъ лицо руками. По временамъ даже вырывались изъ ея груди полузаглушенные рыданія. Очевидно, по какой-то причинѣ этотъ день не былъ для нея праздникомъ.

— Мы почти доплыли, — сказалъ, наконецъ, лодочникъ.

Не поднимая покрывала, женщина взглянула на берегъ, гдѣ въ низенькой стѣнѣ виднѣлись ворота, передъ которыми стояла большая толпа.

— Спусти меня здѣсь на берегъ. Мнѣ нечего терять времени.

— Берегъ топкій, ты здѣсь не выйдешь.

— Ничего, положи весло на землю, и я по немъ проберусь.

— Хорошо.

Черезъ минуту женщина была на берегу, откуда бросила лодочнику обѣщанную золотую монету и, не дожидаясь благодарности, послѣшно направилась къ воротамъ.

Очутившись внутри Синегіона, она случайно попала въ группу

людей, которые говорили о подготовлявшемся зрѣлищѣ, точно это была новая комедія.

— Ты говоришь, что онъ русскій?

— Да. И страннѣ всего, что онъ поручилъ негру, служившему у князя Индіи...

— Великану?

— Да. Онъ поручилъ этому великану потопить молодого красавца Демедіа.

— А гдѣ теперь негръ?

— Здѣсь, въ одной изъ клѣтѣй.

— Отчего его не отдали на съѣденіе льву?

— У него есть сильный покровитель—княжна Ирина.

— Что же съ нимъ сдѣлаютъ?

— Когда дѣло о цистернѣ совершенно забудется, то его освободятъ, да еще дадутъ ему денегъ.

— Жаль, хорошо бы посмотрѣть, какъ онъ сталъ бы бороться со старикомъ Тамерланомъ.

— Да, онъ молодець, и зрѣлище было бы занятное.

Въ это время разговаривающіе, а съ ними вмѣстѣ и женщина, подошли къ центральному зданію, состоявшему изъ длиннаго ряда арокъ, соединенныхъ высокимъ красивымъ карнизомъ съ балюстрадой, отчего и все зданіе называлось галлереей.

— Вотъ мы и дошли, но все-таки надо торопиться, а то, пожалуй, опоздаемъ.

— А въ какія пойдѣмъ ворота?

— Конечно, въ западныя: они всего ближе.

— Не лучше ли выбрать ворота подъ императорской ложей?

— Нѣтъ, тамъ не пропустятъ.

Разговаривающіе византійцы поспѣшили на западъ, а женщина продолжала идти по прежнему направленію и вскорѣ достигла сѣверной части зданія. Тамъ широкій, крытый проходъ велъ къ воротамъ, которыя отворялись прямо въ арену. Передъ проходомъ стоялъ солдатъ иностраннаго легіона.

— Другъ мой,—сказала женщина, подходя къ нему и говоря нѣжнымъ, умоляющимъ тономъ,—еретикъ, который пострадаетъ сегодня, еще здѣсь?

— Его доставили сюда вчера ночью.

— Бѣдный человекъ,—произнесла женщина дрожащимъ голосомъ,—онъ мнѣ родственникъ, нельзя ли его видѣть?

— Мнѣ не приказано никого пропускать, и къ тому же я не знаю, гдѣ онъ находится.

Женщина залилась слезами и стала въ отчаяніи ломать себѣ руки. Неожиданно послышался, какъ бы въ аренѣ, ревъ дикаго звѣря, и несчастная задрожала всѣмъ тѣломъ.

— Это рычитъ Тамерланъ,—объяснилъ солдатъ.

— Боже мой! — воскликнула женщина. — Левъ уже спущенъ на арену.

— Нѣтъ, онъ еще въ своей клѣткѣ. Его не кормили три дня.

— Что тебѣ именно приказано?—спросила женщина, пересиливъ свое волненіе.

— Никого не пускать.

— Къ клѣти?

— Къ клѣти и на арену.

— Ну, а ты можешь позволить мнѣ постоять у двери въ арену?

— Да, но если ты родственница монаха, то тебѣ будетъ неприятно видѣть его смерть.

Женщина ничего не отвѣчала, а вынула изъ кармана золотой, который положила на ладонь своей руки.

— А ворота заперты?

— Нѣтъ, они на засовѣ съ этой стороны.

— А открываются они въ арену?

— Да.

— Я не прошу, чтобы ты нарушилъ данное тебѣ приказаніе, но дозволь мнѣ постоять у воротъ и посмотрѣть на несчастнаго, когда его выведутъ на арену.

— Хорошо,—сказалъ солдатъ, взявъ протянутую ему золотую монету,—въ этомъ нѣтъ ничего дурного. Иди.

Женщина быстро подошла къ воротамъ, которые были рѣшетчатая, такъ что сквозь перекладины виднѣлась вся арена.

Представившееся ей зрѣлище было до того поразительно, что она едва не упала и схватилась за одну изъ перекладинъ. Потому она подняла покрывало и стала смотрѣть на арену, тяжело переводя дыханіе.

Самая арена была пуста и посыпана мокрымъ пескомъ, а надъ окружавшей ее, словно колодезь, высокой стѣной виднѣлись тысячи зрителей: мужчинъ, женщинъ и дѣтей, въ праздничныхъ одеждахъ. Она всплеснула руками и стала молиться.

Казнь была назначена въ полдень, а до того времени эта несчастная женщина, стоя у воротъ, плакала, вдыхала и молилась. Солдатъ вскорѣ совершенно забылъ о ней. Она заплатила ему за свое мѣсто, и ему нечего было о ней беспокоиться. По всей вѣроятности, она была любовницей монаха, а потому ея дѣло было, выдержитъ ли она ужасное зрѣлище казни, а не его.

Прошелъ цѣлый часъ, и долетавшіе до несчастной веселые крики и смѣхъ толпы въ аренѣ наполняли ужасомъ ея сердце.

— Милосердый Боже,—лепетала она едва внятно,—и это творится Твоимъ именемъ.

Случайно глаза ея остановились на засовѣ, которымъ были заперты ворота, и она замѣтила, что кольцо засова находилось близъ

нея, такъ что ей стоило только дернуть его рукой, и она очутилась бы въ аренѣ.

Неожиданно, прямо противъ нея, въ стѣнѣ, отворилась большая дверка, и изъ нея выглянулъ человѣкъ гигантскаго роста. Открывшееся передъ нимъ зрѣлище, повидимому, его изумило, и онъ быстро исчезъ, захлопнувъ за собою дверцу; но женщина все-таки успѣла замѣтить, что онъ былъ негръ, а публика, увидавъ его, подняла громкій ропотъ, на который сталъ вторить какой-то дикій ревъ.

— Тамерланъ! Тамерланъ!—весело воскликнула толпа и начала неистово рукоплескать.

Женщина въ ужасѣ отскочила отъ воротъ.

Спустя нѣсколько времени вышелъ на арену какой-то человѣкъ и, осмотрѣвшись вокругъ, направился къ другой двери въ стѣнѣ. На его стукъ вышли двое: вооруженный солдатъ и монахъ. На послѣднемъ былъ клобукъ и черная ряса, доходившая до бо-сыхъ ногъ съ чрезвычайно длинными рукавами, изъ которыхъ не-видно было даже пальцевъ. Вся толпа мгновенно замерла, и изъ устъ въ уста стало переходить одно слово, произносимое со стра-хомъ, не лишеннымъ сожалѣнія:

— Еретикъ... еретикъ...

Это былъ Сергій.

Солдатъ провелъ его до центра арены и оставилъ его тамъ, снявъ предварительно ему клобукъ. Удаляясь, онъ уронилъ свою перчатку, и Сергій, наклонившись, поднялъ ее и подалъ ему. Потомъ онъ спокойно, безстрашно поднялъ голову къ небу и скре-стилъ руки на груди. Вся его фигура дышала такимъ спокой-ствиемъ, что можно было подумать, не зналъ ли онъ о своемъ по-милованіи, или спасеніи. Его необыкновенное же сходство съ обыч-нымъ ликомъ Христа произвело на всѣхъ присутствующихъ та-кое потрясающее впечатлѣніе, что если бы онъ дѣйствительно былъ спасенъ отъ смерти какимъ либо чудомъ, то это, повиди-мому, никого не удивило бы. Губы его медленно двигались, и всѣ полагали, что онъ молился, но онъ въ сущности тихо повторялъ:

— Я вѣрую въ Бога и Его предвѣчнаго Сына Іисуса Христа.

Когда солдатъ удалился съ арены, раздался звукъ трубы. Въ ту же минуту отворилась дверка налѣво отъ воротъ, у которыхъ стояла несчастная женщина, и оттуда тихо вышелъ левъ, моргая глазами, не привычными къ свѣту. Онъ остановился на порогѣ и, медленно поворачивая свою огромную голову то въ одну сторону, то въ другую, какъ бы спрашивалъ себя, дѣйствительно ли онъ на свободѣ.

Наглядѣвшись по сторонамъ и вдохнувъ въ себя значительное количество свѣжаго воздуха, Тамерланъ неожиданно замѣтилъ мо-наха. Онъ высоко поднялъ голову, наострилъ уши, встряхнулъ

своей гривой и замахалъ хвостомъ. Желтые глаза его стали блестятъ, какъ уголья, и онъ оглушилъ арену громкимъ ревомъ. Въ эту минуту онъ представлялъ величественное зрѣлище и какъ бы спрашивалъ себя, что меня ожидаетъ: борьба, или жертва?

Черезъ минуту левъ медленно вышелъ на арену и сталъ подбираться къ удивившему его предмету. Хотя монахъ былъ видный, сильный и мускулистый юноша, но съ такимъ врагомъ онъ не могъ ничего подѣлать, тѣмъ болѣе, что онъ былъ не вооруженъ, и длинные рукава мѣшали ему даже владѣть руками. Къ тому же онъ, повидимому, былъ сосредоточенъ въ молитвѣ и не думалъ о борьбѣ.

Толпа съ лихорадочной дрожью смотрѣла то на человѣка, то на звѣря; но въ этомъ зрѣлищѣ была такая тайная притягательная сила, что никто не могъ оторвать отъ него глазъ.

Но вотъ левъ остановился и сталъ озираться съ какимъ-то безпокойствомъ. Чего онъ боялся, сказать было трудно, но онъ началъ прежде тихо, а потомъ все скорѣе и скорѣе кружить по аренѣ, вдоль стѣны, какъ бы отыскивая себѣ лазейку и не обращая никакого вниманія на монаха.

Въ толпѣ, еще за минуту млѣвшей отъ ужаса, раздался гнѣвный ропотъ, словно она выражала нетерпѣніе, что ожидаемое кровавое зрѣлище откладывается, благодаря непонятной трусости звѣря.

Среди общаго смятенія неожиданно отворились ворота подъ императорской ложей, потомъ быстро затворились. Толпа снова замерла. Женщина быстро переходила черезъ арену, направляясь къ монаху. Льва ожидала теперь не одна, а двѣ жертвы.

Женщина была вся въ бѣломъ, съ обнаженной головой и босая. Лицо ея сіяло небеснымъ вдохновеніемъ.

— Боже милостивый! Это княжна Ирина!—раздалось въ толпѣ. Мужчины закрыли глаза руками, а женщины попадали въ обморокъ.

Императорская ложа была отдана братству св. Іакова, которое наполняло ее сверху до низу. Какъ только появилась на аренѣ княжна Ирина, то игумень, а за нимъ всѣ братья подняли громкій крикъ:

— Спасите еѣ! Спасите! Убейте льва!..

Но если этотъ крикъ и былъ искреннимъ, то дѣло уже зашло слишкомъ далеко. Судьба обѣихъ жертвъ зависѣла отъ звѣря, и никто не осмѣлился бы стать между ними.

Между тѣмъ, никѣмъ не замѣченный, снова показался въ дверяхъ своей клѣтки гигантъ негръ. На этотъ разъ онъ не удалился, а, увидавъ монаха, княжну и льва, смѣло вышелъ на арену. За поясомъ у него виднѣлась короткая сабля, а на лѣвомъ плечѣ нѣчто въ родѣ рыболовной сѣти.

Достигнувъ Сергія, княжна Ирина положила ему руку на плечо.

— Бѣги, бѣги! въ тѣ же ворота, откуда пришла!—воскликнулъ онъ, неожиданно очнувшись отъ своего религіознаго соверчанія.— Боже мой! уже поздно!

И, ломая руки, онъ залился слезами.

— Я не убѣгу—отвѣчала спокойно Ирина:—я довела тебя до этого, такъ умремъ вмѣстѣ. Лучше быть жертвой льва, чѣмъ угрызёной совѣсти. Мы умремъ вмѣстѣ: я также вѣрю въ Бога и въ Его Предвѣчнаго Сына Іисуса Христа.

— Хорошо,—отвѣчалъ Сергій, улыбаясь сквозь слезы:—святое воинство мучениковъ встрѣтитъ насъ, а Господь отведетъ намъ мѣсто въ раю.

Теперь левъ остановился въ своемъ быстромъ бѣгѣ. Онъ повернулъ голову, устремилъ свои сверкавшіе глаза на двухъ несчастныхъ и сталъ медленно подвигаться къ нимъ, поднимая свою голову, раскрывъ пасть и высунувъ языкъ. Его дикій, торжествующій ревъ опровергалъ взведенное было на него зрителями обвиненіе въ трусости, и онъ очевидно рѣшился разомъ покончить со своими жертвами.

Въ эту минуту Нило спокойно всталъ передъ монахомъ и княжной, взявъ въ руки сѣть, которой ловятъ львовъ въ его родномъ Кашъ-Кушѣ. Пристально смотря въ глаза подходившему звѣрю, онъ расправилъ свою сѣть и ждалъ нападенія.

Тамерланъ остановился. Это что за диковина?—казалось, спрашивалъ онъ себя и, прежде чѣмъ броситься на своихъ жертвъ, онъ прилегалъ на землю, оглашая воздухъ тревожнымъ ревомъ.

Всѣ присутствующіе поняли планъ Нило. Онъ очевидно дождался, когда звѣрь бросится на своихъ жертвъ, и въ эту минуту поймаетъ его въ свою сѣть. Но, чтобы удался этотъ смѣлый подвигъ, необходимы были удивительная вѣрность глаза, безошибочный расчетъ, увѣренность въ себя и въ своихъ нервахъ.

Пока всѣ глаза были устремлены на арену, въ императорской ложѣ произошло смятеніе: какой-то человекъ въ блестящемъ вооруженіи пробирался тамъ, самымъ безцеремоннымъ образомъ, между братіей. Онъ грубо толкалъ ихъ изъ стороны въ сторону, перепрыгивалъ черезъ скамьи, а когда очутился передъ стѣной, отдѣлявшей зрителей отъ арены, то прежде бросилъ на песокъ свой плащъ и мечъ, а потомъ соскочилъ туда самъ. Съ быстротою молніи онъ надѣлъ себя на руку щитъ, другою схватилъ мечъ и, вполне понимая намѣреніе негра, подбѣжалъ къ нему и всталъ за нимъ, но передъ мучениками. Всѣ зрители пришли въ восторгъ отъ смѣлой доблести этого новаго защитника несчастныхъ жертвъ льва и подняли такой крикъ сочувствія, что ясно было, какъ мгновенно измѣнилось ихъ настроеніе. За нѣсколько минутъ передъ тѣмъ они упрекнули льва въ трусости, а теперь открыто

молили небо даровать побѣду храбрымъ бойцамъ надъ лютымъ звѣремъ.

Этотъ шумъ подѣйствовалъ на Тамерлана. Онъ гордо взглянулъ на толпу и сталъ быстрѣе приближаться къ своимъ жертвамъ. Онъ высоко держалъ свою гриву, но языкомъ и хвостомъ касался до земли; онъ уже болѣе не рычалъ и извивался всѣмъ тѣломъ, точно змѣя. Нило ожидалъ его неподвижно, какъ бы статуя, а за нимъ стоялъ на сторожѣ графъ Корти, зорко слѣдя за каждымъ движеніемъ противника. Между ними оставалось тридцать футовъ, потомъ двадцать пять, наконецъ двадцать. Левъ остановился, присѣлъ и съ дикимъ ревомъ сдѣлалъ прыжокъ. Въ то же мгновеніе въ воздухѣ просвистѣли свинцовыя гири, привязанныя къ сѣти, и многочисленныя мелкія ея петли быстро покрыли все пространство передъ мучениками. Когда левъ почувствовалъ землю подъ своими ногами, то онъ уже весь былъ запутанъ въ сѣти.

Наступила краткая, но ярая борьба: чудовище ревлло, скрежетало зубами, каталось по песку, силилось освободить то одну, то другую лапу и все болѣе и болѣе запутывалось. вмѣстѣ съ тѣмъ Нило не дремалъ, и прежде чѣмъ зрители поняли, въ чемъ дѣло, онъ сталъ быстро наносить ему саблей ударъ за ударомъ.

Наконецъ дѣло было кончено, и гордость Синегіона лежала бездыханной на пескѣ. Отовсюду раздались крики радости и торжества.

Въ эту минуту всеобщаго восторга графъ Корти подошелъ къ Нило и спросилъ его съ удивленіемъ:

— Кто ты такой?

Нило улыбнулся и знакомъ показалъ, что онъ нѣмъ и глухъ. Тогда графъ повелъ его къ княжнѣ Иринѣ.

— Успокойся, святая мученица, — сказалъ онъ: — левъ убитъ, и ты спасена.

Она не слыхала его словъ, и онъ, упавъ передъ ней на колѣна, прибавилъ:

— Левъ убитъ, княжна, и вотъ кто тебя спасъ.

Она бросила на негра взглядъ, полный благодарности, но не могла произнести ни слова.

— Ты также долженъ поблагодарить его за свое спасеніе, — продолжалъ графъ, обращаясь къ монаху.

— Благодарю тебя, Нило, — произнесъ Сергій: — но и тебѣ, благородный итальянецъ, я не менѣе обязанъ, такъ какъ ты хотѣлъ защитить насъ своимъ мечемъ. Но, — прибавилъ онъ, бросивъ взглядъ на императорскую ложу: — ты напрасно думаешь, графъ Корти, что я спасенъ. Вотъ тамъ сидятъ звѣри, не менѣе кровожадные, чѣмъ убитый левъ, а отъ нихъ зависитъ моя судьба. Я для нихъ все тотъ же еретикъ, котораго они приговорили къ смерти. Не думай болѣе обо мнѣ, благородный итальянецъ, и предоставь меня

Богу, а позаботься о княжнѣ; она одна нуждается въ твоей помощи.

— Что же они могутъ съ тобой сдѣлать!—воскликнулъ Корти:—небо рѣшило бой въ твою пользу. Развѣ у нихъ есть другой левъ?

Ясно было, что хотя слѣдовало удалить поскорѣе княжну изъ арены, и объ этомъ долженъ былъ позаботиться графъ Корти, но онъ въ то же время хотѣлъ принять участие и во второй борьбѣ съ новымъ звѣремъ, если таковая должна была произойти.

— Помогите мнѣ, любезный монахъ, — сказалъ онъ черезъ минуту:—вонъ дверь въ какую-то клѣтку,—прибавилъ онъ, указывая на дверь, изъ которой вышелъ Нило:—отнесемъ туда княжну, она тамъ будетъ въ безопасности, а потомъ мы вмѣстѣ вернемся на арену. Если твои братья христіане потребуютъ продолженія твоей казни, то клянусь Аллахомъ...

Въ сильномъ волненіи Мирза забылъ взятую на себя роль, но тотчасъ же спохватился и прибавилъ:

— Клянусь Аллахомъ, что въ этомъ случаѣ ихъ жестокость возмутила бы мусульманъ!

Черезъ нѣсколько минутъ княжна спокойно находилась въ маленькой клѣткѣ, а Сергій и графъ Корти вернулись на арену.

Не успѣли они поровняться съ главными воротами, какъ къ нимъ подошло нѣсколько братьевъ св. Якова.

— Мы пришли снова арестовать тебя,—произнесли они, обращаясь къ Сергію.

— Хорошо,—отвѣчалъ юноша:—я иду за вами.

Но графъ Корти выступилъ впередъ и, гордо поднявъ голову, спросилъ:

— Чьей властью вы вновь арестуете его?

— Такъ приказалъ нашъ игумень.

— Этому не бывать, и я вамъ его не отдамъ, если вы не принесете мнѣ письменнаго приказа его величества императора объ его арестѣ. Клянусь въ этомъ Пресвятой Богородицей!

— Но игумень...

— Я сказалъ, и мои слова подтвердить мой мечъ!—воскликнулъ графъ Корти, ударя своей стальной перчаткой о рукоятку меча:—идите къ вашему игумену и передайте мои слова.

— Прошу тебя, благородный графъ, — произнесъ Сергій: — не вмѣшивайся въ мое дѣло. Господь спасъ меня однажды, онъ можетъ спасти меня и во второй разъ!

— Нѣтъ, любезный монахъ,—отвѣчалъ графъ съ необыкновеннымъ одушевленіемъ:—я слышалъ твою проповѣдь въ св. Софіи, и ты такъ говорилъ, что имъ слѣдовало упасть къ твоимъ ногамъ, а они предали тебя смерти. Меня побуждаетъ сочувствіе не только къ тебѣ и къ проповѣдуемой тобой истинѣ, но и къ княжнѣ. Я знаю, что найдутся люди, которые скажутъ, что она явилась сюда

потому, что она твоя любовница; но тебѣ и мнѣ извѣстно, что это ложь! Она явилась сюда потому, что ее мучила совѣсть, такъ какъ она побудила тебя на этотъ геройскій подвигъ, и если ты умрешь, то она не будетъ знать ни минуты покоя. Поэтому, любезный монахъ, не мѣшай мнѣ дѣйствовать. Ты не пойдешь съ этими кровожадными звѣрями ни добровольно, ни силой!.. Идите къ вашему игумену, и пусть онъ пошлетъ къ императору за письменнымъ приказомъ объ арестѣ этого монаха, иначе я не отдамъ вамъ его!

Братья съ изумленіемъ и страхомъ посмотрѣли на графа, спокойно опиравагося рукой на мечъ, съ которымъ онъ только что хотѣлъ вступить въ бой со львомъ. Потомъ они повернулись и пошли къ своему игумену, но не успѣли они сдѣлать двухъ шаговъ, какъ ворота подъ императорской ложей отворились, и въ нихъ показался самъ Константинъ верхомъ на лошади, которая была вся въ цѣннѣ отъ быстрой ѣзды.

— Графъ, гдѣ моя родственница? — спросилъ онъ итальянца, подѣвжая къ нему и осаживая коня.

— Она спасена, ваше величество, и находится вонъ въ той клѣтѣ,—отвѣчалъ Корти, цѣлуя руку императора.

— Это твое дѣло, графъ?— снова спросилъ Константинъ, взглянувъ на мертваго льва.

— Нѣтъ. Вотъ кто его убилъ.

И графъ указалъ на негра.

Императоръ молча снялъ со своей шеи золотую цѣпь и надѣлъ ее на Нило. Потомъ онъ направился въ клѣтку, гдѣ находилась княжна Ирина, и нѣжно поцѣловалъ ее въ лобъ.

— Успокойся, — сказалъ онъ:— сейчасъ принесутъ паланкинъ, и ты отправишься домой.

— А Сергій?—спросила молодая дѣвушка.

— Братство должно отказаться отъ своихъ правъ на него. Небо ясно выразило свою волю.

Произнеся эти слова, императоръ объяснилъ, что, отдавая Сергія на судъ братства, онъ уступилъ только силѣ обстоятельствъ и при томъ никогда не думалъ, что дѣло дойдетъ до казни, а если онъ и дозволилъ вывести льва на арену, то полагалъ, что игумень удовольствуется впечатлѣніемъ на толпу этого страшнаго зрѣлища, и въ послѣднюю минуту помилуетъ Сергія, замѣнивъ казнь какойнибудь дисциплинарной мѣрой. Но когда до него дошла вѣсть, что дѣло въ Синегіонѣ принимаетъ роковой характеръ, то онъ приказалъ сдѣлать коня и поскакалъ туда. По дорогѣ онъ уже узналъ, что вмѣстѣ съ Сергіемъ вышла на арену и княжна Ирина. Тогда онъ чуть не обезумѣлъ отъ горя и сталъ немилосердно шпорить коня. Слава Богу, небо заступилось за невинныхъ мучениковъ!

Черезъ нѣсколько времени принесли паланкинъ, и княжна Ирина отправилась домой.

Тогда императоръ позвалъ все братство св. Іакова и объявилъ ему, что онъ запрещаетъ всякое дальнѣйшее преслѣдованіе Сергія, такъ какъ онъ уже понесъ слишкомъ тяжелое наказаніе.

Игуменъ протестовалъ, но Константинъ остановилъ его на полусловъ и заявилъ съ чисто царственнымъ величіемъ, а также столь громко, что вся толпа его слышала:

— Съ этой минуты я не стану болѣе подчиняться духовной указкѣ и буду руководствоваться только своимъ собственнымъ разсудкомъ во всемъ, что касается жизни и благоденствія моихъ подданныхъ.

По его приказанію Сергіи былъ отведенъ въ Блахернскій дворецъ и на слѣдующій день былъ назначенъ причетникомъ придворной часовни, чѣмъ прекратились всѣ его отношенія къ братству св. Іакова.

— Государь, — сказалъ графъ Корти, когда императоръ окончилъ свои распоряженія на аренѣ: — я прошу у тебя милости.

— Говори, — отвѣчалъ Константинъ, узнавшій уже о геройскомъ поступкѣ Корти.

— Отдай негра подь мое покровительство.

— Если ты, графъ, разумѣешь подь этимъ его освобожденіе изъ тюрьмы, то я готовъ исполнить твою просьбу, и, конечно, онъ не можетъ имѣть болѣе достойнаго покровителя; но не забывай, что его привезъ въ нашъ городъ князь Индіи, и если когда нибудь возвратится сюда этотъ таинственный человѣкъ, то тебѣ придется отдать ему негра.

— Благодарю тебя, государь, за твою милость и согласенъ на поставленное тобой условіе.

Между тѣмъ къ офицеру императорскихъ тѣлохранителей подошелъ солдатъ, стоявшій на часахъ въ проходѣ подь императорской ложей, и доложилъ:

— Я нашелъ у воротъ въ арену женскую одежду: покрывало и башмаки.

— Откуда они тамъ взялись?

— Они принадлежать какой-то женщинѣ, которой я дозволилъ, въ виду ея просьбы, постоять у воротъ и посмотреть, какъ выведутъ на арену еретика.

— Это была княжна Ирина! — воскликнулъ офицеръ: — отдай мнѣ ея вещи, и я спрошу ее, что съ ними дѣлать.

Къ вечеру Синегионъ принялъ свой обычный мирный характеръ. Но этотъ день остался надолго памятенъ византіяцамъ, между прочимъ потому, что съ того времени братство св. Іакова стало открыто дѣйствовать противъ императора.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ <НОВАГО ВРЕМЕНИ>

А. С. СУВОРИНА.

(С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ, Одесса и Саратовъ).

ВЪ СЕНТЯБРЬ 1895 г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 25-й.

- Абрамовичъ, Н.** О крестьянскихъ сервитутахъ въ губерніяхъ западныхъ, прибалтійскихъ и царства Польскаго. Спб. 1895 г. Ц. 1 р. 60 к.
- Агафоновъ, В.** Настоящее и прошлое земли. (Популярная геологія). Съ 237 рис. Спб. 1895 г. Ц. 2 р.
- Адресъ-Календарь.** Общая роспись начальствующихъ и прочихъ должностныхъ лицъ на 1895 г. Ц. 3 р.
- Альбовскій, Ев.** Исторія Харьковскаго Слободскаго казачьяго полка (1651—1765 гг.). Харьковъ. 1895 г. Ц. 2 р.
- Альбомъ фототипій съ картинъ извѣстныхъ русскихъ художниковъ, 20 снимковъ, въ изящной папкѣ.** Спб. 1895 г. Ц. 1 р.
- Альманахъ П. О. Яблонскаго.** Ежегодникъ на 1896 г. Ц. 1 р.
- Алябовъ, Б.** Связка интимныхъ писемъ. М. 1895 г. Ц. 1 р.
- Артисты лѣтнихъ сценъ Петербурга.** Спб. 1895 г. Ц. 2 р.
- Айналовъ, Д.** Мозаики IV и V вѣковъ. Изслѣдованія въ области иконографіи и стили древне-христіанскаго искусства. Спб. 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Батюшковъ, В.** Корнелевъ «Сидъ». Историко-литературный анализъ поэмы. Спб. 1895 г. Ц. 50 к.
- Белльвичъ, Д.** Сказки и преданія. М. 1895 г. Ц. 50 к.
- Безъръ, В.** Административный уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ сельскимъ старостой и волостнымъ старшиной. М. 1896 г. Ц. 1 р.
- Бленки, Дж.** Самовоспитаніе умственное, физическое и нравственное. Перев. съ англ. В. Вольфсонъ. Спб. 1895 г. Ц. 50 к.
- Богдановичъ, А.** Пережитки древняго міросозерцанія у бѣлоруссовъ. Этнографическій очеркъ. Гродна. 1895 г. Ц. 60 к.
- Бомарше, П.** Севильскій цирюльникъ или бесполезная осторожность. Комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Пер. А. Чудинова. Изд. 2-е («Дешевая Библіотека» А. С. Суворина, № 84-а). Ц. 15 к., въ папкѣ 22 к., въ перепл. 30 к.
- Брандесъ, Г.** Литература XIX вѣка въ ея главныхъ теченіяхъ. Французская литература. Съ 13 портретами и вступительной статьей Е. А. Соловьева. Спб. 1895 г. Ц. 2 р.
- Эмиль Зола. Одесса. 1895 г. Ц. 15 к.
- Брассъ, Л.** Гуттаперча, ея происхожденіе, добыча и обработка. Перев. съ франц. А. Бессонъ. Спб. 1895 г. Ц. 1 р.
- Великорусскія народныя пѣсни.** Изд. проф. А. А. Соболевскимъ. Спб. Ц. 3 р.
- Владиславлевъ, М.** Учебникъ логики. Изд. 2-е. М. 1895 г. Ц. 60 к.
- Винклеръ, П.** (фонъ). Родословія русскаго дворянства. Дворяне и графы Путятины. Спб. 1895 г. Ц. 1 р.
- Дворяне Казнаковы. Спб. 1895 г. Ц. 1 р.
- Висковатовъ, Пав.** О «Фаустѣ» Гете. Спб. 1895 г. Ц. 50 к.
- Волюва, М.** (врачъ), и Вольфсонъ, В. Курсъ гігіены для женскихъ гимназій. Съ 70 политип. Спб. 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Воспоминанія земскаго врача.** Разсказъ. Варшава. 1896 г. Ц. 50 к.
- Гаршинъ, Евг.** Русская литература XIX вѣка. Опытъ исторіи новѣйшей русской

- словесности въ біографіяхъ, характеристикахъ и образахъ. Т. I. Вып. 3-й. Грѣбовъ. Спб. 1895 г. Ц. 40 к.
- Георгіевскій, Гр. Праздничныя службы и церковныя торжества въ старой Москвѣ. М. 1896 г. Ц. 30 к.
- Гейнце, Н. Генералисимусъ Суворовъ. Историческій романъ XVIII столѣтія. Въ 3-хъ частяхъ. Спб. 1895 г. Ц. 2 р.
- Гильти, Н. Счастье. Популярныя очерки по нравственной философіи. Перев. А. Острогорскаго. Изд. 3-е. Спб. 1895 г. Ц. 50 к.
- Норре-Сейлер, Т., и Thierfelder, Н. Физиологическая химія. Руководство къ физиолого- и патолого-химическому анализу для врачей и студентовъ. Спб. 1895 г. Ц. 3 р.
- Горбуновъ, П. Программы, учебныя планы мужскихъ гимназій и прогимназій. Изд. 3-е. Спб. 1895 г. Ц. 50 к.
- Горшельтъ. Кавказскіе походныя рисунки. Изданіе великаго князя Георгія Михайловича. Вып. IV. Ц. 5 р.
- Горяиновъ, С. Уставы о воинской повинности. Изд. 7-е, пересмотрѣнное и дополненное. Спб. 1895 г. Ц. 5 р.
- Гофманъ, М. Курсъ программныхъ работъ слесарнаго, токарнаго и кузнечнаго дѣла для низшихъ ремесленныхъ школъ. Одесса. 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Гюго, В. Собраніе стихотвореній. Выпускъ V. Ц. 20 к.
- Д., М. Справочная книжка по гальванопластикѣ, съ указаніемъ химическихъ веществъ, входящихъ въ нее, ихъ свойствъ, приготовленія, употребленія и испытанія. Спб. 1895 г. Ц. 80 к.
- Дрилъ, Дм. Преступность и преступники. Уголовно-психологическіе этюды. Спб. 1895 г. Ц. 1 р. 20 к.
- Dujardin-Beaumontz (Prof.). Искусство прописывать рецепты. Перев. съ франц. Съ 20 рис. Спб. 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Жасминовъ, Алексій гр. (В. Буренинъ). Очерки и пародіи. Изд. 2. Спб. 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Живописное обозрѣніе русскихъ святыхъ мѣстъ. Кіево-Печерская лавра. Одесса. 1894 г. Ц. 25 к. Троице-Сергиевская лавра. Ц. 25 к. Почаевская Успенская лавра. Ц. 25 к. Александроневская лавра. Ц. 25 к.
- Житіе, подвиги, чудеса преподобнаго и богоноснаго отца нашего Сергія. Съ рис. М. 1896 г. Ц. 30 к.
- Житновъ, С. Воздѣйствіе на курсъ рубля учетнымъ процентомъ. Спб. 1895 г. Ц. 1 р.
- Жуковскій, В. А. Сочиненія. Изд. 9-е, исправл. и дополн., подъ ред. П. А. Ефремова. 4 т. Спб. 1895 г. Ц. 5 р.
- Запасникъ, Н. Разведеніе лѣса въ степномъ краѣ. Съ 23 рис. Спб. 1895 г. Ц. 40 к.
- Зеландъ, Н. (д-ръ). Здоровье и счастье. М. 1895 г. Ц. 2 р.
- Землеводѣніе. Періодическое изданіе Географическаго отдѣленія, подъ ред. Д. Н. Анучина. Книжка IV. М. 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- З—скій, Я. О. Іоаннъ Кроунштадтскій на Волгѣ лѣтомъ 1894 г. Съ портр. и рисунк. Спб. 1895 г. Ц. 40 к.
- Зюршеръ и Марголле. Микроскопъ и телескопъ. Съ 42 рисунк. Спб. 1895 г. Ц. 50 к.
- Ивановъ, И. Средневѣковой монастырь и его обитатели. Съ 26 рис. Спб. 1895 г. Ц. 1 р.
- Изготовленіе рисунковъ для волшебнаго фонаря. М. 1895 г. Ц. 75 к.
- Иллюстрированный Петербургъ. Новый адресъ-календарь-хроника. Весенній выпускъ. 1895 г. Ц. 1 р.
- Искра, П. И. А. Крыловъ. Одесса. 1895 г. Ц. 20 к.
- Исторія ласточекъ. Легенда-рассказъ для дѣтей. Перев. съ франц. Спб. 1895 г. Ц. 40 к.
- Картовъ, Н. Введеніе въ курсъ исторіи древняго міра (Греція и Римъ). 3-е изд. Спб. 1895 г. Ц. 80 к.
- Письма къ учащейся молодежи о самообразованіи. 5-е изд. Спб. 1895 г. Ц. 50 к.
- Каутскій, Нарль. Очерки и этюды. Спб. 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Кирпичевъ, В. Отчетъ о командировкѣ въ Сѣверную Америку. Спб. 1895 г. Ц. 75 к.
- Клаусенъ, Ф. Краткій учебникъ огородничества, размноженія растений и плододовѣтства, особенно для юга Россіи. Ч. III. Плододовѣтство. Съ 100 рис. Спб. 1895 г. Ц. 30 к.
- Кливе, А. Приходо-расходная книга домохозяйки на всѣ дни года. Спб. 1895 г. Ц. 1 р.
- Новалевскій, Максимъ. Происхожденіе современной демократіи. Т. II. М. 1895 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Колеръ, І. (проф.). Шекспиръ съ точки зрѣнія права (Шейлокъ и Гамлетъ). Перев. съ нѣм. Спб. 1895 г. Ц. 1 р.
- Колубовскій, Я. Философскій ежегодникъ. Обзоръ книгъ, статей и замѣтокъ, преимущественно на русскомъ языкѣ, имѣющихъ отношеніе къ философскимъ знаніямъ. М. 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Кондратьевъ, Г. «Вѣстникъ иностран-

- ной литературы пчеловодства» 1892—1893 г. Изд. 2-е. Спб. 1895 г. Ц. 1 р.
- Консульскія донесенія по торговлѣ и промышленности. Вып. I. Швеція и Норвегія. Спб. 1895 г. Ц. 75 к.
- Корсаиновъ, В. «Самолетъ» для переправы черезъ рѣки. Съ 12 рис. въ текстѣ. Спб. 1895 г. Ц. 15 к.
- Краузе, Вл. Гомеровскій словарь (къ Илиадѣ и Одиссеѣ). Съ 102 рис. и карт. Трои. Изд. 2-е пересмотр. и дополнен. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Кривошеинъ, Г., и Сатиевичъ, А. Висячій мостъ со среднимъ шарниромъ. Статистически опредѣлимая система. Спб. 1895 г. Ц. съ чертежами 2 р. 50 к.
- Кругловъ, А., и Догановичъ, А. Какъ Мама стала мастерицей. Повесть для дѣтей. Спб. 1895 г. Ц. 75 к.
- Крыловъ, А. Педагогическіе очерки. Вып. I. Новочеркасск. 1895 г. Ц. 40 к.
- Крыловъ. Басни. Юбилейное изданіе. Спб. 1895 г. Ц. въ переп. 3 р.
- Кунольнинъ, М. Историческія повѣсти. Книга пятая. Запорожцы. Историческая была времянь Екатерины Великой. Изд. 3-е. («Дешевая Библиотека», № 18). Ц. 10 к.
- Книга шестая. I. Сержантъ Ивановъ, или всѣ за одно. II. Вольный Гетманъ Панъ Савва. III. Староста Маланья. («Дешевая Библиотека», № 33). Ц. 15 к.
- Лазаревскій, Ал. Очерки, замѣтки и документы по исторіи Малороссіи. Т. II. Съ рисункомъ и 2 портретами. Киевъ. 1895 г. Ц. 1 р.
- Ланомъ, П. Соціологическія основы исторіи. Переводъ съ франц. Р. Сементковскаго. Спб. 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Lahmann, H. (D.-r.). О естественномъ уходѣ за дѣтьми. Спб. 1895 г. Ц. 10 к.
- Лангбайнъ, Г. Полное руководство къ осажденію металловъ гальваническимъ путемъ. Гальваностегія, гальванопластика, осажденіе металловъ соприкосновеніемъ и погруженіемъ, гальваническое окрашиваніе металловъ, шлифованіе и полированіе ихъ. Съ 101 рисунк. Спб. 1895 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Латышевъ, П. (врачъ). Здоровье. Бесѣды о томъ, какъ устроено человѣческое тѣло и чѣмъ оно живетъ. Съ 15-ю рис. М. 1895 г. Ц. 25 к.
- Ле-Бонъ, Г. Эволюція цивилизаціи. Одесса. 1895 г. Ц. 50 к.
- Лопаревъ, Хр. Самарово, село Тобольской губерніи и округа. Матеріалы и воспоминанія о его прошломъ. Съ картою, планомъ и видами. Спб. 1895 г. Ц. 1 р.
- Мавриціи, В. Правила и программы классическихъ гимназій и прогимназій. Изд. 4-е. М. 1896 г. Ц. 60 к.
- Маминъ-Сибирякъ. Три конца (Уральская летопись). Спб. 1895 г. Ц. 2 р.
- Хлѣбъ. Романъ. М. 1895 г. Ц. 2 р.
- Мартыновъ, Н. Положеніе о нотаріальной части, разъясненное и дополненное. Изд. 2-е. Спб. 1895 г. Ц. 3 р.
- Мензбиръ, М. Птицы Россіи. Вып. 6 и 7 (послѣдній). М. 1895 г. Ц. за 2 тома 10 р.
- Меренинскій, Н. Какъ обрѣзывать виноградный кустъ. Съ 15 рис. Спб. 1895 г. Ц. 20 к.
- Милль, Дж.-Ст. Основанія политической экономіи съ нѣкоторыми изъ ихъ приложеній къ общественной философіи. Перев. А. Миклашевскаго. Вып. IV. М. 1895 г. Ц. 1 р.
- Минто. Дедуктивная и индуктивная логика. Перев. С. А. Котляревскаго. М. 1896 г. Ц. 2 р.
- Морозовъ, П. Финляндія въ торгово-промышленномъ отношеніи. Спб. 1895 г. Ц. 75 к.
- Мусинъ-Пушкина, О. Какъ вести пчелъ въ ульѣ Дахана. Съ 17 рис. Спб. 1895 г. Ц. 25 к.
- Назарьева, М. Драмы и комедіи. Спб. 1895 г. Ц. 2 р.
- Наслѣдникъ Радми. Романъ изъ возстанія сипаевъ. М. 1895 г. Ц. 50 к.
- Недригайловъ, В. (д-ръ). О бѣшенствѣ у людей и животныхъ (обожествленіе). Харьковъ. 1895 г. Ц. 20 к.
- Новѣйшая исторія Англіи. 1865—1895 гг. Краткій очеркъ событій. Одесса. 1895 г. Ц. 20 к.
- Орменцій, Р. Полезность и дѣяна. Политико-экономическій очеркъ. 1895 г. Ц. 1 р.
- Острогорскій, Викторъ. Изъ исторіи моего учительства. Какъ я сдѣлался учителемъ (1851—1864 гг.). Спб. 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Отчетъ по главному тюремному управленію за 1893 г. Спб. 1895 г. Ц. 2 р.
- Панчулдзевъ, С. Замѣтки по травосѣянію. Люцернъ. Спб. 1895 г. Ц. 20 к.
- Пановъ, Н. Гусли звончаты, пѣсни, были и разныя стихотворенія. Съ портретомъ, биографіей, написанной С. Рыбаковымъ. Спб. 1895 г. Ц. 1 р. 50 к., въ папкѣ 2 р.
- Петровъ, М. Русскій языкъ. Опытъ практическаго учебника русской грамматики. Снятаксисъ въ образцахъ. Спб. 1896 г. Ц. 50 к.
- Платѣвъ, П. Таблицы исчисленія стоимости золотой монеты, принимаемой въ уплату таможенныхъ пошлинъ, а равно

- предѣльнаго вѣса этой монеты. Одесса. 1895 г. Ц. 75 к.
- По, Эд. Таинственные рассказы. Перев. К. Балмонта. М. 1895 г. Ц. 1 р.
- Поспѣловъ-Шахматовъ. Сѣверо-Двинскій край. Путевые очерки. М. 1895 г. Ц. 50 к.
- Пясковский, Н. Гигіена и мораль. Публичная лекція. Курскъ. 1895 г. Ц. 30 к.
- Жизнь и любовь. Курскъ. 1894 г. Ц. 30 к.
- Рено, Арманъ. Героизмъ. Примѣры героизма и нравственной энергіи изъ исторіи всѣхъ временъ и народовъ. Спб. 1896 г. Ц. 1 р.
- Вѣчная красота. Этюдъ эстетическій, философскій и медицинскій. Изд. 2-е. Спб. 1896 г. Ц. 50 к.
- Ростовская, М. Крестьянская школа. Спб. 1894 г. Ц. 1 р. 75 к.
- «Русская Музыкальная Газета». Октябрь. 1895 г. Ц. 30 к.
- Рябовъ, Г. Таблицы пятизначныхъ логарифмовъ чиселъ отъ 1 до 10.000. Для женскихъ гимназій. Одесса. 1895 г. Ц. въ перепл. 40 к.
- Сезонъ въ Друскенинахъ. Очеркъ неизвѣстнаго. Спб. 1895 г. Ц. 30 к.
- Селивановъ, Ѡ. Къ вопросу о галоидныхъ соединеніяхъ азота. Спб. 1895 г. Ц. 1 р.
- «Сельскій Хозяинъ». № 45 и 46. Ц. 20 к.
- «Сельско-Хозяйственный Вѣстникъ». № 37. Ц. 15 к.
- «Семьянинъ». Ежемесячникъ литературы, науки. № 6. Ц. 50 к.
- Сервантесъ, С. Донъ-Кихотъ Ламанчскій. Полный переводъ Н. Тимофѣева. Спб. 1895 г. Ц. 1 р. 20 к.
- Снази русскаго народа. Вып. VIII. М. 1895 г. Ц. 25 к.
- Сворцовъ, Дм. Очерки тверскаго раскола и сектантства. М. 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Сворцовъ, Н. Органическій недугъ современной гимназій. Спб. 1895 г. Ц. 40 к.
- Снабженіе горячей водой небольшихъ жилищъ домовъ. Перев. съ англ. М. 1895 г. Ц. 40 к.
- Современный календарь на 1896 годъ. Ц. 15 к.
- Спенсеръ, Г. О нравственномъ воспитаніи. Перев. съ англ. («Международная Библиотека», № 33). Одесса. 1895 г. Ц. 20 к.
- Станюковичъ, К. Подъ тропиками. Рассказъ. Спб. 1895 г. Ц. 50 к.
- Stetter, d г. Кошечдѣумъ ученія о вывихахъ и переломахъ. Съ предисл. проф. Г. Тернера. Съ 44 рис. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Стѣфанос. Сборникъ статей въ честь Ѡ. Ѡ. Соколова, проф. Спб. университета, къ 30-ти-лѣтней годовщинѣ его ученой дѣятельности. Спб. 1895 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Судебныя драмы. А. Бартевевъ (убійство Висновской). Г. Шамбизъ (убійство Гриль). М. 1895 г. Ц. 1 р.
- «Сѣверный Вѣстникъ». Сентябрь. Ц. 1 р. 20 к.
- «Театраль». Августъ. «Право любить». Комедія въ 4 д. И. Нордау. Опытъ руководства къ сценическому гриму. А. Воскресенскаго. М. 1895 г. Ц. 50 к.
- Темноштровъ, Н. Чтеніе о богослуженіи православной церкви. Спб. 1895 г. Ц. 40 к.
- Титъ Ливій. Книга XXI. Нашествіе Аннибала. Перев. съ латинскаго В. Сиземскій. Тифлисъ. 1895 г. Ц. 80 к.
- Трачевскій, А. (проф.). Русская исторія. Часть 2-я. Изд. 2-е, исправл. и расширенное. Спб. 1895 г. Цѣна за 2 т. 8 р.
- Труды совѣщанія по низшему сельскохозяйственному образованію въ январѣ 1895 г. при департаментѣ земледѣлія. Спб. 1895 г. Ц. 1 р.
- Фирсовъ, П. Опытъ элементарной алгебры въ связи съ логикой. Руководство къ самообразованію. Спб. 1895 г. Ц. 1 р.
- Фогтъ, А. Русско-французскій словарь къ переводамъ съ русскаго языка учебника Margot. Рига. 1894 г. Ц. 40 к.
- Фрейманъ, Ѡ. (фонъ). Пажи за 183 года. Биографіи бывшихъ пажей, съ портретами. Фридрихсгамъ. 1894 г. Цѣна за три выпуска 4 р. 85 к.
- Фулье, А. Современная наука объ обществѣ. Перев. съ франц. М. 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Царь изъ дома Давида. Съ англійскаго Е. М. («Новая Библиотека», № 35). Ц. 60 к.
- Ціонъ, М. Клейковина и крахмалъ изъ русскихъ пшеницъ. Спб. 1895 г. Ц. 30 к.
- Частная переписка Григорія Андреевича Полегинки (1750—1784 гг.). Съ портретомъ. Кіевъ. 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Человѣческія расы. Народы Африки. Сост. подъ редакц. Г. М. Пекаторосъ. Одесса. 1895 г. Ц. 25 к.
- Чернявскій. Писни коханя. Харьковъ. 1895 г. Ц. 65 к.
- Чинъ, В. (проф.). Криминальная антропология. Одесса. 1895 г. Ц. 20 к.
- Швейковскій. Правила и обязанности военныхъ начальниковъ по военно-суднымъ дѣламъ. Практич. руковод. Изд. 3-е, испр. и допол. Спб. 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

О ПОДПИСКѢ
НА
„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“
ВЪ 1896 ГОДУ
(СЕМНАДЦАТЫЙ ГОДЪ).

„Историческій Вѣстникъ“ будетъ издаваться въ 1896 году на тѣхъ же основаніяхъ и по той же программѣ, какъ и въ предшествовавшія шестнадцать лѣтъ (1880—1895).

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ въ годъ (со всѣми приложеніями) десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора **„Историческаго Вѣстника“** въ Петербургѣ при книжномъ магазинѣ **„Новаго Времени“**, Невскій проспектъ, № 38. Отдѣленія конторы въ **Москвѣ**, **Харьковѣ**, **Одессѣ** и **Саратовѣ**, при находящихся въ этихъ городахъ отдѣленіяхъ книжнаго магазина **„Новаго Времени“**.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ.

ЖУРНАЛЬ.

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ **Петербургѣ**, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 38. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ**, **Харьковѣ**, **Одессѣ** и **Саратовѣ**, при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., библіографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты и рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «**Историческаго Вѣстника**» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЬ.

ГОДЪ ШЕСТНАДЦАТЫЙ

НОЯБРЬ, 1895.

СОДЕРЖАНІЕ.

НОЯВРЬ, 1895 г.

	СТР.
I. Въ поискахъ истины. Часть II-я. VIII—XI. (Продолженіе). Н. И. Мердеръ	307
II. Воспоминанія А. В. Эвальда. VIII—X. (Продолженіе)	371
III. Конецъ «Голубятни». IV—V. (Продолженіе). Марка Басанина	403
IV. Въ переломѣ вѣка. (Отрывки изъ старой записной книжки). II. «Морячки». (Окончаніе). П. Б. Мартыанова	434
V. Пестрыя стравички. (Изъ литературныхъ воспоминаній). III. (Продолженіе). А. В. Бруглова	464
VI. О задачахъ критики. (Мысли диллетанта). Ф. Ромера	485
VII. Современные литературные дѣятели. Викторъ Петровичъ Буренинъ. К. Н. Медвѣдскаго	503
VIII. Не трогать. (Эпизодъ изъ временъ императора Николая I). П. П. Колмнина	518
IX. Имамъ Шамиль въ Россіи. А. Рындина	529
X. Каедральный соборъ въ Плоцкѣ. Г. Воробьева	543
Иллюстраціи: 1) Каедральный соборъ Пресвятой Дѣвы въ Плоцкѣ.—2) Памятникъ Дунина-Вольскаго въ Плоцкомъ соборѣ.—3) Памятникъ Станислава Краснскаго въ Плоцкомъ соборѣ.—Гробница польскихъ королей въ Плоцкомъ соборѣ.	
XI. Надежда Васильевна Стасова. (Биографическій очеркъ). В. Ворондаевской	561
Иллюстрація: Надежда Васильевна Стасова.	
XII. Памяти Н. А. Бѣлоголоваго. В. А. Крылова	573
Иллюстрація: Николай Андреевичъ Бѣлоголовый.	
XIII. Заброшенный край. III—V. (Окончаніе). В. В. Глинскаго	581
XIV. Критика и библиографія	604

1) А. Филипповъ, профессоръ Юрьевскаго университета. Исторія сената въ правленіе верховнаго тайнаго совѣта и кабинета. Ч. I. Сенатъ въ правленіе верховнаго тайнаго совѣта. Юрьевъ. 1895. Д. Корсакова.—2) Адольфъ Гаспарі. Исторія итальянской литературы. Томъ I-й. Итальянская литература среднихъ вѣковъ. Переводъ К. Вальмонта. Изд. К. Т. Солдатенкова, М. 1895. А. И — ва.—3) П. А. Тверской. Очерки Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ штатовъ. Спб. 1895. П. А.—4) П. В. Голубзскій. Исторія Смоленской земли до начала XV столѣтія. Киевъ. 1895. Д. Корсакова.—5) Баронъ Николай Александровичъ Корфъ въ письмахъ къ нему разныхъ лицъ. Общая характеристика барона Корфа и пять отдѣльныхъ очерковъ о его дѣятельности. Составилъ М. Л. Песковскій. Спб. 1895. В. Б.—6) «Землевѣдѣніе». Періодическое изданіе географическаго отдѣленія императорскаго общества любителей естествознанія, антропологии и этнографіи. Подъ редакціей предсѣдателя географическаго отдѣленія Д. Н. Анучина. Книжка 1-я. Москва. 1895. Б. В. Н.

См. слѣд. страи

	СТР.
XV. Заграничныя историческія новости и мелочи	619
<p>1) Греческій претендентъ на пальмы Христофора Колумба. — 2) Новое о Данте. — 3) Повѣщенный финансистъ при Францискѣ I. — 4) По стопамъ Маріи Стюартъ. — 5) Новая біографія Вильгельма Молчаливаго. — 6) Папинъ и его первый пароходъ. — 7) Страсбургъ до Людовика XIV. — 8) Станиславъ Лещинскій въ Лотарингіи и переговоры о бракѣ Людовика XV съ дочерью Петра Великаго. — 9) Лафайетъ въ Америкѣ. — 10) Посмертныя сочиненія Тэна. — 11) Открытіе памятника Вильгельму Теллю и перенесеніе сердца Костюшки.</p>	
XVI. Смѣсь	637
<p>1) Восьмисотлѣтіе Рязани. — 2) Открытіе памятника на Шведской могилѣ. — 3) Присужденіе Уваровскихъ премій. — 4) Присужденіе Макарьевскихъ премій. — 5) Дѣятельность экспедиціи для собранія народныхъ пѣсенъ. — 6) Къ столѣтію Кавалергардскаго полка. — 7) Некрологи: Н. А. Манасеинъ; М. А. Пѣтуховъ; И. А. Татариновъ; М. И. Авенаріусъ; А. А. фонъ-Генрици; В. И. Ельцинскій.</p>	
XVII. Забѣтки и поправки	656
<p>1) I. По поводу статьи г. Дубасова. Софіи Батюшковой. — 2) II. Нѣчто о странномъ чловѣкѣ. Вл. Черепанскаго. — 3) Отъ отдѣла для содѣйствія самообразованію при комитетѣ Педагогическаго Музея. — 4) Письмо въ редакцію. А. Браудо и В. Мянотина. — 5) Отвѣтъ «Отдѣлу для содѣйствія самообразованію». Б. Б. Глинскаго.</p>	

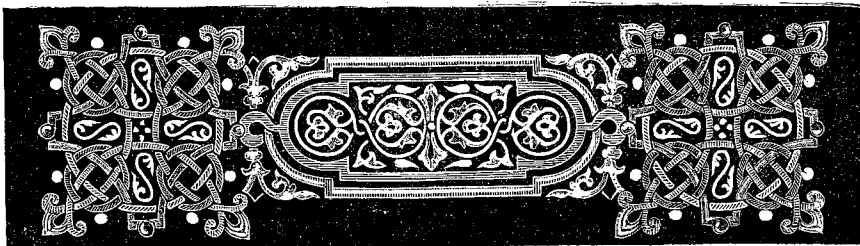
ПРИЛОЖЕНИЯ: 1) Портретъ Виктора Петровича Буренина. — 2) Паденіе Царьграда (The Prince of India or why Constantinople fell). Историческій романъ Люиса Воллеса, автора «Во время оно». Переводъ съ англійскаго. Часть VI. Гл. II—VI. (Продолженіе). — 3) Объявленіе книжныхъ магазиновъ «Новаго Времени» А. С. Суворина — 4) Объявленіе «Нивы» и Программа Организациі Историческаго Музея при Императорскомъ Воспитательномъ Обществѣ благородныхъ дѣвиць.

При настоящей книжкѣ разсылается городскимъ и иногороднимъ подписчикамъ объявленіе о подпискѣ на иллюстрированную бібліотеку «Нивы» въ 1896 году.

ВИКТОРЪ ПЕТРОВИЧЪ БУРЕНИНЪ

дозв. ценз. слѣ., 16 июня 1895 г.

ВЪ ПОИСКАХЪ ИСТИНЫ ¹⁾.

VIII.

ВЪ ТУ ПЕЧАЛЬНУЮ для него ночь Курлятьевъ заснулъ только къ утру тяжелымъ сномъ, во время котораго душа его не переставала страдать. Онъ такъ стоналъ во снѣ, что Прошка нѣсколько разъ подходилъ къ его постели и подолгу стоялъ въ раздумьѣ, глядя на барина: будить его или нѣтъ? И рѣшивъ, что все-таки легче страдать во снѣ, чѣмъ наяву, съ глубокимъ вздохомъ отходилъ, нацыпочкахъ, прочь. Ему извѣстно было, какое у барина горе. Весь городъ зналъ, что молодой Курлятьевъ ухаживаетъ за Бахтеринской боярышней, пріемной дочерью и наслѣдницей его покойнаго дяди, и не было дома, въ которомъ не интересовались бы исходомъ этого событія.

«Дѣло-то видно не сладилось; капризъ напустила на себя боярышня», размышлялъ Прошка, ворочаясь съ боку на бокъ въ неспосной бессонницѣ, на тощей постилкѣ у дверей своего господина. «А втюрился онъ въ нее, по всему видать, здорово. Это не то, что съ питерскими барыньками лазукать, нѣтъ! Эта себѣ цѣну знаетъ, горда и неприступна, какъ принцесса какая, даромъ, что неизвѣстныхъ родителей дочь. Ну, да Богъ дастъ, смилуется, и

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», томъ LXII, стр. 5.

мы женихомъ отсюда уѣдемъ. Тоже вѣдь такихъ-то красавцевъ, какъ мы, на каждомъ шагу не найдить. А если богатствомъ своимъ чванится, такъ и мы не изъ бѣдныхъ. Ну, а насчетъ всего прочаго, что покутить мы въ веселой компаніи не прочь и отъ престлнцы, зажмуривъ глаза, не бѣжимъ, такъ вѣдь мы не монахи, и былъ молодцу не въ укорь. Тоже вѣдь, если послушать, и про нее поговариваютъ. Одинъ-то женихъ ужъ отказался, а чтобъ другіе сватались — не слышать что-то. Болтаютъ въ народѣ, быдто порченая. Можетъ, и враки, а все-таки не гоже, когда про дѣвицу такіе гнилые слухи ходятъ. Ну, и живетъ не совсѣмъ такъ, какъ благородной боярышнѣ подобаешь жить,—одна по улицамъ ходить, повадилась въ нашъ старый домъ, къ Андреичу, и до поздней ночи тамъ по пустымъ комнатамъ бродить. Видали ее чуть свѣтъ и по дорогѣ къ Принкулинской усадьбѣ. Можетъ, воровать туда ходила по женскому любопытству, а, можетъ, милостынку подать, но все-жъ такое поведеніе нельзя благородной дѣвицѣ въ похвалу ставить, значить, очень-то ей ужъ кичиться передъ нами нечего»...

Размышленія Прошки были прерваны громкимъ звономъ лихой тройки, обвѣшанной колокольцами и бубенцами, лихо подкатившей къ крыльцу. Мигомъ весь домъ, за исключеніемъ Курлятьевского барина, поднялся на ноги; высыпали на крыльцо и хозяева и прислуга. Это была коляска изъ имѣнія князя Артемія Владимировича, присланная за Курлятьевымъ. Кучеръ просилъ разбудить молодого барина. Проклажаться было недосугъ, до усадьбы князя насчитывалось отъ города верстъ двадцать пять, дорога, больше чѣмъ на половину, шла густымъ лѣсомъ, по которому скакать сломя голову не вездѣ удобно, да еще надо захватить по пути другого гостя, стряпчаго, Алексѣя Ивановича Корниловича. Дай Богъ, значить, къ обѣду поспѣть, а домъ полонъ гостей, и безъ господина Курлятьева, за столъ не сядутъ. Все это объяснилъ кучеру княжескій дворецкій, провожая его въ путь, и строго-настрога наказывалъ раньше полудня вернуться.

Дѣлать нечего, Прошка отправился будить барина. Но этотъ спалъ теперь такъ сладко и крѣпко, что прежде, чѣмъ къ нему подойти, камердинеръ отдернулъ темную занавѣску у окна и растворилъ его настезь. Утренній воздухъ, пропитанный ароматами весны, ворвался въ душную комнату вмѣстѣ съ золотыми лучами восходящаго солнца, съ оживленнымъ чириканіемъ птицъ и позвякиваніемъ бубенчиковъ, остановившейся у крыльца тройки. Съ минуту поглядѣлъ Прошка на красивое, мужественное лицо барина, съ неуспѣвшей еще засохнуть слезой на щекѣ, сдвинувъ сурово брови, покачалъ головой и принялся готовить одѣваться и умываться, нарочно, съ цѣлью заставить его проснуться, гремя безчисленными туалетными принадлежностями изъ фарфора, се-

ребра и хрустала, безъ которыхъ щеголь того времени не могъ обойтись.

Однако, на улицѣ, встоявшихся лошадей все труднѣе и труднѣе было сдерживать на мѣстѣ. Ихъ покормили и дали имъ отдохнуть на постояломъ дворѣ прежде, чѣмъ снова впрячь въ коляску, и онѣ рвались въ путь.

Все это Прошка доложилъ барину, снова принимаясь его будить, и ужъ на этотъ разъ такъ основательно, что молодой человекъ соскочилъ съ постели и сталъ одѣваться.

Не прошло и получаса, какъ отверженный Магдалиной женихъ уже мчался въ коляскѣ князя Дульского по пыльнымъ улицамъ города и, захвативъ спутника, выѣзжалъ въ поле, сверкавшее изумрудными переливами молодыхъ всходовъ, подъ расплывающимися въ голубой лазури, золотыми лучами восходящаго солнца.

Такое радостное, веселое было утро, что Курлятьевъ не могъ всецѣло предаваться печали, не могъ не прислушиваться къ надеждамъ, навѣваемымъ ему на душу и душистымъ вѣтеркомъ, и ласковымъ шелестомъ листьевъ въ лѣсочкахъ, черезъ которые они проѣзжали, и далекой, таинственной далью, окружающей его со всѣхъ сторонъ, и легкими облачками, скользившими въ бездонной синевѣ, надъ его головой. Магдалина его любитъ. Она ему въ этомъ созналась, а тамъ, гдѣ любовь,—отчаянья быть не можетъ.

Не отчаиваться надо, не отказываться отъ надежды на счастье, а надо узнать, почему она такъ упорно утверждаетъ, что не можетъ сдѣлаться его женой. Ни разу не сказала она: «не хочу», а сто разъ повторила: «не могу», значить тутъ дѣйствуетъ чужая воля.

Какъ отрадна была ему эта мысль!

И, задумчиво улыбаясь утѣшительнымъ мечтаніямъ, рѣвшимъ въ его воображеніи, блуждая взглядомъ по зеленымъ полямъ съ разбросанными тамъ и сямъ группами кудрявыхъ деревьевъ, онъ ощущалъ во всемъ своемъ существѣ новый приливъ силъ для борьбы съ мрачной тайной, преграждавшей ему путь къ счастью, и разсѣянно прислушивался къ оживленной рѣчи своего спутника, человекъ почти однихъ съ нимъ лѣтъ и также, какъ и онъ, полного силъ и здоровья.

Они были знакомы. Во всѣхъ домахъ, куда ѣздилъ съ визитами и по дѣламъ Курлятьевъ, встрѣчалъ онъ стряпчаго и съ удовольствіемъ бесѣдовалъ съ нимъ.

Корниловичъ, типъ пробивавшагося въ люди сына бѣдныхъ, но благородныхъ родителей, былъ отлично воспитанъ и чрезвычайно уменъ и остеръ. Начальство его не жаловало за чрезмѣрную и неуемную ретивость по службѣ, а въ обществѣ онъ слылъ забіякой, нахаломъ и злоязычнымъ, но, тѣмъ не менѣе, онъ былъ всюду принятъ и обласканъ, потому что всѣ его боялись. Онъ такъ ловко

сумѣлъ всѣхъ увѣрить, что за него въ Петербургѣ стоитъ знатное родство, что никто не сомнѣвался въ томъ, что онъ пойдетъ далеко. Собою онъ былъ прямо дурень, малаго роста, несуразный и худой, какъ щепка, съ огромной шапкой вьющихся черныхъ волосъ, отъ которыхъ узкое лицо съ длиннымъ, тонкимъ носомъ и острыми глазами казалось еще блѣднѣе и миниатюрнѣе; одѣвался онъ съ претензіями на самую послѣднюю моду и носилъ такіа огромныя жабо и длинныя, до пять, фраки, что не будь онъ такъ опасенъ, на него со смѣхомъ указывали бы пальцемъ.

И нельзя сказать, чтобы чувство, возбуждаемое имъ въ городѣ, было лишено всякаго основанія. Онъ велъ дѣятельную переписку съ Петербургомъ, отправляя объемистыя посланія свои и по почтѣ и вмѣстѣ съ казенными конвертами, и самъ получалъ много писемъ, изъ которыхъ зналъ, что дѣлается въ столичныхъ административныхъ сферахъ, раньше самого губернатора. Малый былъ вообще не промахъ, во все вникалъ, ко всему прислушивался и присматривался; ничего не пролетитъ и не проползетъ мимо его носа, чтобы онъ не обнюхалъ, чѣмъ что пахнетъ, изъ чего вылѣзло и куда плыветъ.

Съ такими вкусами и способностями онъ выбралъ себѣ карьеру вполне удачно и вскорѣ забралъ въ руки не только прокурора, добродушнаго толстяка, женатаго на здѣшней помѣщицѣ и интересующагося гораздо больше своимъ садомъ и бахчами, чѣмъ искорененіемъ преступленій въ губерніи, но и всѣхъ прочихъ представителей государственной власти, начиная съ начальника края, которому онъ особенно угодилъ мастерствомъ читать стихи. Губернаторъ, во время юности, былъ вхожъ въ литературныя общества, возникавшія тогда въ столицахъ, благодаря Державину, Ломоносову, Новикову и другимъ, наслушался стиховъ до опьяненія, но самъ ихъ читать не умѣлъ и смотрѣлъ на искусство подносить каждую риому, какъ вылупленное яичко, которымъ обладалъ Корниловичъ, какъ на даръ свыше.

Къ Курлятьеву любовзвательный стряпчій съ первой встрѣчи отнесся съ превеликимъ любопытствомъ. По свойственной ему привычкѣ собирать и запоминать всѣ слухи и сплетни, какъ бы ничтожны они ни казались другимъ, онъ давно узналъ семейную хронику этого блестящаго столичнаго слетка, до малѣйшихъ подробностей и съ жадностью ищейки, чуящей лакомую добычу, слѣдилъ за каждымъ шагомъ молодого человѣка. Съ этой цѣлью онъ сблизился съ Грибковымъ, съ которымъ, впрочемъ, и раньше имѣлъ столкновенія. Всюду почти, въ каждомъ, пахнущемъ уголовщиной, дѣлѣ, сталкивался молодой, рьяный стряпчій съ старымъ, опытнымъ подьячимъ, и подставляли они другъ другу западни, въ которые, увы, первому доводилось попадать много чаще, чѣмъ второму. Но узнавъ, что Курлятьевъ, сдѣлавшись единственнымъ на-

слѣдникомъ крупнаго состоянія, состоящаго изъ большого имѣнія въ здѣшнемъ уѣздѣ и дома съ обширнымъ мѣстомъ въ городѣ, возобновилъ довѣренность, данную его покойной матерью Грибкову, стряпчій измѣнилъ свою тактику и оказалъ ему, одну за другой, нѣсколько такихъ важныхъ услугъ, что Карпъ Михайловичъ попался на удочку, повѣрилъ расположенію бывшаго соперника, и между ними завязалось пріятельское знакомство. Грибковъ угощалъ молодого человѣка жирными кулебяками, изготовленіемъ которыхъ жена его славилась, а стряпчій потчевалъ его у себя старымъ венгерскимъ и разспрашивалъ его о томъ, что было въ городѣ за тридцать, за сорокъ лѣтъ тому назадъ.

Грибкову, какъ здѣшнему уроженцу, да еще къ тому же враппавшемуся съ молодыхъ ногтей въ самомъ пеклѣ уголовщины, все было извѣстно, и припоминать старое онъ былъ охотникъ. Такимъ образомъ, узналъ Корниловичъ и про обращеніе старика Курлятева въ секту, распространенную въ здѣшной мѣстности изгнителямъ бѣсовъ, разстригой попомъ Симіоніемъ, и про то, что обѣ старшія дочери его сбѣжали изъ монастыря, въ который ихъ заключила мать, чтобъ сберечь все состояніе сыну, одна въ старовѣрческую обитель, а другая къ разбойничьему атаману, бывшему крѣпостному Курлятевыхъ и двадцать лѣтъ тому назадъ нагонявшему страхъ на здѣшнюю мѣстность подъ прозвищемъ Сокола.

А также про судьбу меньшей Курлятевской боярышни узналъ молодой стряпчій все, что здѣсь знали, но свѣдѣнія эти были очень скудны, и еслибъ Корниловичъ не догадался обратиться за справками сначала въ Кіевъ, а затѣмъ въ Варшаву, онъ такъ и не узналъ бы, что графъ Паланецкій авантюристъ и преступникъ, на которомъ тяготѣетъ подозрѣніе въ убійствѣ роднаго брата. Впрочемъ, и въ Варшавѣ на этомъ обрывались свѣдѣнія объ этой загадочной личности. Обвѣнчавшись съ Курлятевской боярышней, графъ уѣхалъ съ нею за границу, и ничего больше не стало о немъ слышно. Уголовное дѣло, поднятое было противъ него, за давностью и за исчезновеніемъ главнаго виновнаго, прекратилось.

И про исторію пріемной дочери Бахтериныхъ Корниловичу все было извѣстно. Тайнственное происхожденіе этой черноокой, гордой красавицы интересовало его страстно, и одно время онъ раскапывалъ все, что такъ или иначе до нея касалось, и хотя до сихъ поръ ничего особеннаго ему открыть не удалось, онъ надежды не терялъ и продолжалъ за нею слѣдить, долго безъ всякаго успѣха, но съ годъ тому назадъ ему стало казаться, что на странности этой дѣвушки, на ея отвращеніе отъ свѣта и любовь къ одиночеству вліяетъ не одно только чтеніе мистическихъ книгъ изъ бібліотеки ея покойнаго пріемнаго отца, а есть люди, которымъ выгодно поддерживать въ ней это настроеніе. Изъ разговоровъ о ней съ Грибковымъ ему стало извѣстно о страстномъ желаніи г-жи

Бахтериной устроить пріемную дочь за племянника, а затѣмъ узналъ онъ также одинъ изъ первыхъ, что желаніе это сдѣлалось и желаніемъ самого Курлятьева, а потому понятно, какъ заинтриговала его переменѣна въ молодомъ человѣкѣ, его блѣдность, задумчивость, молчаливость. Не дальше, какъ наканунѣ утромъ, встрѣтилъ онъ его на улицѣ веселымъ и оживленнымъ, съ радостно сверкавшими глазами, и вдругъ онъ точно постарѣлъ на нѣсколько лѣтъ, осунулся, поблѣднѣлъ. «Что случилось? Неужели Магдалина ему отказала?»—спрашивалъ себя стряпчій, искоса поглядывая на своего спутника и не переставая при этомъ болтать про то, что не имѣло ни малѣйшаго отношенія къ осаждавшимъ его мыслямъ, про свою дѣятельность и про затрудненія, которыя ему ставятъ на каждомъ шагу тѣ именно, кто долженъ былъ бы ему сочувствовать и помогать.

— Такія идеи, какъ справедливость и общественная безопасность, имъ непонятны. Да вотъ хотя бы про нашего Василия Дмитриевича сказать; знаетъ, чортова кукла, что разбойники въ его кладовую не полѣзутъ и хутора не подожгутъ, ну, ему ничего больше и не нужно,—жаловался онъ Курлятьеву на губернатора,—а до другихъ ему и горя мало, была бы у него кожа да мошна цѣла. Я ему говорю напередъ: «вы къ вашему столу приспѣшниковъ и укрывателей разбойниковъ приглашаете, ваше п—во». Ничего, свушалъ и даже со смѣхомъ. Передо мной-то онъ, знаете, фордыбачиться не смѣетъ, я воспитывался въ домѣ графини З—вой, моей крестной матери, съ ея дѣтьми, а въ люди нашъ губернаторъ черезъ З—ва вышелъ; сколько разъ я его тамъ видѣлъ! Съ нимъ не церемонились, скажутъ бывало, чтобъ обѣдать пришелъ, а если кто невзначай поважнѣе подѣдетъ, и съ музыкантами посадятъ, не прогнѣвайся. Принялъ онъ было меня здѣсь свысока, погубернаторски, но я ему письмецо отъ графа Дмитрія подаль и, какъ пробѣжалъ онъ эту цидулечку, такъ и размякъ. Только благодаря петербургскимъ протекціямъ, и существую, и дѣло дѣлаю. А дѣла здѣсь, я вамъ скажу...

Подозрительно глянувъ на сидѣвшихъ на козлахъ княжескаго кучера съ Курлятьевскимъ Прошкой, онъ таинственно понизилъ голосъ.

— Про Принкулинскую усадьбу изволили, чай, слышать? Судя по донесеніямъ здѣшнихъ властей, въ Петербургѣ думаютъ, что разбойничьяго притона въ ней больше не существуетъ, и за истребленіе злодѣевъ здѣшнее начальство щедрыми наградами, еще при покойницѣ императрицѣ, пожаловано, а я вамъ скажу, что все, какъ было прежде, такъ и теперь осталось, подрылись только подальше, за оврагъ, тамъ у нихъ теперь притонъ...

— У кого?—разсѣянно спросилъ Курлятьевъ.

— У разбойниковъ, у кого же больше? Я давно за этимъ дѣ-

ломъ слѣжу, и на подозрѣніе меня то обстоятельство навело, что покражи каждый день случаются, а похищенныхъ вещей невозможно найти. Тамъ ихъ хоронятъ. А, кромѣ того, есть у меня и другія улики. Слыхали вы про помѣщика Петренкова, который ужъ десятый годъ въ острогѣ здѣсь содержится? Нѣтъ? Курьезное дѣло, но прежде вамъ надо знать, какъ я попалъ на мысль, что въ Принкулинской усадьбѣ всѣ здѣшніе разбойники и мошенники до сихъ поръ находятъ себѣ приютъ. Буду это я недавно со слѣдствія изъ Ханыковки ночью; луна во всю свѣтитъ, и ужъ какъ подѣвжзжать къ городу, вижу—идутъ какихъ-то двое, съ сѣтьями, къ рѣкѣ. Подозрительны мнѣ показались эти люди, ужъ не могу вамъ сказать почему, а подозрительны, да и все тутъ. Чутье у меня, какъ у породистой гончей. Подозвалъ я этихъ рыбаковъ.— «Откуда ребята?»— «Изъ Шумиловки».— «А изъ какихъ будете?»— «Дворовые боярыни Акулины Пахомовны». Отвѣчаютъ безъ запинки и безъ страха, прямо въ глаза глядятъ. И знаю я про эту Шумиловку, и что барыня тамъ живетъ, при полномъ дворомъ штатѣ, а все не могу отъ мысли отдѣлаться, что передо мной совсѣмъ иного сорта люди, чѣмъ тѣ, за которыхъ они себя выдаютъ. Особенно подозрителенъ тотъ, что постарше, мнѣ показался. Одѣтъ мужикомъ, на ногахъ лапти посверхъ онучей, грязная бѣлая рубаха старымъ мочальнымъ обрывкомъ подпоясана, охабень въ накидку, изъ облѣзлаго мѣха шапка, но лицо бѣлое, точно съ годъ больнымъ вылежалъ, и бородой обросло, а глаза... Вотъ глаза! Гдѣ видѣлъ я ихъ раньше? Какъ глянулъ онъ на меня...

Стряпчій смолкъ на полусловѣ и сталъ вематриваться въ даль.

— Глядите-ка! А вѣдь это почту въ городъ везутъ, — сказалъ онъ, наставляя надъ глазами руку козырькомъ отъ солнца, мѣшавшаго ему разглядѣть мчавшуюся имъ на встрѣчу тройку.— Почта и есть, — прибавилъ онъ и, обращаясь къ своему спутнику, спросилъ:— Вы писемъ изъ Петербурга не ждете?

— Нѣтъ.

— Ну, а мнѣ почта всегда интересна. Можно даже сказать, что я почтой здѣсь только и живу...

Тройка подкатывала все ближе и ближе. Стряпчій не ошибся, это дѣйствительно почту везъ, сопровождаемый двумя всадниками, почтальонъ. По знаку приподнявшагося въ коляскѣ Корниловича, они остановились. Стряпчій себя назвалъ и спросилъ, нѣтъ ли чего нибудь для него.

Почтальонъ, который тотчасъ же узналъ его, торопливо отперъ сумку, висѣвшую у него черезъ плечо, и сталъ въ ней рыться.

— Ну, а еще кому есть письма?—спросилъ Корниловичъ, запуская жадный взглядъ въ кучу запечатанныхъ конвертовъ, которые перебиралъ почтальонъ.

— Г-ну губернатору, помѣщику Ливкову, князю Дульскому...

— Те, те, те! давай сюда и то, что для князя Дульского!— вскричалъ стряпчій.— Мы къ нему ѣдемъ.

Почтальонъ взглянулъ на кучера, прежде чѣмъ выпустить изъ рукъ письмо, которое держалъ въ рукахъ.

— Вотъ и ладно,— тряхнулъ головой кучеръ князя, — не придется въ другой разъ за письмами въ городъ посылать.

— А для господина Курлятьева ничего нѣтъ?— спросилъ Корниловичъ, принимая пачку конвертовъ, адресованныхъ на его имя и на имя князя Дульского.

— Имъ тоже есть,— отвѣчалъ почтальонъ.

— Такъ давай сюда! Федоръ Николаевичъ, голубчикъ, что же вы молчите? Вамъ письмо изъ Москвы.

Курлятьевъ разсѣянно протянулъ руку за конвертомъ, на который Корниловичъ не преминулъ взглянуть при передачѣ, причѣмъ замѣтилъ, что надписанъ онъ женскимъ почеркомъ. Не ускользнула также отъ его вниманія и непріятная гримаса, искажившая на мгновеніе лицо Курлятьева, когда онъ глянулъ на письмо, и съ какой поспѣшностью сунулъ онъ его, не распечатывая, въ боковой карманъ.

«Отъ посылкой вѣрно, — подумалъ стряпчій, пересматривая письма, оставленныя ему почтальономъ, который покотилъ дальше:— знаемъ мы это чувство, когда въ самый разгаръ новой страсти старая любовь о себѣ напомнить, пріятности мало»...

И вдругъ, надпись на одномъ изъ писемъ, адресованныхъ князю, заставила его вздрогнуть отъ изумленія, рука была та же самая, что на письмѣ къ Курлятьеву. Мало того, и конвертъ былъ та, кой же величины и цвѣта, безъ сомнѣнія, изъ той же бумаги, и та же печать. Кто такая эта таинственная корреспондентка? Неужели почтенный князь Дульскій и этотъ вертопрахъ соперники въ любви? Дорого бы далъ стряпчій, чтобъ убѣдиться въ справедливости своихъ догадокъ, но объ этомъ нечего было и думать. Курлятьевъ не выказывалъ ни малѣйшаго расположенія къ откровенности; послѣ встрѣчи съ почтальономъ онъ сдѣлался еще задумчивѣе и разсѣяннѣе, и совсѣмъ отвернулся отъ своего спутника, чтобъ смотрѣть въ даль; по всему было видно, что ему не до разговоровъ.

Да оно и было такъ на самомъ дѣлѣ. Письмо отъ княгини пробудило въ душѣ молодого человѣка именно то, что ему всего больше хотѣлось забыть; оно являлось напоминаніемъ скверной, распутной жизни, всего того, что воздвигало преграду между имъ и Магдалиной. О, это прошлое! Какъ дорого далъ бы онъ, чтобъ оно не существовало, чтобъ начать жизнь сызнова. А оно, точно на зло, точно для того, чтобъ отнять у него всякую надежду на счастье, встаетъ передъ нимъ. Зачѣмъ она ему пишетъ, эта несчастная, Развѣ не рѣшено, что все между ними кончено, что они должны

забыть другъ друга? Надо же было ему получить это письмо именно въ то время, когда онъ ѣдетъ къ обманутому мужу. Съ этимъ осязательнымъ доказательствомъ его преступности и коварства въ карманѣ онъ будетъ жать его руку, цѣловаться съ нимъ... Какая мерзость! Еслибъ Магдалина это знала, съ какимъ отвращеніемъ отвернулась бы отъ него! А имѣлъ ли онъ право отъ нея скрыть свои заблужденія, признаваясь ей въ любви и умоляя ее сдѣлаться его женой? Нѣтъ, не имѣлъ. Теперь онъ это видитъ совсѣмъ ясно, и ему непонятно, какъ могъ онъ этого не сознавать раньше... Можетъ быть, ей ужъ все это извѣстно, и она поэтому отказывается связать свою судьбу съ нимъ?

Но не успѣла мысль эта мелькнуть въ его умѣ, какъ онъ отбросилъ ее, какъ невозможную. Нѣтъ, еслибъ она это знала, не такъ говорила бы она съ нимъ, не съ нѣжностью, не съ сожалѣніемъ; она не дала бы ему понять, что онъ ей милъ, и что она страдаетъ, разставаясь съ нимъ, не умоляла бы его не спрашивать ее, не выпытывать у нея чужой тайны, она прямо объявила бы ему, что презираетъ его за его гнусную жизнь, и что между ними нѣтъ и никогда не будетъ ничего общаго. Она такая прямая, такъ ненавидитъ недоразумѣнія и фальшь. О, какъ онъ ее теперь хорошо знаетъ! И какъ онъ ее любитъ, какъ любить!

Ему ужъ теперь кажется, что онъ, и безъ надежды на счастье обладать ею, будетъ вѣчно любить ее. Онъ не можетъ себя представить жизньъ безъ любви къ ней. Онъ ей все скажетъ, развернетъ передъ нею безъ утайки всю свою жизнь, и тогда только успокоится, когда она ему проститъ прошлое во имя будущаго и пообѣщаетъ ему свою дружбу. А въ дружбѣ она ему отказать не можетъ, особенно когда узнаетъ, какъ онъ несчастенъ...

— А князь-то, должно быть, волокита былъ въ свое время,— снова приступилъ къ разговору Корниловичъ, послѣ довольно продолжительнаго молчанія.—Красивый мужчина. Вы съ нимъ давно знакомы, Федоръ Николаевичъ?—продолжалъ онъ, не дождавшись отклика на свое первое замѣчаніе.

— Давно,—неохотно отвѣтилъ Курлятьевъ.

— Супруга-то съ нимъ только первый годъ здѣсь пожила, а потомъ все больше по заграницамъ. Тоже, вѣрно, съ кѣмъ нибудь сантименты разводитъ.

«Что это? Намекъ? Какъ онъ смѣетъ!.. Прочитъ нахала!»...

Мысли эти вихремъ пронеслись въ умѣ Курлятьева, и онъ на нихъ не остановился даже на мгновеніе, но онѣ отразились во взглядѣ, которымъ онъ окинулъ своего спутника такимъ смущеніемъ и гнѣвомъ, что у Корниловича блеснула въ умѣ новая комбинація, за которую онъ, со свойственной ему цѣпкостью, ухватился.

— Болтаютъ здѣсь, будто она съ какимъ-то гвардейцемъ ма-

халась до приѣзда ихъ сюда, — продолжалъ онъ съ напускнымъ равнодушіемъ. — Вы, чай, слышали?

— Ничего подобнаго про княгиню Вѣру никто не говорилъ ни въ Петербургѣ, ни въ Москвѣ, — сдержанно возразилъ Курлятьевъ.

Слишкомъ сдержанно. Ему очень трудно было скрывать волненіе; это можно было замѣтить и по его измѣнившемуся внезапно голосу и по тому, какъ онъ старательно отвертывался отъ пристального взгляда своего сосѣда.

«Съ какимъ удовольствіемъ вытолкнулъ бы ты меня, голубчикъ, вонъ изъ коляски, а самъ поскакалъ бы дальше одинъ», — думалъ этотъ послѣдній, внутренно наслаждаясь сдѣланнымъ откритіемъ, какъ страстный археологъ, нечаянно наткнувшійся на драгоценную находку изъ отдаленной древности, или юноша-поэтъ, которому посчастливилось ухватить богатую риему.

Но имъ оставалось проѣхать вмѣстѣ еще съ часъ времени, и чтобъ окончательно успокоить Курлятьева и заставить смолкнуть подозрѣнія, зашевелившіяся въ его мозгу, стряпчій вернулся къ прерванному разговору о сношеніяхъ между прикулинскими обитателями и заключенными въ острогѣ. Оказалось, что рыболовъ, встрѣтившійся ему надняхъ у рѣки и поразившій его болѣзненною блѣдностью лица и знакомымъ выраженіемъ глазъ, одинъ изъ заключенныхъ, тотъ самый помѣщикъ Петренко, посаженный въ тюрьму по подозрѣнію въ убійствѣ, и дѣло котораго, благодаря денежнымъ молитвамъ его жены, тянется до сихъ поръ и протянется, вѣроятно, до самой его смерти, потому что все-таки удобнѣе сидѣть въ острогѣ, чѣмъ быть на каторгѣ.

— Устроился человекъ какъ нельзя лучше. Камера у него просторная, кушанье ему приносятъ изъ домика, что жена его напротивъ острога выстроила. Платье носить свое, книги большими тюками изъ столицы получаетъ. Мемуары, говорятъ, пишетъ. А въ хорошую погоду, ночью, по полямъ да по лѣсамъ прогуливается. Каково житье! Смотритель давно ужъ подкупленъ, безъ сомнѣнія. А слѣдствіе подъ сукномъ лежитъ. Вотъ я самъ его на свободѣ видѣлъ собственными глазами; стоитъ только въ неуказанное время нагрянуть въ острогъ, чтобъ всѣ эти безобразія накрыть. Вы скажете: чего же я зѣваю? а я вамъ на это отвѣчу: руки коротки, око видитъ, да зубъ нейметъ. Связаны мы, стряпчіе, по рукамъ и по ногамъ прокуроромъ, а прокуроръ въ зависимости и отъ полицеймейстера, и отъ предсѣдателя палаты, и отъ губернатора. Иерархія! Чтобъ пальцемъ пошевелинуть, надо черезъ всѣ эти дистанціи пройти, а пока эта процедура будетъ продѣлываться, все скроютъ, замажутъ, и концы въ воду. Сумѣютъ доказать, что мнѣ все приснилось, такъ все подведутъ, что самому себѣ перестанешь вѣрить и останешься въ дуракахъ. Вотъ что обидно, Федоръ Николаевичъ, — прибавилъ онъ со вздохомъ.

— Да, конечно, — разсѣянно отвѣчалъ Курлятьевъ, не вслушиваясь въ слова собесѣдника и продолжая думать свою думу.

Но, тѣмъ не менѣе, слова эти запечатлѣвались въ его мозгу, и ему очень скоро пришлось вспомнить ихъ. И еслибъ онъ зналъ, при какихъ обстоятельствахъ это случится, неизвѣстно, хватило ли бы у него мужества идти навстрѣчу роковому событію, и не предпочелъ ли бы онъ выпрыгнуть изъ коляски въ ту минуту, когда она вскачь неслась по просѣлкѣ въ лѣсу, и разможжить себѣ голову о торчавшіе пни!

Но, къ счастью, будущее отъ насъ сокрыто.

Къ князю Дульскому гостей съѣхалось много — сосѣдніе помѣшники съ семьями, представители власти изъ уѣзднаго города: исправникъ, городничій, судья, уѣздный врачъ.

За хозяйку была молодая вдова, родственница князя, завернувшая сюда проѣздомъ въ свое имѣніе близъ Одессы.

Корниловичъ замѣтилъ, что между этой дамой и Курлятьевымъ какія-то контры. Встрѣтились они, какъ старые знакомые, но тотчасъ же начали язвить другъ друга, шутливо, конечно, однако не безъ злобы, и стряпчій сталъ съ нею искать сближенія, въ чемъ весьма скоро и успѣлъ.

Между ними оказалось много общаго. Оба считали себя всѣхъ умнѣе, интереснѣе, и оба въ любопытствѣ на счетъ ближняго не знали предѣла.

Послѣ обѣда, прогуливаясь съ своей новой пріятельницей по широкимъ аллеямъ великолѣпнаго парка, Корниловичъ разсказалъ ей такъ много забавнаго про мѣстное общество, что окончательно завоевалъ себѣ ея расположеніе. Однако, къ подходамъ его относительно семейныхъ тайнъ гостепріимнаго хозяина барынька отнеслась очень сдержанно, и все, что онъ могъ отъ нея узнать, это то, что Курлятьевъ ужъ лѣтъ семь, какъ знакомъ съ Дульскими и въ бытность ихъ въ Петербургѣ былъ у нихъ принятъ, какъ свой человѣкъ.

Но Корниловичу и этого было довольно. Теперь онъ былъ ужъ увѣренъ, что княгиня въ перепискѣ съ Курлятьевымъ. Самъ князь подкрѣпилъ въ немъ это убѣжденіе. «А, отъ жены. Наконецъ-то!» — радостно вскричалъ онъ, принимая письмо, которое стряпчій поспѣшилъ по пріѣздѣ ему передать. Пробѣжавъ его, онъ сказалъ окружающимъ, что княгиня все жалуется на нездоровье, но за границу безъ него ѣхать не соглашается.

Впрочемъ, не взирая на непріятную вѣсть, день прошелъ очень оживленно и весело; гости гуляли, катались въ экипажахъ по парку и въ лодкахъ съ пѣсенниками, по широкой, красивой рѣкѣ, близъ которой возвышался княжескій домъ. Любезный хозяинъ всѣхъ

угощалъ на славу. Еще до ужина многіе были пьяны, и дамы разошлись по своимъ комнатамъ тотчасъ послѣ вечерняго чая, чтобъ не мѣшать кавалерамъ веселиться напропалую. Послѣ ужина, за исключеніемъ пяти-шести человѣкъ, наугостившихся посѣтителей пришлось разводить и даже разносить по комнатамъ, съ приготовленными постелями.

Стряпчій пилъ въ мѣру, но отъ наблюденій своихъ за Курлятьевымъ долженъ былъ волей-неволей отказаться. Подъ конецъ вечера князь увелъ своего молодого пріятеля въ кабинетъ, гдѣ собрались почетнѣйшіе изъ гостей, предводитель дворянства, вице-губернаторъ, и туда имъ подали кушать отдѣльно отъ остальной компаніи, въ которой г. Корниловичъ, къ величайшей своей обидѣ и досадѣ, очутился изъ порядочныхъ людей совершенно одинъ. Ни съ кѣмъ изъ грубыхъ безобразниковъ, окружавшихъ его, ему не хотѣлось разговаривать, всѣ они ему были такъ противны, что онъ вышелъ изъ-за стола далеко до конца ужина и приказалъ лакею проводить себя до приготовленной для него комнаты, во второмъ этажѣ.

Улегся онъ спать въ самомъ скверномъ настроеніи и проклиная судьбу, одарившую его утонченными вкусами и страстью ко всему изящному, забывъ при этомъ поставить его въ условія, благопріятныя для удовлетворенія такихъ потребностей. Вотъ этотъ Курлятьевъ, напимѣръ, вѣдь только собой красивѣе его, а умомъ и воспитаніемъ куда ниже, а между тѣмъ, благодаря тому, что онъ стараго знатнаго рода, и что у него около пяти тысячъ душъ крестьянъ, князь Дульскій считаетъ его себѣ равнымъ... даже дѣлится съ нимъ женой... а на него, Корниловича, потому что онъ бѣденъ и пробивается въ люди службой, эти тунеядцы бары смотрятъ свысока, почти какъ на лакея. Но дай срокъ, будетъ и на его улицѣ праздникъ; наступитъ минута, когда онъ будетъ въ чинѣ, въ орденахъ, съ значеніемъ въ административномъ мѣрѣ, и тогда онъ отомститъ за всѣ вынесенныя униженія. Попадись ему только тогда въ лапы такой баринъ, какъ этотъ Курлятьевъ, ужъ онъ надъ нимъ натѣшится, за всѣхъ заплатитъ, голубчикъ, отзовутся на немъ оскорбленія и пренебреженіе, которыми ему подобные позволяютъ себѣ осыпать человѣка только потому, что онъ сынъ бѣднаго хutorянина, вылѣзшаго въ дворяне изъ однодворцевъ.

Мысли, роившіяся въ головѣ стряпчаго, были довольно мрачнаго свойства, и среди потерявшей всякій человѣческій образъ компаніи онъ вправѣ былъ считать себя вполне трезвымъ, тѣмъ не менѣе княжеское вино, даже выпитое въ ничтожномъ количествѣ, произвело свое дѣйствіе; онъ заснулъ, какъ убитый, и проспалъ бы долго, еслибъ не шумъ, поднявшійся въ домѣ, часу въ девятомъ утра. Его разбудилъ гулъ голосовъ, бѣготня по корридолу,

хлопанье дверями и сдержанныя восклицанія толпы, собравшейся на дворѣ, подъ окнами.

Спрыгнуть съ постели, накинуть на себя халатъ и выглянуть за дверь, было для стряпчача дѣломъ одной минуты.

— Что случилось?—спросилъ онъ у пробѣгавшаго мимо казачка, хватая его за плечо.

— Князь скончался,—выпалилъ мальчишка, вырываясь и улетающая дальше.

Корниловичъ поспѣшилъ докончить свой туалетъ и выйти въ большую залу, гдѣ гости, внезапно отрезвленные роковымъ извѣстіемъ, собравшись кучками, толковали о случившемся, таинственно понижая голосъ, со вздохами и горестными минами.

— Совсѣмъ былъ вчера здоровъ и вдругъ!

— Апоплексія, говорятъ, ударъ.

— Несомнѣнно. Человѣкъ былъ тучный.

— Сколько разъ совѣтывалъ я ему дѣлать побольше моціона!

— Крѣпышъ былъ; такимъ всегда кажется, что они два вѣка проживутъ.

— Иванъ Николаевичъ хотѣлъ кровь пустить, да ужъ поздно было.

Прислушиваясь съ живѣйшимъ интересомъ къ этимъ разговорамъ, стряпчій вдругъ вспомнилъ про Курлятьева. Какъ отнесся онъ къ извѣстію о катастрофѣ? При теперешнемъ его настроеніи, врядъ ли обрадуется онъ неожиданному освобожденію старой возлюбленной отъ супружескаго ига.

— А гдѣ г. Курлятьевъ?—спросилъ онъ.

— Да спитъ еще вѣрно. Ему отвели комнату рядомъ съ бильярдной, въ нижнемъ этажѣ, окнами въ садъ, тамъ тихо.

Вошла, замѣнявшая хозяйку, дама, блѣдная, съ распухшими глазами, безъ румянъ и безъ бѣлилъ, въ ночномъ чепцѣ.

— Бѣдная Вѣра! Каково ей это будетъ узнать?—томно проговорила она, обращаясь къ Корниловичу.

— А кто послѣдній видѣлъ князя живымъ?—спросилъ стряпчій.

— Не знаю, я задолго до ужина съ нимъ простилась. Онъ проводилъ меня до дверей моей комнаты, просилъ распоряжаться въ домѣ, какъ у себя, благодарилъ меня, нѣсколько разъ поцѣловалъ мою руку и вдругъ! Бѣдный, бѣдный, какъ мнѣ его жаль! Такой отличный былъ человѣкъ!

Она поднесла платокъ къ глазамъ, но Корниловичъ продолжалъ свой допросъ.

— Какъ же это камердинеръ не слыхалъ, когда князю сдѣлалось дурно?

— Князь не любилъ, чтобъ камердинеръ спалъ отъ него близко. Когда утромъ Павелъ Григорьевичъ вошелъ, его баринъ давно ужъ

былъ мертвъ... И нисколько не измѣнился.. Я его видѣла... Хотите его посмотреть? Онъ совсѣмъ не страшный, точно спитъ

Презрительно усмѣхнувшись надъ глупостью бабенки, допускавшей, чтобъ стряпчій по уголовнымъ дѣламъ могъ бояться мертвыхъ, Корниловичъ послѣдовалъ за нею на половину князя.

Въ длинномъ, свѣтломъ коридорѣ, раздѣлявшемъ домъ на двѣ неравныя половины, ихъ догнали: судья, докторъ, городничій, исправникъ и писарь изъ княжеской конторы, съ перомъ за ухомъ и бумагой въ рукахъ.

— Алексѣй Ивановичъ, мы только что хотѣли за вами послать, протоколецъ надо составить.

— Разумѣется, какъ же иначе, — согласился стряпчій. — Вѣдѣтѣла не трогали съ мѣста, я надѣюсь?

— Никто не трогаль, — отвѣчалъ исправникъ, — я первый узналъ о несчастіи и, когда убѣдился, что помочь ужъ ничѣмъ нельзя, строго-настрого запретилъ дотрогиваться до тѣла.

Немного дальше къ нимъ присоединился Курлятьевъ съ такимъ разстроеннымъ лицомъ и ввалившимися отъ душевнаго потрясенія глазами, что сомнѣваться въ его печали по скончавшемся внезапно пріятелѣ было бы трудно. Ему большихъ усилій стоило сдерживать рыданія, рвущіяся у него изъ груди, взглядъ у него былъ блуждающій, и онъ никого не узнавалъ. Однимъ словомъ, такъ удрученъ былъ человѣкъ, что Корниловичъ воспользовался случаемъ подойти къ нему поближе, фамиллярно обнявъ его за талию и, скорчивъ печальную фізіономію, сталъ нашептывать ему банальныя утѣшенія, въ родѣ того, что «всѣ мы тамъ будемъ, лучше умереть внезапно, чѣмъ долго мучиться», и тому подобное.

Курлятьевъ какъ будто ничего не слышалъ; поблѣвшія его губы судорожно сжимались подъ усами, и онъ продолжалъ блуждать взглядомъ по сторонамъ, ни на чемъ не останавливаясь.

Очень странно все это показалось стряпчему. Впослѣдствіи Корниловичъ (любившій при случаѣ предаваться психическимъ анализамъ) сознавался, что ужъ съ этой минуты у него запало въ голову подозрѣніе, отъ котораго онъ потомъ отказаться не могъ.

Когда онъ вошелъ въ большую спальню, обитую штофомъ и коврами, первымъ движеніемъ его было взглянуть на широкую кровать съ откинутыми занавѣсками балдахина, въ полной увѣренности увидѣть на ней покойника, но, кромѣ приготовленной для снагья постели съ взбитыми подушками и свѣжимъ, несмятымъ бѣльемъ, онъ ничего на этой кровати не увидѣлъ.

— Развѣ князь не въ постели умеръ? — спросилъ онъ, повертываясь къ своимъ спутникамъ.

Ему молча указали на глубокое окно, съ приподнятой на половину сторой, выходявшее въ благоухающій цвѣтникъ. На мягкомъ креслѣ, съ полукруглой низкой спинкой и золочеными

ножками, опустивъ голову на грудь, сидѣлъ мертвый князь, въ томъ самомъ праздничномъ нарядѣ, въ которомъ всѣ его видѣли наканунѣ, въ свѣтломъ бархатномъ кафтанѣ, атласномъ кюлотѣ, шелковыхъ чулкахъ и башмакахъ съ золотыми пряжками. Гладко выбритый подбородокъ его утопалъ въ дорогихъ кружевахъ пышнаго жабо. Глаза были закрыты. Одна рука безпомощно свѣсилась съ кресла, другой онъ упирался о золоченую ручку, точно собирался встать, да не могъ. Густые, слегка напудренные волосы, какъ вышли изъ искусныхъ рукъ парикмахера, передъ ужиномъ, когда князь ушелъ въ уборную, чтобъ немножко отдохнуть и оправить свой туалетъ, такъ и остались, съ симметрично расположенными поперечными локонами въ три ряда. Ударъ, по всему видно, хватилъ его прямо въ мозгъ, и смерть была внезапная. Никто не слышалъ ни стука, ни стога. Когда утромъ въ обычный часъ (князь просыпался рано) камердинеръ вошелъ въ спальню, все ужъ давно было кончено, тѣло окоченѣло въ той самой позѣ, въ которой оно находилось теперь.

Невольно, точно движимый посторонней силой, перевелъ стряпчій глаза съ покойника на Курлятьева. Молодой человекъ какъ будто молился. Не обращая ни на что вниманія, ничего не видя и не слыша изъ того, что происходитъ вокругъ него, онъ весь ушелъ въ самого себя и, сложивъ руки, закрывъ глаза, беззвучно шевелилъ губами. Въ дверяхъ толпа дворовыхъ молча крестилась, не спуская испуганныхъ глазъ съ мертвеца. Весенній вѣтерокъ дышалъ ароматами распускающихся цвѣтовъ въ полурастворенное окно, слегка надувая шелковую зеленую стору. Утро было ясное, солнечное и предвѣщало прекрасный день. Со двора сдержанный гулъ голосовъ прибывающей постепенно толпы съ минуты на минуту усиливался и, какъ отдаленный ревъ бушующаго моря, достигалъ сюда все явственнѣе и явственнѣе.

Курлятьевъ точно замеръ на томъ мѣстѣ, у стѣны, у которой онъ, какъ вкопанный, остановился, переступивъ порогъ спальни. По временамъ онъ совсѣмъ терялъ сознание, и, какъ во снѣ, его перебрасывало далеко отсюда, то въ Петербургъ, въ тотъ домъ, гдѣ у него было свиданіе съ княгиней Вѣрой, то на террасу къ Магдалинѣ. Онъ слышалъ то горькіе упреки первой, то умоляющій голосъ второй: «я не могу быть ничьей женой, я себѣ не принадлежу... забудьте меня и не пытайтесь вырвать у меня мою тайну, я скорѣе умру, чѣмъ выдамъ ее»... Вставало передъ нимъ блѣдное лицо, съ полными любви глазами, пристально устремленными на него. Ни на секунду не отрывала она отъ него взгляда, точно упиться хотѣла его образомъ, запечатлѣть его навсегда въ душѣ. Какъ ему было больно и сладко въ одно и то же время! Все, что потомъ онъ видѣлъ и слышалъ, происходило точно внѣ времени и пространства, скользя по его нервамъ, не проникая ни

въ умъ, ни въ сердце. Поѣздка сюда, болтовня Корниловича во время пути, день, проведенный въ шумномъ, оживленномъ обществѣ, все это казалось чѣмъ-то далекимъ и неяснымъ, точно онъ не самъ это испытывалъ, а кто-то другой. Даже принудить себя прочесть полученное вчера письмо онъ былъ не въ силахъ. Оно лежало нераспечатанное въ дорожномъ несессерѣ. Странное нравственное оцѣпенѣніе длится и до сихъ поръ. Оно не разсѣялось и сномъ, съ грезами въ тысячу разъ реальнѣе дѣйствительности. Его разбудили извѣстіемъ о внезапной смерти князя, и онъ нисколько не удивился. Все возможно, и самое неожиданное не страннѣе того, что происходитъ въ его душѣ. Ему стало только грустно, что онъ никогда не увидитъ больше князя между живыхъ, не покается ему въ содѣянныхъ противъ него преступленіяхъ, не выпроситъ у него прощенія. И морозъ подиралъ у него по кожѣ отъ жуткаго и тоскливаго страха при мысли, что человѣкъ этотъ за нѣсколько минутъ до смерти пожималъ ему руку, какъ другу, тогда какъ онъ долженъ былъ плюнуть ему въ глаза, какъ предателю и врагу... А тамъ опять передъ нимъ вставалъ образъ Магдалины, все такой же грустный и съ отчаяніемъ во взглядѣ. И казалось ему, что есть какая-то связь между внезапной смертью князя и его надеждой преодолѣть всѣ препятствія, чтобъ овладѣть обожаемой дѣвушкой; какъ будто вмѣстѣ съ княземъ умерла и надежда эта. Мертвямъ холодомъ застывало у него сердце при этой мысли, но гнетъ, надавливающійся на него, былъ слишкомъ могучъ, чтобъ можно было даже пытаться его сбросить. Точно огромная масса скаль нависла надъ нимъ, грозя каждое мгновеніе опуститься и раздавить его, какъ былинку, какъ невидимаго простымъ глазомъ атома. Бѣжать некуда, надо покориться. И спасенія ждать неоткуда... Уже скорѣе бы, скорѣе конецъ! Тамъ, въ другомъ мірѣ, Магдалина будетъ къ нему ближе, чѣмъ здѣсь...

То мнительность ожиданія, возростая съ ужасающей быстротой, превратилась наконецъ въ такую нравственную пытку, передъ которой всѣ измышленія инквизиціи казались пустяками

А между тѣмъ, окружавшіе его люди, отъ которыхъ онъ былъ также далекъ душой, какъ и они отъ него, продолжали дѣло, ради котораго сюда сошлись.

Кто-то замѣтилъ, что пора бы обрядить покойника и послать за попомъ. Сколько ужъ часовъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ душа его отлетѣла, а надъ тѣломъ не произведено никакихъ христіанскихъ обрядностей.

— Надо сначала протоколъ составить,— замѣтилъ исправникъ и кивнулъ писарю. Этотъ подошелъ къ столу, заставленному туалетными принадлежностями, отодвинулъ банки и флаконы, положилъ на очищенное мѣсто чистую бумагу, поставилъ черниль-

ницу, поданную ему однимъ изъ лакеевъ, усѣлся, вынулъ изъ-за уха перо и приготовился писать, что прикажутъ.

— Сейчасъ приступимъ, — сказала Корниловичъ, не спуская внимательнаго взгляда съ покойника. — Но прежде мнѣ бы хотѣлось предложить нѣсколько вопросовъ камердинеру.

Павель Григорьевъ, худощавый, благообразный старикъ, съ трясущейся, отъ волненія и горя, нижнею челюстью, въ бѣлоснѣжномъ жабо и напудренномъ парикѣ, отдѣлился отъ толпы въ дверяхъ.

— Развѣ князь имѣлъ привычку одинъ раздѣваться на ночь, что вы легли спать, не дождавшись его зова? — началъ официальнымъ тономъ свой допросъ стряпчій.

— Они изволили мнѣ сказать, чтобъ я ихъ не дожидался, что они позовутъ Петрушку, когда надо будетъ, — отвѣчалъ камердинеръ.

— Петрушка тутъ?

— Тутъ-съ, — отвѣчалъ дрожащимъ голосомъ молодой малый, въ ливрейномъ фракѣ.

— Тебя князь не звалъ?

— Никакъ нѣтъ-съ. Мнѣ Павель Григоричъ ничего не сказали, я думалъ—они князя раздѣли.

Обстоятельство разъяснялось очень просто. Но стряпчій этимъ не удовольствовался.

— У князя была привычка сидѣть на этомъ креслѣ передъ сномъ, или онъ это сдѣлалъ сегодня въ первый разъ? — спросилъ онъ.

Оба, и старшій камердинеръ и младшій, объявили, что это было любимое мѣсто князя, на креслѣ, передъ окномъ. А окно онъ не приказалъ запирать, жалуясь на духоту.

— Приливъ крови, причинившій смерть, далъ себя, вѣроятно, чувствовать раньше, когда князь былъ еще на ногахъ, и потому онъ искалъ прохлады, — вставилъ докторъ.

Предложивъ еще нѣсколько вопросовъ, Корниловичъ приступилъ къ составленію протокола. Но, диктуя писарю отрывистыми, короткими фразами, мозгъ его не переставалъ работать, а глаза впиваться въ мертвеца, точно ожидая отъ него разъясненія мучившей его загадки. Не давала ему также покоя мысль о Курлятьевѣ. Все въ молодомъ человѣкѣ казалось ему подозрительнымъ, и неподвижность его, и сосредоточенная молчаливость. «Что онъ этимъ хочетъ доказать? Почему не держитъ себя, какъ всѣ? — мелькалъ въ умѣ вопросъ, точно навѣваемый посторонней силой. — Можно подумать, что отъ отчаянія онъ ума лишился, точно князь ему былъ отцомъ роднымъ... Да и смерть отца не поразила бы его такъ, какъ это... Не все ли ему равно, живъ или мертвъ мужъ его бывшей любовницы?»...

И вдругъ, перевода взглядъ съ Курлятьева на мертвое тѣло, онъ замѣтилъ то, чего не было до тѣхъ поръ: красное пятно на шеѣ, подъ нижнимъ напудреннымъ локономъ. Пятна этого не было за секунду передъ тѣмъ, оно только что выступило и расплывалось все шире и шире, съ поразительною быстротой.

— Князь убитъ, — объявилъ во всеуслышаніе стряпчій. — Требую безотлагательнаго вскрытія.

Заявленіе это заставило всѣхъ присутствующихъ съ крикомъ ужаса рвануться къ трупу, — всѣхъ, за исключеніемъ Курлятьева, который ни на кого не глядя, медленными шагами вышелъ изъ комнаты.

Никто на это не обратилъ вниманія, кромѣ Корниловича.

Вскрытіе обнаружило огнестрѣльную рану въ затылкѣ. Князь былъ застрѣленъ въ упоръ, вѣроятно, изъ окна. Пулю нашли въ мозгу. Убійца цѣлилъ мѣтко, смерть произошла мгновенно. Обшарили весь домъ, и, однако, такого пистолета, къ которому подходила бы найденная пуля, не нашлось.

Но за то въ саду, подъ самымъ окномъ, гдѣ скончался князь, наткнулись въ кустахъ на пистолетъ, на который стряпчій накинулся съ жадностью, какъ коршунъ на добычу, а при обыскѣ комнату, гдѣ гости провели ночь, ему удалось сдѣлать другую находку первостатейной важности: онъ напалъ у Курлятьева на запечатанное письмо, спрятанное въ дорожномъ несессерѣ и, незамѣтно отъ всѣхъ, сунувъ его въ карманъ, заперся въ своей горенкѣ, чтобъ ознакомиться съ его содержаніемъ.

Минуть черезъ десять, стряпчій снова появился въ кабинетѣ, гдѣ уѣздныя власти терялись въ догадкахъ относительно неожиданнаго открытія, и твердымъ, громкимъ голосомъ объявилъ, что имѣетъ основаніе подозрѣвать въ убійствѣ князя Дульского г. Курлятьева и ужъ сдѣлалъ распоряженіе арестовать его.

IX.

Губернаторъ такъ растерялся при извѣстїи о случившемся въ имѣніи князя Дульского, что первой его мыслью было: не засадить ли ретиваго стряпчаго въ отдѣленіе умалишенныхъ при городской больницѣ за неумѣстную распорядительность?

Обвинить такую личность, какъ Курлятьевъ, въ убійствѣ и обойтись съ нимъ, какъ съ послѣднимъ мужикомъ, подпавшимъ подъ подозрѣніе! Хороши также и представители уѣздной власти, исправникъ, г. городничій! — горячился начальникъ края, въ волненіи прохаживаясь по кабинету. — У нихъ на глазахъ производится такое гнусное самоуправство, какой-то чиновничиска, мальчишка, позволяетъ себѣ по первому подозрѣнію схватить дворянина, безче-

стить его, не выслушавъ его оправданій, а они молчатъ, глазами хлопають! Это чортъ знаетъ, что такое! Всѣ эти господа поплатятся за свою трусость и ненаходчивость... Я имъ покажу!.. узнають они меня!.. Вы, разумѣется, приказали освободить г. Курлятьева?— спросилъ онъ отрывисто, останавливаясь передъ прокуроромъ, старичкомъ съ добродушной фязіономіей, который, какъ сѣлъ на указанное ему кресло, такъ и не трогался съ мѣста, терпѣливо выслушивая бурный потокъ негодованія, которымъ встрѣтили сообщенную имъ новость.

— Нѣтъ, ваше превосходительство, обвиняемый все еще въ острогѣ,—спокойно отвѣчалъ онъ на предложенный ему вопросъ.

Не будь его собесѣдникъ такъ возбужденъ, спокойствіе это навело бы его на подозрѣніе: только человекъ, твердо проникнутый убѣжденіемъ, что ему стоитъ сказать одно слово, чтобъ оправдаться, можетъ такъ благодушно выслушивать сыплющіяся на него упреки.

— Въ острогѣ? Съ арестантами?—вскричалъ губернаторъ.

— Гдѣ же быть убійцѣ, какъ не въ острогѣ, ваше превосходительство? Но съ арестантами посадить его было бы опасно. Онъ заключенъ въ секретную.

— Неужели и вы тоже думаете, что Курлятьевъ убилъ князя?..

— Если вы хотите знать мое внутреннее убѣжденіе, ваше превосходительство...

— Разумѣется.

— Въ такомъ случаѣ я вамъ скажу, что князя убилъ Курлятьевъ, больше никому, да и самъ онъ сознался...

— Какъ это сознался?..

— Да очень просто. На обвиненіе онъ ни единымъ словомъ не протестовалъ и отнесся къ аресту спокойно.

Губернаторъ ничего не отвѣтилъ и молча началъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, ероша волосы. Курлятьева привезли въ городъ къ полдню, но докладъ стряпчего своему непосредственному начальству длился добрыхъ два часа, и когда Дмитрій Васильевичъ явился къ губернатору, его превосходительство готовился къ послѣобѣденному отдыху. Но прокуроръ такъ настаивалъ на необходимости немедленнаго свиданія по дѣлу службы, что его ввели въ просторный кабинетъ, съ окнами въ густой садъ, а минуту черезъ пять явился и хозяинъ губерніи въ халатѣ, безъ парика и съ кислой фязіономіей человекъ, котораго заставляютъ нарушить одну изъ самыхъ сладкихъ привычекъ... и, чтобъ выслушать что нибудь непріятное, безъ сомнѣнія.

Но дѣйствительность превзошла всякія ожиданія; страшная вѣсть, привезенная прокуроромъ, такъ поразила его превосходительство, что долго онъ не могъ прійти въ себя отъ ужаса и изумленія.

Да и было чему ужасаться. Не дальше какъ дня три тому назадъ у него обѣдалъ этотъ самый, блестящій столичный слетокъ,

занималъ мужчинъ разсказами про Петербургъ, любезничалъ съ дамами, сыпалъ каламбурами, смѣшилъ остроумными анекдотами, и вдругъ этотъ жизнерадостный юноша, для котораго вся жизнь была до сихъ поръ нескончаемымъ праздникомъ любви и веселья, теперь въ острогѣ, надъ нимъ тяготѣетъ обвиненіе такое тяжелое, что даже полнѣйшее оправданіе не смоетъ съ него роковой печати подозрѣнія. Чѣмъ больше думалъ объ этомъ губернаторъ, тѣмъ сильнѣе кипѣла въ немъ злобная досада на стряпчаго. Вотъ ужъ выказалъ ретивость-то не кстати!

— Во всякомъ случаѣ, — началъ онъ прерванную бесѣду съ того самаго слова, съ котораго оборвалъ ее, — если даже есть и улики, то это еще не доказательство... Да и улики-то какія! — продолжалъ онъ съ возрастающимъ одушевленіемъ. — Молчаніе этого несчастнаго! Да вѣдь это, сударь мой, можно всячески понимать, это зависитъ отъ нрава человѣка... иной, если на него обрушивается такая гнусная клевета, остервенится отъ бѣшенства и въ ярости плюхъ надаетъ обвинителю, да-съ, а другого такъ это поразить, что онъ ни слова не будетъ въ состояніи вымолвить... Вѣдь вашъ этотъ стряпчій, — продолжалъ съ гримасой гадливости сановникъ, — развѣ онъ можетъ понимать чувства благороднаго человѣка? Онъ привыкъ все съ мужиками... которыхъ и въ рыло тычутъ и на плечахъ плетью сбкутъ... Молчалъ! Да что-жъ ему было говорить? Онъ считалъ унижительнымъ оправдываться, несчастный молодой человѣкъ! Это такъ понятно... но, разумѣется, не такому лицу, какъ вашъ Корниловичъ... Всегда мнѣ онъ не нравился... выскочка... нахаль... мнитъ себя всѣхъ умнѣе и желаетъ вылѣзти въ люди такими вотъ гнусными выходками, какъ сегодня съ Курлятьевымъ... Ну, скажите, почему не направилъ онъ своихъ подозрѣній, своего песьяго чутья, на другого когонибудь? Точно, кромѣ Курлятьева, ужъ и некому было убить князя! Холоповъ полонъ дворъ, деревня въ двухъ шагахъ, наконецъ, кто намъ поручится, что всѣ разбойники въ уѣздѣ перевелись?.. Нѣтъ, этому щелкоперу понадобилось надъ бариномъ потѣшить свою подлую душу!.. Я не понимаю, Дмитрій Васильевичъ, для чего держите вы у себя такого опаснаго сумасброда? Вотъ и дожили до бѣды! Вѣчно у него какіе-то дурацкія прожекты въ головѣ, всѣхъ-то онъ подозрѣваетъ, вѣчно суется не въ свое дѣло... Зачѣмъ такого держать, не понимаю!

— Да вѣдь не я выбираю себѣ стряпчихъ, ваше превосходительство, ихъ мнѣ назначаютъ...

— Неужто-жъ не было возможности съ самаго начала его какънибудь сплавить, — продолжалъ брюзжать губернаторъ, точно съ умысломъ, отдаляясь отъ главнаго предмета бесѣды.

— Трудно, ваше превосходительство, такого сплавить, — отвѣчалъ прокуроръ, — уменъ бестія, на законахъ собаку съѣлъ, на работу такъ золь, что одинъ справляется съ тѣмъ, съ чѣмъ и пя-

терымъ не справиться.. А ужъ про юркость его да пронырство и говорить нечего, нѣтъ такого плута, котораго бы онъ не обошелъ; нюхъ у него преступленія открывать, какъ у хорошей гончей собаки на зайца.

— Ужъ и нюхъ! Просто отличиться желаетъ. Мѣтитъ въ прокуроры скорѣе выскочить.

— И выскочить.

— Если шею себѣ не сломить... Но, я вижу, онъ васъ совсѣмъ очаровалъ, и вы, кажется, вполне раздѣляете его мнѣніе...

— На счетъ Курлятьева? Вполнѣ. Позвольте мнѣ высказать вашему превосходительству всѣ обстоятельства дѣла...

— Съ этого надо было начать, пожалуйста.

Прокуроръ усмѣхнулся. Но въ волненіи своемъ начальникъ края не замѣтилъ этой усмѣшки и, опустившись въ кресло, прибавилъ дѣловымъ тономъ:

— Я васъ слушаю.

— Г-нъ Курлятьевъ былъ довольно долго, годъ или два, въ амурной связи съ княгиней Дульской,—началъ Василій Дмитріевичъ, понюхавъ табакъ изъ большой золотой табакерки.

— Такъ вѣдь это Богъ знаетъ когда было, а теперь... Какая ему была надобность убивать князя именно теперь, когда связь эта ужъ давно кончилась?—вскричалъ губернаторъ.—Вотъ и видно что у вашего Корниловича умъ за разумъ зашелъ!.. Выкопалъ какую-то старую исторію, про которую всѣ забыли, и выѣзжаетъ на ней. Глупо. Курлятьевъ влюбленъ въ Бахтерину и собирается на ней жениться, вотъ вамъ, если хотите знать.

— Точно такъ-съ, ваше превосходительство. Намъ съ Корниловичемъ и про это извѣстно. Онъ давно изучаетъ это дѣло...

— Съ какою цѣлью? неужто-жъ этотъ вашъ ясновидящій предвидѣлъ и то, что Курлятьевъ застрѣлитъ князя? это интересно! Ха, ха, ха!

— Нѣтъ, ваше превосходительство, этого онъ предвидѣть не могъ, онъ по другому дѣлу слѣдилъ за нимъ и за дѣвицей Бахтериной.

— За этой-то для чего было слѣдить? дѣвица живетъ при матери, богатѣйшая невѣста въ губерніи, воспитанія отличнаго... Да еще красавица вдобавокъ!.. Я и самъ бы на мѣстѣ Курлятьева влюбился въ нее и пожелалъ бы назвать ее своей женой.

— Она ему отказала.

— Когда? Откуда вы это знаете?

— Третьяго дня вечеромъ.

— Вотъ какъ! Но почему же? Вѣдь онъ ей, кажется, нравился?

— Нравился, ваше превосходительство, но ей запрещено выходить замужъ...

— Запрещено?.. Кѣмъ же?

Василій Дмитріевичъ опять прибѣгъ къ табакеркѣ, чтобъ скрыть торжество, сверкнувшее въ его глазахъ.

— Раскольничимъ попомъ Симіоніемъ, — развязно произнесъ онъ, исподлобья посматривая на своего собесѣдника и наслаждаясь его изумленіемъ.

Губернаторъ даже подпрыгнулъ на своемъ креслѣ.

— Что вы говорите?!

— Сущую правду, ваше превосходительство. Корниловичъ надѣется въ скоромъ времени настолько подготовить всѣ данныя по этому дѣлу, чтобъ можно было и слѣдствіе начать...

— Поздравляю! Изъ одного скандала въ другой! Да онъ такимъ образомъ весь городъ оплететь, въ каждомъ домѣ убійць и сектантовъ розыщеть, вѣдь это же срамъ, поймите, срамъ! Ему что? Если даже все и вздоромъ окончится, въ отвѣтъ я буду, начальникъ губерніи, за то, что допустилъ такое безобразіе, а ему какъ съ гуся вода...

— Онъ опрометчиво не поступаетъ, ваше превосходительство, ни разу еще не ошибался до сихъ поръ. Нюхъ у него на это, я вамъ говорю. Извольте припомнить дѣло Аносова, Мингалевой, Ое-дюхина...

— Эка хватили! Аносовъ бѣглый солдатъ, Мингалева распутная дѣвка, а Оедюхинъ нищій! Такого сорта люди передъ убійствомъ изъ-за гроша не остановятся, а вѣдь тутъ дворянинъ, стариннаго рода, бывшій гвардеецъ, богатый и прекрасной души молодой человѣкъ...

— Мы его душу не знаемъ, ваше превосходительство. Вчера, при обыскѣ, у него найдено письмо, которое свидѣтельствуетъ не въ пользу его сердца, а еще менѣе о томъ, какъ онъ понимаетъ честь.

— Какое письмо? Покажите.

— Оно при слѣдствіи. Документъ первой важности. Я читалъ его уже пришитымъ къ дѣлу, которое Корниловичъ хранитъ у себя.

Губернаторъ усмѣхнулся.

— Бойтся, чтобъ изъ палаты не выкрали?

— Ограждаетъ себя на всякій случай, ваше превосходительство. Всего можно ждать. У Курлятьева и денегъ много, да и связи есть, здѣсь и въ Петербургѣ...

— Да, да, все это крайне непріятно... Ну, случись это въ прошломъ году, когда покойный императоръ былъ живъ, но теперь...

— Князь Дульскій подпалъ подъ опалу при покойномъ царѣ, а не при нынѣшнемъ...

— Что же я говорю? Именно потому-то и непріятно... Теперешній царь знаетъ князя, какъ любимца своей бабки, великой Екатерины... и, безъ сомнѣнія, въ самомъ непродолжительномъ вре-

мени съ него сняли бы запрещеніе жить въ столицѣ... Онъ самъ мнѣ это говорилъ. На доброжелательство къ нему молодого государя онъ такъ рассчитывалъ, что говорилъ о своемъ отъѣздѣ въ Москву, какъ о рѣшенномъ дѣлѣ... Кто знаетъ, ему, можетъ быть, предложили бы снова поступить на службу, довѣрили бы ему важный постъ, сдѣлали бы его министромъ, чего добраго!

— Вотъ именно поэтому-то мы и рѣшили дѣйствовать энергично, ваше превосходительство. Гнусное злодѣяніе, совершенное надъ нимъ, скрыть невозможно, оно дойдетъ до государя, и если, какъ и вы полагаете, царь возлагалъ на князя надежды, вѣсть о его смерти не можетъ не огорчить его величества. Онъ захочетъ узнать, нашли ли убійцу. Какъ же тутъ падить Курлятьева, когда противъ него такія подавляющія улики?

— Но какія же еще у васъ улики? Вы говорили про какое-то письмо... Отъ кого оно?

— Письмо преинтересное, ваше превосходительство. Изъ него явствуется какъ нельзя лучше, что причиной опалы князя три года тому назадъ былъ не кто иной, какъ Курлятьевъ. Онъ сдѣлалъ донось покойному императору на мужа своей любовницы.

— Что?!

Прокуроръ повторилъ свое заявленіе. Наступило молчаніе. Начальникъ губерніи былъ такъ пораженъ, что не зналъ, что сказать.

Подождавъ съ минуту, Василій Дмитріевичъ продолжалъ:

— Письмо, которое у насъ въ рукахъ, собственноручно написано княгиней Дульской. Она упрекаетъ своего бывшаго возлюбленнаго въ томъ, что онъ ее совратилъ, заставилъ забыть честь и совѣсть, нарушить клятву, данную передъ алтаремъ благороднѣйшему изъ супруговъ, и наконецъ, къ довершенію всего, оклеветалъ его передъ покойнымъ государемъ. Письмо оканчивается такими словами: «Императору все это будетъ извѣстно. Его благородное сердце содрогнется передъ такимъ гнуснымъ предательствомъ, и невинной жертвѣ вашего коварства дано будетъ удовлетвореніе. Клянусь вамъ, что я ни передъ чѣмъ не отступлю, чтобъ этого достигнуть, съ радостью пожертвую моимъ добрымъ именемъ и подвергнусь позору, чтобъ снять съ души своей тяжкій гнетъ сознанія моего сообщничества съ вами».

— Въ письмѣ такъ именно и сказано?

— Слово въ слово, ваше превосходительство. Я нарочно запомнилъ, чтобъ въ точности вамъ передать.

Почтенный прокуроръ могъ бы прибавить къ этому, что у него въ кармазнѣ записка, на которой рукою стряпчаго написаны эти слова, точный переводъ съ французскаго подлинника. Корниловичъ передалъ эту записку своему начальнику, чтобъ этотъ послѣдній вытвердилъ ее наизусть передъ свиданіемъ съ губернаторомъ.

О да, въ недостаткѣ предусмотрительности губернскаго стряпчаго нельзя было упрекнуть!

Значеніе этого послѣдняго удара было рѣшительное, и сраженіе между вельможей, защитникомъ дворянскихъ привилегій, и выбивающимся въ люди юнымъ проходимцемъ было выиграно этимъ послѣднимъ.

— Какой, однако, мерзавецъ этотъ Курлятьевъ,— вымолвилъ озадаченный начальникъ края.

— Ваше превосходительство, да съ кого же ему было примѣръ брать, у кого добродѣтели учиться? Фамилія эта достаточно здѣсь извѣстна. Отецъ его, какъ уличенный масонъ и сектантъ, въ домѣ для умалишенныхъ окончилъ свою жизнь. Сестры, забывъ дѣвическую стыдливость, бѣжали, одна съ разбойникомъ, другая въ раскольничью обитель, мать на всю губернію прославилась алчностью, жестокостью и самодурствомъ...

— Правда, правда! Но княгиня-то Дульская! Кто бы могъ подумать? Олицетворенная грація, кротость и чистота!

— Несчастливая она женщина, ваше превосходительство, вотъ что про нее можно сказать. И достойна скорѣе сожалѣнія, чѣмъ осужденія. Надо такъ полагать, что ей случайно стало извѣстно про гнусный поступокъ Курлятьева противъ ея мужа, и что она именно съ этой минуты и возненавидѣла его. Отъ ужаса она даже какъ будто въ умѣ рехнулась. Изъ письма ея можно заключить также и то, что она подпала подъ вліяніе какой-то шарлатанки изъ тѣхъ, что называютъ себя просвѣтленными...

— Иллюминаты,—поправилъ губернаторъ.

— Именно такъ, иллюминаты, ваше превосходительство.

— Очень можетъ быть, очень можетъ быть,—сказалъ губернаторъ.—Секта эта изъ самыхъ опасныхъ и не даромъ преслѣдуется во всѣхъ благоустроенныхъ государствахъ... Такъ вы полагаете?..

— Я полагаю, что иллюминаты окончательно сбили съ толку эту несчастную, и что намѣреніе ея во всемъ открыться мужу, будь онъ только живъ, не осталось бы пустой угрозой, съ ея стороны. Ну, а тогда!..

— Да, конечно, князь не пощадилъ бы своего злодѣя... И, разумѣется, если взглянуть на дѣло съ этой стороны... Я вѣдь объ этомъ и понятія не имѣлъ,—раздумчиво произнесъ губернаторъ.

— Я зналъ, что вы измѣните вашъ взглядъ на дѣйствія г. губернскаго стряпчаго, когда поближе ознакомитесь съ дѣломъ, ваше превосходительство. Къ слѣдствію уже приступлено,—продолжалъ Василій Дмитріевичъ, поднимаясь съ мѣста,—сейчасъ, прямо отъ вашего превосходительства, ѣду въ острогъ присутствовать при допросѣ обвиняемаго. Въ новой обстановкѣ,—прибавилъ онъ со вздохомъ,—авось либо добьемся отъ него полнаго сознанія.

Вдохнулъ въ свою очередь и губернаторъ.

— Дай-то Богъ, дай-то Богъ! Это будетъ признакъ раскаянія съ его стороны и докажетъ, что сердце его не совѣмъ испорчено.

— Во всякомъ случаѣ пѣсенка его ужь спѣта, ваше превосходительство.

— Такъ-то такъ, а все же, знаете, утѣшительно думать, что если на этомъ свѣтѣ ему ничего хорошаго нельзя ждать, то хоть въ будущей жизни ему за все это зачтется.

— Правда, правда, ваше превосходительство.

На этомъ они и разстались. Прокуроръ поѣхалъ въ острогъ, гдѣ ужь давно дожидаль его прибытія стряпчій, а начальникъ губерніи поспѣшилъ на половину своей супруги, чтобъ подѣлиться съ нею впечатлѣніями и потолковать о животрепещущей новости, успѣвшей уже облетѣть весь городъ.

Не было такого дома, большого или маленькаго, въ которомъ не толковали бы о князѣ Дульскомъ и объ его убійцѣ.

Если Корниловичъ рассчитывалъ на суровость предоставленныхъ ему закономъ правъ надъ обвиняемымъ, чтобъ сломить въ этомъ послѣднемъ то, что онъ называлъ глупымъ и бессмысленнымъ упорствомъ, онъ ошибся. Курлятьевъ и здѣсь, въ смрадной, подземной кельѣ, съ крошечнымъ рѣшетчатымъ оконцемъ, скупо пропускающимъ дневной свѣтъ, пребывалъ все въ томъ же состояніи нравственнаго столбняка, въ которомъ онъ находился въ моментъ своего ареста и послѣ, во время пути.

Все то же окаменѣвшее въ скорбномъ выраженіи лицо, съ задумчивымъ взглядомъ, увидѣлъ передъ собою и прокуроръ, когда заключеннаго, въ виду его исключительнаго общественнаго положенія, ввели для допроса не въ грязную канцелярію, съ засиженными мухами стѣнами и липкими отъ грязи столами и скамейками, а въ квартиру смотрителя. Тутъ, въ горницѣ, съ низкимъ потолкомъ и мебелью, обитой черной кожей, тоже было неказисто, но оконцы отворены были на площадь, густо поросшей травой и переливавшейся изумрудными оттѣнками въ лучахъ заходящаго солнца; сюда долетали, среди отдаленнаго гула раскинувшагося за полверсту города, мычаніе коровъ, пасущихся неподалеку, протяжные крики перелетныхъ птицъ, виднѣлось синее, бездонное небо, съ скользящими по немъ легкими облачками, и въ первый разъ съ той минуты, какъ Курлятьевъ очутился въ заколдованномъ кругу чуждой силы, превратившей его въ арестанта, ощутилъ онъ потребность отдать себѣ отчетъ въ томъ, что такъ внезапно, точно по мановенію волшебнаго жезла, перевернуло вверхъ дномъ его жизнь. Точно невидимый духъ какой-то вынулъ изъ него волю, умъ и сердце, все то, чѣмъ можетъ страдать человѣкъ, сознать страданіе и бороться противъ него. До этой минуты онъ оставался

равнодушень ко всему внѣшнему, и взгляды, полные ужаса и сожалѣнія, которыми обдавали его со всѣхъ сторонъ тѣ самые люди, которые за минуту передъ тѣмъ относились къ нему съ заискивающей любезностью и почтительнымъ вниманіемъ, не возбуждали въ немъ ни обиды, ни боли.

Оправдываться, заставить смолкнуть наглеца, бросившаго ему прямо въ лицо, съ самоувѣренностью фанатика, обвиненіе въ убійствѣ, ему и въ голову не приходило. Пусть говоритъ, что хочетъ, не все ли равно? То, что поднялось изъ глубины его души, при видѣ мертваго князя и съ умопомрачительной быстротой овладѣло всѣмъ его существомъ, было такъ велико и могуче, что все остальное казалось ничтожно и смѣшно...

Проѣзжая арестантомъ по той же дорогѣ, по которой онъ ѣхалъ наканунѣ совсѣмъ другимъ человѣкомъ, съ непонятными ему теперь печальями и надеждами, онъ спрашивалъ себя съ недоумѣніемъ: какъ могъ онъ сокрушаться объ отказѣ Магдалины сдѣлаться его женой? Развѣ это такъ нужно? Развѣ безъ этого нельзя спастись, достигнуть цѣли... той конечной цѣли, къ которой рвется его сердце, и къ которой онъ неуклонно будетъ идти, въ какія бы обстоятельства ни поставила его судьба.

Онъ и теперь ее любитъ, эту чистую и милую дѣвушку, но совсѣмъ иначе, чѣмъ прежде, осмысленнѣе, прочнѣе, глубже. Онъ любитъ ея душу. А душой они всегда будутъ вмѣстѣ, какъ далеко другъ отъ друга ни закинула бы ихъ судьба. Думать одинъ о другомъ, мечтать о соединеніи тамъ, гдѣ нѣтъ ни плача, ни скорби, а жизнь безконечная, никто помѣшать имъ не можетъ...

Нѣтъ больше между ними ни тайнъ, ни недоразумѣній. Она, безъ сомнѣнія, раньше его почувствовала въ себѣ ту силу, которой онъ теперь только вполнѣ отдался, и она повинуется ей. Это такъ понятно. Иначе и поступить нельзя. Противиться ей, этой силѣ, все равно, что сказать смерти, когда она придетъ: иди прочь, я не хочу умирать, или грому, чтобъ онъ пересталъ гремять.

Въ природѣ ничего не измѣнилось; погода была такая же прелестная, какъ и вчера, солнце также ярко свѣтило, пахло цвѣтами и обдавало прохладой подъ сѣнью зеленой листвы въ лѣсу. Все было попрежнему, только люди измѣнились.

— Вы застрѣлили князя Дульскаго? — спросилъ прокуроръ.

Обвиняемый поднялъ на своего судью недоумѣвающій взглядъ.

— Я не понимаю, что вы хотите сказать, — произнесъ онъ спокойно. — Я много причинилъ зла князю, и мнѣ очень жаль, что онъ умеръ раньше, чѣмъ я покаялся передъ нимъ...

— Не отпирайтесь! — вскричалъ стряпчій. — Теперь ужъ поздно, — прибавилъ онъ еще грознѣе, не обращая вниманія на недовольную гримасу своего начальника и на то, какъ, съ досадой покачивая

головой, онъ указывалъ ему взглядомъ на писаря, записывавшаго допросъ у другого окна въ той же комнатѣ.

Курлятьевъ пожалъ плечами.

— Узнать истину никогда не поздно,—заявилъ онъ, не мѣняя тона.

— Противъ васъ очень тяжелыя улики,—началъ прокуроръ.— Это письмо...

— Я его не читалъ,—объявилъ Курлятьевъ, мелькомъ взглянувъ на письмо, пришитое къ дѣлу, которое ему показывали.

— Потому что вамъ было извѣстно его содержаніе,—подхватилъ стряпчій.

Обвиняемый молча на него взглянулъ и пожалъ плечами.

— Но почему же вы его не читали? — спросилъ прокуроръ.

И на это Курлятьевъ не отвѣтилъ ни слова.

Раскрывать душу передъ этими людьми! Говорить про свою любовь къ Магдалинѣ! Объяснять имъ, въ какомъ настроеніи онъ находился, когда ему подали это письмо, да развѣ это возможно?! И кто же это пойметъ? Есть мгновенья, за которыя не жалко заплатить жизнью. Такія именно мгновенья переживалъ онъ вчера, въ ухахъ его еще звенѣлъ ея голосъ, передъ глазами стоялъ ея образъ, какъ живой, съ полнымъ беззавѣтной нѣжности къ нему взглядомъ... Какъ ножомъ рѣзанулъ его по сердцу знакомый почеркъ на конвертѣ, это вещественное доказательство его заблужденій, слѣпоты, безумной преступности... Будь онъ одинъ, письмо это было бы разорвано въ мелкіе клочки и по вѣтру разсѣяно... Онъ сунулъ его въ карманъ, чтобъ сжечь, не читая... А потомъ забылъ... Но къ чему все это говорить? Не къ чему, не къ чему,—твердилъ внутренній голосъ.

— Извольте выслушать это письмо,—объявилъ прокуроръ не допускающимъ возраженій тономъ.

И, наклонясь къ синеватому съ золотымъ обрѣзомъ, мелко исписанному листку, онъ громко и внятно сталъ читать письмо княгини Вѣры, по временамъ прерывая чтеніе, чтобъ взглянуть на Курлятьева, съ котораго стряпчій не спускалъ глазъ.

Слушая первую половину письма, въ которомъ княгиня описывала свое нравственное состояніе и терзавшія ее угрызенія совѣсти, обвиняемый все ниже и ниже опускалъ голову, но когда дошло до того мѣста, гдѣ она упоминала о чудной женщинѣ, вернувшей ей на нѣкоторое время покой души, онъ вострепнулся, вспыхнулъ и въ глазахъ заискрилась радость.

— Она!... она!... Просвѣтлѣнная!...—прошепталъ онъ въ упоеніи.

Прокуроръ прервалъ чтеніе.

— Что вы хотите этимъ сказать? — спросилъ онъ.

— О, читайте, читайте, Бога ради, дальше!—умоляюще протянулъ Курлятьевъ.

Но дальше княгиня обвиняла его въ доносѣ.

— Неправда! — вскричалъ онъ, блѣднѣя отъ негодованія.

Прокуроръ со стряпчимъ переглянулись.

— Но почему же вы раньше не вывели ея изъ заблужденія? — спросилъ первый.

— Да я въ первый разъ объ этомъ слышу, — возразилъ обвиняемый.

— Странно, — усмѣхнувшись, вставилъ стряпчій.

На замѣчаніе это Курлятьевъ не обратилъ вниманія. Вспышка негодованія, сорвавшая съ его устъ протестъ, угасла, какъ искра, задутая вѣтромъ. Съ прежнимъ равнодушіемъ отнесся онъ къ вопросу о пистолетѣ, который ему подали со словами:

— Признаете ли вы это оружіе вашею собственностью?

— Да, это мой пистолетъ, — отвѣчалъ Курлятьевъ, мелькомъ взглянувъ на него. — У меня такихъ пара.

— Для чего взяли вы его съ собой?

— Это вы спросите у моего камердинера Прошки. Онъ укладываетъ мои вещи. Я въ это не вмѣшиваюсь.

— Но вы приказали ему его уложить?

— Ничего я ему не приказывалъ. Человѣкъ этотъ служить при мнѣ лѣтъ десять, онъ знаетъ, что надо брать въ дорогу.

— А вамъ извѣстно, гдѣ найденъ этотъ пистолетъ?

— Нѣтъ. Въ чемоданѣ, вѣроятно, а, можетъ быть, въ дорожномъ несессерѣ.

— Его нашли въ кустахъ, подъ тѣмъ самымъ окномъ, въ которое стрѣляли, чтобъ убить князя.

Курлятьевъ поднялъ глаза на стряпчаго, потомъ перевелъ ихъ на прокурора и, помолчавъ въ глубокомъ раздумѣ, произнесъ медленно, точно про себя, и устремивъ пристальный взглядъ въ пространство:

— Такъ вотъ почему!.. Ну, да, не могли не подумать, что это я его убилъ... понимаю теперь... все понимаю...

Онъ вымолвилъ это совсѣмъ спокойно, какъ человѣкъ, удовлетворенный наконецъ разъясненіемъ мучительной загадки.

— Значитъ вы сознаетесь? — подхватилъ стряпчій.

— Въ чемъ?

— Что вы застрѣлили князя?

— Нѣтъ, я въ него не стрѣлялъ... Впрочемъ, — продолжалъ онъ съ загадочной улыбкой, — не все ли равно! Значитъ такъ надо... Бороться глупо... всѣми нами управляетъ та же сила... Вотъ и Вѣра тоже... Какъ все это чудно!.. Какими путями доведетъ она насъ до цѣли... это безразлично... Но я ужъ чувствую ее... этого пока достаточно...

Прокурора это безсвязное бормотанье испугало. Почтенный Ва-

силій Дмитріевичъ пригнулся къ уху стряпчаго, чтобъ ему шепнуть, кивая на Курлятьева:

— Онъ съ ума сошелъ.

— Притворяется, — возразилъ Корниловичъ, съ досадою пожимая плечами.

Однако допрашивать больше обвиняемаго они не рѣшились и его увели въ тюрьму, не добившись больше ни слова.

Въ ту ночь, первую, проведенную имъ въ тюрьмѣ, Курлятьевъ видѣлъ знаменательный сонъ. Вся его жизнь, съ того дня, какъ онъ сталъ себя помнить и отдавать себѣ отчетъ, какъ въ своихъ дѣйствіяхъ, такъ и въ дѣйствіяхъ окружающихъ его, и до послѣдней минуты, когда его привели на допросъ къ прокурору, прошла передъ нимъ панорамой, да такъ явственно и живо, что малѣйшая подробность неизгладимыми чертами запечатлѣлась въ его мозгу. Онъ увидѣлъ своего отца, этого безмолвнаго мученика разлада между внутреннимъ стремленіемъ къ самосовершенствованію, къ свѣту и истинѣ и внѣшнимъ міромъ, переполненнымъ ложью и мракомъ, понялъ душевныя терзанія этого искателя вѣчной правды, и содрогнулся передъ страданіями, безмолвно вынесенными этой чистой душой. Каждый день, каждый часъ приносили ему новое испытаніе, новую муку. Какой нестерпимою болью должно было отзываться въ немъ безчеловѣчное обращеніе его жены съ рабами, предоставленными слѣпымъ закономъ ея неограниченной власти! Какимъ живымъ упрекомъ были для него ихъ блѣдныя, искаженныя тѣлесными и душевными муками лица! Каково было ему слышать стоны и крики истязуемыхъ! А видѣть печаль родныхъ дочерей, ихъ слезы, уныніе и сознать, что онъ ничѣмъ не можетъ имъ помочь? Что можетъ быть ужаснѣе этого!

Всплывали изъ далекаго прошлаго, давно забытыя сцены: сестра Катерина на колѣняхъ передъ матерью, умоляющая за Марью... За себя она не осмѣлилась бы просить... Изъ поднятыхъ глазъ текутъ по блѣдному, скорбному лицу слезы... она такъ истомлена своимъ собственнымъ горемъ, организмъ ея такъ потрясенъ грызущей ее день и ночь тоской по миломъ, что отъ каждаго окрика матери она вздрагиваетъ съ ногъ до головы, и лицо ея искажается ужасомъ, но ради сестры она себя превозмогаетъ и безъ надежды на успѣхъ идетъ навстрѣчу оскорбленіямъ, попрекамъ, горькимъ напоминаніямъ...

Онъ видѣлъ эту сцену наяву, а изъ дѣтской, куда его послали увести, слышалъ гнѣвный голосъ матери. Отъ этого голоса, когда онъ раздавался по дому, челядь запрятывалась по угламъ, чтобъ не попасться на глаза развирѣпившей боярынь. Бывали примѣры, что вмѣстѣ съ виновными и невинныхъ посылали на

расправу въ конюшню за взглядъ, за вздохъ, за слезу, подмѣченную нестати. Въ домѣ на время воцарялась мертвая тишина, и длинные корридоры были пусты, но зато издали, черезъ дворъ, доносились сюда раздирающіе сердце стоны и визги... Няня Григорьевна, устремивъ скорбный взглядъ на образъ, шептала дрожащими губами молитву, а Федѣ дѣлалось такъ жутко и грустно, такъ жалко тѣхъ, кого мучили, что онъ тихо всхлипывалъ, прижимаясь къ ней и пряча голову на ея груди...

Кошмары эти смѣнились другими, еще болѣе тяжелыми. Сцены преслѣдованія, которымъ подвергся его отецъ, по настоянію матери... (онъ это зналъ, не даромъ ѣздилъ она съ жалобами къ высокопоставленнымъ личностямъ въ Петербургъ, угощала обѣдами и обдаривала чиновниковъ, отъ которыхъ зависѣла гибель ея мужа). Все это, какъ живое, вставало передъ нимъ, во всемъ своемъ гнусномъ безобразіи. Онъ видѣлъ своего несчастнаго отца, изможденнаго постомъ, молитвой и нравственными муками, въ ту минуту, когда полиція нагрязнула къ нему въ домъ для обыска, чтобъ наложить святотатственную руку на его духовныя сокровища, на книги и рукописи, къ которымъ онъ иначе, какъ съ благоговѣйнымъ трепетомъ, не прикасался. Онъ видѣлъ его на допросѣ, потомъ, въ цѣпяхъ, на телѣгѣ, окруженной стражей, на пути въ тотъ отдаленный городъ, гдѣ ждало его заключеніе съ умалишенными. Онъ видѣлъ его одиноко умирающимъ, на грязной койкѣ, среди неистовыхъ криковъ, воя и визговъ товарищей его по заключенію. Какъ онъ былъ кротокъ и спокоенъ среди искаженныхъ отъ безумія и отчаянія лицъ! Какъ былъ ясенъ его взглядъ! Онъ и тутъ, какъ и всегда, постоянно молился за всѣхъ несчастныхъ, за злодѣевъ своихъ и за дѣтей. Испуская свой чистый духъ и переходя въ вѣчность, его послѣдняя мысль была о сынѣ...

«Просвѣти его, Господи, Царь Небесный! Направь на путь истины»... — взывалъ умирающій къ разверзающемуся уже надъ нимъ небу...

Курлятьевъ проснулся.

Съ трудомъ проникая въ крошечное рѣшетчатое окно, бѣлесватый свѣтъ занимавшей зари скупо освѣщаль каморку, въ которой онъ лежалъ на грубомъ холщевомъ мѣшкѣ, набитомъ соломою, позеленѣвшія отъ плѣсени стѣны, земляной полъ съ копошащимися насѣкомыми и глиняный кувшинъ съ водой въ углу.

Принимая это за продолженіе грезы, Курлятьевъ протеръ себѣ глаза и приподнялся; но все пребывало въ томъ же видѣ. Холодѣя отъ ужаса съ ногъ до головы, онъ вспомнилъ о случившемся наканунѣ, на него напало отчаянье, и холодный потъ выступилъ на лбу.

Подушка его была еще мокра отъ пролитыхъ слезъ во снѣ за другихъ, а теперь сердце его содрогалось ужасомъ за себя.

Вдругъ какъ-то, точно наитіемъ свыше, постигъ онъ и измѣрилъ всю безвыходность своего положенія, беспомощность и одиночество. Гдѣ былъ у него вчера разумъ? Почему далъ онъ себя обвинить и опутать, ни знакомъ, ни словомъ не протестуя противъ чудовищной клеветы и насилія? Разумѣется, его всѣ теперь считаютъ виновнымъ. Иначе и быть не можетъ. И самъ бы онъ осудилъ, не задумываясь, кого угодно, по такимъ уликамъ... Что за роковая сила заставляла его молчать, когда надо было говорить, и говорить тамъ, гдѣ слѣдовало молчать?

Сила эта втолкнула его въ пропасть, изъ которой нѣтъ исхода. Онъ погибъ на всю жизнь. Когда онъ будетъ увѣрять на судѣ, что не онъ убилъ князя, никто ему не повѣритъ. Чѣмъ объяснить его странное поведеніе передъ трупомъ, отсутствіе гнѣва и негодованія при обвиненіи, какъ не удрученностью убійцы, терзаемаго угрызениями совѣсти? Кто же захочетъ повѣрить, что онъ иначе не могъ поступать, что невидимая сила овладѣла его тѣломъ и душой до потери всякаго самосознанія, всякой воли, что онъ въ теченіе цѣлыхъ сутокъ даже и думать не могъ, о чемъ хотѣлъ? Какъ чувствами его, такъ и помышленіями управляла все та же таинственная сила.

Она же и послала ему вѣщій сонъ, раскрывшій ему глаза на то, чего онъ раньше не понималъ. Эти злодѣянія, эти слезы и кровь, которыхъ онъ былъ безучастнымъ свидѣтелемъ съ ранняго дѣтства и которыя лились для него, чтобъ доставить ему больше денегъ, большую возможность предаваться дьявольскимъ утѣхамъ, называемымъ свѣтскими удовольствіями и земнымъ счастьемъ, всѣ эти мерзости вопіють противъ него къ вѣчной истинѣ и справедливости. Онъ долженъ все это искупить... За все и за всѣхъ пострадать—за сестеръ, за отца, за рабовъ, замученныхъ его матерью. Да, это неизбежно. Чѣмъ больше углублялся онъ въ эту мысль, тѣмъ яснѣе и неопровержимѣе она ему казалась...

И всего изумительнѣе то, что онъ ужъ давно это знаетъ, а только забылъ... Мірская суета заглушила въ немъ предчувствіе духа истины, но теперь, когда все случилось такъ, какъ ему было предсказано...

Онъ сталъ прислушиваться... Издалека раздавался голосъ. Сначала такъ глухо, что можно было принять его за шумъ вѣтра въ дремучемъ лѣсу, но чѣмъ дальше, тѣмъ все явственнѣе и явственнѣе различалъ онъ слова, заглушаемыя по временамъ, точно взрывами отдаленной бури.

«...Ты былъ, какъ трупъ, изъ котораго вынули душу.. какъ слѣпецъ отъ рожденія»...

— О, правда, правда! — прошепталъ онъ, падая на колѣни и простирая руки къ невидимому духу.

— «Но на тебя повѣялъ духъ истины»...

— Вѣрую, Господи! Помоги моему невѣрію! — вскричалъ онъ въ восторгѣ. — Никогда не забыть мнѣ этой блаженной минуты просвѣтлѣнія! Никогда не примириться съ отсутствіемъ духа! Всюду буду я искать его, и не найдетъ жаждущая моя душа ни въ чемъ земномъ утѣхи, доколѣ не сдѣлаюсь достойнымъ слиться съ Нимъ, проникнуться Имъ до мозга костей, уничтожиться въ Немъ всѣмъ моимъ существомъ, чтобъ каждый мой вздохъ, каждое помышленіе, каждое слово и движеніе исходили отъ Него...

— Кто это говорить его устами? Чьи слова онъ повторяетъ?— спрашивалъ онъ себя, съ недоумѣніемъ озираясь по сторонамъ.

Онъ поднялся съ колѣней. Тѣ же заплѣсневѣлыя стѣны, съ ползающими гадами, окружаютъ его, ноги его стоятъ на томъ же земляномъ полу и у той же гнусной постилки съ грубой подушкой; сквозь желѣзную рѣшетку также скупю, какъ и прежде, пронизывается свѣтъ, но какъ ему хорошо! Неземнымъ блаженствомъ полна его душа! Ни страха, ни сомнѣній нѣтъ больше въ его сердцѣ. Все ему теперь ясно, и онъ спокоенъ, какъ ребенокъ у груди матери. Онъ нашелъ путь къ истинѣ, и Тотъ, Кто его сюда привелъ, поведетъ его и дальше.

Онъ опустился на свою постилку, оперся локтями на колѣни, опустил голову на вывернутыя ладони, закрылъ глаза, и снова стали проходить передъ нимъ призраки, но на этотъ разъ изъ болѣе близкаго прошлаго. Онъ видѣлъ себя съ княгиней Вѣрой и съ другими женщинами, видѣлъ страданія, слезы, ложь и предательство, которыхъ онъ былъ причиной, онъ увидѣлъ себя за злополучнымъ ужиномъ, за которымъ онъ въ пьяномъ видѣ выболталъ тайну князя Дульскаго, и все ему стало ясно...

Княгиня Вѣра не можетъ не презирать его и не ненавидѣть. А прочитавъ ея письмо, Корниловичъ не могъ не заподозрѣть его въ убійствѣ.

И тотъ, кто убилъ князя, долженъ былъ это знать. Недаромъ его же оружіемъ совершено преступленіе.

Да, все такъ подстроено, что выпутаться ему изъ сѣтей нѣтъ никакой возможности. Не стоитъ и пытаться. Не стоитъ, да и не должно. Какое имѣетъ онъ право бороться съ судьбой, когда онъ сознаетъ, что достоинъ кары? И чѣмъ же заслужить спасеніе, какъ не страданіемъ?

«Настанетъ для тебя тотъ день, когда ты будешь такъ близокъ къ гибели, что мракомъ отчаянія затемнится твой умъ, и горечью наполнится сердце»... Это было съ нимъ вчера и третьяго дня, послѣ отказа Магдалины сдѣлаться его женой, и потомъ, послѣ катастрофы у князя...

Но это еще не все... «И будешь ты изнемогать подъ бременемъ непосильной ноши, и будетъ раздираться твое сердце о тернія земныхъ золь»...

Неужели Магдалина повѣрить, что онъ убійца? Да, безъ сомнѣнія, повѣрить...

«И помутится твой умъ отъ бѣдствій, что низринутся на твою голову!» прогремѣлъ надъ нимъ тотъ же таинственный голосъ въ отвѣтъ на навернувшійся вопросъ. «И напрасно станешь ты искать утѣшеніе въ тѣняхъ минувшаго и въ призракахъ будущаго. Напрасно побѣжишь ты за ними и будешь умолять ихъ о помощи и наставленіи, они не поддержать тебя и не научатъ, а приведутъ тебя къ безднѣ, на самый край пропасти... И тутъ только ты очнешься и вознесешься къ Духу Истины»...

— О! скорѣй, скорѣй бы наступила эта минута! пошли мнѣ муки еще лютѣе, пусть бы только въ этихъ мукахъ сошелъ на меня Духъ Истины и осѣнилъ меня! Отверзи мнѣ очи! Очисти меня! Прибщи къ Твоимъ избраннымъ!..

Никогда еще онъ такъ не молился. Никогда еще не желалъ такъ страстно отрѣшиться отъ всего земного и вознестись къ источнику добра, свѣта и истины!

Время перестало существовать для него. Сколько часовъ длился его экстазъ, онъ не зналъ; тѣло его начинало уже изнемогать отъ усталости, а поднятыя къ верху руки сводило судорогой, но онъ этого не замѣчалъ, чѣмъ больнѣе было тѣлу, тѣмъ выше и радостнѣе возносился къ небу его духъ.

Х.

Послѣ свиданій съ Курлятьевымъ въ саду Магдалина такъ разнемоглась, что Софья Ѳедоровна послала за старичкомъ нѣмцемъ, съ незапамятныхъ временъ лѣчившимъ все ихъ семейство. Можетъ быть, лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, онъ и въ состояніи былъ отличить простуду отъ нервного потрясенія, но ужъ теперь отъ всего прописывалъ онъ потогонное и во всѣхъ симптомахъ видѣлъ только лихорадку. Магдалинѣ это было извѣстно, а потому она только улыбнулась при появленіи старика въ ея спальню и, безъ колебанія, протянула ему руку для ощупыванія пульса.

— Нишево, только сонъ и спокойствія,—объяснилъ онъ, поглядывая смѣющимися глазами, сквозь очки, на Софью Ѳедоровну.— Апетита нѣтъ? Ну, карошо, карошо. Завтра пропишемъ микстурку, если не будетъ лучше.

Однако, на другой день его къ больной не пустили, она лежала съ закрытыми глазами, спала вѣрно, и будить ее докторъ не приказалъ.

Но Софьѣ Ѳедоровнѣ сонъ этотъ казался подозрительнымъ, особенно когда, подкравшись немного спустя къ двери, она увидѣла, что Магдалина лежитъ, упершись пристальнымъ взглядомъ

въ пространство, со слезами въ широко раскрытыхъ глазахъ. Съ ноющимъ сердцемъ ушла она въ свою спальню, терпѣливо выжидая, чтобъ дочь сама повзала ее къ себѣ. Ждать пришлось долго, только къ вечеру прибѣжали ей сказать, что барышня встала, одѣлась и идетъ къ ней.

Магдалина объявила, что хочетъ ѣхать въ деревню. Она была увѣрена, что совсѣмъ поправится на свѣжемъ воздухѣ.

— Да и давно пора. Май на дворѣ. Сирени уже отцвѣли. Розы начинаютъ распускаться, и соловьи поютъ. Никогда еще не заживались мы такъ долго въ городѣ, — говорила она.

— Поѣдемъ, душенька, — сказала Софья Ѳедоровна.

— Нельзя ли скорѣе, маменька? Завтра? Да? — умоляюще и съ трудомъ сдерживая раздраженіе, настаивала Магдалина. — Это ничего, что вещи еще не уложены, можно ѣхать налегкѣ, мы возьмемъ съ собою самое необходимое, а безъ насъ все уложить и привезутъ послѣ... Хотите, маменька? Какъ это было бы хорошо!

— Какъ хочешь, такъ и сдѣлаемъ, — поспѣшила согласиться мать.

А про себя она думала: «Бойтся съ нимъ встрѣтиться... Бѣдный Ѳедя! Но, можетъ быть, оно лучше такъ, скорѣе другъ друга забудутъ».

Однако, какъ ни торопились, на слѣдующее утро уѣхать имъ не удалось. Раньше чѣмъ къ вечеру привести въ порядокъ дорожную карету слесарь не взялся. Ночь, по увѣренію горничной, спавшей въ сосѣдней комнатѣ, барышня опять провела безъ сна и жаловалась на ознобъ, что ничѣмъ согрѣться не можетъ, но утромъ встала и, распоряжаясь укладкой вещей, такъ разгорѣлась, что, видя ее съ румяными щеками и блестящими глазами, Софья Ѳедоровна немножко успокоилась. Скорѣй бы увести ее отсюда!

Ѳедя уѣхалъ на именины князя Дульскаго, но, вернувшись, не утерпѣть вѣрно, чтобъ къ нимъ не зайти, хотя бы подъ предлогомъ проститься передъ отъѣздомъ. Не принять его нельзя, вѣдь родной сестры сынъ. Магдалиночка можетъ изъ своей комнаты не выходить, если ей тяжело его видѣть, но Софья Ѳедоровна постарается его обласкать и утѣшить.

Не выдавая тайну дочери, она постарается ему показать, какъ ей грустно, что мечта ея — соединить съ нимъ Магдалину, не состоялась, и намекнетъ ему на то, чтобъ онъ не отчаивался. Мало ли что можетъ случиться со временемъ! Оба они молоды, годъ другой подождать ничего не значить. Магдалина можетъ измѣнить свое намѣреніе не выходить замужъ, и если только онъ останется ей вѣренъ, они могутъ еще быть счастливы вмѣстѣ. Чему быть, тому не миновать. То ли еще въ жизни случается?

Весь день прождала она съ замирающимъ сердцемъ племянника, моля Бога внушить ей такія слова, которыя нашли бы доступъ

въ его сердцѣ, и чтобъ увѣрить его въ ея преданности и любви къ нему. Вѣдь никого у него не осталось изъ ближнихъ на свѣтѣ, кромѣ нея. Некому пожалѣть его, приголубить. А какъ вздумалъ къ нимъ пригрѣться, кромѣ горя, ничего себѣ не нашелъ...

Вотъ о чемъ думала Софья Ѳедоровна, когда ей доложили о напасти, обрушившейся на племянника, и она очень за него испугалась, но чувство къ дочери взяло верхъ въ ея сердцѣ и надъ жалостью, и надъ страхомъ. Первымъ ея побужденіемъ было перекреститься и мысленно поблагодарить Бога за то, что Магдалина отказалась сдѣлаться его невѣстой.

Тотчасъ же представилось ей, какъ дочь ея будетъ поражена и растрожена такимъ ужаснымъ извѣстіемъ, и она стала искать средство, если не отвратить, что было невозможно, то по крайней мѣрѣ смягчить ударъ, грозящій ея чувствительности. Вѣдь она его любитъ!..

— Барышня еще не знаетъ?—тревожно спросила она.

— Ничего не знаютъ-съ. Онѣ, какъ изволили лечь отдохнуть послѣ обѣда, такъ съ тѣхъ поръ и не просыпались,—отвѣчала Ефимовна.

— Ну, и прекрасно, Христосъ съ нею. Чѣмъ позже узнаетъ, тѣмъ лучше. Можетъ, все это враками окажется... Я сама ей скажу, какъ проснется,—продолжала Бахтерина, обезпокоенная молчаніемъ старухи и выраженіемъ ея лица.

И вдругъ ей пришло въ голову, что, можетъ быть, дѣйствительно не изъ чего волноваться.

— Да откуда у васъ эти вѣсти?—спросила она, все больше и больше раздражаясь таинственнымъ видомъ Ефимовны.

— Да весь городъ ужъ про это знаетъ, сударыня. Нешто я по пустякамъ осмѣлилась бы безпокоить вашу милость. У Грибковыхъ-то, гдѣ Ѳедоръ Николаевичъ изволили остановиться, полиція ужъ все перешарила, и у господъ, и у людей всѣ сундуки перерыли... Людей къ допросу повели...

— А самъ онъ, Ѳедя-то, гдѣ?—спросила дрогнувшимъ голосомъ боярыня.

— Въ острогѣ-съ. Нашъ Лаврентій видѣлъ, какъ провезли,—неволью понижая голосъ и опуская глаза, вымолвила Ефимовна.

Софья Ѳедоровна всплеснула руками.

— Господи! Царь небесный! такъ значить... И въ самомъ дѣлѣ всѣ думаютъ, что это онъ убилъ князя?!

— Да какъ же, сударыня, кабы не они, нешто смѣли бы говорить. Вѣдь это на мужика можно что угодно наплести, и въ кандалы заковать, и засѣчь до смерти зря, а вѣдь Ѳедоръ Николаевичъ баринъ...

— Ахъ, Боже мой!—простонала Бахтерина.—Да изъ чего же ему было такой ужасъ сдѣлать?.. Убивать!..

Ефимовна молчала, но по выраженію ея лица, по стиснутымъ губамъ, госпожа ея не могла не догадаться, что ей есть что сказать, и она спросила:—Да что говорятъ-то?

— Много говорятъ, сударыня, всего не пересказать. Извѣстное дѣло, все теперь наружу выплыло. Людшкамъ рта не замажешь. О чемъ при баринѣ и заикнуться не смѣли, таперича, съ перепугу да съ горя, все до крошечки вывалили.

— Да чтожъ они говорятъ-то?—внѣ себя отъ волненія повторила Бахтерина.

— Говорятъ: изъ ревности у нихъ это вышло. Давно ужъ Федоръ Николаевичъ съ княгиней былъ знакомъ.

— Какъ знакомъ?.. Да неуштожъ!

— Точно такъ-съ,—медленно кивая сѣдой головой, подтвердила Ефимовна.—Людямъ нельзя про это не знать. И княжескіе, и Курлятьевскіе всѣ теперь рассказываютъ, какъ было дѣло.

Новое открытіе поразило Софью Федоровну столько же, если не больше перваго. Она была такъ убѣждена въ любви племянника къ Магдалинѣ! Теперь она его и жалѣть перестала. По дѣломъ вору и мука. Не развязавшись съ любовной интригой, да еще съ замуженной женщиной, осмѣлился прикидываться влюбленнымъ въ чистую, невинную дѣвицу и дѣлать ей предложеніе—вотъ нахальство-то! Хорошъ молодець, нечего сказать! Ужъ не потому ли и отказала ему Магдалина?.. Но кто же ей сказалъ? И почему она это скрыла отъ матери?

Пребывать дольше въ неизвѣстности Софья Федоровна была не въ силахъ. Она приказала Ефимовнѣ посмотрѣть, проснулась ли барышня...

— Если она не поживаетъ, я сама къ ней пойду.

Старушка вышла, а барыня стала ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, прикидывая въ умѣ, съ чего начать разговоръ съ дочерью и что ей объявить раньше—про убійство ли князя или про интригу Курлятьева съ княгиней. Во всякомъ случаѣ, какъ про то, такъ и про другое ей лучше узнать отъ матери, чѣмъ отъ постороннихъ. Софья Федоровна съ нею запрется и до тѣхъ поръ съ нею пробудетъ наединѣ, пока не успокоитъ ея и, насколько можно, не утѣшитъ. А въ деревню онѣ уѣдутъ сегодня же, если нельзя будетъ вечеромъ, то позже. Ночи лунныя, дорога хорошая, къ утру доѣдутъ, всего вѣдь 50 верстъ. Ну, а тамъ займется цвѣтами, птицами, верхомъ станетъ ѣздить, читать, съ деревенскими дѣвушками по грибы да по ягоды ходить, и разсѣется... А если нѣтъ, можно и въ заграничный вояжъ пуститься. Слава Богу средства на все есть, и половины доходовъ не проживаютъ... Итъ и въ Петербургъ никто не мѣшаетъ переселиться. Можетъ быть, тамъ Магдалинѣ скорѣе найдется партія, чѣмъ здѣсь...

Минутъ десять промечтала такимъ образомъ Софья Федоровна.

Ефимовна не возвращалась. Наконецъ, по корридорѣ раздались шаги, дверь растворилась, и старушка появилась на порогѣ съ такимъ разстроеннымъ лицомъ, что у барыни отъ предчувствія новой бѣды екнуло сердце.

— Что еще случилось?—вскричала она.

— Нигдѣ не можемъ найти боярышню,—вымолвила дрожащими губами Ефимовна.

— Да гдѣ-жъ она? Въ саду, вѣрно?

— Весь садъ обошли, подъ каждый кустикъ заглядывали, нѣтъ ихъ тамъ... Петька фореиторъ говоритъ, будто видѣлъ, какъ онѣ, накрывшись платочкомъ, черезъ калитку въ проулокъ вышли...

— Въ переулокъ? Зачѣмъ? Когда это было? Какъ смѣли мнѣ не доложить?

— Да ужъ давно-съ. Вы еще изволили почивать.

— Какъ же мнѣ сказали, что она спитъ?

— Это точно-съ. Часа такъ два тому назадъ позвонили—Лизавета вошла. «Я, говоритъ, спать хочу, не входите ко мнѣ. А если маменька спроситъ, скажите, что я сплю». И дверь поплотнѣе приказали запереть. Откуда вышли—никто не видѣлъ. Всѣ дивуемся. Дверь, какъ притворила ее Лизавета, такъ и осталась.

У Бахтериной ноги подкосились; она упала въ кресло, стоявшее позади нея, и громко разрыдалась.

Ефимовна со слезами кинулась ее успокоивать.

— Барыня, голубушка, не извольте такъ убиваться,—говорила она, подавая ей воды и цѣлуя ея руки,—барышня сейчасъ вернутся... вотъ увидите, что вернутся, не въ первый разъ... Онѣ въ старый домъ, вѣрно, пошли... Часто онѣ туда ходятъ, вотъ такъ, какъ теперь, никому не сказавшись... И подолгу тамъ сидятъ, когда часъ, когда два...

Но слова эти подливали только масло въ огонь.

— Чтожъ ты молчала до сихъ поръ?—вскричала Бахтерина, въ отчаяннїи своемъ забывая, что сама же раньше ни отъ кого не принимала доносовъ на дочь.—И не грѣшно тебѣ, старая, меня обманывать?! Кого она тамъ видитъ?

— Да никого тамъ, окромя старика Андреича съ Варварой, нѣтъ,—вымолвила запинаясь Ефимовна.

— Неправда! Она бы не скрывала отъ меня, что туда ходитъ, еслибъ ни съ кѣмъ тамъ не встрѣчалась!

Старуха, насупившись, молчала.

— Ты знаешь! Говори сейчасъ!—вспылила барыня.

— Да что говорить-то, сударыня? Вы лучше у нихъ у самихъ спросите,—прошептала Ефимовна, еще ниже опускаая голову.

— Господи! Да чтожъ это такое? Сговорились вы, что ли, меня на смерть замучить? Все знаютъ и молчатъ!

— Ничего мы не знаемъ, сударыня, болтають людшкы... Да нешто можно всякую брехню до господъ доводить?..

— Къ кому она ходить? Господи! Господи! Что же мнѣ всю дворню, что ли, къ допросу призывать, чтобъ про родную дочь узнать? Говори все! И что сама видѣла, и что отъ другихъ слышала, все, все!—прибавила Бахтерина, гнѣвно топая ногой.

— Скитницы тамъ, — проронила нехотя Ефимовна, которую гнѣвъ барыни не столько пугаль, сколько печалилъ.

— Скитницы? Это что-жъ такое?

— Изъ раскольничьей обители въ лѣсу, гдѣ настоятелемъ о. Симіоній,—пояснила старуха.

У Бахтеринной умъ помутился отъ недоумѣнія и испуга.

— Зачѣмъ онѣ ей?—съ трудомъ вымолвила она.

— Да чтожъ мы можемъ, сударыня, знать? Нешто онѣ намъ скажутъ? Вы лучше сами съ ними поговорите, можетъ, вашей милости и откроются, а мы что, мы только молиться Господу Богу можемъ, чтобъ успокоилъ онъ васъ за всѣ ваши добродѣтели... Такихъ-то господъ, какъ ваша милость...

Оборвавъ рѣчь на полусловѣ, старуха вскрикнула и отерла катившіяся по морщинистымъ щекамъ слезы концомъ шейнаго платка.

— Молитесь, молитесь! Кромѣ какъ на Бога, надѣяться намъ не на кого!—тоже со слезами вскричала Софья Федоровна.

И махнувъ рукой Ефимовнѣ, чтобъ вышла, она опустилась на колѣни передъ кіотомъ съ теплившейся передъ образами лампадой и до тѣхъ поръ взывала къ Богу о помощи, пока не поуспокоилась.

Поднявшись съ колѣней, она могла лучше обсудить дѣло. Вторженіе раскольниковъ въ ихъ семью было дня нея не новостью. Развѣ они не погубили ея зятя, Николая Семеновича, и его несчастныхъ дочерей? Говорили тогда, что и изъ дворни Курлятьевской только тѣ и спаслись отъ заразы, которые при барынѣ стояли, остальные всѣ къ о. Симіонію бѣжали за благословеніемъ и за совѣтомъ. Навѣрное и старикъ Андреичъ раскольникъ и внучка его. У нихъ, безъ сомнѣнія, Магдалина и встрѣтилась съ скитницами изъ монастыря Симіонія, а, можетъ, и съ нимъ самимъ? А Симіоній человекъ не обыденный. Не даромъ даже и покойный Иванъ Васильевичъ былъ высокаго мнѣнія о его умѣ, начитанности и краснорѣчии. Что же мудренаго, если онъ повліялъ на Магдалину, поразилъ ея воображеніе... Зерно упало на подготовленную почву. Съ дѣтства Магдалина слышала разговоры объ ученіи сектантовъ, масоновъ, мартинистахъ и т. п. Приемный отецъ ея страстно всѣмъ этимъ интересовался, былъ близокъ съ Новиковымъ и со многими изъ его послѣдователей. Сочиненія мистическаго содержанія сдѣлались подъ конецъ жизни его люби-

мымъ чтеніемъ. Магдалина читала ему вслухъ жизнеописаніе М-me Guyon и другихъ ей подобныхъ... Софья Ѳедоровна не разъ слышала отъ мужа, что между нашими искателями духа Истины и заграничными много общаго если не въ формѣ, то въ принципѣ... Вотъ и разгадка недоумѣнія, мучившаго ее на счетъ дочери ужъ давно, но въ особенности послѣдніе два дня. Такая дѣвушка безъ борьбы убѣжденіями своими не поступится, не легко ей было терять вѣру, въ которой ее воспитывали съ младенчества. А отказаться отъ счастья соединиться съ любимымъ человѣкомъ?.. Ну, за послѣднее—спасибо Симіонію. Онъ раньше всѣхъ разгадалъ Курлятьева. Должно быть, дѣйствительно у него даръ предвѣднія, и онъ умѣетъ читать въ сердцахъ людей. Откуда этотъ даръ, отъ Бога или отъ дьявола, это ужъ другой вопросъ, но такъ или иначе, а на этотъ разъ нельзя не сознаться, что онъ спасъ Магдалину отъ страшной бѣды, потребовавъ отъ нея, чтобъ она отказала Курлятьеву. Надо за это благодарить Бога, Онъ, всемогущій и всемилостивый, знаетъ, какимъ путемъ проявить Свою волю на пользу избранныхъ Своихъ чадъ.

Погруженная въ размышленія, она не замѣчала, какъ летѣло время, и сдѣлалось совсѣмъ темно, когда раздалися шаги, и на порогѣ сосѣдней, освѣщенной комнаты явился дворецкій Лукьянычъ, съ докладомъ о дорожной каретѣ, что ее привезли отъ слесаря исправленную. Тутъ только вспомнила Бахтерина про свое рѣшеніе непременно сегодня уѣхать въ деревню. Давно ли, узнавъ о страшной катастрофѣ, обрушившейся на племянника, она въ душевномъ смятеніи цѣплялась за отъѣздъ отсюда, какъ за якорь спасенія, но теперь послѣ того, что она узнала про Магдалину, она даже и представить себѣ не могла, что будетъ, когда дочь ея вернется. Ждала она этой минуты съ нетерпѣніемъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ ей было жутко, и сердце раздиралось сомнѣніями. «Какъ начать съ нею рѣчь? Ждать ли ея изліяній или, объявивъ про то, что ей извѣстно, умолять довѣриться ей вполне?»—спрашивала себя Софья Ѳедоровна, въ тоскливомъ своемъ недоумѣніи, забывая про дворецкаго, ожидавшаго приказаній у дверей.

— Прикажете укладываться, сударыня? — спросилъ этотъ послѣдній переждавъ въ молчаніи съ минуту.

— Не знаю еще, Лукьянычъ. Мы, можетъ быть, сегодня не поѣдемъ... Какъ барышня вернется, тогда и рѣшимъ, — отвѣчала Софья Ѳедоровна.

Старикъ, понуривъ голову, вышелъ. Его давно ужъ дожидались въ корридорѣ.

— Что ты тамъ какъ долго, дѣдушка? — начала шепотомъ молодая, румяная дѣвушка, Глаша, выдвигаясь изъ темнаго углубленія между стѣной и шкапомъ и загораживая ему дорогу.

— Тише ты, услышать! — проворчалъ онъ, торопливо направляясь къ буфетной.

Она поспѣшила за нимъ.

— Ну, говори, что тамъ еще случилось?—спросилъ онъ отрывисто послѣ того, какъ, оглянувшись по сторонамъ, убѣдился, что некому ихъ подслушать. Пользуясь разстройствомъ барыни, вся дворня скучилась въ людской, одинъ только дежурный казачокъ дремалъ на коникѣ въ прихожей, да двѣ дѣвчонки, забившись въ уголокъ дѣвичьей, хихикали между собой, въ ожиданіи барынинаго звонка.

— Ефимовна въ старый домъ за барышней собралась,—объявила взволнованной скороговоркой Глашка.

— Ну, это она такъ... ночь вѣдь ужъ, побойтся пойтить...

— Нѣтъ, дѣинька, она безпремѣнно пойдетъ. Если, говорить, до чаю барышня не вернется, я, говорить, знаю, гдѣ ее найдить...

— Это она кому же?

— Илюшкѣ. А онъ говорить: я васъ, кресненька, провожу. А она ему: не надо, говорить, я, говорить, и одна дорогу найду.

Старикъ озабоченно сдвинулъ брови и зашамкалъ беззубымъ ртомъ.

— Ну-ка, сбѣгай, посмотри, гдѣ она теперь, — приказалъ онъ, помолчавъ немного,—да скажи ей: дѣдка Лукьянычъ тебя ищетъ. У барыни сейчасъ, скажи, былъ, спрашивалъ, вѣдутъ, что ли, въ деревню-то нонче ночью, какъ хотѣли.

— Сйчасъ!

Она побѣжала къ лѣстницѣ наверхъ, гдѣ въ мезонинѣ съ окнами на черный дворъ жили бѣлошвейки подъ присмотромъ старой няни, а Лукьянычъ сталъ ходить взадъ и впередъ по корридору, ломая себѣ голову надъ мудренымъ вопросомъ: какъ сдѣлать, чтобъ Ефимовна вернулась изъ стараго дома съ носомъ и никого бы тамъ не нашла. Кого бы повѣрнѣе послать предупредить барышню? Кромѣ фореитора Степки, некого, а пойти теперь въ конюшню безъ благовиднаго предлога опасно, непременно навлечешь на себя подозрѣніе... Дорожный экипажъ онъ ужъ осматривалъ, какъ шель сюда съ докладомъ о немъ барынѣ, и съ кучерами обо всемъ перетолковалъ, всѣмъ покажется страннымъ его появленіе, пожалуй, съ Степкой не удастся и словомъ перекинуться.

Но долго размышлять ему не дали, Глашка прибѣжала назадъ съ извѣстіемъ, что Ефимовна ужъ ушла.

— Пока вы у барыни были, а я васъ тутъ поджидала, она, не одѣвшись, вздернула только платокъ съ шеи на голову, да и побѣжала. Теперь ужъ не догнать, поди чай.

— Ахъ, она зелье проклятое! Кочерга дьявольская! Чертова приспѣшница!—заругался Лукьянычъ.

Но это не помѣшало Ефимовнѣ темными переулочками да задворками добѣжать до стараго дома.

Да, пустилась она въ путь съ большою рѣшимостью и бѣжала, какъ молоденькая, но мало-по-малу прыткость ея стала остывать. Чѣмъ ближе она подходила, тѣмъ медленнѣе и осторожнѣе становилась ея поступь, и тѣмъ чаще овиралась она по сторонамъ, усердно крестясь и шепча молитву при малѣйшемъ шорохѣ, хотя и знала, что шумѣть въ эту пору за высокими заборами, кромѣ листьевъ, нечему.

Въ этой пустынной мѣстности жители запирали свои дома и ложились спать рано, такъ что въ щели плотно затворенныхъ ставень иногo свѣта, кромѣ еле мерцающаго кое-гдѣ огонька лампы передъ образами, ничего не просвѣчивало. И дорога ей была извѣстна. Было время, когда домъ этотъ съ запущеннымъ садомъ считался у нихъ своимъ, и бѣгать Бахтеринской дворнѣ «на тотъ дворъ», къ роднымъ и своякамъ, было самымъ обычнымъ дѣломъ. Потомъ, какъ господа поссорились, и людямъ ужъ не такъ вольготно стало явшаться между собою, но сношенія между ними не прерывались.

Ефимовна помнила, какъ вскорѣ послѣ того, какъ въ лѣсу нашли маленькую барышню, у нея вышла потасовка съ Курлятьевской нянькой изъ-за ихъ барышень, теперь, когда время погасило огонь разжигающихъ ихъ обѣихъ страстей, она судила объ этой стычкѣ съ старою соперницей безпристрастно и сознавалась, что задрала она ее первая обидными намеками на ея питомицъ. Скажи ей теперь кто нибудь, что на ея барышню бѣсовское наважденіе нашло, въ глаза бы вцѣпилась она такому человѣку.

Гдѣ-то теперь Григорьевна? Какъ въ воду канула послѣ того, какъ барины ихъ въ сумасшедшій домъ засадили. Пошли было про нее вѣсти, года два спустя, будто въ скиту у Симіонія ее видѣли, болтали также люди, будто она съ Принкулинскими нищими къ кіевскимъ угодникамъ босикомъ ходила, и съ тѣхъ поръ нѣтъ о ней ни слуху, ни духу. Умерла вѣрно. Лѣтъ на десять, если не больше, была она старше Ефимовны, а Ефимовнѣ ужъ давно за семьдесятъ перевалило.

Дойдя до запертыхъ воротъ, она и не попыталась дотронуться до заржавѣвшаго замка, висѣвшаго на нихъ, а, повернувъ вправо, прокралась мимо каменной ограды къ калиткѣ на задній дворъ, растворила ее и вошла въ поросшій густой травой дворъ, съ разваливающимися отъ ветхости, надворными строеніями.

И тутъ тоже было тихо, пусто и темно, какъ въ могилѣ.

Она усталилась глазами на окна съ выбитыми стеклами, мрачными впадинами чернѣвшими на бѣлесоватой стѣнѣ, и долго, долго всматривалась въ каждое изъ тѣхъ, что были надъ землей. Изнутри окна эти были чѣмъ-то завѣшаны, а снаружи, кромѣ густаго слоя

пыли и паутины, ихъ защищала отъ нескромныхъ взглядовъ высоко разросшаяся крапива, но, тѣмъ не менѣе, Ефимовна увидѣла таки слабый свѣтъ, пробивающійся изъ самаго крайняго, какъ разъ подь молельней покойнаго Николая Семеновича. Свѣтъ этотъ былъ очень тусклый; его можно было бы принять за отраженіе луны, но луны на небѣ не было; она должна была взойти черезъ часъ не раньше, значить они либо тутъ, въ подвалѣ, либо въ бывшей молельнѣ боярина Курлятьева, память котораго они чтутъ, какъ святаго и мученика за истинную вѣру.

Это не одной Ефимовнѣ, а многимъ извѣстно въ городѣ. Раскольниковъ-то здѣсь больше, чѣмъ правовѣрныхъ, и съ каждымъ годомъ число ихъ размножается. Нѣтъ дома, въ который бы не вкравлись проклятики. Ефимовна отлично знала, съ какихъ поръ боярышня Магдалина Ивановна начала имъ поддаваться. Какъ захворала она, узнавши про тайну своего рожденія, да про отказъ жениха, явилась къ нимъ въ людскую странница, благообразная такая, да сладкоголосая шельма; маслица отъ гроба Господня принесла для болящей. Выгнать надо было чернохвостницу, а замѣсто того сама же Ефимовна ея маслице барынѣ подала, а барыня барышнѣ отнесла; а барышня какъ узнала, что странница въ Іерусалимѣ была, пожелала ее видѣть да распросить. Ну, и повадилась къ нимъ черничка ходить да съ барышней бесѣдовать, а тамъ и сгинула, точно сквозь землю провалилась, никто ее съ тѣхъ поръ не видалъ, а барышня какъ оправилась, такъ въ старыи домъ зачатила. И такъ ей тамъ понравилось, что только тогда и довольна, когда вдостоль въ запущенномъ саду да по пустымъ комнатамъ нагуляется. Съ тѣхъ поръ дома какъ чужая стала. И ничего ей, кромѣ книжекъ, которыми въ библиотекѣ шкапы набиты, не нужно. Понятно, старая нянька допытываться стала, чѣмъ ей опустѣлые Курлятьевскіе хоромы такъ любопытны сдѣлались, ну, и узнала, что тамъ проклятики гнѣздо себѣ свили послѣ того, какъ Принкулинскую усадьбу полиція разорила. Въ землянкахъ-то, что дальше за оврагомъ прорыли, окромя нищихъ, калѣкъ переходжихъ, да воровъ изъ мелкихъ, никого теперь не найти, а вотъ, заглянули бы въ подвалы подь Курлятьевскимъ домомъ, съ потайными ходами прямо къ рѣкѣ, увидали бы тогда, гдѣ самые опасные люди хоронятся.

Осторожно пробираясь промежъ бурьяна и крапивы, которымъ обросъ дворъ, Ефимовна дошла наконецъ до входа въ нижнее жиле дома. Когда-то тутъ была дверь, но теперь исчезла. Въ концѣ темнаго корридора, по которому она стала пробираться ощупью, опираясь обѣими руками въ холодныя, заплѣсневѣлыя стѣны, выползала тонкая полоска свѣта изъ-подъ двери, и слышались голоса. Допедаши до этой двери, Ефимовна притаила дыханіе и стала прислушиваться. Почти тотчасъ же узнала она голосъ своей барышни, но съ кѣмъ она?

Удивительно знакомымъ показался ей голосъ бесѣдующей съ Магдалиной женщины. Но гдѣ и когда она его слышала, Ефимовна припомнить не могла. А между тѣмъ, съ каждымъ мгновениемъ, все глубже и глубже забирался онъ ей въ душу, этотъ голосъ, пробуждая въ умѣ давно заглохшія впечатлѣнія.

Убѣдившись, что разговариваютъ только двѣ женщины, она тихонько толкнула дверь и увидала обширную, съ низкимъ потолкомъ горницу, почти пустую. Кромѣ двухъ-трехъ деревянныхъ лавокъ, полки съ книгами въ черныхъ кожаныхъ переплетахъ, да божницы съ потемнѣвшими образами въ углу, здѣсь ничего не было. Горница эта находилась подъ домомъ, тутъ раньше былъ подвалъ для състныхъ припасовъ и для винъ: посреди, на выложенномъ кирпичемъ полу, виднѣлась подъемная каменная плита, съ желѣзнымъ кольцомъ. Это былъ спускъ въ погребъ. Днемъ свѣтъ проникалъ сюда изъ оконца наравнѣ съ землей, заросшей крапивой, а теперь тутъ горѣла лампада передъ образами. При ея слабомъ мерцаніи Ефимовна тотчасъ же узнала свою барышню въ одной изъ двухъ женщинъ, бесѣдовавшихъ между собою.

Магдалина стояла среди комнаты и, повидимому, собираясь уходить, накидывала себѣ на голову темный шерстяной платокъ. Собоесѣдница же ея, худая женщина, болѣзненнаго вида, въ монашескомъ одѣяніи, съ деревянными четками у пояса, сидѣла на одной изъ лавокъ; сгорбившись, какъ дряхлая старуха, она говорила рѣзкимъ голосомъ, часто прерывая свою рѣчь сухимъ кашлемъ. Лицо ея, съ ввалившимися щеками, было блѣдно, какъ у мертвой, губы синія, глаза сверкали и казались огромными отъ черныхъ пятенъ подъ ними. Она была такъ страшна, что первымъ побужденіемъ Ефимовны было мысленно сотворить молитву и отступить на шагъ отъ двери, но мало-по-малу любопытство взяло верхъ надъ боязнью, она стала внимательно всматриваться и узнала въ этомъ привидѣніи Курлятьевскую барышню, Марью Николаевну. Узнала не по лицу, искаженному болѣзнью и временемъ, не по фигурѣ, нѣкогда стройной, а по чему-то неуловимому въ манерѣ и голосѣ, напомнившему ей бывшее время еще раньше, чѣмъ она ее увидѣла. Откуда явилась она? Съ того свѣта, можетъ быть? Ефимовна стала съ напряженнымъ вниманіемъ прислушиваться къ разговору этого страшилища съ ея барышней.

Магдалина какъ будто умоляла ее о чемъ-то.

— Не могу я сейчасъ!.. Поймите же наконецъ!.. Вѣдь это ее убьетъ,—говорила она со слезами въ голосѣ. Наконецъ она разрыдалась.

Но монахиню не трогало ея отчаянье. Она возражала ей текстами изъ священнаго писанія, должно быть, потому что Ефимовна ничего не могла понять, кромѣ отдѣльныхъ словъ: «геенна огненная... дьяволы... князь тьмы... вѣчныя муки...». Слова эти она от-

чеканивала, какъ молоткомъ, жестоко и безстрастно. Морозъ подиралъ по кожѣ ее слушать.

И вдругъ, обозленная упорствомъ дѣвушки, которая на всѣ ея доводы продолжала плакать, отрицательно качая головой, она сорвалась, какъ ужаленная, съ мѣста, вытянула впередъ, грозящимъ жестомъ, костлявую руку и повелительно вскричала:

— Покайся! Смирись! Придешь къ намъ, какъ на каторгу твоего дьявольскаго ублюдка соплють, да ужъ поздно будетъ!.. Не примемъ.

Но угрозы ея не достигли цѣли; напротивъ, Магдалина перестала рыдать, и въ глазахъ ея сквозь слезы сверкнулъ гнѣвъ.

— Не говори такъ со мной, сестра Марья! Чѣмъ онъ будетъ несчастнѣе, тѣмъ больше я его буду любить...

— Это убійцу-то?!

— Не вѣрю я, чтобъ онъ убилъ,—возразила дѣвушка.

— Какъ увидишь его у поворота столба, съ надписью на груди: «убійца», тогда повѣришь,—злобно усмѣхнулась монахиня.

— И тогда не повѣрю,—повторила Магдалина.— Кто это сдѣлалъ? Кому понадобилась его гибель?—продолжала она со слезами.— Вы потребовали, чтобъ я принесла въ жертву Богу мою любовь, мое счастье, я повиновалась. Какъ онъ плакалъ! Какъ онъ умолялъ меня надъ нимъ сжалиться! Но я была безжалостна, я оттолкнула его, я собственными руками задушила свое счастье, осудила себя на вѣчное одиночество и тоску, на душевный холодъ и пустоту... Хуже того, я нанесла смертельный ударъ всѣмъ надеждамъ того, котораго люблю больше жизни, я и его обрекла на горе и отчаянье, поклялась ему, что не буду ничьей женой. Онъ ушелъ отъ меня съ растерзаннымъ сердцемъ, призывая смерть, какъ избавленіе... А вы говорите, что онъ убилъ своего ближняго? Да могу ли я этому повѣрить?! Скажите мнѣ, что онъ помѣшался съ горя, наложилъ на себя руки или взялъ на себя чужой грѣхъ, потому что ждаль отъ жизни ему больше нечего, это возможно, но чтобъ онъ самъ свершилъ преступленіе... нѣтъ, нѣтъ, это ложь! Кто тѣ злодѣи, которымъ понадобилась его погибель? Если вамъ это извѣстно, скажите мнѣ! Умоляю васъ, скажите! Ничего не пожалѣю я, чтобъ его спасти!.. Пусть берутъ все, что у меня есть... пусть берутъ мою жизнь... съ радостью отдамъ ее за него! За что преслѣдуютъ они его?..

— За то, что онъ препятствуетъ твоему спасенію, безумная!—вырвалось у монахини.

Магдалина съ ужасомъ отшатнулась отъ нея.

— Такъ это вы? вы?! Вы сознаетесь, что оклеветали невиннаго! О!

Она съ глухимъ стономъ закрыла лицо руками.

— А кто сказалъ: «Не бойтесь убивающихъ тѣло?»...—вскри-

чала сестра Марья. — Кратковременными земными муками сынъ преступной матери искупить и свои и ея грѣхи, удостоится царствія небеснаго... Если ты любишь его не грѣховной, плотской любовью, а во Христѣ, какъ подобаеть дѣвственницѣ, ищущей свѣта Истины, радоваться ты должна и благословлять твоихъ братій и сестеръ по Духу... Авва Симіоній тебя возлюбилъ недостойную, онъ хочеть приобщить тебя къ своему стаду, какъ пастырь добрый, пещущійся объ овцахъ своихъ...

Ей не дали договорить.

— Не пойду я по вашему пути!.. — вскричала дѣвушка. — Путь лжи и клеветы не можетъ вести къ истинѣ!.. Оставьте меня... я все теперь поняла!.. Ненавижу я васъ!..

И вѣвъ себя отъ волненія, Магдалина выбѣжала изъ мрачной горницы, въ которой ей такъ неожиданно открылась причина несчастя, обрушившагося на любимаго человѣка.

Монахиня рванулась было за нею и, можетъ быть, догнала бы ее, еслибъ не наткнулась на препятствіе.

— Марья Николаевна, матушка, не держите вы нашу барышню, тетенька Софья Ѳедоровна изволятъ беспокоиться, — взмолилась Ефимовна, загоразивая ей путь растопыренными руками, точно намѣреваясь силой ее задержать.

Впрочемъ та, въ которой старая Бахтеринская нянька узнала вторую Курлятьевскую барышню, и не думала сопротивляться. Съ широко раскрытыми отъ испуга глазами, она попятилась назадъ, крестясь и шепча дрожащими губами заклинанія.

Роли перемѣнились; теперь ужъ Ефимовнѣ приходилось убѣждать монахиню, что передъ нею не привидѣніе, а человѣкъ съ плотью и кровью.

— Не пугайтесь, матушка Марья Николаевна, это я, Бахтеринская нянька, Ефимовна... Вотъ когда Господь привелъ свидѣться! — вымолвила старушка, подходя къ ней и почтительно цѣлуя ея руку.

— Пусти меня!.. догнать!.. вернуть! — прохрипѣла монахиня, хватаясь за грудь, чтобъ сдavitъ припадокъ кашля. Но кровь хлынула у нея изъ горла. Она запаталась и упала бы, еслибъ Ефимовна не кинулась къ ней. Положивъ ее осторожно на полъ, она начала искать глазами воды. Въ углу стояла глиняная кружка съ остатками влаги. Подложивъ подъ голову умирающей платокъ, сдернутый съ своихъ плечъ, она поднесла кружку къ губамъ. Слава Богу, вода, и, кажется, свѣжая! Но Марья была ужъ безъ чувствъ. Ефимовна опустила передъ нею на колѣни и долго, долго терла ей виски водой безъ всякаго результата.

По временамъ ей казалось, что она ужъ скончалась. Дыханіе не было слышно, и тѣло холодѣло подъ ея руками.

Дрожащими пальцами и не переставая творить молитву, раз-

стегнула она узкій подрясникъ, чтобъ дать воздуху свободнѣе проникнуть въ грудь, и, замирая отъ ужаса и жалости, ущупала влажную, такую колючую, что она въ кровь оцарапала объ нее свои старые пальцы.

— Христова невѣста! Мученица! — прошептала она со слезами умиленія и благоговѣнно перекрестилась.

Марья тяжело вздохнула и открыла глаза.

— Святая! Страдалица! — зарыдала Ефимовна, припадая къ ея ногамъ.

— Умираю, — съ трудомъ вымолвила монахиня и, сдѣлавъ усиліе, прибавила, указывая рукой на плиту среди горницы: — постучи.

Ефимовна кинулась исполнять приказаніе; приподняла заржавленное кольцо и раза два ударила имъ по плитѣ, къ которой оно было привинчено, а затѣмъ, обернувшись, увидѣла, что умирающая подзываетъ ее къ себѣ, и подбѣжала къ ней.

— Сейчасъ придутъ... уйди скорѣе... Скажи Магдалинѣ... я уйду... Тамъ буду за нее молиться... Ѳедора ей не выкрутить... Искупить материнскіе грѣхи... Ему здѣсь свѣта истины не узрѣть... Но Магдалина была близка... Опять дьяволъ хочетъ ею овладѣть... пусть не поддается... пусть помнитъ... смерть родителей... безъ покаянія... Мучатся теперь въ аду... ждуть искупленія... Скажи ей... Умираю... скажи — велѣла напомнить... послѣдняя молитва за нее... Идутъ... бѣги... Никому ни слова... Молчи! Хотя бы ножами рѣзали... огнемъ жгли... молчи!

Собравшись съ силами, она громко выкрикнула послѣднее слово.

Подъ поломъ явственно раздавались шаги все ближе и ближе. Плита съ кольцомъ стала приподниматься, но Ефимовна успѣла выбѣжать раньше, чѣмъ высокій старикъ съ бѣлой бородой, въ монашеской рясѣ, вылѣзъ изъ подземелья.

Осмотрѣвшись по сторонамъ привычными къ темнотѣ глазами, авва Симіоній, кромѣ умирающей, никого не увидѣлъ.

Магдалина безъ оглядки бѣжала домой.

Ужасъ и отвращеніе къ людямъ, державшимъ въ кабалѣ ея умъ и душу цѣлыхъ два года, были такъ сильны, что еслибъ ей сказали, что на пути ее ждетъ смерть, извѣстіе это ни на мгновеніе не заставило бы ее остановиться. Куда бы то ни было, хотя бы въ адъ, только бы отъ нихъ дальше!

Какъ пробѣжала она мимо Ефимовны, не замѣтивъ ея, такъ не замѣтила она маленькой толпы людей, пробирающихся черезъ Принкулинскій оврагъ къ старому Курлятьевскому дому. Въ томъ душевномъ настроеніи, въ которомъ она находилась, ничего не могла она ни слышать, ни видѣть изъ того, что происходило во-

кругъ нея; всѣ ея чувства и помышленія вертѣлись около одной цѣли: скорѣй спасти Ѳедора, скорѣе передъ цѣлымъ свѣтомъ провозгласить его невинность и повѣдать всему міру тайну опутавшей его адской интриги.

Какъ поступить, чтобъ этого достигнуть, она еще не знала, но въ успѣхѣхъ не сомнѣвалась. Это такъ же вѣрно, какъ то, что она жива и дышитъ.

Безсознательно свернула она за городъ къ пустырю, среди котораго возвышался городской острогъ. Потянуло ее туда инстинктивное желаніе быть поближе къ возлюбленному и хотъ издали посмотрѣть на желѣзную рѣшетку, за которой онъ томился изъ-за нея.

Вошла луна, и при ея блѣдномъ свѣтѣ она увидѣла часового, сладко спавшаго, опершись на ружье, и многочисленныя окна съ рѣшетками въ три яруса.

«За которымъ изъ нихъ мой милый?» — спрашивала она себя съ тоской.

Еслибъ онъ зналъ, что она отъ него такъ близко!

Жизнь, кажется, отдала бы она за то, чтобъ дать ему почувствовать, какъ она его любитъ и какъ за него страдаетъ!

— Милый, милый!—повторяла она страстнымъ шепотомъ, не спуская взгляда съ рѣшетчатыхъ оконъ и прижимая руки къ бьющемуся сердцу.

Кто знаетъ, можетъ быть, именно въ эту минуту ихъ безсмертныя и не знающія ни времени, ни пространства души и слились въ чувство взаимной любви. Можетъ быть, тяготѣнію къ нему возлюбленной и обязанъ онъ былъ душевнымъ успокоеніемъ и блаженствомъ вознестись такъ высоко надъ землей, что гнусное мѣсто заточенія превратилось для него на нѣсколько мгновеній въ чертогъ райскаго счастья?

Когда Магдалина вернулась домой, первый ея вопросъ былъ о матери.

— Не ложились еще? Спрашивала о ней?

Лукьянычъ, котораго она встрѣтила у калитки (ворота ужъ давно были заперты), и который какъ будто дожидался тутъ ея возвращенія, чтобъ первому ее видѣть, отвѣчалъ, что боярыня въ большой тревогѣ.

— Ефимовна за вами, боярышня, въ старыи домъ побѣжала, — прибавилъ онъ, таинственно понижая голосъ, хотя во дворѣ, кромѣ ихъ двоихъ да цѣпной собаки, никого не было. — Не встрѣтилась она по дорогѣ вашей милости?

Магдалина, отрицательно покачавъ головой, пошла дальше, а старикъ остался у калитки, понутивъ голову подъ гнетомъ предположеній, одно тревожнѣе другого. Куда же дѣлась Ефимовна? Ужъ не задержали ли ее тѣ, тайну которыхъ она проникла? Не

любятъ они, чтобъ мірскіе за ними подсматривали, и не разъ платились любопытные за свои свѣдѣнія жизнью... А боярышня какая-то сегодня странная. Взглядъ сверкаетъ рѣшимостью, и не замѣтно въ ней того удрученнаго состоянія, въ которомъ послѣднее время она находилась послѣ свиданія съ братьями и сестрами по духу. Ужъ не рѣшилась ли она совсѣмъ къ нимъ уйти? Въ такомъ случаѣ зачѣмъ было и возвращаться? Самъ Лукьянычъ давно ужъ принадлежалъ къ сектѣ аввы Симіонія, а потому не могъ не сочувствовать обращенію боярышни на путь истинный.

Изъ бахтеринскихъ людей у Магдалины единомышленниковъ было только трое: дворецкій, конюхъ Степка, да одна изъ прачекъ, мать дѣвченки, приставленной на подмогу горничной Лизаветѣ, но и этого было достаточно, чтобъ обезпечить ей полнѣйшее удобство спокойно предаваться изученію новой вѣры и безпрепятственно видаться съ наставниками и наставницами изъ скита аввы Симіонія. Благодаря ловкому содѣйствію этихъ трехъ личностей, къ ней въ комнату незамѣтно проникали по ночамъ или рано утромъ, когда весь домъ еще спалъ, не только чернички раскольницы, но и самъ основатель ихъ обители. Такимъ образомъ узнала она раньше всѣхъ о катастрофѣ, обрушившейся на Курлятева. Одновременно съ этимъ извѣстіемъ сообщили ей, что сестра Марья хочетъ ее видѣть.

Она успѣшила на это свиданіе, чуя какую-то таинственную связь между ея любовью къ Ѳедору и несчастьемъ, поразившимъ его такъ неожиданно и такъ кстати для его враговъ.

Какъ сказано выше, то, что она узнала, превзошло всѣ ея ожиданія и окончательно распатало въ ея душѣ уже колеблющуюся вѣру въ святость ученія, увлекшаго ее своей новизной и страстностью фанатиковъ, проповѣдующихъ его.

До тѣхъ поръ, пока отъ нея требовали только личныхъ жертвъ, она гнала отъ себя прочь сомнѣнія, какъ дьявольское искушеніе, какъ слабодушіе, но когда она убѣдилась, что они ни передъ чѣмъ не останавливаются для достиженія цѣли: ни передъ клеветой, ни передъ ложью, когда любимаго ею человѣка не задумались принести въ жертву, чтобъ только отстранить преграду на ея пути къ тому, что они считаютъ спасеніемъ, она внезапно постигла всю глубину своего заблужденія и съ свойственною ей страстностью рвалась теперь къ искупленію содѣянныхъ изъ-за нея злодѣяній.

Чтобъ спасти Ѳедора, она во всемъ сознается, все откроетъ. Пусть судятъ ее церковнымъ и мірскимъ судомъ за отступленіе отъ истинной вѣры и за невольное сообщничество съ врагами этой вѣры, пусть заключатъ ее въ монастырь на всю жизнь или сошлютъ въ Сибирь, всему покорится она безропотно и со смиреніемъ, лишь бы только поправить зло.

Но прежде надо покаяться и вымолить прощенье у тѣхъ, которые страдаютъ изъ-за нея, у матери и у Ѳедора.

Она вбѣжала въ спальню Софьи Ѳедоровны, упала на колѣни передъ низкимъ кресломъ, на которомъ сидѣла госпожа Бахтерина, и долго рыдала въ ея объятіяхъ, не будучи въ силахъ произнести ни слова.

Плакала и Бахтерина, въ полной увѣренности, что дочь ея сокрушается о злой судьбѣ возлюбленнаго, и, боясь словами усилить ея печаль, она молча прижимала ее къ своей груди. Утѣшить ее было нечѣмъ. Ѳедоръ погибъ для нея безвозвратно. Если она не рѣшалась сдѣлаться его женой, когда онъ представлялъ изъ себя блестящую во всѣхъ отношеніяхъ партію, то ужъ теперь остается только благодарить Бога за то, что она ничѣмъ съ нимъ не связана. Печаль ея мало-по-малу поутихнетъ, и со временемъ она можетъ еще быть счастлива съ другимъ. «Но высказать ей эти надежды теперь, въ самый разгаръ ея отчаянія, было бы жестоко и безцѣльно»,—думала Софья Ѳедоровна, нѣжно лаская растрепавшіяся кудри плачущей у ея ногъ дѣвушки.

— А я еще торопилась уѣхать отсюда! Хотѣла бѣжать отъ него!—проговорила Магдалина, поднимая мокрое отъ слезъ лицо съ колѣней матери и устремляя на нее сверкающій страннымъ восторгомъ взглядъ.—Какое счастье, что мы еще не въ деревнѣ!

— Можно уѣхать дальше, за границу, куда хочешь,—замѣтила Софья Ѳедоровна.

Магдалина поднялась и отерла слезы.

— За границу?!—вскричала она съ негодованіемъ.—Когда онъ здѣсь? Въ острогѣ? Изъ-за меня!

— Изъ-за тебя?! Съ чего ты это взяла? Онъ самъ виноватъ въ своемъ несчастіи... ты тутъ, слава Богу, не причемъ...

И она начала передавать ей слышанное отъ Ефимовны, напирая на то, что, по ея мнѣнію, должно было всего больше оскорбить чувство ея дочери и вырвать его съ корнемъ изъ ея сердца, но при первомъ намекѣ на княгиню Дульскую рѣчь ея прервали на полусловѣ.

— Все это я давнымъ давно знаю, раньше, чѣмъ увидѣлась съ нимъ,—объявила Магдалина.

— Отъ кого?—вырвалось у ея матери.

Съ минуту дѣвушка колебалась, но потребность скорѣе сбросить съ себя бремя мучительной тайны взяло верхъ надъ всѣми остальными соображеніями, и она все рассказала матери съ самаго начала ея увлеченія Симіоніемъ и монахиней Марьей и до послѣдняго разочарованія, заставившаго ее отвернуться отъ нихъ навсегда. Одно время она такъ подпала подъ вліяніе сестры Марьи, что если не бѣжала къ ней въ обитель, то это благодаря тому, что

ея новымъ братьямъ и сестрамъ хотѣлось заполучить вмѣстѣ съ нею и состояніе, завѣщанное ей пріемнымъ отцомъ.

Главной преградой къ этому они считали Ѳедора Курлятьева. Имъ извѣстно было желаніе покойнаго Бахтерина вознаграждать племянника за потерю наслѣдства и мечта его отдать ему въ супруги пріемную дочь. Имъ было все извѣстно, и они начали исподволь вліять на Магдалину, возстановлять ее противъ Курлятьева, представляя его развратникомъ, закоренѣлымъ негодяемъ и такимъ же ожесточеннымъ эгоистомъ, какимъ была его мать.

Но тутъ они не достигли цѣли. Магдалина почувствовала влеченіе къ Ѳедору при первомъ взглядѣ на него. Старикъ Андреичъ, съ которымъ она видѣлась за нѣсколько дней до того утра, когда молодой человекъ пришелъ къ нимъ, не даромъ увѣрялъ ее, что онъ вылитый отецъ, такой же добрый, ласковый и простой. Какъ ни присматривалась къ нему Магдалина, не могла она найти въ немъ тѣхъ пороковъ, о которыхъ ее предупреждали, и съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ становился онъ любезнѣе ея сердцу. Когда же она убѣдилась, что и онъ въ нее влюбленъ, душа ея наполнилась такимъ счастьемъ, что ей страшно стало. Вотъ тутъ-то и насѣли на нее наставники и наставницы. Ни на минуту не оставляли ея въ покоѣ, по цѣлымъ часамъ простаивали скитницы въ глухомъ переулкѣ или притаившись гдѣ нибудь въ обширномъ дворѣ съ многочисленными службами, закутками для домашней птицы, свиней и телятъ, за дровами или за старой баней, чтобъ, выбравъ минутку поудобнѣе, незамѣтно проскользнуть въ комнату боярышни. Часто, прогуливаясь съ Ѳедоромъ по тѣнистымъ аллеямъ сада или сидя съ нимъ рядомъ на ступенькахъ облитой луннымъ свѣтомъ террасы и радостно млѣя подъ его страстнымъ взглядомъ, Магдалина вдрагивала при мысли о томъ, что ожидаетъ ее, когда онъ уйдетъ, и она останется одна.

Все-то они знали, обо всемъ догадывались; нельзя было не признать въ нихъ сверхъестественной силы, покровительствующей всѣмъ ихъ начинаніямъ.

А сестра Марія обладала, кромѣ того, даромъ пророчества. Когда на нее находилъ Духъ, всѣ присутствующіе падали передъ нею ницъ, содрогаясь до глубины души отъ ужасовъ, которые она въ своемъ просвѣтлѣніи видѣла и оглашала во всеуслышаніе съ такою увѣренностью, что невозможно было не заразиться ея убѣжденіемъ. Что же касается до аввы Симіонія, онъ могъ вызывать, когда только ему вздумается, души усопшихъ и бесѣдовать съ ними, о чемъ ему было угодно. Значеніе словъ на клочкѣ письма, забрызганномъ кровью убитыхъ и найденномъ близъ ихъ труповъ, разъяснила Симіонію покойная мать Магдалины, явившись ему въ ту самую ночь, когда пріемной дочери Бахтериныхъ открылась тайна ея рожденія... *Voeux de mon coeur vous conduira... but*

sacré... expiation suprême... «Заклинаю нашу дочь Магдалину обрѣсти путь къ Духу истины и искупить молитвой и служеніемъ правой вѣры наши грѣхи», вотъ какъ переводилъ эти завѣтныя для Магдалины слова авва Симіоній. И она ему повѣрила. Она не могла ему не повѣрить.

— Да, они необыкновенные люди, сильные духомъ, но сила ихъ не отъ Бога... Я это теперь вижу, чувствую и понимаю вполне ясно! Они довели меня до самаго края пропасти и низвергли бы въ нее, еслибъ ангелъ хранитель не спасъ меня отъ гибели. Какъ я теперь счастлива и покойна!—вскричала она съ восторгомъ.— Всея моей жизни не хватитъ на то, чтобъ достойно восхвалять Бога за Его милосердіе ко мнѣ. Я знаю, что вы думаете, маменька,—продолжала она, отвѣчая на тревожное недоумѣніе, выражавшееся на лицѣ Софьи Ѳеодоровны,—мой милый, тотъ, котораго Господь намѣтилъ мнѣ въ спутники жизни, въ ихъ власти, томится въ заточеніи, опозоренъ, и всѣ считаютъ его погибшимъ, но смѣю ли я сомнѣваться въ томъ, что Господь укажетъ мнѣ, какъ его спасти? Да, это былъ бы непростительный грѣхъ съ моей стороны! Нѣтъ, нѣтъ, не поддавайтесь дьявольскому искушенію, дорогая маменька, уповайте на Бога и предайтесь Ему вполне! Цѣли Его неисповѣдимы, и Онъ доведетъ насъ до блага и душевнаго спасенія. Только бы мнѣ увидѣть Ѳедора, хотя бы на минуту, чтобъ ободрить его, сказать ему, чтобъ онъ спокойно ждалъ конца испытанія... Только бы мнѣ увидѣть его, и онъ будетъ такъ же счастливъ, какъ и я.

Софья Ѳеодоровна молчала. Для чего стала бы она ей противорѣчить? Пусть хоть нѣсколько дней и даже нѣсколько часовъ будетъ счастлива, пусть наберется силъ для новыхъ печалей и разочарованій.

А печалей и разочарованій она предвидѣла такъ много, что ей жутко было заглядывать въ будущее.

XI.

Заснули онѣ только къ утру, или, лучше сказать, заснула одна Магдалина. Мать ея даже и на полчаса не могла забытья отъ осаждавшихъ ее злыхъ мыслей. Характеръ дочери ей хорошо былъ извѣстенъ. Душа ея жаждетъ самоотверженія такъ же страстно, какъ измученный путникъ жаждетъ глотка свѣжей воды въ знойной пустынѣ, подъ палящими лучами тропическаго солнца. Для ея пылкаго, предприимчиваго и отважнаго ума хлопотать о спасеніи любимаго человѣка—блаженство, которому равнаго нѣтъ на свѣтѣ. Она теперь вся предается этой мечтѣ, а куда заведетъ она ихъ, одинъ только Тотъ можетъ знать. Кому все извѣстно.

Въ седьмомъ часу утра Софья Ѳедоровна, принимая всевозможныя мѣры предосторожности, чтобъ не разбудить Магдалину, поднялась съ широкой кровати, на которой она лежала рядомъ съ нею, перекрестила ея блѣдное лицо, со слѣдами слезъ на щекахъ, поправила на ней одѣяло и, накинувъ на себя пудрмантиль, нацыпочкахъ вышла въ уборную, гдѣ увидала Ефимовну.

Старушка, сидѣвшая на стулѣ у двери, согнувшись и подремывая, сорвалась съ мѣста при появленіи боярыни.

— Что тебѣ?—спросила Софья Ѳедоровна.

— Давно ужъ вашу милость тутъ поджидаю-съ... Такое дѣло, что надо бы разбудить, два раза въ дверь заглядывала, изволили съ закрытыми глазками лежать, жалко было тревожить...

Въ другое время слова эти привели бы Бахтерину въ изумленіе и тревогу, но послѣ того, что случилось наканунѣ, ей ужъ ничего не могло казаться страшнымъ.

— Грибковъ, Карпъ Михайлычъ, пришелъ и...

— Грибковъ? У котораго Ѳедя остановился?—спросила Софья Ѳедоровна.

— Тотъ самый-съ. Дѣло у него до вашей милости. Неотложное—говорить. «Безпремѣнно, говорить, мнѣ надо вашу барыню повидать». Я не хотѣла было пускать...

— Какъ можно не пускать! Всѣхъ пускать, только чтобъ до барышни не дошло, а мнѣ все, все надо говорить, и кто бы ни пришелъ, къ ней ли, ко мнѣ ли, сейчасъ доложить,—перебила ее съ живостью боярыня.

И она поспѣшно стала одѣваться, чтобъ выйти къ неожиданному посѣтителю.

Какое счастье, что Магдалиночка спитъ и не увидитъ Грибкова! Онъ, безъ сомнѣнія, съ дурными вѣстями... Ничего хорошаго нельзя ждать.

— Гдѣ онъ? Куда ты его провела?—спросила Софья Ѳедоровна, застегивая на ходу пуговицы широкаго бѣлаго вышитаго капота и направляясь къ двери.

— Я его, сударыня, въ кабинетъ провела,—отвѣчала Ефимовна.

И, пригнувшись къ госпожѣ, она прибавила таинственнымъ шепотомъ:—Съ чернаго хода прокрался... чуть свѣтъ... На счастье, окромя меня, никого въ сѣняхъ не было... Я его прямо, колидоромъ, въ кабинетъ провела... тамъ ужъ, думаю, никто не увидитъ...

— Хорошо, хорошо,—проговорила боярыня, ускоряя шагъ и свертывая въ потайной проходъ, соединявшій половину мужа съ ея спальней и уборной.

Тутъ все сохранилось въ томъ же видѣ, въ какомъ было при покойномъ хозяинѣ дома. Въ глубокой кабинетъ, съ окнами въ садъ и въ прилегающую къ нему обширную комнату, служащую библіотекой, она приходила плакать и молиться, а Магдалина чи-

тать; изъ постороннихъ только Лукьянычу да Ефимовнѣ сюда входъ не былъ запрещенъ, и врядъ ли въ другое время позволила бы себѣ старая няня нарушить господское запрещеніе и ввести сюда чужого. Проводивъ барыню до дверей кабинета, она осталась караулить въ корридорѣ, чтобъ никто не узналъ о свиданіи Софьи Федоровны съ подьячимъ.

Пуще всѣхъ она опасалась Лукьяныча. Какъ онъ ее, старый хрѣнъ, вчера ночью допрашивалъ, когда она вернулась домой! У воротъ ея дожидался. Гдѣ была? Да кого видѣла? Почему вмѣстѣ съ барышней не вернулась?

Разумѣется, Ефимовна ничего ему не сказала. Ей давно извѣстно, что онъ въ раскольники перешелъ. Если и говѣеть у православнаго попа, то для виду только, значить заодно онъ съ тѣми, что въ Курлятьевскомъ домѣ моленную себѣ устроили. Тоже, поди чай, вмѣстѣ съ прочими, на радѣнія туда ходить.

Но мысли эти только мелькомъ налетали ей на умъ; встрѣча съ боярышней, которая у нея въ поминаніи ужъ давнымъ-давно записана, до глубины души ее потрясла. До сихъ поръ она опомниться не могла. То, чему она была свидѣтельницей, было такъ ужасно, такъ мало похоже на дѣйствительность, что Ефимовна не вѣрила ни глазамъ своимъ, ни ушамъ. Ужъ не дьявольское ли это наважденіе? Не видѣніе ли, напущенное на нее нечистымъ, чтобъ сбить ее съ пути истиннаго? Догадайся она перекреститься, да молитву сотворить, можетъ быть, все разсыпалось бы прахомъ, разсѣялось бы, какъ дымъ, растаяло бы, какъ воскъ передъ лицомъ огня, и ничего, кромѣ пустыхъ стѣнъ подвала, не осталось бы.

Но Ефимовна съ перепугу и про Бога забыла, вотъ какъ злой духъ ее смутилъ. А теперь, хоть молись, хоть нѣтъ, стоять у нея передъ глазами грозный призракъ умирающей, а въ ухахъ звучить ея надтреснутый, прерываемый кашлемъ, голосъ... Ничего не подѣлаешь. Скончалась ужъ теперь, поди чай, совсѣмъ вѣдь ужъ отходила, какъ Ефимовна въ послѣдній разъ на нее взглянула.

И кажется ей, что тогда только обрѣтетъ она себѣ покой, когда исполнить волю новопреставленной боярышни Маріи Курлятьевой, передастъ Магдалинѣ Ивановнѣ ея предсмертный завѣтъ, скажетъ ей, что названная ея сестра скончалась, заклиная ее передъ смертью предоставить любимаго человѣка его злой судьбѣ, а самой уйти отъ міра, въ лѣсныя дебри, къ послѣдователямъ Симіонія. Но какъ повернется у нея языкъ это сказать, вѣдь Симіонія-то православная церковь анаемѣ предастъ вмѣстѣ съ прочими еретиками, а чудеса, что онъ дѣлаетъ, отъ дьявола, говорятъ.

Пока Ефимовна предавалась этимъ тяжелымъ размышленіямъ, Грибковъ успокаивалъ боярыню Бахтерину и умолялъ ее не вѣрить клеветѣ, взведенной на ея племянника.

— Наклепали на него лиходѣи проклятые, поперегъ горла они имъ стали, вотъ и подвели его, чтобъ отъ боярышни вашей отвести...

Старый подьячій былъ внѣ себя, глаза у него сверкали злобой, какъ у молодого, кулаки сами собою сжимались на невидимыхъ враговъ, а голосъ прерывался отъ негодованія. Скрываться отъ него и не довѣрять ему было бы безразсудно; каждымъ своимъ словомъ доказывалъ онъ, что ему многое извѣстно, и пренебрегать такимъ союзникомъ Софья Ѳедоровна не рѣшилась бы даже и въ такомъ случаѣ, еслибъ у нея съ Магдалиной были защитники и совѣтчики позначительнѣе этого, а у нихъ никого не было. Всегда жили Бахтерины здѣсь особнякомъ, со всѣми въ ладу и ни съ кѣмъ не въ дружбѣ; такъ повелось еще при покойномъ Иванѣ Васильевичѣ, котораго не даромъ считали хотя и умнымъ, и добродѣтельнымъ человѣкомъ, но большимъ гордецомъ. Вотъ она теперь, эта отчужденность-то, на нихъ и отзывается. Софьѣ Ѳедоровнѣ даже и въ голову не могло прійти, чтобъ кто нибудь изъ чужихъ принялъ участіе въ постигшей ихъ бѣдѣ, и усердіе Грибкова тронуло ее до глубины души.

— Ты на счетъ нашего расположенія къ Ѳедѣ не сомнѣвайся,— сказала она ему,—мы съ Магдалиночкой слишкомъ его любимъ и знаемъ, чтобъ повѣрить тому, что про него говорятъ. Это клевета. Мы ни за что его не покинемъ,—прибавила она, съ несвойственной ей твердостью.

Отъ одной мысли, что Магдалина не одна будетъ дѣйствовать, и что есть кому ее направить и совѣтовать ей, она успокоилась и стала бодрѣе смотрѣть на ожидающія ихъ мытарства.

Лицо подьячаго просіяло.

— Будемъ, значить, сообща орудовать, моя сударыня, и съ помощью Божіей одолѣемъ сатану. Мнѣ это дѣло вотъ какъ въ сердце впилося, съ душой только развѣ его изъ меня вырвать! Кровное это для меня дѣло, можно сказать. Скажи мнѣ теперь—отдай все свое имущество, потомъ и кровью цѣлой жизни скопленное, чтобъ пострѣлъ этотъ столичный вверхъ тормашками полетѣлъ, сейчасъ отдамъ, не задумаюсь, вотъ какъ мнѣ это дѣло близко къ сердцу...

— Такъ ты знаешь, черезъ кого именно орудуютъ злодѣи, чтобъ погубить нашего Ѳеда?—спросила Бахтерина.

Грибковъ въ смущеніи прижалъ обѣ руки къ груди.

— Сударыня вы моя! Боярыня премилостивѣйшая! Не спрашивайте теперь ничего. Придетъ часъ воли Божіей, все узнаете и увидите: правъ ли былъ Грибковъ, завѣряя вашу милость, что живота своего для спасенія благороднѣйшаго изъ бояръ Россійскаго государства, Ѳедора Николаевича Курлятьева, не пожалѣтъ! А до тѣхъ поръ дозвольте мнѣ великодушно о всемъ прочемъ, этого дѣла касающемся, умолчать.

— Но что же намъ-то дѣлать?—вскричала Бахтерина.

— Мнѣ надо видѣть Ѳедора Николаевича,—раздался вдругъ, совершенно неожиданно, голосъ Магдалины.

Она стояла на порогѣ растворенной двери изъ кабинета, въ длинномъ бѣломъ пеньюарѣ, съ распущенными волосами и блѣднымъ, какъ у мертвой, лицомъ, но взглядъ ея черныхъ глазъ сверкалъ такою рѣшимостью, что трудно было бы ей противорѣчить.

— Это устроить можно, сударыня,—отвѣчалъ, низко кланяясь, Грибковъ.

— Да какъ же это, Магдалиночка, вѣдь онъ въ острогѣ?—замѣтила тревожно Софья Ѳедоровна.

— Изъ-за меня!—вскричала дѣвушка.— Маменька, милая,—продолжала она умоляющимъ голосомъ,— оставьте насъ поговорить наединѣ съ Карпомъ Михайловичемъ, ради Самого Господа, не мѣшайте намъ!

— Оставьте со мной барышню, сударыня,—вмѣшался Грибковъ,— я имъ худа не присовѣтую.

Бахтерина съ минуту колебалась, но дочь продолжала смотрѣть на нее умоляющимъ взглядомъ, и она не могла ей не уступить. Магдалина осталась съ старымъ подъячимъ вдвоемъ.

— Я собственно къ вашей милости пришелъ, боярышня,— началъ этотъ послѣдній, когда дверь за госпожей Бахтериной затворилась.— Боярынѣ сказать все у меня языкъ не повернулся бы. Лѣта ейныя преклонныя, долго-ль на смерть напугать.

— Спасибо. Со мной все можешь говорить безъ утайки, я вынесу,— отрывисто вымолвила дѣвушка.

— Да ужъ иначе нельзя, какъ безъ утайки вашей милости открыть. Сообща будемъ дѣйствовать, значить, что я знаю, то и вашей милости должно быть извѣстно. А только попрошу я васъ, боярышня, меня не выдать, и всѣ мои слова въ тайнѣ хранить. Ни на кого не извольте полагаться. Всюду у нихъ соглядатаи да доносчики у злодѣевъ у нашихъ, и ужъ такими крѣпкими тенетами удалось имъ насъ оплести, что съ величайшей опаской надлежитъ противъ ихъ козней дѣйствовать,— прибавилъ онъ, понижая голосъ и подозрительно поглядывая на запертыя двери и на окно, отворенное въ пустой садъ.

— Я знаю,—сказала Магдалина.— Но я знаю также и то, что Ѳедоръ невиненъ, и могу это доказать...

Она рассказала то, что случилось этой ночью, какъ ее уговаривали отказаться отъ Курлятьева, и какъ наконецъ сестра Марья, раздраженная ея упорствомъ, нечаянно обмолвилась въ томъ, что его погубили съ цѣлью очистить Магдалинѣ путь ко спасенію.

— По ихъ настоянію, я отказалась выйти замужъ, но я не могла, да и не хотѣла скрыть, что люблю его, и вотъ они испугались, не захотѣли довѣряться моему слову и вздумали силой, путемъ низ-

кой интриги, лжи и клеветы, заставить меня вступить въ ихъ секту... Да не на такую напали. Добромъ можно все изъ меня сдѣлать, но зломъ и неправдой — ничего.

Будь она менѣе взволнована, Магдалину навѣрное удивило бы спокойствіе, съ которымъ слушала ее Грибковъ. Точно ничего новаго она ему не сообщала, точно онъ впередъ зналъ, что именно она ему расскажетъ. По временамъ онъ самодовольно улыбался, точно радуясь подтвержденію своихъ догадокъ.

— Я прямо ей сказала, что презираю ихъ и ненавижу, а Ѳедору останусь вѣрна до самой смерти. Теперь ужъ и авва Симіоній это знаетъ. Его ждали туда этой ночью. Сборище у нихъ должно было произойти.

— Такъ, такъ,— закивалъ Грибковъ.— Всегда думалъ я, что они въ старомъ Курлятьевскомъ домѣ обострожатся, и вышло помоему. Старикъ Андреичъ чуть ли не первый въ здѣшнемъ городѣ разстригу попа Симіонія Христомъ Спасителемъ призналъ. Еще при покойной барынѣ, какъ она здѣсь жила, они съ бариномъ, родителемъ Ѳедора Николаевича, тайный пріютъ скитскимъ предоставляли. Это Карпу Грибкову еще задолго до слѣдствія было извѣстно...— Да,— продолжалъ онъ все съ той же загадочной усмѣшкой, въ другое время испугавшей бы его собесѣдницу, такъ много въ ней было злорадства и хитрости,— да, знай нашъ всезнайка, столичный слетокъ, г. Корниловичъ, сотую часть того, что я знаю, давно бы въ прокуроры выскочилъ,— прибавилъ онъ съ короткимъ смѣхомъ, отразившимся зловнымъ блескомъ въ маленькихъ, бѣгающихъ глазкахъ.— Да куда ему, чортовой мельницѣ, до настоящаго человѣка, который такъ натерился въ дѣлахъ, что даже и спяна не прорвется у него того, о чемъ молчать надо. Ему бы только языкомъ щелкать да за питерскихъ благодѣтелей прятаться. Ну, увидимъ, увидимъ, какъ-то они его таперича вывезутъ, благодѣтели-то его, увидимъ! — повторилъ онъ, потирая руки.

— Ты думаешь, что тутъ и Корниловичъ причастенъ? — спросила Магдалина.

— Не думаю, а навѣрное знаю, моя сударыня.

— Значитъ, онъ съ ними въ стачкѣ?

— И, матушка! Кто съ такимъ вертопрахомъ въ стачку пойдетъ! Да и не нужно вовсе. Будетъ съ того, что онъ, какъ щенокъ слѣпой, въ какую угодно тину полѣзетъ, чтобъ отличиться, и, самъ того не подозрѣвая, имъ въ руку сыграетъ, имъ и того довольно. Да и самъ Ѳедоръ Николаевичъ имъ съ головой отдался... Посчастливилось проклятикамъ...

Магдалина поблѣднѣла.— Какъ это съ головой отдался? — спросила она дрогнувшимъ голосомъ.

— Да также-съ. Много они намъ хлопотъ надѣлали. Съ испугу точно затменіе на нихъ нашло,— прибавилъ онъ, запинаясь.

— Говори мнѣ все, все!— вскричала дѣвушка, раздражаясь его нерѣшительностью. — Я сказала тебѣ, что ко всему готова, все вынесу...

Грибковъ передалъ ей подробно все, что произошло съ Курлятьевымъ, начиная съ его приѣзда къ князю въ одной коляскѣ съ губернскимъ страпчимъ и кончая допросомъ въ острогѣ. Не мудрено, что все это до мельчайшихъ подробностей ему было извѣстно — писарь, записывавшій слова обвиняемаго въ квартирѣ смотрителя тюрьмы, былъ его вскормленникъ и крестникъ. Грибковъ и грамотѣ его выучилъ, и въ люди вывелъ; благодаря Карпу Михайловичу, малый этотъ такъ понаблоснился въ сутяжничествѣ, что, помимо должности при острогѣ, писалъ прошенія, сочинялъ ябеды и отписки темному люду и поддерживалъ дѣятельное сношеніе между заключенными и друзьями ихъ, еще не изловленными.

— Мнѣ надо видѣть Ѳедора Николаевича, — объявила Магдалина, выслушавъ повѣствованіе стараго подъячаго.

— Это устроить можно-съ, — отвѣчала Грибковъ.

— И, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, — продолжала дѣвушка. — Я одна могу заставить его дѣйствовать такъ, какъ онъ долженъ дѣйствовать. Онъ мнѣ повѣритъ, когда я ему скажу, что если онъ самъ не докажетъ своей невинности, то я ее докажу.

— Слушаюсь, — повторилъ Грибковъ, поднимаясь съ мѣста и низко кланаясь.

— И, пожалуйста, чтобъ никто въ мірѣ, кромѣ насъ двухъ, про это не зналъ. Маменька будетъ безпокоиться...

— Я и самъ хотѣлъ объ этомъ просить, — сказала Карпъ Михайловичъ. — Можно, значить, прямо къ вашей милости являться, когда нужно будетъ?

— Нѣтъ, здѣсь опасно... Кто знаетъ! можетъ быть, и я въ подозрѣніи у г. Корниловича, — прибавила она съ надменной усмѣшкой, — можетъ быть, онъ найдетъ нужнымъ за мной слѣдить...

— Уже это какъ есть, всенепремѣнно-съ, — поспѣшилъ согласиться Грибковъ.

— Значить, тебѣ приходится ко мнѣ нельзя, надо намъ видѣться въ другомъ мѣстѣ...

Она задумалась на минуту. — Мнѣ кажется, что всего безопаснѣе было бы намъ встрѣчаться въ старомъ домѣ, — вымолвила она наконецъ, — у старика Андреича...

— А развѣ онъ не выдастъ?

Магдалина усмѣхнулась. — Это меня-то, чтобъ онъ выдалъ? Меня? Ну, нѣтъ, меня онъ не выдастъ!..

— А они? Нѣтъ, ужъ, боярышня, бросьте вы эту мысль, послушайте стараго человѣка, не кидайтесь изъ огня да въ полымя, не ходите больше въ старый домъ; ужъ я измыслию, какъ

намъ съ вами видѣться и какъ васъ къ нему провести, чтобъ никому и вдомекъ не было, довѣрьтесь только мнѣ, каяться не станете, Христомъ Богомъ клянусь вамъ, что не станете. Ну, а теперь мнѣ пора. Слышите, къ обѣднѣ звонять? Народъ, значить, по улицамъ сейчасъ заснуеть, надо скорѣе домой прошмыгнуть.

Молча кивнувъ, она протянула ему руку, которую онъ почтительно поднесъ къ губамъ и поспѣшно вышелъ.

Грибковъ сдержалъ слово.

Дня три спустя, входя въ церковь къ всенощной, Магдалина увидѣла благообразную, похожую на купчиху, женщину среднихъ лѣтъ, повязанную свѣтло-синимъ шелковымъ платкомъ, которая такъ настойчиво устояла на нее своими сѣрыми выразительными глазами, что она невольно замедлила шаги, приближаясь къ ней.

У боярышни Бахтериной было свое мѣсто въ этой церкви, ихъ приходской, у лѣваго клироса, передъ мѣстнымъ образомъ Богородицы, у самаго алтаря, обновленнаго лѣтъ десять тому назадъ усердіемъ покойнаго боярина Бахтерина. Мѣсто это ей почтительно уступали даже и тогда, когда она опаздывала къ службѣ и находила его занятымъ. Но въ этотъ вечеръ незнакомка въ синемъ платкѣ повела глазами на пустое мѣсто рядомъ съ собой, и Магдалина, повинувшись тайному предчувствію, дальше не пошла и стала рядомъ съ нею.

Лакей, съ коврикомъ въ рукахъ, тоже остановился, въ двухъ шагахъ отъ своей госпожи, недоумѣвая передъ ея неожиданнымъ капризомъ. Всегда у самаго алтаря, впереди всѣхъ, становилась, а теперь вдругъ, у двери, чуть не съ нищими стала.

Всенощная еще не начиналась. Народу набиралось съ каждой минутой все больше и больше. Вдругъ у самаго уха боярышни Бахтериной чей-то голосъ отрывисто прошепталъ:

— Отдадите лакея.

Она обернулась. Сосѣдка ея усердно крестилась, отвѣшивая поясные поклоны передъ образомъ. Но Магдалина была увѣрена, что приказаніе исходило отъ нея, и, подождавъ лакея, она велѣла ему поставить свѣчи передъ мѣстными образами, а также въ алтарь. Когда онъ удалился, она снова повернула голову въ ту сторону, гдѣ стояла незнакомка, но ея ужъ тутъ не было; она торопливо пробиралась сквозь толпу къ выходу. Синій шелковый платокъ мелькалъ на паперти, когда Магдалина ее догнала.

Замѣтивъ, что она настойчиво смотритъ въ ту сторону, у ограды, гдѣ остановилась запряженная четверкой карета Бахтериныхъ, Магдалина поспѣшно перешла пространство между церковью и оградой и приказала кучеру ѣхать домой.

— Я пѣшкомъ вернусь,—прибавила она, продолжая бессознательно повиноваться чужой волѣ.

Женщина въ синемъ платкѣ, какъ будто только этого и ждала, чтобъ юркнуть черезъ узкій проходъ въ каменной оградѣ, въ единственный переулочекъ, тянувшійся за церковью. Магдалина послѣдовала за нею.

Переходя изъ улицы въ улицу, онѣ очутились въ глухомъ предмѣстьѣ, среди какихъ-то хижинъ, мусора и щебня. Вдали виднѣлся острогъ.

Отъ волненія у Магдалины духъ перехватило. Сейчасъ она увидитъ своего возлюбленнаго. Она была въ этомъ точно также увѣрена, какъ въ томъ, что жива и дышитъ.

Черезъ что надо пройти, какимъ опасностямъ подвергнуться, чтобъ достигнуть цѣли, ей и въ голову не приходило останавливаться на этихъ мысляхъ. Она такъ рвалась къ нему душой, что не замедлила бы шага даже и въ такомъ случаѣ, еслибъ ей объявили, что ее ждетъ смерть послѣ этого свиданія.

Но женщина къ острогу не свернула, а зашагала въ противоположную сторону, къ оврагу.

— Мы къ принкулинскимъ,—сказала она, и, оглянувшись на свою спутницу, прибавила:—не извольте опасаться, тоже люди.

Магдалина поспѣшила ее успокоить. Одно только ей было страшно на свѣтѣ—мысль, что ей не удастся повидаться съ Ѳедоромъ.

— Не извольте беспокоиться на этотъ счетъ, ужъ если Илья Ивановичъ за чтонибудь возьметъ, значитъ такъ и будетъ,—возразила ей спутница.

Илья Ивановичъ это, безъ сомнѣнія, тотъ писарь, крестникъ Грибкова, который записывалъ слова Ѳедора на допросѣ и который живетъ подъ одной съ нимъ кровлей, въ зданіи острога. А кто эта женщина?—думала Магдалина. Но произнести вслухъ эти мысли ее что-то удерживало. Еслибъ можно было, ей бы сказали, не дожидаясь разспросовъ. Да и опасно было тутъ говорить; у оврага какъ будто копошились люди промежъ кустовъ.

За короткими южными сумерками наступила ночь, и на потемнѣвшемъ почти внезапно небѣ выступили звѣзды, но сіяніе ихъ было такъ слабо, что Магдалина узнала Грибкова въ идущей къ нимъ навстрѣчу человѣческой фигурѣ тогда только, когда онъ подошелъ къ нимъ вплотную.

— Иди домой, я самъ провожу отсюда боярышню,—сказалъ онъ шепотомъ спутницѣ Магдалины.

Женщина въ синемъ платкѣ немедленно повернула назадъ, а онъ предложилъ боярышнѣ, опираясь на его плечо, спуститься по узенькой, крутой тропинкѣ, въ оврагъ, на днѣ котораго коегдѣ торчали трубы на кровляхъ разваливающихся землянокъ.

Въ первую минуту, кромѣ этихъ крышъ и трубъ, Магдалина ничего не могла разглядѣть; тутъ было тихо, темно и спокойно, какъ въ могилѣ; но мало-по-малу и по мѣрѣ того, какъ глаза ея осваивались съ темнотою, она стала различать кусты отъ камней и замѣтила, что какія-то тѣни движутся промежъ этихъ камней и кустовъ, и до ушей ея стали доходить шорохъ и шепотъ. Вдругъ у самыхъ ея ногъ, изъ окна, выглянуло блѣдное лицо старухи; дальше, при ихъ приближеніи, какой-то ставень захлопнулся въ травѣ, причемъ она ясно различила руку, высунувшуюся изъ-подъ земли, чтобъ потянуть къ себѣ этотъ ставень.

И, вѣроятно, она невольно вздрогнула при видѣ этой руки, протягивающейся изъ-подъ земли, какъ рука мертвеца изъ могилы, потому что старый подьячій поспѣшилъ ее успокоить.

— Не извольте бояться, боярышня, никто васъ здѣсь не тронетъ,—прошепталъ онъ.—Сейчасъ дойдемъ,—прибавилъ онъ, указывая на кусты въ отдаленіи, сквозь которые пронизывался свѣтъ, такой слабый, что его можно было принять за гнилушку или за свѣтящагося червяка, сверкавшаго во тьмѣ.

— Вздуть-таки огонь, несуразный! На весь оврагъ напустилъ свѣту, лѣшій,—заворчалъ старикъ, приближаясь къ освѣщеннымъ кустамъ.

И вдругъ свѣтъ этотъ потухъ, кусты зашевелились, и человекъ выползъ изъ-подъ земли имъ на встрѣчу. При блѣдномъ мерцаніи звѣздъ Магдалина различила высокую фигуру въ чемъ-то сѣромъ, съ пучкомъ темныхъ волосъ, спадывавшимъ на блѣдный лобъ.

— Заповдалъ ты, крестный, сейчасъ зорю забьютъ,—тихо произнесъ незнакомецъ, глянувъ исподлобья на спутницу Грибкова.

— Гдѣ же сейчасъ, Илья Ивановичъ, къ «достойной» еще не звонили,—возразилъ подьячій.

И, обернувшись къ Магдалинѣ, онъ сказалъ:—Теперь, моя сударыня, извольте ужъ за этимъ паренькомъ идти, куда онъ васъ поведетъ, а я здѣсь подожду.

— Идите за мною, боярышня, не бойтесь. Лѣсенка хоть и крутенька, но крѣпкая, десятокъ такихъ, какъ ваша милость, сдержать,—объявилъ Илья Ивановичъ.—И сталъ постепенно проваливаться въ узкую щель, въ землю. Магдалина послѣдовала за нимъ.

— Ну, вотъ мы и дома.

Они очутились въ проходѣ чуть-чуть пошире того, что велъ съ поверхности въ подземелье, со сводами и выложеннымъ камнемъ поломъ, на которомъ стоялъ зажженный фонарь. Спутникъ Магдалины взялъ этотъ фонарь и зашагалъ по длинному коридору, такому узкому, что двумъ людямъ рядомъ нельзя было по немъ идти. Долго шли они молча, такъ долго, что на Магдалину отчаянье стало находить; ей казалось, что конца не будетъ этому подземному странствованію. При скудномъ свѣтѣ сальной свѣчки, вста-

вленной въ грубый фонарь съ зелеными закопченными стеклами, она ничего не могла различать, кромѣ несуразной фигуры своего спутника, да трепещущихъ тѣней вокругъ, казавшихся еще чернѣе и мрачнѣе отъ бѣлизны ея платья, на которое онѣ ложились фантастичными узорами. Воздухъ съ каждой минутой становился душнѣе, пахло сыростью, плѣсенью, а ноги наступали все чаще и чаще на что-то скользкое и живое.

— Лягушки,—пояснилъ Илья Ивановичъ.—Развелись отъ дождей. Своды-то трещины дали кое-гдѣ, ну, и протекають...

Онъ указаль рукой по сторонамъ.—Тамъ ужъ все провалилось. Одинъ только этотъ проходъ пока держится... На наше счастье,—прибавиль онъ, оглядываясь съ усмѣшкой на свою спутницу.

Ужъ, конечно, съ тѣхъ поръ, какъ стоять эти стѣны, ни разу еще не проходила между ними такая красавица, какъ Магдалина. Развѣ только разбойничьему атаману, Алешкѣ Соколу, являлось въ грезахъ видѣніе, похожее на это, когда, скрываясь отъ полиціи въ Принкулинской усадьбѣ, онъ мечталъ о своей ясной зоринкѣ, боярышнѣ Курлятьевой. Но это было давно...

Наконецъ, тѣни передъ ними стали, какъ будто, разсѣиваться, и что-то твердое и неподвижное зачернѣлось сквозь нихъ, все яснѣе и яснѣе. Это была желѣзная дверь. Писарь ее раствориль. На нихъ подуло свѣжестью, и они очутились въ четырехугольномъ пространствѣ, съ каменной лѣстницей въ глубинѣ. Лѣстница эта, вдвое шире той, по которой они спускались въ подземелье изъ оврага, вела на дворикъ внутри острога. Такимъ образомъ перешли они подземнымъ ходомъ всю площадь, отдѣлявшую городскую тюрьму отъ Принкулинской усадьбы. Немудрено, что путь показался Магдалинѣ нестерпимо длиненъ.

Не многимъ въ городѣ былъ извѣстенъ этотъ подземный ходъ, но, на счастье Курлятьева, антагонистъ губернскаго стряпчаго, старый подъячій Грибковъ, принадлежалъ къ числу этихъ немногихъ. Однако безъ помощи крестника ему врядъ ли удалось бы имъ воспользоваться; острогъ караулили не только сваружи, но также изнутри, особенно тотъ флигель, съ окнами на дворъ, въ которомъ содержался Курлятьевъ. Но Илья Ивановичъ былъ самъ изъ здѣшнихъ, ему были извѣстны слабости каждаго изъ острожныхъ обитателей, начиная отъ старшаго смотрителя, маіора въ отставкѣ, безногаго Ивана Иваныча, и кончая послѣднимъ сторожемъ, красноносымъ Никитой, который за косушку водки кого угодно продасть и выдать.

Штука эта—провести Бахтеринскую боярышню къ Курлятьевскому боярину, превращенному въ арестанта по милости злѣйшаго врага Грибкова, Корниловича, штука эта стояла-таки почтенному Карпу Михайлычу не малую сумму, которую онъ, впрочемъ, безъ

малѣйшаго колебанія пожертвоваль, въ полной увѣренности, что деньги эти сторицей ему вернутся со временемъ.

Курлятьевъ не выразилъ ни малѣйшаго удивленія при появленіи своей возлюбленной.

Въ этотъ день ему было какъ-то особенно легко на душѣ. Корниловичъ, надоѣдавшій ему своими посѣщеніями и вчера, и третьяго дни, сегодня не приходилъ, и никто не мѣшалъ заключенному предаваться внутреннему міросозерцанію. Размышленія свои онъ прерывалъ молитвой, послѣ которой, съ обновленнымъ духомъ, снова погружался въ бездонный океанъ мыслей, воспоминаній и сопоставленій. Сколько любопытныхъ открытій дѣлалъ онъ на новомъ пути! Какъ хорошо узнавалъ онъ самого себя и другихъ! Какимъ яркимъ свѣтомъ озарялось въ его душѣ то темное и ничтожное, мимо котораго онъ всю свою жизнь проходилъ съ беззаботнымъ равнодушіемъ, какъ глухонѣмой и слѣпой отъ рожденія, для котораго не существуетъ ни прелести красокъ, ни обаянія звуковъ.

Съ слезами восторга и умиленія благодарилъ онъ Бога за свершившееся надъ нимъ чудо. Когда наступила ночь, онъ думалъ о Магдалинѣ, о соединявшей ихъ любви, о томъ, какъ она обрадуется, когда узнаетъ, что онъ теперь вполне ее понимаетъ и раздѣляетъ всѣ ея воззрѣнія на жизнь. Съ какою тоскою на его вопросъ: «почему она отталкиваетъ отъ себя счастье, если любить его?», — отвѣчала она: «не спрашивай, ты не поймешь». Ну, вотъ онъ теперь понималъ. Надо было для этого свершиться убійству, и оно свершилось. Но за это преступленіе онъ не отвѣтитъ передъ высшимъ Судіей. Пути Господни неисповѣдимы. (Какъ понятно ему теперь это изреченіе!). Да, не онъ стрѣлялъ въ князя, но онъ долженъ покориться судьбѣ, терпѣливо сносить испытаніе, ничѣмъ не стараться облегчить возложенный на него крестъ. Такъ нужно, и все дѣлается къ лучшему. Развѣ отецъ его всю свою жизнь не страдалъ невинно? А сестры его? А великое множество другихъ мучениковъ за Духа Истины? Ну, и его посѣтилъ Господь. Пора, давно пора.

Когда у двери послышался шорохъ, ему точно кто-то шепнулъ: «это она пришла».

И онъ съ улыбкой ждалъ ея появленія.

— Черезъ полчаса я за вами приду, боярышня, — шепнулъ Илья Ивановичъ, впуская ее въ камеру и запирая за нею на ключъ дверь.

О чемъ говорили они эти полчаса? Да и можно ли назвать разговоромъ безсвязныя восклицанія и слова, срывавшіяся съ ихъ устъ? Она плакала въ его объятіяхъ отъ счастья, что обрѣла его такимъ, какимъ душа ея жаждала его видѣть, съ первой минуты ихъ

встрѣчи, а онъ благодарилъ Бога за ниспосланное ему блаженство. Наперерывъ сообщали они другъ другу о внутреннемъ переворотѣ, свершившимся въ ихъ душахъ. Онъ пытался объяснить ей, какъ слѣпъ и глухъ былъ онъ до сихъ поръ къ намекамъ совѣсти, къ проявленіямъ Духа истины, она прерывала его исповѣдью о своихъ заблужденіяхъ.

О томъ, какъ ему спастись отъ людскихъ козней, очиститься отъ взведенной на него клеветы и вмѣстѣ съ нею наслаждаться земными благами, они и не вспоминали. А между тѣмъ вѣдь она только для этого и пришла сюда.

Ужъ передъ разлукой, когда у запертыхъ дверей послышались шаги писаря, Магдалина вдругъ все вспомнила и, не договаривая словъ, прерывающимся отъ волненія голосомъ, сообщила своему возлюбленному о своемъ послѣднемъ свиданіи съ сестрой Марьей и о томъ, что она отъ нея узнала.

— Это они тебя опутали... это они хотятъ тебя погубить, чтобъ удержать меня въ своей власти... Но они ошиблись въ расчетѣ, теперь, когда ты страдаешь изъ-за меня, могу ли я отъ тебя от-вернуться, даже еслибъ не любила тебя, а я тебя люблю больше жизни!.. Слушай, — продолжала она, съ возрастающимъ одушевленіемъ и не замѣчая, съ какимъ страннымъ выраженіемъ онъ на нее смотритъ, — слушай, я пойду къ этому Корниловичу, и къ прокурору, и къ губернатору, ко всѣмъ, кто тебя считаетъ виновнымъ, и все открою. Мнѣ извѣстны всѣ ихъ тайны...

Лицо его исказилось такимъ ужасомъ, что она въ испугѣ оборвала свою рѣчь на полусловѣ.

— Ты этого не сдѣлаешь!.. Я запрещаю тебѣ! Властью жениха, властью будущаго мужа, запрещаю тебѣ даже и думать объ этомъ! — вымолвилъ онъ твердо, хватая ея руку и крѣпко, до боли, сжимая ее въ своей. — Они мнѣ дороги эти люди... Они мнѣ близки... Отецъ мой ихъ любилъ и принялъ за нихъ муки... съ ними родная моя сестра... Оставь ихъ въ покоѣ... они скорѣе мнѣ простятъ, когда увидятъ, что я имъ покоряюсь...

— Но ты ни въ чемъ передъ ними не виноватъ! ты даже ихъ не знаешь! — вскричала Магдалина.

— Ты сказала, — произнесъ онъ съ печальной улыбкой.

— Но развѣ это твоя вина, что ты ихъ не знаешь? — вымолвила она съ усиленіемъ.

— Полно, милая, не поддавайся искушенію, не повторяй слова, которыя нашептываетъ тебѣ врагъ челоѳчества, не разсуждай, а иди по стезѣ Духа истины... Ты ужъ обрѣла эту стезю... благодаря имъ, — прибавилъ онъ чуть слышно и какъ бы про себя.

— Но я все-таки тебя спасу, — съ убѣжденіемъ сказала Магдалина, послѣ небольшого раздумья.

— Спасешь, если угодно будетъ Господу Богу,—спокойно возразилъ онъ.

Это были послѣднія его слова, но они такъ запечатлѣлись въ ея душѣ, что ничто, никакія горести, никакія неудачи не могли заглушить ихъ. Въ самыя тяжелыя минуты отчаянія звенѣли они у нея въ сердцѣ, какъ благовѣсть къ свѣту и къ истинѣ.

Н. И. Мердеръ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ВОСПОМИНАНІЯ А. В. ЭВАЛЬДА¹⁾.

VIII.

Типографщикъ Бокрамъ.—Рожденіе и смерть «Всемирнаго Телеграфа».—Художникъ Микѣшинъ.—Исторія съ векселями Пашкова.—Продѣлки Косача.—Новое движеніе въ обществѣ.

ВЪ 1863 ГОДУ я познакомился, не помню по какому поводу, съ типографщикомъ Бокрамомъ. Онъ содержалъ небольшую типографію съ ручными станками, помѣщавшуюся въ обыкновенной жилой квартирѣ, въ пятомъ этажѣ одного дома на Большой Московской улицѣ, близъ Владимірской церкви. Я не зналъ въ жизни нѣмца болѣе аккуратнаго, какъ этотъ Бокрамъ. Типографія его содержалась въ такой чистотѣ, что паркетные полы ея, какъ во всякой частной квартирѣ, натирались воскомъ. Никогда я не видалъ въ ней не только грязи и пятенъ на полахъ, но даже ни малѣйшаго сору. Кто знаетъ наши типографіи, кто имѣетъ понятіе о небрежности и неряшливости наборщиковъ, мастеровъ и рабочихъ типографскихъ, тотъ согласится со мною, что типографія съ блестящими паркетными полами представляла зрѣлище вовсе не обыденное. Но это между прочимъ; дѣло не въ томъ.

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXII, стр. 43.

Бокрамъ разсказывалъ мнѣ разъ, что онъ предъ праздникомъ Рождества сдѣлалъ очень хорошую аферу; набралъ разныхъ объявленій на цѣлый печатный листъ, оттиснулъ въ количествѣ 100.000 экземпляровъ и разслалъ въ видѣ приложеній при газетахъ. Это дало ему барыша около пятисотъ рублей. На основаніи этого опыта онъ предложилъ мнѣ выпускать такіе листы объявленій періодически. Мысль его мнѣ понравилась, и я задумалъ начать это дѣло въ видѣ небольшого листка, рассчитывая увеличивать его размѣры по мѣрѣ надобности. Можетъ быть, такимъ путемъ это дѣло и установилось бы. Но на грѣхъ я разсказалъ о немъ одному своему пріятелю, присяжному повѣренному Баранецкому.

Онъ увлекся этимъ предпріятіемъ, началъ доказывать, что его слѣдуетъ начинать не въ скромныхъ размѣрахъ, а наоборотъ самымъ широкимъ образомъ, то-есть не разъ въ мѣсяцъ, какъ я думалъ, а каждую недѣлю, не маленькій листокъ, а большой, въ форматѣ «Голоса», наконецъ, открыть контору не у себя въ квартирѣ (я жилъ тогда въ Графскомъ переулкѣ), а на болѣе бойкомъ мѣстѣ и т. д.

— Но откуда же взять деньги?—спрашивалъ я его.

— Объ этомъ не беспокойтесь; на такое дѣло я вамъ дамъ сколько угодно.

Дѣйствительно, на другой же день онъ привезъ мнѣ тысячу рублей, а черезъ два дня еще пятьсотъ. Квартиру мы наняли въ домѣ Краевскаго, въ типографіи котораго рѣшили и печатать.

Объ этомъ дѣлѣ я совѣтовался съ Краевскимъ и Розенгеймомъ. Краевскій не сочувствовалъ ему, доказывая, что реклама у насъ далеко не такъ развита, какъ за границей, и что мы не будемъ имѣть достаточнаго матеріала.

Розенгейму это дѣло сначала очень понравилось, и онъ хотѣлъ вступить въ компанію, но отнесся къ нему нѣсколько осторожнѣе моего: онъ около мѣсяца слѣдилъ за объявленіями во всѣхъ газетахъ, отмѣчая тѣ, которыя повторяются и на которыя можно было рассчитывать для нашего изданія. Такихъ у него набралось очень немного, и потому онъ не только самъ отказался отъ дѣла, но и меня отговаривалъ начинать его. Но я, подстрекаемый Баранецкимъ, рѣшился попробовать, и вотъ мы выпустили первый номеръ большой простыни подъ названіемъ «Всемирный Телеграфъ».

Тотчасъ же по выпускѣ этого нумера Баранецкій мнѣ объявилъ, что у него денегъ больше нѣтъ, и чтобы я искалъ какогонибудь другаго компаньона. Не помню, отъ кого я слышалъ, что одинъ изъ писателей (Яковлевъ), разбитый параличемъ, въ компаніи съ художникомъ Микѣшинымъ затѣваютъ дѣло, нѣсколько подходящее къ моему; они хотѣли ставить на угловыхъ домахъ доски для наклеиванія объявленій и уже хлопотали о разрѣшеніи.

Не зная ни того, ни другого, я, однако, поѣхалъ къ нимъ съ предложеніемъ: нельзя ли будетъ соединить наши предпріятія, какъ сродныя между собою. Микѣшинъ сейчасъ же согласился и заключилъ со мною контрактъ, обязуясь внести десять тысячъ. Этихъ денегъ у него въ рукахъ не было, но у него были векселя какого-то Пашкова на двадцать двѣ тысячи, и онъ не сомнѣвался въ скоромъ полученіи ихъ. Чтобы не задерживать моего дѣла, онъ занялъ тысячу рублей и передалъ мнѣ.

Но Пашковъ не платилъ своихъ векселей и скрывалъ имущество. Чтобы заставить его платить, надо было отыскать это имущество, для чего кто-то рекомендовалъ Микѣшину нѣкоего Косача, молодого кандидата правъ. Когда я пріѣхалъ однажды къ Микѣшину, онъ представилъ мнѣ этого Косача и тутъ же показалъ листъ бумаги съ нѣскольکو разъ повторенной подписью: «художникъ М. Микѣшинъ».

— Чья эта подпись?—спросилъ онъ.

— Ваша, конечно,—отвѣтилъ я.

— Вы увѣрены въ этомъ?

— Совершенно.

Оба они разсмѣялись, и Микѣшинъ мнѣ объявилъ, что это писалъ Косачъ, обладающій удивительнымъ талантомъ поддѣлываться подъ всякую руку.

Микѣшинъ выдавалъ Косачу довѣренность на взысканіе денегъ съ Пашкова, поэтому, когда Косачъ вышелъ, то я спросилъ Микѣшина:

— Какъ это вы рѣшаетесь дать довѣренность человѣку съ такимъ опаснымъ талантомъ? Смотрите, чтобы онъ не обманулъ васъ какънибудь.

— Это ничего,—отвѣтилъ Микѣшинъ. — Я не далъ ему довѣренности на полученіе денегъ, а только на розысканіе имущества Пашкова.

Но мое предчувствіе сбылось. Черезъ нѣсколько дней я получилъ отъ Микѣшина записку, начинавшуюся (какъ теперь помню) словами: «О, ужасъ!». Онъ извѣщалъ меня о своемъ полномъ разореніи и приглашалъ пріѣхать объясниться.

Дѣло оказалось въ слѣдующемъ. Получивъ довѣренность, Косачъ привезъ ее дня черезъ два къ Микѣшину разорванною и запачканною и объяснилъ, что его служанка нечаянно сронила ее со стола, вымела съ соромъ и выбросила въ грязное ведро, откуда онъ ее и вытащилъ. Поэтому онъ просилъ Микѣшина подписать новую. Тогда нотаріусовъ еще не было: довѣренности свидѣтельствовались полиціей и записывались въ книгахъ гражданской палаты. Микѣшинъ подписалъ второй экземпляръ и довѣрилъ Косачу снести его въ участокъ засвидѣтельствовать подпись. Дорогою Косачъ перемѣнилъ настоящую довѣренность на фальшивую,

дававшую ему самыя широкія полномочія. Въ участкѣ засвидѣтельствовали подпись Микѣшина, и Косачъ отвезъ довѣренность записать въ книги гражданской палаты. Получить ее оттуда долженъ былъ самъ Микѣшинъ и для Косача наступилъ рискованный моментъ, когда его продѣлка могла открыться. Но онъ уже успѣлъ изучить замашки Микѣшина и храбро явился вмѣстѣ съ нимъ въ палату. Какъ онъ рассчитывалъ, такъ и вышло: Микѣшинъ росписался въ книгѣ въ полученіи довѣренности и, не взглянувъ на нее, передалъ Косачу. Тому только этого и надо было. Онъ направился къ Пашкову и предложилъ ему за десять тысячъ рублей выкупить всѣ векселя на двадцать двѣ тысячи. Пашковъ немедля согласился, и Косачъ съ этими десятью тысячами удралъ за границу.

Послѣ этого разсказа Микѣшина, изданіе «Всемирнаго Телеграфа» волей-неволею пришлось прекратить.

Черезъ годъ или два, не помню, Косача, однако, поймали въ Москвѣ и привезли въ Петербургъ судить. Микѣшинъ выставилъ меня въ числѣ свидѣтелей, и потому я былъ приглашенъ для дачи показаній слѣдователю.

Оказалось, что этотъ Косачъ наказалъ не одного Микѣшина, а очень многихъ лицъ и на болѣе крупныя суммы. Это былъ своего рода Рокамболь, тѣмъ болѣе опасный, что получилъ университетское образованіе и вращался въ хорошихъ обществахъ. Вотъ одна изъ замѣчательныхъ его продѣлокъ.

Однажды, весною, онъ обѣдалъ у директора театровъ Сабурова и слышалъ, какъ одна богатая барыня говорила Сабурову, что хочетъ ѣхать на лѣто за границу, но затрудняется, на кого оставить свою квартиру. Послѣ обѣда Косачъ обратился къ Сабурову съ просьбой рекомендовать его этой барынѣ, чтобы она позволила ему жить въ своей квартирѣ, а онъ за то присмотритъ за ней. Сабуровъ очень былъ радъ сдѣлать доброе дѣло милому, молодому человѣку и оказать услугу своей почтенной знакомой. Та, въ свою очередь, положила на рекомендацію Сабурова и, поселивъ у себя Косача, уѣхала за границу.

Косачъ, прежде всего, продалъ на рынокъ всю имѣвшуюся въ квартирѣ бронзу, нанялъ щегольскую карету и подѣхалъ къ магазину бронзовыхъ издѣлій Шопена. Тамъ онъ объявилъ, что отдѣлываетъ свою квартиру, въ которой все готово, кромѣ бронзы, и проситъ прислать опытнаго приказчика, чтобы составить списокъ нужныхъ вещей. Это было исполнено, бронза привезена, разставлена и развѣшана, Косачъ далъ рублей триста задатку, а остальные просилъ обождать нѣсколько дней, на чтѣ Шопенъ охотно согласился.

Затѣмъ ту же продѣлку онъ повторилъ съ обойщикомъ, съ магазиномъ ковровыхъ издѣлій, съ мебельщикомъ и т. д.

Всѣ эти мастера, входя въ квартиру, видѣли роскошную отдѣлку всего и полную обстановку, кромѣ предметовъ своей специальности, и потому поставляли нужные предметы безъ всякаго опасенія; получали по двѣ-три сотни рублей въ задатокъ и охотно соглашались подождать остальной уплаты нѣсколько дней. Такимъ образомъ, онъ распродалъ все имущество хозяйки, замѣнилъ его новымъ изъ магазиновъ, а потомъ разомъ продалъ все навезенное изъ магазиновъ и, попутно съ этимъ обокравъ Микѣшина, скрылся за границу съ нѣсколькими десятками тысячъ рублей.

Въ камерѣ слѣдователя, при мнѣ и Микѣшинѣ, произошла такого рода сцена. Слѣдователь спрашиваетъ его:

— Скажите мнѣ, г. Косачъ, вотъ что: вы обокрали г-жу NN, обманули нѣсколькихъ мастеровъ, обманули и обокрали г. Микѣшина—съ цѣлями воспользоваться ихъ деньгами и имуществомъ, то-есть съ цѣлю наживы. Между тѣмъ есть одно дѣло, въ которомъ вы ничего не нажили, а напротивъ даже сами потратили двѣсти рублей денегъ, чтобы обмануть человѣка.

— Можетъ быть!—небрежно отвѣтилъ Косачъ.—О какомъ это обманѣ вы говорите?

— Въ самый день отъѣзда вашего за границу, утромъ, вы явились къ каретнику А., купили у него карету за полторы тысячи, дали задатку двѣсти рублей, затѣмъ поѣздили въ ней только нѣсколько часовъ, до отхода заграничнаго поѣзда, и бросили карету на произволь судьбы. Если вамъ нужна была въ этотъ день карета, такъ не выгоднѣ ли было бы взять наемную, чѣмъ терять на задатокъ двѣсти рублей?

— А-а! Ха-ха-ха!—разсмѣялся Косачъ.—Это была пресмѣшная исторія,—обратился онъ ко мнѣ и къ Микѣшину.—Я воображаю, какую глупую рожу скорчилъ этотъ каретникъ, когда узналъ, что его карета и денежки исчезли! Да развѣ вы не понимаете, —сказалъ онъ слѣдователю,—удовольствія надуть такого богача и сквалыгу, какъ этотъ каретникъ?! За это удовольствіе заплатить двѣсти рублей было вовсе не дорого... тѣмъ болѣе,—единично прибавилъ онъ,—что я платилъ не своими деньгами, а г. Микѣшина, ха, ха, ха!

Косачъ не только не стыдился и не скрывалъ своихъ воровскихъ походовъ, но хвастался и гордился ими, какъ другіе люди гордятся своими подвигами или созданіями своего ума или таланта. Тутъ же, у слѣдователя, онъ рассказывалъ о многихъ своихъ походахъ за границей и хвастался тѣмъ, что пересидѣлъ почти во всѣхъ тюрьмахъ Европы! Его походы могли бы доставить любопытный матеріалъ для романистовъ à la Понсонъ дю-Террайль, а самъ онъ представлялъ изъ себя очень интересный субъектъ для наблюденій психіатровъ. По совокупности многихъ преступленій его отправили въ Сибирь, на поселеніе.

Въ краткое время изданія «Всемирнаго Тетеграфа» мнѣ случилось близко наблюдать психическую болѣзнь нашего общества того времени, извѣстную подъ именемъ нигилизма.

Однажды ко мнѣ явилась какая-то молодая барыня, съ круглыми темными очками на глазахъ, но, повидимому, молодая, бойко вошла въ кабинетъ и, усѣвшись даже безъ приглашенія въ кресло, объявила, что пришла просить у меня корректурной работы для ея брата, студента медицинской академіи.

— Отчего же вашъ братъ самъ не пришелъ?—спросилъ я.

— Да онъ боленъ теперь и потому просилъ меня зайти къ вамъ.

Случилось такъ, что мнѣ дѣйствительно былъ нуженъ корректоръ, и я далъ ей на пробу одинъ печатный листъ. На другой день она мнѣ его доставила, но корректура была сдѣлана такъ неумѣло и небрежно, что я долженъ былъ сызнова самъ все переправить. Она извинилась болѣзнию брата и созналась, что корректуру читалъ не онъ, а она, но просила на первый разъ простить и не отказать въ дальнѣйшей работѣ, обѣщая впередъ постараться. Я началъ ей давать работу, за которою она являлась каждый день, но корректура не улучшалась нисколько и доставляла мнѣ много хлопотъ, а между тѣмъ у меня не хватало духу отказать ей.

Темныя очки ея меня всегда раздражали: на ея блѣдномъ лицѣ они имѣли видъ тѣхъ грошей, которые кладутся на глаза покойникамъ: Поэтому я спросилъ ее однажды:

— Развѣ вы страдаете глазами, что носите такія ужасныя очки?

— Нѣтъ, я надѣваю ихъ только для предохраненія отъ солнца.

— Но у меня тутъ, въ кабинетѣ, солнца нѣтъ, отчего же вы ихъ не снимаете?

Она засмѣялась какъ-то странно, но сняла. Безъ очковъ она оказалась очень миловидной женщиной, лѣтъ двадцати не болѣе. Въ короткое время она совершенно освоилась со мною и однажды, на мое замѣчаніе, что ея братъ не исправляется въ корректурѣ, со смѣхомъ призналась мнѣ, что у нея нѣтъ никакого брата, и что она хлопотала о работѣ для себя самой.

— Развѣ вы такъ нуждаетесь въ работѣ?—спросилъ я.

— Нѣтъ... я собственно не о децѣгахъ хлопотала, а чтобы имѣть занятіе.

— Но позвольте мнѣ узнать, наконецъ, кто вы такая?

— Я... жена профессора N.

И она назвала мнѣ довольно извѣстную въ то время фамилію одного молодого профессора медицинской академіи.

— Извините еще за одинъ вопросъ, — сказалъ я:— вашъ мужъ знаетъ о томъ, что вы приходите ко мнѣ заниматься?

— Какое вамъ дѣло до этого?—спросила она.

— Большое дѣло: я вовсе не желаю разыграть какую нибудь неподходящую для меня роль. Поэтому, если вы желаете продол-

жать, то я попросилъ бы васъ принести отъ него записку ко мнѣ, что онъ ничего не имѣетъ противъ вашихъ посѣщеній.

— Мой мужъ знаетъ васъ по наслышкѣ и отъ меня. Брать у него такую записку мнѣ было бы неприятно: я вѣдь человѣкъ свободный, а не раба его. Но если вы чего нибудь опасаетесь, то не будете ли такъ любезны, чтобы зайти къ намъ. И мой мужъ, и моя мать будутъ очень рады съ вами познакомиться.

Мнѣ не было никакой нужды затѣвать это знакомство, и гораздо проще было бы отказать ей въ работѣ, но меня начало занимать повѣтріе—исканіе женщинами самостоятельнаго труда, и я принялъ ея приглашеніе.

Къ сожалѣнію, когда я зашелъ къ нимъ, профессора не было дома, и я видѣлъ только мать. Къ моему великому удивленію, оказалось, что и мать ея, женщина пожилая, солидная, вполне раздѣляла взгляды дочери, и добрый часъ времени старалась поражать меня своими свободными взглядами на всевозможные предметы, въ особенности на отношенія между мужемъ и женой. Разумѣется, всѣ ея разсужденія были понадернуты изъ «Современника», и она сама путалась въ своихъ выводахъ и заключеніяхъ, но, тѣмъ не менѣе, видимо щеголяла передо мною своимъ «развитіемъ».

Успокоивъ свою совѣсть по отношенію къ уважаемому профессору, я больше не придирался, такъ сказать, къ своей корректоршѣ, и она продолжала являться ко мнѣ каждый день, около полудня, въ то время какъ я завтракалъ. Но... чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ. Немного погодя, моя профессорша стала являться ко мнѣ не одна, а съ какими-то подругами, то съ одной, то съ другой, то съ двумя или тремя разомъ. Всѣ эти подруги ея были барыни или барышни очень бойкія и нецеремонныя; онѣ завтракали у меня съ тою свободою, какая допускается только въ трактирѣ, сами требовали иногда то пива, то вина, садились играть за рояль, танцевали подъ музыку, бѣгали по комнатамъ, дурачились, рассказывали очень непотные анекдоты, однимъ словомъ превращали мою квартиру во что-то совсѣмъ несообразное. Никакихъ моихъ намековъ, иногда очень даже не тонкихъ, онѣ не понимали или не хотѣли понимать. Сама же корректорша не только не улучшала своей работы, но стала относиться къ ней уже черезчуръ небрежно. Такъ однажды она мнѣ не доставила къ 12 часамъ ночи работу, и я долженъ былъ изъ-за нея просидѣть чуть не до утра за корректуру, чтобы не задержать типографіи. Явившись на другой день опять съ компаніей подругъ, она очень развязно извинилась, что не прислала своей работы, такъ какъ была въ театрѣ.

Это уже переполнило чашу моего терпѣнія, и я объявилъ ей, что работа ея передана другому лицу.

Года черезъ два я встрѣтилъ ее на Садовой улицѣ, около Кокушкина моста. Она очень обрадовалась, увидя меня, объявила, что

уже давно бросила мужа, чтобы жить самостоятельнымъ трудомъ, а не быть простою самкою, и просила меня сейчасъ же заглянуть къ ней, такъ какъ это было не далеко. Черезъ кухню она ввела меня въ небольшую комнату, попросила немного обождать, а сама исчезла въ слѣдующую дверь. Въ ожиданіи ея возвращенія, я закурилъ папироску и началъ осматриваться. Въ этой комнатѣ, избравшейся, повидимому, гостиную, былъ одинъ ломберный столъ, два стула, кушетка и кухонный столъ, съ рѣшеткой внизу. Стѣны голыя, на окнахъ ни занавѣсей, ни сторъ. За рѣшеткой въ кухонномъ столѣ топтался изъ угла въ уголь несчастный вѣронъ. На кушеткѣ было брошено студенческое пальто. Въ слѣдующей комнатѣ я слышалъ глухой говоръ: она кого-то и о чемъ-то упрасивала, а грубый мужской голосъ отвѣчалъ ей: оставь, не хочу, не пойду.

— До свиданія, — крикнулъ я громко, — мнѣ некогда у васъ сидѣть, я уйду.

Она выбѣжала ко мнѣ, извинялась за такой пріемъ, просила зайти когда нибудь еще разъ и сильно краснѣла. Мнѣ было и жалко ее и... противно. Конечно, приглашая меня зайти, она, вѣроятно, не знала, что у нея сидитъ домашній другъ...

Съ тѣхъ поръ я потерялъ ея слѣды совсѣмъ.

Въ другой разъ ко мнѣ явилась совсѣмъ молодая дѣвушка, лѣтъ шестнадцати, семнадцати, красивая брюнетка, съ влажными и горящими черными глазами и также просила какой нибудь работы. На мой вопросъ—кто она такая, она назвалась дочерью одного генерала, котораго я зналъ, какъ человѣка состоятельнаго и занимающаго довольно видный постъ.

— Какая вамъ охота искать работы, когда вы ни въ чемъ не нуждаетесь? — спросилъ я.

— Ахъ, помилуйте! — возразила она. — Да развѣ это возможно, жить паразитомъ, ничего не дѣлать, когда весь міръ работаетъ!

— Вы можете найти работу у себя дома, — сказалъ я. — Помогите отцу въ его трудахъ, или матери по хозяйству. Можетъ быть, у васъ есть младшіе братья или сестры, займитесь ихъ воспитаніемъ.

— Да это все не то! Я хочу жить самостоятельнымъ трудомъ!

— Мнѣ кажется, всякій трудъ самостоятельный. Женщинѣ всего приличнѣе работать около своего дома.

— Ахъ, Боже мой! И вы также старовѣръ, требуете, чтобы мы были только самками, да штопали вамъ носки! А мнѣ говорили, что вы человѣкъ прогресса, что вы сочувствуете движенію впередъ, что вы врагъ рутины, что вы понимаете женщинъ...

— Все это, что говорили вамъ про меня, совершенно вѣрно, но это ничего не имѣетъ общаго съ тѣмъ, что вы желаете. Вы дочь богатыхъ родителей, не довольствуетесь тѣмъ, что имѣете, и хотите

отнимать кусокъ хлѣба у тѣхъ, которые въ немъ нуждаются. Развѣ это хорошо? Зачѣмъ я буду давать работу вамъ, когда этой работой я могу утолить чейнибудь голодъ?

Этотъ аргументъ сбиль ее съ толку.

— Какъ же это? Такъ неужели, кто имѣетъ средства, тотъ долженъ ничего не дѣлать?

— Нѣтъ, онъ долженъ работать, это несомнѣнно, но онъ долженъ избирать для себя такую работу, чтобы не отнимать хлѣба у голодныхъ.

Я не буду передавать далѣе нашего продолжительнаго разговора на эту тему, такъ какъ все, что мы съ ней говорили, съ небольшими варіаціями, говорилось тогда во всѣхъ обществахъ и печаталось во множествѣ повѣстей и романовъ, такъ что, я думаю, изрядно набило всѣмъ оскомину. Но меня поразила въ этой дѣвушкѣ необычайная страстность, съ которою она со мною бесѣдовала, такая страстность, которую очень трудно было относить насчетъ цѣли ея посвѣщенія.

Между тѣмъ, она видѣла меня всего первый разъ, и я никогда не считала себя человѣкомъ особенно привлекательнымъ для женщинъ, такъ что трудно было бы допустить мысль, что она съ перваго же взгляда вспылала любовью къ моей персонѣ. Желая глубже повондировать ее, я выдумала сказать ей слѣдующее:

— Не теперь, но черезъ нѣсколько времени мнѣ понадобится помощникъ, но только я не знаю, на сколько это будетъ удобно для васъ...

— Что такое?—съ жадностью спросила она, придвинувшись ко мнѣ (мы сидѣли рядомъ, на диванѣ).

— Мнѣ придется проѣхать довольно далеко, и понадобится для этого секретарь.

— Такъ вотъ и возьмите меня съ собой!—воскликнула она.

— Это очень трудно сдѣлать: намъ придется останавливаться въ гостинницахъ, иногда на постоянныхъ дворахъ, гдѣ не всегда найдешь лишнюю комнату для васъ.

— Зачѣмъ же для меня лишнюю комнату?

— Какъ же иначе? Вѣдь неудобно же будетъ намъ съ вами спать въ одной комнатѣ?

— Отчего? Повѣрьте, я васъ нисколько не стѣсню.

— Но что скажутъ объ этомъ ваши родные и знакомые?

— Ахъ, Боже мой!—воскликнула она. — Развѣ можно теперь обращать вниманіе на то, что будутъ говорить старыя, выжившія изъ ума идіоты?

Я потому подчеркнулъ слово «теперь», что она сдѣлала на немъ сильное удареніе. Да, тогда именно было такое время, когда слово «теперь» играло самую выдающуюся роль: «теперь» все сдѣлалось не то, что было; «теперь» съ прошлою историческою жизнью все

было покончено, и началась совершенно новая жизнь; что было истиною вчера, то «теперь» оказалось грубымъ заблужденіемъ. Если вчера еще молодая дѣвушка болѣе всего дорожила своею скромностью, то «теперь» она смѣло является съ улицы къ первому попавшемуся молодому человѣку (мнѣ тогда было тридцать лѣтъ) и сама предлагаетъ ему жить съ нею въ одной комнатѣ, потому что «теперь» весь міръ переродился, какъ бы по мановенію волшебнаго жезла, и все пошло навыворотъ...

Совершенно пораженный ея, ничѣмъ не смущаемой, рѣшительностью, я спросилъ у нея адресъ и обѣщаль увѣдомить, если ея услуги мнѣ понадобятся. Разумѣется, я не далъ ей о себѣ никакихъ извѣстій.

Это женское движеніе къ какой-то невѣдомой, новой жизни, съ какимъ-то «самостоятельнымъ» трудомъ, началось гораздо ранѣе, приблизительно около 1860 года.

По крайней мѣрѣ, когда я собирался ѣхать за границу, въ началѣ 1861 года, то уже наткнулся на случай, совершенно тождественный съ только что рассказаннымъ.

Въ числѣ моихъ знакомыхъ былъ одинъ гвардейскій адъютантъ, молодой человѣкъ, очень красивый собою, женатый на замѣчательной красавицѣ. Это была стройная, изящная блондинка, съ роскошными золотистыми волосами и выразительными голубыми глазами. Красота ея была въ полномъ смыслѣ слова—ослѣпительная; по крайней мѣрѣ гдѣ она ни появлялась, въ театрѣ ли, въ собраніи,—вездѣ обращала на себя вниманіе толпы до такой степени, что чрезъ это иногда бывало непріятно съ нею показываться. Нечего и говорить, что она всегда была окружена толпою страстныхъ вздыхателей и поклонниковъ.

Я, однако, не принадлежалъ къ числу ея поклонниковъ, хотя и любовался ею, какъ прекрасною картиною. На меня она также не обращала никакого вниманія, и мы находились съ нею въ самыхъ обыденныхъ отношеніяхъ добрыхъ знакомыхъ, и болѣе ничего.

Но когда она узнала, что я уѣзжаю за границу, именно въ Италію, которая въ то время кипѣла жизнью своего возрожденія, то совершенно неожиданно для меня стала интересоваться мною и моимъ предпріятіемъ. Чуть не каждый день приглашала меня къ себѣ всегда въ такое время, когда у нея никого не бывало, расспрашивала меня о моихъ планахъ, предположеніяхъ и надеждахъ и, въ концѣ концовъ, высказала просьбу, чтобы я взялъ ее съ собою!

— Какъ я могу васъ взять съ собою?—спрашивалъ я.—Во-первыхъ, у меня средствъ на это нѣтъ, такъ какъ я не знаю, какъ

самъ туда доѣду и чѣмъ буду существовать; во-вторыхъ, это будетъ имѣть видъ похищенія мною чужой жены, а вы сами согласитесь, что я тутъ не причемъ.

Она мнѣ отвѣчала, что все это пустяки, и какъ нибудь устроится: на проѣздъ она достанетъ себѣ денегъ, а тамъ, въ Итали, будетъ работать, хотя бы ей пришлось стирать мое бѣлье. Что касается до мужа, то они уже давно другъ друга не любятъ, онъ занятъ своими любовными интрижками (это я зналъ) и очень будетъ радъ освободиться отъ жены.

— Я здѣсь скучаю, невыразимо скучаю!—говорила она мнѣ.— Вы развѣ не видите, какую пустую и безотрадную жизнь мы, женщины, здѣсь ведемъ? Всѣ эти поклонники съ одной стороны, а завистницы—съ другой, своею пошлостью доводятъ меня до тошноты! Мнѣ жизни хочется, но не этой выѣздной и показной, а настоящей жизни, съ ея трудами, борьбою, опасностями, чтобы все кипѣло и горѣло кругомъ меня!

Сказать короче, она такъ меня убѣдила, что я подъ конецъ сдался и предоставилъ ей дѣлать, какъ она хочетъ. Не знаю, чѣмъ бы кончилась эта исторія, если бы не выручилъ меня простой случай: она сильно захворала, а во время ея болѣзни я уѣхалъ, такъ какъ не могъ отложить своей поѣздки.

Это было горячее и оживленное время, крайне интересное по своей жизненности и общему одушевленію. Къ сожалѣнію, во всемъ этомъ движеніи, охватившемъ какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, болѣе всего было фальши. Была ли эта фальшь завѣдомая, или это былъ невольный самообманъ, трудно угадать, но только мнѣ на каждомъ шагѣ приходилось разочаровываться.

IX.

Встрѣча съ П. Г. фонъ-Дервизомъ.—Начало его богатства.—Предложеніе его издавать газету.—Бесѣда съ министромъ финансовъ Рейтерномъ.—Печальный конецъ газеты.

Въ 1860 году я слушалъ лекціи въ академіи генеральнаго штаба, а жилъ на углу Фонтанки и Большой Подъяческой, съ семействомъ моей младшей сестры, бывшей замужемъ за Келеромъ, съ которымъ мы вмѣстѣ росли въ Гатчинѣ. Противъ насъ, въ домѣ Гетте, жилъ Павелъ Григорьевичъ фонъ-Дервизъ, старшій сынъ бывшаго директора гатчинскаго института, котораго, слѣдовательно, я также хорошо зналъ съ дѣтскихъ лѣтъ. Я съ нимъ не видѣлся съ самаго отъѣзда своего изъ Гатчины и слышалъ только, что, окончивъ курсъ въ училищѣ Правовѣдѣнія, онъ служилъ сначала въ сенатѣ, а потомъ былъ правителемъ канцеляріи военнаго министерства.

Однажды, возвращаясь из академіи домой, я встрѣтился съ фонъ-Дервизомъ на улицѣ. Онъ очень обрадовался, увидя меня, съ участіемъ разспрашивалъ, что я дѣлаю, какъ поживаю и т. д., и, между прочимъ, вдругъ спросилъ меня: не могу ли я рекомендовать ему человѣка, умѣющаго хорошо считать?

— Какъ разъ могу, и думаю, что очень удобнаго для васъ.

— Кого же это?

— Да моего зятя Келера: онъ живетъ прямо противъ васъ, служить въ министерствѣ государственныхъ имуществъ и, кромѣ того, даетъ частные уроки математики, въ которую влюбленъ не менѣе, чѣмъ въ свою жену.

— Такъ попросите его прійти ко мнѣ сегодня же, я надѣюсь, что мы съ нимъ сойдемся.

— Очень радъ буду услужить и вамъ, и ему.

Келеръ въ тотъ же день направился къ фонъ-Дервизу и воротясь рассказалъ, что онъ участвуетъ въ компаніи по постройкѣ Московско-Рязанской желѣзной дороги и пригласилъ Келера помогать ему въ составленіи всякихъ расчетовъ. Работы эти продолжались мѣсяца два или три, въ теченіе которыхъ фонъ-Дервизъ очень полюбилъ Келера и, отправляясь въ Москву, уже для производства работъ, приглашалъ Келера бросить казенную службу и принять мѣсто въ правленіи Московско-Рязанской дороги.

Нужно замѣтить, что въ то время о желѣзныхъ дорогахъ существовали у насъ очень смутныя понятія или, вѣрнѣе сказать, никакихъ понятій объ нихъ не было; поэтому не мудрено, что предложеніе фонъ-Дервиза не особенно обрадовало Келера. Бывшій грандіозный крахъ французской компаніи не былъ способенъ возбудить довѣріе къ желѣзнымъ дорогамъ, и потому Келеръ долго не рѣшался промѣнять вѣрное казенное мѣсто, хотя и съ ничтожнымъ окладомъ (онъ получалъ всего 47 рублей въ мѣсяцъ), на болѣе выгодную, но рискованную службу въ частномъ обществѣ (фонъ-Дервизъ предлагалъ ему 4,000 р. въ годъ). Мы съ нимъ нѣсколько дней спорили и толковали по этому поводу, пока, наконецъ, не выработали такого рода комбинацію: Келеръ возьметъ четырехмѣсячный отпускъ и поѣдетъ въ Москву, а сестра съ дѣтьми останется со мною въ Петербургѣ. Если Келеръ убѣдится на мѣстѣ, что дѣло фонъ-Дервиза прочно, и увѣдомить объ этомъ, то подастъ въ отставку, и я привезу въ Москву его семью; если же будетъ наоборотъ, то онъ вернется на службу.

Мѣсяца черезъ два я получилъ отъ Келера восторженное письмо объ его новой дѣятельности, деньги на перевозку его семьи и горячій совѣтъ мнѣ также бросить военную службу и поступить къ фонъ-Дервизу. Семью-то я къ нему повезъ, но отъ службы у фонъ-Дервиза рѣшилъ отказаться, мечтая еще въ то время о другой карьерѣ.

Зайдя какъ-то къ Келеру, въ правленіе Рязанской дороги, я долженъ былъ пройти черезъ переднюю, въ которой толпилось нѣсколько человѣкъ, ожидавшихъ его лицезрѣнія. Одинъ изъ нихъ, разслышавъ, что я сказалъ сторожу: «доложите, что братъ пришелъ», подскочилъ ко мнѣ и съ низкими поклонами просилъ уговорить Келера поскорѣе его принять. Это былъ еврей, довольно еще молодой, бойкій и вертлявый.

— Какъ объ васъ сказать?—спросилъ я его.

— Поляковъ, Самуиль Соломоновичъ. Они меня знаютъ, вы только скажите.

— Хорошо,—отвѣтилъ я.

Войдя въ кабинетъ Келера, я передалъ ему просьбу Полякова.

— Другіе тутъ раньше его пришли, и я еще не могу его принять,—отвѣтилъ Келеръ.

Это былъ тотъ самый Поляковъ, который въ скоромъ времени послѣ того сдѣлался въ своемъ родѣ знаменитостью.

Слѣдующій 1861 годъ я провелъ за границей и по возвращеніи оттуда съѣздилъ въ Москву навѣстить Келера. На вопросъ мой: какъ онъ себя чувствуетъ теперь, Келеръ отозвался, что все было бы хорошо, если бы не крайне тяжелый и капризный характеръ фонъ-Дервиза.

— Повѣришь ли,—говорилъ онъ мнѣ,—что, идя къ нему, никогда не угадаешь, какъ онъ тебя встрѣтитъ или проводить. Иной разъ безъ всякой причины необыкновенно ласковъ, добръ, внимателенъ и любезенъ; въ другой же разъ, и также безъ всякой видимой причины, грубъ, дерзокъ и нахаленъ до такой степени, что едва возможно переносить такое обращеніе! Надняхъ, какъ-то, онъ меня прямо назвалъ дуракомъ, и я едва удержался, чтобы не ударить его за это!

— Удивляюсь тебѣ... и не узнаю тебя.

— Да, братъ, когда заведешься семьей, такъ многое перенесешь въ жизни, что прежде казалось невозможнымъ...

— Но все-таки выслушать дурака... За что же это онъ тебя такъ?

— А видишь ли, въ чемъ дѣло: поручила мнѣ компанія произвести отчужденіе земель подъ дорогу, назначивъ для этого максимумъ платы за десятину. Ѣздилъ я по помѣщикамъ, торговался, хитрилъ съ ними, кого запугивалъ, кого умасливалъ, однимъ словомъ употреблялъ всѣ мѣры, чтобы выкупить землю какъ можно дешевле, такъ что въ общемъ итогъ приобрѣлъ ее за четверть цѣны, назначенной мнѣ обществомъ.

Привожу всѣ счета Павлу Григорьевичу и высказываю ему надежду, что мнѣ, вѣроятно, что нибудь удѣлятъ въ награду за такое усердіе. Можешь себѣ представить мое удивленіе, когда вмѣсто благодарности онъ насупился и раскричался на меня.

— Чортъ васъ дернулъ такъ торговаться,—кричалъ онъ.—Вѣдь мы вамъ назначили цѣну! Я нарочно далъ вамъ это порученіе, чтобы вы что нибудь нажили. Вы должны были все выторгованное оставить у себя.

— Помилуйте, говорю, Павелъ Григорьевичъ, какъ же это можно? Я на подобныя вещи никогда не рѣшусь.

— Э! да вы просто дуракъ, какъ я вижу!—крикнулъ онъ.—Никакой награды я вамъ не дамъ.

— Ну, знаешь ли что,—замѣтилъ я Келеру,—въ этомъ случаѣ я съ фонъ-Дервизомъ совершенно согласенъ: съ волками жить по-волчьи выть.

— Нѣтъ, Богъ съ ними, я не хочу ничего, кромѣ того, что зарабатываю. Повѣрь, что тотъ же самый фонъ-Дервизъ въ свое время оцѣнитъ меня.

— Подождемъ, увидимъ. А что, скажи, самъ-то фонъ-Дервизъ, я думаю, уже порядочно нажилъ?

— Порядочно...

— Пожалуй, добрыхъ полъ-милліона имѣеть?

Келеръ расхохотался.

— Полъ-милліона?! Эхъ ты, простофія! Онъ дохода въ годъ имѣеть уже болѣе милліона!

Я вытаращилъ глаза, и было отчего: годъ тому назадъ фонъ-Дервизъ еще ничего не имѣлъ, и вдругъ болѣе милліона доходу! О такихъ превращеніяхъ мы привыкли только въ сказкахъ читать, а тутъ наяву! Было надъ чѣмъ задуматься...

Особенный благодарности отъ фонъ-Дервиза Келеръ не дождался, но за время своей службы тамъ онъ все-таки сдѣлалъ состояніе въ сто тысячъ рублей совершенно инымъ путемъ. Будучи очень экономнымъ и скромнымъ въ своемъ обиходѣ, онъ не проживалъ всего своего содержанія (достигшаго восьми тысячъ въ годъ) и часть его получалъ акціями Рязанской и Козловской дорогъ, которыя въ то время котировались на биржѣ по 45 р. за штуку. Этихъ акцій у Келера накопилось довольно много. Когда Рязанская и Козловская дороги были окончены, то одно время акція ихъ вдругъ поднялись въ цѣнѣ, если не ошибаюсь, до трехсотъ рублей и болѣе за штуку. Такимъ образомъ сбереженія Келера разомъ удесятирились, и онъ оставилъ своей семьѣ около ста тысячъ, о чемъ никогда не смѣлъ и мечтать.

Я, между тѣмъ, оставивъ военную службу, занимался журналистикой въ изданіяхъ Краевского и былъ очень далекъ отъ желѣзнодорожнаго міра вообще и отъ фонъ-Дервиза въ особенности, котораго снова не видалъ нѣсколько лѣтъ. Но въ 1867 году лѣтомъ встрѣтился съ нимъ на Невскомъ проспектѣ. Мы опять обрадовались другъ другу, какъ и подобаетъ старымъ и хорошимъ знакомымъ.

- Чѣмъ вы занимаетесь?—спросилъ онъ меня, между прочимъ.
 — Пишу въ журналахъ и газетахъ...
 — Да да, я слышалъ объ этомъ отъ Келера. Заработокъ, я думаю, мѣднаго гроша не стоитъ?
 — Пожалуй, что такъ; это не желѣзные дороги,—отвѣтилъ я, улыбнувшись.
 — Не хотите ли сами издавать газету?—спросилъ онъ.
 — Отчего же нѣтъ, еслибъ были средства.
 — О средствахъ не заботьтесь,—сказалъ онъ. — Мнѣ нужно издавать газету специальную, желѣзнодорожную. Приходите завтра утромъ въ девять часовъ ко мнѣ. Я остановился въ hôtel de France. Тамъ мы переговоримъ.

— Хорошо, буду непременно.

На другой день, ровно къ девяти часамъ, я вошелъ къ нему. Онъ былъ занятъ сочиненіемъ какого-то письма, но, увидя меня, всталъ и подошелъ на встрѣчу.

— Здравствуйте. Очень радъ, что вы такъ аккуратны. Я уже говорилъ объ васъ съ министромъ финансовъ, и онъ желаетъ съ вами видѣться.

Причемъ тутъ министръ финансовъ?—мелькнуло у меня въ головѣ. Но я удержался отъ вопроса. Фонъ-Дервизъ позвонилъ и приказалъ вошедшему лакею сбѣгать къ министру, доложить, что я пришелъ, и спросить, можетъ ли онъ меня сейчасъ принять.

— А вы, пока, посидите тутъ, покурите, а я dokonчу свое письмо,—сказалъ онъ мнѣ.

Черезъ десять минутъ лакей вернулся и доложилъ, что министръ ждетъ меня.

— Ну, вотъ, идите и переговорите съ нимъ, а потомъ зайдите опять ко мнѣ сообщить, что онъ вамъ скажетъ,—обратился ко мнѣ фонъ-Дервизъ.

— Ловко ли будтъ такъ пойти, Павелъ Григорьевичъ?—спросилъ я, показывая на свой костюмъ.

— Ничего не значить. Не ѣхать же вамъ за фраккомъ и заставить его ждать. Идите скорѣе!

Рейтернъ принялъ меня тотчасъ же, какъ только ему доложили о моемъ приходѣ. Онъ сидѣлъ въ большомъ кабинетѣ, за письменнымъ столомъ, подалъ мнѣ руку и пригласилъ сѣсть въ креслѣ, съ боку стола.

— Павелъ Григорьевичъ,—сказалъ онъ,—говорилъ мнѣ, что вы желаете издавать специальную газету желѣзныхъ дорогъ.

— Это не я желаю, ваше высокопревосходительство, а самъ Павелъ Григорьевичъ, а мнѣ онъ предложилъ только редактировать ее.

Рейтернъ слегка улынулся.

— Это все равно,—сказалъ онъ.—Во всякомъ случаѣ я очень

радъ появленію подобнаго изданія. Въ немъ можно будетъ сосредоточить свѣдѣнія о всѣхъ желѣзныхъ дорогахъ, о ходѣ ихъ работъ, эксплоатаціи и прочее. Я считаю постройку желѣзныхъ дорогъ величайшимъ дѣломъ нашего времени и напрягаю всѣ усилія къ развитію его въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Только желѣзныя дороги и могутъ поднять наше благосостояніе, потрясенное сначала Крымской войной и потомъ освобожденіемъ крестьянъ.

— Не бойтесь вы, ваше высокопревосходительство,—осмѣлился спросить я,—что громадныя займы, дѣлаемые для сооруженія рельсовыхъ путей, обременяютъ государственный бюджетъ?

— Нисколько!—съ живостью возразилъ Рейтернъ.—Вѣдь каждая желѣзная дорога вліяетъ не только на тѣ пункты, которыхъ она касается непосредственно, но захватываетъ цѣлую полосу земли, по которой проходитъ, шириною по крайней мѣрѣ по пятидесяти верстѣ, если не болѣе, по обѣ стороны. Проложивъ рельсы, положимъ, на триста верстѣ, мы сразу возрождаемъ къ промышленной жизни полосу земли болѣе чѣмъ въ 15,000 квадратныхъ верстѣ. На это дѣло нельзя поѣтому жалѣть никакихъ средствъ. Все, что бы мы ни затратили, съ лихвою окупится въ скоромъ времени. Вы вѣрите этому?

— Боюсь отвѣчать утвердительно,—сказалъ я.

— Что же васъ заставляеть сомнѣваться въ этомъ?—спросилъ министръ.

Я замаялся и, вѣроятно, покраснѣлъ, затрудняясь высказать свое мнѣніе. Рейтернъ понялъ мое смущеніе, потому что сейчасъ же прибавилъ:

— Не бойтесь, говорите откровенно и прямо. Намъ съ вами надо договориться такъ, чтобы потомъ не было ни сомнѣній, ни недоразумѣній. Если вы поймете меня, то ваша газета можетъ быть полезна дѣлу. Въ противномъ случаѣ, если вы не раздѣляете моихъ убѣжденій, то газеты лучше не начинать, она только можетъ мѣшать тогда дѣлу.

— Если позволите, то я выскажусь совершенно откровенно... Мнѣ кажется, что однѣ желѣзныя дороги не могутъ произвести того впечатлѣнія на промышленность, котораго ожидаете отъ нихъ ваше высокопревосходительство.

— Позвольте! — перебилъ меня Рейтернъ. — Я говорилъ не *à priori*, а на основаніи статистическихъ данныхъ западныхъ государствъ. Но это, между прочимъ. Продолжайте.

— Я именно на западныя государства и хотѣлъ указать. Тамъ желѣзныя дороги явились, такъ сказать, вѣнцемъ всякаго рода другихъ путей сообщенія. Я былъ за границею и завидовалъ тому, въ какихъ обширныхъ размѣрахъ развита тамъ сѣтъ шоссейныхъ дорогъ, и какъ прекрасно содержатся всѣ эти шоссе. Поѣтому каждая верста рельсоваго пути находила тамъ для себя уже готовую

почву для приѣма и отдачи товаровъ на всѣхъ пунктахъ своего протяженія. У насъ же ничего подобнаго нѣтъ. Вамъ извѣстно, ваше высокопревосходительство, что Николаевская дорога только и живетъ, что своими конечными пунктами, Петербургомъ и Москвой, оказывая совершенно ничтожное вліяніе на мѣстности всего остальнаго своего протяженія. Мнѣ самому случилось видѣть, какъ обозы вязли по ступицу колесъ въ грязи, въ десяти верстахъ отъ станціи. Это было притомъ не на проселкѣ, а на почтовомъ трактѣ. И подобныя явленія повторяются у насъ повсемѣстно, на всемъ протяженіи Россіи.

Рейтернъ выслушалъ меня терпѣливо, но нахмурился и чиркалъ карандашемъ по листу бумаги.

— Что же, повашему, надо сдѣлать? — спросилъ онъ, когда я остановился.

— Помоему слѣдуетъ каждую желѣзную дорогу строить не иначе, какъ одновременно съ боковыми, подвозными шоссейными дорогами и притомъ въ такомъ размѣрѣ, чтобы на каждую версту рельсоваго пути строить не менѣе десяти верстъ шоссе. Тогда рельсовый путь дѣйствительно захватывалъ бы цѣлую область по обѣ свои стороны и произвелъ бы то вліяніе на промышленность, о которомъ вы изволите говорить.

— Это совершенно невозможно! — воскликнулъ Рейтернъ. — Условія постройки и эксплуатаціи тѣхъ и другихъ дорогъ совершенно различны. Строитель желѣзной дороги можетъ и эксплуатировать ее, потому что по этой дорогѣ можно везти грузы и пассажировъ только въ экипажахъ, принадлежащихъ ей. Совсѣмъ другое на шоссе: тамъ нѣтъ другого способа эксплуатаціи, кромѣ шоссейнаго сбора, который не можетъ покрыть даже процентовъ на капиталъ и крайне обременителенъ для промышленности. А строить шоссе на государственныя средства невозможно, по крайней мѣрѣ, теперь. Если бы мы вздумали примѣнить вашу мысль, то не построили бы и сотой доли существующихъ уже теперь рельсовыхъ путей. Возьмите въ примѣръ Америку, которая ближе подходитъ къ нашимъ условіямъ, чѣмъ европейскія страны. Строятъ же тамъ желѣзныя дороги по совершенно дикимъ мѣстамъ и создаютъ жизнь въ мѣстахъ, гдѣ ея долго бы не было безъ рельсовыхъ путей.

— Это я знаю, ваше высокопревосходительство. Но между нами и американцами безконечная разница.

— Вы говорите о русской косности? Да, это вѣрно. Но я надѣюсь и даже почти увѣренъ, что именно желѣзныя дороги разбудятъ нашу непробудную спячку, и въ этомъ будетъ состоять ихъ главнѣйшая заслуга, которую оцѣнятъ деньгами.

— Въ такомъ случаѣ, ваше высокопревосходительство, я болѣе не буду вамъ возражать и могу пожелать только, чтобы ваши надежды сбылись.

— Теперь вы поняли меня нѣсколько?

— Совершенно, и готовъ содѣйствовать своими трудами по мѣрѣ своихъ силъ.

— Очень радъ. Нужно вамъ будетъ для изданія газеты какое нибудь мое содѣйствіе?

— Я попросилъ бы только позволенія свободно пользоваться матеріалами, имѣющимися въ министерствѣ финансовъ.

— Извольте, это я могу разрѣшить. Но дѣло въ томъ, что есть матеріалы, въ особенности по текущимъ дѣламъ, которые не подлежатъ огласкѣ, составляя иногда коммерческую, а иногда и государственную тайну. Я васъ буду просить о подобнаго рода предметахъ не говорить въ газетѣ.

— Но всегда ли я буду въ состояніи узнать, о чемъ можно говорить и о чемъ нельзя?...

— Въ случаѣ сомнѣнія приходите прямо ко мнѣ: я всегда охотно помогу вамъ и дамъ надлежащія указанія или разъясненія.

— Благодарю васъ, ваше высокопревосходительство,—сказалъ я, вставая.

— Подождите минуту.

Рейтернъ позвонилъ, и вошедшему на звонокъ курьеру приказалъ позвать дежурнаго чиновника. Когда тотъ явился, то Рейтернъ приказалъ ему проводить меня къ директору канцеляріи и сообщить ему, чтобы мнѣ было выдано письменное разрѣшеніе во всякое время пользоваться всѣми архивами и текущими дѣлами по желѣзнымъ дорогамъ.

— До свиданія,—сказалъ онъ, подавая мнѣ руку,—и желаю вамъ всякаго успѣха.

Директоръ канцеляріи спросилъ мой адресъ, обѣщая на другой же день доставить разрѣшеніе.

Отъ Рейтерна я вернулся къ фонъ-Дервизу.

— Однако, вы долго тамъ сидѣли,—сказалъ онъ.—Ну, что же? чѣмъ кончилась ваша бесѣда?

Я передалъ ему, по возможности, подробно свой разговоръ съ министромъ.

— Отлично,—сказалъ онъ.—Такъ вы теперь подайте прошеніе о газетѣ, и когда получите разрѣшеніе, то пріѣзжайте ко мнѣ въ Москву, гдѣ мы и покончимъ съ вами это дѣло. Я сегодня съ почтовымъ поѣздомъ туда уѣзжаю.

Прошеніе я подалъ въ тотъ же день и не болѣе, какъ черезъ недѣлю имѣлъ уже въ карманѣ разрѣшеніе на изданіе газеты, съ которымъ и поѣхалъ въ Москву. Тамъ я остановился, разумѣется, у Келера, очень обрадовавшагося тому, что я вступаю съ фонъ-Дервизомъ въ дѣло. Не откладывая долго, я поѣхалъ къ Краснымъ воротамъ, у которыхъ, въ домѣ правленія Рязанской дороги, жилъ фонъ-Дервизъ.

Я нашелъ его сидящимъ въ кабинетѣ правленія съ его компаніономъ фонъ-Меккомъ.

— Здравствуйте!—сказалъ онъ, радушно пожимая мнѣ руку.— Позвольте васъ познакомить, господа: фонъ-Меккъ, Эвальдъ. Это редакторъ нашей будущей газеты,—пояснилъ онъ Мекку.—Получили разрѣшеніе?

— Получилъ, вотъ оно.

— Очень хорошо. Скажите же теперь: сколько вамъ нужно для изданія газеты?

Понятно, что этотъ вопросъ огорошилъ меня своей неожиданностью.

— Я, Павелъ Григорьевичъ, еще не составлялъ никакой смѣты, такъ какъ не знаю подробно вашихъ желаній и не имѣю даже понятія о форматѣ газеты.

— О! Объ этомъ вы меня ужъ не спрашивайте,—отвѣтилъ онъ, засмѣявшись.—Вы будете полнымъ хозяиномъ газеты и издавайте ее какъ хотите. Мнѣ только нужно знать, сколько выдать вамъ денегъ, болѣе ничего.

— Въ такомъ случаѣ позвольте мнѣ отложить отвѣтъ до завтра. Сегодня я обдумаю немного и составлю приблизительный расчетъ.

— Хорошо,—сказалъ онъ:—такъ завтра, въ девять часовъ, я васъ жду.

Вернувшись къ Келеру, я сказалъ ему о запросѣ фонъ-Дервиза и спрашивалъ, что мнѣ сдѣлать. По своей обычной добросовѣстности, Келеръ посовѣтовалъ мнѣ избрать наименьшій форматъ и составить по возможности скромный расчетъ, чтобы не показывать фонъ-Дервизу, что я хочу воспользоваться его довѣріемъ. Я съ нимъ согласился и составилъ такую смѣту, по которой годовое изданіе могло бы стоить не болѣе 7.000 рублей, если не считать прихода отъ подписки, при существованіи которой эта сумма, разумѣется, еще уменьшилась бы.

На другой день утромъ ѣду опять къ фонъ-Дервизу. Въ передней старый солдатъ еще николаевскихъ временъ, служившій швейцаромъ и старожилъ квартиры, а также исправлявшій должность лакея, во время пребыванія тутъ фонъ-Дервиза, снимая съ меня пальто, ворчалъ на своего господина.

— Что ты ворчишь на Павла Григорьевича?—спросилъ я его шутя.— Обидѣлъ онъ тебя чѣмъ нибудь?

— Да какъ не обидѣтъ, сударь,—отвѣтилъ онъ:—сами посудите. Когда они тутъ живутъ, такъ я завсегда покупаю для нихъ сливки, въ молочникѣ, за который плачу пять копеекъ. А нонче, шутъ ихъ знаетъ отчего, взяли съ меня шесть копеекъ. Такъ я и докладываю Павлу Григорьевичу, а ѣнъ какъ затопаетъ на меня, да закричитъ, да обругаетъ, прости Господи! Нешто я воръ какой и нуждаюсь въ ихней копейкѣ? Да пропади она, проклятая; я

свою бы лучше заплатилъ, кабы знать заранѣе. Двадцать пять лѣтъ царю отслужилъ, и никто еще меня воромъ не обываль. Тѣфу!

Разсказъ этотъ сильно меня озадачилъ и заставилъ предчувствовать и для себя что нибудь недоброе. Такъ оно и случилось.

Павель Григорьевичъ, одѣтый въ зеленый шелковый халатъ и съ головой, повязанной краснымъ шерстянымъ шарфомъ въ видѣ чалмы, ходилъ по комнатѣ изъ угла въ уголъ и, придерживая голову руками, сильно стоналъ.

— Что это съ вами? — спросилъ я.

— Мигрень, — отвѣтилъ онъ глухимъ голосомъ. — Что скажете?

— Я принесъ вамъ смѣту на изданіе газеты, какъ вы приказали, — отвѣтилъ я, подавая ему бумажку.

Онъ не взялъ ея и даже не взглянулъ, а молча, подойдя къ столу, позвонилъ. Вошелъ кто-то изъ служащихъ въ правленіи.

— Вотъ они, — сказалъ онъ, указывая на меня, — будутъ издавать газету. Подпишитесь по два экземпляра на каждую станцію и выдайте деньги. — До свиданья, — сказалъ онъ, протянувъ мнѣ руку, и снова заходилъ по комнатѣ, продолжая стонать.

Совершенно озадаченный такимъ исходомъ дѣла, я вернулся къ Келеру и разсказалъ ему о случившемся. Тотъ расхохотался.

— Что ты находишь тутъ смѣшного? — спросилъ я.

— Да глядя на твою удивленную физіономію. Тебѣ въ диковину такой оборотъ дѣла, а мы уже къ этому привыкли. Мысли и намѣренія у Павла Григорьевича смѣняются быстрѣе, чѣмъ петербургская погода. Не будь у него мигрени, ты бы пришелъ сюда съ семью тысячами въ карманѣ. А вотъ дернуло этой мигрени сунуться въ его голову, и онъ вымѣщаетъ свою боль на тебѣ. Это всегда такъ.

— Что же мнѣ дѣлать теперь?

— Да какъ тебѣ сказать? Попробуй начать изданіе: разошли объявленія въ правленія другихъ дорогъ, соберешь что нибудь подпиской, будутъ и объявленія, отчеты, тамъ еще что нибудь. Кое-какъ перебивайся пока, а потомъ можно будетъ снова поговорить съ Павломъ Григорьевичемъ; авось, попадешь къ нему въ добрую минуту, и онъ дастъ средства.

Въ первую минуту досады, я было хотѣлъ, вернувшись въ Петербургъ, поѣхать къ Рейтерну и разсказать ему откровенно о своемъ приключеніи съ фонъ-Дервизомъ, думая, что Рейтернъ, такъ интересовавшійся этой газетой, наладитъ его устроить дѣло болѣе прилично. Но потомъ я передумалъ, не желая разводиться сплетни, и, послѣдовавъ совѣту Келера, началъ издавать на свои трудовыя копейки. Дѣло, однако, не пошло. Не имѣя совершенно средствъ, я не могъ вести газету какъ бы слѣдовало, наполняя ее матеріаломъ вовсе не жизненнымъ, такъ сказать, и, протянувъ около девяти мѣсяцевъ, долженъ былъ закрыть лавочку. Обра-

тятся къ фонъ-Дервизу второй разъ мнѣ не хотѣлось, а онъ совершенно забылъ о существованіи газеты и Богъ знаетъ для чего вообще началъ городить весь этотъ огородъ.

Х.

Знакомство съ С. С. Поляковымъ. — Хлопоты его о покупкѣ Николаевской дороги. — Мой визитъ къ министру финансовъ Рейтерну. — Обѣдъ у Полякова. — Его отношенія ко мнѣ.

Въ то время какъ я издавалъ газету желѣзныхъ дорогъ, я получилъ однажды телеграмму изъ Москвы отъ зятя своего Келера, въ которой онъ извѣщалъ, что дня черезъ два пріѣдетъ ко мнѣ въ Петербургъ вмѣстѣ съ С. С. Поляковымъ, который желаетъ со мной о чемъ-то переговорить.

Поляковъ въ это время уже гремѣлъ на всю Россію, какъ новый желѣзнодорожный геній, затмившій своимъ блескомъ даже фонъ-Дервиза. Дѣйствительно, не знаю отчего, но фонъ-Дервизъ всегда какъ-то менѣе былъ извѣстенъ, чѣмъ Поляковъ. Потому ли это происходило, что онъ носилъ непопулярную нѣмецкую фамилію, или потому, что не рекламировалъ себя такъ, какъ Поляковъ, — это трудно сказать, но фактъ тотъ, что имени фонъ-Дервиза до сего времени многіе не знаютъ, тогда какъ трудно найти человѣка, который не слыхалъ бы о Поляковѣ.

Видѣвъ сравнительно еще такъ недавно Полякова въ черномъ тѣлѣ, мнѣ любопытно было взглянуть на него теперь, когда онъ достигъ апогея своего денежнаго величія и могущества, а потому я съ нетерпѣніемъ ожидалъ встрѣчи съ нимъ.

Въ назначенное время Келеръ и Поляковъ явились ко мнѣ, причемъ Поляковъ былъ одѣтъ во фракъ съ иголки.

— Вотъ, братъ, рекомендую тебѣ Самуила Соломоновича Полякова, — сказалъ Келеръ, входя и представляя Полякова.

— Мы ужъ, кажется, знакомы немного, — отвѣтилъ я, подавая руку Полякову.

— Да, какъ же, — подтвердилъ онъ: — мы уже видѣлись съ вами.

— Гдѣ и когда? — спросилъ Келеръ.

— Да у тебя же въ конторѣ, — отвѣтилъ я: — лѣтъ пять или шесть назадъ.

— А! Можетъ быть. Ну, да это все равно. Теперь мы къ тебѣ по очень серьезному дѣлу.

— Слушаю.

— Ты вѣдь знаешь, конечно, что правительство рѣшило продать Николаевскую желѣзную дорогу?

— Знаю.

— Конкуррентовъ, какъ тебѣ также, вѣроятно, извѣстно,—трое: Самуилъ Соломоновичъ, Главное Общество и Товарищество московскихъ купцовъ.

— Слыхалъ и объ этомъ.

— Ну-съ, такъ вотъ Самуилъ Соломоновичъ пожелалъ лично тебя видѣть и просить, чтобы ты содѣйствовалъ ему.

Я съ удивленіемъ взглянулъ на обоихъ.

— Что же я тутъ могу сдѣлать?

— Очень многое, если хочешь. Во-первыхъ, ты самъ издаешь газету, слѣдовательно обязательно долженъ въ ней писать въ пользу предложеній Полякова. Во-вторыхъ, если можешь, то тисни статейку въ этомъ смыслѣ и въ какой нибудь другой газетѣ. Въ-третьихъ, наконецъ, сходи къ министру финансовъ, съ которымъ ты имѣешь сношенія, и поговори съ нимъ тоже въ пользу Самуила Соломоновича.

— Я надѣюсь, Аркадій Васильевичъ,—сказалъ Поляковъ,—что вы ничего не имѣете противъ того, если Николаевская дорога перейдетъ въ наши руки?

— Ровно ничего,—отвѣтилъ я, улыбувшись,—такъ какъ мнѣ рѣшительно все равно, кому бы ее ни отдали. Главное Общество ничѣмъ себя не зарекомендовало, чтобы хлопотать за него; московское товарищество, помоему, какая-то фикція, сколько можно судить о немъ по свѣдѣніямъ, доходящимъ въ печать. Слѣдовательно, остаетесь вы, и если бы это отъ меня зависѣло, то я передалъ бы дорогу вамъ, если только вообще нужно ее кому нибудь передавать, въ чемъ единственно я сомнѣваюсь.

— Ну, братъ,—перебилъ меня Келеръ:—хуже казеннаго управленія ужъ ничего не можетъ быть.

— Надо исправить его и только. Это еще не причина для передачи такой богатой дороги въ частныя руки.

— Да объ этомъ уже поздно теперь спорить,—сказалъ Поляковъ,—дѣло въ принципѣ рѣшено безповоротно. Вопросъ состоитъ только въ выборѣ концессионера, и вотъ, если вы только согласитесь, то я очень просилъ бы васъ помочь мнѣ всѣми вашими средствами.

— Я ничего не имѣю противъ этого.

Поляковъ вскочилъ и, пожимая обѣими своими руками мою руку, нѣсколько разъ повторилъ свою просьбу, обѣщая при этомъ, что если его дѣло выгоритъ, то онъ меня нѣкоторымъ образомъ озолотитъ.

Когда они уходили, то Келеръ, пропустивъ Полякова впередъ, остановился со мною въ передней и сказалъ:

— Пожалуйста, постарайся для Полякова, потому, что если онъ получитъ Николаевскую дорогу, то меня онъ прочитъ назна-

чить управляющимъ ея, а тогда и ты можешь пристроиться, хоть инженеромъ. Я ужъ объ этомъ похлопочу.

— Да ладно,—отвѣтилъ я:—сдѣлаю, что могу.

На другой день утромъ, пользуясь разрѣшеніемъ, которое далъ мнѣ Рейтернъ являться къ нему въ случаѣ надобности, я отправился на квартиру его въ министерство финансовъ. Онъ меня принялъ также любезно, какъ и въ первый разъ.

— Что скажете хорошаго?—спросилъ онъ.

— Я рѣшился побезпокоить ваше высокопревосходительство по вопросу о продажѣ Николаевской желѣзной дороги,—сказалъ я, прямо приступая къ дѣлу.—Мнѣ хотѣлось бы уяснить себѣ причину этой операціи и кто изъ конкурентовъ имѣетъ болѣе шансовъ.

Рейтернъ откинулся на спинку кресла и перекинулъ ногу на ногу.

— Причина продажи та,—сказалъ онъ,—что въ казенномъ управленіи эта дорога даетъ самый ничтожный доходъ, тогда какъ по количеству грузовъ и пассажировъ она—богатѣйшая дорога въ мірѣ. Для правительства выгоднѣе передать ее въ частныя руки, больше ничего.

— Но, позвольте спросить, развѣ нѣтъ возможности исправить казенное управленіе?

Рейтернъ пожалъ плечами.

— Никакой,—сказалъ онъ, тяжело вздохнувъ.—Всякое коммерческое дѣло только тогда можетъ идти хорошо, когда во главѣ его стоитъ одинъ хозяинъ. При казенномъ же управленіи такого хозяина нѣтъ и быть не можетъ. Кого вы назовете хозяиномъ, напримѣръ, Николаевской дороги? Директора? Никакимъ образомъ. Онъ только подчиненный, служащій; надъ нимъ имѣется департаментъ, а надъ департаментомъ—министръ. Вы скажете: министръ хозяинъ? Еще менѣе! Развѣ министръ путей сообщенія можетъ хозяйничать какой либо дорогой, когда на его рукахъ лежитъ цѣлое министерство? Вслѣдствіе этого, казенное управленіе всегда страдаетъ именно отсутствіемъ попечительнаго хозяина, безъ котораго никакое живое дѣло не мыслимо. Тутъ всѣ хозяева по-немножку, начиная отъ министра и кончая послѣднимъ сторожемъ на дорогѣ. А у семи нянекъ,—прибавилъ Рейтернъ улыбувшись,—дѣтя всегда безъ глаза.

— Вы позволите мнѣ сдѣлать небольшое возраженіе на это?—спросилъ я.

— Очень буду радъ, говорите.

— Я еще слабо знакомъ съ желѣзно-дорожнымъ дѣломъ и потому не берусь непосредственно о немъ судить. Но практику посейныхъ дорогъ я знаю хорошо и потому приведу примѣръ изъ этой области хозяйства. У насъ ремонтъ шоссе содержится иногда хозяйственнымъ способомъ, иногда же, и чаще, отдается съ под-

ряда. При этомъ второмъ способѣ въ контрактѣ съ подрядчикомъ выписываются подробно всѣ его обязанности: когда онъ долженъ заготовить камень и въ какомъ размѣрѣ; когда долженъ разбить этотъ камень въ щебень; когда долженъ его разсыпать, укатать и такъ далѣе. При этомъ всякій разъ онъ контролируется и прочее. Въ результатѣ мы имѣемъ то, что ни по одному нашему шоссе никогда не бываетъ проѣзда. Существуютъ цѣлые округа путей сообщенія, съ правленіями, съ начальниками дистанцій, съ инженерами, канцеляріями, инспекторами и т. д., а по шоссе все-таки проѣхать нельзя...

— Ну, вотъ видите! Вы этимъ только подтверждаете то, что я говорилъ,—перебилъ меня Рейтернъ.

— Совершенно вѣрно, ваше высокопревосходительство. Но позвольте мнѣ докончить...

— Слушаю, слушаю.

— Въ Пруссіи, гдѣ я немного ознакомился съ этимъ дѣломъ, оно устроено совершенно иначе. Тамъ нѣтъ ни правленій округовъ, ни канцелярій, ни массы инженеровъ, ни подрядчиковъ. Тамъ всѣ казенныя шоссеиныя дороги разбиты на участки отъ 50 до 100 верстъ. Каждый участокъ ввѣренъ только одному инженеру, подъ его личную отвѣтственность. Ему отпускается извѣстная, выведенная изъ опыта, сумма на содержаніе дороги, и въ его дѣла затѣмъ никто не вмѣшивается. Контролеръ повѣряетъ не то: когда онъ заготовилъ камень, когда разбилъ его и разсыпалъ, а только толщину слоя щебня, профиль дороги и степень ея ровности или гладкости. Если эти условія удовлетворяютъ требованіямъ, то отъ инженера больше ничего и не спрашиваютъ. Оттого въ Пруссіи шоссеиныя дороги гладки, какъ паркетъ, и каждый инженеръ дорожить своей репутаціей.

— Что же вы этимъ хотите сказать?

— А то, ваше высокопревосходительство, что и при казенномъ управленіи можно создать хозяевъ дѣла, если только поставить ихъ въ надлежащія условія.

— То, что вы мнѣ сказали о прусскихъ порядкахъ,—сказалъ Рейтернъ, подумавъ немного,—очень интересно и для меня ново. Но я не думаю, чтобы эти порядки были примѣнимы у насъ.

— Позвольте узнать, отчего вы такъ думаете.

— По правдѣ сказать, мы не такъ воспитаны, какъ нѣмцы. Для того, чтобы имѣть такихъ довѣренныхъ хозяевъ казеннаго имущества, ихъ надо выдрессировать воспитаніемъ нѣсколькихъ поколѣній. Можетъ быть, современемъ и мы дойдемъ до этого, но пока, я не думаю, чтобы это было возможно.

— Я и на это позволю себѣ возразить вашему высокопревосходительству. Мнѣ кажется, что люди воспитываются не столько въ школахъ, сколько по выходѣ изъ нихъ, уже самой жизнью.

Примѣняя это къ вопросу, о которомъ идетъ рѣчь, я думаю, что если бы у насъ введена была прусская система ремонта шоссе-ныхъ дорогъ, то сначала являлись бы печальные примѣры нарушенія довѣрія казны, но потомъ, понемногу, выработались бы люди дѣла, которые дорожили бы не только хлѣбнымъ мѣстомъ, но и своей репутаціей честныхъ людей. Между тѣмъ, при нашей системѣ, при которой никто не хозяинъ, и никто не отвѣтственное лицо, тотъ не имѣетъ никакого повода отличатся добросовѣстностью и честностью.

— Можетъ быть, вы и правы,—замѣтилъ Рейтернъ,—но во всякомъ случаѣ это еще дѣло будущаго. Вернемся, однако, къ дѣлу вашего посѣщенія. Что еще вы желаете отъ меня узнать?

— Чтобы мнѣ лишній разъ не беспокоить ваше высокопревосходительство, я осмѣлюсь попросить объясненія еще одного вопроса, очень меня занимающаго.

— Что такое?

— У насъ принята теперь концессіонная система постройки желѣзныхъ дорогъ, состоящая въ томъ, что какому нибудь фонъ-Дервизу или Полякову правительство даетъ гарантію на совершаемые ими займы. Естественно, при этомъ, что иностранные банкиры, ссужая ихъ деньгами, вѣрятъ не имъ, такъ какъ объ нихъ они не имѣли ни малѣйшаго понятія, а вѣрятъ только ручательству русскаго правительства. Другими словами, въ сущности, правительство само дѣлаетъ эти займы, но не прямо отъ своего имени, а прибѣгая къ посредничеству фонъ-Дервизовъ, Поляковыхъ и иныхъ, которые за свое посредничество берутъ чрезвычайно большое вознагражденіе. Я вотъ этого и не понимаю въ концессіонной системѣ: для чего правительству нужны эти посредники, концессіонеры, когда, дѣлая займы прямо отъ себя, оно могло бы получить тѣ же суммы для постройки дорогъ на гораздо болѣе выгодныхъ условіяхъ?

Пока я излагалъ этотъ свой вопросъ, Рейтернъ постепенно нахмурился болѣе и болѣе. Рѣшившись спросить его объ этомъ, я зналъ, что могу навлечь на себя его неудовольствіе. Но я этого не боялся, такъ какъ самое дурное, что могло выйти для меня, это только то, что на будущее время я лишился бы возможности навѣщать его. При томъ же положеніи, въ которое меня поставилъ фонъ-Дервизъ съ газетою, мнѣ нечего было терять, если бы Рейтернъ и разсердился на меня. Между тѣмъ узнать отъ него самого, отъ автора концессіонной системы, причину ея предпочтенія всѣмъ другимъ способамъ постройки желѣзныхъ дорогъ, было для меня въ высшей степени любопытно. Поэтому я и рѣшился предложить свой вопросъ, не опасаясь никакихъ особенно вредныхъ послѣдствій для себя.

Но оказалось потомъ, что Рейтернъ хмурился не потому, чтобы

сердился на меня за такую нескромность, а просто потому, что обсуждалъ свой отвѣтъ. Онъ могъ просто не отвѣчать мнѣ, сказавъ, что такіе вопросы до меня не касаются, и тѣмъ прекратить бесѣду. Но онъ этого не сдѣлалъ, а, напротивъ, прежнимъ спокойнымъ голосомъ далъ объясненіе, на которое я его вызвалъ.

— Мой отвѣтъ на этотъ вашъ вопросъ,—сказалъ онъ,—будетъ только продолженіемъ предыдущаго разговора о хозяйствѣ казны. Когда его величеству угодно было возложить на меня заботу о постройкѣ желѣзныхъ дорогъ, то прежде приступленія къ дѣлу обсуждались всѣ употребительные и возможные способы осуществленія его. Мысль о государственныхъ займахъ была оставлена потому, что послѣ Крымской кампаніи нашъ бюджетъ и безъ того былъ слишкомъ обремененъ долгами. Вы, конечно, понимаете, что финансовыя дѣла государства тѣсно связаны съ политическими. Вотъ, по совокупности разныхъ причинъ финансовыхъ и политическихъ, непосредственные государственные займы теперь оказались неудобными. Съ другой стороны, правительство, дѣлая само займы для постройки желѣзныхъ дорогъ, само же должно бы было и строить ихъ. А такъ какъ мы съ вами только что говорили о дурномъ хозяйствѣ казны, то и этотъ вопросъ былъ принятъ во вниманіе. Примѣръ Николаевской желѣзной дороги не очень-то былъ привлекателенъ, чтобы повторять его. Другого же образца у насъ не было. Вотъ вслѣдствіе этихъ соображеній и рѣшено было остановиться на системѣ концессій. Вы не совсѣмъ вѣрно опредѣлили характеръ участія правительства въ концессіяхъ. По вашему толкованію выходитъ, что деньги занимаетъ не концессіонеръ, а правительство, только прикрывающееся именемъ концессіонера. Это не совсѣмъ такъ. Сравните это съ обыкновенной частной сдѣлкой: положимъ, вы занимаете деньги, а я даю свое поручительство, что вы исправно заплатите. Въ случаѣ, если вы окажетесь несостоятельнымъ, я дѣйствительно долженъ буду заплатить за васъ по своему поручительству, но это еще не доказываетъ, что я занимаю деньги подъ вашимъ именемъ. Такъ ли?

— Такъ.

— Примѣните этотъ взглядъ къ концессіямъ, и вы согласитесь, что хотя правительство и даетъ по нимъ свое ручательство, но не оно занимаетъ деньги, а все-таки концессіонеръ, а правительство остается только поручителемъ. Что банкиры вѣрятъ только поручителю, а не самому заемщику, это ужъ другой вопросъ, зачастую имѣющій мѣсто даже при сдѣлкахъ частныхъ людей. Понимаете вы, что я хочу сказать?

— Понимаю, ваше высокопревосходительство.

— Теперь взгляните на дѣло еще съ другихъ сторонъ. Если бы правительство, сдѣлавъ займы, продолжало строить дороги казеннымъ способомъ, то наши дороги всегда оставались бы въ одной

цѣнѣ, немного отступающей отъ цѣнѣ Николаевской дороги, такъ какъ у насъ не было бы другихъ для сравненія. А чего стоила Николаевская дорога, это извѣстно было одному только Богу. При системѣ же концессій является конкуренція, и если первыя дороги, которыя строились фонъ-Дервизомъ и Поляковымъ, обошлись очень дорого, то теперь уже цѣны начинаютъ постепенно сбавляться. Со временемъ мы дойдемъ до нормальныхъ цѣнѣ. Вотъ, когда эти цѣны будутъ выработаны, тогда уже, на основаніи существующихъ данныхъ, можно будетъ опять перейти къ постройки средствъ казны.

— Но, ваше высокопревосходительство,—замѣтилъ я,—эта выработка нормальныхъ цѣнѣ не будетъ ли очень дорого стоить государству?

Рейтернъ пожалъ плечами.

— Что же дѣлать,—сказалъ онъ,—когда нѣтъ другого средства дойти до нихъ. Петръ Великій, чтобы развить горное дѣло въ Россіи, подарилъ кузнецу Демидову чуть не цѣлую губернію. Мы теперь поступили также: дали нѣкоторымъ лицамъ выйти изъ ничтожества и нажить миллионы, чтобы создать въ Россіи желѣзнодорожное дѣло. Примѣръ ихъ быстрого обогащенія увлекъ другихъ, и теперь министерство финансовъ завалено прошеніями о концессіяхъ. Безъ этой мѣры мы еще долго не имѣли бы желѣзныхъ дорогъ.

— Слѣдовательно, на основаніи всѣхъ этихъ соображеній рѣшено передать въ частныя руки и Николаевскую дорогу?

— Да, разумѣется.

— А какъ вы думаете, ваше высокопревосходительство, кто изъ трехъ конкурентовъ имѣетъ болѣе шансовъ на успѣхъ?

Рейтернъ снова нахмурился, но уже на этотъ разъ я не испугался его сдвинувшихся бровей.

— Это еще пока тайна, которую я попрошу васъ не разглашать не только въ газетѣ, но даже и на словахъ,—сказалъ онъ.

— Даю вамъ слово, ваше высокопревосходительство, что я не нарушу вашего довѣрія.

— Вопросъ уже почти рѣшенъ въ пользу Главнаго Общества.

— Уже?!—невольно воскликнулъ я.

— Что вы такъ удивились?—спросилъ Рейтернъ, пристально взглянувъ на меня.

— Виновать, ваше высокопревосходительство, но дѣло въ томъ, что Поляковъ, какъ я знаю, только-что пріѣхалъ сюда хлопотать о передачѣ дороги ему.

— Это ничего не значить. Другіе конкуренты были необходимы, чтобы выработать болѣе выгодныя условія. Во всякомъ случаѣ Поляковъ ничего отъ этого не потеряетъ.

— Я не буду скрывать отъ вашего высокопревосходительства,

что онъ былъ у меня и просилъ поддерживать его предложенія путемъ печати.

Рейтернъ улыбнулся.

— Вы не удивитесь,—сказалъ онъ,—если и я буду васъ о томъ же просить.

— Не смотря на вашъ совѣтъ, я все-таки удивляюсь, ваше высокопревосходительство. Если ужъ вопросъ рѣшенъ въ пользу Главнаго Общества, то зачѣмъ же мнѣ даромъ тратить порохъ за Полякова.

— Чтобы придать болѣе вѣроятіи конкуренціи,—это для меня, и чтобы исполнить просьбу Полякова. Вы, вѣроятно, обѣщали помогать ему?

— Обѣщаль сдѣлать, что могу, и для этого-то осмѣлился побеспокоить сегодня ваше высокопревосходительство, чтобы знать, чего мнѣ держаться.

— Да, пишите за него и доставьте мнѣ эти номера вашей газеты.

— Я не смѣю входить въ соображенія правительства, почему предпочтено Главное Общество, но, по моему мнѣнію, хотя Поляковъ и еврей, а лучше было бы передать дорогу ему,—сказалъ я на всякій случай.

Брови Рейтерна опять сдвинулись.

— Почему вы такъ думаете?—спросилъ онъ, серьезно взглянувъ на меня.

— Да потому, ваше высокопревосходительство, что Главное Общество совершенно иностранное, а Поляковъ, хотя и еврей, да русскій подданный, и его деньги останутся въ Россіи, а не уйдутъ за границу.

— Отчасти вы правы. Но, помимо разныхъ финансовыхъ соображеній, заставившихъ предпочесть Главное Общество, національность Полякова много мѣшаетъ передать ему эту дорогу. Главное Общество—анснимное, оно никому не колетъ глаза, тогда какъ передача этой дороги еврею всегда возмущала бы патріотическое чувство, въ особенности москвичей. Полякову, чтобы утѣшить его,—прибавилъ Рейтернъ, улыбнувшись,—можно будетъ дать концессію на какую нибудь другую дорогу.

— Я болѣе не смѣю утруждать вниманіе вашего высокопревосходительства,—сказалъ я, вставая,—и позвольте поблагодарить васъ за вниманіе, оказанное мнѣ.

— Ничего, я очень радъ содѣйствовать вамъ. А давно вы видѣли Павла Григорьевича?

— Я съ нимъ рѣдко выдаюсь. Теперь уже мѣсяца четыре, какъ не видѣлся съ нимъ.

Мнѣ ужасно хотѣлось при этомъ рассказать Рейтерну, какъ его пріятель, Павелъ Григорьевичъ, вбаламутилъ меня издавать несчастную газету и потомъ бросилъ на произволъ судьбы, но...

опять-таки, не желая разводить сплетни, я промолчалъ и на этотъ разъ.

Такъ какъ Поляковъ просилъ меня пріѣхать къ нему въ этотъ день обѣдать, то я и направился къ пяти часамъ въ Малую Морскую, гдѣ онъ нанималъ квартиру для своихъ пріѣздовъ.

Въ небольшомъ залѣ въ три окна я увидѣлъ военнаго генерала, одиноко сидѣвшаго у слѣдующей двери; замѣтивъ меня, онъ всталъ и подошелъ навстрѣчу.

— Вы къ Самуилу Соломоновичу?—спросилъ онъ.

— Да, онъ пригласилъ меня сегодня къ обѣду.

— Позвольте узнать вашу фамилію?

Я назвалъся.

— Потрудитесь присѣсть,—сказалъ онъ,—я сейчасъ доложу.

Меня нѣсколько удивило, что почтенный генералъ играетъ у Полякова роль докладчика, но, вспомнивъ рассказы о свадьбахъ съ генералами, практикуемыхъ купцами въ кухмистерскихъ, я понялъ, что это одинъ изъ подобныхъ, нанятый Поляковымъ для приданія себѣ пущей важности. Кто изъ нихъ двоихъ былъ болѣе жалокъ, я не буду здѣсь разбирать.

Генералъ вскорѣ же возвратился и сказалъ мнѣ: пожалуйста въ кабинетъ.

Поляковъ сидѣлъ за письменнымъ столомъ, но не занимался, а бесѣдовалъ съ двумя лицами, сидѣвшими на диванѣ, съ которыми, разумѣется, сейчасъ же познакомилъ меня. Это были Кислаковскій и Мейенъ.

— Ну, что, Аркадій Васильевичъ,—спросилъ онъ меня,—какъ идутъ ваши дѣла? Вы можете говорить при нихъ,—прибавилъ онъ, указывая на Кислаковскаго и Мейена:—это мои ближайшіе сотрудники.

— Ваше дѣло идетъ, кажется, хорошо,—отвѣтилъ я.

— Въ самомъ дѣлѣ? Расскажите, пожалуйста, что же вы узнали?

— Сегодня утромъ я былъ у министра финансовъ...

— Уже?! Ну, ну, и что же онъ вамъ сказалъ?

— Онъ мнѣ не сказалъ ничего прямо, но изъ нѣкоторыхъ словъ его я могъ понять, что если вы и не получите Николаевскую дорогой, то можете рассчитывать на какую нибудь другую.

— А про Николаевскую дорогу онъ ничего не говорилъ, кому ее хотятъ отдать?

— Ничего еще неизвѣстно, тѣмъ болѣе, что ваше предложеніе только недавно получено.

Поляковъ весело потеръ руками и заходилъ по комнатѣ.

— Пожалуй, что мы возьмемъ! Что вы скажете? — обратился онъ къ Кислаковскому.

Кислаковскій видимо не вѣрилъ, что я бесѣдовалъ съ мини-

стромъ финансовъ, потому что все время насмѣшливо улыбался и вмѣсто отвѣта Полякову обратился ко мнѣ съ вопросомъ:

— Вы съ кѣмъ изволили говорить въ министерствѣ финансовъ?

Отвѣчая дерзостью на дерзость, я не отвѣтилъ ему, а, въ свою очередь, обратился къ Полякову.

— Министръ былъ очень доволенъ, когда я сказалъ, что въ своей газетѣ буду поддерживать ваше предложеніе.

— Право?!—воскликнулъ Поляковъ, совершенно просіявшій.— Ну, господа, это значитъ—очень хорошо!

И онъ снова забѣгалъ изъ угла въ уголь, потирая руки. Когда пріѣхалъ Келеръ, то насъ пригласили къ столу. Генераль-докладчикъ также былъ тутъ. Разумѣется, разговоръ во время обѣда преимущественно вертѣлся на вопросъ о Николаевской дорогѣ, прерываясь иногда шутками или рассказами веселаго характера. Я больше наблюдалъ за этими новыми типами людей, созданными концессионной горячкой.

Поляковъ былъ въ разговорѣ очень находчивъ и остроуменъ. Помимо еврейскаго пронырства, которымъ онъ достигалъ концессій, онъ обладалъ видимо недюжиннымъ умомъ и, конечно, гораздо болѣе выигралъ бы въ своемъ человѣческомъ обликѣ, если бы не тянулся въ «благородные». Имѣя массу денегъ, доставшихся безъ труда, одними ловкими подходами къ кому слѣдуетъ, онъ не жалѣлъ тратить ихъ на то, чтобы обставить себя побарски. Какъ наши куцихи, когда напялятъ на себя шляпки съ цвѣтами и шелковыя платья, воображаютъ, что сдѣлались настоящими барынями, такъ и Поляковъ, посадивъ въ своей пріемной несчастнаго генерала, а впослѣдствіи и самъ, добившись генеральскаго титула, воображалъ, что сдѣлался бариномъ и чуть ли не аристократомъ. Мнѣ всегда какъ-то жалко и грустно было смотрѣть на его потуги казаться благороднымъ, такъ какъ онъ, повторяю, вообще былъ очень умный и даже остроумный человѣкъ.

Кислаковский, считавшійся правою рукою Полякова, былъ совершенно другого закала. Ради того, чтобы пристроиться у Полякова, онъ оставилъ казенную службу по вѣдомству путей сообщенія и, разумѣется, никогда не раскаивался въ такой перемѣнѣ. Онъ былъ хитеръ, скрытенъ и недоброжелателенъ къ другимъ. Наконецъ, Мейенъ, имѣвшій нѣкоторое участіе въ дѣлахъ Полякова, игралъ нѣкоторую роль только потому, что, бывши женатъ на богатой старухѣ, ссудилъ Полякова деньгами на первыхъ порахъ его дѣятельности. Онъ говорилъ Полякову по старой памяти «ты» и вообще не особенно церемонился съ нимъ. О Келерѣ я уже говорилъ: онъ служилъ на двухъ дорогахъ, Рязанской и Козловской, получая на каждой по 4.000 рублей жалованья, Поляковъ же приглашалъ его иногда для исполненія какихъ нибудь временныхъ порученій, требовавшихъ знанія дѣла и добросовѣстности.

Такъ, напимѣрь, я знаю, что однажды онъ заплатилъ Келеру 10.000 рублей за устройство станціонной службы на одной изъ своихъ дорогъ, что Келеромъ было исполнено въ двѣ недѣли. И теперь, отправляясь въ Петербургъ хлопотать о приобрѣтеніи Николаевской дороги, Поляковъ пригласилъ Келера съ собою, какъ человѣка, вполне знающаго дѣло и на добросовѣстность котораго можно было положиться.

Вопросъ о Николаевской дорогѣ тянулся очень недолго, такъ какъ, по словамъ Рейтерна, онъ уже заранѣе былъ рѣшенъ въ принципѣ. Знаменитому Уайненсу, такъ опутавшему казну своимъ историческимъ контрактомъ, было заплачено что-то около пяти милліоновъ металлическихъ рублей отступнаго, и дорога передана была Главному Обществу.

Полякову въ утѣшеніе за то, что потревожили его напрасно, была выдана концессія на постройку Курско-Харьковско-Азовской желѣзной дороги. Когда постройка этой дороги уже началась, я встрѣтился однажды съ Мейеномъ. Онъ спросилъ меня, между прочимъ, чѣмъ меня Поляковъ вознаградилъ за содѣйствіе, которое я ему оказывалъ при хлопотахъ о Николаевской дорогѣ.

— Пока еще ничѣмъ,—отвѣтилъ я улыбувшись.

— Какъ ничѣмъ?—удивился Мейень.—Да не можетъ же быть!

— Чего же мнѣ скрывать! Спросите сами у Полякова. Вѣроятно, онъ считаетъ себя необязаннымъ по отношенію ко мнѣ, такъ какъ не получилъ Николаевской дороги.

— Это все равно: вѣдь, благодаря ей, онъ получилъ другую концессію. Вы довольно потрудились для него.

— Гдѣ наше не пропадало!—замѣтилъ я.

— Приходите сегодня къ нему обѣдать. Мы тамъ поговоримъ объ этомъ.

— Съ какой радости я поѣду къ нему безъ приглашенія?

— Э! Господи! Нашли съ кѣмъ церемониться. Ну, да ладно, я устрою это.

Вернувшись домой часа черезъ три, я нашель у себя записку Полякова, приглашавшую меня на обѣдъ къ пяти часамъ. Такъ какъ я не имѣлъ намѣренія съ нимъ ссориться, то и поѣхалъ.

За обѣдомъ на этотъ разъ были тѣ же лица, кромѣ Келера. Мейень тотчасъ же началъ рѣчь о моемъ вознагражденіи.

— Ты что же это забылъ Эвальда?—обратился онъ къ Полякову.—Развѣ мало онъ работалъ для тебя?

— Да я не прочь,—быстро заговорилъ Поляковъ:—я готовъ сдѣлать все, что угодно. Господинъ Эвальдъ самъ меня забылъ и не заходилъ ни разу.

— Да зачѣмъ же мнѣ къ вамъ ходить безъ дѣла?—спросилъ я.

— Не для дѣла, а по знакомству, навѣстили бы иногда,—засмѣялся Поляковъ.

— Мое знакомство для васъ не интересно, и при томъ вы всегда очень заняты,—отвѣтилъ я.

— Ну, да что тутъ бобы разводить!—перебилъ Мейенъ.—Вы что хотѣли бы получить?—спросилъ онъ меня.—Мѣсто инженера, или подрядъ, или просто деньги?

— Что хотите, мнѣ все равно,—отвѣтилъ я, махнувъ рукою.

— Я могу вамъ предложить хорошее мѣсто инженера,—сказалъ Поляковъ.—Черезъ недѣлю я поѣду на линію распредѣлять участки и тогда увѣдомлю васъ.

— Очень вамъ буду благодаренъ,—отвѣтилъ я.

Послѣ обѣда я закурилъ свою папироску, а другіе взяли поставленные на столъ сигары.

— Вы какія это папиросы курите?—спросилъ меня Поляковъ.

— Фабрики Миллера.

— Пфуй, какой непріятный запахъ!—сказалъ онъ, поморщившись.—Возьмите, пожалуйста, сигару. Это очень хорошія, пятьдесятъ рублей сотня.

— Благодарю васъ, но я сигаръ не курю.

— Но какъ же можно такія папиросы курить?

— Привычка. Я вѣдь не могу платить по пятидесяти рублей за сотню сигаръ.

— Да возьмите же сигару,—замѣтилъ Мейенъ, подмигнувъ мнѣ, улыбаясь.—У Самуила Соломоновича очень тонкое обоняніе. Не умрете отъ одной штуки.

Чтобы почтить новаго аристократа и гастронома, я взялъ сигару.

— Какъ вамъ нравится?—спросилъ Поляковъ.

— Очень хорошія.

— Это настоящая гаванская,—прибавилъ онъ тономъ, чтобы я почувствовалъ всю прелесть знакомства съ нимъ.

Поляковъ уѣхалъ потомъ на свою линію, но я не дождался отъ него никакого приглашенія, а самъ, разумѣется, не напоминалъ о его обѣщаніи. Такъ какъ онъ былъ вообще довольно щедръ въ вознагражденіи своихъ сотрудниковъ, то я приписываю его забывчивость относительно меня вліянію Кислаковскаго, который всегда относился ко мнѣ враждебно и, вѣроятно, находилъ неудобнымъ имѣть дѣло со мною. Ему требовались болѣе покладистые люди, чѣмъ какимъ я могъ быть.

А. В. Эвальдъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

КОНЕЦЪ «ГОЛУБЯТНИ» ¹⁾.

IV.

ИКТО не могъ съ точностью сказать, когда и при какихъ обстоятельствахъ основалась «Голубятня». Ея существованіе было незамѣтно, и о ней рѣдко кто зналъ даже изъ коренныхъ москвичей. Происходило это отчасти оттого, что она находилась въ глухомъ, мало извѣстномъ углу Москвы, отчасти и оттого, что населеніе ея никогда не было многочисленно, — человѣкъ восемьдесятъ, много двѣнадцать, — но главнымъ образомъ оттого, что «голубятники», какъ звали ея обитателей, никогда и ничѣмъ себя не заявляли, жили тихо, мирно, скромно, даже черезчуръ скромно, не возбуждая ничего любопытства и наслаждаясь полной неизвѣстностью до того самаго момента, когда имъ вдругъ суждено было обратить на себя вниманіе преобладающихъ властей и другихъ интересующихся текущими событіями лицъ и сдѣлаться въ нѣкоторомъ родѣ героями. Но такъ какъ и этотъ знаменательный въ жизни «голубятниковъ» моментъ совпалъ съ моментомъ упраздненія самой «Голубятни», то и тутъ о нихъ скоро позабыли.

Къ «Голубятнѣ», какъ нельзя болѣе, подходила ея кличка.

Существуетъ преданіе, что названіе это она получила въ честь купца Голубятникова, которому принадлежалъ домъ, гдѣ она по-

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», томъ LXII, стр. 86.

мѣщалась, и что этотъ же купецъ попалъ на счастливую и похвальную мысль превратить ее въ благотворительное учрежденіе.

Но это было давно, приблизительно въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, то-есть добрыхъ лѣтъ двадцать назадъ до того времени, когда мы имѣли удовольствіе лично познакомиться съ «Голубятней» и ея обитателями, и когда владѣльцемъ ея былъ, хотя тоже купецъ, но уже не Голубятниковъ, а Сивовъ.

Впрочемъ если бы и никакого купца Голубятникова не существовало, ее все-таки слѣдовало назвать голубятней, а не иначе, до того по внѣшнему своему виду она напоминала тѣ излюбленныя сооружеія, которыя такъ часто встрѣчались, да и теперь еще встрѣчаются въ мѣщанскихъ и купеческихъ домахъ въ Замоскворѣчѣ на Зацѣпѣ, на Самотекѣ, у Спаса въ Чекушахъ и въ иныхъ тому подобныхъ московскихъ богоспасаемыхъ предмѣстьяхъ.

Мы уже сказали, что «Голубятня» была благотворительнымъ учрежденіемъ, однимъ изъ тѣхъ, какія могутъ возникать и существовать только въ Бѣлокаменной.

Москва, какъ извѣстно, славится своей благотворительностью.

Можно съ увѣренностью сказать, что нигдѣ благотворительность не практикуется такъ широко, такъ не процвѣтаетъ и не отличается такой разносторонностью, разновидностью и изобрѣтательностью, доходящей подчасъ до фантастичности, какъ въ этомъ городѣ. Москва жертвуетъ на добрыя дѣла милліоны, и она же одѣляетъ денюжками и грошами нищихъ на церковныхъ папертяхъ, воздвигаетъ училища, величественныя, какъ храмы, богадѣльни и больницы, великолѣпныя, какъ дворцы, и изобилуетъ лачугами и конурами, въ которыхъ Христа ради, а чаще за плату, правда, самую ничтожную, но все-таки плату, ютится нищета, не имѣющая претензій, на удобства невзыскательная и легко примиряющаяся съ такимъ отсутствіемъ самаго необходимаго комфорта, съ какимъ, кромѣ нея, никто не захочетъ мириться.

Иное изъ такихъ благотворительныхъ учрежденій при всей своей благотворительности, или, сказать вѣрнѣе, только благодаря ей, приноситъ владѣльцу хорошій доходъ.

«Голубятня» ближе всего подходила именно къ этому типу благотворительныхъ учрежденій. Она занимала часть чердака въ большомъ, неуклюжемъ, деревянномъ двухэтажномъ домѣ, выкрашенномъ въ грязно-сѣрую краску, выходившемъ фасадомъ на вымощенный булыжникомъ передній дворъ, ограниченный кирпичными стѣнами недавно отстроеннаго, новаго, многоэтажнаго зданія, тянувшася вдоль узкой, круто забиравшей въ гору улицы.

Стоявшій въ глубинѣ двора, деревянный домъ являлъ всѣ признаки обветшанія и заброшенности и своимъ видомъ напоминалъ стараго ветерана, покрытаго ранами и заплатами.

Не мытая, точно завѣшавныя паутиной окна его тускло гля-

ѣли на высокія, каменные стѣны, закрывавшія отъ него солнце и давившія его высокоомѣрнымъ, холоднымъ презрѣніемъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ мѣсто пріобрѣтено было новымъ владѣльцемъ, и началась стройка, на старый домъ махнули рукой. Объ его ремонтѣ не заботились, и онъ медленно и печально доживалъ свой вѣкъ, постепенно разрушаясь, что, однако, нисколько не мѣшало ему быть биткомъ набитымъ жильцами. Это былъ все мелкій, небогатый ремесленный людъ.

Наверху жили портные, портнихи, бѣлошвейки, въ нижнемъ этажѣ, окна котораго съ одной стороны были только на поларшина отъ земли, а съ другой совсѣмъ уходили въ землю, была прачечная и слесарная мастерская.

Прежде, когда домъ былъ почище, поновѣе, — и жильцы его были получше. И тогда, быть можетъ, существованіе при немъ, хотя бы и на чердакѣ, «студенческаго общежитія», которое мало-помалу все чаще и чаще стали называть прямо «Голубятней», и не казалось такимъ дикимъ.

Какъ бы то ни было, «Голубятня» продолжала служить пріютомъ для интеллигентной, преимущественно университетской молодежи.

Давность стяжала ей права на то уваженіе, которое невольно оказываютъ люди всему, къ чему они привыкли, а ветхость и непригодность на что нибудь иное обезпечивали ея неприкосновенность. Самое населеніе ея, обыкновенно измѣнчивое, загоняемое въ нее горькой нуждой и тотчасъ покидавшее ее при благопріятныхъ обстоятельствахъ, за послѣдніе два-три года ея существованія вдругъ сдѣлалось устойчивымъ, опредѣленнымъ.

Въ «Голубятнѣ» завелись старожилы, которые чувствовали себя въ ней хозяевами и недавно прибывшихъ звали «новичками».

И надо признаться, что новички бывали рѣдки. Если же и случались, то или скоро уходили, или, оставшись, дѣлались заядлыми «голубятниками», обживались и не выражали ни малѣйшаго желанія разстаться съ своимъ убѣжищемъ.

Современной, коренной столичной молодежи въ «Голубятнѣ» совсѣмъ не было. Она даже не знала о ней. Тѣ же, кому случайно приходилось слышать о ней, не интересовались ею и брезгливо сторонились ея, какъ учрежденія, чуждаго по духу, пропитаннаго давно отжившими, устарѣлыми традиціями, слишкомъ патріархальнаго, доходившаго въ своей простотѣ до аскетизма. Это способствовало обособленности «голубятниковъ», которые съ своей стороны относились съ самымъ философскимъ презрѣніемъ къ «баричамъ», «мундирникамъ» и «аристократишкамъ», и всѣ остальные студенческія общежитія называли «казѣнками», намекая на введенный въ нихъ порядокъ и строгій уставъ.

Что же касается устава самой «Голубятни», то онъ ближе всего

подходилъ къ уставу ночлежныхъ домовъ, или, проще сказать, никакого устава въ ней не было.

Вопреки всѣмъ другимъ студенческимъ общежитіямъ, изъ которыхъ инныя щеголяли образцовымъ устройствомъ, чистотой, гигиеной, концертными и читальными залами, и были даровыми, — «Голубятня», чувствовавшая недостатокъ въ самомъ необходимомъ, сырая, холодная, мрачная, неуютная, пускала къ себѣ жильцовъ не иначе, какъ за плату.

Каждый жилецъ обязанъ былъ въ сутки платить пять копеекъ за квартиру. Обѣдъ, состоявшій изъ миски гороху или щей безъ мяса и каши со шкварками съ нѣсколькими кусками черного хлѣба, стоилъ семь копеекъ.

Кто хотѣлъ ужинать, получалъ порцію горячаго или каши отъ обѣда за двѣ копейки, кипятку отпускалось на копейку полведра. За то голубятники не знали никакихъ стѣснительныхъ обязательствъ. Они вставали, ложились, обѣдали, пили чай, когда и какъ вздумается. Каждый проводилъ время согласно со своими наклонностями и вкусомъ, ходилъ или не ходилъ въ университетъ, дѣлалъ то или другое, не спрашиваясь никакого начальства и не боясь за неисправность получить нахлобучку, а въ важныхъ случаяхъ и быть исключеннымъ, какъ это практиковалось въ «казѣнкахъ».

Въ «Голубятнѣ» царилъ полная непринужденность, широкая свобода, и эти преимущества ея необыкновенно цѣнились тѣми, кто успѣвалъ вкусить отъ нихъ и насладиться ими.

Но все-таки и въ «Голубятнѣ» было, хотя и снисходительное, свое начальство. Директоромъ этого оригинальнаго учрежденія былъ старый отставной унтеръ Михайлычъ, когда-то еще при прежнемъ владѣльцѣ служившій въ этомъ домѣ дворникомъ. Впослѣдствіи, когда обязанности дворника для его лѣтъ стали тяжелы, хозяинъ не пожелалъ съ нимъ разстаться и оставилъ его въ званіи смотрителя «Голубятни», гдѣ ему была отведена каморка, въ которой онъ жилъ съ женой и дочерью.

Ходъ въ «Голубятню» былъ съ задняго двора, немощенаго, загроможденнаго полуразрушенными деревянными строеніями, утопавшаго зимой въ снѣгу, а въ остальные времена года въ грязи, которая въ этомъ сыромъ и темномъ углу, кажется, никогда не высыхала.

Въ нее вела некрытая, пристроенная къ дому снаружи крутая и узкая лѣстница со скользкими, издававшими скрипъ ступенями и липкими, захватанными перилами. Лѣстница упиралась въ нѣкоторое подобіе балкона, въ такъ называемую «галдарейку», въ концѣ которой находилась низенькая, обитая рогожей дверь.

Отворивъ ее, вы вступали въ большое помѣщеніе съ низкимъ потолкомъ, который шелъ внизъ и наконецъ сходилъ подъ острымъ угломъ съ кое-какъ настланнымъ, некрашеннымъ поломъ. Оно освѣ-

щалось четырьмя крошечными тусклыми окошками и раздѣлено было не доходившей до потолка перегородкой съ продѣланными въ ней узенькими досчатыми дверцами. Эта часть «Голубятни» представляла ея чистую половину, «аудиторию», какъ говорили голубятники. Ея меблировку составлялъ большой складной на рамѣ столъ изъ тѣхъ, что гробовщики отпускаютъ въ Москвѣ подѣ покойниковъ и для поминальныхъ обѣдовъ, двѣ длинныя лавки и нѣсколько табуретовъ.

За перегородкой находились каморки съ такими же маленькими и тусклыми окошками, при чемъ одно окно дѣлилось тонкой переборкой пополамъ и такимъ образомъ служило источникомъ свѣта сразу для двухъ отдѣльныхъ помѣщеній.

Въ каморкахъ спали по одному и по двое, смотря по ихъ величинѣ и по вкусу нанимателя, но плата была одна. Ихъ убранство было совсѣмъ незатѣйливо. Столовъ и стульевъ не было, развѣ попадала иногда табуретка изъ «аудитории», стояла обыкновенно кровать, деревянная или желѣзная, а чаще козлы, на которыхъ жильцу и предоставлялось устраиваться, какъ знаетъ. На иныхъ кроватяхъ лежали тюфяки, большею частію благопріобрѣтенные осѣдло устроившимися голубятниками. Остальные были просто прикрыты войлокомъ.

Самую лучшую и самую большую каморку въ цѣлое окно, сейчасъ у входа, занималъ Михайлычъ съ семействомъ. Она же была и самая теплая. Кромѣ проходившей изъ низу печной трубы, въ ней была желѣзная печка. Другая желѣзная печка стояла въ «аудитории». Когда эти печи топились, воздухъ въ «Голубятнѣ» до того накалялся, что дышать было нечѣмъ. За то въ другое время стужа давала себя сильно чувствовать.

Такъ какъ другихъ печей не было, то кушанье для жильцовъ варилось въ дворницкой, и тамъ же всегда стоялъ кубъ съ кипяткомъ, за которымъ жильцы отправлялись обыкновенно сами. Всѣ хозяйственныя хлопоты лежали на женѣ Михайлыча, Анеисѣ, которую Михайлычъ величалъ «Митревной», а голубятники звали «мамашей».

Дочь не вмѣшивалась въ хозяйство. Она кончила ученье въ портнихахъ и не любила, какъ выражалась она, «чернаго дѣла».

Михайлычъ не получалъ никакого жалованья. За то онъ полновластно и безотчетно завѣдывалъ Голубятней. Ему предоставлялось заботиться о столѣ голубятниковъ и употреблять на этотъ предметъ деньги, которыя онъ съ нихъ выручалъ. Никакихъ суммъ ему не полагалось и не отпускалось, и тѣмъ не менѣе Михайлычъ не только не жаловался на такой порядокъ вещей, но даже находилъ его очень выгоднымъ.

Съ другой стороны и для хозяина такая комбинація была очень удобна. Онъ жертвовалъ только помѣщеніе, которое едва ли уда-

лось бы сдать за плату и то развѣ за самую пустую, такъ что его доброе дѣло обходилось ему недорого. «Голубятники» это понимали и тоже были очень довольны. Они знали, что скудныхъ грошей, которые они платили, хватало не только на нихъ, но и на Михайлыча съ семьей, и очень гордились тѣмъ, что «сами себѣ довлѣли», какъ выразился разъ по этому поводу Прокимновъ, одинъ изъ самыхъ давнихъ и уважаемыхъ обитателей «Голубятни».

Что же касается Михайлыча, то, какъ показали послѣдующія событія, за время своего управленія «Голубятней», онъ даже успѣлъ скопить кругленькую сумму.

Къ чести его надо, однако, сказать, что его экономія велась не въ ущербъ интересамъ голубятниковъ.

Столъ былъ незатѣйливый, но сытный и изъ свѣжей провизіи, имъ пользовался и самъ Михайлычъ, а Анеиса, хотя была и не Богъ знаетъ какая повариха, умѣла угодить своимъ нахлѣбникамъ. Мнѣніе новичковъ не принималось въ расчетъ, да на нихъ никто изъ постоянныхъ голубятниковъ и не обращалъ вниманія.

За то между собой они были чрезвычайно солидарны. Ихъ было пять человекъ. Они связаны были неразрывными узами одинаковыхъ убѣжденій, взглядовъ, дикой отчужденности отъ всего остального міра, тупаго, злобнаго недовѣрія къ нему и глухой враждебности ко всему, что не принадлежало къ ихъ кучкѣ.

Первое мѣсто между ними занималъ Прокимновъ. Это былъ огромнаго роста, широкоплечій дѣтина, съ гривой рыжихъ, косматыхъ волосъ на головѣ. Онъ былъ сынъ сельскаго дьячка, выросъ въ нищитѣ и пѣшкомъ пришелъ учиться въ семинарію, но, не кончивъ тамъ, перешелъ въ университетъ, пробылъ въ немъ два года и былъ исключенъ, какъ зачинщикъ въ какой-то исторіи. У него было мрачное лицо, угрюмость котораго тѣмъ болѣе поражала, что все оно густо обросло бородой и усами. Изъ-подъ нависшихъ, сросшихся тетеревинныхъ бровей недовѣрчиво и тяжело смотрѣли сѣрые съ металлическимъ блескомъ глаза. Онъ былъ очень близорукъ, и когда хотѣлъ разглядѣть что нибудь, вытягивалъ впередъ шею, что дѣлало его похожимъ на быка, готоваго броситься и поднять на рога.

Кучка называла его «Исавомъ» по той причинѣ, что шея, грудь и руки его были сплошь покрыты рыжими волосами. Онъ обладалъ страшной физической силой, которая была предметомъ гордости его самого и его товарищей. Когда «Исавъ», высоко занеся свой огромный, усѣянный веснушками, волосатый кулакъ, внезапно опускалъ его на деревянную табуретку, она разлеталась вдребезги. Этотъ фокусъ былъ однимъ изъ развлеченій «Голубятни» и каждый разъ удавался блистательно.

Михайлычъ относился къ Прокимову съ почтеніемъ. Онъ уважалъ его и за силу, и за то, что онъ духовнаго званія и любить

пѣть церковные стихи, которые во множествѣ хранились въ его памяти еще съ дѣтства, когда онъ помогалъ на клиросѣ отцу. Онъ пѣлъ такимъ могучимъ басомъ, что вся «Голубятня» сотрясалась и трепетала, когда ему приходила такая фантазія.

Въ этомъ человѣкѣ было что-то стихійное, нелѣпое, безпощадное, непонятное и страшное.

Вліяніе его на товарищей было неограниченно. Каждое его слово считалось закономъ, каждое его мнѣніе принималось, какъ нѣчто законченное, безапелляціонное, провѣренное опытомъ и не подлежащее критикѣ. Говорилъ онъ мало, односложно, съ трудомъ отыскивая нужныя слова, сбиваясь и путаясь. Но въ «Голубятнѣ» вообще не любили многословія. Болтливость была не въ модѣ, и на тѣхъ, кто не умѣлъ держать языкъ на привязи, смотрѣли косо.

Въ «Голубятнѣ» онъ всегда ходилъ въ ситцевой рубахѣ и пестрядинныхъ штанахъ, босой, потому что сапоги въ его глазахъ были роскошью, да и стѣсняли его. Для выхода у него было старое, прибрѣтенное еще въ семинаріи ватное пальто, всегда одно, — весной и осенью, зимой и лѣтомъ, — широкополая, тоже необыкновенно древняя шляпа, наслѣдіе родственника-протодіакона, покровительствовавшаго ему при вступленіи на тернистый путь образованія и потомъ махнувшаго на него рукой, и рыжій пладъ, служившій и за одѣяло. Впрочемъ, у него было и одѣяло изъ красного кумача, на ватѣ, очень рваное и очень теплое, какъ онъ увѣрялъ. Когда въ «Голубятнѣ» не топились печи и было холодно, Прокимновъ имѣлъ обыкновение закутываться въ это одѣяло, какъ въ плащъ.

Не слѣдуетъ, однако, думать, что онъ оригинальничалъ и костюмомъ выдѣлялся изъ кучки. Голубятники были небогаты, и у нихъ вообще было принято дома ходить въ нижнемъ бѣлѣ, а такъ какъ не все бывало тепло, — иногда отъ холода зубъ на зубъ не попадалъ, — то въ такихъ случаяхъ каждый принималъ тѣ мѣры, какія ему были доступны. Почти у всѣхъ были плады, безъ которыхъ, между прочимъ, голубятники считали неприличнымъ показываться на улицѣ. Пладъ служилъ для нихъ, такъ сказать, флагомъ, подъ которымъ они выплывали въ житейское море.

Объ университетѣ Прокимновъ давно забылъ и думать, хотя и называлъ себя студентомъ. Врядъ ли у него были какія нибудь опредѣленныя стремленія устроить свою жизнь помимо «Голубятни», вѣрнѣе, что ихъ совсѣмъ не было. Но и въ «Голубятнѣ» все-таки нельзя было жить безъ заботъ, нужны были деньги, и у Прокимова онѣ всегда были.

Впрочемъ, всѣ голубятники умѣли изыскивать источники дохода, правда, небольшіе, непостоянные, но за то и далекіе отъ общаго шаблона. Уроковъ, на примѣръ, они и не искали. Это было и понятно. Студентъ, дающій уроки, все-таки долженъ быть хоть

бѣдно, но чисто и прилично одѣтъ, а голубятники въ этомъ отношеніи давно утратили всякую мѣрку.

Прокимно́въ ужъ, конечно, менѣе, чѣмъ кто либо, могъ давать уроки. Одинъ видъ его, «льва рыкающа», какъ онъ самъ про себя говорилъ, могъ бы привести въ ужасъ любого ученика.

Прокимно́въ былъ калиграфъ. Его огромная рука съ неуклюжими, толстыми пальцами, которой, кажется, впору развѣ было бы рубить топоромъ, съ изумительнымъ искусствомъ владѣла перомъ. Онъ былъ знатокъ и любитель, отлично писалъ уставомъ и полууставомъ и до тонкости зналъ отличія того или другого стиля въ области древней духовной письменности. Благодаря этому таланту, у него всегда находилась работа.

Архіереи, іеромонахи заказывали ему акаѣисты и молитвы съ украшеніями къ образу Божіей Матери или Спасителя. Случалось, что какой нибудь большой баринъ, археологъ-дилетантъ, услышитъ о Прокимно́вѣ и пожелаетъ приобрѣсти списокъ съ «Слова о полку Игоревѣ» или «Даніила Заточника» съ заставками киноварью и золотомъ. А то просто купецъ закажетъ какія нибудь именинныя вирши или дастъ вписать имена сродниковъ здравствующихъ и покойныхъ въ бархатное поминанье, купленное на богомольѣ.

Разумѣется, работа была случайная, но любители за нее платили щедро, и Прокимно́въ, еслибъ не былъ такъ лѣнивъ и небреженъ, могъ бы зарабатывать и больше. Но за большимъ онъ не гнался, довольствуясь какими нибудь десятью рублями въ мѣсяцъ, а то и меньше.

Впрочемъ, для «Голубятни» это дѣйствительно были большія деньги. На табакъ и на вино даже хватало съ избыткомъ, не говоря уже о другихъ тратахъ, тоже ничтожныхъ, да и полное безденежье, если только оно продолжалось не слишкомъ долго, было не страшно для голубятника. Во-первыхъ, товарищи никогда не отказывали другъ другу и даже предупреждали просьбы, а, во-вторыхъ, и Михайлычъ охотно отпуская въ долгъ. У голубятника только тогда не было денегъ, когда ихъ не было ни у кого изъ товарищей, но разъ онѣ были у одного,—онѣ были у всѣхъ. Въ принципѣ голубятники все считали общимъ.

Прокимно́въ занималъ каморку одинъ подъ предлогомъ художественныхъ занятій, и только въ крайнихъ случаяхъ и съ большимъ неудовольствіемъ пускалъ къ себѣ соночлежника, если тому рѣшительно не было мѣста въ другихъ каморкахъ.

Вторымъ лицомъ послѣ Прокимова былъ Викентьевъ. Но онъ больше былъ извѣстенъ подъ именемъ «Троглодита».

Въ «Голубятню» онъ попалъ только въ прошломъ году, когда былъ исключенъ изъ университета за невзносъ платы, но какъ-то сразу пришелся по голубятникамъ и занялъ среди нихъ почетное мѣсто.

Какъ и Прокимновъ, онъ не любилъ дѣлиться помѣщеніемъ, но такъ какъ нельзя же было всѣмъ занять по каморкѣ, или можно было только на время, когда не было новичковъ, то онъ и нашелъ болѣе надежный способъ уединиться. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ крыша подходила къ полу, на одной линіи съ каморками былъ отгороженъ уголъ, служившій прежде складочнымъ мѣстомъ. Викентьевъ выговорилъ его себѣ и перетащилъ туда козлы, которые приладилъ по стѣнѣ. Тутъ было темно, и буквально негдѣ было повернуться. Отворивъ дверь, надо было прямо влѣзть на постель, что Викентьевъ обыкновенно и дѣлалъ. Онъ по цѣлымъ днямъ не показывался изъ своего угла, неподвижно лежа на постели, вперивъ широко раскрытые глаза въ темноту. Онъ былъ до дикости несообщителенъ. Онъ молчалъ по недѣлямъ, по мѣсяцамъ, не чувствуя, повидимому, ни малѣйшей потребности въ рѣчи.

Если же заговаривалъ, то всегда вдругъ ни съ того, ни сего, рѣзко, отрывисто, какимъ-то осипшимъ, неестественнымъ голосомъ.

— Ну, Валаамова ослица заговорила—быть чуду!—шутить въ этихъ случаяхъ Прокимновъ.

Троглодитъ былъ высокъ и худощавъ, держался сутуловато, ходилъ какъ-то бокомъ, правымъ плечомъ впередъ, нетвердо ступая большими, косолапыми ногами. Фигура у него была некрасивая и нескладная.

Особенно бросалась въ глаза необыкновенно длинная и тонкая съ распухшими голубыми венами шея, на которой посажена была большая сплюснутая голова съ рѣдкими бѣлокуроыми волосами. Лицо у него было иссиня-блѣдное, какъ у покойника, безусое, безбородое съ острымъ подбородкомъ, неподвижными голубыми глазами, съ застывшимъ въ нихъ выраженіемъ дикаго испуга, и безкровными длинными губами, на которыхъ никогда не появлялась улыбка. Онъ выглядѣлъ болѣзненно. Его сдавленный въ вискахъ лобъ обыкновенно покрытъ былъ каплями холоднаго пота, глаза слезились и моргали, ладони костлявыхъ рукъ были всегда влажны.

По вечерамъ Викентьевъ уходилъ изъ «Голубятни». Онъ отправлялся въ одинъ изъ ближайшихъ кабаковъ, гдѣ его знали и обыкновенно поджидали. Его специальность составляли жалобы и прошенія, но онъ не отказывался писать и письма кому угодно и въ какомъ угодно тонѣ. Онъ писалъ, не проивнося ни слова, только мотая головой и время отъ времени пропуская рюмку очищенной. Въ извѣстной средѣ онъ пользовался большой славой, и у него никогда не было недостатка въ кліентахъ. На бумагѣ этотъ молчаливый человѣкъ оказывался необыкновенно краснорѣчивымъ.

Возвращался онъ часовъ въ двѣнадцать мертво-пьяный. Кто нибудь изъ товарищей всегда поджидалъ его внизу лѣстницы и втаскивалъ наверхъ.

Вообще Троглодитъ пользовался симпатіей товарищей, которые относились къ нему иногда почти съ трогательнымъ участіемъ, тѣмъ болѣе страннымъ, что невозможно было себя представить, чѣмъ этотъ дикій, молчаливый человѣкъ могъ расположить къ себѣ.

Но, кажется, именно эти его свойства и имѣли цѣну въ глазахъ голубятниковъ. Онъ въ нѣкоторомъ родѣ являлся яркимъ выраженіемъ той звѣриной одичалости, той волчьей злобности, той презрительной враждебности, какую они всѣ питали къ существующему порядку. Они слѣпо вѣрили въ неизмѣнность его убѣжденій, которыя, казалось бы, трудно было выпытать у такого человѣка. Но они не ошибались.

Это былъ звѣрь, котораго приручить было невозможно.

Полной противоположностью ему являлся третій членъ триумvirата малороссъ Шупта, котораго звали просто Мишкой. Онъ дѣйствительно напоминалъ молодого шаловливаго медвѣдя. Это былъ коренастый, плотный, здоровый малый съ добродушнымъ, веселымъ, румянымъ лицомъ, съ бѣлыми, какъ сахаръ, зубами и черными, точно намазанными ваксой бровями. Въ немъ много было природнаго юмора, онъ любилъ посмѣяться, побалагурить, подтрунить, но «Голубятня» всего этого не поощряла и охлаждала его порывы.

Вопреки Прокимнову и Викентьеву, которые ревниво оберегали свое главенство, онъ совсѣмъ не заботился о томъ, чтобы играть въ «Голубятнѣ» первенствующую роль. Но онъ до того свято вѣрилъ во все, что исповѣдывала «Голубятня», такъ горячо, такъ беззавѣтно готовъ былъ идти на все за свою вѣру, что это искреннее увлеченіе, это безкорыстное служеніе невѣдомому и неясному, но великому, по его убѣженію, идеалу, невольно стяжало ему общее уваженіе. Онъ былъ гораздо приличнѣе двухъ первыхъ триумvirовъ, одѣвался чище, посѣщалъ университетъ и пользовался стипендіей въ двадцать пять рублей въ мѣсяцъ, но изъ нихъ двадцать отдавалъ сестрѣ курсисткѣ, которая и жила и училась на нихъ, а себя оставлялъ только пять.

Въ «Голубятнѣ» онъ поселился на время и сначала привыкалъ къ ней съ трудомъ, но, привыкнувъ, уже не хотѣлъ разстаться съ ней. Такъ было могущественно вліяніе «Голубятни». Тотъ, кто успѣвалъ уйти изъ нея во время, вспоминалъ о ней не иначе, какъ съ отвращеніемъ и съ чувствомъ стыда, но тотъ, кто злоупотреблялъ ея гостепріимствомъ, дѣлался ея рабомъ. Она мало по-малу опутывала человѣка невидимыми, но крѣпкими нитями, покоряла его себя, подчиняла его волю своей несуразной и безпорядочной волѣ, втягивала его, какъ болотная тина.

Мишка испыталъ это на себя, но, конечно, не отдавалъ себя въ томъ отчета. Онъ былъ увѣренъ, что обрѣлъ новаго бога и готовъ былъ цѣлые дни кадить ему.

Этотъ добродушный малый становился жестокъ и нетерпимъ,

едва дѣло касалось этого бога, и какъ членъ триумвирата онъ являлся совсѣмъ инымъ, не похожимъ на себя человѣкомъ.

Триумвиратъ управлялъ въ «Голубятнѣ» сурово и деспотически. Надо было только удивляться, какъ подчинялись ему. Болѣе всего страдали новички. Тѣ изъ нихъ, которымъ искусь приходился не по силамъ, бѣжали, а тѣ, которые оставались, старались не отставать отъ главарей. Остальные двое, студенты Тутышкинъ и Кувичинскій, не способны были главенствовать.

Тутышкинъ, перебывавшійся мелкимъ репортерствомъ, былъ чохоточный, зеленый и слабый юноша, бредившій динамитомъ, бомбами и жаждавшій подвига, которымъ бы онъ могъ освободить мѣръ отъ тираніи.

А Кувичинскій былъ желчный и злой полячокъ, до истерики презиравшій Россію и все русское, подлизывавшійся къ Прокимову и помѣшанный на восстановленіи польской «ойчизны». Онъ былъ единственный человѣкъ въ «Голубятнѣ», имѣвшій приличное платье, которое онъ тщательно пряталъ отъ товарищей. У него былъ обширный кругъ знакомства, исключительно въ польскихъ домахъ, гдѣ онъ постоянно собиралъ пожертвованія на разныя патріотическія цѣли. Особенно охотно жертвовали панны и паненки, одушевленные любовью къ дорогой «ойчизнѣ». Эти пожертвованія и составляли главный источникъ доходовъ Кувичинскаго, довольно значительныхъ. Въ деньгахъ онъ никогда не нуждался.

Кромѣ этихъ пятерыхъ неизмѣнныхъ обитателей «Голубятни», было всегда еще два, три человѣка. Но они не жили подолгу и смѣнялись другими. Были и такіе, что появлялись каждый годъ въ «Голубятнѣ» на недѣлю, на двѣ, много на мѣсяць и потомъ опять исчезали, пока обстоятельства снова не загоняли ихъ въ нее. Казалось, ничто извнѣ не касалось голубятниковъ. То, что происходило за стѣнами «Голубятни», нимало не интересовало ихъ. Странно сказать, но всѣ эти молодые люди, бывшіе питомцы университета или посѣщавшіе его и теперь, цеголяли невѣроятнымъ, дикимъ, бессмысленнымъ невѣжествомъ. Самыя крупныя событія оставались имъ неизвѣстными. Книгъ въ «Голубятнѣ» не было видно. Несомнѣнно, что онѣ были, но ихъ прятали подалеже послѣ того, какъ Прокимовъ растопилъ двумя найденными имъ на окнѣ печку. По цѣлымъ мѣсяцамъ здѣсь не читали газетъ и не чувствовали въ нихъ потребности.

Но иногда внезапно пробуждался интересъ къ общественной жизни, всегда случайно, благодаря какому нибудь пустому поводу. Попадетъ, напримѣръ, въ «Голубятню» газета, она обойдетъ всѣхъ, и всякій-то ее прочтетъ всю, безъ остатка, отъ первой строки до послѣдней, и не разъ, а два и три, такъ что подъ конецъ газета обратится въ какія-то сѣрыя хлопья. И долго потомъ она служить предметомъ разговоровъ и разсужденій голубятниковъ.

Всего интереснѣе былъ для нихъ политическій отдѣлъ. Голубятники читали его и презрительно фыркали. Спросить бы ихъ, такъ они въ двухъ словахъ разрѣшили бы всѣ вопросы. Ихъ политическій символъ вѣры отличался краткостью и рѣшительностью.

— Всѣхъ пора по шапкѣ!—говорилъ Прокимновъ тономъ, въ которомъ звучала увѣренность, что это вполне отъ него зависитъ, угрюмо сдвигая брови и потрясая исполинскимъ кулакомъ.

— Разумѣется,—поддакивалъ Кувичинскій.

— И чего мы только, господа, смотримъ?—наивно удивлялся Мишка.

Такіе разговоры происходили обыкновенно за обѣдомъ, за чаемъ или за ужиномъ, когда за столомъ въ «аудиторию» собиралась вся компанія.

Но, какъ мы уже сказали, это бывало въ особыхъ случаяхъ.

Вообще же голубятники не любили говорить о своихъ убѣжденіяхъ и намѣреніяхъ и упрямо хранили ихъ про себя.

Всѣ они питали инстинктивную ненависть къ полиціи, ужасно боялись шпионовъ и подозрительно присматривались къ каждому новому лицу, опасаясь въ немъ соглядатая и доносчика.

На улицѣ они вели себя съ оглядкой, выбирали закоулки, недовѣрчиво всматривались въ встрѣчавшихся людей, дѣлали кругъ, чтобы обойти городского, и твердо вѣрили, что ихъ боятся, слѣдятъ за ними и изыскиваютъ способы ихъ накрыть.

Мнѣ кажется, если бы можно было имъ съ очевидностью доказать, что никто ихъ не преслѣдуетъ и даже не подозрѣваетъ объ ихъ существованіи, то они искренно огорчились бы и, пожалуй, обидѣлись бы.

Вѣчный страхъ за свою шкуру, хотя и воображаемый, разстраивалъ ихъ нервы и дѣлалъ ихъ до крайности мнительными.

Насколько они были храбры и рѣшительны у себя дома, на столько они терялись, очутившись за стѣнами «Голубятни». Даже Прокимновъ, большой и сильный, глупѣлъ и робѣлъ на улицѣ до чрезвычайности. Поэтому всѣ впечатлѣнія голубятниковъ, получаемыя ими извнѣ, всѣ ихъ наблюденія надъ жизнью принимали болѣзненную, чуждую дѣйствительности, фантастическую окраску.

Иные ихъ рассказы не удивляли только ихъ самихъ. Свѣжій человекъ или принялъ бы рассказчика за отчаяннаго вралю или подумалъ бы, что онъ сумасшедшій.

Въ «Голубятнѣ» жили двѣ женщины: Анеиса и ея дочь Маша.

Послѣдняя не удостоивала жильцовъ своимъ вниманіемъ и никогда не показывалась изъ своей каморки, гдѣ она сидѣла обыкновенно подъ окномъ и шила, напѣвая тонкимъ фальшивымъ голоскомъ пѣсню. Встрѣчаясь съ нею случайно, голубятники кланялись ей, а она отвѣчала имъ небрежнымъ кивкомъ.

Одинъ только Прокимновъ, опираясь на долготѣнее знаком-

ство, осмѣливался ухаживать за ней и не оставался безъ поощренія. Иногда онъ покупалъ леденцовъ или фунтикъ жаренаго въ сахарѣ миндаю и преподносилъ его дамѣ своего сердца.

— Получите-сь, Марья Ивановна,—говорилъ онъ, просовывая въ дверь руку съ сверткомъ.

Марья Ивановна вскакивала со стула, шурша ситцевымъ платьемъ, подбѣгала къ двери и, принимая приношеніе, жеманно произносила:

— Мерси. Чтой-то вы право?

Другихъ разговоровъ у нихъ не заводилось. Прокимовъ находился въ полномъ невѣдѣніи, о чемъ можно говорить съ Марьей Ивановной, и затруднялся пріисканіемъ приличной и интересной темы, а Марья Ивановна съ своей стороны не рѣшалась на болѣе продолжительный діалогъ изъ застѣнчивости и своеобразнаго представленія о приличіяхъ. Это была довольно хорошенькая, полная, недалекая дѣвушка съ круглымъ мѣщанскимъ лицомъ, съ бойкими, веселыми глазами и вздернутымъ носомъ.

Впрочемъ голубятники не чуждались женскаго элемента. Случалось, что къ нимъ въ гости приходили и дамы. Чаше всѣхъ бывали сестра Шупты, добродушная и ограниченная особа, очень гордая тѣмъ, что изучаетъ акушерство, и ея подруги Косиченко и Эдемская. Онѣ были представительницы современной женской эмансипаціи. Но у голубятниковъ были связи и поважнѣе. Они находились въ отличныхъ отношеніяхъ съ прежними славными дѣятелями и дѣятельницами прогресса. Изъ послѣднихъ ихъ часто навѣщала Ушкина, типичная, старинная курсистка изъ Цюрихскихъ, совѣтъ старуха, сѣдая, съ коротко остриженными волосами, съ пѣнснѣ на красномъ, какъ клюква, носу пуговицей, отчаянная либералка, громившая анаемой «современныхъ кисляевъ», для которыхъ была «подготовлена почва» и которые, «какъ болваны, спасовали». Она жила прошлымъ, со слезами говорила о Писаревѣ, о Добролюбовѣ, которыхъ лично знала, и съ гордостью рассказывала, что была въ перепискѣ съ Герценомъ, котораго фамильярно называла Сашкой.

«Голубятниковъ» она очень любила и чистосердечно вѣрила, что они единственная кучка честныхъ и способныхъ людей, которымъ стоитъ только захотѣть, и они спасутъ Россію. Голубятники съ своей стороны платили ей безграничнымъ уваженіемъ.

По странной игрѣ судьбы, всѣ эти молодые люди были чужды современности и жили прошлыми, давно отжившими и уже доказавшими тѣмъ, кто поумнѣе и подальновиднѣе, свою несостоятельность идеалами.

Вмѣстѣ съ Ушкиной приходила ея поклонница и почитательница Антифонова, или, какъ она имѣла обыкновеніе рекомендоваться, «жена писателя». Въ «Голубятнѣ» ее такъ и звали «жена

писателя», и пусть читатель не подумает, что тутъ была хоть тѣнь ироніи. Ничуть не бывало. Сама Антифонова даже никогда не называла своей фамиліи. Для нея во всей Россіи существовалъ одинъ, единственный, славный и необходимый,—иначе Россія погибнетъ,—писатель Антифоновъ.

Голубятники раздѣляли ея убѣжденіе. Будучи людьми, наклонными къ крайностямъ, голубятники одинаково были неумѣренны какъ въ выраженіи непріязни, такъ и въ изліяніяхъ дружескихъ чувствъ. Если ужъ ненавидѣли, то отъ всей души, безпощадно и безгранично, если превозносили—то до небесъ.

Антифоновъ былъ, кажется, единственный современный писатель, которымъ они восхищались, хотя и его они не читали, какъ и другихъ. Кажется, какое было голубятникамъ, совсѣмъ не интересовавшимся литературой, дѣло до того или другаго писателя? Но съ своей точки зрѣнія они были послѣдовательны. Они почитали Антифонова не столько за то, что онъ написалъ, сколько за то, что онъ думалъ, они были увѣрены, что онъ сумѣетъ, когда понадобится, «задать кому слѣдуетъ фефѣру», «показать кузькину мать», но главнымъ образомъ за то, что много лѣтъ тому назадъ, когда «Голубятня» только еще начинала процвѣтать, онъ обиталъ въ ней и способствовалъ укорененію въ ней «честнаго образа мыслей».

Были у голубятниковъ и еще кой-какія знакомства, но вообще они чуждались большого общества.

Къ университету, все равно посѣщали они его или нѣтъ, они относились враждебно. Имъ не нравились новыя, какъ они говорили, порядки, которые тамъ завелись, хотя старыхъ они не застали и хотя до университетскихъ порядковъ имъ, правду сказать, не было никакого дѣла, а иные и не имѣли права причислять себя къ университету. Но Голубятники объ этомъ и не думали. Въ нихъ мало-по-малу росла и крѣпла, питаемая безумными мечтами и взаимнымъ самовосхваленіемъ, увѣренность, что они дѣйствительно призваны къ великому подвигу, что имъ надлежитъ что-то совершить, словомъ осчастливить человѣчество. Какимъ путемъ? Объ этомъ голубятники не заботились. Это ужъ были подробности, мелочи, а мелочи не укладывались въ ихъ тяжкодумныхъ головахъ, сочинявшихъ грандіозные проекты.

Даже Михайлычъ, обходившійся съ своими жильцами безъ чиновъ, говорившій имъ «ты» и смотрѣвшій на нихъ, какъ на глупыхъ ребятъ, за которыми нуженъ глазъ да глазъ, началъ замѣчать въ настроеніи голубятниковъ что-то новое. Что это было, Михайлычъ не умѣлъ опредѣлить. Это новое—было поползновеніе къ бунту, жажда скандала, исторіи, чего нибудь выходящаго изъ ряду вонъ.

Люди нѣсколько лѣтъ подрядъ жили въ увѣренности, что имъ предстоитъ рѣшительная и страшная борьба, изъ которой они должны

выйти побѣдителями. Это напряженное, вѣчное ожиданіе борьбы дѣлало самую борьбу неизбежной. Если ея не было, надо было ее придумать, надо было найти, наконецъ, врага и обрушиться на него со всѣмъ запасомъ давнишней вражды, бывшей черезъ край злобы и долго сдерживаемыхъ порывовъ.

Таково было настроеніе голубятниковъ въ тотъ періодъ, къ которому относится нашъ рассказъ.

Увы! это настроеніе не замедлило принести горькіе плоды и разомъ и безвозвратно погубило «Голубятню».

V.

Кюзель первое время чувствовалъ себя очень тяжело.

На него всѣ, кромѣ Юрченко, смотрѣли косо, и самъ онъ невольно сторонился голубятниковъ, въ среду которыхъ неожиданно-негаданно забросила его судьба.

Дикими и ни съ чѣмъ несообразными казались ему иные ихъ мнѣнія и поступки, странно и непонятно звучали для него ихъ рѣчи.

Непривычная, беспорядочная обстановка удручала его невыносимо.

Тѣмъ не менѣе нѣкоторые изъ голубятниковъ показались ему симпатичными. Шупта, на примѣръ, ему очень понравился, не говоря уже о Юрченко, у котораго былъ даръ всѣхъ располагать къ себѣ. Показался ему симпатичнымъ и болѣзненный, нервный Ту-тышкинъ, который производилъ на него крайне жалкое впечатлѣніе.

За то Прокимова и Троглодита онъ просто боялся. Особенно послѣдняго. Этого дикаго, безсловеснаго чловѣка онъ физически не выносилъ. Онъ испытывалъ по отношенію къ нему страхъ, смѣшанный съ отвращеніемъ. Иногда онъ говорилъ себѣ, что «Голубятня» была бы не такъ ужасна, не заключай она въ своихъ стѣнахъ Троглодита.

Но всѣ его впечатлѣнія были особенно остры только вначалѣ. Мало-по-малу Кюзель освоился съ ними и началъ примиряться съ «Голубятней». Мы уже говорили, что ея влияніе было неотразимо. Оно не замедлило сказаться и на Кюзелѣ.

Его еще возмущали и изумляли порядки, заведенные въ «Голубятнѣ», но онъ уже начиналъ невольно, постепенно и незамѣтно подчиняться имъ подъ давленіемъ разнообразныхъ, мелкихъ, почти неуловимыхъ причинъ. Многое, что прежде показалось бы ему невыносимымъ, теперь стало ему понятно, хотя онъ и не думалъ объ этомъ.

Голодъ отучилъ его отъ брезгливости, и онъ уничтожалъ яства, предлагаемая «Голубятней», съ жадностью, не уступавшей прочимъ.

Время отъ времени онъ съ гадливостью поглядывалъ на свое занюшенное, почернѣвшее у ворота и на обшлагахъ бѣлье, но частая смѣна его являлась уже теперь въ его глазахъ излишней роскошью. Нѣсколько дней тому назадъ онъ пришелъ бы въ ужасъ, еслибъ ему сказали, что онъ когда нибудь будетъ ходить въ томъ растерзаномъ видѣ, въ какомъ обыкновенно ходили подомашнему голубятники, ежась отъ холоду въ одномъ нижнемъ бѣльѣ, въ туфляхъ или въ опоркахъ на босу ногу, дуча въ кулакъ, чтобы согрѣться, и кутаясь въ дырявый пледъ или въ ватное одѣяло. А теперь его очень часто можно было видѣть въ такомъ костюмѣ. Въ этомъ случаѣ главнымъ стимуломъ являлась экономія, желаніе возможно дольше сохранить платье, которое жалъ было трепать въ грязной аудиторіи, гдѣ полъ мылся только на Рождество Христово да Свѣтлое Воскресеніе, и гдѣ столъ вѣчно былъ покрытъ жирными пятнами, или мять и комкать его на кровати въ тѣсной и пыльной каморкѣ, гдѣ ничего не оставалось дѣлать, какъ лежать.

Но были тутъ и другія причины. Тутъ дѣйствовалъ и примѣръ, и та безпорядочность, которая полновластной хозяйкой царилла въ «Голубятнѣ», внѣдряясь въ мозгъ и кровь ея обитателей, и неловкость, какую испытываетъ всякій, одѣтый иначе, чѣмъ окружающіе. Притомъ же Кюзель всячески старался не обращать на себя вниманія своихъ соквартирантовъ. Впрочемъ его и такъ не беспокоили особенно съ тѣхъ поръ, какъ ему вдругъ вздумалъ покровительствовать Прокимновъ. Но объ этомъ ниже.

Кюзель еще посѣщалъ университетъ, но далеко не съ прежней аккуратностью. Прежде онъ считалъ своимъ долгомъ не пропускать ни одной лекціи. Теперь ему случалось остаться дома, не имѣя никакой уважительной причины, или вѣрнѣе безъ всякой причины, просто потому, что не хочется, лѣнь идти. Вообще онъ облѣнился, опустился и какъ-то скоро сталъ не тѣмъ, что былъ. Прежнихъ товарищей онъ сторонился и избѣгалъ встрѣчаться съ ними. Общая голубятникамъ болѣзнь заразила и его: онъ одичалъ, сталъ боязливо и недоувѣрчиво глядѣть на людей. Даже на улицѣ онъ стѣснялся и косился, точно боялся, что вотъ-вотъ кто нибудь его обидитъ. А между тѣмъ платье его имѣло вполне приличный видъ, и стѣсняться ему было, повидимому, нечего. Въ первые дни своего водворенія въ «Голубятнѣ» онъ упорно думалъ о томъ, какъ бы найти средства къ существованію и выбиться изъ нужды. Однимъ изъ самыхъ надежныхъ ему представлялись уроки. Но потомъ мысль объ урокахъ стала казаться Кюзелю нелѣпой и мало-по-малу совсѣмъ улетучилась изъ его головы.

Въ этомъ тоже сказался духъ «Голубятни». Но жить все-таки было нужно. Деньги, что были, Кюзель потратилъ и уже успѣлъ заложить кое-что изъ бѣлья. Безденежье тяготило его. Онъ уже не думалъ о томъ, чтобы найти порядочный заработокъ и уйти изъ

«Голубятни», онъ все чаще и чаще говорилъ себѣ, что не худо бы имѣть столько-то копеекъ въ день и знать, что ни въ чемъ не будешь нуждаться. Онъ побывалъ въ двухъ редакціяхъ съ цѣлью достать переводы. Но въ одной ему сказали, что есть свой постоянный переводчикъ, и на просьбу его вызвать редактора отвѣтили, что редактора беспокоить нельзя, что правомъ видѣть его и говорить съ нимъ пользуются только ближайшіе сотрудники. Въ другой редакціи, либеральной и заискивавшей у молодежи, редакторъ, узнавъ, что его желаетъ видѣть студентъ университета, принялъ его въ своемъ кабинетѣ. Редакторъ былъ сухой и желчный, пожилой господинъ съ необыкновенно острымъ носомъ и подбородкомъ, съ длинными, зачесанными за уши и падающими на костлявыя плечи жидкими, прямыми русыми съ просѣдью волосами, которые придавали ему видъ дьячка или монастырскаго служки, въ неряшливомъ, потертомъ черномъ сюртукѣ. Онъ выслушалъ Кюзеля внимательно, почти съ участіемъ, склоняя голову то на правый, то на лѣвый бокъ и быстро перебирая на колѣняхъ узловатыми, съ грязными и длинными ногтями пальцами.

— Продолжайте-съ, я васъ слушаю,—сказалъ онъ, когда Кюзель кончилъ, и переложилъ голову на правое плечо.

— Да вотъ и все,—почти удивился Кюзель и думая, что этотъ господинъ его не понялъ, повторилъ, что очень нуждается, что, зная нѣмецкій языкъ, желалъ бы дѣлать переводы и просить работы.

— Къ несчастію, ничего не могу для васъ сдѣлать, ничего-съ,—сказалъ господинъ и съ такимъ шумомъ и такъ стремительно отодвинулъ отъ стола свой стулъ, что и Кюзель невольно вскочилъ съ мѣста.

— Ничего съ,—съ любезнѣйшей улыбкой, точно говорилъ самую пріятную вещь, повторилъ редакторъ: — и тотчасъ объясню вамъ почему. Дѣло въ томъ, что въ нашей редакціи принято переводы поручать женщинамъ, только женщинамъ, отнюдь не мужчинамъ. Таковое правило вытекаетъ изъ «принциповъ» нашихъ, не говоря уже о томъ, что женщины исполнительнѣе и аккуратнѣе нашего брата, да-съ, исполнительнѣе и аккуратнѣе. Вамъ, какъ образованному человѣку, должно быть извѣстно, что мы всячески отстаиваемъ женскій вопросъ, и что той высотѣ, на какой онъ теперь находится, онъ обязанъ почти исключительно намъ, по крайней мѣрѣ, въ Россіи.

Все это Кюзель дослушалъ, уже стоя, торопясь уйти.

Вернулся онъ въ «Голубятню» обезкураженный. Все, что можно было заложить, онъ перезаложилъ еще раньше. Въ «Голубятнѣ» дошла очередь и до такихъ вещей, которыя ему прежде и въ голову не пришло бы закладывать. Съ пальто онъ не рѣшался разстаться; безъ него пришлось бы сидѣть безвыходно дома, а въ ис-

кусствѣ изворачиваться въ трудныхъ обстоятельствахъ и закладывать и сбывать вещи, повидимому, никуда негодныя, онъ еще не достигъ той виртуозности, какой отличались всѣ голубятники.

Грустный, повѣсивъ голову, сидѣлъ онъ въ своей каморкѣ.

Тутъ-то его и выручилъ Прокимновъ.

Раньше ему нѣ приходилось и говорить съ нимъ.

Прокимновъ вдругъ вошелъ къ нему и тотчасъ же тяжело опустился на пустую койку. Въ рукахъ у него была толстая въ те-лячьей кожѣ книга. Онъ положилъ ее на колѣни, откашлялся и спросилъ:

— Вы нѣмецъ?

Кюзель только кивнулъ головой.

Визитъ Прокимина отчасти изумилъ его, а отчасти привелъ въ безпокойство.

— Хорошо. Значить, понѣмецки маракуете?—продолжалъ Прокиминъ.—Теперь слушайте. Есть у меня дядя-протодіаконъ, а у этого дяди есть братъ двоюродный, кажется. Мнѣ тоже, поди, дядей опять-таки приходится. Досиоей, можетъ, слышали? Онъ монахъ, ученый, даже, можно сказать, извѣстный. Такъ онъ, видите ли, теперь на магистра диссертацию пишетъ. А сія книга,—тутъ Прокиминъ щелкнулъ пальцемъ по переплету лежавшей у него на колѣняхъ книги,—представляетъ изъ себя очень важный источникъ по его предмету. Понимаете? Вотъ Досиоей эту книжицу протодіакону моему принесъ, просилъ переводчика найти. Протодіаконъ мнѣ ее показалъ, а я, не будь глупъ, и вызвался сдѣлать переводъ. Знаю, говорю, нѣмецкій языкъ въ совершенствѣ. И увѣрилъ его. Я ужъ и тогда васъ имѣлъ въ виду, потому что самъ ни бельмеса не смыслю. Такъ, идетъ?

— Съ удовольствіемъ, — сказала Кюзель, — но какая толстая книга!

— Старинная! У Досиоея тутъ все отмѣтки сдѣланы. Всю-то, кажется, и переводить не нужно, а вотъ только тѣ мѣста, гдѣ у него карандашомъ отчеркнуто.

— А какъ скоро нужно?—спросилъ Кюзель.

— Да ужъ извѣстно, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Деньги вѣрныя. Получайте въ задатокъ трешницу и засаживайтесь. Протодіаконъ мой далъ мнѣ всего шесть рублей, просилъ я десять, не даетъ. Пропьешь, говорить. Битый часъ толковалъ я ему, что это не его дѣло, какъ я употреблю мои деньги, всякими способами старался его урезонить, даже подъ конецъ тексты ему изъ Священнаго Писанія сталъ приводить, — нѣтъ, не своротить, стоитъ на своемъ, да и только. Я, говорить, для твоей же пользы стараюсь. Ретрограды всѣ эти чернорясники! И ужъ давно нужно было бы мнѣ на нихъ плюнуть, да все-таки иной разъ пригодятся. Ну, вотъ и хорожусь. Значить, приметесь за работу?

— Непремѣнно, непремѣнно,—отвѣчалъ Кюзель, чрезвычайно обрадовавшійся тремъ рублямъ.

— Здѣсь вамъ неудобно,—сказалъ Прокимновъ, оглядывая каморку.—А вы вотъ что: усаживайтесь въ аудиторію и качайте. Словарь у васъ есть?

— Словаря у меня нѣтъ,—сказалъ Кюзель,—но я могу достать. Только въ аудиторіи, пожалуй, еще хуже мѣшать будутъ.

— Ни-ни, и не воображайте,—возразилъ Прокимновъ,—сегодня же отдамъ приказъ васъ не тревожить. Кто потревожить, будетъ имѣть дѣло со мной или вотъ съ этимъ.

И онъ выразительно поднялъ кулакъ.

Кюзель былъ очень доволенъ. Его радовали и деньги, и то, что наплась работа, но, пожалуй, больше всего то, что теперь можно было не опасаться Прокина, даже въ нѣкоторомъ родѣ пользоваться его заступничествомъ передъ остальными голубятниками.

— Насчетъ платы я хорошенько не уговаривался,—уходя, сказалъ Прокимновъ,—да это, видите ли, все равно. Они меня не обидятъ, а я васъ не обижу. Всѣ деньги, что на вашъ пай по расчету придется, полностью заплачу, а ужъ себѣ за комиссію процентиковъ двадцать вычту. Двадцать процентиковъ будетъ недорого, право.

— Да, я согласенъ,—сказалъ Кюзель.

— Вотъ, видите ли,—продолжалъ Прокимновъ,—въ прошломъ году у меня у самого завелась переводная работишка. Ужъ очень туго пришлось. Вотъ я и навѣдался къ одному книгопродавцу на Никольскую. Работу досталъ. Три рубля за печатный листъ, переводъ съ французскаго, книга толстѣющая. Только тѣмъ я и взялъ, что книга была велика, да еще воображеніемъ, потому что я, нужно вамъ сказать, во французскомъ смыслу, пожалуй, столько же, сколько вы въ татарскомъ; такъ я все больше отъ себя валялъ. Книженка-то была глупая, тамъ такая туманная философія развѣдилась. Ну, я туда своей философіи и подпустилъ. Доволенъ былъ книготорговецъ. Три рубля на чай прибавилъ, а всего пятьдесятъ рубликовъ я получилъ съ него. А за эту книжицу намъ все-таки, я такъ полагаю, на каждого брата придется куда побольше. Чернила и перо есть у васъ?

— Есть, есть,—успокоилъ Кюзель.

— Ну, такъ, валяйте.

И Прокимновъ удалился.

Кюзель немедленно принялся за работу.

Она еще болѣе сблизила его съ голубятниками, мрачныя стороны которыхъ теперь не такъ ужасали его.

Онъ не только не удивлялся нѣкоторымъ вещамъ, онъ находилъ имъ оправданіе и даже считалъ ихъ необходимыми.

Единственная вещь, съ которой онъ никакъ не могъ освоиться,

было полное неуваженіе къ чужой собственности, которое исповѣдовала и всячески пропагандировала «Голубятня». Всякій тамъ бралъ, что хотѣлъ, не заботясь о томъ, его эта вещь или когонибудь другого. Сколько разъ Кюзель бывалъ свидѣтелемъ, какъ дверь въ его каморку вдругъ отворялась, появлялся ктонибудь изъ голубятниковъ, безмолвно, самымъ спокойнымъ образомъ снималъ съ крючка висѣвшее тутъ же, въ ногахъ койки, пальто Кюзеля и уходилъ.

Въ первое время Кюзеля до того это поражало, что онъ буквально не находилъ словъ отъ изумленія. Разъ онъ замѣтилъ Шуптѣ, который чаще другихъ являлся за его пальто:

— Послушайте, вѣдь это мое пальто.

— Я знаю,—добродушно отвѣтилъ Мишка такимъ тономъ, который ясно показывалъ, что онъ совсѣмъ не понялъ намека Кюзеля и такъ отнесся къ этому замѣчанію, точно Кюзель сообщилъ ему нѣкоторое обстоятельство, которое случайнымъ образомъ оказалось и ему извѣстнымъ.

Иногда Кюзель замѣчалъ, что скюртукъ его, который онъ забылъ убрать въ чемоданъ, или рубашка, оставленная на койкѣ, на время исчезали. Вещи никогда не пропадали безслѣдно. Онъ всегда находились въ свое время, но тотъ, кто ихъ возвращалъ, не благодарилъ за нихъ и считалъ такое пользованіе ими дѣломъ совершенно естественнымъ. Кюзеля это коробило до чрезвычайности. Но «Голубятня» была своеобразнымъ учрежденіемъ, и поневолѣ приходилось подчиняться ея правиламъ.

Кюзель совершенно невольно приобщился отчасти и убѣжденіямъ голубятниковъ, пока только внѣшнимъ образомъ, но для начала и этого было довольно. Теперь онъ уже не возставалъ противъ этихъ убѣжденій. Онъ не раздѣлялъ ихъ, правда, но онъ признавалъ ихъ право на существованіе и уважалъ ихъ.

«Голубятня» покоряла не только физически, но и морально, просто по самой натурѣ вещей.

«Голубятня» была похожа на крошечный, пустынный и неприкѣтный островъ, населенный ничтожнымъ количествомъ дикарей и затерянный въ шумномъ житейскомъ морѣ. Кто разъ попадалъ случайно на этотъ островъ, долженъ былъ подчиниться существующимъ на немъ условіямъ.

Правда, человѣкъ мужественный, съ истиннымъ образованіемъ, съ высокимъ развитіемъ, могъ бы научить и просвѣтить этихъ дикарей,—впрочемъ, попытка могла стоить ему жизни: дикари были нестерпимы и свирѣпы,—но человѣкъ средній, съ дюжиннымъ умомъ и слабымъ сердцемъ самъ уступалъ имъ и кончалъ тѣмъ, что превращался въ дикаря. И дѣйствительно, человѣку, жившему въ «Голубятнѣ», видѣвшему и наблюдавшему только «Голубятню», волей или неволей дѣлавшему ея интересы, почти не соприкасавшемуся

съ остальнымъ міромъ,—трудно было разобраться въ своихъ впечатлѣніяхъ.

Громкія слова «прогрессъ», «цивилизациія», «эмансипациія», «эволюція», «благо народа», «идеалы» и т. д., и т. д., которыми были пересыпаны рѣчи голубятниковъ, увеличивали очарованіе. Они подкупали также горячимъ убѣжденіемъ, которымъ были проникнуты «Голубятники» искренно и свято вѣрили въ то, что они—передовые люди, несущіе обновленіе міру, явившіеся съ новымъ словомъ.

Въ своемъ странномъ заблужденіи они забывали, что ихъ новыя слова давно устарѣли, что это были только отголоски словъ, гремѣвшихъ въ давно отошедшихъ въ вѣчность десятилѣтіяхъ.

Отъ всѣхъ ихъ взглядовъ, вѣрованій, упованій, привезенныхъ ими большею частію еще съ родины и теперь вдругъ получившихъ санкцію, вѣяло стариной, отдавало затхlostью. Они удивительно напоминали провинціальныя моды, отставшія, Богъ знаетъ, на сколько лѣтъ отъ столицы, но все еще поражающія новизною и кажущіяся свѣжими въ тѣхъ краяхъ, гдѣ до сихъ поръ на границахъ запущенныхъ и обветшалыхъ барскихъ усадебъ можно встрѣтить традиціонный столбъ съ прибитой на немъ доской съ немногословнымъ, но краснорѣчивымъ оповѣщеніемъ:

«Отъ сего имѣнія до Парижа восемь тысячъ верстъ, до Лондона десять тысячъ, до Вѣны шесть тысячъ, а до Петербурга всего только три тысячи верстъ».

Въ такихъ богоспасаемыхъ палестинахъ разъ запавшая какимъ нибудь чудомъ идея иногда не только даетъ хорошіе всходы, но даже прорастаетъ и превращается въ нѣчто несуразное, чудовищное, совсѣмъ ни на что не похожее. И давно уже во всемъ цивилизованномъ мірѣ на смѣну этой идеѣ явилась другая, новая, болѣе разумная, болѣе цѣлесообразная, отвѣчающая на современные запросы, а тамъ, гдѣ нибудь въ глуши, она растетъ и ширится, приобрѣтаетъ исполинскіе размѣры и, наконецъ, обращается въ одинъ изъ тѣхъ мѣровъ, въ которые давно уже не вѣрять никто изъ взрослыхъ, но которыми глупыя и косныя няньки все еще пугаютъ дѣтей.

И вотъ изъ поколѣнія въ поколѣніе, изъ рода въ родъ, украшаемая наивной фантазіей, передаются странныя, нелѣпыя, ни съ чѣмъ несообразныя и, какъ лепетъ начинающаго говорить ребенка, свѣжему человѣку непонятныя, смѣшныя фантастическія сказки.

Задоръ и высокое мнѣніе о самихъ себѣ достигали въ «Голубятнѣ» такихъ гомерическихъ размѣровъ, что не нуждались въ постороннемъ поощреніи. Но не было недостатка и въ поощрительяхъ со стороны, съ воли, которые поощряли изъ любви къ искусству, изъ сочувствія къ горячей молодежи, изъ желанія показать, что они ее понимаютъ и вотъ не отстали же отъ вѣка и

также способны браниться, фыркать, шумѣть и скандалить, какъ и она. Большею частью эти поощрители сами были люди до крайности наивные и почти не знавшіе жизни.

Нечего ужъ и говорить объ Ушкиной или подобныхъ ей. Въ нихъ самихъ была та закваска, на которой теперь, какъ поставленная въ слишкомъ теплое мѣсто опара, всходило, бурлило и лѣзло черезъ край молодое, наивное, забіячливое бунтовщичество голубятниковъ. Къ этой же категоріи принадлежала и Антифонова. Евгенія Михайловна нерѣдко являлась въ «Голубятню».

Съ тѣхъ поръ какъ она выгнала Кюзеля, ее мучила совѣсть, и она утѣшала себя тѣмъ, что Кюзель неузнаваемъ, до того благотѣтельно вліяла на него «Голубятня». Другая причина лежала глубже. Въ виду предстоящаго вечера, на которомъ долженъ будетъ фигурировать Лонгинъ Семеновичъ, она спѣшила заручиться возможно большимъ количествомъ симпатій. Разъ ей удалось даже убѣдить пойти въ «Голубятню» Лонгина Семеновича. Тотъ сначала отказывался, но наконецъ уступилъ горячимъ доводамъ Евгеніи Михайловны, которая пустила въ ходъ всѣ средства устрашенія, кричала, топала ногами, выходила изъ себя и сразу успокоилась, едва Лонгинъ Семеновичъ выразилъ желаніе повиноваться.

«Голубятня» его встрѣтила съ восторгомъ. Онъ разошелся и разговорился. Толковалъ объ идеалахъ, рассказывалъ про свое время, «золотое время прогресса», наивно удивлялся тому, что отъ такихъ великихъ дѣятелей такъ мало осталось великихъ дѣяній, но тутъ же, воспрянувъ духомъ, увѣрялъ, что время не ушло, «что они воскреснутъ и грядутъ», и что даже онъ, Антифоновъ, «загнанный и забытый Антифоновъ», «котораго враги его распяли на крестѣ», да, буквально, «на крестѣ ретроградства», — «даже онъ тогда придетъ и положить камень».

Антифонова слушали, затаивъ дыханіе. Подъ конецъ его напоили. Онъ прослезился и, уходя, торжественно обѣщавъ написать такую статью, что «они» не посмѣютъ ее запретить, потому что «самъ народъ, весь русскій народъ за нее вступится, и статья эта произведетъ»...

Но Антифоновъ не договорилъ, что она произведетъ, и только неувѣренно помахалъ въ воздухъ обѣими руками. Вѣроятно, жестъ его былъ бы болѣе понятенъ, еслибъ Лонгинъ Семеновичъ не былъ такъ разстроенъ и не выпилъ бы лишняго. Впрочемъ до жестовъ никому не было дѣла.

Были поощрители и другого сорта. Время отъ времени въ Москвѣ, да, вѣроятно, и не въ ней одной, вдругъ появляются благодѣтели и благотворители, которые проникаются желаніемъ создать что нибудь въ высшей степени либеральное, что нибудь такое, что бы сразу дало толчекъ и необыкновенно доказательно послужило прогрессу. Разумѣется, все это дѣлается, не безъ рас-

чета на популярность. Большею частью это богатые, сытые люди, которымъ бросить лишнюю сотню, а то и тысячу рублей, ничего не стоитъ, и которые чрезвычайно цѣпко хватаются за ту или другую идею, разъ эта идея кѣмъ нибудь имъ внушена. Это иногда какой нибудь богатый, «развитой» купецъ или купчиха, иногда баринъ, не успѣвшій еще съѣсть всего своего состоянія и до того тяготящійся этимъ обстоятельствомъ, что радъ всякому поводу показать свою готовность на жертвы для великой цѣли. Этихъ господъ люди, казалось бы, совершенно безкорыстные и не практичные въ родѣ Ушкиной или Антифонова, необыкновенно ловко умѣли подбить на разные предпріятія. Одинъ открывалъ какую нибудь народную читальню съ обязательнымъ желаніемъ распространить среди темнаго люда безсмертныя творенія Чернышевскаго, другой давалъ деньги на изданіе журнала, непременно либеральнаго типа, передоваго и проповѣдывавшаго такія теоріи общаго благосостоянія, что капиталисту, кормившему работниковъ этого журнала, первому пришлось бы очень плохо, если бы эти теоріи хоть на одну десятую оправдались на практикѣ.

Къ числу такихъ поощрителей принадлежала и благотѣтельница Юрченко, купчиха Полупудова. Съ нѣкоторыхъ поръ она, сама того не зная, завоевала сердца голубятниковъ. Было извѣстно, что она даетъ деньги на наемъ залы для вечера «въ пользу недостаточныхъ студентокъ», что, кромѣ того, она купитъ на двадцать пять рублей билетовъ, и что все это она дѣлаетъ потому, что вечеръ предполагается съ нѣкоторымъ радикальнымъ оттѣнкомъ, и что кое-кому на этомъ вечерѣ солоно придется.

Эта купчиха, которой никто не видалъ, но о которой очень много рассказывалъ Юрченко и которой восхищалась Ушкина, служила предметомъ самыхъ странныхъ заключеній и предположеній, возможныхъ только въ Голубятнѣ. Ушкина, напримѣръ, серьезно рассказывала, что купчиха Полупудова, устыдясь своего невѣжества, ѣдетъ въ Цюрихъ на медицинскіе курсы, что какъ только она научится, она откроетъ бесплатную лѣчебницу на тысячу больныхъ и въ доктора и служащіе пригласитъ только передовыхъ людей.

— Вы понимаете, какихъ?—загадочно прибавляла Ушкина.

Каково состояніе Полупудовой, никто не зналъ. Это никому не мѣшало распоряжаться этимъ состояніемъ и заранѣе рассчитывать, что можно изъ него сдѣлать. Смотря по тому, насколько пылко было воображеніе рассчитывающаго, и на сколько грандіозны были его планы, оно то уменьшалось, то увеличивалось. Но и въ самомъ маленькомъ своемъ видѣ оно считалось не менѣе, какъ въ двадцать милліоновъ. Голубятники, рѣдко выдавшіе двадцать рублей, съ милліонами обращались за панибрата. На одинъ, два, три милліона они плевали. Десять милліоновъ—на то, двадцать—на это.

Мало-по-малу купчихино состояніе достигло невѣроятныхъ размѣровъ. Сама купчиха тоже постепенно изъ простой и невидной смертной, благодаря фантазіи голубятниковъ, превратилась въ мифическое существо, въ какую-то героиню. По мнѣнію голубятниковъ, для этой купчихи законы были не писаны. Она пріѣдетъ изъ Цюриха, построитъ институтъ, гдѣ дѣти будутъ воспитываться государствомъ, дастъ денегъ на устройство всенародныхъ коммунъ, учредитъ женскій университетъ и сама будетъ читать въ немъ лекціи по физиологіи и т. д., и т. д. Всего, что могли рассказывать, предполагать и выдавать за истину совершенно серьезно и самымъ искреннимъ образомъ голубятники, невозможно перечислить и трудно себѣ представить.

Кюзель сначала не давалъ вѣры всѣмъ толкамъ и розсказнямъ, какіе ему приходилось слышать въ «Голубятнѣ», но мало-по-малу они перестали удивлять его, онъ привыкъ къ нимъ и наконецъ сталъ принимать ихъ за чистую монету.

Голубятники въ свою очередь приглядѣлись къ Кюзелю и рѣшили, что онъ малый—ничего себѣ.

Фонды его особенно поднялись съ тѣхъ поръ, какъ Ушкина объявила, что когда онъ разовьется, изъ него выйдетъ толкъ.

Извѣстно было, что у Ушкиной есть нюхъ, и ей тотчасъ же повѣрили.

Рѣшено было, въ видѣ знака особаго довѣрія, на предстоящемъ вечерѣ сдѣлать Кюзеля однимъ изъ распорядителей. Поводомъ къ тому послужило еще и то соображеніе, что у Кюзеля платье было въ полномъ порядкѣ, и не надо было доставать его, какъ это придется дѣлать для другихъ.

Съ Прокимновымъ, на примѣръ, было не мало затрудненій по этой причинѣ. Онъ былъ такъ плечистъ и высокъ, что найти на его фигуру костюмъ оказывалось не легкимъ дѣломъ. А между тѣмъ Прокимнову очень хотѣлось быть распорядителемъ. Наконецъ, онъ самъ досталъ себѣ у дяди-протодіакона брюки, а у знакомаго купца старый долгополый сюртукъ, который, хотя и влѣзалъ и застегивался на Прокимновѣ, такъ какъ шить былъ на челоуѣка очень тучнаго, зато талія приходилась на срединѣ спины, а рукава были безобразно коротки. Костюмъ этотъ повергнуть былъ на обсужденіе общаго собранія голубятниковъ, которые заставили Прокимнова даже надѣть его, чтобъ имѣть возможность лучше судить о немъ. Однако, какъ ни были голубятники самостоятельны въ своихъ воззрѣніяхъ и какъ ни презирали они общественное мнѣніе,—всѣ единодушно признали это одѣяніе несогласнымъ съ распорядительскимъ достоинствомъ. Но такъ какъ и Прокимнова не хотѣлось обижать, то ему тутъ же придумали званіе предсѣдателя мертвецкой, чѣмъ Прокимновъ былъ чрезвычайно утѣшенъ.

За приготовленіями къ вечеру и за разными, неразлучными съ ними хлопотами прошло около двухъ недѣль.

За это время у Кюзеля успѣли завязаться очень хорошія отношенія съ Михайлычемъ и его семействомъ.

Михайлычъ скоро разглядѣлъ новаго жильца и остался имъ доволенъ.

Ему нравилась его аккуратность въ денежныхъ дѣлахъ, та порядочность, которая, если и потерпѣла отъ соприкосновенія съ «Голубятней», тѣмъ не менѣе и въ настоящемъ своемъ видѣ являлась среди голубятниковъ исключеніемъ, его относительное благосостояніе и его скромное поведеніе.

Кюзель велъ себя тихо. Голосъ его никогда не возвышался въ аудиторіи. Онъ не лѣзъ ни въ ссоры, ни въ драки, совѣмъ не пилъ и не исчезалъ на цѣлыя сутки, а то и на нѣсколько дней Богъ вѣсть куда, какъ это особенно часто случалось съ Прокимновымъ, Троглодитомъ и Юрченко.

Такія отлучки повергали всегда Михайлыча въ страшное безпокойство и нарушали весь строй его жизни. Онъ даже терялъ сонъ и аппетитъ. Двое сутокъ онъ еще мирился съ отсутствіемъ «пропащаго», какъ онъ говорилъ, но на третью безпокойство его не знало предѣловъ. Къ счастью Михайлыча, «пропащій» обыкновенно возвращался и снова водворялся подъ кровомъ гостепріимной «Голубятни». Михайлычъ встрѣчалъ его суровымъ, торжественнымъ молчаніемъ, потомъ принимался допекать его наставленіями, и если послѣднія не вызывали раскаянія въ провинившемся, заключалъ бранью и уходилъ, хлопнувъ дверью, къ себѣ.

Но голубятники отражали всѣ его упреки и нравоученія невозмутимымъ равнодушіемъ. Была, впрочемъ, одна угроза, которая не оставалась безъ дѣйствія и на нихъ. Иногда Михайлычъ, выйдя изъ терпѣнія, давалъ обѣщаніе, что въ слѣдующій разъ подастъ явку въ полицію. Голубятники не желали имѣть дѣло съ полиціей. Они любили всякія недоразумѣнія кончать домашнимъ образомъ. Впрочемъ и Михайлычъ грозилъ полиціей только такъ для острастки. Онъ и самъ предпочиталъ «сору изъ избы не выносить» и «не доводить», какъ выражался онъ.

По вечерамъ, когда голубятники разбредались въ разные стороны, Кюзель обыкновенно сидѣлъ дома. Онъ полюбилъ эти часы полного уединенія, хотя иногда и скучалъ. Но по крайней мѣрѣ голова его отдыхала отъ сутолоки и шума. Онъ или писалъ переводъ, или расхаживалъ по аудиторіи, предаваясь неопредѣленнымъ мечтамъ, а чаще лежалъ на кровати.

Эти вечерніе часы были любимыми и въ семьѣ Михайлыча. Къ этому времени обыкновенно Аноиса освобождалась отъ своихъ хозяйственныхъ заботъ. Ставился самоваръ. Маша откладывала въ сторону шитье и садилась хозяйничать. Михайлычъ, въ жилетѣ

поверхъ ситцевой рубахи, закуривъ маленькую трубку, подсаживался къ самовару. Желѣзная печь топилась, накаляя воздухъ въ тѣсной комнатѣ. Въ «Голубятнѣ» царила тишина, и семейство Михайлыча наслаждалось чаепитіемъ въ полномъ спокойствіи. Иногда появлялась газета, и Маша читала изъ нея старикамъ тѣ извѣстія, которыя, какъ ей казалось, могли возбудить ихъ любопытство.

Анеису болѣе всего интересовалъ дневникъ происшествій. Она слушала его, разинувъ ротъ, охая и вздыхая. Когда сообщеніе было печальнаго или мрачнаго характера, она крестилась и съ недоумѣніемъ восклицала:

— Какъ это попустилъ Господь!

Нѣкоторыя вещи ей казались невѣроятными, и она, всплеснувъ руками, говорила:

— Господи! да этого не можетъ быть! Ужъ чего только не напишутъ.

Въ такихъ случаяхъ Маша всегда вступалась за газету.

— Что это вы, маменька! — возражала она. — Ужъ коли въ газетѣ написано, значитъ правда. Газеты не врутъ!

— И-и, матушка! — возражала Анеиса. — Кто нонче не врутъ. Нонче свѣтъ-то и вовсе навыворотъ пошелъ!

— Это вы только по своей необразованности, маменька, такъ воображаете! — возражала Маша и продолжала читать.

Михайлыча занимала политика. Мелкихъ извѣстій онъ не любилъ и удивлялся, зачѣмъ это «газетчики» о такомъ вздорѣ пишутъ. Въ политикѣ же онъ себя считалъ компетентнымъ. Вечеръ тянулся медленно и вяло между чтеніемъ и разговоромъ, прерываемымъ безчисленнымъ количествомъ чашекъ чая, пока всѣми не овладѣвала дремота.

Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ, когда только Кюзель былъ дома и мѣрно, неторопливыми шагами ходилъ по опустѣвшей аудиторіи, Михайлычъ, прислушавшись, сказалъ:

— Это нѣмецъ разгуливаетъ. Аккуратный молодой человекъ!

— Ништо! — сказала Анеиса. — Супротивъ нашихъ паренковъ куда лучше будетъ.

— Гляжу я, — сказалъ Михайлычъ и перевелъ взглядъ на стоявшій въ углу чемоданъ Кюзеля: — какой у него чемоданъ хорошій! Заграничной кожи чемоданъ! У насъ такъ не сдѣлають.

— И бѣлье у него тонкое! — протянула Анеиса. — Намесь я стирала, такія-то хорошія сорочки, голландскаго полотна!

Помолчали.

— А что мнѣ въ голову пришло! — сказалъ Михайлычъ. — Не позвать ли его къ намъ чай пить? Право, онъ человекъ хорошій! Одному-то ему, поди, скучно!

— Ужъ вы скажете тоже, папенька! — возразила Маша. — Съ ка-

кой это стати совершенно незнакомаго человѣка и вдругъ звать! Это даже совсѣмъ не принято!

— Какой же незнакомый! Очень даже знакомый! Во-первыхъ, у насъ жилецъ! Ну, напримѣръ, и паспортъ у него въ совершенномъ порядкѣ. Опять же дворянинъ, ни въ чемъ не замѣшанъ, не пьянствуетъ, не дебоширитъ. Примѣрный, можно сказать, молодой человѣкъ! Позвать что ли, Митревна?

— По мнѣ что-жъ,— отвѣтила Анѣиса, и она приподняла крышку чайника и заглянула въ него. — Чай-то хороший,— сказала она. — Почему не позвать! Пущай его чайку попьеть!

— Пойду, позову,— рѣшилъ, подымаясь, Михайлычъ. — Опять же и образованный человѣкъ. Съ нимъ и о политикѣ можно поговорить и о наукѣ. Не то, что съ вами, бабьемъ. Позову.

И онъ скрылся за дверью.

— Хоть бы раньше сказали,— обидчиво сказала Маша. — Я бы платѣ другое надѣла. А то чужой человѣкъ придетъ, а я какъ дома сидѣла, такъ и есть.

— Ну, и такъ хороша!— сказала Анѣиса. — Чего на нихъ глядѣть-то! Не Богъ знаетъ, какіе они у насъ щеголи.

— Все-таки,— возразила Маша.

Но вернулся отецъ съ гостемъ, и она закусила губы и жеманно опустила глаза.

— Васъ какъ по батюшкѣ-то? — спросилъ Михайлычъ, входя.

— Иванъ Карловичъ.

— Ну, вотъ будемъ знакомы. Налей имъ чайку-то, Анѣиса!

Сначала Кюзель чувствовалъ себя не совсѣмъ ловко. Особенно его смущало фамиллярное обращеніе съ нимъ Анѣисы, говорившей ему «ты», и взгляды Маши, которые она исподлбья кидала на него. Но понемногу онъ разговорился и рассказалъ всю свою біографію. Его выслушали съ большимъ сочувствіемъ. А онъ говорилъ совершенно откровенно, внезапно ощутивъ въ себѣ желаніе подѣлиться хоть съ кѣмъ бы то ни было своими мыслями и чувствами.

Какъ это часто случается съ тѣми, кто усталъ отъ одиночества и продолжительнаго принужденнаго молчанія, онъ очень обрадовался, что напелъ людей, къ которымъ можно было отвести душу, и которые, повидимому, такъ хорошо относились къ нему. Съ этого вечера онъ сталъ часто заходить въ каморку Михайлыча. Его полюбили и принимали радушно. Анѣиса при всякомъ удобномъ случаѣ оказывала ему знаки своего благоволенія. За обѣдомъ его миска со шами или горохомъ была всегда съ краями равна, а на деревянномъ кружкѣ оказывалось кускомъ хлѣба больше. По воскресеньямъ, когда въ семьѣ Михайлыча обязательно къ двѣнадцати часамъ подавалась пухлая, горячая кулебяка, кусокъ ея непремѣнно препровождался къ Кюзелю. Но особенно трогало его

то, что его бѣлье стали ему подавать глаженнымъ. Голубятники незнакомы были съ этой роскошью: обыкновенно ихъ бѣлье только каталось, да и то кое-какъ. Всѣ эти мелкія, но замѣтныя въ «Голубятнѣ» преимущества дѣлали жизнь Кюзеля значительно легче. Голубятники замѣчали оказываемое ему предпочтеніе, но не завидовали главнымъ образомъ потому, что никто изъ нихъ не видѣлъ въ Кюзелѣ взрослого серьезнаго человѣка, а мальчика, котораго отчего же и не побаловать.

Вечеръ въ пользу недостаточныхъ «студентовъ» былъ наконецъ назначенъ на 18-ое февраля.

До него оставалось нѣсколько дней.

Вся «Голубятня» была въ страшныхъ хлопотахъ. Кюзель въ качествѣ будущаго распорядителя долженъ былъ принять въ ней участіе. Онъ бѣгалъ въ типографію, въ канцелярію оберъ-полицеймейстера, вмѣстѣ съ Юрченко дѣлалъ визиты къ литераторамъ и артистамъ, на благосклонномъ участіи которыхъ виждился ожидаемый успѣхъ торжества.

Печатная программа была уже готова. Она ходила по рукамъ голубятниковъ, и ее читали съ восторгомъ. Но больше всего радовало голубятниковъ устройство мертвецкой.

Наконецъ наступилъ и канунъ столь нетерпѣливо ожидаемаго праздника. Подъ предлогомъ необходимыхъ приготовленій, голубятники съ половины дня забрались въ помѣщеніе Кредитнаго Общества и занялись устройствомъ «мертвецкой». Уже съ вечера на привезенныя Ушкиной отъ Полпудовой деньги за двадцать пять рублевыхъ билетовъ закуплены были запасы водки и пива, которые пока были спрятаны на хорахъ.

Единственный человѣкъ, почти не принимавшій участія въ хлопотахъ голубятниковъ, былъ Троглодитъ. Его безучастіе, впрочемъ, не возбуждало ни удивленія, ни неприязни. Характеръ его хорошо былъ извѣстенъ. Онъ по обыкновенію на цѣлый вечеръ исчезалъ въ одномъ изъ знакомыхъ ему заведеній и возвращался только подъ утро. Его лицо приняло еще болѣе болѣзненный видъ. Походка его была нетверда, и руки дрожали.

Встрѣчаясь съ нимъ, Кюзель невольно сторонился. Иногда, оставаясь съ нимъ въ «Голубятнѣ», Кюзель испытывалъ чувство невольнаго страха и нетерпѣливо ждалъ, когда Троглодитъ уйдетъ. Ему становилось жутко наединѣ съ этимъ страннымъ, молчаливымъ человѣкомъ. Онъ твердо былъ убѣжденъ, что Троглодитъ сумасшедшій, опасный маньякъ, помѣшанный на одной идеѣ.

Въ этотъ вечеръ, собираясь уходить, Троглодитъ, проходя мимо Кюзеля, внезапно остановился и пристально посмотрѣлъ на него.

— Вамъ чего, Викентьевъ?—спросилъ Кюзель.

Тотъ вдругъ близко наклонился къ его лицу и своимъ неестественнымъ, точно сдавленнымъ голосомъ прошепталъ:

— Никому не говорите... Одному вамъ... Великая тайна!

— Что такое?—ужасно изумился Кюзель и даже отступилъ назадъ.

Въ «Голубятнѣ» не было ни души. Кюзель недовѣрчиво покоился на Троглодита. Онъ казался ему болѣе, чѣмъ когда либо, сумасшедшимъ.

Троглодитъ вдругъ приблизился къ нему почти вплотную, склонилъ къ нему свое изсиня-блѣдное, мертвое лицо и прерывающимся голосомъ проговорилъ:

— Запомните: первое марта.

— Какое первое марта!—вскрикнулъ Кюзель, стараясь ободриться.

— Первого марта,—повторилъ Троглодитъ съ таинственнымъ видомъ, который придавалъ ему что-то трагическое:—слушайте!—не станеть одного человѣка.

— Ничего не понимаю!—сказалъ Кюзель.—Да вы что? пугать меня что ли вздумали? Вы, можетъ быть, пьяны, чортъ возьми!

Троглодитъ покачалъ головой и вдругъ залился внутреннимъ, неслышнымъ хохотомъ.

Кюзель, какъ очарованный, стоялъ передъ нимъ, пристально всматриваясь въ его безумные глаза. Троглодитъ продолжалъ хотать. Все тѣло его тряслось, и голубыя вены на блѣдной, тонкой и длинной шеѣ, казались, надулись и трепетали.

— Вы пьяны!—повторилъ Кюзель.

— Тсс...!—произнесъ Троглодитъ:—Молчите. Никому ни слова. Удивительное событіе, судьба Россіи!

— Да говорите же толкомъ,—вскричалъ Кюзель.

Троглодитъ вдругъ очертилъ свою шею указательнымъ пальцемъ правой руки, мотнулъ головой и произнесъ:

— И все. Ради... цивилизаціи. Понимаете?

— Да какой чортъ васъ пойметъ!—вскричалъ Кюзель, но тутъ же, махнувъ рукой, подумалъ:

— «И я-то хорошъ! Человѣкъ лыка не вяжетъ, а я его слушаю. Просто пьянъ!»

Троглодитъ, направившійся было къ двери, вдругъ вернулся.

— Какое число?—тяжело глядя на Кюзеля, спросилъ онъ.

— Сегодня, что-ль?—переспросилъ Кюзель, чувствуя странное раздраженіе и недовольство собой и своимъ собесѣдникомъ.

Троглодитъ кивнулъ головой.

— На что вамъ? Ну, семнадцатое. Семнадцатое февраля.

— Семнадцатое,—повторилъ Троглодитъ.—Теперь скоро. Рѣшено и будетъ. Запомнили?

И, тяжело повернувшись, онъ нетвердой походкой вышелъ изъ «Голубятни».

Кюзель пожалъ плечами и долго прислушивался къ невѣрнымъ

шагамъ Троглодита, подь которыми шаталась и скрипѣла «галда-рейка».

Когда они стихли, онъ вздохнулъ полной грудью, обрадованный, что избавился отъ этого загадочнаго и дикаго человѣка, какъ онъ называлъ про себя Троглодита.

— Что такое онъ тутъ болталъ?—спросилъ онъ себя.

Но какъ ни старался онъ уяснить себѣ смыслъ Троглодитовыхъ словъ, или хотъ найти какую либо связь между ними, это ему такъ и не удалось.

— Просто пьянъ! И маньякъ къ тому же!—заклучилъ онъ и, чтобы отдѣлаться отъ неприятнаго впечатлѣнія, отправился къ Михайлычу.

Старика не было дома, но маленькое общество чувствовало себя свободнѣе въ его отсутствіе и даже веселѣе.

Анеиса и Маша стѣснялись при Михайлычѣ, уважая въ немъ главу семейства. Для Кюзеля же онъ былъ, хотъ какой ни на есть, все-таки начальникъ. Притомъ же, въ тѣхъ случаяхъ, когда Михайлычъ бывалъ дома, Кюзелю приходилось почти исключительно разговаривать съ нимъ, тогда какъ его гораздо болѣе занимала Маша. Съ нѣкоторыхъ поръ онъ сталъ заботиться о ея развитіи, приносилъ ей изъ библіотеки «умныя» книжки, старался вести съ ней серьезные разговоры, обсуждалъ съ ней, какъ умѣлъ, научные и философскіе вопросы.

Маша охотно болтала съ нимъ. Но о книжкахъ обыкновенно отзывалась такъ:

— Мудрено что-то, Иванъ Карловичъ. Ничего-то я, хотъ убейте, не понимаю.

Тогда Кюзель принимался объяснять. Маша покорно слушала къ величайшему удовольствію своего развивателя, который и не подозрѣвалъ, что въ это время дѣвушка думала про него.

— «Чудной онъ, право, чудной! А добрый»...

Разъ она очень удивила его, прервавъ его на самомъ, какъ воображалъ онъ, интересномъ мѣстѣ,—онъ старался познакомить ее съ теоріей Дарвина,—тѣмъ, что вдругъ сказала:

— Иванъ Карлычъ, а вы бы меня лучше пофранцузски научили. Смерть я французскій языкъ люблю. Вы, чай, знаете?

И когда Кюзель отвѣтилъ ей, что знаетъ и самъ плохо и вообще французскій языкъ для нея считаетъ бесполезнымъ, она очень огорчилась.

Эти маленькія недоразумѣнія, впрочемъ, не мѣшали ихъ доброму согласію, и между ними постепенно устанавливались прочныя дружескія отношенія.

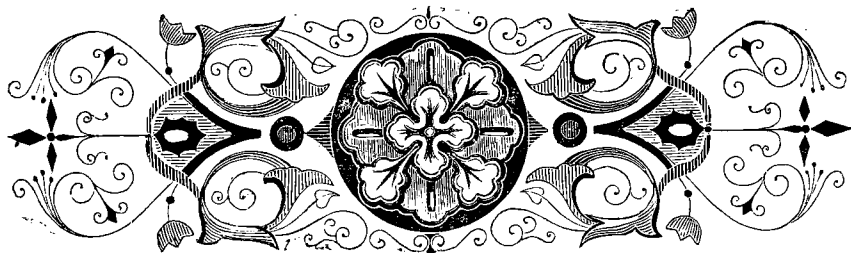
На этотъ разъ Кюзелю никто не мѣшалъ бесѣдовать съ Машей. Анеиса, вообще ограничивавшаяся молчаливой ролью хозяйки и мало говорившая, и теперъ скоро задремала надъ своей чашкой.

Кюзель просидѣлъ съ Машей до одиннадцати часовъ и ушелъ очень довольный проведеннымъ вечеромъ. Разговоръ съ Троглодитомъ, такъ озадачившій его въ началѣ, вылетѣлъ у него изъ головы. Можетъ быть, онъ и совсѣмъ забылъ бы о немъ, но ему пришлось вспомнить его при исключительныхъ, можно сказать, трагическихъ обстоятельствахъ.

Маркъ Басанинъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ВЪ ПЕРЕЛОМѢ ВѢКА ¹⁾.

(Отрывки изъ старой записной книжки).

II. «Морячки».

АЗЖАЛОВАННЫЕ гардемарины прибыли въ Омскъ 6 января 1850 года и зачислены рядовыми: Лихаревъ и Левшинъ въ 4-й, князь Хованскій и Калугинъ въ 5-й, Брылкинъ и баронъ фонъ-Геллесемъ въ 6-й сибирскіе линейные баталіоны, квартировавшіе въ Омской крѣпости. Коссаговскій же изъ С.-Петербурга былъ отправленъ въ Оренбургъ, и о немъ товарищи никакихъ потомъ свѣдѣній не имѣли.

Городъ Омскъ въ то время былъ центромъ военнаго и гражданскаго управленія Западной Сибири, со старой крѣпостью въ изгибѣ рѣки Иртыша, при впаденіи въ него рѣчки Оми, и нѣсколькими форштадтами съ трехъ сторонъ крѣпости, по четвертому же фасу крѣпости протекалъ Иртышъ, за которымъ тогда начиналась уже степь. Крѣпость представляла изъ себя довольно большой, въ нѣсколько десятинъ, параллелограмъ, обнесенный землянымъ валомъ со рвомъ и четырьмя воротами; а) Иртышскими—къ р. Иртышу; б) Омскими—къ устью р. Оми; в) Тарскими—къ городскому саду и присутственнымъ мѣстамъ, и г) Тобольскими—къ изгибу р. Иртыша. При каждыяъ воротахъ находились гауптвахты, и содержался военный караулъ. Вообще крѣ-

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXII стр. 126.

пость, какъ укрѣпленное мѣсто для защиты отъ врага, никакого значенія не имѣла, хотя и была снабжена достаточнымъ числомъ помнившихъ царя Гороха, чугунныхъ, ржавыхъ орудій, съ кучками сложенныхъ въ пирамидки ядеръ, въ отверстіяхъ между которыми ютились и обитали тарантулы, фаланги и скорпионы. Центръ крѣпости занимала большая площадь, на которой въ недалекомъ отъ Тарскихъ воротъ разстояніи высился массивный, православный, крѣпостной соборъ съ церковнослужительскимъ домомъ, а по краямъ площади красовались равнявшіяся чинно и стройно въ перенги каре различныя казенныя зданія обычной старинной казарменной архитектуры. Тутъ были: генераль-губернаторскій дворецъ, комендантское управленіе, инженерное управленіе, корпусный штабъ, дома, гдѣ помѣщались начальства сказанныхъ управленій и служащій персоналъ съ семьями, а свади ихъ—казармы 4, 5, и 6-го линейныхъ баталіоновъ и знаменитый омскій каторжный острогъ. Всѣ эти постройки, за исключеніемъ двухъэтажнаго корпуснаго штаба и баталіонныхъ казармъ, были одноэтажныя, и заѣзжему случайно петербуржцу казались такими мизерными и жалкими, что невольно пробуждали мысль о мифическихъ постройкахъ тѣхъ, нахлынувшихъ когда-то на Европу, варварскихъ народовъ, о которыхъ профессоръ Харьковскаго университета Михаилъ Петровичъ Клобуцкій, на лекціяхъ въ 1840 году, говорилъ: «чортъ знаетъ откуда пришли, чортъ знаетъ что понадѣлали и чортъ знаетъ куда провалились». Въ крѣпости господствовалъ исключительно военный элементъ: офицеры, солдаты, казаки, денщики, служителя, фурлеты и каторжные арестанты. Слышался лязгъ оружія, вызовъ караула въ ружье, отданіе чести, стукъ нагруженныхъ провіантскихъ телѣгъ, скрипъ артельныхъ повозокъ и бряцаніе громающихъ арестантскихъ кандаловъ.

На форштадтахъ, или въ такъ называемомъ городѣ, тоже преобладалъ военный элементъ, но преимущественно—служебный или казачій. За рѣчкой Омью располагалось управленіе наказнаго атамана, казачьи полки и батареи, кадетскій корпусъ съ особымъ домомъ для директора, дворянское собраніе, казенная суконная фабрика, на которой работали каторжныя гражданскаго вѣдомства, и домъ откупщика, который, какъ извѣстно, въ то время былъ персоной г҃аба. За городскимъ садомъ находились присутственныя мѣста, провіантское вѣдомство, военный госпиталь, гражданскій острогъ и при немъ больница. Но были и частныя дома, гостинный дворъ, лавки, трактиры, магазины и солдатскія слободки на окраинахъ. Положимъ, что, за исключеніемъ нѣкоторыхъ казенныхъ зданій, какъ, напримѣръ, кадетскаго корпуса и двухъ-трехъ купеческихъ домовъ, порядочныхъ строеній и здѣсь было очень мало, но здѣсь жили уже граждане... Здѣсь можно было видѣть порой соперничество Европы съ Азіей, и зоркій глазъ могъ отличить лучъ свѣта

въ темномъ царствѣ неподвижности и застоя: здѣсь рядомъ съ кочевникомъ, пригнавшимъ для продажи на рынокъ барановъ, можно было видѣть европейскій костюмъ и порой услышать рѣчь о политикѣ и другихъ животрепещущихъ вопросахъ, чтò для человѣка, заброшеннаго судьбой за грань цивилизованнаго міра, было, по тогдашнему времени, дороже золота.

Командиромъ Сибирскаго корпуса и генераль-губернаторомъ края тогда сидѣлъ князь Петръ Дмитріевичъ Горчаковъ, вдовецъ, имѣвшій трехъ взрослыхъ дочерей дѣвицъ, считавшихся богатыми невѣстами, которыя пріѣзжали къ нему погостить, но не нашли Омска достойнымъ своего вниманія и возвратились въ Петербургъ. Это былъ родной братъ извѣстнаго впоследствии главнокомандующаго войсками въ Крыму и намѣстника царства Польскаго, князя Михаила Дмитріевича Горчакова,—вельможа-громовежець, имѣвшій большія полномочія въ отношеніи управленія краемъ и примѣнявшій ихъ энергично. Большаго роста, видный и мужественный, онъ держался съ достоинствомъ, но какъ-то странно. Взглядъ его былъ суровый и строгій, при встрѣчѣ съ людьми, голова его уходила въ высокоприподнятыя плечи, а прищуриваемые глаза разсматривали человѣка исподлобья и сбоку. Но съ людьми, извѣстными или близкими къ нему, онъ былъ простъ и естественъ, хотя никогда не упускалъ случая высказать свое надъ ними превосходство. На видъ ему нельзя было дать болѣе 50-ти лѣтъ. Довольно бодрый и подвижной, съ хорошею растительностью на головѣ (если это не былъ парикъ?), онъ казался еще молодцомъ, хотя сутуловатость и скривленіе головы на сторону, вслѣдствіе привычки поднимать высоко плечи, какъ будто говорили совсѣмъ противное. Носилъ онъ обыкновенно длинный и широкій, какъ мѣшокъ, суртукъ, безъ эполетъ, шинель и съ большимъ козырькомъ фуражку, напяливаемую имъ до ушей, такъ что уши оттопыривались подъ фуражкой. Когда же онъ выходилъ на прогулку, то бралъ въ руки березовую трость или толстую суковатую палку.

Какъ вельможа, онъ особаго рвенія къ занятіямъ по службѣ не прилагалъ, собственной инициативой не отличался и вообще былъ къ дѣламъ апатиченъ и лѣнивъ. Смотровъ и ученій войскамъ не дѣлалъ и ихъ вообще не любилъ. Все его высшее командованіе ограничивалось появленіемъ въ торжественные дни на парадахъ, а въ будни—пріемомъ у себя дома ординарцевъ и вѣстовыхъ. Управленіе частями войскъ и вообще краемъ шло чрезъ подвѣдомственныхъ ему начальствующихъ лицъ въ обычномъ порядкѣ, для пріема доклада которыхъ у него были назначены особые дни. Но въ дѣлахъ наиболѣе важныхъ или наиболѣе его интересовавшихъ онъ совѣтовался съ людьми, пользовавшимися его довѣріемъ, какъ, напримѣръ, дежурный штабъ-офицеръ корпуснаго штаба, полковникъ

Мартенъ, и совѣтники главнаго управленія по гражданской части Воиновъ и Капустинъ.

Но независимо отъ этого, въ дѣлахъ экстраординарныхъ онъ оказывалъ довѣріе къ совѣтамъ и ходатайствамъ одной пользовавшейся его расположеніемъ особы, которая играла при немъ такую же роль, какую Мина исполняла при графѣ Владимірѣ Ѳедоровичѣ Адлербергѣ. Это была особа съ хорошимъ положеніемъ въ обществѣ, которую посѣщало все мѣстное начальство и знали обыватели не только Омска, но и другихъ городовъ Западной Сибири. У нея были официальные приемы и домашніе обѣды, на которыхъ почти каждый день обѣдало по десяти и болѣе человекъ, заискивавшихъ въ ней для будущаго или прибѣгавшихъ подъ ея защиту въ настоящемъ. Для купцовъ же и людей, не имѣющихъ солиднаго положенія, у нея полагались аудіенціи чрезъ ея фаворитку. Вообще она отличалась большой практичностью и бралась только за такія дѣла, которыя могла устроить. Всѣ наиболѣе интересныя курьезы по внутреннему управленію и столкновенія, а также всякія дѣла, начиная съ подрядовъ и поставокъ, назначеній, перемѣненій и командировокъ и кончая взысканіями, слѣдствіемъ и судомъ, имѣли въ ней примирительницу и предстательницу, и рѣдко когда ходатайство ея оставалось безъ послѣдствій. Особенную энергію она проявляла въ дѣлахъ крупныхъ, и заинтересованный зналъ, что если она даетъ слово, то дѣло будетъ сдѣлано. Приведемъ для примѣра такой случай. Екатерининскій и Маріинскій казенные винныя заводы, на которыхъ работали каторжные гражданскаго вѣдомства, находились въ арендномъ содержаніи у нѣкоего Ш-ра¹⁾. Въ главное управленіе поступили доносы о злоупотребленіяхъ и беспорядкахъ, практиковавшихся на этихъ заводахъ, и разслѣдованіе по сему предмету было возложено на чиновника особыхъ порученій Ка—ва. Молодой чиновникъ повелъ слѣдствіе энергично, и когда факты стали уясняться, онъ получилъ отъ Ш—ра, вмѣстѣ съ бумагами, объяснявшими дѣло, конвертъ съ 10,000 рублей, въ которомъ находилась лаконическая записка: «чистое содержимое изъ чистаго источника». Былъ ли неопытенъ молодой слѣдователь, или содержаніе конверта его не удовлетворяло,—только онъ, недолго думая, присланный конвертъ со вложеніемъ возвратилъ, при надписи на запискѣ: «содержимое можетъ быть и чисто, но источникъ его сомнителенъ». Тогда умный арендаторъ, чтобы разрѣшить вопросъ о чистотѣ источника, счелъ наиболѣе соотвѣтственнымъ переслать этотъ конвертъ съ «чистымъ содержимымъ» къ упомянутой выше особѣ, и въ результатъ получилось, что Ка—въ

¹⁾ Частной выкурки вина въ то время въ Сибири было очень мало. Ее развили потомъ омскій откупщикъ Кузнецовъ и извѣстный предприниматель, бывшій впоследствии тоже откупщикомъ, Поклевскій-Козелль.

былъ отозванъ и чуть ли еще не заплатился взысканіемъ за немѣстную притязательность къ арендатору.

Вокругъ князя Горчакова, во главѣ военныхъ управленій въ крѣпости стояли слѣдующія лица.

Начальникъ корпуснаго штаба, генераль-маіоръ генеральнаго штаба Яковлевъ, еще довольно молодой человѣкъ, лѣтъ за сорокъ съ небольшимъ, полный, видный и нѣсколько косноязычный шатанъ, съ правильными чертами лица и изысканной представительностію въ манерахъ и обращеніи. Онъ былъ «вымуштрованный холостякъ» и занимался дѣлами на столько, на сколько требовала того необходимость; свободное же отъ занятій время отдавалъ болѣе пріятному дѣлу—ухаживанію за дамами или козырянью за карточнымъ столомъ.

Корпусный квартирмейстеръ, генераль-маіоръ генеральнаго штаба баронъ Скурвельгельмъ, шведъ по рожденію, человѣкъ въ высшей степени гуманный и джентльменъ въ полномъ значеніи этого слова. Онъ былъ высокъ ростомъ, представительнъ, статенъ и красивъ, не старъ годами, имѣлъ задумчивый взоръ, выразительныя черты лица и полныя щеки, на которыхъ лежали небольшими котлетками выхоленные съ небольшою просѣдкою бакенбарды. Служебныя обязанности его оказывались также слишкомъ ограниченными, такъ какъ Сибирскій корпусъ, по мѣткому опредѣленію мѣстныхъ остряковъ, находился «въ сидячемъ положеніи», и баронъ скучалъ своимъ вынужденнымъ бездѣйствіемъ. Вѣроятно, съ цѣлью доставить ему хотя какое нибудь развлеченіе, супруга его, женщина вполне эмансипированная, прозванная въ шутку «мужиной въ юбкѣ», была устроительницей и руководительницей всѣхъ доступныхъ по тому времени удовольствій. Она устраивала домашніе спектакли, пикники, кавалькады, поѣздки въ степь и даже скандалы на славу тѣмъ лицамъ, кто не умѣлъ или не хотѣлъ угодить ей въ той степени, какъ она требовала. У нея собирались молодые люди и пожилые, представлявшіе какой либо интересъ, и старались всѣми силами разнообразить удовольствія ея салона. Она ѣздила верхомъ помужски, пила вино наравнѣ съ мужчинами и предпочитала мужское общество времяпрепровожденію съ дамами. Поэтому въ ея гостинной всегда можно было встрѣтить всѣхъ тѣхъ, кто умѣлъ или хотѣлъ повеселиться.

Корпусный инженеръ, генераль-маіоръ Бориславскій, тучный, круглый и дородный, какъ женщина, малороссъ, весьма радушный хозяинъ и гостепріимный хлѣбосоль, старательно избѣгавшій всякихъ столкновеній и ссоръ и посвящавшій себя исключительно семейной жизни. Это былъ уже человѣкъ въ лѣтахъ, тяжеловѣсный и обрюзглый, съ круглымъ скуластымъ лицомъ, краснымъ носомъ и рѣдкой растительностію на черепѣ. Двигался онъ медленно и неповоротливо, но въ обществѣ всегда былъ веселъ, разго-

ворчивъ и, какъ лукавый хохоль, порой явиль не безъ комизма. Жена его симпатичная, благообразная и благодушная старушка, очень бойкая и разговорчивая, отличалась умѣньемъ вести домашнее хозяйство. Любители копченыхъ окороковъ, сала, колбасъ, молочныхъ скоповъ, солений, варений и всякаго рода наливокъ нигдѣ ничего не могли имѣть подобнаго, что находили за столомъ у Бориславскихъ. Хлѣбосольные хозяева имѣли нѣсколько человѣкъ дѣтей, но при нихъ въ это время находилось три дочери: Анастасія, Софія и Ольга. Послѣднія двѣ вышли потомъ замужъ: Софія— за адъютанта князя Горчакова, Снѣссарева, а Ольга— за сына начальника артиллеріи корпуса, служившаго въ главномъ управленіи чиновникомъ особыхъ порученій, Тарасова.

Дежурный штабъ-офицеръ корпуса, полковникъ Александръ Александровичъ Мартень, по своему вліянію на князя Горчакова, имѣлъ большое значеніе въ управленіи. Это былъ человѣкъ большого ума и солидныхъ знаній, но эгоистъ—до мозга костей. Онъ никого не любилъ и никого не уважалъ, относился ко всѣмъ, даже къ старшимъ по чину и положенію, какъ-то сурово и высокомѣрно, по службѣ былъ взыскателенъ и строгъ, а къ нѣкоторымъ лицамъ— просто недоброжелателенъ. Его боялись не только въ Омскѣ, но и на далекихъ окраинахъ Сибири; говорили, что онъ «безсердеченъ по принципу, а золь по природѣ». Плотный и сухопарый, средняго роста, съ бѣлобрысыми, стриженными подъ гребенку, волосами, торчавшими, какъ щетина, рыжеватыми усами и недобрыми, смотрѣвшими одними уголками, глазами, онъ производилъ на всѣхъ, имѣвшихъ къ нему дѣло, непріятное впечатлѣніе и бравировалъ этимъ съ усмѣшкой. Но, появляясь въ обществѣ, онъ, какъ говорили мѣстные остряки, встряхивался и, какъ человѣкъ ума недюжиннаго, умѣлъ увлекать слушателей своей бойкой, желчной и злою рѣчью. Жена его Бальбина Гавриловна, женщина бальзаковского типа, любившая молодиться и не пренебрегавшая для того никакими средствами, отличалась тоже языкомъ, но только женскимъ, трезвонившимъ и стрекотавшимъ безъ умолку съ утра до поздней ночи, при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ. Она сумѣла такъ устроиться, что раньше другихъ узнавала всѣ городскія новости и разносила ихъ по всѣмъ уголкамъ Омска, считая за особенное для себя счастье быть всегда и вездѣ первой вѣстницей какого нибудь пикантнаго или ужаснаго событія. Дѣтей у этой знаменитой четы не было.

Комендантомъ крѣпости былъ генераль-маіоръ Алексѣй Фодоровичъ де-Граве, высокаго роста, массивный и тучный старикъ, лѣтъ 60-ти отъ роду, но еще бодрый, крѣпкій и легкій на подъемъ, веселаго и живаго характера съ добродушной улыбкой и громкимъ раскатистымъ смѣхомъ. Онъ имѣлъ круглое, мясистое, морщинистое лицо, заплавышіе жиромъ глазки, большую на короткой шеѣ, отки-

нутую назадъ голову, почти лишенную растительности, и громаднѣй животъ. По службѣ онъ особенно не выдавался, такъ какъ не пользовался особеннымъ благоволеніемъ корпуснаго командира, но дѣло свое исполнялъ добросовѣстно и, по возможности, облегчалъ положеніе находившихся въ крѣпостномъ острогѣ арестантовъ. Отличительными его свойствами были любовь къ охотѣ и непомятый аппетитъ. Онъ извѣстенъ былъ, какъ хорошій охотникъ и стрѣлокъ. Что же касается аппетита, то, по свидѣтельству доктора Крупскаго, такого же, какъ онъ, мастодонта,² прожоры и охотника, часто сопутствовавшаго ему въ полеваны, онъ выражался въ ужасной пропорціи. Такъ, однажды, охотясь въ степи, они съѣли за завтракомъ вдвоемъ болѣе 30-ти фунтовъ мяса, изжареннаго на вертелѣ, а вечеромъ съѣли по 30—40 яицъ, сваренныхъ въ крутую, причемъ было выпито вина изрядное количество. Супруга его — женщина простая и скромная, сторонившаяся, по нѣкоторымъ причинамъ, отъ интимнаго сближенія съ наиболѣе выдающимися личностями омскаго бомонда, собирала вокругъ себя свой небольшой кружокъ людей, приходившихъ къ комендантской четѣ запросто поѣсть сибирскихъ пельменей или сыграть по маленькой въ картишки, и только въ дни торжественныхъ пріемовъ или баловъ она появлялась въ обществѣ, какъ говорили мѣстные остряки, «по обязанности комендантши».

Вотъ лица, которыя, совмѣстно съ бригаднымъ и батальонными командирами 4, 5 и 6 сибирскихъ линейныхъ батальоновъ и плацъ-маіоромъ крѣпости Кривцовымъ, такъ мастерски очерченнымъ Ѳ. М. Достоевскимъ въ «Запискахъ изъ Мертваго дома», — были: одни непосредственнымъ, а другіе косвеннымъ начальствомъ прибывшихъ въ Омскъ разжалованныхъ гардемариновъ. Но мы съ ними еще встрѣтимся, а теперь посмотримъ, какъ устроились юноши на мѣстѣ своей ссылки.

Принадлежа къ хорошимъ старымъ дворянскимъ фамиліямъ, гардемарины, конечно, имѣли въ Петербургѣ большія связи и знакомства, и такъ какъ они были разжалованы безъ лишенія дворянскаго достоинства и съ выслугою, то сибирское начальство, тотчасъ по прибытіи ихъ въ Омскъ, и получило много писемъ и ходатайствъ объ облегченіи ихъ участи. Люди — вездѣ люди, и въ Сибири живутъ хорошіе люди, нечуждые гуманныхъ чувствъ и христіанской любви къ меньшимъ заблудшимся или несчастнымъ братьямъ. Такимъ образомъ, юноши нашли себѣ дружескій пріемъ и участіе въ семьяхъ: Калугинъ — корпуснаго штабъ-доктора Залуговскаго; князь Хованскій — своего батальоннаго командира, маіора фонъ-Траубенберга; Левшинъ — начальника жандармскаго управленія, генераль-маіора Влахопуло; Брылкинъ — главнаго доктора военнаго госпиталя Троицкаго и баронъ фонъ-Геллесемъ — родственника своего, офицера кадетскаго корпуса, барона фонъ-Штемпеля.

Одинъ только Лихаревъ, застѣнчивый и нелюдимый, оставался въ сторонѣ и не поддавался никакимъ приглашеніямъ и зовамъ мѣстной интеллигенціи.

На первое время юноши были помѣщены въ роты своихъ баталіоновъ; но такъ какъ строевую пѣхотную службу они изучили до тонкости еще въ Морскомъ корпусѣ, гдѣ, по особой заботливости о томъ директора Римскаго-Корсакова, воспитанниковъ обучали строю особо назначенные изъ образцоваго пѣхотнаго полка инструкторы, то ихъ отъ строеваго ученія освободили и дали имъ съ дороги мѣсячный отдыхъ. Съ своими новыми товарищами по службѣ они сошлись скоро, и солдатики, встрѣтя ихъ сначала недружелюбно, какъ «дворянчиковъ бѣлоручекъ», съ теченіемъ времени присмотрѣлись къ нимъ и, найдя въ нихъ простыхъ симпатичныхъ людей и знатоковъ строя, что, по тогдашнему времени, цѣнилось высоко, стали относиться къ нимъ добродушнѣй и звали не иначе, какъ «наши морячки».

Между тѣмъ у двухъ-трехъ юношей были также съ собою письма отъ нѣкоторыхъ петербургскихъ вліятельныхъ дамъ къ дамамъ омскаго высшаго общества о принятіи въ нихъ участія и оказаніи имъ покровительства и защиты. Такъ у одного изъ нихъ было письмо отъ директриссы Павловскаго института баронессы Фредериксъ къ сестрѣ ея, супругѣ директора Сибирскаго кадетскаго корпуса, генеральшѣ Александрѣ Родіоновнѣ Шрамъ. Въ первый же праздничный день, послѣ прибытія въ Омскъ, онъ отправился по адресу письма, и послѣ обычныхъ, двухчасовыхъ, въ такихъ случаяхъ, переговоровъ съ прислугою, былъ допущенъ въ апартаменты ея превосходительства. Его встрѣтила дама высокаго роста, полная, стройная и величественная. Не смотря на довольно зрѣлыя лѣта, она была еще замѣчательно хороша собою. Чѣмъ-то невыразимо-обаятельнымъ дышала вся фигура этой женщины. Свѣтлая блондинка, съ овальнымъ, бѣлымъ, какъ будто высѣченнымъ изъ мрамора, классически-красивымъ лицомъ, живыми, выразительными, ласковыми глазами и женственной, мягкой улыбкой, она граціозно подошла къ юношѣ, привѣтствовавшему её почтительнымъ поклономъ, приняла изъ рукъ его письмо и, тяжело вздохнувъ, сказала:

— Ахъ, Боже мой, такой еще ребенокъ и уже солдатъ!.. Бѣдная мать, какъ она должна страдать за своего мальчика!..

Глубоко растроганный юноша прослезился и потупился. Генеральша взяла его двумя пальцами за подбородокъ, подняла его голову, участливо посмотрѣла ему въ глаза и поспѣшила утѣшить его.

— Ну, успокойтесь! — сказала она ему не безъ сожалѣнія: — вы во мнѣ найдете вторую мать, которая сдѣлаетъ для васъ все, что возможно... Но теперь я на нѣсколько времени оставляю васъ, чтобы прочитать письмо сестры... А вы пока повнакомьтесь съ

моими дочерьми, онѣ вамъ будутъ сестрами. Ольга! Лена!—позвала она стоявшихъ въ нѣкоторомъ разстояніи двухъ барышень:—познакомьтесь и займите вашего новаго брата. Конечно, онъ останется у насъ обѣдать.

И она вышла.

Къ обѣду стали собираться гости. Приѣхали двѣ другія замужнія дочери генеральши Шраммъ: Алина, находившаяся въ замужествѣ за пограничнымъ начальникомъ, генераль-майоромъ Клейстомъ, и Анна — супруга личнаго адъютанта корпускаго командира, ротмистра князя Шаховскаго, съ ихъ мужьями, и нѣсколько постороннихъ лицъ. Обѣ дочери были очень красивы; старшая вполне походила на свою мать, но только была нѣсколько еще выше ея ростомъ; а вторая казалась еще лучше матери: ея профиль напоминалъ голову Сафо.

Передъ самымъ обѣдомъ вышелъ въ столовую и самъ хозяинъ дома, генераль-лейтенантъ Ѳедоръ Андреевичъ Шраммъ. Это былъ средняго роста, довольно полный, лѣтъ 50-ти брюнетъ, съ правильными, довольно красивыми чертами лица, большими голубыми глазами и мягкими, какъ бы заискивающими манерами. Онъ былъ кроткій, довѣрчивый и добрый человекъ, но ума не далекаго, говорилъ порусски плохо, съ своеобразнымъ акцентомъ и нѣмецкими оборотами рѣчи, и большимъ фаворомъ у жены-королевы не пользовался. Во всякомъ случаѣ престижъ хозяина дома оставался за нимъ. Онъ вышелъ къ обѣду въ сюртукъ съ эполетами и, по представленіи ему юноши, принялъ его подъ свое покровительство.

За столомъ генераль посадилъ «морячка» рядомъ съ собою справа (мѣсто это такъ и осталось за нимъ) и, пока разливали и разносили супъ, онъ любезно началъ съ нимъ бесѣду:

— Ну, что, мой миленькій, вы не попробуете: у васъ въ корпустѣ такой хлѣбъ давали, какой у меня?

Юноша отломилъ кусочекъ хлѣба и положилъ его въ ротъ.

— Ну, мой миленькій, — продолжалъ генераль, — и соль попробуйте!

Юноша взялъ соли.

— Ну, миленькій, — не отставалъ генераль, — и квасъ попробуйте!

Юноша налилъ въ стаканъ квасу, попробовалъ и скромно отвѣтилъ:

— Конечно, ваше превосходительство, у насъ все это хуже было.

Въ это время съ другого конца стола, гдѣ возсѣдала хозяйка дома, послышался ея внушительный голосъ:

— Ѳедоръ Андреевичъ, побойся Бога, мальчикъ ничего еще не ѣлъ, а ты его хлѣбомъ да квасомъ потчуетъ!

Генераль сконфузился и, какъ будто извиняясь, отвѣтилъ:

— Я только предложилъ мальчику попробовать, а впрочемъ пусть онъ кушаетъ себѣ на здоровье!

И генераль притихъ. Обѣдъ прошелъ оживленно, говорили много о новостяхъ дня, о мѣстныхъ событіяхъ, но направленіе и тонъ разговору давала уже генеральша. Ѳедоръ же Андреевичъ только раза два обратился къ юношѣ и сказалъ ему:

— Кушайте, миленькій, кушайте, не стѣсняйтесь!.. я очень люблю, когда мои мальчики (кадеты его корпуса) кушаютъ съ аппетитомъ.

Обѣдъ кончился, и общество разошлось: кто — во внутренніе апартаменты, кто — по домамъ. «Морячка» попросили къ генеральшѣ въ гостинную, гдѣ она въ короткихъ словахъ дала ему инструкцію, гдѣ и какъ держаться въ обществѣ, и пригласила бывать у ней, какъ у матери, запросто, когда только будетъ время.

И юноша сталъ бывать часто. Зайдя какъ-то въ воскресный день отъ обѣдни часовъ въ 12-ть поутру, онъ встрѣтилъ въ передней выходившаго отъ генеральши корпуснаго командира. Необходимо замѣтить, что князь Петръ Дмитриевичъ Горчаковъ особенно любилъ посѣщать дома омской аристократіи, но у Александры Родіоновны бывалъ, заходя съ прогулокъ, которыя онъ обыкновенно дѣлалъ въ хорошую погоду по утрамъ отъ 11-ти часовъ до 12-ти, а иногда и до часу по полудни. Онъ зналъ ее давно, чуть ли не до замужества (она была урожденная Окулова), уважалъ ее за обширный умъ, независимость мысли и твердость характера. Но всего болѣе ему нравилось въ ней то, что она говорила ему правду въ глаза безо всякихъ стѣсненій и оспаривала его мнѣнія, не робѣя. Дружбу свою къ ней онъ распространилъ на все ея семейство. Ѳедору Андреевичу онъ покровительствовалъ, старшаго сына Николая зачислилъ къ себѣ адъютантомъ, а обоихъ дочерей благословилъ на новый путь жизни, при выдачѣ ихъ въ замужество.

Князь Горчаковъ обратилъ вниманіе на юношу, вѣроятно, слышавъ о немъ отъ хозяйки дома, подошелъ къ нему и, назвавъ по фамиліи, спросилъ: «онъ ли это?» Получивъ утвердительный отвѣтъ, погладилъ его по головѣ рукою и сказалъ ему пофранцузски:

— Старайтесь, молодой человекъ, заслужить расположеніе вашей новой маман, а все остальное устроится, какъ слѣдуетъ. Идите къ ней, передайте, что я сказалъ вамъ, и знайте, что я о васъ помню.

Александра Родіоновна осталась очень довольна этой встрѣчей и нѣсколько разъ повторила:

— Ну, и слава Богу!.. какъ я рада, что это такъ вышло.

За обѣдомъ она обратилась къ старшей своей дочери со словами:

— Алина, сегодня князь встрѣтилъ у меня нашего мальчика и очень внимательно и ласково къ нему отнесся. Конечно, этого бы

не было, если бы князь считалъ ихъ преступниками. Надѣюсь, что и все наше общество, узнавъ объ этомъ, отнесется къ нимъ, бѣднымъ, ласково и сердечно. Кстати, у тебя сегодня вечеромъ пріемъ, возьми его съ собой и познакомь, съ кѣмъ найдешь нужнымъ.

И «мальчикъ» вечеромъ дебютировалъ у генеральши Клейстъ и былъ между прочимъ представленъ бригадному генералу Масловскому.

Дня черезъ три «морячковъ» потребовали въ корпусной штабъ, и начальникъ штаба генералъ-майоръ Яковлевъ объявилъ имъ, что корпусный командиръ приказалъ зачислить ихъ всѣхъ въ учебную команду, а для жительства помѣстить въ зданіе военнотопографическаго отдѣленія. Затѣмъ генералъ очень любезно разговаривалъ съ ними о ихъ положеніи, нуждахъ, планахъ и надеждахъ, и, отпуская ихъ, сказалъ:

— Помните, господа, что оказанною вамъ милостію князя надо дорожить и стараться оправдать ее усердіемъ къ службѣ, а главное—хорошимъ поведеніемъ.

Полковникъ же Мартенъ, принявшій отъ генерала приказаніе, шутилъ и смѣялся надъ «морячками» въ канцеляріи, называлъ ихъ «птенцами омскихъ дамъ-насъдокъ» и совѣтовалъ имъ «стараться быть усерднѣе» и «вести себя какъ можно лучше» по отношенію своихъ патронессъ.

Вечеромъ въ тотъ же день для помѣщенія «птенцовъ» была отведена во флигелѣ топографовъ большая, свѣтлая и чистая комната и для прислуживанія имъ назначенъ вѣстовой отъ учебной команды. Покровители ихъ омеблировали это помѣщеніе, снабдивъ его столами, стульями, шкафчиками и кроватями, а также постельными принадлежностями и столовой посудой. Служба ихъ въ учебной командѣ ограничивалась нѣсколькими утренними часами, а съ 12-ти часовъ дня они могли быть свободными, и уходили, куда имъ нужно было, сообщая только, на случай спроса начальства, вѣстовому, гдѣ ихъ найти можно. Такъ прошла зима 1850—1851 годовъ, съ открытіемъ же весеннихъ занятій войскъ, когда батальоны вышли въ лагеря, юношей прикомандировали къ военнотопографическому отдѣленію штаба, и они должны были, подъ руководствомъ топографа, произвести практическую съемку части степи, прилегающей къ рѣкѣ Иртышу.

Работу эту они произвели безъ всякихъ затрудненій, такъ какъ теоретическій курсъ «геодезіи» и употребленіе инструментовъ они прошли еще въ Морскомъ корпусѣ. Осенью, по возвращеніи въ крѣпость, добытые лѣтомъ матеріалы были ими приведены въ порядокъ и представлены корпусному начальству, которое отозвалось о нихъ съ похвалою и благодарило ихъ. На слѣдующую зиму молодежь стали назначать на службу при батальонахъ и посылать

въ караулъ за офицеровъ. Четверо «морячковъ», выписанныхъ на два года, были произведены въ унтеръ-офицеры и наши конкерскіе басоны, а остальные двое, выписанные на четыре года, удостоены производства въ слѣдующемъ году.

Юноши успѣли опериться, вытянулись, выровнялись и стали интересными молодыми людьми. Гостепріимныя двери омскихъ гостинныхъ были предъ ними открыты попрежнему, но только они играли уже въ нихъ болѣе дѣятельную роль, чѣмъ прежде. Мужское общество стало относиться къ нимъ болѣе благосклонно и дружественно, а «золотая молодежь» вынуждена была считаться съ ними, какъ съ соперниками. Но мы не будемъ входить въ подробности свѣтскихъ успѣховъ юношей, такъ какъ это вывело бы насъ далеко за границу предположенной статьи. Ограничимся только общественной и служебной ихъ дѣятельностью и бѣглымъ очеркомъ современныхъ событій.

Генераль Шрамъ относился весьма любезно къ юному протеже своей супруги. Желая оказать ему свое начальственное вниманіе, онъ сказалъ ему однажды за обѣдомъ:

— Ну, вотъ, мой миленькій, я вамъ будетъ дѣлать сюрпризъ. Приходите завтра въ 10-ть часовъ утра, я васъ возьму мой корпусъ. Мы будемъ слушать классъ, какъ мой милый ученикъ будетъ отвѣчать.

— Слушаю, ваше превосходительство.

— Вы мнѣ будетъ потомъ говорить, такъ ли хорошо учили вашъ корпусъ, и такой ли умный мальчики, какъ у меня.

Дѣйствительно на другой день Федоръ Андреевичъ отправился въ корпусъ въ сопровожденіи юноши. Это посѣщеніе можетъ дать самое наглядное понятіе о значеніи и направленіи тогдашняго воспитанія въ Сибирскомъ корпусѣ. Встрѣтивъ дежурнаго по классамъ офицера, генераль, послѣ обычныхъ привѣтствій, сказалъ ему:

— Ну, вы не безпокойтесь, что я привелъ собой солдатъ. Онъ— очень хорошій мальчикъ, онъ также былъ корпусъ и тамъ шалилъ, его государь прислалъ Сибирь. Я его беру собой классъ. А чѣмъ теперь занимается?

— У полковника Павловскаго, ваше превосходительство, теперь идетъ урокъ русскаго языка.

И офицеръ поторопился отворить дверь и махнулъ рукой, чтобы всѣ встали. Кадеты моментально поднялись съ мѣстъ, повернули головы и устремили на входившее неторопливо начальство взоры. Директоръ корпуса вошелъ и поздоровался съ дѣтьми.

— Ну, мой миленькій, здравствуйте.

— Здравія желаемъ, ваше превосходительство,—отвѣчали бойко кадеты.

— Садитесь, мальчики, садитесь!

И, пройдя къ первой скамейкѣ, генераль потѣснилъ сидѣвшихъ на ней воспитанниковъ, говоря:

— Ну, мальчики, подвиньтесь, дайте мѣсто вашъ директоръ, онъ будетъ сидѣть своимъ мальчикомъ.—И, обратясь къ лектору, онъ любезно добавилъ:—Я привелъ вамъ мальчикъ, этотъ солдатъ, онъ будетъ тоже слушать... А что у васъ идетъ?

— Грамматическій разборъ, ваше превосходительство.

— Вы что—объясняетъ, или спрашиваетъ?

— Спрашиваю, ваше превосходительство. Передъ вашимъ приходомъ я спрашивалъ о глаголахъ, и мы остановились на видахъ глаголовъ.

— А!.. на видахъ глаголовъ!.. карошо!.. продолжайте!..

У доски между тѣмъ стоялъ одинъ изъ воспитанниковъ. Лекторъ обратился къ нему и напомнилъ заданный вопросъ:

— Я васъ просилъ отвѣтить: какіе виды глаголовъ бываютъ?

Воспитанникъ стоитъ, какъ приговоренный къ смерти, не смѣя ни пошевелинуться, ни дышать, и ничего не отвѣчаетъ... Лекторъ, желая вывести ученика изъ забывчивости, кротко и мягко старается навести его на отвѣтъ:

— Вы очень хорошо помните,—говоритъ онъ воспитаннику:—что есть не одинъ видъ глаголовъ, напримѣръ, есть глаголы правильные, есть и другіе виды... да?

— Да,—отвѣтилъ неувѣренно кадетъ.

— Вотъ и прекрасно! Объясните же мнѣ: какіе другіе виды глаголовъ бываютъ?

Мальчикъ топчется, мнется, но молчитъ. Видимо онъ или вопроса не понимаетъ, или не знаетъ, что отвѣтить. Это неприятно подѣйствовало на директора корпуса, онъ всталъ, подошелъ къ воспитаннику и сказалъ ему:

— Ну, мой миленькій, вы не конфузьтесь вашъ директоръ. Слушайте, я вамъ будетъ немножко помогать. У меня есть жонъ, я зову мой жонъ—Сашинька, мой подчиненный говоритъ ей ваше превосходительство, а всѣ дамъ и близкій знакомый называетъ ее: Александра Родіоновна. Ну, вотъ, глупій мальчикъ, поймите теперь: Сашинька, ваше превосходительство и Александра Родіоновна, это—все одинъ человекъ и все—мой жонъ!.. Ну, что вы, мальчикъ, молчите?.. я вамъ все сказалъ... Ну, глупенькій, вотъ вамъ другой видъ глагола!..

Но видя, что мальчикъ, не смотря на разъясненіе, ничего не отвѣчаетъ, директоръ повернулся къ лектору, гнѣвно взглянуль на него и вышелъ, не сказавъ ни слова, изъ класса.

Александра Родіоновна, узнавъ объ этомъ, была возмущена до глубины души, задала генералу жестокую головоломку и строгонастрого приказала, чтобы онъ никогда не упоминалъ ея имени въ классахъ. Когда же случай этотъ сдѣлался достояніемъ городской

молвы, полковникъ Мартенъ долго изопрямля надъ нимъ свое остроуміе и приговаривалъ: «madame Шрамъ, по словамъ ея супруга, обрѣтается въ трехъ видахъ естества».

Бригадный командиръ сибирскихъ линейныхъ батальоновъ, генераль-майоръ Ѳедоръ Аванасьевичъ Масловскій, по представленіи ему юношей, удостоилъ ихъ, по добротѣ своей души, или, какъ мѣстные остряки говорили, «по наитію свыше», особеннаго своего благоволенія. «Птенцы омскихъ дамъ» получили отъ него приглашеніе приходить къ нему ежедневно обѣдать подвое. Конечно, подобное приглашеніе было бы для нихъ большой честью, если бы оно было сдѣлано, какъ слѣдуетъ. Но не хотѣлъ ли генераль баловать присланныхъ для исправленія «мальчишекъ», или не считалъ нужнымъ соблюдать салонную утонченную вѣжливость по отношенію къ «нижнимъ чинамъ», — только приглашеніе прибыть къ генералу на обѣдъ объявлялось ежедневно въ приказаніяхъ по батальонамъ. Сначала молодежь ходила исправно, генераль былъ внимателенъ и любезенъ, кормилъ сытно и вкусно, но кто-то въ обществѣ изъ числа оставшихся у милыхъ патронессъ за штатомъ посмѣялся, что «морячки» откармливаются на казенный счетъ, по наряду, и юношамъ это не понравилось. Одинъ изъ нихъ проманкировалъ приглашеніемъ разъ и другой, получилъ вопросъ: почему? на который отвѣтилъ уклончиво, и генераль счелъ подобный поступокъ продерзостию. Онъ распорядился, чтобы батальонный командиръ ежедневно по утрамъ присылалъ продерзостнаго «птенца» къ нему на квартиру, въ полной походной формѣ, въ качествѣ ординарца, и муштровалъ его по всѣмъ правиламъ военного артикула. Такая муштровка продолжалась болѣе двухъ недѣль, и юношѣ приходилось жутко. Но онъ терпѣлъ и тянулся, не смѣя дѣлать никакихъ возраженій противъ требованій службы. Однако, ежедневное утомленіе и напряженіе не могло не повліять на разстройство его здоровья. Главный докторъ военного госпиталя Троицкій, въ семьѣ котораго онъ былъ принятъ, какъ дома, замѣтилъ это и сталъ у него допытываться о причинахъ его нездоровья. «Птенецъ» рассказалъ все безъ утайки, и супруга доктора, прелестнѣйшая и добрѣйшая женщина, какихъ судьба посылаетъ на землю только по одной въ десятилѣтіе, при первой же встрѣчѣ съ генераломъ Масловскимъ, повела на него стремительную атаку, во имя справедливости и человѣколюбія, и разбила его въ пухъ и прахъ. Истязанія «мальчика» кончились, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, кончилось также и откармливаніе «морячкова» на казенный счетъ по наряду.

Самою тяжелою службой въ это время для молодежи была караульная, въ особенности при нарядѣ ее за офицеровъ въ крѣпостной острогъ. Это—тотъ знаменитый острогъ, который описалъ Ѳ. М. Достоевскій въ «Запискахъ изъ Мертваго дома»; въ немъ содержались въ то время изъ числа петрашевцевъ двое: Ѳедоръ Михай-

ловичъ Достоевскій и Сергѣй Ѳедоровичъ Дуровъ. Была ли съ ними знакома молодежь въ Петербургѣ, неизвѣстно, но во время заключенія ихъ въ острогъ она принимала въ судьбѣ ихъ самое горячее участіе и дѣлала для нихъ все, что только могла.

Крайне печальное зрѣлище представляли изъ себя тогда эти когда-то блестящіе петрашевцы. Одѣтые въ общій арестантскій нарядъ, состоявшій изъ сѣрой пополамъ съ чернымъ куртки—съ желтымъ на спинѣ тузомъ и таковой же мягкой безъ козырька фуражки—дѣломъ, и полушубка съ наушниками и рукавицами—зимой, закованные въ кандалы и громыхающіе ими при каждомъ движеніи, по внѣшности, они ничѣмъ не отличались отъ прочихъ арестантовъ. Только одно—это ничѣмъ и никогда нестирающіеся слѣды воспитанія и образованія, выдѣляло ихъ изъ массы заключенниковъ. Ѳ. М. Достоевскій имѣлъ видъ крѣпкаго, привемистаго, коренастаго рабочаго, хорошо выправленнаго и поставленнаго военной дисциплиной. Но сознанье безъисходной, тяжелой своей доли какъ будто окаменяло его. Онъ былъ неповоротливъ, малоподвиженъ и молчаливъ. Его блѣдное, испитое, землистое лицо, испещренное темнокрасными пятнами, никогда не оживлялось улыбкой, а ротъ открывался только для отрывистыхъ и короткихъ отвѣтовъ по дѣлу или по службѣ. Шапку онъ нахлобучивалъ на лобъ до самыхъ бровей, взглядъ имѣлъ угрюмый, сосредоточенный, неприятный, голову склонялъ напередъ и глаза опускалъ въ землю. Каторга его не любила, но признавала нравственный его авторитетъ; мрачно, не безъ ненависти къ превосходству, смотрѣла она на него и молча сторонилась. Видя это, онъ самъ сторонился отъ всѣхъ, и только въ весьма рѣдкихъ случаяхъ, когда ему было тяжело или невыносимо грустно, онъ вступалъ въ разговоръ съ нѣкоторыми изъ арестантовъ. С. Ѳ. Дуровъ, напротивъ, и подъ двувѣтной курткой съ тузомъ на спинѣ, казался баричемъ. Высокаго роста, статный и красивый, онъ держалъ голову высоко, его большіе, черные, на выкатѣ глаза, не смотря на ихъ близорукость, смотрѣли ласково и уста какъ бы улыбались всякому. Шапку онъ носилъ съ заломомъ на затылкѣ и имѣлъ видъ весельчака даже въ минуты тяжелыхъ невзгодъ. Съ каждымъ арестантомъ онъ обходился ласково, и арестанты любили его. Но онъ былъ изнуренъ болѣзнію и зачастую едва могъ ходить. Его ноги тряслись и съ трудомъ носили хилое, разслабленное тѣло. Не смотря на это, онъ не падалъ духомъ, старался казаться веселымъ и заглушалъ боли тѣла остроумными шутками и смѣхомъ.

Но прежде, чѣмъ коснемся мы отношеній «морячковъ» къ содержащимся въ острогѣ петрашевцамъ, сдѣлаемъ нѣсколько поясненій къ разсказамъ о нѣкоторыхъ наиболѣе выдающихся личностяхъ «Мертваго дома». Ѳ. М. Достоевскій говоритъ объ Акимѣ Акимычѣ, что онъ служилъ на Кавказѣ прапорщикомъ и былъ старшимъ

начальникомъ какого-то укрѣпленія, гдѣ онъ сосѣдняго мирнаго князька, за сдѣланное этимъ князькомъ ночное на его крѣпость нападеніе и поджогъ ея, зазавши, спустя послѣ того нѣсколько времени, въ гости, разстрѣлялъ... Это—былъ Бѣловъ, эсаулъ Кавказскаго казачьяго войска, который, по его разсказу «морячкамъ», временно завѣдывалъ одной изъ пограничныхъ казачьихъ станицъ, вообще по тому времени укрѣпленныхъ. На станицу эту никто не нападалъ и ея не зажигалъ, но изъ-подъ стѣнъ ея горцы угнали выпущенный казаками на пастьбу скоть. Произведя подъ рукой дознаніе и узнавъ, что это сдѣлали мирные горцы, жившіе по сосѣдству, онъ зазвалъ семь человѣкъ, изъ числа наиболѣе вліятельныхъ среди этихъ горцевъ лицъ, къ себѣ въ гости и не разстрѣлялъ, а повѣсилъ ихъ на гласисѣ укрѣпленія. Вотъ за это-то его судили и сослали на каторгу, а если бы онъ разстрѣлялъ князька за нападеніе и поджогъ крѣпостцы, то онъ скорѣе бы получилъ награду, а не кару въ высшей мѣрѣ. Присланный за отцеубійство дворянинъ былъ подпоручикъ Ильинъ, служившій въ Тобольскѣ въ линейномъ батальонѣ. По рѣшенію суда, за дурное поведеніе онъ былъ приговоренъ къ разжалованію въ рядовые, а по обвиненію въ отцеубійствѣ, за неимѣніемъ достаточныхъ доказательствъ, судъ полагалъ оставить его въ сильномъ подозрѣніи. Но императоръ Николай Павловичъ, на утвержденіе котораго восходила конфирмація военнаго суда, изволилъ положить резолюцію: «отцеубійца не долженъ служить въ рядахъ войскъ. Въ каторжныя работы на двадцать лѣтъ». Художникъ, доносчикъ и другъ плацъ-майорскаго денщика Ѳедьки—былъ Аристовъ, когда-то принадлежавшій къ кучкѣ золотой молодежи. Прокутивъ въ молодости состояніе и изподличавшій потомъ на добытіи средствъ, онъ поступилъ въ сыщики. Здѣсь, желая сдѣлать поскорѣе карьеру, оговорилъ до десятка неповинныхъ людей въ противоправительственномъ заговорѣ, и когда оказалось по разслѣдованіи, что это все ложь, понесъ то наказаніе, котоорое злоумышленно готовилъ другимъ. Поляки, пользовавшіеся наибольшими симпатіями въ острогѣ, были Мальчевскій и Жуковскій, сосланные въ каторгу за участіе въ польскомъ жондѣ. Первый принадлежалъ къ числу богатыхъ помѣщиковъ, владѣлъ нѣсколькими имѣніями и былъ, какъ говорили, «паномъ-маршалкомъ». Ненависть его къ русскимъ не знала границъ, но онъ былъ весьма образованный и тактичный человѣкъ, который и въ средѣ нелюбимыхъ людей имѣлъ вѣсъ и силу авторитета. Второй былъ профессоръ упраздненнаго Виленскаго университета, фанатикъ польской идеи, но, какъ человѣкъ и христіанинъ, дѣйствительно заслуживалъ полнога уваженія.

Отъ караула при острогѣ требовали, по тому времени, большаго вниманія, энергіи и бдительности. Онъ долженъ былъ не только сопровождать арестантовъ на работы, но и слѣдить за ними во

время ихъ нахожденія въ острогѣ. Утренняя и вечерняя повѣрка личного состава, наблюденіе за чистотой и порядкомъ въ казармахъ, за недопущеніемъ проноса вина, табаку, картъ и другихъ запрещенныхъ предметовъ, за тишиной и спокойствіемъ среди заключенныхъ, нечаянные осмотры у нихъ и обыски и тому подобное—дѣлали службу начальника караула весьма тяжелой и отвѣтственной. Но «морячки» съ особеннымъ удовольствіемъ шли по наряду за офицеровъ въ карауль при острогѣ, такъ какъ они имѣли возможность быть на виду у начальства и, вмѣстѣ съ тѣмъ, облегчать, хотя нѣсколько, тяжелую участь возбуждавшихъ всеобщее сожалѣніе заточниковъ. Сверхъ наряда арестантовъ на работы по крѣпости и въ ея окрестностяхъ, нѣсколько арестантовъ назначалось еще и для работъ при острогѣ. Эти послѣдніе арестанты находились въ распоряженіи караула и оставлялись до посылки куда нужно—или въ кордегардіи, или въ своихъ камерахъ. При такихъ условіяхъ «морячки» всегда могли, для работъ при острогѣ, оставлять тѣхъ заключенныхъ, кого они хотѣли. Обыкновенно, извѣстна была очередь смѣны карауловъ; такъ, на примѣръ, карауль отъ 4-го батальона, съ Левшинымъ за начальника, долженъ былъ на другой день смѣниться карауломъ отъ 5-го батальона, съ княземъ Хованскимъ за начальника, который, въ свою очередь, имѣлъ быть смѣненъ карауломъ отъ 6-го батальона, съ Брылкинымъ за начальника. Желавшій оставить кого либо изъ арестантовъ для работъ при острогѣ писалъ о томъ наканунѣ записку начальнику караула, котораго онъ долженъ былъ на утро смѣнить, и тотъ оставлялъ просимаго арестанта въ острогѣ. Такимъ образомъ, Э. М. Достоевскій и С. Э. Дуровъ часто оставались для работъ при острогѣ и, по смѣнѣ стараго караула, требовались новымъ начальникомъ въ кордегардію и находились нѣкоторое время въ комнатѣ караульнаго офицера, гдѣ имъ сообщались новости дня, передавались отъ сердобольныхъ людей пожертвованія, и дозволялось чтеніе приносимыхъ молодежью книгъ и получаемыхъ отъ родственниковъ или сотоварищей писемъ изъ Петербурга. Время вызова сообразовалось съ часами, когда посѣщеній начальства не ожидалось; но на всякій случай въ кордегардіи всегда находился наготовѣ назначенный для сопровожденія ихъ на работы конвойный. Генераламъ Бориславскому, какъ завѣдывавшему всѣми работами арестантовъ, и де-Граве, какъ коменданту крѣпости, было даже сообщено объ этомъ въ частномъ разговорѣ докторомъ Троицкимъ, но они только посмѣялись, посовѣтовавъ ему передать юношамъ, чтобы они все-таки были осторожными.

Характеръ Э. М. Достоевскаго, по рассказамъ одного изъ «морячковъ», былъ вообще несимпатиченъ, онъ смотрѣлъ волкомъ въ западнѣ; не говоря уже объ арестантахъ, которыхъ онъ вообще чуждался и съ которыми ни въ какія человѣческія соприкосно-

венія не входилъ, ему тяжелы казались и гуманныя отношенія лицъ, интересовавшихся его участію и старавшихся по возможности быть ему полезными. Всегда насупленный и нахмуренный, онъ сторонился вообще людей, предпочитая въ шумѣ и гамѣ арестантской камеры оставаться одинокимъ, дѣлясь съ кѣмънибудь словомъ, какъ какойнибудь драгоценностью, только по надобности. Будучи вызванъ «морячками» въ офицерскую комнату, онъ держался съ ними болѣе, чѣмъ сдержанно, на приглашеніе присѣсть и отдохнуть часто отказывался и уступалъ только настоятельной просьбѣ, отвѣчалъ на вопросы неохотно, а въ интимные разговоры и сердечныя изліянія почти никогда не пускался. Всякое изъясненіе сочувствія принималъ недоувѣрчиво, какъ будто подозрѣвалъ скрытую въ томъ неблагопріятную для него цѣль. Онъ отказывался даже отъ чтенія приносимыхъ молодежью книгъ и только два раза заинтересовался «Давидомъ Копперфильдомъ» да «Замогильными записками Шикквикскаго клуба», Диккенса, въ переводѣ Введенскаго, и бралъ ихъ въ госпиталь для прочтенія. Докторъ Троицкій объяснялъ его нелюдимость и мнительность болѣзненнымъ состояніемъ его организма, подвергавшагося, какъ извѣстно, эпилептическимъ припадкамъ, и распатанностью всей нервной системы, хотя на видъ онъ казался здоровымъ, бодрымъ и крѣпкимъ и на всѣ работы ходилъ наравнѣ съ другими. По мнѣнію же «морячка», нелюдимость его происходила изъ боязни, чтобы какіянибудь отношенія къ людямъ или нелегальныя поблажки не сдѣлались извѣстными начальству и не отягчили бы, вслѣдствіе того, его положенія. С. О. Дуровъ, напротивъ, вызывалъ къ себѣ всеобщее сочувствіе. Несмотря на крайне болѣзненный и изнуренный видъ, онъ всѣмъ интересовался, любилъ входить въ соприкосновеніе съ интересовавшею его общео, вѣострожною, людскою жизнію и былъ сердечно благодаренъ за всякое посильное облегченіе или матеріальную помощь. Говорилъ онъ обо всемъ охотно, даже вступалъ въ споры и могъ увлекать своимъ живымъ и горячимъ словомъ слушателя. Въ немъ чувствовалась правдивая, искренне убѣжденная и энергичная натура, которую не могло сломить несчастіе, и за это онъ пользовался большей, чѣмъ О. М. Достоевскій, симпатіею. Бывали, однако, случаи, когда его какоенибудь слово выбивало изъ колеи, горячность овладѣвала имъ, и онъ увлекался до самозабвенія. Стоило, напримѣръ, употребить при немъ, хотя бы не взначай, въ разговорѣ имя его родственника, генерала (впослѣдствіи графъ) Якова Ивановича Ростовцева, — и онъ забывалъ всякую мѣру сдержанности и впадалъ, по отношенію къ нему, даже въ несправедливость. Чтеніе любилъ, но съ особенною жадностію бросался на французскіе романы, какъ, напримѣръ, «Королева Марго», «Графиня Монсоро» и «Графъ Монтекристо» — А. Дюма, «Парижскія тайны» и «Вѣчный жидъ» — Е.

Сю, «Сынъ дьявола» — Поля Феваля и др. Онъ выпрашивалъ эти романы, проглатывалъ ихъ въ нѣсколько вечеровъ и приходилъ просить другіе ¹⁾. Но просьбу его не всегда можно было исполнить, такъ какъ богатствомъ книгъ Омскъ не щеголялъ. Поражало «морячковъ» въ характерѣ этихъ двухъ петрашевцевъ то, что они ненавидѣли другъ друга всею силою души, никогда не сходились вмѣстѣ и въ теченіе всего времени нахождения въ Омскомъ острогѣ не обмѣнялись между собой ни единымъ словомъ. Вызванные вмѣстѣ для бесѣды въ офицерскую комнату, они оба сидѣли, насупившись, въ разныхъ углахъ и даже на вопросы юношей отвѣчали односложными: «да» или «нѣтъ»; такъ что ихъ стали вызывать не иначе, какъ по одиночкѣ. С. Ѡ. Дуровъ, на сдѣланный ему по сему предмету вопросъ, отвѣчалъ, что ни одинъ изъ нихъ не начнетъ говорить первымъ, такъ какъ осторожная жизнь сдѣлала ихъ врагами. Въ «Запискахъ изъ Мертваго дома» Ѡ. М. Достоевскій распространяется обо всѣхъ наиболѣе замѣчательныхъ арестантахъ, бывшихъ вмѣстѣ съ нимъ въ острогѣ, замаскировывая только нѣкоторыхъ подъ начальными буквами ихъ фамилій; но С. Ѡ. Дурова ни полнымъ именемъ, ни подъ инициалами фамиліи, нигдѣ, какъ будто его въ острогѣ не было, не упоминаетъ. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда рѣшительно нельзя было умолчать о немъ, онъ отзывался такъ: «насъ, т. е. меня и другого ссыльнаго изъ дворянъ, съ которымъ я вмѣстѣ вступилъ въ каторгу, напугали»... или: «я съ ужасомъ смотрѣлъ на одного изъ моихъ товарищей (изъ дворянъ), какъ онъ гасъ въ острогѣ, какъ свѣчка. Вошелъ онъ въ него вмѣстѣ со мною, еще молодой, красивый, добрый, а вышелъ полуразрушенный, сѣдой, безъ ногъ, съ одышкой»... Большое участіе въ петрашевцахъ принималъ старшій докторъ госпиталя Троицкій. Онъ иногда сообщалъ имъ черезъ «морячковъ», что они теперь могутъ (тотъ или другой) прійти въ госпиталь на передышку, и они отправлялись, и вылеживали тамъ по нѣскольку недѣль, получая хорошей сытной столъ, чай, вино и другіе предметы, частію съ госпитальной, частію съ докторской кухни. «Записки изъ Мертваго дома», какъ рассказывалъ одному изъ юношей И. И. Троицкій, началъ писать Достоевскій въ госпиталѣ, съ его разрѣшенія, такъ какъ арестантамъ никакихъ письменныхъ принадлежностей, безъ разрѣшенія начальства, имѣть было нельзя, а первыя главы ихъ долгое время находились на храненіи у старшаго госпитального фельдшера. Покровительствовалъ петрашевцамъ и генералъ Бориславскій, черезъ адъютанта своего управленія, подпоручика Иванова ²⁾. Онъ разрѣшилъ назначать ихъ на

¹⁾ Онъ не дожидаясь вызова, но въ случаѣ надобности, возвращаясь съ работу и узнавъ, что въ караулѣ стоитъ кто нибудь изъ «морячковъ», заходилъ самъ въ кордегардію съ конвойнымъ.

²⁾ Константинъ Ивановичъ Ивановъ впоследствии служилъ въ главномъ

самыя легкія работы (кромѣ тѣхъ случаевъ, когда они, какъ, на примѣръ, Достоевскій, сами хотѣли идти на работы вмѣстѣ съ прочими арестантами, въ особенности въ началѣ прибытія на каторгу), и въ крѣпости, и внѣ оной, къ числу которыхъ относились: малярныя работы, верченіе колесъ, обжиганіе алебаstra, отгребаніе снѣга и прочія. Ѳедору Михайловичу даже было позволено ходить въ канцелярію инженернаго управленія для письменныхъ занятій, отъ которыхъ его велѣно было, впрочемъ, скоро уволить, по докладу полковника Мартена корпусному командиру о несоотвѣтствіи подобныхъ занятій для людей, сосланныхъ въ каторжныя работы за политическія преступленія. Немалую услугу оказалъ Ѳ. М. Достоевскому также и одинъ изъ «морячковъ». Оставленный однажды для работъ въ острогъ, онъ находился въ своей казармѣ и лежалъ на нарахъ. Вдругъ пріѣхалъ плацъ-майоръ Кривцовъ—этотъ описанный въ «Запискахъ изъ Мертваго дома» звѣрь въ образѣ человѣка.

— Это что такое?—закричалъ онъ, увидя Ѳедора Михайловича на нарахъ:—почему онъ не на работѣ?

— Боленъ, ваше высокоблагородіе,—отвѣчалъ находившійся въ караулѣ за начальника «морячокъ», сопровождавшій плацъ-майора въ камеры острога:—съ нимъ былъ припадокъ падучей болѣзни.

— Вадоръ!.. я знаю, что вы потакаете имъ!.. въ кордегардію его!.. ровогъ!..

Пока стащили съ наръ и отвели въ кордегарію дѣйствительно вдругъ заболѣвшаго со страху петрашевца, караульный начальникъ послалъ къ коменданту ефрейтора съ докладомъ о случившемся. Генераль де-Граве тотчасъ пріѣхалъ и остановилъ приготовленія къ экзекуціи, а плацъ-майору Кривцову сдѣлалъ публичный выговоръ и строго подтвердилъ, чтобы больныхъ арестантовъ отнюдь не подвергать наказаніямъ.

Общественная жизнь въ Омскѣ въ то время была развита крайне слабо. Театра не существовало вовсе. Устраиваемые по временамъ баронессой Сюрвельгельмъ спектакли для высшаго общества давались на форштадтѣ въ казачьемъ манежѣ. Ни литературныхъ вечеровъ, ни ученыхъ собраній, ни лекцій никто не затѣвалъ. Были одни танцевальныя вечера да балы. Давалъ ежегодно одинъ или два бала генераль-губернаторъ, давало балы дворянское собраніе, давалъ балъ откупщикъ. На нихъ собирались по обязанности, потому что замѣчались не тѣ, кто пріѣхалъ, а тѣ, кого нѣтъ, и изслѣдовались причины ихъ отсутствія. Конечно, все, что числилось на службѣ, облакалось въ мундиры и составляло генераль-губернаторскій хвостъ, а жены и дочери служащихъ служили живой

инженерномъ управленіи. Онъ былъ женатъ на дочери декабриста Анненкова и старался сдѣлать для Достоевскаго все, что только могъ.

красивой обстановкой гостинныхъ и танцевальныхъ залъ, гдѣ одна только молодежь, «не заботясь объ утрѣ», весело щебетала и съ увлеченіемъ плясала и прыгала до утра. На одномъ изъ такихъ баловъ князь Горчаковъ, какъ Парисъ, былъ судьей красоты омскихъ богинь. Передъ нимъ совершенно неожиданно предстали три красавицы: генеральша К., княгиня Ш. и баронесса С., и просили его сказать безпристрастно, которая изъ нихъ имѣетъ большее право на обладаніе Эротомъ. Князь оказался въ затрудненіи, но вышелъ изъ него, благодаря совѣту, тихо подсказанному полковникомъ Мартеномъ. Онъ отвѣтилъ богинямъ, что всѣ онѣ имѣютъ право на обладаніе божкомъ любви (подъ которымъ подразумѣвался одинъ изъ разившихся въ Аполлона «морячковъ»), но должны ловить пускаемыя имъ стрѣлы страсти на лету, и которая поймаетъ, той онъ и будетъ принадлежать тогда. На другомъ балу у него вышло недоразумѣніе съ супругой коменданта, которая, не понявъ особенно любезнаго обращенія къ ней князя Петра Дмитриевича, потрепавшаго ее дружески по плечу, совершенно неумѣстно отвѣтила ему: «Вы, ваше сіятельство, вѣроятно, ошиблись, принявъ меня за такую особу, которая почтетъ себя счастливой, получа подобное доказательство вашего вниманія, но я, къ сожалѣнію, къ числу ихъ не принадлежу». Но балы были рѣдки, а общество разьединено, поэтому каждый убивалъ свое свободное время въ своемъ же тѣсномъ излюбленномъ кружкѣ. Только какія нибудь затѣи, въ родѣ поѣздокъ съ дамами въ степь на маѣвку, или именинные, свадебные и крестинные обѣды или вечера соединяли нѣкоторые кружки, и люди на нѣсколько часовъ сходились и обмѣнивались мыслями и взглядами. Будничная же обыденная жизнь тянулась ужасно вяло, и въ салонахъ самыхъ элегантныхъ женщинъ царилъ страшная скука, такъ что Бальбина Гавриловна всегда и вездѣ была желанной гостьей. Да и какъ было дамамъ не любить ее! Сегодня она появлялась и рассказывала, что въ билліардной комнатѣ генераль-губернаторскаго дворца адъютантъ Г—ка расправился собственно съ чиновникомъ особыхъ порученій Мо—мъ, позволившимъ себѣ сказать что-то оскорбительное по поводу одной особы, и что ожидается дуэль. Завтра она удостовѣряла, что дуэли не будетъ, такъ какъ приказано Г—ку отчислить и выслать въ Екатеринбургъ, а Мо—ва перевести куда-то въ степь. На третій день она являлась съ пикантнымъ извѣстіемъ, что адъютантъ генерала Яковлева К—скій, сажавшій на козлы своего экипажа за кучера эксцентричную свою любовницу, заѣхалъ съ друзьями на кладбище, приказалъ вырыть могилу, опустилъ въ нее свою даму-кучера и зарылъ ее въ ней по горло живую. Потомъ, пропѣвъ надъ ней панихиду, уѣхалъ, а женщину велѣлъ освободить только вечеромъ. Черезъ недѣлю эта живая омская газета сообщала, что полицей-мейстеръ полковникъ Ше—въ, извѣстный любитель прекраснаго

пола, при возвращеніи изъ Вельяминовой рощи ночью былъ плѣненъ обиженными имъ соперниками, переодѣвшимися для того въ киргизское платье, и отвезенъ на лодкѣ за Иртышъ, гдѣ онъ и былъ брошенъ связаннымъ въ камышахъ, и откуда его только на другой день привезли нашедшіе его тамъ случайно табунныя пастухи. А спустя двѣ недѣли, Бальбина Гавриловна, покатываясь со смѣху, представляла чуть не въ лицахъ, какъ одинъ изъ генераловъ, вышедши вечеркомъ на прогулку, былъ настигнутъ выбѣжавшимъ на улицу арестантскимъ козломъ и получилъ такой сильный ударъ рогами сзади, что онъ упалъ, и фуражка у него слетѣла съ головы. Генераль на столько разсердился, что бросился на гауптвахту и отдавшему ему честь караулу приказалъ арестовать козла. Когда же вѣсть объ этомъ дошла до генераль-губернатора, князь Горчаковъ приказалъ коменданту освободить козла, а генералу написать, что гауптвахта и караулы существуютъ не для козловъ.

Но если общественная жизнь не была развита въ Омскѣ, — доносы на дѣйствія начальства имѣли въ немъ громадное примѣненіе. Не было учрежденія, на которое бы ктонибудь не доносилъ или не жаловался. Даже докторъ Троицкій и тотъ долженъ былъ испытать на себѣ всѣ непріятности подобной эпидеміи. Одинъ изъ его помощниковъ, ординаторъ Кр—вскій, сдѣлалъ на него доносъ въ Петербургъ, что онъ оказываетъ слишкомъ большое снисхожденіе и потворство политическимъ арестантамъ. Вслѣдствіе этого было прислано особое лицо для разслѣдованія, и омскому начальству не мало стоило трудовъ, чтобы замять дѣло, сильно раздутое доносчикомъ. Но при всемъ томъ, что докторъ Троицкій не былъ признанъ виновнымъ, ему объявили строгій выговоръ, ординатора же Кр—скаго перевели изъ Омска въ другой госпиталь, расположенный гдѣ-то на дальней пограничной линіи.

Разслѣдованіе это, однако-жь, не обошлось безъ курьезовъ. Присланный изъ Тобольска для производства слѣдствія, совѣтникъ уголовной палаты баронъ Шиллингъ принялся за дѣло горячо, держалъ себя авторитетно и отъ знакомствъ съ омскимъ обществомъ сторонился. Это, конечно, не могло понравиться мѣстнымъ властямъ, они приняла противъ него свои мѣры, и бѣдный слѣдователь къ раскрытію истины надлежащаго содѣйствія не получилъ. Спрошенные имъ, по указанію ординатора, Кр—го, свидѣтели не подтвердили сдѣланныхъ доносчикомъ заявленій. Политическіе арестанты, при допросѣ ихъ, давали такіе уклончивые инскавательные отвѣты, что слѣдователь становился втупикъ и только бранился. Такъ, Ф. М. Достоевскій, на сдѣланный ему слѣдователемъ вопросъ: не писалъ ли онъ чего либо въ острогѣ, или когда находился въ госпиталѣ?—отвѣтилъ:

— Ничего не писалъ и не пишу, но матеріалы для будущихъ писаній собираю.

— Гдѣ же матеріалы эти находятся?

— У меня въ головѣ.

С. О. Дуровъ, на тотъ же вопросъ, отвѣчалъ:

— Зачѣмъ писать, когда мы, поэты, можемъ пѣть!.. пѣть пріятнѣй, чѣмъ писать...

Поляки смиренничали поіезуитски, но отвѣтъ держали въ унисонъ съ русскими. Мальчевскій сказалъ:

— Нѣхъ бендзе похваленъ Езусъ Христусъ!.. якъ не писать, пишемъ, пане, пишемъ вшистце наши жалобы и утѣсненя, тылько пишемъ, пане, не на папирусѣ, а въ сердцѣ кровію... Венце-жъ ницъ не пишемъ.

Жуковскій же долго молчалъ, какъ бы собираясь съ мыслями что-то открыть, потомъ вдругъ заплакалъ и тихо проговорилъ:

— Нѣтъ, мы ничего не пишемъ, мы только молимся, а пишутъ за насъ ангелы Божіи въ небесахъ...

Слѣдователь, видя неудачу, рѣшился на крайнюю мѣру — произвести обыскъ въ острогѣ. Онъ написалъ объ этомъ коменданту, и острогъ подвергся внезапному осмотру. Но арестантовъ предупредили подъ рукою заблаговременно, и они къ посѣщенію начальства приготовились. Все запрещенное было ими удалено и припрятано внѣ острога, кромѣ нѣсколькихъ вещей, оставленныхъ подъ нарами и въ другихъ мѣстахъ, для смѣха надъ начальствомъ и потѣхи. Въ назначенное время, вмѣстѣ со слѣдователемъ, прибыли въ острогъ комендантъ, плацъ-майоръ и осторожное начальство. Арестанты подъ конвоемъ были выведены изъ камеръ и поставлены во фронтъ на дворикѣ острога; всѣ же занимаемыя ими помѣщенія строжайше обысканы. Трофеями обыска оказались: банка помады, флаконъ одеколона, рваная женская юбка, чулки и дѣтскій нагрудничекъ. Но самой неожиданной находкой было нѣсколько писанныхъ листковъ почтовой бумаги. Комендантъ и слѣдователь одновременно протянули къ нимъ руки и, когда прочитали ихъ, оба расхохотались. На листкахъ написано было, въ видѣ молитвы, заклинаніе отъ сатаны; испедшаго изъ преисподней на землю, въ образѣ изверга — плацъ-майора Кривцова. Нужно ли говорить: какую обильную пищу далъ этотъ грозный обыскъ для смѣха омскому обществу!

Но корпусному командиру было не до смѣху: въ Омскѣ стали ходить слухи, что онъ очень измѣнился какъ въ своихъ пріемахъ, такъ и въ обращеніи. Въ немъ стали замѣчать какую-то, несвойственную ему прежде, нервность. Онъ скучалъ и хандрилъ, и почти совсѣмъ изолировался отъ мѣстнаго общества. Комендантша въ своемъ кружкѣ подъ секретомъ говорила, что князь пьетъ пофельдфебельски, а Бальбина Гавриловна, напротивъ того, пресерьезно увѣряла, что онъ хочетъ жениться на своей фавориткѣ, но что этого ему, къ сожалѣнію, сдѣлать будто бы нельзя. Но

такъ или иначе, а князю Петру Дмитриевичу дѣйствительно какъ будто не везло. То онъ имѣлъ непріятности съ командирами казачьихъ частей Па—мъ и Си—мъ: одинъ отказался осмотрѣть подсѣды на ногахъ собственныхъ его лошадей, другой не продалъ ему понравившейся на бѣгу кобылы. То онъ, при объѣздѣ края, въ степи подвергся смертельной опасности, будучи ужаленъ тарантуломъ, отъ гибельныхъ послѣдствій котораго спасли его какимъ-то киргизскимъ снадобьемъ. Бальбина Гавриловна, по секрету, передавала, что князя укусила не гадина, а его фаворитка; фаворитка же всѣмъ и каждому рассказывала, что корпуснаго командира ужалилъ смертельно не тарантулъ, а его дежурный штабъ-офицеръ. Дѣйствительно произошло что-то таинственное: князь Горчаковъ заскучалъ, заскучалъ, и уѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ онъ провелъ нѣсколько мѣсяцевъ и назадъ въ Омскъ не вернулся. Говорили, что его выввали изъ края вслѣдствіе какихъ-то серьезныхъ жалобъ на его управленіе. Такъ ли это—никто не зналъ, но только новымъ корпуснымъ командиромъ и генераль-губернаторомъ Западной Сибири былъ назначенъ генераль Гасфортъ; а для ревизіи дѣлъ управленій присланъ, по высочайшему повелѣнію, съ особыми полномочіями генераль-отъ-инфантеріи Шлиппенбахъ, съ цѣлой свитой чиновниковъ-законниковъ. Началась встряска, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, и нѣкоторымъ омскимъ дѣятелямъ не посчастливилось: полковникъ Мартень, корпусный докторъ Задуговскій, генераль Шрамъ, генераль Клейстъ, князь Шаховской, наказной атаманъ Воробьевъ и нѣкоторыя другія лица должны были оставить занимаемыя ими должности, а знаменитый «человѣкъ-звѣрь», плацъ-маіоръ Кривцовъ, былъ уволенъ отъ службы и преданъ суду.

Новый корпусный командиръ не замедлил пожаловать въ Омскъ. Это былъ ученый генераль, не въ смыслѣ нашихъ вообще военноученыхъ, оканчивающихъ курсъ въ академіи генеральнаго штаба, но особенно ученый, учившійся у насъ и за границу въ нѣсколькихъ университетахъ и академіяхъ и имѣвшій до пяти докторскихъ дипломовъ по разнымъ сферамъ наукъ. Человѣкъ почтенныхъ лѣтъ, но, какъ студентъ, весьма гуманный, мягкій и обходительный, онъ не принадлежалъ къ типу громовержцевъ и всей своей фигурой, голосомъ и манерами походилъ скорѣе на профессора, нежели на строеаго генерала-фронтовика. Во время проѣзда изъ Петербурга въ Омскъ онъ останавливался въ Перми и тамъ вступилъ во второй бракъ съ дѣвицей Львовой. Молодая супруга его пріѣхала вмѣстѣ съ нимъ и оказалась особой очень симпатичной, милой и къ нуждамъ бѣдныхъ и обездоленныхъ классовъ внимательной. Генераль-губернаторскій дворецъ оживился, но почтенная «молодая чета», по своей скромности и безпритязательности,

представляла собою самый разительный контрастъ смѣненному правителю и вскорѣ приобрѣла всеобщую любовь и уваженіе.

Послѣ долго тянувшихся официальныхъ пріемовъ служащаго персонала и знакомствъ съ лицами высшихъ сферъ города, смотровъ войскъ и посѣщеній разныхъ учреждений, генераль Гасфортъ потребовалъ къ себѣ и «морячковъ». Онъ принялъ ихъ за-просто, участливо и сердечно, съ каждымъ говорилъ, каждого опросилъ, каждого выслушалъ и, отпуская ихъ, сказалъ, что въ Петербургѣ довольны ихъ службой и поведеніемъ, и что они могутъ рассчитывать на его покровительство, если они не будутъ терять драгоценнаго времени даромъ и не постараются дополнить своего образованія, такъ какъ оно необходимо не только въ военной службѣ, но и вездѣ, какой бы путь въ жизни они впослѣдствіи себѣ ни избрали. Рѣчь эту онъ закончилъ словами: «прощайте, господа, помните, что каждый шагъ вашъ мнѣ будетъ извѣстенъ, и не думайте, что это — фраза, я даю вамъ въ томъ слово, и слово свое исполню». Супруга его присутствовала при пріемѣ, и хотя ничего не говорила, но поклономъ и улыбкой какъ будто подтвердила сказанное ея мужемъ.

На мѣсто полковника Мартена генераль Гасфортъ привезъ съ собою майора Колычева, человѣка молодого, простого и услужливаго. Съ нимъ пріѣхала его жена и племянница, особа замѣчательно красивая и умная (вышедшая впослѣдствіи замужъ за Львова, родственника супруги генераль-губернатора). Но это не мѣшало новому дежурному штабъ-офицеру быть любителемъ прекраснаго пола, которымъ онъ занимался болѣе, чѣмъ дѣлами, и поэтому роли своего предшественника онъ не только не игралъ, но, въ отношеніи вліянія, значительно уступалъ нѣкоторымъ адъютантамъ, какъ, напримѣръ, Колпаковскому или Соловцову, приобрѣвшимъ у новаго корпуснаго командира большое значеніе. Иванъ Ивановичъ Троицкій былъ назначенъ корпуснымъ штабъ-докторомъ, на мѣсто Залуговскаго, и считался въ генераль-губернаторскомъ домѣ своимъ человѣкомъ. Необходимо замѣтить, что этотъ топоромъ срубленный и лыкомъ сшитый человѣкъ дѣйствительно вполнѣ достоинъ былъ порученнаго ему мѣста. Онъ началъ службу ординаторомъ въ одномъ изъ госпиталей новгородскаго военнаго поселенія (кажется, въ Старой Руссѣ) и во время бунта поселянъ, въ 1831 году, избѣжалъ смерти по любви къ нему подчиненныхъ солдатъ: онъ переодѣлся въ солдатское платье и три дня исполнялъ, вмѣстѣ съ нижними чинами, обязанности госпитальнаго служителя. Затѣмъ, перейдя на службу въ Западную Сибирь, онъ достигъ высокаго положенія корпуснаго штабъ-доктора, благодаря своимъ заботамъ, попечительности и гуманному отношенію ко всѣмъ больнымъ безъ исключенія, начиная съ высшаго начальства и кончая послѣднимъ арестантомъ-преступникомъ. Доброта его доходила до того, что тѣмъ же самымъ

поселянамъ, которые искали его смерти въ 1831 году и, по отбытіи наказанія, были сосланы въ Сибирь, онъ платилъ при первой къ тому возможности облегченіемъ ихъ участи и посильной помощью. Директоромъ сибирскаго кадетскаго корпуса, на мѣсто генерала Шрамма, былъ назначенъ генераль-маіоръ Павловскій. Вся его прежняя служба принадлежала воспитанію дѣтей, онъ много лѣтъ инспекторствовалъ въ одномъ изъ столичныхъ кадетскихъ корпусовъ, но замѣнить своего предшественника, котораго и кадеты, и весь служебный персоналъ любили за доброту души, мягкій и незлобивый характеръ, къ сожалѣнію, не могъ. Недовольство существовавшими порядками и строгость съ первыхъ же дней создали ему много затрудненій, и онъ, не смотря на свою пунктуальность, опытность и педантичность, надлежащаго престижа не достигъ и продержался не долго. Говорили, что подобному исходу будто бы много способствовала неудачная женитьба генерала на особѣ низшаго сословія. Но это было дѣло второстепенное, а вся суть заключалась въ томъ, что образъ служебныхъ дѣйствій новаго директора корпуса не соответствовалъ гуманнымъ воззрѣніямъ генерала Гасфорта.

Вмѣстѣ съ перемѣнами въ личномъ составѣ высшаго управленія на омскомъ горизонтѣ совершенно неожиданно появилась «Салтанетка» (или Салтанъ-Анетка). Извѣстный кавказскій герой, генераль Пассекъ, при разгромѣ одной изъ шамилевскихъ резиденцій, захватилъ въ плѣнъ племянницу Шамиля, маленькую дѣвочку Салтанету, которую и переслалъ къ своему брату Владиміру Пассеку, служившему въ Сибири инженеромъ. Тотъ ее принялъ, крестилъ съ именемъ Анны и воспиталъ; а когда дѣвочка выросла, то и выдалъ замужъ за какого-то мелкаго чиновника. Салтанета не ужилась съ нимъ, ушла и гдѣ-то скрылась. Вернулась она въ Омскъ въ свитѣ молодой супруги генераль-губернатора, не то лекторшей, не то камеристской, но только долго при генеральшѣ не продержалась, оставила службу и зажила вольной горской жизнью. Она не была хороша собой, но въ ней было что-то дьявольское, забиравшее людей въ лапы помимо ихъ воли. Не было въ Омскѣ молодца-красавца, который бы не позарился на «Салтанетку». Но она, какъ родственница великаго имама, предпочитала старшинъ и отцовъ города, людей съ положеніемъ и вѣсомъ, отъ которыхъ можно было ждать великія и богатая милости, и которые уходили отъ нея всѣ искусанные и исцарапанные до крови. Наибольшимъ вниманіемъ дарилъ ее новый дежурный штабъ-офицеръ, а ея наибольшей благосклонностью, напротивъ, пользовался одинъ изъ «морячковъ» — красавецъ, бывшій подъ особой протекціей сперва генеральши К. и княгини Ш., а потомъ супруги адъютанта С. На «Салтанеткѣ» столкнулись двѣ силы: сила власти и сила юности, ловкости и красоты; но побѣда осталась за первой: юноша былъ удаленъ изъ Омска.

Изъ числа «морячковъ», по ходатайству ихъ родственниковъ въ Петербургѣ, въ это время были переведены: баронъ фонъ-Геллесемъ—въ войска кавказскаго корпуса и Калугинъ—въ войска 6-го пѣхотнаго корпуса, откуда онъ въ Крымскую войну перешель въ одинъ изъ черноморскихъ флотскихъ экипажей, ходилъ во время осады Севастополя на вылазки съ знаменитымъ удалцомъ, лейтенантомъ Бирюлевымъ, и за отличіе награжденъ знакомъ ордена св. Георгія. Брылкинъ же перемѣщенъ изъ 6-го въ 3-й сибирскій линейный батальонъ, расположенный въ Петропавловскѣ, и зачисленъ въ роту, квартировавшую въ укр. Кокчетавѣ.

Въ зиму 1853—1854 годовъ С. Ѳ. Дуровъ и Ѳ. М. Достоевскій окончили срокъ пребыванія въ крѣпости и выпущены рядовыми въ сибирскіе линейные батальоны: первый—въ 3-й (въ Петропавловскѣ), а послѣдній—въ 7-й (въ Семипалатинскѣ). Сергѣй Ѳеодоровичъ былъ зачисленъ въ ту же роту, гдѣ находился и Брылкинъ, и поселился съ нимъ вмѣстѣ. Это дѣйствительно былъ, какъ писалъ Достоевскій, «полуразрушенный, сѣдой, безъ ногъ, съ одышкой» человекъ, или, лучше сказать, развалина, вмѣщавшая въ себѣ всевозможныя болѣзни и недуги. Ему не было еще и 40 лѣтъ, но онъ не могъ двигаться безъ посторонней помощи, не могъ по утрамъ достать со столика лежащей на немъ тавлинки съ табакомъ, не могъ одной рукой поднести къ носу понюшки табаку: нужно было, чтобы другая рука помогла дотянуться ей до носа. Эту руину мѣстный врачъ, И. Ф. Зюковъ, подвергъ гидрпатическому лѣченію и, начавъ его въ маѣ и окончивъ въ августѣ, онъ имѣлъ удовольствіе видѣть, какъ его паціентъ совершалъ уже пѣшеходныя прогулки на разстояніи пяти и болѣе верстъ, поднимался на гору и спускался въ ложбины, гдѣ онъ собиралъ въ свои ботаническія коллекціи разныя травы и злаки сибирской флоры. О жизни этой мы распространяться не будемъ, скажемъ только, что Сергѣй Ѳеодоровичъ, благодаря заботамъ и уходу доктора Зюкова, въ здоровьѣ поправился и, когда вышло ему прощеніе, въ іюлѣ 1856 года, выѣхалъ на жительство въ Одессу.

Въ «Туркестанскихъ Вѣдомостяхъ», за 1892 годъ, появились «Воспоминанія» А. Иванова, который рассказываетъ, что Ѳ. М. Достоевскій, находясь въ 1855 году въ г. Семипалатинскѣ рядовымъ, написалъ на смерть государя императора Николая Павловича стихотвореніе и просилъ инспектировавшаго въ то время 7-й линейный батальонъ дивизионнаго генерала Дометти представить его, чрезъ корпуснаго командира, вдовствующей императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ. Стихи эти были представлены генералу Гасфорту (котораго г. Ивановъ обоввалъ ретроградомъ и энциклопедистомъ въ смыслѣ архивнаго склада отрывочныхъ научныхъ знаній); но онъ будто бы отвѣтилъ генералу Дометти, что стихотворство—не солдатское дѣло, что не слѣдуетъ поощрять этого пусто-

мельства, и назвалъ литературу—зломъ, а литераторовъ—злодѣями. Въ заключеніе авторъ «Воспоминаній» восклицаетъ: «были ли представлены эти стихи Гасфортомъ согласно просьбѣ автора, не извѣстно». Въ интересахъ истины, необходимо сказать нѣсколько словъ въ защиту генерала Гасфорта. Очевидно, г. Ивановъ не зналъ его лично, или не составилъ о немъ надлежащаго представленія, иначе онъ не позволилъ бы себѣ такъ отзываться о немъ. Очень можетъ быть, что онъ, какъ высшая власть въ краѣ, высказалъ генералу Дометти свой принципиальный взглядъ на значеніе солдата, находя, что стихотворство не его дѣло и что поощрять этого не слѣдуетъ. Можетъ быть, онъ высказалъ даже общій, по тому времени, руководящій взглядъ высшихъ петербургскихъ сферъ на солдатское развитіе. Это—дѣло возможное. Но договориться до того чтобы назвать литературу—зломъ, а литераторовъ—злодѣями, онъ уже никакъ не могъ, во-первыхъ, потому, что это былъ не ретроградъ, а передовой, высокообразованный и гуманный человѣкъ, ставившій на первомъ планѣ въ жизни науку и литературу, а, во-вторыхъ, потому, что и самъ любилъ и высоко цѣнилъ поэзію и музыку. Что же касается стиховъ Ѳ. М. Достоевскаго, то они, по словамъ И. И. Троицкаго, произвели глубокое впечатлѣніе на генераль-губернаторскую чету и въ то же время представлены генераломъ Гасфортомъ военному министру. Говорилъ это онъ С. Ѳ. Дурову лѣтомъ 1855 года, когда пріѣзжалъ въ Кокчетавъ для ревизіи госпитальной части, и упрекалъ его при этомъ: почему онъ не написалъ такихъ же стиховъ, такъ какъ онъ владѣлъ стихомъ лучше, чѣмъ Достоевскій.

Служба генерала Гасфорта, съ теченіемъ времени, становилась все болѣе и болѣе тихою. Онъ нашелъ во второмъ своемъ супружествѣ—Капую, и выхода ему изъ нея не было. Характеръ его измѣнился, онъ сдѣлался еще болѣе серьезенъ и сосредоточенъ, и все свободное отъ дѣлъ время проводилъ съ молодой женой, которая, говорили, была недурная поэтесса и музыкантша. Онъ даже бралъ ее съ собою, когда совершалъ объѣзды войскъ, расположенныхъ въ степи, или посѣщалъ пограничныя казачьи поселенія, и она помогала ему дѣлать добро. Такъ бѣжало время. Главный начальникъ Западной Сибири не былъ грозой для войскъ и метлой для внутренняго управленія, и нѣкоторые изъ наиболее рьяныхъ фронтовиковъ и дѣловиковъ генераловъ обратили на это его вниманіе, но онъ отвѣтилъ имъ: «Гасфортъ—не Горчаковъ, принципы Гасфорта—наука и добро, переучиваться ему—поздно, и потому онъ до конца своей дѣятельности останется Гасфортомъ». Такимъ образомъ, гуманитарные принципы были провозглашены, наука и добро торжествовали, но за всѣмъ тѣмъ «генераль-буршу», какъ звали Гасфорта мѣстные остряки, не долго пришлось оставаться въ Сибири. Сознавая, что тихая семейная жизнь наиболѣе

соотвѣтствуетъ его возрасту и основнымъ принципамъ жизни, онъ сталъ просить позволенія удалиться на покой, и просьба его была уважена.

Его смѣнили начальникъ 24 пѣхотной дивизіи, генераль-лейтенантъ Дометти, но этой эпохи мы уже не коснемся. Въ 1856 году «морячки» произведены въ офицеры: Брылкинъ—въ 3-й, Левшинъ—въ 4-й, князь Хованскій—въ 5-й и Лихаревъ—въ 6-й Сибирскіе линейные батальоны, вслѣдъ за тѣмъ одни изъ нихъ перешли на службу внутрь Россіи, а другіе вышли въ отставку и возвратились въ Петербургъ.

Брылкинъ вышелъ въ отставку и въ 1860 году лѣтомъ имѣлъ случай встрѣтиться съ его императорскимъ высочествомъ, государемъ великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ. Находясь на службѣ въ обществѣ «Кавказъ и Меркурій» и состоя капитаномъ одного изъ волжскихъ его пароходовъ, онъ въ концѣ іюня пріѣхалъ по дѣламъ въ Петербургъ и въ одинъ изъ праздничныхъ дней, съ родственниками своей жены, отправился въ Павловскъ послушать музыку. На Брылкинѣ была надѣта русская, на выпускѣ, канаусовая, бѣлаго цвѣта, съ косымъ воротомъ, рубашка, синіе канаусовые штаны, забранные въ высокіе лакированные сапоги, поверхъ рубашки черная бархатная безрукавка и на головѣ—форменная фуражка коммерческаго флота съ кокардой и металлическимъ надъ ней якоремъ. (Моду на русскій костюмъ тогда пропагандировали извѣстные дѣятели молодой Россіи: Левъ Камбекъ, Калиновскій и др.). Погулявъ въ паркѣ и проходя затѣмъ къ эстрадѣ, гдѣ играетъ музыка, Брылкинъ и компанія увидѣли стоящій на площадкѣ, запряженный парю лошадей въ шорахъ, кабріолетъ и въ немъ августѣйшаго хозяина Павловска и его супругу, окруженныхъ толпой лицъ высшаго общества, офицеровъ и моряковъ, съ которыми они изволили милостиво разговаривать. Отдавъ ихъ высочествамъ честь по уставу, Брылкинъ и компанія пошли вправо къ фонтану, но не успѣли они сдѣлать и двадцати шаговъ, какъ ихъ догналъ адъютантъ великаго князя, князь Ухтомскій, и передалъ Брылкину, что его высочество изволилъ изъявить желаніе говорить съ нимъ.

— Скажите, пожалуйста,—обратился великій князь Константинъ Николаевичъ съ вопросомъ къ подошедшему къ нему капитану коммерческаго судна:—какая на васъ форма?

— Это—русскій костюмъ, ваше императорское высочество, соединенный съ головнымъ уборомъ коммерческаго флота,—отвѣчалъ капитанъ.

— Ну, а сами вы служите?

— Точно такъ, ваше высочество, я состою командиромъ одного изъ судовъ коммерческаго флота въ обществѣ «Кавказъ и Меркурій».

— Сколько мнѣ помнится, ему дана форма: открытый сюртукъ съ якорями на отложномъ воротникѣ, да что еще?—обратился великій князь къ адъютанту:—кажется, жгуты на плечи?

— Точно такъ, ваше высочество,—поспѣшилъ отвѣтить Брылкинъ:—вмѣсто эполетъ—жгуты, а оружіе—кортикъ.

— Да, да!.. а вы изволили соригинальничать?!.. И дѣйствительно вышло красиво... а все-таки я бы вамъ совѣтовалъ: къ утвержденной формѣ относиться строже. Кстати, скажите мнѣ и фамилію вашу?

— Брылкинъ, ваше императорское высочество.

— Морякъ?

— Точно такъ, ваше императорское высочество.

— Отчего не во флотъ?

— Имѣлъ несчастье, ваше высочество, потерять право на продолженіе службы во флотѣ.

— Ну, я не спрашиваю: почему? все же служили?

— Служилъ, ваше высочество, но не въ строю флота.

— Какого вы выпуска?

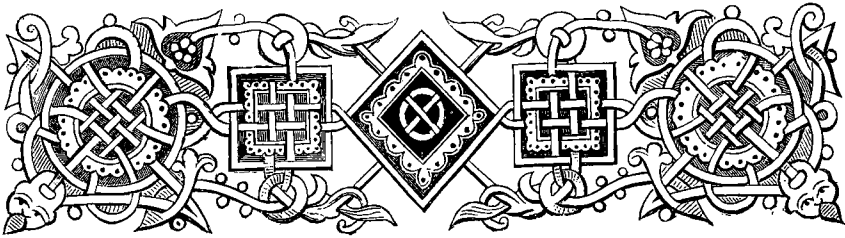
— 1849—1850 годовъ, ваше императорское высочество.

— А!.. помню!.. очень радъ васъ видѣть.

И его высочество милостивымъ поклономъ отпустилъ «морячка», къ слову сказать, не безъ сердечнаго волненія отвѣчавшаго на вопросы августѣйшаго генераль-адмирала.

Петръ Мартыновъ.

ПЕСТРЫЯ СТРАНИЧКИ ¹⁾.

(Изъ литературныхъ воспоминаній).

III.

Смерть И. З. Сурикова. — Его некрологъ въ «Россiа». — Мое знакомство съ Л. А. Спичаковымъ. — Маленькiй казусъ. — Князь Демидовъ Санъ-Донато. — Ниль Адмирари. — А. Д. Путята. — П. Ю. Арнольдъ. — Ю. О. Шрейеръ. — Встрѣча съ Ѳ. М. Достоевскимъ. — Начало конца. — Прекращенiе «Россiа». — Е. А. Сысоена и ея дѣтскiй журналъ. — Смерть Достоевскаго и необычныя похороны. — Зарожденiе идеи «Пушкинскаго кружка». — Мой отъѣздъ изъ Петербурга.

АИДЯ какъ-то въ апрѣлѣ 1880 года къ Н. А. Соловьеву, я не засталъ его дома. На мой вопросъ: «гдѣ же онъ?» горничная отвѣтила: «уѣхали-сь въ Москву».

— Да онъ недавно вернулся изъ Москвы!

— И опять уѣхали.

— Зачѣмъ? Къ кому?

— Не знаю-сь... Получили телеграмму и немедленно уѣхали.

Оказалось, что онъ уѣхалъ на похороны поэта-самоучки Ивана Захаровича Сурикова, съ которымъ давно находился въ дружескихъ отношенiяхъ. Въ 1875 году вышло собранiе стихотворенiй Сурикова. Къ этому изданiю была приложена краткая биографiя поэта, написанная Н. А. Соловьевымъ.

¹⁾ См. «Историческiй Вѣстникъ», томъ LXI, стр. 622.

Суриковъ не мало обязанъ ему и всегда считалъ его своимъ лучшимъ другомъ. Умирая, поэтъ выразилъ желаніе, чтобы къ по- смертному изданію его сочиненій была приложена статья Соловьева. «Пусть онъ пишетъ мою біографію... онъ это сдѣлаетъ лучше всѣхъ»... Согласно волѣ поэта, Солдатенковъ, выпустившій послѣ смерти Сурикова полное собраніе его стихотвореній, поручилъ составленіе біографическаго очерка Н. А. Соловьеву. Этотъ послѣдній все время, пока писалъ очеркъ, жилъ въ квартирѣ И. И. Барышева-Мясническаго, занимающаго у Солдатенкова комфортабельный флигель.

Узнавъ о смерти Сурикова, я набросалъ его некрологъ, въ которомъ кратко разсказалъ жизнь поэта и выяснилъ его значеніе. Я воспользовался при этомъ своей же статьей о Суриковѣ, помѣщенной въ «Общедоступной Библіотекѣ» 1875 года.

Въ ту минуту, какъ я кончалъ некрологъ, ко мнѣ зашелъ А. Н. С.

— Ты знаешь: умеръ Суриковъ, и Соловьевъ уѣхалъ въ Москву.

— Знаю. Я вотъ и некрологъ набросалъ.

— Его хоронятъ на Ваганьковскомъ кладбищѣ, вблизи могилы Левитова.

— Откуда это извѣстно?

— Я знаю.

Это оказалось неправдой. Сурикова похоронили на Пятницкомъ кладбищѣ. Но я повѣрилъ С. и прибавилъ нѣсколько словъ о мѣстѣ погребенія поэта. Мою ошибку повторили многія газеты.

Не могу припомнить теперь, почему именно я отнесъ замѣтку въ «Россію». Я отдалъ рукопись какому-то господину, который сказалъ мнѣ:

— Редактора нѣтъ дома... Я передамъ ему.

— Вы не можете сказать, помѣститъ ли онъ?

— Не могу, но навѣрное—да... Если будетъ время, заѣзжайте часа черезъ три...

Я заѣхалъ.

Мнѣ отперъ дверь самъ Спичаковъ.

— Что вамъ угодно?

— Могу видѣть редактора?

— Къ вашимъ услугамъ.

Леонидъ Александровичъ Спичаковъ былъ въ домашнемъ пиджакѣ и въ туфляхъ. Полный, дебелый, съ сѣдыми всклокоченными волосами, Спичаковъ вообще мало походилъ на журналиста. Онъ производилъ впечатлѣніе помѣщика средней руки.

— Прошу васъ!

Онъ пригласилъ меня въ кабинетъ, въ которомъ царилъ полный безпорядокъ.

— Я вамъ передалъ замѣтку о смерти Сурикова.

«истор. вѣстн.», ноябрь, 1895 г., т. LXX.

11

— Да, я получилъ. Я ее уже послалъ въ типографію. Я мало знаю его... но онъ выбился изъ народа... о немъ слѣдуетъ сказать.

— Не потому что изъ народа только, — промолвилъ я, — но потому, что онъ — настоящій поэтъ и если уступаетъ Кольцову, то во всякомъ случаѣ не маленькій талантъ...

— Да, да... А вы, кажется, пишете рассказы? Вы сотрудничаете въ «Русской Рѣчи?».

— Постоянный сотрудникъ.

— Буду радъ, если примете участіе въ моей газетѣ... Она выходитъ теперь еще не ежедневно, съ перерывами, но скоро начнетъ выходить правильно.

Я предложилъ писать журнальныя обзорѣнія.

— Объ этомъ надо поговорить... и серьезно. Это — отвѣтственный отдѣлъ... Познакомимся... Вы заѣзжайте... буду очень радъ.

Я былъ раза два, но никакихъ серьезныхъ разговоровъ не произошло. Л. А. куда-то спѣшилъ, чѣмъ-то былъ занятъ... Онъ принимался развивать «свой взглядъ», но спохватывался и извинялся, «что спѣшить».

— А когда ваша газета начнетъ выходить опредѣленно?

— Скоро... Съ іюля, должно быть.

Но съ іюля она не стала выходить опредѣленно, а, напротивъ, совсѣмъ прекратилась на время. Въ № 15 появилась слѣдующая замѣтка: «Редакція газеты «Россія» доводитъ до свѣдѣнія своихъ читателей, что существенная перемѣна условій издательства и предстоящая поѣздка редактора лишаютъ редакцію возможности начать ежедневное изданіе съ 1 іюля, а потому газета ежедневно начнетъ выходить съ 1 октября».

Я уѣхалъ на Волховъ.

Какъ-то лѣтомъ, пріѣхавъ съ Волхова въ Петербургъ на нѣсколько дней, я встрѣчаю на Невскомъ господина... Я не сомнѣваюсь, что это Спичаковъ, и подхожу къ нему.

— Здравствуйте!

Мы пожимаемъ другъ другу руки.

— Давно ли изъ деревни?

— Только вчера.

— Ну, что... какъ? Набрались новыхъ впечатлѣній? Не даромъ провели время?

— Да, интереснаго не мало... Народная жизнь — полна интереса... Только наблюдай.

— Еще бы!... Жизнь тамъ, а не здѣсь... Здѣсь — слова, слова... Дѣло — тамъ!... Но отчего вы такъ рано вернулись?

— Да дѣла... Надо приготовиться...

— До октября же еще далеко!

— До октября?

Господинъ удивленъ.

- Почему до октября? — спрашивает онъ.
- Развѣ вы измѣнили рѣшеніе?
- Какое?
- Вѣдь вы съ октября рѣшили издавать газету?
- Газету?
- Мы, разговаривая, дошли до Морской. Господинъ остановился.
- Какую газету?
- Какъ какую?
- Я удивленъ въ свою очередь.
- Да вы за кого же меня принимаете?— спрашиваетъ господинъ.
- За Леонида Александровича Спичакова. Развѣ...
- Я невольно смущаюсь.
- Вы ошиблись. Я не Спичаковъ,—съ улыбкой отвѣтилъ онъ.
- Можетъ ли быть!...
- Я совсѣмъ смущенъ.
- Нашли сходство?
- Такъ братъ на брата рѣдко похожъ бываетъ! И какое совпаденіе нѣкоторыхъ обстоятельствъ! Извините, пожалуйста...
- Ничего-съ... А позвольте узнать, съ кѣмъ имѣю удовольствіе разговаривать?
- Я сказалъ.
- Очень пріятно... У моихъ дѣтей есть, кажется, ваша книжка... А моя фамилія...
- Я не запомнилъ ея. Но можетъ же быть такое сходство... Настоящій двойникъ.
- Я потомъ рассказывалъ Спичакову объ этой встрѣчѣ.
- Вообразите! Ну, что стоило ему, если бы надо было выдать себя за меня!
- Говорятъ, что какой-то жуликъ въ одномъ губернскомъ городѣ выдалъ себя за мѣстнаго полицеймейстера и набралъ въ магазинѣ товару. Такъ удивительно походилъ онъ на того. Можно вѣрить.
- № 1 «Россіи» вышелъ 19-го февраля 1880 г. По поводу изданія газеты мы читаемъ въ этомъ №: «Сознавая всю трудность предстоящей намъ задачи—создать въ настоящее время новый органъ повременной печати, но отвѣчая на запросъ преданныхъ порядку людей, давно требующихъ появленія въ Россіи такого органа, въ которомъ и нравственные и матеріальные интересы истинно-русскихъ людей нашли бы для себя надлежащій просторъ и отголосокъ,—мы рѣшились съ Божьей помощью приступить къ изданію ежедневной газеты «Россія», начало которой полагаемъ въ достопамятный день торжественнаго празднованія 25-тилѣтія царствованія государя императора Александра II». Содержаніе 1 № таково: 1) Царь освободитель.—2) Правительственныя распоряженія.—3) По поводу изданія газеты «Россія».—4) По поводу политическихъ покушеній. — 5) Придворныя извѣстія. — 6) Военныя замѣтки. —

7) Сравнительный бюджетъ обѣихъ столицъ.—8) О евреяхъ.—9) Изъ русскихъ газетъ и журналовъ.—10) Иностранныя извѣстія отъ нашихъ корреспондентовъ.—11) Актъ въ С.-Петербургской духовной академіи.—12) Изъ Пскова.—13) Два видѣнія (стих.).

До возобновленія газеты въ октябрѣ она представляла изъ себя какое-то странное явленіе. Въ ея фельетонахъ, напримѣръ, печатались стихотворныя упражненія на духовныя темы. По содержанію—это годилось въ «Епархіальныя Вѣдомости», а по формѣ—въ почтовый ящикъ. Но Спичаковъ находилъ все это превосходнымъ и даже рекомендовалъ особенно читателямъ; онъ воображалъ, что доставляетъ имъ необыкновенное удовольствіе, помѣщая въ газетѣ невозможныя вирши какихъ-то странницъ и богомолковъ.

Я уже рѣшилъ, что газета не возобновится въ октябрѣ. Вернувшись съ Волхова, я былъ удивленъ извѣстіемъ, что «Россія» оживаетъ и непремѣнно начнетъ съ октября выходить аккуратно. Н. А. Соловьевъ былъ приглашенъ въ качествѣ секретаря редакціи. Къ газетѣ примкнули: Бороздинъ, Мальшинскій, Ниль Адмирари, Божедаровичъ, П. И. Огородниковъ, Устряловъ, Д. А. Путья, П. Ю. Арнольдъ, нѣсколько молодыхъ журналистовъ. Обѣщаль сотрудничество Вс. Вл. Крестовскій и, какъ сообщили мнѣ по секрету, далъ слово поддержать газету Ѡ. М. Достоевскій.

— Да можетъ ли быть?—воскликнулъ я.

Мнѣ отвѣтили: да!..

О, тогда нечего и говорить! Я рѣшилъ также работать въ «Россіи». Съ матеріальной стороны газета была обезпечена. Въ роли негласнаго издателя выступалъ князь Демидовъ Санъ-Дonato.

— Что ты скажешь насчетъ такой «фирмы»?—шутливо произнесъ одинъ мой пріятель.

— Надежная фирма!

— Да, только съ княземъ надо умѣть ладить... Впрочемъ, онъ очень добрый человѣкъ!

Я князя не зналъ лично. Но тѣ три факта, которые мнѣ извѣстны, рисуютъ его съ очень хорошей стороны. Онъ былъ несомнѣнно человѣкъ добраго, мягкаго сердца. Но многое зависѣло отъ минуты. Передамъ тѣ факты, которые я знаю.

Одинъ изъ литераторовъ, нуждавшійся и не имѣвшій возможности лѣчать больную жену, написалъ князю письмо и просилъ его помочь. «Я все вамъ верну... я не хочу милостыни»,—писалъ журналистъ. Князь прислалъ ему 500 рублей. Журналиста просили не возвращать деньги, а употребить потомъ по своему усмотрѣнію на какое нибудь доброе дѣло.

Скажутъ, можетъ быть: что такое 500 рублей для Демидова! Во-первыхъ, 500 рублей только крохотная часть тѣхъ суммъ, которыя онъ тратилъ на благотворительныя дѣла; во-вторыхъ, развѣ можно мѣрить суммой? Одинъ молодой человѣкъ обратился

къ покойному миллионеру Грибанову съ просьбой—дать ему 100 рублей для поѣздки въ земледѣльческую академію. И Грибановъ отвѣтилъ, что онъ «въ настоящее время такой суммой не располагаетъ». Демидовъ почти не зналъ журналиста, обратившагося къ нему съ просьбой,—Грибановъ же зналъ юношу съ хорошей стороны. Одинъ изъ московскихъ меценатовъ отказалъ въ 100-рублевой же поддержкѣ молодому литератору, у котораго не было денегъ на поѣздку въ самарскія степи...

Второй фактъ, характеризующій доброту Демидова, слѣдующій.

Молодая дѣвушка, слушательница курсовъ, лишилась отца. Въ-стѣ съ его смертью она не только лишилась матеріальной поддержки, но и была принуждена содержать мать и брата, учившагося гдѣ-то. Бѣдной дѣвухѣ предстояло одно: бросить курсы и идти служить. Но мѣсто найти сразу трудно, да и ей страшно хотѣлось кончить.

Она не знала, что дѣлать.

— Обратитесь къ Демидову,—сказали ей:—онъ многимъ даетъ стипендіи.

Послѣ нѣкотораго колебанія дѣвушка пошла къ князю.

Она сильно трусила и такъ смутилась, когда ее ввели въ кабинетъ Демидова, что едва могла изложить ему свою просьбу. Князь участливо выслушалъ ее и спросилъ:

— Сколько вы желаете... сколько вамъ нужно въ мѣсяцъ?

Она назвала сумму (кажется 40 рублей въ мѣсяцъ). Назвала—и испугалась. Шутка ли: 40 рублей!

— Впрочемъ... довольно и 30!—поспѣшно заявила она.

Князь улыбнулся, вышелъ изъ комнаты и, вернувшись черезъ нѣсколько минутъ, вручилъ дѣвухѣ сумму, которая обезпечивала просительницу на все время ученія. Она получила не 30 и не 40, а 50 рублей въ мѣсяцъ.

Третій фактъ таковъ.

У одного труженика, занимавшагося отчасти переводами, хотѣли описать за долги имущество. Это разорило бы его навсегда. Онъ былъ уже въ такихъ годахъ, когда трудно сызнова создавать «гнѣздо». Что дѣлать! Онъ пишетъ изъ провинціи пріятелю о своемъ горѣ. Пріятель идетъ къ князю и излагаетъ ему все дѣло. Искренній тонъ друга-адвоката, совсѣмъ неизвѣстнаго князю, имѣлъ дѣйствіе: несчастный труженикъ получилъ отъ Демидова 800 рублей!

Вотъ факты, которые я знаю. Нѣтъ сомнѣній, такихъ фактовъ много. Правда, не всегда и не всѣ просьбы удовлетворялись. Но князя такъ часто обманывали, пользуясь его добротой, что неудивительно, если онъ подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ изрѣдка отказывалъ... Но онъ охотно шелъ на помощь. Вотъ еще маленькій фактъ. Одинъ медикъ, нуждаясь въ деньгахъ, обратился ко мнѣ съ просьбой: похлопотать за него у Демидова. Я не зналъ его, но тогда работалъ въ

«Россiя». Я передалъ просьбу студента, и онъ получилъ немедленно стипендію.

Изданіе газеты Спичаковъ началъ на собственный страхъ и только уже потомъ сошелся какъ-то съ Демидовымъ. Бывшій офицеръ, затѣмъ редакторъ изданія «Краснаго Креста», Спичаковъ давно мечталъ о своей газетѣ. Познакомившись черезъ Ц. съ Н. А. Соловьевымъ, дававшимъ уроки по словесности въ военной прогимназiи, Спичаковъ въ началѣ осени, сойдясь окончательно съ Демидовымъ, пріѣхалъ къ Н. А. и пригласилъ его участвовать въ «Россiи» и быть секретаремъ редакціи.

Я засталъ Спичакова за какой-то «выкладкой», какъ выразился онъ самъ.

— Ну, вотъ... будемъ работать!—сказалъ онъ... Вы что-то тогда предлагали?

— Я предлагалъ вести литературное обозрѣніе...

— Отлично... Пишите... Изберите себѣ какойнибудь день... А какъ вы назовете?

— Да проще всего: «Новости текущей журналистики».

— Хорошо. Насчетъ условій... Я могу предложить двадцать рублей за фельетонъ... строкъ въ 300... Согласны?

— Все равно. Только я хотѣлъ бы быть «свободнымъ» въ своихъ взглядахъ... Помните, вы говорили...

— Это выяснится, — поспѣшно перебилъ Л. А.:—если вы изъ «Русской Рѣчи», значитъ вы—не «красный»!.

— Само собою разумѣется! Но «Русская Рѣчь» не изъ ретроградныхъ органовъ... У нея нѣтъ ничего общаго, напримѣръ, со Скарятинимъ.

Этотъ намекъ Л. А. видимо не понравился, но онъ съ улыбкой сказалъ:

— Я не буду стѣснять васъ... Журнальное обозрѣніе—серьезный отдѣлъ, но... здѣсь намъ придется сталкиваться всего меньше.

На томъ и порѣшили.

— Газета будетъ «вечерняя»,—заявилъ Спичаковъ.

— Зачѣмъ это?

— Такъ... лучше... Мы захватимъ тѣ свѣдѣнія, какихъ не будетъ у другихъ.

Я не согласился съ Л. А. и сталъ ему доказывать, что вечерняя газета у насъ не будетъ имѣть успѣха, не привьется... То же самое доказывалъ ему и Соловьевъ и другіе, но онъ оставался непреклоннымъ.

— Такъ хочу... такъ должно быть...

Онъ былъ иногда очень упрямъ.

Мое первое журнальное обозрѣніе появилось въ «Россiи» 4-го октября. Я подписался—Русскій. Для фельетоновъ въ «Россiи» это былъ самый подходящій псевдонимъ.

Сначала мнѣ приходилось читать предварительно наброски Спичакову, но послѣ четвертаго фельетона онъ разрѣшилъ сдавать ихъ прямо въ типографію. На такое рѣшеніе повліялъ фельетонъ о Щедринѣ, который очень понравился многимъ, въ томъ числѣ А. Д. Путьяѣ и Ф. М. Достоевскому. Спичаковъ, учившійся въ одномъ заведеніи съ Федоромъ Михайловичемъ, находился съ нимъ въ хорошихъ отношеніяхъ. Въ это время, послѣ Пушкинскаго праздника, авторъ «Преступленія и наказанія» былъ въ апогеѣ своей славы и пользовался громаднѣмъ вліяніемъ на публику. У всѣхъ въ памяти была его пророчески-страстная рѣчь въ Москвѣ, — рѣчь, которая потрясла сердца слушателей. Не даромъ, когда пришлось И. С. Аксакову говорить послѣ Достоевскаго, маститый редакторъ будущей «Руси» сказалъ: «Я не могу говорить послѣ рѣчи Ф. М. Достоевскаго; все, что я написалъ, только слабая вариация на нѣкоторыя темы этой гениальной рѣчи. Я считаю рѣчь Федора Михайловича Достоевскаго событіемъ въ нашей литературѣ. Вчера еще можно было толковать о томъ, великій ли, всемірный ли поэтъ Пушкинъ, или нѣтъ; сегодня этотъ вопросъ упрямъ; истинное значеніе Пушкина показано, и нечего больше толковать». Надъ огромною притихшею толпою въ Москвѣ раздался голосъ великаго романиста: «Смирись, гордый человѣкъ, потрудишься, праздный человѣкъ!» Эти слова облетѣли всю Россію и отозвались въ душѣ тѣхъ, которые жили одной гордостью. И вдругъ опальный Достоевскій, котораго травило «Дѣло» съ нахальствомъ и грубостью хитровца, — сдѣлался общимъ кумиромъ, его имя стало произноситься съ благоговѣніемъ... Правда, переворотъ во взглядахъ на романиста уже въ обществѣ подготовлялся, этому много помогъ и «Дневникъ писателя», но только Пушкинскій праздникъ сдѣлалъ Ф. М., такъ сказать, героемъ. Я помню случай. Я шелъ по Невскому съ медикомъ. На встрѣчу намъ попался на извозчикѣ Достоевскій. Медикъ быстро, раньше меня, снялъ фуражку.

— Вы развѣ знаете Федора Михайловича?—спросилъ я.

— Нѣтъ, но что же такое? Я не поклонился ему, а обнажилъ голову передъ нимъ, какъ я это сдѣлалъ и въ Москвѣ, проходя мимо памятника Пушкина.

Это было сказано съ такой искренностью, что я невольно почувствовалъ симпатію къ юношѣ, порадовался за него и крѣпко пожалъ ему руку. Этотъ день подарилъ меня еще одной радостью. Я получилъ изъ Вологды письмо отъ бывшей студентки, которая съ глубокимъ уваженіемъ писала о Достоевскомъ, называя его «учителемъ». «Слава Богу!—подумалъ я,—этотъ возвратъ отраденъ». Я вспомнилъ тотъ литературный вечеръ, на которомъ «курсистки» чествовали Тургенева, также въ свое время достаточно оскорбленнаго тѣми, которые должны были бы гордиться имъ... Сознана вина, сознано заблужденіе, слава Богу!..

Послѣ своей встрѣчи съ Ѳ. М. въ 1873 году, о которой я писалъ въ очеркѣ «Первые шаги»,—я не видѣлся съ Достоевскимъ. Встрѣтиться съ нимъ мнѣ нигдѣ не пришлось, а идти къ нему я не рѣшался, боясь быть навязчивымъ. Съ какой стати? Я снесъ ему, какъ редактору «Гражданина», свой романъ... Онъ высказался прямо, честно, какъ власть имущій учитель. Я ему былъ благодаренъ. Его урокъ мнѣ пригодился. Онъ забылъ меня навѣрное,—зачѣмъ же, съ какой стати я пойду къ нему? Мнѣ всегда казалась несимпатичной эта черта литературной молодежи лѣзть къ знаменитостямъ и надоѣдать имъ, прося протекціи, желая познакомиться, чтобы затѣмъ сказать: «О, я знакомъ! я бываю у него!» Меня какъ-то спросили недавно:

— Неужели вы не были у Толстого?

— Нѣтъ!

— Живя въ Москвѣ, гдѣ жилъ и онъ?

— Да. Зачѣмъ я пойду? Развѣ я ему нуженъ? Я его люблю, какъ писателя, читаю и перечитываю все, что выходитъ изъ-подъ его пера; со многимъ я не согласенъ... Но что же: пойду я заявлять объ этомъ? Надоѣдать ему? Я былъ бы радъ встрѣтиться съ нимъ, но случайно, а не полѣзу, чтобы возбудить въ немъ вопросъ: «что ему надо?». Отнимать время, заявлять, что дескать я, такой-то, существую и уважаю васъ?.. Я предоставляю это тѣмъ, которымъ такая назойливость кажется приличной. Невольно вспоминается одинъ мой пріятель. Онъ знакомъ со всѣми. Одинъ популярный романистъ стоялъ съ нимъ вмѣстѣ въ Лоскутной. Онъ побѣждалъ къ нему и заявился.

— Зачѣмъ ты ходишь?

— Ну, какъ же... романистъ извѣстный... все же...

— Да ты его читай... А зачѣмъ являться-то?

— Я тоже литераторъ!

Какъ-то этотъ «тоже литераторъ» раскланялся на улицѣ съ Боборыкинымъ. П. Д. отвѣтилъ, и на лицѣ его изобразилось удивленіе: «кто де кланяется?».

Другой мой пріятель изловчился познакомиться съ покойнымъ Ключниковымъ даже въ банѣ.

— Ты не въ умѣ!—воскликнулъ я, смѣясь.

— Отчего? Моюсь, вижу—Викторъ Петровичъ... Я и подошелъ...

— Представился!

— Да... Долго разговаривали!

Очень ловко нѣкто попалъ на журъ-фиксъ къ одному извѣстному критику. Онъ узналъ, что у него пятницы. И полетѣлъ.

— Баринъ дома?

— Дома-съ.

Доложили. Критикъ принялъ «литератора» въ кабинетѣ, оставивъ на минуту гостей въ столовой.

«Литераторъ», разговаривая, услыхалъ голосъ извѣстнаго публициста, сидѣвшаго въ столовой.

— У васъ гости, NN?—спросилъ онъ у критика.

— Да... у меня по пятницамъ собираются...

— Никакъ голосъ...

«Литераторъ» назвалъ фамилію публициста.

— Да, это онъ.

— Ахъ, познакомьте меня, пожалуйста! Я давно желалъ съ нимъ познакомиться.

Что оставалось дѣлать хозяину?

Онъ ввелъ «литератора» въ столовую и познакомилъ. Незваный гость остался ужинать и началъ посѣщать пятницы критика.

Это уже «врываніе». Конечно, на это не походило бы, если бы я отправился къ Θ . М. и напомнилъ ему о себѣ. Но я не видѣлъ все-таки достаточнаго основанія идти къ нему. Я боялся помѣшать ему, попасть не во время. Онъ человекъ нервный... Его не рѣдко тревожили и раздражали мелочи... Не сдѣлавъ извѣстнаго шага вскорѣ послѣ посѣщенія Θ . М. въ редакціи, потому я уже совсѣмъ и не думалъ о томъ, чтобы идти къ нему.

Я встрѣтился съ нимъ случайно въ «Россіи». Онъ былъ у Спичакова... Я поклонился ему. Онъ отвѣтилъ и пристально посмотрѣлъ на меня...

— Вы не узнаете меня, Θ . М.?

— Я васъ видѣлъ... видѣлъ гдѣ-то...

— Я приносилъ вамъ романъ...

Я назвалъ свою фамилію.

— А-а!.. Да, да... Очень радъ... Устроились? Читалъ вашего «Бездипломнаго»... Хорошо... Вотъ это хорошо... А гдѣ тотъ романъ?

— Уничтожилъ.

— Ну, вотъ!.. Разсказъ—хорошій... Пишите... Я вамъ говорилъ... а романъ потому... если понадобится.

Онъ подчеркнулъ слово «понадобится».

Когда онъ узналъ, что это я пишу «новости журналистики»,—то промолвилъ:

— И это хорошо... Только не увлекайтесь... Не будьте «разносителямъ», не топчите другихъ... Любите... главное любите тѣхъ, кто честно работаетъ... Любите и уважайте... А все-таки, разказы, разказы... Очень хорошъ «Бездипломный».

Это была вторая и послѣдняя встрѣча моя съ Θ . М. Здѣсь кстати упомянуть объ одномъ фактѣ, съ которымъ связано имя Достоевскаго.

Цензоръ не пропускалъ статью о каторжникахъ и ихъ бытѣ.

— Ваши каторжники очень ужъ хороши,—сказалъ цензоръ автору... И что за забота о нихъ?

— Но они же люди!

— Ну, это... смѣло сказано!

Въ эту минуту изъ комнаты начальника главнаго управленія по дѣламъ печати вышелъ Ѳ. М., съ которымъ цензоръ раскланялся очень почтительно.

— Вотъ вамъ: тоже бывший каторжникъ!—сказалъ авторъ за-
прещаемой статьи.

Цензоръ промолвилъ: «ну!»...—Однако онъ вдругъ смягчился и пропустилъ статью.

Возвращаюсь къ «Россіи».

Газета выходила, въ ней появлялись очень интересныя статьи, политическое обозрѣніе, руководящія статьи по вопросамъ политики обращали на себя вниманіе; фельетоны многіе отличались живостью, но не было «души» въ дѣлѣ, не было стройности, не чувствовалось объединяющаго духа. Это былъ корабль безъ кормчаго. Нерѣдко одна статья противорѣчила другой. Самъ редакторъ писалъ мало и съ большимъ трудомъ. Онъ положительно плохо владѣлъ русскимъ языкомъ. Всѣ его статьи исправлялись секретаремъ, подвергались основательной обработкѣ со стороны языка. У Спичакова было много добрыхъ намѣреній, что-то онъ хотѣлъ высказать. Но онъ, кажется, самъ не уяснилъ себѣ хорошенько того, что желалъ «проводить» въ газетѣ. Несомнѣнно, онъ былъ человекъ образованный, прекрасно владѣвшій иностранными языками, но лишенный всякаго литературнаго таланта. Этого было недостаточно для того, чтобы стоять во главѣ большого политическо-литературнаго изданія. Нерѣшительность его доходила до смѣшного. Онъ отправляетъ статью въ типографію. Посланный уходитъ. Но вотъ Спичакову кажется, что «такое-то» мѣсто будто не ладно. Онъ велитъ вернуть посланнаго. Тотъ возвращается. Статья исправляется и отсылается вновь въ типографію. Но возникаетъ новое сомнѣніе. Опять бѣгутъ за разсылнымъ. Уничтоженные мѣста восстанавливаются. Статью уже начали набирать. Вдругъ приказъ: остановиться! Опять измѣненіе. И это дѣлалось часто.

Предполагались еженедѣльные, по субботамъ, редакціонныя собранія. Но... состоялось всего одно собраніе. За то это было необыкновенно торжественное собраніе. Оно походило на земскій сѣздъ или на какое нибудь засѣданіе ученой комиссіи.

Въ большомъ залѣ—огромный столъ, покрытый зеленымъ сукномъ. Передъ каждымъ засѣдающимъ—листъ бумаги и карандашъ. Мы были приглашены для «полнаго выясненія взглядовъ». Собрались всѣ постоянные сотрудники. Собраніе открылось рѣчью редактора, какъ предсѣдателя. Что онъ говорилъ, я не помню, да и трудно упомнить. Все это было такъ неясно. Его рѣчь кто-то прервалъ. Начались споры, и вдругъ напали на бесѣды, печатавшіяся въ газетѣ. «Это невозможныя бесѣды»,—сказалъ кто-то. Оказалось, что это бесѣды редактора. Тогда приговоръ смягчили,

но все-таки выражено было желаніе, чтобы бесѣды не продолжались. Началось обсужденіе отдѣловъ. А. Н. Сальниковъ, писавшій «провинціальныя наброски», сказалъ, что «лучше фельетоновъ Незнакомца не было»: это образцовые фельетоны.

— Вы забыли фельетоны Нила Адмирари въ «Голосѣ», — любезно поправилъ редакторъ.

Ниль Адмирари, сидѣвшій тутъ же, что-то раздраженно пробурчалъ.

Никакого толку изъ засѣданія не вышло. Ничего не рѣшилось и не выяснилось. Всякій старался доказать, что его отдѣлъ—самый важный. Одинъ другого «шпигнулъ», «кто-то» съ «къмъ-то» обмѣнялся комплиментами,—тѣмъ дѣло и кончилось. Въ результатѣ «собранія»: много выпито чаю, и сдѣлано нѣсколько «игривыхъ набросковъ» на листахъ, разложенныхъ на столѣ.

Въ редакціи была темная комната, служившая столовой. Здѣсь пили чай и завтракали. Въ ней всего охотнѣе засиживались сотрудники. Спичакову не нравились эти «темныя засѣданія», онъ проходилъ по комнатѣ и заглядывалъ въ нее съ видомъ инспектора, желающаго поймать школьниковъ въ чемъ нибудь предосудительномъ... Онъ вообще любилъ «незамѣтно» появляться среди своихъ сотрудниковъ. Бывало, вечеромъ, соберутся нѣсколько человекъ въ редакціи и разсуждаютъ о чемъ нибудь. Л. А. тихо въ мягкихъ туфляхъ выходитъ изъ своего кабинета и неожиданно появляется въ редакціонной комнатѣ. Одинъ шутникъ прозвалъ такіе его выходы «явленіемъ Спичакова своимъ сотрудникамъ» и хотѣлъ набросать картину. Особенно часты стали такія «явленія», когда дѣла пошли хуже, когда начались «недоразумѣнія» между редакторомъ и княземъ, и ихъ отношенія сдѣлались натянутыми. Одно время С—въ куда-то исчезалъ и пропадалъ. Мы его совсѣмъ не видѣли. Газета выходила, но его никто не видѣлъ. У него зарождались какія-то новыя комбинаціи, онъ замышлялъ отдѣлаться отъ князя и одному вести газету. Князь былъ недоволенъ имъ и его веденіемъ дѣла и хотѣлъ, кажется, чтобы во главѣ изданія всталъ Божедаровичъ. Но Спичаковъ не желалъ уступить своего главенства... Все кончилось тѣмъ, что князь отказался поддерживать газету матеріально, ухлопавъ на нее больше ста тысячъ. Редакторъ надѣялся выйти съ честью, но ему это не удалось. Въ это «смутное время», когда уже чуялось «начало конца», Л. А. почти уже ни во что не вмѣшивался, ходилъ разстроеннымъ. Какъ-то разъ онъ всталъ передъ образомъ; принялъ молитвенную позу и воскликнулъ, воздѣвая руки кверху: «Боже, спаси Россію!». Какую? Конечно, Россію въ кавычкахъ, то-есть газету «Россію». Но очень можетъ быть, что и другую, Россію безъ кавычекъ, ибо онъ всегда думалъ, что «Россія» должна спасти Россію въ ея переходное, смутное тогдашнее время.

Россія не погибла, но «Россія» умерла.

Это случилось какъ разъ въ концѣ декабря. Несмотря на то, что смерть газеты была неминуема, всѣ почему-то ждали спасенія, на что-то надѣялись. Одни думали, что князь продолжитъ свою помощь, а тамъ—подписка; другіе вѣрили, что С—въ достанетъ денегъ. Но князь не захотѣлъ больше давать денегъ, а С—въ ихъ нигдѣ не нашель.

«Газета больше не будетъ издаваться», — это было объявлено всѣмъ сотрудникамъ.

Въ № 103 «Россіи», отъ 31-го декабря, появилась замѣтка отъ редакціи: «Вслѣдствіе предположенныхъ перемѣнъ въ составѣ редакціи, изданіе газеты съ 1-го января приостанавливается на нѣкоторое время».

Но газета уже не возобновилась.

Она не оставила никакого слѣда въ журналистикѣ, хотя, повторяю, въ ней было не мало интереснаго и дѣльнаго. Но у нея не было опредѣленной задачи, и она походила на какого-то хамелеона. Ретроградныя бесѣды редактора, которыя смущали даже людей консервативныхъ, и «провинціальныя» фельетоны, благодаря которымъ архангельскій губернаторъ Коніаръ запретилъ выписывать газету въ бібліотеку! Эти крайности уживались и шли рука-объ-руку. Можно только пожалѣть, что на вѣтеръ брошены сто тысячъ, что князю не пришлось столкнуться съ человѣкомъ болѣе солиднымъ. Впрочемъ, какъ это всегда бываетъ, что на настоящее дѣло людямъ, понимающимъ его и желающимъ серьезно работать на благо общества, не добыть и сотни рублей, а людямъ «изъ другой оперы», по выраженію Лейкина, капиталы достаются легко. Ловкость и смѣлость всегда достигаетъ своего. Много богатыхъ людей попадалось на удочку и еще попадется, конечно! Надо сказать правду, Л. А. Спичаковъ не хотѣлъ обмануть Демидова, а онъ лишь самъ обманулся въ себѣ, вообразивъ себя пригоднымъ для журнальной дѣятельности. Это ошибочное мнѣніе о себѣ и ему обошлось не даромъ: онъ и свои деньги ухлопалъ въ газету. Быть можетъ, она шла бы лучше, если бы не была вечернимъ изданіемъ. Но онъ былъ упрямъ и ни за что не хотѣлъ выпускать газету утромъ. Онъ желалъ переупрямить публику, но ему это не удалось.

«Посаженные на мель» передъ новымъ годомъ, многіе сотрудники «Россіи» рѣшились обратиться къ князю съ просьбой о выдачѣ денегъ. — Нельзя же сразу такъ... гдѣ мы вдругъ найдемъ работу? Онъ долженъ... горячо говорилъ одинъ изъ «россіянъ». Его поддерживали. Не знаю, была ли подана «петиція» князю, и чѣмъ она увѣнчалась. Я въ ней не принималъ участія. Еще въ началѣ декабря я отошелъ отъ газеты; посылая только фельетоны, я уже не принималъ участія по внутреннему отдѣлу, который лежалъ раньше на мнѣ. Меня отвлекли спѣшныя работы для «Русской

Рѣчи», редакторъ которой скоро уѣхалъ за границу, и я остался вмѣсто него завѣдывать дѣлами журнала.

Скажу нѣсколько словъ о нѣкоторыхъ сотрудникахъ «Россіи», съ которыми мнѣ пришлось работать въ теченіе трехъ мѣсяцевъ.

Самыми симпатичными людьми были для меня П. Ю. Арнольдъ и А. Д. Путята (не говорю о Соловьевѣ, о которомъ я писалъ ранѣе, потому что съ нимъ я уже давно находился въ дружескихъ отношеніяхъ). Петръ Юрьевичъ Арнольдъ, сынъ извѣстнаго музыкальнаго критика, работалъ по земскимъ вопросамъ и являлся однимъ изъ самыхъ трудолюбивыхъ и добросовѣстныхъ сотрудниковъ. Его статьи помѣщались въ «Русской Рѣчи» и, кажется, въ «Русской Мысли». Онъ работалъ не мало въ музыкальныхъ изданіяхъ и если мало извѣстенъ, какъ композиторъ, то все-таки его вещицамъ нельзя отказать въ музыкальной мысли, которая облечена въ красивую, граціозную форму. Какъ товарищъ, это—милый, душевный человекъ. Я давно потерялъ его изъ виду и не знаю, гдѣ онъ теперь, но всякій разъ, когда я беру въ руки его рукописныя ноты на слова моей пьески «Солнышко свѣтитъ, и день на землѣ», я съ добрымъ чувствомъ вспоминаю симпатичнаго коллегу по газетѣ и сочлена по «Пушкинскому кружку».

Алексѣй Дмитріевичъ Путята—воспитанникъ Катковскаго лицея и горячій поклонникъ покойнаго публициста. Тогда это былъ еще совсѣмъ молодой человекъ, авторъ нѣсколькихъ статей въ «Русскомъ Вѣстникѣ» и драмы, переведенной съ санскритскаго языка («Сагунтала», инд. драма Колидасы). Мягкій, всесторонне образованный, свѣтски воспитанный, А. Д. Путята являлся среди сотрудниковъ «Россіи» аристократомъ во всѣхъ отношеніяхъ и въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Съ нимъ было пріятно бесѣдовать, отдыхать, особенно послѣ разговора съ желчнымъ и рѣзкимъ Панинтинымъ-Адмирари. Разставшись съ А. Д. въ декабрѣ 1880 года, я раза два случайно встрѣчался съ нимъ въ Петербургѣ и послѣ большого промежутка времени встрѣтился въ Одессѣ, въ 1892 или въ 1893 году, когда я принималъ участіе въ «Одесскомъ Листкѣ». Мы встрѣтились, какъ старые знакомые, вспоминали «Россію» и то время. А. Д. сильно измѣнился: постарѣлъ, похудѣлъ. Онъ пошелъ по дипломатической дорогѣ и собирался уѣхать куда-то очень далеко—не помню, куда именно. Надняхъ одинъ изъ литераторовъ сообщилъ мнѣ, когда я упомянулъ въ разговорѣ о Путятѣ, что онъ «будто бы» умеръ въ Австраліи...

— Навѣрное знаете?

— Кажется.

Я отъ души желалъ бы, чтобы это оказалось неправдой. На А. Д. всего лучше доказывается, какъ важенъ въ человекѣ—человекъ, а не его направленіе или взгляды. Я во многомъ не соглашался съ нимъ и никогда не былъ поклонникомъ Каткова, при-

знавая сильный талантъ и умъ послѣдняго, но я всегда уважалъ А. Д. и встрѣчался съ нимъ охотнѣе, чѣмъ съ нѣкоторыми изъ тѣхъ, которыхъ я считаю вполне своими по взглядамъ. «Не мѣсто красить человѣка»... Да и не взгляды заставляютъ уважать человѣка. Съ удовольствіемъ пожимая руку честнаго консерватора, человѣка дѣла, а не слова, право, иногда съ неохотой протягиваешь ту же руку либералу, лишенному и благородства, и всѣхъ тѣхъ чертъ, за которыя симпатизируешь «противнику». Можно уважать даже врага и презирать соратника! Какъ много ихъ, дѣлающихъ карьеру на направленіи!

Я не знаю, какимъ былъ прежде Адмирари, а въ то время, когда онъ работалъ въ «Россіи», онъ не могъ назваться человѣкомъ, располагающимъ въ свою пользу. Рѣзкій на слова, даже грубый, онъ смотрѣлъ на всѣхъ свысока, пренебрежительно. Никто не думалъ отрицать его заслугъ въ прошломъ, всѣ охотно признавали его «генераломъ», разбитымъ въ бою. Но если «разбитый генералъ» будетъ требовать, чтобы его считали годнымъ полководцемъ, то это, конечно, странно. Разбитый физически, онъ ослабѣлъ, послѣ паралича, талантомъ и уже былъ только тѣнью прежняго Адмирари. Его фельетоны—слабые, блѣдные, написанные тяжело и лишенные стараго блеска, остроумія, не могли производить впечатлѣнія. Въ нихъ была желчь, но уже не та, которая прежде дѣлала ихъ сильными и яркими. Это была желчь больного человѣка, озлобленнаго на судьбу и злящагося на всѣхъ за то, что онъ самъ разбитъ и пришибленъ. Сознывая свое безсиліе, упадокъ своего таланта, онъ «шипѣлъ» на все и всѣхъ. Онъ съ такимъ озлобленіемъ напалъ на одного талантливаго, хотя и не мало ошибавшагося либеральнаго писателя, что даже Сп—ковъ, восторгавшійся Скарятинымъ, нашелъ нужнымъ смягчить нѣкоторыя мѣста въ фельетонѣ. Ему, конечно, многое прощали, принимая во вниманіе его болѣзнь и помня его прежнія заслуги. Одинъ изъ его фельетоновъ былъ настолько плохъ, что Сп—въ не хотѣлъ его даже печатать. Но все-таки напечатали, боясь обидѣть старика. На другой день NN, подойдя ко мнѣ, сказалъ:

— Читалъ? (онъ указалъ на фельетонъ Адмирари).

— Да.

— Что?

— Слабо.

— Дрянъ! Я ему сейчасъ скажу... А то фыркаетъ на другихъ, а самъ...

Я сталъ уговаривать NN не дѣлать этого. Это было бы во всѣхъ отношеніяхъ не хорошо. Да мнѣ и жалко стало бѣднаго старика. Развѣ онъ пошелъ бы работать за тѣ гроши, какіе получалъ въ «Россіи», если бы не нужда! Еще раньше, въ 1876—1877 годахъ, читая его фельетоны изъ Петербурга въ «Будильникѣ», я болѣлъ

за него. Нилъ Адмирари — въ «Будильникѣ» и не какъ «первое лицо», persona grata, а какъ «жалецъ изъ милости». Вѣдь имъ же онъ былъ и въ «Россіи». Онъ понималъ это—и оттого такъ раздражался, особенно когда ему напоминали о его прежнихъ фельетонахъ. Думали сдѣлать пріятное, а между тѣмъ только наносили ему страшную рану.

И умеръ онъ въ больницѣ, въ отдѣленіи чернорабочихъ, на убогой койкѣ, въ одиночествѣ, всѣми забытый. Подъ вліяніемъ извѣстій о его смерти, я написалъ этуодъ: «Лавровый вѣнокъ». Конечно, мой герой — не буквально Панютинъ, но только талантливый фельетонистъ своей скорбной смертью и судьбою далъ толчекъ моей мысли и повліялъ на созданіе этого героя.

Въ «Россіи» я познакомился съ извѣстнымъ «королемъ репортеровъ», Ю. О. Шрейеромъ. Кто не слыхалъ о немъ? Едва ли о комъ другомъ изъ газетчиковъ ходитъ столько разсказовъ, какъ о покойномъ Шрейерѣ. «Король репортеровъ», «вездѣсущій репортеръ»—вотъ какъ звали его. Онъ вездѣ поспѣвалъ, все узнавалъ раньше другихъ, проникалъ туда, куда никто не могъ попасть. Онъ нерѣдко ошибался, но за то иногда сообщалъ такія вещи, которыя считались тайной. Разсказываютъ про него, напимѣръ, слѣдующее. Рѣшался какой-то вопросъ въ духовномъ вѣдомствѣ. Совѣщаніе состоялось конфиденціальное, на которое не было доступа никому изъ постороннихъ, тѣмъ болѣе—газетчикамъ. А Шрейеръ попалъ, все слышалъ и... сообщилъ въ газету.

Всѣ удивлялись: какимъ образомъ онъ могъ узнать? Оказалось, что «король репортеровъ» за деньги попалъ въ качествѣ официанта. Его, конечно, не стѣснялись, говорили свободно. Онъ слушалъ и... потомъ сообщилъ.

Правда ли это, не знаю, передаю то, что слышалъ.

«Король репортеровъ» предложилъ свои услуги и Спичакову. Л. А. былъ радъ этому и... выдалъ авансъ. Шрейеръ потребовалъ особый столъ. Ему дали. Онъ принесъ массу листочковъ, заперъ ихъ въ ящикъ стола и... долго не показывался. Появился опять, снова взялъ авансъ и исчезъ. Онъ что-то сообщалъ, кажется, въ газету, но скоро разошелся съ Л. А. и уже не показывался болѣе въ редакціи.

Я какъ-то встрѣтился съ нимъ на Невскомъ.

— Что же вы не работаете у насъ?—спросилъ я его.

— Развѣ еще существуетъ «Россія»?

— Да.

— Ну, такъ скоро кончитъ свое существованіе... Развѣ онъ можетъ вести дѣло!

Слова «короля репортеровъ» сбылись: «Россія» умерла. Можетъ быть, она и «пошла бы», если бы С—овъ согласился на то, чтобы его мѣсто занялъ Б—чъ. Но онъ считалъ газету «своею собствен-

ностью», объявилъ объ этомъ торжественно въ печати и... сошелъ со сцены.

Въ январѣ 1880 года, извѣстная писательница Цебрикова продала свой журналъ «Воспитаніе и Обученіе» Екатеринѣ Алексѣевнѣ Сысоевой, книга которой «Исторія одной дѣвочки» пользовалась въ литературѣ хорошей репутаціей. Занятый работами въ «Россіи» и принимая дѣятельное участіе въ «Русской Рѣчи» съ 1879 года, я на время совсѣмъ пересталъ писать для дѣтей, хотя у меня былъ уже выработанъ планъ дѣтской повѣсти «Армія и казаки». Это рядъ изъ воспоминаній о томъ, какъ мы играли въ солдатки. Я все хотѣлъ и не могъ начать очеркъ... Вдругъ неожиданно получаю приглашеніе писать для «Воспитанія и Обученія». Г-жа Сысоева пріѣхала сама ко мнѣ, но не застала меня дома и оставила записку (или карточку—не помню). Улучивъ свободную минуту, я поѣхалъ къ ней. Она жила въ то время противъ Спаса-Преображенія—въ томъ самомъ домѣ, гдѣ послѣ жилъ А. Н. Плещеевъ.

Я раньше не зналъ Сысоевой.

Меня встрѣтила полная, видная дама, съ величественной осанкой. Она не походила буквально на Екатерину II, но невольно напоминала ее. По крайней мѣрѣ, при взглядѣ на Екатерину Алексѣевну Сысоеву, я именно вспомнилъ другую Екатерину Алексѣевну, какою она изображается на портретахъ.

Пріемъ былъ болѣе, чѣмъ радушный. Г-жа Сысоева рассказала мнѣ, какъ она въ деревнѣ съ восхищеніемъ читала моего «Карла Ивановича» въ «Русской Рѣчи», и просила его передѣлать для дѣтей. Я обѣщаль это и потомъ дѣйствительно исполнилъ, а теперь передалъ планъ «Арміи и казаковъ».

— Это очень, очень хорошо,—сказала она и просила писать.

— Могу я частями... къ книжкамъ?

— Можете... Я знаю, что выйдетъ хорошо.

Черезъ нѣсколько дней я написалъ первыя главки и привезъ ихъ въ редакцію.

— Вы сами прочтете?

— Если угодно.

— Прошу васъ.

Я прочелъ—и картинки чрезвычайно понравились какъ самой Е. А., такъ и ея племяннику, Алексѣю Николаевичу Альмедингену, который помогалъ ей въ трудахъ редакціи, а потомъ, во время ея тяжелой болѣзни, одинъ велъ журналъ. Онъ и теперь редактируетъ его. «Армія и казаки» были изданы редакціей отдѣльной книгой и имѣли большой успѣхъ въ дѣтскомъ мірѣ, что засвидѣтельствовано г-жей Алчевской въ сборникѣ «Что читать народу?». Всѣ недѣльные журналы и газеты отозвались съ похвалой о книгѣ. Въ 1888 году я написалъ 2-ю часть «Арміи и казаковъ», и второе

изданіе вышло уже подь новымъ названіемъ: «Изъ золотого дѣтства». Французы, переведшіе повѣсть и издавшіе ее отдѣльно, наименовали ее «Les petits soldats russes». Это очень милое и удачное названіе.

Я долго работалъ въ «Родникѣ», съ нѣкоторыми перерывами. Покойная Е. А. была очень добрая и чуткая женщина, но нервная и по характеру неровная. Несомнѣнно, болѣзнь вліяла на ея характеръ. Но, оставляя въ сторонѣ всѣ маленькія недоразумѣнія, которыя потомъ были между нами, я долженъ сказать, что у меня осталось о Е. А. самое хорошее и свѣтлое воспоминаніе. Она умѣла отзываться на чужую печаль, никогда не относилась къ сотрудникамъ, какъ купецъ къ кустарямъ, приносящимъ ему свои издѣлія. Она входила въ положеніе сотрудниковъ, сама спѣшила на помощь, если это было въ ея силахъ, и сердечно относилась къ ихъ личнымъ невзгодамъ и скорбямъ. Всѣ мы, литературные работники, люди нервные, намученные, и нельзя обвинять насъ за нѣкоторые шагѣ, за фразы, вырывающіяся въ минуты раздраженія. Къ достоинству Е. А. надо отнести и то, что она умѣла сознавать свои ошибки, грѣхи, и заглаживать то, что было сдѣлано или сказано въ такія минуты, когда человѣкъ весь находится подь вліяніемъ извѣстнаго настроенія.

Е. А. обладала несомнѣнно талантомъ, хотя онъ и не былъ изъ особенно выдающихся. Она прекрасно переводила, компилировала. Но ея заслуги, какъ редактора, руководительницы журнала, невыразимо выше и значительнѣе заслугъ, какъ писательницы. Ея любовь къ дѣлу не подлежитъ сомнѣнію. На нѣкоторые вопросы по дѣтской литературѣ она смотрѣла немножко «отстало». Она боялась отрицательныхъ типовъ. Но въ общемъ она отлично понимала дѣло и вела журналъ прекрасно. Она строго относилась къ себѣ, потому что высоко смотрѣла на дѣло воспитанія «маленькаго народа». Изъ этого серьезнаго взгляда, быть можетъ, и вытекала боязнь «отрицательныхъ типовъ». Она сознавала отвѣтственность, которая лежитъ на руководителѣ дѣтскаго журнала. Эта черта много говоритъ въ пользу почившей писательницы.

Я бодро принялся за продолженіе «Арміи и казаковъ», но ужасное извѣстіе: «умеръ Достоевскій», поразило меня, какъ громомъ, и на время, что называется, подшибло крылья... Мало зная, какъ человѣка, я безгранично любилъ Ѡ. М., какъ писателя, можно сказать, я его любилъ болѣе всѣхъ...

Не меня одного поразила смерть Достоевскаго. Всѣ почувствовали страшную потерю. Для многихъ, по вѣрному выраженію Н. Н. Страхова, со смертью Достоевскаго сошла въ могилу огромная доля, чуть не половина наличной литературы. Сколько было людей, для которыхъ эта утрата была незамѣнима. Достоевскій именно не былъ просто частью петербургской литературы, а скорѣе ея

противовѣсомъ, контрастомъ. Онъ не былъ поклонникомъ минуты, не плылъ по вѣтру, а всегда являлся писателемъ независимымъ, слѣдовалъ своимъ собственнымъ мыслямъ. Онъ не потворствовалъ моднымъ направленіямъ, ходячему литературному настроенію. Это вѣрно, и за это-то многимъ онъ былъ дорогъ, за это-то и я любилъ его безгранично.

Никогда еще не хоронили писателя такъ торжественно, какъ Достоевскаго. Это было явленіе, которое дѣйствительно всѣхъ поразило. Самые горячіе поклонники великаго романиста не ожидали того, что произошло. Проводить останки писателя, котораго считали когда-то ретрограднымъ, котораго обливали ушатами грязи либералы изъ «Дѣла»,—собралась многотысячная толпа. Въ погребальной процессіи, при выносѣ гроба изъ квартиры въ церковь Святого Духа, въ лаврѣ, было несено около 70 вѣнковъ, пѣли 15 хоровъ пѣвчихъ. Какимъ образомъ составила такая громадная манифестація?—спрашиваетъ Страховъ. Очевидно, она составила вдругъ, безъ всякой предварительной агитаціи, безъ всякихъ подготовленій, уговоровъ и распоряженій, 'потому что никто не ожидалъ смерти Достоевскаго, и время было очень короткое для какихъ либо обширныхъ приготовленій... Создалось все вдругъ, ибо смерть учителя поразила всѣхъ, заставила смолкнуть другія соображенія и отозвалась въ душѣ русскихъ людей. Умеръ не только рамаистъ-художникъ, но и учитель!

Масса провожавшихъ была разнообразна. Тутъ были люди различныхъ классовъ, возрастовъ и взглядовъ. Много, очень много молодежи, которой не льстилъ усопшій, а горячо нападалъ на ея заблужденія, любя ея всѣмъ сердцемъ. Лучшіе изъ молодежи это уже поняли, цѣнили и также горячо любили его.

Да, это были «національные русскіе проводы національнаго русскаго писателя». Не кружокъ провожалъ своего человѣка, а вся Россія—своего писателя и наставника. Двадцатитысячная толпа народу шли за гробомъ; погребальная процессія растянулась на двѣ версты. Гробъ несли на рукахъ почитатели покойнаго и его сотоварищи-писатели. Цѣлая аллея вѣнковъ, высоко поднятыхъ, терялась вдали. Это было море зелени. Изъ вѣнковъ выдавались особенно: вѣнокъ отъ инженернаго училища, отъ «Славянскаго Общества» и отъ «Русской Рѣчи». Отъ инженернаго училища, гдѣ учился Достоевскій, былъ роскошный, вѣнокъ на верху котораго качался широкій пальмовый листъ. На роскошномъ вѣнкѣ отъ «Славянскаго Общества» была надпись: «Русскому человѣку»; къ вѣнку съ обѣихъ сторонъ примыкала гирлянда, длиною въ 30 саженъ; она окружала гробъ и неслась на траурныхъ шестахъ.

Отъ «Русской Рѣчи» мы (я и Л. К. Поповъ, дѣятельный сотрудникъ журнала) несли большую трехцвѣтную русскую хоругвь, изъ оранжеваго, бѣлаго и чернаго цвѣтовъ съ большимъ лавровымъ вѣн-

комъ, съ надписью по срединѣ: «Достоевскому», а внизу — «Отъ редакціи журнала «Русская Рѣчь».

Хоругвь была очень тяжела, и намъ нести ее было трудно. На помощь явилось много охотниковъ.

Въ церкви наша хоругвь была внесена на хоры и поставлена такъ, что она сверху осѣняла гробъ Достоевскаго. Это вышло очень торжественно и знаменательно. Мнѣ невольно вспомнился тотъ моментъ, когда на Пушкинскомъ праздникѣ Достоевскій взомель на каеэдру, а сзади его, какъ рамку, держали вѣнокъ. Тогда вѣнчали живого Достоевскаго, а теперь вѣнчала его мертваго — та же Россія.

Я не буду описывать подробно похоронъ — кто не помнитъ этого? Но нельзя не отмѣтить еще разъ того порядка, какой царилъ все время, не смотря на многотысячную толпу и на то, что «полиціи совѣмъ почти не было». Съ свинцовой тяжестью на сердцѣ возвращался я съ похоронъ, — съ сознаниемъ, что не скоро будетъ другой, который замѣнитъ намъ Достоевскаго.

Послѣ похоронъ мы собрались въ квартирѣ П. В. Быкова, чтобы помянуть усопшаго и дружеской бесѣдой облегчить горечь утраты. И вотъ здѣсь-то, въ этотъ день, зародилась впервые идея Пушкинскаго кружка. Эта идея только мелькнула, зародилась, но не была уяснена. Хотѣлось, чтобы явилась возможность собираться для бесѣды, для обмѣна мыслей, для взаимной помощи. «Можно и почитать и посовѣтываться. Кто что напишетъ — и прочтетъ, чтобы получить дружескую помощь». Начали разсуждать — и планъ сталъ развиваться... Онъ принялъ грандіозные размѣры... Грандіозные, но не фантастическіе — думалось тогда. Было бы только желаніе, а можно все выполнить.

— Поменьше розни!

— Побольше взаимной любви!

— Надо обдумать и выработать планъ.

— Непремѣнно.

Я не помню всѣхъ собравшихся въ этотъ день у Быкова, но помню, что были Альбовъ, Баранцевичъ, Мюръ, Рубинъ, Соловьевъ, Сальниковъ и, кажется, Садовниковъ. Впрочемъ не говорю навѣрное.

Я не берусь утверждать, тогда ли же рѣшено было назвать кружокъ «Пушкинскимъ», или потомъ. Но очень хорошо, что назвали именемъ великаго поэта, котораго считалъ общимъ нашимъ учителемъ и усопшій великій романистъ.

Я думалъ, по правдѣ сказать, что предположеніе основать «кружокъ» такъ и останется однимъ предположеніемъ. Мало ли что замышлялось. Но на этотъ разъ вышло иначе. Мои личныя дѣла заставили меня черезъ недѣлю послѣ похоронъ Ѡ. М. уѣхать изъ Петербурга въ Москву. Здѣсь я получилъ письмо отъ Соловьева, извѣщавшаго меня, что къ выработкѣ устава Пушкинскаго кружка

приступлено серьезно, и уставъ скоро будетъ представленъ на утверждение правительства. Я былъ очень радъ, и на вопросъ Соловьева: «включать ли тебя въ число основателей?» отвѣтилъ: «конечно, непременно!».

Я ожидалъ многого отъ «Кружка», не предвидя будущаго.

Алекс. Кругловъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

О ЗАДАЧАХЪ КРИТИКИ.

Мысли диллетанта.

I.

Е СМОТРЯ на крайне юный возрастъ нашей русской литературной критики, она теперь переживаетъ, повидимому, уже пятый періодъ своего постепеннаго развитія.

Первымъ изъ нихъ былъ, конечно, періодъ дѣтства, когда журнальные зоилы изощрялись въ остроуміи по поводу какихъ либо грамматическихъ неправильностей въ языкѣ автора, тривіальности его слога или даже выведенныхъ имъ лицъ; когда случайный эпитетъ серьезно комментировался на двухъ, трехъ страницахъ, а читатель узнавалъ, что эхо, напримѣръ, можетъ быть отзывчивымъ, звонкимъ, близкимъ и далекимъ, даже таинственнымъ, но никакъ не насмѣшливымъ, ибо насмѣшка предполагаетъ де мысль, нѣкоторое изобрѣтеніе ума человѣческаго, каковыхъ, разумѣется, нѣтъ въ отраженномъ сотрясеніи воздуха.

Второй періодъ развитія нашей литературной критики ознаменовался ученіемъ, будто искусство долѣтъ самому себѣ, что и повело къ черзачуръ исключительному поклоненію красотамъ формы, хотя бы лишеннымъ соотвѣтствующаго содержанія и вполне ис-

кусственнымъ. Даже самъ А. С. Пушкинъ—этотъ гениальнѣйшій и содержательнѣйшій изъ русскихъ поэтовъ—настолько все-таки былъ литераторомъ своего времени, что серьезно находилъ прелесть въ гладенькихъ, красивенькихъ и пустозвонныхъ стихахъ какого нибудь Подолинскаго.

Прошу дозволить мнѣ короткое отступленіе.

Предположимъ, что вы читаете хотя подобную вещь:

«Я пришелъ къ тебѣ съ привѣтомъ,
 Разсказать, что солнце встало,
 Что оно горячимъ свѣтомъ
 По листьямъ затрепетало;
 Разсказать, что лѣсъ проснулся—
 Весь проснулся, вѣткой каждой,
 Каждой птицей встрепенулся
 И весенней полною жаждой...»¹⁾.

Если у васъ имѣется хотя нѣкоторое поэтическое чутье, вы непременно будете глубоко взволнованы красотой этихъ строфъ, запомните ихъ наизусть и не разъ станете повторять себѣ съ любовью и восторгомъ, хотя мысль ихъ и содержаніе отнюдь не выше, чѣмъ въ стихахъ Подолинскаго. Но дѣло въ томъ, что строфы Фета блещутъ такою поразительной силой образовъ, такой яркостью смѣлыхъ выраженій, такой, наконецъ, музыкою словъ, которыя могутъ истекать только изъ души, по истинѣ переполненной поэтическимъ восторгомъ. Огонь, пылающій въ душѣ автора, невольно зажигаетъ и душу читателя; чудныя строки дѣлаются для него (читателя) родными, неизгладимой мыслью или представленіемъ его собственнаго мозга; онъ научается любить не только поразившіе его стихи, но и тотъ уголокъ природы, которымъ они вызваны, тѣ картины, которыя поэтъ впервые показалъ ему въ настоящемъ свѣтѣ; мало того, читателю на долгое, долгое время остается дорогимъ самое воспоминаніе о томъ сладкомъ волненіи, какое онъ испыталъ при первомъ знакомствѣ съ чудными строками поэта... Не трудно, впрочемъ, предугадать, что поэтическій духъ, умѣющій откликнуться восторженными звуками въ отвѣтъ на красоту какого нибудь перелѣска въ погожее весеннее утро, зазвучитъ еще полнѣе, еще увлекательнѣе, еще съ болѣею неотразимостью, когда струнъ его коснется свѣтлая, возвышающая мысль, широкое и благородное чувство, либо порывъ къ достиженію идеаловъ. Примѣръ Фета, въ его послѣдующихъ созданіяхъ, вполне оправдываетъ такую догадку.

Очевидно затѣмъ, что красота формы, органически вытекающая изъ красоты творящаго духа, не можетъ быть безразличною

¹⁾ Я привожу только начало стихотворенія и выбралъ даже у Фета далеко не лучшее, а просто привожу первое изъ подходящихъ, какое мнѣ пришло на память.

ни для критики, ни для читателей, но представляет, напротивъ, весьма цѣнное свойство литературныхъ произведеній. Совсѣмъ другимъ явленіемъ оказывается холодный, искусственно выработанный лоскъ въ quasi-поэтическомъ созданіи. У Подолинскаго, напри- мѣръ, все гладко, все звучно, удачно и умѣстно; но... нѣтъ той искры Божьяго огня, которая могла бы оживить мастерски сдѣланную, разрисованную и наряженную куклу.

Русская литературная критика, во второмъ періодѣ своего развитія, еще не умѣла различить бездушную, дѣланную красоту формы отъ одухотворенной,—не всегда умѣла даже въ лицѣ такихъ своихъ представителей, какъ Пушкинъ, и потому преклонялась передъ размалеваннымъ истуканомъ условной красоты. Это—крупная ошибка, разумѣется. Но едва ли она крупнѣе той, благодаря которой многіе современные критики до сихъ поръ остаются равнодушными ко всякой красотѣ формы. Этимъ вѣдь не грѣшили и самъ прародитель критиковъ-публицистовъ, В. Г. Бѣлинскій, начавшій своей дѣятельностью третій періодъ нашего литературно-критическаго развитія.

Культъ условной красоты и жеманной щепетильности въ литературѣ былъ нѣкогда на столько великъ, что даже Гоголь подвергался жестокому надругательству со стороны многихъ—да, многихъ—критиковъ и читателей. Я смѣло утверждаю это, какъ свидѣтель-современникъ, или почти современникъ, такъ какъ съ 1848 г. я уже живо интересовался книгами и даже литературными мнѣніями; а пребываніе въ деревнѣ, въ глуши, дало мнѣ случай тогда (и значительно позднѣе) встрѣчаться съ литературными старовѣрами, которые не могли вспомнить о Гоголѣ, съ его «вульгарными, пошлыми и грязными» твореніями, безъ пѣны у рта и злобной брани. Эти люди, смакуя вылощенное и жеманное пустозвонство какого нибудь искуснаго стихоплета, не умѣли понять въ Гоголѣ безсмертныхъ красотъ его одухотвореннаго творчества только потому, что онѣ выражены были простымъ, правдивымъ языкомъ и живыми образами, вѣрными дѣйствительности, безъ фарисейскаго жеманства и прикрасъ.

Окончательный разгромъ культа условной красоты и выясненіе читателямъ, что въ трезвой правдѣ, въ самомъ скромномъ уголкѣ реальной жизни, кроется въ десять разъ больше поэзіи и красоты, чѣмъ въ звонкихъ, но безсодержательныхъ фразахъ стихоплетныхъ дѣлъ мастера,—это крупная заслуга, которою мы всецѣло обязаны В. Г. Бѣлинскому, даровитѣйшему изъ критиковъ-публицистовъ. Ему же лично и его замѣчательному художественному чутью обязаны мы уясненіемъ многихъ сторонъ въ творчествѣ Пушкина, Гоголя, Лермонтова и другихъ, меньшихъ свѣтилъ нашей литературы. Но это сдѣлано Бѣлинскимъ, повторяю, лично, въ силу его выдающейся даровитости и даже какъ бы вопреки

усвоенному имъ смѣшенію литературной критики съ публицистикою. Послѣдователи же Бѣлинскаго, остальные критики-публицисты, не исключая самыхъ крупныхъ, Добролюбова и Писарева, едва ли сдѣлали хотя что нибудь для пониманія истинныхъ красотъ творчества и тѣхъ писателей, которыхъ они избрали объектомъ (а вѣрнѣе, козлами отпущенія) своего критическаго искусства.

Иначе, впрочемъ, и выйти не могло, такъ какъ смѣшеніе литературной критики съ публицистикой не можетъ быть оправдываемо ни съ какой точки зрѣнія, принося обоимъ лишь очевидный вредъ. Самое народженіе у насъ подобной странной письменности объясняется, повидимому, лишь неслыханно-стѣснительными порядками бывшей цензуры.

Въ самомъ дѣлѣ достаточно вспомнить наиболѣе общеизвѣстные факты, чтобы по достоинству оцѣнить значеніе публицистической школы въ нашей критикѣ. Подвиги свои она начала съ того, что, сразу похеривъ всю стихотворную поэзію и пренебрегая даже такими ея представителями, какъ Майковъ, Фетъ, Полонскій, Мей и пр., она создала взаимнѣн литературу обличительную (грозу становыхъ и городничихъ), этнографически-тенденціозную (Рѣшетниковъ и народники) да еще «Свистокъ» со всѣми его дѣтками, журналами юмористическими. Я не касаюсь вопроса, на сколько благовременны и полезны были подобныя явленія въ нашей русской жизни; это — дѣло спорное, сложное и во всякомъ случаѣ не имѣющее ничего общаго съ моею темою. Для литературы же замѣна вдохновенныхъ пѣсенъ обличительными «Очерками» да «Свисткомъ» была очевидно тяжелымъ ударомъ. Художественное чутье новыхъ критиковъ выразилось въ озлобленномъ отрицаніи «Войны и Мира» Л. Н. Толстаго, «Отцовъ и Дѣтей» Тургенева, всего Достоевскаго и всего Писемскаго огуломъ! то-есть, въ отрицаніи именно тѣхъ чудесъ русскаго литературнаго творчества, которымъ, къ немалому конфузу публицистическихъ эпигоновъ, вскорѣ затѣмъ суждено было покорить своему вліянію весь цивилизованный міръ.

Впрочемъ, наиболѣе характернымъ оказывается отношеніе гг. критиковъ-публицистовъ къ чистой лирикѣ и къ ея величайшему представителю въ нашемъ столѣтіи — А. А. Фету-Шеншину.

Этотъ писатель былъ, какъ извѣстно, не только безиримѣрнымъ почти колоссомъ лиризма, но и глубокимъ, вдохновеннымъ поэтомъ мысли. Онъ съ такою исключительной геніальностью умѣлъ покорить себѣ языкъ человѣческій, что сталъ легко и ясно выражать словами чувства и мысли, до него считавшіяся совершенно недоступными для писателя, по безсилію и несовершенству человѣческой рѣчи, — тѣ чувства и мысли, передъ которыми такъ долго «умолкало перо» менѣе даровитыхъ авторовъ. Фетъ, уже въ самыхъ раннихъ своихъ произведеніяхъ, нѣсколькими строками вол-

шебной силы и прелести, умѣлъ выхватить изъ живой дѣйствительности какое нибудь бысролетное мгновение, какое нибудь глубокое, но неуповимое, какъ сонъ, движеніе сердца, или внезапную вспышку дремлющаго, полустертаго, а все-таки дорогаго воспоминанія — и эти-то неудобовыразимые моменты, не поддающіеся ни описанію, ни выясненію, ни измѣренію, вдругъ превратитъ въ нѣчто ясное, непреходящее и чарующее, какъ мраморъ великаго художника. Такимъ образомъ, по первымъ же опытамъ поэта, легко было признать въ немъ не только великое дарованіе, но и рѣдкую силу мысли; ибо анализъ души, въ ея сокровеннѣйшихъ тайникахъ и движеніяхъ, не дается посредственному человѣку. Дѣйствительно, Фетъ не даромъ зачитывался Шопенгауеромъ. Въ болѣе зрѣломъ возрастѣ онъ одержалъ еще новую побѣду надъ словомъ и далъ ему новую силу, сумѣвъ одѣть въ яркіе образы и выразить поэтическимъ языкомъ съ небывалой силой и сжатостью самыя глубокія идеи отвлеченнаго порядка, самыя волнующія проблемы метафизики и психологіи. Я не стану приводить въ доказательство изумительныя перлы творчества изъ «Вечернихъ Огней» А. А. Фета; въ моемъ краткомъ очеркѣ это было бы и неудобно, и бесполезно. Тому, кто самъ не запомнилъ и не оцѣнилъ этихъ высокыхъ образцовъ поэтической мысли, высказанной стихами великаго мастера, — что могу сказать и выяснитъ я своей неуклюжей рѣчью? Какъ бы то ни было, давно и всѣмъ извѣстно, что чѣмъ непосредственнѣе и независимѣе отъ времени и другихъ случайныхъ обстоятельствъ изображаетъ поэтъ движенія человѣческой души, тѣмъ глубже и шире содержаніе его произведеній, тѣмъ къ большему кругу читателей онъ обращается, ибо говоритъ о вѣчномъ и существенномъ, равно близкомъ для всѣхъ людей, вѣковъ и народностей. А. А. Фетъ безспорно принадлежитъ къ небольшому числу такихъ не старѣющихъ писателей. Если онъ отзывался не на всѣ струны человѣческой души, не интересовался всѣми сторонами человѣческаго чувства, дѣятельности и пониманія, за то тѣмъ глубже и полнѣе проникалъ онъ въ родственныя ему сферы духовной жизни, тѣмъ гениальнѣе раскрывалъ въ своихъ твореніяхъ тайны излюбленныхъ имъ областей мысли и чувства. Это, однако, нисколько не помѣшало критикамъ-публицистамъ провозгласить поэзію Фета безсодержательною (!), такъ какъ она отличалась полнымъ отсутствіемъ «гражданскихъ мотивовъ» (!!!). Мало того, когда Фетъ напечаталъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» свои извѣстныя письма изъ деревни, гг. критики, усмотрѣвъ въ нихъ нѣкоторые промахи и погрѣшности, необыкновенно обрадовались явному превосходству своего собственнаго пониманія. Да, да! Эти господа въ самомъ дѣлѣ лучше поняли и вѣрнѣе оцѣнили угрюмую недобросовѣстность стараго Пахома, пьяную распущенность Евтишки или еще какіе нибудь деревенскіе «моменты», недоста-

точно провѣренные Фетомъ. Отсюда выводъ для критиковъ ясенъ: великій поэтъ, во-первыхъ, ретроградъ и врагъ народа, а, во-вторыхъ, и прежде всего — идиотъ. Да, идиотъ, сочиненія котораго можно, не нарушая смысла, читать и съ начала и съ конца; съ конца даже лучше выходить; можно, по поводу ихъ, обращаться къ читателю съ вопросомъ: понялъ ли онъ «во всей этой белибердѣ» хотя чтонибудь? можно даже самое имя писателя превратить въ бранное слово и клеймить имъ (!) всевозможныхъ бездарныхъ писаекъ... Гдѣ, въ какой другой странѣ міра, случалось или случится, чтобы надъ писателемъ, который составляетъ гордость и честь родной литературы, пронесся цѣлый ураганъ невѣроятной ругани и издѣвательствъ? Припоминая теперь всѣ выходы критиковъ-публицистовъ противъ Фета, невольно спрашиваешь себя: надъ кѣмъ они такъ жестоко ругались, въ кого бросали грязью, въ Фета, или — въ собственную свою фізіономію?

Публицистическая критика, впрочемъ, не стѣнилась приступить съ разрушительными намѣреніями даже къ нерукотворному памятнику самого Пушкина, обвинивъ геніальнаго поэта въ пустомыслии, хлыщеватости и нравственномъ ничтожествѣ. Бѣднаго же Лермонтова, по умственному его развитію, прямо приравнивали къ армейскому прапорщику-сердцеѣду. Въ этихъ обоихъ случаяхъ, однако, у гг. критиковъ руки оказались коротки. Уцѣлѣли нерукотворный памятникъ и загадочно-величавая фигура Лермонтова, потому что самые либеральные гимназисты и семинаристы отказались на этотъ разъ повѣрить на слово своимъ обожаемымъ вождямъ. Молодые люди смутно почуяли въ душѣ, что все-таки неловко и зазорно отдавать предпочтеніе виршамъ Некрасова передъ вдохновенною лирикою Лермонтова.

Въ виду вышеизложенныхъ общеизвѣстныхъ фактовъ, я не встрѣчаю надобности настаивать на доказательствахъ полной несостоятельности публицистическаго метода въ художественно-литературной критикѣ. Ясно, что гг. адепты этого метода не въ силахъ указать своимъ читателямъ ни на красоту, ни на внутреннюю, дѣйствительную цѣнность даннаго литературнаго произведенія; оно интересуется ихъ лишь внѣшнимъ своимъ ярлыкомъ (нашъ, молъ, авторъ или не нашъ?) да тѣми страницами, которыя даютъ поводъ г. критику уже лично отъ себя наговорить цѣлый ворохъ какихъ-нибудь, часто совсѣмъ не идущихъ къ дѣлу, разсужденій.

Такимъ образомъ такъ называемая изящная литература ровно ничего не выиграла отъ своего случайнаго и временнаго, но тѣснаго союза съ публицистикой.

За то, можетъ быть, выиграла послѣдняя.

Увы! приходится констатировать совершенно противоположное. Рабій языкъ, эзоповы притчи, узкое доктринерство, либо невѣроятная легковѣсность мысли, готовой довольствоваться одними хлест-

кими словами,—вот что привнесла въ нашу жизнь и литературу критическая публицистика. Не боясь ошибки, можно утверждать, что чрезвычайно низкимъ уровнемъ нашего настоящаго мышленія въ вопросахъ государственной экономіи, народнаго хозяйства и общественнаго благоустройства мы обязаны именно преобладанію критической публицистики или, вѣрнѣе, тѣмъ печальнымъ условіямъ, которыя у насъ ее породили и такъ долго поддерживали.

Понять это легко. Публицистика есть великая сила и положительно незамѣнимый факторъ народной жизни. Но такое значеніе получаетъ она лишь въ томъ случаѣ, когда люди, близко стоящіе къ извѣстнымъ вопросамъ текущей дѣйствительности, люди, изучившіе свое дѣло въ теоріи и на практикѣ, свободно и яснымъ языкомъ, съ помощью всѣхъ доступныхъ имъ доказательствъ или соображеній, обсуждаютъ въ печати и существующее, и желаемое положеніе вещей въ сферѣ близко знакомой имъ специальности. Такимъ образомъ получается рядъ цѣнныхъ указаній, догадокъ, остроумныхъ приспособленій и выясняющихъ истину споровъ, которые, въ своей совокупности, представляютъ надежную почву для необходимыхъ мѣропріятій правительства и разливаютъ массу полезнѣйшихъ и драгоцѣннѣйшихъ знаній въ народѣ.

Чѣмъ же была наша критическая публицистика?

Дюжина лицъ исключительно теоретическаго образованія присвоили себѣ монополію права бесѣдовать съ публикою о всѣхъ вопросахъ народной жизни, и даже не въ формѣ непосредственныхъ статей по даннымъ вопросамъ, а придравшись къ даровитой или бездарной фантазіи какого нибудь беллетриста! Еще бы, это гораздо легче... Специальная статья требуетъ все-таки нѣкоторыхъ знаній, нѣкотораго самоограниченія въ болтовнѣ, наконецъ, знающіе люди потребуютъ отъ нея, пожалуй, настоящаго знакомства съ дѣломъ, а въ противномъ случаѣ поднимутъ на смѣхъ и безапелляціонно докажутъ легковѣсность автора. То ли дѣло писать по поводу какого нибудь измышленнаго героя и фантастическихъ событій! Въ этихъ условіяхъ, при помощи хлесткаго пера да темныхъ, но ловкихъ намековъ, можно прослыть передовымъ бойцомъ за правду и даже сдѣлаться вождемъ молодого поколѣнія, которое, за неимѣніемъ доказательствъ, не заподозритъ, что вождь и самъ-то хорошенько не знаетъ, куда ему идти, что, кромѣ непомѣрнаго тщеславія, изрядныхъ аппетитовъ да кое-какихъ книжныхъ знаній, ничего-то у него за душой не имѣется... Наконецъ, подобная манера «творить» даже тѣмъ удобна для авторовъ, что если невзначай выльется изъ-подъ пера какая нибудь совершенно нестерпимая дребедень (въ родѣ, напримѣръ, статьи г. Протопопова о послѣдней повѣсти Толстого), все-таки найдется «свой» человѣкъ, готовый уплатить построчный гонораръ и за дребедень, «въ виду честныхъ намѣреній» оплошавшаго критика.

Что общаго представляетъ, однако, подобное развязное бумагомаранье съ тяжелымъ и благотворнымъ трудомъ настоящаго публициста, твердо знающаго, о чемъ, что и для чего онъ пишетъ?

II.

При всѣхъ своихъ несовершенствахъ, публицистическій методъ оказывается, однако, едва ли не самымъ выдающимся явленіемъ въ бѣдной и короткой исторіи русской литературной критики. Онъ занимаетъ первое мѣсто по силѣ и продолжительности своего вліянія (отдѣльные представители данной школы и, вѣроятно, послѣдніе ея могикане еще и до сихъ поръ подвизаются на литературномъ поприщѣ), по рѣзкой опредѣленности своихъ задачъ и достаточной ясности стремленій, а, наконецъ, и по несомнѣнной даровитости своихъ главныхъ корифеевъ. Прошу понять меня, какъ слѣдуетъ: я вовсе не поклонникъ этого вліянія, этихъ задачъ или даже этихъ корифеевъ, я рѣшительно сомнѣваюсь въ полезности ихъ воздѣйствія и, напротивъ, старался выяснить, какъ умѣлъ, всю ограниченность, узость и ошибочность публицистической критики; но факты остаются фактами, при чемъ значеніе самаго уродливаго и вреднаго изъ нихъ можетъ оказаться огромнымъ или даже подавляющимъ. Кто, напримѣръ, не знаетъ, что кабакъ играетъ болѣе видную роль въ жизни нашего крестьянства, чѣмъ школа? Слѣдуетъ ли, однако, изъ этого, что кабакъ и въ самомъ дѣлѣ нужнѣе, выше и разумнѣе школы? Вообще принижать дѣйствительное значеніе фактовъ въ угоду собственнымъ симпатіямъ — не достойно разумнаго человѣка.

На сколько продолжителенъ былъ третій, публицистическій, періодъ нашей критики, на столько же мимолетнымъ оказался четвертый, яко бы «научный», возникшій у насъ вслѣдствіе пересадки на русскую почву идей и теорій Тена. Господство научной критики въ русской литературѣ даже никогда не было безраздѣльнымъ; отраженный свѣтъ мыслей знаменитаго французскаго философа оказался довольно слабымъ, и адептамъ новаго ученія не удалось добиться явнаго успѣха или, тѣмъ менѣе, всѣми признаннаго торжества. Это, можетъ быть, объясняется тѣмъ, что наши крупные писатели послѣгоголевскаго періода—Тургеневъ, Писемскій, Гончаровъ, Островскій, Достоевскій и Толстой—предвосхитивъ все истинное и цѣнное въ ученіяхъ Тена, пошли гораздо дальше его, успѣли сохранить свободу творчества и уловить ту тайну красоты, которая вся цѣликомъ построена на познаніи и признаніи духовной природы человѣка, ибо, въ сущности, красота есть не что иное, какъ одухотвореніе матеріи. Достоевскій и Толстой (послѣдній въ особенности) явили міру такіе недостижимые примѣры литературнаго творчества, передъ которыми совершенно блѣднѣтъ и узко-формаль-

ный детерминизмъ Тена, и сухія, одностороннія, ложно освѣщенныя произведенія даровитѣйшаго изъ художниковъ его школы—Зола. Очевидно, что, при подобныхъ условіяхъ, такъ называемая «научная» критика не могла стать твердой ногою въ русской литературѣ, не могла пустить въ ней здоровые корни, а оказалась лишь явленіемъ эфемернымъ, случайнымъ и навѣяннымъ со стороны.

Впрочемъ, подобно тому, какъ нѣкоторые эпигоны публицистической критики до сихъ поръ дарятъ насъ своими затхлыми произведеніями, такъ и нѣкоторые убѣжденные послѣдователи Тена дѣлаютъ то же самое, конечно, съ гораздо большимъ правомъ на сочувствіе или по крайней мѣрѣ благосклонное вниманіе гг. читателей. Однако каждый внимательный другъ русской литературы безъ труда согласится со мною въ томъ отношеніи, что роль научной критики если и была у насъ первенствующей, то лишь на самое короткое время. Теперь же прилетѣли новыя птицы и запѣли новыя пѣсни; запѣли поновому даже многія изъ старыхъ птицъ, чтобы не казаться отсталыми, а пребывать въ курсѣ *fin de siècle*. Свѣжіе голоса покрыли собою и старческое брюзжанье «направленской» (публицистической) критики, и утомительно-отчетливую, утомительно-деревянную музыку «тэнистовъ»...

Но если вы меня спросите, а кто же оказывается запѣвалою въ этомъ обновленномъ хорѣ? — я стану втупикъ и не сумѣю вамъ отвѣтить ни единымъ указаніемъ или хотя бы намекомъ. Можетъ быть, будущее, оглянувшись на насъ съ высоты своего поступательнаго полета, разберетъ странную путаницу нашихъ идей, опредѣлитъ точный ростъ многообразныхъ явленій текущаго времени и безошибочно укажетъ на то теченіе русской критической мысли, которое таило въ себѣ верно, способное къ здоровому развитію. Но я очень сомнѣваюсь, чтобы кто либо изъ смертныхъ взялъ на себя смѣлость рѣшить подобную задачу теперь же. Я, по крайней мѣрѣ, на такой подвигъ безусловно неспособенъ, и даже предложилъ бы окрестить пятый періодъ нашего критическаго развитія какимъ нибудь временнымъ названіемъ, характеризующимъ не самую его сущность, а хотя бы лишь внѣшнюю видимость. Такъ, на примѣръ, мнѣ казалось бы очень подходящимъ наименовать текущій моментъ нашего литературнаго *statu quo* — періодомъ «критическаго шаривари» или «кто во что гораздъ».

Въ самомъ дѣлѣ, какое бы то ни было соглашеніе относительно общихъ и невыблемыхъ, либо временно признаваемыхъ таковыми, основъ разумной критики у насъ исчезло. Постепенно исчезаетъ, слава Богу, и нелѣпѣйшій политическій антагонизмъ нашихъ литературныхъ или, вѣрнѣе, журнальныхъ партій, если только не смѣшивать этотъ антагонизмъ съ непосредственно барышническими маневрами или барышническимъ же озлобленіемъ. Необычайная приниженность темъ, рядомъ съ колоссальной самоувѣренностью и

задорливостью тона, является характерной особенностью подавляющего большинства «работъ» новѣйшей критики. Даже признанные дѣятели прежнихъ лѣтъ утратили свою былую ясность и убѣжденную послѣдовательность, пойдя на всевозможные уступки и компромиссы въ духѣ литературнаго оппортунизма. Конечно, остались кое-кто столпообразно неизмѣнными, напримѣръ, г. Скабичевскій... Но вѣдь и столбы не всегда вѣрно указываютъ дорогу, или, по крайней мѣрѣ, нѣсколько односторонни въ своей строгой послѣдовательности.

— Куда мнѣ ѣхать: направо или налево? — спрашиваетъ недоумѣвающій путникъ.

— Десять и пятнадцать! — отвѣчаетъ столбъ.

— Да въ какую же сторону, чортъ возьми, здѣсь приходится востокъ, югъ, западъ? Надобно же ориентироваться!

— Одиннадцать и четырнадцать.

— По крайней мѣрѣ, это ли большой московскій шляхъ? А то вѣдь, пожалуй, заберешься невѣдомо куда.

— Двѣнадцать и тринадцать...

III.

Было бы, однако, очень интересно уяснить себѣ такой вопросъ: если не только у насъ, но и во всей Европѣ, послѣ многихъ теорій и доктринъ, обоснованныхъ на философіи, психологіи, социологіи, эстетикѣ и проч., послѣ цѣлаго ряда блестящихъ работъ, исполненныхъ самыми выдающимися умами человѣчества, съ цѣлью установить точные и ясные законы искусства, теперь наступило вдругъ полное банкротство этихъ доктринъ и теорій, а на смѣну имъ не появляется ничто, мало-мальски значительное и авторитетное, — значитъ ли это, что мы идемъ назадъ, что развитіе нашей литературно-критической мысли стоитъ ниже, чѣмъ пятьдесятъ, тридцать или десять лѣтъ ранѣе? Неужели творческій духъ человѣчества на столько оскудѣлъ, что высшее его представители не въ силахъ болѣе создавать не только великія чудеса искусства, но и понимать ихъ, сочувствовать имъ, разъяснять толпѣ ихъ высокую цѣну и значеніе?..

Факты, на первый взглядъ, какъ бы подтверждаютъ печальную догадку. Однако очень трудно допустить подобное паденіе человѣчества именно въ тотъ моментъ, когда во всѣхъ областяхъ мышленія оно проявляетъ непримѣрное напряженіе и добивается небывалыхъ результатовъ. Особенно трудно допустить оскудѣніе творческихъ силъ человѣчества, въ виду очевидно совершаемой имъ великой и знаменательной эволюціи, то-есть, въ виду сознательнаго и твердаго поворота къ признанію и изученію духовной сто-

роны въ природѣ. Поворотъ этотъ подтверждается множествомъ безспорныхъ свидѣтельствъ. Теперь та недавняя мудрость, которая такъ гордилась своимъ индифферентизмомъ въ вопросахъ извѣстнаго порядка, равно отказываясь вѣрить либо отрицать,—вызываетъ уже невольную улыбку. Это дѣтское зажуриваніе собственныхъ глазъ, эта политика страуса, который, при преслѣдованіи враговъ, зарываетъ свою голову въ песокъ, чтобы ихъ не видѣть,—очевидно пережиты человѣчествомъ. Но въ такомъ случаѣ, какъ согласить новое его стремленіе къ познанію духовныхъ началъ природы съ полнымъ оскудѣніемъ способностей, не только творческихъ, но и критическихъ?

Остается спросить у себя: да полно такъ ли? Дѣйствительно ли нынѣшняя критическая ровнь и явная растерянность присяжныхъ аристарховъ оказывается явленіемъ упадка литературно-критической мысли? А можетъ быть, какъ разъ наоборотъ, оно объясняется именно ея сравнительной зрѣлостью?

Я лично склоненъ вѣрить послѣднему.

Въ самомъ дѣлѣ, что такое литературная критика, и каковы ея средства для раскрытія общихъ законовъ искусства?

Ясно, что законы эти могутъ быть лишь выводомъ изъ цѣлаго ряда именно литературныхъ же произведеній, то-есть, явленій духовнаго человѣческаго творчества. Но пока продолжается подобное творчество, очевидно, не можетъ быть сказано и послѣднее слово относительно его законовъ; ибо каждое новое произведеніе лишь по стольку значительно, по скольку оно выясняетъ новыя стороны человѣческаго духа и его стремленія къ истинѣ и красотѣ (которая есть тоже истина, но выраженная въ вещественныхъ формахъ). Въ виду этого, мы можемъ изучать и вполне достойно оцѣнить всякое литературное твореніе прошлыхъ временъ. Такой трудъ даже не предполагаетъ въ своемъ авторѣ той драгоцѣнной способности, которую принято называть критическимъ чутьемъ. Достаточно установить, чисто научнымъ путемъ, мѣсто изучаемаго произведенія въ ряду другихъ предшествующихъ и послѣдующихъ литературныхъ фактовъ; размѣръ и значеніе цѣнностей, привнесенныхъ имъ въ общую сокровищницу литературы, его значеніе для современниковъ, вліяніе, имъ оказанное, на идеи и дѣла человѣческія, наконецъ интенсивность и продолжительность этого вліянія. Такую работу, конечно, можетъ съ полнѣйшимъ успѣхомъ произвести человѣкъ самыхъ обыкновенныхъ способностей, если онъ одаренъ достаточнымъ трудолюбіемъ и знакомствомъ съ научными приѣмами изслѣдованія. Притомъ указанная работа несомнѣнно дастъ въ результатѣ самую полную и правдивую оцѣнку изучаемаго произведенія. Успѣхъ этотъ станетъ вполне понятнымъ, если мы примемъ въ соображеніе, что въ данномъ случаѣ время и рядъ послѣдующихъ литературныхъ произведеній сыграли роль безошибочнаго критика и со-

вершили самую щекотливую часть критической работы, то-есть, установили, что именно в изучаемом творении явилось новым и плодотворным, и что было лишь заблуждением автора или оказалось непосильною для него претензией.

Поясню мои слова примѣромъ.

При выходѣ «Мертвыхъ Душъ» Гоголя, мнѣнія въ публикѣ и въ критикѣ были, какъ извѣстно, весьма различны. Одни восторгались правдивой простотою Гоголя, необычайной мѣткостью, съ которою онъ изображалъ явленія повседневной дѣйствительности, и глубиною ихъ пониманія. Другіе съ самымъ искреннимъ отвращеніемъ говорили о нестерпимой тривіальности Гоголя и о нецѣлостности самаго замысла внести въ литературу ту же грязь, бѣдность и пошлость, которыя встрѣчаются въ жизни на каждомъ шагу и каждому, конечно, опротивѣли до тошноты. Не лучше ли, молъ, «сладкими вымыслами» доставить читателю хотя нѣсколько минутъ наслажденія? Рѣшить подобный споръ съ полнѣйшей увѣренностью и, главное, убѣдительною для всѣхъ, въ моментъ самаго появленія «Мертвыхъ душъ», очевидно, не было никакой возможности. Но рядъ послѣдующихъ литературныхъ произведеній, въ основу которыхъ легли начала, впервые указанная Гоголемъ, достаточно выяснилъ даже для послѣдняго изъ толпы читателей и значеніе реализма въ литературѣ, и «видимый міру смѣхъ сквозъ невидимыя слезы» Гоголя, и возведеніе имъ «въ перлъ созданія» даже самой тривіальной повседневности.

Итакъ, исторически-литературная критика художественнаго произведенія прошлыхъ временъ есть дѣло не только вполне доступное, но и гарантирующее несомнѣнный успѣхъ всякаго добросовѣстнаго и подготовленнаго изслѣдователя, хотя бы лишеннаго спеціально-критическихъ дарованій.

Совершенно въ иномъ положеніи критикъ современнаго литературнаго факта. Ни глубокой умъ, ни самая совершенная научная подготовка не спасутъ его отъ крушенія, если природа отказала ему въ божьей искрѣ поэтическаго чутья и энтузіазма. Мало того даже обладая этой искрой, критикъ рискуетъ жестоко ошибиться, разбирая вещь писателя съ несозвучнымъ ему, критику, міросозерцаніемъ и настроеніемъ поэтическаго чувства. Бѣлинскій—человѣкъ замѣчательнаго непосредственнаго чутья, хотя онъ и подчинялъ его искусственно своимъ «идеямъ»—по «Бѣднымъ людямъ», повѣсти, написанной въ плаксивомъ, повышенномъ и невѣрномъ тонѣ, угадалъ будущее величіе О. М. Достоевскаго; но въ то же время онъ проглядѣлъ изумительно ясную, чистую, до мельчайшихъ подробностей художественно отдѣланную, тонко и почти до лиризма поэтическую работу И. С. Тургенева. Почему это? Просто потому, что въ Тургеневѣ никогда не было силы, именно того элемента, на который особенно легко отзывался Бѣлинскій и который сразу приковывалъ его вниманіе къ автору.

Впрочемъ, и въ вашей частной жизни, г. читатель, вы, конечно, знаете десятки лицъ, восторженно цитирующихъ, напимѣрь, Лермонтова и въ то же время засыпающихъ надъ первыми четырьмя страницами Шекспира. Эти люди добросовѣстно изучили критическую литературу о Шекспирѣ, съ большимъ интересомъ прочли Гервинуса и сознательно признаютъ англійскаго колосса недостижимо гениальнымъ писателемъ-творцомъ. Но, тѣмъ не менѣе, встрѣчаясь съ его твореніями непосредственно, они... скучаютъ и спятъ!

А вы сами, г. читатель, всегда ли съ живымъ восторгомъ читаете книги, завѣдомо прекрасныя?

Въ томъ-то и дѣло, что самая совершенная музыка нѣма для глухаго, или даже непріятна для человѣка съ дисгармонически настроеннымъ слухомъ. Произведеніемъ, которое вовсе не затрогиваетъ вашихъ собственныхъ поэтическихъ струнъ, или затрогиваетъ ихъ въ разладъ,—вы непосредственно восхищаться не станете, хотя бы тысячу разъ читали о его достоинствахъ.

Представьте же себѣ теперь положеніе присяжнаго критика передъ подобнымъ фактомъ, съ пылу горячимъ, только что снятымъ съ печатнаго станка! Чему въ этомъ случаѣ поможетъ знаніе? Ну, да, критикъ превосходно изучилъ все, доселѣ совершенное въ литературѣ. Но вѣдь новое произведеніе лишь по стольку и значительно, по скольку оно ново въ дѣйствительности, по скольку оно открываетъ новые законы и невѣдомые горизонты въ искусствѣ. Съ какимъ же научнымъ либо теоретическимъ критеріумомъ можно подойти къ нему критикъ? Въ чемъ гарантія его непогрѣшимости или, по крайней мѣрѣ, достаточнаго пониманія?

IV.

Въ чрезвычайной розни и неустойчивости нашихъ современныхъ критическихъ ученій мнѣ чуется именно начало сознанія, что вѣкъ критическихъ доктринъ заканчивается, что онѣ отжили свое время, потеряли всякое довѣріе и обаяніе.

Значитъ ли это, однако, что критическое изученіе современныхъ литературныхъ фактовъ невозможно по существу и безцѣльно по результатамъ?

Ни то, ни другое, разумѣется. Напротивъ, мнѣ лично думается, что современная критика именно теперь, множествомъ сознанныхъ ошибокъ и блужданій, подготовлена къ выступленію на свой единственно-вѣрный путь; именно теперь, отрѣшившись отъ предвзятыхъ идей и теорій, она способна будетъ оказать настоящую, огромную услугу литературѣ и обществу.

Для этого нужно только, чтобы публика, писатели и прежде

всего сами гг. критики нѣсколько измѣнили свой взглядъ на задачи, смыслъ и значеніе критическихъ работъ; чтобы публика развѣ навсегда отказалась отъ пошловатаго удовольствія, которое доставляетъ ей хлесткая иронія аристарха по адресу автора; чтобы публика даже недоумѣвала, зачѣмъ и какъ подобныя строки, мѣсто которымъ въ рецензій или въ случайной замѣткѣ, — попали въ критическую статью...

Критикъ прежде всего долженъ помнить, что онъ отнюдь не судья надъ авторомъ, не какая-то высшая надъ нимъ инстанція, а напротивъ первый его слуга, поклонникъ и истолкователь. Повѣрьте, гг. аристархи, такое пониманіе вашей задачи не безвыгодно для васъ самихъ: по крайней мѣрѣ вы не станете въ положеніе, по истинѣ невозможное, тѣхъ «умницъ», которые признали Фета идіотомъ, или г. Протопопова, недавно побѣдоносно доказавшаго, что Л. Н. Толстой думаетъ совсѣмъ не попротопоповски. Критикъ, подобно актеру, долженъ полагать свое честолюбіе лишь въ томъ, чтобы всею силою своихъ средствъ, всѣмъ пыломъ своего энтузіазма, выяснитъ толпѣ, сдѣлать для нея доступными, или, такъ сказать, наглядными и значительность оригинальныхъ мыслей, и обаяніе поэтическихъ красотъ, и симпатичную искренность стремленій разбираемаго автора. Понятно, что при этомъ критикъ можетъ браться лишь за разъясненіе глубоко созвучнаго или сроднаго его духу творенія, точно такъ же, какъ и честный актеръ берется лишь за подходящія роли.

Изъ сказаннаго вытекаетъ съ достаточной ясностью, что такъ называемыя ругательныя и громовыя критическія статьи, которыя яко бы уничтожаютъ или хоронятъ автора, — попросту лишены здраваго смысла. Въ самомъ дѣлѣ, если вещь плоха, она не заслуживаетъ критики; въ противномъ случаѣ — виноватъ критикъ, а не авторъ. Вообще «похоронить» себя можетъ только самъ писатель. Кого мѣшали съ грязью усерднѣе, чѣмъ Фета? Однако Фетъ яркою звѣздой сіяетъ въ средѣ самыхъ немногихъ избранниковъ... А гдѣ его громители, и кто ими интересуется?

Мнѣ возражать, пожалуй, что едва ли не самый чуткій и вліятельный изъ современныхъ критиковъ, г. Буренинъ, оказывается, однако, и наиболѣе взыскательнымъ или беспощаднымъ. Слѣдовательно моя точка зрѣнія не оправдывается литературною практикой. Вѣдь одною бранью, лишенною здраваго смысла, вліянія не приобрѣтешь; для этого нужно еще кое-что другое.

Конечно. И я пользуюсь случаемъ, чтобы для читателей, не привыкшихъ къ недомолвкамъ, поставить точки надъ і, не вводя ихъ въ соблазнъ.

Если я отрицаю какую бы то ни было предвзятую теорію или мѣрку, по масштабу которой яко бы слѣдуетъ оцѣнивать современ-

ные литературные факты, — отрицаю ее безусловно, хотя бы она была трижды научная, — слѣдуетъ ли изъ этого, что я отрицаю и необходимость для критика обладать солидною историко-литературной, философскою и вообще научною подготовкою?! Ясно, что это двѣ стороны вопроса, вовсе другъ отъ друга независимыя. Прикидывая новое произведеніе къ старымъ мѣриламъ, можно не замѣтить именно главныхъ его достоинствъ. Но еще менѣе въ состояніи оцѣнить его человекъ безъ достаточныхъ свѣдѣній. Въ наши дни, когда сложность человѣческихъ отношеній и характеровъ, разнообразіе, глубина и смѣлость идей, обиліе задачъ и интересовъ могутъ привести въ отчаяніе самаго искуснаго изъ бытописателей, — къ чему способенъ на критическомъ поприщѣ человекъ невѣжественный? Только мыслитель огромнаго развитія въ состояніи правильно оцѣнить новое теченіе идей или достойно освѣтить съ научной либо философскою точки зрѣнія тѣ новыя явленія и факты, которые писатель, силою своего непосредственнаго дарованія и чудодѣйственной проницательности, ранѣ другихъ подмѣтилъ въ мутныхъ волнахъ житейскаго моря и живьемъ перенесъ на бумагу. Только ученый, глубоко изучившій исторію литературъ, въ силахъ точно опредѣлить, что именно новаго привнесъ авторъ, и каковъ размахъ его генія сравнительно съ другими извѣстными писателями. Горько ошибаются тѣ незрѣлые юноши, которые, ощутивъ въ себѣ наличность кое-какого эстетическаго чутья, воображаютъ, что затѣмъ они такъ ужъ и рождены критиками, а потому слѣдуетъ преподнести плоды своихъ соображеній публикѣ. Если забавны беллетристы, съ наисерьезнѣйшимъ видомъ излагающіе дѣтскую побасенку, либо въ сотый разъ повторяющіе избитую тему, — во сколько же разъ забавнѣе критики, которые, «напрягши умъ, наморщивши чело», выискиваютъ въ подобныхъ благоглупостяхъ «перлы соизданія», или сочиняютъ, по поводу ихъ, цѣлыя глубокомысленные трактаты?

Г. Буренинъ, какъ человекъ тонкаго ума, многосторонняго развитія и притомъ обладающій недюжиннымъ поэтическимъ дарованіемъ, а слѣдовательно и достаточнымъ эстетическимъ чутьемъ, конечно, не могъ поставить себя въ то смѣхотворное положеніе, куда залѣзли разные... *Nomina sunt odiosa*. Своимъ трудомъ о Тургеневѣ онъ въ достаточной степени засвидѣтельствовалъ, что настоящая литературно-критическая работа — совсѣмъ не чуждая для него область. Но, какъ человекъ, всецѣло преданный интересамъ текущей современности и журналистъ по темпераменту, онъ, волей-неволей, вынужденъ былъ посвятить свое бойкое перо мелкимъ литературнымъ явленіямъ даннаго момента. Даже въ этой «черной работѣ» выказалъ онъ много вкуса, чутья и пониманія, безошибочно выдѣляя изъ мусора и хлама все мало-мальски цѣнное и

не пошлое. Однако именно критическій талант г. Буренина и присущее ему чувство мѣры подсказали ему полнѣйшую невозможность писать литературно-критическія статьи на данныя темы. Стѣсняла его, конечно, и газетная форма его писаній. Потому-то, кромѣ немногихъ, почти всегда цѣнныхъ и характерныхъ литературныхъ замѣтокъ, огромное большинство своихъ статей онъ сдѣлалъ бойкими, остроумными и нерѣдко крайне-ироническими рецензіями. Онъ выставлялъ на видъ и осмѣивалъ сотое повтореніе избитыхъ пошлостей, намѣренное и жалкое оригинальничанье, или притязательное кривлянье сомнительныхъ дарованійца третьяго и четвертаго порядка.

Это, разумѣется, вполне законный родъ литературныхъ произведеній, противъ котораго я ничего не могу возразить. Но прошу моихъ гг. читателей замѣтить, что онъ имѣетъ весьма мало общаго съ критикой, какъ я ее понимаю.

V.

Стремясь быть вполне яснымъ, я очень желалъ бы въ концѣ моей замѣтки указать читателямъ на живой, конкретный примѣръ того критическаго метода, который мнѣ представляется единственно-истиннымъ. Къ счастью, въ нашей молодой русской литературѣ, великой и богатой покуда не столько количествомъ фактовъ, сколько ихъ качествомъ, — нашелся и нужный мнѣ примѣръ.

Писатель съ большой и многосторонней эрудиціей, съ неподдѣльно философскимъ складомъ мышленія и великой любовью къ искусству, словомъ, извѣстный Н. Н. Страховъ, явился для публики истолкователемъ Л. Н. Толстого.

Я думаю, еще всѣмъ памятно, даже людямъ нѣсколько беззаботнымъ по части литературной критики, блестящія статьи Страхова о «Войнѣ и Мирѣ». Чуждый всякаго предвзятаго взгляда, всякой критической теоріи, но за то до глубины духа потрясенный силою гениальнаго писателя, нашъ критикъ явился не защитникомъ или пропагандистомъ какихъ либо собственныхъ мыслей, не высокоумнымъ судьей писателя и не присяжнымъ оцѣнщикомъ его литературной стоимости, — нѣтъ, онъ всего себя, цѣликомъ, отдалъ на служеніе автору; онъ какъ будто совсѣмъ забылъ о собственной своей личности; онъ до того проникся идеями, образами, даже намѣреніями Толстого, до того изучилъ его приемы, до такой степени вдумался въ его міросозерцаніе, что ему уже сравнительно легко было раскрыть все это передъ толпой. Подобно великимъ актерамъ, онъ на время превратился въ другое лицо. Конечно, самъ Л. Н. Толстой не могъ бы явиться болѣе горячимъ, глубокимъ

и убѣжденнымъ апологетомъ своихъ твореній, а главное—не могъ бы такъ наглядно, такъ доступно для толпы истолковать великій ихъ смыслъ, совершенно выходящій изъ обычнаго уровня, показать воочию ту невѣроятную силу творчества, которою онъ одаренъ съ избыткомъ, почти непримѣрнымъ въ исторіи литературнаго развитія Европы.

Человѣкъ многосторонней эрудиціи, серьезнаго, аналитическаго и потому убѣжденнаго мышленія, Н. Н. Страховъ, изучивъ Толстого вполнѣ, нисколько не поколебался провозгласить его литературнымъ гениемъ и величайшимъ писателемъ нашего вѣка. Это сдѣлалъ онъ еще въ тѣ времена, когда всякій журнальный поденщикъ считалъ себя въ полномъ правѣ надругаться надъ Толстымъ за его «неразвитость». Ей-Богу, такъ! Льва Николаевича признавали очень даровитымъ беллетристомъ, но вмѣстѣ обскурантомъ, не столько злостнымъ, впрочемъ, сколько «тупымъ» (такова сила излюбленныхъ теорій даже надъ людьми недюжиннаго ума!). На Страхова посыпался, разумѣется, рядъ самыхъ ядовитыхъ насмѣшекъ, почтенное имя его стали трепать даже юмористическіе листки; а черезъ нѣсколько лѣтъ вся цивилизованная Европа, въ лицѣ своихъ наиболѣе компетентныхъ представителей, единодушно и восторженно согласилась съ выводами осмѣяннаго критика. Мнѣ кажется, подобный реваншъ достаточенъ, чтобы удовлетворить самое болѣзненное честолюбіе.

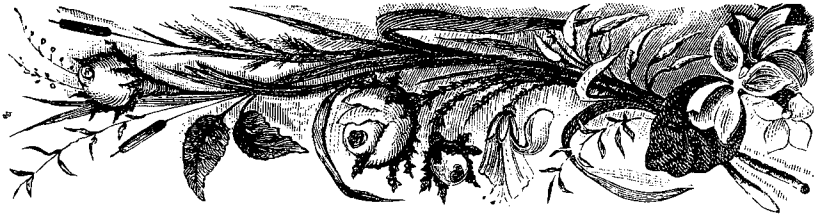
Критическая работа Страхова о Толстомъ, несомнѣнно, является первою изъ первыхъ на русскомъ языкѣ, по своей обстоятельности, исчерпывающей полнотѣ, ясности и почти пророческому предвидѣнію литературныхъ судебъ разбираемаго автора. Между тѣмъ эстетическое чутье почтеннаго критика вовсе не оказывается какимъ либо особо выдающимся и феноменальнымъ. Даже покойный соратникъ его, извѣстный Григорьевъ, былъ, пожалуй, болѣе одаренъ въ этомъ отношеніи. Григорьевъ, однако, не создалъ ничего прочнаго и цѣннаго; даже талантливые отзывы его объ Островскомъ крайне односторонни. Почему же такъ? Загадка рѣшается очень просто. Григорьевъ былъ тоже человѣкомъ предвзятой теоріи, пропагандистомъ собственныхъ убѣжденій прежде всего. Такимъ образомъ, онъ является писателемъ весьма интереснымъ, оригинальнымъ, цѣннымъ по мысли и способу выраженія, но не столько критикомъ чужихъ произведеній, сколько объектомъ критики; то-есть, онъ заслуживаетъ нѣкотораго вниманія лишь самъ по себѣ, но не какъ истолкователь литературныхъ произведеній, хотя нѣкоторыя его сужденія и замѣтки заставляютъ предположить въ немъ почти первоклассное критическое дарованіе.

Н. Н. Страховъ своимъ научнымъ образованіемъ, безспорно, былъ подготовленъ къ роли критика лучше, чѣмъ Григорьевъ или

Бѣлинскій. Однако мы уже видѣли, что одной эрудиціи въ данномъ случаѣ недостаточно. Чѣмъ же объяснить превосходство классическаго труда, созданнаго какъ разъ наименѣе даровитымъ по природѣ критикомъ? Я льщу себя надеждою, что читатель согласится съ тѣмъ объясненіемъ этого факта, которое само собою напрашивается мнѣ подъ перо, а именно: Страховъ обязанъ своимъ успѣхомъ безошибочности избраннаго имъ литературно-критическаго метода.

О. Ромеръ.

СОВРЕМЕННЫЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ДѢЯТЕЛИ.

Викторъ Петровичъ Буренинъ.

I.

ЛИТЕРАТУРНАЯ дѣятельность В. П. Буренина весьма разнообразна. Кромѣ критическихъ статей, памфлетовъ и блестящихъ пародій, онъ написалъ нѣсколько драматическихъ произведеній, много лирическихъ стиховъ, рассказовъ и повѣстей, не относящихся къ злобѣ дня; наконецъ, въ различныхъ его сборникахъ найдется не мало переводовъ какъ небольшихъ пьесъ, такъ и серьезныхъ эпическихъ произведеній. Такое разнообразіе, прежде всего, свидѣтельствуетъ о талантѣ автора, но талантъ рѣдко бываетъ всеобъемлющъ. Не всеобъемлющъ и талантъ г. Буренина. Публицистъ попреимуществу, г. Буренинъ обнаруживаетъ истинную силу и блескъ своего дарованія главнымъ образомъ въ критическихъ статьяхъ, въ памфлетахъ и пародіяхъ. Здѣсь онъ самобытенъ и находится внѣ конкурса.

Общій характеръ литературной дѣятельности г. Буренина несомнѣнно боевой. Значеніе этого писателя для русской литературы начинается, по нашему мнѣнію, съ того момента, когда, убѣдившись въ узости общепризнанныхъ рамокъ и установившихся тенденцій, онъ сдѣлалъ попытку выйти изъ заколдованнаго круга и отнестись къ задачамъ литературы и публицистики въ частности болѣе независимо, нежели его сверстники. Такая попытка неминуемо

должна была встрѣтить рѣзкое противодѣйствіе со стороны всѣхъ заплѣсневѣвшихъ рутинеровъ, которымъ дороги были именно узкія рамки и установившіяся тенденціи. Тутъ они чувствовали себя, какъ за каменною стѣною, и все у нихъ шло, какъ по маслу. Въ эпоху господства добрыхъ чувствъ и гуманныхъ идей не требуется оригинальности мысли и смѣлости воображенія. Наоборотъ, чѣмъ меньше выдѣляться изъ гуманно настроенной и добро-чувствующей толпы, тѣмъ лучше, тѣмъ выгоднѣе. Особенно печальна была въ то время участь искусства. Не говоря уже о Пушкинѣ, даже такіе писатели, какъ И. С. Тургеневъ и Л. Н. Толстой, подвергались самому безцеремонному неосмысленному разносу въ качествѣ людей отсталыхъ, не понимающихъ духа вѣка. Толстого, напримѣръ, тогдашняя мудрая критика преслѣдовала за «Войну и Миръ», единственно потому, что имъ не нравилась историческая философія романиста. Дальше исторической философіи они ничего не видѣли и не хотѣли видѣть, художественныхъ достоинствъ романа для нихъ не существовало. О Тургеневѣ, по поводу, хотя бы, «Отцевъ и Дѣтей», было наговорено столько же, если не болѣе, глупостей. Чтобы судить, до какой степени нелѣпости доходили иные тогдашніе критики, приведемъ нѣсколько отрывковъ изъ статьи г. Скабичевского, напечатанной въ «Отечественныхъ Запискахъ» за 1868 годъ. Критикъ полагаетъ, что романъ «Отцы и Дѣти» — романъ преимущественно философскій. Главная цѣль его, по мнѣнію г. Скабичевского, «поставить рядомъ, другъ предъ другомъ философію отцовъ и философію дѣтей и показать, что философія дѣтей противна человѣческой природѣ и потому не можетъ быть примѣнима къ жизни». Для выполненія этой задачи «автору слѣдовало бы изучить добросовѣстно и безпристрастно обѣ системы міросозерцанія и только тогда приступать къ какимъ либо выводамъ. Но на первыхъ же страницахъ вы видите, что авторъ лишенъ всякой умственной подготовки къ выполненію романа». «Весь романъ, — говорится далѣе, — построенъ не на основаніяхъ наблюденій надъ живою дѣйствительностью, а на чисто апріоричныхъ началахъ... Г. Тургеневъ слышалъ гдѣ-то стороною, что новое міросозерцаніе ставитъ въ основаніи всѣхъ психологическихъ явленій ощущенія, и вывелъ изъ этого какимъ-то образомъ, что выводить все изъ ощущеній это значитъ все отрицать, косить и валить себѣ по ногамъ». Вообще въ «Отцахъ и Дѣтяхъ» Тургеневъ обнаружилъ «крайнее невѣжество, которому совершенно неизвѣстенъ ходъ развитія европейской мысли (?!). Это невѣжество не знаетъ, что отношеніе ко всему съ критической точки зрѣнія вовсе не соотвѣтствуетъ какой либо новости, которую можно было бы назвать сущностью новаго міросозерцанія».

Теперь подобныя умныя рѣчи возбуждаютъ только чувство сожалѣнія къ ихъ автору, но тогда онѣ должны были глубоко воз-

мущать и приводить въ негодованіе немногочисленный кружокъ людей понимавшихъ. Г. Скабичевскій игралъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» роль подголоска. Тонъ давали писатели неизмѣримо болѣе талантливые, чѣмъ онъ, но настроенные одинаково. Именно у нихъ заимствовалъ г. Скабичевскій крайнюю развязность, безапелляціонность въ сужденіяхъ, сознаніе непогрѣшимости каждой высказанной мысли. Но у тѣхъ, у «большихъ», это извинялось, до нѣкоторой степени, силою таланта. Подголоски не находили никакого оправданія. Очевидно, вступая въ борьбу съ вліятельными литературными партіями, настроенными подобнымъ образомъ, вооруженными подобнымъ самоувѣреніемъ и авторитетностью, нельзя было источать медовыхъ рѣчей, нѣжно оспаривающихъ и деликатно отрицающихъ. Нужна была смѣлость, рѣшимость, увѣренность въ своихъ силахъ и, главное, какъ можно больше благородной злобы и не стѣсняющагося остроумія. Всѣми этими качествами литературнаго бойца г. Буренинъ обладалъ въ высшей мѣрѣ. Разумѣется, его тотчасъ же стали обвинять въ злословіи, въ безпощадномъ вышучиваніи и высмѣиваніи тогдашнихъ кумировъ, въ смѣлости полемическихъ пріемовъ. Между тѣмъ интересно знать, какими иными пріемами полемики могъ вооружиться г. Буренинъ. Радикальная публицистика шестидесятыхъ годовъ вовсе не отличалась скромностью и сдержанностью. Достаточно вспомнить полемику по поводу Писарева, или знаменитую перебранку господъ Антоновича и Жуковского съ Некрасовымъ, чтобы убѣдиться въ полной разнузданности тогдашнихъ литературныхъ нравовъ. Г. Буренинъ воспользовался далеко не всѣми способами, при помощи которыхъ эти полемисты боролись со своими врагами. Обладая сильнымъ публицистическимъ талантомъ, онъ не имѣлъ надобности прибѣгать къ прямой грубой брани, часто маскирующей безпомощную злость. Его насмѣшки и вышучиванія были безпощадны. Онѣ смертельно оскорбляли тѣхъ, на кого направлялись, оскорбляли гораздо чувствительнѣе, нежели неприкрашенное бранное слово.

Г. Буренинъ очень хорошо зналъ слабыя стороны своихъ противниковъ. Онъ зналъ, прежде всего, что нигилистическое отношеніе къ искусству и всѣ крайности политическаго отбѣнка занесены въ литературу бурсаками, поэтому бурсацкая некультурность и прямолинейность нашли въ немъ пламеннаго сатирика. Это, конечно, не слишкомъ любезно — называть писателя въ глаза бурсакомъ, но слово «бурсакъ» тутъ не означало брани, а лишь опредѣляло явленіе, тогда какъ сами бурсацкіе эстетика умудрились сдѣлать въ отношеніи Пушкина слово «камеръ-юнкеръ» браннымъ словомъ. Имъ было извѣстно, какъ относился Пушкинъ къ своему камеръ-юнкерству, тѣмъ не менѣе съ истинною бурсацкою недобросовѣстностью они старались доказать вредное вліяніе камеръ-юнкерства на литературную дѣятельность нашего гениаль-

нѣйшаго поэта. Теперь для всѣхъ ясно, что изъ пушкинскаго камеръ-юнкерства не проистекло и одной миллиардной доли тѣхъ бѣдъ, которыя накликала на русскую культуру семинарщина. Защитника семинарщины въ современной литературѣ мы не знаемъ, и странно было бы отрицать, что въ этомъ поворотѣ взглядовъ не участвовалъ г. Буренинъ. Въ пылу борьбы ему иногда приходилось говорить лишнее, но здѣсь мы укажемъ на примѣръ г. Стасова, котораго не обвиняли систематически въ томъ, въ чемъ долгое время съ крайнимъ азартомъ обвиняли г. Буренина. Г. Стасовъ сдѣлалъ очень многое для русскаго искусства, для пробужденія національнаго самосознанія, частью въ обществѣ, главнымъ же образомъ среди художниковъ и музыкантовъ. Ополчаясь противъ рутины и застоя, г. Стасовъ часто впадалъ въ крайности. Для успѣха вдохновлявшей его идеи не было надобности, разсуждая хладнокровно, валить столькихъ кумировъ, сколько валилъ онъ. Между тѣмъ, условія «военнаго времени» объясняютъ и оправдываютъ крайности г. Стасова.

Г. Буренинъ находится приблизительно въ такомъ же положеніи: если бы онъ искалъ пунктовъ примиренія, онъ ихъ легко нашелъ бы (доказательство тому увидимъ ниже). Но искать пунктовъ примиренія и согласія было въ то время положительно вредно. Наоборотъ представлялось необходимымъ провести какъ можно рѣзче демаркаціонную линію между тѣмъ міросозерпаніемъ, съ которымъ боролся нашъ критикъ, и тѣмъ, представителемъ котораго являлся онъ самъ.

Въ качествѣ литературнаго критика, г. Буренинъ отстаивалъ принципы свободнаго искусства, не подчиненнаго минутнымъ вѣяніямъ и условнымъ тенденціямъ. Въ качествѣ публициста, онъ одинъ изъ первыхъ замѣтилъ, что нашъ либерализмъ сбился съ дороги, что онъ застываетъ въ старыхъ формахъ, и что движеніе его замѣтно лишь въ одномъ направленіи: въ сторону полнаго отрицанія нашей національной самобытности и необыкновенной симпатіи ко всякимъ иновѣрцамъ и инородцамъ, главнымъ же образомъ къ еврейству. Этотъ печальный моментъ въ исторіи русскаго либерализма отмѣченъ вторженіемъ въ литературу почти вовсе неизвѣстныхъ ей ранѣе элементовъ. Литература шестидесятыхъ годовъ глумилась надъ кваснымъ патріотизмомъ. Литература слѣдующей эпохи заподозрѣла патріотизмъ вообще и обратилась къ космополитическимъ теоріямъ. Онѣ имѣли успѣхъ единственно потому, что общество еще продолжало оставаться въ загнивавшей рваномъ состояніи, оно еще вѣрило прежнимъ кумирамъ и не дерзало оспоривать ихъ непогрѣшимость. Но для всякаго благомыслящаго человѣка было очевидно, куда клонятся космополитическія теоріи и на какомъ фундаментѣ онѣ зиждутся. Трудно говорить безъ крайняго негодованія объ извѣстномъ адвокатѣ пи-

сатель, явившемся убѣжденнымъ сторонникомъ космополитическихъ теорій и въ то же время всячески отстаивавшемъ независимость и самобытность поляковъ. Когда рѣчь шла о русскихъ, тогда о самобытности, независимости, національныхъ интересахъ не могло быть разговора. Когда же выступали на сцену поляки, тогда оказывалось, что и самобытность не вздоръ, что и національные интересы въ высшей степени важны, что и съ историческими преданіями нужно считаться.

Г. Буренинъ съ замѣчательною проницательностью понималъ существенныя особенности этого російскаго космополитизма. Онъ ополчился противъ него и въ качествѣ литературнаго критика и въ качествѣ публициста. Онъ посвятилъ нашимъ космополитамъ множество самыхъ ядовитыхъ памфлетовъ и пародій, которыя дѣлали ихъ смѣшными и жалкими. Какъ только въ русской либерализмъ влилась космополитическая струя благомыслящей части общества, пришлось произвести серьезную переоцѣнку прежнихъ идеаловъ. Нельзя было иначе, какъ, закрывъ глаза, продолжать шествіе по пути, на которомъ насъ ждали, съ одной стороны, объятія торжествующаго еврея, съ другой — динамитчикъ-нигилистъ. Успѣхъ газеты, въ которой сосредоточивалъ свою дѣятельность г. Буренинъ, и которая являлась выразительницей миѣній отрезвлявшагося общества, лучше всего показываетъ, какъ пошатнулись тогдашніе узколиберальные идеалы.

Прошло нѣсколько лѣтъ, и броженіе утихло. Космополитствующій либерализмъ, разлившись было широчайшею волною, сузился до скромныхъ размѣровъ мутнаго слабо-журчащаго ручейка. Тенденціозная беллетристика и тенденціозная поэзія потеряли кредитъ въ глазахъ громаднаго большинства писателей. Но тутъ случился эпизодъ, который можно считать послѣдней вспышкой прежняго настроенія. Изъ числа раздутыхъ либеральною печатью «знаменитостей» особенно выдѣлился, благодаря дружескимъ рекламамъ, молодой стихотворецъ Надсонъ. При появленіи перваго изданія книжки Надсона, и Буренинъ отнесся къ нему съ доброжелательствомъ, хотя и указалъ многія слабыя стороны, именно анемичность стиха, безсодержательно унылое настроеніе и гимназическую тенденціозность. Отзывъ г. Буренина разобидѣлъ и самого стихотворца и его друзей..... Вскорѣ возгорѣлась цѣлая полемика. Видя, какое значеніе начинаетъ приобрѣтать Надсонъ, какъ изъ посредственности хотятъ сдѣлать выразителя идеаловъ и волненій цѣлой эпохи, цѣлаго общества, г. Буренинъ вооружился противъ Надсона сатирической насмѣшкой и своимъ любимымъ орудіемъ — пародіей. Въ то время могло показаться, что публика не на сторонѣ критика, и что извѣстность стихотворца растетъ по мѣрѣ усиленія нападковъ на него. Когда стихотворецъ умеръ отъ чахотки, его поклонники учинили цѣлое бѣснованіе. Въ теченіе невначи-

тельного промежутка вышло что-то девять или десять изданій книги Надсона, успѣхъ поразительный и небывалый, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и небывало курьезный успѣхъ. Полураздавленная тупо либеральная партія напрягала въ борьбѣ съ г. Буренинымъ послѣднія усилія и разума и.... кошелька. Мы лично знаемъ нѣсколькихъ поклонниковъ Надсона, которые считали священнѣйшею обязанностью покупать каждое изданіе его стихотвореній. У иныхъ было даже по нѣскольку экземпляровъ одного и того же года. Зеленая молодежь и кружокъ старцевъ, не лучше зеленой молодежи, взапуски раскупали книжки, создавая иллюзію невѣроятнаго успѣха. Не многимъ приходило въ голову, что успѣхъ книги, раскупаемой сенсационно, въ видѣ протеста, — рѣшительно ничего не говоритъ, что для оцѣнки подлиннаго размѣра успѣха нужно подождать. Дѣйствительно, прошло какихъ нибудь два-три года, и отъ Надсоновскаго культа не осталось слѣда. Какой серьезный критикъ цитируетъ теперь Надсона, въ какихъ кружкахъ слышится его имя, кто раскупаетъ его книги!

Эпизодъ съ Надсономъ г. Буренинъ смѣло можетъ считать одною изъ крупнѣйшихъ своихъ побѣдъ. Онъ немного написал шуточныхъ фельетоновъ о злополучномъ поэтѣ Чижикѣ, но ни одинъ изъ нихъ не пропалъ даромъ. Современное риемачество получило смертельный ударъ въ лицѣ одного изъ способнѣйшихъ представителей. Конечно, не резонъ глумиться надъ тѣмъ, что современные поэты мало талантливы и оттого не оригинальны. Но, кромѣ таланта, у поэта долженъ быть еще вкусъ, должно быть образованіе, должно быть сознаніе своихъ силъ, способности критически относиться къ себѣ, не заблуждаясь относительно размѣровъ таланта. Ни однимъ изъ этихъ качествъ современные поэты не обладаютъ. Наоборотъ, они въ высшей степени безвкусны, они пренебрегаютъ образцами, они преисполнены величайшаго самообожанія и выводящей изъ терпѣнія самонадѣянности. Прибавьте къ этому ничтожнѣйшіе размѣры таланта, а иногда и полное отсутствіе его, и картина представится во всѣхъ деталяхъ. Вотъ противъ этого-то невѣжества, безвкусицы, самообожанія и самонадѣянности г. Буренинъ и выступаетъ съ такою энергіею. Иные изъ жестоко осмѣянныхъ имъ поэтовъ убѣждены, что г. Буренинъ рекламируетъ ихъ, и что это очень хорошо, когда критика бранится. Безспорно, брань критика еще не очень многого стоитъ и порою способна сдѣлать рекламу, но если критика, какъ дважды два четыре, доказываетъ, что писатель и бездаренъ, и глупъ, и невѣжественъ, то нужно быть черезчуръ оригинальнаго мнѣнія о рекламѣ, чтобы желать ее и привѣтствовать въ такой формѣ.

На ряду съ поэтами г. Буренинъ не оставляетъ безъ вниманія и беллетристовъ. Здѣсь онъ опять обнаруживаетъ всѣ качества боеваго критика. Если прежде г. Буренинъ боролся противъ тен-

денціозности беллетристики, доказывалъ нелѣпность ея и въ серьезныхъ статьяхъ и въ остроумныхъ пародіяхъ, то теперь ему приходится умѣрять пылъ «чистыхъ художниковъ». Г. Буренинъ понимаетъ, что нынѣшняя беллетристика вовсе не потому обратилась къ идеаламъ чистаго искусства, чтобы она вѣрила въ ихъ невыблемость и шла къ нимъ, послушная невольному влеченію. Тутъ на первомъ планѣ — дѣло простаго расчета. Разъ тенденціозность не въ ходу, мода на нее прошла, а со вкусами публики считается необходимо, то ближайшимъ идеаломъ естественно является идеаль чистаго искусства, изображеніе жизни безъ всякаго отношенія къ «идеямъ».

Избавивъ себя отъ необходимости имѣть въ виду идеи, беллетристы почувствовали, что у нихъ руки развязаны, что можно писать какой угодно вздоръ, и это будетъ художественное произведение, ибо въ немъ нѣтъ ни тенденцій, ни предвзятости. И прежняя беллетристика была не прочь отъ адюльтерныхъ повѣствованій, но адюльтеръ она подгоняла къ извѣстнымъ принципамъ, доказывая то или другое теоретическое положеніе. Нынѣшніе беллетристы, съ развязанными руками, никакихъ теоретическихъ положеній доказывать не желаютъ, описывая всякую гадость и грязь ради грязи и гадости. Очевидно, отсутствіе тенденціозности и предвзятости — качество чисто отрицательное, и его одного — недостаточно. Нужно различать способность писателя къ обобщеніямъ и выводамъ, естественно вытекающимъ изъ художественнаго матеріала, который находится въ его произведеніи, отъ стремленія группировать фактической матеріалъ въ зависимости отъ заранѣе придуманной тенденціи. Въ первомъ случаѣ ничто не стѣсняетъ свободы творчества, а мысль, обобщеніе являются также произвольно, какъ являются при непосредственномъ наблюденіи извѣстныхъ житейскихъ фактовъ. Во второмъ случаѣ, наоборотъ писатель напрягаетъ всѣ силы, чтобы доказать намѣченный тезисъ, и умышленно останавливается лишь на фактахъ, его доказывающихъ, враждебные же факты или пропускаетъ или искажаетъ. Въ обоихъ случаяхъ трудъ писателя имѣетъ смыслъ. Но какой смыслъ можетъ имѣть безыдейное сочинительство, безсвязная болтовня о людяхъ и эпизодахъ, не связанныхъ органически? Даже въ наиболѣе удачныхъ произведеніяхъ современной беллетристики легко замѣтить отсутствіе внутренней жизненной спайки. Возьмете вы главы повѣсти отдѣльно, и онѣ представляютъ нѣкоторый интересъ, мѣстами даже возрастающій, но прочтите ихъ послѣдовательно одну за другою, и васъ поразитъ полная необоснованность произведенія. Почему за изображеніемъ въ первой главѣ слѣдуетъ изображеніе во второй? Главы могли бы чередоваться не такъ, какъ онѣ чередуются у романиста, а въ иномъ порядкѣ: послѣ первой — пятая, послѣ шестой — одиннадцатая и послѣ трид-

цатой—вторая. Это доказываетъ, что у автора не было руководящей художественной идеи, что не она служила ему путеводною нитью, что цѣльныхъ наблюденій, наблюденій связанныхъ и объединенныхъ здѣсь нѣтъ, что такое творчество нельзя назвать свободнымъ, но названіе развязнаго творчества оно вполнѣ заслуживаетъ.

Видя, что современная беллетристика свободу творчества замѣнила развязностью и, вмѣсто того, чтобы отдѣлаться отъ тенденціозности, отдѣлалась отъ всякаго смысла вообще, критикъ невольно долженъ былъ вспомнить нѣкоторые отвергнутые принципы прошлаго, но настоящему времени очень безполезные.

Ранѣе необходимо было, отдѣляя плевелы отъ пшеницы, не жалѣть, если съ сорною травкою приходилось вырывать и полезное растеніе, теперь настала пора разобраться въ прошломъ съ большою осторожностью, съ большою точностью. И вотъ г. Буренинъ въ рядѣ фельетоновъ, отмѣчая безсодержательность и безпринципность современной беллетристики, напоминаетъ, что, кромѣ эстетическихъ требованій, повѣсть и романъ должны удовлетворять еще требованіямъ идейности, понимаемой, однако, иначе, нежели понимали ее въ шестидесятыхъ годахъ. По поводу извѣстнаго романа Берты фонъ-Зуттнеръ г. Буренинъ пишетъ: «Не знаю, быть можетъ, я ошибаюсь, но мнѣ кажется, что намъ пора бы немножко разобраться въ томъ, что такое надобно разумѣть подъ именемъ художественности. Во всякомъ случаѣ, пора бы отучиться отъ исканія въ беллетристическихъ произведеніяхъ, прежде всего и послѣ всего, пресловутой художественности и побольше обращать вниманіе на то, есть ли въ произведеніи смыслъ, умно ли оно написано, со знаніемъ и изученіемъ своего предмета, или глупо, бессознательно и невѣжественно. Право, это было бы и проще и понятнѣе, и полезнѣе—такое отношеніе къ литературнымъ произведеніямъ. По крайней мѣрѣ тутъ при такомъ взглядѣ все простыя и ясныя слова: умъ, изученіе, сознательное разумѣніе авторомъ того, что онъ хотѣлъ написать; а то художественность—что такое художественность? Есть авторы, которые въ цѣлыхъ томахъ изображаютъ, со всѣми подробностями, какъ Сидоръ сказалъ Акулинѣ «ахъ», а Акулина отвѣтила Сидору «охъ», и въ этомъ видятъ самую великолѣпную художественность. Нѣтъ, Богъ съ ней, съ такою художественностью, надоѣла она и опошлится донельзя. Романъ Зуттнеръ не принадлежитъ къ разряду художественныхъ романовъ, а принадлежитъ къ разряду романовъ умныхъ, и я этому очень радъ, радъ потому, что о современныхъ художественныхъ романахъ, по прочтеніи ихъ, обыкновенно рѣшительно не знаешь, что сказать, а о романѣ умномъ можно поговорить и извлечь изъ него доброе поученіе для читателей. Повѣрьте, что такое поученіе несравненно болѣе нужная людямъ

вещь, чѣмъ такъ называемое художественное наслажденіе». Мысли, заключающіяся въ приведенномъ отрывкѣ, не представляютъ законченной эстетической теоріи, и надобно ихъ брать исключительно въ примѣненіи къ текущему дню. Въ самомъ дѣлѣ, если у нашихъ романистовъ не хватаетъ таланта для созданія произведеній поучительныхъ безъ всякаго преднамѣреннаго со стороны автора желанія, то не лучше ли имъ, забывъ о пресловутомъ свободномъ творествѣ, по мѣрѣ силъ и разумнія, осмысливать извѣстныя стороны современной жизни. Пусть въ данномъ случаѣ они обнаружатъ нѣкоторую узость пониманія, но добросовѣстно продуманный матеріалъ всегда придастъ роману значеніе, всегда наведетъ на дѣльныя и полезныя мысли. Между тѣмъ, романы, изготовляемые по рецепту нынѣшнихъ «чистыхъ художниковъ», не доставляя ни малѣйшаго художественнаго наслажденія, въ то же время не даютъ пищи и мысли. Не ясно ли, что они являются подлиннымъ пустоцвѣтомъ и неспособны вызвать сочувствіе ни съ какой точки зрѣнія.

II.

Чуткость и наблюдательность, характеризующія Буренина-критика, не оставляютъ и Буренина-публициста. За послѣдніе годы мы пережили нѣсколько движеній, не очень мощныхъ и знаменательныхъ, но по временамъ грозившихъ обществу новыми вредными заблужденіями. На первомъ планѣ здѣсь надо поставить, конечно, толстовское движеніе. Нельзя сказать, чтобы г. Буренинъ относился къ этому движенію съ безусловнымъ порицаніемъ. Оно должно было заинтересовать его, а нѣкоторыя особенности «толстоизма» были способны даже вызвать сочувствіе. Но бездарные и неумные послѣдователи прямо окарриковали новое ученіе. Въ подражаніе Толстому выступили проповѣдники вегетеріанства и проповѣдники всякихъ другихъ воздержаній—очевидно, лицемѣры и несмышленики. Смѣясь надъ этими самозванными пророками, г. Буренинъ не забывалъ, однако, что какъ ни нелѣпа ихъ проповѣдь, но все-таки въ основѣ ея чувствуется присутствіе идеала. Онъ ничтоженъ и невѣренъ, но уже достаточно того, что идеаль. Между тѣмъ кругомъ происходитъ вакханалія именно на почвѣ оторванности отъ какихъ бы то ни было идеаловъ. Съ жадностью набрасываясь на толстовскіе «Плоды просвѣщенія» и «Крейцерову сонату», общество въ то же время не безъ любопытства слѣдило за какимъ нибудь сотникомъ Пѣшковымъ, ѣхавшимъ изъ Сибири въ Петербургъ верхомъ на лошади, или за какимъ нибудь поручикомъ, совершившимъ не меньшую дистанцію по образу пѣшаго хожденія; увлекались также Ашиновымъ. Толстовщина, пѣшковщина, ашиновщина—все это перемѣшалось. Получался сумбуръ, въ которомъ наши мнѣнціе себя серьеъ-

ными публицисты не были въ состояніи разобратъся. Тутъ опять-таки выступилъ г. Буренинъ и подвергъ жесточайшему осмѣянію какъ самые кумиры, такъ и ихъ поклонниковъ. Перечтите теперь, когда увлеченіе Пѣшковымъ и Апиновымъ совершенно забыто, страницы, посвященныя сатирикомъ этому нелѣпому бѣснованію, и вы убѣдитесь, что онъ наноситъ смертельные удары. Мы беремъ нѣсколько главокъ изъ седьмой пѣсни «Хвоста». Здѣсь описывается подвигъ одного изъ самыхъ модныхъ героевъ нашего времени, Остолопа Остолоповича Полѣно, кашевара вольной Закутильской роты, совершившаго необычайный подвигъ, которымъ онъ прославилъ и себя, и вольную Зикутильскую роту, и великое наше отечество. «Подвигъ заключается въ томъ, что смѣлый и неутомимый кашеваръ Полѣно проскакалъ на одной ногѣ изъ города Дурандайска въ Санктъ-Петербургъ, употребивъ для этой поразительной, небывалой прогулки ровно два года, четыре мѣсяца и три съ четвертью дня, причемъ ѣлъ и пилъ и даже спалъ, постоянно стоя на одной ногѣ. За этой достославной, спортсменской «прогулкой» на одной ногѣ слѣдила съ живѣйшимъ любопытствомъ и увлеченіемъ вся Россія «отъ хладныхъ Финскихъ скалъ до пламенной Колхиды». По мѣрѣ того, какъ предпримчивый кашеваръ совершалъ свой великій подвигъ, проскакивая отъ одного города къ другому, къ нему выходили депутаціи, встрѣчали его хлѣбомъ-солью, колокольнымъ звономъ, подносили ему привѣтственные адреса, говорили восторженные рѣчи, поили его водкой. Во всѣхъ «уважающихъ себя» газетахъ помѣщались спеціальныя телеграммы о проскакиваніи каждой десятой версты Остолопомъ Остолоповичемъ и о разныхъ интересныхъ эпизодахъ этого проскакиванія.

«Одинъ изъ эпизодовъ былъ особенно трогателенъ и величественъ: встрѣча въ городѣ Распропьянскѣ вольнаго кашевара съ вольнымъ чеченцемъ Анкудиномъ Кулебякою, водвореннымъ въ означенномъ городѣ послѣ превосходно задуманнаго, но не удавшагося, по интригамъ Европы, похода въ Бѣлую Арапію. Кулебяка вышелъ на встрѣчу Полѣну далеко за городъ, къ послѣднему кабаку предмѣстья, и тутъ два великихъ сына современной Россіи обнялись братскимъ объятіемъ, облобызались и, не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, выпили полтретья ведра очищенной. При этомъ, какъ гомеровскіе герои, они обмѣнялись дарами. Кулебяка подарилъ Полѣну первый платокъ, который онъ изъясилъ изъ чужаго кармана, еще будучи отрокомъ; Полѣно — первую отпавшую отъ его сапога подошву во время прогулки на одной ногѣ. Затѣмъ, обмѣнявшись дарами, оба славныхъ россиянина выпили еще полтретья ведра очищенной, обругались непечатными словами, какъ бы мимоходомъ нѣсколько разъ ударили другъ друга по зубамъ, но снова облобызались и уже окончательно уми-

лились. Вольный чеченецъ, неизвѣстно почему, крикнулъ: «Катай по переносью — удивишь Европу!» и свалился подъ лавку, а вольный кашеваръ пустился скакать дальше.

«Эта почти эпическая встрѣча Кулебяки и Полѣна была описана собственными корреспондентами большихъ и малыхъ газетъ и послужила темой для нѣсколькихъ, превосходныхъ передовыхъ статей, принадлежавшихъ перьямъ даровитѣйшихъ современныхъ публицистовъ. Передовыя начинались такъ: «Ниже мы помѣщаемъ рассказъ нашего собственнаго корреспондента», а заканчивались вотъ эдакъ: «Нація, въ которой могутъ пить очищенную въ такомъ количествѣ и такіе люди, какъ Кулебяка и Полѣно, должна съ спокойнымъ довѣріемъ глядѣть въ широко открывающуюся передъ ней перспективу: великое настоящее ручается за славное будущее».

«Сопутствуемый столь громкими поощреніями «прессы» кашеваръ Полѣно доскакалъ на одной ногѣ до Петербурга — и тутъ его слава достигла апогея. Невозможно описать тотъ энтузіазмъ, который возбудилъ его великій подвигъ въ Невской станицѣ. Когда Полѣно, оканчивая свою прогулку, скакалъ отъ Николаевского вокзала по Невскому, матери и отцы съ умиленіемъ указывали на него дѣтямъ. У Думы онъ былъ встрѣченъ почетною депутаціею съ В. И. Лихачевымъ во главѣ. В. И. Лихачевъ сказалъ прекрасную рѣчь, впрочемъ, безъ всякаго содержанія: до того она была тонка и дипломатична. Гласный Михельсонъ произнесъ нѣмецкіе стихи. Гласный М. И. Семевскій напомнилъ Полѣну о томъ, что «Русская Старина» всегда съ неизмѣнной акуратностью отмѣчала подвиги мужей знаменитыхъ.

«Особенное увлеченіе обнаружили петербургскія дамы какъ высшаго, такъ и средняго круга. Нѣкоторыя изъ дамъ выѣхали на встрѣчу Полѣну еще верстъ за сто отъ Петербурга и, обступивъ его, начали закатывать глаза и шептать извѣстныя фразы тургеневскихъ героинь: «такъ возьми-жь меня» и «твоя, вся твоя». Но такъ какъ Полѣно не могъ остановить своего высокаго подвига въ угоду дамамъ и долженъ былъ продолжать скакать на одной ногѣ, то осуществленіе любовныхъ дамскихъ фантазій было сопряжено съ большими неудобствами. Но дамы все-таки остались довольны, что онъ хотя и на ходу заявили свое обожаніе новой знаменитости»...

Изъ этого отрывка трудно выбросить хотя бы слово. Правда, краски сгущены, выраженія рѣзки, лица очерчены каррикатурно, но вѣдь это сатира, а не фельетонное описаніе событій. Здѣсь именно необходимо сгущать краски, чтобы пошлость явленія выступила ярче; здѣсь нужна каррикатура, чтобы мнимоблагообразныя фізіономіи ашиновскихъ и пѣшковскихъ поклонниковъ предстали въ полномъ безобразіи. Г. Буренинъ всегда

умѣть уловить нелѣпыя и смѣшныя стороны героев и происшествій дня. Онъ зло осмѣиваетъ и клеймитъ жестокою сатирою, но кто скажетъ, что г. Буренинъ осмѣивалъ явленія почтенныя, достойныя сочувствія. Мѣрка временныхъ симпатій общества здѣсь не годится. Мало ли къ кому обращались эти симпатіи, но какъ же быстро онѣ ослабѣвали, ослабѣвали потому, что обращались на недостойное глубокаго сочувствія и на почтенное въ весьма условномъ смыслѣ. Достоинства публициста, какъ и сатирика, заключаются именно въ томъ, чтобы понять глупость сегодняшняго увлеченія толпы и повалить кумира въ разгарѣ поклоненія ему. Какой толкъ въ сатирикѣ, осмѣивающемъ то, что и безъ того не пользуется кредитомъ?

«Сатирикамъ постоянно приходится слышать упрекъ, что они вторгаются въ личную жизнь, рассказываютъ сплетни, не дѣлая различія между гражданиномъ и homo privatus. Нелѣпость этихъ упрековъ понятна сама собою. Во-первыхъ, очень трудно различать въ общественномъ дѣятелѣ, гдѣ кончается гражданинъ, и начинается homo privatus. Многие не безъ основанія думаютъ, что если homo privatus прохвость, то и гражданинъ не безупреченъ, что съ раздвоеннымъ «я», о которомъ говорить, между прочимъ, Ламброзо, еще можно считаться, когда оно принадлежитъ гениальному человѣку, но вообще раздвоеніе «я» не заслуживаетъ не только снисхожденія, но даже и вниманія. Поэтому сатирикъ имѣетъ полное право справляться, что за типъ вообще представляетъ собою тотъ или другой общественный дѣятель. Во-вторыхъ, сатира далеко не невинное занятіе, и дѣли, которыя она преслѣдуетъ,—дѣли боевыя, дѣли сегодняшняго дня—ихъ можно достигать только немедленно, иначе онѣ не достижимы. Пусть намъ покажутъ въ міровой литературѣ хотя бы одинъ образчикъ сатиры желанной и безобидной.

Предъявлять къ сатирику требованія тщедушной обывательской морали значитъ грубо не понимать смысла сатиры. А нужно ли заботиться о непонимающихъ? Важно лишь то, что въ числѣ прочихъ они поддаются ея благодѣтельному воздѣйствію и, слѣдуя за толпой, отшатываются въ ту сторону, въ которую ихъ хотѣлъ отшатнуть сатирикъ.

Сатирическія стихотворенія и пародіи г. Буренина пользуются столь широкой популярностью, что останавливаться на нихъ въ подробностяхъ нѣтъ надобности. Среди его стихотворныхъ сатиръ, всегда блестящихъ и талантливыхъ, едва ли не первое мѣсто занимаютъ «Военно-политическіе отголоски», написанные въ эпоху франко-прусской войны. Современная баллада «Графъ Шенгаузенскій», элегія «Прусская каска», остроумнѣйшая пародія на стихотвореніе «Скажи мнѣ, вѣтка Палестины», баллада «Шмидтъ и его сыновья» или «Сила канкана», романсъ прусскаго ландвермана

«Талисманъ», діалогъ «Герой», романсъ «Предъ Парижемъ осажденнымъ двое рыцарей стоятъ» и «Гимнъ лиро-эпическій на полученіе его сіятельствомъ графомъ Бисмаркомъ генераль-лейтенантскаго чина и на побѣды прусскія»,—все это перлы сатирической поэзіи, которые надолго останутся въ исторіи русской литературы.

Я не могу отказать себѣ въ удовольствіи привести здѣсь стихотвореніе изъ той же серіи «Дары Прогресса»:

«Сонмомъ важныхъ доктринеровъ
Вознесенный до небесъ,
Всѣми признанный безъ споровъ,
Жизнью правящій Прогрессъ,
Предъ Европой старой каюсь
Въ поведеніи прошлыхъ дней.
Обольстительно ласкаясь
Говорить съ воднепьемъ ей:
«О, прими меня въ объятія,
Преклонись къ моей мольбѣ,
И не жизнь, а благодать я
Водворю на вѣкъ въ тебѣ.
Я по юности доселѣ
Глупо велѣ себя, теперь
Страсти буйныя осѣли:
Я не тотъ, какъ прежде, вѣрь!
Дней минувшаго примѣромъ
Не смущу сыновъ твоихъ
И Дантонамъ, Робеспьерамъ
Не отдамъ я въ руки ихъ;
Я не стану гильотиной
Расчищать къ свободѣ путь:
Пусть съ порядкомъ и рутинной
Жизнь проводятъ какъ нибудь!»
Но Европа, не внимая,
Преклонилась, будто спить,
И опять, ее прельщая,
Духъ лукавый говоритъ:
«Я тебѣ въ залогъ порядка
Дамъ героя: справить онъ
Все, что нынѣ стало шатко—
Власть, полицію, законъ.
Онъ смиритъ, на диво свѣту,
Дерзость буйныхъ парижавъ,
Давши санкцію каскету,
Подписавъ плясать канканъ.
Чтобъ владѣть прочяѣ тровомъ,
Пустить въ ходъ онъ штыкъ, картечь.
Ахъ, съ Луи-Наполеономъ
Жизнь по маслу будетъ течь!»
Но Европа, не внимая,
Преклонилась, будто спить.
И, старуху обольщая,
Вновь Прогрессъ ей говоритъ:
«Слушай, мужъ неоцѣненный!

Что другіе передъ нимъ?
 Но досель отъ всей вселенной
 Былъ онъ тайно мной хранимъ.
 Я тебѣ пошлю майора,
 Но майоръ тотъ не простой:
 Водворять онъ можетъ скоро
 Всюду воинскій постой.
 Рассудивъ, что міру толку
 Нѣтъ въ довѣріи къ уму,
 Онъ ружейную иголку
 Дастъ въ наставники ему.
 Онъ велитъ своимъ тевтонамъ,
 Артикульною игрой
 Преварядно оглупленнымъ,
 На Парижъ идти ордой;
 Сгинеть ихъ, конечно, тѣмъ тамъ,
 Но Парижъ майоръ возьметъ,
 И побѣды результатомъ
 Будетъ фактъ великій тотъ,
 Что нѣмецкимъ депутатамъ
 Позажмутъ покрѣпче ротъ!
 Сможь Прогрессъ. Европы взгляды
 Загорѣлись, и она
 Пробудилась вдругъ, отрады
 Незвѣданной полна.
 Отъ пророчествъ чудныхъ духа
 Тайной страстью возгоря,
 Въ восхищеніи старуха
 Трепетала, говоря:
 «Ахъ, Прогрессъ, скорѣй майора
 Мнѣ чудснаго представъ;
 Живни новой съ нимъ аврора
 Для меня зажжется вьавъ...»

Перечислить не отдѣльныя сатирическія стихотворенія г. Буренина, а лишь темы ихъ, было бы въ высшей степени трудно. Онъ отзывался на всѣ выдающіяся событія, «которыхъ свидѣтелемъ въ жизни былъ», ин ескончаемый рядъ знаменитыхъ современниковъ проходить въ его стихотворныхъ и прозаическихъ сатирахъ.

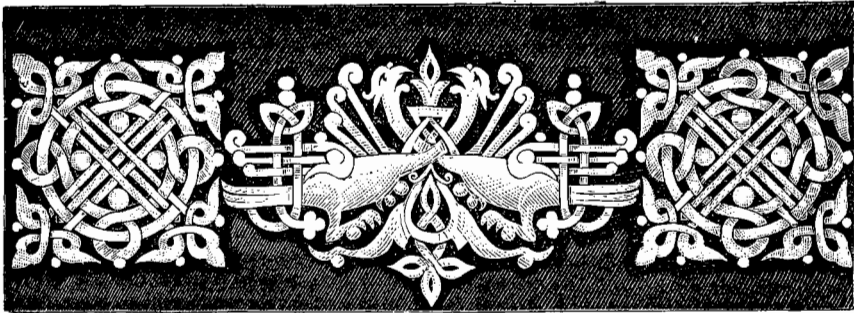
Въ послѣднее время г. Буренинъ пародируетъ нашихъ поэтовъ-декадентовъ, причемъ иногда, какъ бы совершенно произвольно, изъ тонкой пародіи переходитъ въ чистую лирику, и даетъ строфы, которымъ могъ бы позавидовать не только самый талантливый декадентъ, но и вполне правотѣрный поэтъ. Г. Буренинъ несомнѣнно обладаетъ и чисто поэтическимъ талантомъ, надъ которымъ, однако, взяло перевѣсъ дарованіе сатирика. Г. Буренину мы обязаны рядомъ прекрасныхъ переводовъ изъ Альфреда Мюссе (между прочимъ имъ переведена поэма Ролла), Барбье, Томаса Гуда, Виктора Гюго, Байрона и т. д. Изъ оригинальныхъ стихотвореній слѣдуетъ упомянуть былины: «Мивула Селяниновичъ», «Чурило Пленковичъ», «Ссора Ильи Муромца съ княземъ Владиміромъ».

Извѣстны также драматическія произведенія г. Буренина «Смерть Агриппины» и «Комедія о Забавѣ Путятишнѣ», въ которыхъ онъ, быть можетъ, и не является знатокомъ сцены, но зато неизмѣнно остается литераторомъ съ большимъ вкусомъ и несомнѣннымъ талантомъ. Въ какомъ бы родѣ ни пробовалъ свои силы человѣкъ, столь одаренный, всѣ его пробы будутъ представлять большой интересъ.

Но центръ тяжести всегда лежитъ въ чемъ либо одномъ. У Буренина-поэта найдется много соперниковъ, также точно, какъ и у Буренина-драматурга, но, въ качествѣ сатирика, г. Буренинъ соперниковъ не имѣетъ.

К. Медвѣдскій.

НЕ ТРОГАТЬ.

(Эпизодъ изъ времянъ императора Николая I).

ИТАЯ ЧАСТО въ мемуарахъ и отдѣльныхъ разсказахъ о томъ, какое обаянiе производила на современниковъ личность императора Николая I, я вспоминаю эпизодъ, слышанный мною отъ одного родственника, вполне подтверждающій очарованiе, испытывавшееся каждымъ, кто имѣлъ случай обратить на себя вниманiе покойнаго императора.

Дѣло было въ Петербургѣ, въ началѣ сороковыхъ годовъ. Родственникъ нашъ Г.-Л., съ которымъ именно и случилось рассказываемое происшествiе, былъ въ это время кадетомъ въ Павловскомъ кадетскомъ корпусѣ, во время директорства генерала Вишнякова. Какъ самъ бывший Николаевскій кадетъ, только 1-го корпуса, я помню, что Павловскій корпусъ въ то время отличался особенно суровою дисциплиною, а директоръ его генералъ Вишняковъ былъ своего рода букою даже не для однихъ своихъ подчиненныхъ.

Время подходило къ лагерямъ, и до выпуска оставалось не болѣе двухъ съ небольшимъ мѣсяцевъ, а Г.-Л. былъ въ числѣ выпускныхъ. Учился онъ на армiю и сдалъ благополучно экзамены, такъ что въ перспективѣ видѣлись прапорщичьи вотрушки, какъ часто назывались тогда эполеты, пашка и папаха одного изъ Кавказскихъ полковъ, куда онъ и дѣйствительно потомъ попалъ. Фронтоникъ

онъ былъ хорошій и стоялъ въ первой шеренгѣ, что тоже въ наше время значило не мало.

Въ утро памятнаго ему дня онъ только что выписался изъ лазарета, гдѣ пролежалъ около мѣсяца, вывихнувъ себѣ руку на гимнастикѣ, которая была въ Павловскомъ корпусѣ въ особенномъ почетѣ. Придя въ роту, Г.-Л., какъ слѣдуетъ, явился дежурному офицеру и получилъ приказаніе подстричься: «ишь, какія кудри отростили за мѣсяцъ»,—добавилъ дежурный. Я и самъ это замѣтилъ, говорилъ рассказчикъ, хотя теперь никто этихъ кудрей и не могъ бы увидѣть, такъ какъ длина волосъ все-таки не была долѣе вынѣшняго «бобрика», но тогда узаконенная приказами стрижка чуть не требовала бритья головы.

Операціи этой Г.-Л., однако, тотчасъ не исполнилъ, а отложилъ до вечера, въ виду назначенной бани, хотя при встрѣчѣ послѣ утреннихъ классовъ ротнаго командира получилъ и отъ него такое же замѣчаніе и приказаніе выстричься немедленно послѣ фронтоваго ученія. Не успѣли впрочемъ разобрать ружья, какъ вдругъ пронеслось извѣстіе о скоромъ пріѣздѣ государя. Кто давалъ директору знать о намѣреніи царя быть въ корпусѣ, мы, конечно, не знали, но помню отлично, что обыкновенно въ извѣстные дни его ожидали и подготавливались, т. е. готовили улучшенный значительно обѣдъ, подкуривали чѣмъ-то гдѣ слѣдуетъ, а кадеты переодѣвались часовъ съ 11-ти въ новыя куртки и щеголяли въ нихъ до вечернихъ классовъ, когда посѣщеніе дѣлалось уже болѣе чѣмъ сомнительнымъ. Такъ произошло и на этотъ разъ. Вѣрно было переодѣваться скорѣе, и не успѣли кадеты, такъ сказать, застегнуть послѣднія пуговицы, какъ предсказаніе сбылось, и государь дѣйствительно пріѣхалъ.

Все засуетилось, конечно, но моментально пришло въ порядокъ, и всѣ выстроились, какъ говорилось у насъ, «по кроватямъ», т. е. каждый у своей; еще черезъ нѣсколько минутъ появилась мощная фигура государя, входившаго въ роту, и раздалось: «здорово, молодцы!» произнесенное тѣмъ звучнымъ баритономъ, которымъ положительно обладалъ, кажется, одинъ покойный императоръ.

Забыть этотъ голосъ невозможно, и онъ по силѣ своей удивляетъ меня до сихъ поръ. У насъ, въ 1-мъ корпусѣ, спальни всѣхъ 4-хъ строевыхъ ротъ были, напримѣръ, при мнѣ расположены подъ рядъ, и тянулись на протяженіи не менѣе полуверсты по фасу зданія, выходящаго вдоль кадетской линіи; но, не смотря на такое разстояніе, слова государя, а особенно привѣтствіе, произнесенное имъ на одномъ концѣ этого ряда спаленъ, прекрасно и внятно доносилось до другаго конца, хотя государь только немного повышалъ голосъ, здороваясь съ нами. Кромѣ звучности, былъ какой-то особенный тембръ.

Для удобства изложенія стану говорить далѣе отъ лица Г.-Л.

Выслушавъ наше «здравія желаемъ, ваше императорское величество», императоръ сталъ медленно подвигаться вдоль нашихъ кроватей, внимательно и быстро окидывая взоромъ каждого по ту и другую сторону. У нѣкоторыхъ останавливался, спрашивалъ фамилію, званіе отца или другія подробности. Лицо его всегда серьезное было, однако, не строгое, какъ вдругъ, дойдя и взглянувъ на меня, онъ сразу сдѣлался грознымъ. Въ то же мгновеніе государь схватилъ мои волосы, какъ отлично помню, на макушкѣ, лѣвой рукою и, смотря мнѣ прямо въ глаза, произнесъ: «Это что такое?» — Я поблѣднѣлъ, мгновенно сообразилъ, чѣмъ можетъ кончиться для меня этотъ страшный вопросъ, и, конечно, понялъ такъ же моментально, что оправданія нѣтъ, но до того былъ чарующе прекрасенъ и великолѣпенъ государь даже въ своемъ гнѣвѣ, или не знаю ужъ подъ вліяніемъ что ли гипнотизма его взора и всей фигуры, но вмѣсто отвѣта я схватилъ его руку и крѣпко поцѣловалъ. «Дуракъ!» — сказалъ государь, чуть замѣтно усмѣхнувшись, и пошелъ далѣе. Я поднялъ голову и увидѣлъ, какъ мнѣ казалось, свою участь на лицахъ всей корпусной свиты, шедшей за царемъ: какъ теперь, вижу растерянные лица батальоннаго и ротнаго командировъ и побагровѣвшее лицо директора, съ хорошо извѣстнымъ мнѣ выраженіемъ «съѣмъ!».

По тогдашнимъ взглядамъ я отлично сознавалъ, что преступленіе мое уголовное и грозило мнѣ на самый хорошій конецъ выпускомъ вмѣсто арміи въ линейные баталіоны, а если примутъ въ соображеніе, что я не исполнилъ приказанія, даннаго мнѣ дежурнымъ и ротнымъ, то могъ попасть и въ юнкера. Вся эта картина и соображенія были, впрочемъ, тоже дѣломъ одной минуты, въ продолженіе которой государь успѣлъ отойти отъ меня не болѣе какъ на пять-шесть шаговъ. Услышалъ ли онъ сзади себя шепотъ и, догадываясь о причинахъ его, захотѣлъ смягчить хорошо извѣстныя ему послѣдствія своего гнѣва просто по добротѣ души, или обезоружилъ его неожиданный поцѣлуй, какъ ласка собаки ударившему ее хозяину, — причины, конечно, не знаю, но вдругъ государь снова остановился, повернулъ голову и, переводя свой взглядъ съ меня на свиту, строго, но уже безъ малѣйшей грозной ноты, изволилъ сказать: «Не трогать!». И съ этими словами пошелъ уже дальше.

Черезъ полчаса онъ уѣхалъ, приказавъ распустить кадетъ въ отпускъ по домамъ на два дня, какъ всегда дѣлали государи послѣ своихъ посѣщеній, зная, что для насъ это лучшая награда за найденный у насъ порядокъ.

Наша гренадерская рота, а въ особенности я, знали, конечно, что до отпуска будетъ еще судъ и расправа, а потому особеннаго оживленія не было, а товарищи столпились около меня и предлагали всякія средства и совѣты для возможно благополучной раз-

вязки. Каждый комментировал на свой взгляд слова государя «не трогать», но даже при самом широком и благоприятном толковании их никто не предполагал, что кудри сойдут мнѣ даромъ. И дѣйствительно, не успѣлъ государь, должно быть, отъѣхать отъ крыльца, какъ въ нашу роту ворвалось все провожавшее царя начальство, жестикулируя и оживленное видимо горячимъ разговоромъ. Впереди всѣхъ летѣлъ, безъ сомнѣнія, самъ генералъ. Едва влетѣлъ и не отпыхавшись, онъ уже закричалъ: «въ залъ, построиться и барабанщика!».

Черезъ четверть часа рота стояла. Лица были у всѣхъ угрюмы и серьезны, но всѣ пока молчали. Сбоку кучкою собрались почти всѣ корпусные офицеры. Ротный командиръ нервно щипалъ усы и ни на кого не глядѣлъ, и только когда явился барабанщикъ, онъ приказалъ поставить ему барабанъ передъ фронтомъ, а самому отойти въ сторону.

По этому подготовленію для меня и всѣхъ остальныхъ не было уже сомнѣній, что въ видѣ прелюдіи мнѣ предназначалась стрижка на барабанѣ, что, конечно, обыкновенно не практикуется, а слѣдовательно считалось въ извѣстной степени позорнымъ, особенно при такой торжественной обстановкѣ. Послѣднія сомнѣнія не замедлили, впрочемъ, исчезнуть съ появленіемъ директора, вслѣдъ за которымъ шли нашъ инспекторъ, батальонный командиръ и въ почтительномъ отдаленіи, хорошо всѣмъ намъ извѣстный, нашъ ротный парикмахеръ, совершенно плѣшивый цирюльникъ изъ сторожей, Кузьмичъ, держа въ рукахъ ножницы. Выраженіе лица генерала было именно свирѣпо, хотя и въ обыкновенное время никогда не отличалось благодушіемъ. Не здороваясь съ ротой, что постоянно продѣлывалось имъ, сколько бы разъ ни заходилъ онъ въ продолженіе дня, его превосходительство быстро прошелъ передъ фронтомъ и выкрикнулъ: Г.-Л.!

Я выдвинулся изъ строя на нѣсколько шаговъ.

— Ближе!

Я еще сдѣлалъ два шага.

— Ну, голубчикъ! — какъ-то задыхаясь, заоралъ, — генералъ прежде всего садись! — докончилъ онъ, показывая мнѣ на барабанъ. «А ты, шельма, стриги его наголо!». Послѣднія слова относились къ Кузьмичу. Въ рядахъ роты послышался ропотъ, и начали раздаваться голоса: «Г.-Л. выпускной!». При той антипатіи, которую имѣли кадеты къ директору, да и вообще при склонности будировать противъ начальства во всѣхъ случаяхъ, когда насъ гладили не по шерсти, а особенно когда затрогивали наши условныя, но традиціонныя понятія о чести и самолюбіи, — трудно было предугадать, до какихъ предѣловъ дойдетъ протестъ товарищей, и чѣмъ онъ кончится, но я далъ ему другой оборотъ.

Какъ теперь помню, молніей у меня пронеслось въ головѣ: съ

одной стороны позоръ этой стрижки на барабанѣ, да еще за два мѣсяца до ожидавшихся эпопей, а съ другой, и могу васъ увѣрить, еще рѣзче и больнѣе мысль, что какойнибудь часъ тому назадъ мои волосы держала рука государя, что онъ повелѣлъ «не трогать», а теперь ихъ схватить своими заскоружлыми пальцами лысый Кузьмичъ и срѣжетъ до корней. Послѣдней мысли я не могъ допустить рѣшительно. Подъ впечатлѣніемъ того же неопредѣленнаго чувства благоговѣнія, очарованія, или назовите какъ угодно, которое заставило меня поцѣловать руку гнѣвнаго государя, я и въ эту минуту видѣлъ въ намѣреніи остричь меня чисто оскорбленіе величества.

Я сдѣлалъ еще шагъ къ директору и твердымъ голосомъ сказалъ:

— Я не позволю, ваше превосходительство, стричь меня!

— Какъ? что?—не проговорилъ, а прохрипѣлъ В., какъ-то дико выпучивъ на меня глаза.

— Я не позволю, ваше превосходительство,—также внятно повторилъ я,—дотронуться до волосъ, которыхъ касалась священная рука государя императора, и его императорское величество приказалъ меня не трогать!

— Какъ, что, что?—снова проговорилъ генераль, въ свою очередь отодвигаясь отъ меня и видимо еще не будучи въ состояніи уяснить себѣ мой отвѣтъ.

Я повторилъ въ третій разъ, не измѣняя ни слова и еще тверже.

Трудно хорошо передать, что произошло за этимъ.

Въ ротѣ, послѣ гробоваго молчанія, воцарившагося съ первыхъ моихъ словъ, снова послышались общіе возгласы: «вѣрно! молодецъ!» и другія выраженія сочувствія и одобренія. Вишняковъ совершенно остолбенѣлъ, какъ и всѣ окружавшіе его. Въ ихъ глазахъ, а особенно, само собою разумѣется, у директора, я ясно читалъ, что они все еще не могутъ сознать смыслъ моихъ отвѣтовъ, но глаза и слухъ не обманываютъ. Приходится рѣшить что-то, никогда не встрѣчавшееся: явное, открытое неповиновеніе и открытый отказъ передъ всѣми исполнить приказаніе,—дерзость, за которую нужно стереть съ лица земли,—а вмѣстѣ съ тѣмъ магическая мощь и очарованіе запрета, о которомъ я напомнилъ имъ, и не меньшее, чѣмъ у меня, убѣжденіе въ святости всего, до чего коснулась рука самодержавнаго полубога. Мнѣ показалось даже, что когда всѣ наконецъ вышли изъ оцѣпенѣнія, то нѣкоторые изъ офицеровъ хотѣли какъ будто все-таки броситься на меня, но я стоялъ въ заколдованномъ кругѣ, и на чертѣ его невидимая сила останавливала ихъ. Такъ прошло не менѣе, я думаю, 3—5 минутъ. Наконецъ генераль глубоко вздохнулъ, какъ будто выпустилъ изъ себя весь накопившійся въ немъ паръ, какимъ-то сдавленнымъ голосомъ сказалъ мнѣ: «ступай на мѣсто», и, не взглянувъ ни на кого, круто повернулъ и пошелъ изъ залы, въ сопровожденіи старшихъ офицеровъ.

Рота, кажется, уже безъ всякой команды и безъ строя спустилась въ спальню, и хотя всѣ, кто ходилъ въ отпускъ, могли тотчасъ брать билеты, но многіе, преимущественно изъ одноклассниковъ выпускныхъ, не расходились до поздняго вечера. Я, по отсутствію въ Петербургѣ родныхъ или хорошихъ знакомыхъ, въ отпускъ никогда не ходилъ, а потому не знаю, пустили ли бы меня, или нѣтъ.

Судя по дальнѣйшему, думаю, однако, что пустили бы безпрепятственно. Разговорами и предположеніямъ не было, разумѣется, конца. Изъ наводимыхъ разными путями справокъ узнали, что Вишняковъ немедленно послѣ утренней исторіи ѣздилъ къ начальнику штаба и только недавно вернулся. Вечеромъ ждали съ нетерпѣніемъ обычнаго приказа по корпусу, въ которомъ обыкновенно между прочими распоряженіями помѣщались всѣ происшествія, случившіяся за день, награды и взысканія, но и тутъ ошиблись. Упомянуто было, конечно, о посѣщеніи корпуса государемъ императоромъ и о всемилостивѣйше разрѣшенномъ отпускѣ, и только. Такъ прошло нѣсколько дней, жизнь вошла въ обычную колею передлагерныхъ учений, пригона аммуниціи и проч., а обо мнѣ точно и забыли. Ротный командиръ по крайней мѣрѣ не говорилъ ничего, а изрѣдка бросалъ искоса взгляды на мои волосы; дежурные офицеры тоже интересовались безмолвно тѣмъ же, но одинаково замалчивали самый инцидентъ. Высшее же начальство и самъ генералъ какъ-то старались даже не замѣчать меня. Въ концѣ слѣдующей недѣли, передъ самымъ выступленіемъ въ лагерь, мы тѣмъ не менѣе узнали, что происходило. Директоръ дѣйствительно въ тотъ памятный день отправился къ начальнику штаба съ докладомъ о необыкновенномъ происшествіи и за полученіемъ инструкцій, что дѣлать со мною... Начальникъ штаба въ свою очередь изумился, взволновался, теръ себѣ лобъ, но рѣшить дѣло самому наотрѣвъ отклонилъ и сказалъ, что немедленно поѣдетъ и обо всемъ доведетъ осторожно до свѣдѣнія великаго князя Михаила Павловича, бывшаго, какъ извѣстно, до своей смерти главнымъ начальникомъ всѣхъ военно-учебныхъ заведеній. Узналъ и великій князь. Сперва, говорятъ, вспылилъ, какъ всегда, потомъ размѣялся, потомъ тоже задумался, а въ концѣ-концовъ, какъ и начальникъ штаба, самъ Гордіева узла не расвѣкъ, но доложилъ государю.

Временемъ тѣмъ мы обычнымъ порядкомъ выступили и расположились въ лагеряхъ, въ Петергофѣ. Прислали разбирать вакансіи выпускнымъ. Всѣ уже права свои знали и записались, какъ хотѣли или какъ удалось. Записался наравнѣ съ другими и какъ будто ни въ чемъ не бывало и я, не въ тотъ полкъ, правда, куда думалъ, такъ какъ вакансій въ немъ не было, но въ другой, тоже боевой Кавказскій, въ которомъ и прослужилъ впослѣдствіи до

капитанскаго чина и назначенія за раною городничимъ въ городъ N.

Все шло однимъ словомъ, какъ всегда. Волосы мои, однако, отростали себѣ помаленьку, и хотя на нихъ попрежнему бросало начальство одни только взгляды, но длина ихъ начала нѣсколько стѣснять меня самого, просто вслѣдствіе восьмилѣтней привычки къ совсѣмъ почти бритой головѣ. Остричься, тѣмъ не менѣе, я и не думалъ, да и было бы даже рискованно, потому что такъ или иначе вся сила моя была у меня, какъ у Сампсона, въ волосахъ. Признаюсь, впрочемъ, что, свято оберегая неприкосновенность макушки, за которую схватилъ меня государь, я не особенно благоговѣнно относился къ затылку и уже разъ попросилъ товарища секретно подравнять мнѣ сзади мохры, начинавшіе закрывать воротникъ.

Забылъ ли обо мнѣ великій князь, или тоже не осмѣливался беспокоить государя, или наконецъ потому, что царь большую часть лѣта былъ въ отъѣздѣ на маневрахъ, а потомъ за границей,—но резолюціи насчетъ меня не выходило и не вышло до того дня, какъ увидить далѣе читатель, когда я самъ ее вызвалъ. Весьма вѣроятно, что она вышла бы и гораздо ранѣе, и не въ такомъ видѣ, такъ какъ хитро было не попасться въ глаза великому князю въ теченіе лагерей, при его почти ежедневныхъ посѣщеніяхъ кадетскихъ полковъ, но этому помогло къ моему, должно быть, счастью особое обстоятельство.

Чуть ли не на первой же недѣлѣ меня угораздило гдѣ-то около нашего кадетскаго кафе-ресторана, подобные которому были при лагеряхъ каждаго корпуса и носили простую кличку лавочекъ,—напоротъ такъ сильно ногу на гвоздь, что меня отправили въ лазаретъ, сперва въ походный, а потомъ дня черезъ два въ Петербургъ. Боялись, что придется ампутировать стопу, но, слава Богу, обошлось безъ операціи, а пролежалъ я и ходилъ съ костылемъ все лѣто. Не былъ и на высочайшемъ смотру, на которомъ государь императоръ поздравилъ съ производствомъ въ офицеры всѣхъ выпускныхъ, и самый приказъ о производствѣ, раздававшійся всѣмъ самолично великимъ княземъ, привезенъ былъ мнѣ товарищами. Ходить я, правда, уже могъ, но прихрамывалъ, а окончательно бросилъ костыль какъ разъ наканунѣ второго памятнаго мнѣ дня, когда назначено было представленіе государю всѣхъ вновь произведенныхъ офицеровъ, причемъ его величество осматривалъ обыкновенно и сдѣланную для нихъ обмундировку. Представленіе это постоянно происходило или на аллеяхъ обширнаго сада 1-го кадетскаго корпуса, или, въ случаѣ ненастной погоды, какъ случилось и въ тотъ годъ, въ громадной, такъ называвшейся сборной залѣ того же корпуса.

Облекшихся въ полную парадную форму, нѣсколько сотъ насъ,

вновь испеченных прапорщиковъ,—подпоручиками тогда не выпускали,—разставили къ 12 часамъ по корпусамъ и по роду оружія. Сознаюсь откровенно, что съ своими теперь ужъ дѣйствительно почти что кудрями я трусилъ въ душѣ жестоко, хотя и старался бравировать. Сколько было возможно, я зачесалъ и пригладилъ ихъ фиксауаромъ, но, какъ на зло, волосы мои отъ природы нѣсколько вились и особенно предательски выдавали свою длинноту на вискахъ и переднемъ вихрѣ. Такъ какъ исторія моя въ свое время сдѣлалась извѣстна во всѣхъ корпусахъ и даже, вѣроятно, и не въ нихъ однихъ, то пока насъ не устанавливали еще, я отлично видѣлъ, что многіе изъ произведенныхъ изъ другихъ заведений нарочно подходили къ группѣ Павловскихъ, чтобы посмотрѣть на меня. Никто не сомнѣвался, что орлиный взоръ государя замѣтитъ мою прическу, и какая будетъ развязка, зналъ одинъ Богъ! О корпусномъ начальствѣ не говорю. Вишняковъ видимо потерялъ весь свой апломбъ и, когда поклонился ему я, только безнадежно махнулъ рукою. Однимъ словомъ, всѣмъ нашимъ, не исключая и товарищей, было какъ-то не по себѣ. Не ровень вѣдь часть!

— «По мѣстамъ, господа!»—раздался наконецъ голосъ начальника штаба. Всѣ выстроились. Начальство еще разъ прошлось торопливо по своимъ, окидывая опытнымъ окомъ, все ли въ порядкѣ и по формѣ, хотя это было почти бесполезно, потому что каждый изъ насъ самъ отлично зналъ, какъ требователенъ и строгъ государь въ этомъ отношеніи и какъ ненавидитъ франтовство въ офицерѣ.

Я стоялъ въ ряду кавказцевъ однимъ изъ послѣднихъ и по росту не выдѣлялся изъ сосѣдей, но на зло выглянуло солнышко и предательски освѣтило именно ту часть залы, гдѣ стояли наши павловцы. Всѣ удивлялись, что нѣтъ еще великаго князя, который и по долгу, а главное—по своей заботливости о своихъ питомцахъ, или даже дѣтяхъ, какъ онъ назвалъ кадетъ въ своемъ предсмертномъ приказѣ,—долженъ былъ прибыть ранѣе государя. Прошли еще томительныя 15—20 минутъ, наконецъ въ другомъ концѣ залы, у лѣстницы, вдругъ засуетились, и показалась любимая и такъ знакомая намъ колоссальная фигура императора Николая въ кавалергардскомъ сюртукѣ. Михаила Павловича съ нимъ не было. Оказалось, со словъ самого государя, что его вызвала внезапно августѣйшая его супруга по важному дѣлу.

— Здравствуйте, господа!—въ первый разъ для насъ прозвучалъ голосъ императора, и какъ-то странно показалось нашимъ ушамъ, привыкшимъ годами къ «здорово, молодцы!», это новое привѣтствіе. Еще страннѣе и чуднѣе отозвалось намъ собственное наше «здравія желаемъ, ваше императорское величество!», еще болѣе сердечное, чѣмъ бывшее кадетское, но вырвавшееся уже не громкимъ крикомъ, а только сдержанно громко, какъ подобало смѣнившимъ

уже погоны нижнихъ чиновъ на офицерскія эполеты. Начался обходъ. Издали было видно, какъ государь останавливался почти у каждаго произведеннаго, иногда поворачивалъ его, съ иными говорилъ, и черезъ нѣсколько минутъ до насъ долетѣлъ уже передаваемый другъ отъ друга слухъ, что государь веселъ и въ духѣ. У всѣхъ, а у меня понятно въ особенности, отлегло на душѣ; генералъ же нашъ даже какъ будто просто выросъ и, должно быть, въ знакъ подъема духа въ сотый разъ оглядѣлъ каждаго съ ногъ до головы, двумъ или тремъ поправилъ чуточку свалившійся впередъ эполетъ, а нѣсколькимъ запустилъ пальцы за галстукъ, чтобы спрятать чисто уже мерещившіеся ему ворстнички рубашекъ, выпустить которые въ тѣ времена ни одинъ либераль не рѣшился бы.

Государь приближался. Кончилъ 2-й корпусъ и подошелъ къ гвардейцамъ нашего. Ясно было уже видно мнѣ мужественно прекрасное лицо его, въ этотъ день дѣйствительно необычно веселое и привѣтливое. Слышу отчетливо вопросы государя и отвѣты на нихъ. Вотъ еще ближе... вотъ наконецъ назвалъ себя выше стоящій сосѣдъ мой и однополчанинъ... еще вопросъ ему государя... отвѣтъ... Я впился глазами въ его лицо... и встрѣтился съ его взоромъ.

— Прапор...—началъ я и оѣкся. Государь пристально смотрѣлъ на меня. Въ глазахъ его что-то вспыхнуло, пробѣжала какая-то складка на лбу, но все это моментально пропало, и осталось прежнее доброе выраженіе съ небольшимъ, какъ мнѣ показалось, только удивленіемъ, именно удивленіемъ.

Очевидно, государь сразу замѣтилъ мою шевелюру, вспыхнулъ, но мгновенно понялъ, что если онъ видитъ что-то совсѣмъ странное, такъ несомнѣнно, какъ результатъ, безусловно оправдываемый извѣстною причиною, такъ какъ другого объясненія онъ и не могъ себѣ дать! И я не ошибался. Не возвышая ни на долю ноты голоса, государь полуоборотился къ слѣдовавшему за нимъ по стопамъ Вишнякову и сказалъ: «это что за локоны?» слегка показывая ему на болѣе видный ему мой лѣвый високъ и разстегивая въ то же время перчатку на одной рукѣ.

— Ваше императорское величество!—началъ выпаливать спрошенный, едва набирая воздухъ въ сузившееся отъ волненія горло,—соизволили приказать не трогать!

— Что такое?—спросилъ государь, немного протянувъ вопросъ.

Генералъ совсѣмъ очумѣлъ.

— Хотѣли остричь, ваше императорское величество! ...говорить—священная рука... повелѣлъ не трогать... не осмѣлился... докладывалъ... и, кончивъ это, скосилъ глаза на стоявшаго рядомъ съ нимъ начальника штаба.

На лицѣ государя скользнуло нетерпѣніе, но вмѣсто того, чтобы обратиться за разъясненіемъ къ послѣднему, такъ какъ

нашему генералу видимо нужно было дать время оправиться, императоръ вдругъ снова повернулся ко мнѣ и сказалъ:

— Самъ рассказывай!

Робости я уже не чувствовалъ. Все во мнѣ какъ бы замерло, а вернулось одно то, что говорило во мнѣ, когда два мѣсяца тому назадъ хотѣли меня посадить на барабанъ.

Не помню, поблѣднѣлъ ли я, или покраснѣлъ, при вопросѣ государя, да и товарищи не помнили, но голосъ мой не дрожалъ, а языкъ не заплетался.

— Я только вышелъ изъ лазарета, ваше императорское величество, — началъ я, — когда вы изволили прѣхать въ корпусъ 23 мая, и не успѣлъ остричься. Вы схватили меня за волосы, когда обходили, я поцѣловалъ вашу руку, ваше императорское величество, а ваше императорское величество назвали меня дуракомъ... — Государь слегка улыбулся. — И изволили сказать, — продолжалъ я, — не трогать! Послѣ вашего отъѣзда, его превосходительство, — тутъ я склонился на Вишнякова, — хотѣлъ выстричь меня на барабанѣ. Я сказалъ его превосходительству, что не дамъ стричь своихъ волосъ, до которыхъ коснулась священная рука вашего императорскаго величества, и что ваше императорское величество приказали не трогать!

Кончивъ эту тираду, проговоренную залпомъ, я, вѣроятно, упалъ бы отъ волненія, но, взглянувъ на государя, я понялъ, что онъ меня понялъ. Лицо императора было также свѣтло и съ такою же ласкою глядѣло на меня, какъ будто передъ нимъ стоялъ не 20-лѣтній юноша, а ребенокъ.

— Помню, — сказалъ государь, — а великому князю докладывалъ? — спросилъ онъ у начальника штаба.

— Точно такъ, ваше императорское величество, въ тотъ же день!

Государь еще разъ взглянулъ на Вишнякова и, такъ какъ тотъ теперь уже выглядывалъ фертомъ, догадываясь, что всякая гроза не только миновала, а наоборотъ совсѣмъ хорошо, изволилъ опять усмѣхнуться, а вслѣдъ за этимъ, обернувшись ко мнѣ, слегка ударилъ меня по лицу снятой раньше съ руки перчаткой и весело проговорилъ: «дуракъ! остригись!».

Мгновенно, какъ и тогда, схватилъ я его державную руку, крѣпко снова поцѣловалъ и, когда выпустилъ ее, то увидѣлъ, что держу царскую перчатку, и чувствую, что не только не тороплюсь ее возвратить, а зажимаю пальцами.

Не ускользнуло это отъ царя, и не дѣлая движенія, чтобы взять перчатку обратно, онъ опять съ тою же лаской поглядѣлъ на мое теперь загорѣвшееся лицо и, переходя къ слѣдующему офицеру, изволилъ сказать: «оставь на память!».

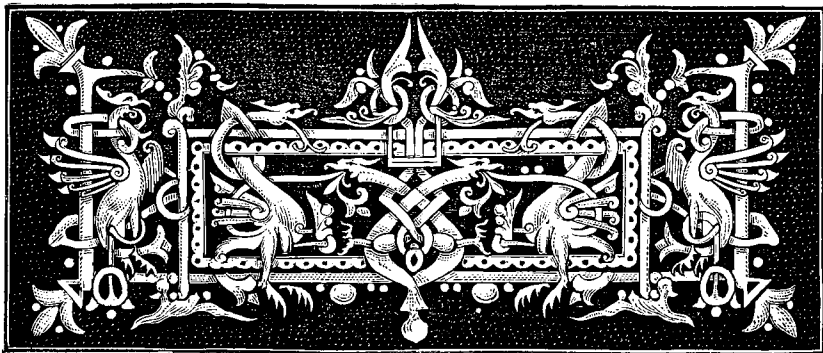
Слѣдуетъ ли добавлять, что на этотъ разъ я не откладывалъ стрижки, но клочекъ волосъ съ макушки спряталъ, какъ инстинтутка, вмѣстѣ съ перчаткою.

Недѣли черезъ полторы, мы всѣ, вновь произведенные, являлись прощаться съ великимъ княземъ передъ разѣздомъ по своимъ частямъ. Михаилъ Павловичъ зналъ, конечно, уже обо всемъ происшедшемъ на смотру государя, переданномъ ему, можетъ быть, самимъ императоромъ. А потому, когда дошла очередь до меня, то онъ ничего не спрашивалъ, а только сказалъ: «что? локоны-то обстричь? молись за государя и служи ему вѣрой и правдою. Поѣзжай съ Богомъ и передай поклонъ отъ меня своему полковому командиру. Мы съ нимъ вмѣстѣ служили».

Прошло много лѣтъ съ тѣхъ поръ. Я былъ сильно раненъ въ одномъ изъ дѣлъ съ Шамилемъ, причисленъ къ комитету и получилъ мѣсто городничаго въ городѣ N... а теперь въ чистой, благодаря маленькому наслѣдству, которое я получилъ отъ сестры, вмѣстѣ съ пенсіей, проживу, не нуждаясь. За покойнаго императора Николая молюсь ежедневно не по завѣту великаго князя, а по своему чувству; перчатки же его теперь у меня нѣтъ. Берегъ я ее, и лежала она всегда въ особой коробкѣ и, конечно, хранилась во вьюкѣ, вмѣстѣ съ другими офицерскими принадлежностями, но съ ними же и погибла при переходѣ черезъ одну кручу въ горахъ.

Павель Коломнинъ.

ИМАМЪ ШАМИЛЬ ВЪ РОССИИ.

ТЬ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОЙ Кавказской войнѣ, доставившей нашимъ войскамъ неувядаемую славу, со времени появленія въ Дагестанѣ Шамиля въ роли имама, т. е. «духовнаго повелителя мусульманъ», борьба Россіи съ горцами приняла болѣе острый, рѣшительный характеръ и, наконецъ, блестяще окончилась плѣномъ Шамиля съ его семействомъ и главными сподвижниками, 25-го августа 1859 года.

Въ лицѣ Шамиля исторія даетъ намъ замѣчательнаго человѣка, обладавшаго обширнымъ умомъ, громадной энергіей, увлекательнымъ краснорѣчіемъ и сдѣлавшагося, благодаря этому и счастливо сложившимся обстоятельствамъ своего времени, неограниченнымъ повелителемъ Кавказа. Искусно воспользовавшись занесеннымъ изъ Бухары на Кавказъ въ 1830 году ученіемъ среднеазиатской секты фанатиковъ-мусульманъ, извѣстной подъ именемъ «мюридизма», требующей отъ своихъ адептовъ безграничной ненависти къ русскимъ и др. иновѣрцамъ, т. е. гяурамъ, Шамиль сумѣлъ сплотить разрозненныхъ полудикихъ Кавказскихъ горцевъ Чечни и Дагестана и сдѣлать ихъ безпрекословнымъ, слѣпымъ орудіемъ для борьбы съ Россіей, мечтая образовать на Кавказѣ царственную династію и стать ея верховной главой. Этимъ мечтамъ его, однако, не суждено было осуществиться.

Съ назначеніемъ князя Барятинскаго главнокомандующимъ кавказской арміей пораженія и разныя неудачи Шамиля стали учащаться, число деспотически управляемыхъ и преданныхъ ему горцевъ стало убывать съ каждымъ днемъ, а вмѣстѣ съ ними его власть и значеніе. Съ окончаніемъ Кавказской войны, длившейся десятки лѣтъ, бывший повелитель Чечни и Дагестана, долго покровительствуемый судьбою, Шамиль, окруженный въ своемъ послѣднемъ убѣжищѣ, аулѣ Гунибѣ, и сдавшійся побѣдителямъ, черезъ недѣлю, 2-го сентября, выѣхалъ съ семействомъ изъ Дагестана и 26-го сентября прибылъ въ Петербургъ, гдѣ вскорѣ имѣлъ счастье быть представленнымъ и милостиво принятымъ императоромъ Александромъ II, затѣмъ по высочайшему повелѣнію былъ отправленъ въ г. Калугу. Въ настоящемъ очеркѣ, составленномъ преимущественно по мѣстнымъ, архивнымъ документамъ, мы сообщимъ нѣсколько новыхъ свѣдѣній о пребываніи имама Шамиля въ Россіи,—въ Калугѣ и въ Кіевѣ.

Для жительства прибывшему въ Калугу, въ концѣ 1859 года, плѣнному Шамилю съ семействомъ былъ нанятъ на казенный счетъ въ городѣ большой домъ съ флигелями и садомъ, принадлежавшій отставному полковнику Сухотину. На устройство обстановки въ заранѣе приготовленной квартирѣ, т. е. на покупку мебели, зеркаль, посуды и проч., было израсходовано и уплачено изъ суммъ Калужскаго казначейства 5,086 рублей. Наемъ, ремонтъ и отопленіе помѣщеній имама и его многочисленной прислуги лежали на обязанности квартирной Калужской комиссіи подъ предѣлательствомъ мѣстнаго губернатора. Деньги для этого отпускались изъ суммъ государственнаго казначейства. Оттуда же Шамиль получалъ, чрезъ состоявшаго при немъ особаго офицера въ качествѣ военнаго пристава, жившаго вблизи плѣннаго Шамиля въ домѣ Ланѣва, назначенные ему по высочайшему повелѣнію пожизненной пенсіи 15,000 рублей, которые выдавались впередъ за три мѣсяца, каждый разъ 3,750 рублей, въ полное и безотчетное распоряженіе. Кромѣ того, на наемъ лѣтомъ дачи для Шамиля отпускалось ежегодно 300 рублей, причемъ на переѣзды его съ семействомъ на дачу требовалось отъ 15 до 20 лошадей.

При Шамилѣ, также по высочайшему повелѣнію, состояли приставъ-офицеръ и его помощникъ, которымъ былъ ввѣренъ надворъ за плѣнникомъ. По данной приставу инструкціи, онъ долженъ былъ быть совѣтникомъ имама, тайно слѣдя за нимъ такъ, чтобы никоимъ образомъ не обременять и не стѣснять плѣнника; кромѣ того, приставъ долженъ былъ быть за него ходатаемъ во всѣхъ случаяхъ и по возможности предупреждать его законныя желанія, ограждая имама отъ всего, что могло отягощать его по-

ложение въ чужой странѣ. На эту должность былъ назначенъ, чинлившійся по армейской пѣхотѣ, штабсъ-капитанъ Руновскій. Имаму и его семейству были разрѣшены посѣщенія театровъ, концертовъ, публичныхъ и частныхъ собраній, также прогулки пѣшкомъ, въ экипажахъ и верхомъ въ городѣ и его окрестностяхъ, не далѣе 30 верстъ отъ городской черты. Для объясненія съ Шамилемъ, совершенно не знавшимъ русскаго языка, при немъ состояли два переводчика, подчинявшіеся приставу; одинъ изъ нихъ— кандидатъ Петербургскаго университета Турминскій (съ 1 января 1860 г. по февраль 1864 года)—былъ назначенъ съ правами государственной службы для вѣрной передачи разговоровъ, взглядовъ и даже мыслей плѣнника о разныхъ дѣлахъ, не касавшихся его домашней жизни; а другой—государственный крестьянинъ Мустафа Яхъ-Инь—служилъ по вольному найму въ качествѣ исполнителя порученій имама и переводчика въ его домашнемъ быту. Какъ житель Калуги, имамъ съ его семействомъ подчинялся, на общихъ основаніяхъ, калужскому губернатору, а какъ военно-плѣнный—губернскому воинскому начальнику, которые въ важныхъ случаяхъ, требовавшихъ особаго разрѣшенія представляли просьбы плѣннаго имама военному министру для доклада государю императору. Этимъ же лицамъ былъ порученъ надзоръ за точнымъ исполненіемъ приставомъ и переводчиками, состоявшими при Шамилѣ, ихъ обязанностей. Домъ Шамиля охранялся особо назначенными городскими. Для развлеченія плѣнника, по ходатайству военнаго пристава, высылались изъ Императорской Публичной бібліотеки рѣдкія восточныя рукописи, на примѣръ, Аль-Коранъ 1790 г., и разныя книги на арабскомъ языкѣ, которыя по прочтеніи возвращались въ бібліотеку. Лѣто Шамиль проводилъ на особо нанятой для него казной удобной дачѣ съ фруктовымъ садомъ. Первые годы, лѣтомъ, онъ жилъ вблизи Калуги на дачѣ помѣщика Ермолова, а потомъ на дачѣ «Перцово», принадлежащей доктору Беккеру, въ 8-ми верстахъ отъ города.

Высочайшимъ приказомъ 8-го апрѣля 1861 года, сынъ Шамиля Мухамедъ-Шафи опредѣленъ на службу въ лейбъ-гвардіи кавказскій эскадронъ собственнаго его величества конвоя съ чиномъ корнета, гдѣ и былъ зачисленъ во 2-й взводъ. Вскорѣ послѣ этого молодой гвардейскій корнетъ Магомедъ, получивъ отъ калужскаго губернатора подорожную на проѣздъ, отправился къ мѣсту служенія въ Петербургъ, гдѣ по прибытіи получилъ значительное денежное пособіе. Чрезъ два мѣсяца послѣ отъѣзда Мухамеда, Шамиль съ приставомъ, капитаномъ Руновскимъ, ѣздилъ въ Петербургъ и тамъ имѣлъ счастье представиться покойному государю императору и выразить благодарность за вновь оказанную ему высочайшую милость. 12-го ноября того же года военный приставъ капитанъ Руновскій былъ переведенъ на Кавказъ, съ назначеніемъ

состоять для особыхъ порученій при главнокомандующемъ арміей князѣ Барятинскомъ; вмѣсто же него былъ назначенъ помощникъ начальника Средняго Дагестана подполковникъ Павелъ Гилляровичъ Пржецлавскій. Въ слѣдующемъ году семейство Шамиля постигло горе: умерла жена старшаго сына Кази-Магомеда, Каримать. Тѣло покойницы, герметически закупоренное въ металлическій гробъ, было отправлено въ Сѣверный Дагестанъ, на кладбище предковъ Шамиля, около города Темиръ-Ханъ-Шуры, въ селеніе Гимры. Для сопровожденія тѣла и всѣхъ распоряженій въ пути былъ назначенъ фельдъегерскаго корпуса штабсъ-капитанъ Гузей Разумовъ, которому на устройство гроба, покупку экипажа и вообще на путевые расходы было выдано отъ казны 2.000 рублей.

Живя въ Калугѣ, Шамиль велъ переписку съ главнокомандующимъ кавказской арміей; получалъ изрѣдка отвѣтныя письма отъ военнаго министра, графа Д. А. Милютина, оказывавшаго плѣннику покровительство; также отъ родственниковъ и другихъ лицъ, причемъ письма послѣднихъ предварительно проходили чрезъ бывшій инспекторскій департаментъ военнаго министерства, а потомъ чрезъ управленіе иррегулярныхъ войскъ, гдѣ и прочитывались, пока правительство не убѣдилось въ покорности и вѣрности плѣнника.

Вотъ одно изъ писемъ Шамиля въ переводѣ на русскій языкъ, посланное главнокомандующему кавказской арміей въ декабрѣ 1862 года, въ которомъ онъ, увѣдомляя о благополучномъ пріѣздѣ въ Калугу, говоритъ о частыхъ, оказываемыхъ ему государемъ, милостяхъ и порицаетъ своихъ, все еще бунтующихся, единовѣрцевъ.

«Его сіятельству, намѣстнику кавказскому, фельдмаршалу князю Барятинскому.

«Спѣшу увѣдомить ваше сіятельство, что мы возвратились въ Калугу здраво и невредимо. Будучи осчастливленъ высочайшимъ вниманіемъ и милостивымъ благоволеніемъ государя императора, благодаримъ его за постоянныя къ намъ милости и молимъ Всевышняго, да ниспошлетъ ему, всѣмъ приближеннымъ его и всѣмъ любящимъ его всякое благо во всякое время, дома и на пути. Мы знаемъ, что не можемъ вполне выразить всей нашей благодарности и сердечной признательности за высокія его императорскаго величества къ намъ милости; намъ остается только молить Всевышняго о здравіи, успѣшеніи, побѣдѣ и покореніи враговъ подъ нозѣ его. Боже нашъ! какъ велико вниманіе къ намъ великаго царя! Онъ изъ собственныхъ своихъ рукъ, которыя составляютъ предметъ лобызанія всѣхъ великихъ и знатныхъ сего міра и которыя суть источники благостей и всякаго добра, подарилъ мнѣ золотую шашку! Эта шашка—острый ножъ для враговъ моихъ, который будетъ непременно колоть имъ глаза, а для друзей моихъ—прекрасный цвѣтокъ, который будетъ вѣчно цвѣсти въ цвѣточникѣ ихъ памяти.

Да наградить Богъ императора за эту милость тысячекратно, да побѣдитъ враговъ его и да сдѣлаетъ мечъ его смертельнымъ для нихъ! Увы! не произвести времени государя, подобнаго нашему: «время,—какъ сказалъ одинъ поэтъ, — скупо на такихъ царей!»... Во время моей аудіенціи съ вами, относительно извѣстнаго вамъ моего желанія, я узналъ, что еще продолжается у васъ вражда съ шапсугами и абадзехами, чего я не думалъ и никакъ не ожидалъ. Я думалъ, что борьба уже кончилась, и что осталось только одно ихъ имя, а если совершенно не окончилась,—то небольшіе набѣги разбѣжавшихся по лѣсамъ и оврагамъ нѣсколькихъ шаекъ, не имѣющихъ такого человѣка, которой бы руководилъ ими къ благоустройству общества и остановилъ бы эти бесполезныя потери людей и имущества; я считалъ эти шайки стадомъ разбѣжавшихся по разнымъ мѣстамъ барановъ, которые пошалаютъ, пошалаютъ, да и перестанутъ, какъ увидятъ волка, который скрутитъ ихъ и наконецъ загонитъ къ вамъ. Я объяснялъ это недостаткомъ ихъ ума и отсутствіемъ здравомыслія и вполнѣ былъ увѣренъ, что дѣло ихъ уже совершенно кончено послѣ того, какъ абадзехскій Наибъ Магомедъ Еминъ съ старшинами прибыли къ его императорскому величеству и, получивъ богатые дары и полевныя наставленія, возвратились на мѣсто своего жительства. Теперь же, когда это дѣло вышло совершенно иначе, краснѣю со стыда предъ вами и передъ его императорскимъ величествомъ и раскаиваюсь въ томъ, что высказалъ вамъ въ то время просьбу объ отъѣздѣ въ Мекку. Клянусь Богомъ, я не высказалъ бы вамъ никогда предмета моего желанія, еслибы зналъ объ обстоятельствахъ на Кавказѣ прежде, чтобы вы и государь императоръ не подумали чего другаго и дурнаго обо мнѣ; если-жъ лгу, то пусть поразитъ меня и все мое семейство кара Божія». Подписано: «рабъ Божій Шомуиль»¹⁾.

Въ письмахъ къ военному министру Шамиль постоянно высказывалъ благодарность за всѣ оказываемыя ему благодѣянія и заботы о немъ правительства, выражая всякій разъ свою преданность горячо любимому имъ монарху. На письмо его къ военному министру отъ 18-го апрѣля Шамиль получилъ такой отвѣтъ:

¹⁾ Для характеристики скрытной хитрости Имама, присущей «восточному человѣку», считаемъ не безынтереснымъ привести здѣсь мнѣніе (замѣтку) одного изъ военныхъ приставовъ, состоявшихъ при плѣнномъ Шамилѣ:

«Единственная правда въ этомъ посланіи, что ех-имамъ считаетъ мусульманъ овцами, а насъ волками. Поклясться можно передъ невѣрными, накликавая кару Божію на свою и своего семейства голову — Исламъ допускаетъ; это игра словъ ради обмана гяуровъ. Зная хорошо о дѣлахъ на правомъ флангѣ Кавказа, Шамиль не переставалъ и не перестаетъ надѣяться мнѣ объ исходатайствованіи ему съ семействомъ отправиться въ Турцію, будто бы съ религіозной цѣлью въ Мекку. Всѣ письма Шамиля къ высокимъ особамъ есть не что иное, какъ напоминовеніе о себѣ».

«Свѣтилу учености, достойному уваженія Шамилю.

«Да будетъ ваша мудрость полезнымъ поученіемъ для другихъ.

«Содержаніе письма вашего ко мнѣ отъ 18-го апрѣля 1863 года я имѣлъ счастье докладывать государю императору, и его величество съ удовольствіемъ принялъ выраженныя въ немъ ваши чувства. Въ Польшѣ большія шайки разбиты, но продолжается еще безпокойство отъ мелкихъ партій. По всегдашнему своему милосердію государь императоръ обѣщаль прощеніе тѣмъ изъ мятежниковъ, которые положатъ оружіе до 1-го мая. Если же они будутъ упорствовать въ своемъ заблужденіи, то сами будутъ виной своей погибели.

«Письмо ваше къ князю Барятинскому я отправилъ къ нему за границу.

«Желаю, чтобы лѣтнее время окончательно укрѣпило силы ваши и семейства вашего».

«Д. Милютинъ».

«5-го мая 1863 года».

Живя въ Калугѣ, Шамиль вскорѣ свыкся съ новой жизнью, поддерживалъ знакомство съ властями и представителями города, соблюдая, однако, въ своей почти затворнической жизни всѣ обычаи и обычаи востока. Со времени плѣна, Шамиль часто получалъ отъ государя награды и разные цѣнные подарки, изъ которыхъ первымъ были: золотая шапка, коляска съ лошадьми и много драгоценныхъ вещей. Въ январѣ 1864 года, зять Шамиля—Абдурагимъ Джаманъ-Эддиновъ, по высочайшему повелѣнію опредѣленъ въ Изюмскій гусарскій наслѣднаго принца Прусскаго полкъ, тогда расположенный въ городѣ Купянскѣ, на правахъ вольноопредѣляющагося 1-го разряда, съ дозволеніемъ ему носить азиатскую одежду, вооруженіе и съ назначеніемъ ему содержанія отъ казны 240 рублей въ годъ. вмѣстѣ съ этимъ ему было выдано одновременно 150 рублей и прогоны до мѣста квартированія Изюмскаго полка, куда Абдурагимъ прибылъ 5-го марта. Въ маѣ того же 1864 года, сыну Шамиля—Магомеду-Шафи Шамиль-Оглы, тогда уже поручику Собственнаго Его Величества конвоя, былъ высочайше разрѣшенъ 6-ти-мѣсячный отпускъ съ сохраненіемъ пособій и содержанія и съ выдачею прогонныхъ денегъ отъ Петербурга до Темиръ-Ханъ-Шуры и обратно, для сопровожденія въ родныя мѣста, съ цѣлью поправки разстроеннаго здоровья, заболѣвшей въ Калугѣ отъ непривычнаго климата его жены. Согласно просьбѣ поручика Магомеда, этотъ отпускъ, по высочайшему повелѣнію, былъ продленъ еще на 6 мѣсяцевъ, также съ сохраненіемъ содержанія. Между хитрымъ и подозрительно-недовѣрчивымъ, по своей восточной натурѣ, старцемъ Шамилемъ и состоявшимъ при немъ въ качествѣ военнаго пристава подполковникомъ Пржецлавскимъ въ концѣ 1865 г. возникли недоразумѣнія, для разбора которыхъ былъ командиро-

ванъ изъ Петербурга адъютантъ военнаго министра, полковникъ Брокъ. Послѣ личнаго разбора полковникомъ Броккомъ этихъ недоразумѣній и по возвращеніи его въ Петербургъ съ письмомъ Шамиля, графъ Милютинъ въ слѣдующемъ письмѣ своемъ къ военно-плѣнному имаму выразилъ сожалѣніе и неудовольствіе по поводу недоразумѣній, происшедшихъ по винѣ, можно сказать, неблагодарнаго Шамиля.

«Отъ военнаго министра достопочтенному и ученому Шамилю привѣтъ!

«Внимательно прочитавъ ваше письмо и выслушавъ разсказъ полковника Брока о бывшихъ между вами объясненіяхъ, я очень сожалѣю, что въ отношеніяхъ вашихъ къ приставу обстоятельства такъ сложились, что вы потеряли всякое довѣріе и расположеніе къ нему безъ важныхъ къ тому причинъ.

«Неудовольствія ваши противъ пристава основаны большею частью на предположеніи, будто онъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, донесеніяхъ и даже въ ходатайствахъ о вашихъ пользахъ постоянно имѣлъ въ виду одну цѣль: унизить и оклеветать васъ въ общемъ мнѣніи и возбудить противъ васъ негодованіе правительства. Но донесенія пристава нисколько не подтверждаютъ вашихъ подозрѣній, и вамъ самимъ было бы трудно объяснить себѣ возможность и причины такой безотчетной въ комъ либо вражды и злобы противъ человѣка, поставленнаго въ ваше положеніе, противъ старца почтеннаго, спокойнаго, удалившагося отъ свѣта и посвятившаго всѣ помыслы свои Богу. Если чувства наши не всегда бываютъ въ зависимости отъ нашей доброй воли, то нельзя не пожалѣть, что въ увлеченіяхъ вашихъ противъ полковника Пржецлавскаго вы не отличили въ немъ человѣка отъ должностнаго лица, поставленнаго при васъ правительствомъ, и по личному неудовольствію къ нему нарушили должное уваженіе къ званію военнаго пристава, прекративъ съ нимъ всякія сношенія, и тѣмъ поставили его въ невозможность исполнять обязанности, возложенныя на него правительствомъ.

«Я вполне увѣренъ, что при высокихъ чувствахъ преданности вашей къ государю императору, постоянно выражаемыхъ вами съ искренностью, заслуживающею всякаго довѣрія и уваженія, вы не имѣли никакого намѣренія оскорбить званіе пристава, и я всегда отдамъ должную справедливость вашей добросовѣстности; но послѣ всего случившагося между вами и полковникомъ Пржецлавскимъ нахожу неудобнымъ подвергать на будущее время должностное лицо такому неприятному положенію въ отношеніяхъ его съ вами.

«Назначая къ вамъ пристава, правительство имѣло въ виду не только возложить на него обязанности по его званію при военно-плѣнномъ, но и поставить при васъ близкаго и довѣреннаго человѣка, къ которому вы могли бы обращаться за совѣтомъ и судѣй-

ствіемъ во всемъ томъ, въ чемъ, по неизвѣстности вамъ нравовъ и обычаевъ мѣстныхъ жителей и законовъ края, онъ могъ быть вамъ полезнымъ.

«Полагая, что послѣ пятилѣтняго пребыванія вашего въ Калугѣ вы уже успѣли настолько ознакомиться съ мѣстными жителями и краемъ, что не нуждаетесь болѣе въ постоянномъ и близкомъ совѣтникѣ,—я по причинамъ, объясненнымъ выше, испросилъ высочайшаго государя императора соизволенія на упраздненіе вовсе должности при васъ пристава съ тѣмъ, чтобы вы были подчинены мѣстному губернскому воинскому начальнику.

«Поставляя васъ въ извѣстность о послѣдовавшемъ на то высочайшимъ соизволеніи, я остаюсь въ полной надеждѣ, что доброе согласіе между нами болѣе уже не нарушится.

«Военный министръ генераль-адъютантъ Милютинъ».

Съ 1-го февраля 1866 года, по высочайшему повелѣнію, должность военнаго пристава при Шамилѣ была упразднена, а непосредственный надзоръ за нимъ съ этого времени былъ порученъ калужскому губернскому воинскому начальнику, генераль-маіору Чичагову.

Шамиль и его семейство, привыкшіе къ теплomu климату восточной части Кавказа, со времени переѣзда въ Калугу часто болѣли и, какъ предрасположенные къ чахоткѣ, плохо переносили сѣверный климатъ. 11-го марта 1866 года, отъ этихъ причинъ скончалась старшая замужняя дочь Шамиля—Нафисадъ, жена Абдурахмана Джаманъ-Эддинова. Генераль Чичаговъ, принявъ горячее участіе въ этомъ семейномъ горѣ Шамиля, тотчасъ телеграфировалъ объ этомъ графу Милютину:

«Санктъ-Петербургъ. Военному министру.

«Шамиль потерялъ старшую дочь Нафисадъ. Старецъ желаетъ тѣло покойной похоронить на Кавказѣ на кладбищѣ предковъ. По бывшему примѣру съ женой Кави-Магомеда, Шамиль проситъ отпустить Абдурахмана, мужа покойной, на Кавказъ для сопровожденія тѣла и командировать при немъ офицера-фельдъегеря. Дорожные расходы по перевозкѣ тѣла усопшей Шамиль повергаетъ милостивому усмотрѣнію государя императора. Генераль Чичаговъ».

Въ отвѣтъ на это донесеніе была получена въ тотъ же день слѣдующая телеграмма отъ начальника управленія иррегулярныхъ войскъ, генераль-лейтенанта Николая Ивановича Карлгофа:

«Калуга. Генералу Чичагову.

«Абдурахманъ увольняется въ отпускъ. Фельдъегерь для отвоза тѣла будетъ присланъ. Издержки повелѣно на счетъ казны. Генераль Карлгофъ».

Тѣло покойной сопровождалъ опять Гузей Разумовъ съ выдачей ему отъ казны на путевые расходы 2.000 рублей. Вмѣстѣ съ Разумовымъ и Абдурахманомъ уѣхалъ для сопровожденія тѣла умершей сестры жены его другой зять Шамиля, Абдурагимъ-Джаманъ-Эддиновъ (лезгинъ), оруженосецъ 3-го взвода лейбъ-гвардіи Кавкасскаго эскадрона, бывшій юнкеръ 11-го Изюмскаго гусарскаго полка, уволенный съ высочайшаго соизволенія на 5 мѣсяцевъ въ отпускъ съ сохраненіемъ содержанія и съ выдачей ему прогонныхъ на Кавказъ и обратно. Вскорѣ послѣ этого, въ іюнѣ мѣсяцѣ того же года, послѣдовало высочайшее разрѣшеніе Абдурахману-Джаманъ-Эддинъ-оглы возвратиться въ Дагестанъ для постояннаго жительства воездѣ Темиръ-Ханъ-Шуры.

Лѣто 1866 года Шамиль провелъ на дачѣ помѣщика Шамиота, въ с. Лихунахъ, въ 14 верстахъ отъ Калуги, по Московской дорогѣ. Эту дачу Шамиль ѣздилъ выбирать вмѣстѣ съ генераломъ Чичаговымъ.

По возвращеніи съ дачи, Шамиль заявилъ губернатору и губернскому воинскому начальнику, что онъ душевно желалъ бы усердною службою государю императору отблагодарить за оказываемыя ему благодаренія и милости, но старость (75 лѣтъ) и дряхлость не позволяютъ ему исполнить это завѣтное желаніе. Рѣшивъ доказать свою преданность монарху, Шамиль изъявилъ желаніе принять съ семействомъ вѣрноподданническую присягу, которая и состоялась при торжественной обстановкѣ въ залѣ Дворянскаго собранія, 26-го августа, въ присутствіи губернатора, начальствующихъ лицъ, командировъ отдѣльныхъ частей, почетныхъ гостей и именитыхъ гражданъ города Калуги. Для принятія присяги прибыли изъ Петербурга сынъ его Магометъ-Шафи и зять Абдурагимъ, служившіе въ собственномъ конвоѣ его величества.

Послѣ принятія присяги въ роскошно декорированной залѣ, губернаторъ и всѣ присутствующіе поздравили Шамиля съ этимъ важнымъ событіемъ въ его жизни, при чемъ калужскій губернский предводитель дворянства, дѣйствительный статскій совѣтникъ Щукинъ, обратился къ Шамилю съ слѣдующею рѣчью:

«Достопочтенный имамъ!

«Твое рыцарское и душевное сознание постигло и оцѣнило великодушіе могучаго твоего повелителя, нашего августѣйшаго монарха.

«Ты покоренъ не однимъ его оружіемъ, ты побѣжденъ также сознаниемъ собственныхъ сердечныхъ чувствъ, сознаниемъ своего глубокаго поступка въ томъ, что покорившій тебя силою оружія сильнѣе покорилъ тебя неограниченнымъ своимъ милосердіемъ и попеченіемъ о тебѣ и твоемъ семействѣ.

«Въ тебѣ, героѣ, совершился положительный переворотъ. Изъ грознаго повелителя горскихъ, враждовавшихъ противъ Россіи, племя ты превратился въ искренно и непритворно кроткаго и покорнаго благодѣтелю своему подданнаго. Такая реакція могла, конечно, произойти лишь съ человѣкомъ, какъ ты, одареннымъ глубокимъ разсудкомъ и возвышенной душой.

«Судьбѣ угодно, чтобы ты, старый воинъ, щедротами великодушнаго монарха наслаждался покоемъ въ назначенномъ для твоего жительства городѣ нашемъ Калугѣ. Судьбѣ угодно также, чтобы ты совершилъ присягу на вѣрноподданство благодѣтелю твоему въ домѣ дворянскаго собранія, гдѣ вѣрноподданническія чувства постоянно потомственно неизмѣняемо заявляются царствующимъ государямъ и ихъ наслѣдникамъ.

«Такъ, безъ сомнѣнія, и твое благородное семейство, воспринявъ присягу въ священныхъ стѣнахъ губернскаго дворянскаго дома, послѣдуетъ съ грядущимъ твоимъ потомствомъ примѣру коренныхъ русскихъ дворянъ. Итакъ, какъ представитель дворянъ Калужской губерніи, привѣтствую тебя, доблестный старецъ, съ совершеніемъ великаго дѣла совѣсти. Доживай покойно свой вѣкъ въ томъ градѣ, гдѣ уважается твоя благородная личность, гдѣ восхваляется твоя тихая, спокойная и скромная жизнь. Продолжай эту неукоризненную жизнь посреди насъ, прославляя великія щедроты твоего покровителя, глубоко обожаемаго всѣми подданными августѣйшаго монарха нашего императора Александра II».

Шамиль чрезъ переводчика отвѣчалъ слѣдующею рѣчью:

«Приношу вашему превосходительству искреннюю благодарность за поздравленіе и сочувствіе къ настоящему перевороту къ жизни моей; я очень радъ, что имѣю счастье предъ лицомъ Бога и всѣми здѣсь присутствующими заявить тѣ чувства моей благодарности и преданности, которыми переполнено сердце мое къ великому благодѣтелю моему, августѣйшему государю нашему.

«Еще разъ передъ лицомъ Бога и здѣсь присутствующими повторяю, что искреннее убѣжденіе въ кротости и величіи души незабвеннаго монарха побѣдило во мнѣ воѣ пять чувствъ моихъ и привело меня къ сознанію, что только любовь и вѣрная преданность могутъ имѣть мѣсто въ моемъ сердцѣ, постигшемъ милосердіе и великую душу государя нашего.

«Я старъ, трудами своими не могу доказать государю и Россіи той истинной преданности, которую чувствую до глубины души моей, но мнѣ остается еще одно счастье: молить Бога, да продлитъ онъ жизнь возлюбленнаго монарха на многія лѣта, а дѣтей моихъ научить, чтобы они всѣми силами души и тѣла старались принести новому моему отечеству ту пользу, которой оно ожидаетъ отъ вѣрныхъ и преданныхъ сыновъ своихъ. Я радъ дѣлу души и сердца моего еще и потому, что оно даетъ мнѣ и дѣтямъ

моимъ удовольствіе въ лицѣ присутствующихъ здѣсь благодарить жителей города Калуги за ихъ радушіе, гостепріимство и доброе ко мнѣ съ семействомъ расположеніе, которыми они не оставляли меня со дня пріѣзда моего въ этотъ славный русскій городъ».

Послѣ этой рѣчи всѣ присутствовавшіе были приглашены къ устроенному калужскимъ дворянствомъ завтраку.

Съ высочайшаго разрѣшенія, Шамиль, въ октябрѣ 1866 года, вмѣстѣ съ сыновьями и переводчикомъ, татаринимъ Яхъ-Иномъ, ѣздилъ въ Петербургъ, гдѣ имѣлъ счастье присутствовать 28-го октября при бракосочетаніи въ Бозѣ почившаго государя императора Александра III. Здѣсь онъ былъ щедро одаренъ, и даже его домашнему переводчику, государственному крестьянину Яхъ-Ину, по случаю пріѣзда въ Петербургъ съ Шамилемъ, было всемилоостивѣйше пожаловано въ единовременное пособіе 200 рублей. Для сопровожденія изъ Калуги въ Петербургъ и обратно и для обезпеченія въ пути спокойствія старца, былъ назначенъ правитель канцеляріи калужскаго губернскаго воинскаго начальника, штабсъ-капитанъ Дѣдовъ, знающій татарскій языкъ, обычаи мусульманъ и пользовавшійся расположеніемъ Шамиля.

25-го ноября Шамиль возвратился въ Калугу. Съ этого времени въ семействѣ Шамиля стали часто болѣть женщины лихорадкой, трудно переносимой жителями жаркаго Кавказа, особенно въ этой возвышенной и холодной мѣстности. По совѣту домашняго врача, Владиміра Егоровича Крычевскаго, Шамилю съ семействомъ необходимо было переѣхать въ другое, болѣе подходящее для жительства, мѣсто на югѣ Россіи. Вслѣдствіе этого Шамиль обратился къ генералъ-маіору Ефимовичу, назначенному на мѣсто умершаго генерала Чичагова, съ просьбой о разрѣшеніи ему съ семействомъ перемѣнить мѣстожительство, при чемъ онъ ссылался на постоянныя жалобы женъ и дочерей на суровый калужскій климатъ. Въ разговорахъ съ губернскимъ воинскимъ начальникомъ Шамиль постоянно упоминалъ о своей преданности къ высокоблагодѣтельному монарху, русскому народу и вообще Россіи, при чемъ не разъ высказывалъ, что ему совѣстно смотрѣть въ глаза всякому русскому за тотъ вредъ и зло, которое онъ причинилъ Россіи, и увѣрялъ, что горько раскаивается за пропущенное. Въ отвѣтъ на эту просьбу, доложенную по начальству генераломъ Ефимовичемъ, Шамилю, по повелѣнію государя, было предложено поселиться въ городѣ Вознесенскѣ, Херсонской губерніи, съ правомъ жить въ тамошнемъ дворцѣ. Шамиль отказался отъ этого предложенія, считая для себя сухой степной климатъ мало полезнымъ, и снова просился на жительство въ Крымъ, въ городъ Симферополь. На эту послѣднюю просьбу не послѣдовало согласія по политическимъ причинамъ, въ виду фанатизма тамошнихъ мусульманъ.

Отсутствіе, послѣ подполковника Пржецлавскаго, офицера-переводчика, въ которомъ нуждался Шамиль, замѣтно его тяготило, почему 25-го марта 1867 года былъ назначенъ на должность переводчика при немъ, вмѣсто упраздненной должности пристава, офицеръ войска Донскаго—сотникъ Онуфріевъ, окончившій полный курсъ въ отдѣленіи восточныхъ языковъ Новочеркасской гимназіи, хорошо знакомый съ бытомъ восточныхъ людей, магометанъ, служившій раньше письменнымъ переводчикомъ при управленіи Западнаго Дагестана. Вскорѣ послѣ пріѣзда сотника Онуфріева, Шамиль составилъ духовное завѣщаніе, которымъ свое родовое имѣніе въ селѣ Гимры (Гилуры), близъ города Темиръ-Ханъ-Шуры, завѣщаль въ пользу сиротъ этого села. Завѣщаніе было послано имъ старшинѣ с. Гимры, Джаманъ-Эдину. Это небольшое имѣніе Шамиля, по взятіи его въ плѣнъ, было отдано для пользованія, по приказанію князя Барятинскаго, гимринскому жителю, подпоручику милиціи Исаль-Магомѣ. Черезъ два года имѣніе было возвращено Шамилю по его просьбѣ, а подпоручику Магомѣ было выдано 200 рублей, тогдашняя стоимость этого имѣнія, которое вслѣдъ за тѣмъ Шамиль подарилъ своему родственнику Ханизаринъ-Магомѣ, сосланному въ Сибирь на поселеніе въ 1866 году за учиненные имъ въ Гимрахъ безпорядки. Послѣ ссылки Ханизарина-Магомы, жена котораго, внучка Шамиля, умерла въ 1864 году, это имѣніе снова перешло въ Шамилю, который, наконецъ, въ 1867 году завѣщаль его гимринскимъ сиротамъ. Въ слѣдующемъ году, въ іюнѣ мѣсяцѣ, Шамиль ѣздилъ въ Москву вмѣстѣ съ сотникомъ Онуфріевымъ и старшимъ сыномъ Кази-Магометомъ на свиданіе съ генераль-фельдмаршаломъ княземъ Барятинскимъ, возвращавшимся тогда изъ Петербурга.

5-го іюня Шамиль пріѣхалъ въ Москву, гдѣ остановился въ гостинницѣ Кокорева, и на слѣдующій день былъ принятъ княземъ Барятинскимъ въ Николаевскомъ дворцѣ, въ Кремлѣ. 7-го іюня Шамиль былъ опять у генераль-фельдмаршала и по приглашенію его ѣздилъ съ нимъ въ с. Отраду Серпуховскаго уѣзда, къ сестрѣ фельдмаршала, графинѣ Орловой-Давыдовой, гдѣ прогостилъ два дня, и 17-го іюня возвратился къ себѣ на дачу въ с. Лихуны и началъ приготовляться къ высочайше разрѣшенному переѣзду на жительство въ городъ Кіевъ, куда предварительно, въ августѣ мѣсяцѣ, ѣздилъ сотникъ Онуфріевъ съ Кази-Магометомъ для осмотра города и найма помѣщенія. На эту поѣздку имъ обоимъ были выданы отъ казны прогоны. Сотникъ Онуфріевъ нашелъ большое изъ 22-хъ комнатъ помѣщеніе (домъ съ флигелемъ) въ Липкахъ, принадлежавшее Мосоловой. Этотъ домъ, по распоряженію кіевскаго губернатора, былъ отремонтированъ и приспособленъ для жизни Шамиля, согласно указаніямъ старшаго его сына. За двѣ недѣли передъ пріѣздомъ Шамиля въ Кіевъ, сотникъ Онуфріевъ вторично

пріѣхалъ сюда для осмотра произведеннаго ремонта, устройства квартиры и покупки необходимыхъ вещей.

По предписанію министра путей сообщенія, для переѣзда Шамиля изъ Калуги въ Кіевъ, былъ приготовленъ салонный вагонъ, а для его имущества и прислуги—отдѣльные пассажирскіе вагоны. Передъ отъѣздомъ изъ Калуги Шамиль 23-го и 24-го ноября дѣлалъ прощальные визиты начальствующимъ и знакомымъ лицамъ. 25-го ноября онъ выѣхалъ въ Кіевъ, взявъ съ собою 16 человекъ мужской и женской прислуги: экономку, буфетчика, 2 поваровъ, 2 дворниковъ, 2 кучеровъ, 2 лакеевъ, 4 горничныхъ, прачку и кухарку, куда благополучно прибылъ 27-го ноября вмѣстѣ съ сотникомъ Онуфріевымъ и зятемъ Абдурагимомъ, корнетомъ лейбъ-Павлоградскаго полка. На расходы по переѣзду ему было выдано по высочайшему повелѣнію подъемныхъ 3.000 рублей и вмѣстѣ съ тѣмъ разрѣшено продать въ свою пользу всю обстановку, приобретенную ему въ Калугѣ на счетъ казны.

Шамиль, живя въ Кіевѣ и желая исполнить свою завѣтную мечту, снова обратился къ военному министру графу Милютину съ просьбой исходатайствовать ему съ семействомъ продолжительный заграничный отпускъ въ священный для мусульманъ городъ Мекку, для поклоненія тамъ гробу Магомета. Это путешествіе въ Мекку было предметомъ частыхъ мечтаній старика, который еще въ Калугѣ намекалъ о своемъ желаніи, что тогда правительство считало нѣсколько преждевременнымъ. Однако, въ скоромъ времени, благодаря частымъ и надобнымъ просьбамъ Шамиля, желаніе его осуществилось. Получивъ высочайшее разрѣшеніе на поѣздку въ Мекку, Шамиль хотѣлъ пріѣхать въ Петербургъ и лично принести благодарность великодушному монарху за новую оказанную ему милость, но покойный государь, по своей безконечной добротѣ и во вниманіе къ его старости, выразилъ желаніе видѣться съ Шамилемъ по возвращеніи его въ Россію. Взявъ съ собою двухъ женъ, трехъ дочерей, маленькаго шестилѣтняго сына Магомета, двухъ внуковъ, экономку, повара и лакея, Шамиль выѣхалъ изъ Кіева 12-го мая 1869 года въ городъ Одессу, а оттуда 17-го мая за границу. До Одессы его провожалъ сотникъ Онуфріевъ. Шамилю былъ разрѣшенъ годичный отпускъ за границу, но по просьбѣ его, полученной изъ Мекки, государь разрѣшилъ ему остаться тамъ еще на годъ съ сохраненіемъ всего отпускаемаго отъ казны содержанія. Заграничный паспортъ Шамилю былъ выданъ кіевскимъ генераль-губернаторомъ безъ указанія срока возвращенія въ Россію.

Въ слѣдующемъ году умеръ въ военномъ госпиталѣ отъ водянки переводчикъ Яхъ-Инъ, оставшійся въ Кіевѣ при сынѣ Шамиля, Гази-Магометѣ. Для обезпеченія вдовы переводчика высо-

чайше было повелѣно выдать ей 400 рублей пособія для переѣзда изъ Кіева на родину, въ городъ Касимовъ Рязанской губерніи.

Живя за границей, въ Меккѣ, имамъ выпросилъ сыну своему Гази-Магомету, оставшемуся въ Кіевѣ, шестимѣсячный заграничный отпускъ, который вскорѣ былъ высочайше разрѣшенъ съ выдачею на поѣздку пособія въ 1.500 рублей. Гази-Маготъ воспользовался этой новой щедрой милостью государя и въ концѣ октября былъ уже у отца въ Меккѣ.

Послѣ смерти имама, послѣдовавшей въ мартѣ 1871 года, Гази-Магометъ возвратился изъ отпуска и, всегда скрытно желавшій уйти за предѣлы пріютившей семейство Шамиля Россіи, сталъ просить подъ разными предлогами о разрѣшеніи ему съ семействомъ переѣхать на постоянное жительство въ Турцію, въ видѣ безсрочнаго отпуска, яко бы для устройства быта оставшихся по смерти Шамиля его двухъ жень: Шуанеты (урожденная Уруханова, дочь моздокскаго купца Ивана Уруханова, Анна Ивановна) и Зайдаты (урожденная Драмана Эддина). Не смотря на полученное Гази-Магометомъ пособіе передъ поѣздкой къ покойному отцу, онъ усиленно хлопоталъ о выдачѣ ему еще пособія, мотивируя это понесенными имъ издержками во время поѣздки за границу. По этому ходатайству послѣдовало высочайшее повелѣніе отпустить Гази-Магомету всю ту сумму, которая осталась свободною по смѣтѣ 1871 года отъ уменьшенія расходовъ по содержанію плѣннаго Шамиля. По докладу военнаго министра о способѣ обезпеченія оставшагося семейства Шамиля, высочайше разрѣшено отпустить впредъ Гази-Магомету 5.000 рублей въ годъ, двумъ вдовамъ Шамиля 1.000 рублей и сыну его Шафи-Магомету, уже штабс-ротмистру собственнаго его величества конвоя, 1.000 рублей, кромѣ всего получаемаго отъ казны содержанія.

25-го ноября 1871 года Гази-Магометъ выѣхалъ съ семействомъ изъ Кіева въ Одессу, откуда на пароходѣ «Олеги» 4-го декабря отплылъ въ Турцію, навсегда покинувъ предѣлы Россіи съ тѣмъ, чтобы черезъ шесть лѣтъ стать въ ряды ея враговъ.

А. Рындинъ.

КАЕДРАЛЬНЫЙ СОБОРЪ ВЪ ПЛОЦКЪ.

(Посвящается Александру Германовичу Краусгару).

I.

Древность и прежнее значеніе Плоцка и бѣдность его въ отношеніи историческихъ памятниковъ.—Причины этого.—Каедральный соборъ.—Время возникновенія его.—Реставрація собора въ 1531—1535 г.—Контрактъ съ Вернардомъ де-Ганотомъ.—Завершеніе аданія.

БЫВШАЯ столица Мазовіи, временное пребываніе польскихъ королей ¹⁾, городъ нѣкогда обширный и богатый ²⁾, воспѣтый поэтами ³⁾, а нынѣ лишь административный центръ одной изъ десяти губерніи царства Польскаго,—древній Плоцкъ сохранилъ очень немного историческихъ памятниковъ. Причина этого—непріятельскіе набѣги, пожары и всевозможныя несчастія, пережитыя городомъ, перечисленіемъ коихъ полны лѣтописи мѣстныхъ

¹⁾ Короли: Владиславъ I Германъ (1080—1102) и сынъ его Болеславъ III Кривоустый (1102—1139), избрали Плоцкъ своею резиденціею. Они и погребены въ каедральномъ соборѣ.

²⁾ Что между прочимъ доказываютъ многія привилегіи мазовецкихъ князей и польскихъ королей, данныя разнымъ промышленнымъ и ремесленнымъ цехамъ въ Плоцкѣ, а также обиліе костеловъ, коихъ было въ городѣ до настоящаго столѣтія—кромѣ каедральнаго—14.

³⁾ Себастьянъ Кленовичъ (р. 1545 † 1602), поэтъ золотого вѣка польской литературы, въ своей поэмѣ «Піисъ» (судовщикъ), изображающей плаваніе по Вислѣ отъ Варшавы до Гданска (Данцига), посвятилъ Плоцку слѣдующія строфы, которыя мы приводимъ здѣсь въ переводѣ г. В. Перцова («Памяти. книжка Плоцкой губ.» 1877 г.):

историковъ ¹⁾. Городской кафедральный соборъ (tum), описанію коего мы посвящаемъ настоящую монографію,—главнѣйшая достопримѣчательность Плоцка, заслуживающая полного вниманія въ историко-археологическомъ отношеніи.

Возникновеніе кафедрального собора-костѣла въ Плоцкѣ относится ко временамъ глубокой древности. Преданіе гласитъ, что со введеніемъ въ Польшу христіанства здѣсь возникъ храмъ, посвященный Богоматери, образъ которой, извѣстный подъ именемъ Пресвятой Богородицы Мавовецкой (Najświętsza Marya Panna Mazowska), особенно былъ почитаемъ мѣстнымъ населеніемъ. Храмъ этотъ первоначально былъ деревянный и, по всему вѣроятію, скромныхъ размѣровъ.

Въ 1136 г. костелъ сгорѣлъ.

При 10-мъ плоцкомъ епископѣ Александрѣ Доленга (1127—1156) ²⁾, онъ былъ вновь отстроенъ, частію изъ обожженнаго кирпича, частію—изъ обтесаннаго полевого камня, и въ 1144 г. освя-

«Взглянешь на берегъ высокій, песчаный:

Замки, костелы, дворцы;

Древней кафедрѣ кресты позлащенны

Ярко блестятъ съ высоты.

А на низу, распростерши широко

Мутныя волны свои,

Висла приноситъ сюда издалека

Дивовъ заморскихъ ладьи:

Тканей, алмазовъ и винъ искрометныхъ,

Сабель, булатныхъ мечей.

Плоцкъ же ямъ шлетъ изъ сокровищъ завѣтныхъ

Дань отъ лѣсовъ и полей.

Но не спиши такъ, пловець чужестранный,

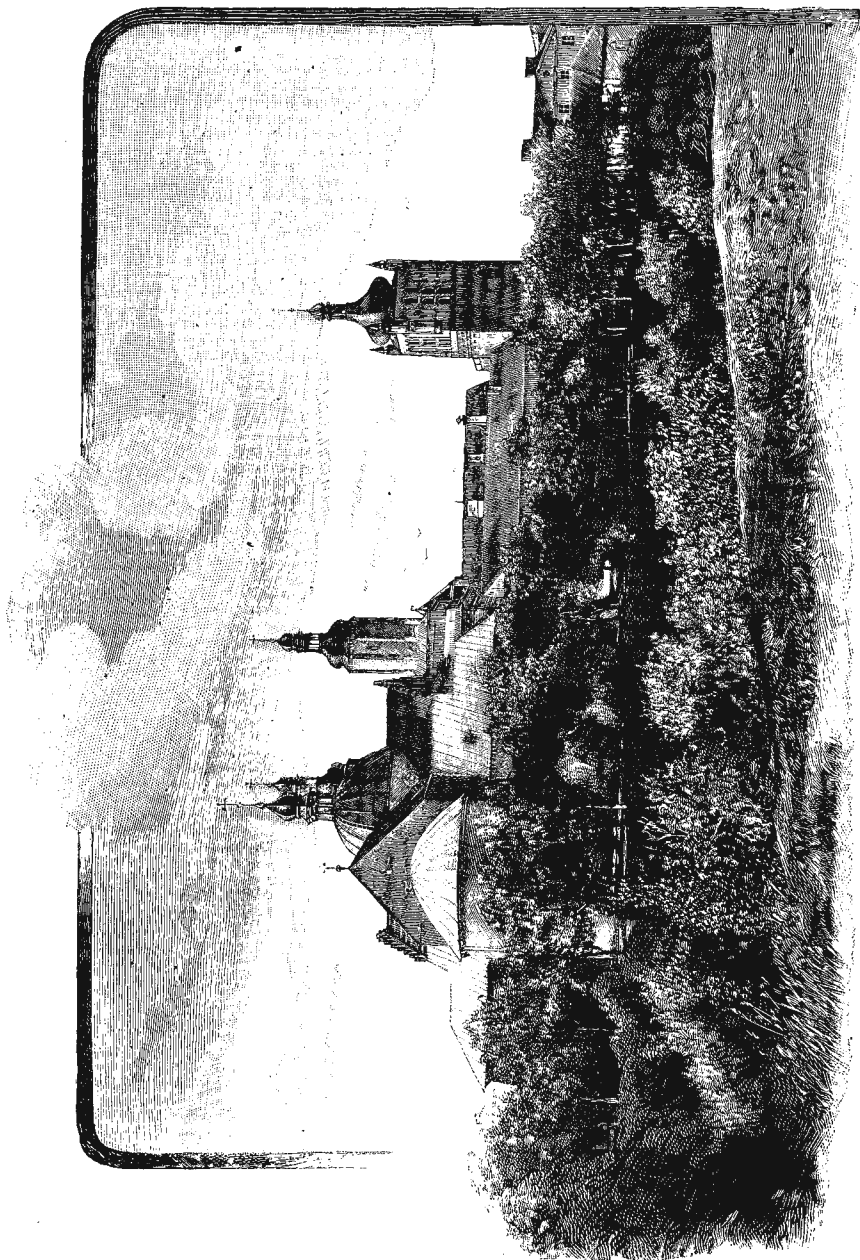
Къ пристани, сладко манищей тебя,

Ты не минуешь сей городъ пространный,

Не заплативъ ему цда (пошлины)».

¹⁾ О Плоцкѣ писали, кромѣ старыхъ польскихъ историковъ: Яна Красинскаго, Шимона Старовольскаго, Андрея Свѣнцицкаго и Анд. Целляриуша, Гаварецкій: «Pisma historyczne», 1824, «Pamiętn. hist. Plocki», 1827, «Przywileje, nadania i swobody...», 1828; Л. Голембювскій: «Opisanie hist.-stat. wojew. plockiego» («Nowy kalendarzyk polityczny na r. 1828»); и кс.-пре-латъ Станис. Ходынский (ст. «Plock» въ XIX т. издаваемой плоцкимъ епископомъ Михаиломъ Новодворскимъ Енцыклопедіи Kościeln'ой, въ Варшавѣ, 1893—лучшее и новѣйшее описаніе). Заслуживаютъ также вниманія статьи въ Энциклопедіи Олгебранда («Encykl. Powszechna», т. XX, 1865) и въ Словарѣ Хлѣбовскаго («Słown. Geograficzny», т. VIII, 1887) и рисунки въ журналахъ «Kłosy» и «Tygodnik Ilustrowany». Порусски писали о Плоцкѣ: г. В. Перцовъ («Историч. монографія города Плоцка» въ «Пам. кн. Плоцк. губ. на 1877 г.», но довольно растянуто, сбивчиво и съ ошибками) и авторъ настоящихъ строкъ («Городъ Плоцкъ» во «Всемирн. Иллюстраціи», т. XLIX, 1893 г., стр. 447—452, съ рисунками городскихъ достопримѣчательностей).

²⁾ Здѣсь и далѣ послѣ именъ епископовъ указываются въ скобкахъ годы находенія ихъ на плоцкой кафедрѣ.

Кафедральный собор Пресвятой Троицы въ Плочкѣ.

щень ¹⁾. 20-го марта 1530 г., во время вечерняго богослуженія, костель снова сгорѣлъ. При этомъ пострадала главнымъ образомъ вся лѣвая сторона зданія и вся крыша, такъ что богослуженіе въ немъ временно было прекращено. 9-го сентября того же года на общемъ собраніи членовъ капитула у епископа Андрея Кржицкаго (1527—1535) обсуждался вопросъ о скорѣйшемъ возстановленіи храма. Но епископъ и капитулъ, принимая въ соображеніе, что при отстройкѣ зданія новыя стѣны не безопасно связывать со старыми, обгорѣвшими, въ слѣдующемъ году постановили разобрать совершенно стѣны, пострадавшія отъ огня, и отстроить новый костель, даже на другомъ мѣстѣ. При этомъ епископъ принялъ на себя обязанность вывести стѣны, пожертвовавъ на это 6,000 злот., кои обезпечилъ на имѣніяхъ епископской каеедры ²⁾. 16-го сентября 1531 г. былъ заключенъ контрактъ, составленный самимъ епископомъ, съ римскимъ архитекторомъ Бернардомъ де-Гіанотомъ (de-Gianotis), коимъ возлагалось на послѣдняго: выстроить весь новый костель на мѣстѣ прежняго, и такой же величины, изъ стараго краковскаго камня, съ башнею на немъ въ три уступа и хорошею колокольнею. Архитекторъ обязывался начать работы тотчасъ, какъ стаятъ снѣга, и окончить ихъ черезъ три года и шесть мѣсяцевъ, а затѣмъ въ продолженіе трехъ лѣтъ дѣлать на свой счетъ всѣ поправки и передѣлки, какія потребуются, да, кромѣ того, имѣть двоихъ архитекторовъ для наблюденія за работами. Епископъ же принималъ на себя: разобрать старыя стѣны на свои средства и матеріалъ этотъ передать архитектору; доставить дерево для постройки и для обжиганія кирпича, исходатайствовать у короля освобожденіе отъ пошлинъ по доставкѣ Вислою каменныхъ колоннъ и воротъ и выставить для работъ 8 лошадей съ 2 желѣзными возами. За работы было назначено архитектору 6,000 злот., считая каждый по 30 грош. При подписаніи контракта епископъ выдалъ 3,000 злот., обѣщавъ столько же въ день новаго 1533 года ³⁾. Когда начались работы, каменщики-итальянцы на столько добросовѣстно исполняли свои обязанности, что капитулъ, въ засѣданіи 4-го мая 1534 г., просилъ епископа увеличить имъ плату. Къ назначенному времени постройка была окончена, но въ архитектурномъ отношеніи выполнена она была не такъ, какъ требовалось контрактомъ съ Гіанотомъ. Это произошло вслѣдствіе или перемѣнъ епископовъ или по другимъ какимъ причинамъ, на которыя нѣтъ указаній въ актахъ капитула. Часть

¹⁾ «Pomn. hist. Pol.», II, 335, III, 119; кс.-пр. С. Ходыньскій, «Plockie biskupstwo» («Encyclop. Kościel.» преосвящ. М. Новодворскаго, XIX т.).

²⁾ Ходыньскій, 579—580.

³⁾ «Sprawozdanie z posiedzeń komisji sztuki», Краковъ, 1887, 2; Ходыньскій, 580.

стѣнъ той стороны костела, которая выходитъ на Вислу, видимо, осталась отъ прежняго зданія, въ томъ именно мѣстѣ, гдѣ между кирпичемъ находятся куски обтесаннаго камня; по этимъ-то частямъ знатоки древней архитектуры и относятъ первоначальное построение плоцкаго кафедральнаго костела въ XII ст. ¹⁾ Въ 1540 г. было рѣшено покрыть зданіе металлическою крышею. Но внутри храмъ оставался не отдѣланнымъ. Тутъ явились на помощь благотворители. На капитульномъ собраніи 10-го сентября 1548 г. официалъ и прелатъ Станиславъ Махнацкій обязался устроить и поддерживать постоянно на свой счетъ одинъ алтарь. Желая достать средства на нужды костела, капитулъ постановилъ 4-го мая 1549 г., чтобы почетные каноники платили ежегодно по 1 злот. на поддержаніе костела, а когда—съ теченіемъ времени—постановленіе это было забыто, 4-го мая 1568 г. его возобновили.

Такимъ путемъ былъ восстановленъ изъ запустѣнія существующій до сихъ поръ съ нѣкоторыми, впрочемъ, передѣлками ²⁾ плоцкій кафедральный соборъ.

II.

Наружный видъ современнаго зданія кафедральнаго собора. Фронтонъ. Двери и Корсунскія врата. — Внутренній видъ. — Миссіонерская каплица и памятникъ Андрея Серпскаго. — Памятникъ Петра и Станислава Дуциныхъ-Вольскихъ. Личность перваго. — Каплица св. Сигизмунда. — Гробница еп. Станислава Лубенскаго и краткая его біографія. — Монументъ Станислава Краснскаго. — Главный алтарь. — Памятникъ Иеронима Целецкаго. Его жизнь. — Памятники: еп. Якова Буцацкаго и Варолеома Нисцицкаго. — Каплица св. даровъ. — Королевская каплица. Гробница королей Владислава I Германа и Болеслава III Кривоустаго. Происхожденіе и описаніе ея. — Памятникъ Павла Глоговскаго и др. — Судьба гробовъ мазовецкихъ князей.

Подходя къ собору съ сѣверной стороны, вы видите длинное двухъ-этажное зданіе, съ нѣсколько выдающимся впередъ низомъ, съ пристройками въ восточной (при-алтарной) его части, увѣнчанной полукруглымъ куполомъ. Фронтонъ костела выходящій на западъ,—позднѣйшаго происхожденія: построенъ въ 1784 году кн. епископомъ Михаиломъ Понятовскимъ, братомъ короля Станислава, и, не смотря на свой величественный видъ, поддерживается шестью колоннами и оканчивается на верху двумя высокими башнями,—мало гармонируетъ съ архитектурою остальнаго зданія ³⁾.

¹⁾ Собѣщанскій, «Wiad. hist. o sztuk. piśkn. w dawnej Pol.», т. I, 63; Ходынский, 580.

²⁾ Наибольше значительныя изъ нихъ, о которыхъ упоминаютъ акты, были въ 1560—1561, 1662, 1784, 1817, 1846, 1876 и 1892 гг.

³⁾ Съ сѣверной стороны фронтона, въ верху, вмазаны въ стѣну два пушечныя ядра изъ тѣхъ, вѣроятно, которыми шведы неоднократно громили Плоцкъ.

Широкія двери посреди фронтона ведутъ черезъ помѣстительную паперть внутрь храма. Нынѣшнія двери не представляютъ собою ничего особеннаго въ художественномъ отношеніи, но нѣкогда входили въ костель черезъ тѣ знаменитыя врата, кои находятся нынѣ въ Софійскомъ новгородскомъ соборѣ подь именемъ корсунскихъ, и надъ изслѣдованіемъ о происхожденіи которыхъ столько историковъ притупили свои перья¹⁾. Какимъ образомъ эти двери попали въ Новгородъ,—остается загадкой²⁾.

Отъ входныхъ дверей открывается общій внутренній видъ собора. Зданіе поражаетъ своею грандіозностію и легкостію стила. Построенное въ византійскомъ вкусѣ, оно имѣетъ большое сходство съ соборомъ св. Марка въ Венеціи. 16 колонъ изъ тесаннаго камня, поддерживающія средину храма, по 8 съ каждой стороны, дѣлятъ его по направленію отъ входа къ главному алтарю на три части: среднюю, болѣе широкую, занятую съ двухъ сторонъ скамейками для молящихся, и двѣ боковыя, параллельныя первой, которыя можно назвать галлереями.

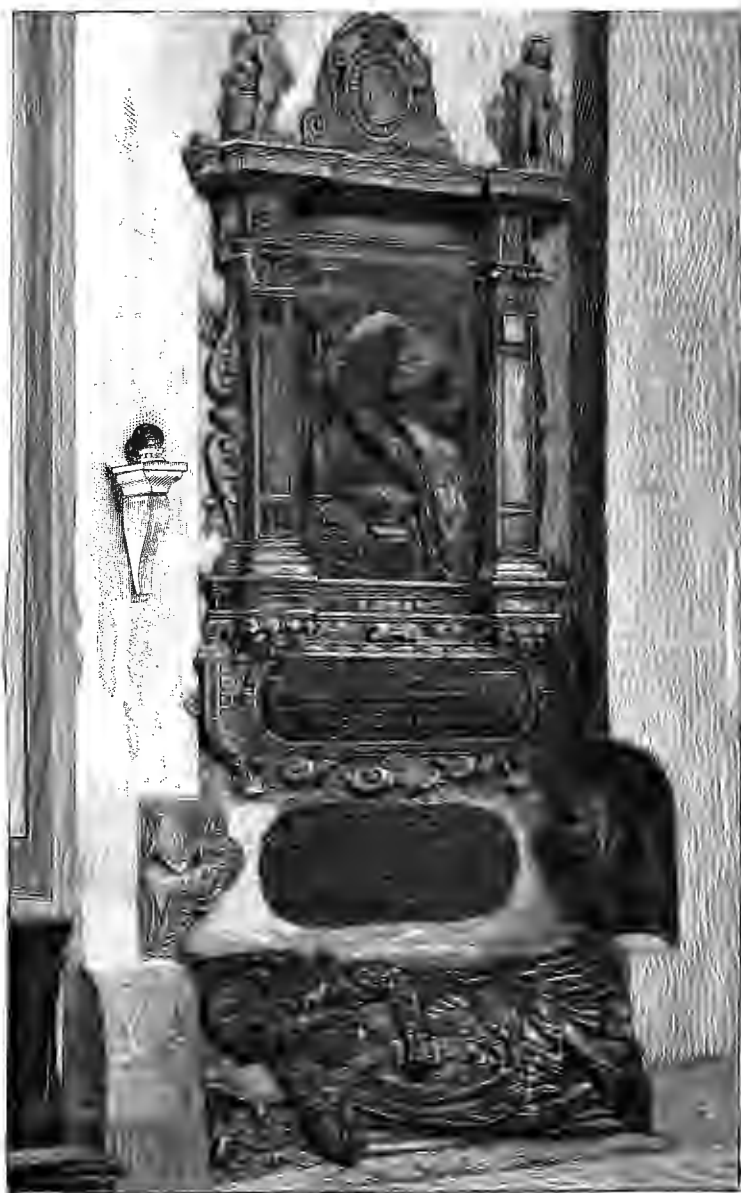
При входѣ въ правую галерею, по одной линіи съ главнымъ входомъ, находится каплица миссіонерская, иначе называемая гульчевскою. Первою она именуется потому, что съ конца XV столѣтія до второй половины XVIII при ней состояли миссіонеры, а гульчевскою—потому, что въ ней помѣщается памятникъ Андрея Серпскаго на Гульчевѣ, герба Правдичъ, воеводы равскаго и старосты плочкаго († 1572 г.)³⁾ и жены его Екатерины († 1546 г.). Памятникъ—изъ стараго мрамора—изображаетъ рыцаря, въ натуральный человѣческій ростъ, убраннаго въ доспѣхи и лежащаго на боку, лѣвою рукою онъ поддерживаетъ голову, пониже этой фигуры, какъ бы въ другой катакомбѣ,—фигура женщины, также лежащая, въ монашеской одеждѣ, съ четками въ рукѣ.

¹⁾ О корсунскихъ вратахъ писали многіе, начиная съ Ф. Аделунга, который обстоятельнѣе другихъ описалъ ихъ и далъ рисунокъ въ соч. «Die korsunischen Thüren in Kathedralkirche zur heil. Sophien in Nowogrod», Берлинъ, 1823 (порусски: М., 1834), и кончая о. Богословскимъ («Христ. Чт.», 1877, I).

²⁾ Лелевель, описавшій ихъ по соч. Аделунга, высказываетъ предположеніе («Polska wicków średnich», Познань, 1851, IV, и отдѣльно «Drzwi kośc. ploc. i gnieznień.», Познань, 1857), что Шимонъ Лингвенъ, братъ короля Ягелло и плочкой княжны Александры, бывая въ Плочкѣ, обратилъ вниманіе на это произведеніе искусства и около 1400 г. взялъ его отъ мѣстнаго духовенства въ Новгородъ, гдѣ проживалъ. Но это лишь догадка историка, на мѣстѣ же не найдено никакихъ о томъ свидѣтельствъ ни въ письменности, ни въ преданіи.

Какъ бы то ни было, перенесенныя въ Новгородъ, двери получили дополненія въ украшеніяхъ и русскія надписи, соответствующія ихъ назначенію, и стали называться «корсунскими», ибо древняя Русь имѣла обыкновеніе такъ называть всѣ старинныя памятники неизвѣстнаго происхожденія.

³⁾ О которомъ извѣстно, что, будучи старостой, онъ приговорилъ нѣсколькихъ евреевъ къ сожженію за издѣвательство надъ гостіей.

Памятникъ Дунина-Вольскаго въ Плоцкомъ соборѣ.

Минуя алтари,—Лурдской Богоматери, сооруженный крестьянами въ память двадцатилѣтня освобожденія ихъ отъ крѣпостной зависимости, и святаго Иоанна Крестителя, расположенные вдоль стѣны, выходящей къ Вислѣ, и святаго сердца Іисусова, налѣво, у колонны, остановимся передъ памятникомъ Петра и Станислава Дуниныхъ-Вольскихъ.

Петръ Дунивъ-Вольскій, герба Лабендзь, сынъ Павла Дунина-Вольскаго, великаго короннаго канцлера, а потомъ епископа познанскаго, родился въ 1530 году. Получилъ образованіе въ Падуѣ. Съ 1574 года вице-канцлеръ, съ 1576 года — великій коронный канцлеръ и епископъ перемышльскій, а въ слѣдующемъ году епископъ плоцкій. Умеръ въ 1590 году. Человѣкъ ученый. Извѣстно его «De rebus gestis Stephani I regis Poloniae narratio» (Римъ, 1582). Фигура его на памятникѣ изваяна изъ краснаго мрамора въ натуральную величину и представляетъ его, одѣтаго въ святительскія одежды, съ посохомъ, въ лежащемъ положеніи, какъ бы во гробѣ. Нѣсколько выше этой фигуры, въ нишѣ, помѣщается поясное изображеніе духовной особы передъ распятіемъ, со сложенными для молитвы руками. Подъ нимъ на мраморной таблицѣ надпись:

D. O. M.
Ad honorem et laudem Dei Opt. Max. et
Deiparae Virginis
officii Rorate in hoc sacello psalentium
fundatori
Stanislao Dunin Wolski Decano Plocensi
Pultoviensique
qui cum nosse coepisset desiit vivere
A. D. MDCII aetatis suae XXXXII
Hieronimus Wolski tribunus plocen. frater
defuncti, pietatis ergo.

Налѣво отъ памятника Дуниныхъ-Вольскихъ—каплица св. Сигизмунда, бургундскаго короля, патрона плоцкой епархіи и каѳедры, память коего празднуется 2-го мая (н. с.). Въ этой каплицѣ, на стѣнѣ, установлена мраморная доска съ медальономъ и надписью, въ память плоцкаго епископа-суффрагана Константина-Викентія Плевскаго († 1838).

По другую сторону этой каплицы, въ углу, при входѣ въ сакристію канониковъ, находится памятникъ изъ чернаго мрамора, изображающій на пьедесталѣ—въ ростъ человѣка—колѣнопреклоненнаго передъ крестомъ епископа (фигура изъ краснаго мрамора).

Hic jacet—гласить надпись—Stanislaus
Lubieński
peccator indignus episcopus
plocensis, oretur pro eo, mortuus
us die XVI Aprilis, anno domini
MDCXXX.

Станиславъ Лубенскій, герба Помянъ, одинъ изъ выдающихся плоцкихъ епископовъ, родился въ 1573 году, воспитывался въ краковской академіи; послѣ практически изучалъ народное право, сопутствовалъ Сигизмунду III въ путешествіи въ Стокгольмъ, предпринятомъ съ цѣлью возвращенія потеряннаго престола. Задумавъ вступить въ духовное званіе, посѣтилъ славный въ то время коллегіумъ іезуитовъ въ Грацѣ (Штирія) и Римъ, гдѣ и посвятился въ священники (1600 г.). По возвращеніи на родину состоялъ при своемъ дядѣ, великомъ коронномъ канцлерѣ Матвѣѣ Петроконскомъ. По смерти послѣдняго, будучи уже плоцкимъ каноникомъ, а потомъ и пробощемъ (настоятелемъ) гнѣздненскимъ, пользовался расположеніемъ преемниковъ Петроконскаго—Лаврентія Гембицкаго и Феликса Кржицкаго. Въ 1614 году назначенъ управляющимъ королевскою канцеляріею, въ 1618 году—настоятелемъ въ Тынецъ. Въ 1622 году получилъ луцкую епископію и вице-канцлерство. Съ 1627 года епископъ плоцкій. Тринадцать лѣтъ, до самой своей смерти, послѣдовавшей 16-го апрѣля 1640 года, Лубенскій управлялъ плоцкою епархіею и много оставилъ послѣ себя прекрасныхъ памятниковъ: обновилъ и украсилъ каедральный костелъ, заложилъ въ Плоцѣ іезуитскій коллегіумъ и т. п. Но особенно извѣстенъ Лубенскій, какъ историкъ. Нѣкоторыя сочиненія его изданы имъ еще при жизни, а всѣ вышли по смерти его подъ заглавіемъ: «Opera postuma historica, politica variique discursus, epistolae et aliquot orationes» (2 части, Антверпенъ, 1643).

На пути отъ гробницы Лубенскаго къ главному алтарю вниманіе обозрѣвателя приковываетъ къ себѣ великолѣпный монументъ Станислава Красинскаго на Красне († 1-го февраля 1617 года), герба Слѣповронъ, плоцкаго воеводы, прославившагося храбростью на полѣ битвы (его видѣли даже берега Африки) и гражданскою доблестью въ дѣлахъ государственныхъ ¹⁾. Монументъ—весь изъ мрамора—представляетъ саркофагъ на спинѣ двухъ лежащихъ львовъ и на крышкѣ саркофага покоящагося на лѣвомъ боку рыцаря, голова котораго опирается на руку; въ глубинѣ за нимъ—изображеніе епископа, благословляющаго его на сонѣ вѣчный. Колонны и украшенія изъ бѣлаго мрамора. Передъ монументомъ мраморная лавка, нѣкогда предназначавшаяся для почетныхъ канониковъ.

Напротивъ памятника Красинскаго стоитъ прекрасный мраморный алтарь. На немъ: фигуры распятаго Спасителя изъ чернаго мрамора, Богоматери и евангелиста Іоанна, а также и всѣ украшенія алтаря изъ бѣлаго мрамора; вверху алтаря—изображеніе четырехъ апокалипсическихъ животныхъ и среди нихъ бюстъ

¹⁾ Объ участіи его въ люблинской униі у Свѣнцицкаго «Hist. pam. rod. pols.», т. II.

плоцкого епископа-суффрагана Мартина Залуского († 1769 г.), которымъ и устроенъ этотъ алтарь.

Но вотъ и главный алтарь.

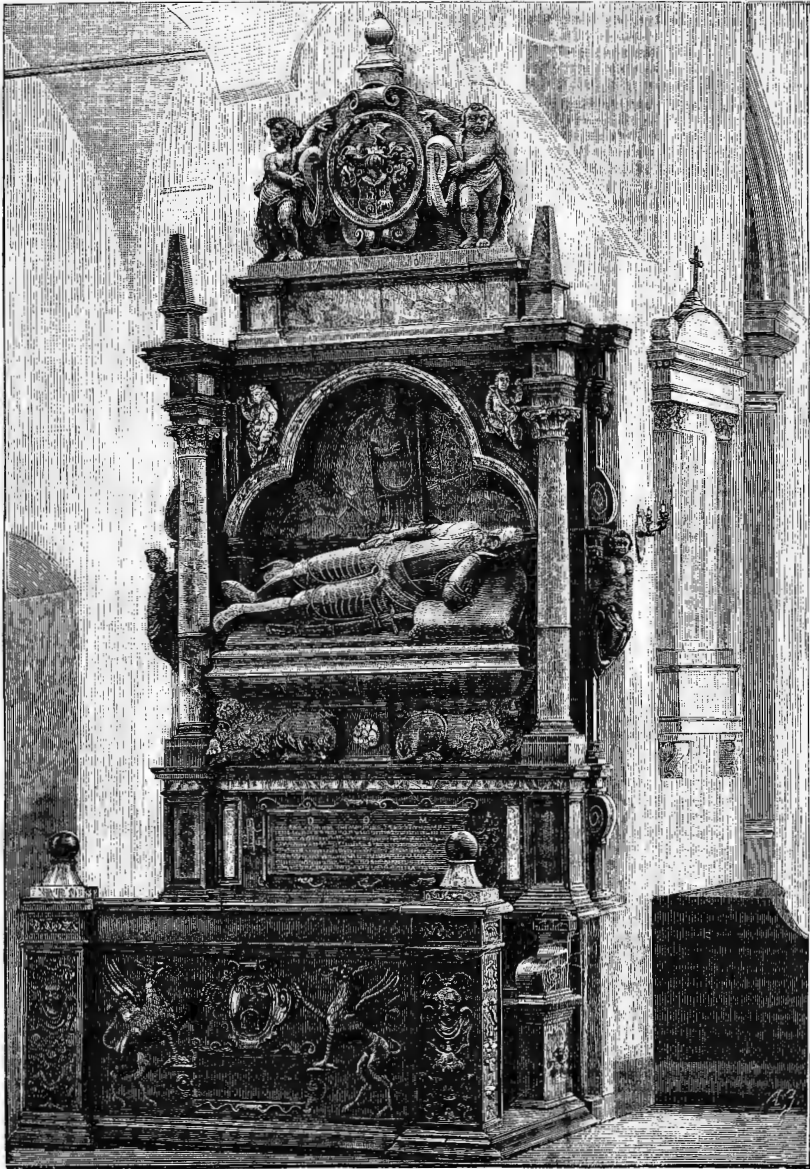
Четыре ступени ведутъ на предалтарный помостъ. У входа, на правой колоннѣ, помѣщается бюстъ изъ бѣлаго мрамора плоцкого епископа Кацпера Боровскаго († въ 1885 г.) и доска съ надписью въ его память, а на лѣвой—такой же медальонъ съ доскою въ память знаменитаго поэта-сатирика, епископа Игнатія Красицкаго (р. 1734, сконч. въ Берлинѣ въ 1801 г.)¹⁾. По лѣвую сторону находятся епископскія сѣдалище и каедрa. По лѣвую же и правую руку, почти до самаго алтаря, идутъ мѣста для каедральныхъ священниковъ (каноническій хоръ): выше для старшихъ, ниже для младшихъ²⁾.

Всю глубину канонического хора занимаетъ деревянный рѣзной вызолоченный алтарь. Въ серединѣ его, надъ престоломъ, большой образъ Вознесенія Божіей Матери на небо; о которомъ установилось мнѣніе, будто онъ кисти Мурильо. Однако, доказательствъ въ пользу этого не имѣется, и тѣмъ труднѣе найти ихъ, что этотъ образъ попорченъ отъ неумѣлой реставраціи въ 1846 году. По сторонамъ его двѣ статуи, болѣе натурального роста, справа—св. Сигизмунда бургундскаго, слѣва—св. Станислава, епископа краковскаго; немного выше ихъ фигуры апостоловъ Петра и Павла. Надъ образомъ взятія Богоматери на небо помѣщается образъ меньшей величины Св. Троицы. По одну его сторону—статуя св. Августина, а по другую—св. папы Григорія Великаго.

Направляясь отсюда въ лѣвую галерею соборнаго храма, у первой колонны видимъ гробницу изъ чернаго мрамора, съ украшениями изъ краснаго мрамора. Въ нишѣ колѣнопреклоненный у подножія креста епископъ съ молитвенно сложенными на груди руками, у ногъ митра. Длинная надпись на мраморной доскѣ поясняетъ, что это гробница плоцкого епископа Геронима Целецкаго, герба Заремба, родившагося въ 1563 году и умершаго въ 1627 году. До вступленія въ духовное званіе (на пятидесятомъ году отъ роду) Целецкій былъ королевскимъ секретаремъ. Въ санѣ краковскаго

¹⁾ Отъ острословія Красицкаго см. между прочимъ, въ нашей замѣткѣ въ «Русскомъ Архивѣ» 1893 г., I, 464.

²⁾ Въ древности плоцкій соборный капитулъ состоялъ изъ десяти прелатовъ и двѣнадцати канониковъ. Принадлежать къ его составу почиталось за великую честь. Это и понятно: капитулъ пользовался большими прерогативами (имѣлъ своего депутата въ коронномъ трибуналѣ, особую печать—Божія Матерь стоятъ на дунѣ съ младенцемъ на рукахъ); плоцкіе епископы послали (до настоящаго столѣтія) титулъ пултускихъ князей, занимали въ сенатѣ шестое мѣсто, бывали канцлерами и т. п. (поэтому неудивительно, что на плоцкой святительской каедрѣ иногда возсѣдали мазовецкіе князья и польскіе королевичи). Нынѣ, согласно высочайшему указу 14-го (26-го) декабря 1865 года, капитулъ составляютъ: 4 прелата и 8 канониковъ.

Памятник Станислава Красинскаго въ Плоцкомъ соборѣ.

пробоца (съ 1608 г.) ѣздилъ, въ составѣ посольства, къ итальянскимъ князьямъ съ приглашеніемъ на свадьбу Сигизмунда III съ Констанціею Ракушанкой. Потомъ послѣдовательно былъ управляющимъ великою коронною канцеляріей и познанскимъ пробоцемъ, секретаремъ королевы и наставникомъ королевскихъ дѣтей, референдаріемъ (статсъ-секретаремъ) короннымъ (1613) и деканомъ краковскимъ (1614). Будучи человѣкомъ скромнымъ и избѣгая придворныхъ интригъ, Целецкій пожелалъ въ 1624 году оставить королевскій дворъ и получилъ плоцкое епископство, на которомъ и умеръ.

Vis-à-vis гробницы Целецкаго—черномраморный алтарь со статуею Богородицы съ Младенцемъ на рукахъ—изъ бѣлаго мрамора, устроенный фамиліею Целецкихъ въ 1634 г. ¹⁾

Съ боку гробницы I. Целецкаго—по правой сторонѣ колонны—находится гипсовый саркофагъ, съ фігурою почивающаго епископа, точь въ точь, какъ на памятникѣ Петра Дунина-Вольскаго. Сильно поврежденная и потому съ трудомъ разбираемая надпись указываетъ лишь, что это гробница Якова Бучацкаго, герба Габданкъ, епископа сначала (1518) хелмскаго, а потомъ (1538) плоцкаго, о годѣ смерти котораго у историковъ существуетъ рѣдкое разногласіе ²⁾.

Прямо противъ гробницы Бучацкаго вдѣлана въ стѣнѣ пирамида на квадратномъ основаніи съ гипсовымъ портретомъ въ медальонѣ и съ надписью вокругъ него:

Barciolo Nisciczki. Cancell Plocen. Canon. Gnesnen. ³⁾

Направо отъ этой гробницы—каплица св. Петра, обыкновенно именуемая каплицею св. Даровъ (Najświęzszego Sakramentu), потому что здѣсь сохраняются св. Дары, выставленные для поклоненія вѣрнымъ. Украшеніе этой каплицы составляетъ образъ скорбящаго апостола Петра ⁴⁾. Тутъ же, направо, памятникъ епископа Фран. Павловскаго (1836—1852).

¹⁾ Metr. Cap. 1644—1656, fol. 373; Кс. В. Кржижановскій, Katedra Plocka i jej biskupi, Плоцкъ, 1877, 35.

²⁾ У Старовольскаго—9 мая 1549 г. и 6 декабря 1541 г., у Ржепницкаго (Vit, Praes. II, 253)—6 мая 1542 г., у Ю. Вартошевича (Encykl. powsz Orgelbranda, IV, 540) и С. Лубенскаго (Series res gestae episcoporum plocen.)—1541, у Свѣнцицкаго (Pam. Hist., I) около 1538 г., у Кржижановскаго (Kat. ploc., 38 и 182)—1541, у Ходынскаго (Епс. Коѣс., XIX)—1542. По лѣвую руку памятника Целецкаго кафедрa, съ которой произносятся проповѣди, а позади—алтарь св. Анны.

³⁾ То-есть: Варо. Нисцицкому, секретарю (разумѣется—соборному) плоцкому канонику гнѣздненскому. Ниже другая таблица, съ датой смерти Нисцицкаго: 18 августа 1557 г.

⁴⁾ По словамъ Кржижановскаго (43)—кисти Фр. Смуглевича, отказанъ собору по духовному завѣщанію каноника Ант. Здзеницкаго († 1799 г.), по другимъ же свѣдѣніямъ (В. Перцевъ, 158) образъ этотъ подарилъ костелу кн.-еп. Млх. Понятовскій.

По одной линіи съ памятникомъ Нисцицкаго, вдоль стѣны, расположены алтари: св. Станислава, епископа краковскаго, съ надгробнымъ камнемъ Андрея Убыша (ск. въ 1638 г.)¹⁾ и св. Эразма.

Минуя ихъ и направляясь къ выходу, вступимъ въ королевскую каплицу, такъ называемую по находящимся тутъ гробницамъ

Гробницы польскихъ королей въ Плоцкомъ соборѣ.

королей Владислава I Германа († 5 іюля 1102 г.) и Болеслава III Кривоустаго († 25 октября 1139 г.). Останки этихъ королей были

¹⁾ Убышъ, желая поддержать свою фамилію въ матеріальномъ отношеніи, въ 1641 назначилъ 10.000 злот. на воспитаніе бѣдныхъ дѣтей въ общественныхъ школахъ и на приданое дѣвушкамъ изъ фамиліи Убышей. Распоряжаться девятью было предоставлено капитулу. Впослѣдствіи это завѣщаніе сдѣлалось достояніемъ казны. Теперь по этой записи воспитывается одинъ стипендіатъ въ плоцкой гимназіи.

найлены во время капитальнаго ремонта каедральнаго костела въ 1560—1561 гг. при епископѣ Андрей Носковскомъ (1546—1567 гг.) и положены въ одномъ гробѣ у входа на хоры. Объ этомъ оставилъ извѣстіе кс. Лаврентій изъ Вржереча, докторъ богословія, каноникъ пултусскій и исповѣдникъ каедральный, въ своемъ сочиненіи, хранящемся въ капитулѣ (1603 г.). Прошло два вѣка. Вступившій на плоцкую каедру епископъ Адамъ Пражмовскій (1817—1836 гг.) объявилъ (1818 г.) подписку на памятникъ этимъ королямъ. Рисунокъ памятника составилъ профессоръ Варшавскаго университета В. Фогель, исполнилъ его Ментцель въ Варшавѣ, а бронзовыя при ономъ работы выполнилъ Нордблинъ. Освященіе совершилъ самъ епископъ 12 сентября 1825 г., причемъ сказалъ слово, которое, вмѣстѣ съ описаніемъ всей церемоніи, напечаталъ Гаварецкій въ соч. «Groby królów polskich w Plocsku» (Варшава, 1827 г.), другую проповѣдь — также потомъ напечатанную — произнесъ кан. Мих. Вержбовскій. Королевскій памятникъ изъ чернаго мрамора въ видѣ большаго гроба, на верху котораго на четырехъ, вылитыхъ изъ олова и посеребренныхъ, орлахъ лежитъ мраморная плита, на ней, на подушкѣ изъ желѣза, возложены: королевская корона, скипетръ и мечъ, также желѣзные, вызолоченные черезъ огонь; спереди гробницы бѣлый орелъ. На плитѣ надпись:

Memoriae
optimorum principum
regum poloniae
Uladiislai Hermani
qui
saevitia fratris turbatam
republicam restituit
et
Boleslai ejus filii
qui
de finitimis populis
XLVII triumphavit
in hoc quiescentium templo
post VII ab eorum obitu saecula
episcopus et capitulum plocens:
civesque poloni
posuere
anno MDCCCXXV.

По бокамъ камня:

Domini et haeredes
terrarum cracov. sandom. silesiae. major poloniae.
cujav. sierad.
masoviae. dobrin. michalov. lanc. pomeranieque.

Прагъ обоихъ королей, вмѣстѣ съ документомъ, который написанъ нарочно избранными почетными лицами, помѣщенъ въ гробѣ подѣ капицею.

Въ той же капицѣ, налѣво на стѣнѣ, превосходный памятникъ изъ гипса Павла Глоговскаго, плоцкаго декана (родился 1502, † 1580), мужа великихъ познаній въ греческомъ и латинскомъ языкахъ¹⁾; а противъ дверей вдѣлана въ стѣну мраморная плита, съ трудно разбираемою отъ времени латинскою надписью, въ память каноника Іоанна Сляскаго, умершаго въ 1632 г., 88 лѣтъ отъ роду.

Кромѣ помянутыхъ, въ плоцкомъ соборѣ находится еще много памятниковъ разныхъ духовныхъ и свѣтскихъ особъ, оставившихъ по себѣ добрую память въ исторіи Мазовіи и Польши²⁾, съ надписями, изданными въ трудахъ: Старовольскаго «*Monumenta Sarmatorum*» (Краковъ, 1655), кн.-еп. Михаила Понятовскаго *Rozrzadzenia i pisma pasterskie*» (т. IV, В., 1785) и кс. В. Кржижановскаго «*Katedra plocka i jej biskupi*».

Въ этомъ же соборѣ были погребены князья: Конрадъ I, 1247 г., Болеславъ II, сынъ Земовита I, 1313, Вацлавъ, сынъ Болеслава II, 1330, Казиміръ, сынъ Тройдена, 1354, Земовитъ III, сынъ Тройдена, 1381, Земовитъ IV, сынъ Земовита III, 1426, Казиміръ, князь Бѣльскій, 1446, Владиславъ, сынъ Земовита IV, 1455, Земовитъ V, сынъ Земовита IV, 1456, Земовитъ VI, сынъ Владислава I, 1462, Владиславъ II, сынъ Владислава I, 1462, Янушъ II, сынъ Болеслава IV, 1493, но памятниковъ ихъ не сохранилось: они уничтожены, по словамъ Гаварецкаго («*Pamiętn. hist. ploc.*»), при перенесеніи костела во время епископства А. Носковскаго, который, собравъ гробницы польскихъ королей, ничего не сдѣлалъ въ этомъ отношеніи касательно гробовъ мазовецкихъ князей.

¹⁾ Свѣнцицкій, «*Tur. Maz.*», I, 490.

²⁾ Вотъ простой перечень фамилій: каноники—Николай Гурскій, † 1513, Брзовскій—1543 (пригробѣ епископа Лубенскаго), Себастьянъ Крочевскій—1572, Петръ Гойскій—1599, д-р Лаврентій Вржержецъ—1614, Матвѣй Медзевскій—1619, Павелъ Потрыковскій—1674, Павелъ Клосовичъ—1674, Іосифъ Гурскій—1700, Теодоръ Махцинскій—1737, канторъ Николай Шопбскій—1613, архидіаконъ: Павелъ Бедровскій—1632, Матвѣй Големовскій—1658, Мельхiorъ Радзимірскій, Себастьянъ Яворницкій, финансовый комиссаръ плоцкаго воеводства Михаилъ Росцишевскій—1830, начальникъ финансового отдѣла Давидъ Строканичъ—1839, Март. Францъ и Станиславъ Окони, В. и М. Махцинскіе, Ф. Нозаржевская—1830, Георгій Высекерскій—1846, судья плоцкаго трибунала Станиславъ Дулянъ-Вонсовичъ—1854, губернскіе медицинскіе инспекторы Мих. Кржижановскій—1843 и Станиславъ Сенницкій—1866, память о послѣднемъ какъ объ искусномъ докторѣ-филантропѣ и понынѣ жива въ мѣстномъ населеніи.

III.

Ризница. Ея прежнія богатства. Объединеніе ея. Причины этого. Замѣчательные предметы, сохранившіеся до настоящаго времени.—Соборная бібліотека въ ея прошломъ и современномъ состояніи.—Кодикольня.

Соборная ризница (skarbiec) нѣкогда была одною изъ самыхъ богатыхъ не только въ Польшѣ, но и вообще въ Западной Европѣ. Такъ, напримѣръ, въ первой четверти XV столѣтія ризница обладала группою изъ чистаго золота, изображавшею Спасителя съ 12 апостолами въ естественный человѣческій ростъ и 72 остальныхъ его учениковъ, изъ серебра, тоже въ естественную величину. Это былъ даръ епископа Якова Курдвановскаго (1396—1425) ¹⁾. Чтобы понять возможность подобныхъ подарковъ, надо знать, что плоцкіе епископы, помимо своихъ личныхъ средствъ, всегда были прекрасно обеспечены въ матеріальномъ отношеніи ²⁾. По описи ризницы въ 1751 г. въ ней находилось еще 10 золотыхъ чашъ съ дисками. Залашовскій пишетъ о плоцкомъ костелѣ, что послѣдній «argento, auro et clenodiis pretiosis abundat» ³⁾. Несчастныя обстоятельства страны были причиною опустошенія костельной ризницы. Но даже во 2-й половинѣ XVIII столѣтія состояніе ея было еще на столько блестяще, что соборный капитулъ, въ 1776 г., нашелъ возможнымъ взять изъ костельныхъ сокровищъ серебряный, вызолоченный, ковчегъ для храненія мощей, съ вырѣзаннымъ на немъ изображеніемъ святаго Себастіана и подарить его славному проповѣднику ксендзу Себастіану Ляховскому за произнесенную имъ въ соборѣ проповѣдь ⁴⁾. Въ 1808 году на общемъ собраніи капитула было рѣшено продать изъ соборной сокровищницы всѣ вещи за исключеніемъ необходимыхъ при богослуженіи. Вслѣдствіе этого въ томъ же году продано было золотыхъ и серебряныхъ предметовъ на 80.019 злата и 24 гроша, а жемчуга и драгоценныхъ камней на 16.200 злата ⁵⁾. Такимъ образомъ предметы, находящіеся въ костельной ризницѣ въ настоящее время,—только остатокъ прежнихъ ея богатствъ. Вотъ наиболѣе выдающіеся изъ нихъ: 1) реликвиі свя-

¹⁾ Кржижановскій, «Kat. plac.», 100.

²⁾ До 1789 г. на содержаніе епископа и соборнаго духовенства шли проценты отъ капиталовъ капитула, въ этомъ году въ первый разъ было назначено епископу опредѣленное жалованье—100.000 златовъ въ годъ. Въ 1818 г. размѣръ этого жалованья былъ уменьшенъ до 60.000 златъ. Нынѣ на основаніи высочайшаго указа 14 (26) декабря 1865 г. епископъ получаетъ въ годъ 5000 рублей, его викарій (суффраганъ) 900 р., прелаты по 375 р. и каноники по 300 р. (такъ называемые почетные каноники содержаніемъ не пользуются).

³⁾ «Jus R. Pol.», I, 435; Ходынскій, 581.

⁴⁾ Ходынскій, 581.

⁵⁾ Кржижановскій, 63.

таго Сигизмунда, короля бургундскаго, и императора Генрика, котораго получили епископъ Вернеръ отъ императора Фридриха I, во время поѣздки къ послѣднему въ 1166 г., въ качествѣ посла Болеслава Кудряваго. Въ костель поступили мощи св. Сигизмунда, въ числѣ другихъ реликвій отъ фамиліи Идзиковскихъ ¹⁾. Дорогая оправа этой реликвіи—серебряный, позолоченный бюстъ святого, натуральной величины, съ золотою короною на головѣ, заключающій въ себѣ черепъ и часть тѣла короля Сигизмунда, даръ короля Казимира Великаго, современный послѣдней его болѣзни (1370 г.); 2) золотая съ эмалью чаша, даръ, кн.-еп. Карла-Фердинанда (1640—1656), сына короля Сигизмунда III; 3) серебряный, частью позолоченный посохъ, принадлежавшій лакедемонскому епископу и плоцкому декану Станиславу Цалованскому (ок. 1680 г.). 4) чаша съ дискомъ и ложечкою Конрада, кн. мазовецкаго (1237 г.) ²⁾; 5) большая серебряная вызолоченая дароносица, по преданію, даръ Сигизмунда III, съ четырьмя медальонами, нѣкогда украшенными эмалью и рубинами, съ фигурами ангеловъ, Бога-Отца и св. Духа; 6) небольшой серебряный полевой алтарь, думаютъ — собственноручной работы короля Сигизмунда III, даръ его супруги Констанціи, въ память пребыванія ея въ Плоцкѣ 1-го мая 1618 г. Заслуживаютъ также упоминанія коллекціи митръ XVI—XIX ст. и ризъ XVI—XVIII в., въ числѣ послѣднихъ нѣсколько гобеленовыхъ, разныхъ цвѣтовъ, — приношеніе гр. Залускихъ.

Кромѣ богатой утвари, соборъ обладалъ когда-то обширной библіотекой, состоявшей изъ нѣсколькихъ тысячъ отборныхъ сочиненій и многочисленныхъ рукописей ³⁾. Остатки ея, выброшенные подъ крышу одной изъ башенъ фронтона, въ 1845 году нашель и привелъ въ порядокъ кс. Ант. Балинскій ⁴⁾. Нынѣ костельная библіотека ⁵⁾ заключаетъ въ себѣ нѣсколько десятковъ томовъ, по большей части разрозненныхъ, сочиненій преимущественно богословскаго, церковно-юридическаго и церковно-музыкальнаго характера. Изъ рукописей назовемъ: буллу папы Целестина III 1197 г. о предоставленіи плоцкимъ епископамъ права отлучать отъ церкви похитителей церковнаго имущества, документъ перваго приговора римской куріи 1391 г. по дѣлу плоцкаго епископа и капитула съ Янушемъ, кн. мазовецкимъ, относительно десятины и свободы церкви; проповѣди св. отцовъ на цѣлый годъ («*Sermones s.s. Patr. per anni circulum*») и объясненіе на большихъ пророковъ и новый завѣтъ («*Expositio in prophetas majores et N. Testamentum*») — ру-

¹⁾ Гаварецкій, «*Pisma hist.*», 12; Кржижановскій, «*Kat. ploc.*», 64.

²⁾ Снимки съ нихъ находятся въ соч. Ал. Пржездзецкаго: «*Wzory sztuki średniow. w dawnej Polsce*», Варшава, 1853.

³⁾ Кржижановскій, 67.

⁴⁾ Тамъ же.

⁵⁾ Размѣщена на хорахъ, гдѣ органъ, надъ главнымъ входомъ.

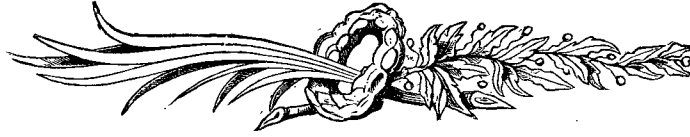
кописи на пергаментѣ X—XI в., рукописные служебникъ (Breviarium) XIV ст. и обиходъ (Gradual) XV вѣка.

Наше описаніе плоцкаго кафедральнаго собора не было бы полнымъ, если бы мы не сказали хотя нѣсколько словъ о соборной колокольнѣ.

Она стоитъ отдѣльно въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ костела (къ с.-з.). Представляетъ собою высокую, каменную четырехугольную башню, оканчивающуюся круглымъ куполомъ, съ четырьмя небольшими башенками по угламъ. Время построенія ея опредѣлить нынѣ невозможно, такъ какъ на зданіи этомъ болѣе, чѣмъ на какомъ либо другомъ, очевидны слѣды позднѣйшихъ передѣлокъ, и только кладка нижней его части еще свидѣтельствуетъ о его древнемъ происхожденіи. Весьма вѣроятно, что эта башня, подобно другой, сохранившейся по близости, на берегу Вислы, у дома женской гимназіи, остатокъ башенъ того укрѣпленія, которое существовало въ Плоцкѣ подъ именемъ княжескаго замка, и настоящее свое назначеніе получила лишь впоследствии. Нынѣ помѣщаются на ней нѣсколько колоколовъ (одинъ изъ нихъ «Сигизмундъ», недавно вновь перелитый, употребляемый въ праздники,—значительной величины) и большіе часы съ боемъ.

Г. Воробьевъ.

НАДЕЖДА ВАСИЛЬЕВНА СТАСОВА.

(Биографическій очеркъ).

Ъ ИМЕНЕМЪ Надежды Васильевны Стасовой тѣсно связано начало новой эры въ жизни русской интеллигентной женщины. Вся продолжительная общественная жизнь покойной представляла собою энергичную борьбу за самостоятельность женщины въ сферѣ труда, науки и общественной дѣятельности. Заслуги Н. В. Стасовой были оцѣнены обществомъ, и по случаю ея кончины чуть ли не впервые громко и единогласно было признано, что женщина наравнѣ съ мужчинами можетъ удостоиться общественной признательности. Такъ, С.-Петербургская дума почтила память скончавшейся вставаніемъ, а одинъ изъ лучшихъ представителей городского самоуправления заявилъ, что «Стасову можно было не видѣть, но не знать о Стасовой было невозможно». И дѣйствительно странно не знать имени и біографіи той, которая такъ настойчиво и энергично проводила въ своей дѣятельности гуманныя идеи женской равноправности, которая много содѣйствовала пробужденію женской самодѣятельности, стараясь изъ молодого поколѣнія Россіи создать не только хорошихъ и разумныхъ членовъ семьи, но и гражданъ въ высшемъ значеніи этого слова.

Надежда Васильевна Стасова родилась 12-го іюня 1822 года. Отецъ ея, придворный архитекторъ и художникъ В. П. Стасовъ, далъ ей солидное домашнее образованіе, гдѣ было обращено серьезное вниманіе на развитіе эстетическаго вкуса и артистическаго чувства молодой дѣвушки. Рано лишившись матери, Надежда Васильевна осталась на попеченіи своего въ высшей степени про-

свѣщеннаго отца, и въ художественной обстановкѣ родительскаго дома она прекрасно изучила музыку, пѣніе и научилась искусно владѣть кистью. Рядомъ съ такимъ развитіемъ художественной стороны воспитанія, рука объ руку шло и обогащеніе ея знаній. Надежда Васильевна владѣла въ совершенствѣ четырьмя иностранными языками, причемъ знакомство съ французской литературой и ея передовыми представителями занимало здѣсь видное мѣсто.

Въ первыя 35 лѣтъ жизни Надежды Васильевны, до конца пятидесятихъ годовъ текущаго столѣтія, мы не встрѣчаемъ ея имени въ исторіи нашей общественной жизни. Только когда «всколыхнулось болото стоячее», болото русской дѣйствительности 1850-хъ годовъ, только тогда нашла она приложеніе своимъ богатымъ душевнымъ и умственнымъ силамъ.

По возвращеніи въ 1858-мъ году изъ-за границы, гдѣ ей пришлось похоронить горячо любимую сестру Софью Васильевну, она посвящаетъ себя всецѣло общественной дѣятельности, на первое время съ характеромъ чисто филантропическимъ. Ея нѣжное, любящее сердце идетъ на встрѣчу недостаточнымъ столичнымъ труженицамъ, и она примыкаетъ къ кружку М. В. Трубниковой и А. П. Философовой, къ кружку учредительницъ «Дешевыхъ квартиръ для вдовъ и бѣдныхъ женщинъ съ дѣтьми». Кружокъ этотъ успѣваетъ объединить существовавшія доселѣ дешевыя квартиры въ единое учрежденіе въ домѣ Ремерса, въ Измайловскомъ полку, и за ничтожную сравнительно помѣсячную плату даетъ здѣсь теплое и удобное пристанище сирымъ семьямъ. Но, не смотря на всѣ предоставленныя льготы по взиманію квартирной платы, жилища не въ состояніи выполнять принятыхъ на себя обязательствъ: жизнь, что называется, продолжаетъ заѣдать, и обширныя семьи требуютъ не только теплаго угла, но и удовлетворенія насущнаго голода. Отсюда, съ одной стороны, дефицитъ по экономіи въ управленіи «Дешевыми квартирами», а съ другой—требованіе постоянной работы и средствъ на приобрѣтеніе матеріала для выполненія заказовъ. Тогда упомянутыя дамы-филантропки, въ томъ числѣ и Надежда Васильевна, приступаютъ къ устройству общественныхъ мастерскихъ, гдѣ бы обитательницы «квартиръ» могли находить себѣ средства къ существованію. Однако и эти «рабочія артели» встрѣтили серьезное препятствіе, выдвинутое самой повседневной жизнью—дѣтвора требовала ухода, ласки и заботы матерей, на что у послѣднихъ не хватало времени. Но энергичныя руководительницы «Дешевыхъ квартиръ» нашли выходъ изъ этого затруднительнаго положенія, въ виду чего и взяли на себя починъ въ иныхъ уже задачахъ—задачахъ воспитательныхъ и просвѣтительныхъ. И вотъ рядомъ съ заботами о благосостояніи матерей является забота и о ихъ дѣтяхъ. Въ томъ же домѣ Ремерса учреждается для живущихъ здѣсь малолѣтнихъ дѣтей школа, гдѣ на первыхъ порахъ въ роли

воспитательницъ и руководительницъ являются тѣ же дамы-патронессы. Онѣ сами обучаютъ дѣтей, дежурятъ здѣсь поочередно, пока средства кружка позволяютъ, наконецъ, пригласить настоящую учительницу-педагогичку.

Какъ извѣстно, 1860-е годы были временемъ расцвѣта нашей общественной самодѣятельности, которая успѣшно и плодотворно проникала во всѣ сферы нашей жизни. Однимъ изъ самыхъ видныхъ проявленій этой самодѣятельности было возникновеніе по частному почину ряда учебныхъ заведеній, имѣвшихъ преимуществу въ виду недостаточные классы населенія. Въ числѣ этихъ школъ привлекаютъ къ себѣ вниманіе только что появившіяся тогда «воскресныя школы», инициаторомъ которыхъ можетъ считаться извѣстный кievскій профессоръ Платонъ Васильевичъ Павловъ. Надежда Васильевна, подготовленная уже школьнымъ опытомъ «Дешевыхъ квартиръ», послѣ знакомства съ Павловымъ, увлекается началами, положенными въ созданіе «воскресныхъ школъ», и является ихъ горячимъ пионеромъ и апостоломъ. Она отдается новому дѣлу со всей страстью своей отзывчивой души, принимаетъ горячее участіе въ организаци «воскресныхъ школъ» и, наконецъ, сама дѣлается учительницей въ одной изъ такихъ школъ для дѣвочекъ, помѣщавшейся въ зданіи нынѣшняго «Краснаго Креста». Здѣсь Стасова впервые, по собственному признанію впоследствии, познакомилась лицомъ къ лицу и во всей реальности съ условіями существованія городской черни, съ бытомъ рабочихъ и непригляднымъ устройствомъ тогдашнихъ больницъ для чернорабочихъ. Этотъ опытъ жизни не прошелъ для нея, конечно, безслѣдно и научилъ ее еще вдумчивѣе, еще отзывчивѣе принимать къ сердцу нужды и потребности всѣхъ сирыхъ, обойденныхъ жизнью и задавленныхъ людскимъ эгоизмомъ.

Дѣятельность Надежды Васильевны въ «воскресной школѣ» не была продолжительна—всего 1½ года. Тайнственный пожаръ Апраксина двора въ Духовъ день 1862 года, которому суждено было сыграть такую печальную роль въ нашемъ общественномъ развитіи, забросилъ свои зловѣщія искры и на многіе иные зачатки русской жизни. Отъ этихъ искръ родился иной пожаръ, который, подобно своему родоначальнику, испепелилъ многое прекрасное и достойное уваженія и оставилъ послѣ себя слѣды значительнаго опустошенія. Однимъ изъ этихъ слѣдовъ опустошенія было закрытіе въ тотъ же Духовъ день и «воскресныхъ школъ». Но не такою была женщиною Надежда Васильевна, чтобъ безъ борьбы покинуть начатое дѣло — она переноситъ свою преподавательскую дѣятельность изъ бывшей официальной школы къ себѣ на домъ, куда охотно за плодами просвѣщенія стекается осиротѣвшая школьная семья, ища въ своей любимой прежней наставницѣ поддержку и руководство. Этотъ періодъ педагогической дѣятельности по частному

безкорыстному почину обнаружилъ существенный пробѣлъ въ нашей жизни—отсутствіе мало-мальски сносныхъ книгъ, доступныхъ для чтенія подростяющему поколѣнію. Признаніе этого пробѣла влечетъ за собою и немедленныя заботы о восполненіи его. Средствомъ къ такому восполненію признается необходимость созданія у насъ хорошей переводной литературы. И вотъ къ тому же кружку Стасовой, Трубниковой и Философовой примыкаютъ новыя просвѣщенныя дѣятельницы въ лицѣ Конради, Бѣлозерской, Энгельгардтъ и Черкесовой, и образуется новый уже кружокъ переводчицъ, выдвигающихъ двѣ главныя задачи для своей дѣятельности: во-первыхъ, давать дѣтямъ даровыя учебныя переводныя пособія и, во-вторыхъ, доставлять переводную работу нуждающимся женщинамъ, знающимъ иностранныя языки и ищущимъ самостоятельнаго труда, каковыхъ въ тѣ годы общей эмансипаціи явилось уже не малое число. Кружокъ переводчицъ скоро завоевалъ себѣ симпатіи столичнаго общества; лучшіе представители интеллигенціи, какъ, на примѣръ, покойный П. Г. Рѣдкинъ, поддерживали молодое дѣло совѣтами и обѣщаніями сбыта труда, въ члены кружка зачислились и многія лица, занимавшія видное положеніе въ административномъ мірѣ. Все это, вмѣстѣ взятое, на столько придало бодрости инициаторамъ переводнаго женскаго труда, что они пришли къ заключенію о необходимости официальнаго утвержденія «артели переводчицъ». Но этому не суждено было осуществиться, и въ административныхъ сферахъ не утвердили представленнаго устава. Дѣло стало глохнуть, и благое желаніе оживить нашъ книжный рынокъ приливомъ хорошихъ переводныхъ произведеній для юношества не получило полного своего осуществленія. Энергично работала лишь фирма Н. В. Стасовой и Трубниковой, не успѣвавшая, однако, удовлетворять ни запросамъ рынка, ни запросамъ на переводный трудъ со стороны ищущихъ заработка женщинъ. Послѣднее было тѣмъ болѣе трудно, что практика показала, какъ эти ищущія переводовъ мало подготовлены къ отвѣтственному серьезному дѣлу. Въ настоящемъ случаѣ рѣзко сказался низкій уровень женскаго образованія и недостаточность подготовки женщины къ самостоятельному труду со стороны средней школы — и институтовъ и даже гимназій, не смотря на превосходство послѣднихъ надъ первыми. Молодыя дѣвушки не умѣли и не могли примѣнять своего знанія иностранныхъ языковъ къ требованіямъ переводовъ серьезнаго содержанія. Этотъ печальный опытъ послужилъ переходной стадіей къ новой болѣе широкой задачѣ—созданію въ Россіи женщинъ съ высшимъ, университетскимъ образованіемъ.

Стремленіе женщинъ къ высшему образованію проявлялось и раньше. Въ 1861 году двери Петербургскаго университета были гостепріимно открыты для всѣхъ стремившихся сюда, въ числѣ которыхъ было не мало женщинъ, собиравшихся послушать въ

аудиторіяхъ лекціи наиболѣе популярныхъ профессоровъ. Однако эта близость женщинъ къ высшей наукѣ была недолговѣчна, да и не имѣла въ себѣ задатковъ правильнаго развитія. Только въ 1867 г. на первомъ съѣздѣ русскихъ естествоиспытателей былъ впервые поставленъ правильно вопросъ о необходимости для женщинъ высшаго образованія. Честь поднятія вопроса о высшихъ женскихъ курсахъ принадлежитъ Е. И. Конради, одной изъ участницъ кружка переводчицъ. Къ г-жѣ Конради присоединились и другія ея единомышленницы, въ числѣ которыхъ одною изъ первыхъ была Надежда Васильевна. Съѣздъ отозвался сочувственно къ симпатичнымъ стремленіямъ женщинъ, и многіе его члены, отклонившіе отъ себя, однако, починъ въ дѣлѣ, выразили согласіе читать публичныя лекціи женщинамъ. Лекторами на первыхъ порахъ записались профессора: Сѣменовъ, Менделѣевъ, Бекетовъ, Овсянниковъ, Бородинъ—химикъ, Бестужевъ-Рюминъ, Миллеръ и нѣк. друг. Къ началу 1868 г. вопросъ о курсахъ былъ уже принципиально рѣшенъ, и организацію всего дѣла приняли на себя сами женщины. На собраніяхъ у Трубниковой былъ избранъ организаціонный комитетъ, въ составъ котораго вошли: Стасова, Трубникова, Бѣлозерская, Воронина, Менжинская, Конради, Тарновская и Философова, т. е. по большей части тѣ же самыя, которыя были учредителями и «Дешевыхъ квартиръ» и инициаторами переводнаго дѣла. Такимъ образомъ организаціонный комитетъ являлся не собраніемъ случайныхъ лицъ, но лицъ, что называется, хорошо уже спѣвшихся, объединенныхъ единствомъ стремленій и идеаловъ. Видные представители профессорской корпораціи начали получать коллективныя заявленія со стороны какъ городскихъ, такъ и иногородныхъ обитательницъ, гдѣ выражалась горячая вѣра въ плодотворность агитаціи кружка, и приносилась признательность людямъ науки за сочувствіе и поддержку. Въ письмѣ на имя ректора университета К. Ф. Кесслера, подписанномъ 400 женщинами разнаго званія и состоянія, между прочимъ были изложены слѣдующіе мотивы, кои побуждаютъ женщинъ искать доступа къ высшему образованію: «Мы надѣемся, сказано здѣсь, что изъ массы русскихъ женщинъ, давно убѣдившихся въ недостаточности своего образованія, найдется не мало личностей, готовыхъ къ сознательному труду, и потому открытіе для нихъ высшихъ аудиторій будетъ истиннымъ благомъ, которое въ послѣдствіи обогатитъ наше общество многими полезными членами и семейный бытъ нашъ болѣе образованными матерями и воспитательницами».

Дѣйствія организаціоннаго комитета были вполне успѣшны—къ концу ноября 1869 года было подыскано помѣщеніе для публичныхъ курсовъ, былъ опредѣленъ комплектъ лекторовъ, сдѣлано росписаніе лекцій и, наконецъ, получено и официальное разрѣшеніе на открытіе университетскихъ курсовъ, но при условіи совмѣст-

наго посѣщенія ихъ мужчинами и женщинами. Эти публичныя лекціи начали свое существованіе 2-го января 1870 года въ квартирѣ министра народнаго просвѣщенія, столь непривѣтливо на первыхъ порахъ отнесшася къ хлопотамъ организаціоннаго комитета; черезъ годъ эти курсы перекочевали въ зданіе Филологической гимназій, а впослѣдствіи окончательно обосновались въ помѣщеніи «Владимірскаго уѣзднаго училища», отъ имени котораго и получили наименованіе «Владимірскихъ курсовъ».

Когда курсы были открыты, дамы-иниціаторы сильно опасались, чтобы аудиторіи не представляли собою безлюдныхъ пустынь, страхъ за успѣхъ дѣла тоскливо сжималъ ихъ сердца; но какова же была ихъ радость, когда въ день дежурства на курсахъ Н. В. Стасовой сюда явилось записаться 200 человекъ, преимущественно слушательницъ. Было очевидно, что дѣло, ради котораго организаціонный комитетъ выдержалъ столько борьбы и на которое положено столько труда и времени,—не плодъ фантазій, а назрѣвшая потребность самой жизни.

Однако, надо замѣтить, что первоначальные курсы носили на себѣ довольно неопредѣленный характеръ, такъ какъ въ основаніи ихъ не лежали ни послѣдовательно и систематически выработанный планъ, ни постоянный комплектъ профессоровъ, да и сами слушатели были далеко не въ одной степени подготовлены къ серьезной задачѣ. Не мало заботъ доставляла комитету и необходимость ввести здѣсь строгую подчиненность и дисциплину, безъ чего никакое дѣло не можетъ правильно развиваться. По словамъ Надежды Васильевны, на первой очереди предстояло «пріучить посѣтителей аудиторій слушать» и отсѣчь отъ серьезнаго дѣла все постороннее, не имѣющее ничего общаго съ задачами просвѣщенія. Въ этихъ видахъ комитетскія дамы распредѣлили дни занятій по дежурствамъ и добровольно приняли на себя обязанности надзирательницъ. Не смотря, однако, на многіе недостатки въ молодомъ дѣлѣ, оно продолжало привлекать къ себѣ все большее вниманіе и сочувствіе общества, и даже провинція начала поставлять курсамъ не малое число молодыхъ слушательницъ. «Владимірскіе курсы» непреложно доказали, что въ Россіи спросъ на высшее образованіе растетъ съ каждымъ годомъ все сильнѣе, и что необходимо оформить удовлетвореніе этой назрѣвшей потребности болѣе цѣлесообразно, нежели случайные «Владимірскіе курсы».

И вотъ воодушевленные пионерки высшаго образованія приступаютъ къ энергичнымъ хлопотамъ о созданіи постоянного высшаго университетскаго учебнаго заведенія для женщинъ. Онѣ встрѣтили въ своихъ хлопотахъ энергичнаго помощника въ лицѣ гуманнаго и высокопросвѣщеннаго ректора Петербургскаго университета Андрея Николаевича Бекетова, который принялъ на себя трудную задачу посредничества между дамами организаторами и надлежащими

административними інстанціями. Благодаря его обширнимъ связямъ, глубокой вѣрѣ въ правоту задуманнаго дѣла, мысль о высшихъ женскихъ курсахъ получила, наконецъ, осуществленіе. Въ 1878 году были разрѣшены въ законодательномъ порядкѣ Высшіе женскіе курсы, которымъ присвоено именованіе «Бестужевскихъ» по имени профессора Константина Николаевича Бестужева-Рюмина, утвержденаго правительствомъ начальникомъ курсовъ¹⁾. Съ этого момента профессоръ К. Н. Бестужевъ-Рюминъ связалъ всецѣло свое имя съ дѣломъ женскаго образованія и отдался порученному его попеченіямъ дѣтищу всеѣмъ просвѣщеннымъ своимъ умомъ и сердцемъ. Если А. Н. Бекетовъ оказалъ неоцѣнимыя услуги дѣлу курсовъ при ихъ первоначальной организаціи, то К. Н. Бестужевъ-Рюминъ занимаетъ въ лѣтописяхъ новаго заведенія одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ, какъ руководитель дѣла на первыхъ порахъ его существованія. Руководство курсами было основано на принципѣ самоуправленія, и хозяйственная, а также административная, часть дѣла была вручена дамамъ учредительницамъ, при чемъ Надежда Васильевна Стасова и Ольга Александровна Мордвинова приняли на себя, конечно, безвозмездно отвѣтственное и трудное званіе «распорядительницъ на курсахъ». Въ эти юные дни жизни курсовъ роль Надежды Васильевны была выдающаяся: она дѣлается душою молодого учебнаго заведенія, является тѣмъ звеномъ, которое плотно и неразрывно соединяетъ слушательницъ съ педагогическимъ персоналомъ курсовъ; она—то центральное колесо, къ которому примыкають все остальные части механизма. Но въ положеніи «распорядительницы на курсахъ», чтобы придать жизненность учрежденію, чтобы сдѣлать его близкимъ и родственнымъ собравшимся со всеѣхъ концовъ Россіи женщинамъ, недостаточно было одного безупречнаго, отчетливаго выполненія своихъ официальныхъ обязанностей; нужно было окружить дѣло той атмосферой тепла и любви, въ которой, по свойству своей природы, такъ нуждается всякая женщина. И вотъ тутъ-то Стасова оправдываетъ возложенныя на нее надежды, является вполне на высотѣ своей задачи и неразрывно связываетъ понятіе о своей личности съ дѣломъ курсовъ: Бестужевскіе курсы и Н. В. Стасова—два понятія однородныя, синонимы.

Въ тѣ годы, когда стремленіе молодыхъ дѣвушекъ къ высшему образованію было встрѣчено такъ скептически нѣкоторою и притомъ вліятельною частью общества, когда на доброе имя учащихся сплошь и рядомъ безжалостно и грубо накладывались черныя тѣни, когда исканіе свѣта знанія со стороны женщинъ вызывало подчасъ грозныя семейныя бури, порождало антаго-

¹⁾ Изъ трехъ представленныхъ кандидатовъ ни А. Н. Бекетовъ, ни А. М. Бутлеровъ не были утверждены въ званіи начальниковъ.

низмъ между «отцами и дѣтьми», лишавшими нерѣдко своихъ любимыхъ дѣтищъ и ласки и крова, — вотъ тогда-то Надежда Васильевна и вноситъ лучи свѣта и тепла въ существованіе этого молодого поколѣнія, успокаиваетъ дѣвушекъ, заботится о нихъ и употребляетъ всѣ усилія, чтобы поддержать ослабѣвающую нравственную связь между старшимъ и младшимъ поколѣніями, чтобы подрастающая молодость вступала на жизненный путь не озлобленнымъ элементомъ, а чистымъ и свѣжимъ источникомъ жизненной силы. Таковы были задачи этой неутомимой поборницы женскаго образованія; въ этомъ она видѣла залогъ счастливаго будущаго. Можно только удивляться, откуда почерпаетъ она силы, гдѣ находитъ она время и даже средства, чтобы быть во всякое время на чеку интересовъ ввѣренной ей попеченію молодежи. Ни пятый этажъ, ни непогода, ни собственное недомоганіе, ничто не могло удержать эту необыкновенную «печальницу» молодежи съ надорваннымъ здоровьемъ и лишенную почти зрѣнія, если являлась необходимость посѣщенія курсистокъ на дому. Нѣтъ тѣхъ сторонъ жизни, куда бы ей только ни приходилось проникать въ своихъ отношеніяхъ къ молодежи.

Въ первое время курсы были вечерніе и помѣщались въ зданіи Александровской женской гимназіи на Гороховой. Помѣщеніе было тѣсное и случайное, такъ что, напр., библіотеку негдѣ было устроить; и вотъ Стасова обращаетъ собственную квартиру въ помѣщеніе библіотеки курсовъ. Когда слушательницы задумали устроить внѣ-курсовыя вечернія занятія въ виду недостаточной подготовки по математикѣ, Стасова не задумываясь отдаетъ на этотъ предметъ свою гостиную. Равнымъ образомъ она является энергичнымъ организаторомъ «Общества для доставленія средствъ Высшимъ женскимъ курсамъ», гдѣ, то въ званіи почетнаго члена, то члена комитета, то распорядительницы на курсахъ, содѣйствуетъ приливу матеріальныхъ средствъ въ Общество. Она же принимаетъ самое дѣятельное участіе въ приобрѣтеніи и постройкѣ собственнаго помѣщенія для курсовъ на Васильевскомъ островѣ и постройкѣ интерната при немъ. Этотъ переводъ курсовъ изъ дорого стоившаго дома Боткиной на Сергіевской улицѣ сдѣлался возможнымъ, только благодаря энергичнымъ и дружнымъ усиліямъ комитета Общества, сумѣвшаго изъ незначительнаго наличнаго капитала въ 222 рубля съ копейками, при основаніи курсовъ, довести его уже къ слѣдующему году до солидныхъ размѣровъ.

Такимъ образомъ, дѣятельность Надежды Васильевны на пользу курсовъ наполняетъ собою всю ея жизнь, и она посвящаетъ имъ не только свое служебное время, но отдаетъ и всѣ часы досуга на дому. Вотъ что говорить въ прекрасной «Исторической запискѣ о возникновеніи Общества вспоможенія окончившимъ курсъ

наукъ на С.-Петербургскихъ высшихъ женскихъ курсахъ»¹⁾ членъ-учредитель этого общества Е. Н. Щепкина: «Еще ранѣе перваго выпуска на высшихъ курсахъ имени профессора Бестужева-Рюмина (1882 г.), благодаря горячему участию Н. В. Стасовой къ судьбѣ и занятіямъ слушательницъ, ея гостиная была открыта для всѣхъ нашихъ совѣщаній; здѣсь собирались курсовыя депутаты поговорить о результатахъ благотворительныхъ вечеровъ и

Надежда Васильевна Стасова.

концертовъ; сюда приходили побесѣдовать о практическихъ занятіяхъ на курсахъ; тутъ происходилъ свободный обмѣнъ мыслей помогавшій болѣе ясному усвоенію того, что схватывалось въ вѣчной толпѣ и суматохѣ переполненныхъ аудиторій и кабинетовъ тѣснаго помѣщенія курсовъ въ домѣ Боткиной, на Сергіевской. Послѣ перваго выпуска связи между окончившими и продолжавшими курсы не порвались. Составъ посѣтительницъ знакомой

¹⁾ Отчетъ общества за 1894 годъ.

гостиной стали разнообразнѣй: ее посѣщали теперь и учащіяся, и окончившія. Окончившія приходили къ любимой распорядительницѣ справляться о мѣстахъ и занятіяхъ, зная, что ихъ встрѣтятъ всегда участливо и тепло; приходили просить личной рекомендаціи, необходимой для занятій; инныя просто приносили сюда свои сомнѣнія и заботы. Выпуски шли аккуратно изъ года въ годъ; кружокъ окончившихъ сталъ понемногу обособляться; связи съ самими курсами становилось меньше, но сохранилась связь между бывшими товарищами. Съ появленіемъ 3-го выпуска завели впервые рѣчь объ организаціи товарищескаго кружка, начали обдумывать уставъ. Осенью 1885 года велись особенно оживленные толки и споры объ основаніи общества окончившихъ слушательницъ С.-Петербургскихъ высшихъ женскихъ курсовъ. Но эти хлопоты прекратились въ виду извѣстій о предстоящей на курсахъ реформѣ. Отложивъ на время всякіе помыслы о правильномъ устройствѣ общества, кружокъ завѣтной гостиной продолжалъ собираться попрежнему. Между товарищами онъ получилъ нѣсколько оригинальное прозвище «Общество нетерянія изъ виду». Кружокъ могъ по временамъ ссужать товарищѣй маленькими суммами денегъ. На имя Н. В. Стасовой, какъ дѣйствительной распорядительницы курсовъ, такъ и бывшей, постоянно высылались изъ провинціи предложенія мѣстъ и занятій для слушательницъ; ихъ читали въ кружкѣ, подыскивали кандидатокъ или отклоняли. Одно время на нашихъ собраніяхъ упорно старались занять общество рефератами и сообщеніями. Но то, что могло занимать недавно окончившихъ курсистокъ, становилось все менѣе и менѣе занимательнымъ по мѣрѣ того, какъ годы отдѣляли насъ отъ времени, когда мы наполняли аудиторіи курсовъ. Служба, специальности, повседневныя занятія раздѣляли насъ. Но насъ стало связывать нѣчто иное: интересъ къ жизни и дѣятельность каждаго товарища, интересъ къ той обстановкѣ, среди которой приходится жить и дѣйствовать нашимъ товарищамъ по высшимъ курсамъ. вмѣсто спокойныхъ, книжно-литературныхъ рефератовъ явились рефераты иного рода: письма бывшихъ слушательницъ изъ болѣе или менѣе отдаленныхъ провинцій».

Какъ видитъ читатель, роль Надежды Васильевны во внутренней жизни курсистокъ была выдающеюся, и энергичная женщина, не смотря на свой преклонный возрастъ, находила въ себѣ достаточно воодушевленія, чтобы чутко откликаться на всѣ нужды дорогихъ ея сердцу женщинъ. Такъ продолжалось дѣло до 1889 года, когда курсы были реформированы, временно даже закрыты, а при своемъ возрожденіи въ 1890 году, согласно общей тенденціи правящихъ сферъ того времени, лишены прежняго, дорогого сердцу Стасовой начала самоуправленія. Надеждѣ Васильевнѣ уже не нашлось дѣла въ реформированномъ учеб-

номъ заведеніи въ качествѣ служебнаго лица, и съ внѣшней стороны ей пришлось разстаться съ своимъ дорогимъ дѣтищемъ. Нужна была безпредѣльная вѣра въ задачи высшаго женскаго образованія, глубокая преданность началамъ свободной и независимой университетской науки, чтобъ не пасть духомъ, не сложить своего оружія предъ невзгодами времени. Вся ея послѣдующая жизнь явно обнаруживала ея увѣренность, что счастливая заря снова взойдетъ надъ курсами и осѣнитъ ихъ могучимъ свѣтомъ счастья и долговѣчія. Дѣятельность Стасовой послѣ 1889 года въ отношеніи курсовъ заключается въ болѣе тѣсныя рамки — матеріальной заботой объ учащихся. Въ этотъ періодъ она усиленно содѣйствуетъ скорѣйшему устройству зданія интерната при курсахъ.

За то связь Надежды Васильевны съ бывшими курсистками не только не ослабѣваетъ, но даже усиливается. Ея журъ-фиксы по средамъ полны бывшихъ слушательницъ бестужевскихъ курсовъ, и повидать свою прежнюю распорядительницу является необходимою сердечною потребностью бывшихъ бестужевокъ. Да и сама Стасова зорко слѣдитъ за судьбою своихъ бывшихъ питомицъ и попрежнему смотритъ на нихъ, какъ на нѣчто родное, вѣренное навсегда ея попеченіямъ. «Сдѣлайте мнѣ праздникъ, — пишетъ она старческимъ почеркомъ и сослѣпа кривыми строчками бывшей курсисткѣ Е. Н. К.—вой, — прійдите въ среду вечеромъ, вѣдь это моя первая среда, и я буду очень и очень рада всѣхъ васъ моихъ дорогихъ повидать, пока еще глаза смотреть... писать мнѣ трудно и потому поручаю вамъ же пригласить всѣхъ, кто меня любитъ и хочетъ меня видѣть»... И шли къ Надеждѣ Васильевнѣ и званья и незванья, шли съ увѣренностью, что будутъ дорогими желанными гостями. Результатомъ Стасовскихъ вечеровъ было основаніе Общества для вспоможенія окончившимъ курсъ наукъ на Высшихъ женскихъ курсахъ. На первомъ же засѣданіи этого Общества Надежда Васильевна была избрана предсѣдательницей, а равнымъ образомъ и почетнымъ членомъ наравнѣ съ А. Н. Бекетовымъ и К. Н. Бестужевымъ-Рюминымъ. Цѣлью Общества было поставлено оказывать поддержку нуждающимся лицамъ, окончившимъ Высшіе женскіе курсы: а) одновременными денежными пособіями, по мѣрѣ возможности, и б) присканіемъ постоянныхъ или временныхъ занятій.

Дѣятельность на пользу бывшихъ и настоящихъ курсистокъ не мѣшала Стасовой удѣлять избытокъ времени и тѣмъ учрежденіямъ, которыя въ значительной степени обязаны ей своимъ происхожденіемъ. Такъ, она продолжала завѣдывать Анненскимъ коридоромъ въ Дешевыхъ квартирахъ, предоставленнымъ въ бесплатное пользованіе бѣднымъ учащимся дѣвушкамъ, гдѣ сплошь и рядомъ по мѣрѣ силъ благотворила изъ личныхъ средствъ, платя за обѣды нѣкоторыхъ неимущихъ. Въ послѣдніе два года она осо-

бенно привязалась къ петербургскому обществу «Дѣтская Помощь», ею самою созданному, имѣющему цѣлью «доставленіе присмотра и ухода за малолѣтними дѣтьми бѣдныхъ жителей города Петербурга, преимущественно рабочаго класса, въ то время, когда родители ихъ заняты поденными работами внѣ дома». Для достиженія этой цѣли, новое общество должно устраивать въ разныхъ частяхъ города какъ можно больше подобныхъ убѣжищъ для малолѣтнихъ. Въ этой дѣятельности на пользу бѣдной дѣтвора передъ Стасовой какъ бы оживали ея счастливые годы служенія воскреснымъ школамъ, однако, увы, далеко не пристоль всеобщемъ оживленіи русской жизни, каковое имѣло мѣсто въ началѣ общественной дѣятельности Надежды Васильевны.

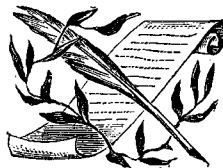
Когда русскія женщины задумали откликнуться на франко-русскія симпатіи, то онѣ въ качествѣ представительницы избрали Н. В. Стасову.

Послѣдніе дни жизни Надежды Васильевны были наполнены заботами объ организаціи «Русскаго женскаго взаимно-благотворительнаго Общества въ г. Петербургѣ», гдѣ, вѣроятно, ей пришлось бы, какъ и вездѣ, явиться одной изъ самыхъ энергичныхъ и неутомимыхъ дѣятельницъ.

Но этому не суждено было осуществиться: 27-го сентября Надежды Васильевны не стало! По дорогѣ на засѣданіе Общества для доставленія средствъ Высшимъ женскимъ курсамъ смерть сразила её на улицѣ. Быстро облетѣвшая городъ молва о скоропостижной смерти Стасовой, какъ громомъ, поразила всѣхъ знавшихъ и любившихъ эту достойнѣйшую женщину. Вѣдь годы шли за годами, поколѣнія смѣнялись поколѣніями, а Надежда Васильевна, благодаря своей неустанной энергіи, не смотря на 73 года жизни, казалась вѣчной, безсмертной и незамѣнимой на своемъ посту.

Вѣчная-жъ память этой защитницѣ женскаго труда и просвѣщенія, такъ непоколебимо несшей свое честное знамя черезъ три поколѣнія!

В. Бородаевская.

ПАМЯТИ Н. А. БЪЛОГОЛОВАГО.

КОНЧАВШІЙСЯ 6-го сентября текущаго года въ Москвѣ, докторъ медицины, Николай Андреевичъ Бѣлоголовый, принадлежалъ къ числу тѣхъ рѣдкихъ людей, которые, не гоняясь за шумливой славой и блескомъ имени, приносятъ такую огромную пользу культурѣ своего отечества, какая иногда не выдается даже на долю иной знаменитости. Это былъ сильный характеръ, твердый въ своихъ принципахъ, строгій въ ихъ выполненіи, за всю жизнь, начиная отъ школьной скамьи и свѣтлой молодости, до послѣднихъ минутъ,

когда уже угасающій, въ тяжелой борьбѣ духа и тѣла, онъ привлекалъ въ свою скромную квартиру наиболѣе выдающихся людей московской интеллигенціи. Своими взглядами, своей примѣрной жизнью и отношеніемъ къ людямъ, онъ постоянно вносилъ благое вліяніе во все, что его окружало, и тутъ сила его дѣятельности проявилась обильными результатами.

Сынъ богатаго сибирскаго купца и золотопромышленника, Бѣлоголовый родился въ Иркутскѣ (5-го октября 1834 г.). Первое воспитаніе даровитаго мальчика совершилось при довольно счастливыхъ данныхъ: въ Иркутскѣ проживали нѣкоторые изъ декабристовъ, люди развитые и образованные, они были учителями Бѣлоголоваго, отъ нихъ онъ воспринялъ зачатки своихъ любвеобильныхъ человѣчныхъ воззрѣній,—и всю жизнь съ иными изъ этихъ учителей сохранялъ пріязненные отношенія. Въ 1846 году, двѣнадцатилѣтнимъ ребенкомъ, Бѣлоголовый былъ привезенъ въ Москву и помѣщенъ въ частный пансіонъ Энеса, въ одинъ классъ

съ Сергѣемъ Петровичемъ Боткинымъ. Эти дѣтскіе годы связали ихъ неразрывной дружбой навсегда. У Боткина, кромѣ нѣсколькихъ родныхъ, не было человѣка болѣе близкаго, чѣмъ Бѣлоголовый. вмѣстѣ поступили они въ университетъ, на тотъ же медицинскій факультетъ, и оба случайно, потому что въ тотъ годъ на другіе факультеты, наиболѣе ихъ интересовавшіе, приѣма не было; вмѣстѣ готовились къ экзаменамъ, вмѣстѣ кончили курсъ и вступили въ общественную жизнь. Бѣлоголовый былъ одинъ изъ тѣхъ немногихъ русскихъ, которые присутствовали при бракосочетаніи молодого 29-ти-лѣтняго Боткина въ Вѣнѣ; школьный товарищъ сдѣлалъ цѣлое путешествіе, чтобъ быть свидѣтелемъ этого важнаго шага въ жизни друга. Наконецъ Бѣлоголовый пріѣхалъ и въ Ментону къ умирающему Боткину, слѣдилъ за его болѣзною, былъ при немъ до самой его кончины; друзья остались друзьями въ прямомъ смыслѣ до гроба. По своимъ дарованіямъ и знаніямъ Бѣлоголовый несомнѣнно могъ бы готовиться къ профессурѣ, но у него было извѣстнаго рода тяготѣніе къ странѣ, гдѣ онъ родился и выросъ, къ его милой Сибири, и онъ считалъ себя какъ бы обязаннымъ посвятить ей свой первый трудъ. Тотчасъ по окончаніи курса, въ 1855 г., онъ уѣхалъ въ Иркутскъ городовымъ врачомъ. Черезъ три года, однако, сознавая неполноту своихъ знаній, Николай Андреевичъ снова отправился въ Москву и еще четыре года оставался вдали отъ родины, постоянно работая и совершенствуясь въ избранномъ имъ дѣлѣ. Защитивъ диссертацию («о всасываніи солей кожей»), онъ съ званіемъ доктора вернулся опять въ Иркутскъ. Работа Бѣлоголоваго, его талантъ и знаніе уже были хорошо знакомы и оцѣнены въ городѣ, и потому на сей разъ его уже прямо пригласили на должность старшаго городского врача. Бѣлоголовый сразу поднялъ медицинскую часть въ городѣ; онъ основалъ медицинское общество, гдѣ собиралъ всѣхъ мѣстныхъ врачей для обсужденія научныхъ вопросовъ, какъ появившихся въ медицинской литературѣ, такъ и наблюдаемыхъ въ мѣстной практикѣ. Это сближеніе медицинскаго персонала между собой отзывалось и пріобрѣтеніемъ новыхъ знаній врачами, и также общимъ подъемомъ ихъ дѣятельности. Иркутскіе старожилы должны помнить это время и полезную благотворную работу выдающагося медика, являвшагося всюду на помощь, не только какъ искусный врачъ, но и какъ человѣкъ въ высшей степени симпатичный, гуманный, откликавшійся на всякія злобы дня, утѣшавшій, ободрившій однихъ, нападавшій на несправедливость другихъ, защитникъ и помощникъ слабыхъ и угнетенныхъ, прямой и рѣзкій судья всего невѣжественнаго и грубаго. Врачу особенно удобно выказать эти хорошія стороны души; ко врачу всякій, самый сухой человѣкъ, самый закоренѣлый злодѣй, относится всегда мягче и добрѣе, отъ врача выслушаетъ то, чего не потерпитъ отъ другого, и уступить,

и подчинится. Никто, какъ врачъ, въ обществѣ не можетъ такъ возбудить надежды, окрылить слабого; никто, какъ врачъ, не можетъ быть такимъ укротителемъ сильнаго. Невольно, только благодаря своему прямому честному характеру, Бѣлоголовый широко пользовался этимъ выгоднымъ положеніемъ врача. По отзывчивости своей натуры, онъ не могъ оставаться безучастнымъ, видя зло, не могъ быть однимъ изъ этихъ добродушныхъ свидѣтелей зла, которые, пожалуй, за угломъ и возмущаются имъ и

Николай Андреевичъ Бѣлоголовый.

жалѣютъ несчастнаго ближняго, но остаются бездѣтельными, оправдываясь невозможностью что либо сдѣлать. Бѣлоголовый не могъ скрыть, когда его что нибудь возмущало или что нибудь радовало, не могъ не показать прямо и ясно, кому и чему онъ сочувствуетъ, что презираетъ, что ненавидитъ, противъ чего борется... И люди чувствовали его силу, какъ всѣмъ нужнаго полезнаго врача, и, скрѣпя сердце, должны были скрывать отъ него свою разнузданность, смиряться, отказываться отъ многого дурнаго. Особенно это благодѣтельное вліяніе Николая Андреевича сказывалось относи-

тельно ссыльныхъ и каторжныхъ. Какъ старшій городской врачъ, онъ много влялъ на улучшение быта этихъ несчастныхъ и часто даже прямо спасалъ иныхъ отъ тяжкаго тѣлеснаго наказанія. Это было тѣмъ болѣе возможно, что тогда медицинское выслушиваніе и постукиваніе были вновь; Бѣлоголовому принадлежалъ починъ въ Иркутскѣ этой системы распознаванія грудныхъ и сердечныхъ болѣзней. Старые врачи, если бы и хотѣли спорить, должны были соглашаться съ тѣмъ, что онъ простучалъ или прослушалъ, чтобъ не показаться невѣждами. Это иногда вызывало случаи поистинѣ траги-комическіе. Однажды свидѣтельствовали какого-то молодого преступника, присужденнаго къ плетямъ. Нѣкоторые изъ старыхъ врачей находили, что наказаніе не вызоветъ дурныхъ послѣдствій въ здоровьи присужденнаго. Тогда Бѣлоголовый вступился за него, заявляя, что у преступника слабое сердце, и онъ можетъ умереть подъ плетями. Между врачами возникъ споръ, но Бѣлоголовый далъ другимъ стетоскопъ, приглашая ихъ прослушать спорное сердце. Врачи стали слушать и принуждены были уступить, въ сущности не сознавая ясно, правъ ихъ коллега, или нѣтъ. Рѣшено было, что сердце слабое, и преступникъ былъ освобожденъ отъ плетей. Это рѣшеніе, однако, удручающимъ образомъ подѣйствовало на больного; улучивъ минуту, чтобъ подбѣжать къ Бѣлоголовому, онъ шепнулъ ему: «докторъ, такъ въ самомъ дѣлѣ у меня такое больное сердце, что я долго не проживу»,—но Бѣлоголовый сумѣлъ однимъ ободряющимъ взглядомъ и шутливымъ словомъ сразу успокоить несчастнаго. Одинъ медикъ, которому я прочиталъ эти строки, попрекнулъ меня, зачѣмъ я рассказываю этотъ фактъ, могущій будто бы подать поводъ къ ложному толкованію про врача, какъ бы допустившаго нѣкоторую неправду, хотя бы и съ доброй цѣлью. Относительно Бѣлоголоваго такого рода щепетильность совсѣмъ неумѣстна: каждый поступокъ его до того строго отвѣчалъ его прекраснымъ нравственнымъ принципамъ, что если и приходилось ему что нибудь, по обстоятельствамъ, скрывать при жизни, то по-смертный его біографъ можетъ смѣло говорить обо всемъ; ни въ одномъ фактѣ жизни этого человѣка не встрѣтишь разлада съ его честными взглядами или уступки и потачки чему нибудь дурному. Такъ до глубины души возмущала его эта кровавая расправа плетями, что тутъ высшей правдой для него было не истязать человѣка, хотъ бы оттого и не послѣдовала смерть тотчасъ послѣ наказанія. Наконецъ, въ такомъ тяжеломъ вопросѣ Бѣлоголовый и какъ медикъ былъ правъ: во всякомъ случаѣ, плети калѣчатъ человѣка, укорачиваютъ его жизнь, и гдѣ медикъ обязанъ говорить въ пользу жизни, онъ долженъ былъ говорить противъ этого преддверія убійства, противъ этой частицы смертной казни.

Среди такой жизни, полной борьбы и дѣла, провелъ Бѣлоголовый въ званіи старшаго врача города Иркутска три года. Не мало

фактовъ обличенія негодяевъ и заступничества за угнетенныхъ отмѣтили дѣятельность Николая Андреевича за это время. Новое по-вѣтріе жизни общественной и только-что народившійся въ Женевѣ журналъ Герцена «Колоколь» много тому способствовали. Бѣлоголовый вошелъ въ сношеніе съ Герценомъ, настоялъ на выясненіи возмутительныхъ дѣяній чиновника особыхъ порученій Молчанова, заставилъ родственниковъ одного изъ декабристовъ вернуть ему его состояніе, чего они не хотѣли сдѣлать, когда съ осужденнаго было снято наказаніе, и проч. Въ концѣ своего пребыванія въ Иркутскѣ, горячо отдаваясь заботамъ о больныхъ, Бѣлоголовый заразился сильной тифозной горячкой, которая чуть не свела его въ могилу. Болѣзнь дорогого доктора была тяжелымъ горемъ для всего Иркутска; къ квартирѣ больного безпрестанно со всѣхъ сторонъ прибѣгали за справками, всѣ доктора города считали за честь дежурить поочередно у его постели. Заботы и уходъ сдѣлали свое дѣло, Бѣлоголовый оправился, но болѣзнь оставила неизгладимые слѣды въ его до тѣхъ поръ крѣпкомъ организмѣ. Пришлось отказаться отъ непосильнаго труда въ Иркутскѣ: Бѣлоголовый поѣхалъ за границу сперва лѣчиться, отдохнуть, набраться силъ, потомъ увлекся работою по разнымъ германскимъ университетамъ. Вернулся онъ уже не въ Иркутскъ, а въ Петербургъ, гдѣ остался просто вольнопрактикующимъ врачомъ, который самъ можетъ чередить свою работу внѣ зависимости отъ возникающихъ обстоятельствъ и отъ малаго количества докторовъ. Дарованіе и умѣніе заботливо относиться къ больному скоро и въ Петербургѣ создали Бѣлоголовому большую практику, такъ что ему даже приходилось отказываться отъ иныхъ визитовъ и передавать ихъ товарищамъ. Только ненадолго связалъ онъ себя нѣкоторымъ подобіемъ службы и то по настоятельной просьбѣ его друга С. П. Боткина; именно: Бѣлоголовый совершилъ путешествіе на Уралъ, въ качествѣ врача съ герцогомъ Николаемъ Максимиліановичемъ Лейхтенбергскимъ, извѣстнымъ своей страстью къ естественнымъ наукамъ, по преимуществу къ минералогіи. Такимъ образомъ съ конца шестидесятыхъ годовъ Бѣлоголовый надолго сдѣлался постояннымъ жителемъ Петербурга, уѣзжая ежегодно на лѣто за границу. Кружокъ, среди котораго по преимуществу любилъ жить Бѣлоголовый, былъ литературный. Его всегда интересовала литература, и онъ несомнѣнно отдавался бы всецѣло этой дѣятельности, еслибъ случайно не попалъ въ медики. По его возвращеніямъ наиболѣе симпатичной для него была редакція «Отечественныхъ Записокъ», съ Некрасовымъ, Салтыковымъ и Елисеѣвымъ во главѣ. Бѣлоголовый вскорѣ сталъ близкимъ человѣкомъ и докторомъ всей редакціи. Извѣстно, что Некрасовъ умеръ на его рукахъ; съ Салтыковымъ, Елисеѣвымъ, Герценомъ, Огаревымъ и другими выдающимися писателями Бѣлоголовый находился въ самыхъ пріятельскихъ отношеніяхъ. Въ Парижѣ Бѣлоголовый былъ

врачемъ Тургенева и впоследствии описаль его болѣзнь. Вообще по своимъ симпатіямъ Бѣлоголовый былъ человѣкъ времени возрожденія шестидесятыхъ годовъ, хотя не сочувствовалъ многому изъ тѣхъ крайностей, которыми отличались тогда бурливыя общественныя проявленія, и тѣмъ болѣе тому, къ чему они впоследствии привели. Онъ часто въ шутку называлъ себя постепеновцемъ; но онъ былъ постепеновецъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова, какъ человѣкъ, твердо вѣрующій въ прогрессъ, завоевывающій его упорно, шагъ за шагомъ, безъ компромиссовъ кому бы то ни было: ни разлагавшимся дряхлымъ отживавшимъ нравамъ прошлаго, ни модному разгулу вновь народившихся увлеченій. Всегда во всемъ аккуратный, честный до утонченности, онъ не отступалъ отъ разъ выработанныхъ принциповъ, у него на все было свое «правило»,—его любимое словечко, которое онъ выговаривалъ, какъ-то растягивая его и съ усмѣшкой. Съ этого правила его невозможно было столкнуть и, горько печалась о томъ, что передъ его глазами лучшія начинанія отцвѣтали, не успѣвши расцвѣсть, онъ находилъ причину этому въ отсутствіи упорства, выдержки, неутомимой постепенности,—правила. Правда, люди, которыхъ Бѣлоголовый приближалъ къ себѣ, далеко не всегда отвѣчали его «правилу», но онъ былъ слишкомъ человѣкъ жизни и дѣятельности, и потому, разумѣется, въ этомъ отношеніи не былъ придирчивымъ пуристомъ. Тѣмъ не менѣе онъ не закрывалъ глаза на дурныя стороны кого бы то ни было, всегда вѣвѣшивалъ дурное и хорошее, и сближался только тамъ, гдѣ хорошее перевѣшивало. Если при этомъ иной разъ ему и случалось обманываться, то только потому, что онъ никогда не осуждалъ никого по однимъ слухамъ и сплетнямъ, не имѣя ясныхъ доказательствъ, не убѣдившись вполне.

Отецъ Бѣлоголоваго скончался еще въ ученическіе годы Николая Андреевича, оставивъ дѣла въ запутанномъ состояніи; докторъ отказался отъ всякаго наслѣдства въ пользу братьевъ и жилъ своими трудами всю жизнь. Основавшись въ Петербургѣ, Бѣлоголовый женился (свадьба состоялась въ Италіи). Дѣтей у него не было, и когда впоследствии скоропостижно умеръ его братъ, послѣ котораго осталась большья семья и еще болѣе, чѣмъ у отца, запутанныя дѣла, Николай Андреевичъ взялъ себѣ на воспитаніе двоихъ изъ его сыновей. Такъ Бѣлоголовый всегда дѣлился скромными средствами своего заработка и не только съ родными. По преимуществу же дѣла образованія и воспитанія вызывали его главное сочувствіе и помощь. У Бѣлоголоваго было нѣсколько стипендіатовъ въ Петербургскомъ университетѣ, которыхъ онъ содержалъ на свой счетъ, выбирая ихъ непременно изъ уроженцевъ Сибири. За это время у профессора Боткина еженедѣльно по субботамъ собирались профессора Академіи, медики и другіе близкіе люди. Одинъ разъ въ году они отплачивали ему это гостепримство обѣдомъ въ складчину. На такомъ обѣдѣ,

по инициативѣ Бѣлоголоваго, возникла мысль почтить всѣ эти собранія ежегоднымъ пожертвованіемъ cadaго въ размѣрѣ 12 рублей. Долженствующій образоваться отъ того капиталъ предполагалось употребить на благотворительную воспитательную цѣль. Бѣлоголоваго попросили быть казначеемъ случайно составившагося общества, и онъ упорно съ педантическою точностью во все время пребыванія въ Петербургѣ исполнялъ это дѣло. Между участниками складчины были, конечно, и люди нѣсколько неряшливые, запаздывавшіе взносами, но, при акуратности Бѣлоголоваго, постоянно напоминавшаго и тому и другому, не пропала ни одна обѣщанная копейка. Этотъ сборъ составилъ основу того капитала, который впоследствии разросся и далъ возможность выстроить превосходную двухъэтажную школу (на Васильевскомъ островѣ) имени Сергѣя Петровича Боткина. Созданіе этой школы многимъ обязано Бѣлоголовому.

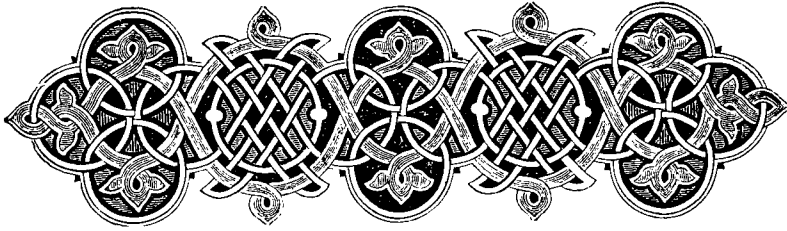
Въ 1881 году Бѣлоголовый надолго переѣхалъ за границу; сперва велъ тамъ скитальческую жизнь, въ Парижѣ, въ Италіи, потомъ основался на болѣе продолжительное время въ Швейцаріи, въ Веве, въ Лозаннѣ, — и наконецъ въ Ниццѣ. Причиною этого отъѣзда было главнымъ образомъ слабое здоровье его и его супруги, требовавшее теплаго климата; но также и нервамъ Николая Андреевича это удаленіе изъ родины было нужно. Онъ уѣхалъ съ какимъ-то безотраднымъ чувствомъ неудовлетворенности, обманутыхъ надеждъ, во всемъ, что привелось видѣть въ общественной жизни. Торжество Каткова и ему подобныхъ, отчаянныя выходки нигилистовъ, все это шло въ разрѣзъ съ его вѣрой въ постепенное, разумное и неуклонное стремленіе впередъ къ лучшей цѣли развитія и культуры. Въ Петербургѣ онъ былъ слишкомъ рядомъ около этихъ глупыхъ общественныхъ колебаній изъ крайности въ крайность, среди воюющихъ антиподовъ, среди равнодушной массы. Въ Петербургѣ онъ скорѣе бы измаялся и сгорѣлъ; слабость здоровья, временно изгнавшая его изъ отечества, была для него спасительна. Бѣлоголовый прожилъ за границей двѣнадцать лѣтъ, но и тамъ всецѣло отдавался тому, что совершалось въ Россіи. Онъ подробно перечитывалъ русскіе журналы и газеты, велъ обширную переписку и изъ года въ годъ жадно дожидался лѣта, когда къ нему наѣзжали соотечественники, живые свидѣтели того, что онъ зналъ изъ прочитаннаго. И гдѣ онъ только могъ, онъ всегда являлся не просто наблюдателемъ, а дѣятелемъ. Во многомъ написанномъ и напечатанномъ за эти годы онъ невидимо участвовалъ. Когда въ Россіи оказался голодъ, Бѣлоголовый не только собралъ хорошее вспомошествованіе въ средѣ русскихъ, проживавшихъ въ Ниццѣ, но пожертвовалъ на голодающихъ весь гонораръ, полученный имъ за сочиненіе біографіи Боткина, изданной отдѣльной книжкой издателемъ Павленковымъ.

Чувствуя, что силы его гаснутъ, Бѣлоголовый не хотѣлъ болѣе

оставаться за границей. Онъ зналъ, что, живя на югѣ, онъ, можетъ быть, протянуть бы жизнь свою на нѣсколько мѣсяцевъ дольше, можетъ быть, и не только мѣсяцевъ, но мысль умереть на чужбинѣ, вдали отъ близкихъ людей, тяготила его, и онъ рѣшился переѣхать въ Москву. Онъ устроился тамъ очень хорошо. Братъ его покойнаго друга, П. П. Боткинъ, сдалъ ему небольшую квартиру въ своемъ домѣ и все время выказывалъ и ему и его семьѣ родственную заботливость. Русская зима окончательно сломила остатокъ здоровья Николая Андреевича. Его хозяинъ Петръ Боткинъ пригласилъ его лѣтомъ къ себѣ въ деревню, и пребываніе тамъ, и теплое лѣто, нѣсколько подняли силы Бѣлоголоваго; но съ наступленіемъ осени онъ снова захворалъ и уже болѣе не оправился. Старшій сынъ его покойнаго друга, врачъ Сергѣй Сергѣевичъ Боткинъ, пріѣхалъ въ Москву къ послѣднимъ днямъ жизни Бѣлоголоваго и слѣдилъ за его болѣзнию, какъ онъ самъ слѣдилъ за предсмертной болѣзнию отца Сергѣя Сергѣевича. Такъ до самой смерти Бѣлоголоваго сопровождала семья Боткиныхъ.

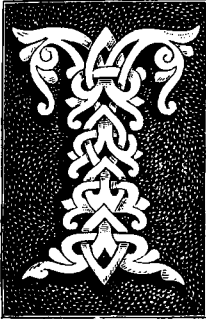
Бѣлоголовый былъ мужчина высокаго роста, какъ большинство сибиряковъ, красивый, съ какимъ-то выраженіемъ симпатичнаго юмора въ постоянно присущей ему легкой улыбкѣ. Не смотря на свой строгій, твердый характеръ, онъ, какъ истинно русскій человѣкъ, любилъ безобидную шутку, но и въ шуткѣ онъ всегда былъ вѣренъ своимъ задушевнымъ принципамъ. Я помню, въ дни нашей юности, когда покойный профессоръ С. П. Боткинъ только что поселился въ Петербургѣ (едва тридцати лѣтъ отъ роду), среди вечеринокъ, устраиваемыхъ у него, однажды на Рождествѣ состоялся домашній маскарадъ. Каждый изъ друзей дома придумалъ себѣ какой нибудь характерный или остроумный костюмъ. Бѣлоголовый явился наряженный трубочистомъ и за ужиномъ, среди общаго восторга, прочиталъ стихотвореніе своего сочиненія, въ которомъ призывалъ вспомнить о темной братіи, о грязныхъ труженикахъ, и проч., и тутъ же всѣ раскопелились, и собрана была небольшая сумма на какое-то благотвореніе. Такъ въ забавѣ и шуткѣ, на прогулкѣ и въ веселой бесѣдѣ, въ серьезномъ дѣлѣ, въ тяжеломъ трудѣ, въ горячемъ сочувствіи къ униженнымъ и оскорбленнымъ,—словомъ въ каждомъ шагѣ жизни Бѣлоголовый постоянно проявлялъ свои въ высшей степени человѣчные свѣтлые взгляды. Оттого понятно, что близость къ нему была всегда благотворна всякому, и много его душевной дѣятельности перешло въ общественную жизнь чрезъ другихъ. Теперь, конечно, услѣдить это и указать мудрено, но пройдутъ годы, и рано или поздно, въ какой нибудь перепискѣ, въ какихъ нибудь воспоминаніяхъ, несомнѣнно выплыветъ наружу то благое значеніе, которое имѣлъ для своего отечества Николай Андреевичъ Бѣлоголовый.

Викторъ Крыловъ.

ЗАБРОШЕННЫЙ КРАЙ ¹⁾.

III.

АКЪ называемый «Сѣверный Край» нѣкогда составлялъ единую область, и только впоследствии онъ былъ административно раздѣленъ на три отдѣльныя части—губерніи Олонецкую, Вологодскую и Архангельскую. Какъ до раздѣленія центръ жизненной тяжести населенія лежалъ у береговъ Бѣлаго моря, такъ и въ настоящее время, когда приходится говорить о Сѣверѣ, обыкновенно разумѣютъ главнымъ образомъ Архангельскую губернію и составную ея часть—Мурманъ. Сюда тяготеютъ интересы всѣхъ народностей, обитающихъ на пространствѣ края, здѣсь базисъ отпускной и ввозной торговли, какъ бы незначительны онѣ ни были, съ именемъ этой же губерніи соединяютъ и надежды на улучшеніе благосостоянія и другихъ двухъ смежныхъ губерніи. Бѣольшая или меньшая однородность климата, почвы, растительнаго царства и даже въ значительной степени населенія—все это вмѣстѣ взятое тѣсно связываетъ три административныя части воедино, сродняетъ ихъ, вслѣдствіе чего и принято говорить о нихъ въ связи другъ съ другомъ. Тѣмъ не менѣе считаю болѣе удобнымъ говорить о каждой порознь, такъ какъ во всякомъ случаѣ каждая имѣетъ свои особенности и свою исторію.

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXII, стр. 239.

Олонецкая губернія ¹⁾ занимаетъ площадь въ 130.719 кв. верстъ, а безъ внутреннихъ водъ — 11.700.208 десятинъ; изъ внутреннихъ водъ Онежское озеро занимаетъ 11.270 кв. верстъ; остальная часть земли занята преимущественно лѣсами, которые и составляютъ 69⁰/₀ всей площади. Почва здѣсь глинистая, болотистая, песчаная и каменная, каковыя плохія почвенныя условія ставятъ губернію въ разрядъ неземледѣльческихъ. Климатъ ея—суровый и влажный, что обуславливается значительнымъ поднятіемъ мѣстности надъ уровнемъ моря и обиліемъ водъ и лѣсовъ. Минеральныя богатства Олонецкой губерніи считаются значительными — здѣсь обширныя мѣсторожденія желѣзныхъ, мѣдныхъ рудъ, мрамора, огнеупорной глины. Населеніе въ 1892 г. состояло изъ 357.191 чел. обою пола или 3,2 человекъ на 1 кв. милью, причѣмъ крестьяне составляютъ преобладающее сословіе—92,6⁰/₀. Кромѣ великороссовъ, составляющихъ главный элементъ губерніи, здѣсь живутъ еще корелы въ количествѣ 40 тысячъ душъ и чудь—до 12 тысячъ душъ. Пришлого населенія до 4.000 человекъ. Главное количество земли принадлежитъ казнѣ—90,3⁰/₀, крестьянскимъ надѣламъ—5,8⁰/₀ и крестьянскимъ прикупнымъ участкамъ—0,3⁰/₀; на долю дворянъ здѣсь выпадаетъ 1,85⁰/₀, остальныя земли въ десятыхъ ⁰/₀ доляхъ распределяются между удѣлами и частными землевладѣльцами. Громадное большинство крестьянъ Олонецкой губерніи были казенныя; крѣпостное право было мало развито, такъ что на выкупъ вышло всего 187 деревень съ 4.385 душами. Надѣльной земли у бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, вышедшихъ на выкупъ, съ 1891 году было 29.896 дес.; годовой окладъ выкупныхъ платежей равняется 2.606 рублямъ 61 копейкѣ.

Въ интересной статьѣ «По Карелии» ²⁾ знатокъ нашего сѣвера Н. Максимовъ такъ описываетъ условія существованія этой народности,—условія, въ значительной степени подходящія и къ остальному населенію этой губерніи. «На меня пахнуло сразу бѣдностью, лишь только я въѣхалъ въ Олонецкій край. Глушь страшная. Природа красивая. Но изъ красоты озера, вдоль котораго, бывало, ѣдешь, черезъ мрачный лѣсъ, изъ неба, на которое смотришь, получалось слишкомъ пустынное впечатлѣніе. Сквозь синюю мглу вечера, со свинцовыми тонами на небѣ и на водѣ, я предусматривалъ холодъ, голодъ и безлюдье сѣвернаго края, хотя и не добрался еще до камской Карелии. Жизнь человекъ обуславливается здѣсь короткимъ лѣтомъ, каменистою или песчаною почвою, вѣковыми

¹⁾ «Вся Россія», изд. А. Суворина, 1895 г. Извиняюсь за обиліе цифроваго матеріала, но безъ него въ настоящемъ случаѣ совершенно невозможно обойтись, такъ какъ иначе картина экономическаго состоянія губерніи не будетъ ясна.

²⁾ «Новое Слово», 1895 г. (изданіе О. Н. Поповой).

лѣсами, безконечными болотами, частыми дождями, сильными морозами. Народный бытъ, традиціи, суевѣрія, нравы—все отличается особенностями, сравнительно съ внутренней Россіей. Климатъ и почва даютъ о себѣ знать прежде всего. Даже языкъ другой, которымъ говорятъ олончане».

По удостовѣренію автора статьи, суевѣрія принимаютъ здѣсь размѣры геркулесовыхъ столбовъ. Одинъ, на примѣръ, крестьянинъ передавалъ ему подробности, какъ приворотень обратилъ челоуѣка въ волка. Когда убили волка и содрали шкуру, то подъ шкурой оказались шаровары и плисовая жилетка, а въ жилеткѣ оказался перочинный ножикъ. Приведа еще примѣры распространенія суевѣрій, г. Максимовъ говоритъ: «Въ такомъ мракѣ живутъ олончане, окруженные болотами и лѣсами, просвѣщаемые странниками и странницами. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ сохранились обычаи временъ язычества. Такъ, на примѣръ, въ деревнѣ Кяпсельга бываетъ храмовой праздникъ, во время котораго въ предѣлахъ церковной ограды каждый домохозяинъ закалываетъ барана, жаритъ его на вертелѣ, часть съѣдаетъ, а другую жертвуетъ въ пользу причта и храма».

Обращаясь къ способу пользованія землею, г. Максимовъ не нашелъ какой нибудь правильной формы и опредѣляетъ ее слѣдующимъ образомъ: «Форма владѣнія землею со всѣми признаками права собственности, но съ правомъ мірской власти надъ нею, какъ надъ общественною землею». Анализируя далѣе землепользованіе, онъ даетъ слѣдующую картину: «Олончане вообще и карелы въ частности передѣла земли (за очень малыми исключеніями) не знаютъ; а знаютъ дѣлежку общественной земли между собою на участки. Она производится лѣтъ черезъ пять, семь, десять, иногда даже черезъ двадцать лѣтъ, а гдѣ такъ и вовсе не существуетъ, по мѣрѣ того, какъ подымаешься отъ Петрозаводска все больше на сѣверъ, къ границѣ Кареліи и Лапландіи; а здѣсь на границѣ я нашелъ въ Тихтозерской волости (на границѣ Лапландіи и сѣверной Финляндіи) деревню, гдѣ ни дѣлежка, ни передѣла никогда не существовало, и деревня владѣетъ землею и стадами оленей на началѣ семейной общины, потому что вся деревня составляетъ одну семью и всѣ домохозяева—ближайшіе родственники другъ другу. Никто изъ нихъ не говоритъ порусски, но между ними есть женщина, знающая русскій языкъ, дочь священника, состоящая замужемъ за крестьяниномъ. Вообще, въ сѣверныхъ волостяхъ Кареліи не знаютъ, чтѣ такое передѣлъ, и не помнятъ даже, когда была произведена ревизія душъ».

Пространно разсмотрѣвъ экономическое благосостояніе крестьянъ, приведа обширныя статистическія данныя о движеніи капиталовъ, доходовъ, недоимокъ и задолженности, авторъ «По Кареліи» приходитъ къ очень неутѣшительнымъ результатамъ: «1) крестьянство

лишено кредита, полезнаго при приложеніи капитала къ земледѣльческому труду; 2) обременено долгомъ въ продовольственный капиталъ земству и комитету (въ Архангельскѣ), а послѣдніе, въ свою очередь, казнѣ; 3) олончане переживаютъ чрезвычайно важный моментъ переходнаго состоянія сельскаго хозяйства, во время котораго долженъ во всякомъ случаѣ произойти переворотъ отъ прежней системы хозяйства къ новой, болѣе раціональной. Съ момента выдачи владѣнныхъ записей земледѣльческая культура оставилась на точкѣ замерзанія. При отсутствіи удобренія и запрещеніи во что бы то ни стало рубить крестьянскій лѣсъ улучшеній трудно ждать. Крестьянину необходимо увеличивать пашни и поле, а онъ можетъ дѣлать это, только очищая годныя для посѣва мѣста отъ лѣса. Но и безрасчетное разрѣшеніе рубить лѣсъ можетъ привести крестьянъ также къ полному разоренію».

Къ сожалѣнію, авторъ не даетъ достаточнаго указанія, какъ помочь горю. Разобравъ существующую систему землепользованія и лѣсорубокъ и указавъ на на ихъ нераціональность, онъ ограничивается совѣтомъ общаго свойства: «Необходимо, — говоритъ онъ, — изслѣдовать всѣ дачи, какъ крестьянскія, такъ и государственныя, или хоть часть казенныхъ, ближайшую къ селеніямъ, и раздѣлить ихъ на участки; затѣмъ, сообразно характеру почвы, выработать систему хозяйства и наглядно показать и доказать крестьянину, что на этомъ мѣстѣ выгоднѣе вести подсѣчное хозяйство по способу такого-то сѣвооборота, а лѣсъ, стоящій на этомъ мѣстѣ, можно употреблять на дрова, на постройки и даже на продажу, лишь бы только въ рубкѣ была извѣстная правильность». Отъ продажи такого лѣса могъ бы получиться капиталъ, который должно обратить на обработку земли. И тогда не было бы необходимости отыскивать новые источники для поддержки сельскаго хозяйства сѣверныхъ крестьянъ. Но такъ какъ предлагаемая система требуетъ прежде всего расширенія пахотнаго поля, то нельзя же запрещать крестьянамъ огуломъ продажу лѣса вообще. Все равно это запрещеніе не достигаетъ цѣли, потому что крестьяне рубятъ повсемѣстно тайкомъ свои лѣса, даже продаютъ ихъ. Какъ видятъ читатели, указанія г. Максимова не отличаются опредѣленностью, и все сводится къ своего рода временнымъ экспериментамъ, изъ которыхъ сама жизнь уже должна сдѣлать необходимый выводъ и заключеніе.

Тотъ же авторъ даетъ въ статьѣ «О сѣверныхъ дѣлахъ и дѣлишкахъ» («Русское Богатство», 1893 г., № 4) чрезвычайно любопытныя свѣдѣнія относительно минеральныхъ богатствъ Олонецкой губерніи. По мнѣнію г. Максимова, всѣ толки объ этихъ богатствахъ значительно преувеличены и распускаются главнымъ образомъ аферистами и сподручными имъ крикунами и болтунами, помогающимися въ искусственно-созданной путаницѣ поживиться

на счет казеннаго и народнаго хозяйства. Обращаясь къ разнымъ отраслямъ добыванія, онъ утверждаетъ, что «озера Олонецкаго края скорѣе неизсякаемы, нежели богаты желѣзною рудою. Площади залежей озерныхъ рудъ незначительны», а при неустройствѣ путей сообщенія и при неблагопріятныхъ почвенныхъ условіяхъ эксплуатація руды крайне затруднительна. Относительно золота, утверждаетъ онъ, смѣшно и говорить. Единственное минеральное богатство, на которое надлежитъ обратить серьезное вниманіе, это мраморъ. «Мраморныя ломки, читаемъ мы здѣсь, заслуживаютъ самаго большаго вниманія администраціи и частныхъ предпринимателей, потому что въ наличности этого огромнаго количества прекраснаго мрамора невозможно сомнѣваться. Я ѣздилъ нарочно на Бѣлую гору, чтобы ознакомиться съ положеніемъ дѣлъ. Мраморныя ломки сняты у правительства предсѣдателемъ губернскаго олонецкаго земскаго собранія, г. Савельевымъ. Я видѣлъ большую мраморную гору, около которой на берегу рѣченки ютится бѣдная деревушка съ сельскою церковью, населенная бывшими казенными рабочими, судьба которыхъ сложилась такъ несчастно, что отъ казны они отстали, а къ крестьянскому обществу или къ частной предпримчивости не пристали. Въ былое время у Бѣлой горы существовалъ казенный заводъ, поэтому крестьяне обзаводились сельскимъ хозяйствомъ, имѣя казенные заработки на правахъ казенныхъ горнорабочихъ. Но казна прекратила эксплуатацію... поэтому деревушка имѣетъ теперь убогій видъ, дома покачнулись на сторону, вѣтеръ сноситъ крыши избушекъ, болью щемитъ сердце при видѣ этихъ несчастныхъ людей. Идти крестьянамъ некуда, заработковъ по сосѣдству нигдѣ нѣтъ, глушь ужасная, а лѣсныя заготовки удалены отъ деревни на слишкомъ большое разстояніе. А въ нѣсколькихъ шагахъ отъ деревни стоитъ огромная гора изъ прекраснаго мрамора разнообразныхъ цвѣтовъ и рисунковъ. Тамъ есть розовый мраморъ — превосходнѣйшій мраморъ, которому уступаетъ заграничный... Нашъ мраморъ могъ бы выдерживать конкуренцію на заграничномъ рынкѣ, если бы стоимость его доставки была не велика, и были бы организованы агентуры за границею. Но что же дѣлается теперь? Стоитъ пустынная гора, на нее смотрятъ голодные рабочіе, и никто эту гору не разрабатываетъ». Задавшись вопросомъ, какъ поднять производительность края, г. Максимовъ разсматриваетъ существующіе по настоящему предмету проекты, главная задача которыхъ заключается въ изысканіи наиболѣе цѣлесообразныхъ путей сообщенія по сѣверу вообще и Олонецкому краю въ частности. Онъ отрицаетъ полезность сооруженія Бѣломорскаго канала, а проектированную архангельскими купцами желѣзную дорогу, соединяющую Архангельскъ съ внутренними рынками Россіи, хотя въ принципѣ и одобряетъ, но замѣчаетъ при этомъ, что таковое сооруженіе не отразится на благосостояніи заинтересованныхъ уѣз-

довъ Олонецкой губерніи. «Касаясь Карелии, Лапландіи, Терскаго и Мурманскаго береговъ, говоритъ онъ, слѣдуетъ замѣтить, что всѣ продукты звѣринаго и рыбнаго промысловъ, происходящихъ въ этой области, никогда не пройдутъ черезъ Архангельскъ на внутренніе наши рынки; это совсѣмъ не по пути; исключеніе составитъ только рыба, которая привозится въ Архангельскъ съ Мурманскаго берега на поморскихъ судахъ осенью, ко времени ярмарки». Г. Максимовъ является горячимъ сторонникомъ желѣзнодорожной связи Финляндіи съ Кареліей; въ этомъ онъ усматриваетъ естественное и наиболѣе разумное разрѣшеніе вопроса. «Карельскій народъ не можетъ же, однако, жить изолированно отъ другихъ, утверждаетъ онъ. Ему необходимо и находить рынокъ для сбыта продуктовъ своего промысла, и ожидать откуда нибудь немедленной помощи по кратчайшему и безопаснѣйшему пути. Финляндія, покрытая сѣтью желѣзныхъ дорогъ, представляется народу ближайшимъ и выгоднѣйшимъ рынкомъ. Поэтому попытка финляндцевъ связать село Козамо съ д. Княжна заслуживаетъ серьезнаго вниманія. Финляндцы—великіе мастера строить прекрасныя дороги по кратчайшему и безопаснѣйшему путямъ. Улеборгъ связанъ съ Петербургомъ желѣзною дорогою. Отъ Улеборга идетъ шоссе на сѣверо-востокъ до села Козамо. Финляндскій сенатъ утвердилъ проектъ постройки новой дороги отъ села Козамо до нашей границы, по направленію къ Кандалакскому заливу. Проектъ этотъ отвѣчаетъ только потребности, выраженной самими карелами и финляндцами, которые повезли грузы по этому направленію съ Терскаго берега, изъ Лапландіи и сѣверной Финляндіи еще съ тѣхъ поръ, какъ построилась Улеборгская желѣзная дорога». Изложивъ исторію вопроса о желѣзной дорогѣ, должествующей соединить Олонецкую губернію съ Финляндіей, а черезъ нее съ Швеціей и Норвегіей, а также отзывы по этому предмету архангельской администраціи, отнесшейся отрицательно къ проекту финляндцевъ, авторъ говоритъ: «Въ этомъ отзывѣ непростительная путаница дер. Кандалакши съ дер. Княжегубской, и нельзя же увѣрять министерство, что изъ дер. Кандалакши открывается путь въ Финляндію, когда никто его никогда не прокладывалъ. Но, благодаря этому отзыву, проектъ и ходатайство улеборгскаго губернатора не были уважены въ министерствѣ. Такимъ образомъ, всѣ попытки архангельскаго общества и финляндской администраціи связать сѣверную окраину, погрязающую въ косности, рутинѣ, расколѣ, суевѣріи, идолопоклонствѣ, во мракѣ бессмыслицы, въ нищетѣ и предрассудкахъ, остаются тщетными, а вопросъ остается нерѣшеннымъ, не смотря на то, что много было о немъ писано и говорено».

Мнѣніе почтеннаго изслѣдователя нашего сѣвера нельзя не считать чрезвычайно симпатичнымъ и цѣлесообразнымъ. Дѣйстви-

тельно, соединеніе Олонецкаго края съ сѣтью финляндскихъ дорогъ является наиболѣе рациональнымъ средствомъ къ оживленію производительности нашей сѣверной губерніи и подъему ея культуры; но здѣсь приходится натолкнуться на возраженіе, съ которымъ такъ или иначе необходимо считаться и которое вѣроятно всего и послужило точкой отпавленія при отклоненіи карело-финской комбинаціи. Соображеніе это политико-стратегическаго свойства, изложенное въ знакомыхъ уже «Черноморскихъ письмахъ».

Черноморецъ подробно останавливается на изложеніи вопроса о проектированномъ и несостоявшемся вслѣдствіе неполученія на то разрѣшенія со стороны русскаго правительства соединенія финляндскихъ дорогъ съ шведскими и проложеніи дороги Lulea-Victoria-Navn. Въ проектѣ постройки этой вѣтви онъ усматриваетъ коварный замыселъ финляндцевъ и утверждаетъ, что цѣль желѣзнодорожнаго союза станетъ понятна, если вспомнить о возможности для шведовъ уступить свои стратегическія линіи нѣмцамъ при вторженіи въ Россію. Для пресѣченія такого возможнаго, по его мнѣнію, зла надлежитъ руссифицировать финляндскія дороги и сдѣлать ихъ собственностью русскаго государства. «Россіи мало того, что нашъ сѣверъ разовьется, говоритъ онъ, мало—хоть стань онъ вторымъ Эльдorado; скажу болѣе — развитіе это, пойди оно не русскимъ путемъ, создайся оно не русскими руками—можетъ быть, намъ, пожалуй, даже вредно: припомнимъ пресловутое «развитіе» нашихъ нѣмецкихъ колоній, разбросанныхъ теперь во всю ширь нашей многострадальной отчизны. Это надо помнить и не поддаваться разнымъ заманчивымъ предложеніямъ иностранцевъ, будь они хотя и номинальные русскіе подданные. Нигдѣ, какъ здѣсь, не подойдетъ лучше сентенція осторожныхъ дипломатовъ древности: *timeo Danaos et dona ferentes*. Но въ то время, какъ наше правительство весьма благоразумно отказало «правительству» Финляндіи въ разрѣшеніи соединить финляндскія дороги съ стратегическо-шведскою линіею Викторія-Гавнь-Лулео, тѣ же самые финляндцы, да еще по распоряженію высшей русской власти, собираются добиться своего—проведеніемъ своей, финской, дороги на нашъ сѣверъ. Господа финны! Не довольно ли съ васъ и того, что вы эту свою дорогу провели по исконной русской Выборгской губерніи вплоть до столицы русскаго царства, до Петербурга?» Авторъ заканчиваетъ свою запальчивую филиппику противъ финляндцевъ такого рода замѣчаніемъ: «Пока финляндскія дороги находятся въ рукахъ «лояльныхъ» финновъ, пока здѣсь все начальство состоитъ изъ нихъ, пока здѣсь нѣтъ (или очень мало) ни русскихъ жандармовъ, ни русскихъ комендантовъ станцій, ни русскаго персонала служащихъ, я на эти вопросы отвѣчать не берусь» (вопросы о дѣйствительномъ значеніи путешествій иностранцевъ по Финляндии).

Нѣтъ сомнѣнiя, что эти запальчивыя слова звучать нѣсколько комично, такъ какъ врядъ ли ради удовольствiя получить отвѣтъ отъ г. «Черноморца» финны или русское правительство измѣнить status quo. Странною кажется также боязнь автора финновъ и готовность страха ради оградить Россiю каменною стѣной отъ иностранцевъ. Не было ли бы болѣе разумнымъ, если ужъ пускаться въ стратегическiе и политическiе кривотолки, поставить вопросъ иначе, а именно не проповѣдывать необходимость разрушенiя желѣзнодорожныхъ союзовъ, а настаивать на скорѣйшей оборонѣ нашихъ границъ противъ возможнаго вражескаго нашествiя и проведенiи какой нибудь аналогической линiи, имѣющей назначенiемъ быструю мобилизацію русскаго войска на сѣверѣ? Не берусь судить, насколько военное дѣло выигрываетъ отъ отклоненiя предложенiя финляндцевъ, но во всякомъ случаѣ не могу не пожалѣть бѣднаго Олонецкаго края, которому приходится въ военно-политическомъ пиру терпѣть похмелье и быть обреченнымъ на безпробудное прозябанiе.

Чтобъ покончить съ Олонецкой губернiей, считаю долгомъ привести еще нѣкоторыя краткiя данныя¹⁾, обрисовывающiя ея благосостоянiе, если только это слово въ примѣненiи къ ней не звучитъ горькой иронiей.

Кромѣ хлѣбопашества, которое даетъ въ среднемъ довольно низкiй урожай и далеко не повсемѣстно обезпечиваетъ народонаселенiе, въ краѣ распространены посѣвы льна. Такъ, пудожскiй ленъ «карелка» имѣетъ значенiе для внѣшней торговли губернiи и высоко цѣнится во Францiи и Англiи, куда вывозится черезъ Петербургъ. Скотоводство здѣсь весьма незначительно вслѣдствiе недостатка кормовыхъ средствъ, частыхъ эпизоотiй и нападений хищныхъ звѣрей, истребившихъ, на примѣръ, въ 1891 году, свыше 4.000 головъ, стоимостью до 40 тысячъ рублей. Промысловая жизнь выражается, главнымъ образомъ, въ охотѣ, рыболовствѣ и мѣстныхъ промыслахъ. Въ 1891 году было убито и изловлено всякаго звѣря 121.400 штукъ на сумму 23 тысячи рублей и до 70 тысячъ паръ лѣсной дичи на сумму до 23 тысячъ рублей. Кустарная промышленность отличается грубостью издѣлiй и идетъ на удовлетворенiе мѣстныхъ потребностей. Фабрикъ и заводовъ въ томъ же 1891 году было 358 съ оборотомъ: въ городахъ на 573,000 рублей при 906 рабочихъ, а въ уѣздахъ—344 съ оборотомъ въ 1.398.600 рублей при 1.744 рабочихъ. Наибольшая сумма производства свыше 1.200 тысячъ рублей приходится на 10 лѣсопиленъ. Ярмарокъ числится въ городахъ 14, а въ селахъ и деревняхъ болѣе 100. Низшихъ и начальныхъ учебныхъ заведенiй въ губернiи 248 съ 9.545 учащимися. Грамотность развита слабо, и по при-

¹⁾ «Вся Россiя», изд. А. Суворина.

звѣду 1887 года безграмотныхъ новобранцевъ оказалось 56,1% общаго числа. Съ прошлаго года въ губерніи введены новые суды, которые, можно надѣяться, положить конецъ многимъ темнымъ сторонамъ мѣстной жизни.

IV.

Болѣ свѣтлыя перспективы раскрываются передъ второй частью сѣвернаго края—Вологодской губерніей. Эта тоже въ значительной степени доселѣ прозябавшая губернія, не смотря на наличность вологодско-ярославской дороги, стоитъ уже фактически на рубежѣ новой жизни: черезъ нее рѣшено строить чрезвычайно важныя двѣ дороги, которыя имѣютъ назначеніемъ соединить нашъ сѣверъ съ центромъ Россіи и востокомъ; дороги эти: во-первыхъ, Вологда Архангельскъ, служащая продолженіемъ Ярославль-Вологда, и, во-вторыхъ, Пермь-Котласъ. О значеніи этихъ линій скажу дальше, а пока обращусь къ описательной части губерніи ¹⁾.

Вологодская губернія представляетъ собою огромную равнину—до 1,200 в. длиною и болѣе 500 в. шириною; площадь ея занимаетъ 353,882,2 кв. в., а безъ озеръ 353,349,4 кв. в., или 36.807,229 дес. Поверхность губерніи однообразна и представляетъ изъ себя слегка волнистую равнину, перерѣзанную множествомъ рѣчныхъ долинъ и овраговъ; только въ восточной части (Устьсысольскій у.) поверхность перерѣзана отрогами Уральскаго хребта, извѣстными подъ названіемъ «паромъ». Почва преимущественно суглинистая, глинистая и часто песчаная. Изъ минеральныхъ богатствъ главное мѣсто занимаетъ соль, встрѣчающаяся мѣстами въ видѣ соляныхъ ключей. Солевареніе, однако, падаетъ, такъ какъ вытѣсняется Пермскими варницами. Брусняной или точильный камень ломается въ большомъ количествѣ въ Устьсысольскомъ уѣздѣ, и имъ снабжается вся сѣверная и центральная Россія. Богатый минералами Приуральскій край до сихъ поръ мало изслѣдованъ и представляетъ собою главнымъ образомъ мѣстонахожденіе желѣза. Двинскій бассейнъ имѣетъ большое экономическое значеніе, чего нельзя сказать про Печорскій; рѣки этого бассейна протекаютъ по мѣстностямъ мало населеннымъ и большую часть года покрыты льдомъ. Климатъ губерніи континентальный и суровый. По даннымъ 1892 г. населеніе состояло изъ 1.296,055 душъ, изъ каковаго числа обитающихъ здѣсь зырянъ 2.000 человекъ. Землевладѣніе здѣсь преимущественно крестьянское и купеческое, при чемъ дворянство въ губерніи значительно сокращается и по статистическимъ свѣдѣніямъ за 15 лѣтъ оказывается, что изъ 774,261 дес. ими распродано болѣе 350,000 дес. Главнымъ земельнымъ собственникомъ является

¹⁾ «Вся Россія», соч. А. Суворина.

кавна, располагающая 83% всей площади. Подъ лѣсами находится 31.557,512 дес., при чемъ опять-таки на долю казны выпадаетъ 28.000,000 дес. Земледѣліе въ нѣкоторыхъ уѣздахъ по своимъ урожаямъ является вполне достаточнымъ для пропитанія населенія, такъ что оно имѣетъ даже возможность употреблять избытокъ въ продажу и на винокуреніе. Менѣе всего развито хлѣбопашество въ уѣздахъ Яренскомъ и Устьсыольскомъ, гдѣ при громадномъ пространствѣ, обилии лѣсовъ и малочисленности населенія главнымъ занятіемъ жителей служатъ промысла: охотничій, рыболовный, лѣсной и др. Въ общемъ, однако, Вологодская губернія можетъ довольствоваться собственнымъ хлѣбомъ. Льномъ здѣсь засѣвается до 25,000 дес., и льноводство, составляющее важную отрасль крестьянскаго хозяйства, развито почти равномерно по всѣмъ уѣздамъ губерніи. Всего получается ежегодно отъ 360,000 до 500,000 пуд. льняного волокна и свыше 300,000 п. сѣмени. Избытокъ льна отправляется въ Архангельскъ для отпуска за границу, равнымъ образомъ въ Ярославль и Кострому на мѣстныя фабрики. Скотоводство развито въ губерніи довольно сильно. Число крупнаго рогатаго скота доходитъ до 544,000, овецъ 418,000, свиней 45,000. На юго-западѣ процвѣтаетъ маслодѣліе и сыровареніе. Въ 1891 г. дѣйствовало 92 сыроварныхъ и маслодѣльныхъ заводовъ, производство которыхъ равнялось 275,830 р. Сыроварни выдѣлываютъ сыры—швейцарскій, голландскій и бокштейнъ. Изъ промысловъ наиболѣе распространены лѣсные, состоящіе въ рубкѣ, сплавѣ лѣса и обработкѣ лѣсныхъ матеріаловъ. Кустарь-смолокуръ имѣетъ чистаго заработка съ одной сажени кубическаго лѣснаго матеріала 6 р. 20 к. Ежегодно доставляется въ Архангельскъ 77,000 бочекъ смолы и 156,000 бочекъ пека. Кустарными промыслами занято до 4,500 человекъ, зарабатывающихъ отъ 50,000 до 68,000 въ годъ. Главные предметы издѣлій: деревянная посуда, сани, телѣги, столярныя и бондарныя произведенія; кружева, черепахо-роговыя и гончарныя вещи. Съ цѣлью развитія кустарнаго производства въ Вологдѣ учрежденъ съ 1886 г. «Кустарный комитетъ», способствующій продажѣ издѣлій на мѣстной и нижегородской ярмаркахъ. При комитетѣ имѣется постоянная выставка. Фабрикъ и заводовъ, по свѣдѣніямъ 1891 г., числилось въ губерніи 249 съ общей суммой производства на 2.763,7 тысячъ рублей при 4,448 рабочихъ.

Природа губерніи мѣстами чрезвычайно живописна, особенно по берегамъ рѣкъ и озеръ. Вотъ среди какихъ картинъ, на примѣръ, пришлось ѣхать г. Пospѣлову-Шахматову ¹⁾ въ его путешествіи по Вагѣ и Двинѣ изъ Вельска на Архангельскъ. «Я плылъ по безконечной аллеѣ,—пишетъ онъ.—Разноцвѣтными красками освѣщались крутые, обнаженные, безъ всякой растительности на сѣдой

¹⁾ Сѣверо-Двинскій край. Путевые очерки. М. 1895.

и желтой глины, берега. Тишина стояла невозмутимая... Но вот лес кончился. Больше 20 верст тянулся он по берегам рѣки, наводя своимъ однообразіемъ безотчетную грусть. Показались огромныя мели золотистаго песку, разстилаясь до самой середины рѣки, которая, какъ бы не желая встрѣчаться съ ними, убѣгаетъ въ сторону, подмывая противоположный берегъ вышиною въ нѣсколько десятковъ сажень. Вотъ вдали, на огромной песчаной косѣ, словно въ воздухѣ, виситъ силуэтъ большой рыбацкѣй лодки, стоящей на тонкихъ жердяныхъ подпоркахъ. Оглядываешься: никакого жилья кругомъ нѣтъ. Солнце садится. На поверхности рѣки показалась рябь—съ сѣвера подулъ свѣжимъ воздухомъ. Огибаю мысъ—утесъ, вершина котораго поросла густымъ хвойнымъ лесомъ. Словно шапка, надѣтая на уродливую голову великана, погрузившагося по шею въ воду, чернѣлъ лесъ на голубомъ фонѣ неба. А здѣсь, налѣво, береговая круча съ растущимъ на ней лесомъ обсыпалась, обвалилась; деревья въ безпорядкѣ, съ вывороченными огромными корнями, раскиданы по сырому глинистому берегу. Казалось, здѣсь только что прошелъ опустошительный ураганъ, который безжалостно привелъ въ это хаотическое состояніе когда-то красиво и въ порядкѣ росшій лесъ. Но безпорядокъ-то этотъ и хорошъ. Краски свѣжи и ярки, и многія поваленныя деревья не переставали расти. Картины кругомъ роскошныя. Дикія, чудныя мѣста! Неизгладимое впечатлѣніе оставили они въ моей памяти».

Вологодская губернія богаче историческими эпизодами, нежели Олонецкая и даже Архангельская губерніи, но за то въ ней нѣтъ тѣхъ острыхъ, захватывающихъ вопросовъ, какъ въ двухъ послѣднихъ, да и самое ея географическое, положеніе не обращаетъ на нее такого напряженнаго общественнаго вниманія.

Вологда въ древности была заселена финскимъ племенемъ, «чудью» и становится извѣстной въ началѣ XII вѣка. Новгородъ первый объявилъ свои права на нее, за Новгородомъ послѣдовали князья ростовскіе, московскіе, и съ того времени вплоть до Іоанна Грознаго она дѣлается ареною борьбы удѣльныхъ князей. Въ царствованіе Василя Іоанновича Вологда становится московскимъ «заставнымъ городомъ», а при Іоаннѣ III она является вполне московскою вотчиною безъ всякой тѣни самостоятельности; особенно сильно московизируется она при Грозномъ и дѣлается причастною сѣверной экспортной торговлѣ черезъ Архангельскъ, что содѣйствуетъ ея обогащенію: здѣсь расположены уже были большіе склады иностранныхъ товаровъ, сюда же свозились мѣха и другіе предметы отечественной добывающей промышленности. Іоаннъ часто посѣщалъ этотъ городъ, строилъ церкви и намѣревался даже перенести сюда столицу. До настоящаго времени сохранились также въ городѣ слѣды пребыванія Петра I, останавли-

вашагося въ Вологдѣ во время своихъ частыхъ поѣздокъ къ берегамъ Бѣлаго моря.

Еще болѣе богатъ историческими воспоминаніями Великій Устюгъ. Этотъ древній городъ края отъ начала своихъ историческихъ дней становится извѣстнымъ, какъ городъ удивительно самостоятельный, ведущій постоянно борьбу не только съ сосѣдними областями, но и со своей метрополіей—Новгородомъ. Особенно выдающуюся роль играютъ города устюжскіе съ XVII столѣтія—они поддерживаютъ права на московскій престолъ Шуйскаго и участвуютъ затѣмъ въ освобожденіи Россіи отъ поляковъ. Устюжскій подьячій Шестой-Копнинъ убѣждаетъ гражданъ не признавать власти и правъ второго самозванца, склоняетъ къ тому же Усольскую землю, города Поморской и сѣверной областей. Въ 1609 г. обширное ополченіе осаждаетъ Кострому, гдѣ засѣлъ Лисовскій, и побуждаетъ его удалиться; затѣмъ вологжане выручаютъ отъ поляковъ Ярославль, принимаютъ участіе въ стараніяхъ Ляпунова освободить Россію отъ ига поляковъ, а также въ походѣ кн. Пожарскаго. Порядокъ и полное спокойствіе установились въ Устюжскомъ краѣ лишь въ срединѣ XVII столѣтія, съ развитіемъ сибирской торговли. Съ этого же времени начинается эмиграція отсюда русскихъ людей въ Тобольскъ и Иркутскъ, которая значительно и содѣйствовала упадку Великаго Устюга; однако его торговое значеніе и о сю пору немаловажное, такъ какъ въ немъ производятся важнѣйшіе обороты бѣломорской отпускной торговли.

Въ будущемъ, съ проведеніемъ желѣзной дороги Пермь-Котласъ, Великій Устюгъ, вѣроятно, въ значительной степени уступитъ свое значеніе новому избраннику судьбы—Котласу, небольшому пока погосту, расположенному на высокомъ берегу Сѣверной Двины, который сдѣлается передаточнымъ пунктомъ хлѣбной и соляной отправки изъ Сибири и съ Урала въ Архангельскъ. Котласъ по своему выгодному географическому положенію является чрезвычайно удобнымъ мѣстомъ какъ для пароходной пристани, такъ и для желѣзнодорожной станицы. «Болѣе идеальную пристань представить себѣ трудно,—говоритъ въ своемъ описаніи путешествія «по Студеному морю» Евг. Львовъ:—нашъ пароходъ подошелъ къ берегу вплотную, берегъ высокъ настолько, что никогда не заливается водою, и тутъ же идетъ обширное отлогое и пологое пространство, гдѣ, по всему вѣроятію, быстро вырастетъ торговый городъ, какъ только сюда пойдетъ сибирскій хлѣбъ. Здѣсь хлѣбные амбары могутъ быть расположены вдоль самаго берега рѣки также, какъ и линія желѣзной дороги. Такимъ образомъ хлѣбохранилища будутъ непосредственно соприкасаться: съ бортомъ судна и съ вагонами. Словомъ, здѣсь всѣ природныя условія для того, чтобы и храненіе хлѣба, и передачу его изъ вагона въ судно сдѣлать наиболѣе удобными и дешевыми. Нашему сѣверу линія Пермь-Котласъ можетъ дать хлѣбныхъ гру-

зовъ болѣе, нежели всякая другая, такъ какъ она захватить тотъ обширный районъ, гдѣ въ настоящее время хлѣбные грузы не находятъ достаточно выгоднаго сбыта, и гдѣ архангельскій портъ можетъ съ наибольшимъ для себя успѣхомъ соперничать съ балтійскими портами. Благодаря этому, линія Пермь-Котласъ можетъ доставить нашему сѣверу не только то количество хлѣба, въ которомъ онъ нуждается для своего продовольствія, но и значительные избытки для вывоза хлѣба за границу и тѣмъ поднять Архангельскъ, вернувъ ему значеніе экспортнаго пункта, — значеніе, которымъ этотъ древній русскій портъ неоднократно славился въ теченіе своей свыше 300-лѣтней исторической жизни».

Сознаніе необходимости постройки Пермско-Котласской дороги выработалось не сразу, и въ разрѣзъ съ проектомъ такой постройки были выставлены и другіе. Вотъ какое разъясненіе по этому предмету даетъ «Русскій Странникъ»: «Въ декабрѣ прошлаго (1893) года состоялось высочайшее соизволеніе по докладу министра финансовъ объ образованіи особой комиссіи для разсмотрѣнія вопроса о сооруженіи желѣзной дороги на сѣверѣ Россіи. Въ половинѣ января этого года комиссія собралась и послѣ 14 засѣданій пришла къ заключенію, что изъ разсмотрѣнныхъ ею четырехъ желѣзныхъ дорогъ: Казань-Котласъ, Пермь-Котласъ, Вологда-Архангельскъ и Сердоболь-Кемь-Мурманъ, — всѣ онѣ принесутъ существенную пользу сѣверному краю, но не могутъ замѣнить одна другую и потому всѣ должны быть признаны желательными; тѣмъ не менѣе большинство комиссіи высказалось о помѣщеніи на первую очередь линіи Вологда-Архангельскъ. Кромѣ того, одинъ изъ представителей министерства финансовъ, д. с. с. Романовъ, глубоко изучившій вопросъ, высказался во время преній, что линія Вологда-Архангельскъ, хотя и имѣетъ въ экономическомъ смыслѣ не столь важное значеніе, какъ линія Пермь-Котласъ, которая одна можетъ предоставить выходъ сибирскому хлѣбу къ Архангельскому порту и тѣмъ способствовать развитію хлѣбопашества въ Сибири и вмѣстѣ съ симъ обратитъ Архангельскъ въ экспортный пунктъ для сибирскаго хлѣба, тѣмъ не менѣе важна въ отношеніи государственномъ, какъ доводящая рельсовую сѣть изъ центральной Россіи до Бѣлаго моря; а потому, отдавая первенство линіи Вологда-Архангельскъ, линію Пермско-Котласскую слѣдуетъ поставить на очередь непосредственно за Вологодско-Архангельской линіей. Съ этимъ мнѣніемъ согласилось и большинство комиссіи, и ея предсѣдатель, товарищъ министра путей сообщенія, Н. П. Петровъ, въ своей заключительной рѣчи замѣтилъ, между прочимъ, что эта желѣзная дорога отъ Перми, черезъ Вятку, къ Котласу общааетъ наибольшія выгоды по доставкѣ хлѣба, такъ какъ, кромѣ сибирскаго, даетъ также выходъ и вятскому хлѣбу, ибо соединить сѣверъ съ хлѣбнымъ райономъ Вятской губерніи, въ коемъ хлѣбныя

цѣны стоятъ на самомъ низкомъ уровнѣ, и что, кромѣ того, участокъ Пермь-Вятка составитъ часть той линіи, которая въ будущемъ несомнѣнно соединитъ (черезъ Казань, Кинешму или Кострому) пермскій горнопромышленный районъ съ Петербургомъ—центромъ механической промышленности». Помимо хлѣбнаго, такъ сказать, значенія, Пермскій горный округъ, будетъ имѣть немалое вліяніе на сѣверъ въ качествѣ источника солянаго вывоза. При имѣющемъ оживиться рыбномъ промыслѣ на Мурманскомъ берегу явится неизбѣжный спросъ на усиленную доставку солянаго груза. Этотъ грузъ потечетъ неминуемо съ Приуралья и долженъ вызвать конкуренцію Олонецкихъ соляныхъ варницъ, которыя въ настоящее время постепенно падаютъ. Можно надѣяться, что свободная конкуренція оживитъ эту отрасль добывающей промышленности и усилитъ благосостояніе мѣстныхъ жителей. Вмѣстѣ съ этимъ такое оживленіе соляной промышленности создастъ и для юга своего рода «соляной вопросъ», такъ какъ явится сознаніе необходимости озаботиться улучшеніемъ и расширеніемъ добычи соли въ южно-волжскомъ бассейнѣ, по лѣвому берегу великой рѣки; а здѣсь снова узелъ любопытнаго соперничества между берегами правымъ и лѣвымъ Волги. Такимъ образомъ, вмѣстѣ съ оживленіемъ производительныхъ силъ нашего сѣвера мы неминуемо увидимъ возникновеніе ряда вопросовъ, благополучное разрѣшеніе которыхъ отразится на многихъ сторонахъ жизни центральной, восточной и южной Россіи.

V.

Архангельская губернія¹⁾, эта будущая владычица интересовъ сѣвера, обнимаетъ собою пространство въ 15.595 кв. миль, или 78.500.000 десятинъ, не включая сюда острововъ Сѣвернаго океана, что составляетъ территорію въ полтора слишкомъ раза болѣшую, нежели Германія. Неудобныхъ земель, занятыхъ тундрами, болотами, озерами и рѣками, здѣсь 48.500.000 десятинъ; остальные удобныя земли (30.000.000) распредѣляются между частными владѣльцами, казною и удѣлами. Въ частномъ владѣніи крестьянскихъ общинъ и городовъ состоятъ 360.000 десятинъ, а изъ этихъ послѣднихъ подъ культурною площадью (пашни и луга) всего 260.000 десятинъ. Климатъ Архангельской губерніи суровый, но умѣряемый до нѣкоторой степени близостью моря, а въ сѣверо-западной части Кольскаго полуострова (Мурманъ) теплымъ теченіемъ Гольфстрема. Географическое положеніе, климатическія и почвенныя условія не допускаютъ обезпеченія населенія земледѣльческимъ трудомъ, и главное его благосостояніе почерпается изъ

¹⁾ По новѣйшимъ официальнымъ источникамъ, см. также изд. А. Суворина «Вся Россія».

промысловъ и другихъ природныхъ богатствъ края. Побережье Мурмана и Бѣлое море представляютъ собою неисчерпаемый источникъ рыбнаго богатства, а восточные берега Ледовитаго океана и острова: Новая Земля, Колгуевъ и Вайгачъ, изобилуютъ морскимъ звѣремъ; въ Кандалакшской губѣ, на Медвѣжьемъ островѣ, на Кольскомъ полуостровѣ, въ Печенгской губѣ несомнѣнно существуютъ богатая залежи серебро-свинцовой руды; по рѣкѣ Цильмѣ въ Тиманскомъ горномъ хребтѣ залегають мѣдная руда; по рѣкѣ Ухтѣ, въ Печорскомъ уѣздѣ имѣются нефтяные источники, а на Новой Землѣ—каменный уголь. Богатство морей, обиліе лѣсовъ, присутствіе ископаемыхъ богатствъ даютъ широкое поле для развитія морскихъ и звѣриныхъ промысловъ, эксплуатаціи лѣсныхъ богатствъ и горно-заводской дѣятельности. Правильная организація этихъ промысловъ, согласно современнымъ условіямъ торговли и въ связи съ устройствомъ удобныхъ путей сообщенія для сбыта добытыхъ предметовъ промысла, должна служить главнымъ источникомъ благосостоянія населенія и развитія экономическаго быта края.

Населеніе губерніи къ 1-му января 1895 года составляло 353.599 душъ обоого пола; крѣпостнаго права здѣсь не было, и сельское населеніе, за исключеніемъ 25 тысячъ душъ удѣльныхъ, состоитъ изъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ. Число инородцевъ не превышаетъ 9 тысячъ душъ; изъ инородцевъ здѣсь осѣли лопари, карелы и самоѣды. Поземельное устройство бывшихъ государственныхъ крестьянъ, по недостатку въ ихъ пользованіи разработанныхъ земель, отсрочено на неопредѣленное время, а для увеличенія земель правительство разрѣшило производить раскопки въ казенныхъ лѣсахъ, осушать болота и озера, съ отводомъ подъ разработку по 15 десятинъ на ревизскую душу. Расчистка остается въ пользованіи разработавшаго ее впредь до поземельнаго устройства крестьянъ и во всякомъ случаѣ не менѣе 40 лѣтъ. За 20 лѣтъ (съ 1873 года) расчищено только 30.000 десятинъ изъ отведенныхъ лѣснымъ управленіемъ 93.000 десятины. Такая медленность расчистки объясняется крайнею трудностью производить здѣсь работы. Недостатокъ сельско-хозяйственныхъ угодій въ послѣдніе годы сталъ особенно ощутителенъ среди бывшихъ удѣльныхъ крестьянъ, получившихъ надѣлы, по Положенію 1863 года, въ 2¹/₂, 4, 5 и 7 десятинъ на ревизскую душу; въ настоящее же время вслѣдствіе прироста населенія надѣлы эти сократились отъ 1 десятины 1.600 сажень до 4 десятинъ 600 сажень. Такое уменьшеніе земельныхъ угодій вызвало среди многихъ обществъ стремленіе къ переселеніямъ въ Сибирь. Эта эмиграціонная тенденція крайне опасна. Желательно чтобы мѣстная администрація удерживала всѣми силами коренное населеніе въ предѣлахъ губерніи, для чего ему необходимо рекомендовать крестьянамъ какъ можно

шире воспользоваться прим. къ 33 ст. общ. пол. о кр. (по прод. 1890 г.).

Скотоводство въ Архангельской губерніи находится въ благопріятныхъ условіяхъ, благодаря наличности обильныхъ луговъ и хорошихъ травъ. Къ сожалѣнію, однако, нужда побуждаетъ мѣстное населеніе въ излишкѣ продавать скоть для убоя въ столицы, что, между прочимъ, грозитъ вырожденіемъ, напримѣръ, знаменитой холмогорской породы коровъ. Скупщики изъ Петербурга угоняютъ ежегодно изъ Холмогоръ до 1.000 головъ лучшаго скота. Въ виду удержанія этой отрасли народнаго богатства на необходимой высотѣ министерству земледѣлія надлежитъ озаботиться скорѣйшимъ учрежденіемъ здѣсь рассадника племенного рогатаго скота холмогорской породы. Желательно также, чтобъ главное управленіе государственнаго коннозаводства обратило вниманіе на необходимость поддержать въ краѣ разведеніе извѣстной породы пинего-мезенскихъ лошадей, которая, въ виду плохого ухода и усиленной продажи, можетъ здѣсь окончательно исчезнуть. Оленеводство, эта выгодная статья инородческаго хозяйства, переживаетъ въ настоящее время новый фазисъ существованія — оно переходитъ отъ самоѣдовъ, исконныхъ обладателей тундры, къ зырянамъ Печорскаго уѣзда. Въ рукахъ послѣднихъ оленеводство стало быстро прогрессировать и за одинъ годъ всего, напримѣръ (съ 1893—1894 гг.), оно увеличилось слишкомъ на 30.000 штукъ. Задолженность населенія по продовольственнымъ ссудамъ велика; по сложеніи на основаніи манифеста 14-го ноября 1894 года части долга, на губерніи осталось денежныхъ долговъ 585.066 рублей; кромѣ этого крупнаго долга, на нѣкоторыхъ, и притомъ самыхъ бѣдныхъ, обывателяхъ, лежитъ еще частнаго хлѣбнаго долга 262.226 рублей, большая часть коихъ давняго происхожденія и по недостатку у должниковъ средствъ уплачивается весьма медленно и съ большими затрудненіями.

Какъ уже сказано было выше, главною статьѣй благосостоянія жителей является рыбная ловля и охота за морскимъ звѣремъ. До прошлаго года эта отрасль народнаго достоянія находилась, благодаря хищничеству норвежскихъ промышленниковъ, въ невыносимо тяжелыхъ условіяхъ, съ прошлаго же года русское правительство начало принимать мѣры къ искорененію этого зла. Въ этихъ видахъ для охраны нашихъ сѣверо-океанскихъ промысловъ былъ командированъ морскимъ министерствомъ въ Ледовитый океанъ крейсеръ 2-го ранга «Вѣстникъ», на обязанности котораго лежало крейсированіе вдоль береговъ и острововъ, а также производство съемки въ разныхъ мѣстахъ океана. Эта мѣра успѣла уже принести благіе результаты — она положила начало концу хищничества иностранныхъ промышленниковъ. Необходимо, поэтому, чтобы, не ожидая построенія будущей гавани на Мурманѣ, командировка военныхъ судовъ

съ цѣлью охраны интересовъ русскаго населенія продолжалась безостановочно. Значительной статьей дохода для мѣстныхъ жителей является отхожій промыселъ, которымъ, на примѣръ, въ 1894 году занималось 16,755 человекъ, въ томъ числѣ 8,643 человекъ изъ Онежскаго уѣзда, выручившихъ всего 753,432 рубля и находившихъ работу преимущественно на Маринской системѣ, въ губерніяхъ Олонецкой и Петербургской. Фабрично-заводская промышленность развита въ губерніи слабо. Большинство существующихъ въ губерніи заведеній для обработки животныхъ, растительныхъ и ископаемыхъ продуктовъ, какъ по суммѣ производительности, такъ и по числу занятыхъ рабочихъ, носить вполне ремесленный характеръ.

Ярмарочная торговля тоже не можетъ похвалиться особымъ ростомъ. Въ 1894 году она даже сравнительно съ предыдущимъ годомъ понизилась: привозъ уменьшился на 400,111 рублей, а сбытъ товаровъ—на 246,657 рублей. Ярмарочная торговля вообще, благодаря отсутствію путей сообщенія, главнымъ образомъ желѣзной дороги, а также по неимѣнію рынковъ сбыта, находится въ желѣзныхъ тискахъ небольшой кучки крупныхъ промышленниковъ. Этому капиталистическому строю торговой жизни будетъ положенъ конецъ только съ проведеніемъ рельсоваго пути отъ Архангельска на Вологду-Москву. Сѣверной торговлѣ сослужить добрую службу, издавна существующій, созданный Петромъ Великимъ, значительный по числу судовъ Бѣломорскій торговый флотъ, не находившій себѣ до сихъ поръ работы и за неимѣніемъ другого дѣла занимавшійся маловыгодною мѣнвою торговлею съ Норвегіей. Немалую поддержку торговлѣ окажетъ и будущій военный сѣверный флотъ, который появится у береговъ Ледовитаго океана, какъ только будетъ рѣшенъ вопросъ о мѣстѣ для постройки военного порта, о чемъ буду говорить ниже. Состояніе народнаго просвѣщенія въ губерніи оставляетъ желать многого, и $\frac{1}{10}$ безграмотныхъ (по отчетности воинской повинности) составляетъ 53 $\frac{1}{10}$.

Древняя исторія губерніи такова: сюда русскіе проникли въ XI ст. изъ Новгорода. Тѣ же новгородцы основали здѣсь Двинскую пятину. Съ паденіемъ Новгорода, край перешелъ во владѣніе Москвы. Въ 1553 году англійскій капитанъ Ченслеръ вошелъ впервые въ Сѣверную Двину. Въ 1584 году основанъ г. Архангельскъ, и съ этого времени здѣсь завязалась значительная торговля съ Англійей и Голландіей. Торговое значеніе Архангельска пало съ основаніемъ Петербурга. Дальнѣйшая исторія края мною изложена уже выше, почему о ней не приходится болѣе говорить.

Природа дальняго сѣвера изобилуетъ самыми крайними контрастами; путешественникъ то попадаетъ въ угрюмыя и неприглядныя мѣстности, то вдругъ въ очарованіи останавливается передъ величественными красотами, о которыхъ и не приходилось помышлять. Въ интересномъ трудѣ г. Львова (не говоря уже о произ-

веденіяхъ Вас. И. Немировича-Данченко) «По студеному морю» представлено немало чрезвычайно колоритныхъ описаній сѣвернаго края. Приведу для примѣра описаніе ночи и утренней зари на Мурманѣ. «Теперь первый часъ ночи,—повѣствуетъ авторъ,—до полуночи солнце спускалось къ горизонту, а сейчасъ, не доходя до небосклона, какъ бы остановилось и виситъ надъ скалами также недвижимо, какъ на декораціяхъ. Словомъ, вамъ невольно кажется, что вы въ сказочномъ царствѣ, такъ все грандіозно и въ то же время неподвижно, беззвучно и мертво: и солнце, и воды, и скалы, и воздухъ, по которому какъ тѣни скользятъ гагары, чистяки и чайки, впрочемъ послѣднія все-таки немного оживляютъ и пробуждаютъ картину. Вотъ тысячи ихъ носятся вокругъ насъ или, треща крыльями, балансируютъ надъ водою и, клюнувъ, быстро взвиваются вверхъ, дабы преспокойно проглотить добычу...». Но вотъ минула ночь, «и мы невольно примолкли, какъ очарованные. Солнце, переставъ висѣть безжизненно надъ горизонтомъ, стало вдругъ видимо подниматься и оживилось, какъ наглядно оживаетъ и свѣтлѣетъ вдругъ отъ долгаго горѣнія покраснѣвшій электрическій шаръ, послѣ невидимой рукой переменнаго въ немъ угля. Какъ по мановенію десницы Господней, все сразу ожило, подулъ свѣжій вѣтерокъ, пошла, ласкаясь о берегъ, поплескивать морская волна, незамѣтныя и до того безцвѣтныя полоски, хлопочки и комочки облачковъ теперь загорѣлись и заклубились ало-янтарно-яхонтовымъ отливомъ. А скалы, что сдѣлалось съ ними! Заглянувъ впередъ, даже бывалые матросы замирали отъ восторга: впереди нашъ «Ломоносовъ» весь въ розовой дымкѣ съ краснымъ днищемъ, плавающій въ голубой, какъ небо, лазури, а рядомъ стоящія и вдаль уходящія скалы, при отъѣздѣ сочтенныя нами за мрачныя темно-зернистыя граниты, теперь оказались изъ драгоценнаго порфира и блестятъ золотомъ, горятъ ярко-краснымъ и изжелта-фіолетовымъ свѣтомъ, сіяютъ и отражаются въ посвѣтлѣвшей водѣ всѣми цвѣтами, переливами и тонами; даже чайки, порхающія надъ ними, вдругъ порозовѣли, купаясь въ этомъ яркомъ, расцвѣченномъ и согрѣтомъ солнцемъ эфирѣ».

Далеко не такое отрадное впечатлѣніе произвели берега Кольскаго полуострова на другого писателя, тоже бывшаго здѣсь и наблюдавшаго природу при обыкновенныхъ только условіяхъ дня. «Онъ, т. е. Кольскій полуостровъ, производитъ гнетущее впечатлѣніе дикой природы,—говоритъ Н. Максимовъ въ статьѣ «Мурманскій берегъ, его обитатели и промыслы» («Русская Мысль» 1893 г.). Некуда взглянуть, нечѣмъ разсѣяться, не на что полюбоваться. Вездѣ однообразный геологическій характеръ береговъ: гнейсы, граниты, диабазы и діориты. Мрачною темною краской залиты горы. Сѣробезпросвѣтное небо виситъ надъ ними. Удивительно свинцовое небо! На немъ нѣтъ ни тучки, ни облачка, ни свѣтлой точки. Сплошная

пелена свинцоваго цвѣта спустилась надъ горами и надъ поверхностью Ледовитаго океана. Вода приняла такой же, какъ и небо, свинцовый оттѣнокъ. Гребни волнъ, взлетая, рассыпаются бѣлыми брызгами, кипятъ и пѣнятся, ударяясь о подножіе береговыхъ скалъ, образуя буруны... Смотришь на высокіе, скалистые каменные массивы, круто спускающіеся къ морю, и убѣждаешься, что видишь горы Альпійскаго характера въ поясъ, соприкасающемся съ линіей вѣчныхъ снѣговъ. Замѣчаешь отсутствіе растительности, не тающій лѣтомъ снѣгъ, постоянно лежащій въ глубокихъ ущельяхъ, становятся ясны признаки бѣлаго развитія глетчеровъ. Глядишь долго на сумрачный берегъ и устанешь, наконецъ, смотрѣть. Унылая картина! Ничего оригинальнаго, живаго. Не на чемъ отдохнуть... Тоска хватаетъ, глядя на берегъ. Сѣренькое небо, мрачные берега, темныя ущелья, господствующіе восточные вѣтры, нагоняющіе изъ Карскаго моря и отъ Новой Земли постоянные туманы; частые дожди весною, лѣтомъ и осенью, постоянный холодъ и недѣли безъ просвѣта, безъ солнца, луны и звѣздъ. Что за мрачный край! какая скучная природа! какъ тяжело жить на этомъ берегу!»

И дѣйствительно, г. Максимовъ въ своемъ обстоятельномъ очеркѣ рисуетъ удивительно мрачную картину существованія нашихъ поморовъ, обиженныхъ иностранцами, природою и внутренними порядками. О первыхъ двухъ неблагоприятныхъ сторонахъ ихъ жизни сказано довольно; необходимо остановиться на послѣдней. Поморы почти всегда находятся отъ кого либо въ зависимости и подъ чьимъ либо гнетомъ. Когда они работаютъ на свой страхъ и рискъ, ихъ даютъ норвежское законодательство, связавшее ихъ по рукамъ и ногамъ; кагда же онъ идетъ въ работу къ хозяевамъ-судовладѣльцамъ, то тутъ они попадаютъ въ руки кулаковъ. Вслѣдствіе этого среди нихъ царитъ нищета, унылость и тупая покорность судьбѣ... «Когда о поморѣ говорятъ, что онъ богатъ, то это значитъ, что онъ обладаетъ среднимъ капиталомъ (такихъ немного — они наперечетъ), а когда говорятъ, что поморъ обладаетъ среднимъ состояніемъ, это значитъ, что у него есть парусное судно и ни гроша въ карманѣ. Обладать судномъ — это идеалъ всякаго помора, поднимающагося изъ бѣдняковъ. Это переходная ступень отъ нищеты къ капиталу, притомъ, очень скользкая ступень, на которой спотыкаются многіе поморы и летятъ кувыркомъ въ омутъ банкротства, прежде нежели они подымутся до капиталистической независимости. Переписавъ по фамиліямъ всѣхъ поморовъ, хозяевъ судовъ и капиталистовъ, бывшихъ и настоящихъ, я замѣчаю удивительную смѣну лицъ, быструю и странную. Прежніе дѣятели сошли со сцены, новые выступаютъ; эти банкротятся, на сцену являются слѣдующіе. Молодое поколѣніе развращается въ пьянствѣ, не поддерживая отцовскаго дѣла. Капиталы стариковъ сохраняются послѣ смерти, если они переходятъ въ руки женщинъ

но отъ женщинъ они часто попадаютъ въ чужія руки или по родству, или по вѣрѣ, когда столбъ раскола, проповѣдывая грѣховность помѣщенія капитала въ банкъ, переводить его изъ чужихъ рукъ въ свои собственныя подъ предлогомъ вспомошествованія единовѣрцамъ или веденія дѣла по довѣренности вдовы». Вслѣдствіе вѣчной неурядицы жизни настоящее помора, какъ намъ рисуется его Н. Максимовъ, безнадежно. Что же нужно сдѣлать, чтобы обезпечить поморамъ порядокъ лучшихъ экономическихъ отношеній, лучшихъ заработковъ? Г. Максимовъ даетъ на это такой отвѣтъ: «На сѣверѣ, по отношенію къ поморамъ, необходимо прежде всего позаботиться о подъемѣ морского духа. Подъемъ же этотъ можетъ совершить только морякъ въ душѣ. Подъемъ можетъ произойти при всестороннемъ развитіи морскаго дѣла, насколько оно касается интересовъ коммерческаго флота вообще, рыбныхъ и звѣриныхъ промысловъ въ частности. Ради этой прекрасной цѣли правительству не слѣдуетъ останавливаться ни передъ какими жертвами... администраціи необходимо только помогать, образовывать и развивать народъ въ морскомъ дѣлѣ и создавать коммерческій флотъ, который могъ бы вступить въ конкуренцію съ флотами другихъ европейскихъ государствъ».

Такимъ образомъ, и г. Максимовъ, подобно остальнымъ изслѣдователямъ сѣвера, стоитъ за принятіе энергичныхъ мѣръ, клонящихся къ упорядоченію жизни мѣстнаго населенія и защиты его интересовъ отъ чужеземныхъ домогательства и домашнихъ внутреннихъ недруговъ. Онъ разсматриваетъ вопросъ только съ экономической и соціальной точки зрѣнія, не касаясь стороны политической. Но другіе писатели особенно сильно подчеркиваютъ эту послѣднюю и считаютъ необходимымъ рядомъ съ мѣрами, такъ сказать, мирнаго государственнаго порядка выдвинуть и другія. Г. Максимовъ желаетъ видѣть скорѣйшее развитіе существующаго уже частнаго коммерческаго флота у береговъ Бѣлаго моря и Ледовитаго океана; другіе, настаивая также на таковой необходимости, вмѣстѣ съ тѣмъ требуютъ созданія на сѣверѣ военнаго флота въ интересахъ политической безопасности и историческаго могущества нашего отечества. Мотивы, по которымъ вообще считаютъ нужнымъ перенести центръ тяжести нашего морскаго дѣла на сѣверъ, заключаются въ томъ, что въ Черномъ и Балтійскомъ моряхъ русскій флотъ, въ случаѣ возникновенія военныхъ дѣйствій, не будетъ въ состояніи развернуть своихъ силъ и можетъ очутиться въ положеніи запертаго. «Черноморецъ» приводитъ любопытныя соображенія французскаго журнала «La Marine Française» по этому предмету. «Русское морское министерство занялось разработкой проекта устройства большаго военнаго порта въ Ледовитомъ океанѣ,—сказано здѣсь. На первый взглядъ это намѣреніе можетъ показаться страннымъ и, однако, только оттуда русскій флотъ можетъ свободно дѣйствовать

во всё времена года, такъ какъ Балтійское море не доступно для плаванія зимой, а Черное — замкнуто проливами, которые нельзя пройти безъ разрѣшенія... Отъ устья Бѣлаго моря до норвежской границы берегъ русской Лапландіи или, что тоже, Кольскаго полуострова всегда свободенъ отъ льдовъ. Зимой и лѣтомъ онъ открытъ для плаванія. Это единственная часть всего огромнаго прибрежья Русской имперіи съ такимъ важнымъ преимуществомъ. Какъ извѣстно, всё порты Балтійскаго моря въ теченіе нѣсколькихъ зимнихъ мѣсяцевъ блокированы льдомъ; порты Чернаго моря, помимо зависимости отъ Босфора, также часто бываютъ закрыты льдомъ. Между тѣмъ, отъ свободнаго отъ льдовъ берега русской Лапландіи суда всегда могутъ направиться въ любой пунктъ земнаго шара, не стѣняясь въ то же время никакими ограниченіями по договорамъ и трактатамъ. Для нихъ—всюду открыты морскіе пути. Но это еще не все. Этотъ малоизвѣстный берегъ представляетъ еще другія выгоды. Онъ всюду изрѣзанъ глубокими бухтами, совершенно защищенными отъ бурь и внезапнаго нападенія враговъ. Въ этихъ бухтахъ могутъ свободно маневрировать цѣлыя флоты. При входѣ въ Кольскій заливъ (фіордъ) находится та именно бухта, которую русское морское министерство должно скоро изслѣдовать. Въ 1886 году великій князь Владиміръ Александровичъ, во время своего путешествія по Лапландіи, призналъ стратегическое значеніе этой бухты и предлагалъ устроить тамъ военный портъ. Впрочемъ, все побережье русской Лапландіи представляетъ русскому флоту широкій просторъ для устройства морского арсенала. Свободный въ Ледовитомъ океанѣ русский флотъ можетъ всего послѣ четырехъ дней плаванія выйти въ Сѣверное море для соединенія съ нашей ¹⁾ эскадрой. Не долженъ ли, однако, этотъ флотъ, при небольшомъ числѣ судовъ, опасаться встрѣчи съ непріателемъ въ превосходныхъ силахъ? Нѣтъ, ему нечего бояться неравнаго боя и никакой нечаянности, такъ какъ, направившись на югъ, онъ будетъ слѣдовать по нейтральнымъ водамъ норвежскаго архипелага и выйдетъ изъ него, гдѣ заблагоразсудится. Созданіе русскаго морского арсенала на берегу Ледовитаго океана сразу устанавливаетъ первенство Россіи на всемъ сѣверѣ Европы, гдѣ ея военный флагъ теперь, напротивъ, рѣдко показывается».

Всѣ изслѣдователи, обратившіе вниманіе на политическое и стратегическое значеніе Сѣвернаго моря, одинаково даютъ ему преимущество передъ морями Балтійскимъ и Чернымъ. Пререканія вызываетъ только вопросъ, гдѣ же именно строить военный портъ. По этому вопросу образовалась уже цѣлая литература полемическаго свойства, часть которой напечатана въ книжкѣ «Русскаго Стран-

¹⁾ Французской.

ника», Отсюда мы узнаемъ, что знатокъ сѣвера «Бѣломоръ» оставляетъ преимущество гавани «Озерко-Западная тожь», г. Львовъ указываетъ на «Екатерининскую», какъ на наиболѣе отвѣчающую благополучному разрѣшенію задачи. Какъ послѣднее слово въ этомъ вопросѣ specialнаго характера, считаю нужнымъ привести свидѣнія о немъ, собранныя на мѣстѣ во время путешествія этимъ лѣтомъ архангельскаго губернатора А. П. Энгельгардта въ Комскій и Кольскій уѣзды, напечатанныя въ «Архангельскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» (см. «Новости», 1895 года, № 255). Газета говоритъ:

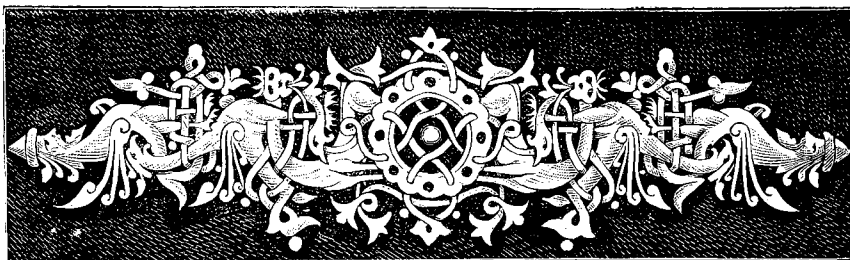
«Какія бы бури ни свирѣпствовали въ морѣ и въ Кольскомъ заливѣ, въ гавани (Екатерининской) всегда покойно, какъ въ озерѣ, такъ какъ она закрыта отъ всѣхъ вѣтровъ почти отвѣсными скалами. Съ юго-западной стороны въ гавань впадаетъ ручей съ превосходною прѣсною водою; этотъ ручей не замерзаетъ зимою и питается водою изъ нѣсколькихъ вышележащихъ на материкѣ озеръ, изъ которыхъ первое находится на высотѣ 95 футовъ, а другое — на высотѣ 137 футовъ надъ уровнемъ моря. Центральное положеніе Екатерининской гавани между населенными и промышленными пунктами на Мурманскомъ берегу, близость ея отъ открытаго океана и отъ главнаго сѣвернаго морского пути къ Архангельску, полная безопасность для стоянки и зимовки судовъ, незамерзаемость и возможность плаванія въ теченіе круглаго года, обиліе хорошей прѣсной воды,—всѣ эти несомнѣныя достоинства гавани и преимущества ея предъ другими заливами по Мурману приводятъ къ мысли о пригодности ея для устройства при ней порта и административнаго центра для Мурмана и всего Кольскаго полуострова».

Такимъ образомъ, мы видимъ изъ содержанія настоящей статьи, что нашъ сѣверъ переживаетъ знаменательные дни, ставящіе его на рубежъ новой жизни. «Заброшенная окраина» вызвала, наконецъ, къ себѣ вниманіе не только русскаго, но и европейскаго общества. О ней заговорили страстнымъ языкомъ, ей пророчатъ будущность, свѣтлую и независимую, на нее возлагаютъ надежды и упованія. Сѣверный край призванъ войти въ сферу обще-русскихъ интересовъ, при чемъ на его долю выпадаетъ почетная обязанность стоять на стражѣ отечественныхъ политическихъ и экономическихъ задачъ. Сѣтъ сѣверныхъ желѣзныхъ дорогъ, военный портъ, коммерческій флотъ, новые суды—вотъ тѣ вопросы, которые постоянно дебатировались на страницахъ нашей повременной прессы. Объ столицѣ, и Петербургѣ, и Москва, хлопочутъ объ изысканіи наиболѣе краткаго пути соединенія съ сѣверомъ, купечество, достаточно разочарованное спекулятивной горячкой юга, обращаетъ свои взоры къ сѣверному полюсу, гдѣ ждуть исцѣленія отъ многихъ коммерческихъ и промышленныхъ недуговъ. Все это явленія отрадные и симпатичныя, доказывающія, что въ Россіи еще много неисчер-

панных и неразрешенных задач, которыя обнаруживают ея молодость, жизненность и богатство силъ. Дай Богъ этимъ силамъ найти себѣ какъ можно скорѣе правильное развитіе и примѣненіе; пусть все лучшее, что выработала старая Россія, послужитъ сѣверному краю опытомъ и указаніемъ, и да минуютъ его тѣ многіе «проклятые» вопросы, которыми такъ богаты нашъ центръ и югъ, и пусть никакіе призраки въ видѣ «сѣверной» кровопролитной войны не омрачаютъ зари его молодой пробуждающейся жизни.

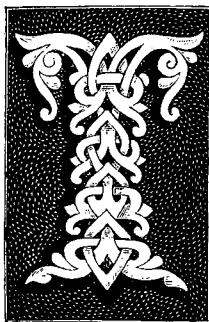
Б. Глинскій.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

А. Филипповъ, профессоръ Юрьевскаго университета. Исторія сената въ правленіе верховнаго тайнаго совѣта и кабинета. Ч. I. Сенатъ въ правленіе верховнаго тайнаго совѣта. Юрьевъ. 1895.

ТРИДЦАТЬ семь лѣтъ, протекшихъ отъ кончины Петра Великаго до воцаренія Екатерины II, еще въ половинѣ пятидесятихъ годовъ текущаго столѣтія изображались русскими историками весьма неполно и недостовѣрно; этотъ промежутокъ между двумя «великими» царствованіями, какъ время слабыхъ правителей и сильныхъ временщиковъ, характеризовался только дворцовыми смутами и придворными интригами, въ которыхъ усматривали лишь мелкіе, эгоистическіе происки временщиковъ и старинной московской знати, считавшейся вообще остаткомъ до-петровскаго русскаго варварства и застоя.

Такое возрѣніе вытекало прежде всего изъ недоступности и неразработанности источниковъ по исторіи Россіи XVII и XVIII вѣковъ вообще и времени съ 1725 по 1762 годъ въ частности. Теперь, сорокъ лѣтъ спустя, мы иначе смотримъ на нашу исторію XVIII вѣка, а слѣдовательно и на Петра Великаго и его реформу, и на время отъ 1725 по 1762 годъ. Теперь, благодаря большому, сравнительно съ прежнимъ изученію историческихъ источниковъ XVIII и предшествовавшаго ему XVII вѣка, мы знаемъ, что Петръ Великій съ его преобразовательными планами есть неизбѣжный результатъ предыдущей исторіи Московскаго государства, что московскій XVII вѣкъ вовсе не былъ временемъ національной исключительности и

невѣжественной косности, и что въ этотъ вѣкъ, задолго до Петра Великаго, являлась и развивалась у многихъ тогдашнихъ передовыхъ людей мысль о сближеніи съ Западной Европой, но на иныхъ началахъ, чѣмъ то сдѣлано было впоследствии Петромъ Великимъ. Точно также мы знаемъ теперь, что время съ 1725 по 1862 годъ, послѣдовавшее за его кончиной, является далеко не «пустымъ мѣстомъ» въ русской исторіи XVIII вѣка только потому, что это время наполнено слабыми представителями верховной власти и сильными временщиками. Наоборотъ, тридцать семь лѣтъ, протекшія отъ кончины «перваго императора» до воцаренія «Семирамиды сѣвера», какъ называли современники Екатерину II, есть періодъ очень содержательный въ русской исторіи.

Въ этотъ періодъ смена, брошенная царемъ преобразователемъ на русскую ниву, принесли свой плодъ, но рядомъ съ ними стали всходить на ней и другія смена, заглушенные могучей волей Петра. Европейское «насажденіе» Петра Великаго, узко понимаемое его ближайшими преемниками и послѣдователями и лишенное авторитетной его поддержки, дало возможность воспрянуть сторонникамъ сближенія нашего съ Западной Европой, образовавшимся въ XVII вѣкѣ, и иного направленія, чѣмъ былъ Петръ Великій. Чуждые его абсолютизму, реформаторскому утилитаризму и чреватѣрной крутости и быстрой ломкѣ прежняго, эти люди иначе, чѣмъ онъ, понимали европейское «насажденіе». Они не только не относились безусловно враждебно ко всему старому, московскому, но даже симпатизировали многому изъ него и желали лишь улучшить это многое путемъ заимствованія изъ Западной Европы и притомъ улучшить постепенно. Политическимъ идеаломъ этихъ людей являлся исконный, самодержавный московскій государственный строй, основанный на совѣщаніи царя съ Боярскою Думою и съчинами Земскаго Собора, но улучшенный и измѣненный западно-европейскими формами. Представителемъ такого европеизма въ исходѣ XVII вѣка былъ крупный государственный дѣятель въ правленіе царевны Софіи Алексѣевны, князь Вас. Вас. Голицынъ; носителями тѣхъ же идей въ XVIII вѣкѣ являются: другой князь Голицынъ, Дмитрій Михайловичъ, иниціаторъ избранія на престолъ Анны Иоанновны съ извѣстными «кондѣціями», и русскій историкъ эпохи Екатерины II, князь М. М. Щербатовъ. Съ 1725 по 1762 годъ люди такого образа мыслей стали заявлять свои воззрѣнія, и между ними и сторонниками реформы Петра Великаго, русскими и нѣмцами, произошла борьба, которой и характеризуется это время, являющееся весьма содержательнымъ и интереснымъ. Эта борьба не была, слѣдовательно, борьбою между европейскимъ просвѣщеніемъ, представителями котораго являются сторонники петровской реформы, «птенцы Петра Великаго», и московскимъ до-Петровскимъ варварствомъ, защищаемымъ людьми старой московской знати, старо-русской партіей, какъ это представляли себѣ современные иностранные дипломаты, а борьбой двухъ преобразовательныхъ теченій: правительственно-радикальнаго и оппозиціонно-умѣреннаго.

Книга, заглавіе которой выписано въ началѣ этой замѣтки, излагаетъ эпизодъ изъ исторіи этой борьбы въ сферѣ высшихъ государственныхъ учрежденій. Составленная на основаніи критическаго изученія первоисточниковъ и монографій по данному вопросу, монографія проф. Филиппова преисполнена величайшаго научнаго и общественнаго интереса. Авторъ задался мыслью представить исторію сената, первенствующей «государственной

коллегіи», учрежденной Петромъ Великимъ, за такое время, которое обыкновенно считается временемъ «униженія» этого учрежденія, то-есть за время существованія двухъ центральныхъ государственныхъ учрежденій, поставленныхъ выше сената, и къ коимъ онъ состоялъ въ подчиненномъ отношеніи. Эти два учрежденія были: верховный тайный совѣтъ, съ 1726 по 1730 годъ, и кабинетъ министровъ, съ 1730 по 1742 годъ. Вышедшая первая часть изслѣдованія проф. Филиппова обнимаетъ исторію сената за время существованія надъ нимъ верховнаго тайнаго совѣта; время кабинета министровъ составляетъ вторую часть, появленія которой въ свѣтъ ожидаемъ съ нетерпѣніемъ.

Во введеніи почтенный авторъ весьма убѣдительно выясняетъ причины устойчивости высшихъ государственныхъ учрежденій въ Московскомъ государствѣ и неустойчивости ихъ въ преобразованной Россіи XVIII вѣка. Главнѣйшую причину перваго обстоятельства проф. Филипповъ объясняетъ тѣмъ, что въ Московской Руси учрежденія возникали органически, изъ совокупности всѣхъ условий русской жизни, между тѣмъ какъ съ реформы Петра Великаго они являлись плодомъ теоретическихъ соображеній на основаніи западно-европейскихъ образцовъ. Такое подражаніе на практикѣ не всегда было удачно, что, между прочимъ, наглядно видно изъ ошибочности мысли основать исполнительные органы управленія на коллегіальномъ принципѣ, такъ какъ этотъ принципъ всего менѣе пригоденъ для устойчивости власти исполнительной. Позволимъ себѣ привести подлинныя слова почтеннаго автора, которыя прекрасно выясняютъ основную идею его изслѣдованія и наглядно покажутъ читателю значеніе его книги.

«XVIII вѣкъ живо чувствовалъ всѣ эти недостатки «коллегскаго управленія, — говоритъ профессоръ Филипповъ, — но выходилъ изъ затрудненія средствами случайными и временными (что, конечно, не могло придавать устойчивости учрежденіямъ), то создавая, подъ тѣмъ или инымъ именемъ, дѣйствительныхъ министровъ, хотя и не давая имъ строгой организаціи въ видѣ министерствъ, то соединяя этихъ министровъ въ особые совѣты, съ полномочіями неопредѣленными и недолговѣчными.

«Центральною фигурою, около которой возникали и на счетъ власти которой развивались всѣ эти временныя, малоустойчивыя учрежденія, былъ сенатъ. На нашъ взглядъ, это также въ высшей степени характерно и даетъ нѣкоторую нить къ объясненію тѣхъ перемѣнъ, какія происходили постоянно въ порядкѣ нашихъ высшихъ учрежденій въ XVIII вѣкѣ. Сенатъ вскорѣ послѣ его созданія сдѣлался учрежденіемъ, исполнявшимъ въ государствѣ весьма разнообразныя и сложныя задачи. Будучи поставленъ на мѣстѣ Боярскаго Думы, онъ долженъ былъ если не при Петрѣ, то послѣ него, взять на себя ту политическую роль, какую играла когда то, между прочимъ, Боярская Дума. Но онъ не былъ пригоденъ къ этой роли ни по своему составу, ни по своимъ основнымъ функциямъ; наконецъ, онъ не имѣлъ для этого достаточно традицій. Между тѣмъ, необходимость такого учрежденія чувствовалась постоянно; неудивительно, что эту роль политическаго учрежденія въ будущемъ стали оспаривать у сената тѣ олигархическія партіи и тѣ случайныя «совѣты» министровъ, коимъ удавалось захватить власть въ данное время. Въ этой борьбѣ за власть сказывалось не одно желаніе «тогдашнихъ случайныхъ и припадочныхъ людей» создать, — какъ писалъ графъ Н. И. Панинъ Екатерины II, — «изъ подобныхъ учрежденій «всегда зловлечительный общему благу интервалъ между государемъ и правительствомъ», хотя, конечно, это желаніе имѣло громадное значеніе; здѣсь, несомнѣнно, сказывалось, — какъ справедливо замѣчено М. Ф. Владимірскимъ-Будановымъ, — «постоянно сознаваемая потребность высшихъ государственныхъ установленій, которой удовлетворяла прежде дума, но для которой вовсе не созданъ совѣтъ», получившій политическую роль и значеніе «лишь случайно при Елизаветѣ». Борьба съ сенатомъ со стороны тѣхъ

личныхъ органовъ власти, кои возникали въ XVIII вѣкѣ и дѣйствовали то раздѣльно, то объединенно въ одномъ общемъ учрежденіи, была, такимъ образомъ, борьбою не только личною, но и принципиальною. Правда, эта борьба велась неумѣло, средствами случайными и весьма недостаточными, чтобы побороть столь легально-поставленное и на государственно-правовыхъ началахъ основанное учрежденіе, какимъ былъ сенатъ Петра Великаго, но сама идея созданія, рядомъ съ сенатомъ, новаго высшаго учрежденія заслуживала вниманія и была жизненна: необходимо было дать просторъ болѣе живому дѣйствию личнаго начала въ управленіи съ одной стороны, нужно было имѣть учрежденіе съ политическими задачами—съ другой. Къ сожалѣнію, борьба за осуществленіе этой идеи была въ XVIII вѣкѣ неудачна и неудачна, можетъ быть, потому, главнымъ образомъ, что размежеваться съ сенатомъ плодотворно могло бы лишь учрежденіе, столь же закономѣрно-построенное и отлившееся въ столь же публичныя формы, какъ и самъ сенатъ великаго императора; но XVIII вѣкъ, если иногда и сознавалъ это, то плохо умѣлъ осуществить эту идею въ тѣхъ учрежденіяхъ, какія онъ временно ставилъ на мѣсто сената. Какъ извѣстно, Петръ Великій, создавая сенатъ, не думалъ дѣлиться съ нимъ властію, а лишь хотѣлъ видѣть въ немъ «орудіе» своей власти. Петру Великому, однако, принадлежитъ громадная заслуга въ томъ, что онъ это орудіе власти хотѣлъ поставить опредѣленно, утвердить его закономъ, снабдить всѣми средствами для того, чтобъ оно дѣйствовало правомѣрно, энергично и сообразно съ новыми потребностями государства... Правда, иногда эти высшія учрежденія, появившіяся въ XVIII вѣкѣ, въ противовѣсъ сенату, привлекаютъ вниманіе изслѣдователя важностью и интересомъ той идеи, которая клалась въ ихъ основаніе; иногда вниманіе привлекаетъ и та борьба, которая начинается возникать между нѣсколькими конкурирующими за вліяніе учрежденіями; но едва идея учрежденія начинается осуществляться и едва борьба разгорается, какъ само учрежденіе уже исчезаетъ съ исторической сцены... (См. введеніе, стр. 3—6).

Чтобы понять положеніе сената въ зависимости отъ верховнаго тайнаго совѣта, прежде всего слѣдуетъ, конечно, изложить исторію образованія и развитія дѣятельности этого высшаго въ то время государственнаго учрежденія, что и дѣлаетъ профессоръ Филипповъ, посвящая этому вопросу I-ю главу своего изслѣдованія (стр. 9—144). Само собою, это не полная исторія верховнаго тайнаго совѣта, а только очеркъ ея—такъ смотритъ на I-ю свою главу и самъ авторъ; полная исторія верховнаго тайнаго совѣта впереди, и было бы весьма желательно, чтобы за это дѣло ваялся впоследствии профессоръ Филипповъ и изложилъ бы и ее столь же документально и талантливо, какъ онъ это сдѣлалъ относительно исторіи сената за время его подчиненія верховному тайному совѣту. Петровскій сенатъ былъ главнымъ на строгомъ основаніи закона исполнителемъ царской и императорской власти, но не объединялъ въ себѣ всѣхъ функцій высшаго государственнаго управленія, и потому и до него, и при его учрежденіи являлись потребности въ сепаратныхъ «консиліяхъ» Петра Великаго съ приближенными ему государственными сановниками по дѣламъ политическимъ, внѣшнимъ и внутреннимъ, и основнымъ вопросамъ управленія; черезъ шесть лѣтъ послѣ учрежденія сената, съ 1717 года, заявляется уже мысль, въ проектахъ, подаваемыхъ Петру Великому и нѣмцами, и русскими,—объ установленіи надъ сенатомъ, вмѣсто временныхъ «консилій», постояннаго учрежденія, высшей инстанціи. Эта же мысль осуществилась и въ указѣ Екатерины I 8-го февраля 1728 года объ учрежденіи верховнаго тайнаго совѣта. Но такова была официально выраженная мысль, принципъ *de jure*; *de facto* въ учрежденіи верховнаго тайнаго совѣта съ перваго же раза проявились два мотива: во-первыхъ, всемогущій въ то время князь А. Д. Мень-

шиковъ надѣялся самовольно властвовать въ совѣтѣ, прикрываясь коллегіальной его реформой съ одной стороны и указами императрицы, изъ него исходящими, съ другой, а, во-вторыхъ, назначенный членомъ верховнаго тайнаго совѣта, при самомъ его учрежденіи, князь Д. М. Голицынъ стремился придать этому учрежденію характеръ московской боярской думы. Такимъ образомъ, верховный тайный совѣтъ съ перваго раза сталъ учрежденіемъ политическимъ. Единовластительскіе замыслы князя Меншикова столкнулись съ московско-боярскими стремленіями князя Д. М. Голицына, за которымъ стояла московская старинная знать, и вся послѣдующая исторія верховнаго тайнаго совѣта есть дальнѣйшее развитіе этого первоначальнаго конфликта. Уже при Екатеринѣ I-й верховный тайный совѣтъ дѣйствовалъ «именемъ императрицы» безъ ея фактическаго участія, а во время номинальнаго самодержавія ея преемника, отрока-императора Петра II, верховный тайный совѣтъ весьма естественно занялъ мѣсто верховной власти. Старинная московская знать получила въ немъ преобладаніе; князь Меншиковъ былъ ею низвергнутъ, и избраніе «верховниками» въ російскія императрицы Анны Іоанновны съ «кондиціями» являлось логическимъ результатомъ такого теченія дѣлъ. Современники-иностранцы, по своему объясняя задачу верховнаго тайнаго совѣта, еще при самомъ учрежденіи его приписывали ему замыселъ измѣнить форму правленія «на манеръ англійскій», а впоследствии русскіе и нѣмецкіе сторонники самодержавія Анны Іоанновны обвиняли верховниковъ въ «республиканскихъ» стремленіяхъ.

Остальныя три главы книги профессора Филиппова подробно передаютъ организацію и дѣятельность сената за время существованія верховнаго тайнаго совѣта. Глава II посвящена исторіи преобразованія сената и характеристикѣ его отношеній къ верховному тайному совѣту. Глава III излагаетъ устройство сената. Здѣсь говорится: о составѣ сената, о службѣ и о дѣятельности сенаторовъ, о сенатской канцеляріи, о сенатской конторѣ, объ учрежденіяхъ и лицахъ, состоявшихъ при сенатѣ (незамѣщеніе должности генераль-прокурора и связаннаго съ этимъ перемѣны въ положеніи сенатскаго оберъ-прокурора и генераль-рекетмейстера, институтъ фискаловъ и герольдмейстера), о дѣлопроизводствѣ сената. Глава IV сообщаетъ интереснѣйшія данныя, впервые сгруппированныя здѣсь, главнымъ образомъ, на основаніи рукописнаго матеріала о кругѣ вѣдомства сената съ 1725 по 1730 годъ. Въ этой главѣ почтенный авторъ приходитъ къ слѣдующему важному выводу, во многомъ измѣняющему существовавшій доселѣ. По заключенію профессора Филиппова, сенатъ при учрежденіи верховнаго тайнаго совѣта сохранилъ прежнюю свою организацію въ качествѣ чисто-дѣлового учрежденія. «Во-первыхъ, самъ верховный тайный совѣтъ, какъ учрежденіе политическое, — говоритъ авторъ, — постоянно нуждался въ хорошо устроенной экспедиціонной коллегіи и, во-вторыхъ, у сената оставалось обширное поле для самостоятельной дѣятельности, хотя бы подъ верховенствомъ другого учрежденія (стр. 481). Эта самостоятельная дѣятельность опредѣлялась коллегіальной организаціей сената, при которой онъ изготовлялъ разные законопроекты и сосредоточивалъ всѣ сложныя функціи подчиненнаго управленія и контроля, поскольку онѣ нуждались въ общемъ органѣ, правомѣрно поставленномъ и дѣйствующемъ въ предѣлахъ закона (стр. 482). Заслуга сената за это время выразилась въ сильномъ съ его стороны отстаиваніи идеи законности въ государственномъ

управленіи, между тѣмъ какъ въ основу организаціи верховнаго тайнаго совѣта легло не столько право, сколько политика (ibid.). А эта заслуга весьма немаловажная, отводящая сенату за время подчиненія его верховному тайному совѣту почетное мѣсто въ ряду русскихъ центральныхъ государственныхъ учреждений XVIII вѣка.

Многоязыченъ и поучителенъ окончательный выводъ, къ которому приходитъ профессоръ Филипповъ, какъ къ итогу всего своего изслѣдованія: «Въ этой идеѣ законности, лежавшей всегда въ основѣ дѣятельности сената,—говоритъ онъ,—надо искать, на нашъ взглядъ, и причину того, что сенатъ, не смотря на превратности его судебъ, уцѣлѣлъ надолго... Политическія идеи времени могутъ быть недолговѣчны и измѣнчивы, идея же законности въ управленіи есть неизмѣнное основаніе, на которомъ должно строиться сколько нибудь прочное зданіе государственности» (стр. 485—486).

Изъ представленнаго краткаго очерка книги профессора Филиппова видно, что какъ по содержанію, такъ и по изложенію она способна не только живо заинтересовать специалистовъ, русскихъ историковъ и историковъ русскаго права, и сообщить имъ массу новыхъ и любопытныхъ данныхъ и соображеній, но также можетъ быть весьма полезнымъ и интереснымъ чтеніемъ для каждаго образованнаго русскаго человѣка. Д. Корсаковъ.

Адольфъ Гаспари. Исторія итальянской литературы. Томъ I-й Итальянская литература среднихъ вѣковъ. Переводъ К. Бальмонта. Изд. К. Т. Солдатенкова. Москва. 1895.

Въ числѣ полевныхъ издательскихъ предпріятій К. Т. Солдатенкова за послѣднее время переводъ исторіи итальянской литературы А. Гаспари, безъ сомнѣнія, одно изъ самыхъ удачныхъ и полезныхъ для русской публики. Человѣкъ, не имѣющій сколько нибудь яснаго представленія о Данте, Петраркѣ, Бокаччио, Аріосто, Тассо, не можетъ считаться образованнымъ; а откуда русскому читателю получить это представленіе, когда у насъ до сихъ поръ даже и въ библиотекахъ не было ни одной исторіи итальянской литературы, сколько нибудь стоящей на уровнѣ современной науки? Въ 40—50-хъ годахъ читались очерки Шевырева, читалась талантливая монографія Кудрявцева о Данте; въ 60-хъ годахъ появилась, какъ приложение къ журналу «Свѣточъ», спитая на живую нитку, если не ошибаемся, В. Костомаровымъ (подъ редакціей А. Милюкова въ серіи: «Исторія литературы древняго и новаго міра», составленная по І. Шерру, Шлоссеру, Г. Геттнеру и пр.), исторія итальянской литературы въ 3-хъ выпускахъ; лѣтъ черезъ 7—8 промелькнулъ I-й томъ оригинальной исторіи итальянской литературы, составленной лекторомъ с.-петербургскаго университета Пивто, заключившій въ себѣ бездну такихъ курьезовъ (можетъ быть, значительная часть ихъ падала на отвѣтственность плохихъ переводчиковъ, такъ какъ самъ авторъ не владѣлъ русскимъ языкомъ), что издатель посѣдшилъ взять книгу изъ продажи. И, кажется, только! Выходила послѣ того масса солидныхъ монографій и общихъ обзорѣній по литературамъ нѣмецкой, англійской, французской; даже цѣликомъ переведена исторія испанской литературы Тьянора съ дополненіями; даже есть у насъ добросовѣстно составленная и хорошо переведенная исторія скандинавскихъ литературъ; а итальянская литература, наиболѣе смѣемъ

«истор. вѣстн.», ноябрь, 1895 г., т. LII.

думать, образовательная, оставалась забытой! А насколько чувствовалась въ ней потребность, видно хоть изъ того, напр., что роскошное изданіе полнаго (конечно, *excerptis excerptis*) перевода Декамерона, исполненное г. Кушнеревымъ, вовсе не считается предпріятіемъ безнадежнымъ, и 2-хъ-томное изслѣдованіе академика А. Н. Веселовскаго о Бокаччі), которое, въ сущности, вовсе не по зубамъ русской публикѣ и газетной критикѣ, вызвало цѣлый рядъ отзывовъ. Теперь, наконецъ, эта настоятельная потребность удовлетворяется наилучшимъ образомъ; Адольфъ Гаспари, первая крупная работа котораго о сицилійской школѣ поэтовъ обратила на себя всеобщее вниманіе и по сю и по ту сторону Альповъ, соединяетъ въ себѣ достоинства и солиднаго ученаго изслѣдователя, прекраснаго знатока романскихъ литературъ вообще и талантливаго критика; 10 лѣтъ назадъ онъ издалъ исторію итальянской литературы (*Geschichte der italienischen Literatur v. Adolf Gaspari, Strassburg, 1885*), которая почти немедленно была переведена на итальянскій языкъ (Николаемъ Zingarelli, Torino, 1887), несмотря на то, что сами итальянцы въ послѣднія 15—20 лѣтъ выпустили цѣлый рядъ общихъ обзоровъ и учебниковъ и въ томъ числѣ нѣсколько очень хорошихъ. Теперь молодой поэтъ, извѣстный прекрасными переводами изъ Шелли, К. Бальмонтъ даетъ добросовѣстный и мѣстами изящный переводъ ея первого тома по-русски.

Здѣсь не мѣсто подвергать обстоятельному разбору «дѣлающей эпоху», какъ говорятъ нѣмцы, трудъ Гаспари; достаточно привести названіе главъ этого тома, чтобы показать, какъ далеко наука ушла впередъ отъ того времени, когда исторію итальянской литературы начинали съ Данте, предпосылая ему только болѣе или менѣе обширное введеніе объ отдѣленіи итальянскаго языка отъ латинскаго и о первыхъ «жалкихъ» попыткахъ собственнаго поэтическаго творчества. Гл. I. Введеніе (въ немъ авторъ излагаетъ въ общихъ чертахъ, но съ фактическими иллюстраціями ходъ духовной культуры средневѣковой Италіи и исторію ея латинской письменности). II. Сицилійская школа поэтовъ. III. Лирическая поэзія, входящая въ свое происхожденіе (*sic*) въ Средней Италіи. IV. Гвидо Гвиничелли изъ Болоньи. V. Французская рыцарская поэзія (точнѣе: эпосъ) въ Верхней Италіи. VI. Религіозная и моральная поэзія въ Верхней Италіи. VII. Религіозная лирика въ Умбріи. VIII. Прова въ XIII-мъ столѣтіи. IX. Аллегорическа-дидактическая поэзія и философская лирика новой флорентійской школы. X. Данте. XI. Божественная комедія. XII. XIV-й вѣкъ. XIII. Петрарка. XIV. Канцоны Петрарки. XV. Приложение (библиографическія и критическія замѣтки).

Уже изъ этого перечня видно, что даже тотъ, кто чуть не вчера читалъ Вильмена, Жюнгена, Маффеи, Рута и пр., найдетъ здѣсь массу новаго, со-всѣмъ почти незнакомаго, и что «Новая жизнь» Данте и «Божественная комедія» явятся для него совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ—результатомъ умственной и художественной дѣятельности длиннаго ряда поколѣній. Если прибавить къ этому, что Гаспари даже отъ своихъ непосредственныхъ предшественниковъ (даже отъ Бартоли) отличается, къ своей великой выгодѣ, тѣмъ, что умѣетъ соединить легкость и общедоступность изложенія съ полной, такъ сказать, ученой откровенностью, доходящей до указанія на главнѣйшія рукописи и до критики главнѣйшихъ монографій, можно, мы надѣемся, составить себѣ понятіе о великой полезности его книги.

Мы назвали переводъ г. Бальмонта мѣстами изящнымъ, разумѣя главнымъ образомъ его собственные опыты стихотворныхъ переводовъ, имъ впе-

сенные въ книгу; таковъ, напр., прекрасный пересказъ перваго сонета изъ «Новой жизни» на стр. 193¹⁾. Въ общемъ, переводъ очень хорошъ и страдаетъ развѣ однимъ — отсутствіемъ добавленій и примѣчаній, которыхъ мы были бы въ некоторомъ правѣ ожидать отъ любви къ дѣлу и хорошей подготовки г. Бальмонта (напр., было бы очень полезно указать на русскую библиографію Данте, сказать на 2—3 страницахъ о происхожденіи итальянскаго языка изъ народной латыни, о его нарѣчіяхъ и пр.). Для русской публики, думаемъ мы, было бы не лишнимъ, если-бъ всѣ латинскія, итальянскія и старофранцузскія цитаты были переведены внизу.

Въ виду нѣкоторой надежды на 2-е изданіе хорошей книги считаемъ не безполезнымъ отмѣтить нѣсколько недосмотровъ, замѣченныхъ нами при чтеніи первыхъ главъ. На стр. 27: «Даміани близко освѣдомленъ съ свѣтскимъ образованіемъ своей эпохи». Стр. 72: «Не малое возбужденіе должны были возбудить...». На стр. 202: извѣстный ученый Гастонъ Парисъ названъ Пари. На стр. 153: Винкентій изъ Бове итальянизированъ въ Винченцо. Напрасно г. Бальмонтъ придерживается неправильной и не русской формы: по-латински (ст. 153 и *passim*).

Печать и бумага книги Гаспари, къ сожалѣнію, не такъ хороши, какъ въ другихъ новѣйшихъ изданіяхъ К. Т. Солдатенкова, напр., въ книгахъ Масперо и М. М. Ковалевскаго. А. К.—вѣ.

П. А. Тверской. Очерки Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ штатовъ. Спб. 1895.

Авторъ—русскій помѣщикъ, превратившійся въ настоящаго янки. Въ 1881 году пріѣхалъ онъ въ Нью-Йоркъ съ семьей и тремя тысячами долларовъ въ карманѣ, думая устроиться на новой родинѣ, если не помѣщикомъ, то по крайней мѣрѣ фермеромъ-арендаторомъ. Съ этой цѣлью онъ отправился на крайній югъ, во Флориду, гдѣ земля была еще дешева. Но вышло такъ, что вмѣсто помѣщика онъ, нѣсколько неожиданно для себя самого, превратился въ предпринимателя-промышленника. Вслѣдствіе господствовавшей въ то время колонизаціонной горячки въ Флоридѣ, спросъ на строительные матеріалы былъ огромный, и нашъ авторъ превратился въ заводчика-лѣсопила. Его маленькій заводъ сталъ быстро зашибать деньгу своему хозяину. «Работы,—рассказываетъ онъ,—было вдоволь, дѣны на тѣхъ стояла высокія; я расширилъ дѣло, прибавилъ новыя машины, выстроилъ другой заводъ, затѣмъ деревообрабатывающую фабрику, завелъ обширную торговлю, потомъ пустился въ подряды, взялся за постройку желѣзныхъ дорогъ, и черезъ нѣсколько лѣтъ очутился во главѣ не только обширнаго лѣснаго и подряднаго дѣла, съ годовымъ оборотомъ свыше милліона долларовъ, но и частью владѣльцемъ и главноуправляющимъ значительной желѣзнодорожной системы». «Основанный мною на Мексиканскомъ заливѣ, въ 1836 году, городъ С.-Петербургъ насчитываетъ уже около двухъ тысячъ жителей и считается единственнымъ портомъ западнаго берега Флориды, къ которому могутъ приставать океанскіе пароходы» (стр. 9). Но—«скоро славка сказывается»,—и если

¹⁾ Къ сожалѣнію, по недосмотру, вѣроятно, корректурному, въ него вкралась одна курьезная ошибка: ст. «*Già egan quasi ch'atterzate l'ore*» переведенъ: «Ужъ треть прошла тѣхъ лѣтъ, ничѣмъ не возмущенныхъ», вм.: «Ужъ треть прошла часовъ».

читателю представится, что миллионы, которыми ворочаетъ въ настоящее время нашъ русскій янки, свалились на него съ неба, то мы ему совѣтуемъ прочесть хотя бы слѣдующія краткія, но краснорѣчивыя строки: «За дѣло-щильнымъ, затѣмъ подряднымъ и желѣзнодорожнымъ дѣлами я проработалъ восемь лѣтъ—сначала простымъ рабочимъ, потомъ отправщикомъ теса, нагрузчикомъ на вагоны, затѣмъ главноуправляющимъ въ конторѣ, гдѣ физическій трудъ больше не требовался,—и такъ я дошелъ до того, что сталъ зарабатывать больше головой, чѣмъ руками» (стр. 241). Любопытно, что, по наблюденію автора, умственный трудъ оплачивается въ Америкѣ не только не выше, а въ среднемъ даже ниже физическаго. Напримѣръ, плотникъ получаетъ отъ трехъ до пяти долларовъ въ день, кузнецъ отъ четырехъ до шести, штукатуръ и каменщикъ отъ пяти до семи съ половиной; въ то же время полицейскій мировой судья получаетъ всего 75, секретарь городской управы и ея казначей—90 долларовъ въ мѣсяцъ; очень хорошаго бухгалтера можно нанять за 60 долларовъ, а приказчики въ магазинахъ работаютъ за 50 и даже 40 долларовъ въ мѣсяцъ (стр. 298). «Очерки» г. Тверскаго отличаются чрезвычайнымъ богатствомъ содержанія и при всей серьезности и дѣловитости тона не отталкиваютъ читателя сухостью. Разгадка въ томъ, что въ нихъ нѣтъ ничего сочиненнаго и книжнаго,—отъ нихъ вѣетъ свѣжестью жизни и живостью непосредственныхъ впечатлѣній, которыя невольно завоевываютъ и приковываютъ читателя. Авторъ чуждъ тѣхъ разглагольствованій и сочинительскихъ потугъ, которыми такъ часто грѣшатъ подобныя сочиненія. Въ «Очеркахъ г. Тверскаго мы имѣемъ дѣло не съ сочинителемъ, а съ умнымъ наблюдателемъ, но прежде всего дѣловымъ человѣкомъ, который не любитъ «словъ тратить попустому», и говоритъ простымъ, толковымъ и яснымъ языкомъ и только о томъ, что самъ видѣлъ и пережилъ. И въ этомъ главная цѣнность «Очерковъ», которые прочтутся съ пользой и интересомъ всѣми, кто интересуется своеобразнымъ и во многихъ отношеніяхъ поучительнымъ бытомъ заокеанской страны, которой, по всѣмъ даннымъ, предстоитъ сыграть великую роль въ культурной и политической исторіи грядущаго столѣтія. П. А.

П. В. Голубовскій. Исторія Смоленской земли до начала XV столѣтія. Кіевъ. 1895.

П. В. Голубовскій, уже извѣстный своими историческими трудами о Сѣверско-Черниговской землѣ и о печенѣгахъ, тюркахъ и половцахъ, является съ новой монографіей, на этотъ разъ по исторіи Смоленской земли. Важность изученія областной, мѣстной исторіи Россіи понятна каждому образованному и мыслящему человѣку: нельзя имѣть правильнаго представленія о сложномъ цѣломъ организмѣ, не изучивъ его составныхъ частей. Географическое пространство и природное, этнографическое, культурное и общественное разнообразіе «всѣя Руси», раскинувшейя отъ Балтійскаго моря до Тихаго океана и отъ океана Ледовитаго до Чернаго моря и предгорья Гималая, — уже опредѣляютъ различіе въ историческихъ судьбахъ многообразныхъ областей, земель Россійскаго государства. Школа кіевскихъ ученыхъ русскихъ историковъ, съ профессоромъ В. Б. Антоновичемъ во главѣ, давно и плодотворно работаетъ надъ изученіемъ исторіи отдѣльныхъ

русскихъ земель въ эпоху ихъ самостоятельнаго существованія. Къ этой кievской школѣ принадлежить и П. В. Голубовскій.

Смоленская земля, занимавшая верховья Дѣбпра, по которому издавна шель торговый и военный путь «язь Варягъ въ Греки», и притока Оки, рѣки Москвы,—по самому географическому положенію своему, какъ бы предназначалась на колебаніе между двумя группами русскихъ земель—западной и восточной. Въ ней, рядомъ съ литовцами и угрофиннами, обитало два славянскихъ племени: старѣйшіе насельники земли—кривичи, многочисленное племя, раскинувшееся далеко на западъ по Западной Двинѣ до Валтійскаго моря и на востокъ до верховьевъ Волги и ставшее, повидимому, основнымъ ядромъ образовавшагося позднѣе племени великорусскаго, и радимичи, начавшіе заселять въ предѣлахъ Смоленской земли лѣвое побережье Дѣбпра позднѣе кривичей. Еще въ исходѣ IX вѣка въ Смоленской землѣ встрѣчаются города, ведущіе значительную торговлю, и съ тѣхъ поръ до начала XV вѣка эта земля живетъ независимую, самостоятельную, культурною жизнью. Удобное водное сообщеніе съ Византіей издавна заноситъ въ Смоленскую землю слѣды греческой образованности, а географическая ея близость къ Западной Европѣ, къ Ливонскому ордену и нѣмецкимъ и скандинавскимъ городамъ, оживленныя торговныя сношенія съ Ригой, Ганвой и Готландомъ—сближаютъ Смоленскую землю съ Западной Европой и въ культурномъ отношеніи; восточное же сосѣдство ея съ Ростовско-Суздальской землей заставляеть смольнянъ послѣ упорной борьбы признать татарское владычество. Въ XIV вѣкѣ самостоятельная жизнь Смоленской земли начинается подативаться натискомъ двухъ могущественныхъ сосѣдей: западнаго—государей литовскихъ Гедиминовичей и восточнаго—московскихъ собирателей Руси. Въ XIV в. Можайскъ, смоленскій пригородъ, отнимается Москвой, а въ 1404 г. знаменитый литовскій великій князь Витовтъ завоевываеть Смоленскъ.

Г. Голубовскій излагаетъ въ своей книгѣ эту любопытную шестисотлѣтнюю исторію Смоленской земли, пользуясь вполнѣ научно цѣлымъ рядомъ историческихъ источниковъ—устныхъ, вещественныхъ и письменныхъ, отечественныхъ и иноземныхъ. Анализъ исчезнувшаго говора кривичей и теперешнихъ мѣстныхъ смоленскихъ говоровъ, названій рѣкъ, урочищъ и населенныхъ мѣстъ, результаты курганныхъ раскопокъ, данныя нумизматическія и археологическія, свидѣтельства лѣтописей, житій святыхъ и сказаній, актовъ и памятниковъ законодательства,—вотъ изъ какихъ данныхъ, строго проверенныхъ исторической критикой, составляетъ свой научный арсеналъ нашъ почтенный ученый. Начиная свою повѣсть временныхъ лѣтъ о землѣ Смоленской съ подробнаго и обстоятельнаго изложенія ея географіи и этнографіи (гл. I), онъ весьма тщательно изслѣдуетъ рѣчныя системы земли, эти колонизаціонныя артеріи, и затѣмъ самую колонизацію кривичей и радимичей. Остальныя главы посвящены слѣдующимъ вопросамъ: гл. II, промышленность и торговля; гл. III, родъ князей Смоленскихъ; гл. IV, общественный и политическій бытъ Смоленской земли; гл. V, очеркъ политической исторіи Смоленской земли. Къ книгѣ приложены: родословныя таблицы князей Смоленскихъ и карта Смоленской земли.

Г. Голубовскій всего болѣе останавливается на промышленности и торговлѣ смоленской, какъ главныхъ стимулахъ сближенія этой земли съ Западной Европой, а затѣмъ на общественномъ и политическомъ бытѣ Смо-

ленской земли. Образцово пользуется онъ въ этихъ главахъ для изслѣдованія экономическихъ условій Смоленской земли памятниками юридическими; въ особенности заслуживаетъ нашъ авторъ признательности за тщательную научную разработку извѣстнаго торговаго договора Смоленска съ Ригю, Готландомъ и нѣмецкими городами 1229 года (см. стр. 110—170). Этотъ договоръ, впервые напечатанный еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія во II т. Румянцевскаго «Собранія государственныхъ грамотъ и договоровъ» (М., 1819 г.) и затѣмъ издаваемый нѣсколько разъ, былъ неоднократно изучаемъ русскими учеными, историками, археографами, филологами и юристами, начиная съ Лерберга (1819 г.) и кончая проф. Владимірскимъ-Будановымъ (1876 г.), который обратилъ вниманіе на связь договора съ «Русскою Правдою». Подробную библиографію изданій этого договора и монографій о немъ см. въ книгѣ г. Голубовскаго, стр. 111, примѣч., и въ «Христоматіи» по ист. русск. права проф. Владимірскаго-Буданова, 1-й вып., изд. 2-е, Кіевъ, 1876 г.; по г. Голубовскій, научивъ критически 8 списковъ договора, доказательствомъ чего служатъ образцовый ихъ библиографическій анализъ, и сопоставивъ всѣ списки съ соответствующими свидѣтельствами лѣтописей, съ грамотами смоленскихъ князей XIII—XIV вв. и другими аналогичными этому договору юридическими памятниками, представилъ такое изслѣдованіе договора 1229 г. въ научномъ отношеніи, какого до него не было сдѣлано. По тщательности и научности приѣмовъ это изслѣдованіе г. Голубовскаго напоминаетъ классическое изслѣдованіе «Русской Правды» Н. В. Калачева. Договоръ этотъ былъ заключенъ въ 1229 г. съ Ригю и нѣмецкими городами при смоленскомъ князѣ Мстиславѣ Давидовичѣ. Послами князя для заключенія его были смольяне: главный княжій священникъ Еремѣй, «умный мужъ», вѣчевой сотскій Пантелей Тумашъ (Фома) Михайловичъ (повидимому, купецъ); со стороны епископа рижскаго и ливонскихъ рыцарей и нѣмецкихъ городовъ были рыцарь (какъ онъ названъ въ договорѣ—«Божій дворянинъ») Раульфъ изъ Касселя, пробстъ Яганъ и именитые купцы изъ Ряги и изъ различныхъ городовъ Ганзейскаго союза, всего въ количествѣ 19 человекъ. Исходя изъ того факта, что первоначально этотъ договоръ былъ составленъ на латинскомъ языкѣ, г. Голубовскій справедливо замѣчаетъ, что «странно было бы предполагать, что Тумашъ Михайловичъ, сотскій Пантелей и священникъ Еремѣй, только лишь брады своя устава, по выраженію Котошихина, сидѣли и смотрѣли, какъ нѣмцы что-то такое вносили въ черновикъ столь важнаго договора, ... съ этого латинскаго черновика и съ нѣмецкаго его перевода былъ сдѣланъ переводъ на смоленское нарѣчіе, чего никомъ образомъ не могли произвести сами нѣмцы» (стр. 253).

Г. Голубовскій вполне справедливо называетъ договоръ 1229 г. Смоленской «Правдою», т. е. закономъ, потому что въ самомъ договорѣ, послѣ изложенія поводовъ къ его составленію и перечисленія городовъ и земель, участвовавшихъ въ этомъ составленіи, а равно и лицъ, его составлявшихъ, передъ началомъ пунктовъ договора стоитъ такая фраза: «Здѣ починается правда». Укажемъ на главнѣйшіе выводы г. Голубовскаго: 1) «Русская Правда» положена въ основу «Смоленской Правды», въ которой не замѣтно видѣтъ съ тѣмъ никакихъ слѣдовъ нѣмецкаго права. 2) «Смоленская Правда» является законодательнымъ актомъ, опредѣляющимъ, главнымъ образомъ, взаимныя юридическія отношенія нѣмецкихъ купцовъ съ купцами изъ племени кривичей не только въ землѣ Смоленской, но и въ сосѣдней съ ней

земль Полотской, а также и живших по торговымъ дѣламъ въ разныхъ нѣмецкихъ городахъ. 3) Главнымъ судьей при недоразумѣнiяхъ между купцами изъ кривичей и нѣмцами былъ исключительно смоленскій князь. 4) Первоначально «Правда» была написана въ 1229 г. на латинскомъ языкѣ—ливонскимъ рыцаремъ Раульфомъ изъ Касселя и смоленцемъ Томашемъ (Тошой) Михайловичемъ, а затѣмъ переведена на нѣмецкiй языкъ и на смоленское нарѣчiе. 5) Послѣ 1229 г. «Правда» возобновлялась, добавлялась и измѣнялась нѣсколько разъ въ теченiе XIII и XIV вв. Послѣднее ея подтвержденiе было совершено послѣ 1330 г.

Уже изъ сказаннаго по поводу «Смоленской Правды» можно видѣть, насколько было тѣсно общенiе Смоленской земли съ «нѣмцами» въ XIII и XIV вв., какъ разъ въ то время, какъ югъ и востокъ Россiи были поработены монголами. Хотя во второй половинѣ XIII в. Смоленскъ и долженъ былъ признать надъ собою власть этихъ азиатскихъ степняковъ, но она была признана послѣ упорнаго сопротивленiя и не раньше послѣдней четверти XIII в. (1274 г.) и не прекратила близкихъ сношенiй съ европейскимъ западомъ, такъ какъ «Правда» возобновляется даже послѣ 1330 г. Но мы имѣемъ еще нѣсколько фактовъ, собранныхъ г. Голубовскимъ, которые доказываютъ общенiе Смоленской земли XIII—XIV вв. съ «нѣмцами». Однимъ, напримѣръ, изъ героевъ смоленскихъ въ борьбѣ съ татарами является св. Меркурiй, разбившiй полки Батыя подъ Смоленскомъ въ 1242 году, «нѣмецъ родомъ». Въ XIII в. въ Смоленской землѣ въ общенiи встрѣчается счетъ годамъ не отъ сотворенiя мира, а отъ Рождества Христа, что доказывается, кромѣ «Смоленской Правды», датированной прямо 1229 годомъ, надписью на надгробномъ памятникѣ монаха Смядынскаго монастыря Зиновiя, найденномъ въ 1873 г. Нѣкоторые изъ Смоленскихъ князей XIII—XV вв., будучи въ близкихъ отношенiяхъ къ нѣмцамъ, находятъ себѣ убожище въ Германiи. Изъ нихъ особенно выдается Владимiръ Мстиславичъ, внукъ Мономаха, который три года со всей семьей живетъ въ Германiи и даже дѣлается правителемъ одной изъ областей Нѣмецкаго (Тевтонскаго) рыцарскаго ордена, а его дочь выходитъ замужъ за брата одного нѣмецкаго епископа. Такое же отношенiе къ Западной Европѣ встрѣчаемъ мы до XIII в. и въ послѣдующихъ XIV и XV вв. и въ другихъ западныхъ и юго-западныхъ русскихъ земляхъ. То же мы видимъ и въ Новгородѣ, и въ Полоцкѣ, и въ землѣ Чернигово-Сѣверской и въ южномъ Галичѣ.

Въ XIII—XIV вв. и въ первой половинѣ XV в. не было общенiя съ Западной Европой у поволжскихъ русскихъ земель—у земли Ростовско-Суздальской съ наслѣдницей ея традицiй—Москвой, и у земли Муромо-Рязанской, что являлось весьма естественнымъ и по географическому положенiю этихъ земель, и по особенностямъ ихъ культуры и общественности. Западная Европа отдѣлялась отъ нихъ землями Новгородской и Смоленской, а на востокъ земли Ростовско-Суздальская и Муромо-Рязанская примыкали къ угро-финскимъ и тюркскимъ племенамъ, жившимъ по Волгѣ и по Дону, гдѣ издавна фактически уже кончалась Европа и начиналась Азия; культура въ этихъ обѣихъ верхне-волжскихъ земляхъ только лишь стала формироваться, какъ онѣ подверглись разгрому со стороны татаръ, подъ влиянiемъ которыхъ складывалась впоследствии ихъ общественность. Такимъ образомъ, все, что говорилось въ 40-хъ и 50-хъ годахъ текущаго столѣтiя объ изолированности древней Руски отъ Западной Европы до Петра Вели-

каго, можетъ относиться лишь къ поволожскимъ русскимъ землямъ и до нѣкоторой степени къ государству Московскому; говоримъ «до нѣкоторой степени», потому что, начиная съ Іоанновъ—съ Іоанна III и его внука Іоанна IV,—зачинается и въ Московскомъ государствѣ стремленіе къ Западной Европѣ.

Несмотря на указанныя несомнѣнныя достоинства «Исторіи Смоленской земли до начала XV в.» П. В. Голубовскаго, его книга не является о'дночательною ученою обработкой этой исторіи въ наѣмченныяхъ имъ хронологическихъ предѣлахъ. Да не посѣтуетъ на насъ почтенный авторъ, если мы отмѣтимъ съ нашей точки зрѣнія нѣкоторые пробѣды въ его монографіи.

Во-первыхъ, мы никакъ не можемъ согласиться съ г. Голубовскимъ въ слѣдующихъ двухъ пунктахъ, которые онъ заявляетъ въ предисловіи къ своей книгѣ: а) что предшествовавшіе ему труды по исторіи Смоленска представляютъ собою не болѣе, какъ компиляціи, не имѣющія никакого научнаго значенія, и в) «мы не пишемъ,—говоритъ г. Голубовскій,—исторіи разработки вопроса, а ислѣдуемъ самый вопросъ». Къ сожалѣнію, въ настоящее время пишущій эти строки не имѣетъ подлѣ руками всѣхъ книгъ, относящихся къ исторіи Смоленской земли и ея городовъ, а равно и библиографическихъ пособій, а потому принужденъ ограничиться лишь утверженіемъ, основаннымъ на изученіи имъ книги г. Никитина, что его исторія гор. Смоленска, выданная въ Москвѣ въ 1848 г. in 8°, 312+LXVI стр. приложений, на XXIX страницахъ приложений заключаетъ весьма важные для исторіи Смоленска до XV в. источники, и въ полномъ своемъ составѣ далеко не можетъ быть названа «компиляціей» (XVII в. обработанъ г. Никитинымъ по первоисточникамъ). Весьма почтенный, далеко не компилятивный трудъ представляетъ «Историко-статистическое описаніе Смоленской епархіи», Спб., 1864 г., in 8, 381 стр., совсѣмъ не упоминаемое г. Голубовскимъ. При самостоятельномъ изученіи какого нибудь историческаго вопроса по первоисточникамъ обязательно изученіе исторіи его разработки, которая служитъ комментариемъ для ученыхъ выводовъ автора и оправданіемъ его передъ читателями. Это аксіома исторической критики, а потому нельзя не пожалѣть, что почтенный авторъ «Исторіи Смоленской земли», не раздѣляя такого воззрѣнія, не далъ въ своей книгѣ обвора литературы по исторіи Смоленска и его земли.

Во-вторыхъ, общественное и политическое положеніе смоленскихъ бояръ очерчено у него слабѣе сравнительно съ другими общественными классами этой земли (стр. 246—229). Г. Голубовскій разсматриваетъ боярство, только какъ княжескихъ дружинниковъ, только какъ военную силу, и не обратилъ должнаго вниманія на земское значеніе бояръ, которое было, для насъ несомнѣнно, и въ Смоленскѣ, точно такъ же, какъ въ Новгородѣ, Полоцкѣ и Галичѣ южною. Земское значеніе смоленскаго и полтавскаго боярства до XV в. выясняется изъ повдѣйшихъ юридическихъ русско-литовскихъ памятниковъ, главнымъ образомъ XV в., но отчасти и XVI в., въ которыхъ санкціонированы прежніе юридическіе обычаи русскихъ общественныхъ классовъ. Таковы, наиримѣръ, «запись о Смоленской посолницѣ» половины XV в. (напеч. въ Актахъ Западной Россіи, т. I, № 55), жалованная грамота короля Казимира литовскому, русскому и жмудскому духовенству, дворянству, рыцарямъ, шляхтѣ, боярамъ и мѣстичамъ 1457 г. (тамъ

же, № 61), судебникъ того же короля 1468 г. и даже всё три литовскіе статута XVI в. Такими поидѣйшими юридическими памятниками воспользовался весьма проиводительно покойный профессоръ Московскаго университета И. Д. Бѣляевъ для боирства Полотской земли, почти тождественной по характеру населенія и общественному складу съ землей Смоленской, въ IV т. своихъ «Разсказовъ изъ русской исторіи». Г. Голубовскій ссылается на «записи о Смоленской посощинѣ» и на «грамоту Смоленску» великаго князя литовскаго Александра 1505 года, но навлекаетъ изъ обонхъ этихъ документовъ весьма немного.

Въ-третьихъ, самостоятельная смоленская литература разсмотрѣна г. Голубовскимъ также не достаточно полно. О житіяхъ Авраамія и Меркурія слѣдовало бы скзать больше, хотя бы на основаніи изслѣдованій о нихъ акад. Буслаева, профессоровъ Ключевского и Иконникова и г. Писарева, на которыя ссылается г. Голубовскій. О самостоятельномъ лѣтописаніи смоленскомъ нѣтъ ни слова, тогда какъ слѣды смоленской лѣтописи могутъ быть, между прочимъ, подмѣчены въ Кіевской лѣтописи XII в., начиная съ княженія Иаяслава Мстиславича (1146 г.); ни разу, даже вскользь, не говорится о Смоленской лѣтописи Авраамія (Абрамки), написанной въ Смоленскѣ въ половинѣ XV в. и недавно изданной Археографической комиссіей (XVI-й т. ея «Полнаго собранія русскихъ лѣтописей»). Между тѣмъ, лѣтопись эта, составляя главнымъ образомъ переработку лѣтописей новгородскихъ, принадлежитъ къ весьма характернымъ, и по языку, и по своей редакціи, смоленскимъ литературнымъ памятникамъ. Научная критическая разработка этой лѣтописи могла бы также указать слѣды самостоятельнаго смоленскаго лѣтописанія болѣе ранней эпохи.

Д. Корсаковъ.

Баронъ Николай Александровичъ Корфъ въ письмахъ къ нему разныхъ лицъ. Общая характеристика барона Корфа и пять отдѣльныхъ очерковъ о его дѣятельности. Составилъ М. Л. Песковскій. Спб. 1895.

Книжка г. Песковскаго включаетъ въ себѣ сырой матеріалъ, связанный авторомъ только нѣкоторыми поясненіями и расположенный въ систематическомъ порядкѣ. Но матеріалъ этотъ въ высшей степени любопытенъ. Онъ не только даетъ возможность составить себѣ ясное представленіе о дѣятельности извѣстнаго педагога барона Н. А. Корфа, но даетъ понятіе и объ окружавшей его средѣ, о томъ времени, когда онъ жилъ, о воззрѣніяхъ и стремленіяхъ самыхъ равнообразныхъ дѣятелей. Письма разныхъ лицъ къ барону Корфу, среди которыхъ особенно много писемъ, принадлежавшихъ извѣстнымъ педагогамъ, въ родѣ Ушинскаго, Миропольскаго, и простымъ учителямъ, даютъ любопытную картину современнаго школьнаго дѣла, показывая, какъ относился къ школѣ народъ, какъ относились къ этому дѣлу въ болѣе интеллигентныхъ сферахъ. Кромѣ того, въ письмахъ находится очень много матеріала для исторіи педагогической журналистики, цензуры, для характеристики взаимныхъ отношеній между педагогами. «Съ новымъ назначеніемъ генерала Шидловскаго главнымъ начальникомъ цензуры, становится просто даже омерзительно издавать журналъ,—пишетъ въ своемъ письмѣ Ѳ. Мѣдниковъ. У Водовозова цензоръ вычеркнулъ, что у богача бываетъ собака сытая и жирная, а у бѣднаго—тощая и голодная» (стр. 92). Издателямъ приходилось бороться не только съ цензурой, но также и съ полнымъ равнодушіемъ своихъ же собратьевъ.

Педагогическіе журналы интересовали очень немногихъ даже среди спеціалистовъ. «Представьте себѣ,—пишетъ О. Мѣдниковъ, редакторъ журнала «Народная школа», — изъ пятидесяти инспекторовъ народныхъ училищъ, считая въ томъ числѣ по Виленскому округу, ни одинъ не выписываетъ журнала» (стр. 94). Съ какими трудностями приходилось бороться настоящимъ педагогамъ, лучше всего показываетъ то письмо С. Миропольскаго, въ которомъ онъ говоритъ о харьковской семинарской воскресной школѣ. «Чего мнѣ стоила,—пишетъ онъ,—эта школа! Вы не повѣрите, что, когда я прѣхалъ, для школы не было мѣста, считалось до сорока человекъ, а ходило семь, кто несъ сочиненіе Воняра, кто ариметику Кусовникова, кто Бову. Мнѣ запирали классы, чтобы дѣти «не портили половъ». Ректоръ съ ироніей относился къ педагогич.: «это», говоритъ, «слово происходитъ отъ песь и аго (гр.) веду». Тупоуміе создавало массу препятствій. Я получалъ 21 рубль жалованья въ мѣсяцъ и полгода—болѣе я содержалъ школу на свой счетъ, самъ голодая. Я создалъ ей средства и библіотеку, а меня уличали въ распространеніи вредныхъ идей, архіерей,—это фактъ,—велѣлъ удалить изъ школы «Родное Слово» Ушинскаго, потому что ректоръ сообщилъ ему: «родное»—это де сепаратизмъ! Объ этомъ было формальное дѣло, хранящееся въ архивѣ семинаріи» (стр. 125). Размѣры библиографической замѣтки не позволяютъ намъ воспользоваться всей массой любопытныхъ свѣдѣній, которыя можно найти въ матеріалахъ, изданныхъ г. Песковскимъ. Жаль только, что онъ не приложилъ къ своей книгѣ указателя. В. Б.

«Землевѣдѣніе». Периодическое изданіе географическаго отдѣленія императорскаго общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи. Подъ редакціей предсѣдателя географическаго отдѣленія Д. Н. Анучина. Книжка 1-я. Москва. 1895.

Настоящее изданіе, характеръ и значеніе котораго съ достаточной ясностью опредѣляются выписаннымъ выше заглавіемъ его, выходитъ съ прошлаго года четырьмя книжками въ годъ, размѣромъ въ 10—12 печатныхъ листовъ каждая, съ приложеніемъ картъ, фототипій и рисунковъ въ текстѣ. Статьи, входящія въ составъ его, отличаются удачнымъ подборомъ и въ большинствѣ случаевъ весьма популярнымъ и доступнымъ изложеніемъ, не смотря на строгую научность содержанія. Изъ помѣщенныхъ въ настоящемъ выпускѣ особенно интересны: изслѣдованіе г. Анучина «Рельефъ поверхности европейской Россіи въ послѣдовательномъ развитіи о немъ представленій», являющееся работой по исторіи географіи въ родѣ недавно помѣщенной «Историческимъ Вѣстникомъ» статьи г. Краснова «Край свѣта по современнымъ, средневѣковымъ и древнимъ описаніямъ»; затѣмъ статья г. В. Б.: «Народная космографія», съ подзаглавіемъ: «Какъ устроены земля и небо по представленіямъ крестьянъ Смоленской губерніи», къ сожалѣнію, представляющая слишкомъ необработанный сводъ и притомъ слишкомъ скуднаго матеріала, чтобы претендовать на научное значеніе, но читающаяся съ интересомъ; наконецъ, отвѣчающій потребностямъ минуты небольшой этюдъ г. Д. А.: «Очеркъ Кореи и ея отношеній къ Китаю и Японіи», компилятивный и совершенно элементарный обзоръ географіи Кореи, ея этнографіи, государственнаго устройства и исторіи за послѣднее двадцатилѣтіе, къ сожалѣнію, безъ всякихъ библиографическихъ указаній и даже безъ простаго перечня источниковъ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

РЕЧЕСКІЙ ПРЕТЕНДЕНТЪ на пальмы Христофора Колумба. Въ «Revue Bleue» отъ 19-го октября помѣщена маленькая, но любопытная замѣтка Ц. Хрисафидеса ¹⁾ о греческомъ морякѣ Андреа, который будто бы открылъ Америку ранѣе Христофора Колумба. По его словамъ, официальная газета острововъ Архипелага «Aegeon», издающаяся на турецкомъ и греческомъ языкѣ, недавно напечатала слѣдующее извѣстіе: «по недавно открытымъ документамъ удостовѣрено, что Колумбъ, прежде чѣмъ открыть Новый Свѣтъ, предпринималъ многочисленныя морскія экспедиціи, при чемъ посѣтилъ Западную Африку съ одной стороны, а Норвегію и Исландію съ другой. Всюду онъ допрашивалъ опытныхъ моряковъ и совѣтовался съ шкиперами, наиболѣе извѣстными своей опытностью. Между прочимъ, съ этой же цѣлью, за нѣсколько лѣтъ до своей свадьбы, которая произошла въ 1470 году, онъ посѣтилъ островъ Хиосъ, гдѣ провелъ двадцать дней въ селеніи Вронтадосъ, у капитана Андреа, съ которымъ онъ втайнѣ занимался приготовленіемъ морскихъ картъ. Когда впоследствии онъ предпринялъ свое великое путешествіе въ Новый Свѣтъ, то взялъ съ собою трехъ хиосскихъ моряковъ». Изъ этихъ фактовъ греко-турецкая газета выводитъ то заключеніе, что эти хиосскіе моряки, а въ особенности капитанъ Андреа, если сами не открыли Америки ранѣе Колумба, то во всякомъ случаѣ знали о существованіи этого невѣдомаго континента, и только благодаря доставленнымъ ими свѣдѣніямъ, а также картамъ, составленнымъ съ помощью капитана Андреа, Колумбъ могъ совершить свое великое открытіе. Хотя это предположеніе съ перваго взгляда является довольно страннымъ, но Хрисафидесъ пола-

¹⁾ Christophe Colomb et les marins de Chio, par C. Chryssaphides. Revue Bleue, 19 oct.

аетъ, что въ немъ нѣтъ ничего невозможнаго. «Если,—говоритъ онъ,—въ настоящее время, не смотря на то, что Греція независимое государство и имѣетъ военный, а также коммерческій флотъ, встрѣчается не мало греческихъ моряковъ на службѣ другихъ государствъ, то совершенно правдоподобно, что въ XIV и XV вѣкахъ, когда турки все болѣе и болѣе вытѣсняли греческій элементъ, а острова Архипелага служили яблокомъ раздора между венеціанцами, генуезцами и турками,—часть экипажа иностранныхъ судовъ, ходившихъ въ далекія моря, состояла изъ грековъ. Это тѣмъ правдоподобнѣе, что въ ту эпоху греки служили въ морской службѣ многихъ европейскихъ государствъ, а слѣдовательно могли вѣдать о существованіи невѣдомаго континента за океаномъ. Если дѣйствительно Христофоръ Колумбъ посѣтилъ островъ Хіосъ прежде открытія Америки и не только разговаривалъ съ тамошними моряками, но составилъ карты по указанію капитана Андреа, а ватѣмъ, отправившись въ свое славное путешествіе чрезъ Атлантическій океанъ, ваялъ съ собою нѣсколькихъ хіосскихъ моряковъ, то воплѣтъ основательно можно предположить, что Хіосъ приложилъ руку къ открытію Нового Свѣта. Біографы знаменитаго мореплавателя дѣйствительно утверждаютъ, что, передъ своимъ славнымъ открытіемъ, онъ много ходилъ на судахъ по Средиземному морю, даже получилъ серьезную рану во время схватки съ магометанскими корсарами, которыми кишѣли тогда воды Леванта».

— Новое о Данте. Въ то самое время, какъ греки стараются развѣнчать въ свою пользу Христофора Колумба, итальянцы додумались до того, что Новый Свѣтъ дѣйствительно открытъ хотя ихъ соотечественникомъ, но не Колумбомъ, а еще болѣе великимъ гениемъ—творцемъ «Божественной комедіи». Это диковинное открытіе слѣлалъ надняхъ профессоръ Финали въ лекціи, прочитанной имъ о Данте въ Сполетской академіи. Какъ извѣстно, во многихъ провинціальныхъ итальянскихъ городахъ существуютъ съ давняго времени научныя, литературныя и художественныя общества, подъ названіемъ академій, которыя прискаки себѣ курьезныя прозвища, такъ въ Перуджіи существуетъ академія дураковъ, въ Сиенѣ—академія грубіановъ, въ Мацератѣ—академія тупыхъ, въ Болоніи—академія дремлющихъ и т. д. Академія Сполетская носитъ названіе академіи бутылковыхъ, и въ ней-то профессоръ Финали, въ присутствіи многочисленныхъ слушателей, собравшихся изъ сосѣднихъ городовъ, прочиталъ лекцію о новыхъ чертахъ, открытыхъ имъ въ «Божественной комедіи». По его словамъ, всѣ картины Джіотто не что иное, какъ иллюстраціи къ дантовскимъ терцетамъ, а Колумбъ нашелъ въ «Божественной Комедіи» вполнѣ ясно указанный путь къ открытію Нового Свѣта. Къ сожалѣнію, итальянскія газеты, говоряція о лекціи профессора Финали, не приводятъ аргументовъ, которыми онъ доказываетъ свой тезисъ, но во всякомъ случаѣ гораздо серьезнѣе и драгоцѣннѣе для изученія Данте, чѣмъ занимается значительное число дантовскихъ обществъ не только въ Италіи, но даже въ Германіи и Англіи, статья Томазо Кавини, напечатанная въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ итальянскаго журнала «Nuova Antologia»¹⁾, о тѣхъ эпизодахъ «Божественной комедіи», гдѣ говорится о Сардиніи. Замѣтки ученаго автора не только бросаютъ свѣтъ на малоопытныя до сихъ поръ страницы Данте, но и сообщаютъ любопыт-

¹⁾ Ricordi danteschi di Sardegna-Tomaso Casini, Nuova Antologia, I Luglio.

ныя свѣдѣнія объ исторіи и невѣдомыхъ внутреннихъ учрежденіяхъ Сардиніи, начиная съ той эпохи (1017 годъ), когда пизанцы и генуэзцы отвоевали этотъ островъ у сарацынъ. Но самымъ краснорѣчивымъ доказательствомъ, съ какимъ пламеннымъ рвеніемъ итальянцы изучаютъ до сихъ поръ своего величайшаго поэта, служатъ только что вышедшій первый выпускъ замѣчательнаго труда Гвидо Біаджа и Г. Пассерини, подъ заглавіемъ: «Codice diplomatico Dantesco»¹⁾. Это собраніе всѣхъ извѣстныхъ документовъ, относящихся до жизни и сочиненій Данте въ fac-simile и копіяхъ. Не довольствуясь этимъ, ученые издатели предприняли систематическіе поиски во всѣхъ архивахъ и бібліотекахъ Италіи, въ надеждѣ открыть новые документы. Наконецъ, къ этой коллекціи старыхъ и новыхъ документовъ приложены комментаріи, составленные этими извѣстными знатоками дантовской литературы, и виды мѣстностей, относящихся до исторіи Данте.

— Повѣщенный финансистъ при Францискѣ I. Финансовые скандалы послѣдняго времени во Франціи побудили ея историковъ искать въ прошедшемъ прототиповъ современныхъ панамистовъ, и безъ большаго труда былъ найденъ министръ финансовъ при Францискѣ I, Санбланс, котораго повѣсили за хищенія. Эта любопытная историческая личность рельефно выступаетъ въ недавно вышедшемъ трудѣ Альфреда Спонта, подъ заглавіемъ: «Санбланс: финансовая буржуазія въ началѣ XVII вѣка»²⁾, и въ маленькомъ, но блестящемъ очеркѣ Багьяно-де-Пушеса, помѣщенномъ въ «Journal des Debats»³⁾ и основанномъ, кромѣ книги Спонта, на прежде вышедшихъ историческихъ трудахъ, касающихся этого вопроса. Въ книгѣ Спонта, написанной для полученія степени доктора литературы, очень хорошо выяснено быстрое обогащеніе Жака Де-Бона, въ послѣдствіи получившаго титулъ барона Санбланса. Онъ былъ сынъ турецкаго коммерсанта, поставщика Орлеанскаго дома, и даже невѣстно, въ какомъ году онъ родился, но въ 1487 году ему уже было около тридцати лѣтъ и онъ успѣшно занимался банковыми дѣлами, причѣмъ бралъ за комиссію громадныя проценты и подвергался частымъ процессамъ со стороны жертвъ его спекуляцій. Но онъ такъ ловко и умѣло велъ свои дѣла, что, при вступленіи на престолъ Франциска I, сдѣлался единственнымъ придворнымъ банкиромъ и генеральнымъ управляющимъ финансами, какъ тогда назывался министръ финансовъ. Главнымъ его покровителемъ была королева Луиза Савойская, которая, за успѣшное управленіе ея собственными финансовыми дѣлами, подарила ему баронство Санбланса, даровавшее ему и титулъ барона въ 1515 году. Король также вполне довѣрялъ ему управленіе какъ государственными финансами, такъ и коронными имуществами. Во время войнъ между Францискомъ I и Карломъ V, какъ въ Нидерландахъ, такъ и въ Италіи, Санблансѣ всячески изворачивался, чтобы доставать королю громадныя средства на содержаніе арміи. Конечно, тутъ главное было имѣть во всякое время достаточное количество денегъ, и ловкому министру финансовъ было дано полное, неограни-

¹⁾ Un grand financier pendu sous Français I, par G. Baguenault de Puchesse, Journal des Debats, 10 octobre.

²⁾ Codice diplomatico Dantesco: I. Documenti della vita e della famiglia di Dante Allighieri, riprodotti in fac-simile trascritti e illustrati con note critiche, monumenti d'arte e figure, da Guido Biagi e da G. L. Passerini. Con gli auspici della Lasieta Dantesca Italiana (Roma, l'anno della nascita del Poeta DCXXX).

³⁾ Semblançay, par Alfred Spont, Paris, 1895.

ченное доверіе занимать, выдавать обязательства, подыскивать банкировъ, заключать съ ними сдѣлки и т. д. Естественно, что, дѣйствуя съ такими широкими полномочіями и имѣя дѣло съ правительствомъ, которое требовало денегъ во что бы то ни стало, искусный финансистъ не забывалъ себя, смѣшивая въ одно и казну и королевскій сундукъ и свою собственную кассу. При этомъ, чѣмъ бѣднѣе становилось государство, тѣмъ богаче дѣлались Санблансэ и его друзья банкиры, составлявшіе уже тогда финансовый синдикатъ, безмилосердно выжимавшіе народные соки. Но, какъ только въ 1523 г. наступила передышка отъ разорительныхъ войнъ, король и королева спохватились, что Санблансэ эксплуатировалъ ихъ и государство самымъ безцеремоннымъ образомъ. Францискъ I заявилъ прямо своему министру, что онъ не желаетъ быть болѣе обманутымъ и потребовалъ отчета за всѣ прошедшіе года его дѣятельности, а королева-мать записала въ своемъ дневникѣ: «теперь оказывается, что во всѣ года, отъ 1515 по 1522 г. меня и моего сына постоянно обирали финансисты». 28-го декабря 1523 года неожиданно было уничтожено мѣсто, занимаемое Санблансэ, и создана вмѣсто него должность государственнаго казначея, обязаннаго слѣдить за поступленіемъ и расходваніемъ государственныхъ доходовъ, а надъ Санблансэ назначено слѣдствіе, съ цѣлью повѣрки всѣхъ его счетовъ. Какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, ловкій финансистъ оправдалъ свою, болѣе чѣмъ неправильную, отчетность личными письмами короля и королевы, въ которыхъ они требовали, чтобы онъ досталъ для нихъ во что бы то ни стало денегъ и подъ какими бы то ни было условіями. Два года длилось это слѣдствіе, и, наконецъ, оно было прекращено за непредставленіемъ уликъ уголовного характера, но Санблансэ былъ признанъ обязаннымъ заплатить 1.600.000 ливровъ казны, королю, королевѣ и частнымъ лицамъ, съ которыми онъ имѣлъ дѣло въ своихъ финансовыхъ операціяхъ. Онъ все-таки не унывалъ и хотя продолжалъ протестовать противъ несправедливости постановленнаго рѣшенія, но приступилъ къ ликвидаціи своихъ дѣлъ. По обыкновенію, на павшаго финансиста посыпались, однако, безконечныя вѣсты, жалобы, доносы; среди этихъ доносовъ одинъ, обвинявшій Санблансэ въ обманномъ похищеніи у короля ста тысячъ ливровъ, возбудилъ гнѣвъ Франциска I, и въ 1527 году Санблансэ былъ преданъ суду за хищенія. Три мѣсяца длился этотъ новый процессъ, всѣ документы котораго найдены въ послѣднее время, и 9-го августа того же года бывшій финансистъ былъ казненъ повѣшеніемъ. Сначала подъ судомъ онъ велъ себя недостойно, сознавался въ различныхъ компромиссахъ съ совѣстью, умолялъ о пощадѣ короля и королеву, просилъ судей отсрочить казнь, но когда дѣло дошло до висѣлицы, то, по словамъ Маро, «старикъ выказалъ столько достоинства и твердости, что весь народъ пришелъ въ удивленіе, а власти, исполнявшія приговоръ, казались блѣднѣе и виновнѣе его». Въ виновности Санблансэ, однако, нельзя сомнѣваться, тѣмъ болѣе, что парижскій парламентъ, по просьбѣ вдовы и его сына вторично рассмотрѣвъ все дѣло, призналъ смертный приговоръ вполне правильнымъ. Хотя, повидимому, Альфредъ Спонтъ въ своей книгѣ старается если не совершенно оправдать, то хоть частью извинить своего героя той финансовой распушенностью, которой отличалась тогдашняя буржуазія, но, конечно, этимъ путемъ и въ настоящее время могли бы обдѣлить себя всѣ хищники, прикрывающіе свои злоупотребленія финансовыми тонкостями. Совершенно справедливо замѣ-

часть въ своемъ очеркѣ Багино де-Пушессъ, что финансисты во всё время злоупотребляли своимъ положеніемъ, и различіе между дѣлой серіей финансовыхъ хищниковъ заключается, главнымъ образомъ, въ томъ, что въ виду успѣховъ цивилизаціи ослабѣваетъ сила наказанія; такъ Францискъ I повѣсилъ Савбланса, Людовикъ XIV удовольствовался заключеніемъ Фука въ тюрьму на всю жизнь, а современные панамисты болѣею частью отдѣлались однимъ публичнымъ скандаломъ.

— По стопамъ Маріи Стюартъ. Французская писательница Марія-Анна Де-Бовв предприняла недавно оригинальное путешествіе по Шотландіи съ цѣлью посѣтить всѣ тѣ мѣстности, которыя играли роль въ жизни Маріи Стюартъ, и плодомъ этой экскурсіи служить интересная статья во второмъ сентябрьскомъ номерѣ *La Vie Contemporaine*¹⁾. Первая инстанція въ этомъ оригинальномъ путешествіи, не упоминаемомъ ни въ одномъ путеводителѣ, маленькій городокъ Линлитго, служившій нѣкогда Версалемъ Стюартовъ и гдѣ родилась Марія Стюартъ. Старинный замокъ существуетъ еще доселѣ и представляетъ мрачную четырехугольную каменную массу, полувоенной, полугражданской архитектуры. Внутренность замка столь же сурова и неприглядна, какъ его вѣншность, и въ одномъ изъ его покоевъ въ печальный холодный декабрьскій день 1542 года родилась Марія Стюартъ, дочь короля Іакова V, который, съ горя, что у него родилась дочь, а не сынъ, и что въ тотъ же самый день англичане нанесли его арміи кровавое пораженіе при Сольвеѣ, тяжело занемогъ и умеръ, оставивъ свой престолъ пятидневной принцессѣ. Передъ смертью онъ, говорятъ, произнесъ совершенно покорнымъ тономъ: «корона явилась въ нашъ родъ черезъ женщину, женщиной она и уйдетъ: да будетъ воля Божія!». Дѣйствительно, первый шотландскій король изъ дома Стюартовъ, Робертъ II, получилъ свой престолъ отъ матери, единственной наслѣдницы короля Роберта Брюса; но относительно прекращенія династіи Стюартовъ въ лицѣ только-что родившейся дѣвочки Іаковъ V ошибался, такъ какъ не только Марія Стюартъ не была послѣдней королевой шотландской, но ея сынъ соединилъ шотландскій престолъ съ англійскимъ. Второе дѣйствіе въ жизни младенца-королевы было ея коронованіе въ замкѣ Стерлингѣ, который до сихъ поръ возвышается на высокомъ утесѣ, означающемъ границу между верхней и нижней Шотландіей. Тутъ провела свое раннее дѣтство Марія Стюартъ, вокругъ которой, уже съ колыбели, происходила борьба—кому царствовать: Тюдорамъ ли въ Шотландіи, или Стюартамъ въ Англій. Чтобы разрѣшить этотъ вопросъ въ пользу своего дома, Генрихъ VIII хотѣлъ воспитать свою маленькую племянницу при англійскомъ дворѣ и затѣмъ выдать ее замужъ за своего старшаго сына, принца Уэльскаго, а когда регенты, управлявшіе Шотландіей, за молчаливствомъ королевы, отказали ему въ этомъ, то онъ послалъ многочисленную армію для опустошенія всей страны вокругъ Стерлинга, такъ что регенты изъ осторожности перевезли маленькую Марію въ Кольмакскій монастырь, на островкѣ среди озера Ментата. Эта третья мѣстность, соединенная съ исторіей Маріи Стюартъ, чрезвычайно живописна; но отъ стариннаго монастыря остались только красивыя развалины. Но и въ этомъ отдаленномъ уголкѣ горной Шотландіи положеніе

¹⁾ Sur les pas de Marie Stuart. Notes d'Écosse, pas Marie-Anne de Bovet. *La Vie Contemporaine*, 15 septembre.

маленькой королевы не было достаточно безопасно, и ее мать, задумавшая выдать ее замуж за французского дофина, хотя ей было всего шесть лѣтъ, а ему—три, рѣшила тайно отправить ее во Францію. Для этого она также секретно перевезла ее въ замокъ Думбартонъ на Клайдѣ. Эта древняя шотландская крѣпость въ настоящее время превращена въ казарму, подъ уродливыми очертаніями которой скрыты слѣды укрѣпленій римлянъ и пиктовъ. Тутъ 7-го августа 1548 г. Марія Стюартъ была посажена на корабль и, послѣ семидневнаго плаванія, она высадилась со своей свитой въ Брестѣ. Французскій король и Катерина Медичи встрѣтили ее съ большими почестями и роскошно помѣстили въ Сенъ-Жерменѣ. Тринадцать лѣтъ весело и беззаботно провела она во Франціи сначала невѣстою дофина, а потомъ женой короля Франциска II; но преждевременная смерть мужа уничтожила всѣ рововыя надежды молодой женщины. Восемь мѣсяцевъ не знала она, на что рѣшиться: оставаться ли ей спокойно въ какомъ нибудь живописномъ замкѣ на берегу Луары и жить припѣваючи на тѣ шестьдесятъ тысячъ ливровъ, который она получала, какъ вдова короля; или вернуться на свою родину, которая все еще управлялась ею именемъ, но находилась въ самомъ печальномъ положеніи отъ постоянныхъ внутреннихъ смуть, порождаемыхъ борьбой между католиками и протестантами. Наконецъ, по чувству ли долга, или изъ желанія соединить на своей головѣ двѣ короны, Марія Стюартъ рѣшилась на тотъ шагъ, который стоилъ ей столькихъ мученій и жизни. 14-го августа 1561 г. она отправилась въ путь изъ Калэ и, спустя пять дней, высадилась въ Лятъ, портъ Эдинбурга. Голирудскій дворецъ сдѣлался теперь ея мѣстопробываніемъ, и, благодаря случайности, тѣ комнаты, въ которыхъ жила Марія Стюартъ, сохранились по настоящее время въ своемъ прежнемъ видѣ, хотя остальной дворецъ былъ дважды сожженъ солдатами Генриха VIII и Кромвеля, а потомъ совершенно перестроенъ, послѣ возвращенія Стюартовъ. Шесть лѣтъ своего печальнаго царствованія она провела въ этихъ скромныхъ покояхъ, гдѣ произошли самые трагическіе эпизоды ея бурнаго существованія. Тутъ она вышла замужъ за своего двоюроднаго брата Дарилея, и тутъ произошло убійство Давида Ричіу, который погибъ, благодаря ревности Дарилея, хотя до сихъ поръ не доказано, дѣйствительно ли королева имѣла съ нимъ тайную связь. Во всякомъ случаѣ, оскорбленная такимъ поступкомъ мужа, она объявила ему, что болѣе никогда не будетъ его женой и поклялась отомстить ему и его сообщникамъ. Не желая оставаться въ томъ мѣстѣ, которое было омрачено столь кровавой драмой, она переехала въ замокъ Крегмилларъ, близъ Эдинбурга, отъ котораго остались теперь только развалины. Спустя три мѣсяца, она родила сына, будущаго шотландскаго короля Якова VI, принявшаго, при вступленіи на англійскій престолъ, имя Якова I, но въ другомъ замкѣ, именно въ Эдинбургскомъ фортѣ, построенномъ первымъ христіанскимъ королемъ нортумбріевъ, въ VII вѣкѣ, и остатки котораго, въ томъ числѣ и комната, гдѣ родила Марія Стюартъ своего сына, составляютъ одну изъ достопримѣчательностей современнаго Эдинбурга. Крещеніе ребенка происходило съ необыкновенной пышностью въ Стерлингскомъ замкѣ, но въ отсутствіи отца, который, вскорѣ послѣ этого, былъ найденъ убитымъ въ своемъ домѣ въ Эдинбургѣ. Хотя Марія Стюартъ съ нѣкотораго времени оказывала замѣтное предпочтеніе лорду Ботвелю, но этотъ ловкій интриганъ нашель нужнымъ ускорить развязку ихъ романа и, похитивъ коро-

леву, продержалъ ее нѣсколько недѣль въ замкѣ Дунбарѣ, комендантомъ котораго онъ состоялъ. Повидимому, королева добровольно подчинилась этому заточенію, а когда онъ добился развода со своей женой, то она вернулась въ Голирудъ и тамъ тайно обвѣнчалась съ нимъ. Этотъ новый бракъ былъ самый несчастный, и вскорѣ послѣ него Марія Стюартъ должна была вступить въ роковую борьбу съ возставшими противъ нея шотландскими лордами протестантской религіи, которые не хотѣли терпѣть на престолѣ католички. Войска, защищавшія королеву, были разбиты лордами, а Марія заточена въ замокъ Лохлевенъ, среди живописнаго озера. Въ настоящее время отъ ея тюрьмы остались только небольшія развалины, такъ что едва можно составить себѣ понятіе о трехъ комнатахъ, въ которыхъ томилась болѣе года Марія Стюартъ. Не только историки, но и Вальтеръ Скоттъ, въ своемъ романѣ «Аббатъ», рассказали ея патетическое бѣгство изъ тюрьмы ночью въ маленькой лодкѣ. Однако, спустя нѣсколько дней поспѣшавшіе на помощь ей сторонники были снова разбиты арміей лорда Муррея, который управлялъ страной отъ имени ея сына, провозглашеннаго королемъ, и Марія, перебравшись черезъ англійскую границу, добровольно отдалась въ руки Елизаветы, рассчитывая на ея великодушіе. Въ результатѣ же ей пришлось девятнадцать лѣтъ томиться въ заточеніи, а потомъ сложить голову на плахѣ. Въ своей статьѣ де-Бове не входитъ въ обсужденіе виновности или невинности своей злополучной героини, хотя повидимому склоняется на ея сторону и оканчиваетъ свою статью замѣчаніемъ, что если какой нибудь представитель дома Стюартовъ заслуживалъ казни, то не Марія, какъ бы легкомысленна она ни была, а скорѣе ея сынъ, который ничего не сдѣлалъ, чтобы спасти мать изъ рукъ Елизаветы, и на всѣ пресбы о подобномъ вмѣшательствѣ грубо отвѣчалъ: «Моя мать сама заварива пиво, пусть сама и пьетъ».

— Новая біографія Вильгельма Молчаливаго. Американка миссъ Путнамъ, соблазненная лаврами своего соотечественника Мотлея, автора знаменитой исторіи возникновенія Нидерландскихъ Штатовъ, взялась написать подробную біографію Вильгельма Оранскаго ¹⁾. Она очень мѣтко сравниваетъ Вильгельма Молчаливаго съ Линкольномъ, такъ какъ дѣйствительно между этими двумя историческими личностями много общаго: каждый изъ нихъ занималъ передовое мѣсто въ исторіи своего вѣка и каждый, честно послуживъ дѣлу свободы, былъ убитъ злодѣйской пулей въ ту самую минуту, когда онъ былъ болѣе чѣмъ когда необходимъ своей родинѣ. Поставивъ себѣ цѣлью нарисовать полную картину всей жизни Вильгельма Оранскаго, миссъ Путнамъ добросовѣстно исполнила свою задачу и старательно изучила всѣ документы и матеріалы, бросающіе свѣтъ на набравнаго ею героя. Главными пособіями, которыми она пользовалась, являются письма какъ его собственныя, такъ друзей и враговъ, а потому ея рассказъ отличается живостью и рельефностью. Хотя въ той части своего труда, который касается эпохи, описанной Мотлеемъ, ей неизбежно пришлось повторять то, что онъ уже давно скавалъ въ болѣе блестящей формѣ, но за то она подкрѣпляетъ его рассказъ новыми документами, открытыми послѣ него, благодаря трудамъ современныхъ нидерландскихъ историковъ. Такимъ образомъ, ея книга составляетъ полный сводъ

¹⁾ William the Silent, Prince of Orange, by Ruth Putnam, Boston, 1895, 2 vol.

всего, что до сих поръ извѣстно о Вильгельмѣ Оранскомъ, котораго миссъ Путнамъ совершенно правильно называетъ типомъ средняго, умѣреннаго человѣка въ XVI вѣкѣ. Что касается до его характеристики, какъ человѣка, то его новый біографъ прибавилъ къ его портрету, столь часто уже рисованному различными историками, нѣсколько новыхъ чертъ. «Въ его письмахъ»,—говоритъ она,—наиболѣе характерны не одушевляющія его независимость и довѣріе къ себѣ, а постоянно высказываемое желаніе заслужить одобреніе тѣхъ современниковъ, мнѣніемъ которыхъ онъ дорожилъ. Онъ всегда утверждалъ, что не было человѣка, которымъ нельзя было бы воспользоваться при умѣломъ обращеніи, и чутко видѣлъ слабую сторону каждаго человѣка. Какъ друзья, такъ и враги одинаково признавали его воркій, провицательный умъ, благодаря которому онъ быстро и вѣрно оцѣнялъ людей. Умѣя очень ловко примѣняться къ обстоятельствамъ, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, упорно шелъ къ своей цѣли, не смотря на всѣ преграды, и сохранялъ хладнокровіе, когда все, казалось, ему не благопріятствовало. Ничто не могло совратить его съ однажды избраннаго пути: ни жалобы и недовольство низшихъ, ни зависть и коварство равныхъ ему, ни ненависть и преслѣдованіе высшихъ».

— Папинъ и его первый пароходъ. Извѣстный французскій ученый Берглю, только-что назначенный министромъ иностранныхъ дѣлъ въ новомъ кабинетѣ Буржуа, рассказываетъ въ первой октябрьской книжкѣ «Revue de Deux Mondes» ¹⁾ исторію жизни Папина по вновь найденнымъ документамъ и опредѣляетъ значеніе его научныхъ открытій въ сравненіи съ тогдашнимъ положеніемъ науки и съ дальнѣйшими ея успѣхами. Жизнь Папина представляетъ безконечный рядъ неудачъ и несчастныхъ эпизодовъ, которые увѣнчиваются нѣкому невѣдомой смертью великаго изобрѣтателя, нашедшаго справедливую оцѣнку своихъ трудовъ только въ судѣ потомства и то черезъ полтораста лѣтъ послѣ его кончины. Родившись въ Блуа и происходя отъ протестантской семьи, Папинъ семнадцати лѣтъ поступилъ на медицинскій факультетъ Анжерскаго университета, откуда вышелъ со степенью доктора въ 1669 году. Неизвѣстно, практиковалъ ли онъ медицину, но, спустя два года, Гигенсъ пригласилъ его въ Парижъ для производства опытовъ по физикѣ и механикѣ въ Луврѣ. Во время этихъ, общихъ съ Гигенсомъ, трудовъ онъ познакомился съ знаменитымъ Лейбницемъ, который тогда жилъ въ Парижѣ, а потомъ на всю жизнь остался его другомъ. Хотя Папинъ былъ протестантомъ, и нѣкоторые изъ его біографовъ увѣряли, что онъ бѣжалъ изъ Франціи послѣ отміны Нантскаго эдикта, но онъ отправился въ Англію гораздо раньше этого событія и совершенно добровольно. Въ Лондонѣ ваялъ его Бойль въ свою лабораторію помощникомъ, и тамъ онъ изобрѣлъ такъ называемый Папиновъ котель, имѣвшій чисто практическое значеніе. Проведя въ Лондонѣ шесть лѣтъ, Папинъ соблазнился предложеніями новой венеціанской академіи и перебрался туда. Но дѣла этой академіи пошли плохо, и черезъ два года онъ снова вернулся въ Лондонъ, гдѣ получилъ титулъ члена королевскаго общества и занялся дальнѣйшими своими изобрѣтеніями, основанными преимущественно на теоріи пустоты. Но, не доведя этихъ изобрѣтеній до практическаго примѣненія, онъ

¹⁾ Papin et la machine à vapeur, par M. Berthelot. Revue des Deux Mondes, 1-е octobre.

еще разъ бросилъ Лондонъ и перебрался въ Германію, куда его вызвалъ гессенскій ландграфъ, предлагая каведру математики въ Марбургскомъ университетѣ, съ большимъ для того времени содержаніемъ въ сто пятьдесятъ флориновъ. Такимъ образомъ, Папинъ, которому тогда было сорокъ лѣтъ, достигъ, наконецъ, блестящаго положенія и могъ спокойно продолжать свои научные опыты. Но онъ не ужился со своими товарищами, нѣмецкими профессорами, и, отказавшись отъ каведры, перебрался въ Кассель, гдѣ принялъ мѣсто придворнаго доктора при Карлѣ Гессенскомъ. Около этого времени онъ женился на своей двоюродной сестрѣ, но неизвѣстно, имѣлъ ли онъ отъ нея впослѣдствіи дѣтей, такъ какъ вообще очень скудны свѣдѣнія объ его частной жизни. Въ продолженіе своего двѣнадцатилѣтняго пребыванія въ Касселѣ онъ преимущественно занимался изобрѣтеніемъ различныхъ машинъ, основанныхъ на силѣ пара, которую онъ старался примѣнить къ кораблямъ, къ артиллерійскимъ орудіямъ, къ повозкамъ и т. д. По несчастію для него, устроенная имъ пушка, наполненная водою, лопнула и не только уничтожила часть его мастерской, но и смертельно ранила нѣсколькихъ лицъ. Эта катастрофа дала поводъ его врагамъ возстановить противъ Папина принца Гессенскаго, и онъ долженъ былъ покинуть Кассель. Ему тогда было шестьдесятъ лѣтъ, и онъ рассчитывалъ продать изобрѣтенный имъ пароходъ англійской королевѣ; но предварительно вздумалъ попробовать его на Фульдѣ, а затѣмъ, уже въ разобранномъ видѣ, отвезти въ Англію. Онъ и вся его семья благополучно спустились на этомъ пароходѣ по Фульдѣ до Вевера, но тамъ онъ встрѣтилъ неожиданную преграду. Воды Вевера находились во владѣніяхъ ганноверскаго курфюрста, и плаваніе по нимъ составляло монополию особаго цѣха судовщиковъ. Они воспротивились дальнѣйшему плаванію парохода Папина и потребовали, чтобы онъ представилъ разрѣшеніе курфюрста, но онъ, послѣ долгихъ пререканій, рѣшился насильно проложить себѣ путь. Что случилось далѣе, долго составляло предметъ различныхъ легендъ, но въ недавнее время найденъ протоколъ, составленный по этому случаю въ Мюнденѣ, и теперь исторія Панинова парохода вполне выяснена. Онъ со своей семьей и нѣсколькими слугами отправился по Веверу на суднѣ «безъ парусовъ и веселъ, а съ одними колесами»; когда же онъ достигъ Лоха, уже въ Ганноверѣ, то везерскіе судовщики захватили его судно, утверждая, что оно принадлежитъ ихъ цеху. Какъ ни старался мѣстный судья защитить бѣднаго ученаго, но бургомистръ выдалъ приказъ объ отобраніи парохода у Папина. Дѣйствительно, среди плача и жалобъ его семьи, пароходъ былъ разобранъ на части и проданъ съ публичнаго торга, при чемъ, по обычаю, четвертая часть полученной суммы поступила въ казну ганноверскаго курфюрста. «Добродушный пассажиръ, говорится въ протоколѣ, удалился, не произнеся ни малѣйшей жалобы». По словамъ Бертло, трудно подыскать во всей исторіи человѣческихъ изобрѣтеній такую трагическую страницу, какъ везерская катастрофа Папина, но зато этотъ эпизодъ вмѣстѣ съ тѣмъ составляетъ несомнѣнное доказательство, что Папинъ не только изобрѣлъ первый пароходъ, но и самъ ѣздилъ на немъ въ 1707 году. Дальнѣйшая жизнь бѣднаго изобрѣтателя была еще печальнѣе. Въ Лондонѣ онъ велъ жизнь самую несчастную, не имѣя никакихъ средствъ, и всё его старанія пустить въ ходъ изобрѣтѣннымъ имъ пароходъ ни къ чему не привели, и королевское общество, членомъ котораго онъ состоялъ, отвернулось отъ него. Даже великій Ньютонъ, бывшій тогда

предсѣдателемъ этого общества, отсвѣтовалъ обществу дать денегъ для постройки парохода и склонялся въ пользу того, чтобы Папинъ сначала доказалъ простыми и недорого стоящими опытами практичность своего изобрѣтенія. Были ли произведены эти опыты—неизвѣстно, а достоверно только, что Папинъ въ 1712 году уѣхалъ изъ Англіи въ Голландію и Германію. Послѣднія извѣстія о немъ находятся въ письмахъ Лейбница отъ 1714 года, и тогда онъ находился въ Касселѣ. Затѣмъ пропадаетъ всякій слѣдъ несчастнаго изобрѣтателя, и неизвѣстно, гдѣ и когда онъ умеръ.

— Страсбургъ до Людовика XIV. Оскаръ Берже-Левро, крупный страсбургскій типографъ, представитель фирмы, существовавшей двѣсти лѣтъ, послѣ взятія его родного города нѣмцами въ 1870 году, перевелъ все, что осталось отъ его типографіи, сожженной непріателемъ, въ Нанси. Тамъ онъ продолжаетъ до настоящаго времени печатать книги преимущественно по исторіи Эльзаса, и надняхъ выпустилъ въ свѣтъ свое собственное любопытное сочиненіе: «Страсбургскія воспоминанія»¹⁾, въ которыхъ сообщаетъ много интереснаго о внутреннемъ строѣ и общественной жизни Страсбурга въ теченіе четырехъ столѣтій, то-есть отъ XIII вѣка до конца XVII, когда онъ добровольно отдался Людовику XIV. Старинный Страсбургъ имѣлъ много общаго съ средневѣковой Флоренціей и Венеціей. Съ одной стороны, онъ, какъ Венеція, отличался опредѣленнымъ и однообразнымъ политическимъ строемъ, невѣдомымъ другимъ итальянскимъ городамъ, при чемъ всѣ колеса его сложной общественной машины гармонично дѣйствовали, подобно его знаменитымъ часамъ, а съ другой—онъ напоминаетъ Флоренцію, благодаря логической эволюціи своей буржуазіи, которая, путемъ терпѣнія и твердости, мало-по-малу, забрала въ свои руки господство надъ городомъ. Съ конца X столѣтія Страсбургъ былъ епископальнымъ городомъ, но съ теченіемъ времени онъ началъ ссориться съ своими епископами, подобно тому, какъ Римъ находился постоянно въ борьбѣ со своими папами. Въ 1262 году его кондотьеры, Рудольфъ Габсбургскій, разбилъ наголову войска епископа Вальтера, и потомъ до 1322 года Страсбургъ подчинялся аристократическому правленію; но съ этой эпохи власть стала все болѣе и болѣе переходить въ руки буржуазіи. Такъ же, какъ во Флоренціи, тамошняя буржуазія заключила въ концѣ концовъ мировую сдѣлку съ аристократіей, которая обвѣяна была принести присягу и въ нѣкоторомъ ролѣ обуржуазиться, чтобы сохранить право гражданства. Въ концѣ XV вѣка этотъ городъ выработалъ окончательную форму своего внутренняго устройства, которая вполнѣ сохранилась до Людовика XIV, а въ нѣкоторыхъ частяхъ и до революціи. Страсбургская конституція по своей сложности представляетъ очень оригинальное явленіе. Въ ней уравнивались аристократическій и буржуазный элементы, демократическое выборное начало и пожизненность аристократическихъ городскихъ должностей. Триста делегатовъ, избранныхъ всѣми горожанами, представляли законодательную власть и вотивали налоги. Палаты тринадцати и пятнадцати сосредоточивали въ себѣ исполнительную власть: первая, состоя изъ девяти горожанъ и четырехъ аристократовъ, вѣдала высшею политикой и войной, а вторая, включая въ себѣ пять аристократовъ и десять плебеевъ, избранныхъ пожизненно, изображала высшій финансовый контроль и апелляціонную инстанцію для корпоративныхъ три-

¹⁾ Souvenirs Strasbourgeois, par O. Berger-Levrault, Nancy, 1895.

буналовъ, а также имѣла право veto относительно отмѣны существующихъ законовъ. Сенатъ, въ составъ котораго входило двадцать плебеевъ и десять аристократовъ, возобновлялся каждый годъ въ половинѣ своихъ членовъ и подготавливалъ административные регламенты, поступавшіе на разрѣшеніе совѣта трехсотъ. У палаты пятнадцати были еще въ качествѣ ассесоровъ выборные пожизненно двадцать одинъ делегатъ. Стетмейстеры, въ числѣ шести, выбираемые сенатомъ изъ числа аристократическихъ членовъ поочередно, въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ управляли внѣшними дѣлами, а шесть аммейстеровъ, избираемые на шесть лѣтъ плебеями сената изъ числа ихъ самихъ, завѣдывали поочередно въ теченіе года внутренними дѣлами. Стетмейстеры и аммейстеры участвовали также въ совѣтахъ пятнадцати и тринадцати. Последнему совѣту предоставлялась ликтатура въ случаѣ общественной опасности. Эта конституція, хотя очень сложная, но предохранявшая Страсбургъ отъ политическихъ интригъ враждебныхъ классовъ, конечно, благодаря серьезности и благоумію эльзасцевъ, казалась совершенствомъ Энею-Сильвію Пиколомини, будущему папѣ Пію II, Макіавелю, родной городъ котораго совершилъ пятьдесятъ революцій въ теченіе трехсотъ лѣтъ, и Эразму, который, смотря на все чрезъ очки гуманиста и классика, видѣлъ въ Страсбургѣ олицетвореніе республики Платона. Въ сущности этотъ городъ былъ европейской державой, такъ какъ узлы, связывавшія его съ Германской имперіей, были лишь шелковой нитью. Онъ былъ освобожденъ отъ обязанности приносить присягу въ вѣрности императору и несъ на себѣ нѣсколько чисто формальныхъ обязанностей относительно имперіи, онъ имѣлъ своихъ пословъ, свою армию наемниковъ и свою національную милицію, а также чеканилъ свою золотую монету. Весь нижній Эльзасъ признавалъ надъ собой господство Страсбурга. Въ 1428 году его епископъ вступилъ въ союзъ съ маркграфомъ Баденскимъ и графами: Лихтенбергскимъ, Сальскимъ и Вичскимъ, съ цѣлью уничтожить свободу Страсбурга; но все его усилія ни къ чему не привели. Въ 1475 году въ Лотарингіи, въ 1476 году въ сраженіи подъ Моратомъ и въ 1477 году въ битвѣ при Нанси Страсбургъ выставилъ свою кавалерію, своихъ стрѣлковъ и свои артиллерійскія орудія на помощь друзьямъ лотарингцамъ и швейцарцамъ противъ армии Карла Смѣлаго. Въ XVI вѣкѣ въ страсбургскомъ арсеналѣ было до 205 пушекъ и необходимое вооруженіе на 15.000 человекъ. Эта маленькая, гордая республика, только номинально входившая въ составъ Германской имперіи, сохраняла до ея конца почетное мѣсто; страсбургское знамя шло немедленно послѣ императорскаго, и вообще Страсбургъ былъ не вассаломъ, а союзникомъ императора, а какъ только императорская рука слишкомъ тяжело опускалась на этого смѣлаго союзника, то онъ немедленно подымалъ голову и отстаивалъ свою самостоятельность. Такъ, въ 1349 году Карлъ IV обложилъ суда, спускавшіяся по Рейну, налогомъ въ пользу городовъ нижняго теченія этой рѣки, а такъ какъ большинство этихъ судовъ принадлежало Страсбургу, который велъ большую торговлю между Голландіей и Эльзасомъ, Швейцаріей и Бургундіей, то онъ загородилъ Рейнъ системой свай, скovanýchъ между собою цѣпами, и тѣмъ прекратилъ всякую торговлю, лишивъ Майнцъ, Вормсъ, Кобленцъ, Кельнъ и другіе прибрежные рейнскіе города обычныхъ запасовъ вина и муки. Два года Страсбургъ морилъ имперскихъ вассаловъ и, наконецъ, поставилъ на своемъ: ненавистный ему налогъ былъ отмѣненъ, и Рейнъ попрежнему сталъ поль-

зоваться полной свободой. Когда Страсбургъ добровольно присоединился къ Франціи, то Людовикъ XIV оставилъ ему всю его автономію, и до самой революціи онъ пользовался своимъ оригинальнымъ самостоятельнымъ устройствомъ.

— Станиславъ Лещинскій въ Лотарингіи и переговоры о бракѣ Людовика XV съ дочерью Петра Великаго. Маркиза Де-Рео, урожденная Сентъ-Уенъ, представительница древней лотарингской семьи, составила по печатнымъ матеріаламъ и рукописнымъ документамъ, хранящимся во французскихъ архивахъ, исторію управления Лотарингіей бывшимъ польскимъ королемъ Станиславомъ Лещинскимъ, а для полноты разсказа она прибавила вкратцѣ его біографію до вступленія въ управленіе Лотарингскимъ герцогствомъ. Эта книга ¹⁾ составляетъ вполне добросовѣстную монографію и знакомитъ читателей съ положеніемъ Лотарингіи въ послѣднія времена ея самостоятельности, а для насъ, русскихъ, въ ней находится нѣсколько любопытныхъ страницъ, именно тѣ, которыя касаются переговоровъ между французскимъ правительствомъ и императрицей Екатериной I насчетъ женитьбы Людовика XV на будущей императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ. Всемъ извѣстно, что Станиславъ Лещинскій, лишенный польскаго престола послѣ пораженія Карла XII подъ Полтавою, искалъ убѣжища во Франціи и, благодаря щедротамъ молодого короля Людовика XV, поселился въ Висембургѣ со своей семьей и тамъ мирно, спокойно жилъ до неожиданной какъ для него, такъ и для всего свѣта женитьбы Людовика XV на его дочери Маріи. Этотъ бракъ представляетъ интересный дипломатическій эпизодъ, тѣмъ болѣе, что ему предшествовали чрезвычайно сложныя придворныя интриги, имѣвшія цѣлью прискать подобающую невѣсту для юнаго французскаго короля. Первую невѣсту Людовику XV нашель регентъ, герцогъ Орлеанскій въ лицѣ испанской инфанты, имѣвшей три года, тогда какъ королю было одиннадцать, и, выпясавъ ее изъ Мадрида, онъ помѣстилъ ее въ Лувръ въ ожиданіи возможности совершить бракъ. Но его смерть произвела переворотъ во французской политикѣ, и занявшій его мѣсто герцогъ Бурбонскій, находившійся подъ вліяніемъ своей фаворитки, госпожи Де-При, счелъ нужнымъ, для сохраненія своей власти, поскорѣе женить короля, боясь, чтобы, въ случаѣ его смерти до женитьбы, престолъ не перешелъ къ Орлеанамъ. Для этого онъ отправилъ обратно въ Испанію инфанту, такъ какъ слишкомъ долго приходилось ждать, пока она дойдетъ до возраста, необходимаго для вступленія въ бракъ, и сосредоточилъ все вниманіе французской дипломатіи на присканіи невѣсты. Вместе съ тѣмъ (сылъ возбужденъ вопросъ и о бракѣ самого герцога Бурбонскаго, который былъ тогда молодымъ вдовцомъ, на что соглашалась и его фаворитка только съ тѣмъ, чтобы избранная ему невѣста была скромная и некрасивая особа, а слѣдовательно неопасная для ея вліянія. Такимъ образомъ, французскіе дипломаты при европейскихъ дворахъ повели двойную игру, сразу отыскивая двухъ невѣстъ: своему королю и тогдашнему правителю Франціи. Между прочимъ, интрига поведена была и въ Петербургѣ, гдѣ французскій посланникъ Кампредонъ самымъ дѣятельнымъ образомъ хлопоталъ о томъ, чтобы добиться руки великой княжны Елизаветы Петровны, для того, или другого изъ жениховъ. Если вѣрять его депешамъ, то императрица Екатерина I очень желала

¹⁾ Le Roi Stanislas et Marie Leczinska, par la marquise des Réaulx, Paris, 1895.

выдать свою вторую дочь за французскаго короля и сама сдѣлала объ этомъ предложеніе, какъ только узнала о разрывѣ съ испанскою инфантой. Князю Меншикову было поручено указать Кампредону на всѣ выгоды подобнаго брака, и онъ очень настаивалъ на той пользѣ, которую Франція могла извлечь изъ помощи Россіи въ могущихъ возникнуть въ Европѣ политическихъ осложненіяхъ. Съ цѣлью удалить послѣднія затрудненія для подобнаго брака, предлагался даже со стороны императрицы, по словамъ Кампредона, переходъ Елизаветы въ католическую вѣру. Мало того, когда Кампредонъ намекнулъ Екатерины, что герцогъ Бурбонскій, можетъ быть, женится на дочери Станислава Лещинскаго, то императрица выразила согласіе поддерживать въ Польшѣ интересы бывшаго короля и его предполагаемаго зятя. Но, не смотря на всѣ хлопоты Кампредона, предложенный имъ королевскій бракъ не удался, такъ какъ герцогъ Бурбонскій нашелъ наиболее для себя выгоднымъ женить Людовика на такой скромной невѣстѣ, какъ дочь Станислава Лещинскаго, которую онъ рассчитывалъ забрать совершенно въ свои руки, чего, быть можетъ, ему не удалось бы съ Елизаветой, умъ которой прославлялъ Кампредонъ. Но этотъ дипломатъ не хотѣлъ признать себя совершенно побѣжденнымъ и началъ новые хлопоты насчетъ перемѣны жениховъ и невѣстъ; такъ какъ Людовикъ XV долженъ былъ жениться на невѣстѣ герцога Бурбонскаго, то почему этому послѣднему было не жениться на невѣстѣ короля, именно Елизаветѣ Петровнѣ? По словамъ его депешъ, Екатерина была согласна и на эту комбинацію, но противъ нея возстала г-жа Де-При, боявшаяся, что умная и красивая Елизавета отобьетъ у нея герцога. Такимъ образомъ, французское правительство отклонило бракъ съ дочерью Петра Великаго и для короля, и для правителя страны, но при этомъ была выражена официально императрицѣ вся благодарность какъ Франціи, такъ и герцога Бурбонскаго за ея милостивое предложеніе, которое, къ сожалѣнію, пришло слишкомъ поздно, такъ какъ былъ уже рѣшенъ бракъ Людовика XV съ Маріей Лещинскою, а герцога— съ Каролиной Гессенскою. Хотя Екатерина для приличія одобрила выборъ французскаго короля и не выразила ничѣмъ своего неудовольствія, но она отвернулась отъ Франціи, съ которой хотѣла заключить тѣсный союзъ, и напротивъ, вступила въ дружбу съ императоромъ Карломъ VI. Что касается до брака Маріи Лещинской съ Людовикомъ XV, то извѣстно, что онъ былъ очень несчастный, и только Станиславъ въ сущности извлекъ изъ него пользу, именно сначала ему былъ пожалованъ замокъ Шамборъ съ щедрымъ пенсіономъ, а потомъ, послѣ его неудачной попытки возвратитъ себѣ польскій престолъ, онъ, за окончательный отказъ отъ своихъ правъ на этотъ престолъ и, конечно, благодаря покровительству Франціи, получилъ пожизненное управленіе герцогствомъ Лотарингіей, которое должно было перейти послѣ его смерти къ Франціи, такъ какъ послѣдній лотарингскій герцогъ уступалъ владѣнія своихъ предковъ за великое герцогство Тосканское и надежду сдѣлаться германскимъ императоромъ послѣ смерти своего тестя Карла VI. Управленію Лотарингіей Станиславомъ Лещинскимъ посвящена большая часть книги маркизъ де-Рео, и она распространяется въ самыхъ восторженныхъ выраженіяхъ объ его благотворной дѣятельности на ея роднѣ, которую онъ постепенно подготовилъ къ окончательному переходу въ составъ Франціи.

— Лафайетъ въ Америкѣ. Послѣ Вашингтона Лафайетъ самая ин-

тересная фигура среди героев освобождения Соединенных Американских Штатов, и потому не удивительно, что американские историки с любовью занимаются изучением всего, что касается его участия в их классической борьбе с Англией. Шарлемань Тауеръ посвятилъ этому предмету объемистый трудъ въ большихъ двухъ томахъ¹⁾ и въ немъ исчерпалъ все имѣющіеся матеріалы какъ печатные, такъ и рукописные въ архивахъ Франціи и Америки. Но онъ не только рисуетъ подробную картину энергичной дѣятельности Лафайета въ Новомъ Свѣтѣ, начиная отъ его высадки на американскій берегъ до окончательнаго возвращенія во Францію послѣ побѣды надъ Корнвалисомъ въ 1781 г., но и обставляетъ ее свѣдѣніями о предкахъ своего героя, объ его юности во Франціи, а главное объ оказанныхъ имъ услугахъ дѣлу американцевъ въ Версалѣ, гдѣ онъ во время своего временнаго удаленія изъ Америки въ 1779 году краснорѣчиво защищалъ передъ Людовикомъ XVI и его министрами американскую независимость. Хотя письма Лафайета уже давно напечатаны, но они такъ рельефно отбѣняютъ его замѣчательную личность, что Тоуеръ отводитъ имъ значительное мѣсто въ своей монографіи. Дѣйствительно, трудно лучше изобразить пламенный энтузіазмъ, съ которымъ молодой французскій аристократъ отправился на помощь только-что возникшей республикѣ, чѣмъ это дѣлаетъ онъ самъ въ слѣдующихъ словахъ одного изъ его писемъ къ женѣ съ Атлантическаго океана: «Я надѣюсь, что ради меня ты сдѣлаешься доброй американкой: подобное чувство подобаетъ добродѣтельному сердцу. Счастье Америки тѣсно связано съ счастьемъ всего свѣта; ей суждено быть вѣрнымъ и почетнымъ убѣжищемъ добродѣтели, честности, вѣротерпимости, равенства и мирной свободы». Однако, не смотря на всю свою преданность дѣлу Америки, снискавшей ему любовь Вашингтона, Лафайетъ оставался въ Новомъ Свѣтѣ французомъ, и немалый элементъ его энтузіазма къ освобожденію бывшихъ англійскихъ колоній составляла его національная неависть къ Англии. Тоуеръ очень рельефно указываетъ, что ваятіе Канады составляло сердечное желаніе Лафайета, и что возвращеніе ея Франціи онъ счелъ бы очень справедливымъ и патріотическимъ дѣломъ. Конечно, превознося заслуги, оказанныя благороднымъ французомъ его родинѣ, американскій ученый не забываетъ отдать должную долю благодарности и Франціи; такъ, онъ говоритъ: «Сравнительно очень мало моихъ соотечественниковъ теперь сознаютъ всю важность оказанной Франціей помощи ихъ предкамъ во время войны за независимость, когда мы не пользовались въ остальной Европѣ никакимъ кредитомъ и не встрѣчали никакого сочувствія. Не только Франція содѣйствовала намъ тѣмъ, что дозволила сначала американскимъ агентамъ пользоваться французскими арсеналами и портами для вооруженія своей арміи, но потомъ гарантировала своимъ кредитомъ большіе займы, заключенные конгрессомъ, и, наконецъ, послала своихъ солдатъ и моряковъ сражаться за насъ подъ знаменемъ Вашингтона. Самыя мрачныя минуты нашей борьбы были какъ бы освящены надеждой, поддерживаемой въ насъ этой помощью Франціи».

Естественно Лафайету и роли Франціи въ войнѣ за независимость Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ отведено очень маленькое мѣсто въ

¹⁾ The Marquis of Lafayette in the american revolution, by Charlemagne Tower New-York, 1895, 2 vol.

новой исторіи Соединенныхъ Штатовъ, которую только-что окончилъ профессоръ Андрювъ, ректоръ Браунскаго университета ¹⁾, но все-таки этотъ извѣстный историкъ и авторитетъ по американскому конституціонному праву отдаетъ полную справедливость тому и другому. Только недостатокъ мѣста мѣшаетъ ему болѣе распространиться объ этомъ предметѣ, и падо удивляться, какъ онъ сумѣлъ въ двухъ томахъ представить полную, всестороннюю картину возникновенія и развитія Соединенныхъ Штатовъ отъ ихъ зачатковъ до нашихъ дней. Читая эту замѣчательную книгу, какъ бы слышишь отдаленный непрерывный гулъ американской жизни и чувствуешь, что она писана для людей, которые хотятъ все знать, но которымъ не время читать и которые желаютъ въ возможно короткое время познакомиться съ каждымъ предметомъ, обхвативъ его разомъ со всѣхъ сторонъ. Профессоръ Андрювъ, по единогласному приговору американской и англійской критики, вполне удовлетворялъ этой потребности своихъ соотечественниковъ. Онъ не только сжалъ по возможности чисто историческую часть своего труда и мастерски сгруппировалъ факты, но освѣтилъ ихъ массой статистическихъ и экономическихъ свѣдѣній, графическими очерками главныхъ политическихъ дѣятелей и народныхъ движеній, интересными анекдотами и многочисленными любопытными данными о положеніи общественной жизни въ различные эпохи. Несмотря на всю сжатость разсказа ученаго профессора, онъ никогда не перестаетъ быть интереснымъ и постоянно поддерживаетъ вниманіе читателя, а если мы прибавимъ, что весь его трудъ занимаетъ 700 страницъ и можетъ быть прочтенъ въ такое же количество минутъ, то нельзя не признать съ критикомъ англійскаго «Атенеумъ»²⁾, что Андрювъ совершилъ замѣчательный историческій и литературный подвигъ.

— Посмертныя сочиненія Тэна. Въ послѣднее время французскіе журналы печатаютъ одинъ за другимъ посмертные труды знаменитаго Тэна: такъ «Revue Philosophique» помѣстило большіе отрывки изъ его глубоко-мысленнаго метафизическаго трактата: «Послѣдніе элементы вещей» (Les elements derniers des choses), написаннаго въ періодъ времени отъ 1886—1892 годовъ и имѣющаго главнымъ предметомъ законъ притяженія, съ точки зрѣнія геометрической и психической, а «Revue de Paris» отыскало и впервые обнародовало дневникъ, веденный изодня въ день Тэномъ во время нѣсколькихъ поѣздокъ по Бельгій и Голландіи между 1853 и 1867 гг. ²⁾ Это послѣднее произведеніе автора столькихъ извѣстныхъ литературныхъ трудовъ представляетъ наиболѣе интереса для читателей, не спеціалистовъ, и хотя въ немъ нѣтъ ничего особенно новаго или необыкновеннаго, но многія его страницы блещутъ обычнымъ тэновскимъ остроуміемъ, серьезными, пытливыми взглядами и чуткой отзывчивостью къ красотамъ природы и искусствъ, а также, животрепещущимъ жизненнымъ вопросамъ его времени. Напримеръ, съ первыхъ строчекъ, посвященныхъ переѣзду изъ Парижа въ Монсъ, Тэнь, съ одной стороны, философски замѣчаетъ: «я люблю всего болѣе въ пейзажѣ случайности: дорогѣ, неожиданно направляющуюся въ другую сторону, пятно блѣднаго свѣта на темнозеленомъ лѣсѣ, изуренную лоша-

¹⁾ History of the United States, by E. Andrews, president of Brown University, New-York, 1895, 2 vul.

²⁾ Notes de voyage en Belgique et en Hollande, par H. Taine, Revue de Paris, 15 juin, 15 juillet.

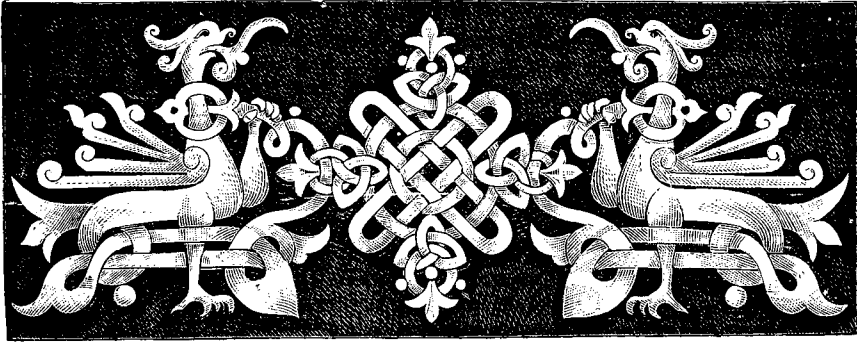
денку, остановившуюся на краю обрыва, или старинную стѣну, источенную солнцемъ, дождемъ и мхомъ,—такъ какъ онѣ обнаруживаютъ свободный порывъ жизни, умѣряемый медленнымъ дѣйствіемъ прошедшаго»; съ другой,—онъ картинно описываетъ громадную равнину Фландріи, изрѣзанную прекрасно обработанными полями, съ тучной плодородной почвой и безчисленными вѣтрянными мельницами, движущими крыльями, словно громадная армія пауковъ, а съ третьей,—при видѣ толпы ребятишекъ, низкопоклонно просившей милостыни передъ пограничной таможенной,—онъ восклицаетъ: «не унижилъ ли здѣсь народное сердце католицизмъ, такъ какъ ничего подобнаго нельзя встрѣтить въ Голландіи и никогда не было во времена фламандскихъ общинъ?». Описывая болѣе подробно Бельгію, чѣмъ Голландію, которой онъ посвящаетъ всего пять, или шесть страницъ, знаменитый философъ и эстетикъ останавливается преимущественно на Брюсселѣ, Антверпенѣ, Мехельнѣ, Гентѣ и Брюгенѣ, причемъ въ бѣглыхъ замѣткахъ сообщаетъ свои впечатлѣнія о странѣ, народѣ, памятникахъ старины, красотахъ средневѣковой архитектуры и великихъ произведеніяхъ искусства, прославившихъ Рембранта, Рубенса, Ванъ-Дика, Квентина Метиса и другихъ мастеровъ фламандской школы. Вообще о бельгійцахъ онъ отзывался, какъ о людяхъ холодныхъ, благоразумныхъ, солидныхъ, съ сильнымъ буржуазнымъ оттѣнкомъ, что не мѣшаетъ имъ отличаться очень развитымъ темпераментомъ, который побуждаетъ съ виду степеннаго, тяжелаго, семьянина имѣть, кромѣ жены съ многочисленными дѣтьми, официальную содержанку, у которой онъ завтракаетъ, и любовницу-гриветку, къ которой онъ заглядываетъ по вечерамъ, уже не говоря о случайныхъ интрижкахъ. О покойномъ королѣ бельгійскомъ Леопольдѣ I онъ упоминаетъ съ большой похвалой и указываетъ на его политическій тактъ, благодаря которому онъ благополучно выходилъ изъ самыхъ затруднительныхъ обстоятельствъ, какъ, напримѣръ, онъ усмирить уличные беспорядки въ 1848 году и возбудилъ монархическій энтузіазмъ въ готовой къ восстанію толпѣ слѣдующими словами: «если вы хотите республики—такъ и скажите, а я уѣду въ Англію». По словамъ Тѣна, идеалъ бельгійца—комфортабельная жизнь, то-есть та жирная, здоровенная плоть, которую такъ художественно изображалъ Рубенсъ на всѣхъ своихъ картинахъ. При такомъ царствѣ плоти, во всѣхъ ея видахъ, для ума нѣтъ мѣста, и Тѣнъ указываетъ, что даже бельгійскіе студенты стремятся все знать, но не отличаются никакимъ литературнымъ чутьемъ; тоже можно сказать и о бельгійской печати. Вообще это типъ любопытной помѣси трехъ элементовъ: германскаго, англійскаго и католическаго. Хотя все это писано дѣтъ тридцать тому назадъ, и многое съ тѣхъ поръ измѣнилось въ Бельгіи, но основа остроумныхъ замѣтокъ Тѣна поражаетъ до сихъ поръ мѣткостью и справедливостью. Что касается до выражаемыхъ имъ взглядовъ на художественныя сокровища Бельгіи и рисуемыхъ имъ картинъ природы, то они еще мевѣ потеряли своей цѣны и читаются теперь съ такимъ же интересомъ, какъ будто были писаны вчера. Съ особеннымъ восторгомъ художественный эстетикъ говоритъ о богатствѣ колорита и реальной правдѣ великихъ мастеровъ фламандской школы, но вмѣстѣ съ тѣмъ и указываетъ на отсутствіе у нихъ идеи, такъ, по его словамъ, «Снятіе со Креста» и «Распятіе» Рубенса въ Антверпенскомъ соборѣ прекрасныя картины, но это не что иное, какъ двѣ группы, въ которыхъ художникъ старался показать, какъ трудно

опустить съ высоты тяжесть и поднять ее на столбъ. Для Рубенса сюжетъ служить только мотивомъ, а его цѣль—представить блестящее сочетаніе поразительныхъ позъ и яркаго колорита. Смотри на картины, Тѣтъ, по времени, нападаетъ на любопытныя мысли какъ политическаго, такъ и литературнаго характера. Любуясь портретомъ одного знатнаго фламандца, работы Ванъ-Дика, онъ замѣчаетъ: «только Ванъ-Дикъ умѣлъ рисовать царедворцевъ такъ, что они кажутся вельможами, а не холопами; впрочемъ, только при Людовикѣ XIV въ вельможѣ выработался типъ лакея, а до тѣхъ поръ въ немъ оставался слѣдъ дикаря», а приходя въ восторгъ отъ знаменитаго «Ночного патруля» Рембрандта, онъ замѣчаетъ: «тутъ сюжетъ не причемъ, даже типы на второмъ планѣ, а все заключается въ игрѣ свѣта, въ идеальной поввиіи реальнаго міра; этотъ художникъ болѣе всѣхъ сознаетъ всѣ тонкости колорита, онъ чувствуетъ ихъ, какъ поэтъ рѣзюмы, какъ музыкантъ ноты; всякій малѣйшій оттѣнокъ возбуждаетъ въ немъ цѣлый міръ воспоминаній и ощущеній, точно также Бальзакъ предается безконечнымъ мечтаніямъ по поводу формы, звука, смысла и сочетанія словъ».

— Открытіе памятника Вильгельму Теллю и перенесеніе сердца Костюшки. Въ Швейцаріи недавно произошло два торжества: въ Альторфѣ¹⁾ на площади, гдѣ находилась историческая липа, воздвигнута статуя легендарнаго національнаго героя, а въ Польскій музей, основанный графомъ Платеромъ въ Рапперсвилльскомъ замкѣ, на Цюрихскомъ озерѣ, перенесено сердце Костюшки, хранившееся въ итальянской семьѣ Морозини, сначала въ Венеціи, а потомъ въ Миланѣ. Извѣстно, что Костюшко передъ смертью въ 1817 году завѣщаль свое сердце своей крестницѣ и наслѣдницѣ, Эмили Целтнеръ, вышедшей замужъ за графа Морозини, и теперь ея четыре дочери принесли въ даръ это сердце Польскому музею, гдѣ оно и водворено въ присутствіи многочисленныхъ депутацій изъ Галиціи, Познани и Силезіи, въ томъ числѣ председателя муниципальнаго совѣта Кракова, въ соборѣ котораго покоится прахъ Костюшки; не только поляки, но и представители Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ явились по этому случаю въ Рапперсвилль, такъ какъ Костюшко принималъ участіе въ войнѣ за независимость Америки. Открытіе статуи Вильгельма Телля было національнымъ швейцарскимъ торжествомъ, и на немъ были произнесены патриотическія рѣчи Цемпомъ, президентомъ Швейцарской республики, и Лашеналемъ, министромъ иностранныхъ дѣлъ. Памятникъ состоитъ изъ бронзовой группы цюрихскаго скульптора Кислинга и изображаетъ Телля, возвращающагося изъ Бюрглена; на плечѣ онъ несетъ лукъ, а другой рукой держитъ сына. Пьедесталь украшенъ сценами изъ жизни національнаго героя: именно стрѣльбой въ яблоко на головѣ сына, прыжкомъ Телля на утесъ на берегу озера, смертью Геслера и кончиной самого Телля. Такимъ образомъ, Швейцарія присоединила къ многочисленнымъ памятникамъ въ честь своего историческаго героя еще одинъ, хотя всѣмъ извѣстно, что онъ никогда не существовалъ, а представляетъ лишь легендарную личность. По этому поводу »Revue Encyclopedique»¹⁾ въ номерѣ отъ 1-го октября напоминаетъ, какъ сложилась эта патриотическая легенда. Прежде всего надо замѣтить, что не существуетъ никакихъ свидѣтельств современниковъ о существованіи великаго освободителя Швейцаріи, и только сто лѣтъ послѣ освобожденія

¹⁾ Le monument de Guillaume Tell, par H. C., Revue Encyclopedique, 1 oct.

трехъ кантоновъ встрѣчаются въ 1420 году первые слѣды этой легенды въ «Національной Хроникѣ», составленной Конрадомъ Жостингеромъ, секретаремъ Бернскаго совѣта, и, однако, даже тамъ не упоминается ни именъ, ни опредѣленныхъ фактовъ. Лѣтописецъ довольствуется тѣмъ, что объясняетъ разрывъ между кантонами и Австріей притѣсненіями со стороны австрійскихъ правителей. Эта общая идея тираніи и освобожденія отъ нея уже впоследствии олицетворилась въ опредѣленныхъ личностяхъ, и дѣсные кантоны создали: Утервальденъ тирана Ланденберга и освободителя Арнольца Мельхталя, а Швицъ и Ури: тирана Геслера и освободителей—Вильгельма Телля, Штауфахера и Вальтера Фюрста. Въ балладѣ, писанной на нѣмецкомъ языкѣ въ 1470 году, упомянуто въ первый разъ имя знаменитаго стрѣлка изъ Ури, и рассказанъ эпизодъ объ яблокѣ. Эта народная легенда въ сущности не что иное, какъ перенесенье на швейцарскую почву исторіи датскаго стрѣлка, по имени Токко, написанной на латинскомъ языкѣ за сто лѣтъ до возникновенія швейцарской федераціи. Не смотря на это, означенная баллада сдѣлалась ядромъ Урійской легенды, которая мало-по-малу обогатилась различными украшеніями и подробностями. Мельхиоръ Гуссъ изъ Люцерна составилъ въ 1480 году хроникку, въ которой рассказывается, что Вильгельмъ Телль убилъ Геслера и выскочилъ възъ лодки на утесъ на берегу овера, но имени Геслера тутъ не упоминается, и оно только впервые появляется въ Сарненской хроникѣ, гдѣ уже обстоятельно описывается, какъ Геслеръ приказалъ обвѣшивать головы передъ своей шляпой, какъ Телль отъ этого отказался и былъ обязанъ стрѣлять въ яблоко на головѣ своего сына, какъ его повели въ лодкѣ, и какъ онъ убилъ Геслера, но не на озерѣ, а въ горномъ проходѣ Кюснахта въ Швицѣ. Съ тѣхъ поръ уже легенда приняла опредѣленный характеръ, и въ теченіе трехъ сотъ лѣтъ ее развивали и украшали какъ историки, такъ художники и поэты, въ числѣ которыхъ особенно слѣдуетъ указать на Егидія Тчуди, Іоанна Мюллера и Шиллера. Первый придавалъ внутреннее единство всѣмъ отдѣльнымъ чертамъ легенды и точно означилъ время, когда происходило это мнимое историческое событіе; Іоаннъ Мюллеръ освѣтилъ картину подвиговъ Телля и его товарищей, въ особенности присягу въ Грютли блестящимъ колоритомъ, а Шиллеръ обезсмертилъ легенду, проведя ее черезъ горнило поэзіи. Такимъ образомъ сложилась постепенно самая живая, самая упорно существующая легенда, которую не могутъ поколебать никакія историческія опроверженія. А эти опроверженія слышатся уже давно. Въ 1607 году швейцарскій историкъ Гиллиманъ объявилъ въ напечатанномъ письмѣ, что исторія Вильгельма Телля—сказка. Въ 1752 году Фринденбергеръ написалъ «Васию о Вильгельмѣ Теллѣ», а въ 1760 году появилась «Вильгельмъ Телль, басня датская»; послѣднюю книгу сожгли по постановленію кантона Ури. Наконецъ, въ 1890 году власти Швица постановили, чтобъ легенду о Вильгельмѣ Теллѣ исключили изъ школьныхъ учебниковъ, но изъ примѣру не послѣдовали другіе кантоны, и культъ славнаго національнаго героя продолжается попрежнему во всей Швейцаріи, лучшимъ доказательствомъ чего служитъ открытіе его новой статуи въ Альтофѣ. Фиктивна или дѣйствительна личность Телля, но она въ глазахъ швейцарцевъ олицетворяетъ ихъ стремленія къ свободѣ и независимости, а потому они не хотятъ уничтожить національное, хотя бы и фактивное преданіе, укрѣпляющее въ сердцахъ народа патріотическія чувства.

СМѢСЬ.

ОСЬМИСОТЛѢТІЕ Рязани. 20-го сентября праздновалось восьмисотлѣтіе существованія города Рязани. Въ первый день торжественнаго празднованія юбилея города, въ 8 часовъ утра, въ Борисоглѣбской церкви ректоромъ семинаріи протоіереемъ І. К. Смирновымъ собранъ былъ совершена заупокойная литургія, а по окончаніи ея панихида по усопшимъ рязанскимъ князьямъ, митрополитамъ, архіепископамъ и епископамъ. Массы народа наполняли церковь, нѣкогда бывшую каедральнымъ соборомъ древняго Переяславля-Рязанскаго. Къ 2 часамъ потянулись къ этой церкви изъ всѣхъ городскихъ храмовъ малые крестные ходы, въ которыхъ, въ сопровожденіи духовенства, была несена святыня изъ каждой церкви. Въ это время закрылись на три дня всѣ торгово-промышленныя заведенія города. Воспитанники мѣстныхъ учебныхъ заведеній также были освобождены на три дня отъ занятій. Въ 2 часа въ Борисоглѣбской церкви началась малая вечерня, а затѣмъ на могилѣ св. Василія внѣ церкви, гдѣ прежде почивали мощи святителя, пока не были перенесены въ нынѣшній соборъ, было совершено торжественное молебствіе; въ началѣ четвертаго часа оно закончилось и общій крестный ходъ отсюда, при колокольномъ звонѣ всѣхъ церквей, сопровождаемый многочисленными толпами народа, направился въ Христорождественскому собору. Процессія была чрезвычайно торжественная. Въ четыре часа крестный ходъ прибылъ въ соборъ; святыня была поставлена здѣсь на указаннныя мѣста; хоругви размѣщены въ притворѣ собора. Въ 5 часовъ въ соборѣ началось всенощное бдѣніе. На литію и величаніе выходилъ преосвященный Іустинъ, въ сослуженіи архимандритовъ, ректора семинаріи, каедральнаго протоіерея и соборнаго духовенства. На всѣхъ служащихъ было одинаковое облаченіе изъ зеленой шелковой матеріи, ввовъ

сшитое для праздника. Соборъ былъ полонъ молящихся. Послѣ величавія началось чтеніе акаѳиста св. Василию Рязанскому, которое совершалъ преосвященный Іустинъ. Онъ же помазывалъ освященнымъ елеемъ богомольцевъ, прикладывавшихся къ ракъ святителя. За всенощной читалось еще «Сказаніе о св. Василии Рязанскомъ». Богослуженіе кончилось въ десятомъ часу; пѣлъ хоръ архіерейскихъ пѣвчихъ. Успенскій соборъ былъ снаружи иллюминированъ, освѣщена была и соборная колокольня. Въ верхнемъ этажѣ ея были поставлены свѣтотыя изображенія: на сторонѣ, обращенной къ городу, св. Василия Рязанскаго, а на сторонѣ къ собору—св. мученика князя Романа Рязанскаго. Дорога къ собору по обѣимъ сторонамъ была уставлена плочками. На площади на средства, собранныя по подпискѣ, водвигнута арка изъ дерева, увѣнчанная гербомъ Рязанской губерніи. Вечеромъ состоялось засѣданіе думы, которую, между прочимъ, рѣшено ознаменовать день восьмисотлѣтія какимъ нибудь общепользынымъ или благотворительнымъ дѣломъ. Городъ съ утра расцвѣтился флагами. На многихъ домахъ устроены транспаранты съ свѣтящимися вензелями, изображеніями св. Олега Рязанскаго и т. п. 21-го сентября, въ главный день юбилейнаго торжества, въ 6 часовъ утра, во всѣхъ церквахъ города были отслужены раннія литургіи, а въ 8 часовъ началась повдняя литургія въ Христорождественскомъ соборѣ, которую совершалъ преосвященный Іустинъ въ сослуженіи преосвященнаго Полиевкта, двухъ архимандритовъ, ректора семинаріи и соборнаго духовенства (въ Успенскомъ соборѣ одновременно совершали литургію архимандритъ Несторъ). Во время причащнаго стиха ректоромъ было сказано слово, гдѣ онъ указывалъ, что древне-рязанскіе святители и князья были примѣромъ для народа благочестивой жизни, и подражаніе имъ составляетъ залогъ благополучія. По окончаніи богослуженія все городское духовенство, съ преосвященнымъ Іустиномъ во главѣ, вновь сооруженными хоругвами и святынями всего города, торжественнымъ крестнымъ ходомъ вышло изъ собора и направилось соборнымъ бульваромъ чрезъ выстроенную арку на площадь присутственныхъ мѣстъ, которая была вся залита народомъ. Посрединѣ ея была устроена деревянная, декорированная цвѣтами и зеленью, площадка. Здѣсь, на особо устроенныхъ мѣстахъ, была разставлена принесенная святыня; затѣмъ начался молебенъ. Во время многолѣтія была салютационная пальба на соборной площади изъ орудій двухъ конныхъ батарей, расположившихся на углу площади, обращенномъ къ рѣкѣ Трубежу. На площади было до 15.000 народа, не считая пѣхотныхъ полковъ 35-й дивизіи 137-го Нѣжинскаго и 138-го Волховскаго, воспитанниковъ и воспитанницъ учебныхъ заведеній. По окончаніи молебна въ половинѣ двѣнадцатаго святыни были понесены на свои мѣста, а на площади начальникомъ 35-й пѣхотной дивизіи генералъ-лейтенантомъ Л. А. Юнаковымъ произведенъ смотръ, по окончаніи котораго войскамъ было предложено угощеніе отъ города, а воспитанники и воспитанницы распущены по домамъ. На площади началось народное гулянье: лаванье на мачты, бѣганье въ мѣшкахъ, проѣздъ подъ ведромъ воды, бѣга на дистанціи и т. п. Торжественное засѣданіе Рязанской ученой архивной комиссіи въ память восьмисотлѣтія основанія города Рязани происходило въ залѣ Рязанскаго дворянскаго собранія. Къ половинѣ второго громадная зала была полна: середина была занята почетными посѣтителями. По бокамъ залы, подъ хорами, стояли воспитанники духовной семинаріи и учительской семинаріи, городскихъ училищъ, воспитанницы женской гимназіи и епархіальнаго женскаго училища, волостные старшины Рязанскаго уѣзда и публика. Въ 1½ часъ дня въ залу прибыли: преосвященный Полиевктъ, епископъ михайловскій, викарій рязанскій, а затѣмъ непремѣнный попечитель ученой комиссіи, начальникъ губерніи Н. С. Брянчаниновъ; въ исходѣ второго часа прибылъ преосвященный Іустинъ, епископъ рязанскій. Встрѣченный у входа въ залу начальни-

комъ губерніи, владыка выслушалъ пѣніе тропаря св. Василию Рязанскому и благословилъ присутствующихъ. Начальникъ губерніи Н. С. Брянчаниновъ произнесъ рѣчь, въ которой выяснилъ заслуги ученой архивной комиссіи, сдѣлавшей въ теченіе своего 11-ти-лѣтняго существованія очень много и для исторіи Россіи вообще, и для исторіи Рязанскаго края въ особенности. Комиссія издала массу документовъ, напечатала сотни изслѣдованій, создала бібліотеку, историческіе архивъ и музей и, наконецъ, вывела къ жизни и восьмисотлѣтній юбилей Рязани. Собраніе отвѣтило вставаніемъ на любовное привѣтствіе, которымъ закончилась рѣчь. Послѣ рѣчи губернатора, хоръ воспитанниковъ духовной семинаріи исполнилъ написанную нарочно къ празднику г. Николаевымъ юбилейную кантату: Слава, Тебѣ, Царь Небесный (слова Николаева, музыка Вафляева, регента семинарскаго хора); затѣмъ оркестръ Нѣжинскаго полка исполнилъ увертюру изъ оперы «Жизнь за Царя». Потомъ на кафедру вошелъ Д. И. Иловайскій и произнесъ «привѣтственное слово». Хоръ учительской семинаріи исполнилъ «Прославленіе Бога» Бетховена. На кафедру вступилъ ректоръ семинаріи І. К. Смирновъ и прочелъ о «О святыхъ города Рязани», гдѣ провелъ ту мысль, что, какъ въ древней записи основаніе Переславля связано съ храмомъ (Николы Старого), такъ и въ послѣдующей исторіи Рязани храмоводительство идетъ широкой полосой, и въ заключеніе выразилъ желаніе, чтобы теперешніе жители Рязани и ихъ потомки свято сохраняли не только вещественную древнюю святыню—св. храмы, иконы и реликвіи, но и неимущественную святыню—вѣчно живую вѣру и отеческое благочестіе. Послѣ рѣчи ректора хоръ духовной семинаріи исполнилъ концертъ Бортинскаго: Придите, возрадуемъся. Затѣмъ г. Шефферлингомъ былъ прочтенъ, за болѣвнью А. И. Черепнина, его очеркъ доисторическаго прошлаго Рязанскаго края, гдѣ на основаніи найденныхъ въ курганахъ и ямахъ-поселкахъ въ Зарайскомъ, Спасскомъ и Касимовскомъ уѣздахъ дѣлаются попытки возстановить бытовую сторону народовъ, населявшихъ районъ Окскаго бассейна въ палео- и неолитическія эпохи каменнаго вѣка, въ періодъ употребленія металловъ и періодъ сношенія съ арабами. Послѣ этого чтенія соединенный хоръ и оркестръ исполнили Коль славенъ. Послѣднимъ лекторомъ былъ г. Буймистровъ, прочитавшій свое сообщеніе объ «Олегѣ Ивановичѣ, великомъ князѣ рязанскомъ», не понятымъ и даже оклеветанномъ, по мнѣнію лектора, сѣверными лѣтописцами, называвшими его лѣнвивымъ, жестокимъ, трусливымъ, сыномъ діавола. Защитѣ Олега отъ подобныхъ обвиненій и выясненію его личности и значенія была посвящена статья г. Буймистрова. Лекторъ былъ награжденъ аплодисментами. Затѣмъ былъ исполненъ народный гимнъ, повторенный многократно по требованію публики, и засѣданіе закрылось въ 5 часовъ. Во время засѣданія были получены привѣтственные телеграммы отъ митрополита Палладія, директора Демидовскаго лицея Шпилевскаго, Историческаго общества Нестора лѣтописца, костромскаго губернатора Шидловскаго, гр. Уваровой, А. И. Забѣлина, студентовъ-рязанцевъ, Кіевской академіи и др. Въ 8 часовъ въ той же залѣ дворянскаго собранія состоялся ужинъ по подпискѣ, сопровождавшійся тостами. Ужинъ окончился около 12 часовъ. По поводу восьмисотлѣтія города рязанская архивная комиссія предполагаетъ издать особый сборникъ со словаремъ писателей и ученыхъ изъ уроженцевъ Рязанской губерніи; кромѣ того, предполагается соорудить въ Рязани памятникъ князю Олегу, какъ самому выдающемуся изъ рязанскихъ князей. Городъ былъ украшенъ флагами, по мѣстамъ цвѣтными гирляндами и коврами. Вечеромъ была зажжена иллюминація. Лучше всѣхъ была украшена арка: она вся горѣла разноцвѣтными огнями. Эту арку предполагаютъ замѣнить каменною и оставить навсегда въ память восьмисотлѣтія. Магазины были заперты весь день. Послѣдній день праздника ознаменовался интереснымъ литературно-музыкальнымъ

вечеромъ рязанскихъ учебныхъ заведеній въ залѣ дворянскаго собранія. Въ музыкальной части приняли участіе пять хоровъ, составленныхъ изъ учениковъ двухъ гимназій, двухъ семинарій и женскаго епархіальнаго училища. Литературная часть вечера была сплошь посвящена исторіи Рязани. Ученикъ VII класса гимназіи Александръ Шефферъ написалъ повѣсть подъ заглавіемъ «Изъ былого», отдѣльныя части которой, касающіяся того или другого эпизода рязанской исторіи: «Основаніе Рязани», «Нашествіе Батыя», «Св. Василій», «Олеги» и т. д., читались различными гимназистами и иллюстрировались постепенно открывавшимися картинами. Между прочимъ, особенно выдѣлился прекраснымъ чтеніемъ ученикъ 2-го класса мѣстной прогимназіи Мочаловъ, потомокъ знаменитаго трагика. Вообще вечеръ, организованный А. Э. Сергѣевымъ, удался какъ нельзя лучше.

Открытіе памятника на шведской могилѣ. 11-го сентября въ Полтавѣ былъ торжественно освященъ и открытъ новый памятникъ на Шведской могилѣ. Еще до торжества около ограды могилы были поставлены нѣсколько арокъ, украшенныхъ инициалами ихъ императорскихъ величествъ, вѣнзлемъ и національными флагами. Подножіе памятника было декорировано транспарантами съ вензелями императоровъ Александра II, Александра III и Николая II. На наружной стѣнѣ Сампсоніевскаго храма, сооруженнаго около Шведской могилы и въ прошломъ году обновленнаго и значительно расширеннаго, помѣщены были вѣтая изъ церкви села Жукова (въ 5-ти верстахъ отъ могилы) древняя русская икона, поруганная шведами (они устроили на ней шахматную доску), которая была у нихъ потомъ отбита, освящена и помѣщена снова въ храмъ села Жукова. Тутъ же была аллегорическая картина, написанная въ XVIII столѣтіи, изображавшая полтавскую побѣду. Устройство храма въ настоящемъ его видѣ обошлось въ 25,000 рублей, а памятника въ 30,000 рублей. Въ половинѣ девятаго утра начался благовѣстъ въ кафедральномъ соборѣ. Площадь предъ соборомъ была занята войсками и народомъ. Около девяти часовъ депутаты отъ преобразенцевъ, семеновцевъ, кирасиръ и артиллеристовъ на роскошныхъ подушкахъ пронесли въ соборъ для освященія привезенные ими дары для Сампсоніевскаго храма—икону Преображенія Господня (длина 1 аршинъ, ширина 1³/₄ вершковъ) въ волоченой рамѣ и икону св. Николая, крестъ, чашу и лампаду. Между тѣмъ въ соборъ начали прибывать начальствующія лица и почетные граждане города: оберъ-прокуроръ святѣйшаго синода К. П. Побѣдоносцевъ, временнокомандующій войсками кievскаго военнаго округа, генералъ-лейтенантъ В. Ф. Винбергъ, губернаторъ А. Н. Татищевъ, городской голова г. Трегубовъ и др. Сюда же прибыли воспитанники всѣхъ учебныхъ заведеній города Полтавы со своими начальниками. Литургію совершали преосвященные Иларіонъ, епископъ полтавскій, и Михаилъ, епископъ прилукскій, въ сослуженіи высшаго духовенства города. Одновременно была совершена литургія въ Сампсоніевской церкви, а послѣ нея панихида по вождямъ и воинамъ, павшимъ въ бою; пѣлъ хоръ изъ воспитанниковъ Сампсоніевской церковно-приходской школы. Около 12 часовъ дня, послѣ литургіи и благодарственаго молебна, къ мѣсту торжества послѣдовалъ крестный ходъ, растянувшійся на три версты. При вступленіи крестнаго хода въ церковную ограду Сампсоніевскаго храма, преосвященный Иларіонъ окропилъ св. иконы святою водою, и всѣ направились къ памятнику. При пѣніи «Тебе Бога хвалимъ», при громкомъ «ура», слышимся съ колокольнымъ звономъ, съ креста было снято покрывало. По окропленіи памятника святою водою, протоіакономъ была возгласена вѣчная память императору Александру III, императору Петру I и православнымъ вождямъ и воинамъ, павшимъ въ бою за вѣру, царя и отечество. Народъ опустился на колѣни, а войска произвели салютъ изъ ружей и пушекъ. Затѣмъ, преосвященный Иларіонъ произнесъ слово, въ которомъ, охарактеризовавъ вгаченіе

Полтавской битвы въ русской исторіи и упомянувъ о памятникахъ въ Полтавѣ и храмѣ у самой хогилы, закончилъ рѣчь указаніемъ на то, что теперешій новый памятникъ воздвигается по повелѣнію императора миротворца Александра III. Затѣмъ были провозглашены многолѣтія государю императору, государынямъ императрицамъ, наслѣднику цесаревичу и всему царствующему дому. При произнесеніи многолѣтія ихъ величествамъ артиллерія произвела салютъ въ 21 выстрѣлъ, сопровождавшійся новымъ «ура» и гимномъ. За послѣдовавшимъ затѣмъ въ покояхъ преосвященнаго Иларіона обѣдомъ оберъ-прокуроръ святѣйшаго синода провозгласилъ первый тостъ за здоровье государя императора. При этомъ имъ была произнесена слѣдующая рѣчь: «Сегодня мы могли сказать, что стоимъ на мѣстѣ святѣ, на мѣстѣ явленія милости Божіей нашему отечеству. Древній патріархъ поставилъ на мѣстѣ явленія славы Божіей камень и создалъ жертвенникъ Богу. Подобнымъ памятникомъ и жертвенникомъ молитвы императоръ Петръ желалъ ознаменовать мѣсто Полтавскаго боя, и вотъ желаніе его исполняется. Велико знаменіе милости Божіей въ судьбахъ Россіи: рукою Петра Провидѣніе даровало намъ спасеніе въ этотъ знаменательный день 27-го іюня 1709 года. Провидѣніе Божіе устраиваетъ судьбу народа, воздвигая посреди его вождя, въ которомъ самый духъ народа даетъ направленіе судьбамъ его—въ одно время одного, на потребу того времени, въ другое время—иного. Вотъ недавно оплакали мы вятскаго отъ насъ по волѣ Божіей царь-миротворца: въ немъ Богъ послалъ намъ вождя кроткаго, тихую русскую душу. Въ иное многомятежное, безначальное время, Богъ поставилъ намъ во главу русскую же душу грозную, царя съ крѣпкою волей, сильнаго быстрымъ окомъ, разумомъ и предвидѣніемъ: онъ сталъ на кормѣ погибавшаго корабля нашего и вывелъ его, посреди множества своихъ и чужихъ враговъ, въ пристанище спасенія. Но, всматриваясь глубже въ милость Божію, можно ли намъ не сознать, какимъ путемъ шло и идетъ спасеніе наше! Что было бы съ Россіей въ концѣ семнадцатаго столѣтія, что было бы съ несчастнымъ народомъ, когда бы правило имъ многомятежное собраніе своекорыстныхъ искателей власти, что было бы, если бы власть не сосредоточилась въ единой волѣ самодержавнаго царя! И нынѣ, чрезъ 200 лѣтъ, развѣ не тѣ же остались люди со страстями своими и въ ту минуту, когда требуется рѣшеніе воли, развѣ не также разбивается она на тысячу мятежныхъ волей, похотей и желаній—и развѣ не также, какъ въ старину, только единая воля Самодержавнаго Царя можетъ провести въ тихую воду великій корабль необъятной Россіи. Великая милость Божія къ нашему отечеству, что мы сохранили и хранимъ доселѣ спасительную силу самодержавія: оглянемся вокругъ и увидимъ, что всѣ славянскіе народы, утратившіе эту силу, погибли, ставъ добычей иноплемениковъ, ила уже близки къ гибели. Итакъ, да будетъ нынѣ въ собраніи нашемъ, какъ и всегда и во всякомъ собраніи, послѣ благодарной молитвы, первая и главная наша здравница: да здравствуетъ на многая лѣта благочестивый, самодержавный государь нашъ Николай Александровичъ, съ государыней императрицей, и со всѣмъ царственнымъ домомъ! Когда юный царь Петръ наблюдалъ въ старой Москвѣ, по подмосковнымъ селамъ, свои потѣшныя роты, одни смѣялись, другіе роптали на пустую забаву. Но онъ и тогда думалъ, вопреки всѣмъ, свою глубокую думу о судьбахъ народа своего, и изъ этой забавы выросли полки, сломившіе на Полтавскомъ полѣ грознаго шведа. На этомъ полѣ посѣяно, облитое русскою кровью, великое сѣмя, изъ котораго выросла русская армія, удвляющая міръ и умиляющая родной народъ своими подвигами—не для господства надъ міромъ, но для защиты роднаго края; выросъ русскій солдатъ, предавший долгу, благочестивый, способный забывать о своей жизни, умирая за земное отечество, потому что видитъ за нимъ отечество небесное. Петръ зналъ русскую душу и угадалъ, что, ставъ

на высотѣ власти первымъ работникомъ, онъ тысячи и миллионы работниковъ увлечетъ за собою и укажетъ вѣрный путь будущимъ судьбамъ Россіи. «Я царь вашъ, говориль онъ, а у меня мовили на рукахъ». Да хранятся же завѣты Петра всегда, какъ хранились доселѣ, въ славной нашей арміи. Привѣтствуемъ здѣсь присутствующихъ преемниковъ и соименниковъ первыхъ птенцовъ Петровыхъ, первыхъ полковъ его, прославившихъ Полтавское поле. Да здравствуютъ вѣрные преданіямъ русской славы, эти славные полки и съ ними христолюбивое русское воинство! Великая битва Полтавская дала славное имя здѣшнему городу и всему Полтавскому краю. Имя это — Полтава — въ числѣ немногихъ именъ, отъ которыхъ трепещетъ русская душа, умиляясь въ чувствѣ славы народной и смиренія передъ Богомъ. Всѣ судьбы здѣшняго края и народа связаны съ этимъ словомъ: Полтава. Страшно и помыслить о томъ, что случилось бы съ нимъ, когда бы не отразили врага полки Петровы и могла бы постигнуть его бѣдственная участь всякаго православнаго русскаго племени, когда властителемъ его становятся сосѣди иновѣрцы и иноплеменики. Въ мирѣ и благоденствіи да здравствуетъ и возрастаетъ городъ Полтава и весь край Полтавскій!». Въ этотъ день преосвященнымъ Иларіономъ были получены телеграммы отъ великихъ князей Константина Константиновича и Дмитрія Константиновича, отъ товарища оберъ-прокурора святѣйшаго синода В. К. Саблера, отъ кievскаго генераль-губернатора графа Игнатъева, отъ Моршанскаго полка, отъ Ингерманландскаго полка и много другихъ.

Присужденіе Уваровскихъ премій. 25 го сентября въ торжественномъ засѣданіи Академіи Наукъ подъ предсѣдательствомъ вице-президента Л. Н. Майкова былъ прочитанъ нецѣмѣннымъ секретаремъ академіи Н. О. Дубровинымъ отчетъ о тридцати седьмомъ присужденіи премій имени графа Уварова. На соисканіе премій въ нынѣшнемъ году было представлено восемь сочиненій, для рассмотрѣнія которыхъ была образована подъ предсѣдательствомъ академика Н. О. Дубровина коммиссія изъ академиковъ Л. Н. Майкова, А. О. Бычкова, М. И. Сухомлинова, А. Н. Веселовскаго, К. Н. Бестужева Рюмина, В. Г. Васильевскаго и А. А. Кувика. Ознакомившись съ представленными сочиненіями, коммиссія, для подробнаго разбора ихъ, избрала рецензентовъ и пригласила ихъ доставить свое заключеніе и оцѣнку къ назначенному для того сроку. По полученіи отзывовъ отъ лицъ, которые приняли на себя трудъ рассмотреть переданныхъ имъ сочиненій, и по внимательномъ обсужденіи сравнительнаго достоинства ихъ, коммиссія не признала возможнымъ присудить кому либо полную премію, малыя же Уваровскія преміи по 500 рублей каждая присуждены слѣдующимъ сочиненіямъ: І. Лазаревскій: «Описаніе старой Малороссіи. Матеріалы для исторіи заселенія, землевладѣнія и управленія». Т. II, полкъ Нѣжинскій. Кіевъ. Изданіе 1893 года. Оцѣнка этого сочиненія была произведена преподавателемъ Александровскаго лицея В. А. Мякотинимъ, который признаетъ его трудомъ цѣннымъ и самостоятельнымъ. Исторія гетманской или старой Малороссіи представляется еще весьма мало разработанной въ научной литературѣ, и самые источники ея разбросаны невѣроятнымъ образомъ: не только Кіевъ, Черниговъ, Полтава, Екатеринославъ, но и Харьковъ, Москва и Петербургъ являются хранителями архивныхъ богатствъ старой Малороссіи. А это ставитъ изслѣдователя въ затрудненіе. Наиболѣе выясненною является внѣшняя политическая исторія страны, давшая содержаніе довольно длинному ряду трудовъ. Но едва мы обращаемся отъ исторіи внѣшней къ внутренней, едва переходимъ изъ области военныхъ событій и политическихъ переговоровъ въ болѣе спокойную область мирной народной жизни, какъ попадаемъ въ темный лабиринтъ запутанныхъ вопросовъ, лишь немногія части котораго освѣщены свѣтомъ научнаго изслѣдованія. Даже административное дѣленіе территоріи гетманской Малороссіи извѣстно лишь въ общихъ и не всегда вѣрныхъ чертахъ. Еще менѣе извѣстна исторія заселенія этой территоріи. На

всѣ эти неразработанные до настоящаго времени вопросы даетъ обстоятельныя отвѣты сочиненіе г. Лазаревскаго. Въ виду общей задачи книги и принятаго въ ней плана изложенія, этотъ матеріалъ излагается въ формѣ отдѣльныхъ эпизодовъ, но и при такой формѣ изложенія авторъ даетъ нѣсколько болѣе, чѣмъ простое собраніе матеріаловъ. Онъ не только предпринимаетъ критическое обслѣдованіе отдѣльныхъ фактовъ, входящихъ въ составъ его разсказа, но и устанавливаетъ нѣкоторую связь между ними, намѣчаетъ, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя общія черты въ рядѣ явленій, съ которыми онъ имѣетъ дѣло,—черты, придающія этимъ явленіямъ характеръ показателей опредѣленнаго историческаго процесса. Въ результатѣ знакомства съ фактами, которые даетъ книга Лазаревскаго, у читателя складывается опредѣленное представленіе о характерѣ администраціи, о развитіи землевладѣнія и сословныхъ группъ въ гетманской Малороссіи. Работа г. Лазаревскаго,—говоритъ рецензентъ,—какъ систематическій подборъ матеріала по основнымъ вопросамъ исторіи гетманской Малороссіи, должна имѣть большое значеніе уже въ виду состоянія литературы и положенія источниковъ этой исторіи. Задумана и поставлена авторомъ работа очень широко. Цѣлый рядъ разнообразныхъ и весьма важныхъ темъ введенъ авторомъ въ его описаніе, и онъ собралъ для нихъ громадный и свѣжій матеріалъ, въ весьма значительной мѣрѣ имъ же самимъ и обработанный. II. Э. И. Леонтовичъ: «Очерки исторіи литовскорусскаго права. Образованіе Литовскаго государства». С.-Петербургъ, 1894 г. Оцѣнку этого труда принялъ на себя ординарный академикъ К. Н. Бестужевъ-Рюминъ. Согласно его отзыву, авторъ давно уже пользуется вполне заслуженною извѣстностью въ ученomъ мѣрѣ. Еще въ 1863 году появились его статьи по литовскому праву. Представленный же на конкурсъ трудъ начинается съ изложенія образованія территоріи Литовскаго государства, обозначенія разныхъ составныхъ частей этой территоріи, указанія народностей, ея населявшихъ, и исторической судьбы составляющихъ ее частей. Въ своемъ сочиненіи авторъ сводитъ въ одно все то, что сдѣлано до настоящаго времени по данному вопросу въ трудахъ русскихъ и польскихъ историковъ, и провѣряетъ изслѣдуемый вопросъ документальными данными по источникамъ и монографіямъ, изданнымъ за послѣднее время. Еще не приступая къ своей работѣ, авторъ представляетъ обширное библиографическое обзорнѣе источниковъ и пособій для изученія внутренней исторіи Литовскаго государства. Это обзорнѣе само по себѣ составляетъ важную услугу и даетъ возможность послѣдующимъ изслѣдователямъ имѣть подъ рукою готовый, собранный матеріалъ. III. И. Н. Миклашевскій: «Къ исторіи хозяйственнаго быта Московскаго государства». Часть I, заселеніе и сельское хозяйство южной окраины XVII вѣка. Москва, 1894 г. Оцѣнку этого сочиненія производилъ профессоръ Харьковскаго университета Д. И. Багалъй. Изслѣдованіе г. Миклашевскаго имѣетъ цѣлью изучить процессъ возникновенія и развитія землевладѣнія и земледѣлія въ небольшой части южной окраины Московскаго государства XVII вѣка, составляющей въ настоящее время части губерній Курской и Воронежской и части мѣстностей, къ нимъ прилегающихъ. Рецензентъ объ этомъ трудѣ говоритъ: «Къ достоинствамъ нужно отнести: удачный выборъ мѣстности для изслѣдованія, рациональную постановку вопроса, выводимаго изъ узкой области хозяйственной политики въ болѣе обширную сферу исторіи и экономіи, знакомство съ важнѣйшими печатными источниками и пособиями, обиліе архивнаго неизданнаго матеріала, положеннаго въ основу книги, первоначальную сводку и разработку этого матеріала, отдѣльныя критическія изслѣдованія по разнымъ частнымъ вопросамъ и, наконецъ, богатство фактическаго содержанія». IV. Подъ девизомъ: «И дымъ отечества намъ сладокъ и пріятенъ». «Одинъ изъ пестрыхъ XVII столѣтія». Ч. I и II (рукопись). По вскрытіи конверта оказалось, что сочиненіе это принадлежатъ

С. Н. Браилоvesкому. Разборъ его производилъ хранитель рукописей московскаго Румянцевскаго музея С. О. Долговъ. Рукопись эта представляетъ собою изслѣдованіе объ одномъ довольно видномъ дѣятелѣ русской литературы и русскаго просвѣщенія въ исходѣ XVII вѣка, іеромонахѣ Чудова монастыря Каріонѣ Истоминонѣ. Какъ извѣстно, въ XVII вѣкѣ, въ ходѣ русской образованности опредѣленно обозначались два направленія: западное, искавшее себѣ пособій преимущественно у католическихъ писателей Западной Европы, и восточное, строго державшееся греческаго православнаго преданія. Но рядомъ съ представителями обѣихъ партій были и такіе книжные люди, которые занимали между ними среднее положеніе и не пренебрегали ни западными, ни восточными источниками просвѣщенія. Такихъ людей умѣреннаго образа мыслей одинъ изъ тогдашнихъ писателей, іеродіаконъ Дамаскинъ, назвалъ «пестрыми». Каріонъ Истоминонъ былъ однимъ изъ такихъ пестрыхъ, и авторъ разсматриваемаго труда, посвященнаго описанію жизни и трудовъ Истомина, примѣнилъ къ нему это прозваніе. Рецензентъ признаетъ, что названіе пестраго вполне подходитъ къ Истомину, но вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчаетъ, что характеристика противоположныхъ партій—западной и восточной—сдѣлана авторомъ не вполне безпристрастно, съ излишнимъ усиленіемъ красокъ. Это обстоятельство не повредило, однако, по мнѣнію г. Долгова, достоинству сочиненія, въ которомъ жизнь и литературная дѣятельность Каріона Истомина разсмотрѣны весьма обстоятельно. В. С. Рункевичъ: «Исторія минской архіепископіи (1793—1832 гг.), съ подробнымъ описаніемъ хода воссоединенія западно-русскихъ униатовъ съ православною церковью въ 1794—1796 гг.». С.-Петербургъ, 1893 г. Опѣнка этого сочиненія произведена профессоромъ В. Н. Жуковичемъ, который находитъ, что обиліе бывшаго у автора подъ руками матеріала дало ему возможность обставить свое историческое повѣствованіе цѣлымъ рядомъ точныхъ, часто малоизвѣстныхъ или совсѣмъ неизвѣстныхъ фактовъ. «Заслуживаетъ полнаго сочувствія,—говоритъ профессоръ Жуковичъ,—и то вниманіе, съ какимъ отнесся г. Рункевичъ ко всей предыдущей русской печатной литературѣ, имѣвшей какое либо отношеніе къ предмету его изслѣдованія. Что касается польской исторической литературы, нужно сказать вообще, что авторъ воспользовался въ своемъ трудѣ всѣми важнѣйшими печатными на польскомъ языкѣ церковно-историческими матеріалами, насколько они могли быть ему полезны». Почетные отзывы были присуждены авторамъ слѣдующихъ сочиненій: А. А. Дмитріевъ—«Пермская Старина», сборникъ историческихъ статей и матеріаловъ преимущественно о Пермскомъ краѣ. Выпускъ I. Древности бывшей Перми Великой. Пермь, 1889 г. Выпускъ II. Пермь Великая въ XVII вѣкѣ. Пермь, 1890 г. Выпускъ III. Экономическіе очерки Перми Великой. Чердынскій и Соликамскій край на рубежѣ XVI и XVII вѣковъ. Пермь, 1891 г. Выпускъ IV. Строгоновы и Ермакъ. Пермь, 1892 г. Выпускъ V. Покореніе Угорскихъ земель и Сибири. Пермь, 1894 г. Разборъ этого труда произвелъ сотрудникъ «Историческаго Вѣстника» С. А. Адриановъ. Сочиненіе это есть только часть обширнаго труда, въ которомъ авторъ задумалъ изложить исторію Пермскаго края съ древнѣйшихъ временъ и до нашихъ дней. «Наиболѣе удачными являются,—говоритъ рецензентъ,—III и IV главы втораго выпуска, которыя почти цѣликомъ могутъ быть внесены въ будущую исторію Пермскаго края. Цѣнно также опредѣленіе границъ чердынскаго воеводства въ первомъ выпускѣ. Нѣкоторое значеніе можетъ имѣть сводъ извѣстій о русско-угорскихъ отношеніяхъ въ пятомъ выпускѣ. Зато несомнѣнную цѣнность представляютъ подлинные тексты Усольской писцовой книги Яхонтова и Кайсаровской писцовой книги по вотчинамъ Строгоновыхъ». В. Тепловъ: «Графъ Іоаннъ Каподистрія, президентъ Греціи». Спб., 1893 г. Для опѣнки этого сочиненія академія обратилась къ содѣйствию секретаря Археологическаго института въ Константинополь П. Д. Погодина. Авторъ имѣлъ въ виду изобразить дѣятельность Каподистрии въ широкой историче-

ской рамкѣ въ связи съ общимъ ходомъ борьбы Греціи за независимость. По мнѣнію рецензента, перечислившаго слабыя стороны труда, положительныя стороны его составляютъ четвертая и пятая главы, вводящія въ науку много новаго матеріала какъ печатнаго, такъ и рукописнаго, и вообще самая мысль сочиненія, заполняющая опутительный пробѣлъ въ русской исторической литературѣ. А. М. Павлиновъ: 1) «Исторія русской архитектуры». Москва, 1894 г.; 2) «Древности ярославскія и московскія». Москва, 1892 г., и 3) «Древніе храмы въ Витебскѣ и Полоцкѣ и деревянныя церкви въ городѣ Витебскѣ». 1894 г. Одѣяку этихъ трудовъ принялъ на себя преподаватель института гражданскихъ инженеровъ императора Николая I Н. В. Султановъ. Г. Павлиновъ отбрасываетъ старое общепринятое дѣленіе исторіи русскаго водчества и взамѣнъ того даетъ свое новое. Онъ даетъ новыя данныя въ смыслѣ историческаго матеріала, ибо указываетъ въ описаніи храмовъ на распространеніе византійскаго церковнаго стиля на сѣверо-западѣ Россіи. По присужденіи премій, комиссія положила благодарить гг. рецензентовъ и назначить отъ имени академіи золотыя Уваровскія медали: преподавателю Императорскаго Александровскаго лицея В. А. Мякотину, преподавателю С.-Петербургской 1-й прогимназіи С. А. Адрианову, профессору Императорскаго Харьковскаго университета Д. И. Багалю, секретарю Археологическаго института въ Константинополѣ П. Д. Погодину, преподавателю Института гражданскихъ инженеровъ императора Николая I Н. В. Султанову, хранителю рукописей московскаго Публичнаго и Румянцевскаго музеевъ С. О. Долгову и профессору С.-Петербургской духовной академіи В. Н. Жуковичу.

Присужденіе Манарьевскихъ премій. 19-го сентября въ малой конференцъ-залѣ Императорской Академіи Наукъ происходило, подъ предѣлательствомъ вице-президента Академіи, Л. Н. Майкова, публичное засѣданіе, на которомъ временнымъ секретаремъ, академикомъ Н. Ф. Дубровинымъ, былъ прочитанъ отчетъ о шестомъ присужденіи премій митрополита Макарія. Присутствовали академики: А. А. Куникъ, К. Н. Вестужевъ - Рюминъ, бар. В. Р. Розень, Н. Н. Бекетовъ, кн. Б. В. Голицынъ, ректоръ Петербургскаго университета П. В. Никитинъ, проф. Некрасовъ и членомъ публики. Въ текущемъ году на соисканіе преміи представлено было 21 сочиненіе и отложено 4 работы отъ прежняго конкурса за несвоевременнымъ доставленіемъ рецензій. Изъ общей суммы 25 сочиненій три, за недоставленіемъ отзывовъ, отложены до слѣдующаго конкурса. Комиссія, постановившая приговоръ о наградахъ, состояла изъ академиковъ: Л. Н. Майкова, Г. П. Вильда, Ф. Ф. Вейльштейна, К. Н. Вестужева-Рюмина, В. Г. Васильевскаго, А. А. Куника, бар. В. Р. Ровена и адъюкта С. И. Коржинскаго. Преміями увѣнчаны слѣдующія сочиненія: I. Полною преміей въ 1,500 рубл. соч. г. Форстена: «Балтійскій вопросъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ (1544—1648), т. I. Борьба изъ-за Ливоніи. С.-Петербургъ, 1893 г.; т. II, Борьба Швеціи съ Польшей и Габсбургскимъ домомъ (Тридцатилѣтняя война). С.-Петербургъ, 1894 г.; Акты и письма въ исторіи балтійскаго вопроса въ XVI и XVII столѣтіяхъ (1 и 2 выпуска). С.-Петербургъ, 1889 и 1893 гг.». Производившій оцѣнку этого сочиненія академикъ В. Г. Васильевскій, упомянувъ о написанной десяти лѣтъ назадъ авторомъ диссертациі по этому же вопросу, подъ заглавіемъ «Борьба изъ-за господства въ Балтійскомъ морѣ въ XV и XVI столѣтіяхъ», говоритъ: «Какъ въ своемъ первоначальномъ трудѣ, такъ и въ двухъ новыхъ томахъ «Балтійскаго вопроса» изслѣдователь имѣлъ въ виду не одно какое нибудь государство, а цѣлую группу государствъ; по самому свойству его темы, въ его сочиненіи преобладаетъ интересъ международный, дипломатическій; онъ пишетъ даже не политическую исторію, а исторію политики, вращающейся около одного центрального пункта. Указываемъ на мастерское, сжатое изображеніе состоянія ливонскаго ордена предъ его распаденіемъ. Отмѣчаемъ далѣе весьма интересныя характеристики дѣйствующихъ лицъ, которыхъ

можно указать цѣлый рядъ: Іоаннъ Грозный, какъ политикъ, Эрихъ XIV, король шведскій, Фридрихъ II датскій, Густавъ-Адольфъ и т. д. Все оны начертаны съ твердою увѣренностью, какая можетъ быть только плодомъ всесторонняго глубокаго изученія, съ искренностью и жаромъ личнаго убѣжденія». Главное достоинство труда г. Форстена рецензентъ видитъ въ томъ, что вопросъ поставленъ на всемірно-историческую или, точнѣе, общеевропейскую почву. Сочиненіе это, представляющее собою плодъ долгихъ, терпѣливыхъ, усидчивыхъ и крайне добросовѣстныхъ разысканій, собрано въ многочисленныхъ архивахъ (стокгольмскомъ, копенгагенскомъ, мюнхенскомъ, любекскомъ, дреденскомъ, данцигскомъ), обогащаетъ науку новыми данными, проливаетъ новый свѣтъ на крупныя явленія всеобщей, а также и русской исторіи, и заслуживаетъ величайшаго уваженія.—II. Полною же премією въ 1,500 р. увѣнчано сочиненіе генераль-маіора А. Редигера: «Комплектованіе и устройство вооруженной силы». Ч. I, 1892 г., ч. II, 1894 г. Оцѣнку этого труда принялъ на себя начальникъ Николаевской академіи Г. А. Лееръ. По его словамъ, сочиненіе г. Редигера было встрѣчено въ большей части европейской литературы съ полнымъ сочувствіемъ. «Militär Wochenblatt» называетъ его высокопоучительнымъ сочиненіемъ, съ которымъ по полнотѣ и изслѣдованію матеріала едва ли какое другое сравниться можетъ. «Jahrbücher für die deutsche Armee und Marine» говорятъ, что сочиненіе г. Редигера даетъ очеркъ организационныхъ вопросовъ, основанный на чрезвычайно полномъ изученіи источниковъ. «Журналъ шведской военной академіи» указываетъ на трудъ автора, какъ на заслуживающій особаго вниманія не только по практичности его изложенія, но и потому, что оны единственный въ своемъ родѣ. Редакція журнала сожалѣетъ, что трудъ г. Редигера, какъ написанный на русскомъ языкѣ, не можетъ получить большаго распространенія между шведскими офицерами, такъ какъ въ литературѣ во всякомъ случаѣ нельзя найти другаго сочиненія по разсматриваемымъ авторомъ вопросамъ столь же яснаго, нагляднаго, содержательнаго и поучительнаго. Общая часть сочиненія заставляетъ желать не малаго, но что касается до аналитической, до частной разработки отдѣльныхъ вопросовъ, то оно мало оставляетъ желать чего либо. Вообще это — въ высокой степени почтенный аналитическій трудъ, представляющій собою замѣчательный шагъ впередъ въ разработкѣ военной администраціи, какъ науки.—Неполныхъ премій по 1.000 рубль каждая присуждено три за слѣдующія сочиненія: 1) Д. Ѳ. Бѣляевъ—«Византина» — очерки, матеріалы и замѣтки по византийскимъ древностямъ, С.-Петербургъ, 1891—1893 гг.», двѣ книги. Разборъ этого сочиненія по просьбѣ Академіи принялъ на себя членъ-корреспондентъ ея и директоръ Константинопольскаго археологическаго института, Ѳ. И. Успенскій. Рецензентъ въ своемъ отзывѣ проводитъ мысль, что тема, разрабатываемая проф. Бѣляевымъ, такъ широка, что не исчерпывается двумя только книгами его «Очерковъ». Изученіе ея можетъ потребовать еще шести или семи такихъ же книгъ. «Для византиновѣдѣнія, — говоритъ оны, — нужно признать особенно счастливымъ обстоятельствомъ, что за изученіе придворнаго устава взялся такой опытный ученый, какъ Д. Ѳ. Бѣляевъ, отличающійся настойчивостью въ трудѣ и способностью не опустить руки передъ множествомъ техническихъ трудностей. Никто лучше его не приготовленъ къ такому обширному и важному для русской науки предпріятію. Черезъ предварительное изученіе памятника въ цѣломъ и частяхъ, требовавшее многолѣтнихъ усидчивыхъ занятій, оны приобрѣлъ средства восстанавливать въ немъ пропуски и исправлять неправильныя мѣста, дополнять сокращенно изложенныя части и отгадывать намеки. 2) А. Вл. Вышеславцевъ—«Рафаэль», посмертное изданіе съ 53 рисунками. С.-Петербургъ, 1894 г. Оцѣнку этого труда производилъ М. П. Соловьевъ. Авторъ въ жизнеописаніи Рафаэля изображаетъ его личность и условія, среди которыхъ ему суждено было дѣйствовать, и обращаетъ главное вниманіе на описаніе произведеній великаго художника, осо-

бенно рисунковъ и эскизовъ, на которыхъ выясняется самый процессъ его творчества. По отзыву рецензента, г. Вышеславцевъ съ успѣхомъ разобрался въ массѣ полемическихъ сочиненій о Рафаэлѣ и внесъ въ русскую литературу первую біографію великаго художника, основанную на полномъ знакомствѣ съ рафаэлевскою литературой и на непосредственномъ изученіи произведеній Рафаэля. Сочиненіе Вышеславцева, раскрывая для массы читающей публики значеніе великаго художника, вмѣстѣ съ тѣмъ можетъ служить отправною точкой для самостоятельныхъ и специальныхъ изслѣдованій о Рафаэлѣ со стороны нашихъ эстетиковъ и историковъ искусства. 3) М. С. Корелинъ — «Ранній итальянскій гуманизмъ, его исторіографія». Критическое изслѣдованіе. Москва, 1892 г. Два выпуска. Оцѣнка этого сочиненія принадлежитъ проф. Н. И. Карѣеву. Г. Корелинъ давно уже выступилъ на литературное поприще въ роли изслѣдователя итальянскаго гуманизма. Первая его работа въ этой области появилась въ свѣтъ еще въ 1885 г., и съ тѣхъ поръ онъ продолжаетъ трудиться непрерывно надъ исторіей гуманистическаго движенія въ Италіи. Въ своей оцѣнкѣ рецензентъ говоритъ: «Профессоръ Корелинъ является, и вполнѣ справедливо, противникомъ взгляда, по которому источникомъ гуманистическаго движенія было изученіе древности. Въ книгѣ не встрѣчается точно сформулированнаго взгляда автора, но единственная идея, объединяющая всѣ отдѣльныя части его общей культурной картины—индивидуализмъ и его проявленія. Въ этомъ заключается главная и огромная заслуга автора. Другою важною заслугою профессора Корелина нужно признать то, что онъ даетъ и картину развитія гуманизма по періодамъ или по поколѣніямъ». Изъ группы остальныхъ сочиненій, серьезныхъ по научнымъ достоинствамъ, но оставшихся ненагражденными за недостаткомъ премій, Академія признала справедливымъ присудить слѣдующимъ двумъ сочиненіямъ почетные отзывы. 1) В. В. Бобынинъ—1) «Русская физико-математическая бібліографія». Указатель книгъ и журнальныхъ статей по физико-математическимъ наукамъ, вышедшимъ въ Россіи съ начала книгопечатанія до послѣдняго времени. Два тома. Москва, 1886—1893 гг.; 2) «Очерки исторіи развитія физико-математическихъ знаній въ Россіи». Два выпуска. Москва, 1886—1893 гг.). Оцѣнку этого труда принялъ на себя кн. Б. В. Голицынъ. Трудъ В. В. Бобынина состоитъ изъ двухъ отдѣльныхъ сочиненій, еще не оконченныхъ. Первое сочиненіе, озаглавленное «Русская физико-математическая бібліографія», состоитъ изъ двухъ томовъ. Второе, озаглавленное «Очерки исторіи развитія физико-математическихъ знаній въ Россіи», вышло пока только въ двухъ выпускахъ. По мнѣнію рецензента, въ сочиненіи «Русская физико-математическая бібліографія» авторъ привнесъ на себя крайне тяжелый и неблагодарный трудъ восполнить существующій въ нашей литературѣ пробѣлъ по разряду физико-математическихъ наукъ въ Россіи. Въ виду этого нельзя не привѣтствовать появленія труда г. Бобынина, и должно сказать, что заслуги его несомнѣнны. Оба его сочиненія имѣютъ много неоспоримыхъ и весьма существенныхъ достоинствъ. 2) А. В. Экземплярскій — «Великіе и удѣльные князья сѣверной Руси въ татарскій періодъ съ 1238 по 1505 годъ». Два тома. С.-Петербургъ, 1889—1891 гг. Оцѣнку этого сочиненія принялъ на себя докторъ исторіи Н. П. Лихачевъ. Трудъ А. В. Экземплярскаго состоитъ изъ двухъ объемистыхъ томовъ. Сочиненіе написано съ цѣлью—дать справочную книгу на тему, обозначенную въ заглавіи. Производя оцѣнку именно съ этой точки зрѣнія, рецензентъ указываетъ на то, что положительной стороной труда г. Экземплярскаго является прежде всего пользованіе первоисточниками. Авторъ внимательно и по страницамъ просмотрѣлъ изданныя лѣтописи и акты и тщательно свѣрилъ съ ними выводы пособій. Рядомъ съ этимъ видно, что авторъ хорошо знакомъ съ провинціальною литературою, что составляетъ камень преткновенія для многихъ изслѣдователей. По присужденіи премій, комиссія постановила выразить признательность ученымъ, содѣйствовавшимъ академіи въ

оцѣнкѣ конкурсныхъ сочиненій: члену-корреспонденту генераль-майору М. А. Рыкачеву, профессору Императорскаго С.-Петербургскаго университета Н. И. Карѣеву, члену-корреспонденту Ф. И. Успенскому, начальнику военно-юридической академіи генераль-лейтенанту П. О. Бобровскому, члену-корреспонденту начальнику Николаевской академіи генеральнаго штаба генераль-лейтенанту Г. А. Лееру, директору технологическаго института въ Харьковѣ В. Л. Кирпичеву, профессору Императорскаго историко-филологическаго института А. С. Лаппо-Давилевскому, члену-корреспонденту т. с. Е. И. Ламаискому, почетному члену Императорской Академіи Наукъ Н. Ф. Здекауеру, д. с. с. М. П. Соловьеву, преподавателю высшихъ женскихъ курсовъ, приватъ-доценту Ф. Д. Ватюшкову, бібліотекарю Императорской публичной бібліотеки Э. Л. Радлову и доктору исторіи Н. П. Лихачеву.

Дѣятельность экспедиціи для собранія народныхъ пѣсень. Состоящая при Императорскомъ русскомъ географическомъ обществѣ коммисією, подъ предѣлительствомъ государственнаго контролера Т. И. Филиппова, снаряжена, съ высочайшаго соизволенія, экспедиція для собранія русскихъ народныхъ пѣсень съ науками, въ составѣ: секретаря отдѣленія этнографіи Ф. М. Истомина и свободнаго художника, члена-сотрудника общества, И. В. Некрасова. Выѣхавъ изъ Петербурга 17-го іюня, экспедиція обследовала Рязанскую, Владимірскую и заволжскіе уѣзды Нижегородской губерніи. Въ Рязанской губерніи посѣщены уѣзды: Данковский, Раненбургскій, Скопинскій и Касимовскій, гдѣ, при содѣйствіи помѣщиковъ: сенатора П. П. Семенова и О. П. Семеновой, А. В. и Е. Н. Соловцовыхъ, С. Н. Худекова, князя В. П. Голицына, А. А., А. П. и Н. П. Оленевыхъ, собрано до 70 пѣсень. Во Владимірской губерніи обследовано семь волостей въ уѣздахъ: Муромскомъ, Гороховецкомъ, Вязниковскомъ, Судогодскомъ и Ковровскомъ, причѣмъ записано около 30 пѣсень. Всего собрано свыше 100 пѣсень, изъ которыхъ очень многія, отличающіяся несомнѣнною старицею, представляютъ высокій интересъ какъ въ музыкальномъ, такъ и въ литературномъ отношеніяхъ. Въ дальнѣйшемъ экспедиція предполагаетъ преслѣдовать черевъ уѣзды: Нижегородскій, Арзамасскій и Ардатовскій, Нижегородской губерніи,—въ губернію Тамбовскую, гдѣ и закончить свои работы.

Иъ столѣтію Кавалергардскаго полка. Въ 1899 году исполнится сто лѣтъ со времени непрерывнаго существованія кавалергардовъ, какъ части императорской россійской гвардіи. Учрежденіе кавалергардовъ въ Россіи относится еще ко времени Петра Великаго, который въ 1724 году, по случаю коронованія супруги своей, императрицы Екатерины I, повелѣлъ сформировать «корпусъ кавалергардовъ» въ составѣ 64 человекъ (въ оберъ-офицерскихъ чинахъ и по большей части изъ дворянъ) и самъ принялъ званіе капитана этого корпуса. По окончаніи торжествъ, корпусъ этотъ въ томъ же 1724 году былъ распущенъ. Въ 1726 году Екатерина I возстановила корпусъ и приняла званіе его капитана. Императрица Анна Іоанновна въ 1731 году упразднила корпусъ кавалергардовъ. Затѣмъ названіе «кавалергардовъ» встрѣчается въ церемоніалахъ коронованія Елисаветы Петровны въ 1742 г.; но кавалергарды того времени не составляли особаго учрежденія, а были лейбъ-компаніями, временно переименованными въ кавалергардовъ. Екатерина II возстановила въ 1762 году корпусъ кавалергардовъ, существовавшій до упраздненія его въ 1796 году императоромъ Павломъ I. Взамѣнъ этого корпуса, въ томъ же 1796 году, учреждены были составленные изъ чиновъ гвардейскихъ полковъ кавалергардскіе эскадроны, называвшіеся также полкомъ; эскадроны эти существовали недолго. Въ 1799 году, 11-го января, учрежденъ кавалергардскій его императорскаго величества корпусъ, составлявшій гвардію при особѣ императора Павла I, какъ великаго магистра ордена св. Іоанна Іерусалимскаго, а въ 1800 году сформированъ кавалергардскій полкъ на правахъ полковъ лейбъ-гвардіи, но безъ этого наименованія. Нынѣ существующему кавалергардскому его величества

государыни императрицы Маріи Ѳеодоровны полку паложено считать начало своего непрерывнаго существованія съ 11-го января 1799 года. До 1796 года, то-есть до сформированія кавалергардскихъ эскадроновъ, служба кавалергардовъ была исключительно придворная, и главнымъ назначеніемъ кавалергардовъ являлось составлять почетныхъ тѣлохранителей государей при торжественныхъ случаяхъ. Кавалергардскій полкъ, озабочиваясь составленіемъ новой подробной исторіи полка къ столѣтнему юбилею, приступилъ къ собранію матеріаловъ, между которыми видное мѣсто должны занимать тѣ, которые служатъ для характеристики внутренняго быта полка въ равныя эпохи его существованія. Поэтому полкъ обращается съ просьбой о присылкѣ разныхъ воспоминаній и записокъ. Кроме того, въ настоящее время полкъ собираетъ біографіи и портреты лицъ, служившихъ въ полку, кои по чему либо выдались на поприщѣ государственнаго и общественнаго служенія.

† Н. А. Манасеинъ. 16-го сентября, послѣ продолжительной болѣзни скончался въ Царскомъ Селѣ одинъ изъ видныхъ государственныхъ дѣятелей, бывшій министръ юстиціи, членъ государственнаго совѣта, дѣйствительный тайный совѣтникъ Николай Авксентьевичъ Манасеинъ. Происходя изъ дворянъ Казанской губерніи, Н. А. родился въ Казани въ 1835 году и высшее образованіе получилъ въ Императорскомъ училищѣ правовѣдѣнія. По окончаніи курса въ 1854 году Н. А. былъ опредѣленъ на службу въ восьмой департаментъ правительствующаго сената. Занимая здѣсь съ нѣкоторыми перерывами, по случаю болѣзни, вынуждавшей его выходить въ отставку, должности помощника секретаря и секретаря, Н. А. въ августѣ 1857 года назначенъ былъ на должность секретаря общаго собранія московскихъ департаментовъ сената. Въ апрѣлѣ слѣдующаго года Н. А. по домашнимъ дѣламъ снова принужденъ былъ выйти въ отставку. Съ декабря 1863 года Н. А. Манасеинъ исправлялъ должность мирового посредника Мещовскаго уѣзда Калужской губерній, а черезъ пять лѣтъ былъ призванъ къ дѣятельности, болѣе соответствовавшей его способностямъ и юридическимъ познаніямъ, будучи назначенъ товарищемъ прокурора окружнаго суда. Прослуживъ два года прокуроромъ окружнаго суда въ Калугѣ, Н. А. въ 1868 году былъ переведенъ въ Москву на должность товарища прокурора московской судебной палаты. Въ іюлѣ 1870 года на него возложена была ревизія слѣдственной части въ Смоленской губерніи, которую онъ исполнилъ чрезвычайно успѣшно, за что и былъ произведенъ въ статскіе совѣтники. Въ мартѣ слѣдующаго года онъ былъ снова командированъ на ревизію слѣдственной части въ Костромской губ. Произведенный въ дѣйств. стат. совѣтн., Н. А. получилъ въ мартѣ 1874 года новую командировку—ревизовать прокурорскій надзоръ и слѣдственную часть въ Вологодской губерніи. Въ декабрѣ 1877 года Н. А. былъ назначенъ директоромъ департамента министерства юстиціи съ производствомъ въ тайные совѣтники. Въ 1879 году, за отсутствіемъ товарища министра юстиціи тайнаго совѣтника Фриша, Н. А. исполнялъ многія обязанности послѣдняго, а въ слѣдующемъ году, въ сентябрѣ, ему повелѣно присутствовать въ правительствующемъ сенатѣ, съ увольненіемъ отъ занимаемой имъ должности, но съ оставленіемъ прежняго содержанія. Въ декабрѣ 1880 года Н. А. назначенъ присутствовать въ I отдѣленіи 5-го департамента сената, а съ 28-го декабря 1881 года—въ 1-мъ департаментѣ. Въ 1882 году на Н. А. было возложено важное порученіе—провести обзорѣніе губерній Лифляндской и Курляндской «во всеѣхъ отношеніяхъ государственнаго управленія». Въ январѣ 1885 года за отлично-усердную службу онъ получилъ орденъ Бѣлаго Орла. 6-го ноября 1885 года Н. А. былъ призванъ на постъ управляющаго министерствомъ юстиціи а затѣмъ назначенъ и министромъ. Въ концѣ 1893 года стали распространяться слухи о плохомъ состояніи здоровья Н. А. и объ оставленіи имъ по этому случаю своего поста. Слухи эти подтвердились: 1-го января 1894 года сенаторъ Ма-

насеинъ былъ всемилостивѣйше уволенъ, съ назначеніемъ членомъ государственнаго совѣта, отъ должности министра, которую занималъ слишкомъ восемь лѣтъ. Болѣвъ его особенно усилилась прошлой весной, въ началѣ апрѣля. Основною, но за то весьма крупною, государственною заслугою Н. А. Манасеина была произведенная имъ ревизія губерній Лифляндской и Эстляндской. Въ отличіе отъ сенаторскихъ ревизій внутри Россіи, эта ревизія должна была раскрыть не одни отступленія губернскихъ властей отъ закона и справедливости, но и обособленность мѣстнаго строя отъ общерусскихъ государственныхъ порядковъ. Будучи самъ по себѣ юридическою фикціею, строй этотъ имѣлъ въ Петербургѣ такихъ властныхъ защитниковъ, что не писанные и не признанные русскимъ правительствомъ законы пользовались большею силою, чѣмъ Сводъ Законовъ. И вотъ 21-го января 1882 года въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» было объявлено, что «вслѣдствіе сообщенной министру юстиціи министромъ внутреннихъ дѣлъ высочайшей воли о производствѣ черезъ сенатора временнаго обзорѣнія губерній Лифляндской и Курляндской во всѣхъ отношеніяхъ государственнаго управленія, по всеподданнѣйшему докладу министра юстиціи, 20-го января послѣдовало высочайшее соизволеніе на возложеніе ревизіи тѣхъ губерній на сенатора Манасеина». Назначеніе ревизіи было полною неожиданностью для края. Представительные классы, избалованные многолѣтними поблажками, были въ высшей степени озадачены этимъ неожиданнымъ актомъ правительства, свидѣтельствовавшимъ во всякомъ случаѣ о сомнѣніяхъ его въ цѣлесообразности тѣхъ порядковъ, которые были ими насажены въ край. Наоборотъ, среди латышей и востовъ ревизія вызвала самыя восторженныя надежды. По прибытіи въ Ригу и ознакомленія съ состояніемъ двухъ прибалтійскихъ губерній, Н. А. Манасеинъ нашелъ безотрадную картину полнаго отсутствія государственной власти во всѣхъ отрасляхъ управленія. Край имѣлъ рѣшительно нѣмецкую окраску. Православная церковь была унижена, православныхъ храмовъ было мало. Школа вся была нѣмецкою и по языку, и по духу. Судъ и администрація всецѣло находились въ рукахъ нѣмцевъ. Общимъ языкомъ для всѣхъ сословій былъ нѣмецкій. Ко всему русскому мѣстнае общество относилось съ явнымъ презрѣніемъ; все тяготѣвшее къ Россіи изгонялось, преслѣдовалось, какъ пришлое и наносное. Ни одна изъ прежнихъ попытокъ правительства ввести здѣсь русскій языкъ не привилась вслѣдствіе постоянныхъ колебаній самого правительства и враждебности мѣстныхъ вліятельныхъ классовъ ко всему русскому. Долгое время послабленія на нашихъ окраинахъ всѣмъ антирусскимъ стихіямъ придадо имъ силу и позволило имъ организовать въ сильнѣйшія корпоративныя формы, съ богатыми денежными средствами, накопленными цѣлыми поколѣніями. Русскихъ дѣятелей въ администраціи почти совѣмъ не было; тѣхъ, кто изъ нихъ попадалъ сюда, выживали очень легко и скоро и, въ моментъ назначенія ревизіи, правительство, можно сказать, совершенно лишено было какихъ либо орудій дѣйствія въ край. Губернаторъ еще чувствовалъ свою зависимость отъ центральной власти, но все прочее считало себя самостоятельнымъ, ибо выходило изъ дворянской урны на выборахъ, получало содержаніе отъ дворянства и видѣло свое начальство не въ губернаторѣ, но въ дворянскомъ «маршалѣ». Такова, въ общихъ чертахъ, картина, которую засталъ Н. А. Манасеинъ по прибытіи въ край. Какъ только опредѣлился характеръ дѣятельности ревизующаго сенатора, противъ него сейчасъ же пущены были въ ходъ обычныя интриги, чтобы подорвать его положеніе. Въ петербургскихъ гостиницахъ передавали, что «Манасеинъ преслѣдуетъ цѣль опустошить мирнымъ путемъ цвѣтущія остзейскія губернія», что онъ имѣетъ «очень острое ухо ко всякаго рода жалобамъ младо-востовъ и младо-латышей и открытое ухо для всякаго рода просьбъ, направленныхъ противъ помѣщиковъ и пасторовъ», что чиновники его насильно заставляютъ крестьянъ подавать жалобы на помѣщиковъ, что

сенаторъ вызываетъ аграрное движеніе, что уже участились поджоги въ краѣ и т. п. Въ свою очередь, германская печать вопила о «разрушеніи русскимъ правительствомъ существующаго въ краѣ гражданскаго и общественнаго строя», причемъ рассказывала самыя чудовищныя вещи, «какъ Манасеинъ пользуется своей властью, чтобы насадить въ нѣмецкихъ провинціяхъ терроризмъ самаго худого свойства, распространить социализмъ, гдѣ о немъ и не слыхали, и произвести смуту въ цѣломъ краѣ». Ревизія продолжалась годъ и три мѣсяца. Въ сентябрѣ 1883 года сенаторъ и весь штатъ его канцеляріи оставили Ригу послѣ цѣлаго ряда овацій, сдѣланныхъ въ его честь русскимъ и латышскимъ населеніемъ; нѣмецкое общество демонстративно не принимало никакого участія ни въ проходахъ сенатора, ни въ обѣдахъ и поднесеніяхъ адресовъ. Въ 1834 году Н. А. представилъ свой ревизионный отчетъ, который съ того времени и послужилъ основаніемъ цѣлому ряду коренныхъ преобразованій въ краѣ. Онъ выяснилъ, что административный механизмъ края устарѣлъ и не соответствуетъ новымъ условіямъ, въ которыхъ Россія находится съ 1861 года; что историческое тяготѣніе къ единству разрозненныхъ частей имперіи не могло и не можетъ проявиться въ Прибалтійскомъ краѣ вслѣдствіе отсутствія главнаго земскаго, государственнаго и духовнаго объединителя—русскаго языка; что населеніе, вмѣстѣ съ нѣмецкой рѣчью и нѣмецкой культурой, усваиваетъ себѣ національность нѣмецкую; что какъ школа, такъ и умственная жизнь края пропитаны отрицательнымъ отношеніемъ къ нашему просвѣщенію, къ нашимъ учрежденіямъ, къ нашей цивилизаціи; что, наконецъ, ожидать мѣстной инициативы къ устраненію всего вышеизложеннаго не представляется основаній, и что только извнѣ направляемый ходъ реформъ можетъ привести къ желательной цѣли. Ближайшимъ послѣдствіемъ ревизіи было коренное измѣненіе правительственной политики въ отношеніи православной церкви, общее положеніе которой въ краѣ было значительно поднято цѣлымъ рядомъ систематическихъ мѣръ, безъ всякихъ колебаній проведенныхъ въ жизнь. Конечно, то, что сдѣлано въ этомъ смыслѣ, было уже предметомъ заботъ иныхъ дѣятелей, но заслуга Манасеина въ томъ, что онъ вѣрно оцѣнилъ значеніе религіознаго вопроса и указалъ нѣкоторыя весьма цѣлесообразныя мѣры. Изъ остальныхъ реформъ на первую очередь, повидимому, рѣшено было поставить преобразование полицейскихъ учрежденій; уже 27-го февраля 1884 г. состоялось высочайшее повелѣніе, чтобы приступлено было къ разработкѣ проекта полицейской реформы. Затѣмъ въ началѣ 1885 г. высочайше повелѣно было сдѣлать обязательнымъ обученіе русскому языку во всѣхъ училищахъ края, а въ концѣ года состоялся высочайшій указъ объ употребленіи русскаго языка въ перепискѣ всѣхъ учрежденій края. Нравственное значеніе этой послѣдней мѣры было громадно и составило своего рода эру въ развитіи русскаго дѣла. Впослѣдствіи различными разъясненіями и дополненіями законъ этотъ получилъ весьма распространительное толкованіе въ интересахъ русскаго языка, причемъ дѣло это ведено было съ замѣчательною послѣдовательностью и твердостью, не смотря на сильнѣйшую оппозицію мѣстныхъ элементовъ. Рядомъ съ этимъ, новымъ попечителемъ учебнаго округа М. Н. Капустинымъ намѣчена и проведена была цѣлая система мѣръ, имѣвшихъ глубоко проникающее вліяніе на дѣло мѣстнаго народнаго образованія. Въ 1886 г., съ назначеніемъ Манасеина министромъ юстиціи, начались въ этомъ министерствѣ работы по составленію проекта судебной реформы, по личнымъ его указаніямъ; работы эти потребовали для своего завершенія почти трехъ лѣтъ. Введеніе въ 1889 г. новыхъ судебныхъ учрежденій произвело громадный переворотъ въ жизни края. Реформа эта, замѣчательно зрѣло продуманная, проведена была съ такой законченностью и полнотою, что надолго останется образцомъ законодательнаго и административнаго искусства; какъ общій планъ ея, такъ и детали, разработаны были столь тщательно и съ такимъ знаніемъ всѣхъ мѣстныхъ условій, что она сразу принялась. Трудъ по со-

ставленію этихъ законопроектовъ былъ тѣмъ значительнѣе, что въ теченіе предшествовавшихъ 25 лѣтъ правительство не разъ приступало къ этому же дѣлу, созывало комиссіи, выработывавшія совершенно противорѣчивыя предположенія, вносившіяся на разсмотрѣніе государственнаго совѣта, который, въ свою очередь, учреждалъ въ своей средѣ новыя комиссіи, оставлявшія все прежнія предположенія и предпринимавшія составленіе новыхъ проектовъ, такъ что въ концѣ-концовъ, когда Манасеинъ вступилъ въ управленіе министерствомъ юстиціи, «дѣло» вмѣшало въ себя болѣе тысячи печатныхъ листовъ изложенія. Не легко было разобратъ въ этомъ матеріалѣ, ибо во всехъ прежнихъ комиссіяхъ балтійскіе юристы играли вліятельную роль, а въ ихъ интересахъ было затягивать дѣло безконечными возраженіями. Необходимо признать большой заслугой Манасеина еще и то, что онъ все новыя должности замѣстилъ русскими людьми. Послѣ осуществленія судебной реформы, для чего онъ лично отправился въ край въ сопровожденіи всехъ труженниковъ, работавшихъ съ нимъ въ ревизіонномъ дѣлѣ, Н. А. Манасеинъ съ неослабвающимъ интересомъ слѣдилъ за развитіемъ этихъ учреждений въ прибалтійскихъ губеріяхъ. Хотя съ проведеніемъ судебной реформы роль Н. А. Манасеина по отношенію къ прибалтійскому краю была уже сыграна, по крайней мѣрѣ—офіціальная роль, но онъ еще продолжалъ оказывать весьма замѣтное вліяніе на рѣшеніе въ томъ или иномъ смыслѣ возникавшихъ по управленію этими губерніями вопросовъ. «Новое Время», объясняя значеніе почившаго въ русской государственной жизни, говоритъ: «То, что Юрій Самаринъ сдѣлалъ въ литературѣ, Н. А. Манасеинъ сдѣлалъ въ жизни. Съ изумительною настойчивостью, акуратностью и спокойствіемъ, Н. А. Манасеинъ и его помощники, въ выборѣ которыхъ онъ былъ чрезвычайно счастливъ, раскрыли для властнаго Петербурга картину почти невѣроятнаго плѣненія баронами и пасторами прибалтійскихъ крестьянъ, особенно православныхъ». Ревизія покойнаго «дала прибалтійской окраинѣ русскій судъ, вмѣсто сословной расправы, поддерживавшей баронскія и пасторскія привилегіи при помощи кнута и тюрьмы. Давая своему знаменитому труду заглавіе «Окраины Россіи», хотя въ немъ говорится только объ одной балтійской окраинѣ, Юрій Самаринъ имѣлъ въ виду, какъ засвидѣтельствовалъ И. С. Аксаковъ, выразить глубоко имъ сознававшуюся необходимость разоблаченія ошибокъ русской государственной политики и на другихъ нашихъ окраинахъ. Въ литературѣ онъ едва ли не остался одинокимъ. Но для прибалтійскаго поморья нашелся, въ лицѣ Н. А. Манасеина, человѣкъ, которому удалось осуществить многое изъ того, что желалъ для прибалтійскихъ крестьянъ Самаринъ». Въ свою очередь издатель «Гражданина», гораздо менѣе сочувственно относящійся къ дѣятельности Н. А., признаетъ, однако, что въ своей ревизіи покойный «проявилъ себя способнымъ и умнымъ государственнымъ человѣкомъ. Онъ сумѣлъ прежде всего сдѣлать удачный подборъ людей себѣ въ помощники, затѣмъ сумѣлъ ихъ объединить и вдохновить и, наконецъ,—что самое главное,—сумѣлъ сдержатъ себя въ умѣренной роли изслѣдователя строгаго, но безпристрастнаго. Къ нему выросло уваженіе послѣ этого труднаго и щекотливаго дѣла, и усалилось тогда, когда онъ уже въ должности министра юстиціи сталъ вводить судебную реформу въ Остзейскомъ краѣ—спокойно, твердо и умно, основываясь на приобретенныхъ имъ въ краѣ познаніяхъ, такъ что чуть ли не на другой день послѣ ея введенія эту реформу, которой боялись, какъ грозы, стали благословлять все жители края, начиная съ бароновъ и кончая крестьянами. Далѣе, проникшіе въ печать отзывы частныхъ лицъ, близко знавшихъ офіціальную дѣятельность покойнаго, свидѣтельству ютъ, что чуждый всякаго доктринерства и рабствованія отвлеченной логикѣ, искренно приверженный къ кореннымъ основамъ русской государственной жизни, Н. А. напоминалъ тѣхъ русскихъ людей Московскаго государства, которые, вѣдая дальними окраинами, умѣли связывать съ Москвою дѣлыя цар-

ства неразрывными узами. Въ Манасеинѣ мы имѣли чисто русскаго самобитаго государственнаго человѣка, который какъ нельзя болѣе соответствовалъ выпавшей на его долю задачѣ. Похороны покойнаго состоялись 18-го сентября въ Царскомъ Селѣ. Въ 10-мъ часу на квартиру покойнаго, на дачу кн. Лобанова-Ростовскаго, собрались родственники и многочисленныя знакомыя и сослуживцы покойнаго. Среди нихъ были члены государственнаго совѣта, статсъ-секретарь А. А. Половцевъ, министръ внутреннихъ дѣлъ статсъ-секретарь И. Н. Дурново, управляющій министерствомъ юстиціи т. с. Бутовскій, управляющій министерствомъ императорскаго двора шталмейстеръ ген.-лейт. баронъ Фредериксъ, оберъ-прокуроръ св. синода д. т. с. К. П. Побѣдоносцевъ, товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ, т. с. Горемыкинъ, много сенаторовъ, высшія чины министерства юстиціи и судебного вѣдомства, депутація отъ правовѣдовъ (старшіе классы), во главѣ съ исправляющимъ обязанности директора училища. Прибыли также лица государевой свиты и въ должности гофмаршала флигель-адъютантъ графъ Бенкендорфъ. У гроба на дежурствѣ стояли четыре воспитанника-правовѣда. На гробъ покойнаго возложены были новыя вѣнки, въ томъ числѣ отъ Императорскаго училища правовѣднѣя. Въ 10 час. на выносъ изволили прибыть его величество государь императоръ и его императорское высочество великій князь Владиміръ Александровичъ. Духовенство, въ бѣлыхъ облаченіяхъ, совершило у гроба литію, затѣмъ родственники и сенаторы подыали дубовый гробъ съ тѣломъ покойнаго и вынесли на печальную колесницу подъ золотымъ балдахиномъ. Гробъ покрыли золотымъ покровомъ и обложили вѣнками. Похороны, впрочемъ, носили скромный характеръ; по желанію покойнаго въ процессіи не несли никакихъ знаменъ отличія. Отпѣваніе тѣла совершено въ Софійскомъ военномъ соборѣ, а погребеніе—на мѣстномъ Казанскомъ кладбищѣ.

† М. А. Пѣтуховъ. 22-го сентября въ Петербургѣ скончался одинъ изъ добросовѣстнѣйшихъ музыкально-литературныхъ работниковъ—Михаилъ Анисифоровичъ Пѣтуховъ. Покойный въ теченіе слишкомъ двадцати лѣтъ работалъ на музыкально-литературномъ поприщѣ въ многочисленныхъ періодическихъ изданіяхъ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ онъ одно время состоялъ музыкальнымъ рецензентомъ; однако, призваніе его влекло къ дѣятельности изслѣдователя въ области музыкально-исторической; на ней и сосредоточены были его главныя занятія. Отдѣломъ, болѣе интересовавшимъ его, была исторіографія древнихъ музыкальных инструментовъ; обладая прекрасными филологическими способностями, М. А. зналъ въ совершенствѣ новыя языки, благодаря чему могъ свободно пользоваться богатыми иностранными источниками, касавшимися избраннаго имъ предмета. Результатами его трудовъ были цѣныя изслѣдованія по исторіи древнихъ инструментовъ. Независимо отъ оригинальныхъ статей М. А. составилъ себѣ имя и въ качествѣ переводчика. Въ этомъ отношеніи онъ оказалъ большую услугу нашимъ образованнымъ соотечественникамъ, переведя на русскій языкъ капитальнѣйшій трудъ нѣмецкаго ученаго Гельмгольца, — «Ученіе о слуховыхъ ощущеніяхъ», Спб., 1875 г., причемъ переводъ этотъ, которымъ покойный дебютировалъ на литературномъ поприщѣ, сдѣланъ образцово. М. А. родился въ 1843 г. Какъ большинство дворянъ того времени, онъ поступилъ въ военную службу въ лейбъ-гвардіи Егерскій полкъ, окончивъ курсъ въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ. Затѣмъ, во время польскаго восстанія, онъ былъ прикомандированъ адъютантомъ къ графу Муравьеву, но вскорѣ перешелъ въ военное министерство и, нѣсколько лѣтъ спустя вышелъ въ отставку съ чиномъ статскаго совѣтника. По изданіи перевода работы Гельмгольца, М. А. сотрудничалъ въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ—«Всемирной Иллюстраціи», «Нивѣ», «Свѣтѣ», «Баянѣ», «Трудѣ», «Новомъ Времени» и др. Одной изъ послѣднихъ его статей было изслѣдованіе о финскомъ музыкальномъ инструментѣ «кантеле». Кромѣ статей, М. А. были изданы

отдѣльныя книги и брошюры: 1) «Гекторъ Берліовъ о Россіи», Спб., 1881, въ которой онъ собралъ все, что Берліовъ писалъ о нашемъ отечествѣ, а также присовокупилъ біографическія замѣтки объ упоминаемыхъ Берліовомъ русскихъ музыкальныхъ дѣятеляхъ. 2) «Народные музыкальные инструменты въ С.-Петербургской Консерваторіи», Спб., 1884 — сжатое изложеніе обозначеннаго въ оглавленіи предмета. 3) «Опытъ систематическаго каталога инструментальнаго музея С.-Петербургской Консерваторіи», Спб., 1893 г., заслужившій похвалу совѣта Консерваторіи и важный полнымъ бібліографическимъ спискомъ книгъ и статей о русскихъ народныхъ музыкальныхъ инструментахъ. Тѣло покойнаго 25-го сентября погребено на Митрофаньевскомъ кладбищѣ.

† И. А. Татариновъ. 20-го сентября, на дачѣ въ Теріокахъ, скоропостижно скончался помощникъ главнаго редактора газеты «Правительственный Вѣстникъ», Илья Антиповичъ Татариновъ. Онъ родился въ С.-Петербургѣ въ 1832 году и, по окончаніи курса наукъ со степенью кандидата въ Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ, служилъ до 1857 г. въ канцеляріи с.-петербургскаго военнаго генераль-губернатора. Выйдя затѣмъ въ отставку, И. А. вторично поступилъ на службу въ 1875 г. въ редакцію «Правительственнаго Вѣстника», гдѣ послѣдовательно занималъ должности редактора officialнаго и иностраннаго отдѣловъ, а съ 17-го мая 1891 г. — помощника главнаго редактора. Знатокъ иностранныхъ языковъ и человекъ разносторонне образованный, покойный въ теченіе долгихъ лѣтъ былъ достойнымъ руководителемъ сложнаго и весьма отвѣтственнаго въ officialной газетѣ отдѣла политическихъ извѣстій. Отличаясь также любовью и знаніемъ музыки и несомнѣннымъ дарованіемъ піаниста, И. А. оставался постоянно близкимъ къ нашему музыкальному міру и неоднократно помѣщалъ въ повременихъ изданіяхъ статьи по музыкѣ. Въ 1864 г. покойный принималъ дѣятельное участіе въ основаніи возникшаго тогда, по мысли и подѣ редакторствомъ А. С. Аванасьева-Чужбинскаго, «Петербургскаго Листка». Несмотря на пошатнувшееся въ послѣдніе годы здоровье, И. А. продолжалъ добросовѣстно трудиться въ редакціи, являясь однимъ изъ ближайшихъ помощниковъ и замѣстителемъ главнаго редактора въ его отсутствіе.*

† М. П. Авенаріусъ. 4-го сентября въ Кіевѣ скончался бывшій профессоръ университета Св. Владиміра Михаилъ Петровичъ Авенаріусъ. Сынъ лютеранскаго пастора, покойный родился 7-го сентября 1835 года въ Царскомъ Селѣ. Послѣ подготовительнаго образованія въ мѣстной церковной школѣ, онъ учился въ 5-й Петербургской гимназіи, откуда поступилъ на физико-математическій факультетъ Петербургскаго университета. По выпускѣ изъ послѣдняго въ 1858 году со степенью кандидата, покойный Авенаріусъ былъ опредѣленъ учителемъ математики во 2-ю Петербургскую гимназію, но въ 1862 году, избранный въ число лицъ, предназначенныхъ къ профессорскому званію, отправленъ за границу. Тамъ ему пришлось провести два года въ занятіяхъ физикой подѣ руководствомъ профессора Магнуса въ Берлинѣ и профессора Кирхгоффа въ Гейдельбергѣ. По возвращеніи онъ приобрѣлъ степень магистра физики въ 1865 году и въ томъ же году получилъ званіе доцента по этой же кафедрѣ въ Кіевскомъ университетѣ, а удостоенный докторской степени въ 1866 году, утвержденъ профессоромъ того же университета. Съ той поры, въ теченіе четверти вѣка, покойный читалъ лекціи по физикѣ и метеорологіи до половины 1891 года, когда трудная болѣзань заставила его прекратить профессорскую дѣятельность. М. П. Авенаріусу, кромѣ длиннаго ряда специальныхъ статей, рефератовъ и замѣтокъ, принадлежали: магистерская диссертация «О термо-электричествѣ» (Спб., 1865 г.) и докторская диссертация «Объ электрическихъ равновѣсахъ металловъ при различныхъ температурахъ» (Спб., 1866 г.). Многочисленные научные труды его, печатавшіеся какъ въ бюллетеняхъ нашей Академіи Наукъ, такъ и въ другихъ русскихъ иностранныхъ ученыхъ изданіяхъ, касались преимуще-

ственно области электричества, открыли въ ней нѣкоторыя совершенно новыя положенія, признанныя затѣмъ всеми европейскими физиками и въ значительной степени способствовавшія столь широкому въ послѣдніе годы практическому развитію этой отрасли физики. Какое значеніе придавалось работамъ покойнаго въ ученомъ мірѣ, видно уже изъ того, что наша Академія Наукъ и берлинское Физическое общество избрали его въ члены-корреспонденты, а французское правительство, кромѣ серебряной медали по парижской всемірной электрической выставкѣ, пожаловало ему офицерскій орденъ Почетнаго Легіона.

† А. А. фонъ-Генрици. Въ началѣ сентября въ Гельсингфорсѣ скончался одинъ изъ немногихъ оставшихся въ живыхъ участниковъ обороны Севастополя, финляндскій окружной военно-медицинскій инспекторъ, совѣщательный членъ военно-медицинскаго ученаго комитета, докторъ медицины и хирургъ, Александръ Александровичъ фонъ-Генрици. Покойный родился въ 1824 году, окончилъ курсъ въ Медико-Хирургической Академіи и началъ службу въ качествѣ ординатора въ Казанскомъ госпиталѣ, гдѣ ему пришлось бороться съ холерою, свирѣпствовавшею тогда на востокѣ Россіи. Въ 1851 году, будучи докторомъ медицины, А. А. прикомандировался къ Клиническому госпиталю въ Петербургѣ для изученія хирургіи подъ руководствомъ покойнаго Н. И. Пирогова. Сдавъ экзаменъ на званіе хирурга, онъ былъ назначенъ штабъ-лекаремъ въ Азовскій пѣхотный полкъ, съ которымъ весною 1853 года, при началѣ восточной войны, выступилъ въ предѣлы княжествъ и участвовалъ во всѣхъ перипетіяхъ трудной кампаніи. Съ этимъ же полкомъ онъ пришелъ и въ Крымъ, гдѣ съ сентября 1854 года по январь 1855 года былъ все время на передовыхъ перевязочныхъ пунктахъ, полагая помощь раненымъ; съ 15-го января находился въ Севастополѣ, участвуя въ рекогносцировкѣ къ Евпаторіи, въ сраженіи на рѣкѣ Черной и организуя перевязочныя пункты. По окончаніи войны покойный уѣхалъ за границу для изученія хирургіи и военно-санитарнаго дѣла въ Пруссіи, Австріи, Франціи и Англіи. Затѣмъ былъ главнымъ врачомъ Кіевского военнаго госпиталя, помощникомъ одесскаго военно-медицинскаго инспектора и съ 1873 года финляндскимъ окружнымъ военно-медицинскимъ инспекторомъ. По его идеѣ и благодаря его настойчивымъ хлопотамъ, было учреждено въ Гельсингфорсѣ военно-санитарное общество, предсѣдателемъ котораго онъ состоялъ до конца жизни. Покойный помѣщалъ свои многочисленныя труды въ разнообразныхъ періодическихъ изданіяхъ. Изъ нихъ назовемъ его «Воспоминанія о восточной войнѣ 1853—1855 гг.» («Русская Старина», 1878 г.). За участіе въ восточной войнѣ онъ имѣлъ ордена: св. Анны 3-й ст. и св. Станислава 2-й ст. съ мечами. Покойный, отличаясь гуманнымъ отношеніемъ къ своимъ подчиненнымъ, постоянно стремился поднять значеніе военно-медицинскаго сословія.

† В. И. Ельцинскій. 13-го сентября, въ 3 часа ночи, во Владимірѣ-на-Клязьмѣ скончался отъ паралича сердца бывшій ординарный профессоръ Московскаго университета и врачъ Императорскаго лица въ память цесаревича Николая, дѣйствительный статскій совѣтникъ Василій Ивановичъ Ельцинскій. Сынъ священника, покойный родился въ 1831 году и получилъ медицинское образованіе въ Московскомъ университетѣ на медицинскомъ факультетѣ, въ которомъ окончилъ курсъ въ 1857 году съ званіемъ лѣкаря. Въ томъ же году онъ началъ заниматься въ хирургическомъ отдѣленіи госпитальной клиники; въ 1860 году онъ былъ опредѣленъ ординаторомъ Екатеринбургской больницы и состоялъ при ней въ теченіе пяти лѣтъ. Въ 1865 году В. И. Ельцинскій былъ назначенъ штатнымъ ординаторомъ при терапевтическомъ отдѣленіи госпитальной клиники. Въ 1872 году онъ былъ удостоенъ степени доктора медицины за представленную диссертацию подъ заглавіемъ: «О проробѣннн грудной клѣтки при скопленіи въ мѣшкахъ грудной плевры жидкаго выпота». Осенью того же года онъ былъ утвержденъ доцентомъ по кафедрѣ патологіи и терапіи. Со введеніемъ новаго университет-

сваго устава, покойный былъ назначенъ экстраординарнымъ профессоромъ по кафедрѣ частной патологіи и терапіи, а года за два до выхода изъ университета онъ былъ возведенъ въ званіе ординарнаго профессора. В. И. Ельцинскій пользовался большими симпатіями среди студентовъ, былъ опытнымъ врачомъ и добрымъ отзывчивымъ человѣкомъ, глубоко преданнымъ своему дѣлу.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

По поводу статьи г. Дубасова.

Въ сентябрьской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за текущій годъ г. Дубасовъ въ статьѣ «Тамбовскіе дѣятели прежняго времени» посвятилъ нѣсколько словъ характеристикѣ моего покойнаго отца Николая Ивановича Кривцова. При этомъ г. Дубасовъ говоритъ (на стр. 688), что Н. И. Кривцовъ еще при жизни своей приказалъ приготовить для себя могильную плиту съ такою оригинальною и самоувѣренною надписью: «non timeo, non credo». Эту надпись г. Дубасовъ приводитъ, какъ подтвержденіе своего мнѣнія объ антирелигіозныхъ убѣжденіяхъ моего отца. Но текстъ извѣстнаго латинскаго изреченія: «nec timeo nec spero», не былъ переиначенъ моимъ отцомъ, который, дѣйствительно, выражалъ желаніе, чтобы данное изреченіе было помѣщено на его могильной плитѣ отнюдь не въ искаженномъ видѣ. Смыслъ его тотъ, что мой отецъ не боится возлагать упованіе на милость Божию, но и не надѣется, сознавая свою грѣховность. Такимъ образомъ, оказывается, что сдѣланный г. Дубасовымъ выводъ основанъ на допущенной имъ ошибкѣ, и потому не даетъ правильнаго представленія о религіозныхъ воззрѣніяхъ Н. И. Кривцова.

Софія Батюшкова.

II.

Нѣчто о странномъ человѣкѣ.

Въ апрѣльской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за настоящій годъ помѣщена XXII глава воспоминаній покойнаго В. А. Полторацкаго, въ которой онъ удѣлилъ мѣсто «странному человѣку Н. Н. Р.». Привлекая Н. Н. Р. страннымъ человѣкомъ, авторъ воспоминаній свидѣтельствуетъ, однако, что человѣкъ этотъ былъ далеко не глупъ отъ природы и очень образованъ, но далѣе упоминаетъ, что онъ «нигдѣ не уживался, отовсюду бѣжалъ, ссорился, бранился и въ полномъ раздраженіи откочевывалъ въ пустой надеждѣ, конечно, найти обѣтованный уголокъ». «Словомъ, Р.,—заключилъ авторъ воспоминаній,—по взглядамъ и принципамъ будучи рыцаремъ безъ страха и упрека, сумѣлъ у многихъ прослыть совсѣмъ другимъ человѣкомъ».

Итакъ, что же это за странный, окутанный такимъ туманомъ человѣкъ, который, будучи рыцаремъ безъ страха и упрека, искалъ, однако, обѣтованный уголокъ?

Подъ инициалами Н. Н. Р. легко признать убитаго въ послѣдней войнѣ за балканскихъ славянъ Николая Николаевича Раевского. Вспомнимъ прежде всего его предковъ. Фамилія Раевскихъ сослужила Россіи доблестную службу. Произождая отъ стариннаго рода графовъ Дубиличей, датскаго происхожденія, она занимала видное мѣсто на страницахъ нашей исторіи конца

XVIII и начала XIX вѣка. Впрочемъ, кто же не знаетъ, что послѣдній бой, рѣшившій участь Наполеона I на высотахъ Монмартра, многимъ обязанъ Раевскому и его знаменитой атакѣ на Роменвилъ и Бельвю. Кто не знаетъ, что сынъ этого героя дружилъ съ лучшими умами своего времени, А. С. Пушкинымъ и др.

Теперь подойдемъ поближе къ потомку этихъ крупныхъ дѣятелей и при томъ подойдемъ къ нему въ то самое время, когда произошла съ нимъ встрѣча автора воспоминаній В. А. Полторацкаго. То было въ Ташкентѣ приблизительно въ 1871 году. Въ ту пору о Туркестанскомъ краѣ имѣлось въ обществѣ представленіе исключительно, какъ о странѣ, въ которую стремятся голодные люди поѣсть вкусной баранины.

Н. Н. Раевскому не требовалось вкусной баранины. Владѣя въ Крыму крупнымъ имѣніемъ и располагая другими источниками солидныхъ доходовъ, онъ могъ прожить десятки тысячъ рублей въ годъ, тѣмъ не менѣе этотъ молодой, съ большими аристократическими связями, блестящій и преисполненный энергіи, гвардейскій офицеръ бросилъ всё предлесті петербургскихъ булуаровъ и гостинныхъ и отправился въ дикую страну насаждать культуру. Да, насаждать культуру! Въ Туркестанѣ онъ сосредоточилъ свои средства и помыслы на разведеніи американскаго хлопка, виноградной лозы, суходольнаго риса, культурнаго шелководства и т. п., не выпрашивая субсидій, гарантій и монополій.

Не располагая, однако, опытностью и искусствомъ нарастанія рубля на копейки, онъ несъ массу непроезводительныхъ расходовъ и при своихъ громадныхъ доходахъ нерѣдко голодалъ, въ самомъ простомъ значеніи этого слова. Къ счастью, затраты и усилія его не пропали даромъ. Онъ первый доказалъ совершенную возможность разведенія въ Туркестанѣ хлопка изъ американскихъ сѣмянъ. Полученный имъ хлопокъ изъ этихъ сѣмянъ онъ отправилъ на пробу въ Манчестеръ и въ Москву. Англійскіе мануфактуристы дали объ его хлопкѣ превосходный отзывъ, а москвичи откровенно признались, что ихъ машины не приспособлены, въ то недавнее еще время, къ выработкѣ матеріи изъ такого художественнаго матеріала. Дорого или дешево обошелся Раевскому достигнутый успѣхъ, это—его личное дѣло, но заслуга его передъ родиною несомнѣнна. Правда, впоследствии, когда разведеніе хлопка изъ американскихъ сѣмянъ приняло широкіе размѣры, мѣстные льстецы начали приписывать всю заслугу своимъ патронамъ, но да будетъ имъ стыдно за то, что они умышленно замалчиваютъ и понынѣ труды Раевского на этомъ поприщѣ.

Бражникомъ онъ не былъ, плясками бачей не любовался и туфли сартянокъ не обращалъ въ бокалы; подобной же нелюдимости было слишкомъ достаточно въ тогдашнемъ Туркестанѣ, чтобы прослыть страннымъ человѣкомъ. Каждый шагъ его начали выслѣживать и подвергать строгимъ сарказмамъ, не упуская доводить до свѣдѣнія покойнаго генераль-губернатора К. П. фонъ-Кауфмана все, что могло вызвать размолвку между этими двумя честными людьми. Кампанія противъ Н. Н. велъ кружокъ, сплотившійся тѣсною стѣною, сквозь которую не легко было проникнуть истинѣ. Жестоко страдалъ Н. Н. отъ нравственнаго насилія этого кружка, но жестоко онъ и расплатился съ нимъ.

Фонъ-Кауфманъ не разъ высказывалъ сожалѣніе о томъ, что послѣ погрома Ташкента не было предъявлено требованія сартовскому населенію

открыть лица своихъ женщинъ; тогда требованіе это было бы исполнено безпрекословно. Подлаживаясь подъ идеи своего милостивца, приближенный къ нему кружокъ заявилъ, что населеніе Ташкента, преклоняясь передъ личными его достоинствами, готово пойти на встрѣчу его желанію, и близокъ уже тотъ день, когда оно откроетъ лица своихъ женщинъ. Довѣрчивый ярымъ-паша повѣрилъ приближеннымъ и принялъ приглашеніе на томашу, то-есть на праздникъ, на который должны были собраться уважаемые сарты и привести своихъ женъ и дочерей съ открытыми лицами и даже въ костюмахъ европейскаго типа.

Томаша состоялась.

Польщенный вниманіемъ народа, почтенный К. П. былъ тронутъ до глубины души, увидѣвъ на праздникѣ мусульманокъ съ открытыми лицами. То было крупное завоеваніе въ пользу культуры. Женщины танцовали передъ нимъ и передъ своими сѣдородными соотчичами съ большою охотою. К. П. буквально прослевился отъ радости и не поскупился на подарки женщинамъ, — подарки, состоявшіе изъ цѣнныхъ браслетъ, колець, кубковъ и проч., при чемъ на каждой вещи было вырвано по принятому обычаю: «отъ туркестанскаго генераль-губернатора». Все ликовало.

Но, увы, Н. Н. Раевскій не далѣе какъ на другой день разрушилъ иллюзію администратора. По окончаніи праздника онъ обошелъ дома терпимости въ Ташкентѣ и выкупилъ у веселыхъ обывательницъ ихъ поднесенные имъ отъ имени генераль-губернатора подарки. Коллекцію послѣднихъ онъ представилъ К. П. съ объясненіемъ, что передъ нимъ плясали съ открытыми лицами не жены и дочери уважаемыхъ лицъ, а тѣ темпераменты, которые не нуждаются въ покрывалахъ, какъ въ вывѣскахъ скромности...

К. П. страшно разсердился на свой излюбленный кружокъ, но разсердился и—только, потому что идти далѣе значало бы придать огласкѣ и свою непростительную довѣрчивость. На совѣщаніи же кружка было рѣшено вызвать Н. Н. за его разоблаченіе на дуэль. Послѣдняя, впрочемъ, не состоялась, такъ какъ были израсходованы всѣ усилія, чтобы не огласить дѣла, вызывавшаго саркастическія улыбки на серьезныхъ лицахъ мусульманской общины. Послѣ этой исторіи жизнь Н. Н. Р. въ Туркестанскомъ край сдѣлалась буквально невозможною. Зачисленный безапелляціонно въ разрядъ юрдивыхъ, онъ бѣжалъ изъ края, отряхая пыль отъ ногъ своихъ. Сотни тысячъ рублей, вложенныя имъ въ землю, остались въ добычу палашаго зноя и людскаго забвенія.

Недруги его также оставили Туркестанскій край, но только не по доброй волѣ: за поползновенія хищническаго свойства камеръ-юнкеръ С—въ былъ лишенъ придворнаго званія и сосланъ въ Сибирь на поселеніе, подполковникъ Г. посланъ туда же на жительство, а баронъ Н. угодилъ прямо въ каторгу. Вотъ противъ кого ратоборствовалъ «странный человѣкъ» Николай Николаевичъ Раевскій.

Туркестанскій край онъ оставилъ, чтобы принять добровольческое участіе въ минувшей войнѣ за идею славянства. Турецкая пуля свалила его, и вотъ тамъ, за Дунаемъ, нашелъ этотъ странный человѣкъ свой обѣтованный уголокъ.

Не опустить ли намъ, хотя мысленно, лавровый лепестокъ на его могилу?

Вл. Черепанскій.

III.

Отъ отдѣла для содѣйствія самообразованію при комитетѣ
Педагогическаго Музея.

Въ августовской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» г. Б. Глинскій подвергъ разбору напечатанныя въ VIII томѣ «Историческаго Обзорнія» программы чтенія для самообразованія. Не вступая въ полемику съ авторомъ, составители программъ находятъ нужнымъ отмѣтить фактическія невѣрности, допущенныя г. Б. Глинскимъ.

1) Комитетъ Историческаго общества при Петербургскомъ университетѣ, какъ таковой, не принималъ ни малѣйшаго участія въ составленіи программъ, которыя были работой особаго отдѣла при комитетѣ Педагогическаго отдѣла. Если программы были опубликованы въ видѣ приложенія къ одной статьѣ, помѣщенной въ «Историческомъ Обзорніи», то произошло это исключительно по инициативѣ редактора «Обзорнія», входящаго въ составъ означеннаго отдѣла. Между тѣмъ, г. Глинскій утверждаетъ (стр. 479) будто комитетъ Историческаго общества принималъ въ составленіи программъ самое дѣятельное участіе.

2) Г. Глинскій приписываетъ составленіе программы по физиологіи г. Антоновичу, тогда какъ она составлена профессоромъ Павловымъ, и изображаетъ дѣло (стр. 480—481) такъ, будто въ программѣ названы только труды шести-и семидесятихъ годовъ, тогда какъ особенно рекомендуется трудъ, вышедшій въ свѣтъ въ настоящемъ десятилѣтіи.

3) Г. Глинскій утверждаетъ (стр. 481), будто профессоръ Карѣевъ рекомендуетъ по социологіи 12 своихъ сочиненій, очевидно, принимая неоднократно ссылки на равныя главы одного и того же труда за указанія разныхъ сочиненій.

4) По словамъ г. Глинскаго, г. Семевскій выдѣлялъ изученіе исторіи крестьянъ и крестьянскаго вопроса въ отдѣльную рубрику и всю ее посвятилъ своимъ собственнымъ произведеніямъ (стр. 482). И то невѣрно. Въ программѣ мы находимъ по исторіи крестьянъ 5 отдѣльныхъ вопросовъ: «исторія крестьянъ до прикрѣпленія включительно», «крестьяне въ XVII вѣкѣ», «крестьяне и крестьянскій вопросъ во второй половинѣ XVIII вѣка», «крестьяне и крестьянскій вопросъ въ первой половинѣ XIX вѣка», «освобожденіе крестьянъ при Александрѣ II и другія реформы шестидесятихъ годовъ»; кромѣ того, труды по исторіи крестьянъ названы подъ нѣкоторыми другими, какъ, напримѣръ, «внутренній бытъ Великобританіи въ первой половинѣ XVIII вѣка», «Малороссія и казачество во XVIII вѣкѣ». Всего по исторіи крестьянъ и крестьянскаго вопроса названо 23 книги и статьи; изъ нихъ принадлежатъ г. Семевскому не всѣ, а только 8 (2 книги и 6 статей).

5) Укоры г. Глинскаго по адресу В. А. Мякотина за то, что его лекціи по русской исторіи XVI—XVIII вѣковъ названы въ энциклопедической программѣ и двѣ монографіи въ программѣ специальной, — совершенно неосновательны. Что касается общихъ обзоровъ по русской исторіи, то на первомъ мѣстѣ поставлены лекціи профессора Ключевскаго (хотя и литографированныя, но довольно распространенныя) и профессора Милюкова печатающіяся въ «Мірѣ Божіемъ» за 1895 годъ, а затѣмъ названы и лекціи

В. А. Мякотина (XVI—XVIII вѣковъ). Монографія г. Мякотина о протопопѣ Аввакумѣ названа среди шести другихъ сочиненій, посвященныхъ исторіи раскола; статья же г. Мякотина «Прикрѣпленіе крестьявъ въ лѣвобережной Малороссіи въ XVIII вѣкѣ» названа вмѣстѣ со статьями гг. Лазаревского и Лучицкаго.

6) По представленію дѣла г. Глинскимъ (стр. 484) у читателя можетъ составиться такое впечатлѣніе, будто въ программахъ по политической экономіи названы чуть не одни труды составителей этихъ программъ гг. Карышева и Яроцкаго. Между тѣмъ, на дѣлѣ оказывается, что въ одной (энциклопедической) программѣ названо 10 сочиненій, изъ коихъ лишь одно принадлежит г. Карышеву, и притомъ, это—весьма популярное изложеніе основъ науки, а во второй программѣ изъ цѣлой сотни сочиненій лишь шесть принадлежатъ г. Карышеву и два—г. Яроцкому.

Разборъ другихъ заявленій рецензента отдѣлъ сдѣлаетъ въ издаваемомъ имъ «Сборникѣ».

IV.

Письмо въ редакцію.

Въ августовской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» г. Б. Глинскій, разбирая VIII томъ «Историческаго Обзорнія», дѣлаетъ между прочимъ нѣсколько упрековъ по адресу составителей «Обзора литературы по русской исторіи за 1891 годъ». Приведа именно слова составителей относительно того, что они не стремились къ достиженію библиографической полноты, г. Глинскій говоритъ: «казалось бы, что въ подобнаго рода обзорніяхъ наиболѣе цѣны имѣеть полнота, а они вотъ ея-то и избѣгаютъ», и при этомъ недоумѣваетъ, какую цѣль преслѣдовали авторы и къ чему было въ такомъ случаѣ «городъ городить». Въ виду такого упрека составители вынуждены объяснить г. Глинскому разницу между «обзоромъ» литературы и ея библиографіей: въ то время, какъ задача библиографическаго указателя заключается въ перечислѣ по возможности всѣхъ явленій въ литературѣ даннаго вопроса, независимо отъ ихъ важности и безъ передачи ихъ содержанія, цѣлью «Обзора» служить именно передача содержанія болѣе важныхъ произведеній; такіе обзоры могутъ быть, конечно, болѣе или менѣе полны и образцы тѣхъ и другихъ имѣются во всѣхъ историческихъ литературахъ. Составители «Обзора литературы по русской исторіи» не думаютъ сравнивать своего труда съ превосходными обзорами, издаваемыми ежегодно берлинскимъ Историческимъ обществомъ, но такъ какъ г. Глинскій, отказываясь цѣнить нашъ трудъ по существу, считаетъ его безцѣльнымъ, то не лишнимъ будетъ указать на прямое заявленіе берлинскаго Историческаго общества въ предисловіи къ его обзору, что достиженіе библиографической полноты не входило въ его цѣли.

Второй упрекъ г. рецензента касается выдѣленія литературы по исторіи Малороссіи въ особую рубрику. Г. Глинскій находитъ, что въ основу такого выдѣленія составители положили «этнографическій масштабъ», который, однако, тотчасъ жѣ и нарушили, не выдѣливъ подобнымъ же образомъ исторіи Сибири и Кавказа; въ такомъ выдѣленіи Малороссіи г. Глинскій видитъ повтому «явное пристрастіе» со стороны редактора «Историче-

скаго Обзорѣнія» къ одному изъ составителей «обзора», г. Мякотину. Но «этнографическій масштабъ», какъ его понимаетъ г. Глинскій, не причесть въ нашемъ дѣленіи. Малороссія населена вѣтвью русскаго племени, но исторія ея долго шла путемъ, отличнымъ отъ обще-русской исторіи. Малорусскія области то входили въ составъ иноплеменныхъ государствъ (Литвы и Польша), то составляли самостоятельныя политическія единицы, то входили въ составъ русскаго государства въ качествѣ автономныхъ провинцій. Вотъ основанія, по которымъ литература, относящаяся къ исторіи Малороссіи за данный періодъ времени (XIV—XVIII вв.), выдѣлена въ особую рубрику. Что касается Сибири и Кавказа, то эти области до покоренія ихъ не заключали въ себѣ русскаго населенія, а слѣдовательно ихъ жизнь до этого времени и не входитъ въ составъ русской исторіи, послѣ же покоренія онѣ не пользовались никакой автономіей. Трудно предположить, чтобы г. Глинскій не зналъ и этихъ общезвѣстныхъ фактовъ, и невольно думается, что «этнографическій масштабъ», Сибирь и Кавказъ понадобились ему лишь для перехода къ «явному пристрастію» редактора «Историческаго Обзорѣнія» по отношенію къ г. Мякотину.

Составители «обзора», какъ ими и было уже заявлено, вполнѣ сознаютъ наличность недостатковъ въ ихъ трудѣ и съ благодарностью приняли бы всякія серьезныя указанія на подобные недостатки, указанія, которыя помогли бы исправить послѣдніе. Но намъ нечѣмъ воспользоваться въ этомъ смыслѣ въ рецензіи г. Глинскаго, который, не умѣя отличить обзора отъ библиографіи, прямо объявляетъ весь трудъ безцѣльнымъ и притомъ прибѣгаетъ къ весьма странному, чтобы не сказать болѣе, приемамъ полемики.

20-го окт.
1895 г.

А. Браудо.
В. Мякотинъ.

V.

Отвѣтъ «Отдѣлу для содѣйствія самообразованію».

Редакція «Историческаго Вѣстника» сообщила мнѣ въ корректурѣ возраженіе «Отдѣла для содѣйствія самообразованію» на рецензію мою о «программахъ» означеннаго отдѣла, напечатанную въ августовской книжкѣ журнала. Пользуясь любезностью редакціи, считаю нужнымъ сказать нѣсколько словъ по поводу этого возраженія.

Какъ извѣстно читателямъ, основная мысль моей рецензіи была та, что гг. составители программъ для самообразованія удѣлили слишкомъ много вниманія собственнымъ научнымъ трудамъ, что и придало этимъ программамъ характеръ личной рекламы. Эта мысль не встрѣчаетъ въ настоящее время опроверженія со стороны «отдѣла», потому и имѣю полное основаніе полагать, что моя рецензія попала мѣтко въ цѣль, и гг. Карѣевъ, Семевскій, Мякотинъ и прочіе сознались въ отмѣченныхъ мною неудобныхъ научно-литературныхъ дѣяніяхъ. Но составители программъ пытаются набросить тѣнь на мою рецензію указаніемъ въ ней нѣкоторыхъ яко бы неправильностей, чѣмъ усугубляютъ только неловкость своего положенія.

Въ § 1 «возраженія» уничтожается связь между «Комитетомъ историческаго общества» и «Отдѣломъ для содѣйствія самообразованію», — связь, на которую я указалъ, какъ на нѣчто дѣйствительно существующее,

но, однако, не содержащее въ себѣ ничего преступнаго. Отмѣтивъ то обстоятельство, что нѣкоторые лица изъ «комитета» являются и заправилami «отдѣла», я говорю, между прочимъ: «... вотъ въ составленіи этихъ-то программъ и принялъ самое дѣятельное участіе Комитетъ историческаго общества въ лицѣ гг. Карѣва, Семейскаго, Мясотина и названныхъ ихъ пріятелей.....»; я не говорю, что весь комитетъ въ полномъ составѣ, но именно называю, кто изъ комитета составлялъ пресловутыя программы. Въ администрація и «комитета», и «отдѣла» однородны, органъ печати у нихъ общій и самое право на существованіе программъ приурочено къ одному изъ рефератовъ предсѣдателя Историческаго Общества. На что же здѣсь возражать? Очевидно, гг. составители программъ пребываютъ еще въ радостномъ настроеніи и предаются нынѣ невиннымъ *petits jeux*: вообще они принимали участіе, но какъ таковыя не принимали... Требуется разгадать — что же они дѣлали?

Въ своей рецензіи я отмѣчаю, что г. Антоновичъ является передъ публикой въ блескѣ славы по семи специальностямъ, въ каковомъ числѣ значится и «общая фізіологія». Такое указаніе я почерпнулъ изъ текста «Историческаго Обзоренія». Здѣсь, на стр. 19, сказано: «По астрономіи, геологіи, физической географіи, ботаникѣ, зоологіи, общей фізіологіи и физической антропологіи (принимали участіе въ составленіи) М. А. Антоновичъ и Н. А. Рубакинъ». Отсюда, кажется, вполне ясно, принималъ ли участіе г. Антоновичъ въ составленіи вдругъ сдѣлавшейся спорной программы? А вотъ, видите ли, въ настоящее время авторы «возраженія» въ § 2 почему-то пожелали вырвать изъ вѣнка славы г. Антоновича одинъ изъ благоухающихъ цвѣтковъ. И чѣмъ это только г. Антоновичъ провинился, что его изъ специалистовъ по семи предметамъ разжаловали въ разрядъ низшій, гдѣ по табели полагается одною специальностью меньше? Что же касается до моего упрека въ пристрастіи къ изданіямъ прежнихъ лѣтъ, то опять-таки оно основано на указаніяхъ текста «программы», гдѣ на стр. 28—29 изъ сочиненій, нужныхъ для изученія фізіологіи, пять относятся къ шестидесятымъ и семидесятымъ, а только два къ девяностымъ годамъ.

Ужъ не шутятъ ли и здѣсь гг. составители программъ?

Верха комизма, однако, достигаетъ «возраженіе» въ вопросѣ о г. Карѣвѣ. Видите ли, моя вина заключается не въ томъ, что я уличилъ «всеобъемлющаго» профессора въ самовлюбленности, а въ томъ, что я недостаточно подчеркнулъ это качество. Я говорю въ рецензіи, что г. Карѣвъ изъ «24 сочиненій по социологіи рекомендуетъ 12 своихъ», а на самомъ дѣлѣ слѣдовало сказать, что онъ изъ 24 авторовъ по социологіи 12 разъ называетъ себя, при чемъ въ эти названія входятъ каждый разъ не отдѣльные его труды, а равныя главы подъ самостоятельными только наименованіями всего лишь трехъ его сочиненій. Хотя суть дѣла отъ моей ошибки не мѣняется и пропорція вниманія г. профессора къ своей личности остается та же, тѣмъ не менѣе г. Карѣву показалось обиднымъ, что я приписалъ ему научныхъ заслугъ больше дѣйствительнаго и оцѣнилъ его амбицію по высшему цеву. Воистину велика моя оплошность! Г. Карѣвъ можетъ, очевидно, при наличности и болѣе дешевой амуниціи, заткнуть за поясъ Бокля, Спенсера Михайловскаго и другихъ. Вѣроятно, когда каждая изъ 12 главъ его трехъ сочиненій обратится въ самостоятельное изслѣдованіе, тогда онъ смѣло и торжественно выкиветъ изъ программы по социологіи всѣхъ ученыхъ и назоветъ 24 раза одного лишь себя.

Вотъ въ вопросѣ о г. Семевскомъ я дѣйствительно сдѣлалъ промахъ, по смѣю увѣрить, что случилось это неволью. У меня отпала въ рукописи фраза «во второй половинѣ XVIII вѣка», вслѣдствіе чего и дѣло по изученію крестьянскаго вопроса получило нѣсколько иное освѣщеніе. Извиняюсь въ томъ чистосердечно, но... но развѣ суть-то моего возраженія отъ этого мѣняется и развѣ явное пристрастіе г. Семевского къ собственнымъ работамъ отъ того уменьшается? Смѣю увѣрить его, что никоимъ образомъ нѣтъ, и позволяю себѣ повторить еще разъ, что неудобно такъ назойливо навязывать публикѣ самого себя, только исключительно по праву составителя. Вѣдь вторую-то половину XVIII вѣка г. Семевскій все-таки оставляетъ за собою цѣликомъ, а по исторіи крестьянства вообще называетъ изъ 23 сочиненій 9 своихъ (девятъ, а не восемь, какъ сказано въ возраженіи), оставляя внѣ счета имѣющую гдѣ-то и когда-то появиться его конспективную общающую статью. Такимъ образомъ, по общей исторіи крестьянства исследователь удѣлитъ себѣ до 40% вниманія, а по исторіи второй половины XVIII вѣка все 100%.

Стоило ли изъ-за такой незначительной разницы въ исчисленіи возражать и подвергать себя вторично рецензентскимъ обличеніямъ!

Какое назначеніе § 5 возраженія,—я рѣшительно не понимаю и готовъ объяснить его лишь нежеланіемъ гг. Карѣва и Семевского разлучаться съ г. Мякотинымъ: пусть, молъ, мы все будемъ въ отвѣтъ! Я не думалъ изолгировать г. Мякотина и умалчивать о другихъ ученыхъ авторахъ, какъ вмѣстѣ съ тѣмъ гласить «возраженіе»; я даже упоминаю на стр. 483 рецензію о рекомендаціи со стороны «отдѣла» профессоровъ Ключевского и Милюкова («стоитъ г. Мякотинъ... рядомъ съ профессорами Ключевскимъ и Милюковымъ»), но утверждаю лишь, что смѣшно и неприлично молодому преподавателю Александровскаго лицея, подобно г. Семевскому, рекомендовать публикѣ въ качествѣ руководства для самообразованія свой неимѣющийся въ продажѣ и неизданный «Курсъ русской исторіи» и при томъ выражать «сожалѣніе» объ отсутствіи этого курса въ книжномъ употребленіи. Равнымъ образомъ нельзя дѣлать по нѣскольку разъ ссылки въ программѣ такого рода на одну и ту же работу, и при томъ журнальную, какъ на обязательное пособіе для научнаго пользованія.

Жалѣю, что, благодаря желанію г. Мякотина раздѣлить во что бы то ни стало все невзгоды съ гг. Карѣвымъ и Семевскимъ, мнѣ приходится напомнить ему о конфузномъ пассажѣ въ его научно-литературной дѣятельности. Для начинающаго и «подающаго надежды» молодого ученаго это не выгодно.

Что же касается до гг. Карышева и Яроцкаго, то опять-таки вся моя вина заключается лишь въ томъ, что я недостаточно ярко освѣтилъ *entrée comique* этихъ ученыхъ. Изъ полнинныхъ словъ моей рецензіи: «эти почтенные составители не приминули рекомендовать публикѣ другъ друга... при чемъ попутно не забыли упомянуть и гг. Карѣва, Семевского и Мякотина», изъ этихъ словъ достаточно очевидно, что «у читателя не можетъ составить впечатлѣніе, будто въ программѣ по политической экономіи названы чуть ли не одни труды составителей»... Надо читать внимательнѣе, думать о прочитанномъ, и тогда всякія «будто» исчезнутъ. Что же касается до количества ссылокъ составителей программъ по политической экономіи другъ на друга, о чемъ распространяется «возраженіе», то спѣшу завѣрить, что не въ этомъ сила. Здѣсь достойно вниманія лишь то, что г. Яроцкій указываетъ

не только на отдѣльные труды г. Карышева, но даже старательно перечисляетъ его журнальныя статьи и даже замѣтки въ «словарѣ Брокгауза и Ефрона». Понятно, что въ благодарность за такую услугу г. Карышевъ платитъ г. Яроцкому той же монетой и упоминаетъ не только его магистерскую диссертацию, какъ источникъ для самообразованія, но и такой трудъ, который, по мнѣнью специалистовъ, очень почтененъ, но неудобенъ по своей громадности для употребленія. Полевное указаніе, что и говорить! Мнѣ только отъ души жаль, что составители возраженія коварно обнаружили несоотвѣтствіе научныхъ достоинствъ гг. Карышева и Яроцкаго: въ то время, когда первый названъ безъ достаточной надобности шесть разъ, второй въ аналогичномъ случаѣ только два раза. Остается надѣяться, что ко времени выхода программъ отдѣльнымъ изданіемъ г. Яроцкій будетъ носить уже ученое званіе доктора политической экономіи, и тогда г. Карышеву представится возможность великодушно указать на своего друга уже три раза.

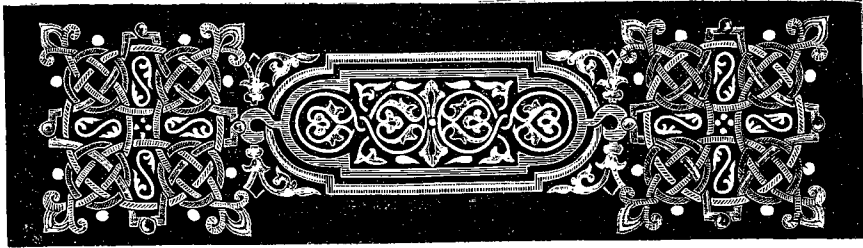
Кончается «возраженіе» отдѣла обѣщаніемъ вернуться къ разбору моей рецензіи «въ издаваемомъ имъ «Сборникѣ»(?). Польщенъ такимъ вниманіемъ къ моей скромной журнальной дѣятельности, но рѣшительно не понимаю, къ чему это «отдѣлу» нужно. Отвѣчать я болѣе не буду, такъ какъ считаю вопросъ, на чьей сторонѣ истина, исчерпаннымъ, а участвовать въ дальнейшей полемикѣ и тѣмъ самымъ рекламировать гг. Карышева, Мякотина и К^о не имѣю ни времени, ни охоты.

Б. Глинскій.

P. S. Въ настоящей книжкѣ «Историческаго Вѣстника» напечатано и «письмо въ редакцію» гг. Браудо и Мякотина по поводу моей рецензіи на 8-й томъ «Историческаго Обзорнія». Я не считаю нужнымъ отвѣчать на это письмо, такъ какъ оно отличается крайней наивностью и не касается рецензіи по существу.

Б. Г.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ.

КОНСТАНТИНЪ.

I.

Мечъ Соломона.

НОВА перенесемъ въ Бѣлый Замокъ, на берегу Сладкихъ Водъ.

Было 25-ое марта 1452 года. Погода, стоявшая уже нѣсколько дней холодной, туманной и бурной, неожиданно перемѣнилась. Въ полдень прояснѣло, и солнце ярко свѣтило въ безоблачномъ небѣ.

Вокругъ замка стояла лагеремъ армія, и дымъ разведенныхъ между палатками костровъ завлакивалъ синеву неба.

Вода у берега была покрыта безчисленными судами всевозможной формы: галерами, мачтовыми кораблями, баржами, ботами и т. д.

Какъ на землѣ, такъ и на Босфорѣ виднѣлись люди въ чалмахъ, а развѣвавшіяся знамена обнаруживали полулуну и звѣзду на красномъ полѣ.

Исторія иногда повторяется. Ровно за тысячу лѣтъ передъ тѣмъ стояла въ этомъ мѣстѣ другая, еще бѣльшая армія. Но тогда осаждали Византію персы, а теперь турки.

Но всего страннѣе въ картинѣ, представляемой тогда окрестностями Сладкихъ Водъ, было отсутствіе солдатъ: всюду видѣлись только рабочіе, а суда были только перевозочныя съ лѣсомъ, известью и камнемъ.

Мало-по-малу день сталъ клониться къ вечеру, и когда исчезли послѣдніе лучи солнца, то морскія ворота противъ дворца Юліана отворились, и вышла изъ нихъ лодка, направившаяся въ Мраморное море. Пять гребцовъ сидѣли на веслахъ, а на кормѣ помѣщались два человѣка: графъ Корти и Али, сынъ Абедь-Дина Вѣрнаго.

За два часа передъ тѣмъ Али, съ большимъ запасомъ свѣжей рыбы, явился во дворецъ и, допущенный до графа Корти, сказалъ ему наединѣ:

— Эмиръ, Свѣтъ Міра, нашъ повелитель, Магометъ прибылъ.

При этомъ извѣстіи Корти задрожалъ, какъ въ лихорадкѣ.

— Гдѣ онъ? — глухо спросилъ графъ, но тотчасъ, пересиливъ свое волненіе, прибавилъ: — да будетъ любовь Аллаха спутникомъ всей его жизни.

— Онъ въ Бѣломъ Замкѣ, съ муллами, пашами и инженерами. Вся эта свора привыкла валяться на шелковыхъ диванахъ, а потому они жадно набросились на старый замокъ, ожидая тамъ найти роскошь гаремовъ; но нашъ повелитель не пустилъ никого изъ нихъ въ замокъ, а взялъ туда только стараго гяура Орташи-Халила и князя Индіи, котораго онъ называетъ своимъ чтецомъ звѣздъ. Остальнымъ же пришлось размѣститься, гдѣ они знали, въ ожиданіи того времени, когда придутъ ихъ палатки. Оставивъ своихъ янычаръ въ Румели-Хисарѣ, онъ взялъ съ собой только трехбунчужныхъ пашей, едва живыхъ отъ усталости, и поскакалъ съ ними въ Терапію, гдѣ остановился передъ воротами дворца княжны Ирины.

— Передъ воротами дворца княжны Ирины? — переспросилъ Корти:—что онъ тамъ дѣлалъ?

— Онъ соскочилъ съ лошади, посмотрѣлъ на мѣдную бляху, прикрѣпленную къ воротамъ, и спросилъ, дома ли княжна. Ему отвѣчали, что она въ городѣ. Тогда онъ сказалъ: «Пошлите къ ней гонца. Вотъ ему кошелекъ съ золотомъ за трудъ. Пусть онъ скажетъ ей, что здѣсь былъ Абу-Обейда, Поющій Шейхъ, который, по приказанію султана Магомета, приходилъ освѣдомиться, уважаютъ ли ея жилище, и находится ли она въ вожделѣнномъ здравіи». Затѣмъ онъ прошелъ по саду, сѣлъ на лошадь и вернулся еще быстрѣе въ Хисаръ, чѣмъ ѣхалъ въ Терапію, такъ что сопровождавшіе его паши едва держались въ сѣдлѣ. Но довольно объ этомъ,—прибавилъ Али со смѣхомъ:—пора сказать тебѣ, зачѣмъ я пришелъ. Прежде чѣмъ сѣсть свой плавъ, султанъ Магометъ послалъ за мной и сказалъ мнѣ: ты знаешь всѣ входы и выходы не-

честиваго города, проберись тайкомъ къ Эмиру-Мирзѣ и скажи ему, чтобы онъ явился ко мнѣ сегодня ночью.

— Зачѣмъ?

— Мой повелитель ничего не сказалъ мнѣ объ этомъ?

— Я почту за честь исполнить приказаніе султана, да хранить его Аллахъ.

При наступленіи ночи графъ Корти, скрывъ свое вооруженіе подъ сѣрымъ плащемъ, сѣлъ въ рыбацью лодку и отправился вмѣстѣ съ Али къ Бѣлому Замку.

Въ полумилѣ за Сладкими Водами лодка была остановлена, и графъ Корти воскликнулъ:

— Что это такое, Али?

— Военныя галеры султана вошли въ Босфоръ, а это ихъ авангардъ.

Но графу Корти стоило только показать перстень Магомета, и ихъ тотчасъ пропустили.

Прежде чѣмъ перейти къ свиданію графа Корти съ Магометомъ, надо сказать нѣсколько словъ о томъ положеніи, въ какомъ находился въ настоящую минуту бывший другъ султана.

Онъ сдѣлался христіаниномъ и былъ болѣе чѣмъ когда влюбленъ въ княжну Ирину.

Константинъ, самъ настоящій рыцарь, и въ сущности болѣе рыцарь, чѣмъ государственный дѣятель, всегда сожалѣлъ, что не имѣлъ товарища, съ которымъ могъ бы дѣлить свое пристрастіе къ оружію, лошадямъ, собакамъ, охотѣ, военнымъ упражненіямъ и атлетическимъ забавамъ. Поэтому онъ съ большимъ удовольствіемъ сталъ искать общества Корти и задумалъ приблизить его къ своей особѣ, если онъ дѣйствительно окажется достойнымъ довѣрія.

Однажды графъ получилъ приглашеніе переѣхать во дворецъ, но, несмотря на очевидную честь, этотъ переѣздъ ему не былъ по вкусу, потому что уединенное положеніе Юліанскаго дворца и охрана городскихъ воротъ были необходимы для розыгрыванія имъ двойной роли. Поэтому онъ тотчасъ отправился къ императору и отказался отъ лестнаго предложенія, подъ предлогомъ, что не можетъ оставить безъ себя мусульманскій экипажъ своей галеры. Но его величество не хотѣлъ объ этомъ и слышать, и дѣло окончилось миролюбивой сдѣлкой: впредь графъ Корти долженъ былъ днемъ жить въ Блахернскомъ дворцѣ, а ночью — въ Юліанскомъ, при чемъ за нимъ осталась охрана городскихъ воротъ.

Спустя нѣсколько мѣсяцевъ, онъ уже былъ любимцемъ Константина и пользовался его полнымъ довѣріемъ. Странно сказать, но онъ теперь былъ такимъ же другомъ императора, какъ прежде Магомета. Онъ фехтовалъ съ нимъ, ѣздилъ верхомъ, обучалъ его искусству владѣть мечемъ и лукомъ. Ежедневно, въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ, жизнь Константина находилась въ его ру-

какъ, и онъ могъ ударомъ меча или сѣкиры освободить Магомета отъ соперника, о которомъ онъ самъ писалъ султану: «я считаю, мой повелитель, что ты выше его во всемъ, но все-таки будь остороженъ, если когда нибудь судьба приведетъ тебя къ поединку съ нимъ».

Но теперь случилось нѣчто, чего не ожидалъ Корти. Онъ началъ питать къ своему новому покровителю дружескія чувства, которыя мѣшали исполненію его долга относительно стараго. Произошло это очень просто. Находясь въ постоянныхъ дружескихъ отношеніяхъ съ Константиномъ, онъ естественно сталъ сравнивать его съ Магометомъ. Въ послѣднемъ господствовали надо всѣмъ животныя страсти, передъ которыми ступевывались всѣ высшія качества, необходимыя для правителя: милосердіе, справедливость, благородство, правдивость и благоразуміе. Напротивъ, Константинъ именно отличался этими качествами и не только самъ никого не оскорблялъ по пустому капризу, но и не обнаруживалъ излишней придирчивости. Однимъ словомъ графъ Корти не могъ не видѣть большого различія между государемъ, имѣвшимъ совѣсть, а также религиозныя чувства, и повелителемъ, руководившимъ свои дѣйствія только однѣми животными страстями.

Перемѣна, происходившая въ немъ, еще болѣе обострилась его отношеніями къ княжнѣ Иринѣ.

Послѣ памятнаго событія въ Синегіонѣ онъ изъ деликатности нѣсколько времени самъ не являлся къ княжнѣ, а посылалъ каждое утро слугу освѣдомиться о ея здоровьѣ. Но вскорѣ онъ получилъ личное приглашеніе во дворецъ княжны, и его посѣщенія съ тѣхъ поръ стали все болѣе и болѣе учащаться. Отправляясь въ Блахернъ и возвращаясь оттуда, онъ каждый разъ заходилъ къ ней, и при всякомъ свиданіи любовь его къ ней росла.

Конечно, княжна не могла не замѣтить его чувствъ, но она старательно скрывала отъ него, что ихъ замѣчаетъ, и ничѣмъ его не поощряла. Она объясняла оказываемое расположеніе къ нему чувствомъ благодарности, а вмѣстѣ съ тѣмъ она восторгалась его доблестью, и глубоко интересовалась религиознымъ энтузіазмомъ, который онъ началъ обнаруживать въ бесѣдахъ съ ней.

Въ первое его посѣщеніе княжны Ирины послѣ событія въ Синегіонѣ она рассказала ему о своихъ отношеніяхъ къ Сергію.

— Я побудила его, знакомъ, говорить въ св. Софіи, — прибавила она:—и потому я не могла оставаться въ живыхъ, если бы онъ умеръ по моей милости.

— Княжна,—отвѣчалъ Корти:—я слышалъ проповѣдь монаха въ св. Софіи, но не зналъ, что ты подала ему сигналъ. Но зачѣмъ ты объ этомъ говоришь, развѣ кто нибудь посмѣлъ взвести клевету на твое благородное поведеніе въ Синегіонѣ. Назови мнѣ этого негодяя, и мой мечъ докажетъ ему, что ты поступила хорошо.

— Графъ Корти, позабудемъ объ этомъ. Господь не далъ въ обиду вѣрующимъ въ Него, и этого достаточно.

— Быть по твоему, княжна, но позволь мнѣ спросить тебя: правильно ли я запомнилъ вашъ символъ вѣры: я вѣрую въ Бога и его Предвѣчнаго Сына?

— Да.

— Ты, княжна, составила этотъ символъ?

— Да, но идея его принадлежитъ отцу Иларіону.

— А два члена символа Христовой вѣры, о которыхъ говорилъ монахъ Сергій,—дѣйствительно слова Іисуса Христа?

— Да.

— Можешь ты, княжна, одолжить мнѣ книгу, въ которой находятся эти слова?

Она взяла со стола Новый Заветъ и подала ему.

— Ты найдешь эти слова очень легко, — сказала она: — такъ какъ противъ нихъ сдѣланы отмѣтки золотомъ.

— Благодарю тебя, княжна, я не долго задержу твою книгу.

— Нѣтъ, графъ, она твоя.

Его лицо мгновенно омрачилось, но княжна не поняла происшедшаго въ немъ волненія и произнесла:

— Вѣдь ты, графъ, христіанинъ?

Онъ покраснѣлъ и отвѣчалъ съ низкимъ поклономъ:

— Моя мать христіанка.

Въ эту ночь графъ Корти прочелъ Новый Заветъ и понялъ, что въ немъ могли найти силы и его мать, молившая небо о его возвращеніи, и княжна Ирина, рѣшившаяся умереть вмѣстѣ съ монахомъ.

— Княжна, — сказалъ онъ, являясь къ ней впервые послѣ этого:—я изучилъ твою книгу и готовъ исповѣдывать твою вѣру, но какъ мнѣ убѣдиться, что я дѣйствительно вѣрующій?

— Исполни заветъ Христа,—отвѣчала молодая дѣвушка, радостно просіявъ: — и ты не только будешь вѣрующимъ, но и знаешь, что ты вѣрующій.

Снова его лицо омрачилось, и онъ молча удалился.

Никто не могъ сомнѣваться въ храбрости и могучей силѣ графа Корти, но въ ту ночь, которая послѣдовала за этимъ разговоромъ, онъ выказалъ такую слабость, какой нельзя было отъ него ожидать. Много разъ онъ бралъ въ руки Евангеліе, но не могъ его читать. Эта святая книга какъ бы безмолвно обвиняла его и ясно говорила: ты сынъ христіанъ и рабъ Магомета. Какому господину ты служишь? Лицемѣръ, измѣнникъ, Іуда, кому ты поклоняешься—Магомету или Христу?

Онъ упалъ на колѣна, закрылъ лицо руками и попробовалъ молиться, но онъ могъ только промолвить:

— Господь Іисусъ, Пресвятая Дѣва! О, моя мать, моя мать!

Между тѣмъ наступилъ часъ, когда онъ писалъ свое обычное посланіе къ Магомету, и, взявъ письменныя принадлежности, онъ написалъ первое слово: «княжна», потомъ схватился за сердце и вскочилъ въ ужасъ.

Онъ какъ бы увидалъ передъ собою образъ любимой женщины, и она, смотря на него съ упрекомъ, говорила: графъ Корти, ты меня любишь, но что ты дѣлаешь. Ты измѣняешь моему родственнику императору и доносишь своему повелителю о всѣхъ моихъ движеніяхъ, о всѣхъ моихъ мысляхъ; твоя любовь служить только изъ-за денегъ орудіемъ чужой любви. Предатель, ты продаешь меня за деньги!

Съ громкимъ крикомъ Корти зажалъ себѣ уши, чтобы не слышали этого голоса, но онъ внятно раздавался теперь въ его сердцѣ.

— Предатель, сколько тебѣ заплатить Магометъ, когда ты передашь меня ему?

Стыдъ душилъ его, и онъ ничѣмъ не могъ утишить его огненного жала. Тщетно выходилъ онъ въ садъ, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ, тщетно ложился спать, онъ не зналъ ни покоя, ни сна.

На слѣдующее утро онъ приказалъ, по обыкновенію, сѣдлатъ коня, но не рѣшился ѣхать въ Блахернъ. Какъ могъ онъ смотрѣть на доброе лицо человѣка, которому онъ низко измѣнялъ? Онъ вспомнилъ съ ужасомъ о княжнѣ. Какъ было ему отвѣчать на ея улыбку, зная, что онъ обязался выдать ее Магомету? Мрачное отчаяніе терзало его душу.

Онъ поскакалъ къ воротамъ св. Романа, а затѣмъ выѣхалъ за городъ. Долго скакалъ онъ на своемъ чистокровномъ арабскомъ конѣ, не зная, куда ѣхалъ и зачѣмъ. Давно уже наступилъ полдень, а онъ все скакалъ, все скакалъ, Быстрота движенія и рѣзкій воздухъ какъ бы успокаивали его. Наконецъ онъ достигъ безконечнаго, темнаго Бѣлградскаго лѣса и, соскочивъ съ лошади, провелъ цѣлый день на берегу ручья. Онъ то вдыхалъ, то стоналъ, то молился въ окружавшемъ его одиночествѣ, которое, повидимому, придало ему силы, и онъ поздно вечеромъ вернулся домой, болѣе спокойный. Отъ физической или душевной усталости, но въ эту ночь онъ спалъ, какъ убитый.

На слѣдующее утро онъ отправился въ Блахернъ и на вопросъ императора, почему онъ не былъ у него наканунѣ, отвѣчалъ:

— Прости меня, государь, я такъ измаялся отъ городской жизни, что почувствовалъ необходимость проѣхаться и вчера цѣлый день скакалъ безъ усталости по полямъ и доламъ.

— Какъ жаль, что ты меня не ваялъ съ собою, графъ,— произнесъ Константинъ съ истиннымъ сочувствіемъ.

Если императоръ былъ въ этотъ день болѣе любезенъ, чѣмъ

когда, то княжна Ирина показала ему прелестнѣе прежняго. Вечеромъ онъ написалъ Магомету обычное посланіе, а всю ночь проходилъ по саду.

Такъ шли недѣли и мѣсяцы, пока наконецъ наступило 25 марта, когда графъ Корти получилъ приказаніе Магомета явиться въ Бѣлый замокъ. Сколько плановъ избавленія себя отъ этого безвыходнаго положенія составлялъ онъ въ промежутки между колебаніемъ, сознаніемъ стыда и самообвиненіемъ! О самоубійствѣ онъ не думалъ, такъ какъ это было самое крайнее и послѣднее средство. Его соблазняла мысль бросить Магомета и смѣло перейти на сторону императора. Этотъ поступокъ былъ вполнѣ достойнымъ его подвигомъ, вполнѣ соответствовалъ теперешнему его настроенію и давалъ ему право носить въ бою цвѣта княжны Ирины. Но его удерживалъ отъ этого страхъ. Онъ зналъ хорошо Магомета и потому не сомнѣвался, что въ случаѣ успѣха или неудачи онъ все-таки потребуетъ отъ него отчетъ. Изъ всѣхъ плановъ ему болѣе всего улыбалось—бѣгство. Морскія ворота были въ его рукахъ. Онъ могъ выйти въ Мраморное море, а тамъ далеко была Италія и его отцовскій замокъ. Но ему пришлось бы тогда разстаться съ княжной Ириной, и это было ему не по силамъ; кромѣ того, онъ чувствовалъ, что приносившая ему утѣшеніе вѣра во Христа, зажженная въ его сердцѣ княжной, тотчасъ ступшется, какъ только исчезнетъ ея любимый образъ.

Въ такомъ-то душевномъ настроеніи находился самый счастливый, по внѣшности, человекъ въ Константинополѣ и самый несчастный въ сущности, когда къ нему явился Али съ приглашеніемъ въ Бѣлый замокъ.

Наступила рѣшительная минута. Утомленный, недовольный собой и стыдящійся самого себя, графъ Корти пришелъ къ убѣжденію, что надо было разомъ покончить со всѣмъ.

Прибывъ въ Бѣлый замокъ, онъ былъ тотчасъ проведенъ къ султану и съ перваго взгляда на обстановку своего повелителя онъ понялъ, что Магометъ началъ войну. Отличаясь въ мирное время утонченнымъ эпикурействомъ, онъ съ той минуты, какъ объявлена была война, окружалъ себя чисто солдатскою простотой. Такъ и въ настоящую минуту внутренность Бѣлаго замка поразала простой, грубой обстановкой.

Пріемная комната была освѣщена одной висѣвшей съ потолка лампой, которая тускло освѣщала находившихся у дверей камергера, вооруженнаго часового и двухъ блестяще одѣтыхъ пажей. Отдавъ камергеру свое оружіе, графъ сталъ ожидать, пока о немъ доложатъ султану.

Въ это время изъ внутренняго покоя вышелъ человекъ въ черной бархатной одеждѣ и въ сопровожденіи слуги. Это былъ князь Индіи.

Какъ вполне согласовалось съ его таинственной личностью, онъ шелъ тихо, не слышными шагами; глаза его были опущены внизъ, а лицо его обнаруживало глубокую думу. До сихъ поръ графъ Корти всегда встрѣчался съ нимъ съ удовольствіемъ, но теперь неожиданно онъ почувствовалъ къ нему отвращеніе. Конечно, ему не было времени выяснять себѣ эту перемѣну чувствъ, но не малую роль въ ней играли слышанные имъ въ Константинополѣ рассказы о непонятной разлукѣ князя съ Лаелью, которую онъ какъ будто любилъ, а потомъ бросилъ безъ всякой причины, подъ предлогомъ своей гибели во время пожара. Но теперь онъ оказывался живымъ и невредимымъ. Что же это былъ за человѣкъ?

Слуга, шедшій за княземъ, несъ что-то завернутое въ зеленую шелковую матерію, шитую золотомъ.

Поровнявшись съ графомъ Корти, старикъ остановился, поднявъ глаза и съ улыбкой сказалъ:

— Кого я имѣю честь видѣть—графа Корти, или Эмира-Мирзу?

Корти покраснѣлъ. Такъ ясно обнаруживали слова князя Индіи его фальшивое положеніе. Но онъ не потерялся и, тотчасъ сообразивъ, что этотъ старикъ долженъ былъ пользоваться довѣріемъ султана, спокойно сказалъ:

— Мой повелитель Магометъ долженъ разрѣшить этотъ вопросъ, а не я.

— Хорошо сказано,—замѣтилъ князь Индіи, перемѣня токъ и относясь съ сочувствіемъ къ Корти:—я очень радъ, что мое мнѣніе о тебѣ подтвердилось. Данное тебѣ порученіе было очень тяжелое, но ты исполнилъ его съ удивительнымъ успѣхомъ. Нашъ повелитель Магометъ много разъ благодарилъ меня за твое назначеніе, такъ какъ я подаль ему объ этомъ мысль. Онъ съ нетерпѣніемъ ждетъ тебя. Пойдемъ къ нему вмѣстѣ.

Магометъ стоялъ, вооруженный съ головы до ногъ, у стола, на которомъ горѣла лампа, и лежала сѣкира и двѣ большихъ карты. Въ одной изъ нихъ Корти узналъ планъ Константинополя и его окрестностей, составленный по его съемкамъ.

Немного поодаль стояли два визира: Халиль-паша и его соперникъ Саганосъ-паша, шейхъ Актемъ-Седъ-Динъ и мулла Курани, проповѣдь котораго сильно содѣйствовала подъему фанатическаго духа мусульманскихъ подданныхъ султана. Всѣ четверо находились въ той позѣ, которой турки всегда придерживаются въ присутствіи своего повелителя: головы ихъ были наклонены, руки сложены на животѣ, а если они и поднимали глаза во время рѣчи, то потомъ быстро ихъ опускали.

— Вы будете руководствоваться этимъ планомъ,—сказалъ Магометъ, указывая своимъ совѣтникамъ на ту карту, которая была неизвѣстна графу Корти, — возьмите его и прикажите сегодня же ночью снять съ него копию, потому что если звѣзды будутъ намъ

покровительствовать, то я завтра утромъ пошлю на тотъ берегъ каменщиковъ.

Совѣтники почтительно преклонились передъ своимъ государемъ и не промолвили ни слова.

— Ты самъ присутствовалъ при проведеніи линій? — спросилъ Магометъ, обращаясь къ Халилу.

— Да, мой повелитель.

— Хорошо. Я теперь жду только указанія неба на то, что наступила минута для дѣйствія. Гдѣ князь Индіи?

— Я здѣсь, мой повелитель.

Магометъ обернулся къ князю, и хотя глаза его остановились на графѣ Корти, но онъ ничѣмъ не обнаружилъ, что узналъ его.

— Подойди, князь,—продолжалъ онъ,—какую вѣсть ты принесъ мнѣ?

— Мой повелитель,—отвѣчалъ князь, падая ницъ передъ султаномъ, — въ еврейскомъ священномъ писаніи говорится такъ о вліяніи планетъ на дѣйствія людей: «Цари Ханаана вели войну въ Танахѣ, и небо оказало имъ помощь, а звѣзды сражались противъ Сизеры». Ты теперь султанъ изъ султановъ, завтра 26-ое марта будетъ памятнымъ днемъ, потому что въ этотъ день ты можешь начать войну съ нечестивыми греками. Съ четырехъ часовъ утра тѣ самыя звѣзды, которыя сражались противъ Сизеры, будутъ сражаться за Магомета. Пусть всѣ, любящіе его, возрадуются и поклонятся ему.

Совѣтники султана упали ницъ, и князь Индіи сдѣлалъ то же. Только графъ Корти одинъ стоялъ, и Магометъ это замѣтилъ.

— Слышите,—сказалъ султанъ,—соберите всѣхъ каменщиковъ и другихъ рабочихъ, а также судовщиковъ. Въ четыре часа утра я начну свой походъ противъ Европы. Такъ рѣшили звѣзды, а ихъ воля для меня законъ. Встаньте.

Четыре сановника поднялись съ пола и стали пятиться къ двери.

— Мой повелитель, — произнесъ князь Индіи, — дозвожь имъ остаться на минуту.

По знаку султана они остановились, а князь Индіи подозвалъ Сіаму и, взявъ у него изъ рукъ завернутую вещь, положилъ ее на столъ передъ султаномъ.

— Это для тебя, мой повелитель.

— Что это такое?

— Это символъ твоей побѣды. Тебѣ извѣстно, мой повелитель, что царь Соломонъ въ свое время господствовалъ на всѣмъ міромъ. Въ гробницѣ Хирама, царя тирсакаго, друга Соломона, я нашелъ мечъ Соломона, цѣнность котораго выше всякаго опредѣленія. Я взялъ этотъ мечъ и рѣшилъ дать его тому, кто, какъ Соломонъ, будетъ господствовать надъ всѣмъ міромъ. Разверни его, Магометъ.

Султанъ исполнилъ его желаніе и, развернувъ шелковую матерію, отскочилъ, закрывая лицо руками.

— Халиль, Курани, Акшенъ-Седъ-Динъ, вы всѣ идите сюда и скажите, что это такое: мои глаза не могутъ видѣть, они ослѣплены.

Мечъ Соломона лежалъ на столѣ во всемъ своемъ блескѣ: его лезвее сверкало, какъ солнце, ножны были усыпаны брилліантами, а рукоятка была изъ одного громаднаго рубина.

— Возьми мечъ, Магометъ,—сказалъ князь Индіи.

Мслодой султанъ взялъ мечъ и поднялъ его, но едва онъ прикоснулся къ рукоятки, какъ изъ-подъ рубина посыпался дождь жемчуговъ. Онъ молча и съ неописаннымъ изумленіемъ смотрѣлъ на мечъ и на эти жемчуги.

— Ну, теперь, мой повелитель, иди на Константинополь,—произнесъ князь Индіи, опускаясь на колѣна и цѣлуя ногу султана,—тебя поведутъ туда и звѣзды, и мечъ Соломона. Христось уступитъ Магомету свое мѣсто въ св. Софіи. Иди завтра въ четыре часа.

Совѣтники султана также прильнули губами къ его ногѣ и удалились изъ комнаты.

Всю ночь слышались повсюду поспѣшныя приготовленія, а въ четыре часа туча лодокъ съ тысячею каменщиковъ и шестью тысячами простыхъ рабочихъ отчалила отъ азіатскаго берега и направилась къ Европѣ.

— Нѣтъ Бога, кромѣ Бога, и Магометъ его пророкъ!—раздавалось на всѣхъ этихъ лодкахъ, за которыми двинулись безконечныя суда съ камнемъ, известью и деревомъ.

Прежде чѣмъ взошло солнце, начертанъ былъ на землѣ трехъ-угольный фортъ, стѣны котораго столь же твердые, какъ пирамиды, существуютъ доселѣ близъ Румели-Хисара, и рабочіе принялись за дѣло. Три паши: Халиль, Сарудже и Саганосъ, руководили работами на каждой сторонѣ форта, а всѣмъ распоряжался Магометъ, держа въ рукахъ мечъ Соломона.

Хотя постройка была громадная, но не было недостатка въ матеріалѣ, его доставляла Азія и даже христіанскія церкви на Босфорѣ, которыя безжалостно разбирались для добычи изъ нихъ камня.

Таковъ былъ первый шагъ Магомета въ той войнѣ, которой онъ такъ давно жаждалъ.

28-го августа работа была окончена, и положенъ твердый базисъ для военныхъ дѣйствій. Въ послѣдующіе два дня Магометъ сдѣлалъ подробную рекогносцировку до самаго Константинопольскаго рва, а 1-го сентября онъ уѣхалъ въ Адрианополь.

II.

Магометъ и графъ Корти прибѣгаютъ къ суду Божию.

По удаленіи изъ комнаты князя Индіи и султанскихъ совѣтниковъ, Магометъ сѣлъ къ столу и сталъ играть мечемъ Соломона, любясь усѣивавшими его жемчугами и отыскивая на немъ таинственныя надписи. Время шло, и графъ Корти полагалъ, что султанъ забылъ о его присутствіи. Наконецъ Магометъ поднялъ глаза и, вскрикнувъ отъ удивленія, произнесъ:

— О, Аллахъ! Это дѣйствительно ты, Мирза, подойди ко мнѣ поближе и дай убѣдиться, что ты дѣйствительно передо мной.

Графъ подошелъ къ нему и нагнулся надъ его плечомъ.

— Ты помнишь, Мирза,—продолжалъ султанъ:—какъ мы начали учиться съ тобой еврейскому языку. Противъ твоей воли я заставилъ тебя заниматься со мной, пока ты не научился хотя немного читать. Ты предпочиталъ итальянскій языкъ и отказался ѣхать на Сидонскій берегъ для отысканія старинныхъ еврейскихъ надписей. Ты помнишь это время?

— Да, мой повелитель, это были счастливейшіе дни моей жизни.

— А ты помнишь,—продолжалъ Магометъ со смѣхомъ:—какъ я выдержалъ тебя три дня на хлѣбѣ и водѣ, а потомъ выпустилъ на свободу, потому что не могъ жить безъ тебя. Но къ дѣлу. Посмотри на брилліанты подъ этой рукояткой, они, кажется, расположены въ видѣ какихъ-то буквъ?

— Да,—отвѣчалъ Корти:—они ясно составляютъ имя.

— Какое?

— С-о-л-о-м-о-н-ъ.

— Такъ я не ошибся,—произнесъ Магометъ:—и князь Индіи меня не обманулъ. Удивительный онъ человѣкъ: я не могу его постигнуть. Чѣмъ я его ближе узнаю, тѣмъ онъ становится мнѣ болѣе непонятнымъ. Самое глубокое прошедшее ему также хорошо извѣстно, какъ мнѣ настоящее. Онъ постоянно отыскиваетъ древнія вещи и приводитъ меня втупикъ. Я часто спрашивалъ его, когда онъ родился, но онъ всегда отвѣчаетъ одно: я скажу тебѣ это, когда ты возьмешь Константинополь. Онъ ужасно ненавидитъ Христа и христіанъ... Такъ это дѣйствительно мечъ Соломона: онъ напелъ его въ гробницѣ Хирама и принесъ его мнѣ сегодня, какъ избраннику звѣздъ. Подумай объ этомъ, Мирза; но отчего ты такой странннй въ эту великую ночь, когда я спущу своихъ военныхъ собакъ на гяуровъ? Отчего ты такъ измѣнился? Опустись на колѣни передо мной, такъ какъ мнѣ надо много у тебя разспросить, а еще болѣе тебѣ рассказать. Но, нѣтъ, тебѣ не ловко будетъ со шпорами. Отвори дверь и крикни, чтобы тебѣ принесли

стулъ, да взгляни, не подслушиваетъ ли насъ кто нибудь. Старикъ Халиль, уходя отсюда, не спускалъ съ тебя глазъ.

Корти исполнилъ приказаніе султана, и когда принесли стулъ, то молча сѣлъ на него.

— Сними шляпу, — произнесъ Магометъ: — ты теперь не тотъ Мирза, котораго я отправилъ въ Италію и Константинополь; я хочу видѣть вполнѣ твое лицо.

Корти повиновался, и Магометъ сталъ пристально смотрѣть ему въ глаза, которые, не моргая, отвѣчали на его взглядъ.

— Какой ты молодецъ, — продолжалъ Магометъ и прибавилъ, вспоминая съ любовью о прошедшемъ времени: — бѣдный Мирза, я любилъ тебя болѣе, чѣмъ отца и братьевъ; я любилъ тебя такъ, какъ любилъ свою мать, и больше тебя я люблю только одно существо на свѣтѣ. Твоя душа — олицетворенная честь, и правда смотреть твоими глазами. Да, ты такъ же правдивъ, какъ Богъ святъ. Но дуракъ я былъ, что отпустилъ тебя, и я никогда бы этого не сдѣлалъ, если бы меньше любилъ ту, которая дороже мнѣ всего на свѣтѣ. Она была далеко отъ меня, и я хотѣлъ видѣть ее хоть твоими глазами, мой вѣрный соколъ. Никто правдивѣ тебя не могъ мнѣ передавать ея словъ. Отъ любви бѣсятся львы и люди; я дѣйствительно умеръ бы отъ любви, если бы ты не спасъ меня. Поэтому, Мирза...

— Прежде чѣмъ ты будешь продолжать далѣе, мой повелитель, — прервалъ его графъ съ видимымъ безпокойствомъ: — не лучше ли тебѣ выслушать меня?

— Можетъ быть, — отвѣчалъ султанъ нерѣшительно, но послѣ минутнаго молчанія прибавилъ: — ну, говори, я тебя слушаю.

— Ты совершенно правъ, мой повелитель, я дѣйствительно не тотъ Мирза, который уѣхалъ въ Италію. Во мнѣ произошли громадныя перемѣны, и, объяснивъ ихъ, я навлеку на себя твой гнѣвъ. Ты видишь передъ собой самаго несчастнаго изъ людей, для котораго смерть была бы желаннымъ избавленіемъ.

— Неужели дѣло дошло до этого? Ты былъ счастливъ, когда уѣхалъ отсюда. Развѣ посольство пришлось тебѣ не по душѣ?

— Мой повелитель, конечно, не забылъ, что я просилъ его не отсылать меня отъ него.

— Да.

— Мои опасенія оказались пророческими.

— Расскажи же, какія произошли въ тебѣ перемѣны?

— Хорошо, и я ничего не скрою отъ тебя, мой повелитель. Видитъ Богъ, я скажу всю правду. Во-первыхъ, уѣзжая, я любилъ только тебя и считалъ тебя свѣтомъ міра, а теперь мои чувства раздѣлены.

— Ты, значитъ, нашелъ другой свѣтъ міра? Хорошо. Для меня

лестно уже то, что ты не разжаловалъ меня совершенно, а только пріискалъ мнѣ равнаго. Кто онъ?

— Греческій императоръ!

— Константинъ? Что же, онъ очень щедро тебя задарилъ? Ну, а во-вторыхъ?

— Я христіанинъ.

— Неужели! Такъ ты, значить, можешь сказать мнѣ различіе между Богомъ и Аллахомъ. Вчера Курани увѣрялъ, что между ними нѣтъ различія.

— Все различіе въ Христѣ и Магометѣ.

— Понимаю: мать одного была аравитянка, а другого еврейка. Продолжай.

Голосъ графа Корти не дрогнулъ, и онъ спокойно произнесъ хотя глаза Магомета засверкали огнемъ при первомъ его словѣ:

— Какъ ни велика твоя любовь къ княжнѣ Иринѣ, мой повелитель, но я люблю ее больше тебя!

— Докажи это!—воскликнулъ Магометъ, возвышая голосъ:—я умираю отъ любви къ ней, а ты живъ.

— Ненадолго. Я пріѣхалъ сюда, чтобы сознаться въ своей любви и умереть. А ты, мой повелитель, сдѣлалъ бы то же?

— Ты согласиенъ умереть за княжну?

— Да.

— Не руководить ли тобой еще другое чувство?

— Да, чувство чести.

Къ великому удивленію графа Магометъ не пришелъ въ ярость, не потребовалъ палача, а глаза его стали влажными, и онъ грустно произнесъ:

— У меня былъ маленькій братъ, Ахметъ. Его мать передъ смертью моего отца заявила, что моя мать была рабыней. Я приказалъ убить мальчика. Это было жестоко, но Богъ меня проститъ, потому что долгъ приказывалъ мнѣ заботиться о спокойствіи моего народа. Но я самъ себя этого никогда не прощу. Впослѣдствіи я приказалъ убить еще многихъ людей, но все для того, чтобы очистить путь къ совершенію великихъ дѣлъ. Мелкая душа меня не пойметъ и назоветъ чудовищемъ, но ты, Мирза, знаешь меня лучше. Я на тебя смотрю, какъ на брата, и люблю тебя, не смотря на все. Твои письма изъ Константинополя,—я сохранилъ ихъ всѣ,—подготовили меня къ тому, въ чемъ ты только что сознался. Читая твои письма, я говорилъ себѣ: Мирза сожалѣетъ гяура-императора и кончить тѣмъ, что полюбитъ его. Любить сто человекъ не такъ необыкновенно, какъ любить одного. Онъ станетъ сравнивать меня съ Константиномъ, и Константинъ возбудитъ его любовь своей слабостью, а я силой. Ну, такъ чтожъ? Я все-таки предпочитаю, чтобы меня боялись, чѣмъ сожалѣли. Къ тому же дни Константина сочтены, а мои только что начинаются. Наконецъ, сожалѣніе не поведетъ

къ измѣнѣ, и Мирза всегда останется мнѣ вѣрнымъ. Перейду теперь къ твоимъ письмамъ изъ Италіи; читая ихъ, я думалъ: бѣдный Мирза, онъ узналъ, что по происхожденію онъ итальянецъ, и что ребенкомъ его украли; онъ нашелъ свой родительскій домъ и свою мать, благородную, святую женщину; онъ кончитъ тѣмъ, что сдѣлается христіаниномъ; я сдѣлалъ бы то же на его мѣстѣ. Но я не удовольствовался подобными мыслями, а послалъ спросить у жены того паши, которая взяла тебя въ Бруссѣ у твоихъ похитителей, не осталось ли у нея чегонибудь, что можетъ помочь тебѣ доказать твое происхожденіе. Вотъ что она прислала мнѣ.

Магометъ вынулъ изъ ящика, стоящаго на столѣ, кружевной воротникъ, съ булавкой, украшенной камеемъ.

— Скажи мнѣ, Мирза, узнаешь ты, что изображено на этомъ камей?

Графъ взявъ камей, пристально посмотрѣлъ на него и сказалъ дрожащимъ голосомъ:

— Слава Богу, это гербъ Корти.

— А тутъ какое вышито имя?— спросилъ Магометъ, вынимая изъ того же ящика и подавая Корти пару красныхъ сафьяныхъ дѣтскихъ сапожекъ съ вышитымъ на нихъ именемъ.

— Это мое имя... Уго.

И Корти бросился на колѣни передъ султаномъ.

— Я не знаю, что мой повелитель хочетъ сдѣлать со мной,— продолжалъ онъ:— даруетъ ли онъ мнѣ жизнь или смерть; но если меня ждетъ послѣднее, то я умоляю тебя, доверши свое благодѣяніе и пошли моей матери это доказательство о моей личности.

— Встань, бѣдный Мирза, я предпочитаю видѣть твое лицо, чѣмъ затылокъ.

Графъ повиновался и снова сѣлъ на стулъ. Тогда Магометъ продолжалъ:

— Такъ ты тоже любишь княжну Ирину. Ты говоришь, что любишь ее больше меня. Ты думалъ, что я не потерплю такого оскорбленія и тотчасъ позову моего чернаго Гассана съ веревкой. Не смотря на то, что ты постоянно видѣлъ ее и говорилъ съ нею, но мнѣ приходится научить тебя тому, что она не будетъ женой никого, иначе какъ принеся себя въ жертву. Что ты можешь ей предложить? А я, клянуся этимъ мечемъ Соломона, завтра пойду въ походъ, чтобы сказать ей: моя любовь, моя луна, я спасу твою церковь, если ты отдашь мнѣ твою руку. Но знаешь, Мирза, я вѣдь по твоимъ письмамъ отгадалъ, что ты ее любишь. Зачѣмъ мнѣ быть оскорбленнымъ твоей любовью къ ней? Вѣдь я послалъ тебя въ Константинополь, чтобы оберегать ее и въ случаѣ необходимости умереть за нее. Кто же лучше влюбленнаго могъ исполнить подобное порученіе? Къ тому же, отправляя тебя, я вѣдь предсказалъ, что ты полюбишь ее. Посмотри, Мирза,— продолжалъ Ма-

гометъ, взглянувъ на рубинъ своего перстня:— съ тѣхъ поръ какъ ты уѣхалъ, не проходило часа, чтобы я не смотрѣлъ на этотъ камень, и никогда онъ не терялъ своего цвѣта. Видя это, я говорилъ себѣ: Мирза любитъ ее, потому что онъ не можетъ не любить ея, но Мирза— сама правда и никогда, какъ Богъ святъ, не измѣнитъ мнѣ. Онъ передастъ мнѣ ее изъ рукъ въ руки въ Константинополь...

— О, мой повелитель!

— Не перебивай меня, вѣдь поздно, а тебѣ надо къ утру вернуться домой. О чемъ я говорилъ?.. Ахъ, да...

— Но выслушай меня, мой повелитель, я долженъ тебѣ все высказать, хотя и боюсь, что вызову твой гнѣвъ.

— Въ чемъ дѣло?

— Въ ея присутствіи мое сердце готово лопнуть, но, видя Богъ, я не измѣнилъ моему повелителю. Однажды она сердечно поблагодарила меня, что я ради нея пошелъ на бой со львомъ, и тогда я едва не нарушилъ своего долга. Боже мой, о какъ мнѣ было тяжело не высказать ей моей любви! Въ ту тяжелую минуту я устоялъ, но теперь я чувствую, что силы мои съ каждымъ днемъ слабѣютъ. Меня еще удерживаетъ то положеніе, которое я занимаю въ Константинополь. А каково это положеніе?— прибавилъ Корти, закрывъ глаза руками:— что я тамъ дѣлаю? Я на опытѣ позналъ доброту императора и ежедневно продаю его. Я христіанинъ и, какъ Иуда, продавшій Христа, я подготавливаю погибель христіанской вѣрѣ! Я люблю благородную женщину и принялъ на себя обязательство передать ее невинной, непорочной другому человѣку. О, мой повелитель, это не можетъ долѣе продолжаться. Чувство стыда, какъ ястребъ, клюетъ мое сердце. Освободи меня отъ данной мною клятвы, или предай меня смерти. Если любишь меня, дай мнѣ свободу!

— Бѣдный Мирза!..

— Или вели меня убить. Я не боюсь смерти!

— Я удивляюсь, что тотъ, кого я называлъ своимъ братомъ, такъ мало меня знаетъ,— отвѣчалъ Магометъ, сверкая глазами:— какъ ты можешь, Мирза, говорить мнѣ такія вещи? Но довольно, я не даромъ послалъ за тобою: данное тебѣ порученіе въ Константинополь оканчивается въ четыре часа наступающаго утра. Другими словами, подготовленіе къ войнѣ окончено, и начинается война съ гяурами. Ты военный человѣкъ, ты рыцарь искусный и храбрый. Въ предпринимаемой мною войнѣ, со всѣми ея битвами и единоборствами ты долженъ принять участіе. Не такъ ли?

— Конечно, мой повелитель,— произнесъ Корти, просвѣтлѣвъ.

— Но вопросъ въ томъ, съ кѣмъ ты будешь воевать: со мною или съ гяурами?

— О, мой повелитель...

— Не перебивай меня. Я вѣдь не ставлю вопроса, кого ты больше любишь, но искренно предпочту, чтобы ты служилъ Константину.

— Почему, мой повелитель?

— Я ни мало не унижаю твоихъ достоинствъ и признаю, что ты превосходишь въ военномъ искусствѣ многихъ изъ моихъ сторонниковъ, но я желаю, чтобы ты вступилъ въ борьбу совершенно свободнымъ, а потому освобождаю тебя не только отъ даннаго тебѣ порученія, но и отъ всѣхъ обязательствъ относительно меня.

— Отъ всѣхъ?

— Да. Ты теперь вернешься въ Константинополь совершенно свободнымъ. И совѣсть твоя свободна, и мечъ твой свободенъ. Будь, если хочешь, христіаниномъ и не посылай мнѣ больше извѣстій о томъ, что дѣлаетъ императоръ.

— А княжна Ирина!—воскликнулъ съ живостью графъ Корти.

— погоди, Мирза, очередь дойдетъ и до нея,—отвѣчалъ Магометъ съ улыбкой:—деньги, данныя тебѣ, и все, что ты на нихъ купилъ: галера, лошади, оружіе и т. д., принадлежать тебѣ. Ты не можешь выйти иначе изъ своего затруднительнаго положенія и къ тому же ты вполне заслужилъ все это.

— Я не могу принять этой милости,—произнесъ, покраснѣвъ, Корти:—моя честь...

— Молчи и слушай меня, Эмиръ, я никогда дешево не цѣнилъ твоей чести. Когда ты былъ Мирзой-Эмиромъ, то ты могъ быть всѣмъ одолженъ мнѣ, но для графа Корти это положеніе постыдно. Послѣ четырехъ часовъ сегодняшняго утра ты перестаешь быть на моей службѣ. Мирза, мой соколъ, улетитъ далеко отъ меня, исчезнетъ на вѣки, и если я снова когда увижу его, то уже христіаниномъ, графомъ Корти, чужестранцемъ, врагомъ...

— Врагомъ? Я никогда не буду врагомъ моего повелителя!

— Это будетъ зависѣть отъ обстоятельствъ, а теперь поговоримъ о княжнѣ Иринѣ. Да, поговоримъ о ней, — прибавилъ Магометъ, положивъ руку на плечо графа Корти:—я рѣшилъ дать тебѣ новое повышеніе, Эмиръ: съ завтрашняго дня мы будемъ соперниками.

Корти широко раскрылъ глаза отъ изумленія.

— Клянусь райской дверью розъ, какъ влюбленный, и этимъ мечемъ Соломона, какъ рыцарь, что я желаю придать нашему соперничеству благородный, справедливый характеръ. Съ одной стороны я имѣю преимущество надъ тобой, такъ какъ для женщинъ знатность и богатство все равно, что огонь для мотыльковъ. Но за то ты имѣешь двойное преимущество передо мной: ты христіанинъ и можешь видѣть ее постоянно. Я отдаю тебѣ въ собственность все, чѣмъ ты пользуешься отъ меня, не въ видѣ уплаты за

твои услуги, а изъ гордости. Султанъ Магометъ не можетъ быть соперникомъ простаго рыцаря, имѣющаго только свой мечъ.

— У меня есть помѣстья въ Италіи.

— Это все равно, какъ если бы они были на лунѣ. Я окружу со всѣхъ сторонъ Константинополь, прежде чѣмъ тебѣ удастся занять хоть одинъ грошъ у евреевъ. Но предположимъ, что ты могъ бы продать и свою галеру, и своихъ лошадей, то что бы ты отвѣтилъ на вопросъ императора, куда ты ихъ дѣлѣ.

— Я не понимаю моего повелителя,— произнесъ графъ Корти, видя невозможность возражать на аргументъ Магомета:— я никогда не слыхивалъ ни о чемъ подобномъ.

— Неужели я не могу выстроить мечети съ пятью минаретами только потому, что ихъ строили всегда съ тремя!— воскликнулъ султанъ:— ну, да не въ этомъ дѣло, ты согласенъ, все равно, христіанинъ ли ты, или мусульманинъ, возложить на Бога разрѣшеніе нашего соперничества?

— Я все болѣе и болѣе удивляюсь тебѣ, мой повелитель.

— Тебя это удивляетъ, потому что оно ново для тебя, но я думалъ объ этомъ мѣсяцами и мѣсяцами. Мнѣ не легко было дойти до этой рѣшимости: она потребовала такого самоотверженія, на какое я не привыкъ. Я согласенъ отдать наше соперничество на судъ Божій: пусть небо рѣшитъ, чья она будетъ — моя или твоя. А ты на это согласенъ?

— Когда и гдѣ будетъ угодно моему повелителю. Я всегда готовъ, ему только стоитъ назначить своего замѣстителя.

— Нѣтъ, я не согласенъ на поединокъ. Мы можемъ лучше и справедливѣе разрѣшить это дѣло. Константинополя еще никогда не брали враги, и всякій, кто осаждалъ его, принужденъ былъ искать спасенія въ бѣгствѣ. Быть можетъ, и меня ждетъ подобная участь, но все-таки я пойду на приступъ, а ты защищай константинопольскія стѣны, какъ умѣешь. Если я потерплю поражение и вынужденъ буду отступить по какому бы то ни было случаю, то мы признаемъ это судомъ Божиимъ, и княжна будетъ твоей. Но если я одержу успѣхъ и возьму городъ, то...

— То что, мой повелитель?

— Ты отведешь ее передъ послѣднимъ боемъ въ св. Софію и тамъ передашь ее мнѣ изъ рукъ въ руки, по волѣ Божіей.

Графъ Корти поблѣднѣлъ, потомъ покраснѣлъ и задрожалъ всѣмъ тѣломъ.

— Съ кѣмъ я говорю: съ Мирзой или съ графомъ Корти?— произнесъ съ усмѣшкой Магометъ:— развѣ христіане не довѣряютъ суду своего Бога?

— Но ты предлагаешь мнѣ, мой повелитель, разыграть въ кости княжну Ирину.

— Положимъ, что такъ.

— И побѣдителю, какъ рабыня, княжна достанется. Я на это не согласенъ. Какое бы ни было исходе осады Константинополя, но пусть она сама отдастъ свою руку тому, кому захочетъ.

— Развѣ я дикій звѣрь! — воскликнулъ Магометъ, стиснувъ зубы: — развѣ я заставлялъ насильно какую нибудь женщину склонять свою голову на мою грудь?

— Предлагаемое мною условіе касается насъ обоихъ, а не одного тебя, мой повелитель, — сказалъ твердымъ тономъ графъ Корти.

Султанъ ничего не отвѣтилъ, и, повидимому, въ душѣ его происходила тяжелая борьба.

— Хорошо, — сказалъ онъ наконецъ: — я согласенъ и на это условіе: она будетъ моею, если добровольно на это согласится.

— И она будетъ твоею женою, мой повелитель.

— Да, моею султаншею: первой въ моей любви и первой въ моемъ дворцѣ.

Графъ Корти схватилъ руку Магомета и пламенно поцѣловалъ ее.

— Ну, теперь мой повелитель превзошелъ самого себя. Теперь дѣйствительно наше соперничество будетъ разрѣшено судомъ Божиимъ.

— Мы съ тобой поладили, — сказалъ Магометъ, вставая: — и пора тебѣ вернуться въ Константинополь, Али тебя ждетъ. Эти вещи, — прибавилъ онъ, кладя обратно въ ящикъ кружевной воротникъ и дѣтскіе полусапожки: — я пошлю къ твоей матери, графинѣ Корти. Съ этой минуты ты для меня Уго, графъ Корти. Мой соколъ улетѣлъ, нѣтъ болѣе у меня Мирзы! Прощай, Мирза.

Корти былъ глубоко тронутъ и палъ ницъ передъ султаномъ.

— Я никогда такъ не любилъ тебя, мой повелитель, какъ теперь, — произнесъ онъ вставая: — смерть всякому, кто вздумаетъ всеу призывать твое имя.

Онъ хотѣлъ уже удалиться, но Магометъ его остановилъ.

— Еще слово, графъ, быть можетъ, для защиты и спасенія княжны Ирины тебѣ придется войти со мною въ сношеніе. Какъ ты это сдѣлаешь?

Корти задумался.

— Мой повелитель, — произнесъ онъ наконецъ: — раскинетъ свою палатку на виду осажденныхъ...

— Клянусь мечемъ Соломона, что меня всегда будутъ видѣть передъ собой осажденные!

— Я въ этомъ увѣренъ, и какъ мой повелитель будетъ всегда въ виду осажденныхъ, такъ и я буду всегда въ виду осаждающихъ. Когда ты увидишь меня съ чернымъ питомъ въ рукахъ и съ особымъ значкомъ на копѣѣ, то выходи противъ меня. Ты знаешь, что я самъ дѣлаю для себя стрѣлы, и я тогда пушу въ

твой лагерь черную стрѣлу, которую ты подберешь, внутри ея ты найдешь записку.

— Хорошо. Еще разъ прощай. Помни, графъ Корти, что мы отдали наше соперничество на судъ Божій.

Выйдя изъ комнаты, графъ Корти встрѣтилъ въ корридорѣ князя Индіи.

— Часъ тому назадъ я назвалъ бы тебя Эмиромъ, — сказалъ онъ съ улыбкой: — а теперь я знаю, что ты графъ Корти, и я нарочно остался дожидать тебя, чтобы выразить благодарность за твою доброту къ моему другу Нило.

— Ты говоришь о своемъ черномъ слугѣ?

— Нѣтъ, о моемъ другѣ и союзникѣ, такъ какъ Нило на своей родинѣ былъ царемъ. Если ты, графъ, желаешь окончательно меня облагодѣтельствовать, то пришли Нило съ Али, который вернется сюда сегодня же ночью.

— Хорошо. Я пришлю его.

— Благодарю тебя, графъ.

Корти посмотрѣлъ прямо въ глаза старику, ожидая, что онъ спроситъ о Лаели, но тотъ только поклонился и сказалъ:

— Мы еще увидимся.

Отвезя въ Константинополь графа Корти, Али немедленно вернулся къ султану, захвативъ съ собою Нило, который былъ внѣ себя отъ радости, что увидитъ своего стараго господина.

III.

Кровавая жатва.

Въ июнѣ мѣсяцѣ, спустя нѣсколько дней послѣ окончанія предпринятаго Магометомъ на Асометонскомъ мысѣ сооруженія, выѣхалъ изъ воротъ Блахернскаго дворца, носившихъ названіе Каллигаріи, небольшой отрядъ всадниковъ.

Предводителемъ этого отряда, не превышавшаго десяти человекъ, былъ графъ Корти. Цѣлая толпа провожала его, и въ воздухѣ раздавались привѣтственные крики, такъ какъ весь Константинополь въ послѣднее время привыкъ видѣть въ немъ храбрѣйшаго на свѣтѣ рыцаря.

Какъ всегда, онъ сидѣлъ на своемъ любимомъ арабскомъ конѣ и былъ закованъ въ броню съ головы до ногъ, но въ доказательство того, что онъ принималъ участіе въ открытомъ бою, его вооруженіе состояло не только изъ меча и копья, но такъ же изъ сѣкиры, лука со стрѣлами и маленькаго щита.

Сопровождавшіе его девять человекъ были одѣты и вооружены такъ же, какъ онъ, за исключеніемъ того, что у нихъ были кони-

чекія шапки на головахъ и красныя шаровары на ногахъ. Короткія стремени и манера ѣзды обнаруживала въ нихъ бедуиновъ.

Вернувшись въ Константинополь послѣ свиданія съ Магометомъ въ Бѣломъ замкѣ, графъ Корти началъ обучать гребцовъ своей галеры военной службѣ. Девятеро изъ нихъ оказались прекрасными наѣздниками и легко научились владѣть оружіемъ. Затѣмъ онъ сталъ практиковаться вмѣстѣ съ ними въ особомъ, придуманномъ имъ военномъ маневрѣ. Этотъ маневръ состоялъ въ томъ, что онъ самъ летѣлъ впередъ на врага, восьмеро всадниковъ ограждали его со всѣхъ сторонъ, развертываясь и смыкаясь, какъ вѣрѣ, а девятый охранялъ тылъ. Такъ какъ онъ обучалъ своихъ людей этому маневру открыто въ ипподромѣ, то греки толпами сбѣгались, чтобы смотрѣть на новое зрѣлище, причемъ громко рукоплескали замѣчательному искусству итальянскаго отряда.

Благодаря тому, что осада Константинополя принимала лично для него характеръ суда Божія, графъ Корти всячески изощрялъ свою умственную и физическую энергію. Онъ старательно изучалъ всѣ условія наступавшей борьбы и считалъ возможнымъ успѣшно защитить городъ. Во всякомъ случаѣ онъ рѣшился не жалѣть никакихъ усилій, такъ, чтобы въ случаѣ неуспѣха ему не въ чемъ было упрекнуть себя.

Онъ вполне сознавалъ, что главная опасность для грековъ заключалась въ ихъ религіозныхъ распряхъ, но надѣялся, что при первомъ серьезномъ ударѣ со стороны турокъ, при первомъ пролитіи греческой крови, партіи забудутъ свои взаимные расчеты, ради общаго спасенія.

Но пока онъ напрягалъ свой умъ для наилучшей защиты города, греки не хотѣли вѣрить, что султанъ серьезно намѣревался взять ихъ столицу.

— Онъ никогда на это не рѣшится, — говорили они: — а если онъ и сдѣлаетъ такую глупость, благодаря своей молодости, то мы вынесемъ Панагію на городскія стѣны, и онъ обратится въ бѣгство.

Когда на Асометонскомъ мысѣ сталъ возвышаться фортъ, съ котораго можно было видѣть внутренность Константинополя, легкомысленные греки стали смѣяться.

— Бываютъ и на престолѣ идіоты, — замѣчали они: — смотрѣть на насъ издали не значить еще стрѣлять въ насъ. Башню въ тридцать футовъ толщины не передвинешь съ мѣста.

Однажды разнеслась вѣсть, что изъ надводной батареи новаго турецкаго форта былъ сдѣланъ залпъ по проходившему судну, которое и затонуло. Узнавъ, что это судно было подъ венеціанскимъ флагомъ, греки единогласно воскликнули:

— Это понятно. Султанъ не хочетъ допустить венеціанцевъ въ Черное море. Турки и венеціанцы всегда воевали между собой.

Нѣсколько позже пришло извѣстіе, что султанъ, остававшійся въ Башь-Кеганѣ, подѣ тѣмъ предложомъ, что воздухъ на Босфорѣ лучше, чѣмъ въ Адрианополѣ, заключилъ трактатъ съ подестою Галаты, который обязался сохранять нейтралитетъ; но все-таки спокойствіе византійцевъ было невозмутимо.

— Это побѣда для генуезцевъ, — произносили они: — не худо, что венеціанцы потерпѣли поражение.

По временамъ на византійскихъ базарахъ появлялся какой нибудь странникъ, повидимому, купецъ, а всего вѣроятнѣе — шпионъ, и рассказывалъ, что по приказанію султана льютъ такія крупныя орудія, что въ дулѣ ихъ можетъ помѣститься шесть связанныхъ между собою человѣкъ.

— Магометъ, — шутили одни греки: — вѣроятно, собирается салютовать въ рамазанъ жителямъ луны.

— Однако, онъ безумнѣе, чѣмъ мы полагали, — рѣшали другіе. — Отъ Адрианополя досюда надо много перейти горъ и мостовъ, а потому необходимо придѣлать къ его пушкамъ крылья, но и тогда не легко будетъ научить ихъ летать.

Иногда приходили вѣсти изъ азіатскихъ провинцій, что султанъ формировалъ громадную армію, и что у него было уже полмилліона солдатъ, а онъ хотѣлъ дойти до милліона.

— О, онъ желаетъ покончить къ Гуниадамъ и его венгерцами, — восклицали греки: — умно, что онъ собираетъ для этой цѣли такое большое войско.

Въ доказательство того, что Константинополю не грозила никакая опасность, указывали на то обстоятельство, что городскія ворота были постоянно открыты какъ днемъ, такъ ночью.

— Посмотрите, — слышалось со всѣхъ со сторонъ: — императоръ ничего не опасается, а онъ рискуетъ болѣе всѣхъ; къ тому же онъ настоящій воинъ, хотя и аземить. Вѣдь у него есть послы у султана, и они, конечно, увѣдомляютъ его обо всемъ.

Наконецъ греческіе послы были изгнаны Магометомъ. Это случилось въ то время, когда онъ находился въ Башь-Кеганѣ; они сами привезли вѣсть о своемъ изгнаніи, но и тутъ греки не упали духомъ. Городскія ворота попрежнему оставались открытыми, и черезъ нихъ византійцы доставляли продовольствіе въ турецкій лагерь, выдерживая въ этомъ отношеніи соперничество съ соседними жителями Галаты. Мало этого, каждое утро изъ Блахернскаго дворца отправлялся въ Башь-Кеганъ, подѣ военнымъ эскортомъ, фургонъ съ лучшими яствами и винами; передавая все это турецкому офицеру, начальникъ греческаго эскорта постоянно говорилъ: «отъ его величества императора римскаго и греческаго турецкому султану Магомету, котораго да хранитъ Богъ».

А что въ это время дѣлалъ императоръ?

За шесть мѣсяцевъ до начала работъ по сооруженію форта противъ Бѣлаго замка, Константинъ былъ предупрежденъ о намѣреніяхъ султана противъ его столицы. Это извѣстіе онъ получилъ отъ Халила-паши, и что бы ни побуждало послѣдняго такъ дѣйствовать: дружба, чувство сожалѣнія или корысть, но императоръ принялъ къ свѣдѣнію сообщенную имъ вѣсть и принялъ соотвѣтственные мѣры. Онъ собралъ совѣтъ и предложилъ тотчасъ объявить войну, но его сановники высказались за отправку посольства съ протестомъ. На это былъ полученъ оскорбительный отвѣтъ. Видя трусость своихъ совѣтниковъ, Константинъ сталъ вести двойную игру: съ одной стороны онъ, изъ угожденія своимъ совѣтникамъ, держался политики мольбы, подарковъ, дани, а съ другой—напрягалъ всѣ свои силы, чтобы быть готовымъ къ войнѣ.

Съ самаго начала онъ долженъ былъ признать два факта: большинство его подданныхъ, военного возраста и способные къ военной службѣ, находились въ различныхъ монастыряхъ, а, во-вторыхъ, духовенство и монашество были его врагами, предпочитая турка аземиту. Трудно было себѣ представить болѣе тяжелое положеніе, чѣмъ то, въ которомъ находился императоръ. Для него оставалась только одна надежда: въ Европѣ было много воиновъ, жаждавшихъ воевать гдѣ бы то ни было, и папа могъ на вербовать изъ этихъ добровольцевъ достаточный контингентъ для спасенія Византіи. Но согласится ли на это папа? Императоръ отправилъ посольство въ Римъ, прося во имя Христа оказать ему помощь и общая признать господство папы.

Между тѣмъ его агенты разсыпались по берегамъ Эгейскаго моря и покупали вездѣ оружіе, военные снаряды и съѣстные припасы, которые привозились въ Константинополь на оставшихся судахъ греческаго флота. Каждые два или три дня приходило въ Босфоръ судно съ различными запасами и выгружало ихъ въ кладовыя подъ Ипподромомъ. Такимъ образомъ къ тому времени, когда оконченъ былъ фортъ на Румели-Гисарѣ, одною заботою у него стало меньше, но за то другая все болѣе и болѣе тяготила его, и цѣлые часы онъ проводилъ на Исааковой башнѣ, нетерпѣливо смотря на Мраморное море, въ ожиданіи флота съ военной помощью.

Вотъ до чего онъ былъ доведенъ. Осада Константинополя была неизбежна, а онъ не могъ рассчитывать на своихъ подданныхъ не только для военныхъ дѣйствій въ открытомъ полѣ, но даже для защиты городскихъ стѣнъ.

Вся страна вокругъ Константинополя была покрыта полями. Пока сѣяли и подготавливали жатву, турки не безпокоили греческихъ земледѣльцевъ. Но въ іюнѣ мѣсяцѣ, когда начали золотиться колосья, турецкія лошади и мулы стали опустошать поля, а если греческіе караульные прогоняли ихъ, то являлись турецкіе

солдаты и били ихъ безъ милосердія. Земледѣльцы обратились съ жалобой къ императору, и онъ отправилъ посольство къ Магомету, прося его сохранить урожай отъ гибели. Но въ отвѣтъ султанъ приказалъ сыну Исфендіара, его родственнику, уничтожить всю жатву. Поселяне оказали сопротивленіе и не безъ успѣха. На югѣ и на сѣверѣ близъ Гисара было много убитыхъ съ обѣихъ сторонъ. Когда вѣсть объ этомъ дошла до Константина, то онъ послалъ за графомъ Корти.

— То, что мы давно ожидали, наступило. Кровь пролита,—сказалъ онъ:—на мой народъ сдѣлано нападеніе, и много мѣртвыхъ грековъ валяется на поляхъ. Нельзя далѣе отсрочить войны. Правда, мы еще не получили помощи отъ святого отца, но уже намъ недолго ея ждать, и мы должны покуда защищать сами себя. Конечно, мой народъ до сихъ поръ выказалъ самое хладнокровное равнодушіе, но я сдѣлаю послѣднее усиліе, чтобы возбудить въ нихъ военный пылъ. Ступай къ Гисару, собери мертвыя тѣла и привези ихъ сюда. Я выставлю ихъ въ Ипподромѣ, и, быть можетъ, это кровавое зрѣлище подѣйствуетъ. Если же нѣтъ, то судьба Константинополя рѣшена. Я дамъ тебѣ сильный отрядъ.

— Нѣтъ, государь,—отвѣчалъ Корти:—такая экспедиція можетъ побудить турокъ на немедленное наступленіе, къ чему мы еще не приготовлены. Позволь мнѣ взять съ собою только людей изъ моего отряда?

— Какъ хочешь, только не забудь проводника.

Чтобы достигнуть дороги въ Гисаръ, которая шла къ сѣверу отъ Галаты, графу Корти пришлось миновать Синегіонъ и Эюбскій кварталъ, до европейскихъ Сладкихъ Водъ, гдѣ онъ перешелъ черезъ мостъ и направился налѣво отъ Перы, параллельно съ Босфоромъ. Мѣстами виднѣлись хижины, покрытыя соломой, а по обѣ стороны тянулись поля съ готовой жатвой.

Графъ ѣхалъ молча, радуясь, что наконецъ нашелся случай выказаться передъ императоромъ и княжной Ириной.

— Турки! Турки!—неожиданно воскликнулъ проводникъ.

— Гдѣ?

— Вонъ тамъ дымъ.

Дѣйствительно графъ увидаль на холмѣ столбъ дыма.

— Тамъ горитъ деревня, — началъ проводникъ, но Корти его перебилъ:

— Веди меня туда скорѣе. Которая дорога ближе?

— Вдоль холма.

— А можно по ней пройти?

— Можно, хотя она очень узка.

Графъ скомандовалъ на арабскомъ языкѣ своему отряду и поскакалъ.

Вскорѣ его встрѣтила толпа испуганныхъ поселянъ.

«истор. вѣстн.», ноябрь, 1895 г., т. III.

— Что случилось, зачѣмъ вы бѣжите?—спросилъ онъ.

— Турки!.. Турки!..

— Ну, такъ что-жъ? Остановитесь и расскажите, что случилось.

— Мы сегодня утромъ жали пшеницу, которая уже теперь достаточно созрѣла. Вдругъ турки бросились на насъ; ихъ было пять-десять человѣкъ противъ насъ двѣнадцати. Мы бросились бѣжать, а они подожгли поле. Съ нами крестная сила! Пустите насъ, а то они убьютъ всѣхъ.

— Они верхомъ?

— Нѣкоторые верхомъ, а другіе нѣтъ.

— Гдѣ они теперь?

— На полѣ, по ту сторону холма.

— Ступайте въ свою деревню и позовите всѣхъ ея жителей.

Скажите имъ, что императоръ приказалъ собрать мертвыя тѣла, и что онъ прислалъ меня, чтобы опезпечить вашу безопасность.

Съ этими словами графъ поѣхалъ далѣе.

Когда онъ поднялся на вершину холма, то ему представилось слѣдующее зрѣлище: по большому полю пшеницы бѣгаль огонь, видѣвшій среди облаковъ дыма, который полускрывалъ турецкихъ солдатъ, частью конныхъ, частью пѣшихъ. Тамъ и сямъ валялись тѣла убитыхъ людей.

Корти передалъ свое копье проводнику и приказалъ остальнымъ всадникамъ воткнуть свои копья въ землю. Послѣ этого, обнаживъ сабли, они двинулись впередъ.

До непріятеля оставалось около двухсотъ шаговъ, и турки съ удивленіемъ смотрѣли на атаку такого маленькаго отряда, тѣмъ болѣе, что ихъ прикрывало горѣвшее поле.

Приблизившись къ самому огню, Корти пришпорилъ лошадь, съ боевымъ крикомъ:

— Съ нами Богъ и Блахернская Божія Матерь!

Его воины стали ему вторить своимъ дикимъ боевымъ кликомъ, и весь отрядъ, быстро проскакавъ чрезъ огонь, напалъ на турокъ.

Непріятельскіе всадники обнажили свои мечи и натянули тетивы на своихъ лукахъ, но пѣшіе воины бѣжали безъ оглядки.

Одинъ изъ всадниковъ, въ болѣе блестящемъ вооруженіи, чѣмъ другіе, и въ бѣлой чалмѣ, съ брилліантовымъ перомъ, пытался сомкнуть свой отрядъ, но тщетно. Корти врѣзался въ его средину, и какъ онъ, такъ и его воины стали рубить съ плеча турокъ.

Вскорѣ и всадники обратились въ бѣгство, а воины Корти, преслѣдуя ихъ, не давали имъ пощады.

Самъ графъ вступилъ въ единоборство съ блестящимъ всадникомъ, но борьба между ними продолжалась недолго: турокъ былъ обезоруженъ и просилъ пощады.

— Сынъ Исфендіара,—сказалъ графъ,—убивая беззащитныхъ

поселянъ, ты совершилъ убійство. Зачѣмъ же я сохранию тебѣ жизнь?

— Мнѣ приказано было наказать ихъ.

— Кто тебѣ приказалъ?

— Мой повелитель султанъ.

— Не срами своего повелителя. Я его знаю и уважаю.

— Вчера эти поселяне убили турокъ.

— Они только защищали себя. Ты вполне заслужилъ смерти, но клянись костями пророка, что ты передашь султану то порученіе, которое я тебѣ дамъ, и я тебя помилую.

— Давай порученіе.

— Поѣзжай за мной.

Когда кончилось преслѣдованіе турокъ, и огонь на полѣ сталъ умирать, графъ вернулся со своимъ плѣнникомъ на то мѣсто, гдѣ оставался проводникъ съ его копьемъ.

— Вотъ мое порученіе,—сказалъ онъ,—возьми это копье, передай его Магомету и скажи: «графъ Корти привѣтствуетъ тебя и проситъ, чтобы ты обратилъ вниманіе на значекъ этого копья». Онъ пойметъ эти слова и будетъ тебѣ благодаренъ. Ну, клянись.

Сынъ Исфендіара взглянулъ на значекъ изъ желтой шелковой матеріи съ красной луной, надъ которой виднѣлся бѣлый крестъ, и отвѣчалъ:

— Если бы тутъ не было креста, то это было бы знамя тѣлохранителей султана. При другихъ обстоятельствахъ,—прибавилъ онъ, смотря пристально на графа,—я привѣтствовалъ бы въ тебѣ Мирзу, Эмира Хаджи.

— Я сказалъ тебѣ, какъ меня зовутъ, и тебѣ этого довольно. Клянись.

— Я передамъ твое копье и твое порученіе султану, клянусь костями пророка!

Едва успѣли турки исчезнуть по направленію къ Гисару, какъ на полѣ показалась толпа поселянъ. Графъ встрѣтилъ ихъ, и подъ его наблюденіемъ были подобраны всѣ убитые греки и положены на носилки. Затѣмъ погребальное шествіе двинулось къ Константинополю.

Предчувствуя, что турки тотчасъ откроютъ военныя дѣйствія, графъ Корти разослалъ гонцовъ по всему берегу Босфора, предупреждая поселянъ, чтобы они бросили свои поля и спасались въ городъ. Такимъ образомъ, за погребальнымъ шествіемъ толпа поселянъ все прибывала и, наконецъ, на мосту черезъ европейскія Сладкія Воды она разрослась до цѣлой арміи мужчинъ, женщинъ и дѣтей, которые несли свои пожитки, сколько каждый могъ захватить. Въ воздухѣ стояли вопли и стenanія, а дорога была оро-

шена слезами. Однимъ словомъ, происходило поголовное бѣгство цѣлаго населенія.

Корти со своимъ отрядомъ долго оставался вблизи рокового поля, ожидая возвращенія враговъ. Вечеромъ онъ послалъ гонца къ императору и укрѣпился во главѣ моста. Когда стемнѣло, шайка турецкой милиціи спустилась съ холма, отыскивая жертвъ, но, помѣрившись силами съ отрядомъ Корти, она быстро ретировалась.

Къ полуночи всѣ селенія, покинутыя жителями отъ Галаты до Фанара на Черномъ морѣ, были превращены въ пепель турками. Во власти греческаго императора оставалась теперь только одна его столица.

По приказанію Константина похоронное шествіе было встрѣчено у городскихъ воротъ придворнымъ духовенствомъ и факельщиками. Такъ какъ быстро равнеслась вѣсть по Константинополю о выставкѣ мертвыхъ тѣлъ въ Ипподромѣ, то громадныя толпы устремились къ воротамъ. Ожидавшее ихъ зрѣлище было поразительно. Впереди шествія несли на двадцати носилкахъ тѣла убитыхъ въ окровавленныхъ одеждахъ. Вокругъ шли факельщики съ зажженными факелами, а позади—духовенство съ зажженными свѣчами и громадная толпа несчастныхъ бѣглецовъ.

Въ Ипподромѣ ожидалъ шествіе императоръ верхомъ, окруженный придворными и тѣлохранителями. Онъ приказалъ поставить носилки посрединѣ арены и громко произнесъ, обращаясь къ несмѣтнымъ толпамъ, наполнившимъ Ипподромъ:

— Пусть весь городъ взглянетъ на нашихъ несчастныхъ соотечественниковъ. Они пролежатъ здѣсь весь завтрашній день, и каждая рана на ихъ тѣлѣ будетъ взывать къ мести. Послѣзавтра же мы рѣшимъ, что намъ дѣлать: сражаться, бѣжать или сдаться.

Въ продолженіе всей ночи приступлено было къ закрытію городскихъ воротъ и къ надежному ихъ укрѣпленію. Вездѣ были усилены караулы, и никому не дозволялось выйти изъ города. При этомъ было схвачено нѣсколько евнуховъ султана, и взбѣшенные греки хотѣли ихъ умертвить, но доброе сердце Константина воспротивилось этому, и онъ отправилъ ихъ къ Магомету съ особымъ посольствомъ, которому поручилъ сказать:

— Если ни клятвы, ни трактаты, ни дань не могутъ обезпечить мира, то продолжай нечестивую войну. Все мое упованіе на Бога. Если Его святой волѣ будетъ угодно смягчить твое сердце, то я возрадуюсь; если Онъ передастъ этотъ городъ въ твои руки, то я подчинюсь безъ ропота Его святой волѣ. Но доколѣ Богъ не рѣшитъ спора между нами, долгъ заставляетъ меня жить и умереть, защищая мой народъ.

Магометъ отвѣчалъ формальнымъ объявленіемъ войны.

Какъ было опредѣлено, тѣла убитыхъ оставались цѣлый день въ Ипподромѣ, и передъ ними прошло все населеніе Константино-

поля со слезами на глазахъ, а на слѣдующую ночь ихъ предали землѣ.

Но результатъ этой демонстраціи не оправдалъ надеждъ императора. Греки громко выражали свое горе и ярость, но страхъ лишилъ ихъ всякаго мужества, и они бѣжали толпами изъ города. Въ Константинополѣ осталось только сто тысячъ человѣкъ, которые не хотѣли вступить въ борьбу, а твердо вѣрили, что небо спасетъ ихъ.

Послѣ всѣхъ усилій только пять тысячъ грековъ согласились взять предложенное имъ оружіе.

IV.

Отвѣтъ Европы.

Влюбленный человѣкъ, хотя бы онъ былъ героемъ, одержавшимъ много побѣдъ, всегда робѣетъ въ присутствіи возлюбленной, и для него легче встрѣтиться лицомъ къ лицу съ врагомъ, чѣмъ объяснить ей въ своей любви.

Подвигъ графа Корти въ Синегіонѣ, гдѣ онъ смѣло вышелъ на бой со львомъ, сдѣлалъ его популярнымъ во всемъ Константинополѣ, а послѣдующая защита жнецовъ еще болѣе увеличила его славу, и имя итальянскаго рыцаря было на устахъ у всѣхъ византійцевъ.

Тѣ самыя критики, которые прежде смѣялись надъ его привычкой всегда ходить въ полномъ вооруженіи, что совершенно противорѣчило ихъ обычной извѣженности, теперь съ сочувственной улыбкой смотрѣли на него, когда онъ проѣзжалъ мимо въ своихъ блестящихъ доспѣхахъ, и безмолвно посылали ему вслѣдъ свои добрыя пожеланія.

— Ахъ, если бы Богородица даровала намъ поболѣе такихъ людей,—говорили греки между собой, и графъ Корти зналъ, что онъ пользуется общей любовью.

Императоръ не скрывалъ своего пристрастія къ нему и не разъ повторялъ свое предложеніе, чтобы онъ поселился въ Блахернскомъ дворцѣ.

— Государь,—сказалъ однажды графъ,—мнѣ болѣе не нужна моя галера съ гребцами. Дѣлай съ ними, что хочешь.

— Благодарю,—отвѣчалъ Константинъ.—Твоя галера для меня какъ нельзя болѣе кстати. Я прикажу князю Нотарію, великому адмиралу, сговориться съ тобою въ ея цѣнѣ.

— Нечего теперь объ этомъ беспокоиться,—замѣтилъ графъ,—просто прикажи, государь, чтобы мою галеру приняли въ составъ твоего флота. Если Богъ дастъ тебѣ побѣду, государь, то великій

адмиралъ всегда успѣетъ со мною расчитаться, а если суждено небомъ иначе, то... то ни тебѣ, государь, ни мнѣ не понадобится галера.

На слѣдующій день итальянская галера была переведена изъ бухты Юліана къ Золотому Рогу.

— Графъ Корти окончательно соединилъ свою судьбу съ нашей,—сказалъ въ тотъ же вечеръ императоръ Францъ,—изъ его словъ я вижу, что онъ не хочетъ пережить нашего пораженія, если такое суждено небомъ. Пусть онъ выберетъ отрядъ тѣлохранителей для охраны меня во время боя.

— А онъ самъ будетъ начальникомъ этого отряда?

— Да.

Эта новая должность вынудила, наконецъ, графа Корти перенестись въ Блахернскій дворецъ и, спустя нѣсколько дней, онъ уже сформировалъ отрядъ въ пятьдесятъ человекъ, въ числѣ которыхъ были и его девять бедуиновъ.

Онъ былъ теперь очень счастливъ и постоянно, въ глубинѣ своего сердца, благодарилъ Магомета за великодушное освобожденіе отъ данной клятвы.

Конечно, болѣе всего онъ радовался тому, что имѣлъ возможность во всякое время видѣть княжну Ирину.

Не только ея пріемная всегда была открыта для него, но когда она отправлялась въ Блахернъ, или въ Св. Софію, онъ постоянно находился въ ея свитѣ. Часто она приглашала его въ свою молельню и молилась вмѣстѣ съ нимъ, при чемъ онъ, подражая ей, становился на колѣна и крестился, но въ сущности скорѣе поклонялся въ эту минуту своей земной любви, чѣмъ Богу.

По условію, заключенному съ Магометомъ, онъ былъ совершенно свободенъ и могъ признаться ей въ своей любви; по временамъ онъ чувствовалъ неотложную потребность броситься къ ея ногамъ и вылить передъ ней свое сердце, но, когда наступала минута объясненія, имъ овладѣвалъ такой страхъ, что онъ откладывалъ со дня на день страшный разговоръ. Эта нерѣшительность его мучила и терзала несказанно. Въ такія минуты онъ жаждалъ сразиться съ какимъ нибудь врагомъ и мысленно произносилъ:

— Ахъ, если бы Магометъ былъ теперь у горбдскихъ воротъ! Неужели онъ никогда не явится?

Однажды онъ, по обычаю, посѣтилъ княжну и, проведенный къ ней Ливандромъ, сказалъ:

— Я привезъ тебѣ хорошую вѣсть.

— Какую?

— Я только-что былъ въ Блахернскомъ портѣ для пріема съ великимъ конюшимъ Іоанна Гранта, который прибылъ съ отрядомъ добровольцевъ, большею частью моихъ соотечественниковъ.

— А кто такой Іоаннъ Грантъ?

— Старый нѣмецъ, посѣдѣвшій въ военной службѣ на востокѣ; онъ болѣе всего славится тѣмъ, что приготовляетъ и бросаетъ желѣзные бомбы, начиненныя горючимъ матеріаломъ.

— Онъ, значитъ, вновь открылъ нашъ греческій огонь?

— Онъ такъ говоритъ. Его величество приказалъ доставить ему нужный матеріалъ, и онъ съ завтрашняго дня начнетъ изготовленіе своихъ бомбъ. Онъ увѣряетъ, что если бы только папа провозгласилъ крестовый походъ на турокъ, то въ Константинополь не хватило бы мѣста для всѣхъ защитниковъ, которые немедленно устремились бы туда. По его словамъ, Генуя, Венеція и вся Италія поднялись бы и только ждуть благословенія папы.

— Слѣдуетъ гостепріимно встрѣтить Іоанна Гранта, тѣмъ болѣе, что папа что-то очень мѣшкаетъ.

Спустя нѣсколько времени, именно 1-го декабря, графъ Корти снова явился къ Иривѣ.

— Ну, какую ты теперь принесъ вѣсть?—спросила она.

— Отъ папы получено извѣстіе.

— Наконецъ.

— Завтра придетъ легать.

— Только легать, а какъ его зовутъ?

— Это Исидоръ, митрополитъ Россіи.

— Онъ ѣдетъ одинъ?

— Да. Только съ духовной свитой.

— А, значитъ, снова пойдутъ переговоры и больше ничего?

— Отчего ты такъ думаешь?

— Развѣ ты не знаешь, что Исидоръ, обыкновенно называемый кардиналомъ, былъ назначенъ папой митрополитомъ русско-греческой церкви, но эта церковь его отвергла, и онъ бѣжалъ въ Польшу. Ты можешь себя представить, какъ его примутъ здѣсь.

— Но вѣдь онъ грекъ?

— Да, но, будучи духовнымъ лицомъ римской церкви, онъ считается всѣми греческими братствами за отступника. Первое его слово будетъ просьба, чтобы ему дозволили отслужить обѣдню въ Св. Софіи, а ты можешь себя представить, какая поднимется изъ-за этого буря. Нѣтъ, не на благо онъ ѣдетъ сюда.

Между тѣмъ Ипподромъ былъ превращенъ въ Марсово поле, гдѣ круглый день обучали вновь завербованныхъ солдатъ владѣть оружіемъ, стрѣлять изъ лука, обращаться съ катапультами, ружьями и пушками, а такъ какъ всякая торговля уже давно исчезла въ городѣ, благодаря военнымъ приготовленіямъ и постоянно грозившей отъ непріятели опасности, то Ипподромъ сдѣлался центромъ, куда стекалось все населеніе Константинополя. Туда отъправился и графъ Корти отъ княжны Ирины подъ мрачнымъ впечатлѣніемъ ея замѣчанія насчетъ ожидавшагося легата.

На той же недѣлѣ, однако, какъ онъ, такъ и императоръ со

всѣми вѣрными ему византійцами былъ обрадованъ дѣйствительно важнымъ событіемъ! Рано утромъ съ Мраморнаго моря показался цѣлый рядъ военныхъ судовъ, которыя, судя по флагамъ, были христіанскія. Въ то же время было замѣчено, что турецкія галеры стали двигаться по Босфору. По всей вѣроятности, приготавлилась морская битва, и городскія стѣны по сосѣдству съ мысомъ Деметріемъ покрылись любопытной толпой, среди которой находился самъ императоръ. Можно было предположить, что христіанская флотилія везла ему помощь военными припасами, а можетъ быть, и людьми, а потому онъ приказалъ своему маленькому флоту быть готовымъ выступить для оказанія помощи шедшимъ въ Константинополь судамъ. Предположеніе Константина оказалось справедливымъ, а по счастью турки не выказали ни малѣйшаго намѣренія помѣшать высадкѣ прибывшихъ. Входя въ Блахернскій портъ, эти суда расплѣтались венеціанскими и генуезскими флагами, а стоявшіе на ихъ палубѣ люди въ полномъ вооруженіи дружно отвѣчали на привѣтственные крики, раздавшіеся на берегу.

Константинъ лично встрѣтилъ прибывшихъ, а княжна Ирина, въ сопровожденіи многихъ знатныхъ женщинъ, смотрѣла на эту сцену съ городской стѣны.

Первымъ прибылъ на берегъ въ лодкѣ рыцарь съ чрезвычайно благородной осанкой.

— Я Іоаннъ Джустиніани изъ Генуи, — сказалъ онъ:— и прибылъ съ двумя тысячами товарищей по оружію на помощь христіанскому императору Константину. Проводите меня къ нему.

— Императоръ здѣсь, — сказалъ Константинъ:— я императоръ.

Джустиніани поцѣловалъ протянутую ему руку и прибавилъ съ жаромъ:

— Слава Богу и Богородицѣ, я только боялся одного, чтобы не опоздать. Теперь, государь, я въ твоемъ распоряженіи: повелѣвай нами.

— Князь Нотарій, — произнесъ императоръ:— окажи всевозможную честь этому благородному рыцарю и его товарищамъ. Когда они всѣ выйдутъ на берегъ, то проводи ихъ во дворецъ, гдѣ они будутъ моими гостями. Я привѣтствую тебя, — прибавилъ онъ, обращаясь къ генуезцу: — во Имя Бога и святой вѣры, которой грозить такая опасность.

Повидимому, князю Нотарію не понравились любезность императора и восторженные крики толпы, такъ какъ онъ очень холодно отнесся къ порученнымъ ему гостямъ.

Вечеромъ во дворцѣ произошелъ торжественный пріемъ, на которомъ Джустиніани, вмѣстѣ съ Франзой, представилъ императору всѣхъ прибывшихъ рыцарей, а затѣмъ послѣдовалъ парадный банкетъ.

За длиннымъ столомъ императоръ сидѣлъ посрединѣ, а напро-

тивъ него помѣщалась княжна Ирина. По обѣ ихъ стороны сидѣли гости, среди которыхъ были разсѣяны жены, дочери и сестры знатныхъ византійцевъ.

Что касается до итальянскихъ рыцарей, то исторія сохранила имена нѣкоторыхъ изъ нихъ, съ обозначеніемъ тѣхъ должностей, которыя они исполняли во время осады Константинополя, стоявшей жизни многимъ изъ нихъ. Тутъ были: Андреа Динія, начальникъ галеръ, венеціанецъ Кантаріно, руководившій защитой Золотыхъ воротъ; генуезецъ Катанео, командовавшій на городской стѣнѣ отъ Золотыхъ воротъ до воротъ Саламбрія; два брата Боціарди, защищавшіе Адрианопольскія ворота; Леонардо-де-Лангаско, начальствовавшій у Деревянныхъ воротъ; венеціанецъ Травизано, который съ четырьмястами товарищей охранялъ гавань между портомъ Св. Петра и мысомъ Деметріемъ.

Кромѣ того, здѣсь же находились: нѣмецъ Іоаннъ Грантъ, которому была поручена защита Харзійскихъ воротъ, и испанскій консулъ Педро Джуліани, охранявшій городъ съ моря, отъ мыса Деметрія до порта Юліана.

Хотя большая часть изъ этихъ лицъ были дѣйствительно искатели приключеній, но они благородно явились на помощь къ императору Константину, не ожидая благословенія папы, и вѣрно послужили на защиту христіанства отъ магометанъ.

V.

Графъ Корти становится рыцаремъ княжны Ирины.

— Княжна, графъ Корти желаетъ тебя видѣть, — произнесъ Лизандръ, входя въ комнату княжны Ирины.

— Проси.

Было утро въ концѣ февраля.

Графъ вошелъ въ пріемную княжны въ военныхъ доспѣхахъ, что ясно говорило о той послѣдственности, съ которой онъ покинулъ службу на городскихъ стѣнахъ для сообщенія княжнѣ какой-то важной вѣсти.

— Я надѣюсь, что ты здоровъ и невредимъ, съ Божіею помощію, — сказала княжна, протягивая ему руку.

Онъ поцѣловалъ ее и на вопросъ княжны, имѣетъ ли онъ время пойти съ ней въ часовню, куда она намѣревалась отправиться на молитву, или желаетъ тотчасъ съ ней объясниться, онъ отвѣчалъ:

— На мнѣ мое оружіе, и меня ждуть товарищи у Адрианопольскихъ воротъ, а потому прошу тебя, княжна, высказать тебѣ то, что привело меня сюда.

— Говори, графъ, но я не жду хорошихъ вѣстей. Съ тѣхъ поръ, какъ добрый патріархъ Григорій бѣжалъ, чтобы избѣгнуть своихъ преслѣдователей, а въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ кардиналъ Исидоръ вздумалъ служить обѣдню въ Св. Софїи полатыни, и безумный Геннадій привелъ въ ужасъ весь народъ своими проклятіями,—я не жду ничего хорошаго.

Она опустила на кресло, а онъ, вставъ подлѣ нея, началъ говорить рѣшительнымъ тономъ:

— Княжна Ирина, такъ какъ ты рѣшилась остаться въ городѣ и раздѣлить судьбу осажденныхъ, находя совершенно справедливо, что все зависитъ отъ Бога, то ты въ Константинополѣ болѣе всѣхъ заинтересована исходомъ осады. Если небо отвернется отъ насъ, и турки возьмутъ городъ, то по закону войны побѣдителю достанется не только все, что находится въ городѣ, но и всѣ живыя въ немъ существа. Насъ, бойцовъ, ожидаетъ смерть, а ты, благородная, цѣломудренная дѣва, можешь подвергнуться тому, чего не въ силахъ произнести мой языкъ.

Она вспыхнула, потомъ поблѣднѣла и отвѣчала:

— Я знаю, о чемъ ты говоришь, и мысль объ этомъ меня не разъ страшила. По временамъ я хотѣла искать спасенія въ бѣгствѣ, но меня останавливаетъ то, что я Палеологъ и родственница императора. Вѣдь другія женщины также остаются въ городѣ, раздѣляя судьбу своихъ мужей и братьевъ. Какъ же мнѣ не исполнить своего долга наравнѣ съ ними?

Глаза графа засверкали отъ восторга, но черезъ минуту они снова померкли.

— Благородная княжна,—сказалъ онъ:—я надѣюсь, ты не сочтешь дерзостью, что я въ эти послѣдніе дни думалъ о средствахъ твоего спасенія.

— Ты хочешь, чтобы я бѣжала, графъ Корти?

— Нѣтъ, но чтобы ты удалилась изъ города.

— Говори, графъ, о своемъ планѣ, — произнесла княжна съ улыбкой.

— Если слухи о приготовленіяхъ султана справедливы, то осада будетъ отличаться во всякомъ случаѣ новой, никогда невиданной, чертой. Длинные пушки, ради полученія которыхъ онъ до сихъ поръ отсрочиваетъ начало военныхъ дѣйствій, говорятъ, такихъ размѣровъ, которыя до сихъ поръ никогда не употреблялись противъ городскихъ стѣнъ. Онѣ могутъ доставать такъ далеко, что не только ихъ выстрѣлы могутъ попадать въ защитниковъ города, но и въ мирныхъ гражданъ, скрывающихся въ жилищахъ. Кромѣ того, тебѣ, княжна, надо принять въ соображеніе, что султанъ поведетъ на приступъ города такую армию, какой Константинополь еще никогда не видывалъ. Онъ самъ покуда въ Адрианополѣ и тамъ собираетъ всѣ свои войска. Значительные отряды пѣхоты ежедневно

переходятъ черезъ Геллеспонтъ у Галиполи и черезъ Босфоръ у Гисара, а вокругъ Адрианополя кочуютъ толпы всадниковъ, со- званныхъ отовсюду: среди нихъ и казаки съ сѣвера, и бедуины съ юга, и курды съ востока, и славяне изъ-за Балканъ. Всѣ до- роги сѣверо-запада переполнены обовами съ продовольствіемъ и стѣнобитными машинами. Большая часть городовъ по берегамъ Чернаго моря признали власть Магомета, а тѣ, которые оказали ему сопротивленіе, превращены въ развалины. Многочисленная ту- рецкая армія опустошаетъ Морею, и назначенный туда начальни- комъ братъ императора пропалъ безъ вѣсти: онъ или умеръ, или бѣжалъ. Турецкій флотъ покрываетъ всѣ, окружающія насъ, воды, и съ городскихъ стѣнъ можно видѣть до четырехъ сотъ судовъ. Такъ какъ теперь уже нельзя болѣе рассчитывать на помощь хри- стианской Европы, то вся наша надежда на гарнизонъ Констан- тинополя. Но, увы, княжна, даже съ помощью прибывшихъ ино- странцевъ, насъ, защитниковъ, недостаточно, чтобы охранить даже тѣ городскія стѣны, которыя выходятъ на материкъ.

— Нарисованная тобою картина очень мрачна, графъ, но если ты думаешь, что поколебалъ мою рѣшимость, то ты ошибаешься: я предала себя въ руки Богородицы и во что бы то ни стало оста- нусь здѣсь. Да будетъ воля Божія!

Снова на лицѣ графа выразился пламенный энтузіазмъ.

— Я былъ въ этомъ увѣренъ, княжна, но считалъ своимъ долгомъ предупредить тебя о грозящей опасности. Но теперь, испол- нивъ свой долгъ, я перейду къ другому предмету своего посѣще- нія. Вчера ночью рѣшено сдѣлать рекогносцировку по дорогѣ къ Адрианополю, и я выпросилъ у его величества позволеніе взять на себя это дѣло. Я сейчасъ отправляюсь въ путь. Но прежде чѣмъ проститься съ тобою, княжна, я хочу попросить у тебя одной милости.

Онъ бросился на колѣна и, простирая къ ней руки, прибавилъ съ неудержимымъ пыломъ:

— Въ виду всѣхъ ожидающихъ тебя опасностей, позволь мнѣ быть твоимъ рыцаремъ и посвятить тебѣ не только мой мечъ, но мою жизнь, мою душу.

Княжна быстро поднялась со своего мѣста, но графъ Корти успѣлъ прибавить, прежде чѣмъ она произнесла хоть одно слово:

— Быть можетъ, настанетъ день, когда я, благодаря совершен- нымъ подвигамъ на защиту твоей родины и твоей вѣры, приобрѣту смѣлость высказать тебѣ мои другія чувства, мои другія надежды; но теперь позволь мнѣ только быть твоимъ защитникомъ, твоимъ рыцаремъ во время осады.

Княжнѣ очень понравился оборотъ, приданный своей рѣчи гра- фомъ. Въ тѣ времена каждая женщина имѣла право имѣть своего

рыцаря, который побѣждалъ и умиралъ съ ея именемъ на устахъ. Поэтому она сказала:

— Я согласна, графъ.

Онъ поцѣловалъ протянутую руку и произнесъ съ жаромъ:

— Я счастливѣйшій человекъ! Но, княжна, этого мало: я долженъ чѣмъ нибудь доказать всему міру, что я твой рыцарь.

Она сняла со своей шеи розовый шелковый шарфъ и, нагнувшись къ графу, надѣла ему на шею, такъ что концы шарфа опустились ему на грудь.

— Если я этимъ поступкомъ нарушаю правила женской стыдливости,—сказала она покраснѣвъ,—то знай, что меня побуждаетъ къ этому любовь къ моей странѣ, вѣрѣ и моему родственнику императору, которымъ ты, я увѣрена, окажешь большія услуги. Встань, графъ Корти, съ этой минуты я буду молиться, чтобы Богъ сохранилъ тебя среди всѣхъ опасностей.

Графъ поднялся съ пола, но, боясь не совладать съ обуревавшей его страстью, онъ еще разъ поцѣловалъ ея руку и быстро удалился изъ комнаты.

Немедленно поскакалъ онъ во главѣ своего отряда къ Адрианопольскимъ воротамъ и вернулся только черезъ четыре дня. Тогда онъ прямо явился во дворецъ, гдѣ засѣдалъ военный совѣтъ изъ императора, Джустиніани и князя Нотарія.

— Я очень безпокоился о тебѣ, графъ,—сказалъ Константинъ:— и не только потому, что теперь для насъ дорогъ каждый мечъ.

— Твое милостивое слово, государь, вполне вознаграждаетъ меня за всѣ перенесенныя трудности,—отвѣчалъ графъ и только что хотѣлъ приступить къ разсказу о своей рекогносцировкѣ, какъ императоръ его перебилъ:

— погоди, я прикажу подать тебѣ кресло: ты вѣрно очень усталъ?

— Нѣтъ, государь, по выраженію аравитянъ, сѣдло для воина то же, что гнѣздо для птицы. Для меня верховая ѣзда—только отдыхъ. Вообще вся эта экспедиція была для меня пріятная прогулка, я къ туркамъ привыкъ: знаю ихъ языкъ и обычаи, а мои бедуины пламенные магометане, совершившіе пилигримство въ Мекку. Въ три часа мы отправились по дорогѣ къ Адрианополю и долго не встрѣчали живого существа, такъ какъ всѣ селенія были пусты, а если у дверей домовъ видѣлись фигуры, то мертвые гниющіе трупы.

— Трупы грековъ?

— Да, государь, и вороны клевали ихъ.

— Что же вы не видали нигдѣ ни живыхъ, ни домашнихъ животныхъ?—спросилъ Джустиніани.

— Ни одного. Только свиньи нашли пощаду у турокъ, которымъ запрещено кораномъ ѣсть свиное мясо. Наконецъ мы нашли

въ канавѣ несчастнаго поселянина, который разсказалъ намъ, какъ напали на его селеніе турки и все уничтожили, все перебили. До ночи мы продолжали свой путь, не встрѣчая никого. Турки превратили всю эту страну въ пустыню. На слѣдующее утро мы встрѣтили большой обозъ, позади котораго виднѣлся отрядъ въ тысячу всадниковъ. Я не остановилъ своихъ всадниковъ и...

— Какъ!—воскликнулъ Джустиніани:—ты вступилъ въ борьбу съ тысячею враговъ, имѣя только девять воиновъ!

— Я уже наканунѣ принялъ мѣры на случай подобной встрѣчи,— отвѣчалъ графъ Корти съ улыбкой.

— Я все болѣе и болѣе удивляюсь, графъ,— продолжалъ итальянецъ:—какія можно было принять мѣры при такомъ неравенствѣ силъ.

— Я объявилъ заранѣе своимъ бедуинамъ, что если мы встрѣтимъ значительный отрядъ турокъ, то выдадимъ себя за ихъ соотечественниковъ, принимавшихъ участіе въ постройкѣ новаго форта противъ Бѣлаго замка, а теперь отправлявшихся къ Магомету въ Адрианополь. При этомъ я просилъ ихъ предоставить мнѣ всѣ разговоры съ турками.

Императоръ и Джустиніани засмѣялись, а князь Нотарій спросилъ:

— Если твои бедуины магометане, то какъ же ты полагаешься на нихъ въ борьбѣ съ магометанами?

— Очень просто: они уже не мало имѣютъ на душѣ турецкихъ жизней, ненавидятъ ихъ хуже христіанъ и считаютъ своими кровными врагами. Ну, вотъ я и разсказалъ начальнику авангарда придуманную сказку. Онъ мнѣ повѣрилъ и пропустилъ насъ. Обозъ тянулся на большомъ разстояніи и состоялъ изъ сотни возовъ, нагруженныхъ военными снарядами и оружіемъ. Затѣмъ потянулись войска все иррегулярныя, а наконецъ я увидалъ такое странное зрѣлище, какого, вѣроятно, никогда не лицезрѣлъ благородный Джустиніани, несмотря на всю свою военную опытность. Шестдесятъ воловъ везли громадную бронзовую массу.

— Пушку!—воскликнулъ генуезецъ.

— Да, и она, говорятъ, самая большая на свѣтѣ. Она помещалась на тридцати повозкахъ, скованныхъ между собою цѣпями.

— А ты не видалъ ядеръ, которыми стрѣляютъ изъ этой пушки?

— Видѣлъ. Ихъ везли на другихъ повозкахъ: они казались каменными глыбами и, говорятъ, пролетаютъ около мили.

Императоръ покачалъ головой и, позвавъ Франзу, сказалъ:

— Прикажи двумъ лучшимъ работникамъ на городскихъ стѣнахъ явиться ко мнѣ завтра утромъ: у меня для нихъ есть дѣло, за которое они тотчасъ должны приняться. Я самъ выдамъ имъ необходимыя на это деньги.

— Мнѣ остается немного прибавить къ своему разсказу,—прибавилъ графъ Корти:—я видѣлъ еще въ обозѣ двѣ большихъ пушки, но меньшаго размѣра, и семнадцать обыкновенныхъ, но все-таки превосходящихъ по силѣ и отдѣлкѣ наши орудія въ Ипподромѣ.

— А больше не было?

— Было много, но это старыя пушки, о которыхъ не стоитъ и говорить. Вечеромъ второго дня я достигъ конца обоза, а на слѣдующемъ разсвѣтѣ пустился въ обратный путь. Если военный совѣтъ сомнѣвается въ справедливости моихъ словъ, то ихъ можетъ подтвердить одинъ плѣнникъ, котораго я привезъ съ собой.

— Кто это?

— Начальникъ турецкаго авангарда.

— А какъ же ты взялъ его въ плѣнъ?

— Очень просто. Я убѣдилъ его отъѣхать со мной на нѣсколько шаговъ отъ отряда, а затѣмъ поручилъ его попеченіямъ одного изъ своихъ молодцовъ, который быстро справился съ нимъ.

Всѣ улыбнулись, и было тотчасъ приступлено къ допросу плѣнника, который дѣйствительно подтвердилъ все, сказанное графомъ Корти.

На слѣдующій день императоръ принялъ окончательныя мѣры къ достойной встрѣчѣ Магомета. Онъ раздѣлилъ городскія стѣны на нѣсколько отдѣловъ, начиная отъ Золотыхъ воротъ, или Семи Башенъ, и до Синегіона. Начальниковъ этихъ отдѣловъ мы уже назвали ранѣе, и теперь слѣдуетъ только прибавить, что папскій легатъ, кардиналъ Исидоръ принялъ на себя начальство надъ портовымъ отдѣломъ и, снявъ облаченіе, замѣнилъ его военными доспѣхами.

Такъ какъ можно было предвидѣть, что султанъ сосредоточитъ всѣ свои усилія на воротахъ св. Романа съ ихъ двумя башнями, то начальство надъ этой мѣстностью было поручено самому Джустиніани.

Покончивъ съ этими распоряженіями, Константинъ приказалъ вывезти на городскія стѣны всѣ орудія и военные снаряды, собранные въ Ипподромѣ.

При видѣ вооруженныхъ такимъ образомъ стѣнъ съ развѣвающимися знаменами и толпой защитниковъ, Константинъ нѣсколько успокоился и сталъ вспоминать, что Мурадъ, не смотря на всю свою храбрость, долженъ былъ отступить отъ этихъ стѣнъ со своими янычарами.

— А вѣдь сынъ не храбрѣе же отца,—прибавилъ онъ, обращаясь къ кардиналу Исидору.

— Богъ вѣдаетъ,—отвѣчалъ тотъ, крестясь по католически и погречески.

А затѣмъ императоръ со всей своей свитой возвратился во дворець. Все было сдѣлано, что можно, и оставалось только ждать непріятеля.

VI.

Магометъ у воротъ св. Романа.

Апрѣль мѣсяцъ, повидимому, заимствовалъ у Магомета его медлительность, такъ долго онъ не появлялся. Наконецъ наступилъ его первый день: небо было покрыто тучами, и сильный вѣтеръ дулъ съ Балканъ.

Что касается до султана, то онъ медлил не отъ недостатка воли, или энергіи. Два мѣсяца потребовалось на то, чтобы перевезти пушки изъ Андрианополя, но вмѣстѣ съ ними двигалась и армія, которая мало-по-малу заняла всю окрестную страну. Наконецъ Магометъ явился съ новымъ мѣсяцемъ и уже тогда болѣе не медлил, а быстро расположилъ всю свою армію въ боевой позиціи на разстояніи пяти миль отъ городскихъ стѣнъ.

6-го апрѣля въ десять часовъ утра императоръ взопелъ на башню св. Ромама, находившуюсяhalb отъ воротъ того же имени. Съ нимъ были Джустиніани, кардиналъ Исидоръ, Іоаннъ Грантъ, Франза, Теофилъ Палеологъ, князь Нотарій и еще нѣсколько грековъ и чужестранцевъ. Ими руководило теперь желаніе лично убѣдиться, какое положеніе принимала турецкая армія.

Погода была весенняя, и легкій вѣтерокъ прогналъ облака тумана.

Крыша башни св. Романа была плоская и представляла громадную платформу, на которую взбирались по внутренней деревянной лѣстницѣ. Вдоль всей платформы шелъ парапетъ въ ростъ человѣка; въ нѣкоторыхъ изъ его амбразуръ были поставлены небольшія орудія, а другія приспособлены къ стрѣльбѣ изъ луковъ и ружей. Въ разныхъ мѣстахъ платформы были собраны груды военныхъ снарядовъ, а въ углу у самыхъ воротъ возвышалось императорское знамя съ греческимъ золотымъ крестомъ на бѣломъ полѣ.

Всѣ защитники башни были на лицо; почти всѣ они были византійцы, а потому они встрѣтили своего императора съ обычной любовью и гордостью.

Дѣйствительно Константинъ достойно занималъ мѣсто во главѣ своей свиты, и никто не могъ съ нимъ соперничать, даже итальянецъ Джустиніани, въ военной доблести. Забрало на его шлемѣ было приподнято, и его благородное лицо дышало такимъ одушевленіемъ, которое придавало силу защитникамъ города.

Сосѣднія башни, справа и слѣва, мѣшали видѣть всю линію городскихъ стѣнъ, но къ югу вся страна разстилалась, какъ на

ладони. Трава покрывала еще недавно обработанныя поля, и Константинъ, смотря на развертывающуюся передъ нимъ панораму, зналъ, что скоро исчезнетъ и эта трава. Отъ наполненнаго водою рва подъ первой, или внѣшней, городской стѣной шла дорога къ кладбищу, усѣянному бѣлыми мавзолеями и надгробными памятниками, на которыхъ съ печальнымъ предчувствіемъ останавливались глаза Константина.

— Что это за шумъ!—воскликнулъ одинъ изъ сопровождавшихъ императора воиновъ.

Всѣ стали прислушиваться.

— Это громъ.

— Нѣтъ, громъ раскатывается, а это учащенные удары.

Константинъ и Джустиніани переглянулись, а Іоаннъ Грантъ спокойно сказалъ:

— Это барабанный бой. Турки наступаютъ.

— Государь,—прибавилъ Джустиніани:—непріятель очевидно идетъ на ворота св. Романа, которыя составляютъ центръ нашей позиціи.

Черезъ нѣсколько минутъ въ свитѣ императора раздались крики:

— Вонъ слышатся трубы!..

— Ясно доносятся боевые клики!..

— А вотъ и блестятъ шлемы!..

Дѣйствительно стали показываться турецкая пѣхота и всадники. Тысячи византійцевъ наполнили городскія стѣны и съ любопытствомъ смотрѣли на медленно наступавшаго врага.

— Пресвятая Богородица,—произнесъ наконецъ императоръ:—армія у султана многочисленна и тянется отъ моря налѣво и до Золотого Рога направо; но, признаюсь, я разочарованъ. Я ожидалъ увидѣть блескъ оружія, щитовъ и знаменъ, а тутъ все сѣро и черно. Скажи, достойный Іоаннъ Грантъ, ты, говорятъ, часто и побѣдносно боролся съ турками, неужели ихъ армія всегда неприглядна?

— Этотъ жалкій видъ турецкой арміи,—отвѣчалъ опытный нѣмецъ,—происходитъ отъ того, что большинство ея состоитъ изъ подданныхъ Авіи: всѣ эти воины не имѣютъ ничего за душой и жаждутъ только наживы. Посмотрите, черезъ нѣсколько дней они уже будутъ имѣть совершенно другой видъ, благодаря грабежу живыхъ и мертвыхъ. Но вонъ, смотри, государь, двигаются янычары: вотъ ими ты останешься доволенъ.

Дѣйствительно направо отъ воротъ показался отрядъ солдатъ въ блестящемъ вооруженіи. Но Джустиніани не любовался янычарами, а обратилъ вниманіе Константина на то, что многочисленныя отряды всадниковъ спѣшились и немедленно стали воздвигать ретраншементы.

— Похожъ или нѣтъ новый султанъ на своего отца,—произнесъ онъ,—но во всякомъ случаѣ его дѣйствія обнаруживаютъ

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ «НОВАГО ВРЕМЕНИ»

А. С. СУВОРИНА.

(С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ, Одесса и Саратовъ).

ВЪ ОКТЯБРЬ 1895 г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 26-й.

- Адариди.** Переправы черезъ По въ 1796 г. и черезъ Дунай въ 1809 и 1877 гг. Съ 5 планами. Спб. 1895 г. Ц. 55 к.
- Ансановъ, С.** Семейная хроника и воспоминанія. Изд. 8-е. М. 1895 г. Ц. 1 р. 75 к.
- Дѣтскіе годы Багрова-внука, служащія продолженіемъ Семейной хроники. Изд. 5-е. Спб. 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Аленѣвскій, А.** Памяти Императора Всероссийскаго Александра III. Спб. 1895 г. Ц. 60 к.
- Аленѣвъ, В.** (проф.). Ископаемые угли Россійской Имперіи въ отношеніи ихъ химическаго состава. Спб. 1895 г. Ц. 2 р.
- Алтайскій сборникъ.** Вып. I. Томскъ. 1894 г. Ц. 2 р.
- Альбрехтъ, В.** Практическое руководство къ изученію шахматной игры. Т. II, вып. VI. Вильна. 1895 г. Ц. 40 к.
- Альмедингенъ, А.** Руководство къ техно-химическому анализу по новѣйшимъ даннымъ. Согласно программамъ технической химіи высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній. Съ 38 рис. Первая половина. Спб. 1895 г. Ц. по подпискѣ 3 р. 50 к.
- Андерсенъ.** Избранныя сказки. Изд. Маракуева. М. 1895 г. Ц. 1 р.
- Аристовъ, И.** Руководство для сборщиковъ податей. Казань. 1895 г. Ц. 30 к.
- Аристотель.** Исторія и обзоръ афинскаго государственнаго устройства. Пер. А. Ловягинъ. Спб. 1895 г. Ц. 2 р.
- Арнольдъ, Эдв.** Свѣтло Азін. Позна. Переводъ И. Сабашникова. 2-е изд. Спб. 1896 г. Ц. 60 к.
- Бабинъ, П.** Взрывъ. Разсказъ изъ железнодорожнаго быта. 1895 г. Ц. 60 к.
- Бабинъ, П.** У домашняго очага. Сцены въ 5-ти дѣйствіяхъ. Спб. 1895 г. Ц. 60 к.
- Барабанщиковъ, Н.** Обученіе тканью тесьмы и полсовъ въ сельскихъ училищахъ. Казань. 1894 г. Ц. 12 к.
- Баранцевичъ, Н.** Флиртъ и другіе разсказы. Спб. 1896 г. Ц. 1 р.
- Бахъ, Н.** (проф.). Детали машинъ, ихъ расчетъ и устройство согласно новѣйшимъ изслѣдованіямъ. Вып. 1, 2. Спб. 1895 г. Ц. по подпискѣ 10 р.
- Берневичъ, Л.** Коммерческая ариметика. Изд. 2-е. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Боголюбовъ, А.** (проф. живописи). Воспоминанія о въ Бозѣ почившемъ Императорѣ Александрѣ III. Спб. 1895 г. Ц. 30 коп.
- Бречневичъ, К.** (свящ.). Записки по православному догматическому богословію. Примѣнительно къ программѣ для духовныхъ семинарій. Елисаветградъ. 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Бура жизни.** Разсказъ. Спб. 1895 г. Ц. 20 коп.
- Бучацій, Л.** (инженеръ). Типы рѣчныхъ судовъ и ихъ рациональная конструкція съ опредѣленіемъ наиблагоудѣйшихъ размѣровъ стойкости тракціи и провозной платы съ пуда-версты. Спб. 1895 г. Ц. 1 р.
- Руководство для гидротехниковъ при производствѣ фашинныхъ работъ въ каналахъ. Спб. 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Варзаръ, Г.** Къ вопросу о сельско-хозяйственномъ кризисѣ. Спб. 1895 г. Ц. 30 к.
- Величко, В.** Записки духа. Нежданчикъ. Спб. 1895 г. Ц. 1 р.
- Венгеровъ, С.** Русскія книги. Съ біографическими данными объ авторахъ и

- переводчикахъ (1708—1893). Вып. I. А.—Аддисонъ. Спб. 1895 г. Ц. 35 к.
- Вейлеръ, В.** (проф.). Практическій электрикъ. Общедоступное руководство къ изготовленію электрическихъ приборовъ. Съ 350 рис. Вып. I, II, III. Спб. 1895 г. Ц. по подпискѣ 2 р. 50 к.
- Взятіе Тифлиса** Ага-Магомедъ-ханомъ въ 1795 г. Тифлисъ. 1895 г. Ц. 25 к.
- Витновскій, А.** Аринушка. Спб. 1895 г. Ц. 1 р.
- Въ добрый часъ.** Сборникъ въ пользу Общества вспоможенія нуждающимся ученицамъ Коломенской женской гимназіи. Спб. Ц. 1 р. 50 к., въ папкѣ 1 р. 75 к.
- Гансъ Заксъ.** Башмачникъ-поэтъ, 1494—1894. Харьковъ. 1895 г. Ц. 25 к.
- Гарейсъ, Н.** Германское торговое право. Краткій учебникъ дѣйствующаго въ Германіи торговаго, вексельнаго и морского права. Вып. 2 а. М. 1895 г. Ц. 1 р.
- Гайсбергъ, С.** Карманная книжка для установщиковъ электрическаго освѣщенія. Спб. 1895 г. Ц. 1 р. 20 к.
- Герасимовъ, П.** Къ 20 октября 1885 г. Святой вѣчно-славной памяти Императора-Миротворца, Монарха-Праведника Александра III. Спб. 1895 г. Ц. 20 к.
- Германскій уставъ** полевой служб. Перев. съ нѣм. полковника фонъ-Фохтъ. Спб. 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Гимицій, Г.** Основы морали. Одесса. 1895 г. Ц. 60 к.
- Годлевскій, С.** Ренанъ, какъ человекъ и писатель, критико-біографич. взглядъ съ портретомъ. Спб. 1895 г. Ц. 1 р.
- Гриммъ (братья).** Сказки. Съ рисунк. Переводъ съ нѣм. подъ ред. П. Полевого. Спб. 1895 г. Ц. въ перепл. 4 р.
- Сказки. Переводъ подъ редакціей А. А. Терешкевича. Книжка VII. М. 1895 г. Ц. 20 к.
- Гроссъ.** Экономическая система Карла Маркса съ научной стороны. Популярный очеркъ. Переводъ и предисловіе Н. Рашковского. Спб. 1895 г. Ц. 20 к.
- Демьяновъ, М.** О значеніи упругости ремня при передачѣ имъ работы. Спб. 1895 г. Ц. 70 к.
- Деппъ, Г.** Коллекція образцовъ котельной порчи въ музеѣ Спб. Технологическаго института. Спб. 1895 г. Ц. 1 руб. 50 коп.
- Джаншіевъ, Гр.** Судъ надъ судомъ присяжныхъ. (По поводу статьи г. Дейтриха). М. 1895 г. Ц. 40 к.
- Димитріу.** Географія, какъ учебный предметъ. Основные понятія изъ математической и физической географіи. Съ 6 чертежами и 14 статистическими таблицами. Одесса. 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Дитатинъ, И.** Статьи по исторіи русскаго права. Спб. 1896 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Длусскій, К.** Цвѣтокъ олеандра. Разсказы. Спб. 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Для легкаго чтенія.** Собраніе юмористическихъ повѣстей и разсказовъ. М. Твена, Стоктона, Джерома и друг. Спб. 1895 г. Ц. 60 к.
- Дитъпровскій, А.** Сѣверныя пѣсни. Петрозаводскъ. 1895 г. Ц. 75 к.
- Довнаръ-Запольскій, М.** Пѣсни пинчуковъ. Съ приложеніемъ карты сѣверной части уѣзда. Кіевъ. 1895 г. Ц. 2 р.
- Догель, Ив.** Сравнительная анатомія, физиологія и фармакологія сердца. Съ рисунками. Казань. 1895 г. Ц. 8 р.
- Долгуновъ, М.** «Моя арфа». Стихотворенія 1892—1895. Кіевъ. 1865 г. Ц. 1 р.
- Домашній иллюстрированный календарь** на 1896 г. Ц. 15 к.
- Дьяноновъ, М.** Половники поморскихъ уѣздовъ въ XVI и XVII вѣкахъ. Спб. 1895 г. Ц. 70 к.
- Езерскій, З.** Артуръ. Діалогъ о пессимизмѣ. Кіевъ. 1895 г. Ц. 20 к.
- Ефименно, А.** Очерки исторіи правобережной Украины. Кіевъ. 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Жизнь замѣчательныхъ людей.** Р. Мальтусъ, его жизнь и научная дѣятельность. Очеркъ Н. Водозова. П. А. Гончаровъ. Его жизнь и литературная дѣятельность. Очеркъ Е. Соловьева. Аксаковы. Ихъ жизнь и литературная дѣятельность. Очеркъ Смирнова. А. Д. Меншиковъ, его жизнь и государственная дѣятельность. Очеркъ Б. Позоровской. Спиноза, его жизнь и философская дѣятельность. Очеркъ Паперна. Ц. каждой біографіи 25 коп.
- Жиль.** Ихъ души. Романъ. Де-Лонэ. Какъ Крикъ не выдалъ сраженія. Разсказъ. М. 1895 г. Ц. 1 р.
- Жиро, П.** (проф.). Общества у животныхъ. Перевелъ В. Склифасовскій. М. 1896 г. Ц. 1 р.
- Журналъ министерства юстиціи.** Сентябрь, 1895 г. Ц. 2 р.
- Звононъ.** Юмористическій альманахъ-календарь на 1896 г. Д. Александрова. М. 1895 г. Ц. 60 к.
- Значеніе женщины въ борьбѣ съ алкоголизмомъ.** Перев. съ нѣмецкаго. М. 1895 г. Ц. 20 к.
- Золотаревъ, Л.** Супружескія измѣны, ихъ значеніе и причины. Популярно-научный очеркъ. М. 1895 г. Ц. 30 к.
- Ивановскій, В.** Русское государственное право, т. I. Верховная власть и ея органы. Вып. I. Казань. 1895 г. Ц. 2 р.

Избранныя произведенія нѣмецкихъ и французскихъ писателей. Изд. Манштейна. Вольтеръ. Исторія Карла XII. Съ сокращеніемъ. Спб. 1894 г. Ц. со словаремъ 50 коп. Избранныя сказки Гауфа. Изд. 2-е. Спб. 1895 г. Ц. со словаремъ 40 коп. Мольеръ. Скупой. Спб. 1895 г. Ц. со словаремъ 40 к.

Иллюстрированное собраніе греческихъ и римскихъ классиковъ подъ редакціей Л. Георгиевскаго и С. Манштейна. Цицеронъ. Рѣчь въ защиту царя Деіотара. Ц. за двѣ части 40 к. Вергилій. Энеида. Пѣснь IV. Изд. 2-е. Ц. за двѣ части 40 к. Гомеръ. Одиссея въ сокращеніи. Спб. 1895 г. Ц. 60 к. Цезарь. Войны въ Галліи, Германіи и Британіи. Ц. за двѣ части 1 р. Цицеронъ. Рѣчь въ защиту Милона. Ц. за обѣ части 60 к.

Императоръ Александръ III. Со многими рисунками. Спб. 1895 г. Ц. 40 к., на велен. бум. 3 р.

Имѣютъ ли болгары историческія права на Македонію, Фракію и Старую Сербію. М. 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Исаевъ, А. Начала политической экономіи. Изд. 3-е дополн. Спб. 1895 г. Ц. 3 р. 50 к.

Истоинъ, В. Главнѣйшія особенности языка и слога произведеній И. А. Крылова, А. Д. Кантемира и Е. А. Баратынскаго. Варшава. 1895 г. Ц. 1 р.

Юшида. Японскій романъ. Спб. 1896 г. Ц. 60 к.

Канъ я излѣчилъ свою нервную болѣзнь. Ревель. 1895 г. Ц. 25 к.

Капустинъ, О. Вліяніе электрическихъ и магнитныхъ силъ, а также силы тяжести на объемъ и давленіе газовъ. Спб. 1895 г. Ц. 40 к.

Карвасовскій, И. Азиатская холера, тифъ и чума. Популярное изложеніе. 1895 г. Ц. 75 к.

Карѣвъ, Н. Мысли объ основахъ нравственности. Спб. 1895 г. Ц. 50 к.

— Введеніе въ курсъ исторіи среднихъ вѣковъ (Романо-Германскій міръ въ VI—XV вв.). Изд. 3-е. Спб. 1895 г. Ц. 35 к.

— Что такое общее образованіе? Съ приложеніемъ статьи «О желательномъ отношеніи молодежи къ наукѣ». Одесса. 1895 г. Ц. 20 к.

Киприановичъ, Г. Историческій очеркъ православія, католицизма и уни въ Бѣлоруссіи и Литвѣ. Съ древнѣйшаго до настоящаго времени. Вильна. 1895 г. Ц. 1 руб.

Кирхенгеймъ, А. (фонъ). Обзоръ юридической литературы за 1884—1894 гг. Перев. съ нѣм. Вып. I. М. 1895 г. Ц. 45 к.

Кирхманъ, I. (фонъ). Философія въ общедоступномъ изложеніи. Перев. подъ редакціей Л. Оболенскаго. 1896 г. Ц. 1 р. 25 к.

Клемпереръ, д-ръ. Основы клинической діагностики. Изд. 2-е. Спб. 1895 г. Ц. 2 руб.

Книжный Вѣстникъ. № 6 и 7. Ц. 60 к. Коппе, Фр. Дѣѣ женщины. Повѣсть. Съ рисунками. М. 1895 г. Ц. 60 к.

— Робертъ. Алкогольная хилость и недолговѣчность современнаго человѣчества. М. 1894 г. Ц. 60 к.

Корелинъ, М. Паденіе античнаго міросозерцанія (Культурный кризисъ въ Римской имперіи). Спб. 1895 г. Ц. 75 к.

Коренблитъ, А. Нѣмецко-русскій техническій словарь. Вып. XXVI. М. 1895 г. Ц. 40 к.

Коровинъ, А. Общественная борьба съ пьянствомъ въ связи съ устройствомъ лѣчебницъ для алкоголиковъ въ Англіи, Швейцаріи и Германіи. М. 1895 г. Ц. 20 коп.

Костомаровъ, Н. Кудеяръ. Историческая хроника. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

Котъ-Мурлына. Повѣсти, сказки и рассказы. Т. VI. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 75 к.

Красильниковъ, Н. Императоръ Наполеонъ. Историческій очеркъ. Вып. I. Его молодость. Спб. 1896 г. Ц. 15 к.

— Кончяна міра. Популярно-научный очеркъ. Спб. 1895 г. Ц. 10 к.

Красноперовъ, С. Пчелиный уставъ или уходъ за пчелами въ улучшенныхъ колодахъ по правиламъ пчеловодной науки. Съ 9-ю рисунк. М. 1895 г. Ц. 1 р. 15 к.

Крашенинниковъ, М. Августалы и сакральное магистерство. Изслѣдов. въ области римскаго муниципальнаго права и древностей. Спб. 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Крестный календарь на 1896 г. Ц. 15 к.

Кушнеревъ, И. Сочиненія. М. 1895 г. Ц. за 3 тома 3 р. 75 к.

Лампрехтъ, Н. Исторія германскаго народа. Т. II (ч. III и V). Перев. съ нѣмецкаго. М. 1895 г. Ц. 4 р.

Ланге, Фр. Рабочій вопросъ, его значеніе въ настоящемъ и будущемъ. Изд. 2-е. Спб. 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.

Ландцвертъ. Спутникъ по Россіи. Замечное движеніе. 1895—1896 г. Ц. 50 к.

Лась, Н. Любовь и вѣра рыбацки. Спб. 1895 г. Ц. 15 к.

Лебазейль, Е. Древніе и новѣйшіе колоссы. Перев. съ франц. Съ 83 рисунк. Спб. 1895 г. Ц. 50 к.

Лебединскій, П. Іоаннъ Креститель. Стихотворное повѣствованіе. Спб. 1895 г. Ц. 1 р.

Лебланъ, Рене. Основы земледѣлія въ 50 опытахъ. Со 100 рис. Элементарно-научное руководство для учителей народныхъ школъ и сельскихъ хозяевъ. Спб. 1895 г. Ц. 50 к.

Левенфельдъ, Р. Гр. Л. Н. Толстой. Его жизнь, произведенія и міросозерцаніе. Переводъ съ нѣмецк. Спб. 1895 г. Ц. 1 р.

Лелюхинъ, А., и Рихтеръ, Н. Раскладки, рассчеты, табели и формы для веденія хозяйственной отчетности по всѣмъ видамъ продовольствія артиллерійскихъ и др. частей войскъ. Спб. 1896 г. Ц. 2 р. 75 к.

Летурно, Ш. Соціологія, основанная на этнографіи. Вып. I. Съ 53 рис. Спб. 1895 г. Ц. 60 к.

Ли, Уэнасъ. Дочери командора. Романъ. Переводъ съ норвежскаго. М. 1895 г. Ц. 75 к.

Ливингстонъ-Мооди, М. Маленькій миллионеръ. Съ англійскаго М. Гранстремъ. Съ 15 рис. Спб. 1895 г. Ц. въ перепл. 2 руб.

Лилія снѣговъ. Романъ изъ быта лопарей. М. 1896 г. Ц. 30 к.

Линицій, П. Краткій очеркъ основныхъ началъ философіи. Харьковъ. 1895 г. Ц. 50 коп.

— О формахъ и законахъ мышленія. Харьковъ. 1895 г. Ц. 80 к.

— Мышленіе научное и ненаучное. Харьковъ. 1894 г. Ц. 30 к.

Липпертъ, Ю. Исторія культуры. Съ 83 рис. 2 изд. Спб. 1895 г. Ц. 1 р. 60 к.

Липранди, А. (Вольнець). Австрійская окупация Босніи и Герцеговины. Спб. 1895 г. Ц. 30 к.

Лисій, Рѣчи. Перев. С. Версиловъ. Вып. I. Спб. 1895 г. Ц. 50 к.

Лоскутновъ, П. Духовный прогрессъ и счастье. Психологическое изслѣдованіе. Спб. 1895 г. Ц. 1 р.

Лѣсничій, Ан. Приключенія Ивасека, маленькаго хохла. Поэма въ стихахъ (для дѣтскаго чтенія). Съ рисунками. М. 1896 г. Ц. 30 к.

Майновъ, Л. Батюшковъ, его жизнь и сочиненія. Изд. 2-е. Съ портретомъ. Спб. 1895 г. Ц. 3 р. 50 к.

Махъ, Е. Ученіе объ электричествѣ и магнетизмѣ въ элементарномъ изложеніи. Перев. съ нѣм. Л. Геймана. Спб. 1894 г. Ц. 1 р.

Морениовскій, Д. Отверженный. Романъ въ двухъ частяхъ. Спб. 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Милль, Дж. О подчиненіи женщинамъ. Пер. съ англ. М. Лялиной. Спб. 1896 г. Ц. 60 к.

Молчановъ, А. Царство рулетки. Спб. 1895 г. Ц. 35 к.

Мордовцевъ, Д. Говоръ камней. Четырнадцатъ рассказовъ изъ жизни древняго Египта. Спб. 1895 г. Ц. 50 к.

Настольный энциклопедическій словарь. Вып. 112. М. 1895 г. Ц. 30 к.

«Неврологическій Вѣстникъ». Подъ редакціей В. Бехтерева (проф.) и Н. Попова, (погф.). Т. III, вып. 2 и 3. Казань. 1895 г. Ц. по 2 р. за выпускъ.

Нечаевъ, А. Объ отношеніи Крылова къ изукт. Спб. 1895 г. Ц. 20 к.

Нимейеръ, П. Геморрой. Причины болѣзни, способы лѣченія и предупрежденія ея. Общедоступный домашній лѣчебникъ. Съ 6 рис. Казань. 1895 г. Ц. 30 к.

Новыя изслѣдованія относительно прочности желѣза, стали и мѣди. Вліяніе постороннихъ примѣсей на сопротивленіе металловъ. Харьковъ. 1895 г. Ц. 75 коп.

Нотнагель, Г., д-ръ, и Россбахъ, М. Руководство къ фармакологіи. Часть II. Изд. 2-е. Спб. 1895 г. Ц. за обѣ части 4 руб.

Нѣкоторыя черты народнаго образованія въ Соединенныхъ Штатахъ. Д. П. Спб. 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.

Объ основаніяхъ геометріи въ память Н. Лобачевского. Изд. 2-е дополи. Казань. 1895. Ц. 1 р. 25 к.

Ольтрамаръ, Г. Опытъ генерализаціоннаго вычисленія. Переводъ съ французскаго В. Обремова. Спб. 1895 г. Ц. 2 р. 50 к.

Отчетъ комитета о сельскихъ ссудо-сберегательныхъ и промышленныхъ товариществахъ. Спб. 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Палеологъ, Ф. Русскіе люди въ Обѣтованной землѣ. Путевныя наблюденія и впечатлѣнія. Со многими рисунками. Спб. 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Пелисье, Ж. Литературное движеніе въ XIX столѣтіи. Сочиненіе, увѣнчанное французскою академіей. М. 1895 г. Ц. 2 руб.

Пеллико, Сильвіо. Мои темницы. М. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

Пергаментъ, О. Путевые очерки. Одесса. 1895 г. Ц. 60 к.

Песоцій, Н. Собраніе приспособленій и приборовъ для предохраненія отъ несчастій при обращеніи съ машинами. Спб. 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Петерсонъ, О. Семейство Бронте (Керреръ, Эллисъ и Актопъ Белль). Спб. 1895 г. Ц. 1 р.

Петрановъ, А. Руководство къ обученію ѣзды въ артиллеріи. Школа ѣздового и орудіянаго фейерверкера. Съ рисунк. Изд. 3-е. Спб. 1896 г. Ц. 3 р.

- Писаревскій, Г.** Къ исторіи сношеній Россіи съ Германіей въ началѣ XVI вѣка. М. 1895 г. Ц. 50 к.
- Писаревъ, С.** Смоленскъ и его исторія. Смоленскъ. 1894 г. Ц. 2 р.
- Погорѣльцамъ.** Стихотворенія В. С. и Н. У. Казань. 1895 г. Ц. 50 к.
- Поселянинъ, Е. Іоасафъ Царевичъ.** Христіанская повѣсть. Рисунки А. Синцова и Д. Соловцова. М. 1895 г. Ц. 35 к.
- Потапенно, И.** Азорка. Повѣсть («Деш. Библ.» А. С. Суворина, № 185). Ц. 15 к., въ перепл. 30 к.
- Простая случайность.—Братья. Разсказы («Деш. Библ.» А. С. Суворина, № 186). Ц. 15 к., въ перепл. 30 к.
- Предтеченскій, А.** Курсы паровыхъ котловъ. Съ атласомъ изъ 20 табл. Харьковъ. 1895 г. Ц. 6 р.
- Пѣтуховъ, Е.** Письма Н. В. Гоголя къ Н. Я. Прокоповичу (1832—1850). Киевъ. 1895 г. Ц. 60 к.
- Замятки о нѣкоторыхъ рукописяхъ, хранящихся въ библиотекѣ Историко-Филологическаго Института князя Безбородко. Киевъ. 1895 г. Ц. 50 к.
- Рамо, Ж.** Янъ. Перев. съ франц. Съ иллюстраціями. М. 1896 г. Ц. 60 к.
- Рашевскій, И. (д-ръ).** Замятки по фармакологіи для фельдшеровъ. 2-е исправленное и дополн. изд. Спб. 1895 г. Ц. 1 р. 20 к.
- Рейнбольт, Е.** Учебникъ химической технологии для среднихъ техническихъ школъ. 2-е изданіе, вновь переработанное и значительно дополненное. Съ 184 политипажами. Спб. 1896 г. Ц. 4 р.
- Риттеръ, А. (фонъ).** Наброски. М. 1896 г. Ц. 50 к.
- Рихтеръ, Е.** Элементарная геометрія въ объемѣ курса средн. учебн. заведеній. Спб. 1895 г. Ц. 1 р. 40 к.
- Розовое демино.** Тайны двухъ клубовъ. Романъ. Спб. 1895 г. Ц. 2 р.
- Романовичъ, М.** Гражданская архитектура. Части зданій. 3 тома и атласъ. Вышли т. I и II и атласъ. Спб. 1895 г. Ц. 20 р.
- Рудневъ, Л.** О духовныхъ завѣщаніяхъ по русскому гражданскому праву въ историческомъ развитіи. Киевъ. 1895 г. Ц. 1 руб.
- Руководство къ устройству бесплатныхъ народныхъ библиотекъ и читальнъ.** Харьковъ. 1895 г. Ц. 20 к.
- «Русская Бесѣда». Сентябрь. Ц. 1 р.
- «Русская Музыкальная Газета». Октябрь. Ц. 30 к.
- Рябовъ, Г.** Таблицы пятизначныхъ логарифмовъ чиселъ и тригонометрическихъ величинъ. Для среднихъ учебн. заведеній. Одесса. 1895 г. Ц. въ переплетѣ 75 к.
- Сборникъ правовѣднія и общественныхъ знаній.** Т. V. Спб. 1895 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Свѣтловъ, В.** Семья или сена? Романъ. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Святловскій, В. 2-й.** Государственное страхование рабочихъ въ Германіи. Историко-статистическій очеркъ. М. 1895 г. Ц. 50 к.
- Святскій, И.** Драгоценные камни. Съ 38 рис. Спб. 1895 г. Ц. 50 к.
- «Сельскій Хозяинъ». № 51. Ц. 20 к.
- «Сельско-хозяйственный Вѣстникъ». № 40. Ц. 15 к.
- Скоттъ - Вальтеръ.** Удстокъ. Романъ. Спб. 1895 г. Ц. 80 к.
- Смердовъ, В.** Команды самокатчиковъ въ войскахъ. Варшава. 1895 г. Ц. 55 к.
- Смирновъ, П.** Исторія русскаго раскола старообрядства. Изд. 2-е исправл. и дополн. Спб. 1895 г. Ц. 1 р. 30 к.
- Снегиревъ, А. Л.** Ольга Палемъ (убійство студента Довнара). Романъ Кожевника. Сергіевъ Посадъ. 1895 г. Ц. 1 р.
- Собраніе чертежей для студентовъ Спб. Технологическаго института.** Краны и клапаны. Ц. 1 р. 25 к. Арматура котловъ. Ц. 1 р. 75 к. Задвижки. Ц. 50 к. Папка къ нимъ. Ц. 40 к.
- Соловьевъ-Несмѣловъ, Н.** Будьте счастливы! (Мысли о счастья). М. 1896 г. Ц. 20 коп.
- Сообщенія Спб. Отдѣленія Комитета о сельскихъ ссудо-сберегательныхъ и промышленныхъ товариществъ.** Выпускъ 10-й. Спб. 1895 г. Ц. 50 к.
- Спортъ во всѣ времена года.** Составилъ Гр. Ф.—тъ. Съ 30 рис. Спб. 1896 г. Ц. 50 к.
- Суворинъ, А.** Палестина. Вып. 21-й. Ц. 1 р. 50 к. По подпискѣ на все сочиненіе (30 вып.) 35 р.
- Сумцовъ, Н.** Замятки о малорусскихъ думахъ и духовныхъ виршахъ. М. 1895 г. Ц. 30 к.
- Счастливыя и тяжелыя минуты крейсера «Воевода».** Воспоминанія коковра Императорской яхты въ Данію въ 1893 г. Ц. 70 к.
- «Сѣверный Вѣстникъ». Октябрь 1895 г. Ц. 1 р. 20 к.
- Сѣдой, А.** Святочные разсказы. Изд. 2-е. Спб. 1896 г. Ц. 50 к.
- Стровъ, А.** Критическія статьи. Т. III и IV. Спб. 1895 г. Ц. за 4 тома 6 р.
- Таблицы для вычисленія процентовъ по конто-коррентнымъ счетамъ.** М. 1894 г. Ц. 1 р.

- Тамитъ, П. Н. Жизнеописаніе Агрия-колы. Перевелъ С. П. Версильовъ. Слб. 1895 г. Ц. 1 р.
- Таргонскій, В. Характеристика мѣстностей, подверженныхъ градобитіямъ въ Европейской Россіи. Съ приложеніемъ 5 картъ. М. 1895 г. Ц. 50 к.
- «Театраль». Сентябрь, № 36. Родина. Драма Г. Зудермана. Опытъ руководства къ сценическ. гриму А. Воскресенскаго. М. 1895 г. Ц. 50 к.
- № 37 (сентябрь). Прости. Ком. въ 3-хъ дѣйств. Ж. Леметра. Театральные дѣльцы. Повѣсть. А. Г. Ц. 50 к.
- Тимирязевъ, Н. Нѣкоторыя основанія современнаго естествознанія. М. 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- «Тюремный Вѣстникъ». 1895 г. № 1—8. Ц. кажд. номера 50 к.
- Указатель желѣзнодорожныхъ, пароходныхъ и иныхъ пассажирскихъ сообщеній. Изданіе министерства путей сообщенія. Зимнее движеніе 1895—1896 гг. Ц. 60 к.
- Успенскій, П. Книга бытія моего. Дневники и автобиографическія записки епископа. Ч. II. Годы 1844—1845. Слб. 1895 г. Ц. 4 р.
- Федоровъ, А. (проф.). Исторія векселя. Историко-юридическое изслѣдованіе. Одесса. 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Федотовъ А. Гребнечесалныя машины Гейльмана въ бумагопрядильномъ производствѣ. М. 1895 г. Ц. 1 р.
- Фирсовъ, В. Разсказы и легенды. Слб. 1896 г. Ц. 1 р.
- Фламаріонъ, Н. Многочисленность обитаемыхъ міровъ. Эгюдъ, въ которомъ излагаются условія обитаемости небесныхъ тѣлъ съ астрономической, физиологической и философской точекъ зрѣнія. Перев. К. Толстой. Съ 4 рисунк. Слб. 1896 г. Ц. 2 р.
- Фулье, А. Огрывки изъ сочиненій великихъ философовъ. Перев. съ франц. П. Николаева. М. 1895 г. Ц. 3 р.
- Хинманъ, А. (проф.). Монеты всѣхъ странъ въ образцахъ и условія ихъ обращенія. Перев. Ф. Флугъ. Слб. 1895 г. Ц. 2 р.
- Холодовъ, И. Мысли и сопоставленія по поводу современнаго понятія о любви. М. 1896 г. Ц. 10 к.
- Христіансенъ, С. Основы теоретической физики. Пер. С. Егорова. Съ 143 рис. Первая половина. Слб. 1895 г. Ц. по подпискѣ 3 р.
- Цвѣты съ натур. 6 рисунковъ. Слб. 1895 г. Ц. 2 р.
- Черманъ, Н. О построеніи живого вещества. Гипотеза живыхъ молекулъ-вихрей. Слб. 1895 г. Ц. 50 к.
- Черняевъ, П. Краткія указанія для переводящихъ съ латинскаго языка на русскій, съ отрывками для переводовъ (пособіе для учениковъ VII и VIII классовъ гимназій). Казань. 1895 г. Ц. 50 к.
- Четыре дня въ деревнѣ псоваго охотника. Слб. 1895 г. Ц. 1 р.
- Шапиръ, О. Записки мужа. Слб. 1896 г. Ц. 1 руб.
- Шванкъ. Германская армія. Справочная книжка для русскихъ офицеровъ. Слб. 1895 г. Ц. 50 к.
- Шенспиръ, В. «Гамлетъ», принцъ датскій. Трагедія въ 5 дѣйств. Пер. А. Данилевскій. Изд. 2-е, исправл. Ревель. 1894 г. Ц. 75 к.
- Сочиненія въ переводѣ и объясненіи А. Л. Соколовскаго. Т. IV. Слб. 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Шеллеръ, А. (Михайловъ). Полное собраніе сочиненій. Т. XV (последній). Ц. за 15 т.—25 р., отдѣльно цѣна тома—2 руб.
- Шерръ, I. Всеобщая исторія литературы, подъ ред. П. Вейнберга. Вып. III. Ц. по подпискѣ на все сочин.—6 р.
- Шишинъ, А. Сельско-хозяйственная экономія. Часть 2-я. Организація, администрація хозяйства въ имѣніяхъ и контроль. Слб. 1896 г. Ц. 85 к.
- Шрейдеръ, Д. Японія и японцы. Путевые очерки современной Японіи. Съ 145 рис. и картою. Слб. 1895 г. Ц. 4 р.
- Штевень, А. Изъ записокъ сельской учительницы. Слб. 1895 г. Ц. 75 к.
- Штрюмпель. По вопросу объ алкоголѣ съ врачебной точки зрѣнія. Smith. Какое положеніе должны мы, врачи, занимать въ вопросѣ объ алкоголѣ. М. 1895 г. Ц. 15 к.
- Шумановъ, С. Губныя и земскія грамоты Московскаго государства. Изслѣдованіе. 1895 г. Ц. 2 р.
- Эбенгехъ, П. (д-ръ). Человѣкъ или строеніе нашего тѣла и отправление его органовъ. Съ разъемными рисунками. Слб. 1895 г. Ц. 1 р.
- Эбингъ, Нр. (д-ръ). Прогрессивный параличъ. Харьковъ. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Эшъ, Г. Руководство для любителей паруснаго спорта. Слб. 1895 г. Ц. 12 р.

ПРОГРАММА

Организаціи Историческаго Музея при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Воспитательномъ Обществѣ благородныхъ дѣвицъ.

Со времени своего основанія ИМПЕРАТОРСКОЕ Воспитательное Общество благородныхъ дѣвицъ и состоявшее при немъ Александровское Училище неоднократно удостоивались высокаго вниманія и милостей Членовъ ИМПЕРАТОРСКОЙ Фамиліи; многія лица, выдававшіяся въ исторіи образованія русскаго общества, группировались около этого учрежденія, и многія измѣненія въ возрѣніяхъ Правительства на дѣло воспитанія и обученія ярко отражались въ жизни этого перваго по времени правительственнаго женскаго учебнаго заведенія въ Россіи. Все это представляетъ большой интересъ для исторіи образованія русской женщины, и потому Совѣтъ ИМПЕРАТОРСКАГО Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ и Александровскаго Института постановилъ организовать при первомъ изъ этихъ учебныхъ заведеній музей, который комплектовали бы слѣдующіе предметы:

- 1) Письма Членовъ ИМПЕРАТОРСКОЙ Фамиліи, имѣвшія связь съ жизнью Общества благородныхъ дѣвицъ и состоявшаго при немъ Александровскаго Училища.
- 2) Произведенія искусствъ, книги и другіе предметы, пожертвованные Членами ИМПЕРАТОРСКОЙ Фамиліи.
- 3) ВѢСОЧАЙШІЕ рескрипты, данныя на имя учрежденія, а также выдающіеся постановленія относительно учебно-воспитательнаго и хозяйственнаго строя этого заведенія.
- 4) Планы вданій въ разное время, гравюры и вообще предметы, интересныя для исторіи этого учрежденія.
- 5) Литературныя и художественныя труды, а также мемуары бывшихъ воспитанницъ и указанія на ихъ выдающуюся семейную или общественную дѣятельность.
- 6) Портреты выдававшихся дѣятелей, литературныя, художественныя и ученыя труды служившихъ, а также служащихъ при этомъ учебномъ заведеніи.
- 7) Учебныя программы, классныя записки и учебники за разное время.
- 8) Сочиненія и отзывы постороннихъ лицъ, касающіеся этого учебнаго заведенія.

Нѣтъ сомнѣнія, что лица, интересующіяся исторіей умственнаго и нравственнаго образованія русской женщины, и въ особенности лица, близко стоявшія или стоящія къ названному учрежденію, будутъ содѣйствовать основанію такого музея и не откажутся доставить означенные предметы въ Канцелярію заведенія на имя организатора музея Николая Сергѣевича Карцова, который и обязуется вести письменныя и устные переговоры по всемъ подобнаго рода дѣламъ. Кромѣ такихъ пожертвованій, которыя будутъ отмѣчаться особыми записями, принимается и указаніе на мѣстонахожденіе подобныхъ историческихъ памятниковъ.

Всякое же заявленіе о возвращеніи владѣльцу представленныхъ предметовъ или документовъ будетъ тотчасъ же выполнено по снятіи съ нихъ копій или фотографическаго снимка.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 27-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Еженедѣльный иллюстриров. Журналъ литературы, политики и современной жизни со многими бесплатными приложениями и преміями.

„НИВА“ 1896 г.

Гг. подписчики «НИВЫ» получать въ теченіе 1896 года.

52 №№ художественно-литературнаго журнала «Нива», заключающаго въ себя въ теченіе года около 1500 столбцовъ текста и 500 гравюръ и рисунковъ.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Д. В. ГРИГОРОВИЧА,

вновь пересмотрѣнное и исправленное самимъ авторомъ, съ приложеніемъ при первомъ томѣ автографа и портрета Д. В. Григоровича, гравированнаго на стали Бронгаузомъ въ Лейпцигѣ. Полное собраніе соч. Д. В. Григоровича будетъ выдано при «Нивѣ» въ теченіе **ОДНОГО 1896 ГОДА, въ 12 томахъ**, которые будутъ выходить въ началѣ наждаго мѣсяца и заключать въ себя всѣ сочиненія Д. В. Григоровича, а именно:

ТОМЪ I. Петербургскіе шарманщики. Сосѣдка. Лотерейный балъ. Деревня. Антонъ Горемыка. Бобаль. Капельмейстеръ Сусликовъ. Четыре времени года. **ТОМЪ II.** Походженія Накатова или недолгое богатство. Неудавшаяся жизнь. Свѣтлое Христово Воскресеніе. Свистулькинъ. Мать и дочь. **ТОМЪ III.** Проселочныя дороги. Ром., ч. I. **ТОМЪ IV.** Проселочныя дороги. Ром., ч. II. **ТОМЪ V.** Смедовская долина. Зимній вечеръ. Рыбаки. **ТОМЪ VI.** Переселенцы. Романъ въ 5 ч. **ТОМЪ VII.** Прохожія. Столичные родственники. Пахарь. Школа гостепріимства. **ТОМЪ VIII.** Скучные люди. Очерки современныхъ нравовъ. Въ ожиданіи парома. Почтенные люди, обремененные многочисленнымъ семействомъ. Кошка и мышка. Пахатникъ и бархатникъ. **ТОМЪ IX.** Корабль Ретвизанъ. (Годъ въ Европѣ и на европейск. моряхъ). **ТОМЪ X.** Два генерала. Столичный воздухъ. Гуттаперчевый мальчикъ. Алексѣй Чемезовъ. (Недолгое счастье). Карьеристъ. **ТОМЪ XI.** Акробаты благотворительности. Сонъ Карелина. (Отрывокъ изъ ром. «Петербургъ прошлаго времени»). Не по хорошу миль,—по милу хорошъ. Картины английскихъ живописцевъ на выставкахъ 1862 г. въ Лондонѣ. Художественное образованіе въ приложеніи къ промышленности на всемірной Парижской выставкѣ 1867 г. **ТОМЪ XII.** Рождественская ночь. Мой дядя Бандуригъ. Зампевые люди. (Заноза). Ком. въ 4 д. Городъ и деревня. Литературная воспоминанія. Порфирій Петровичъ Кукушкинъ. Встрѣча.

Сочиненія Григоровича **отдѣльно отъ журнала «НИВА» не продаются.**

12 **НИИГЪ «ЕЖЕМѢСЯЧНЫХЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ»**, въ увеличенномъ объемѣ, которыя будутъ выходить при «Нивѣ» въ серединѣ наждаго мѣсяца и содержать въ себѣ романы, повѣсти, рассказы и проч. **современныхъ авторовъ.**

12 №№ «ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ», выходящихъ ежемѣсячно и содержащихъ до 300 модныхъ гравюръ.

12 ЛИСТОВЪ рукодѣльныхъ и выпильныхъ работъ (около 300) и до 300 чертеной выкроекъ въ натуральную величину, выходящихъ ежемѣсячно.

ПОРТРЕТЪ Государыни Императрицы АЛЕКСАНДРЫ ФЕОДОРОВНЫ, исполненный по оригиналу художника И. С. Галлина, размѣръ въ 18 вершковъ вышины и 14 вершковъ ширины.

«СТѢННОЙ КАЛЕНДАРЬ» на 1896 г., печатанный красками.

Подписная цѣна на годовое изданіе «НИВЫ» со всѣми вышеозначенными приложениями: Безъ доставки въ СПб. **5 р.** Съ доставкою въ СПб. **6 р. 50 к.** Безъ доставки въ Москвѣ (въ конт. Н. Н. Печковской) **6 р.** съ пересылкою во всѣ города и мѣстности Россіи **7 р.**, за ГРАНИЦУ **10 р.**

Требованія просить адресовать въ С.-Петербургъ, въ главную контору журнала «НИВА» (А. Ф. МАРКУС), Малая Морская, д. № 22.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ.

ЖУРНАЛЬ.

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ **Петербургѣ**, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 38. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ**, **Харьковѣ**, **Одессѣ** и **Саратовѣ**, при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., библіографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты и рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергія Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «**Историческаго Вѣстника**» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

СОДЕРЖАНИЕ.

ДЕКАБРЬ, 1895 г.

	СТР.
I. Въ поискахъ истины. Часть II-я. XII—XIV. (Окончаніе). Н. И. Мердеръ	667
II. Воспоминанія А. В. Эвальда. XI—XII. (Окончаніе)	703
III. Конецъ «Голубятни». VI—X. (Окончаніе). Марка Басанина	740
IV. Пестрыя странички. (Изъ литературныхъ воспоминаній). IV. (Окончаніе). А. В. Круглова	790
V. Князь Г. А. Потемкинъ. (По запискамъ графа Ланжерона, хранящимся въ Парижскомъ архивѣ). А. Г. Брикера	818
VI. Замѣчательныя русскія женщины. Ольга Александровна Жеребцова. С. А. Адрианова	844
VII. Забытая усадьба. И. Рынды	858
Иллюстраціи: 1) Село Спасское и часовня.—2) Кабинетъ Тургенева въ селѣ Спасскомъ.—3) Ели «Два брата» въ селѣ Спасскомъ.—4) Мавзолей И. И. Лутовинова.	
VIII. Другъ дѣтей. (Памяти Егора Арсеньевича Покровскаго). А. В. Круглова	872
Иллюстрація: Егоръ Арсеньевичъ Покровскій.	
IX. Царевъ шпигъ. (Эпизодъ изъ Сѣверной войны). С. Н. Браиловскаго	881
X. Протоіерей Филоевъ Вукловичъ Владеничъ, измаильскій герой, кавалеръ георгіевской ленты. С. Г. Рункевича	901
XI. Русская исторія fin de siècle. П. Н. Полеваго	918
XII. Молодежь и ея руководители. Б. Б. Глинскаго	931
XIII. Краткая и библиографія	961
1) Полное собраніе сочиненій А. К. Шеллера. Томъ XV. Спб. 1895. А. Фаресова.—2) Записки Сергѣя Николаевича Глинки. Спб. 1895. Б. Глинскаго.—3) Генеалогія живущихъ титулованныхъ польскихъ родовъ (Genealogie żyjących utytułowanych rodów Polskich. Sewer Hr. Dunin-Borkowski. Lwow. 1895). К. Г—ова.—4) Оразительное писаніе о новозобрѣтенномъ пути самоубиственныя смерти. Вновь найденный старообрядческій трактатъ противъ самосожженія, 1691 года. Сообщеніе Хрусана Лопарева. Спб. 1895. (Памятники древней письменности. CVIII). С. Т—снаго.	
XIV. Заграничныя историческія новости и мелочи	970
1) Археологическія раскопки въ Египтѣ, Помпѣи и Крыму.—2) Воспоминанія французскаго офицера о Крымской войнѣ.—3) Прудонъ о Наполеонѣ I.—4) Швейцарскія народоправства.—5) Вѣчный жидъ въ Итали.—6) Ученія женщины въ Германіи.—7) Императоръ Фридрихъ III, какъ студентъ.—8) Юбилей Французскаго института и Огюстена Тьерри.	
XV. Смѣсь	989
1) Десятисотлѣтіе Перынского скита.—2) Открытіе памятника вице-адмиралу Корнилову и музея Севастопольской обороны.—3) Открытіе памятника императору Александру III въ Керчи.—4) Открытіе памятника проф. М. О. Кояловичу.—5) Закладка музея въ память Н. И. Пирогова.—6) Присужденіе премій А. С. Пушкина, В. А. Жуковскаго и профессора Котляревскаго.—7) Об-	

См. слѣд. стран

щество художников исторической живописи. — 8) Учреждение губернской ученой архивной комиссии в Черниговѣ. — 9) Дѣятельность Подольскаго епархіальнаго историко-статистическаго комитета за 1894 г. — 10) Памятникъ на могилѣ П. М. Садовскаго. — 11) Памятникъ графу Румянцеву. — 12) Некрологи: *Г. Г. Веселаго; Н. С. Стромилловъ; Е. А. Покровскій; А. А. Голубевъ; А. П. Жандръ; епископъ Александръ; Н. П. Марковъ; О. И. Бакстъ; А. Д. Кившенко; А. А. Наумовъ; М. В. Васильевъ.*

XVI. Замѣтки и поправки 1015

1) Письмо въ редакцію. *Маріи и Евгеніи де-Ридель.*

XVII. Объявленія.

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ Ольги Александровны Жеребцовой. — 2) Паденіе Царьграда (*The Prince of India or why Constantinople fell*). Историческій романъ *Люиса Воллеса*, автора «Во время оно». Переводъ съ англійскаго. Часть VI. Гл. VII—XIII. Эпилогъ. (Окончаніе). — 3) Указатель личныхъ именъ, упоминаемыхъ въ четырехъ томахъ «Историческаго Вѣстника» 1895 года, и указатель гравюръ, помѣщенныхъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» за то же время.

При настоящей книжкѣ разсылаются городскимъ и иногороднимъ подписчикамъ: 1) объявленіе отъ С.-Петербургскаго Общества страхованія отъ огня имуществъ и страхованія пожизненныхъ доходовъ и денежныхъ капиталовъ, 2) объявленіе о подпискѣ на 1896 г. на газету «Сынъ Отечества» и журналы «Живописное Обзорніе» и «Домашняя библіотека», 3) о подпискѣ на 1896 годъ на иллюстрированный журналъ для дѣтей школьнаго возраста «Дѣтское Чтеніе», 4) о подпискѣ на 1896 годъ на иллюстрированный журналъ «Нива», 5) отъ редакціи еженедѣльной газеты «Недѣля» о подпискѣ на 1896 годъ и 6) каталогъ книгоиздательства Германъ Гоппе.

О ПОДПИСКѢ
НА
„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“
въ 1896 году
(СЕМНАДЦАТЫЙ ГОДЪ).

„Историческій Вѣстникъ“ будетъ издаваться въ 1896 году на тѣхъ же основаніяхъ и по той же программѣ, какъ и въ предшествовавшія шестнадцать лѣтъ (1880—1895).

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ въ годъ (со всѣми приложеніями) десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора „Историческаго Вѣстника“ въ Петербургѣ при книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“, Невскій проспектъ, № 38. Отдѣленія конторы въ Москвѣ, Харьковѣ, Одесѣ и Саратовѣ, при находящихся въ этихъ городахъ отдѣленіяхъ книжнаго магазина „Новаго Времени“.

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА ЖЕРЕБЦОВА.

ДОВ. ЧЕНЗ. СПБ., 14 ДЕКАБРЯ 1894 Г.

ВЪ ПОИСКАХЪ ИСТИНЫ ¹⁾.

О НЕДѢЛИ черезъ двѣ, Магдалина ужъ не говорила себѣ съ такою увѣренностью, какъ въ тотъ вечеръ: «я его спасу!»—а съ тоской спрашивала себя: «какъ мнѣ его спасти?». Мѣсяць же спустя, обстоятельства такъ осложнились и запутались, что по временамъ она падала духомъ, и Грибковъ, единственный человѣкъ, которому она повѣряла свои душевныя муки, долженъ былъ увѣрять ее въ томъ, во что онъ уже и самъ пересталъ вѣрить, а именно: что все раскроется, убійца князя найдется, и общественное мнѣнiе, равно какъ и убѣжденiя судей съ г. Корниловичемъ во главѣ, внезапно измѣнятся, однимъ словомъ, чтобъ спасти ее отъ отчаянiя, онъ увѣрять, что свершится чудо. И подъ влиянiемъ его словъ Магдалина оживала на время, и снова ей казалось невозможнымъ, чтобы невинный человѣкъ погибъ за чужой грѣхъ, и чтобъ, любя этого человѣка такъ страстно, какъ она его любитъ, она бы спасти его не могла.

Но иногда и на Грибкова находило отчаянiе.

— Улики размножаются, какъ песокъ морской,—докладывалъ онъ ей, печально кивая головой.—Людишекъ его такъ замучили допросами да угрозами, что надо только дивиться, какъ еще дер-

¹⁾ Окончанiе. См. «Историческiй Вѣстникъ», т. LXII, стр. 307.

жаты до сихъ поръ. Однако, какъ засадятъ ихъ въ темную, да зачнутъ сеledками кормить, а воды не даватъ, обезумятъ отъ жажды и того наболтаютъ, что никому и не снилось... Одного только теперь лиходѣи наши боятся, чтобъ особаго ревизора по этому дѣлу изъ столицы не прислали. Всѣ ихъ пашни тогда на свѣтъ Божій выплывутъ. Копнуть только у нихъ въ палатѣ,—такой пойдетъ духъ!.. По всей губерніи расползется, да и сосѣднія-то прихватить.

— Но тогда все откроется, и Федя будетъ оправданъ,—замѣтила Магдалина, хватаясь за это предположеніе, какъ утопающій за соломинку. Но Грибковъ отвѣчалъ на это только вздохомъ.

— Ты думаешь, что и петербургскій ревизоръ его не спасетъ?—спросила дрогнувшимъ голосомъ дѣвушка.

— Эхъ, кабы намъ уговорить ихъ бѣжать отсюда! Да подальше, въ чужіе края. Вотъ тогда, дѣйствительно, имъ нечего было бы опасаться,—сказалъ старикъ, не отвѣчая на предложенный вопросъ и въ смущеніи отвертываясь отъ пытливаго взгляда, устремленнаго на него.

— Бѣжать! Да развѣ это возможно?

— Все возможно, моя сударыня.

— Такъ возьми же у меня денегъ! Сколько тебѣ? Мы можемъ дать, у насъ много,—вскричала Магдалина.

— Дайте досказать, сударыня. Тутъ зацѣпка не въ однѣхъ деньгахъ...

— А въ чемъ же?

— Да въ самомъ Федорѣ Николаевичѣ, если ужъ хотите знать, вотъ въ комъ. Съ опасностью жизни, можно сказать, я къ нему проникъ намеренъ, на колѣняхъ умолялъ ихъ дозволить намъ ихъ спасти,—не желаютъ. «Я, говорить, пускать тебя къ себѣ не велю, если ты меня этимъ будешь искушать». Все на томъ стоять, что за грѣхъ противъ покойнаго князя Господь ихъ караетъ, ничѣмъ ихъ съ этой мысли не сбить.

— Мнѣ надо его видѣть,—объявила Магдалина.

— Напрасно только измучаетесь, не послушаютъ они и васъ... Нашло на нихъ, въ родѣ какъ... помѣшательство,—хотѣлъ онъ сказать, но спохватившись, смолкъ, не выговоривъ страшнаго слова.

— Такъ что же по-твоему надо дѣлать?

— По-моему, надо бы насильно ихъ изъ острога извлечь, вотъ что по-моему. Ужъ толковали мы объ этомъ съ Ильей, да онъ говоритъ — повременить надо, пусть начальство поостынетъ маленько къ этому дѣлу... Протоколы, слѣдствія, допросы и отвѣты подсудимаго и свидѣтелей,—все это съ эстафетой въ Питеръ послали, къ г. министру. Что-то будетъ!

— А когда же оттуда можно ждать отвѣтъ?

Грибковъ пожалъ плечами.

— Кто же можетъ это знать, моя сударыня! Бываетъ и такъ, что въ годъ и два такія дѣла кончаются, а случается, что десятки лѣтъ тянутся. Все отъ людей, да отъ денежныхъ молитвъ зависитъ. Кабы было кому хлопотать за насъ въ Питерѣ, ну, тогда дѣйствительно...

— Надо туда ѣхать. Я поѣду.

— Повремените до осени, тогда и я съ вами,—сказала подьячій.

— До осени! А тѣмъ временемъ дѣло его кончится, и его приговорятъ къ каторгѣ, въ Сибирь, и отправятъ туда!

Какъ ни былъ озабоченъ Грибковъ, но предположеніе это заставило его засмѣяться. Чтобъ въ три мѣсяца уголовное дѣло было рѣшено, да съ тѣхъ поръ, какъ міръ стоитъ, этого не бывало! Онъ объяснилъ боярышнѣ, что раньше зимы и отвѣта изъ Питера нельзя ждать, стало быть, никакихъ перемѣнъ не произойдетъ. А до тѣхъ поръ, можетъ, и удасться увести заключеннаго за границу.

Планъ этотъ, повидимому, улыбался ему гораздо больше всякихъ упованій на справедливость и пронизательность высшаго начальства, и ужъ по одному этому можно было судить, какимъ опаснымъ представлялось ему положеніе несчастнаго Курлятева. Въ глубинѣ души онъ считалъ его помѣшаннымъ и, по его мнѣнію, обстоятельство это усложняло дѣло самымъ ужаснымъ образомъ. Онъ, значить, не только постоять за себя не захочетъ, но самъ въ петлю полѣзетъ, какъ и отецъ его, который пѣлъ благодарственные гимны, когда его заковывали въ цѣпи, отвѣчалъ текстами изъ священнаго писанія на всѣ предлагаемые ему судьями вопросы, однимъ словомъ, такъ велъ себя во время слѣдствія по обвиненію его въ принадлежности къ злой и противоправительственной сектѣ, а также въ укрывательствѣ бѣглыхъ изъ острога и Сибири преступниковъ, что его нельзя было не заключить въ домъ умалишенныхъ. Вотъ что ожидаетъ и сына его при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, если въ немъ приметъ особенное участіе та личность, что пришлютъ изъ Петербурга, и рѣшить, что убійство совершено въ припадкѣ сумасшествія, а это хуже Сибири. Въ Сибири покойный Николай Семеновичъ, можетъ быть, до сихъ поръ былъ бы живъ и здоровъ, а въ сумасшедшемъ домѣ и двухъ лѣтъ не выдержалъ, совсѣмъ помѣшался, захирѣлъ и отъ скоротечной чахотки померъ. А какой былъ крѣпышъ! Цвѣлъ силой и здоровьемъ, вотъ какъ и сынъ теперь. И лѣтъ ему было немного. Семнадцати женился; старшей барышнѣ двадцать два года минуло, какъ онъ скончался, значить за сорокъ еще не перевалило. Нѣтъ, нѣтъ, надо спасти молодого барина отъ такой бѣды и, не ожидая приѣзда петербургскихъ ревизоровъ, насильно увести его въ безопасное мѣсто.

Грибковъ намекалъ Магдалинѣ на чужіе края, но онъ зналъ и въ Россіи такія мѣста на Дону, у казаковъ, гдѣ сыну боярина

Курлятьева окажутъ радушный приѣмъ. Не выдадутъ его и въ степяхъ за Ураломъ, да и здѣсь, по близости, найдутся укромныя мѣстечки, гдѣ всю жизнь можно преспокойно прожить подъ чужимъ именемъ.

Жаль только, что состояніе-то у Курлятьева, какъ выморочное въ казну отойдетъ. Ну, да за то Бахтерины богаты.

Магдалину опытный старикъ понялъ какъ нельзя лучше. Она изъ тѣхъ, что куда угодно, въ самый мрачный вертепъ пойдетъ не задумываясь за любимымъ человѣкомъ, и чѣмъ онъ несчастнѣе, тѣмъ сильнѣе и беззабѣтнѣе она его будетъ любить.

И ничего для него не пожалѣеть. Осторожененько да умненько повести дѣло—можно г. Корниловичу вотъ какой носъ натянуть! То-то обовлится, какъ добыча у него изъ цѣпкихъ когтей выскользнетъ!

Но вдругъ такое дѣло не оборудуешь. Надо и времечко подходящее выбрать, и вѣрныхъ приспѣшниковъ отыскать, и надежное убѣжище найти.

Однако и отъ перваго своего намѣренія: попытаться найти настоящаго убійцу, Карпъ Михайловичъ не отказался. Отъ заботы онъ и сна, и аппетита лишился. Еще солнышко не вставало, а онъ ужъ на ногахъ; умылся, одѣлся, Богу помолился, взялъ палку, надѣлъ картузь, да и въ путь. Весь день, до поздняго вечера бродитъ по окрестностямъ города, и гдѣ только не побываетъ! И на монастырской мельницѣ можно было его встрѣтить у кумы, мельничихи, и въ лѣсу за Принкулинской усадьбой, и на рѣкѣ съ рыбаками, чѣ рыбу тенетами ловятъ у островка, версты за три отъ города. Такой сталъ старичекъ проворный, и молодому за нимъ не угоняться.

ХП.

А въ Москвѣ тѣмъ временемъ вотъ что происходило.

Купчиха Сыноква сидѣла у окна и всматривалась въ ту сторону, откуда долженъ былъ прийти ея мужъ.

Не успѣлъ онъ еще какъ слѣдуетъ побесѣдовать съ нею съ приѣзда, такъ и рвутъ его по Москвѣ торговые люди. Отсутствие его длилось цѣлыхъ полгода; уѣхалъ—еще зима стояла, а вернулся послѣ Петрова дня. Побывалъ онъ и у Каспійскаго моря, и у казаковъ на Дону, и на Черномъ морѣ, вернулся въ Астрахань, а оттуда, на судахъ, привезъ въ Тверь транспортъ соленой рыбы тысячь на сто, говорятъ.

Сколько онъ съ этой рыбы наживетъ, страсть! Посылаетъ же Господь человѣку счастье! все-то ему удастся, все-то у него спорится, что ни затѣветъ. Рыба въ цѣнѣ; бурями множество судовъ поломало, и вмѣстѣ съ людьми въ море унесло, а его изъ

всѣхъ бѣдъ и напастей, отъ которыхъ другіе сотнями гибнуть, завсегда цѣлымъ и невредимымъ ангель хранитель выносить. Думали, ужъ не вернется на этотъ разъ; цѣлыхъ два мѣсяца вѣстей отъ него не было. Жена его, какъ тѣнь, бродила, блѣдная да худая. Ужъ и слезы-то всѣ выплакала по немъ. Толковали кумушки, что ей ужъ и вѣщіе сны про него снились, будто звалъ онъ ее къ себѣ на дно морское полюбоваться, какъ раки тѣло его бѣлое на клочья рвутъ, и будто она ужъ и сама собиралась въ Астрахань ѣхать, чтобы хоть косточки супруга попытаться собрать, чтобы похристіански отпѣть да землѣ предать, и вдругъ, прискакалъ отъ него посоль изъ города Саратова, съ хорошими вѣстями: все благополучно, Алексѣй Степановичъ живъ и здоровъ, скоро самъ будетъ, а писать не могъ по недосугу, да по той причинѣ, что все по киргизскимъ степямъ разѣзжалъ, коней покупалъ, да земли еще десятинъ тысячу или двѣ пріобрѣлъ; дешево продавалась, у самыхъ царскихъ солончаковъ. А за это время бури на морѣ стихли, точно того только и ждали, чтобы онъ вернулся, да, рыбой нагрузивши барки, въ обратный путь пустился.

— Не успѣлъ и десяти верстъ отъѣхать, какъ на морѣ опять закрутило, а при мнѣ цѣлый мѣсяцъ вода стояла, какъ зеркало, — рассказывалъ, по возвращеніи, Алексѣй Степановичъ супругъ.

— Ужъ и молилась же я за тебя, Алешенька! Чуяло ли твое сердечушко, какъ жена по тебѣ убивалась? — говорила Катерина, съ радостными слезами обнимая мужа.

— Чуяло, Катерина, всегда ты у меня въ сердцѣ, — молвилъ Сынковъ, отвѣчая на ласки жены.

Но взглядъ его былъ все такой же задумчивый, и улыбка такая же печальная, какъ и всегда.

Неужто никогда не увидитъ она его яснымъ и веселымъ? Неужто никогда не отпадетъ злая змѣя, чтò постоянно сосетъ ему сердце?

— Полегче ли тебѣ, дружечекъ? — спросила она у него шепотомъ, прижимаясь къ нему и любовно заглядывая ему въ глаза. — Ужъ какъ я молилась-то за тебя!

— Молись, твоя молитва чистая, она не можетъ не дойти до престола Всевышняго, — отвѣчалъ онъ.

— Да полегче ли тебѣ, ну, хоть немножечко? — умоляюще протянула она, не спуская пристальнаго взгляда съ дорогого лица.

Онъ молча вздохнулъ.

О, какъ понятенъ ей былъ смыслъ этого вздоха! Всегда отвѣчалъ онъ такъ на ея расспросы. И зачѣмъ только пристаётъ она къ нему, развѣ не видитъ она по его лицу, не чувствуетъ по его голосу и даже по его ласкамъ, когда они остаются вдвоемъ, и когда никто, кромѣ Бога, ихъ не можетъ видѣть, что рана его

души не зажила и мучить его такой же жгучей болью и тоской, какъ и двадцать лѣтъ тому назадъ.

— Когда же ты сжалишься надъ нами, Господи! — простонала она, поднимая глаза къ небу.

— Когда мы искупимъ, — произнесъ онъ вполголоса.

Она ничего не возражала. Ей было слишкомъ извѣстно, что подразумѣваетъ ея мужъ подъ этимъ словомъ «искупить», и при одной этой мысли ей дѣлалась такъ жутко, что она спѣшила отогнать отъ себя мрачное предчувствіе.

Нѣтъ, нѣтъ, все, только не это! Всю жизнь, съ тѣхъ поръ, какъ она себя помнитъ, жила она имъ, только имъ. Крошечной дѣвочкой тянуло ее къ нему, и она счастлива была только съ нимъ, у него на рукахъ. Потомъ наступило упоеніе страсти. Они признались другъ другу въ любви, и цѣлыхъ три мѣсяца счастливые ихъ не было на земномъ шарѣ. До сихъ поръ, когда Катерина вспоминала про свои свиданія съ возлюбленнымъ, ночью, подъ густыми липами, въ саду, у нея сердце замирало отъ восторга. Страшными муками заплатили они оба за это блаженство, но еслибъ дано имъ было начать жизнь снова, ни на секунду не задумалась бы она снова упасть въ его объятія. Семь лѣтъ они не видѣлись, а тамъ, какимъ-то чудомъ опять ихъ Господь свелъ, но ужъ отъ прежняго осталась въ нихъ одна только любовь, остальное все измѣнилось. Она пошла за нимъ не на радость и не на счастье, а на вѣчную тоску и печаль. Онъ отъ нея ничего не скрылъ, во всемъ покаядся. Столько на немъ было тяжкихъ грѣховъ, что не къ алтарю съ любимой дѣвушкой путь ему лежалъ, а на висѣлицу, либо на плаху. Она знала, что если не пойдетъ за нимъ, не прилѣпится къ нему, онъ не выдержитъ угрызений совѣсти и самъ бросится на встрѣчу казни. Они повѣнчались, и вотъ до сихъ поръ помогаетъ она ему влачить жизнь, нести крестъ. Порой они оба изнемогаютъ подъ бременемъ, сокрушаются и ждуть смерти, какъ избавленія. Но это только порой; тоска успокоивается, и Катерина повторяетъ себѣ, что она все-таки счастливѣе многихъ другихъ. Вѣдь могло и такъ случиться, что она осталась бы въ монастырѣ и была бы даже лишена утѣшенія молиться на могилѣ своего милаго. У казенныхъ разбойниковъ могилъ нѣтъ; ихъ тѣла бросаютъ на растерзаніе дикимъ звѣрямъ. А теперь они вмѣстѣ могутъ и молиться, и дѣлать добро ближнимъ. Кто знаетъ, можетъ быть, Господь и сжалится надъ ними со временемъ, пошлетъ имъ душевный покой на старость.

Утѣшаясь такимъ образомъ, она старалась себя увѣрить, что и мужъ ея раздѣляетъ эти чувства, и что ему временами тоже дышится легче.

Такъ думала она и въ тотъ день, глядя на него рано утромъ, когда онъ спалъ рядомъ съ нею на широкой кровати. Тихонько

спустившись съ постели, она долго молилась передъ образами, и молитва облегчила ей сердце. Весь день прошелъ въ хлопотахъ и суетѣ. Хозяинъ ходилъ по своимъ лавкамъ, выслушивалъ донесенія приказчиковъ, просматривалъ въ конторѣ счета, записи, условія, раздавалъ подарки, привезенные издалека. Онъ оживился при этомъ, и по двору разнеслось, что Алексѣй Степановичъ вернулся домой предовольный; за упущенія ни съ кого не взыскалъ и всѣхъ наградилъ, каждому ласковое слово сказалъ. Съ женой онъ въ тотъ день сталкивался мимоходомъ и только улыбкой отвѣчалъ на любящій взглядъ, которымъ она встрѣчала и провожала его. Къ полудню вѣсть о возвращеніи Сынкova облетѣла весь околотокъ; къ нему спѣшили со всѣхъ сторонъ, кто за новостями, кто за письмами отъ близкихъ изъ тѣхъ странъ, гдѣ онъ побывалъ, кто затѣмъ, чтобъ изъ первыхъ рукъ купить у него товару, а какъ за вечерѣло, онъ самъ отправился по дѣлу къ пріятелю купцу, на Тверскую. Наступили сумерки, а его все нѣтъ. Ужинать, вѣрно, въ гостяхъ упросили остаться.

Вернувшись отъ вечерни и не заставъ мужа дома, Сынкova присѣла къ окну его ждать. Начало смеркаться. Отошла и все-ночная. Мимо окна то и дѣло проходили знакомые и раскланивались съ хозяйкой Алексѣя Степановича. Нѣкоторые останавливались, чтобъ перекинуться съ нею словечкомъ, но становилось все темнѣе и темнѣе, улица опустѣла, а хозяинъ не возвращался.

Сынкova вспомнила, что люди еще не ужинали, тоже ждутъ возвращенія хозяина, чтобъ сѣсть за столъ. «Надо имъ сказать, чтобъ не дожидались», — подумала она, поднимаясь съ мѣста. Но прежде чѣмъ отойти отъ окна, заглянула въ него еще разъ и увидала монашку, торопливо направлявшуюся къ ихъ дому. По одеждѣ судя, не изъ здѣшнихъ, изъ скитскихъ, какъ будто. Увидавъ Сынкova, она ей закивала и ускорила шагъ, а Катерина, узнавъ въ ней скитницу Симіоновской обители, пошла къ ней на встрѣчу, къ воротамъ.

Симіоновцы часто у нихъ останавливались, когда являлись въ Москву. Имъ было извѣстно, что Сынкovy не пожалѣютъ угостить на славу и безъ щедрого подаянія не отпустятъ пришельцевъ съ родной стороны. Только отъ странниковъ да отъ странничекъ и доходили до нихъ вѣсти о томъ краѣ. А въ этой Сынкova узнала къ тому же знакомую черничку; она приходила сюда лѣтъ пять тому назадъ и прожила у нихъ съ мѣсяць.

— Мать Ненила! Какими судьбами ты опять къ намъ? — радушно привѣтствовала она ее, растворяя калитку.

— Спаси тя, Христось!

И подозрительно оглянувшись по сторонамъ, она прибавила, таинственно понижая голосъ:

— Никого у тебя чужихъ нѣтъ?

— Никого. Одна я дома. Алексѣй Степановичъ вернулся вчера, да къ пріятелю по дѣлу зашелъ... Иди, безъ сумлѣнія, никого ты у насъ не встрѣтишь. Откуда ты? Давно ли изъ нашихъ мѣстъ?— говорила Сынкова, вводя посѣтительницу въ домъ и проходя съ нею, не останавливаясь, прямо въ свою спальню.

— Все ли у тебя благополучно? Здоровъ ли хозяинъ твой?— спросила монашка, съ любопытствомъ осматриваясь по сторонамъ и останавливаясь взглядомъ на накрытомъ столѣ, уставленномъ яствами и чайнымъ приборомъ.

— Слава Богу! Облегчи себя, раздѣнься, чай будемъ пить, — отвѣчала Сынкова и, растворивъ дверь, приказала работницѣ нести самоваръ.

— Спаси тя Христось, — повторила гостя. — За угощеніе спасибо, день-деньской по храмамъ Божиимъ ходила, ни минуточки не присѣла, маковаго зернышка во рту не было. Три раза въ соборѣ была, обѣдню, вечерню, да заутреню на паперти, съ нищими, простояла.

Она повернулась къ образамъ, сдѣлала три метанія, поднялась и подошла къ столу. Работница, подавъ самоваръ, вышла, и Сынкова стала заваривать чай.

— Поѣшь балычка съ бѣлымъ хлѣбцемъ, пока чай-то настаивается, да Расскажи мнѣ про вашихъ, какъ васъ Господь милуетъ, здоровъ ли авва Симіоній? — спросила Катерина.

— Слава Богу, слава Богу.

— Да что это я угощаю тебя балыкомъ-то послѣ дороги, когда у насъ баня горячая! — вспомнила Сынкова. — Сегодня утромъ для Алексѣя Степаныча топили.

Но скитница отъ бани отказалась.

— Вѣдь я ужъ вторую недѣлю здѣсь проживаю, и въ банѣ парилась, и бѣлишко смѣнила.

Она принялась за ѣду.

— А я думала, ты прямо къ намъ.

— Нѣтъ, благодѣтельница, прислали меня сюда не по одному вашему дѣлу, другихъ еще порученій надавали, окромѣ этого. По нонѣшнимъ временамъ безъ благодѣтелей не проживешь. Горька наша жизнь, благодѣтельница...

— Какое же у тебя до насъ-то дѣло? — перебила Сынкова разглагольствованія своей посѣтительницы. Знакомы ей были эти сѣтованія людей старой вѣры на тяжкія времена. Вѣчно жалуются на угнетенія, чтобъ разжалобить и пощедрѣе подачку себѣ выманить.

Но на этотъ разъ она ошиблась въ своихъ предположеніяхъ; дѣло, съ которымъ явилась къ ней мать Ненила, очень близко ея касалось.

— Да перво-на-перво должна я тебя извѣстить, что сестрица

твоя по крови, а наша сестра по духу, молитвенница наша любезная, дѣвственница пречистая, Марія, приказала тебѣ долго жить.

— Умерла? Маша?— вскричала Сынкова и залилась слезами.

А между тѣмъ нельзя было этого не ждать.

Вѣдь ужъ она на ладанъ дышала еще въ прошломъ году, когда вотъ здѣсь, въ этой самой комнатѣ, грозила адскими муками сестрамъ за то, что онѣ не ищутъ по одному пути съ нею Свѣта Истины. Ужъ и тогда Катерина и Клавдія съ ужасомъ себя спрашивали: добредеть ли она до скита, не помретъ ли гдѣнибудь дорогой, въ лѣсу или въ полѣ, одна и безъ помощи, такъ была она ужъ истощена болѣзнью. При каждомъ припадкѣ кашля кровь лила у нея горломъ; изнурительная лихорадка ни на минуту не покидала ея, и она еле держалась на ногахъ отъ слабости. Но духъ былъ въ ней бодръ... Какъ страстно отстаивала она свои заблужденія! Какъ яростно нападала на ихъ брата! Бѣдная мученица! Такъ и скончалась въ поискахъ Истины, не увѣривши Свѣта, не убѣдившись, что Богъ есть любовь и милосердіе, а не месть и ревность. Бѣдная страдальца, покинувшая жизнь, не узнавъ ни единой радости, а одно только горе, скорбь и слезы... Упокой, Господи, ея грѣшную душу!

Катерина набожно перекрестилась.

Завтра, чуть свѣтъ, надо послать въ церковь заказать заупокойную обѣдню.

— Котораго числа Маша скончалась?—спросила она, когда первое впечатлѣніе удивленія и печали миновало, и можно было спокойнѣе разсуждать о случившемся.

Мать Ненила такъ была занята, что не разслышала предложеннаго ей вопроса. Предоставляя хозяйку ея печали, она сама начала наливать себѣ чай и, опорожнивъ чашекъ шесть съ вареньемъ, медомъ и сливочками, снова принялась за ѣду.

— Ты что спрашиваешь-то?—освѣдомилась она, уписывая пирогъ съ яйцами и рисомъ, за который она принялась, опорожнивъ цѣлую тарелку жирнаго крупеника.

Катерина повторила свой вопросъ.

— Подъ самый день мученика Тимоѳея и Мавры сподобилъ ее Господь, самъ авва Симіоній ее напутствовалъ.

— Гдѣ же она скончалась? Въ своей кельѣ, въ скиту?

— Нѣтъ, въ старомъ домѣ.

— Да, вы тамъ теперь обострожились, намъ сказывали,— замѣтила Катерина.

— Обострожились было мы тамъ, правда, ну, а теперь опять разнесло насъ злымъ вихремъ по лѣсамъ да по оврагамъ.

— Что же такъ?

И вдругъ, вспомнивъ про брата, что онъ этимъ лѣтомъ долженъ

былъ ѣхать родительское наслѣдство принимать, она прибавила:— Молодой баринъ, что ли, отсюда васъ спугнулъ?

Мать Ненила усмѣхнулась. — Это твой братецъ-то? Нѣтъ, благодѣтельница, никого онъ ужъ теперь спугивать не можетъ, самъ въ заточеніи, за желѣзной рѣшеткой да за замкомъ сидитъ. Буде, ему колобродить да бѣса тѣшить, пробилъ и для него часъ воли Божьей...

— Въ острогъ? — вскричала Сынкova. — За что?

— Убивецъ онъ, вотъ за что, — спокойно пояснила скитница и принялась за жареную рыбу.

На столѣ еще оставался кисель изъ ягодъ, и, уплетая рыбу, мать Ненила спрашивала себя, успѣетъ ли она добраться до этого киселя. Совсѣмъ стемнѣло, того и гляди, вернется хозяинъ, можетъ, при немъ и неудобно будетъ такъ угощаться, какъ безъ него. И помолчавъ немного (съ рыбой-то во рту неудобно было разговаривать, того и гляди, подавишься), она прибавила: — князя-то что въ Бобрикахъ, онъ изъ пистолета застрѣлилъ.

Катерина была такъ поражена, что не въ силахъ была произнести ни слова. Она не видала брата съ тѣхъ поръ, какъ ее съ Марьей увезли въ монастырь, и то, что она впоследствии слышала о немъ, не могло ее сблизить съ нимъ сердцемъ, а между тѣмъ онъ ей былъ милъ по воспоминаніямъ дѣтства, и она завидовала Клавдіи, которая въ прошломъ году его видѣла и говорила съ нимъ; ей пріятно было узнать, что онъ хорошъ собой, уменъ и образованъ, и что, кажется, свѣтъ не успѣлъ испортить его вполне. И вдругъ этотъ блестящій баловень судьбы, котораго фортуна осыпала всѣми благами жизни, отнятыми у его сестеръ, убійца!

Чѣмъ больше думала она объ этомъ, тѣмъ невѣроятнѣе казалось ей извѣстіе, сообщенное монашкой. Народъ этотъ, скитницы да странницы, вѣчно живутъ фантазіей, всему вѣрятъ и, не разувнавши ничего толкомъ, спѣшатъ разносить по свѣту самыя нелѣпыя вѣсти.

— Тебѣ кто же это сказалъ про Федора Николаевича? — спросила Сынкova.

— Да ты лучше спроси, милая, кто у насъ этого не знаетъ, — возразила мать Ненила. — Одно время только и рѣчи въ нашемъ краю было, что про это. Наши на убиеннаго боярина ходили смотрѣть, мать Агриппина, сестра Наталья и другія. На похоронахъ нищихъ кормили да милостыней одѣляли. А про Курлятьевскаго барина, какъ его стряпчій уличалъ, да связаннаго по рукамъ и по ногамъ, въ острогъ его повезли, отъ очевидцевъ слышали. Все село было при этомъ дѣлѣ, душъ тысяча съ лишнимъ. А сколько господъ-то понаѣхало! Именины свои, на мученика Артемія, князь-то справлялъ. Да ужъ правду тебѣ говорю, не сумлѣвайся, — продол-

жала она, оскорбленная недоувѣремъ своей слушательницы. — Пистолеть-то, которымъ князь убить, Курлятьевскимъ оказался. Это и люди его признали. Да и самъ онъ даже ни крошечки не отпирался, во всемъ повинился.

— Повинился! — вырвалось у Катерины глухимъ стономъ.

Теперь она вѣрила. Федоръ не даромъ ихъ братъ, сынъ ихъ отца.

— Повинился, — повторила монашка.

— Но для чего онъ это сдѣлалъ? Господи!

— Захочетъ врагъ погубить, такъ ужъ отъ него, отъ проклятика, не спасешься, — наставительно объявила монашка. — Съ женой князя, говорятъ, блудилъ. Охъ, спаси, Господи, и помилуй! Грѣха-то на міру не оберемся. Ну, опять и Бахтеринскую боярышню чуть было не сомустилъ. Дѣвица была добродѣтельная, цѣльный годъ мы ея милостями питались. Сколько однѣми деньгами аввѣ Симіонію на скитъ жаловала...

— Про какую ты боярышню говоришь? — спросила Катерина, у которой ужъ въ умѣ стало мутиться отъ изумительныхъ вѣстей, сыпавшихся на нее одна за другой.

Въ горести своей и въ испугѣ она не слышала, какъ дверь изъ сосѣдней комнаты пріотворилась, и не замѣтила, что на порогѣ, въ темнотѣ, остановился ея мужъ.

— Одна у насъ Бахтеринская барышня, пріемная дочка Бахтеринскихъ господъ, — объявила мать Ненила.

— Магдалина? — подсказала Сынькова.

— Магдалина, — повторила монашка. — Набожная была дѣвица. Ужъ съ годъ, какъ наши на путь истинный ее наставляють. Маленька ейная еще жива, а какъ помретъ, все ей достанется. А ей на что, коль она отъ міра отказаться хочеть? Ну, всѣ свои богатства туда и отпшеть, куда авва нашъ прикажеть. Мы на нее ужъ, какъ на свою, взирали. И вотъ явился этотъ шалопутьъ питевскій и сталъ ее сомущать... а Господь-то и вступился, теперь ужъ Курлятьевъ ей не женихъ...

Она смолкла на полусловѣ; вошелъ хозяинъ, и, молча отвѣтивъ на низкій поклонъ, которымъ гостя поспѣшила его привѣтствовать, сѣлъ поодаль на сундукъ, у стѣны.

— Ужиналъ ты, Алексѣй Степанычъ? — спросила его жена.

— Не сухотись обо мнѣ, Катерина Николаевна, я сытъ, — отрывисто отвѣчалъ онъ и, обратясь къ монашкѣ, спросилъ, давно ли она изъ скита.

— Да ужъ второй мѣсяцъ, батюшка. По дорогѣ-то къ благодѣтелямъ заходила. Кому письменное, кому устное благословеніе авва Симіоній приказалъ передать. Охъ, нельзя намъ безъ благодѣтелей, родимый! Дѣло наше сиротское, горемычное. Вотъ и за тебя съ супругой мы кажинный день молитвы возносимъ къ Всевышнему,

чтобъ здоровья вамъ послалъ, да продлилъ вамъ дни живота. Проклятики-то опять на насъ гоненіе воздвигли. Изъ Питера, слышь, съ новыми строгостями бумага пришла... Обострожились было мы въ старомъ Курлятевскомъ домѣ...

— Сестра Марья скончалась,—объявила Катерина мужу и снова заплакала.

Алексѣй Степановичъ не шелохнулся. Онъ продолжалъ сидѣть, молча понуривъ голову и не поднимая глазъ на жену. Съ минуту длилось молчаніе, прерываемое только сдержанными рыданіями Сыниковой, да вздохами монахини, съ грустью посматривавшей на кисель, про который всѣ, кромѣ нея, забыли.

— А надъ братомъ-то Ѳедоромъ какая стряслась бѣда! Ужъ лучше бы мертвымъ его знать,—вымолвила сквозь слезы Катерина.

— Что вы, благодѣтельница! пострадать ему впередъ надоть. Великій онъ грѣшникъ! Господь любя послалъ на него испытаніе. Видно, отецъ его, праведникъ, замолилъ за него у престола Всевышняго,—наставительно вставила монахиня.

Но ея не слушали. Въ тоскѣ своей у Катерины явилась потребность высказывать вслухъ горькія мысли, навертывающіяся ей на умъ.

— Вотъ мы его почти что за чужого считали... Отвернулась отъ него моя душа; по годамъ не вспоминала я про него, что онъ есть на свѣтѣ,—уныло причитывала она, прерывающимся, отъ рыданій, голосомъ,—а теперь и обнаружилась кровь-то... Пуще Машеньки мнѣ его жалко... жизнь бы, кажется, дала, чтобъ облегчить его скорбь... Самъ, слышь, на себя донесъ... Голубчикъ! Родной! Во всемъ сознался, пострадать захотѣлъ... какъ папенька... за всѣхъ за насъ...

И вдругъ, опомнившись, она смолкла и вскинула испуганный взглядъ на мужа. Что же это она помѣшалась, что ли? Сама про искупленіе заговорила... Цѣлыхъ двадцать лѣтъ только о томъ и заботится, чтобъ вытравить у него эту мысль изъ сердца, а теперь, вдругъ, сама точно въ примѣръ ему брата ставитъ, точно упрекаетъ его за то, что онъ медлитъ поступить такъ, какъ требуетъ совѣсть...

Но мужъ ея такъ погрузился въ свои думы, что, кажется, не разслышалъ ея словъ.

— Спать пора,—объявилъ онъ и, обращаясь къ монашкѣ, предложилъ ей, все также спокойно, переночевать у нихъ.

Мать Ненила согласилась. Чѣмъ ей тамъ, у рогожскихъ-то, хлѣбъ черный жевать, лучше здѣсь хоть утромъ поѣсть сладко, на день силъ набраться.

Уложивъ гостью, Катерина вернулась въ спальню. Мужъ ея сидѣлъ все на томъ же мѣстѣ, упершись пристальнымъ взглядомъ на образъ.

При ея появленіи онъ поднялся съ мѣста.

— Я, Катеринушка, пойду на сѣноваль спать, душно мнѣ въ комнатѣ,— вымолвилъ онъ, продолжая отвертываться отъ ея взгляда.

У нея недобрымъ предчувствіемъ заныло сердце, но она сдержала вопросы, рвущіеся изъ груди, и, молча перекрестивъ его, пожелала ему доброй ночи.

И онъ тотчасъ же ушелъ торопливо, точно опасаясь, чтобы его не задержали.

Всю ночь металась Катерина въ тоскѣ на кровати, а когда стало свѣтать, не вытерпѣла, сорвалась съ постели, подошла къ окну, чтобы растворить его. Но, потянувъ немного ставень, остановилась: она увидала мужа, прохаживающагося взадъ и впередъ подъ высокими и тѣнистыми кленами, у изгороди. Повидимому, онъ не раздѣвался и не дожился со вчерашняго дня. Всю ночь тутъ, можетъ быть, пробродилъ. Лицо его поблѣднѣло и осунулось точно послѣ жестокой болѣзни. Долго смотрѣла на него Катерина, все ждала, не обернется ли онъ въ сторону дома и, увидавъ ее, не подойдетъ ли къ ней съ словами любви и утѣшенія, но онъ продолжалъ шагать, понуривъ голову, все по той же дорожкѣ, не чувствуя ея умоляющаго взгляда.

И вдругъ подъ чьими-то ногами, съ противоположной стороны, захрустѣлъ песокъ, скрипнула калитка, скрытая въ сиреневыхъ кустахъ, въ садъ вошла мать Ненила и направилась прямо къ дорожкѣ у изгороди.

Вотъ кого онъ тутъ ждалъ! Условились, вѣрно, встрѣтиться чуть свѣтъ утромъ, еще вчера, когда она оставила ихъ вдвоемъ, чтобы распорядиться о приготовленіи ей ночлега. «Разспрашиваетъ ее, вѣрно, про Федора», думала Катерина, слѣдя за ними взглядомъ. «При мнѣ не хотѣлъ съ нею говорить про это»...

Давно ужъ избѣгаетъ онъ про многое съ нею говорить. Ей даже иногда кажется, что онъ и поѣздки-то дальнія предпринимаетъ, чтобы не оставаться съ нею наединѣ... А вѣдь любить ее, больше жизни любить.

Катерина со вздохомъ отошла отъ окна. Что пользы за нимъ подсматривать да воровскимъ образомъ перехватить его тайну, когда онъ самъ не хочетъ ей открыться! И не обманываетъ ли она себя, считая это тайной? Страшно взглянуть прямо въ глаза правдѣ, вотъ что.

Въ тотъ же день Сынковъ сталъ приводить свои дѣла въ порядокъ, точно снова готовясь отбыть въ дальній путь.

— И куда это нашъ хозяинъ опять собирается?— недоумѣвали приказчики, съ которыми онъ бесѣдовалъ о торговыхъ сдѣлкахъ, долженствующихъ произойти не раньше зимы.

Иногда даже загадывалъ онъ дальше и толковалъ про то, что надо сдѣлать въ такомъ-то или въ такомъ-то случаѣ, черезъ годъ и черезъ два.

Пытались поразспросить хозяйку, не проговорится ли, но она ничего не знала. Говорить про будущее съ мужемъ Катерина боялась. Ей казалось, что она потеряетъ его еще скорѣе, если станетъ къ нему приставать; убѣжить, чего добраго, на край свѣта, только бы не отвѣчать ей.

Такъ прошло съ мѣсяцъ. Въ началѣ августа онъ предложилъ ей сѣвдить въ Троицкую лавру и отвѣтъ тамъ съ нею вмѣстѣ.

Она съ радостью согласилась. Всякому случаю побыть съ нимъ вдвоемъ она была рада. Чуткимъ сердцемъ предчувствуя разлуку, она на него наглядѣться не могла.

Они уѣхали въ тарантасѣ вдвоемъ, съ однимъ только кучеромъ. Изъ прислуги Катерина никого не взяла.

Какъ поживетъ онъ съ нею цѣлую недѣлю, съ глазу на глазъ, въ постѣ и молитвѣ, ничѣмъ не отвлекаясь, можетъ, и размякнетъ, откроетъ ей душу, какъ бывало раньше, въ первые годы супружества, когда у него не было отъ нея тайнъ.

Но упованіямъ ея не суждено было сбыться; не развязался у него языкъ, и не прояснился взоръ послѣ шести дней, проведенныхъ съ нею почти безвыходно въ церкви. Ни одной службы не пропускали Сынковы, и оба молились усердно: она о немъ, а онъ о ней, чтобъ Господь надъ нею сжалился и утѣшилъ ее въ предстоящей скорби.

Наступилъ, наконецъ, день исповѣди. За всеношной, когда жена его вернулась изъ исповѣдальни и шепнула ему, что батюшка его ждетъ, Алексѣй покачалъ головой и объявилъ, что исповѣдываться у о. Павла не будетъ.

— У кого же ты? — спросила она.

Онъ назвалъ схимника, святого старца, не покидавшаго ужъ лѣтъ тридцать кельи въ лѣсу. Говорили про него, что онъ дѣлаетъ чудеса, врачуетъ тѣлесныя и душевныя болѣзни.

— Да вѣдь онъ далеко отсюда живетъ, Алешенька, когда же ты успѣешь, ужъ ночь на дворѣ, — замѣтила Катерина.

— Ничего, — отвѣчалъ онъ отрывисто и торопливо зашагалъ къ тому дому, гдѣ они всегда останавливались, когда прѣѣзжали въ Троицкую лавру. Домъ этотъ принадлежалъ старушкѣ, вдовѣ одного изъ приказчиковъ Сынкова, поселившейся здѣсь, чтобъ умереть поближе къ мощамъ святого угодника.

Въ этотъ день Катерина такъ намучилась стояніемъ въ церкви и смутными предчувствіями бѣды, что не успѣла опустить голову на подушку, какъ заснула, словно убитая.

И приснился ей странный сонъ: будто они оба съ Алексѣемъ молоды и начинаютъ жизнь сызнова. На душѣ у нихъ такъ легко

и радостно, какъ никогда не бывало. И будто въ прошломъ нѣтъ у нихъ никакихъ ужасовъ. Все стерлось и по вѣтру развѣялось, точно никогда и не бывало. И нечего имъ стыдиться и некого имъ бояться. И стоятъ они оба, взявшись за руки, какъ влюбленные, на краю безпредѣльнаго свѣта, на который они налюбоваться не могутъ, такъ онъ прекрасенъ и такимъ блаженствомъ наполняетъ имъ душу. А назадъ оглядываться не стоитъ, тамъ ужъ ничего нѣтъ, все впереди. И Алексѣй ей какъ будто говоритъ: «Мы свое отстрадали, теперь насъ ждетъ новая жизнь». «Но кругомъ насъ все чужое», подумала она. И не успѣла мысль эта мелькнуть въ ея головѣ, какъ онъ ужъ угадалъ ее и отвѣтилъ на нее: «Это путь къ Истинѣ. Всю жизнь мы искали его и вотъ наконецъ нашли».

Отъ этихъ словъ она проснулась.

Солнце, пробиваясь сквозь щели ставень длинными, золотыми нитями, врывалось къ ней изъ раствореннаго окна въ садикъ, вмѣстѣ съ веселымъ чириканьемъ птичекъ и ароматомъ цвѣтовъ.

Но Алексѣя въ комнатѣ не было.

Кто же говорилъ съ нею сейчасъ?

Звонкій ударъ колокола отвѣтилъ на этотъ вопросъ.

Къ обѣднѣ заблаговѣстили, надо скорѣе вставать, одѣться и идти въ церковь. Она сегодня причащается. Вчера вечеромъ старичокъ монахъ отпустилъ ей ея грѣхи, вотъ почему, вѣрно, ей такъ сегодня легко. И мужу ея будетъ также хорошо, когда онъ вернется отъ схимника. Она даже не спрашивала себя, почему его нѣтъ до сихъ поръ.

Восторженный подъемъ духа, навѣянный на нее чудными грезами, не покидалъ ея и во время всей обѣдни. Только тогда и опомнилась она, когда священникъ, поздравивъ ее съ принятіемъ святыхъ таинъ, таинственнымъ шепотомъ прибавилъ, что имѣеть ей передать порученіе отъ супруга, а потому послѣ обѣдни зайдеть къ ней.

Порученіе отъ мужа!.. Значить, самъ онъ не вернется... Значить, онъ уѣхалъ... Куда?

XIII.

Наступила осень.

Дѣло Курлятьева затягивалось. Въ Петербургѣ, какъ будто, съ умысломъ медлили дать ему настоящій ходъ. Пронесся было слухъ, что пришлютъ чиновника, чтобъ изслѣдовать его на мѣстѣ, но слухъ этотъ оказался преждевременнымъ; за дѣло это какъ будто еще и не принимались, никакого отвѣта на донесеніе о немъ не приходило, но со стороны, изъ частныхъ свѣдѣній, городскія власти узнали, что къ нему отнеслись въ высшихъ сферахъ очень странно: виновности Курлятьева никто не вѣрилъ. Кто тамъ стоялъ за него—

неизвѣстно, но что защитникъ его или защитница принадлежитъ къ тѣмъ, что близко стояли къ молодому царю, это было ясно, какъ день.

Можетъ быть, сама вдова убиеннаго, княгиня Дульская? Но вскорѣ стало извѣстно, что ея и въ Россіи нѣтъ; она уѣхала за границу съ дѣтьми, оставивъ довѣренность на управленіе имѣніемъ тому самому приказчику, который этимъ занимался при покойномъ ея мужѣ. Губернаторъ, предсѣдатель уголовной палаты и прокуроръ терялись въ догадкахъ, а Корниловичъ просто съ ума сходилъ отъ досады и нетерпѣнія. Давно ускакалъ бы онъ въ Петербургъ, чтобъ все самолично разнюхать, еслибъ не боялся, что безъ него Курлятеву дадутъ возможность бѣжать, и дѣло, на которомъ онъ строилъ благополучіе всей своей жизни, прекратится, какъ многія дѣла того времени. За примѣрами не далеко было ходить, судебные архивы изобиловали ими.

Бахтерины въ этомъ году въ деревню не ѣздили. Софья Ѳедоровна цѣлые дни проводила въ саду, которымъ въ этомъ году садовникъ занимался особенно тщательно. Отъ цвѣтовъ расцвѣтающихъ въ куртинахъ подъ окнами барыниной спальни, да отъ розовой и бѣлой акаціи, вдоль каменной ограды, ароматъ разносился по всему переулку.

Что происходило въ душѣ Софьи Ѳедоровны, отгадать было трудно; никому не повѣряла она своихъ думъ, но на видъ она была спокойна и, глядя на нее, когда она спускалась съ широкихъ ступенекъ террасы, обсаженной старыми, тѣнистыми деревьями, въ бѣломъ, вышитомъ капотѣ и въ кружевномъ чепцѣ съ цвѣтными лентами, на сѣдѣющихъ волосахъ, трудно было предполагать, что ее гложетъ печаль и забота: такъ тверда была ея поступь, и спокоенъ взглядъ. У нея вошло въ привычку, все утро, до обѣда, сидѣть подъ кудрявымъ вязомъ, за вышиваньемъ бисеромъ и шелками въ пальцахъ. Никогда не спрашивала она, гдѣ дочь, и когда Магдалина опаздывала къ обѣду, не выказывала ни удивленія, ни безпокойства. На докладъ дворецкаго, что ужъ третій часъ, пора подавать кушать, а боярышни все еще дома нѣтъ, она отвѣчала съ невозмутимымъ спокойствіемъ и не поднимая глазъ съ работы:

— Надо ее подождать, она скоро вернется.

Розыскавъ старинный узоръ, составленный по картинѣ знаменитаго художника ея покойнымъ мужемъ и хранившійся въ одномъ изъ потайныхъ ящичковъ бюро изъ розоваго дерева съ инкрустациями, подарокъ Ивана Васильевича, когда онъ былъ женихомъ, Софья Ѳедоровна начала вышивать съ этого узора большой коверъ въ комнату дочери. Тотъ, что она вышила мужу тридцать лѣтъ тому назадъ, выцвѣлъ отъ употребленія и, какъ его ни берегли, мѣстами проносился, а ей хотѣлось, чтобъ у Магдалиночки остался коверъ ея работы на память.

Вышивала она по тонкой канвѣ, мелкимъ швомъ, тщательно подбирая тѣни; работа была кропотливая и подвигалась медленно, но за то лица, цвѣты и деревья выходили, какъ живые.

— Успѣю ли я кончить?—говаривала она иногда со вздохомъ, въ то время, какъ Магдалина любовалась рыцаремъ на конѣ передъ замкомъ, съ красавицей, выглядывавшей изъ окна высокой башни.

— Разумѣется, успѣете, маменька,—спѣшила отвѣтить Магдалина.—Почему же не успѣть? Вѣдь вы папенькѣ коверъ въ годъ вышили.

Но, при произнесеніи этихъ словъ, сердце ея тоскливо сжималось. Она догадывалась, на что намекала мать. Мысль о смерти теперь ни на минуту ихъ не покидала. Обѣ онѣ чувствовали, что долго прожить въ томъ напряженномъ состояніи, въ которомъ онѣ находятся съ того дня, какъ надъ Ѳедоромъ стряслась бѣда, невозможно, и, разумѣется, первая падетъ на скорбномъ пути та, чей организмъ уже подточенъ и лѣтами и раньше испытанными ударами судьбы. При этой мысли Магдалинѣ становилось такъ горько, что она не знала, чего ей больше желать: жить ли для борьбы съ людьми и съ судьбой, или умереть виѣстѣ съ матерью и ждать соединенія съ возлюбленнымъ на томъ свѣтѣ, тамъ, гдѣ разлуки съ близкими душами нѣтъ.

Но минуты такого душевнаго изнеможенія находили на нее рѣдко и проходили быстро. Слишкомъ много было въ ней энергіи и силы воли, чтобъ не любить жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ, даже самыхъ ужасныхъ.

Каждое утро ходила она къ ранней обѣдни, въ ихъ приходскую церковь, и тамъ, на виду у всѣхъ, такъ усердно молилась, что заподозрѣть ее въ отпаденіи отъ православія было немислимо.

Впрочемъ, обвиненіе стряпчаго, не нашедши поддержки у начальства, волей-неволей, должно было кануть въ воду; тѣмъ болѣе, что и розыски его въ этомъ направленіи ни къ чему не привели. Убийство князя Дульскаго послужило какъ будто сигналомъ для исчезновенія симіоновцевъ изъ здѣшней мѣстности; они всѣ точно сквозь землю провалились.

Другого слѣдователя, менѣе пристрастнаго, чѣмъ Корниловичъ, обстоятельство это навело бы на подозрѣніе, и онъ сталъ бы искать въ немъ связь съ преступленіемъ, въ которомъ такъ упорно обвинялъ Курлятьева, но онъ былъ изъ тѣхъ, которымъ легче лишиться жизни, чѣмъ сознаться въ ошибкѣ.

Магдалина же, напротивъ того, съ каждымъ часомъ все яснѣе и яснѣе сознавала свое заблужденіе и съ ужасомъ спрашивала себя, какъ могла она увлекаться такимъ наглымъ фанатикомъ, какъ Симіоній, и не видѣть, по какому ложному пути онъ ведетъ своихъ послѣдователей.

А ее еще берегли и скрывали отъ нея мрачныя стороны таинственнаго ученія; ни на одномъ радѣніи она не присутствовала; изъ сестеръ и братьевъ, составлявшихъ общину Симіонія, она знала только его самого, двухъ, трехъ скитницъ изъ простыхъ, ничего, кромѣ безпредѣльной преданности учителю, не умѣвшихъ проповѣдовать, да сестру Марью Курлятьеву, очаровавшую ее съ первой минуты не однимъ только восторженнымъ фанатизмомъ и таинственностью обстановки, въ которой она пребывала цѣлыхъ двадцать лѣтъ, но также и тѣмъ, что она одной съ нею фамиліи, одного съ нею воспитанія, и что, съ дѣтства слыша про нее, она до мельчайшихъ подробностей знала ея скорбный романъ. Явилась она ей въ ореолѣ мученицы за любовь, вѣрной своему чувству до гроба.

Про ея смерть Магдалина узнала еще въ маѣ мѣсяцѣ отъ Ефимовны. Старая няня нарочно ходила въ курлятьевскій домъ, чтобъ все разузнать, и изъ безсвязной рѣчи Варварки убѣдилась, что въ предположеніи своемъ не ошиблась—боярышня Марья Николаевна скончалась въ ту ночь, какъ старая няня приходила сюда за Магдалиной. Въ подвалѣ произошло великое сборище. Шли на радѣніе, а попали на похороны. И Андреичъ туда ходилъ. Всѣхъ видѣлъ: покойника боярина Николая Семеныча и покойныхъ боярышень Катерину Николаевну и Клавдію Николаевну. Марью Николаевну въ гробъ положили; всѣ съ нею прощались и плакали. Приложился къ ея ошоченѣвшей ручкѣ и Андреичъ. Разубрана, какъ къ вѣнцу, въ бѣломъ. Такая красавица, ну, точь въ точь Клавдія Николаевна, какъ съ оборотнемъ ее вѣнчали.

— Христова невѣста, молитвенница за насъ, грѣшныхъ. У престола Всевышняго таперича ея душа. Авва Симіоній сказалъ: «не намъ за нее молиться, а ей за насъ», — рассказывала, захлебываясь отъ умиленія Варварка.

«И обо мнѣ она теперь молится», — думала Магдалина, слушая Ефимовну. «Ей теперь все ясно. Она обрѣла путь къ Истинѣ. Не тамъ, гдѣ всю жизнь тщетно его искала; но ей все зачтется, всѣ ея заблужденія, муки и слезы. И все ей простится за чистоту ея помысловъ и самоотверженіе. Богу угодно было оставить ее въ ослѣпленіи до конца, за это съ нея не взыщется».

Не взирая на совѣтъ Грибкова не ходить въ старый домъ, Магдалину такъ потянуло туда послѣ разказа Ефимовны, что она не вытерпѣла и сама понесла Андреичу съѣстные припасы, которые она доставляла ему каждую недѣлю.

Старикъ повторилъ ей то, что она уже слышала отъ Ефимовны, съ прибавленіемъ нѣкоторыхъ подробностей, которыя онъ скрылъ отъ Варварки: ту, что превратилась теперь изъ монахини Маріи снова въ боярышню Курлятьеву, погребли рядомъ съ родителемъ, подъ каменнымъ крестомъ, въ дремучемъ лѣсу, далеко отсюда, у

самой границы Кесарскаго государства, въ горахъ. Провезли ее той же ночью, мимо Воскресенскаго монастыря, не встрѣтивъ ни души. А и встрѣтился бы кто, такъ не задержали бы поѣзда съ солью, во главѣ котораго самъ авва Симіоній, передѣтый чумакомъ, сидѣлъ на подводѣ, покрытой кошмами и ковромъ, какъ истый богачъ торговецъ.

Кому же пришло бы въ голову, что подъ нимъ гробъ съ тѣломъ почившей дѣвственницы?—Такъ и покойнаго Николая Семенича провезли,—разсказывалъ Андреичъ,—да только онъ и оттуда дорогу сюда, въ старое гнѣздо, нашель...

— А съ тѣхъ поръ не собирались они сюда молиться?—спросила Магдалина, не давъ ему досказать начатой фразы.

Не любила она, когда старикъ предавался своимъ бреднямъ, жутко ей становилось его слушать.

— Никто здѣсь не былъ съ тѣхъ поръ, и надо такъ полагать, что долго теперь не придуть, — отвѣчалъ онъ.

Изъ чего онъ это заключалъ, она не спрашивала, все равно не скажетъ. Не взирая на старческое слабоуміе, тайны симіоновцевъ онъ хранилъ свято, и не даромъ они ему довѣрялись.

То же самое повторилъ онъ ей и черезъ мѣсяць, и черезъ два, каждый разъ, когда Магдалина заходила къ нему: не слышать ничего про симіоновцевъ, въ другомъ, вѣрно, мѣстѣ моельню себѣ устроили.

Онъ предлагалъ ей побродить по старому дому, и когда она соглашалась, торопливо бралъ связку съ ключами и бодро шагаль черезъ дворъ, поросшій травой, къ крыльцу, бормоча сквозь зубы все тѣ же, давно извѣстныя ей слова:—какъ увезли стараго барина, приказали мнѣ всѣ комнаты запереть и ключи у себя держать... А тамъ барыня прислала изъ Питера Ивана, онъ все, что нужно было, вывезъ, и опять я все заперъ, и съ тѣхъ поръ такъ и стоить...

Сколько разъ она это слышала!

Но ее тянуло сюда, какъ къ единственному мѣсту, гдѣ ничто не напоминало ей о мучившемъ ее горѣ. Андреичъ такъ поглощенъ былъ прошедшимъ, что настоящее для него не существовало. Однако, въ одинъ прекрасный день, онъ вдругъ, ни съ того, ни съ сего спросилъ у нея:—кому достанется старый домъ, когда молодого барина въ Сибирь сошлютъ?

У Магдалины захолоуло сердце. Всѣ ужъ теперь, даже и старикъ этотъ, считаютъ ея милаго совсѣмъ погибшимъ! Неужели ей не удастся его спасти? Что-то онъ теперь? Что онъ теперь думаетъ? Ждетъ ли ее? Разставаясь съ нимъ, она общала скоро опять его навѣстить, и сама была тогда увѣрена, что ей это удастся, но Грибковъ все твердитъ, что надо ждать, что торопливостью да нетерпѣніемъ можно все погубить. И она покорилась, ждетъ... Вотъ ужъ

скоро три мѣсяца, какъ она живетъ однимъ только воспоминаніемъ его послѣдняго поцѣлуя да надеждой, что при первой возможности она опять увидитъ дорогое, полюбившее лицо съ восторженнымъ взглядомъ, услышитъ милый сердцу голосъ и прижмется къ сердцу, бьющемуся только для нея. Ему не нужно было ее увѣрять, что она его единственная любовь, — она это знаетъ, чувствуетъ всѣмъ своимъ существомъ.

Никогда не уставала она думать о немъ, болѣла его страданіями и сокрушалась его лишеніями больше, чѣмъ онъ самъ. Все было для нея отравлено мыслию о его неволѣ. Глотка свѣжей, ключевой воды не могла она выпить, не вспомнивъ о глиняной, грубой кружкѣ, изъ которой онъ утолялъ свою жажду; отъ аромата цвѣтовъ въ ихъ саду, отъ свѣжаго вѣтерка, дувшаго на нее съ рѣки, отъ душистаго запаха скошеннаго сѣна на лугахъ, у нея навertyвались слезы на глазахъ. Съ какою радостью подверглась бы она заточенію вмѣсто него! Съ какимъ восторгомъ, лежа на гнилой соломѣ въ затхлои, полутемной кельѣ, помышляла бы она о томъ, что онъ дышитъ полной грудью ароматами полей и лѣсовъ и смотритъ на голубое, ясное небо съ скользящими по немъ легкими облачками. Да, мысль о немъ не покидала ея ни на минуту, и можно сказать, что она жила гораздо больше его жизнью, чѣмъ своей собственной, а между тѣмъ всякое напоминаніе о немъ, произнесенное чужими устами, было ей нестерпимо.

Мать ея это знала, и никогда имя заключеннаго не произносилось между ними, даже когда онъ оставались вдвоемъ. Въ прихожихъ и дѣвичьихъ тоже остерегались говорить о Ѳедорѣ Николаевичѣ велухѣ, и Бахтеринская дворня, слѣдуя примѣру своихъ господъ, отдалилась отъ общества прежнихъ друзей и знакомцевъ. Имъ тоже нестерпимо было слышать праздные толки о бѣдѣ, обрушившейся на жениха ихъ барышни.

Съ однимъ только Грибковымъ Магдалинѣ не тяжело было говорить про своего возлюбленнаго. Свѣдѣнія о немъ она получала только отъ него. Иногда случалось такъ, что Карпъ Михайловичъ забѣгалъ поздно ночью или чуть свѣтъ утромъ, чтобъ сообщить ей, что ему удалось повидать заключеннаго, или что Ѳедоръ Николаевичъ черезъ Илью Ивановича прислалъ ей поклонъ. Ей такимъ образомъ было извѣстно и про здоровье его, и про расположеніе духа, и что онъ не унываетъ и объ одномъ только молить у Бога, чтобъ она раздѣляла его покорность судьбѣ и надежду на милосердіе Всевышняго. Узнала она также, что его перевели въ лучшую камеру, приносятъ ему кушать отъ смотрителя, и предлагали ему книгъ. Онъ спросилъ Евангеліе, которое ему тотчасъ же принесли.

Раза два удалось ей доставить ему цвѣтовъ.

О, какой это былъ восторгъ для нихъ обоихъ! Онъ не хотѣлъ

разставаться съ ея первымъ букетомъ даже и тогда, когда онъ со-всѣмъ высохъ, и когда получилъ свѣжій. Въ промежуткахъ между чтеніемъ святой книги и молитвой, онъ любовался этими цвѣтами, цѣловалъ ихъ, разговаривалъ съ ними, какъ съ одушевленными существами, способными его понимать.

Сколько живительнаго волненія вносили эти ничтожныя событія въ ихъ мрачную, томительную жизнь!

Съ ужасомъ спрашивала себя иногда Магдалина, что стало бы съ ними обоими безъ Грибкова. Давно помѣшалась бы она отъ отчаянія безъ вѣстей о своемъ миломъ и надѣлала бы непоправимыхъ бѣдъ.

Съ тревожной болью въ сердцѣ, точно ей грозитъ ужасное открытіе, спросила она у Андреича, кто ему сказалъ, что Ѳедора Николаевича въ Сибирь сошлютъ.

— Да энтотъ, что вчера былъ въ домѣ, другому сказывалъ. Вмѣстѣ приходили. Я ихъ по комнатамъ водилъ, — отвѣчалъ старикъ. — Ѳедоръ то Николаичъ князя какого-то, говоритъ, изъ ружья застрѣлилъ, ну, за это...

— Кто такіе? ты ихъ не знаешь? — прервала его барышня.

Старикъ усмѣхнулся. — Какъ не знать! Одинъ-то старикъ древній, древнѣе меня будетъ. Давно ужъ померъ... на старомъ кладбищѣ его похоронили...

— А другой?

— Другой-то?

Онъ оглянулся по сторонамъ и продолжалъ, таинственно понижая голосъ: — Другой-то еще молодой. Сѣдой ужъ, а лѣтъ ему немного... Не впервой онъ сюды завертываетъ. Въ позапрошломъ году я тоже его по дому водилъ, съ боярышней Марьей Николаевной онъ здѣсь встрѣлся...

«Изъ послѣдователей аввы Симіонія, вѣрно, — подумала Магдалина: — тянетъ ихъ сюда, какъ мухъ къ меду».

А старикъ между тѣмъ продолжалъ: — Два золотыхъ онъ мнѣ далъ. Варварка подъ половицу запрятала.

— А какъ его зовутъ, ты не знаешь? — разсѣянно спросила дѣвушка.

— Да кто его знаетъ, какъ онъ теперь прозывается; купцомъ сдѣлался. А только я съ перваго же разу призналъ въ немъ Алешку выѣзднаго. Лобъ ему тогда забрили, какъ со старшей боярышней, Катериной Николаевной, онъ спознался... Ну, а потому изъ солдатъ-то онъ въ разбойники убѣгъ, Ворошиловскій хуторъ, слышь, сжегъ... Часовенку надъ горой знаешь?

Магдалина кивнула. Подъ этой часовней ея родители были похоронены. На плитѣ вырѣзанъ былъ только крестъ, число и годъ; имени ихъ такъ и не удалось узнать. Каждую зиму вѣдять

она туда панихиду служить, съ тѣхъ поръ, какъ узнала, что она не родная дочь Бахтериныхъ.

И странныя чувства волнуютъ ей душу, когда она стоитъ на колѣняхъ на этой плитѣ: ей мучительно хочется представить себѣ этихъ людей, ея отца и мать, но чѣмъ больше напрягаетъ она свое воображеніе, тѣмъ дальше уходятъ отъ нея блѣдныя, неясныя призраки, которые она вызываетъ изъ таинственной пучины смерти. Ужасно они отъ нея далеки, эти мертвецы, и это ее сокрушаетъ. Не можетъ она имъ молиться, звать ихъ на помощь въ трудныя минуты, какъ покойнаго Ивана Васильевича Бахтерина, съ которымъ, и послѣ его смерти, душа ея не прерываетъ сношеній.

— Тамъ убиенные похоронены,—вымолвилъ вдругъ Андреичъ, точно угадывая ея мысли.

Ей захотѣлось пойти въ эту часовню. Можетъ быть, оттого и складывается такъ ужасно ея жизнь, что душа ея до сихъ поръ не сумѣла найти доступъ къ этимъ мертвецамъ... Они, можетъ быть, только и ждутъ случая ей проявиться... а она, поглощенная земными заботами, совсѣмъ о нихъ забыла... «Съ какой стати Андреичъ вспомнилъ про часовню у горы?»—думала она, проходя къ полю, черезъ которое надо было перейти, чтобъ дойти до лѣса. «Мысли бродятъ беспорядочными клочьями у него въ головѣ... говорилъ про человѣка, напомнившего ему влюбленнаго Катерины... похожъ вѣрно чѣмъ нибудь на того, складомъ лица или голосомъ... И вдругъ перескочилъ къ часовнѣ... Но это такъ только кажется, что связи между его мыслями нѣтъ, вдуматься—и связь найдется... родителей ея зарѣзали въ лѣсу въ тотъ самый годъ, какъ Алешка проявился въ здѣшнихъ краяхъ подъ именемъ атамана Сокола, можетъ, онъ и верховодилъ шайкой злодѣевъ, разгромившихъ поѣздъ знатныхъ путешественниковъ»...

До вечера было еще далеко; солнце такъ пекло, что Магдалина успѣшила свернуть съ дороги въ лѣсъ, и тутъ подъ сѣнью столѣтнихъ деревьевъ прошла незамѣтно къ горѣ, у подножія которой сверкалъ промежъ густыхъ вѣтвей золоченый крестъ надъ часовенкой. Тутъ постоянно находились двѣ монашенки изъ соседняго монастыря, въ хижинкѣ, срубленной за часовней; жили онѣ мірскимъ подаяніемъ, да тѣмъ, что въ лѣсу найдутъ: ягоды, грибы, травы и корни. Оберегая часовню, онѣ никогда вмѣстѣ не отлучались отъ нея даже и на близкое разстояніе, во всякое время можно было найти которую нибудь изъ сторожихъ при своемъ мѣстѣ. Привычнымъ къ лѣсному шуму ухомъ отличали онѣ издали человѣческіе шаги отъ шороха ящерицъ, зайцевъ и другихъ лѣсныхъ обитателей въ травѣ и листьяхъ и всегда выходили на встрѣчу посѣтителемъ. Но на этотъ разъ Магдалина дошла до самой часовни, не встрѣтивъ ни души. Ее это удивило немножко,

тѣмъ болѣе, что дверь была растворена, и свѣчи горѣли передъ образами. Зашель, вѣрно, кто нибудь помолиться. Тутъ не одни родители Магдалины съ ихъ слугами были похоронены; часовню выстроила раньше одна боярыня надъ могилами мужа и брата, тоже по близости убитыхъ разбойниками. Въ былое время такія нападенія случались часто. Отъ нихъ жители побогаче огораживали свои усадьбы высокимъ тыномъ съ пушками по угламъ; на разбойниковъ шли скопомъ, съ топорами, ножами и дрекольемъ, и завязывались настоящія сраженія, кончавшіяся иногда страшными пожарами, грабежомъ и убійствомъ всѣхъ обывателей усадьбы, отъ мала до велика.

Теперь, слава Богу, ничего подобнаго не слышать, но память объ этихъ событіяхъ была еще свѣжа у здѣшнихъ жителей, люди не старые знавали несчастныхъ жертвъ свирѣпыхъ злодѣевъ и могли назвать по имени и отчеству тѣхъ, надъ которыми были воздвигнуты каменные кресты на перекресткахъ или часовенки, какъ та, къ которой подходила Магдалина.

Ужъ тогда только, когда она стала подниматься на ступени, запримѣтила ее одна изъ монахинь и поспѣшила къ ней на встрѣчу.

Это была низенькаго роста, живая старушонка, съ умными, черными глазами и длиннымъ, сухимъ носомъ на продолговатомъ лицѣ нерусскаго типа.

— Матушка, боярышня! Какъ это вы подкравались. Мы и не слышали! Встрѣтить не удалось, — затараторила она, подобострастно кланяясь Магдалинѣ. — И все-то у насъ гости эти дни, все-то гостей Господь посылаетъ, — продолжала она съ волненіемъ.

— Кто тамъ теперь? — спросила Магдалина, замедля шагъ и кивая на растворенную дверь въ часовню.

— Отъ московскихъ благодѣтелей посланецъ, подаяніе намъ привезъ. Ужъ такія-то щедроты! Ничего для Царицы Небесной не жалѣютъ. Ризу серебряную въ позапрошломъ году прислали, а теперь вѣнчикъ золотой съ камнями самоцвѣтными. Сторожа приказали намъ нанять, чтобъ зимой намъ въ подмогу. И вкладъ деньгами на того сторожа въ нашъ монастырь вложили, чтобъ содержать его, значить, до скончанія вѣка, неукоснительно. А на хлѣбушко онъ намъ особо пожаловалъ, ужъ отъ себя, значить, и прямо намъ на руки, — прошептала сторожиха, пригибаясь къ самому уху дѣвушки.

Слова эти смутили Магдалину. Она привыкла одна молиться въ часовнѣ. Присутствіе незнакомца ее стѣсняло. Нехотя и медленно поднялась она по ступенькамъ и, переступая порогъ, невольно стала искать глазами нежеланнаго посѣтителя. Онъ стоялъ у самой стѣны въ углу. Лучи заходящаго солнца, пронизываясь сквозь вѣтви у окна, не достигали до него; высокая, сторбленная

и худая фигура, въ темномъ кафтанѣ, была въ тѣни, но лицо его Магдалина схватила взглядомъ въ одно мгновеніе, и оно такъ запечатлѣлось въ ея мозгу, что продолжало стоять передъ нею, какъ живое, даже и тогда, когда, отвѣтивъ на его почтительный поклонъ, она прошла впередъ и опустилась на колѣни на плиту, покрывавшую могилу ея родителей. Лицо это, худое и продолговатое, было блѣдно, какъ у мертвеца, борода сѣдая и курчавая, волосы, вьющіеся по сторонамъ большой лысины, тоже сѣдые. Но что всего замѣчательнѣе было у этого человѣка — это глаза. Такихъ глазъ она никогда еще не видала; большіе и свѣтлые, они сверкали изъ глубокихъ, темныхъ орбитъ какимъ-то страннымъ, металлическимъ блескомъ, какъ у безумнаго. Этотъ пристальный, глубокий взглядъ она ни на секунду не переставала чувствовать на себѣ; онъ не давалъ ей молиться, мутилъ ей разумъ, леденилъ кровь въ жилахъ. Ей было жутко, хотѣлось бѣжать отсюда, но мысль опять встрѣтиться лицомъ къ лицу съ незнакомцемъ такъ ее ужасала, что она не въ силахъ была тронуться съ мѣста. Сколько времени длилось оцѣпенѣніе, сковавшее ей тѣло и душу, она не могла бы сказать, но, должно быть, долго, потому что дневной свѣтъ, проникавшій сюда изъ окна, давно погасъ, и часовня ушла въ тѣнь. Сверкали только образа отъ красноватаго пламени горѣвшихъ передъ ними восковыхъ свѣчей, да въ неугасаемой лампадкѣ надъ могильной плитой теплился огонекъ.

Какъ ей отсюда уйти? Какъ добраться одной, ночью, до дому?

Вопросы эти только изрѣдка и мелькомъ пробѣгали въ ея мозгу. Ни на чемъ не могла она остановиться мыслями, въ трепетномъ ожиданіи того, что должно было свершиться надъ нею сейчасъ, сію минуту...

И вдругъ она услышала за собой вздохъ и шепотъ: «Господи, помилуй мя, грѣшнаго!».

Она обернулась. Незнакомецъ, опустившись на колѣни, молился. Лицо его, выступая блѣднымъ пятномъ на темномъ фонѣ, ступившихся въ томъ углу, до черноты, тѣней, поразило ее своею скорбною. Изъ глазъ, поднятыхъ кверху, по впалымъ щекамъ, катились крупныя слезы, но въ экстазѣ своемъ онъ ихъ не замѣчалъ; губы его неустанно повторяли все тѣ же слова: «Господи, помилуй мя, грѣшнаго!» и каждый разъ съ усиливающимся отчаяніемъ.

Онъ такъ страдалъ, что больно было на него смотрѣть. Несчастіе его нѣтъ человѣка на свѣтѣ. Какъ могла она его чуждаться, досадовать на него и, тяготясь его присутствіемъ, желать уйти отъ него? Теперь, кромѣ жалости и желанія облегчить его муку, она ничего не ощущала, и, сама не понимая, какъ это случилось, слилась съ его душой въ молитвѣ, безсознательно повторяя: «Помилуй его, Господи!» тоскуя его тоской и проливая за

него слезы, какъ за любимаго человѣка. И съ каждой минутой становился онъ ей все ближе и ближе, ближе всѣхъ на свѣтѣ. Никогда не чувствовала она ничего подобнаго ни къ кому, даже къ Ѳедору. Она читала въ его сердцѣ, какъ въ открытой книгѣ. Онъ постепенно успокоивался, сердечная тоска его переходила въ радость. То, чего жаждала его душа такъ страстно и съ такимъ отчаяніемъ, Магдалина ему дала.

Что именно — она не знала, но чувствовала, что онъ ей обязанъ своимъ успокоеніемъ, и сознаніе это разливалось невыразимой отрадой по всему ея существу.

Продолжая повиноваться все той же, овладѣвшей ею, непонятной силѣ, она поднялась съ колѣней и обернулась къ нему. Глаза ихъ опять встрѣтились, какъ тогда, когда она переступила порогъ часовни, но какая разница! Какъ они оба преобразились! Взглядъ его свѣтился умиленіемъ и признательностью, а она улыбнулась ему, какъ другу.

Они узнали другъ друга и, движимые непобѣдимымъ влеченіемъ, подались впередъ...

Но тутъ тонкая связь, подобно свѣтовой нити, протянувшейся было между ихъ душами, внезапно порвалась.

Вошла въ часовню сторожика. Ее пугали быстро надвинувшіяся сумерки. Боярышня пришла сюда одна. Днемъ въ лѣсу опасаться нечего, но ночью мало ли что можетъ случиться! Да и заблудиться не долго...

— Не тужите, матушка, я провожу боярышню,—объявилъ незнакомецъ.

Только тутъ, отъ этого голоса, Магдалина очнулась.

Что съ нею было? Кто этотъ человѣкъ, и почему она такъ сокрушалась о немъ и такъ молилась за него?

Она была не суевѣрна и не могла принять его за призракъ. И галлюцинацій она до сихъ поръ не знала.

Впрочемъ, то, что она испытывала отъ близости этого незнакомца, нельзя было назвать галлюцинаціей; вполне сознательно болѣла она его печалью, какъ бы своей собственной, и по мѣрѣ того, какъ ему становилось все легче и легче отъ ея молитвы и сочувствія, миромъ и благодатью наполнялось и ея сердце.

Да, онъ ей вдругъ сдѣлался очень близокъ, этотъ человѣкъ. Душа его обнажилась передъ ея душой. И то, что они сообщили одинъ другому, въ недоступныхъ человѣческому языку выраженіяхъ, наполнило ихъ сердца неземнымъ блаженствомъ.

Теперь, что бы ни случилось, она никогда его не забудетъ и всю жизнь будетъ за него молиться.

И онъ тоже, до послѣдняго издыханія, будетъ о ней думать и желать ей счастья.

Странная встрѣча! Кто онъ такой? Откуда взялась могучая

связь, внезапно соединившая ихъ души? И какое именно вліяніе будетъ она имѣть на ея судьбу, эта связь? Но, что вліяніе это будетъ благотворно и очень скоро проявится, въ этомъ она не сомнѣвалась. Точно она нашла какую-то таинственную поддержку въ жизни, точно она обрѣла утраченный талисманъ, который долженъ отворить ей всѣ двери къ удачѣ и счастью, такъ радостно и спокойно было у нея теперь на душѣ.

Долго шли они рядомъ и молча по тропинкамъ лѣса. Имъ свѣтила луна, пробиваясь кое-гдѣ сквозь спутанныя вѣтви. Гдѣ-то по близости завывалъ волкъ, и кругомъ хрустѣли сухія вѣтви, и шуршала трава подъ быстроногими лѣсными звѣрюшками, а, можетъ быть, тутъ прокрадывались, пробираясь осторожно сквозь чащу, недобрые люди, но Магдалинѣ не страшно было подъ охраной своего новаго друга. Онъ сумѣетъ защитить ее отъ всякаго зла. Она въ этомъ была точно также увѣрена, какъ въ томъ, что жива, дышитъ, и что всѣмъ ея испытаніямъ скоро конецъ.

Время летѣло съ изумительной быстротой. По временамъ она теряла сознание, и у нея было такое ощущеніе, точно она летитъ внизъ съ высокой, высокой горы, и ей хотѣлось задержаться хоть на мгновение въ этомъ вихрѣ, чтобъ всмотрѣться, понять, спросить, но это было невозможно. Нѣсколько разъ, сдѣлавъ надъ собою усиліе, оборачивалась она къ своему спутнику, съ готовымъ вопросомъ на устахъ, но слова не выговаривались. Она видѣла его такимъ, какимъ онъ явился ей въ первую минуту ихъ встрѣчи, когда она переступила порогъ часовни; глубокая морщина перерѣзывала его блѣдный лобъ, и брови въ тяжелой думѣ сдвигались надъ ввалившимися глазами, но взглядъ его, при встрѣчѣ съ ея взглядомъ, внезапно смягчался и такъ краснорѣчиво сулилъ ей счастье, что она тотчасъ же успокоивалась и готова была идти, куда бы онъ ее ни повелъ. И снова сознание покидало ее, и душа, какъ бы отлетая отъ тѣла, взвивалась высоко надъ землей, вмѣстѣ съ его душой. И тамъ, въ пространствѣ, они были ближе одинъ къ другому, чѣмъ на землѣ, но спрашивать другъ друга имъ было не о чемъ, потому что тамъ имъ было все извѣстно.....

Когда они вышли изъ лѣса, онъ повелъ ее дорогой, о существованіи которой она не имѣла понятія; то спускались они въ овраги, то снова поднимались по крутизнамъ на поверхность земли, и вдругъ, въ ту минуту, когда она меньше всего этого ожидала, очутились они передъ рѣшеткой Бахтеринскаго сада.

— Какъ васъ зовутъ? Какъ поминать васъ въ молитвахъ? — спросила она, испуганная мыслью, что онъ сейчасъ уйдетъ, и никогда она его больше не увидитъ.

— Поминайте раба Алексѣя, — тихо вымолвилъ незнаконецъ. И не успѣла она опомниться, какъ онъ исчезъ.

Всю жизнь помнила Магдалина эту встрѣчу, такъ неизгладимо

връзалась она ей въ сердцѣ. Но никому она не рассказала про нее. Да и что было сказать? Какъ объяснить чувства, волновавшія ее? Она стояла какъ бы у преддверія тайны жизни, ясно предчувствуя то, что должно было свершиться, но, чтобъ выразить это предчувствіе, словъ не находилось на человѣческомъ языкѣ. Загорѣвшимся въ ней свѣтомъ озарялись неземные горизонты, и съ каждымъ шагомъ по новому пути чувствовала она себя все ближе и ближе къ Непостижимому.

Теперь она уже понимала, что идти къ истинѣ проторенными тропинками не стоитъ, непременно заблудишься и отдалишься отъ цѣли. Надо терпѣливо и въ одиночествѣ ожидать наитія Духа. Тогда Онъ сойдетъ, но всегда оттуда, откуда Его не ждешь.

«Духъ, идѣже хочетъ, вѣетъ»...

Это ихъ изреченіе, симіоновцевъ, но они повторяютъ его, не вникая во внутренній его смыслъ. Имъ все хочется силой заставить людей вѣрить и молиться по-своему, силой заставить видѣть чудеса ихъ вѣры, а между тѣмъ, пока она была съ ними, она ничего не видѣла и не чувствовала, кромѣ тоски по неудовлетворенному стремленію къ свѣту истины. А какъ сильно было это стремленіе! Изъ-за него она чуть было не отказалась отъ личнаго счастья, и чуть было не пожертвовала тѣмъ, кого любила больше жизни, а чѣмъ заплатили они ей за это? Недовѣріемъ и измѣной.

Когда она пришла къ нимъ съ истерваннымъ сердцемъ и жаждущей утѣшенія душой, они ничего не захотѣли ей дать взаимнѣ разбитаго счастья. Они не только не утѣшили ея, показавъ ей хоть лучъ того свѣта, къ которому она стремилась, и котораго они въ ослѣпленіи своемъ мнятъ себя обладателями, но еще омрачили передъ нею этотъ свѣтъ, заронивъ ей въ сердце сомнѣніе въ Его святости,—вотъ что они сдѣлали. Въ чемъ же ихъ заслуга передъ Богомъ? Чѣмъ они лучше тѣхъ, отъ которыхъ они съ проклятіемъ брезгливо отвертываются?

Ни разу не испытывала она съ ними того, что чувствовала сегодня въ присутствіи незнакомца, ожидавшаго ее въ часовнѣ, такой душевной радости и удовлетворенія, такой блаженной увѣренности въ милосердіе Божіе, въ премудрость Его и благость. А человѣкъ этотъ ничему ея не поучалъ, ни молиться, ни проклинать, ни ненавидѣть, онъ только плакалъ и сокрушался вовлѣ нея о своемъ горѣ. А что это за горе, она и до сихъ поръ не знаетъ, да и не узнаетъ, вѣрно, никогда, но она сняла съ души его это бремя, на радость себѣ и ему, и почувствовала въ себѣ присутствіе Духа въ первый разъ, съ тѣхъ поръ, какъ ищетъ Его.

XIV.

Магдалина прошла садомъ, черезъ террасу, въ домъ, никого не встрѣтивъ.

Быль одиннадцатый часъ ночи, но по корридорамъ еще сновали люди, въ маленькой гостиной горѣли свѣчи, а попавшійся ей навстрѣчу казачекъ объявилъ, что у боярыни ужъ давно сидитъ Карпъ Михайловичъ Грибковъ.

Пришелъ онъ къ боярышнѣ Магдалинѣ Ивановнѣ и, узнавъ, что она еще не вернулась домой, просилъ позволенія подождать, а тутъ боярыня, услышавъ чужой голосъ, вышла къ нему и позвала къ себѣ.

Магдалина поспѣшила пройти въ маленькую гостиную и застала Софью Ѳедоровну въ большемъ волненіи. Да и Грибковъ показался ей чѣмъ-то разстроенымъ. Оба, не спросивъ у нея, гдѣ она была и почему вернулась такъ поздно, принялись сообщать ей непріятныя вѣсти, и тутъ только Магдалина узнала, какъ хлопоталъ старикъ для Курлятьева и какъ близокъ онъ былъ къ успѣху.

— Представь себѣ, Карпъ Михайловичъ нашелъ убійцу князя!— объявила Софья Ѳедоровна, когда дочь ея, отвѣтивъ на низкій поклонъ подъячаго, опустилась на кресло въ углу, до котораго не достигалъ свѣтъ лампы, зажженной на столѣ передъ диваномъ.

— Не нашелъ еще, боярыня, хотя и мнилъ найти,—печально поправилъ г-жу Бахтерину Грибковъ.

— Но это новое доказательство невинности нашего Ѳеди!— вскричала она.

— Эхъ, сударыня, давно мы это знаемъ, да что толку-то! Надо было настоящаго убійцу найти, вотъ главное, и я было нашелъ его. Вотъ ужъ гдѣ онъ у меня сидѣлъ,—прибавилъ старикъ, постукивая указательнымъ пальцемъ правой руки по тому же пальцу у лѣвой.—Да спорхнулъ, каналья!

Онъ обстоятельно повторилъ Магдалинѣ то, что передавалъ передъ ея приходомъ Софьѣ Ѳедоровнѣ, какъ ему, послѣ долгихъ и тщетныхъ поисковъ, удалось добраться по народной молвѣ, подбираемой отрывистыми клочками по базару и трактирамъ и отъ вѣрныхъ людшекъ, всюду, по его порученію, шныряющихъ, ко всему прислушиваясь и присматриваясь, какъ ему удалось напасть на слѣдъ одного малаго по имени Григорій Горячій. Про этого челоуѣка шла молва, что онъ причастенъ къ убійству, за которое понапрасну терпитъ Курлятьевъ. Этого Григорія Горячаго Грибковъ лично не зналъ, но много слышалъ про его мошеннические подвиги отъ его товарищей, переловленныхъ и посаженныхъ въ острогъ, а также черезъ его сожительницу, Штукатуриху, ютившуюся въ Принкулинской усадьбѣ съ отцомъ своимъ, слѣпымъ

нищимъ. Чтобъ найти Горячаго, надо было отыскать Штукатуриху, и Грибковъ съ этого началъ. Это было нелегко, но, тѣмъ не менѣе, удалось ему точно также, какъ и подбится къ этой бабѣ и овладѣть ея довѣріемъ. Ну, разумѣется, безъ денегъ не обошлось. Стало-таки ему въ копеечку знакомство съ этими милыми людьми. На одну водку, чтобъ развязать языкъ вѣдьмѣ, сколько рублей просадилъ! А еще дороже обошелся ему подкупъ тѣхъ изъ бывшихъ пріятелей Горячаго, которыхъ ему удалось перетянуть на свою сторону щедрыми подачками и еще болѣе щедрыми обѣщаніями.

Но за то и добился онъ множества драгоцѣнныхъ свѣдѣній. Открылъ онъ, во-первыхъ, что Горячій ужъ года два какъ перешелъ въ Симіоновскую секту и что изъ-за этого чуть было навсегда не разошелся съ Штукатурихой. Но потомъ, а именно, мѣсяца три тому назадъ, они помирились, и она хвасталась, что онъ ей лавочку съ краснымъ товаромъ обѣщался открыть въ селѣ, на большой дорогѣ къ Кіеву. Ужъ давно пересталъ онъ пить и съ прежними пріятелями возжаться, и лучше его работника трудно было по всей окрестности найти. Угрюмый, молчаливый и всегда трезвый, ничѣмъ нельзя было отвлечь его отъ работы. Специальностью его сдѣлалось садоводство. Но, чтобъ найти его, надо было обращаться къ Штукатурихѣ, потому что постоянного жительства у него нигдѣ не было. Нынѣшней весной, послѣ пріѣзда сюда Курлятьева, его видѣли на базарѣ, а также въ губернаторскомъ саду; тутъ онъ розы сажалъ, да новыя дорожки прокладывалъ и, наконецъ, нанялся въ княжеское помѣстье, аллеи пообчистить, да фруктовыя деревья обкопать. Работалъ онъ тамъ также и въ цвѣтникѣ, подъ окнами княжеской спальни, а слѣдовательно могъ какъ нельзя лучше ознакомиться и съ особенностями мѣстности и съ привычками князя. Вмѣстѣ съ другими торопился онъ разукрасить садъ ко дню именинъ хозяина. И, наконецъ, передъ тѣмъ, какъ съѣхаться гостямъ, пришелъ въ контору за расчетомъ. Но его не удовлетворили, приказали ждать подъ тѣмъ предлогомъ, что управителю не рука расплачиваться съ рабочими по одиночкѣ. Горячій молча выслушалъ это рѣшеніе и скрылся. Съ тѣхъ поръ никто его тамъ не видѣлъ. Ни къ праздничному именинному обѣду съ пирогами и виномъ, ни на слѣдующій день, среди любопытныхъ, прибѣжавшихъ за много верстъ поглядѣть на убитаго князя, онъ не явился.

Можно себѣ представить, какъ ухватился Грибковъ за эту улику! И чѣмъ дальше, тѣмъ больше возникало такихъ уликъ! Съ тѣхъ поръ Горячій и здѣсь не проявлялся, но съ Штукатурихой онъ, должно быть, гдѣ нибудь да видѣлся и, безъ сомнѣнія, сообщалъ ей о результатѣ своихъ дѣяній. Съ мѣсяцъ спустя послѣ ареста Курлятьева, она спяна провралась, что кабы проклятики ихъ не надули, они купили бы лавку жида Блума, что продавалась за

сходную цѣну наслѣдниками этого самаго жида, сосланнаго за добрыя дѣла въ Сибирь. Товаръ у нея давно закупленъ и въ надежномъ мѣстѣ запрятанъ. На товаръ капиталу хватило, а на лавку обѣщали дать, да надули, окаянныя, чтобъ имъ пусто было, дявольскому отродью.

Клевреты Грибкова ужъ за нею слѣдили, и слова эти были въ точности ему переданы. А съ недѣлю спустя, одинъ изъ обитателей Принкулинской усадьбы обмолвился, тоже спьяна, конечно, что Гришка Горячій къ убійству причастенъ.

Изъ сопоставленія этихъ обстоятельствъ не трудно было вывести, что стоитъ только поприжать этихъ двухъ: Штукатуриху и Горячаго, и на дѣло Курлятьева прольется новый и совершенно неожиданный свѣтъ.

— Все это у меня было такъ чистенько подведено, комару и носу не подточить, — вздохнулъ Карпъ Михайловичъ, — надо же было такому несчастью случиться!

— Да что случилось-то? — спросила Магдалина задыхающимся отъ волненія голосомъ.

— Пронюхали откуда-то проклятики, что козни ихъ ужъ почти что открыты и что отъ отвѣта имъ не спастись, если намъ удастся на Горячаго руку наложить, ну, и дали ему утечь. Имъ это ничего не стоитъ. Бывали примѣры, что въ день казни изъ рукъ палача своихъ вырывали, вотъ они какіе молодцы! Съ ними тягаться умѣючи надо. Третій день, высуня языкъ, бѣгаю, разнюхиваю, куда этотъ чортъ Горячій дѣлся, и все понапрасну. И Штукатурихѣ неизвѣстно, куда онъ лыжи направилъ. Клянется и божится, что они за границу его сплвали. И сама въ такомъ отчаяніи, что нельзя ей не вѣрить. Вѣдь я обѣщаль ей ослобонить сына изъ солдатчины, если она намъ убійцу князя найдетъ, и ей извѣстно, что въ нашей власти это сдѣлать. Въ губернскомъ-то правленіи водятся еще у меня вѣрныя людишки, слава Богу, и не такое дѣло, какъ малаго въ рекрута негоднымъ показать, для меня сварганять, — наивно сознался старый подъячій.

Но онъ могъ сознаться въ дѣйствіяхъ еще болѣе беззаконныхъ, — слушательницамъ его было не до того, чтобъ обращать на это вниманіе.

— Теперь другого спасенія для Ѳедора нѣтъ, какъ бѣжать за границу, — сказала со вздохомъ Софья Ѳедоровна.

— Да, если онъ на это согласится, — замѣтила Магдалина.

— Надо его уговорить.

— Я вотъ и пришелъ за тѣмъ, чтобъ предложить боярышнѣ съ ними повидаться, — вставилъ Грибковъ.

— Когда? — спросила дѣвушка, срываясь съ кресла, чтобы немедленно идти туда, куда ей укажутъ. Въ волненіи своемъ она давно ужъ перестала ощущать усталость отъ дальней прогулки по

лѣсу, и впечатлѣніе сдѣланной тамъ встрѣчи притупилось въ ея сердцѣ.

Но Грибковъ объявилъ, что надо прежде съ его крестникомъ посовѣтоваться. Чтобы не подводить его подъ подозрѣніе, онъ рѣдко съ нимъ видѣлся; а ужъ особенно сталъ избѣгать съ нимъ встрѣчъ съ тѣхъ поръ, какъ дѣла его съ Штукатурихой пошли на ладъ. Онъ былъ такъ увѣренъ въ торжествѣ своемъ надъ стряпчимъ, что даже и утѣшать Магдалину съ Ѳеодоромъ не заботился въ послѣднее время. Передъ великою радостью, которую онъ имъ готовилъ, ему казалось простительнымъ оставлять ихъ въ тревогѣ.

Очень ему было горько разочароваться въ своихъ ожиданіяхъ, такъ горько, что онъ безъ надежды на успѣхъ принимался за послѣднее средство спасти Курлятьева. Если ужъ это оборвется, ну, тогда капуть, и торжествуй во-всю проклятый духъ современности въ лицѣ столичнаго слетка, вертопраха Корниловича! быть ему тогда прокуроромъ, а Курлятьеву въ Сибири,—видно, ужъ сама судьба того хочетъ.

И какъ будто на самомъ дѣлѣ судьба этого хотѣла; въ ту самую минуту, когда онъ собрался идти къ крестнику, этотъ послѣдній самъ къ нему явился съ извѣстіемъ, что его отставили отъ должности. Ужъ и другой на его мѣстѣ. Самъ стряпчій избралъ ему замѣстителя и, объявивъ ему объ отставкѣ, приказалъ немедленно очистить квартиру для новаго писаря.

— Изъ-за чего же онъ вдругъ на тебя взбеленился? — вскричалъ Грибковъ.

— Изъ-за Курлятьева! Говорилъ я вамъ, что ваши пашни съ нимъ до добра меня не доведутъ, такъ и вышло. Ревизоръ-то, котораго по его дѣлу изъ Петербурга ждали, ужъ ѣдетъ.

— Что ты?!

— Вѣрно вамъ говорю. Мнѣ нельзя не знать.

— Бумага о немъ пришла?

— Какая бумага! Это прежде бумагами-то загодя о ревизіяхъ предупреждали, теперь похитрѣе стали, поняли, что такъ поступать не годится. Теперь исподтишка да нахрапомъ дѣйствуютъ. Молчать, молчать, да вдругъ и нагрянетъ полномочный генераль. Частнымъ образомъ чортушка нашъ, Корниловичъ, узналъ про то, что послали кого-то изъ важныхъ нашу губернію ревизовать. Въ Москвѣ, должно быть, застрялъ, что до сихъ поръ его нѣтъ. Передъ Успеніемъ выѣхалъ. Во всякомъ случаѣ каждую минуту надо ждать...

— И опять этотъ вертопрахъ проклятый выскочилъ! — просто-наль горестно Грибковъ.

— Опять онъ. Ничего не подѣлаешь, шустрый, бестія. Всѣхъ теперь въ руки заберетъ, и прокурора и предсѣдателя, полную волю ему дадутъ, такъ онъ ихъ застрашаетъ. Да чего! И въ губер-

скомъ-то правленіи за уборку да за чистку принялись. Гусятникова-то, Петра Ивановича, тоже въ отставку уволили. Въ острогѣ съ меня начали, а тамъ и другіе полетятъ.

— Эхъ, и это дѣло у насъ, значить, сорвалось!—почесывая въ затылкѣ, уныло проговорилъ Грибковъ.

— А что вы затѣяли-то?

— Да вотъ...

Онъ рассказалъ ему про свою неудачу съ Горячимъ.

— Ужъ мы съ боярышней такъ рѣшили: ничего больше не остается, какъ съ твоею помощью бѣгство нашему боярину за границу устроить. Изъ острога бы его только вывести, а тамъ есть у меня одинъ человѣчекъ на примѣтѣ, куда угодно доставить.

— Такъ. Ну, а меня бы вы чѣмъ тогда отблагодарили?—спросилъ послѣ небольшого раздумья писарь.

Лице стараго подьячаго прояснилось. Не такой человѣкъ былъ его крестникъ, чтобъ праздные вопросы задавать.

— Тебѣ-то? Да ужъ не безпокойся, твоя судьба у насъ изрядно была обдумана. Я о тебѣ о первомъ позаботился, чтобъ, значить...

— Сколько же на мою долю было обѣщано?—перебилъ его писарь.

— Двѣ тысячи,—бухнулъ, не задумываясь, Грибковъ.

— Ладно. Пусть еще тыщонку надбавятъ, и мы все оборудуемъ,—объявилъ Илья Ивановичъ.— Ну, чего вы на меня уставились?—продолжалъ онъ съ усмѣшкой,—кажется, понять не трудно, теперь мнѣ вальготнѣе дѣйствовать, чѣмъ прежде. Руки у меня развязаны, ничѣмъ я не рискую...

— И то! Промахнулся, значить, господинъ стряпчій, оставивъ тебя отъ дѣла.

— Поняли теперь? Слава тѣ, Господи! Идите же къ боярышнѣ, возьмите у нея деньги и начнемъ орудовать. Такое дѣло, и мѣшкать нельзя, да и торопиться опасно, а между тѣмъ каждая минута дорога.

— Деньги я тебѣ свои дамъ,—объявилъ Грибковъ.— Смущать мнѣ ее раньше времени не хочется. Обѣщаль ей черезъ тебя свиданіе съ нимъ устроить.

— Теперь нельзя. Ужъ за границей увидятся, если она туда за нимъ поѣдетъ.

— А какъ ты его уговоришь бѣжать? Вѣдь онъ раньше не соглашался.

— Мало ли что раньше было! Раньше-то онъ, съ перепугу, какъ бы ума рѣшился, все чуда ждалъ, что двери темницы сами собою разверзнутся передъ нимъ, и ангелъ небесный выведетъ его изъ нея, какъ св. Петра Апостола. Женщина ему какая-то свѣтлая все являлась, вслухъ онъ съ нею разговаривалъ, такъ занятно, что у сторожей сонъ пропадалъ его слушая, ну, а теперь, вотъ ужъ

третью недѣлю какъ смолокъ, и даже ни про что не спрашиваетъ, какъ войдешь къ нему. Въ уныніе сталь, значить, впадать и на все пойдетъ, чтобъ хоть попытаться вырваться на волю.

— Ну, орудуй, съ Богомъ,—сказалъ подьячій.

Прошло еще съ недѣлю.

Въ ожиданіи вѣстей отъ Грибкова, Магдалина изъ дому не отлучалась и все время проводила съ матерью. Надежда, поддерживавшая ее все лѣто, вдругъ погасла и замѣнилась жуткими предчувствіями, одно мрачнѣе другого.

Не утѣшало и Софью Ѳедоровну новое предпріятіе Грибкова. Это бѣгство изъ острога, о которомъ онъ такъ развязно распространялся, она даже и представить себѣ не могла, какъ можетъ оно осуществиться. А еслибъ даже и удалось оно, что за жизнь ждетъ ея дочь съ бѣглецомъ-мужемъ въ чужой странѣ, среди иноземцевъ, въ вѣчномъ страхѣ и въ скукѣ по родинѣ. Разумѣется, она съ ними не разстанется и умретъ на чужбинѣ безъ утѣшеній православной церкви, которой она пребывала такой усердной дочерью всю свою жизнь, и похоронятъ ее вдали отъ мужа, въ чужой землѣ...

Но обѣ, и мать и дочь, скрывали другъ отъ друга свои опасенія и, сидя по цѣлымъ часамъ за одними пальцами, не обмолвливались ни единымъ словомъ о предметѣ, волновавшемъ ихъ души.

Погода испортилась, дождь лилъ безостановочно, и въ саду работать было нельзя; пальцы перенесли на крытую террасу. Тутъ также, какъ и въ саду, было тихо, и уличнаго шума не слышно.

Работа подвигалась быстро.

— А вы отчаивались кончить, маменька,—сказала Магдалина отшпиливая тонкую бумагу, которой была покрыта вышивка, и готовясь распустить шнурки, чтобы въ послѣдній разъ переиялить канву.

— Какъ ты стала мнѣ помогать, такъ быстро и пошло,—замѣтила Софья Ѳедоровна.

— Давно ли я вамъ помогаю!

— Десятый день,—подхватила ея мать.

Десятый день! Неужели только одна недѣля прошла съ тѣхъ поръ, какъ Грибковъ обѣщалъ ей свиданіе съ Ѳедоромъ?

Магдалинѣ время это казалось вѣчностью. Она состарилась за эту недѣлю; сердце ея изныло отъ томительнаго ожиданія.

— Странно, что Карпъ Михайловичъ такъ давно у насъ не былъ,—вымолвила она, помолчавъ немного.

— Хлопочетъ вѣрно,—замѣтила Софья Ѳедоровна и послѣ небольшого колебанія продолжала:

— Онъ рассчитывалъ на своего крестника, а человекъ этого отстранили отъ занимаемой имъ должности.

Магдалина поблѣднѣла. Сбылись ея предчувствія! О, какъ безумно было предаваться надеждамъ! Кому о нихъ заботиться? Кому ихъ спасти? Кругомъ все враги. Не даромъ сестра Марья, умирая, прокляла ихъ.

— Откуда вы это узнали, маменька? — спросила она дрогнувшимъ голосомъ отъ подступавшихъ къ горлу слезъ.

— Ефимовна мнѣ еще вчера про это сказала, — отвѣчала Софья Ѳедоровна съ притворнымъ спокойствіемъ. — У нихъ въ дѣвичьей раньше всѣхъ городскія новости узнаются. Вотъ и про ревизора тоже откуда-то пронюхали, будто надняхъ его сюда ждутъ. И знаешь, что мнѣ пришло въ голову, — продолжала она, взглядывая исподлобья на дочь, которая что есть силы крѣпилась, чтобъ не разрыдаться, — вдругъ, да ревизоръ этотъ окажется которымъ нибудь изъ друзей покойнаго Ивана Васильевича, вотъ было бы хорошо! Мы бы тогда все ему объяснили... А вѣдь очень можетъ быть, что такъ и случится, многіе изъ любимцевъ покойной императрицы при новомъ царѣ въ ходъ пошли...

Она смолкла, не докончивъ фразы.

По залѣ, со стеклянной дверью, растворенной на террасу, раздавались торопливые шаги.

— Кто бы это могъ быть? Ужъ не Грибковъ ли съ хорошими вѣстями?

Сердце ея забилось, и она глянула на дочь. Магдалина тоже чего-то ждала. Съ широко раскрытыми глазами, замерла она, прислушиваясь къ приближающимся шагамъ. И вдругъ во взглядѣ ея сверкнула безумная радость, блѣдныя щеки ея вспыхнули румянцемъ, она сорвалась съ мѣста и съ глухимъ крикомъ бросилась въ залу.

Софья Ѳедоровна послѣдовала за нею и нашла ее безъ чувствъ въ объятіяхъ Ѳедора.

Чудо, на которое друзья Курлятьева ужъ перестали рассчитывать, свершилось: убійца князя Дульскаго объявился.

Въ тотъ день доложили губернатору, что какой-то пріѣзжіи мѣщанинъ убѣдительно просить съ нимъ свиданія по весьма важному дѣлу.

Губернаторъ приказалъ его впустить, и въ кабинетъ ввели человѣка въ длиннополомъ кафтанѣ, лѣтъ сорока пяти, съ сѣдой бородой и большой лысиной. Черты его продолговатаго лица были замѣчательно тонки и красивы; свѣтлые, большіе глаза сверкали восторженнымъ блескомъ въ ввалившихся и почернѣвшихъ отъ худобы орбитахъ. Руки его были бѣлы, какъ у барина или у монаха. Сходство съ аскетомъ дополнялось изнуреннымъ видомъ всего его тѣла. Ему трудно было выпрямить свою впалую, измо-

жденую грудь, и онъ стоялъ, сгорбившись, опустивъ низко голову и тщательно избѣгая встрѣчаться взглядомъ съ вопрошающими его.

Твердымъ и спокойнымъ голосомъ объявилъ онъ, что пришелъ повиниться въ убійствѣ князя Дульскаго.

Губернаторъ тотчасъ послалъ за прокуроромъ, которому незнакомецъ повторилъ свое заявленіе.

Потомъ онъ обстоятельно изложилъ всѣ подробности содѣянаго имъ преступленія, какъ онъ весь этотъ день, давно ужъ имъ для этого намѣченный, пользуясь сутолокой и многолюдствомъ на селѣ, въ господскомъ домѣ и во дворѣ, хоронился въ палисадникѣ, подъ окнами княжеской спальни, съ пистолетомъ, выкраденнымъ изъ чемодана одного изъ гостей, выжидая удобнаго случая привести свой гнусный замыселъ въ исполненіе; какъ, свершивши его безпрепятственно, онъ бѣжалъ никѣмъ незамѣченный изъ села и благополучно добрелъ до Кіева. Онъ указалъ и на постоянный дворъ, гдѣ провелъ ночь прежде, чѣмъ пуститься дальше, въ Варшаву. Три мѣсяца странствовалъ онъ, отыскивая мѣсто, гдѣ бы основаться поспокойнѣе на житье, нигдѣ такого не нашелъ и вернулся назадъ съ повинной.

На вопросъ, что побудило его на такое страшное преступленіе, онъ отвѣчалъ, что у него съ покойнымъ княземъ были старые счеты.

— И за себя и за нашихъ я ему отплатилъ.

Прокуроръ съ губернаторомъ переглянулись.

«Сектантъ!»—мелькнуло у нихъ обоихъ въ умѣ.

— А что заставило тебя сознаться?—спросили у него.

— Совѣсть замучила,—отрывисто вымолвилъ онъ.

Ничего больше не могли отъ него добиться, сколько ни ухищрялись и ни мучили его.

Такъ и пошелъ онъ на каторгу, послѣ торговой казни, не выдавъ своей тайны.

Губернскій стряпчій Корниловичъ потерпѣлъ поражение, и подъячій Грибковъ не могъ этому не радоваться, но въ душѣ его не переставала кипѣть злоба на проклятиковъ, вырвавшихъ у него изъ рукъ настоящаго убійцу князя Дульскаго.

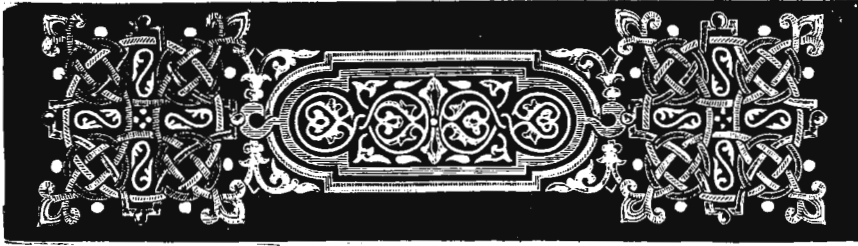
Гришку Горячаго такъ и не отыскали.

Правда, что и тому, который принялъ на себя его вину, было что искупить и за что пострадать. Въ народѣ прошла молва, будто онъ изъ тѣхъ, что нагоняли ужасъ на здѣшнюю мѣстность двадцать лѣтъ тому назадъ. Какъ выставили его у позорнаго столба, старожилы узнали въ немъ, будто, того самаго атамана Сокола, который Ворошиловскій хуторъ сжегъ и Курлятьевскую боярышню изъ монастыря выкралъ, а у Грибкова были причины вѣрить этой молвѣ.

Въ то время много уголовныхъ дѣлъ кончалось такъ, какъ это дѣло кончилось. Великъ былъ тогда произволъ и грубы страсти русскихъ людей, но за то и могуче было владычество духовной силы на землѣ, и избраннымъ душамъ легче было приближаться къ преддверію вѣчной Истины. Предки наши внимательно насъ прислушивались и отзывались на то, на что мы, въ стремленіи нашемъ къ осязаемому и положительному, взираемъ съ презрѣніемъ, какъ на ребяческія бредни, забывая, что «Господь утаилъ отъ умныхъ и разумныхъ то, что открылъ младенцамъ».

Н. Мердеръ.

ВОСПОМИНАНІЯ А. В. ЭВАЛЬДА ¹⁾.

XI.

Мысль о постройкѣ желѣзной дороги между Москвой и Воскресенскимъ монастыремъ. — Свиданіе съ митрополитомъ Иннокентіемъ. — Заключение условія съ Варшавскимъ. — Начало изысканій. — Курьезный незнакомецъ. — Критическое положеніе. — Подмосковная деревенская похлебка. — Оригинальное занятіе мужикомъ. — У митрополита Иннокентія въ Москвѣ. — Подождите. — Сорвалось.

Въ 1869 году я заѣхалъ однажды къ Павлу Степановичу Усову, издававшему въ то время, если память мнѣ не измѣняетъ, газету «Биржа». Мы съ нимъ были давно знакомы по журнальнымъ дѣламъ и всегда находились въ добрыхъ отношеніяхъ.

На этотъ разъ разговоръ зашелъ о желѣзнодорожныхъ дѣлахъ, и Усовъ выразилъ мнѣніе, что концессионеры вовсе не представляютъ изъ себя какихъ нибудь особенно гениальныхъ людей, какъ многіе тогда воображали, и что рѣшительно всякій могъ дѣлать то же, что дѣлали фонъ-Дервизъ, Поляковъ, фонъ-Меккъ, Варшавскій и другіе.

— Да вотъ, — закончилъ онъ, — отчего бы вамъ не попробовать счастья? Передъ Поляковымъ и Варшавскимъ вы имѣете даже огромное преимущество въ образованіи.

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXII, стр. 371.

— Въ томъ-то и дѣло, Павелъ Степановичъ,—возразилъ я,—что образованіе тутъ не играетъ никакой роли. Концессіи даются вѣдь не за экзамены, а просто людямъ, умѣющимъ проходить задними ходами и заискивать протекціи. А я менѣе всего на это способенъ.

— Хотите, я вамъ помогу въ такомъ случаѣ?

— Это дѣло другое.

— Я познакомился недавно съ Варшавскимъ и изъ разговоровъ съ нимъ узналъ, что онъ желаетъ имѣть теперь какую нибудь маленькую дорогу. Отыщите такую и выхлопочите разрѣшеніе прозвѣсти изысканія, и когда получите его, то приѣзжайте ко мнѣ.

При дальнѣйшей бесѣдѣ мы остановились на соединеніи съ Москвою посада Воскресенскаго, при которомъ находится знаменитый монастырь Новый Іерусалимъ, основанный патріархомъ Никономъ. Усовѣ совѣтовалъ мнѣ избрать этотъ пунктъ въ томъ соображеніи, чтобы заручиться поддержкою, если понадобится, московскаго митрополита Иннокентія.

Разумѣется, прежде всего, мнѣ нужно было узнать мнѣніе митрополита, для чего я и поѣхалъ къ нему, въ Троицкое подворье, гдѣ онъ жилъ во время своего пребыванія въ Петербургѣ. Буквально со страхомъ и трепетомъ поднимался я по лѣстницѣ, готовясь бесѣдовать съ знаменитымъ владыкою, о которомъ я такъ много читалъ и слышалъ. Въ приѣмной комнатѣ меня встрѣтилъ скромный священникъ, еще довольно молодой, какъ я узналъ потомъ—сынъ Иннокентія, бывшаго, до постриженія, также священникомъ.

— Что вамъ угодно?—спросилъ онъ.

— Я желалъ бы видѣть лично его высокопреосвященство,—отвѣтилъ я, не зная еще, съ кѣмъ говорю.

— Какъ объ васъ доложить?

Я назвалъся. Священникъ поклонился и направился во внутренніе покои. Минуть черезъ пять, дверь снова отворилась, и въ приѣмную вошелъ митрополитъ. Я увидѣлъ человека средняго роста, довольно полнаго, тяжелаго, какъ говорится, съ жидкой сѣдой бородой и сильно прищуренными глазами. Подойдя къ нему подъ благословеніе, я наклонился поцѣловать руку, но онъ не далъ этого сдѣлать и, просто пожавъ мнѣ руку, пригласилъ сѣсть.

— Что хорошаго скажете, голубчикъ?—спросилъ онъ такъ просто, точно давно былъ со мною знакомъ.

Это обращеніе и этотъ тонъ такъ ободрили меня, что вся робость моя исчезла, и я совершенно спокойно могъ изложить ему цѣль своего посѣщенія.

— Какъ же мнѣ не согласиться на это!—сказалъ онъ.—Напротивъ, въ ножки вамъ, батюшка, поклонюсь, если Богъ вамъ поможетъ устроить дорогу къ Новому Іерусалиму. Да вы бывали ли тамъ?

— Нѣтъ, еще не былъ.

— Вотъ займетесь этимъ дѣломъ, такъ увидите. Вѣдь подобнаго монастыря во всей Россіи нѣтъ. Патріархъ Никонъ устроилъ его совершенно по образцу древняго Іерусалима: тамъ и пещера есть гроба Господня, и въ самый гробъ вдѣлана часть отъ настоящаго. Это большая святыня! Одно вотъ и есть горе этого монастыря, что хотя онъ стоитъ и не далеко отъ Москвы, да въ сторонѣ отъ проѣзжихъ дорогъ, такъ что добраться до него трудно богомольцамъ. Выстроивъ дорогу, вы обогатите монастырь: въ вѣчное поминаніе васъ запишемъ.

И онъ добродушно засмѣялся.

— Думаете ли, ваше высокопреосвященство, что эта дорога будетъ давать достаточный доходъ?—спросилъ я.

— Несомнѣнно, несомнѣнно,—горячо заговорилъ онъ.— Да вы сами посудите: сколько народу теперь каждый годъ валить къ Сергію? Сотни тысячъ! Вѣдь всѣ эти паломники посѣтили бы и Новый Іерусалимъ, если бы туда была дорога. Да куда эти, больше было бы! Хотя мощи св. Сергія и уважаемая святыня, а все-таки куда-жъ ему передъ святыней, передъ частью отъ самаго гроба Господня? Вѣдь она вотъ какая, часть-то эта!

При этомъ Иннокентій руками показалъ величину камня и снова захихикалъ, прищуривъ глаза. Признаюсь откровенно, я почувствовалъ себя крайне неловко въ эту минуту. Дѣло въ томъ, что вѣки у Иннокентія были нависшія, совершенно закрывавшія глаза, и онъ глядѣлъ на меня черезъ едва замѣтныя щелки, такъ что я никакъ не могъ судить о выраженіи его глазъ. Говорилъ онъ со мной все время то улыбаясь, то смѣясь, и я рѣшительно не зналъ какъ себя держать съ нимъ. Но помня, что передо мною сидитъ все-таки митрополитъ, и подозревая, что не испытываетъ ли онъ меня, я удерживался отъ улыбокъ и сохранялъ официальный, дѣловой тонъ.

— Вамъ неизвѣстно, какъ велико приблизительно число паломниковъ въ настоящее время?—спросилъ я.

— Не знаю, голубчикъ, не знаю. А если хотите, то я сегодня же напишу къ настоятелю монастыря и сообщу вамъ.

— Буду васъ просить объ этомъ,—отвѣтилъ я, поклонившись.— Осмѣлюсь предложить еще одинъ вопросъ.

— Что такое? Говорите.

— Я могу исполнить это дѣло только при содѣйствіи Варшавскаго, еврея. Не будетъ ли это непріятно вашему высокопреосвященству?

— Отчего же непріятно? Да Господь съ нимъ, что онъ еврей. Какой ни на есть, онъ все-таки въ Бога вѣруетъ. Вотъ церковь строить еврею было бы не совсѣмъ удобно, это правда, а что касается до желѣзной дороги, хотя бы и къ монастырю, то я въ этомъ

не вижу никакого препятствія. Нѣтъ, нѣтъ, этого вы не опасайтесь. А русскіе развѣ не пойдутъ на такое дѣло?

— Нѣтъ, я никого не знаю.

— Вотъ то-то и горе наше,— замѣтилъ Иннокентій, покачавъ головою.— Не покладливый мы народъ. Ужъ и въ Москвѣ я часто говорю нашимъ толстосумамъ, чего они сидятъ, какъ муміи, на своихъ сундукахъ? Мало ли дѣла въ Россіи? И-и, Господи! Не обещешься сколько дѣла, и все захватываютъ иностранцы да евреи. Обидно глядѣтъ даже. Что дѣлать, что дѣлать? А въ какомъ мѣстѣ будетъ у васъ станція въ Москвѣ?—спросилъ онъ.

— Не знаю еще, ваше высокопреосвященство. Я еще не рѣшилъ пока вопроса и о томъ: откуда вести дорогу, отъ Москвы или отъ Крюковской станціи Николаевской дороги. Отъ Москвы будетъ верстъ сорокъ, а отъ Крюковской станціи двадцать. Надо будетъ хорошенько рассчитать и сообразить всѣ другія условія, чтобы избрать одно изъ этихъ направленій.

— Мнѣ кажется,— замѣтилъ Иннокентій,— что отъ Крюковской станціи было бы лучше: меньшій потребуетъ капиталъ.

— Это вѣрно, но для эксплуатаціи будетъ неудобно: пассажирамъ придется пересаживаться.

— Что за бѣда? Теперь они двадцать верстъ, а если прямо изъ Москвы то и всѣ сорокъ верстъ трясутся на телѣгахъ, такъ рады будутъ пересѣсть, лишь бы ѣхать покойно въ вагонѣ. Нѣтъ, этого вы не бойтесь. Да, кромѣ того, можно будетъ согласиться съ Николаевской дорогой и устраивать прямые поѣзда безъ пересадки. Вы подумайте объ этомъ, а мнѣ кажется, что отъ Крюкова было бы способнѣе, а главное — капитала меньше потребуетъ.

— Такъ вы благословляете меня на это дѣло? — спросилъ я, вставая.

— Отъ всей души и отъ всего сердца, — отвѣтилъ маститый іерархъ, также вставая и пожимая мою руку обѣими своими. — Черезъ недѣлку навѣстите меня, и я вамъ тогда сообщу отвѣтъ настоятеля монастыря. Я ему сегодня же напишу. Дай вамъ Богъ всего хорошаго.

Онъ перекрестилъ меня и съ тѣмъ отпустилъ.

Когда я получилъ разрѣшеніе произвести изысканія, Усовъ отправился со мною къ Варшавскому, жившему на Екатерининскомъ каналѣ, у Каванскаго моста. Абрамъ Моисеевичъ принялъ насъ очень любезно и такъ какъ былъ предупрежденъ Усовымъ о цѣли нашего посѣщенія, то сейчасъ же и приступилъ къ дѣлу.

— Я очень радъ буду вступить съ вами въ компанію, г. Эвальдъ, — сказалъ онъ. — Напишите, пожалуйста, условіе и привезите мнѣ подписать. Эту маленькую дорогу мы съ вами выстроимъ шутя.

— Какія же ваши будутъ условія? — спросилъ я.

— Все пополамъ, — отвѣтилъ Варшавскій. — Вашъ будетъ трудъ, мои деньги, и всѣ выгоды пополамъ. Кажется, справедливо?

— Какъ нельзя болѣе, — отвѣтилъ я, поклонившись.

— Очень радъ. Но вотъ въ чемъ вопросъ: понравится ли московскому духовенству, что я, еврей, буду строить дорогу къ монастырю? — спросилъ Варшавскій.

— Я прежде всего позаботился получить согласіе митрополита Иннокентія и нарочно для того ѣздилъ къ нему. Онъ рѣшительно ничего не имѣетъ противъ вашего участія и обѣщаль оказать намъ всякое свое содѣйствіе.

— Въ такомъ случаѣ откладывать нечего: напишите скорѣе условіе между нами, и приступимъ къ дѣлу, — сказалъ Варшавскій.

— Вотъ видите, какъ хорошо все устроилось, — сказалъ мнѣ Усовъ, когда мы вышли съ нимъ отъ Варшавскаго.

— По правдѣ сказать, Павелъ Степановичъ, — отвѣтилъ я, — мнѣ не вѣрится тому, что я слышалъ.

— То-есть чему же именно?

— Да тому, что Варшавскій вступаетъ со мною въ компанію и отдаетъ мнѣ половину участія? Что я представляю для него? Ровно ничего!

— Но вы получили разрѣшеніе на изысканія?

— Это не имѣетъ никакой цѣнности: изысканія всѣмъ разрѣшаютъ, и Варшавскій можетъ получить ихъ и безъ меня.

— Наконецъ, вы инженеръ. Нуженъ же такой человѣкъ для постройки дороги.

— Инженера онъ можетъ нанять за жалованье, какъ это всегда и дѣлается. Я рѣшительно недоумѣваю, почему онъ принялъ меня компаньономъ, да еще въ такой крупной долѣ.

— Какое вамъ дѣло до его соображеній! — замѣтилъ Усовъ. — Благо дѣло устроивается лучше, чѣмъ вы ожидали, не упускайте его и куйте желѣзо, пока оно горячо. Сегодня же составьте условіе и завезите ко мнѣ показать: умъ хорошъ, а два лучше.

Сочинивъ договоръ, я на другой день завезъ его къ Усову прочитать. Пунктовъ было немного, всего семь или восемь, и въ числѣ ихъ я написалъ, что если Варшавскій откажется отъ постройки этой дороги, то долженъ будетъ мнѣ заплатить неустойку. Усовъ возсталъ противъ этого.

— Этимъ пунктомъ, — сказалъ онъ, — вы выказываете недовѣріе къ нему и совершенно напрасное. Вы видите, что онъ охотно идетъ въ дѣло и исполнитъ его безъ всякой угрозы, въ этомъ будьте увѣрены. Между тѣмъ неустойка оскорбитъ его самолюбіе и испортитъ все дѣло, начатое такъ хорошо.

Я согласился съ этимъ и переписалъ договоръ уже безъ неустойки. Когда я пріѣхалъ съ нимъ къ Варшавскому, то засталъ у него въ кабинетѣ человѣкъ пять какихъ-то дѣльцовъ, съ кото-

рыми онъ горячо бесѣдовалъ. Я думалъ, что онъ попросить меня обождать. Но Варшавскій при моемъ входѣ всталъ съ кресла, прошелъ нѣсколько шаговъ на встрѣчу и быстро спросилъ:

— Вы условіе принесли?

— Да, — отвѣтилъ я, вынимая бумагу изъ кармана.

Онъ нетерпѣливо схватилъ ее, сѣлъ на свое мѣсто и началъ читать. Но видно отъ торопливости или занятый чѣмъ нибудь другимъ, онъ не могъ читать внимательно, потому что попросилъ меня указать тотъ пунктъ, гдѣ говорится объ участиіи каждаго изъ насъ въ прибыляхъ. Я указалъ. Прочитавъ этотъ пунктъ и не обративъ вниманія на остальные, онъ взялъ перо и подписался на двухъ экземплярахъ.

— Вы сами будете дѣлать изысканія? — спросилъ онъ.

— Конечно, самъ.

— Сколько вамъ нужно денегъ на это?

— Право, не знаю: мнѣ еще не случалось дѣлать изысканій.

— Хотя примѣрно скажите.

— Позвольте рублей восемьсотъ, можетъ быть, и хватить.

Онъ сейчасъ же написалъ записку въ контору о выдачѣ мнѣ этой суммы и, подавая ее, сказалъ:

— Пожалуйста, не откладываете и поѣзжайте скорѣе. Я завтра уѣду за границу и пробуду тамъ мѣсяца три. Хорошо бы было, еслибъ къ моему возвращенію у васъ все было готово.

— Въ этомъ я почти увѣренъ; по крайней мѣрѣ постараюсь.

Передъ отъѣздомъ на изысканія, я навѣстилъ митрополита Иннокентія, который встрѣтилъ меня совсѣмъ уже какъ добраго знакомаго, и подробно разспрашивалъ о всемъ, что я сдѣлалъ и что буду дѣлать. Я прочиталъ ему даже мой договоръ съ Варшавскимъ.

— Вотъ это хорошо, очень радъ за васъ, голубчикъ, — замѣтилъ онъ. — Ну, и я съ своей стороны прочту вамъ письмо отъ епископа Петра. Онъ заранѣе благодаритъ васъ за устроеніе дороги. Такъ и вовесть благодарителемъ монастыря, хе-хе-хе! Да вотъ письмо его, прочтите сами.

Епископъ Петръ дѣйствительно благодарилъ митрополита за его содѣйствіе этому и меня за предпріятіе его. О числѣ паломниковъ онъ говорилъ, что въ лѣтнее только время считаетъ около 20.000 посѣтителей высшаго и средняго классовъ и болѣе 60.000 другихъ, изъ ближнихъ и дальнихъ мѣстъ Россіи.

— Вотъ видите, — замѣтилъ Иннокентій, когда я возвратилъ ему письмо. — Теперь бываетъ до 60.000, а когда проложатся рельсы, такъ сколько народу поѣдетъ? Страсть! Дѣло будетъ для васъ хорошее. Начинайте его въ добрый часъ. Я самъ скоро уѣзжаю въ Москву. Когда будете тамъ, приходите ко мнѣ, поговоримъ еще. Въ Москвѣ я свободнѣе.

Поблагодаривъ его за участіе и получивъ благословеніе, я скоро снарядился въ путь, запасся нужными инструментами и поѣхалъ на станцію Крюково.

Благодаря любезному содѣйствію начальника Крюковской станціи, я нашелъ себѣ небольшой домикъ въ четыре комнатки, совершенно пустой, конечно. Отъ разныхъ служащихъ на станціи добылъ себѣ у кого столъ, у кого стулъ, кровать и кое-какія другія принадлежности походнаго хозяйства и кое-какъ устроился. На другой день я нанялъ человѣкъ восемь рабочихъ и ямщика-троечника, чтобы отвезить меня на мѣсто работъ и привозить домой.

Въ первый же день, какъ только я вышелъ въ поле съ инструментами, около меня, но держась въ сторонкѣ, началъ бродить какой-то высокій и здоровый молодой дѣтина, одѣтый въ высокіхъ сапогахъ, красной кумачевой рубахѣ, сѣромъ пиджакѣ сверхъ нея и сѣрой же войлочной шляпѣ съ полями. Все утро онъ топтался кругомъ да около, неотступно слѣдя за движеніемъ партіи рабочихъ, сначала издали, потомъ ближе, а подъ конецъ, безъ всякаго приглашенія, началъ помогать рабочимъ, то вбивать колышки, то ставить вѣхи, то держать рейки или тащить цѣпь. Это непрощенное вмѣшательство тѣмъ болѣе меня озадачивало, что онъ не только не почелъ нужнымъ спросить моего согласія, но даже не поклонился мнѣ. Не зная, кто онъ и что ему нужно, я рѣшилъ дѣлать видъ, будто совершенно не замѣчаю его и по-смотрѣть, чѣмъ это кончится. Такъ мы прошли съ нивеллировкой около трехъ верстъ до полудня, когда наступило время дать рабочимъ отдыхъ и пообѣдать. Нанятый мною отставной солдатикъ изъ евреевъ, для личныхъ услугъ, вынулъ изъ телѣги мой завтракъ и разложилъ его на травѣ; рабочіе усѣлись неподалеку, а неизвѣстный преслѣдователь отошелъ въ сторонку и усѣлся на пенекъ. Съ собою у него ничего не было, и онъ жадными глазами слѣдилъ за тѣмъ, какъ я и рабочіе ѣли. Мнѣ наконецъ стало жалко его, и я послалъ своего Лепорелло-жида пригласить неизвѣстнаго закусить. Онъ быстро вскочилъ, подошелъ ко мнѣ и только тогда въ первый разъ поклонился.

— Вы, вѣроятно, также проголодались, — сказалъ я. — Не хотите ли закусить, чѣмъ Богъ послалъ?

— Покорнѣйше васъ благодарю, — отвѣтилъ онъ, садясь и принимаясь за ѣду.

Когда онъ немного утолил свой голодъ, я спросилъ, что его побудило цѣлое утро шататься около меня. Парень покраснѣлъ и, запинаясь, отвѣтилъ, что онъ хотѣлъ поучиться нивеллировкѣ и вообще быть чѣмъ нибудь занятымъ.

— Такъ отчего же вы прямо не обратились ко мнѣ, а бродили около, такъ что, извините, я началъ подозрѣвать васъ въ нехорошихъ умыслахъ.

Парень покраснѣлъ еще болѣе.

— Я боялся...—сказалъ онъ.

— Напрасно. Но кто вы такой, позвольте узнать?

— Я-то? У моего отца есть тутъ небольшое имѣніе недалеко... Когда будете проходить мимо, такъ, пожалуйста, зайдите; отецъ будетъ очень радъ.

— Благодарю васъ, можетъ быть, и найду, если будетъ по дорогѣ. А вы чѣмъ занимаетесь вообще?

— Ничѣмъ-съ. Я раненый.

— Какъ такъ?

— Да-съ. Былъ разъ съ пріятелемъ на охотѣ, и онъ мнѣ всадилъ въ грудь цѣлый зарядъ дроби. Думали, что умру. Долго лежалъ въ Москвѣ въ университетской клиникѣ, самъ Пироговъ дѣлалъ мнѣ операцію, дробь вынималъ. Говорятъ, рана была очень замѣчательная. Изъ-за границы доктора пріѣзжали нарочно, чтобъ меня посмотреть. Во многихъ медицинскихъ журналахъ обо мнѣ писали. У отца всѣ эти сочиненія собраны, онъ вамъ можетъ ихъ показать.

— Вотъ какъ! Да вы—европейская извѣстность!

— Точно такъ-съ, — отвѣтилъ парень, самодовольно осклабившись.

— Такъ эта рана мѣшаетъ вамъ заниматься чѣмънибудь?—спросилъ я.

— Въ военную службу изъ-за нея не принимаютъ, а къ другому дѣлу я не склоненъ.

— Но надо же чтонибудь дѣлать?

— Я бы хотѣлъ поступить къ вамъ, на желѣзную дорогу, когда она будетъ строиться. Мнѣ это было бы удобно, по близости отъ имѣнія.

— Посмотримъ, можетъ быть.

— А теперь позвольте мнѣ работать у васъ? Я бы бесплатно, такъ, лишь бы научиться.

— У меня есть рабочіе, какъ видите... но, пожалуй, помогайте чтонибудь.

Парень мой просіялъ отъ радости и дѣйствительно самымъ усерднѣйшимъ образомъ принялся помогать, исполняя всѣ мои приказанія съ величайшей охотой и быстротой. Онъ былъ высокаго роста, широкоплечъ и обладалъ замѣчательной силой, такъ что я усомнился въ его рассказѣ о ранѣ и о томъ, что изъ-за нея онъ не былъ принятъ въ военную службу. Онъ поселился даже и жить у меня, не спрашивая на то моего согласія: спалъ на голомъ полу, не раздѣваясь, положила руку подъ голову. Утромъ

чистилъ мнѣ платье и сапоги, ставилъ самоваръ и распоряжался всѣмъ хозяйствомъ, находя, что солдатъ-еврей дѣлаетъ все это не такъ хорошо. На работѣ добывалъ и ставилъ вѣхи, таская на плечахъ чуть не цѣлыя мачты, носилъ и ставилъ то рейки, то инструменты, дѣлалъ рекогносцировки для выбора направленія и вообще былъ очень полезнымъ помощникомъ.

Такимъ образомъ мы дошли работою до густого хвойнаго лѣса, который надо было пересѣчь. Изъ разспросовъ мѣстныхъ крестьянъ я никакъ не могъ добиться толку, далеко ли этотъ лѣсъ простирается впереди и въ стороны, а потому и рѣшилъ предварительно проѣхать его по проселочной дорогѣ, чтобы немного ознакомиться съ его свойствами. Мой ямщикъ, молодой парень, проѣзжая въ одномъ мѣстѣ, снялъ шапку и три раза перекрестился. Я оглянулся кругомъ, но ничего рѣшительно не замѣтилъ, что могло бы вызвать молитву.

— Чего ты крестишься, Михайло?—спросилъ я.

Ямщикъ показавъ рукою на кусты и, повернувшись ко мнѣ, спокойно отвѣтилъ:

— Тутъ въ прошломъ году нашли моего брата убитымъ.

— Что ты говоришь?! Какъ это случилось?

— Да очень просто: онъ тоже, какъ и я, троешникъ былъ. Наняли его двое какихъ-то везти изъ Воскресенска на Крюково, да вотъ тутъ закинули петлю на шею, удавили и бросили въ самые эти кусты, а лошадей угнали.

— Нашли же ихъ?

— Подозрѣваютъ двоихъ изъ Еремѣвки.

— Гдѣ же они? На свободѣ?

— Нѣтъ, засадили въ острогъ, да только, говорятъ, отпустить, потому какъ за цѣлый годъ не могли собрать улику... А вы, господинъ, черезъ этотъ лѣсъ будете проходить?

— Да, надо его перерѣзать.

— А оружіе у васъ есть?

— Зачѣмъ?

— Еремѣвцы пошаливаютъ. Разбойный народъ. Послушайте меня, безъ оружія не ходите сюда.

Какъ ни странно мнѣ было слышать, что подъ самой Москвой существуетъ разбойничье гнѣздо, но въ виду убійства брата моего ямщика нельзя было пренебречь его совѣтомъ. У меня былъ привезенъ съ собою довольно большой револьверъ, который спокойно лежалъ въ чемоданѣ на Крюковской станціи, такъ какъ я не ожидалъ встрѣтить въ немъ надобность. Но теперь я рѣшилъ брать его съ собою на работу и привѣшивалъ на ремнѣ черезъ плечо, подъ пиджакомъ, такъ что его не было видно. Предосторожность эта оказалась ненеправильной.

Лѣсъ, который мнѣ надо было пересѣчь, былъ чрезвычайно

густой, еловый, съ можжевельникомъ. Этотъ можжевельникъ доставлялъ особенно много хлопотъ: онъ растетъ не высоко, но имѣеть длинныя, часто насаженныя и густыя вѣтви, которыя начинаются у самой земли и идутъ пирамидой къ верхушкѣ. Срубить такой кустъ можжевельника гораздо труднѣе, чѣмъ свалить столѣтнюю сосну. Не мудрено, поэтому, что работа въ лѣсу шла крайне медленно, несмотря на то, что для ея ускоренія я не дѣлалъ сплошной просѣки, а только сваливалъ тѣ деревья, которыя стояли на самой линіи.

Однажды я дошелъ до небольшой, почти круглой поляны среди лѣса. Со мною были только двое рабочихъ, носившихъ инструменты, такъ какъ остальные, подъ начальствомъ раненаго помощника, ушли далеко впередъ, дѣлая просѣку.

День былъ воскресный. Я только-что установилъ нивелиръ и послалъ одного рабочаго съ рейкою впередъ, какъ изъ разныхъ мѣстъ лѣса появились мужики, въ праздничныхъ нарядахъ, но съ топорами въ рукахъ и за поясами. Они выходили изъ лѣсу въ разбродку, но всѣ направлялись прямо ко мнѣ, какъ къ центру, и вскорѣ окружили. Сначала я не обращалъ на нихъ вниманія, думая, что мужики просто любопытствуютъ, и продолжалъ свое дѣло. Но скоро ихъ собралось гораздо за сотню, и они такъ меня окружили, что заслонили инструментъ спереди.

— Раздайтесь въ сторонку, ребята,—сказалъ я торчавшимъ впереди меня.—Не мѣшайте работать!

Но на это приглашеніе никто не шевельнулся.

— Чего раздаваться?—крикнулъ кто-то изъ заднихъ рядовъ.— Ты чего тутъ рубишь нашъ лѣсъ?

Я невольно оглянулъ толпу и замѣтилъ, что она настроена вовсе недружественно.

— Давно ли этотъ лѣсъ сдѣлался вашимъ?—спросилъ я.—Мнѣ думается, что онъ пока казенный!

— Хопа бы и казенный,—продолжалъ ораторъ изъ заднихъ рядовъ,—да онъ намъ даденъ для пользованія, а ты какое-такое право имѣешь рубить?

— А вотъ если ты грамотный, такъ подойди сюда и прочитай,—сказалъ я, вынувъ изъ кармана разрѣшеніе и показывая его всей толпѣ.

Но это было совершенно напрасно: толпа вовсе не думала защищать какія-то свои права на лѣсъ, которыхъ вовсе не имѣла. Я замѣтилъ, что пока я говорилъ, кругъ около меня стѣснился, и мужики имѣли на меня совершенно иные виды. Инстинктивно я оглянулся кругомъ и, замѣтивъ въ трехъ шагахъ свади себя дерево, началъ отступать къ нему, чтобы прикрыться отъ нападенія свади. Моихъ двухъ работниковъ не было: при появленіи

толпы они благоразумно исчезли куда-то. Дѣло становилось критическимъ. На мой вызовъ прочесть бумагу никто не отозвался.

— Чего тутъ читать!—гадѣли въ заднихъ рядахъ.— Може, и самъ написалъ бумагу. Да что намъ бумага! Плевать мы хотимъ на бумагу!

Стоявшіе впереди, ближе ко мнѣ, молчали и только поглядывали то на меня, то на заднихъ говорунѡвъ, а тѣ голосили и напирали толпу на меня. Очевидно никакіе переговоры не привели бы тутъ ни къ чему. Я вложилъ бумагу въ карманъ и нащупалъ подъ пиджакомъ револьверъ, готовясь къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ.

— Ну, ребята, довольно!—крикнулъ я, какъ могъ громче, чтобъ перекричать гудѣвшую толпу.—Расходитесь и не мѣшайте мнѣ!

— Чего расходиться?—продолжали орать храбрецы въ заднихъ рядахъ.—Сколько деревъ повалилъ задарма! Лѣсъ-отъ намъ даденъ. Наше это дѣло!

Мужики рѣшительно входили въ азартъ, махали руками, перекикивали другъ друга, грозили мнѣ, насмѣхались надъ бумагой и все плотнѣе и плотнѣе сдвигались, подъ напоромъ заднихъ рядовъ. Я рѣшительно не зналъ, что мнѣ дѣлать, какъ вдругъ одинъ возгласъ разомъ положилъ конецъ всей этой глупой сценѣ.

— Да что съ нимъ растобарывать!—крикнулъ кто-то изъ дальнѣйшихъ рядовъ.—Бей его, ребята!

Этого было довольно. Вся энергія, упавшая было при видѣ грозной толпы, вдругъ воспрянула во мнѣ со всею силою: я схватилъ револьверъ и, направляя его дуло въ глаза ближайшимъ ко мнѣ, крикнулъ, какъ только могъ, громко:

— Ну-ка, кто первый?

Мужики, очевидно, не ожидавшіе такого сопротивленія, ошалеѣли. Передніе, стоявшіе ближе ко мнѣ, разомъ осадили назадъ и толкались, чтобъ пробить себѣ дорогу сквозь толпу. Произошло обратное движеніе—не ко мнѣ, а отъ меня. Ободренный первымъ успѣхомъ, я прикрикнулъ еще разъ:

— Расходитесь! Живо! Не то я васъ перестрѣляю!..

И вотъ, подъ вліяніемъ револьвера, о которомъ мужики, должно быть, имѣли понятіе, вся эта громадная толпа полупьянаго народа, такая грозная и опасная за минуту передъ тѣмъ, быстро разсѣялась по полянѣ и стала исчезать въ лѣсу. Какой-то, болѣе азартный, добѣжавъ до опушки лѣса, обернулся назадъ и, погрозивъ мнѣ кулакомъ, крикнулъ на прощанье:

— Ладно! Попадешься еще намъ въ руки!

Понятно, что кровь во мнѣ ходила ходенемъ отъ такого приключенія. По близости не было даже простой лужи воды, чтобы освѣжиться. Я былъ совершенно одинъ въ глухомъ лѣсу и могъ ожидать, что мужики вернуться еще, когда у нихъ пройдетъ пер-

вый страхъ отъ револьвера. Нивелиръ мой стоялъ, къ счастью, на своемъ мѣстѣ и, по осмотрѣ, оказался цѣлымъ. Успокоенный хоть въ этомъ отношеніи, я легъ на траву и ожидалъ, что будетъ дальше.

Черезъ нѣсколько времени ко мнѣ явились мои два храбрые работника и робко подошли, стыдясь, конечно, своей измѣны.

— Ушли!—сказалъ одинъ, снимая шапку.

— Да, ушли... А вы гдѣ были?

— Да что, ваша милость, не взыщи съ насъ. Все равно отъ насъ помочи тебѣ не было бы: ишь, какая орава ихъ нагрянула.

— Господь съ вами,—отвѣтилъ я, сознавая, что дѣйствительно они не могли бы мнѣ помочь.— А какіе это были мужики? Знаете вы ихъ?

— Еремѣевскіе, сударь; разбойники-народъ. Какъ-то еще Господь помиловалъ тебя?

Я показалъ имъ револьверъ, спасшій меня. Мужики не мало подивились тому, что изъ него можно сдѣлать шесть выстрѣловъ подъ рядъ.

Черезъ полчаса времени возвратился мой передовой отрядъ. Я рассказалъ раненому о приключеніи, и когда мы вернулись на станцію Крюково, то послалъ его на своей тройкѣ сообщить о нападеніи на меня становому приставу.

Черезъ нѣсколько дней послѣ того мнѣ случилось проѣзжать черезъ село Еремѣевку, тоже въ праздничный день, когда всѣ крестьяне были дома. Завидѣвъ меня, они сбѣжались на дорогу и окружили также, какъ въ лѣсу, но на этотъ разъ совсѣмъ уже не съ тѣмъ угрожающимъ видомъ, а, напротивъ, съ почтительными поклонами и снявши шапки.

— Что вамъ нужно?—спросилъ я.

— Прости насъ, ваша милость!—говорили они.—Согрѣшили мы передъ тобою.

— Ага! Это вы хотѣли меня убить въ лѣсу?

— Виноваты, родимый! Грѣхъ попуталъ! Да и выпоролъ же насъ становой за тебя! Долго будемъ помнить.

— На здоровье!

— Ужъ не прогнѣвайся, родимый. На водочку бы намъ пожаловалъ...

Такой просьбы я меньше всего могъ ожидать, и она меня такъ разсмѣшила, что я выдалъ имъ три рубля. Мужики рассыпались въ благодарностяхъ.

— Благодарите Бога,—сказалъ я имъ, показывая револьверъ,— что я не пустилъ въ дѣло этой штучки: многихъ изъ васъ теперь не было бы на свѣтѣ.

— Знаемъ, сударь, знаемъ и благодаримъ тебя покорно.

Съ тѣмъ я и расстался съ этими разбойниками.

Трудно вѣрится самому себѣ, что все это было такъ недавно, и притомъ подъ самой Москвой, а не въ глухихъ дебряхъ какой нибудь Енисейской губерніи! Еще болѣе я пораженъ былъ дикостью подмосковнаго населенія, наткнувшись на другой случай, не столь драматическій, но въ своемъ родѣ очень внушительный.

Мой ямщикъ - троечникъ обязанъ былъ каждый вечеръ, къ восьми часамъ, приѣзжать въ назначенный заранѣе пунктъ, чтобы отвозить меня домой. Такимъ пунктомъ я назначилъ однажды деревню Адуеву и, въ ожиданіи его приѣзда, зашелъ посидѣть въ одну избу. Мужики еще не вернулись съ работъ. Хозяйка, добродушная женщина, спросила меня, не хочу ли я чего поѣсть.

— Только вотъ горе, — прибавила она, — не знаю, чѣмъ тебя и попоштовать. Ничего-то у насъ нѣту, окромя похлебки.

— Такъ дай похлебки, если не обижу васъ.

— Гдѣ обидѣтъ! У меня большой горшокъ заваренъ, еще останется. Только не станешь ты ѣсть ее, баринъ.

— Отчего?

— Да ужъ очень поскудная похлебка.

— Покажи все-таки; можетъ быть, ты даромъ ее хаешь.

Я въ самомъ дѣлѣ думалъ, что хозяйка говоритъ такъ изъ скромности, и что ея похлебка будетъ нѣчто въ родѣ солдатскихъ щей. Она вынула изъ печи горшокъ, поставила его передо мною и дала ложку. Открывъ крышку, я былъ пораженъ сразу неприятнымъ запахомъ и непригляднымъ видомъ похлебки: въ мутной и грязноватой водѣ плавали какіе-то листья и кусочки грибовъ, а запахъ ближе всего напоминалъ запахъ мокраго грязнаго бѣлья. Не смотря на то, вооружившись храбростью, я зачерпнулъ ложкой и попробовалъ, но... проглотить не могъ и сплюнулъ.

— Вѣдь я говорила, что не станешь ѣсть,—замѣтила хозяйка.— И мы-то съ горемъ ее хлебаемъ.

— Да что ты тамъ наварила?—спросилъ я.

— Чего наварить: муки ржаной подсыпала, листьевъ подорожнику, да грибовъ сколько-то, что сегодня на работѣ собирала, вотъ-тѣ и всего.

— Что же это вы такъ плохо ѣдите?

— Нечего ѣсть-то по нашимъ мѣстамъ: хлѣбъ куды плохой родится, земля—песокъ одинъ. Вотъ кабы картофель намъ сажать, такъ мы богатѣи были бы! Картофель у насъ родится словно сахаръ: сладкій, рассыпчатый, скусный такой.

— Такъ отчего же вы не садите картофель?

— Нельзя, баринъ: мужики говорятъ, что это—чортово яблоко!

Я вытаращилъ глаза отъ удивленія: подъ Москвой-то въ наше время, и такое глупое повѣрье!

— Да вы старовѣры какіе нибудь, что ли?—спросилъ я.

— Нѣтъ, зачѣмъ? Мы—православные, слава тебѣ, Господи!

— Такъ какъ же вы такому вздору вѣрите?

Баба подошла ко мнѣ и почти въ самое ухо проговорила въ полголоса:

— Я-то, сударь, не вѣрю и думаю, что Богъ все создалъ для нашей потребности, а вотъ мужики, такъ съ ними не сговоришь. Признаться тебѣ сказать, у меня есть немного картофеля, сама сажаю кое-гдѣ, чтобъ незамѣтно было, и когда улучу времечко, то потихоньку и поѣмъ. Скусный такой картофель! Хочешь я тебѣ сварю малость?

— Свари, пожалуйста.

У нея стоялъ въ печкѣ другой горшокъ съ горячей водой. Она живо принесла горсть картофеля и сварила: по истинѣ сказать, ни въ Петербургѣ, ни въ Москвѣ я никогда не ѣлъ ничего подобного. Даже знаменитый ревельскій картофель едва ли потягался бы съ этимъ.

— Дураки же ваши мужики, — сказалъ я, съ удовольствіемъ наѣвшись досыта. — Съ такимъ картофелемъ вы могли бы богачами жить!

— Вотъ и я то же говорю, богатѣи были бы. Да что подѣлать! Темный у насъ народъ, необразованный...

Ямщикъ мой запоздалъ въ этотъ вечеръ и пріѣхалъ только за полночь. Поэтому я невольно долженъ былъ присутствовать при вечернихъ занятіяхъ мужиковъ. Мужъ и сынъ моей хозяйки, вернувшись съ поля около девяти часовъ, похлебали свой спартанскій ужинъ, потомъ, къ моему великому удивленію, усѣлись на улицѣ, на заваленкѣ, и принялись... вязать чулки! Хозяйка тоже принялась за чулокъ. Выглянувъ въ окно, я увидѣлъ, что рѣшительно вся деревня, мужики и бабы, отъ самаго стараго до самаго малаго всѣ точно также вязали чулки! Выходила точно карриатура на крестьянскій бытъ!

— Что же это значить? — спросилъ я свою хозяйку, сидѣвшую рядомъ со мною.

— Это намъ одинъ московскій купецъ даетъ работу, — объяснила она. — Спасибо ему; все хоть малое подспорье при нашей бѣднотѣ. Другихъ заработковъ у насъ нѣтъ, потому и всѣ мужики научились вязать.

Мнѣ захотѣлось добыть себѣ памятку о такомъ странномъ кустарномъ промыслѣ.

— Свяжи мнѣ полдюжины паръ, — предложилъ я хозяйкѣ.

— Не годится тебѣ, — отвѣтила она. — Вѣдь эти чулки нельзя носить.

— Отчего?

— Да нитка совсѣмъ гнилая: часу не проходишь, какъ весь чулокъ расплзается на ногѣ.

— Такъ на что же купцу такіе чулки?

— Для торговли: онъ ихъ на Нижегородской ярмаркѣ тысячами продаетъ.

Часъ отъ часу не легче! Вотъ и разсуждайте послѣ всего этого о поднятіи нашего сельскаго хозяйства, о развитіи промышленности и торговли!

Около одиннадцати часовъ мужики вошли въ избу и, снявъ только сапоги, не раздѣвшись, повалились на полъ, подложивъ подъ головы небольшіе свертки изъ стараго тряпья вмѣсто подушекъ.

Боже мой, какая ужасная жизнь! Каторжники въ острогахъ живутъ сытнѣе и съ ббльшимъ комфортомъ, чѣмъ эти несчастные труженики, которыхъ некому ни научить, ни просвѣтить... И это, опять повторяю, подъ самой Москвой, ворочающей торговлей всей Россіи!

Когда я приблизился съ изысканіями къ Воскресенску, то мнѣ было удобнѣе перенести свою штабъ-квартиру туда. Для этого я свѣдиль въ Воскресенскъ ознакомиться съ мѣстностью, посмотреть монастырь, выбрать мѣсто для станціи и нанять себѣ квартиру. Въ монастырѣ меня приняли не только радушно, но даже съ почетомъ, и предложили поселиться въ монастырской гостинницѣ, что я и сдѣлалъ.

Здѣсь я не буду описывать ни монастыря, ни своего кратковременнаго пребыванія въ немъ. Скажу только, что настоятель монастыря былъ изъ людей свѣтскихъ и образованныхъ, съ которыми я пріятно провелъ нѣсколько вечеровъ, слушая его разсказы о неприглядной сторонѣ монастырской жизни и о тяжелой борьбѣ, которую онъ долженъ былъ вести съ необразованными, грубыми и строптивыми монахами.

Окончивъ изысканія, я поѣхалъ въ Москву навѣстить, какъ общалъ, митрополита Иннокентія.

Сторожъ при его квартирѣ объявилъ мнѣ, что митрополитъ въ консисторіи, но скоро долженъ вернуться, и потому предложилъ мнѣ обождать съ четверть часа. Я сѣлъ въ залѣ ближе къ входнымъ дверямъ. На площадкѣ лѣстницы стояла монахиня съ бумагою въ рукахъ, очевидно, просительница. Въ скоромъ времени Иннокентій дѣйствительно возвратился, и я слышалъ, какъ онъ тяжело и медленно поднимался наверхъ, покрывая и отдуваясь. Монахиня опустила передъ нимъ на колѣни и подала бумагу, когда онъ вошелъ на верхнюю площадку.

— Чего ты шляешься ко мнѣ попусту?—закричалъ на нее митрополитъ такимъ сердитымъ голосомъ, какого я никакъ не ожидалъ отъ него.—Вѣдь я не разъ говорилъ вамъ, чтобы не толкались ко мнѣ съ этими вздорами!

Монахиня что-то пробормотала, чего я не слышалъ.

— Да мнѣ какое дѣло до всего этого!—еще болѣе сердито за-

кричалъ онъ.—Вы сами не знаете тамъ, чего хотите! Съ жиру бѣситесь отъ бездѣля! Я вотъ прикажу, чтобы васъ палками отъ меня гнали! Ступай къ себѣ и больше не смѣй ко мнѣ носа своего показывать!

Слыша все это, я подумалъ, что митрополитъ былъ чѣмъ нибудь раздраженъ въ консисторіи и пріѣхалъ домой сердитымъ, а потому и ко мнѣ отнесется недружелюбно. Не желая быть гостемъ не во время, я прижался у окна, надѣясь, что онъ въ своихъ темно-синихъ очкахъ пройдетъ мимо, не замѣтивъ меня. Но мой планъ бѣгства не удался. Онъ, какъ только поровнялся съ окномъ, у котораго я стоялъ, обернулся въ мою сторону и спросилъ: кто тутъ? Нечего было дѣлать: я вышелъ впередъ и назвалъ. Къ моему удивленію, старикъ мгновенно перемѣнился.

— А, голубчикъ!—сказалъ онъ самымъ радушнѣйшимъ голосомъ.—Очень радъ васъ видѣть! Пойдемте ко мнѣ въ кабинетъ.

И, взявъ за руку, онъ повелъ меня черезъ залъ. Лакей отворилъ дверь въ кабинетъ и посторонился, чтобъ пропустить насъ.

— Распорядись-ка чайкомъ,—сказалъ ему Иннокентій.

Доведа меня до самаго письменнаго стола, онъ пригласилъ меня сѣсть въ кресло.

— А меня, старика, извините, если я при васъ немного разоблачусь,—говорилъ онъ, снимая свой бѣлый клобукъ съ брилліантовымъ крестомъ и ставя его на маленькій столикъ.

Затѣмъ онъ снялъ съ себя всѣ регалии и ушелъ за ширму скинуть рясу. Окончивъ все это, онъ вышелъ ко мнѣ въ голубомъ шелковомъ подрясникѣ, опоясанномъ широкимъ, шитымъ поясомъ.

— Вотъ такъ-то лучше,—говорилъ онъ, оправляя волосы и усаживаясь въ кресло.—Ну, что, родимый, какъ у васъ дѣла? Рассказывайте все подробно. Мнѣ это очень любопытно.

Я передалъ ему о томъ, что кончилъ изысканія и теперь поѣду въ Петербургъ составлять техническій проектъ дороги. Между прочимъ, я передалъ ему и о своихъ приключеніяхъ во время изысканій, выразивъ удивленіе, что наткнулся на такія явленія подъ самой Москвой. Иннокентій засмѣялся, покачавъ головой.

— Сейчасъ видно питерца, который дальше Невскаго проспекта ничего не видѣлъ,—сказалъ онъ.—Да что же вы думаете, родимый, что у насъ крестьяне въ лайковыхъ перчаткахъ ходятъ, хе-хе-хе? Это что еще, около Москвы... Вы бы вотъ подалее побѣхали, такъ тамъ наглядѣлись бы на виды.

При этомъ онъ вдругъ перемѣнилъ тонъ изъ веселаго на грустный и, тяжело вздохнувъ, сказалъ:

— Да, голубчикъ, дикая еще страна Россія, очень дикая. Много-много лѣтъ должно пройти, покуда у насъ что нибудь устроится путное. Думается мнѣ, что вотъ эти самыя желѣзныя

дороги хоть немного да помогут намъ. А только дѣла хватить еще надолго, покуда мы до европейцевъ достигнемъ.

Когда подали чай, Иннокентій, предложивъ мнѣ стаканъ, началъ задавать вопросы по техническому строительству желѣзныхъ дорогъ, при чемъ удивлялъ меня иногда своими свѣдѣніями въ этомъ дѣлѣ, столь чуждомъ его профессіи. Я не преминулъ замѣтить ему объ этомъ.

— Чему же вы удивляетесь?—сказалъ онъ.—Я вѣдь тоже кое-что почитываю, не сижу медвѣдемъ въ берлогѣ. Съ людьми также выдаюсь, вотъ хоть бы съ вами теперь, говорю съ ними, выспрашиваю, учусь. Любовзательностью Господь меня не обидѣлъ.

По мѣрѣ того, какъ разговоръ оживлялся, переходя съ одного предмета на другой, я дѣбался смѣлѣе, такъ какъ добродушіе Иннокентія совершенно сгладило разстояніе въ нашихъ общественныхъ положеніяхъ. Еслибъ кто нибудь слушалъ насъ, не видя, кто говорить, то никакъ бы не угадалъ, что это бесѣдуетъ престарѣлый іерархъ московскій съ молодымъ инженеромъ, а скорѣе подумалъ бы, что говорятъ два старые пріятели. Я, между прочимъ, признался, что, услыша грозный голосъ его, обращенный къ монахинѣ, хотѣлъ потихоньку улизнуть, чтобы заѣхать въ другой разъ.

— Ишь вѣдь какой хитрецъ! — сказалъ Иннокентій, засмѣявшись.—То-то я и гляжу: прячется кто-то у окна. Думали, небось, что я, по слѣпотѣ своей да за синими очками, ничего и не вижу? Нѣтъ, я этими очками берегу свои глаза, а видѣть-то еще вижу довольно хорошо, благодареніе Богу. А что я прикрикнулъ на монахиню, такъ вѣдь это такой народъ, что съ ними иначе нельзя. Думаете вы, что она по дѣлу какому приходила ко мнѣ?

— Да, конечно.

— Ничего не бывало! Пришла жаловаться на товарку свою, больше ничего. Такой народъ неугомонный! Работать не любятъ, молиться—не молятся, а все промежъ себя сплетни да ссоры разводятъ. Такъ вотъ и подѣдають другъ дружку, словно скорпіоны, посаженные въ одну банку. А еще ангельскій чинъ носятъ! Какія это монахини? Торговки просто, изъ-подъ Сухаревой башни!

— Неужели это вездѣ такъ, ваше высокопреосвященство? Мнѣ вотъ епископъ Новаго Іерусалима тоже много рассказывалъ о своихъ монахахъ...

— Знаю, знаю!—перебилъ меня Иннокентій, махнувъ рукою.—А вы что же думаете? Вѣдь это все народъ лѣнивый, безпутный, дикій! Онъ въ монастырь-то идетъ не въ грѣхахъ каяться и не Богу молиться, а чтобы жить на даровомъ хлѣбѣ, больше ничего. Трудно съ ними ладить, очень трудно.

— Я слышалъ, что духовная дисциплина гораздо строже даже военной,—замѣтилъ я.

— Это смотря какъ,— отвѣтилъ Иннокентій.— Бѣлое духовенство больше подчиняется дисциплинѣ, потому что связано семействомъ: ради жены и дѣтей всякій смирится и покорится. А какойнибудь бобыль-монахъ которому терять нечего и печалиться не о комъ, чего онъ боится? На него никакой управы не найдешь. Не палками же бить его? Вотъ и маешься съ ними черезъ пень въ колючу. Я-то вѣдь изъ бѣлаго духовенства...

— Знаю, ваше высокопреосвященство.

— Такъ вотъ меня и беретъ зло на этихъ людей. Бѣлому духовенству у насъ куда какъ трудно жить, по деревнямъ-то. О городскихъ я не говорю, тѣ особъ статья, имъ хорошо. А деревенскіе, мужицкіе попы, вотъ кому трудно! Съ нихъ и выскивать-то лишнее грѣшно.

О томъ, что митрополитъ Иннокентій не любилъ чернаго духовенства, я слышалъ еще и ранѣе, поэтому нисколько не удивился его отзывать, высказываемымъ такъ откровенно. Пользуясь случаемъ поговорить съ нимъ, я очень хотѣлъ навести его на какіенибудь рассказы о походахъ и подвигахъ его въ Восточной Сибири, надѣясь услышать то, чего не было въ печати, но онъ всегда уклонялся говорить о себѣ и быстро переводилъ разговоръ на текущія событія. Не смотря на свой преклонный возрастъ и на свое общественное положеніе, удалявшее его отъ мірскихъ дѣлъ, онъ былъ совершенно въ курсѣ всѣхъ событій и въ высшей степени занимался всѣмъ, что совершалось въ мірѣ. Не было такого явленія или событія въ какой бы то ни было области, которое бы онъ не зналъ такъ же хорошо, а иногда и лучше, какъ и всякій научно-образованный свѣтскій человѣкъ. Однимъ словомъ, просидѣвъ у него за чаемъ около двухъ часовъ, я совершенно не замѣтилъ, какъ прошло время, и только тогда спохватился, когда человѣкъ доложилъ объ обѣдѣ.

— Если побудете въ Москвѣ, пріѣзжайте ко мнѣ попросту, — говорилъ онъ мнѣ на прощанье.— Я очень люблю поболтать о томъ, о семъ. Читать теперь много не могу, глаза не позволяютъ, а поговорить съ добрымъ человѣкомъ все равно, какъ бы книгу прочитаешь.

Я исполнилъ его желаніе и навѣстилъ еще два раза. Онъ крайне любопытствовалъ всѣми подробностями постройки желѣзной дороги, и я долженъ былъ объяснять до мелочности, почему, что и какъ я думаю дѣлать то или это. При этихъ объясненіяхъ онъ спорилъ со мной, давалъ совѣты или выслушивалъ мои доказательства, какъ будто собирался самъ быть строителемъ и рассчитывалъ каждый грошъ. И говорилъ онъ не зря, не какъ невѣжда въ этомъ дѣлѣ, а настолько дѣловито и съ такимъ практическимъ смысломъ, что я невольно воспользовался нѣкоторыми его замѣчаніями и примѣнилъ ихъ при составленіи проекта дороги.

Ему, однако, не суждено было дожидаться осуществленія этой дороги, которая и по сей день ждет своего строителя.

Пока я дѣлалъ изысканія и составлялъ проектъ дороги, Варшавскій былъ за границей. Вернулся онъ только осенью и тотчасъ же послалъ ко мнѣ освѣдомиться о положеніи дѣла. Я привезъ ему свои работы, вполне подготовленные для представленія въ министерство.

— Прекрасно!—сказалъ онъ.—Теперь начнемте хлопотать о концессіи. Приѣзжайте ко мнѣ въ четвергъ, во фракъ, и вмѣстѣ поѣдемъ къ министру.

Въ четвергъ я приѣхалъ къ нему во фракъ, но отъ моего фрака дѣло нисколько не подвинулось: оказалось, что въ этотъ день почему-то невозможно ѣхать къ министру. Варшавскій просилъ меня заѣхать за нимъ, опять во фракъ, на будущей недѣлѣ.

На будущей недѣлѣ повторилась та же исторія... и такъ далѣе, съ недѣли на недѣлю. Между тѣмъ, я сталъ замѣчать, что у него всякій разъ набирается болѣе и болѣе евреевъ, глотателей счастья. Изъ нѣкоторыхъ отрывочныхъ фразъ я узналъ, что Варшавскій хлопочетъ о концессіи на Московско-Брестскую дорогу.

— Такъ отъ того-то вы и затягиваете нашу маленькую дорогу?—сказалъ я ему однажды.

— Это правда,—отвѣтилъ онъ,—я хочу объ дороги представить одновременно: при большомъ дѣлѣ маленькое пройдетъ легче. Подождите немного.

— Хорошо, я подожду.

Не помню, сколько времени я ждалъ, какъ вдругъ узнаю, что Варшавскій уже получилъ концессію на Московско-Брестскую дорогу.

— А что же наша маленькая?—спрашиваю его.

— Надо немного подождать,—отвѣтилъ онъ.—Было бы очень неудобно хлопотать о двухъ дорогахъ рядомъ. Одну навѣрное бы отказали. Вотъ теперь, когда Московско-Брестская утверждена за мною, то, немного погодя, я могу просить и о Крюковско-Воскресенской. Подождите немного.

Я опять ждалъ и всего прождалъ вообще до мая 1870 года.

Тутъ уже Усовъ, познакомившій меня съ Варшавскимъ, вышелъ изъ терпѣнія и сказалъ мнѣ, что въ Петербургѣ есть англичанинъ Томсонъ Бонаръ, который охотно возьмется за это дѣло, и что на Варшавскаго, видимо, нечего болѣе рассчитывать. Для этого Усовъ познакомилъ меня съ Томсономъ Бонаромъ.

Это былъ чистокровный бриттъ, краснощекій, полный, грубоватый, который, прочтя мое условіе съ Варшавскимъ, прямо заявилъ, что онъ согласенъ замѣнить Варшавскаго, и просилъ меня взять отъ него отказъ. Я поѣхалъ къ Варшавскому и просилъ его, если онъ самъ не думаетъ продолжать дѣло, то отказаться отъ условія. Послѣ

нѣкотораго колебанія и раздумья Варшавскій сдѣлалъ на нашемъ договорѣ такого рода надпись:

«Изъявляю согласіе г. Эвальду пригласить къ участию въ этомъ предпріятіи и другое лицо по его усмотрѣнію, и тогда отъ меня будетъ зависѣть остаться участникомъ въ соразмѣрной части или вовсе отказаться. Почетный гражданинъ А. М. Варшавскій».

Я замѣтилъ ему о крайней неопредѣленности этой надписи, но онъ меня успокоивалъ тѣмъ, что никакъ не будетъ мѣшать дѣлу, а, напротивъ, поможетъ. Нечего дѣлать, показалъ я эту надпись Томсону Бонару.

— Да развѣ это возможно, г. Эвальдъ?! — воскликнулъ онъ. — Какъ же я войду въ дѣло, въ которое третье лицо во всякую минуту можетъ ворваться съ самыми широкими требованіями? Скажите Варшавскому, чтобы онъ или велъ дѣло самъ, или отказался отъ него вовсе, и тогда я войду въ компанію съ вами. Иначе это невозможно.

Бѣду опять къ Варшавскому, разъ, другой, третій—все не могу его видѣть: то дома нѣтъ, то крайне занятъ и просить заѣхать завтра, то опять дома нѣтъ и такъ безъ конца. Видимо избѣгаетъ свиданія со мною. Недѣли три я промучился, пока, наконецъ, не добился возможности увидѣть его и передать требованіе Томсона Бонара.

Варшавскому, очевидно, не хотѣлось разстаться съ этимъ дѣломъ, но почему-то онъ также не могъ поднять его одними своими силами. Онъ долго ходилъ по кабинету, раздумывалъ, спрашивалъ меня о Томсонѣ Бонарѣ, пока, наконецъ, не рѣшился.

— Хорошо, — сказалъ онъ. — Я отказываюсь. Напишите сами, какъ хотите, я подпишу.

Я написалъ такимъ образомъ:

«Съ сего 20-го мая 1870 г. я предоставляю г. Эвальду полную свободу дѣйствія по этому дѣлу, отказываясь отъ всякаго въ немъ участія».

Варшавскій прочиталъ, но прежде чѣмъ подписать, нѣсколько разъ макалъ перо въ чернильницу, все еще раздумывая и колеблясь. Онъ напомнилъ мнѣ въ эту минуту двѣ извѣстныя картины, изъ которыхъ одна изображаетъ королеву Елизавету англійскую, подписывающую приговоръ Маріи Стюартъ, а другая—Наполеона I, подписывающаго свое отреченіе отъ престола. Однако въ концѣ концовъ онъ подписалъ свое отреченіе.

— Я сдѣлалъ это, — сказалъ онъ, подавая мнѣ бумагу, — чтобы не мѣшать устроиться этому дѣлу. Но я полагаюсь на васъ, г. Эвальдъ, что если вы окончите его, то дадите мнѣ нѣкоторое участіе, хоть небольшое.

Я далъ ему слово и поѣхалъ къ Томсону Бонару. Къ удивленію своему, застаю у него полнѣйшій разгромъ квартиры: большей части

мебели уже нѣтъ, остальную запаковываютъ и выносятъ, а самъ англичанинъ стоитъ безъ скюртука, вспотѣлый и запыленный, какъ Марій на развалинахъ Каррагена. Вынимаю изъ кармана отреченіе Варшавскаго и показываю ему. Онъ прочиталъ, но пожалъ плечами и покачалъ головой.

— Слишкомъ поздно! — сказалъ онъ со вздохомъ. — Очень жаль.

— Что такое случилось?

— А вотъ прочитайте.

Онъ подалъ мнѣ телеграмму изъ Лондона, въ которой его компаніоны требовали немедленнаго прекращенія дѣлъ въ Россіи и прибытія въ Лондонъ.

— Сорвалось! — могъ я только сказать, подобно Кречинскому.

ХІІ.

Умственное движеніе нашего общества въ началѣ шестидесятыхъ годовъ. — Лекція Костомарова въ думѣ. — Прекращеніе лекцій профессоромъ. — Моя статья по этому поводу въ «Голосѣ». — Возраженія Лаврова и Чернышевскаго. — Вызовъ Чернышевскимъ меня на словесное состязаніе. — Я принимаю вызовъ. — Разговоръ мой съ Чернышевскимъ. — Его взгляды и теорія. — Горячій споръ. — Неблаговидный поступокъ профессоромъ. — Послѣдствія нашего словеснаго состязанія. — Объясненіе съ Краевскимъ. — Романъ Чернышевскаго «Что дѣлать». — Д. Д. Миаевъ и его экспромты. — Заключение.

Въ числѣ моихъ немногихъ литературныхъ воспоминаній не могу пройти молчаніемъ одного очень грустнаго случая, оставившаго во мнѣ на всю жизнь тяжелое воспоминаніе.

Говорю о моемъ невольномъ и нечаянномъ столкновеніи съ Н. Г. Чернышевскимъ.

Случилось это въ 1862 году, во время сильнаго разгара въ Петербургѣ нигилизма, со всѣми попутными ему теоріями пересозданія челоуѣчества, которыми занимались тогда не только гимназисты и студенты, но, къ сожалѣнію, и нѣкоторые люди, которыхъ принято называть солидными. Хаосъ, охватившій тогда наше общество, былъ по-истинѣ невообразимый! Какъ при вавилонскомъ столпотвореніи, всѣ перестали понимать другъ друга. Всѣ хотѣли чего-то новаго, но чего именно — рѣшительно никто толково не зналъ.

Склонный по природѣ болѣе къ созерцательной жизни, чѣмъ къ дѣятельной, я держался въ сторонѣ отъ всѣхъ этихъ волненій и увлеченій, зная очень хорошо, что они также скоро пройдутъ, какъ явились, потому что никакое общество не можетъ долгое время находиться въ воспалительномъ состояніи. А тогда наше общество было именно въ такомъ состояніи, которое можно приравнять только къ болѣзни — горячкѣ.

— Я читаю теперь Бокля!—заявила мнѣ, напимѣрь, одна свѣтская барыня, никогда до тѣхъ поръ ничего не читавшая.

Разумѣется, я выразилъ ей нѣкоторое удивленіе и даже сомнѣніе въ томъ, что она пойметъ чтонибудь.

— Вѣдь вы совсѣмъ исторіи не знаете,—замѣтилъ я между прочимъ,—такъ что же вы хотите извлечь отъ Бокля? И къ чему вамъ это читать?

— Ахъ, помилуйте!—возразила она.—Всѣ теперь читаютъ Бокля!

Въ другой разъ эта же самая барыня объявила мнѣ, что Бога нѣтъ...

— Куда же онъ дѣвался?—спросилъ я, улыбнувшись.

— Да его никогда и не было, это все выдумали нарочно, существуетъ только природа, и больше ничего!

— Кто это вамъ сказалъ?

— Да всѣ говорятъ, и Н., и М., и П., всѣ умные и образованные люди!

Нужно замѣтить, что барыня, о которой я говорю, была красавица, хотя и недалекаго ума, и это ея поклонники просвѣщали ее въ такомъ направленіи.

Вспоминаю объ этой барынѣ, потому что тогда много было такихъ. Онѣ читали не только Бокля, Герцена (Колоколь), но вообще всякія модныя тогда книжки, въ особенности журнала «Современникъ»; читая, ничего не понимали, конечно, твердили только ходячія выраженія, какъ попугаи, и считали себя поэтому какими-то Жаннами д'Аркъ, призванными къ пересозданію человѣчества, въ сопровожденіи своихъ поклонниковъ, разумѣется.

Вотъ въ это-то смутное время произошелъ случай, надѣлавшій тогда много шума.

Извѣстный историкъ и профессоръ Костомаровъ читалъ однажды въ залѣ думы публичную лекцію, на которую собралось много студентовъ. Чѣмъ онъ не угодилъ студентамъ, я не знаю, но только на этой лекціи они освистали его. Это было тѣмъ болѣе удивительно, что до того времени Костомаровъ считался наиболѣе либеральнымъ изъ всѣхъ профессоровъ и былъ любимцемъ тѣхъ же самыхъ студентовъ. Сколько я могу думать, нашъ либерализмъ тогда такъ быстро двигался впередъ, что Костомаровъ оказался, вѣроятно, отставшимъ и попалъ въ ряды умѣренныхъ, когда по ходу либеральнаго прогресса слѣдовало быть уже краснымъ.

Такъ или иначе, но на другой день послѣ этого печальнаго случая ко мнѣ пріѣхалъ Краевскій, у котораго я тогда работалъ, рассказалъ мнѣ о событіи и просилъ по поводу его написать статью.

— Пора положить предѣлъ этому безумному движенію,—говорилъ онъ съ большимъ волненіемъ.—Такою дорогою мы, Богъ знаетъ, куда найдемъ! Власть бессильна противъ этого, тутъ нужна литературная борьба. Они (т. е. нигилисты) вичатся тѣмъ, что всѣ ихъ

боятся и молчатъ передъ ними. Надо же кому нибудь поднять противъ этого голозъ!

Такъ какъ я самъ былъ возмущенъ грубой выходкой слушателей Костомарова, то исполнилъ желаніе Краевскаго и написалъ просимую имъ статью, которую онъ сейчасъ же и напечаталъ, поставивъ вмѣсто моей подписи букву з.

Этой статьи у меня нѣтъ подъ рукой, помню только, что въ ней я выражалъ сожалѣніе въ томъ, что студенты, вмѣсто того, чтобы учиться и подготавливаться къ будущей дѣятельности, тратятъ силы и время на занятіе политикой, причемъ указывалъ на примѣръ другихъ нашихъ университетовъ, въ которыхъ тогда было спокойно.

Трудно вообразить себѣ, какой шумъ и негодованіе произвела эта статья среди всей либеральничавшей части общества. Краевскій сталъ получать анонимныя письма, полныя всякихъ ругательствъ и въ которыхъ требовали, чтобы онъ объявилъ имя автора для преданія его публичному опельмованію. Въ этихъ же письмахъ мнѣ грозили кто побоями, кто даже смертью, обѣщая застрѣлить изъ-за угла, какъ собаку. Краевскій не на шутку испугался за себя и за меня и совѣтовалъ мнѣ принять мѣры предосторожности. Но что же я могъ сдѣлать? Уѣхать куда нибудь, только. Но это было противно моимъ понятіямъ, такъ какъ, писавши статью, я вовсе не намѣренъ былъ скрываться и показывать кукишъ въ карманѣ. Поэтому я рѣшилъ не только не скрываться, но даже ни въ чемъ не измѣнять своего образа жизни и даже хотѣлъ написать въ университетъ, предложить гг. студентамъ явиться на ихъ сходку, для личныхъ объясненій. Но отъ этого послѣдняго шага меня отговорили. Не знаю, какая бы гроза разразилась надо мною, если бы начавшееся движеніе противъ моей личности не было ослаблено тѣмъ, что во главѣ его стали такіе корифеи тогдашняго либерализма, какъ полковникъ Лавровъ и Чернышевскій. Молодежь нѣсколько успокоилась, ожидая, что эти два колосса либерализма разобьютъ меня въ пухъ и прахъ.

Началось съ того, что Лавровъ прислалъ Краевскому возраженіе на мою статью, которое Краевскій сообщилъ мнѣ при слѣдующей запискѣ:

«Вотъ какую статью и съ какимъ письмомъ прислалъ ко мнѣ г. Лавровъ. Прочтите ее и скажите мнѣ свое мнѣніе. Если напечатать статью, то надо приготовить отвѣтъ равносильный, а это Богъ знаетъ до какихъ откровенностей можетъ довести!»

Черезъ недѣлю я получилъ отъ Краевскаго слѣдующее письмо:

«Статья Лаврова пропущена цензурою безъ всякихъ измѣненій. Посылаю вамъ съ нея точную копію. Откладывать долго помѣщеніе ея нельзя: надо скорѣе вашъ отвѣтъ, чтобы обѣ статьи появились одна вслѣдъ за другою. Сверхъ того, Чернышевскій пригото-

вилъ въ выходящей книжкѣ «Современника» отвѣтъ на вашу статью, доказывая, что молодежь жаждетъ учиться, но что ей мѣшали, и рассказываетъ постепенно... распоряженія, закрытіе университета, ссылку Павлова, вынудившую, со стороны профессоровъ, прекращеніе лекцій въ думѣ и пр. Не знаю, въ какомъ видѣ дозволится эта статья, но по всему видно, что свистуны сильно оскорблены вашею статьею. Пиша отвѣтъ Лаврову, имѣйте въ виду могущую появиться надняхъ статью Чернышевскаго: можно бы, пожалуй, предупредить ее, сказавъ, что вотъ существуетъ такое-то мнѣніе—небезосновательное или неосновательное потому-то и потому-то. Костомаровъ мнѣ говорилъ, что ему также хочется написать по поводу вашей статьи замѣтку, въ которой выводъ будетъ такой: молодежь хочетъ учиться—только не мѣшайте ей въ этомъ ни сверху, ни снизу. Пожалуйста, отвѣтите, когда должно пустить въ печать статью Лаврова, т. е. когда вы можете прислать свое возраженіе».

Какъ писалъ Краевскій, такъ и было: въ вышедшемъ номерѣ «Современника» была помѣщена большая статья Чернышевскаго, въ которой, рѣзко нападая на меня и оправдывая студентовъ, онъ предлагалъ мнѣ въ заключеніе личное свиданіе, при свидѣтеляхъ съ обѣихъ сторонъ, чтобы фактически доказать мнѣ невиновность студентовъ въ запрещеніи публичныхъ лекцій.

- Примете вы этотъ вызовъ?—спросилъ меня Краевскій.
- Разумѣется. Только не знаю, кого выбрать въ свидѣтели.
- Возьмите Лохвицкаго¹⁾ и Скарятину²⁾. Они оба мастера говорить и могутъ быть вамъ полезны.
- Хорошо, мнѣ все равно кого.

Поэтому я написалъ Чернышевскому слѣдующее письмо:

«М. Г. Николай Гавриловичъ.

«Вамъ угодно было предложить мнѣ на личномъ свиданіи представить доказательства тому, что не г.г. студенты Петербургскаго университета были причиною прекращенія публичныхъ лекцій. Отъ души радуясь случаю убѣдиться въ этомъ и даже печатно оправдать студентовъ въ обвиненіяхъ, вводимыхъ на нихъ, я не только желаю, но даже обязанъ принять ваше приглашеніе, вслѣдствіе чего имѣю честь покорнѣйше просить васъ удостоить меня своимъ посѣщеніемъ, по прилагаемому адресу. О времени нашего свиданія предлагаю вамъ условиться съ В. Д. Скарятинимъ, который взялъ на себя трудъ передать вамъ это письмо и сообщить имена свидѣтелей, приглашенныхъ по вашему желанію».

¹⁾ Александръ Владиміровичъ, присяжный повѣренный.

²⁾ Владиміръ Дмитріевичъ.

На другой день, 25-го мая, я получилъ отъ Скарятина такую записку:

«Я видѣлся съ г. Чернышевскимъ вчера вечеромъ, и условились сойтись въ понедѣльникъ (30-го мая) въ 8 часовъ вечера. Не худо бы намъ повидаться раньше, ибо я хотѣлъ бы передать вамъ многое, что говорилъ мнѣ г. Чернышевскій».

Въ назначенное время мы собрались, въ домѣ нынѣшняго Владимірскаго городского училища (тогда уѣзднаго), въ которомъ я жилъ. Чернышевскій явился съ Г. Елисѣевымъ и М. Антоновичемъ. Мы расположились за столомъ такъ, что я сидѣлъ противъ Чернышевскаго, имѣя по бокамъ Лохвицкаго и Скарятина, а Елисѣевъ и Антоновичъ сѣли по бокамъ Чернышевскаго.

Чтобы скорѣе окончить дѣло, Чернышевскій предложилъ вести его протокольнымъ порядкомъ. Я согласился.

Тогда онъ взялъ листъ бумаги и написалъ первый пунктъ протокола: «1) Мнѣніе Чернышевскаго. Исполненіе дѣла должно быть приписано лицу, принявшему, или лицамъ, принявшимъ рѣшеніе совершить его».

Лохвицкій и Скарятинъ начали было оспаривать это мнѣніе и не хотѣли мнѣ дозволить выразить свое согласіе, но Чернышевскій справедливо остановилъ ихъ, сказавъ, что они приглашены быть только свидѣтелями и не должны вмѣшиваться въ мой споръ съ нимъ по существу. Подумавъ немного, я подписалъ, что согласенъ съ этимъ мнѣніемъ моего противника.

Тогда Чернышевскій вынулъ изъ кармана цѣлый пакетъ писемъ профессоровъ университета, въ которыхъ они заявляли, что еще задолго до случая съ Костомаровымъ отказались отъ чтенія публичныхъ лекцій. Прочитывая эти печальныя письма, Чернышевскій передавалъ мнѣ ихъ по очереди, для устраненія всякихъ недоразумѣній въ поддѣлкѣ.

Исторія прекращенія публичныхъ лекцій была въ то время всѣмъ хорошо извѣстна, поэтому понятно будетъ, какъ возмутили меня эти письма, писанныя очевидно заднимъ числомъ. Какъ ихъ добылъ Чернышевскій, я не знаю, но письма я самъ читалъ и сомнѣваться въ нихъ не имѣлъ повода. Когда я прочелъ всѣ письма, Чернышевскій написалъ второй пунктъ протокола: «2) Чернышевскимъ были прочтены записки четырнадцати изъ числа читавшихъ лекціи профессоровъ,—записки, выражавшія рѣшеніе писавшихъ прекратить или приостановить чтеніе публичныхъ лекцій. Записки эти написаны были 6 и 7 марта и 8 марта, до закрытія публичныхъ лекцій».

Лохвицкій и Скарятинъ снова горячо возстали противъ предьявленія этихъ писемъ, доказывая, что они вынуждены были силою и писаны заднимъ числомъ, что это не честно ловить противника подобными средствами, и многое тому подобное. Съ ними вступили

въ горячіе споры Елисѣевъ и Антоновичъ, и шумъ поднялся такой, что я вышелъ въ другую комнату, подъ предлогомъ выпить стаканъ воды. Чернышевскій воспользовался этимъ и, выйдя вслѣдъ за мною, взялъ меня подъ руку и началъ горячо доказывать мнѣ, какую грубую ошибку я сдѣлалъ, написавши свою статью.

— Вы видите,—говорилъ онъ,— что за люди эти профессора! Это тѣ же полицейскіе чиновники, которые, ради сохраненія своего жалованья, готовы поступиться чѣмъ угодно. И ради нихъ-то вы выступили противъ несчастной молодежи, которую атакуютъ и преслѣдуютъ теперь со всѣхъ сторонъ, какъ дикаго звѣря на охотѣ! Неужели вы думаете, что у правительства мало силы, что сочли нужнымъ содѣйствовать ему своимъ перомъ? Да развѣ оно не можетъ, если захочетъ, разомъ уничтожить всѣ университеты и разослать всѣхъ студентовъ туда, куда Макаръ телятъ не гонялъ? Кто можетъ ему въ этомъ помѣшать? Не дѣло ли наше, людей болѣе или менѣе образованныхъ, защищать тѣ небольшіе проблески образованія, которые чуть теплятся еще кое-гдѣ? Изъ вашей статьи я вижу, что вы далеко не придерживаетесь тѣхъ принциповъ, которымъ слѣдую я, но во всякомъ случаѣ между мною и вами есть одно общее—это образованіе, которое можетъ служить между нами связующимъ цементомъ. Я надѣюсь, поэтому, что вы поймете меня. Можетъ быть, мы съ вами идемъ и разными дорогами, но я не сомнѣваюсь, что цѣль у насъ—одна.

— Нѣтъ, Николай Гавриловичъ,—перебилъ я,— мнѣ кажется, что и цѣли у насъ различныя. Я, какъ инженеръ по воспитанію, хотѣлъ бы строить и вообще созидать что нибудь благое; а вы, сколько мнѣ извѣстно, проповѣдуете разрушеніе...

— Да, конечно!—въ свою очередь перебилъ онъ меня.—Но это разрушеніе необходимо именно для того, чтобы расчищать мѣсто для новыхъ построекъ. Вы, какъ инженеръ, тѣмъ болѣе должны это понимать. И въ евангеліи даже сказано: нельзя вливать вина новаго въ мѣхи старые. Преобразованія необходимы, это сознаетъ даже правительство. Но оно хочетъ отдѣлаться только палліативными средствами, кое-какими заплатами на ветхомъ рубищѣ. Изъ этого, разумѣется, ничего не выйдетъ. Намъ нужны радикальныя реформы, нужно пересоздать не одни учрежденія, а самое общество! А для того, чтобы этого достигнуть, прежде всего необходимо разрушить все старое, къ чему я и направляю всѣ свои усилія.

— Ну, вотъ видите ли,—возразилъ я,— мы съ вами расходимся въ самыхъ существенныхъ вопросахъ. Мое убѣжденіе такое, что исторію передѣлать нельзя. Народъ, прожившій тысячу лѣтъ въ извѣстной формѣ учрежденій, никоимъ образомъ не можетъ и не захочетъ въ короткое время облечься въ форму другихъ учреждений, ему совершенно чуждыхъ. Для этого понадобится новая тысяча лѣтъ, не менѣе. Разрушьте хоть сегодня все существую-

щее, и завтра же народъ прогонитъ васъ и возсоздастъ все вами разрушенное только потому, что къ старому онъ привыкъ, сжился съ нимъ, хотя оно, можетъ быть, и худое. Если единичный человекъ не можетъ разомъ отдѣлаться отъ своихъ привычекъ, то какъ же вы хотите требовать подобной метаморфозы отъ цѣлаго народа?

— Такъ, по-вашему, надо оставить его коснѣть въ своемъ дикомъ состояніи?

— Я этого не говорю. Его надо и учить и измѣнять для него существующія учрежденія на болѣе лучшія, но это надо дѣлать постепенно, по мѣрѣ надобности, не разрушая безъ толку всего созданнаго прошлымъ. Наши отцы были менѣ насъ свѣдущи, но они были не глупѣ насъ, и въ ихъ учрежденіяхъ не все было дурно.

— Я сейчасъ же докажу вамъ, какъ вы глубоко ошибаетесь!— горячо воскликнулъ Чернышевскій.— Развѣ французская революція не разомъ пересоздала не только Францію, но даже и всю Европу?

— Вотъ этого-то пересозданія я и не вижу, Николай Гавриловичъ. Мнѣ случилось быть во Франціи, и тамъ я въ особенности наблюдалъ за этимъ явленіемъ. Простой народъ тамъ такой же невѣжда, какимъ былъ, вѣроятно, и при Людовикѣ XIV. Никакія соціальныя доктрины не коснулись до него. Будь это иначе, Наполеонъ III никогда не завладѣлъ бы такъ легко престоломъ, какъ это ему удалось. А теперь, при Наполеонѣ III, во Франціи гораздо хуже жить, чѣмъ у насъ. Жандармы тамъ стоятъ чуть ли не у вашей постели, чтобы слѣдить даже за вашимъ бредомъ. Это необходимое послѣдствіе именно такихъ быстрыхъ революцій, какія были во Франціи. А вы именно къ этому хотите вести Россію, какъ я понимаю.

— Нѣтъ, совсѣмъ не къ этому! Мы хотимъ, прежде всего, воспитать молодое поколѣніе на другихъ началахъ, чтобы оно уже со временемъ сдѣлало то, чего мы не успѣемъ. Вы видите, — прибавилъ онъ засмѣявшись, — что мы тоже въ своемъ родѣ — постепенцы и идемъ къ своей цѣли очень обдуманно.

— Но прежде чѣмъ вы ее достигнете, сколько народу вы истребите даромъ, сколько молодыхъ силъ погубите?

— Э! Боже мой! Такъ что же изъ этого? Жертвы необходимы. Губятъ же людей на войнахъ за самые пустые предлоги, и вы не плачете о нихъ! А въ нашемъ дѣлѣ, по крайней мѣрѣ, великая цѣль оправдываетъ гибель пионеровъ. Я, можетъ быть, и самъ погибну, такъ что же дѣлать? По крайней мѣрѣ умру съ сознаниемъ, что не даромъ прожилъ свой вѣкъ, и на моихъ костяхъ вырастетъ дерево новой цивилизаціи! Мнѣ кажется, что каждый образованный и честный человекъ не можетъ иначе рассуждать и дѣйствовать.

— А вот я считаю себя и образованнымъ и честнымъ, и все-таки не могу согласиться съ вами. Жизнью не трудно пожертвовать: бывши военнымъ, я стоялъ передъ дулами непріятельскихъ орудій, не зная даже, за что я рискую своей жизнью, и могу васъ увѣрить, что въ этомъ ничего нѣтъ особеннаго. Дѣло не въ храбрости и не въ пожертвованіи никому не нужной моей жизни, а въ томъ, что у меня есть сознаніе, что свою жизнь я могу употребить съ большою пользою, чѣмъ проповѣдую ваши разрушительные принципы. Я не смѣю давать вамъ совѣты, но мнѣ крайне обидно, что вашъ огромный талантъ и ваши обширныя знанія вы кидаете подъ ноги жандармовъ. Другого, вѣдь, ничего не будетъ...

— Нѣтъ, не говорите! Наше движеніе распространяется гораздо сильнѣе, чѣмъ вы думаете, и все, что мы посѣемъ, не пропадетъ безплодно. Но, однако, мы отвлеклись отъ дѣла. Я вижу, что мы не разубѣдимъ другъ друга, а потому бросимте этотъ разговоръ до другого, болѣе удобнаго случая. Такъ, какъ же вы порѣшите съ нашимъ протоколомъ? Согласны вы, что не студенты виноваты въ прекращеніи лекцій?

— Нѣтъ, не согласенъ.

— Однако же вы прочитали письма профессоровъ?

— Да неужели вы думаете, Николай Гавриловичъ, что имѣете дѣло съ малыми ребятами, которые не умѣютъ отличить фольги отъ золота?

— Иногда фольга бываетъ дороже золота,—сказалъ Чернышевскій, засмѣявшись. — Во всякомъ случаѣ къ какому же рѣшенію вы пришли?

— Я подпишу вашъ протоколъ, но не потому, что вы убѣдили меня, а потому, что поступокъ профессоровъ меня возмутилъ.

— Это мнѣ все равно. Въ вашу душу я залѣзть не хочу. Такъ вы подпишете?

— Подпишу.

— Честное слово?

— Другихъ словъ я не даю.

— Вы простите меня за этотъ вопросъ. Но дѣло въ томъ, что Лохвицкій и Скарятинъ нападутъ на васъ и будутъ противиться этому.

— Очень можетъ быть, но я не боюсь ссоры съ ними, какъ не боюсь столкновенія со всей вашей партіей и съ вами.

— Вотъ это хорошо сказано! Дайте вашу руку!

Чернышевскій искренно пожалъ мнѣ руку, и когда мы направились въ комнату нашего засѣданія, онъ прибавилъ почти у порога:

— Какъ жаль, что вы не можете слѣдовать за мной, хотя я не теряю надежды, что со временемъ вы будете нашимъ.

Между тѣмъ споръ между Антоновичемъ и Елисеѣвымъ съ одной стороны Лохвицкимъ и Скарятинымъ съ другой принялъ такіе размѣры, что ихъ приходилось разнимать чуть не силою. Не мало труда пришлось употребить Чернышевскому и мнѣ, чтобы заставить ихъ выслушать насъ. Когда, наконецъ, буря кое-какъ укротилась, Чернышевскій объявилъ, что я согласился съ его мнѣніемъ и, взявъ листъ протокола, написалъ на немъ:

«Выслушавъ доводы г. Чернышевскаго, я, нижеподписавшійся, убѣдился въ томъ, что не гг. студенты участвовали въ прекращеніи публичныхъ лекцій».

— Согласны вы подписать это?—спросилъ онъ меня.

Я молча взялъ перо, но Скарятинъ вырвалъ его изъ моихъ рукъ и началъ кричать, что ни за что не позволитъ сдѣлать это! Лохвицкій поддерживалъ его, а Чернышевскій, Елисеѣвъ и Антоновичъ возстали противъ такого насилія надъ свободою моихъ дѣйствій, и споръ между ними поднялся еще болѣе шумный и горячій; всѣ пятеро кричали, едва ли слушая другъ друга, такъ какъ дѣйствительно въ этомъ общемъ гамѣ невозможно было слышать или разобрать что нибудь. Надо было чѣмъ нибудь покончить этотъ бесполезный и безконечный споръ. Улучивъ минуту, когда на меня никто не обращалъ вниманія, я подписалъ заключеніе протокола и закричалъ, на сколько только хватило моего голоса:

— Господа! Готово! Протоколь подписанъ!

Всѣ бросились къ столу и, увидя мою подпись, утихли, очевидно, подъ впечатлѣніемъ безповоротно совершившагося факта. На минуту водворилось чуть не гробовое молчаніе. Чернышевскій, Антоновичъ и Елисеѣвъ, торжествуя свою побѣду, а Лохвицкій и Скарятинъ, подавленные пораженіемъ, котораго видимо не ожидали, нѣсколько времени не знали, что сказать. Первымъ возвысилъ голосъ Скарятинъ.

— Что вы сдѣлали?!—воскликнулъ онъ, обращаясь ко мнѣ.— Вы зарѣзали насъ безъ ножа! Теперь эти господа будутъ носиться повсюду, показывая вашу подпись, какъ лучшее доказательство своей правоты! Вы сами уничтожили все то хорошее, что сдѣлали вашей статьей. Вы только доставили лишнее торжество красной партіи и измѣнили своей...

— Позвольте, Владиміръ Дмитріевичъ!—перебилъ я его.— Считаю нужнымъ замѣтить, что я ни къ какой партіи не принадлежу, а потому и измѣнять никому не могъ. Я дѣйствую только лично отъ себя.

— Нѣтъ, въ этомъ случаѣ вы дѣйствовали отъ всѣхъ насъ, такъ какъ только на этомъ основаніи я и г. Лохвицкій согласились быть вашими ассистентами.

— Между нами не было этого условія, вы ошибаетесь.

— Такъ неужели съ вами надо было заключать контрактъ?

— Да, если вы рассчитывали выставить меня орудіемъ какой-то своей партіи, тогда бы я отказался подписать этотъ контрактъ.

— Такъ теперь вы перешли на сторону Чернышевскаго и компаніи?

— Объ этомъ вы спросите у г. Чернышевскаго. Николай Гавриловичъ,—обратился я къ нему,—скажите, на чемъ мы съ вами остановились?

Чернышевскій улыбнулся своей саркастической улыбкой.

— Успокойтесь, г. Скарятинъ,—сказалъ онъ.—Вы, можетъ быть, еще не разъ перемѣните цвѣтъ своей партіи, а Эвальдъ останется всегда тѣмъ, чѣмъ онъ былъ, когда писалъ свою статью. Я съ нимъ хоть немного переговорилъ сейчасъ, но достаточно узналъ. Вѣдь не даромъ говорится: птица видна по полету.

Скарятинъ, вообще горячившійся болѣе Лохвицкаго, пробовалъ было еще возражать и даже грозить мнѣ тѣмъ, что имя мое перейдетъ даже въ исторію, какъ имя отступника, но дѣла измѣнить уже было нельзя, да еслибъ и можно было, то я бы не измѣнилъ.

Чернышевскій, Елисѣевъ и Антоновичъ дружески распростились со мною, а Лохвицкій и Скарятинъ ушли, едва кивнувъ головою. Прямо отъ меня они отпавились къ Краевскому съ докладомъ объ исходѣ дѣла и, конечно, съ жалобами на меня.

Нужно замѣтить, между прочимъ, что во все время нашего засѣданія, передъ окнами квартиры, гдѣ мы собрались, ходилъ взадъ и впередъ Лавровъ, нетерпѣливо ожидавшій конца совѣщанія, и когда Чернышевскій вышелъ, то онъ взялъ его подъ руку, и они пошли вмѣстѣ. Упоминаю объ этомъ мелочномъ случаѣ только для того, что онъ показываетъ, какъ главари либеральной партіи интересовались исходомъ этого дѣла.

На другой день я поѣхалъ къ Краевскому, въ Царское Село, гдѣ онъ жилъ въ то время на дачѣ. Какъ я говорилъ, онъ уже былъ предупрежденъ Скарятинымъ и Лохвицкимъ и съ нетерпѣніемъ ожидалъ меня, чтобы выслушать о дѣлѣ съ другой стороны. Я замѣтилъ, однако, или мнѣ показалось, что онъ встрѣтилъ меня съ нѣсколько насмѣшливой улыбкой, и потому прямо сказалъ ему:

— *Audiatur et altera pars*, Андрей Александровичъ.

— Да-да, — отвѣтилъ онъ. — Мнѣ необходимо выслушать васъ. Садитесь и рассказывайте.

Тогда я передалъ ему со всѣми подробностями всю сцену моей словесной дуэли съ Чернышевскимъ. Я ожидалъ, что онъ будетъ меня осуждать, подобно Скарятину, но, къ моему удивленію, онъ взглянулъ на дѣло совершенно иначе.

— Вы хорошо сдѣлали, — сказалъ онъ, — что уступили, хотя и фальшивымъ доказательствамъ. Молодежь виновата, это неоспоримо, но надо помнить, что она все-таки молодежь, которая черезъ нѣ-

сколько времени одумается, и потому бессмысленно было бы преслѣдовать ее безъ пощады. Вотъ Скарятинъ этого не понимаетъ, сколько я ни спорилъ съ нимъ вчера. Онъ видитъ въ студентахъ какъ бы своихъ личныхъ враговъ и готовъ преслѣдовать ихъ безъ конца. Зачѣмъ? Ваша статья сдѣлала свое дѣло: теперь понемногу начнется движеніе, противоположное красному либерализму, и равно-вѣсіе въ обществѣ возстановится. Это все, чего нужно было.

Затѣмъ онъ меня разспрашивалъ еще о нѣкоторыхъ подробностяхъ свиданія и о томъ, какое впечатлѣніе произвелъ на меня Чернышевскій своей личностью.

Всѣ подробности этого эпизода были тогда же записаны мною, и я не разъ прочитывалъ ихъ лицамъ, интересовавшимся этимъ событіемъ, а потому передаю ихъ почти со стенографическою точностью.

Чернышевскій, какъ извѣстно, пострадалъ за свои убѣжденія, и, конечно, эти страданія искупили его грѣхъ передъ обществомъ. Въ настоящее время никто не станетъ защищать теоріи, которыя онъ проповѣдовалъ, но какъ ни ложны онѣ были, онъ вѣрилъ въ нихъ искренно и съ убѣжденіемъ. Это былъ чисто кабинетный мыслитель, совершенно не знавшій ни жизни, ни людей, и воображавшій, что людьми также легко управлять, какъ легко писать на бумагѣ.

Въ этомъ состояла вся ошибка его жизни и дѣятельности. Въ другое время, при другихъ обстоятельствахъ, онъ составилъ бы себѣ громкое имя въ совершенно иной сферѣ, но въ ту горячую эпоху онъ отдался теченію со всѣмъ пыломъ своей страстной природы и долженъ былъ погибнуть, въ силу афоризма: невозможное—невозможно. А Чернышевскій требовалъ отъ общества именно невозможнаго, чтобы оно совершенно переродилось по одному мановенію его пера.

При этомъ я не могу не указать на одно чрезвычайно странное обстоятельство. Свой знаменитый романъ «Что дѣлать?» Чернышевскій писалъ уже будучи арестованнымъ. Романъ этотъ печатался въ «Современникѣ», когда надъ авторомъ его производилось слѣдствіе и судъ! Какъ объяснить это странное явленіе? Безпорядками ли въ тогдашней администраціи; тѣмъ ли, что одно учрежденіе не знало, что дѣлается въ другомъ, или что одно учрежденіе держалось однихъ принциповъ, а другое—другихъ, или, наконецъ, тѣмъ, что администрація не придавала значенія литературной пропагандѣ и судила Чернышевскаго не за его теоріи, а только за какія нибудь дѣйствія? Во всякомъ случаѣ мы присутствовали тогда при необыкновенномъ явленіи: антигосударственной проповѣди, исходившей изъ арестантской камеры! Проповѣдь эта передавалась въ редакцію журнала чинами администраціи, обязанными охранять существующій строй!

А между тѣмъ этотъ романъ, проходившій черезъ строгую жандармскую цензуру, поднялъ, такъ сказать, на ноги всю тогдашнюю молодежь. По образцу, данному въ романѣ, у насъ начали образовываться маленькія коммуны, съ свободнымъ сожителствомъ обоихъ половъ, въ водоворотѣ которыхъ погибли безвременно не сотни, а, можетъ быть, тысячи несчастныхъ дѣвушекъ, бросившихъ свои семейства, чтобы заняться проституціей на политической подкладкѣ...

Занимаясь въ разное время въ разныхъ журналахъ, я, не смотря на это, не составилъ себѣ большого литературнаго знакомства. Происходило это не оттого, чтобы я избѣгалъ знакомствъ, но потому, что я не искалъ ихъ и, конечно, въ убыткѣ остался только самъ. Въ журналистикѣ знакомства, связи и протекція играютъ совершенно такую же роль, какъ на государственной службѣ, въ театрахъ и въ другихъ сферахъ дѣятельности. Многіе писатели наши, умѣвшіе знакомиться и пользоваться знакомствами, составили себѣ вполне обеспеченныя и почетныя положенія, даже довольно кругленькія состоянія, хотя читающая публика совершенно ихъ игнорируетъ.

Къ числу такихъ же, какъ я, неумѣлыхъ людей въ жизни, принадлежалъ и Д. Д. Минаевъ, съ которымъ я познакомился даже не въ литературномъ обществѣ, а доброй памяти въ клубѣ художниковъ.

Человѣкъ несомнѣнно талантливый и очень остроумный, но слабо образованный и безхарактерный, Минаевъ всегда оставался въ тѣни и не оставилъ крупнаго слѣда въ литературѣ, на что ему давали право его природныя способности. Нуждаясь постоянно въ насущной копеекѣ, обремененный семействомъ и несчастливый въ семейной жизни, онъ размѣнялся, какъ говорится, на мелочь, чѣмъ, разумеется, пользовались всякіе издатели и эксплуатировали его самымъ беспощаднымъ образомъ.

Риемою Минаевъ владѣлъ, какъ никто. Я не сомнѣваюсь, что самъ Пушкинъ, сказавшій про риемы, что къ нему «двѣ придутъ сами, третью приведутъ», отдалъ бы въ этомъ отношеніи Минаеву пальму первенства. Не помню, кто-то изъ литераторовъ выразился, что минаевская риема свободна даже до разврата. Это дѣйствительно очень мѣткое опредѣленіе его риемы. Позволю себѣ привести здѣсь, въ подтвержденіе этого, небольшой его экспромтъ. Я послалъ ему однажды (въ октябрѣ 1879 г.) приглашеніе пріѣхать къ завтраку, написанное стихами, разумеется очень грубыми, такъ какъ ни стихосложеніемъ, ни риемою я совершенно не владѣю. Въ отвѣтъ онъ мнѣ прислалъ слѣдующее:

«Я къ Аркадію Васильичу
 Порывался много разъ,
 Но — «пока я васъ не вылъчу,
 Не пушу изъ дому васъ», —
 Такъ сказалъ мнѣ докторъ въ среду,
 Лишь лафитъ позволилъ пить
 И велѣлъ компрессы съ переду
 Отъ катарра мнѣ носить...
 Ноги, руки точно всё во льду,
 Голова же горяча, —
 Такъ могу ли ѣхать къ Эвальду
 И ослушаться врача?...
 Не вините же Минаева,
 Какъ супругъ, такъ и жена.
 Порѣшивши, что вина его —
 Поправимая вина».

Ясное дѣло, что надъ такимъ стихотвореніемъ онъ не задумывался, и всё эти «развратныя» рѣшмы вышли у него экспромтомъ.

Въ другой разъ былъ такой случай. Понадобилась мнѣ виньетка для «Всеобщей Газеты», которую я одно время редактировалъ. Академикъ М. О. Микѣшинъ нарисовалъ мнѣ печатный станокъ древней формы и около него нѣсколько гномовъ: одинъ, лежа на полу, пишетъ; другой, приставивъ палецъ ко лбу, цензируетъ; третій — печатаетъ, а остальные — читаютъ уже напечатанное. Я свезъ этотъ рисунокъ Минаеву и просилъ его написать къ нему подходящее стихотвореніе. Онъ поглядѣлъ внимательно, подумалъ немного и потомъ, взявъ перо, съ одного почерка, безъ остановки и безъ помарокъ, написалъ слѣдующее:

«То явно, то исподтишка
 Бравятъ станокъ печатный всюду,
 А безъ печатнаго станка
 Грозитъ смертельная тоска
 Всему читающему люду».

Угнетаемый постоянною нуждою и семейнымъ разладомъ, Минаевъ долгое время искалъ утѣшенія въ винѣ и тѣмъ еще болѣе вредилъ себѣ. Но въ послѣдствіи онъ бросилъ пить совершенно, хотя уже довольно поздно, такъ какъ здоровье его было совершенно распатано. Послѣдніе свои годы онъ прожилъ въ Симбирскѣ и иногда переписывался со мною.

Въ 1888 году небольшая группа журналистовъ задумала предпринять изданіе большой газеты, къ участію въ которой приглашенъ былъ и я. Къ этому товариществу хотѣлъ примкнуть также одинъ типографъ, съ которымъ мы и вели переговоры. По этому поводу я написалъ Минаеву, отъ котораго вскорѣ получилъ слѣдующее письмо, очень наглядно характеризующее его положеніе и взгляды.

«Любезный друг!»

«Видно, житейскій опытъ тебя мало проучилъ, и ты еще вѣришь пѣнію сирень съ издательскими лапами. Чего можно ждать отъ П. и его изданій? Какія у него права на веденіе большой газеты? Гдѣ возможность конкурировать съ «Новостями» и «Новымъ Временемъ»? Все это я къ тому, что положительно не вѣрю въ успѣхъ предпріятія, но отъ сотрудничества подѣ твоимъ редакторствомъ, разумѣется, не отказываюсь, если при этомъ будетъ подходящій и симпатичный кружокъ сотрудниковъ. Такъ, напримѣръ, съ Н. я никогда не желалъ бы работать въ одномъ изданіи.

«Въ журналистикѣ мой порокъ—нетерпимость, а ты, кажется, не страдаешь этимъ порокомъ, судя по компаніи, въ которой собрался работать.

«Но о подробностяхъ пока говорить нечего, такъ какъ ваше дѣло—еще дѣло, на водѣ вилами писанное. Отвѣчаю только на твои вопросы.

«У тебя въ газетѣ я могъ бы взять на себя еженедѣльный общественно-литературный фельетонъ (подобные я писалъ въ «Молвѣ» и въ «Московскомъ Телеграфѣ») по прежнему условію—по 75 рублей за фельетонъ. Кромѣ того, согласился бы писать отдѣльныя статьи и замѣтки по 15 коп. строка прозы. Затѣмъ, мое правило—съ незнакомыхъ издателей (такъ дѣлалъ я съ М. Т.) получать гонораръ за каждый фельетонъ впередъ. Вотъ и все. А посулами жалованья меня, братъ, не заманишь. Сколько разъ разные П. сулили мнѣ и жалованье и разныя прибавки и всѣ надували, не исключая гр. К. Б. и Бл—ва. Не вѣрь и ты самъ новому или проектированному антрепренеру и вообще не увлекайся: не наше время теперь, мой милый. Во всякомъ случаѣ, однако, желаю тебѣ полной удачи и братски обнимаю тебя».

Это коротенькое письмо вполнѣ обрисовываетъ настроеніе Минаева, какъ видно, совершенно разочарованнаго нашей журналистикой и озлобленнаго противъ ея эксплуататоровъ-издателей. Тутъ же онъ упоминаетъ и о своей личной нетерпимости, много вредившей ему въ жизни. Это бы еще не бѣда, что онъ не сливался съ нашими литературными кружками и, подобно мнѣ, держался особнякомъ. Но онъ наживалъ себѣ много враговъ своимъ острымъ и ядовитымъ языкомъ, преслѣдуя неустанно тѣхъ изъ литературныхъ наѣздниковъ, которые, почти не умѣя держать пера въ рукѣ, пользовались литературой, какъ средствомъ для устройства своихъ мелкихъ дѣлишекъ. Я знаю одного изъ такихъ quasi-литераторовъ, который не разъ въ отчаяніе приходилъ отъ направленныхъ на него нападокъ Минаева, то появлявшихся въ печати, то разносимыхъ устно по редакціямъ услужливыми пріятелями.

— Я только тогда и вздохну свободно, когда эта собака Минаевъ околѣетъ!—говорилъ при мнѣ однажды этотъ quasi-литераторъ.

Онъ дожилъ до этого счастливаго дня, и теперь его дѣла идутъ блистательно. Не задолго до смерти Минаева я получилъ отъ него слѣдующее письмо, очень меня поразившее и огорчившее:

«Многоуважаемый другъ Ар. В. Развяжи мнѣ, пожалуйста, руки. Давно уже, еще зимою, я отправилъ къ тебѣ «пукъ стиховъ»—эпиграммы Марціала. Отъ тебя до сихъ поръ нѣтъ ни слуху, ни духу, а между тѣмъ эпиграммы эти я имѣю случай напечатать. Такъ сдѣлай одолженіе—не полѣнись отвѣтить о судьбѣ моей рукописи: что съ нею стало? Я же даю тебѣ клятву никогда болѣе не обременять тебя своими порученіями: ты для такихъ любезностей, какъ вижу, человекъ не подходящий. Преданный тебѣ Д. М., 9-го апрѣля 1889. Симбирскъ».

Задѣтый этимъ не заслуженнымъ упрекомъ, я написалъ ему въ отвѣтъ не менѣе рѣзкое письмо, въ которомъ объяснилъ, что никакого «пука стиховъ» отъ него не получалъ, а если бы получилъ, то, конечно, исполнилъ бы его порученіе передать куда бы то ни было. Но на это мое письмо Минаевъ не отвѣчалъ, вѣроятно, въ свою очередь обидѣвшись, и, такимъ образомъ, мы разстались съ нимъ въ этой жизни, недовольные другъ другомъ.

У многихъ людей является совершенно естественное желаніе писать воспоминанія о пройденной жизни и передать другимъ свои впечатлѣнія. Бываетъ такъ, что жизнь самого автора записокъ не представляетъ особаго любопытнаго матеріала, но онъ много видѣлъ на своемъ вѣку и можетъ обрисовать болѣе или менѣе талантливо эпоху, въ которой жилъ.

У меня также и давно уже чесалась, какъ говорится, рука передать свои воспоминанія. Но сколько разъ я ни принимался за это дѣло, всегда наталкивался на два несомнѣстныхъ противорѣчія. Написать правдивыя воспоминанія и напечатать ихъ при своей жизни—трудъ совершенно невозможный. Всѣ дѣятели, о которыхъ приходится упоминать, сами еще живы, а если не они, то какіе нибудь ближайшіе ихъ родственники, которые, прочтя правдивую оцѣнку свою или своего близкаго, поднимутъ шумъ и притянутъ автора къ отвѣтственности. Писать же, скрывая правду, не имѣетъ никакого смысла.

Со мною былъ однажды такой случай. Отдалъ я въ одинъ изъ журналовъ небольшой рассказъ, именно изъ воспоминаній о своей молодости, въ которомъ говорилъ объ одной дѣвушкѣ, назвавши ее полнымъ и настоящимъ именемъ. Я въ полномъ смыслѣ слова обожалъ эту дѣвушку и потому не только не сказалъ объ ней ничего дурнаго, но, можетъ быть, даже опoэтизировалъ ее болѣе, чѣмъ

она была такою въ дѣйствительности. Во всякомъ случаѣ мой рассказъ о ней могъ только польстить не только ея роднымъ, но и ей самой, если бы она его прочитала. Но она уже умерла, что и побудило меня назвать ее собственнымъ, а не вымышленнымъ именемъ, такъ какъ, повторяю еще разъ, я писалъ не фантазію, а отрывокъ изъ своихъ воспоминаній.

Черезъ нѣсколько времени по напечатаніи этого рассказа получаю отъ издателя записку съ приглашеніемъ пріѣхать къ нему для объясненій чрезвычайной важности.

Являюсь.

— Что вы сдѣлали со мною?!—такъ встрѣтилъ онъ меня.—Такой большой скандалъ, что совсѣмъ погубили репутацію моего журнала!

— Что такое?—спросилъ я, удивленный и пораженный неожиданнымъ упрекомъ.

— Да какъ же это можно! Сюда приходитъ ко мнѣ одинъ очень почтенный господинъ, показываетъ вашу статью и говоритъ, что это вы про его жену написали, и ему это очень обидно, и его дочери это очень обидно, и всѣмъ роднымъ это очень обидно, и говорилъ, что это такъ нельзя оставить...

— Да, позвольте, позвольте...—перебилъ я взволнованнаго издателя.—Какая это статья и о чемъ тамъ рѣчь?

Онъ передалъ мнѣ. Статья эта была очень давно написана, долго пролежала въ редакціи, такъ что я уже забылъ на половину ея содержаніе. Пробѣжавъ ее глазами наскоро, я припомнилъ, въ чемъ дѣло.

— Такъ что же тутъ обиднаго?—спросилъ я.—Указывалъ этотъ господинъ на что нибудь, что его оскорбило?

— Нѣтъ, не указывалъ, но говоритъ вообще, что это очень обидно, что вы написали про его жену...

— Я готовъ съѣздить къ нему и объяснить. Оставилъ онъ свой адресъ?

— Да, оставилъ; это я его просилъ; я говорилъ, что вы сами пріѣдете и объяснитесь, такъ какъ я ничего не знаю и ничего не могу сказать.

— Ну, и отлично. Давайте его адресъ, я съѣзжу.

Господинъ, о которомъ идетъ рѣчь, принялъ меня какъ нельзя болѣе любезно, и когда я попросилъ его указать тѣ мѣста статьи, которыя были непріятны ему, то онъ отвѣтилъ, что противъ статьи онъ лично ничего не имѣетъ, но что родные его, въ особенности старшая дочь, негодуютъ преимущественно на то, зачѣмъ упомянута настоящая фамилія...

Я объяснилъ, что эта статья не есть плодъ фантазіи, а одна чистая истина, за каждое слово которой я готовъ отвѣчать кому и какъ угодно, и что о покойной женѣ его я не только не напи-

саль ничего обиднаго, но, напротивъ, кажется выставилъ ее въ самыхъ радужныхъ краскахъ, тѣмъ болѣе, что самъ обожалъ ее. Онъ согласился со мною, что обижаться имъ на меня нечего, только напрасно я не замѣнилъ ея имени вымышленнымъ...

Упоминаю объ этомъ случаѣ въ видѣ объясненія того, какъ не только трудно, но даже невозможно напечатать воспоминанія при жизни своей и тѣхъ лицъ, о которыхъ пишешь.

Между тѣмъ только такія воспоминанія и могли бы имѣть нѣкоторую цѣну, такъ какъ, печатая при своей жизни, слѣдовательно готовясь нести отвѣтственность за каждое слово, авторъ поостережется говорить неправду, преувеличивать или преуменьшать чтонибудь, выставлять себя въ лучшемъ видѣ, а другихъ въ худшемъ и т. д.

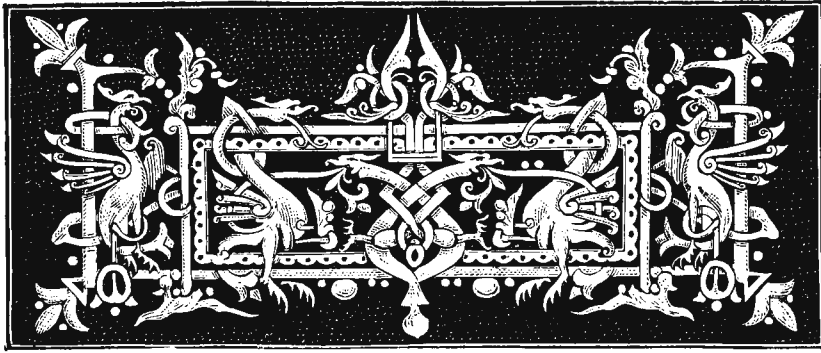
Воспоминанія же загробныя, то-есть составляемыя для напечатанія послѣ смерти автора, въ моихъ глазахъ, по крайней мѣрѣ, теряютъ девять десятыхъ своей цѣнности, именно потому, что авторъ уже ускользнулъ отъ всякой отвѣтственности и можетъ сочинять что ему угодно. Я много читалъ подобныхъ загробныхъ записокъ и всегда находилъ въ нихъ одинъ общій всѣмъ имъ недостатокъ: авторъ всегда выходитъ правъ, онъ всегда умнѣе другихъ, честнѣе другихъ, и постоянно между строкъ его просвѣчиваетъ, что если бы его послушали, то было бы не то, а нѣчто гораздо лучшее.

Говорю это не въ упрекъ другимъ, а по личному опыту. Я самъ иногда начиналъ писать такія записки и когда прочитывалъ ихъ чрезъ нѣсколько времени, то всегда находилъ неправду не въ самыхъ фактахъ, а въ освѣщеніи этихъ фактовъ, и потому рвалъ и сжигалъ ихъ, какъ негодныя. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда я говорилъ о себѣ, повидимому, безошадную и жесткую правду, и тогда я выставлялся какимъ-то героемъ, хотя бы въ томъ отношеніи, что сознавался въ своихъ недостаткахъ и ошибкахъ. А это противно...

Вотъ почему я рѣшился кое-что, очень малое и очень отрывочное, написать теперь и напечатать непременно при своей жизни, подъ страхомъ отвѣтственности за все, что я сказалъ. Пусть это будетъ не много, но за то вѣрно.

А. В. Эвальдъ.

КОНЕЦЪ «ГОЛУБЯТНИ» ¹⁾.

VI.

АЛЪ КРЕДИТНАГО Общества еще тонуть въ мутномъ сумракѣ короткаго зимняго дня, а «голубятники» уже почти всѣ были въ сборѣ и толпились въ «мертвецкой», тускло освѣщенной двумя калетовскими свѣчами.

Прокимовъ въ своемъ долгополомъ сюртукѣ, причесанный ради исключительности положенія, то присаживался на предсѣдательское мѣсто, то расхаживалъ по узкому четвероугольнику между стѣной и столомъ, загромождавшимъ комнату, причеиъ огромная фигура его отбрасывала гигантскую, фантастическую тѣнь на низкіе, покрытые сѣрой штукатуркой своды.

Троглодитъ въ собственномъ, пожелтѣвшемъ отъ времени, студенческомъ сюртукѣ, изъ короткихъ рукавовъ котораго выставились его костлявыя, какъ у скелета, руки, занялся разборкой вина и пива, какъ дѣломъ, наиболѣе ему симпатичнымъ, притомъ не требовавшимъ ни особенной подвижности, ни разговоровъ.

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXII, стр. 371.

Кувичинскій показался было на минуту въ своемъ выходномъ костюмѣ, но потомъ скрылся внизу. Тамъ онъ не безъ труда, потративъ не мало времени и краснорѣчія, выпросилъ себѣ у курсистокъ-распорядительницъ бѣлый атласный бантъ, эмблему распорядительской власти, и, получивъ его, съ торжествомъ явился на хоры, напѣвая жиденскимъ, надтреснутымъ, но полнымъ задора голосомъ: «Еще Польска не сгиненла». Ожидали Юрченко и Шупту, которые что-то замѣшались, и отъ скуки уже начинали поговаривать, что не худо бы выпить бутылочку, другую. Кюзель, котораго его распорядительская роль тоже чрезвычайно занимала, какъ болѣе порядочный, удерживалъ ихъ, опасаясь скандала.

Въ шесть часовъ появились Шупта и Юрченко подъ руку съ Антифоновой.

Она была въ вышитомъ мордовскомъ костюмѣ. Короткая синяя юбка въ нѣсколько рядовъ обшита была толстой пестрой тесьмой. На ней былъ фартукъ изъ полосъ кумача и синей китайки, расшитыхъ узорами. Такая же рубашка съ широкими, обшитыми кружевомъ рукавами, стянута была вокругъ пояса краснымъ шерстянымъ кушакомъ съ звенящими на концахъ его мелкими мѣдными монетами. На головѣ ея красовался уборъ, украшенный въ нѣсколько рядовъ тѣми же монетами. Сзади по спинѣ спускалась пышная, взбитая коса, съ пучкомъ разноцвѣтныхъ узкихъ лентъ.

— Здравствуйте, господа! — сказала Антифонова.

Кувичинскій тотчасъ же подскочилъ къ ней.

— Ахъ, Евгенія Михайловна! Вотъ роскошь! — вскричалъ онъ. — Это, вѣдь, боярскій костюмъ, не правда ли? Онъ удивительно къ вамъ идетъ!

— Вы съ ума сошли, Кувичинскій! — съ негодованіемъ оборвала его Евгенія Михайловна. — Вы знаете мои принципы! Съ какой стати я буду надѣвать боярскій костюмъ? Вамъ извѣстно, какъ я смотрю на аристократію. Это — русскій народный костюмъ! Костюмъ нашей русской печальницы и страдальцы, крестьянской женщины!

— Хорошая вы женщина, Евгенія Михайловна! — вмѣшался Прокимновъ. — Но только извините меня, ужасно вы увлекаетесь, и поэтому видите вещи не такъ, какъ онѣ есть!

— Какъ? я? я? — вознегодовала еще болѣе и ужасно изумилась Евгенія Михайловна. — Я вижу вещи не такъ, какъ онѣ есть? Скорѣй вы, Прокимновъ...

— Да позвольте-съ, — перебилъ Прокимновъ. — Ну, гдѣ же вы видѣли бабу въ такой роскошной одеждѣ, и вотъ съ этими финтифлюшками?

Евгенія Михайловна не сразу наплась.

— Положимъ, — сказала она. — Бабы не всегда такъ одѣваются, но, вѣдь, согласитесь, что это все-таки національный русскій костюмъ!

— Ничего въ немъ нѣтъ національнаго!— стоялъ на своемъ Прокимновъ. — Ужъ если вы хотѣли надѣть національный костюмъ, то и надѣвали бы посконную рубаху. Ну, пожалуй, еще сверху панёву. Вотъ и все. А то скажете тоже.

И Прокимновъ презрительно фыркнулъ.

— А что же Лонгинъ Семеновичъ?—спросилъ Кувичинскій.

— Лонгинъ Семеновичъ прибудетъ какъ разъ къ началу!— объявила Евгенія Михайловна. — А я, знаете, не могла усидѣть дома. Ребятъ уложила спать. Они заснули, какъ убитые. Я еще сегодня утромъ разбудила ихъ чѣмъ свѣтъ, именно въ тѣхъ цѣляхъ, чтобы они захотѣли спать какъ можно раньше. Цѣлый день они клевали носомъ. Я посадила около нихъ Дарью, и сюда. Ахъ, господа, а что же буфетъ?

— Буфетомъ завѣдуютъ Косиченко, Эдемская и, кажется, Шупта,— сказалъ Кувичинскій.

— Онѣ здѣсь?—спросила Антифонова.

— Нѣтъ еще. По крайней мѣрѣ, когда я сходилъ внизъ, ихъ еще не было!—сказалъ Кюзель.

— Что же онѣ дѣлаютъ!—воскликнула Евгенія Михайловна. — У нихъ ничего не будетъ готово! Кюзель, эти ящики съ пивомъ и водкой, конечно, предназначены для буфета?

— Нѣтъ, Евгенія Михайловна!—отвѣтилъ Кюзель. — Въ буфетѣ полагается только чай и прохладительные напитки.

— Вотъ еще безобразіе!—вскричала Антифонова.—А если кто изъ участниковъ или изъ гостей захочетъ выпить рюмку водки или стаканъ пива, что же ему въ трактиръ идти?

— Ну, ужъ этого я не знаю,—развелъ руками Кюзель. —А только не получили разрѣшенія!

— Какой произволь!—возмущалась Евгенія Михайловна. Но тутъ же утѣшилась.

— Впрочемъ вы, господа, молодцы! Кто захочетъ напитокъ, можетъ прійти въ мертвецкую. Но, однако, на чьи же деньги куплена вся эта живительная влага?

— Это Полупудова жертвуетъ, я уже вамъ говорилъ,—сказалъ Юрченко.

— Полупудова? Она будетъ, не правда ли, Левка? Пожалуйста, познакомьте меня съ ней. Эта женщина стоитъ того, чтобы заняться ея развитіемъ. Ея поступки чрезвычайно симпатичны. Въ которомъ часу пріѣдетъ Ушкина?

— Вѣдь Ушкина будетъ читать!—сказалъ Прокимновъ.—Вѣроятно, къ своему номеру не опоздаетъ,—и Прокимновъ ткнулъ пальцемъ въ прилѣпленную къ стѣнѣ афишку.—Вотъ видите: стихотвореніе Некрасова прочтетъ Ушкина.—А на бисъ, господа, она приготовила стихи собственнаго сочиненія.

— Господа, а кто это три звѣздочки? Вотъ арія изъ оперы «Демонъ»?

— Это Крутойровъ,—сказаль Прокимновъ.—Тоже молодецъ паренъ. На бисъ, господа, пусть дернетъ «Дубинушку». Слышите, Кувичинскій? Вы, вѣдь внизу будете, такъ, пожалуйста, не зѣайте.

— Но за кого вы меня принимаете?—сказаль Кувичинскій и весь изогнулся, какъ котъ, которому погладили спину.

— Однако, мы тутъ болтаемъ,—сказала Евгенія Михайловна,—а дѣла не дѣлаемъ. Кюзель, проведите меня въ буфетъ!

Кюзель тотчасъ же предложилъ ей руку, и они отправились внизъ.

Въ маленькой боковой комнатѣ противъ зала устроенъ былъ буфетъ.

Когда Кюзель и Евгенія Михайловна пришли туда, тамъ уже хозяйничали Косиченко, Эдемская и Шупта. Всѣ три были чрезвычайно оживлены и съ любовью занимались выпавшими на ихъ долю хозяйственными хлопотами.

Шупта, некрасивая, казавшаяся старше своихъ лѣтъ, съ гладко-остриженной помужски головой дѣвица, облечена была сверхъ платья въ бѣлый акушерскій фартукъ, въ тотъ самый, въ которомъ она подвизалась на практикѣ въ Воспитательномъ Домѣ. Косиченко, маленькая, очень смѣшная, съ глупенькимъ дѣтскимъ лицомъ брюнетка, напротивъ, ради бала, одѣлась въ розовое платье съ короткими рукавами и вырѣзомъ на груди сердечкомъ. Для такого торжественнаго случая она даже не рѣшилась сама причесать свои густые черные волосы, и дешевый парикмахеръ, услугами котораго она воспользовалась, за пятьдесятъ копеекъ соорудилъ на ея маленькой головкѣ подобіе вавилонской башни, убранный бутонами розъ и потребовавшее безчисленнаго количества шпилекъ. Эта пирамидальная прическа придавала ей очень смѣшной видъ и до того мѣняла ея лицо, что даже близко знавшіе ее не сразу узнавали ее. Кромѣ того, шпильки давали себя сильно чувствовать, и у бѣдной дѣвушки уже начинала болѣть голова. Но она такъ была довольна, что рѣшилась терпѣливо проработать весь вечеръ, и съ счастливою улыбкой рѣзала на деревянной доскѣ вареную и копченую колбасу для бутербродовъ.

Эдемская, высокая, сухая, съ энергичнымъ, почти мужскимъ лицомъ особа, въ качествѣ заядлой и передовой курсистки, одѣта была въ голубую блузу съ кожанымъ поясомъ и въ темносинюю юбку. На туалетъ Косиченко она посматривала съ нескрываемымъ презрѣніемъ, а фартукъ Шупты казался ей неумѣстнымъ. Эдемская рѣзала кусочками бѣлый и пеклеванный хлѣбъ, на который Шупта намазывала тонкимъ слоемъ сливочное масло. Потомъ эти кусочки поступали къ Косиченко, и она на каждый изъ нихъ клала

два ломтика колбасы. Когда кончили съ колбасой, принялись за сыръ.

— Для десерта, — сказала Косиченко Антифоновой: — у насъ приготовлена цѣлая корзинка яблоковъ. Чаю, кажется, тоже довольно. Знаете, мы чрезвычайно умно распорядились: мы купили нѣсколько плитокъ. Онѣ даютъ отличный цвѣтъ и наваръ. Чай будетъ подаваться съ лимономъ и со сливками. Есть также сухари и сдобныя булочки. Только до сихъ поръ мы не сговорились въ цѣнѣ!

— Какъ такъ? — удивилась Антифонова.

— Еще бы, — отвѣтила Эдемская, — онѣ хотятъ поставить стаканъ чаю въ десять копеекъ, а бутербродъ въ пятачекъ! Вѣдь такъ не только барышей не соберешь, а и къ своимъ придется, пожалуй, прибавить!

— Но, однако, согласитесь, Эдемская, — вмѣшалась Шупта, — вѣдь нельзя же назначить двадцать пять копеекъ за стаканъ чаю и тридцать копеекъ за бутербродъ, какъ предложили вы!

— Отчего же нельзя? — возразила Эдемская. — Кому захочется ѣсть, заплатитъ.

— Намъ важно продать какъ можно больше, — сказала Шупта. — Если публикѣ покажется дорого, она ничего не станетъ спрашивать. Наконецъ, будетъ много интеллигентныхъ бѣдняковъ. Вѣдь и они придутъ сюда же, въ буфетъ. Что же мы будемъ драть втридорога съ своего брата студента?

— Господа, — сказала Антифонова: — по-моему, это должны бы были рѣшить распорядители!

— Да мы ужъ говорили имъ объ этомъ, — возразила Косиченко, — только они объявили, что ничего не смыслятъ въ хозяйствѣ. Дѣлайте, говорятъ, какъ знаете!

— Это надо рѣшить тотчасъ же, — сказала Антифонова. — Напрасно вы не пригласили меня завѣдывать буфетомъ. Я хозяйство знаю, какъ свои пять пальцевъ, и ужъ своего не упусти. Кстати, вотъ вамъ здѣсь и распорядитель, — она указала на Кюзеля. — Давайте, господа, тотчасъ же назначимъ цѣны. Посмотрите, залъ освѣщаютъ. Сейчасъ начнетъ съѣзжаться публика, а вы даже не знаете, что у васъ сколько стоитъ! Ну, вотъ яблоки, на примѣръ. Почему покупали десятокъ?

— Двадцать пять копеекъ, — сказала Эдемская.

— Отлично, — сказала Антифонова. — Яблоки пусть пойдутъ по гривеннику. Это недорого, а прибыль очевидна. Вмѣсто четвертака вы положите въ карманъ рубль.

Съ ней тотчасъ же согласились. Она была чрезвычайно этимъ довольна и съ торжествомъ продолжала:

— Ужъ вы можете на меня положиться: я вѣдь въ свое время не мало устраивала всякихъ вечеровъ и студенческихъ вечеринокъ.

Ну-съ, теперь бутерброды. По гривеннику штука. Это цѣна настоящая. Чай? Стаканъ со сливками или съ лимономъ двадцать копеекъ, чашка пятнадцать. Ну, вотъ вамъ и все.

— Конечно, это хорошо,—одобрила Шупта.

— Позвольте-съ,—остановила ее Евгенія Михайловна: — вы совсѣмъ не знаете, какъ эти дѣла дѣлаются. Теперь, на самомъ видномъ мѣстѣ, вотъ хоть здѣсь, надо прибить плакатъ: «публикѣ въ виду благотворительной цѣли не воспрещается платить, по желанію, и сверхъ назначенной цѣны».

— Вотъ это, дѣйствительно, умно придумано,—воскликнула Косиченко и захлопала въ ладоши.

— Слава Богу, наконецъ-то все уладилось. Послушайте, развѣ нѣтъ больше бѣлаго хлѣба?—обратилась она къ Эдемской.— У меня остался большой кусокъ колбасы, не пропадать же ему.

— Хлѣбъ еще есть,—сказала Эдемская.— Вы забыли, что куплено пятнадцать фунтовъ полубѣлаго хлѣба да одинъ черный хлѣбъ. Это для тѣхъ, кто не ѣстъ съ бѣлымъ и пеклеваннѣмъ,—пояснила она Антифоновой.

— Да, и мы всегда такъ дѣлали,—одобрила Антифонова.— Но позвольте, господа, вы и забыли про мертвецкую. Я нахожу, что у васъ бутербродовъ очень достаточно. Сыръ остался?

— Маленькій кусочекъ,—сказала Шупта.

— Давайте его сюда,—сказала Антифонова.— Гдѣ ваша колбаса, Косиченко? Кюзель, возьмите у нихъ хлѣбъ. Это надо отнести въ мертвецкую.

И прежде, чѣмъ ей успѣли возразить, она уже положила себѣ въ фартукъ колбасу, сыръ, захватила изъ корзины десятка два яблоковъ и объявила, что все это несетъ «мертвецамъ».

— Но позвольте,—обрѣла первая даръ слова Эдемская: — мы рѣшили, что въ буфетѣ всѣ будутъ платить. Почему же тѣ будутъ ѣсть даромъ?

— Господа,—наставительно сказала Евгенія Михайловна,— испоконъ вѣку уже такъ заведено, что мертвецы за ѣду ничего не платятъ. Вамъ должно быть извѣстно, во-первыхъ, что съдѣять они чрезвычайно мало: кто много пьетъ, ѣстъ немного. Во-вторыхъ, всѣ они лишены возможности посѣщать буфетъ, отчасти потому, что не имѣютъ подходящаго костюма, что, конечно, глупо и варварскій предразсудокъ, а отчасти и потому, что, обратившись въ мертвецовъ, не въ состояніи будутъ передвигать ноги. Кюзель, помогите же мнѣ! До свиданія, господа! Желая вамъ хорошо торговать,— и она отправилась въ сопровожденіи Кюзеля на хоры.

Когда они проходили черезъ залу, ее почти уже освѣтили, и Кувичинскій съ распорядительскимъ бантомъ на груди, съ написаннымъ на лицѣ сознаніемъ чрезвычайной важности того, что онъ дѣлаетъ, метался въ разныя стороны, отдавая приказанія лакеямъ.

— Кувичинскій! и вы здѣсь?— воскликнула Евгенія Михайловна.— Ну, что тамъ дѣлаютъ наверху?

— Не знаю, я ушелъ вслѣдъ за вами. Впрочемъ, я видѣлъ, какъ прошла Ушкина, и, кажется, приѣхалъ и вашъ супругъ.

— Такъ пойдите же скорѣй, Кюзель,— сказала Антифонова и почти бѣгомъ побѣжала по лѣстницѣ, которая вела на хоры.

Кюзель едва поспѣвалъ за нею, обремененный цѣлымъ хлѣбомъ, который онъ усталъ держать въ рукахъ на вѣсу. Онъ попробовалъ было положить его подъ мышку, но вспомнилъ, что мука запачкаетъ его новый сюртукъ, и съ отчаянною рѣшимостью бросился вслѣдъ за Антифоновой.

— Евгенія Михайловна, а ножикъ!— вдругъ вспомнилъ онъ.

— Какой ножикъ?— на ходу бросила она ему.

— Нарѣзать хлѣбъ и закуску. Вѣдь у насъ наверху нѣтъ ножа.

— Ну, это успѣется. Потомъ кто нибудь принесетъ. Идите же, идите! Я жажду увидѣть Вѣру Трофимовну!

На хорахъ ихъ ожидалъ неожиданный сюрпризъ. Бутылки съ пивомъ и виномъ уже стояли на столѣ. Многія изъ нихъ были откупорены. На столѣ же сбоку сидѣлъ Прокимновъ со стаканомъ пива въ рукѣ, между тѣмъ какъ Ушкина воссѣдала на предназначавшемся ему предсѣдательскомъ мѣстѣ. Рядомъ съ нею съ одной стороны сидѣлъ Шупта, съ другой Троглодитъ. Юрченко занятъ былъ откупориваніемъ бутылокъ, что онъ умѣлъ дѣлать необыкновенно ловко и быстро.

Ушкина только-что приѣхала, и ее тотчасъ же усадили въ кресло и заставили выпить полстакана пива. Сгоряча она немедленно согласилась. Но потомъ сообразила, что мертвецы слишкомъ рано начали свой пиръ, и стала убѣждать ихъ подождать. Но ея не слушали. Прокимновъ болталъ своими исполинскими ногами, моталъ бычьей головой и на всѣ ея доводы упрямо твердилъ только одно:

— Чортъ побери всѣ эти глупости! Не глядѣть же на вино, когда подано оно!

Антифонова прежде всего поспѣшила освободиться отъ принесенныхъ ею запасовъ и вытряхнула свой фартукъ на столъ. Потомъ горячо расцѣловалась съ Ушкиной.

Между тѣмъ Кюзель съ ужасомъ всплеснулъ руками при видѣ той картины, которая ему представилась.

— Господа!— воскликнулъ онъ.— Вѣдь это нельзя! Что вы дѣлаете! Посмотрите, разставили бутылки по столу. Спиртные напитки запрещены. Насъ накроютъ. И вечера не будетъ! Теперь еще рано! это потомъ подъ шумокъ пейте сколько угодно. Юрченко, зачѣмъ вы откупорили столько бутылокъ?

Но Юрченко только взмахнулъ штопоромъ надъ головой и вонзилъ его въ новую пробку. Въ это время приѣхалъ снизу и Кувичинскій. Онъ тоже былъ пораженъ.

— Чортъ знаетъ, что такое, господа! — въ волненіи закричалъ онъ. — Вы съ ума сошли! Квартальный пріѣхалъ и околоточные. Смотрите, чего добраго, заглянуть и сюда.

Квартальный и околоточные подѣйствовали.

— А что, господа, не прибрать ли бутылочки-то къ сторонѣ? — предложилъ Шупта.

— Право, господа, спрячемте все это поскорѣе. Ну, ей-Богу же, выйдетъ скандалъ! Вотъ увидите, скандалъ! Они уже заходили въ буфетную, — убѣждалъ струсившій Кувичинскій.

— Пожалуйста, убирайте все, господа! — волновался тоже ужасно Кювель

Онъ главнымъ образомъ опасался, что «мертвецы» перепьются еще до начала вечера и учинять скандалъ. Собственно бояться, что въ мертвецкую кто нибудь заглянетъ, теперь не было основанія. Она была устроена въ самомъ дальнемъ углу хоровъ, въ маленькой, совершенно темной комнаткѣ, въ которую вела едва замѣтная дверь. Когда-то эта комнатка служила чуланомъ, въ который официанты и лакеи складывали свое верхнее платье. Найти ее человѣку, незнакомому съ расположеніемъ хоровъ, было очень трудно. При томъ же хоры были не освѣщены, такъ какъ извѣстно было, что во время подобныхъ вечеровъ вполнѣ хватало залы. Хоры предназначались только для своихъ, для бесплатныхъ, имѣвшихъ повсюду свободный входъ посѣтителей. И теперь подъ ихъ сводами царствовалъ кромѣшный мракъ. Тѣмъ не менѣе «мертвецы» встревожились. Квартальный и околоточные напугали ихъ. Они повскакали съ своихъ мѣстъ и бросились ставить бутылки опять по ящикамъ и корзинамъ. Даже стаканы съ пивомъ убрали подъ столъ. Но начало было сдѣлано и не предвѣщало ничего добраго. Самое главное, бутылки были откупорены.

Троглодитъ, который, если начиналъ пить, то ужъ пилъ, не отрываясь, пока не сваливался, усѣлся на полу, въ углу, и, отыскавъ откупоренную бутылку съ водкой, медленно сталъ тянуть прямо изъ горлышка.

Юрченко вдругъ осѣнила блестящая мысль. Онъ нашель нѣсколько стакановъ, разставилъ ихъ на столѣ передъ собесѣдниками, налилъ ихъ доверху водкой и объявилъ:

— Господа, это вода, какъ вы можете видѣть собственными глазами! Самая чистая, холодная вода, которую, надѣюсь, ни при какихъ обстоятельствахъ пить не воспрещается!

Эта остроумная выдумка встрѣчена была шумными аплодисментами.

Кювель напрасно старался унять расходившихся голубятниковъ.

— Господа! — кричалъ онъ, — вотъ увидите, что выйдетъ скандалъ! Вѣра Трофимовна, уймите хоть вы ихъ! Они васъ послушаютъ!

Но Ушкина, выпившая полстакана пива и отхлебнувшая изъ стакана водки, уже размякла и расчувствовалась.

— Ахъ, дѣти мои!—говорила она.—Въ наше время вотъ дѣйствительно были скандалы, а теперь что? Соберется молодежь и сидятъ, какъ мыши, боясь пикнуть!

— Вѣра Трофимовна! — въ отчаяніи вскричала Кюзель.

Прокимновъ залпомъ осушилъ свой стаканъ.

Юрченко и Шупта, пившіе меньше другихъ, и на этотъ разъ отстали отъ прочихъ, но у обоихъ порозовѣли щеки, и неестественно заблестали глаза.

Между тѣмъ публика начала сѣзжаться.

Кюзель и Кувичинскій стояли въ дверяхъ залы и съ любезной улыбкой встрѣчали пріѣхавшихъ и пропускали ихъ мимо себя.

Въ углу за накрытымъ зеленымъ сукномъ столикомъ сидѣли два юнца и стриженная барышня продавали оставшіеся билеты. Рослый и видный квартальный, богатырь-мужчина, съ выпяченной впередъ грудью, рыжими, внушительнаго вида бакенбардами и усами, съ двумя крестиками на зеленомъ мундирѣ, прошелъ черезъ всю залу и хозяйскимъ окомъ послѣдній разъ оглядѣлъ ее.

Все, повидимому, было въ порядкѣ.

Публика разсаживалась по своимъ мѣстамъ, мѣняясь поклонами и незначительными фразами, дамы шумѣли шелковыми платьями. Два юноши-распорядителя изъ «аристократипекъ» въ новыхъ съ иголки мундирахъ, какъ-то особенно заискивающе и согнувъ станъ, провожали зрителей на мѣста и указывали каждому его стулъ.

На эстрадѣ, задрапированной съ боковъ тяжелыми, триповыми, красными съ золотой бахромой портьерами, съ портретомъ во весь ростъ государя императора, поставили столъ, за которымъ долженъ былъ читать Антифоновъ, такъ какъ его номеръ былъ первый. Сбоку выдѣлялся рояль, на которомъ предполагалось акомпанировать пѣвцамъ.

Въ буфетѣ суетились и хлопотали распорядительницы и бѣгали два официанта, специально предназначенные для разноски угощенія. Словомъ, было все такъ, какъ всегда и вездѣ на всѣхъ подобныхъ вечерахъ.

Наконецъ послышался звонокъ, призывавшій публику къ порядку. Двери, ведущія въ залу, закрылись, и около нихъ съ видомъ церберовъ помѣстились распорядители. Послышалось двиганіе стульевъ, шуршаніе платьевъ усаживающихся барынь. Наконецъ публика затихла и перевела жадный взоръ съ афишки на эстраду. Тамъ въ глубинѣ отворилась дверь, и изъ нея, очевидно, вытолкнутой чьей-то нетерпѣливой рукой не вышелъ, а выскочилъ Антифоновъ. Видъ у него, какъ всегда, былъ жалкій.

Старый черный сюртукъ его сидѣлъ на немъ, какъ на вѣшалкѣ. Ноги болтались въ черныхъ, побѣлѣвшихъ по швамъ брюкахъ. На огромномъ «геніальномъ» лбу великаго писателя застыли крупныя капли пота. Грива косматыхъ волосъ, тщательно расчесанная для такого торжественнаго случая, своеобразно обрамляла его покраснѣвшее отъ волненія, некрасивое лицо.

Первые ряды креселъ, наполненные людьми, пожелавшими сдѣлать доброе дѣло и пріѣхавшими съ единственной цѣлью: не даромъ отдать деньги за билеты и хоть какъ нибудь развлечься, встрѣтили его молчаливымъ недоумѣніемъ.

Но вотъ откуда-то съ самаго конца зала раздалось одинокое:

— Bravo, Антифоновъ!

И тотчасъ же нѣсколько молодыхъ, громкихъ и звонкихъ голосовъ подхватило этотъ крикъ.

Антифоновъ прижалъ руку къ сердцу, обвелъ валу слезящимся мутнымъ взоромъ и неловко поклонился. Онъ развернулъ небольшую тетрадку, присѣлъ на кончикъ стула къ столу и едва слышно прочелъ заглавіе: «Бѣдный студентъ».

— Bravo, Антифоновъ! Молодецъ Антифоновъ! начали кричать съ хоромъ.

Тотъ снова всталъ и закланялся.

Въ публикѣ раздалось нетерпѣливое шиканье. Перестали кричать и хлопать, и Антифоновъ, откашлявшись, началъ читать замогильнымъ, тягучимъ голосомъ исторію бѣднаго, но необыкновенно благороднаго, великаго въ своихъ чувствахъ студента.

Въ публикѣ начинали позѣвывать.

Напрасно Антифоновъ въ патетическихъ мѣстахъ прискакивалъ на стулъ и ударялъ себя кулакомъ въ грудь,—публика мало интересовалась похождениями студента. Его бѣдствія никого не трогали, потому что страдали отсутствіемъ жизненной правды, и, не смотря на всѣ усилія автора заинтересовать слушателей, рассказъ произвелъ чрезвычайно блѣдное впечатлѣніе.

Когда Антифоновъ умолкъ, раздался снова громъ рукоплесканій. Долгія «браво» не умолкали. Собственно публика не принимала въ нихъ участія. Она была довольна тѣмъ, что чтеніе кончилось, и отдыхала, выйдя изъ напряженнаго, вынужденнаго молчанія. Слышались разговоры, смѣхъ, обмѣнивались привѣтствіями, а крики «браво» все не умолкали.

Антифоновъ не рѣшался уйти съ эстрады: онъ стоялъ, свернувъ въ трубочку свою тетрадку, и все кланялся.

Вслѣдъ за нимъ на эстрадѣ, гдѣ уже успѣли отодвинуть столъ въ сторону и придвинуть на середину рояль, появился оперный пѣвецъ, фамилія котораго скрывалась на афишѣ подъ тремя звѣздочками.

Публика первыхъ рядовъ, знавшая оперныхъ артистовъ всѣхъ

въ лицо, привѣтствовала его сдержаннымъ, но дружнымъ аплодисментомъ.

Барышня въ локонахъ, съ обнаженными по локоть руками, въ бѣломъ, украшенномъ пунцовыми маками платьѣ, ученица консерваторіи, сѣла за рояль и сыграла нѣсколько первыхъ тактовъ.

Пѣвецъ откинулъ голову назадъ, вытянулъ правую руку широко, точно зовущимъ въ необъятное пространство жестомъ и запѣлъ:

На воздушномъ океанѣ,
Безъ руля и безъ вѣтриль...

Публикѣ первыхъ рядовъ до тонкости была извѣстна его манера пѣть эту арію. Она напряженно слѣдила за каждымъ его движеніемъ, заранее угадывая, гдѣ онъ подниметъ голову, гдѣ раскинетъ руками, хорошо зная, что въ концѣ аріи онъ сложитъ руки крестомъ на груди, наклонитъ голову и вибрирующимъ явственнымъ шепотомъ, похожимъ на сдержанное рыданіе, пропоетъ послѣднія слова.

Когда онъ кончилъ, ему захлопала вся зала. Молодежь, благодарная за его участіе въ благотворительномъ концертѣ, не щадя рукъ.

— Бисъ, бисъ!—кричали ему.

Онъ поклонился и сталъ шептаться съ аккомпаниаторшей.

— «Дубинушку!»—раздалось вдругъ изъ заднихъ рядовъ.

— «Дуняшу!»—крикнули съ хоровъ.

Между тѣмъ какъ публика первыхъ рядовъ твердила:

— «Не плачь, дитя!»—Крутояровъ, «Не плачь!».

Эта арія тоже была одна изъ удачнѣйшихъ.

Но возгласы: «Дуняшу» и «Дубинушку!» — продолжали раздаваться все громче и громче.

Аккомпаниаторша заиграла бойкую прелюдію, и голоса смолкли.

Пѣвецъ запѣлъ «Дуняшу».

«Дуняша» почему-то пользовалась необыкновенной популярностью среди интеллигентной молодежи. Мотивъ пѣсни былъ задушевный. Она была отлично аранжирована для пѣнія, но слова ея были не замысловаты, и пѣсня состояла изъ повторенія одного и того же. Въ пѣніи особенно хорошо выходилъ припѣвъ, который пѣвецъ исполнялъ щегольски.

— Дуняша! не наша!—заливался онъ бархатными соловьиными трелями:

Не нашего барина,
Сама про то баяла.
Въ осень буду Ванина!
А-а-а ахъ, Ванина!

— А-а-а-ахъ, Ванина!—прокатилось съ хоровъ въ унисонъ съ пѣвцомъ.

У Кюзеля безпокойно шевельнулось сердце.

— Перепились, навѣрно, перепились! — волновался онъ и съ нетерпѣніемъ сталъ ждать антракта, чтобы бѣжать на хоры и по-смотреть, что тамъ дѣлается.

Пѣвецъ между тѣмъ кончилъ.

Опять раздался громъ аплодисментовъ.

Онъ кланялся, приложивъ руку къ груди и медленно отступая назадъ.

Но ему не давали уйти.

Изъ первыхъ рядовъ слышались названія любимыхъ романсовъ, а изъ рядовъ молодежи закричали:

— «Русая головка!»—«Русую головку»!!!...

«Русая головка» только недавно появилась въ музыкальныхъ магазинахъ. Это была незамысловатая пѣсенка на извѣстный, избитый мотивъ. Но эта пѣсенка необыкновенно скоро распространилась среди учащейся молодежи. Ее напѣвали на улицахъ, пѣли на всѣхъ студенческихъ вечеринкахъ хоромъ и въ одиночку. Одно время ее даже стали пѣть цыганки у Яра. Тамъ она, однако, не имѣла успѣха и скоро сдана была въ архивъ. Но молодежь съ тою способностью, которая дается только молодости и не сбитому еще житейскими невзгодами молодому задору, читала между строками пѣсенки все то, что она должна была выражать, и придавала ей великое значеніе.

Пѣвецъ запѣлъ:

Русая головка!
 Чѣмъ набита ты?
 Вадоромъ, да игрушками,—
 Чадомъ суеты!
 Варышня кисейная!
 Въ головѣ твоей,
 Бѣдное созданье,
 Мало вѣдь идей!
 Выросла въ незнаніи
 Живни и людей,
 Скрыть отъ пониманія
 Важный смыслъ вещей.
 Съ малолѣтства тѣшили,
 Безъ ума любя,
 Розсказанья глупыми
 Бѣдную тебя.

.

Неистовыя рукоплесканія заглушили конецъ пѣсенки.

И надъ всѣмъ этимъ гуломъ и шумомъ, покрывая ихъ могучими раскатами, прогремѣлъ протодіаконскій басъ Прокимнова:

— Ура, Крутояровъ!

Пѣвцу долго не давали уйти, но онъ, медленно пятясь назадъ, достигъ наконецъ двери и скрылся за нею. Никакіе крики одобренія и хлопки не могли уже его вызвать оттуда.

Въ антрактѣ публика запрудила буфетъ. Бутерброды разбирались нарасхватъ, и спрашивали столько чаю, что два официанта не успѣвали подавать.

Имъ стали помогать Косиченко и Эдемская.

Шупта въ своемъ бѣломъ фартукѣ, съ видомъ олимпійскаго величія, стояла за прилавкомъ и только отдавала распоряженія.

Принялись помогать и другія. Онѣ сновали между рядами публики, равставляли на столахъ чашки и стаканы, мимоходомъ успѣвая съѣсть бутербродъ или яблоко. На лицахъ ихъ было написано полное удовольствіе.

Антифонова въ своемъ мордовскомъ костюмѣ, который при освѣщеніи проивводилъ впечатлѣніе, появилась въ буфетѣ подъ руку съ Лонгиномъ Семеновичемъ.

Лонгинъ Семеновичъ, по своей конфузливости и необщительности, упирался и бормоталъ возраженія.

Но Евгенія Михайловна его не слушала и тащила за собой. Ей очень было пріятно показаться подъ руку съ великимъ писателемъ на глазахъ у всѣхъ. Она была искренно убѣждена, что вся находившаяся въ буфетѣ публика знала Антифонова въ лицо и съ благоговѣніемъ читала на немъ признаки гениальности. Это дѣлало ее чрезвычайно развязной. Она расталкивала попадавшихъ ей на встрѣчу людей, таща Лонгина Семеновича къ буфету.

— Шупта!—обратилась она къ той, стараясь говорить намѣренно громко.—Пожалуйста, поскорѣе Лонгину Семеновичу чаю! Я удивляюсь, какъ никто не догадался принести чаю въ уборную. Лонгинъ Семеновичъ, садитесь. Вы хотите бутербродъ? съ чѣмъ? съ сыромъ или съ колбасой?

— Право, Женичка, я ничего не хочу,—мямлилъ Антифоновъ.

Но Евгенія Михайловна его не слушала.

— Съ сыромъ? Хорошо! Да садитесь же! развѣ не чувствуете вы, какъ васъ всѣ толкаютъ,—хлопотала она, увлеченная своимъ культомъ поклоненія писательскому дару своего супруга.

Наконецъ Лонгина Семеновича усадили.

Онъ растеряннымъ взоромъ оглядывалъ присутствующихъ и совершенно не зналъ, что ему дѣлать.

Евгенія Михайловна не сводила съ него довольнаго, но строгаго взгляда.

Передъ нимъ поставили стаканъ съ жидкимъ чаемъ, съ плавающимъ наверху тоненькимъ ломтикомъ лимона. Тутъ же стояла тарелка съ нѣсколькими бутербродами и яблокомъ.

Лонгинъ Семеновичъ наконецъ рѣшился приняться за чай, но обжегъ себѣ губы и поперхнулся.

Стоявшая на стражѣ Евгенія Михайловна возмущилась.

— Лонгинъ Семеновичъ!—зашептала она.—Вѣдь такъ вы разобьете стаканъ! Вы его чуть не бросили! Какъ вамъ не стыдно! На васъ всѣ смотрятъ.

— Но, Женичка, я обжегъ себѣ губы,—оправдывался Антифоновъ.

— Молчите! Какъ это глупо!—прошипѣла Евгенія Михайловна.— Пейте вашъ чай, какъ всѣ люди! Да возьмите же бутербродъ въ правую руку, а не въ лѣвую. Господи, какъ вы неловки!

— Не горячись, Женичка!—смущенно говорилъ Антифоновъ, на котораго начали обращать вниманіе.—Я вѣдь тебѣ говорилъ, что не хочу бутерброда.

— Ъшьте, ѡшьте!—приказывала Евгенія Михайловна.—Вамъ надо подкрѣпить свои силы. Надѣюсь, вы будете танцевать!

— Я? Танцевать?—съ ужасомъ спросилъ Лонгинъ Семеновичъ.

— Разумѣется. Неужели вы уступите этому хлыщу Пугавину? Онъ всегда танцуетъ на литературныхъ вечерахъ. И вотъ не дальше какъ сейчасъ онъ мнѣ попался въ залѣ. Представьте, у него шапо-клякъ подъ мышкою. А? Каково? Либераль и шапо-клякъ! Проклятый перевертень!

— Все-таки, Женичка, мнѣ кажется, лучше не танцевать!—робко уклонялся Антифоновъ.—Къ моей фигурѣ даже какъ-то не идетъ!

— Прошу васъ не разсуждать! Это непремѣнно слѣдуетъ! Всѣ поймутъ, что Антифоновъ танцуетъ не для себя, а для удовольствія молодежи! Вы должны это сдѣлать для молодежи! Вы осчастливите ее.

Лонгинъ Семеновичъ недовѣрчиво выслушивалъ разглагольствованія своей супруги. Наконецъ онъ собрался съ духомъ.

— Нѣтъ, Женичка, я ужъ лучше того... посижу въ уголкѣ, посмотрю, какъ веселится молодежь. Ну, какой я танцоръ!

— Да, говорятъ вамъ, молчите!—вскипятилась Евгенія Михайловна.—Господи! Что это за человѣкъ! Выслушайте меня, Лонгинъ Семеновичъ. Вы будете танцевать непремѣнно! Ахъ, Господи, да не смѣйте мнѣ возражать! Я уже рѣшила пройти съ вами вальсъ. Какъ только заиграютъ вальсъ, вы тотчасъ же должны пойти ко мнѣ, я ужъ нарочно сяду на самомъ видномъ мѣстѣ, чтобы всѣ могли видѣть! Подойдете, поклонитесь. Вѣдь вы знаете, какъ нужно поклониться? Ну, да я вамъ покажу, пойдемъ въ мертвецкую. Такъ, слушайте. Поклонитесь и скажете, какъ можно громче, непремѣнно громко,—пожалуйста, это запомните,—хоть разъ-то въ жизни бросьте вашу отвратительную привычку мямилить и проглатывать слова:

— Евгенія Михайловна! честь имѣю просить васъ на туръ вальса! Ну, повторите.

— Да это глупо, Женичка,—возразилъ Антифоновъ.—Ну, я скажу тамъ, когда нужно будетъ, если ужъ тебѣ такъ непремѣнно хочется. Хотя, по-моему, въ моемъ положеніи мнѣ танцовать просто неприлично!

— Вы опять съ вашими разсужденіями! Да поймите: Ушкина будетъ танцовать, я тоже, Пугавинъ—ужъ этотъ непремѣнно. Вѣчно увивается за хорошенькими курсистками, и вѣдь какая рожа и старье! А эти молоденькія дуры такъ и льнутъ къ нему. Вотъ вамъ съ кого нужно брать примѣръ! Онъ—дрянь, но вы все-таки должны съ него брать примѣръ, потому что онъ необыкновенно ловко умѣетъ расположить къ себѣ молодежь!

— Я бы лучше уѣхалъ,—сказалъ Антифоновъ,—у меня что-то голова болить.

— Да вы совсѣмъ полоумный! Уѣхать въ началѣ вечера! А про мертвецкую вы развѣ забыли? Васъ непремѣнно будутъ качать. Я ужъ говорила съ голубятниками. Вамъ устроятъ овацію!

— Ну, вотъ,—грустно сказалъ Антифоновъ,—я такъ и зналъ. Въ прошломъ году меня тоже качали и чуть не сломали ребра!

— Молчите! публика прислушивается къ вашимъ словамъ, а вы говорите только глупости. Пожалуйста, не забудьте пригласить меня на вальсъ. Это очень важно. Въ этомъ вальсѣ скрыта глубокая идея!

— Ну, какая идея въ вальсѣ, Женичка, помилуй!—возразилъ Антифоновъ.

— Не въ вальсѣ! Вальсъ—пошлость. Я говорю: въ этомъ вальсѣ, въ нашемъ съ вами вальсѣ. Вы, народный писатель, и вдругъ танцуете съ красавицей,—тутъ Евгенія Михайловна спохватилась, что зарпортовалась и поправилась:—ну, словомъ, съ женщиной, одѣтой въ русскій, національный костюмъ, да которая еще кстати и жена вамъ. Вы понимаете, какой намекъ, какой смыслъ! Это, такъ сказать, олицетвореніе дружбы и союза великаго народнаго писателя Антифопова со всѣмъ русскимъ народомъ. Это всѣ должны замѣтить и понять. По крайней мѣрѣ, наши всѣ поймутъ. Но если и найдется такой болванъ, который не пойметъ, я ему разъясню. Да нѣтъ, этого не могутъ не замѣтить!

— Женичка!—сказалъ Антифоновъ, подавленный доводами Евгениі Михайловны.—Ты дѣйствительно одѣлась слишкомъ замѣтно. На тебя всѣ смотрятъ. Ни на комъ нѣтъ такого костюма.

— Тѣмъ лучше!—отрѣзала Евгенія Михайловна.—Но вашъ чай простылъ, а вы все еще надъ нимъ сидите.

— Да когда въ немъ нѣтъ сахара,—сказалъ Антифоновъ.—Я точно хватилъ хины, когда его попробовалъ!

— Нѣтъ, это возмутительно!—вскричала «жена писателя» и бросилась къ прилавку.

— Шупта! что же это за безобразіе! Вы не кладете сахару въ чай!

— Не всѣ пьютъ чай въ накладку,—невозмутимо возразила Шупта.

— Какъ это глупо!—разсердилась Евгенія Михайловна.—Дайте мнѣ сейчасъ же нѣсколько кусковъ сахару.

Шупта равнодушно протянула ей на ладони два тоненькихъ кусочка пиленого сахару.

— Кусокъ—копейка: вы должны мнѣ двѣ копейки.

— Какъ?—выходила изъ себя Евгенія Михайловна.— Вы подаете чай безъ сахару и заставляете публику платить за сахаръ отдѣльно?

— Вовсе нѣтъ,—все съ тѣмъ же невозмутимымъ спокойствіемъ объяснила Шупта.— У насъ на каждый стаканъ полагается три куса сахару. Этого очень достаточно. А кто спрашиваетъ прибавки, тотъ приплачиваетъ.

— Но Лонгину Семеновичу не подавали сахару!

— Не можетъ быть,—возразила Шупта.— У насъ къ каждому стакану приготовлена порція сахару!

— А я вамъ говорю, что нѣтъ,—такъ громко закричала Евгенія Михайловна, что кое-кто изъ публики сталъ тревожно оглядываться на нее.— Но я не намѣрена съ вами разсуждать,—и она повернулась къ прилавку спиной.

— Двѣ копейки за вами!—раздѣльно и твердо проговорила ей вслѣдъ Шупта.

Евгенія Михайловна не могла этого вынести. Она бросилась назадъ къ прилавку, вся красная отъ гнѣва.

— Не видать вамъ ихъ, какъ ушей своихъ!—закричала она.— Слышите! Мнѣ не жаль ихъ, но я, ради принципа, не хочу вамъ платить. Во-первыхъ, я не желаю пить вашъ отвратительный, на-стоенный на капоркѣ чай безъ сахару, а, во-вторыхъ, неужели вы думаете, что вы въ правѣ требовать эти двѣ копейки съ Антифонова!

Ея крикъ раздавался теперь на всю буфетную. Публика начала тѣсниться къ прилавку. Изъ коридора въ двери протиснулся околоточный, но пока еще только наблюдалъ, надѣясь, что все кончится мирно, и его виѣшательство не потребуется.

Неизвѣстно, до чего бы дошла Евгенія Михайловна, если бы не одно обстоятельство, отвлекшее ея вниманіе. Мелькомъ взглянувъ въ сторону Антифонова, она вдругъ увидѣла, что онъ, воспользовавшись ея отсутствіемъ, собрался подъ шумокъ скрыться.

Лонгинъ Семеновичъ поднялся со стула и тихонько старался выбраться къ выходу. Но Евгенія Михайловна тотчасъ же бросила

свои препирательства съ Шуптой и, какъ ураганъ, налетѣла на него.

— Стойте! Куда вы?— крикнула она, схвативъ его за руку.— Вотъ вамъ сахаръ.

Въ это время послышался звонокъ, призывавшій публику въ залу.

Евгенія Михайловна заторопила Лонгина Семеновича.

— Ну, кончайте вашъ стаканъ чаю и идемте скорѣе,—говорила она, между тѣмъ какъ публика хлынула въ залу.— Возьмите яблоко въ карманъ. Или нѣтъ, я его возьму. Господи, какъ вы неповоротливы! Отчего вы не съѣли, по крайней мѣрѣ, хоть одного бутерброда, пока я бранилась съ этой отсталой душой Шуптой? Да доѣдайте же!

— Но я не могу, Женичка, я подавлюсь,—защищался Антифоновъ.

— Ну, вотъ!—съ отчаяніемъ воскликнула Евгенія Михайловна.— Я заплатила полтинникъ, а половины не съѣдено. И вообразите, они хотѣли содрать съ васъ лишнія двѣ копейки. Господи!—воскликнула она, всплеснувъ руками:—кажется, затворили двери въ залу! Съ вами вѣчно опоздаешь. Идемте!

Она схватила его подъ руку и потащила было за собой, но, пылая мщеніемъ, прежде бросилась къ прилавку и, поднося къ самому носу Шупты указательный палецъ, сказала:

— Вотъ вамъ ваши двѣ копейки!

— Я буду считать за вами,—спокойно отвѣтила Шупта.

XXII.

Когда Антифоновъ и Евгенія Михайловна пробрались въ залу, на эстрадѣ уже находился Пугавинъ.

Кювель тотчасъ же узналъ въ немъ того самого господина, съ которымъ онъ объяснялся въ редакціи либеральнаго журнала. Только теперь онъ выглядѣлъ немного почище, благодаря фракъ и бѣлому пластрону рубашки.

Онъ только что вышелъ и умильно раскланивался съ публикой.

— Смотрите, смотрите!—толкнула подъ бокъ Лонгина Семеновича Евгенія Михайловна.— Вотъ ломается! Непремѣнно подойду къ нему въ антрактъ и скажу ему:

— Пугавинъ! такъ подхалимничать передъ толпой подло!

— Тсъ!—равдалось свади.

Пугавинъ подсѣлъ къ столу, расправилъ фалды своего фрака и положилъ передъ собою жиденькую рукописную тетрадочку.

Кювель съ недоумѣніемъ поглядѣлъ на афишу.

— «Живыя мощи», повѣсть Тургенева, прочтеть А. Пугавинъ,— значилось въ ней.

Публика раздѣляла это недоумѣніе. Кто-то даже догадался, что Пугавинъ будетъ читать «Живыя мощи» наизусть, и тетрадка у него только для виду.

— «Живыя мощи», сочиненіе господина Тургенева,— вдругъ произнесъ Пугавинъ.

— Кто изъ просвѣщенныхъ моихъ слушателей не читалъ или, по крайней мѣрѣ, не слыхалъ о повѣсти «Живыя мощи», принадлежащей перу небезвѣстнаго писателя Тургенева? Теперь, когда можно сказать, что дѣятельность Тургенева достаточно опредѣлилась и уже, на сколько позволяютъ обстоятельства, оцѣнена по справедливости выдающимися умами, теперь, говорю я, мы безошибочно можемъ сказать, что оный писатель, часто блестящій по формѣ, далеко небогатъ содержаніемъ.

— Если мы внимательно,— гнусилъ Пугавинъ,— посмотримъ на каждое изъ этихъ произведеній въ частности и на всѣ вообще, мы должны будемъ сознаться, что всѣ они неглубоки и, обличая въ авторѣ довольно замѣтный внѣшній талантъ, подтверждаютъ въ немъ отсутствіе внутренняго пониманія народной жизни, ея идеаловъ и того духа, которымъ живетъ, развивается и воспитывается въ народномъ сознаніи прогрессъ и неразрывное съ нимъ благо народа.

Публика напряженно слушала, хотя на многихъ лицахъ уже начинало выражаться утомленіе, а на нѣкоторыхъ и очень ясно проглядывало все возрастающее недоумѣніе. Поглядывали въ афишку, гдѣ было обѣщано сочиненіе Тургенева, и не понимали, какимъ образомъ вмѣсто Тургенева приходится слушать собственное произведеніе господина Пугавина.

— Русская мысль,— читалъ между тѣмъ Пугавинъ, мало-по-малу впадая въ паеосъ:— есть плѣнная мысль, господа! На ней тягѣютъ цѣпи и косности нашего народа, способнаго только смутно стремиться къ свѣту и не умѣющаго, какъ на Западѣ, отстаивать свои права и ратовать за нихъ, и другія, о которыхъ впрочемъ мы при настоящихъ обстоятельствахъ не считаемъ удобнымъ распространяться.

— Bravo, Пугавинъ!— крикнули съ хоромъ.

— Такой народъ, какъ нашъ русскій народъ, нуждается болѣе, чѣмъ всякій другой, въ руководителяхъ. Кто же можетъ быть лучшимъ руководителемъ для народа, какъ не писатель? Какой учитель можетъ оказать большее вліяніе, какъ не учитель, въ образахъ и лицахъ проповѣдующій истину? Какой жрецъ съ большимъ успѣхомъ можетъ будить народные умы, какъ не жрецъ слова, какъ не подвижникъ пера? Увы! Тургеневъ не былъ такимъ писателемъ! Тургеневъ не зналъ народа и гнушался имъ, и,

надо же наконецъ сказать правду, въ Тургеневѣ сидѣлъ баричъ, помѣщикъ, крѣпостникъ, безжалостно дравшій на конюшнѣ своихъ людей, или, вѣрнѣе, своихъ братьевъ! Тургеневъ умѣлъ красиво говорить, но высшая красота, — красота идеаловъ, къ которымъ должна стремиться честная русская мысль, — этой красоты мы напрасно будемъ искать въ Тургеневѣ.

На лицахъ публики выражалось все большее и большее недоумѣнне, которое еще усугублялось скукой. Тягучій, гнусливый голосъ Пугавина, рядомъ съ отсутствіемъ интереса къ тому, что онъ читалъ, дѣйствовалъ на нее усыпляющимъ образомъ. Афишки и носовые платки то и дѣло подносились ко рту, чтобы скрыть зѣвоту.

— Хотъ бы скорѣе кончилъ! — подумалъ Кюзель и, съ тайной надеждой уловить въ словахъ Пугавина признаки близящагося конца, опять прислушался къ тому, что онъ читалъ.

— Господинъ Тургеневъ, — уже совсѣмъ пѣлъ Пугавинъ, — былъ чуждъ великому теченію русской мысли. Она не подхватила его, не увлекла въ общій потокъ, который стремится къ благоденствію человѣчества, который зоветъ людей къ свѣту и развитію. Нѣтъ, онъ остался въ сторонѣ! Не будемъ винить его! Это произошло не отъ нежеланія, но отъ непониманія. Стоитъ только вспомнить, господа, Базарова, чтобы понять, что Тургеневъ не зналъ русскаго народа, не зналъ русской жизни и святотатственно окаррикурировалъ въ Базаровѣ свѣтлый и дорогой образъ, понятный каждому сочувствующему прогрессу человѣку. Вспомните, господа, послѣднія минуты жизни Базарова. Вспомните, какъ господинъ Тургеневъ заставляетъ умирать Базарова! Базаровъ, погибающій жертвою любви къ народу, жертвою любви къ наукѣ, словомъ, всѣмъ намъ знакомый Базаровъ, — Базаровъ, котораго мы любимъ, котораго мы чтимъ, этотъ Базаровъ, господа, по волѣ господина Тургенева, умирая, не находитъ ничего лучшаго, какъ призвать къ своему одру госпожу Одинцеву, эту бездушную, неразвитую, нарядную куклу, чтобы не сказать больше, и для чего же? Только для того, чтобы проститься съ нею, чтобы закрыть глаза съ ея именемъ на устахъ.

— Дуньте на потухающую лампу, — говорить онъ ей, — и она погаснетъ!

— Нѣтъ, господа, этого не было! Это клевета! Господинъ Тургеневъ совралъ. Мы знаемъ Базарова и знаемъ, что, умирая, онъ могъ думать о русскомъ народѣ, о его счастья, и если въ предсмертной агоніи въ мечтахъ его и рисовался образъ какой либо богини, то развѣ — богини свободы. Мы знаемъ это и знаемъ мы также и то, что не госпожамъ Одинцевымъ, въ шелковыхъ тряпкахъ, съ вымытыми въ духахъ руками, брезгливо отварачивающимъ носъ отъ посконной рубахи и отъ смоченныхъ потомъ тяжелаго труда онучъ пахаря, не этимъ госпожамъ, говорю я, задувать такія, хотя бы и потухающія лампы, какъ Базаровъ, и потому мы говоримъ

еще разъ: нѣтъ, господинъ Тургеневъ, вы солгали! Вы солгали по невѣдѣнію, но все-таки солгали! Ваша черная клевета оскорбляетъ великую тѣнь Базарова, и она вопіетъ о мщеніи къ суду чести, къ суду народа!

Пугавинъ потрясъ своимъ кулакомъ.

— Браво, Пугавинъ!—загремѣли на хорахъ.

— Не робѣй, Пугавинъ! — прокатился сверху Прокимновскій басъ.

Приставъ пошепталъ на ухо что-то околоточному, и тотъ направился къ хорамъ.

Въ залѣ начали шикать.

Пугавинъ поднялъ голову, и аплодисменты смолкли.

— По счастью, господа, на помощь господину Тургеневу явилось то, что часто спасаетъ и еще болѣе бездарныхъ и еще менѣе смотрящихъ въ корень вещей писателей. Это нѣчто есть идея, помимо ихъ отвоевающая себѣ скромное мѣсто въ ихъ произведеніяхъ. Но какъ ни скромно это мѣсто, господа, а желающіе найти найдутъ ее, и среди грязи и пошлости громко, но пусто звучащихъ фразъ искусниковъ для искусства, она, очищенная руками подвижниковъ прогресса, отшлифованная работниками русской мысли, заблещетъ, какъ брилліантъ, и обратитъ на себя взоры чающихъ движенія воды! Господа! передъ нами «Живыя мощи» господина Тургенева. Пересказывать содержаніе ихъ не стоитъ. Всѣмъ извѣстно оно, да и не замысловато оно. Авторъ рассказываетъ, что нашелъ онъ гдѣ-то въ избушкѣ, въ лѣсу, когда-то знакомую ему, красавицу, первую пѣвунью и хороводницу, дѣвушку Татьяну, но нашелъ, въ такомъ видѣ, что даже сначала и не узналъ ея. Все тѣло ея высохло, приняло бронзовый оттѣнокъ, и уже много лѣтъ лежитъ она здѣсь, всѣми забытая, одинокая, не будучи въ состояніи пошевелить ни рукою, ни ногою, почти не употребляя пищи. Она-то и есть живыя мощи. Вотъ что рассказываетъ намъ господинъ Тургеневъ. Но мы, господа, знаемъ другія живыя мощи,—тутъ Пугавинъ высоко закинулъ голову и тряхнулъ своими жидкими волосами.—Мы, господа, знаемъ другія живыя мощи. Эти живыя мощи—нашъ русскій народъ. Эти живыя мощи, скованныя по рукамъ и по ногамъ, въ жалкомъ бездѣйствіи, въ рабской нуждѣ и неволѣ, одиноко стонуть въ дебряхъ деревень, съ заскорузлыми отъ тяжелой работы руками, съ потемнѣвшими отъ дождя и солнца лицами! Да это тоже мощи, живыя мощи, господа! Эти живыя мощи могутъ подняться, могутъ встать, могутъ стряхнуть съ себя злой недугъ и только ждуть вождя, который бы сказалъ: Встань, русскій народъ! Встань, богатырь! Проснись и разорви на себѣ ненавистныя цѣпи, чтобы бѣжать навстрѣчу свѣту, свободѣ, прогрессу!

Пугавинъ съ шумомъ отодвинулъ свой стулъ.

На хорахъ неистовствовали.

Въ заднихъ рядахъ кричали, стучали стульями, махали платками.

Въ слѣдующемъ номерѣ стояло:

«Арія изъ оперы «Жидовка» исполнить г-жа * *».

Но вмѣсто ожидаемой г-жи * * явился распорядитель и смущенно проговорилъ:

— По внезапной болѣзни артистки арія изъ оперы «Жидовка» не будетъ исполнена.

Тутъ онъ заглянулъ въ афишку, которую нервно вертѣлъ въ рукахъ, и гдѣ подъ номеромъ третьимъ значилось:

«Erlkönig» Эрнста исполнить на скрипкѣ г-нъ Гржимали.

— Господинъ Гржимали еще не прибылъ,—продолжалъ молодой человѣкъ:—вмѣсто него будетъ исполненъ четвертый номеръ.

Тамъ стояло:

«Стихотвореніе Некрасова прочтеть г-жа Ушкина».

Публика съ разочарованіемъ принимала извѣстіе объ отсутствіи лучшихъ и любимыхъ артистовъ, участіе которыхъ въ вечерѣ ограничивалось тѣмъ, что имена ихъ стояли на афишѣ, и съ нескрываемымъ недоумѣніемъ и недовольствомъ поглядывала на эстраду.

Ушкина, коренастая, плотная, съ краснымъ, точно вырубленнымъ топоромъ, лицомъ, съ сѣдыми, коротко остриженными волосами, въ пэнснэ, въ черномъ платьѣ, юбка котораго была такъ коротка, что изъ-подъ нея видны были кожаные грубые башмаки, переваливаясь съ боку на бокъ, выплыла наконецъ и поклонилась публикѣ, которая съ любопытствомъ разсматривала ее.

Казалось, что эта странная фигура не принадлежитъ дѣйствительности: она точно случайно вышла на свѣтъ Божій изъ какой нибудь старой книги съ картинами. Все на ней было какое-то старинное, отжившее.

Ради торжественнаго случая Ушкина отказалась отъ любезной ей блузы и надѣла платье, сохранявшееся у нея съ незапамятныхъ временъ. Оно было шито съ отрѣзными басками, съ необыкновенно короткой таліей. Изъ-подъ греческихъ рукавовъ опускались другіе широкіе, бѣлые рукава, собранные у кистей рукъ и кончающіеся узенькими манжетами. Полотняный воротничекъ отложной, съ острыми, длинными концами, окружалъ ее толстую въ складкахъ шею. Въ рукахъ у нея была книга въ красномъ, тисненомъ золотомъ, переплетѣ.

Она приблизилась къ краю эстрады и начала, сначала нѣсколько глухимъ, но постепенно перешедшимъ въ привычный ей, голосомъ:

«Вотъ парадный подъездъ!
По торжественнымъ днямъ,
Одержимый холопскимъ недугомъ,
Цѣлый городъ съ какимъ-то испугомъ
Собирается къ этимъ дверямъ».

Она читала медленно, съ разстановкой, дѣлая ударенія тамъ, гдѣ это ей казалось нужнымъ, выразительно подчеркивая извѣстныя мѣста. Зычный, почти мужской голосъ ея отдавался въ самыхъ отдаленныхъ углахъ. По временамъ она поднимала правую руку и съ размаху ударяла себя кулакомъ въ грудь. Когда она кончила, кругомъ кричали:

— Бисъ! бисъ!

На хорахъ знали, что на бисъ Ушкина будетъ читать свое собственное произведеніе «Интеллигентный труженикъ».

Она сдѣлала еще шагъ къ эстрадѣ и, ободренная успѣхомъ, опьяненная аплодисментами, выкрикнула:

«Интеллигентный труженикъ! спѣши
Въ деревню, въ глушь, къ провинціаламъ!
Неси имъ сердца жаръ, волненіе души,
Презрѣніе и ненависть къ т.....!»

Ушкина потрясла кулакомъ въ воздухъ:

«Неси имъ знаніе, пролей науки свѣтъ
На нихъ, во тьмѣ и злѣ сидящихъ!
На трепетный вопросъ громовый дай отвѣтъ
И смѣлый дай отпоръ рукъ разящихъ!
Учи ихъ чувствовать, учи ихъ понимать,
Учи читать «скрижалъ свободы»,—

тутъ Ушкина для вящей выразительности ткнула указательнымъ пальцемъ въ свою красную книгу, хотя это были только сочиненія Некрасова, добытыя для нея однимъ изъ распорядителей,—

«Учи ихъ ложь отъ правды различать,
Буди умы дѣтей природы!
И вѣрь, твой трудъ напрасно не умретъ,
И сѣмя мысли благородной,
Тобой посеянной, сторицею взойдетъ
На нивѣ счастья народной!»

На хорахъ раздались неистовые хлопки, поднялся страшный шумъ, за которымъ нельзя было ничего разобрать.

— Bravo, бисъ, фора! — сливались въ одинъ неопредѣленный гулъ.

И надъ всѣми голосами, то покрывая ихъ, то заглушая собой, гудѣлъ, какъ призывный, тягучій и гулкій звукъ большого колокола, голосъ Прокимова.

Ушкина улыбалась и кланялась. Ея широкое багровое лицо сіяло счастьемъ и удовлетвореніемъ, а сѣрые глаза такъ и горѣли, полные увлеченія и почти молодого задора.

Наконецъ общій восторгъ нѣсколько затихъ. Можно было слышать отдѣльныя восклицанія.

— Интеллигентный труженикъ, спѣши!—выкрикивали въ заднихъ рядахъ, требуя повторенія понравившагося стихотворенія, первая строчка котораго всѣми запомнилась.

Ушкина энергично раскланивалась. Она замѣтила, что отъ дверей безпокойно пробирался къ эстрадѣ приставъ.

— Бисъ! Бисъ! Ура, Ушкина!—кричали на хорахъ.

Ушкина все кланялась. Но она уже видѣла, что уйти ей не удастся. Она припоминала какое нибудь стихотвореніе и, наконецъ, начала:

Роскошны вы, поля заповѣдныя
Родимыхъ нивъ...

Но ей не дали продолжать.

— Не надо! Чушь!—раздалось съ хоровъ.

— Труженика!—прокатился по залѣ басъ Прокимнова.

— Труженика!—тотчасъ же подхватили голоса.

— Интеллигентный труженикъ, спиши!—надрываясь, кричала звонкимъ голосомъ Косиченко, вѣ себя отъ радостнаго волненія.

— Господа, прошу васъ не шумѣть и не толпиться у дверей!—сдержанно, но внушительно убѣждалъ околоточный.

Но его не слушали.

— Прошу быть потише, господа!—уговаривалъ тотъ.

-- Труженика!—галѣли кругомъ.

— Труженика!—ревѣли наверху.

— Труженика!—гудѣлъ Прокимновъ.

Публика неволью развеселилась и, подзадоренная близостью скандала, начала смѣяться и тоже кричать:

— Труженика!

Ушкина вдругъ рѣшилась. Глаза ея заблестали. Лицо приняло еще болѣе задорное выраженіе. Она бросила вызывающій взглядъ стоявшему у самой эстрады квартальному и, полная отчаянной отваги, восторженно и громко произнесла:

Интеллигентный труженикъ! Спиши...

Воцарилась мгновенная тишина.

Ушкина кончила при оглушительномъ громѣ аплодисментовъ, неистовомъ ревѣ «хористовъ», какъ называли тѣхъ, которые помѣщались на хорахъ, и когда скрылась, наконецъ, за дверь, въ залѣ стояло столпотвореніе вавилонское.

Быль первый часъ. Афиша извѣщала, что послѣ антракта въ двадцать минутъ начнутся танцы. Но публика стала быстро разѣбжаться. Туалеты почти всѣ исчезли, и только Полупудова въ тяжеломъ свѣтло-сиреневомъ платьѣ, осыпанная созвѣдіями брилліантовъ, нарушала простоту и незатѣйливость костюмовъ остальныхъ.

Въ залѣ тучей носилась пыль.

Лакеи разставляли стулья вдоль стѣнъ. На эстрадѣ появились музыканты.

Къ Кюзелю подбѣжалъ одинъ изъ распорядителей. Лицо его было блѣдно и разстроено.

— Послушайте, коллега!—сказаль онъ.—Ушкину сейчасъ увезли. Пожалуйста, никому не говорите. Арестовали и увезли.

— Вотъ тебѣ разъ!—сказаль Кюзель.

— Говорятъ, что и Пугавину достанется, — продолжалъ распорядитель.—Но его нигдѣ не могутъ найти.

— Я думаю, что онъ уѣхаль домой,—сказаль Кюзель.

— Можетъ быть. Ахъ, какъ это неприятно!

Между тѣмъ, залу привели въ порядокъ. Раздались звуки вальса.

Кюзеля вдругъ кто-то сильно толкнулъ сзади въ плечо, такъ что онъ чуть не упаль, и мимо него съ торжествующимъ видомъ пролетѣла Евгенія Михайловна, съ геройскими усиліями волоча за собой своего супруга.

За ней появились и другія пары.

— Женичка, довольно!—сказаль Антифоновъ, задыхаясь.

— Идите,—хлопнувшись на стуль, приказала Евгенія Михайловна,—тотчасъ же къ Полупудовой и пригласите на вальсъ.

— Да я ея не знаю,—отговаривался Антифоновъ.

— Какъ не знаете? Вонъ она сидитъ. Лиловое платье.

— Все-таки я, Женичка, ея не знаю.

— Идите, идите. Какія глупости! Или погодите, я васъ представлю,—и она потащила Лонгина Семеновича къ Полупудовой.

Антифоновъ долженъ былъ протанцовать вальсъ и съ Полупудовой.

Юрченко увивался около нея. Онъ еще наканунѣ получилъ прощенье и, между прочимъ, этому обстоятельству былъ обязанъ своимъ щеголеватымъ видомъ.

Кюзель, не танцоваль. Но Кувичинскій усердно отплясываль съ разными паннами и паненками, которыя вдругъ появились во множествѣ.

На хорахъ воцарилась тишина, тишина зловѣщая, чреватая событіями.

Кюзель, улучивъ удобную минуту, отправился туда. Онъ засталъ тамъ только триумвирать: Прокимнова, Троглодита и Шупту. Всѣ были сильно пьяны.

Увидя Кюзеля, Прокимновъ сказаль:

— Послушайте! Чего вы всѣ попрятались? Хороша мертвецкая, чортъ васъ возьми! А еще эта дура Антифонова собиралась прійти сюда!

Кюзель обѣщаль имъ позвать ея, но Антифонова и сама уже вспомнила про мертвецкую и явилась съ Лонгиномъ Семеновичемъ и Юрченко.

Изъ буфета пришла на минутку Шупта провѣдать своего брата и, выпивъ изъ сочувствія рюмку водки, опять побѣжала внизъ. Антифонова усадили за столъ, за которымъ теперь возсѣдала компанія человекъ въ десять. Тутышкинъ привелъ своихъ какихъ-то

двухъ товарищей, необыкновенно задорныхъ и крикливыхъ молодыхъ людей. Кувичинскій пригласилъ своего земляка, такого же желчнаго и злого полячка, какъ и онъ самъ. Началось непомѣрное истребленіе спиртныхъ напитковъ. По временамъ кое-кто изъ залы прибѣгалъ на минутку въ мертвецкую, осушалъ стаканъ, другой пива, выпивалъ рюмку водки за здоровье прогреса и снова отправлялся танцовать. Часамъ къ двумъ ночи полиція съ удивленіемъ замѣтила, что, несмотря на отсутствіе спиртныхъ напитковъ, въ залѣ появилось множество пьяныхъ, но такъ какъ вечеръ предполагалось закрыть въ три часа, то на это обстоятельство махнули рукой, не желая поднимать лишняго шума.

Вдругъ съ хоромъ съ крикомъ и шумомъ спустилось нѣсколько человекъ. Во главѣ ихъ была Антифонова. Всѣ были болѣе чѣмъ навеселѣ. Ихъ появленіе внесло еще большее оживленіе въ ряды танцующихъ. Музыкантамъ приказано было играть казачка, который тотчасъ же съ увлеченіемъ принялись отплясывать Антифонова съ Юрченко. Нашлись и другіе любители. Потомъ плясали русскую. Какой-то армянинъ щегольнулъ лезгинкой и, наконецъ, панны и паненки съ Кувичинскимъ и другимъ полячкомъ во главѣ принялись танцовать краковякъ.

Потомъ снова всѣ вспомнили про мертвецкую и бросились туда.

Зала, между тѣмъ, пустѣла. Изъ посторонней публики уже никого не осталось. Полупудова уѣхала, и Юрченко отправился провозжать ее. Въ мертвецкой происходила настоящая оргія.

Троглодитъ, мертвецки пьяный, страшно качаясь изъ стороны въ сторону, расхаживалъ между пирующими, время отъ времени останавливаясь передъ тѣмъ или другимъ, вперивъ въ него бессмысленный, тупой и жесткій взглядъ. Антифоновъ, сильно пьяный, со слезами на глазахъ, обращался къ присутствовавшимъ съ рѣчью, но въ ней трудно было что нибудь разобрать. Кто-то вспомнилъ, что его собирались качать. Въ одно мгновеніе нѣсколько сильныхъ рукъ приподняло его на воздухъ и стали его подбрасывать, несмотря на то, что онъ отчаянно сопротивлялся и болталъ въ воздухъ ногами. Особенно усердствовалъ Прокимновъ.

Антифоновъ умолялъ оставить его въ покоѣ. Но его крики о помощи заглушались неистовыми возгласами расходившихся мертвецовъ. Наконецъ Антифонова бросилась на помощь къ своему злополучному супругу и не безъ труда добилась его освобожденія.

Но тутъ вздумали качать ее и, несмотря на ея возраженія, тотчасъ же привели въ исполненіе эту остроумную мысль. Евгенія Михайловна сначала кричала, что довольно, что ее такъ подбрасываютъ, что разобьютъ ей голову объ потолокъ. Потомъ, выйдя изъ себя, начала бранить своихъ почитателей обскурантами, ретроградами и пьяницами. Но ея крики только подзадоривали пьяную

компанію, и ее все продолжали качать, пока, наконецъ, она не потеряла голоса.

Неизвѣстно, чѣмъ бы кончилась эта овація для «жены писателя», еслибъ на выручку ей не подоспѣла полиція, которая, наконецъ, провѣдала про существованіе «мертвецкой». Впрочемъ, провѣдать объ этомъ было теперь и не трудно. Мертвецы, по мѣрѣ того, какъ пьянѣли и входили въ азартъ, совершенно забыли о предосторожностяхъ. Дверь у нихъ стояла настежь, они шумѣли и кричали до того, что ихъ крики стали, наконецъ, достигать зала. Наконецъ помощникъ пристава, щеголеватый и самодовольный поручикъ, бросился на хоры и, рискуя въ темнотѣ сломать себѣ шею, добрался до мертвецкой. Его появленіе среди пирующихъ произвело впечатлѣніе внезапно лопнувшей бомбы. Мертвецы точно оцѣпенѣли. Но это оцѣпенѣніе продолжалось недолго. Кувичинскій, какъ самый осторожный изъ всѣхъ, первый догадался удрать, пробравшись за спиною околоточнаго къ двери. Троглодитъ забился въ уголь, гдѣ свалены были въ кучу опустошенные ящики и корзины изъ-подъ пива и вина, и злобно, какъ волкъ, смотрѣлъ изъ своего угла.

Антифоновъ вдругъ приблизился къ помощнику пристава колеблющимися, невѣрными шагами и заплетающимся языкомъ проормоталъ:

— Господинъ полицейскій! Я вамъ ручаюсь, что ничего не произойдетъ. Пошьемъ, пошумимъ и разойдемся.

— Не извольте беспокоиться,—вѣжливо перебилъ его тотъ.— Но на спиртные напитки не дано было разрѣшенія. Господа распорядители за это отвѣтятъ! Кто здѣсь есть изъ господъ распорядителей?

Но изъ господъ распорядителей не оказалось ни одного.

— Извольте расходиться по домамъ,—сказалъ помощникъ пристава.—Четвертый часъ. Публика разъѣхалась.

— Вотъ еще!—заревѣлъ Прокимновъ, наконецъ, сообразившій, въ чемъ дѣло.—Кажется, мы никого не трогаемъ! Собрались своей компаніей, сидимъ и разговариваемъ! Что вы къ намъ пристали?

— Разумѣется, что за репрессалии!—разсердилась и Антифонова, успѣвшая оправиться послѣ своего воздушнаго полета.

— Извольте расходиться,—продолжалъ настаивать поручикъ.— А васъ, господинъ...—вѣжливо обратился онъ къ Антифонову:— я долженъ буду просить слѣдовать за мной.

— Помилуйте, да куда же?—ужасно испугался Антифоновъ.

— Не беспокойтесь!—успокоилъ его помощникъ.—Вѣдь вы изволили, кажется, читать сегодня на вечерѣ?

— Что-жъ такого? Я не читалъ ничего особеннаго,—оправдывался Антифоновъ.

— Вы не имѣете права его арестовать!—крикнула Евгенія Михайловна, налетая на распорядительнаго поручика.

— Да что мы смотримъ, господа? — вдругъ озлился Прокимовъ.— Спустимте его съ лѣстницы, да и вся недолга!

— А васъ я тоже попрошу слѣдовать за мной! — обратился и къ Прокимову помощникъ съ тою же непроницаемою вѣжливостью.

— Это еще съ какой стати?—возразилъ Прокимовъ, чрезвычайно удивленный:—кажется, я васъ пальцемъ не трогалъ!

Антифоновъ выпрямился, приложилъ руку къ сердцу и торжественно проговорилъ:

— Господа! Я готовъ! Антифоновъ сумѣетъ показать вамъ, что онъ твердъ и неизмѣненъ, не смотря ни на какія пытки!

— Не болтайте глупостей!—шепнула Евгенія Михайловна, которая все-таки была трезвѣе другихъ.—А тамъ, если будутъ васъ спрашивать, говорите, что были пьяны! Пьяны и больше ничего!

— Хорошо, мой другъ!—покорно отвѣтилъ Антифоновъ и тутъ же, обернувшись къ помощнику, заявилъ:—господинъ полицейскій, я совершенно пьянъ!

— Я это вижу,—согласился тотъ.

Евгенія Михайловнѣ, однако, удалось отстоять своего супруга, и она успѣшила увезти его.

Черезъ какіе нибудь полчаса въ залѣ Кредитнаго Общества погасли всѣ огни.

Голубятники уныло двинулись домой, почти таща на себѣ Троглотита, окончательно потерявшаго сознание.

На другой день въ «Московскомъ Прогрессѣ» появилась сочувственная рецензія о вечерѣ:

«Вечеръ удался какъ нельзя лучше, — говорилось въ ней. — Онъ привлекъ всю нашу интеллигентную молодежь, а также и всю не чуждую интересамъ просвѣщенія публику. Господа участники литературнаго отдѣленія вызвали горячую признательность благодарной молодежи. Господинъ Антифоновъ съ большимъ чувствомъ прочелъ свое талантливое и идейное произведение «Бѣдный студентъ». Аплодисменты долго не смолкали, когда онъ уже сошелъ съ эстрады. Господинъ **, нашъ знаменитый и обожаемый публикою пѣвецъ, съ необыкновеннымъ умѣньемъ пропѣлъ народную пѣсню «Дуняша», искусно отѣнивъ ея типическія черты. Господинъ Пугавинъ съ неподражаемымъ эффектомъ передалъ содержаніе извѣстнаго произведенія Тургенева «Живыя мощи» и сумѣлъ симпатично освѣтить его. Госпожа Ушкина, небезызвѣстная всей читающей и развитой публикѣ, талантливо прочла стихотвореніе Некрасова «Парадный подъѣздъ», а на бисъ коротенькое, но полное смысла стихотвореніе, кажется, того же автора. Ее привѣтствовали съ восторгомъ. Не смотря на то, что нѣкоторые исполнители не явились, вечеръ былъ чрезвычайно оживленъ. Полчаса перваго начались танцы, и счастливая молодежь веселилась до упаду».

VII.

«Голубятники» остались чрезвычайно довольны вечеромъ. Даже то, что Ушкина и Пугавинъ, какъ выражались въ «Голубятнѣ», «попались къ голубымъ подъ сюркупъ», не столько печалило, сколько радовало «голубятниковъ», для которыхъ безъ скандала, безъ столкновенія съ полиціей, безъ «репрессалій» съ одной и безъ «энергичнаго протеста» съ другой стороны и праздникъ былъ бы не въ праздникъ.

Сами «мученики прогресса», Ушкина и Пугавинъ, не унывали, поддерживаемые чувствомъ нравственнаго удовлетворенія. Они не разъ имѣли случай познакомиться съ арестнымъ помѣщеніемъ при Тверской части, а Пугавинъ обязательно попадалъ туда послѣ каждого литературнаго вечера, въ которомъ ему приходилось участвовать, чѣмъ онъ очень гордился и любилъ похвастаться.

Антифоновъ не обладалъ такимъ богатымъ запасомъ гражданскаго мужества. Онъ былъ счастливъ тѣмъ, что ему не пришлось дѣлать заточеніе своихъ собратьевъ, и перетрусилъ до того, что даже дома говорилъ чуть не шепотомъ и присмирѣлъ еще больше.

Евгенія Михайловна искоса посматривала на него и всячески старалась заявить о своей независимости. Она говорила громко, не стѣсняясь въ выраженіяхъ и о такихъ вещахъ, что Лонгинъ Семеновичъ вздрагивалъ и пугливо оглядывался на дверь, опасаясь чьихъ нибудь нескромныхъ ушей, курила больше обыкновеннаго, пила пиво и съ рѣшительнымъ видомъ расхаживала по своей квартирѣ, намѣренно стуча башмаками. Ежедневно, запасшись разными припасами, она отправлялась въ Тверскую часть навѣщать своихъ либеральныхъ друзей. По дорогѣ она заходила въ «Голубятню» и убѣждала кого нибудь изъ обитателей сопровождать ее. Обыкновенно съ ней отправлялись Шупта или Тутышкинъ, иногда Кувичинскій. Кюзель, боявшійся полиціи, какъ огня, и не желавшій показывать своей солидарности съ «жертвами прогресса», довольно ловко уклонялся отъ этой чести. Ни разу не захотѣлъ также идти съ нею, не смотря на всѣ ея доводы, Прокимновъ, и такое упорство приводило въ изумленіе Евгенію Михайловну.

— Но послушайте, Прокимновъ, — говорила она, — вѣдь вы и сами пострадали? Отчего же вы не хотите выразить сочувствіе, заявить протестъ?

Прокимновъ только трясъ головой.

Ему дѣйствительно пришлось провести ночь послѣ вечера въ части въ виду совершенной невмѣняемости и склонности къ буйству. Но на утро его выпустили вмѣстѣ съ другими протрезвившимися пьяницами. Такого отношенія къ себѣ Прокимновъ ни-

какъ не ожидалъ и былъ непріятно озадаченъ. Онъ воображалъ, что его будутъ допрашивать, какъ онъ, разумѣется, не скроетъ своихъ взглядовъ и какъ обозлить и напугаетъ «голубыхъ».

Вдругъ все это оказалось только фантазіей. Въмѣсто великаго дѣятеля прогресса, потрясателя основъ и государственнаго преступника, его третировали просто, какъ набуянившаго пьянчужку. Въ первую минуту ему даже захотѣлось наговорить кому нибудь дерзостей, поднять скандалъ и показать, кто онъ таковъ. Но въ полицейскомъ присутствіи никого еще не было: ни солиднаго, съ рыжими бакенами и грудью колесомъ пристава, ни его помощника, щеголеватого, съ черными, закрученными въ ниточку усиками, въ мундирѣ съ перехватомъ, придававшимъ ему почти женскія формы, самодовольнаго поручика, ни даже никого изъ околоточныхъ. Сидѣлъ только какой-то писецъ да стоялъ въ дверяхъ сторожъ-солдатъ съ заспанной и хмурой фізіономіей. Прокимнову все-таки не хотѣлось уходить, не внушивъ хотя бы этому писцу или сторожу, что и ихъ начальство, и они сами дураки, не умѣющіе отличить политическаго заговорщика отъ пьяницы. Неизвѣстно, къ чему бы повело такое заявленіе, но, къ счастью Прокимнова, онъ не привелъ его въ исполненіе, и причиной тому явилось зеркало, въ которомъ онъ случайно замѣтилъ свое отраженіе. Одно мгновеніе онъ думалъ, что это кто нибудь другой, только не онъ. Онъ увидѣлъ въ зеркалѣ огромнаго роста, съ всклокоченными волосами, съ распухшимъ и измятымъ лицомъ челоуѣка, одѣтаго въ крайне смѣшной и странный нарядъ. Шапку свою онъ потерялъ, и приходилось возвращаться домой безъ нея.

Онъ пожаловался на это обстоятельство сторожу, выпустившему его изъ кутузки, но тотъ равнодушно сказалъ:

— По дорогѣ зайдете, купите.

— Да у меня денегъ нѣтъ, — отвѣтилъ Прокимновъ.

— А денегъ нѣтъ, дойдете и такъ!

Прокимновъ не принадлежалъ къ числу людей, особенно привыкшихъ къ приличіямъ, а, выйдя на улицу, гдѣ почти не было народу, благодаря раннему утру, онъ скоро забылъ про шапку и пришелъ въ хорошемъ расположеніи духа въ «Голубятню», гдѣ, однако, поостерегся рассказать, какъ отнеслись къ нему въ кварталѣ, и гдѣ встрѣтили его съ отѣнкомъ торжественной почтительности.

Впрочемъ, интересъ къ пострадавшимъ скоро охладѣлъ, привлеченный новымъ событіемъ, исчезновеніемъ Троглодита. Дѣйствительно Троглодитъ исчезъ послѣ литературнаго вечера изъ «Голубятни», незамѣченный никѣмъ и неизвѣстно куда. Въ «Голубятнѣ» его больше не видали. Первые три дня «голубятники» не обращали на это вниманія, но потомъ стали беспокоиться. Тутьшинъ и Шупта взялись розыскивать бѣглеца, обѣгали всѣ

окрестные кабаки, но безуспѣшно: Троглодита и тамъ не видали уже нѣсколько дней, и такъ какъ всегда были люди, имѣвшіе въ немъ нужду, то оказалось, что и тутъ его поджидали съ нетерпѣніемъ.

Такой результатъ изумилъ даже «голубятниковъ», не говоря уже о Михайлычѣ, который совсѣмъ потерялъ голову. Обстоятельство было такое важное, что Михайлычъ, заглядывавшій въ аудиторію только въ рѣдкихъ случаяхъ, теперь то и дѣло заходилъ въ нее. Онъ останавливался у порога и только спрашивалъ:

— Не бываль?

— Не бываль,—отвѣчали ему.

Михайлычъ начиналъ размахивать руками и горячиться:

— Вотъ поди-жъ ты,—разсуждалъ онъ,—ну, что-жъ я теперь дѣлать долженъ? Не подать явки въ полицію никакъ невозможно. А подашь—ничего, окромѣ неудовольствія.

— Вы все-таки, Михайлычъ, не торопитесь, — убѣждали его «голубятники».—Онъ вернется. Что даромъ исторію-то заводить!

— Ахъ, други вы мои милые!—покачивая головой, говорилъ Михайлычъ.—Да вы-то подумайте, что вѣдь четыре дня прошло, а вѣдь я, по закону-то, на третій день обязанъ явку дать.

«Голубятники» и сами были встревожены. Въ исчезновеніи Троглодита они начинали усматривать что-то таинственное. Только и было разговора, что о немъ. Дѣлались предположенія, и на нѣкоторыхъ утвердились окончательно. Ушкина рассказала Антифоновой, что видѣла во снѣ Троглодита, будто онъ ѣдетъ на извозчикѣ и съ нимъ два жандарма съ саблями наголо. И хотя и та, и другая, какъ просвѣщенные женщины, снамъ не вѣрили, но обѣ увидѣли въ этомъ снѣ что-то знаменательное. Сны—снами, а предчувствія—предчувствіями.

Какъ-то утромъ прибѣжала въ «Голубятню» Шупта и, внѣ себя отъ волненія, объявила, что ходила на рынокъ за провизіей и что, когда она возвращалась домой, она видѣла, какъ по другой сторонѣ улицы вели Троглодита будочники, а впрочемъ, кажется, были и жандармы.

— Его забрали,—рѣшила «Голубятня».

— А вѣдь его, пожалуй, чего добраго, ужъ и на тотъ свѣтъ спровадили,—разсудилъ Кувичинскій.

Шупта пресерьезно рассказывала, что въ Москвѣ, гдѣ-то на окраинѣ есть подземная тюрьма, которой совершенно нельзя подозрѣвать, такъ она ловко спрятана.

— Ну, словомъ, гладкая земля, господа, и больше ничего.

Будто бы въ этой тюрьмѣ существуютъ такіе казематы, куда вталкиваютъ преступника, отъ котораго желаютъ избавиться. Едва онъ ступитъ на полъ, какъ полъ проваливается, и онъ падаетъ въ колодезь. Все это будто бы она слышала отъ Пугавина,

который упоминаетъ объ этомъ и въ одномъ изъ своихъ сочиненій, какъ очевидецъ. «Голубятники» ахали и пожимали плечами.

Когда явился Михайлычъ собрать свѣдѣнiя о бѣглецѣ и скавалъ, что пойдетъ въ полицію, «голубятники» энергично возстали.

— Послушайте, Михайлычъ, это, наконецъ, глупо!—разсуждали они.—Они же его сами сцапали, а вы пойдете имъ докладывать о томъ, что его нѣтъ. Пожалуйста, не суйте къ нимъ своего носа!

— Да кто же видѣлъ, что забрали?—спрашивалъ Михайлычъ.

— Какъ кто видѣлъ? Всѣ наши видѣли,—утверждали «голубятники», у которыхъ всякая небылица быстро превращалась въ дѣйствительность.

— А все-таки надо пойти доложить,—говорилъ Михайлычъ.—Никакъ безъ этого нельзя. Потому—законъ. Завтра непременно пойду въ кварталъ.

Но ему не пришлось идти.

Вечеромъ, часовъ въ восемь, когда почти вся «Голубятня» была налицо за столомъ въ аудиторiи, и каждый занятъ былъ своимъ дѣломъ: кто пилъ чай, кто доѣдалъ оставшуюся послѣ обѣда похлебку,—вдругъ неожиданно появился Троглодитъ.

Его встрѣтили гробовымъ молчанiемъ. На него смотрѣли, выпуча глаза, раскрывъ ротъ, какъ на привидѣнiе, какъ на выходца съ того свѣта. Видъ его былъ ужасенъ и отчасти оправдывалъ такую встрѣчу.

Исиня-блѣдное, мертвое лицо его казалось еще блѣднѣе и мертвеннѣе. Онъ похудѣлъ и осунулся. Волосы его жидкими прядями липли къ потному лбу, колѣни тряслись, и весь онъ шатался изъ стороны въ сторону.

Медленно, колеблясь, какъ легкая ткань отъ дуновенiя вѣтра, не обращая ни на кого вниманiя, съ лицомъ и взоромъ лунатика, устремленнымъ прямо передъ собою и ничего не замѣчающимъ, онъ дошелъ до своей каморки, толкнулъ дверь и влѣзъ на козлы. Дверь сама съ тихимъ, плачевнымъ скрипомъ затворилась.

Голубятники молча переглянулись. Общее изумленiе было такъ велико, что не находилось словъ для его выраженiя.

Михайлычъ, узнавъ, что Троглодитъ возвратился, вздохнулъ полной грудью и даже перекрестился. Голубятники были тоже довольны, хотя къ ихъ удовольствию примѣшивалась нѣкоторая доля разочарованiя. И, въ самомъ дѣлѣ, человекъ сдѣлалъ героемъ, вообразили о немъ цѣлую легенду, похоронили его, и вдругъ онъ, какъ ни въ чемъ не бывало, является въ своемъ обычномъ видѣ.

Когда повднѣ пришли Шупта и Эдемская, на первую тотчасъ же всѣ напали.

— Ну, что вы тамъ вдали?—кричали на нее.—Разсказывали про Троглодита, что видѣли его въ лапахъ сбирровъ, а онъ явился живъ и здоровъ и, какъ всегда, пьянъ!

— Ничего я не наврала, — обиженно возражала Шупта. — Вот спросите ее, — она указала на Эдемскую, — я тогда съ рынка пришла сама не своя. Вотъ она видѣла. Да и съ какой стати мнѣ врать?

— Конечно, все наврала, — говорилъ Прокимновъ. — Что-жъ, его выпустили, что ли? Какъ же, держи карманъ! Выпустить одного такого.

— Да что вы ко мнѣ пристали! — рассердилась, наконецъ, Шупта. — Спросите его самого!

Ее тотчасъ же оставили въ покоѣ. Но добиться чего нибудь отъ Троглодита было трудно. Первый попробоваль узнать подробности его исчезновенія отъ него самого Михайлычъ. Но старанія его не увѣнчались успѣхомъ. Тщетно онъ расталкиваль Троглодита, встряхиваль его на койкѣ, обѣщаль облить его водой. Тотъ только мычалъ во снѣ. Наконецъ Михайлычъ оставилъ его въ покоѣ.

— Спать безъ просыпу, — рѣшилъ онъ. — И гдѣ только его такъ угостили? Пушай его проспится.

Прошла ночь и весь слѣдующій день. Время отъ времени кто нибудь изъ голубятниковъ заглядываль къ Троглодиту въ каморку и снова захлопываль ее. Въ ней неизмѣнно раздавался тяжелый, прерывистый храпъ крѣпко, но безпокойно спящаго человѣка.

Только къ вечеру въ каморкѣ послышался шорохъ, затрещали ковлы, заскрипѣла дверь, и Троглодитъ вылѣзъ изъ своего убѣжища въ аудиторію. Повидимому, онъ собирался уходить со двора: на головѣ его надѣтъ былъ рваный ватный картузь, на плечахъ накинутъ былъ разлѣзшійся неизвѣстнаго цвѣта пладъ. Молча, ни на что не глядя, онъ направился къ двери.

Прокимновъ вдругъ загородилъ ему дорогу.

— Да ты что? очумѣлъ, что ли, отъ водки? Чортъ! — обратился онъ къ нему.

Троглодитъ только сдѣлалъ движеніе рукой, какъ будто отмахивался отъ комара, и шагнулъ впередъ. Но Прокимновъ вторично остановилъ его.

— Нѣтъ, братъ, врешь, не уйдешь! Говори, гдѣ ты пропадалъ?

Троглодитъ угрюмо мотнулъ головой.

Подошли и другіе «голубятники» и окружили ихъ. Всѣхъ интересовало знать, скажетъ ли что нибудь Троглодитъ, и если скажетъ, то что именно.

Особенно волновался Кувичинскій. Онъ такъ и подпрыгиваль вокругъ Троглодита и Прокимнова, какъ маленькая моська, заигравающая съ большимъ псомъ.

— Послушайте, Троглодитъ, правду говоритъ Шупта, что будто видѣла, какъ вы шли по улицѣ съ жандармами? Пожалуйста, отвѣчайте.

На лицѣ Троглодита вдругъ выразилось что-то похожее на лю-

бопытство. Онъ широко раскрылъ глаза и устремилъ ихъ на Кувичинскаго.

— Правда, правда? — приставалъ тотъ, между тѣмъ какъ всѣ «Голубятники» жадно всматривались въ лицо Троглодита.

— Отстаньте, — вдругъ проговорилъ тотъ.

— Но мы требуемъ объясненій! — вскричала Шупта.

— Вы обязаны объясниться! — визжалъ Кувичинскій.

— Объяснись, братъ, объяснись! — убѣждалъ Прокимновъ, кладя свою руку на плечо Троглодита и пригибая его къ землѣ.

Нѣсколько секундъ длилось молчаніе. Казалось, Троглодитъ что-то туго и тупо обдумывалъ. Вдругъ онъ принялъ значительный видъ и проговорилъ:

— Не могу... Молчаніе...

— Да почему не можешь, чортъ возьми? — заревѣлъ Прокимновъ.

Троглодитъ съ длинной усмѣшкой посмотрѣлъ на него.

— Тайна... Даль слово... — пролепеталъ онъ.

— Ну, такъ я и зналъ! — точно обрадовавшись, вскричалъ Шупта. — Подлецы вяли съ него слово, что онъ никому не скажетъ о томъ, что видѣлъ и слышалъ!

— Да, да, это вѣрно, — взволновались остальные. — Вѣдь такъ? Онъ угадалъ, Троглодитъ?

Троглодитъ молча наклонилъ голову.

— Вы опять туда, Троглодитъ? — робко спросила Шупта.

Всѣ замерли въ ожиданіи отвѣта.

Блѣдная улыбка скривила губы Троглодита. Онъ вдругъ махнулъ рукой и рѣшительно двинулся къ двери. Всѣ безмолвно разступились передъ нимъ, но, уже занеся ногу черезъ порогъ, онъ остановился.

— Все будетъ кончено... скоро... Узнаете Троглодита, — вдругъ произнесъ онъ сдавленнымъ шепотомъ и скрылся за дверью.

«Голубятники» оцѣпенѣли отъ разнообразныхъ, волновавшихъ ихъ чувствъ, но черезъ нѣсколько минутъ всѣ уже шумѣли и говорили наперерывъ.

— Господа! — сказалъ Кувичинскій. — Какъ вы думаете, что это значитъ?

Шупта съ убѣжденіемъ отвѣтила:

— Я увѣренъ, что онъ больше не вернется! Они отпустили его подъ честное слово! Больше мы его не увидимъ!

— Зачѣмъ они его отпустили? — вырвалось у Эдемской, и одна и та же мысль мелькнула у всѣхъ голубятниковъ.

— Вы думаете, онъ выдастъ насъ? — рѣшился высказать ее Тутышкинъ.

— Нѣтъ! — рѣшительно произнесъ Прокимновъ и покачалъ головой. — Троглодитъ не такой человѣкъ! И потомъ, онъ не умѣетъ говорить.

Послѣдній доводъ подѣйствовалъ успокоительно на взбудораженные головы голубятниковъ. Но съ этого момента глухая тревога не покидала ихъ. Всѣ чего-то ждали, къ чему-то готовились и болѣе прежняго подозрительно косились не только на постороннихъ, но и другъ на друга.

Троглодить, однако, вернулся, какъ обыкновенно, на разсвѣтѣ и еще пьянѣе. За нимъ теперь слѣдили всѣ по какому-то обоюдному, невысказанному, но всѣмъ понятному соглашенію.

Особенное рвеніе выказали Кувичинскій и Тутышкинъ, хотя каждый исходилъ изъ различныхъ, ему свойственныхъ, мотивовъ. Тутышкинъ весь горѣлъ желаніемъ проникнуть тайну, на которую намекалъ Троглодить, и если окажется измѣна, а онъ убѣжденъ былъ, что тутъ непременно есть измѣна, раскрыть ее и жестоко наказать шпіона.

Кувичинскаго занимала иная мысль. Онъ тоже боялся предательства и шпіонства. Но по столько, по сколько оно могло быть опасно для него. Подобно крысѣ, инстинктомъ догадывающейся о предстоящей гибели корабля и спѣшащей покинуть его, и Кувичинскій уже подумывалъ о томъ, какъ бы разстаться съ «Голубятней» и поселиться въ другомъ, не такомъ опасномъ мѣстѣ.

Кюзель мало интересовался этой исторіей съ Троглодитомъ и хорошенько не могъ понять, чего ужъ такъ испугались голубятники. На его взглядъ Троглодить просто запилъ, какъ это случилось съ нимъ и раньше, и страхи голубятниковъ казались ему преувеличенными. Его гораздо болѣе занимало его собственное положеніе. Переводъ онъ кончилъ, но денегъ на его долю пришлось совсѣмъ не такъ много, какъ обѣщала Прокимовъ, да и тѣ, что пришлось, онъ успѣлъ перебрать по мелочамъ. Другой работы не находилось. А между тѣмъ многія изъ его вещей успѣли пропасть въ закладѣ; Михайлычу онъ не только задолжалъ за квартиру и столъ, но не разъ занималъ у него или у Анеисы мелочью, когда пятнадцать, когда двадцать копеекъ.

И Анеиса и Михайлычъ давали ему охотно, кормили и поили его, зазывали къ себѣ и взаимно заставляли его выслушивать ихъ разсужденія, давали ему совѣты и вообще по отношенію къ нему усвоили себѣ отеческій, иногда шокировавшій Кюзеля, тонъ.

Но и самъ онъ привыкъ къ нимъ и, наконецъ, не могъ обойтись безъ нихъ.

«Голубятники» пугали его, и онъ инстинктивно искалъ себѣ защиты у Михайлыча.

Въ каморкѣ послѣдняго было какъ-то теплѣе и свѣтлѣе. Тамъ велись мирные разговоры, кипѣлъ большой пузатый самоваръ, окруженный разными атрибутами чаепитія, въ видѣ связки бубликовъ, лимона или леденцовъ, которые очень любила Маша, и на всемъ

лежала печать семейственности, которая невольно манила Кюзеля, утомленнаго бездомной, безалаберной жизнью.

Было и еще одно обстоятельство, привлекавшее его. Маша, которая сначала мало говорила съ нимъ, жеманилась и поджимала губы, понемногу перестала его дичиться, и они сблизились.

Онъ разглядѣлъ въ ней добрую и неглупую дѣвушку. Правда она была не образована, не развита и о множествѣ вещей не имѣла понятія. Но это только увеличивало ея прелесть въ глазахъ Кюзеля. Женщинъ онъ почти не зналъ. А курсистки или «студентки», какъ звали ихъ въ «Голубятнѣ», или женщины въ родѣ Евгении Михайловны и Ушкиной просто пугали его. Притомъ и развитіе, и образованіе ихъ на его взглядъ были не Богъ знаетъ какого высокаго качества, и онъ съ невольной непріязнью относился къ «дѣятельницамъ прогресса». Этого сорта женщины ему не нравились. Для него смутнымъ и прекраснымъ идеаломъ женщины являлась его покойная мать. Какъ она была непохожа на нихъ! Маша тоже не походила на нихъ. Она не получила ни воспитанія, ни образованія, какъ его мать. Но она тоже добрая, способная преданно и нѣжно заботиться о тѣхъ, кого она любитъ, скромная, тихая, женственная. И развѣ нельзя ее развить, образовывать ея умъ, обогатить его свѣдѣніями. Разумѣется, можно. Она молода, впечатлительна, умна и ужъ, конечно, не менѣе одарена, чѣмъ всѣ эти прогрессивныя чечетки, болтающія о высокихъ матеріяхъ, и въ сущности пустыя и до дикости одностороннія.

И Кюзель серьезно задумывался надъ тѣмъ, какъ бы развить и просвѣтить Машу.

Разъ онъ принесъ ей Бокля, рассказалъ ей все, что зналъ о немъ самъ, и послѣ горячихъ увѣреній, что «Цивилизація Англіи» есть лучшая изъ книгъ, и что ей, Машѣ, непременно слѣдуетъ познакомиться съ ней, оставилъ ее у нея.

Но Маша возвратила ему книгу черезъ день.

— Воля ваша, Иванъ Карлычъ, ничего не понимаю, — просто-душно призналась она: — мудрено что-то написано. Куда мнѣ! Вы ужъ мнѣ лучше чтонибудь романическое дайте.

Кюзель сначала было огорчился и дня два не затѣвалъ разговора о чтеніи.

Но потомъ вдругъ надумалъ дать Машѣ прочесть «Наканунѣ» Тургенева. На этотъ разъ книга пришлась ей по душѣ. Она очень хвалила ее Кюзелю и сожалѣла только о томъ, что конецъ такой печальный. Она даже вывела изъ этого романа мораль, которая удивила Кюзеля своею неожиданностью.

— Вотъ что значить родителей-то не почитать, — сказала она: — она думала будетъ за нимъ счастлива, анъ Богъ-то и наказалъ. Не успѣла выйти замужъ, какъ овдовѣла.

— Дѣло не въ томъ, Марья Ивановна, — попробовалъ объяснить

ей Кюзель и принялся толковать о свободѣ, о братствѣ народовъ и т. п.

Но Маша плохо поняла его и оборвала его разсужденія почти въ самомъ началѣ словами:

— А вѣдь за меня женихъ сватается, Иванъ Карлычъ. Нашъ лавочникъ, мелочникъ. Только мнѣ идти неохота!

— Разумѣется, не выходите!—горячо сказалъ Кюзель.—За лавочника! Это невозможно. Развѣ лавочникъ вамъ пара?

— Да нѣтъ, что-жъ! Онъ человѣкъ хорошій. Папенъка его даже очень одобряетъ,—возразила Маша. — И состоятельный человѣкъ: ужъ за нимъ жена нужды не увидитъ. А только онъ, Иванъ Карлычъ, вдовый, и дѣтей у него куча. Вотъ мнѣ и боязно на дѣтей-то идти. Смаешься.

— И не ходите,—убѣждалъ Кюзель.

Между тѣмъ Ушкину и Пугавина выпустили.

Первая тотчасъ же явилась въ «Голубятню». Она, вся сіяя гордостью, съ упоеніемъ разглагольствовала о дняхъ своего плѣненія и объявила, что непременно издастъ свои воспоминанія, въ которыхъ опишетъ всѣ знакомыя ей мѣста заключенія.

Исторія Троглодита, которую она съ дополненіями и прикрасами уже слышала отъ Антифоновой, ей пришлась какъ нельзя болѣе по вкусу. Она тотчасъ же и съ искреннимъ убѣжденіемъ стала раздѣлять на этотъ счетъ взгляды голубятниковъ, и хотя, какъ и Прокимовъ, считала Троглодита неспособнымъ на низкую измѣну, дала все-таки совѣтъ на всякій случай остерегаться.

И голубятники остерегались, хотя въ сущности остерегаться было нечего. Поведеніе Троглодита не обнаруживало ничего новаго, такого, чего раньше нельзя было бы за нимъ замѣтить.

Только пить онъ сталъ еще больше, да лицо его выглядѣло угрюмѣе обыкновеннаго, а глаза блуждали, какъ у безумца.

Но, разъ сочинивъ басню, голубятники уже не могли отказаться отъ нея и упорно продолжали вѣрить ей и старались убѣдить невѣрующихъ въ томъ, что Троглодитъ «попалъ въ передѣлку къ голубымъ», и что неизвѣстно еще, сумѣетъ ли онъ съ честью выйти изъ этой передѣлки.

Можетъ быть, такое настроеніе отчасти объяснялось и предчувствіемъ, инстинктивной, смутной догадкой, что въ жизни голубятниковъ наступаетъ рѣшительный переломъ, и что главной, хотя и невольной причиной его явится Троглодитъ.

«Голубятниками» овладѣло лихорадочное возбужденіе. Они жили въ постоянномъ волненіи, въ предвкушеніи какого-то событія, неизбѣжной и страшной катастрофы.

И они не обманывались.

Гроза внезапно разразилась надъ ихъ головами, и «голубятники» погибли жертвами слѣпотаго случая и своей дикости.

VIII.

Было восемь часовъ утра. Яркое весеннее солнце заливало улицы и играло въ лужахъ и въ канавахъ у тротуаровъ. Снѣгу было мало, и только грязные сугробы его, долежавшіе до сихъ поръ, благодаря патриархальности московскихъ обычаевъ, напоминали о зимѣ.

Въ это время утра «Голубятня» обыкновенно еще спала крѣпкимъ сномъ.

Какъ извѣстно читателю, «голубятники» были полуночники, засиживались иногда до разсвѣта, и потому утро начиналось у нихъ поздно.

Раньше всѣхъ вставалъ обыкновенно Тутышкинъ и, вставъ, тотчасъ же исчезалъ на поиски за какимъ нибудь происшествіемъ дня, которое онъ снѣшилъ доставить въ редакцію. Но и съ тѣмъ это случалось обыкновенно не ранѣе десяти часовъ утра тѣмъ болѣе, что только къ этому времени начинала просыпаться обывательская жизнь.

Что же касается Троглодита, то тотъ вылѣзалъ изъ своей каморки только часамъ къ четыремъ, а иногда не показывался и цѣлый день.

Прокимовъ, если только у него не было письменной работы, одинаково проводилъ какъ день, такъ и ночь: ложился, когда ему вздумается, вставалъ, если надоѣдало лежать, и, пошатавшись безъ дѣла по «Голубятнѣ», укладывался снова.

Михайлычъ подымался со всей семьей рано: утро у Анеисы было особенно хлопотливо. Но до голубятниковъ это не касалось.

На этотъ разъ ихъ обычное спокойствіе было неожиданно нарушено. Явилась Косиченко, необыкновенно взволнованная и встревоженная, и, едва вошла въ аудиторію, закричала:

— Господа! да вы никакъ дрыхнете? Прокимовъ! Троглодитъ!

Ей никто не отвѣтилъ. Изъ своей каморки показался Михайлычъ и угрюмо проговорилъ:

— Спать еще. Чего кричите-то? Какая надобность?

— Ахъ, Господи! — воскликнула Косиченко. — Но развѣ вы ничего не знаете, Михайлычъ? Царя убили! Это ужасно, ужасно!

Михайлычъ выпучилъ глаза и смотрѣлъ на Косиченку, какъ на сумасшедшую.

— Да будите же ихъ! — продолжала она.

— Какъ такъ убили? Непонятно! — проговорилъ наконецъ Михайлычъ.

— Ахъ, Боже мой, вотъ удивительные люди! Сидятъ въ своей мурьѣ и ничего не знаютъ!

И она бросилась къ двери Прокимова и застучала въ нее кулаками.

— Ну, какой чортъ тамъ ломится? — проговорилъ наконецъ Прокимовъ, разбуженный стукомъ.

Михайлычъ постоялъ, постоялъ въ недоумѣннн, потомъ вдругъ бросился въ каморку, захватилъ съ гвоздя свою шапку и молча, толкнувъ подъ бокъ еще лежавшую въ постели Машу, побѣжалъ къ воротамъ.

«Голубятни» начала подниматься.

Косиченко рассказывала, захлебываясь отъ волненія, въ какомъ-то небываломъ азартѣ и оживленн.

Голубятники были поражены. Они разводили руками, нѣкоторые вслѣдъ за Косиченко повторяли:

— Это ужасно! Это чортъ знаетъ что, господа!

Всѣ были въ недоумѣнн, всѣми овладѣлъ необъяснимый страхъ, всѣмъ было какъ-то не по себѣ, всѣ ощущали какую-то неловкость.

— Да вы не ошибаетесь, Косиченко? — спросилъ Тутышкинъ.

— Вотъ еще! На улицахъ вездѣ бюллетени расклеены, въ колокола звонятъ!

«Голубятники» продолжали недоумѣвать. Они были такъ растеряны, что не могли ничего сообразить и даже не находились, что сказать. Первый пришелъ въ себя Прокимовъ, и онъ же сразу далъ настоящнй тонъ всѣмъ тѣмъ рѣчамъ, которыя потомъ неудержимо полились въ «Голубятнѣ».

— Началось! — проговорилъ онъ.

Это слово было точно сигналомъ. Вся «Голубятни» встрепенулась, какъ одинъ человѣкъ. Даже Кюзель, стоявшнй особнякомъ, вдругъ почувствовалъ, что онъ составляетъ съ «Голубятней» одно цѣлое, если не потому, что раздѣляетъ ея убѣжденн, то уже потому, что и имъ, какъ всѣми его товарищами, овладѣлъ тотъ страхъ за свою шкуру, какой вообще былъ свойственъ «голубятникамъ». Но къ этому примѣшивалось еще и другое чувство.

— Это звѣрство! Это чудовищно! — вдругъ проговорилъ онъ, неожиданно уступая приливу негодованн и жалости, охватившихъ его.

Прокимовъ презрительно скосилъ глаза въ его сторону и медленно перевелъ имъ потомъ на Кувичинскаго, растеряннаго и поблѣднвшаго.

— Эхъ, вы, тряпки! — сказалъ онъ. — Вотъ и надѣйся на васъ! Хорошо еще, что вы ничего не знали, а то навѣрно до времени бы все разболтали.

Кувичинскнй вдругъ бросился къ нему.

— А вы? Вы знали, Прокимовъ? — съ неудержимымъ любопытствомъ выкрикнулъ онъ, между тѣмъ какъ лицо его дергала нервная судорога.

Прокимовъ многозначительно оглядѣлъ собранн.

— А вамъ какое дѣло? Если бы и зналъ, не сталъ бы вамъ рассказывать!

«Голубятники» подозрительно переглядывались другъ съ другомъ. Каждому хотѣлось прочесть на лицѣ другаго, что онъ зналъ объ этомъ и не сказалъ.

— Это не потоварищески,—взволновался Шупта.

Но Прокимновъ огрызнулся на него:

— Ну, да! Мало было случаевъ, когда проклятые шиши выдавали все дѣло?

Кувичинскій продолжалъ увиваться около него, охваченный тревогой.

— Но признайтесь, Прокимновъ, вѣдь вы знали, знали? Вѣдь теперь ужъ все кончено,—приставалъ онъ:—скажите, вы знали?

— Зналъ,—произнесъ, наконецъ, Прокимновъ и въ эту минуту, кажется, и самъ былъ убѣжденъ, что зналъ.

— А вы, Шупта?—не унимался Кувичинскій.

Но простодушный Шупта не умѣлъ играть роли, какъ Прокимновъ, и отвѣтилъ:

— Ей-Богу, въ первый разъ слышу! Чортъ ихъ разберетъ!

— Ну, ужъ Троглодитъ, навѣрно, зналъ,—догадался Кувичинскій.

Кюзель вдругъ хлопнулъ себя по лбу.

— Троглодитъ зналъ!—вскричалъ онъ съ убѣжденіемъ.—Онъ зналъ, господа! И я зналъ, потому что онъ мнѣ объ этомъ говорилъ, и настойчиво говорилъ. Но только я ничего не понималъ.

Это заявленіе Кюзюля до того изумило Прокимнова, что онъ даже измѣнился въ лицѣ, и, совершенно забывъ о томъ, что говорилъ нѣсколько минутъ назадъ, онъ бросился на Кюзеля, схватилъ его за шиворотъ и, тряхнувъ его такъ, что тому показалось, что онъ разстается съ жизнью, не своимъ голосомъ заревѣлъ:

— Да чего же вы молчали, дьяволъ васъ дери?

Можетъ быть, Кюзелю пришлось бы и очень плохо, но въ эту минуту въ дверяхъ показался Михайлычъ, разстроенный и безъ шапки. Онъ широко перекрестился и дрожащимъ голосомъ произнесъ:

— Царство ему небесное! Убили злодѣи проклятые!

На него почти не обратили вниманія.

Михайлычъ постоялъ, посмотрѣлъ, заглянулъ въ каморку, но, не найдя тамъ ни Анеисы, ни Маши и горя желаніемъ подѣлиться своими впечатлѣніями, рѣшилъ снова отправиться къ воротамъ. Но ему не удалось.

Пораженная словами Кюзеля, вся «Голубятня», какъ одинъ человекъ, двинулась къ чулану Троглодита. Всѣ вдругъ получили чрезвычайную увѣренность, что въ этомъ дѣлѣ больше всѣхъ знаетъ

именно Троглодитъ, что онъ одинъ можетъ разъяснить все. Прокимновъ первый распахнулъ дверь чулана и по привычкѣ протянулъ руку, чтобы ощупать на постели ноги Троглодита. Но онъ тотчасъ убѣдился, что на постели никого не было. Въ каморкѣ было такъ темно, что ничего невозможно было разглядѣть.

— Его нѣтъ, господа!—съ разочарованіемъ проговорилъ онъ.

— Не можетъ быть!—сказалъ Кувичинскій.—Значить, онъ ушелъ чѣмъ свѣтъ. Вчера онъ вернулся при мнѣ. Я это отлично помню. Я еще удивился, что онъ не пьянъ.

— Да, да,—подтвердилъ Тутышкинъ.—Я тоже съ нимъ говорилъ на галдарейкѣ. Онъ дѣйствительно не былъ пьянъ.

— Такъ вѣдь не спрятался же онъ, господа, подь койку,—сказалъ Прокимновъ.

Кувичинскій догадался вынуть изъ кармана спички.

Огонекъ на мгновение освѣтилъ темный уголь, и въ глубинѣ его открылось что-то до такой степени ужасное, неожиданное, что «голубятники» невольно отступили назадъ. Спичка моментально погасла, и каждому показалось, что ему только померещилось. Съ изумленіемъ и ужасомъ «голубятники» переглядывались другъ съ другомъ. Косиченко, стоявшая сзади всѣхъ, сжигаемая любопытствомъ, протолкалась впередъ.

— Да что такое, господа? Почему у васъ у всѣхъ такія опрокинутыя фізіономіи. Что съ Троглодитомъ?

Никто не отвѣтилъ ей, «голубятники» невольно пятились дальше отъ двери. Кувичинскій, еще болѣе поблѣднѣвшій, вдругъ крикнулъ:

— Это, наконецъ, глупо, Троглодитъ! Что вы тамъ прячетесь въ своемъ углу?

Разумнѣе всѣхъ оказался Кюзель.

— Господа!—сказалъ онъ:—надо зажечь лампу и посмотрѣть, что тамъ дѣлается!

Его совѣту тотчасъ же послѣдовали. Какъ извѣстно, въ каморку нельзя было войти, потому что дверь едва отворилась, и надо было влѣзть на койку. Лампу поставили на козлы и тогда увидали всѣ то, что только мелькомъ явилось при свѣтѣ спички. Троглодитъ какъ-то странно, на-корточкахъ, сидѣлъ въ заднемъ углу, какъ разъ подь крышей, скорчившись и неестественно отклонивъ назадъ голову. Зубы его были оскалены, и въ первую минуту можно было подумать, что онъ язвительно смѣется. Но уже въ слѣдующій моментъ не оставалось никакого сомнѣнія, что это—мертвое лицо, что оно искажено смертью, и что эта улыбка—гримаса мертвеца.

— Съ нимъ ударъ, господа,—шепотомъ предположилъ Кувичинскій.

Всѣ продолжали жаться къ дверямъ, просовывая въ чуланъ головы. Но никто не рѣшался влѣзть на койку и подойти ближе.

Михайлычъ, собиравшійся уходить, замѣтивъ, что въ аудиторіи происходитъ что-то неладное, тоже подошелъ и заглянулъ въ каморку. На лицѣ его тоже изобразился ужасъ. Затѣмъ онъ перекрестился, растолкалъ голубятниковъ, забрался на койку и тотчасъ же понялъ все.

— Вотъ еще грѣхъ-то,—проговорилъ онъ.—Ахъ, Создатель! И съ чего это онъ? Придется въ полицію идти!

— Затѣмъ въ полицію, Михайлычъ? Почему въ полицію?—заговорили «голубятники».

— Нешто не видите? Удавился человѣкъ! Въ участіѣ безпремѣнно надо сказать! Ахъ, ты, Создатель!

«Голубятники» въ молчаливомъ ужасѣ выслушали заключеніе Михайлыча. Узкій ремень туго стягивалъ шею Троглодита, и теперь она казалась еще тоньше и длиннѣе, а жилы на ней вздулись и почернѣли.

«Голубятники» не выражали сожалѣнія и даже перестали удивляться. Одна общая имъ всѣмъ почти мистическая мысль всецѣло завладѣла ими. Они были убѣждены, что между предыдущимъ извѣстіемъ и этимъ событіемъ есть связь. Они ощущали ее, они ясно видѣли ее, глубоко вѣрили въ ея существованіе и только спрашивали себя: какъ это они ничего не знали, какимъ образомъ ихъ обошли въ такомъ важномъ дѣлѣ.

Но въ послѣднемъ обстоятельствѣ они признавались себѣ только про себя. Каждому хотѣлось показать, что онъ знаетъ больше товарищей, что онъ ожидалъ того, что случилось, и что онъ поддерживаетъ сношенія съ «тамошними», съ петербургскими. Эта мысль до того овладѣла всѣми, что первое время они не могли ни о чемъ другомъ думать.

— Господа!—сказалъ, наконецъ, Шупта,—вѣдь его надо вынуть изъ петли. Онъ, можетъ быть, еще очнется.

Они тотчасъ же стали приводить въ исполненіе это намѣреніе, не заботясь о словахъ Михайлыча, котораго онъ бросилъ имъ уходя:

— Смотрите, до полиціи ничего не трожьте!

Они разорили козлы, по частямъ вытащили ихъ въ аудиторію и такимъ образомъ сдѣлали доступъ въ каморку удобнымъ. Это было дѣломъ одной минуты. Затѣмъ Прокимовъ и Шупта бросились къ удавленнику и стали освобождать его изъ петли. Это было не такъ-то легко. Ремень былъ туго завязанъ въ ввернутомъ въ потолокъ кольцѣ, а мертвая петля такъ плотно охватывала шею, что невозможно было растянуть ее.

Прокимовъ, наконецъ, рванулъ кольцо и выдернулъ его. Ослабили петлю и вытащили Троглодита въ аудиторію. Его губы съ оскаленнымъ рядомъ зубовъ продолжали улыбаться. «Голубятники» скоро убѣдились, что нѣтъ никакой надежды на его спасе-

ніе, и недоумѣвающей, испуганной толпой стѣснились вокругъ трупa.

Видъ его точно приковалъ ихъ къ себѣ. Никто не думалъ уходить, всѣ забыли про свои дѣла. Снѣдаемые непонятнымъ любопытствомъ, точно очарованные ужасомъ этой насильственной внезапной и безобразной смерти, они похожи были на стадо барановъ, которое бессмысленно топчется вокругъ зарѣзаннаго своего собрата.

Шумъ шаговъ и посторонній говоръ вывелъ ихъ изъ оцѣпѣннѣнія. Михайлычъ возвращался съ полицейскими.

— Эхъ,—сказалъ онъ, едва замѣтивъ, что трупъ Троглодита уже перенесенъ въ аудиторію.—Вѣдь говорилъ я вамъ: не трогать!

Но его успокоилъ приставъ, въ которомъ Кюзель тотчасъ же узналъ того самого богатырски сложеннаго, съ грудью колесомъ, съ рыжими бакенбардами и съ внушительнымъ басомъ мужчину, которымъ онъ любовался на вечерѣ въ Кредитномъ Обществѣ.

Началось составленіе протокола. Въ чуланѣ производили тщательный обыскъ. Полиція въ этотъ день настроена была чрезвычайно подозрительно и проявляла особую проникательность, а «голубятники» къ своему несчастію настроены были такъ, что могли развѣ не только удвоить,—удесятерить эту подозрительность. Сначала допросъ свидѣтелей и поверхностный обзоръ трупa не дали никакихъ особенныхъ результатовъ. Но мало-по-малу дѣло становилось все серьезнѣе и серьезнѣе. Казалось, эти двѣ враждебныя стороны, полиція и «голубятники», взаимно гипнотизировали другъ друга, и чѣмъ больше полиція выказывала недовѣрія, тѣмъ «голубятники» становились неосторожнѣе и, можно сказать, сами лѣзли головой въ петлю. На вопросъ, напримѣръ, пристава: какого характера былъ самоубійца? Прокимовъ съ необыкновеннымъ апломбомъ и даже со злобой заявилъ, что Троглодитъ чловѣкъ былъ честныхъ убѣжденій и стоялъ на уровнѣ всѣхъ мыслящихъ людей въ Россіи. Остальные подтвердили его слова, при чемъ всѣ хмурились и были необыкновенно серьезны.

Спросили ихъ также: не замѣчали ли они, чтобы самоубійца незадолго до своей смерти находился въ мрачномъ настроеніи духа и не задумывался ли онъ?

На это Прокимовъ, вдругъ еще болѣе озлобившійся и лѣзшій впередъ, объявилъ, что, разумѣется, задумывался, какъ и всѣ честные люди, надъ судьбами Россіи, и что ему, Прокимову, это кажется настолько естественнымъ, что онъ не находитъ въ этомъ ничего удивительнаго.

«Голубятники» и тутъ поддержали его сочувственнымъ гуломъ.

Михайлычъ, у котораго приставъ тоже потребовалъ разъясненій насчетъ характера и образа жизни покойнаго, заявилъ, что «характеромъ онъ былъ смиренъ, но что пилъ онъ ужаси сколько,

можно даже сказать, до помраченія разсудка, и что, пожалуй, въ пьяномъ видѣ и покончилъ съ собою».

«Голубятники», возмущенные такимъ отзывомъ, тотчасъ же начали доказывать, что все это вздоръ, что если Троглодитъ и пилъ, то это ничего не доказываетъ. Напротивъ, «пьянъ да уменъ — два угодья въ немъ».

— Да кто же, скажите, въ наше смутное время изъ честныхъ людей не пьеть, хотя бы съ горя! Если же Троглодитъ и покончилъ съ собой, то вполнѣ сознательно, какъ честный человекъ и безукоризненный гражданинъ, въ глубокомъ убѣжденіи, что его политическая роль сыграна, и что ему слѣдуетъ уступить мѣсто новымъ борцамъ!

И это записали. Въ карманахъ покойника нашли коробку спичекъ, три измятыхъ папироски, платокъ, до того грязный и затертый, что приняли его сначала за тряпку, и записную книжку. Въ книжку заглянули только мелькомъ.

Но уже первая ея страничка показалась подозрительной. На ней крупными буквами и, очевидно, недавно написано было слѣдующее:

«Милый другъ! я умираю
Отъ того, что былъ я честенъ!
Но за то родному краю
Вѣрно буду я явственъ!
Милый другъ, я умираю,
Но спокоенъ я душою
И тебѣ я завѣщаю:
Шествуй тою же стопою!»

А внизу было подписано:

«1-го марта 1881 года свершится великое дѣло. Рука храбраго не дрогнетъ, и страхъ мученій рѣшимости не поколеблетъ».

Перерыли и самымъ тщательнымъ образомъ изслѣдовали каморку Троглодита. По угламъ, подъ потолкомъ нашли такіе вороха паутины, что ея количество казалось просто невѣроятнымъ. Но надо было принять въ соображеніе то, что Троглодитова каморка года два не видала ни метлы, ни щетки. Въ углу, подъ козлами валялась куча разныхъ бумагъ. Тутъ были и старыя лекціи, и какой-то дневникъ, и книжка запрещенныхъ стихотвореній лейпцигскаго изданія, двѣ-три прокламаціи, такія старинныя, что представляли библиографическую рѣдкость. Нашли также толстую синюю тетрадь, на обложкѣ которой красовалось слѣдующее заглавіе: «Проектъ примѣрной всероссійской коммуны съ точки зрѣнія спеціальныхъ нуждъ Россіи».

— А это что такое?—воскликнулъ вдругъ одинъ изъ полицейскихъ.

На двери каморки сзади прикрѣплена была чернымъ хлѣбомъ

четвертушка бумаги, на которой крупнымъ и красивымъ почеркомъ, съ очевиднымъ стараніемъ, было выведено:

«Въ смерти моей прошу никого не винить, кромѣ тираніи. Бывшій студентъ Московскаго университета А. Викентьевъ».

«Голубятники» угрюмо слѣдили за процедурой составленія протокола и опроса присутствующихъ, нетерпѣливо ожидая, когда уйдутъ полицейскіе.

Но они не спѣшили уходить. Они расположились вокругъ стола въ аудиторіи и, повидимому, чувствовали себя, какъ дома.

Только докторъ да одинъ изъ околоточныхъ удалились, да городовые увезли трупъ Троглодита. Всѣ остальные разговаривали, не обращая ни малѣйшаго вниманія на «голубятниковъ», которые жались въ кучу около каморки покойнаго Троглодита, не зная, за что приняться, злобно косясь на полицейскихъ и переглядываясь другъ съ другомъ.

Внезапно послышался звонъ шпоръ, и въ комнату вошли жандармы.

— Голубые! — внѣ себя выкрикнулъ вдругъ Кувичинскій, потерявъ голову отъ страха.

«Голубятники» всѣ безъ исключенія были арестованы и увезены, а въ «Голубятнѣ» произведенъ былъ повальный обыскъ.

Юрченко на свое счастье избѣгъ участи, постигшей его товарищей. Онъ на другой же день послѣ вечера перебрался къ Полуудовой, которая великодушно простила его.

Но Кюзеля судьба не пощадила. Въ душѣ онъ чувствовалъ себя невиннымъ и зналъ, что противъ него нѣтъ и не можетъ быть вѣскихъ уликъ, и тѣмъ не менѣе сердце его разрывалось отъ тоски. Когда всѣ «голубятники», предшествуемые и сопровождаемые жандармами, проходили мимо каморки Михайлыча, Кюзель замѣтилъ на порогѣ Машу.

На глазахъ ея блестяли слезы.

Онъ видѣлъ, какъ она подняла руку и перекрестила его, и взоръ его съ отрадой остановился на этой дѣвушкѣ, которая, онъ зналъ это, жалѣетъ его и будетъ тревожиться объ его участи и ждать о немъ вѣстей. Онъ вдругъ почувствовалъ, что она дорога и мила ему, и съ глубокой признательностью принялъ ея напутственное благословеніе.

Много разъ потомъ, сидя въ предварительномъ заключеніи, онъ съ необыкновенной живостью вспоминалъ этотъ ужасный въ его жизни день, и всегда ярко и тепло, какъ солнечный лучъ, разгоняющій мракъ и холодъ ночи, рисовался передъ нимъ образъ круглолицой простодушной Маши, посылающей ему благословеніе, и тогда ему дышалось легче, и онъ начиналъ надѣяться.

Антифоновы узнали объ участи «голубятниковъ» только вечеромъ отъ Ушкиной, которая прибѣжала сообщить имъ эту новость.

Она явилась въ черномъ платьѣ и въ длинномъ креповомъ вуалѣ.

— Вѣра Трофимовна,—всплеснула руками Евгенія Михайловна:—неужели вы въ траурѣ по случаю... событія?

Ушкина, какъ вошла, остановилась на порогѣ комнаты и заплѣла извѣстную въ этомъ кружкѣ пѣсню на мотивъ «Упокой, Господи, раба своего».

— Собирайтесь, братія, хоронить свободу...

Евгенія Михайловна тотчасъ же начала вторить ей, не спрашивая объясненій, но крайне заинтригованная. Между тѣмъ, Ушкина проливала слезы, растроганная похороннымъ мотивомъ.

Лонгинъ Семеновичъ невольно началъ подтягивать обѣимъ женщинамъ.

Прибѣжали на пѣніе изъ кухни дѣвочки и, разинувъ рты, остановились передъ старшими.

Кончивъ пѣть, Ушкина горячо заключила Евгенію Михайловну въ объятія и прерывающимся голосомъ, всхлипывая и отирая слезы, рассказала, что знала.

Ея сообщеніе произвело потрясающее впечатлѣніе.

— Теперь я понимаю, что значитъ вашъ трауръ!—воскликнула Антифонова.

— По... моимъ дорогимъ по-по-кой-никамъ! — всхлинула Ушкина и опять принялась перечислять всѣ подробности, извѣстныя ей.

— Вотъ увидите, до меня доберутся, ужъ я чую, что доберутся,—заключила она съ азартомъ, точно мысль о томъ, что до нея доберутся, приводила ее въ восторгъ.—Доберутся, меня не надуешь, я травленный волкъ. Это они пока только для отвода глазъ дѣлаютъ видъ, что обо мнѣ и не думаютъ, ходятъ вокругъ да около, а потомъ и спапаютъ.

Но она ошибалась. Ея не «спапали». О ней даже совѣтъ не вспомнили.

Зато «великаго писателя» на другой день арестовали. Впрочемъ его продержали недолго. Онъ сразу всѣхъ поразилъ своей странностью, а дня черезъ три явилъ признаки такого нервного разстройства, что его отправили въ Преображенскую больницу для умалишенныхъ, гдѣ доктора опредѣлили, что этотъ на видъ робкій и скромный человѣкъ страдаетъ въ сильнѣйшей степени манией величія. Онъ прожилъ въ больницѣ всего три недѣли. Тихое помѣшательство перешло въ острое, и послѣ одного изъ тяжелыхъ припадковъ онъ скончался, не придя въ сознаніе.

Евгенія Михайловна во все время болѣзни своего супруга ужасно волновалась, негодовала и убивалась. Но едва Лонгинъ Семеновичъ умеръ, она сразу успокоилась и даже сумѣла отыскать въ своемъ горѣ и свѣтлыя стороны.

Теперь ничто не препятствовало ей всецѣло отдаться культу почитанія генія своего покойнаго супруга. Лонгина Семеновича не было на лицо, не было и неизбежнаго разочарованія, поводовъ къ гнѣву и къ огорченіямъ, а прошлое смягчилось и приняло въ глазахъ Евгеніи Михайловны, какъ это обыкновенно бываетъ, совершенно иную окраску. Лонгинъ Семеновичъ при жизни иногда не выдерживалъ роли почитаемаго кумира, Лонгинъ Семеновичъ— покойникъ какъ нельзя лучше годился для этой роли. Евгенія Михайловна съ паэосомъ, съ самоуслажденіемъ распространялась теперь всюду и при всякомъ удобномъ случаѣ объ его удивительномъ талантѣ, о благородствѣ души, о значеніи его для Россіи, о томъ, какъ много онъ сдѣлалъ и какъ много могъ бы еще сдѣлать, еслибъ не смерть, преждевременно сразившая его.

Въ практическомъ смыслѣ жизнь для Евгеніи Михайловны стала даже легче. Начать съ того, что «Общество дѣятелей россійскаго слова и науки», входя въ ея положеніе и въ память заслугъ «великаго писателя», продолжало выдавать ей пенсію и даже увеличило размѣръ ея. Теперь Евгенія Михайловна ежемѣсячно получала пятьдесятъ рублей, и жилось ей въ общемъ значительно лучше, чѣмъ при Лонгинѣ Семеновичѣ.

Что касается «голубятниковъ», то о нихъ не было никакихъ свѣдѣній, и даже Ушкина, всюду имѣвшая знакомства и пользовавшаяся репутаціей «всезнайки», въ своемъ кругу на предлагаемые ей вопросы отвѣчала только:

— Сидятъ въ «предварилкѣ», а больше ничего не знаю.

Повдѣе она не говорила и этого. Она только отмахивалась и объявляла:

— Ничего, ничего не знаю.

Слѣдствіе по дѣлу «голубятниковъ» между тѣмъ производилось своимъ порядкомъ.

Его повели съ самаго начала очень энергично, и можно было надѣяться, что оно не затянется, но оно все осложнялось и начинало принимать невыгодный для подслѣдственныхъ оборотъ. И въ этомъ виноваты были сами «голубятники».

Каждый допросъ, каждая очная ставка влекли за собой новыя и новыя подробности, отягчавшія положеніе «голубятниковъ». Они сами взводили на себя небывалыя обвиненія, рисовали себя отъявленными, убѣжденными злодѣями и упорно, во что бы то ни стало, продолжали вѣрить въ то, что они призваны разрушить старый строй и создать новый, и въ своемъ фанатизмѣ старались увѣрить въ этомъ и другихъ, не заботясь о послѣдствіяхъ, или, вѣрнѣе, не отдавая себѣ въ нихъ отчета.

Одинъ только Кувичинскій думалъ о томъ, какъ бы выгородить себя, но и онъ дѣйствовалъ, какъ помѣшанный. Онъ до того

перетрусилъ, что выскочилъ изъ всякой мѣрки и производилъ на допросахъ жалкое и омерзительное впечатлѣніе.

Видѣ себя отъ страха онъ плакалъ, валялся въ ногахъ, умоляя пощадить его, и клялся, что выдастъ всѣхъ заговорщиковъ, если ему обѣщаютъ помилованіе.

Ему обѣщали, но скоро убѣдились, что ничего серьезнаго и дѣйствительно достойнаго вниманія отъ него ожидать нельзя. Онъ не только взвелъ на «голубятниковъ» самыя тяжкія обвиненія, но и приплелъ къ дѣлу совершенно невинныхъ людей, изъ которыхъ иныхъ зналъ только по фамиліи, между прочимъ, двухъ смирныхъ полячковъ, которые ни сномъ, ни духомъ не были ни въ чемъ замѣшаны.

Единственнымъ толковымъ и правдивымъ человѣкомъ былъ Кюзель. Онъ одинъ не путался, не выставлялъ себя и товарищей героями и не говорилъ громкихъ либеральныхъ фразъ. Просто и искренно онъ рассказалъ свою исторію и очертилъ «Голубятню» и ея жильцовъ, насколько онъ успѣлъ узнать и понять ихъ.

Его показанія пролили много свѣту на это темное дѣло. Никакихъ уликъ противъ него не было, и его освободили отъ дальнѣйшаго слѣдствія.

IX.

Когда Кюзелю объявили, что онъ свободенъ, онъ долго не хотѣлъ вѣрить. Со времени его ареста прошло три мѣсяца. Какъ часто и какъ горячо мечталъ онъ объ этомъ днѣ! И наконецъ онъ насталъ.

Лихорадочная, мучительная радость охватила все его существо, а сердце замирало въ сладкой тоскѣ. Хотѣлось смѣяться, а изъ глазъ лились слезы, горькія и счастливыя слезы изнывшей и усталой души.

Кто зналъ Кюзеля до катастрофы, тотъ съ трудомъ призналъ бы его теперь, такъ онъ измѣнился. Онъ сильно похудѣлъ и осунулся. Щеки его ввалились, глаза горѣли, борода и усы отросли и придали ему возмужалый видъ. Онъ весь точно выросъ и только отдаленно напоминалъ того бѣлокурого розоваго юношу, какимъ мы знали его раньше.

Очутившись на улицѣ, Кюзель машинально, не отдавая себѣ отчета, зашагалъ по направленію къ «Голубятнѣ». Да и куда же ему было идти, кромѣ «Голубятни»?

Онъ шелъ, ни о чемъ не думая, смутно воспринимая впечатлѣнія. Всѣ чувства, всѣ мысли его точно были задержаны туманомъ. По временамъ онъ поднималъ низко-опущенную голову, — онъ привыкъ за время своего заключенія опускать голову, — и удивленнымъ взглядомъ осматривался кругомъ.

Все казалось ему новымъ и необыкновеннымъ.

Когда его арестовали, весна была еще только въ самомъ началѣ, вездѣ лежалъ снѣгъ, и было холодно. Теперь все измѣнилось. Вездѣ зеленѣли деревья, пыль густымъ облакомъ летѣла по улицѣ, и яркое лѣтнее солнце съ голубаго, уходящаго въ высь, безоблачнаго неба горячо лобзало землю и накаляло дома и тротуары.

Кюзель продолжалъ идти, полный смутной тревоги, разсѣянно толкая встрѣчныхъ людей. Ощущеніе усталости все сильнѣе и сильнѣе овладѣвало имъ. Его все утомляло—и уличное движеніе, и грохотъ экипажей, и ослѣпительный блескъ солнца, и яркая зелень, и снующіе по всѣмъ направлѣніямъ люди. Было около полудня, и на улицѣ снова оживленная толпа.

Кюзель ускорилъ шаги. Вотъ и знакомый переулочекъ, вотъ, наконецъ, и домъ купца Сизова. Онъ вступилъ подъ ворота, и сердце его забилося. Не смотря на усталость, онъ почти побѣждалъ. Вотъ и деревянные мостки. Онъ—дома. И вдругъ онъ остановился пораженный, уничтоженный. Лѣстницы не было, галдарейка тоже была разрушена, и только наверху обитая рогожей дверь, крестьяна-крестъ заколоченная двумя досками, свидѣтельствовала о существовавшей когда-то за нею «Голубятнѣ».

Кюзель прислонился къ стѣнѣ и все смотрѣлъ, не будучи въ состояніи оторвать глазъ отъ роковой двери. Онъ похожъ былъ на птицу, которая, вернувшись на ночлегъ, находитъ гнѣздо свое разореннымъ, а себя лишенной пріюта.

— Иванъ Карлычъ!—вдругъ окликнулъ его знакомый голосъ, отъ котораго онъ затрепеталъ.

Въ открытое окно нижняго этажа, изъ-за кустовъ фуксіи и герани, на него смотрѣло миловидное личико Маши. Она ласково и весело улыбалась ему, а въ темныхъ глазахъ ея сіяла радость.

Охваченный волненіемъ онъ бросился къ окошку. Но Маша уже исчезла. Она побѣжала отворять дверь.

— А папенька съ маменькой,—говорила она, впуская гостя,—васъ ждали-ждали, да и ждать перестали. Видно, говорятъ, его ужъ не выпустятъ. А я все надѣялась: чуяло мое сердце, что вы вернетесь.

Кюзель присѣлъ на диванъ и оглядѣлъ комнату.

Какъ ни былъ онъ потрясенъ и измученъ, отъ него не укрылось, что обстановка, въ которой онъ нашелъ Михайлыча, значительно улучшилась. вмѣсто прежней каморки онъ занималъ квартиру. Комната, въ которой находился Кюзель, очевидно служила гостиной и заставлена была соотвѣтствующей недорогой мебелью. Въ открытыя двери видна была еще комната.

Маша подмѣтила взглядъ Кюзеля и сказала:

— Квартира-то отъ ховяина. Папенька этимъ домомъ теперь

управляетъ, а хозяйинъ въ новый домъ переѣхалъ. А мебель для меня купили. Замужъ хотять отдать. Мелочникъ-то все сватается.

Она улыбнулась.

Пришла изъ кухни Анеиса и всплеснула въ удивленіи руками.

— Господи! Да никакъ ты, сынокъ, вернулся?

И она обняла и расцѣловала Кюзеля.

— Да ты усталъ, поди, и поѣсть хочешь. Постой, я самоварчикъ поставлю. Машенька, собери чашки-то вотъ хоть на краюшкѣ, да и обѣдать накрывать пора: отецъ, небойсь, сейчасъ вернется.

Къ часу явился Михайлычъ. Онъ тоже обрадовался Кюзелю и радушно встрѣтилъ его.

— Стосковалась по тебѣ,—подмигнулъ онъ ему на Машу, сразу начавъ говорить ему ты: — все тебя поджидала. Женихъ тутъ за нее сватается хорошій, нейдетъ.

И Михайлычъ лукаво улыбнулся.

Кюзель былъ обрадованъ и тронутъ оказаннымъ ему приѣмомъ. Эти простые, недалекіе люди стали ему близкими и родными, и послѣ перенесенныхъ имъ испытаній онъ среди нихъ отдыхалъ, какъ въ своей семьѣ. Да другой семьи у него и не было. Онъ былъ совершенно одинокъ.

Весь день прошелъ въ безконечныхъ разговорахъ. Кюзель долженъ былъ съ мельчайшими подробностями рассказать всѣ свои приключенія, и только поздно вечеромъ Анеиса наконецъ настояла на томъ, чтобы всѣ разошлись и дали гостю покой. Рѣшено было, что Кюзель пока останется жить у Михайлыча. Маша уступила ему свою комнату около гостиной, а сама перешла въ темненькую къ старикамъ. Въ первый разъ послѣ долгихъ дней Кюзель заснулъ спокойнымъ и счастливымъ сномъ.

Прошло лѣто, и Кюзель поступилъ въ университетъ, гдѣ ему слѣдовало пробыть еще годъ.

Положеніе его въ семьѣ Михайлыча окончательно опредѣлилось. Онъ былъ женихомъ Маши, и по окончаніи курса предполагалась ихъ свадьба.

Михайлычъ, какъ человѣкъ практическій, скоро сообразилъ, что хотя Кюзель и голъ, какъ соколъ, но онъ представляетъ для его дочери куда болѣе завидную партію, чѣмъ лавочникъ, и не препятствовалъ сближенію молодыхъ людей. Мысль о томъ, что дочь его выйдетъ замужъ за доктора, тѣшила его самолюбіе, да и Кюзель ему нравился. Онъ даже рѣшилъ не скупиться въ такомъ случаѣ и объявилъ будущему зятю, что беретъ на себя устроить ихъ на первыхъ порахъ.

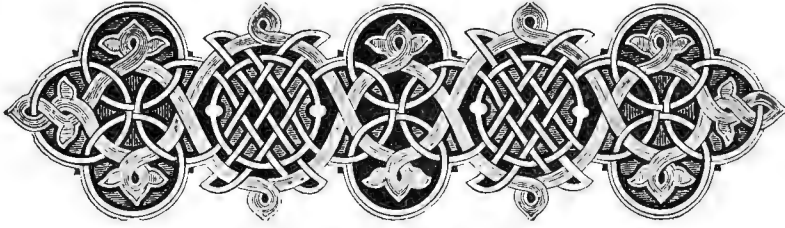
— Квартиру отдѣлаю вамъ въ лучшемъ видѣ, — говорилъ онъ: — потому доктору по нынѣшнимъ временамъ безъ обстановки никакъ невозможно. И за Машей въ приданое тыщеньки три дамъ. Живите!

Кювель усердно учился и въ свободное время развивалъ Машу, стараясь пополнить пробѣлъ въ ея воспитаніи. Но Бокля и Миля онъ ей не давалъ читать.

Послѣ испытанной имъ невзгоды онъ склоненъ былъ относиться съ предубѣжденіемъ къ этимъ, ни въ чемъ неповиннымъ, книгамъ, пользовавшимся такой блестящей репутаціей въ средѣ «голубятниковъ», никогда ихъ впрочемъ не читавшихъ.

Маркъ Басанинъ.

ПЕСТРЫЯ СТРАНИЧКИ¹⁾.

(Изъ литературныхъ воспоминаній).

IV.

Въ Москвѣ.

Литературная гостинница.—Черные дни.—Встрѣча съ С. А. Юрьевымъ.—Разсказы о его забывчивости и разсѣянности.—Московский Лейкинъ.—«Сатирическій Листокъ» и «Московская Газета» въ новыхъ рукахъ.—«Зритель» Давыдова.—«Современныя Иавѣстія» и Гиляровъ-Платоновъ.—И. Л. Пушкиревъ и его журналы «Мірскаго Толка» и «Свѣтъ и Тѣни».—Г. А. Хрущовъ-Сокольниковъ.—Путята и другіе сотрудники «Мірскаго Толка».—Л. Пальминъ.—Знакомство съ А. П. Чеховымъ; гипнотическіе и спиритическіе сеансы.—Братья Вернеры.—А. Д. Курепянъ.—У И. С. Аксакова.—«Россія» Уманца.—В. А. Скрипичинъ, Д. А. Линева, Н. П. Аксаковъ, С. Н. Филипповъ и В. Е. Ермиловъ.—Какъ я попалъ на удочку.—«Дѣтскій Отдыхъ».—Н. П. Ланинъ и «Русскій Курьеръ».—Докторъ-публицистъ В. П. Окорочковъ.—Мои изданія въ Москвѣ.—Молодые поэты.—В. М. Михеевъ и наша драма «Талантъ и деньги».—Н. И. Златовратскій.—Н. М. Ядринцевъ.—В. И. Немировичъ-Данченко и начало моего сотрудничества въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ».

— **Гдѣ остановитесь?**—спросилъ меня визави.

Онъ сѣлъ на Бологовской станціи и оказался очень разговорчивымъ человѣкомъ.

— Право, не знаю... Мнѣ все равно, только было бы удобно и не особенно дорого.

— Остановитесь въ «Лоскутной».

— Почему?

— Во-первыхъ—очень хорошая гостинница: образцовый порядокъ и чистота. А во-вторыхъ—это «литературная гостинница», если такъ позволено будетъ выразиться.

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», томъ LXII, стр. 464.

— Какъ «литературная»?

— Тамъ останавливается очень много литераторовъ... Я жилъ въ ней какъ-то: со мной въ одно время стояли Лѣсковъ, Лейкинъ и еще кто-то.

— Можетъ быть, случайно? Впрочемъ, я ничего не имѣю противъ «Лоскутной» и попробую остановиться въ ней.

Это было въ послѣднихъ числахъ февраля 1881 года. Съ тѣхъ поръ я всегда останавливаюсь въ «Лоскутной», которая дѣйствительно можетъ быть названа «излюбленной» литераторами. Когда бы вы ни пріѣхали; непременно «стоитъ» ктонибудь изъ пишущей брати. Здѣсь останавливался Ф. М. Достоевскій, почти постоянно — Лѣсковъ; ее же любятъ: Лейкинъ, Боборыкинъ, Ясинскій, Данченко, Тихоновъ, Гнѣдичъ... Если бы перечислить всѣхъ, кого я встрѣчалъ въ «Лоскутной» въ мои разновременныя остановки, то можно составить большой списокъ. Многіе писатели жили и живутъ въ ней подолгу, находя, что въ ея номерахъ работать удобно, а жизнь не особенно дорога. Къ числу удобствъ относится прекрасная читальня со множествомъ періодическихъ изданій.

Я пріѣхалъ въ Москву въ свѣтлое время, но скоро настали черные дни. На нѣсколько сутокъ я ѣздилъ въ Тимъ къ родственникамъ. И вотъ здѣсь-то я былъ пораженъ ужаснымъ извѣстіемъ: Государь убитъ!.. У меня нѣтъ словъ описать того душевнаго состоянія, какое я пережилъ тогда, выразить ту скорбь, которая охватила сердце... Не хотѣлось вѣрить... Ужасно и больно было вѣрить... Это я прочелъ и на лицахъ всѣхъ, собравшихся на панихиду. Но приходилось вѣрить,—нельзя было отрицать фактъ.

Я засталъ Москву въ смятеніи, въ траурѣ. Первопрестольная была сначала угнетена фактомъ, а потомъ пришла въ какое-то нервное возбужденіе. Раздраженіе противъ убійць у простого народа переходило въ раздраженіе противъ всѣхъ интеллигентныхъ, противъ тѣхъ классовъ, къ которымъ принадлежали цареубійцы. Слово «скубентъ» опять начало подчеркиваться. Очки, пенсне, короткіе волосы у дамъ и длинныя у мужчинъ—возбуждали негодованіе. Скверные люди беззастѣнчиво, съ наглостью эксплуатировали такое народное возбужденіе.

Былъ такой случай.

Какой-то продавецъ навойливо приставалъ къ господину на улицѣ.

— Да купите, поддержите коммерцію...

У продавца были лубочныя книженки и разныя картины для «народа», между прочимъ и портретъ государя Александра II, исполненный также лубочно, какъ и «Бѣлый генералъ».

Господинъ коротко отвѣтилъ:

— Не надо, отстань.

— Купите... вотъ портреты... Описаніе...

— Не надо!

— Не дорого возьму...

Навязчивый продавец хватается за руку господина. Этот наконец не выдержалъ и крикнулъ:

— Да убирайся ты! А то я тебя!..

Продавецъ обозлился и завопилъ:

— Карауль!.. Государя ругаетъ!..

Мгновенно собралась толпа, у которой съ трудомъ удалось вырвать несчастнаго человѣка, не хотѣвшаго покупать дубочной картины.

Провинція не отставала отъ столицы. Тамъ дѣло доходило иногда до комичнаго. Въ концѣ марта мнѣ пришлось побывать въ Вологдѣ. Тамъ простонародье открыто ругало ходившихъ въ очкахъ. Одну «стриженную барышню» чуть не избили. Моей сестрѣ, шедшей подъ вуалью, какіе-то оборванцы крикнули:

— Чего закрылась? И ты не изъ тѣхъ ли, что царя убили?

Она испугалась и сѣла на перваго попавшагося извозчика.

Въ эту поѣздку въ Москву я впервые познакомился съ С. А. Юрьевымъ, на имя котораго я послалъ два стихотворенія въ «Русскую Мысль». Одно изъ нихъ появилось въ этомъ же году, а другое — въ слѣдующемъ. С. А. производилъ чарующее впечатлѣніе. Это былъ человѣкъ не отъ «міра сего», идеалистъ, котораго ловко «обходили» разные дѣльцы, пользуясь его именемъ... Говорятъ, что С. А. былъ удивительно разсѣянъ и забывчивъ. Про него ходитъ масса рассказовъ — насколько достовѣрныхъ не знаю, но, по моему, вѣроятныхъ и возможныхъ для него... Рассказываютъ, на примѣръ, что С. А., въ бытность редакторомъ «Бесѣды», возвращался разъ съ прогулки со сверткомъ въ рукахъ. Ему попался какой-то литераторъ и передалъ рукопись. С. А. просилъ за отвѣтомъ прійти черезъ недѣлю. Возвратясь домой, С. А. одинъ изъ свертковъ бросилъ въ передней подъ вѣшалку, на полъ, а другой спряталъ въ ящикъ письменнаго стола. Черезъ недѣлю литераторъ является за отвѣтомъ. С. А. проситъ извиненія, что онъ не успѣлъ еще просмотрѣть, «но, — прибавляетъ онъ, — я сейчасъ при васъ же пробѣгу». Вынимаетъ свертокъ, развязываетъ и... о, ужасъ! въ рукахъ — резиновыя калоши!

Другой случай.

Какъ-то Сергѣй Андреевичъ отправился къ одному своему знакомому; нанимая извозчика, онъ сказалъ ему свой собственный адресъ. Пріѣхали. На дверяхъ собственной квартиры С. А. увидѣлъ дощечку: «нѣтъ дома». Не обративъ вниманія на другую дощечку со своей фамиліей, С. А. промолвилъ съ досадой: «ахъ, какая жалость, опять его не засталъ». Сѣвъ обратно на извозчика, онъ приказалъ ему ѣхать домой и снова назвалъ свой адресъ.

— Да, что вы, баринъ, мы сюда ужъ и прїѣхали! — сказала извозчикъ.

Только тутъ С. А. все понялъ.

Въ послѣдній разъ, не задолго до смерти С. А. я встрѣтился съ нимъ въ театрѣ, гдѣ гастролировала Горева. Послѣ одного акта, оставшись довольнымъ игрой артистки, онъ горячо передалъ мнѣ, идя со мной по коридору, свои впечатлѣнія и мнѣнія. Въ заключеніе онъ добавилъ: «гдѣ Дмитрій Александровичъ (Линевъ)? Надо его найти»... Я отыскалъ его и оставилъ ихъ. С. А. началъ горячо дѣлиться съ нимъ своими взглядами и вдругъ произнесъ: «А вы видѣли Круглова? Найдите его, я хочу ему все это передать»... Симпатичный старецъ уже забылъ, что онъ только что передавалъ мнѣ свои впечатлѣнія. Въ лицѣ С. А. въ могилу сошелъ чистѣйшій идеалистъ, рыцарь безъ страха и упрека, тонкій цѣнитель искусства, человекъ въ лучшемъ значеніи этого слова. Онъ не былъ узкимъ бойцомъ своего прихода, не былъ практичнымъ дѣльцомъ, умѣющимъ ловить рыбку въ мутной водѣ, создавать свое благополучіе на модномъ направленіи и, прикрываясь тогой либерализма, обдѣлывать такіа дѣлишки, за которыя приходится расплачиваться не только нравственно; но за спину этого «праведника», человека съ чистымъ сердцемъ, отлично умѣли прятаться ловкіе дѣльцы...

Окончивъ работу для «Русской Рѣчи», я въ маѣ уѣхалъ изъ Москвы на кумысъ въ Саратовскую губернію. Передъ самымъ отъѣздомъ я познакомился съ И. И. Барышевымъ и съ А. П. Лукинымъ, однимъ изъ собственниковъ «Русскихъ Вѣдомостей», отчасти причастнымъ и беллетристикѣ (его прекрасная повѣсть изъ крѣпостнаго быта была напечатана въ «Современникѣ» Некрасова), но извѣстнымъ преимущественно въ Москвѣ въ качествѣ фельетониста.

И. И. Барышевъ-Мясницкій—совсѣмъ изъ другой оперы, по выраженію его соратника Лейкина. Мясницкій—это московскій Лейкинъ; какъ юмористъ онъ нисколько не уступитъ петербургскому. Онъ пишетъ не такъ много, какъ тотъ, и потому его талантъ сохранилъ большую свѣжесть. И. И. превосходно знаетъ москвича и въ особенности купца. Знаетъ не только съ внѣшней стороны, относительно лексики его смѣшныхъ словъ; онъ изучилъ и его «душу», его психологію. Помимо юмористическихъ рассказовъ, онъ иногда выступаетъ и съ повѣстями изъ купеческаго быта, гдѣ серьезная подкладка, серьезная мысль. Даже среди такъ называемыхъ легкихъ юмористическихъ рассказовъ попадаются такіе, которые можно читать не только ради смѣха, для улучшенія пищеваренія... Жаль только, что онъ ограничивается штрихами, не разрабатывая детально сюжета. При его несомнѣнномъ талантѣ рассказчика, при его наблюдательности и знаніи купеческой среды, онъ могъ бы написать хорошую, серьезную

бытовую повѣсть, которой далъ бы мѣсто всякій толстый журналъ. Но онъ слишкомъ небрежно смотритъ на свое дарованіе, незаконно расходуетъ его на мелочи и довольствуется лаврами легкаго юмориста, который является любимцемъ московской публики. И. И. пишетъ много для театра, но если его веселые шаржи смотрятся легко и вызываютъ несмолкаемый смѣхъ у зрителей коршевскаго театра, то они едва ли способствуютъ той извѣстности автора, какою онъ могъ бы пользоваться, если бы иначе отнесся къ своему таланту.

Я не буду описывать своего пребыванія на кумыскѣ, ибо это уже выходитъ за рамки «литературныхъ воспоминаній». Послѣ кумыски я снова вернулся въ Петербургъ, гдѣ завязалъ новыя знакомства, отчасти благодаря и возникшему «Пушкинскому кружку». Поживъ въ Петербургѣ, я опять ѣздилъ въ Москву, жилъ въ ней, вернулся въ Петербургъ, жилъ въ провинціи, снова въ Москвѣ и т. д. Чтобы не дробить своихъ воспоминаній, я оставлю пока все, что относится не къ жизни въ Москвѣ, и посвящу эту главу «пестрыхъ страничекъ» жизни въ Первопрестольной за различные періоды пребыванія въ ней.

Переѣхавъ лѣтомъ 1882 года на дачу въ Любань, я остался жить въ ней и на зиму. И вотъ въ началѣ декабря я получилъ письмо отъ Е. А. Вернера, который приглашалъ меня сотрудничать въ «Сатирическомъ Листкѣ» и въ «Московской Газетѣ», перешедшей въ новыя руки. Съ Вернеромъ, помѣщавшимъ стихи въ «Наблюдателѣ», я познакомился во время московской выставки. Вернеръ работалъ въ «Московской Газетѣ», редактируемой Пазухинымъ, человѣкомъ съ несомнѣннымъ дарованіемъ, что видно изъ его первой повѣсти и небольшого разсказа въ «Русскомъ Богатствѣ», ред. Оболенскаго. Потомъ онъ сталъ писать исключительно для газеты, поставляя повѣсти, романы и разсказы къ сроку. Изрѣдка блестящіе таланты сверкаютъ и среди обязательнаго въ сроки поставляемаго беллетристическаго матеріала, который печатается на страницахъ самой распространенной московской газеты.

Еще лѣтомъ я послалъ нѣсколько комористическихъ стихотвореній въ «Московскую Газету»; по полученіи письма Вернера, я пріѣхалъ въ Москву, чтобы вмѣстѣ съ нимъ поработать въ изданіи хотя и маленькомъ, но цѣль котораго—та же, что и у большихъ «собратьевъ». Повидавшись съ Вернеромъ и съ однимъ изъ новыхъ хозяевъ «Московской Газеты», я повѣрилъ словамъ послѣдняго и его желанію создать хорошую газету. Въ это же время я получилъ предложеніе отъ Гилярова-Платонова вести журнальное обозрѣніе въ «Современныхъ Извѣстіяхъ», а отъ Давыдова, возобновлявшаго «Зритель», писать у него. Чего тутъ думать, все было по душѣ—и я остался въ Москвѣ, нанявъ номеръ въ ме-

блированныхъ комнатахъ «Миръ», гдѣ жилъ временно и А. А. Навроцкій, редакторъ-издатель прекратившейся внезапно «Русской Рѣчи». Я съ увлеченіемъ отдался работѣ: писалъ фельетоны, передовыя статьи, помѣщалъ стихи, напечаталъ разсказъ «Лавровый вѣнокъ».

Я вѣрилъ въ «наше дѣло», но оказалось, что мало вѣры, а надо и знать людей, съ которыми начинаешь дѣло. Я былъ до вѣрчивъ и поплатился за это. Помню, какъ всю ночь подъ Рождество я провелъ въ типографіи, выйдя оттуда въ 2 часа утра... Приходилось не только править корректуры, но и уговаривать рабочихъ — набирать. Они требовали денегъ и не хотѣли работать, не вѣря хозяевамъ газеты.

Сколько потрачено силъ вообще за короткое время! Благодаря до вѣрчивости, любви къ дѣлу, я еще не одинъ разъ попадался на удочку разныхъ предпринимателей. И только опыты послѣднихъ лѣтъ убѣдили меня, что нельзя вести общее дѣло съ людьми, чуждыми печати или смотрящими на изданіе, какъ на лавочку. Для торговцевъ печатнымъ словомъ существуютъ «подручныя» или паяцы, которымъ тоже дорогъ только одинъ пятакъ.

«Зритель», издававшійся ранѣе очень недолго, теперь возобновился, благодаря денежному участию въ изданіи нѣкоего А — та. Онъ приобрѣлъ типографію, поставилъ дѣло хорошо. Литературный трудъ оплачивался недурно и аккуратно. Вернеръ сдѣлался секретаремъ редакціи, а редактированіе сначала лежало на одномъ извѣстномъ теперь московскомъ писателѣ, или, вѣрнѣе, онъ помогалъ въ редакціи Давыдову. Въ «Зритель» я помѣщалъ юмористическіе и сатирическіе стихи и велъ въ сатирическомъ духѣ «журнально-литературное обозрѣніе», подъ псевдонимомъ Ширебери. Помню, разъ все обозрѣніе было запрещено цензоромъ. Номеръ вышелъ безъ обозрѣнія.

— Это почему? — спросилъ я у редактора.

— А потому? что «уже бери!», — смѣясь, отвѣтилъ онъ.

Въ журналѣ писали много Вернеръ, Хрущовъ-Сокольниковъ и Антонъ Чеховъ, подъ псевдонимами «Ант. Чехонте» и «Человѣкъ безъ селезенки». Его небольшія, остроумныя и живыя картинки нравились публикѣ. Но «Зритель» опять просуществовалъ недолго. Давыдовъ разошелся съ А — омъ, остался безъ денегъ, и... изданіе прекратилось.

Въ матеріальномъ отношеніи это было для меня очень невыгодно. Я остался въ Москвѣ при одной работѣ въ «Современныхъ Извѣстіяхъ», гдѣ велъ, какъ уже сказалъ раньше, журнальное обозрѣніе. Гиляровъ-Платоновъ въ это время страшно запутался въ дѣлахъ и платилъ болѣе, чѣмъ неаккуратно. Бесѣдовать съ нимъ было очень интересно, самъ онъ производилъ хорошее впечатлѣніе, какъ человѣкъ въ высшей степени умный, образованный и

талантливый. Зайдешь на минутку и невольно засидишься. Въ теплоѣ халатѣ на мѣху и въ шапкѣ, онѣ имѣлъ нѣсколько странный видѣ. «Что, развѣ такъ холодно въ комнатѣ, что онѣ въ такомъ костюмѣ сидитъ за работой?»—подумалъ я. Нѣтъ, въ кабинетѣ было тепло. Но онѣ такъ уже привыкъ. Поговоривъ о дѣлѣ или вообще о чемъ нибудь изъ области общественно-литературныхъ вопросовъ (говорилъ онѣ краснорѣчиво, дѣльно и остроумно), онѣ вдругъ произносилъ:

— Вы не получали еще денегъ?

— Нѣтъ, Н. П.!

— Идите, въ конторѣ выдадутъ.

Являешься въ контору (она была не близко отъ редакціи).

— Вамъ что?—спрашивала кассирша.

— Денегъ, конечно!—говоришь ей.

Отвѣтъ былъ различный и варіировался на слѣдующіе лады:

— Нѣтъ ничего! Пусто въ кассѣ!

— О, у меня мало!

— Ну, не знаю, какъ и соберу вамъ.

И вотъ вмѣсто того, чтобы получить 40 рублей, получаешь 10, 7, даже 3 рубля.

Завѣдовавшій конторой Д. А. Мансфельдъ скажетъ, бывало, кассиршѣ:

— Вѣдь есть же еще...

— А такому? А по счету N.?

— Ахъ, да!.. Ну, обратится ко мнѣ. Берите сегодня это... а надняхъ остальное.

Иногда надняхъ, дѣйствительно, приходилось получать больше, а нерѣдко, вмѣсто ожидаемаго «всего», уйдешь съ пустыми руками.

И все-таки я долго не бросалъ «обозрѣній», потому что нельзя было бросить. Между тѣмъ фраза «а въ кассѣ нѣтъ ничего» стала повторяться все чаще и чаще.

— Позвольте,—скажешь кассиршѣ,—да я не могу ждать! Понимаете: не могу!

— Понимаю. А у меня нѣтъ ничего!

Мнѣ начали вспоминаться прежніе дни далекой петербургской жизни... Но тутъ явился на выручку Пушкаревъ съ «Мірскимъ Толкомъ» и Аксаковъ съ «Русью».

Пушкарева я зналъ раньше и что-то посылалъ ему, онѣ напечаталъ, но наши отношенія, не помню уже по какому случаю, какъ-то вдругъ сдѣлались натянутыми. Кажется, по своему обыкновенію рѣзко и прямо высказываться обо всемъ, я безъ всякихъ тонкостей отозвался объ одномъ изъ поступковъ Н. Л. Онѣ вспылить, и мы разстались холодно. Я считалъ неудобнымъ послѣ этого заѣзжать къ Николаю Лукичу. Меня потащилъ, что называется, Гавриилъ Александровичъ Хрущовъ-Сokolьниковъ. Я съ нимъ по-

знакомился за годъ передъ этимъ въ Петербургѣ. Остроумный говорунъ, онъ часто заѣзжалъ ко мнѣ въ Петербургѣ, сообщалъ новости, сыпалъ каламбуры, острилъ, говорилъ и писалъ на клочкахъ бумаги экспромты, читалъ подь аккомпанементъ рояля стихи... Однимъ словомъ, онъ былъ веселымъ и желаннымъ гостемъ въ минуты хандры и досуга.

Вотъ человѣкъ, котораго можно назвать «мотомъ»... Онъ родился, что называется, въ сорочкѣ. Судьба дала ему все, кромѣ красоты. У него была вліятельная и богатая родня. Его дядя, занимавшій одно время постъ генераль-губернатора въ Сибири, любилъ его и могъ оказать ему сильную протекцію по службѣ. Но Г. А. не хотѣлъ служить. Онъ пріѣзжалъ въ Сибирь и, кажется, пробовалъ служить, но бросилъ, не желая дѣлать чиновничьей карьеры... На своемъ вѣку Г. А. получилъ три наслѣдства, что въ общемъ составило миллионное богатство. Но онъ все прожилъ, истративъ на прихоти и разнаго рода затѣи. Онъ началъ издавать «Московское Обзорѣніе» и бросилъ, передавъ его Н. Л. Пушкареву. Занялся было фотографіей, купилъ фотографическое заведеніе за большія деньги и продалъ его черезъ короткій промежутокъ времени за полцѣны. Потомъ онъ завелъ техническую мастерскую, химическую лабораторію, возился съ какимъ-то открытіемъ, опять все бросилъ и уѣхалъ въ Петербургъ. Тамъ снова работалъ по фототипіи, завѣдывалъ литературнымъ и художественнымъ отдѣлами «Звѣзды» у Комарова и писалъ романы. Судьба точно знала, что никакихъ денегъ не хватитъ для этого сердечнаго и хорошаго, но совсѣмъ непрактичнаго человѣка, и послала ему майоратъ, дававшій около 12 тысячъ въ годъ дохода. Но Г. А. ухитрялся такъ задолжать ростовщикамъ, что тѣ и получали всѣ деньги, а онъ работалъ, какъ волъ, въ послѣднее время сочиняя романы. Они были ниже его дарованія и дискредитировали его, какъ писателя. А между тѣмъ у него былъ здоровый талантъ: онъ прекрасно владѣлъ стихомъ, писалъ быстро, непринужденно и могъ составить себѣ имя и какъ лирикъ, и какъ юмористъ. Но онъ не развивалъ серьезно таланта, писалъ кое-какъ, урывками, чуть не въ то время, когда типографскій посыльный ждалъ въ передней. И все-таки между его стихотвореніями попадается много прекрасныхъ, сильныхъ пьесъ. Мнѣ очень жалко, что я не могу ни одного стихотворенія привести здѣсь. Они разсѣяны по изданіямъ, которыя трудно достать, и я не имѣю времени рыться въ Публичной библіотекѣ. Проживъ большія деньги, Г. А. даже не собрался выпустить свои стихи отдѣльной книжкой. Имъ изданъ только романъ въ стихахъ «Великосвѣтская Нана». Въ романѣ много превосходныхъ мѣстъ, злыхъ строфъ и остроумныхъ страницъ. Характеристики сдѣланы недурно, даже мѣтко. Но въ общемъ проивзведеніе не выдержано, и рядомъ съ блестящимъ стихомъ попадаются стихи неотдѣланные, слабые. Даже

въ романахъ, писанныхъ для «толпы», попадаютъ хорошія страницы, свидѣтельствующія о талантѣ автора. Но все набросано спѣшно, безъ отдѣлки. Г. А. писалъ много, а получалъ относительно мало. Его выручали еще отдѣльныя изданія романовъ.

Я не разъ говорилъ ему:

— Гавріиль Александровичъ! Зачѣмъ ты пишешь эти романы? Вѣдь ты можешь писать другое... Ты губишь себя...

— Знаю... Но нужны деньги... А здѣсь деньги вѣрныя...

И это говорилъ человѣкъ, имѣвшій майоратъ съ двѣнадцатитысячнымъ доходомъ!

Исключительно блестящія условія для литературнаго труда—и все-таки сумѣлъ эти условія привести къ нулю... Можно ли еще болѣе испортить свою жизнь и размотать всѣ дары судьбы? Г. А. говорилъ мнѣ, что онъ надѣется скоро «вырваться изъ лапъ кредиторовъ»... Не знаю, удалось ли ему это хоть не надолго передъ смертью. Онъ умеръ въ Парижѣ въ 1890 году. Я жилъ тогда въ Москвѣ; вѣсть о смерти пріятеля сильно поразила меня и навела на тяжелыя думы о современномъ человѣкѣ...

Но возвращаюсь къ прерванному разсказу.

Заѣхавъ ко мнѣ въ «Миръ», Г. А. сообщилъ, что «сегодня у Пушкарёва интересный вечеръ: будетъ гипнотизаторъ, и состоятся любопытныя опыты... Обѣщался пріѣхать и Василій Ивановичъ Немировичъ-Данченко (я съ нимъ былъ уже знакомъ).

— Ты хочешь? Поѣдемъ!—заклучилъ Г. А.

Я сказалъ, что это едва ли удобно...

— Какіе пустяки!.. Что за столкновеніе? Да Н. Л. и не придастъ значенія такой мелочи. Поѣдемъ... Интересно.

Я все-таки отказался.

Г. А. уѣхалъ, а черезъ два часа прислалъ записку слѣдующаго содержанія: «Пріѣзжай. Н. Л. ждетъ и очень радъ... Я также жду. Твой Хрущовъ-С.»...

Я отправился въ Нѣмецкую улицу, гдѣ у Пушкарёва былъ собственный домъ: въ немъ, кромѣ квартиры Н. Л., помѣщалась типографія и редакція.

На вечеръ собралось много народа. Въ этотъ разъ я познакомился съ молодымъ писателемъ-беллетристомъ Путятой, который, спустя лѣтъ пять, умеръ въ больницѣ отъ чахотки. Передъ смертью онъ сильно нуждался. А. П. Чеховъ писалъ о немъ въ газетахъ, взывалъ къ помощи братьевъ и общества. Не знаю, что вышло изъ этого воззванія. Путята обладалъ своеобразнымъ дарованіемъ, но это дарованіе, о которомъ мнѣ много говорилъ еще ранѣе Даниловъ, дядя извѣстнаго Д. И. Писарева, также погибло, не достигнувъ своего развитія. Жизненныя условія, условія личной жизни у Путяты сложились скверно. Одно время онъ сильно

пилъ... Когда я познакомился съ нимъ, онъ уже хрипѣлъ и говорилъ съ трудомъ...

«Опыты», о которыхъ упоминалъ Сокольниковъ, удались. Помню хорошо эту блѣдную женщину, усыпленную гипнотизеромъ. Вотъ она съ открытыми глазами, стеклянными, словно у покойницы, идетъ за В. И. Данченко, который держитъ ее за руки... Онъ хотѣлъ ее оставить и уйти! Она бросилась за нимъ...

— Не дѣлайте этого... нельзя!..—сказалъ гипнотизеръ. — Она все равно пойдетъ за вами... Запрете дверь—она ее высадитъ...

Когда женщину «привели въ чувство», то-есть она проснулась, она ничего не помнила. Она покорно поддавалась приказу гипнотизера.

Послѣ ужина Н. Л., заговоривъ со мной о чемъ-то, предложилъ писать въ «Мірскомъ Толкѣ» литературныя замѣтки. Я охотно принялъ предложеніе и отказался отъ работы въ «Современныхъ Извѣстіяхъ». Еще долгое время я продолжалъ получать оставшіяся долгъ за редакціей, такъ какъ уплата шла попрежнему пятирублевками и самое большее красненькими.

Въ числѣ сотрудниковъ «Мірского Толка» находились: Пальминъ, Кондратьевъ и К. Пущкаревъ. Послѣдній, кромѣ «Мірского Толка», нигдѣ не писалъ. Въ «Мірскомъ Толкѣ» онъ велъ фельетоны, очень своеобразные по формѣ и ѣдкіе по содержанию. Нѣкоторые изъ нихъ были на столько смѣлы, желчны и злы, что приходилось удивляться, какъ они не вызывали «административныхъ скорпіоновъ».

Пальминъ сразу произвелъ на меня непріятное впечатлѣніе, когда мы (я и Вернеръ) пріѣхали къ нему. Онъ любилъ выпить, и всегда, какъ только зайдешь къ нему по дѣлу, на столѣ появлялась косушка. Онъ пилъ, закусывалъ, и его рябое, некрасивое лицо дѣлалось положительно отталкивающимъ. Онъ былъ очень высококаго мнѣнія о себѣ, хотя за послѣднее время писалъ такіе стихи, за которые трудно не покраснѣть начинающему. Онъ ихъ пекъ, дѣлалъ и продавалъ: сегодня въ листокъ, завтра въ либеральный органъ, гдѣ онъ находилъ мѣсто, благодаря личнымъ хорошимъ отношеніямъ съ издателемъ. Онъ нападалъ на гражданскую поэзію, на пѣвцовъ гражданской скорби, а самъ печаталъ такія вирши:

Богатство! Озябшую бѣдность согрѣй
И въ сердцѣ открой ты душника,
Чтобъ лучъ теплоты къ ней въ жилище скорѣй,
Скорѣй животворно проникъ!
Натоплены жарко сердца богачей
Во образѣ теплыхъ хорошихъ печей,
Скорѣй же, скорѣй душника
Откройте!..

На стужѣ, безъ пищи, одежды и дровъ
 Кто можетъ быть веселъ, спокоенъ, здоровъ?
 Зимю же холодно страсть!
 И такъ душники открывайте же вы
 Въ сердцахъ, грѣя бѣдность... а, впрочемъ, увы!
 Отъ тѣхъ душниковъ вамъ не будетъ тепла,
 А будетъ угаръ лишь одинъ.

Говорять, что онъ имѣлъ «капиталецъ» и отъ третьяго лица даже отдавалъ деньги подъ проценты... Онъ отличался большой развязностью и, гдѣ нельзя было дѣйствовать прямо, онъ находилъ дорожку съ «задняго крыльца». Въ «Мірскомъ Толкѣ» за послѣднее время онъ печатался мало, находя, что «Московский Листокъ» платитъ дороже. Мнѣ очень хотѣлось бы познакомить читателей съ фizioноміей «Мірского Толка», но у меня не сохранилось ни одного нумера. Не одинъ разъ я пожалѣлъ о томъ, что не имѣлъ привычки хранить всѣ журналы и газеты; я или уничтожалъ ихъ, или раздаривалъ въ бібліотеки. Много мнѣ мѣшали и переѣзды хранить массу газетъ и журналовъ, а между тѣмъ они теперь сослужили бы мнѣ службу. Н. Л. Пушкаревъ, какъ поэтъ, занимаетъ свое опредѣленное, хотя и скромное мѣсто въ литературѣ. Его стихотворенія не броски, но задушевы и полны мысли. Однако, нельзя говорить о Пушкаревѣ только, какъ о поэтѣ. Онъ «Мірскимъ Толкомъ» также служилъ обществу, какъ честный гражданинъ... «Мірской Толкѣ» не былъ органомъ пересмѣшниковъ. «Безпардонный смѣхъ», смѣхъ гаера, не имѣлъ въ немъ мѣста. Журналъ всегда былъ выразителемъ лучшихъ стремленій и ратовалъ за прогрессъ, за свѣтъ и боролся отважно съ полчищемъ мракобѣсовъ... Въ общемъ хорѣ иногда его голосъ заглушался и мало былъ слышенъ. Но это уже не вина журнала. Странна судьба и этого поэта, друга Сокольниковъ. Онъ началъ дѣло, оно пошло въ ходъ, но... журналъ споткнулся; его постигла кара. Послѣ нея онъ, какъ человекъ послѣ тяжелой болѣзни, уже не могъ оправиться окончательно. Пошли дефициты... и «Мірской Толкѣ» почилъ. Увлекающийся человекъ, Н. Л. одно время весь былъ занятъ своей свѣчей («Пушкаревская свѣча»), мечтая ея нажать чуть ли не состояніе. Ему не удалось это. Потомъ онъ явился передъ публикой въ роли драматурга. Его «Лже-Димитрій» имѣлъ успѣхъ, но тоже не поправилъ матеріальнаго положенія. Я давно не встрѣчалъ Н. Л. Пушкарева и не знаю даже, что съ нимъ теперь. «Свѣча» не освѣтила земного пути поэта, печатавшася нѣкогда въ «Отечественныхъ Запискахъ» Некрасова.

Если не ошибаюсь, я познакомился съ Антономъ Павловичемъ Чеховымъ въ редакціи «Зрителя». А. П., медикъ по образованію, почти никогда не касался въ разговорахъ этой области, и всѣ бесѣды вращались около литературныхъ вопросовъ. Чеховъ жилъ въ своей

семьѣ, и я, бывая у А. П., познакомился съ его братомъ—художникомъ, очень талантливымъ и симпатичнымъ челоѣкомъ, умершимъ, къ сожалѣнію, чрезвычайно рано. А. П. работалъ въ то время въ «Зритель», «Будильникъ», «Петербургской Газетѣ» и, вѣроятно, не мечталъ, во всякомъ случаѣ не предполагалъ, что добьется той извѣстности, какою онъ пользуется теперь. Мягкій, веселый, скромный, онъ производилъ собою на всѣхъ прекрасное впечатлѣніе. Покойный А. Д. Курепинъ, редактировавшій тогда «Будильникъ», былъ немножко «влюбленъ» въ Чехова и говорилъ о немъ съ какою-то нѣжностью. Курепинъ считался большимъ пріятелемъ Н. Кичеева. Но между ними было мало общаго. Чистенькій, румяный, одѣтый съ иголочки, А. Д. Курепинъ и по внѣшности уже не походилъ на Кичеева. Но если этотъ, не смотря на свои «грѣхи», безпутность и чисто «русскую халатность», оставался все-таки добрымъ малымъ, который сегодня васъ «надуесть» по разсѣянности, по привычкѣ много обѣщать, а завтра же и сдѣлаесть что нибудь, то Курепинъ со своей сладкой улыбкой, съ мягкимъ вкрадчивымъ голоскомъ, съ нѣмецкой аккуратностью, производилъ впечатлѣніе челоѣка только по внѣшности корректнаго и безукоризненнаго... Если вамъ сказали бы, или вы убѣдились бы, что онъ и внутренне былъ такимъ же, то васъ все равно не повлекло бы къ нему. Когда я сравнивалъ Кичеева и Курепина, мнѣ невольно приходило на память слѣдующее стихотвореніе Иваницкаго:

«Бываютъ же люди такіе,
 Что самыя слабости ихъ
 Для насъ несравненно милѣе
 «Высокихъ достоинствъ другихъ!»

А когда еще только одно наружное «цирлихъ-манирлихъ», то, право, пріятнѣе—разгильдяйство и «русское безпутство». Курепинъ не долго пережилъ своего пріятеля Кичеева. Какъ журналистъ, литераторъ, Курепинъ—очень микроскопическая величина.

Я уже давно печаталъ отрывками очерки о зырянахъ. Въ зиму 1883 года, я началъ приводить очерки въ порядокъ и рѣшилъ докончить ихъ. Найдя нѣсколько эскизовъ ненапечатанныхъ, я отнесъ ихъ къ И. С. Аксакову въ «Русь». Маститый писатель прінялъ меня съ русскимъ радушіемъ, много разспрашивалъ о зырянахъ и оставилъ у себя статью. Черезъ недѣлю я зашелъ за отѣтомъ.

— Очерки ваши очень любопытны,—сказалъ Аксаковъ:—я помѣщу съ удовольствіемъ. Но какъ велико будетъ все задуманное вами сочиненіе?

— Полагаю, листовъ пятнадцать!

— Для меня это нѣсколько много... Не можете ли мнѣ дать еще три—четыре очерка, наиболѣе характерныхъ?

И согласился.

Но когда я вернулся изъ Москвы (послѣ коронаціи) въ Любань гдѣ опять поселился, мнѣ не захотѣлось дробить сочиненія; я рѣшилъ его кончить и цѣликомъ напечатать въ какомъ нибудь изданіи.

Съ сентября 1883 года въ Москвѣ начала выходить «Россія» г. Уманца. Это было иллюстрированное еженедѣльное изданіе, причѣмъ иллюстраціи помѣщались не въ текстѣ, а прилагались въ видѣ отдѣльныхъ картинъ. Въ числѣ сотрудниковъ были объявлены многіе извѣстные писатели: Н. С. Лѣсковъ, графъ Г. Салиасъ, Я. П. Полонскій. Изъ болѣе молодыхъ къ «Россіи» примкнули: В. В. Чуйко, Баскинъ, Н. П. Аксаковъ, Ермиловъ, С. Филипповъ (Никитинъ), Д. А. Линева.

По дѣламъ мнѣ нужно было съѣздить въ Москву. Я захватилъ съ собою первую часть труда, чтобы предложить его новому журналу. Редакціей завѣдовалъ адвокатъ Вл. Ал. Скрипицынъ. Я засталъ его въ редакціи. Онъ былъ чѣмъ-то занятъ и, удѣливъ мнѣ немного времени, сказалъ, что заѣдетъ ко мнѣ, чтобы переговорить о предложеніи. Въ тотъ же день, въ отдѣльномъ кабинетѣ пресловутаго «Тѣстова» я прочелъ Скрипицыну первую главу труда. Она ему очень понравилась.

— Что же читать дальше? Видно... да и вы же не дебютантъ... Я беру очерки... посылайте одну за другою главы, и мы будемъ печатать...

Мы посидѣли еще, поговорили о близкихъ нашему сердцу вопросахъ. В. А. сообщилъ между прочимъ, что Лѣсковъ далъ повѣсть, а Салиасъ романъ «Атаманъ Устя». Линева даетъ повѣсть.

— Вы знаете Линева? — спросилъ меня Скрипицынъ.

— Лично нѣтъ, но, какъ писателя — да: я читалъ его очерки тюремнаго быта...

Между прочимъ В. А. рассказалъ объ одной московской писательницѣ. Она, желая произвести эффектъ и повліять на редакцію, пріѣхала въ каретѣ, расфранченная и начала говорить о томъ, какой успѣхъ имѣютъ ея романы среди московской публики, и какъ этимъ романамъ обязана своей подпиской та газета, гдѣ она работаетъ... «Вотъ если вы»...

Писательницѣ поблагодарили, но отъ романовъ ея отказались. Она съ апломбомъ вышла изъ редакціи и уѣхала въ каретѣ.

Въ этотъ пріѣздъ я не познакомился ни съ кѣмъ изъ сотрудниковъ «Россіи», потому что торопился вернуться домой, куда меня вызывали серьезные дѣла.

Лѣтомъ, проѣзжая на родину, въ Вологду, я пробылъ въ Москвѣ болѣе недѣли и познакомился со всѣми ближайшими сотрудниками журнала, а также и съ его владѣльцемъ.

Прежде всего я встрѣтился, если не ошибаюсь, съ Д. А. Линевымъ. Я читалъ его раньше, и мнѣ особенно понравилась его

книга: «Въ пересыльной тюрьмѣ». Это не сочиненіе, а фотографическіе снимки того, что самъ видѣлъ, испыталъ авторъ. У меня есть привычка создавать портретъ писателя по его сочиненіямъ... Надо сознаться, я почти всегда ошибаюсь. Читая очерки Линева, я почему-то вообразилъ его тонкимъ, худощавымъ молодымъ человѣкомъ, — и вдругъ я увидѣлъ субъекта высокаго роста, атлетическаго сложенія, съ широкимъ лицомъ, безпокойнымъ взглядомъ черныхъ глазъ. Атлетъ съ толстыми губами, съ черной бородой и съ курчавыми волосами такого же цвѣта, которые образовали на головѣ цѣлую шапку, онъ бросается въ глаза среди многочисленной толпы. Прибавьте къ этому громовый голосъ, рѣшительныя движенія... Вы сразу чувствуете, что это олицетвореніе энергии и смѣлости. Я былъ передъ нимъ такимъ худенькимъ и тоненькимъ, что, когда онъ протянулъ мнѣ руку, я невольно подумалъ: а не сломаешь?... Его фигура, шапка курчавыхъ волосъ произвели сенсацию на кумыскѣ, куда онъ пріѣхалъ, путешествуя по Волгѣ въ 1888 году. «Кто это?»—спросили меня дамы. Я шутя сказалъ, что это консулъ индійскій. Моей шуткѣ такъ повѣрили, что потомъ я насилу разубѣдилъ дамъ, любящихъ все эксцентричное.

За обѣдомъ въ «Московскомъ Трактирѣ» я познакомился съ другими ближайшими сотрудниками—Н. П. Аксаковымъ и Филипповымъ. Н. П. Аксаковъ — не родственникъ извѣстному Аксаковому. Получившій солидное образованіе за границей, знающій множество языковъ и вообще человѣкъ большой эрудиціи, Н. П. совсѣмъ не созданъ для житейской борьбы. Онъ только недавно и то случайно устроился недурно, а то всю жизнь провелъ незамѣтнымъ литературнымъ работникомъ, нуждаясь и тратя силы, знаніе и дарованіе по мелочамъ... Онъ не беллетристъ, хотя и пишетъ рассказы, и не поэтъ, хотя и попалъ въ сборникъ, изданный «Русскою Мыслью». Онъ—талантливый публицистъ, писатель, сильный въ философскихъ, богословскихъ вопросахъ, знающій хорошо исторію, земское дѣло. Это полезнѣйшій сотрудникъ, потому что въ свои статьи, полныя знанія, онъ вкладываетъ душу. Брюнетъ, средняго роста, съ груднымъ низкимъ голосомъ, съ болѣзненнымъ цвѣтомъ лица, съ глазами, свѣтящимися мягкимъ свѣтомъ, онъ произвелъ впечатлѣніе не борца, а кабинетнаго ученаго, критика... Когда я сблизился съ нимъ, я убѣдился, что это—человѣкъ въ высшей степени добродушный и деликатный. Движенія отличаются медлительностью, и на всей фигурѣ лежитъ отпечатокъ серьезности и спокойствія... Не одинъ разъ Н. П. принимался руководить журналомъ, и всегда оказывалось, что онъ рожденъ быть кабинетнымъ работникомъ, а не стоять у руля, не править кораблемъ, гдѣ нужны энергія, быстрота, рѣшительность, смѣтка, житейская умѣлость, выдержка и способность встрѣчать стойко врага лицомъ къ лицу...

С. Н. Филипповъ, начинающій, кажется, подражать Данченко

въ блужданіи по Россіи и Европѣ, тогда былъ еще совсѣмъ «зеленымъ» литераторомъ. Онъ только что начиналъ свою дѣятельность, помѣстивъ дебютный разсказъ въ «Россіи» подъ псевдонимомъ Никитина. Онъ еще служилъ, но уже собирался бросить службу для литературы. Средняго роста, умѣренно плотнаго сложенія, свѣтлый блондинъ, всегда тщательно одѣтый, онъ выглядѣлъ человѣкомъ достатка и мало имѣлъ типичныхъ чертъ литератора...

«Самъ командиръ», какъ шутилъ кто-то называлъ Скрипицына, худощавый человѣкъ средняго роста, съ длиннымъ узкимъ лицомъ, освященнымъ живыми карими глазами, сразу завоевывалъ симпатію... Онъ былъ по профессіи адвокатъ, но волосы носилъ чисто художественскіе—длинные до плечъ, развѣвавшіеся при ходьбѣ... Рѣдко можно встрѣтить такой пріятный, задушевный голосъ, какой у Скрипицына, при рѣчи стремительной и порывистой. Потомъ, работая съ нимъ въ «Русскомъ Курьерѣ» Н. П. Ланина, я короче узналъ его, и еще болѣе усилились къ нему мои симпатіи. Человѣкъ рѣдкой доброты, крѣпкій въ дружбѣ, хорошій товарищъ во время досуга, В. А. былъ любимъ всѣми. Я пишу эти строки, находясь въ Москвѣ, и съ грустью, съ сожалѣніемъ вспоминаю то недавнее, когда мы дружескимъ кружкомъ проводили вечера за теплой бесѣдой. Мы собирались въ «уютномъ кабинетѣ» Московскаго (В. А. большой гурманъ) или въ квартирѣ бывшаго «командира». Теперь всѣ разсѣялись: Н. П. Аксаковъ—въ Петербургѣ и занимаетъ видный служебный постъ, Д. Л. Ливневъ—тоже въ Петербургѣ (онъ пишетъ въ «Биржев. Вѣдом.»); Скрипицынъ въ Саратовѣ, гдѣ редактируетъ неофициальную часть «Губ. Вѣдомостей», С. Н. Филиповъ, всего меньше бывавшій въ нашемъ кружкѣ, — большую часть года путешествуетъ, издавая томъ за томомъ свои путевые наброски... А тогда всѣ были здѣсь, и чувствовалось теплѣе и веселѣе. Я любилъ субботы у В. А., гдѣ можно было говорить по душѣ, гдѣ не было мѣста сплетнѣ, мелкой враждѣ, чванству...

«Россія» издавалась не долго. Издатель, человѣкъ чуждый печати, бывшій уланъ или гусарь, отличался всѣми качествами русскаго помѣщика добраго времени. Такой человѣкъ хорошъ вездѣ, кромѣ серьезнаго, да еще литературнаго дѣла... Денегъ скоро не стало, да и хозяинъ началъ вмѣшиваться въ дѣло, давъ свободу и тѣмъ, кто еще менѣе его понималъ это дѣло... Я не знаю подробно всей «исторіи» «Россіи» (ее лучше можетъ изобразить В. А. Скрипицынъ, какъ достовѣрный лѣтописецъ), но знаю, что въ концѣ концовъ сотрудники «Россіи» предложили своему принципалу условія, которыя они, шутилъ, назвали «конституціей». «Конституція» была написана (она очень любопытна, но у кого ея единственный экземпляръ?), хозяинъ «Россіи» ее принялъ и подписалъ... но... не оказался ей вѣрнымъ, и «Россія» не продолжала

издаваться согласно «конституции». Скоро она перешла въ другія руки, къ Пашкову, но, провлачивъ жалкое существованіе сѣраго изданія, она почилла. Я не передаю никакихъ дальнѣйшихъ подробностей, потому что ихъ не знаю. Помню только одинъ эпизодъ: въ 1886 году прїѣзжалъ въ Петербургъ г. Т., въ качествѣ редактора «Россіи», и пригласилъ меня дать романъ. Я обѣщаль, но «Россія» не стала издаваться. Одно время ее редактировалъ Н. Аксаковъ (изданіе Пашкова), но это были дни агоніи. П. или со всѣмъ не платилъ или платилъ гроши...

Послѣ «Россіи» Скрипицынъ редактировалъ «Новости Дня», гдѣ работалъ и Н. П. Аксаковъ. Они оба трудились почти безкорыстно, потому что тогда газета еще шла плохо. Изъ «Новостей Дня» Скрипицынъ перешелъ въ «Русскій Курьеръ», послѣ того какъ съ Ланинымъ разошелся П. Голенищевъ-Кутузовъ. В. А. взялъ на себя редакцію газеты, сталъ писать воскресный фельетонъ, и ему же принадлежала большая часть передовыхъ статей.

В. А. Скрипицынъ писалъ нѣсколько пространно, не блисталъ тѣмъ остроуміемъ, какое нынче въ модѣ. Но его воскресные фельетоны всегда отличались серьезной мыслью и взглядами, съ которыми можно было не соглашаться, которые казались порой «странными», но которыхъ никогда нельзя было назвать шаблонными и общими мѣстами... Вотъ этимъ не грѣшилъ Современный Чудакъ—таковъ псевдонимъ, выбранный для себя В. А. Да, онъ былъ чудакъ, потому что не признавалъ ходячихъ мнѣній вѣрными, а думалъ вполне справедливо, что тѣ-то мнѣнія и нуждаются всего болѣе къ провѣркѣ, которыя всѣми приняты, какъ рѣшенныя... Кто привыкъ искать въ бесѣдахъ журналиста мысли, сути, освѣщенія общественныхъ явленій и вопросовъ, а не остроумія Петрушки, тотъ прощалъ нѣкоторые недостатки письма Современнаго Чудака и съ удовольствіемъ проводилъ часъ за чтеніемъ его бесѣды, какъ бесѣды человѣка умнаго, мыслящаго, образованнаго и любящаго горячо родину...

Я примкнулъ къ «Русскому Курьеру» осенью 1888 года, когда въ газетѣ приняли участіе Линева и Аксаковъ, и газета вообще начала оживляться. Раньше я помѣщаль только изрѣдка что нибудь, и между прочимъ въ началѣ 1888 года напечаталъ рядъ фельетоновъ о С. Я. Надсонѣ, подъ названіемъ «Юноша-поэтъ».

Собственно благодаря этому фельетону, я и познакомился съ Николаемъ Петровичемъ Ланинымъ. В. А. С—нъ, одобряя идею очерковъ о Надсонѣ, не взялъ на себя права рѣшить печатаніе цѣлага ряда фельетоновъ о молодомъ умершемъ поэтѣ и посоветовалъ переговорить съ самимъ Николаемъ Петровичемъ.

Н. П. Ланинъ былъ совсѣмъ не оцѣненъ нашей прессой, болѣе любящей высмѣивать, чѣмъ выяснять что либо, чуждой склонности относиться благодарно къ людямъ, ратующимъ за общее

благо, если только эти люди изъ другого лагеря или удобны для проявленія дешеваго остроумія. Кто не смѣялся надъ Н. П. Ланинымъ, торговцемъ шипучими водами! Кто не называлъ его шипучимъ издателемъ, русскимъ Гамбетой! и т. д. Ему ставили въ вину то, что заслуживало только похвалы! У Н. П. было не мало недостатковъ, но не за нихъ травили его. Н. П. Ланинъ принадлежалъ къ незауряднымъ людямъ. Онъ не открылъ какой нибудь торговли, чтобы по шаблонному обычаю наживать рубли. Безъ особеннаго образованія, по крайней мѣрѣ систематическаго образованія, онъ отправился за границу, велъ жизнь простого рабочаго, пытливо добивался до всего, узналъ способы приготовленія шампанскаго и водъ (лучшихъ водъ въ Россіи—надо сказать) и энергично принялся за дѣло на родинѣ. Онъ добился успѣха, добился громаднаго состоянія, но всѣмъ обязанъ лично себѣ самому, своей желѣзной энергіи, своей предприимчивости, своему пытливому уму. Это что нибудь да значить, это не то, что получать отъ тятеньки капиталы, открыть трактиръ или фабрику и... собирать доходы!

Сдѣлавшись богатымъ человѣкомъ, Н. П. не почилъ на лаврахъ, не ушелъ въ одни утробные интересы, какъ многіе, ищущіе удовольствія въ тысячныхъ рыскахъ и въ развлеченіяхъ, которыми прославились московскіе толстосумы. Н. П. всегда томила духовная жажда, онъ стремился къ общественной дѣятельности на пользу отечества. Онъ много читалъ, стараясь разрѣшить мучившіе его вопросы, какъ умѣлъ—писалъ и самъ. «Русскій Курьеръ» начать имъ не съ цѣлью барышей, онъ не имѣлъ въ виду печатный органъ превратить въ дойную корову или въ средство умножить капиталъ. Онъ его началъ идейно и ради идеи онъ ухлопалъ въ него большія деньги. На его деньги издававшаяся газета и руководимая различными представителями печати была всегда серьезнымъ органомъ, не служила мраку, обскурантизму, не побижала аппетитамъ буржуазіи, а стояла и боролась за интересы рабочаго класса, за мужика, за народнаго учителя, за всѣхъ бойцевъ мысли и свѣта на Руси! «Русскій Курьеръ» по направленію остался тѣмъ же до послѣднихъ дней, когда и самъ Н. П. уже руководилъ газетой. Не лишенный многихъ странностей, Н. П., какъ издатель, проявлялъ не разъ примѣръ гражданской доблести, рискуя матеріально и навлекая на себя неудовольствіе сферъ, отъ которыхъ зависѣла газета. Нельзя умолчать о слѣдующемъ фактѣ. Покойный профессоръ Ор. Э. Миллеръ прислалъ статью. Она была хороша, вѣрно освѣщала вопросъ, но ея сенсаціонный и рѣзкій характеръ помѣшалъ ей явиться на страницахъ многихъ изданій, хозяева которыхъ смѣлы только тогда, когда эта смѣлость пріятно щекочетъ нервы читателей, ничуть не угрожая благополучію изда-

ніа. Профессоръ предупредалъ Ланина о томъ, что статья можетъ вызвать «кару».

Н. П. спросилъ мнѣнія ближайшихъ сотрудниковъ.

Тѣ сказали тоже, что «опасно». Они, конечно, не имѣли права рисковать за чужой счетъ.

— А я напечатаю!—сказалъ Н. П.—Да-съ, напечатаю! Вотъ вы какіе либералы: сейчасъ и боязнъ... Нѣтъ, ужъ если издавать газету, такъ она и должна быть газетой, а не макулатурой!.. Я отвѣтственъ передъ обществомъ! И кто же напечатаетъ, если я не напечатаю!..

— А если...

— Ну, что-жъ... я имѣю средства!.. Пусть закроютъ... пусть... а такъ нельзя!

Статья была напечатана и повлекла за собой кару на газету!

Послѣ третьяго предостереженія «Русскій Курьеръ» былъ приостановленъ и въ силу новыхъ распоряженій сталъ выходить уже подъ предварительной цензурой... Это оказалось дѣломъ невысказаннымъ, потому что читателямъ пришлось бы получать въ недѣлю одинъ, много два нумера. Н. П. закрылъ газету, хотя это причинило ему сильное горе... Онъ затосковалъ, и съ этого времени у него стало замѣчаться психическое расстройство, въ такой рѣзкой формѣ выразившееся во время народнаго голода. Ему стало представляться, что онъ съѣлъ весь хлѣбъ, и оттого голодъ... Эти галюцинаціи указываютъ на ту чуткую совѣсть, которая была у этого человека, служившаго всю жизнь мишенью для всевозможныхъ нападковъ. Между тѣмъ, многіе вопросы, поставленные «Русскимъ Курьеромъ» и по инициативѣ самого Н. П., рѣшены именно въ смыслѣ, имъ желаемомъ. Довольно указать хотя бы на вопросъ о надѣленіи народной школы землею. Приведенный выше примѣръ (напечатаніе статьи Миллера) не единственный въ жизни Н. П., какъ издателя «Русскаго Курьера». Ланинъ не боялся бросать перчатку противникамъ и указывалъ на темныя дѣлишки такихъ лицъ, которыя могли сильно повредить газетѣ. Быть можетъ, такъ оно и случилось.

У Н. П. было не мало и странностей. Такъ, на примѣръ, онъ не любилъ библиографіи и неохотно давалъ ей мѣсто. Онъ съ обычной ему насмѣшливостью говорилъ: «Ну, зачѣмъ? Зачѣмъ? Я знаю... кто нынче разбираетъ? Или ругаютъ враговъ, или хвалить своихъ друзей!» Въ этомъ его взглядѣ, какъ и во многихъ, кроется большая доля правды. Но вѣдь можно и иначе поставить дѣло библиографіи! Въ послѣднее время онъ сдѣлался такого высокаго мнѣнія о «Русскомъ Курьерѣ», что всякое одобреніе писателя считалъ уже чѣмъ-то особеннымъ. «Мы вѣдь его... похвалили... да, онъ долженъ цѣнить!..». Когда дѣло касалось очень

крупныхъ писателей, и Н. П.—чу замѣчали, что такой-то не нуждается въ похвалѣ, Н. П. запальчиво возражалъ:

— Какъ? Почему?..

— Да понятно, возьмите, напримѣръ, графа Толстого.

— А что такое? Что Толстой, Тургеневъ? У меня пишутъ свои Тургеневы... да!.. Это молодые люди... Но кто знаетъ? Можетъ быть, это будущіе Тургеневы!.. Зачѣмъ же будемъ рекламировать когонибудь!..

Рекламировать Толстого—это было, конечно, смѣшно. Но спорить съ Н. П. было бы напрасно. Въ послѣднее время онъ не терпѣлъ возраженій.

Когда я явился съ первой главой о Надсонѣ, Н. П. принялъ меня очень радушно. Онъ любилъ говорить, высказываться и, слушая возраженія, глядѣлъ на васъ съ усмѣшкой, лукаво.

— Да, да...—промолвилъ Н. П.,—Надсонъ... молодой поэтъ... хорошо писать... всѣ хвалили... И мы... о немъ писали одобрительно... Жаль, жаль... рано умеръ... вы его знали?

— Да, мы были съ нимъ въ хорошихъ отношеніяхъ.

— Да!.. А по дружбѣ не будете очень... хвалить его? Нынче всѣ такъ...

Я предложилъ выслушать начало статьи. Н. П. согласился. Когда я кончилъ чтеніе, онъ сказалъ:

— Это хорошо... живо... и сердечно... да... ну, что же... я буду печатать... а много?

— Нѣсколько фельетоновъ!

— Ну, что же... талантливый поэтъ... надо цѣнить... пишите... я буду печатать.

Осенью, вернувшись съ Волги, я примкнулъ къ обновленной редакціи и сталъ писать ежедневные наброски... Они нравились Н. П., хотя съ нѣкоторыми мыслями онъ не соглашался. Въ «Русскомъ Курьерѣ» я также началъ свои китайскіе рассказы «Люди и нравы чѣйнаго царства». Эти рассказы и были причиною моего разрыва съ «Русскимъ Курьеромъ». Въ одномъ изъ первыхъ же рассказовъ я, отъ лица китайскаго беллетриста На-фу-фу, осмѣялъ нашихъ переводчицъ, берушихся за дѣло безъ серьезнаго знанія языковъ. Я привелъ нѣсколько фактовъ возмутительнаго искаженія оригинала. Переводчица «Русскаго Курьера», г-жа С., обидѣлась, вообразила, что я имѣлъ ее въ виду. Она расплакалась передъ Н. П., и тотъ, повѣривъ ея словамъ, обидѣлся на меня. Рассказъ не появился. Я послалъ рѣзкое письмо и отказался отъ участія въ газетѣ. Спустя полгода, именно передъ Пасхою, Н. П. самъ написалъ мнѣ письмо, прося дать стихотвореніе. «Я думаю, вы не такъ злопамятны... и похристіански передъ Пасхой забудете прошлое». Онъ не ошибся, я ничего уже не имѣлъ противъ него, напротивъ, мнѣ было даже досадно, что я тогда ему

написать отказъ въ столь рѣзкой, обидной формѣ. Я съ удовольствіемъ бы загладилъ свою горячность и исполнилъ бы просьбу Н. П., но у меня не оказалось стиховъ. Я рекомендовалъ ему стихи молодого, начинающаго тогда поэта А. М. Ѳедорова. Н. П. не понравилось, что стихи были бѣлые. Онъ хотѣлъ съ римами.

— Это какіе же стихи... такъ и я могу писать... что это?— сказалъ онъ Ѳедорову.

Встрѣтившись со мной въ одну изъ утреннихъ прогулокъ, Н. П. это самое повторилъ и мнѣ.

— Ну, а Кольцовъ, Н. П.?—задалъ я вопросъ.

— Кольцовъ? Что же... Кольцовъ самоучка... а развѣ Ѳедоровъ самоучка? Да онъ и не Кольцовъ... Безъ римы... какіе же это стихи!..

Иногда Н. П. поражалъ своихъ сотрудниковъ и, надо думать, дѣлалъ это съ цѣлью... Ему просто нравилось порождать недоумѣніе.

Какъ-то разъ, выйдя изъ кабинета, онъ вдругъ началъ:

— Да, вотъ... Вызываетъ меня государь... и говорить: ну, Ланинъ... я тобой доволенъ... ты стоишь за правду... да! Я и говорю: я—вѣрный сынъ своей родины, государь, и я обязанъ... да... я отвѣтственъ передъ народомъ...

— Н. П., да когда же вы были у государя?—съ удивленіемъ спросили Ланина.

— Хм! Когда! А я это... сегодня во снѣ видѣлъ!..

И, тихо засмѣявшись, ушелъ обратно въ свой кабинетъ.

Послѣ утренней встрѣчи, о которой я упомянулъ сейчасъ, я не видѣлъ уже болѣе Н. П. Онъ умеръ, случайно простудившись... По принятой привычкѣ о покойномъ въ газетахъ было сказано нѣсколько добрыхъ словъ. Я не касаюсь Н. П., какъ думскаго дѣятеля и земскаго гласнаго. Одно можно сказать въ его пользу—онъ относился къ этой своей службѣ, какъ къ службѣ на благо общее, горячо отстаивалъ свои мнѣнія. Было бы интересно, чтобы люди, больше меня знавшіе этого своеобразнаго человѣка, подѣлились своими свѣдѣніями и мыслями о немъ для выясненія его личности.

Заговоривъ о Ланинѣ, я пропустилъ крупный фактъ изъ своей литературной жизни въ Москвѣ. Это—завѣдываніе мною редакціей «Друга Дѣтей». Фактъ этотъ имѣетъ общее значеніе, какъ характерная иллюстрація къ современнымъ литературнымъ нравамъ, и потому я остановлюсь на немъ.

Живя въ Ярославлѣ, зимой 1887 года, я получилъ письмо изъ Саратова. Представлялась возможность взять въ аренду или даже купить совѣмъ «Саратовскій Дневникъ». Я поѣхалъ въ Саратовъ. Переговоры не увѣнчались успѣхомъ. Отправляясь въ Саратовъ, я остановился на день въ Москвѣ и завернулъ къ Вернерамъ, издававшимъ «Вокругъ Свѣта» и «Сверчокъ». Оба журнала

шли бойко, хотя и не пользовались репутациею въ журналистикѣ. Особенно нападали въ печати на первый журналъ. Но Вернеры не обращали вниманія на печать. Оба изданія давали хорошій дивидендъ, а «идеи» и «принципы», о которыхъ когда-то любили говорить братья, теперь для нихъ не имѣли никакого значенія. Они отлично устроились, обзавелись палаццами, дорогой обстановкой, ѣздили на собственныхъ лошадяхъ и жили во «все удовольствіе», какъ говорится. Недавніе бѣдняки, ютившіеся въ комнатѣ и занимавшіе по полтинѣ на обѣдъ, они вдругъ сдѣлались собственниками изданій, типографіи и цинкографическаго заведенія.

Я заѣхалъ съ цѣлью переговорить объ изданіи книги своихъ стиховъ, такъ какъ зналъ, что «братья» занимаются издательствомъ и издають очень мило съ внѣшней стороны.

Е. Вернеръ сказалъ, что онъ «не прочь», и просилъ собрать стихотворенія. Потомъ онъ замѣтилъ:

— А здѣсь новое дѣтское изданіе будетъ скоро... то-есть не новое, а «Дѣтскій Отдыхъ» переходитъ въ новыя руки... Хотите, я о васъ поговорю съ барынями... новыми издательницами... Имъ, кажется, необходимъ будетъ опытный человѣкъ.

— Что-жъ, поговорите!—сказалъ я.

На возвратномъ пути изъ Саратова я снова завернулъ къ Вернерамъ.

— Что, видѣли барынь?—спросилъ я.

— Знаете что... я хочу предложить другое вамъ... Мы задумали издавать свой дѣтскій журналъ... покупаемъ «Другъ Дѣтей»... Хотите завѣдывать литературнымъ отдѣломъ?

— Охотно, но... безъ вмѣшательства!

— Наше дѣло—художественный отдѣлъ... Тутъ мы—собаку съѣли... а по части литературы—вы полный хозяинъ... Вы достаточно авторитетны, и не намъ тутъ учить васъ.

— На такомъ условіи я согласенъ.

И вотъ я переѣхалъ изъ Ярославля въ Москву.

Въ концѣ декабря я отправился въ Петербургъ и пригласилъ участвовать въ «Другъ Дѣтей» многихъ писателей. Вообще въ списокъ сотрудниковъ вошли слѣдующія лица: П. В. Быковъ, К. С. Баранцевичъ, А. Н. Догановичъ, проф. А. А. Исаевъ, Н. И. Каравинъ, Е. Львова, Д. Минаевъ, Я. П. Полонскій, Л. Пальминъ (по желанію Вернеровъ), Н. Соловьевъ-Несмѣловъ, профессоръ Н. П. Вагнеръ, Л. И. Трефоловъ, А. П. Чеховъ, О. Н. Чюмина, А. К. Шеллеръ, І. І. Ясинскій, Н. П. Аксаковъ; извѣстный критикъ А. И. Введенскій обѣщалъ писать литературныя бесѣды. Я былъ печатно объявленъ завѣдывающимъ редакціей.

Подготовить матеріалъ, какъ слѣдуетъ, къ первому номеру не было возможности. Пришлось давать то, что есть. Хорошо еще, что Фофановъ прислалъ миленькое стихотвореніе.

Мнѣ всегда казалось, что наши дѣтскіе журналы представляли изъ себя не что, иное, какъ сборники болѣе или менѣе интересныхъ статей. Дѣтямъ нуженъ не сборникъ, не хрестоматія, въ которыхъ никогда не было недостатка, а настоящій журналъ, со всѣми общепринятыми отдѣлами, приспособленными для дѣтскаго пониманія, строго обдуманными, разумѣется. Только изданіе, заключающее въ себѣ внутреннія характерныя черты, присущія журналу, можетъ считать свою задачу выполненной.

Это — не легкая задача. Но я знаю, что ее можно выполнить, если никто не будетъ мѣшать и не явится стѣсненій въ матеріальныхъ средствахъ. Вернеры обѣщали мнѣ полную независимость, а деньги у нихъ были.

И я взялъ на себя редакторство. Но оказалось, что я попался на удочку. Я былъ имъ нуженъ, какъ писатель, пользующійся извѣстнымъ именемъ въ дѣтской литературѣ, знакомый публикѣ по множеству книгъ. Взвалить на меня отвѣтственность передъ подписчиками, а дѣлать самимъ, что угодно — вотъ въ чемъ была цѣль «братьевъ». Они вообразили, что ради жалованья я буду молчать.

Началось съ того, что они сами назначили какую-то статью въ №. Я ее выбросилъ. У насъ вышли «разговоры». Однако, статья не пошла. Вслѣдъ за этимъ Е. Вернеръ съ «улыбкой» передалъ мнѣ свой собственный рассказъ и свои стихи.

— Рѣшите, годится ли...

Я серьезно взялъ, просмотрѣлъ, сдѣлалъ исправленія и сдалъ въ типографію.

Между тѣмъ, Баранцевичъ прислалъ повѣсть. Я прочиталъ ее и сдалъ въ типографію. Вышелъ № съ началомъ повѣсти. Захожу какъ-то въ типографію узнать, какъ идетъ наборъ для слѣдующей книжки. Гляжу—цѣлая глава изъ повѣсти Баранцевича выкинута. Это меня возмутило.

— Кто сдѣлалъ?—спрашиваю у наборщика.

— Е. А. приказали!

— Но кто вамъ сдаетъ матеріалъ? Онъ или я? Вы знаете, кто завѣдуетъ журналомъ?

— Вы-съ!

— Ну, такъ какъ же...

— Помилуйте, они-съ хозяинъ... я не смѣю...

То же самое говорить и метранпажъ.

— Но вѣдь нельзя же печатать съ пропускомъ цѣлой главы!..

— Не наше дѣло-съ... Е. А. не приказали...

Мнѣ остался одинъ путь—дипломатіи, ибо не могъ же я допустить, чтобы повѣсть писателя, уже имѣющаго имя, явилась въ такой самовольной передѣлкѣ.

— Гдѣ же эта глава?

- Здѣсь.
- Дайте ее мнѣ... и слѣдующую... Я хочу просмотрѣть, какъ вышло! Много набрано?
- Только что начато.
- Прекрасно!
- Забралъ я все—и уѣхалъ.
- Вечеромъ посыльный изъ типографіи.
- Позвольте съ «мантерьяль».
- Завтра привезу...
- Пріѣзжаю на завтра. Вернеры—внѣ себя отъ гнѣва.
- Что же вы дѣлаете? Вы задержали наборъ!
- Да я и не дамъ совсѣмъ, если не будетъ пущено то, что выброшено.
- Это излишне!
- По-моему нѣтъ... Да и нельзя такъ поступать съ писателями по-сапожнически. Вы сами, Е. А., писали... Меня удивляетъ вашъ поступокъ.
- Мы редакторы!
- Официально — да. Но и я объявленъ завѣдующимъ. Я не могу допустить. Если вы не уважаете литератора и забыли недавнее прошлое, то я уважаю писателя...
- Вы получаете жалованье.
- За что? Неужели вы думаете, что я, подобно нѣкоторымъ журналистамъ, ради какихъ нибудь сотенъ продамъ свое имя и буду имъ все прикрывать.
- Хорошо... больше мы не будемъ, но это уступите!
- Ни за что!
- Мы разойдемся съ вами.
- Пожалуйста!
- И что вамъ за охота отстаивать Баранцевича? Не великій писатель какой...
- Писатель—и этого довольно!
- Я уѣхалъ, не давъ рукописи.
- Черезъ день Вернеръ самъ пріѣхалъ и сказалъ, что они «уступаютъ».
- Я выигралъ, но этотъ инцидентъ показалъ мнѣ, съ кѣмъ я имѣю дѣло. Бывшій «либеральный поэтъ», ослѣпленный денежными успѣхомъ, превратился въ «хозяина, во вкусъ московскаго Кита Китыча».
- Дальше — хуже. При каждой уплатѣ гонораровъ братья начинали ворчать, что «дорого».
- Помилуйте, 75 рублей за листъ—это ужасъ!.. С—ву 10 копеекъ строчка... это невѣроятныя цѣны!
- Они начали опять подсовывать дешевый матеріалъ и... вдругъ я увидѣлъ въ наборѣ безобразное стихотвореніе Пальмина. Я не

могъ его выкинуть, и оно, не смотря на протестъ съ моей стороны, появилось въ журналѣ. Тогда я потребовалъ, чтобы моя фамилія, какъ завѣдующаго журналомъ, была снята съ обложки, и объявилъ, что я буду только писать для журнала и читать рукописи, а не составлять №.

Но Вернеры нарушили договоръ и сами пожелали вести журналъ. Когда споръ перешелъ на законную почву, они объявили, что не отказываются отъ услугъ г. Круглова, но требуютъ, чтобы онъ являлся въ 9 часовъ утра и оставался въ редакціи вмѣстѣ со всѣми служащими до 6 часовъ. Такого условія въ договорѣ не было, да оно и не соотвѣтствуетъ обязанностямъ редактора двухнедѣльнаго журнала. Для чего же нужно такое пребываніе въ редакціи? Вернеры, въ лицѣ адвоката, объяснили: въ редакцію могутъ заходить не только случайные, но и постоянные сотрудники, и вотъ для нихъ-то нужно сидѣть редактору. Во-вторыхъ, нужно сидѣть для цензуры, такъ какъ цензура можетъ не пропустить чего либо, что и потребуетъ поправки или замѣны (это въ двухнедѣльномъ-то изданіи, гдѣ матеріалъ отправляется разъ въ недѣлю, и поправки спѣшныя не нужны!). Въ-третьихъ, потому, что есть типографія и нужно, чтобы машины не стояли безъ дѣла. По поводу третьяго пункта одинъ фельетонистъ воскликнулъ: «О, Господи! Даже страшно за редактора, сколько онъ, бѣдный, долженъ написать, чтобы машины вѣчно имѣли работу». Ясно, что Вернеры молили вздоръ, надѣясь на то, что люди, незнакомые съ журнальнымъ дѣломъ, могутъ повѣрить. Они и повѣрили, но не это странно, а то, что просьба моя—вызвать экспертовъ для объясненія дѣла и выясненія редакторскихъ обязанностей — не была уважена. Мнѣ кажется, что литературное дѣло нельзя рѣшать безъ участія лицъ, знакомыхъ съ условіями литературнаго труда. Вѣдь если вызываются эксперты-специалисты для опредѣленія даже того, хорошо ли шить сапогъ или сюртукъ, то какъ же устранить экспертизу въ опредѣленіи условій того труда, который вовсе не понятенъ многимъ юристамъ. Фельетонистъ «Р. К.», говоря о разборѣ дѣла, замѣчаетъ: «вообще курьезнаго было не мало, и пониманіе литературной работы, литературныхъ обязанностей оказалось блистательное, нравы же литературные рисуются восхитительно!».

Только ли литературные нравы?

Я предполагалъ дать въ «Другъ Дѣтей» повѣсть «Котофей Котофеевичъ». Теперь я предложилъ ее въ «Дѣтскій Отдыхъ», гдѣ она и была напечатана, а послѣ издана отдѣльно. Я сдѣлался постояннымъ сотрудникомъ «Дѣтскаго Отдыха». Въ немъ я напечаталъ рядъ повѣстей: «Всякому гвоздю свое мѣсто», «Счастье», «Изъ-за-мячика», и нѣсколько небольшихъ рассказовъ...

Одна изъ повѣстей «Счастье» была написана мною въ Москвѣ же, въ «Лоскутной», въ тотъ годъ, когда въ гостинницѣ собрался

чуть ли не цѣлый литературный кружокъ. Въ ней жилъ П. Д. Боборыкинъ, руководившій театромъ Горевой, В. И. Немировичъ-Данченко, Н. М. Ядринцевъ, пріѣхавшій на археологическій съѣздъ, Н. А. Иваницкій—публицистъ и поэтъ, Обнорскій, поэтъ и издатель «Вологодскаго Справочнаго Листка», и одинъ изъ соредаторовъ Рижской Газеты. Это было веселое время. У меня часто собирались литераторы, артисты. Разговоры перемѣшивались съ чтеніемъ и спорами... Въ числѣ знакомыхъ, нерѣдко посѣщавшихъ меня, былъ и В. М. Михеевъ, тогда еще только что выпустившій томикъ стиховъ «Сибирскіе мотивы» и писавшій большой романъ изъ сибирской жизни. Теперь этотъ романъ «Золотыя россыпи» уже выпущенъ отдѣльно (онъ появился сначала въ «Артистѣ»), и кромѣ этого романа, Михеевымъ издано нѣсколько томиковъ рассказовъ. Завоевавъ себѣ мѣсто среди беллетристовъ, В. М. Михеевъ работаетъ не мало и для театра. Его пьеса «Арсеній Гуровъ» шла на Александринской сценѣ. Въ одинъ изъ вечеровъ В. М. говорить мнѣ:

— Отчего вы не пишете для театра?

— Не пробовалъ... А есть сюжетъ...

— Какой?

Я рассказалъ.

— Хотите писать вмѣстѣ?

— Хорошо.

Мы принялись, и черезъ полтора мѣсяца была готова драма въ пяти дѣйствіяхъ: «Талантъ и деньги». Кто читалъ ее (говорю о людяхъ авторитетныхъ), находятъ хорошей въ литературномъ отношеніи, хорошо разработанной въ смыслѣ типовъ, яркой по картинамъ и интересной по сюжету. Только надо сдѣлать нѣкоторыя купюры... Если бы драма была написана однимъ мною, я, вѣроятно, сдѣлалъ бы купюры. Но вѣдь не могу же я одинъ дѣлать все, когда не все мое... Есть большое неудобство писать чтонибудь вмѣстѣ съ тѣмъ, съ кѣмъ по годамъ даже не встрѣчаешься. Можно было бы поставить драму и такъ, купюры сдѣлали бы сами артисты, но надо хлопотать о постановкѣ. У меня нѣтъ ни времени, ни связей. А послѣднее очень и очень важно у насъ. Исторія всѣхъ драматическихъ пьесъ подтверждаетъ это... Непоявленіе перваго опыта на сценѣ отбило у меня желаніе писать для театра.

Въ Москвѣ я познакомился съ Н. Н. Златовратскимъ, котораго давно любилъ за его душевные рассказы изъ народнаго быта (помню, съ какимъ восторгомъ читали мы, юноши, «Крестьянъ-присяжныхъ»), сблизился съ молодымъ публицистомъ-врачемъ В. П. Окороковымъ и съ молодыми поэтами, толыо что выступавшими на поприще А. М. Ѳедоровымъ и А. А. Коринескимъ. В. П. Окороковъ извѣстенъ въ Москвѣ, какъ талантливый лекторъ «по школьной гигиенѣ» на педагогическихъ курсахъ и какъ борець противъ

теперешней полицейской системы регистраціи проституціи. Его рефератъ «Обширное общественное движеніе въ Западной Европѣ и Америкѣ противъ легализаціи разврата и его патентованныхъ учрежденій», читанный въ юридическомъ обществѣ, повлекъ за собою закрытіе врачебно-полицейскаго комитета въ Москвѣ и уничтоженіе выдачи поворныхъ билетовъ. Его же брошюра о мужскомъ цѣломудріи имѣла большое вліяніе на молодежь, вызвала переписку, массу собраний и основаніе кружковъ изъ людей, признавшихъ добрачное цѣломудріе молодежи обязательнымъ.

Вынужденный бросить гимназію, сынъ крестьянина, А. М. Оедоровъ сталъ сначала писать въ «Саратовскомъ Листѣ», а потомъ пріѣхалъ въ Москву, гдѣ я и познакомился съ нимъ у извѣстной артистки Шебуевой, саратовской уроженки. Она была приглашена въ Москву Лентовскимъ и играла въ его театрѣ «Скоморохъ». Тогда А. М. былъ совсѣмъ еще юноша. Я познакомилъ его съ Н. Кичеевымъ, устроилъ его стихи въ «Новости» г. Нотовича и въ «Наблюдатель». Черезъ какую-то даму онъ получилъ письмо къ одному изъ руководителей «Русской Мысли» и сталъ время отъ времени печататься въ ней. Одно время онъ игралъ на сценѣ, даже пѣлъ въ опереткѣ въ Астрахани, гдѣ держалъ труппу его другъ Ковровъ... Теперь онъ, кажется, бросилъ сцену, живетъ въ провинціи и много работаетъ. Его стихи, изданные тоненькой книжкой г. Совѣтовымъ, встрѣтили сочувственный отзывъ критики; недавно онъ выпустилъ цѣлую переводную поэму «Свѣтъ Азіи». Я ея не видѣлъ, но о ней одобрительно отозвался В. П. Буренинъ который въ дѣлѣ пониманія поэзіи едва ли имѣетъ соперниковъ.

Оедоровъ и Коринескій—большіе друзья... Но между ними значительная разница... Послѣдній поэтъ—очень застѣнчивый, робкій, и долгое время былъ на столько неувѣренъ въ себѣ, что боялся куда либо нести свои стихи... Я какъ-то сказалъ ему въ Москвѣ:—отчего вы не пошлете ничего въ «Иллюстрацію»?—Ахъ, развѣ тамъ возьмутъ! Я и его познакомилъ сначала съ Кичеевымъ, потомъ съ редакціей «Всемирной Иллюстраціи»... И вотъ робкій поэтъ началъ являться во многихъ журналахъ, и не маленькихъ, и вездѣ его стихи обращали на себя вниманіе... Годъ, два тому назадъ М. Ключкинъ издалъ сборникъ стиховъ Коринескаго, издалъ изящно. Всѣ органы печати съ похвалою отзывались о молодомъ поэтѣ.

Покойный Н. М. Ядринцевъ любилъ А. Коринескаго, какъ поэта. Онъ какъ-то сказалъ мнѣ: «славный этотъ—юноша... И стихи его нравятся мнѣ... Вчера онъ принесъ мнѣ свой альбомъ и просилъ что нибудь написать. Я ему написалъ легенду». Она была потомъ напечатана въ вологодскомъ сборникѣ «Помочь», изданномъ въ пользу голодающихъ. Я не думалъ, что Н. М. можетъ писать такъ поэтично... Упомянувъ о Н. М. Ядринцевѣ, я невольно вспомнилъ его, и онъ возсталъ предо мной—худощавый, съ полудлинными сѣдо-

ватыми волосами, съ небольшою бородкой. Сѣрые глаза серьезно смотрять изъ-подъ слегка сдвинутыхъ бровей... Н. М. былъ человѣкъ нервный, съ быстрыми порывистыми движеніями... Голось у него былъ мягкій, круглый... Жизнь хорошо помяла его, но не убила его природной веселости. Онъ любилъ пошутить, побалагурить и въ энергіи не уступалъ никому юношѣ. Какое! Нынѣшніе слабняки и въ подметки не годятся ему!.. Онъ съ увлеченіемъ рассказывалъ о своей заграничной поѣздкѣ, описывалъ поэтическими, яркими красками жизнь въ Швейцаріи. Его мечтой было снова побывать тамъ. Вспоминаю лекцію, которую Н. М. читалъ въ московскомъ политехническомъ музеѣ... Многочисленная публика слушала съ восторгомъ Н. М., который былъ способенъ иногда вдохновляться, какъ поэтъ.

Какъ-то Н. М. высказалъ мнѣ, что ему хотѣлось бы всѣ сочиненія продать хотя бы за 5,000 р., чтобы обезпечить ими дѣтей, воспитывавшихся у бабушки. Когда рѣчь заходила о дѣтяхъ, онъ дѣлался грустенъ и озабоченъ. Онъ любилъ ихъ горячо и грустилъ о смерти жены... Помню, когда зашелъ разговоръ о любви, Н. М. выразился: «любить!.. любить можно разъ... и однолюбы — правы... Я говорю о любви... понимаете?.. А... все прочее это не любовь!»

Жизнерадостный В. И. Немировичъ-Данченко—тоже человѣкъ энергіи, но другого темперамента... Я удивляюсь, право. Работаетъ онъ много лѣтъ, и ему уже около 50... Но посмотрите на него: это—сама жизнь съ ея кипящими страстями, волненіями... Года не уходили его. Онъ носится изъ края въ край по бѣлу свѣту, обращается къ врачамъ только за тѣмъ, чтобы поступить наперекоръ ихъ совѣтамъ (словно согласно татарской поговоркѣ: спроси жену, но поступи какъ разъ наоборотъ ея словамъ), издаетъ книгу за книгой и не знаетъ усталости!..

Я познакомился съ нимъ еще въ 1881 году, но лишь въ зиму 1889—1890 г. мы сблизились короче... Вотъ человѣкъ, который хотъ мертваго воскресить и заразить жаждой жизни!.. Благодаря его со-вѣту, я отдалъ рассказъ «Живой мертвецъ» въ «Русскія Вѣдомости»... Онъ появился въ послѣднемъ № газеты за 1889 г. Послѣ этого я время отъ времени помѣщалъ рассказы въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ».

Съ 1890 г. до осени 1894 г. я не жилъ въ Москвѣ. Теперь я снова въ ней. Но говорить о прошломъ годѣ я не буду. Это уже очень близко... Пусть все—отойдетъ дальше. Между вчера и сегодня очень уже малъ промежутокъ!

Алек. Кругловъ.

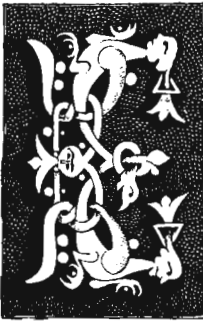

КНЯЗЬ Г. А. ПОТЕМКИНЪ.

(По запискамъ графа Ланжерона, хранящимися въ Парижскомъ архивѣ).

I.

Введеніе.—Ланжеронъ.

КАТЕРИНЪ II часто приходилось и при жизни князя Потемкина и послѣ его кончины защищать его противъ нападковъ другихъ царедворцевъ и государственныхъ дѣятелей. Она имѣла высокое понятіе о его способностяхъ и считала не только полевымъ, но даже незамѣнимымъ сотрудникомъ. «Теперь не на кого опереться», — сказала императрица въ отчаяніи, получивъ извѣстіе о кончинѣ князя. Въ самыхъ восторженныхъ выраженіяхъ она тогда же въ письмѣ къ барону Гримму писала о гениальности Потемкина и его заслугахъ. «Теперь вся тяжесть правленія лежитъ на мнѣ одной», — сказано въ другомъ письмѣ Екатерины къ Гримму. «Какъ можно Потемкина мнѣ замѣнить, — замѣтила императрица въ бесѣдѣ съ Храповицкимъ, — все будетъ не то». Принцу Нассау-Зигену она писала о князѣ: «Онъ былъ моимъ любезнымъ другомъ, моимъ питомцемъ; онъ былъ гениальнымъ человекомъ; онъ дѣлалъ добро своимъ недоброжелателямъ и этимъ ихъ обезоруживалъ».

Все это, пожалуй, въ минуту кончины князя могло казаться увлеченіемъ, преувеличеніемъ. Однако, изъ множества интимныхъ

писемъ императрицы къ Потемкину мы знаемъ, какъ высоко она цѣнила въ немъ не только друга, принимавшаго участіе во всемъ, что занимало ее, но и сотрудника, дѣятельно помогавшаго ей при управленіи дѣлами, при рѣшеніи разныхъ задачъ административныхъ и политическихъ. Часто повторявшееся во время отсутствія князя выраженіе: «я безъ тебя, какъ безъ рукъ»,—не было пустою фразою, какъ видно изъ подробностей о текущихъ дѣлахъ въ перепискѣ императрицы къ княземъ¹⁾.

Совсѣмъ иначе отзывались о князѣ другіе современники, строго осуждавшіе его пороки и считавшіе его дѣятельность скорѣе вредною, чѣмъ полезною. Такъ, напримѣръ, о немъ говорили и писали не безъ раздраженія братья Воронцовы, Завадовскій, Сиверсъ, Ростовчинъ, Державинъ и др. Многіе радовались его кончинѣ. Можно думать, что и наслѣдникъ престола, цесаревичъ Павелъ Петровичъ, былъ доволенъ прекращеніемъ дѣятельности и вліянія временщика. Ненависть къ Потемкину современниковъ проглядываетъ и въ исторической литературѣ. Въ разныхъ памфлетахъ, имѣвшихъ предметомъ князя, онъ изображенъ въ самыхъ мрачныхъ краскахъ²⁾.

Достоинъ вниманія, что нѣкоторые иностранцы, имѣвшіе возможность сблизиться съ Потемкинымъ, умѣли цѣнить его способности и даже прямо восхищались его любезностью. Таковы, напри- мѣръ, отзывы о князѣ въ запискахъ французскаго дипломата графа Сегюра, знавшаго Потемкина въ 1785—1789 годахъ; принцъ де-Линь и принцъ Нассау-Зигенъ до 1788 года, то-есть, до осады Очакова, хвалили не только умъ и способности князя, но и его симпатичный характеръ. Можно сказать, что между этими иностранцами и княземъ существовала нѣкоторое время тѣсная дружба, прекратившаяся, однако, благодаря странному образу дѣйствій Потемкина во время осады Очакова. Отзывы Сегюра, Линя и Нассау заслуживаютъ полнаго вниманія. Эти лица не зависѣли отъ Потемкина, ихъ положеніе доставляло имъ возможность судить о немъ безпристрастно, тогда какъ многіе русскіе сановники не безъ основанія считали его строгимъ начальникомъ или, по крайней мѣрѣ, опаснымъ соперникомъ, и поэтому не могли относиться къ нему вполне объективно. Отдавая справедливость его талантамъ, эти иностранцы порицали его слабости. Порою Линь, Сегюръ и Нассау, не смотря на дружескія отношенія, въ которыхъ они находились съ Потемкинымъ, упрекали его прямо въ глаза въ крупныхъ промахахъ, надсмѣхались надъ его извѣженностью, бранили его за нерѣшительность и пр. Иногда происходили между этими иностранцами и Потемкинымъ непріятности, крупные разговоры. Тѣмъ не

¹⁾ См. мое сочиненіе о Потемкинѣ, стр. 232—233.

²⁾ См. указанія на эту литературу въ моемъ сочиненіи о Потемкинѣ, стр. 2 и слѣд.

менѣе характеристика князя въ запискахъ и письмахъ этихъ лицъ выходитъ сравнительно довольно выгодною.

Къ источникамъ, заключающимъ въ себѣ важныя данныя для оцѣнки личности Потемкина, можно отнести автобиографическія записки и историческіе труды графа Ланжерона, хранящіеся въ Парижскомъ архивѣ иностранныхъ дѣлъ. До сихъ поръ лишь нѣкоторые отрывки изъ этихъ драгоценныхъ матеріаловъ сдѣлались извѣстными въ исторической литературѣ. Имѣвъ возможность, во время пребыванія въ Парижѣ, подробно знакомиться съ содержаніемъ шести рукописныхъ фолиантовъ, составляющихъ записки Ланжерона, мы сообщаемъ въ настоящемъ очеркѣ рассказы знаменитаго эмигранта о Потемкинѣ.

Ланжеронъ, прибывшій въ Россію впервые весною 1790 года и принимавшій участіе въ походѣ въ Финляндіи наканунѣ заключенія Верельскаго мира, осенью 1790 года отправился на югъ для участія въ турецкой войнѣ. Здѣсь онъ имѣлъ возможность лично слѣдить за образомъ дѣйствій князя Потемкина. Общественное положеніе графа Ланжерона, его военныя способности, храбрость, выказанная имъ при штурмѣ Измаильской крѣпости, его близкая дружба съ принцемъ Нассау-Зигеномъ и съ герцогомъ Ришелье—доставили ему возможность находиться въ той средѣ, которая непосредственно окружала Потемкина въ послѣднее время его жизни. Къ этой эпохѣ, главнымъ образомъ, относятся данныя о князѣ въ разсказахъ Ланжерона. О прежнемъ времени, а именно объ образѣ дѣйствій Потемкина въ началѣ турецкой и шведской войнъ, Ланжеронъ зналъ изъ бесѣдъ съ своимъ другомъ, принцемъ Нассау-Зигеномъ, сопровождавшимъ Потемкина съ 1786 года въ разныхъ путешествіяхъ въ Крымъ и участвовавшимъ вмѣстѣ съ княземъ въ осадѣ Очакова.

Ланжеронъ можетъ считаться весьма талантливымъ писателемъ. Проживая въ Россіи съ 1790 года до своей кончины въ 1831 году, онъ внимательно наблюдалъ за ходомъ дѣлъ, стараясь составить себѣ точное понятіе о значеніи видѣнныхъ имъ событій, о лицахъ, съ которыми имѣлъ дѣло, о развитіи Россіи во время царствованій Екатерины, Павла и Александра. О многихъ событіяхъ, относящихся къ этимъ царствованіямъ, онъ говоритъ чрезвычайно подробно. Такъ, напримѣръ, изложенію похода 1805 года и Аустерлицкой битвы посвященъ цѣлый томъ рукописныхъ сочиненій Ланжерона. При изученіи исторіи послѣдняго времени царствованія Екатерины II записки Ланжерона должны считаться первокласснымъ источникомъ.

Не довольствуясь передачей фактовъ, Ланжеронъ любитъ подвергать образъ дѣйствій историческихъ лицъ строгой критикѣ. При этомъ у него преобладаетъ нѣкоторая субъективность. Мѣстами въ его отзывахъ о лицахъ замѣчается желчность. Положеніе Ланже-

рона, въ качествѣ эмигранта, не всегда было выгоднымъ. Ему часто приходилось бороться съ разными затрудненіями. Онъ не былъ столь независимымъ, какъ Сегюръ или де-Линь, и поэтому легче подвергался непріятностямъ по дѣламъ службы. Не занимая столь выгоднаго положенія при дворѣ, какъ принцъ Нассау-Зигенъ, Ланжеронъ порою непріятно ощущалъ силу фаворитовъ, Потемкина и Зубова. Поэтому его отзывы объ этихъ людяхъ не могутъ считаться вполне безпристрастными. Тѣмъ не менѣе разныя анекдотическія данныя, встрѣчаемыя въ его запискахъ и разбросанныя въ шести рукописныхъ фоліантахъ, заслуживаютъ вниманія.

Ланжеронъ находилъ, что послѣдніе годы царствованія Екатерины были эпохою упадка, деморализаціи. Высоко цѣняя геніальность самой императрицы, онъ считалъ фаворитизмъ, произволь въ администраціи, самолюбіе высшихъ сановниковъ, продажность чиновниковъ, корыстолюбіе военныхъ, невниманіе къ интересамъ народа, разстройство финансовъ, отсутствіе контроля надъ образомъ дѣйствій служащихъ — страшнымъ зломъ. Понятно, что на Потемкинѣ, по мнѣнію Ланжерона, лежала значительная доля отвѣтственности за эти недостатки общественнаго и политическаго строя Россіи. Посвятивъ свою служебную дѣятельность Россіи, Ланжеронъ, какъ бы въ качествѣ русскаго патріота, не безъ раздраженія говоритъ о вредномъ вліяніи на дѣла фаворитовъ, о нарушеніи интересовъ государства и народа вслѣдствіе эгоизма авантюристовъ въ родѣ Потемкина, Зубова и др. Эксплоатація ресурсовъ Россіи въ пользу такихъ крупныхъ аферистовъ, которыхъ въ сущности нельзя было считать государственными людьми, вызывала крайнее негодованіе эмигранта.

II.

Знакомство Ланжерона съ Потемкинымъ. — Анекдоты о немъ и людяхъ, его окружавшихъ.

По мнѣнію Ланжерона, фаворитизмъ въ Россіи значительно содѣйствовалъ порчѣ нравовъ, благодаря тому обстоятельству, что всѣ безъ исключенія, зная о расположеніи императрицы къ Потемкину, къ Зубову и др., раболѣпствовали предъ фаворитомъ. Чванство временщика, униженіе окружавшихъ его лицъ, грубое обращеніе Потемкина даже съ высокопоставленными лицами, рабское отношеніе къ нему даже столь достойныхъ генераловъ, каковы были Репнинъ, Суворовъ и др., — все это не могло не производить отталкивающаго впечатлѣнія на всякаго иностранца, привыкшаго видѣть совсѣмъ иное въ своемъ отечествѣ. Ланжеронъ, находившійся подъ вліяніемъ утонченности французскихъ нравовъ, вѣжливости въ обращеніи начальниковъ съ подчиненными, былъ крайне

непріятно пораженъ безперемонностью обращенія Потемкина со всѣми безъ исключенія и отсутствіемъ чувства собственнаго достоинства въ лицахъ, окружавшихъ главнокомандующаго.

Екатерина писала Потемкину 22-го августа: «По заключеніи мира съ королемъ шведскимъ, французской службы волонтеръ, служившій на гребной нашей флотиліи, полковникъ графъ Ланжеронъ, просилъ меня дозволить ему ѣхать въ армію, подъ вашимъ главнымъ предводительствомъ находящуюся, въ чемъ, видя его желаніе, отказать причины не находила, а какъ онъ вездѣ оказалъ, паче при Біорьскомъ прогнаніи шведскаго гребнаго флота, приличные его благородству поступки и храбрость, лично же отнюдь не зараженъ народа своего нынѣшнему обществу зловредною пагубою, но оную оплакиваетъ при всякомъ случаѣ, того для расудила за благо ему сіе для него рекомендательное письмо начертать; окажи ему пріязненный пріемъ; онъ современно (со временемъ?) въ своей землѣ будетъ одинъ изъ тѣхъ, кои стараться стануть о возстановленіи королевской власти непремѣнно» ¹⁾).

Осенью 1790 года Ланжеронъ прибылъ въ лагерь Потемкина подъ Бендерами. О впечатлѣніи, произведенномъ княземъ на него при этомъ случаѣ, сказано въ его запискахъ слѣдующее: «Князь тогда готовился къ отъѣзду въ Крымъ для осмотра флота; лошади были приготовлены; лейбъ-гвардія его ежеминутно ожидала его отъѣзда; однако, мнѣ говорили, что изъ всего этого нельзя было вывести заключенія о времени путешествія князя; иногда случилось, что лошади бывали запряжены въ продолженіе шести мѣсяцевъ, пока, наконецъ, князь не рѣшался отправиться въ путь. Въ Бендерахъ Потемкинъ жилъ въ домѣ одного турецкаго паши. На дворѣ этого дома я увидѣлъ около шестисотъ офицеровъ, курьеровъ и ординарцевъ; въ небольшой передней я засталъ князя Репнина, князя Долгорукаго, принца Виртембергскаго, генераловъ, адъютантовъ, полковниковъ и пр.; всѣ они желали видѣть князя Потемкина, но едва осмѣливались подходить къ двери его кабинета. Роже-де-Дамà (Roger de Damas) повелъ меня въ комнату князя. Я увидѣлъ человека высокаго роста, въ шлафроктѣ, съ растрепанными волосами; имѣя мрачный и разсѣянный видъ, онъ былъ занятъ подписываніемъ бумагъ. Онъ взялъ рекомендательное письмо, которое мнѣ дала къ нему императрица, пробѣжалъ его и сказалъ, не смотря на меня: «Ладно; я вамъ совѣтую оставаться съ г. Дамà». Этотъ пріемъ меня нѣсколько удивилъ. Къ тому же г. Дамà увѣрялъ меня, что пріемъ, оказанный мнѣ княземъ, былъ особенно благопріятный. Впослѣдствіи я убѣдился въ справедливости мнѣнія г. Дамà. Очень скоро послѣ моего пребыванія въ кабинетѣ князя, онъ вышелъ оттуда. Всѣ бросились къ нему на встрѣчу,

¹⁾ Сборн. Ист. Общ., т. XLII, стр. 101—102.

но онъ прошелъ чрезъ густую толпу, показывая видъ, что никого не замѣчаетъ, впрочемъ, проходя мимо меня, онъ слегка кивнулъ мнѣ головой, я едва-едва могъ замѣтить это движеніе. Однако, тотчасъ же я сдѣлался предметомъ общаго вниманія, всѣ окружили меня, перешептываясь и оказывая мнѣ почтеніе, предлагая мнѣ услуги и осыпая меня любезными фразами. Я не имѣлъ понятія о причинѣ такой бросавшейся въ глаза привѣтливости. Тогда врачъ князя, докторъ Массо, объяснилъ мнѣ, что едва примѣтный кивокъ князя былъ тому причиною. Можно представить себѣ, до чего доходило мое удивленіе по этому поводу».

Понятно, что Ланжерону все это сильно не понравилось, и онъ не желалъ оставаться долго при Потемкинѣ. Онъ замѣчаетъ въ свихъ запискахъ: «Я готовъ оказывать почтеніе истинно великимъ людямъ, каковы, напримѣръ, были Тюренъ, Люксембургъ, принцъ Егеній Савойскій, или австрійскій генераль Лаудонъ. Но торчатъ въ передней выскочки вмѣстѣ со всѣми его окружавшими лакеями мнѣ казалось невыносимымъ униженіемъ»¹⁾.

Вскорѣ послѣ этого перваго свиданія съ княземъ, графъ Ланжеронъ покинулъ лагерь и вмѣстѣ съ молодымъ принцемъ де-Линь и молодымъ герцогомъ Ришелье отправился къ берегамъ Дуная, гдѣ эти волонтеры участвовали въ штурмѣ Измаила. Послѣ ваятія этой крѣпости, при чемъ Ланжеронъ повредилъ себѣ ногу, онъ отправился въ Яссы, гдѣ находился Потемкинъ. Путешествіе было сопряжено съ разными затрудненіями. Коляска, въ которой ѣхалъ графъ вмѣстѣ съ однимъ англичаниномъ, Бентгамомъ, увязла въ грязи, такъ что путешественники не знали, какъ продолжать путь. Въ это время подѣхала повозка, запряженная восемью волами. Полковникъ Бентгамъ желалъ воспользоваться этимъ случаемъ и пересѣсть въ этотъ экипажъ; оказалось, что въ немъ сидѣла одна изъ прачекъ Потемкина, которая никакъ не хотѣла дозволить Бентгаму ѣхать въ ея повозкѣ и начала ругаться. Когда англичанинъ возразилъ ей, что онъ полковникъ, прачка сказала, что люди, находящіеся при Потемкинѣ, выше полковниковъ и даже генераловъ. Какъ видно, высокомеріе и чванство, которыми отличался самъ князь, переходили и на лицъ, непосредственно его окружавшихъ.

Впрочемъ, Потемкинъ, во время пребыванія Ланжерона въ Яссахъ, произвелъ отчасти довольно благоприятное впечатлѣніе на французскаго эмигранта. Ланжеронъ рассказываетъ: «Въ Яссахъ я не нашелъ въ Потемкинѣ прежняго мрачнаго и желчнаго сатрапа, который, давая чувствовать всѣмъ и каждому свое безусловное могущество, заставлялъ окружавшихъ его хранить глубоко-

¹⁾ «Se voir confondu dans l'antichambre d'un parvenu avec tous les valets qu'il traîne après lui, cette bassesse me parut impossible à supporter».

кое молчаніе, внушалъ страхъ и мстилъ подчиненнымъ за всѣ свои неудачи въ войнѣ и любовныхъ похожденияхъ; однимъ словомъ, онъ не былъ такимъ, какимъ я видѣлъ его въ Бендерахъ. Въ Яссахъ я въ немъ встрѣтилъ султана веселаго и привѣтливаго, готоваго обращаться чрезвычайно любезно со всѣми и пользовавшагося своимъ положеніемъ лишь для того, чтобы обнаруживать всю прелесть своей остроумной бесѣды. Быть можетъ, онъ ожидалъ, что взятіе Измаильской крѣпости могло отвратить отъ него упреки современниковъ и потомства; быть можетъ, онъ, благодаря этой удачѣ, считалъ свое могущество болѣе прежняго обезпеченнымъ. Какъ бы то ни было, онъ находился въ самомъ благопріятномъ расположеніи духа и обнаруживалъ необычайную веселость. Мнѣ рѣдко случалось бывать по вечерамъ въ столь пріятномъ обществѣ, какъ въ Яссахъ у князя. Насъ было около десяти-двѣнадцати человѣкъ, которые допускались къ нему безъ церемоніи, и обыкновенно мы оставались у него съ восьми часовъ вечера до трехъ или четырехъ часовъ утра. Онъ съ нами бесѣдовалъ вопреки своему обыкновенію совсѣмъ фамильярно, сообщалъ намъ разные случаи изъ своей карьеры и даже описывалъ намъ безъ всякой сдержанности свой нравъ, пылкій по природѣ и нѣсколько смягченный по расчету¹⁾. Далѣе онъ говорилъ о своихъ необычайныхъ успѣхахъ, увѣряя насъ, что удовольствія въ его жизни всегда преобладали надъ неприятностями или страданіями. Однимъ словомъ, онъ опровергнулъ совершенно то понятіе, которое я себѣ составилъ было о мнимомъ счастьѣ честолюбивыхъ карьеристовъ. Однажды онъ сказалъ намъ: «Святой Григорій когда-то прибылъ въ одинъ городъ, гдѣ засталъ не болѣе семи христіанъ; когда онъ покинулъ этотъ городъ, въ немъ оставалось лишь семь язычниковъ. Что же касается меня, то въ то время, когда я сюда пріѣхалъ, во всемъ Черномъ морѣ было не болѣе четырехъ фрегатовъ, тогда какъ тамъ было десять турецкихъ судовъ; нынѣ же я располагаю восемнадцатью русскими судами и желаю, чтобы турецкихъ не оставалось болѣе четырехъ фрегатовъ». Другой разъ онъ горько жаловался на то, что артиллерія не прибыла въ Яссы во время по случаю устраиваемаго имъ праздника. Князь Гагаринъ, полковникъ Московскаго гренадерскаго полка, предложилъ ему пушки, находившіяся въ его распоряженіи. «Нѣтъ,—возразилъ князь,— какъ скоро я приказываю стрѣлять при подобныхъ случаяхъ, то не довольствуюсь подражать треску пистолета, а желаю порядочнаго шума на подобіе грома». Потемкинъ тогда былъ влюбленъ въ г-жу де-Витъ и сказалъ ей однажды при насъ: «Вы — единственная женщина, которая умѣетъ ладить со мною». «Знаю,—

¹⁾ «Il nous peignit lui-même son caractère jaloux, violent par nature et modéré par le calcul».

возравила на это султанша,—если бы я была вашею любовницею, то давно была бы забыта. За то я всегда могу оставаться вашею подругою». Я не знаю, говорила ли она правду. Иногда Потемкинъ устраивалъ концерты, показывалъ намъ свой балетъ и давалъ въ честь находившихся здѣсь молдаванъ великолѣпныя балы. При подобныхъ случаяхъ онъ обнаруживалъ гордость султана, удостоивающаго своихъ подданныхъ приближаться къ нему. Онъ носилъ тогда богатый костюмъ, осыпанный брилліантами, и показывалъ видъ, будто едва замѣчаетъ окружавшую его толпу. Всѣ хранили предъ нимъ глубокое молчаніе; пройдя мимо собравшихся, Потемкинъ садился за карточный столъ или оставался наединѣ съ г-жею де-Вить, съ которою любилъ бесѣдовать».

Ланжеронъ рассказываетъ о случаяхъ довольно грубаго обращенія Потемкина съ подчиненными. Въ сочиненіи Кастера «*Vie de Catherine II*» сказано, что князь иногда давалъ пощечины довольно знатнымъ лицамъ¹⁾. Трудно было вѣрить сообщенію писателя-памфлетиста, довольно часто передававшаго сплетни и анекдоты, подлежащія сомнѣнію. Однако, Ланжеронъ, заслуживающій полного довѣрія, говоритъ о подобномъ случаѣ съ княземъ Волконскимъ, которому Потемкинъ неоднократно давалъ пощечины безъ особеннаго повода и, какъ прибавлено въ запискахъ Ланжерона, «безъ послѣдствій». Графъ не понималъ, какимъ образомъ было возможно, что князь Волконскій безъ прекословія терпѣлъ эти оскорбленія. Одинъ русскій офицеръ сообщилъ Ланжерону о томъ, сколь ужаснымъ способомъ князь Волконскій отмстилъ Потемкину за побои: онъ въ продолженіе цѣлой недѣли ни разу не былъ у Потемкина.

Записавъ это въ своихъ мемуарахъ въ 1796 году, Ланжеронъ къ рукописи прибавилъ въ 1824 году слѣдующую приписку: «Если бы теперь существовалъ вельможа, въ родѣ князя Потемкина, я бы ему не совѣтовалъ возобновить подобныя шутки. Въ 1790 году ему сходило то, что не удалось бы въ 1824 году». Значить, по мнѣнію Ланжерона, за это время успѣло развиться и окрѣпнуть въ средѣ русскихъ сановниковъ и военныхъ чувство собственнаго достоинства.

Можно представить себѣ, сколь тяжелое впечатлѣніе производили такія сцены на иностранцевъ, бывшихъ свидѣтелями подобнаго неистовства. Въ запискахъ родственника Потемкина, Энгельгардта, приведенъ слѣдующій примѣръ деспотическихъ приѣмовъ князя. Однажды, въ 1790 году, когда генералъ Кречетниковъ сообщилъ по ошибкѣ князю ложное извѣстіе объ одержанной побѣдѣ надъ шведами, Потемкинъ за обѣдомъ сталъ бранить его; князь Д., сидѣвшій подлѣ Потемкина, началъ защищать генерала. Потемкинъ

¹⁾ Томъ II, стр. 201.

такъ разсердился и вышелъ изъ себя, что схватилъ Д. за георгиевскій крестъ, сталъ его дергать, говоря: «какъ ты смѣешь защищать его, ты, которому я изъ милости далъ сей орденъ, когда ты во время штурма очаковского струсилъ?». Вставъ изъ-за стола, Потемкинъ подошелъ къ австрійскимъ генераламъ, находившимся тутъ, и сказалъ: «извините, господа, я увлекся; но я знаю свой народъ, и я поступилъ такъ, какъ нужно»¹⁾).

Нельзя удивляться тому, что иностранцы при неприятностяхъ съ Потемкинымъ держали себя менѣе скромно, нежели русскіе подчиненные князя. Такой случай былъ и съ Ланжерономъ. Въ другомъ источникѣ рассказано, будто Потемкинъ однажды за столомъ замѣтилъ по поводу французской революціи, что можно легко образумить французовъ, отправивъ во Францію небольшой отрядъ казаковъ, и будто Ланжеронъ на это отвѣтилъ, что вся русская армія не могла бы справиться съ французами. Ланжеронъ, знавшій объ этомъ рассказѣ, сообщаетъ въ своихъ мемуарахъ слѣдующее: «Однажды за столомъ Потемкинъ ругалъ поляковъ. Бывшій тутъ графъ Гуровскій одобрилъ оскорбительные отъявы князя. Затѣмъ Потемкинъ позволилъ себѣ выходку противъ французскаго дворянства, я возражалъ ему не безъ нѣкоторой гордости; во всякомъ другомъ мѣстѣ мои возраженія считались бы совершенно умѣстными; въ Россіи, однако, это было неслыханною смѣлостью. Всѣ лица, бывшія за столомъ, поблѣднѣли и совсѣмъ струсили. Потемкинъ, крайне раздраженный, всталъ изъ-за стола и вышелъ. Гуровскій затѣмъ меня упрекнулъ въ чрезмѣрной пылкости; я же порицалъ его малодушіе, и онъ отвѣтилъ на это: «Il faut vivre!».

Послѣ этой сцены Ланжеронъ оставался еще двѣ недѣли въ лагерѣ Потемкина; затѣмъ онъ простился съ княземъ, обнаружившимъ при этомъ холодную вѣжливость. «Если бы Потемкинъ оставался въ живыхъ, — сказано въ запискахъ Ланжерона: — я бы не продолжалъ службы въ Россіи».

Ланжеронъ сообщаетъ разные случаи неблаговиднаго образа дѣйствій Потемкина въ обращеніи съ людьми достойными и способными. Нахальство (insolence) князя раздражало всѣхъ и каждого. Такъ, напримѣръ, онъ терпѣть не могъ графа Штапельберга, потому что этотъ дипломатъ отличался необычайными талантами²⁾. Извѣстны далѣе случаи грубаго обращенія Потемкина съ Суворовымъ. Получивъ однажды письмо отъ Суворова, князь въ бесѣдѣ съ Рябасомъ смѣялся надъ напыщеннымъ слогомъ знаменитаго полко-

¹⁾ Энгельгардтъ, 83—84.

²⁾ «Stackelberg avait de grands talents, et c'était un crime que le satrape pardonnait rarement».

водца и назвалъ его дуракомъ. «Суворовъ—дуракъ!—прибавляетъ къ этому Ланжеронъ.—Многіе государи считали бы себя счастливыми имѣть въ своей службѣ такихъ дураковъ»¹⁾).

III.

Потемкинъ, какъ военачальникъ и администраторъ. — Очаковъ. — Пребываніе князя при дворѣ. — Измаилъ.

Достойна вниманія въ запискахъ Ланжерона оцѣнка дѣятельности Потемкина, какъ администратора и полководца.

Извѣстно, что князь, въ качествѣ президента военной коллегіи и фельдмаршала, въ 1783 и 1784 годахъ, оказалъ войску существенную услугу реформой одежды и уборки волосъ солдатъ. Въ подробной запискѣ онъ изложилъ свой взглядъ на технику обученія солдатъ, на вредъ лишняго щегольства, на лишнее «педаанство» иностранныхъ офицеровъ. Въ этомъ смыслѣ были проведены нововведенія, которыми восхищались современники, и которыми были особенно довольны солдаты²⁾. Все это не согласовалось съ возрѣніями Румянцова, подражателя прусскихъ порядковъ. Ланжеронъ, упоминая въ своихъ запискахъ объ этомъ разногласіи между Румянцовымъ и Потемкинымъ, отдаетъ полную справедливость послѣднему, находя, что реформы князя оказались совершенно цѣлесообразными, и что возвращеніе къ прусскимъ образцамъ при Павлѣ было чрезвычайно вреднымъ. Въ общей сложности Ланжеронъ одобрялъ тѣ гуманныя начала, которыми руководствовался Потемкинъ при обращеніи съ солдатами. Ему главнымъ образомъ солдаты были обязаны временнымъ смягченіемъ варварскихъ и безумныхъ тѣлесныхъ наказаній. Однако Ланжеронъ находилъ, что Потемкинъ увлекался въ этомъ направленіи, что онъ заходилъ слишкомъ далеко и этимъ подорвалъ дисциплину въ русскомъ войскѣ. Мнѣніе графа раздѣляли и другіе современники, напримеръ, герцогъ Ришелье.

Самою важною службою, оказанною Россіи Потемкинымъ, по мнѣнію Ланжерона, было сооруженіе Черноморскаго флота. Впрочемъ и въ этомъ отношеніи мнѣнія современниковъ расходились. Между тѣмъ какъ Чичаговъ обвинялъ Потемкина въ томъ, что флотъ долженъ былъ служить лишь орудіемъ княжескаго честолюбія, Самойловъ и другіе приверженцы князя удивлялись необычайнымъ заслугамъ его въ этомъ отношеніи. Нѣтъ сомнѣнія,

¹⁾ Слова Потемкина: «J'ai reçu la lettre de votre chef; à l'enfleure du style et au gigantesque des expressions j'ai reconnu la bête».

²⁾ См. изложеніе этого предмета въ моемъ сочиненіи о Потемкинѣ на стр. 67 и 68. Тамъ же воспроизведеніе его записки, отъѣзды Самойлова, Воронцова, Державина и др.

что Черноморскій флотъ былъ главнымъ условіемъ перевѣса Россіи надъ Оттоманскою Портою, и что въ этомъ отношеніи Потемкинъ успѣлъ сдѣлать многое, располагая недостаточными средствами. Ланжеронъ въ другомъ мѣстѣ, говоря о турецкомъ походѣ 1788 года, выставляетъ на видъ, что въ сущности флотъ былъ плохъ, и что ощущался недостатокъ въ матросахъ, офицерахъ и пр.¹⁾.

За то Ланжеронъ въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ осуждалъ образъ дѣйствій Потемкина въ качествѣ главнокомандующаго въ турецкой войнѣ. Въ особенности же онъ подвергалъ строгой критикѣ ту жалкую роль, которую князь игралъ во время осады Очакова. Изъ другихъ источниковъ извѣстно, въ какой мѣрѣ и другіе современники были недовольны Потемкинымъ. Не только явные недоброжелатели его, какъ, напримѣръ, Воронцовы и Завадовскій, порицали нерѣшительность князя, даже и тѣ люди, которые могли считаться его друзьями, какъ-то принцъ де-Линь и принцъ Нассау-Зигенъ, находили его образъ дѣйствій непростительнымъ. Суворовъ былъ въ отчаяніи отъ медленности дѣйствій Потемкина, де-Линь въ своихъ письмахъ къ императору Іосифу II смѣялся надъ княземъ²⁾; Нассау писалъ къ женѣ изъ лагеря подъ Очаковымъ, между прочимъ: «Никогда еще такъ³⁾ не воевали, какъ мы теперѣ воюемъ. Князь, котораго я очень люблю, менѣе всѣхъ другихъ можетъ считаться военнымъ человѣкомъ, а къ тому же его самолюбіе доходитъ до того, что онъ не слушаетъ ничьихъ совѣтовъ»; въ другомъ письмѣ принца Нассау къ женѣ сказано о Потемкинѣ: «Господи! какъ этотъ человѣкъ мало годится для военныхъ дѣйствій! Ни за что я не рѣшусь долѣе служить при немъ... для себя я имъ могу быть очень доволенъ, но его образъ дѣйствій въ войнѣ ужасенъ» и пр.⁴⁾.

Ланжеронъ не былъ свидѣтелемъ похода 1788 года. О событіяхъ подъ Очаковымъ онъ узналъ лишь отъ лицъ, участвовавшихъ въ этой кампаніи, между прочимъ, отъ принца Нассау-Зигена, съ которымъ онъ сблизился въ Финляндіи еще до перваго свиданія съ княземъ Потемкинымъ. Участвуя затѣмъ въ разныхъ дѣлахъ турецкой войны и познакомившись лично съ главнокомандующимъ на югѣ, графъ былъ въ состояніи, такъ сказать, провѣрить рассказы современниковъ о томъ, какъ держалъ себя Потемкинъ во время осады Очакова. Ланжеронъ зналъ подробно объ образѣ дѣй-

¹⁾ «Un ramassis informe d'une quantité de détestables bâtimens de toutes formes, de toutes grandeurs, montés par des hommes, qui n'étaient ni marins, ni soldats, ni officiers».

²⁾ См. выдержки изъ его писемъ въ моемъ сочиненіи о Потемкинѣ, стр. 134 и 135.

³⁾ Т. е. такъ плохо.

⁴⁾ Изъ недавно изданнаго сочиненія д'Арагона о принцѣ Нассау.

ствій князя по поводу штурма Измаила и Мачинской битвы; онъ могъ составить себѣ точное понятіе о нерѣшительности Потемкина, о его самодурствѣ и обращеніи съ другими генералами, и потому данныя объ осадѣ Очакова въ сочиненіяхъ Ланжерона, хотя его участіе въ военныхъ событіяхъ на югѣ началось лишь два года спустя, не лишены значенія.

Неоднократно Ланжеронъ говоритъ о сравнительно ничтожныхъ средствахъ, которыми располагали турки, и о легкой возможности успѣшно сражаться съ ними. Упоминая однажды о походѣ 1788 г., онъ замѣчаетъ, что ни Иосифъ II, ни Потемкинъ, не умѣли взяться за дѣло. По его мнѣнію, половина того войска, которымъ располагали австрійцы и русскіе при другихъ военачальникахъ, была бы достаточна для гораздо болѣе важныхъ результатовъ въ борьбѣ съ турками. «Осада Очакова, — сказано въ другомъ мѣстѣ записокъ Ланжерона, — представляетъ собою любопытный примѣръ того, въ какой мѣрѣ достойнымъ смѣха и удивленія оказывается полное невѣжество въ дѣлахъ войны и упрямство сатрапа. Впродолженіе восьми мѣсяцевъ 40 000-ное войско осаждало Очаковъ, который можно считать крѣпостью пятого разряда. Можно было ожидать хотя бы нѣкоторой доли военного таланта въ Потемкинѣ послѣ того, какъ онъ, благодаря выбору государыни, сдѣлался главнокомандующимъ. Однако, вмѣсто того, онъ надѣлалъ лишь глупостей. Рассказывали, что императрица ожидала взятія Очакова уже лѣтомъ (1788 года), но что недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ и аммуниціи препятствовалъ этому успѣху. Вмѣсто того, чтобы позаботиться о снабженіи войска всѣмъ нужнымъ, Потемкинъ истратилъ находившіяся въ его распоряженіи средства на покупку драгоценныхъ камней и разныхъ другихъ предметовъ роскоши и на разныя удовольствія. Главною причиною замедленія взятія Очакова была нерѣшительность князя, обходившаяся дорогою арміи. Благодаря этому, погибло не менѣе 20.000 человекъ и 20.000 лошадей. Иногда Потемкинъ по цѣлымъ недѣлямъ не выходилъ изъ своего великолѣпнаго дворца, построеннаго для него въ степи, и, какъ казалось, думалъ скорѣе о всевозможныхъ другихъ предметахъ, нежели объ осадѣ Очакова. Однажды, когда князь услышалъ пушечную стрѣльбу въ траншеяхъ, онъ послалъ спросить у генерала Пистера о причинѣ пальбы. Раздраженный страннымъ запросомъ главнокомандующаго, генераль Пистеръ отвѣтилъ: «Скажите князю, что стрѣляютъ по случаю русско-турецкой войны». Другой разъ, генераль засталъ Потемкина въ халатѣ, окруженнаго всѣмъ своимъ дворомъ и наслаждавшагося великолѣпнымъ концертомъ. Потемкинъ спросилъ Пистера, какъ онъ думаетъ объ Очаковѣ: «А вотъ что я думаю, — отвѣчалъ нѣмецъ, — мнѣ кажется, что, по вашему мнѣнію, стѣны Очакова походятъ на стѣны

Иерихона, и что, благодаря этому, укрѣпленія турецкой крѣпости рвутся отъ звуковъ вашихъ трубъ и литавръ».

У Ланжерона встрѣчаются далѣе еще слѣдующія данныя, относящіяся къ тому же предмету. Генераль Синельниковъ, тотъ самый, который убитъ при рекогносцировкѣ, сдѣланной Потемкинымъ исключительно съ цѣлью доказать свою храбрость, былъ виновенъ въ казнокрадствѣ и набивалъ себѣ карманы, вмѣсто того, чтобы заботиться о провизіи и аммуниціи. Онъ пріѣхалъ въ лагерь князя нарочно для того, чтобы испросить прощенія за свои продѣлки, но былъ убитъ. Солдаты, знавшіе о недобросовѣстномъ образѣ дѣйствій Синельникова, считали его смерть карою Божіею за его преступленія. Извѣстно, что Потемкинъ ждалъ до зимы и лишь въ то время, когда наступили страшные морозы, и положеніе русскаго войска сдѣлалось безвыходнымъ, рѣшился на приступъ. Въ запискахъ родственника Потемкина, графа Самойлова, сказано: «Холодъ былъ необыкновенный, но войска ничего не терпѣли; солдаты въ траншеяхъ имѣли шубы, шапки и кенги, мясную пищу, винную порцію, пуншъ горячій изъ рижскаго балъзама, который пили офицеры и генералы»¹⁾. Совсѣмъ иное мы встрѣчаемъ въ запискахъ Ланжерона. «Многія лица, — говоритъ онъ, — участвовавшія въ осадѣ Очакова, рассказывали мнѣ объ ужасныхъ страданіяхъ русскаго войска. Морозы доходили до того, что чернила замерзали въ чернильницѣ. Голодъ свирѣпствовалъ въ лагерѣ. Офицеры просили милостыню. Репнинъ изъ своего кармана кормилъ многихъ офицеровъ и для той цѣли истратилъ своихъ денегъ 60.000 рублей. Вотъ почему всѣ, наконецъ, настаивали на томъ, чтобы не откладывать далѣе штурма. Что касается до князя Потемкина, то онъ сидѣлъ себѣ уютно въ теплой комнатѣ и обнаруживалъ полное равнодушіе» и пр.

Рассказъ Самойлова не вяжется не только съ этими данными въ запискахъ Ланжерона, но и съ самымъ ходомъ событій. Изъ достовѣрныхъ источниковъ мы знаемъ, что откладывать штурмъ оказалось невозможнымъ, благодаря тому, что въ русскомъ лагерѣ нуждались во всемъ; 5-го декабря дежурный генераль объявилъ князю, что на другой день нѣтъ болѣе ни одного куска топлива, а оберъ-провіантмейстеръ съ своей стороны прибавилъ, что хлѣба не хватитъ даже на одинъ день. При такихъ обстоятельствахъ, рассказъ Самойлова объ удовлетворительномъ положеніи, въ которомъ будто бы находилось русское войско, оказывается пустою болтовнею, живою прикрасою.

Ланжеронъ передаетъ еще о слѣдующемъ любопытномъ обстоятельстве. Турки, сказано въ его запискахъ, намѣревались было сдѣлать вылазку 5-го декабря. Сильная буря, случившаяся въ

¹⁾ «Русскій Архивъ», 1867 г., стр. 1251.

этотъ день, заставила ихъ отложить исполненіе своего намѣренія на другой день. Если бы вылазка турокъ состоялась 5-го декабря, то, по мнѣнію Ланжерона, все русское войско могло бы погибнуть и пр.

Въ виду всего этого Ланжеронъ не могъ не удивляться тому, что Потемкину, послѣ взятія Очакова, былъ оказанъ при дворѣ благопріятный пріемъ. Всѣ военные были убѣждены въ томъ, что нерѣшительность Потемкина, его упрямство и неумѣніе взяться за дѣло имѣли слѣдствіемъ совершенно напрасную потерю многихъ тысячъ людей, и что можно было взять Очаковъ гораздо легче еще лѣтомъ. А между тѣмъ Екатерина, разумѣется, не имѣвшая возможности составить себѣ точное понятіе о ходѣ дѣла, казалась очень довольною княземъ. Узнавъ о взятіи крѣпости, она писала Потемкину: «За уши взявъ обѣими руками, мысленно тебя цѣлую, другъ мой сердечный». И дальше: «Всѣмъ ты ротъ закрылъ, и симъ благополучнымъ случаемъ доставляется тебѣ еще способъ оказать великодушіе слѣпо и вѣтренно тебя осуждающимъ». Почти наканунѣ полученія извѣстія о взятіи крѣпости императрица, узнавъ изъ перлюстраціи, что принцъ Нассау-Зигенъ обвинялъ Потемкина въ упущеніи удобнаго времени для рѣшительныхъ дѣйствій, замѣтила въ бесѣдѣ съ Храповицкимъ: «Это правда, я сама не велѣла идти на приступъ для сбереженія людей»¹⁾. Теперь же, по полученіи извѣстія о взятіи Очакова, она писала къ доктору Циммерману, защищая Потемкина отъ упрековъ въ чрезмѣрной медлительности: «Князь предпринималъ всѣ способы такъ, какъ и должно, прежде нежели приступить штурмовать эту крѣпость. Удобнѣйшее время къ сему, конечно, было то, когда лиманъ, покрывшись льдомъ, сдѣлалъ приморскую сторону неприступною къ доставленію помощи осажденнымъ; сверхъ же того, и по взятіи города давалъ время взять нужныя предосторожности для будущаго. Но нетерпѣливость горячихъ головъ и молодыхъ храбрыхъ людей, также полуголовъ, не видящихъ далѣе своего носа, трехчетвертныхъ головъ, толкующихъ криво, завистниковъ, враговъ явныхъ и тайныхъ,—все сіе въ подобномъ случаѣ, конечно, есть дѣло самое непріятное, и отъ всего онаго чрезвычайно много должны были терпѣть твердость и постоянство фельдмаршала. Въ моихъ глазахъ дѣлаетъ ему честь величайшую то, что онъ въ числѣ другихъ великихъ и похвальныхъ качествъ имѣетъ еще и способность прощать непріятелямъ, дѣлать имъ добро и такимъ образомъ умѣетъ торжествовать надъ своими противниками. Теперь говорятъ, что онъ могъ взять Очаковъ раньше, это правда, но теперь это было удобнѣе, чѣмъ когда либо»²⁾.

¹⁾ Храповицкій, 10 декабря 1788 г.

²⁾ Marcard, Zimmermanns Verhältnisse mir der Kaiserin Catharina II. Bremen. 1803 г., стр. 381.

Письма императрицы къ Циммерманну, обыкновенно отправляшіяся нарочно по почтѣ съ тою цѣлью, чтобы путемъ «перлюстраціи» содержаніе ихъ сдѣлалось извѣстнымъ въ официальныхъ сферахъ Западной Европы, могутъ считаться какъ бы передовыми статьями официозной газеты. Въ нихъ поэтому нельзя ожидать безпристрастнаго отношенія къ дѣлу; тутъ были натяжки, и, быть можетъ, сама Екатерина не была убѣждена въ основательности тѣхъ возрѣній, распространеніе которыхъ въ публикѣ ей казалось выгоднымъ. Во всякомъ случаѣ императрица не можетъ считаться экспертомъ въ вопросахъ тактики. Ея мнѣнія по вопросу о техникахъ дѣла не заслуживаютъ вниманія при разъясненіи мѣры цѣлесообразности дѣйствій Потемкина. На этотъ счетъ отзывы товарищей князя, опытныхъ военачальниковъ, какъ, напримѣръ, Суворова, принца Нассау, принца де-Линь и пр., имѣютъ совсѣмъ иное значеніе. Изъ военныхъ всѣ, кромѣ Самойлова, сильно порицали Потемкина. Екатерина знала объ этомъ. Ожидая пріѣзда князя въ Петербургъ, она однажды спросила своего камердинера Захара: «Скажи, пожалуйста, любятъ ли въ городѣ князя?». Выслушавъ отвѣтъ Захара: «Одинъ Богъ да вы», она замолчала и сильно позадумалась¹⁾.

Торжественный пріемъ, оказанный князю въ Петербургѣ послѣ взятія Очакова, извѣстенъ въ подробностяхъ. Тутъ были и триумфальные ворота и другія почести; весь городъ побывалъ у него; ему подносили стихи, въ томъ числѣ Державинъ поднесъ извѣстную оду: «Побѣдителю». Екатерина подарила ему жезлъ, медаль, большую сумму денегъ и пр.²⁾.

Ланжеронъ, годомъ позже прибывшій въ Россію, подробно узналъ обо всемъ этомъ. Онъ замѣчаетъ въ своихъ запискахъ: «Вмѣсто того, чтобы строго наказать Потемкина, его встрѣчаютъ съ торжествомъ. Въ Англіи съ нимъ поступили бы иначе: онъ непременно погибъ бы на эшафотѣ». Къ этому прибавлено гораздо позже: «Нѣтъ, въ Англіи ему не удалось бы занять такого мѣста; или же онъ самъ, занимая такой постъ, дѣйствовалъ бы совсѣмъ иначе». Насмѣхаясь надъ мнимымъ геройствомъ князя Потемкина, Ланжеронъ спрашиваетъ: «Не было ли у грековъ и римлянъ такихъ же героевъ, въ родѣ Потемкина?»³⁾. «Такъ какъ Екатерина назначила Потемкина главнокомандующимъ, — сказано далѣе въ запискахъ Ланжерона, — то нельзя удивляться тому, что турки все еще находятся въ Европѣ». Говоря о походахъ 1788 и 1789 годовъ, Ланже-

¹⁾ Изъ писемъ Гарновскаго въ «Русской Старинѣ», XVI, 234—236.

²⁾ См. мое сочиненіе о Потемкинѣ, стр. 160—165.

³⁾ «Voilà quelle est la justice des contemporains: s'ils sont tels de nos yeux et sous nos yeux, que devons nous penser de la plupart des héros de l'antiquité? n'y avait-il parmi eux beaucoup de Potemkin?»

ронъ замѣчаетъ, что къ нимъ можно примѣнить пословицу о горѣ, родившей мышь. Бендеры, какъ справедливо сказано въ запискахъ графа, были взяты посредствомъ подкупа. Вообще, результаты военныхъ дѣйствій этихъ походовъ были далеко не блестящими. Рассказывая о событіяхъ 1790 года, въ которыхъ онъ самъ участвовалъ, Ланжеронъ еще разъ возвращается къ осадѣ Очакова, утверждая: «Совсѣмъ напрасно говорятъ, будто медленность дѣйствій князя была результатомъ стратегическихъ комбинацій. Любовныя похиженія, минутныя причуды имѣли для него болѣе значеніе, нежели служебный долгъ и интересы Россіи»¹⁾.

Медленность дѣйствій Потемкина, вялость и нерѣшительность его продолжались и послѣ взятія Очакова. Ланжеронъ, намекая на это, рассказываетъ, что наконецъ сама Екатерина была имъ недовольна и требовала отъ него болѣе энергичныхъ дѣйствій²⁾. «Сатрапъ не показывалъ вида своего смущенія,—сказано въ запискахъ Ланжерона,—однако содержаніе письма императрицы сдѣлалось извѣстнымъ, благодаря слѣдующему случаю: слуга, которому было поручено содержать въ порядкѣ бумаги князя въ его кабинетѣ, и который не звалъ грамотѣ, былъ пьянъ и уронилъ нечаянно это письмо; одинъ изъ адъютантовъ поднялъ письмо и рассказалъ о его содержаніи другимъ лицамъ».

Какъ кажется, этотъ анекдотъ относится къ концу 1790 года, то-есть къ тому времени, когда Ланжеронъ уже находился при Потемкинѣ. Однако, между письмами Екатерины къ князю, относящимися къ этому времени и напечатанными въ «Сборникѣ Императорскаго Историческаго Общества», нѣтъ никакихъ особенно рѣзкихъ выраженій, которыя обнаруживали бы нетерпѣніе или гнѣвъ. Развѣ только, въ письмѣ отъ 1-го ноября 1790 г., она слегка упрекаетъ его въ томъ, что двадцать девять дней не получала отъ него никакихъ извѣстій; въ томъ же письмѣ сказано: «Увидимъ, каковъ будетъ успѣхъ подѣ Килію». Ланжеронъ рассказываетъ, что упоминаемое имъ письмо Екатерины заставило Потемкина двинуть войска противъ Киліи. Вообще же въ дошедшихъ до насъ письмахъ Екатерины преобладаетъ тонъ истинной дружбы и полнаго довѣрія, хотя императрица не всегда соглашалась съ мнѣніями князя. Быть можетъ, анекдотъ Ланжерона относится къ желанію Потемкина покинуть армію и на время поѣхать въ столицу, на что императрица сначала не соглашалась. Наконецъ, нельзя не допустить также возможности, что не всѣ письма Екатерины къ князю напечатаны. Какъ бы то ни было, во время послѣдняго пребыванія

¹⁾ «Chez lui un amour, que dis je? une fantaisie de 8 jours, le caprice d'une coquette ou le projet d'une fête occupaient exclusivement son cœur et son esprit et souvent aux dépens de son devoir et de l'intérêt de l'empire».

²⁾ «Un ordre au prince Potemkin!!! c'était un phénomène en Russie».

князя въ Петербургѣ, весною 1791 года, происходили непріятности между Потемкинымъ и Екатериною¹⁾, и, наконецъ, императрица должна была принять энергичныя мѣры для того, чтобы заставить Потемкина уѣхать изъ Петербурга и продолжать военныя дѣйствія²⁾.

Особенно рѣзко Ланжеронъ упрекаетъ Потемкина въ невниманіи къ интересамъ Россіи по поводу шведско-русской войны. Князь находилъ, что русское правительство, занятое турецкою войною, должно было избѣгать разрыва съ Густавомъ III, и поэтому онъ какъ-то небрежно и легкомысленно относился къ опасности, грозившей Россіи на сѣверѣ. Около Петербурга, когда можно было ежеминутно ожидать нападенія на Ревель, Выборгъ, Кронштадтъ и столицу, почти не было войска, потому что, благодаря распоряженіямъ Потемкина, всѣ средства, которыми располагала Россія, были сосредоточены на югѣ для турецкой войны. Такъ какъ шведская война Потемкину не представляла случая разыгрывать важную роль, отличиться, покрыть себя славою, то онъ не обращалъ вовсе вниманія на событія, происходившія около Финскаго залива. Къ тому же онъ, бывший пріятель принца Нассау, мѣшалъ ему въ то время, когда принцъ командовалъ гребною флотиліею на сѣверѣ и радовался разбитію его шведскимъ королемъ лѣтомъ 1790 года. Однимъ словомъ, Потемкинъ, по разсказу Ланжерона, обнаруживалъ по случаю шведской войны полнѣйшее отсутствіе патріотизма и самое гнусное мелочное самолюбіе³⁾.

Участвуя въ штурмѣ Измаила, Ланжеронъ имѣлъ случай удостовѣриться, какъ князь относился къ этому событію. Въ запискахъ графа-эмигранта сказано, что князь при этомъ случаѣ обнаруживалъ полное равнодушіе къ благоденствію и къ жизни солдатъ, такъ что, напримѣръ, онъ не заботился объ умноженіи числа военныхъ врачей въ то время, когда можно было ожидать громаднаго числа раненыхъ при штурмѣ. Изъ другихъ источниковъ извѣстно, что Потемкинъ надѣялся занять Измаиль безъ кровопролитія⁴⁾. Ланжеронъ приводитъ слова князя: «Я, пожалуй, велю сдѣлать попытку взять Измаиль, но я не хочу потерять много народу при этомъ случаѣ». Ланжеронъ упрекаетъ Потемкина въ томъ, что онъ не выслушивалъ мнѣній генераловъ, ни съ кѣмъ не совѣтовался о военныхъ операціяхъ и упрямо придерживался своихъ собственныхъ соображеній. По разсказу Ланжерона, главнымъ виновникомъ штурма Измаила былъ Рыбасъ, отправившій къ Потемкину въ

¹⁾ См. разсказъ Секретарева въ «Русскомъ Архивѣ», 1882, I, 164.

²⁾ См. мое сочиненіе о Потемкинѣ, стр. 204—205.

³⁾ «Potemkin, plus occupé de ses propres intérêts que du bien général de l'empire, regardait la guerre de Suède comme un épisode très peu intéressant pour le roman de sa vie».

⁴⁾ См. мое сочиненіе о Потемкинѣ, стр. 183.

Яссы капитана Маллія, который сумѣлъ лукаво склонить князя къ тому, чтобы онъ не мѣшалъ дальнѣйшимъ дѣйствіямъ для взятія крѣпости. По словамъ Ланжерона, во все это время Потемкинъ обнаруживалъ безхарактерность, непослѣдовательность и невѣжество въ области военныхъ знаній. Къ тому же эгоизмъ князя по случаю штурма Измаила производилъ самое непріятное впечатлѣніе. Узнавъ о взятіи крѣпости, онъ сказалъ: «Потеря десяти или двѣнадцати тысячъ человѣкъ ничего не значитъ въ сравненіи съ столь важною побѣдою». Казалось страннымъ, что главнокомандующій все время не принималъ никакого участія въ дѣйствіяхъ, не думалъ отправиться въ лагерь подъ Измаиломъ, но оставался въ Яссахъ, окруженный своими любовницами и утопая въ роскоши и разнаго рода увеселеніяхъ. Послѣ штурма онъ намѣревался было ѣхать въ Измаиль, но ватѣмъ, узнавъ о дурной дорогѣ, не рѣшился двинуться изъ Яссъ. Къ тому же онъ будто бы сказалъ: «Я бы тамъ увидѣлъ десять тысячъ несчастныхъ, лишенныхъ всего, между тѣмъ какъ у меня лишь одна шуба, которую я бы могъ отдать имъ».

По мнѣнію Ланжерона, Потемкинъ во всѣхъ отношеніяхъ оказывался не только бесполезнымъ, но и вреднымъ. Примѣромъ своей неряшливости, безпечности и сибаритизма онъ испортилъ духъ дисциплины войска. Благодаря его нерѣшительности и совершенному отсутствію въ немъ военнаго таланта, турецкая война затянулась. Люди болѣе способные, какъ, напримѣръ, Румянцевъ, Репнинъ и Суворовъ, были стѣснены въ своихъ дѣйствіяхъ упрямствомъ и деспотизмомъ «сатрапа»; лежа на диванѣ по цѣлымъ мѣсяцамъ во время самого разгара турецкой войны, онъ лишь рѣдко видѣлъ войско, никогда онъ не дѣлалъ смотровъ; во время всей турецкой войны онъ всего-на-всего былъ развѣ три раза на конѣ, по цѣлымъ мѣсяцамъ онъ не писалъ ни одного письма даже самой императрицѣ; по цѣлымъ мѣсяцамъ онъ заставлялъ ждать отвѣта генераловъ, толпившихся въ его передней и требовавшихъ разъясненія важныхъ вопросовъ; не испрашивая ничьихъ совѣтовъ, онъ разговаривалъ лишь съ своими лакеями, оскорблялъ побоями людей важныхъ, и это ему сходило, потому что въ сановникахъ и генералахъ, его окружавшихъ, не было ни малѣйшей доли чувства собственнаго достоинства; Репнинъ, напримѣръ, трепеталъ предъ Потемкинымъ и рабски ухаживалъ за нимъ¹⁾ и пр.

Въ качествѣ президента военной коллегіи, Потемкинъ, по мнѣнію Ланжерона, былъ виновникомъ ужасныхъ безпорядковъ, такъ что вся военная администрація послѣ него представляла собою

¹⁾ «Le prince Repnin tremblait devant le favori, qui avait été à ses ordres dans toute la dernière guerre et estimait un dés regards de ce parvenu comme la plus grande faveur qui put encore lui être réservée».

хаосъ. Ему главнымъ образомъ Ланжеронъ приписывалъ бросающійся въ глаза упадокъ войска въ послѣднее время царствованія Екатерины II. Графъ посвятилъ этому предмету особенную монографію, которая находится между его бумагами, хранящимися въ Парижскомъ архивѣ. Однимъ словомъ, характеристика Потемкина, какъ государственнаго дѣятеля и военачальника, у Ланжерона выходитъ въ высшей степени невыгодною.

IV.

Послѣднее пребываніе князя въ Петербургѣ. — Сибаритизмъ. — Болѣзнь и кончина.

Ланжеронъ, побывавъ на югѣ въ концѣ 1790 и въ началѣ 1791 года, пріѣхалъ на время въ Петербургъ, гдѣ былъ свидѣтелемъ послѣдняго торжества Потемкина при дворѣ. Здѣсь онъ въ это время дѣйствительно занималъ самое видное мѣсто. Онъ прибылъ въ столицу именно тогда, когда въ области внѣшней политики Россіи появилось довольно замѣчательное усложненіе. Миръ со Швеціею считался непрочнымъ; до заключенія мира съ Оттоманскою Портою было еще далеко, Пруссія и Англія относились къ Россіи до того враждебно, что можно было опасаться разрыва съ этими державами. Нѣтъ сомнѣнія, что Потемкинъ въ это время принималъ дѣятельное участіе въ дѣлахъ, бесѣдовалъ съ иностранными дипломатами и русскими сановниками, объяснялся съ императрицею по разнымъ вопросамъ государственнаго управленія. Нѣтъ сомнѣнія, что князь давалъ Екатеринѣ совѣты, но въ то же самое время между императрицею и княземъ происходили порою недоразумѣнія ¹⁾).

Ланжеронъ замѣчаетъ, что Потемкинъ, весною 1791 года, пребывая въ столицѣ, держалъ себя совсѣмъ иначе, нежели во время пріѣзда въ Петербургъ послѣ взятія Очакова. Въ началѣ 1789 года онъ почти вовсе не показывался въ публикѣ и постоянно пребывалъ у Нарышкина, за дочерью котораго ухаживалъ. Теперь же онъ ни разу не былъ у Нарышкиныхъ, а въ обществѣ появлялся любезнымъ, развязнымъ, остроумнымъ собесѣдникомъ ²⁾).

Потемкину, — рассказываетъ Ланжеронъ, — принадлежали разные дворцы, на постройку которыхъ онъ получалъ громадныя суммы денегъ отъ императрицы; дѣло всегда оканчивалось тѣмъ, что князь продавалъ эти дворцы одинъ за другимъ за большія деньги императрицѣ. Таврическій дворецъ представлялъ собою чет-

¹⁾ См. подробности въ моемъ сочиненіи о Потемкинѣ, стр. 192 и слѣд.

²⁾ «aimable, galant, prévenant, désirant de plaire à tout le monde, il y réussit parfaitement».

вертый случай такого рода. Тутъ происходило то знаменитое празднество въ честь Екатерины, которое много разъ было описано и о которомъ упомянуто и въ запискахъ Ланжерона. Великолѣпіе этого праздника, по словамъ графа, произвело столь глубокое впечатлѣніе на зрителей, что даже тѣ лица, которыя въ сущности ненавидѣли и императрицу и князя Потемкина, увлекались эффектомъ появленія императрицы и приема, оказаннаго ей княземъ, и поддавались общему энтузіазму.

Изъ другихъ источниковъ мы знаемъ, до чего доходило безуміе расточительности Потемкина при этомъ случаѣ. Были истрачены громадныя суммы денегъ. Безалаберность частнаго хозяйственнаго управленія князя обнаруживалась въ самомъ яркомъ свѣтѣ. Ланжеронъ, воспроизводя рассказы современниковъ о стоимости знаменитаго праздника въ Таврическомъ дворцѣ, сообщаетъ—очевидно, не безъ преувеличенія—нѣкоторыя данныя. Потемкинъ не заплатилъ по счетамъ купцовъ, доставившихъ разные предметы роскоши для этого случая. Наемъ лошадей во время прѣбыванія Потемкина въ столицѣ обошелся въ 800,000 рублей (??); извозчики ни гроша не получили отъ князя, и лишь послѣ кончины Потемкина, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, императрица позаботилась объ удовлетвореніи всѣхъ кредиторовъ.

О сибаритизмѣ Потемкина Ланжеронъ говоритъ весьма подробно. Эта черта въ характерѣ князя была дѣйствительно выдающеюся; она соответствовала отсутствію заслугъ Потемкина и его неспособности трудиться въ качествѣ патріота на пользу Россіи. Развратъ въ жизни Потемкина игралъ весьма важную роль. Иностранцу, прибывшему въ Россію для участія въ военныхъ дѣйствіяхъ, нельзя было не обратить вниманія на распушенность нравовъ въ лагерѣ главнокомандующаго. На этотъ счетъ рассказы Ланжерона, какъ очевидца, заслуживаютъ вниманія, хотя въ нихъ въ сущности не заключается ничего новаго. Онъ замѣчаетъ, что раздача офицерамъ наградъ происходила главнымъ образомъ по мѣрѣ услугъ, оказываемыхъ этими людьми любовницамъ Потемкина; военная доблесть не принималась во вниманіе ¹⁾. Въ то самое время, когда происходила осада Очакова, князь былъ влюбленъ въ супругу своего родственника, Павла Потемкина. Для того, чтобы угодить ей, князь не щадилъ ни средствъ, ни людей. Неоднократно онъ посылалъ за границу офицеровъ для того, чтобы купить тамъ для любовницы кое-какіе предметы роскоши. Такъ, напримѣръ, онъ отправилъ съ подобнымъ порученіемъ въ Италію генераль-лейтенанта Бауера въ то время, когда присутствіе этого генерала въ русскомъ лагерѣ могло считаться нужнымъ. Въ Парижъ поѣхалъ

¹⁾ «Les grades étaient le prix des courses, de la danse, du chant, des intrigues, de la protection des maîtresses et des favoris».

другой офицеръ, который долженъ былъ привезти драгоценныя вещи (bijoux); во Флоренцію долженъ былъ отправиться Ламсдорфъ; онъ вернулся оттуда съ двумя повозками (?), нагруженными духами. И эти поѣздки происходили зимою. Все это стоило большихъ денегъ въ то самое время, когда войско нуждалось въ хлѣбѣ и въ топливѣ, а лошади въ кормѣ¹⁾. Когда Ланжеронъ впервые видѣлъ Потемкина въ Бендерахъ, при немъ было до 500 — 600 лакеевъ, 200 малорусскихъ музыкантовъ, 100 «brodeuses», 20 ювелировъ и пр.²⁾. Можно представить, сколь дорого обходилось содержаніе столь многолюднаго «двора» Потемкина. О причудахъ князя въ разныхъ другихъ источникахъ встрѣчаются любопытныя данныя; къ нимъ прибавлены въ запискахъ Ланжерона слѣдующія черты. Однажды, князь узналъ случайно, что на Кавказѣ проживали два офицера, умѣвшіе плясать поцыгански («la tzigane»). Онъ тотчасъ же послалъ за ними, они пріѣхали и должны были плясать передъ княземъ. Позабавившись этимъ зрѣлищемъ, Потемкинъ отпустилъ ихъ, наградивъ маіорскимъ чиномъ; однако, начальникъ канцеляріи князя, Поповъ, не далъ имъ документа объ этомъ повышеніи. Рассказывая объ этомъ эпизодѣ, Ланжеронъ спрашиваетъ: «Возможно ли предполагать, чтобы офицеры въ какой либо иной странѣ дозволили обращаться съ собою столь недостойнымъ образомъ?»

«Благодаря Потемкину, — замѣчаетъ Ланжеронъ, — главная квартира въ Бендерахъ походила на дворъ, а жизнь въ Бендерахъ имѣла много общаго съ жизнью въ Петербургѣ; тутъ были тѣ же самыя развлеченія, вечера, ужины, концерты, карточная игра, интриги, страсти, сплетни, любовныя похожденія, волокитство — и все это въ маленькомъ полуразрушенномъ и окруженномъ степью турецкомъ городѣ»³⁾.

«Потемкинъ, — сказано въ другомъ мѣстѣ записокъ Ланжерона, — обыкновенно проводилъ цѣлое утро въ совершенномъ deshabilité, занимаясь чисткою посредствомъ маленькой щетки своихъ драгоценныхъ камней и распорядясь отправленіемъ великолѣпныхъ букетовъ тѣмъ дамамъ, за которыми онъ ухаживалъ, и другимъ женщинамъ. Завтракалъ онъ по нѣскольку разъ; дообѣденное время продолжалось иногда до 4-хъ часовъ. Послѣ обѣда онъ дѣлалъ визиты и устраивалъ празднества, между прочимъ въ честь княгини

¹⁾ «Voilà où passaient les trésors de l'armée, qui souvent manquait de pain et de fourrage».

²⁾ «On peut concevoir la dépense et le gaspillage d'un pareil train».

³⁾ «Des petits soupers, des réunions charmantes, de la musique, du jeu, des passions, des intrigues, des espérances trompées ou réalisées, des jalousies, des confidences, des soupirs, des plaintes, enfin tout ce que la beauté inspire ou entraîne avec elle de délicieux, de cruel, d'attrayant et de perfide, voilà le tableau plus digne des boudoirs de Pétersbourg que d'une armée» etc.

Долгорукой; онъ производилъ впечатлѣннѣе султана, утопавшаго въ удовольствіяхъ гарема».

Разсказывая о событіяхъ похода 1791 года, Ланжеронъ пишетъ: «Въ то самое время, когда войско подвергало себя страшнымъ опасностямъ и не щадило трудовъ, Потемкинъ оставался въ своемъ будуарѣ, окруженный своими любовницами и одѣтый въ халатъ» и проч.

О послѣднихъ дняхъ жизни Потемкина въ запискахъ Ланжерона разсказано слѣдующее. Князь, истративъ во время своего послѣдняго пребыванія въ Петербургѣ 3—4 милліона рублей, долго не рѣшался уѣхать, пока, наконецъ, императрица не заставила его покинуть столицу и отправиться въ армію ¹⁾. Это извѣстіе вполне согласуется съ данными въ разныхъ другихъ источникахъ ²⁾. Тѣмъ временемъ Репнину удалось разбить турокъ при Мачинѣ, чѣмъ Потемкинъ былъ очень недоволенъ. Объ этой битвѣ въ бумагахъ Ланжерона встрѣчаются довольно любопытныя данныя. Кутузовъ, по разсказу графа, при этомъ случаѣ держалъ себя странно, не исполняя приказаній Репнина и желая тѣмъ самымъ препятствовать побѣдѣ, такъ какъ онъ зналъ, что Потемкину нельзя было угодить успѣхомъ, одержаннымъ надъ турками во время его отсутствія. Даже самъ Репнинъ, какъ казалось Ланжерону, боясь Потемкина, обнаруживалъ при этомъ случаѣ нерѣшительность и не сумѣлъ пожать плоды и преслѣдовать турокъ. Репнинъ сильно безпокоился, не получая во все это время никакихъ извѣстій отъ главнокомандующаго, который, «разумѣется, пребывая въ Петербургѣ, не могъ заботиться о пустякахъ ³⁾, т. е. объ арміи и о турецкой кампаніи». Образъ дѣйствій Репнина при этомъ случаѣ, по мнѣнію Ланжерона, особенно рельефно обнаруживалъ деморализующее вліяніе фаворитизма на современниковъ ⁴⁾. Вообще же Ланжеронъ, зная коротко князя Репнина и будучи ему многимъ обязанъ, ставилъ высоко его характеръ и способности.

Репнинъ, разсказываетъ Ланжеронъ далѣе, подписалъ прелиминарныя условія мира, чѣмъ императрица была недовольна, такъ какъ она съ нетерпѣніемъ ожидала заключенія окончательнаго мира. Репнинъ же, довольствуясь вступленіемъ въ переговоры, руководствовался желаніемъ предоставить честь окончанія войны Потемкину. Въ свою очередь Потемкинъ, узнавъ объ открытіи переговоровъ, былъ крайне раздраженъ, такъ какъ заключеніе мира легко могло положить конецъ той важной роли, которую онъ ро-

¹⁾ «Elle tonna, et il partit».

²⁾ См. мое соч. о Потемкинѣ, стр. 203 и слѣд.

³⁾ «Minuties».

⁴⁾ Tout en Russie sert à prouver, combien dans un pays entièrement despotique la crainte du pouvoir arbitraire d'un favori avilit même les hommes les plus faits pour en mépriser l'influence».

выигрывалъ. Послѣ шумныхъ увеселеній въ столицѣ онъ мечталъ о геройской славѣ, о лаврахъ. Вотъ почему онъ въ это время былъ въ мрачномъ настроеніи духа; людей, его окружавшихъ, онъ всячески оскорблялъ рѣзкими выходками; онъ сдѣлался несноснымъ грубіяномъ ¹⁾.

По разсказу Энгельгардта, Потемкинъ сказалъ князю Репнину при многихъ, упрекая его въ заключеніи невыгодныхъ прелиминарныхъ условій: «Вотъ должно было бы узнать, въ какомъ положеніи нашъ черноморскій флотъ и объ экспедиціи Гудовича; дождавшись донесенія ихъ и узнавъ отъ оныхъ, что вице-адмиралъ Ушаковъ разбилъ непріятельскій флотъ, и уже его выстрѣлы были слышны въ самомъ Константинополѣ, а генералъ Гудовичъ взялъ Анапу, тогда бы могли сдѣлать несравненно выгоднѣйшія условія». Къ этому Энгельгардтъ прибавляетъ: «это дѣйствительно было справедливо: князь Репнинъ въ семъ случаѣ предпочелъ личное свое любочестіе пользѣ государственной, не имѣвъ иной побудительной причины поспѣшить заключить миръ, кромѣ того, чтобы его окончить до пріѣзда свѣтлѣйшаго князя».

Какъ видно, между разсказами Ланжерона и Энгельгардта есть нѣкоторое противорѣчіе. Защищая Репнина, Ланжеронъ напротивъ обвинялъ Потемкина въ томъ, что онъ въ вопросѣ о войнѣ и мирѣ мечталъ главнымъ образомъ о своихъ собственныхъ интересахъ. Потемкинъ, какъ разсказываетъ графъ, непременно, при переговорахъ о мирѣ, требовалъ бы для себя Молдавію и, вѣроятно, достигъ бы этой цѣли. Послѣ того, какъ ему не удалось сдѣлаться герцогомъ курляндскимъ, послѣ того, какъ его надежда на польскую корону рушилась, онъ составилъ проектъ обезпечить свою будущность, царствуя въ Молдавіи. Этимъ онъ желалъ избавиться отъ грозившей ему въ случаѣ воцаренія Павла опасности ²⁾.

И въ другихъ источникахъ говорится объ этихъ проектахъ Потемкина относительно Молдавіи. Даже въ разсказахъ родственниковъ князя, Энгельгардта и Самойлова, мы встрѣчаемъ намеки на эти честолюбивыя соображенія Потемкина, которыя легко могли помѣшать заключенію мира ³⁾.

Однако, князю не было суждено дожить до перемѣны на престолѣ въ Россіи. Онъ умеръ даже до окончанія войны, заболѣвъ во время переговоровъ о мирѣ.

Объ этой послѣдней болѣзни князя Ланжеронъ сообщаетъ нѣкоторыя любопытныя данныя. «Потемкинъ, — разсказываетъ графъ, — проживалъ въ Галацѣ, гдѣ его окружала толпа генераловъ, полков-

¹⁾ «Son humeur devint affreuse, ses propos aussi insupportables qu'indécents son air sombre et ses manières farouches».

²⁾ «Il voulait avoir un moyen de se soustraire à la domination de Paul ou au moins un port contre le premier orage».

³⁾ См. мое сочиненіе о Потемкинѣ, стр. 212.

никовъ, казаковъ, персіянь, татаръ, жителей Кавказа и Украйны. Я никогда не видѣлъ кого либо изъ этихъ лицъ у князя Репнина ¹⁾. Въ Галацѣ свирѣпствовала заразительная болѣзнь, жертвою которой сдѣлался между прочимъ принцъ Виртембергскій. Потемкину слѣдовало бы убраться по возможности скорѣе изъ Галаца и удалить оттуда всѣхъ своихъ людей; однако, онъ занималъ въ этомъ городѣ великолѣпный и снабженный всѣмъ нужнымъ домъ, а заботиться о другихъ не было въ его привычкахъ ²⁾. Къ счастью для всѣхъ, онъ самъ заболѣлъ и удалился въ мѣстечко Гужъ (Houtche?) близъ Яссы. Болѣзнь его усиливалась; онъ плакалъ, охалъ, молился, призывалъ на помощь всѣхъ святыхъ, исповѣдывался, причащался, ругалъ своихъ слугъ и врачей и отправлялъ по 50 курьеровъ въ день въ разныхъ направленіяхъ. Однажды, я самъ видѣлъ, какъ въ продолженіе одного утра явилось обратно не менѣе четырехъ курьеровъ; двумъ изъ нихъ было поручено искать клюквы, сокъ которой князь употреблялъ въ это время; одинъ курьеръ былъ отправленъ въ Яссы за фруктами, другой долженъ былъ привезти овощи изъ Крыма; третій былъ посланъ въ Москву за какими-то бездѣлушками. Изъ Гужа князь вскорѣ переселился въ Чердакъ, лежащій въ пяти верстахъ отъ Яссы, гдѣ въ это время происходили переговоры о мирѣ ³⁾.

Въ разныхъ источникахъ говорится о томъ, что Потемкинъ во время болѣзни не слушался врачей, не соблюдалъ правилъ благоразумной діеты и тѣмъ самымъ содѣйствовалъ усиленію опасности. То же самое сказано и въ запискахъ Ланжерона: «Князь не щадилъ своего здоровья. Я самъ видѣлъ, какъ онъ въ припадкѣ горячки съѣлъ массу ветчины, цѣлаго гуся, трехъ или четырехъ куръ, запивая все это медомъ, квасомъ, клюквою и разными винами».

О частностяхъ кончины Потемкина въ запискахъ Ланжерона нѣтъ ничего новаго. За то онъ рассказываетъ о судьбѣ трупа князя слѣдующее.

Извѣстно, что гробъ Потемкина изъ Яссы былъ перевезенъ въ Херсонъ, гдѣ его поставили въ подпольномъ склепѣ внутри церкви Св. Екатерины. Тутъ гробъ оставался непредавшимся землѣ съ 23 ноября 1791 по 28 апрѣля 1798 года. Тогда императоръ Павелъ приказалъ, чтобы тѣло безъ огласки было въ томъ же склепѣ погребено въ особо вырытую яму, а погребъ засыпанъ землею и изглаженъ такъ, какъ бы его никогда не бывало. Приказаніе госу-

¹⁾ «dont je n'avais jamais aperçu un seul chez le prince Repnin, qui avait le grand tort de n'être pas favori et de n'avoir que du mérite?»

²⁾ «que lui importait le reste?»

³⁾ Въ это время дамы въ С.-Петербургѣ «firent des prières pour la conservation de Potemkin», потому что онъ, пребывая въ столицѣ, сказалъ, что не станетъ щадить своей жизни.

даря не было исполнено буквально; гробъ засыпанъ землею, входъ въ склепъ заложили камнемъ, наконецъ, сверху былъ насланъ деревянный полъ¹⁾).

Ланжеронъ сообщаетъ слѣдующее: «Императоръ Павелъ велѣлъ зарыть трупъ Потемкина на общемъ кладбищѣ въ Херсонѣ. Командантъ крѣпости осмѣлился не исполнить этого приказанія, однако далъ знать государю, что все было сдѣлано по его желанію. Такимъ образомъ, тѣло Потемкина покоится въ томъ самомъ склепѣ, гдѣ было положено съ самаго начала. Однако, тутъ нѣтъ никакой надписи, которая возвѣщала бы объ этомъ жителямъ созданнаго княземъ города. Путешественники-иностранцы имѣютъ полное основаніе удивляться тому, что тѣ лица, которыя получили отъ князя въ наслѣдство до 40—50 милліоновъ рублей, а именно его племянница, графиня Браницкая, владѣющая несмѣтнымъ богатствомъ, не думали воздвигнуть хотя бы самый скромный памятникъ въ честь Потемкина. Сдѣлавшись херсонскимъ и новороссійскимъ генераль-губернаторомъ, я чувствовалъ удивленіе и даже негодованіе по этому поводу и неоднократно говорилъ объ этомъ съ родственниками князя, но мои слова не имѣли успѣха. Скупость этихъ людей превосходила всѣ ихъ другія чувства».

Все это писано Ланжерономъ въ 1824 году. Въ его запискахъ, составленныхъ въ 1796 году, замѣчено послѣ разказа о болѣзни и кончинѣ князя: «Такимъ образомъ, этотъ чудовищный колоссъ кончилъ свою карьеру. Онъ представлялъ собою странную смѣсь генія, фаворитизма, могущества и причудъ, достойныхъ осмѣянія. Потемкинъ былъ предметомъ удивленія тѣхъ, кто цѣнитъ отвагу, геніальность, исполняющую планы, не щадя ни людей, ни средствъ; въ то же время онъ долженъ былъ служить предметомъ ненависти тѣхъ, кто умѣетъ цѣнить истинную добродѣтель и настоящія заслуги».

Достоинъ вниманія то обстоятельство, что въ 1824 году отзывъ Ланжерона о Потемкинѣ былъ гораздо благопріятнѣе. Въ припискѣ къ этимъ замѣчаніямъ общей оцѣнки князя сказано: «Впрочемъ, добрыя качества въ Потемкинѣ имѣли перевѣсъ надъ худыми. Онъ былъ чрезвычайно способнымъ. Ничему не учившись, онъ имѣлъ познанія. Онъ творилъ чудеса; онъ занялъ Крымъ, покорилъ татаръ, положилъ начало городамъ Херсону, Николаеву, Севастополю, построилъ вездѣ верфи, основалъ флотъ, который разбилъ турокъ; онъ былъ виновникомъ господства Россіи въ Черномъ морѣ и открылъ новые источники богатства для Россіи. Все это заслуживаетъ признательности».

Въ заключеніе Ланжеронъ упоминаетъ о нелѣпомъ слухѣ, будто Потемкина отравилъ докторъ Тиманъ. Онъ спрашиваетъ: «Кто бы

¹⁾ См. мое сочиненіе о Потемкинѣ, стр. 228.

«истор. вѣстн.», декабрь, 1895 г., т. LIII.

могъ приказать это сдѣлать? Екатерина ли? Зубовы ли? Я ихъ зналъ и утверждаю, что это положительно невозможно»¹⁾).

За то Ланжеронъ зналъ, что императрица оплакивала кончину Потемкина, что она въ немъ нуждалась и считала его своимъ защитникомъ и сотрудникомъ²⁾).

А. Брикнеръ.

¹⁾ «Je les ai connus et puis assurer que ce n'étaient point des empoisonneurs».

²⁾ Эта мысль нѣсколько рѣзко выражена слѣдующимъ образомъ: «Elle savait très bien que dans un état despotique un favori tel que Potemkin est un mur utile, qui sépare le peuple du souverain et sert de bouclier à celui-ci, de canal aux grâces et de but aux plaintes».

ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЯ РУССКІЯ ЖЕНЩИНЫ.

Ольга Александровна Жеребцова.

Ъ ІЮНѢ 1789 года Петербургскій дворъ находился въ тревожномъ ожиданіи. Графъ Дмитріевъ-Мамоновъ, взысканный всѣми милостями императрицы, щедро осыпанный богатствомъ и почестями, внезапно объявилъ Екатеринѣ, что онъ уже полгода тайно помолвленъ съ княжной Щербатовой. Императрица отнеслась къ этому факту необычайно милостиво и разрѣшила предложенный бракъ, но всѣмъ было ясно, что исключительному положенію графа пришелъ конецъ.

Кто же займетъ вліятельное мѣсто опальнаго Мамонова? Кого всемогущая императрица отличить и выдвинетъ изъ блестящей толпы придворныхъ? Вотъ вопросы, которые волновали петербургское высшее общество.

Выдвинулся Платонъ Александровичъ Зубовъ, молодой кавалергардскій офицеръ.

Возвышеніе Платона Зубова, разумѣется, тотчасъ же отразилось на его семьѣ: братья его получили важныя повышенія по службѣ, а отецъ, Александръ Николаевичъ Зубовъ, служившій вице-губернаторомъ въ провинціи, былъ назначенъ оберъ-прокуроромъ въ первый департаментъ сената и переѣхалъ въ Петербургъ.

Въ то же время, надо полагать, появилась въ столицѣ и сестра Платона Зубова, Ольга, дальнѣйшая судьба которой отличается не меньшимъ романтизмомъ, чѣмъ судьба ея брата.

Ольга Александровна Зубова родилась въ 1766 году. Мы не имѣемъ свѣдѣній о томъ, какое образованіе и воспитаніе получила она, но, судя по характеру ея отца, ни то ни другое не могло быть блестящимъ.

Александръ Николаевичъ Зубовъ, по свидѣтельствамъ современниковъ, былъ человѣкъ не глупый, но злой и недобросовѣстный; попавъ въ 1789 году на довольно важный въ то время постъ, онъ запятналъ себя цѣлымъ рядомъ вопіющихъ нарушеній всякихъ законовъ; главной пружиной всѣхъ его поступковъ было ненасытное корыстолюбіе. Понятно, что такой отецъ не могъ дать своимъ дѣтямъ надлежащаго воспитанія и внушить имъ твердыя правила нравственности. И дѣйствительно, Ольга Александровна, обладая недюжиннымъ природнымъ умомъ, отличалась, какъ и ея братья, отсутствіемъ какихъ бы то ни было нравственныхъ основъ и была игрушкой своего пылкаго и страстнаго темперамента. Вѣроятно, еще въ провинціи вышла она замужъ за Александра Алексѣевича Жеребцова, происходившаго изъ стариннаго дворянскаго рода, но никакими достоинствами не отличавшагося. Про этого человѣка мы знаемъ только то, что онъ умеръ уже въ XIX вѣкѣ, въ чинѣ тайнаго совѣтника и въ званіи дѣйствительнаго камергера. Женатый на сестрѣ Платона Зубова, всемогущая десница котораго выдвинула изъ мрака забвенія на сцену исторической жизни всю семью, не отличавшуюся никакими талантами, Жеребцовъ удовольствовался почетнымъ званіемъ и не игралъ никакой роли. Въ то время, какъ жена его блистала въ высшихъ сферахъ различныхъ столицъ и заставляла всѣхъ о себѣ говорить, Жеребцовъ не обратилъ на себя вниманія ни одного мемуариста. Онъ прошелъ совершенно незамѣченнымъ. Очевидно, это былъ человѣкъ ничтожный; но

«Въ одну телѣгу впрячь не можно
Коня и трепетную лань»,—

сказалъ поэтъ. Это изреченіе вполне примѣнимо къ супругамъ Жеребцовымъ, если только супруга уподобить робкой и бездѣятельной лани, а Ольгу Александровну — горячему, необузданному коню. Обычная судьба такихъ супружествъ, всѣмъ извѣстная, свершилась и надъ четой Жеребцовыхъ.

Молодая, 23-хъ-лѣтняя женщина, замѣчательной красоты, выросшая въ провинціальной глуши, попала въ блестящій петербургскій высшій свѣтъ, въ которомъ тогда болѣе, чѣмъ когда либо, умѣли цѣнить женскую красоту. Разумѣется, цѣлый рой поклонниковъ не замедлилъ окружить новое свѣтило прелести и разбудилъ дремавшіе въ ней дотолѣ страстные инстинкты, не удовлетворенные неудачнымъ супружествомъ. Скоро между своими обожателями она отличила одного и отдалась ему со всѣмъ пыломъ своихъ лѣтъ.

Дворъ Екатерины Великой въ послѣдніе годы ея царствованія былъ ареной интригъ иностранныхъ политиковъ. Боролись партіи французская и англійская. Представителемъ интересовъ Сентъ-Джемскаго кабинета въ 1788 году былъ назначенъ Джорджъ Витвортъ, племянникъ Карла Витворта, бывшаго англійскимъ посланникомъ въ Петербургѣ при Петрѣ Великомъ. Новый чрезвычайный посолъ англійскій былъ человѣкомъ еще совсѣмъ молодымъ: онъ пріѣхалъ въ Петербургъ, имѣя всего 28 лѣтъ отъ роду; но онъ успѣлъ уже выказать выдающіяся дипломатическія способности, а въ Петербургѣ еще болѣе упрочилъ свою извѣстность. Умный, свѣтскій, вѣжливый, чрезвычайно тактичный, Витвортъ скоро завоевалъ всеобщія симпатіи. Особенно сблизился онъ съ Платономъ Zubovымъ. Усердная поддержка этого всесильнаго вельможи, а также вспыхнувшая какъ разъ въ это время французская революція, сослужили англійскому послу большую службу, и онъ безъ особаго труда устранилъ французское вліяніе на русскую политику. Однако, привлечь Россію къ оборонительному и наступательному союзу съ Англіей противъ Франціи долго ему не удавалось, и только за нѣсколько дней до смерти Екатерины былъ приготовленъ для подписи соотвѣтствующій трактатъ. Но великая императрица умерла, не успѣвъ подписать этого договора, а преемникъ ея наотрѣвъ отказался ратифицировать его. Сразу рухнули результаты долгихъ стараній Витворта. Приходилось начать все сызнова.

Сойдясь съ Платономъ Zubovымъ и часто бывая у него, Витвортъ познакомился и сблизился съ его сестрою. Жеребцова произвела на юнаго дипломата неотразимое впечатлѣніе, и онъ рѣшилъ во что бы то ни стало завладѣть ея сердцемъ. При обстоятельстве, указанныхъ выше, этотъ подвигъ не представлялъ особенныхъ трудностей, и прошло немного времени, какъ свѣтскія сплетни передавали анекдотъ про одного тайнаго совѣтника, который въ одно прекрасное утро, собираясь на прогулку, съ крайнимъ изумленіемъ замѣтилъ, что шапка стала ему сразу совсѣмъ тѣсна. Слухъ этотъ далеко не былъ лишенъ основанія, да оно и вполне понятно: сравненіе между Витвортомъ и Жеребцовымъ было, конечно, не въ пользу послѣдняго, а воспитаніе Ольги Александровны не дало ей тѣхъ нравственныхъ принциповъ, въ силу которыхъ она предпочла бы исполненіе своего долга удовлетворенію сердечнаго влеченія.

Весело и беззаботно жилось въ это время семьѣ Zubovыхъ. Но безоблачное небо ихъ счастья мгновенно покрылось грозными тучами, когда внезапный ударъ прервалъ жизнь Екатерины. Zubovымъ нельзя было ожидать милостей отъ новаго императора, и Платонъ Александровичъ, понимая это, выказалъ удивительную трусость при кончинѣ своей благодѣтельницы. Такъ какъ даль-

нѣйшее его пребываніе въ Зимнемъ дворцѣ становилось неумѣстнымъ, то онъ удалился въ домъ своей сестры и тамъ вмѣстѣ съ нею предавался тоскѣ и мрачнымъ предчувствіямъ. Въ покояхъ Жеребцовой постоянно находился частный приставъ, которому поручено было слѣдить за бывшимъ временщикомъ и доносить по начальству подробныя свѣдѣнія о томъ, съ кѣмъ онъ видится, что дѣлаетъ и т. п. Фигура блюстителя порядка не сулила добра и Ольгѣ Александровнѣ: опала могла распространиться на всю семью Зубовыхъ. Однако, ко всеобщему изумленію, Павелъ чрезвычайно милостиво отнесся къ Зубову: пожаловалъ его Анной первой степени (орденъ, который Павелъ ставилъ выше всѣхъ другихъ русскихъ орденовъ), подарилъ ему роскошный домъ на Морской, съ полной обстановкой, удостоилъ даже своего посѣщенія: императоръ съ императрицей пили у Зубова на новосельи чай, причемъ Марія Ѳеодоровна сама приняла на себя роль хозяйки. Но уже черезъ два мѣсяца послѣ этого Зубовъ «получилъ позволеніе» ѣхать за границу и былъ отрѣшенъ отъ всѣхъ своихъ многочисленныхъ должностей; братья его также высланы были изъ столицы, а громадныя имѣнія ихъ подверглись конфискаціи. Изъ всей семьи Зубовыхъ осталась въ Петербургѣ одна Ольга Александровна, да и той пришлось отказаться отъ прежней веселой жизни и присмирѣть, чтобы какъ нибудь не обратить и на себя вниманія императора. Одинъ Витвортъ не унывалъ: этому ловкому дипломату скоро удалось завладѣть расположеніемъ Павла и направить теченіе русской политики по наивыгоднѣйшему для Англіи руслу: въ 1797 году 10 февраля былъ заключенъ русско-англійскій торговый договоръ, а въ слѣдующемъ году Павелъ даже примкнулъ къ коалиціи противъ Франціи и послалъ свои войска въ Италію. Это былъ апогей славы и вліянія Витворта при русскомъ дворѣ. Но какъ ни былъ ловокъ юный дипломатъ, а у Павла все-таки скоро раскрылись глаза на двусмысленное поведеніе Севтъ-Джемскаго кабинета, союзъ съ Англіей былъ порванъ, начались переговоры съ Бонапарте, и на сценѣ появился грандіозный планъ похода въ Индію, чтобы поразить Англію въ эту ея Ахиллесову пятю. Витвортъ понималъ всю опасность этого плана и рѣшилъ, во что бы то ни стало, отвратить грядущую бѣду. Не забудемъ, что Жеребцова была въ связи съ Витвортомъ, и всякій, кто становился поперекъ дороги любимому ею человѣку, при ея пылкомъ темпераментѣ, становился и ея заклятымъ врагомъ.

Въ 1800 году Павелъ счелъ необходимымъ вернуть Платона Зубова изъ-за границы: слишкомъ ужъ заворно вель себя тамъ бывший временщикъ. Сначала онъ удовольствовался тѣмъ, что возилъ за собою повсюду какую-то дѣвицу, переодѣтую камердинеромъ, потомъ сталъ въ Теплицѣ назойливо ухаживать за красавицей эмигранткой Ларошъ Эмонъ, наконецъ приволокнулся за

молоденькими принцессами курляндскими, влюбился въ старшую изъ нихъ и, когда отецъ не согласился на бракъ, рѣшилъ похитить ее. Это произвело большой скандалъ. Однако, вернувшись въ Россію, Зубовъ сумѣлъ поправить свои отношенія съ дворомъ: онъ посватался къ дочери Кутайсова, извѣстнаго любимца Павла, и черезъ него снова попалъ въ милость къ императору. Семья Зубовыхъ была прощена и опять собралась въ Петербургъ. Тучи какъ будто разсѣялись, но недавній опытъ показалъ, что при Павлѣ нельзя быть увѣреннымъ въ прочности своего положенія, и Зубовы не забывали этого опыта. Такимъ образомъ, и семейныя связи и личныя чувства заставляли Жеребцову примкнуть къ лагерю недовольныхъ новымъ царствованіемъ.

Извѣстно, что Павелъ велъ жизнь скромную до суровости и того же требовалъ отъ всей аристократіи. Трудно было петербургскому большому свѣту послѣ шумной и веселой жизни временъ Екатерины привыкать къ новому теченію, но Павелъ шутить не любилъ, и великосвѣтскіе виверы поневолѣ должны были притихнуть. За то весь Петербургъ зналъ домъ на Англійской набережной, гдѣ можно было всегда весело провести вечеръ, ничѣмъ не рискуя. Это былъ домъ Ольги Александровны Жеребцовой.

Когда семья Зубовыхъ собралась въ Петербургъ и снова попала въ милость, у Жеребцовой открылся салонъ, и пошли почти ежедневныя веселые пиры, на которыхъ амфитріономъ былъ Витвортъ. Какъ джентльменъ, онъ считалъ для себя неприличнымъ пировать на счетъ мужа своей любовницы и самъ за все расплачивался. Благодаря неизсякаемому кошельку благороднаго лорда, по вечерамъ въ домъ на Англійской набережной шампанское лилось рѣкой, и гости наслаждались всѣми затѣями французской гастрономіи. Само собой разумѣется, что императоръ, если бы только зналъ про эти сборища, не потерпѣлъ бы ихъ; но онъ не зналъ и не могъ знать ничего: однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ Жеребцовскаго кружка былъ графъ Петръ Алексѣевичъ фонъ-деръ-Паленъ, военный генералъ-губернаторъ Петербурга. Тайная полиція была подъ его начальствомъ, и всѣ донесенія ея агентовъ проходили черезъ его руки, а онъ давалъ движеніе только тѣмъ изъ нихъ, которыя не касались Жеребцовой и ея посѣтителей.

Но не одни пиры составляли суть вечернихъ собраній у Жеребцовой. Не даромъ тамъ сходились члены англійскаго посольства, блестящая гвардейская молодежь, оттертая на второй планъ гатчинцами, многіе сановники, вѣрные традиціямъ Екатерининской эпохи, а также нѣкоторыя лица, выдвинувшіяся только при Александрѣ I. Все это были люди, ожидавшіе много хорошаго отъ наслѣдника престола и не особенно преданные Павлу. Однако вскорѣ отношенія между Россіей и Англійей на столько обострились, что Витвортъ долженъ былъ покинуть Петербургъ. Высокое зва-

ніе пѣра послужило ему на родинѣ наградой за гласные и негласные подвиги при русскомъ дворѣ. Вслѣдъ за Витвортомъ уѣхала изъ Петербурга и его любовница. Но машина уже была заведена и не переставала работать послѣ удаленія этихъ двухъ личностей. Да не на Витвортѣ и не на Жеребцовой зиждилось все дѣло. Переворотъ 11 марта 1801 года ясно доказалъ это... Но возвратимся къ судьбѣ нашей героини и ея возлюбленнаго.

Жеребцова временно поселилась въ Берлинѣ, надѣясь скоро снова увидѣться съ Витвортомъ, который тѣмъ временемъ исполнялъ различныя дипломатическія порученія своего правительства. Но сорокалѣтній вельможа былъ уже далеко не тѣмъ, чѣмъ былъ 28-ми-лѣтній молодой человѣкъ, дѣлавшій карьеру, а тридцатипятилѣтняя любовница, хотя и сохранившая все обаяніе красоты, уже не представляла для него прежней прелести. Старая связь не могла возстановиться: лорду надо было жениться, хотя бы для продолженія рода, надо было сдѣлать приличную партію. Выборъ его палъ на герцогиню Дорсетъ, гордую и своенравную дѣвушку, но бывшую завидной невѣстой. Вѣсть объ этомъ бракѣ застала Жеребцову въ прусской столицѣ. Нельзя описать отчаянія несчастной женщины, когда она узнала, что связь съ Витвортомъ должна быть покончена. Она любила его искренно; это не была легкая свѣтская интрига, это была настоящая любовь, глубокая, всепоглощающая, которую могутъ испытывать только страстныя натуры. Съ такой любовью нельзя легко разстаться: корни заняли все сердце, и ихъ можно вырвать, только совершенно искалѣчивъ человѣка нравственно. Понятно, какія муки причиняетъ подобная операція. Не будемъ же строго осуждать нашей героини, если она, какъ утопающій за соломинку, хваталась за всякія средства, иногда даже грязныя, лишь бы только вернуть къ себѣ Витворта, если въ порывахъ отчаянія она забывала собственное достоинство и рѣшалась на поступки, совершенно испортившіе ея репутацію у современниковъ. Все это результаты не испорченной, а только не въ мѣру страстной натуры и не столько клеймятъ саму Жеребцову, сколько человѣка, презрѣвшаго такое глубокое и искреннее чувство и толкнувшаго на страшный путь женщину, которая всѣмъ для него пожертвовала.

Для характеристики отношенія тогдашняго общества къ Жеребцовой приведемъ письмо русскаго посла въ Лондонѣ, графа С. Р. Воронцова, къ его брату. Это письмо помѣчено 31 іюля 1801 года.

«Намъ угрожаетъ здѣсь появленіе сумасшедшей, которой я не знаю, но которая пріѣдетъ въ январѣ, если только ея родственники не отговорятъ ея отъ этой экстравагантности. Это m-me Жеребцова, которая всѣмъ рассказываетъ о своей связи съ лордомъ Витвортомъ и имѣетъ безстыдство жаловаться на то, что ея любовникъ женился; она заявляетъ, что онъ остался ей долженъ, и что она пріѣдетъ въ январѣ въ Лондонъ, чтобы заставить его рас-

платиться. Она въ настоящее время въ Берлинѣ, гдѣ мучить всѣхъ англичанъ своими непристойными жалобами: министры, путешественники, купцы, курьеры, словомъ всѣ англичане, съ которыми она встрѣчается, обречены на слушаніе ея іереміадъ, безъ различія, знакомы они съ ней или нѣтъ... Если человѣкъ прибылъ изъ Англіи, то она спрашиваетъ его, что дѣлаетъ ея вѣроломный любовникъ, а потомъ начинаетъ рассказывать свою исторію; если, наоборотъ, кто нибудь ѣдетъ въ Англію, тогда она поручаетъ отвезти свои жалобы и повѣствуетъ про свои бѣдствія. Всѣ письма, приходящія изъ Берлина, и рассказы путешественниковъ наполнили Лондонъ толками про неблагопристойную экстравагантность этой безумной. Тутъ не понимаютъ, какимъ образомъ женщина съ извѣстнымъ общественнымъ положеніемъ, замужняя, мать семейства, можетъ до такой степени забыться, чтобы признаваться, что она жила въ незаконной связи, и что она въ отчаяніи отъ невозможности продолжать прежнія отношенія съ любовникомъ, такъ какъ онъ женился... Можешь понять, что я никогда не позволю, чтобы Катенька видѣлась съ этой женщиной, столь непристойной».

Это письмо ясно показываетъ, съ одной стороны, до какого отчаянія довела Жеребцову женитьба Витворта, а съ другой—какъ безвозвратно погибла въ глазахъ свѣта ея репутація. Любопытно, что Воронцовъ обвиняетъ Жеребцову не за самую связь, а за то, что она осмѣлилась открыто признаться въ этой связи. Вотъ нравственная мѣрка свѣта!

Дѣйствительно, въ 1802 году Жеребцова пріѣхала въ Лондонъ, но Витворта тамъ уже не застала: онъ уѣхалъ въ Парижъ, куда былъ назначенъ посломъ. Утомленная долгой безплодной борьбой, потерявшая окончательно надежду вернуть къ себѣ любимаго человѣка, она 8 или 9 мѣсяцевъ прожила въ полномъ уединеніи, одинъ на одинъ со своей безысходной тоской. Но нѣтъ горя, которое не исцѣлялось бы временемъ. Мало-по-малу Жеребцова примирилась съ мыслью, что Витвортъ для нея потерянъ и принадлежитъ другой женщинѣ. Тогда жизненные инстинкты вступили въ свои права, и Жеребцова сдѣлала попытку вернуться къ прежней свѣтской жизни, но неудачно: ея выходы закрыли ей двери дворцовъ лондонской аристократіи. Для восстановленія своей репутаціи, она въ мартѣ 1803 года обратилась къ С. Р. Воронцову, прося его представить ее ко двору. Но мы уже знаемъ, какъ этотъ дипломатъ относился къ ней, и потому не удивимся, что онъ отказалъ въ этой просьбѣ подъ благовиднымъ предлогомъ: «я имѣю непремѣнное правило, — писалъ онъ ей, — которое не могу никакъ нарушить, а именно: представлять здѣсь у двора только тѣхъ особъ, принадлежащихъ Россіи, кои мнѣ привозятъ рекомендательныя письма отъ нашего министерства». Такихъ писемъ у Жеребцовой, конечно, не было, и она от-

лично поняла, что графъ Воронцовъ, въ сущности, нанесъ ей въ вѣжливой формѣ оскорбленіе. Надежда проникнуть въ Лондонское общество обычнымъ путемъ была отнята. Тогда Жеребцова рѣшила во что бы то ни стало войти въ это общество, но войти побѣдительною, въ блескъ и силѣ, и доказать такимъ образомъ своимъ хулителемъ, что она въ нихъ не нуждается. Обстоятельства благопріятствовали ея намѣреніямъ.

Англійскимъ королемъ въ это время былъ Георгъ III, человекъ суроваго и мрачнаго характера, совершенно непопулярный, да притомъ же страдавшій умопомѣшательствомъ. Наслѣдникъ престола, Георгъ принцъ Уэльскій, наоборотъ, отличался недюжиннымъ умомъ, импонирующей наружностью и сумѣлъ съ самыхъ юныхъ лѣтъ стяжать народную любовь. «The first gentleman in Europe», какъ называли принца англичане, умѣлъ пожить, соединя роскошь съ большимъ вкусомъ, применилъ сразу къ популярной партіи виговъ, отдавалъ должную дань англійскимъ національнымъ увлеченіямъ, состоя председателемъ Жокей-клуба. Суровая узда отца, державшая его въ дѣтствѣ въ строгихъ правилахъ нравственности, не убила природной пылкости характера и только сдѣлала подвѣтшія проявленія этого качества болѣе рѣзкими и безразсудными. Будучи всего 20 лѣтъ отъ роду, принцъ безумно влюбился въ молодую и замѣчательно красивую вдову одного католика-помѣщика, мистриссъ Фицгербертъ, и женился на ней. Но народные представители, шокированные подобнымъ *mésalliance'*омъ, отказались признать бракъ законнымъ. Такимъ образомъ, честолюбивая вдовушка очутилась въ положеніи довольно неприятномъ: она думала стать принцессой Уэльской, а сдѣлалась просто любовницей принца. Потерявъ надежду на тронъ, эта мистриссъ рѣшила извлечь изъ своего положенія возможно большія выгоды матеріальнаго характера и положительно разоряла принца, требуя отъ него роскошной обстановки и безумно дорогихъ подарковъ. Втеченіе короткаго времени у влюбливаго Георга накопилось свыше полумилліона фунтовъ стерлинговъ долга, и, живя выше средствъ, онъ, конечно, не имѣлъ надежды когда бы то ни было расплатиться. И король, и нація были недовольны такимъ образомъ жизни принца и настаивали на немедленномъ вступленіи его въ законный бракъ, желая видѣть продолженіе династіи обезпеченнымъ. Но принцу жениться совсѣмъ не хотѣлось. Тогда ему предложили слѣдующее: если онъ женится на принцессѣ Каролинѣ Брауншвейгской, то парламентъ заплатитъ его долги. Преслѣдуемый кредиторами и не видя иного выхода, принцъ согласился на это предложеніе. Разумѣется, бракъ, заключенный при такихъ обстоятельствахъ, мало сулилъ хорошаго въ будущемъ. И дѣйствительно, не прошло и полугода послѣ свадьбы, какъ молодые не могли уже равнодушно видѣть другъ друга. Связь съ

мистриссъ Фицгербертъ, прерванная было женитьбой принца, возобновилась, потомъ милостями Георга стала пользоваться лэди Джерсей, а за ней и другія дамы. Кутежи и прожиганіе жизни достигли колоссальныхъ размѣровъ. Народныя симпатіи къ прежнему любимцу стали падать, но принцу до этого уже не было дѣла.

Въ этотъ-то періодъ жизни принца Уэльскаго и попала Жеребцова въ Лондонъ. Какъ удалось ей познакомиться съ принцемъ, мы не знаемъ, но она произвела сильное впечатлѣніе на него, и вскорѣ Георгъ занялъ мѣсто своего тезки Витворта. Англійская чопорная аристократія, отвернувшаяся отъ скомпрометированной русской дворянки, не задумалась гостепрѣмно раскрыть двери симпатіи принца Уэльскаго, который совершенно подчинился вліянію энергичной женщины. Побѣда была на ея сторонѣ.

Шумно и весело катилась жизнь Жеребцовой за границей, но годы уходили неумолимой чередой, страсти потухали, разсудокъ вступалъ въ свои права, умъ и сердце, переполненные, пресыщенные впечатлѣніями, требовали отдыха. Около 1810 года Ольга Александровна вернулась на родину, къ своей семьѣ. Sturm und Drangperiode прошелъ, наступала старость.

Вмѣстѣ съ старостью началась для нея пустыня, удары судьбы, одиночество и грустная жизнь воспоминаній. Ея сынъ былъ убитъ подъ Бородинымъ. Старушка всякій годъ ѣздила въ августѣ мѣсяцѣ изъ Петербурга въ Можайскъ посѣтить могилу сына. «Одиночество и несчастіе не сломили ея сильнаго характера, а сдѣлали его только угрюмѣе и угловатѣе, говорить человѣкъ, видѣвшій ее въ 1840 году. Точно дерево середь зимы, она сохранила линейный очеркъ своихъ вѣтвей, листья облетѣли, колючиво яблони голые сучья, но тѣмъ яснѣе видѣлся величавый ростъ, смѣлые размѣры и стержень, посѣдѣлый отъ инея, гордо и сумрачно выдерживалъ себя и не гнулся отъ всякаго вѣтра и отъ всякой непогоды. Ея длинная, полная движенія жизнь, страшное богатство встрѣчъ, столкновеній, образовали въ ней ея высокоумѣрный, но далеко не лишенный печальной вѣрности взглядъ. У нея была своя философія, основанная на глубокомъ презрѣніи къ людямъ, которыхъ она оставитъ все же не могла по дѣятельному характеру».

Изъ всей ея семьи къ тому времени оставалась въ живыхъ только одна внучка, тезка бабушки, дочь ея сына Александра Александровича. Эта внучка вышла замужъ за Алексѣя Федоровича Орлова, любимца императора Николая I. 25-го декабря 1825 г. Орловъ былъ возведенъ въ графское достоинство и сохранилъ свою близость къ императору до конца его жизни, состоя въ годъ смерти Николая генераломъ отъ кавалеріи, членомъ государственнаго совѣта, шефомъ корпуса жандармовъ, главнымъ начальникомъ III отдѣленія Собственной Его Величества канцеляріи и кавалеромъ всѣхъ

російскихъ орденовъ. Такой вліятельный зять, конечно, опять возвратилъ бывшее значеніе Жеребцовой: въ ея гостинной снова стали толпиться и юноши, жаждущіе протекціи, и сѣдовласые сановники, ищущіе поддержки и заступленія. Но, умудренная годами и опытомъ, старушка съ презрѣніемъ относилась ко всей этой толпѣ искателей.

Какъ разъ въ эту эпоху познакомился съ ней А. И. Герценъ, слова котораго мы привели выше. Знакомство завязалось слѣдующимъ образомъ. Возвращенный изъ первой ссылки, Герценъ въ 1840 г. пріѣхалъ въ Петербургъ. Одно изъ рекомендательныхъ писемъ, данныхъ ему отцомъ, было адресовано Жеребцовой, старой его пріятельницѣ. Питая инстинктивное отвращеніе къ важнымъ старушкамъ, А. И. Герценъ долго не рѣшался поѣхать къ Ольгѣ Александровнѣ, наконецъ отважился. Но Жеребцова оказалась совсѣмъ не тѣмъ типомъ, который былъ такъ противенъ Герцену. Вотъ какъ онъ рассказываетъ про свою встрѣчу съ ней.

«Офиціантъ привелъ меня въ довольно сумрачную гостинную, плохо убранную, какую-то почернѣвшую, полинявшую; мебель, обивка — все сдало цвѣтъ, все стояло, видно, давно на этихъ мѣстахъ... Старость не меньше юности протаптываетъ свои слѣды на всемъ окружающемъ... Минуть черезъ пять вошла твердымъ шагомъ высокая старуха съ строгимъ лицомъ, носившимъ слѣды большой красоты; въ ея осанкѣ, поступи и жестахъ выразались упрямая воля, рѣзкій характеръ и рѣзкій умъ. Она проникательно осматрѣла меня съ головы до ногъ, подошла къ дивану, отодвинула однимъ движеніемъ руки столъ и сказала мнѣ:

— «Садитесь сюда на кресло, поближе ко мнѣ, я вѣдь короткая пріятельница съ вашимъ отцомъ и люблю его.

«Она развернула письмо и подала мнѣ, говоря:

— «Пожалуйста, прочтите мнѣ, у меня болятъ глаза.

«Письмо было написано пофранцузски, съ разными комплиментами, съ воспоминаніями и намеками. Она слушала улыбаясь и, когда я кончилъ, сказала:

— «Умъ-то у него не старѣетъ, все тотъ же, онъ очень былъ любезенъ и очень кистикъ. А что теперь все сидитъ въ комнатѣ, въ халатѣ, представляетъ больного? Я два года тому назадъ проѣзжала Москвой, была тогда у вашего батюшки, насилу, говорить, могу принять, разрушаюсь, а потомъ разговорился и забылъ свои болѣзни. Все баловство; онъ немного старше меня, года два—три, да и то есть ли, а вотъ я и женщина, а все еще на ногахъ. Да, да, много воды утекло съ тѣхъ временъ, о которыхъ вашъ отецъ поминаетъ. Ну, подумайте, мы съ нимъ были изъ первыхъ танцоровъ. Англезы тогда были въ модѣ; вотъ я съ Иваномъ Алексѣевичемъ бывало и танцую у покойной императрицы; можете вы себя представить вашего батюшку въ свѣтло-голубомъ француз-

скомъ кафтанѣ, въ пудрѣ и меня съ фижмами и *décoltée*. Съ нимъ было очень пріятно танцовать, *il était bel homme*, онъ былъ лучше васъ, дайте-ка хорошенько на васъ посмотрѣть—да, точно онъ былъ получше... Вы не сердитесь, въ мои лѣта можно говорить правду. Да вѣдь вамъ и не до того, я думаю, вѣдь вы литераторъ, ученый».

Затѣмъ Жеребцова стала спрашивать А. И. Герцена о причинахъ его ссылки и добродушно подшучивала надъ юнымъ возростомъ конспираторовъ и надъ тѣмъ, что «четыре—пять студентовъ испугали *tout le gouvernement*». Провожая гостя, Жеребцова сказала:

— А я, право, очень рада, что познакомилась съ вами, спасибо вашему отцу, что прислалъ васъ ко мнѣ, вы очень интересный молодой человекъ, хорошо понимаете вещи, даромъ, что молоды,— вотъ мы съ вами и потолкуемъ о томъ, о семъ, а то знаете, съ этими съ куртизанами скучно— все одно, о дворѣ, да кому орденъ дали, все пустое.

Герценъ сталъ часто навѣщать Жеребцову и подолгу засиживался у ней, рассказывая про тогдашніе литературные кружки. Ольга Александровна съ большимъ интересомъ слушала своего собесѣдника и постоянно высказывала предпочтеніе кипучей жизни этихъ кружковъ передъ мертвымъ застоємъ великосвѣтской жизни. Какъ-то разъ она откровенно выражала свое мнѣніе о великосвѣтской средѣ.

— Вы ихъ еще не знаете, — замѣтила она Герцену, проводя киваньемъ головы разныхъ толстыхъ и худыхъ сенаторовъ и генераловъ...—а ужъ я довольно на нихъ насмотрѣлась, меня не такъ легко провести, какъ они думаютъ; мнѣ двадцати лѣтъ не было, когда братъ былъ въ пущемъ фавѣрѣ¹⁾, императрица меня очень ласкала и очень любила. Такъ повѣрите ли, старики, покрытые кавалеріями, едва таскавшіе ноги, наперерывъ бросались въ переднюю подать мнѣ салопъ или теплые башмаки. Государыня скончалась, и на другой день домъ мой опустѣлъ, меня бѣгали, какъ заразы... и тѣ же самыя персоны. Я шла своей дорогой, не нуждалась ни въ комъ и уѣхала за море. Послѣ моего возвращенія Богъ посѣтилъ меня большими несчастіями, только я ни отъ кого участія не видала, были два—три старыхъ пріятели, тѣ точно и остались. Ну, пришло новое царствованіе, Орловъ, видите, въ силѣ, т. е. я не знаю, насколько это правда... Такъ думаютъ по крайней мѣрѣ; знаютъ, что онъ мой наслѣдникъ, и внучка-то меня любить, ну, вотъ и пошла такая дружба—опять готовы подавать шубу и калоши. Ахъ! знаю я ихъ, да скучно иной разъ одной сидѣть, я ихъ и пускаю, болтаютъ всякій вздоръ—развлеченіе, часъ, другой и пройдетъ...

¹⁾ Это не совсѣмъ вѣрно: въ 1789 г. Жеребцовой было 28 года.

Герценъ, какъ человѣкъ подозрительный, находился подъ строгимъ надзоромъ, и достаточно было ему повторить ходившій по городу слухъ, чтобы снова получить приказаніе немедленно покинуть столицу. Семейныя обстоятельства (беременность жены) дѣлали для него это несчастіе особенно ощутительнымъ. Онъ поѣхалъ со своимъ горемъ къ Жеребцовой.

— Господи, какія глупости, отъ часу нелегче, — возмутилась Ольга Александровна. — Какъ это можно съ фамиліей тащиться въ ссылку изъ такихъ пустяковъ. Дайте, я переговорю съ Орловымъ, я рѣдко его о чемънибудь прошу, они всѣ не любятъ этого; ну, да иной разъ можетъ же сдѣлать чтонибудь. Побывайте-ка вы у меня денька черезъ два, я вамъ отвѣтъ сообщу.

«Черезъ день утромъ она прислала за мной, — рассказываетъ Герценъ. — Я засталъ у нея нѣсколько человѣкъ гостей. Она была повязана бѣлымъ батистовымъ платкомъ вмѣсто чепчика. Это обыкновенно было признакомъ, что она не въ духѣ, щурила глаза и не обращала почти никакого вниманія на тайныхъ совѣтниковъ и явныхъ генераловъ, приходившихъ свидѣтельствовать свое почтеніе. Одинъ изъ гостей съ предовольнымъ видомъ вынулъ изъ кармана какую-то бумажку и, подавая ее Ольгѣ Александровнѣ, сказалъ:

— «Я вамъ привезъ вчерашній рескриптъ князя Петру Михайловичу; можетъ, вы не изволили еще читать?»

«Слышала ли она, или нѣтъ, я не знаю, но только она взяла бумагу, развернула ее, надѣла очки и морщась, съ страшными усиліями прочла.

— «Князь Петръ Михайловичъ! Что вы это мнѣ даете?.. А?.. Это не ко мнѣ?»

— «Я вамъ докладывалъ, это рескриптъ...»

— «Боже мой, у меня глаза болятъ, я не всегда могу читать письма, адресованныя ко мнѣ, а вы заставляете чужія письма читать.»

— «Позвольте, я прочту... Я, право, не подумалъ...»

— «И, полноте, что трудиться понапрасну, какое мнѣ дѣло до ихъ переписки; доживаю кое-какъ послѣдніе дни, совсѣмъ не тѣмъ голова занята.»

«Господинъ улыбнулся, какъ улыбаются лица, попавшія въ просякъ, и положилъ рескриптъ въ карманъ.»

«Видя, что Ольга Александровна въ дурномъ расположеніи духа и въ очень воинственномъ, гости одинъ за другимъ откланялись. Когда мы остались одни, она сказала мнѣ:

— «Я просила васъ сюда зайти, чтобы сказать вамъ, что я на старости лѣтъ дурной сдѣлалась, наобѣщала вамъ, да ничего и не сдѣлала; не спросясь броду-то, и ненадобно совѣтаться въ воду, знаете, по мужицкой пословицѣ. Говорила вчера съ Орловымъ о вашемъ дѣлѣ, и не ждите ничего...»

«Въ это время официантъ доложилъ, что графиня Орлова пріѣхала.

— «Ну, это ничего, свои люди, сейчасъ доскажу.

«Графини, красивая женщина и еще въ цвѣтѣхъ лѣтъ, подошла къ рукѣ и освѣдомилась о здоровьи, на что Ольга Александровна отвѣтила, что чувствуетъ себя очень дурно, потому, назвавши меня, прибавила ей:

— «Ну, сядь, другъ мой. Что дѣтки, здоровы?

— «Здоровы.

— «Ну, слава Богу! Извини меня, я вотъ рассказываю о вчерашнемъ. Такъ вотъ видите, я говорю ей мужу-то, чтобы тебѣ сказать государю, ну, какъ это пустяки такіе дѣлаютъ? Куда ты! Руками и ногами уперся; это, говорить, по части Бенкендорфа, съ нимъ, пожалуй, я переговорю, а докладывать государю не могу, онъ не любитъ, да у насъ это и не заведено. Что же это за чудо, говорю я ему, поговорить съ Бенкендорфомъ? я это и сама умѣю. Да и онъ-то ужъ изъ ума выжилъ, самъ не знаетъ, что дѣлаетъ, все актриски на умѣ, кажется, ужъ и не подъ лѣта волочиться; а тутъ какойнибудь секретаришка дѣлаетъ у него доносы всякіе, а онъ и подаетъ. Что же онъ сдѣлаетъ? — Нѣтъ, ужъ ты лучше, говорю, не срами себя, что же тебѣ просить Бенкендорфа,— онъ же все и напакостилъ.— У насъ, говорить, ужъ такъ заведено, и пошелъ мнѣ тутъ рассказывать... Ну, вижу, что онъ просто боится идти къ государю... Что онъ у васъ это, звѣрь, что ли, какой, что подойти страшно, и какъ же всякій день вы его пять разъ видите, молвила я, да такъ и махнула рукой; поди съ ними, толкуй. Посмотрите на портретъ, экой бравый представленъ какой, а боится слово сказать!

«Вмѣсто портрета я не могъ удержаться, чтобы не посмотрѣть на графиню Орлову; положеніе ея было не изъ самыхъ пріятныхъ. Она сидѣла улыбаясь и иногда взглядывала на меня, какъ бы говоря: лѣта имѣютъ свои права, старушка раздражена; но, встрѣчая мой взглядъ, не подтверждавшій того, она дѣлала видъ, будто не замѣчаетъ меня. Въ рѣчь она не вступала, и это было очень умно: Ольгу Александровну унять было бы трудно, у старухи разгорѣлись щеки, она дала бы тяжелую сдачу. Надобно было прилечь и ждать, чтобы вихрь пронесся черезъ голову.

— «Вѣдь это, чай, у васъ тамъ, гдѣ вы это были, въ этой въ Вологдѣ писаря думаютъ: графъ Орловъ—случайный человекъ, въ силѣ... Все это вздоръ, это подчиненные, небось, распускаютъ слухъ. Всѣ они не имѣютъ никакого вліянія, они не такъ себя держать и не на такой ногѣ, чтобы имѣть вліяніе... Вы уже меня простите, взялась не за свое дѣло»...

Дѣйствительно Герцену скоро пришлось оставить Петербургъ.

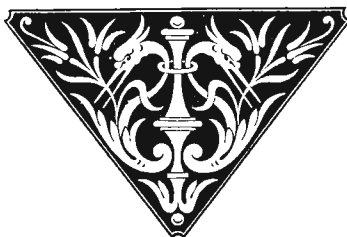
Встрѣча съ Герценомъ была, пожалуй, единственнымъ эпизо-

домъ, внесшимъ разнообразіе въ ту скучную обстановку, въ которой доживала свой вѣкъ эта «странная, оригинальная развалина другого вѣка, окруженная выродившимся поколѣніемъ».

1-го марта 1849 года ея не стало.

Погребена Ольга Александровна Жеребцова въ фамильномъ склепѣ Зубовыхъ въ Троицко-Сергіевой пустыни, находящейся въ Петербургской епархіи ¹⁾.

С. Адриановъ.

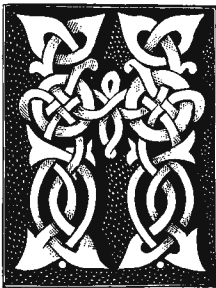

¹⁾ Фактическая сторона этого очерка извлечена изъ слѣдующихъ источниковъ: свѣдѣнія о Зубовыхъ собраны въ статьѣ «Платонъ Зубовъ» («Русская Старина», 1876 г., т. XVI и XVII); пребываніе Платона Зубова у сестры описано въ запискахъ Ѳ. П. Лубянскаго («Русскій Архивъ», 1872 г., т. I, стр. 148—149); о вечерахъ у Жеребцовой говорить въ своихъ запискахъ М. А. Фонвизинъ (декабристъ); поведеніе Жеребцовой въ Берлинѣ составляетъ тему вышеприведеннаго письма Воронцова (французскій подлинникъ въ «Архивѣ Воронцова», т. X, стр. 113—114); попытка Жеребцовой поцѣловать въ англійскому двору извѣстна изъ переписки ея съ Воронцовымъ («Архивъ Воронцова», т. XVI, стр. 351—354), встрѣча ея съ Герценомъ описана послѣднимъ въ «Быломъ и думахъ» («Полярная Звѣзда» на 1855 г., изд. 2-е, стр. 123—133); свѣдѣнія объ Орловѣ есть у Долгорукова («Родословная книга», т. II, стр. 234—235); у него же приведена генеалогія Жеребцовыхъ (т. IV, стр. 94—101).

ЗАБЫТАЯ УСАДЬБА.

(Посвящается О. Я. Цвѣтаеву).

ЕДАВНО я посѣтил имѣніе Ивана Сергѣевича Тургенева, Спасское-Лутовиново, которое находится въ 12 верстахъ отъ Мценска. Когда-то этотъ городъ, лежащій на рѣкѣ Зушѣ, впадающей въ Оку, отправлялъ по ней на баркахъ хлѣбъ въ зернѣ, масло, деготь, пеньку, канаты и бечеву. Но прошла желѣзная дорога, и значеніе Мценска, какъ торговой пристани, падая постепенно, теперь сошло на ничто, и самая рѣка обмелѣла до неузнаваемости.

У обѣднѣвшаго города осталось только одно значеніе—религіозное: въ мѣстномъ соборѣ находится высокочтимая чудотворная икона св. Николая, на поклоненіе которой стекается много богомольцевъ.

Тургеневъ интересовался этимъ городомъ, живя и за границей. Въ письмѣ, напримѣръ, къ Фету, онъ пишетъ: «Напиши мнѣ о соборѣ, о грачахъ, о перевозѣ черезъ Зушу» и т. п.

Верстахъ въ 10 отъ Мценска, ниже по Зушѣ, лежатъ Новоселки—родовое имѣніе Фета; чтобы попасть туда, нужно переѣхать Зушу на паромѣ; часто бывалъ Иванъ Сергѣевичъ въ Новоселкахъ.

Изъ Мценска доѣхать до Спасскаго не особенно дорого: васъ съ удовольствіемъ отвезутъ за 2—3 рубля на парѣ лошадей; и

если вы рассчитываете вернуться обратно въ тотъ же день, то и привезутъ обратно, не взявъ ни копейки лишняго.

Съ Троицкой улицы дорога поднимается на гору, съ которой, оглянувшись назадъ, любуеться довольно красивой панорамой небольшого чистенькаго уѣзднаго городка. Версты черезъ три, дорога раздѣляется—одна идетъ лѣвъѣе, по Бѣлевскому тракту, вдоль обрывистаго праваго берега Зуши, за которой виднѣется желѣзно-дорожная линія, а за ней возвышенная волнообразная мѣстность, съ березовыми рощами и деревнями, очень пріятная для глаза, особенно при мягкомъ солнечномъ освѣщеніи. Другая дорога, направо, идетъ по проселку. Она нѣсколько короче первой, да и мѣстность здѣсь живописнѣе, а потому я направился по ней. Первыя подгороднія деревни—Верхняя и Нижняя Зароши. Онѣ получили свое названіе отъ протекающей черезъ нихъ рѣки Зароши. Рѣка узенькая и мелкая, такъ что ее свободно можно переѣхать въ бродѣ. За рѣкой тянется «узволкъ» (не особенно длинное и высокое возвышеніе). За нимъ дорога пролегаетъ между двумя садами. Изъ нихъ тотъ, что расположенъ налѣво, очень великъ и отличается правильной посадкой деревьевъ. Это имѣніе принадлежит князю Меншикову. Еще версты двѣ, опять деревня Катушинцево. Она принадлежала сыну знаменитаго артиста Михаила Семеновича Щепкина, Александру Михайловичу. По смерти послѣдняго имъ управляла его жена, и только недавно оно продано Мироненко. Два внука Михаила Семеновича и одна внучка разбрелись въ разныя стороны. Старшій внукъ Николай служитъ въ Ельцѣ, а внучка живетъ гдѣ-то въ Крыму.

Младшій внукъ, названный въ честь своего великаго дѣда Михайломъ, лицомъ напоминаетъ послѣдняго. Онъ живетъ въ Мценскѣ и арендуетъ городскую землю, принимая иногда участіе въ концертахъ, устраиваемыхъ любителями; по отзывамъ многихъ, онъ очень хорошо исполняетъ куплеты. Съ нимъ живетъ его тетка—родная дочь Михаила Семеновича—несчастное существо, не удавшееся какъ въ физическомъ, такъ и въ умственномъ отношеніи. Она кое-что помнитъ объ отцѣ и говоритъ объ этомъ осмысленно, на примѣръ, объ его смерти въ Крыму.

Михаилъ Александровичъ, въ высшей степени любезный человекъ, передавалъ мнѣ очень характерную черту Михаила Семеновича, слышанную имъ отъ своего отца. Великій артистъ былъ безграничной доброты и, помогая людямъ, отдавалъ имъ часто буквально послѣднія деньги; не разъ жена жаловалась знакомымъ, что иногда проситъ денегъ у мужа (дѣти почти разуты), а у него ихъ нѣтъ—только-что отдалъ такому-то. У Михаила Семеновича была страсть отыскивать сценическіе таланты въ дѣтяхъ. Показется ему, что вотъ такой-то мальчикъ обладаетъ талантомъ, всѣ средства употребить, чтобы взять его къ себѣ на воспитаніе. И

вотъ мальчикъ живетъ у Щепкиныхъ (между своими дѣтми и чужими ни въ чемъ не дѣлалось разницы), выростетъ, а, смотришь, изъ него ничего и не вышло,—и сколько было такихъ примѣровъ! Известно, что жена Михаила Семеновича была плѣнная турчанка, выучившаяся писать уже въ зрѣломъ возрастѣ. Она, оказывается, составила очень обстоятельныя записки о своей жизни. М. А. показывалъ мнѣ объемистыя тетради—жаль, что онъ почему-то ихъ не печатаетъ—онѣ, по моему мнѣнію, много пролили бы свѣта на частную жизнь великаго артиста и вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчательной доброты человѣка.

Не далеко отъ Катушинцева и Спасское-Лутовиново.

При въѣздѣ въ него прежде всего бросается въ глаза часовня, построенная на средства Ивана Сергѣевича въ память Александра II, но не радуется ея внѣшній видъ въ настоящее время...

Село расположено на очень ровномъ возвышенномъ мѣстѣ, по обѣимъ сторонамъ широкой улицы. Сейчасъ же, какъ кончаются крестьянскія хаты, выгонъ, а дальше двѣ-три усадьбы бывшихъ дворовыхъ людей Тургенева; потомъ длинный красивый деревянный домъ—бывшая при Тургеневѣ богадѣльня, потомъ аптека. Рядомъ ворота, ведущія въ усадьбу, а дальше зданіе Тургеневской школы... бывшей, къ сожалѣнію, до 1884 года.

Поколѣнія на родинѣ великаго писателя растутъ, не получая возможности наслаждаться высоко поэтическими строками «Записокъ Охотника»... а онъ, покойный, такъ любилъ и лелѣялъ свою школу.

Вправо отъ бывшей школы церковь, очень красивая, каменная, а еще правѣе, черезъ дорогу, усадьбы духовенства.

Барскаго дома не видно съ улицы: искусно скрытый деревьями, онъ словно прячется отъ посторонняго глаза. Въѣзжаемъ на дворъ,—вотъ и онъ! Но тихо, никто не выходитъ встрѣчать, никого не видно въ окнахъ...

Передъ глазами развертывается картина забытаго, сиротливаго, когда-то кипѣвшаго жизнью, дворянскаго гнѣзда...

То, что называется теперь главнымъ домомъ, есть только остатокъ бывшаго дома рода Лутовиновыхъ, сгорѣвшаго въ 1840 году. Этотъ домъ представлялъ изъ себя уходящій отъ церкви почти правильный полукругъ: середина и два боковыхъ крыла. Одно (лѣвое) крыло уцѣлѣло отъ пожара, было отремонтировано, оно-то теперь и носитъ названіе главнаго дома. Около него, съ одной стороны, прилегающей къ двору, находится нѣсколько строеній: флигель для пріѣзда гостей, баня, ледникъ, конюшня и каретная, а на противоположной сторонѣ двора—маленькій деревянный домикъ, въ которомъ живутъ теперь только садовникъ да караульщикъ. Дворъ и дорожки между строеніями поросли густою травой...

Въ главномъ домѣ нѣсколько подъѣздовъ. Съ одной стороны дверь выходитъ на террасу въ садъ; подъ террасой небольшой мезонинъ, комнаты въ три. Передъ террасой—площадка; и теперь еще на ней видны остатки клумбъ, съ растущими на нихъ бѣлыми незабудками, душистыми піонами, выродившимися розами и т. п. А еще такъ недавно что за чудные цвѣтники были разбиты на этомъ мѣстѣ!

Воображеніе невольно переноситъ въ то время, когда Иванъ Сергѣевичъ, въ самый день своего приѣзда въ Спасское, или, если очень усталъ, то на другой день, къ вечеру, выходилъ на эту замую террасу, садился въ кресло, а на площадкѣ уже собрались заранѣе приглашенные крестьяне сосѣднихъ деревень. Лились нескончаемыя пѣсни; водились хороводы.. и старъ и младъ находили угощеніе у бывшаго своего помѣщика. Пиръ и веселье продолжались на другой, а часто и на третій день. Любовался весельемъ крестьянъ Иванъ Сергѣевичъ и часто произносилъ мягкимъ фальцетомъ: «Чудесно, прекрасно!». Въ сильно патетическихъ мѣстахъ онъ вскакивалъ съ мѣста и, нервно ходя по террасѣ, восклицалъ: «Что за широкій духъ у русскаго человѣка—ничего подобнаго нѣтъ у иностранца!».

Съ террасы дверь ведетъ въ такъ называемую маленькую гостиную, обитую красивыми шпалерами. Прямо противъ входа, у стѣны, стоитъ диванъ—«самосонъ», большой, широкій, на который, дѣйствительно, такъ и хочется прилечь. Онъ описанъ въ «Наканунѣ»; на немъ лежатъ костыли, при помощи которыхъ послѣднее время ходилъ Иванъ Сергѣевичъ—кто-то, вѣроятно, изъ посѣтителей снялъ колечки съ нихъ. Надъ диваномъ виситъ портретъ очень красиваго офицера въ гвардейскомъ мундирѣ, съ почти женскимъ лицомъ—это отецъ Ивана Сергѣевича, Сергѣй Николаевичъ. Надъ нимъ портретъ брата Ивана Сергѣевича, Николая. Около дивана—столикъ, а на немъ вѣнокъ отъ редакціи дѣтскаго журнала «Родникъ». Почему одинъ и именно этотъ вѣнокъ былъ послѣ процессіи пересланъ въ деревню, я, несмотря на всѣ разспросы, ни отъ кого такъ и не могъ добиться отвѣта. Изъ этой комнаты, направо, вы входите въ портретную, по стѣнамъ которой висятъ поясные, писанные масляными красками, портреты рода Лутовиновыхъ. Жаль, что нѣтъ на нихъ надписей, и только на холстѣ одного читаешь, что это Алексѣй Ивановичъ Лутовиновъ (братъ Ивана Ивановича). Нѣсколько красавицъ въ пышныхъ прическахъ улыбаются со стѣны тою улыбкою, какою только и могли улыбаться прекрасныя созданія конца прошлаго и начала нынѣшняго вѣка. Налѣво находится такъ называемая угольная комната. Слѣдующей за этими двумя комнатами принадлежитъ, по значенію, первое мѣсто во всемъ спасскомъ домѣ—она служила и кабинетомъ и спальней для писателя. Еще недавно въ

Село Спасское и часовня.

ней стоялъ, въ простѣнкѣ между окнами, его столъ, а передъ нимъ его любимое широкое кресло; въ углу висѣла икона Перуковтвеннаго Спаса, въ серебряномъ окладѣ, которой такъ дорожилъ незабвенный романистъ.

У противоположной стѣны, за деревянными, раскрашенными цвѣтами, ширмами, стояла его широкая кровать... Теперь уже этого ничего нѣтъ здѣсь, и только на простѣнкѣ, передъ столомъ, уцѣлѣли литографическіе портреты Бѣлинскаго и Михаила Семеновича Щепкина.

Далѣе — комната (называвшаяся при матери Тургенева — «казино»), вся уставленная англійскими и нѣмецкими словарями.

Рядомъ съ нею бібліотека. Такъ какъ Иванъ Сергѣевичъ очень любилъ игру на билліардѣ, то посреди этой комнаты стоитъ билліардъ, хотя довольно посредственный. Всѣ стѣны плотно заставлены книжными шкапами. Трудно разобраться въ бібліотекѣ теперь; только однѣ надписи на шкапахъ, въ родѣ «англійскія», «французскія», «журналы», свидѣтельствуютъ о ея бывшемъ когда-то порядкѣ. По собраннымъ мною свѣдѣніямъ, это только часть бывшей бібліотеки, но, не смотря на это, поражаетъ ея разнообразіе: и классики, и философы, и беллетристы, и сельско-хозяйственныя книги! И все это на разныхъ языкахъ. На многихъ книгахъ на первомъ листѣ автографы Бѣлинскаго — книги эти куплены, когда продавалась бібліотека знаменитаго критика. Одна изъ угловыхъ комнатъ извѣстна подъ именемъ «Савинской» — въ ней всегда жила наша знаменитая артистка во время своихъ пріѣздовъ въ Спасское погостить у гостепріимнаго хозяина; въ ожиданіи ея маститый писатель проводилъ нѣсколько дней въ хлопотахъ, привѣсивая шторы, вбивая въ стѣну гвоздики и т. п. Другая, налѣво, тоже угловая, называется «комната Бѣлинскаго» — опять нельзя добиться почему. Кромѣ этого ряда комнатъ, идущихъ во всю длину дома, есть еще много маленькихъ, но онѣ мало замѣчательны. Только въ одной изъ нихъ, на комодѣ, стоятъ нѣсколько масляныхъ портретовъ, изъ которыхъ обращаютъ на себя вниманіе: старушка, вяжущая чулокъ; старушка (видимо, бѣдная дворянка, приживалка) съ дыпятами въ рукахъ. Домъ въ безпорядкѣ: по стѣнамъ и въ углахъ пыль и паутина; во многихъ мѣстахъ полы провалились...

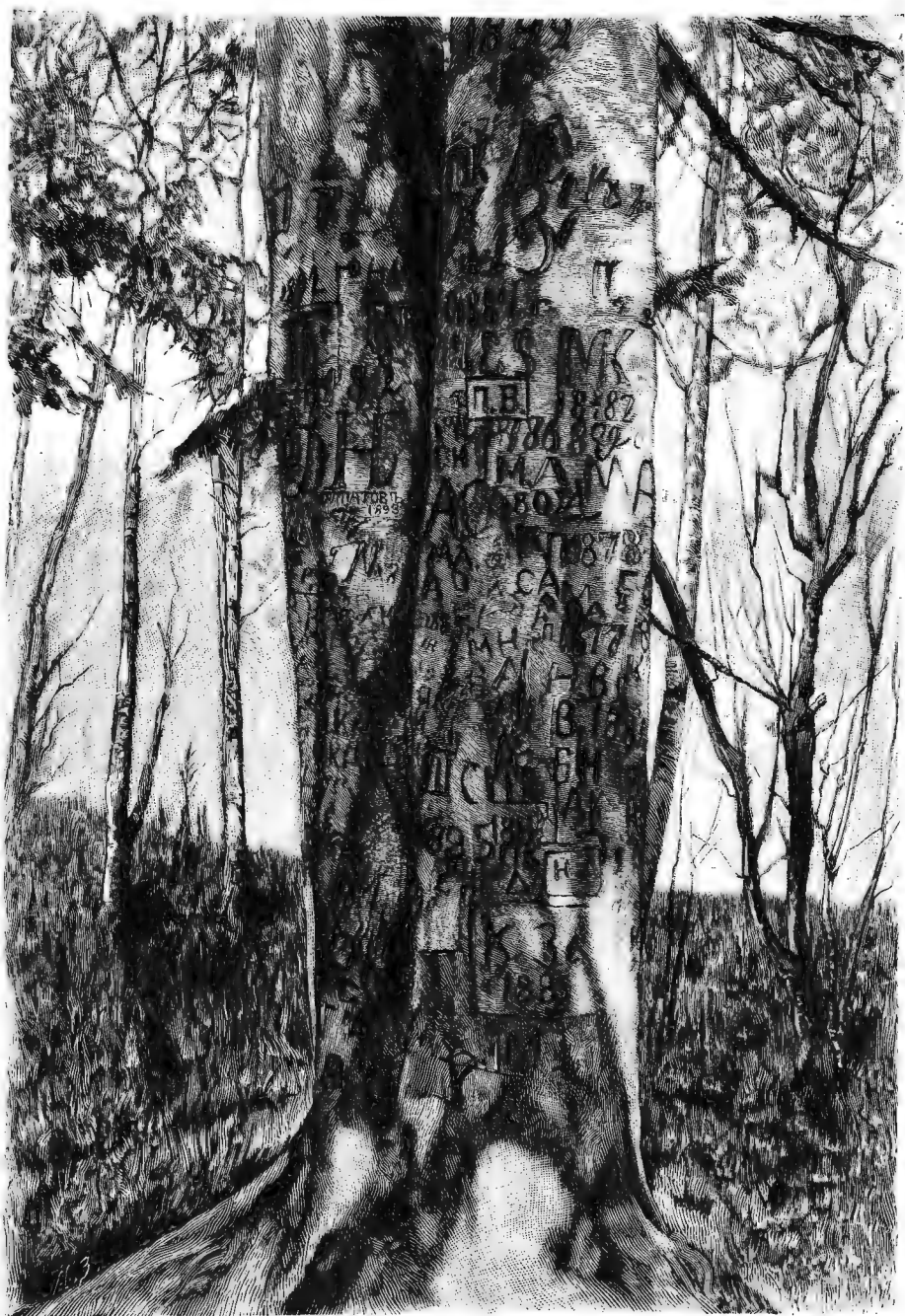
При усадьбѣ нѣтъ хозяйственныхъ построекъ — всѣ онѣ находятся на хуторѣ Петровскомъ: такимъ образомъ докучные дневные звуки не долетали до слуха Ивана Сергѣевича, и онъ, окруженный тишиною, весь погружался въ творчество.

Отъ дома мѣстность, по направленію къ сѣверу, представляетъ пологую покатость, на которой разбитъ садъ. Тогда какъ первый постепенно упадаетъ, этотъ нѣмой свидѣтель прошлаго разрастается все пышнѣе и пышнѣе.

Кабинетъ Тургенева въ селѣ Спасскомѣ.
(Верхній портретъ Ник. Серг. Тургенева; внизу — Сергій Ник. Тургеневъ; въ углу — бывшій лакей Ивана Серг. — Петръ Мих. Переграловъ;
у стѣны диванчикъ — самосонгъ).

Нѣтъ, всѣ эти многочисленныя и разнообразныя породы деревьевъ, собранныя на этомъ пространствѣ, нельзя назвать «садомъ», «паркомъ» или «лѣсомъ»—здѣсь все это перемѣшалось, и въ смѣшеніи образовало что-то такое стройное, гармоничное, полное художественнаго значенія, чему нѣтъ названія. Для воссозданія этого великолѣпія все это обрабатывалось по вкусу нѣсколькихъ поколѣній; къ силѣ природы прибавлялось усиліе тысячъ рукъ человѣческихъ—вотъ и получилось то, что носитъ имя «сада» при усадьбѣ села Спасскаго: стройныя, серебристыя тополи; необъятной высоты, многое выдавшія на своемъ вѣку, липы; раскинувшіяся въ ширь и бѣлыми колоннами поднимающіяся кверху статныя березы; крѣпко сидящіе въ землѣ съ вѣчною тѣнью подъ ними могучіе дубы. И надъ всѣмъ этимъ, развѣтвленнымъ и опущеннымъ листьями всевозможнаго вида и разнообразныхъ красокъ, зеленымъ царствомъ поднимаютъ свои остроконечныя кроны красавицы-ели; раскидываютъ неправильной формы шатры изъ иглъ многовѣковыя сосны. А ниже, въ срединѣ этого зеленого царства, набросаны купы орѣшника, боярышника, островки вишенъ и сливъ... Образовавшаяся когда-то полянка почти сплошь уже заросла стройными съ вѣчно зыблющимися листьями осинами; акація непроницаемой стѣной покрыла пригорокъ; цѣлыя вѣнки терновнику на возвышеніяхъ; молодыя березки идутъ въ перемежку съ яблонями и грушами; къ нимъ кое-гдѣ присоединяются каштаны. Вотъ совершенно лѣсная полянка. Въ укромныхъ уголкахъ выскакиваютъ изъ-подъ кустовъ крупныя ландыши. А сколько клубники всюду, куда ни кинешь взглядъ: кажется, ее нарочно здѣсь сѣяли. Масса грибовъ въ тѣнистыхъ мѣстахъ. «Садъ» не разбитъ по какому нибудь шаблону дорожками, съ преобладаніемъ той или другой древесной породы—нѣтъ, онъ на всемъ громадномъ пространствѣ представляетъ разнообразіе и неуволимость формъ, пестрое, красивое своими разновидностями, сочетаніе древесныхъ породъ. Трудно разобраться въ этомъ царствѣ, и много-много дней нужно посвятить, чтобы имѣть о немъ полное понятіе; нужно его видѣть и весною, и лѣтомъ, и осенью, и раннимъ утромъ, и въ знойный полдень, и тогда, когда дневное свѣтило только-что начнетъ скрываться за горизонтомъ. Въ направленіи къ востоку (идя отъ дома) преобладаютъ липы, березы и дубы, а частью ясень и осина. Въ сѣверо-восточномъ углу цѣлая роща столѣтнихъ елей: ни одна травка не растетъ подъ ними—такъ близко приблизились ихъ вершины—словно въ дремучій боръ, не одну сотню лѣтъ стоящій, попали вы. Къ сѣверу высятся липы, а за ними старыя, старыя сосны, наклонившіеся вершинами, словно любятъся своимъ отраженіемъ въ ровной поверхности заросшаго какъ бы уснуваго пруда. На западъ опять преобладаютъ липы, а за ними цѣлая березовая роща раскинулась по оврагу и скатамъ его. Въ срединѣ,

Ели «Два брата» въ с. Спасскомъ.

недалеко отъ дома—многочисленныя гряды клубники, кусты крыжовника и смородины, оранжерея, уже давно требующая серьезной поправки, и остатки парниковъ—вотъ приблизительная картина того, что представлялось всегда моему взору, когда я блуждалъ по обширному «саду» Спасскаго.

Все это восхитительное пространство съ востока окружено землянымъ валомъ, съ юга обрамлено, такъ называемымъ, большимъ прудомъ, а съ запада съ одной стороны переходитъ въ заросшее пространство, а съ другой прерывается глубокимъ рвомъ.

А какое разнообразіе пернатого міра въ саду.

Мелкія птички—корольки, горихвостки, пѣночки, варакушки, малиновки, то-и-дѣло перепархиваютъ съ мѣста на мѣсто, суетятся, отыскивая кормъ, не забывая въ то же время воздать, каждая по своему, гимнъ утру или вечеру. А весной, когда тысячи соловьиныхъ пѣсней несутся съ разныхъ концовъ, встрѣчаются, перекрещиваются и стоятъ надъ садомъ! Дрозды всѣхъ породъ—орѣховники, рябинники, пѣвчіе, сѣрые и черные—то прячутся въ листьѣ, то тучами носятся по саду, смотря по времени года. Длинноногія неуклюжія цапли вьютъ свои гнѣзда на вершинахъ старыхъ деревьевъ. Тысячи паръ грачей устроили свою колонію въ березнякѣ и своимъ гамомъ придаютъ саду какой-то особенный колоритъ въ знойный полдень въ концѣ весны и началѣ лѣта; къ нимъ присоединяютъ свои мурлыканья спрятавшіяся въ вѣтвяхъ горлинки, а по временамъ, словно чѣмъ-то напуганныя, пронзительно и рѣзко вскрикиваютъ иволги. Здѣсь же, на вершинахъ сосенъ и липъ, нашли пріютъ для вывода дѣтей даже всѣхъ породъ ястреба; по основнымъ вѣтвямъ ловко прыгаютъ бѣлки.

Въ этомъ саду художникъ чувствовалъ себя въ другомъ мірѣ, и передъ его духовными очами проносились стройной чередой образы и факты. Разъ какъ-то, въ отсутствіе Ивана Сергѣевича, пріѣхалъ къ нему покойный профессоръ живописи Евграфъ Семеновичъ Сорокинъ, осмотрѣлъ садъ и передъ отъѣздомъ замѣтилъ провожавшему его лакею Тургенева: «Ну, Иванъ Сергѣевичъ здѣсь живетъ, какъ Адамъ въ раю!».

Всѣ описанія природы въ произведеніяхъ Тургенева неподражаемы въ ихъ художественномъ исполненіи. Садъ Спасскаго сыгралъ немалую роль въ развитіи одной изъ яркихъ чертъ въ художникѣ—его необыкновенной любви къ природѣ и чуткости къ ея пониманію. Вотъ почему Иванъ Сергѣевичъ, при раздѣлѣ съ братомъ наслѣдства, оставилъ за собою Спасское, а потомъ, продавъ всѣ имѣнія, оставилъ только его. Часто находясь въ самомъ критическомъ положеніи, онъ, однако, не рѣшался продать Спасское, съ которымъ сроднилась его артистическая натура.

Сколько перебивало въ этомъ саду представителей печатнаго слова или артистическаго искусства, составляющихъ гордость рус-

ской націи! Извѣстно то широкое гостепрїимство и чисто русское хлѣбосоольство, съ которымъ принималъ гостей въ высшей степени радушный хозяинъ. Разбросанныя во многихъ частяхъ сада купы липъ, пользовавшихся особеннымъ расположеніемъ Ивана Сергѣевича, образовали бесѣдки; и теперь еще сохранились полусгнившіе столбы—остатки лавокъ и столовъ; здѣсь часто сиживалъ писатель-художникъ и передавалъ свои мысли бумагѣ. Недалеко отъ церкви есть круглая бесѣдка изъ высокихъ липъ, въ которой написанъ «Рудинъ».

Во время своего безвыѣзднаго пребыванія (1853—1855 гг.) въ Спасскомъ, Иванъ Сергѣевичъ собственными руками насадилъ большую липовую аллею, получившую названіе «Аллеи ссыльнаго». Она теперь разрослась, но жаль только, что нѣкоторыя деревья погибли; а поэтому трудно разобрать, что представляетъ собою аллея: можно только догадываться, что здѣсь начертана одна или нѣсколько буквъ.

Не далеко отъ большого пруда высоко поднимается къ небу ель «Два брата». Представьте себѣ штампъ, обхвата въ два толщины, который на высотѣ приблизительно 1½ сажени раздѣляется на двѣ, совершенно симметричныя другъ другу части. Каждый разъ, какъ я смотрѣлъ на это дерево, мнѣ всегда приходила на память повѣсть Ивана Сергѣевича: «Дневникъ лишняго человѣка», въ которомъ чья-то безграмотная рука сдѣлала приписку: «Сью рукопись читалъ и Содержаніе Оной Нѣ Одобрилъ Пѣтръ Зудотѣшинъ». Дѣло въ томъ, что прїѣзжавшіе въ Спасское представители литературы и искусства вырѣзали на «Двухъ братьяхъ» свои инициалы. Умеръ Тургеневъ, и въ Спасское стали прїѣзжать почитатели его таланта и своими ничѣмъ не замѣчательными именами изрѣзали весь штампъ, такъ что теперь уже съ трудомъ найдешь, на примѣръ, М. Щ. (Мих. Щепкинъ). Какъ жаль, что испорчена эта живая лѣтопись посѣтителей Спасскаго при жизни его владѣльца! Внизу, почти у самой земли, кто-то вырѣзалъ: «Любовь сильнѣе смерти» и «Тургеневъ умеръ, но живъ для насъ»,—этими надписями и слѣдовало бы ограничиться.

Не далеко отъ «Двухъ братьевъ» къ западу, изъ одного мѣста поднимаются три штамба липъ (отъ запада къ востоку). На одномъ изъ нихъ, западномъ, Тургеневъ въ каждый свой прїѣздъ вырѣзывалъ букву Т. Многія изъ этихъ буквъ затянуло, ясно видны только пять. Здѣсь была лавка, на которой передъ вечеромъ обыкновенно сидѣлъ Тургеневъ и смотрѣлъ вдоль пруда.

Я уже упоминалъ о массѣ грачей, гнѣздящихся въ березнякѣ. Тутъ есть полузасыпанная яма, слышущая подъ именемъ «Грачевника». Исторія его слѣдующая.

Страстный любитель природы во всѣхъ ея проявленіяхъ, Тургеневъ не велѣлъ разорять грачиныхъ гнѣздъ, а задумалъ здѣсь

вырыть колодезь, около него выстроить часовенку и поставить въ ней икону св. Герасима. Стали работать; но до воды никакъ не могли докопаться; тогда яму и засыпали; теперь она поросла папоротникомъ.

Во всемъ саду есть только одна прямая дорожка, ведущая съ юга на сѣверъ, къ «Большому пруду». Рядомъ съ нимъ есть другою—«Кузнечный», теперь заросшій и затянутый ряской. Почти въ верстѣ отсюда, къ западу, если идти вдоль оврага, есть еще третій прудъ—Варнавицкій—собственно мѣсто, на которомъ онъ былъ, такъ какъ въ 1822 году случилась страшная гроза съ ливнемъ, переполнившимъ этотъ прудъ. Плотины не выдержала напора воды и прудъ ушелъ. Около него и теперь еще есть колодезь (бывшій прежде подъ навѣсомъ). Сюда-то, каждый день послѣ обѣда, съ кружкой въ рукѣ направлялся Иванъ Сергѣевичъ пить воду; онъ не могъ нахвалиться качествомъ воды и часто говорилъ, что такой не приходилось ему пить нигдѣ за границей.

Къ югу отъ колодца, наверху, стоитъ усадьба, принадлежавшая Кудряшеву, сверстнику и слугѣ Тургенева, бывшему съ нимъ въ Берлинѣ (это тотъ Кудряшевъ, который, убравъ комнаты, самъ уходилъ влѣдъ за бариномъ въ университетъ и слушалъ лекціи, а потомъ выдержалъ экзаменъ на званіе врача).

Народная фантазія наполнила садъ различными привидѣніями. И до сихъ поръ спасскіе крестьяне передаютъ, что ѓ полночь по плотинѣ, около пруда, по дорожкамъ ходятъ какіе-то люди. Разъ какъ-то сторожъ прибѣжалъ къ одному изъ бывшихъ дворовыхъ и съ ужасомъ объявилъ, что внутренность дома освѣщена; на окнахъ отражаются тѣни ходящихъ взадъ и впередъ гостей.

Въ полуверстѣ отъ Спасскаго находится хуторъ Петровскій, описанный въ «Отцахъ и дѣтяхъ». Въ немъ сосредоточено управленіе имѣніемъ. Во флигелѣ, въ которомъ помѣщается управляющій, въ одну изъ комнатъ перевесены изъ спасскаго дома круглый столъ, бронзовые столовые часы работы Нортонъ и диванъ, а въ другой за ширмами, стоитъ кровать Тургенева. Обѣ эти комнаты составляютъ отдѣльную половину на случай пріѣзда владѣльца или кого изъ постороннихъ.

Верстахъ въ 18-ти отъ Спасскаго, въ Чернскомъ уѣздѣ Тульской губерніи, находится Тургенево, родовое имѣніе Сергѣя Николаевича, доставшееся при раздѣлѣ послѣ смерти Варвары Петровны, старшему ея сыну, Николаю, а теперь перешедшее къ родственникамъ его жены.

Тѣ названія лѣсовъ, урочищъ и деревень, которыя вы узнали изъ «Записокъ охотника» или повѣстей, вы уже слышите отъ крестьянъ на пространствахъ между Спасскимъ и Тургеневымъ и вокругъ нихъ. «Трацкое», «Пришвій», «Высокое», «Чаплыгино»,

Мавзолей И. И. Лутовинова.

«Колотовка», «Варнавицы»... и въ душѣ возстають вереницы образовъ и событій, вызываемыя этими именами.

Вотъ она передъ глазами та березовая роща, въ которой знаменитый охотникъ схватилъ во всей ея полнотѣ безысходную тоску молодой дѣвушки, только чувствующей, но не хотѣвшей сознаться, то-есть констатировать фактъ, что она обманута... Вотъ и «Бѣжинъ лугъ»¹⁾, на которомъ заблудившійся послѣ охоты Тургеневъ, лежа подъ обглоданнымъ кустикомъ, изучалъ безхитростное, полное чарующей прелести, міросоверщаніе крестьянскихъ дѣтей... Вотъ и Колотовка²⁾, гдѣ въ «Притынномъ» происходило знаменитое состязаніе пѣвцовъ, и гдѣ авторъ подмѣтилъ у русскаго народа чувство высшей эстетической красоты, а потомъ, спускаясь съ горы, въ вечернемъ сумракѣ долго слышалъ перекрикиваніе двухъ мальчиковъ по поводу того, что одного изъ нихъ, Антропку, тятка высичъ хочить... А вотъ и садъ («Три встрѣчи») при селѣ Глинскомъ³⁾, любуясь которымъ, при возвращеніи съ охоты, писатель понималъ самъ, а потомъ такъ художественно выразилъ, какая цѣльность получается въ природѣ, когда къ краскамъ коснется звукъ... Вотъ и Чаплыгино⁴⁾, куда Тургеневъ ребенкомъ ходилъ гулять съ своимъ гувернеромъ. На каждомъ почти шагу встрѣчаешь какъ будто знакомыя мѣста,—такъ художественно вѣрно сдѣланы описанія мѣстностей въ произведеніяхъ Тургенева.

Разъ какъ-то, гуляя, мы подошли къ хатѣ бывшаго двороваго человѣка. У воротъ, съ ремешкомъ вокругъ головы, стоялъ старикъ и, поднявъ руку въ видѣ щитка надъ глазами, смотрѣлъ вдаль.

— А, дѣдушка, здравствуй!

— Здравствуйте.

— На зарю любиешься?

— Нѣтъ, жену дожидаюсь съ Петровскаго.

— А много, должно быть, лѣтъ тебѣ?

— Много.

— А сколько?

— Да вотъ годовъ семьдесятъ пять.

— А что, ты помнишь Ивана Сергѣевича?

— И-и...— оживился внезапно старикъ.—Какъ не помнить? Да такихъ господъ, какъ онъ, не было и не будетъ. Ангелъ былъ, царство ему небесное, а не человѣкъ. Встрѣтитъ тебя, поговорить, разспросить про дѣла. А съ просьбою придешь, никогда не откажетъ.

Вотъ какіе отзывы приходится слышать отъ всѣхъ дворовыхъ и крестьянъ о добромъ и расположенномъ къ людямъ сердцѣ Ивана Сергѣевича. Въ Спасскомъ живетъ бывший лакей Ивана Сергѣевича,

¹⁾ 4 версты отъ Тургенева.

²⁾ 2 версты отъ него же.

³⁾ Вереть 10 отъ Спасскаго.

⁴⁾ Версты 3 отъ Петровскаго

ДРУГЪ ДѢТЕЙ.

(Памяти Егора Арсеньевича Покровскаго).

КТЯБРЯ 18-го опустили въ могилу на Ваганьковскомъ кладбищѣ Егора Арсеньевича Покровскаго, самаго популярнаго въ Москвѣ дѣтскаго врача и редактора журнала «Вѣстника Воспитанія». Всѣ московскія газеты и серьезные органы печати Петербурга и провинціи почтили память усопшаго теплыми некрологами; представители науки, литературы и лица, уважавшія покойнаго, обязанныя ему, какъ врачу, явились на погребеніе, чтобы отдать послѣдній долгъ честному общественному работнику и хорошему человѣку.

Было много вѣнковъ отъ различныхъ учреждений, товарищей, почитателей и отъ редакціи «Дѣтскаго Чтенія». Грустно, что изъ дѣтскихъ журналовъ только одно «Дѣтское Чтеніе» выразило вѣнкомъ свое уваженіе къ памяти «друга дѣтей». Прочіе дѣтскіе и педагогическіе журналы не сдѣлали этого. Конечно, вѣнокъ самъ по себѣ—не важенъ, но важно выраженіе сочувствія, благодарности къ тому, кто работалъ на общее благо и шель именно «на помощь матерямъ». Этой благодарности вполне заслуживаетъ почившій «другъ дѣтей» — въ самомъ лучшемъ и полномъ значеніи слова, которымъ за послѣднее время стали нѣсколько злоупотреблять. Не мало дѣтскихъ врачей, но не всѣ лѣчащіе дѣтей — друзья ихъ. У кого это — только ремесло, профессія, тотъ еще не другъ дѣтей. «Возлюби ближняго, какъ самого себя». Надо возлюбить «малыхъ сихъ», чтобы имѣть право на названіе друга дѣтей. А кто сталъ ихъ другомъ, тотъ и душу свою полагаетъ за нихъ, работаетъ для нихъ, борется за ихъ интересы, не какъ наемникъ, не по обязанности, а по внутренней потребности, по

призыву сердца. Вотъ кто — другъ дѣтей. Многие пишутъ для дѣтей. Но не всѣ пишущіе — друзья дѣтей. Мало писать, надо любить дѣтей, жить для нихъ, понимать ихъ, болѣть за нихъ и свято смотрѣть на свое служеніе «маленькому народу». Большая неосторожность раздавать направо и налево званіе «друга дѣтей», равно какъ и званіе «учителя». «Другъ дѣтей» — это одно изъ самыхъ почетныхъ званій, и его не легко заслужить! Въ культурныхъ странахъ общество умѣетъ окружать «друзей маленькаго народа» высокимъ уваженіемъ. А у насъ, когда хоронятъ друзей школь и борцовъ за счастье «маленькой Россіи», дѣти часто даже не знаютъ объ этомъ; мы не находимъ нужнымъ бросать въ дѣтскія души зерна высокихъ чувствъ, научать благоговѣть передъ людьми труда и безкорыстнаго служенія на благо ближняго. Оттого такъ много среди насъ индифферентовъ, эгоистовъ, и такъ мало дѣятелей и людей, умѣющихъ цѣнить чужія заслуги. Юношество вырастаетъ въ другой атмосферѣ и дышитъ инымъ воздухомъ. Еще на фразу хватаетъ многихъ. Много красивыхъ фразъ, мало хорошихъ дѣлъ. Фразеры, позеры — всюду. Начинаютъ ли дѣло — они больше кричатъ, волнуютъ всѣхъ, чѣмъ дѣлаютъ. Входятъ ли въ «общество» — они думаютъ только о рѣчахъ и сенсаци. Въ сердцахъ ихъ нѣтъ любви къ дѣлу и родинѣ. Они любятъ лишь себя.

Не таковъ былъ Е. А. Покровскій — человекъ цѣльный, желѣзной воли, высокаго долга и любящаго сердца. Е. А. никогда не любилъ шума, фразы, а работалъ неустанно, дѣлая всегда больше, чѣмъ обѣщалъ. Это онъ доказалъ, и какъ редакторъ «Вѣстника Воспитанія».

Выросшій въ крайней бѣдности, понуждаемый всѣми обстоятельствами жизни смѣшаться съ толпой, онъ не сдался, съ бою добился права быть въ числѣ передовыхъ ратниковъ «мирной арміи». А путь, который прошелъ Е. А., — тяжелый путь.

Е. А. — сынъ священника, родился 13-го января 1834 года, въ с. Ново-Никитскомъ, въ 70-ти верстахъ отъ Твери. Отецъ Е. А. былъ человекъ въ высшей степени гуманный, любившій деревню и болѣвшій за нее. Онъ отказался отъ значительнаго земельного нарѣза въ пользу прихожанъ, нуждавшихся въ землѣ. Маленькаго Е. А. отправили въ тверское духовное училище. Въ семинаріи въ это время учился дядя Е. А., поднятый на ноги и содержавшійся на счетъ его отца. Мальчикъ помѣстился у дяди, который за хлѣбъ-соль и любовь оплатилъ тѣмъ, что обращался съ племянникомъ самымъ варварскимъ образомъ. Онъ его плохо кормилъ, билъ и даже истязалъ. Увидѣвъ, что мальчикъ дремлетъ за книгой, — онъ подставлялъ вилку, на которую тотъ и натыкался. Долгое время родители не знали ничего объ этомъ, потому что сынъ не жаловался имъ. Они случайно узнали обо всемъ отъ сосѣдей и, конечно, сейчасъ же перевели мальчика на другую квар-

тиру. Четырнадцать лѣтъ Е. А. потерялъ отца. Семья очутилась безъ средствъ. Архіерей согласился оставить мѣсто за дочерью умершаго. Подыскали студента семинаріи, и 16-ти-лѣтняя сестра Е. А. вышла замужъ. Зять вошелъ, какъ говорится, въ домъ, получивъ его въ приданое, и... выгналъ на улицу тещу и всѣхъ дѣтей. Съ женой онъ скоро началъ обращаться жестоко, билъ и тиранилъ ее. Сжалившись надъ тещей, онъ отвелъ ей помѣщеніе въ банѣ. Е. А. и его братья, учившіеся уже вмѣстѣ съ нимъ, остались безъ гроша. Но Богъ не покинулъ сиротъ. Мальчики пришли въ соборъ и заказали панихиду по отцѣ. Они всѣ горько плакали. Въ алтарѣ стоялъ епископъ и случайно увидѣлъ дѣтей. Онъ спросилъ о причинѣ ихъ слезъ. Е. А. отвѣтилъ, что они лишились отца. Узнавъ изъ дальнѣйшихъ разсказовъ о несчастномъ положеніи сиротъ, владыка положилъ имъ отъ себя стипендію — 6 рублей на четверыхъ. Эта ничтожная сумма казалась имъ — цѣлымъ капиталомъ. Такъ какъ юный Е. Покровский отличался серьезностью и хорошимъ поведеніемъ, то родители многихъ школяровъ охотно ставили вмѣстѣ съ нимъ на квартиру своихъ сыновей. Онъ занимался съ ними и такимъ образомъ получилъ возможность жить и учиться. Черезъ два года послѣ смерти отца у Е. А. умерла и мать. Надо замѣтить, что о. Арсеній умеръ не въ Ново-Никитскомъ, а уже въ другомъ селѣ, Троицкомъ, отстоящемъ отъ Твери въ 30-ти верстахъ, куда онъ былъ переведенъ незадолго до смерти. Здѣсь и жила теперь мать Е. А. Глубоко любя ее, онъ ежедневно, въ теченіе недѣли, навѣщалъ ее во время болѣзни, дѣлая концы въ 60 верстъ. Послѣ уроковъ онъ шелъ къ матери, проводилъ нѣсколько часовъ около ея постели и возвращался обратно въ городъ, попадая къ урокамъ. Семинарію Е. А. не кончилъ, а вышелъ изъ философскаго класса, рѣшивъ поступить въ университетъ. Съ «грошами» въ карманѣ прибылъ Покровский въ Москву. На экзаменѣ онъ обратилъ на себя вниманіе профессоровъ сочиненіемъ по словесности. Юному студенту посоветовали обратиться къ Дашкову, сочувственно относившемуся къ трудящейся молодежи. Е. А. поселился на Срѣтенкѣ вмѣстѣ съ земляками. Въ то время при университетѣ существовали такъ называемые студенческіе номера, гдѣ квасъ и хлѣбъ отпускался всѣмъ студентамъ, нуждавшимся въ такой помощи. Е. А. и его земляки нѣсколько мѣсяцевъ ходили туди и питались исключительно только квасомъ и хлѣбомъ. Хорошая хозяйка, когда у юношей не стало совсѣмъ денегъ, согласилась ждать плату, но объявила, что топить она не будетъ. Молодые люди жили въ нетопленной комнатѣ, спали чуть не прямо на доскахъ, покрываясь шинелями. Покровский обратился къ Дашкову, и этотъ тепло отнесся къ юношѣ. Прежде всего Дашковъ далъ Покровскому урокъ, за который онъ получалъ 50 копеекъ (за два часа). Нерѣдко студенту

приходилось даромъ дѣлать длинные концы: сегодня ученикъ уѣхалъ кататься, въ другой разъ — нерасположенъ учиться, или нездоровъ. Дашковъ сказалъ, что онъ похлопочетъ о казенно-коштномъ помѣщеніи, и предложилъ пока Покровскому приходить къ нему обѣдать. Желая проверить слова юноши о тяжеломъ, матеріальномъ положеніи, Дашковъ пріѣхалъ на его квартиру. Разбитый параличемъ, Дашковъ не ходилъ. Его на креслѣ внесли въ комнату, которую

Егоръ Арсенъевичъ Покровскій.

занималъ Е. А. съ земляками. Дашкова поравила бѣдность обстановки юношей, которыхъ онъ засталъ за занятіями. И вотъ вскорѣ Покровскій получилъ возможность помѣститься въ студенческихъ номерахъ. Егоръ Арсенъевичъ до послѣдняго времени съ благодарностью вспоминалъ о Дашковѣ, пребываніе же въ номерахъ называлъ самымъ свѣтлымъ временемъ своей жизни. Онъ посѣщалъ не только лекціи медицинскаго факультета, но слушалъ лучшихъ профессоровъ, читавшихъ по предметамъ, не имѣющимъ прямого отношенія

къ медицинѣ. Въ студенческихъ номерахъ кипѣла жизнь, юноши работали, спорили, писали сочиненія... Дружно и хорошо вообще жилось. Всѣ отдавались только наукѣ, работѣ мысли. Покровский поступилъ въ университетъ въ 1856 году, а въ 1860 онъ кончилъ курсъ. Въ этомъ же году онъ женился на дочери графа Николая Сергѣевича Толстого, Марьѣ Николаевнѣ, которой знаменитый нашъ писатель графъ Л. Н. Толстой приходится троюроднымъ братомъ, а бывший министръ графъ Д. А. Толстой — двоюроднымъ дѣдомъ. Отецъ Марьи Николаевны и самъ причастенъ литературѣ, какъ авторъ очерковъ Макарьевского уѣзда. Е. А. давалъ уроки въ домѣ графа и по лѣтамъ жилъ въ его имѣннн Осѣченки, въ Бронницкомъ уѣздѣ. Одинаковыя убѣжденія и взгляды по многимъ вопросамъ сблизили между собою молодыхъ людей, и на этой почвѣ возникла любовь. Какъ казеннокоштный студентъ, Покровский обязанъ былъ прослужить извѣстное число лѣтъ медикомъ или во флотѣ, или въ арміи, или въ гражданскомъ вѣдомствѣ. Молодой врачъ избралъ послѣднее, ибо онъ рѣшился тогда же посвятить свои знанія и силы «маленькому народу». Приходилось ѣхать въ Пудожъ Олонецкой губерніи, а между тѣмъ и слабое здоровье и желаніе еще работать въ центрѣ, подъ руководствомъ авторитетовъ — все заставляло отказаться отъ такого назначенія. Случай помогъ Покровскому. Одинъ изъ товарищей согласился ѣхать за него, прося за это 300 р. Тогда позволялось за себя ставить когонибудь. Студентъ уѣхалъ въ Сибирь (у него явилась возможность перемѣнить городъ назначенія), а Е. А. остался въ Москвѣ. Онъ два года проработалъ вольно-практикующимъ врачомъ, а затѣмъ получилъ мѣсто сверхштатнаго врача въ дѣтской больницѣ. Около этого времени онъ ѣздилъ въ провинцію и устроилъ нѣсколько земскихъ больницъ. Утвержденіе Е. А. врачомъ дѣтской больницы состоялось совершенно случайно. Подавъ прошеніе и бумаги куда слѣдовало, Е. А. зашелъ справиться о результатѣ. Ему сказали, что онъ утвержденъ, и при этомъ замѣтили, что о немъ хлопотали многія вліятельныя лица. Покровский былъ крайне удивленъ. Оказалось, что на это же мѣсто хотѣлъ попасть другой Покровский (Пав. Ив. нынѣ тоже умершій), о немъ-то и хлопотали. Но тотъ еще бумагъ не подаль, однофамильца Е. А. приняли за Пав. Ив. и утвердили. Послѣ долгихъ испытаній судьба начала какъ бы благопріятствовать молодому врачу. Проработавъ 12 лѣтъ безъ всякаго жалованья, Е. А. потомъ сдѣлался штатнымъ ординаторомъ и наконецъ главнымъ врачомъ дѣтской больницы, которая сначала помѣщалась на Бронной, а потомъ переведена на Садовую и получила названіе Софійской.

Сдѣлавшись виднымъ врачомъ, Е. А. не избралъ торнаго пути, ведущаго только къ житейскому благополучію. Ему было

мало одного личного блага, онъ не могъ не работать для блага всѣхъ. Достаточно просмотрѣть его труды, чтобы видѣть, какъ много силъ положилъ онъ на пользу дѣтей. Онъ не ждалъ призыва, онъ самъ вызывался на работу и другихъ призывалъ къ ней. Различныхъ статей его по медицинѣ, разсѣянныхъ по изданіямъ, нѣтъ возможности перечестъ. Отмѣчу крупную его работу—диссертацію на степень доктора медицины «Объ источникахъ новообразованія соединительной ткани при заростаніи просвѣта кровеносныхъ сосудовъ» и затѣмъ: «Физическое воспитаніе дѣтей у разныхъ народовъ въ связи съ исторіей, этнографіей, педагогіей и гигиеной», «Первоначальное физическое воспитаніе дѣтей, популярное руководство для матерей», «Дѣтскія игры и гимнастика въ отношеніи воспитанія и здоровья молодежи», «Площадки для дѣтскихъ игръ и физическихъ упражненій», «Уходъ за кожей дѣтей», «Первая пища русскаго ребенка», «Растительные организмы, какъ причина заразныхъ болѣзней», «Кормленіе грудныхъ дѣтей» и т. д. Самымъ первымъ крупнымъ трудомъ было «Физическое воспитаніе дѣтей у разныхъ народовъ». Работая надъ этимъ сочиненіемъ, собирая массу матеріаловъ (образцы колыбелей и другихъ предметовъ первоначальнаго физическаго воспитанія), Е. А. невольно остановился на играхъ и игрушкахъ дѣтей, и вотъ явилось сочиненіе о «дѣтскихъ играхъ». Движимый все той же любовью къ дѣтямъ, онъ принимаетъ участіе въ разныхъ ученыхъ обществахъ, составляетъ популярное руководство для матерей, устраиваетъ двѣ выставки предметовъ первоначальнаго физическаго воспитанія и ратуетъ за школы и интересы дѣтей въ качествѣ гласнаго думы. Первую выставку онъ устроилъ въ Москвѣ, въ зданіи манежа, пожертвовавъ всю коллекцію предметовъ въ Политехнической музей (самый богатый отдѣлъ ея—Сибирскій), а вторую коллекцію, болѣе богатую — въ Парижѣ (на всемирной выставкѣ); коллекція предметовъ физическаго воспитанія дѣтей пожертвована въ музей Трокадеро, гдѣ она находится въ особой залѣ. За эту коллекцію Е. А. получилъ высшій научный орденъ во Франціи. Публичныя лекціи, читанныя Покровскимъ въ Москвѣ, привлекали массу слушателей. Въ какое бы ученое общество ни вступалъ покойный, онъ вездѣ являлся дѣятельнымъ членомъ, всюду вносилъ жизнь, свѣтъ и любовь къ дѣтямъ. Онъ убѣдился изъ жизненнаго опыта въ ненормальной постановкѣ школьнаго дѣла, его сердце сжималось отъ боли при видѣ тѣхъ отношеній, которыя установились между школой и семьею. Онъ болѣлъ за гибнущихъ дѣтей, являвшихся жертвами школьнаго режима, и говорилъ не разъ: «ну, если одни погибли, надо спасти другихъ». Во имя идеи онъ началъ издавать въ 1890 году журналъ «Вѣстникъ Воспитанія» и остался вѣренъ высокой цѣли до послѣдняго дня своей жи-

зни. Журналъ пошелъ отлично, приобрѣлъ быстро и матеріальный и нравственный успѣхъ. Одна московская интеллигентная дама выразилась: «мы такъ и мѣряли: въ какой семьѣ нѣтъ «В. В.», ту семью мы и не считали интеллигентной». Начавъ издавать журналъ не ради барыша, Е. А. увеличивалъ его объемъ съ каждымъ годомъ, давая больше, чѣмъ общая, не пользуясь нисколько выгодами отъ изданія. Журналъ взялъ массу силъ и здоровья у Е. А., который съ 1888 года уже началъ похварываться, у него стала развиваться болѣзнь сердца. Но онъ работалъ, не покладая рукъ. За нѣсколько часовъ до агоніи, когда одна изъ дочерей вошла въ кабинетъ Е. А., онъ думалъ о журналѣ. На вопросъ: «папа, какъ тебѣ?» онъ отвѣчалъ: «ничего... а ты прочти лучше корректуру и не задержи номера».

Е. А. Покровскій былъ сторонникомъ игръ и противникомъ гимнастики. Онъ ратовалъ за свою идею въ лекціяхъ, въ докладахъ, читаемыхъ въ различныхъ обществахъ, и въ журналѣ. Онъ стойко отстаивалъ свой взглядъ, и вооруженный неотразимой логикой, цифрами, сильнымъ своимъ знаніемъ дѣтской организаціи, талантомъ, онъ нерѣдко «припиралъ» къ стѣнѣ противника. Гимнастика—германское дѣтище. Какіе же получены результаты отъ процвѣтанія гимнастики въ Германіи? Цифры говорятъ, что въ городахъ можно считать только 3,8 процентовъ способныхъ къ военной службѣ, тогда какъ въ деревняхъ процентъ увеличивается до 9,8. Городскія школы знаютъ гимнастику, большинство деревенскихъ—не знаютъ ея; дѣти довольствуются только играми на свѣжемъ воздухѣ. Лагранжъ, Аксель Кей, Массо и другіе авторитеты также высказались за преимущество дѣтскихъ игръ передъ гимнастикой. Здѣсь не мѣсто входить въ подробное разсмотрѣніе этого вопроса; я только замѣчу, что въ своихъ капитальныхъ сочиненіяхъ Покровскій неопровержимыми доводами доказываетъ вѣрность своего взгляда. Пропаганда игръ принесла уже результаты. Во многихъ городахъ устраиваются площадки для дѣтскихъ игръ. Этимъ дѣти обязаны своему другу, Е. А. Покровскому. Въ самомъ первомъ номерѣ «Вѣстника Воспитанія», говоря о направленіи журнала, Е. А. Покровскій заявляетъ: «журналъ будетъ держаться преимущественно естественно-историческихъ и медико-антропологическихъ точекъ зрѣнія, причемъ въ должной мѣрѣ будетъ удѣлено мѣсто и статьямъ чисто педагогическаго, и вообще психологическаго свойства». Въ такомъ органѣ печати была настоящая потребность. Спеціально педагогическихъ или спеціально медицинскихъ журналовъ не мало, но до «Вѣстника Воспитанія» не было журнала, служившаго бы связью между педагогами и медиками. «Вѣстникъ Воспитанія» заполнилъ этотъ пробѣлъ и потому пользовался солиднымъ успѣхомъ.

Лично съ Е. А. я познакомился только въ мартѣ 1892 года,

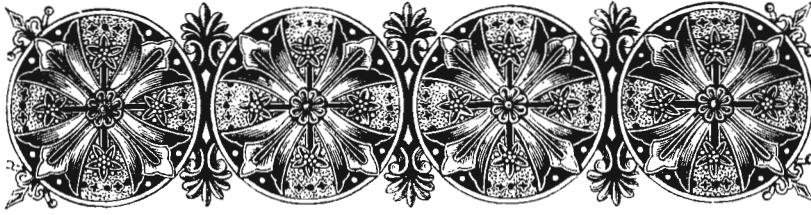
когда проѣзжалъ изъ Петербурга въ Одессу. Но наши отношенія начались немного раньше. Мнѣ давно хотѣлось высказаться по вопросу о дѣтской литературѣ, съ полнотой, съ искренностью. Живя въ деревнѣ, я просмотрѣлъ «Вѣстникъ Воспитанія» за цѣлый годъ; мнѣ онъ очень понравился, и я написалъ Е. А. письмо, предлагая рядъ бесѣдъ. Покровский принялъ предложеніе съ охотой. Оказалось, что я только отвѣтилъ на его давнишнее желаніе. Прося писать критическія бесѣды, Е. А. предложилъ мнѣ взять вообще на себя всю критику о дѣтскихъ журналахъ и книгахъ. Такимъ образомъ, я сдѣлался постояннымъ сотрудникомъ журнала. Первая наша личная бесѣда была очень непродолжительна, но она оставила во мнѣ глубокое впечатлѣніе. Предо мной былъ не предприниматель, а человѣкъ идеи. Прощаясь со мною, Е. А. сказалъ мнѣ: «Будемъ работать дружно. Вы любите дѣтей—это главное. Я вамъ вѣрю и не стѣсню вашей свободы». Только при такомъ отношеніи и я могъ высказываться откровенно, не боясь нападокъ тѣхъ, кому не нравилось и было невыгодно мое откровенное слово. Между редакціей «Вѣстника Воспитанія» и читателями установилась скоро крѣпкая связь. Къ Е. А., какъ къ авторитету, обращались матери и воспитатели лично и письменно, дѣлясь горемъ, прося совѣта. Врачъ-человѣкъ былъ къ ихъ услугамъ, когда дѣло касалось дѣтей. Вообще Е. А. былъ не изъ тѣхъ, которые не считаютъ нужнымъ отвѣчать на письма, отговариваясь недосугомъ. У него при массѣ работъ всегда находилось время отвѣтить на каждое письмо, если оно не являлось празднымъ и требовало отвѣта. Трепетно относясь къ дѣятелямъ въ провинціи, съ уваженіемъ къ каждому труженнику, онъ не оставилъ безъ отвѣта ни одного письма сотрудника. Онъ не ограничивался дѣловыми письмами, а дѣлился тѣмъ, что его волновало, радовало и печалило. Не мало писемъ отъ родителей переслалъ онъ и мнѣ (обращались прямо ко мнѣ), и его бодрила эта связь, и то, что бесѣды мои вызывали въ средѣ подписчиковъ сочувствіе, порождали у нихъ вопросы. Онъ писалъ какъ-то мнѣ: «Я радъ, что живое слово встревожило многихъ, кому давно пора сознать свой грѣхъ. Правда прежде всего, и работайте, какъ работали. Я не смущенъ». Послѣ долгаго промежутка я снова встрѣтился съ Е. А. въ Петербургѣ, въ «Обществѣ охраненія народнаго здравія», гдѣ онъ 11-го сентября 1893 года читалъ свой докладъ «Дѣтскія игры и гимнастика». Докладъ секціей былъ принятъ сочувственно. Смотря тогда на Е. А., энергично отстаивавшаго свои взгляды, я не могъ и подумать, что черезъ два года его не будетъ въ живыхъ. Усиленные занятія по журналу, энергичная борьба въ думскихъ и различныхъ засѣданіяхъ, хлопоты по образованію новаго «Общества для содѣйствія физическаго развитія» подорвали окончательно силы уже ослабшаго организма и свели неутомимаго борца въ преждевременную могилу. Прошлую

зимѣ Е. А. часто хворалъ, и только неуспящая забота семьи и любящихъ товарищей-врачей, дежурившихъ у кровати больного денно и ночью, урвали у смерти годъ жизни человѣку, каждый день котораго былъ посвященъ работѣ на общее благо. Августъ и сентябрь нынѣшняго года Е. А. предполагалъ провести на югѣ, но остался въ своемъ подмосковномъ имѣннѣ, откуда и писалъ мнѣ отъ 24-го сентября, прося доставить статью для ноября не позже 16-го октября. Но въ этотъ день многопотрудившійся воинъ мирной арміи, честный гражданинъ и человѣкъ навсегда смежилъ свои очи, въ которыхъ свѣтилась любовь къ «маленькому народу». Это поистинѣ тяжелая утрата для русскаго общества. Это поистинѣ тяжелое горе для всѣхъ работавшихъ съ Е. А., знавшихъ его, а слѣдовательно и любившихъ его. На похоронахъ было много матерей, плакавшихъ у гроба того, кто спасъ ихъ дѣтей отъ смерти, кто всю жизнь посвятилъ дѣтямъ. Выходя изъ церкви, я услышалъ фразу какой-то дамы: «Боже, да развѣ можно любить дѣтей больше того, какъ онъ ихъ любилъ. Вѣдь ему обязаны жизнью тысячи, тысячи!».

Миръ твоему праху, честный воинъ мирной арміи, умершій на своемъ посту! Твои идеи будутъ жить, у тебя будутъ учиться любить родину, ея молодыя силы, работать на благо ихъ. Въ сердцахъ матерей и «маленькаго народа» ты создалъ себѣ нерукотворный памятникъ. Да будетъ легка тебѣ земля твоей родины, тобою любимой и тебѣ много обязанной. Поэтъ сказалъ: «не говори съ тоской—ихъ нѣтъ, но съ благодарностію—были!». «Другого Покровскаго, другого такого врача-медика и друга дѣтей, Москва не знаетъ». Это слова одного врача, любившаго Е. А. Чувствуя въ сердцѣ горе отъ понесенной утраты, мы можемъ только желать одного, чтобы явился умершему на смѣну достойный преемникъ, «другъ дѣтей», осиротѣвшихъ со смертью Е. А. Покровскаго. И возрадовался бы духомъ онъ за тѣхъ, для кого жилъ и работалъ на землѣ.

Александръ Кругловъ.

ЦАРЕВЪ ШПИГЪ.

(Эпизодъ изъ Сѣверной войны) ¹⁾.

«Зѣло нужно чрезъ добрыхъ шпиговъ (къ ему лучше нѣтъ поповъ) провѣдать, намѣряютъ ли непріатели маршировать».

Изъ письма Петра Великаго къ Меншикову.

I.

ВЕРСТАХЪ въ восьми отъ Новгородка-Сѣверскаго, тамъ, гдѣ Десна сливаетъ свои волны съ небольшою, но глубокою и мрачною Вытью, на высокомъ глинистомъ берегу раскинулось небольшое мѣстечко Погребки. Не велико оно, но густо застроено, и небольшія деревянныя избы погребчанъ тѣсно жмутся къ Деснѣ, задумчиво-уныло глядясь въ ея свѣтлыя волны. Впереди и нѣсколько въ сторонѣ отъ другихъ избъ, на отдѣльномъ холмикѣ высится опрятная деревянная же церковка во имя Покрова Пресвятой Богородицы, а у подошвы холмика, при самой Деснѣ, приютился продолговатый дворъ священника-старожила отца Василія Альтернатскаго.

Въ крохотномъ оконцѣ низкаго, но длиннаго, съ широкимъ крылечкомъ посрединѣ, домика отца Василія, несмотря на десятый

¹⁾ Разсказъ этотъ написанъ преимущественно на основаніи семейнаго преданія, сообщеннаго намъ почтеннымъ новгородсѣверскимъ старожиломъ И. Я. Воронимъ, которому и приносимъ нашу благодарность.

часть ночи, едва мерцает огонекъ. Взошедшая вечеромъ 27-го октября 1708 года луна, плывя по кое-гдѣ покрытому тучками небосклону, точно желая подавить слабый блескъ восковой свѣчки, ударила яркою полоскою въ оконце и залила своимъ серебристымъ свѣтомъ небольшую почти квадратную комнатку съ весьма убогою обстановкою. Прямо противъ двери, у окна, стоялъ небольшой темно-красный деревянный столикъ, рядомъ съ нимъ—два такого же цвѣта деревянныхъ стула, съ уродливо-высокими спинками; налѣво отъ стола у стѣны находилась большая походная кровать съ толстымъ сѣнникомъ, прикрытымъ простымъ ситцевымъ одѣяломъ.

За столомъ, подперевъ правою рукою голову, сидѣлъ необыкновенно-высокій, крѣпкаго, атлетическаго сложенія мужчина, въ кафтанѣ изъ толстаго французскаго сукна темнаго цвѣта и въ огромныхъ съ большими раструбами сапогахъ. Его круглое, нѣсколько смугловатое лицо, съ густыми бровями, маленькимъ носомъ и небольшимъ ртомъ, обрамленнымъ черными усами, выглядѣло сурово, а большіе черные глаза устремлены были на лежавшее передъ нимъ письмо.

Всякій погребчанинъ, теперь мирно спавшій въ своей душевной избѣ, сказалъ бы, что этотъ атлетъ-мужчина—не кто иной, какъ самъ великій государь-царь Петръ Алексѣевичъ, который уже нѣсколько дней стоялъ съ главною арміею на Деснѣ, наблюдая за движеніемъ арміи шведскаго короля Карла XII.

Нѣсколько разъ перечитывалъ царь полученное имъ въ тотъ вечеръ письмо отъ своего любимца «Алексаши» и не могъ повѣрить тому, что въ немъ писалось.

Неужели малороссійскій гетманъ Иванъ Степановичъ Мазепа, который въ теченіе 21 года былъ такъ вѣренъ ему, учинился іудю-предателемъ? Неужели онъ притворствовалъ, когда года три тому назадъ, присылая льстивыя письма польскаго короля Станислава Лещинскаго, писалъ ему, царю: «и я, гетманъ и вѣрный вашего царскаго величества подданный, по должности и общанію моему, на божественномъ евангеліи утвержденному, какъ отцу и брату вашему служилъ, такъ нынѣ и вамъ истинно работаю, и какъ до сего времени во всѣхъ искушеніяхъ, аки столпъ непоколебимый и аки адамантъ несокрушимый пребывалъ, такъ и сію мою малую службишку повергаю подъ монаршескія стопы?»

А между тѣмъ вѣрнѣйшій рабъ царскій и преданнѣйшій слуга его Александръ Даниловичъ Меншиковъ писалъ ему изъ Макошина отъ 26-го октября о поступкахъ Мазепы слѣдующее: «и чрезъ сіе злохитрое его поведеніе, за истинно мы признаваемъ, что конечно онъ измѣнилъ и поѣхалъ до короля шведскаго, чему явная есть причина и то, что племянникъ его, Войнаровскій, будучи при мнѣ въ 22-й день сего октября, въ самую полночь, безъ вѣ-

дома и съ нами не простясь, къ нему уѣхаль, и съ того времени уже ко мнѣ ни о чемъ онъ, гетманъ, не отзывался. И тако объ немъ инако разсуждать не извольте, только что совершенно измѣнилъ, и для того за благо вашей милости совѣтую, что при такомъ зломъ случаѣ надлежитъ весьма здѣшній простой народъ утвердить всякими обнадеживаніями чрезъ публичныя универсалы... При семъ еще доношу вашей милости, что въ здѣшней старшинѣ... и въ подломъ народѣ съ нынѣшняго гетманскаго злого учинку никакого худа ни въ комъ не видать; но токмо ко мнѣ изво всѣхъ здѣшнихъ ближнихъ мѣсть сѣзжаются сотники и прочіе полчаны и приносятъ на него въ томъ нареканія, и многіе просятъ меня со слезами, чтобъ за нихъ предстательствовать и не допустить бы ихъ до гибели, ежели какой отъ него гетмана будетъ надъ ними промысль»...

Чему же вѣрить? И царь снова глядѣлъ на письмо Меншикова, и снова мучился мрачными думами. Уже давно церковный колоколъ пробилъ полночь, а царь не спалъ.

Въ сильномъ волненіи, съ сверкающими глазами, съ лихорадочною поспѣшностью «вѣчный работникъ» царь своимъ нервнымъ и разгонистымъ трудно-разборчивымъ почеркомъ писалъ Меншикову отвѣтъ: «Письмо ваше о нечаянномъ никогда зломъ случаѣ измѣны гетманской мы получили съ великимъ удивленіемъ, и нынѣ надлежитъ трудиться, какъ бы тому злу забѣжать и дабы не допустить войску козацкому, при Деснѣ бывшему, переправляться за рѣку по прелести гетманской: того ради пошли немедленно къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ они, нѣсколько полковъ драгунъ, которые бы то имъ помѣшали; а полковникамъ и старшинѣ вели сколько возможно ласково призывать и говорить имъ, чтобъ они тотчасъ ѣхали сюды для обранія новаго гетмана... такожь и вы немедленно пріѣзжайте».

По мѣрѣ того, какъ письмо приходило къ концу, царь становился спокойнѣе. Дописавъ его, онъ позвалъ дежурнаго денщика, велѣлъ тотчасъ послать письмо съ нарочнымъ и затѣмъ, быстро раздѣвшись, легъ въ постель и затушилъ свѣчку.

II.

Раннимъ морознымъ утромъ 30-го октября того же года въ знакомой читателю комнатѣ священническаго домика другъ противъ друга сидѣли царь Петръ и князь Меншиковъ

Высокій и худощавый, съ пріятными чертами лица, «безродный баловень счастья» почтительно слушалъ царя, который передавалъ ему событія послѣднихъ дней.

— Одними универсалами, мейнъ либе камратъ, ничего не подѣлаешь!—убѣжденно закончилъ свою рѣчь царь.

Въ комнатѣ наступило молчаніе.

И царь, и слуга его—оба погрузились въ свои думы.

— Противъ нашихъ универсаловъ гетманъ-іуда дѣйствуетъ вотъ какою прелестью,—прервалъ молчаніе царь и, взявъ со стола листъ толстой грязно-сѣрой бумаги, подалъ его своему любимцу.

— На, прочти, что пишетъ измѣнникъ стародубскому полковнику Ивану Скоропадскому.

Меншиковъ перевелъ свои глаза съ царя на взятый у него листъ и тихо началъ читать: «враждебная намъ власть московская отъ многихъ лѣтъ во всезломномъ своемъ намѣреніи положила истребить послѣднія наши права и вольности; теперь приводитъ она это въ исполненіе, какъ ясно изъ того, что безъ всякой важной причины начала прибирать въ свои руки города малороссійскіе: выгоняя изъ нихъ людей нашихъ, до конца обнищавшихъ и поработенныхъ, войсками своими наполняетъ... Мы о злодѣйскомъ намѣреніи царя не только отъ непріятелей имѣли тайныя предувѣдомленія, но и сами совершенно узнали изъ ясныхъ признаковъ; насъ, гетмана, старшину, полковниковъ и все войско хотѣлъ захватить въ свою тиранскую неволю, имя войска нашего изгладить, казаковъ обратить въ драгуны и солдаты и народъ поработить себѣ на вѣки... Поэтому-то мы, гетманъ, съ общаго согласія пановъ генеральной старшины, полковниковъ и всего войска, предались въ непобѣдимую протекцію наияяснѣйшаго короля шведскаго... въ несомнѣнной надеждѣ, что его шведское величество милую отчизну нашу и войско непобѣдимымъ оружіемъ своимъ оборонитъ отъ московскаго тиранскаго ига... Поэтому и вы, какъ истинный сынъ отечества, старайтесь нечаяннымъ нападеніемъ истребить московское войско, находящееся въ Стародубѣ... Если же вамъ, паче чаянія, истребить московское войско не удастся, въ такомъ случаѣ спѣшите съ войскомъ своимъ въ Батуринъ, дабы не попался онъ въ московскія руки».

— Что ты скажешь, мейнъ либе брудеръ, на эту прелесть гетманскую?—спросилъ царь Меншикова, когда послѣдній положилъ письмо на столъ.

— Помоему, слѣдуетъ всяческими способами вывѣдать намѣренія врага и его предполагаемое движеніе,—отвѣтилъ спокойно царскій любимецъ и совѣтникъ.—Далѣе, слѣдуетъ захватить Батуринъ въ наши руки. Надо предположить, что въ этой фортеціи хранится казна гетманская, такъ какъ при поспѣшности, съ какою ушелъ Мазепа къ шведскому королю, нельзя было захватить ее; ежели же казны и не окажется, то во всякомъ случаѣ найдутся запасы артиллеріи и амуниціи. Вообще мнѣ сдается, что взятіе гетман-

ской столицы много поспособствуетъ тому, чтобы повсемѣстное возстаніе молороссіянъ сдѣлалось невозможнымъ.

Петръ съ вниманіемъ слушалъ спокойную рѣчь своего фаворита и что-то соображалъ.

— Зѣло изрядно ты, Алексаха, говоришь!—проговорилъ онъ, выслушавъ Меншикова, и дружески ударилъ его по плечу.—Сегодня же созову военный совѣтъ изъ генераловъ и объявлю имъ свою волю: тебѣ немедленно идти къ Батурину для взятія его, чтобъ его не захватили шведы и Мазепа. Совѣтъ будетъ часовъ въ шесть, а послѣ совѣта ты, мейнъ герцъ, отправишься къ арміи и немедленно приступишь ко взятію Батурина. Ну, а теперь иди и немного отдохни съ дороги!—закончилъ свою рѣчь царь.

Меншиковъ всталъ и, откланиваясь, проговорилъ:

— Осмѣлюсь представить вашему величеству еще одну пропозицію...

— Какую?—живо спросилъ царь.

— Подобало бы среди горожанъ или казаковъ Новгородка-Сѣверскаго найти вѣрнаго человѣка, который сообщалъ бы вамъ все, что дѣлается въ лагерѣ шведовъ.

— О, мейнъ фринтъ, объ этомъ я уже самъ позаботился!—улыбаясь, отвѣтилъ царь.—Еще третьяго дня я говорилъ объ этомъ съ хозяиномъ здѣшняго дома, попомъ Василиемъ.

— И что же? Удалось добыть желаемое?—спросилъ заинтересованный Меншиковъ.

— Добыть-то еще ничего пока не добылъ, но дѣло ладится. Попъ Василій вызвался перевѣдаться съ протопопомъ Новгородка-Сѣверскаго Заруцкимъ, о коемъ я извѣстенъ съ хорошей стороны, такъ что съ великою радостью возьму его въ свои шпиги (шпіоны). Сегодня попъ Василій отправился въ Новгородокъ и долженъ привезти мнѣ рѣшительный отвѣтъ.

— Вотъ кабы удалось вашему величеству залучить въ шпиги этого протопопа!—съ нескрываемою радостью проговорилъ Меншиковъ.—Мнѣ доподлинно извѣстно, что этотъ протопопъ пользуется большимъ уваженіемъ со стороны казацкой старшины и простого народа. Зѣло важно, чтобъ такой человѣкъ держалъ нашу сторону.

Меншиковъ еще разъ поклонился, и его высокая фигура скрылась за низенькою дверью комнатки.

III.

30-го октября 1708 года выдался великолѣпный осенній день, какими часто даритъ осень благословенную Украину. Солнце щедро бросало свои теперь мало-живительные лучи въ тихое лоно Десны, которая начинала уже дремать, точно предчувствуя скорое на-

ступленіе мертвеннаго зимняго сна. Въ зеркальной глади ея бѣлѣлся Спасопреображенскій мужской монастырь съ своими высокими стѣнами и башнями. Былъ на исходѣ десятый часъ утра. По небольшой парадной горенкѣ, уставленной неуклюжею, мѣстнаго издѣлія, деревянною мебелью, желтаго цвѣта, ходилъ представительный новгородсѣверскій протопопъ Заруцкій и время отъ времени проводилъ правою рукою по своимъ длиннымъ, чернымъ съ рѣдкою сѣдиною волосамъ. Видно, что онъ находился въ сильномъ волненіи. По временамъ онъ останавливался посрединѣ горенки въ раздумѣ, бормоталъ какія-то отрывочныя рѣчи, съ досадою плевалъ въ ящичекъ-песочницу, махалъ безнадежно рукою или бралъ первый попавшійся на глаза предметъ и передвигалъ его безцѣльно съ мѣста, особенно же часто вынималъ изъ широкаго и длиннаго кармана сѣроватаго подрясника берестяную табакерку и, захвативъ щепотку табаку, порывисто нюхалъ.

Вдругъ широкая одностворчатая дверь, ведущая въ сѣни, скрипнула, и на порогѣ появилась средняго роста, довольно полная и, несмотря на пожилые годы, румяная протопопица въ обыкновенномъ малорусскомъ очипкѣ на головѣ и съ засученными рукавами ситцевой кофты. По всему видно было, что она появилась прямо изъ кухни, заслышавъ шаги отца протопопа.

— Ну, что дѣлается, отецъ, въ городѣ?—спросила она мужа, вытирая передникомъ потное лицо.

— Что дѣлается, мать, уму непостижимо!—съ нескрываемымъ раздраженіемъ отвѣтилъ Заруцкій и остановился передъ женою.— Эти дурни казаки готовы броситься въ яму, какъ стадо барановъ, не видя, что тамъ ихъ ждетъ погибель.

— Неужто-жъ они сдадутся на гетманскую прелесть и измѣнятъ русскому царю?—съ удивленіемъ спросила протопопица и опустила на обитое темною кожею широкое кресло, стоявшее почти у самой двери.

— А имъ головорѣзамъ что? Развѣ они думаютъ о чемъ либо другомъ, кромѣ самихъ себя? Обрадовались, безпутные, кутерьмѣ, которую затѣялъ «скаженный» гетманъ, и готовы еще разъ доказать царю, что онъ правъ, подоврѣвая малороссіянъ въ шаткости и непостоянствѣ.

— Ты, отецъ, хорошенько ихъ усовѣсти. Ужели они забыли Бога и свою клятву царю русскому?

— Что для нихъ мои рѣчи, мать? Я—одинъ, а ихъ подогрѣваютъ съ разныхъ сторонъ.

— Кто-жъ такой?

— Какъ кто? А измѣнникъ гетманъ своими прелестными письмами, которыя разсылаетъ по всѣмъ казацкимъ полкамъ? Положимъ, «брехню» гетмана-іуды на царя можно было бы легко разсѣять, потому что казачество и простой народъ хорошо знаютъ,

какъ имъ живется подъ высокою и сильною рукою московскаго царя. Но вотъ что плохо: шведъ проклятый стоитъ подъ бокомъ съ войскомъ. Вотъ это-то и поднимаетъ больше всего прыть казаковъ. Хотя бы поскорѣе убрался отсюда этотъ дьяволъ, король шведскій, который поистинѣ пришелъ сюда на послѣднюю руину Украйны и на нашу погибель!

— Чѣмъ же шведъ мутитъ наше казачество и горожанство?— спросила протопопца, такъ какъ ничего не слышала о дѣйствіяхъ Карла XII.

— Какъ чѣмъ? Да своими воззваніями и манифестами, въ которыхъ подбиваетъ казачество отложиться отъ московскаго царя и свергнуть ненавистное московское иго, напоминая о прежнихъ вольностяхъ и привилегіяхъ!

— Какія-жъ такія милости обѣщаетъ казакамъ шведскій король, чтобъ имъ не пришлось потомъ раскаиваться въ измѣнѣ царю-батюшкѣ?

— Милости-то шведъ сулитъ много, да получать-то они, дурни, вмѣсто нихъ кукишъ съ масломъ! — съ гнѣвомъ отвѣтилъ протопопъ, плюнулъ на полъ и нервно затеребилъ свою бороду. — Не знаютъ они царя Петра Алексѣевича; онъ не таковскій, чтобъ съ нимъ сладилъ непутевый король шведскій.

— Такъ неушто-жъ новгородсѣверцы приставутъ къ шведамъ и вмѣстѣ съ Мазепою окажутся измѣнниками московскому царю? Ты читаль имъ царскій-то манифестъ, чтò къ тебѣ доставленъ кумомъ изъ Погребковъ?

— Читать-то читаль, да развѣ они теперъ слушаютъ что нибудь! Совсѣмъ обезумѣли казаки и горожане и разбуянились въ конецъ. Послушала-бъ ты, мать, что творилось, когда я читаль съ церковной паперти царевъ манифестъ. Я имъ читаю: «Извѣстно намъ, великому государю, учинилось, что гетманъ Мазепа, забывъ страхъ Божій и свое крестное къ намъ цѣлованіе, измѣнилъ и переѣхалъ къ неприятелю нашему королю шведскому... дабы съ общаго согласія съ нимъ малороссійскую землю поработить попрежнему подъ владѣніе польское, и церкви Божіи, и святыя монастыри отдать въ унию, и понеже намъ, яко государю и оборонителю Малороссійскаго края, надлежитъ отеческое попеченіе о васъ имѣти, дабы въ то поработченіе и разореніе Малороссіи, такожъ и церковей Божіихъ во оскверненіе не отдать». А они горланятъ: «знаемъ, какъ московскій царь обороняетъ и защищаетъ Малороссійскій край! Хороша оборона, коли у насъ карманы пусты и спины гнутся отъ чрезмѣрныхъ поборовъ и податей!.. Зачѣмъ царь Кіево-Печерскій монастырь обстраиваетъ? Для защиты Малороссійскаго края? Зачѣмъ наши вольности отнимаетъ? Зачѣмъ давить рекрутчиной? Тоже для обороны? Къ бѣсу такую оборону! Не нужно намъ такой обороны».

— И ты не плюнуль въ морды этимъ горланамъ?— съ гнѣвомъ перебила его протопопица и всплеснула руками.

— Плеваньемъ тутъ ничего не подблаеть. Я урезонивалъ ихъ словами царскаго манифеста, гдѣ сказано, что гетманъ хитростью своею безъ вѣдома царскаго наложилъ на малороссійскій народъ аренды и многіе другіе поборы, будто на уплату войску, а въ самомъ дѣлѣ ради обогащенія своего, и что царь отмѣняетъ эти незаконные поборы...

— Это-то про хитрости Мазепы царь сухую правду сказалъ!— съ азартомъ заявила протопопица.— Охъ, не на добро затѣяли гетманъ и старшина казакская лихое дѣло противъ царя московскаго!— съ неподдѣльною грустью вздохнула она, немного помолчавъ.— Повѣрь, отецъ, зломъ началась измѣна Мазепы, зломъ она и окончится. Мнѣ сердце-вѣщунъ это говорить. На то Богъ и міромъ править, чтобъ злое не брало верха надъ добрымъ. Кому изъ казаковъ не извѣстно, что вся стачка съ ляхами и шведами— личное дѣло Мазепы, генеральнаго обознаго Ломиковскаго, полковниковъ миргородскаго, прилуцкаго и лубенскаго, а не всего народа малороссійскаго, который всегда пребудеть вѣрнень его пресвѣтлomu царскому величеству. Слышь, отецъ протопопъ, тебѣ стыдно будетъ, если ты допустишь казаковъ и горожанъ Новгородка перейти на сторону Мазепы и шведовъ, стыдно будетъ предъ православными христіанами и грѣшно передъ Богомъ!— энергично заключила свои нападки на Мазепу протопопица.

Заруцкій ничего не отвѣтилъ женѣ. Онъ продолжалъ сидѣть неподвижно и о чемъ-то думалъ. Наконецъ, всталъ, прошелъ по комнатѣ, остановился передъ протопопицею, испытующе посмотрѣлъ на нее и вѣрѣшительно спросилъ:

— Скажи, мать, ты умѣешь держать языкъ за зубами?

Протопопица при такомъ неожиданномъ вопросѣ вся превратилась въ слухъ. Женскимъ чутьемъ она сразу поняла, что у мужа есть какая-то тайна, тайна важная, если онъ не рѣшается сказать ее даже женѣ законной. Но въ то же время она была обижена вопросомъ мужа не потому, чтобы онъ былъ совершенно неоснователенъ, а потому, что такъ ужъ странно созданъ человекъ, особенно же женщина: назови слабость его, затронь мелкую страстишку— и больно станетъ человеку, что назвали его слабое мѣсто, и обидится онъ на сказавшаго правду.

— Вотъ такъ новость ты, отецъ мой, сказалъ мнѣ, старой дурѣ!— ядовито начала она.— Слава Богу, кой десятокъ живемъ вмѣстѣ, пора бы за эти годы испытать мою вѣрность и умѣнье держать тайну!

— Ну, чего, мать моя, оцетинилась?— ласково проговорилъ Заруцкій.— Пойми ты хорошенько то, что дѣло предстоитъ столь

важное и опасное, что поневоля станешь всего опасаться, иной разъ и самому себѣ страшно довѣрить.

— Да чего бояться-то попустому? Развѣ я тебѣ чужая или ворогъ? Вмѣстѣ жили, вмѣстѣ и умремъ, коли такъ суждено Богомъ. А ты не мучь понапрасну себя думами пустыми, разскажи, въ чемъ дѣло самое состоитъ, тогда виднѣе будетъ, какъ быть. Умъ хорошо, два того лучше.

— Такъ слушай же, въ чемъ дѣло,—сказалъ рѣшительно протопопъ и, наклонившись къ самому уху жены, шепотомъ, точно боясь подслушиваній, сообщилъ: — Сегодня въ алтарѣ, въ ризницѣ, я имѣлъ продолжительную бесѣду съ нашимъ кумомъ, отцомъ Василиемъ погребскимъ. Онъ ко мнѣ заявился отъ имени самого царя Петра Алексѣевича съ предложеніемъ слѣдить за тѣмъ, что дѣлается у шведовъ въ лагерѣ, что они намѣрены предпринять, куда маршрутъ будутъ держать, — обо всемъ этомъ провѣдывать доподлинно и сообщать ему хоть черезъ того же отца Василія. Кромѣ того, желаетъ царь, чтобъ я въ церкви убѣждалъ казаковъ и горожанство здѣшнее удержаться отъ мазепиной прелести и остаться вѣрными слугами его царскаго пресвѣтлаго величества. Кумъ убѣдительно совѣтовалъ мнѣ принять предложеніе царя, говоря, что я не оставленъ буду за вѣрную службу его милостью. Вотъ какого рода дѣло, мать моя! — заключилъ Заруцкій, весь красный отъ волненія. Онъ вынулъ изъ кармана подрясника платокъ и вытеръ имъ выступившія на лбу крупныя капли пота.

— Зачѣмъ же ты, отецъ, этого раньше мнѣ не сказалъ? — спросила протопопица, радостная отъ услышанной неожиданно столь важной новости. Практическій умъ ей сразу подсказалъ, какое счастье достается на долю ея мужу.

— Что-жъ ты сказалъ куму? Какія вѣсти послалъ царю? Сумѣлъ ли ты угодить великому государю? — засыпала она мужа вопросами подъ вліяніемъ заманчивой картины царской милости.

— Такъ вотъ сразу и отвѣтилъ бы! — осадилъ торопливую супругу Заруцкій. — Такое дѣло, а ты хочешь, чтобъ все въ одинъ мигъ послѣло. Нѣтъ, погоди, его надо хорошенько обдумать, да и то одинъ я не рѣшусь на него. Ты вотъ обрадовалась чему-то, а того не поймешь, что здѣсь — либо панъ, либо пропаль. Не дай Богъ, узнаетъ гетманъ или шведъ, или кто изъ старшины казацкой, что я пошился въ царевы шпионы, да меня со свѣта сживуть, а тебя и дѣтей погубятъ!

— Эхъ, ты умная голова, да не въ пору осторожная! — энергично запротестовала протопопица. — Не ты ли сейчасъ говорилъ, что казаки и горожане совсѣмъ потеряли голову? Кто же узнаетъ, что ты передаешь вѣсти царю? Вѣдь не вѣкъ же гетманъ и шведъ будутъ сидѣть у Новгородка! А ты то сообрази, отецъ мой, что у тебя двѣ дочки — невѣсты, не сегодня-завтра женихи имъ найдутся,

а много ли у тебя для нихъ добра припасено? много ли ты успѣлъ припасти для нихъ приданаго, служа этимъ голодрябымъ новгородцамъ? Пора тебѣ, отецъ, подумать и о семьѣ своей, довольно ты пора-дѣлъ и поработалъ для казачества и горожанства. Небось, умрешь, гроша мѣднаго никто не дастъ твоей женѣ и дѣтямъ! Нѣтъ, ты непремѣнно долженъ воспользоваться счастьемъ, которое Господь посылаетъ тебѣ за твою долготѣнную и вѣрную службу Ему. Коли ты не сдѣлаешь этого, я сама сегодня же ѣду въ Погребки къ куму и сама все сдѣлаю за тебя. Я не выпущу изъ рукъ моихъ такого счастья! Пусть казаки рвутъ кошками мое тѣло, пусть казнятъ лютою казнью меня, глупую бабу, зато, умирая, буду знать, что мои дочки не спознаются съ той гнетущей нищетою и нуждою, что мы съ тобой спознали!

Протопопица, сильно взволнованная, съ необычайной для своей тучности быстротою двигалась по комнатамъ.

— Фу, какъ расходилась! — остановилъ Заруцкій жену. — Я самъ не прочь угодить царю, потому что его дѣло правое; да вѣдь горе въ томъ, что это дѣло требуетъ большой опаски. Ты не горячись, мать, а лучше подумай, какъ бы дѣльце оборудовать похитрѣе, чтобъ и царь ублагодворился, и казаки со шведами ничего не примѣтили. Вы, бабы, на такія хитрости — большія мастерицы.

— Ты что отвѣтилъ куму? — остановившись и глядя мужу въ глаза, спросила вмѣсто отвѣта протопопица.

— Просилъ навѣдаться ко мнѣ передъ вечернями. Приглашалъ его обѣдать, — отказался: его раньше запросилъ монастырскій экономъ отецъ Андрей. Да ты что надумала? — спросилъ протопопъ жену.

— То мое дѣло! Скоро узнаешь, дай подумать.

— Но вѣдь я тебѣ еще не все сказала, что кумъ мнѣ передалъ.

— Никакъ, отецъ, и ты нынче голову потерялъ! — вспылила протопопица: — говори-жь поскорѣе, что тамъ еще передалъ тебѣ кумъ?

— Видишь ли, царь желаетъ тайно посѣтить Новгородокъ, чтобъ разсмотрѣть изъ «замка»¹⁾ лагерь шведовъ. Ты хорошо знаешь, что мнѣ одному этого никакъ сдѣлать не можно. Какъ я проведу въ городѣ царя не замѣченнымъ? Входъ въ городъ днемъ охраняется бунтарями, по городу снуютъ казаки. Пройти царю въ городъ можно только ночью или раннимъ утромъ; но вѣдь ключи отъ воротъ не у меня хранятся... Вотъ и выходитъ, мать, что радъ бы въ рай, да грѣхи не пускаютъ.

¹⁾ Такъ и понинѣ называется часть высокаго вала въ сѣверо-восточной части города, остатокъ бывшей крѣпости.

Наступило продолжительное молчаніе. Казалось, новое сообщеніе протопопа Заруцкаго разбило всѣ радужные планы его жены. Последняя глубоко задумалась, стоя у окна горенки и глядя на улицу. Наконецъ, она рѣшительно проговорила, точно подводя итогъ происходившей въ душѣ ея борьбѣ:

— Э, ничего, спрость не бѣда! Ты вотъ что, отецъ протопопъ, — обратилась она къ мужу, — прилягъ и отдохни маленько передъ обѣдомъ, а я пойду въ кухню да подумаю, какъ и что сдѣлать.

И она медленно удалилась.

IV.

По уходѣ жены протопопъ Заруцкій прилегъ на огромномъ обитомъ кожею диванѣ и погрузился въ думы.

Ему припомнилась вся его почти тридцатилѣтняя служба, сперва въ качествѣ священника, а потомъ протопопа, всѣ его многочисленныя сношенія съ казаками, — и много, много нерадостнаго всплыло въ его старой, но свѣжей и крѣпкой памяти. При всѣхъ столкновеніяхъ съ казаками ярко вырисовывалась въ его памяти одна особенность въ поступкахъ ихъ: это ничѣмъ необъяснимое и подчасъ безтолковое упрямство. Сколько разъ въ теченіе своей долготѣней жизни онъ могъ убѣдиться, что упорство казаковъ не всегда являлось признакомъ яснаго пониманія съ ихъ стороны своихъ выгодъ; въ большинствѣ случаевъ это упорство было страннымъ и случайнымъ капризомъ.

«Вотъ и теперь, — думалъ протопопъ, ворочаясь на диванѣ и закрывъ глаза, — не простой ли капризъ съ ихъ стороны нежеланіе остаться вѣрными московскому царю? Какъ только Мазепа перешелъ на сторону шведовъ, такъ и пошли верховодить да бурлить. Кто первый внушилъ имъ прискорбную мысль объ измѣнѣ царю, не знаю; но, навѣрное, это внушеніе идетъ со стороны какойнибудь загуляющей и бездомной головы. И добро бы, понимали или видѣли бы въ томъ ясную свою пользу! Ужъ не думаютъ ли, дурни, что и впрямь Мазепа будетъ царемъ Украйны, какъ пронесся слухъ? Дурни, дурни! слушаютъ бабскія бредни и вѣрятъ имъ, подвергая свою родную Украйну напрасной погибели».

Думы его прерваны были тяжелыми шагами человѣка, идущаго къ широкому съ навѣсомъ на столбикахъ крылечку. Скоро затѣмъ знакомый протопопу голосъ пана войскового подскарбія Худорбія спросилъ:

— Чи, дома отецъ протопопъ?

— Дома, дома! — встрѣтилъ его Заруцкій, открывая дверь горенки въ просторныя сѣни. Не успѣлъ онъ благословить склоненную къ его рукѣ голову пана подскарбія, какъ дверь изъ кухни

съ шумомъ распахнулась, и въ ней показалась протопица, одѣтая въ то же платье, но въ черной съ цвѣтными разводами шали на плечахъ.

— Вотъ и добре, что Гайка застала васъ, панъ подскарбій, дома!—проговорила она гостю.—Милости прошу до комнаты!

Скоро передъ паномъ Худорбіемъ и протопомъ Заруцкимъ, усѣвшимися за столомъ на знакомомъ уже читателю огромномъ диванѣ, появилась цѣлая батарея бутылокъ съ наливками, настойками и множество тарелокъ съ варенымъ, жаренымъ, соленымъ и сушенымъ, а равно и другими кулинарными издѣліями, приготовлять которыя протопица была большая мастерица.

Близъ мужчинъ на стулѣ расположилась и хозяйка.

Не успѣла она угостить пана подскарбія первою чаркою горилки, какъ въ сѣняхъ снова послышались шаги, и въ горенку вошелъ отецъ Василій Альтернатскій.

Погребской священникъ имѣлъ одну изъ тѣхъ фізіономій, которыя довольно увидѣть разъ, чтобы никогда уже онѣ не забылись. Густые съ сильною просѣдью слегка вьющіеся волосы плотно прикрывали его большую голову, поднявшись надъ непомѣрно большимъ и высокимъ лбомъ. Густыя курчавыя брови нависли надъ маленькими, но быстрыми и умными глазами, которые глубоко сидѣли въ своихъ впадинахъ и оттуда загадочно улыбались. Тщедушная низкая фигурка его казалась смѣшною въ длинной и широкой черной рясѣ.

Окончивъ Киевскую академію, оставленный при ней для посылки въ чужія земли, необыкновенно краснорѣчивый и умный, Василій Альтернатскій могъ смѣло рассчитывать на блестящую служебную дорогу; но судьба-привередница рѣшила иначе. Отъ всего отказался даровитый студентъ, засѣлъ въ Погребкахъ, занялся пасѣкою, которая шла у него съ рѣдкимъ успѣхомъ, и научился философски-равнодушно относиться къ ничтожнымъ дѣламъ людей.

— Вотъ и любезный куманѣкъ послѣ чернецаго обѣда спѣшитъ на протопоповскую выпивку! — встрѣтила шуткою хозяйка вошедшаго.

— Будьте здоровы, кумочка!—отвѣтилъ ей отецъ Василій, помявшись на иконы, и поклонился хозяйкамъ и гостю.

— Садитесь, кумъ, съ нами рядкомъ да потолкуемъ ладкомъ!—пригласила его протопица.

Отецъ Василій сѣлъ и выразительно посмотрѣлъ на Заруцкаго, незамѣтно кивнувъ головой на гостя.

— Это нашъ войсковой подскарбій Худорбій,—понявъ взглядъ и кивокъ кума, успокоилъ его Заруцкій,—человѣчекъ нужный для нашего общаго дѣла и весьма преданный государю-царю Петру Алексѣевичу.

— А такъ какъ мы всѣ тутъ други московскаго царя, то и выпьемъ первую чарку за царево здравіе! — предложила политичная протопопица и налила разнаго питья въ чарки зеленого стекла.

— Дай же, Боже, чтобъ нашъ православный царь взялъ верхъ надъ шведомъ! — проговорилъ хозяинъ, взявъ чарку въ руки, коснулся ею чарокъ гостей и, закинувъ голову, вылилъ сразу содержимое ея.

Гости тоже выпили.

— Непремѣнно царь возьметъ верхъ надъ шведомъ и Мазепой! — заявилъ отецъ Василій, вытирая губы рушникомъ изъ грубаго холста.

— То есть, вотъ, кумъ, человекъ необыкновенный! — началъ онъ восторженно, обращаясь исключительно къ Заруцкому. — И умудрить же Господь Богъ человека на такія великія дѣла и на такую безмѣрную дѣятельность. Эти дни я присмотрѣлся къ царю — и не могу тебѣ выразить, какой это дивный мужъ! День и ночь работаетъ онъ, все знаетъ, все видитъ и слышитъ онъ! Сколько теперь у него генераловъ въ арміи, каждый идетъ къ нему за совѣтомъ или приказаніемъ, и всѣмъ онъ даетъ порадѣ. Высокоталантливый мужъ — нашъ царь, истинно Богомъ избранный для того, чтобы славою править своимъ народомъ.

— Одно мнѣ дивно, — проговорилъ Заруцкій, когда отецъ Василій умолкъ, — какъ это Мазепа, человекъ бывалый и дальновидный, могъ промѣнять царя Петра на шведскаго короля, который...

— Промѣнялъ, да скоро раскается въ томъ! — перебилъ его Альтернатскій. — Не можетъ иновѣрный царь владѣть православнымъ народомъ, чтобъ тамъ ни замышлялъ гетманъ и его приверженцы. Никогда не поднять имъ малороссійскій народъ противъ московскаго царя!

— Кумъ говорить сущюю правду! — заявила протопопица, — и совѣтую вамъ, панъ подскарбій, по силѣ своей, помочь царю справиться съ врагами.

— Я и радъ бы порадѣть царю-батюшкѣ, — заговорилъ въ отвѣтъ Худорбій, — да ничего не подѣлаешь съ казачествомъ. Катъ ихъ, батька, знаетъ, чего они мордуются! Мнѣ сдается, что ихъ мутитъ тотъ ненавистный Тригара, что пріѣхалъ изъ-за Десны. Этотъ разбѣшака говоритъ, что всѣ полтавцы перейдутъ на сторону шведовъ, которые отсюда пойдутъ на Полтаву; что Мазепа, какъ только побьютъ московскаго царя, будетъ владѣть всею Украиною. Чи можно-жъ тому буты? — обратился подскарбій ко всѣмъ присутствующимъ съ вопросомъ.

— Та то однѣ бредни, панъ Худорбій! — отвѣтила ему хозяйка, наливая чарки: — вотъ выкушайте, да послушайте, что скажу вамъ я, глупая баба. Мазепа будетъ такимъ же царемъ Украины, какъ

я — архіерейшей. Брешеть шведъ, что дастъ ему такую честь. Шведскому королю да ляхамъ не то нужно...

— Молодець у меня протопопица! — перебилъ ее, обращаясь къ гостямъ повеселѣвшій Заруцкій. — Она тебѣ, панъ подскарбій, все такъ расскажетъ, какъ иной и велемудрый ученый не сможетъ. Это вѣрно она сказала, — продолжалъ онъ серьезно, — шведу не то надо, чтобъ Украина имѣла своего короля или царя; ему надо, чтобъ казаки помогли ему справиться съ царемъ Петромъ Алексѣевичемъ, а тамъ онъ имъ шишъ покажетъ. Да и то еще Богъ вѣсть, справится ли онъ съ такимъ богатыремъ, какъ царь московскій.

— Говорю, отецъ, — перебила мужа хозяйка, — не справится!

— Кума вѣрное слово сказала, — поддержалъ ее отецъ Василій. — Сегодня царь отправляетъ изъ Погребковъ Меншикова взять Батуринъ, на который рассчитываютъ Мазепа и король шведскій. Царю важно знать, что стануть дальше дѣлать его враги, куда они двинутся изъ-подъ Новгородка-Сѣверскаго. Вотъ тутъ-то вы и помогите ему своею службою.

— Да какъ же это сдѣлать? — спросилъ, пожимая въ недоумѣніи плечами, подскарбій.

— А вотъ я васъ научу! — разрѣшила протопопица его недоумѣніе. — Вамъ легко вывѣдать черезъ казаковъ, которые ежедневно толкуются въ шведскомъ станѣ, что замышляетъ шведъ. Узнанное передавайте отцу протопопу, а тамъ ужъ сумѣемъ доставить царю.

— Гм! — сказалъ въ раздумьи Худорбій, — такъ-то оно можно, да...

— Вы еще и не то сдѣлайте, — смѣло атаковала протопопица сдающагося подскарбія, — впустите въ городъ тайно царя, чтобъ онъ самъ высмотрѣлъ съ замка лагерь шведскій. Вотъ тогда-то царь васъ наградить!

— Ну, этого никакъ не можно сдѣлать! — отрицательно покачалъ головою Худорбій.

— Пустое! Коли захотите, сдѣлаете все!

— Не говорите такъ, матушка. Товарищество казацкое, горожанство трудно провести, чтобъ оно не знало о такомъ важномъ дѣлѣ.

— Такъ-таки и не узнаеть, коли захотите провести...

— А ну-ну, мать, скажи намъ, какъ провести казачество и горожанство, чтобъ царь могъ посѣтить Новгородокъ? — спросилъ, лукаво улыбаясь, Заруцкій жену.

— Вотъ это расчудесно будетъ! — въ одинъ голосъ сказали, улыбаясь, подскарбій и Альтернатскій.

Всѣ смотрѣли въ ожиданіи на протопопицу, но она молчала.

— Ну-ка, матушка, — прервалъ молчаніе Худорбій, — учите-жъ насъ, дурней, какъ обойти казаковъ и горожанство?

— А сдѣлаете помоему? — не безъ лукавства спросила протопопица Худорбія и, не дождавшись отвѣта, проговорила: — ночью ото-

прите ворота, впусти́те царя, рано утромъ онъ можетъ у́хать изъ Новгородка.

— А ваша матушка правду говорить, — въ раздуми проговорилъ подскарбій, обращаясь къ Заруцкому.

— Не знаю, искренно ли вы говорите это, панъ Худорбій, — отвѣтилъ ему протопопъ, — но мнѣ кажется, что намъ слѣдовало бы отправить отца Василія въ Погребки не съ пустыми руками.

— Да рѣшайте-жъ скорѣе, господа! — нетерпѣливо сказала Альтернатскій, до того молчаливо выслушивавшій совѣщаніе подскарбія и протопопа.

— Нечего тутъ и думать, панъ Худорбій! — подхватила кума протопопица. — Ловите счастье, коли оно идетъ къ вамъ, въ другой разъ не появится оно. За царемъ служба, какъ за Богомъ молитва, никогда не пропадаетъ: не будете каяться, что послушали меня, глупую бабу.

Подскарбій молча смотрѣлъ въ недопитую чарку водки и думалъ глубокую думу. Онъ уже не сомнѣвался, что можно и должно услужить московскому царю. Его больше занимала теперь мысль о томъ, какъ бы получше обойти казаковъ и горожанъ.

— Такъ какъ же вы, панъ подскарбій, надумали поступить? — прервалъ его думы Заруцкій. — Послужите царю православному или шведскому недовѣрку? Отъ Бога данною мнѣ властію могу благословить васъ только на доброе дѣло.

— Коли такъ, отецъ протопопъ, — сказалъ подскарбій, выходя изъ-за стола, — такъ будьте-жъ и вы участникомъ этого дѣла. Отпишите или кѣмъ перескажите царю, что все можно будетъ сдѣлать.

— Вотъ люблю за ласку и любовь къ батюшкѣ-царю! — радостно воскликнула протопопица. — Отецъ, — серьезно добавила она, — благовослови пана Худорбія на благое начинаніе!

Протопопъ Заруцкій всталъ изъ-за стола, подошелъ къ стоявшему въ углу горенки кіоту, взялъ небольшой кипариснаго дерева образокъ, пріобрѣтенный имъ у какого-то прохожаго грека-монаха, и, ставъ передъ подскарбіемъ, съ искреннимъ религіознымъ воодушевленіемъ произнесъ:

— Да благословитъ Господь Богъ твое, панъ подскарбій, доброе и полезное отечеству начинаніе, и да будетъ надъ тобою Его Всемогущаго Творца благословеніе и милость всегда, нынѣ и присно и вѣки вѣковъ.

— Аминь! — тихо проговорили протопопица, отецъ Василій и Худорбій, склонивъ головы передъ святымъ образомъ.

Былъ совсѣмъ вечеръ, когда подскарбій и отецъ Василій простились съ протопопомъ Заруцкимъ и его умною женою.

V.

Минулъ тяжелый по неизвѣстности исхода роковой борьбы 1708 годъ.

Благодаря стараніямъ протопопа Заруцкаго и подскарбія Худорбія, царь Петръ Алексѣевичъ имѣлъ самыя вѣрныя и точныя свѣдѣнія о планахъ Мазепы и Карла XII, лично побывалъ въ Новгородкѣ-Сѣверскомъ, осмотрѣлъ съ замка лагерь вражій, и, не сдѣлай генераль Гордонъ ошибки, шведамъ, можетъ быть, не удалось бы перейти Десну и направиться къ Полтавѣ. Но рука Всевышняго вела Петра къ высокому жребію и близъ Новгорода-Сѣверскаго и Батурина уготовала знаменитую «Полтавскую баталію».

Взятіе и уничтоженіе Меншиковымъ Батурина страшнымъ ударомъ поразило измѣнника Мазепу.

— Злые и несчастливые наши початки!—говорилъ онъ:—знатно, что Богъ не благословитъ моего намѣренія; а я тѣмъ же Богомъ засвидѣтельствуюся, что не желалъ христіанскаго кровопролитія, но постановилъ было у себя въ намѣреніи, пришедъ въ Батурина съ королемъ шведскимъ, писать до царскаго величества благодарственный за протекцію его листъ и въ немъ выписать всѣ наши обиды прежнія и теперешнія, правъ и вольностей отъятіе, крайнее разореніе, предуготованную всему народу пагубу, а наконецъ приложить, что мы какъ свободно подъ царскаго величества руку для православнаго восточнаго единовѣрія приклонились, такъ, будучи свободнымъ народомъ, свободно теперь отходимъ и, за протекцію благодарствуя, не хотимъ руки нашей на кровопролитіе христіанское простирать, но подъ протекцію короля шведскаго совершеннаго нашего освобожденія будемъ ожидать. Это освобожденіе я надѣялся по войною, не покоемъ чрезъ трактаты получить, хотѣлъ короля шведскаго всякими способами преклонить къ миру съ царемъ; а теперь, въ нынѣшнемъ нашемъ несчастномъ состояніи, всѣ дѣла иначе пойдутъ, и Украина, Батуриномъ устрашенная, бояться будетъ за одно съ нами стоять.

Украина дѣйствительно не хотѣла быть заодно съ Мазепой, и шведы не получили никакой выгоды отъ перехода малороссійскаго гетмана на ихъ сторону.

Между тѣмъ, двѣ арміи близились къ Полтавѣ, гдѣ 27-го іюня 1709 года произошла «генеральная баталія», изъ которой Петръ вышелъ побѣдителемъ надъ шведами, «скоро хребетъ свой показавшими».

Іюльское солнце безжалостно палило лучами своими землю, а въ знакомомъ домикѣ протопопа Заруцкаго шли спѣшныя приготовленія къ встрѣчѣ дорогаго гостя, самого царя Петра Алексѣе-

вича. Увѣнчанный славою Полтавской побѣды и направляясь въ Кіевъ, онъ пожелалъ по пути завернуть въ Новгородокъ-Сѣверскій, чтобъ отпраздновать и здѣсь, въ домѣ своего шпига, протопопа Заруцкаго, знаменитую побѣду свою надъ шведскимъ королемъ.

Протопопица, узнавъ такую пріятную и радостную для себя вѣсть, совѣмъ потеряла голову, придумывая, какъ бы получше угостить дорогого царственнаго гостя. Двѣ ночи не смыкала она глазъ, придумывая наилучшія блюда малороссійской кухни для угощенія великаго царя; цѣлые дни изъ погреба вынимались старинныя наливки, а въ послѣдній день приготовленій самъ протопопъ торжественно откупорилъ завѣтный боченокъ со «старкой», то-есть съ горѣлкой, простоявшей въ погребѣ несмѣтные годы.

Та же вѣсть причинила не меньше заботъ и отцу протопопу Заруцкому. Онъ ломалъ голову надъ вопросомъ самаго тонкаго и политичнаго свойства, кого изъ казачества и горожанства Новгородка-Сѣверскаго пригласить на пиръ съ царскимъ величествомъ, потому что при малыхъ размѣрахъ своей обители не могъ позвать всѣхъ желающихъ. Приходилось выбирать, вычеркивать даже тѣхъ, кого хотѣлось бы пригласить, а подобное дѣло, при свойственной малороссамъ чуткости къ личному достоинству и гонору, весьма затруднительно и потребовало невѣроятныхъ усилій. Какъ ни ломалъ почтенный пастырь свою сѣдую голову надъ этимъ вопросомъ, но ничего другого не придумалъ, какъ рѣшилъ поставить столы для приглашенныхъ въ вишневомъ садикѣ, примыкавшемъ къ окнамъ горенки.

Кромѣ того, была и еще забота: нужно было придумать государю такую встрѣчу, которая бы наиболѣе ему полюбилась. Зналъ протопопъ, что царь не отказывался отъ приличной случаю торжественности, хотя не любилъ излишней траты денегъ; не прочь онъ былъ послушать и умное пастырское слово, ежели оно клонилось къ прославленію или изъясненію его трудовъ на пользу отечества.

Чѣмъ ближе подходило время прибытія царя въ Новгородокъ, тѣмъ тревожнѣе становилась чета Заруцкихъ. Кажется, все было предугадано и предусмотрено, все проверено и осмотрѣно; но все боялись, не забыто ли что нибудь.

Наконецъ, наступилъ торжественный день, положившій предѣлъ всѣмъ тревогамъ и опасеніямъ протопопа Заруцкаго и его жены.

Часовъ въ десять утра посланный отъ пана Худорбія казакъ возвѣстилъ Заруцкому, что царь съ небольшою свитою приближается къ городу. Тотчасъ же съ колокольни главной церкви раздался торжественный звонъ. Протопопъ въ лучшей рясѣ послѣдовалъ въ церковь, надѣлъ свѣтлыя ризы и съ крестомъ въ рукахъ, въ сопровожденіи причта и наиболѣе почетныхъ лицъ казацкой старшины и горожанства, сталъ на церковной паперти. Отъ па-

перти до воротъ церковной ограды въ два ряда стала лучшая часть городского казацкаго войска. Въ оградѣ и далеко за нею по дорогѣ сплошною стѣною стояли сбѣжавшіеся горожане и другіе обыватели Новгородка.

Вотъ къ церкви приблизился царскій поѣздъ. Царь вышелъ у ограды церковной изъ своего простого экипажа и быстро направился къ ступенямъ паперти, чтобъ поцѣловать святой крестъ. Взоры многотысячной толпы были направлены на знаменитаго побѣдителя шведовъ и строгаго судью Мазепы. Величіе этого могучаго царя производило тѣмъ большее впечатлѣніе, что самъ онъ, въ кафтанѣ изъ грубаго сукна темнаго цвѣта, въ темныхъ шерстяныхъ чулкахъ и башмакахъ на толстыхъ подошвахъ и высокихъ каблукахъ, съ мѣдными пряжками, въ поношенной поярковой шляпѣ, безъ всякихъ знаковъ и отличій, предсталъ предъ населеніемъ Новгородка-Сѣверскаго безъ блеска и пышности. Эта величавая простота великаго монарха сразу очаровала зрителей. Они замерли подъ яркими лучами знойнаго іюльскаго солнца.

И вотъ въ ту минуту, когда царь, переступивъ послѣднюю ступеньку церковнаго крыльца, очутился на площадкѣ шагахъ въ двухъ-трехъ отъ протопопа Заруцкаго, послѣдній, осѣняя его крестомъ, произнесъ хотя взволнованнымъ, но громкимъ голосомъ: «Державнѣйшій государь! Мнѣ, слабому пастырю чадъ твоихъ, не вѣдомы планы и предначертанія, коими ты благодѣтельствуешь вѣрноподданныхъ державѣ твоей сыновъ Россійской имперіи; но воочію вижу, какъ Господь изливаетъ милость свою на тебя. Онъ, Всемогущій Владыка владыкъ, видимо благословляетъ каждое вхожденіе и исхожденіе твое; Онъ подаетъ тебѣ побѣды, одолѣніе надъ врагами твоими. Осѣняя тебя, великій царь, святымъ крестомъ, могу только молиться, да пребудутъ надъ тобою Его святая милость и благословеніе отнынѣ и довѣка!»

Съ вниманіемъ выслушалъ царь привѣтственное слово протопопа Заруцкаго, поцѣловалъ святой крестъ и радостно взглянулъ на собравшуюся толпу.

Изъ церкви толпа вслѣдъ за царемъ направилась къ дому протопопа Заруцкаго.

Побѣдитель шведовъ былъ, видимо, очень доволенъ встрѣчею новгородъ-сѣверскихъ казаковъ и горожанъ, весело бесѣдоваль съ хозяиномъ дома, паномъ подскарбіемъ, сотникомъ и другими горожанами и казаками и не отказывался отъ обильнаго угощенія протопопицы.

Было далеко за полдень, когда обѣдъ подходилъ къ концу. Царь, сидя на почетномъ мѣстѣ между хозяиномъ и подскарбіемъ Худорбіемъ, оживленно бесѣдоваль, передавая разные моменты великой полтавской баталіи. Увлеченный разговоромъ, царь дѣлалъ руками сильныя и быстрыя движенія.

Въ одинъ изъ такихъ моментовъ къ царю сзади подходила хозяйка дома, неся на подносѣ лучшій старинный фарфоровый кубокъ, которымъ державный гость долженъ былъ, по издавнему малороссійскому обычаю, закончить пиръ. Не замѣчая подошедшей протопопицы, государь въ порывѣ оживленной бесѣды взмахнулъ правой рукой, и кубокъ полетѣлъ на полъ, разбившись въ мелкіе черепья.

Смущенный неожиданностью, смотрѣлъ государь на растерявшуюся жену Заруцкаго. Всѣ гости, полные суевѣрія, были также смущены. Одинъ протопопъ нашелся, какъ выйти изъ затруднительнаго положенія, которое испортило бы все торжество.

— Ото добре!—закричалъ онъ и бросился топтать ногами остатки разбитой посуды, приговаривая:—вотъ такъ надо топтать всѣхъ вороговъ Россіи и ея державнаго царя!

Гости подхватили слова находчиваго протопопа, и въ комнатѣ поднялся невообразимый крикъ и гамъ, среди котораго выдѣлялся могучій голосъ царя, утѣшавшаго хозяйку, что вмѣсто разбитаго ховяйскаго кубка онъ даритъ ей свой серебряный.

— Пусть этотъ кубокъ,—сказалъ царь, обращаясь съ улыбкою ко всѣмъ присутствовавшимъ, — будетъ напоминать всѣмъ новгородъ-сѣверцамъ о моемъ невольномъ проступкѣ передъ любезною хозяйкою!

VI.

Такъ рисуется, живущее и донинѣ въ устахъ отдаленныхъ потомковъ, фамиліное преданіе подвигъ царева шпига, протопопа Новгородка-Сѣверскаго Заруцкаго и подскарбія Худорбія.

Оно дополняетъ ¹⁾, что царь Петръ Алексѣевичъ, уѣзжая изъ Новгородъ-Сѣверска, въ награду, за оказанную ему наканунѣ полтавской баталіи услугу, пожаловалъ протопопу Заруцкому въ вѣчное владѣніе обширныя земли въ Новгородъ-Сѣверскомъ уѣздѣ Черниговской губерніи, а пану подскарбію Худорбію таковыя же въ Стародубскомъ уѣздѣ той же губерніи. При этомъ, въ данныхъ на эти земли грамотахъ сдѣлана была оговорка, что земли даются, «не нарушая вольностей казацкихъ». Милость царская превзошла, по всей вѣроятности, самыя пылкія мечты протопопицы Заруцкой. Судьба ея двухъ дочерей была обезпечена царскимъ даромъ такъ, какъ ей и не грезилось.

Къ богатымъ протопоповнамъ скоро посватались именитые женихи, и царскій подарокъ — земли раздѣлены были между двумя дворянскими родами—Томиловскихъ и Псіоловъ.

¹⁾ Да это подтверждается и документами, хранящимися у дворянъ Томиловскихъ и Псіоловъ.

Въ селѣ Протопоповкѣ, Новгородъ-Сѣверскаго уѣзда, Черниговской губерніи, сохраняется и понынѣ въ церковномъ притворѣ писанный масляными красками, сильно потемнѣвшій отъ времени портретъ протопопа Заруцкаго. На этомъ портретѣ Заруцкій изображенъ во весь ростъ, въ рясѣ съ епитрахильей и крестомъ въ рукѣ.

Кромѣ того, среди церковной утвари сохраняется большая серебряная кружка, подаренная царемъ Петромъ вмѣсто разбитаго имъ фарфороваго кубка.

Что касается судьбы потомковъ протопопа Заруцкаго, то оговорка царя, что онъ даритъ земли, «не нарушая вольностей казацкихъ», впоследствии причинила немало хлопотъ имъ. Въ послѣдующее время возникли между помѣщиками Тамилевскими и Псіолами и казаками-крестьянами споры изъ-за земельныхъ владѣній, тянувшіеся долгіе, долгіе годы. Въ концѣ-концовъ удалось выиграть процессъ фамиліи Псіоловъ.

И нынѣ Томиловскіе и Псіолы живутъ бокъ-о-бокъ въ Протопоповкѣ и владѣютъ обширными земельными угодьями.

Не такова судьба потомковъ пана подскарбія Худорбія. Царскій даръ не послужилъ потомству Худорбія на пользу. Въ настоящее время изъ дарованныхъ царемъ земель ничего не осталось въ рукахъ Худорбіевъ. Говорятъ, въ Стародубѣ по улицамъ ходитъ почти нищій, совершенно опустившійся послѣдній потомокъ нѣкогда послужившаго царю московскому новгородсѣверскаго подскарбія Худорбія.

Такъ различна судьба отдаленнаго потомства царева шпига и его сообщника.

Сергѣй Браиловскій.

ПРОТОИЕРЕЙ ФИЛОДЕЙ ВУКОЛОВИЧЪ ВЛАДЕВИЧЪ, ИЗМАЙЛЬСКІЙ
ГЕРОЙ, КАВАЛЕРЪ ГЕОРГІЕВСКОЙ ЛЕНТЫ.

ВЪЗПРИМЪРНАЯ въ исторіи слава безсмертнаго имени Александра Васильевича Суворова является вѣнцомъ военной доблести російскаго войска второй половины прошлаго вѣка и своимъ героическимъ величіемъ затмеваетъ всѣ другія военныя репутаціи. Но вторая половина прошлаго столѣтія, можно сказать, была временемъ почти непрерывныхъ войнъ, побѣдъ и... героевъ. То было вообще замѣчательное время. Люди мало думали о матеріальныхъ, житейскихъ мелочахъ, воодушевлялись великимъ, способны были надѣяться, умѣли ждать, и если многіе погибли безвѣстными въ пучинѣ забвенія, за то вся эпоха отмѣчена крупными событіями и крупными людьми.

То безспорно, что обаяніе героической личности Суворова воодушевляло войска къ подвигамъ и вело къ побѣдамъ. Но не можетъ быть сомнѣнія и въ томъ, что это вліяніе дѣлалось дѣйственнымъ потому, что находило для себя благоприятную почву. У великаго героя въ войскѣ было не мало героевъ меньшихъ. Къ числу такихъ лицъ безспорно принадлежитъ и протоиерей Филодей Вуколовичъ Владевичъ. Его слава достигла кульминаціоннаго пункта подъ стѣнами Изаила; но и его прежняя жизнь и дѣятельность въ высокой степени замѣчательна. Это былъ одинъ изъ тѣхъ почтенныхъ представителей нашихъ «братьевъ-славянъ»,

которые, не думая о матеріальныхъ и личныхъ выгодахъ и расчетахъ, иногда въ прямое противорѣчіе съ ними, несли беззапятную неизмѣнную преданность единовѣрной и единоплеменной Россіи, и это же чувство воспитывали и во всемъ своемъ родномъ племени.

I.

Въ маѣ 1745 года російскій резидентъ при турецкомъ дворѣ Вешняковъ писалъ императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ: недавно ко мнѣ приходили нѣсколько молдаванъ, «пришедшихъ въ крайнюю бѣдность отъ несказанныхъ гоненій и грабежа правителей», они принуждены были бѣжать подъ покровительство вашего императорскаго величества, какъ единственной ихъ законной государыни-защитницы, но ихъ отогнали отъ русской границы, потому что они не имѣли паспортовъ, а сенатскій указъ запрещаетъ принимать безпаспортныхъ; многіе изъ нихъ смотрятъ на Россію, какъ на вѣрное прибѣжище въ бѣдахъ, и теперь, слыша, что дорога въ Россію закрыта, бѣгутъ въ Польшу, Трансильванію, Болгарію. Такое запрещеніе произведетъ «великую отѣвну» въ «древней ихъ склонности» къ намъ. Необходимо сенатскій указъ отѣвнить. Зла отъ этихъ бѣглецовъ не будетъ: народъ все промышленный и работящій. И побѣжить къ намъ народу множество¹⁾.

Ходатайство Вешнякова не имѣло результата. Въ политикѣ есть свои законы, которые не всегда позволяютъ слѣпить съ дѣломъ, осуществленіе котораго являлось бы и очень желательнымъ. Только черезъ семь лѣтъ русскій дворъ дѣлаетъ первую попытку приступить къ этому дѣлу. Въ силу восьмого параграфа мирнаго договора съ Турціей 1739 года, всѣ перебѣжчики должны были быть выдаваемы съ обѣихъ сторонъ, и Россія не позволяла безпаспортнымъ подданнымъ Турецкой имперіи селиться въ російскихъ предѣлахъ. Но въ виду съ каждымъ годомъ все возростающаго среди болгаръ, грековъ и волоховъ движенія къ переселенію въ Россію, императрица въ 1752 году уже освѣдомляется у нашего повѣреннаго въ дѣлахъ при турецкомъ дворѣ, надворнаго совѣтника Алексѣя Обрѣзкова, нельзя ли устроить дѣло переселенія такъ, чтобы не оказался явно нарушеннымъ договоръ съ Турціей. «Не имѣютъ ли эти народы особыхъ привилегій?» спрашивала императрица, но пока принимать бѣглыхъ въ Россію все-таки запрещала. Обрѣзковъ отвѣчалъ, что «по нерадѣнію» Порты едва ли станетъ претендовать, если ея подданные будутъ выходить и селиться «не близко къ границамъ», потому что въ Турціи тоже

¹⁾ С. М. Соловьевъ, «Исторія Россіи», т. XXII, стр. 86—87.

укрываются перебѣжчики изъ Россіи — магометане. Переселенія по частямъ, безъ огласки, непримѣтно, не возбуждаютъ недоразумѣній, но всякія формальныя требованія по этому вопросу окажутся безуспѣшны,—писалъ Обрѣзковъ¹⁾. Турки въ то время были еще гордый народъ, хотя признаки разложенія когда-то воинственной имперіи и были слишкомъ уже явны.

Совѣтъ Обрѣзкова былъ принятъ. Въ 1754 году въ турецкой землѣ уже появился «россійскій маіоръ, который впослѣдствіи былъ и полковникомъ», Яковъ Эздемировичъ со специальною миссіей «вызывать изъ турецкой области сербскій народъ къ переходу на жительство въ Россійской имперіи»²⁾.

II.

Извѣстно, какое огромное вліяніе на «народъ» всегда имѣло духовенство, особенно въ славянскихъ странахъ. Маіоръ Эздемировичъ, явившись въ турецкіе предѣлы, постарался прежде всего заручиться помощью съ этой стороны. Онъ явился къ «святѣйшему сербскому патріарху» Гавріилу Ипецкому и просилъ указать ему человѣка, на котораго онъ могъ бы положиться, какъ на помощника въ своей миссіи. Патріархъ указалъ ему на священника Филовея Вуколовича Владевича, серба, проживавшаго въ городѣ Ужицѣ «Бѣлградской губерніи»³⁾. Эздемировичъ немедленно явился въ Ужицу, свидѣлся съ о. Владевичемъ и просилъ оказать ему помощь. Тогда о. Владевичъ, «по всеусердному желанію», оставилъ домъ и всѣ свои дѣла и три года ходилъ съ Эздемировичемъ, переодѣтый, съ виду неузнаваемый, но хорошо знакомый кому было надо, по городамъ и селамъ сербскимъ, «съ крайнею опасностью отъ турокъ», и «вызывалъ сербскій народъ изъ турецкой области въ высокославную ея императорскаго величества имперію». За три года набралось желающихъ переселиться до полуторыхъ тысячъ человѣкъ обоюга пола. Въ 1756 году Эздемировичъ съ первою партіей переселенцевъ уѣхалъ въ Россію, а о. Владевичъ остался на мѣстѣ «для лучшаго еще и большаго собранія»⁴⁾.

Прилагая и по отъѣздѣ Эздемировича «всеусердное стараніе и неусыпные труды», о. Владевичъ имѣлъ попрежнему крупный успѣхъ. Всѣхъ желающихъ переселяться онъ до времени направлялъ «къ цесарской границѣ по рѣкѣ Савѣ, близъ цесарскаго

¹⁾ С. М. Соловьевъ, «Исторія Россіи», т. XXIII, стр. 177—178.

²⁾ Архивъ святѣйшаго синода, дѣло 1786 г., № 309.

³⁾ Архивъ святѣйшаго синода, дѣло 1793 г., № 302.

⁴⁾ Архивъ святѣйшаго синода, дѣло 1786 г., № 309.

города Петръ-Варадина (Петервардейнъ)). Движеніе разрослось настолько, что даже безпечные турки не могли его не замѣтить. О. Владевичъ былъ схваченъ и закованъ «въ ручныя и ножныя желѣза». Турки «немилоостиво тирански били и мучили» его, требуя объяснить имъ остававшееся все еще для нихъ загадкой народное славянское движеніе и указать Эдемировича. Но о. Владевичъ выдержалъ испытаніе и ничего не сказалъ «ни о Эдемивичѣ, ни о народѣ, куда онъ переходитъ». Не добившись ничего, турки заключили о. Владевича «въ глубочайшую и мрачную темницу». Въ ней онъ томился шесть мѣсяцевъ, «претерпѣвая всекрайнейшую нужду, которую и описать невозможно»¹⁾.

Шесть мѣсяцевъ — срокъ не короткій. Движеніе, оставшись безъ вождя и вдохновителя, улеглось, время застало подробности пеленой забвенія, а деньги ускорили благопріятный исходъ. О. Владевичъ выкупился изъ заточенія. Но для этого онъ долженъ былъ поплатиться всѣмъ своимъ достояніемъ, которое и безъ того уже было въ значительной части разграблено и разорено турками.

Получивъ съ тяжелыми усиліями свободу, о. Владевичъ не захотѣлъ уже вторично подвергать ее опасности. Онъ задумалъ самъ бѣжать въ Россію. Но какъ было это сдѣлать? Въ Ужицѣ у него многочисленный родъ: отецъ, жена, два малолѣтнихъ сына, трое братьевъ съ семействами, не считая родственниковъ другихъ. Всѣхъ ихъ взять съ собою въ Россію нечего было и думать: турки не могли бы не замѣтить такого «семейнаго переселенія» и, конечно, постарались бы его остановить. И вотъ, оставивши старыхъ, женщинъ и дѣтей дома, о. Владевичъ съ двумя братьями, сильные, бодрые, полные надежды и вѣры, отправились въ россійскіе предѣлы. Потайнымъ образомъ они достигли цесарской границы, нашли здѣсь «часть уходившаго народа» и вмѣстѣ съ этимъ народомъ перешли въ Петръ-Варадинъ. Это было въ томъ же 1756 году, вѣроятно, зимою, въ концѣ года. Осенью 1757 года вернулся уѣзжавшій Эдемировичъ. Не переходя границы, онъ увѣдомилъ о своемъ возвращеніи о. Владевича письмомъ, и тотъ «со всѣмъ народомъ явился къ нему». Народу было болѣе тысячи обоюго пола. Всѣ двинулись немедленно въ Кіевъ, куда и прибыли въ 1757 году. Здѣсь выходцы были приведены къ присягѣ и распределены по мѣстамъ жительства. «Съ частью народа», мужчинами, годными къ военной службѣ, о. Владевичъ направленъ былъ въ слѣдующемъ году въ Москву, гдѣ формировались тогда вольнонаемные «черногорскіе эскадроны». Россія въ то время втянулась въ Семилѣтнюю европейскую войну и нуждалась въ военныхъ силахъ. Послѣ распределенія выходцевъ по полкамъ, о. Владевичъ

¹⁾ Тамъ же, дѣло то же и 1793 г., № 302.

былъ назначенъ (въ 1760 году) полковымъ священникомъ въ старый македонскій гусарскій полкъ. Съ этимъ полкомъ онъ отправился въ походъ въ Пруссію и оставался на полѣ военныхъ дѣйствій до окончанія войны. Въ 1764 году старый македонскій полкъ былъ раскассированъ. О. Владевичъ перешелъ въ желтый гусарскій полкъ.

То было время непрерывныхъ войнъ и... побѣдъ. Едва окончилась Семилѣтняя война, началась знаменитая «первая» война съ Турціей. вмѣстѣ съ желтымъ гусарскимъ полкомъ о. Владевичъ пошелъ походомъ въ Турцію, провелъ всю войну до окончанія ея, былъ при ваятіи Бендеръ, Бѣлграда и другихъ городовъ. Въ этой войнѣ были убиты оба вышедшіе съ нимъ въ Россію его брата, дослужившіеся до офицерскихъ чиновъ. Въ 1776 году желтый гусарскій полкъ былъ расформированъ въ два полка, тоже гусарскіе, македонскій и далматскій. О. Владевичъ остался при второмъ. Черезъ семь лѣтъ, въ 1784 году, оба эти полка опять были соединены въ одинъ — александрійскій легкоконный, и о. Владевичъ еще разъ перемѣнилъ свой титулъ¹⁾.

III.

Тридцатилѣтняя войсковая служба, два продолжительныхъ похода, немолодые годы — все это начинало понемногу все чаще и чаще напоминать о себѣ не особенно пріятными результатами. Въ 1786 году о. Владевичъ сталъ проситься на покой. Ему было еще только 59 лѣтъ, но онъ сталъ называть себя старымъ и слабымъ. Онъ жаловался на «старость, слабость и болѣзни». Послѣднихъ, по его счету, было у него не мало: головная боль, слѣпота, одышка, ломота. Осенью 1786 года онъ взялъ въ Новомиргородѣ паспортъ (помѣченный 3 сентября) и изъ мѣстечка Крылова, Екатеринославскаго намѣстничества, гдѣ стоялъ александрійскій легкоконный полкъ, двинулся въ Петербургъ. Здѣсь онъ явился въ святѣйшій синодъ и просилъ уволить его отъ войсковой службы и дозволить проживать въ Екатеринославскомъ намѣстничествѣ, въ городѣ Новомиргородѣ, или гдѣ онъ самъ найдетъ для себя лучшимъ и удобнѣйшимъ, «съ прямымъ подчиненіемъ одному мѣстному архіерею» и «безъ употребленія въ какія либо епархіальныя должности». Въ тѣ времена епархіальный административный строй былъ нѣсколько отличенъ отъ нынѣшняго. Городскіе «протопопы» были довольно самостоятельными и властными правителями епархіальныхъ протопопій, и ища «прямого подчиненія одному мѣстному архіерею», заслуженный войсковой ветеранъ хотѣлъ обезпечить себя отъ вла-

¹⁾ Тѣ же дѣла.

«Истор. вѣстн.», декабрь, 1895 г., т. LXII.

сти и произвола лицъ, которыя могли имѣть заслугъ менѣе, нежели сколько имѣлъ ихъ онъ. Но въ то же время о. Владевичъ не искалъ самъ протопопской должности, потому что эта должность была очень хлопотливая, требовавшая большой канцелярской опытности, аккуратности и письменной работы, къ которой о. Владевичъ, повидимому, успѣлъ привыкнуть мало.

Вмѣстѣ съ просьбой объ увольненіи о. Владевичъ писалъ святѣйшему синоду: «Для отысканія оставшихся въ городѣ Ужицѣ родныхъ — отца, двухъ сыновей, семействъ трехъ своихъ братьевъ и другихъ родственниковъ, о которыхъ я, по человѣчеству, всегдашнее соболѣзнованіе имѣю, за несвиданіемъ со оными съ 1757 года, не вѣдая объ оныхъ, живъ ли кто и гдѣ обрѣтается, и для приводу ихъ отсюда сюда, въ Россійскую имперію, въ Екатеринославское намѣстничество, и совмѣстнаго со оными прожитія, прошу покорнѣйше дать годичный заграничный паспортъ»¹⁾.

Прошеніе было написано гладко, ясно, разумно; писалъ его «конторы строенія Александроневскаго монастыря подканцеляристъ Андрей Спиридоновъ». Прошеніе помѣчено декабремъ 1786 года, но число не проставлено.

Къ прошенію о. Владевичъ приложилъ четыре аттестата, которыми онъ постарался своевременно запастись. Полковникъ александрійскаго легкоконнаго полка Александръ Тормасовъ (въ аттестатѣ, подписанномъ въ мѣстечкѣ Крыловѣ 22 августа 1786 года) свидѣтельствовалъ, что о. Владевичъ, «какъ теперь, состоя въ александрійскомъ легкоконномъ полку, такъ и ранѣе, въ бытность въ далматскомъ гусарскомъ полку, переформированномъ въ александрійскій, велъ себя честно, благосклонно, трезвенно, со всякимъ благочиніемъ». Въ аттестатѣ, выданномъ отъ имени всѣхъ офицеровъ полка (подписанъ 12 апрѣля 1786 года однимъ полковникомъ, двумя премьеръ-маіорами, четырьмя секундъ-маіорами, двумя ротмистрами, однимъ поручикомъ, двумя капитанами, однимъ корнетомъ и однимъ прапорщикомъ), послѣдніе, «довольно знающіе», свидѣтельствовали о заслугахъ о. Владевича въ бытность его въ Турціи и о его заточеніи. Генераль-поручикъ Федоръ Торба свой аттестатъ о. Владевичу (подписанный въ Глинскѣ 20 апрѣля 1786 года) начиналъ воспоминаніемъ, что о. Владевичъ, при вызовѣ сербовъ въ Россію, «дѣлалъ маіору Эдемировичу, произведенному потомъ въ полковники, не малое въ приглашеніи вспомошествованіе», за чтó претерпѣлъ отъ турокъ «тиранское мученіе». Генераль Торба хорошо зналъ о. Владевича: Торба былъ командиромъ желтаго гусарскаго полка въ первую турецкую войну, а о. Владевичъ былъ единственнымъ священникомъ этого полка отъ его учрежденія и до расформированія. Торба свидѣтельствовалъ

¹⁾ Архивъ святѣйшаго синода, дѣло 1786 г., № 309.

что о. Владевичъ «участвовалъ съ полкомъ въ турецкой войнѣ при взятіи Бендеръ, Бѣлграда и другихъ турецкихъ мѣстъ до окончанія войны», затѣмъ былъ съ нимъ «при истребленіи Запорожской Сѣчи и въ другихъ мѣстахъ внѣ и внутри государства», и «всегда велъ себя честно, благосклонно и трезвенно, со всякимъ благочиніемъ, безъ малѣйшихъ пороковъ». Была также аттестація и отъ командующаго частію 3-й дивизіи, генераль-аншефа Петра Абрамовича Текелия. Наконецъ, аттестатъ былъ и отъ самаго ранняго сподвижника о. Владевича — Эздемировича. «Секундъ-маіоръ славяно-сербской команды генерала Прерадовича», Яковъ Эздемировичъ удостовѣрялъ (19 марта 1763 года), что о. Владевичъ дѣйствительно былъ «испрошенъ» имъ отъ «сербскаго святѣйшаго патріарха Гавріила Ипецкаго, для вспоможенія въ вызовѣ сербскаго народа въ высокославную ея императорскаго величества имперію и преподанія требъ»; что онъ оказалъ ему большую помощь, томился въ темницѣ шесть мѣсяцевъ и, наконецъ, когда Эздемировичъ 3 сентября 1757 года «съ указомъ ея императорскаго величества» прибылъ опять «для вывода» остававшагося съ о. Владевичемъ народа «въ пограничный цесарскій городъ Петроварадинъ», о. Владевичъ, какъ только узналъ изъ письма Эздемировича объ его пріѣздѣ, немедленно «съ народомъ» прибылъ къ нему, и всѣ отправились въ Кіевъ¹⁾.

Въ засѣданіи 2 декабря 1786 года святѣйшій синодъ разсматривалъ представленныя о. Владевичемъ аттестаты вмѣстѣ съ его прошеніемъ. Заслуги были безспорныя. Было постановлено: отъ службы въ полку о. Владевича уволить; пребываніе въ Екатеринославскомъ намѣстничествѣ дозволить съ непосредственнымъ подчиненіемъ мѣстному архіерею и безъ употребленія въ какія либо должности. Но что касается заграничнаго паспорта, то это «до разсмотрѣнія святѣйшаго синода не касается»: объ этомъ слѣдуетъ хлопотать въ екатеринославскомъ намѣстническомъ правленіи. Наконецъ, аттестаты, представленныя въ синодъ о. Владевичемъ, возвратить ему, а въ александрійскій полкъ, на его мѣсто, поручить екатеринославскому преосвященному архіепископу Амвросію называть «безъ замедленія» новаго священника²⁾.

15-го декабря синодальный указъ былъ полученъ преосвященнымъ Амвросіемъ къ исполненію. О. Владевичъ оставалъ жизненную поприще и сходилъ на покой, въ безвѣстность, въ забвеніе...

Но чапа жизни еще не была испита, то, что суждено, еще не пережито. О. Владевича ждала слава.

¹⁾ Архивъ святѣйшаго синода, дѣло 1793 г., № 302.

²⁾ Тамъ же.

IV.

Въ 1788 году вспыхнула «вторая турецкая война», покрывшая русское оружіе безпримѣрною славой. На театрѣ этой войны, въ рядахъ казачьей колонны знаменитаго бригадира Матвѣя Ивановича Платова, мы встрѣчаемъ и о. Владевича.

Уже російское оружіе было отягчено лаврами при геройскихъ штурмахъ турецкихъ крѣпостей. «Пали къ ногамъ ея императорскаго величества» Очаковъ, Бендеры, Килия, Кинбурнь. Русское войско осенью 1790 года стянулось подъ стѣны Измаила и стояло здѣсь уже не одинъ день, какъ бы готовясь совершить безпримѣрный подвигъ величайшаго геройства. Всѣ попытки овладѣть Измаиломъ оказывались неудавшимися. Рѣшено было уже отступать. Наконецъ, вызванъ былъ на театръ военныхъ дѣйствій безпримѣрный побѣдитель европейскихъ народовъ Александръ Васильевичъ Суворовъ, который тотчасъ же и объявилъ, что «отступление предосудительно побѣдоноснымъ ея императорскаго величества войскамъ».

Наступило 11 декабря, день измаильскаго штурма. Въ реляціи главнокомандовавшаго русскими войсками генераль-фельдмаршала Григорія Александровича Потемкина императрицѣ Екатеринѣ II объ измаильскомъ штурмѣ дѣйствія казачьей колонны Платова, въ которой въ продолженіе всей войны и при штурмѣ Измаила находился о. Владевичъ, описаны слѣдующимъ образомъ: «Пятая колонна, подъ командою бригадира и кавалера Платова, при коей и генераль-маіоръ и кавалеръ Безбородко находился, встрѣчена была, какъ и прочія, сильнымъ огнемъ, и будучи между двухъ съ боковъ перекрестныхъ выстрѣловъ, при всей трудности, въ порядкѣ дошла до рва, и хотя оный нашла съ водою, но, не остановясь нимало, перешла и, предводимая храбрыми начальниками, ввлѣзла на предстоящій валъ и овладѣла на куртинѣ пушками, гдѣ присутствовавшій на ней генераль-маіоръ графъ Безбородко раненъ въ руку тяжело и по изнеможенію отдалъ команду бригадиру и кавалеру Платову, который, распространяя приобрѣтенную поверхность оружія, овладѣлъ справа бастиономъ, а влѣво, прогнавъ непріятеля, поражалъ онаго повсюду храбро и мужественно»¹⁾.

¹⁾ «Штурмъ Измаила Суворовымъ въ 1790 году», генеральнаго штаба подковника Н. Орлова, Спб., 1890 г., стр. 159—160, приложенія.—Полковникъ Орловъ такъ описываетъ дѣйствія колонны Платова при штурмѣ Измаила: «Пятая колонна Платова направилась къ крѣпости по низинѣ, отдѣлявшей старую крѣпость отъ новой, и подошла къ куртинѣ, пересѣкающей долину; куртина образовала какъ бы плотину, запрудившую протекающій здѣсь ручей, и такимъ образомъ получилось впереди вала наводненіе, глубиною по поясъ. Оно не оставило казаковъ. Въ намокшей одеждѣ они взошли на валъ куртины и завладѣли стоявшими тамъ пушками. Но тутъ услышали за собой справа громкіе

Съ колонною Платова шель впереди войска, взбираясь по гѣстницѣ на крѣпостной валь, и о. Владевичъ, воодушевляя своимъ примѣромъ солдатъ. Вражеская пуля пробила о. Владевичу рукавъ въ рясѣ, но его не коснулась.

Послѣ штурма о. Владевичъ остался въ покоренномъ Измаилѣ при раненыхъ и больныхъ.

Въ февралѣ или мартѣ 1791 года о. Владевичъ получилъ изъ «походной конторы преосвященнаго Амвросія, архіепископа екатеринославскаго и Херсониса таврическаго и молдо-влахійской экзархіи мѣстоблюстителя, члена святѣйшаго синода», слѣдующій «открытый указъ», подписанный 22 февраля 1791 года архимандритомъ Гаіосомъ: «По требованію войска екатеринославскихъ казаковъ, а по резолюціи его преосвященства опредѣленъ ты сего февраля 21 дня въ оное войско, въ которомъ будучи тебѣ всякое священнослуженіе и церковныя таинства отправлять со всякою трезвостію и тщаніемъ, учить людей благовѣрію и заповѣдемъ Господнимъ и всѣмъ христіанскимъ добродѣтелямъ».

Указомъ изъ той же походной конторы, подписаннымъ 9 апрѣля 1791 года архимандритомъ Іовомъ Потемкинымъ, впоследствии извѣстнымъ архіепископомъ минскимъ и затѣмъ екатеринославскимъ ¹⁾, о. Владевичъ назначался въ «передоваго войска регулярный чугуевскій полкъ».

Съ этимъ полкомъ о. Владевичъ, «со вступленія російскихъ войскъ въ Польшу, находился въ передовомъ корпусѣ, подъ командою генераль-маіора Ираклія Маркова, исправляя должность съ особливымъ раченіемъ и прилежностію, во всѣхъ случившихся съ поляками сраженіяхъ и шермиціяхъ находился при полкахъ до окончанія войны, подавая своимъ личнымъ присутствіемъ военнымъ людямъ примѣръ и ободреніе къ пораженію непріятеля». «Сихъ его ревностныхъ трудовъ и усердія къ службѣ ея императорскаго величества я самовидецъ»,—пишетъ въ аттестатѣ о. Владевичу генераль-маіоръ и кавалеръ св. Георгія 2-го класса Марковъ, въ Варшавѣ, 25 августа 1792 года ²⁾.

крики «аллахъ» и шумъ боя. Казаки Платова, видя множество убитыхъ и раненыхъ товарищей (колонны подвергались перекрестному огню съ двухъ ближайшихъ бастіоновъ), нѣсколько поколебались, но Платовъ увлекъ ихъ за собою съ крикомъ: «Съ нами Богъ и Екатерина! Братцы, за мной!» («Штурмъ Измаила», стр. 69).

¹⁾ О немъ см. наше изслѣдованіе: «Исторія минской архіепископіи съ подробнымъ описаніемъ хода воссоединенія западно-русскихъ униатовъ съ православною церковью въ 1794—1796 гг.», Спб., 1893 г.

²⁾ Архивъ святѣйшаго синода, дѣло 1793 г., № 302.

V.

Награда и слава не всегда слѣдуютъ за заслугой. Иногда этихъ вещей приходится добиваться долго и съ большою настойчивостью и трудомъ.

О. Владевичъ не мечталъ о какой либо особенной наградѣ за свои подвиги и службу, довольствуясь тѣми похвальными аттестатами, которыми онъ не упускалъ случая воспользоваться «на черный день» отъ тѣхъ или другихъ командировъ войсковыхъ частей, въ которыхъ онъ проходилъ свою службу. Но вотъ распространилось извѣстіе, что священникъ полоцкаго мушкетерскаго полка Трофимъ Егоровичъ Куцинскій, который при штурмѣ Измаила, какъ и о. Владевичъ, «предшествовалъ со св. крестомъ предъ полкомъ во время самаго жесточайшаго сраженія и при входѣ на градскую стѣну», получилъ теперь за свой подвигъ отъ ея императорскаго величества брилліантовый крестъ на георгіевской лентѣ, а также и санъ протоіерея ¹⁾.

На о. Куцинскаго крестъ былъ возложенъ екатеринославскимъ архіепископомъ Амвросіемъ въ Яссахъ 19 октября 1791 года, причемъ состоялось и благословеніе о. Куцинскаго на протоіерейство ²⁾. На слѣдующій день, 20 октября, Платовъ уже пишетъ преосвященному Амвросію письмо съ просьбою наградить и о. Владевича протоіерействомъ, а равно выхлопотать ему за измаильскій штурмъ крестъ «противъ протопопа Трофима Куцинскаго». Платовъ писалъ преосвященному, что о. Владевичъ «при штурмѣ Измаила показалъ свою ревность, ибо тогда, при самомъ сильномъ дѣйствіи, былъ онъ вездѣ присутственъ и ободрялъ войско къ неустрашимости, причемъ прострѣленъ у него съ правой стороны рукавъ», «чему я самовидецъ», — прибавляетъ Платовъ ³⁾.

Мы не знаемъ, какимъ путемъ шло дѣло о наградѣ о. Владевича. Но 8 января 1792 года архіепископъ Амвросій, проживавшій въ Яссахъ, получилъ слѣдующее письмо:

«Преосвященнѣйшій владыко,
«милостивый государь.

«Какъ прежде, по представленію покойнаго г-на генерала-фельд-маршала князя Григорія Александровича Потемкина Таврическаго, всемилостивѣйше пожалованъ отъ ея императорскаго величества брилліантовый крестъ священнику Трофиму Куцинскому, при взятѣ города Измаила ревностно поощрявшему людей къ храбро-

¹⁾ О немъ см. нашу замѣтку въ «Историческомъ Вѣстникѣ», 1894 г., июль, стр. 134—152.

²⁾ Тамъ же, стр. 137.

³⁾ Архивъ святѣйшаго сянода, дѣло 1793 г., № 302.

сти, такъ и нынѣ, за таковой же подвигъ, ея величество пожаловать изволила находящемуся при казачьей бригадѣ священнику Филоею Владевичу доставляемый при семь брилліантовый крестъ, который ваше преосвященство благоволите возложить на него.

«Имѣю честь быть въ протчемъ съ совершеннымъ почтеніемъ
вашего преосвященства
всепокорнымъ слугою
графъ А. Безбородко».

«Въ Яссахъ.
Генваря 8. 1792».

Сообщая это письмо, въ копиі, святѣйшему синоду, преосвященный Амвросій доносилъ, что крестъ на о. Владевича возложенъ 9 января 1792 года, «и, сверхъ того, онъ, Владевичъ, произведенъ въ протопопа»¹⁾.

VI.

О. Владевичъ за свою ревностную службу получилъ высшую награду, какую только могъ ожидать. Тридцатилѣтняя служба въ войскѣ, проведенная почти въ непрерывныхъ походахъ, не могла не отразиться на старѣющемъ организмѣ своими послѣдствіями. Шестьдесятъ пять лѣтъ тоже давали себя знать. Мы видѣли, что еще въ 1786 году о. Владевичъ намѣревался распротиться съ войсковою службой. Тогда ему этого сдѣлать не пришлось. Онъ сдѣлалъ это въ 1792 году.

Войсковые начальники провожали его наилучшими напутствіями. Главнокомандующій украинскою арміей, шефъ херсонскаго гренадерскаго полка, кавалеръ ордена св. Андрея Первозваннаго, генераль-аншефъ Михайль Каховскій, въ аттестатѣ о. Владевичу, подписанномъ «въ главномъ ставѣ украинской арміи» при деревнѣ Черняховѣ 10-го августа 1792 года, свидѣтельствовалъ, что о. Владевичъ «въ минувшую съ турками войну при екатеринославскомъ казачьемъ войскѣ, а по вступленіи въ Польшу при таковыхъ же иррегулярныхъ, исправляя должность свою съ отличнымъ усердіемъ и ревностію, бывъ въ неоднократныхъ сраженіяхъ, ободрялъ войско присутствіемъ своимъ, неся немалые труды и опасности». «Нынѣ, — продолжалъ въ аттестатѣ генераль-аншефъ Каховскій, — о. Владевичъ, за старостію лѣтъ, по прошенію, отъ службы уволенъ и отпущенъ въ Екатеринославское намѣстничество для пристроенія себя къ мѣсту, по саву его приличному». Въ особомъ письмѣ къ екатеринославскому преосвященному Амвросію (изъ лагеря при

¹⁾ Архивъ святѣйшаго синода, дѣло 1792 г. № 276.

Варшавѣ, 19-го августа 1792 года) Каховскій, повторяя въ усиленной степени похвалы аттестата, просилъ преосвященнаго дать о. Владевичу «пристойное мѣсто, отъ коего бы онъ имѣлъ при старости лѣтъ безвѣдное пропитаніе», — «въ чувствительное одолженіе» ему, Каховскому.

О томъ же писалъ преосвященному Амвросію (изъ Варшавы, 26-го августа 1792 года) бригадиръ казачьей бригады Василій Петровичъ Орловъ. Отъ Орлова, подписавшагося «походнымъ атаманомъ донскаго войска, генераль-маіоромъ» («лагерь въ Польшѣ при рѣкѣ Вислой, близъ мѣстечка Пулавъ», 27-го іюля 1792 года), имѣлся и аттестатъ «екатеринославскаго казачьяго войска протопопу» о. Владевичу, что онъ «со вступленія російскихъ войскъ въ Польшу», находясь въ бригадѣ Орлова «при регулярномъ малороссійскомъ казачьемъ полку, исправлялъ свою должность весьма добродорядочно, былъ при полкахъ во всѣхъ случившихся съ поляками сраженіяхъ и шермиціяхъ до окончанія войны, подавая своимъ личнымъ присутствіемъ военнымъ людямъ примѣръ и ободреніе къ пораженію непріятели». «Сихъ его ревностныхъ трудовъ и усердія къ службѣ ея императорскаго величества я самоочевидецъ», — писалъ въ аттестатѣ Орловъ ¹⁾.

Съ аттестатами и рекомендательными письмами о. Владевичъ направился изъ Польши къ преосвященному Амвросію. Но преосвященный или не могъ, или не хотѣлъ сдѣлать того, о чемъ просилъ измаильскій герой, и ему пришлось избрать другой путь для осуществленія своихъ желаній.

VII.

Въ январѣ 1793 года мы встрѣчаемъ о. Владевича въ Петербургѣ. Онъ явился въ святѣйшій синодъ и подалъ прошеніе, въ которомъ вкратцѣ излагалъ главнѣйшіе факты изъ своей жизни, скромно замѣчалъ, что за измаильскій штурмъ онъ «получилъ отъ ея императорскаго величества крестъ, какъ и протоіерей Кудинскій, получившій, кромѣ того, и пенсію по 300 рублей въ годъ», и заканчивалъ свое прошеніе слѣдующими словами: «Какъ я во время сего долговременнаго и безпорочнаго ея императорскому величеству продолженія службы понесъ немалые труды, отчего претерпѣлъ и болѣзни, такъ что вдаль по слабости своего здоровья, а сверхъ того и по старости лѣтъ, продолжать при войскѣ службы крайне не могу; служба вовсе безъ жалованья и не имѣя у себя дома никакой экономіи, будучи иностранецъ, содержать себя средства никакого не имѣю; для того святѣйшій правительствующій

¹⁾ Архивъ святѣйшаго синода, дѣло 1793 г., № 802.

синодъ всепокорнѣйше прошу, уваживъ иностранство мое и безпорочно продолженную чрезъ тридцать восемь лѣтъ службу и понесенные въ оной труды, претерпѣніе отъ турковъ за вызовъ въ Россійскую имперію изъ турецкой области сербскаго народа въ темничномъ заключеніи и разореніе дому моего и имущества, дабы я, при старости моей и слабости здоровья, за немѣніемъ у меня, по моему иностранству, никакой экономіи и дому, въ пропитаніи и одѣяніи крайнихъ нуждъ не могъ претерпѣвать, исходатайствовать отъ казны мнѣ пенсію и о свободномъ прожитіи въ Россіи, гдѣ пожелаю, безъ утѣсненія и налоговъ, сдѣлать милостивое опредѣленіе¹⁾.

VIII.

Къ прошенію было приложено двѣнадцать аттестатовъ.

Командующій частію войскъ, по Дунаю расположенныхъ, шефъ бугскаго егерскаго корпуса, генераль-маіоръ Михаилъ Иларіоновичъ Голенищевъ-Кутузовъ писалъ (аттестатъ подписанъ въ Измаилѣ 11-го января 1791 года), что о. Владевичъ «въ бытность въ прошлую кампанію при бригадѣ казачьей бригадира Платова», подъ командою Кутузова, «сверхъ смиреннаго поведенія и отправленія должностей, находился во всѣхъ сраженіяхъ изъ особливаго усердія къ вѣрѣ, для скорой помощи христіанъ, нужду въ запасныхъ Дарахъ имѣть могущихъ, и по тому же усердію, при взытіи города Измаила шелъ съ казачьею колонною на лѣстницу».

Генераль-маіоръ, графъ Илья Безбородко, при штурмѣ Измаила начальствовавшій надъ четвертою и пятою штурмующими колоннами бригадировъ Орлова и Платова, писалъ (аттестатъ 22-го іюня 1791 года) объ о. Владевичѣ: «будучи въ казачьей колоннѣ бригадира Платова, все ея императорскаго величества войско поощрялъ къ лучшему бою, по должности своей, въ чемъ я его самолично видѣлъ при взытіи штурмомъ Измаила».

Полковникъ Дмитрій Лесли, получившій Георгія за Измаилъ, повторялъ (въ аттестатѣ 18-го октября 1791 года) рекомендацію Кутузова, сдѣлавъ добавленіе о «неустрасимомъ поступкѣ» о. Владевича, «когда онъ при Измаилѣ, увѣщевая военныхъ людей къ лучшему бою, шелъ съ ними на лѣстницу, и тутъ прострѣленъ у него пулей въ рясѣ правый рукавъ», «чему я самоочевидецъ».

Другой полковникъ, «формируемаго казачьяго полка», Георгій Гержевъ, также ставшій георгіевскимъ кавалеромъ послѣ измаильскаго штурма, въ своемъ аттестатѣ (въ лагерѣ при Измаилѣ, 15-го декабря 1790 года) свидѣтельствовалъ, что о. Владевичъ, «находясь въ походѣ 1790 года не только въ одномъ полку, но и во всей

¹⁾ Архивъ святѣйшаго синода, дѣло 1793 г., № 302.

бригадѣ бригадира Матвѣя Ивановича Платова, за неимѣніемъ въ тѣхъ полкахъ другаго священника, исправлялъ священнодѣйствіе. При штурмѣ Измаила шелъ впереди съ крестомъ и всходилъ тутъ же на лѣстницу, за которымъ и всѣ, какъ за усерднымъ къ Богу молитвенникомъ, шли и побѣждали непріятеля съ немалою бодростію, такъ что вся колонна весьма имъ одолжена. При семъ случаѣ и ряса у него прострѣлена».

Наконецъ, оставшіеся въ Измаилѣ, послѣ штурма, офицеры единогласно завѣряли (аттестатъ 30-го января 1791 года, Измаилѣ), что о. Владевичъ «охотно и прилежно въ лазареты ходилъ и всѣ требы христіанскія безъ малѣйшаго упущенія преподавалъ».

Кромѣ перечисленныхъ аттестатовъ, о. Владевичъ представилъ всѣ тѣ, о которыхъ мы ранѣе упоминали: генераль-поручика Торба, генераль-маіора Орлова, полковника Тормасова, офицеровъ александрійскаго полка, генераль-маіора Маркова, генераль-аншефа Каховскаго и, наконецъ, секундъ-маіора Якова Эдемировича. Кромѣ аттестатовъ, были представлены оба указа о. Владевичу изъ «походной конторы» архіепископа Амвросія и письма Платова, Орлова и Каховскаго ¹⁾).

IX.

Святѣйшій синодъ, разсматривавшій прошеніе о. Владевича въ засѣданіи 10-го января 1793 года, постановилъ: «оное прошеніе съ приложеніями, оставя съ нихъ въ канцеляріи святѣйшаго синода копіи, подлинное съ надписаніемъ отдать ему, протоіерею Филоею Владевичу, обратно, для того что какъ онъ продолжалъ свое служеніе при полкахъ, а святѣйшій синодъ на опредѣленіе таковымъ священникамъ пенсіи, исключая находящагося при штатныхъ соборахъ и церквахъ бѣлаго священства, въ вѣдомствѣ своемъ суммы не имѣеть, то оной ему, Владевичу, и произвести не изъ чего; а если онъ желаетъ опредѣлиться гдѣ къ священническому мѣсту и съ показаніемъ онаго подано будетъ отъ него въ святѣйшій синодъ о семъ прошеніи, то по нему, въ разсужденіи заслугъ его и иностранства, надлежащее разсмотрѣніе послѣдовать можетъ». Письма Каховскаго и Орлова рѣшено было оставить при дѣлѣ, не возвращая о. Владевичу. Приведенная надпись сдѣлана на его прошеніи по листамъ ²⁾).

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ Тамъ же.

X.

О. Владевичъ ожидалъ, очевидно, не этого. Онъ не явился въ синодъ взять обратно свое прошеніе и документы, которые и до сего времени остаются въ синодальномъ дѣлѣ, а обратился на другой путь къ признанію своихъ заслугъ, прямой и потому недолгій.

18-го февраля 1793 года членъ святѣйшаго синода, митрополитъ новгородскій и с.-петербургскій Гавріилъ, въ синодальномъ засѣданіи, «предложилъ» святѣйшему синоду слѣдующее письмо «генераль-маіора и кавалера» Василя Степановича Попова:

«Преосвященнѣйшій владыко,
«милостивый государь и архипастырь.

«Ея императорское величество, всемилостивѣйше приказавъ награждать протоіерей Филоея Владевича, ободравшаго православное воинство на штурмѣ измаильскомъ, тысячью рублями, съ позволеніемъ носить пожалованный ему крестъ на узкой лентѣ ордена военнаго, предоставить изволила благоразсмотрѣнію духовнаго начальства опредѣленіе его къ мѣсту по его званію. О чемъ донеся, имѣю честь быть съ истиннымъ высокопочитаніемъ и неограниченною преданностію

вашего высокопреосвященства,
милостивый государь и архипастырь,
всепокорнѣйшимъ слугою
Василій Поповъ».

«Февраля 16 дня,
1793».

Дѣло получало другой оборотъ. На этотъ разъ святѣйшій синодъ «приказали»: «оное письмо, оставя съ него въ повиыти копію, подлинное, яко заключающее въ себѣ именное высочайшее повелѣніе, хранить въ регистратурѣ съ прочими именными высочайшими указами, доложить же по нему тогда, когда отъ означеннаго протоіерей Филоея Владевича вступить въ святѣйшій синодъ помянутая просьба» ¹⁾).

XI.

«Помянутая просьба» вступить не замедлила. 23-го февраля святѣйшій синодъ «слушали» слѣдующее прошеніе о. Владевича: «За понесенные мною труды и тридцативосьмилѣтнюю службу ея импе-

¹⁾ Архивъ святѣйшаго синода, дѣло 1793 г., № 303.

раторское величество соизволила повелѣть — — — дать мнѣ мѣсто по чину моему. И какъ я имѣю родственниковъ въ новопріобрѣтенной области, то и прошу покорнѣйше утвердить мнѣ въ Дубоксарахъ по установленію духовное правленіе со всѣми относящимися къ сему правилами, такъ чтобъ опредѣленная мнѣ тамъ протопопія зависѣла собственно отъ моего распоряженія. Не оставить также снабдить меня на чинъ протоіерейскій и пожалованный отъ ея императорскаго величества крестъ грамотою съ означеніемъ всѣхъ моихъ подвиговъ и службы».

Святѣйшій синодъ постановилъ: предписать екатеринославской духовной консисторіи дать о. Владевичу, «по желанію и сану его», въ городъ Дубоксарахъ мѣсто при «первой тамошней приходской церкви» немедленно; когда прибудетъ новый викарій, управлявшій екатеринославною епархіей, преосвященный Іовъ, епископъ еоодосійскій, онъ выдастъ о. Владевичу грамоту протоіерейскую «съ прописаніемъ въ оной подвиговъ Владевича» и его права носить на узкой лентѣ ордена военнаго «наружный наперсный крестъ». Что касается учрежденія въ Дубоксарахъ духовнаго правленія, то объ этомъ преосвященный Іовъ имѣетъ войти въ святѣйшій синодъ съ особымъ представленіемъ, по собраніи надлежащихъ свѣдѣній, которыхъ въ святѣйшемъ синодѣ не имѣется.

28-го февраля о. Владевичъ получилъ изъ синода паспортъ до города Полтавы, гдѣ была архіерейская кафедра екатеринославской епархіи.

28-го марта екатеринославская консисторія доносила святѣйшему синоду, что синодальный указъ объ о. Владевичѣ въ консисторіи уже полученъ, преосвященный Іовъ прибылъ и съ указомъ ознакомился, «исполненіе будетъ учинено, когда явится Владевичъ».

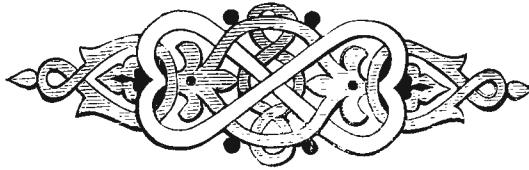
Пятью днями раньше, до полученія указа объ о. Владевичѣ, преосвященный Іовъ рапортовалъ святѣйшему синоду, что онъ требовалъ отъ консисторіи свѣдѣній о церквахъ и монастыряхъ «на новопріобрѣтенной землѣ между рѣкъ Буга и Днѣстра», консисторія писала дубоксарскому протопопу Луппу Чакою, требовала свѣдѣній и отъ мѣстнаго намѣстническаго правленія, но ни откуда свѣдѣній и отвѣта не получено. «Я былъ на этой землѣ съ покойнымъ преосвященнымъ Амвросіемъ,—писалъ преосвященный Іовъ святѣйшему синоду,—послѣ былъ и одинъ въ Дубоксарахъ, на берегу Днѣстра, и знаю, что протопопъ Чакой изъ Дубоксаръ бѣжалъ въ Молдавію, откуда онъ родомъ; онъ порусски ни читать, ни говорить не умѣетъ, да и другіе изъ духовенства бѣлаго никто не знаетъ». Этимъ и объясняется то, что ни отвѣта, ни вѣдомостей о церквахъ не получается. Преосвященный просилъ у синода разрѣшенія избрать двухъ священниковъ, знающихъ русскій и молдавскій языкъ, и опредѣлить ихъ протопопами—одного въ Дубоксары, другого въ Балту.

О. Владевичъ отвѣчалъ, такимъ образомъ, настоятельной потребности новоприсоединенной земли.

11-го мая 1793 года явился, наконецъ, въ Полтаву о. Владевичъ. Преосвященный Іовъ 13-го мая опредѣлилъ его, согласно синодальному указу, къ дубоксарской соборной успенской церкви «съ порученіемъ ему въ наблюденіе, впредь до разсмотрѣнія, всѣхъ состоящихъ въ новопріобрѣтенной области церквей».

Но о. Владевичу не суждено было долго оставаться въ Дубоксарахъ. Дни его были уже сочтены. Онъ кончилъ свою замѣчательную жизнь 2-го января 1794 года ¹⁾.

С. Г. Рункевичъ.

¹⁾ Тамъ же.

РУССКАЯ ИСТОРИЯ FIN DE SIÈCLE¹⁾.

«Эти картины представляют древне-греческий стиль (?), содержание же византийское (?), а не изъ русскаго быта; украшенія здѣсь звѣриныя—также византийскія, взытыя съ Востока» (Русская Исторія, А. Трачевскаго; I, 57).¹⁾

ОНИ ПЕРЕСМОТРѢЛИ внимательно «Русскую Исторію», написанную профессором Трачевскимъ, и пришли къ тому заключенію, что эта книга, которую самъ авторъ называетъ «многолѣтнимъ трудомъ» и тщательно рекомендуетъ вниманію русской исторической критики,—на нашъ взглядъ, есть не болѣе, какъ недоразумѣніе—сплошное недоразумѣніе, съ первыхъ строкъ предисловія и до послѣднихъ заключительныхъ словъ въ концѣ второго тома. Въ этомъ, впрочемъ, можетъ убѣдиться и каждый читатель, сличивъ предисловіе автора и изложенные въ немъ весьма широкіе замыслы съ самымъ текстомъ его книги, неладно скроеннымъ и плохо сшитымъ, темнымъ и сбивчивымъ въ изложеніи фактовъ, бѣднымъ мыслью, не освященнымъ ни любовью къ родной странѣ и народу, ни яснымъ пониманіемъ народнаго характера... Недоразумѣніе начинается съ предисловія автора, который,

¹⁾ «Русская Исторія» профессора А. Трачевскаго. Второе, исправленное и расширенное (?) изданіе. Съ указателемъ именъ, городовъ и предметовъ, съ 96 рисунками, 6 картами и 3 раскрашенными картинами. Спб. 1895. Изд. К. Л. Риккера.

закончивъ свой «многолѣтній (?)» трудъ, никакъ не можетъ дать ему точное опредѣленіе, не можетъ уяснить себѣ его настоящее значеніе. «Русская Исторія» г. Трачевскаго, по его собственнымъ словамъ, «не можетъ быть названа учебникомъ, ни по своимъ размѣрамъ, ни по изложенію», — а между тѣмъ предназначается авторомъ «для взрослой молодежи, для учителей и для самообразованія». Слѣдовательно: не учебникъ, хотя и задумана въ видѣ учебника; да и по размѣрамъ книга не настолько обширна, чтобы не могла служить учебникомъ для взрослыхъ. Недоразумѣніе продолжается и далѣе, когда авторъ говоритъ, что въ своей «Русской Исторіи» задался задачею — «дать сочиненіе, которое представило бы въ общедоступной формѣ обработанный сводъ современныхъ знаній о прошломъ его отечества, которыхъ ищеть теперь каждый образованный русскій». Но дать такой «обработанный сводъ» по «Русской Исторіи» въ двухъ томахъ невозможно, въ особенности, когда задаешься желаніемъ «углубясь въ бытовое развитіе нашего народа, перейти къ соціологическому объясненію нашего прошлаго», когда собираешься дать «полную исторію родной страны, съ ея сумеречныхъ зачатковъ до блеска текущаго дня»...

Итакъ, уже съ первыхъ строкъ предисловія читатель не видитъ у автора опредѣленной цѣли, положенной въ основу труда, а какое-то блужданіе и неясное колебаніе между двумя трудно-соединимыми цѣлями. Но за то никакъ нельзя отрицать того, что въ смѣлости у автора нѣтъ недостатка: тотчасъ послѣ вышеприведенныхъ фразъ онъ указываетъ на «скромную попытку дать, въ примѣчаніяхъ къ рисункамъ (своей книги), намекъ на учебникъ отечественной археологіи» (ого!); а затѣмъ «просить» критику не забыть и картъ (приложенныхъ къ книгѣ): ей (то-есть критикѣ) извѣстно, какъ много трудностей все еще (?) представляетъ и нынѣ (?) историческая географія»...

Слѣдуя указаніямъ автора, тотчасъ же съ живѣйшимъ любопытствомъ заглядываемъ въ карты. Въ картахъ не видимъ нигдѣ никакой самостоятельной работы надъ русской исторической географіей. Все важнѣйшее и основное заимствовано цѣликомъ изъ весьма извѣстнаго атласа профессора Е. Е. Замысловскаго и лишь нѣсколько попорчено неумѣстными и неосновательными измышленіями автора. Первая карта озаглавлена «Славяне и Русь (IX—XI вѣковъ)», хотя на ней нигдѣ не встрѣчается ни названіе Руси (какъ отдѣльнаго племени или какъ собранія племенъ) и, кромѣ Славянъ и Руси, показаны всѣ сосѣди ихъ. Остается совершенно неяснымъ, чтó разумѣетъ авторъ подъ словомъ Русь: страну или народъ? Еще болѣе не ясны границы Руси (въ томъ и другомъ смыслѣ) на западѣ и юго-западѣ. Біармія — весьма темная для насъ по своему положенію, обозначена вполнѣ опредѣленно, и въ

ней указанъ даже какой-то городъ «Желѣзные ворота» на Пинегѣ. Изъ Хазарскихъ городовъ видимъ только Итиль и Саркелъ. При томъ хазары занимаютъ на этой картѣ такое мѣсто, какое они утратили уже въ X вѣкѣ, тогда какъ каждый, смотрящій карту, можетъ подумать, что они сохранили за собою свои владѣнія и въ XI вѣкѣ. Какіе-то тюркскіе народы показаны цвѣтнымъ пятномъ въ углу, образуемомъ Угрою и Окою. На сѣверѣ Руси, между рѣками Нарвою и Волховомъ нанесены Славяне, тогда какъ, по Нестору, мы знаемъ только объ Ильменскихъ славянахъ, обитавшихъ именно на берегахъ Ильменя; въ ихъ-то области и находился Новгородъ. На второй картѣ, озаглавленной «Удѣлы (XI—XIII вѣка)», встрѣчаемся съ странными несообразностями: Литва на картѣ почти не существуетъ, забитая въ уголокъ между Нѣманомъ и Виліей, и вполне поглощенная Тевтонскимъ орденомъ, тогда какъ въ XIII вѣкѣ Литва была уже сильнымъ княжествомъ, съ которымъ приходилось считаться сосѣдямъ; большое пространство на югѣ Руси отведено торкамъ, которые въ XIII вѣкѣ существовали только по имени; обозначена Вятская земля на сѣверо-востоку Руси, и не нанесены на карту Заволочье и Двинскія земли, которыя именно въ XIII вѣкѣ и заселялись, и усиленно колонизовались новгородцами. Около Новгорода показанъ почему-то Хутынский монастырь, и не показанъ гораздо болѣе древній и болѣе важный монастырь Юрьевскій. На карту нанесенъ городъ Тула, не существовавшій въ XI вѣкѣ¹⁾. Третья карта I тома озаглавлена «Татары и Москва (XIII — XVI вѣка)», и необычайною пестротой своею способна сбить не только простаго читателя изъ «образованныхъ», но даже и хорошо знакомаго съ русской исторіей. Пестрота эта происходитъ отъ того, что авторъ задался совершенно неисполнимою задачею: на одной небольшой картѣ показать пріобрѣтенія всѣхъ великихъ князей московскихъ, начиная отъ Юрія Даниловича Калиты, и оканчивая царемъ Іоанномъ Васильевичемъ Грознымъ. Отмѣтимъ то, что бросается въ глаза на этой картѣ своею странностью или случайностью нанесенія. Подъ Москвою указаны: Радонежъ и Александровская слобода, а не нанесенъ Троицкій Сергіевъ монастырь; около рѣки Волхова стоятъ кружокъ (городъ?) и при немъ подпись Отенскій (?); въ Новгородской области показаны города Яма, Нарва, а не показана важная крѣпость Копорье; по самому краю Балтійскаго поморья протянута надпись Нѣмецкій (?) Орденъ, неизвѣстно, что именно

¹⁾ Особенно не посчастливилось городу Киеву, который на 1-й картѣ I тома показанъ на своемъ мѣстѣ, на 2-й приподнятъ до сліянія рѣкъ Днѣпра и Десны, на 3-й вынесенъ даже и за Десну; а на картѣ 4-й (во II томѣ) Киевъ перемѣщенъ уже съ праваго берега Днѣпра на лѣвый и поставленъ на стрѣлкѣ, образуемой Днѣпромъ и Десною.

обозначающая, потому что Прибалтійскій край въ XVI вѣкѣ все еще принадлежалъ Ливонскому ордену, съ которымъ Іоаннъ Грозный и договаривался, и воевалъ. Вслѣдствіе неясноты задачи, положенной въ основу карты, «татары» показаны на картѣ тамъ, гдѣ они не только въ XVI, но и въ XV вѣкѣ уже не были и т. д. О сибирскихъ завоеваніяхъ—не видимъ на картѣ никакого помина.

Этихъ бѣглыхъ замѣтокъ достаточно, чтобы убѣдиться въ изрядной небрежности составленія картъ и въ томъ, что авторъ руководился вовсе не потребностями своего изложенія, а скорѣе случайными соображеніями, ничего общаго съ исторіею не имѣющими.

Переходимъ къ рисункамъ, приложеннымъ къ книгѣ г. Трачевскаго, и къ тѣмъ примѣчаніямъ, которыми онъ свои рисунки снабдилъ. Напомнимъ, что г. Трачевскій имѣлъ смѣлость назвать эти примѣчанія (предисловіе, стр. II) «намекомъ на учебникъ отечественной археологіи». Простого взгляда на списокъ «рисунковъ и плановъ» въ текстѣ книги г. Трачевскаго уже достаточно для того, чтобы видѣть, какъ ограниченны, сбивчивы и, можно сказать, даже наивны его свѣдѣнія въ отечественной археологіи! Тутъ у него подъ руками не было такого полезнаго пособія, какъ «Учебный Атласъ» Е. Е. Замысловскаго, а потому приходилось подбирать и рисунки, и свѣдѣнія о нихъ, откуда попало. И что тутъ напроказилъ г. Трачевскій! Планомъ онъ не задался никакимъ, а подобно Ноздревскому повару соваль приправы зря и набумъ... Вотъ каменные орудія и костяные орудія; а рядомъ съ ними «скисская ваза», потомъ «челнъ викинговъ» и «Луговая» могила, за которою слѣдуютъ Кіевскія древности; вотъ «каменная баба» (рис. 14), а рядомъ съ ней—дворецъ (?) Андрея Боголюбскаго (рис. 15)! Вотъ планъ «Господина Великаго Новгорода» (рис. 16) и «Скоморохи» съ кіево-софійской фрески (рис. 17), печать «Ратибора» (рис. 22) и «Татарскій» воинъ (рис. 23), видъ изъ развалинъ «Болгарь» (рис. 25) и шлемъ Александра Невскаго (рис. 26)... Дальнѣйшее и ближайшее знакомство съ примѣчаніями къ рисункамъ убѣждаетъ насъ въ томъ, что г. Трачевскій не только не видалъ ни одного изъ помѣщаемыхъ памятниковъ, но даже и помѣщая снимокъ съ того или другого памятника, не потрудился заглянуть въ ту книгу, изъ которой онъ этотъ снимокъ заимствовалъ... Легкомысліе, непроситительное для историка, пытающагося «углубиться въ бытовое развитіе народа» и «дать соціологическое объясненіе нашего прошлаго»... (см. предисловіе). Изъ такого легкомысленнаго отношенія къ отечественной археологіи происходитъ, конечно, рядъ курьезовъ, и мы укажемъ нѣкоторые изъ нихъ.

На стр. 6, въ примѣчаніи къ «скисской вазѣ» г. Трачевскій увѣряетъ, что изображенные на ней скисы одѣты въ «узорчатыя ткани», тогда какъ археологи, специально разслѣдовавшіе Куль-

Обскую вазу и ея изображенія, давно уже установили тотъ фактъ, что одежды скивовъ украшены нашивными (бляшками, пуговицами и т. п.) орнаментами, которыми переполнены скивскія гробницы. На стр. 34, въ примѣчаніи къ плану языческаго Кіева, читаемъ, что на «западной сторонѣ града были Софійскія (!) ворота». На стр. 46 авторъ говоритъ, что «прилагаемый рисунокъ изображаетъ храмъ св. Софіи, какъ онъ былъ построенъ около 1037—1050 года», очевидно не зная, что этотъ рисунокъ есть снимокъ съ рисунка, относящагося къ XVII вѣку. На стр. 58 авторъ утверждаетъ, что кіевскія Золотыя ворота «въ настоящее время имѣютъ видъ, изображаемый на нашемъ рисункѣ», — и не знаетъ, что этотъ видъ они имѣли только на рисункѣ, помѣщенномъ въ изданіи Фундуклея, а теперь ужъ давно его не имѣютъ. На стр. 59—60 г. Трачевскій смѣло рѣшаетъ вопросъ о весьма загадочномъ памятникѣ (гробницѣ Ярослава), очевидно не зная о немъ отзыва такого знатока кіевскихъ древностей, какъ митрополитъ Евгеній. На стр. 93—94, все сказанное о рисункѣ «Дворецъ Андрея Боголюбскаго» ясно указываетъ на незнаніе авторомъ цѣлой литературы, вызванной этимъ памятникомъ: недостаетъ только утвержденія, что памятникъ сохранился въ томъ видѣ, какъ онъ изображенъ на рисункѣ! Такое же крупное незнаніе выказываетъ авторъ на стр. 98, въ примѣчаніи къ плану «Господина Великаго Новгорода», увѣряя читателя, что «рисунокъ представляетъ древнѣйшій (!) планъ Новгорода», а самъ не замѣчаетъ, что на этомъ древнѣйшемъ планѣ Новгородскій дѣтинецъ окруженъ правильными бастіонами, возведенными по Вобановской системѣ... О картинѣ, изображающей Святославо семейство (изъ «Изборника 1073 года), авторъ говоритъ, на стр. 138, будто эта картина хранится въ Оружейной Палатѣ, тогда какъ она хранится совсѣмъ не тамъ. Богъ вѣсть, почему о племѣ Александра Невскаго, на стр. 182, авторъ заключаетъ, что онъ относится «ко временамъ Крестовыхъ походовъ»! Представляя на 254 стр. весьма сомнительное изображеніе «польскаго воина XVI вѣка», заимствованное съ манекена Царскосельскаго музея, г. Трачевскій увѣряетъ, что «снаряженіе (?) его то же самое, что у западнаго рыцаря того времени; оно только наряднѣе, затѣйливѣе и тяжелѣе». Между тѣмъ прилагаемый имъ рисунокъ ничего общаго съ рыцарскимъ вооруженіемъ не имѣетъ (да и какіе же рыцари въ XVI вѣкѣ!), и несомнѣнно должно быть легче многихъ рыцарскихъ доспѣховъ того же Царскосельскаго музея. Особенно курьезно примѣчаніе къ извѣстному рисунку Герберштейна, изображающему трехъ всадниковъ и озаглавленному у г. Трачевскаго «Московскіе воины XVI вѣка». Онъ описываетъ рисунокъ такъ: «Желѣзныя шапки (всадниковъ) разукрашены по-восточному» (стр. 373); а на рисункѣ головы всадниковъ прикрыты обычными въ старину войлочными или суконными колпаками съ

отворотомъ! «У каждаго всадника въ рукахъ длинная узловатая плеть»,—а на рисунокѣ въ рукѣ двоихъ всадниковъ видимъ обыкновенную нагайку, украшенную мохрами... Приведенныхъ примѣровъ, кажется, достаточно, чтобы убѣдиться, что примѣчанія г. Трачевскаго къ рисункамъ составляютъ вовсе не «намекъ на исторію отечественной археологіи», а темные намеки на то, чего онъ самъ не знаетъ; думаемъ, что книга, въ общемъ, даже выиграла бы, если бы въ ней вовсе не было «примѣчаній» къ картинамъ.

Переходимъ къ тексту, также преисполненному удивительныхъ курьезовъ. Не станемъ останавливаться на языкѣ автора и на способѣ изложенія, которые, мѣстами, поражаютъ своею неточностью, неясностью, не русскими оборотами фразы и неумѣіемъ автора приспособиться къ пониманію большинства «образованныхъ» русскихъ людей. Попробуемъ подвергнуть нѣкоторой провѣркѣ фактическую сторону книги г. Трачевскаго — и, вѣроятно, удивимъ читателей «Историческаго Вѣстника» тѣми перлами, которые тутъ попадаются на каждой страницѣ. Отмѣтимъ при этомъ заранее одну весьма любопытную черту, общую у г. Трачевскаго со всѣми легковѣсными популяризаторами: онъ не знаетъ по русской исторіи очень многого, извѣстнаго всѣмъ специалистамъ этой научной области, но за то знаетъ очень многое, чего никто не знаетъ, и, благодаря этому, рѣшаетъ самые запутанные и затруднительные историческіе вопросы однимъ почеркомъ пера...

Опустивъ все, что г. Трачевскій говоритъ о древнѣйшихъ обитателяхъ Европы и о каменномъ, бронзовомъ и желѣзномъ вѣкѣ (все это на 45 строкахъ!), высказывая при этомъ глубочайшее незнаніе литературы предмета, переходимъ къ § 2, озаглавленному «Арійцы, Славяне». Изъ этого § узнаемъ, что «во главѣ бѣлой или кавказской породы (?) стоятъ арійцы или индо-европейцы, самое молодое (?) и самое развитое племя, которое господствуетъ надъ всѣми другими отдѣлами (!) человѣчества». Родиной арійцевъ г. Трачевскій признаетъ «нынѣшній Туркестанъ», откуда они будто бы «разошлись по всему свѣту» (?)... «Изъ общихъ всѣмъ арійскимъ народамъ самыхъ древнихъ словъ (?) оказывается, что еще въ Туркестанѣ (sic!) у нихъ были рало и телѣга» и т. д. А черезъ 10 строкъ узнаемъ, что «славяне и литовцы позже всѣхъ (арійцевъ) покинули свою родину (т. е. прародину)», а потому «ихъ рѣчь особенно близка къ санскриту, языку индусовъ, отъ котораго произошли всѣ другія арійскія нарѣчія» (стр. 4)! Выказавъ такъ блистательно свои этнографическія познанія и свои понятія о сравнительномъ языкознаніи, авторъ въ слѣдующихъ 10 строкахъ сообщаетъ намъ, что «арійцы внесли новокаменную эпоху въ Европу, хотя не извѣстно, кто именно изъ нихъ ввелъ ее въ восточной равнинѣ» (?); затѣмъ толкуетъ о расселеніи славянъ и литовцевъ по восточной равнинѣ, за-

ключая такъ: «на югѣ они сливались со скиѣми, которые считаютъ ихъ соплеменниками, на основаніи столь хорошо сохранившихся остатковъ ихъ быта, какъ эрмитажная ваза». Но этого мало: дальнѣйшее изложеніе готовить намъ новые сюрпризы... Слѣдующій § озаглавленъ «Литва и Славяне», и въ немъ г. Трачевскій рассказываетъ намъ о никому невѣдомой эпохѣ, когда «славяне составляли одно цѣлое съ литовцами». Рисуя бытъ «литво-славянъ», авторъ находитъ нужнымъ сообщить намъ, что лѣса въ то время «кишѣли звѣремъ: зубры, волки, вепри, олени, куницы, бобры, выдры, лисицы, бѣлки, лоси, рыси ¹⁾ гуляли на дѣвственномъ просторѣ. По чащамъ, прудамъ (sic!) и озерамъ сновали вороны, грачи, дрозды, кукушки, журавли, лебеди, дикіе гуси и утки, тетерева, ласточки и воробьи» и т. д. Онъ даже дѣлаетъ необычайно-смѣлое предположеніе, что «литво-славяне умѣли варить и жарить всю эту живность» (стр. 6), и заключаетъ свой очеркъ быта категорическимъ утвержденіемъ, что «религіей служило у нихъ первобытное арійское почитаніе природы вообще, безъ ликовъ боговъ; выдвинулось только стремленіе развѣдывать судьбу: появились кудесники, звѣздники, святцы (?)» (стр. 7).

Далѣе, говоря о «началѣ славянства», г. Трачевскій знаетъ, что «приблизительно за 500 лѣтъ до Р. Х. славяне обособились отъ литовцевъ», «улучшили соху», «стали строить избы съ печами и окнами»²⁾, а потомъ и «грады—частоколы съ окопами (рвами), куда прятали семью и имущество въ случаѣ опасности» (стр. 8). Въ эту же эпоху «въ религіи славянъ возникли первые, самые общіе лики боговъ, указывающіе на различіе добра и зла: то были Богъ и Бѣсъ» и т. д. Нагородивъ всю эту ужасную чепуху, г. Трачевскій переходитъ сначала къ южнымъ и западнымъ, а потомъ и къ восточнымъ славянамъ, чтобы и тутъ все перепутать и слить въ одну общую массу словъ и фразъ. Такъ, напр., тутъ узнаемъ, что «мизійскихъ славянъ около 650 года завоевали болгары, жившіе на Камѣ» (стр. 9), а, перевернувъ четыре страницы, читаемъ: «болгары сосредоточились на Камѣ въ IX вѣкѣ» (стр. 13). На той же 9 стр. читаемъ: отъ Одера до Литвы³⁾ обитали ляхи или поляки (иначе—поморяне) подъ разными именами; а на стр. 10 видимъ: «поляки, по преданію, были переселенцы изъ Чехіи—они поселились на рѣкѣ Вартѣ, подъ названіемъ «полянъ» (отсюда «поляки»)»...

О восточныхъ славянахъ г. Трачевскій знаетъ, что уже «въ первые вѣка нашей эры они занимали сѣверо-восточную равнину

¹⁾ Въ этомъ нескончаемо длинномъ перечнѣ забыть только медвѣдь, играющій въ литовскихъ и славянскихъ преданіяхъ такую важную, выдающуюся роль.

²⁾ Авторъ не знаетъ того, что и доселѣ на сѣверѣ Россіи встрѣчаемъ въ дѣревняхъ много курныхъ избъ.

³⁾ Которая, встаетъ сказать, тогда еще не существовала!

Европы», хотя изъ лѣтописей нашихъ узнаемъ, что и въ IX, и въ XI, и даже въ XII вѣкахъ нашей эры восточные славяне занимали лишь весьма незначительную часть европейскаго Сѣверо-Востока. Далѣе г. Трачевскій дѣлаетъ весьма важное открытіе: «рѣки, текущія съ Алаунской возвышенности, служили для восточныхъ славянъ единственнымъ путемъ сообщенія, въ особенности зимою (sic!), когда жители спѣшили сбыть на югъ избытокъ отъ своихъ промысловъ» (стр. 10),—и тутъ же считаетъ нужнымъ прибавить: «эти рѣки играли ту же роль, что моря на Западѣ: онѣ служили главнымъ орудіемъ народнаго развитія» (стр. 11).

Переходя къ сосѣдямъ славянъ, г. Трачевскій такъ характеризуетъ скандинавовъ: «Съ VIII вѣка скандинавы начинаютъ играть важную роль. Тогда у нихъ были отличные желѣзные мечи и большіе челны, на которыхъ они отважно пускались по морямъ. Они славились поэтическою религіею и ставили памятники, украшенные «рунами» (змѣвидными письменами): ¹⁾, стр. 15—16. Далѣе онъ сообщаетъ, что «Старая Ладога» была издревле «Варяжскимъ поселеніемъ» (стр. 16), что не мѣшаетъ ему на стр. 20 отнести ту же Ладогу къ «древнѣйшимъ городамъ восточныхъ славянъ», наряду съ Новгородомъ и Кіевомъ. На стр. 17-й г. Трачевскій въ 35-ти строкахъ описываетъ намъ значеніе Византіи и истолковываетъ читателю, что называется «византійскою эпохою». Здѣсь опять встрѣчаемся съ перлами, напримѣръ: «Въ искусствѣ (Византіи) господствовалъ византійскій стиль, особенно въ зодчествѣ: это—храмъ, съ куполомъ, хорами и папертью для оглашенныхъ; образцомъ его былъ соборъ св. Софіи». Далѣе: «на ея заводахъ (Византіи) выдѣлывались шелковыя и золотыя ткани»... «Здѣсь же возникло (?) римское право, основанное на идеѣ самодержавія», и тому под.

Большой параграфъ (почти въ двѣ страницы) посвященъ «Общественному устройству восточныхъ славянъ». Здѣсь, позабывъ уже о томъ, что славяне «приблизительно за 500 лѣтъ до Р. X. стали строить избы съ печами и окнами» (стр. 7), авторъ рассказываетъ намъ, что «они жили въ жалкихъ избушкахъ вразбросъ» и при малѣйшей опасности даже «перекочевывали въ другое мѣсто» (стр. 20). Только въ болѣе удобныхъ мѣстахъ они осѣли, стали превращать лѣсъ въ пашни и луга, да ходить за звѣремъ и пчелами, «кладя путики». Затѣмъ «путики превращались въ широкія «пути-дороги», избушки—въ избы съ дворами, «грады»—въ «города» и т. д. (стр. 20). Не говоримъ уже о томъ, что, судя по этому мѣсту книги, мы убѣждаемся въ непониманіи г. Трачевскимъ слова «путики» и выраженія «класть путики»; ни о томъ

¹⁾ Изъ этого поясненія въ скобкахъ убѣждаемся, что г. Трачевскій не видѣлъ ни одной рунической надписи.

что, вѣроятно, ему одному остается ясною разниа между «градомъ» и «городомъ»; но мы рѣшительно отказываемся понять, какимъ образомъ тѣ же самые славяне—которые «приблизительно за 500 лѣтъ до Р. Х. уже улучшили соху, развили скотоводство и пчеловодство (бортевое)» (стр. 7)—тысячу лѣтъ спустя, могли быть еще только на переходѣ отъ кочевого быта къ осѣдлому, впервые расчищать пашни изъ-подъ лѣса, «начинать» занятіе промыслами?!.. Тѣ же славяне, которые еще въ предшествовавшій (изобрѣтенный г. Трачевскимъ) «литво-славянскій» періодъ, по увѣренію автора «Русской Исторіи», не только занимались уже охотою и рыбною ловлею, но даже «умѣли варить и жарить живность» (стр. 6)!

Впрочемъ, авторъ «Русской Исторіи» вѣритъ въ возможность какихъ-то волшебныхъ превращеній въ нескончаемомъ и послѣдовательномъ процессѣ исторической жизни... «Приблизительно съ 700 г., когда славяне стали данниками хазаръ,—говоритъ г. Трачевскій, — они превращаются (sic) въ замѣчательныхъ торговцевъ». И затѣмъ слѣдуетъ полустраница о торговлѣ славянъ, вполне ясно обрисовывающая намъ свѣдѣнія, какими обладаетъ въ этой области г. Трачевскій, который увѣряетъ насъ, что славяне «вывозили янтарь съ Запада», поясняетъ слово «диргема», прибавивъ къ нему «или «арабчики» (арабское золото)», и толкуетъ о какихъ-то византійскихъ «шлягахъ» (стр. 20).

Свой курьезный очеркъ быта восточныхъ славянъ г. Трачевскій заканчиваетъ не менѣе курьезнымъ очеркомъ ихъ религіи, гдѣ спутываетъ факты съ небылицами, сказочныя и мѣстные преданія съ свидѣтельствомъ лѣтописи и собственными измышлениями. Тутъ мы узнаемъ съ удивленіемъ, что «вѣнь» (sic) значило «союзъ» и отсюда «брачный вѣнецъ» (стр. 25); что «тризна» есть не что иное, какъ «третья часть имущества» (стр. 27); что «капище» происходитъ отъ слова «копотъ — дымъ» (стр. 26); что «старшіе богатыри» представляютъ собою «существа безпредѣльныя» (ibid.) и т. д. Сверхъ того, г. Трачевскій утверждаетъ, что вѣрованіе въ Церуна и Волоса было къ намъ принесено варягами, и что только подъ конецъ язычества, у восточныхъ славянъ, «кромѣ глиняныхъ походныхъ (?) идольчиковъ, появились большія статуи Церуна въ Кіевѣ и Новгородѣ...» (26 стр.).

Переходя къ временамъ вполне историческимъ — къ «началу государства и христіанства у славянъ», г. Трачевскій и здѣсь выказываетъ свое весьма слабое знакомство даже съ хорошими учебниками по русской исторіи. Такъ, на стр. 30, онъ увѣряетъ насъ, что «церковно-славянскій языкъ былъ разговорнымъ языкомъ балканскихъ славянъ»; на стр. 55 говоритъ, что «священные книги явились у насъ въ переводѣ на болгарскій языкъ, который русскіе понимали безъ изученія»; а двѣ строки спустя, сообщаетъ намъ, что русскіе иноки, жившіе на Аѳонѣ и занимавшіеся пере-

водами съ греческаго, «вырабатывали книжный (литературный) русский языкъ, въ которомъ уже было мало (!) норманскихъ словъ, а вскорѣ стали исчезать и греческіе обороты (?)». На стр. 33 г. Трачевскій клевететь на русскихъ пословъ, пришедшихъ къ варягамъ, коверкая на свой ладъ ихъ слова и вставляя на мѣсто слова «нарядъ»—слово порядокъ, не имѣющее съ первымъ ничего общаго. На стр. 37, 40 и 55 выказываетъ полное незнакомство съ трудами по исторіи русской церкви (не только съ трудомъ Голубинскаго, но даже и Макарія), рассказывая намъ, что «во времена Ольги въ Кіевѣ уже прививалось христіанство: была даже церковь св. Ильи...» — тогда какъ наша первоначальная лѣтопись прямо говоритъ о церкви св. Ильи: «се бо бѣ сборная (т. е. соборная) церковь, мнози бо быша варязи хрестеяни». Не можетъ не удивить каждаго русскаго человѣка и то, что г. Трачевскій рассказываетъ о введеніи христіанства на Руси при Владимірѣ (стр. 40), добавляя отъ себя такое необычайно-глубокомысленное соображеніе: «выборъ одного изъ трехъ единобожныхъ «законовъ» обусловливался для русскихъ ихъ географическимъ положеніемъ, ихъ торговыми связями съ Византіей» (!). Несогласно съ историческою истиною и утвержденіе автора, будто «наши первые епископы, священники и діаконы были болгары» (стр. 55). Такое предположеніе возможно допустить о низшемъ духовенствѣ; но что первые епископы были изъ грековъ—это подтверждается весьма вѣскими фактами исторіи русской церкви.

Но довольно... Обиліе выписокъ нашихъ уже достаточно утомило читателя и достаточно ознакомило его съ достоинствами новаго историческаго труда г. Трачевскаго. Добавить намъ остается немного, потому что г. Трачевскій принадлежитъ къ тѣмъ авторамъ, которые также полно и характерно высказываются въ двухъ страницахъ, какъ и въ двухъ толстыхъ томахъ. Весьма слабое знаніе фактической стороны нашей отечественной исторіи, на всемъ пространствѣ этихъ двухъ томовъ, прикрывается трескучею фразой, иногда не заключающей въ себѣ никакого смысла¹⁾, а иногда цѣлымъ потокомъ словъ, не вполне понятныхъ и самому г. Трачевскому. За примѣрами ходить не далеко, и мы въ подтвержденіе нашихъ словъ можемъ привести описаніе кіево-софійскаго собора, которое «навѣрно» не возьмется намъ объяснить и самъ г. Трачевскій:

...«Храмъ св. Софіи въ Кіевѣ, съ 5 куполами, изъ которыхъ

¹⁾ Напримѣръ, «Хоромъ, храмъ» въ древности означалъ одиночный покой, избу» (стр. 514); «Запорожье было верномъ цѣлаго государства, которое отцвѣло, не успѣвши расцвѣсть» (стр. 547); «попъ Сильвестръ своею живнью очищалъ православіе въ глазахъ народа» (стр. 427); «въ затхлыхъ, тайныхъ покояхъ лучше всего сохранялся коренной пережитокъ родового быта — родительская власть» (стр. 432), и т. д.

4 освѣщали обширные хоры, тянувшіеся вокругъ всего храма, опираясь на толстые каменные столбы съ 2-хъ этажными пролетами. Храмъ былъ украшенъ внутри иконною мусеей и стѣнописью, а лѣстницы на хоры были расписаны забавными (?) картинами свѣтскаго содержанія. Эти картины представляютъ древне-греческій стиль (?), содержаніе же византійское (?), а не изъ русскаго быта; украшенія здѣсь звѣриныя—также византійскія, взятая съ Востока» (стр. 57). Кажется, дальше этого идти нельзя? «Картины, представляющія древне-греческій стиль» — «византійское содержаніе картинъ» — «звѣриныя византійскія украшенія, взятая съ Востока»!.. Превосходно!

И въ такомъ-то родѣ, такимъ-то способомъ изложена вся исторія древней Руси въ первомъ томѣ, который заканчивается почему-то царствованіемъ царя Михаила Ѳеодоровича. Къ древней Руси, которой г. Трачевскій совсѣмъ не понимаетъ, онъ относится удивительно сурово: судить и рядить, толкуя все вкривь и вкосъ, и (самъ того не сознавая) удивительно напоминаетъ намъ иноземцевъ XVI и XVII вѣка, писавшихъ о Московіи. Можно было бы думать, что онъ милостивѣе отнесется къ новому и новѣйшему періоду русской исторіи; но и тутъ, съ одной стороны, г. Трачевскаго сбиваетъ съ толку его весьма ограниченное знакомство съ источниками, а съ другой—обязательное сравненіе Россіи съ Европою, которая представляется автору идеаломъ недостижимымъ. Не вдаваясь въ подробности, скажемъ, что г. Трачевскій весьма плохо и сбивчиво излагаетъ даже исторію Петра и его преобразованій, и нигдѣ не даетъ намъ полного, живого изображенія великаго царя. Чрезвычайно курьезны его осужденія Петра за неумолимую суровость къ царевичу Алексѣю ¹⁾. «Кроваваго пятна на памяти отца, погубившаго своего сына, не смють никакія заслуги генія!»—воскликаетъ г. Трачевскій. Но тутъ же, милостиво снисходя къ Петру, снимаетъ съ него часть вины и возлагаетъ еѣ — на кого бы вы думали? На царицу Наталію Кирилловну, которой, въ то время, уже лѣтъ двадцать на свѣтѣ не было! Вотъ какъ онъ это выражаетъ на своемъ оригинальномъ языкѣ:

«Но вина самоубійства пускаетъ здѣсь далѣкіе корни; они (т. е. корни) достигаютъ до бабки жертвы, которая изъ ложнаго чадолюбія женила сына почти мальчикомъ на нелюбимой женщинѣ. Безъ рокового (!) вмѣшательства желавшей добра Наталіи Кирилловны, подлѣ Петра сразу стала бы какая нибудь Екатерина изъ Кукуя. И его сынъ не сталъ бы средоточіемъ надеждъ стороны, жаждавшей сгубить отца: онъ не былъ бы невольнымъ орудіемъ

¹⁾ Кстати замѣтимъ, что и съ литературою о царевичѣ Алексѣѣ Петровичѣ г. Трачевскій знакомъ очень плохо, почему и излагаетъ исторію его отношеній къ Петру темно и сбивчиво, съ пропусками и ошибками.

той зловѣщей среды, которая отравляла дыханіе преобразователя: и т. д. (стр. 103). О Екатеринѣ II авторъ «Русской Исторіи» отзывается мѣстами довольно любезно и снисходительно, хотя и порицаетъ «ея безпредѣльное самомнѣніе и то жеманную, то грубую хвастливость» передъ иностранцами. Путешествіе Екатерины на югъ Россіи г. Трачевскій называетъ «чудовищнымъ пикникомъ» (стр. 208) и отъ души смѣется надъ Потемкинымъ ¹⁾ за «его знаменитое созданіе Южной Россіи» (стр. 238)... Но этого мало. Чтобы исполнѣ оцѣнить г. Трачевскаго, какъ автора отечественной исторіи, слѣдуетъ прочесть тѣ 3½ страницы (441—445 стр.), которыя авторъ находитъ возможнымъ посвятить описанію Наполеонова похода въ Россію въ 1812 году... Здѣсь опять мы встрѣчаемся съ иноземцемъ, пишущимъ о Московіи, потому что нигдѣ такъ наглядно не высказывается его полное непониманіе духа русскаго народа, и не менѣе полное незнаніе классическихъ сочиненій, посвященныхъ описанію Отечественной войны. Г. Трачевскій не только не потрудился ознакомиться съ изслѣдованіями военныхъ спеціалистовъ, разобравшихъ до мелочей всю кампанію 1812 года: онъ даже и съ общимъ ходомъ событій знакомъ плохо и поверхностно. Изъ разсказа г. Трачевскаго выходитъ нѣчто удивительное; онъ пишетъ: «русскими овладѣлъ изумительный патріотизмъ»... «дворянство выставило полки изъ крѣпостныхъ; купцы дѣлали пожертвованія; крестьяне бѣжали отъ непріятели въ лѣса и въ глубину (?) Россіи, ведя съ нимъ народную войну (это изъ глубины-то Россіи!) и уничтожая все, чего нельзя было унести съ собою»... Любопытно, что г. Трачевскій никакого понятія не имѣетъ ни о положеніи, ни о дѣйствіяхъ русской арміи подъ Москвою (до и послѣ Тарутина), не понимаетъ значенія ожесточенныхъ боевъ подъ Мало-Ярославцемъ, Духовщиной и Краснымъ, и послѣдній изъ этихъ боевъ относитъ даже къ «блестящимъ боямъ Наполеона», хотя во время его французская армія потеряла 26,000 человекъ плѣнными и лишилось 126 орудій! Въ заключеніе онъ приходитъ къ выводу совершенно неожиданному... Какъ бы вы думали, читатель, что погубило Наполеона въ 1812 г. въ Россіи? Г. Трачевскій отвѣчаетъ на этотъ вопросъ категорически: «На ряду съ обширностью и бѣдностью страны, его погубила стойкость непріятели и то упорство массъ, которое обнаружилось въ фанатизмъ раскольниковъ» (sic!), стр. 443 ²⁾.

¹⁾ Потемкина, котораго Екатерина называла умнѣйшимъ птѣ своихъ приближенныхъ, г. Трачевскій вообще не одобряетъ и характеризуетъ, какъ весьма ординарнаго обжору, который «поглощалъ и французскую кухню двора, и солдатскіе пайки, да еще лакомился пирожками и бисквитами, которые всегда лежали даже у его постели» (237).

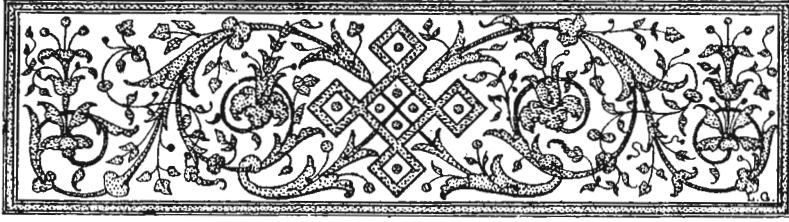
²⁾ Послѣ этого, конечно нельзя удивляться тому, что г. Трачевскій всей кампаніи 1813, 1814 и 1815 гг. посвящаетъ только 5½ строкъ (стр. 445) и то для

Закрываемъ книгу г. Трачевскаго съ горькимъ чувствомъ досады... Чтеніе этого «труда» производитъ на насъ весьма странное впечатлѣніе: такое впечатлѣніе долженъ выносить страстный почитатель Пушкина изъ чтенія новѣйшихъ произведеній декадентской поэзіи! Г. Трачевскій представляется намъ именно такимъ декадентомъ русской исторической науки, который, забывъ о Карамзинѣ и Соловьевѣ, пренебрегая работою цѣлаго поколѣнія послѣдовавшихъ за ними талантливыхъ и добросовѣстныхъ тружениковъ, дерзаетъ навязывать «взрослой молодежи и учителямъ» свои жалкія умствованія подъ заманчивымъ заглавіемъ «Русской Исторіи»... Отъ души желаемъ, чтобы наша общеобразовательная литература порѣже обогащалась вкладами, подобными «Русской Исторіи» г. Трачевскаго.

П. Полевой.

того, чтобы сказать, что за это время «русскіе не разъ были разбиты»: онъ по-вабываетъ, что они на своихъ плечахъ вынесли всю борьбу съ Наполеономъ въ Европѣ.

МОЛОДЕЖЬ И ЕЯ РУКОВОДИТЕЛИ.

I.

ТО МОЖЕТЪ БЫТЬ интереснѣе темы о молодежи?—спрашиваетъ фельетонистъ «Новаго Времени» (г. Фингаль въ № 7065) и тутъ же даетъ разъясненіе этому вопросу. «Молодежь—это ближайшее будущее человѣчества,—говоритъ онъ.—Дѣйствующее поколѣніе, какъ бы крѣпко ни держало оно въ рукахъ поводья, непремѣнно состарится, а старость, какъ бы она ни брюжжала, непремѣнно сойдетъ съ дороги и уступитъ мѣсто молодымъ. И они возьмутъ въ руки поводья и поведутъ жизнь впередъ по-своему. Вотъ почему всякій разъ, когда по тому или другому поводу возникаетъ вопросъ о молодежи, въ разсужденіяхъ и спорахъ является страстность. Нельзя спокойно и равнодушно говорить о томъ, кому принадлежитъ будущее». Поводомъ къ разсужденіямъ писателя послужили тѣ толки, которые были вызваны на страницахъ повседневной прессы поставленной въ театрѣ «Литературно-художественнаго кружка» новой пьесой г. Потапенко «Чужіе», гдѣ выведено два поколѣнія—«отцовъ и дѣтей», рѣзко расходящихся между собою по вопросамъ этики жизни. Пьеса г. Потапенко въ настоящей статьѣ меня не интересуетъ; мнѣ важно только, что гг. рецензенты отмѣтили ее и выдвинули старый, но вѣчно юный и жизненный вопросъ о молодежи. Тема дѣйствительно любопытная и, что называется, по жур-

лальному сезону. Гг. газетные фельетонисты ухватились за нее, благодаря пьесѣ г. Потапенко, но если бы имъ вздумалось ознакомиться не только съ театральными новинками, а съ тѣмъ матеріаломъ, который за послѣднее время накопился въ литературѣ, то они убѣдились бы, что вопросъ о молодежи одинъ изъ самыхъ шумныхъ вопросовъ нашихъ дней. И о ней и по поводу ея, а также и ею самою *pro domo suo* написано немало журнальныхъ статей, замѣтокъ и даже книжекъ. Образовалась обширная литература, которую можно озаглавить «Споръ двухъ поколѣній, 1860 и 1880 годовъ, о преимуществѣ идеаловъ этихъ поколѣній». Споръ этотъ начался еще при покойномъ Н. В. Шелгуновѣ въ 1890 г. и съ тѣхъ поръ не сходитъ со страницъ нашихъ журналовъ. Хронологію этого спора собственно можно бы было отнести ко временамъ очень стародавнимъ, можно бы вспомнить послѣдовательно Пушкина, Бѣлинскаго, Добролюбова, Писарева, сконцентрировать его вокругъ Тургеневскаго романа «Отцы и дѣти» и Гончаровскаго «Обрыва», вспомнить произведенія Стебницкаго, Всеволода Крестовскаго, Достоевскаго и кое-что иное въ этомъ родѣ, но такая историческая экскурсія завела бы меня въ такую глушь и глубь, раскапывать которую я не имѣю рѣшительно возможности въ настоящемъ очеркѣ. Отмѣчу только характерную особенность спора современнаго по сравненію его съ спорами былыми. Тогда «отцы» отрещивались отъ своихъ наслѣдниковъ, лишали ихъ своего отцовскаго благословенія и относились съ полнымъ неодобреніемъ къ ихъ вольному и строптивому поведенію; но это время прошло, и картина дѣйствія измѣнилась: «дѣти» стали отрещиваться отъ наслѣдія отцовскаго и протягивать руки черезъ головы родителей своимъ старшимъ родственникамъ и дѣдамъ, — «людямъ сороковыхъ годовъ». О такомъ сродствѣ душъ и гармоніи умовъ, въ смыслѣ по крайней мѣрѣ желательнаго достиженія, свидѣтельствуютъ какъ дѣятели «шестидесятыхъ годовъ», такъ и непослушныя ихъ дѣти — такъ называемые «восьмидесятники»¹⁾.

«Между сороковыми и шестидесятыми годами разница вообще существенная, — свидѣтельствуешь одинъ изъ даровитѣйшихъ представителей молодого поколѣнія, по своимъ симпатіямъ не принадлежащій, однако, къ числу «отколовшихся» отъ отцевъ, Евг. Соловьевъ, въ предисловіи къ біографіи Д. И. Писарева. — Въ настоящую минуту, на примѣръ, мы гораздо ближе къ первымъ, чѣмъ къ послѣднимъ. Шестидесятые годы мы не прочь даже развѣнчивать, и наши современные гимназисты ясно представляютъ себѣ «всѣ ихъ крайности». О такомъ же сродствѣ этихъ двухъ поколѣ-

¹⁾ Въ настоящей статьѣ употреблены термины «шестидесятники», «восьмидесятники» и т. д. согласно установленной въ повременной журналистикѣ квалификаціи.

ний свидѣтельствуеъ П. Перцовъ, авторъ недавно вышедшихъ «Писемъ о поэзіи». Этотъ послѣдній явно бунтуетъ противъ отцовъ, полемизируетъ съ Евг. Соловьевымъ, обвиняетъ его въ робости передъ «шестидесятниками»... «Наше время въ естественномъ и свободномъ развитіи своихъ идей явно склоняется болѣе къ эпохѣ 40-хъ годовъ, нежели къ эпохѣ 60-хъ годовъ, утверждаетъ г. Перцовъ. Г. Соловьевъ находитъ нужнымъ скорбѣть по этому поводу. Это опять-таки понятно со стороны оробѣвшаго человѣка. Признать законность и цѣлесообразность той эволюціи, которая совершается за послѣднее время въ нашемъ общественномъ мышленіи, значило бы признать законность и цѣлесообразность вновь нарождающихся умственныхъ теченій, значило бы даже, быть можетъ, заговорить о возможности и необходимости появленія новаго общественнаго наслоенія—«девяностидесятниковъ»... Но все это слишкомъ отважно, разумѣется, для молодого «семидесятника»...¹⁾ 90-хъ годовъ. А между тѣмъ, наблюденія г. Соловьева не обманываютъ его. Въ нашемъ обществѣ, дѣйствительно, замѣтно нынѣ большее довѣріе къ идеалу людей 40-хъ годовъ, чѣмъ къ идеалу «шестидесятниковъ». Съ моей точки зрѣнія—этому остается только радоваться: вѣдь первый заключаетъ въ себѣ и послѣдній». Эти слова требуютъ поясненія. Дѣло въ томъ, что г. Перцовъ, ловко пользуясь нѣсколько неудачно открытыми картами своего противника, принимаетъ сдѣланное послѣднимъ опредѣленіе эпохъ, уличаетъ его въ непослѣдовательности и дѣлаетъ свой, разный отъ г. Соловьева, логическій выводъ. Онъ говоритъ: однажды г. Соловьевъ утверждаетъ и утверждаетъ вполне резонно, что «сороковые годы выработали идеаль человѣка, научно и эстетически развитой культурной личности, стоящей на высшей ступени развитія», то это значить, что «люди сороковыхъ годовъ умѣли схватить въ своемъ міросозерцаніи и практикѣ обѣ стороны умственной жизни человѣка—и эстетическую и гуманную. Ихъ идеаль «человѣкъ» заключаетъ въ себѣ и художника и гражданина». Такъ построенный силлогизмъ приводитъ его и къ такому умозаключенію... «Люди сороковыхъ годовъ въ своемъ идеалѣ и въ своихъ стремленіяхъ были шире шестидесятниковъ, и... въ нашу эпоху, когда временныя обстоятельства не уклоняютъ русской общественной мысли въ ту или иную односторонность, мы имѣемъ не только право, но даже обязанность вернуться къ широкому и полному идеалу людей 40-хъ годовъ и, не забывая «гражданина», признать право жизни и за «художникомъ». *Pia desideria* г. Перцова сводятся къ слѣдующему:

¹⁾ Тутъ очевидная ошибка со стороны г. Перцова. Г. Евг. Соловьевъ выступилъ на литературномъ поприщѣ только въ текущемъ десятилѣтіи или, въ крайнемъ случаѣ, въ концѣ прошлаго. Авторъ настоящей статьи помнитъ г. Соловьева еще студентомъ, и это было во второй половинѣ 1880 годовъ.

«При этой эволюціи, очевидно, немалую роль должно играть возстановленіе эстетической стороны нашей умственной жизни, временно пришедшей въ забвеніе, дополненіе развитаго и укрѣпившагося за время 60-хъ и 70-хъ годовъ понятія «гражданинъ», остановившагося на точкѣ замерзанія, понятіемъ «художникъ», дабы вновь сдѣлался возможенъ ихъ синтезъ—была бы восстановлена и поставлена во главу угла идея «человѣка». Право, это старое знамя не такъ уже плохо: подъ его сѣнью были одержаны величайшія побѣды нашей гражданственности—вызваны къ жизни великія реформы Александра II, и совершены самыя цѣнныя завоеванія нашей литературы,—создано все то, что поставило ее въ рядъ всемірныхъ литературъ». Такимъ образомъ, г. Перцовъ ищетъ для своей дѣятельности болѣе широкую дорогу и болѣе широкій идеаль, каковой онъ и усматриваетъ въ такъ называемой эпохѣ 1840-хъ годовъ. Вѣроятно, эту же широту разумѣлъ и тотъ развязанный молодой человѣкъ, который бросилъ Шелгунову незадолго передъ его смертью наглый окрикъ: «шире дорогу! восьмидесятникъ идетъ!». Г. Перцовъ и Шелгуновскій «восьмидесятникъ»—не единичные дѣятели нашей современной литературы. Свое несогласіе съ «отцами» еще болѣе рѣзко формулировали г. Мережковскій въ книжкѣ: «О причинахъ упадка и о новыхъ теченіяхъ современной русской литературы», нѣкоторые критики «Недѣли» (г. Единица, г. Дистерло и др.), но сильнѣе всѣхъ г. Волынскій въ рядѣ статей, печатающихся съ 1891 г. въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ». «Недѣля» въ одномъ мѣстѣ говоритъ: «Новое поколѣніе (80-хъ годовъ) родилось скептикомъ, и идеалы отцовъ и дѣдовъ оказались надъ нимъ безсильны... Оно приняло свою судьбу спокойно и безропотно, оно прониклось сознаніемъ, что все въ жизни вытекаетъ изъ одного и того же источника—природы, все являетъ одну и ту же тайну бытія, и возвращается къ пантеистическому міросозерцанію». Г. Волынскій почти одновременно (1891 г.) съ авторами изъ «Недѣли» писалъ: «Времена мѣняются. Современная жизнь течетъ подъ инымъ освѣщеніемъ. «Догорѣли огни, облетѣли цвѣты». Силой обстоятельствъ возникъ цѣлый рядъ вопросовъ и запросовъ, на которые нѣтъ отвѣта въ талантливѣйшихъ произведеніяхъ бывшихъ авторитетовъ. Время обнажило новый уголь души, открыло новую мозговую линію, которой нужны жизнь, свѣтъ, яркія впечатлѣнія, свѣжія краски...». Г. Волынскій въ теченіе всѣхъ пяти лѣтъ настоящаго десятилѣтія при всякомъ случаѣ старается показать свое несогласіе съ людьми 1860-хъ годовъ, отмѣтить, въ чемъ заключается, по его мнѣнію, дефектная сторона дѣятельности послѣднихъ, и нарисовать тотъ путь, по которому, освобожденное отъ ошибокъ отцовъ и вліянія ихъ ума, новое поколѣніе людей должно шествовать. Но въ настоящей своей статьѣ я не имѣю въ виду говорить ни о г. Мережковскомъ, ни о критикахъ «Недѣли», ни о г. Волын-

скомъ, то-есть, о старѣйшихъ восьмидесятникахъ; это я надѣюсь сдѣлать въ будущемъ, по крайней мѣрѣ, поводъ къ этому у меня уже предвидится.

Сдѣланныя выписки и изъ г. Соловьева, а тѣмъ болѣе изъ г. Перцова, младшаго восьмидесятника—да не примутъ мои сверстники-восьмидесятники дѣленія ихъ на «старшихъ» и «младшихъ» за иронию—будто я ихъ приравниваю къ богатырямъ русскаго эпоса, дѣлящимся, какъ извѣстно, на «старшихъ» и «младшихъ»: съ богатырями я ихъ не думаю сравнивать ни въ шутку, ни въ серьезъ, но раздѣленіе и такая схема показались мнѣ наиболее удобными, ну, я и употребилъ слово;—итакъ, сдѣланныя выписки непреложно констатируютъ фактъ борьбы «дѣтей» съ «отцами», при чемъ отчасти уже показано, къ кому тяготеютъ ихъ симпатіи и въ какомъ идеалѣ они тщатся найти успокоеніе своему мятежному чувству. Несогласіе это въ настоящее время не только не утихаетъ или приходитъ къ какому либо примиренію или перемирію, но даже возрастаетъ, выходитъ изъ сѣры общихъ разсужденій, изъ паренія въ заоблачную высь и спускается на землю, проникая въ вопросы болѣе частныя, детальныя, при чемъ и здѣсь не теряетъ своего остраго характера. Два труда, надѣлавшихъ въ послѣднее время немало шума, могутъ служить прекрасной иллюстраціей сказаннаго. Вниманіе общества, обращенное къ этимъ трудамъ, возросло настолько сильно, что въ какіе нибудь полгода обѣ книжки были раскуплены, что называется, нарасхватъ и сдѣлались въ настоящее время рѣдкостью. Одинъ оборотливый книготорговецъ, какъ разсказываютъ, извлекъ даже изъ этого шума немалую для себя пользу, продавая книжки обоихъ авторовъ по тройной цѣнѣ. Книги эти—П. Струве «Критическія замѣтки по вопросу объ экономическомъ развитіи Россіи», вып. 1-й, и Н. Бельтова «Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію. Отвѣтъ гг. Михайловскому, Карѣеву и Комп.». Обѣ книги, написанныя по разнымъ поводамъ и съ неодинаковымъ талантомъ, сумѣли вызвать на свѣтъ Божій множество теоретическихъ вопросовъ, какъ научнаго, такъ и практическаго свойства, сумѣли заинтересовать широкую аудиторію читателей, а также кругъ писателей, такъ что каждая изъ нихъ въ отдѣльности образовала чуть ли ни цѣлую полемическую литературу. Ни г. Струве, ни г. Бельтовъ не замахнулись на старшее поколѣніе, что называется «по всѣмъ по тремъ», не предали анаемѣ всей ихъ дѣятельности, какъ общественныхъ руководителей, а лишь рѣзко и съ грубой развязностью, постарались сорвать ореолъ научности, компетентности и здравомыслія съ гг. Михайловскаго, Карѣева, В. В., Николая—она и нѣкоторыхъ другихъ, подвернувшихся подъ руку. Удалось ли имъ это сдѣлать, и какъ они постарались достигнуть желанной цѣли, будетъ видно изъ дальнѣйшаго. Не успѣлъ затихнуть шумъ брани, поднятый гг. Струве и Бель-

товымъ, какъ на смѣну имъ явились «девяностытники», студенты двухъ спеціальныхъ высшихъ учебныхъ заведеній. Передъ нами двѣ брошюры—г. А. Трика «Отвѣтъ одного изъ учащейся молодежи на «Письма» къ ней г. Карѣва о самообразованіи» и г. С. «Обращеніе товарища къ студентамъ», написанное по предмету тѣхъ же «Писемъ» г. Карѣва. Обѣ брошюры, изданныя, кстати сказать, съ симпатичною цѣлью—въ пользу недостаточныхъ студентовъ Технологическаго и Горнаго институтовъ, обнаруживаютъ недовольство авторовъ обращеніемъ къ нимъ одного изъ «отцовъ», принадлежащаго, подобно и г. Михайловскому, къ социологической школѣ, профессора Н. И. Карѣва, и имѣютъ цѣлью призывать своихъ товарищей послѣдовать по иному пути духовнаго развитія, нежели имъ рекомендуетъ нашъ историкъ. И «обращеніе» и «отвѣтъ» чрезвычайно любопытны по своимъ выводамъ и до известной степени характеризуютъ современное настроеніе молодежи,—настроеніе, рисуемое также г. Перцовымъ въ его «Письмахъ о поэзіи». Такимъ образомъ дѣтскій крестовой походъ—*passez moi le mot*—въ всякаго сомнѣнія. Натискъ на символъ вѣры «шестидесятниковъ» сдѣланъ по всѣмъ пунктамъ; все наслѣдство отцовъ подвергается осмѣянію и рѣзкой критической оцѣнкѣ. Посмотримъ же, во имя чего новые крестоносцы ополчились на своихъ отцовъ, и подъ какимъ знаменемъ шествуетъ ихъ шумная рать.

II.

Мы уже видѣли, что г. Перцовъ не довольствуется идеаломъ гражданина, поставленнымъ на вершины литературныхъ требованій былой эпохи—

Поэтомъ можешь ты не быть,
Но гражданномъ быть обязанъ—

и, раскланиваясь вѣжливо, но сухо, передъ образомъ «гражданина», устремляетъ свой взоръ къ иному кумиру, который онъ усматриваетъ въ созданномъ 1840-ми годами идеалѣ «человѣка». Г. Перцовъ не даетъ подтвержденія своему априорному выводу, будто литература «отцовъ» затмила идеалъ человѣка, не распространяется также на тему, почему гражданскіе мотивы русской критической и публицистической литературы доминировали надъ всякими иными. Полной картины этого литературно-общественнаго процесса въ своей брошюрѣ онъ не рисуетъ. Онъ съ непогрѣшимостью ставитъ свое утвержденіе о разницѣ между идеалами и, увѣривъ читателей, что «въ нашу эпоху временныя обстоятельства не уклоняютъ русской общественной мысли въ ту или иную односторонность», переходитъ къ конструированію современнаго идеала. Во всѣхъ положеніяхъ г. Перцова что ни слово, что ни мысль—то недоговорка, отсутствіе мотиви-

ровки, парадоксъ. Но я не имѣю въ виду вступать съ нимъ въ пререканія и разъяснять, дѣйствительно ли «временныя обстоятельства не уклоняютъ общественной мысли въ односторонность», равно не входить въ мою задачу толкованіе, что такое эта «односторонность», и какъ слѣдуетъ въ настоящемъ смыслѣ понимать это слово. Меня занимаетъ только самая наличность спора г. Перцова и присныхъ ему съ противниками изъ старшаго поколѣнія, а потому, принявъ на вѣру его положеніе, что все обстоитъ благополучно, согласившись съ его реабилитацией дѣйствительности, посмотримъ, въ какія отношенія онъ ставитъ себя и своихъ сверстниковъ къ этой дѣйствительности, что они въ ней дѣлаютъ и какъ понимаютъ это дѣло. Предварительно долженъ, однако, оговориться. Г. Перцовъ, толкуя объ окружающей жизни и о задачахъ молодежи, хлопочетъ главнымъ образомъ изъ-за собственнаго благосостоянія, заключающагося, по словамъ поэта, «въ сладкихъ звукахъ и молитвахъ». Онъ писатель и стихотворецъ, поэтому-то область поэзіи и обязанности въ отношеніи къ ней ея молодыхъ жрецовъ составляютъ главный предметъ его стараній. Онъ говоритъ: «Но нынѣ времена Неждановыхъ ушли, и отношеніе современной молодежи къ искусству настолько рѣзко разнится отъ тогдашняго, что становится вполне понятнымъ искреннее недоумѣніе людей старшаго поколѣнія, и особенно поколѣнія, выступившаго въ жизнь подъ знаменемъ «утилитаризма», при видѣ всего этого огромнаго количества «поющихъ, вопіющихъ, взывающихъ и глаголющихъ» (послѣднее, впрочемъ, довольно рѣдко). Не замѣчая или не желая замѣчать, что это повальное стихописаніе и непрерывная игра на виолончели есть лишь вполне естественный коррективъ къ ихъ собственному чуранію «безполезнаго» искусства, они возмущаются и негодуютъ и готовы объяснить это «сворачиваніе» молодежи и ея бездѣльничаніемъ и «неблагопріятными внѣшними обстоятельствами (нашимъ вѣчнымъ козломъ отпущенія) и пр. и пр.». Итакъ «независящихъ обстоятельствъ» не существуетъ, Неждановы ушли (куда? не сказано), и современная молодежь поэтому повально пишетъ стихи и непрерывно играетъ на виолончеляхъ. Такой кондуитный списокъ, выданный съ свисходительнымъ одобреніемъ г. Перцовымъ своимъ сверстникамъ, конечно, не можетъ не вызвать веселой улыбки постороннихъ зрителей, но что дѣлать? — «по дѣламъ и мука вору»; мнѣ кажется только, что г. Перцовъ упустилъ въ этомъ списокѣ одинъ изъ предметовъ, который бы долженъ былъ тоже вызвать его свисходительное одобреніе: онъ позабылъ рядомъ съ непрерывной игрой на виолончели поставить и игру въ винтъ. По крайней мѣрѣ гг. беллетристы, отзывчивые на злобы дня и къ современнымъ мотивамъ жизни, какъ, напримеръ, г. Боборыкинъ, рисуя типы молодежи, въ качествахъ аксессуара портретовъ не забываютъ колоды картъ.

Далѣе г. Перцовъ лѣтописуетъ, что «за послѣднее время мутная волна тенденціи начинаетъ спадать — съ развитіемъ художественныхъ вкусовъ и художественнаго чутья, съ «воскресеніемъ художника», начинаетъ все болѣе и болѣе выясняться въ сознаниіи общества роль поэзіи, какъ одного изъ изящныхъ искусствъ». Отвергнувъ идеаль гражданина, провозгласивъ «воскресеніе художника», г. Перцовъ обрушивается на точныя знанія и съ негодованіемъ спрашиваетъ: «...Интересно бы знать, почему мы не требуемъ отъ музыканта, какъ такового, знакомства съ политической экономіей и отъ художника знанія шведской конституціи? Почему только поэты не смѣютъ предаваться прямо и безпрепятственно своему дѣлу и обязательно должны образовать изъ своего таланта пособіе къ разъясненію «общественныхъ вопросовъ»? Отсюда уже естественъ слѣдующій выводъ автора «Писемъ»: «Не «общественныя отношенія», не социологію или политическую экономію нужно изучать поэту, какъ таковому, а прежде всего и больше всего родное искусство—творенія другихъ поэтовъ и, наконецъ, всѣ имѣющіяся на землѣ воплощенія красоты».

Я могъ бы покончить съ г. Перцовымъ, если бы онъ еще разъ не напомнилъ о себѣ въ качествѣ одного изъ издателей «Молодой поэзіи», сборника «избранныхъ стихотвореній молодыхъ русскихъ поэтовъ». Мы ознакомились достаточно съ возрѣніями г. Перцова на современную дѣйствительность, видѣли его несочувствіе къ ученію «отцовъ» и указали на предъявляемые имъ требованія къ литературѣ вообще и поэзіи въ частности. Провозгласивъ «законность и цѣлесообразность вновь нарождающихся умственныхъ теченій» г. Перцовъ (совмѣстно съ В. Перцовымъ) постарался представить эти умственныя теченія въ сборникѣ «Молодая поэзія», гдѣ собранный матеріалъ долженъ помочь сужденію о «достоинствахъ и недостаткахъ нашей молодой поэзіи, столь мало популярной и въ сущности столь мало извѣстной».

Сборникъ открывается поэтической «фантазіей» талантливаго молодого поэта К. Бальмонта, гдѣ встрѣчаются слѣдующія красивыя и мрачныя строфы:

«...Слыша тихій стонъ мятели, шепчуть сосны, шепчуть ели,
 Въ мягкой бархатной постели ямъ отраднo почивать,
 Ни о чемъ не вспоминая, ничего не проклиная,
 Вѣтви стройныя склоняя, звукамъ полночи внимать.
 Чьи-то вздохи, чье-то пѣнье, чье-то скорбное моленье,
 И тоска, и упоенье, — точно искрится звѣзда,
 Точно свѣтлый дождь струится,—и деревьямъ что-то снится,
 То, что людямъ не пренесется, никому и никогда.
 Это мчатся души ночи, это скрываются ихъ очи,
 Въ часъ глубокой полночи мчатся души черезъ дѣсь.
 Что ихъ мучитъ, что тревожитъ? Что, какъ червь, ихъ тайно гложетъ,
 Отчего ихъ рой не можетъ пѣть отрадный гимнъ небесъ?
 Все сильнѣй звучитъ ихъ пѣнье, все слышишь въ немъ томленье,

Неустаннаго стремленья неизмѣнная печаль,—
Точно ихъ томить тревога, жажда вѣры, жажда Бога,
Точно мукъ у нихъ такъ много, точно имъ чего-то жаль.

Прослѣдимъ далѣе за мотивомъ пѣсенъ молодыхъ современныхъ поэтовъ. Въ стихотвореніи «Изъ осеннихъ набросковъ» г. Куриневскій описываетъ свое настроеніе души во время охотничьей прогулки и возвращеніе домой. Онъ говоритъ, что

«Куда ни кинетъ онъ пытливо грустный взглядъ—
Мелькаютъ образы, плывутъ живыя тѣни;
Повѣтъ вѣтеркомъ—неслышно налетятъ
Всѣ спутники его минутныхъ вдохновеній:
Тутъ рѣемы звонкія ласкаютъ чуткій слухъ,
Здѣсь страсти мѣрныя сплетаютъ рядъ созвучій,
А тамъ — растетъ мотивъ... И въ мигъ воспрянетъ духъ,
И сердце застучитъ, и стихъ готовъ летучій.

.....
Лишь позднимъ вечеромъ вернулся я домой,
Съ пустою сумкою—измученный, усталый...
Казался городъ мнѣ огромною тюрьмой,
И грудь была полна тоскою небывалой;
Душа опять рвалась отъ каменныхъ громадъ
На волю, на просторъ... А сердце въ пѣсню муки,
Въ больную пѣсню любви, слагало наугадъ
Природой сѣрою подсказанные звуки...

Г. Мережковскій, этотъ типичный представитель мятежнаго современнаго духа, талантливый писатель, то пытающій свои силы въ критическихъ очеркахъ, гдѣ гордо бросаетъ перчатку поколѣнію «отцовъ», то создающій прекрасный историческій романъ «Отверженный», гдѣ обнаруживаетъ широкую эрудицію и знакомство съ древней и христіанскою философійю, то создающій рядъ стихотвореній въ духѣ символистовъ и декадентовъ, даетъ въ произведеніи «Передъ зарею», слѣдующую характеристику своего поколѣнія:

Устремляя наши очи
На блѣднѣющій Востокъ,
Дѣти скорби, дѣти ночи,
Ждемъ, придетъ ли нашъ пророкъ.
Мы невѣдомое чуемъ
И съ надеждою въ сердцахъ,
Умирая, мы тоскуемъ
О несозданныхъ мірахъ.
Дерзновенны наши рѣчи,
Но на смерть осуждены
Мы, какъ ранніе предтечи
Слишкомъ медленной весны.
Погребенныхъ воскресенье
И, среди глубокой тьмы,
Пѣтуха ночное пѣнье,
Холодъ утра—это мы,
Наши гимны, наши стоны.

Мы для новой красоты
 Нарушаемъ всё законы,
 Преступаемъ всё черты.
 Мы—соблазнъ неутоленныхъ,
 Мы—посмѣшище людей.
 Искра въ пеплѣ оскорбленныхъ
 И потухшихъ алтарей.
 Мы—надъ бездною ступени,
 Дѣти мрака, солища ждемъ,
 Свѣтъ увидимъ и, какъ тѣни,
 Мы въ лучахъ его умремъ!

Я пропускаю въ «Сборникѣ» и стихи, такъ сказать, безразличные и посвященные исключительно описанію природы, и торжественно-ликующіе и такіе игриво-безсодержательные, какъ получившіе широкую, но незавидную извѣстность, вирши г. Лялечкина.

Незабудки, васильки.
 Васильки и незабудки...
 Жду я въ полѣ, у рѣки...
 Нѣтъ и нѣтъ моей малютки!

Стихи послѣднихъ категорій въ настоящее время мнѣ ненужны; можетъ быть, ихъ игривый мотивъ и свидѣтельствуетъ о «повальномъ стихописаніи» и «непрерывной игрѣ на віолончели», можетъ быть, они свидѣтельствуютъ и еще кое о чемъ, но не это настроеніе поэтовъ заслуживаетъ вниманія. Въ нихъ нѣтъ исповѣди молодого сердца, нѣтъ автобіографіи занимающаго меня поколѣнія. Я нарочно остановился только на трехъ произведеніяхъ молодыхъ поэтовъ нашихъ дней, успѣвшихъ завоевать себѣ болѣе или менѣе широкую извѣстность, такъ какъ въ этихъ произведеніяхъ данъ ключъ къ разрѣшенію поставленнаго г. Перцовымъ вопроса: почему молодые «поэты не смѣютъ предаваться прямо и безпрепятственно своему дѣлу и обязательно должны образовать изъ своего таланта пособіе къ разъясненію общественныхъ вопросовъ?»

Гг. Бальмонтъ, Коринескій и Мережковскій, какъ это видно изъ приведенныхъ выше цѣлыхъ стихотвореній или отрывковъ изъ нихъ, свидѣтельствуютъ, что дѣйствительно современному поколѣнію нѣтъ дѣла до «общественныхъ вопросовъ», что задачи его иныя, что ихъ самочувствіе покоится не на общественныхъ началахъ.

Г. Бальмонтъ даже среди мертвой природы улавливаетъ безпкойное метанье безформонныхъ духовъ, которыхъ

...— томить тревога, жажда вѣры, жажда Бога,
 Точно мукъ у нихъ такъ много, точно имъ чего-то жаль.

Большая мысль, болѣзненно-настроенные нервы г. Бальмонта однородны съ тѣмъ, что мы видимъ и у г. Коринескаго, у котораго

... сердце въ пѣсню муки,
 Въ болную пѣсню любви, слагало наугадъ
 Природой сѣрою подсказанные звуки...

Здѣсь уже мы находимъ нѣкоторое объясненіе, откуда рождаются и «эта тревога», и «эта жажда вѣры», эта тоска, «пѣсня муки», «больная мысль». Они подсказаны, какъ свидѣтельствуешь поэтъ, «природой сѣрою», т. е. тою сѣрою окружающею дѣйствительностью, гдѣ нѣтъ «грядущихъ дней тревоги», гдѣ плывутъ лишь «живыя тѣни», гдѣ «мотивъ» и содержаніе рождаются совершенно случайно.

Мы надъ бездною ступени,
Дѣти мрака, солнца ждемъ.
Свѣтъ увидимъ и, какъ тѣни,
Мы въ лучахъ его умремъ!

«Дѣти мрака», «тѣни», «ранніе предтечи слишкомъ медленной весны», «осужденные на смерть», «посмѣшище людей» — вотъ какъ опредѣляетъ свое поколѣніе г. Мережковскій и притомъ свидѣтельствуешь, что это поколѣніе «тоскуетъ о несозданныхъ мірахъ», ждетъ пришествія невѣдомаго пророка, появленія солнца. Здѣсь то же свидѣтельство, что и у г. Коринескаго о сѣрой природѣ, окружающемъ мракѣ и о болѣзненномъ настроеніи чувства и ума, тоскующихъ о «несозданныхъ мірахъ».

Болѣзненно настроенные нервы и у г. Мережковского, и у г. Бальмонта, и у г. Коринескаго однородны — всѣхъ ихъ сжимаетъ въ окружающемъ мракѣ тоска, и они не умѣютъ найти выхода этой тоскѣ. Окружающей мракъ отшибъ у нихъ пониманіе, ослѣпилъ ихъ глаза, и они тщетно рвутся къ какимъ-то «несозданнымъ мірамъ», чаютъ пришествіе пророка и появленія солнца. Солнца они все-таки ожидаютъ, хотя не могутъ даже смутнымъ чувствомъ уловить, что за солнце должно засвѣтить надъ ихъ сѣрою жизнью, надъ бѣдными ихъ головами — ихъ, «дѣтей скорби, дѣтей ночи».

Эти свидѣтельства трехъ поэтовъ для насъ чрезвычайно цѣнны — они показываютъ, что звуки «віолончели» не такъ ужъ удовлетворяютъ современную молодежь, какъ утверждаетъ г. Перцовъ, что не все обстоитъ такъ благополучно, и что времена Неждановыхъ не такъ ужъ далеко отъ насъ отошли. Конечно, среди современного поколѣнія существуютъ разные типы — встрѣчаются и успокоившіеся въ «пантеизмѣ», въ примиреніи съ дѣйствительностью, встрѣчаются и, подобно г. Мережковскому, ищущіе Бога, алчущіе солнца и не скрывающіе передъ нами этого своего исканія. Къ типу первыхъ принадлежитъ г. С., обратившійся къ товарищамъ студентамъ по поводу Писемъ г. Карѣева «о самообразованіи», къ типу вторыхъ — г. А. Трнко, отвѣчавшій на тѣ же «Письма». Но прежде чѣмъ говорить объ этихъ «Обращеніяхъ» и «Отвѣтахъ», необходимо ознакомить читателей съ самыми «Письмами» г. Карѣева, вкратцѣ изложить ихъ содержаніе.

III.

Г. Карѣва не приходится рекомендовать публикѣ: о его научныхъ трудахъ въ свое время были даваемы отзывы на страницахъ «Историческаго Вѣстника», а въ самое послѣднее время пишущему эти строки пришлось по адресу почтеннаго историка сдѣлать нѣсколько неприятныхъ замѣчаній. Замѣчанія эти не имѣли въ виду научныхъ безспорныхъ заслугъ профессора Петербургскаго университета, не касались его и какъ общественнаго дѣятеля въ полномъ объемѣ этого опредѣленія; назначеніе замѣчаній было отмѣтить лишь нѣсколько неловкое и неудобное отношеніе къ одному изъ общественныхъ вопросовъ, отношеніе, по моему мнѣнію, дискредитировавшее дѣло, само по себѣ чрезвычайно полезное и достойное уваженія. Г. Карѣвъ въ нашей неподвижной русской жизни вообще и въ академической средѣ въ частности представляетъ собою явленіе достаточно отрадное. Онъ ученый, чрезвычайно отзывчивый къ тревожнымъ вопросамъ дня, любящій жизнь въ ея сутолокѣ и ея шумныхъ проявленіяхъ, почему часто и покидаетъ вершины академическаго Олимпа и охотно спускается на нашу грѣшную пыльную землю, чтобъ побыть въ нашей средѣ, потолковать съ нами, простыми смертными, о нашихъ злобахъ и нуждахъ. Это значительно отличаетъ его отъ нѣкоторыхъ другихъ его товарищей по профессіи, которые свои визиты на землю цѣнятъ настолько высоко и визитируютъ насъ съ такой величественной небрежностью, что лучше бы оставались дома и предоставляли насъ собственной участи. Въ противность этимъ господамъ, г. Карѣвъ является всегда желаннымъ гостемъ, правда, нѣсколько скучнымъ гостемъ, но вѣдь, отъ человѣка всего заразъ требовать—чтобы онъ былъ и пріятель, и уменъ, и забавенъ. Берите человѣка, каковъ онъ есть! Г. Карѣвъ дѣятель старательный, отзывчивый, желающій быть полезнымъ, но не его вина, если дѣло, за которое онъ берется, не всегда расцвѣтаетъ въ его рукахъ и подъ его попеченіемъ. Довольно и того, что онъ обратилъ вниманіе на дѣло, пустилъ его, такъ сказать, въ оборотъ. Вольно-жъ не пользоваться этимъ обстоятельствомъ и, поблагодаривъ отзывчиваго профессора за починъ, не прибрать дѣла къ рукамъ и не постараться придать ему нужнаго оживленія и блеска. *La critique est aisée — l'art est difficile* — вотъ почему и г. Карѣвъ, дѣлающій что можетъ по свойству своего ума, не долженъ быть строго судимъ за отсутствіе плодотворности своихъ начинаній. Поэтому я думаю, характеристика профессора, сдѣланная критикомъ «Сѣвернаго Вѣстника» (1895 года, № 10), слишкомъ сурова и даже какъ будто несправедлива. «При тяжеломъ и тягучемъ слогѣ,—говоритъ г. Волынскій,—съ надобдливимъ пе-

реввономъ архаическихъ мѣстоименій посреди новѣйшихъ научно-прогрессивныхъ терминовъ, при полномъ неумѣннн показывать свои мысли ясно, твердо, безъ помощи громоздкихъ или туманныхъ книжныхъ сопоставленій, при явномъ отсутствіи литературнаго темперамента и агитаціоннаго пыла, разсужденія г. Карѣева могутъ внести въ современное броженіе идей только расхолаживающую струю педантическаго резонерства». Кое-что здѣсь, дѣйствительно, справедливо—особенно относительно «агитаціоннаго пыла» и «расхолаживающей струи педантическаго резонерства», но зачѣмъ почтенный критикъ пускается въ оцѣнку литературнаго изложенія трудовъ профессора? Вѣдь это, что называется, съ больной головы да на здоровую, или онъ забылъ не столь давній еще совѣтъ г. Суворина издательницѣ «Сѣвернаго Вѣстника»—непремѣнно отдавать статьи г. Волынскаго на литературную выправку кому нибудь изъ свѣдущихъ людей! Ну, да не въ этомъ дѣло; а вотъ что касается «резонерства» и «агитаціоннаго пыла», тутъ г. Волынский совершенно правъ. Отсутствие этого пыла, необходимаго каждому писателю, если только онъ желаетъ успѣха и распространенія своимъ произведеніямъ среди широкаго круга читателей, въ значительной степени объясняется тою «многословною обстоятельностью, которая вообще свойственна этому писателю», какъ это вполне справедливо отмѣтилъ г. Михайловскій («Русское Богатство», 1895 г., № 9). Г. Михайловскій отмѣчаетъ то свойство писателя болѣе наглядно въ другомъ мѣстѣ той же своей статьи «Литература и жизнь», гдѣ идетъ рѣчь о «Письмахъ» и «Бесѣдѣ» г. Карѣева. «...Трата энергіи на отстаиваніе никѣмъ не оспариваемаго положенія,—говоритъ Н. К. Михайловскій,—сообщая изложенію нѣсколько водянистый характеръ, вмѣстѣ съ тѣмъ отнимаетъ у автора время и мѣсто, которыя съ большею пользою могли бы быть отданы выясненію болѣе важныхъ или сложныхъ вопросовъ. Г. Карѣевъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ такъ расточителенъ, что только на 118 страницѣ «Писемъ» позволяетъ себѣ сказать: «Всякій, кто внимательно дочиталъ эту книжку до настоящей страницы, долженъ хорошо понимать, что я порицаю эгоизмъ и социальный индифферентизмъ». Я думаю, что читатель былъ бы въ большомъ выигрышѣ, если бы могъ догадаться объ этомъ задолго до «внимательнаго чтенія» ста семнадцати страницъ, да читатель, конечно, давно и догадался, такъ что почтенный професоръ напрасно тратитъ время и бумагу, которыя, повторяю, могли бы быть употребляемы на выясненіе менѣ элементарныхъ вещей».

Я нарочно такъ долго остановился на отмѣченныхъ двумя писателями, принадлежащими къ непріязненнымъ лагерямъ, общихъ литературныхъ свойствъ г. Карѣева, потому что въ этихъ свойствахъ въ значительной степени лежитъ объясненіе того холоднаго впечатлѣнія, которое произвели на молодежь брошюры про-

фессора. Пусть авторъ «Писемъ» не ссылается на поразительный успѣхъ его брошюръ на книжномъ рынкѣ. Внѣшній показатель спроса на то или иное произведеніе литературы и науки не всегда служитъ обезпеченіемъ его дѣйствительнаго успѣха въ умахъ и сердцахъ читателей. Пусть не ссылается онъ также на обширную возникшую между нимъ и молодежью переписку по предмету писемъ. И тутъ мы имѣемъ дѣло съ чисто внѣшнимъ признакомъ. «Не родись уменъ, не родись пригожъ, а родись счастливъ», говоритъ народная мудрость и, очевидно, г. Карѣвъ въ данномъ случаѣ родился подъ счастливой звѣздой. Вопросъ о «самообразованіи» уже не первый десятокъ лѣтъ волнуетъ русское общество и молодежь, но никому какъ-то въ голову не приходило обратиться по этому предмету съ бесѣдой къ молодежи. Г. Карѣву посчастливилось—онъ попалъ въ удачный моментъ, когда окружающая жизнь нѣма вопросами, выкинулъ красивый флагъ, на которомъ обозначено увлекательное слово—молодежь; отсюда успѣхъ его «Писемъ», популярность его имени. Г. Карѣву, какъ общественному дѣятелю, какъ члену ученой и педагогической корпораціи, имѣющей уже по самому своему положенію въ глазахъ молодежи вѣсь, слѣдуетъ быть признательнымъ за то, что онъ удачно пустилъ въ обращеніе многія прекрасныя мысли о самообразованіи, но нельзя не пожалѣть вѣсть съ тѣмъ, что это именно его рукъ дѣло, такъ какъ вслѣдствіе этого оно врядъ ли можетъ имѣть дѣйствительный качественный успѣхъ. Слишкомъ ужъ резонерски, поучительно обратился г. Карѣвъ къ молодежи—холодомъ вѣетъ отъ его многословія, отъ его ученыхъ и туманныхъ выраженій! Попадись-ка эта тема и получи-ка возможность побесѣдовать съ молодежью какой нибудь дѣйствительно талантливый популяризаторъ, публицистъ, «умѣющий жечь сердца людей», какъ, напримѣръ, покойный Н. Шелгуновъ, и я биться объ закладъ готовъ, что результаты были бы болѣе осязательныя. Что бы сказалъ Шелгуновъ этой молодежи, не мнѣ подсказывать г. Карѣву; полагаю, что и почтенный профессоръ и читатели поймутъ меня и такъ, а непонимающимъ рекомендую ознакомиться съ недавно вышедшимъ собраніемъ сочиненій покойнаго писателя. Я увѣренъ, что появившіяся въ свое время на страницахъ «Русскаго Слова» его «Письма о воспитаніи», вошедшія нынѣ въ собраніе его сочиненій, гораздо болѣе волновали аудиторію читателей, нежели современныя «Письма о самообразованіи» г. Карѣва. Въ тѣхъ «письмахъ» видна искра Божія, та властность писателя надъ читателями, которая заполоняетъ ихъ души, заставляетъ дрожать всѣ фибры ума и сердца. Этой-то властности и нѣтъ у г. Карѣва, а отсюда не можетъ быть дѣйствительнаго успѣха ни у «Писемъ», ни у «Бесѣдъ», ни у «Мыслей»¹⁾, не смотря на ихъ многочисленныя изда-

¹⁾ Три брошюры, изданныя для наставленія молодежи на путь истины.

нія. Содержаніе всѣхъ брошюръ г. Карѣва богатое, прекрасное, но скучное и отзываются нѣсколько «прописными истинами» и ходячей моралью, набившей уже достаточно оскомину молодежи. Выберу для ознакомленія своихъ читателей нѣсколько мыслей г. Карѣва изъ двухъ его брошюръ—«Писемъ къ учащейся молодежи» и «Бесѣдъ о выработкѣ міросозерцанія». Я могъ бы ихъ, конечно, комментировать подходящими пословицами, какъ, напримеръ, «ученье свѣтъ, а не ученье тьма», «вѣкъ живи — вѣкъ учись», «корень ученья горекъ, а плоды его сладки» и множествомъ другихъ подобныхъ, но въ настоящей статьѣ меня интересуетъ не философія и нравоученіе профессора, а иная часть дѣла, которая вызвала печатное несочувствіе къ нему молодежи.

«Сущность самообразования не въ томъ состоитъ, — говоритъ г. Карѣвъ, — чтобы овладѣть извѣстнымъ фактическимъ и идейнымъ содержаніемъ, пребывая попрежнему на той ступени развитія, которая соотвѣтствуетъ пассивному и догматическому усвоенію чужихъ мыслей. Самообразование не должно быть только самостоятельнымъ, безъ помощи учителя пріобрѣтеніемъ извѣстнаго запаса знаній и идей путемъ одного чтенія подходящихъ книгъ, но и самовоспитаніемъ въ смыслѣ развитія въ себѣ умственной самостоятельности, въ смыслѣ искорененія въ себѣ привычекъ, созданныхъ пассивнымъ и догматическимъ усвоеніемъ чужихъ идей, свойственнымъ раннимъ періодамъ въ жизни не только всего человечества, но и отдѣльнаго человека». Далѣе: «Да, говоря о томъ, что дѣлю самообразования должна быть выработка міросозерцанія, я особенно настаиваю на томъ, что это именно должна быть выработка, предполагающая и развитіе необходимаго въ такомъ дѣлѣ орудія — самой активной и критической мысли. Все, что мною сейчасъ было написано, въ данномъ случаѣ не есть простое теоретическое разсужденіе, но представляетъ изъ себя и практической совѣтъ, вызванный опять-таки не соображеніями отвлеченнаго свойства, а указаніями, полученными изъ многочисленныхъ наблюденій надъ дѣйствительностью. Если въ основѣ стремленія къ самообразованію лежитъ желаніе узнать истину о природѣ, о человѣкѣ и объ обществѣ, порождающее выработку міросозерцанія, необходимо помнить, что каждое міросозерцаніе складывается не только изъ знаній, но и изъ вѣры».

И еще: «Я не поклонникъ того индивидуализма, — замѣчу, что индивидуализмы бываютъ разные, — того, повторяю, индивидуализма который въ сущности есть не что иное, какъ социальный индифферентизмъ въ смыслѣ пословицы: моя хата съ краю, ничего не знаю. Это только другая форма эгоизма. Я понимаю, что лучшую основу стремленія къ социальнымъ знаніямъ и общественной дѣятельности составляетъ безкорыстный интересъ къ судьбѣ людей и альтруистическій порывъ прійти къ нимъ на помощь, — понимаю

и одобряю... Особенно понимаю я и то, что молодежь считает себя призванною готовиться къ великому дѣлу служенія. Въ разныя времена юношескій идеализмъ принималъ различный характеръ, смотря по тому, какіе вопросы выдвигала на первый планъ въ ту или другую эпоху общественная жизнь. Нѣтъ ничего мудренаго, что въ наше время, когда и правительство, и образованное общество, и литература, и народныя массы поглощены теоретическимъ и практическимъ рѣшеніемъ вопросовъ общественнаго свойства, это отражается и на настроеніи молодежи, порождая даже разнаго рода увлеченія. Но вотъ въ чемъ дѣло. Общественная дѣятельность есть воздѣйствіе личности на социальную среду, а это требуетъ, чтобы дѣятель, т. е. личность, удовлетворялъ извѣстнымъ условіямъ, всѣ же эти условія сводятся къ тому, чтобы дѣятель прежде всего выработалъ въ самомъ себѣ развитую и приспособленную къ общественной дѣятельности личность». Каково должно быть міросозерцаніе этой «приспособленной къ общественной дѣятельности личности», г. Карѣевъ раскрываетъ передъ читателями въ брошюрѣ «Бесѣды о выработкѣ міросозерцанія».

«...Принципъ признанія за личностью нѣкоторыхъ правъ, которыя должны быть осуществлены и ограждены, такимъ образомъ можетъ быть примѣненъ и къ культурной, и къ экономической, и къ юридической, и къ политической жизни народовъ. И общій соціологическій вопросъ о положеніи личности въ обществѣ долженъ рѣшаться съ той же точки зрѣнія. Мы, однако, не имѣли бы права заявлять такихъ требованій, какія возвышенныя въ моральномъ отношеніи основанія они бы ни имѣли, если бы для этического идеализма не было, въ свою очередь, реальныхъ основаній въ психической природѣ человѣка, какъ личности, и въ соціологической природѣ общества, какъ соединенія и продукта дѣятельности отдѣльныхъ личностей, ставящихъ извѣстныя цѣли какъ для соединенія своего, такъ и для своей дѣятельности. Ни матеріализмъ метафизическій, сводящій психологію къ простой физиологіи мозга и нервной системы, ни матеріализмъ экономической, сводящій всю соціологію къ теоріи народнаго хозяйства, не въ состояніи объяснить міръ человѣка — не потому, однако, чтобы правда была на сторонѣ метафизическаго спиритуализма съ его отраженіемъ въ идеалистической историологіи, а потому, что материалистическая психологія и соціологія, въ противорѣчіе съ принципомъ научнаго реализма, требующаго изученія явленій, какъ они даны въ опытѣ, основываютъ себя на результатахъ одного изученія природы и физической стороны человѣка, т. е. на натурализмѣ, когда слѣдуетъ класть въ основаніе изученія всестороннее изслѣдованіе духовной и общественной жизни человѣка (гуманитаризма). Что касается до спиритуалистической метафизики и историологіи, то съ ними въ настоящее время полемизировать

болѣе не приходится, ибо ихъ время прошло, повидимому, безвозвратно.

«Этическое и социологическое міросозерцаніе, вытекающее изъ изложенныхъ основаній, требуетъ отъ человѣка дѣятельнаго проявленія своей личности и объясняетъ, какую роль можетъ играть личное дѣйствіе въ историческомъ процессѣ развитія духовной культуры и социальной организаціи. Но это уже такая тема, которой мы здѣсь не думали затрогивать».

Я радъ этому «но» — ему собственно давно была пора появиться въ книжкѣ, отчего бы она послѣ нѣкотораго сокращенія мало проиграла. Такъ какъ г. Карѣевъ разрабатываетъ ту же тему и въ третьей своей брошюрѣ, то я имѣлъ мужество, именно мужество, ознакомиться и съ этимъ сочиненіемъ — «Мысли объ основѣ нравственности», но оказалось, что она для интересующаго меня въ статьѣ вопроса мало пригодна, почему и оставляю ее въ сторонѣ; къ тому же я боюсь утратить читателя, испуганнаго неудобно-произносимыми цитатами, коихъ я и безъ того привелъ изъ сочиненій г. Карѣева достаточно. Какъ читатель изъ личнаго опыта могъ убѣдиться, врядъ ли такое изложеніе г. профессоромъ своихъ сужденій и о «самообразованіи» и о «міросозерцаніи» можетъ расположить ищущую живого слова молодежь къ поученіямъ ея наставника. Тутъ дѣйствительно вспомнишь о горечи плода ученья и, пожалуй, бросишь всякую мысль о достиженіи желаннаго самообразованія. Вотъ это-то обстоятельство, какъ я уже сказалъ выше, и расколодило молодежь и вызвало ея протестъ противъ одного изъ «отцовъ» той эпохи, которая и безъ того уже, какъ мы видѣли, встрѣчала неоднократно несочувствіе новаго поколѣнія. Наука въ лицѣ г. Карѣева, котораго хронологически нельзя собственно отнести непосредственно къ «шестидесятникамъ», но который числится въ этой плеядѣ по образу мыслей и по сочувствію, — наука, говорю я, не помогла дѣлу примиренія «отцовъ» и «дѣтей» и, пожалуй, даже охладила послѣднихъ, если только у нихъ было желаніе идти на выучку къ старшимъ. Врядъ ли авторитету послѣднихъ можетъ содѣйствовать и то полунебрежное отношеніе къ молодежи со стороны представителя науки, то-есть того же профессора Карѣева, когда онъ, повидимому разсердившись на одного изъ отвѣчавшихъ ему, писалъ въ предисловіи къ «Мыслямъ объ основахъ нравственности»: «Въ одномъ изъ печатныхъ студенческихъ отвѣтовъ на мои «Письма» сказано что-то въ родѣ того, что намъ де нужно не самообразование, а самосовершенствованіе. Боюсь быть неточнымъ, передавая эти слова... но смыслъ былъ именно таковъ. По молодости лѣтъ наивному автору нѣсколько задорнаго «отвѣта» можно протистить, что онъ вообразилъ возможность самосовершенствованія безъ самообразованія... и т. д. Эти слова: «что-то въ родѣ того» и «намъ де», «наивный авторъ задорнаго отвѣта», очень характерны.

Въ «Письмахъ» г. Карѣевъ всѣми силами старался заслужить одобреніе молодежи, а когда эта послѣдняя рѣшилась рѣзко выступить противъ своего наставника, послѣдній вознегодовалъ.

IV.

Обращеніе г. Карѣева къ молодежи имѣло ту безспорно хорошую сторону, что вызвало среди этой молодежи сильное броженіе, массу толковъ и пересудовъ; печать и рецензенты, замѣчу кстати, отнесли къ автору брошюръ почтительно, но холодно. Выразителями этого броженія явились два студента и ихъ печатныя брошюры, обращенныя къ товарищамъ. Первый по времени былъ «Отвѣтъ одного изъ учащейся молодежи на «Письма» къ ней г. Карѣева «о самообразованіи» г. А. Трнка; второй — «Обращеніе товарища къ студентамъ», г. С., оставшагося неудовлетвореннымъ отвѣтомъ г. Трнка. Обѣ брошюры чрезвычайно характерны — не по силѣ своихъ доводовъ или по красотѣ изложенія, а потому, что онѣ, подобно г. Перцову въ его «Письмахъ о поэзіи» и нѣкоторымъ авторамъ изъ сборника «Молодая поэзія», ставятъ насъ лицомъ къ лицу съ этой загадочной молодежью, изъ-за которой переломано столько перьевъ. Тутъ уже невозможно отреченіе или фальсификація термина «молодежь» — она сама объявила себя, руку приложила, а одинъ даже имя рекъ.

Въ обѣихъ брошюрахъ выражено категорически, что «Письма» г. Карѣева не удовлетворили молодежь, что, по словамъ г. Трнка, «работа г. Карѣева была вполне бесполезна. Авторъ не только не выполнилъ нашей просьбы, но также не выполнилъ и своего собственнаго желанія рѣшить и разъяснить волнующіе насъ вопросы». Далѣе пылкій авторъ говоритъ: «Поэтому я вправѣ повторить его же, т. е. г. Карѣева, слова: мнѣ всегда бываетъ больно видѣть подобныя произведенія въ рукѣ юноши, мнѣ жаль того времени, которое онъ тратитъ на чтеніе бесполезной книги, когда остаются непрочитанными еще столько хорошихъ книгъ». Да, мнѣ было дѣйствительно больно и обидно, что намъ съ такой наставнической самоувѣренностью предлагаютъ никуда негодную вещь!» Сильно сказано, даже, пожалуй, и задорно, но такъ или иначе эффектъ получился неожиданный — «никуда не годная вещь!» Посмотримъ же, откуда проистекаетъ такая строгая оцѣнка. «Авторъ на нѣсколькихъ страницахъ рѣшаетъ два весьма сложныхъ вопроса: о религіи и о нашемъ отношеніи къ государству, — читаемъ мы въ брошюрѣ г. Трнка, — при чемъ принужденъ сослаться на биологию, метафизическую философію, критическую философію, психофизиологию, социальную этику и т. п. И, кромѣ того, какъ градомъ, осыпаетъ насъ научными терминами. Но мы этихъ наукъ не знаемъ,

а поэтому также не знаемъ, можно ли дѣлать изъ нихъ тѣ выводы, которые намъ даетъ г. Карѣвъ». Слѣдуетъ примѣръ и затѣмъ: «Какъ хотите, но ссылки, подобныя только-что приведенной, ровно ничего не объясняютъ. Но не можетъ быть, чтобы г. Карѣвъ хотѣлъ воспользоваться нашимъ незнаніемъ, огоршить насъ терминами и, такъ сказать, убѣдить силой. Вѣрнѣе всего будетъ то предположеніе, что авторъ, увлекшись философскою мыслью, позабылъ о насъ, а еще и то, что эти вопросы нельзя рѣшить и разъяснить на нѣсколькихъ страницахъ». Оставляя всѣ прочія слова г. Трнка въ сторонѣ, вниманіе останавливаетъ на себѣ та мысль, что г. Карѣвъ, увлекшись философскою гимнастикой, позабылъ о тѣхъ, по чьему адресу были посланы письма». Какъ хотите, а я нахожу, что эта мысль г. Трнка имѣетъ основаніе, такъ какъ дѣйствительно риторичность, отвлеченность сужденій г. Карѣва бросается настолько въ глаза, что трудно рѣшить, что его собственно интересуетъ: процессъ ли собственнаго мышленія, или тѣ—стоящіе на землѣ, ради которыхъ онъ взобрался на вершины философіи. Несмотря на то, что въ «Письмахъ» онъ неоднократно обращается къ молодежи, ободряетъ ее, уговариваетъ и оканчиваетъ даже свою брошюру пылкой, въ предѣлахъ его темперамента, конечно, тирадой, гдѣ звучатъ «гражданскія струны», несмотря на все,—вы дѣйствительно не видите за тяжелыми, неуклюжими фразами профессора живыхъ людей, реальной молодежи.

Не взирая на все несочувствіе къ окончательнымъ выводамъ г. Трнка, нельзя не согласиться съ его догадкой—о забвеніи профессоромъ живыхъ людей. Но послѣдуемъ далѣе за пылкимъ студентомъ. Чего же онъ желаетъ, чего ищетъ его взволнованное чувство, его взбунтовавшаяся мысль? Результаты оказываются неважными, и авторъ, недалеко уходитъ отъ г. Перцова. «Наше общество стало гораздо развитѣе! — восклицаетъ онъ. — Объ этомъ мы можемъ судить хотя бы потому, что раньше оно увлекалось естественными науками, а теперь политической экономіей. Большая разница! жизнь, литература, наука дали намъ много новаго. Если перемѣнилось общество, перемѣнилась и учащаяся молодежь». А нѣсколько раньше: «Мы употребляемъ громадныя усилія, чтобы выработать себѣ новыя понятія, новые идеалы. Мы отвергли прежнее міровоззрѣніе именно потому, что у насъ пробудилась критическая мысль, самостоятельность мысли, и значитъ съ этихъ поръ мы не принимаемъ чужихъ заключеній, не провѣривъ ихъ логичности и вѣрнаго отношенія къ фактамъ дѣйствительности». И вотъ, «отвергнувъ прежнее міровоззрѣніе», не создавъ, однако, взамѣнъ никакого иного, чего же ищетъ молодежь? «Мы страстно жаждемъ дѣятельности!»— объясняетъ авторъ... «Мы почерпаемъ, главнымъ образомъ, свои идеи, понятія, идеалы изъ жизни, представленіе о которой у насъ составляется не только по прочитаннымъ книгамъ, но и по лич-

нымъ наблюденіямъ надъ уродливыми противорѣчіями между фактами дѣйствительности». И еще: «Намъ не надо каталога, въ основаніе котораго легла бы одна философская система или идея, намъ наоборотъ гораздо полезнѣе читать книги, въ которыхъ бы вопросы жизни и знанія разбирались съ разныхъ точекъ зрѣнія: больше работы нашей мысли, лучше поймемъ эти вопросы и, во всякомъ случаѣ, будемъ имѣть больше надежды попасть на вѣрный путь».

Какъ видитъ читатель, въ этихъ горячихъ монологахъ г. Трнка много сумбура, противорѣчій, чего-то недоговореннаго и даже комичнаго; но, воля ваша, его пылъ, его бунтъ противъ навязываемой ему единой «философской системы» носить на себѣ что-то удивительно свѣжее, симпатичное. Такъ и пышетъ на васъ какой-то стихійной мощью отъ этого желанія собственными силами попасть на желанный путь, собственными силами горю пособить и насытить свою «жажду дѣятельности»! Эта, помоему, симпатичность является именно результатомъ по сравненіи пылкаго, хотя бы и не вполне осмысленнаго, порыва молодежи съ олимпійски спокойнымъ созерцаніемъ г. Карѣва верхушекъ философіи и его риторической нравоучительной проповѣдью, на манеръ заказной проповѣди нѣмецкаго пастора въ церкви при похоронахъ. Сама по себѣ тирада г. Трнка не выдерживаетъ критики, но въ сопоставленіи съ монотонною рѣчью наставника, его бунтъ противъ «философской системы», бунтъ дерзкій и наивный, отчасти напомнилъ мнѣ бунтъ Ивана Карамазова противъ Бога. «Не хочу гармоніи, изъ-за любви къ человечеству не хочу!—гордо и запальчиво говорилъ тотъ Алешѣ.— Я хочу оставаться лучше со страданіями неотмщенными. Лучше ужъ я останусь при неотмщенномъ страданіи моемъ и неутоленнымъ негодованіи моемъ, хотя бы я былъ и не правъ. Да и слишкомъ дорого оцѣнили гармонію, не по карману нашему вовсе столько платить за входъ. А потому свой билетъ на входъ спѣшу возвратить обратно. И если только я честный человекъ, то обязанъ возвратить его какъ можно заранѣе. Это и дѣлаю. Не Бога я не принимаю, Алеша, я только билетъ Ему почтительнѣйше возвращаю».

Подобно герою Достоевскаго, и авторъ «Отвѣта» отрицаетъ не самообразование, а только возвращаетъ своему наставнику мудро написанный билетъ на входъ въ заоблачную высь философіи. Обратись г. Карѣвъ попроще, посердечнѣе къ молодежи, и не было бы и этого бунта и того страннаго рѣшенія г. Трнка, къ которому онъ пришелъ, возвративъ билетъ г. Карѣву. Оставшись, благодаря своему наставнику въ потемкахъ, онъ заметался въ неизвестности, въ тревожномъ томленіи, «съ жаждой вѣры, съ жаждой Бога», на подобіе г. Бальмонта и другихъ представителей «молодой поэзіи». «Поставимъ себѣ идеаломъ добро, истину и справедливость и смѣло пойдѣмъ по пути, указанному намъ величайшимъ изъ

людей—Христомъ». Это прекрасное желаніе г. Трика, однако, не объяснено, въ какихъ же реальныхъ поступкахъ выразится осуществленіе его идеала «истины и справедливости». Въ этомъ отношеніи его товарищъ по протесту г. С., хотя тоже не даетъ вполне точнаго отвѣта, однако, все-таки какъ будто желаетъ чего-то болѣе осязательнаго — по крайней мѣрѣ касательно вопроса, по какому пути идти для достиженія евангельскаго идеала.

Г. С. не полемизируетъ съ профессоромъ Карѣвымъ, онъ даже какъ будто успокаиваетъ его въ его неудачахъ обращенія къ молодежи. «Если г. Карѣву не удалось объяснить всего,—говоритъ г. С.,—то это не значитъ, что онъ никогда этого не сдѣлаетъ. Онъ, по крайней мѣрѣ, находится на пути исканія, что лучше самодовольнаго покоя. Но г. Трикъ,—продолжаетъ авторъ обращенія,—дальше говоритъ, что не всѣмъ понятны выводы и термины, которые употребляетъ г. Карѣвъ. Намъ, не специалистамъ философскихъ наукъ, нужны сжатые мысли, выраженные просто и ясно. А между тѣмъ г. Карѣвъ писалъ ко всей учащейся молодежи, а не исключительно студентамъ филологамъ и юристамъ». Обращаясь къ товарищамъ, г. С. въ спокойномъ, нѣсколько проповѣдническомъ тонѣ поучаетъ ихъ: «Итакъ, вы видите, что не только въ жизни, но и у насъ студентовъ, истина, добро, справедливость сдѣлались понятіями условными. А между тѣмъ все намъ говорить, что эти понятія должны быть абсолютными, только слабость человѣческая сдѣлала ихъ условными. Есть! навѣрное есть, одна истина, одно добро, одна справедливость, только мы ихъ не видимъ». Коснувшись современной литературы, г. С. говоритъ: «Мы въ ней не находимъ для себя ни жизненныхъ правилъ, ни руководящихъ идеаловъ. Намъ, студентовъ, часто упрекаютъ, что мы поступаемъ во многихъ случаяхъ не такъ, какъ слѣдуетъ. Это совершенно вѣрно. Но гдѣ тѣ правила, которыя бы диктовали намъ, какъ мы должны поступать, и съ которыми мы нравственно не расходились бы. Вѣдь поступать только по правилу, а не по убѣжденію, тоже не хорошо, скажемъ мы». По его мнѣнію, главной цѣлью стремленій современной молодежи должно быть не самообразование, а самоусовершенствованіе. «Къ этому я стремлюсь и въ этомъ я нашелъ жизнь и утѣшеніе»,—добавляетъ онъ. Какимъ же способомъ сподобился такого успокоенія души юноша, по собственному признанію, еще совсѣмъ молодой? Идеаль самоусовершенствованія онъ обрѣлъ въ величайшей книгѣ, какая только есть у людей—въ Евангеліи. «Евангеліе,—говоритъ онъ,—есть та книга, къ которой протягиваются руки на картинѣ Веддера; Христосъ—тѣ ворота въ произведеніи Годена, черезъ которыя всѣ желающіе должны пройти. Итакъ, кто хочетъ называться христіаниномъ, кто любить Христа, то долженъ любить Его слово. Поэтому читайте, узнавайте, тамъ и только тамъ вы найдете разгадку словамъ истины,

добро, справедливость. Познать все это можно, только читая Евангелие, т.-е. познавая Христа».

Когда я впервые прочел эти слова г. С., то на меня пахнуло чѣмъ-то давно знакомымъ, чему свидѣтелемъ въ жизни пришлось однажды быть, что я нѣкогда слышалъ и чему поклонялся. Я вспомнилъ одного товарища въ концѣ 1870-хъ годовъ, который тоже, подобно г. С., твердилъ о томъ же «самоусовершенствованіи», тоже утверждалъ, что въ ученіи Христа нашелъ своей душѣ «жизнь и утѣшеніе». Свою долю онъ мнилъ обрѣсти въ отреченіи отъ міра, а товарищамъ указывалъ на Алешу Карамазова, какъ на типъ, который должна выработать въ реальной жизни современная ему молодежь. Его указаніямъ въ знакомой мнѣ, по крайней мѣрѣ, средѣ не дано было осуществиться — Алешей Карамазовымъ никто не сдѣлался. «Въ міръ иди и въ міръ будь, какъ инокъ» — завѣщалъ своему любимцу старецъ Зосима, и со словъ этого старца, созданнаго фантазіей, а по другимъ показаніямъ списаннаго съ оригинала Достоевскимъ, вѣщалъ своимъ товарищамъ и мой пріятель. Въ міръ-то дѣйствительно большинство пошло, но никто не соблюлъ здѣсь иноческаго обѣта, самъ же молодой энтузіастъ во внѣшнихъ своихъ отношеніяхъ къ міру какъ будто отдѣлился, но... обратился въ воинствующаго черноризца, пріобрѣвшаго себѣ широкую извѣстность въ мірѣ духовенства. Нашлись и такіе, которые послѣдовали его примѣру, но мнѣ рѣшительно невѣдомо, носятъ ли эти послѣдніе въ своей душѣ «утѣшеніе» и являютъ ли въ жизни евангельскій образъ. Любопытное это было движеніе среди молодежи 1880-хъ годовъ, движеніе, въ значительной степени обязанное своимъ происхожденіемъ гениальному автору «Братьевъ Карамазовыхъ», а также нѣкоторымъ мистическимъ вліяніямъ того времени, которымъ не мало поспособствовалъ г. Влад. Соловьевъ, не извѣстный теперь авторъ «Идеаловъ и идоловъ», а авторъ тогдашнихъ Религіозныхъ основъ жизни и «Трехъ рѣчей въ память Достоевскаго! Но теперь не объ этомъ рѣчь, вспомнилъ же я это движеніе въ «ученое монашество» по поводу наставленій г. С. своимъ товарищамъ, гдѣ также указанъ для подражанія образъ Христа и его святое ученіе. Что и говорить — великъ примѣръ, выставленный г. С.! но меня болѣе всего смущаетъ въ его словахъ утвержденіе, что онъ «нашелъ уже» въ жизни «утѣшеніе» и какъ будто осуществилъ недосыгаемый идеалъ. Не звучитъ ли здѣсь то смиреніе, которое «паче всякой гордости»? А тотъ символическій путь, по которому ведетъ своихъ читателей г. С. — и книга Веддера и ворота Годена, мнѣ уже совсѣмъ подозрителенъ, вслѣдствіе чего я рѣшаюсь и все обрѣтеніе идеала и «утѣшеніе» г. С. заподозрить въ сродствѣ съ проповѣдуемымъ г. Единицею изъ «Недѣлѣ» пантеизмомъ. Дѣятельная христіанская любовь врядъ ли будетъ спокойно созерцать мучительные поиски путей жизни; со стороны

ближних вѣдь даже Алеша Карамазовъ подѣ жгучими вопросами брата прорвался и обнаружилъ свою «Карамазовщину»! А неужели авторъ «Обращенія къ студентамъ» рѣшится установить съ послѣднимъ свое тождество? Для меня это было бы въ высшей степени интереснымъ явленіемъ—я убѣдился бы въ томъ, что тотъ типъ, который былъ указанъ нѣкоторыми моралистами «восьмидесятникамъ», осуществился лишь въ слѣдующемъ десятилѣтіи. Но пока не убѣдился въ этомъ собственными глазами, беру грѣхъ на душу и рѣшаюсь отождествить ученіе о «самоусовершенствованіи» безъ «самообразованія» съ знакомыми уже «пантеизмомъ» «Недѣли» и «реабилитаціей дѣствительности» г. Перцова и г. Трка.

V.

Итакъ, мы видимъ, что молодежь 1890-хъ годовъ, подобно своимъ старшимъ братьямъ предшествовавшаго десятилѣтія, «отвергаетъ міровоззрѣніе» отцовъ, объявляетъ, что въ современной литературѣ нѣтъ «ни жизненныхъ правилъ, ни руководящихъ идеаловъ». Отвергнувъ чужое, молодежь эта не устанавливаетъ, однако, чего нибудь своего ясноопредѣленнаго и рѣзкоочерченнаго, а пробавляется либо общими мѣстами, либо рекомендуетъ успокоеніе въ самоуслаждающейся любви или ожиданіи «несозданныхъ міровъ». Эта категория непокорныхъ «дѣтей» посягаетъ лишь на качественность и цѣнность отцовскаго наслѣдія, не указывая въ точности, чѣмъ оно не хорошо, каковы его недостатки и погрѣшности. Но рядомъ съ этими въ послѣднее время выдвинулись и другіе, уже новые, которые въ полномъ вооруженіи послѣднимъ словомъ науки подвергаютъ критическому анализу это наслѣдство по его составнымъ частямъ и взаимнѣ его выставляютъ свое благопріобрѣтенное или взятое изчужа напрокатъ добро. Представителями этой категоріи являются г. П. Струве съ его трудомъ «Критическія замѣтки къ вопросу объ экономическомъ развитіи Россіи» и г. Н. Бельтовъ въ книжкѣ «Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію. Отвѣтъ г.г. Михайловскому, Карѣву и комп.». Трудъ г. Струве явился самостоятельно, а книжка г. Бельтова связана съ полемикой, возгорѣвшейся между авторомъ «Критическихъ замѣтокъ» и цѣлой группой литераторовъ, болѣе или менѣе единомыслящихъ по вопросамъ социальнымъ и экономическимъ, сотрудничающихъ преимущественно въ нынѣшнемъ «Русскомъ Богатствѣ» съ Н. К. Михайловскимъ во главѣ. Оба молодые авторы рѣзко полемизируютъ съ «шестидесятниками», чье «строгое социологическое міровоззрѣніе традиціонно господствуетъ въ нашей литературѣ», и противопоставляютъ ему доктрину «экономическаго матеріализма». Г. Струве еще раньше выпуска въ

свѣтъ своихъ «Критическихъ замѣтокъ» помѣстилъ въ нѣмецкой газетѣ «Sozialpolitisches Centralblatt» небольшую замѣтку, гдѣ подвергъ рѣзкой критикѣ извѣстное сочиненіе Николая — она «Очерки нашего пореформеннаго хозяйства». Уже въ этой замѣткѣ онъ бросилъ перчатку школѣ нашихъ прогрессивныхъ экономистовъ, перчатку, которую послѣдніе руками тогдашняго сотрудника «Русскаго Богатства» С. Н. Кривенко подняли и дали съ своей стороны молодому писателю неблагоприятный отпоръ. Не прошло и года послѣ первой стычки, какъ г. Струве выступаетъ въ русской уже литературѣ открытымъ и яркимъ противникомъ «субъективистовъ» и «прогрессивнаго міровоззрѣнія» 1860-хъ годовъ въ вопросахъ философскихъ, социальныхъ и экономическихъ. Главная сила тяжести научныхъ нападковъ автора «Очерковъ» пала на г. Михайловскаго и его «формулу прогресса», гдѣ, по мнѣнію г. Струве, «результаты анализа объективныхъ фактовъ, анализа, безспорно весьма остроумнаго, были предрѣшены субъективной точкой зрѣнія». Опуская частныя несогласія по вопросамъ философскимъ, отмѣтимъ, какъ г. Струве защищаетъ свое міровоззрѣніе и школу «экономическаго матеріализма». «Классическій примѣръ объективности и историчности экономическаго матеріализма представляютъ разсужденія его основателей о рабствѣ и его значеніи въ социально-экономической эволюціи». Значеніе это выражается въ томъ, что «рабство дало возможность провести въ крупномъ масштабѣ раздѣленіе труда между земледѣліемъ и промышленностью и такимъ образомъ создало цвѣтъ античнаго міра—греческую культуру. Безъ рабства не было бы греческаго государства, не было бы греческаго искусства и греческой науки. Безъ рабства не было бы римскаго государства, а безъ греческой культуры и римскаго государства не существовало бы современной Европы. Мы не должны никогда забывать, что все наше экономическое, политическое и интеллектуальное развитіе предполагаетъ состояніе, въ которомъ рабство было необходимою и пользовалось всеобщимъ признаніемъ». Подобно тому, какъ на основѣ рабства создавалась культура древняго міра, такъ точно на основѣ успѣвашаго уже въ Россіи обозначиться капитализма должно въ настоящее время обосноваться и благополучіе нашего некультурнаго отечества. «Вся матеріальная и духовная культура тѣсно связана съ капитализмомъ: она выросла вмѣстѣ съ нимъ или на его почвѣ. Мы же, ослѣпленные какимъ-то непопулярнымъ національнымъ тщеславіемъ, мнимъ замѣнить трудную культурную работу пѣлыхъ поколѣній, суровую борьбу общественныхъ классовъ, экономическихъ силъ и интересовъ построениями нашей собственной «критической мысли», которая открыла трогательное совпаденіе народно-бытовыхъ формъ со своими собственными идеалами. И добро бы та почва, на которой мы беремся сооружать, безъ содѣйствія историческихъ силъ, наше пышное вда-

ніе, оправдывала такое тщеславіе? Между тѣмъ на этой почвѣ не прослылъ слѣдъ крѣпостного права, которое, конечно, въ свое время было не только злой выдумкой... Нѣтъ, признаемъ нашу некультурность и пойдемъ на выучку къ капитализму». Г. Струве, какъ я уже замѣтилъ, развивая свои мысли, по дорогѣ рѣзко опровергаетъ установившіяся у насъ положенія экономической и социологической науки, уличаетъ нашихъ публицистовъ (гг. Михайловскаго, Николая — она, В. В. и др.) въ невѣжество, неправильномъ пониманіи и толкованіи западно-европейскихъ философовъ, въ фальшивомъ и тенденціозномъ освѣщеніи русской дѣйствительности и неправильныхъ утопическихъ вождедѣній, предъявляемыхъ къ установившимся у насъ отношеніямъ между рабочимъ класомъ и работодателями. Я не имѣю возможности въ своемъ очеркѣ, который и безъ того разросся сверхъ положеннаго предѣла, ознакомить читателей со всѣмъ ходомъ смѣлой мысли г. Струве. Интересующихся отсылаю къ самой книжкѣ молодого экономиста; замѣчу только, что авторъ «Критическихъ очерковъ» рѣшительно отвергаетъ авторитетность нашихъ публицистовъ и въ ихъ методахъ и въ ихъ выводахъ и строитъ свою теорію «экономическаго матеріализма» не на основѣ русской дѣйствительности, а по образцу западно-европейской науки метафизическаго свойства.

Книжка г. Струве вызвала бурную оппозицію со стороны тѣхъ, на кого онъ въ своемъ юномъ азартѣ не по силамъ замахнулся критическимъ скальпелемъ. Отвѣчали ему и г. Николай — онъ, и С. Кривенко, но особенно досталось бѣдному автору отъ полемическихъ ударовъ Н. К. Михайловскаго. Извѣстный публицистъ потратилъ не мало времени на г. Струве, и послѣдній вышелъ изъ-подъ его полемическаго пера порядочно-таки опипаннымъ и искалѣченнымъ. Но не успѣлъ редакторъ «Русскаго Богатства» справиться съ однимъ изъ непокорныхъ дѣтей, какъ на защиту своего товарища выступилъ другой бойкій, остроумный молодой писатель — Н. Бельтовъ. И этотъ, подобно г. Струве, рѣшительно не хочетъ признавать авторитета «шестидесятниковъ», отказывается отъ «субъективныхъ идеаловъ», отъ выработанной г. Михайловскимъ «формулы прогресса», и, вооружившись сравнительно историческимъ методомъ, защищаетъ основы «экономическаго матеріализма» на тѣхъ же метафизическихъ принципахъ, что и г. Струве. Выводы г. Бельтова слѣдующіе: 1) Убѣжденія Гейнцена и его единомышленниковъ относительно того, что Марксъ былъ осужденъ на бездѣйствіе въ Германіи своими собственными взглядами, оказались вздоромъ. Такимъ же вздоромъ окажется и убѣжденіе г. Михайловскаго относительно того, будто бы не могутъ принести пользы русскому народу, а напротивъ, должны вредить ему люди, держащіеся у насъ теперь взглядовъ Маркса. 2) Взгляды Буллей и Фолльграфовъ на тогдашнее экономическое положеніе Германіи оказались узкими, односторонними и ошибочными въ силу своей отвлече-

ченности. Можно опасаться, что дальнѣйшая экономическая исторія Россіи обнаружитъ подобныя же недостатки во взглядахъ Николая—она. 3) Люди, ставившіе въ Германіи сороковыхъ годовъ организацію производства своей ближайшей задачей, были утопистами. Такими же утопистами являются люди, толкующіе объ организаціи производства въ нынѣшней Россіи. 4) Исторія смела иллюзіи нѣмецкихъ утопистовъ сороковыхъ годовъ. Есть всѣ основанія думать, что подобная же участь постигнетъ и иллюзіи нашихъ русскихъ утопистовъ. Капитализмъ насмѣялся надъ первыми; съ болью въ сердцѣ предвидимъ, что насмѣется онъ и надъ вторыми.

Г. Струве и г. Бельтовъ оказались не единственными послѣдователями у насъ экономического матеріализма и ученія Маркса. Не успѣлъ разгорѣться споръ «шестидесятниковъ» противъ положеній, установленныхъ рѣзко и откровенно г. Струве, какъ г. Михайловскій, главный оппонентъ автору «Критическихъ замѣтокъ», былъ заваленъ письмами отъ молодежи, гдѣ заявлялось полное сочувствіе философіи знаменитаго автора «Капитала». Свѣдѣнія объ этихъ сочувствіяхъ можно найти въ публицистическихъ очеркахъ за 1894 годъ «Литература и жизнь» г. Михайловскаго, печатаемыхъ ежемѣсячно въ «Русскомъ Богатствѣ».

Въ своемъ спорѣ съ «утопистами» и «субъективистами» г. Бельтовъ выказалъ много остроумія, блеска, учености, а главное бойкости, граничащей подчасъ съ пошлой хлесткостью. Даже наиболѣе сердитый его противникъ призналъ за нимъ несомнѣнную «талантливость». Его теорія о необходимости примиренія съ нарождающимся социальнымъ и экономическимъ зломъ имѣла успѣхъ, хотя можетъ быть, и чисто внѣшній. Книга разошлась съ поразительной быстротой. Существенный недостатокъ молодого публициста—неосторожность въ произвольныхъ ссылкахъ и навязываніе противникамъ того, чего не содержится въ ихъ сочиненіяхъ.

Главные удары г. Бельтова, какъ и г. Струве, были направлены противъ г. Михайловскаго; «Карѣвъ и Комп.» упоминались только мимоходомъ, и на долю послѣднихъ выпало меньше вниманія со стороны молодыхъ ученыхъ. Г. Бельтовъ третируетъ «Карѣва и Комп.» свысока, протавляется дешевыми шутками на ихъ счетъ и рекомендуетъ старшимъ имѣть надзоръ за младшими, въ каковомъ возрастѣ и оказались многіе изъ «Компаніи». Не смотря на то, что книга г. Бельтова вышла позже труда г. Струве, была написана по поводу спора г. Струве и «прогрессивной школы», не смотря на то, что отличается «талантливостью» и остроуміемъ, наша публицистика отнеслась къ ней, однако, съ меньшимъ негодованіемъ, чѣмъ къ г. Струве, такъ что, полемизируя съ ея авторомъ, на первомъ планѣ имѣется постоянно въ виду авторъ «Критическихъ замѣтокъ». Г. Бельтовъ чуть ли не на каждой страницѣ задѣваетъ шутками и остротами г. Михайловскаго. Послѣдній, въ своихъ возраженіяхъ на книжку

«Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію» не остается въ долгу у своего противника. Публицистъ-соціологъ, посѣдѣвшій втеченіе 35-ти-лѣтней своей литературной дѣятельности на полемическихъ турнирахъ, успѣваетъ съ полной удачей возвратить по адресу оброненный г. Бельтовымъ въ спорѣ «шутовской колпакъ» и прочитать его хозяину не одну остроумную нотацию.

Главное возраженіе Н. Михайловскаго защитникамъ «экономическаго матеріализма» заключается въ слѣдующихъ словахъ («Русское Богатство» 1894 годъ, № 10): «Экономическій матеріализмъ не есть всеобъемлющая философская система, а только обломокъ ея. Возврътній его на природу мы, собственно говоря, почти не знаемъ. Насколько можно судить по экскурсіямъ въ эту область въ книгѣ Энгельса противъ Дюринга, онъ примыкаетъ къ естественно-историческому матеріализму, сдѣлавъ его гегельянскою формулою трехстепеннаго развитія: по этой формулѣ и трава растетъ, и геологическія явленія совершаются. Здѣсь вмѣсто духа или идеи наскоро подставляется матерія, на нее кладется гегельянскій штемпель, и тѣмъ дѣло относительно природы кончается, а изслѣдованіе скачкомъ переносится въ область философіи человѣческаго общества. Напримѣръ, Дарвинову теорію Энгельсъ цѣнитъ, какъ противоположность ученію Линнея, какъ одно изъ выраженій идеи развитія, измѣнчивости всего сущаго, но о той роли, которую теорія Дарвина можетъ и должна или не можетъ и не должна играть въ соціологіи,—мы не узнаемъ ничего. Въ экономическомъ матеріализмѣ нѣтъ философской связи между естествознаніемъ и обществознаніемъ, если не считать унаслѣдованнаго отъ Гегеля положенія, что и тамъ и тутъ все происходитъ въ извѣстномъ тройственномъ порядкѣ. Для послѣдовательнаго матеріалиста это немножко мало. (Прошу читателя замѣтить, что упрекъ этотъ я дѣлаю и дальнѣйшее говорю не въ качествѣ матеріалиста; г. Струве называетъ меня субъективнымъ идеалистомъ, а я за кличкой не гонюсь). Затѣмъ въ обществознаніи Энгельсъ торопится ступить въ слѣды Гегеля, но обернувъ ихъ задомъ напередъ: не идея, не философія, а нѣчто другое, матеріальное составляетъ сущность историческаго процесса и его объясненіе. Но что же именно? Казалось бы, самое матеріальное въ человѣческомъ обществѣ—это плоть и кровь составляющихъ его членовъ, людей индивидовъ, то-есть элементъ біологическій, а затѣмъ матеріалистъ могъ бы спуститься еще глубже, въ область, пожалуй, физики и механической теоріи, куда и пробовалъ у насъ когда-то спуститься г. Жуковскій. Сообразно выбору той или другой изъ этихъ ступеней матеріи, понятіе объ историческомъ процессѣ могло бы получить весьма разнообразный характеръ. Но экономическій матеріализмъ выбралъ нѣчто, стоящее внѣ этихъ ступеней,—не матерію, а переработку матеріи человѣческими руками и ея передачу на извѣстныхъ усло-

віяхъ изъ рукъ въ руки,—производство и обмѣнъ. Послѣдовательный матеріалистъ этимъ удовлетвориться не можетъ. И тѣ, кто думаетъ, что при помощи экономическаго матеріализма найдена самая сущность, самое дно вещей, которое прежде искали при помощи идеализма, жестоко ошибаются: и тогда была яма глубока, и теперь въ ней дна не видно. Мало того, старая философія, хоть бы то же гегельянство, не смотря на свою основную односторонность, пыталась обнять единымъ принципомъ все сущее, а теперь мы имѣемъ лишь осколокъ ея, сугубо односторонне сосредоточивающій наше вниманіе. Тѣмъ не менѣе гордые приемы старой метафизики вполнѣ усвоены экономическимъ матеріализмомъ».

Полемика Н. К. Михайловскаго съ «марксистами» вообще и г. Струве и Бельтовымъ въ частности сняла много мѣста въ его статьяхъ «Литература и жизнь» и чрезвычайно характерна, какъ горячая отвѣдь учителя-шестидесятника вышедшимъ изъ послушанія ученикамъ. Но въ статьяхъ публициста вопросы трактуются съ точки зрѣнія научно-общественной, принципиальной, и онъ не касается дѣла примѣнительно къ экономической жизни Россіи, ея народно-хозяйственному строю. Здѣсь оппонентомъ молодежи, разумѣя преимущественно г. Струве, выступилъ г. Николай—онъ, авторъ крупной работы «Очерки нашего пореформеннаго общественнаго хозяйства», стаяжавшей ему почетную извѣстность въ нашей экономической литературѣ. Н.—онъ отвѣчалъ своимъ молодымъ противникамъ обстоятельною статьею «Апологія власти денегъ, какъ признакъ времени» («Русское Богатство», 1895 г., №№ 1—2), гдѣ говоритъ: «Самая существенная ошибка г. П. фонъ-Струве, на нашъ взглядъ, заключается въ томъ, что онъ судитъ о явленіяхъ нашей хозяйственной жизни не по нимъ самимъ, а по готовому шаблону теорій, выработанныхъ западно-европейскою наукою, совершенно не обращая вниманія на то, что данный фактъ проявляется при условіяхъ исторически совершенно отличныхъ отъ тѣхъ, при которыхъ онъ развивался въ Западной Европѣ; въ историческихъ условіяхъ, при которыхъ не только можетъ задерживаться развитіе даннаго факта, но что экономическій законъ, которому онъ подчинился въ своемъ развитіи въ Западной Европѣ, можетъ совсѣмъ не проявляться въ тѣхъ историческихъ хозяйственныхъ условіяхъ, въ которыхъ мы живемъ въ настоящее время». Ученый экономистъ съ цифрами въ рукахъ, при помощи параллелей изъ жизни нашего народа и его хозяйственныхъ тяготѣній съ таковыми же явленіями западно-европейскою и американскою жизни наноситъ существенныя брешы въ «доктринерскихъ взглядахъ» г. Струве. Окончательное заключеніе г. Николая—она проливаетъ свѣтъ на требованія, которыя предъявляютъ представители «прогрессивной школы» къ задачамъ по изученію русской дѣйствительности въ ея экономическихъ проявленіяхъ».

ніяхъ. «Вотъ почему совершенно правы тѣ, которые для нашего отечества ищутъ матеріальнаго основанія для созданія иного пути хозяйственнаго развитія, а не того, которымъ шла и идетъ Западная Европа»,—говоритъ авторъ «Апологии власти денегъ».—«Но какъ бы кто ни смотрѣлъ на это дѣло, для рѣшенія его есть только одинъ путь, указанный намъ естественными науками, идя по которому послѣднія все болѣе и болѣе даютъ возможность человѣку изъ раба природы въ значительной мѣрѣ стать ея властелиномъ; а достиженіе такого результата имѣетъ неизмѣримо большее значеніе въ области явленій общественныхъ. Но вступивъ на этотъ путь, надо разъ навсегда отказаться отъ доктринерскихъ толкованій и признать, что истину можно открыть, только изучая самыя явленія, сопоставляя ихъ, находя между ними связь, наблюдая вліяніе развитія каждаго изъ нихъ на остальные, а это можетъ дать между прочимъ статистика, которая, несмотря на свою юность, открываетъ экономической наукѣ такія широкія перспективы, которыя и не снились доктринерамъ, подобнымъ г. П. фонъ-Струве. Словомъ къ общественнымъ наукамъ вполне приложимы слова Гексли: «лабораторія,—говоритъ онъ,—а въ нашемъ случаѣ изученіе связи общественныхъ явленій, — лабораторія—это сѣни, ведущія въ храмъ философіи».

Такимъ образомъ мы видимъ, что и Н. К. Михайловскій и Н.—онъ одинаково бросаютъ молодежи упрекъ за ея нежеланіе соприкасаться съ дѣйствительностью, нежеланіе познать ее, каковою она есть, и стремленіе опираться въ своихъ выводахъ и умозаключеніяхъ не на основахъ реального истиннаго знанія, а на устояхъ старой метафизики. Въ этихъ свойствахъ современнаго настроенія молодежи дѣйствительно есть нѣчто общее съ тѣмъ, что мы наблюдаемъ въ исторіи развитія 1840-хъ годовъ, и недаромъ г. Перцовъ утверждаетъ, что «истинной цѣлью челоѣчества является именно созданіе наибольшей суммы счастья на землѣ, и умѣй оно лучше видѣть и сознать тѣ пути, которые вѣрнѣе всего ведутъ къ ней, оно больше цѣнило бы всѣ «изящныя развлеченія», и тогда мы лучше бы знали и понимали нашихъ поэтовъ». Изящныя развлеченія, т.-е. «святое искусство», или отвлеченное мышленіе вотъ путь достиженія «человѣческаго» идеала въ противовѣсъ одностороннему понятію о «гражданинѣ». Г. Перцовъ не одинокъ въ своихъ возрѣніяхъ назадачи современности—и г. Трнкъ и г. С. тоже отвергаютъ путь серьезнаго «самообразованія» и проповѣдуютъ необходимость сосредоточиться на «самоусовершенствованіи», отрицаются «прежняго міровозрѣнія» и «чужихъ заключеній», въ основаніи которыхъ положена «одна философская система или идея». Молодые критики «Недѣли» проповѣдуютъ «пантеистическое міросозерцаніе», признаютъ необходимость реабилитаціи дѣйствительности, критикъ «Сѣвернаго Вѣстника» громить растрепанную гражданскую публи-

цистику 1860-х годовъ и приглашаетъ свое поколѣніе на вершины метафизическаго мышленія. Гг. Струве и Бельтовъ, экономисты новѣйшей формации 1890-х годовъ, перескакиваютъ черезъ всѣ выводы и факты, установленные этической и социальной школой, и протягиваютъ руку сочувствія метафизической системѣ Гегеля и экономическому материализму Маркса, изгоняя тѣмъ изъ нашей жизни свѣтлыя социальныя перспективы, созданныя усилиями цѣлаго поколѣнія 1860-х годовъ. «Молодая поэзія» не находитъ сюжетовъ въ окружающей жизни, ея наиболѣе талантливые представители не удостоиваютъ ея своимъ вниманіемъ:

Все сильнѣй звучитъ ихъ пѣнье, все слышнѣе въ немъ томленье,
Неустаннаго стремленья неизмѣнная печаль,—
Точно ихъ томитъ тревога, жажда вѣры, жажда Бога,
Точно мукъ у нихъ такъ много, точно имъ чего-то жаль.

Какіе-то романтическіе порывы охватили наше современное поколѣніе; попирая ногами почву опытнаго знанія, она въ гордомъ ослѣпленіи отталкиваетъ руку содѣйствія своихъ руководителей, которымъ еще не такъ давно поклонялась, и, будучи не въ состояніи сдержать порывовъ души, требующей дѣятельности и жизни, ищетъ себѣ забвенія въ созданіи таинственныхъ, невѣдомыхъ «міровъ».

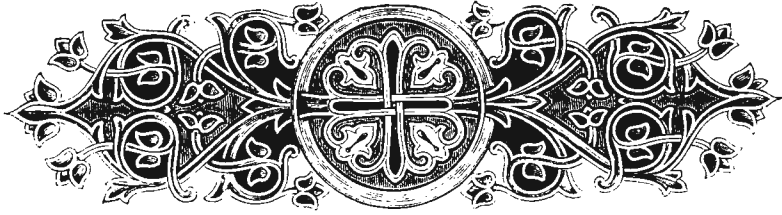
Мы—надъ бездною ступени,
Дѣти мрака, солнца ждемъ,
Свѣтъ увидимъ и, какъ тѣни,
Мы въ лучахъ его умремъ!

Воскликаетъ одинъ изъ наиболѣе талантливыхъ ея представителей и затѣмъ тревожно вопрошаетъ:

Что намъ дѣлать? гдѣ спаситель?
Какъ защитника найти?

Дѣйствительно, безвыходно, тяжело положеніе молодежи, которое она творитъ себѣ, порывая съ недавнимъ прошлымъ и его традиціями! Взаимъ «разрушенныхъ храмовъ» и «поверженныхъ кумировъ» она собственными мистическими порывами ничего не въ состояніи создать свѣтлаго, радостнаго и плодотворнаго. А потому въ заключеніе этого очерка хочется обратиться къ ней перифразомъ изъ «Очерковъ» г. Струве: нѣтъ, сознаемъ наше безсиліе и пойдемъ на выучку къ лучшимъ представителямъ недавняго прошлаго, противъ которыхъ мы подняли такой шумный и бесплодный бунтъ!..

Б. Глинскій.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ

Полное собраніе сочиненій А. К. Шеллера. Т. XV. Спб. 1895.

БЫШЕДШІЙ XV и послѣдній томъ «Полнаго собранія сочиненій» А. К. Шеллера (А. Михайлова) заключаетъ въ себѣ исторію народныхъ движеній Запада: «Царство двухъ монаховъ», «Революціонный анабаптизмъ» и «Пролетаріатъ во Франціи». «Царство двухъ монаховъ» (Савонаролы и Кампанеллы), религіозная и социальная драма, мирно начавшаяся въ Цвиккау и окончившаяся кровопролитіемъ въ Мюнстерѣ (анабаптизмъ), имѣютъ огромный интересъ для исторіи развитія человѣческихъ обществъ. «Крупныя движенія, — пишетъ г. Шеллеръ — никогда не ограничиваются одной какой нибудь стороною жизни: Гусъ затронулъ вопросы чисто церковныя, а его послѣдователи волей неволей затронули политическія и социальныя вопросы; дѣятельность Лютера ограничивалась исключительно богословской сферой, а Мюнцеръ, Іоаннъ Лейденскій и другіе анабаптисты сдѣлали попытку пересоздать весь строй человѣческой жизни». Савонарола и Кампанелла были не только теоретики объ индивидуальномъ счастьѣ человѣка, но и практики, стремившіеся къ социальному благу. «Ихъ судили не только въ качествѣ еретиковъ, но и въ качествѣ революціонеровъ». Первый былъ сожженъ, а второй семь разъ былъ подвергнутъ пыткамъ и двадцать семь лѣтъ содержался въ тюрьмѣ. Если принять во вниманіе, что это мученичество за человѣчскій родъ они приняли добровольно, то, конечно, исторія ихъ жизни всегда будетъ трогать благодарныя сердца. Написана она г. Шеллеромъ въ высшей степени увлекательнымъ языкомъ и по источникамъ самымъ новѣйшимъ (напр., трудъ Амабиле о жизни Кампанеллы и т. д.). «Революціонный анабаптизмъ» также занимаетъ собою интереснѣйшую страницу въ европейской жизни тотчасъ же послѣ реформациа. «Все, что проповѣдывали и разрабатывали религіозные пропагандисты

и социальные новаторы в позднейшие времена, было уже высказано в первой половине XVI столѣтія Мюнцеромъ и его послѣдователями. Въ области социальныхъ вопросовъ вы тутъ найдете все, начиная съ вполне разумныхъ требованій справедливости и кончая самыми чудовищными проявленіями коммунистическаго деспотизма, выразившагося въ дѣятельности Іоанна Лейденскаго. Въ сферѣ религиозныхъ воззрѣній вы встрѣтите здѣсь то же самое: анабаптисты прошли всѣ ступени отрицаній и сомнѣній, создали въ короткое время цѣлую массу новыхъ сектъ и толковъ, коснулись той сущности религіи, которой въ нашъ вѣкъ посвящались цѣлые трактаты Штраусами и Ренанами. Въ какія нибудь пятнадцать лѣтъ анабаптизмъ передумалъ, высказалъ и пережилъ то, что потомъ передумывалось, высказывалось и переживалось въ остальной Европѣ въ теченіе вѣковъ». Изъ этихъ словъ можно заключить, съ какимъ живымъ увлеченіемъ читается статья г. Шеллера о смутномъ времени анабаптизма. Исслѣдованіе автора о «Пролетаріатѣ во Франціи» изображаетъ ту же борьбу европейскаго рабочаго съ буржуазіей съ 1789 по 1852 гг. Промышленность—это явленіе новѣйшаго времени, неизвѣстное старому. Теперь,—говоритъ г. Шеллеръ:—рядомъ съ официальнымъ міромъ, въ Западной Европѣ, существуетъ неофициальное, непризнанное царство людей будущаго, людей труда, сфера рабочихъ классовъ. Эта новая сила долгое время держалась въ черномъ тѣнѣ и считалась чуть ли не опасною, но, наконецъ, исторія обратила на нее вниманіе, вывела ее на свѣтъ и не успокоится до тѣхъ поръ, пока не дастъ лучшихъ условий жизни для этой массы. обстоятельное изложеніе г. Шеллеромъ исторіи французскаго пролетаріата, такимъ образомъ, переноситъ насъ вообще къ лучшему будущему четвертаго сословія, когда рабочій классъ «не будетъ имѣть повода къ тѣмъ стачкамъ, волненіямъ, восстаніямъ, которыя такъ страшно отзывались на французскомъ обществѣ и на самихъ рабочихъ въ теченіе слишкомъ шестидесяти лѣтъ». Пятнадцатымъ томомъ А. К. Шеллеръ закончилъ «Полное собраніе» своихъ сочиненій, обнаруживъ за тридцать лѣтъ своей литературной дѣятельности несомнѣнное дарованіе и высокій строй души, когда ему приходилось останавливаться на судьбѣ историческихъ лицъ, погибшихъ за великое дѣло любви. Послѣдній томъ наиболѣе полно передаетъ политическіе взгляды автора, сводящіеся къ прославленію преимуществъ мирнаго прогресса и объединенія людей лучшимъ пониманіемъ ихъ взаимныхъ интересовъ. Мы ограничиваемся этой краткой замѣткой потому, что имѣемъ въ виду слѣдовать въ особой статьѣ болѣе подробную характеристику продолжительной литературной дѣятельности г. Шеллера.

А. Фаресовъ.

Записки Сергѣя Николаевича Глинки. Спб. 1895.

Записки Глинки уже давно знакомы читающей публикѣ по отрывкамъ изъ нихъ, напечатаннымъ въ разное время въ нѣкоторыхъ нашихъ ежемѣсячныхъ журналахъ («Русскомъ Словѣ», «Русскомъ Вѣстникѣ», «Современникѣ», «Вѣстникѣ Европы»), и по справедливости считаются довольно цѣннымъ матеріаломъ для исторіи бытовой и общественной жизни Россіи начала текущаго столѣтія. Образованный и наблюдательный современникъ, умѣвшій горячо отзываться на вопросы дня, пытавшійся разбираться въ сложныхъ обстоятельствахъ свей эпохи и относившійся критически въ

предѣлахъ своихъ силъ и способностей) ко всему видѣнному и слышанному, конечно, долженъ являться любопытнымъ и заслуживающимъ вниманія лѣтописцемъ былыхъ дней. Вотъ почему изданіе его «Записокъ» редакціей «Русской Старины» въ полномъ ихъ объемѣ не можетъ быть не привѣтствовано нашей журналистикой, какъ цѣнный вкладъ въ число источниковъ для исторіи Россіи первой четверти ХІХ в. Авторъ писалъ, правильнѣе—диктовалъ свои мемуары главнымъ образомъ на склонѣ лѣтъ, когда многое уже улетучилось изъ его памяти, когда самая перспектива событій заволокла дымкой времени; отсюда невольные и существенные изъяны его труда: тутъ и пропуски, и повторенія, и противорѣчія, вслѣдствіе чего пользованіе «Записками» становится подчасъ затруднительнымъ и требуетъ крайней осторожности. Трудно и опасно положиться на память стараго человѣка, склоннаго къ излишней болтливости и вмѣстѣ съ тѣмъ задумавшаго возстановить въ подробностяхъ цѣлую эпоху, отмѣченную живою смѣною событій и лицъ; эта трудность усугубляется тѣмъ болѣе, что приходится имѣть дѣло не съ безпристрастнымъ и холоднымъ наблюдателемъ минувшаго, но съ человѣкомъ, отличавшимся крайней экспансивностью, вносившимъ въ свои работы массу субъективнаго элемента. Глинка не просто и спокойно передаетъ пережитые факты и слышанныя рѣчи—онъ судитъ и освѣщаетъ ихъ подъ угломъ зрѣнія заинтересованнаго современника, фаворита своихъ убѣжденій и неутомимаго журналиста. Его индивидуальность легла яркой печатью на «Запискахъ», и послѣднія, являясь историческимъ пособіемъ для изученія эпохи, вмѣстѣ съ тѣмъ даютъ богатый автобіографическій матеріалъ и данныя для полной характеристики Глинки, какъ простаго человѣка, какъ общественнаго дѣятеля, какъ писателя. Личность автора рельефно выступаетъ на фонѣ событій, но дѣлается это не съ цѣлю хвастовства и кичливости, не изъ побужденій тщеславія или самолюбія. Наивность—вотъ та отличительная черта, которая невольно бросается въ глаза, при ознакомленіи съ содержаніемъ «Записокъ». Маленькій и самъ по себѣ очень скромный дѣятель исключительно по наивности ставитъ себя и свою жизнь въ связь съ крупными историческими событіями времени, проводитъ смѣлыя параллели между собою и дѣяніями величайшихъ современниковъ. Такъ, напримѣръ, рассказывая о своихъ занятіяхъ у гравера Кудрявцева, онъ дѣлаетъ слѣдующее отступленіе: «Въ продолженіе ста дней получать по пяти рублей вѣрныхъ—это было для меня рудникомъ перувианскимъ. Были сто дней и удивнаго человѣка нашего вѣка, у Наполеона. Въ обмѣнъ за нихъ и за нѣсколько державъ получилъ онъ при жизни скалу Еленскую, а по смерти памятникъ на Вандомской площади. Кому изъ насъ болѣе прислужились сто дней?» Такія комическія отступленія въ «Запискахъ» встрѣчаются зачастую, что, конечно, не внушаетъ читателямъ особенно серьезнаго отношенія къ автору, но рядомъ съ этимъ они не вызываютъ и чувства антипатіи—ихъ искренній тонъ вмѣстѣ съ удивительною душевною красотою писателя примиряетъ васъ съ его наивной болтовней и мечтательностью, позволяетъ простать ему невольныя шалости пера. Глинка въ личной жизни, насколько мы знаемъ ее и изъ его автобіографіи и изъ воспоминаній о немъ современниковъ, былъ удивительно честнымъ, безкорыстнымъ общественнымъ дѣтелемъ. Его отношенія къ сильнымъ міра сего, къ современникамъ и вельможамъ, по всей справедливости, заслуживаютъ удивленія и похвалы, что для того времени,

когда «просвѣщенный деспотизмъ» содалъ меценатство и культурное раболѣпство, должно быть особенно подчеркнуто и выдвинуто впередъ. Культъ великихъ людей никогда не туманитъ его головы, не смущаетъ его чистаго сердца. По обстоятельствамъ личной жизни и общественной дѣятельности ему приходилось соприкасаться съ массою людей, стоявшихъ и на высшихъ и на низшихъ ступеняхъ исторической лѣстницы, и всегда и вездѣ онъ оставался неподкупнымъ, справедливымъ, увлекающимся человѣкомъ. Сдѣлокъ съ совѣстью, уступокъ «независящимъ обстоятельствамъ», противорѣчій своимъ убѣжденіямъ онъ не терпѣлъ, хотя это сплошь и рядомъ шло въ ущербъ и его карьерѣ и матеріальнымъ благамъ. Ни Аракчеевъ, ни Державинъ, ни графъ Ростопчинъ, ни гр. Милорадовичъ, ни другіе многіе и сильные, съ которыми ему приходилось имѣть дѣло въ роли издателя «Русскаго Вѣстника», не могли побудить его къ литературнымъ уступкамъ. Всѣ эти случайные и выгодные сотрудники шли къ нему въ журналъ часто изъ побужденій личнаго свойства, въ намѣреніи выдвинуть свое «я» и въ ущербъ противникамъ и свѣтскимъ недругамъ. Положеніе издателя становилось затруднительнымъ и щекотливымъ, но онъ всегда съ честью выходилъ изъ этихъ сложныхъ обстоятельствъ и рѣдко, съ негодованіемъ устранилъ попытки сдвинуть его съ избраннаго пути. Общественное дѣло было для него выше всякихъ соображеній личнаго блага. Отсюда его вѣчная бѣдность, вѣчная нужда... Неудачи, несчастія сыпались на голову мечтателя и энтузіаста, но среди всѣхъ невгодъ онъ умѣлъ сохранять чистоту души, теплую вѣру въ торжество справедливости и надежду на лучшіе дни, къ которымъ его долженъ привести путь неустаннаго труда и борьба съ окружающимъ зломъ. Глинка не былъ даровитымъ писателемъ, и изъ всего его литературнаго наслѣдства для нашихъ дней имѣютъ цѣнность только «Записки», о которыхъ вѣкъ идетъ рѣчь; тѣмъ не менѣе, однако, его личность въ исторіи нашей журналистики имѣетъ нѣкоторое значеніе. Онъ долженъ быть разсматриваемъ, какъ родоначальникъ патріотической публицистики. Основанный имъ «Русскій Вѣстникъ» былъ первымъ у насъ настоящимъ политическимъ журналомъ, назначеніе котораго было, по собственному удостовѣренію издателя, «возбужденіе народнаго духа и вызовъ къ новой неизбежной борьбѣ», то-есть, подготовленіе Россіи къ быстро и громно надвигавшейся войнѣ съ Наполеономъ. Эта цѣль, положенная въ основаніе журнала, создала ему успѣхъ, и имя Глинки, какъ публициста-патріота, заслонило собою его извѣстность, какъ драматурга, какъ автора «Михаила Черниговскаго», «Наташи, боярской дочери», и друг. подобныхъ произведеній. Не отличаясь талантливостью, насквозь пропитанный риторикой и ходульнымъ пафосомъ, онъ имѣлъ, однако, успѣхъ, сумѣлъ создать себѣ нѣкоторый кругъ читателей. Его голосъ, проникнутый страстной любовью къ отечеству, ненавистью къ иноземному врагу, раздавался въ время и нашелъ себѣ довольно обширную аудиторію слушателей. Обстоятельства вѣдшія и случайныя сослужили въ данномъ случаѣ ему добрую службу, но какъ только дни всеобщаго подъема національнаго духа миновали, Глинка, какъ политическій трибуна, какъ публицистъ, сошелъ со сцены, сошелъ на нѣтъ. Здѣсь не мѣсто, конечно, входить въ подробный анализъ узкихъ и одностороннихъ взглядовъ издателя-редактора «Русскаго Вѣстника»: это не представляетъ интереса и можетъ имѣть только, такъ сказать, архивное значеніе. Но необходимо отмѣтить одно: всѣ послѣдующіе наши журналисты извѣстнаго

консервативнаго «московскаго» направленія должны быть разсматриваемы, какъ эпигоны перваго создателя «Русскаго Вѣстника». Погодинъ, Аксаковъ, Катковъ и многіе другіе, даже изъ числа современныхъ намъ публицистовъ крайняго національно-консервативнаго направленія, ни болѣе ни менѣе какъ только продолжители дѣятельности Глинки. Названныя лица талантливѣе, умнѣе и дальновиднѣе своего журнальнаго протца, но сущность дѣла отъ того не мѣняется. Пальма первенства, по крайней мѣрѣ по времени, остается за нимъ. Кажется, на это обстоятельство въ нашей журналистикѣ не обращено достаточно вниманія, и наши «спасители отечества» зачастую забываютъ долгъ исторической благодарности.

Съ паденіемъ «Русскаго Вѣстника», Глинка остался не у дѣла. Его педагогическія вѣтви, съ одной стороны, благодаря жизненной непрактичности, съ другой стороны, вслѣдствіе устарѣлости методовъ воспитанія, успѣха не имѣли и поглотили только послѣднія его имущественныя крохи. Голодъ и ужасающая нищета повисли грозной тучей надъ бѣдной головой писателя. Литературная работа не давала достаточнаго куска хлѣба его многочисленной семьѣ—пришлось искать казеннаго мѣста. Но какъ нравственно красивъ этотъ интеллигентный нищій въ суровой борьбѣ съ жизненными невгодами! Онъ не ползаетъ у ногъ знатнаго барства, онъ съ гордостью отвергаетъ подачки, и только отъ своего брата, трудящагося человѣка, пріемлетъ его честная рука посильную и нужную помощь... Послѣ долгихъ мытарствъ и исканій, Глинка очутился, наконецъ, у тихой пристани: мѣсто цензора должно было обезпечить его дальнѣйшее существованіе; но и въ этомъ отвѣтственномъ и трудномъ для того времени положеніи онъ не сумѣлъ и не захотѣлъ гармонически слить вопросы личнаго блага съ требованіями совѣсти и убѣжденій. Ни «чугунный» цензурный уставъ 1826 г., ни уставъ 1828 г. не отвѣтствовали потребностямъ его духа, и вскорѣ Глинка очутился въ оппозиціи и къ непосредственному, и къ высшему своему начальству, а также въ жестокомъ разладѣ съ товарищами по службѣ. Борьба оказалась, конечно, во всѣхъ отношеніяхъ не подъ силу ему. На него вовдвигнуто было настоящее гоненіе, и со всѣхъ сторонъ были употреблены равнообразныя средства, чтобъ сломить его упорство и независимость. Истомленный непрестанными столкновеніями, Глинка отказался отъ несимпатичной ему службы, подалъ въ отставку, утверждая, что не въ его прахлахъ уступать «самоуправному богатству», т. е. не желая подчиниться проивволу князя Голицына. Описаніе цензурской службы Глинки сдѣлано имъ чрезвычайно обстоятельно и въ подробностяхъ знакомить читателей съ положеніемъ виѣшнихъ условий, въ которыхъ находилась тогдашняя литература. Вообще въ мемуарахъ наибольшую цѣну имѣеть, какъ уже сказано выше, то, что относится къ бытовой и общественной жизни русскаго общества конца XVIII и начала XIX столѣтій; событія же государственной и политической жизни носятъ здѣсь преимущественно анекдотическій характеръ, и многое записано здѣсь съ чужого голоса. Къ сожалѣнію, «Записки» доведены лишь до 1829 г., т. е. оканчиваются его отставкой отъ должности цензора, а вмѣстѣ съ тѣмъ Глинка жилъ до 1847 г. и еще не мало поработалъ на поприщѣ отечественной словесности, хотя всѣ его труды въ этой области не оставили никакого существеннаго слѣда. Еще нѣкоторое исключеніе можетъ быть сдѣлано для его «Русской исторіи», изданной по распоряженію полиціи подъ флагомъ: «въ пользу воспитанія». Такая прибавка

была сдѣлана по тѣмъ соображеніямъ и основаніямъ, что только «Карамзину поручено писать исторію». Такимъ образомъ, сочиненіе Глинки должно было быть предназначено «для дѣтей», иначе полиція, вѣдавшая объявленіе о новыхъ книгахъ, не соглашалась выпустить его въ свѣтъ. Какъ бы то ни было, однако, появилась ли эта книга подъ фирмою для дѣтей или для взрослыхъ, существенной пользы она не принесла. Вскорѣ она и совсѣмъ была забыта, и на смѣну ей появились новые труды въ той же области, составленные болѣе умѣлыми руками.

Б. Глинскій.

Генеалогія нынѣ живущихъ титулованныхъ польскихъ родовъ
(Genealogie żyjących utytułowanych rodów Polskich. Sewer Hr.
Dunin-Borkowski. Lwow. 1895).

Въ нынѣшнемъ году во Львовѣ появился родословный сборникъ титулованныхъ польскихъ фамилій, составленный графомъ Дунинымъ-Борковскимъ. Такъ какъ польская аристократія издавна близко соприкасается съ русскою знатью, то трудъ графа Борковского имѣетъ несомнѣнно интересъ и для русскихъ, занимающихся генеалогіею.

Въ этотъ польскій готскій альманахъ вошло все высшее польское дворянство, которое, оказывається, составляютъ 186 родовъ; изъ нихъ 17 княжескихъ, 120 графскихъ, 32 баронскихъ и 17 съ титуломъ *comte*, полученнымъ отъ папъ Пія IX-го и Льва XIII.

Сборникъ составленъ очень тщательно и изданъ весьма изящно; каждой росписи предшествуетъ маленькая историческая замѣтка о происхожденіи рода съ краткими біографическими свѣдѣніями о прежде жившихъ главнѣйшихъ лицахъ фамиліи. Въ сборникъ вошли всѣ титулованные польскіе роды (нынѣ живущіе), т. е. русско-польскіе, австро-польскіе и прусско-польскіе.

Вотъ полный списокъ помѣщенныхъ въ трудѣ Дунина-Борковского родословныхъ росписей, въ порядкѣ латинскаго алфавита (разрядкой означены фамиліи, титулы коихъ признаны въ Россіи, и которыя значатся въ официальномъ изданіи департамента герольдіи «Списки титулованнымъ родамъ и лицамъ Россійской имперіи»).

1) Княжескіе роды:

Чарторыйскіе, Четвертинскіе-Святопольскіе, Гедройцъ, Яблоновскіе, Друцкіе-Любецкіе, Любомирскіе, Массальскіе, Мирскіе-Святопольскіе, Огинскіе, Понинскіе, Пузины, Радолинны-Радолинскіе, Радзивиллы, Сангушко, Сапѣга, Сулковскіе и Воронецкіе.

Князь Адамъ Чарторыйскій, какъ извѣстно, лишенъ былъ въ Россіи княжескаго и дворянскаго достоинствъ, по приговору суда, за участіе въ польскомъ мятежѣ 1830—1831 гг., и съ тѣхъ поръ Чарторыйскіе проживаютъ во Франціи и въ Австріи.

Понинскіе получили княжескій титулъ отъ короля Станислава-Августа въ 1773 г.

Пузины происходятъ отъ князя Владиміра Титовича Ковельскаго, по прованію Пузырь; они Рюриковичи и одного происхожденія съ князьями Огинскими. Но потомки этого князя Ковельскаго, — говоритъ кн. Долгоруковъ (т. IV, стр. 26), — князьями не писались, а до самаго XVII вѣка писались съ Ковельска Пузинами. У Дунина-Борковского сказано, что княжескій титулъ имъ былъ подтвержденъ въ 1823 г.

Радолины-Радолинскіе были до 16-го апрѣля 1838 г. графами Радолинскими. Императоръ Фридрихъ III возвелъ графа Гуго Радолинскаго (нынѣшняго германскаго посла въ Петербургѣ) съ его нисходящимъ потомствомъ въ княжеское достоинство.

Сулковскіе стали князьями въ 1754 г.

2) Графскіе роды (знакъ † означаетъ, что родъ въ мужской линіи угасъ):

Александровичи, Бадени, Баворскіе, Бянинскіе, Бобровскіе, Борхъ, Дунины-Борковскіе, Борковскіе (†), Браницкіе, Брега, Бржостовскіе, Буковскіе, Сетнеръ, Ходкевичи, Холоднѣевскіе, Чапскіе, Чарнецкіе, Дамбскіе, Дембицкіе, Дембинскіе, Дрохойовскіе, Дзялынскіе (†), Дзедушицкіе, Фредро, Голѣевскіе (†), Голуховскіе, Грабовскіе (2 вѣтви), Грохольскіе, Грудвинскіе, Гуровскіе, Гуваржевскіе, Илинскіе, Яблоновскіе, Езерскіе, Калиновскіе, Карницкіе, Квцинскіе. Комаровскіе (2 вѣтви, изъ нихъ одна †), Копарскіе, Корытовскіе, Косаковскіе, Ковибродскіе, Красицкіе, Красинскіе, Кренскіе (†), Крюковицкіе, Кушковскіе (†), Квилецкіе, Ланскоронскіе, Лавоцкіе, Ледоховскіе, Левицкіе (†), Лубинецкіе, Ланщинскіе, Ласкіе, Лосъ, Лубинскіе, Малаховскіе, Менцинскіе, Миончинскіе, Михаловскіе, Мельжинскіе, Миръ, Мирошовскіе, Мишеки (†), Мостовскіе, Мищельскіе, Оссолинскіе, Остророгъ, Островскіе, Парысъ, Пининскіе, Платеръ, Пелетыло, Понинскіе, Потоцкіе, Потулицкіе, Потворовскіе, Рачинскіе, Рей, Ромеръ, Роникеръ, Роваловскіе, Русоцкіе, Ржевускіе, Сименскіе, Сѣраковскіе, Скарбекъ, Скоржевскіе, Соколыницкіе, Стадницкіе (2 вѣтви), Старжинскіе, Суминскіе, Шембекъ, Шептицкіе, Шольдерскіе, Тарновскіе, Тышкевичъ, Урусскіе (†), Валевскіе, Венсирскіе, Вѣльгорскіе, Велопольскіе, Вишневскіе, Водзидцкіе, Воланскіе, Воловичъ, Забѣльскіе (†), Забѣлло, Залусскіе, Замойскіе, Збонинскіе (†), Зборовскіе, Желевскіе и Жолтовскіе.

3) Баронскіе роды:

Блажовскіе, Боровскіе, Хлоповскіе, Хлендовскіе (Пфафенгофенъ), Чеховичи (Лоховицкіе), Долинніанскіе, Дульфусъ, Гостковскіе, Грушинскіе-Розенбергъ, Ходзевичъ, Гейдель, Гѣрохъ, Якубовскіе, Конопка, Косинскіе, Коветуцкіе, Ларишь, Леваровскіе, Мальцанъ, Немыцкіе, Пржицоцкіе, Пущеть дю Пуже, Родошевскіе, Райскіе, Рокосовскіе, Рѣнне, Скаржинскіе, Сольденгофъ, Стоковскіе, Вильмовскіе, Вишинскіе, Зимецкіе.

Въ послѣдній 4-й отдѣлъ вошли 17 родовъ, украшенные графскимъ титуломъ отъ святѣйшихъ отцовъ Пія IX и Льва XIII. Конечно, папы, какъ независимые государи, имѣютъ полное право раздавать титулы и ордена, но такъ какъ папскіе титулы пріобрѣтаются за извѣстную сумму денегъ, то они и не пользуются ни значеніемъ, ни уваженіемъ наравнѣ съ титулами другихъ государствъ. Въ Россіи ни одинъ изъ этихъ родовъ въ графскомъ достоинствѣ не признанъ, въ Австріи же папскимъ графамъ не дается титулъ *Hehr Graf*, а имъ говорятъ *Hehr Conte*. Вотъ эти 17 фамилій:

Сешковскіе (съ 1850 г.), Грабинскіе (1860 г.), Кеншицкіе (1875 г.), Кашоровскіе (1871 г.), Лавоцкіе (1869 г.), Манковскіе (1888 г.), Милевскіе (1876 г.), Млодецкіе (1831 г.), Потоцкіе (1889 г.), Пуслевскіе (1871 г.), Скаржинскіе (1884 г.), Сморгевскіе (1892 г.), Собанскіе (1880 г.), Шелицкіе (1894 г.), Шлубовскіе (1869 г.), Завадскіе (1865 г.) и Жолтовскіе (1867).

К. Г—овъ.

Отразительное писаніе о новоизобрѣтенномъ пути самоубійственныхъ смертей. Вновь найденный старообрядческій трактатъ противъ самосожженія 1691 года. Сообщение Хрусанеа Лопарева. Спб. 1895 (Памятники древней письменности. CVIII).

Самосожженіе—одно изъ странныхъ явленій въ области раскола. Всегда отличаясь воинствующимъ духомъ противленія, старообрядство конца XVII и начала XVIII вѣка выдѣлило изъ себя толкъ самосожженцевъ совершенно оригинальнаго склада. Проповѣдники его, сплотившись въ одно цѣлое и выработавъ ученіе о добровольномъ мученичествѣ путемъ самоубійства, расходились по городамъ и селамъ, разнося съ собою тетрадки и книги, въ которыхъ излагались основанія подобнаго мученичества. Не смотря на противоестественность требованій этихъ проповѣдниковъ, масса оказывалась очень податливой: сожигались не только отдѣльныя лица, но даже цѣлыя семья и селенія. Старообрядческіе синодики сохранили довольно значительный матеріалъ, свидѣтельствующій о томъ, что самосожженіе не было съ одной стороны единственнымъ способомъ самоубійства Христа ради, съ другой—что такія массовыя самоубійства вовсе не были, какъ думали раньше, вынужденными появленіемъ преслѣдующихъ старообрядцевъ командъ, посланныхъ правительствомъ. Изъ собранныхъ г. Лопаревымъ статистическихъ данныхъ ясно, что, по свѣдѣніямъ синодиковъ и другихъ источниковъ, существуетъ достовѣрно не менѣе 37 гарей или мѣстъ самосожженія, при чемъ только за первый 16-ти-лѣтній періодъ самоубійственныхъ смертей въ расколѣ, съ 1675 по 1691 гг., на каждый годъ приходится по три массовыхъ самоубійства, а за весь этотъ періодъ времени погибло болѣе 20.000 человекъ. Жгли себя по всей сѣверо-восточной и центральной Россіи, преимущественно въ предѣлахъ нынѣшней Новгородской, Тверской, Вологодской, Олонецкой и Ярославской губерній. Вотъ какъ описываетъ картину этого сожженія издатель трактата, на основаніи данныхъ, почерпнутыхъ изъ него и другихъ источниковъ. Влѣвъ Пошехонья во время Успенскаго поста сожглось заразъ 600 человекъ,—а бывали случаи, что сожигалось 2—3 тысячи,—и случилось это при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Во время пребыванія попа Семена, одного изъ проповѣдниковъ раскола, въ Пошехоньи, явился къ нему одинъ пошехонецъ. Попъ набросился на него со словами: «Жить, ѣсть, пить и пребывать въ покоѣ такъ любите, а Христа видно не любите, умереть за него не желаете: давно вамъ приказано: отчего не слушаетесь». Слово за слово оцъ такъ убѣдилъ мужика и его односельчанъ и сосѣдей, что въ ту же ночь «жарино до вѣту стояло версть съ тридцать отъ города, во единомъ дому, на холму, сотъ шесть въ ту ночь сгорѣло». Въ этомъ пожарѣ сгорѣли и двѣ сестры извѣстной Θεодоры (Θеодосіи) Морозовой, которая сама едва спаслась. Когда она явилась на пожарище, то страшная картина представилась ей очамъ: «тѣлеса сгорѣвшихъ лежать, въ толстоту велику раздулись, а огнемъ уpekлися, жаренымъ мясомъ пахнутъ; иные же лежать цѣлы, а за что потянешь, то и оторвется; пси же ту ходить, рыла зачернѣвши, печеныхъ тѣхъ мясъ ялуще окаяннѣи; елима лежить двѣа зѣло растолстѣла: столько умерла, а плоть вся цѣла, повержена огнемъ взнакъ; вспать поворотили и обрѣтоша подъ спиною коса вся цѣла». До чего доходило изувѣрство приверженцевъ самосожигательства, свидѣтельствуемъ слѣдующій фактъ: во время одного пожара къ воротамъ дома, на-

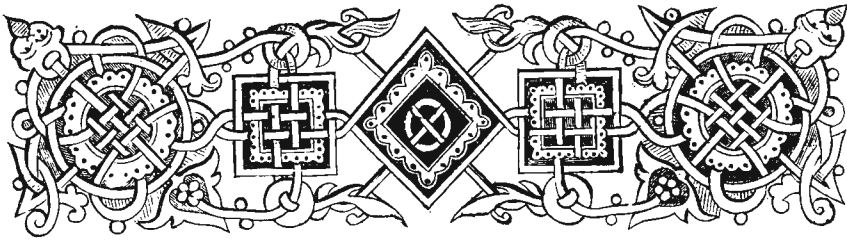
крѣпко запертымъ, пришла одна беременная женщина, и отъ ужаса и испуга тутъ же разрѣшилась ребенкомъ. Псаломщикъ, ивѣй, Кириллъ, не долго думая, сейчасъ же окрестилъ ребенка и вмѣстѣ съ матерью бросилъ въ пламя. Одинъ старикъ, уже затлѣвшій,—разсказываетъ авторъ изданнаго трактата,—прыгнулъ на заборъ и хотѣлъ перескочить за ограду, но родныя его дѣти, горѣвшія съ нимъ вмѣстѣ, имѣли настолько фанатическаго мужества, что успѣли обрубить ему руки: несчастный такъ и гранулся въ пламя.

Расколуучители-проповѣдники самосожженія и самоуморенія имѣли въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ свои «морильни», гдѣ въ срубахъ морили голодомъ до смерти волей и неволей заманенныхъ приверженцевъ «старой вѣры». Но каковы были сами эти проповѣдники самоубійства ради Христа? Сами они, повидимому, считали себя чѣмъ-то въ родѣ апостоловъ, какъ иронически замѣчаетъ о нихъ авторъ найденнаго трактата. Они переходили изъ селенія въ селеніе и всячески соблазняли сжигаться; нравственная сторона этихъ проповѣдниковъ весьма непривлекательна: часто иные изъ нихъ сожигали дѣвушекъ, соблазнивъ ихъ на грѣхъ съ ними, увѣряя, что огонь все очиститъ. Сами проповѣдники рѣдко сожигались: обыкновенно, сожегши народъ въ одномъ мѣстѣ, они благополучно переходили дальше и дѣлали то же. Но порой ихъ не выпускали, и имъ приходилось самимъ испытывать прелесть результатовъ своего ученія.

Первыми противниками самосожженія оказались «правовѣрные старообрядцы», то-есть тѣ, которые не уклонились ни въ одну изъ крайностей развивавшагося раскола. Старецъ Евфросинъ, которому г. Лопаревъ приписываетъ издаваемый нынѣ трактатъ, отличался такимъ усердіемъ въ противодѣйствіи сожигателямъ, что они готовы были растерзать его, видя въ немъ человѣка, начитаннаго, могущаго доказать словами Писанія и св. отецъ незаконность и грѣховность самосожиганія. Трактатъ, написанный этимъ обличителемъ самосожженцевъ, восполняетъ недостаточность свѣдѣній объ этой ереси и занимаетъ важное мѣсто въ ряду другихъ раскольниковыхъ сочиненій. Благодаря ему, открываются новыя стороны въ жизни раскола, и подтверждаются фактами нѣкоторыя соображенія, высказанныя въ ученой литературѣ лишь предположительно. Наконецъ, для историка вообще этотъ трактатъ, написанный языкомъ простымъ и выразительнымъ, похожимъ на языкъ протопопа Аввакума, даетъ цѣлый рядъ картинъ изъ религіознаго быта старообрядцевъ.

С. Т—скій.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

РХЕОЛОГИЧЕСКІЯ раскопки въ Египтѣ, Помѣѣ и Крыму. Послѣ замѣчательныхъ археологическихъ открытій, сдѣланныхъ профессоромъ Петри и Морганомъ въ Египтѣ въ прошедшемъ году и нынѣшней весной, наступилъ отдыхъ, и египтологи подводятъ итоги сдѣланныхъ за послѣднее время успѣховъ въ ихъ излюбленной наукѣ. Общую картину недавнихъ египетскихъ раскопокъ рисуетъ Е. Амелино въ «Revue des Deux Mondes»¹⁾ и, набросавъ предварительный очеркъ трудовъ исследователей египетскихъ древностей, Марьетта и Масперо съ пятидесятихъ годовъ этого столѣтія, онъ графически очерчиваетъ результаты работъ ихъ теперешнихъ послѣдователей Навиля, Петри и Morgana. Первый изъ нихъ, богатый женевецъ, руководить археологическими раскопками англійскаго общества подъ названіемъ Egypt exploration fund, и ему удалось сдѣлать не мало драгоцѣнныхъ открытій, именно Герополиса, одного изъ городовъ, выстроенныхъ плѣнными евреями, знаменитаго храма XXVIII династіи въ Бубастѣ и еще болѣе замѣчательнаго храма XVIII династіи въ Деяръ-ель-Бахари. Восстановленіемъ послѣдняго чуда египетскаго искусства онъ занимается до сихъ поръ и, по словамъ Амелино, лично посѣтившаго эти раскопки, удивительное зданіе, построенное архитекторомъ Сенмутомъ при царицѣ Хатшопсетъ, около 1,700 лѣтъ до Р. Х., почти совершенно выдѣлилось изъ земли съ своими прекрасными колоннами, изящными барельефами и цвѣтными фресками, сохранившими свой блестящій колоритъ. Профессоръ Лондонскаго университета, Флиндерсъ Петри, работаетъ самостоятельно, и половина найденныхъ имъ рѣдкостей принадлежитъ ему, а другая, также какъ и поло-

¹⁾ Les fouilles recentes en Egypte, par E. Amelineau, Revue des Deux Mondes, 15 juillet.

вша находокъ Навиля, египетскому правительству, а оно уже даритъ ихъ британскому и берлинскому музеямъ. Отличительной чертой его раскопокъ служить ихъ почти математическая точность; у него нѣтъ случайныхъ находокъ, какъ у Навиля и даже Марьета, а онъ сначала извучаетъ мѣстность, потомъ зондируетъ почву и, когда начинается работы, то уже дѣйствуетъ навѣрняка. Поэтому и необыкновенный успѣхъ увеличиваетъ всѣ его строго научные труды. Въ продолженіе своей тринадцатилѣтней дѣятельности онъ раскопалъ большія пирамиды въ Гизехъ, открылъ слѣды Новкатиаса, одного изъ первыхъ египетскихъ городовъ, куда проникли греки, и развалины Файума, Кахуна и Гуроба, проливающія столько свѣта на сношенія Египта съ Греціей, а потомъ съ Римомъ, восстановилъ въ теперешней Ель-Амарнѣ древній городъ Кутенатенъ, или лучезарное жилище солнечнаго диска, созданный царемъ Аменофисомъ IV, который былъ революціонеромъ во всемъ: въ политикѣ, религіи, поэзіи, архитектурѣ, ваянскихъ искусствахъ, и это за семнадцать вѣковъ до нашей эры, наконецъ, нашелъ цѣлую систему храмовъ, расположенныхъ одинъ на другомъ въ Коптѣ, близъ Оивъ, и группу древнихъ гробницъ въ Негадехъ. Морганъ, директоръ египетскихъ музеевъ и раскопокъ, ведетъ дѣло насчетъ хедива, и всѣ его драгоценныя находки обогащаютъ Гизехскій музей. Онъ работаетъ только четыре года, а уже, благодаря заимствованному имъ у Петри, но еще болѣе усовершенствованному строго-научному методу раскопокъ, успѣлъ найти въ Дашурѣ громадное количество драгоценныхъ диковинокъ египетскаго искусства самыхъ древнихъ временъ, именно за двадцать пять и даже пятьдесятъ вѣковъ до Р. X. Самъ Морганъ въ любопытной статьѣ, напечатанной въ «*Vie Contemporaine*»¹⁾, изображаетъ, на основаніи сдѣланныхъ имъ открытій, рядъ сценъ изъ домашней жизни древнихъ обитателей Мемфиса и долины Нила въ историческія времена, но съ сожалѣніемъ заявляетъ, что далѣе въ глубь доисторической эпохи врядъ ли когда дойдутъ археологи. «Конечно,— говоритъ онъ,— населенія, жившія до египтянъ въ Нильской долинѣ, находили вокругъ себя въ лѣсахъ и болотахъ все, что необходимо для жизни, а не углублялись въ бесплодныя и кишѣвшія опасными вѣврями, пустыни, такъ что въ наносной землѣ этой долины надобно искать доисторическія жилища, но въ продолженіе десяти, или двѣнадцати тысячъ лѣтъ Ниль покрывалъ своими ежегодными разлитіями такимъ толстымъ слоемъ ила тѣ мѣстности, гдѣ обитали предшественники египтянъ, что пришлось бы искать слѣдовъ этой древнѣйшей цивилизаціи на глубинѣ 20 или 30 метровъ, что въ настоящее время невозможно». Профессоръ Петри, въ помѣщенномъ въ «*Deutsche Revue*» краткомъ, но обстоятельномъ очеркѣ²⁾, также пользуется своими трудами для вывода заключеній о расахъ древняго Египта. По его словамъ, населеніе этой страны было такое же смѣшанное, какъ и населеніе Европы. До вторженія арабтянъ, копты представляли расу, въ которой были примѣси римлянъ, грековъ и македонянъ, а масса туземныхъ обитателей представляла еще болѣе древнее сліяніе еѳіоповъ, сирійцевъ, ливійцевъ и южныхъ берберовъ, съ жителями береговъ Чермнаго моря вавилон-

¹⁾ *Memphis et la vallée du Nil dans les temps historiques*, par J. de Morgan, *Vie Contemporaine*, 15 août.

²⁾ *Die Rassen der altertümlichen Aegypten*, von Flinders Petrie, *Deutsche Revue*, August.

скаго типа, а также съ остатками древнѣйшихъ, получерныхъ и полубѣлыхъ расъ Египта. Естественно, что новѣйшіе успѣхи англичанъ и французовъ въ изслѣдованіи древняго Египта возбуждаютъ зависть нѣмцевъ, и знаменитый авторъ столькихъ романовъ изъ древней египетской жизни, Георгъ Эберсъ, краснорѣчиво взываетъ къ своимъ соотечественникамъ на страницахъ также «Deutsche Revue»¹⁾, доказывая, что нѣмцамъ, среди которыхъ были такіе замѣчательные египтологи, какъ Бругшъ, Штернъ, Ермакъ и другіе, въ числѣ которыхъ онъ, вѣроятно, разумѣетъ себя, обязательно вновь заняться раскопками въ Нильской долинѣ, для чего германскому правительству необходимо оказать содѣйствіе ученымъ. Отдавая справедливость новѣйшимъ открытіямъ англичанъ и французовъ, Эберсъ однако упрекаетъ ихъ въ излишней лихорадочной торопливости, могущей принести много вреда, и совѣтуетъ нѣмецкимъ ученымъ внести въ египетскія раскопки большую систематичность и сдержанность, а также пополнить археологію значными ботаники и зоологіи, что, по его мнѣнію, должно привести къ удивительнымъ результатамъ.

13-го апрѣля настоящаго года въ Боско-Реале, близъ Помпеи, у подножія Везувія найдена рѣдкая коллекція серебряныхъ вещей, которыя были скрыты подъ окрѣпшимъ пепломъ въ продолженіе восемнадцати вѣковъ. Эти сокровища находились въ тайникѣ, у входа въ который помѣщали скелетъ хозяина, или слуги, застигнутаго изверженіемъ вулкана въ ту самую минуту, какъ онъ хотѣлъ скрыть свои драгоценности. Подлѣ него отыскано шесть золотыхъ браслетовъ, нѣсколько колець, прекрасная длинная цѣпь и около тысячи золотыхъ монетъ временъ Нерона, Гальбы, Отона, Вителія и Веспасіана. Всѣхъ серебряныхъ вещей сорокъ одна, и въ числѣ ихъ вазы, кубки, чаши съ рельефными изваяніями на крышѣ, туалетныя зеркала и т. д. Всѣ она поражаютъ удивительно изящной, художественной работой и позволяютъ впервые безошибочно прослѣдить вліяніе Александріи на греко-римское искусство. Особенно замѣчательны двѣ чаши съ крышками, на одной изъ которыхъ рельефный бюстъ мужчины, а на другой — женщины, олицетворяющей Александрію, а также два бокала съ изображениями на нихъ извѣстныхъ лицъ: Эпикура, Зенона, Еврипида, Софокла, Менандра и т. д. въ формѣ скелетовъ. Эта идея — представить въ видѣ скелетовъ знаменитыхъ писателей и философовъ, очень оригинальна, а, благодаря надписямъ, вполне выясняется мысль художника — возбудить память о смерти среди радостей жизни. Такъ Зенонъ указываетъ грознымъ жестомъ на Эпикура, который держится рукой за большую урну съ надписью: «Цѣль человѣка удовольствія», а на другомъ кубкѣ скелетъ увѣнчиваетъ себя цвѣтами, а надъ нимъ красуется надпись: «Пользуйся жизнью, такъ какъ ты не увѣренъ въ завтрашнемъ днѣ»; рядомъ же съ нимъ высокій скелетъ держитъ въ рукѣ черепъ и говоритъ согласно надписи: «И это человѣкъ». Такимъ образомъ боско-реальскія сокровища заслуживаютъ вниманія не только, какъ высоко-художественныя произведенія мало извѣстнаго александрійскаго искусства, но и какъ артистическое воспроизведеніе философскаго міросозерцанія, предугадавашаго знаменитую сцену «Гамлета». Какъ только вѣсть о находкѣ этихъ драгоценностей распространилась по Европѣ, отовсюду явились предложенія о покупкѣ ихъ у владѣльца той мѣстности, гдѣ онѣ были отысканы, Винченцо-де-Приско, и однимъ изъ

¹⁾ Die Ausgraben in Aegypten, von G. Ebers. Deutsche Revue, October.

первыхъ покупателейъ былъ Парижскій Лувръ, но въ виду его скудныхъ средствъ сдѣлка не могла состояться, и счастливымъ покупщикомъ сдѣлался баронъ Эдмондъ Ротшильдъ, который однако пожертвовалъ приобретенную коллекцію Лувру, гдѣ она теперь и выставлена. Парижская пресса полна восторженными описаніями боско-реальскихъ драгоценностей, но изъ нихъ наиболѣе обстоятельны въ «Gazette des Beaux Arts» ¹⁾ и въ «Revue Encyclopedique» ²⁾.

Въ «Journal de Debats» ³⁾ отъ 4-го ноября, Гюставъ Шлумбергеръ, академикъ и знатокъ византійскихъ древностей, описываетъ блестящіе результаты археологическихъ трудовъ, предпринятыхъ подъ руководствомъ г. Костюшки, съ цѣлью восстановленія древняго Херсонеса, гдѣ крестился Владиміръ. Эти работы, производимыя по личной инициативѣ императора Александра III уже семь лѣтъ, въ настоящемъ году обратили на себя вниманіе иностранцевъ, и ихъ уже посѣтило восемьдесятъ четыре англичанина, но среди французовъ первымъ посѣтителемъ былъ Шлумбергеръ, который пришелъ въ такой восторгъ отъ всего видѣннаго въ Херсонесѣ, что записалъ въ книгу, имѣющуюся при работахъ: «Я восхищенъ (emerveillé) результатомъ раскопокъ г. Костюшки, которыя велены имъ съ такимъ успѣхомъ и съ такимъ похвальнымъ постоянствомъ». Описывая теперь свою поѣздку въ Крымъ, французскій ученый говоритъ: «Между Карантинной бухтой и береговыми холмами на южной сторонѣ Севастопольскаго рейда находятся остатки исчезнувшаго города, воскрешеннаго г. Костюшкой. Я провелъ тамъ въ сентябрѣ настоящаго года много очень пріятныхъ часовъ. Старинный греческій городъ теперь обрисовывается вполнѣ ясно. За исключеніемъ значительнаго пространства, по несчастью занятаго монастыремъ, гдѣ воспрещены раскопки, всѣ остальные части византійскаго города восстановлены. Можно легко отличить его улицы и главнѣйшія зданія. Если я не ошибаюсь, уже найдено болѣе тридцати церквей, которыя, какъ всѣ византійскіе храмы, очень малаго размѣра; въ числѣ ихъ церква, гдѣ крестился и вѣнчался Владиміръ. Религіозное чувство овладѣваетъ вами, когда передъ вашими глазами востаетъ образъ красиваго варвара, окруженнаго бѣлокуроыми воинами, стройными какъ пальмы, и дочери византійскаго императора, явившейся въ сопровожденіи толпы вѣнчатовъ, почтенныхъ матронъ и священниковъ съ развѣвающимися волосами. Произведенныя раскопки, особенно восстановленіе катакомбъ вокругъ города, дали очень богатые результаты. Г. Костюшко устроилъ маленькій временной музей и ежемесячно отправляетъ въ Эрмитажъ драгоценныя предметы, которые нельзя безопасно оставлять въ такомъ уединенномъ мѣстѣ. Подъ остатками турецкихъ и византійскихъ построекъ находятъ слѣды первобытныхъ греческихъ зданій, древнія херсонесскія медали а также древне-классическія и средневѣковыя надписи. Но не слѣдуетъ забывать еще одной драматической черты этихъ раскопокъ: часто вмѣстѣ съ греческими и византійскими монетами приносятъ г. Костюшкѣ французскія мѣдныя деньги, оброненныя въ траншеяхъ французскими солдатами во время осады Севастополя».

¹⁾ Le tresor d'argenterie de Bosco-Reale au musée du Louvre, par M. Heron e Villefasse. «Gazette de Beaux Atrts», 15 octobre.

²⁾ Le tresor de Bosco-Reale, par Paul Monceaux. Revue Encyclopedique, 1 octobre.

³⁾ Les fouilles de Crimée, par Gustave Schlumberger. Journal des Debats, 5 novembre.

— Воспоминанія французскаго офицера о Крымской войнѣ. О Крымской войнѣ во французской литературѣ существуютъ письма полковника Герена и маршала Сентъ-Арно, а равно воспоминанія Дюкана, Клера и Базанкура; теперь же въ этихъ матеріалахъ присоединились письма капитана главнаго штаба Луазильона къ своей семьѣ¹⁾. Этотъ авторъ уже извѣстенъ своими письмами о мексиканской войнѣ, и его новая книга представляетъ какъ бы дневникъ севастопольской осады, веденный добросовѣстнымъ очевидцемъ. Онъ просто, безхитростно рассказываетъ нао дня въ день все, что видѣлъ, слышалъ, чувствовалъ, и рисуемая имъ картина приобретаетъ отъ этого искренній, живой характеръ. Луазильонъ прибылъ въ Крымъ съ дивизіей генерала Брюне 9-го февраля 1854 г., въ одно время съ Пелисье, который тогда командовалъ вторымъ корпусомъ, но вскорѣ долженъ былъ сдѣлаться главой всей французской арміи. Проведя лишь мѣсяцъ въ Камышлякомъ лагерѣ, его дивизія должна была вести параллели Викторіи противъ Малахова кургана, и молодой офицеръ сразу попалъ въ самый центръ военныхъ дѣйствій, хотя, собственно говоря, его крещеніе огнемъ произошло только 7-го іюня при взятіи Зеленаго кургана. До тѣхъ поръ онъ принималъ самое дѣятельное участіе въ траншейной работѣ и исполнялъ заравъ обязанности штабнаго офицера, инженера, архитектора и даже часовщика, такъ какъ онъ повѣрялъ часы и устраивалъ солнечные. Его первыя письма дышатъ беззаботнымъ, мужественнымъ пыломъ новичка; онъ съ одинаковымъ сочувствіемъ описываетъ удивительную энергію русскихъ и геройскую стойкость французовъ, которые въ непривычной имъ службѣ, въ овчинныхъ тулупахъ и деревянныхъ башмакахъ весело работали въ траншеяхъ и исполняли службу на батареяхъ подъ непріятельскимъ огнемъ, встрѣчая смѣхомъ и шутками летавшія надъ ихъ головами ядра, бомбы, пули. Но все-таки, когда въ концѣ мая, его дивизія прекратила траншейныя работы и расположилась лагеремъ въ долинѣ р. Черной, то ему жизнь тамъ показалась раемъ, въ сравненіи съ тѣмъ, что приходилось испытать до того времени. Въ этомъ лагерѣ была вода, трава, деревья, а постоянно производимыя рекогносцировки по направленію къ Байдару имѣли характеръ пріятныхъ прогулокъ. Но недолго пришлось отдохнуть Луазильону, и въ первыхъ дняхъ іюня онъ снова съ своей дивизіей вернулся на аванпосты. 7-го числа произошла атака Зеленаго кургана, взятаго французами цѣной 6,000 человѣкъ, и это было первое серьезное дѣло, въ которомъ участвовалъ нашъ авторъ. Здѣсь онъ въ полномъ смыслѣ крестился огнемъ, и его письмо отъ 12-го іюня объ этомъ дѣлѣ очень характеристично. Подробно описавъ общія дѣйствія французовъ и его собственное участіе въ нихъ, Луазильонъ не щадитъ похвалъ солдатамъ, которые такъ увлекались своей храбростью, что безъ команды шли далѣе, чѣмъ имъ было приказано, и по нѣсколько разъ начинали произвольную атаку Малаховой башни. Впрочемъ онъ одинаково отдаетъ справедливость и русскимъ: «они защищаются болѣе чѣмъ хорошо,—говоритъ онъ,—ихъ офицеры отличаются мужествомъ и способностью, ихъ защита прекрасно задумана, а фортификаціонныя работы исполнены въ совершенствѣ». Чтобъ быть достойными такихъ враговъ, французскіе офицеры, по его словамъ, шли въ бой въ парадной формѣ,

¹⁾ Campagne de Crimée. Lettres écrites par le capitaine, d'état-major Loissillon à sa famille. Paris. 1895.

словно на балъ. «Но,—прибавляетъ онъ,—какъ во всемъ, и сраженіе имѣетъ свою оборотную сторону: на другое утро убитые и раненые, особенно послѣдніе, которыхъ не успѣли увести, представляли страшное зрѣлище. Трупы, валявшіеся между нашими траншеями и курганомъ, были тотчасъ похоронены тамъ же, но наибольшее число убитыхъ находилось за курганомъ по дорогѣ къ Малаховой башнѣ, и ихъ пришлось предать землѣ только на третій день, когда заключено было перемиріе. Подъ жгучими лучами солнца тѣла быстро равлагались и наполняли воздухъ миазмами. Страшно сказать, что среди этихъ труповъ нашлось двадцать раненыхъ, которые пролежали тамъ сорокъ восемь часовъ безъ всякой помощи». Насчетъ раненыхъ Луазильонъ рассказываетъ патетическій случай: во время боя онъ встрѣтилъ одного алжирскаго стрѣлка, который былъ пораженъ въ правую ногу пулей и шель къ траншеямъ, опираясь на ружье вмѣсто костыля; онъ ужасно страдалъ и жаловался на судьбу, но среди его стоновъ ядро разрѣзало его пополамъ и прекратило его сѣтованія. Что касается до личныхъ впечатлѣній, то Луазильонъ замѣчаетъ въ концѣ письма: «если судить по себѣ, то я полагаю, что наибольшее число солдатъ не думаетъ объ опасности даже въ самыя критическія минуты. Среди ужасной рѣзни, происходившей вокругъ меня, я ни разу, ни на одну минуту не подумалъ о смерти. Поэтому я полагаю, что очень легко быть храбрымъ въ битвѣ. Но только на другой день видъ поля сраженія и амбулаторныхъ пунктовъ наводитъ на грустныя мысли, и такъ какъ мнѣ было поручено хранить разложившіеся трупы, то я могу на опытъ сказать, что въ сравненіи съ этой тяжелой обязанностью было ничто мое участіе во взытіи кургана». Въ этомъ письмѣ, быть можетъ, наиболѣе интересномъ во всей книгѣ, встрѣчается еще любопытное описаніе внутренности Зеленаго кургана; «мы всѣ были удивлены,—замѣчаетъ онъ,—тѣмъ, что представилось нашимъ глазамъ: всюду были блиндированные траверсы, гдѣ солдаты прятались отъ бомбъ, пока не было имъ необходимости идти къ своимъ орудіямъ; кромѣ того, мы нашли громадное подземелье, гдѣ могли находиться до двухъ сотъ человѣкъ пѣхоты, такъ что русскія потери гораздо менѣе, чѣмъ мы предполагали; блиндированные траверсы тѣмъ любопытнѣе, что они къ нашему удивленію, снабжены предметами комфорта: кроватями съ перинами, фаянсовой посудой, чайными сервизами и т. д., всѣмъ этимъ пользовались, конечно, солдаты. Была тутъ и часовня, въ которой обращало на себя вниманіе только прекрасное деревянное поволоченное изваяніе Христа». Слѣдующее письмо отъ 19-го іюня послѣ неудача приступа наканунѣ этого дня звучитъ впервые печальной нотой. Оно представляетъ длинный некрологъ, такъ какъ дивизія Брюна, начиная съ своего командира, лишилась четверти офицеровъ и солдатъ. Самъ Луазильонъ получилъ контузію въ бедро и былъ спасенъ отъ смерти только мужествомъ какого-то солдата. Однако черезъ десять дней онъ поправился и вернулся въ траншейной службѣ, съ ея опасностями и усталостями. Въ сраженіи подъ Черной онъ не былъ, но видѣлъ его издали съ Сапунскихъ высотъ, гдѣ его дивизія стояла въ резервѣ, зато въ окончательномъ приступѣ и взытіи Малаховой башни онъ принялъ геройское участіе, за что и получилъ орденъ Почетнаго Легіона. «И вамъ пишу, значить я живъ», этими словами онъ начинаетъ свое письмо о паденіи Севастополя, и оно снова отличается грустнымъ тономъ: въ немъ нѣтъ никакого побѣднаго хвастовства, а напротивъ каждая строчка дышитъ глубокимъ человѣчнымъ чувствомъ. За лихо-

рабочнымъ пыломъ осады и приступа, наступали длинные мѣсяцы бездѣятельнаго стоянія двухъ армій другъ противъ друга, и Луазильонъ съ сожалѣніемъ замѣчаетъ въ своихъ письмахъ, относящихся до этой скучной эпохи, что напрасно упустили удобный случай уничтожить русскую армію, находившуюся подъ руками у соперниковъ, на ограниченномъ природою пространствѣ, а не отступавшую въ безпредѣльную глубину своей страны, какъ въ 1812 г. Этотъ взглядъ, однако, не мѣшаетъ ему относиться, какъ всегда, съ сердечнымъ сочувствіемъ къ русскимъ и признавать ихъ военныя доблести. По его словамъ, французскіе солдаты при всякой возможности братались съ русскими, и офицерамъ стоило большого труда удерживать ихъ отъ этого. Когда же было заключено перемиріе, то съ обѣихъ сторонъ произошло одинаковый взрывъ дружескихъ чувствъ, въ чемъ тогда участвовали и офицеры. Луазильонъ рассказываетъ о пантагрюельскихъ пирахъ, которые русскіе офицеры давали французскимъ, и замѣчаетъ: «право, удивительно, какъ дорожатъ русскіе нашимъ добрымъ мнѣніемъ о нихъ». Наконецъ Крымъ покинуть союзниками, и по словамъ другого очевидца, генерала Каннанжа, «отъ этой ужасной войны, веденной человѣчно, столь же славной для побѣжденныхъ, какъ для побѣдителей, память о которой не возбуждаетъ ни горечи, ни чувства мести,—остались только груды костей на херсонской равнинѣ».

— Прудонъ о Наполеонѣ I. Мода на Наполеона, царящая съ нѣкоторыхъ поръ не только во Франціи, но и во всей Европѣ, даже въ Америкѣ, естественно вымываетъ рядомъ съ его прославленіемъ и обнародованіе неизвѣстныхъ до сихъ поръ критическихъ взглядовъ на его дѣятельность выдающихся умовъ XIX вѣка. Въ этомъ отношеніи очень любопытна характеристика Наполеона I, написанная Прудономъ въ видѣ опроверженія исторіи Тьера и хранившаяся доселѣ въ рукописи у его вдовы. Теперь она приведена въ порядокъ Клеманомъ Рошелемъ и печатается въ *Nouvelle Revue*¹⁾. Еще вышла только первая часть, но уже по ней можно судить, какъ рѣзко, страстно, сурово и жестоко, но большею частью справедливо относится Прудонъ къ личности Наполеона. Это развѣнчиваніе, во имя нравственныхъ идеаловъ и народнаго блага, военнаго кумира, стоявшаго такъ дорого всему человѣчеству, теперь является, какъ нельзя болѣе кстати, потому что наполеоновская мода, хотя до сихъ поръ возбуждающая только историческій интересъ, можетъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, снова увлечь легкомысленные французскіе умы на путь бонапартизма, который стоилъ Франціи едва ли не дороже самого Наполеона. Холодной водой обливаетъ Прудонъ могущій зародиться отъ этой моды наполеоновскій культъ, и его здоровая, основательная, хотя, быть можетъ, слишкомъ жесткая и суровая критика, дѣйствуетъ самымъ отрезвляющимъ образомъ среди всюду распространяющагося интереса къ этой гениальной, но роковой, исторической личности. Во главѣ рукописи Прудона о Наполеонѣ набросано нѣсколько отдѣльныхъ отрывочныхъ фразъ, которыя вполне выясняютъ его взглядъ на того человѣка, котораго онъ подвергаетъ своей критикѣ, столь же безжалостной, какъ ножъ анатома. «Въ немъ были всѣ черты мелкой души,—говоритъ онъ:—гордость, тщеславіе, эгоизмъ, отсутствие всякаго человѣческаго чувства, презрѣніе къ людямъ, преждевременная и утонченная развращенность, шарлатанство, самохвальство, протѣворѣчіе са-

¹⁾ Napoleon I, par P. J. Proudhon. Nouvelle Revue, 1 novembre.

мому себѣ, отрицаніе всякихъ принциповъ и пользование всѣмъ для своей личной пользы: людьми, обществомъ, родиною, справедливостію, добродѣтелью, революціей, религіей, преступленіемъ, развратомъ. Его геній былъ геніемъ уничтоженія и больше ничего. Но подобный геній имѣетъ отрицательную силу, и въ сущности это отрицаніе генія, а потому Наполеонъ портилъ и развращалъ все, къ чему прикасался. Его исторія представляетъ только рядъ неудачныхъ предпріятій, политическихъ ошибокъ и экономическихъ заблужденій. Трудно понять, почему онъ такъ долго и такъ сильно влиялъ на окружавшіе его умы. Впрочемъ, производимое имъ обаяніе было далеко не общее, и оно поддерживалось безмолвіемъ, войной и упорнымъ стремленіемъ многихъ видѣть въ немъ человека революціи. Въ сущности его никто не любилъ и никто не уважалъ, ни въ семьѣ, ни среди его сподвижниковъ». Переходя отъ этихъ общихъ чертъ характеристики Наполеона къ изученію его личности и дѣятельности, Прудонъ прежде всего указываетъ на то, что онъ олицетворялъ собою духъ реакціи. «Роль реакціоннаго дѣятеля, по его словамъ, не требуетъ ни генія, ни принциповъ, ни идей, ни даже нравственной подкладки, а только смѣлости и пыла. Реакція, не имѣя возможности вернуть все назадъ, не уничтоживъ самой себя, вынуждена лавировать, лицемерить, совершать низкія, коварныя дѣла. Горе тому правителю государства, который предается вполне духу реакціи; онъ, въ концѣ-концовъ, потеряетъ власть и уваженіе не только современниковъ, но и потомковъ. Въ исторіи встрѣчаются династіи, основывающія извѣстный порядокъ, какъ династія Цезаря, Хлодвига, Карла Великаго, и династіи реакціонерныя, къ которымъ надо отнести династіи Карла V, Филиппа II и Бонапарта. Я не обвиняю и не клеветчу ни на кого, а только привожу факты. По своей ли винѣ, или по винѣ обстоятельствъ, но до свѣхъ поръ Бонапарты не играли другой роли, какъ реакціонерной. Многие повторяли до пресыщенія, что Наполеонъ былъ мечемъ революціи и ея великимъ миссіонеромъ. Но это явная ложь. Наполеонъ принадлежитъ революціи, какъ военачальникъ, только своими двумя итальянскими кампаніями, а какъ государственный дѣятель — рѣшительно ничѣмъ. Всѣ его войны были ведены изъ одного самолюбія, хотя онъ и старался придать имъ другую маску, а что касается до его управленія страной, то за исключеніемъ революціоннаго наслѣдія, котораго онъ не могъ уничтожить, не уничтожая самого себя,—оно было съ начала до конца слѣпой, грубой реакціей. 18-й Брюмеръ былъ въ сущности буржуазнымъ государственнымъ переворотомъ, ескамотированнымъ Бонапартомъ въ свою пользу, а потому имперія, одушевленная одной идеей реакціи и начатая съ обмана, должна была кончиться катастрофой». Развивая свою идею, что Наполеонъ былъ представителемъ и орудіемъ реакціи, Прудонъ указываетъ, что, отнявъ у буржуазіи ея побѣду надъ демократіей, онъ шагъ за шагомъ пошелъ назадъ и сталъ возстановлять старое во всѣхъ его формахъ. Въмѣсто распространенія во всемъ свѣтѣ идей 1789 года, что было цѣлью революціонной Франціи, онъ началъ распространять военное владычество Франціи. Онъ заданъ мыслью возстановить Западную имперію, для чего понадобилось подчинить Италію, Испанію, Германію и славянскія племена. Внутри страны онъ пытается вернуть феодализмъ, заводитъ съ папой средневѣковые споры объ инвеститурѣ, создаетъ придворныя должности и ордена, дѣлаетъ изъ университета переднюю казарму, а самъ придаетъ себѣ роль какого-то полубога. Общество для него состоитъ изъ арміи и администраціи, а народъ—

только пушечное мясо. Поэтому онъ и говорилъ еттерриху: «что мнѣ значитъ жизнь двухсотъ тысячъ людей!» Вся политика Наполеона, по мнѣнію Прудона, заключалась въ войнѣ для войны. Насколько эта политика была нелѣпа, доказываются уже тѣмъ фактомъ, что всѣ его величайшія предпріятія были неудачны, именно: египетская экспедиція, возвращеніе Санъ-Доминго, высадка въ Англію, возстановленіе Западной имперіи, континентальная блокада, подчиненіе католической церкви, завоеваніе Испаніи, походъ въ Россію, возвращеніе съ острова Эльбы. Прославленныя его побѣды ступеньваются передъ страшными пораженіями. Березина, Лейпцигъ, Ватерло подтачиваютъ всю славу наполеоновской легенды и переполнили чашу униженія, поднесенную Франціи. «Что основала первая имперія?» — спрашиваетъ Прудонъ и отвѣчаетъ: «ничего». На второй вопросъ, чего стоила эта имперія, слѣдуетъ отвѣтъ: «всего, что можетъ потерять нація: чести, нарушенія политической и гражданской свободы, впродолженіе пятнадцати лѣтъ, четырехъ съ половиною милліоновъ людей, убитыхъ на полѣ брани, двухъ иноземныхъ вторженій, уменьшенія территоріи, военной контрибуціи въ 700 милліоновъ, занятія страны иностранными войсками, втеченіе четырехъ лѣтъ. Кроме того, благодаря Наполеону, установилась система постоянныхъ армій, развился милитаризмъ и развратился общественный лужъ». Подводя такимъ образомъ отрицательные итоги прославленной дѣятельности Наполеона, Прудонъ говоритъ, что иначе и быть не могло, такъ какъ онъ былъ воплощеніемъ войны, а война имѣетъ цѣлью истребленіе, по самому своему существу составляетъ отрицаніе всякаго добра и, по своей природѣ безнравственная, ведетъ только къ уничтоженію и развращенію всего. «Поэтому военная профессія, по словамъ Прудона, дѣйствуетъ разлагвающимъ образомъ на всякаго, кто посвящаетъ себя ей всецѣло. У такого человѣка мало-по-малу ступеньвается всякая совѣсть и ослабѣваетъ умъ, такъ что онъ совершаетъ самыя нелѣпыя, безумныя и преступныя дѣянія. Краснопрѣчивѣйшимъ примѣромъ такого умственного и нравственного разлаганія въ человѣкѣ, всецѣло преданномъ военному дѣлу, служитъ Наполеонъ. Отличаясь жестокостью, презрѣніемъ къ людямъ, страстью проливать кровь и наклонностью къ лжи, коварству и т. д., онъ въ концѣ концовъ просто сошелъ съ ума и въ послѣдніе четыре года имперіи дѣйствовалъ, какъ слѣпой, переходя отъ одной глупости къ другой».

— Швейцарскія народоправства. Въ послѣднее время Швейцарія, благодаря частымъ примѣненіямъ ея права «referendum», т. е. голосованія всѣмъ народомъ новыхъ законовъ, и недавнему предоставленію самому народу инициативы въ этомъ дѣлѣ, обращаетъ на себя особое вниманіе европейской литературы и журналистики. Надняхъ вышло три сочиненія, трактующія объ исторіи и современномъ положеніи этой древнѣйшей изъ существующихъ доселѣ республикъ: одно изъ нихъ: «Исторія швейцарскаго нейтралитета»¹⁾, принадлежитъ П. Швейцеру, профессору цюрихскаго университета, и представляетъ полную, основательную монографію по избранному предмету; другое — «Образцовая республика»²⁾, составлено англичаниномъ

¹⁾ Geschichte des Schweizerischen Neutralitet, von Dr. Paul Schweizer. Franenfeld 1895.

²⁾ The Model Republic, a History of the Rise and Progress of the Swiss people by Grenfell Baker. London. 1895.

Гренфелешъ Бекеромъ и рисуеъ общую картину происхожденія и развитія всѣхъ швейцарскихъ кантоновъ, а послѣднее: «Аппенцель»¹⁾, написано американскимъ генеральнымъ консуломъ въ Швейцаріи И. Ричманомъ и знакомить читателя съ демократическимъ устройствомъ и патриархальной жизнью одного изъ кантоновъ, съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней. Если къ этимъ книгамъ мы прибавимъ еще статью француза Мориса Мюре²⁾ въ *Vie Contemporaine* о швейцарскихъ «Landesgemeindes», т. е. общинныхъ собраніяхъ, то увидимъ, что Швейцаріей одинаково интересуются и ее одинаково изучаютъ не только туземные ученые, но и чужестранные писатели. Конечно, въ указанныхъ сочиненіяхъ первое мѣсто занимаетъ почтенный трудъ швейцарскаго профессора, который въ большомъ, объемистомъ, имѣющемъ болѣе тысячи страницъ, томѣ исторически и юридически, теоретически и практически, разсматриваетъ вопросъ о примѣненіи въ Швейцаріи принципа нейтралитета. Сначала онъ научно опредѣляетъ значеніе этого термина и слѣдуетъ за развитіемъ нейтральнаго права въ древности, въ средніе вѣка и до нашего времени, а потомъ уже приступаетъ къ всестороннему изученію швейцарскаго нейтралитета и распространенія его на сосѣднія страны, именно Франшъ-Конте и Савойю, обращая должное вниманіе на тѣ опасности, которыми грозили его существованію союзы кантоновъ съ Австріей и Франціей. Далѣе онъ переходитъ къ тѣмъ эпохамъ, когда этотъ нейтралитетъ, слѣвавшись вполнѣ правильнымъ и опредѣленнымъ, подвергался нарушеніямъ, какъ въ Тридцатилѣтнюю войну, или во время завоеваній Людовика XIV, и къ XVIII столѣтію, когда уже всѣ соблюдали нейтральнаго права швейцарцевъ. Періодъ отъ 1793 г. до 1815 г., т. е. времена французской революціи и Наполеона, былъ самымъ опаснымъ кризисомъ для процвѣтанія этого принципа, но Швейцарь очень безпристрастно описываетъ всѣ его фазисы и отдаетъ справедливость Ребесьеру и якобинцамъ, которые въ высшей политикѣ держались болѣе здравыхъ правилъ, чѣмъ жирондисты и директорія, уже, конечно, не говоря о Наполеонѣ, и не вышлывались во внутреннія дѣла Швейцаріи. Долго оставаясь только номинальнымъ, нейтралитетъ этой страны былъ вполнѣ восстановленъ послѣ паденія имперіи, но подвергался различнымъ толкованіямъ до 1848 года, когда уже окончательно опредѣленъ и закрѣпленъ въ настоящей его формѣ. Разсматривая теперешнее положеніе Швейцаріи относительно ея нейтральнаго права, Швейцарь подробно рассказываетъ исторію отношенія второй французской имперіи къ своей сосѣдкѣ и съ полнымъ знаніемъ дѣла влгаетъ тѣ условія, съ помощью которыхъ швейцарскій союзъ самъ хранитъ и заставляетъ другихъ уважать свой нейтралитетъ. Вообще книга цюрихскаго профессора слѣдается классической и справочной по всѣмъ вопросамъ, касающимся этого любопытнаго предмета. Если то же можно сказать о трудѣ американскаго консула, который лично на мѣстѣ и по туземнымъ матеріаламъ основательно изучилъ все, что касается исторіи и настоящаго положенія полу-кантона Аппенцеля, носящаго названіе Внутренняго, то книга Бекера совершенно иного характера: это популярная компіляція по известнымъ авто-

1) Appenzell. Pure democracy and pastoral Life in Inner—Rhoden, by Irving Richman. London. 1895.

2) Les Landesgemeindes de la Suisse, par Maurice Muret. La Vie Contemporaine. 1 juillet.

ритетнымъ сочиненіямъ, начиная отъ Цезаря и Тацита до «Швейцарскаго Союза» Адамса и Кунингама, а также мастерскаго очерка Швейцарской исторіи въ «Encyclopediâ Britanica». Въ ней нельзя искать ничего новаго, да ея авторъ и не выражаетъ притязанія на оригинальные взгляды, или самостоятельныя, архивныя изслѣдованія, онъ просто, рельефно и сочувственно рассказываетъ исторію швейцарскаго народа отъ эпохи озерныхъ построекъ до принятія федеральной конституціи 1874 года. Но въ чемъ дѣйствительно можно упрекнуть автора этой компіляціи, то въ слишкомъ слѣпномъ ея характерѣ и недостаточномъ указаніи на роль общины въ исторіи и жизни швейцарскаго народа; а по справедливому замѣчанію критика «Academy», никакая исторія Швейцаріи не можетъ успѣшно выяснитъ развитія ея оригинальной конституціи, если не будетъ обращено должнаго вниманія на ея краеугольный камень — общину. Пламенный мѣстный патриотизмъ составляетъ ключъ къ познанію національной жизни швейцарскаго народа. Каждый швейцарецъ, отправляясь за границу въ поискахъ счастья, знаетъ, что, какъ бы неудачны ни были его усилія въ жизненной борьбѣ, есть уголокъ въ родныхъ горахъ, гдѣ онъ, по вѣковому обычаю, уже принявшему силу закона, имѣетъ право требовать всегда поддержки и куска хлѣба, не налагая на себя клейма наперника. Какъ членъ своей общины, по праву рожденія, онъ можетъ пользоваться своей долей общей собственности. Этотъ простой фактъ объясняетъ отчасти любовь швейцарцевъ къ своей родинѣ, а искусное и успѣшное веденіе дѣлъ центральнымъ правительствомъ и участіе всѣхъ гражданъ въ общественномъ управленіи, конечно, усиливаютъ еще болѣе патриотическія чувства. Швейцарцы представляютъ блестящій примѣръ справедливости изреченія Борка, что «участіе народа въ управленіи всегда внушаетъ ему возвышенныя чувства и ненависть къ тому, что можетъ лишитъ его этого права». Насколько важнымъ факторомъ въ исторіи и жизни швейцарскаго народа служитъ община, краснорѣчиво доказываетъ книга Ричмана и статья Мюре. Первый очень живописно и рельефно рисуетъ картину историческаго развитія и современнаго состоянія маленькаго полукантона Внутренняго Аппенцеля. Находясь въ восточномъ углѣ Швейцаріи, онъ имѣетъ не болѣе шестидесяти миль поверхности, то есть на половину меньше Лондона по пространству, но въ этихъ миниатюрныхъ предѣлахъ нагромождены всѣ красоты природы: и высокія горы, и глубокія долины и зеленые дуга и красивыя селенія; а народъ этой любопытной общины еще интересаѣ ея природы. Прямо происходя отъ желтоволосыхъ, голубоокихъ, атлетическихъ алемановъ римской исторіи, аппенцельцы, въ числѣ тринадцати тысячъ человѣкъ, пользуются самой демократической конституціей, основанной буквально на управленіи народа народомъ для народа. Хотя они всегда были и остаются до сихъ поръ ревностными демократами, но громадное большинство ихъ католики, и протестантовъ только 675 человѣкъ. Это обстоятельство не мѣшало имъ однако въ старину бороться за свои права съ доблестью кромвелевскихъ солдатъ противъ деспотическихъ настоятелей Севгальской обители. Когда дѣло шло объ ихъ свободѣ, они не обращали даже вниманія на папу и на его громы. Естественно, что они не питали никакого энтузіазма къ навязанной имъ французами Гельветической республикѣ и вѣдонули свободно только, когда Наполеонъ въ 1806 году доволлилъ Аппенцелю снова раздѣлиться на вѣншній и внутренній, а также восстановить свои общинныя собранія, или народныя вѣча. Конституція,

дѣйствующая теперь въ Внутреннемъ Аппенцелѣ, введена въ 1872 году, и на основаніи ея онъ управляется выборными лицами, а право выбора и законодательная власть принадлежать всему народу, собирающемуся на общинныя собранія. Въ настоящее время эти первобытныя народныя вѣча сохранились только въ обѣихъ полукантонахъ Аппенцеля, въ двухъ кантонахъ Унтервальдена, верхнемъ и нижнемъ, въ Гларусѣ и Ури, а всѣ другіе швейцарскіе кантоны откавались отъ этой системы и замѣнили ее представительной. Но тамъ, гдѣ она существуетъ, ею очень довольны, она принимается съ полнымъ успѣхомъ, и всѣ партіи питаютъ въ ней такую пламенную любовь, что нѣтъ и мысли объ ея уничтоженіи. Какъ Мюре, такъ и Ричманъ описываютъ внутренний строй и картинную внѣшность «Landesgemeinden», но, конечно, первый даетъ только любопытную картинку нравовъ патріархальнаго, свободолюбиваго народа, а послѣдній знакомить со всѣми подробностями какъ самого вѣча во Внутреннемъ Аппенцелѣ, такъ и его выборами и администраціей этого полукантона. Вѣче состоитъ изъ всѣхъ мужскихъ обитателей, достигшихъ двадцати лѣтъ, и неявившіеся безъ уважительной причины подвергается штрафу около 2 рублей сер. Не имѣютъ права участвовать только преступники и несостоятельные должники. Всѣ члены вѣча должны имѣть при себѣ мечъ или шпагу, и никто не можетъ отказаться отъ избранія въ какую нибудь общественную должность ранѣе шестидесяти пяти лѣтняго возраста. Собирается «Landesgemeinde» ежегодно въ первое воскресенье апрѣля, въ полдень, на рыночной площади Аппенцеля и выбираетъ ландмана (президента-папу кантона), вице-ландмана, штатгальтера (предсѣдателя суда присяжныхъ), сакальмейстера (министра финансовъ), ландсгауптмана (начальника вѣдомства земледѣлія и лѣсовъ), ландбаухера (начальника общественныхъ работъ), ландсфанриха (начальника полиціи), сакальмейстера бѣдныхъ (завѣдывающаго дѣлами о бѣдныхъ), цейгера (военнаго министра), ландшрейбера (государственнаго секретаря) и кантональный судъ. Всѣ названныя должностныя лица составляютъ Великій Совѣтъ, или исполнительную власть въ кантонѣ, но послѣднее слово принадлежитъ вѣчу, которое подъ предсѣдательствомъ ландмана и обыкновенно въ числѣ 1600 или 1800 человекъ, кромѣ выборовъ, издаетъ законы, пересматриваетъ конституцію, опредѣляетъ налоги и натурализируетъ чужезапацевъ. Засѣданія «Landesgemeinde» происходятъ при полномъ порядкѣ, и всякій посторонній посѣтитель, по словамъ Мюре, выносятъ самое, отрадное чувство отъ этого почтеннаго врѣлища, доказывающаго воочію что народъ можетъ здраво и разумно управлять самъ собою.

— Вѣчный жиждъ въ Италіи. На основаніи недавно напечатанной во Флоренціи трудами Морпурго любопытной рукописи пятнадцатаго вѣка и комментаріевъ на нее французскаго ученаго Гастона Пари въ «Journal des Savants», Эмиль Гебгартъ¹⁾ въ «Journal des Debats» рисуетъ портретъ курьезной личности, выдававшей себя въ различныхъ городахъ Италіи въ началѣ пятнадцатаго вѣка за вѣчнаго жида. До послѣдняго времени полагали, что легендарный вѣчный жиждъ странствовалъ только въ туманныхъ, холодныхъ странахъ Европы и не проникалъ далѣе Польши, Германіи, Альбаса, Бретани, Нидерландовъ, но теперь оказывается, что несчастный скиталець, который будто бы нанесъ оскорбленіе Христу передъ Его рас-

¹⁾ Le Juif-errant italien, par Emile Gebhart. Journal des Debats, 19 novembre.

пятиемъ, за что былъ присужденъ въ вѣчному окитанію до второго пришествія Христа, бывалъ въ Италіи, въ Испаніи и въ Португаліи. Въ первой изъ этихъ странъ онъ былъ извѣстенъ подъ именемъ не Исаака Лавелема, или Агасфера, а Бутадео, Ботадио и Ботадиу, то-есть, слуги Бога, что означаетъ замѣненіе не только его имени, но и самой легенды. Эта странная личность пользовалась популярностью на Пиренейскомъ полуостровѣ. Астрологъ Гвидо Бонатта, котораго Данте помѣстилъ въ своемъ адѣ рядомъ съ Михаиломъ Скоттомъ за преступное занятіе магіей, встрѣчался съ нимъ во Флоренціи въ 1223 году. Бутадеусъ тогда увѣрялъ, что онъ за четыреста лѣтъ передъ тѣмъ жилъ при дворѣ Карла Великаго. Гораздо позже въ Форми тотъ же Гвидо видѣлъ его вторично, но затѣмъ онъ надолго исчезаетъ, хотя память о немъ сохранилась среди старинныхъ итальянскихъ поетовъ, и Чекко Анджіольери изъ Сиенны въ злобномъ сонетѣ, направленномъ противъ своего отца, жаждаетъ ему «жить долѣе, чѣмъ Ботадео». Онъ снова появляется между 1310 и 1320 годами, а потомъ скрывается надолго. Но съ 1416 года три брата изъ Борго Санъ-Лоренцо—Антонио, Андреа и Бартоламео Франческо-ди-Андреа, честные граждане Флоренціи, владѣвшіе своимъ домомъ, имѣли съ Бутадео интересныя сношенія, которыя описаны однимъ изъ нихъ, Антонио, въ недавно найденной рукописи. Въ вѣрности своего страшнаго разсказа онъ клянется Святой Троицей и Дѣвой Маріей, а также приводитъ имена свидѣтелей, еще живыхъ въ то время, когда онъ писалъ. Впервые вѣчнаго жида увидалъ братъ разсказчика, Андреа: тотъ Андреа провозжалъ чрезъ Апеннины въ Болонію политическаго изгнанника Джіано-ди-Дучіо съ его двумя малолѣтними дѣтьми. Это было вечеромъ, зимой, на святкахъ; свѣжняя буря встала въ горахъ маленькій караванъ; лошади спотыкались на каждомъ шагу, и путники потеряли надежду достигнуть на ночь ночлега, какъ неожиданно они встрѣтили человѣка, шедшаго очень скоро. На немъ была ряса францисканцевъ и одинъ башмакъ. Андреа сталъ умолять таинственнаго странника оказать имъ помощь, и тотъ «изъ любви къ Богу» ввѣлъ на плеча обоихъ дѣтей, спросилъ названіе ближайшей гостиницы, швырнулъ далеко отъ себя единственный башмакъ и быстро исчезъ въ свѣжюмъ буряѣ. Джіано думалъ, что ему уже никогда болѣе не увидать своихъ дѣтей, но, достигнувъ гостиницы въ уединенной горной мѣстности, засталъ тамъ странника и своихъ дѣтей передъ веселымъ огнемъ, на которомъ жарились два жирныхъ каплуна. Послѣ веселаго ужина, путники стали печь каштаны и разговаривать съ трактирщикомъ. Онъ, конечно, жаловался на свою бѣдность, но Джіованни Бутадео со смѣхомъ говорилъ: «Онъ болтаетъ вздоръ. Отъ самой Болоніи до Флоренціи нѣтъ лучшей гостиницы, съ большими запасами. Онъ могъ бы отлично выдать замужъ своихъ дочерей, еслибъ не былъ скупъ и не закопалъ въ землю ихъ приданнаго, 240 золотыхъ флориновъ». Трактирщикъ, котораго звали Калечіо, сказалъ съ гримасой: «Кажется, мои гости фокусники». Онъ, очевидно, не смѣлъ сказать—кудесники. Но, прощаясь на другой день съ Бутадео, хозяинъ попросилъ у него добраго совѣта и тотъ отвѣтилъ: «Выдай замужъ твоихъ дочерей, а то онѣ дурно кончатъ». Въ этомъ пророчествѣ, конечно, не заключалось ничего необыкновеннаго, также какъ въ совѣтѣ, данномъ имъ Джіано: «Другіе изгнанники, твои политическіе враги, вернутся вскорѣ въ Болонію, но не бойся ничего: живи, запершись въ своемъ домѣ, не выходи на улицу во время безпорядковъ, не бери въ руки оружія и предоставь другимъ произ-

водить революціи». Къ этимъ словамъ онъ прибавилъ амулетъ противъ революціонныхъ случайностей, и они всѣ дружески разстались, причемъ Буталео общилъ навѣстятъ Андреа въ Борго, или Флоренцію. Но въ Виченцѣ съ нимъ случилась неприятность: его арестовали, какъ шпиона, и приговорили къ смертной казни, но когда его хотѣли вадернуть на висѣлицу, то его нельзя было поднять съ мѣста, и нѣсколько веревокъ лопнуло. Народъ сталъ кричать, что совершилось чудо, и Буталео оставили въ живыхъ, но нагнали изъ города. Затѣмъ онъ странствовалъ по различнымъ мѣстамъ, былъ въ Тревизѣ, Венеціи, Анконѣ, и наконецъ явился въ Борго; тутъ его стали посѣщать большія толпы съ падестой во главѣ: каждый спрашивалъ его о своихъ дѣлахъ и старался добиться у него предсказанія. Но онъ отъкаивался отъ роли пророка, говоря: «Мои предсказанія огорчили бы многихъ, такъ какъ я навѣрное знаю, что тотъ, или другой изъ васъ будетъ повѣшенъ въ продолженіе этого года». Въ тѣ смутныя времена подобныя пророчества были не трудны. Во Флоренціи онъ остановился у Антоніо, брата своего пріятеля Андреа. Секретарь сеньоріи, Леонардо д'Ареццо, часто бесѣдовалъ съ нимъ и приходилъ въ удивленіе отъ его знаній. «Это или ангель, или дьяволъ,—говорилъ онъ народу:—ему извѣстны всѣ языки». Спустя нѣсколько лѣтъ, онъ снова возвращается во Флоренцію, и его посѣщаетъ столько лицъ, въ томъ числѣ представители знатныхъ родовъ: Перуцци, Риказоли, Альберти, что Антоніо боялся за цѣлость своего дома. Однажды ночью являются солдаты и его арестуютъ, но на другое утро онъ оправдался отъ всякаго подозрѣнія въ глазахъ флорентинскаго правительства и его освободили. Онъ прямо отправился въ Неаполь и Сицилію, но черезъ годъ снова является во Флоренцію. Викарій Муджелло, по имени Моралли, приглашаетъ его къ себѣ и, арестовавъ, запираетъ въ башнѣ, но хотя въ его маленькой кельѣ окно было защищено желѣзными перекладинами, къ утру узникъ исчезъ. Онъ еще три раза посѣтилъ Флоренцію, и во время одного изъ визитовъ Антоніо спросилъ его, дѣйствительно ли онъ еврей, нанесшій ударъ Христу. Онъ не отвѣчалъ ни да, ни нѣтъ. По его словамъ, его зовутъ Батте-Идіо, и онъ рассказывалъ со слезами сцену передъ распятіемъ, въ которой онъ игралъ такую печальную роль, но онъ отказался прямо выдать себя и быстро удался. Антоніо въ своей рукописи выражаетъ убѣжденіе, что Буталео въ день страшнаго суда явится свидѣтелемъ Господа вмѣстѣ съ Энохомъ и Ильей. Онъ прибавляетъ, что Джіованни долженъ постоянно идти, нигдѣ не останавливаясь болѣе трехъ дней; онъ одѣтъ очень бѣдно и большею частью босой, но у него всегда есть деньги, такъ какъ ему достаточно открытъ ладонь, чтобъ въ ней очутились монеты, а потому онъ хорошо ѣстъ и пьетъ въ гостиницахъ. Онъ знаетъ всѣ науки, говоритъ на всѣхъ языкахъ; во Флоренціи его принимаютъ за тосканца, въ Палермо за сицилійца. Его всѣ уважаютъ, какъ пророка и чудеснаго исцѣлителя. Онъ даетъ больнымъ женщинамъ амулеты съ таинственными надписями, и, нося ихъ на шеѣ, онѣ выздоравливаютъ. Антоніо увѣряетъ, что такимъ образомъ, вылѣчилась его жена и многіе его знакомые, одинъ изъ которыхъ не возвратилъ ему амулета, полученнаго отъ Джіованни. Последнее прощанье Антоніо съ его таинственнымъ другомъ было очень трогательно. «Развѣ я болѣе васъ не увижу?»—спросилъ онъ. —«Никогда не увидите тѣлесными глазами»,—отвѣчалъ Буталео, и дѣйствительно онъ болѣе никогда не возвращался во Флоренцію. Но Антоніо не переста-

валъ вѣрить въ его безсмертіе и такъ кончаетъ свой разсказъ: «И онъ продолжаетъ ходить по свѣту и будетъ ходить, пока Богъ явится судить живыхъ и мертвыхъ въ Иосафатовой долинѣ. Да будетъ тогда онъ нашимъ хозяиномъ, и да проститъ намъ Богъ наши грѣхи, да даруетъ намъ райское блаженство. Аминь». Изъ всего этого ясно, что итальянскій вѣчный жидъ рѣзко отличается отъ своего легендарнаго прототипа и, какъ справедливо замѣчаетъ Гебгартъ, это просто былъ ловкій итальянскій шарлатанъ, который, зная нѣсколько языковъ, пользовался довѣрчивостью своихъ соотечественниковъ, заговаривалъ имъ зубы, продавалъ имъ ладони, окружалъ себя таинственностью и жилъ собираемыми крохами съ невѣждъ и фанатиковъ. Когда же онъ возбудилъ противъ себя неудовольствіе монаховъ, у которыхъ онъ отбивалъ хлѣбъ, то этотъ искатель приключеній ступевался или, быть можетъ, погибъ такъ же таинственно, какъ и жилъ. То и другое было возможно въ бурную эпоху первой половины XV столѣтія. Какъ бы то ни было, этотъ своеобразный итальянскій вѣчный жидъ—не вымышленная, романическая фигура, а дѣйствительная историческая личность; въ этомъ ручается не только найденный разсказъ Антонио, но и письменное свидѣтельство другаго флорентинца, Сильвестро ди Джіовани-Минвини, который въ своемъ дневникѣ отъ 23-го іюня 1416 г. говоритъ объ этомъ подложномъ еврей, какъ о предсказателѣ будущаго, хотя приводимое имъ пророчество о томъ, что слѣдующій папа будетъ на букву Г, не оправдалось, потому что папой сдѣлался Мартынъ.

— Ученныя женщины въ Германіи. Въ октябрьской книжкѣ «Nord und Sud» напечатана интересная статья Штейнгаузена¹⁾ объ ученыхъ женщинахъ въ Германіи прошедшаго столѣтія. Хотя только въ началѣ XVIII вѣка нѣмецкія ученые женщины достигли права гражданства, и около пятидесяти лѣтъ на нихъ была мода, но еще въ старину нѣмки отличались значительной степенью интеллектуальнаго развитія. Въ средніе вѣка, среди пѣвцевъ любви, главою которыхъ былъ Вальтеръ фонъ-дербъ-Фогельвейде, онѣ гордо носили на своемъ челѣ ореолъ знаній. Потомъ онѣ отказались отъ научныхъ и литературныхъ пальмъ, а сосредоточили все свое вниманіе на семейномъ очагѣ. Женское образованіе отъ этого пострадало, и только въ видѣ исключенія встрѣчаются нѣмки, читавшія, писавшія и занимавшіяся науками, какъ, напримѣръ, Карита Паркгеймеръ, умершая въ 1532 г. настоятельница Кларистской обители въ Нюрембергѣ и доказавшая своими мемуарами (Denkwürdigkeiten), что она обладала очень широкими познаніями. Эпоха Возрожденія, вывавшая на свѣтъ въ Италіи и Франціи столько выдающихся женскихъ умовъ, имѣла въ этомъ отношеніи очень слабый отголосокъ въ Германіи, хотя многіе нѣмецкіе ученые, въ томъ числѣ Эразмъ, Конрадъ Цельтесъ, Симонъ Гедике и въ особенности Агриппа фонъ-Нетесгеймъ отстаивали въ литературѣ не только равенство, но даже превосходство женскаго ума. Вскорѣ и женщины приняли участіе въ этой полемикѣ, имѣвшей цѣлью отстаить женскія права, и съ начала XVII столѣтія ихъ голоса присоединяются къ голосамъ мужчинъ. Прежде всего высказались въ этомъ направленіи нидерландки, и среди нихъ наиболѣе прославились Борнелія Вовсіусъ, дочь и сестра извѣстныхъ латини-

¹⁾ Die gelehrten frauen in Deitchland, von M. Steinhausen. Nord und Sud, october.

стовъ, и Анна Марія Шурманъ, прозванная голландской Минервой и Сафо своего вѣка. Эта послѣдняя представляла удивительный образецъ энциклопедическихъ знаній и присоединяла къ близкому знакомству съ классическими и восточными языками талантъ къ музыкѣ, живописи, гравировкѣ, скульптурѣ и поэзїи. Ея книга на латинскомъ языкѣ: «*De ingenii muliebris ad doctrinam et meliores literas aptitudine*», была переведена пофранцузски, имѣла громадный успѣхъ и послужила предлогомъ къ тому, что ея авторъ вступилъ въ сношенія съ величайшими учеными и писателями того времени. По словамъ Штейнгаузена, влияние Анны Марїи Штурманъ отразилось и на Германїи, гдѣ съ начала XVIII вѣка вошло въ моду женское образованіе. Многіе ученые старались сдѣлать изъ своихъ дочерей «юныхъ диковинъ», подобно Аннѣ Марїи Крамеръ, которая умерла 14 лѣтъ, вѣроятно, отъ чрезмѣрнаго умственного напряженія. Ея отецъ, магдебургскій пасторъ, напичкалъ бѣднаго ребенка всевозможными знаніями, а когда она умерла подъ этимъ невыносимымъ для ея возраста интеллектуальнымъ бременемъ, то онъ утѣшился надписью на гробницѣ полатыни, въ которой онъ называетъ ее: «*historiae et poeticae studiosissima, linguis latina et hebraica elegantissime excolta et sacrorum litterarum studiis unice dedita*». Вся Германія оплакивала бѣдную маленькую Крамеръ, и эпидемія женской учености охватила всю страну, не исключая дворцовъ, такъ Луїза Ангальтская знала поеврейски, Урсула Ваденская соперничала съ извѣстными латинистами, Антуанета Вюртембергская занимала видное мѣсто среди выдающихся эленистовъ, Софья Брауншейгская говорила и писала на нѣсколькихъ языкахъ, что не мѣшало ей знать основательно богословіе, исторію и географію, а ея дочь, Софія Шарлотта, другъ Лейбница, наслѣдовала ея энциклопедическое знаніе. Въ буржуазїи страсть къ женскому знанію была не менѣе развита, и рядомъ съ названными учеными принцессами можно поставить Марію Леманъ, Марію Куницъ и Елену Вагензейль, слава которыхъ распространялась по всей Германїи. Хотя многіе нѣмецкіе ученые, какъ, напримѣръ, Паулина и Эберти, энергично поддерживала это женское движеніе, но большинство выражало то мнѣніе, что ученая женщина исключительное явленіе, и что болѣе полезна образованная женщина. Поэтому и замѣтно два теченія, одно—направленное къ распространенію учености среди женщинъ, а другое—къ ихъ интеллектуальному развитію. Еще въ концѣ XVII вѣка Секендорфъ, канцлеръ университета въ Галле, замѣчалъ, что рядомъ съ нѣсколькими учеными женщинами были тысячи невѣжественныхъ, и то же явленіе замѣчалось въ самый разгаръ моды на ученыхъ женщинъ въ XVIII вѣкѣ. При этомъ даже ставились преграды всякой попыткѣ расширить рамки женскаго образованія: въ 1707 году былъ предложенъ планъ учрежденія «академіи молодыхъ дѣвушекъ» (*Jungferacademie*), но онъ остался безъ практическаго примѣненія, и также неудачны были усилія въ томъ же духѣ Молева изъ Гамбурга. Но все-таки эти двѣ неудачныя попытки доказываютъ, что тогда идея о высшемъ женскомъ образованіи имѣла энергичныхъ adeptовъ, въ числѣ ихъ видное мѣсто занимать извѣстный критикъ Готшедъ, который даже основалъ особый журналъ для поддержки своихъ идей по этому предмету, подъ заглавіемъ: «Разумные критики». Конечно, если онъ отстаивалъ ученыхъ женщинъ и рисовалъ въ розовомъ свѣтѣ жизнь ученаго, которому жена могла помогать въ его серьезныхъ трудахъ, то имъ руководилъ личный опытъ, такъ какъ его жена была именно такой

научной помощницей во всёх его занятіяхъ. Она знала, кромѣ нѣмецкаго языка, еще англійскій, французскій, латинскій и греческій, переводила «Катона» Аддисона и «Заиру» Вольтера. Ея письма отличались такимъ умомъ и такою живостью, что ее прозвали нѣмецкой г-жей Севинь. Вообще она была звѣздой первой величины въ женскомъ движеніи XVIII вѣка въ Германіи, и появленіе ея посмертныхъ стихотвореній въ 1762 г. можно разсматривать, какъ лебединую пѣснь этого движенія. Послѣ нея во второй половинѣ прошедшаго столѣтія ученая женщина въ Германіи уступаетъ мѣсто образованной. О золотомъ вѣкѣ ученыхъ женщинъ напоминала только одна Анна Христина фонъ Бальтазаръ, прозванная Грейфсвальденской музой и произнесшая при открытіи одной академической бібліотеки такую блестящую рѣчь, что, по словамъ современниковъ, она затмила всёхъ знаменитыхъ европейскихъ ученыхъ женщинъ: г-жу Дасье, которая переводила съ мужемъ Эпиктета, Лауру Басси, читавшую лекціи по философіи въ Болонскомъ университетѣ, и графиню Екебладъ, которой такъ славилась Швеція.

— Императоръ Фридрихъ III, какъ студентъ. Берлинскій публицистъ П. Линденбергъ выпустилъ въ свѣтъ брошюру¹⁾, въ которой сообщаетъ любопытныя и новыя свѣдѣнія о томъ времени, которое Фридрихъ III провелъ въ Боннскомъ университетѣ. Матеріалами ему послужили письма и рукописныя литературныя произведенія принца-студента, которыя сообщены вдовствующей императрицей. 7-го ноября 1849 г. принцъ Фридрихъ-Вильгельмъ поступилъ въ Боннскій университетъ по желанію своей матери, и онъ самъ лучше всего объясняетъ цѣль своей студенческой дѣятельности въ небольшой рукописи, въ заголовкѣ которой стоитъ «Боннъ, зимній семестръ 1850 г.». «Въ послѣдніе годы,—говоритъ онъ,—установился обычай, чтобъ принцы поступали студентами въ университеты. Конечно, не ихъ призваніе посвящать себя наукѣ. Чѣмъ ближе они стоятъ къ престолу, тѣмъ болѣе они должны стремиться къ тому, чтобъ стоять выше различныхъ классовъ общества. Слишкомъ спеціальное изученіе той или другой науки можетъ помѣшать свободному и справедливому взгляду на практическія условія жизни. Но все-таки научныя занятія для нихъ очень важны, такъ какъ большинство ихъ поступаютъ въ университетъ прямо изъ семьи и придворной среды, къ которой они привыкли съ дѣтства, а тутъ имъ является возможность узнать свѣтъ въ настоящемъ его видѣ. Изъ всёхъ наукъ принцы должны наиболѣе заниматься юридическими и исторіей. Относительно послѣдней, ему надлежитъ расширить, увеличить и закончить запасъ приобретенныхъ ранѣе свѣдѣній съ цѣлью представить себѣ въ болѣе яркомъ свѣтѣ жизнь націй и государствъ. Но къ изученію права принцы наиболѣе призваны по своему положенію, такъ какъ долгъ и добродѣтель одинаково обязываютъ гесударя быть орудіемъ справедливости и правосудія». Трудолюбіе Фридриха-Вильгельма на студенческой скамьѣ доказывается списками тѣхъ лекцій, которыя онъ слушалъ, такъ въ зимнемъ семестрѣ 1850—1851 г. онъ въ теченіе недѣли ходилъ на четыре лекціи государственнаго и нѣмецкаго права, профессора Пертеса, три лекціи нѣмецкаго частнаго права, профессора Вальтера, три лекціи общей исторіи съ XIV вѣка, профессора Лобеля, пять лекцій политики профессора Дальмана, двѣ лекціи французскаго языка профессора Моннара и англійскаго языка доктора Вальтера-Перри. Вообще

¹⁾ Der Kaiser Friedrich, als student, von Paul Lindenberg. Berlin. 1896.

онъ былъ хорошимъ, прилежнымъ студентомъ и обнаруживалъ живую любознательность, свѣтлый воспримчивый умъ, смѣсъ практичности отца съ художественными инстинктами матери и полное отсутствіе прусскаго высокомерія. По словамъ Линденберга, его одинаково любили какъ профессора, такъ и товарищи, а для доказательства этого факта онъ рисуетъ картину его ежедневной жизни. Кромѣ того, онъ приводитъ нѣсколько его юныхъ рукописныхъ сочиненій, въ числѣ которыхъ находится одно съ характернымъ заглавіемъ: «Для чего и какъ государи должны посѣщать различныя провинціи своихъ государствъ».

— Юбилей Французскаго института и Огюстена Тьерри. Во Франціи правдновались два столѣтнихъ юбилея: одинъ Французскаго института очень шумно и блестяще въ Парижѣ, другой—знаменитаго историка Огюстена Тьерри, очень скромно на его родинѣ, въ городѣ Блуа. Мы уже говорили («Историческій Вѣстникъ», июль, 1895 г., «Историческія Мелочи») о томъ, какъ превратились старинныя французскія академія въ одно центральное учрежденіе—институтъ, по декрету Конвента отъ 25-го октября 1795 г., на основаніи журнальныхъ статей, заранѣе порожденныхъ юбилеемъ, а въ настоящее время эта юбилейная литература разрослась до значительныхъ размѣровъ: каждый французскій журналъ посвятилъ столѣтнему храму науки историческій очеркъ, но наиболѣе интересные появились въ *Revue Bleue* ¹⁾, въ *Revue Encyclopedique* ²⁾ и *Revue Moderne* ³⁾. Эти статьи рельефно рисуютъ возникновеніе при Конвентѣ института на развалинахъ уничтоженныхъ имъ же незадолго передъ тѣмъ старинныхъ академій, дальнѣйшее его преобразование, важнѣйшіе эпизоды его столѣтней жизни и наконецъ его теперешнее положеніе. Цѣль Конвента при созданіи этого научнаго дѣтища революціи была, по словамъ Дану въ его рѣчи при открытіи института въ Луврѣ 4-го апрѣля 1796 г., въ томъ, чтобы «собрать воедино и согласовать всѣ отрасли образованія, расширить предѣлы знанія и сдѣлать ихъ элементы менѣе темными и болѣе доступными, возбуждать усилія новыхъ талантовъ и вознаграждать ихъ успѣхи, обращать вниманіе на всѣ открытія и распространять ихъ, однимъ словомъ получать, отражать и разливать лучи мысли, сокровища генія». Но эта демократизація науки на дѣлѣ не осуществилась. Наполеонъ вскорѣ по-своему преобразовалъ институтъ, къ одному отдѣленію котораго, именно механики, онъ самъ принадлежалъ, и перевелъ его въ теперешнее его жилище у Моста Искусствъ, гдѣ прежде находилась Нельская башня, а затѣмъ коллегія Мазарини. Реставрація оставила внѣшнія рамки института и воскресила четыре старинныя академіи: 1) французскую, 2) надписей и беллетристики, 3) наукъ и 4) художествъ, а июльская монархія прибавила къ нимъ пятую—нравственныхъ и политическихъ наукъ. Въ этомъ видѣ институтъ существуетъ и въ настоящее время, представляя всѣ хорошія и дурныя стороны всякой академіи. Очевидно онъ далеко удалился отъ своей первоначальной задачи и въ сущности не что иное, какъ слегка измѣненный королевскія академіи старой Франціи, соединенныя подъ однимъ куполомъ

¹⁾ Le centenaire de l'Institut de France, par Etienne Charavay. *Revue Bleue*, 1895 octobre.

²⁾ L'Institut de France à l'occasion du centenaire, par I. Grand-Carteret. *Rev. Enc.*, 1 novembre.

³⁾ Le centenaire de l'Institut, par Leo Claretie. *Rev. Moderne*, novembre.

дворца Мазарини. Въ послѣднее время поговариваютъ о созданіи шестой академіи: педагогиче, и о прибавленіи къ академіи наукъ новаго отдѣленія: военныхъ наукъ, но врядь ли подобная реформа вольетъ новое вино въ старыя мѣха. Конечно, нельзя отнять отъ института той чести, которая ему вполне принадлежитъ, т. е. того, что въ немъ въ теченіе ста лѣтъ засѣдали почти всѣ свѣтила французской науки и литературы, но они тонули среди моря посредственности и попадали туда лишь, по выраженію Бертелло, на закатѣ своихъ дней и то подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія. Что дастъ институту второе его столѣтіе, покажетъ время, но онъ вступилъ въ него самымъ торжественнымъ и веселымъ образомъ. Четыре дня академикки праздновали свой юбилей банкетами, приемами, театральными представленіями и рѣчами, рѣчами бевъ конца. Спусти нѣсколько дней послѣ этихъ шумныхъ ликованій, городъ Блуа отпраздновалъ столѣтіе одного изъ академиковъ, своего уроженца Огюстена Тьерри, одного изъ лучшихъ французскихъ историковъ. Парижская пресса прошла почти молчаніемъ этотъ юбилей, и только *Revue de Deux Mondes* напечатала рѣчь своего редактора Брюнетьера¹⁾, который ѣздилъ въ Блуа представителемъ французской академіи; а слѣпой историкъ, который подъ старость потерялъ зрѣніе отъ чрезмѣрнаго литературнаго труда, заслуживалъ большаго вниманія; до него французская исторія представляла мертвыя, сухія, чисто виѣшнія компіляціи, какъ, напримѣръ, сочиненіе Анетиди, и онъ первый вдохнулъ въ нее жизнь, сдѣлалъ ее реальнымъ воспроизведеніемъ прошедшей жизни народа. Въ этомъ отношеніи его «Меровингскіе рассказы», «Исторія завоеванія Англіи норманнами» и «Письма объ исторіи Франціи» всегда сохраняютъ свое значеніе, какъ лучезарныя вѣхи въ дотолѣ мрачной области французской исторіи. Больше или меньше всѣ послѣдующіе французскіе историки шли только по указанной Огюстеномъ Тьерри дорогѣ, конечно, освѣщая этотъ путь съ своей стороны новымъ еще болѣе лучезарнымъ свѣтомъ демократической идеи, какъ Мишле, и науки, какъ Гизо, Ренанъ, Тэнъ и т. д.

¹⁾ L'Oeuvres d'Augustin Thierry, par Ferdinand Brunetière. *Revue des Deux Mondes*. 15 novembre.

СМѢСЬ.

СВЯТИСОТЛѢТІЕ Перынскаго снита. Въ четырехъ верстахъ отъ Новгорода и въ одной верстѣ отъ Юрьевскаго монастыря, при истокѣ рѣки Волхова изъ озера Ильменя, на песчаномъ холмѣ, находится Перынский скитъ. 8-го сентября, въ день Рождества Пресвятыя Богородицы, этотъ древній скитъ праздновалъ 900-ю годовщину основанія въ немъ перваго храма въ честь Рождества Богоматери. Скитъ основанъ былъ первымъ епископомъ новгородскимъ Іоакимомъ Корсунианомъ въ 995 году. Прибывъ нѣсколько ранѣе въ это мѣсто, святитель новгородскій прежде всего приступилъ къ проповѣди христіанства среди язычниковъ Новгородскаго края, которая имѣла большой успѣхъ. Уже въ 993 году новгородцы считались наполовину христіанами. Въ этомъ же году ими былъ свергнутъ въ Волховъ и Перунъ-громовержець. Идолъ стоялъ какъ разъ на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ находится Перынский скитъ. Воспользовавшись настроеніемъ народа, святитель новгородскій скорѣе положилъ основаніе первому вышеозначенному христіанскому храму. При храмѣ были поселяемы иновѣ, продолжавшіе проповѣдь христіанства. Въ разное время этотъ скитъ обращался въ простую приписную приходскую церковь. Такъ въ 1764 году Перынский скитъ былъ зачисленъ въ приходскую церковь для Юрьевской слободы. Въ 1826 году настоятель Юрьева монастыря архимандритъ Фотій приписалъ эту церковь къ своему монастырю и устроилъ снова Перынский скитъ. Въ слѣдующихъ годахъ скитъ началъ возрастать каменными постройками. Первымъ начальникомъ его въ это время былъ іеромонахъ Аникета, въ мирѣ князь Сергій Александровичъ Шихматовъ-Ширинскій. Въ настоящее время въ скитѣ живутъ четыре іеромонаха Юрьева монастыря; постоянной же братіи числится до 10 человекъ. Празднованіе 900-лѣтняго юбилея снита прошло очень торжественно. Изъ Новгорода въ этотъ скитъ былъ устроенъ крестный ходъ, причемъ новгородцами была принесена чудотворная икона Знаменія Божіей Матери. Литургію совершалъ преосвященный Теофиотъ, архіепископъ новгородскій; присутствовалъ мѣстный губернаторъ и всѣ власти. Несмотря на дождь, на торжествѣ было также много богомольцевъ.

Открытіе памятника вице-адмиралу Корнилову и музея севастопольской обороны 5-го октября Севастополь праздновалъ двойное торжество: открытіе памятника вице-адмиралу Корнилову и освященіе «Музея Севастопольской обо-

роны», такъ названнаго взаи́мъ своего прежняго наименованія «Военно-Историческій музей». Приготовленія къ открытiю памятника и къ освѣщенiю музея начались еще наканунѣ. Рано утромъ пришла съ острова Тенары броненосная эскадра и стала въ порядкѣ на «Большомъ рейдѣ». Того же числа съ курьерскимъ повѣдомъ прибыла въ Севастополь французская военная депутація, во главѣ съ военнымъ атташе при французскомъ посольствѣ въ Петербургѣ, г. Муленомъ. Прибыли также вице-адмиралъ Асланбековъ и нѣсколько заслуженныхъ генераловъ-севастопольцевъ. На вокзалѣ прибывающихъ встрѣчалъ городской голова Дехтеревъ, а французскую депутацію—мѣстный французскій вице-консулъ лейтенантъ Гэ. Еще раньше прибылъ командированный по высочайшему повелѣнiю для присутствованія на открытiи памятника генералъ-адъютантъ адмиралъ Перелешинъ, а также два сына и дочь Корнилова. 4-го октября, утромъ, ученики реальнаго училища совершили со своимъ оркестромъ прогулку на Малаховъ курганъ къ памятнику; 4-го же октября, въ присутствiи родныхъ Корнилова, совершена была панихида въ казармахъ Брестскаго полка, въ той комнатѣ, гдѣ скончался Корниловъ. Въ ней находится портретъ Корнилова, модель корабля «Владимиръ», свидѣтеля подвиговъ героя, шкафъ съ одеждою Корнилова, которая была на немъ въ моментъ смертельнаго пораненія на Малаховомъ курганѣ, и доска, вдѣланная въ стѣну, на которой имѣется надпись, что въ этой комнатѣ умеръ вице-адмиралъ Корниловъ, съ его предсмертными словами, что ему «легко умирать, такъ какъ совѣсть его чиста». Эта комната, по высочайшему повелѣнiю, такъ и именуется «Корниловскою». Исполненный по проекту генералъ-лейтенанта Вильдерлинга памятникъ Корнилову поставленъ на Малаховомъ курганѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ смертельно раненъ Корниловъ, осматривавшій отсюда непріятельскіе подступы и траншеи, сохранившіеся довольно хорошо еще и до сихъ поръ, и такъ и сходящіяся на этомъ мѣстѣ со всѣхъ сторонъ, именно въ ту точку, гдѣ теперь поставленъ памятникъ. Кромѣ самаго кургана, который, по мѣрѣ возможности, охраняется со всѣми своими, нѣкогда столь грозными валами, рвами и амбразурами, здѣсь же на землѣ одного изъ валовъ вдѣлана мраморная доска съ надписью: «Здѣсь смертельно раненъ адмиралъ Нахимовъ 18-го июня 1855 г.». Тутъ же находится уцѣлѣвшая каменная башня, служившая главнымъ опорнымъ пунктомъ на самомъ курганѣ во время осады. Около сторонки огорожено прекрасной мраморной рѣшеткой крестообразное мѣсто значительной величины, среди котораго стоитъ большой крестъ бѣлаго мрамора и на немъ надпись — съ одной стороны порусски: «Память воиновъ русскихъ и французскихъ, павшихъ въ сраженiи 27-го августа 1855 г. при защитѣ и нахожденiи на Малаховомъ курганѣ», а на другой сторонѣ — «8 Septembre», а немного ниже: «Unis par la victoire, réunis par la mort, du soldat c'est la gloire, des braves c'est le sort!». Невдалекѣ отъ башни Малахова кургана возвышается памятникъ вице-адмиралу Корнилову. Пьедесталь его, сдѣланный изъ сѣраго полированнаго гранита, имѣетъ три ступени; на пьедесталѣ возвышается бронзовое изображеніе разбитаго непріятельскимъ снарядамъ бруствера, а на немъ фигура въ полусидячемъ, въ полулежачемъ положенiи раненнаго Корнилова. Лицомъ онъ обращенъ къ возвышимъ непріятельскимъ позиціямъ, и протянутая рука его какъ бы указываетъ на нихъ. Съ этой стороны пьедестала двѣ надписи: одна воспроизводитъ слова Корнилова: «отстаивайте же Севастополь», а другая гласитъ: «на семь мѣстѣ смертельно раненъ 5-го октября 1854 г. вице-адмиралъ В. А. Корниловъ». На обратной сторонѣ пьедестала перечень судовъ, которыми съ 1831 г. командовалъ Корниловъ, съ присовоупленіемъ сроковъ его командованія. Эти суда слѣдующія: тендеръ «Лебедь», бригъ «Омьистокль», корветъ «Орестъ», корабль «Двѣнадцать Апостоловъ». Ниже присовоупляется, что съ 1849 г. Корниловъ былъ начальникомъ штаба черноморскаго флота. На сторонѣ, обращенной къ Севастополю, изображенъ гигантскій якорь, а сбоку

его надпись съ предсмертными словами героя: «Господи, благослови Россію и Государя, спаси Севастополь и флотъ». Наконецъ, на четвертой сторонѣ памятника возвышается пушка, а около нея—фигура извѣстнаго героя прославленнаго почти легендарными подвигами—матроса Кошки. Въ рукахъ, у него ядро. Весь памятникъ имѣетъ пирамидальную форму съ квадратнымъ основаніемъ. Корниловъ изображенъ въ шинели съ отложнымъ воротникомъ, какіе носили въ то время черноморскіе моряки. Памятникъ стоитъ на саженномъ поколѣ изъ крымскаго гранита (діорита), и общая высота его доходитъ до пяти сажень, такъ что онъ виденъ на большое разстояніе. Особенно выдѣляетъ этотъ памятникъ изъ числа другихъ подобныхъ сооружений то, что фономъ ему служатъ не дома или зелень садовъ, какъ бываетъ обыкновенно, но небо и море: получается чудная, трудно поддающаяся описанію, картина. Вокругъ памятника разбитъ красивый цвѣтникъ и сдѣлана ограда. Въ этой оградѣ 5-го октября былъ устроенъ красиво декорированный и убранный флагами павильонъ. Въ 9^{1/2} часовъ утра, 5-го октября, войска заняли мѣста у подошвы Малахова кургана. Здѣсь была расположена пѣхота и полевая артиллерія. Наверху кургана, лицомъ къ памятнику, расположенъ былъ почетный караулъ отъ 35-го черноморскаго экипажа, того самаго экипажа, которымъ командовалъ во время крымской войны Перелешинъ, принимавшій теперь воинскій парадъ. Справа отъ почетнаго караула расположены были воспитанники реальнаго училища, слѣва—ветераны-севастопольцы изъ нижнихъ чиновъ, собравшіеся въ числѣ 150 человекъ, а далѣе воспитанницы севастопольской женской гимназіи. Къ памятнику также были принесены знамена отъ всѣхъ частей севастопольскаго гарнизона при ассистентахъ. Знамена и флаги имѣли траурныя перевязи. Около 10 часовъ утра къ памятнику собралось духовенство, во главѣ съ настоятелемъ Херсонскаго монастыря архимандритомъ Александромъ, и прибылъ весь адмиралитетъ и генералитетъ, представители города, родственники Корнилова, старые севастопольцы, почетные гости, французская депутація, турецкій консулъ и цехи со своими значками. Командированный по высочайшему повелѣнію для присутствованія при открытіи памятника генераль-адъютантъ адмиралъ Перелешинъ направился къ своимъ старымъ товарищамъ—участникамъ славной обороны, ветеранамъ крымской кампаніи, и, привѣтливо кланяясь, сказалъ, что радъ еще разъ встрѣтиться съ ними. Раздалась звуки музыки, послѣ чего, по распоряженію вице-адмирала Н. В. Копытова, начальникомъ штаба контръ-адмираломъ Чайковскимъ было прочитано высочайшее повелѣніе объ открытіи памятника. Барабаны ударили походъ и завѣса, скрывавшая памятникъ, упала къ подножію. Когда памятникъ былъ открытъ, съ судовъ эскадры начался вице-адмиральскій салютъ, подхваченный крѣпостными батареями и расположенною у подножія Малахова кургана батареей отъ 13-й артиллерійской бригады. Всего было сдѣлано по положенію 13 выстрѣловъ. Затѣмъ духовенствомъ совершена была сначала панихида, затѣмъ благодарственный молебенъ съ провозглашеніемъ многолѣтія Государю Императору и всему Царствующему Дому. Пѣлъ хоръ учениковъ реальнаго училища. По окончаніи богослуженія генералитетъ и французская депутація опустились внизъ съ кургана въ равнину, свидѣтельница кровопролитій славной осады. Здѣсь стояли войска отъ севастопольскаго гарнизона и отъ экипажей черноморскаго флота; къ нимъ были поднесены знамена и флаги, бывшіе до сихъ поръ у памятника, и началось прохожденіе церемональнымъ маршемъ. Впередѣ первая шли двѣ шеренги старыхъ севастопольскихъ героевъ; всѣ въ орденахъ и медаляхъ, кто безъ рукъ, кто на деревяшкѣ; несмотря на то, что многіе изъ нихъ были одѣты чуть не въ лохмотья, они держались такъ молодцовато, что сразу можно было угадать въ нихъ старыхъ «янкoлаевскихъ» воякъ. На правомъ флангѣ первой шеренги шли старые севастопольскіе офицеры, въ томъ числѣ лейтенантъ Даниловъ, пробывшій

всѣ 11 мѣсяцевъ на Малаховомъ курганѣ, а на правомъ флангѣ второй шеренги шла, держа руку подъ «ковырекъ», или точнѣе «подъ платокъ», старая, увѣшанная медалями, женщина. Это была знаменитая Е. Я. Сержпутовская, принимавшая дѣятельное участіе въ севастопольской оборонѣ. По окончаніи парада, адмиралъ Передешинъ крѣпко пожалъ ей руку, благодаря за старья заслуги. На парадѣ были еще двѣ сестры милосердія: М. Г. Петренкова (бывшая во время войны на Николаевской батарее) и А. К. Романовская (въ дворянскомъ госпиталѣ). Войска проходили, отдавая честь высившейся на вершинѣ Малахова кургана величавой фигурѣ Корнилова.

По окончаніи парада всѣ власти, французская депутація, духовенство и почетные гости отправились въ зданіе новаго «Музея Севастопольской обороны», чтобы присутствовать при его освященіи. Зданіе музея является настоящимъ украшеніемъ Севастополя и представляетъ вполне достойный памятникъ великой эпохи 1854—1856 годовъ. Музей, помимо своего вѣдншаго, чрезвычайно эффектнаго и оригинальнаго вида, соединитъ въ себѣ всѣ драгоцѣнныя памятники и документы, относящіеся къ исторіи города. Зданіе изъ инкерманскаго камня построено на Екатерининской улицѣ, между церковью св. Архистратига Михаила и старою адмиралтейскою башней, противъ стараго музея. Главный фасадъ представляетъ довольно высокое одноэтажное зданіе съ греческимъ портикомъ; съ площадки входъ по гранитной лѣстницѣ въ 7 ступеней; на широкой тяжелой двери темнаго дуба, находится бронзовое украшеніе — пальма и дубъ (мужество и сила). По обѣимъ сторонамъ двери снаружи двѣ арматуры изъ бронзы, высотой болѣе 5¹/₂ аршинъ. Арматура заключаетъ въ серединѣ большой волоченый дубовый вѣнокъ, въ которомъ помѣщена увеличенная копія медали за севастопольскую войну; надъ вѣнкомъ государственный гербъ; позади этого щита двѣ чугунныя пушки и банникъ; по бокамъ щита — морскія знамена и штандартъ, также бронзовые; съ боковъ лежатъ чугунные якоря и между лопастями чугунныя же бомбы. Съ другой стороны двери такая же арматура со щитомъ, имѣющимъ въ серединѣ оборотную сторону той же медали за Севастопольскую оборону. Изъ вестибюля широкая мраморная лѣстница съ перилами изъ искусственнаго краснаго мрамора, упирающимися въ двѣ такія же колонны, ведетъ въ широкой корридоръ наверху, откуда уже входъ въ главную залу. По обѣимъ сторонамъ ея двѣ боковыя, предназначенныя для различныхъ предметовъ, специально хранимыхъ въ музей. Въ главной залѣ по стѣнамъ установлены портреты государей. Высота ея 10¹/₂ аршинъ; она предназначена для публичныхъ засѣданій, имѣющихъ какое либо отношеніе къ исторіи крымской войны. Въ нижнемъ этажѣ (со стороны моря) такая же зала, предназначенная для храненія орудія, бомбъ, разнаго оружія и проч. На главномъ фасадѣ, съ Екатерининской улицы, наверху, на фронтоаѣ, севастопольскій знакъ съ вензелями государей Николая I и Александра II. Въ боковыхъ фасадахъ зданія помѣщены морскія чугунныя арматуры, по двѣ съ каждой стороны, представляющія собою носовыя и кормовыя части старыя корабли. На кормѣ и на носу по три чугунныя пушки, задрапированныя знаменами. Три арматуры въ 4¹/₂ аршина держатся на стѣнахъ на особыхъ скрѣпленіяхъ. На фасадѣ музея виднѣтся цифра 349 — это число дней, проведенныхъ севастопольцами въ боевомъ огнѣ. Мысль о постройкѣ зданія для музея, помѣщавшагося много лѣтъ въ домѣ наслѣдниковъ графа Тотлебена, возникла сравнительно недавно и осуществилась очень быстро. Высочайше утвержденный комитетъ, подъ предсѣдательствомъ генералъ-адъютанта П. А. Перелешина въ Петербургѣ, представилъ проектъ устройства военно-морского музея на высочайшее возрѣніе въ 1892 году. Проектъ, по высочайшемъ одобреніи, сталъ приводиться въ исполненіе безотлагательно, подъ наблюденіемъ мѣстнаго комитета. Средствами для постройки зданія музея послужили, во-первыхъ

собственный капиталъ музея (въ суммѣ 103 тысячи рублей), накопившіяся годами, и, во-вторыхъ, 75 тысячъ рублей, ассигнованныхъ морскимъ и военнымъ вѣдомствами на этотъ предметъ. Эти средства нынѣ оказываются недостаточными для окончательной отдѣлки музея, и мѣстный комитетъ искиваетъ для этой цѣли новыя средства. Духовенствомъ совершено было соборнѣ освященіе воды, которою подѣ пѣніе молитвы «Спаси, Господи, люди Твоя» и было окроплено помѣщеніе музея. Богослуженіе совершено было предѣ иконою царя Константина, найденною подѣ развалинами Севастополя и хранящею на себѣ слѣды непріятельскихъ выстрѣловъ. По окончаніи богослуженія вице-адмиралъ Асламбековъ произнесъ рѣчь о значеніи этого музея, какъ историческаго памятника, и вмѣстѣ съ тѣмъ напомнилъ о царской милости императора Александра III, возобновившаго черноморскій флотъ и осуществившаго давно задуманную мысль о сооруженіи музея.

Въ 2 часа въ морскомъ собраніи состоялся по подпискѣ севастопольскій обѣдъ. Предсѣдательское мѣсто занялъ адмиралъ Перелешинъ, имѣя по правую руку дочь Корнилова, Наталью Владиміровну, по мужу Волохову, а по лѣвую—командующаго войсками одесскаго военнаго округа, графа Муцина-Пушкина. Противъ адмирала Перелешина сидѣлъ главный командиръ черноморскаго флота и портовъ, вице-адмиралъ Копытовъ, а рядомъ съ нимъ—супруга главы французской депутаціи, г-жа Муленъ. Затѣмъ слѣдовали адмиралы, генералы и другія высокопоставленныя лица. Въ особой комнатѣ были сервированы столы для поименованныхъ сестеръ милосердія, героинь-севастополянокъ, а въ саду были накрыты столы для ветерановъ нижнихъ чиновъ. Генералъ-адъютантъ адмиралъ Перелешинъ, прежде нежели сѣсть за общій столъ, посѣтилъ трапезу ветерановъ и, по морскому обычаю, велѣлъ дать сигналъ: «свистать на водку». Сигналъ подалъ старшій боцманъ, почти восьмидесятилѣтній старикъ Викентій Желтуновъ, служившій боцманомъ подѣ командою Корнилова на кораблѣ «Двѣнадцать Апостоловъ». Зала морскаго собранія была красиво декорирована. Меню съ одной стороны носило изображеніе памятника Корнилова, съ надписью сверху: «Отстаивайте Севастополь», а съ другою былъ изображенъ военно-морской флагъ. Первый тостъ провозгласилъ адмиралъ Перелешинъ въ слѣдующихъ словахъ: «Русская пословица гласитъ: за Богомъ молитва, а за Царемъ служба никогда не пропадаютъ; пословица эта не нуждается въ комментаріяхъ. Памятникъ, только что открытый доблестному защитнику Севастополя на Малаховомъ курганѣ, лучше словъ доказываетъ вѣрность пословицы. Такъ пусть же этотъ памятникъ послужитъ потомству въ примѣръ, пусть онъ послужитъ символомъ любви и преданности престолу и отечеству и яркимъ доказательствомъ того, что за Богомъ молитва, а за Царемъ служба никогда не пропадаютъ. Я провозглашу тостъ за здоровье Государя Императора и Государыни Императрицы. Ура!». Всѣ присутствовавшіе, вставъ съ мѣстъ, отвѣтили на этотъ тостъ громогласнымъ «ура», съ которымъ смѣшались звуки оркестра, исполнившаго гимнъ: «Боже Царя храни». Слѣдующіе тосты были провозглашены вице-адмираломъ Копытовымъ—за здоровье Наслѣдника Цесаревича, съ которымъ флотъ связанъ честию считать Его Высочество въ спискахъ, и августѣйшаго генералъ-адмирала великаго князя Алексѣя Александровича; тосты эти были встрѣчены такими же кликами «ура», при звукахъ марша. Послѣ этого генералъ-адъютантъ Перелешинъ сказалъ: «Я счастливъ видѣть здѣсь г. Мулена, представителя дружественной націи; двѣ великихъ націи соединились неразрывными узами дружбы, которая такъ пышно выразилась въ Тулонѣ и Кронштадтѣ. Поэтому я пью за здоровье президента республики!». Съ большимъ энтузіазмомъ былъ встрѣченъ этотъ тостъ присутствовавшими; восклицанія «ура» перемежались съ кликами «vive la France», при чемъ оркестръ исполнилъ «Марсельезу». Г. Муленъ въ отвѣтной рѣчи высказалъ, что пролитая кровь и тысячи смертей не помѣшали возникнуть тѣсной дружбѣ между двумя

великими народами, а это лучшее доказательство ея искренности. Далѣе вице-адмираломъ Копытовымъ былъ провозглашенъ тостъ за здоровье адмирала Перелешина; слова этого тоста, что «П. А. Перелешинъ уже 40 лѣтъ носить рѣдкое отличіе—Георгія 3-й степени», были восторженно встрѣчены всѣми присутствовавшими. Въ отвѣтъ на это адмиралъ Перелешинъ провозгласилъ тостъ за флотъ, гарнизонъ и за главнаго командира черноморскаго флота Копытова. Велѣдъ ватѣмъ вице-адмиралъ Копытовъ провозгласилъ тостъ въ честь участниковъ севастопольской обороны, закончивъ его извѣстнымъ четверостишіемъ: «Слава вамъ, отцы и дѣти». Тосты ватѣмъ слѣдовали одинъ за другимъ. Адмиралъ Перелешинъ произнесъ тостъ за здоровье присутствовавшихъ на завтракъ дочери, сына и внуки адмирала Корнилова. Градоначальникъ контръ-адмиралъ Лавровъ провозгласилъ тостъ «за дамъ». Редакторъ «Крыма» Н. Н. Балабуха провозгласилъ здравицу въ честь сестеръ милосердія—старухъ-севастополянкоу—and ихъ послѣдовательницъ. Затѣмъ благочинный севастопольскихъ церквей протоіерей Баженовъ произнесъ рѣчь въ честь христіобивныхъ воиновъ, кровію вѣнчавшихся. Послѣ этого тоста вице-адмиралъ Калагеорги прочиталъ цѣлый рядъ депешъ, изъ числа коихъ особенно интересны двѣ: отъ французскихъ военнаго и морского министровъ и изъ Владивостока отъ экипажа крейсера «Корниловъ». «Amiral Lawroff, Commandant du Port de Sebastopol. Le général Zurliden, ministre de la guerre, et l'amiral Resnard, ministre de la marine, adressent au nom de l'armée et de la marine française à l'amiral Lawroff, commandant du Port Sebastopol, leurs temoignages de pieuse sympathie pour la memoire d'un des plus glorieux héros de Sebastopol l'amiral Korniloff, dont le monument est inauguré aujourd'hui». Чтеніе этой депеши вызвало крики «vive la France». Вторая депеша гласитъ слѣдующее: «Адмиралу Лаврову. Командиръ, офицеры и команда, считая особенной честью свою службу на крейсерахъ, носящемъ имя доблестнаго героя севастопольской обороны, послѣ панихиды за упокой души усопшаго, просятъ ваше превосходительство быть выразителемъ нашихъ чувствъ при открытіи памятника глубоко чтимаго адмирала и доблестнаго слуги царя и отечества!» Отъ города Николаева произнесъ рѣчь николаевскій городской голова г. Дощенко, высказавъ, что Николаевъ органически связанъ съ черноморскимъ флотомъ, снабжая флотъ кораблями и царскими слугами. Вечеромъ въ городскомъ театрѣ данъ былъ спектакль малороссійскою труппой Садовскаго: «Наваръ Стодоля». Предъ началомъ и послѣ конца спектакля, по требованію публики, были исполнены гимнъ «Боже, Царя храни» и «Марсельеза». «Ура!» и «vive la France!» долго не умолкали въ театрѣ и въ аллеяхъ сада. Городъ былъ иллюминированъ.

Открытіе памятника Александру III въ Керчи. 20-го октября, въ годовщину кончины императора Александра III, въ Керчи состоялось торжественное освященіе памятника-часовни, посвященной памяти царя-мироотворца. Освященіе сопровождалось заупокойнымъ богослуженіемъ съ провозглашеніемъ вѣчной памяти императору Александру III. Часовня сооружена въ керченскомъ институтѣ благородныхъ дѣвицъ. На освященіи присутствовали керченскій градоначальникъ, генералитетъ, начальствующія лица, представители города, педагогическій персоналъ и воспитанницы института. Шѣлъ институтскій хоръ. Часовня эта небольшая, высотой 4 сажени, съ крестомъ 5½ сажень, а шириной въ 2 сажени. Она имѣетъ пять куполовъ, на среднемъ—крестъ, а на четырехъ боковыхъ по угламъ—бронзовые вызолоченные орлы; такіе же орлы на двухъ фонаряхъ со стороны главнаго фасада по бокамъ входной двери; дверь эта, рѣвная, желѣзная, имѣетъ надъ собою рельефную надпись бронзовыми буквами: «Незабвенному Царю-Мироотворцу!». Нѣсколько выше вензель почившаго монарха, а еще выше—царская корона съ другими царскими регалиями; съ другой стороны, обращенной къ Маріинскому пріюту, въ средней части стѣны—бронзовый бюстъ императора, надъ нимъ

надпись полукружіемъ, заключающая послѣднія слова царя, произнесенныя предъ кончиной: «Я совершенно спокоенъ». Нѣсколько выше по угламъ два бронзовые вѣнка. Часовня покоится на пьедесталѣ изъ чернаго мрамора; пьедесталь, а равно и нѣкоторыя бронзовыя украшенія, изготовлены у одесскихъ фабрикантовъ. Внутри часовни, на стѣнѣ, прямо отъ входа, большая икона Спасителя съ евангеліемъ въ рукахъ, открытымъ на томъ мѣстѣ, гдѣ приведено изреченіе: «Блаженни миротворцы, яко тии сынами Божиими нарекутся»; съ правой стороны икона съ изображеніемъ св. Порфірія, епископа, чествуемаго церковью 26-го февраля — день рожденія усопшаго монарха; съ лѣвой стороны — икона св. Александра Невскаго. Иконы эти написаны въ Москвѣ профессоромъ академіи Шокаревымъ. Часовня устроена по инициативѣ предсѣдателя попечительства Маріинскаго приюта, мѣстнаго градоначальника, контръ-адмирала Колтовскаго, и супруги его, попечительницы Маріинскаго приюта, на средства, собранныя между членами попечительства и частными лицами.

Открытіе памятника проф. М. О. Кояловичу, 8-го ноября состоялось торжественное освященіе надгробнаго памятника покойному профессору С.-Петербургской духовной академіи Михаилу Осиповичу Кояловичу, извѣстному ученому историку и общественному дѣятелю.

Послѣ божественной литургіи и панихиды, совершенныхъ въ домово́й академической церкви высокопреосвященнымъ Антоніемъ, архіепископомъ финляндскимъ и Выборгскимъ, соборнѣ съ академическимъ духовенствомъ, архипастырѣ съ духовенствомъ въ облаченіи прослѣдовали изъ церкви на новое кладбище Александро-Невской лавры, гдѣ въ ряду другихъ профессорскихъ могилъ стройно возвышался только-что законченный памятникъ надъ недавнею могилой Михаила Осиповича Кояловича. Здѣсь въ ожиданіи духовенства уже стояла и волновалась густая толпа профессоровъ, студентовъ и почитателей покойнаго. Изъ числа членовъ академической корпораціи при освященіи памятника присутствовали: инспекторъ академіи проф. Н. В. Покровский, профессора — А. Л. Катанскій, И. Е. Троицкій, В. В. Болотовъ, Ѳ. Г. Елеонскій, А. П. Лопухинъ, И. Г. Троицкій, И. С. Пальмовъ, П. Н. Жуковичъ, Н. Н. Глубоковскій, Н. К. Никольскій, Е. П. Аевилонъ и другіе. Здѣсь же были многіе представители духовной и свѣтской печати, а также члены Славянскаго благотворительнаго общества, для цѣлей котораго такъ много въ свое время потрудился Михаилъ Осиповичъ.

Когда духовенство собралось и установилось предъ памятникомъ, и хоръ студентовъ пропѣлъ «Святый Боже, святый крѣпкій», экстра-ординарный профессоръ С.-Петербургской духовной академіи П. Н. Жуковичъ произнесъ слѣдующую глубоко-прочувствованную рѣчь, въ которой очень живо обрисовалъ ученую и общественную дѣятельность покойнаго профессора и значеніе ея для русской науки и общества.

«Полныхъ четыре оборота совершила уже жизнь академіи съ той поры, какъ не стало въ ней Михаила Осиповича. Для окружающей въ эти минуты его могилу академической молодежи уже не существуетъ личнаго отъ него впечатлѣнія. Но память о Михаилѣ Осиповичѣ, объ этой рѣдкой, во многомъ исключительной личности, живетъ въ академіи, живетъ не ослабѣвая, какъ яркій образъ беззавѣтнаго служенія академіи, какъ священный завѣтъ такого служенія и намъ — стоящему у дѣла поколѣнію. При осуществленіи академіею тѣхъ цѣлей, которымъ она призвана служить въ интересахъ народнаго блага, всегда такъ нуженъ энергичный голосъ прямаго, убѣжденнаго человѣка, не оглядывающагося по сторонамъ, не прислушивающагося ко всякимъ мимолетнымъ вѣяніямъ времени.

«Въ неустанномъ научномъ трудѣ закалилась нравственная сила Михаила Осиповича, выработались и окрѣпли его жизненныя убѣжденія. Рядъ ученыхъ работъ — специальныхъ историческихъ монографій, общихъ историческихъ курсовъ, изданій историческихъ первоисточниковъ —

наполняетъ всю его жизнь, до послѣднихъ минутъ. Онъ и умеръ, оканчивая, но не окончивши уже послѣдней своей работы въ области русскихъ историческихъ источниковъ. Вполнѣ самостоятельныя, съ печатью сильнаго дарованія, ученые труды Михаила Осиповича по русской исторіи создали ему многочисленныхъ учениковъ и помимо академіи. Отъ непрерывнаго научнаго труда своего если по временамъ Михаилъ Осиповичъ и отрывался, то опять-таки для литературнаго отклика на тѣ или другіе тревожные запросы современной, по преимуществу западно-русской дѣйствительности, стараясь прояснить смыслъ ихъ съ точки зрѣнія русскаго историческаго прошлаго. Въ этомъ онъ видѣлъ обязанность свою—и специалиста, и горячо любящаго родину сына ея. Хотя правящимъ сферамъ не всегда нравилось это вмѣшательство человѣка не ихъ среды, литературно-общественный откликъ Михаила Осиповича не разъ имѣлъ и практическое дѣйствіе, на благо родной его земли. И люди, узнавшіе русское прошлое изъ его книгъ, и люди, воспользовавшіеся его историческими указаніями при разрѣшеніи церковныхъ, государственныхъ и общественныхъ задачъ, не забыли его въ этой могилѣ... Но высаящійся предъ нами теперь могильный памятникъ ему—преимущественное дѣло любви и признательности къ нему академическихъ его учениковъ старыхъ и новыхъ временъ. Къ нимъ всего ближе стоялъ, о нихъ всего больше радѣлъ почившій профессор-историкъ. Они, воздвигнувшіе этотъ могильный памятникъ,—поволою себѣ въ качествѣ ученика Михаила Осиповича сказать отъ имени его учениковъ,—не забудутъ никогда, съ какимъ рѣдкимъ искусствомъ умѣлъ онъ уяснять въ наше тревожно-пессимистическое время положительные достоинства и дѣйствительныя пріобрѣтенія великаго историческаго народа во всю его многолѣтнюю жизнь, вглядываться и въ свѣтлыя стороны нашей прошедшей жизни. Воздвигнутый ихъ любовью на его могилѣ памятникъ безъ словъ говоритъ намъ это».

Затѣмъ, послѣ краткой литіи, высокопреосвященный архіепископъ Антоній окропилъ памятникъ святою водою, проинесъ отпустъ и преподаль молящимся свое святительское благословеніе, а тѣ соединеннымъ хоромъ пропѣли «вѣчную память» усопшему.

По своему внѣшнему виду памятникъ отличается простотою и вмѣстѣ изяществомъ. Сдѣланъ онъ изъ чернаго сердобольскаго полированного гранита и утверждён на плитѣ краснаго тесаннаго гранита (длиною 3½ арш. и шириною 3 арш.). Высота памятника 4½ аршина. На передней его сторонѣ помѣщенъ въ бронзовой золоченой рамѣ образъ св. Михаила Архистратига, написанный на мѣдной посеребренной доскѣ, за двойнымъ стекломъ. Внизу, на передней сторонѣ памятника, вырѣзана русскимъ гражданскимъ алфавитомъ золотыми буквами надпись: «Заслуженный профессоръ Спб. дух. академіи Михаилъ Осиповичъ Кояловичъ, род. 20-го сент. 1828 г. † 23-го авг. 1891 г. Незабвенному профессору отъ сослуживцевъ, учениковъ и почитателей». Съ правой стороны на соответствующей плоскости вырѣзана надпись древне-славянскими буквами: «Пріялжно тѣшатся, всегда на великая дѣла тѣсяся, хотя исполнѣи отечество свое» (Ипат. Лѣт.); съ лѣвой—церковно-славянскими буквами надпись: «Вѣмъ твоя дѣла, и трудъ твой, и терпѣніе твое (Апок. II, 2)». Такъ какъ памятникъ поставленъ на общей могилѣ покойнаго профессора и его супруги, то на задней сторонѣ памятника, съ согласія ихъ дѣтей, сдѣлана надпись: «Здѣсь же погребена супруга его Надежда Платоновна, урожд. Меницъ, род. 5 февр. 1840 г. † 5-го дек. 1874 г.». Вокругъ памятника на фундаментѣ изъ краснаго тесаннаго гранита установлена желѣзная рѣшетка. Оставшееся незанятымъ пространство вокругъ рѣшетки выложено метлахскими плитками.

Сообщимъ здѣсь краткія біографическія свѣдѣнія о покойномъ.

Михаилъ Осиповичъ Кояловичъ родился въ 1828 году въ мѣстечкѣ Кувицы (Гродненской губ., Сокольскаго уѣзда). Отецъ М. О., курсомъ мо-

ложе митрополита Иосифа Сѣмашки по виленской академіи, былъ священникомъ въ этомъ мѣстечкѣ и послѣ долговременной болѣзни (чахотки) скончался въ 1840 году. Это домашнее несчастье замедлило поступленіе М. О. въ учебное заведеніе и онъ только въ слѣдующемъ 1841 году опредѣленъ былъ въ первый классъ супрасльскаго училища. По окончаніи курса въ этомъ училищѣ въ 1845 году М. О. поступилъ въ литовскую семинарію (въ первый годъ ея существованія въ Вильнѣ), кончилъ въ ней курсъ первымъ ученикомъ въ 1851 году и посланъ на казенный счетъ въ с.-петербургскую духовную академію, въ которой окончилъ курсъ въ 1855 году въ числѣ первыхъ студентовъ и за свое сочиненіе о церковной униі въ западной Россіи удостоенъ былъ степени магистра. Послѣ кратковременнаго пребыванія учителемъ сперва въ Ригѣ (гдѣ оставался одинъ мѣсяцъ по назначенію съ ноября 1855 г.) и въ с.-петербургской семинаріи (три съ небольшимъ мѣсяца) призванъ былъ 17-го мая 1856 года занять катедру въ С.-Петербургской духовной академіи и преподавалъ сначала сравнительное богословіе, обнимавшее тогда и расколь, а съ слѣдующаго курса въ 1857 году занялъ катедру русской исторіи, которая до 1869 года обнимала обѣ половины этой исторіи—церковную и гражданскую. Съ 1869 года М. О. преподавалъ русскую гражданскую исторію.

Ученые труды М. О. стали появляться съ 1858 года. Такъ, въ этомъ году напечатана въ «Христіанскомъ Читеніи» его большая статья—разборъ сочиненія Вердье о «началѣ христіанства въ Россіи», а въ концѣ этого года былъ отпечатанъ первый томъ его изслѣдованій церковной униі въ Западной Россіи, или такъ называемой литовской церковной униі. Второй томъ этихъ изслѣдованій вышелъ въ 1862 году.

Польскія смуты 1863 года потребовали участія М. О. въ современной тогда литературы и новыхъ трудовъ научныхъ. Такъ, въ 1862 году имъ читаны и изданы лекціи о западно-русскихъ братствахъ, въ 1864 году лекціи по исторіи Западной Россіи (въ 1884 и 1885 годахъ были переиздаваемы три раза).

Въ 1865 году изданы документы, объясняющіе исторію Западной Россіи съ переводомъ на французскій языкъ и приложеніемъ географическихъ и этнографическихъ картъ.

Въ 1867 году по порученію академіи наукъ М. О. издалъ дневникъ послѣдняго похода Баторія на Россію и осады Пскова.

Въ 1869 году по порученію археографической комиссіи изданъ имъ дневникъ люблинскаго сейма 1569 года по рукописямъ Императорской Публичной бібліотеки и бібліотеки генеральнаго штаба съ переводомъ на русскій языкъ.

Въ 1872 году по порученію той же археографической комиссіи М. О. издалъ первый томъ «Русской исторической бібліотеки», заключающей въ себѣ дневники смутнаго времени, извлеченные изъ рукописи Императорской Публичной бібліотеки.

Въ 1873 году имъ издано сочиненіе «Исторія возсоединенія западно-русскихъ униатовъ старыхъ временъ», которое авторъ представилъ и защищалъ на степень доктора.

Затѣмъ, М. О. принималъ участіе въ изданіи археографической комиссіей великихъ Четьи-Миней митрополита Макарія, и подъ его редакціей изданы въ 1873 году вторая половина выпуска съ 4 по 19 число и въ 1880 весь выпускъ до конца октября.

Въ 1884 году М. О. издалъ большой трудъ: «Исторія русскаго самосознанія по историческимъ памятникамъ и научнымъ сочиненіямъ», и въ этомъ и въ слѣдующихъ годахъ переиздавалъ свои лекціи по исторіи Западной Россіи. Не перечисляемъ множества статей по разнымъ вопросамъ современнымъ и научнымъ, печатавшихся въ разныхъ журналахъ.

Въ самое послѣднее время М. О. печаталъ тайныя письма іезуитовъ, бывшихъ въ Россіи при Петрѣ Великомъ.

Въ 1890 году 6-го ноября М. О. отпраздновалъ 35-лѣтіе своей преподавательской дѣятельности и тогда былъ еще бодръ и подавалъ надежду на долгую жизнь. Но съ начала 1891 года онъ занемогъ болѣзнію почекъ, которая не поддавалась самому старательному леченію и мало-по-малу свела М. О. въ могилу. 23-го августа 1891 года, въ 7 ч. утра, скончался на 63-мъ году своей жизни и 24-го погребенъ на новомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры.

Заладна музея въ память Н. И. Пирогова. На берегу Выборгской стороны, на томъ мѣстѣ, гдѣ рѣка Нева отдѣляется отъ себя большую Невку, стоятъ два длинныхъ, желтыхъ провіантскихъ магазина, построенные еще въ царствованіе Анны Іоанновны въ 1732 году. Одинъ изъ нихъ въ настоящее время перестраивается въ большое, красивое, современной архитектуры зданіе; въ немъ будетъ помѣщаться анатоми-хирургическій музей въ память знаменитаго нашего хирурга, писателя и общественнаго дѣятеля Н. И. Пирогова. Перестройка зданія началась 1-го августа, а 14-го сентября происходило торжество закладки въ одну изъ внутреннихъ стѣнъ доски съ надписью. Музей будетъ устроенъ на подобіе Hünter'овскаго въ Лондонѣ и Dupuytren'овскаго въ Парижѣ. Сюда со всей Россіи будутъ собираться анатоми-хирургическіе препараты, имѣющіе интересъ для науки. Мысль объ увѣковѣченіи памяти Н. И. Пирогова постройкою музея принадлежитъ нынѣшнему предсѣдателю русскаго хирургическаго общества Пирогова, профессору В. А. Ратимову. Общество для этой постройки располагаетъ капиталомъ въ 60 тысячъ рублей, пожертвованнымъ черезъ доктора А. Л. Эбермана покойною Е. А. Мусиной-Пушиной на устройство соответствующаго памятника Н. И. Пирогову. Въ виду того, что замыселъ общества очень обширенъ, и капитала этого на его осуществленіе не хватило бы, то необходимы для покупки перестраиваемаго теперь провіантскаго магазина деньги въ количествѣ 30 тысячъ рублей были отпущены обществу по высочайшему повелѣнію, согласно ходатайству министра финансовъ, изъ суммъ государственнаго казначейства, а прилегающій къ зданію участокъ земли безвозмездно уступленъ въ пользу будущаго музея военнымъ министромъ. На торжество закладки къ 3 часамъ дня прибыли: профессоръ В. А. Ратимовъ, начальникъ военно-медицинской академіи В. В. Пашутинъ, директоръ клиническаго института великой княгини Елены Павловны Н. В. Склифасовскій, А. А. Трояновъ, профессора: Г. И. Турнеръ, М. С. Субботинъ, В. Н. Сиротининъ, К. Ф. Славянскій, докторъ А. Л. Эберманъ, гг.: Куприяновъ, Кудринъ, главные врачи петербургскихъ городскихъ больницъ, с.-петербургскій бригадиръ майоръ генералъ А. П. Паскивъ, представители медицинской прессы и много лицъ, имѣющихъ прикосновеніе къ медицинѣ. Протоіерей Л. И. Богдановскій сказалъ слово, въ которомъ указалъ на громадное значеніе въ наукѣ «отца русской хирургіи Н. И. Пирогова», на цѣлесообразность такого памятника ему, какъ музей, и выразилъ пожеланіе, чтобы и современные врачи были олушевляемы его духомъ и примѣромъ. Затѣмъ былъ отслуженъ молебенъ съ водосвятіемъ, пропѣта «вѣчная память» Н. И. Пирогову и въ стѣну заложена обычная въ такихъ случаяхъ доска съ соответственной надписью и именами членовъ строительной комиссіи. Старыя стѣны были окроплены святой водою и лица, стоящія во главѣ сооруженія, и почетные гости положили по камню. Цѣль музея — служить памятникомъ историческаго развитія отечественной хирургіи и патологической анатоміи въ тѣхъ частяхъ послѣдней, которыя имѣютъ близкое и непосредственное соотношеніе къ хирургіи. Въ немъ будутъ собраны все предметы, относящіеся къ ученой и врачебно-практической дѣятельности Н. И. Пирогова, и затѣмъ коллекціи будутъ постоянно пополняться объектами отечественныхъ наследователей и наблюдателей, свидѣтельствующими о прошломъ русской хирургіи и современныхъ ея успѣхахъ. Въ одномъ изъ залъ музея будутъ проис-

ходить засѣданія различныхъ медицинскихъ обществъ. Здѣсь же будутъ отведены помѣщенія и для библиотекъ этихъ обществъ. Зданіе перестраивается по проекту архитектора В. А. Шретера и будетъ готово черезъ два года. Близость военно-медицинской академіи и клиникъ вводитъ его въ составъ мѣстности, гдѣ сгруппированы врачебно-научныя зданія. Фасадъ будетъ выходить на Неву и берегъ въ этомъ мѣстѣ будетъ укрѣпленъ.

Присужденіе премій А. С. Пушкина, В. А. Жуковскаго и профессора Котляревскаго. 19-го октября, въ часъ дня, въ малой конференцъ-залѣ императорской академіи наукъ состоялось 11-е торжественное присужденіе премій А. С. Пушкина, премій за сочиненіе о В. А. Жуковскомъ и присужденіе премій профессора Котляревскаго. За столомъ занимали мѣсто: предсѣдатель II отдѣленія академіи А. Ф. Бычковъ, вице-президентъ ея Л. Н. Майковъ и М. Сухомятиновъ. Въ числѣ присутствовавшихъ находились академики: Н. Н. Бекетовъ, Н. Ф. Дубровинъ, К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, членъ-корреспондентъ Д. В. Григоровичъ и немного лицъ изъ посторонней публики. На соисканіе премій А. С. Пушкина въ 1895 году поступило въ отдѣленіе русскаго языка и словесности 13 сочиненій, къ которымъ было присоединено еще одно, отложенное въ 1894 году. Въ числѣ разсмотрѣнныхъ отдѣленіемъ сочиненій были: три сборника стихотвореній, пять переводовъ въ стихахъ драматическихкихъ произведеній съ англійскаго, греческаго, нѣмецкаго и французскаго языковъ и пять сочиненій въ прозѣ. Въ присуждавшей преміи комиссіи было 6 членовъ академіи и 5 стороннихъ рецензентовъ. Половинной преміи удостоенъ переводъ П. И. Вейнбергомъ трагедіи Шиллера «Марія Стюартъ». Оцѣнку перевода производилъ профессоръ Новороссійскаго университета А. И. Кирпичниковъ. По его отзыву переводъ «Маріи Стюартъ» представляетъ для переводчика задачу привлекательную, но очень не легкую. Въ общемъ же переводъ П. И. Вейнберга вполне достоинъ и великаго произведенія, и почетной извѣстности переводчика, хотя и не принадлежитъ къ крайне ограниченному во всѣхъ литературахъ числу тѣхъ классически-прекрасныхъ переводовъ, которые каждой поэтической фразой передаютъ всю силу и красоту соответствующей фразы подлинника. «Отлично зная нѣмецкій языкъ, г. Вейнбергъ, по мнѣнію рецензента, добросовѣстно изучилъ текстъ и не пренебрегъ даже и комментаріями, а затѣмъ усердно поработалъ надъ переводомъ, причѣмъ огромную пользу оказалъ ему его значительный стихотворный талантъ: онъ вполне овладѣлъ техникою свободнаго ямба Шиллера, старательно, безъ замѣтныхъ для читателя усилій, замѣнялъ его другими размѣрами, гдѣ таковыя оказывались въ оригиналѣ, и съ замѣчательною настойчивостью и искусствомъ вводилъ звучныя рѣзмы во всѣхъ соответствующихъ мѣстахъ». Почетнаго отзыва удостоены «Сочиненія А. Лугового». Оцѣнку этой книги производилъ К. К. Арсеньевъ, раздѣлившій ее на три группы рассказовъ и повѣстей: 1) анекдотическаго свойства, 2) о маленькихъ людяхъ и ихъ «незамѣтномъ существованіи» и 3) изъ народнаго быта. Въ первой группѣ рецензентъ выдѣляетъ на первый планъ удачныя по основной мысли, но не по исполненію, рассказы «Альмироръ» и «Счастливецъ»; въ последнемъ автору удалось дать силу, но силу типичную. Вторая группа отличается большею серьезностью замысла и большею тщательностью отдѣлки; въ третьей—лучшимъ рассказомъ должно считать «Не судилъ Богъ». Далѣе рецензентъ рассматриваетъ двѣ пьесы для театра: «За золотымъ руномъ» и «Озимъ», стихотворенія и единственный романъ автора—«Грани жизни» и указываетъ на достоинства этихъ произведеній. Комиссія, несмотря на нѣкоторые недостатки «Сочиненій г. Лугового» принимая во вниманіе имѣющіяся въ нихъ достоинства, постановила удостоить ихъ почетнаго отзыва. Почетнаго же отзыва удостоена и книга К. К. Случевского: «Историческія картинки».—«Разные рассказы». Оцѣнку ея произвелъ Вл. С. Соловьевъ. «Книга г. Случевского,—говоритъ рецензентъ,—весьма замѣчательна разнообразіемъ своего содержанія. Жизнь до-истори-

ческая, міръ древне-греческій, евангельская исторія и эпоха мучениковъ, средніе вѣка во Франціи и въ Италіи, введеніе христіанства въ Россіи, эпоха возрожденія, московская Русь, живнѣ итальянскихъ художниковъ новаго времени, эпоха императрицы Екатерины II, древніе мѣны восточной Азіи и современная миология мурманскихъ поморовъ, міръ дѣтей и міръ военныхъ, древній Вавилонъ и современная финская деревня, петербургскій міръ провинціальныхъ чудаконъ—вотъ области, мимолетно освѣщаемыя фантазією г. Случевскогого. Сверхъ того, авторъ счелъ нужнымъ прибавить къ «Донъ-Кихоту» Сервантеса новую главу собственнаго сочиненія, а также дополнить сказки «1001 ночи» еще одною, «тысяча второю ночью». К. К. Случевскій—писатель заслуженный. Больше 30 лѣтъ тому назадъ онъ обратилъ вниманіе литературныхъ круговъ, какъ начинающій, и съ того времени имя его весьма часто появляется въ печати. Рецензентъ прежде всего разсмотрѣлъ тѣ произведенія, которыя помѣщены въ концѣ книги: онъ находитъ «Мурманскіе очерки» почти безукоризненными, относится съ похвалою къ нѣкоторымъ рассказамъ изъ «свѣтской живни», признаетъ оригинальность въ «Типахъ» и «Фантазіяхъ» и, переходя къ отдѣлу «Историческихъ картинокъ», усматриваетъ въ нихъ такъ же, какъ и въ другихъ произведеніяхъ г. Случевскогого, противохудожественную склонность къ рассужденіямъ, что и составляетъ главный недостатокъ автора. Въ этой группѣ самымъ интереснымъ является очеркъ «На мѣсто!»; сильное впечатлѣніе производятъ рассказы «Въ скудельницѣ» и «Профессоръ бессмертія».—Почетнымъ отзвонимъ награжденъ также и исполненный Л. И. Поливановымъ переводъ въ стихахъ трагедіи Расина «Федра». Обязанности рецензента принялъ на себя г. Батюшковъ, который нашелъ, что, сравнительно съ предшествовавшими переводами, этотъ послѣдній трудъ г. Поливанова стоитъ неизмѣримо выше. Онъ исполненъ добросовѣстно, старательно, безъ нарушенія смысла подлинника и съ соблюденіемъ его размѣра, но онъ не передаетъ вполнѣ языка Расина и мелодичности его стиха. Языкъ же Расина считается образцовымъ по выработанности, мелодичности, изумительной простотѣ и ясности. Въ нѣкоторыхъ недостаткахъ перевода рецензентъ видитъ даже нарушеніе психологически вѣрной послѣдовательности мысли и заканчиваетъ свой габзоръ словами: «Въ общемъ языкъ г. Поливанова правильный, литературный, слогъ безъ особой напыщенности, столь несвойственной Расину, вопреки утвердившемуся у насъ мнѣнію, и хотя, конечно, стихи г. Поливанова не могутъ соперничать съ мелодичными «точеными» стихами Расина, хотя оригинальный текстъ нѣсколько обезцвѣченъ въ перелачѣ, не всѣ выраженія безупречны, тѣмъ не менѣе переводъ не лишенъ и многихъ достоинствъ». Въ заключеніе отдѣленіе академіи выразило благодарность ученымъ и литераторамъ, принимавшимъ участіе въ оцѣнкѣ сочиненій, и присудило золотыя Пушкинскія медали: экстраординарному академику III-го отдѣленія императорской академіи наукъ П. В. Никитину; члену-корреспонденту отдѣленія, профессору императорскаго Новороссійскаго университета А. И. Кирпичникову; д. с. с. К. К. Арсеньеву; В. С. Соловьеву; приватъ-доценту императорскаго С.-Петербургскаго университета Ѳ. Д. Батюшкову и бібліотекарю Императорской Публичной бібліотеки И. М. Волдакову.

Затѣмъ слѣдовало чтеніе отчета по присужденію преміи за сочиненіе о В. А. Жуковскомъ. Премія эта—единовременная—была учреждена по случаю правдованія въ 1883 году столѣтняго юбилея со дня рожденія его. Содержаніе сочиненія должно обнимать критическое разсмотрѣніе произведеній Жуковскаго въ связи съ его живнью, или полное разсмотрѣніе какъ въ литературномъ, такъ и въ лингвистическомъ отношеніи какого нибудь отдѣла переводовъ Жуковскаго въ связи съ подлинниками, или, наконецъ, полное разсмотрѣніе трудовъ его со стороны языка и слога. На соисканіе этой преміи въ настоящемъ году поступило сочиненіе В. Е. Чешихина, избравшаго для своего труда разсмотрѣніе переводовъ Жуковскаго изъ Шил-

лера. Оцѣнку этого труда произвели академики М. И. Сухомлиновъ и А. Н. Веселовскій. Послѣдній изъ нихъ далъ слѣдующій отзывъ. «Авторъ изслѣдованія подъ заглавіемъ: «Жуковскій, какъ переводчикъ Шиллера», выбралъ ограниченный, повидимому, сюжетъ, но разработалъ его весьма тонко, съ большимъ вкусомъ и чутьемъ къ стилю и особенностямъ нѣмецкой и русской метрики». На основаніи этого отзыва отдѣленіе присудило г. Чешину единоновременно и нераздѣльно премію и объявило вмѣстѣ съ тѣмъ, что конкурсъ на соисканіе ея этимъ присужденіемъ закрывается.

Послѣ этого слѣдовало присужденіе премій профессора Котляревскаго. Преміи эти присуждаются въ первый разъ и назначены за изслѣдованія по славянскимъ древностямъ, по исторіи славянскихъ литературъ и по славянскимъ нарѣчіямъ въ грамматическомъ или лексическомъ отношеніяхъ. Было представлено на настоящій конкурсъ три сочиненія, изъ которыхъ одно удостоено полной, а остальные два—половинной преміи каждое. Полной премію удостоено сочиненіе профессора Варшавскаго университета П. А. Кулаковскаго подъ заглавіемъ «Иллиризмъ. Изслѣдованіе по исторіи хорватской литературы періода возрожденія». Разсматривалъ этотъ трудъ академикъ И. В. Ягичъ, который говоритъ: «За авторомъ «Иллиризма» остается неотъемлемая заслуга, что онъ первый подарилъ русской и всѣмъ славянскимъ литературамъ исторію столь знаменитаго иллиризма, въ свое время надѣлавшаго такъ много шума. Онъ создалъ свой почтенный трудъ, требовавшій многихъ усилій, очень старательно; отнесся къ своей задачѣ съ любовью, вниманіемъ и съ научнымъ безпристрастіемъ, добываясь вездѣ раскрытія истины». На этомъ основаніи, отдѣленіе академіи присудило г. Кулаковскому полную премію въ размѣрѣ тысячи рублей. Второе сочиненіе—приватъ-доцента Императорскаго Московскаго университета доктора славянской филологіи П. А. Лаврова: «Обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей болгарскаго языка»,—было поручено разсмотрѣть хранителю Императорскаго русскаго историческаго музея В. Н. Щепкину. Рецензентъ, отмѣчая у автора тонкую наблюдательность и неутомимое прилежаніе, находитъ, что г. Лавровъ обогатилъ исторію болгарскаго языка обильнымъ матеріаломъ, явлеченнымъ изъ многочисленныхъ рукописей. Онъ говоритъ: «Трудъ, исполненный г. Лавровымъ, далъ новую пищу историческому изученію болгарскаго языка и установилъ новыя точки соприкосновенія между болгарскими нарѣчіями, современными и старыми, и языкомъ древнѣйшихъ старославянскихъ памятниковъ, и по своему характеру и по своимъ результатамъ отвѣчаетъ всѣмъ требованіямъ правилъ о соисканіи премій профессора Котляревскаго». Автору присуждена половинная премія. Третье сочиненіе, также удостоенное половинной преміи, принадлежитъ профессору Московскаго университета А. Л. Дювернуа и озаглавлено: «Матеріалы для словаря древне-русскаго языка». Разсматривавшій этотъ трудъ профессоръ А. И. Соболевскій, высказывая сожалѣніе по поводу того, что до сихъ поръ у насъ нѣтъ ничего, что можно было бы съ достаточнымъ основаніемъ назвать «Словаремъ древне-русскаго языка», говоритъ: «Въ виду этого трудъ покойнаго Дювернуа, изданный его вдовою, несмотря на свой скромный объемъ, вполне заслуживаетъ вниманія». Къ сожалѣнію, этотъ трудъ не былъ обработанъ самимъ Дювернуа; послѣ него остался лишь сырой матеріалъ, то-есть карточки, на которыя были занесены имъ слова, казавшіяся ему почему либо замѣчательными, иногда безъ всякихъ объясненій. Тѣмъ не менѣе, «трудъ составленія словаря, трудъ столь тяжелый и малоблагодарный, что необходимо самое снисходительное отношеніе къ его недостаткамъ и погрѣшностямъ». Отдѣленіе, въ знакъ признательности, постановило выдать рецензентамъ: члену-корреспонденту Академіи Наукъ профессору А. И. Соболевскому и хранителю Императорскаго историческаго русскаго музея въ Москвѣ В. Н. Щепкину установленныя золотыя медали.

Общество художников исторической живописи. Въ концѣ августа Москва обогатилась новымъ обществомъ — Обществомъ художниковъ исторической живописи, цѣль котораго, согласно только что утвержденному уставу его, состоитъ въ содѣйствіи развитію исторической живописи въ Россіи, каковы: устройство выставокъ картинъ, этюдовъ, акварелей, рисунковъ, гравюръ, скульптурныхъ произведеній, исполненныхъ на темы всеобщей исторіи, историческаго жанра, священной и церковной исторіи, міеологіи, видовъ историческихъ мѣстностей и памятниковъ какъ въ Россіи, такъ и за границей, устройство конкурсныхъ выставокъ на преміи, предложенныя самимъ обществомъ, какимъ либо другимъ учрежденіемъ и частными лицами, наконецъ, вообще распространеніе художественныхъ изданій историческаго содержанія. Члены Общества будутъ раздѣляться на учредителей, дѣйствительныхъ и почетныхъ. Первыми будутъ считаться художники, устроившіе первую выставку картинъ историческаго содержанія, а также лица, подписавшія проектъ устава; вторыми могутъ быть художники какъ русскіе, такъ и иностранцы, живописцы, скульпторы, архитекторы, граверы; почетными же—вообще лица искусства и науки, тѣмъ или инымъ способомъ оказавшія содѣйствіе развитію общества. Что касается средствъ Общества, то они будутъ состоять изъ отчисленій 5% съ продажной цѣны произведеній всѣхъ участвующихъ на выставкахъ, отчисленія 5% съ дивиденда и, наконецъ, частныхъ пожертвованій. Учредительскія засѣданія новаго Общества состоялись 22-го—24-го сентября въ залахъ Императорскаго русскаго историческаго музея. По открытіи перваго засѣданія постановлено было выразить всепреданнѣйшую благодарность его императорскому высочеству августѣйшему московскому генералъ-губернатору великому князю Сергію Александровичу за августѣйшее вниманіе и содѣйствіе къ организаціи Общества. Затѣмъ былъ выбранъ предсѣдатель Общества—почетный вольный общникъ Императорской академіи художествъ А. А. Карелинъ, секретарь и казначей—художникъ Н. С. Матвѣевъ, составленъ списокъ дѣйствительныхъ членовъ Общества, русскихъ и иностранныхъ художниковъ, приглашаемыхъ къ участию на выставкахъ Общества, а также списокъ кандидатовъ въ почетные члены Общества. На второмъ засѣданіи, состоявшемся 23-го сентября, были выбраны и утверждены 15 дѣйствительныхъ членовъ-художниковъ и 29 почетныхъ членовъ, постановлено разослать именныя приглашенія къ участию въ выставкахъ Общества 92 русскимъ и 62 иностраннымъ художникамъ, выработаны правила передвиженія выставокъ и предположено предпринять рядъ художественныхъ изданій. Ближайшая выставка назначена съ 18-го февраля по 13-е апрѣля слѣдующаго 1896 года въ Москвѣ, а затѣмъ она будетъ въ полномъ составѣ перевезена на всероссійскую выставку въ Нижнемъ-Новгородѣ, на счетъ Общества; въ выставкѣ приметъ участіе профессоръ В. Е. Маковский. Выставлены будутъ «Ромео и Юлія» (находится на выставкѣ въ Мюнхенѣ) и «Князь Серебряный» (путешествуетъ по Америкѣ). Общество разослало приглашенія русскимъ и иностраннымъ художникамъ. Для этой же цѣли выѣхалъ за границу членъ Общества г. Тятовъ. На засѣданіи присутствовалъ пріѣхавшій изъ Парижа почетный членъ Общества профессоръ К. Е. Маковский. Наконецъ, на третьемъ засѣданіи, 24-го сентября, прежде всего была прочитана отвѣтная телеграмма великаго князя Сергія Александровича. Затѣмъ правленіе постановило организовать во время предстоящей выставки шесть лекцій по исторіи религіознаго искусства, въ которыхъ примутъ участіе извѣстные профессора. Лекціи будутъ иллюстрироваться тумаявыми картинами и исполненіемъ музыкальныхъ нумеровъ соответствующихъ эпохъ. Далѣе, постановлено возобудить предъ правительствомъ ходатайство о предоставленіи членамъ Общества безпрепятственнаго входа во всѣ правительственные музеи, архивы и церковныя ризницы для работъ и изысканій, а также о предоставленіи Обществу права воспроизведенія всѣми способами памятниковъ старины.

Учрежденіе губернской ученой архивной комиссіи въ Черниговѣ. Въ г. Черниговѣ организуется губернская ученой архивная комиссія съ историческимъ при ней музеемъ и архивною бібліотеккой. Программа дѣятельности ея будетъ заключаться въ слѣдующемъ: комиссія разсматриваетъ дѣла; предназначенныя губернскими и уѣздными архивами для уничтоженія, и выдѣляетъ изъ нихъ для храненія тѣ дѣла или документы, которые имѣютъ научное значеніе, собираетъ свѣдѣнія о хранящихся въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи и въ другихъ губернскихъ архивахъ наиболѣе важныхъ актахъ и документахъ, касающихся Черниговскаго края, снимаетъ съ нихъ списки или дѣлаетъ описаніе; входитъ въ сношеніе съ частными лицами, имѣющими семейныя архивы, о снятіи копій и сдѣланіи выписокъ изъ документовъ, хранящихся въ ихъ архивахъ и относящихся преимущественно до Черниговскаго края; занимается собираніемъ и разработкою историческихъ матеріаловъ, относящихся до Черниговской губерніи, а также и другихъ матеріаловъ, хотя и не касающихся мѣстнаго края, но имѣющихъ историко-литературное значеніе; собираетъ мѣстныя преданія, повѣрія, народныя пѣсни, сказки и все, что касается бытовой стороны мѣстнаго населенія; собираетъ свѣдѣнія о памятникахъ древности, находящихся въ губерніи, и озабочивается, чтобы таковыя не были уничтожаемы, а также, чтобы никакія перестройки древнихъ храмовъ безъ вѣдома комиссіи не производились; участвуетъ въ раскопкахъ, производимыхъ въ губерніи учеными учрежденіями; при архивѣ комиссія постепенно организуеетъ историческій музей, въ который поступаетъ какъ пожертвованныя вещи, имѣющія археологическій интересъ, такъ и приобретенныя на средства комиссіи; по мѣрѣ накопленія матеріаловъ, комиссія приступаетъ къ изданію очерковъ изъ исторіи края и составленію исторической карты края. Въ виду того, что открытіе архивной комиссіи зависитъ отъ возможно большаго числа членовъ, а предполагаемый членскій вносъ въ 3 рубля не можетъ обезпечивать прочнаго существованія комиссіи, начальникъ губерніи обратился къ городскимъ общественнымъ управленіямъ губерніи съ циркулярнымъ предложеніемъ внести въ городскія думы и собранія городскихъ уполномоченныхъ вопросъ о назначеніи ежегодной субсидіи на содержаніе губернской ученой архивной комиссіи, историческаго при ней музея и архивной бібліотеки. Дѣло организаціи комиссіи встрѣчаетъ со стороны общества большое сочувствіе.

Дѣятельность Подольскаго епархіальнаго историко-статистическаго комитета за 1894 г. Въ истекшемъ 1894 г., двадцать девятомъ со времени открытія, комитетъ имѣлъ дѣлю своей дѣятельности, какъ и въ прежніе годы, усиленную разработку мѣстной церковной исторіи и собираніе предметовъ древности въ учрежденное въ 1890 г. церковно-историческое древле-хранилище. Къ началу отчетнаго года, кромѣ предсѣдателя комитета и его товарища, почетныхъ членовъ было 9, дѣйствительныхъ 73 и членовъ-соревнователей 13. Въ 1894 г. вновь избрано почетныхъ членовъ 5, дѣйствительныхъ 9, членовъ-соревнователей 14, а скончались 1 дѣйствительный членъ и 1 членъ-соревнователь. Къ началу 1895 г. состояло почетныхъ членовъ 14, дѣйствительныхъ 82 и членовъ-соревнователей 24. Комитетъ имѣлъ десять очередныхъ собраній, а, кромѣ того, одно общее годовое и одно чрезвычайное по дѣламъ епархіальной бібліотеки. На собраніяхъ рѣшались текущія дѣла комитета, и заслушивались сообщенія и статьи, касающіяся исторіи Подолія. Въ истекшемъ же году выработаны комиссіей и членами комитета и утверждены святѣйшимъ синодомъ уставъ комитета, выработано и представлено въ святѣйшій синодъ ходатайство о правданіи столѣтія подольской епархіи 13-го—14-го мая 1895 г., и печатался XVII выпускъ «Трудовъ комитета», заключающій въ себѣ историческія свѣдѣнія о всѣхъ приходахъ и церквяхъ Каменецкаго уѣзда. Кромѣ того, членами комитета помѣщено въ различныхъ мѣстныхъ изданіяхъ нѣсколько работъ по мѣстной исторіи.

Находящееся въ вѣдѣніи комитета древлехранительнаго, которое помѣщается въ верхней галлерей каменецкаго кафедральнаго собора, подъ заведываніемъ свѣщ. Е. Сѣдинскаго, обогатилось вмѣстѣ съ бібліотечнаго комитета слѣдующими поступлениями: книгъ историческаго содержанія, не считая мелкихъ брошюръ, было 630, вновь поступило 65, состоитъ 693; старопечатныхъ богослужебныхъ и другихъ книгъ было 717, поступило 10, состоитъ 727; рукописныхъ книгъ было 43, поступило 8, состоитъ 56; грамотъ было 10, поступило 3, состоитъ 13; антиминсовъ было 83, поступило 561, состоитъ 644; церковной утвари, облачений и т. п. было 86, поступило 5, состоитъ 90; крестовъ, иконъ, плащаницъ и т. п. было 55, поступило 19, состоитъ 74; портретовъ и картинъ масляными красками было 18, поступило 2, состоитъ 20; фотографій, гравюръ, рисунковъ было 367, поступило 18, состоитъ 385; географическихъ картъ и плановъ было 22, поступило 7, состоитъ 29; церковныхъ древностей (предметовъ вооруженія, монетъ, медалей и т. п.) было 455, поступило 306, состоитъ 761, а всего предметовъ было 2.490, поступило 1.004, состоитъ 3.494. Денежныя средства комитета составлялись изъ остатка отъ прошлаго года 272 р. 11 к., членскихъ взносовъ за 1894 г. 132 р., за «Труды комитета» 950 р. 20 к., выручено за книги «Подолія» 15 р. 5 к., процентовъ по сберегательной кассѣ получено 2 р. 97 к., всего 1.472 р. 33 к. Ирасходовано на изданіе «Трудовъ», по древлехранительнаго, на приобрѣтеніе фотографическаго аппарата, на журналы, книги, переплеты и канцелярскіе расходы 603 р. 58 к.; къ началу 1899 г. оставалось изъ прихода 868 р. 75 к. Средства и дѣятельность подольской епархіальной бібліотеки выразились въ слѣдующихъ цифрахъ. Остатокъ отъ 1893 г. было 68 р. 8 к. (повидимому, въ этихъ цифрахъ есть какая-то неточность или опечатка); на книги, шкафы, переплеты, помѣщеніе, жалованье бібліотекарю и мелочной расходъ вышло 765 р. 64 к.; на липо остается 31 р. 44 к. Въ бібліотекѣ получалось 27 журналовъ, всѣ почти «Епархіальныя Вѣдомости» и вообще изданія духовнаго вѣдомства, число которыхъ доходитъ до 50, и нѣсколько газетъ.

Памятникъ на могилѣ П. М. Садовскаго. Въ «Историческомъ Вѣстникѣ» неоднократно указывалось (1893 г. № 12, 1894 г. № 2 и др.) на печальное состояніе этой могилы. Теперь отрадно отмѣтить, что она не можетъ быть названа ни забытою, ни затерянною. Въ концѣ августа старый памятникъ на могилѣ П. М. Садовскаго замѣненъ новымъ, представляющимъ собою большой крестъ изъ чернаго мрамора, на такомъ же массивѣ въ видѣ глыбы, обдѣланной орнаментировкой. Весь памятникъ стоитъ на мраморной плитѣ. Въ общемъ, по формѣ новый памятникъ, сдѣланный въ мастерской Кампіони, напоминаетъ старый. На восточной сторонѣ подножія креста находится слѣдующая надпись: «Провъ Михайловичъ Садовскій скончался 16-го іюля 1872 года.—Елизавета Львовна Садовская скончалась 23-го апрѣля 1874 года». На западной сторонѣ надпись: «Господи, упокой души ихъ!» Мѣсто внутри ограждающей могилы рѣшетки чисто прибрано, вокругъ памятника поставлены горшки съ цвѣтами.

Памятникъ графу Румянцеву. Въ «Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» находимъ интересную историческую замѣтку о памятникѣ графу Румянцеву-Задунайскому въ городѣ Глухоу, Черниговской губерніи: «Графъ Завадовскій—любимецъ императрицы Екатерины II—началъ свою службу въ Малой Россіи при графѣ Румянцевѣ, который рекомендовалъ Завадовскаго и Безбородко императрицѣ II, которая ихъ вскорѣ отличила, и они сдѣлались извѣстными государственными дѣятелями. Графъ Завадовскій строилъ въ своемъ имѣніи Ляличахъ (теперь принадлежитъ еврею-лѣсопромышленнику Голодцу), Суражскаго уѣзда, великолѣпный дворецъ, на подобіе Царскосельскаго, и въ саду соорудилъ монументъ графу Румянцеву. Когда Завадовскій гулялъ по саду, онъ всегда снималъ шляпу свою, проходя мимо монумента. Этотъ памятникъ стоялъ преспокойно въ саду до 60-хъ годовъ. Князь Голицынъ, бывшій въ то время губернаторомъ въ Чер-

ниговѣ, узнавъ, что тогдашній помѣщикъ Энгельгардтъ хотѣлъ продать бюстъ графа Румянцева на вѣсь бронзы,—купилъ его за 800 рублей и подарилъ его городу Глухову, гдѣ была малороссійская, коллегія, и гдѣ жилъ графъ Румянцевъ. Городъ Глуховъ поставилъ его на площади. Больше печальна была судьба другого памятника Румянцеву. Малороссійанинъ, начавшій службу при Румянцевѣ, а потомъ прославившійся при Екатеринѣ графъ, а потомъ свѣтлѣйшій князь Александръ Андреевичъ Везбородко, выстроилъ себѣ на берегу Невы великолѣпную дачу близъ Петербурга—«Полюстрово» и тамъ поставилъ великолѣпный бюстъ на гранитномъ пьедесталѣ своему учителю, графу Румянцеву. До 1870 года онъ украшалъ паркъ; теперь, по смерти графа Григорія Александровича Кушелева-Везбородко, сестра его, графиня Пушкина, продала по частямъ эту дачу, и неизвестно куда дѣлся этотъ памятникъ.

† **Ф. Ф. Веселаго.** 17-го октября послѣ продолжительной болѣзни скончался почетный членъ императорской академіи наукъ, николаевской морской академіи и морского технического комитета, членъ адмиралтействъ-совѣта, полный генералъ Θεодосій Феодоровичъ Веселаго. Происходя изъ дворянъ Новгородской губерніи, покойный родился 23-го марта 1817 года близъ Роченсальскаго порта, гдѣ его отецъ, капитанъ 1-го ранга, состоялъ главнымъ командиромъ. Послѣ домашняго воспитанія онъ съ 1827 года поступилъ въ морской кадетскій корпусъ, откуда, по окончаніи курса первымъ воспитанникомъ въ 1834 году, перешелъ въ офицерскіе классы того же корпуса. Произведенный въ лейтенанты съ 1837 года, онъ началъ преподавать гардемаринамъ астрономію и науку о навигаціи, а черезъ годъ аналитическую геометрію въ офицерскихъ классахъ, гдѣ съ 1846 года состоялъ завѣдующимъ этимъ учрежденіемъ и типографіей корпуса, исполняя нерѣдко не только обязанности фактора типографіи, но и корректора. Среди разнообразныхъ дѣлъ покойный находилъ время для научныхъ занятій. Въ этотъ періодъ имъ написано нѣсколько статей по разнымъ морскимъ вопросамъ для «Записокъ гидрографическаго департамента», «Маяка» и другихъ періодическихъ изданій. Въ 1853 году онъ покинулъ службу въ морскомъ корпусѣ, перѣхалъ въ Москву, былъ переименованъ въ майоры и опредѣленъ инспекторомъ студентовъ Московскаго университета; но здѣсь онъ пробылъ только четыре года и, произведенный въ полковники, назначенъ помощникомъ печатника Казанскаго учебнаго округа; полная энергія дѣятельности вскорѣ разстроила его здоровье, и онъ долженъ былъ уѣхать за границу для восстановления силъ. По возвращеніи оттуда Ф. Ф., переименованный въ коллежскіе совѣтники, снова перешелъ на службу въ Петербургъ, гдѣ былъ цензоромъ, съ 1866 г. членомъ совѣта главнаго управленія по дѣламъ печати и одно время исполнялъ обязанности начальника главнаго управленія. Наконецъ, съ 1869 года покойный вернулся въ то вѣдомство, гдѣ началъ свою службу, и въ теченіе двадцати шести лѣтъ занималъ мѣсто члена и предсѣдателя въ комитетѣ морскихъ учебныхъ заведеній; кромѣ того, онъ одно время преподавалъ высшія математическія и морскія науки великому князю, нынѣ генералъ-адмиралу, Алексѣю Александровичу. Въ 1881 году Ф. Ф. занялъ должность директора гидрографическаго департамента морского министерства и предсѣдателя ученаго отдѣленія морского технического комитета и комитета морскихъ учебныхъ заведеній. При немъ и благодаря его горячему участію, гидрографическій департаментъ и главная физическая обсерваторія предприняли сообща изданіе метеорологическихъ наблюденій, произведенныхъ на судахъ русскаго военнаго флота. Это изданіе имѣло въ лицѣ покойнаго одного изъ дѣятельныхъ своихъ сотрудниковъ и руководителей. При немъ стали быстро развиваться приморскія метеорологическія станціи. Во время учебныхъ занятій съ великимъ княземъ Алексѣемъ Александровичемъ, покойный сопровождалъ своего августѣйшаго ученика въ заграничномъ плаваніи и въ путешествіяхъ по Россіи и Европѣ. Его корреспонден-

ціи объ этихъ путешествіяхъ печатались въ «Голосѣ» въ 1866 и 1868 годахъ. Покойнымъ написано также нѣсколько рассказовъ и стихотвореній, напечатанныхъ въ «Маякѣ» въ 40-хъ годахъ подъ псевдонимомъ «Евгенія Завескаго», какъ, напр., стихотворенія: «Луна и море» и «Отвѣтъ», рассказы: «Матросскія разсказы на бакѣ», «Сельская быль» и «Не любо—не слушай». Изъ ученыхъ трудовъ Ѳ. Ѳ. Веселаго замѣчательнъ цѣлый рядъ исследованийъ по исторіи русскаго флота. Его «Очеркъ русской морской исторіи» (Спб., 1875), въ которомъ мастерски изображена картина морской дѣятельности русскаго народа съ основанія Россіи до кончины Петра Великаго, и «Очеркъ исторіи морского кадетскаго корпуса» (Спб., 1852) награждены академіей наукъ — первое сочиненіе Уваровскою, второе—Демидовскою преміями. Въ пятидесятыхъ же годахъ покойному высочайше было поручено завѣсть обработкой матеріаловъ, собранныхъ имъ по исторіи русскаго флота. Послѣ смерти С. И. Елагина, Ѳ. Ѳ. Веселаго было поручено продолженіе составленія матеріаловъ для исторіи русскаго флота. Въ 1871 году имъ были изданы «Краткія свѣдѣнія о русскіихъ морскихъ сраженіяхъ за два столѣтія съ 1656 года по 1856 годъ»; въ слѣдующемъ году появляется въ свѣтъ составленный покойнымъ «Списокъ русскіихъ военныхъ судовъ съ 1668 года по 1860 годъ». Подъ редакціей Ѳ. Ѳ. Веселаго съ 1875 года вышло болѣе 10 томовъ «Матеріаловъ исторіи русскаго флота». Нельзя также не отмѣтить изданнаго Ѳ. Ѳ. Веселаго «Общаго морского сборника», въ которомъ можно найти свѣдѣнія о службѣ флотскихъ офицеровъ, замѣчательныхъ морскихъ артиллеристовъ, корабельныхъ мастеровъ и нѣкоторыхъ другихъ лицъ, известныхъ своею полевною дѣятельностію для флота. Покойный состоялъ еще долгое время председателемъ комиссіи для разбора и описанія архива морского министерства съ его основанія и до 1805 г., а также для изданія составленныхъ описей. Далѣе извѣстна составленная покойнымъ «Братская исторія русскаго флота» (Спб., 1893) и руководства: «Начальныя основанія динамики и гидростатики» (1842 г.) и «Начальная геометрія» (1853 г.). Последняя была признана академіей наукъ «классическимъ и наиболее приспособленнымъ къ нуждамъ флотскаго офицера руководствомъ по предмету одной изъ основныхъ наукъ математики». За эти руководства авторъ, тогда еще молодой капитанъ-лейтенантъ, получилъ въ награду, по ходатайству академіи наукъ, орденъ св. Владимира. Наконецъ, изъ мелкихъ статей Ѳ. Ѳ. можно отмѣтить: 1) Клинометръ, 2) Приборъ Кларка для перегонки прѣсной воды изъ морской, 3) Дѣдушка русскаго флота, 4) О происхожденіи дѣдушки русскаго флота, 5) Сергѣй Петровичъ Крашенинниковъ, 6) Адмиралъ Иванъ Ѳедоровичъ Крувештеръ (отдѣльная книжка) и др.

† Н. С. Стромилловъ. 11-го октября, послѣ тяжелой и продолжительной болѣзни, скончался въ Феодосіи александровскій (Владимірской губерніи) уѣздный предводитель дворянства, членъ разныхъ обществъ и учреждений, Николай Семеновичъ Стромилловъ. Покойный происходилъ изъ стариннаго дворянскаго рода и родился въ родовомъ имѣніи, сельцѣ Кошцевѣ, Александровскаго уѣзда, Владимірской губерніи, 1-го апрѣля 1842 года. Образование оный получилъ въ Константиновскомъ межевомъ институтѣ и выбылъ изъ 5-го класса; послѣ же выдержалъ испытаніе на званіе младшаго землемѣрнаго помощника; одно время оный былъ и вольнымъ слушателемъ Московскаго университета по юридическому факультету. Съ 1861 г. начинается его служебная дѣятельность, изъ которой можно отмѣтить 1868—1872 года, когда оный былъ мировымъ посредникомъ по земельному устройству государственныхъ крестьянъ въ Александровскомъ уѣздѣ; въ 1869—1878 гг. состоялъ секретаремъ юрьевскаго общества сельскаго ховяйства; въ ноябрѣ 1872 года былъ избранъ членомъ-корреспондентомъ ученаго комитета министерства государственныхъ имуществъ; въ іюлѣ 1875 года утвержденъ совѣщательнымъ членомъ ветеринарнаго комитета министерства внутреннихъ дѣлъ; съ 1875 года пять тролѣтій былъ почетнымъ мировымъ судьей Калаявнскаго уѣзда

и съ 1877 года до конца жизни—Александровскаго уѣзда; въ 1879—1894 гг. былъ членомъ владимірской губернской земской управы; съ 1884 года исправлялъ должность непремѣннаго члена владимірскаго губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія; съ 1885 года былъ кандидатомъ на должность Александровскаго уѣзднаго предводителя дворянства, а съ мая 1889 года былъ предводителемъ. Въ 1894 году былъ отпразднованъ 25-лѣтній юбилей литературной дѣятельности покойнаго: въ 1869 году въ «Земледѣльческой Газетѣ» (№№ 49 и 50) появилась первая статья Стромиллова; съ тѣхъ поръ, продолжая сотрудничать въ указанной газетѣ, Николай Семеновичъ участвовалъ еще въ «Душеполезномъ Читеніи», «Странникѣ», «Древней и Новой Россіи», «Русскомъ Архивѣ», «Чтеніяхъ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ», въ «Современной Лѣтописи», «Охотѣ», «Сельскомъ Хозяйствѣ и Лѣсоводствѣ», «Вѣстникѣ Московской Политехнической Выставки», «Всемирной Иллюстраціи» и др., а также въ мѣстныхъ Епархіальныхъ и Губернскихъ Вѣдомостяхъ и въ «Трудахъ» мѣстнаго статистическаго комитета. Изъ произведеній покойнаго можно отмѣтить: «Володимерщина. Роспись печатнаго и изданнаго о Владимірской епархіи и губерніи». (Владимір на Клязьмѣ 1884, 8°, 120 стр.), «Александрова Слобода. Историческое изслѣдованіе» (М., 1884, 4°, 118 стр.), «Русская литература скотоводства за послѣдніи 40 лѣтъ» (Спб., 1870, 8°, 12 стр.), «Русская литература по скотоводству за послѣдніи 100 лѣтъ» (Спб., 1872, 8°, 7 стр.), «Святый преподобный Стефанъ, игуменъ Махрищскій» (Владимір на Клязьмѣ, 1890, 8°, 32 стр.), «Лукианова пустынь» (Владимір на Клязьмѣ, 1894) и мн. др. Покойный обладалъ богатою бібліотекой, въ которой было много рѣдкихъ экземпляровъ, особенно провинціальныхъ изданій; въ его бібліотекѣ—что особенно цѣнно—было полное собраніе всего печатнаго о Владимірской губерніи, наль чѣмъ покойный трудился до самаго послѣдняго времени и собирался передѣлать и выдать въ значительно дополненномъ видѣ свою «Володимерщину». Въ бумагахъ же его должна находиться весьма интересная переписка со многими лицами, извѣстными въ области исторіи и археологіи, и нельзя не пожелать, чтобы наслѣдники передали все это въ одно изъ ученыхъ учрежденій Москвы, какъ о томъ часто говорилъ покойный при жизни.

† Е. А. Покровский. 16-го октября въ Москвѣ скончался главный докторъ московской Софійской дѣтской больницы Егоръ Арсеньевичъ Покровский. Покойный родился 13-го января 1834 года. Сынъ бѣднаго священника села Ново-Никитскаго, Корчевскаго уѣзда, Тверской губерніи, онъ семи лѣтъ отданъ былъ въ тверское духовное училище, а затѣмъ продолжалъ свое ученіе въ семинаріи. Лишившись 14-ти лѣтъ отца и 16-ти матери, Е. А. поддерживалъ существованіе свое и братьевъ тѣмъ, что занимался репетиторствомъ учениковъ младшихъ классовъ (за плату по 15 рублей въ годъ). Въ 1855 году изъ философскаго класса Е. А. поступилъ на медицинскій факультетъ Московскаго университета, гдѣ ему тоже пришлось бороться съ матеріальными затрудненіями. Кой-какія крохи отъ братьевъ и добрые товарищи поддерживали бѣдняка еще на два мѣсяца, по истеченіи которыхъ, благодаря бывшамъ тогда полугодовымъ репетиціямъ, Е. А. завялъ себя усердно занимающимся студентомъ и, вслѣдствіе этого, былъ принятъ на полуказенное содержаніе въ студенческіе нумера, а черезъ полгода—и на полное казенное содержаніе. Въ 1860 году онъ окончилъ курсъ со степенью лѣкаря. По окончаніи курса Е. А. былъ назначенъ городовымъ врачомъ города Пудожа, Олонецкаго губерніи. 1-го ноября 1862 года онъ былъ опредѣленъ ординаторомъ московской дѣтской больницы. Съ этой поры начинается его обширная врачебная и научная дѣятельность. Прежде всего, онъ печатаетъ рядъ статей и докладовъ въ «Московскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» (1863—1864 гг.), «Медицинской Газетѣ», «Врачебныхъ Вѣдомостяхъ», «Медицинскомъ Обзорѣніи» и «Русской Медицинѣ», а также работаетъ надъ диссертацией: «Объ источникахъ новообразованія соединительной ткани при варо-

ставія просвѣта кровеносныхъ сосудовъ» (М., 1870 года, 110 стр.), за которую, по защитѣ, приобретаетъ степень доктора медицины. Въ 1872 году командированъ былъ отъ вѣдомства Императрицы Маріи съ ученою цѣлью за границу на четыре мѣсяца для изученія главнымъ образомъ электротерапіи въ примѣненіи къ лѣченію дѣтскихъ болѣзней. По возвращеніи изъ-за границы, Е. А. съ 1874 года былъ назначенъ главнымъ докторомъ Московской дѣтской больницы (съ 1888 года получившей названіе «Софійской») и переведенной на Кудринскую Садовую), гдѣ и состоялъ до кончины. Съ 1870 по 1874 годъ покойный, кромѣ того, состоялъ членомъ общества русскихъ врачей въ Москвѣ и въ теченіе 1871 года былъ секретаремъ его. Въ 1875 году онъ принималъ дѣятельное участіе въ устройствѣ нарождавшася въ то время московскаго медицинскаго общества, въ которомъ избранъ былъ первымъ предсѣдателемъ и затѣмъ избираемъ былъ въ это званіе два раза. Въ 1879 году Е. А. былъ избранъ въ дѣйствительные члены общества любителей естествознанія, антропологии и этнографіи. Впослѣдствіи онъ состоялъ почетнымъ членомъ того же общества. Въ томъ же году Е. А. принялъ дѣятельное участіе въ работахъ комитета по устройству въ Москвѣ антропологической выставки, явивъ на себя организацию отдѣла физическаго воспитанія дѣтей. Путемъ сношенія съ врачами въ различныхъ мѣстностяхъ и окривнахъ Россіи ему удалось собрать большую коллекцію колыбелей и другихъ предметовъ, относящихся до первоначальнаго воспитанія,—коллекцію, единственную въ своемъ родѣ и перешедшую по окончаніи выставки въ Политехническій музей, гдѣ она находится и теперь. Копія съ этихъ предметовъ были экспонированы на парижской выставкѣ. Съ другой стороны, собранныя Е. А. въ литературѣ о различныхъ мѣстностяхъ Россіи данныя о воспитанія дѣтей дали матеріалъ для обширнаго сочиненія: «Физическое воспитаніе дѣтей у разныхъ народовъ, преимущественно Россіи», 1884 года, вышедшаго въ видѣ трехъ выпусковъ «Извѣстій» общества любителей естествознанія. Кромѣ того Е. А. напечаталъ рядъ работъ на темы, возбужденныя участіемъ его въ упомянутой выставкѣ; таковы: «Первые приемы воспитанія дѣтей у разныхъ народовъ», «О деформаци черепа въ предѣлахъ Россіи», «Первая пища русскаго ребенка», «Произвольныя движенія тѣла дѣтей у разныхъ народовъ», «Уходъ за кожей дѣтей у разныхъ народовъ» и пр. Въ рядѣ дальнѣйшихъ своихъ сочиненій Е. А. указываетъ, какъ слѣдуетъ вести дѣло физическаго воспитанія дѣтей. Сюда относятся: «Первоначальное физическое воспитаніе дѣтей» (только что вышедшее вторымъ изданіемъ), «Объ уходѣ за малыми дѣтьми» (народное изданіе) и «Дѣтскія игры, преимущественно русскія». Иллюстраціей къ этимъ сочиненіямъ служили предметы, касающіеся физическаго воспитанія дѣтей и представленныя Е. А. на бывшей въ 1888 году юбилейной выставкѣ общества поощренія трудолюбія, гдѣ между прочимъ были устраиваемы подвижныя дѣтскія игры, за которыя до конца жизни такъ ратовалъ покойный. Заботы покойнаго о физическомъ и неразрывно съ нимъ связанномъ умственномъ развитіи дѣтей выразились, между прочимъ, изданіемъ переводнаго сочиненія по школьной гигиенѣ и, наконецъ, изданіемъ журнала «Вѣстникъ Воспитанія», послѣднюю, октябрскую, книжку котораго покойный закончилъ за нѣсколько дней до смерти. Къ сотрудничеству въ своемъ журналѣ Е. А. умѣлъ привлечь лучшія педагогическія силы, участіе которыхъ въ журналѣ давало право ожидать разработки въ немъ педагогическихъ вопросовъ въ цѣлесообразномъ направленіи. Появленіе журнала было встрѣчено повтому очень сочувственно; онъ не мало способствовалъ развитію въ обществѣ интереса къ разрабатываемымъ въ немъ вопросамъ и уваженію къ его основателю и единственному руководителю. Радѣя о здоровьѣ и правильномъ развитіи подрастающаго поколѣнія, Е. А. уже подъ конецъ жизни выступилъ основателемъ «Общества для содѣйствія физическому развитію», объ утвержденіи устава котораго было сообщено недавно въ газетахъ. Въ качествѣ

гласнаго московской думы Е. А. участвовалъ въ нѣсколькихъ комиссіяхъ по санитарнымъ вопросамъ и вопросамъ народнаго образованія. Популярность, которую покойный пользовался въ Москвѣ, особенно ярко сказалась при похоронахъ его, происходившихъ 18-го октября на Ваганьковомъ кладбищѣ. Послѣ заупокойной литургіи въ храмѣ св. Спиридона, что на Спиридоновкѣ, было совершено священникомъ Софійской больницы И. С. Уваровымъ въ сослуженіи мѣстнаго духовенства, при пѣніи хора пѣвчихъ, отпѣваніе. Церковь была переполнена лицами, собравшимися отдать послѣдній долгъ почившему и проводить его останки. Въ числѣ ихъ находились: попечитель Московскаго учебнаго округа Н. П. Боголѣзовъ, профессора императорскаго Московскаго университета, деканъ медицинскаго факультета И. Ѳ. Клейнъ, президентъ императорскаго общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи Д. Н. Анучинъ, почетный опекунъ Софійской дѣтской больницы В. И. Ахшарумовъ, члены московскаго гигиеническаго общества, доктора какъ Софійской, такъ и другихъ дѣтскихъ больницъ, сотрудники журнала «Вѣстникъ Воспитанія», ученики городского начальнаго Андроньевскаго училища, попечителемъ котораго состоялъ покойный до прошлаго года, и другіе почитатели покойнаго, а также родные и знакомые. Послѣ отпѣванія бѣлый глазетовый гробъ былъ вынесенъ изъ церкви и, по совершеніи литіи у дома Софійской больницы, поставленъ на траурный катафалкъ подъ бѣлымъ балдахинъ, послѣ чего процессія направилась къ Ваганьковскому кладбищу, гдѣ тѣло и предано землѣ. На гробъ Е. А. Покровскаго были возложены вѣнцы: отъ императорскаго общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи, отъ «благодарнаго комитета Политехническаго музея», отъ московскаго гигиеническаго общества съ надписью «члену-учредателю», отъ общества русскихъ врачей, отъ редакціи журнала «Дѣтское Чтеніе», отъ дѣтскихъ больницъ: св. Владимира, св. Ольги, имени Хлудова, отъ сослуживцевъ Софійской дѣтской больницы и нѣсколько вѣнковъ отъ почитателей. Газеты обихъ столицы, безъ различія партій и направленій, посвятили памяти покойнаго многочисленныя статьи, полныя горячаго сочувствія къ его благотворной и неутомимой дѣятельности какъ въ качествѣ врача практика и администратора больницы, такъ и писателя-редактора.

† А. А. Голубевъ. 9-го октября, въ Москвѣ, отъ воспаления легкихъ, скончался Александръ Александровичъ Голубевъ. Онъ родился въ сентябрѣ 1841 года въ селѣ Ломовкѣ, Пензенской губерніи, гдѣ отецъ его былъ дякономъ, и получилъ первоначальное образованіе въ мѣстной духовной семинаріи. По окончаніи съ большимъ успѣхомъ курса, покойный предназначался начальствомъ семинаріи въ духовную академію, но самъ онъ желалъ поступить въ Московскій университетъ. Чтобы достать себѣ необходимыхъ средствъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ поддержать семью, оставшуюся на его попеченіи послѣ смерти отца, А. А. поступилъ шкиперомъ на торговые суда одного купца, ходившія тогда конной тягой по Волгѣ отъ Рыбинска внизъ до Астрахани. Благодаря этому, А. А., и безъ того близко знавшій и любившій народъ, самъ вышедшій изъ среды его, еще болѣе сроднился съ нимъ и изучилъ его бытъ. Подъ конецъ онъ все же получилъ возможность прійхать въ Москву, гдѣ поступилъ на юридическій факультетъ университета. Еще во время студенчества покойный началъ писать рассказы изъ народной жизни, помѣщая ихъ въ «Ремесленной Газетѣ», и принималъ близкое участіе въ издававшихся И. С. Аксаковымъ газетахъ «Москва» и значительно позднѣе «Русь». По окончаніи курса, А. А. былъ прикомандированъ къ московскому архиву министерства юстиціи въ самую лучшую его пору. Во главѣ архива стоялъ тогда Н. В. Калачовъ, привлекавшій талантливыхъ людей къ архивнымъ занятіямъ. Калачовъ обратилъ особое вниманіе на А. А. и поручалъ ему самыя разнообразныя работы. Ко времени пребыванія А. А. въ архивѣ относятся его историко-юридическія работы: «Смыск-

ной приказъ въ 1730—1773 гг.), «Расправная палата при сенатѣ», «Историческій очеркъ святѣйшаго синода до 1740 года», напечатанный въ «Описаніяхъ документовъ и бумагъ Московскаго архива министерства юстиціи». По смерти Н. В. Калачова вскорѣ и А. А. оставилъ архивъ и преданъ чисто литературной работѣ. Имъ было написано множество мелкихъ историческихъ рассказовъ и крупныхъ романовъ, помѣщавшихся преимущественно въ московскихъ изданіяхъ (въ «Историческомъ Вѣстникѣ» былъ напечатанъ его рассказъ «Атаманъ Илюшка Пономаревъ»). Въ историческихъ романахъ талантъ А. А. выступилъ особенно ярко: немногими штрихами онъ мастерски рисовалъ вѣрныя картины нравовъ и быта древней Руси, обнаруживая при этомъ изумительное знаніе языка; особенно въ этомъ отношеніи замѣчательнъ романъ «Бродячая вольница», описывающій бытъ бурлаковъ. Это произведеніе можно назвать образцомъ этнографическаго романа, хрестоматіей живаго великорусскаго языка. Въ 1885 году, за свои ученые труды А. А. былъ выбранъ членомъ-соревнователемъ императорскаго общества исторіи и древностей россійскихъ, а въ 1894 году его дѣйствительнымъ членомъ. Къ этому времени относится его докладъ «Къ исторіи бунта Стеньки Разина». Смерть застала А. А. за работой надъ романомъ «Княжна-визявъ», сюжетъ котораго взятъ изъ ростовскихъ сказаній. Изъ романовъ А. А. выдаются слѣдующіе: «Въ омутѣ», «Князь раскольникъ», «Усольская княгиня», «Въ бурномъ болотѣ», «Лукавый другъ», «Братъ Іоанна Грознаго», «Самокрутка», «Взбаламученное захоluste», «Сила солону ломить», «Холопка», «Өенинъ яръ», «У стѣнъ обители». Помимо своихъ научныхъ и литературныхъ дарованій, покойный привлекалъ всеобщія симпатіи также и своимъ прямымъ, достойнымъ и благороднымъ характеромъ.

† А. П. Жандръ. 4-го октября въ Петербургѣ скончался отъ крупознаго воспаленія легкихъ сенаторъ, вице-адмиралъ Александръ Павловичъ Жандръ, принадлежавшій къ немногочисленной семьѣ оставшихся въ живыхъ славныхъ защитниковъ Севастополя. Покойный родился въ 1825 году; образованіе получилъ въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ, въ которомъ кончилъ курсъ въ 1844 году. Первые годы служебной дѣятельности покойный провелъ въ черноморскомъ флотѣ подъ командой В. А. Корнилова и состоялъ при немъ въ продолженіе четырехъ лѣтъ для особыхъ порученій и флагъ-офицеромъ. Когда началась крымская война, А. П. плавалъ на пароходѣ «Владиміръ» и участвовалъ въ боѣ этого парохода съ турецко-египетскимъ пароходомъ «Первазъ-Бахры». За оказанную храбрость и распорядительность въ этомъ предшествовавшемъ Синопской побѣдѣ боѣ молодой Жандръ получилъ въ награду орденъ св. Владиміра 4-й ст. съ мечами и бантомъ. Когда война сосредоточилась на осадѣ Севастополя, покойный въ качествѣ флагъ-офицера находился постоянно при адмиралѣ Корниловѣ. На его глазахъ между прочимъ адмиралъ былъ смертельно раненъ ядромъ, осколкомъ котораго покойный А. П. Жандръ былъ контуженъ въ ногу. Несмотря на это, быстро оправившись, онъ подбѣжалъ къ своему раненому командиру и помогъ перенести его за брустверь Малахова кургана. Контузія, полученная покойнымъ, была настолько сильна, что онъ былъ принужденъ выбыть изъ строя. По окончаніи крымской войны А. П. служилъ въ морскомъ министерствѣ, занимая должности сперва вице-директора, затѣмъ директора департамента морскихъ отчетовъ. Хорошо знакомый съ морскимъ дѣломъ, покойный былъ приглашенъ въ концѣ 60-хъ годовъ на службу въ государственный контроль въ качествѣ генераль-контролера морской отчетности; въ концѣ 70-хъ годовъ былъ назначенъ сенаторомъ. Одновременно онъ принималъ дѣятельное участіе въ дѣлахъ пароходнаго общества «Кавказъ и Меркурій», которое обязано ему и своимъ возрожденіемъ, такъ какъ дѣла общества въ 60-хъ годахъ были совершенно разстроены, и настоящимъ благоустройствомъ. Директоромъ-распорядителемъ общества покойный былъ болѣе 25-ти лѣтъ и ради него покинулъ государственную службу въ 1885 году, когда была об-

явлена несовмѣстимость должностей. Въ 1893 году А. П. вновь получилъ назначеніе присутствовать въ департаментѣ герольдіи Правительствующаго Сената. Въ бытность морскимъ министромъ покойнаго адмирала Шестакова А. П. участвовалъ въ разработкѣ положенія по управленію морскимъ министерствомъ. За свою энергичную и полезную дѣятельность онъ имѣлъ много наградъ: брилліантовые знаки ордена св. Александра Невскаго, ордена Бѣлаго орла, св. Владиміра 2-й ст. и др. Перу покойнаго принадлежатъ цѣнный, обстоятельный трудъ, изданный въ 1859 году подъ заглавіемъ «Матеріалы для исторіи обороны Севастополя и для біографіи В. А. Корнилова».

† Епископъ Александръ. 8-го октября въ Калугѣ скончался преосвященный Александръ, епископъ калужскій и боровскій. Епископъ Александръ, въ мѣрѣ Андрей Ивановичъ Свѣтлаковъ, родился 4-го августа 1839 года въ селѣ Нижней Мизѣ, Симбирской губерніи, Сызранскаго уѣзда, гдѣ его отецъ состоялъ пономаремъ. Первоначальное образованіе ему пришлось получить въ Сызранскомъ духовномъ училищѣ, а потомъ въ Симбирской семинаріи. По окончаніи семинарскаго курса со званіемъ студента онъ въ 1860 году былъ рукоположенъ во священника къ церкви села Городищъ и скоро переведенъ въ село Кыльдюшево. Въ обоихъ приходахъ молодому священнику выпало на долю, въ теченіе десяти лѣтъ, потрудиться для блага православія среди инородцевъ Симбирской губерніи—чувашей и мордвы. Въ 1870 году онъ одновременно лишился жены и дѣтей, оставшись съ единственнымъ сыномъ. Оставшись одинокимъ, онъ рѣшилъ продолжать свое богословское образованіе и съ 1871 года поступилъ въ студенты Казанской духовной академіи, а въ 1875 году, по окончаніи академическаго курса со степенью кандидата богословія, былъ опредѣленъ законоучителемъ въ Нижегородскую гимназію. Здѣсь, въ теченіе восьмилѣтней педагогической дѣятельности, почившій напечаталъ изслѣдованіе подъ заглавіемъ «Исторія іудейства въ Аравіи и вліяніе его на ученіе Корана» (Казань, 1881 г.), за что получилъ степень магистра богословія, и рядъ слѣдующихъ духовно-литературныхъ трудовъ: «Опытъ объясненія заповѣдей Божіихъ» (Нижній Новгородъ, 1878 г., 97 стр.), «Изложеніе ученія православной церкви, о церкви, церковной іерархіи, благодати и таинствахъ, съ приложеніемъ статьи о загробной жизни» (Нижній Новгородъ, 1879 г.), «Нравственный образъ Иисуса Христа и Его благодетельное вліяніе на нравственную жизнь человѣчества» (Нижній Новгородъ, 1880 г., 204 стр.), «Слово въ первый день Пасхи» (Нижній Новгородъ, 1881 г., 16 стр.), «Евангельскія чтенія для упражненія учениковъ народныхъ школъ въ славянскомъ языкѣ» (Нижній Новгородъ, 1882 г., 49 стр.) «Акты святыхъ мучениковъ и религіозно-нравственное ихъ значеніе» (Нижній Новгородъ, 1882 г., 63 стр.), «Христіанскіе храмы, исторія ихъ и значеніе» (Нижній Новгородъ, 1882 г., 53 стр.), «Основаніе нравственной жизни—религія и высочайшій образецъ нравственно-общественной жизни—Богочеловѣкъ Христосъ Иисусъ», публичное чтеніе (Нижній Новгородъ, 1882 г., 82 стр.), «Нравственные уроки въ словахъ и рѣчахъ» (Нижній Новгородъ, 1882 г., 133 стр.) и переводъ съ французскаго: «Вѣчное блаженство святыхъ», сочиненіе Р. Бекстера (С.-Петербургъ, 1882 г., 161 стр.). Эти труды, въ связи съ законоучительствомъ и проповѣдываніемъ, обратили на себя вниманіе и выдвинули покойнаго на новое служебное поприще: 24-го сентября 1883 года онъ былъ постриженъ въ монашество и, возведенный въ санъ архимандрита, назначенъ ректоромъ Вианской духовной семинаріи. На новомъ мѣстѣ служенія покойному пришлось пребыть только около двухъ лѣтъ, въ теченіе которыхъ онъ успѣлъ ознаменовать свою дѣятельность учрежденіемъ въ семинаріи общежитія. Затѣмъ хиротонисанный въ архіерейскій санъ 30-го іюня 1885 года онъ состоялъ сначала епископомъ можайскимъ (1885—1892), а потомъ епископомъ дмитровскимъ (1892—1894 гг.) и нѣкоторое время, вслѣдствіе болѣзни покойнаго митрополита Леонтія, управляющимъ московскою епархіей. Это почти девятилѣтнее епископское

служеніе въ Москвѣ, соединенное съ заботами особенно объ улучшеніи церковнаго пѣнія, было ознаменовано новыми духовно-литературными трудами, напечатанными въ «Чтеніяхъ Общества любителей духовнаго просвѣщенія», «Душеполезномъ Чтеніи», «Православномъ Обзорѣннѣ», «Странникѣ», «Московскихъ Церковныхъ Вѣдомостяхъ». Изъ нихъ особенно выдѣлялось большое духовно-нравственное сочиненіе «Иисусъ Христосъ по Евангелію» (Москва, 1892—1893 гг., три выпуска) и такія духовно-музыкальныя произведенія, какъ «Литургія св. Іоанна Златоуста», «Литургія преждеосвященныхъ даровъ» и «Херувимскія пѣсни стариннаго обиходнаго распѣва». Съ 29-го января 1894 года покойный былъ назначенъ епископомъ калужскимъ и боровскимъ, но въ этомъ новомъ званіи провелъ всего полтора года.

† Протоіерей Н. П. Марковъ. 15-го октября въ Москвѣ скончался благочинный придворныхъ соборовъ и церкви протоіерей Н. П. Марковъ. Покойный занималъ почетное мѣсто въ богословско-философской литературѣ а его книга «Обзоръ философскихъ ученій» удостоена преміи митрополита Макарія и служить въ духовныхъ семинаріяхъ учебнымъ руководствомъ. Протоіерей Н. П. Марковъ былъ сынъ священника курской епархіи, воспитывался въ мѣстной семинаріи и въ кievской духовной академіи. По окончаніи курса въ 1861 году онъ былъ назначенъ въ воронежскую духовную семинарію преподавателемъ церковной исторіи, каноническаго права и литургіи, а также сталъ преподавать словесность въ семинаріи и всеобщую и русскую исторію въ мѣстной женской гимназіи. Въ 1866 году покойный оставилъ семинарію, занявъ преподавательское мѣсто въ воронежской Михайловской военной гимназіи, гдѣ также состоялъ и воспитателемъ. Здѣсь онъ оставался недолго. Покойный преосвященный Серафимъ перевелъ его въ Воронежскую семинарію на должность преподавателя философскихъ наукъ и педагогики. Въ 1874 году покойный былъ рукоположенъ во священника къ Спасской церкви города Воронежа, оставаясь въ то же время преподавателемъ семинаріи. Въ скоромъ времени онъ занялъ еще мѣсто законоучителя въ реальномъ училищѣ. Въ 1881 году о. Н. П. былъ возведенъ въ санъ протоіерея, а въ 1882 году назначенъ ректоромъ черниговской духовной семинаріи, гдѣ прослужилъ до 1892 года, когда, по разстроенному здоровью, долженъ былъ оставить обязанности ректора. Въ этомъ же году онъ перѣхалъ въ Москву и получилъ здѣсь мѣсто пресвитера Благовѣщенскаго придворнаго собора, а вскорѣ ватѣмъ и сакелларія того же собора. Въ 1893 году о. Н. П. былъ перемѣщенъ настоятелемъ въ придворный Верхоспасскій соборъ съ назначеніемъ благочиннымъ придворныхъ соборовъ и церкви. Кромѣ указаннаго выше труда, покойнымъ напечатаны еще: 1) «Педагогъ древняго классическаго міра философъ Сократъ», 2) «Педагогъ новаго христіанскаго міра славянинеъ Амосъ Коменскій» и много другихъ трудовъ, которые появлялись въ разныхъ журналахъ. Покойный находился въ хорошихъ отношеніяхъ съ И. С. Аксаковымъ и помѣщалъ, между прочимъ, свои статьи въ его газетѣ «Русь».

† О. И. Бантъ. Въ концѣ осени скончался въ Петербургѣ, на 58 году, извѣстный издатель Осипъ Игнатьевичъ Бантъ. Покойнымъ былъ изданъ на русскомъ языкѣ рядъ капитальныхъ произведеній иностранной литературы, каковы: «Исторія всеобщей литературы» І. Шерра; «Полное собраніе сочиненій Мольера»; «Исторія умственного развитія Европы» Дрепера, «Оттоманская имперія» Убичини и Курсейль, и мн. др. Имъ переведено нѣсколько комедій Мольера. Покойный служилъ въ азіатскомъ департаментѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, гдѣ занималъ должность драгомана.

† А. Д. Нившенко. 2-го октября въ Гейдельбергѣ скончался одинъ изъ лучшихъ русскихъ художниковъ, академикъ живописи, профессоръ академіи художествъ Алексѣй Даниловичъ Кившенко. Покойный родился 11-го марта 1851 года и провелъ дѣтство въ Веневскомъ уѣздѣ, Тульской губерніи. Въ 1867 году онъ поступилъ въ академію художествъ вольноприходя-

щимъ ученикомъ и черезъ три годѣ былъ зачисленъ въ академисты. Молодость покойнаго протекла въ неблагопріятныхъ матеріальныхъ условіяхъ, ему приходилось часто нуждаться въ самыхъ необходимыхъ предметахъ. Тѣмъ не менѣе онъ продолжалъ занятія въ академіи и одновременно находилъ досугъ для посѣщенія Технологическаго института, гдѣ также занимался. Успѣхи по живописи рѣзко выдѣляли покойнаго изъ среды большинства его сотоварищей-академистовъ. Не было года, въ который бы пребываніе А. Д-ча въ академіи не отмѣчалось какою либо наградой. Такъ въ 1871 г. онъ получилъ малую и большую серебряныя медали за рисунки, въ 1872 г. — двѣ малыя серебряныя медали за этюды и акварельныя работы и въ 1874 г. большую серебряную медаль за этюды. Въ 1876 г. ему была присуждена малая золотая медаль за программу «Самсонъ и Далила», въ слѣдующемъ году онъ получилъ большую золотую медаль съ званіемъ класснаго художника 1-й степени за исполненіе программы: «Бракъ въ Канѣ Галилейской», но безъ права на пенсіонерство, такъ какъ программа эта была не окончена. Для полученія права на поѣздку за границу А. Д. влялся написать историческую картину по собственному выбору и прекрасно выполнилъ свою задачу. Онъ оставилъ на сюжетѣ «Военный совѣтъ въ Филяхъ». Картина была готова въ 1879 году и доставила художнику не только право на пенсіонерство, но и извѣстность. Въ періодъ творчества этого замѣчательнаго произведенія русской историко-бытовой живописи покойный успѣлъ выполнить еще нѣсколько картинъ: «Переполохъ», «Дѣти, несущія обѣдъ на поле жницамъ», «Съѣздъ на ярмарку въ Малороссіи», «Еврейская свадьба», «Погорѣльцы», «Мальчикъ съ змѣею» и «Воришка» — дѣтскія сцены (картины небольшихъ размѣровъ) и «Сплавъ лѣса по рѣкѣ». Въ то же время онъ исполнилъ 30 акварелей на сюжеты изъ русской истории для хромолитографій, изданныхъ покойнымъ авторомъ распространенныхъ учебниковъ исторіи г. Рождественскимъ и служащихъ до сихъ поръ почти единственнымъ хорошимъ пособіемъ при изученіи отечественной исторіи. Въ 1880 году А. Д. отправился за границу, гдѣ пробылъ три года, живя въ Дюссельдорфѣ, Мюнхенѣ и Парижѣ. За время пребыванія въ чужихъ краяхъ онъ написалъ цѣлый рядъ картинъ, въ томъ числѣ нѣсколько превосходныхъ охотничьихъ жанровъ. Изъ нихъ назовемъ только нѣкоторые выдающіеся: «Въ католической церкви» (продана въ Англію), «Окрестности Мюнхена по р. Изару» (собственность Государя Императора), «Съѣздъ на малороссійскую ярмарку», «Зимній пейзажъ» — русскій мотивъ, повтореніе картины «Военный совѣтъ въ Филяхъ» (собств. московской Третьяковской галереи), «Охота на зайца» и «Охота на лисацу» (собств. великаго князя Владиміра Александровича), «Псарный дворъ», вскорѣ ватѣмъ, въ 1884 г., повторенный съ незначительными измѣненіями и пріобрѣтенный въ собственность академіей художествъ. Осенью 1883 г. покойный вернулся въ Петербургъ и тогда же былъ приглашенъ преподавателемъ въ фигурный классъ Центрального училища техническаго рисованія барона Штиглица. Лѣто 1884 и 1886 гг. онъ провелъ въ Закавказскомъ краѣ и въ турецкихъ владѣніяхъ Малой Азіи, гдѣ собиралъ этюды для батальныхъ картинъ изъ послѣдней русско-турецкой войны, заказанныхъ покойному художнику императоромъ Александромъ III. Изъ картинъ, написанныхъ по собраннымъ этюдамъ, наиболѣе выдаются: «Пораженіе арміи Мухтара-паши на Аладжинскихъ высотахъ», «Штурмъ Ардагана», «Приваль лейбъ-егерей» (исполнена по заказу великаго князя Михаила Николаевича), «Взятіе штурмомъ Горгохотанскихъ высотъ», «Зевинскій бой» и др. Занимаясь батальною живописью, А. Д. не забывалъ и жанровой. Изъ многочисленныхъ жанровъ назовемъ «Кунацкая у курдовъ», «На медвѣжьей охоту», «Враги», «Затравки», «По тетеревинымъ выводкамъ» и пр. Между прочимъ художникомъ написаны пять иконостасныхъ образовъ и запрестольный образъ «Моленіе о чашѣ» для военнаго крѣпостнаго собора въ Карсѣ. Кромѣ произведеній

масляной и акварельной живописи, покойный исполнилъ не мало рисунковъ для иллюстрированныхъ изданій, преимущественно жанровыя сцены изъ крестьянскаго быта и охотничьи сцены. Ему принадлежатъ почти всѣ рисунки, украшающіе заглавныя и послѣднія страницы народныхъ изданій разсказовъ графа Л. Н. Толстого. Картины покойнаго являлись въ разное время на академическихъ выставкахъ въ Москвѣ (всероссійская), Одессѣ, Кіевѣ, Харьковѣ, Римѣ, Берлинѣ и на международной выставкѣ въ Антверпенѣ, и всегда обращали на себя серьезное вниманіе любителей художественнаго творчества. Особенно упрочилась извѣстность А. Д. послѣ поѣздки въ 1880 г. за границу; рядъ картинъ, исполненныхъ за четырехлѣтнее пребываніе въ Дюссельдорфѣ, Мюнхенѣ и Парижѣ, доставлялъ ему въ 1884 году званіе академика. Погребеніе тѣла покойнаго состоялось 12-го октября въ Петербургѣ, куда оно прибыло изъ-за границы. 9-го октября въ церкви академіи художествъ, куда было перевезено тѣло усопшаго, собрались всѣ его товарищи по академіи и много посторонней публики. Присутствовали: вице-президентъ академіи графъ И. И. Толстой, бывшій ректоръ академіи, нынѣ почетный членъ ея, профессоръ Гриммъ, нынѣшній ректоръ профессоръ Маковский, члены совѣта профессора: Боткинъ, Велуа, Ежовъ и Кетовъ; представители отъ общества петербургскихъ художниковъ: гг. Рѣпинъ, Лагорио, Куинджи, Егорновъ, Каванецъ, Кондратенко, Писемскій, Мазуровскій и Сергѣевъ; отъ общества русскихъ акварелистовъ: гг. Александровскій и Лингартъ. Гробъ упокоилъ въ массѣ вѣнковъ, среди которыхъ особенно выдѣлялись серебряный оксидированный, украшенный золоченымъ академическимъ знакомъ и синими академическими лентами—отъ совѣта академіи; металлическіе и фарфоровые: отъ учениковъ академіи, отъ общества петербургскихъ художниковъ, отъ «удрученныхъ горемъ русскихъ акварелистовъ», отъ художниковъ историковъ, отъ рисовальнаго училища барона Штиглица и отъ перваго дамскаго художественнаго кружка. Заупокойную литургію и отпѣваніе совершало академическое духовенство. По окончаніи богослуженія гробъ былъ вынесенъ и установленъ на траурную колесницу профессорами академіи, сопровождавшими печальное шествіе до Смоленскаго кладбища, гдѣ тѣло, послѣ краткой литіи у могилы, было предано землѣ. Такая же литія была совершена по дорогѣ къ кладбищу на 12-й линіи Васильевскаго острова, у дома, гдѣ жилъ покойный.

† А. А. Наумовъ. 28-го октября, въ С.-Петербургѣ отъ чахотки скончался художникъ Алексѣй Аввакумовичъ Наумовъ. Покойный трудился на художественномъ поприщѣ, начиная съ 1870 хъ годовъ, и приобрѣлъ себѣ извѣстность жанровыми работами. Покойный происходилъ изъ крѣпостныхъ крестьянъ, родился въ 1840 г., учился въ Петербургѣ во Владимірскомъ городскомъ училищѣ и по совѣту проф. Сверчкова поступилъ потомъ въ классы академіи художествъ, гдѣ окончилъ курсъ въ 1870 г. и получилъ званіе художника 3 степ., а затѣмъ за этюдъ «Римскіе нищіе»—званіе художника 2 степ. Его картина «Деревенскій портной», за которую онъ получилъ класснаго художника 1-й степ., была на лондонской выставкѣ. Послѣ того имъ написано до 50 жанровыхъ картинъ, изъ которыхъ приобретена въ собственность академію извѣстная картина «Старый другъ»; другая еще болѣе въ публикѣ извѣстная картина «Дуэль Пушкина» приобретена великимъ княземъ Николаемъ Михайловичемъ и пожертвована въ Пушкинскій музей при Александровскомъ лицѣѣ. Покойный написалъ еще одну картину изъ жизни литературнаго міра «Смерть Бѣлинскаго», которая пока не продана. Покойный, главнымъ образомъ, жилъ уроками; онъ преподавалъ сперва въ Тифлисѣ рисованіе дѣтямъ великаго князя Михаила Николаевича, а затѣмъ въ Петербургѣ давалъ уроки во 2-й гимназіи и въ пріютѣ принца Ольденбургскаго. Передъ смертю покойный почти окончилъ новую картину: «Странствующій богомолецъ».

† Академикъ М. В. Васильевъ. 2-го октября, въ Москвѣ послѣ продолжительной болѣзни скончался заслуженный преподаватель училища технического рисованія академикъ живописи Михаилъ Васильевичъ Васильевъ. Въ лицѣ покойнаго училище лишилось одного изъ старѣйшихъ своихъ преподавателей. Покойный родился въ 1821 году. Первоначальное образованіе ему пришлось получить въ ремесленной школѣ при Московскомъ воспитательномъ домѣ, въ которой онъ окончилъ полный курсъ съ большимъ успѣхомъ, особенно выказавъ способности въ рисованіи. По окончаніи курса покойный былъ оставленъ при школѣ въ качествѣ помощника учителя рисованія. Бывшій въ то время попечителемъ Московскаго учебнаго округа графъ С. Г. Строгановъ обратилъ вниманіе на молодого учителя и опредѣлилъ его для усовершенствованія въ рисованіи во 2-ю Московскую рисовальную школу, впоследствии преобразованную; въ Строгановское училище технического рисованія. Здѣсь художественныя способности М. В. Васильева, обнаруженныя при прохожденіи курса, сразу выдѣлили его изъ ряда другихъ; поэтому, при окончаніи курса въ 1846 году съ аттестатомъ на званіе учителя черченія и рисованія, онъ былъ оставленъ при Строгановской школѣ и съ того времени уже не разставался съ училищемъ до конца своей жизни. Въ 1849 году М. В. Васильевъ былъ удостоенъ императорскою академіей художествъ званія некласснаго художника за представленную имъ картину, изображающую плоды и цвѣты, а въ 1854 году за подобное же произведеніе получилъ званіе академика. Дальнѣйшая дѣятельность покойнаго была тѣсно связана съ ростомъ Строгановскаго училища. Повнанія М. В. Васильева въ химіи по составленію огнеупорныхъ красокъ и его личное участіе по гончарному производству сдѣлали то, что произведенія гончарной мастерской, по рисункамъ училища, исполненныя подъ его руководствомъ, заслужили лестные отзывы и награды на двухъ Парижскихъ выставкахъ, на Вѣнской, Копенгагенской, Московской, Всероссийской и Техническаго общества. Кромѣ трудовъ по обязанности преподавателя и завѣдыванія гончарною мастерскою, покойный занимался составленіемъ равныхъ изданій Строгановскаго училища. Рисованныя имъ учебныя пособія и коллекціи оригиналовъ для рисованія до сихъ поръ служатъ лучшими руководствами для изученія рисунка. Кромѣ того, покойному неоднократно поручалось самому работать и руководить работами въ снимкѣ мотивовъ древняго русскаго орнамента въ Москвѣ и въ другихъ городахъ. Въ 1867 году онъ былъ командированъ за границу для изученія замѣчательныхъ памятниковъ въ музеяхъ съ цѣлью усовершенствованія въ орнаментистикѣ. Немаловажную услугу оказалъ М. В. Васильевъ своимъ участіемъ въ разработкѣ исторіи русскаго орнамента. Сотни превосходныхъ оригиналовъ, цвѣтовъ и орнаментовъ работы покойнаго составляютъ незамѣнимую коллекцію оригиналовъ для учениковъ Строгановскаго училища, которая ежегодно и пополнялась имъ. Эта коллекція составляетъ драгоценную собственность Строгановскаго училища, по которой занимается не одна сотня учащихся. Въ февралѣ 1890 года праздновался пятидесятилѣтній юбилей педагогической дѣятельности М. В. Васильева, когда онъ былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 4 ст. за неусыпные труды на пользу русскаго искусства.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

Письмо въ редакцію.

Въ помѣщенной въ октябрьской книгѣ «Историческаго Вѣстника» статья г. Мартыянова «Въ переломѣ вѣка» авторъ, говоря о лицахъ, которымъ въ сороковыхъ годахъ ввѣрено было дѣло воспитанія и образованія юношества въ Морскомъ кадетскомъ корпусѣ, посвящаетъ, между прочимъ, нѣсколько страницъ и нашему отцу, нынѣ покойному, барону Александру Александровичу де-Риделю. Отзываясь о немъ чрезвычайно лестно и тепло, какъ о начальникѣ и воспитателѣ, г. Мартыяновъ въ то же время не совсѣмъ точно характеризуетъ его, какъ человѣка, очевидно, потому, что передаетъ факты съ чужихъ словъ. Такъ, между прочимъ, авторъ называетъ нашего отца «безобиднымъ существомъ». Основываясь не только на нашихъ личныхъ воспоминаніяхъ, но и на свидѣтельствѣ близко знавшихъ нашего покойнаго отца, изъ которыхъ нѣкоторые еще живы и всегда могутъ подтвердить наши слова, мы положительно утверждаемъ, что, при всей его безконечной добротѣ, онъ всегда умѣлъ настоять на томъ, что считалъ по совѣсти и по долгу полезнымъ и необходимымъ. Именно, благодаря наличности, а не отсутствію такихъ свойствъ въ характерѣ нашего отца, и возможно было безспорное «вліяніе командира гардемаринской роты, лейтенанта (а не капитана 2-го ранга) барона А. А. де-Риделя на воспитаніе и пробужденіе въ кадетахъ чувствъ самосознанія и долга», какъ выражается самъ же г. Мартыяновъ.

«Оставаясь до старости холостякомъ,—говоритъ г. Мартыяновъ,—онъ (т. е. нашъ отецъ) жилъ исключительно для ввѣренныхъ ему по службѣ дѣтей и посвящалъ свои досуги домашнему хозяйству, среди котораго не малую роль играли его любимыя животныя—кошки».

Дѣйствительно, отецъ нашъ былъ горячо преданъ благу «ввѣренныхъ ему по службѣ дѣтей», но это нисколько не мѣшало ему быть преданнымъ и своей семьѣ. Женившись на 30-мъ году своей жизни, онъ посвящалъ все свободное отъ службы время дорогой для него семьѣ, нашему воспитанію и чтенію, а вовсе не кошкамъ (которыхъ, кстати сказать, онъ вовсе не любилъ).

Марія и Евгенія де-Ридель.

большее знаніе военнаго дѣла. Онъ, очевидно, намѣренъ земляными работами оградить свою армію, а насъ окружить осадной линіей отъ порта до моря. Съ завтрашняго дня только ястребъ будетъ проныкать въ городъ съ внѣшней его стороны.

Пока онъ говорилъ, за янычарами показалось желтое знамя, и Іоаннъ Грантъ воскликнулъ:

— Это знамя тѣлохранителей султана. Магометъ недалеко. Вотъ и онъ самъ.

Изъ толпы турецкихъ воиновъ отдѣлился человѣкъ, высокаго роста, въ блестящихъ доспѣхахъ, съ шлемомъ на головѣ и съ копьемъ въ рукѣ. Онъ прямо направился къ городскимъ воротамъ, словно желалъ постучаться въ нихъ; а за нимъ слѣдовала небольшая свита военныхъ и гражданскихъ чиновъ, изъ которыхъ первые были во всеоружіи, а послѣдніе въ чалмахъ.

— Если это Магометъ, то онъ очень смѣлъ, — произнесъ Константинъ, — но такъ какъ намъ нечего стыдиться своихъ стѣнъ и воротъ, то пусть онъ любитъся на нихъ сколько хочетъ. Слышите, воины, — прибавилъ онъ, видя, что вокругъ него стали заряжать орудія, — не стрѣлять, дозвольте ему свободно осмотрѣть стѣны и спокойно уѣхать.

Въ эту минуту императору было доложено, что какой-то рыцарь, по всей вѣроятности, графъ Корти, выѣхалъ изъ городскихъ воротъ и направился къ турецкому лагерю.

Константинъ съ любопытствомъ сосредоточилъ свое вниманіе на этомъ рыцарѣ, который на его глазахъ перебрался верхомъ черезъ нѣсколько досокъ, оставшихся отъ моста черезъ ровъ и воткнулъ въ землю свое копье.

— Онъ съ ума сошелъ! — воскликнулъ Константинъ.

— Нѣтъ, — отвѣчалъ Іоаннъ Грантъ, — ты видишь, какъ онъ скакалъ къ непріятелю, трубя въ свой боевой рогъ. Онъ вызываетъ Магомета на единоборство, и мы сейчасъ увидимъ любопытную сцену.

Какъ только Магометъ обратилъ вниманіе на всадника, выѣхавшаго изъ городскихъ воротъ, то онъ спросилъ у окружавшей его свиты:

— А какой значекъ на его копьѣ?

— Крестъ, попирающій луну.

Три раза протрубилъ свой вызовъ на бой итальянецъ, и Магометъ, узнавъ въ немъ своего нѣкогда вѣрнаго Мирзу, понялъ, что этотъ вызовъ означаетъ: «она здорова, и если ты считаешь меня достойнымъ ея, то вышли своего воина на бой со мной».

Въ эту минуту подѣхалъ къ султану сынъ Исфендіара и, узнавъ въ христіанскомъ рыцарѣ унижившаго его недавно врага, сказалъ:

— Государь, позволь мнѣ наказать этого нахала.

— Ты уже попробовалъ его руки, — отвѣчалъ Магометъ съ улыбкой: — но я тебѣ не мѣшаю, помѣрайся съ нимъ еще разъ силами.

Оба соперника встрѣтились; они были одинаково вооружены, и такъ какъ сынъ Исфендіара былъ вызванъ на бой, то ему предстояло выбрать оружіе. Онъ избралъ лукъ.

Каждый изъ бойцовъ взялъ въ лѣвую руку лукъ и, положивъ на свое мѣсто стрѣлу, выѣхалъ на открытую поляну у кладбища. Сначала они кружились другъ около друга, закрываясь щитомъ и старательно удерживая противника на разстояніи двадцати шаговъ отъ себя. Зрители замерли и съ лихорадочнымъ вниманіемъ слѣдили за поединкомъ.

Наконецъ турокъ выстрѣлилъ, прицѣлясь въ шею лошади. Графъ отпарировалъ ударъ и крикнулъ:

— Эй, сынъ Исфендіара! Ты сражаешься со мной, а не съ моей лошадейю. Ты дорого заплатишь за свое лукавство!

Онъ пришпорилъ коня, приблизился къ турку и въ ту самую минуту, какъ послѣдній засунулъ руку за правое плечо, чтобы достать вторую стрѣлу, графъ натянулъ тетиву.

— Берегись!— воскликнулъ онъ.

И стрѣла вонзилась въ отверстіе между кольчугой и головнымъ уборомъ турка. Онъ даже не вскрикнулъ и грохнулся на землю мертвымъ.

Все, что было у убитаго соперника: лошадь, оружіе, доспѣхи, принадлежало, по догданнымъ обычаямъ, побѣдителю, но Корти не обратилъ на это никакого вниманія и, отъѣхавъ назадъ на нѣсколько шаговъ, началъ снова трубными звуками вызывать на бой новаго охотника.

Болѣе десяти воиновъ просили султана разрѣшить имъ принять вызовъ дерзкаго гяура.

— Почему тебѣ надоѣла жизнь?— отвѣчалъ Магометъ одному изъ нихъ, арабскому шейху, который всего болѣе настаивалъ на вступленіи въ бой съ христіанскимъ рыцаремъ.

Шейхъ высоко поднималъ длинное, тонкое копьѣ, которое онъ держалъ въ рукѣ, и спокойно отвѣчалъ:

— Меня побуждаетъ честь моего племени и слава Аллаха.

— А сколько разъ ты молился вчера?— спросилъ Магометъ, видя, что онъ возлагаетъ твердую надежду на свое оружіе.

— Пять разъ, государь.

— А сегодня?

— Два.

— Ступай. Но такъ какъ у твоего противника нѣтъ подобнаго копьѣ, то онъ поступитъ справедливо, защищаясь мечемъ.

Шейхъ сидѣлъ на чудномъ кровномъ арабскомъ конѣ, и, высоко поднявшись на своихъ короткихъ стременахъ, онъ полетѣлъ на врага.

Видя, что шейхъ быстро вертитъ копьемъ въ воздухѣ, Корти понялъ его игру и, не допустивъ его близко къ себѣ, выстрѣлилъ изъ лука, а когда стрѣла, вмѣсто того, чтобы вонзиться въ его

тѣло, отскочила, встрѣтивъ кольчугу, то онъ выхватилъ мечъ и сталъ гарцовать то вправо, то влѣво, съ цѣлью помѣшпать мѣткости удара врага.

Шейхъ неожиданно бросилъ свою игру съ копьемъ и, направивъ его на соперника, бросился на него съ дикимъ крикомъ.

Друзья графа на городской стѣнѣ затаили дыханіе, и даже императоръ промолвилъ:

— Бой слишкомъ не равный. Да поможетъ ему Господь!

Однако, въ послѣднюю минуту, передъ самымъ натискомъ шейха, Корти быстро прильнулъ къ шеѣ лошади и закрылся щитомъ. Копье врага проскочило надъ его головою и, прежде чѣмъ шейхъ успѣлъ осадить лошадь, графъ Корти уже наскочилъ на него и, положивъ ему руку на плечо, крикнулъ:

— Сдавайся!

— Никогда, христіанская собака! Дѣлай со мной, что хочешь.

Графъ однимъ ударомъ меча пересѣкъ его копье пополамъ.

— Ну, теперь ты сдашься? — произнесъ онъ.

— Отчего ты меня не убилъ? — спросилъ шейхъ.

— Я хочу дать тебѣ порученіе къ Магомету.

— Говори.

— Скажи ему, что онъ находится подъ выстрѣлами пушекъ на башнѣ, и только присутствіе императора удерживаетъ пушкарей отъ стрѣльбы по немъ. Поторопись предостеречь его.

— Кто ты такой?

— Я итальянскій рыцарь, но, не смотря на то, что я врагъ твоего государя, я его люблю. Поторопись.

— Хорошо, я исполню твое желаніе.

— Сойди съ коня: онъ мой.

— Но ты отдашь его за выкупъ?

— Нѣтъ.

Шейхъ соскочилъ съ лошади, но насупилъ брови, а когда до его ушей долетѣли восторженные крики грековъ, то онъ остановился и сказалъ:

— Христіанинъ, дай мнѣ случай еще разъ побороться съ тобой: сегодня, завтра, когда хочешь.

— Пусть твой государь разрѣшитъ этотъ вопросъ, а теперь торопись передать ему мое порученіе.

Графъ вернулся со своимъ призомъ къ копью, которое онъ воткнулъ въ землю, и набросилъ на него поводья арабской лошади, затѣмъ еще разъ громко раздались звуки его трубы.

Въ эту минуту шейхъ подошелъ къ Магомету и передалъ ему слова своего соперника.

— Любезная собака этотъ христіанинъ, клянусь пророкомъ, — произнесъ султанъ: — а на какомъ языкѣ онъ говорилъ съ тобой?

— На самомъ чистомъ арабскомъ, словно онъ выросъ въ моей палаткѣ.

Султанъ нахмурилъ брови.

— А онъ ничего болѣе не велѣлъ мнѣ сказать?—спросилъ онъ, думая о княжвѣ Иринѣ.

— Нѣтъ, велѣлъ.

— Говори же.

— Онъ сказалъ, что готовъ со мной сражаться еще разъ сегодня или завтра, какъ ты государь рѣшишь. Умоляю тебя, государь, позволь мнѣ снова помѣряться съ нимъ: я не могу жить безъ моей лошади, а не достать мнѣ ея иначе, какъ побѣдивъ его.

— Дуракъ! — отвѣчалъ Магометъ, покраснѣвъ отъ гнѣва: — развѣ ты не понимаешь, что когда мы возьмемъ Константинополь, то ты получишь обратно свою лошадь. Я не позволяю тебѣ больше съ нимъ драться, такъ какъ въ день приступа ты будешь мнѣ нуженъ.

Съ этими словами Магометъ повернулъ коня и медленно удалился къ своимъ всадникамъ.

Между тѣмъ Корти, видя, что никто болѣе не принимаетъ его вызова, пересталъ трубить и вернулся въ городъ съ взятой въ плѣнъ лошадью.

— Богъ наградилъ меня прекраснымъ защитникомъ,—сказалъ императоръ, встрѣчая его.

— Отчего ты пожалѣлъ своего послѣдняго противника?—спросилъ Джустиніани, поздравляя Корти съ побѣдой.

Послѣдній не скрылъ истины.

— Ты хорошо поступилъ,—произнесъ генуэзецъ и крѣпко пожалъ ему руку.

— Да, ты хорошо поступилъ,—повторилъ Константинъ съ глубокимъ сочувствіемъ.— Ну, теперь оставь свой призъ, и поѣдемъ съ нами.

— Государь, у меня есть къ тебѣ просьба,—сказалъ Корти: — тѣло моего перваго противника осталось въ полѣ, прикажи положить его въ гробъ и отвезти къ друзьямъ покойнаго.

— Эта просьба вполнѣ христіанская, и мои придворные исполнять её.

Затѣмъ императоръ со своей свитой и въ томъ числѣ графомъ Корти, отправился осматривать далѣе турецкую позицію. Всюду со стороны земли виднѣлись массы войска и быстро воздвигаемые рентраншементы.

Окончивъ рекогносцировку при закатѣ солнца, Константинъ обозрѣлъ море и Босфоръ противъ Золотогo] Рога. Тамъ виднѣлись сотни судовъ.

— Осада начата,—сказалъ генуэзецъ, обращаясь къ императору.

— А результатъ въ рукахъ Божіихъ,—отвѣтилъ Константинъ.— Поѣдемъ теперь въ св. Софію.

VII.

Большая пушка заговорила.

На слѣдующее утро первый лучь свѣта обнаружилъ часовымъ на городскихъ башняхъ знаменательное зрѣлище. Всю ночь они слышали отдаленный гулъ, какъ бы отъ тяжелой работы, производимой толпами народа, а теперь тотчасъ за линіей ихъ выстрѣловъ возвышался безконечный земляной валъ, въ которомъ мѣстами торчали мраморныя плиты съ сосѣдняго кладбища.

Хотя Византія не разъ подвергалась осадамъ, но никогда осаждающіе не принимали такихъ предварительныхъ мѣръ. Молодые греки пришли въ ужасъ, а старые ветераны вмѣсто утѣшенія распространялись въ похвалахъ генію султана, или его невѣдомаго совѣтника.

Наступилъ полдень, а работа съ турецкой стороны попрежнему продолжалась: валъ росъ, а за нимъ, противъ воротъ св. Романа, виднѣлись столбы дыма отъ громаднаго лагеря.

Пришли сумерки, и работа не прекращалась.

Въ полночь городскимъ часовымъ показалось, судя по долетавшимъ звукамъ, что враги приближаются къ константинопольскимъ стѣнамъ. И они не ошиблись. Съ восходомъ солнца обнаружилось, что впереди вала были выдвинуты отдѣльные ретраншементы, и тогда греки, по приказанію императора, стали бросать въ осаждающихъ камнями и копьями. На это отвѣчали тѣмъ же со стороны турокъ, которые старались прикрыть перестрѣлкой постройку своихъ ретраншементовъ.

Это былъ открытый бой. Въ полдень онъ продолжался и не переставалъ до самой ночи.

Естественно, успѣхъ былъ на сторонѣ осажденныхъ.

Однако, это не мѣшало работѣ въ ретраншементахъ, и съ городскихъ стѣнъ было видно, какъ къ нимъ привозились всякаго рода осадныя орудія, извѣстныя со временъ Александра и до крестовыхъ походовъ.

На третій день работа была окончена, и передовые ретраншементы совершенно вооружены.

Турки начали стрѣльбу изъ своихъ укрѣпленій, но очень медленно и какъ бы впервые привыкая къ этому роду военныхъ дѣйствій, что вызывало безконечныя шутки среди европейскихъ ветерановъ, оказывавшихъ помощь грекамъ.

— Это просто новички,—говорили они со смѣхомъ:—турки не умѣютъ направлять своихъ ударовъ. Не бойтесь,—прибавляли они, обращаясь къ молодымъ туземнымъ воинамъ:—вашъ городъ охраняютъ двѣ стѣны, а между ними широкій ровъ съ водою. Мы еще весело отпразднуемъ не одно Рождество въ слѣдующемъ столѣтіи,

прежде чѣмъ мусульмане доберутся до насъ, если они будутъ дѣйствовать также, какъ до сихъ поръ. Стрѣляйте, ребята, храдно-кровнѣе, не торопитесь и каждымъ ударомъ кладите врага.

На внѣшней стѣнѣ, которая была ниже и естественно подвергалась большей опасности отъ враговъ, такъ же какъ на внутренней, постоянно появлялся императоръ, не зная ни усталости, ни страха.

— Эти стѣны прочны,—говорилъ Константинъ, стараясь поддержать духъ осажденныхъ:—персы хотѣли ихъ уничтожить, но послѣ долгихъ усилій должны были ретироваться, и никто теперь не укажетъ на любомъ камнѣ слѣдовъ орудій Хозроя. Точно также Мурадъ, отецъ этого юноши, потерялъ много мѣсяцевъ, осаждая наши стѣны, и когда онъ обратился въ бѣгство, то ни одинъ камень въ стѣнахъ не оказался сдвинутымъ съ мѣста. То же повторится и теперь. Съ нами Богъ!

По истеченіи первыхъ трехъ дней, молодые греки привыкли къ постоянной опасности и стали также весело издѣваться надъ ней, какъ старые ветераны.

На четвертое утро императоръ, сдѣлавъ объѣздъ всѣхъ городскихъ стѣнъ, взомель на Багдатскую башню, возвышавшуюся надъ воротами св. Романа, и, найдя тамъ Джустиніани, сказалъ ему:

— Эта борьба шуточная, капитанъ, у насъ убито только два человѣка, и ни одинъ камень въ стѣнѣ не дрогнулъ. Мнѣ кажется, что султанъ только отвлекаетъ наше вниманіе отъ подготавливаемыхъ имъ серьезныхъ дѣйствій.

— Государь,—отвѣчалъ генуезецъ:—небо одарило тебя душой и глазомъ настоящаго воина. Только что старикъ Іоаннъ Грантъ говорилъ мнѣ, что желтый флагъ на возвышенности противъ насъ означаетъ главную квартиру султана, и что съ нимъ не слѣдуетъ смѣшивать его боевого знамени. Поэтому, я полагаю, что если бы намъ удалось проникнуть чрезъ толпы янычаръ, то мы увидѣли бы, что султанская палатка поставлена тамъ не даромъ, и что онъ именно готовится атаковать эти ворота. Къ тому же, посмотри, противъ насъ нѣтъ ни одной стѣнобитной машины, или какого либо стариннаго орудія для метанія камней. Наконецъ обрати вниманіе на то, что мы не слышали еще свиста ядеръ, бомбъ и пуль, а мы знаемъ, что у нихъ и пушки, и мортиры, и ружья въ изобиліи. Имѣя въ виду всѣ эти обстоятельства, я убѣжденъ, что султанъ, по справедливому твоему замѣчанію, государь, только играетъ съ нами до сихъ поръ, а тайно устанавливаетъ свои новыя орудія. Завтра или послѣзавтра онъ откроетъ изъ нихъ огонь, и тогда...

— Что тогда?

— Міру данъ будетъ новый урокъ въ военномъ дѣлѣ.

Лицо Константина омрачилось, и онъ промолвилъ словно про себя:

— Боже милостивый! Если эта старая христіанская имперія погибнетъ, благодаря моему безумію, то простишь ли Ты меня?

Генуезецъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него, и Константинъ поспѣшно прибавилъ:

— Я расскажу тебѣ эту исторію. Однажды испросилъ у меня аудіенцію одинъ дакійецъ, по имени Урбанъ, и объяснилъ мнѣ, что онъ пушкарь, что онъ учился своему дѣлу въ литейныхъ мастерскихъ Германіи и что пришелъ къ убѣжденію о возможности устроить пушки гораздо большаго калибра, чѣмъ до сихъ поръ. По его словамъ, онъ изобрѣлъ такую смѣсь металловъ, изъ которой можно было вылить пушку, способную выдержать громадныя заряды. Если бы я предоставилъ ему необходимые матеріалы, то онъ брался надѣлать мнѣ такихъ пушекъ, которыя могли бы защитить Константинополь лучше всякихъ стѣнъ и катапультъ. Я спросилъ у него подробности его изобрѣтенія, но онъ отвѣчалъ, что это его секретъ. На мой вопросъ, какой онъ требовалъ награды, онъ запросилъ такъ много, что я разсмѣялся. Продержавъ его во дворцѣ нѣсколько дней и видя, что съ нимъ не добьешься толку, я отпустилъ его. Потомъ я слышалъ, что онъ отправился въ Адриано-поль. Султанъ Магометъ принялъ его предложеніе, устроилъ ему литейную мастерскую, и онъ вылилъ ему ту пушку, которую графъ Корти видѣлъ по дорогѣ къ Константинополю. Мнѣ горько подумать, что эта пушка могла быть къ моимъ услугамъ, если бы я не сдѣлалъ глупости.

— Государь, — отвѣчалъ генуезецъ, пораженный рассказомъ императора и мучившими его укорами совѣсти: — небо не заставляетъ насъ отвѣчать за свои безсознательныя ошибки. Ни одинъ государь въ Европѣ не принялъ бы подобнаго предложенія, и еще не доказано, что Магометъ, со своей юношеской довѣрчивостью, не обмануть хитрымъ дакійцемъ. Но смотри, что тамъ дѣлается.

Противъ воротъ св. Романа показалась толпа янычаръ, а за ними длинный рядъ воловъ, которые тащили, повидимому, громадную тяжесть.

— Это везутъ большую пушку, — произнесъ Константинъ: — они ставятъ ее на позицію.

Джустиниани обратился къ метателямъ камней и скомандовалъ: — Пли!..

На янычаръ и погонщиковъ воловъ посыпался дождь камней.

— Камни не попадаютъ! — воскликнулъ генуезецъ: — непріятель слишкомъ далеко. Давайте пушки!

Эти пушки были небольшія желѣзныя орудія на высокихъ колесахъ и заряжались полудюжиной свинцовыхъ снарядовъ въ величину грецкаго орѣха. Ихъ прицѣлили, и въ воздухѣ раздался свистъ снарядовъ.

— Цѣльтесь выше! какъ можно выше!— кричалъ генуезецъ.

Второй выстрѣлъ былъ также неудаченъ, какъ первый.

— Государь, — сказалъ тогда генуезецъ, возвращаясь къ императору: — помѣшать установкѣ большой пушки можно только вылазкой.

— Насъ мало, а ихъ много, — отвѣчалъ Константинъ задумчиво: — на городской стѣнѣ одинъ воинъ стоитъ сотни въ полѣ. Ихъ пушка — первый опытъ. Посмотримъ, что изъ этого выйдетъ.

— Ты, государь, правъ, — отвѣчалъ генуезецъ.

Долго хлопотали турки прежде, чѣмъ установили на свое мѣсто чудовище, которое стало грозить Константинополю своимъ чернымъ циклопскимъ взглядомъ.

— Дакіецъ недурной инженеръ, — сказалъ императоръ, обращаясь къ Джустиніани.

— Смотри, онъ еще везетъ новыя орудія, — замѣтилъ генуезецъ, указывая на длинные ряды воловъ, которые подвозили еще нѣсколько пушекъ.

Черезъ нѣсколько времени съ обѣихъ сторонъ чудовища расположились еще такія же три мѣдныя жерла, которыя, въ случаѣ успѣха, должны были разгромить ворота св. Романа.

Если на городскихъ стѣнахъ царило безпокойство при видѣ этихъ орудій, то въ непріятельскомъ лагерѣ нетерпѣніе, возбужденное ихъ ожидаемой пробой, выходило изъ всѣхъ границъ. Конечно, дакіецъ Урбанъ былъ очень остороженъ и настаивалъ на томъ, что все зависитъ отъ правильной постановки орудій.

Магометъ, ходившій между рабочими, побуждалъ ихъ къ болѣе живой дѣятельности то угрозами, то обѣщаніями награды.

— Твои волю никуда негодны, они еле плетутся, — кричалъ онъ во все горло, обращаясь къ Урбану: — ну, да ладно, какъ знаешь, а сегодня, при закатѣ солнца, мы дадимъ первый выстрѣлъ изъ твоей большой пушки. Клянусь мечемъ Соломона, что никто не будетъ спать въ городѣ гяуровъ, а тѣмъ менѣе въ Блахернскомъ дворцѣ.

Когда все было готово, дакіецъ положилъ въ дуло пушки мѣшокъ съ порохомъ, а затѣмъ каменное ядро; къ концу мѣшка былъ привязанъ фитиль, который долженъ былъ произвести выстрѣлъ.

— Орудіе готово, государь, — произнесъ дакіецъ, подходя къ султану.

— Хорошо, наблюдай за солнцемъ, и какъ только оно сядетъ, то стрѣляй. Цѣль прямо въ ворота, и если ты попадешь въ нихъ или въ одну изъ башенъ по обѣ стороны, то я произведу тебя въ беглеръ-бей.

Установка другихъ орудій продолжалась. Солнце уже готово было исчезнуть въ пурпурномъ сіяніи на горизонтѣ, когда сул-

танъ вышелъ изъ своей палатки и снова приблизился къ большой пушкѣ, у которой находился Урбанъ съ помощниками.

— Стрѣляй! — скомандовалъ онъ.

Урбанъ опустился на колѣни.

— Уйди, государь.

— Зачѣмъ?

— Тебѣ грозитъ здѣсь опасность.

Магометъ гордо усмѣхнулся.

— Ты навелъ пушку на ворота?

— Да. Но умоляю тебя, государь...

— Довольно. Встань и дѣлай, что тебѣ приказываютъ.

Дакіецъ молча положилъ наружный конецъ фитиля въ горшокъ съ раскаленными угольями, и когда онъ загорѣлся, то всѣ помощники пушкаря разбѣжались. При орудіи остались только Урбанъ и Магометъ. Издали какъ турки, такъ и греки смотрѣли съ восторгомъ на холодное мужество юнаго падишаха.

— Отойдемъ, государь, на два шага; намъ лучше будетъ виденъ полетъ ядра.

Магометъ исполнилъ его желаніе.

— Ну, теперь, государь, смотри прямо на ворота.

Фитиль догорѣлъ. Изъ дула блеснулъ свѣтъ, показалось бѣлое облако, и раздался оглушительный ударъ.

Въ первую минуту Магометъ былъ оглушенъ, но онъ не спускалъ глазъ съ чернаго шара, который, перелетѣвъ черезъ ворота и башню, исчезъ въ городѣ.

Урбанъ снова упалъ на колѣни.

— Смилуйся, государь, смилуйся!

— За что? за то, что ты не попалъ въ ворота? Но вѣдь это не твоя вина. Встань и посмотри, въ порядкѣ ли орудіе.

Когда ему донесли, что пушка нисколько не пострадала отъ выстрѣла, то султанъ сказалъ, обращаясь къ подошедшему къ нему визирю Халилу:

— Дай этому человѣку большой кошелекъ съ золотыми. Клянись Аллахомъ, благодаря ему, Константинополь будетъ у моихъ ногъ.

И не смотря на оглушительный звонъ въ ушахъ, Магометъ, веселый и счастливый, вернулся въ свою палатку.

Между тѣмъ Константинъ и Джустиніани смотрѣли за полетомъ ядра, которое пролетѣло надъ ихъ головами, какъ метеоръ. Они не видѣли, куда оно упало, но слышали, что оно ударилось о какой-то домъ среди города. Они оба перекрестились и молча посмотрѣли другъ на друга.

— Теперь намъ остается только вылазка, — промолвилъ Константинъ.

— Да, — отвѣчалъ генуезецъ: — мы должны сбить орудіе.

— Пойдемъ и устроимъ это дѣло.

Такъ какъ, повидимому, турки не намѣревались продолжать стрѣльбы, то императоръ со своимъ совѣтникомъ спустился съ башни.

Вылазка была задумана очень искусно. Рѣшено: отворить ночью ворота, находившіяся подъ Блахернскимъ дворцомъ, и, выйдя изъ нихъ, графъ Корти съ коннымъ отрядомъ долженъ былъ броситься неожиданно на защищавшихъ батарею янычаръ. Въ то же время Джустиніани съ пѣхотой обязанъ былъ двинуться изъ воротъ св. Романа на орудія.

Этотъ планъ былъ ловко исполненъ. Корти вывелъ свой отрядъ во мракѣ ночи и достигъ турокъ врасплохъ. Со своимъ боевымъ крикомъ: «за Бога и Ирину», онъ проскакалъ мимо перепуганныхъ янычаръ и, обогнувъ батарею, вонзилъ въ землю свое копье передъ самой палаткой Магомета. Если бы греки поддержали его, то онъ могъ бы вернуться въ городъ съ царственнымъ плѣнникомъ. Пока турки обратили все свое вниманіе на появившихся въ тылу всадниковъ, Джустиніани со своими солдатами сбили пушки съ лафетовъ. Потеря янычаръ была очень значительна, а осажденные едва пострадали. Они вернулись въ городъ черезъ ворота св. Романа безъ всякаго преслѣдованія со стороны враговъ.

Услыхавъ шумъ передъ своей палаткой, Магометъ схватилъ оружіе и выбѣжалъ изъ нея во-время, чтобы услышать военный крикъ графа Корти и схватить копье, воткнутое графомъ у его палатки. При видѣ значка на этомъ копьѣ съ изображеніемъ креста, попирающаго луну, ярость султана была безпредѣльна. Онъ приказалъ посадить на колъ агу и всѣхъ уцѣлѣвшихъ защитниковъ батареи.

Во время дальнѣйшей осады нерѣдко бывали вылазки, но ни одна уже не застала непріятеля врасплохъ.

VIII.

Вторая проба орудій.

Едва византійцы успѣли вернуться въ городъ послѣ своего удачнаго подвига, какъ янычары заняли въ тройномъ числѣ сбитую батарею, и началась тамъ лихорадочная работа. Снова слышались крики погонщиковъ воловъ и стукъ молотковъ. Осажденные были убѣждены, что они окончательно испортили пушки, а потому не могли понять, что происходило въ непріятельскомъ лагерѣ. Только на второе утро выяснилась эта тайна. При первыхъ лучахъ восходящаго солнца часовые на городскихъ башняхъ увидели въ амбразурахъ дула большой пушки и другихъ подобныхъ орудій въ числѣ четырнадцать.

Немедленно дали знать объ этомъ императору, и онъ явился вмѣстѣ съ Джустиніани на Багдатскую башню.

— Государь, — сказалъ генуезецъ съ сердечной печалью, — измѣнникъ дакиецъ, должно быть, мастеръ своего дѣла: онъ привелъ въ порядокъ сбитое мною орудіе.

— Я боюсь, что мы недостаточно цѣнили новаго султана, — произнесъ Константинъ послѣ нѣкотораго молчанія, — какъ ни былъ великъ отецъ, но сынъ можетъ его превзойти.

Понимая, что Константинъ мысленно сожалѣетъ, что не воспользовался искусствомъ Урбана, генуезецъ молчалъ, пока Константинъ не задалъ ему вопроса:

— Что же намъ теперь дѣлать?

— Государь, — отвѣчалъ онъ, — очевидно наша вылазка была неудачна. Мы убили нѣсколько невѣрныхъ и сдѣлали неприятность султану, а больше ничего. Теперь онъ на-сторожѣ, и намъ нельзя повторить вылазки. По моему мнѣнію, лучше всего предоставить ему испытать свои орудія. Быть можетъ, городскія стѣны устоятъ.

Не долго пришлось ждать второго опыта стрѣльбы. Вскорѣ янычары съ громкими трубными звуками очистили фасъ батареи, и раздался рядъ выстрѣловъ. Нѣкоторые изъ снарядовъ пролетѣли въ городъ, но два изъ нихъ попали въ башни, которыя дрогнули, словно отъ удара землетрясенія. Во всѣ стороны разлетѣлись осколки камня, и поднялись облака пыли. Солдаты, стоявшіе у метательныхъ снарядовъ, въ страхѣ опустились на землю. Константинъ молча посмотрѣлъ на генуезца, и тотъ приказалъ открыть пальбу съ своей стороны.

Не прошло много времени, какъ императоръ съ удивленіемъ увидалъ, что какой-то человѣкъ, въ легкомъ вооруженіи, вышелъ изъ-за турецкой батареи; онъ несъ охапку кольевъ и сталъ втыкать ихъ въ землю по различнымъ направленіямъ, на открытомъ пространствѣ передъ городскимъ рвомъ.

— При новыхъ орудіяхъ вводятся и новые методы, — сказалъ Джустиніани, обращаясь къ Константину, — приступъ отложенъ, и неприятель поведетъ траншеи.

Дѣйствительно въ эту самую минуту толпы рабочихъ съ лопатами и кирками наполнили равнину и стали быстро рыть землю для траншей.

Къ полудню эта работа настолько подвинулась, что осаждающіе были прикрыты груды выкопанной земли. Тогда снова дали залпъ съ батареи. Непрежнему башня, на которой находился императоръ, потряслась въ своей основѣ. Послѣ того, какъ разсѣялись облака пыли, оказалась надъ самой ея кровлей значительная рассѣлина.

Между тѣмъ графъ Корти находился со своимъ отрядомъ у подножія этой башни. Онъ съ безпокойствомъ слѣдилъ за полетомъ ядеръ, исчезающихъ въ городѣ, и его мучила мысль, что княжна Ирина могла подвергаться опасности. Онъ набожно крестился при каждомъ свистѣ новаго ядра, но это его не успокоивало, и онъ, наконецъ, послалъ сказать императору, что отправится въ городъ для изслѣдованія, какой вредъ наносили выстрѣлы зданіямъ.

Не успѣлъ онъ проѣхать нѣсколько шаговъ по улицамъ, какъ увидалъ, что все населеніе выбѣжало изъ домовъ и съ ужасомъ спрашивало другъ друга, что это за метеоры летали надъ ихъ кровлями.

— Ради Бога, остановись! — кричали ему со всѣхъ сторонъ, — и скажи намъ, не наступило ли свѣтопреставленіе?

— Не бойся, добрый народъ, — отвѣчалъ онъ съ сожалѣніемъ, — это турки стараются напугать насъ шумомъ. Идите спокойно по домамъ. Только скажите, куда ударились ядра.

— Далеко отсюда.

Когда Корти пришпорилъ лошадей и поскакалъ далѣе, то вслѣдъ ему раздался общій крикъ:

— Скажи государю, чтобы онъ вынесъ изъ часовни Панагію.

Чѣмъ далѣе ѣхалъ Корти, тѣмъ сердце его тревожнѣе билось, потому что по блѣднымъ, устрешеннымъ лицамъ жителей онъ ясно видѣлъ, что приближался къ мѣстности, въ которой падали ядра, а тамъ обитала княжна.

Наконецъ толпа на улицѣ такъ увеличилась, что онъ не могъ далѣе ѣхать и, соскочивъ съ лошади, пошелъ пѣшкомъ. Жилище княжны Ирины было не далеко. Общее вниманіе толпы было обращено на двухэтажный домъ.

— Что случилось? — спросилъ онъ у пожилого человѣка, который набожно крестился.

— Да хравить насъ Господь, благородный рыцарь. Посмотри: небо ясно, а какой-то метеоръ ударилъ въ этотъ домъ. Нѣкоторые увѣряютъ, что это турецкое ядро.

— А кто вѣбудь пострадалъ?

— Да. Убиты двѣ женщины и ребенокъ. Боже милостивый, спаси насъ грѣшныхъ!

Корти хотѣлъ подойти къ дому, но не успѣлъ сдѣлать и нѣсколькихъ шаговъ, какъ долженъ былъ остановиться передъ массой женщинъ, стоявшихъ на колѣняхъ и громко молившихся. Издали онъ бросилъ взглядъ на полуразрушенный домъ и увидалъ, что у дверей его стояла женщина высокаго роста и съ золотистыми волосами, развѣвавшимися по ея плечамъ. Она хладнокровно отдавала приказаніе людямъ, выносившимъ мертвое тѣло.

Сердце графа дрогнуло. Онъ бросился впередъ и проложилъ себѣ дорогу черезъ колѣнопреклоненную толпу.

— Боже милостивый!—воскликнулъ онъ,—княжна Ирина! Что ты тутъ дѣлаешь, развѣ нѣтъ мужчинъ, которые могли бы распорядиться вмѣсто тебя?

Внѣ себя отъ радости, что нашелъ ее невредимой, онъ преклонилъ колѣна и поцѣловалъ ея руку.

— Нѣтъ, графъ Корти,—отвѣчала она:—мнѣ надо спросить у тебя, что ты тутъ дѣлаешь.

Она не вырвала у него своей руки, но глаза ея вопросительно смотрѣли на него.

— Пока мы ничего не можемъ сдѣлать противъ турокъ,—произнесъ онъ,—и я отправился въ городъ посмотреть, какой вредъ нанесли ихъ выстрѣлы, или скажу уже лучше правду: я бросился сюда, чтобы посмотреть, не нуждаешься ли ты въ моей помощи. Вѣдь я твой рыцарь.

— Встань, графъ Корти,—спокойно отвѣчала она, наконецъ, отдернувъ свою руку,—ты мѣшаешь вынести трупъ.

Корти отошелъ въ сторону, и мимо него пронесли женщину всю въ крови.

— Это послѣдняя? — спросила княжна.

— Мы больше не нашли.

— Бѣдная. Да будетъ воля Господня! Отнесите ее въ мой домъ и положите рядомъ съ другими жертвами. Пойдемъ со мной,—прибавила она, обращаясь къ графу.

Она двинулась за носильщиками, а въ толпѣ раздались крики:

— Благослови тебя, Боже, добрая княжна!

Трупъ былъ внесенъ въ домъ княжны и положенъ въ часовнѣ передъ алтаремъ, рядомъ съ другими бездыханными тѣлами пожилой женщины и дѣвушки. Всѣ, кто хотѣлъ, вошли въ часовню, и Сергій, находившійся тамъ, началъ служить панихиду. Графъ Корти стоялъ во время службы рядомъ съ княжной, а за ними помѣщались ея приближенные.

Неожиданно раздался страшный трескъ. Стоявшіе на колѣняхъ упали ницъ въ страхъ, но голосъ Сергія не дрогнулъ, а княжна Ирина даже не измѣнилась въ лицѣ. Надъ ней летали смертельные снаряды, но ея душа была слишкомъ возвышенна, и ея вѣра слишкомъ пламенна, чтобы поддаться страху. Корти смотрѣлъ на нее не только съ любовью, но съ восторгомъ.

На улицѣ слышались крики, и княжна, повернувшись къ графу, сказала тихимъ, но рѣшительнымъ голосомъ:

— Пойдемъ, можетъ быть, нуждаются въ моей помощи. А ты, Сергій,—прибавила она,—продолжай службу.

Въ дверяхъ Корти остановился.

— Подожди, княжна, позволь мнѣ сказать слово. Пожалѣй меня. Честь и долгъ призываютъ меня къ городскимъ воротамъ. Импе-

раторъ можетъ меня потребовать; но я не могу оставить тебя въ такой опасности, среди такихъ ужасовъ.

— Что же по-твоему я должна сдѣлать?

— Искать спасенія въ бѣгствѣ.

— Куда?

— Я найду безопасное мѣсто. Если не въ городѣ, то...

Онъ замолкъ, потому что задуманный имъ планъ былъ двойной измѣной—и въ отношеніи императора и въ отношеніи Магомета.

— Продолжай.

Любовь взяла верхъ надъ честью, и Корти живо произнесъ:

— У меня есть корабль въ гавани, и его экипажъ преданъ мнѣ. Мы съ тобой сядемъ на этотъ корабль и выйдемъ въ море, гдѣ насъ не остановятъ мусульмане. Мы прямо понесемся въ Италію и тамъ будемъ жить спокойно, счастливо.

Онъ снова остановился. По выраженію его лица было видно, что страшная борьба происходила въ его сердцѣ; но на этотъ разъ честь ввѣла верхъ надъ любовью.

— Боже, прости мнѣ грѣшному! — произнесъ онъ наконецъ, — я сошелъ съ ума. И ты, княжна, прости меня за мои глупыя слова, за мою непростительную слабость. Прости, если не ради меня, то ради того чувства, которымъ я увлекся. Если же ты не можешь простить меня и забыть всего, что я сказалъ, то пожалѣй меня, вѣдь я несчастнѣйшій изъ людей. Ты до сихъ поръ уважала меня, если не любила, а теперь я все потерялъ, все потерялъ, несчастный!

И, отвернувшись отъ нея, онъ ломалъ себѣ руки въ мрачномъ отчаяніи.

— Графъ Корти,—отвѣчала княжна Ирина тихо, нѣжно,—ты спасъ себя. Я прощаю тебѣ и никогда не напомнимъ твоихъ словъ. Любовь — безуміе. Вернись туда, куда призываетъ тебя долгъ, а я останусь здѣсь, готовая принести себя въ жертву, для чего, повидимому, я родилась. Дѣло рукъ Божіихъ указать часъ этой жертвы. Я ничего не боюсь, и ты не бойся за меня. Мой отецъ былъ герой, и я наслѣдовала его мужество. У меня также есть свой долгъ: я обязана дѣлать опасности съ моимъ народомъ и, на сколько могу, оказать ему помощь и утѣшеніе. Я докажу тебѣ, что женщина можетъ быть такъ же храбра, какъ мужчина. Я буду ухаживать за больными, ранеными и умирающими. Бѣднымъ страждущимъ я посвящу свою жизнь и все, что имѣю. Вотъ моя рука въ доказательство того, что я тебѣ прощаю и вѣрю, что ты истинный рыцарь. Пойдемъ, я провожу тебя до твоей лошади.

Онъ поникъ головой, молча поцѣловалъ ея руку и послѣдовалъ за ней на улицу.

Сосѣднее зданіе было полуразрушено новымъ ядромъ, но, по счастью, въ немъ не было жителей.

Вскочивъ въ сѣдло, графъ Корти воскликнулъ:

— Твоя душа, княжна, такая же ангельская, какъ твое лицо. Но ты посвятила себя на помощь страждущимъ, неужели ты не скажешь мнѣ добраго слова на прощанье?

— Будь всегда истиннымъ рыцаремъ, какимъ ты былъ до сихъ поръ, графъ Корти, и пріѣзжай сюда, когда можешь.

Они расстались, и Корти вернулся къ воротамъ св. Романа.

Огонь продолжался. Семь разъ въ этотъ день турки возобновляли канонаду противъ воротъ св. Романа, и хотя многія изъ ядеръ перелетали черезъ городскія стѣны, но они производили панику среди обитателей Константинополя. Къ ночи всѣ, кто могли, нашли себѣ убѣжище въ подвалахъ и подъ сводами зданій. Только одна княжна Ирина смѣло ходила по жилищамъ, разнося несчастнымъ пищу, перевязывая раны и утѣшая страждущихъ.

Между тѣмъ, послѣ второго залпа изъ орудій, Магометъ вошелъ въ ту часть своей палатки, которая имѣла характеръ кабинета, такъ какъ находившійся въ ней большой столъ былъ усѣянъ картами, а также письменными и чертежными принадлежностями. Сверху всѣхъ бумагъ лежали мечъ Соломона и стальныя, поволоченныя перчатки. Серединный столбъ, поддерживавшій верхъ палатки изъ верблюжьей ткани, былъ разукрашенъ копьями, щитами и всякаго рода оружіемъ, надъ которыми развѣвались два флага: боевой турецкій и тотъ, который графъ Корти водрузилъ у султанской палатки во время вылазки. Черезъ отверстіе въ кровлѣ проникали свѣтъ и воздухъ.

Это отдѣленіе султанской палатки было въ прямомъ сношеніи съ другими четырьмя ея отдѣленіями: одно изъ нихъ занималъ Халиль, другое было спальней султана, третье—занято стойлами для лошадей Магомета, а въ четвертомъ помѣщался князь Индіи.

Магометъ былъ не въ полномъ вооруженіи, и хотя его шея, руки и туловище были покрыты тонкой золоченой кольчугой, въ родѣ той, которую всегда носилъ графъ Корти, но на ногахъ у него виднѣлись широкіе шелковые шаровары, стянутые на икрахъ, и красные остроконечные башмаки. Кромѣ того, въ рукахъ у него была нагайка съ тяжелой рукояткой. Если бы Константинъ увидалъ его въ эту минуту, то призналъ бы въ немъ инженера, который утромъ разбивалъ траншеи.

Одинъ изъ придворныхъ встрѣтилъ Магомета обычнымъ образомъ, то-есть распростерся передъ нимъ на полу и въ этой позѣ ожидалъ его приказаній.

— Подай мнѣ воды, я хочу пить,—произнесъ султанъ.

Когда его желаніе было исполнено, онъ прибавилъ:

— Позвать князя Индіи!

Старикъ явился въ своемъ обычномъ костюмѣ: въ черной бархатной одеждѣ, въ такой же шапочкѣ, широкихъ шароварахъ и туфляхъ. Его волоса и борода были гораздо длиннѣе, чѣмъ въ то

время, когда онъ жилъ въ Константинополѣ; поэтому онъ казался старше и дряхлѣе, но въ другихъ отношеніяхъ онъ ничѣмъ не измѣнился. Онъ также преклонилъ колѣно предъ султаномъ, но при этомъ бросилъ пронизательный взглядъ на своего повелителя, съ цѣлью скорѣе узнать, въ какомъ онъ былъ настроеніи, чѣмъ причину его зова.

— Можешь идти, — сказалъ Магометъ, обращаясь къ придворному, и, оставшись вдвоемъ съ княземъ Индіи, онъ произнесъ съ сверкающими глазами: — Богъ великъ, все для него доступно! Никто не можетъ сказать нѣтъ, когда Онъ говоритъ да. Никто не можетъ ему сопротивляться. Радуйся со мною, князь: Богъ на моей сторонѣ. Его могучій голосъ слышался въ громъ моихъ пушекъ. Радуйся, князь: Константинополь мой; его башни, пережившія столько вѣковъ, и стѣны, обратившія въ бѣгство столькихъ побѣдителей, дрожать въ своихъ основахъ. Я сотру ихъ съ лица земли. Городъ, бывший твердыней враговъ истинной вѣры, я въ одну ночь обращу въ исламъ. Изъ церквей я сдѣлаю мечети. Радуйся, князь; встань и радуйся со мной, что Богъ избралъ меня орудіемъ великихъ дѣлъ.

Онъ схватилъ со стола мечъ Соломона и, махая имъ, сталъ ходить впадъ и впередъ.

— Я радуюсь вмѣстѣ съ тобой, государь, — отвѣчалъ старикъ, поднимаясь съ пола и ожидая, чтобы прошелъ первый порывъ радости Магомета, такъ какъ зналъ, что призванъ имъ для какого нибудь серьезнаго дѣла.

— Скажи, — произнесъ наконецъ Магометъ, останавливаясь передъ нимъ: — указали ли звѣзды тотъ день, когда я могу пойти на приступъ Константинополя?

— Да.

— Когда именно?

Князь Индіи молча удалился и черезъ нѣсколько минутъ принесъ гороскопъ, который передалъ султану.

— Вотъ рѣшеніе звѣздъ, — сказалъ онъ.

Магометъ не посмотрѣлъ на изображенные небесные знаки, или на ихъ соединеніе, а только взглянулъ на число, стоявшее въ центрѣ.

— Двадцать девятое мая, — промолвилъ онъ, насупивъ брови: — еще пятьдесятъ три дня. Клянусь Аллахомъ, Магометомъ и Христомъ, если отъ этого крѣпче клятва, что я не знаю, чѣмъ наполнить это время. Черезъ три дня мои пушки снесутъ башни вокругъ воротъ св. Романа, а мои рабочіе наполняютъ землей ровъ. Въ три дня я буду готовъ къ приступу.

— Можетъ быть, мой повелитель слишкомъ полагается на свои силы и мало разсчитываетъ на средства защиты у противниковъ, быть можетъ, ему предстоитъ гораздо болѣе труда, чѣмъ онъ предполагаетъ, чтобы довести до конца осаду?

Магометъ бросилъ проницательный взглядъ на своего собесѣдника.

— Можетъ быть,—сказалъ онъ:—звѣзды открыли тебѣ то, что надо еще сдѣлать для взятія города?

— Да.

— И звѣзды дозволили тебѣ повѣдать мнѣ объ этомъ?

— Мой повелитель долженъ разставить по разнымъ мѣстамъ свои пушки. Надо поставить двѣ и противъ Золотыхъ воротъ, одну—противъ Калигарскихъ и по двѣ—противъ Селимврійскихъ и Адрианопольскихъ. На прежнемъ мѣстѣ останется у тебя семь. Ты, мой повелитель, не долженъ вмѣстѣ съ тѣмъ ограничивать атаки со стороны земли; самая слабая сторона въ городѣ—гавань, и противъ нея надо обратить хоть два орудія.

— Но!—воскликнулъ Магометъ:—укажутъ ли мнѣ звѣзды путь въ гавань, уничтожатъ ли они цѣпь, заграждающую ее, и сожгутъ ли, или потопятъ непріятельскій флотъ?

— Нѣтъ. Это дѣло твоихъ геройскихъ подвиговъ.

— Ты требуешь отъ меня невозможнаго.

— Развѣ крестоносцы были могущественнѣе и искуснѣе тебя, мой повелитель?—произнесъ съ улыбкой старикъ:—но во всякомъ случаѣ я знаю, что излишняя гордость не помѣшаетъ тебѣ научиться у нихъ добру. На пути къ Святому Городу они осадили Никею и вскорѣ убѣдились, что не могутъ взять этого города, не овладѣвъ сначала озеромъ Асканіемъ. Поэтому они перетасили свои суда по землѣ и спустили ихъ въ озеро.

Магометъ задумался.

— Если ты, мой повелитель, — продолжалъ князь Индіи: — не распредѣлишь своихъ пушекъ по разнымъ мѣстамъ и ограничишь свою атаку воротами св. Романа, то въ день приступа непріятель сосредоточитъ противъ тебя весь свой гарнизонъ; если же гавань останется во владѣніи грековъ, то ничто не помѣшаетъ генуезцамъ Галаты оказать имъ помощь. Мой повелитель получаетъ свѣдѣнія отъ этихъ измѣнниковъ днемъ, но онъ не знаетъ, что они ночью поддерживаютъ сношенія съ Византіей посредствомъ флота. Если они измѣняютъ одной сторонѣ, то почему же имъ не измѣнить и другой. Не забывай, государь, что они такіе же христіане, какъ и греки.

Султанъ опустился въ кресло и погрузился въ тяжелую думу.

— Довольно, — сказалъ онъ, наконецъ, вставая и, устремивъ свои пытливые глаза на князя Индіи, прибавилъ: — а какія звѣзды повѣдали тебѣ эти тайны?

— Мой повелитель,—отвѣчалъ старикъ:—планетная система—Божія, и Богу принадлежатъ солнце и звѣзды, но каждый изъ насъ имѣетъ свой небосклонъ, и въ моемъ разумѣ служить солнцемъ, а опытъ и вѣра—двумя главными звѣздами. При свѣтѣ этихъ

трехъ планетъ я успѣваю въ своихъ начинаніяхъ, а когда та или другая перестаетъ свѣтить, то я жду неудачи.

Магометъ снова взялъ въ руки мечъ Соломона и началъ играть имъ.

Черезъ нѣсколько времени онъ произнесъ:

— Ты говорилъ, какъ пророкъ, и я исполню твои совѣты. Позови Халила.

IX.

Помощь Панагин.

Султанъ послѣдовалъ совѣту князя Индіи и распредѣлилъ свои пушки передъ главными воротами Константинополя. Для атаки гавани онъ выстроилъ батарею на горѣ близъ Галаты и однажды ночью перетащилъ часть своего флота изъ Босфора, по землѣ, чрезъ Перу, и спустилъ въ Золотой Рогъ. Константинъ хотѣлъ дать отпоръ, и Джустиніани повелъ греческую эскадру въ дѣло. Но каменное ядро потопило его судно, и онъ едва спасся бѣгствомъ, а большая часть его товарищей или потонули, или, взятые въ плѣнъ, были перевѣшаны по приказанію султана. Затѣмъ Магометъ приказалъ устроить изъ скованныхъ между собою большихъ глиняныхъ сосудовъ, наполненныхъ воздухомъ, нѣчто въ родѣ моста, противъ единственной стѣны, защищавшей передній фасъ гавани; на концѣ этого импровизованнаго моста была установлена пушка, и она открыла огонь по стѣнѣ. Константинъ распорядился, чтобы этотъ мостъ и батарею подожгли брандерами, но генуезцы изъ Галаты уведомили турокъ о подготовлявшемся, и планъ императора не удался. Много грековъ было взято въ плѣнъ и немедленно повѣшено, на что Константинъ отвѣчалъ выставленіемъ на городскихъ стѣнахъ ста шестидесяти головъ, отрубленныхъ у турецкихъ плѣнныхъ.

Со стороны земли дѣйствія турокъ были не менѣе успѣшны. Оконченныя траншеи дали имъ возможность безопасно достигнуть рва передъ городской стѣной и начать подкопы противъ нихъ.

Султанъ не обращалъ никакого вниманія на число человѣческихъ жертвъ, которыхъ ему стоили этихъ успѣхи, и ихъ сваливали въ ровъ безъ разбора. День за днемъ башни Багдатская и св. Романа все болѣе и болѣе разрушались, и ихъ обломками также наполняли ровъ. Обѣ стороны въ продолженіе цѣлаго дня и даже части ночи бросали другъ въ друга ядра, камни, стрѣлы, копыя.

Греки вели себя мужественно; старый Іоаннъ Грантъ постоянно направлялъ противъ непріятели свои огневые снаряды. Константинъ цѣлый день находился на городскихъ стѣнахъ, поддерживая

мужество воиновъ, а по ночамъ помогаль Джустиніани принимать необходимыя мѣры для исправленія разрушеній, произведенныхъ бомбардировкой. Наконецъ запасы стали оскудѣвать: пороху настолько уменьшилось, что его не хватало для всѣхъ мушкетовъ и гаубиць. Тогда императоръ сталъ дѣлать свое время между исполненіемъ его двойныхъ обязанностей, какъ главнокомандующаго и какъ главы церкви: онъ то заботился о защитѣ города, то молился въ св. Софіи. Всѣ замѣчали, что въ его присутствіи служба въ въ этомъ храмѣ совершалась по латинскому обряду, и недовольные братья въ монастырскихъ обителяхъ отказывались въ виду этого напутствовать умирающихъ въ послѣднюю минуту. Геннадій самовольно занялъ мѣсто отсутствующаго патріарха и своими пламенными рѣчами всюду сѣялъ смуту. Могущественное братство св. Іакова, въ числѣ членовъ котораго находилось много сильныхъ, здоровыхъ людей, обязанныхъ нести военную службу, признавало императора какъ бы отлученнымъ отъ церкви и не хотѣло оказывать ему ни малѣйшей помощи. Князь Нотарій и Джустиніани повздорили между собой, и эта ссора распространилась среди ихъ сторонниковъ.

Однажды, въ то время, когда турецкіе корабли упали въ гавань, словно съ неба, когда военные снаряды истощились, и голодъ грозилъ городу, неожиданно въ Мраморномъ морѣ показались пять галеръ. Въ то же время турецкая флотилія стала готовиться къ дѣйствию. Голодные греки усѣяли городскую стѣну отъ Семи Башенъ до Серальскаго мыса. Императоръ поскакалъ туда сломя голову, а Магометъ поспѣшилъ на берегъ моря. Морская битва произошла подъ глазами обоихъ государей. Христіанская эскадра торжественно прошла въ гавань, несмотря на всѣ преграды. На ней были значительные запасы хлѣба и пороха. Эта своевременная помощь была приписана милосердію Божию, и борьба продолжалась съ новыми силами.

Великій визирь сталъ теперь уговаривать Магомета снять осаду.

— Какъ! — воскликнулъ внѣ себя отъ гнѣва султанъ: — обратиться въ бѣгство теперь, когда ворота св. Романа почти разрушены, и ровъ почти засыпанъ? Ни за что! Аллахъ привелъ меня сюда для побѣды.

Окружающіе султана приписывали его упорство одни храбрости, другіе — самолюбію; но никто не зналъ, на сколько имъ руководила мысль о заключенномъ съ графомъ Корти условіи.

Неравнобѣрная борьба продолжалась, и съ каждымъ закатомъ солнца надежды Магомета на успѣхъ увеличивались. Его воля твердая, какъ сталь Соломонова меча, неограниченно царяла въ турецкомъ лагерѣ, а среди осажденныхъ постоянныя неудачи, ссоры, распри, лишенія, физическая усталость, болѣзни, смертность и тотъ фактъ, что весь христіанскій міръ отвернулся отъ этой

несчастной, хотя и мужественной, кучки христіанъ,—распростра-няли мрачное отчаніе.

Недѣля шла за недѣлю. Кончился апрѣль, прошла большая часть мая, и наступило двадцать-третье число. Осталось только шесть сутокъ до того дня, когда звѣзды разрѣшали Магомету сдѣ-лать приступъ.

Полночь. Небо покрыто тучами и моросилъ дождь. Всѣ улицы Константинополя пусты, мрачны. Куда дѣлось все населеніе? Оно попряталось въ погреба, въ подземелья и склепы подъ церквами. Въ этихъ мрачныхъ убѣжищахъ безмолвно тихо плакали женщины и дѣти, со страхомъ прислушиваясь днемъ къ свисту ядеръ, а ночью дремля въ тревожномъ безпокойствѣ.

Однако не во всемъ городѣ было пусто и безмолвно. По ули-цамъ, шедшимъ отъ св. Петра къ гавани, къ воротамъ св. Романа и Адрианопольскимъ, двигалась масса людей, которые, при мерца-ніи факеловъ, тащили какую-то громадную темную массу. Вме-реди ѣхалъ верхомъ вооруженный человѣкъ, который постоянно побуждалъ. Это былъ графъ Корти, и онъ перевозилъ галеру, ко-торую Джустиніани хотѣлъ обратить въ баррикаду для защиты воротъ св. Романа, представлявшихъ уже безформенную груду камня.

Въ послѣднее время графъ Корти сдѣлался предметомъ все-общаго удивленія: чѣмъ болѣе усиливалась опасность, тѣмъ удваи-вались его мужество и энергія. Онъ поспѣвалъ всюду, и его ви-дѣли вездѣ: онъ былъ и въ полуразрушенныхъ башняхъ, и во рву, и въ контръ-подкопахъ, которые велись греками. Его подвиги, какъ въ качествѣ стрѣлка изъ лука, такъ и война съ мечемъ въ ру-кахъ, вселяли ужасъ въ непріятели. Онъ не зналъ ни минуты от-дыха, ни днемъ, ни ночью. Смотри на него съ восхищеніемъ, греки спрашивали другъ друга, чтò могло руководить этимъ чужестран-цемъ, которому въ сущности не было никакого дѣла до ихъ го-рода. Лица, близко къ нему стоявшія, и, конечно, императоръ знали, что онъ носилъ на шеѣ красный шелковый шарфъ и бро-сался въ бой съ крикомъ: «за Христа и Ирину», но они только считали его рыцаремъ княжны и не подозрѣвали его любви къ ней. Одинъ только Магометъ понималъ тайный смыслъ подвиговъ своего соперника. Для этого ему стоило только прислушаться къ тому, какъ билось его собственное сердце пламенною страстью.

Въ то самое время, когда графъ Корти перевозилъ галеру по улицамъ Константинополя къ воротамъ св. Романа, Константинъ находился въ св. Софіи. Съ каждымъ днемъ его уныніе и отчая-ніе увеличивалось. Онъ чувствовалъ близость паденія города и съ тѣмъ вмѣстѣ и паденія имперіи. Теперь онъ сидѣлъ одинъ за рѣ-шеткой передъ алтаремъ и ждалъ, пока священники начнутъ службу. Неожиданно послышались снаружи церкви многочисленные шаги,

и Константинъ увидаль съ удивленіемъ, что въ церковь входила процессія тѣхъ монашескихъ братствъ, которыя злобно возставали противъ него и уже недѣлями не приближались къ святому храму.

Въ головѣ императора блеснула мысль, что, можетъ быть, небо просвѣтило наконецъ отуманенные умы братьевъ. Быть можетъ, они поняли, что, поступая такъ непатріотично и не принимая никакого участія въ защитѣ города, они подвергали опасности не только имперію, но всю христіанскую церковь на востокѣ. Не думая о своемъ достоинствѣ, а только радуясь раскаянію грѣшниковъ, Константинъ всталъ, подошелъ къ рѣшеткѣ и отворилъ еѣ.

Монахи, по обычаю, преклонили передъ нимъ колѣна.

— Братья,—сказаль онъ:—давно уже вы не дѣлали чести являться въ этотъ святой храмъ. Какъ василевсъ, я привѣтствую ваше возвращеніе подъ его своды и встрѣчаю васъ радушно именемъ Бога. Я подозреваю, что ваше появленіе здѣсь имѣетъ какое нибудь отношеніе къ тѣмъ опасностямъ, которыя грозятъ не только нашему городу и имперіи, но святой Христовой вѣрѣ. Встань кто нибудь изъ васъ и скажи мнѣ, зачѣмъ вы пришли сюда въ этотъ ночной часъ.

Старый монахъ въ сѣрой рясѣ всталъ и произнесъ:

— Государь, ты, конечно, знаешь древнее преданіе о Константинополѣ и св. Софіи, но, прости мнѣ, тебѣ, быть можетъ, не извѣстно недавнее предсказаніе, которое мы считаемъ достойнымъ вѣры. Согласно этому предсказанію невѣрные войдутъ въ городъ, но въ ту минуту, какъ они поровняются съ колонной Константина Великаго, съ неба снизойдетъ ангелъ, вручить мечъ человѣку низкаго происхожденія, который тогда будетъ сидѣть у подножія колонны, и прикажетъ ему отомстить за народъ Божій; тогда устранные турки обратятся въ бѣгство, и ихъ не только прогонятъ изъ Константинополя, но и оттѣснятъ ихъ до предѣловъ Персіи. Это предсказаніе исполнѣ насъ успокоиваетъ, и мы нисколько не боимся Магомета; но ты, государь, простишь намъ, что мы желаемъ доставить честь освобожденія Константинополя его вѣчной защитницѣ—Богородицѣ. Мы пришли сюда вотъ для чего, государь: насъ прислали всѣ константинопольскія братства, чтобы испросить у тебя разрѣшеніе взять Панагію изъ церкви Годигетріи, гдѣ она теперь находится, и передать ее до утра на попеченіе вѣрующихъ женщинъ нашего города. Завтра же въ полдень, по твоему разрѣшенію, государь, онѣ соберутся въ Акрополѣ и понесутъ святую Панагію на городскія стѣны. При видѣ ея султанъ и турки придутъ въ ужасъ и обратятся въ бѣгство. Мы просимъ тебя, государь, чтобы, благодаря твоему согласію, совершилось это чудо, и чтобы Матерь Божія воскресла въ сердцахъ людей святую вѣру въ эти мрачные дни упадка религіи.

Старикъ снова опустился на колѣна, а его товарищи громко произнесли:

— Аминь...

Благодаря полумраку, царившему передъ алтаремъ, а также своей преклоненной позѣ, монахи не могли разсмотрѣть лица императора. Оно дышало злобой и презрѣніемъ. Какъ! они не высказали ни малѣйшаго раскаянія, не обнаружили желанія послужить на городскихъ стѣнахъ за святую церковь, не высказали ни слова одобренія его геройству и то въ такую минуту, когда онъ хотѣлъ просить у Бога ниспосланія ему силъ для достойной смерти за свой народъ. Онъ бросилъ на нихъ взглядъ оскорбленнаго достоинства, и, чтобы собраться съ силами для подобающаго отвѣта, онъ молча отошелъ шага на два и, опустившись на колѣна, сталъ молиться.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ вернулся и спокойно сказалъ:

— Встаньте, братья, и уходите съ миромъ. Ключарь церкви выдастъ святую Панагію набожной женщинѣ, но только помните, что если турки, привыкшіе отрицать всякую добродѣтель въ женщинѣ, убьютъ хоть одну изъ нихъ во время шествія съ Панагіей по городскимъ стѣнамъ, то ея кровь падетъ не на мою голову, а на голову тѣхъ, которые васъ прислали. Идите съ миромъ...

Они удалились, и въ св. Софіи началась служба.

На слѣдующее утро, въ десять часовъ, наступилъ перерывъ въ бомбардировкѣ воротъ св. Романа, вѣроятно, для того, чтобы дать туркамъ минуту роздыха. Пользуясь этимъ, на вершинѣ Багдатской башни показался графъ Корти: онъ держалъ въ рукахъ черный щитъ, копьё со своимъ значкомъ и лукъ.

— Берегись!—воскликнули его друзья:—сейчасъ выпалятъ изъ большой пушки.

Корти не обратилъ никакого вниманія на эти слова, водрузилъ свое копьё и три раза протрубилъ. Турки дали по немъ выстрѣлъ, но ядро попало въ подножіе башни. Когда разсѣялось облако пыли, онъ снова затрубилъ. Тогда со стороны турокъ посыпался дождь стрѣлъ, но ни одна не попала въ Корти, который спокойно сѣлъ на камень и ждалъ, чтобы приняли его вызовъ.

Наконецъ изъ-за отряда янычаръ выѣхалъ всадникъ въ золотомъ вооруженіи и съ чернымъ щитомъ на лѣвой рукѣ и лукомъ въ правой. Онъ прямо поскакалъ къ городской стѣнѣ, а за нимъ раздался боевой крикъ янычаръ, понятный только одному Корти.

Они кричали: «да здравствуетъ падишахъ!»—а воинъ въ золотомъ вооруженіи былъ самъ Магометъ.

Корти вскочилъ, натянулъ тетиву и спустилъ ее при громкомъ крикѣ: «за Христа и Ирину!»

Магометъ поймалъ на щитъ стрѣлу, и съ крикомъ: «Аллахъ, Аллахъ!» также выстрѣлилъ изъ лука.

Въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ они мѣнялись стрѣлами, пока, наконецъ, одна изъ нихъ съ черными перьями тяжело отскочила отъ щита султана. Онъ нагнулся, схватилъ съ земли стрѣлу и съ крикомъ: «Аллахъ, Аллахъ!» повернулъ лошадь.

Пока онъ медленно удалялся къ своему лагерю, графъ Корти продолжалъ трубить, но, видя, что его вызова болѣе не принимаютъ, онъ спокойно сошелъ съ вершины башни.

Между тѣмъ, Магометъ вошелъ въ свою палатку, снялъ наколчанникъ стрѣлы и вынулъ изъ нея слѣдующую записку:

«Сегодня въ полдень по стѣнамъ пройдетъ процессія женщинъ. Впереди монахъ понесетъ знамя съ изображеніемъ Богородицы. Княжна Ирина пойдетъ первой за знаменемъ».

Магометъ спросилъ, который былъ часъ, и когда ему отвѣтили, что было половина одиннадцатаго, онъ вышелъ изъ палатки и разослалъ во всѣ стороны офицеровъ верхомъ.

Бомбардировка возобновилась съ большей силой, чѣмъ когда. Всѣ орудія были пущены въ ходъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ посыпался на городскія стѣны дождь камней и стрѣлъ. Магометъ хотѣлъ предупредить шествіе женщинъ съ Панагіей.

Однако, въ опредѣленный срокъ, въ десять часовъ церковь Годиетрїи была окружена толпой монаховъ и монахинь. Вскорѣ изъ дверей показались сначала пѣвчіе св. Софіи, оглашавшіе воздухъ торжественнымъ пѣніемъ, а затѣмъ императоръ въ церковномъ облаченіи и, наконецъ, Панагія.

При видѣ святого изображенія Богородицы съ Предвѣчнымъ Младенцемъ, толпа опустилась на колѣна.

Княжна Ирина, вся въ черномъ и въ легкомъ покрывалѣ, подошла къ святынѣ и, взявъ въ обѣ руки кисти хоругви, заняла первое мѣсто послѣ монаха, несшаго Панагію. Рядомъ съ нею помѣстились монахини, плакавшія, голосившія, но не отъ страха. Всѣ были убѣждены, что Богородица, спасшая Константинополь отъ оваровъ, а потомъ отъ Аскольда и Дира, обратитъ въ бѣгство и Магомета съ его несмѣтными силами.

Отъ маленькой церкви шествіе медленно направилось къ городскимъ стѣнамъ, и по дорогѣ къ нему приставали все новыя и новыя толпы.

Подойдя къ Золотымъ воротамъ, они услышали крики осаждающихъ и увидали летавшіе въ воздухѣ снаряды, камни, стрѣлы. Быть можетъ, во всякое время ими овладѣлъ бы страхъ, и они обратились бы въ бѣгство; но съ ними была Богородица, и впереди шла безстрашная княжна Ирина. Поэтому никто не дрогнулъ, и шествіе начало подыматься по ступенямъ на городскую стѣну.

Всѣ притаили дыханіе и ждали чуда. Дѣйствительно чудо совершилось.

Какъ только на городской стѣнѣ появилась бѣлая хоругвь, кисти

которой твердо держала княжна Ирина, враги замерли: стрѣлки держали тетиву натянутой, пращники занесли свои камни, пушкари подняли фитили и всѣ какъ бы окаменѣли.

— Святъ, святъ, святъ Господь Богъ Саваоѣ! — громко пѣли женскіе голоса.

Святая хоругвь медленно двигалась далѣе по стѣнамъ. Пѣніе продолжалось, и въ немъ все усиливалась нота торжества.

Турки быстро удалились въ свой лагерь не только передъ Золотыми воротами, но вдоль всей линіи осады, отъ моря до Блахерна и отъ Блахерна до Акрополя.

Вѣсть объ отступленіи турокъ отъ городскихъ стѣнъ, въ минуту появленія Панагіи, быстро распространилась по всему городу, и онъ мгновенно ожилъ. Всѣ греки вѣрили въ совершившееся чудо и черпали въ немъ мужество.

Среди оживленной толпы сновали монахи и громко повторяли:

— Опасность миновала! Вотъ какова сила вѣры! Если бы мы продолжали надѣяться на аземитовъ: на римскаго кардинала и на отступника императора, то уже завтра муэвинъ призывалъ бы правовѣрныхъ къ молитвѣ съ купола св. Софіи. Сегодня ночью будемъ спать спокойно, а завтра прогонимъ всѣхъ наемниковъ-латинъ.

Но Константинъ и Джустиніани не слагали оружія, а продолжали укрѣплять полуразрушенныя ворота св. Романа.

Въ четыре часа на батарее, гдѣ стояла большая пушка, послышались трубные звуки, затѣмъ пять герольдовъ медленно приблизились къ воротамъ; за ними ѣхалъ невооруженный сановникъ.

Константинъ понялъ, что это былъ посоль султана, и отправилъ къ нему навстрѣчу Джустиніани и графа Корти. Они вернулись съ извѣстіемъ, что Магометъ требуетъ, въ рѣзкихъ и угрожающихъ выраженіяхъ, сдачи Константинополя.

Императоръ отвѣчалъ, что готовъ платить султану дань. Магометъ отвергъ это предложеніе и объявилъ, что пойдетъ на приступъ.

Отступленіе турокъ отъ городскихъ стѣнъ при появленіи Панагіи было сдѣлано по распоряженію Магомета. Онъ не хотѣлъ, чтобы княжна Ирина подверглась опасности.

X.

Ночь передъ приступомъ.

Артиллерія Магомета дѣйствовала съ различнымъ успѣхомъ противъ остальныхъ константинопольскихъ стѣнъ. Итальянецъ Геронимъ и генуезецъ Леонардо-ди-Лангаско, защищавшіе Блахернскій портъ, не могли спасти деревянныхъ воротъ, и они были

обращены въ прахъ пловучей батареей. Іоаннъ Грантъ и Ѳедоръ Каристосъ, которымъ были поручены Кампарійскія ворота, печально смотрѣли на громадныя разсѣлины и обвалы въ этихъ воротахъ. Въ такомъ же положеніи находились братья Павелъ и Антонинъ Бачіарди у Адрианопольскихъ воротъ. На Селимврійскихъ воротахъ, гдѣ защитой руководилъ Ѳеофилъ Палеологъ, еще гордо развѣвался императорскій флагъ, но внѣшніе фасы башенъ также были свалены и наполняли ровъ. Только Гавріиль Тревизанъ со своими благородными четырьмя стами венеціанцами сумѣлъ удержать въ прежнемъ видѣ городскую стѣну отъ Акрополя до воротъ св. Петра. За то венеціанецъ Контаріно, охранявшій верхнюю часть Золотыхъ воротъ, не могъ воспрепятствовать туркамъ сдѣлать большую брешь, въ которую могла проѣхать телѣга, и вообще Золотой Рогъ, благодаря неспособности, или измѣнѣ князя Нотарія, былъ совершенно потерянъ для христіанъ. Отъ Семи Башенъ до Галаты турецкій флотъ, вытянувшись фасомъ противъ Мраморнаго моря, покрывалъ воду, какъ бы сѣтью. Однимъ словомъ часъ приступа насталь, и съ 24-го мая до вечера 28-го Магометъ принялъ всѣ мѣры для подготовленія этого рѣшительнаго шага.

Теперь онъ поддерживалъ бомбардировку очень слабо, лишь на столько, чтобы греки не могли систематично исправить городскія стѣны. Изъ орудій стрѣляли только по временамъ; но никогда энергія Магомета не достигала такого апогея. Прежде онъ отправлялъ черезъ гонцовъ свои приказанія къ начальникамъ различныхъ отрядовъ, а теперь онъ потребовалъ ихъ къ себѣ, и зрѣлище, которое представляла султанская палатка отъ восхода до заката солнца, было самое живописное. Врядъ ли когда и гдѣ было видано такое сборище мусульманскихъ и немусульманскихъ князей, пашей, беевъ, шейховъ и предводителей различныхъ ордъ, такая пестрая смѣсь костюмовъ и оружія, такого табуна разукрашенныхъ лошадей, такого скопища герольдовъ и трубачей. Казалось, что весь востокъ, отъ Ефрата и Чермнаго моря до Каспія и Желѣзныхъ воротъ на Дунаѣ, собрался тутъ въ полномъ вооруженіи. Однако избранные представители различныхъ племенъ держались въ сторонѣ другъ отъ друга, бросая взгляды исподлобья, такъ какъ между ними существовали ссоры и зависть; если же они не вступали въ открытый бой между собой, то ихъ удерживалъ страхъ пятнадцати тысячъ янычаръ, цвѣта арміи султана, каждый изъ которыхъ, по словамъ стараго лѣтописца, былъ гигантъ по росту и атлетъ по силѣ, превосходившей въдесятеро силу обыкновеннаго воина.

Впродолженіе этихъ четырехъ дней только одинъ человѣкъ находился постоянно за спиной Магомета, какъ вѣчный совѣтникъ и наперсникъ: это былъ не Халиль, не Саганосъ, не мулла Курани, не дервишъ Акшемъ-Седъ-Динъ, а князь Индіи.

— Государь,—сказаль онъ, когда султанъ объяснилъ ему, что хочеть позвать на совѣтъ всѣхъ своихъ военачальниковъ:—всѣ люди любятъ блескъ; умные люди легко подчиняются тому, что плѣняетъ глазъ, а дураки поддаются легко внѣшнему эффекту. Раджи въ моемъ отечествѣ всегда руководствуются этой философіей. Имъ часто приходится собирать совѣтъ изъ своихъ сановниковъ, и они всегда украшаютъ свою залу или палатку какъ можно богаче. Я нарочно говорю это, государь, чтобы ты могъ, если желаешь, послѣдовать ихъ примѣру.

Дѣйствительно, когда всѣ военачальники вошли въ палату Магомета, то были поражены собранными въ ней богатствами вокругъ трона, на которомъ воссѣдалъ султанъ. Но, принявъ совѣтъ князя Индіи, онъ, однако, настоялъ на одномъ новомъ условіи.

— Я не хочу, чтобы они приняли меня за государя-политика или государя-дипломата, а желаю, чтобы я остался въ ихъ глазахъ государемъ-воиномъ, и болѣе ничѣмъ. Поэтому, по лѣвую сторону моего трона встанутъ визири, придворные и всѣ сановники, а по правую—я помѣщу своего коня въ роскошномъ уборѣ и съ моимъ мечомъ на сѣдлѣ.

Какъ онъ сказаль, такъ и сдѣлалъ: военачальники, войдя въ палатку, съ изумленіемъ увидѣли, что направо отъ трона, на богатомъ хорассанскомъ шелковомъ коврѣ, стоялъ конь падишаха.

Такъ какъ среди допущенныхъ на военный совѣтъ военачальниковъ находились не только магометане, но и христіане, а потому одинакіе аргументы султана не могли всѣмъ равно понравиться, то имъ была дана аудіенція отдѣльно.

— Я вамъ довѣряю,—сказаль Магометъ, обращаясь къ христіанамъ:—и жду отъ васъ храброй вѣрной службы. Я самъ буду слѣдить за всѣми вашими дѣйствіями и цѣнить вашу отвагу. Помните, что никогда воинамъ не предстояла такая богатая добыча, какъ вамъ. Городскія стѣны, стояція передъ вами, скрываютъ вѣковыя сокровища деньгами, драгоценностями и всякаго рода имуществомъ—все будетъ ваше, и также жители города. Я себѣ оставляю только церкви и дома. Если вы бѣдны, то можете разбогатѣть, если вы богаты, то можете увеличить свои богатства, и все, что вы возьмете, будетъ вашимъ по закону, и никто не посмѣетъ отнять у васъ вашей добычи. Я въ этомъ клянусь своимъ султанскимъ словомъ. Встаньте и приготовьте все для приступа, звѣзды предвѣщаютъ мнѣ взятіе Царьграда, а вѣдь въ рѣшеніи звѣздъ слышенъ голосъ того Бога, которому вы и я одинаково поклоняемся.

Совершенно иначе по тону и содержанию была рѣчь Магомета къ мусульманамъ.

— Что виситъ на вашихъ перевязяхъ?—спросилъ онъ, обращаясь къ магометанамъ.

— Мечъ,—отвѣчали ему.

— Богъ есть Богъ, и нѣтъ Бога, кромѣ Бога! Амины!—продолжалъ:—Богъ вложилъ въ землю желѣзо, указалъ рудокопу, гдѣ его найти, и научилъ мастеровъ выдѣлывать изъ желѣза тѣ мечи, которые висятъ на вашихъ перевязяхъ, потому что Богу необходимо орудіе для кары тѣхъ, которые говорятъ, что Богъ не одинъ, что есть Богъ-Сынъ и еще Богородица. Тѣ, которые это говорятъ, скрываются за стѣнами Константинополя, а мы пришли сюда, чтобы разнести эти стѣны и превратить ихъ дворцы въ гаремы. Для этой цѣли и у меня и у васъ виситъ на бедрѣ мечъ. Амины! Воля Божія, чтобы мы отняли у гяуровъ ихъ богатства и ихъ женщинъ, потому что о нихъ сказано: «въ сердцахъ ихъ гнѣздится недугъ, и Богомъ повелѣно, чтобы этотъ недугъ увеличился и подвергъ ихъ страшной карѣ, такъ такъ они заклемили ложью пророка Божьяго. Всѣ, которые избѣгнутъ острія нашихъ мечей, да будутъ рабами, нищими и скитальцами—такое справедливый приговоръ Бога. Амины! Они лишатся всего, что имѣютъ—такова воля Бога. Амины! А все, чего они лишатся, принадлежитъ намъ, которымъ ихъ богатства предназначены съ самаго начала сотворенія міра. Такова воля Бога, и она будетъ исполнена, я клянусь въ этомъ своимъ султанскимъ словомъ. Амины! Правда, путь, открытый передъ нами, переполненъ опасностями, я этого отъ васъ не скрываю, но вѣдь написано: «ни одна душа не умираетъ безъ воли Божіей и безъ его слова, назначающаго время для смерти cadaго». Не забывайте, что также писано: «тѣ, которыхъ убиваютъ въ борьбѣ за Бога, не знаютъ смерти, они живутъ въ Богѣ... Они переносятся прямо къ Богу и будутъ возлежать на роскошныхъ ложахъ, среди прекрасныхъ садовъ, вѣчно юные юноши будутъ подносить имъ кубки съ дорогими винами, а пищей для нихъ будутъ плоды и мясо птицъ, которыхъ они сами выберутъ, и дѣвы съ жемчужными глазами составятъ имъ награды за ихъ подвиги». Но также не забывайте, что вѣдь время умирать пришло не для всѣхъ, а только для немногихъ. Амины! Тѣмъ, которымъ будетъ суждено Богомъ остаться въ живыхъ, принадлежитъ все, что кроется за этими стѣнами: золото въ монетахъ и золото въ сосудахъ, а также дѣвы на шелковыхъ ложахъ, со щеками, какъ розы Дамаска, руками—бѣлѣ лиліи, глазами—ярче алмазовъ и тѣломъ—нѣжнѣ духовенія южнаго вѣтра въ пальмовыхъ рощахъ. На это золото мы устроимъ прекрасные сады, а дѣвы, лаская насъ въ этихъ садахъ, исполнять предсказанія пророка: «рай будетъ на землѣ для вѣрующихъ». Вы читали книги, значить вамъ нечего болѣе говорить. Я оставляю себѣ только дома, послѣ того, какъ вы выберете изъ нихъ все, и церкви. Приготовьте все для приступа и передайте воинамъ все, что я сказалъ. Я еще увижу васъ и дамъ лично послѣднее приказаніе. Идите.

Двадцать седьмого мая, съ восхода до заката солнца Магометъ не сходилъ съ коня и посѣтилъ всѣхъ своихъ военачальниковъ. У каждаго изъ нихъ онъ отдѣлилъ особый отрядъ и такимъ образомъ составилъ резервъ въ сто тысячъ человѣкъ.

— Напирайте изо всей силы на ворота, стоящія противъ васъ,— говорилъ онъ одинаково всѣмъ:—пускайте впередъ охотниковъ. Не жалѣйте людей: мертвецы наполняютъ ровъ; лѣстницы должны быть вездѣ наготовѣ. При звукѣ трубъ идите на приступъ. Объявите всѣмъ, что первый, кто взойдетъ на стѣну, будетъ назначенъ губернаторомъ любой провинціи. Нѣтъ Бога, кромѣ Бога, а я, Его слуга, дѣйствую Его именемъ.

Двадцать восьмого — султанъ разослалъ по всѣмъ мусульманскимъ отрядамъ дервишей, и они своими проповѣдями до того распалили воображеніе правовѣрныхъ, что послѣ пятой дневной молитвы всѣ магометанскіе воины, числомъ двѣсти пятьдесятъ тысячъ, пришли въ неописанное фанатическое изступленіе. Всѣ солдатскія палатки и шалаши были свалены въ груды и, какъ только наступилъ ночной мракъ, ихъ подожгли, словно чудовищные костры; шатры же пашей и весь турецкій флотъ были блестяще иллюминированы. Такимъ образомъ, вся мѣстность, занятая непріателемъ, была залита огнемъ, отъ Блахерна до Семи Башенъ и отъ Семи Башенъ до Акрополя.

Съ городскихъ стѣнъ осажденные видѣли это грандіозное освѣщеніе и слышали громкіе крики, пѣсни, даже топотъ танцующихъ: такъ расходились фанатическіе мусульмане.

— Зачѣмъ вы жжете свои палатки?—спросилъ одинъ благо-разумный и хладнокровный турецкій офицеръ у своихъ солдатъ.

— Потому что намъ ихъ болѣе не надо. Завтра городъ будетъ нашъ: падишахъ въ этомъ поклялся.

У другого костра разговаривали два воина.

— Я уже выбралъ себѣ дворецъ,—сказалъ одинъ изъ нихъ:—вонъ тотъ, что на горѣ на западѣ. А ты что возьмешь себѣ?

— То, что мнѣ нужно.

— А что именно?

— Двѣ лучшихъ лошади на императорской конюшнѣ.

— А я наберу какъ можно болѣе золота,—воскликнулъ третій:—говорять, у грековъ есть громадныя золотыя сосуды. Я возьму одинъ изъ нихъ.

— А мнѣ не надо ни золотыхъ денегъ, ни золотыхъ сосудовъ,—произнесъ смуглый обитатель Индостана:—я возьму...

— Что же ты возьмешь, обезьяна?—спросило нѣсколько голосовъ.

— Какъ можно больше женщинъ.

— Все равно, старыхъ или молодыхъ?

— Конечно. Молодые будутъ для меня, а старыя станутъ служить имъ.

Въ эту критическую минуту злымъ гениемъ Византіи былъ князь Индіи.

— Государь,—сказалъ онъ, обращаясь къ султану съ цинической улыбкою:—самый храбрый днемъ человѣкъ можетъ быть обращенъ въ труса ночью. Прикажи твоимъ дикимъ ордамъ зажечь костры съ наступленіемъ темноты, и пусть они пляшутъ вокругъ этихъ огней. Грекамъ они покажутся чертями, и страхъ нападетъ на нихъ. Клянусь тебѣ, что паника между ними не пройдетъ до утра, и на разсвѣтѣ тебѣ легко будетъ съ ними справиться.

Слова хитраго еврея оказались справедливымъ пророчествомъ.

Пораженные громаднымъ заревомъ, освѣтившимъ турецкій лагерь, тысячи византійцевъ высыпали на городскую стѣну, все еще убѣжденные, что непріятель обратится въ бѣгство, благодаря чуду, совершенному Панагіей. Но, слыша дикіе крики и видя дикія пляски вокругъ огней, они дѣйствительно пришли въ мрачное отчаяніе.

— Это не люди, а дьяволы,—шептали они другъ другу,—завтра мы погибнемъ. Господи, помилуй насъ!..

Однако, на этотъ разъ монахи оказались смѣлѣе и стали уговаривать толпу.

— Не унывайте,—говорили они:—посмотрите, вѣдь мы ничего не боимся. Пресвятая Богородица не выдастъ невѣрнымъ своихъ дѣтей. Она только хочетъ, чтобы аземить-императоръ дошелъ въ своей гордости до края бездны, а тамъ Она спасетъ всѣхъ насъ. Будьте мужественны. Ангелъ найдетъ бѣднаго человѣка у колонны Константина.

Эти рѣчи монаховъ запали въ сердца слушателей, и увѣренность въ чудесномъ спасеніи города такъ распространилась, что сотни защитниковъ воротъ покинули свои посты, считая излишнимъ исполнять свой долгъ, а непріятельскіе воины, пользуясь этимъ, вылезали изъ рва и незамѣтно уничтожали вновь возведенныя укрѣпленія.

Конечно, всѣ эти осложненія только увеличивали заботы императора. Весь вечеръ онъ сидѣлъ у открытаго окна комнаты своего дворца, которая выходила на южныя городскія ворота ¹⁾, и слѣдилъ за движеніями турокъ. Этотъ благороднѣйшій изъ византійскихъ вѣнценосцевъ потерялъ уже всякую надежду. Онъ былъ въ

¹⁾ Эта комната существуетъ до сихъ поръ, и авторъ посѣтилъ ее. Къ его удивленію, турецкій кавасъ долго медлилъ, прежде чѣмъ допустилъ его къ осмотру этой комнаты, и когда онъ, наконецъ, проникъ въ нее, то оказалось, что этотъ историческій для грековъ покой былъ превращенъ въ вертепъ разврата, и то не турками, а греками.

полномъ вооруженіи, и мечъ стоялъ подлѣ него. Преданные сподвижники по временамъ являлись къ нему и говорили въ полголоса, но большею частью онъ оставался одинъ.

Когда вошелъ въ комнату Франза и хотѣлъ, по обычаю, уцѣпиться передъ императоромъ, то Константинъ остановилъ его.

— Теперь намъ не до церемоній,—сказалъ онъ:—ты всегда былъ преданнымъ слугой, и, чтобы вознаградить тебя, я хоть на короткое время сдѣлаю тебя равнымъ себѣ. Говори стоя... Завтра послѣдній день моей жизни... Въ смерти всѣ равны... Передай принесенныя вѣсти.

Франза все-таки опустился на колѣна и, взявъ руку императора въ стальной перчаткѣ, поцѣловалъ ее.

— Никогда не было и не будетъ такого добраго повелителя, какъ ты, государь.

Они оба замолчали въ смущеніи.

— Я исполнилъ твое порученіе, государь,—продолжалъ через нѣсколько минутъ Франза:—и какъ ты полагалъ, такъ и оказалось. Игумены всѣхъ братствъ собрались въ Пантократорской обители.

— Опять штука Геннадія!—промолвилъ императоръ, нахмуривъ брови:—впрочемъ тутъ нѣтъ ничего удивительнаго. Я тебѣ скажу нѣчто, чего я еще не говорилъ никому. Ты знаешь, что великій визирь Халилъ уже много лѣтъ состоитъ у меня на жалованьи, и онъ оказалъ мнѣ не мало услугъ. Въ ночь передъ пораженіемъ турокъ христіанскимъ флотомъ онъ увѣдомилъ меня, что въ палаткѣ Магомета произошла бурная сцена, и совѣтовалъ остерегаться Геннадія. Какъ ты думаешь, Франза, что затѣялъ этотъ измѣнникъ?

— Какую нибудь низость.

— Подвергнувъ изгнанію набожнаго и досточтимаго Григорія, онъ хочетъ занять его мѣсто.

— Отступникъ!.. Христопродавецъ!.. Онъ патріархъ!?!—воскликнулъ Франза гнѣвно.

— И какъ ты думаешь, отъ кого онъ ждетъ такого повышенія?

— Конечно, не отъ тебя, государь.

Константинъ слегка улыбнулся и спокойно отвѣтилъ:

— Онъ считаетъ Магомета лучшимъ покровителемъ, если не лучшимъ христіаниномъ, чѣмъ я.

— Боже избави,—промолвилъ Франза, набожно крестясь.

— По словамъ Халила, Геннадій взялся передать Константинополь въ руки султана, если онъ обяжется сдѣлать его патріархомъ.

— Но какъ онъ это сдѣлаетъ?—онъ не воинъ, и ни одни ворота не находятся подъ его охраной.

— О, бѣдный Франза! ты развѣ не знаешь, какъ всеильна

измѣна. Онъ придумалъ хитрый способъ отвлечь грековъ отъ городскихъ стѣнъ. Онъ возбудилъ ихъ суевѣріе, разсказавъ имъ сказку, и дѣло измѣны сдѣлано.

— Горько подумать, что такой добрый и мужественный повелитель, какъ ты, гибнетъ отъ...

— Ты не можешь подобрать достойнаго названія этому измѣннику? Ну, да хорошо... Я и такъ тебя понимаю. Имѣешь ты что нибудь еще мнѣ сообщить?

— Всю ночь сегодня братья будутъ ходить по городу и распространять исторію объ ангелѣ, который вручить мечъ человѣку, сидящему у подножія колонны Константина.

Императоръ спокойно посмотрѣлъ въ окно и, послѣ минутнаго молчанія, хладнокровно произнесъ:

— Я могъ бы спасти эту древнюю имперію, но теперь я могу только умереть за нее... Да будетъ воля Божія, а не моя!

— Не говори, государь, о смерти. Быть можетъ, еще можно заключить съ султаномъ миръ. Скажи мнѣ свои послѣднія условія, и я отправлюсь къ нему.

— Нѣтъ, другъ мой, я заключилъ миръ самъ съ собою. Я не хочу быть рабомъ кого бы то ни было... Для меня остается только одно—честная смерть... Слава Богу, такая смерть останется въ памяти людей. Быть можетъ, наступитъ день, когда возстанется Греческая имперія, и новый византійскій императоръ вспомнитъ, что послѣдній Палеологъ покорно подчинился волѣ Божіей, хотя она выразилась въ позорной измѣнѣ... Но посмотри, кто это стучится въ дверь. Пусть войдетъ.

— Государь,—сказалъ офицеръ императорскихъ тѣлохранителей, входя въ комнату:—капитанъ Джустиніани и его генуезцы покидаютъ городскія ворота.

Константинъ вскочилъ и схватилъ свой мечъ.

— Что случилось?—спросилъ онъ.

— Джустиніани почти окончилъ проведеніе новаго рва передъ воротами св. Романа и потребовалъ у верховнаго адмирала орудій; но тотъ отвѣчалъ ему: «чужеземные трусы могутъ сами защищать себя».

— Скажи къ благородному капитану и скажи, что я слѣдую за тобой. Князь Нотарій съ ума сошелъ,—продолжалъ Константинъ, когда офицеръ удалился:—онъ богатъ и счастливъ, чего можетъ онъ ждать отъ Магомета?

— Обезпеченія жизни и увеличенія своего богатства,—отвѣчалъ Франза.

— Я не думалъ, что ты такого дурнаго мнѣнія о людяхъ.

— Не обо всѣхъ.

— Франза,—сказалъ Константинъ послѣ продолжительнаго молчанія:—быть можетъ, ты переживешь завтрашній день, и тогда

напиши на досугѣ обо мнѣ, что, во-первыхъ, я не смѣлъ пойти на открытый разрывъ съ княземъ Нотаріемъ въ виду Магометовой арміи, такъ какъ онъ могъ бы легко овладѣть престоломъ съ помощью церкви, монаховъ и всего народа, считающаго меня аземитомъ; а, во-вторыхъ, что я всегда считалъ постановленіе флорентинскаго собора о соединеніи церквей обязательнымъ для грековъ и настоялъ бы на этомъ, если бы Господь помогъ мнѣ сдержатъ наплывъ ислама. Посмотри, Франза, на нашихъ враговъ,—прибавилъ Константинъ, указывая въ окно на турецкій лагерь:—и подумай только, что если бы у христіанской церкви былъ одинъ глава, то западныя державы не допустили бы насъ до гибели. Напиши объ этомъ, Франза, у тебя хорошее перо... Но довольно о будущемъ, займемся настоящимъ. Мы загладимъ нанесенное Джустиніани и его храбрымъ сподвижникамъ оскорбленіе. Приготовь торжественный ужинъ въ дворцовой залѣ. Наши средства такъ теперь скудны, что ты не можешь устроить банкета, но сдѣлай все, что можно. Я самъ поѣду и приглашу на этотъ ужинъ всѣхъ благородныхъ грековъ и чужестранцевъ, отстаивающихъ церковь и Визанію. Быть можетъ, эта честь излѣчитъ раны, нанесенныя Нотаріемъ. Во всякомъ случаѣ мы приготовимся къ смерти благородно и мужественно.

Онъ вышелъ на улицу, сѣлъ на лошадь и поскакалъ къ воротамъ св. Романа, гдѣ его ждали генуезцы, которыхъ онъ легко уговорилъ остаться на своихъ мѣстахъ.

Въ десять часовъ состоялся придворный банкетъ. Лѣтописцы рассказываютъ, что было при этомъ произнесено много рѣчей и рѣшено, среди криковъ: «за Христа и святую церковь!» стоять за императора до послѣдней капли крови. По окончаніи ужина императоръ всталъ и, подзававъ къ себѣ по очереди каждаго изъ присутствующихъ, простился съ нимъ, попросилъ у него прощенія, если когда нибудь оскорбилъ его чѣмъ нибудь, и молилъ Бога спасти его въ критическую минуту. Всѣ со слезами цѣловали его руки, а онъ съ глубокимъ чувствомъ прибавлялъ, что христіане въ послѣдующіе вѣка отдадутъ справедливость благороднымъ защитникамъ Царьграда.

Когда всѣ разошлись, императоръ снова посѣтилъ городскія стѣны и своимъ личнымъ присутствіемъ удержалъ многихъ отъ измѣны своему долгу.

Исполнивъ такимъ образомъ весь свой долгъ относительно людей, онъ вспомнилъ о Богѣ, поѣхалъ въ св. Софію и приобщился Святыхъ Тайнъ, по латинскому обряду. Затѣмъ ему оставалось одно — умереть.

XI.

Д и л е м м а.

Проводивъ императора до св. Софіи, графъ Корти отправился со своими девятью маврами къ княжнѣ Иринѣ. Онъ ѣхалъ медленно, потому что на душѣ его было тяжело, мрачно.

Судъ Божій между Магометомъ и графомъ Корти очевидно клонился въ пользу перваго.

— Проигралъ, проигралъ!..— громко говорило сердце графа Корти, и мысли его невольно сосредоточивались на тѣхъ послѣдствіяхъ побѣды его соперника, о которыхъ они не думали, заключая между собой роковое условіе.

Рѣшено было, что въ случаѣ взятія города графъ Корти передастъ Магомету княжну Ирину подъ сводами св. Софіи. Но какъ было совершить эту передачу? Какъ могъ одинъ Корти охранить слабую женщину въ толпѣ, которая искала бы, конечно, спасенія въ святомъ храмѣ. Кромѣ того, какъ ему было отыскать Магомета?

— Боже мой, Боже мой! Пусть я лучше умру! — воскликнулъ онъ въ отчаяніи.

Но страшнѣе всего ему казалось лишиться не только своей любви, но и уваженія любимой женщины, такъ какъ она, при передачѣ ея Магомету, узнаетъ, что была предметомъ позорнаго договора.

— Дуракъ! Идіотъ!.. Зачѣмъ я на это соглашался? — упрекалъ онъ себя теперь.

Но поздно было укорять себя. Онъ уже достигъ дома княжны Ирины, который былъ превращенъ въ больницу для раненыхъ.

— Княжна Ирина въ часовнѣ, — доложилъ ему Лизандръ.

Графъ Корти зналъ дорогу и пошелъ одинъ.

Сергій совершалъ панихиду по только что скончавшемся воинѣ. Часовня была полна женщинъ, уstraшенныхъ ожиданіемъ подготовлявшагося приступа. Одна только Ирина была спокойна.

Взглянувъ на нее, графъ Корти почувствовалъ необходимость покончить разомъ со всѣми своими колебаніями. Онъ рѣшился рассказать ей всю свою исторію, скрывъ только свой договоръ съ Магометомъ, и роль шпіона, которую онъ одно время игралъ. Онъ не видѣлъ другого способа добиться отъ нея согласія пойти съ нимъ въ св. Софію.

Какъ только княжна замѣтила присутствіе графа въ церкви, то немедленно подошла къ нему.

— Что случилось, графъ, зачѣмъ ты здѣсь?

— Мнѣ надо переговорить съ тобою, княжна.

— Пойдемъ.

Она повела его въ корридоръ и затворила за собою дверь.

— Всѣ мои комнаты превращены въ больницу, и вездѣ лежатъ раненые. Говори здѣсь, графъ, и если принесенныя тобою вѣсти дурныя, то, слава Богу, несчастные ихъ не услышать.

Онъ взялъ ея руку и поцѣловалъ.

— Твой родственникъ императоръ, — произнесъ онъ: — приобщается теперь Святыхъ Тайнъ въ церкви св. Софіи.

— Въ такое необычное время? Зачѣмъ?

Корти разсказалъ о банкетѣ во дворцѣ и о сценѣ прощанія съ императоромъ.

— Неужели Константинъ готовится къ смерти! — воскликнула Ирина: — скажи мнѣ всю правду и не бойся. Я всю свою жизнь готовилась къ этой критической минутѣ. Онъ и его сподвижники, значить, убѣждены, что нѣтъ надежды на спасеніе. А ты что думаешь?

— Страшно сказать, княжна, но я думаю, что Божія кара посѣтитъ этотъ городъ завтра утромъ.

Она вздрогнула. Но черезъ минуту пересилила свое смущеніе и спокойно сказала:

— Мы всѣ заслужили этой кары. Я подчинюсь ей, исполняя свой долгъ здѣсь.

Она хотѣла вернуться въ часовню, но онъ остановилъ ее, подвинувъ къ ней стулъ и сказавъ нѣжно, хотя рѣшительно.

— Ты устала отъ постоянного ухода за ранеными. Сядь и выслушай меня.

Она повиновалась, но тяжело вдохнула.

— Не забудь, княжна, — произнесъ Корти: — что Божія кара, если застигнетъ тебя здѣсь, то приметъ болѣе ужасающую форму, чѣмъ смерть. Я поклялся защищать тебя и потому имѣю право избрать мѣсто, гдѣ эта защита будетъ легче. Ты никогда не видывала кораблекрушенія, княжна, а я видалъ, и то, что ожидаетъ Константинополь завтра утромъ, когда дикія орды набросятся на него, можно сравнить только съ напоромъ разъяренныхъ волнъ на утлое судно. Какъ отъ волны не спастись никому на палубѣ гибнущаго корабля, такъ и завтра никому въ городѣ не предохранить себя отъ гибели, а тѣмъ болѣе тебѣ, княжна, о красотѣ которой говорить весь востокъ. Тебя, конечно, будутъ здѣсь искать, а потому нельзя тебѣ здѣсь оставаться. Ты знаешь, что я люблю тебя, въ безумную минуту я признался тебѣ въ этомъ и съ тѣхъ поръ старался искупить свою вину храбростью. Спроси у всѣхъ моихъ товарищей или у самого императора, и всякій тебѣ скажетъ, что я совершалъ чудеса при своемъ боевомъ крикѣ: «за Христа и Ирину», но теперь я сознаюсь тебѣ, что я сражался все это время не за императора, не за церковь, даже не за Христа, а за тебя, Ирина, за тебя, которая для меня дороже всего на

землѣ и на небѣ!.. Но я долженъ также сознаться, что буду ли я тебя защищать лично, или нѣтъ, но ты можешь попасться въ плѣнъ...

Княжна снова вздрогнула и взглянула на него съ тревожной мольбой.

— Выслушай меня. Ты храбрѣе и мужественнѣе всѣхъ женщинъ, а потому я буду говорить съ тобой прямо. Твоя судьба зависить отъ того, въ чьи руки ты сразу попадешься... Ты слышишь, княжна, ты меня понимаешь?

— Еще бы, графъ, вѣдь это важнѣе для меня, чѣмъ жизнь.

— Значить, я могу продолжать. Я вполне убѣжденъ, что спасу твою жизнь и твою честь, если только ты исполнишь мой совѣтъ. Если ты не можешь довѣриться мнѣ, то мнѣ нечего болѣе говорить... Я прошусь съ тобою, а завтра сумѣю найти смерть!..

— Графъ Корти, я колеблюсь изъяснить свое согласіе, не зная твоего плана, не по недоувѣрію къ тебѣ. Объясни свой планъ, и я тогда рѣшу.

— Хорошо сказано, княжна!

Съ минуту онъ молчалъ, а потомъ въ короткихъ словахъ разсказалъ всю свою исторію, скрывъ только два поворные факта. Она слушала его съ лихорадочнымъ вниманіемъ и только два раза перебила.

— Какъ должна была страдать твоя несчастная мать,— сказала она въ первый разъ:— но зато какое счастье ее ожидаетъ въ будущемъ.

— Какъ удивительно твое спасеніе отъ гнета невѣрія,— произнесла во второй разъ:— съ любовью Христа ничто не сравнится, развѣ только любовь матери.

Когда онъ окончилъ свой разсказъ, она задумалась. Неужели она думала о немъ? Неужели его любовь восторжествовала надъ ея холодностью? Наконецъ она спросила:

— Такъ ты, графъ, былъ товарищемъ его дѣтства?

Сердце его дрогнуло: она думала не о немъ, а о Магометѣ. Но онъ все-таки отвѣчалъ:

— Я былъ ближайшимъ его другомъ до той минуты, какъ онъ взялъ въ свои руки мечъ отца.

— Онъ дѣйствительно такой звѣрь, какимъ его описываютъ?

— Да. Для враговъ и для всѣхъ сопротивляющихся ему онъ звѣрь; но для друзей — онъ истинный другъ!..

— А сердце его?..

Горько было отвѣчать графу Корти, но онъ все-таки отвѣтилъ:

— Сердце его умѣетъ любить, когда оно дѣйствительно любитъ.

— Прости меня, что я удалилась отъ предмета нашего разговора,— сказала Ирина, поборовъ свое волненіе:— объясни же мнѣ свой планъ.

— Да. Мнѣ нельзя терять время, я долженъ ѣхать къ воротамъ св. Романа, вмѣстѣ съ императоромъ. Вотъ что я предлагаю тебѣ: вмѣсто того, чтобы сдѣлаться здѣсь жертвой какого нибудь дикаго воина, ты отправишься со мною въ св. Софію, и когда султанъ явится туда, что онъ сдѣлаетъ непременно, то ты сама отдашь свою судьбу въ его руки. Если же до его прибытія разъяренные турки ворвутся въ святилище, то я защищу тебя, не какъ итальянецъ графъ Корти, а какъ Мирза-Эмиръ, предводитель янычаръ, которому султанъ поручилъ охранять тебя. Мои мавры будутъ служить доказательствомъ, что мой вымыселъ справедливъ.

Она молчала и видимо колебалась.

— Ты сомнѣваешься въ Магометѣ? Но, вѣрь мнѣ, онъ поступить, какъ честный человекъ; искатели славы болѣе всего боятся суда свѣта.

Она все-таки не произнесла ни слова.

— Или ты сомнѣваешься во мнѣ?

— Нѣтъ, графъ. Но я не могу покинуть окружающихъ меня лицъ, среди которыхъ есть дочери лучшихъ семействъ Византіи. Я должна или спастись съ ними вмѣстѣ, или раздѣлить ихъ судьбу.

— Такъ я спасу и ихъ вмѣстѣ съ тобой. Небо поможетъ мнѣ ради тебя.

— И я могу ходатайствовать за нихъ у него. Я пойду съ тобой въ св. Софію, графъ Корти. Но если ты, другъ мой, будешь ранѣе?..

— Будемъ надѣяться, что Господь пощадитъ мою жизнь, а если нѣтъ, то все-таки пойди въ церковь св. Софіи, отыщи Магомета и скажи ему, что я, Мирза-Эмиръ, послалъ тебя къ нему. Во всякомъ случаѣ завтра приготовься слѣдовать за мной со всѣми твоими домочадцами. Ну, прощай. Господь съ тобой! Я не хочу сказать, будь мужественна и надѣйся на меня.

Она протянула ему руку, онъ преклонилъ колѣна и поцѣловалъ.

— Я буду молиться о тебѣ, графъ Корти.

— Да услышитъ Господь твою молитву!

Онъ удалился и вернулся къ императору; они оба поѣхали изъ св. Софіи въ Блахернскій дворецъ.

XII.

Приступъ.

Костры дикихъ ордъ въ турецкомъ лагерѣ погасли къ тому времени, когда христіане разошлись съ послѣдняго банкета въ Блахернскомъ дворцѣ и всѣ, повидимому, успокоились на ночь, которая

блестѣла звѣздами, мирно сверкавшими надъ городомъ, его окрестностями и моремъ.

Къ неувядающей чести христіанскихъ героевъ надо сказать, что они могли подъ прикрытіемъ мрака пробраться на суда и спастись бѣгствомъ, но они этого не сдѣлали, а вернулись на свои посты. Прижавшись головой къ груди императора въ послѣднемъ прости и поклявшись, что будутъ стоять за него до послѣдней капли крови, ни одинъ изъ нихъ не искалъ спасенія въ бѣгствѣ. Благородное самопожертвованіе Константина, казалось, заразило всѣхъ его сторонниковъ. И это было тѣмъ удивительнѣе, что каждый изъ этихъ воиновъ зналъ, что защита была немыслима, что городскія стѣны и ворота, на которыя сначала такъ надѣялись, были въ развалинахъ, и что изъ всего гарнизона, уменьшеннаго смертью, болѣзнью и измѣной, только пять тысячъ человѣкъ могли дать слабый отпоръ двумъстамъ пятидесяти тысячамъ разъяреннымъ фанатикамъ, ожидавшимъ безпредѣльную наживу.

Безмолвная тишина, водворившаяся въ турецкомъ лагерѣ, продолжалась недолго. Вскорѣ греки на городскихъ стѣнахъ услышали отдаленный гулъ, словно земля стонала подъ шагами безконечной массы людей и животныхъ.

— Непрiятель смыкаетъ свои ряды, — сказалъ Іоаннъ Грантъ своему товарищу стрѣлку Карпетосу.

— Вниманіе, турки наступаютъ, — произнесъ венеціанецъ Минотль на почти разрушенныхъ Адрианопольскихъ воротахъ.

— Посмотри, капитанъ, — воскликнулъ часовой, обращаясь къ Джустиніани, который оканчивалъ временное укрѣпленіе, въ проходѣ между воротами Багатскими и св. Романа.

— Нѣтъ, они не поведутъ ночью атаки, — отвѣтилъ генуезецъ, бросивъ взглядъ на непріятельскій лагерь: — они только подготавлиются.

Однако, не уменьшая численности своего отряда рабочихъ, онъ выстроилъ остальныхъ воиновъ въ ожиданіи неожиданнаго нападенія.

Въ Селимври и на Золотыхъ воротахъ христіане также взялись за оружіе. То же произошло и на всѣхъ городскихъ стѣнахъ. Наступила мрачная тревожная тишина.

Согласно своему плану, Магометъ выставилъ ирегулярныя войска впереди арміи между ретраншементами и рвомъ, а приблизивъ къ городской стѣнѣ свои орудія и метательныя машины и лѣстницы, онъ грозилъ дружнымъ натискомъ на всю линію осажденныхъ, за этимъ авангардомъ онъ скучилъ конницу, которая должна была удерживать бѣглецовъ и возвращать ихъ въ бой. Резервы занимали траншеи, а янычары стояли вокругъ его палатки противъ воротъ св. Романа.

Дикія орды поняли, что имъ придется выдержать весь пылъ битвы, и начали роптать, но Магометъ приказалъ сказать имъ:

— Что они ворчатъ? Выборъ добычи принадлежитъ тѣмъ, которые будутъ первыми на стѣнахъ города. Ихъ же вина, если войска, слѣдующія за ними, найдутъ себѣ какую нибудь наживу.

На разсвѣтѣ изъ амбразуръ батарей, на которой стояла большая пушка, послышались трубные звуки. Этотъ боевой сигналъ былъ подхваченъ трубачами по всей линіи осаждающихъ, и его тотчасъ заглушилъ громъ барабановъ. Быстро двинулись орды: стѣлки, пращники, воины съ лѣстницами, оглашая воздухъ громкими криками. Въ то же время былъ открытъ огонь изъ мелкихъ орудій, и никогда на старыя распатанныя стѣны не сыпался такой дождь ядеръ, каменьевъ, стрѣлъ и копій, какъ теперь.

Часовые на стѣнахъ не были застигнуты врасплохъ приступомъ, но ихъ поразили ярость и шумъ натиска. Въ первую минуту они старались гдѣ нибудь укрыться, но возвращенные къ своимъ орудіямъ защиты они стали отвѣчать на огонь непріятели также стрѣлами, каменьями, копьями, пулями изъ мушкетовъ. Видя, что при скученности осаждающихъ каждый выстрѣлъ смертеленъ, греки набрались храбрости и предались съ азартомъ кровавой работѣ, легко превращающей человѣка въ самого лютаго звѣря.

Однако, натискъ турецкихъ ордъ производился не безъ системы, и паши или беи не дозволяли имъ даромъ расходовать своихъ силъ, а направляли ихъ исключительно на бреши въ стѣнѣ и на разрушенныя ворота.

Тысячи воиновъ устремились въ ровъ. Лѣстницы были приставлены, и смѣльчаки полѣзли, поддерживаемые товарищами.

— Думайте объ ожидающей васъ добычѣ,—кричали офицеры:— о золотѣ, о женщинахъ! Аллахъ-иль-Аллахъ! Наверхъ, наверхъ! Это дорога въ рай!

Стрѣлы и дротики сыпались на осаждающихъ. Большіе камни сваливали цѣлые ряды взбиравшихся по лѣстницамъ воиновъ и опрокидывали или ломали самыя лѣстницы. Но живыя массы замѣняли бездыханные трупы, и съ большей силой раздавались крики:

— Аллахъ-иль-Аллахъ!

Греки не могли покидать тѣ мѣста городскихъ стѣнъ, которыя оставались невредимыми, и слѣзть на выручку товарищей въ проходахъ и брешахъ, такъ какъ противъ нихъ дружно дѣйствовали турецкіе стрѣлки и пращники.

Ночью блокирующія суда были подвинуты къ самому берегу, и такъ какъ городскія стѣны съ моря были ниже, чѣмъ со стороны земли, то осаждающіе, стрѣляя съ воздвигнутыхъ высокихъ платформъ, вѣрнѣе направляли свои снаряды; тутъ также дѣлались попытки взлѣзть по лѣстницамъ на стѣны, съ цѣлью занять гарнизонъ.

Въ гавани, преимущественно противъ Деревянныхъ воротъ, со-

вершенно разрушенныхъ большой пушкой на пловучей батарее, турки силились сбѣлатъ десантъ, но христіанскій флотъ далъ энергичный отпоръ, и завязалась морская битва съ перемежающимся успѣхомъ.

Такимъ образомъ непріятель повелъ приступъ разомъ съ обѣихъ сторонъ, и когда солнце высоко взошло надъ азіатскими высотами, то все населеніе Константинополя знало, что пришелъ его послѣдній часъ.

Наканунѣ ночью Магометъ рано удалился на свое ложе. Онъ не сомнѣвался, что всѣ его распоряженія вѣрно исполнялись военачальниками, въ памяти которыхъ живо сохранялся недавній при- мѣръ адмирала, наказаннаго плетью за поражение, нанесенное ему христіанскими галерами.

— Завтра, завтра,—думалъ султанъ, пока пажы снимали съ него военные доспѣхи;—завтра, завтра,—повторялъ онъ про себя, растянувшись на своемъ роскошномъ ложѣ: — завтра, завтра! Слава и Ирина! — воскликнулъ онъ, просыпаясь среди ночи отъ чуткаго сна и прислушиваясь къ окружавшей тишинѣ.

Для Магомета завтрашній день былъ давно жданнымъ праздни- комъ, царственной забавой.

Въ три часа утра его разбудили. Онъ открылъ глаза и увидѣлъ передъ собой при мерцаніи лампы какого-то человѣка.

— Князь Индіи! — воскликнулъ султанъ, приподнимаясь на своемъ ложѣ.

— Да, это я, государь.

— Который часъ?

Старикъ отвѣчалъ.

— Еще рано,—произнесъ Магометъ, зѣвая, и прибавилъ, пытливо смотря на своего неожиданнаго посѣтителя: — скажи мнѣ прежде всего, зачѣмъ ты пришелъ.

— Я пришелъ, чтобъ посмотрѣть, можешь ли ты спать. Обык- новенный человѣкъ не сомкнулъ бы глазъ въ такую ночь, но ты, мой повелитель, обладаешь всѣми качествами завоевателя.

— Да, сегодня будетъ великимъ днемъ,—произнесъ Магометъ, очень довольный словами старика:—но тревожить тебя? отчего ты не спишь?

— Я также приму участіе въ дѣлѣ?

— Какое?

— Я буду сражаться и...

Магометъ посмотрѣлъ на его сгорбленную, старческую фигуру и засмѣялся.

— Ты?—продолжалъ онъ, презрительно пожимая плечами.

— У моего повелителя двѣ руки, а у меня четыре. Я сейчасъ покажу ихъ тебѣ.

Онъ вышелъ изъ спальни султана и вернулся черезъ минуту вмѣстѣ съ Нило.

— Вотъ, посмотри, государь, — сказалъ онъ, указывая на негра, который былъ въ парадной одеждѣ царя своего племени, въ вѣнцѣ съ перьями, въ короткой юбкѣ, украшенной серебряными полудунками, съ вышитыми жемчугомъ сандалями, мѣднымъ выпуклымъ щитомъ на лѣвой рукѣ и тяжелой сучковатой палицей въ правой. Онъ остановился на порогѣ и смотрѣлъ сверху внизъ на юнаго султана съ выраженіемъ гордаго превосходства.

— Вижу, понимаю и привѣтствую твои четыре руки, — сказала Магометъ, любуясь негромъ: — князь, — прибавилъ онъ послѣ минутнаго молчанія: — мною сегодня будетъ руководить благородная мысль, и даже не одна, а ты — что тебя побуждаетъ принимать такое живое участіе въ этой борьбѣ? Я замѣчаю въ тебѣ странную ненависть къ грекамъ, что они сдѣлали тебѣ?

— Они христіане, — отвѣчалъ еврей, насупивъ брови.

— Хорошо, это — причина, и самъ пророкъ считалъ ее достаточной, чтобъ очистить землю отъ ненавистной секты, но этого недостаточно. Я не такъ старъ, какъ ты, и, однако, понимаю, что ненавидѣть такъ, какъ ты ненавидишь грековъ, можно только вслѣдствіе частной обиды.

— Ты правъ, государь. Завтра я предоставлю толпу толпѣ и среди кровавой сѣчи буду искать только Константина. Посуди самъ, врагъ ли онъ мнѣ.

И старикъ разсказалъ исторію Лвели, о своей любви къ ней, о похищеніи ея Демедіемъ, о томъ, какъ онъ молилъ императора оказать ему помощь къ ея отысканію, и объ отказѣ Константина.

— Она была дочерью моей души, — прибавилъ онъ въ страстномъ порывѣ: — я потерялъ всякій интересъ въ жизни, а она воскресила меня. Она была для меня лучемъ свѣта, утренней звѣздой. Я сталъ снова мечтать о счастіи, строилъ воздушные замки для нея. А императоръ не только отказалъ мнѣ въ помощи, чтобъ найти ее, но когда она отыскалась, то онъ дозволилъ ей принять христіанство, съ цѣлью сдѣлаться женою христіанскаго священника. Сегодня я отомщу этому тирану, я убью его, какъ собаку, и потомъ найду Лаель. Да, я ее найду, а ему, проклятому, докажу, какъ любовь можетъ адски ненавидѣть.

На этотъ разъ князь Индіи забылъ свою обычную осторожность и такъ увлекся своимъ пыломъ, что не озаботился придать обычную вѣроятность, которой онъ всегда скрашивалъ всѣ свои мысли. Магометъ понялъ, что онъ скрывалъ отъ него многое, и только что хотѣлъ побудить его на полную откровенность, какъ вдругъ раздался отдаленный топотъ.

— Наступилъ знаменательный день! — воскликнулъ онъ: — будемъ готовы ты для мести, а я для славы и...

Онъ едва не произнесъ—«и Ирины», но въ-время удержался и спокойно прибавилъ:

— Повови моего конюшого и другихъ придворныхъ. Вонъ посмотри, на столѣ лежитъ мое оружіе: булава, которую держалъ въ рукахъ мой предокъ Ильдеримъ ¹⁾ подъ Никополею, и мечъ Соломона. Богъ великъ, и звѣзды стоятъ за меня; чего же мнѣ бояться?

Спустя полчаса, онъ верхомъ на конѣ выѣхалъ изъ своей палатки.

— Откуда дуетъ вѣтеръ, изъ города или въ городъ?—спросилъ онъ у начальника янычаръ.

— Въ городъ, государь.

— Да будетъ свято имя пророка! Выстрой цѣтъ правобѣрныхъ въ колонну, въ ширину той бреши, которую мы пробили въ воротахъ. Я буду у большой пушки.

Достигнувъ батареи, онъ выѣхалъ на парапетъ и оглянулся во все стороны. Всюду, куда достигалъ его глазъ, стояли полчища, дожидавшіяся сигнала. Довольный, счастливый, онъ поднялъ глаза къ небу. Никто лучше его не зналъ, какія звѣзды предшествовали солнцу, и теперь онъ смотрѣлъ на нихъ, какъ на своихъ друзей. Наконецъ надъ горными высотами Скутари показалась свѣтлая полоса.

— Выходите!—воскликнулъ Магометъ, обращаясь къ пяти герольдамъ:—и какъ вы вѣрите въ рай, трубите изо всей силы. Пусть отъ вашего трубнаго звука повергнутся стѣны Константинополя. Никогда Богъ не былъ такъ всемогущъ, какъ сегодня.

Тогда послѣдовало общее наступленіе. Только передъ воротами св. Романа осаждающихъ не прикрывали стрѣлки и пращники. Тутъ ровъ былъ наполненъ почти въ уровень съ краями, и потому Магометъ прямо направилъ свои орды противъ развалинъ воротъ.

Неудержимый натискъ при трубныхъ звукахъ и барабанномъ боѣ превратился въ кровавую свалку. Тысячи наступающихъ спѣшили, толкались, сбивали и топтали другъ друга, неслись впередъ и оставляли за собою груды мертвыхъ, раненыхъ, копій, щитовъ. Ни на что не обращали вниманія, ни на стоны, ни на мольбы.

Все это предвидѣлъ Джустиніани. На вершинѣ горы за горами камней онъ расположилъ свои мелкія орудія, а между ними разставилъ стрѣлковъ и копейщиковъ. По флангамъ онъ выстроилъ отряды одинаково вооруженныхъ солдатъ, такъ что въ брешѣ между сохранившимися въ цѣлости городскими стѣнами не было и пяди не защищенной земли.

Какъ только раздался сигналъ въ турецкомъ лагерѣ, онъ сказалъ гонцу:

¹⁾ Баязеть.

— Скачи въ Блахернъ къ императору и передай ему, что буря разразилась. Торопись. Зажигайте фитили,—прибавилъ онъ, обращаясь къ своимъ солдатамъ,—и будьте готовы бросать камни.

Мусульманскія орды достигли въ эту минуту краевъ рва; камни полетѣли на нихъ, и они увидали передъ собой дула орудій.

— Пли!—кричалъ генуезецъ:—За Христа и святую церковь!

На осаждающихъ посыпался дождь ядеръ, пуль, стрѣлъ, дротиковъ, камней, но они продолжали подвигаться, какъ воды рѣки, прорвавшей плотину. Имъ нечего было дѣлать иначе, какъ идти впередъ. Позади ихъ наступала живая стѣна, остановиться было невозможно: ихъ смяли бы въ ровъ—впередъ, впередъ. Они и подвигались, ступая по тѣламъ умершихъ или еще живыхъ товарищей, подъ крики съ одной стороны:

— Добыча! Золото! Женщины!

А съ другой:

— За Христа и святую церковь!

Вскорѣ ровъ былъ перейденъ, и турки начали подниматься въ гору. Камни придавливали ихъ къ землѣ, дротики и стрѣлы пронзали ихъ тѣла, ядра приподнимали ихъ на воздухъ и набрасывали на головы товарищей.

Незамѣтно наступилъ полный разсвѣтъ. Императоръ съ графомъ Корти присоединился къ Джустиніани. Они любезно повдоровались.

— Государь,—сказалъ генуезецъ:—день еще только начался, а уже исламъ дорого заплатился за свою дерзкую смѣлость.

Константинъ устремилъ глаза въ окружавшій его дымъ и, увидѣвъ, въ чемъ дѣло, прошелъ мимо двухъ орудій и сталъ лично отбивать копьемъ турокъ, которые толпой лѣзали съ низу.

Груды мертвыхъ тѣлъ, среди которыхъ попадались и живые, сбитые съ ногъ, все болѣе и болѣе возвышались.

Прошелъ часъ, и вдругъ дикія орды, понявъ всю бесполезность ихъ усилій, повернули назадъ и стали быстро удаляться.

Христіане, хотя потерпѣли мало потерь, все-таки были рады отдохнуть; но графъ Корти, обращаясь къ императору, воскликнулъ:

— Смотри: теперь янычары готовятся идти въ дѣло.

— Всѣ на мѣста!—скомандовалъ Джустиніани:—надо открыть свободное поле для выстрѣловъ. Долой тѣла, живыя и мертвыя! Теперь не время для состраданій.

И, слѣдуя его личному примѣру, осажденные стали сбрасывать съ откоса горы валявшіяся тѣла.

Между тѣмъ Магометъ, верхомъ, слѣдилъ съ батареи большой пушки за приступомъ. По временамъ къ нему подскакивалъ гононецъ съ извѣстіемъ отъ того или другого паши. Онъ всѣмъ повторялъ одно и то же:

— Пусть орда за ордой устремляется на городскія стѣны.

Наконецъ, къ нему подлетѣлъ, маршь-маршемъ, какой-то офицеръ и громко воскликнулъ:

— Поздравляю, государь: городъ взятъ!

Глаза Магомета засверкали, и, привставъ на стременахъ, онъ спросилъ:

— Что ты говоришь? Но смотри, если ты скажешь неправду, то я велю посадить тебя на колъ.

— Я ничего не боюсь, государь, я передалъ тебѣ то, что самъ видѣлъ. Ты знаешь, что тамъ, гдѣ начинается на югѣ Блахернскій дворецъ, стѣна дѣлаетъ уголъ. Тамъ, пока одни войны вели фальшивую атаку, чтобы отвратить вниманіе грековъ, другіе наши скрытыя ворота, которыя оказались не запертыми и не защищенными. Этимъ путемъ наши солдаты ворвались во дворецъ, и теперь тамъ происходитъ жестокая борьба: христіане защищаются въ каждой комнатѣ. Но они отрѣзаны отъ всякой помощи, и скоро весь этотъ кварталъ будетъ въ нашей власти.

— Возьми этого человѣка и держи его подъ арестомъ, — сказалъ Магометъ Халилу: — если онъ сказалъ правду, то велика будетъ его награда, а если онъ солгалъ, то лучше ему было бы не родиться на свѣтъ. Скачи черезъ указанные ворота къ Блахернскому дворцу, — прибавилъ онъ, обращаясь къ одному изъ своихъ приближенныхъ: — и передай начальнику того отряда мой приказъ, чтобы онъ немедленно оставилъ дворецъ и не предавался грабежу, а устремился бы съ тыла на защитниковъ воротъ св. Романа. Я даю ему часть на исполненіе моего приказа. Скачи, сломя голову, и помни, что ты исполняешь волю Аллаха.

Потомъ онъ позвалъ агу янычаръ:

— Орда отхлынула отъ воротъ св. Романа; они сдѣлали свое дѣло. Они наполнили своими тѣлами ровъ и привели въ изнуреніе гауровъ, которые устали ихъ убивать. Смотри, когда дорога будетъ очищена, то пусти въ ходъ цвѣтъ правовѣрныхъ. Первый, кто войдетъ на стѣну, получить провинцію. Я буду самъ наблюдать за дѣйствіемъ каждаго. Ступай. Теперь отъ каждой минуты зависитъ судьба царствъ.

Янычары, теперь двинутые впередъ, составляли, по ихъ военному духу, дисциплинѣ и блестящей внѣшности, образцовый корпусъ турецкой арміи; онъ всегда находился въ резервѣ, и его всегда пускали въ дѣло въ рѣшительную минуту, въ концѣ сраженія.

Ага передалъ янычарамъ приказъ Магомета, и они, спѣшившись, образовали три колонны. Въ одну минуту они сбросили съ себя плащи и, сверкая блестящими кольчугами, а также махая въ воздухъ мѣдными щитами, подняли своей боевой крикъ.

— Да здравствуетъ падишахъ! Да здравствуетъ падишахъ!

Когда дорога къ воротамъ была очищена, то ага подскакалъ къ желтому флагу первой колонны и громко скомандовалъ:

— Аллахъ-иль-Аллахъ! Впередь!..

Раздались трубные звуки и барабанный бой. Колонна построилась по пятидесяти человекъ въ ширину и медленно двинулась впередъ. Такъ подъ Фарсалами ходилъ любимый легионъ Цезаря, такъ водилъ въ огонь и свою старую гвардію послѣдній всесвѣтнѣйшій завоеватель.

Приблизившись ко рву, янычары ускорили шаги и бѣгомъ перенеслись черезъ него.

Магометъ самъ опустился на конѣ въ ровъ, держа въ рукѣ мечъ Соломона, тогда какъ булава Ильдерима была прикрѣплена къ лукѣ его сѣдла. Хотя онъ самъ не участвовалъ въ атакѣ, но правобѣрные знали, что онъ видитъ каждый ихъ шагъ, и черпали въ этомъ сознаниі фанатическую отвагу.

Снова повторилось то, что не удалось иррегулярнымъ ордамъ, но теперь въ безпорядкѣ былъ порядокъ. Сплоченная человѣческая масса продолжала подниматься вверхъ по горѣ, не смотря на громадное количество убитыхъ и раненыхъ, которые попрежнему образовали цѣлыя груды передъ батареями. Какъ въ первый разъ, осажденные сдѣлали вылазку и безпощадно кололи копьями янычаръ, которые упорно лѣзли вверхъ, одни за другими.

Въ этой кровавой свалкѣ принялъ участіе и императоръ. Онъ дрался сначала копьемъ, а потомъ, когда копье у него выбили, мечемъ. Мало-по-малу онъ, однако, сознавалъ, что дѣло проиграно, что масса турокъ такъ неудержимо напираетъ на горсть защитниковъ бреши, что долго имъ не удержаться.

Наконецъ, на парапетѣ показался турецкій щитъ, а затѣмъ и вся фигура янычара, державшаго въ рукахъ этотъ щитъ. Онъ былъ громаднаго роста и неимоверной силы; онъ рубилъ съ плеча греческія копья, которыя валились, какъ колосья подъ серпами. Осажденные въ страхѣ отскакивали отъ него. Императоръ старался ихъ удержать, но другіе турки уже поспѣвали на помощь своему товарищу. Казалось, наступила роковая минута, и брешь была потеряна.

Но вдругъ раздался крикъ:

— За Христа и Ирину!

Графъ Корти соскочилъ съ орудія и бросился на гиганта-турка.

— Эй! сынъ Улубада! Хасанъ, Хасанъ!—воскликнулъ онъ потурецки.

— Кто меня зоветъ?—спросилъ великанъ, опуская свой щитъ и съ удивленіемъ озираясь по сторонамъ.

— Я, Мирза-Эмиръ. Твой конецъ наступилъ. За Христа и Ирину!

Съ этими словами графъ Корти нанесъ ему по головѣ такой страшный ударъ, что тотъ упалъ на колѣна. Въ ту же минуту съ

сосѣдней стѣны бросили въ него громаднѣмъ камнемъ, и его бездыханное тѣло покатилося внизъ по горѣ.

Константинъ и Джустиніани съ другими товарищами присоединились къ Корти, но уже было поздно. Изъ пятидесяти янычаръ, составлявшихъ шеренгу Хасана, тридцать вскочило на парапетъ. Изъ нихъ восемнадцать были убиты, но, не смотря на геройскіе подвиги Корти, на помощь къ оставшимся двѣнадцати стали подниматься шеренга за шеренгой. Дѣло было проиграно.

— Государь, надо ретироваться!—воскликнулъ генуезецъ.

— Развѣ уже пора?

— Мы должны отступить за ровъ, или насъ перебьютъ до послѣдняго человѣка.

Тогда императоръ громко scomандоваль:

— Назадъ, на галеру! За Христа и святую церковь!..

И батарея была покинута. Константинъ и Корти удалились послѣдними, пятясь назадъ и продолжая сражаться. Янычары невольно остановились, чтобы перевести дыханіе и дать себѣ отчетъ въ своемъ положеніи.

Вторая оборонительная линія, къ которой теперь отступили греки, состояла изъ галеры, которую графъ Корти вкопаль въ землю и наполниль каменьями. Впереди былъ устроенъ ровъ въ пятнадцать футъ ширины, а двѣнадцать глубины; черезъ него для прохода были переброшены доски. На палубѣ галеры были поставлены мелкія орудія съ необходимыми снарядами.

Къ величайшей своей радости, христіане, достигнувъ этого убѣжища, увидѣли, что позади него стоятъ резервные отряды Деметрія Палеолога и Николая Джіудали.

Взбираясь на палубу галеры, императоръ увидалъ, что на главной мачтѣ, благодаря густому воздуху, висѣль, какъ тряпка, императорскій флагъ. Онъ поняль, что, когда этотъ флагъ опустится, пробьетъ послѣдній часъ его имперіи, но онъ не дрогнуль, не поблѣднѣль, а любезно сказаль Деметрію Палеологу, который протянулъ ему руку, чтобы подняться на галеру:

— Спасибо. Богъ еще насъ не оставиль, открывайте огонь.

Янычары были такъ удивлены этой новой и странной защитой, что, по всей вѣроятности, ретировались бы, если бы это было возможно, но передніе ряды должны были идти впередъ, такъ какъ ихъ тѣснили задніе. Массами они попадали въ ровъ. Съ галеры и съ окрестныхъ стѣнъ сыпались на нихъ камни, пули, стрѣлы. Въ воздухѣ стояли крики, стоны, вопли. А извнѣ Магометъ все посылаль шеренги за шеренгами янычаръ, тѣлами которыхъ наполнялся ровъ.

Наконецъ, къ довершенію всѣхъ ужасовъ, христіане начали лить съ верху ту огненную жидкость, которую приготавлиль

Иоаннъ Грантъ. Весь ровъ превратился въ огненную печь, и запахъ жаренаго человѣческаго тѣла наполнилъ воздухъ.

Осажденные ликовали. Они уже торжествовали побѣду надъ страшными янычарами, какъ къ внутренней сторонѣ галеры подскочилъ офицеръ и, поспѣшно добравшись до императора, провнесъ:

— Государь, Иоаннъ Грантъ, Минотль, Каристосъ, Лонпаско и Геронимъ-итальянецъ—убиты. Блахернъ взятъ турками, и они идутъ сюда. По дорогѣ я слышалъ шумъ выламываемыхъ въ домахъ дверей и вопли женщинъ.

Константинъ три раза перекрестился и поникъ головой.

Джустиніани поблѣднѣлъ, какъ полотно, и воскликнулъ:

— Мы погибли! Все потеряно!..

Услыхавъ о случившемся, защитники галеры побросали оружіе и стали также кричать:

— Все потеряно! Турки у насъ въ тылу!..

Конечно, графъ Корти думалъ въ эту минуту о княжнѣ Иринѣ, ждавшей его въ часовнѣ, но все-таки онъ не терялъ головы и свято исполнялъ свой долгъ.

— Государь,—сказалъ онъ:—мои мавры у меня подъ рукой. Я сдержу турокъ, пока ты позовешь на помощь защитниковъ городскихъ стѣнъ, или,—прибавилъ онъ нерѣшительно:—я провожу тебя на корабль: ты еще можешь спастись бѣгствомъ.

Дѣйствительно, императоръ могъ еще избѣгнуть опасности: ему стоило только сѣсть на лошадь и, подъ прикрытіемъ мавровъ графа Корти, доскакать до кораблей въ гавани. Но не таковъ былъ Константинъ: онъ гордо поднялъ голову и сказалъ, обращаясь къ Джустиніани:

— Я отправлюсь съ тобой, капитанъ, на встрѣчу мусульманскихъ ордъ, ворвавшихся въ городъ. Здѣсь останутся мои тѣлохранители, которымъ легко удержать за собою галеру, продолжая стрѣлять по непріятелю. Графъ Корти, позови Теофила Палеолога, онъ на стѣнѣ между этими воротами Селимврійскими. Христіане,—прибавилъ онъ, смотря прямо въ глаза окружавшимъ его солдатамъ:—еще не все потеряно. Мы не имѣемъ извѣстія о томъ, что дѣлаютъ Бочіарди у Адрианопольскихъ воротъ. Бѣжать отъ невидимаго врага стыдно. Насъ все-таки нѣсколько сотенъ, пойдемъ отсюда и выстроимся въ боевую колонну. Не можетъ быть, чтобы Богъ...

Въ эту минуту Джустиніани громко вскрикнулъ и уронилъ сѣкиру, которую держалъ въ рукахъ. Стрѣла вонзилась ему въ руку черезъ одно изъ колецъ его стальной перчатки. Онъ, вѣроятно, почувствовалъ сильную боль и поспѣшно сталъ спускаться съ галеры.

— Капитанъ! Капитанъ!—крикнулъ ему вслѣдъ императоръ.

— Позволь мнѣ, государь, перевязать свою рану!

— Куда?

— На мое судно.

Императоръ поднялъ забрало своего шлема. Лице его пылало удивленіемъ и негодованіемъ.

— Нѣтъ, капитанъ, твоя рана не можетъ быть серьезна, и къ тому же, какъ ты доберешься до своего корабля?

Джустиніани обернулся и, указавъ на большую трещину, произведенную въ городской стѣнѣ стрѣльбой изъ большой пушки Магомета, произнесъ:

— Богъ допустилъ эту трещину; турки черезъ нее войдутъ, а я выйду.

И онъ быстро, почти бѣгомъ исчезъ изъ глазъ осажденныхъ.

Нѣкоторые изъ генуезцевъ послѣдовали примѣру этого измѣнника, но не всѣ. Многіе изъ нихъ, служившіе пушкарями, выхватили мечи и, окруживъ императора, воскликнули:

— Мы тебя не выдадимъ, государь! Мы пойдёмъ за тобой, куда хочешь!..

— Спасибо, господа,—сказалъ онъ, бросая на нихъ взглядъ, полный благодарности:—пойдемъ и выстроимся въ колонну на улицѣ, а моимъ тѣлохранителямъ я предоставляю защиту галеры.

Снявъ свою красную бархатную мантию и шлемъ, онъ отдалъ то и другое своему меченосцу.

— Возьми это, а дай мнѣ мой мечъ. Ну, господа, ну, храбрые соотечественники, идемъ. Да сохранить насъ небо!

Но не успѣли они всѣ спуститься на улицу, какъ на встрѣчу имъ бросились мусульманскія орды, и завязалась между ними кровавая сѣча.

Христіане храбро защищались, но храбрѣе всѣхъ былъ Константинъ: онъ дрался упорно хладнокровно, и остріе его меча вскорѣ обагрилось до самой рукоятки.

— Бейте враговъ! За Христа и святую церковь!—громко кричалъ онъ.

Тѣмъ же крикомъ: за Христа и святую церковь, отвѣчали ему мужественные греки и чужеземцы. Никто не просилъ пощады и никто не жалѣлъ врага. Груды мертвыхъ тѣлъ вскорѣ покрыли улицу.

Прошло минутъ десять или пятнадцать, и въ той бреші, чрезъ которую поворно бѣжалъ Джустиніани, показались Теофиль Палеологъ, графъ Корти, Франческо-ди-Таледо, Иоаннъ Далматинецъ и еще человѣкъ двадцать христіанскихъ рыцарей, знавшихъ различіе между честной смертью и безчестной жизнью.

Медленно поднималось по небу солнце. Половина улицы уже была въ тѣни, а остальная часть озарена свѣтомъ; но борьба все продолжалась, и нельзя было сказать, чтобы Богъ покинулъ христіанъ. Но вдругъ послышались за ними громкіе крики. Нѣкто-

рые обернулись и въ ужасѣ увидали, что янычары влѣзали на галеру. Они проложили себѣ дорогу чрезъ горѣвшіе трупы товарищей во рву и беспощадно рѣзали императорскихъ тѣлохранителей. Еще минута, и они могли напасть съ тыла на горсть грековъ.

— Янычары! янычары! Боже милостивый!— раздалось среди христіанъ.

Услыхавъ этотъ крикъ, Константинъ отскочилъ отъ противника, съ которымъ онъ боролся, и, бросивъ свой мечъ, обратился къ окружающимъ воинамъ съ отчаянной мольбой.

— Друзья, соотечественники! Неужели не найдется христіанина, который убилъ бы меня?

Тогда всѣ поняли, зачѣмъ онъ снялъ свой шлемъ передъ роковой сѣчью.

— Развѣ нѣтъ христіанина, который убилъ бы меня?— повторилъ онъ снова.

Въ эту минуту изъ турецкихъ рядовъ выдѣлился какой-то странный призракъ и подбѣжалъ къ Константину. Это былъ сѣдой старикъ въ черной бархатной шапочкѣ и такой же одеждѣ, безъ всякаго оружія.

— Князь Индіи!— промолвилъ Константинъ.

— А, ты узналъ меня!— отвѣчалъ старикъ рѣзавшимъ воздухъ голосомъ:— ты помнишь тотъ день, когда я умолялъ тебя возстановить поклоненіе истинному Богу? Ты помнишь тотъ день, когда я просилъ у тебя на колѣняхъ отыскать и спасти мою дочь? Теперь пришла минута расчета! Вотъ твой палацъ.

Онъ отшатнулся и поднялъ руку. Прежде чѣмъ Константинъ или окружающіе его успѣли прійти въ себя отъ удивленія, Нило, незамѣтно послѣдовавшій за княземъ Индіи, выскочилъ впередъ и однимъ ударомъ своей сѣкиры перерубилъ голову императору.

Константинъ упалъ лицомъ на свой шлемъ и едва слышно проговорилъ:

— Господи, прими мою душу.

Дикарь злобно наступилъ ногой на окровавленное лицо убитаго, но въ то же мгновеніе графъ Корти, въ свою очередь, нанесъ негру смертельный ударъ мечемъ по головѣ, и тотъ грохнулся мертвымъ на бездыханное дѣло Константина.

Не обращая вниманія на окружающихъ, Корти преклонилъ колѣно, поднялъ голову императора, повернулъ ее лицомъ къ себѣ и тихо произнесъ:

— Душа его отлетѣла.

Не успѣлъ онъ нѣжно опустить голову убитаго, какъ кто-то прикоснулся къ его плечу.

Онъ вскочилъ и замахнулся мечемъ.

— Князь Индіи!.. Простись съ жизнію!— воскликнулъ онъ.

— Ты лжешь. Смерть и я...

Но старикъ не окончилъ этихъ словъ. Онъ поблѣднѣлъ, затѣмъ почернѣлъ, глаза его какъ бы выскочили наружу, руки, какъ плети, опустились по сторонамъ, и онъ также упалъ бездыханнымъ трупомъ на тѣло императора.

Между тѣмъ сѣча продолжалась. Корти взглянулъ на мертвого князя Индіи и произнесъ вполголоса:

— Миръ праху и твоему...

Потомъ онъ оглянулся. Христіане, атакующіе съ фронта и съ тыла, сомкнулись вокругъ ихъ умершаго повелителя. Очевидно было, что они тутъ погибнуть всѣ до послѣдняго. Тогда графъ Корти тяжело вздохнулъ и вспомнилъ о княжнѣ Иринѣ, которая ждала его въ часовнѣ. Онъ вполне исполнилъ свой военный долгъ и могъ теперь спѣшить на помощь къ ней. Но не было ли уже поздно?

Не задумываясь ни минуты, онъ смѣло бросился къ янычарамъ и, отражая направленные на него удары, воскликнулъ по-турецки:

— Безумцы, развѣ вы не видите, что я вашъ товарищъ, Мирза-Эмиръ? Дайте мнѣ пройти. Я спѣшу къ падишаху.

Янычары узнали своего любимаго начальника и пропустили его.

Черезъ ту же брешь, которая послужила къ бѣгству Джусти-ніани, графъ Корти выбѣжалъ къ своимъ маврамъ, дожидавшимся его у городской стѣны, и поскакалъ къ жилищу княжны Ирины.

Ни одинъ христіанинъ не остался въ живыхъ. Вокругъ мертвого императора лежали безъ разбора тѣла грековъ, итальянцевъ, турокъ.

Спустя часъ послѣ того, какъ пала послѣдняя изъ жертвъ мусульманъ, и они сами удалились въ поискахъ добычи, князь Индіи поднялся изъ-подъ груды труповъ. Онъ не умеръ, а только находился въ столбнякѣ.

Теперь онъ открылъ глаза и странно, сомнительно сталъ смотрѣть на небо, на окружающіе его трупы, на самого себя! Онъ мысленно спрашивалъ: кто я? Этотъ вопросъ былъ вызванъ новымъ чувствомъ, которое онъ ощущалъ. Что текло въ его жилахъ? Вино? Элексиръ? Какой-то новый источникъ жизни вспыхнулъ въ немъ. Тяжесть старости исчезла. Въ рукахъ, ногахъ, мускулахъ, костяхъ онъ снова сознавалъ молодость; но умъ оставался тѣмъ же, и память быстро возвращалась къ нему. Прежде всего онъ вспомнилъ, но очень смутно, о томъ роковомъ днѣ, когда онъ увидалъ Христа, шедшаго на Голгоѳу, и слышалъ сначала вопросъ римскаго воина: «Гдѣ дорога на Лобное мѣсто», а потомъ свой отвѣтъ: «Я васъ провожу». Послѣдующая сцена уже совершенно живо предстала передъ его глазами: онъ наплевалъ въ лицо Божественному страдальцу и нанесъ ему ударъ, а Христосъ сказалъ: «Жди, пока я

приду». Онъ посмотрѣлъ на свои руки; онѣ были обогрены кровью, но нѣжныя, бѣлыя; онъ выдернулъ изъ головы клочекъ волосъ: они были также забрызганы кровью, но черны, какъ вороново крыло. Юность, юность — веселая, радостная юность снова была его удѣломъ.

— Благодарю тебя, Боже мой! — воскликнулъ онъ и, вскочивъ, вытянулся во весь ростъ.

Но, поднявъ глаза къ небу, онъ вздрогнулъ. На лазури небесной представился ему блаженный ликъ Божественнаго Страдальца, и снова въ его ушахъ раздались слова:

— Жди, пока я приду.

Онъ закрылъ лицо руками.

Да, онъ былъ снова молодъ, но въ молодомъ тѣлѣ оставались старый умъ, старая память. Онъ помолодѣлъ только для того, чтобъ вѣчно длилось наложенное на него проклятье. Онъ подвергся четырнадцатой метаморфозѣ, и новая жизнь начиналась для него при старыхъ условіяхъ.

Но что ему было дѣлать? Его тождественность пропала, и онъ снова былъ скитальцемъ безъ друзей, безъ пріятелей. Къ кому могъ онъ теперь обратиться съ увѣренностью, что его узнаютъ? Онъ прежде всего подумалъ о Лаели, которую онъ дѣйствительно любилъ, но если-бъ онъ и нашелъ ее, то она оттолкнула бы его, говоря:

— Ты не мой отецъ. Онъ былъ старикъ.

Если-бъ онъ пошелъ къ Сіамъ, то и этотъ вѣрный слуга сказалъ бы:

— Мой господинъ былъ старый, дряхлый, сѣдой, а ты юноша. Ступай прочь.

Наконецъ, явился онъ къ Магомету, которому онъ содѣйствовалъ расширить свою имперію и помочь добыть столько славы, то султанъ также произнесъ бы:

— Ты не князь Индіи, ты не вѣстникъ звѣздъ. Онъ былъ старъ: волоса и борода его были покрыты сѣдинами, а ты мальчишка. Ей, тѣлохранители, взять этого обманщика и засѣчь его до смерти.

Чувство мрачнаго одиночества и необходимости вѣчнаго скитанія давило, терзало его.

— Таковъ приговоръ неба, — произнесъ онъ, наконецъ, съ печальной улыбкой: — но у меня остались мои богатства, и Гиравъ Тирскій все еще мнѣ другъ. Я молодъ и пользуюсь опытомъ болѣе тысячи лѣтъ. Я не могу сдѣлать людей лучшими существами, и Богъ не принимаетъ моихъ услугъ. Но я займусь новыми открытіями. Земля кругла, и на другой сторонѣ ея долженъ быть новый свѣтъ. Можетъ быть, я найду смѣлаго человѣка, который предприметъ, путешествіе съ цѣлю открытія новаго свѣта, можетъ

быть, Богъ найдетъ его болѣе достойнымъ неуязвимой славы. А этотъ пунктъ соединенія старыхъ континентовъ,—прибавилъ онъ, овираясь по сторонамъ:—да будетъ онъ проклятъ проклятемъ самаго проклятаго изъ людей. До сихъ поръ на Константинополѣ сосредоточивались желанія всѣхъ націй, а съ этой минуты онъ будетъ яблокомъ раздора для всего міра.

Онъ бросилъ далеко отъ себя свою черную бархатную одежду, ввѣлъ съ одного изъ мертвыхъ турокъ окровавленный торбушъ, ангорскую бурку, надѣлъ ихъ на себя, схватилъ валявшійся на землѣ дротикъ и медленно пошелъ въ городъ.

Когда-то онъ видѣлъ разграбленіе Константинополя христіанами, теперь ему предстояло зрѣлище его истребленія мусульманами. Быть можетъ, сравненіе этихъ двухъ сценъ доставить ему хоть минуту удовольствія ¹⁾.

XIII.

Магометъ въ соборѣ св. Софіи.

Графъ Корти не жалѣлъ своего коня и слѣдовавшихъ за нимъ мавровъ. Дѣйствительно, ему нельзя было терять времени. Турки легко преодолѣли отпоръ, данный имъ христіанскимъ флотомъ въ гавани, и ворвались въ городъ чрезъ ворота св. Петра (Фанаръ), которыя находились близъ жилища княжны Ирины.

По дорогѣ онъ встрѣчалъ толпы побѣдителей уже съ добычей: многіе изъ нихъ тащили на веревкѣ женщинъ и дѣтей, которыя оглашали воздухъ стонами, воплями, мольбами. Сильно билось сердце Корти, при видѣ этого ужаснаго зрѣлища, но онъ не могъ заступиться за несчастныхъ жертвъ и, закрывъ глаза, продолжалъ свой путь къ той, спасти которую его побуждали и честь и любовь.

Весь околотокъ, гдѣ жила княжна Ирина, былъ уже во власти мусульманъ. Неужели было поздно?

Съ тревожно бьющимся сердцемъ графъ Корти соскочилъ съ лошади у дверей дома княжны и вбѣжалъ безъ церемоніи въ приемную комнату. Ея тамъ не было. Неужели она уже удалилась въ св. Софію или?...

Онъ поспѣшилъ въ часовню и, остановившись на порогѣ, возблагодарилъ Бога. Княжна находилась тамъ среди приближенныхъ ей лицъ. Подлѣ нея стоялъ Сергій, и лишь они двое были спокойны. Она была вся въ черномъ, съ лица ея была откинута бѣ-

¹⁾ Согласно первоначальнымъ легендамъ о вѣчномъ жидѣ, ему было тридцать лѣтъ, когда онъ встрѣтилъ на дорогѣ къ Голгоѣ Христа, нанесъ ему ударъ и приказалъ идти далѣе. По окончаніи каждаго ста лѣтъ, приговоренный къ вѣчному скитанію, еврей впадаетъ въ забытѣе, отъ котораго онъ просыпается юношей. Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ онъ остается неизмѣненнымъ.

лая фата. Несмотря на страшную блѣдность, ея лице, какъ всегда, сіяло красотой и нѣжнымъ достоинствомъ.

— Княжна Ирина,—воскликнулъ графъ, подходя къ ней и цѣлуя ея руку:—если ты не перемѣнила своего намѣренія искать убѣжища въ св. Софіи, то поспѣшимъ туда.

— Мы готовы,—отвѣчала она:—но прежде скажи мнѣ, гдѣ императоръ.

— Онъ тамъ, гдѣ ему нечего бояться ни униженія, ни оскорбленія,—отвѣчалъ Корти, поникнувъ головой:—его душа улетѣла на небо.

Глаза ея наполнились слезами, и, обернувшись къ образу Богородицы, она набожно произнесла:

— Пресвятая Дѣва, Твоему неизреченному милосердію предаю его душу и мою судьбу.

Ее окружили около двадцати женщинъ, и всѣ онѣ, преклонивъ колѣна, стали громко молиться объ успокоеніи души Константина.

Графъ Корти смотрѣлъ на нихъ съ безпокойствомъ. Лица ихъ были покрыты фатами, но легко было по нѣжности ихъ рукъ и граціозности ихъ фигуръ отгадать въ нихъ молодыхъ, знатныхъ особъ. Каждая изъ нихъ, конечно, представляла соблазнительную приманку для разнузданныхъ дикарей, которые сновали по городу. Какъ было ему доставить ихъ безопасно до св. Софіи и защитить ихъ подъ сводами святого храма?

— Графъ Корти,—сказала наконецъ княжна:—я отдаю себя и моихъ сестеръ по несчастью подъ твое покровительство. Только позволь мнѣ еще позвать Лаель. Сергій, сходи за ней.

— Еще одна! Боже милостивый!—невольно воскликнулъ Корти:—княжна, турки овладѣли городомъ, и по дорогѣ я видѣлъ, какъ они водятъ на веревкѣ цѣлые отряды рабынь. Прикажи подать еще покрывала и связать твоихъ подругъ руками по двѣ. Я долженъ выдать васъ за только что взятыхъ плѣнницъ.

Княжна Ирина, хотя неохотно, но повиновалась, и вскорѣ всѣ были связаны руками по двѣ; при этомъ она сама была въ парѣ съ Лаелью, а Сергій съ Лизандромъ.

Очувшись на улицѣ, женщины стали горько плакать и молиться.

Впереди этой печальной процессіи плѣнныхъ ѣхалъ графъ Корти, а по сторонамъ и сзади ихъ охраняли его мавры.

По дорогѣ имъ попадались подобные же отряды, отличавшіеся только тѣмъ, что несчастныя жертвы были всѣ привязаны къ одной веревкѣ.

Однажды Корти остановилъ, повидимому, знатный турокъ, съ нѣсколькими воинами.

— Поздравляю тебя, другъ,—сказалъ онъ потурецки:—ты захватилъ славную добычу. Я дамъ тебѣ двадцать золотыхъ за эту

штуку,—прибавилъ онъ, указывая на Ирину, которая, по счастью, не поняла его словъ.

— Ступай своей дорогой и живѣй,—отвѣтилъ рѣзко Корти.

— Ты мнѣ угрожаешь?

— Да, пророкомъ, моимъ мечемъ и падишахомъ.

— Падишахомъ,—промолвилъ турокъ, поблѣднѣвъ: — Аллахъ-иль-Аллахъ! Да будетъ прославлено его имя.

Наконецъ Корти достигъ св. Софіи. По счастью, въ эту мѣстность еще не проникли разъяренные дикари, и ему стоило только постучаться въ дверь да назвать имя княжны, чтобъ добиться доступа въ церковь.

Вся ея внутренность была переполнена самой разнообразной толпой. Тутъ были солдаты, граждане, священники и монахи, мужчины, женщины и дѣти, старые и молодые, богатые и бѣдные, роскошно одѣтые и въ рубищахъ. Всѣ искали въ этотъ роковой день похоронъ имперіи убѣжища въ св. Софіи и всѣ среди гробового молчанія ждали чуда.

Только по временамъ среди этой колѣнопреклоненной, уstraшенной толпы ходили священники, державшіе въ рукахъ крестъ и громко говорившіе:

— Не страшитесь, братья во Христѣ. Ангель явится у подножія калонны. Что могутъ сдѣлать люди противъ меча Божія!

Съ трудомъ графъ Корти протискался съ княжной Ириной и ея приближенными къ алтарю и помѣстилъ ихъ за рѣшеткой. Онъ зналъ, что тамъ будетъ его искать Магометъ, и къ тому же за рѣшеткой ему легче было защитить ихъ, для чего помѣстилъ вокругъ нихъ своихъ мавровъ:

Двери были снова заперты, и ихъ не отворяли, несмотря на то, что раздавался въ нихъ стукъ.

Наконецъ извнѣ раздались громкіе, дикіе крики. Двери были выломаны, и въ церковь ворвались мусульманскія орды.

— Турки! Турки!—завопили женщины.

— Турки! Турки!—повторили съ неменьшимъ страхомъ священники, роняя на полъ кресты, которые они держали въ рукахъ.

Паника произошла неописанная, тѣмъ болѣе, что молившаяся толпа ждала ангела освободителя, а самъ адъ, казалось, наславъ на нее всѣхъ своихъ дьяволовъ.

Тѣ, кто находились у дверей, бросались къ алтарю, толкаясь, сбивая съ ногъ и безжалостно придавливая сосѣдей. Дѣти и женщины пострадали болѣе всѣхъ, но и мужчины помяли другъ друга въ этой свалкѣ. Только маленькая бронзовая рѣшетка сдержала напоръ, и княжна Ирина съ своими приближенными осталась невредима, хотя и видѣла передъ собой ужасающую картину.

Турки были въ большинствѣ, но они сначала не хотѣли вѣрить, что греки оставятъ церковь безъ защиты, а потому очень медленно

и осторожно стали входить въ нее. Но когда они убѣдились, что не встрѣтятъ сопротивленія, то предались ловлѣ рабовъ и невольницъ.

Согласно всѣмъ мѣстнымъ лѣтописямъ, въ церкви св. Софіи въ эту роковую минуту не былъ убитъ никто. Разсерженные грабители думали только о добычѣ, хватая и увозя десятками плѣнниковъ, конечно, преимущественно женщинъ, да еще красивыхъ.

Рыданія, стоны, вопли раздавались подъ сводами стариннаго храма. Матерей разлучали съ дѣтьми, женъ съ мужьями. Послѣ женщинъ предпочтеніе оказывалось монахамъ, надъ которыми турки издѣвались въ волю, нахлобучивая имъ на глаза ихъ клобуки и погоняя ихъ четками при громкомъ, циничномъ смѣхѣ.

Нехладнокровно смотрѣлъ на эту ужасную сцену графъ Корти, тѣмъ болѣе, что очередь должна была дойти и до алтыря, въ которомъ находились несмѣтные богатства. Когда двери выломали, онъ бросилъ пристальный взглядъ на ворвавшуюся толпу и сказалъ въ полголоса Ирина:

— Это—дикія орды. Но султанъ еще не явился.

Она подняла свою фуру и молча посмотрѣла на него.

— Теперь мнѣ остается одно,—продолжалъ онъ:—я долженъ объявить туркамъ, что я Мирза-Эмиръ, и что султанъ послалъ меня впередъ, чтобъ арестовать всѣхъ васъ и сохранить для него.

— Мы въ твоихъ рукахъ, графъ Корти,—отвѣчала Ирина:—небо поступить съ тобою, какъ ты съ нами.

— Если моя стратагема не удастся, то я могу умереть, защищая васъ. Ну, теперь снова перевяжите себѣ руки по двѣ. Можетъ быть, потребуютъ, чтобы я указалъ на своихъ плѣнныхъ.

— А ты не можешь спасти вмѣстѣ съ нами и другихъ несчастныхъ?—произнесла Ирина, смотря съ сожалѣніемъ на тѣснившихся передъ загородкой несчастныхъ женщинъ и дѣтей.

— Нѣтъ, ихъ судьбу надо вручить Богородицѣ,—отвѣчалъ графъ и, приказавъ своимъ маврамъ очистить дорогу къ трону, на которомъ еще недавно воссѣдалъ Константинъ, онъ прибавилъ:—ты сядешь на этотъ престолъ твоихъ отцовъ, который теперь принадлежитъ тебѣ. Съ этого престола тебѣ будетъ легче вести переговоры съ Магометомъ.

Не успѣлъ онъ привести въ исполненіе свой планъ, какъ уже къ рѣшеткѣ нахлынули варвары, привлеченные съ одной стороны драгоценностями, видѣвшимися въ алтарѣ, а съ другой—княжной Ириной, сидѣвшей уже на тронѣ среди своихъ приближенныхъ.

— Вотъ этихъ можно забрать!—воскликнулъ одинъ изъ нихъ, обращаясь къ товарищамъ:—давайте веревокъ.

— А ты правовѣрный?—спросилъ у него потурецки графъ Корти.

— А тебѣ зачѣмъ? — отвѣчалъ турокъ, бросая сомнительный взглядъ на неизвѣстнаго рыцаря и его мавровъ.

— Потому что, если ты правовѣрный, то долженъ видѣть, что и мы правовѣрные.

— А кто ты?

— Я Эмиръ-Мирза, приближенный падишаха, имя котораго да прославится изъ вѣка въ вѣкъ! Этихъ невольницъ и рабовъ я выбралъ для него и дожидаюсь его прибытія. Онъ сейчасъ прійдетъ сюда.

— Эмиръ-Мирза! Я его знаю, — воскликнулъ воинъ въ окровавленномъ торбушѣ: — онъ командовалъ караваномъ въ Мекку, въ тотъ годъ, когда я совершилъ святое паломничество. Погодите, я посмотрю, онъ ли это. Да... Это онъ, какъ Богъ есть Богъ. Я стоялъ подлѣ него у Каабы, когда онъ упалъ, пораженный чумой. Я видѣлъ, какъ онъ прикоснулся губами къ черному камню и возвратилъ себѣ жизнь. Назадъ!.. И не смѣй никто прикасаться ни къ нему, ни къ тѣмъ, которые находятся подъ его надзоромъ, а то падишахъ зло вамъ отомститъ. Это первый мечъ падишаха!.. Дай мнѣ твою руку, храбрый Эмиръ.

И онъ поцѣловалъ руку графу Корти.

— Спасибо, сынъ твоего отца, — отвѣчалъ Корти: — и когда мой повелитель, султанъ Магометъ, устроитъ свой дворецъ и гаремъ, то приходи и ты получишь достойную награду.

Воинъ въ окровавленномъ торбушѣ не удалился, а стоялъ нѣсколько времени и пристально смотрѣлъ на Лаель, стоявшую подлѣ княжны Ирины. Наконецъ онъ подошелъ поближе къ графу Корти и сказалъ ему почти на ухо:

— Эти женщины не для гарема, я тебя понимаю, Мирза. Когда Магометъ устроитъ свой дворъ, то скажи вонъ той маленькой еврейкѣ, что ея отецъ, князь Индіи, посылаетъ ей свое благословеніе.

Графъ Корти широко открылъ глаза отъ удивленія, но, прежде чѣмъ онъ успѣлъ произнести хоть одно слово, вѣчный жидъ исчезъ въ толпѣ.

Время шло, и княжна Ирина сидѣла на тронѣ, закрывъ глаза, чтобы не видѣть происходившихъ вокругъ нея ужасовъ. Наконецъ снаружи церкви послышались трубные звуки и барабанный бой. Черезъ нѣсколько минутъ въ большія двери вошли четыре скорохода, въ короткихъ безрукавкахъ, бѣлыхъ рубашкахъ и желтыхъ шелковыхъ шароварахъ. Они остановились на порогѣ и нараспѣвъ произнесли:

— Магометъ, султанъ султановъ.

Дикія орды прервали свою чудовищную работу, а ихъ несчастныя жертвы перестали рыдать, ожидая перемены своей участи; только дѣти и раненые продолжали оглашать воздухъ своими стонами.

Затѣмъ въ дверяхъ показались пять герольдовъ, которые громко трубили.

Наконецъ появился Магометъ.

Когда окончилась борьба въ гавани, и, согласно всѣмъ донесеніямъ, городъ лежалъ у его ногъ, Магометъ приказалъ очистить дорогу чрезъ ворота св. Романа и созвалъ въ свою палатку всѣхъ пашей и военачальниковъ. Онъ хотѣлъ, чтобы они присутствовали при томъ, какъ онъ вступить во владѣніе тѣмъ сокровищемъ, которое они помогли ему завоевать. Въ сопровожденіи этого блестящаго эскорта и предшествуемый скороходами, музыкантами и герольдами, онъ вступилъ въ Константинополь чрезъ развалины башенъ Багатской и св. Романа.

Онъ находился въ большомъ волненіи, и окружавшіе его савонники, не подозрѣвая его любви къ княжнѣ Иринѣ, объясняли это волненіе его юностью и величіемъ совершеннаго имъ подвига. Всѣ замѣчали, что онъ не обращалъ вниманія на слѣды кроваваго боя, а только повторялъ нѣсколько разъ:

— Ведите меня къ тому зданію, которое гауры называютъ Славой Бога.

— Ко Святой Софіи?—спрашивали проводники.

— Да, къ Святой Софіи.

Это султанское распоряженіе очень нравилось Шейхъ-уль-Исламу.

— Слышите,—говорилъ онъ своимъ дервишамъ:—нашъ повелитель хочетъ обратиться въ мечеть храмъ Христа, прежде чѣмъ войти во дворецъ. Его первая мысль—воздать честь Богу и его пророку.

— Великъ Богъ и Его пророкъ!—воскликнули всѣ дервиши и въ одинъ голосъ:—великъ Магометъ, побѣждающій ихъ святыми именами!..

Проѣзжая мимо церквей, дворцовъ и въ особенности водопровода, султанъ бросалъ на нихъ восхищенные взгляды, но не уменьшалъ быстрого хода своего коня.

— Это что за дьявольская затѣя!—воскликнулъ онъ, останавливаясь передъ знаменитыми перевившимися змѣями, и ударомъ булавы снесъ голову одной изъ змѣй:—такъ велитъ мнѣ поступать пророкъ,—прибавилъ онъ.

Снова дервиши воскликнули въ одинъ голосъ:

— Великъ Магометъ, слуга Бога!..

Онъ приказалъ провести себя къ восточному фасу св. Софіи и, минуя Буколеонскій дворецъ съ его мраморными и порфировыми колонадами, наконецъ достигъ церкви.

Передъ ней, также какъ и на многихъ улицахъ, виднѣлись группы варваровъ, тащившихъ свою добычу и плѣнницъ, но Магометъ какъ будто этого не видѣлъ.

Передъ дверями св. Софіи всѣ соскочили съ лошадей, только Магометъ остался на конѣ.

— Пусть войдутъ въ храмъ скороходы и герольды,—сказалъ онъ и прибавилъ, обращаясь къ одному изъ своихъ пажей:—подай мнѣ мечъ Соломона.

И взявъ въ руку этотъ мечъ, вмѣсто булавы, которую онъ отдалъ пажу, султанъ пришпорилъ коня и, перескочивъ чрезъ широкія каменные ступени, вступилъ верхомъ въ соборъ св. Софіи.

— Этотъ храмъ оскверненъ идолопоклонствомъ,—громко произнесъ онъ:—исламъ входитъ въ него, сидя на сѣдлѣ.

Но не успѣлъ онъ окинуть быстрымъ взглядомъ представившееся ему зрѣлище, какъ онъ, внѣ себя отъ восторга, осадилъ коня.

— Возьмите мечъ и дайте мнѣ булаву,—промолвилъ онъ.

Не обращая вниманія на несчастныхъ жертвъ подъ ногами своего коня, онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ и, остановившись, поднялся на стременахъ.

— Конецъ идолопоклонству!—воскликнулъ онъ громко:—долой Троицу. Пусть Христосъ уступить свое мѣсто послѣднему и величайшему изъ пророковъ. Богу, единому Богу я посвящаю этотъ храмъ.

И онъ бросилъ изъ всей силы свою булаву въ одну изъ колоннъ, которая дрогнула, когда сталь отскочила отъ нея¹⁾.

— Ну, теперь отдайте мнѣ мой мечъ,—продолжалъ онъ:—и позовите моего музвина Ахмета.

Онъ продолжалъ подвигаться впередъ на конѣ, но уже очень медленно, такъ что толпа могла свободно дать ему дорогу. Глаза его быстро перебѣгали со стороны на сторону: онъ очевидно искалъ кого-то. Лице его выражало тревожное безпокойство. Наконецъ, онъ увидалъ алтарь, ужь полуограбленный, и направился къ бронзовой рѣшеткѣ.

Лице его быстро измѣнилось, и глаза засверкали при видѣ графа Корти. Онъ остановился передъ входомъ за рѣшетку, соскочилъ съ лошади и направился къ алтарю.

Для графа Корти наступила самая страшная минута въ его жизни.

Увидавъ въ церкви Магомета верхомъ и во всемъ своемъ величїи, онъ вздогнулъ и поблѣднѣлъ. До этой минуты онъ думалъ только о безопасности княжны, а теперь онъ впервые созналъ, что прямымъ результатомъ ея спасенія была передача ея въ руки

¹⁾ До сихъ поръ мусульманскіе проводники показываютъ въ св. Софіи слѣдъ, оставшійся на одной изъ колоннъ отъ булавы, брошенной въ нее Магометомъ.

соперника. Голова его поникла, и онъ ничего не видѣлъ передъ собою, пока въ его ухахъ не раздался голосъ Магомета:

— Графъ Корти, гдѣ...

Но увидавъ искаженное лицо друга своей юности, онъ невольно прибавилъ:

— Мой бѣдный Мирза.

Цѣлый потокъ словъ не могъ бы краснорѣчивѣе выразить то вѣжное сочувствіе, которое слышалось въ голосѣ султана.

Снявъ свою стальную перчатку, гордый побѣдитель протянулъ руку графу, который, очнувшись отъ напавшаго на него столбняка, преклонилъ колѣна и поднесъ къ губамъ протянутую ему руку.

— Я сдержалъ свое слово,—сказалъ онъ потурецки, но едва слышно:—она за мной, на тронѣ своихъ отцовъ. Получай ее изъ моихъ рукъ и отпусти меня.

— Бѣдный Мирза,—повторилъ Магометъ:—мы отдали свою судьбу на судъ Божій, и такова Его святая воля. Встань и выслушай меня, и вы также,—прибавилъ онъ повелительнымъ тономъ, обращаясь къ своимъ военачальникамъ и сановникамъ:—слушайте всѣ меня.

Онъ прошелъ мимо графа Корти и остановился передъ княжной Ириной.

Она встала, не поднимая фаты, и хотѣла преклонить колѣна, но Магометъ остановилъ ее.

— Позволь мнѣ поклониться тебѣ, государь,—сказала она и, обращаясь къ своимъ приближеннымъ, прибавила:—это Магометъ султанъ. Будемъ просить его о милостивомъ обращеніи съ нами.

Всѣ опустили на колѣни, и она сдѣлала бы то же, но Магометъ снова удержалъ ее.

— Твою руку, княжна Ирина, я хочу поцѣловать ее при всѣхъ.

И въ этомъ поцѣлуѣ гордый побѣдитель излилъ всю свою любовь. Если бы его не сдерживали государственныя соображенія, то онъ тутъ же бросился бы передъ ней на колѣни и высказалъ бы ей, какъ горячо, какъ страстно любилъ ее.

— Прошу тебя, княжна, займи свое мѣсто на тронѣ,—продолжалъ онъ, сдержавъ свой юношескій пылъ:—дочь Палеолога, Богу было угодно поставить тебя во главѣ греческаго народа, и такъ какъ я хочу предложить условія мира, то тебѣ приличнѣе выслушать ихъ, сидя на престолѣ. Во-первыхъ, въ присутствіи всѣхъ я заявляю, что ты свободна, совершенно свободна, что ты вольна остаться, или уйти, принять мои условія, или отвергнуть, потому что нельзя заключать трактатъ иначе, какъ свободнымъ государямъ. Если ты захочешь уйти отсюда, то клянусь, что доставлю тебѣ для этого всѣ необходимыя средства для путешествія, со всѣми твоими приближенными, рабами и имуществомъ, куда ты захочешь, сухимъ путемъ или моремъ. Клянусь, что ты не будешь

имѣть недостатка въ деньгахъ, чтобы достойно поддержать свой высокій санъ.

— За твою милость, Магометъ, я буду молить Бога, чтобы Онъ вознаградилъ тебя.

— Такъ какъ твой Богъ—мой Богъ, то я буду благодаренъ, княжна, за твои молитвы. Во-вторыхъ, я умоляю тебя, останься здѣсь, и я говорю это, заботясь о твоёмъ счастьи... Конечно, то, что я предлагаю тебѣ, будетъ очень странно, но въ Аравіи былъ нѣкогда мудрецъ, по имени Эль-Хатимъ, ты, можетъ быть, слышала о немъ,—прибавилъ Магометъ, бросивъ пристальный взглядъ на скрытые подъ фатой глаза Ирины:—онъ былъ поэтъ, воинъ и врачъ; онъ между прочимъ говорилъ, что зелья лѣчатъ лихорадку, амулеты—несчастные случаи, а занятія—горе. Если бы время не помогло тебѣ забыть твою печаль, то я далъ бы тебѣ занятіе. Выслушай меня терпѣливо. Мнѣ грустно думать, что Константинополь останется безъ жителей и торговли, что его великолѣпныя зданія разрушатся, что его дворцы сдѣлаются жилищемъ ночныхъ совъ, что его гавань не увидитъ болѣе судовъ со всего свѣта, что внутренность его церковей покроется паутиной. Если онъ снова не станетъ столицей Европы и Азіи, то воля Божія будетъ нарушена, а я не хочу взять на себя отвѣтственность за такое нарушеніе. Многочисленны и разнообразны грѣхи, подобно листьямъ деревъ, говоритъ одинъ изъ дервишей моего народа, но только для того, кто нарушитъ волю Бога, не будетъ милосердія въ день Страшнаго Суда... Слушайте меня всѣ... Я, княжна Ирина, не врагъ грекамъ. Ихъ могущество не могло существовать рядомъ съ моимъ, и я пошелъ на нихъ войной. Но теперь небо рѣшило нашу борьбу, и я готовъ примириться съ нимъ. Я знаю, что они не станутъ меня слушать, что всѣ мои слова ступаютъ передъ памятью о тѣхъ ужасахъ, которые творились моимъ именемъ. Но возстановленіе Греціи—благородное великое дѣло. Есть ли на свѣтѣ грекъ, который настолько любилъ бы свою родину и настолько былъ бы свободенъ отъ предразсудковъ, чтобы помочь мнѣ въ этомъ дѣлѣ?.. Конечно, такого нѣтъ, но, княжна, ты можешь совершить это дѣло... Я поручу тебѣ водворить обратно въ ихъ жилища всѣхъ, кого сегодня увели въ неволю... Вѣдь ты достаточно любишь свой народъ для этого!.. Вѣра не будетъ для тебя помѣхой. Въ присутствіи всѣхъ моихъ сановниковъ я клянусь, что подѣлю съ тобой поровну всѣ храмы Божіи. Половина ихъ останется христіанскими, а половина сдѣлается мусульманскими... И всѣ секты будутъ свободны. Я только оставлю себѣ эту церковъ и право утверждать избраннаго христіанами патріарха... Или ты недостаточно предана своей вѣрѣ, чтобы оказать ей такую службу?

Княжна Ирина хотѣла отвѣчать, но Магометъ остановилъ ее.

— Погоди, тебѣ еще рано отвѣчать. Я желаю, чтобы ты обдумала свой отвѣтъ, и притомъ вѣдь я не высказалъ всѣхъ условій предлагаемаго мною мира, а между ними есть одно, прямо касающееся тебя... Въ присутствіи всѣхъ этихъ свидѣтелей, княжна Ирина, я предлагаю тебѣ вступить со мною въ честный бракъ.

И Магометъ поклонился низко, до самой земли.

— Желая, чтобы нашъ союзъ былъ вполне отраденъ для тебя, я обязуюсь вѣнчаться съ тобою по христіанскому и мусульманскому обрядамъ. Такимъ образомъ, ты будешь царицей грековъ, покровительницей и возстановительницей ихъ церкви, ты будешь имѣть возможность служить Богу чисто, безкорыстно. А если тебѣ знакома жажда славы, то я поднесу тебѣ такую переполненную чашу славы, къ какой никогда не прикасались женскія уста. Ты можешь жить здѣсь или въ Терапіи, можешь устроить себѣ часовню или церковь, а изъ твоихъ приближенныхъ ты можешь оставить себѣ, кого хочешь... Исполнить все это я клянусь и свою клятву готовъ закрѣпить своей печатью...

Она снова хотѣла что-то произнести, но онъ еще разъ остановилъ ее.

— Нѣтъ, погоди, еще рано отвѣчать... При заключеніи трактатовъ между государями, одна изъ сторонъ предлагаетъ условія, а потомъ другой надлежитъ ихъ обсудить, не принять или отвергнуть, а взаимнѣе предложить свои. Но здѣсь не мѣсто обсуждать мои предложенія. Вернись теперь въ свой городской домъ или въ свой дворецъ въ Терапіи. Черезъ три дня, съ твоего согласія, я явлюсь за отвѣтомъ, и каковъ бы онъ ни былъ, клянусь Богомъ, я подчинюсь твоему рѣшенію. Когда я приду къ тебѣ, ты пригласишь меня?

— Я всегда рада видѣть султана Магомета.

— Гдѣ я могу тебя видѣть?

— Въ Терапіи.

— Графъ Корти, — произнесъ тогда Магометъ, обращаясь къ нему: — поручаю тебѣ княжну Ирину, отвези ее въ Терапію, а ты, Халиль, приготовь галеру, достойную для греческой царицы. Для охраны же ея назначь значительный отрядъ подъ начальствомъ графа Корти, который снова становится на время Мирзой-Эмиромъ. Княжна Ирина, прости меня, если я говорилъ слишкомъ повелительно, и позволь мнѣ еще разъ поцѣловать твою руку.

Она молча исполнила его желаніе.

Халиль, видѣвшій въ поступкѣ Магомета только политическое собраніе, очистилъ дорогу передъ княжной, и она спокойно вышла изъ церкви, сѣла вмѣстѣ со своими удивленными приближенными въ паланкинъ и отправилась въ гавань, гдѣ перешла на га-

леру, которая доставила ее въ Терапію, спустя четыре часа послѣ заката солнца.

Послѣ ухода княжны Ирины Магометъ приказалъ очистить храмъ отъ народа и языческихъ эмблемъ, а самъ подробно осмотрѣлъ всѣ его углы, приходя въ восторгъ отъ всякой мелочи.

Проходя по правой галлерей, онъ увидалъ турецкаго воина, который несъ торбушъ, полный цвѣтныхъ камешковъ, выбитыхъ изъ мозаичнаго образа.

— Ахъ ты, мерзавецъ!— воскликнулъ онъ, вѣя себя отъ злобы:— развѣ ты не слышалъ, что я посвятилъ этотъ храмъ Аллаху?.. Ты посягнулъ святотатственно осквернить мечеть...

И онъ ударилъ воина своимъ мечемъ, плашмя.

Затѣмъ онъ велѣлъ позвать музвина Ахмета.

— Который теперь часъ?

— Часъ четвертой молитвы.

— Пойди на самый верхъ этого храма и призови правовѣрныхъ къ набожному прославленію великихъ милостей Бога и Его пророка. Да будутъ прославлены имена изъ вѣка въ вѣкъ...

Такимъ образомъ въ св. Софіи Магометъ замѣнилъ Христа, и съ той минуты до сихъ поръ исламъ царитъ подъ ея сводами.

ЭПИЛОГЪ.

Утромъ, на третій день послѣ паденія Константинополя, простая лодка пристала къ мраморной пристани дворца княжны Ирины въ Терапіи, и изъ нея вышелъ старый, дряхлый монахъ. Нетвердыми шагами направился онъ къ классическому портику и, встрѣтивъ Лизандра, спросилъ:

— Княжна Ирина здѣсь или въ городѣ?

— Здѣсь.

— Я усталый, голодный грекъ. Можетъ ли она принять меня?

Старикъ исчезъ и черезъ минуту вернулся съ отвѣтомъ:

— Иди за мной. Она приметъ тебя.

Незнакомецъ вошелъ въ приемную комнату, и не успѣлъ онъ поднять покрывала, скрывавшаго его лицо, какъ Ирина подбѣжала къ нему, схватила его за обѣ руки и воскликнула со слезами на глазахъ:

— Отецъ Иларіонъ! Самъ Богъ прислалъ тебя ко мнѣ въ эту минуту сомнѣнія и печали.

Излишне говорить, что бѣднаго стараго монаха накормили и успокоили, а когда онъ отдохнулъ и набрался силъ, то Ирина рассказала ему о предложеніи Магомета.

— Что мнѣ дѣлать?— спросила она.

— Прежде всего мнѣ надо знать твои чувства къ нему, дочь моя?

И она созналась, что любить прекраснаго юнаго мусульманина.

— Я вижу въ этомъ Божій промыселъ,—произнесъ монахъ, положивъ ей на голову свои руки и поднявъ глаза къ небу:—Онъ одарилъ тебя красотой, умомъ; Онъ возвысилъ тебя до престола, чтобъ вѣра Христова не совершенно погибла на Востокѣ. Иди по тому пути, который Онъ открылъ передъ тобой; но потребуй, чтобъ Магометъ пошелъ съ тобою въ церковь, обвинчался по христіанскому обряду и поклонился, что будетъ благородно поступать съ тобой, какъ съ женою, и свято поддерживать предложенный имъ миръ. Если онъ это сдѣлаетъ, то не бойся ничего. Старая греческая церковь не идеаль вѣры, но она гораздо лучше безвѣрія, а кто можетъ сказать, что случится, когда греки вернуться въ свой городъ?

Послѣ полудня къ той же мраморной лѣстницѣ пристала еще лодка, и изъ нея вышелъ арабскій шейхъ, съ смуглымъ лицомъ и черными блестящими глазами. Въ правой рукѣ онъ держалъ пятиструнную лиру въ формѣ полудуны и богато изукрашенную перламутромъ.

— Княжна Ирина здѣсь живетъ?—спросилъ онъ у Лизандра.

— Да,—отвѣчалъ старый служитель, подозрительно смотря на незнакомца.

— Скажи ей, что пришелъ Абу-Абейда и желаетъ рассказать ей сказку.

Лизандръ пошелъ доложить своей госпожѣ объ этомъ странномъ посѣтителѣ.

— Княжна Ирина проситъ тебя войти,—произнесъ онъ, возвратясь на террасу.

Абу-Абейда оставался до ночи въ Терапіи, а сказка, которую онъ рассказалъ Иринѣ, была старая, вѣчно юная сказка, сохраняющая во всѣ времена и теперь, какъ чetyреста пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, свою чарующую прелесть.

Они обвинчались въ часовнѣ при дворцѣ Ирины въ Терапіи, и отецъ Иларіонъ совершалъ священный обрядъ. Когда Константинополь былъ очищенъ отъ ужасныхъ слѣдовъ кровавой борьбы, она переѣхала туда съ Магометомъ, и онъ представилъ ее всему мусульманскому міру, какъ свою султаншу. Горжественный пиръ, данный по этому случаю, продолжался нѣсколько дней.

Съ теченіемъ времени онъ построилъ для нея за мысомъ Де-метріемъ дворецъ, доселѣ извѣстный подъ именемъ Серая. Во всѣхъ отношеніяхъ султанъ Магометъ свято исполнялъ тѣ клятвы, которыя произнесъ за него Абу-Абейда.

Всю свою жизнь Ирина провела въ добрыхъ дѣлахъ и перешла въ исторію съ титуломъ, даннымъ ей благодарными соотечественниками -- доброй, милостивой царицы Греціи.

Сергій не принялъ священства и исповѣдывалъ вмѣстѣ съ Ириной и отцомъ Иларіономъ ту Христову вѣру, которую онъ такъ смѣло проповѣдывалъ въ св. Софіи. Но въ спорахъ между латинами и православными греками онъ держалъ сторону послѣднихъ; впрочемъ, какъ милостынераздаватель щедрой, великодушной царицы Ирины, онъ сдѣлался предметомъ общей любви всѣхъ грековъ. Вскорѣ онъ женился на Лаели и дожилъ съ нею до глубокой старости.

Графъ Корти сохранилъ навсегда братскую любовь Магомета. Побѣдитель Византіи старался сохранить его на своей службѣ и предложилъ ему постъ прежде посла при дворѣ Яна Собѣскаго, а потомъ аги янычаръ, но онъ отказался отъ того и другого подъ тѣмъ предлогомъ, что ему надо вернуться въ Италію къ своей матери. Наконецъ, султанъ на это согласился, и Корти простился на вѣки съ Ириной наканунѣ ея свадьбы.

Одинъ изъ придворныхъ Магомета проводилъ его въ гавань на роскошную галеру, выстроенную въ Венеціи и на которой находились его мавры. Прежде отплытія ея было объявлено отъ имени султана, что какъ галера, такъ и все бывшее на ней принадлежить ему.

Благополучно достигнувъ Бриндизи, Корти тотчасъ отправился въ замокъ своихъ отцовъ и, къ изумленію, увидѣлъ его вполне восстановленнымъ. Теперь не было и слѣдовъ отъ разрушенія.

Нечего говорить о той радости, съ которой его встрѣтила мать, нашедшая своего погибшаго сына, послѣ столькихъ лѣтъ разлуки.

— Этотъ замокъ былъ разрушенъ, когда я былъ здѣсь въ памятную для меня ночь,—сказалъ Корти послѣ первыхъ минутъ пламеннаго счастья:—какимъ образомъ онъ восстановленъ?

— По твоему распоряженію.

— Я ничего объ этомъ не знаю.

Графиня объяснила, что нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ явился къ ней какой-то человѣкъ съ письмомъ отъ ея сына, который будто бы поручалъ ему перестроить замокъ, не щадя расходовъ.

— По счастью, этотъ человѣкъ еще въ Бриндизи,—прибавила она.

Тотчасъ послали за этимъ человѣкомъ, и онъ, явившись, подалъ Корти пакетъ съ печатью Магомета. Онъ поспѣшно открылъ его и прочелъ слѣдующее:

«Магометъ султанъ къ Уго, графу Корти, когда-то Мирзѣ-Эмиру.

«Наша судьба еще не рѣшена судомъ Божиимъ, о другъ, который долженъ былъ бы родиться отъ моей матери, и такъ какъ будущее никому неизвѣстно, то я не знаю, каковъ будетъ конецъ избраннаго нами суда. Но я люблю тебя и вѣрю тебѣ; а чтобъ доказать тебѣ мою любовь и довѣріе, все равно выскажется ли

судьба за меня или противъ, я посылаю Мустафу на твою родину съ доказательствами твоего права называться графомъ Корти; ему поручено объявить твоей матери, что ты живъ и вскорѣ возвратишься къ ней. А такъ какъ турки уничтожили замокъ твоихъ отцевъ, то Мустафа выстроить его вновь и расширить твои помѣстья сосѣдними землями, такъ чтобъ владѣнія бывшаго мирвы были достойны его, какъ брата султана. Все это онъ сдѣлаетъ твоимъ именемъ, а не моимъ. Когда все будетъ кончено, то отпусти его и напиши мнѣ, что ты доволенъ его дѣйствіями.

«Я вручаю тебя попеченіямъ Всемилосердаго Бога.

«Магометъ».

Когда Корти прочелъ письмо, то Мустафа преклонилъ колѣна и отвѣсилъ ему земной поклонъ. Потомъ онъ всталъ, повелъ его въ часовню и, указавъ на желѣзную дверь, сказалъ:

— Мой повелитель, Магометъ, приказалъ мнѣ положить сюда врученное имъ мнѣ сокровище. Вотъ ключи, посмотри это сокровище и дай мнѣ росписку въ его полученіи, чтобъ я могъ ее передать моему повелителю.

Графъ Корти былъ очень недоволенъ, увидавъ сокровище.

— Мой повелитель,—прибавилъ Мустафа:—зналъ, что ты будешь протестовать, но онъ приказалъ тебѣ сказать, что эти деньги покроютъ въ нѣкоторомъ отношеніи расходы твоей матери на поиски тебя и на панихиды о твоёмъ отцѣ.

Тогда Корти согласился принять сокровище.

Онъ никогда не женился, быть можетъ, потому, что никогда не встрѣтилъ женщины, которая изгладила бы въ его сердцѣ образъ Ирины.

Послѣ смерти своей матери онъ отправился въ Римъ и долго служилъ начальникомъ папской гвардіи, во главѣ которой и былъ убитъ въ кровавомъ бою. Но до этой славной смерти онъ ежегодно получалъ изъ Константинополя драгоцѣнные подарки: отъ Магомета богатый мечъ или какое нибудь рѣдкое оружіе, а отъ султанши Ирины, въ знакъ благодарной памяти—золотой крестъ, четки, мощи или великолѣпно изукрашенное священное писаніе.

Мавры остались при графѣ Корти, а венеціанская галера была имъ поднесена въ даръ папѣ.

Сіама долго странствовалъ по Константинополю, отыскивая своего господина и не вѣря, что онъ умеръ. Лаель предлагала ему остаться у нея на всю жизнь, но онъ неожиданно исчезъ и болѣе не возвращался. Быть можетъ, князь Индіи убѣдилъ его въ своей тождественности и увезъ съ собой куда нибудь, всего вѣроятнѣе, назадъ въ Чипанго.

КОНЕЦЪ.

УКАЗАТЕЛЬ

ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ,

УПОМИНАЕМЫХЪ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ТОМАХЪ

„ИСТОРИЧЕСКАГО ВѢСТНИКА“

1895 г. ¹⁾

А.

А., Б. *Библиографическая замѣтка его*: Архитекторская команда. Очеркъ московскихъ учреждений, вѣдавшихъ строительное дѣло и обучение ему. Составленъ В. Гамбургевымъ, т. LXI, 488—489.

Абанумовъ, Андр. Пв., генералъ-провантъ-мейстеръ, т. LIX, 896.

Абдуль-Неримъ, турецкій главнокомандующій, т. LIX, 981.

Абихтъ, польскій повстанецъ, т. LX, 169.

Абрамовъ, А. К., генералъ, т. LIX, 129, 412—415, 419—422, 428, 429—440.

Абрикосовъ, Ник. Т. LX, 328.

Авенариусъ, М. П., проф. Кіев. унив. *Некрологъ его*. Т. LXII, 654—655.

Агаоново, начальникъ военно-медицинской части, т. LX, 171.

Адлербергъ, графиня. Т. LIX, 97.

— Графъ, министръ двора, т. LIX, 395, 902, 903.

Адріановъ, С. А. *Статьи его*: Книжка А. П. Гагарина, урожденнаго Лопухяна, т. LIX, 177—189. Русскій социализмъ XVII вѣка, т. LXII, 204—230. Ольга Александровна Жеребцова. Т. LXII, 844—856. *Библиографическая замѣтка его*: Масперо, Древняя исторія народовъ

Востока, т. LIX, 651, 652. *Упом.*, т. LXII, 644, 645.

Ансановъ. Н. С., писатель, т. LIX, 99, т. LXII, 801.

— Н. П., публицистъ, т. LXII, 803, 804.

Александра Феодоровна, императрица, супруга императора Николая I. Т. LXI, 320.

Александровскій, протоіерей, т. LX, 817.

Александръ I Павловичъ, императоръ, т. LIX, 41, 45, 321, 442, 450, 609—622. Т. LX, 314—318, 550—554. Т. LXI, 294, 796, 797.

Александръ II Николаевичъ, императоръ. *Замѣтка* объ открытіи памятника ему въ Казани, т. LXII, 297—299, 791. *Упомянется*. Т. LIX, 72, 97, 395, 781, 903, 945.

Александръ III Александровичъ, императоръ. *Замѣтки о немъ*: Числа 3 и 13 въ жизни императора Александра III, т. LIX, 344. О его біографіи на англійскомъ языкѣ, т. LIX, 980, т. LX, 926. Объ освященіи памятника ему, т. LX, 333—334. Императоръ Александръ III въ современныхъ ему иллюстраціяхъ, т. LXI, 814—815. Объ открытіи памятника ему, т. LXII, 300. Объ открытіи памятника ему въ Керчи, т. LXII, 994, 995. *Упомянется*. Т. LIX, 341, 679, 681.

¹⁾ Въ „Указатель“ не включены личныя имена, упоминаемыя въ историческихъ романахъ, беллетристическихъ статьяхъ и приложенияхъ къ „Историческому Вѣстнику“.

- Александръ**, епископъ калужскій и боровскій. *Некрологъ его*. Т. LXII, 1011, 1012.
- Аленскій Михайловичъ**, парь, т. LXI, 91, 92.
- Алопеусъ**, поручикъ, т. LXII, 57—58.
- Альмедингенъ**, Алексѣй Пик., журналистъ, т. LXII, 480.
- Альфонсъ XII**, король испанскій, т. LIX, 323.
- Алферьевъ**, Гавр. Марк., подпоручикъ. т. LXI, 693, 698, 699.
- Алѣевъ**, А. Е., писатель, т. LXI, 361.
- Амвросій**, архіепископъ екатеринославскій, т. LXII, 911, 912.
- Амелино**, А., писатель. т. LXII, 970.
- Аминовъ**, баронъ, т. LIX, 440, т. LX, 428.
- Амфилогій**, епископъ угличскій, т. LXI, 405.
- Амфитеатровъ**, А. В., писатель. *Статья его*: Таниственная корреспонденция, т. LIX, 412—456.
- Андреа**, греческій морякъ, т. LXII, 619.
- Андрюсъ**, ректоръ Браунскаго университета, т. LXII, 633.
- Антоній**, архіепископъ финляндскій. *Библиографическая замѣтка о книгѣ его*: Изъ исторіи христіанской проповѣди. Очерки и изслѣдованія, т. LXI, 212, 213. — Странникъ, т. LXI, 616.
- Антоновичъ**, М., критикъ и публицистъ, т. LXII, 725, 728, 731, 732.
- Антоновъ**, В. М. *Статья его*: Ужасный судъ. Эпизодъ изъ Кавказской войны, т. LXI, 327—339.
- Анучинъ**, Д. Н., предсѣдатель географическаго отдѣленія императорскаго общества любителей естествознанія, антропологии и этнографіи. *Библиографическая замѣтка объ изданной подъ редакціей его книгѣ*: «Землеводіе». Периодическое изданіе географическаго отдѣленія императорскаго общества любителей естествознанія, антропологии и этнографіи. Книга I, т. LXII, 618.
- Апухтинъ**, Алексѣй Ник., поэтъ, т. LX, 645—483.
- Арачевъ**, А. А., гр., военный министръ, т. LIX, 44—45, 891—893.
- Арбузовъ**, генералъ, т. LIX, 68, 70.
- Ардашевъ**, П. *Библиографическія замѣтки его*: Н. Карѣевъ. Письма къ учащейся молодежи, т. LIX, 955. Ари де-Трувиль. Соціальная наука представляет ли науку? Переводъ съ французскаго, т. LXI, 210, 211. Карѣевъ. Бесѣды о выработкѣ міросозерцанія. Продолженіе писемъ къ учащейся молодежи о самообразованіи, т. LXI, 213. Штрайслеръ. Происхождение семьи. Переводъ съ иѣмецкаго, т. LXI, 488. Ю. Липпертъ. Исторія культуры. Перевели съ иѣмецкаго А. Острогорскій и П. Струве, т. LXII, 266—267. П. А. Тверской. Очерки Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, т. LXII, 611—612.
- Арендтъ**, Софія Адриановна, филантропка. *Некрологъ ея*: т. LIX, 684.
- Аренсъ**, чиновникъ, т. LX, 47.
- Аристовъ**, художникъ, т. LXII, 449.
- Арнольдъ**, П. Ю., писатель, т. LXII, 477.
- Арсеньевъ**, К. И., проф. Спб. университета, т. LIX, 653.
- А. В., писатель. *Замѣтка по поводу его статьи объ атаманѣ Платовѣ*, т. LIX, 687, 688.
- Конст. Конст., публицистъ, т. LXII, 999.
- Ахматовъ**, студентъ, т. LIX, 166.

Б.

- Б. Библиографическая замѣтка его**: Барсуковъ Алдръ: Свѣдѣнія объ Юхотской волости и ея прежнихъ владѣльцахъ, князьяхъ Юхотскихъ и Мстиславскихъ, т. LX, 898.
- Багалъй**, Д. И., профессоръ Харьковскаго университета, т. LXII, 643.
- Базаровъ**, Влад. Александр., театральнй антрепренеръ. *Некрологъ его*, т. LXI, 244, 245.
- Базень**, французскій маршалъ, т. LXI, 799; т. LXII, 289.
- Базилковскій**, Яковъ, авантюристъ, т. LX, 329.
- Банскъ**, О. П., издатель. *Некрологъ его*, т. LXII, 1012.
- Балинскій**, Ант., ксендзъ, т. LXII, 559.
- Бальмонтъ**, поэтъ, т. LXII, 940.
- Баранова**, купчиха, т. LIX, 385.
- Барановъ**, А. П., графъ, т. LIX, 104, 725.
- Барантъ**, противникъ Лермонтова, т. LXII, 178, 179.
- Баранцевичъ**, К. С., писатель, т. LXII, 810, 811.
- Бардовскій**, генералъ, т. LX, 778.
- Баринъ**, Арведъ, французская писательница, т. LX, 310.
- Барра**, французскій революціонеръ, т. LX, 905—908; т. LXI, 234.
- Барсуковы**:
— А. П. *Библиографическая замѣтка о книгѣ его*: Свѣдѣнія объ Юхотской волости и ея прежнихъ владѣльцахъ, князьяхъ Юхотскихъ и Мстиславскихъ, т. LX, 898.

- И. П. *Библиографическая записка о книжъ ею*: Жизнь и труды М. П. Погодина. Книга IX. Т. LX, 880—885.
- Баршевъ, Яковъ Пав., профессоръ Сиб. университета. *Некрологъ ею*, т. LIX, 339.
- Барышевъ, Н. П., писатель, т. LXII, 793.
- Барятинскій, кн., генераль-фельдмаршалъ, т. LX, 767; т. LXI, 66, 69—75.
- Басанинъ, Марья, писательница. *Разсказъ ея*: Конецъ „Голубятня“, т. LXII, 86—125, 463—433, 740—789.
- Басси, Лаура, профессоръ философіи, т. LXII, 956.
- Баталинъ, Фед. Александр., редакторъ „Земледѣльской газеты“. *Некрологъ ею*, т. LX, 339.
- Батюшковы:**
- Софья. *Записка ея*: По поводу статьи г. Дубасова, т. LXII, 656.
- О. Д., приватъ-доцентъ Сиб. университета, т. LXII, 1.000.
- Безбородно, Илья Андр., графъ, основатель Пѣжинскаго лицея, т. LIX, 446, т. LXII, 2.14, 913.
- де-Бей, баронъ, археологъ, т. LIX, 314.
- Бенетовъ, Андр. Ник., ректоръ Сиб. университета, т. LXII, 566.
- Бельтовъ, П., публицистъ, т. LXII, 953, 956.
- Бендиовскій, генераль, т. LIX, 67.
- Бенсфонъ, Пьеръ, французскій писатель, т. LXI, 504.
- Бенкендорфъ, А. X., графъ, шефъ жандармовъ, т. LXI, 161—163.
- Бергъ, генераль, т. LIX, 56; т. LX, 380.
- Бердяевъ, С. А. *Статья ею*: Новил раскопки въ Троѣ, т. LIX, 287—296.
- Берне-Левро, Оскаръ, страсбургскій типографъ, т. LXII, 628.
- Бертло, французскій химикъ, т. LIX, 655.
- Бершенъ, Шарль, французскій писатель, т. LX, 649.
- Бестужевъ-Рюминъ, К. Н., историкъ, профессоръ Сиб. университета, т. LXII, 567, 571.
- Беций, Ив. Пав., главный опекунъ сиб. Воспитательнаго дома. *Записка о столѣтіи со дня его кончины*, т. LXII, 293.
- Бибиковъ, Д. Г., министръ внутреннихъ дѣлъ, т. LIX, 389, 390.
- Бисмаркъ, германскій канцлеръ, т. LX, 645, 646. *Записка о его юбилей*, т. LX, 643—645.
- Бистромъ, генераль, т. LIX, 52.
- Битпанъ, издатель, т. LXI, 358.
- Блиндъ, Карль, археологъ, т. LIX, 291.
- Блокъ, кирасиръ, т. LX, 418.
- Боборынинъ, П. Д., писатель, т. LIX, 792, 796, т. LX, 192, т. LXII, 472.
- Бобынинъ, В. В., т. LXII, 647.
- Богарне, Александръ, т. LXI, 221.
- Бокрамъ, типографъ, т. LXII, 371.
- Бонъ, фонъ, А. Р., профессоръ скульптуры императорской акад. художествъ. *Некрологъ ею*, т. LXII, 303—304.
- Болдамовъ, И. М., библиотекарь Императорской Публичной библиотеки, т. LXII, 1000.
- Болдыревъ, плацъ-маіоръ, т. LIX, 60.
- Большани, А., профессоръ Казанскаго университета, т. LIX, 158, 167.
- Бомбель, Шарль, маркизъ, французскій эмигрантъ, т. LIX, 322, 673.
- Бонапарте, Карль, т. LIX, 240.
- Бонаръ, Томсонъ, т. LXII, 721, 722.
- Бориславскій, генераль-маіоръ, т. LXII, 438.
- Боровскій, Кацперъ, плоцкій епископъ, т. LXII, 552.
- Бородавская, В. *Статья ея*: Надежда Васильевна Стасова (біографическій очеркъ), т. LXII, 561—572.
- Бородины:**
- А. П., профессоръ химіи, т. LX, 844.
- В. П., издатель, т. LXI, 356—358.
- Бороздинъ, А. К. *Статья ею*: Алексѣй Николаевичъ Алухтинъ, т. LX, 465—485. *Библиографическія записки ею*: Старые поэты въ новыхъ русскихъ переводахъ. Дантъ, Боккаччо, Аріостъ, Сервантесъ, Байронъ. Критическій очеркъ съ точки зрѣнія ученія о поэзіи, какъ выраженіи вселенскаго Логоса. А. Н. Гилларовъ, т. LIX, 303—305. Костромская старина. Сборникъ, издав. Костромскою губернскою архивной комиссіей. Выпускъ третій, т. LIX, 653. Критическіе опыты Н. К. Михайловскаго. Иванъ Грозный въ русской литературѣ. Герой безвременья, т. LIX, 953—955. Столѣтіе російской конной артиллеріи, т. LX, 302, 305. Акты Московскаго государства, издаанные Академіей наукъ подъ ред. Н. А. Попова. Томъ II. Разрядный приказъ, т. LX, 305, 306. Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Изданіе управления Кавказскаго учебнаго округа. Выпускъ XIX и XX. Указатель къ I—XX выпускамъ «Сборника», т. LXI, 782—784.
- Буттадео, Джіовани, т. LXII, 982.
- Боцяновскій, В. *Библиографическія записки ею*: Алексѣй Веселовскій. Этюды и характеристики, т. LX, 304, 305. Забелинъ, Ив. Домашній бытъ русскихъ

- царей въ XVI и XVII вв., т. LX, 897—898. Николай Михайловичъ Ядринцевъ. Биографическій очеркъ, составл. Б. Глинскимъ, съ предисловіемъ В. Острогорскаго и приложеніемъ воспоминаній Г. Потанина, т. LXI, 213, 214.—Описание документовъ и бумагъ, хранящихся въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи. Книга девятая, т. LXI, 784—785.—О положеніи православія и русской народности въ Пинскомъ удѣльномъ княжествѣ и городѣ Пинскѣ до 1793 года. А. Милюдова, т. LXI, 785.—Архивъ Юго-Западной Россіи, издаваемый комиссіею для разбора древнихъ актовъ, состоящей при кievскомъ, волынскомъ и подольскомъ генераль-губернаторѣ. Часть первая. Т. IX, Т. LXI, 786. Баронъ Николай Александровичъ Корфъ въ письмахъ къ нему разныхъ лицъ. Общая характеристика барона Корфа и пять отдѣльных очерковъ о его дѣятельности. Составилъ М. І. Песковский, т. LXII, 617—618.
- Бочаровъ, М. И.**, академикъ декоративной живописи. *Некрологъ его*, т. LXI, 829.
- Бранловскій, С. Н.**, писатель. *Статья его: Царевъ шинигъ*. Т. LXII 881—900; т. LXII, 644.
- Брандесъ, Георгъ**, скандинавскій критикъ, т. LX, 644.
- Браницій, Ксаверій Петровичъ**, графъ, т. LXII, 175.
- Браудо, А. И.** *Замѣтка о его рефератѣ*, т. LIX, 988. *Письмо его* въ редакцію, т. LXII, 660, 661.
- Бревертъ, флигель-адъютантъ**, т. LX, 782.
- Бриннеръ, А. Г.**, проф. *Статьи его: Екатерина II и французская революція*, т. LXI, 411—420. Князь Г. А. Потемкинъ. По запискамъ графа Ланжерона, т. LXII, 818—843.
- Бронзовъ, А.** *Библиографическая замѣтка его: Пономаревъ, Памятникъ древне-русской церковно-учительной литературы*. Вып. I, содержащій поученія Луки Жидята, митрополита Иларіона, Θεодосія Печерскаго и Кирилла Туровскаго, т. LX, 628—629.
- Бруннеръ, генераль**, т. LIX, 781.
- Брюкнеръ, Альфредъ**, археологъ, т. LIX, 288.
- Брянскій, актеръ**, т. LIX, 72, 73.
- Брянчаниновъ, Н. С.**, рязанскій губернаторъ, т. LXII, 638, 639.
- Брылинъ, офицеръ**, т. LXII, 462.
- Буличъ, Н. Н.**, профессоръ и ректоръ Казанскаго университета. *Некрологъ его*, т. LXI, 821—823.
- Бунге, Н. X.**, предсѣдатель комитета министровъ. *Некрологъ его*, т. LXI, 509—512.
- Бунина, Анна Петр.**, писательница. *Статья о ней*, т. LXII, 164—173.
- Бураковский, С. З.**, педагогъ, т. LXI, 629, 636.
- Буренинъ, В. П.**, критикъ. *Статья о немъ*, т. LXII, 503—517. *Упомин.* т. LXII, 498, 499, 815.
- Бурже, Поль**, французскій романистъ, т. LXI, 803—805.
- Бутурлинъ, П. Д.**, графъ, поэтъ. *Некрологъ его*, т. LXI, 731—832.
- Бутлеровъ, А. М.**, профессоръ Казанскаго университета, т. LIX, 160.
- Бушень, генераль**, т. LX, 170.
- Бѣлоголовый, Н. А.**, докторъ медицины. *Статья о немъ*, т. LXII, 573—580. *Некрологъ его*, т. LXII, 301—303.
- Бѣлозерскій, Е. М.** *Статья его: Къ біографіи поэта А. И. Полежаева*, т. LXI, 644—647.
- Бѣляевъ, Д. Ѳ.**, ученый, т. LXII, 646.
- Быновъ, П. В.**, библіографъ, т. LXII, 810.
- Бурдо, Огюстъ**, французскій унтеръ-офицеръ, т. LXI, 799.
- Бюрно, Н. И.**, студентъ, т. LIX, 167.
- Бэкеръ, Джемсъ**, англійскій историкъ, т. LXI, 491.

В.

- В. Библиографич. замѣтка его:** Князь А. В. Добановъ-Ростовскій. Русская родословная книга. 2 тома. Изданіе 2-е. Т. LXII, 257—259.
- Вагензейль, Елена**, т. LXII, 985.
- Валентини, Филиппъ**, американскій ученый, т. LIX, 962.
- Валуовъ, В. А.**, графъ, статсъ-секретарь, писатель. Т. LX, 376, 377; т. LXII, 176, 177, 179, 180.
- Вальбергъ, французскій писатель**, т. LIX, 669.
- Вальтеръ, А. П.**, медикъ, т. LX, 183.
- Вандаль, Альбертъ**, французскій писатель. Т. LX, 321; т. LXI, 502.
- Ванъ-Дикъ**, голландскій художникъ, т. LXII, 635.
- Варнава, іеромонахъ**, т. LXII, 159—162.
- Варшавскій, Абрамъ Моисеевичъ**, т. LXII, 706—709, 721, 722.
- Васильевскій, В. Г.**, профессоръ Сиб. университета, академикъ. *Замѣтка о юбилей его тридцатилѣтней ученой дѣятельности*. Т. LX, 657—658; т. LXII, 645.
- Васильевы:**
— М. В., академикъ, профессоръ живописи. *Некрологъ его*, т. LXII, 1015.

- Петръ Григ., преподаватель русскаго языка, т. LIX, 991.
- Васильчиковы:**
- А. А. *Библиографическая замѣтка о книгѣ его: Семейство Разумовскихъ. Томъ первый*, т. LX, 306.
- А. И., князь, земскій дѣятель, т. LXI, 641.
- кн., кievскій генерал-губернаторъ, т. LIX, 390, 393, 396.
- Введенскій, А. И.**, критикъ, т. LXII, 810.
- Веберъ, Ф. Д.**, докторъ, т. LX, 136.
- Веймаръ, П. Ф.**, генералъ, т. LIX, 57, 69.
- Вейнбергъ, П. И.**, писатель, т. LXII, 999.
- Вейнель, Максъ**, археологъ, т. LIX, 288.
- Веллингтонъ**, англійскій полководецъ. *Замѣтка о немъ*. Т. LIX, 665—666.
- Венгеровъ, С. А.** *Библиографическая замѣтка о книгѣ его: Кратко-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ. Томъ IV*, т. LX, 618—620. *Упомянется*, т. LXI, 343.
- Верди дю-Вернуа**, французскій генералъ. Т. LXI, 227—229; т. LXI, 800.
- Веровины:**
- А. В., писатель, т. LX, 212.
- М. И., писатель. *Замѣтка о столѣтней годовщинѣ его смерти*, т. LX, 659—660.
- Верещагинъ, Ник. Вас.**, сельскій хозяинъ, т. LXI, 347.
- Вербицкій, Т. I.** *Библиографическая замѣтка о составленной имъ «Памятной книжкѣ Курской губерніи на 1894 годъ»*. Т. LIX, 805—307.
- Вержбовскій, Мих.**, каноникъ, т. LXII, 556.
- Вернеръ, Е. А.**, писатель, т. LXII, 794, 795, 810—813.
- Веселаго, Феодосій Фед.**, генералъ, предсѣдатель комитета морскихъ учебн. заведеній. *Некрологъ его*, т. LXII, 1005, 1006.
- Веселовскій, Алексѣй Ник.** *Библиографическая замѣтка о книгѣ его: Этюды и характеристики*, т. LX, 304.
- Весинъ, Л. П.**, лятераторъ. *Некрологъ его*, т. LX, 662.
- Вестеррихъ**, т. LIX, 52.
- Винторовъ, Н.** *Статья его: Британскій музей*, LIX, 256—286. *Кружокъ шестнадцати*, т. LXII, 174—182. *Замѣтка по поводу этой статьи*, т. LIX, 686, 687.
- Виллѣ, Я. В.**, баронъ, т. LIX, 59.
- Вильгельмъ I**, германскій императоръ, т. LXII, 288.
- Вильгельмъ II**, императоръ германскій, т. LIX, 669—671.
- Вильгельмъ Оранскій**, шратгалтеръ голландскій, т. LXII, 625.
- Вильсонъ, Вудро**, американскій историкъ, т. LXII, 278—279.
- Вильчковскій, П. А.**, главный врачъ Николаевскаго госпиталя, т. LX, 846.
- Виноградовъ, П. Г.**, профессоръ Московскаго университета, т. LXI, 820.
- Витбергъ, Ф. А.** *Статьи его: Россія въ словарѣ Ларусса*, т. LIX, 937—945. *Къ будущему изданію полного собранія сочиненій В. А. Жуковскаго*. Т. LXI, 165—173; т. LXII, 1015, 1016.
- Витвортъ, Джорджъ**, англійскій посланникъ, т. LXII, 846.
- Витгенштейнъ**, князь, т. LXI, 70.
- Витовтовъ**, генералъ, т. LIX, 69—71.
- Витте, С. Ю.**, министръ финансовъ, т. LXII, 241, 251.
- Владевичъ, Филовей Вукловичъ**, протоіерей. *Статья о немъ*, т. LXII, 901—917.
- Владиміръ**, св. великій князь, т. LXI, 240.
- Возсіусъ, Корнелія**, т. LXII, 984.
- Волновъ, Фед.**, первый актеръ, т. LXI, 713, 714.
- Волконскій, П. М.**, кн., флигель-адъютантъ, т. LIX, 73, 183.
- Воллсъ, Джонъ.** *Романъ его: Паденіе Царьграда (Приложеніе)*, т. LIX—LXII.
- Вольсей, лордъ**, т. LIX, 667.
- Вольтеръ**, философъ, т. LX, 639.
- Воробьевъ, Г.** *Статья его: Кафедральный соборъ въ Плодкѣ*, т. LXII, 543—560. *Библиографическая замѣтка его: Чаевскій. Warszawa Ilustrowana*, т. I. *Stara Warszawa*, т. LX, 895—896.
- Вороновъ, А. С.**, членъ совѣта министерства народнаго просвѣщенія, т. LXI, 573.
- Воронцовъ**, кн., Мих. Сем., кавкаскій намѣстникъ, т. LIX, 62.
- Воскобойниковъ, Ник. Яковлевичъ.** *Некрологъ его*, т. LIX, 991.
- Вудъ, Эвелинъ**, англійскій генералъ, т. LIX, 666—668.
- Вѣтринскій, Ч.** *Статья его: Первая русская газета въ Прибалтійскомъ краѣ*, т. LXI, 152—159.
- Высоцкій**, польскій патриотъ, т. LIX, 55.
- Вышеславцевъ, А. В.**, т. LXI, 646.
- Вышнеградскій, И. А.**, министръ финансовъ. *Некрологъ его*, т. LX, 663—664.
- Вязмитиновъ**, петербургскій генерал-губернаторъ, т. LXI, 798.

Г.

- Гавриилъ (Ипецкій), митрополитъ, т. LXII, 903.
- Гагарины: А. П., княгиня. *Статья о ней*: княгиня А. П. Гагарина, урожденная Лопухина, т. LIX, 177—189.
- П. С., князь, иезуитъ, т. LXII, 179.
- Петръ Гагр., кн., т. LIX, 186.
- П. П., кн., т. LIX, 113.
- кн., воронежскій предводитель дворянства, т. LIX, 731, 734, 735.
- Гай, Людевитъ, хорватскій публицистъ, т. LIX, 336.
- Гайдебуровъ, П. А., публицистъ, т. LX, 154.
- Галилей, астрономъ. *Замѣтка о его дочери*, т. LX, 310—312.
- Гамбургевъ, *Библиографическая замѣтка о его книгѣ*: Архитекторская команда. Очеркъ московскихъ учреждений, вѣдавшихъ строительное дѣло и обученіе ему, т. LXI, 488—489.
- Ганото, французскій министръ иностранныхъ дѣлъ, т. LIX, 626.
- Гарibaldi, итальянскій патриотъ, т. LIX, 668, 669.
- Гарнетъ, Констанція, англійская переводчица, т. LIX, 330.
- англійскій ученый, бібліотекаръ Британскаго музея, т. LIX, 277.
- Гаршинъ, Е. М. *Статья его*: Неразгаданная книга, т. LIX, 883—889.
- Гаспари, Адольфъ. *Библиографическая замѣтка о его книгѣ*: Исторія итальянской литературы, томъ 1-й. Итальянская литература среднихъ вѣковъ. (Переводъ К. Бальмонта), т. LXII, 609—611.
- Гасфордъ, генералъ, т. LXII, 458, 459, 461.
- Гаузеръ, Каспаръ, предполагаемый сынъ Наполеона I. *Замѣтка о немъ*: т. LXI, 504, 505.
- Гвоздевъ, директоръ департамента общихъ дѣлъ, т. LIX, 381.
- Гегбартъ, Эмиль, французскій писатель, т. LXII, 981.
- Гейденъ, графъ, т. LIX, 777.
- Генсли, Томасъ, ученый. *Замѣтка о его смерти*, т. LXI, 505, 506.
- фонъ-Геллесемъ, гардемаринъ, т. LXII, 128.
- Генрихъ VIII, англійскій король, т. LIX, 333; т. LXII, 624.
- фонъ-Генрици, А. А., хирургъ. *Некрологъ его*: т. LXII, 655.
- Генцель, Н. Н., докторъ, т. LX, 458.
- Георгъ III, король англійскій, т. LXI, 498.
- Гербертъ, Вильямъ, англійскій публицистъ, т. LX, 917.
- Гермевъ, Георгій, полковникъ, т. LXII, 913.
- Гермониусъ. Т. LX, 581.
- Герценъ, А. И., писатель-публицистъ, т. LX, 190; т. LXII, 181, 577.
- Герштенцевъ, варшавскій генералъ-губернаторъ, т. LX, 53.
- Гете, Вольфъ, писатель, т. LIX, 656—658; т. LX, 312, 313; т. LXII, 272—276.
- Гецевичъ, В. П., валдайскій помѣщикъ, т. LXI, 753.
- Гиббонъ, Эдуардъ, англійскій историкъ. *Замѣтка о его юбилей*: т. LIX, 326—328.
- Гильденштубе, А. П., генералъ, т. LXI, 79.
- Гильфердингъ, А. Ф., ученый, т. LIX, 309.
- Гилларовъ, А. Н. *Библиографическая замѣтка о его книгѣ*: Старые поэты въ новыхъ русскихъ переводахъ. Дантъ, Боккаччо, Аріостъ, Сарвантесъ, Байронъ. Критическій очеркъ съ точки зрѣнія о поэзіи, какъ выраженіи вседенскаго логоса, т. LIX, 303—305.
- О. А., педагогъ и публицистъ. *Некрологъ его*: т. LXII, 300—301.
- Гилларовъ-Платоновъ, плататель газеты «Соврем. Извѣстія», т. LXII, 794, 795.
- де Ганотъ, Бернардъ, римскій архитекторъ, т. LXII, 546.
- Глинка, А. П., писательница. *Замѣтка о столѣтій со дня ея рожденія*: т. LXI, 806—807.
- Серг. Ник., писатель. *Библиографическая замѣтка о его запискахъ*, т. LXII, 962—966.
- Глинскій, Б. Б. *Статьи его*: Народная грамотность, т. LIX, 571—585. Неудачный слѣздъ, т. LX, 575—590. Женщины-врачи на общественной службѣ, т. LX, 827—859. Русскій читатель и его книга, т. LXI, 446—466. Заброшенный край, т. LXII, 239—255, 581—603. Молодежь и ея руководители, т. LXII, 931—960. *Библиографическія замѣтки его*: Памятная книжка Курской губерніи на 1894 годъ. Изд. Курскимъ статистическимъ комитетомъ, составлена секретаремъ комитета Т. І. Вержбицкимъ, т. LIX, 305—307. Н. Барсуковъ. Жизнь и труды М. П. Погодина. Книга IX, т. LX, 881—885. Митовичъ Констанція, послѣдній византійскій императоръ, или завоеваніе Константинополя турками, т. LX, 889—890. Историческое обозрѣніе. Сборникъ историческаго общества при С.-Петербургскомъ университетѣ, издаваемый подъ редакціей Н. И. Карѣева (1895 г.), т. LXI, 477—484. Сочиненія А. Скабичевскаго. Критическіе этюды, публицистическіе очер-

- ки, литературныя характеристики. 2 тома. Изданіе второе, т. LXII, 263—264. Записки Сергія Николаевича Глинки, т. LXII, 962—966. *Замѣтка о немъ*, т. LXII, 659—660. *Отзывъ его „Огдѣлу для содѣйствія самообразованію“*, т. LXII, 661, 662.
- Глоговскій, Павелъ, плоцкій деканъ, т. LXII, 557.
- Говениусъ, художникъ, т. LXI, 316.
- Гогенлозъ, князь, германскій канцлеръ, т. LIX, 667—671.
- Гоголь, Ник. Вас., писатель, т. LXI, 444, т. LXII, 496.
- Голенищевы-Нутузовы: А. А., графъ, поэтъ. *Статья о немъ*. Т. LIX, 500—517, т. LXI, 360.
- Михайль Илар., князь Смоленскій, фельдмаршалъ, т. LXII, 913.
- Голине, Р. Р., типографъ, т. LX, 864, 877.
- Голицыны: А. Н., князь, министръ просвѣщенія и духовн. дѣлъ, т. LIX, 454.
- Б. Б., князь, т. LXII, 647.
- Головачевъ, Ник. Никитичъ, военный губернаторъ; т. LIX, 127—128, 773, т. LX, 767.
- Головинъ, Н. А., поэтъ, т. LXI, 355.
- Головинъ, И. А., т. LIX, 784.
- Головинъ, А. В., министръ народнаго просвѣщенія, т. LXII, 78, 80.
- Голубевъ, А. А., писатель. *Некрологъ его*. Т. LXII, 1009—1010.
- Голубовскій, П. В. Библиографическая замѣтка о его изслѣдованіи: *Исторія Смоленской земли до начала XV столѣтія*, т. LXII, 612—617.
- Гольдбергъ, Исидоръ, основатель перваго русскаго завода скоропечатныхъ машинъ, т. LX, 864.
- Гольдштейнъ, т. LX, 585.
- Гонкуръ, Эдмонъ, французскій писатель, т. LX, 324.
- Гончаровъ, И. А., писатель; т. LIX, 330. *Статья о его романѣ „Обрывъ“*, т. LIX, 883—889.
- Горголи, петербургскій оберъ-полицеймейстеръ, т. LXI, 798.
- Горемыка, капитанъ, т. LX, 168.
- Горювенно, Маркъ Филии., контръ-адмиралъ, т. LXII, 132, 134, 135.
- Горчаковъ, Мих. Дм., князь, генералъ-фельдмаршалъ, т. LX, 46, 48.
- Пегръ Дм., князь, генералъ-губернаторъ Сибири, т. LXII, 436.
- Граббе, Ник., графъ, т. LXI, 781.
- де-Граве, А. Ф., генералъ-маіоръ, комендантъ крѣпости Омскъ, т. LXII, 439.
- Гржимало, польскій повстанецъ, т. LX, 457.
- Гребенинъ, капитанъ, т. LIX, 418, 428.
- Грегюаръ, Л. Библиографическая замѣтка о книгѣ его: *Исторія Франціи въ XIX в. Томъ II. Июльская монархія съ 1832 по 1848 г.*—февральская революція, переводъ М. В. Лучацкой, т. LX, 630.
- Грибовскій, А. М., статсъ-секретарь императрицы Екаторины II, т. LX, 340—342.
- Грибоѣдовъ, А. С., писатель. *Статья о его драматическихъ произведеніяхъ*; т. LIX, 171—176. Упомянется въ статьѣ: *Московское общество въ изображеніи Грибоѣдова и графа Л. Толстого*, т. LX, 722—758.
- Грузинскій, С. Я., князь, т. LIX, 114, 782.
- Губастовъ, К. А. *Библиографическая замѣтка его: Genealogie zyjacych utytułowauych rodów Polskich*, т. LXII, 966—967.
- Губерти, Н. *Замѣтка его: Статсъ-секретарь А. М. Грибовскій*, т. LX, 340—342.
- Гудювъ, Петръ Алекс., профессоръ, LX, 59.
- фонъ-Гундероде, Каролина, нѣмецкая поэтесса, т. LX, 313, 314.
- Гурко, Г. В., варшавскій генералъ-губернаторъ, т. LIX, 49, 50, 53, 56, 62.
- Гуссъ, Мельхиоръ, составитель хроники, т. LXII, 636.
- Густавъ-Адольфъ, шведскій король. *Замѣтка о его юбилеѣ*, т. LIX, 658, 659.
- Гзъ, лейтенантъ, французскій вице-консулъ, т. LXII, 990.
- Гюи-де-Пибранъ, французскій поэтъ, т. LXI, 220.
- Гюиъ, Вентворъ, англійскій корреспондентъ, т. LIX, 981.

Д.

- Даллеръ, докторъ, т. LIX, 49.
- Данауровъ, губернаторъ, т. LIX, 381, 382.
- Данилевскій, В. Я., профессоръ Харьковскаго университета, т. LIX, 680.
- Данте, Алягіеръ, писатель, т. LXII, 620.
- Дарестъ, французскій академикъ, т. LX, 308.
- Демидовъ, П. Г., основатель Ярославскаго юридическаго лицеза, т. LXII, 294, 295.
- генералъ, т. LIX, 41—42.
- фонъ-Дервизъ, Пав. Грнг., сынъ директора Гатчинск. института, т. LXI, 573, т. LXII, 381, 382.
- Державинъ, Г. Р., поэтъ, т. LXI, 660, 661, 665—667.

- Деруладъ**, французскій дипломатъ, т. LX, 921.
- Дерфельдъ**, Вильгельмъ, профессоръ, т. LIX, 288, 292.
- Деспотъ-Братошинскій-Зеновичъ**, А. И., государственный дѣятель, некрологъ его, т. LXI, 516.
- Дестунисъ**, Г. С., профессоръ, некрологъ его, т. LX, 931.
- Десрють-де-Траси**, французскій писатель, т. LIX, 661.
- Джабадари**, И., библиографическая замѣтка о книгѣ его: Смертная казнь въ связи съ правомъ наказанія, т. LXI, 214.
- Дженнеръ**, первый оспопрививатель. *Замѣтка* о столѣтїи со дня перваго опыта оспопрививанія, т. LXI, 812.
- Дионисдо**, живописецъ, т. LXII, 68, 69.
- Джонсъ**, Поль, морякъ. *Статья о немъ*: Одна изъ екатерининскихъ мордашекъ на Черномъ морѣ, т. LXI, 174—200.
- Дибичъ-Забалканскій**, Ив. Пв., графъ, главнокомандующій, фельдмаршалъ, т. LIX, 52, 53.
- Диленторскій**, П. Библиографич. замѣтка объ изданномъ подъ редакціею его литературно-научномъ сборникѣ: Воложанинъ, т. LXII, 265—266.
- Дмитріевъ**, А. А., провинціальный ученый, т. LXII, 644.
- Дмитровскій**, В. И., полковникъ генер. штаба, т. LIX, 131.
- Догель**, А. С., проф. Томскаго университета, т. LIX, 680, т. LXI, 507—508.
- Долговъ**, С. О., хранитель рукописей Московскаго Румянцевскаго музея, т. LXII, 644.
- Долгоруковы**: Влад. Андр., князь, московскій генераль-губернаторъ, т. LXI, 352.
- Юрій Влад., князь, т. LIX, 183.
- Доленга**, Александръ, плоцкій еписк., т. LXII, 544.
- Домонтовичъ**, Н. И., некрологъ его, т. LXI, 730—731.
- Дорохова**, М. А., письма къ ней В. А. Жуковскаго; т. LIX, 924—936, т. LX, 340.
- Достоевскіе**: Фед. Мих., писатель; т. LIX, 879, т. LX, 121, т. LXII, 440, 447, 448, 450, 451—453, 455, 460, 461, 468, 471, 472, 481—484, 791.
- Анна Григ., жена писателя, т. LX, 134.
- Драгомановъ**, М. П., историкъ и публицистъ. *Некрологъ его*, т. LXI, 515. *Упомин.*, т. LX, 653.
- Драгомировъ**, М. И., начальникъ кievскаго военнаго округа, т. LIX, 903.
- Дризень**, Н. В., баронъ, статья его: Любительскій театръ при Елизаветѣ Петровнѣ, т. LXI, 701—722.
- Дрожининъ**, Спиридонъ Дм., крестьянинъ, поэтъ, т. LXI, 345—353.
- Дроздова**, Евг. Андреева, т. LXI, 645.
- Друцкой-Сокольниковскій**, Дм., кн., т. LIX, 131.
- Друзнь-де-Луи**, французскій министръ иностранныхъ дѣлъ, т. LX, 912.
- Дубасовъ**, И. И., предсѣдатель Тамбовской ученой архивной комиссіи. *Статья его*: Былые добрые люди Тамбовскаго края; т. LXI, 648—672. *Поправка къ статьѣ*, т. LXII, 656.
- Дубельтъ**:
— Леонтій Вас., начальникъ III отдѣленія собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, т. LXII, 176.
— К. П., генераль-лейтенантъ, т. LXI, 160.
- Дунинъ-Вольскій**, Петръ, великій коронный канцлеръ, епископъ перемышльскій, т. LXII, 550.
- Дунинъ-Борновскій**, Северьянъ. *Библиографическая замѣтка о книгѣ его*: Genealogie żyjących rodów Polskich, т. LXII, 966—967.
- Дурасовъ**, Мих. Александр., поручикъ лейбъ-гвардіи Волынскаго полка, т. LXI, 585, 588, 589—591, 594, 598.
- Дуровъ**, Серг. Фед., т. LXII, 448, 450, 460, 461.
- Дьяновъ**, А. А. (Житель), писатель-публицистъ. *Некрологъ его*, т. LXI, 823—827.
- Дювернуа**, А. Л., профессоръ Московскаго университета.
- Дюненуа**, Адриенъ, французскій депутатъ. *Замѣтка о немъ*, т. LXI, 221—223.
- Дюко**, Жанъ-Франсуа, французскій писатель, т. LIX, 661.
- Дюрюи**, французскій историкъ, т. LIX, 324—326.

Е.

- Евреиновъ**, полковникъ, т. LXI, 583.
- Европеусъ**, А. К., писательница. *Некрологъ ея*, т. LX, 663.
- Евфросинъ**, старецъ, авторъ раскольничьяго трактата, т. LXII, 969.
- Екатерина I**, императрица, т. LXII, 630, 631.
- Екатерина II**, императрица, т. LIX, 442, 444—447, 672, 988. *Упоминается въ статьяхъ*: Французская художница при дворѣ Екатерины II, т. LIX, 913—923. Одна изъ екатерининскихъ мордашекъ на Черномъ морѣ, т. LXI, 174—200. Екатерина II и французская революція, т. LXI, 411—420, 793, 794. Екатерина II, какъ литераторъ и драматургъ, т. LXII, 283, 284.

Енебладъ, графиня, т. LXII, 986.
Елаичъ, Ф. I., профессоръ, т. LIX, 158, 167, 168, 169.
Елена Павловна, вел. кн., т. LIX, 71.
Елизавета Петровна, императрица. Т. LX, 550, 551; т. LXI, 472, 631.
Елмстевъ, А. В., путешественникъ. *Некрологъ его*. Т. LX, 932; т. LXI, 512—515.
 — Г. З., публицистъ, т. LXII, 73, 74, 727, 728, 731.
Елшавичъ, учитель гимназій, т. LXI, 629.
Ельцинскій, В. П., проф. Московскаго университета. *Некрологъ его*, т. LXII, 655—656.
Енжеранъ, Фернанъ, французскій писатель, т. LXI, 790.
Ераковъ, А. Н., полковникъ, т. LIX, 900.
Еремѣевъ, С. Л., симбирскій губернаторъ, т. LIX, 118.
Ермолова, М. Г., инспектриса женскихъ курсовъ, т. LX, 843.
Ермоловъ, А. П., главнокомандующій на Кавказѣ, т. LIX, 895—896.
Ефимовичъ, полковникъ. Т. LIX, 75; т. LXII, 539.

Ж.

Жандръ, А. П., сенаторъ, вице-адмиралъ. *Некрологъ его*, т. LXII, 1010, 1011.
Жвирждовскій, поручикъ, т. LXI, 586.
Ждановъ, И. Н., проф. историко-филологическаго института. *Замѣтка* о его докторскомъ диспутѣ, т. LXI, 508—509.
Жейваронскій, солдатъ, т. LXI, 330.
Жене, французскій посланникъ, т. LIX, 673.
Жизневскій, А. К., провинціальнѣйшій ученикъ, т. LX, 206, 213.
Жирневичъ, А. В., писатель, т. LIX, 878.
Житовъ, полковникъ, т. LIX, 55.
Жозефина, императрица, первая жена Наполеона I, т. LXI, 223—224.
Жоржъ, актриса, т. LXI, 798.
Жуковичъ, В. Н., профессоръ С.-Петербургской духовной академїи, т. LXII, 644.
Жуковскій, В. А., писатель. *Неизданныя письма его* къ М. А. Дороховой, т. LIX, 924—936. *Статья о немъ*: Къ будущему изданію полнаго собранія сочиненій В. А. Жуковскаго. Т. LXI, 165—173; т. LXII, 1015, 1016. *Упом.*, т. LX, 339—340, 816.
 — губернаторъ, т. LIX, 382.

З.

Забѣлинъ, И. Е. *Библиографическая замѣтка о книгѣ его*: Домашній бытъ русскихъ царей въ XVI и XVII вѣкѣ. Ч. I. Т. LX, 897—898.
Загряжская, Нат. Кирил., т. LIX, 183.
Занревскій, А. А., графъ, московскій генераль-губернаторъ, т. LIX, 721, 722, 726.
Залуговскій, штабъ-докторъ, т. LXII, 440.
Залтскій, А., польскій публицистъ, изд. газеты «Слово». *Некрологъ его*, т. LXI, 832.
Зибель, Генрихъ, германскій историкъ. *Замѣтка* о его смерти, т. LXI, 802, 803. *Упом.* т. LXI, 801.
Зигеръ-Корнъ, инженерный поручикъ, т. LXII, 65.
Зиновьевы:
 — Ник. Вас., генераль-адъютантъ, т. LIX, 780, 781.
 — нижегородскій помѣщикъ, т. LXI, 690—693, 700.
 — нарвскій комендантъ, томъ LXII, 46—48.
Златовратскій, Н. Н., писатель, т. LXII, 814.
Золя, Эмиль, французскій писатель, т. LIX, 879; т. LXI, 804.
Зоммеръ, Р. К., преподаватель нѣмецкаго языка, т. LXII, 295.
Зотовъ, В. Р., *Библиографическая замѣтка его*: Венгеровъ. Критико-биографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ, т. IV. Т. LX, 618—621. Заграничныя историческія новости. Т. LIX, т. LX. *Упомянется*, т. LXI, 347.
Зубовы:
 В. П., графъ, т. LIX, 384.
 — Платонъ Александровичъ, князь, временщикъ, т. LXII, 814.
 — Ольга Александровна. гр., т. I. XII, 845.
 — купецъ, т. LIX, 385.
Зубчаниновъ, А. П., граверъ. *Замѣтка* о его тридцатипятилѣтней дѣятельности, т. LXI, 421—428.
Зюновъ, И. Ф., врачъ, т. LXII, 460.

И.

Ивановы:
 — Андрей, священникъ, т. LXI, 684—688.
 — К. *Библиографическая замѣтка о книгѣ его*: Средневѣковный городъ, т. LXI, 303.
 — Н. А., военный губернаторъ, т. LX, 779.

Иверсенъ, Александръ, первый редакторъ «Остзейскаго Вѣстн.», т. LXI, 152.

Игнатьевы:

— генераль-адъютантъ, председатель комитета министровъ, т. LX, 31.

— Павелъ Ник., капитанъ генеральнаго штаба, т. LXI, 598.

Изабелла, королева испанская, т. LIX, 323.

Иларіонъ, епископъ полтавскій, т. LXI, 813; т. LXII, 640.

Иловайскій, Д. Н., историкъ, т. LXII, 639.

Ильины:

— Д. С., лейтенантъ, чесменскій герой. *Замѣтка* объ открытіи ему памятника, т. LXI, 507.

— поручикъ, т. LXII, 449.

Иннокентій, московскій митрополитъ, т. LXII, 704, 708, 718—721.

Ирвингъ, Генри, англійскій актеръ. *Статья о немъ*: Первый титулованный актеръ, т. LXI, 762—781.

Исаковъ, Кир. Григ., московскій купецъ, т. LXII, 199.

Истринь, В. *Библиографическая замѣтка о книгѣ его*: Александрія русскихъ хронографовъ, т. LIX, 645—647.

И.

Иегерь, О. *Библиографическая замѣтка о сочиненіи его*: Всеобщая исторія. Переводъ съ нѣмецкаго подъ ред. П. Н. Полевого, т. LIX, 302—303.

Юакинний, архіепископъ варшавскій, т. LX, 52.

Иванъ IV, Грозный, русскій царь, т. LIX, 953, 954; т. LXI, 238, 239, т. LXII, 286.

Юдль, Ф. *Библиографическая замѣтка о книгѣ его*: Этика и политическая экономія. Переводъ Острогорскаго. Т. LX, 624—625.

Юсифъ II, австрійскій императоръ, т. LXI, 792, 793.

Юстинъ, ерхіепископъ владимірскій, т. LIX, 389.

Юстинъ, епископъ рязанскій, т. LXII, 637.

К.

Кавелинъ, военный губернаторъ г. Пегербурга, т. LXI, 309.

Казн, М. И., председатель техническаго общества, т. LX, 579.

Казимъ, Ник. Габ., вице-адмиралъ, директоръ Московскаго корпуса, т. LXII, 126, 146.

Кальманьини, итальянскій писатель, т. LXI, 495.

Каменецкій, сотникъ, т. LX, 771.

Каменскій, М. Ф., графъ, тамбовскій губернаторъ, т. LXI, 660, 661,—665.

Кампредонъ, французскій дипломатъ, т. LXII, 631.

Канкринъ, Е. Ф., графъ, мин. финансовъ. *Замѣтка о пятидесятилѣтіи со дня его кончины*: т. LXII, 293.

Каннабихъ, генераль, т. LX, 160.

Канробертъ, послѣдній французскій маршалъ, т. LIX, 977—979, т. LXII, 286.

Кантемиръ, А. Д., писатель, т. LIX, 800.

Камшу, Чезаре, итальянскій историкъ, т. LX, 322.

Канья, Робертъ, профессоръ французской коллегіи, т. LX, 631.

Каприви, графъ, германскій канцлеръ, т. LIX, 669—670.

Карелинъ, А. А., почетный вольный общникъ Академіи Художествъ, т. LXII, 1002.

Карлгофъ, Ник. Ив., генераль-лейтенантъ, начальникъ управленія иррегулярныхъ войскъ, т. LXII, 536.

Карль-Фердинандъ, князь, плоцкій епископъ, т. LXII, 559.

Карль XII, король шведскій, т. LXII, 630.

Карль-Людвигъ, вѣргерцогъ, наследникъ австрійскаго престола, т. LXII, 290.

Карно, президентъ французской республики, LIX, 627.

Картьевъ, Ник. Ив., профессоръ Спб. университета. Т. LIX, 680. *Библиографическая замѣтка о книгѣ его*: Письма къ учащейся молодежи о самообразованіи, т. LIX, 955—956. Бесѣды о работѣ міросозерцанія. Т. LXI, 213.—Объ издаваемомъ подъ его редакціей Сборникъ Историческаго общества при Спб. университетѣ. Историческое Обзорніе. Томъ восьмой, т. LXI, 477—484. Упомянется, т. LXI, 777—780, т. LXII, 647, 659, 664, 942—952.

Кассіанъ, святой, т. LXI, 393.

Фонъ-Кауфманъ, К. П., туркестанскій генераль-губернаторъ. Т. LIX, 109, 110, 129, 133, 412—415, LX, 86, 88, 89, 106, 416, 424, 425, 429—431, 435, 760, 761, 766; т. LXII, 657, 658.

Каховскій, Михаилъ, генераль-аншефъ, т. LXII, 911.

Кашеварова, В. А., женщина-врачъ, т. LX, 835—839.

Кавинтадзе, полковникъ, т. LX, 763, 764.

Келлеръ, т. LXII, 400, 401.

Келлеръ, графъ, волынскій вице-губернаторъ, т. LIX, 396.

Кемпбель, лордъ, т. LXI, 230.

- Несслеръ, К. Ф., ректоръ университета, т. LXII, 565.
- Нившенко, А. Д., художникъ. *Некрологъ его*: т. LXII, 1012—1014.
- Кирпичниковъ, А. И., профес. *Статья его*: Московское общество въ изображеніи Грибоѣдова и графа А. Толстого. Т. LX, 723—758. Баронесса Крэднеръ, т. LXI, 673—684. *Библиографическія замѣтки его*: Попруженко, М. Изъ исторіи литературной дѣятельности въ Сербіи XV в., т. LIX, 307—308. Грегуаръ. Исторія Франціи въ XIX в. Томъ II. Июльская монархія съ 1832 по 1848 г. Феврал. революція. Переводъ М. В. Лучицкой, т. LX, 630. — Циммерманъ. Э. Автобіографія Гервинуса. (Переводъ). Т. LX, 896—897. Ж. Масперо. Древняя исторія народовъ Востока. Переводъ съ 4-го франц. изданія, т. LXI, 209—210. Адольфъ Гаспари. Исторія Итальянской литературы, т. I-й. Итальянская литература среднихъ вѣковъ. Переводъ К. Бальмонта, т. LXII, 609—611.
- Кирѣевъ, генераль, т. LX, 928.
- Кирьяновъ, полковникъ, т. LIX, 54.
- Киселевъ, Пав. Дж., графъ, государственный дѣятель. Т. LIX, 113, 114; т. LX, 108.
- Кичевъ, Н., писатель, т. LXII, 801.
- Клеймихель, Петръ Андр., генераль, начальникъ штаба военныхъ поселеній. Т. LIX, 43, 49, 57, 395, 893, 894, 900, т. LXI, 70.
- Кленовичъ, Себастьянъ, польскій поэтъ, т. LXII, 543.
- Клобуцкий, Мих. Петр., профессоръ Харьковского университета, т. LXII, 135.
- Ключниковъ, Н. П., писатель. *Некрологъ его*: т. LX, 662.
- Князевъ, А. Е., полковникъ, т. LIX, 161.
- Кобылинскій, подполковникъ, т. LIX, 417, 420, 426.
- Ковалевская, Софія, писательница, профессоръ математики, т. LIX, 981.
- Ковалевскій, Макс. *Библиографическая замѣтка о книгѣ его*: Происхождение современной демократіи. Т. первый, т. LX, 299—301.
- Кожанчиковъ, издатель, т. LXII, 72.
- Козловскій, В. М., т. LIX, 114.
- офицеръ, т. LIX, 428, 429.
- Козловъ, Н. Пл., главный военно-медицинскій инспекторъ, т. LX, 183, 810.
- Козмякъ, Станиславъ, польскій публицистъ, т. LIX, 331—332.
- Конуевъ, оберъ-аудиторъ, т. LIX, 70.
- Колачновичъ, Станиславъ, львовскій аптекаръ, т. LX, 534—541.
- Колзановъ, полковникъ. Т. LIX, 437; т. LX, 89, 416.
- Колло, Марія, художница. *Статья о ней*: Французская художница при дворѣ Екатерины II, т. LIX, 913—923.
- Колокольцовъ, полковникъ, т. LX, 417.
- де-Коломбъ. Т. LIX, 250.
- Коломининъ, П. П. *Статья его*: Не трогать. (Эпизодъ изъ времени императора Николая I). Т. LXII, 518—528. Упоминается, т. LX, 868, 869.
- Колумбъ, Христофоръ, т. LXII, 618.
- Колычевъ, майоръ, т. LXII, 458.
- Кольшино, польскій патриотъ, т. LIX, 82, 822.
- Комаровъ, В. В., изд. газеты «Свѣтъ». Т. LX, 928; т. LXI, 343.
- Комаръ, архангельскій губернаторъ, т. LXII, 476.
- Монопасевичъ, священникъ, т. LIX, 817.
- Монради, Е. И., переводчица, т. LXII, 565.
- Константинь Павловичъ, великій князь, цесаревичъ. Т. LIX, 894; т. LXI, 795, 796.
- Константинь Николаевичъ, великій князь. Т. LX, 55; т. LXII, 128.
- Копытовъ, Н. В., вице-адмиралъ, т. LXII, 991.
- Корелинъ, М. С., историкъ, профессоръ Московскаго университета, т. LXII, 647.
- Корженевскіе:
- Юсифъ, директоръ польской бібліотеки въ Парижѣ, т. LXI, 791.
- генераль, т. LIX, 395.
- Коринфскій, А. А., поэтъ. Т. LXI, 360, 361; т. LXII, 814, 815.
- Корниловы:
- В. А., вице-адмиралъ. *Замѣтка объ открытіи памятника ему*, т. LXII, 989, 994.
- О. П., членъ государственнаго совѣта. *Некрологъ его*. Т. LXII, 304; т. LIX, 112.
- Королевъ, Филиппъ Ник., членъ совѣта министра земледѣлія. *Некрологъ его*, т. LIX, 339—340.
- Короленко, Влад. Галакт., писатель. *Библиографическая замѣтка о книгѣ его*: Тѣни. Фантазія, т. LIX, 642—644. Упоминается, т. LIX, 809—810.
- Корсаковы:
- Д. А., профессоръ Казанскаго университета. *Библиографическая замѣтка его*: А. Филипповъ, профессоръ Юрьевскаго университета. Исторія сената въ правленіи верховнаго тайнаго совѣта и кабинета. Ч. I. Сенатъ въ правленіи верховнаго тайнаго совѣта, т. LXII, 604—609. П. В. Голубовскій. Исторія Смоленской земли до начала XV столѣтія, т. LXII, 612—617.

- Петръ. *Замѣтка* его: Два письма Пушкина къ П. А. Корсакову, т. LX, 623, 624.
- генераль-губернаторъ Восточной Сибири, т. LX, 691, 695.
- Косинскій, польскій повстанецъ, т. LX, 162, 167.
- Костомаровъ, Ник. Ив., историкъ, т. LXII, 724, 725.
- Костылевъ, казначей, т. LIX, 63, 64.
- Костюшко, польскій патриотъ, т. LIX, 331—332. *Замѣтка* о перенесеніи сердца его, т. LXII, 635.
- Котельниковъ, П. И., профессоръ Казанскаго университета, т. LIX, 160.
- Коцебу, графъ, генераль-адъютантъ, т. LX, 46.
- Кошлицъ, С. А., т. LX, 139.
- Нояловичъ, М. О., профессоръ Спб. духовной академіи. *Замѣтка* объ открытіи памятника ему, т. LXII, 996—998.
- Краббе, генераль-адъютантъ, т. LX, 696.
- Краевскій, А. А., издатель «Отеч. Записокъ», т. LXII, 67—72, 76—79, 372, 724, 725.
- Крамеръ, Анна, т. LXII, 985.
- Красинскій, Станисл., плоцкій воевода, т. LXII, 551.
- Красицкій, Игнатій, поэтъ-сатирикъ, плодкій епископъ, т. LXII, 552.
- Красновъ, А. Н., профессоръ. *Статьи* его: Изъ путевыхъ впечатлѣній подъ тропиками, т. LIX, 190—230. Русскіе тропики, т. LIX, 536—570. Край свѣта по современнымъ, средневѣковымъ и древнимъ описаніямъ, т. LX, 510—533. *Библиографическая замѣтка* о книгѣ его: Основы землѣдѣнія. Руководство для студентовъ учебныхъ заведеній и самообразования. Вып. I. Исторія картографіи, форма земли, распределение суши и ея строеніе, т. LX, 887—889.
- Краусъ, Эбергардъ, нѣмецкій писатель. Т. LX, 326; т. LXI, 231.
- Кремлевъ, А. Н., *Статья* его: Русская церковь, построенная на англійскія деньги, т. LXII, 198—203.
- Крестовскій, Всеволодъ Влад., редакторъ «Варшавскаго Дневника», писатель. *Некрологъ* его, т. LIX, 684, 685. *Письмо* его, т. LIX, 878—882.
- Кржицкій, Андрей, плоцкій епископъ, т. LXII, 546.
- Кривенко, С. Н., писатель-публицистъ, т. LXI, 746, 749, 753, 754.
- Кривцовы:**
— Ник. Ив., т. LXI, 668.
— Пацъ-майоръ, т. LXII, 440, 457.
Кривницинъ, П. К., т. LIX, 165.
- Кромвель, англійскій протекторъ. *Замѣтка* о немъ. Т. LIX, 659—660; т. LXI, 497—499.
- Кругловъ, А. В., писатель. *Статьи* его: Поѣздка въ Старую Руссу. Т. LIX, 840—877; т. LX, 110—155. Пестрыя странички. (Изъ литературныхъ воспоминаній). Т. LXI, 340—366, 622—643; т. LXII, 464—484, 790—817. Другъ дѣтей, т. LXII, 872—880. *Библиографическая замѣтка* его: Вологжанинъ. Литературно-научный сборникъ. Изданіе П. Дилекторскаго, т. LXII, 265—266. *Библиографическая замѣтка* о книгѣ его: Неудренное счастье. Романъ въ 2-хъ частяхъ, т. LXI, 214.
- Крузенштернъ:**
— Иванъ Фед., адмиралъ, директоръ Морскаго корпуса, т. LXII, 130—133.
— тульскій губернаторъ, т. LIX, 382.
- Крутъ, польскій повстанецъ, т. LX, 457.
- Крупъ, Эванъ, французскій историкъ, т. LX, 637.
- Крупскій, докторъ, т. LXII, 440.
- Крыловы:**
— Ив. Андр., баснописецъ. *Замѣтка* о его первыхъ произведеніяхъ. Т. LIX, 297—298; т. LXII, 168.
— Викторъ Александр., драматургъ. *Статья* его: Памяти Н. А. Бѣлоголова, т. LXII, 573—580. *Библиографическая замѣтка* его: Ежегодникъ Императорскихъ театровъ, сезонъ 1893—1894 г., т. LXII, 201—205.
- Крюгеръ, граверъ, т. LXI, 427.
- Крюднеръ, баронесса. *О ней статья:* Баронесса Крюднеръ, т. LXI, 673—684.
- Кузнецовъ-Красноярскій, И. П. *Статья* его: Старецъ Федоръ Кузьмичъ, т. LX, 550—555.
- Кузнецовъ, Н. И. *Замѣтка* о его магистерскомъ диспутѣ, т. LXI, 508.
- Кузовниковъ, Р., участвующій тюменскимъ приказомъ о ссыльныхъ. *Замѣтка* его: Кто былъ старецъ Федоръ Кузьмичъ? т. LXI, 245, 246.
- Кузьмичъ, Федоръ, загадочный старецъ. *Статья* о немъ, т. LX, 550—554. *Замѣтка* о немъ, т. LXI, 245, 246.
- Кулановскій, П. А., профессоръ Варшавскаго университета. *Замѣтка* о его диспутѣ, т. LIX, 335, 336. *Библиографическая замѣтка* о его книгѣ: Иллиризмъ. Изслѣдованіе по исторіи хорватской литературы періода возрожденія, т. LIX, 632. *Упом.* Т. LXI, 819; т. LXII, 1001.
- Кулинъ, В. П., директоръ высшихъ женскихъ курсовъ въ Спб. *Замѣтка* о его юбилей, т. LX, 658—659.

- Нуракины, кн.:**
— Александръ, дипломатъ, т. LIX, 610.
— Борисъ, министръ внутреннихъ дѣлъ, т. LXI, 798.
Курдвановскій, Яковъ, епископъ, т. LXII, 558.
Нурениновъ, художникъ, т. LXI, 425.
Нурепинъ, А. Д., редакторъ «Будильника», т. LXII, 801.
Нудинскій, Трофимъ, протоіерей, т. LXII, 910.
- Л.**
- Лавреньева Лепо, членъ директоріи и конвента, т. LIX, 983, 984, 985.**
Лависъ, Эрнестъ, французскій историкъ, т. LXII, 284.
Лавровы:
— публицистъ, сотрудникъ „Современника“, т. LXII, 725, 732.
— П. А., приватъ-доцентъ Московскаго университета, т. LXII, 1001.
Лажечниковъ, И. И., писатель. Замѣтка о немъ. Т. LIX, 332, матеріалы для его біографіи, т. LX, 204—214.
Лазаревскій, І., ученый, т. LXII, 642.
Лазаревъ, Я. Д., Библиографическая замѣтка о его книгѣ: Причины бѣдствія армянъ въ Турціи и отвѣтственность за разореніе Сасуна, т. LXII, 256—257.
Ланедемъ, Исаакъ, т. LXII, 982.
Ланомбъ, французскій ученый. Статья о книгѣ его: „Исторія, какъ наука“, т. LXI, 367—384.
Ламанскій, В. П., профессоръ Спб. университета, т. LIX, 336—338.
Ламбертъ, графъ, т. LX, 53, 54.
Ламброзо, итальянскій ученый, т. LXI, 490, 491.
Ланге, В. И., инспекторъ студентовъ Казанскаго университета, т. LIX, 165.
Ланжеронъ, графъ, генералъ, т. LXII, 818—843.
Ланкинъ, Н. П., издатель „Русскаго Курьера“, т. LXII, 805—808. Некрологъ его. Т. LX, 664.
Ланскіе:
— Н. С., графъ. Библиографическая замѣтка о книгѣ его: Анри де-Трувиль. Соціальная наука представляетъ ли науку? со статьей Н. С. Ланской „Ле-Пле“ и его школа, т. LXI, 210, 211.
— С. С., министръ внутреннихъ дѣлъ, т. LIX, 727, 731.
Ларивьеръ, французскій историкъ, т. LXI, 410.
Ларуссъ, Пьеръ, издатель французскаго энциклопедическаго словаря. Статья о его словарѣ, т. LIX, 937—945.
- Лаудонъ, австрійскій фельдмаршалъ, т. LXI, 792.**
Лафайетъ, герой освобожденія Соединенныхъ Американскихъ Штатовъ. Замѣтка о немъ, т. LXII, 631, 632, 633.
Лебедевъ, Д. П. Библиографическая замѣтка его: Сократъ и его время. Историческій очеркъ В. Д. Сиповскаго.— Гѣни. Фангазія. Г. Короленко, т. LIX, 642—644.
Левандовскій, польскій повстанецъ, т. LX, 167.
Левшина, П. И.—Т. LIX, 178.
Левъ XIII, римскій папа. Замѣтка о его многочислѣхъ писемъ, т. LX, 908, 909.
Ледоховскій, гр., губернскій предводитель дворянства Волынской губ., т. LIX, 390, 392.
Лееръ, Г. А., начальникъ Николаевской академіи генеральнаго штаба, т. LXII, 646.
Ленин, англійскій историкъ, т. LIX, 328.
Леметръ, Жюль, французскій писатель, т. LIX, 676.
Леонтовичъ, Ф. И., профессоръ, юристъ, т. LXII, 643.
Леонтьевы:
— Н. И., генералъ, т. LIX, 46, 49, 56.
— полковникъ, т. LIX, 46.
Леопольдъ, принцъ Гогенцолернскій, братъ румынскаго короля, т. LX, 640—646.
Леопольдъ I, король бельгійскій, т. LXII, 634.
Ле-Пле, французскій ученый, т. LXI, 367—384.
Лермонтовъ, М. Ю., поэтъ. Разсказы о немъ Христофора Санькадзе; т. LIX, 599—604; т. LX, 814—826; т. LXI, 231; т. LXII, 178, 179, 180.
Леруа Болье, французскій публицистъ, т. LIX, 319, 328.
Лешъ, проф. Кіевскаго университета, т. LX, 846.
Лещинскій, Станиславъ, король польскій, т. LXII, 630.
Лжедмитрій I, самозванецъ. Статья о немъ: новый свидѣтель эпохи убіенія Дмитрія Самозванца, т. LX, 533—542.
Лидерсъ, графъ, намістникъ царства Польскаго, т. LX, 54.
Линевъ, А. А. (Далинъ), публицистъ, сотрудникъ газеты „Виржевия Вѣдомости“, т. LXI, 754; т. LXII, 802—804.
Линиченко, П. А. Статья его: Новый свидѣтель эпохи убіенія Дмитрія Самозванца, т. LX, 533—543.
Липпертъ, Ю. Библиографическая замѣтка о его книгѣ: Исторія культуры. (Перевели съ нѣмецкаго А. Острогорскій и П. Струве). Т. LXII, 266—267.

- Липранди, генераль, т. LIX, 68.
- Лисовскій, Н. М., библиографъ, т. LX, 875, 878—880. Т. LXI, 264, 520.
- Литвинъ, С. К. *Разсказъ его*: Смерть дѣда Симхи. Т. LIX, 737—772.
- Лихачевъ, Н. П., докторъ русской исторіи, т. LX, 875, 877; т. LXII, 647.
- Лобачевскіе:
— Н. П., ученый, математикъ. *Воспоминанія о немъ*. Т. LIX, 154—170; т. LX, 622.
— Н. Н., сынъ его, т. LIX, 154—170.
- Лобановъ-Ростовскій, А. В., князь. *Библиографическая замѣтка о книгѣ его*: Русская родословная книга. 2 тома. Изданіе 2-е. Т. LXII, 257—259.
- Лобковъ, поручикъ, т. LX, 171.
- Ловъ, Чарльзъ, англійскій ученый, т. LIX, 930.
- Лозинскій, польскій историкъ, т. LX, 533.
- Лопола, Игнатій, основатель іезуитскаго ордена, т. LXI, 496.
- Ломновскій, генераль, т. LXI, 578.
- Лонгиновъ, М. Н., членъ комиссіи по пересмотру устава Московскаго англійскаго клуба, т. LIX, 785.
- Лопаревъ, Хрисановъ, ученый. *Библиографическая замѣтка о книгѣ его*: Отразительное описаніе о новопозбрѣтенномъ пути самоубійственныхъ смертей. Вновь найденный старообрядческій трактатъ противъ самоожженія 1691 года. Т. LXII, 968, 969.
- Лопухины:
— А. П.—см. Гагарина, А. П.
— Петръ Вас., сенаторъ, т. LIX, 175.
- Лорбергъ. *Библиографическая замѣтка его*: Не по торному пути. Алекс. Мертваго. Т. LX, 303.
- Лохвицкій, т. LXII, 726, 727, 731, 732.
- Луазильонъ, французскій капитанъ, т. LXII, 974, 975.
- Лубенскій, Станисл., плоцкій епископъ, т. LXII, 551.
- Луговой, А., писатель, т. LXII, 999.
- Луиза-Доротея, герцогиня Саксен-Готская, т. LX, 639—640.
- Луи-Филиппъ, король французскій, т. LX, 319.
- Лукинъ, А. П., писатель, т. LXII, 793.
- Лѣсковъ, Ник. Сем., писатель. *Статья о немъ*: т. LX, 177—203.
- Лѣсковъ-Норельскій, П. Ѳ. *Разсказъ его*: Катги и Матги. Т. LX, 712—122.
- Львовы:
— А. Н. *Статья его*: Абиссинія и православный востокъ въ прошломъ столѣтіи. Т. LXI, 467, 476.
— кн., т. LIX, 49.
- Любарскій, П. В. *Статья его*: Въ мятежномъ краѣ. Т. LIX, 813 — 839. Т. LX, 156—176, 445—464.
- Людвигъ XIV, король французскій. *Замѣтка о его портретѣ*: т. LX, 932.
- Людвигъ XV, король французскій, т. LXII, 630.
- Людвигъ XVI, король французскій, т. LIX, 969.
- Людвигъ XVIII, французскій король, т. LIX, 662, 663.
- Лютеръ. Мартинъ, германскій реформаторъ. *Замѣтка о его женитьбѣ*: т. LX, 633—635.
- Люце, генераль-лейтенантъ, комендантъ г. Гатчины, т. LXI, 306, 307—310.
- Ляданскій, поручикъ, т. LX, 459, 460.
- Ляличинъ, И. О., поэтъ. *Некрологъ его*: т. LX, 662.
- Ляховскій, Себастьянъ, ксендзъ, т. LXII, 558.
- Ляцено, Арк. Іоак., редакторъ императорскаго общества любителей древней письменности. *Библиографическая замѣтка его*: Л. Майковъ. Историко-литературные очерки. Т. LIX, 297—299. П. Кулаковскій. Плиризмъ. Исслѣдованіе по исторіи хорватской литературы періода возрожденія. Т. LIX, 652. А. А. Потебня. Изъ лекцій по теоріи словесности. Басня. Пословица. Поговорка. Т. LIX, 960. *Замѣтки о его рефератѣ*. Т. LIX, 681. Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Изданіе управленія Кавказскаго учебнаго округа. Вып. XVIII. Т. LXI, 205—207. Русскія былинны старой и новой записи. Подъ редакціей академика Н. С. Тихонова и профес. В. Ѳ. Миллера. Москва. 1895. Т. LXI, 484—486.
- Мерхелевичъ, генераль, т. LX, 49.
- Мерянскій-Богдановскій, Нилъ Ів., актеръ, т. LXI, 638, 639.
- Меттенлейтеръ, художникъ, т. LXI, 294.
- Минлашевскіе:
— П. Н., историкъ, т. LXII, 643.
— Мих. Ник., вице-директоръ таможеннаго департамента. *Некрологъ его*, т. LIX, 991.
- Микѣшинъ, М. О., скульпторъ, т. LX, 588; т. LXII, 372, 373, 374, 375, 735.
- Миллеръ:
— В. О., профессоръ Московск. универс. *Библиографическая замѣтка объ изданіи подъ редакціей его и академика Н. С. Тихонова книги*: Русскія былинны старой и новой записи, т. LXI, 484—486.
— Г. П. *Статья его*: У страха глаза велики, т. LXI, 160—164.

- Орестъ Ѳед., профессоръ Спб. университета, т. LXII, 806.
- Миалль**, Джонъ-Стюартъ. *Библиографическая замѣтка о его книгѣ*: Основанія политической экономіи съ нѣкоторыми изъ ихъ приложений къ общественной философіи (перев. Ал. Миклашевскаго), т. LXII, 261—263.
- Миловидовъ**, А. *Библиографическая замѣтка о книгѣ его*: О положеніи православія и русской народности въ Пинскомъ удѣльномъ княжествѣ и городѣ Пинскѣ до 1793 года, т. LXI, 785.
- Милорадовичъ**, Мих. Андр., графъ, генераль-губернаторъ, т. LIX, 896.
- Милютинъ**:
— Алексѣй Дм., генераль, т. LX, 770.
— Дм. Алекс., графъ, военный министръ, т. LIX, 111; т. LX, 838, 839; т. LXII, 82, 532, 534, 536.
— Б. А., чиновникъ, т. LXI, 41.
- Минаевы**:
— Д. Д., поэтъ, т. LX, 203; т. LXII, 734, 736—737.
— П. П., санскритологъ, т. LXI, 232.
- Минкинъ**, англійскій критикъ, т. LX, 917.
- де-Миранда**, графъ. *Статья о немъ*: Авантюризмъ стараго и новаго свѣта, т. LX, 246—259.
- Миргородская-Бѣлая**, т. LX, 139.
- Михайловскій**, Н. К., публицистъ. *Библиографическая замѣтка о книгѣ его*: Критическіе опыты. Иванъ Грозный въ русской литературѣ. Герой безвременья. Т. LIX, 953—955. Упом. Т. LIX, 805; т. LXII, 953, 958.
- Михаилъ Павловичъ**, вел. кн., т. LIX, 39, 40, 57, 64, 65, 69, 70.
- Михаилъ**, еп. прялукскій, т. LXII, 640.
- Михеевъ**, В. М., писатель, т. LXII, 814.
- Мишель**, французскій чиновникъ. *Статья о немъ*, т. LIX, 605—622.
- Міатовичъ**, Ч. *Библиографическая замѣтка о книгѣ его*: Константинъ, послѣдній византійскій императоръ, или завоеваніе Константинополя турками (1453).
- Млечко**, ксендзъ, т. LX, 163, 168, 450.
- Можайскій**. Иванъ Павл., педагогъ писатель, т. LXI, 637.
- Молоствовъ**, В. П., понечигель Казанскаго учебнаго округа, т. LIX, 157.
- Монгальяръ**, гр., французскій писатель, т. LIX, 661.
- Ментрезоръ**, К. Л., членъ Александровскаго комитета о раненыхъ, т. LIX, 114.
- де-Монترونъ**, Казиміръ, графъ, другъ Талейрана. *Замѣтка о немъ*, т. LIX, 970.
- Морганъ**, археологъ, т. LIX, 312.
- Моренгеймъ**, Артуръ Павл., чрезвычайный посолъ при французскомъ правительствѣ. *Замѣтка о пятидесятилѣтніи его дипломатической службы*, т. LXI, 810, 811.
- Мулень**, военный атташе при французскомъ посольствѣ, т. LXII, 990.
- Муравьевъ**, М. П., графъ, виленскій генераль-губернаторъ, т. LX, 170.
- Мурницкій**, поручикъ, т. LXI, 586, 587, 594.
- Мурза-Хакимъ**, посолъ коканскій, т. LX, 766.
- Мутсу-Хито**. японскій императоръ, т. LX, 645—648.
- Мухановъ**, управляющій варшавскими театрами, т. LXI, 67.
- Мухтаръ-паша**, турецкій главнокомандующій, т. LIX, 100.
- Мыльниковъ**, Иванъ Елиф., священникъ, т. LXI, 652, 653.
- Мюллеръ**, Максъ, профессоръ Оксфордскаго университета, т. LXII, 268.
- Мякотинъ**, В. А., историкъ, т. LXI, 477—482; т. LXII, 642, 660, 661.
- Мясковъ**, художникъ, т. LXI, 423.

М.

Магницкій, Мих. Леонтьевъ, попечитель Казанскаго университета, т. LX, 622.

Мадзини, Джузеппе, французскій революціонеръ, т. LXI, 235—237.

Мазини, воспитатель гатчинскаго института, т. LXI, 295, 296.

Майновы: В. В., секретарь императорскаго общества любителей древней письменности. *Замѣтки о его рефератѣ*, т. LIX, 681.

— Леонидъ Ник., историкъ литературы, вице-президентъ академіи Наукъ. *Библиографическая замѣтка о книгѣ его*: Историко-литературные очерки, т. LIX, 297—299. Упомянутъ: т. LIX, 681, т. LX, 875.

Маковский, К. Е., художникъ, т. LXII, 1002.

Максимовы: предводитель дворянства, Бровницкаго уѣзда, т. LIX, 724.

— С. В., писатель, путешественникъ, т. LXII, 584, 586, 598—600.

Малиновскій. I. *Библиографическая замѣтка о книгѣ его*: Ученіе о преступленіи по Лиговскому естабугу, т. LX, 304.

Мальтусъ, Т. Р. *Библиографическая замѣтка о его книгѣ*: Омыгъ закона о народонаселеніи. (Переводъ Н. А. Вернера), т. LXI, 261—263.

Мамонтовъ, П. Н., тверской помѣщикъ, т. LXI, 757.

- Манасеинъ, Н. А.**, министр юстиціи. *Некрологъ его*, т. LXII, 649—653.
- Мандерштернъ, генераль**, т. LIX, 51.
- Маннъ, Пп. Александровъ**, драматургъ. *Некрологъ его*, т. LIX, 683.
- Марбо, французскій генераль**, т. LXI, 795.
- Марія-Луиза**, императрица, жена Наполеона I, т. LIX, 322, 323.
- Марія Магдалина**, святая. Легенда о ней, т. LXII, 270—272.
- Марія Стюартъ**, королева шотландская, т. LXII, 623.
- Марія Федоровна**, императрица, супруга императора Павла I, т. LXI, 316.
- Марновъ, Н. П.**, протоіерей, благочинный придворныхъ соборовъ и церквей. *Некрологъ его*, т. LXII, 1012.
- Марнозовъ, полковникъ**, т. LX, 768, 769.
- Мартень, Александръ Александр.**, полковникъ, т. LXII, 439.
- Мартьяновъ, П. К.** *Статья его*: Рассказы Христофора Санникадзе о М. Ю. Лермонтовѣ, т. LIX, 598—604. Какъ былъ погребенъ М. Ю. Лермонтовъ, т. LX, 814—826. Въ переломѣ вѣка (отрывки изъ старой записной книжки), т. LXII, 126—148, 434—463. *Поправка къ его статьѣ*: Въ переломѣ вѣка, т. LXII, 1016.
- Марціоли, т. LIX, 317.**
- Масловскіе: Д. Ѳ.**, военный историкъ, т. LIX, 681.
— Ѳед. Аванасьевичъ, генераль-майоръ, бригадный командиръ сибирскихъ линейныхъ батальоновъ, т. LXII, 447.
- Масловъ, И. П.**, управляющій Московской удѣльной канторой; т. LIX, 101, т. LX, 932.
- Масперо, Ж.**, французскій историкъ. *Библиографическая замѣтка о книгѣ его*: Древняя исторія народовъ востока; т. LIX, 651—652, т. LXI, 209, 210.
- Массонъ, Фредерикъ**, французскій историкъ, т. LXI, 223.
- Матросовъ, Е. Н.** *Статья его*: За чиншное право, т. LXI, 47—65.
- Маттіоли, Антоній**, графъ, министр герцога Мантуанскаго, т. LIX, 317—319.
- Маттзъ, В. В.**, художникъ, т. LXI, 355.
- Матвій, патриархъ** александрійскій, т. LXI, 468.
- Махаль, I.**, чешскій ученый. *Библиографическая замѣтка о книгѣ его*: O bohatyrském srovc slovanském, т. LIX, 958—960.
- Махнаціи, Станиславъ**, прелатъ, т. LXII, 547.
- Мачульскій, полковникъ**, т. LIX, 894.
- Медвѣдѣвы: А. Д.** артистка. *Некрологъ ея*, т. LXI, 832.
— учитель рисованія, т. LXI, 422.
- Медвѣдскій, К. П.**, писатель. *Статья его*: Графъ А. А. Голенщевъ-Кутузовъ, т. LIX, 500—517. Современные литературные дѣятели С. Н. Терпигоревъ (Атава), т. LXI, 429—442. Викторъ Петровичъ Буренинъ, т. LXII, 503—517.
- Мезенцовъ, Н. В.**, начальникъ III-го отдѣленія, т. LIX, 111.
- Меллеръ-Закомельскій, бар.**, т. LIX, 428.
- Меншиковъ, А. С.**, князь, воронежскій помѣщикъ, т. LIX, 731.
- Менье, французскій генераль**, т. LXII, 290.
- Мердеръ, Н. И.** *Романъ ея*: Въ пещерахъ исгнны; т. LIX, 7—38, 345—379, 689—720, т. LX, 5—44, 345—372, 665—692, т. LXI, 5—26, 265—292, 545—572, т. LXII, 5—42, 307—370, 667—702.
- Мертваго, Алекс.** *Библиографическая замѣтка о книгѣ его*: Не по торному пути, т. LX, 303.

III.

- Набоковъ, генераль**, т. LIX, 52.
- Навроцкій, А. А.**, издатель «Русской Рѣчи», т. LXI, 642.
- Нагумовичъ, штабъ-докторъ**, т. LIX, 69.
- Надсонъ, С. Я.**, поэтъ, т. LXII, 508, 805.
- Назаровъ, Н. Н.**, полковникъ, т. LIX, 417.
- Назимовъ, Влад. Ив.**, вилевскій генераль-губернаторъ. Т. LIX, 823; т. LX, 165.
- Наполеонъ I.** *Статья о немъ*: Новый Наполеонъ. Т. LIX, 231—255, 619—622; т. LX, 590—617, 649. *Замѣтки о немъ* Т. LIX, 320—322, 662—668; т. LXI, 223, 499—502, 505; т. LXII, 280—283; т. LXII, 976—978.
- Наполеонъ III**, французскій императоръ. Т. LIX, 820; т. LX, 321—322; т. LXI, 502, 503.
- Нарбутъ, генераль**, т. LIX, 426, 434.
- Наумовъ, А. А.**, художникъ. *Некрологъ его*. Т. LXII, 1014; т. LXI, 359.
- Нейпергъ, графъ**, т. LIX, 822.
- Некрасовъ, Ник. Алексѣевичъ**, поэтъ, т. LXI, 348, 349.
- Немировичъ-Данченко, Вас. Ив.**, писатель. Т. LIX, 807; т. LXI, 341.
- Нечаевъ, П. А.**, гласный петербургской думы, т. LX, 854.
- Николай I Павловичъ**, императоръ. Т. LIX, 49, 59—64, 74, 331; т. LXI, 160—164, 293, 296, 297, 307, 309—313, 324—326, 645; т. LXII, 144, 518, 528.

Николай II Александровичъ, императоръ всероссійскій. Статья по поводу изданнаго имъ указа 13-го января, т. LIX, 586—598. Упоминается, т. LX, 227.

Николай Николаевичъ, великій князь, т. LXI, 314.

Николюсній, Б. В. *Статья его*: Украинскій философъ, т. LX, 215—222. *Библиографическія замѣтки его*: Макс. Ковалевскій. Происхождение современной демократіи. Томъ первый, т. LX, 293—301. I. Малиновскій. Ученіе о преступленіи по Литовскому статуту, т. LX, 304. Страховъ, Н. Н. 1) Объ основныхъ понятіяхъ физиологіи и психологіи. 2) Философскіе очерки. 3) Критическія статьи объ И. С. Тургеневѣ и Л. Н. Толстомъ, т. LX, 885—887. Красновъ. Основы землѣвѣдѣнія. Руководство для студентовъ университета, преподавателей среднихъ учебныхъ заведеній и самообразованія. Вып. I. Исторія картографіи, форма земли, распреѣленіе суши и ея строеніе, т. LX, 887—889. Историческія свѣдѣнія о родѣ дворянъ Рахманиновыхъ съ приложеніемъ герба и родословныхъ таблицъ, т. LXII, 259—261. Давидъ Рикардо. Начала политической экономіи. Переводъ Н. В. Фабриканта.—Т. Р. Мальтусъ. Опытъ закона о народонаселеніи. Переводъ И. А. Вернера.—Джонъ Стюартъ Милль. Основанія политической экономіи съ нѣкоторыми изъ ихъ приложеній къ общественной философіи. Переводъ Александра Миклашевскаго, т. LXII, 261—263. Т. Циглеръ. Что такое нравственность? Переводъ со 2-го нѣмецкаго изданія А. Острогорскаго, т. LXII, 267. Землѣвѣдѣніе. Периодическое изданіе географическаго отдѣленія императорскаго общества естествознанія, антропологіи и этнографіи. Подъ редакціей предсѣдателя географическаго отдѣленія Д. Н. Анучина. Книжка 1-я. Т. LXII, 618.

Николюсній, прапорщикъ, т. LX, 461.

Никонъ, патріархъ, т. LXII, 705.

Новиковы:

— Ник. Ив., издатель, просвѣщенный дѣятель XVIII вѣка. Т. LIX, 992; т. LXII, 184.

— И., публицистъ, т. LX, 327.

Норовъ, Авраамъ Серг., мин. народн. просв., путешественникъ. *Статья о немъ*, т. LXI, 385—391.

Носковскій, Андрей, епископъ, т. LXII, 556.

Ностицъ, графъ, флигель-адъютантъ, т. LX, 166.

Нотовичъ, О. К., редакторъ газеты «Новости», т. LXI, 344.

Ньютоуъ, Чарльзъ, англійскій ученый, т. LIX, 315.

О.

Оболенскій, Д. Д., кн. *Воспоминанія его*: Наброски изъ прошлаго, т. LIX, 96—108. Еще о Скобелевѣ и Тотлебенѣ, т. LIX, 901—912. *Поправка къ его «Наброскамъ изъ прошлаго»*, т. LX, 932.

Образцовъ, I. Я., протоіерей, т. LXII, 295.

Обрѣзковъ, Алексѣй, русскій посланникъ, т. LXII, 902.

Овсянниковъ, Н. Н. *Статья его*: Къ біографіи В. А. Жуковскаго, т. LIX, 924—936. Матеріалы для біографіи И. Н. Лажечникова, т. LX, 204—214.

Огаревъ, Н. А., офицеръ, т. LIX, 64.

Оглоблинъ, Н. Н. *Статья его*: Михаилъ Суслевъ, политическій агентъ XVII вѣка, т. LXI, 134—146.

Одинцовъ, Ив. Ник., капитанъ, т. LXII, 44, 45, 49, 54, 57, 61, 63.

Оксеновъ, Н. *Библиографическая замѣтка его*: Матеріалы для изученія экономическаго быта государственныхъ крестьянъ и инородцевъ Западной Сибири, т. LIX, 956—958.

Ольга Николаевна, вел. кн., т. LIX, 74. Ольденбургъ, С. Ф., приватъ-доцентъ С.-Петербургскаго университета. *Замѣтка о его диспутѣ*, т. LX, 335, 336.

Ольшевскіе:

— М. Я., генераль-отъ-инфантеріи. *Некрологъ его*, т. LX, 661—662.

— Н. *Библиографическая замѣтка о книгѣ его*: Святѣйшій правительствующій синодъ при Петрѣ Великомъ, его организація и дѣятельность, т. LIX, 961.

Онуфриевъ, сотникъ, т. LXII, 540.

Орбеліани, Дмитрій, князь, т. LXI, 76.

Ордынь-Нащонинъ, русскій дѣятель XVII вѣка, т. LXI, 94.

Орнешно, Элиза, польская писательница, т. LIX, 882.

Орловы:

— А. Ѳ., князь, предсѣдатель государственнаго совѣта, т. LIX, 722.

— Вас. Петр., бригадиръ, т. LXII, 912.

— Н. А., полковникъ генеральнаго штаба. *Библиографическая замѣтка о книгѣ его*: Штурмъ Праги Суворовымъ въ 1794 году, т. LIX, 309.

Остень-Санень, князь, генераль-фельдмаршалъ, т. LIX, 700.

Остроградскіе:

— математикъ, т. LXI, 577—582.

— генераль-маіоръ, директоръ госпиталей, т. LX, 374, 376.

О'Сулванъ, Д., англійскій вице-консулъ въ Пембѣ, т. LXII, 269.

Очнинъ, Алѣксѣй Ник., редакторъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», т. LXII, 71.

II.

Павель I Петровичъ, русскій императоръ, т. LIX, 177—189, 442; т. LXI, 293, 294; т. LXII, 848.

Павель III, папа римскій, т. LXI, 496.

Павленковъ, Л. Н. *Статья его*: Княжеское дѣло и периодическая печать въ Россіи въ 1894 году, т. LXI, 251—264; 517—544.

Павлиновъ, А. М., академикъ, т. LXII, 645.

Павловскіе:

— Ив. Фр. *Статья его*: Шведская могила, т. LXII, 231—238.

— генераль-маіоръ, директоръ Сибирскаго кадетскаго корпуса, т. LXII, 459.

— Фр., епископъ, т. LXII, 554.

Павловъ, Платонъ Вас., историкъ. *Некрологъ его*: т. LXI, 244; т. LXII, 563.

Павери, Жозефина, т. LIX, 661.

Панье, французскій канцлеръ, т. LX, 318, 319.

Паленъ, рижскій губернаторъ, т. LX, 652.

Палицынъ, генераль, т. LIX, 42—43.

Пальминъ, писатель, т. LXII, 799.

Панютичъ (Адмиралъ), фельдтономъ газеты «Русь», т. LXII, 477, 478.

Папичъ, изобрѣтатель. *Замѣтка о его первомъ пароходѣ*, т. LXII, 626, 627.

Пардо-Базанъ, Эмѣлія, испанская романистка, т. LXII, 270, 271.

Пари, Гастонъ, французскій ученый, т. LXII, 981.

Паргеймеръ, Карига, ученая, т. LXII, 984.

Парротъ, профессоръ Дерптскаго университета. *Замѣтка о его письмахъ къ Александру I*. Т. LX, 314—318.

Паскевичъ, Ив. Фед., князь варшавскій, генераль-фельдмаршалъ. *Статья о немъ*: Свѣтлѣйшій покоритель Варшавы, т. LX, 223—245; т. LIX, 53; т. LXII, 145.

Пассенъ:

— Влад., инженеръ, т. LXII, 459.

— Татьяна Петровна, писательница, т. LXI, 363—365.

Патри, полковникъ. *Замѣтки о его мемуарахъ*. Т. LXI, 799.

Паунеръ, министръ путей сообщенія, т. LXI, 577—579.

Пенни, Джюкино, вполнствѣннѣи папа Левъ XIII. Т. LX, 908.

Пеликанъ, А. А. *Статья его*: Очерки японской культуры, т. LX, 260—298.

Пемборъ, Остенъ, англійскій писатель, т. LXII, 286.

Переверзевъ, губернаторъ, т. LIX, 382.

Передольскій, Вас. Степ., археологъ, т. LXI, 639, 640.

Перелешинъ, П. А., адмиралъ, генераль-адъютантъ, т. LXII, 991, 993.

Перетцъ, Вл. Н. *Статья его*: А. С. Грибоедовъ и его раннія произведенія, т. LIX, 171—176. *Библиографическія замѣтки его*: В. А. Яковлевъ. Къ литературной исторіи древне-русскихъ сборниковъ. Опытъ изслѣдованія «Измарагда». Т. LIX, 299—302. Онежскія былинныя записанныя А. Ф. Гильфердингомъ лѣтомъ 1871 г. Изданіе второе. Томъ I. Съ портретомъ А. Ф. Гильфердинга, т. LIX, 309. В. Истрианъ. Александрія русскихъ хронографовъ, т. LIX, 645—647. Сочиненія В. Л. Пушкина, изд. подъ редакціей В. И. Сантова, т. LIX, 647—648. Русская народная лирика. Пособіе при изученіи русской литературы. Изд. подъ ред. А. Н. Чудинова. Вып. XVIII. Т. LIX, 653, 654. Dr. I. Machal, o bohatyrukem erope slovanskem, cast prvni. T. LIX, 958—960. Матеріалы для полнаго собранія сочиненій Д. Н. Фонвизина, т. LX, 627—628. *Донаревъ*, X. Огравительное описаніе о новозобруженномъ пути самоубійственныхъ смертей, т. LXII, 968, 969.

Перцовъ, П., студентъ, т. LXII, 933—940.

Перовскій, Левъ Алексѣевичъ, графъ, министръ, т. LIX, 380; т. LXII, 147.

Перье, Казимиръ. *Статья о немъ*: Династія Казимиръ Перье, т. LIX, 623—638.

Перцовъ, П., студентъ, т. LXII, 933—940.

Перовскій, Левъ Алексѣевичъ, графъ, министръ, т. LIX, 380; т. LXII, 147.

Перье, Казимиръ. *Статья о немъ*: Династія Казимиръ Перье, т. LIX, 623—638.

Перцовъ, П., студентъ, т. LXII, 933—940.

Перовскій, Левъ Алексѣевичъ, графъ, министръ, т. LIX, 380; т. LXII, 147.

Перье, Казимиръ. *Статья о немъ*: Династія Казимиръ Перье, т. LIX, 623—638.

Перцовъ, П., студентъ, т. LXII, 933—940.

Перовскій, Левъ Алексѣевичъ, графъ, министръ, т. LIX, 380; т. LXII, 147.

Перье, Казимиръ. *Статья о немъ*: Династія Казимиръ Перье, т. LIX, 623—638.

Перцовъ, П., студентъ, т. LXII, 933—940.

Перовскій, Левъ Алексѣевичъ, графъ, министръ, т. LIX, 380; т. LXII, 147.

Перье, Казимиръ. *Статья о немъ*: Династія Казимиръ Перье, т. LIX, 623—638.

Перцовъ, П., студентъ, т. LXII, 933—940.

Перовскій, Левъ Алексѣевичъ, графъ, министръ, т. LIX, 380; т. LXII, 147.

Перье, Казимиръ. *Статья о немъ*: Династія Казимиръ Перье, т. LIX, 623—638.

Перцовъ, П., студентъ, т. LXII, 933—940.

Перовскій, Левъ Алексѣевичъ, графъ, министръ, т. LIX, 380; т. LXII, 147.

Перье, Казимиръ. *Статья о немъ*: Династія Казимиръ Перье, т. LIX, 623—638.

Перцовъ, П., студентъ, т. LXII, 933—940.

Перовскій, Левъ Алексѣевичъ, графъ, министръ, т. LIX, 380; т. LXII, 147.

Перье, Казимиръ. *Статья о немъ*: Династія Казимиръ Перье, т. LIX, 623—638.

Перцовъ, П., студентъ, т. LXII, 933—940.

- Петрашевскій-Буташевичъ, Мих. Вас., публицистъ, т. LXII, 143.
- Петренкова, М. Г., сестра милосердія, т. LXII, 992.
- Петри, профессоръ, т. LIX, 313; т. LXII, 971.
- Петровскій, С., свящ. *Библиографическая замѣтка о книгѣ его*: Семь херсонскихъ архіепископовъ. Биографія съ приложеніемъ портретовъ, т. LIX, 650, 651.
- Петръ I Алексѣевичъ, русскій императоръ. *Статья о немъ*: Характеръпреобразовательной дѣятельности Петра В. Т. LXI, 81—111, 474. *Замѣтка о его домикѣ*, т. LX, 336. *Преданіе о немъ*, т. LX, 806—813. *Упом.* т. LIX, 732.
- Петръ III Ѳеодоровичъ, императоръ, т. LX, 551.
- Пиколомини, Эней, Сильвій, римскій папа, гуманистъ, т. LXII, 629.
- Пильсъ, французскій гренадеръ, т. LXI, 795.
- Пироговъ, Н. И., хирургъ. *Замѣтка о музее его имени*, т. LXII, 998.
- Писаревъ, Д. И., критикъ, т. LIX, 802.
- Пистолькорсъ, генераль, т. LIX, 109, 420.
- Плангенъ, Христофоръ, типографъ, т. LIX, 316—317.
- Платеръ, графъ, витебскій помѣщикъ, т. LX, 165.
- Платовъ, атаманъ. *Замѣтка о немъ*, т. LIX, 687, 688.
- Плещеевы:
— Александръ. *Замѣтка его*: Другъ Жуковскаго—А. Плещеевъ, т. LX, 339, 340.
— А. А., помѣщикъ, т. LIX, 925, 926.
- Побѣдомосцевъ, К. П., оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода, т. LX, 926; т. LXII, 640.
- Певель, Фредерикъ, англійскій историкъ, т. LX, 323.
- Позникова, Н. И., *Статья его*: Дѣтская книга—ея прошлое, настоящее и желательное, т. LXII, 183—197; т. LX, 53.
- Понровскій, Егоръ Арсеньевичъ, докторъ. *Статья о немъ*: Другъ дѣтей, т. LXII, 872—880. *Некрологъ его*, т. LXII, 1007, 1008.
- Полевой, П. Н., писатель. *Разсказъ его*: Порченая. Т. LIX, 76—95. *Статья его*: Русская Исторія fin de siècle. Т. LXII, 918—930. *Библиографическая замѣтка объ изданномъ подъ его редакціей переводѣ* Всеобщей исторіи Тегера. Т. LIX, 302—303.
- Полежаевъ, А. И., поэтъ. О немъ въ статьѣ: Къ биографіи поэта А. И. Полежаева, т. LXI, 644—647.
- Поливановъ, Л. И., переводчикъ, т. LXII, 1000.
- Полиевитъ, епископъ михайловскій, т. LXII, 638.
- Полтининъ, полковникъ, т. LIX, 47.
- Полтораціе:
— Ал. Ѳеодоровичъ, т. LX, 102.
— В. А., генераль. Воспоминанія его. Т. LIX, 109—133, 412—441; 773—791; т. LX, 85—109, 414—444, 759—782; т. LXI, 66—80.
- Полубояриновъ, воспитанникъ гардемаринской роты, т. LXII, 140.
- Полуентовъ, генераль. Т. LIX, 55.
- Поликовъ, Самуилъ Солом., т. LXII, 383, 391, 398, 399.
- де-Помпильянь, Асси, французскій ученый, т. LXI, 232.
- Помяловскій, И. В., профессоръ Сиб. университета, т. LX, 875.
- Пономаревъ, А. И. *Библиографическая замѣтка о книгѣ его*: Памятники древнерусской церковно-учительной литературы. Вып. I—II, содержащій поученія: Луки Жидаты, митрополита Иларіона, Ѳеодосія Печерскаго и Кирилла Туровскаго, т. LX, 628—629.
- де-Понсъ, т. LXI, 496.
- Понятовскіе:
— Мих., плоцкій епископъ, т. LXII, 547.
— Станиславъ, князь, племянникъ польскаго короля. *Замѣтка о его неизданныхъ мемуарахъ*. Т. LXI, 791—794.
- Попаригопуло, маіоръ, т. LXI, 414.
- Поповичій, А. И., редакторъ «Русскаго Паломника». *Замѣтка о его юбилейѣ*. Т. LIX, 682—683.
- Поповы:
— А. Ф., профессоръ Казанск. университета, т. LIX, 158, 167.
— Вас. Степ., генераль-маіоръ, т. LXII, 915.
— Л. К., писатель, т. LXII, 482.
- Попруженко, М. *Библиографическая замѣтка о книгѣ его*: Изъ исторіи литературной дѣятельности въ Сербіи XV в. «Книги Царствъ» въ собраніи рукописей бібліотеки императорскаго Новороссійскаго университета. Т. LIX, 307—308.
- Потанинко, П. Н., писатель, т. LXII, 931.
- Потебня, А. А., ученый филологъ. *Библиографическая замѣтка о книгѣ его*: Изъ лекцій по теоріи словесности. Т. LIX, 960.
- Потеминъ, Григ. Александр., свѣтлѣйшій князь, генераль-фельдмаршалъ, новороссійскій генераль-губернаторъ. *Статья о немъ*. Т. LXII, 818—843.

Потоцкіе:

- Марья Фед., гр., т. LIX, 182.
 — Пав. *Библиографическая замѣтка о книгѣ его: Столѣтіе російской конной артиллеріи.* Т. LX, 302, 303.
 Потѣкинъ, А. А., писатель, т. LXII, 185.
 Починскій, поручикъ. т. LXI, 574, 575.
 Праумовскій, Адамъ, епископъ плоцкій, т. LXII, 556.
 Приецавскій, П. Г., подполковникъ, т. LXII, 532.
 Приицъ, А. П., маіоръ, т. LIX, 417, 420, 425.
 Прирачъ, вѣмецкій ученый, т. LIX, 678.
 Прозоровскій, Д. П., историкъ, т. LIX, 989.
 Прокоповичъ, свяд., т. LIX, 817.
 Пругавинъ, А. С. *Статья по поводу его книги: Народная грамотность.* Т. LIX, 570—585.
 Прудонъ, философъ. *Замѣтка о немъ, какъ о драматургѣ.* Т. LIX, 972—975. Т. LXII, 976—978.
 Пташицкій, С. Л., ученый, т. LX, 875.
 Пуаше, австрійскій профессоръ, т. LXI, 800.
 Пуше, баронъ, французскій генералъ. *Замѣтка о его воспоминаніяхъ.* Т. LXI, 794—799.
 Пулумиято, испанскій офицеръ, т. LIX, 324.
 Путята, Алексѣй Дм., писатель, т. LXII, 477, 798.
 Пушкаревъ, Н. Д., поэтъ, издатель газеты «Мірской Толкѣ», т. LXII, 796, 797, 800.
 Пушкины:
 — А. С., поэтъ. *Два письма его:* т. LX, 923—924. *Замѣтка о немъ:* Маска Пушкина. Т. LXI, 815—817.
 — В. Д., писатель. *Замѣтка о его сочиненіяхъ.* Т. LIX, 647—648.
 Пущинъ, Ник. Ник., офицеръ, т. LIX, 894.
 Пфейферъ, Антонъ Антоновичъ, докторъ, т. LXI, 317, 318.
 Пѣтуховы:
 — Е. В., профессоръ Пѣжинскаго историко-филологич. института. *Замѣтка о его докторскомъ диспутѣ.* Т. LXI.
 — М. А., музыкантъ. *Некрологъ его.* Т. LXII, 653—654.
 Пѣшковъ, сотникъ, т. LXII, 512, 513.
 Пыпинъ, А. П., историкъ литературы, т. LX, 875.
 де-Пушессъ, Багино, т. LXII, 623.

Р.

- Рабо, Шарль, французскій путешественникъ, т. LXI, 233.
 Рагозина, Зинаида, переводчица, т. LIX, 329.
 Раевскій, Ник. Ник. подполковникъ. *Упом.* Т. LIX, 419. *Замѣтка о немъ:* «Нѣчто о странномъ человѣкѣ». Т. LXII, 656—658.
 Разинъ, Стенька, донской казакъ, бунтовщикъ. *Статья о немъ:* Русскій социализмъ XVII вѣка. Т. LXII, 202—230.
 Разумовскій, Алексѣй Григ., графъ, оберъ-егермейстеръ, т. LXI, 709.
 Ральстонъ, бібліотекаръ британскаго музея, т. LIX, 264.
 Рамбо, Альфредъ, французскій историкъ, т. LIX, 673.
 Рамолино, Легиція, мать Наполеона, т. LIX, 240.
 Рапацкій, священникъ, т. LIX, 817.
 Рахманиновъ, П. Г., козловскій помѣщикъ, т. LXI, 664.
 Рачинскій, подполковникъ, т. LIX, 54.
 Редигеръ, А., генералъ-лейтенантъ, т. LXII, 646.
 Рейеръ, хирургъ, т. LX, 846.
 Рейнботъ, Е. Ф., инженеръ-технологъ. *Некрологъ его.* Т. LX, 931; т. LXI, 318, 319.
 Рейнгардъ, Карль, французскій дипломатъ, т. LXI, 225—226.
 Рейтеръ, министръ финансовъ, т. LXI, 31; т. LXII, 386—388, 394, 395.
 Ренавъ:
 — Эрнестъ, французскій историкъ. *Замѣтка о сестрѣ его.* Т. LXII, 276—278.
 — Генриета, сестра его, т. LXII, 276—278.
 Ренне, баронъ, капитанъ, т. LIX, 418.
 Ренз, дочь французскаго короля Людовика XII. *Статья о ней:* Французская принцесса въ Феррарѣ, т. LXI, 492—497.
 ванъ-Рибенъ, Янъ, основатель голландской колоніи на мысѣ Доброй Надежды. *Замѣтка о немъ,* т. LIX, 966, 967.
 Рибоьеръ, А. И., графъ, т. LIX, 184, 185, 186.
 де-Ридель, А. А., капитанъ 2-го ранга, т. LXII, 136, 146, 1016.
 — Марія и Еженія, дочери его. *Письмо ихъ въ редакцію,* т. LXII, 1016.
 Ринардо, Давидъ. *Библиографическая замѣтка о его книгѣ:* Начала политической экономіи. (Переводъ Н. В. Фабриканта), т. LXII, 261—263.
 Римскій-Корсаковъ, Ник. Петръ, вице-адмиралъ, т. LXII, 130, 133, 136.

- Робертъ**, англійскій генералъ, т. LIX, 665.
- Ровинскій**, Дм. Александровичъ, сенаторъ, взслѣдователь. *Некрологъ* его, т. LXI, 243—244.
- Роганъ**, Луи, кардиналъ, князь, епископъ страсбургскій, т. LIX, 967—970.
- Рогинскій**, польскій повстанецъ, т. LX, 163, 164, 166, 172.
- Родъ**, Эдуардъ, французскій романистъ, т. LXII, 274.
- Розбергъ**, генералъ, т. LX, 374.
- Розбери**, лордъ, англійскій министръ, т. LXI, 497.
- Розенмейеръ**, т. LIX, 47—48.
- Розовы:**
— Н. П., докторъ, LIX, 161.
— студентъ, т. LIX, 166.
- Роллеръ**, художникъ, т. LIX, 73.
- Романовская**, А. Г., сестра милосердія, т. LXII, 992.
- Ромеръ**, Э., публицистъ. *Статья* его: О задачахъ критики. Мысли диллстанта, т. LXII, 485—502.
- Россель:**
— англійскій корреспондентъ, т. LX, 916.
— внучка О. Кромвеля, т. LXI, 493
- Россетти**, Христина, англійская поэтесса, т. LIX, 671—672.
- Ростовцевы:**
— Мих., графъ, т. LIX, 133.
— Я. И., генералъ-адъютантъ, т. LIX, 70, 72, 395.
- Рошинскій**, чиновникъ, т. LX, 815.
- Рубанинъ**, Н. А., публицистъ. *Статья* о книгѣ его: «Этюды о русской читающей публикѣ». Русскій читатель и его книга; т. LXI, 446—466.
- Румянцевъ**, Иоаннъ, свящ. т. LX, 135, 136.
- Румянцевъ-Задунайскій**, Петръ Александр., графъ. *Замѣтка* о памятникѣ ему, т. LXII, 1004.
- Рунневичъ**, С. Г. *Статья* его: Протопіерей Филовей Вуколовичъ Владевичъ, измайльскій герой, кавалеръ георгіевской ленты, т. LXII, 901—917. *Библиографическія замѣтки* его: И. А. Чистовичъ. Руководящіе дѣятеля духовнаго просвѣщенія въ Россіи въ первой половинѣ XIX вѣка, т. LIX, 639—642. С. Петровскій. Семь херсонскихъ архіепископовъ. Биографіи съ приложеніемъ портретовъ. т. LIX, 650, 651. Стадницкій Гавріиль Банулеско-Бодони, экзархъ молдавлахійскій (1808—1812 гг.) и митрополитъ кишиневскій (1813—1821 гг.), т. LX, 891, 894. Архіепископъ Антоній. Изъ исторіи христіанской проповѣди, т. LXI, 212, 213. *О книгѣ* его: Исторія минской архіепископіи, т. LXII, 647.
- Руновскій**, штабъ-капитанъ, т. LXII, 531.
- Руссо**, Жанъ-Жакъ, философъ, французскій писатель. *Замѣтка* о его предкахъ и родителяхъ, т. LX, 903—905.
- Рустейно**, поручикъ, т. LXII, 66.
- Рыжновъ**, Н. *Библиографическія замѣтки* его: Средневѣковный городъ, т. LIX, 308. Святѣйшій правительствующій Синодъ, при Петрѣ Великомъ, его организація и дѣятельность, студента Н. Ольшевскаго, т. LIX, 961.
- Рыльскій**, польскій повстанецъ, т. LX, 167.
- Рындины**. *Статья* его: Имамъ Шамилъ въ Россіи, т. LXI, 529—542.
- Рысининъ**, С. Э., писатель. *Некрологъ* его, т. LXII, 303.
- Рябининъ**, офицеръ, т. LIX, 52.
- С.**
- Сабуровъ**, штабъ-офицеръ, т. LX, 418.
- Саввантовъ**, П. И., членъ археографической комиссіи. *Некрологъ* его, т. LXI, 820—821.
- Савеловъ**, Л. М. *Библиографическая замѣтка* о его книгѣ: Избранная бібліотека русскаго генеалога. Библиографическій опытъ. Выпускъ первый. Изданія особенно рѣдкия и цѣнныя, т. LXI, 489.
- Савицкій**, комендантъ Варшавы, т. LIX, 55.
- Садовниковъ**, Дм. Ник., писатель, т. LXI, 360.
- Садовскій**, П. М., артистъ. *Замѣтка* о мотилѣ его, т. LXII, 1004.
- Самъ**, французскій чиновникъ, т. LIX, 614, 615.
- Саитовъ**, Вл. Ив. *Библиографическая замѣтка* о его изданіи сочиненій В. Л. Пушкина, т. LIX, 647—648.
- де-Салль**, баронъ, французскій писатель, т. LIX, 664.
- Сальмонъ**, французскій чиновникъ, т. LIX, 614, 615.
- Сальниковъ**, А. Н., публицистъ, т. LXII, 475.
- Санблансъ**, французскій министръ финансовъ, т. LXII, 621.
- Саннакадзе**, Христофоръ Дм., слуга Лермонтова. *Разказы* его о поэтѣ, т. LIX, 599—604.
- Саханскій**, полковникъ, т. LXII, 79.
- Сацердотовъ**, М. *Статья* его: Изъ нравовъ прошлаго времени, LXI, 685—700.
- Свѣчинъ**, губернаторъ, т. LIX, 37—40.

- Севернонъ, Анна, т. LXI, 231—232.
 Сейронъ, Анна, гувернантка, т. LX, 920.
 Селлерсъ, Едитта, английская писательница, т. LXII, 290.
 Селерь, Эдуардъ, докторъ, мексикологъ, т. LIX, 962.
 Семевскіе:
 — В. И., писатель. Т. LIX, 680 т. LXI, 481, 482.
 — Мих. Ив., редакторъ журнала «Русская Старина», т. LXI, 352—354.
 Сементновскій, Р. И., публицистъ. *Разсказы его*: На вечеръ у курсистокъ, т. LIX, 124—153. Культурные успѣхи Финляндіи, т. LIX, 518—536. Общественные мотивы современныхъ беллетристовъ, т. LIX, 792—812. Въ лифляндской Швейцаріи, т. LX, 486—510. Нашъ первый скептикъ, т. LXI, 112—133. Культура и подвизничество, т. LX, 783—805. Исторія какъ наука, т. LXI, 367—384. *Библиографическія замѣтки его*: Фалькенбергъ. Исторія новой философіи. Переводъ подъ ред. проф. А. И. Введенскаго, т. LIX, 649, 650. Ф. Юдль. Этика и политическая экономія, переводъ Острогорскаго, т. LX, 624—625. В. Г. Яроцкій. Страхование въ связи съ отвѣтственностью предпринимателей. Томъ I—II, т. LXI, 207—209. Фулье. Отрывки изъ сочиненій великихъ философовъ, переводъ Николаева, т. LX, 626—627. А. Смитъ. Исслѣдованія о богатствѣ народовъ, перев. Щепкина, LXI, 486—488. *Замѣтка его*: Еще о культурныхъ успѣхахъ Финляндіи, т. LX, 342, 344.
 Сенкевичъ, Генрихъ, польскій писатель, т. LX, 644.
 Сентъ-Арно, французскій маршалъ, т. LXII, 284.
 Серафимъ, старецъ, т. LXI, 669—672.
 Сергій, св. Радонежскій, т. LX, 622.
 Серпскій, Андрей, староста плочки, т. LXII, 548.
 Серспутовская, Е. Я., сестра мило-сердія, т. LXII, 992.
 Сигизмундъ III, король польскій, т. LXII, 554.
 Сикорскій, ксендзъ, т. LXI, 320.
 Силей, английскій историкъ. Т. LIX, 828; т. LX, 823.
 Симоновъ, И. А., ректоръ Казанскаго университета, т. LIX, 157.
 Симонъ, Шарль, французскій критикъ, т. LIX, 982.
 Симпсонъ, английскій генералъ, т. LX, 917.
 Симье, графиня, т. LXI, 221.
 Смильниновъ, Н. П., сенаторъ. *Записки его*. Т. LIX, стр. 39—75, 380—397, 721—736; т. LX, 45—57, 373—387, 693—711; т. LXI, 27—46.
 Сиповскій, В. Д., писатель, педагогъ. *Библиографическая замѣтка о его сочиненіи*: Сократъ и его время. Историческій очеркъ, т. LIX, 642—644. *Некрологъ его*, т. LXI, 827—828.
 Самчевскій, А. М., критикъ. *Библиографическая замѣтка о сочиненіяхъ его*: Критическіе взгляды, публицистическіе очерки, литературныя характеристики. 2 тома. Изданіе второе, т. LXII, 263—264.
 Скобелевы:
 — Иванъ Никитичъ, т. LX, 932.
 — М. Д., генералъ. *Воспоминанія о немъ*. Т. LIX, 99—108; т. LXI, 901—912; т. LX, 774—777, 780, 918.
 Сноворода, Грег., философъ. *Статья о немъ*: Украинскій Сократъ, т. LX, 215—222.
 Скарятинъ, В. Д., т. LXII, 726, 727, 73, 732.
 Скрипичинъ, В. А., писатель, т. LXII, 804, 805.
 Слоанъ, Вильямъ, профессоръ, т. LIX, 231, 232.
 Случевскій, К. К., поэтъ, редакторъ «Правительственнаго Вѣстника», т. LXII, 999.
 Смирдинъ, А. Ф., книгоиздатель. *Замѣтка о его столѣтней годовщинѣ*. Т. LX, 336, 337.
 Смирновы:
 — I. К., протоіерей, ректоръ рязанской семинаріи, т. LXII, 636.
 — Н. А., изслѣдователь, т. LIX, 681.
 Смитъ, А. *Библиографическая замѣтка о книгѣ его*: Исслѣдованія о богатствѣ народовъ. Перев. Щепкина. Т. LXI, 486—488.
 Соболевскіе:
 — С. А., библиографъ. *Замѣтка о его библиотекѣ*. Т. LX, 686, 687.
 — А. И., профессоръ Спб. университета, т. LX, 875; т. LXI, 238; т. LXII, 1001.
 Соболевъ, Ник. Вас., подполковникъ генеральнаго штаба, т. LIX, 419, 791.
 Соновинъ, Вас. Ник., кавказскій офицеръ, т. LIX, 416, 420, 423, 428, 437.
 Соловьевы:
 — Вл. С., писатель-публицистъ, т. LIX, 501, 506—510, 516; т. LXII, 999.
 — Н. А., писатель, т. LXI, 364; т. LXII, 464, 465, 470.
 — М. П., т. LXII, 646.
 Соловьевъ-Неситловъ, педагогъ, т. LXI, 359.

- Сорель, Альберъ,** французскій историкъ, т. LX, 824.
- Сорокинъ, Е. А.,** главн. врачъ клиническаго военнаго госпиталя. *Некрологъ его.* Т. LXI, 829—830.
- Спельтъ, И. А.,** т. LXI, 340.
- Спенсеръ, Гербертъ,** англійскій социологъ, т. LXI, 787.
- Спиридовъ, Леонидъ Александровичъ,** редакторъ газеты «Россія», т. LXII, 465, 466, 467, 470.
- Спотъ, Альфредъ,** писатель, т. LXII, 621.
- Спытко, Мартинъ,** львовскій аптекаръ, т. LX, 534.
- Срезневскій, В. И.,** секретарь съезда русскихъ дѣятелей печатнаго дѣла, т. LX, 579.
- Стадницкіе:**
— А. *Библиографическая замѣтка о книгѣ его:* Гавриилъ Банулеско-Бодоми, экзархъ молдо-влахійскій (1808—1812) и митрополитъ кишиневскій (1813—1821). Т. LX, 891—894.
— графъ, юнкеръ кирасирскаго полка, т. LXI, 297—307.
- Станиславъ, св.,** епископъ краковскій, т. LXII, 555.
- Станиславъ-Августъ,** король польскій, т. LXI, 794.
- Старръ, Лаура,** англійская писательница, т. LX, 645.
- Стасова, Н. В.,** предсѣдательница общества вспоможенія слушательницамъ высшихъ женскихъ курсовъ. *Статья о ней.* Т. LXII, 561—572.
- Стахѣвъ, Дм. Ив.,** романистъ, т. LXI, 343.
- Стивенсонъ, Робертъ,** англійскій романистъ. *Замѣтка о его смерти.* Т. LXIX, 671.
- Столянскій, Н. П.,** т. LXI, 355.
- Сторръ, Френсисъ,** англійскій переводчикъ, т. LXI, 231.
- Страдъ, И.,** французскій писатель, т. LX, 331.
- Стратфордъ-де-Ретклиффъ,** лордъ, англійскій дипломатъ, т. LX, 910, 911.
- Страховъ, Н. Н.** *Библиографическая замѣтка о книгѣ его:* 1) Объ основныхъ понятіяхъ фізіологіи и психологіи. 2) Философскіе очерки. 3) Критическія статьи объ И. С. Тургеневѣ и Л. Н. Толстомъ (1862—1885). Т. LX, 885—887. Упом. Т. LXII, 500, 501.
- Стромиловъ, Н. С.,** писатель, *Некрологъ его.* Т. LXII, 1006, 1007.
- Струве:**
— Карлъ Вас., т. LX, 768.
— П., политико-экономъ, т. LXII, 953—955.
- Суворовы:**
— А. В., князь италійскій, генералиссимусъ. *О немъ въ замѣткѣ:* Гдѣ жилъ Суворовъ въ Варшавѣ? Т. LXI, 815.
— А. А., кн., прибалтійскій генералъ-губернаторъ, т. LXI, 154.
— П. *Замѣтка его о запискахъ Н. П. Синельникова.* Т. LXIX, 39—40.
- Суворинъ, А. С.,** *Статья по поводу его изданія «Вся Россія».* Т. LX, 556, 574, 868, 869.
- Судиенко, І. С.,** черниговскій помѣщикъ, т. LXII, 235, 236.
- Султановъ, Н. В.,** преподаватель института гражданскихъ инженеровъ, т. LXII, 645.
- Суриновъ, Ив. Захаръ,** поэтъ-самоучка, т. LXII, 464.
- Сусловъ, Мих.,** кievскій лазутчикъ. *Статья о немъ:* полигическій агентъ XVII вѣка. Т. LXI, 134—146.
- Сухозанетъ, Н. А.,** генералъ-адъютантъ, т. LXIX, 736; т. LX, 50, 51, 53.
- Сѣмашко, Іосифъ,** литовскій митрополитъ, т. LXIX, 823.
- Сѣровъ, полковникъ.** т. LXIX, 418.
- Сѣряковъ, граверъ,** т. LXI, 426, 427.
- Сѣщинскій, Е.,** протоіерей каменецкаго кафедральнаго собора, т. LXII, 1004.
- Сысоева, Екат. Алексѣевна,** писательница, т. LXII, 480, 481.
- Сюрвельгельмъ,** генералъ-маіоръ генеральнаго штаба, т. LXII, 438.

Т.

- Талейранъ, графъ Перигоръ,** французскій министръ иностр. дѣлъ, т. LXIX, 969—972.
- Талызинъ, Александръ Ѳед.,** дѣйствительный камергеръ, т. LXI, 668.
- Тарасенко-Отрѣшниковъ, Л. И.,** т. LX, 820.
- Тарновскій, В.,** докторъ медицины, т. LX, 836.
- Тассо, Торквато.** *Замѣтка о его трехсотлѣтнемъ юбилейѣ,* т. LX; 899, 903.
- Татариновъ, И. А.,** журналистъ. *Некрологъ его,* т. LXII, 654.
- Тверской, П. А.** *Библиографическая замѣтка о его книгѣ:* Очерки Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ штатовъ, т. LXII, 611—612.
- Теличевъ, С. В.,** директоръ старорусскихъ минеральныхъ водъ, докторъ, т. LXIX, 865, 867—872.
- Тель, Вильгельмъ.** *Замѣтка объ открытіи памятника ему,* т. LXII, 635.
- Те реньевъ, П. Я.,** батальонный командиръ, т. LXII, 136.

- Терпигоревъ**, Серг. Никол., писатель. *Некрологъ его*, т. LXI, 249, 250. *Статьи о немъ*: Медвѣдскаго: Современные литературные дѣятели. С. Н. Терпигоревъ (Сергѣй Атава), т. LXI, 429—442.—И. И. Ясненскаго: Нѣсколько словъ о С. Н. Терпигоревѣ, т. LXI, 443—445.
- Терь-Асатуровъ**, Димитрій, командиръ Дагестанскаго полка, т. LX, 743, 762, 763.
- Тимашевъ**, генераль-адъютантъ, министр внутреннихъ дѣлъ; т. LX, 383, т. LXI, 42, 43.
- Тимашевъ**—Берингъ, генераль московскій оберъ-полицеймейстеръ, т. LXI, 724.
- Тимирязевъ**, В. А. писатель. *Статьи его*: Новый Наполеонъ, т. LXI, 231—255. Чернышевъ и Мишель, т. LXI, 605—622. Династія Казимиръ-Перье, т. LXI, 623—638. Французская художница при дворѣ Екатерины II, т. LXI, 913—923. Корсиканскій патриотъ, т. LX, 590—618. Авантюристъ стараго и новаго свѣта, т. LX, 246—259. Одна изъ екатерининскихъ мордашекъ на Черномъ морѣ, т. LXI, 174—200. Историческія мелочи, т. LXI—т. LX. Историческія мелочи и новости, т. LXI—LXI.
- Титовъ**, А. А. *Статья его*: Ученская Кассіанова пустынь, т. LXI, 392—410.
- Тихонравовъ**, Н. С. *Библиографическая замѣтка о книгѣ его*: Матеріалы для полнаго собранія сочиненій Д. Н. Фонвизина (Посмертный трудъ), т. LX, 627—628. Объ изданной подъ редакціей его и проф. В. Ф. Миллера книгѣ: Русскія былинны старыи и новой записи, т. LXI, 484—486.
- Толстые**: Д. А., графъ, министръ народнаго просвѣщенія, т. LXI, 573.
- Л. Н., графъ, писатель, т. LXI, 106, 330. *Замѣтка о его сочиненіи*: «Счастье», т. LXI, 675, 676, 925. Упоминается; т. LX, 919, т. LXI, 231, 747, 750, 758, т. LXII, 500, 501.
- Толь**, гр., начальникъ главнаго штаба, т. LXI, 52.
- Томиловскій**, полковникъ, 46—47.
- Томборнъ**, авглійскій публицистъ, т. LXI, 983.
- Топориниъ**, всаулъ казачьей батареи, т. LXI, 417.
- Тотлебенъ**, Э. П., гр. *Воспоминанія о немъ*; т. LXI, 96—108, т. LXI, 901—912.
- Трачевскій**, А. С., проф. *Статья о книгѣ его*: Русская исторія, второе изданіе, т. LXII, 918—930.
- Треповъ**, генераль-полицеймейстеръ, т. LX, 380.
- Тришатный**, Конст., т. LXI, 786.
- Троицкіе**: В. Н. полковникъ; т. LXI, 422, 423, т. LX, 771.
- И. Е., профессоръ Сиб. университета. *Замѣтка о его рефератѣ*, т. LXI, 989.
- И. И., докторъ, т. LXII, 452, 458.
- Трофимовскій**, Ник. Алекс., сенаторъ. *Некрологъ его*, т. LXI, 684.
- Трубачевъ**, С. С. *Статья его*: Прошлое и настоящее печатнаго дѣла, т. LX, 881, 893.
- Трубецкой**, Н. Ю., князь, оберъ-прокуроръ, т. LXI, 712.
- Трубкинова**, М. В., филантропка, т. LXII, 562.
- де-Трувилъ, Анри. *Библиографическая замѣтка о книгѣ его*: Соціальная наука представляетъ ли науку? Переводъ съ французскаго графа Н. С. Ланскаго, со статьей переводчика. «Де-Пле и его школа», т. LXI, 210, 211.
- Тувенель**, французскій министръ иностранныхъ дѣлъ, т. LX, 909.
- Туганъ-Мирза Барановскій**, Н. А., литераторъ. *Некрологъ его*, т. LX, 662—663.
- Туманскій**, генераль, т. LXI, 296, 299.
- Тура**—ханъ, ногайскій ханъ, т. LXI, 148.
- Тургеневы**: А. П., писатель, т. LXI, 180.
- П. С., писатель. *Статья о его усадьбѣ*; т. LXII, 857—871, т. LXI, 330, т. LXII, 504.
- Тури**, Жанъ-Франсуа, французскій писатель, т. LX, 651.
- Тучновъ**, Михайль, флигель-адъютантъ, т. LXI, 781.
- Туменовъ**, П. Ф. *Статья его*: Гапсаль и преданіе о Петрѣ Великомъ, т. LX, 806—813.
- Тюфлева-Пѣшкова**, редакторъ издательница журнала «Игрушечка», т. LXI, 366.
- Тьерри**, Огюстенъ, французскій историкъ. *Замѣтки о его юбилей*, т. LXII, 987, 988.
- Тьеръ**, французскій историкъ, т. LX, 321, 322.
- Тэнъ**, французскій историкъ. *Замѣтка о его посмертныхъ сочиненіяхъ*, т. LXII, 633.

У.

- Уваровъ**, Фед. Пегр., графъ, генераль-адъютантъ, т. LXI, 185.
- Урусовъ**, Ник. Павл., кн. т. LXI, 418.
- Усертесонъ II**, египетскій фараонъ, т. LX, 914.
- Усовъ**, Пав. Степан., издатель газеты «Биржа», т. LXII, 703.
- Успенскій**, Ф. П., директоръ константинопольскаго археологическаго института, т. LXII, 646.
- Ушановъ**, А. А., елатомскій помѣщикъ, т. LXI, 664.

Ф.

Фалькенбергъ. *Библиографическая замѣтка о книгѣ его:* История новой философіи. Переводъ студентовъ Спб. университета подъ ред. проф. А. И. Введенскаго, т. LIX, 649—650.

Фальсонъ, Этьенъ, художникъ, т. LIX, 913.

Фаресовъ, А. И. *Статья его:* Въ одиномъ заключеніи, т. LIX, 457—499. Памяти Николая Семеновича Лѣскова, т. LX, 177—203. Современная Россія, т. LX, 555—575. Интеллигенція въ деревнѣ, т. LXI, 737—761. *Библиографическая замѣтка его:* Смертная казнь въ связи съ правомъ наказанія, т. LXI, 214, 215. Полное собраніе сочиненій А. К. Шеллера, т. XV, т. LXII, 961—962.

Фаустъ, докторъ, т. LIX, 656—658.

Фермеренъ, Карлъ Ад., учитель нѣмецкаго языка, т. LXI, 300, 301.

Фетъ, А. А., поэтъ. Т. LIX, 500, 513; т. LXII, 488—490, 498.

Филипповы:

— А., профес. Юрьевскаго университета. *Библиографическая замѣтка о его изслѣдованіи:* История Сената въ правленіи верховнаго тайнаго совѣта и кабинета. Ч. I. Сенатъ въ правленіи верховнаго тайнаго совѣта, т. LXII, 604—609.

— С. Н., писатель, т. LXII, 803, 804.

— Т. И., государственный контролеръ, т. LXII, 648.

Философовы:

— А. П., филантропка, т. LXII, 562.

— Генераль-аудиторъ, т. LX, 374.

Фиртъ, Чарльзъ, англійскій историкъ, т. LIX, 660.

Фіалковскій, католическій митрополитъ, т. LX, 53.

фанъ-дербъ-Флигъ, адъютантъ К. Кауфмана, т. LIX, 131, т. LX, 761.

Фогацаро, итальянскій романистъ, т. LX, 644.

Фогель, В., профессоръ Варшавскаго университета, т. LXII, 556.

Фогтъ, Карлъ, ученый. *Замѣтка о его смерти:* т. LXI, 505, 506.

Фонвизинъ, Д. И., писатель. *Статья о немъ:* Нашъ первый скептикъ, т. LXI, 113—133.

Форбестъ, Арчибалдъ, англійскій военный корреспондентъ, т. LXII, 287.

Фордъ, Кларенсъ, писатель, т. LXI, 673, 674.

Форстенъ, Г. В., профессоръ Спб. историко-филологическаго института, т. LXII, 645.

Фортуатовъ, А. В., преподаватель математики, т. LXII, 295.

Форъ, Феликсъ, президентъ французской республики, т. LIX, 626.

Фотій, архимандритъ Новгородскаго Юрьевскаго монастыря, т. LIX, стр. 41.

Франковиль, французскій писатель, т. LXI, 220.

Францискъ I, король французскій, т. LXII, 621.

Францискъ II, король Неаполитанскій, т. LIX, 668—669.

Францозъ, Карлъ, австрійскій писатель, т. LX, 645.

Фрейтагъ, Густавъ, нѣмецкій журналистъ. *Замѣтка о его смерти:* т. LXI, 229.

Фриде, капитанъ, т. LIX, 429.

Фридрихъ II Великій, прусскій король, т. LXI, 792.

Фридрихъ III, императоръ германскій. *Замѣтка о его студенческихъ годахъ,* т. LXII, 986, 987.

Фриманъ, Л., ученый. *Библиографическая замѣтка о книгѣ его:* История крѣпости въ Россіи, т. LIX, 946—953.

Фритче, изслѣдователь, т. LX, 329.

Фрудъ, англійскій историкъ. т. LIX, 324—326, т. LX, 635.

Фулье, А. *Библиографическая замѣтка о книгѣ его:* Огрывки изъ сочиненій великихъ философовъ. Переводъ Николаева, т. LX, 626—627.

Фунъ-Брентано, Францъ, французскій историкъ, т. 317—319.

Фурургельмъ, контръ-адмиралъ, т. LIX, 708.

X.

Харичковъ, В. Ф. *Статья его:* Венецъ монастырь, т. LX, 543—550.

Хару, наслѣдникъ японскаго престола, т. LX, 648.

Хвоцминскій, жандармскій капитанъ, т. LX, 160.

Хитрово, Яковъ Тимоо., московскій воевода, т. LXI, 650.

Хлѣбнинова, Н. Е., артистка Императ. театровъ. *Некрологъ ея:* т. LXI, 832.

Хмельницкій, Н. Н., писатель. *Замѣтка о пятидесятилѣтніи со дня кончины его:* т. LXI, 293—294.

Хрисафидеса, Ц., историкъ, т. LXII, 619.

Хромовъ, томскій купецъ, т. LX, 553.

Хруловъ, генералъ, т. LX, 51.

Хрущовъ, генералъ, т. LX, 457.

Хрущовъ-Сонольниковъ, Г. А., сочинитель, т. LXII, 795, 797.

Хрусейнъ-Бенъ, магометанскій миссіонеръ, т. LXI, 148.

Ц.

- Цабель, Евг., нѣмецкій публицистъ, т. LX, 919.
 Цвѣциснѣй, полковникъ, т. LX, 462.
 Цобрікова, М. К., писательница, т. LXI, 355.
 Целецій, Геронимъ, епископъ плоцкій, т. LXII, 552, 554.
 Целлеръ, Жюль, французскій ученый, т. LX, 633.
 Цельтнеръ, Эмилія, крестница Костюшки, т. LXII, 635.
 Цецуринъ, докторъ, т. XIX, 396.
 Циглеръ, Т., *Библиографическая замѣтка о его книгѣ: Что такое нравственность? (Переводъ съ 2-го нѣмецкаго изданія А. Острогорскаго)*, т. LXI, 267.
 Циммерманъ, Э. *Библиографическая замѣтка о переведенной имъ книгѣ: Автобіографія Гервинуса*, т. LX, 896—897.
 фонъ-Цурмиленъ, генераль-лейтенантъ, т. LXII, 50, 51.

Ч.

- Чаевскій, В. *Библиографическая замѣтка о книгѣ его: Warszawa illustrowana. Томъ I. Stara Warszawa*, т. LX, 895—897.
 Чебышевъ, Пафнутіи Львовичъ, академикъ. *Некрологъ его*, т. LX, 340.
 Чевинъ, министръ путей сообщенія, т. XLII, 82.
 Черемшанскій, Вл. *Замѣтка его*, т. LXII, 656—658.
 Черепинъ, А. И., провинціальный ученый, т. LXII, 639.
 Чернасовъ, Александръ Александръ, горный инженеръ. *Некрологъ его*, т. LX, 338.
 Чернышева, Анна Ив., графиня, т. LX, 340.
 Чернышевскій, Ник. Гавр., писатель, т. LX, 187; т. LXII, 725, 726, 727, 728—734.
 Чернышевъ, Александръ Ив., флигель-адъютантъ. *Статья о немъ*, т. LX, 605—622.
 Чернявъ, М. Г., т. LX, 776.
 Черчилль, Рандольфъ, лордъ, горійскій демагогъ. *Замѣтка о немъ*, т. LX, 975—977.
 Чеховы:
 — Антонъ Павл., писатель. т. LX, 806, 807; т. LXII, 795, 798, 800, 801.
 — Александръ Павл. *Статья его: Авраамъ Сергѣевичъ Норовъ*, т. LXI, 385—391.—*Замѣтательныя русскія женщины. Анна Петровна Буварна*, т. LXII, 164—173.

- Чешихинъ, В. Е., т. LXII, 1000, 1001.
 Чистовичъ, А. *Библиографическая замѣтка о книгѣ его: Руководствіе дѣятеля духовнаго просвѣщенія въ Россіи въ первой половинѣ XIX вѣка*, т. LX, 639—642.
 Чичаговъ, адмиралъ, т. LXII, 536.
 Чудимовъ, А. Н. *Библиографическая замѣтка о его изданіи: Русская народная лирика*, т. LX, 653, 654.
 Чурнина, Марія, т. LXI, 347.
 Чюмина, О. Н., поэтесса, т. LXI, 634.

Ш.

- Шамиль, Имамъ, кавказскій герой. *О немъ въ статьѣ: Имамъ Шамиль въ Россіи*, т. LXII, 529—542.
 Шанивскій, польскій повстанецъ, т. LX, 167.
 Шанъ-Гирей, Э. А., т. LX, 823.
 Шаховской, И. А., кн., корпусный командиръ, т. LX, 48, 49.
 Шашновъ, С. С., писатель, т. LXI, 642.
 Шварцъ, В. Г., художникъ. *Замѣтка къ его биографіи*, т. LX, 343.
 Швейцеръ, профессоръ Цюрихскаго университета, т. LXII, 978.
 Шебуева, артистка, т. LXII, 815.
 Шевляковъ, М. В. *Статья его: Среди пилигримовъ. (Путевныя впечатлѣнія во время «Троїцкаго похода»)*. т. LXI, 599—621; т. LXI, 149—163.
 Шенспиръ, писатель. *Замѣтки о немъ*. т. LXI, 216—220, 764—780; т. LXII, 272—276.
 Шелашниковъ, генераль, т. LXI, 39.
 Шелгуновъ, Ник. Вас., публицистъ. т. LXI, 739.
 Шелеховъ, Г. И., основатель Россійско-Американской компаніи. *Замѣтка о столѣтїи со дня кочвни его*, т. LXI, 807—810. *Замѣтка о немъ*, т. LX, 305, 306.
 Шеннопфъ, Анна, т. LXII, 275.
 Шепелевъ, Дм. Авдр., оберъ-камергеръ двора, т. LXI, 705.
 Шервудъ, В. О., академикъ, т. LXII, 298.
 Ширебери, псевдонимъ А. В. Круглова, т. LXII, 795.
 Шефферъ:
 — Александръ, ученикъ рязанской гимназіи, т. LXII, 640.
 — Петръ, майнцскій первопечатникъ, т. LX, 877.
 Шешновскій, Степ. Ив., начальникъ тайной канцеляріи, т. LXI, 818.
 Шидловскій, капитанъ, т. LX, 725.
 Шмаллингъ, баронъ, совѣтникъ уголовной палаты, т. LXII, 455.

Шпилювъ, директоръ гатчинскаго института, т. LXI, 296, 296.

Шрявъ, Лавр. Вас., тайный совѣтъ. *Выдержки* изъ его записной книжки, т. LIX, 890—900.

— Н. Д. *Замѣтка* его къ статьѣ «Изъ записной книжки старожилъ», т. LIX, 890.

Шлейферъ, полковникъ, т. LX, 428, 429.

Шлиманъ, Генрихъ, археологъ, т. LIX, 287—289.

Шлиппенбахъ, генераль-отъ-инфантеріи, т. LXII, 457.

Шлумберггеръ, Гюставъ, академикъ, знатокъ византійскихъ древностей, т. LXII, 973.

Шляпинъ, И. А., приватъ-доцентъ С.-Петербургскаго университета, т. LX, 875.

Шмидтъ, Эрикъ, берлинскій профессоръ, т. LXII, 275.

Шороховъ, штабсъ-капитанъ, т. LIX, 425, 426.

Шпановскій, докторъ, т. LXI, 629, 634, 635.

Шрамъ:

— Фед. Андр., генераль-лейтенантъ, директоръ Сибирскаго кадетскаго корпуса, т. LXII, 442, 445, 446, 459.

— Александра Род., жена директора Сибирскаго кадетскаго корпуса, т. LXII, 441.

Шрейеръ, Ю. О., репортеръ, т. LXII, 479.

Штаненшнейдеръ, архитекторъ, т. LXI, 315.

Штейнгаузенъ, нѣмецкій ученый, т. LXII, 984.

Штемпель, баронъ, т. LIX, 417; т. LX, 378.

Штрайслеръ. *Библиографическая замѣтка о книгѣ* его: Происхождение семьи. Переводъ съ нѣмецкаго, т. LXI, 488.

Штрандманъ, генераль, т. LIX, 58.

Шуазель, министръ иностранныхъ дѣлъ Людовика XV, т. LIX, 236, 237.

Шубинскіе:

— С. Н., редакторъ журнала «Историческій Вѣстникъ». *Библиографическія замѣтки* его: Всеобщая исторія О. Тегера. Переводъ съ нѣмецкаго, подъ редакціей П. Н. Полевого, т. LIX, 502—503. *Орловъ*, Н. А. Штурмъ Праги Суворовымъ въ 1794 году, т. LIX, 309. Л. М. Савеловъ. Избранная бібліотека русскаго генеалога. Библиографическій опытъ. Выпускъ первый. Изданія особенно рѣдкія и цѣнныя. Т. LXI, 489. *Упоминается*, т. LX, 123, 132, 150. *Замѣтка о статьѣ*

его: Императрица Екатерина II и ея два сгаты-секретаря, т. LIX, 340.

— П. П. *Библиографическая замѣтка* его: Я. Д. Лазаревъ. Причины бѣдствія армявъ въ Турціи и отвѣтственность за разореніе Сасуна, т. LXII, 256—257.

Шуваловъ, Петръ Андр., гр., шефъ жандармовъ. Т. LIX, 98, 110, 111—113; Т. LX, 694; т. LXI, 30, 31.

Шуйскій, Вас. Ив., московскій царь, т. LX, 536.

Шурманъ, Анна, т. LXII, 985.

Щ.

Щепинны:

— В. Н., хранитель Императорскаго русскаго музея, т. LXII, 1001.

— Е. Н., писательница, т. LXI, 569.

— М. С., артистъ, т. LXI, 241.

Щербинскій, Н. М., самаркандскій мировой судья. Т. LIX, 417, 433, 788; т. LX, 417, 431.

Э.

Эбрингтонъ, лордъ, т. LIX, 320—322.

Эвальдъ, А. В. *Воспоминанія* его. Т. LXI, 293—326, 573—598; т. LXII, 43—85, 371—402, 703—739.

Эземпларскій, А. В., историкъ, т. LXII, 647.

Энгельгардты:

— А. Н., профессоръ, сельскій хозяинъ, т. LXI, 752.

— В. П., племянникъ его, сельскій хозяинъ, т. LXI, 757.

Энгманъ, Э. *Библиографическая замѣтка о книгѣ* его: Оборона современныхъ сухопутныхъ крѣпостей, т. LIX, 946—953.

Эрастовъ, свящ., т. LX, 814.

Ю.

Юдинъ, П. Л. *Статья* его: Развалины древняго города, т. LXI, 147—151.

Юановъ, Л. А., генераль-лейтенантъ, т. LXII, 638.

Юни, майоръ, т. LIX, 439.

Юрьевъ, Серг. Андр., писатель, т. LXII, 792, 793.

Юсуповъ, Н. Б., князь, т. LXI, 708.

Юхаринъ, Я. М., батальонный командиръ морскаго корпуса, т. LXII, 136.

Я.

Ягичъ, И. В., академикъ, т. LXII, 1001.

Ядринцевъ, Ник. Мих., писатель-публицистъ. Т. LIX, 680; т. LXI, 213; т. LXII, 814, 815, 816.

Яновлевы:

— В. А., профессоръ Одесскаго университета. *Библиографическая замѣтка о книгѣ его: Опытъ изслѣдованія «Изма-рагда»*, т. LIX, 299—302.

— генераль-маіоръ генеральнаго штаба, т. LXII, 438.

Януль, Иванъ, профессоръ Московскаго университета, т. LIX, 686, 687.

Яновскій, К. П., попечитель Кавказскаго учебнаго округа. *Замѣтка о его юбилей*, т. LIX, 334, 335.

Яроцкій, В. Г., профессоръ Слб. университета. *Библиографическая замѣтка о книгѣ его: Страхование рабочихъ въ связи съ отвѣтственностью предпринимателей*. Т. I—II, т. LXI, 207—209.

Ясинскій, І. І., писатель. *Разсказъ его: Въ заросляхъ чертополоха*, т. LIX,

398—411. Нѣсколько словъ о С. Н. Терпигоревѣ, т. LXI, 443—445.

Яхъ-Инь, переводчикъ, т. LXII, 541.

Федоровы:

— А. Л., поэтъ, т. LXII, 809, 815.

— Д. В. *Статья его: Тернистый путь къ свѣту*, т. LX, 58—94, 388—413.

— Иванъ, русскій первопечатникъ, т. LX, 862, 863.

— М. П., редакторъ газеты «Новое Время», т. LX, 150, 388—413.

Федотовъ, Александръ Филиппъ, артистъ и драматургъ. *Некрологъ его*, т. LX, 338.

Феофанъ, архіепископъ нижегородскій, т. LXI, 694.

Феофиль, архимандритъ Владимірскаго Боголюбскаго монастыря, т. LIX, 389.

УКАЗАТЕЛЬ

ГРАВЮРЪ,

ПОМѢЩЕННЫХЪ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ТОМАХЪ

„ИСТОРИЧЕСКАГО ВѢСТНИКА“

1895 г.

Портреты:

- Апухтинъ, Алексѣй Ник., поэтъ *(на отдѣльномъ листѣ)*, т. LX, 344.
Бунина, Авва Петр., писательница *(на отдѣльномъ листѣ)*, т. LXII, 4.
Буренинъ, Викторъ Петр., критикъ *(на отдѣльномъ листѣ)*, т. LXII, 306.
Бѣлоголовый, Ник. Андреевичъ, докторъ, т. LXII, 575.
Гагарина, Анна Петр., княгиня *(на отдѣльномъ листѣ)*, т. LIX, 5.
Голенищевъ-Нутузовъ, графъ, Арсеній Аркадьевичъ, поэтъ *(на отдѣльномъ листѣ)*, т. LIX, 344.
Джонсъ, Поль, морякъ, т. LXI, 185.
Зубчанниковъ, Александръ Нв., граверъ, т. LXI, 425.
Ирвингъ, Генри, англійскій актеръ и писатель, т. LXI:
— портретъ его, 769.
— въ роли Гамлета, 773.
Крюднеръ, Беата, баронесса, т. LXI:
— съ гравированнаго портрета Пфеннигера, 677.
— съ литографіи Гельмерсена, 681.
Лѣсковъ, Николай Семеновичъ, на смертномъ одрѣ *(на отдѣльномъ листѣ)*, т. LX, стр. 4.
Людовикъ XIV, король французскій *(на отдѣльномъ листѣ)*, т. LX, 664.
Миранда, Франческо, испанскій авантюристъ, т. LX, 279.
Наполеонъ I, т. LX:
— въ якобинскомъ клубѣ на Корсикѣ, 593.
— въ дешевой парижскомъ ресторанѣ, 597.
— Бокерскій ужинъ, 601.
— на военномъ совѣтѣ въ Тулонѣ, 605.
Норовъ, Авраамъ Серг., министръ народнаго просвѣщенія, писатель *(на отдѣльномъ листѣ)*, т. LXI, 264.
Перье, т. LIX:
— Казнирѣ, дѣдъ президента Французской республики, 625.
— Казнирѣ, президентъ Французской республики, 629.

- Покровский, Егоръ Арсеньевичъ, докторъ. т. LXII, 875.
 Полторацій, Влад. Алексѣевичъ, генералъ (*на отдѣльномъ листѣ*), т. LXI, 4.
 Самкидзе, Христофоръ, слуга Лермонтова, т. LIX, 601.
 Стасова, Надежда Вас., общественная дѣятельница, т. LXII, 569.
 Телчевъ, С. В., докторъ, директоръ старорусскихъ минеральныхъ водъ,
 т. LIX, 865.
 Фонвизинъ, Д. И., писатель, т. LXI, 121.

Копіи съ иконъ, картинъ, бюстовъ и др.:

- Бегайтъ, Мартынъ. Снимокъ съ его глобуса, т. LX, 529.
 Грезъ, Жанъ: Бонапартъ, артиллерійскій поручикъ, т. LIX, 250.
 Карты, т. LX:
 — Карта міра по представленію Гомера, 515.
 — Первая научная карта міра, составленная Птолемеємъ въ I в. по Р. X., 517.
 — Міръ по ученію Козьмы Индикоплевта, 519, 521.
 — Карта міра изъ одного средневѣковаго изданія XII вѣка, 525.
 — Карта арабовъ IX вѣка, 527.
 Колло, французская художница. Голова статуи Петра I, т. LIX, 917.
 Наполеонъ I въ юности. Снимокъ съ бюста, хранящагося въ музеѣ въ Алячі,
 т. LIX, 233.
 Плоть съ казенными разбойниками на Волгѣ, Съ англійской гравюры XVIII
 вѣка, хранящейся въ собраніи П. Я. Дашкова, т. LXII, 223.
 Разинъ, Стенька. Снимки съ иностранныхъ лубочныхъ портретовъ его, т.
 LXII, 207, 209, 213, 215.
 Реалье-Дюма: Бонапартъ въ Бріенской школѣ, т. LIX, 243.
 Стрюякъ, т. LXII:
 — Взятіе Астрахани, 217.
 — Стенька Разинъ бросаетъ въ Волгу персидскую княжну, 221.
 Учна, село Ярославской губ. Одна изъ старинныхъ иконъ Учемской пустыни,
 т. LXI, 405.
 Факсимиле страницы изъ школьной тетрадки Наполеона, хранящейся въ Фло-
 рентійской бібліотекѣ, т. LIX, 247.

Виды городовъ, мѣстностей и зданій:

- Алячі, городъ на о. Корсикѣ, родина Наполеона I, т. LIX:
 — домъ, гдѣ родился Наполеонъ, 237.
 — комната, въ которой родился Наполеонъ, 239.
 Батумская область, т. LIX:
 — Общій видъ долины рѣки Чихота, 538.
 — Заросли самшира и рододендрона на рѣкѣ Чаквѣ, 545.
 — Смоковница въ селеніи Чаквисъ-тава, 549.
 — Мельница въ селеніи Чаквисъ-тава, 557.
 — Домъ въ селеніи Чаквисъ-тава, 561.
 — Мечеть въ селеніи Хала, 565.
 Веневъ, Тульской губ., Николаевскій монастырь, т. LX, 545.
 Гапсаль, т. LX:
 — Видъ замка до реставраціи, 807.
 — Домъ, въ которомъ останавливался Петръ Великій, 809.
 Нострома, губ. городъ. Церковь Воскресенія Христова, 201.
 Плоцькъ, губернска. городъ:
 — Кафедральный соборъ Пресвятой Дѣвы, 545.
 — Памятникъ Дунива-Вольскаго, 549.
 — Памятникъ Станислава Красинскаго, 553.
 — Гробницы польскихъ королей, 555.

Полтава, т. LXII:

- Памятникъ на шведской могилѣ, 233.
- Храмъ на шведской могилѣ, 235.

Спасиое-Лутовиново, село Орловской губ., т. LXII:

- Видъ села и часовни, 861.
- Кабинетъ И. С. Тургенева, 863.
- Ели «Два брата», 865.
- Мавзолей И. И. Лутовинова, 869.

Старая Русса, т. LIX:

- Часовня на минеральныхъ водахъ, 851.
- Муравьевскій фонтанъ, танцевальный залъ и ресторанъ, 853.
- Курзалъ минеральныхъ водъ, 857.
- Соленое озеро, галлерей и стеклянный извильонъ для питья водъ, 861.
- Зданіе ваннъ, № 7, 869.
- Ванная комната въ зданіи № 7, 873.

Т. LX:

- Молочная ферма, 113.
 - Школа имени О. М. Достоевскаго, 117.
 - Домъ О. М. Достоевскаго, 121.
 - Гостинный дворъ, 125.
 - Соборъ, 129.
 - Красный берегъ, 133.
 - Косицкая община близъ Старой Руссы, 137.
 - Церковь Спасителя близъ Старой Руссы, 141.
- Уфимская губ. Видъ мавзолей на р. Ислакѣ, т. LXI, 149.

Учма, село Ярославск. губ., т. LXI:

- Видъ села, 397.
- Успенская церковь, 401.

Цейлонъ, островъ, т. LIX:

- Бамбуковый пучекъ въ саду Регаденца, 220.
- Тропическіе фрукты, 223.

Ява, островъ, т. LIX:

- Улица въ тропическомъ городѣ, 193.
- Кокосовая пальма, 197.
- Видъ Яванскаго города, 199.
- Яванская деревня, 200.
- Малайская хижина, 213.
- Хлѣбное дерево *Artocarpus integrifolia*, 215.
- Бамбуковая заросль, формація *Alang-Alang* и общій видъ на вулканъ *Gunung Gedeh*, 217.

Бытовыя и другія изображенія:**Сингапуръ, островъ, т. LIX:**

- Малаецъ-слуга, 209.

Хала, село въ Батумской области. Земледѣльскія орудія, т. LIX, 553.**Ява, т. LIX:**

- Носильщикъ тяжестей—съ сѣномъ, фруктами и рисомъ, 205.
- Малайская женщина съ кувшиномъ изъ бамбука, 207.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ «НОВАГО ВРЕМЕНИ»

А. С. СУВОРИНА.

(С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ, Одесса и Саратовъ).

ВЪ НОЯБРЬ 1895 г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 27-й.

- Абрамовъ, Я.** Духовныя завѣщанія. Какъ ихъ составлять, измѣнять, отмѣнять, представлять къ утвержденію и оспаривать. Спб. 1896 г. Ц. 25 к.
- Аверіевъ, Д.** Драмы, т. 2-й. Книгиня Ульяна Вяземская. — Разрушенная невѣста. — Франческа Риминійская. — Царевичъ Алексѣй. — Нелюбимые. Т. 3-й. Смерть Мессалины. — Сидоркино дѣло. — Трогирскій воевода. — Столичный слетокъ Теофано. Спб. 1896 г. Ц. каждого тома по 2 р. 50 к. Оба тома вѣстѣ 4 рубля.
- Адамовичъ, В.** Очеркъ русскаго гражданскаго процесса. Выпускъ первый. Изданіе 2-е. Спб. 1895 г. Ц. 1 р. 20 к.
- Аксановъ, А.** Предвѣстники спиритизма за послѣднія 250 лѣтъ. Спб. 1895 г. Ц. 2 р.
- Александровъ, Д.** Что читать и что пѣть? Монологи, сцены, дуэты, куплеты и пѣсы съ нотами. Вып. II. М. 1895 г. Ц. 60 к.
- Алферовъ А., Грузинскій Ф., Нелидовъ, Смирновъ.** Десять чтеній по литературѣ. Съ 28 рисунками. М. 1895 г. Ц. 1 р.
- Амфитеатровъ, В.** Очерки изъ библейской исторіи ветхаго завѣта. М. 1895 г. Ц. 2 р.
- Анненковъ, И.** Система русскаго гражданскаго права. Т. II. Права вещныя. Спб. 1895 г. Ц. 4 р.
- Арсеньевъ, А.** Бояринъ Нечай-Нагаевъ. Московская быль XVII в. Драма въ 5 актахъ и 6 картинахъ. Спб. 1895 г. Ц. 1 р.
- Арсеньевъ, І.** (свящ.). Ультрамонтанское движеніе въ XIX столѣтіи до Ватиканскаго собора (1869 — 70) включительно. Харьковъ. 1895 г. Ц. 2 р.
- Арсеній, Г.** Капризъ. Повѣсть. 2 е изд. М. 1896 г. Ц. 1 р.
- Астыревъ, Н.** Въ волостныхъ писаряхъ. Очерки крестьянскаго самоуправленія. Съ портретомъ автора. Изд. 2-е. М. Ц. 1 руб. 50 коп.
- Ашинъ, В.** Положеніе о желѣзнодорожномъ счетоводствѣ. Вып. II. Спб. 1895 г. Ц. 3 руб.
- Бабинъ, П.** О непротивленіи злу. По поводу драмы «Власть тьмы» Льва Толстого. Спб. 1896 г. Ц. 40 к.
- Бердинковъ, И.** Запѣтка о раскольническомъ бракѣ. Рязань. 1895 г. Ц. 30 к.
- Блѣхъ, І.** Устройство финансоваго управленія и контроля въ Россіи въ историческомъ ихъ развитіи. Спб. 1895 г. Ц. 2 р.
- Бонль, Г.** Исторія цивилизаціи въ Англіи. Переводъ А. Буйницкаго. Съ портретомъ и вступительной статьей Соловьева. Изд. 2-е. Спб. 1897 г. Ц. 2 р.
- Бонль, Г.** Вліяніе женщинъ на успѣхи знанія. Изд. 3-е. Спб. 1896 г. Ц. 25 к.
- Ботинъ, П.** О каналѣ Никарагуа. Спб. 1895 г. Ц. 50 к.
- Брисовъ, В.** Chefs d'oeuvre. Сборникъ стихотвореній. М. 1895 г. Ц. 50 к.
- Будаевскій, С.** Прямолинейная тригонометрія. Полный систематическій курсъ. Примѣры и задачи. Спб. 1895 г. Ц. 90 к.
- Будьте здоровы.** Популярный гигиенический календарь для всѣхъ на 1896 г. Ц. 1 р.
- Булгаковъ, Ѳ. В. В.** Верещагинъ и его произведенія. Фотографическое и автографическое изданіе. Спб. 1896 г. Ц. 10 р.
- Буляковъ, Г.** Стереоскопическая фотографія. Съ 60 рис. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 75 к.
- Бѣлелюбскій, А.** Справочная книга для дорожныхъ мастеровъ, старшихъ рабочихъ и смотрителей зданій. Съ приложеніемъ 28 отд. таблицъ. Кіевъ. 1895 г. Ц. 2 р.
- Бѣлиловскій, И.** Къ вопросу объ антропологическомъ типѣ преступника. Спб. 1895 г. Ц. 80 к.
- Валуевъ, Ѳ.** Практическое руководство желѣзнодорожнаго дѣла. Устройство и ремонтъ пути изданій. 2-е исправлен. изд. Спб. 1895 г. Ц. 2 р.

- Василевскій** (полковникъ). Руководство для штабъ-офицеровъ и капитановъ, подлежащихъ испытанію при зачисленіи въ кандидаты на должности уѣздныхъ воинскихъ начальниковъ, и справочная книга для уѣздныхъ воинскихъ начальниковъ. 4-е изданіе, исправл. и дополн. Спб. 1896 г. Ц. 5 р.
- Вельсъ**, Г. Новая система пчеловодства съ двумя матками въ одномъ ульѣ. Спб. 1895 г. Ц. 25 к.
- Верещагинъ**, В. (художникъ). Иллюстрированная автобіографія нѣсколькихъ незамѣчательныхъ русскихъ людей. М. 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- **Наполеонъ I въ Россіи 1812**. Пожаръ Москвы. Казаки. Великая армія. Маршалы. Наполеонъ. М. 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.
- **На Сѣверной Двинѣ**. По деревяннымъ церквамъ. М. 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Винаверъ**, М. Къ вопросу объ источникахъ X тома Свода Законовъ. Спб. 1895 г. Ц. 50 к.
- Водозова**, Е. Какъ люди на бѣломъ свѣтѣ живутъ. Нѣмцы. Спб. 1895 г. Ц. 40 к.
- Волконская**, М. (княгиня). Цвѣты в старыя капоты. Разказы. Спб. 1895 г. Ц. 50 к.
- Волховская**, А. Четыре малороссійскихъ разказа. Съ фоготипіей. Спб. 1895 г. Ц. 25 к.
- Вороновъ**, С. Домашняя сушка плодовъ и овощей и домашнее приготовленіе нѣкоторыхъ консервовъ. Съ 9 рис. Спб. 1895 г. Ц. 15 к.
- Вортманъ**, Ю. (проф.). Примѣненіе и дѣйстви чистыхъ дрожжей въ винодѣліи. Перев. съ нѣмецкаго В. Винеръ. Съ 9-ю рис. 1896 г. Ц. 50 к.
- Всеобщій желѣзнодорожный** путеводитель и ежедневный календарь. Зимнее движеніе 1895 — 1896. Спб. 1896 г. Ц. 20 коп.
- Гельмольцъ**. О происхожденіи и значеніи геометрическихъ аксіомъ. Спб. 1895 г. Ц. 30 к.
- Гейдингъ**, Г. Очерки психологіи, основанной на опытѣ. Перев. съ нѣм. подъ ред. М. Колубовскаго. Второе русское изданіе, дополн. Спб. 1896 г. Ц. 2 р.
- Гиляровъ** (проф.). Новая книга по исторіи средневѣковой и древней мысли (за 1889—1894). Къ философіи «Божественной Комедіи». Спб. 1895 г. Ц. 25 к.
- Гнѣдичъ**, П. Черезъ Черное море на Босфоръ. Рисунки М. Далькевича. Спб. 1896 г. Ц. 2 р.
- Гогенлоз - Ингельфингенъ**, Крафтъ (принцъ). Бесѣды о конницѣ. Перев. съ нѣм. Варшава. 1895 г. Ц. 3 р.
- Голлицынъ**, Дм., князь (Муравлинъ). Поэзія. Спб. 1895 г. Ц. 1 р. 75 к.
- Гольдштейнъ**, М. Впечатлѣнія и замѣтки. Кіевъ. 1896 г. Ц. 1 р.
- Грентъ**, А. Краткій очеркъ исторіи Кавказскаго перешейка. Вып. I. Языческій періодъ. Кіевъ 1895 г. Ц. 1 р. 20 к.
- Гринфельдъ**, А., д-ръ, и Спичка Ф., д-ръ. Уходъ за кожей ея придатками, съ указаніемъ необходимыхъ фармакологическихъ средствъ. Косметика для практическихъ врачей. Съ 9 рис. Спб. 1895 г. Ц. 2 р.
- Грюнвальдъ**, Ф. Устройство и употребленіе электрическихъ аккумуляторовъ. Пер. съ нѣм. Спб. 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Даніель-Бенъ**, А. (д-ръ). Значеніе электричества въ медицинѣ. Какія болѣзни должны быть лѣчены электричествомъ, для лицъ, незнакомыхъ съ медициной. Спб. 1895 г. Ц. 80 к.
- Дементьевъ**, П. Практическое руководство къ новѣйшей фотографіи. Съ 84 рис. Изд. 3-е, вновь переработ. и дополн. Спб. 1896 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Демме** (проф.). Вліяніе алкоголя на дѣтскій организмъ. М. 1895 г. Ц. 50 к.
- Демьяновъ**, М. О значеніи упругости ремня при передачѣ имъ работы (монографія, второе продолженіе). Спб. 1894 г. Ц. 1 р. 5 к.
- Диккенсъ**, Ч. Сочиненія. Полное собраніе въ 10 томахъ. Т. IX. I. Барнеби и Реджъ.—II. Тайна Эдвана Друда.—III. Колокола (святочный разказъ). Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Святочные разказы. Пер. съ англ. Ф. Резенера Изд. 3-е. Съ 55 рис. Спб. Ц. 1 р. 50 к.
- Диксонъ**, Ч. Перелетъ птицъ. Опытъ установленія закона періодическихъ перелетовъ птицъ. Перев. съ англ. графини Е. П. Шереметьевой подъ ред. Дм. Кайгородова. Спб. 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Дирре**, Нуго (Dr.). Внутреннія болѣзни. Краткое руководство по частной патологіи и терапіи для врачей и студентовъ. М. 1896 г. Ц. 1 р. 75 к.
- Дмитріевъ**, К. Картофель и способы приготовленія изъ него крахмала, патоки, декстрина, сахара и саго. Съ 85 рис. М. 1896 г. Ц. 2 р.
- Домбровскій**, Ф. Волшебный сонъ. Разказъ для дѣтей, съ рисунками. Спб. 1896 г. Ц. 30 к., въ перепл. 50 к.
- Дѣдловъ**, В. Варваръ, Элянтъ, Еврей. Современныя характеристика. Спб. 1895 г. Ц. 2 р.
- **Вокругъ Россіи**. Польша. — Бессарабія. — Крымъ. — Уралъ. — Финляндія. — Нижній. Портреты и пейзажи. Спб. 1895 г. Ц. 2 р.

- Ежегодникъ Тобольскаго губернскаго музея. Вып. III и вып. IV. Тобольскъ. 1895 г. Ц. за выпускъ по 1 р.
- Езерскій, Ф. Счетоводство, какъ самый опасный врагъ и какъ самое точное зеркало. Изд. 2-е. Спб. 1896 г. Ц. 1 р.
- Желиховская, В. Кавказскіе рассказы. Съ 33 рис. Проф. А. Шарлемана. Спб. 1896 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Жизнь замѣчательныхъ людей. Эмиль Золя, его жизнь и литературная дѣятельность. Очеркъ М. Барро. О. Бальзанъ, его жизнь и литературная дѣятельность. Очеркъ А. Анненской. Ц. каждой биографіи 25 к.
- Записная книга на 1896 г. Изданіе Риккера. Ц. 60 к., 75 к., 80 к., 1 р., 1 р. 5 к., 1 р. 10 к., 1 р. 30 к., 1 р. 50 к., 1 р. 70 к., 2 р.
- Землинскій, В. Критическіе комментаріи къ сочиненіямъ А. Н. Островскаго. Хронологическій сборникъ критико-библиографическихъ статей. Ч. 3-я. М. 1896 г. Ц. 1 р.
- Землеводствѣ. Периодическ. изданіе Географич. Отдѣл. Императорскаго Общ. любителей естествознанія. Кн. II и III, подъ ред. Д. Анучина и В. Богданова. М. 1895 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Зубновскій, Ап. Маркъ Туллій Цицеронъ. Рѣчь въ защиту Квинта Лигарія. Пер. съ латинскаго. Житомиръ. 1895 г. Ц. 30 к.
- Ивановъ, А. Портландскій цементъ. Спб. 1895 г. Ц. 30 к.
- Ивановъ, С. Локомобиль и молотилка. Устройство и уходъ за ними. Руководство для машинистовъ и сельскихъ хозяевъ. Съ 11 табл. Изд. 2-е. Спб. 1896 г. Ц. 90 к.
- Иловайскій, С. Лошадь скаковая, верховая, рысистая, упряжная и тяжеловозная. Полный курсъ коневодства. М. 1896 г. Ц. 1 р. 50 коп.
- Искра, П. Шв. Андреев. Крыловъ. Одесса. 1895 г. Ц. 20 к.
- Историческая справка къ 5—11 стихамъ 14 главы Евангелія отъ Маттея. Спб. 1895 г. Ц. 50 к.
- Исторія Греціи со времени Пелопоннесской войны. Вып. I. М. 1896 г. Ц. въ перепл. 1 р. 75 к.
- Календарь для зрячихъ въ пользу слѣпыхъ на 1896 г. Въ пользу Убѣжища для неизлѣчивыхъ слѣпыхъ, учрежденнаго въ память д-ра Р. Ф. Блессига. Ц. 50 к.
- Кантани, А. (по). Лѣченіе нейралгіи. Спб. 1895 г. Ц. 10 к.
- Карзинъ, Н. Мои славки. Съ иллюстраціями автора. 8 литогр. 100 рис. и портретъ. Спб. 1895 г. Ц. въ перепл. 4 р. 50 к.
- Карпелесъ, Г. Исторія еврейской литературы въ 2 томахъ. Спб. 1896 г. Ц. за оба тома 6 руб.
- Карта Китая, Японіи и Кореи. Изданіе Министерства Финансовъ. Ц. 50 к.
- Карѣвъ, Н. Мысли о сущности общественной дѣятельности. Спб. 1895 г. Ц. 50 коп.
- Кейръ, Ф. Воображеніе и память. Спб. 1896 г. Ц. 40 к.
- Китай и Японія въ ихъ поэзіи. Маленькая антологія. № 1. Спб. 1896 г. Ц. 30 к.
- «Книжный Вѣстникъ», № 9. Ц. 30 к.
- Книповичъ, Н. Положеніе морскихъ рыбныхъ и звѣриныхъ промысловъ Архангельской губерніи. Спб. 1895 г. Ц. 50 коп.
- Ковригинъ, А. Учебникъ нѣмецкаго коммерческаго языка. Спб. 1895 г. Ц. 1 р. 50 коп.
- Козловъ, Н. Французско-русскій и русско-французскій морской словарь. Ч. II. Спб. 1895 г. V. 2 р. 50 к.
- Коринфскій, Аполлонъ. Черныя розы. Стихотворенія 1895—1895 гг. Спб. 1896 г. Ц. 1 р.
- Корсановъ, В. Баня-прачешная, телатникъ-ягнятникъ и запарная для корма. Спб. 1895 г. Ц. 60 к.
- Крафтъ Збингъ. Прогрессивный общій параличъ. Переводъ д-ра Вальтера. Харьковъ, 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Кровь разстерзаннаго сердца. Тревожныя пѣсни трехъ первыхъ русскихъ декадентовъ. Спб. 1895 г. Ц. 1 р.
- Кропивницкій, М. Повный сборникъ. Выданія трете. Харьковъ. 1895 г. Ц. 3 р. 50 к.
- Круглый годъ. Календарь и записная книжка на 1896 г. Ц. 75 к.
- Крыловъ, Е. Полный практическій курсъ птицеводства. М. 1896 г. Ц. 1 р.
- Кудрявцевъ, В., и Чарнолусская, Е. Библиографическій указатель книгъ и статей по народному образованію за 1894 годъ. Спб. 1895 г. Ц. 1 р.
- Лаландъ, А. Этюды по философіи наукъ. Перев. съ франц. Спб. 1896 г. Ц. 75 к.
- Ланге, К. (проф.). Художественное воспитаніе въ дѣтской. Переводъ Городецкаго. М. 1895 г. Ц. 50 к.
- Левинсонъ-Лессингъ, Ф. Ключъ для опредѣленія классовъ кристалловъ. Таблица Юрьевъ. 1896 г. Ц. 25 к.
- Лейкинъ, Н. Тщеславіе и жадность. Двѣ повѣсти. Спб. 1896 г. Ц. 1 р.
- Ленцъ, Э. Опись собранія оружія гра-

- фа С. Д. Шереметева. Съ 26 фототипическихъ таблицъ. Спб. 1895 г. Ц. 10 р.
- Лессингъ, Г. Нагавъ Мудрый. Драма. Переводъ С. А. Порѣцкаго. М. 1895 г. Ц. 10 к.
- Летурино, Ш. Литературное развитіе различныхъ племенъ и народовъ. Пер. съ франц. В. Святловскаго. Спб. 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Линевъ, Д. (Далиль). Не сказки. Второе изданіе. Спб. 1895 г. Ц. 1 р. 60 к.
- Лихачевъ, Н. Каталогъ летучихъ изданій и ихъ перенечатокъ. Манифесты, указы и другія правительственныя распоряженія. Спб. 1895 г. Ц. 4 р.
- Лоранъ, Ф., д-ръ. Медицина души. Перев. съ франц. В. Вольфсонъ. Спб. 1896 г. Ц. 15 к.
- Луидъ, Р. Ускоренная выѣздка верховой лошади по теоріи г. Филлиса. Спб. 1896 г. Ц. 2 р.
- Лухманова, Н. Женскіе силуэты. Спб. 1886 г. Ц. за двѣ части 1 р. 50 к.
- Львова, Е. Разказы. Съ портретомъ автора. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 35 к.
- Лѣсневичъ, В. Очерки изъ исторіи медицины. Вып. I. Кіевъ. 1895 г. Ц. 60 к.
- Маршъ - Воачонъ, Павло Чернокрыль. Разказъ. Изд. Спб. Комитета Грамотности № 67. Спб. 1895 г. Ц. 3 к.
- Массенъ, Ю. Король Лагорскій. Опера въ 5-ти дѣйств. и 7-ми картинахъ. Перев. П. Обиорскаго. Спб. 1895 г. Ц. 20 к.
- Мироносицій, П. Изъ дневника учителя церковно-приходской школы. Кіевъ. 1895 г. Ц. 25 к.
- Михайловъ, А. Практическое руководство къ изученію фотографіи для начинающихъ. Спб. 1895 г. Ц. 30 к.
- Мордовцевъ, Д. Желѣзомъ и кровью. Романъ изъ исторіи завоеванія Кавказа при Ермоловѣ. Спб. 1896 г. Ц. 2 р.
- Мороховецъ, Левъ. Физико-химическія основы біологическихъ и врачебныхъ методовъ изслѣдованія съ фізіологической техникой для естествоиспытателей, врачей и студентовъ. Отдѣлъ I. Мѣра и измѣреніе. Съ 317 рис. М. 1895 г. Ц. 1 р. 30 к.
- Моссо, А. О физическомъ воспитаніи женщины, перев. съ итальянскаго. В. Суздальной. Спб. 1895 г. Ц. 30 к.
- Миоллеръ, А. Исторія ислама съ основанія до новѣйшихъ временъ. Перев. съ нѣмецкаго. Т. III и IV. Спб. 1896 г. Ц. за оба тома 5 р.
- Мюссе, А. Ночя. Перев. А. Облеухова. М. 1895 г. Ц. 60 к.
- Немировичъ-Данченко, Василій. На разныхъ дорогахъ. Романъ въ 4 частяхъ. Спб. 1896 г. Ц. 3 р.
- Нефедовъ, Ф. Ионичъ. Разказъ. Изд. Комит. Грамотн. № 61. Ц. 14 к.
- Свекортъ. Разказъ. Изд. Комит. Грамотн. № 62. Ц. 3 к.
- Новый путеводитель по желѣзнымъ дорогамъ и пароходамъ, путямъ Россіи. Зимнее движеніе. Изд. Игнатова. Ц. 30 к.
- Новыя правила о порядкѣ принятія и направленія прошеній и жалобъ, на Высочайшее Имя приносимыхъ. Спб. 1896 г. Ц. 25 к.
- О положительномъ воспитаніи. Спб. 1895 г. Ц. 65 к.
- Образцовъ, А. Просвѣтительные заветы Я. А. Коменскаго. Спб. 1896 г. Ц. 40 коп.
- Олькотъ, Л. Маленькіе мужчины. Перев. съ англ. О. Н. Бутеневой. Изд. 2-е. Спб. Ц. 1 р. 25 коп.
- Островская, Н. Дворянскій сызъ Григорій Рогожинъ. Повѣсть для дѣтей. М. 1896 г. Ц. 90 к.
- Жизнь пережить — не поле перейти. Повѣсть для дѣтей. М. 1895 г. Ц. 85 коп.
- Памятная книжка Императорскаго Александровскаго Лѣнца на 1895—1896 учебн. годъ. Спб. 1895 г. Ц. 1 р.
- Паншинъ, А. Какая единственная причина обуславливаетъ развитіе мужскаго и женскаго пола у животныхъ. Спб. 1895 г. Ц. 10 к.
- Перновскій, П. Описаніе судовыхъ машинъ и котловъ, а также вспомогательныхъ механизмовъ, водоотливныхъ средствъ и водо-трубныхъ котловъ. Съ 320 чертежами. Спб. 1896 г. Ц. 2 р. 25 к.
- Песоцій, М. Древесная шерсть. Ея употребленіе и производство. Съ чертежами. М. 1895 г. Ц. 1 р.
- Петрушевскій, П. Значеніе царствованія Благочестивѣйшаго Государя Императора Александра III для нашей церкви и паствы. Кіевъ. 1895 г. Ц. 30 коп.
- Петрово-Соловово, М. Краткій очеркъ исторіи отношеній между Ассиро-Вавлоніей и евреями. Съ картою. Спб. 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Плиссій, Н. Путь къ богатству. Реклама, ея значеніе, происхожденіе и исторія. Спб. 1895 г. Ц. 1 р.
- Покровская, М. (Врачъ). О дѣтскихъ развлеченияхъ. Ихъ психологическое и гигиеническое значеніе. Спб. 1896 г. Ц. 50 коп.
- Половъ, И. Раціональное кормленіе домашняго скота картофелемъ. Спб. 1895 г. Ц. 20 к.
- Посновъ, А. Руководство къ правильной постановкѣ торговли, контроля и

- счетоводства обществъ потребителей и розничныхъ магазиновъ по тройной русской системѣ Ѳ. Езерскаго и по двойной системѣ. М. 1896 г. Ц. 1 р.
- Пресо, М.** Женщина. Слб. 1895 г. Ц. 50 к.
- Преображенскій, В.** Исторія христіанской православной церкви. М. 1896 г. Ц. 50 к.
- Программы чтенія для самообразования.** Съ приложеніемъ статей Н. Карбева, В. Семейскаго, М. Корелина и И. Съченова. Слб. 1895 г. Ц. 40 к.
- Провскіе сельской чайной.** Слб. 1895 г. Ц. 60 к.
- Рогова, О.** Рѣссчетъ. Преданія о духѣ исполнскихъ горъ. Съ 6 хромолитографіями. Слб. 1895 г. Ц. 2 р.
- Романовичъ М.** Гражданская архитектура части зданій. Т. IV. Слб. 1895 г. Ц. за все сочин. 20 р.
- «Русская Музыкальная Газета» Ноябрь. Ц. 50 к.
- Савванитовъ, Н.** Заболѣваемость и смертность въ С.-Петербурѣ людей и домашнихъ животныхъ отъ сибирской язвы. Слб. 1895 г. Ц. 20 к.
- О значенія изслѣдованія С.-Петербурга и его окрестностей въ ветеринарно-статистическомъ и ветеринарно-санитарномъ отношеніяхъ. Слб. 1895 г. Ц. 10 к.
- Сборникъ** въ пользу недостаточныхъ студентовъ университета св. Владимира. Слб. 1895 г. Ц. 2 р.
- Сборникъ** совѣтовъ и рецептовъ по разнымъ ремесламъ. М. 1895 г. Ц. 1 р.
- Сегоръ, А.** Доброй маленькій Генрихъ. Переводъ А. Усовой. Слб. 1896 г. Ц. 15 к.
- «Сельскій Хозяинъ». № 3. Ц. 20 к.
- «Сельско-хозяйственный Вѣстникъ», № 46. Ц. 15 к.
- Семеновъ, Н.** Стратегическая задача дѣйствія N—го армейскаго въ районѣ между рѣками Вислою, Пялицею и сѣв. полосою Западной Галиціи. Съ картами, планами. Слб. 1894 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Серебровскій, С.** Пректъ амбара-зернохранилища элеваторной системы. Слб. 1895 г. Ц. 1 р.
- Серонъ, А.** Графъ Левъ Толстой. Пер. съ нѣм. М. 1896 г. Ц. 50 к.
- Сиволобовъ, А.** Свѣдѣнія изъ технологіи красильнаго и ситцепечатнаго производствъ. Учебникъ для школъ ремесленныхъ учениковъ при красильныхъ и ситценабивныхъ фабрикахъ. М. 1896 г. Ц. 40 к.
- Краткій курсъ химіи для школъ ремесленныхъ учениковъ при красильныхъ и ситценабивныхъ фабрикахъ. М. 1896 г. Ц. 50 к.
- Слюнинъ, Н.** (Д-ръ). Промысловыя богатства Камчатки, Сахалина и Командорскихъ острововъ. Слб. 1895 г. Ц. 50 к.
- Смирновъ, П.** Какъ дѣлаютъ мыло. Опытъ практическаго ознакомленія съ мыловареннымъ дѣломъ. Слб. 1896 г. Ц. 20 коп.
- Сонковинъ, Н.** Быть и казаться. Три повѣсти изъ дѣтской жизни. Второе изданіе. Съ 27-ю иллюстраціями. Слб. 1895 г. Ц. 2 р.
- Соколова, Н.** Науки развиваютъ ли умъ или даютъ только знанія? М. 1895 г. Ц. 20 к.
- Соловьевъ, С.** Историко-литературные этюды къ легендамъ объ Іудѣ-предателѣ. Вып. I. Харьковъ. 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Софонилъ.** Эдипъ-царь. Съ греческаго перев. В. Алексѣевъ. Съ введеніемъ и примѣчаніями. «Дешеяя Библіотека» А. С. Суворина № 187. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ перелл. 30 к.
- С.-Петербургъ,** еженедѣльный иллюстрированный журналъ. Первое полугодіе. 1895 г. Ц. 1 р. 20 к.
- Списокъ** книгъ, разрѣшенныхъ къ употребленію въ низшихъ училищахъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Январь 1891 г. — августъ 1895 г. Тверь. 1895 г. Ц. 15 к.
- Станюковичъ, Н.** Морскіе силуэты изъ далекаго прошлаго. Слб. 1896 г. Ц. 1 р.
- Степановъ, С.** Пѣсни къ жизни. Листъ первый. Изд. 2-е. Сп. 1895 г. Ц. 50 к.
- Ступаличъ, В.** Бѣлоруссія и Литва. Очерки изъ исторіи городовъ въ Бѣлоруссіи. Витебскъ. 1894 г. Ц. 25 к.
- Судебная практика** по торговымъ дѣламъ. Рѣшеніе С.-Петербургскаго Коммерческаго Суда и Правительствующаго Сената (4-го Д-та и Общаго Собранія). 1882—1893 гг. Слб. 1896 г. Ц. 4 р.
- Сумцовъ, Н.** Пособіе для устройства общедоступныхъ научныхъ и литературныхъ чтеній (хрестоматія для семьи и школъ), Харьковъ. 1895 г. Ц. 1 р.
- Суромъ, О.** Лѣса и лѣсная промышленность Швеціи. Съ 8-ю чертежами. Слб. 1896 г. Ц. 10 р.
- Сыриу, П.** Краткій отчетъ о его занятіяхъ за границей въ лѣтніе мѣсяцы 1893—1894 г. Слб. 1895 г. Ц. 25 к.
- «Сѣверный Вѣстникъ» № 11 (ноябрь). Ц. 1 р. 20 к.
- Татищевъ, В. Н.** Духовная моему сыну. (Русская классная библіотека подъ ред. А. Чудинова. Вып. XXII). Слб. 1896 г. Ц. 30 к.
- Твенъ, М.** Принцъ и нищій. Историческій романъ для юношества. Съ 150 рисунками. Переводъ съ англ. Изданіе

- четвертое. Слб. 1895 г. Ц. въ пакѣ 2 р., въ переплетѣ 2 р. 60 к.
- «Театраль». Октябрь № 41. Генеральша. Комедія въ 4-хъ дѣйств. Н. Северина. Театральныя дѣльцы. Повѣсть. Аг. № 37. Прости. Комедія Ж. Леметра. № 38. Стрѣлы Амура. Комедія въ 4-хъ дѣйств. Блюментала, № 39. Два лагеря. Ком. въ 4-хъ дѣйств. Н. Шишковскаго. Ц. каждого номера 50 к.
- «Театраль». Октябрь № 42. Шквалъ. Драма въ 4 дѣйств. Г. Н. Ге. Опыт руководства къ сценическому гриму А. Вокресенскаго № 43. 200.000. Спены И. Мясницкаго. Театральныя дѣльцы. Повѣсть. Ц. каждой книжки 50 к.
- Тибо, С. Руководство къ толковому пчеловодству или искусство веденія пчель для получения наибольшаго количества меда при наименьшей затратѣ времени на уходъ за пасѣкой. Слб. 1895 г. Ц. 75 к.
- Тихомандрицій. Основанія теоріи абелевыхъ интеграловъ. Харьковъ. 1896 г. Ц. 4 р.
- Тихомировъ, Л. Почему я пересталъ быть революціонеромъ. М. 1896 г. Ц. 40 к.
- Торговая и дѣловая корреспонденція. Сборникъ образцовъ всѣхъ родовъ дѣловой переписки. Слб. 1896 г. Ц. 1 р.
- Туссенъ и Лангенштейдтъ. Самоучитель англійскаго языка для взрослыхъ. Обработалъ для русскихъ А. Рѣдкинъ. Слб. 1895 г. Ц. 7 р.
- Тэнъ, М. Французская философія первой половины XIX вѣка. Перев. съ франц. Слб. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Убийство вдовы генераль-лейтенанта П. Г. Болдыревой и горячичной ея Александры Савиной. Судебный отчетъ. М. 1895 г. Слб. Ц. 60 к.
- Утинъ, Е. Изъ литературы и жизни. Журнальныя статьи, этюды, замѣтки. Съ портретомъ автора. 2 т. Слб. 1896 г. Ц. за оба тома 3 р.
- Утинъ, В. Государственное межеваніе и судопроизводство по межевымъ законамъ. Т. X. 1893 г. Изд. 2-е. Слб. 1895 г. Ц. 1 р.
- Ферре. Фотогравированіе безъ фотографіи. М. 1895 г. Ц. 75 к.
- Фредерикъ, Л. Практическія упражненія по физиологіи для студентовъ медиковъ. Слб. 1895 г. Ц. 80 к.
- Фрепонтъ, Г. Акварель. Морскіе виды. М. 1895 г. Ц. 1 р.
- Фрейманъ (фонъ), О. Пажи за 184 года (1711 — 1895). Біографія бывшихъ пажей съ портретами. Вып. 4-й Ц. 1 р. 50 к. Вып. 5-й. Ц. 1 р. 50 к.
- Харантеръ тактическихъ дѣйствій германской арміи послѣ введенія бездымнаго пороха. Слб. 1895 г. Ц. 30 к.
- Харламовъ, В. Проектъ коровника съ птичникомъ и помещеніемъ для прислуги. Слб. 1895 г. Ц. 1 р.
- Царевскій, А. (проф.). С. Я. Надсонъ и его поэзія, мысли и печали. Казань. 1895 г. Ц. 1 р.
- Чечулинъ, М. Замѣтки о внѣшней политикѣ Россіи въ началѣ царствованія Екатерины II. Слб. 1895 г. Ц. 50 к.
- Чешихинъ, Вс. Жуковский, какъ переводчикъ Шиллера. Критическій вступительный Императорской Академіей, Наукъ преміей за сочиненіе о В. А. Жуковскомъ. Рига. 1895 г. Ц. 60 к.
- Чеховъ, А. Химическій словарь фотографа. Изд. 2-е. Слб. 1896 г. Ц. 40 к.
- Шаверновская, М. Новая практическая метода изученія французскаго языка, приспособленная для русскихъ. Изд. 6-е, исправл. Слб. 1896 г. Ц. 30 к.
- Шевяковъ, М. Сумерки. Картина съ природы въ 1 дѣйствіи. Слб. 1895 г. Ц. 40 к.
- При закрытыхъ дверяхъ. Шутка въ 1 дѣйствіи. Слб. 1895 г. Ц. 40 к.
- Шелгуновъ, М. Очерки русской жизни. Слб. 1895 г. Ц. 2 р.
- Шерръ, Г. Всеобщая исторія литературы, подъ ред. П. Вейнберга. Вып. V. Ц. по подпискѣ на все сочин.—6 р.
- Шестуновъ, Н. Движеніе ссудъ въ бывшемъ Золотомъ банкѣ съ 1867 по 1894 г. (Общество Взаимнаго поземельнаго кредита). Статистическое изслѣдованіе. Слб. 1896 г. Ц. 60 к.
- Шрейнеръ, Я. О туберкулезѣ (бугорчаткѣ) животныхъ. Саратовъ. 1895 г. Ц. 35 к.
- Шлаттеръ, Г. Новое направленіе морфологіи клѣтки и его значеніе для біологіи. Съ 2 таблицами. Слб. 1896 г. Ц. 1 р.
- Шмурло, Е. Востокъ и западъ въ русской исторіи. Юрьевъ 1895 г. Ц. 50 к.
- Элеваторъ-зернохранилище въ Николаевскомъ портѣ. Текстъ и атласъ. Харьковъ. 1896 г. Ц. 5 р.
- Электрическое луженіе. Слб. 1896 г. Ц. 20 к.
- Яцыно, И. Курсъ морской артиллеріи. Ч. I. Балластика и порохъ. Слб. 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Воевистовъ, Ив. Русскія народныя дѣтскія пѣсенки и прибаутки, побасенки, пословицы, загадки и пр. Слб. 1895 г. Ц. 1 р.
- Русскія народныя дѣтскія сказки. Слб. 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.

1896. — ОТКРЫТА ПОДПИСКА — 1896.

на большой семейный иллюстрированный и литературный журнал 1896.

ЖИВОПИСНОЕ

Годъ изданія 61-й. ● **ОБОЗРѢНІЕ** ● Годъ изданія 61-й.

Въ 1896 г. въ журналъ „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ и его ежемѣс. литературныхъ приложеніяхъ, не смотря на громадныя расходы, вводятся **ВАЖНЫЯ И СУЩЕСТВЕННЫЯ УЛУЧШЕНІЯ**, дающія возможность нашимъ подписчикамъ имѣть

два самостоятельныхъ литературныхъ изданія

НЕ ВОЗВЫШАЯ ПРЕЖНЕЙ ПОДПИСНОЙ ЦѢНЫ:

1) **ЕЖЕНЕДЕЛЬН. СЕМЕЙНЫЙ ХУДОЖЕСТВ.—ЛИТЕРАТУРН. ЖУРНАЛЪ** — иллюстрированныхъ номера, гдѣ помѣщаются только **НОВЫЯ** литературныя произведенія извѣстныхъ русскихъ и иностранн. писателей. Каждый номеръ состоитъ, въ общемъ, въ 2½—3 дѣст. большого формата, отпечатанн. на роскошн. бумагѣ, съ больш. гравюрами лучш. художниковъ. **СВЯЩЕННОЕ КОРОНОВАНІЕ ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ** и «Всероссійская художественно-промышленная выставка» будутъ даны на страницахъ журнала въ оригинальн. рисункахъ и описаніяхъ.

2) **БОЛЬШОЙ ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ** —

12 ДВѢНАДЦАТЬ БОЛЬШИХЪ ТОМОВЪ, 12 въ составъ которыхъ входятъ **НОВЫЕ** историч., этнографич. и современ. романы, повѣсти, разсказы и стихотворенія русскихъ и иностран. писателей, а также научныя, сельско-хозяйственныя статьи, смѣсь и пр.

ПРИЛОЖЕНІЯ:
52 НУМЕРА „ХРОНИКА СОБЫТІЙ ЗА НЕДѢЛЮ“.
12 НУМЕР. „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“.
12 РАСКРАШЕННЫХЪ МОДН. КАРТИНЪ (НОВОСТЬ).
12 ВЫКРОЕНЪ ВЪ НАТУРАЛЬН. ВЕЛИЧ.

Томы эти будутъ выходить ежемѣсячно (между 1 и 10 числами), изящно отпечатанными, въ форматѣ книгъ «Вѣстника Европы» и другихъ больш. ежемѣсячныхъ журналовъ, въ размѣрѣ отъ 20 до 25 листовъ, что составитъ въ годъ до 5,000 страницъ интереснаго чтенія.

Не смотря на то, что новый литературн. матеріалъ въ журналѣ въ 1896 г. будетъ увеличенъ для чтенія въ **ЧЕТЫРЕ РАЗА** болѣе сравнительно съ прошлыми годами

ПРИЛОЖЕНІЯ:
РИСУНКИ ДЛЯ ВЫШИВКИ золотомъ, шелкомъ и шерстями.
РИСУНКИ ДЛЯ ВЫПИЛИВАНІЯ.
12 НОВѢЙШИХЪ МУЗЫКАЛЬН. ПЬЕСЪ.
1 СТѢННОЙ КАЛЕНДАРЬ изящнаго вида.

подписная годовая цѣна остается прежняя:

НА ГОДЪ:
8 Р. <small>СЪ ДОСТАВКОЮ.</small>

На годъ съ перес. по Имперіи **8 р.** Безъ дост. въ Спб. **7 р.** — На полгода съ дост. **4 р. 50 к.** На 3 мѣс. **2 р. 50 к.** За гран. на годъ **16 р.**

Подписчики, желающіе получить художественныя изданія, какъ новыя, такъ и за прежніе года, уплачиваютъ за каждый экз. картины (съ дост. на скалкѣ) — **ОДИНЪ Р.** Безъ дост. въ Спб. — **75 к.**

НА ПОЛГОДА:
4 Р. 50 К. <small>СЪ ДОСТАВКОЮ.</small>

Новое художеств. изданіе съ оригинала проф. Ю. КЛЕВЕРА (размѣръ картины: 22×16 верш.):

„Аеонъ при лунномъ освѣщеніи“.

Главная контора: Спб., Невскій просп., у Аничкина моста, дощъ № 68—40.

Подробное объявленіе высылается изъ конторы по требованію бесплатно.

1896.—ОТКРЫТА ПОДПИСКА—1896.

НОВОЕ ДЕШЕВОЕ ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ИЗДАНИЕ

Редакція гав. „СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА“ за скромную подписн. плату выдаетъ ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

имѣвшій въ первомъ году своего существованія— громаднй успѣхъ. Новое это изданіе . ыходитъ въ видѣ больш. самостоятельнаго литер. ежемѣс. журнала подъ названіемъ:

**ДОМАШНЯЯ
БИБЛИОТЕКА**

Книги журнала выходятъ ежемѣсячно, аннуратно, въ форматѣ больш. журналовъ, какъ напр., „Вѣстникъ Европы“, „Русская Мысль“ и др. въ размѣрѣ 20—25 листовъ убористой печати и, по богатству литерат. матеріала,

вполнѣ замѣняютъ дорогой ежемѣсячнй журналъ.

Въ составъ книжекъ входятъ:

новые романы, повѣсти и рассказы (историческіе, этнографическіе и современные) РУССКИХЪ И ИНОСТРАННЫХЪ ПИСАТЕЛЕЙ,

а также стихотворенія любимыхъ поэтовъ

ВЪ ГОДЪ ДВѢНАДЦАТЬ КНИГЪ ИЛИ 5.000 СТРАН. ИНТЕРЕСН. ЧТЕНІЯ.

Для книгъ «ДОМАШНЕЙ БИБЛИОТЕКИ» пріобрѣтены слѣдующія новыя оригинальныя произведенія, въ числѣ которыхъ находятся романы и повѣсти извѣстныхъ и любимыхъ публикою русскихъ писателей:

МИХАЙЛОВЪ, А. (Шеллеръ).

«Купленная душа», ром.
ЯСИНСКИЙ, І. І. (Максимъ Вѣлинскій). «Загадочныя отношенія», романъ.

ПОЛЕВОЙ, П. Н. «Изнанка жизни».

МОРДОВЦЕВЪ, Д. Л. «Дочь Фараона», романъ.

ТИХОНОВЪ, В. (бывш. ред. «Сѣвера»). «Злые шутки».

БАЖИНЪ, Н. Ѳ. «Часть», пов.

ВОЛКОНСКИЙ, М. Н., кн. (бывш. ред. «Нивы»). «Дуэль».

КАРАЗИНЪ, Н. Н. «Ренегатъ».

ЧЕХОВЪ, Ал. П. (Съдой).

«Контрабандисты». пов.
РЫШКОВЪ, В. А. «Жалкіе люди», романъ.

ДЪЯНОВЪ, А. Н. За Ураломъ.
СТАНИЦКИЙ (Головачева). «Любимца».

КРАСНОВЪ, П. Н. «Атаманъ Платовъ», истор. ром.

САФОНОВЪ, С. А. (С. Печоринъ). «Послѣ вѣнца», ром.

НАЗАРЬЕВА, Н. В. «Выморочныя души», романъ.

НАЗИ-БЕНЪ, Юрій. Разсказы изъ жизни черкесовъ.

МЕРЕЖКОВСКИЙ, Д. С. «Египетскіе отшельники», истор. романъ.

ЧЕРНОВЪ, П. Н. «Между двухъ огней», романъ.
АЛЕКСАНДРОВЪ, А. А. «Мертвый увелъ», ром.

ВЕДОРОВЪ, А. М. Степь, ром.
ЯКОВЛЕВА, З. Ю. «Большая душа», повѣсть.

ТАНГІЕВА, Е. А., княг. Братъ», повѣсть.

ЛЕМАНЪ, А. И. Подвигъ, ром.
МАКСИМОВЪ, А. Н. «Искупленіе», романъ.

Въ приложеніяхъ журнала «ДОМАШНЯЯ БИБЛИОТЕКА» будетъ, между прочимъ, напечатанъ новый большой романъ **ЖЮЛЯ ВЕРНА.**

Произведенія иностранныхъ писателей мы не перечисляемъ, такъ какъ все НОВОЕ и ИНТЕРЕСНОЕ будетъ появляться въ тщательномъ переводѣ одновременно съ появленіемъ таковыхъ за границею.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА „ДОМАШНЮЮ БИБЛИОТЕКУ“

НА ГОДЪ
4 р.

(съ доставкою въ Спб. и пересылкою по Имперіи):

На годъ (за двѣнадцать книгъ) **ЧЕТЫРЕ** рубля.

На полгода (за шесть книгъ) **ДВА** рубля **50** коп.

Съ подпискою и требованіями просить обращаться исключительно въ главную контору:

Спб., Невскій пр., у Анничина моста, д. № 68—40.

Подробное оъявленіе высылается изъ конторы, по требованію, бесплатно.

НА ГОДЪ
4 р.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ 84-й. **ОТКРЫТА ПОДПИСКА.** ГОДЪ ИЗДАНІЯ 84-й.

1812. Большая ежедневная политическая и литературная газета 1896.
(БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ).

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА

Печатается ежедневно въ 2-хъ издан., въ количествѣ **48,500** экземпляровъ.
ПЕРВОЕ ИЗДАНИЕ ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО ЛИСТАМИ БОЛЬШОГО ФОРМАТА.
СЪ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫМИ ПРИЛОЖЕНІЯМИ.

Въ ежедневныхъ номерахъ газеты, кромѣ статей по современнымъ вопросамъ, сообщается о всѣхъ выдающихся событіяхъ въ придворной, духовной и военной сферѣ, а также все важныя новости для столичной, внутренней и иностранной

НА ГОДЪ
СЪ ДОСТАВК. | **8** | СЪ ДОСТАВК.
НА ГОДЪ

линии, по свѣдѣніямъ специальныхъ корреспондентовъ газеты и телеграммъ, **ОДНОВРЕМЕННО СЪ ДРУГИМИ ДОРОГИМИ ИЗДАНИЯМИ**, а потому газета «Сынъ Отечества» въ первомъ (большомъ) изданіи

● **ВПОЛНЪ ЗАМѢНЯЕТЪ ДОРОГОЕ ЕЖЕДНЕВНОЕ ИЗДАНИЕ.** ●

Кромѣ ежедневныхъ номеровъ газеты, годовые подписчики получаютъ:

1) **52 НУМЕРА ВОСКРЕСНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ**, печатаемыхъ на меловой глазированной бумагѣ въ видѣ **ЕЖЕНЕДЕЛЬНОГО ИЛЛЮСТРИРОВАННОГО ЖУРНАЛА**, гдѣ помѣщаются: романсы, повѣсти, разсказы, стихотворенія и болѣе 300 художественныхъ рисунковъ.

Въ виду предстоящаго въ 1896 г. **СВЯЩЕННОГО КОРОНОВАНІЯ ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ**, въ газетѣ «Сынъ Отечества» будутъ помѣщены рядъ оригинальныхъ рисунковъ и описаній, относящихся къ этому событію.

ВСЕРОССИЙСКАЯ ХУДОЖЕСТВЕННО-ПРОМЫШЛЕННАЯ ВЫСТАВКА ТАКЖЕ ЗАЙМЕТЪ ВИДНОЕ МѢСТО ВЪ ГАЗЕТѢ, КАКЪ ВЪ РИСУНКАХЪ, ТАКЪ И ОПИСАНІЯХЪ.

2) **ДВѢНАДЦАТЬ НУМЕРОВЪ «МОДЫ И РУКОДѢЛІЯ»** замѣняютъ «**МОДНЫЙ ЖУРНАЛЪ**».

3) **СТѢННОЙ КАЛЕНДАРЬ** (съ картою Россіи) разсылается при первомъ номерѣ.

➡ **НОВОЕ БЕЗПЛАТНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ** ➡
Всѣ годовые подписчики газеты «Сынъ Отечества», въ 1896 году, получаютъ **бесплатно и безъ всякой приплаты за пересылку**

Избранныя литературныя произведенія любимаго русскаго писателя
А. МИХАЙЛОВА,

гдѣ, между прочимъ, будутъ помѣщены: портретъ, биографія автора и два большихъ романа, произведенныхъ при своемъ появленіи громадную сенсацию въ литературномъ мѣрѣ, а именно:

1) **ЖИЗНЬ ШУПОВА**. — 2) «**ЛѢСЪ РУБЯТЬ—ЩЕПКИ ЛЕТАТЬ**».

Въ отдѣльной продажѣ стоимость этихъ изданій—**ПЯТЬ РУБЛЕЙ.**

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на первое изданіе (съ доставкою):

На годъ **8 р.**—На полгода **4 р. 50 к.**—На три мѣсяца **2 р. 50 к.**

➡ **ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА».** ➡

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ газеты «Сынъ Отечества» **ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО** листами малаго формата. Въ номерахъ газеты помѣщаются все выдающіяся новости, а также придворныя, административныя, военныя и научныя извѣстія и телеграммы **ОДНОВРЕМЕННО СО ВСѢМИ ДРУГИМИ ДОРОГИМИ ИЗДАНИЯМИ.**

НА ГОДЪ
СЪ ДОСТАВК. | **4** | СЪ ДОСТАВК.
НА ГОДЪ

Кромѣ того, на страницахъ второго изданія помѣщаются художественно выполненные портреты **Высочайшихъ особъ, современныхъ русскихъ и иностранныхъ государственныхъ и общественныхъ дѣятелей**, сосредоточивающихся на себѣ, въ извѣстный моментъ, особое вниманіе общества.

Подписная цѣна на **ВТОРОЕ** изданіе (съ доставкою и пересылкою по Россіи):

На годъ **4 руб.** | На полгода **2 руб.** | На три мѣсяца **1 руб**

СЪ ПОДПИСКОЮ ПРОСЯТЪ ОБРАЩАТЬСЯ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ВЪ ГЛАВНУЮ КОНТОРУ:

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, НЕВСКОЙ ПРОСП., У АНИЧКИНА МОСТА, Д. № 68—40.

Подробное объявленіе высылается изъ конторы по требованію бесплатно.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ «НОВАГО ВРЕМЕНИ»
ПОСТУПИЛО ВЪ ПРОДАЖУ
НОВОЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ **Ө. И. БУЛГАКОВА:**
ВАСИЛІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ
ВЕРЕЩАГИНЪ
И ЕГО ПРОИЗВЕДЕНІЯ.

Роскошное фототипическое и автотипическое изданіе на слоновой бумагѣ.

Цѣна 10 р., въ переплетѣ 10 р. 50 к.; пересылка 1 р.

Т е к с т ь:

В. В. Верещагинъ, какъ художникъ.—Жизнь и дѣятельность В. В. Верещагина.—В. В. Верещагинъ о реализмѣ и о прогрессѣ въ искусствѣ.—Художественныя произведенія В. В. Верещагина (полный хронологическій перечень съ объясненіями самого художника).—Верещагинскія выставки съ оцѣнками ихъ заграничной критикой и печатью.

227 иллюстрацій:

15 портретовъ В. В. Верещагина и его мастерская.—80 кавказскихъ рисунковъ.—43 наброска изъ альбома эскизовъ на Дунаѣ.—5 этюдовъ для картины «Бурлаки».—48 рисунковъ типовъ среднеазиатскихъ народностей.—25 картинъ и этюдовъ изъ природы, быта и историческихъ памятниковъ въ Средней Азій.—11 картинъ изъ войны въ Азій.—15 картинъ изъ русско-турецкой войны.—17 картинъ и этюдовъ изъ путешествія въ Индію.—7 Палестинскихъ картинъ.—Кремль въ Москвѣ.—Заграничныя карикатуры на В. В. Верещагина и его произведенія.

Адресующіеся къ автору изданія (Ө. И. Булгакову, Спб., Вережская 16) за пересылку не платятъ.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ „НОВАГО ВРЕМЕНИ“

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ

НОВАЯ КНИГА:

ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ И РАЗСКАЗЫ

С. Н. ШУБИНСКАГО.

ТРЕТЬЕ ИЗДАНИЕ, ЗНАЧИТЕЛЬНО ДОПОЛНЕННОЕ И ИСПРАВЛЕННОЕ.

СЪ 52 ПОРТРЕТАМИ И ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ.

ЦѢНА 3 РУБЛЯ.

СОДЕРЖАНІЕ: Шведское посольство въ Россіи въ 1674 г.—Вѣнценосный хирургъ.—Петръ Великій въ Дептфордѣ.—Императорскій титулъ.—Первые балы въ Россіи.—Лѣтній садъ и лѣтнія петербургскія увеселенія при Петрѣ Великомъ.—Свадьба карликовъ.—Московскій маскарадъ 1722 года.—Память Петра Великаго въ Сестрорѣцкѣ.—Первый петербургскій генераль-полицеймейстеръ.—Придворный и домашній бытъ императрицы Анны Ивановны.—Березовскіе ссыльные.—Дочь Бирона.—Убійство Синклера.—Холмогорская старина.—Русскій помѣщикъ XVIII столѣтія.—Русскій чудакъ XVIII столѣтія.—Графъ К. Г. Разумовскій.—Екатерина II и ея два статсъ-секретаря.—Кончина князя Г. А. Потемкина-Таврическаго.—Одинъ изъ авантюристовъ XVIII столѣтія.—Кирьяново, дача княгини Дашковой.—Александрова дача.—Англичане въ Камчаткѣ въ 1779 г.—Пѣвица Габриелли.—Подпоручикъ Федосѣевъ.—Семейное преданіе.—Дуэль Шереметева съ Завадовскимъ.—Мнимое завѣщаніе Петра Великаго.—Кладбищенская литература.

Лица, выписывающія эту книгу чрезъ контору «Историческаго Вѣстника» (Спб., Невскій, 38), за пересылку ничего не платятъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1896 годъ: на дѣтскій иллюстрированный журналъ

„ИГРУШЕЧКА“

ДЛЯ МЛАДШАГО ВОЗРАСТА. Годъ изданія ШЕСТНАДЦАТЫЙ :

Журналъ «ИГРУШЕЧКА» допущенъ Учебнымъ Комитетомъ при Святейшемъ Синодѣ, Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія и Комитетомъ Собственной Е. И. В. канцелярии по учрежденіямъ Императрицы Маріи, къ приобретению въ библиотеки.

При журналѣ «ИГРУШЕЧКА» существуетъ особый отдѣлъ „ДЛЯ МАЛЮТОКЪ“.

Подписчики «ИГРУШЕЧКИ» въ продолженіе года получаютъ одну премію, съ отдѣломъ «ДЛЯ МАЛЮТОКЪ» — **два**. Особой подписки на отдѣлъ «Для Малютокъ» нѣтъ.

„НА ПОМОЩЬ МАТЕРЯМЪ“

Педагогическое изданіе. Годъ изданія ТРЕТИЙ.

Цель изданія — *содействовать правильной постановкѣ воспитанія и обученія дѣтей.*
ПРОГРАММА ИЗДАНИЯ: разсмотрѣніе вопросовъ, относящихся къ воспитанію и образованію дѣтей. Практическія указанія и совѣты по уходу, воспитанію и обученію дѣтей. Обзоръ игръ, физическихъ упражненій, образовательныхъ прогулокъ. Обзоръ выдающихся книгъ, по первоначальному воспитанію и чтенію. Отчеты о дѣятельности родительскихъ кружковъ, яслей, дѣтскихъ садовъ и проч. Рисунки, чертежи и объявленія.

Изданіе «НА ПОМОЩЬ МАТЕРЯМЪ» выходитъ 9 разъ въ годъ (кромя дѣтнихъ мѣсяцевъ) книжками отъ 2-хъ до 3-хъ печатныхъ листовъ каждая.

ГОДОВАЯ ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ доставкой и пересылкой на ВСѢ 3 изданія:	въ Россіи:	за-гран.
«Игрушечка» съ ОДНОЮ премією	3 руб.	5 руб.
«Игрушечка» съ отд. «Для Малютокъ» и 2 преміями	5 „	7 „
«Игрушечка» съ педагогическимъ изданіемъ «На помощь Матерямъ»	5 „	7 „
«Игрушечка» съ отдѣломъ «Для Малютокъ», ДВУМИ ПРЕМІЯМИ и съ изданіемъ «На помощь Матерямъ»	7 „	9 „
Педагогическое изданіе «На помощь Матерямъ»	3 „	5 „

Адресъ редакціи: **С.-Петербургъ, Фурштатская ул., д. 44**, куда гг. подписчиковъ и книгопродавцевъ просятъ **исключительно** обращаться съ своими требованіями.

Ред.-издательница **А. Н. ПЪШКОВА-ГОЛИВЪРОВА.** Редак. **В. П. ВОЛЕНСЪ.**

Отъ Совѣта Спеціальныхъ классовъ Лазаревскаго
Института Восточныхъ Языковъ въ Москвѣ.

Тема на соисканіе Высочайше утвержденной преміи имени покойнаго статек. совѣтн.

Д. Г. КАНАНОВА:

„Армяне въ Византіи до эпохи Крестовыхъ походовъ“

(преимущественно на основаніи византійскихъ источниковъ).

Сочиненіе можетъ быть представлено на одномъ изъ языковъ — армянскомъ, русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ.

Срокъ представленія сочиненій не позднѣе 1-го января 1898 года.

За лучшее сочиненіе на указанную тему будетъ присуждена Совѣтомъ премія въ размѣрѣ семисотъ рублей.

СОДЕРЖАНИЕ ШЕСТЬДЕСЯТЬ ВТОРОГО ТОМА.

(ОКТЯБРЬ, НОЯБРЬ и ДЕКАБРЬ 1895 года).

	СТР.
Въ поискахъ истины. Часть II-я. V—XIV. (Окончаніе).	
Н. И. Мердеръ	5, 307, 667
Воспоминанія А. В. Эвальда. V—XII. (Окончаніе)	43, 371, 703
Конецъ «Голубятни». М. Басанина	86, 403, 740
Въ переломѣ вѣка. (Отрывки изъ старой записной книжки).	
П. К. Мартынова	126, 434
Среди пилигримовъ. (Путевыя впечатлѣнія во время «Троицкаго похода»). X—XIV. (Окончаніе). М. В. Шевлякова	149
Замѣчательныя русскія женщины. Анна Петровна Бунина.	
А. П. Чехова	164
Кружокъ шестнадцати. Н. Викторова	174
Дѣтская книга—ея прошлое, настоящее и желательное. Н. И. Позднякова	183
Русская церковь, построенная на англійскія деньги. А. Н. Кремлева	198
Иллюстрація: Церковь Воскресенія Христова въ Костромѣ.	
Русскій социалистъ XVII вѣка. С. А. Адрианова	204
Иллюстраціи: 1) Стенка Разинъ въ восточномъ костюмѣ. Съ лубочнаго портрета, изданнаго въ концѣ XVII вѣка въ Аугсбургѣ.—2) Стенка Разинъ въ восточномъ костюмѣ. Съ гравюры XVII вѣка.—3) Стенка Разинъ въ казацкомъ костюмѣ. Съ лубка, изданнаго въ Аугсбургѣ въ концѣ XVII вѣка.—4) Стенка Разинъ въ казацкомъ костюмѣ. Съ лубка, изданнаго въ Аугсбургѣ въ концѣ XVII вѣка.—5) Взятіе Астрахани Стенькой Разиннымъ. Съ рисунка, приложеннаго къ «Путешествію» Стрюйса 1676 года.—6) Стенка Разинъ бросаетъ въ Волгу персидскую княжну. Съ рисунка, приложеннаго къ «Путешествію» Стрюйса 1676 года.—7) Плоть съ казенными разбойниками на Волгѣ. Съ англійской гравюры XVIII вѣка.	
Шведская могила. И. Ф. Павловскаго	231
Иллюстраціи: 1) Памятникъ на Шведской могилѣ.—2) Храмъ на Шведской могилѣ.	
Заброшенный край. Б. Б. Глинскаго	256, 581
Пестрыя странички. (Изъ литературныхъ воспоминаній. III—IV. (Окончаніе). А. В. Круглова	464, 790
О задачахъ критики. (Мысли диллетанта) Ѳ. Ромера	485
Современныя литературныя дѣятели. Викторъ Петровичъ Буренинъ. К. П. Медвѣдскаго	503
Не трогать. (Эпизодъ изъ временъ императора Николая I). П. П. Коломнина	518

	СТР.
Имамъ Шамиль въ Россіи. А. Рындина	529
Каѳедральный соборъ въ Плоцкѣ. Г. Воробьева	543
Иллюстраціи: 1) Каѳедральный соборъ Пресвятой Дѣвы въ Плоцкѣ.—2) Памятникъ Дунина-Вольскаго въ Плоцкомъ соборѣ.—3) Памятникъ Станислава Красинскаго въ Плоцкомъ соборѣ.—4) Гробница польскихъ королей въ Плоцкомъ соборѣ.	
Надежда Васильевна Стасова. (Биографическій очеркъ). В. Бородаевской	561
Иллюстраціи: Надежда Васильевна Стасова.	
Памяти Н. А. Бѣлоголоваго. В. А. Крылова	573
Иллюстраціи: Николай Андреевичъ Бѣлоголовый.	
Князь Г. А. Потемкинъ. (По запискамъ графа Ланжерона, хранящимся въ Парижскомъ архивѣ). А. Г. Брикнера	818
Замѣчательныя русскія женщины. Ольга Александровна Жеребцова. С. А. Адрианова	858
Забытая усадьба. (Посвящается Ѳ. Я. Цвѣтаеву). И. Рынды	844
Иллюстраціи: 1) Село Спасское и часовня.—2) Кабинетъ Тургенева въ селѣ Спасскомъ.—3) Ели «Два брата» въ селѣ Спасскомъ.—4) Мавзолей И. И. Лутовинова.	
Другъ дѣтей. (Памяти Егора Арсенъевича Покровскаго). А. В. Круглова	872
Иллюстраціи: Егоръ Арсенъевичъ Покровскій.	
Царевъ шпигъ. (Эпизодъ изъ Сѣверной войны). С. Н. Браиловскаго	881
Протоіерей Филоѳей Вуколовичъ Владевичъ, измаильскій герой, кавалеръ георгіевской ленты. С. Г. Рункевича	901
Русская исторія fin de siècle. П. Н. Полеваго	918
Молодежь и ея руководители. Б. Б. Глинскаго	931
КРИТИКА И БИБЛЮГРАФІЯ:	

1) Я. Д. Лазаревъ. Причины бѣдствія армянъ въ Турціи и отвѣтственность за разореніе Сасуна. Тифлисъ. 1895. П. Ш. — 2) Князь А. Б. Лобановъ-Ростовскій. Русская родословная книга. Изданіе 2-е. Спб. 1895. 2 тома. В. — 3) Историческія свѣдѣнія о родѣ дворянъ Рахманиновыхъ съ приложеніемъ герба и родословныхъ таблицъ. Кіевъ. 1895. Б. В. И. — 4) Давидъ Рикардо. Начала политической экономіи. Переводъ Н. В. Фабриканта. Москва. 1895. — Т. Р. Мальтусъ. Опытъ закона о народонаселеніи. Переводъ И. А. Вернера. Москва. 1895. — Джонъ Стюартъ Милль. Основанія политической экономіи съ нѣкоторыми изъ ихъ приложеній къ общественной философіи. Переводъ Александра Миклашевскаго. Москва. 1895. Б. Никольскаго. — 5) Сочиненія А. Скабичевскаго. Критическіе этюды, публицистическіе очерки, литературныя характеристика. 2 тома. Изданіе второе. Спб. 1895. Б. Г — снго. — 6) Вологжанинъ. Литературно-научный сборникъ. Изд. П. Дилакторскаго. Вологда. 1895. А. Круглова. — 7) Ю. Липпертъ. Исторія культуры. Перевели съ нѣмецкаго А. Острогорскій и П. Струве. Спб. 1895. П. А. — 8) Т. Циглеръ. Что такое нравственность? Переводъ со 2-го нѣмецкаго изданія А. Острогорскаго. Спб. 1895. Б. В. И. — 9) А. Филипповъ, профессоръ Юрьевскаго университета. Исторія сената въ правленіе верховнаго тайнаго совѣта и кабинета. Ч. I. Сенатъ въ правленіе верховнаго тайнаго совѣта. Юрьевъ. 1895. Д. Корсакова. — 10) Адольфъ Гаспари. Исторія итальянской литературы. Томъ I-й. Итальян-

ская литература средних вѣковъ. Переводъ К. Бальмонта. Изд. К. Т. Солдатенкова. М. 1895. А. И—ва. — 11) П. А. Тверской. Очерки Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Спб. 1895. П. А. — 12) П. В. Голубовскій. Исторія Смоленской земли до начала XV столѣтія. Кіевъ. 1895. Д. Морсанова. — 13) Баронъ Николай Александровичъ Корфъ въ письмахъ къ нему разныхъ лицъ. Общая характеристика барона Корфа и пять отдѣльныхъ очерковъ о его дѣятельности. Составилъ М. Л. Песковскій. Спб. 1895. В. Б.—14) «Землевѣдніе». Периодическое изданіе географическаго отдѣленія императорскаго общества любителей естествознанія, антропологии и этнографіи. Подъ редакціей предсѣдателя географическаго отдѣленія Д. Н. Анучина. Книжка 1-я. Москва. 1895. В. В. И. — 15) Полное собраніе сочиненій А. К. Шеллера. Томъ XV. Спб. 1895. А. Фаресова.—16) Записки Сергія Николаевича Глинки. Спб. 1895. Б. Глинскаго. — 17) Генеалогія нынѣ живущихъ титулованныхъ польскихъ родовъ (Genealogie żyjących tytułowanych polskich rodów. Sewer. Hr. Dunin-Borkowski. Lwow. 1895). И. Г—ова. — 18) Отразительное писаніе о новоизобрѣтенномъ пути самоубійственныхъ смертей. Выводъ найденный старообрядческой трактатъ противъ самосожженія. 1691 года. Сообщеніе Хрусанеа Лопарева. Спб. 1895. (Памятники древней письменности. CVIII). С. Т—снаго. 256, 604, 961

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ:

1) Научныя открытія настоящаго и будущаго. — 2) Легенда о Маріи Магдалинѣ.—3) Новое о Шекспирѣ и Гёте. — 4) Сестра Ренана. — 5) Теоретическое и практическое изученіе исторіи въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ.—6) Невѣдомый Наполеонъ.—7) Екатерина II, какъ литераторъ и драматургъ. — 8) Письма о крымской кампаніи французскаго маршала и англійскаго офицера. — 9) Иоаннъ Грозный и послѣдняя русско-турецкая война чрезъ англійскія очки. — 10) Седанскій юбилей. — 11) Будущій австрійскій императоръ.—12) Греческій претендентъ на пальмы Христофора Колумба. — 13) Новое о Данте. — 14) Повышенный финансистъ при Францискѣ I.—15) По столамъ Маріи Стюартъ.—16) Новая біографія Вильгельма Молчаливаго. — 17) Папинъ и его первый пароходъ. — 18) Страсбургъ до Людовика XIV. — 19) Станиславъ Лещинскій въ Лотарингіи и переговоры о бракѣ Людовика XV съ дочерью Петра Великаго. — 20) Лафайетъ въ Америкѣ. — 21) Посмертныя сочиненія Тена.—22) Открытіе памятника Вильгельму Теллю и перенесеніе сердца Костюшки.—23) Археологическія раскопки въ Египтѣ, Помпѣи и Крыму. — 24) Воспоминанія французскаго офицера о Крымской войнѣ. — 25) Прудонъ о Наполеонѣ I.—26) Швейцарскія народоправства. — 27) Вѣчный жидъ въ Италіи. — 28) Ученыя женщины въ Германіи.—29) Императоръ Фридрихъ III, какъ студентъ.—30) Юбилей французскаго института и Огюстена Тьерри 268, 619, 970

СМѢСЬ:

1) Первое сентября въ народной памяти. — 2) Пятистолѣтіе перенесенія въ Москву чудотворной Владимірской иконы Божіей Матери.—3) Столѣтіе со дня кончины И. И. Бецкаго —4) Пятидесятилѣтіе со дня кончины графа Е. Ф. Канкрина. — 5) Пятидесятилѣтіе со дня кончины Н. И. Хмельницкаго.—6) Семидесятипятилѣтіе лица въ Нѣжинѣ. — 7) Двадцатипятилѣтіе существованія Демидовскаго юридическаго лица въ Ярославлѣ. — 8) Двадцатипятилѣтіе гимназіи при Императорскомъ С.-Петербургскомъ историко филологическомъ институтѣ.—9) Двадцатипятилѣтіе Императорской Николаевской гимназіи.—10) Открытіе памятника императору Александру II въ Казани.—11) Открытіе памятника императору Александру III.—12) Восьмистолѣтіе Ря-

вани.—13) Открытіе памятника на Шведской могилѣ.—14) Присужденіе Уваровскихъ премій.—15) Присужденіе Макарьевскихъ премій.—16) Дѣятельность экспедиціи для собранія народныхъ пѣсенъ.—17) Къ столѣтню Кавалергардскаго полка.—18) Девяти-сотлѣтіе Перыискаго скита.—19) Открытіе памятника вице-адмиралу Корнилову и музея Севастопольской обороны.—20) Открытіе памятника императору Александру III въ Керчи.—21) Открытіе памятника проф. М. О. Кояловичу.—22) Завладѣніе музея въ память Н. И. Пирогова.—23) Присужденіе премій А. С. Пушкина, В. А. Жуковскаго и профессора Котляревскаго.—24) Общество художниковъ исторической живописи.—25) Учрежденіе губернской ученой архивной комиссіи въ Черниговѣ.—26) Дѣятельность Подольскаго епархіальнаго историко-статистическаго комитета за 1894 годъ.—27) Памятникъ на могилѣ П. М. Садовскаго.—28) Памятникъ графу Румянцеву.—29) Неврологи: Ф. А. Гиляровъ; Н. А. Бѣлоголовый; С. Ф. Рыскинъ; А. Р. фонъ-Бокъ; Ф. П. Корниловъ; Н. А. Манасенъ; М. А. Пѣтуховъ; И. А. Татаринъ; М. П. Авенариусъ; А. А. фонъ-Генрици; В. И. Ельцинскій; Ф. Ф. Веселаго; Н. С. Стромилловъ; Е. А. Покровскій; А. А. Голубевъ; А. П. Жандръ; епископъ Александръ; Н. П. Марковъ; О. И. Бакстъ; А. Д. Кившенко; А. А. Наумовъ; М. В. Васильевъ 292, 637, 989

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ:

1) По поводу статьи г. Дубасова. Софіи Батюшковой. — 2) Нѣчто о странномъ чловѣкѣ. Вл. Черепанскаго. — 3) Отъ отдѣла для содѣйствія самообразованію при комитетѣ Педагогическаго Музея. — 4) Письмо въ редакцію. А. Браудо и В. Милотина. — 5) Отвѣтъ «Отдѣлу для содѣйствія самообразованію». Б. Б. Глинскаго. — 6) Письмо въ редакцію. Маріи и Евгеніи де-Ридель 656, 1015

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портреты: А. П. Буниной, В. П. Буренина и О. А. Жеребцовой. — 2) Паденіе Царьграда. (The Prince of India or why Constantinople fell). Историческій романъ Люиса Воллеса, автора «Во время оно». Переводъ съ англійскаго. Часть V. Гл. VIII—X. Часть VI. Гл. VII—XIII. Эпилогъ. (Окончаніе). — 3) Объявленія книжныхъ магазиновъ «Новаго Времени» А. С. Суворина. — 4) Программа организаціи Историческаго музея при Императорскомъ Воспитательномъ обществѣ благородныхъ дѣвицъ. — 5) Указатель личныхъ именъ, упоминаемыхъ въ четырехъ томахъ «Историческаго Вѣстника» 1895 года, и указатель гравюръ, помѣщенныхъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» за то же время.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ.

ЖУРНАЛЬ.

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ **Петербургѣ**, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 38. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ**, **Харьковѣ**, **Одессѣ** и **Саратовѣ**, при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., библіографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты и рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «**Историческаго Вѣстника**» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

